
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СО РАН

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION OF RUSSIAN FEDERATION
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
OF SIBERIAN BRANCH OF RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories

Volume XXV
(2019)

NOVOSIBIRSK
IAET SB RAS Publishing
2019

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

Том XXV
(2019)

НОВОСИБИРСК
Издательство ИАЭТ СО РАН
2019

ББК 63.4+63.5
П781

Издание основано в 1995 году

Утверждено к печати
Ученым советом ИАЭТ СО РАН

Редакционная коллегия

академик РАН *А.П. Деревянко* (главный редактор),
академик РАН *В.И. Молодин* (зам. главного редактора),
чл.-кор. РАН *М.В. Шуньков* (зам. главного редактора),
канд. ист. наук *О.И. Новикова* (ответственный секретарь),
д-р ист. наук *А.В. Бауло*, канд. ист. наук *А.Е. Гришин*,
д-р ист. наук *С.П. Нестеров*

Рецензенты

д-р ист. наук *С.А. Васильев*, д-р ист. наук *А.А. Тишкин*, д-р ист. наук *Н.А. Томилов*

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – Т. XXV. – 828 с.

П781

Очередной том ежегодника «Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий» содержит статьи, в которых представлены результаты новейших исследований по основным направлениям деятельности Института археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук. Среди авторов – известные и молодые ученые из российских и зарубежных академических и университетских научных центров.

Издание рассчитано на специалистов в области археологии, этнографии, антропологии.

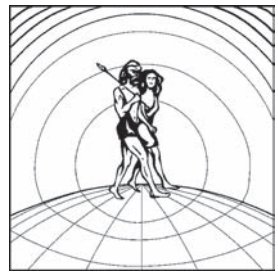
ББК 63.4+63.5

Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories. – Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019. – Vol. XXV. – 828 p.

The current volume of the annals *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories* contains articles presenting the results of the most recent research in the main areas of work of the Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Among the authors are both well-known and young scientists from Russian and foreign academic and university scientific centers.

The issue is intended for specialists in archaeology, ethnology, and anthropology.

© ИАЭТ СО РАН, 2019
© Коллектив авторов, 2019

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.007-013
УДК 551.891(235.222)+903.32

А.К. Агаджанян[1, 2], М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
E-mail: aagadj@paleo.ru

Остатки мелких позвоночных из восточной галереи Денисовой пещеры

В процессе раскопок плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры за последнее десятилетие были получены новые результаты послойного анализа мелких позвоночных, прежде всего млекопитающих. Количественное соотношение таксонов мелких позвоночных выполнено по 17,5 тыс. костей и зубов из слоев 17.1, 15–11.1 и 9, что обусловило высокую репрезентативность полученных данных. Согласно палеогеографическим данным, в т.ч. составу микротериофауны, хроностратиграфическая колонка пещерных отложений охватывает вторую половину среднего и весь верхний плейстоцен, начиная с эпохи самаровского похолодания или с морской изотопной стадии 8 до сартанского гляциала МИС 2 включительно. Результаты изучения остатков мелких позвоночных свидетельствуют о том, что в это время для окрестностей пещеры была характерна высокая мозаичность ландшафтов. Лесные массивы чередовались с участками степной и луговой растительности, скальными биотопами и вкраплениями сухих степей и кустарничковых ассоциаций. В состав лесов входили темнохвойные породы деревьев, под пологом которых развивались зеленые мхи. Колебания климата сопровождались изменением соотношения площадей разных биотопов, но не приводили к принципиальной перестройке природного комплекса. Установлено также, что снижение доли летучих мышей в тафоценозе всегда сопровождалось увеличением числа костей рыб. Исследование микроструктуры пещерных отложений показало присутствие частиц угля в восточной галерее начиная со слоя 15, ч то свидетельствует о разведении костров древними обитателями пещеры и их негативном воздействии на колонию летучих мышей. В то же время периоды активности палеолитического человека сопровождались увеличением количества костей рыб в осадках пещеры.

Ключевые слова: *Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, мелкие позвоночные, палеогеографические этапы.*

Alexander K. Agadjanian[1, 2], Michael V. Shunkov[1], Maxim B. Kozlikin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Borisiak Paleontological Institute RAS,
Moscow, Russia
E-mail: aagadj@paleo.ru

Remains of Small Vertebrates from the Eastern Chamber of Denisova Cave

Excavations of the Pleistocene deposits in the Eastern Chamber of Denisova cave over the past decade have resulted in layer-by-layer analysis of small vertebrates, primarily mammals. The quantitative ratio of small vertebrate taxa was performed on 17,500 bones and teeth from layers 17.1, 15–11.1 and 9, which ensured high representativity of the data obtained. According to paleogeographic data, including the composition of microtheriofauna, the chronostratigraphic column of cave deposits covered the second half of the Middle Pleistocene and the entire Upper Pleistocene, starting from the Samara Ice Age or MIS 8 and lasting to the Sartan glacial MIS 2 inclusively. The results of the study into remains of small vertebrates indicate that there were highly mosaic landscapes in the vicinity of the cave at this time. Forests alternated with areas of steppe and meadow vegetation as well as rocky biotopes, and were interspersed with dry steppes

and shrub associations. Forests consisted of dark coniferous trees with green mosses growing under their canopy. Climate fluctuations were accompanied by the changing ratio of areas with different biotopes, but did not lead to the fundamental restructuring of natural complex. It has also been found that the decrease in the proportion of bats in taphocenosis was always accompanied by increased number of fish bones. The study of the microstructure of cave deposits has revealed the presence of charcoal particles in the Eastern Chamber, starting from layer 15. This indicates that the ancient inhabitants of the cave burned fires, which made a negative impact on the colony of bats. The periods of Paleolithic human activities were accompanied by increased number of fish bones in cave deposits.

Keywords: *Altai Mountains, Denisova Cave, Pleistocene, small vertebrates, paleogeographic stages.*

Изучение состава фауны мелких позвоночных является одним из основных компонентов междисциплинарных исследований палеолитических комплексов, позволяющих реконструировать изменения ландшафтно-климатических условий на протяжении всех этапов осадконакопления на стоянке. В результате раскопок плейстоценовых отложений в восточной галерее Денисовой пещеры за последнее десятилетие были получены новые результаты послойного анализа мелких позвоночных, прежде всего млекопитающих. Для определения было отобрано 25 887 экз., количественное соотношение таксонов выполнено по 17 559 образцам (см. *таблицу*), что обусловило высокую репрезентативность полученных результатов.

Из нижней части разреза, выполненной отложениями слоя 17.1, получено 2 202 костей. В составе тафоценоза преобладают летучие мыши Chiroptera – 19,5 %. Следующие по численности группы составляют скальные полевки *Alticola* – 16,5 % и рыжие полевки *Clethrionomys* – 12,1 %. Среди насекомоядных численность крота *Asioskalops* достигает 3,2 %, а землероек – 0,25 %. Роющие грызуны представлены автохтонным видом алтайской фауны – цокором *Myospalax myospalax* – 2,7 %, а хищники Carnivora – мелкими куньими *Mustela* – 0,74 %.

Судя по составу мелких позвоночных, осадки слоя 17.1 формировались в условиях прохладного климата и относительно низких летних температур. Время накопления этого слоя соответствует самаровскому похолоданию, или морской изотопной стадии (МИС) 8 [Jacobs et al., 2019]. Согласно данным изучения изотопного состава $\delta^{18}O$ донных осадков Мирового океана [Lisiecki, Raymo, 2005], похолодание во время МИС 8 было менее сильным, чем предшествующее похолодание МИС 10 и последующее похолодание МИС 6. Кроме того, в начале и в конце МИС 8 отмечены короткие эпизоды потепления, которые, скорее всего, и отражает состав фауны мелких позвоночных из слоя 17.1. При этом необходимо отметить, что согласно геоморфологическим и палеонтологическим данным, в это время на северо-западе Алтая формировались только локальные горные ледники на абсолютных высотах, превышающих 1500 м.

Из отложений слоя 15 получено 835 костей и зубов мелких позвоночных. На долю рукокрылых приходится 17,9 %. Важную роль в сообществе играли скальные полевки – 13,3 % и рыжие полевки – 4,9 %. Общая доля серых полевок на родовом уровне составляет 30,2 %. Найдено несколько зубов степной пеструшки, близкой по морфологии современной *Lagurus lagurus* – 0,3 %, и четыре фрагмента моляров водяной полевки Arvicola с архаичными морфологическими признаками, отличными как от моляров позднеплейстоценовой *Arvicola* cf. sapidus, так и от современной *Arvicola terrestris*. Роющие грызуны представлены цокором, численность которого возросла до 3,8 %. В составе тафоценоза появились лягушки – 1,4 % и существенно увеличилась доля костей рыб – 7,6 %.

Увеличение в отложениях этого слоя костей *Myospalax myospalax* свидетельствует о том, что произошло расширение лугов с густым травостоем. Численность лесных полевок *Clethrionomys* в нижней части слоя (уровни 14–12) составляют 2,8 %, в средней части (уровни 11 и 10) – 3,9 %, в верхней части слоя (уровни 9–4) – 7,3 %. К верхним уровням слоя приурочены находки костей бурундука, свидетельствующие о расширении площади лесных биотопов. Изменение состава фауны позвоночных указывает на постепенное потепление и увлажнение климата в период формирования этого слоя, соответствующий перестройке природных комплексов самаровской эпохи к сообществам ширтинского межледниковья (МИС 7).

Для слоя 14 определено 5 629 костей и зубов мелких позвоночных. По сравнению с нижележащими отложениями в этом слое отмечено снижение численности летучих мышей до 9,5 % и увеличение количества костей рыб до 13,5 %. Доминируют серые полевки *Microtus* sp. – 25,9 %, скальные полевки *Alticola* – 15,5 % и рыжие полевки *Clethrionomys* – 6,14 %; доля цокора *Myospalax myospalax* увеличилась до 5,2 %. Участие в тафоценозе степной пеструшки *Lagurus* составляет 0,38 %. Среди останков грызунов зарегистрированы зуб белки *Sciurus vulgaris*, зуб лесной мыши *Apodemus* (*Alsomys*), а также зуб лемминга *Lemmus*, указывающий на существование растительных ассоциаций с участием зеленых мхов *Bryales*. Впервые в пале-

Таксоны	Слои											
	9	11.1	11.2	11.3	11.4	12.1	12.2	12.3	13	14	15	17.1
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Chiroptera	35,71	0,49	0,30	7,95	5,81	9,49	4,01	2,86	3,34	9,49	17,99	19,46
Erinaceus sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Crocedura sp.	–	–	–	–	–	–	–	0,01	–	–	0,28	–
Sorex roboratus	–	–	0,07	0,14	–	–	–	–	–	0,02	–	–
Sorex minutus		–	0,07	–	0,13	–	0,15	0,03	–	0,02	–	–
Sorex araneus	–	–	–	0,43	0,13	–	–	0,01	–	0,03	0,09	0,25
Sorex sp.	7,14	0,37	0,15	1,42	0,92	1,03	0,31	0,17	0,14	0,33	0,38	–
Neomys sp.	–	–	–	–	0,13	0,13	–	–	–	–	–	–
Asioskalops sp.	7,14	2,56	2,15	1,28	0,53	1,15	2,47	2,03	1,69	2,77	2,18	3,20
Eutamias sibiricus	–	–	–	–	–	–	–	–	0,04	–	0,19	–
Sciurus vulgaris	–	–	–	–	–	–	–	0,01	0,11	0,03	–	0,25
Pteromys volans	–	–	–	–	0,13	–	–	–	–	–	–	–
Spermophilus undulatus	–	–	1,04	0,85	0,26	–	–	–	–	0,17	–	–
Spermophilus sp.	–	1,83	0,37	0,71	0,66	0,51	0,92	0,81	0,61	0,79	1,14	2,22
Marmota sp.	–	–	0,07	–	–	–	0,15	0,28	0,43	1,65	1,99	1,72
Sicista sp.	–	–	–	–	–	–	–	0,01	–	0,07	–	–
Allactaga sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0,02	–	–
Apodemus (Alsomys)	–	–	–	–	–	–	–	0,01	–	0,05	–	–
Cricetus crisetus	–	0,24	–	–	–	–	–	–	–	0,05	0,19	–
Crisetulus barabensis	–	0,73	–	–	0,13	0,13	–	0,62	0,14	0,31	0,19	0,74
Allocricetulus eversmanni	–	2,56	2,89	0,57	0,26	0,38	0,92	0,30	0,43	0,22	0,38	0,25
Ellobius sp.	–	0,24	0,30	0,14	0,40	0,13	0,15	–	0,11	–	–	–
Clethrionomys rutilus	–	0,37	–	0,43	2,51	1,03	2,00	2,00	1,33	1,50	0,66	3,45
Clethrionomys rufocanus	–	–	–	0,28	2,25	3,08	–	0,11	1,15	1,05	–	0,74
Clethrionomys sp.	–	0,73	0,07	1,56	2,51	0,90	3,08	4,93	2,77	3,59	4,26	7,88
Alticola macrotis	–	–	0,30	0,57	0,13	0,26	0,15	–	–	0,03	–	–
Alticola strelzovi	–	6,33	4,89	4,55	4,76	6,03	4,31	5,28	4,03	4,37	3,98	4,19
Alticola sp.	14,29	11,57	14,07	8,52	9,51	13,08	10,63	12,83	9,24	11,14	9,28	12,32

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12	13
Lagurus lagurus	–	1,46	–	–	0,13	–	0,62	0,07	–	0,10	0,19	–
Lagurus transiens	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Lagurus sp.	7,14	1,71	0,07	0,28	–	–	0,15	0,55	0,18	0,27	0,09	–
Eolagurus sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Dicrostonyx sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–
Lemmus sp.	–	0,12	–	–	0,53	0,13	–	0,01	0,14	0,02	–	0,25
Stenocranius gregalis	7,14	1,10	1,41	3,55	6,34	5,00	6,01	6,57	5,32	6,12	6,25	5,17
Microtus oeconomus	–	0,24	0,22	1,14	1,85	0,90	0,77	0,84	0,76	0,70	1,42	2,22
Microtus hyperboreus	–	4,87	4,52	6,68	4,23	3,33	1,85	1,47	1,26	1,13	1,33	0,49
Microtus agrestis	–	–	0,22	0,28	0,66	0,26	–	–	0,07	0,09	0,66	–
Microtus arvalis	–	0,24	0,15	–	0,53	–	–	–	0,04	0,14	0,28	–
Microtus sp.	–	20,71	12,37	22,44	20,48	19,36	13,25	16,05	16,54	17,70	20,27	17,00
Microtinae gen.	7,14	3,29	3,41	7,24	6,47	6,15	6,16	5,24	5,21	6,14	5,02	5,67
Arvicola cf. *sapidus*	–	0,37	0,37	–	0,13	–	0,15	0,13	–	0,10	0,38	–
Myospalax myospalax	14,29	2,44	1,78	2,84	1,45	1,28	2,00	2,75	3,20	5,21	3,88	2,71
Ochotona hyperborea	–	–	–	–	–	–	–	0,07	0,07	0,09	0,19	–
Ochotona pusilla	–	–	0,07	–	–	–	–	0,04	–	0,02	–	–
Ochotona sp.	–	1,10	0,37	0,57	0,26	0,38	0,77	0,91	0,36	1,48	0,95	0,99
Lepus sp.	–	0,12	–	–	0,26	–	0,15	0,04	–	–	–	–
Mustela sp.	–	–	0,07	–	0,26	0,26	0,15	0,13	0,04	0,19	0,19	0,74
Martes sp.	–	–	–	–	0,13	–	–	0,06	0,04	0,07	0,19	–
Carnivora	–	–	–	–	0,26	0,26	0,46	0,38	0,36	0,45	0,19	2,46
Aves	–	6,82	5,19	7,39	15,85	9,74	12,02	7,89	4,71	6,34	6,34	3,94
Reptilia	–	–	–	–	–	0,13	–	0,06	–	0,21	–	–
Amphibia	–	0,49	0,15	0,43	0,40	1,54	1,54	2,25	1,83	2,27	1,42	–
Pisces	–	26,92	42,89	17,76	8,59	13,97	24,65	22,18	34,30	13,49	7,58	1,72

онтологической летописи восточной галереи появились рептилии – ящерицы – 0,21 %, а количество амфибий достигло 2,3 %.

Состав фауны мелких позвоночных показал, что во время формирования нижней части этого слоя произошло некоторое расширение площади лесных массивов и луговых биотопов в условиях относительного потепления и повышения влажности климата. Для верхней части слоя характерно увеличение доли скальной полевки, суслика, сурка, степной пеструшки, а также уменьшение численности землероек, свидетельствующие о снижении влагообеспеченности при некотором похолодании. В целом, время накопления осадков этого слоя можно сопоставить с ширтинским межледниковьем (МИС 7).

В отложениях слоя 13 обнаружено 2 738 экз. остеологического материала. Численность Chiroptera в этом слое уменьшилась до 3,3 %, а количество костей Pisces увеличилось до 34,3 %. В составе тафоценоза снизилась доля *Clethrionomys* – 5,2 %, *Alticola* – 13,3 %, *Myospalax myospalax* – 3,2 % и Soricidae – 0,14 %. Суммарное количество серых полевок рода *Microtus* составляет 23,9 %. В палеонтологической летописи восточной галереи появляется небольшой роющий грызун слепушонка *Ellobius* sp. – 0,11 %, также в небольшом количестве присутствует лемминг *Lemmus* sp. – 0,14 % и амфибии (лягушки) – 1,8 %. На фоне общего снижения численности наземных позвоночных отмечено небольшое увеличение доли древесных беличьих – белки *Sciurus vulgaris* – 0,11 % и бурундука *Eutamias sibiricus* – 0,04 %.

Накопление слоя 13 происходило в условиях чередования холодных и теплых климатических фаз. Если для нижней (уровни 9 и 8) и верхней (уровни 3 и 2) частей слоя характерно наличие древесных беличьих, повышение численности рыжих полевок и цокора, что отражает увеличение площади лесных массивов в относительно благоприятных условиях, то период формирования средней части слоя (уровни 6–4) отмечен падением численности землероев – крота и цокора и ростом доли хомячка Эверсмана *Allocricetulus eversmanni*, обитателя злаково-полынных степей, полупустынь и солончаков, что свидетельствует о похолодании и аридизации климата. Данные пыльцевого анализа свидетельствуют также о сложной трехэтапной истории природных условий в этот период [Болиховская и др., 2017], а изучение микроструктуры осадков слоя 13 показало периодическое, возможно сезонное, промерзание его средней части [Morley et al., 2019]. Формирование отложений слоя 13 связано с первой половиной тазовского времени (начало МИС 6), когда общий тренд похолодания сопровождался фазами относительного потепления климата.

Из отложений слоя 12.3 получено 7 060 определимых костей. Для этого тафоценоза характерно снижение численности летучих мышей до 2,8 %. Численность рыжих и скальных полевок, напротив, увеличилась – *Clethrionomys* до 7,4 %, *Alticola* до 18,1 %. Сократилось таксономическое разнообразие серых полевок *Microtus* – их суммарная численность составляет 24,9 %. Отмечены лесная мышь *Apodemus* (*Alsomys*) sp. – 0,02 %, лемминг *Lemmus* – 0,02 %, ящерицы Lacertilia – 0,06 % и лягушки Anura – 2,25 %. Распределение остатков позвоночных по отдельным уровням этого слоя показало, что на фоне общей криоксеротической обстановки в эпоху его накопления были фазы относительного потепления и увлажнения климата – начало одной из них отмечено на уровне 6, максимум зафиксирован на уровне 5, а спад отмечен на уровне 4. Еще одна, видимо теплая, флюктуация отмечена на уровне 3, где доля *Clethrionomys* достигает 9 %. В целом для времени накопления слоя 12.3 характерно общее ухудшение природной обстановки, сопровождавшееся снижением температур и аридизацией климата в условиях тазовского похолодания (МИС 6). Эти выводы согласуются с результатами пыльцевого анализа, отражающего чередование в этот период перигляциальных ландшафтов лесотундры, тундролесостепи, тундры и т.п. [Болиховская и др., 2017].

Остеологическая коллекция слоя 12.2 насчитывает 649 экз. По сравнению с нижележащими отложениями в этом слое возросла доля Chiroptera – 4 % и Pisces – 24,6 %. Одновременно снизилась численность *Clethrionomys* – 5,1 %, *Alticola* – 15,1 % и *Microtus* – 21,9 %, *Myospalax myospalax* – 2 % и Anura – 1,5 %. Немного увеличилось количество степных пеструшек *Lagurus* – 0,7 %, отмечена слепушонка Ellobius sp. – 0,15 %. Состав тафоценоза этого слоя предполагает сокращение лесной и ксерофильной степной растительности. В то же время увеличились площади, занятые скальными, поросшими кустарничками биотопами и луговым разнотравьем, что в целом отражает дальнейшее похолодание во второй половине тазовского времени (МИС 6).

Из слоя 12.1 определено 780 костей и зубов мелких позвоночных. В этих отложениях заметно возросла доля летучих мышей – 9,5 %, а костей рыб – уменьшилась до 13,9 %. Численность рыжих полевок осталась на прежнем уровне – 5 %, а скальных и серых полевок увеличилась до 19,4 % и 28,8 % соответственно. В этом слое становится больше землероек – 1,2 %, но снижается доля крота – 1,15 % и цокора – 1,3 %. Характер тафоцено-

за этого слоя отражает сокращение степной биоты и расширение площади скальных биотопов, поросших кустарничками, а также участков лугового разнотравья в прохладной климатической обстановке переходного периода от тазовского времени к казанцевскому потеплению (начало МИС 5e).

В отложениях слоя 11.4 обнаружено 757 костных остатков мелких позвоночных. В составе этого тафоценоза уменьшилась доля костей летучих мышей – 5,8 % и рыб – 8,6 %. Численность *Clethrionomys* увеличилась до 7,3 %, а *Alticola* снизилась до 14,4 %. Максимального таксономического разнообразия и количества достигли серые полевки рода *Microtus* – 34,1 %. Отмечены небольшой рост численности землероек – 1,3 %, цокора – 1,4 % и заметное сокращение популяции крота – 0,53 %. Среди микротериофауны определены степные пеструшки *Lagurus* – 0,13 %, лемминг *Lemmus* sp. – 0,53 % и водяная полевка *Arvicola* cf. *sapidus* – 0,13 %. Необходимо отметить находку в нижней части слоя моляра летяги *Pteromys volans* – 0,13 %. Для нижней части этого слоя (уровни 8–6) характерны относительно высокая численность рыжих полевок и присутствие летяги – типичных обитателей лесных сообществ, а также концентрация землероек Soricidae, предполагающая обилие почвенных беспозвоночных летом и семян хвойных деревьев на поверхности почвы зимой, что указывает на относительно благоприятные климатические условия в период накопления этих отложений. Верхняя часть слоя (уровни 5–3) характеризуется снижением численности полевок *Clethrionomys* и *Microtus*, появлением в тафоценозе лемминга и степной пеструшки, что свидетельствует о сокращении площади лесов и расширении открытых биотопов в условиях похолодания и аридизации климата. Согласно этим данным, формирование нижней части слоя соответствует казанцевскому потеплению (МИС 5e), а накопление его верхней части отвечает переходному периоду к ермаковскому похолоданию (МИС 5d–a).

Остеологическая коллекция из слоя 11.3 насчитывает 704 экз. В составе тафоценоза доля летучих мышей составила 7,9 %, а костей рыб – 17,7 %, увеличилась численность цокора – 2,8 %, землероек – 1,9 %, крота – 1,3 % и степных пеструшек – 0,3 %; при этом сократилось количество рыжих полевок – 2,3 % и скальных полевок – 13,6 %; число серых полевок осталось на прежнем уровне – 34,1 %. Количественное соотношение таксонов мелких млекопитающих свидетельствует о продолжении редукции лесного биома, расширении площади открытых каменистых склонов и степных биотопов в условиях общего похолодания климата. В то же время произошло некоторое повышение зимних температур, увеличилась влагообеспеченность почвенного покрова, в том числе возросло количество зимних осадков. Судя по этим показателям, период накопления этого слоя отвечает разным этапам ермаковского похолодания (МИС 4).

Из слоя 11.2 определено 1 350 костей мелких позвоночных. В границах этого слоя уменьшилось количество Chiroptera – 0,3 % и увеличилось число костей Pisces – 42,9 %; возросла доля *Asioskalops* – 2,15 % и *Alticola* – 19,3 %, вместе с тем уменьшилась численность Soricidae – 0,3 %, *Clethrionomys* – 0,07 %, *Myospalax myospalax* – 1,7 % и Microtini – 18,9 %. Эти данные отражают широкое распространение открытых ландшафтов, занятых степными и луговыми ассоциациями, включая участки с разреженным травостоем в конце ермаковского времени (МИС 4).

В отложениях слоя 11.1 обнаружена 821 кость мелких позвоночных. В тафоценозе этого слоя возросло количество летучих мышей – 0,49 %, а число костей рыб снизилось – 26,9 %; увеличилась доля рыжих полевок – 1,1 %, степной пеструшки – 3,17 % и серых полевок – 27,2 %, но уменьшилась численность скальных полевок – 17,9 %. Эти показатели свидетельствуют о расширении площади лесов и луговых биотопов, о благоприятной в целом природной обстановке в эпоху каргинского потепления (МИС 3).

Небольшой набор костей мелких млекопитающих из слоя 9 включает 14 экз. Среди них определены летучие мыши, землеройки, крот, серые и скальные полевки, степные пеструшки и цокор. Согласно этим отрывочным данным, в период сартанского похолодания (МИС 2) в окрестностях пещеры преобладали, скорее всего, степные и скальные биотопы.

Результаты изучения остатков мелких позвоночных из отложений восточной галереи Денисовой пещеры свидетельствуют о том, что во второй половине среднего и на протяжении верхнего плейстоцена для ее окрестностей была характерна высокая мозаичность ландшафтов. Лесные массивы чередовались с участками степной и луговой растительности, скальными биотопами и вкраплениями сухих степей и кустарничковых ассоциаций. В состав лесов входили темнохвойные породы деревьев, под пологом которых развивались зеленые мхи. Колебания климата сопровождались изменением соотношения площадей разных биотопов, но не приводили к принципиальной перестройке природного комплекса.

Кроме того, установлено, что снижение доли летучих мышей в тафоценозе всегда сопровождалось увеличением числа костей рыб. Исследование ми-

кроструктуры пещерных отложений показало присутствие частиц угля в восточной галерее начиная со слоя 15 [Morley et al., 2019], что свидетельствует о разведении костров древними обитателями пещеры и их негативном воздействии на колонию летучих мышей. В то же время периоды активности палеолитического человека сопровождались увеличением количества костей рыб в осадках пещеры.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 17-29-04206 офи-м.

Список литературы

Болиховская Н.С., Козликин М.Б., Шуньков М.В., Ульянов В.А., Фаустов С.С. Новые данные в палинологии уникального памятника палеолита Денисова пещера на северо-западе Алтая // Бюлл. Мос. об-ва испытателей природы. Отд. биол. – 2017. – Т. 122, вып. 4. – С. 46–60.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. – 2019. – Vol. 565, No. 7741. – P. 594–599. – https://doi.org/10.1038/s41586-018-0843-2

Lisiecki L.E., Raymo M.E. A Plio-Pleistocene stack of 57 globally distributed benthic $\delta^{18}O$ records // Paleoceanography and Paleoclimatology. – 2005. – Vol. 20. – P. 1–16. – DOI:10.1029/2004PA001071.

Morley M.V., Goldberg P., Uliyanov V.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Jacobs Z., Roberts R.G. Hominin and animal activities in the microstratigraphic record from Denisova Cave (Altai Mountains, Russia) // Scientific Reports. – 2019. – Vol. 9, N 13785. – P. 1–12.

References

Bolikhovskaya N.S., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Ul'yanov V.A., Faustov S.S. New Palynological Data from the Unique Paleolithic Site of Denisova Cave in Northwest Altai. *Byulleten' Moskovskogo Obshchestva Ispytatelei Prirody. Otdel Biologicheskii, Mammalia, Mustelidae*, 2017, vol. 122, iss. 4, pp. 46–60 (in Russ.).

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature*, 2019, vol. 565, No. 7741, pp. 594–599. https://doi.org/10.1038/s41586-018-0843-2

Lisiecki L.E., Raymo M.E. A Plio-Pleistocene stack of 57 globally distributed benthic $\delta^{18}O$ records. *Paleoceanography and Paleoclimatology*, 2005, vol. 20, pp. 1–16. DOI: 10.1029/2004PA001071.

Morley M.V., Goldberg P., Uliyanov V.A., Kozlikin M.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Jacobs Z., Roberts R.G. Hominin and animal activities in the microstratigraphic record from Denisova Cave (Altai Mountains, Russia). *Scientific Reports*, 2019, vol. 9, N 13785, pp. 1–12.

Агаджанян А.К. https://orcid.org/0000-0003-4652-7580
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.014-018
УДК 902.1

Е.В. Акимова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Палеолитическая стоянка Усть-Кова: дискуссионные вопросы изучения

Стоянка Усть-Кова, наиболее известный памятник позднего палеолита в Северном Приангарье, была затоплена Богучанским водохранилищем в 2014–2015 гг. Ее многолетнее изучение не смогло окончательно решить целый пласт вопросов, касающихся как возраста, так и культурной принадлежности. На долгие годы Усть-Кова становится «экзотом» в палеолите Сибири. Полноценный анализ археологических коллекций, накопленных за годы раскопок, не сделан до сегодняшнего дня. Вернуться к дискуссионным вопросам изучения Усть-Ковы позволяют данные, полученные во время охранно-спасательных работ в зоне строительства Богучанской ГЭС (2008–2011 гг.), и частичная ревизия материалов 1970–1980-х гг. Выделение трех разнохронологических комплексов (раннего, среднего и позднего), предложенное в начале 1980-х гг., археологическими материалами не подтверждается. Позднепалеолитический культурный горизонт Усть-Ковы мог сформироваться в течение длительного периода за счет многократного наложения как долговременных, так и кратковременных стоянок, в дальнейшем полностью деформированных криогенными процессами в виде полигонально-жильных льдов. На основании серии радиоуглеродных дат возраст палеолита Усть-Ковы должен быть определен в рамках гыданской стадии сартанского похолодания. Позднесартанские отложения, вероятно, были денудированы в финале плейстоцена, что проявилось в ветровой обработке поверхности артефактов, залегающих в центральной части полигонов. На основании специфического каменного и костяного инвентаря, произведений искусства в виде зооморфных изображений, отнесение Усть-Ковы к мальтино-буретскому кругу памятников палеолита Сибири можно считать правомерным. В дальнейшей перспективе переработка берегов Богучанского водохранилища может привести к открытию памятников, близких Усть-Кове, и, соответственно, предоставить недостающие аргументы по обсуждаемым вопросам.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, поздний палеолит, криогенные деформации, культурный горизонт, пластинчатая индустрия, обработка бивня.*

Elena V. Akimova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: elaki2008@yandex.ru

Paleolithic Site of Ust-Kova: Controversial Research Problems

The Ust-Kova site is the best known Late Paleolithic site in the Northern Angara region. In 2014–2015, it was flooded by the waters of the Boguchany Reservoir. Despite the long-term studies of the site, the problems of its age and cultural attribution remained unsolved. Until now, the Ust-Kova site was an "exotic" example of a Paleolithic site in Siberia; its archaeological materials, which had been accumulated for a long period of research) have not been fully yet analyzed. This topic can be readdressed using the artifacts collected during the rescue excavations in 2008–2011 and going back to the evidence of 1970–1980. Identification of three chronologically different complexes (early, middle and late), suggested in the late 1970s, has not been reconfirmed. The Late Paleolithic horizon of Ust-Kova site could have emerged over a long period due to repeated superimposition of long-term and short-term stays, subsequently completely deformed by cryogenic processes in the form of polygonal lode ice. Based on a series of radiocarbon dates, the age of the Paleolithic at Ust-Kova can be established as the Gydan stage of the Sartan glaciation. The deposits of the Late Sartan period could have been denuded in the Final Pleistocen, which is manifested by traces of eolian impact on the surfaces of the artifacts from the central parts of the polygons. In accordance with the specific features of stone and bone inventory, and zoomorphic

artworks, the Ust-Kova site can be related to the Mal'ta–Buret' Siberian Paleolithic group of sites. It can be suggested that further research along the shores of the Boguchany Reservoir may reveal similar sites, which consequently may provide additional information on the subject.

Keywords: *Northern Angara region, Late Paleolithic, cryogenic deformations, cultural layer, blade industry, tusk processing.*

Многослойная стоянка Усть-Кова – первый и долгое время единственный памятник позднего палеолита Северной Ангары – была затоплена Богучанским водохранилищем в 2014–2015 гг. При этом многие сотни квадратов площадей остались нераскопанными и целый ряд принципиальных вопросов не получил ответов.

Памятник был открыт в 1937 г. А.П. Окладниковым. Первые разведочные работы проведены в 1972 г. [Дроздов, Дементьев, 1974], а в 1976 г. начаты многолетние стационарные раскопки экспедицией Красноярского государственного пединститута под руководством Н.И. Дроздова [Дроздов, Лаухин, 1979; Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; и др.]. С началом проведения спасательных работ в зоне строительства Богучанской ГЭС палеолитом Усть-Ковы последовательно занимались отряд Иркутского государственного университета (2008 г.), отряды ИАЭТ СО РАН и Красноярского педуниверситета (2009–2011 гг.) [Леонтьев, Вдовин, 2010; Акимова и др., 2014; Медведев и др., 2015].

На рубеже 1970–1980-х гг. на основании стратиграфии и радиоуглеродных дат, но на минимуме археологического материала Н.И. Дроздовым в позднепалеолитическом культурном горизонте были выделены три разновозрастных археологических комплекса [Дроздов, 1981; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988; Хроностратиграфия…, 1990]. Ранний комплекс был отнесен к каргинской почве с датами по углю 32 865 (СОАН-1960), 30 100 ± 310 (ГИН-1741), 28 050 ± 670 (СОАН-1875), средний – к коричневому карбонатизированному суглинку, датированному 23 920 ± 310 (КРИЛ-381), поздний – к коричневому суглинку с датой 14 220 ± 100 (ЛЕ-1372) [Лаухин и др., 1980; Васильевский, Бурилов, Дроздов, 1988]. В дальнейшем, по итогам работ 2008 г., были получены даты для каргинской почвы – 33 150 ± 150 (СОАН-7543), перекрывающие почву суглинки дали три даты: для нижней части слоя – 19 140 ± ± 135 (СОАН), для средней – 18 790 ± 190 (СОАН-7746), для верхней – 16 210 ± 85 (СОАН-7544) [Медведев и др., 2015, с. 11]. В 2011 г. для коричневого суглинка по кости мамонта были получены даты 23 929 ± 855 (NSKA-619), 19 676 ± 648 (NSKA-620), 22 448 ± 774 (NSKA-621) [Акимова и др., 2014].

Основная проблема в изучении палеолита Усть-Ковы тогда заключалась в том, что морозобойное растрескивание и куполообразное вспучивание грунта с последующим вытаиванием ледяных клиньев привели к разносу археологического и фаунистического материала по разным гипсометрическим уровням и залеганию предметов как в центральной части полигонов, так и по бортам и дну трещин с соответствующим перепадом отметок до 1,5–2 м [Дроздов, Чеха, 1990; Акимова и др., 2014]. Еще 1980-х гг. высказывалось мнение о невозможности установить стратиграфические критерии распределения материала по комплексам [Акимова, Блейнис, 1986], и, соответственно, ставилась под сомнение вся трехслойная схема усть-ковинского палеолита с сортировкой материала по условиям залегания в разных литологических слоях. Отмечалось, что никаких реальных различий между артефактами «среднего» и «позднего» комплексов не выявлено.

По итогам работ 2008 г. Г.И. Медведев с соавторами отмечают, что «сложно было выделить в составе артефактов палеолитического времени три комплекса, т.к. находки ископаемой культуры палеолита фиксированы единично рассеянными и по вертикали … и в планиграфии распространения их по площади…» [Медведев и др., 2015, с. 18]. Ими используется термин «уровни отложения ископаемой культуры» в качестве «рабочей схемы для исследуемого участка памятника». Наши работы 2011 г. в зоне бровки террасы показали, что археологический материал рассредоточен в диапазоне 30–50 см между песками раннего голоцена и погребенной почвой каргинского времени, в коричневом легком суглинке, переходящем книзу в карбонатизированный суглинок [Акимова и др., 2014].

Таким образом, палеолит Усть-Ковы представляет собой комплекс артефактов, зафиксированный выше уровня солифлюированной каргинской погребенной почвы, и независимо от литологической характеристики грунта (коричневый песок, коричневый суглинок, карбонатизированный суглинок) относящийся к одному культурному горизонту. Это подтверждают и обломки одних и тех же изделий, залегающие в разных литологических условиях. Вероятно, формирование его происходило в течение протяженного периода и в реальности представляло собой наложение остатков разно-

временных долговременных или кратковременных стоянок, но какое-либо разделение его на определенные хронологические отрезки в рамках среднего и позднего археологических комплексов видится необоснованным. Более перспективным представляется другой путь: остатки этих разновременных стоянок должны фиксироваться на отдельных участках памятника – от устья Ковы до Ковинской шиверы – и находить отражение в предпочитаемом сырье и наборе артефактов.

Вопрос же о раннем комплексе остается открытым, но известно, что из каргинской погребенной почвы были получены отдельные предметы только в раскопах 1976–1977 гг., расположенных намного выше по течению основной территории памятника [Дроздов, Лаухин, 1979; Дроздов, 1981]. В последующие годы материал, за исключением единичных обломков костей, в погребенной почве обнаружен не был [Акимова и др., 2014; Медведев и др., 2015, с. 19]. В этих условиях ссылки на мифический ранний комплекс в сопоставлении с материалами Колпакова ручья вызывают изумление и непонимание [Рыбин, Мещерин, 2017]. Все заочно описываемые и сравниваемые с Колпаковым ручьем артефакты получены значительно выше каргинской погребенной почвы, вплоть до контакта с голоценом, и имеют, безусловно, сартанский возраст.

Реальной проблемой палеолита Усть-Ковы, несмотря на обилие радиоуглеродных дат, является его возраст в рамках именно сартанского периода. Время образования полигональных грунтов, по мнению С.А. Лаухина, должно датироваться норильской стадией сартанского похолодания [Дроздов, Лаухин, 1979; Лаухин и др., 1980], по мнению В.П. Чехи – концом гыданской стадии [Дроздов, Чеха, 1990]. Вытаивание же ледяных жил с опусканием участков культурного слоя, очевидно, должно было происходить в раннем голоцене. При работах 1980-х гг. было отмечено, что устье трещин, заполненных светлым однородным песком, в ряде случаев перекрывается линзами красновато-коричневого суглинка с мезолитическим материалом, идентичным стоянке Усть-Кова-1.

Все даты для культурного слоя, полученные по итогам работ 2008 г. и 2011 гг., относятся к гыданской стадии, что, в конечном итоге, указывает на раннесартанский возраст культурного слоя Усть-Ковы. Единственная выбивающаяся из этого ряда дата 14 тыс. л.н. получена по вкраплениям древесного угля в раскопах 1978 г. и, вероятно, не должна приниматься в расчет. Однако в этом случае надо признать, что в разрезе практически отсутствует средне- и позднесартанская пачки отложений, а остатки поселения находились в непогребенном состоянии на протяжении тысячелетий.

О самом факте залегания археологического материала на открытой поверхности свидетельствуют следы ветровой обработки в виде дефляции на поверхности каменных артефактов, найденных в верхней части слоя преимущественно в центре полигонов, в то время как артефакты по бортам и на дне трещин подобных следов не имеют. В 2011 г. на поверхности крупного бивня, являющегося частью скопления костей мамонта, уходящих по трещине вниз до уровня погребенной почвы, были найдены фрагменты керамики. Хорошо сохранившийся бивень в нижней части слоя превращался в труху по мере выхода на поверхность. Это позволяет предполагать, что процессы эоловой обработки артефактов происходили в определенный, относительно краткий период, после вытаивания ледяных жил и сноса значительной части материала в образовавшиеся полости.

Таким образом, палеолитический культурный горизонт Усть-Ковы залегает в стратиграфическом диапазоне от каргинской погребенной почвы до супесей раннего голоцена. Серия радиоуглеродных дат позволяет датировать его гыданской стадией сартанского похолодания – от 22 до 16 тыс. л.н. От предположения о финальносартанском возрасте палеолита Усть-Ковы, имеющего свои аргументы [Акимова, Метляев, 2005], приходится отказаться.

Культурный горизонт, который, вероятнее всего, мог представлять собой остатки разновременных стоянок, перекрывающих друг друга, деформирован системой полигональных трещин с образованием хаотичных скоплений артефактов и фаунистических остатков как по определенным бортам и дну трещин, так и в центральной части полигонов. Обломки одних и тех же предметов, а также типологически однородные предметы зафиксированы на разных уровнях и в разных литологических слоях. Планиграфический аспект в данной ситуации расшифровке уже не доступен.

Вопрос о культурной принадлежности палеолита Усть-Ковы также не решен. Сегодня параллельно существуют диаметрально противоположные мнения: одни исследователи признают существование усть-ковинского локального варианта мальтино-буретской культуры [Дроздов, 1981; Акимова и др., 2014], а другие – категорически не приемлют любое упоминание о подобной связи [Медведев и др., 2015].

По нашему мнению, о близости Усть-Ковы к памятникам мальтино-буретского круга свидетельствует пластинчатая индустрия с определенным набором орудий, включающим мелкие проколки с тонкими жальцами, долотовидные орудия, скребки высокой формы, режущие орудия, чоппперы-струги [Дроздов, 1981; Акимова, Блейнис,

1986]. Ковинские же бифасы – вопрос не культуры, а только технологии использования плоских плиток кремня. Также остается фактом, что все сибирские палеолитические произведения искусства из бивня мамонта найдены только в Приангарье – на Мальте, Бурети и Усть-Кове. Ангарский каскад гидроэлектростанций, вероятно, сделал недоступными многие перспективные участки для поиска поселений, которые могли бы быть расценены как связующие звенья этой разорванной цепи.

Усть-Кова оставила много нерешенных вопросов, касающихся возраста, культурной принадлежности, структуры поселения и, в конечном счете, ее места и значения в палеолите Сибири. К сожалению, до сих пор не опубликованы все материалы коллекции Усть-Ковы, которые позволили бы специалистам составить собственное впечатление, не полагаясь ни на мнение ее исследователей, ни на мнение недобросовестных компиляторов. С учетом того, что памятник затоплен водохранилищем и дополнительные работы на нем уже невозможны, прямых ответов на вопросы ожидать не приходится. В дальнейшей перспективе переработка берегов Богучанского водохранилища может привести к открытию памятников, близких Усть-Кове, и, соответственно, предоставить недостающие аргументы по определенным вопросам данной полемики.

Список литературы

Акимова Е.В., Блейнис Л.Ю. Палеолитическая стоянка Усть-Кова (по материалам 1982 г.) // Археологические и этнографические исследования в Восточной Сибири: итоги и перспективы – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1986. – С. 63–65.

Акимова Е.В., Кукса Е.Н., Стасюк И.В., Томилова Е.А., Харевич В.М., Мотузко А.Н. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. – С. 256–264. – URL: http://www.archeo.ru/izdaniya-1/vagnejshije-izdanija/pdf/Verkhnij_paleolit_2014.pdf/view

Акимова Е.В., Метляев С.В. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края. – Красноярск, 2003. – Вып. 2. – С. 18–19.

Васильевский Р.С., Бурилов В.В., Дроздов Н.И. Археологические памятники Северного Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1988. – 244 с.

Дроздов Н.И. Каменный век Северного Приангарья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 1981. – 16 с.

Дроздов Н.И., Дементьев Д.И. Археологические исследования на Средней и Нижней Ангаре // Древняя история народов юга Восточной Сибири. – Иркутск, 1974. – Вып. 1 – С. 204–228.

Дроздов Н.И., Лаухин С.А. Палеолитическое местонахождение в устье р. Кова (среднее течение Ангары) // Древние культуры Сибири и Тихоокеанского бассейна. – Новосибирск: Наука, 1979. – С. 38–41.

Дроздов Н.И., Чеха В.П. Палеомерзлотные явления на палеолитической стоянке Усть-Кова и проблемы сохранности культурных слоев // Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной и Восточной Азии и Америки. – Новосибирск, 1990. – С. 174–180.

Лаухин С.А., Дроздов Н.И., Панычев В.А., Орлова Л.А. Усть-Кова на Ангаре – самая древняя датированная радиоуглеродным методом палеолитическая стоянка между Уралом и Леной // Докл. АН СССР. – М., 1980. – Т. 254, № 2. – С. 182–185.

Леонтьев В.П., Вдовин А.С. Предварительные итоги археологических исследований стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье в 2010 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 534–537. – URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2010.pdf

Медведев Г.И., Липнина Е.А., Роговской Е.О., Ощепкова Е.Б., Дроздов Н.И. Усть-Кова – многослойное местонахождение Северного Приангарья. Геоархеологический аспект (по результатам работ 2008 г.) // Известия Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2015. – Т. 12. – С. 3–36. – URL: https://izvestiageoarh.isu.ru/ru/article/file?id=105

Рыбин Е.П., Мещерин М.Н. Некоторые вопросы хронологии и периодизации палеолита Северного Приангарья (по материалам исследований стоянок Колпаков ручей и Усть-Кова) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 194–197. – URL: https://archaeology.nsc.ru/wp-content/uploads/2018/05/ses_2017.pdf

Хроностратиграфия палеолитических памятников Средней Сибири (бассейн Енисея). Путеводитель экскурсии Международного симпозиума. – Новосибирск: Изд-во ИИФиФ СО АН СССР, 1990. – 184 с.

References

Akimova E.V., Bleinis L.Yu. Paleoliticheskaya stoyanka Ust'-Kova (po materialam 1982 g.). In *Arkheologicheskie i etnograficheskie issledovaniya v Vostochnoi Sibiri: itogi i perspektivy*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1986, pp. 63–65 (in Russ.).

Akimova E.V., Kuksa E.N., Stasyuk I.V., Tomilova E.A., Kharevich V.M., Motuzko A.N. Poslednie raskopki paleoliticheskoi stoyanki Ust-Kova v Severnom Priangarie. In *Verkhnii paleolit Severnoi Evrazii i Ameriki:*

pamyatniki, kultury, traditsii. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2014, pp. 256–264 (in Russ.).

Akimova E.V., Metlyev S.V. Interpretatsiya skulpturnogo izobrazheniya s paleoliticheskoi stoyanki Ust-Kova. In *Drevnosti Prieniseiskogo kraya.* Krasnoyarsk, 2003, iss.2, pp. 18–19 (in Russ.).

Drozdov N.I. Kamennyi vek Severnogo Priangarya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1981, 16 p. (in Russ.).

Drozdov N.I., Chekha V.P. Paleomerzlotnye yavleniya na paleoliticheskoi stoyanke Ust-Kova i problemy sokhrannosti kulturnykh sloev. In *Khronostratigrafiya paleolita Severnoi, Tsentralnoi i Vostochnoi Azii i Ameriki*. Novosibirsk, 1990, pp. 174–180 (in Russ.).

Drozdov N.I., Dementiev D.I. Arkheologicheskie issledovaniya na Srednei i Nizhnei Angare. In *Drevnyaya istoriya narodov yuga Vostochnoi Sibiri*. Irkutsk, 1974, iss. 1, pp. 204–228 (in Russ.).

Drozdov N.I., Laukhin S.A. Paleoliticheskoe mestonakhozhdenie v ustie r. Kova (srednee techenie Angary). In *Drevnie ku'tury Sibiri i Tikhookeanskogo basseina*. Novosibirsk: Nauka, 1979, pp. 38–41 (in Russ.).

Khronostratigrafiya paleoliticheskikh pamyatnikov Srednei Sibiri (bassein Eniseya). Putevoditel' ekskursii Mezhdunarodnogo simpoziuma. Novosibirsk, 1990, 184 p. (in Russ.).

Laukhin S.A., Drozdov N.I., Panychev V.A., Orlova L.A. Ust-Kova na Angare – samaya drevnyaya datirovannaya radiouglerodnym metodom paleoliticheskaya stoyanka mezhdu Uralom i Lenoi. In *Doklady AN SSSR*, Moscow, 1980, vol. 254, No. 2, pp. 182–185 (in Russ.).

Leontiev V.P., Vdovin A.S. Predvaritelnye itogi arkheologicheskikh issledovanii stoyanki Ust'-Kova v Severnom Priangare v 2010 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 534–537 (in Russ.).

Medvedev G.I., Lipnina E.A., Rogovskoi E.O., Oshchepkova E.B., Drozdov N.I. Ust-Kova – Multilayered Site in Northern Angara Region. Geoarchaeological aspect (by Results of Works 2008). In *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya"*, 2015, vol. 12, pp. 3–36 (in Russ.).

Rybin E.P., Meshcherin M.N. Chronology and Periodization of the Paleolithic in the Northern Angara Region (Based on Materials from the Sites of Kolpakov Ruchei and Ust-Kova). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 194–197 (in Russ.).

Vasilievskii R.S., Burilov V.V., Drozdov N.I. Arkheologicheskie pamyatniki Severnogo Priangarya. Novosibirsk: Nauka, 1988, 244 p. (in Russ.).

Акимова Е.В. https://orcid.org/0000-0002-0952-8026

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.019-025
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1, 2], В.А. Ульянов[3], В.М. Харевич[1], А.В. Кандыба[1], Г.Д. Павленок[1], Е.Н. Бочарова[1, 2], Г.И. Марковский[1], С.А. Гладышев[1], Ж.К. Таймагамбетов[4], Г.Т. Искаков[5], Р.С. Дуванбеков[4], М.В. Шуньков[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Московский государственный университет
Москва, Россия
[4]Национальный музей Республики Казахстан
Нур-Султан, Республика Казахстан
[5]Казахский государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан»
Туркестан, Казахстан
E-mail: anui1@yandex.ru

Рекогносцировочные археологические работы на стоянке Ушбулак в 2019 году (по материалам шурфов 6–12)

В статье представлены результаты рекогносцировочных работ на многослойной стоянке Ушбулак, проводившихся Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом в 2019 г. Основные работы велись на раскопах 1 и 2. Одновременно на отрезке 150 м вдоль руч. Восточный, начиная от истока, было осуществлено тестирование обоих берегов водотока (шурфы 6–12). В статье приводятся информация по геоморфологии стоянки, стратиграфии раскопанных участков, результаты технико-типологического анализа полученных из шурфов 6–9 археологических материалов, а также их культурно-хронологическая интерпретация. В ходе работ единичный археологический материал был зафиксирован практически во всех шурфах, кроме шурфов 10 и 12. Массовый археологический материал присутствовал в шурфах 6 и 11. Из шурфа 6 было получено 472 артефакта. Геоморфологическая ситуация на стоянке и стратиграфия отложений шурфа позволили предположить, что полученные археологические материалы являются переотложенными в результате переработки отложений слоев 6 и 7 (выделены в раскопе 2) деятельностью водотока в голоценовое (?) время. При этом комплекс находок является гомогенным и соответствует индустрии начального верхнего палеолита. Первичное расщепление ориентировано на получение пластинчатых заготовок в рамках параллельной объемной бипродольной техники. Присутствует торцовое ядрище для мелких пластин и нуклеусы-резцы. Орудий набор представляют концевые скребки на пластинах, изделие с подтеской основания и пластины с ретушью. Результаты рекогносцировочных работ 2019 г. позволили подтвердить предположение о том, что левый и правый борт руч. Восточный в верхнем течении имеют различную стратиграфию и разный генезис отложений. Были установлены границы скальных выходов, обрамлявших территорию стоянки в плейстоцене. Также была уточнена предполагаемая площадь стоянки и перспективные для дальнейших исследований участки, имеющие максимальную концентрацию стратифицированного археологического материала начального верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Казахстан, верхний палеолит, шурфы, стратиграфия, каменная индустрия, пластинчатое расщепление, орудийный набор.*

Anton A. Anoikin[1, 2], Vladimir A. Ulianov[3], Vladimir M. Kharevich[1], Alexander V. Kandyba[1], Galina D. Pavlenok[1], Ekaterina N. Bocharova[1, 2], Grigorii I. Markovsky[1], Sergei A. Gladyshev[1], Zhaken K. Taimagambetov[4], Gani T. Iskakov[5], Ruslan S. Duvanbekov[4], Michael V. Shunkov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

[2]*Novosibirsk State University,*
Novosibirsk, Russia
[3]*Lomonosov Moscow State University,*
Moscow, Russia
[4]*National Museum of the Republic of Kazakhstan,*
Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan
[5]*Kazakh State Historical-Cultural Reserve-Museum "Azret Sultan",*
Turkestan, Kazakhstan
E-mail: anui1@yandex.ru

Archaeological Survey Works at the Ushbulak Site in 2019 (Using the Evidence from Test Pits 6–12)

The article describes the results of survey works at the multi-layered Ushbulak site conducted by the East Kazakhstan Paleolithic Team in 2019. The main survey took place in units 1 and 2. Simultaneously, both banks of the Vostochnyi Stream were tested at the section of 150 m along the stream (test pits 6–12) starting from the source. Information on geomorphology, stratigraphy of the excavated locations, results of the technical and typological analysis of the archaeological evidence from test pits 6–9 together with their cultural and chronological interpretations are presented. During the excavation works, rare archaeological evidence has been found in all test pits except for test pits 10 and 12; numerous materials have been found in test pits 6 and 11. Test pit 6 yielded 472 artifacts. Geomorphological situation at the site and test pit stratigraphy suggest that archaeological evidence could have become mixed due to redeposition of levels 6 and 7 (according to the order in unit 2) by the water stream in the Holocene (?). At the same time, the complex of finds demonstrates homogeneity and correlates with the industry of the Initial Upper Paleolithic. Primary reduction was targeted on producing blade blanks following parallel volumetric bidirectional method. A core with narrow flaking surface for producing small blades and core-burins have also been found. Tool assemblage includes end-scrapers on blades, tool with retouching on its proximal part, and retouched blades. The results of the field survey in 2019 make it possible to confirm the earlier suggestion that the left and right banks of the Vostochnyi Stream in its upstream demonstrate different stratigraphy and different genesis of the deposits. The boundaries of rock outcrops which limited the site in the Pleistocene have been established; territory of the site has been delineated with more precision, and areas with the highest concentration of stratified archaeological materials with the Initial Upper Paleolithic association, promising for further excavation, have been identified.

Keywords: *Kazakhstan, Upper Paleolithic, test pits, stratigraphy, lithic industry, blade production, toolkit.*

Весной 2019 г. сотрудниками Восточно-Казахстанского палеолитического отряда проводились археологические работы на многослойной верхнепалеолитической стоянке Ушбулак (Зайсанский р-н Восточно-Казахстанской обл. Республики Казахстан) (рис. 1, *А*) [Shunkov et al., 2017]. Памятник изучался на нескольких раскопочных участках, в т.ч. проводилась комплексная шурфовка предполагаемой площади стоянки. В результате рекогносцировочных работ, проведенных на объекте в 2016–2019 гг., тринадцатью шурфами была перекрыта площадь ок. 600 м^2, что позволило более объективно оценивать как геолого-стратиграфическую ситуацию на памятнике, так и характер залегания археологического материала в пределах изученного участка (рис. 1, *Б*).

Археологический материал в стратифицированном положении обнаружен практически на всех участках рекогносцировочных раскопок, однако только в шурфах 1 (траншея 2006 г.), 3, 5, 6 и 11 он залегал массово. Шурфы 10 и 12 оказались стерильными в археологическом плане, остальные – содержали единичные находки. Материалы шурфов 1–5 уже представлены в публикациях [Шуньков и др., 2016; Деревянко и др., 2017; Анойкин и др., 2018]. Коллекция артефактов из шурфа 11 анализируется в статье А.А. Анойкина и др. «Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак...» в данном сборнике. Настоящая статья посвящена общим результатам рекогносцировочных работ на стоянке, ее геоморфологии и стратиграфии, а также технико-типологическому анализу полученных из шурфов 6–9 материалов.

Шурф 6 (1,5 × 1 м) расположен по правому борту руч. Восточный у тылового шва днища долины, в ~10 м ниже по течению от юго-западной стенки раскопа 2. В ходе работ он был пройден на глубину до 1,8 м, в его стратиграфическом разрезе выделены четыре литологических подразделения (сверху вниз).

Слой 1. Почвенно-растительный горизонт, большая часть которого вовлечена в склоновое смещение и частично срезает подстилающие отложения. Мощность – до 0,25 м.

Слой 2. Пески разнозернистые палево-серые. В приподошвенной части переходят в мелкозер-

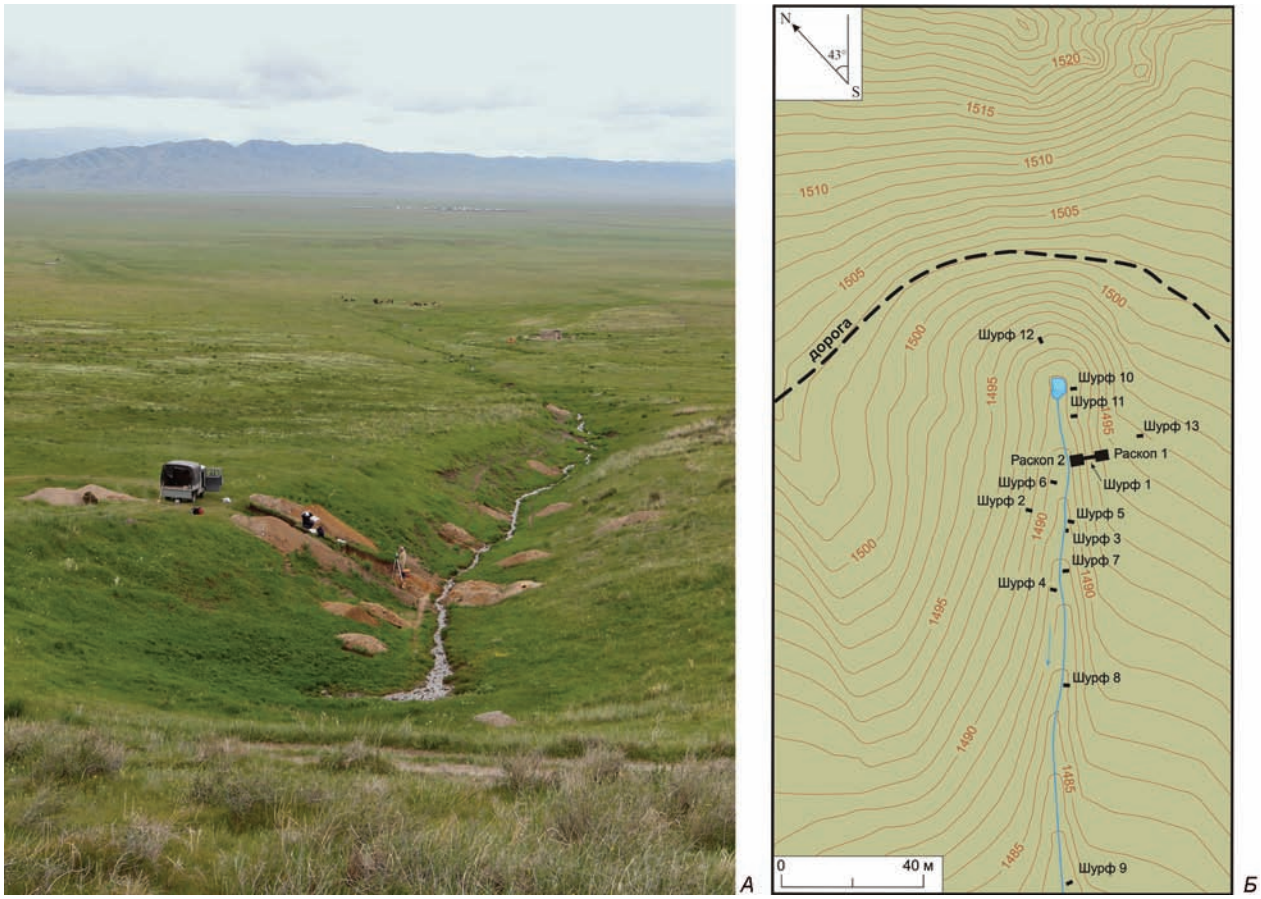

Рис. 1. Вид на стоянку Ушбулак с северо-востока (*А*) и план памятника (*Б*).

нистые серо-палевые, с многочисленными включениями мелкого острогранного щебня и редкой мелкой гальки. Пески хорошо отмыты и сортированы. Обломочный материал ориентирован преимущественно хаотически, что свидетельствует об интенсивной и быстрой аккумуляции во время формирования аллювиальной пачки. Заполнитель очень активно реагирует с HCl, что в отложениях других разрезов долины руч. Восточный характерно для относительно молодых осадков. Нижняя граница слоя четкая, эрозионного типа, без выраженной щебнистой отмостки. Мощность – 0,4–0,5 м.

Слой 3. Пачка суглинков легких, палево-охристых, с прослоями и линзами супесей одресвяненных, палево-серых и песков желто-охристых, мелкозернистых, оглиненных и крупнозернистых, одресвяненных. Щебнистые включения единичны. Отложения практически не реагируют с HCl. В прикровельной и средней частях слой залегает с заметным, 3–7°, падением на запад, что не совпадает с направлением современной долины. В нижней части слоя осадок представлен суглинками средними и тяжелыми, охристо-палевыми с участками вторичного ожелезнения. По составу заполнителя, характерным включениям и азимуту падения описанная толща близка к осадку слоя 6 в раскопе 2. Возможно, они составляли единое геологическое тело, к настоящему времени рассеченное и частично перемытое современным ручьем. Мощность – 0,45–0,55 м.

Слой 4. Пачка щебнисто-дресвянистых отложений с заполнителем порового типа. Щебень преимущественно мелкий, острогранный, но выветрелый, ориентирован согласно простиранию слоя. Заполнитель верхней части слоя (мощностью 0,2–0,3 м) представлен преимущественно супесями и оглиненными песками коричневого и темно-коричневого цвета. Заполнитель нижней части слоя представлен суглинками темно-коричневыми с красноватым оттенком. Возможно, отложения слоя 4 являются хроностратиграфическим аналогом отложений слоя 7 (?) и верхней части слоя 8 в раскопе 2. Видимая мощность – до 0,6 м.

Основная концентрация археологического материала в шурфе выявлена в слое 2, где он залегает хаотично, нередко имея вертикальную ориентацию по длинной оси. Сравнение составов аллювия ручья и заполнителя слоя показывает, что в последнем преобладают гранитная дресва и минеральные

агрегаты разрушившихся гранитоидов, при отсутствии щебня крупнозернистых гранитов в отложениях современного водотока. Это свидетельствует о перемыве древнего осадка, в котором гранитные разности успели полностью сапролитизироваться. Учитывая, что нижняя граница сероцветного аллювия находится на 30 см ниже современного уреза ручья, а верхняя – на 15 см выше, можно предположить, что слой 2 – это относительно молодые (голоценовые?) осадки русловой фации водотока, меандрирующего в днище современной долины в пределах полосы шириной до 3 м, на гипсометрическом уровне, близком современному.

Общее количество артефактов, найденных в ходе раскопок в пределах шурфа 6, составляет 472 экз. Около 90 % из них залегало в слое 2, остальные – в слое 3, тяготея к его верхней части. В слое 4 обнаружено несколько сколов. Анализ стратиграфической ситуации в шурфе позволяет утверждать, что весь материал представляет собой единый индустриальный комплекс, соответствующий нижним культуросодержащим слоям 6–7 в раскопе 2. В связи с этим, каменная индустрия из шурфа 6 рассматривается единой коллекцией:

Категории/группы	Кол-во	%
Нуклевидные	**7**	***1,5***
Нуклеусы	5	*1,1*
Нуклевидные обломки	1	*0,2*
Гальки/блоки со сколами	1	*0,2*
Технические сколы	**67**	***14,2***
Первичные	7	*1,5*
Вторичные	8	*1,7*
Подправки дуги скалывания	1	*0,2*
Подправки фронта	6	*1,3*
Реберчатые	1	*0,2*
Полуреберчатые	23	*4,9*
Краевые	21	*4,45*
Пластины	**117**	***24,8***
Ширина 40–59 мм	10	*2,1*
Ширина 20–39 мм	66	*14,0*
Ширина 12–19 мм	41	*8,7*
Пластинки и микропластины	**6**	***1,3***
Пластинчатые отщепы	**17**	***3,6***
Крупные (длина ≥50 мм)	7	*1,5*
Средние (длина 30–49 мм)	7	*1,5*
Мелкие (длина ≤29 мм)	3	*0,6*
Отщепы	**139**	***29,4***
Крупные (длина ≥50 мм)	12	*2,5*
Средние (длина 30–49 мм)	57	*12,1*
Мелкие (длина ≤29 мм)	70	*14,8*
Обломки, осколки	**119**	**25,2**
Всего:	**472**	***100***

Нуклевидные формы (7 экз.) включают два одноплощадочных однофронтальных широкофронтальных ядрища для пластин, небольшое торцовое одноплощадочное однофронтальное ядрище для мелких пластинок (рис. 2, *4*), два нуклеуса-резца (рис. 2, *2, 3*), а также нуклевидный обломок и блок сырья со сколами апробации. В первичном расщеплении приоритетными заготовками являлись пластины. Это подтверждается как составом нуклевидных форм, так и соотношением основных категорий сколов.

Отщепы составляют ок. 40 % всех сколов, около половины их имеют размеры менее 3 см. Состав нуклеусов и характер заготовок изделий с вторичной обработкой позволяет утверждать, что отщепы в данной индустрии не являлись целевым продуктом. Среди технических сколов большую часть также составляют изделия пластинчатых пропорций.

Орудийный набор малочислен (9 экз.), однако в его состав входят несколько выразительных предметов, таких как изделие с подтеской основания (рис. 2, *5*) и концевые скребки (три на пластинах (рис. 2, *1*), один на отщепе). Кроме них, в коллекции есть три пластины с нерегулярной ретушью и недиагностируемый фрагмент орудия.

Остеологического материала в шурфе 6 не обнаружено, что может служить косвенным подтверждением перемыва отложений, составляющих основной культуросодержащий слой 2.

Шурф 7 (1,5 × 1 м) заложен на левом борту долины руч. Восточный Ушбулак, в 28 м ниже по течению от юго-западной стенки раскопа 2. Пройден на глубину 2,6 м.

Шурф 8 (1,5 × 1 м) заложен на левом борту долины руч. Восточный Ушбулак, в 40 м ниже по течению от юго-западной стенки раскопа 2. Пройден на глубину 2,1 м.

Шурф 9 (1,5 × 1 м) заложен на левом борту долины руч. Восточный Ушбулак, в 100 м ниже по течению от юго-западной стенки раскопа 2. Пройден на глубину 3,2 м.

Стратиграфическая ситуация на шурфах 7–9 не представляет возможности для прямой корреляции с таковой в раскопе 2 и шурфах, расположенных выше по течению. Артефакты в них единичны, не образуют скоплений, тяготеют к средней части разрезов (глубины 0,6–1,2 м) и связаны с толщей палево-серых суглинков легких и средних, с прослоями и линзами одресвяненных супесей, возможно являющихся хроностратиграфическим аналогом слоя 6 в раскопе 2.

Археологические коллекции из шурфов 7–9 малочисленны и представлены 21 артефактом (шурф 7 – 11 экз., шурф 8 – 5 экз., шурф 9 – 5 экз.). Фаунистических остатков в этих шурфах не обнаружено. В коллекции есть один торцовый одноплощадочный однофронтальный нуклеус для мелких пластин, оформленный на тонкой плитке (шурф 8).

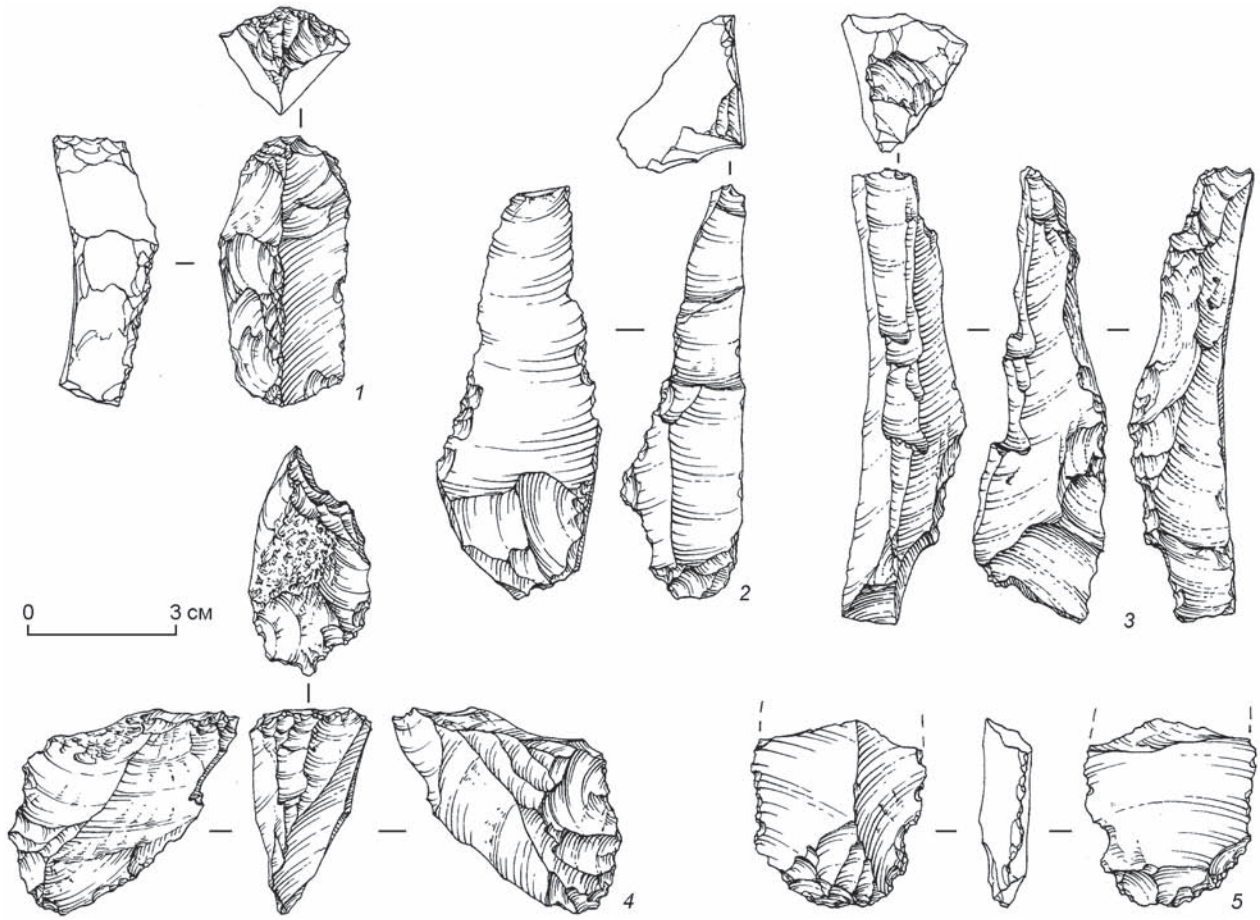

Рис. 2. Каменные артефакты из шурфа 6 стоянки Ушбулак (рисунки А.В. Абдульмановой).
1 – концевой скребок; *2, 3* – нуклеусы-резцы; *4* – нуклеус; *5* – изделие с подтеской основания.

Большинство сколов составляют крупные и средние отщепы (8 экз.), а также вторичные укороченные сколы (3 экз.). Есть также одна пластина, три пластинчатых отщепа, небольшой обломок и мелкий фрагмент отщепа.

Данные шурфы, скорее всего, так же как и шурф 4 [Анойкин и др., 2018], находятся за пределами основной концентрации археологических материалов, связанных с отложениями слоев 6–7 (в стратиграфическом разрезе раскопа 2), и маркируют южную и юго-западную границу стоянки.

Выше по течению ручья от раскопа 2 были заложены шурфы 10–12.

Шурф 10 (1,5 × 1 м) расположен в нижней части склона левого борта долины руч. Восточный в 15 м выше по течению от северо-восточной стенки раскопа 2, примерно в 5 м ниже истока водотока. Пройден на глубину до 0,8 м (уровень грунтовых вод). В основании полученного разреза залегает пачка хаотично ориентированных крупнощебнистых отложений с супесчано-суглинистым заполнителем порового типа. Данные отложения, скорее всего, являются фациальным аналогом слоя 8 в раскопе 2. Эти отложения перекрыты маломощной (0,2–0,3 м), редуцированной склоновой денудацией пачкой линзовидных прослоев песков оглиненных, супесей и суглинков легких, палево-охристых, палевых и белесо-палевых цветов, предположительно соответствующих нижней части слоя 7 (7.3 (?)) в раскопе 2. Данная интерпретация может служить объяснением отсутствия в шурфе артефактов, т.к. слои 7.3 и 8 в раскопе 2 являются археологически стерильными. Венчает разрез почвенно-растительный горизонт, вовлеченный в склоновое смещение и частично срезающий подстилающие отложения. Мощность – до 0,2 м.

Шурф 12 (1,5 × 1 м) заложен в 30 м выше по течению от юго-восточной стенки раскопа 2 и в 10 м к северу от истока руч. Восточный, в склоне окружающей его воронки. На глубине ок. 0,5 м, непосредственно под почвенно-растительным горизонтом, были вскрыты выходы лейкократовых (светло-серых) крупнозернистых гранитов в виде трещиноватой разборной скалы, подвергшейся сильной сапролитизации. Таким образом, шурфом 12 определено положение тек-

тонического контакта, по которому происходит – и, вероятно, постоянно происходила – разгрузка трещинно-жильных вод, дающих начало руч. Восточный.

Формирование содержащих археологические находки отложений и их последующая сохранность обусловлены динамикой процессов заполнения лога водотока осадками и их последующего выноса. Особенностью аккумулятивной толщи, заполняющей долину ручья, является поступление вещества из разных источников, включая переносимое водным потоком, поступающее с ближайших склонов и поставляемое соседними логами. Баланс между количеством поступающего и выносимого из русла материала, пространственное положение русла водотока контролировали темпы заполнения долины и особенности ее микроландшафта. Именно ландшафт днища долины определял выбор человеком конкретного места расположения стоянки. При этом, учитывая приуроченность истока ручья к зоне тектонического контакта гранитной интрузии с вмещающими отложениями, его расположение, скорее всего, было относительно постоянным. Однако положение русла не оставалось стабильным во времени и неоднократно менялось в ходе меандрирования водотока.

Наиболее древними отложениями, содержащими археологический материал, являются щебнисто-супесчаные осадки слоя 7 (раскоп 2). Они вскрыты преимущественно в основании днища долины, ниже уровня современного вреза водотока. Их отличительной особенностью является высокая (до 20 %) насыщенность петрографическими разностями, не характерными для современного водосбора руч. Восточный, но распространенными в приводораздельной зоне хр. Саур. Это связано с перемывом более древних осадков, отложившихся на предыдущем этапе развития эрозионной сети до перестройки ее структурного плана.

Основным культуросодержащим литологическим телом является слой 6 (раскоп 2). Содержание находок неравномерно и преимущественно они приурочены к отложениям, сформированным в наиболее динамичных в гидрологическом отношении условиях. Пространственное распространение русловых фаций аллювия полностью контролировалось положением русла ручья, которое, по имеющимся данным, мигрировало между бортами долины в пределах полосы шириной ок. 3–4 м. В силу предполагаемой выровненности рельефа и общей переувлажненности днища долины, количество пригодных для проживания участков было ограничено узкой прирусловой полосой, что предопределило высокую концентрацию находок в этой зоне.

Активизация поступления мелкоземистого материала из малых ложбин и распадков, примыкающих к верхней части водосбора долины руч. Восточный, отразилась в формировании мощной пачки обогащенных включениями щебня и дресвы пролювиально-склоновых отложений слоев 5 и 4. Поскольку большая часть логов причленяется к долине Восточного со стороны левого борта, это вызвало направленное смещение русла ручья преимущественно к правому борту долины. Данный участок на большем своем протяжении унаследован современным эрозионным врезом. Это объясняет, почему русловые и прирусловые фации руч. Восточный, соответствующие слоям 5, 4 и более молодым, по большей части уничтожены и не представлены в разрезах большинства шурфов.

Отложения верхней части разреза отражают усиление пролювиально-склоновой деятельности в обстановке интенсивного физического выветривания коренных пород, что очень близко к современным условиям. Наблюдения за текущими рельефообразующими процессами позволяют с высокой достоверностью экстраполировать характер их протекания на время формирования слоя 3 и более молодых отложений.

Полученные наблюдения, включая данные работ на раскопе 2, позволяют сделать следующие выводы.

1. Основная концентрация археологического материала наблюдается в верхнем течении руч. Восточный на протяжении 35–40 м вдоль его русла, начинаясь примерно в 7–8 м от истока. Это связано как с относительно стабильным положением истока ручья, так и с быстрым нарастанием мощности глинистых осадков слоя 6 вниз по долине, свидетельствующих, очевидно, о заболоченности ландшафтов в нижнем течении ручья.

2. *In situ* археологические материалы в слоях 6–7 (раскоп 2) и в их хроностратиграфических аналогах находятся только на левом борту ручья, что обусловлено историей развития его долины и изменениями русла, как при меандрировании, так и при общем смещении.

3. Ширина участка концентрации археологического материала в восточном направлении (перпендикулярно оси ручья) составляет на участке раскопа 2 ок. 4 м. Таким образом, предполагаемая площадь стоянки, сохранившаяся *in situ*, может составлять ~150 м^2.

4. В средней и нижней частях долины ручья концентрацию артефактов можно ожидать в непосредственной близости от места положения его палеорусла. Есть основания предполагать, что до начала этапа активизации пролювиальной аккумуляции, соответствующего осадкам слоя 5 и ранее, во время формирования слоя 6 палеорусло располагалось

в центральной части лога, т.е. несколько восточнее его современного положения.

5. Активное поступление пролювия из притоков по левому борту долины вызвало направленное смещение палеорусла в противоположном направлении. Это положение русла унаследовано современным врезом, что, вероятнее всего, уничтожило в этой зоне (правый борт в верхнем течении) большую часть осадков, соответствующих этапам формирования слоев 5–2 (раскоп 2).

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.В. Абдульмановой за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Работы выполнены в рамках программы НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Козликин М.Б., Ульянов В.А., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Павленок Г.Д., Чеха А.М., Шалагина А.В., Шуньков М.В. Исследования палеолитических объектов Шиликтинской котловины в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 13–17.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Козликин М.Б., Марковский Г.И., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т. Археологические работы в Шиликтинской долине на востоке Казахстана в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII, № 1. – С. 93–98.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 208–213.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // Antiquity Project Gallery. – 2017. – Iss. 91 (360). – P. 1–7.

References

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Kozlikin M.B., Ulyanov V.A., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Pavlenok G.D., Chekha A.M., Shalagina A.V., Shunkov M.V. The 2018 archaeological studies of Palaeolithic sites in the Shilikty basin. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 13–17 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulyanov V.A., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Markovskii G.I., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T. The 2017 archaeological study in the Shilikty valley in the East Kazakhstan region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 93–98 (in Russ.).

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia. *Antiquity Project Gallery*, 2017, iss. 91 (360), pp. 1–7.

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. New multistratified Upper Paleolithic site Ushbulak-1 in Eastern Kazakhstan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 208–213 (in Russ.).

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Ульянов В.А. https://orcid.org/0000-0002-7798-0399
Харевич М.В. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600
Дуванбеков Р.С. https://orcid.org/0000-0002-7596-8222
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.026-035
УДК 902.01

А.А. Анойкин[1, 2], В.М. Харевич[1], Г.Д. Павленок[1], Е.Н. Бочарова[1, 2], Г.И. Марковский[1], С.А. Гладышев[1], В.А. Ульянов[3], А.В. Кандыба[1], Ж.К. Таймагамбетов[4], Г.Т. Искаков[5], Р.С. Дуванбеков[4], М.В. Шуньков[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Московский государственный университет
Москва, Россия
[4]Национальный музей Республики Казахстан
Нур-Султан, Казахстан
[5]Казахский государственный историко-культурный музей-заповедник «Азрет Султан»
Туркестан, Казахстан
E-mail: anui1@yandex.ru

Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2019 году

В статье представлены результаты дальнейшего исследования комплексов начального верхнего палеолита многослойной стоянки Ушбулак, проводившегося Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом в 2019 г. Основные работы велись на двух участках: раскоп 2 (3 м^2) и шурф 11 (2 м^2). В статье приводятся информация по стратиграфии раскопанных участков, данные об остеологических материалах из раскопа 2, результаты технико-типологического анализа полученных в 2019 г. археологических материалов, а также их культурно-хронологическая интерпретация. Всего в ходе работ было получено 2 307 артефактов из слоев 5.2–7 в раскопе 2 и 535 артефактов из шурфа 11. Коллекция фауны составила 91 экз. зубов, костей и их фрагментов, включая девять определимых (каббалоидная лошадь и бизон/тур). Геоморфологическая ситуация на стоянке и стратиграфия полученных разрезов позволили сопоставить культуросодержащие отложения шурфа 11 со слоями 6 и 7 раскопа 2, индустрии которых относятся к начальному верхнему палеолиту. Первичное расщепление ориентировано на получение пластинчатых заготовок в рамках параллельной объемной бипродольной техники. Присутствуют свидетельства использования торцовой мелкопластинчатой техники. В орудийном наборе основной категорией являются концевые скребки на пластинах. Есть угловые резцы, проколки, тронкированные сколы, однолезвийные скребла и выемчатые ретушированные орудия. Важным элементом является серия изделий-маркеров – изделия с выделенным черешком, включая остроконечник, скошенное острие, нуклеусы-резцы. Археологические материалы из слоев 5.2–7, полученные в ходе работ 2019 г., подтверждают предположение о принадлежности данных комплексов к кругу индустрий начального верхнего палеолита Южной Сибири и Монголии. Также установлено, что наиболее близкие аналогии эти комплексы имеют с материалами горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом в Российском Алтае.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, начальный верхний палеолит, многослойная стоянка, каменная индустрия, пластинчатое расщепление, орудия-маркеры.*

Anton A. Anoikin[1, 2], Vladimir M. Kharevich[1], Galina D. Pavlenok[1], Ekaterina N. Bocharova[1, 2], Grigorii I. Markovsky[1], Sergei A. Gladyshev[1], Vladimir A. Ulianov[3], Alexander V. Kandyba[1], Zhaken K. Taimagambetov[4], Gani T. Iskakov[5], Ruslan S. Duvanbekov[4], Michael V. Shunkov[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

[3]*Lomonosov Moscow State University,*
Moscow, Russia
[4]*National Museum of the Republic of Kazakhstan,*
Nur-Sultan, Kazakhstan
[5]*Kazakh State Historical-Cultural Reserves-Museum "Azret Sultan",*
Turkestan, Kazakhstan
E-mail: anui1@yandex.ru

Investigation of the Initial Upper Paleolithic Industries at the Ushbulak Site, Eastern Kazakhstan, in 2019

The article discusses further results of research into Initial Upper Paleolithic complexes at the multi-level Ushbulak site, conducted by the East Kazakhstan Paleolithic Team in 2019. The excavation focused on two locations – unit 2 (3 m^2) and test pit 11 (2 m^2). Information on the stratigraphy of the excavated units, data on paleontological remains from unit 2, results of the technical and typological analysis of the archaeological evidence obtained in 2019 along with their cultural and chronological interpretation, are presented. In total, 2307 artifacts have been found in levels 5.2–7 (unit 2), and 535 artifacts have been found in test pit 11. Faunal collection consists of 91 teeth, bones, and their fragments including 9 identifiable remains (Equus sp., Bos primigenius). Geomorphological situation at the site and stratigraphy of the profiles have made it possible to compare the cultural levels in test pit 11 with levels 6 and 7 in unit 2 containing the industries of the Initial Upper Paleolithic. Primary reduction was intended for producing blade blanks following parallel volumetric bidirectional method. There were some indications of small blade narrow-faced method of reduction. The leading category of the tool assemblage was end-scrapers on blades, accompanied by burins, piercing tools, truncated spalls, single-edged side-scrapers, and notched artifacts with retouching. The series of "marker" tools – stemmed tools including a point, beveled point, and core-burins, were of special interest. Archaeological evidence from levels 5.2–7, obtained during the field work of 2019, confirms the suggestion that these complexes belong to the group of industries of the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Mongolia. The closest parallels to these complexes occur in horizon UP2 at Kara-Bom site in the Russian Altai Mountains.

Keywords: *Eastern Kazakhstan, Initial Upper Paleolithic, multi-layered site, lithic industry, blade knapping technology, "marker" tools.*

В полевом сезоне 2019 г. Восточно-Казахстанским палеолитическим отрядом были продолжены исследования многослойной стоянки Ушбулак, расположенной в Шиликтинской долине на северо-востоке Казахстана. Памятник изучался на нескольких раскопочных участках (см. статью А.А. Анойкина и др. «Рекогносцировочные археологические работы на стоянке Ушбулак…» в данном сборнике). В настоящей статье представлены результаты изучения нижней пачки культурных отложений (слои 5–7), вскрытых раскопом 2 и шурфом 11.

Раскоп 2, площадью 9 м^2 заложен в нижней части склона левого борта родника Восточный и раскапывался в 2017–2018 гг. [Анойкин и др., 2017, 2018]. В 2019 г. к его юго-восточной стенке была сделана прирезка 3 × 1 м, вскрывшая отложения слоев 5.2–7, археологический материал из которых соответствует начальным этапам верхнего палеолита. Максимальная глубина раскопа составила 4 м от дневной поверхности. В результате работ был получен стратиграфический разрез рыхлых отложений нижней части склона, наиболее полно представленных на юго-восточной стенке раскопа (рис. 1). В связи с тем, что была выполнена прирезка по склону, в полученном разрезе представлены не все стратиграфические подразделения, ранее выделенные на памятнике [Shunkov et al., 2017].

Ниже приведено описание слоев, присутствующих в итоговом стратиграфическом разрезе (рис. 1).

В целом полученный разрез хорошо соотносится со стратиграфическим профилем, полученным при раскопках 2017–2018 гг. [Анойкин и др., 2018], однако в структуре слоев были выявлены некоторые изменения.

Слой 1. Современные почвенные отложения, мощностью до 0,3 м.

Под слоем 1 залегают склоновые отложения, представляющие собой переотложенные и смешанные пески и супеси верхней части слоя 4. Мощность склоновых отложений – до 0,5 м.

Слой 4. Пески разнозернистые и супеси алевритистые ржаво-охристого цвета, плохо отмытые, слабо сцементированные, умеренно насыщенные мелкощебнисто-дресвянистым материалом. Мощность – 0,2–0,3 м.

Слой 5. Супеси тяжелые, обильно насыщенные дресвой, светло-серые, умеренно сцементированные, не карбонатные. Нижняя граница слоя

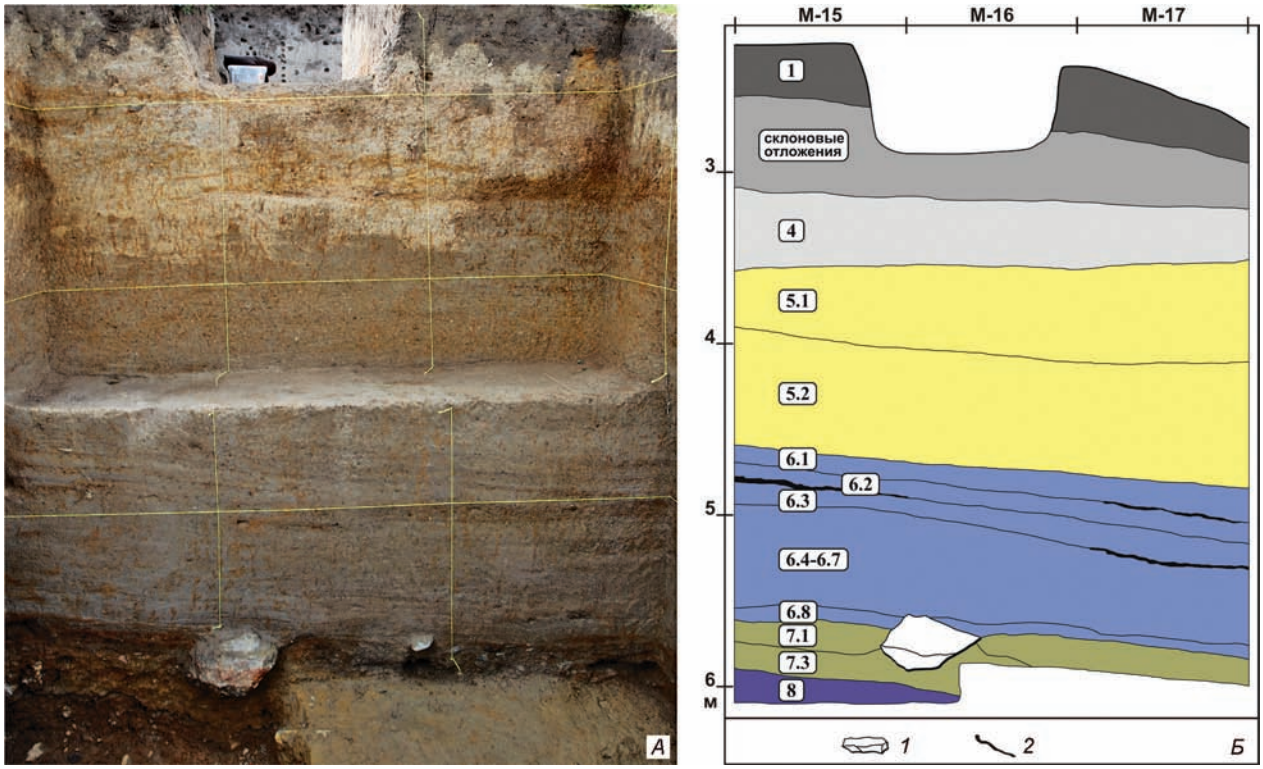

Рис. 1. Вид (*А*) и стратиграфический разрез (*Б*) юго-восточной стенки раскопа 2 стоянки Ушбулак.
1 – камни; *2* – гумусированные прослои.

нечеткая, условно проводится по кровле тонких темноцветных прослоев гумусированных суглинков. Нижняя часть слоя (5.2) более глинистая. Характерное отличие от подстилающих отложений – высокая цементация. Мощность слоя – 0,9–1,1 м.

Слой 6. Включает в себя 8 стратиграфических подразделений, которые связаны с горизонтами залегания археологического материала. Верхняя часть слоя (6.1–6.3) представляет собой переслаивающуюся пачку суглинков легких, серых с палевым оттенком, разделенную нечетко выраженными тонкими гумусированными линзами. Средняя часть слоя 6 (6.4–6.7) представлена гомогенной толщей суглинков тяжелых, алевритистых, насыщенного серого цвета, с равномерно рассеянными коричневато-охристыми пятнами вторичного ожелезнения. В нижней части (6.8) слой представлен чередованием прослоев алевритистых серых и охристо-серых суглинков и деформированными линзовидными прослоями серо-коричневых и красно-коричневых песков и супесей.

По сравнению с предыдущими годами слой 6 в средней части отличается сильной однородностью, отсутствием четко выраженных коричнево-черных прослоев гумусированных супесей, увеличением оглиненности осадка, а также резким снижением количества артефактов. В подошве слоя наблюдается общее усиление опесчаненности осадка. Мощность слоя – 0,9–1,0 м.

Слой 7. Сложно построенная пачка щебнисто-дресвянистых отложений. Заполнитель – линзы и прослои желтых, коричневых и охристых песков, супесей и суглинков. Состоит из трех возрастных генераций осадков с близким вещественным составом (7.1–7.3). Характер залегания позволяет предполагать их последовательное вложение друг в друга, сопровождавшееся частичным размывом отложений более древних генераций. В процессе продвижения раскопа вглубь склона слой 7.2 выклинился за счет срезания слоем 7.1. Из новообразований в приподошвенной части слоя отмечено развитие вторичного (наложенного) омарганцевания. Мощность зон Fe-Mn цементации достигает 2 см, при этом на некоторых участках они располагаются субвертикально. Общая мощность слоя – 0,2–0,3 м.

Слой 8. Щебнисто-дресвянистая толща с легкосуглинистым заполнителем порового типа. Обломочный материал преимущественно мелко- и среднещебнистый с редкими включениями сильнотрещиноватых глыб. Заполнитель – суглинок алевритистый легкий (до среднего), во влажном состоянии очень пластичный, преимущественно коричневого и светло-коричневого цвета с легким красноватым оттенком. Характерно интенсивное

развитие Fe-Mn новообразований в виде сильно деформированных прослоев мощной (до 2 см) зоны цементации матово-черного цвета. Вскрытая мощность – до 0,6 м.

В ходе работ археологический материал был зафиксирован в нижней части слоя 5 (5.2) и в слоях 6 и 7 (кроме 7.3).

Общее количество археологического материала, полученного из слоев 5.2–7, составило 2 307 артефактов. Из них 1 803 экз. получены в результате промывки рыхлых отложений и представлены отходами производства и мелкими сколами. Археологический материал из всех слоев выглядит достаточно однородным, а соотношение основных категорий изделий (табл. 1) в целом соответствует ранее зафиксированным в этих слоях.

В первичном расщеплении приоритетными заготовками являлись пластины. Это подтверждается как составом нуклевидных форм в коллекции, все ядрища в которой использовались для получения удлиненных заготовок, так и преобладанием пластин среди целевых сколов и орудийных заготовок. Всего присутствует пять разновидностей нуклевидных изделий, не считая нуклевидных обломков (табл. 2). Основная часть пластин получена с двуплощадочных, реже одноплощадочных, широкофронтальных нуклеусов в рамках реализации параллельного объемного встречного скалывания (рис. 2, *8*) (табл. 2). Торцовое расщепление использовалось значительно реже (в коллекции есть только одно узкофронтальное ядрище) и, как правило, только для производства небольших пластин. Примечательным моментом является присутствие среди нуклеусов одного изделия для получения мелких пластинок, метрически близких микропластинам (рис. 2, *6*; 3, *4*). Ранее оформленных ядрищ такого типа в нижних слоях памятника зафиксировано не было, хотя там присутствовали единичные пластинчатые сколы, морфология которых позволяет относить их к микропластинам. Поскольку все они не имели вторичной обработки, то рассматривались как продукты, связанные с утилизацией нуклеусов-резцов (рис. 3, *5*), или как случайные сколы с небольших нуклеусов в финальной стадии утилизации. Наличие в коллекции специально подготовленного ядрища для их производства позволяет предположить, что микропластины являлись целевым, хотя и не массовым, продуктом в данной индустрии.

Отщепы составляют ок. 40 % среди всех категорий изделий, более половины из них имеют размеры менее 3 см. Состав нуклеусов и характер сколов с вторичной обработкой позволяют говорить, что отщепы в данной индустрии не являлись целевыми заготовками (см. табл. 1). Их основная масса, видимо, представляет собой разные типы технических сколов (разжелвачивания, краевые, полуреберчатые, оформления и подправки ударных площадок), а также неудачные снятия. Доля отщепов среди сколов разжелвачивания значительно выше, чем пластин, что также свидетельствует об их техническом характере.

В категории технических сколов наиболее массовыми являются реберчатые и полуреберчатые пластины, первичные и вторичные сколы, а также сколы оформления ударных площадок.

Значительную часть орудийного набора (ок. 1/4) составляют сколы с нерегулярной или слабо организованной ретушью. Среди типологически выраженных орудий больше половины составляют концевые скребки на пластинах (см. рис. 2, *3*; 3, *2, 6*). Остальные орудия, в основном верхнепалеолитической группы, представлены одним–двумя экземплярами (см. рис. 2, *1, 2, 4, 5*) (табл. 3). Наиболее яркой категорией являются изделия с оформлением черешка/насада в проксимальной части заготовки (рис. 2, *7*). Данный элемент имеет различную степень интенсивности оформления, в основном дорсальной или противолежащей притупляющей модифицирующей многорядной ретушью, захватывающей несколько первых сантиметров по протяженности краев.

Помимо каменных артефактов в ходе работ была получена коллекция остеологических материалов (91 экз.). Кости плохой сохранности, преобладают мелкие обломки размерами до 5 см. Определимые остатки представлены целыми зубами и их фрагментами: пять обломков зубов лошади *Equus* sp., зуб нижней челюсти P_2 крупной кабаллоидной лошади *Equus ferus* и два обломка зуба бизона/тура *Bos/Bison* sp. (определение канд. биол. наук С.К. Васильева). Видовой состав животных соответствует выявленному ранее в слоях 6–7.

Шурф 11 (2 × 1 м) расположен по левому борту руч. Восточный у тылового шва днища долины, приблизительно в 10 м выше по течению от северо-восточной стенки раскопа 2. В ходе работ был пройден на глубину до 1 м (уровень грунтовых вод), в его стратиграфическом разрезе выделены четыре литологических подразделения (сверху вниз).

Слой 1. Почвенно-растительный слой. Мощность – до 0,2 м.

Слой 2. Суглинки светло-палевые и охристо-палевые, алевритистые, умеренно одресвяненные. Вовлечены в склоновое смещение. Нижняя граница нечеткая. Мощность – 0,2–0,3 м. Предположительно, является аналогом слоя 5.2 в раскопе 2.

Слой 3. Супеси серые и темно-серые, сильно одресвяненные и опесчаненные. Нижняя граница слоя ровная, подчеркивается маломощным (~3 см)

Таблица 1. **Состав каменной индустрии из раскопа 2 и шурфа 11 стоянки Ушбулак**

Категории/группы	Раскоп 2							Шурф 11						Итого	
	Слой 5.2	Слой 6		Слой 7		Всего		Слой 6		Слой 7		Всего			
	Кол-во	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%
Нуклевидные	1	1	***0,1***	**9**	***0,9***	**11**	***0,5***	**3**	***0,9***	–	–	**3**	***0,6***	**14**	***0,5***
Нуклеусы	–	1	*0,1*	7	*0,7*	8	*0,3*	2	*0,6*	–	–	2	*0,4*	10	*0,4*
Нуклевидные обломки	1	–	–	2	*0,2*	3	*0,1*	–	–	–	–	–	–	3	*0,1*
Гальки/блоки со сколами	–	–	–	–	–	–	–	1	*0,3*	–	–	1	*0,2*	1	0,04
Технические сколы	**4**	**14**	***1,1***	**33**	***3,4***	**51**	***2,2***	**5**	***1,5***	**3**	***1,5***	**8**	***1,5***	**59**	***2,1***
Первичные	1	4	*0,3*	4	*0,4*	9	*0,4*	1	*0,3*	–	–	1	*0,2*	10	*0,4*
Вторичные	2	3	*0,2*	9	*0,9*	14	*0,6*	1	*0,3*	2	*1,0*	3	*0,6*	17	*0,6*
Подправки дуги скалывания	–	1	*0,1*	6	*0,6*	7	*0,3*	–	–	1	*0,5*	1	*0,2*	8	*0,3*
Подправки фронта	1	–	–	–	–	1	*0,04*	–	–	–	–	–	–	1	0,04
Реберчатые	–	1	*0,1*	1	*0,1*	2	*0,1*	–	–	–	–	–	–	2	*0,1*
Полуреберчатые	–	5	*0,4*	12	*1,2*	17	*0,7*	–	–	–	–	–	–	17	*0,6*
Краевые	–	–	–	1	*0,1*	1	*0,04*	–	–	–	–	–	–	1	*0,04*
Пластины	**3**	**134**	***10,1***	**158**	***16,3***	**295**	***12,8***	**101**	***29,8***	**42**	***21,4***	**143**	***26,7***	**438**	***15,4***
Ширина ≥60 мм	**–**	–	–	2	*0,2*	2	*0,1*	–	–	–	–	–	–	2	0,1
Ширина 40–59 мм	–	6	*0,5*	13	*1,3*	19	*0,8*	3	*0,9*	3	*1,5*	6	*1,1*	25	*0,9*
Ширина 20–39 мм	–	63	*4,8*	94	*9,7*	157	*6,8*	64	*18,9*	24	*12,2*	88	*16,4*	245	*8,6*
Ширина 12–19 мм	3	65	*4,9*	49	*5,1*	117	*5,1*	34	*10,0*	15	*7,7*	49	*9,2*	166	*5,8*
Пластинки и микропластинки	**–**	**25**	***1,9***	**42**	***4,3***	**67**	***2,9***	**3**	***0,9***	**4**	***2,0***	**7**	***1,3***	**74**	***2,6***
Пластинчатые отщепы	**1**	**40**	***3,0***	**33**	***3,4***	**74**	***3,2***	**28**	***8,3***	**13**	***6,6***	**41**	***7,7***	**115**	4,0
Крупные (длина ≥50 мм)	1	10	*0,8*	13	*1,3*	24	*1,0*	6	*1,8*	3	*1,5*	9	*1,7*	33	*1,2*
Средние (длина 30–49 мм)	–	11	*0,8*	14	*1,4*	25	*1,1*	11	*3,2*	6	*3,1*	17	*3,2*	42	*1,5*
Мелкие (длина ≤ 29 мм)	–	19	*1,4*	6	*0,6*	25	*1,1*	11	*3,2*	4	*2,0*	15	*2,8*	40	*1,4*
Отщепы	**4**	**427**	***32,3***	**489**	***50,6***	**920**	***39,9***	**94**	***27,7***	**39**	***19,9***	**133**	***24,9***	**1053**	***37,1***
Крупные (длина ≥50 мм)	1	20	*1,5*	46	*4,8*	67	*2,9*	6	*1,8*	3	*1,5*	9	*1,7*	76	2,7
Средние (длина 30–49 мм)	1	97	*7,3*	214	*22,1*	312	*13,5*	35	*10,3*	21	*10,7*	56	*10,5*	368	*12,9*
Мелкие (длина ≤29 мм)	2	310	*23,4*	229	*23,7*	541	*23,5*	53	*15,6*	15	*7,7*	68	*12,7*	609	*21,4*
Обломки, осколки	–	74	5,6	39	4,0	113	4,9	87	25,7	75	38,3	162	30,3	275	9,7
Чешуйки	3	609	46,0	164	17,0	776	33,6	18	5,3	20	10,2	38	7,1	814	28,6
Всего	**16**	**1324**	***100***	**967**	***100***	**2307**	***100***	**339**	***100***	**196**	***100***	**535**	***100***	**2842**	***100***

Таблица 2. **Состав нуклевидных форм из раскопа 2 и шурфа 11 стоянки Ушбулак**

Группы/типы	Шурф 11	Раскоп 2			Всего
	Слой 6	Слой 5.2	Слой 6	Слой 7	
	Кол-во	Кол-во	Кол-во	Кол-во	Кол-во
Параллельные, с широким фронтом	1	–	1	5	7
одноплощадочные однофронтальные для пластин	–	–	–	2	2
двуплощадочные однофронтальные встречные для пластин	1	–	–	3	4
двуплощадочные однофронтальные встречные для пластин, со смещением площадок	–	–	1	–	1
Нуклеусы-резцы	**1**	–	–	**1**	**2**
Микронуклеусы	–	–	–	**1**	**1**
торцовые двуплощадочные однофронтальные	–	–	–	1	**1**
Нуклевидные обломки	–	1	–	2	3
Гальки/блоки со сколами	**1**	–	–	–	**1**
Всего	3	1	1	10	15

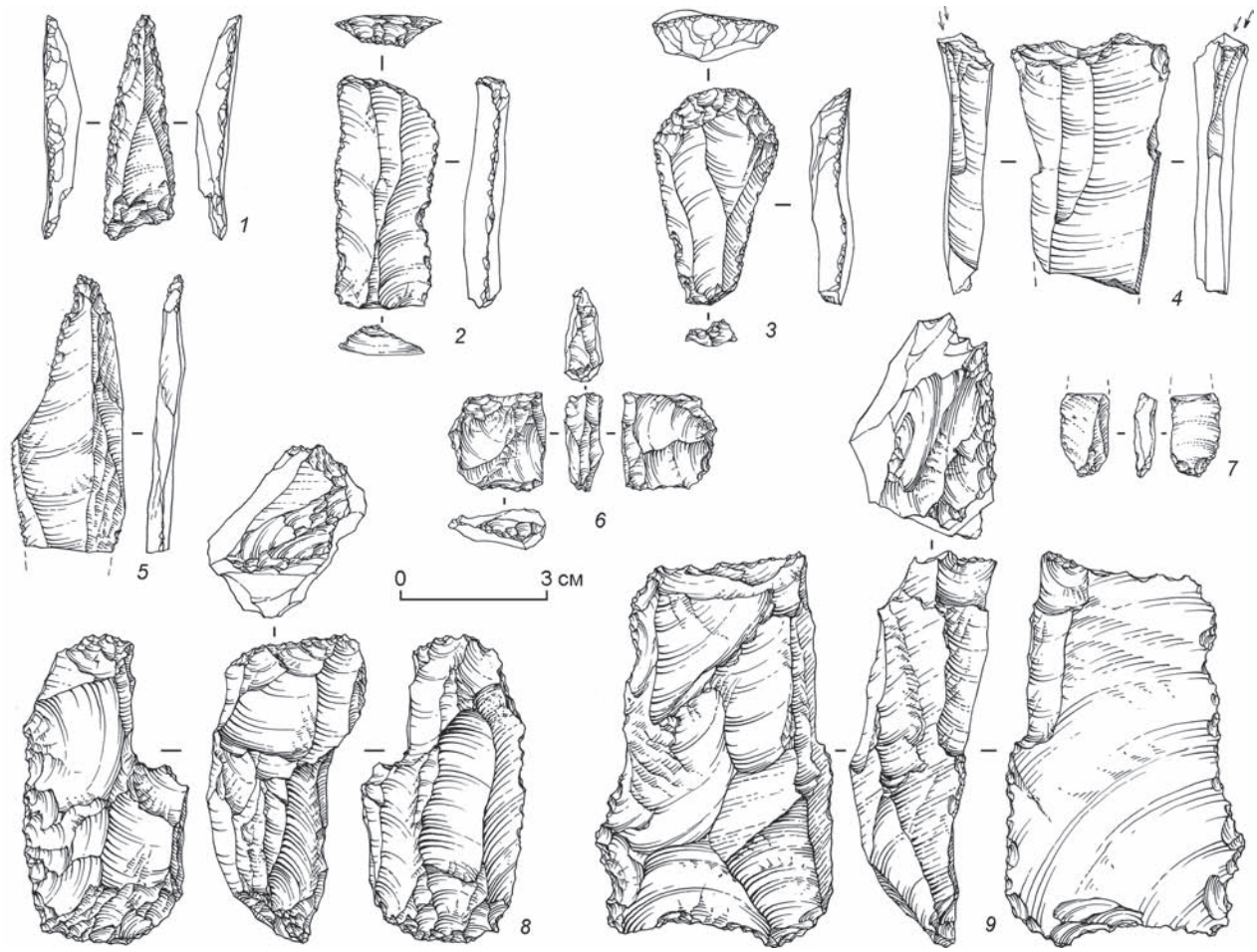

Рис. 2. Каменные артефакты из раскопа 2 стоянки Ушбулак (рисунки А.В. Абдульмановой).

1 – остроконечник с ретушью; *2* – тронкированная пластина; *3* – концевой скребок; *4* – резец; *5* – проколка; *6, 8* – нуклеусы; *7* – изделие с подтеской основания; *9* – нуклеус-резец.

прослоем обогащения крупнозернистым песком интенсивного ржаво-коричневого цвета. Мощность – 0,3–0,4 м. Является стратиграфическим аналогом слоя 6 в раскопе 2, прослой ржаво-коричневых песков в его подошве, предположительно, соответствует слою 6.8.

Слой 4. Щебнисто-дресвянистый горизонт с суглинистым заполнителем. Щебень преимуществен-

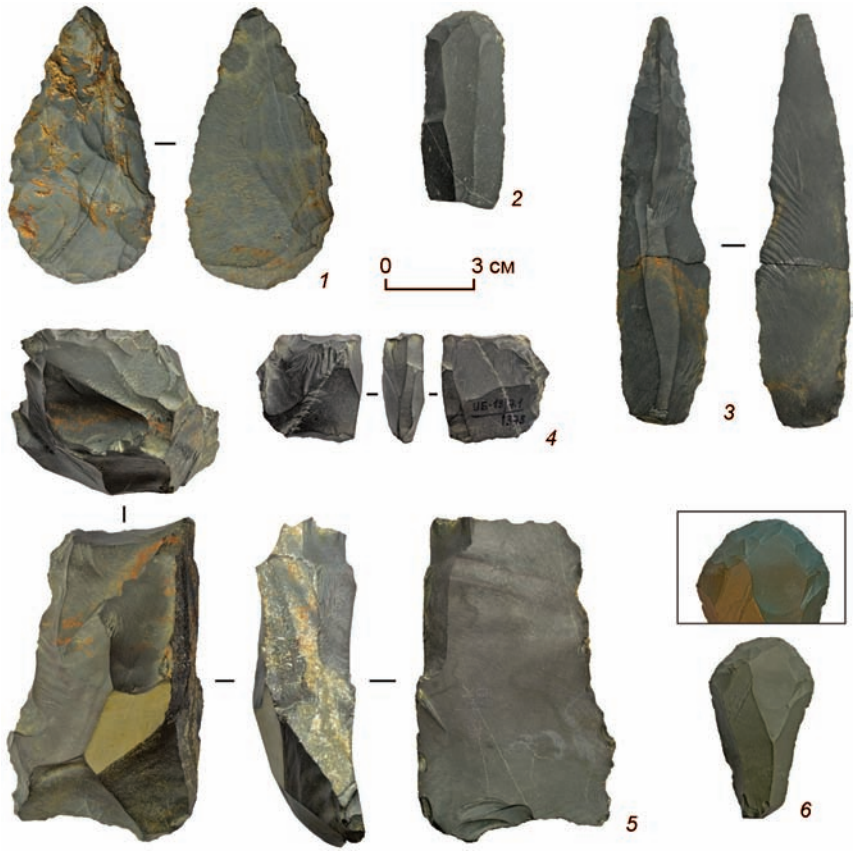

Рис. 3. Каменные артефакты из раскопа 2 (*2, 4–6*) и шурфа 11 (*1, 3*) стоянки Ушбулак (фото Е.Н. Бочаровой).

1 – унифас; *2, 6* – концевой скребок; *3* – остроконечник с черешком-насадом; *4* – нуклеус; *5* – нуклеус-резец.

Таблица 3. **Состав орудийного набора из раскопа 2 и шурфа 11 стоянки Ушбулак, экз.**

Группы/типы	Раскоп 2		Шурф 11		Всего
	Слой 6	Слой 7	Слой 6	Слой 7	
Скребла	–	–	–	1	1
продольные	–	–	–	1	1
Скребки	5	3	–	2	10
концевые на пластинах	5	3	–	2	10
Острия скошенные	–	–	1	–	1
Остроконечники с выделенным черешком	–	–	**1**	–	**1**
Остроконечники с ретушью	1	–	–	–	1
Унифасы	**–**	–	**1**	–	1
Тронкированные пластины	–	**1**	**–**	**–**	**1**
Резцы	**1**	**1**	–	–	**2**
угловые	–	1	**–**	**–**	1
угловые двойные	1	**–**	–	–	1
Перфораторы/проколки	**1**	–	**–**	**–**	**1**
Выемчатые	**–**	**–**	**1**	–	**1**
с ретушированными анкошами	–	–	1	**–**	1
Зубчатые	**–**	**1**	**–**	–	**1**
Изделия с черешком	**1**	**1**	–	**–**	**2**
Комбинированные орудия	**–**	**1**	**–**	–	1
скребок+нож	–	1	–	**–**	1
Пластины с интенсивной ретушью	**–**	**1**	**–**	–	**1**
Пластины с нерегулярной ретушью	1	3	1	–	5
Отщепы с регулярной ретушью	**1**	**–**	**–**	–	**1**
Отбойник	–	–	1	–	1
Фрагменты орудий	–	–	**1**	–	**1**
Всего	11	12	7	3	33

но средний и мелкий. Заполнитель – неравномерно окрашенный суглинок желто- и красновато-коричневый, опесчаненный. Слой залегает ниже современного уреза русла ручья, после осадков обильно насыщается водой, что обусловило интенсивное вторичное ожелезнение и развитие солифлюкционных процессов в контактирующих с ним отложениях. Видимая мощность – до 0,3 м. Предположительно, является стратиграфическим аналогом слоя 7 в раскопе 2.

Общее количество археологического материала, полученного из слоев 2–4 (аналоги слоев 5.2–7 из раскопа 2), составило 535 артефактов. Каменная индустрия в целом соответствует материалам из слоев 5.2–7 в раскопе 2 (см. табл. 1). Здесь присутствуют те же категории нуклеусов, включая нуклеусы-резцы (рис. 4, *5*) (см. табл. 2), сопоставимо соотношение основных категорий первичного расщепления. Существенно меньшая доля отходов производства, в основном чешуек, объясняется тем, что промывка рыхлых отложений при работах в шурфе не проводилась. В орудийном наборе преобладают также концевые скребки и сколы с нерегулярной ретушью (см. табл. 3). Среди ярких форм присутствуют изделия с черешком-насадом, в т.ч. аппликирующийся ретушированный наконечник (см. рис. 3, *3*; 4, *1*), скошенное острие (рис. 4, *2*), унифас (см. рис. 3, *1*; 4, *4*), скребло (рис. 4, *3*).

Наличие в нижнем комплексе раскопа 2 и шурфе 11 отдельных специфических типов изделий (нуклеусы-резцы, скошенные острия, изделия с черешком-насадом и др.) и характерных черт первичного расщепления (преобладание двуплощадочных нуклеусов встречного пластинчатого раскалывания, доминирование пластин, целевое мелкопластинчатое производство, широкое использование пикетажа для подготовки зоны расщепления) позволяет

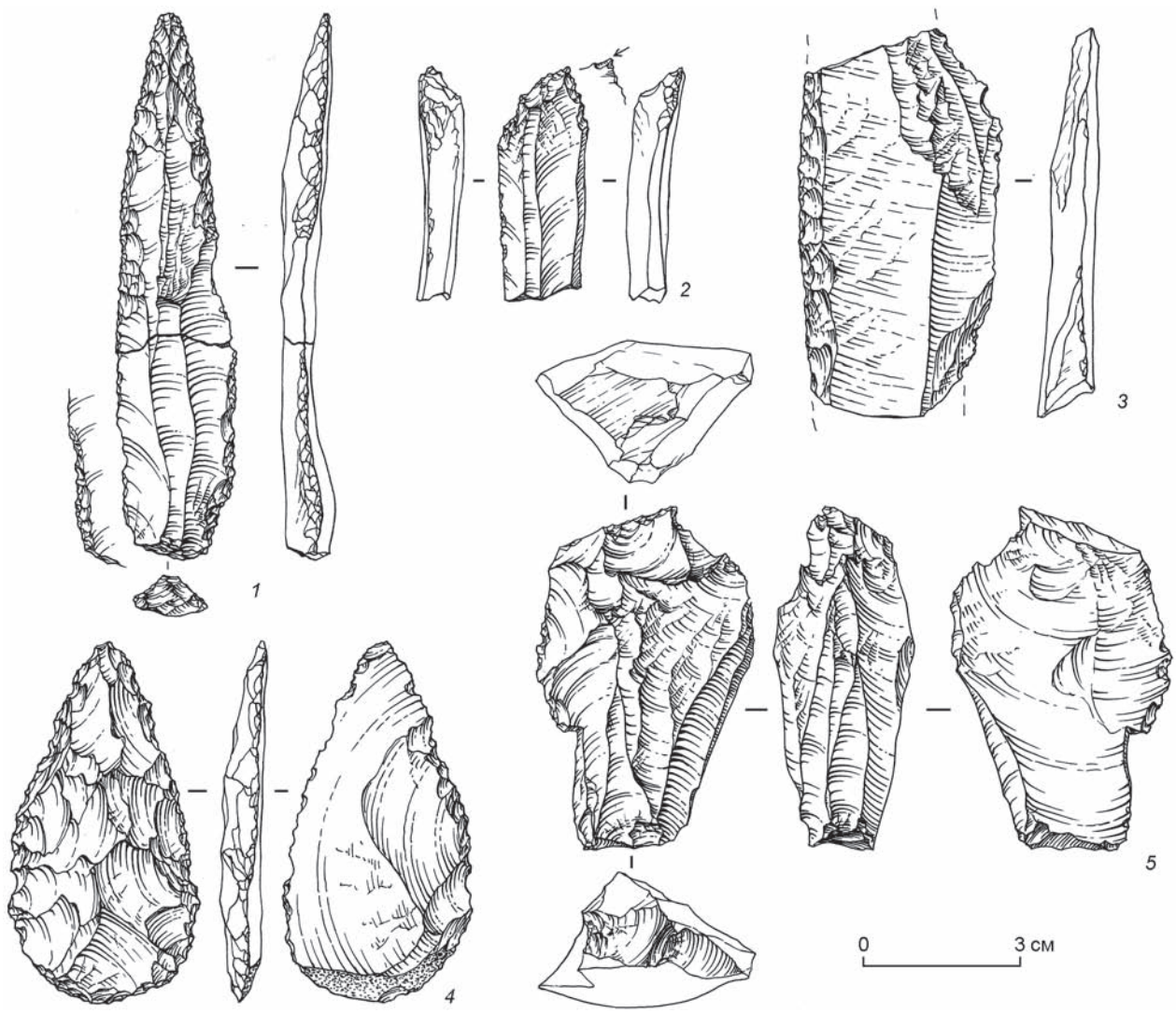

Рис. 4. Каменные артефакты из шурфа 11 стоянки Ушбулак (рисунки А.В. Абдульмановой).
1 – остроконечник с черешком-насадом; *2* – скошенное острие; *3* – скребло; *4* – унифас; *5* – нуклеус-резец.

соотнести эти индустрии с начальным этапом верхнего палеолита. Хронологически и типологически они близки кругу индустрий ранних этапов верхнего палеолита, которые фиксируются на территории Центральной Азии и Южной Сибири [Деревянко, Шуньков, Маркин, 2014].

Наиболее близкие аналогии индустрии нижних слоев Ушбулака имеют с материалами горизонта ВП2 стоянки Кара-Бом (44–43 тыс. л.н.) [Деревянко и др., 1998; Rybin, 2014]. Высокая степень сходства между ними прослеживается по всем основным параметрам каменного производства – от типов используемого сырья и характеристикам первичного расщепления до состава орудийных наборов и наличия в них специфичных изделий-маркеров [Rybin, 2014]. Основное же различие этих индустрий заключается в отсутствии на стоянке Ушбулак проявлений леваллуазской техники. В Северной Монголии близкие по облику комплексы, возрастом 43–35 тыс. л.н. относятся к начальному верхнему палеолиту южносибирско-монгольского типа (Толбор-4, -21 и др.) [Деревянко и др., 2007; Rybin, 2014].

На северо-западе Китая, в Джунгарской котловине расположено местонахождение Лотоши, с поверхностным залеганием археологического материала. Оно территориально наиболее близко Ушбулаку – ок. 100 км. Для этого подъемного комплекса характерно сочетание леваллуазского отщепового и подпризматического пластинчатого расщепления с использованием, в частности, двуплощадочных ядрищ встречного раскалывания, а также торцовых нуклеусов. Орудийный набор включает ретушированные пластины, скребки, скребла, зубчато-выемчатые и шиповидные орудия. В нем присутствуют также бифасы, скошенные острия и нуклеусы-резцы [Деревянко и др., 2012].

Многослойный характер стоянки Ушбулак и ее представительная каменная индустрия позволяют рассматривать этот памятник как опорный для изучения ранних этапов верхнего палеолита Восточного Казахстана. Располагаясь между Российским Алтаем и Джунгарией, памятник входит в круг многослойных стратифицированных комплексов начальной стадии верхнего палеолита южносибирско-монгольского типа. Продолжение исследования стоянки, детальный анализ и подробная интерпретация ее археологических комплексов дадут возможность проследить основные направления индустриального развития на ранних этапах верхнего палеолита в регионе и определить пути распространения технических инноваций, как на территории Казахстана, так и всей Центральной Азии.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.В. Абдульмановой за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Полевые исследования выполнены за счет гранта РФФИ № 18-09-00031. Лабораторное изучение материала выполнялось в рамках проекта РНФ № 19-18-00198.

Список литературы

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Павленок Г.Д., Шалагина А.В., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Чеха А.М., Козликин М.Б., Искаков Г.Т., Васильев С.К., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. 24. – С. 18–24.

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. 23. – С. 19–25.

Деревянко А.П., Гао Син, Олсен Д., Рыбин Е.П. Палеолит Джунгарии (Северо-Западный Китай): по материалам местонахождения Лотоши // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 4. – С. 2–18.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1. – С. 16–38.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Рыбин Е.П., Чевалков Л.М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 280 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 228 с.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia // Quaternary Intern. – 2014. – N 347. – P. 39–52.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // Antiquity Project Gallery. – 2017. – N 91 (360). – P. 1–7.

References

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok G.D., Shalagina A.V., Bocharova E.N., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Ulyanov V.A., Chekha A.M., Kozlikin M.B., Iskakov G.T., Vasiliev S.K., Shunkov M.V. The research of Initial Upper Paleolithic industry on the Ushbulak-1 site (Eastern Kazakhstan) in 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. 24, pp. 18–24 (in Russ.).

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulyanov V.A., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T., Vasilev S.K. The research of Initial Upper Paleolithic industry on the Ushbulak-1 site (Eastern Kazakhstan) in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. 23, pp. 19–25 (in Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Rybin E.P., Chevalkov L.M. Paleolithic complexes of the stratified part of the Kara-Bom site (Mousterian/Upper Paleolithic. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 280 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V. The Dynamics of the Paleolithic Industries in Africa and Eurasia in the Late Pleistocene and the Issue of the *Homo sapiens*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 228 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Xing G., Olsen J.W., Rybin E.P. The paleolithic of Dzungaria (Xinjiang, Northwest China) based on materials from the Luotuoshi site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012, No. 4, pp. 2–18.

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen J.W., Tseveendorj D., Gunchinsuren B. The technology of early Upper Paleolithic lithic reduction in Northern Mongolia: The Tolbor-4 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 1, pp. 16–38.

Rybin E.P. Tools, beads, and migrations: Specific cultural traits in the Initial Upper Paleolithic of southern Siberia and Central Asia. *Quaternary Intern.*, 2014, vol. 347, pp. 39–52.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia. *Antiquity Project Gallery*, 2017, No. 91 (360), pp. 1–7.

Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Харевич М.В. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X
Ульянов В.А. https://orcid.org/0000-0002-7798-0399
Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600
Дуванбеков Р.С. https://orcid.org/0000-0002-7596-8222
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.036-043
УДК 903.01

Н.Е. Белоусова, Е.П. Рыбин, А.Ю. Федорченко, Н.А. Кулик

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст

В 2004 г. на стоянке Кара-Бом в осыпи разреза 1991 г. было обнаружено двусторонне обработанное орудие листовидной формы, выделяющееся тщательностью и в то же время типичностью оформления. В статье обсуждается технологическая и функциональная характеристика данного бифасиального изделия, на основании сравнительного анализа типологически схожих верхнепалеолитических форм региона рассматривается проблема его культурно-хронологической атрибуции. В результате проведенного морфо-технологического анализа установлено, что последовательность обработки орудия была ориентирована, главным образом, на формирование симметричной удлиненной двояковыпуклой листовидной формы, при которой базальная часть оставалась округлой и относительно массивной, а в дистальной части изделие сужалось и становилось тоньше. Комплекс следов утилизации, зафиксированных на орудии, не типичен для бифасиально-обработанных орудий, которые использовались в процессе разделки туш животных. На выступающих участках поверхности бифаса в зоне его основания представлены следы от контакта с твердым органическим материалом, вероятно, вследствие крепления орудия в специальном приспособлении. С учетом полученных данных, мы предполагаем, что орудие могло использоваться в качестве наконечника. Предложенная интерпретация технологической последовательности оформления и функционального предназначения листовидных бифасов верхнего палеолита Алтая составляет новизну исследования. Бифасиальные орудия являются характерным типом для всей территории распространения пластинчатых индустрий начальной стадии верхнего палеолита. Однако листовидные бифасы, оформленные с целью использования в качестве проникающего оружия, не известны в индустриях начала верхнего палеолита за пределами Горного Алтая: имеющиеся листовидные и овальные формы предназначены, скорее, для выполнения режущих функций. Предположительно, традиция изготовления бифасиальных наконечников листовидной формы проникающего воздействия является примером региональной вариабельности кара-бомовской традиции Горного Алтая.

Ключевые слова: *Горный Алтай, начало верхнего палеолита, технологии расщепления камня, бифасы, наконечники, орудия-маркеры, кара-бомовская культурная традиция, экспериментально-трасологический анализ, scar pattern analysis.*

Natalia E. Belousova, Evgeny P. Rybin, Alexander Yu. Fedorchenko, Natalia A. Kulik

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nataliabelousovaarch@gmail.com

Initial Upper Paleolithic Leaf-Shaped Biface from the Kara-Bom Site: Technology, Function, and Context

A leaf-shaped bifaced tool distinguished by the thoroughness of its manufacturing and typical shape was discovered in 2004 in a crumbled section of excavations done in 1991. This article describes the technological and functional features of that artifact. Using comparative analysis of the typologically similar Upper Paleolithic tools from the same region, the problem of its cultural and chronological attribution is discussed. Morphological and technological analysis has shown that the sequence of the tool processing was mainly aimed at producing symmetric elongated biconvex leaf-like shape

with the basal part remaining rounded and relatively massive, and narrowing down and thinning of the object in its distal part. The complex of use-wear traces which are observed on the tool is not typical of bifacial tools used for carving animal carcasses. Traces typically appearing from the contact with hard organic material which were caused by fastening the object in a special device have been found on the protruding parts of tool surface in its base area. It may be suggested that the tool could have been used as a pointed weapon of close combat. This interpretation of the technological sequence of shaping and functional purpose of leaf-shaped bifaces is new. Although bifaced tools are common for the entire territory of the Early Upper Paleolithic blade industries, leaf-shaped bifaces used as penetrating weapon have not been known in the Early Upper Paleolithic industries outside the Altai Mountains. The available leaf-shaping and oval varieties were intended for cutting. The tradition of making bifaced leaf-shaped points used as penetrating weapons is an example of regional variability of the Kara-Bom tradition in the Altai Mountains.

Keywords: *Altai Mountains, Upper Paleolithic, knapping techniques of stone raw material, bifaces, Kara-Bom cultural tradition, experimental use-wear analysis, scar pattern analysis.*

Введение

Пластинчатые индустрии начального этапа верхнего палеолита (НВП) отличает набор специфических орудий-маркеров, имеющих отчетливо своеобразную типологию и морфологию [Рыбин, 2014]. Как предполагается, эти орудия обладают конкретной временной привязкой в пределах региона и морфологическими признаками, уникальными для верхнего палеолита. В область распространения южносибирского-центральноазиатского варианта НВП входят несколько макрорегионов – Горный Алтай, Восточный Казахстан, Джунгария, Северная и Центральная Монголия, Гобийский Алтай, Забайкалье, Прибайкалье и Средний Енисей. Хронологические рамки существования комплексов НВП колеблются от 50 тыс. до 30 тыс. л.н.

Считается, что одним из наиболее ярких, широко распространенных и легко определимых типов, характерных для НВП, являются листовидные и овальные бифасы [Там же]. Предполагается, что такие изделия тесно связаны с охотой, о чем говорят поселенческая специфика комплексов, где они были обнаружены, а также характерные приемы их фрагментации. В силу своего контекста эти орудия весьма малочисленны почти в каждом ассамбляже, где они были встречены. При этом они имеют широкое географическое распространение и прослеживаются во всех регионах НВП, кроме Забайкалья. Специфика и культурная атрибуция этих орудий уже обсуждались в нескольких публикациях [Деревянко, Шуньков, 2002; Рыбин, 2014; Шалагина, Зоткина и др., 2019]. Как видно, прогресс, достигнутый в изучении межрегиональной вариабельности НВП, весьма значителен. В то же время столь экстенсивные обзоры, как правило, страдают недостаточной конкретизацией в силу чрезвычайно широкого охвата; кроме того, в ряде случаев могут быть допущены неверные интерпретации и неточности из-за недостаточной степени детализации многих исходных публикаций. Так или иначе, изучение конкретной региональной вариабельности должно играть роль фундамента в исследованиях культурозначимых признаков и орудий-маркеров НВП.

Стоянка Кара-Бом в центральной части Горного Алтая, материалы которой стали одним из краеугольных камней в штудиях начального верхнего палеолита, может служить одним из примеров внутрирегиональной вариабельности. Во время продолжавшихся в течение 15 лет исследований этой стоянки была изучена значительная площадь памятника. При этом методика исследования и фиксации материала менялась почти каждый год, что не способствовало возможностям интерпретации хроностратиграфии объекта. Так или иначе, при исследованиях стоянки Кара-Бом в стратифицированном состоянии – как будет показано дальше, исключительно в слоях верхнего палеолита, – было обнаружено четыре бифасиально-обработанных орудия. Помимо этого, одно чрезвычайно яркое изделие было найдено в нестратифицированном состоянии, но в таких условиях, которые позволяют достаточно точно его привязать. Выдающееся по своей тщательности, и в то же время типичности, оформление этого орудия делает необходимым его морфо-технологический анализ в отдельной публикации.

В данной статье мы описываем условия нахождения этого артефакта, характеризуем способ его изготовления и использования, обсуждаем его хроностратиграфическую позицию на фоне остальных бифасиальных изделий из верхнепалеолитических слоев Кара-Бома. Целью нашего исследования является выявление репертуара технических приемов, связанных с изготовлением листовидных бифасиальных форм, в контексте комплексов начального верхнего палеолита.

Материалы исследования и методы

Двусторонне обработанное орудие, которое является основным предметом нашего обсуждения (рис. 1), было обнаружено в 2004 г. на участке ква-

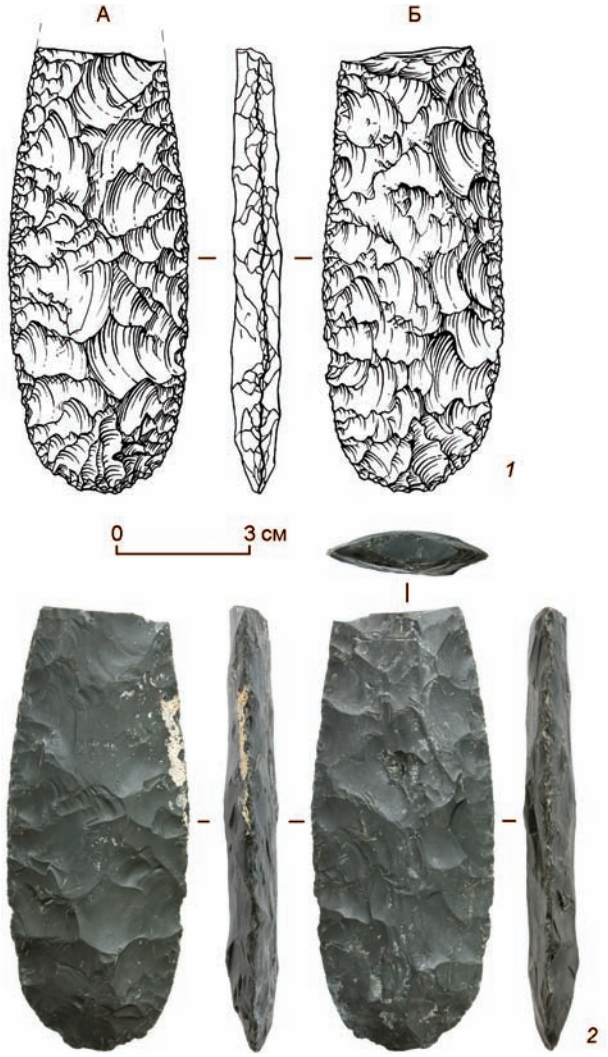

Рис. 1. Листовидный бифас со стоянки Кара-Бом, находка 2004 г.

1 – рисунок (художник А.В. Абдульманова); *2* – фотография.

дратов Л-М/7 в осыпи стратиграфического профиля 1991 г. (рис. 2, *1*). Упомянутый разрез находится на высоком скальном уступе в северной части памятника и включает пять литологических слоев склонового генезиса (рис. 2, *2*). По данным полевых работ 2016 г. культуросодержащими являются слои 1, 2 и 4. Слой 4 включает выразительную индустрию раннего этапа кара-бомовской культурной традиции (культурный горизонт ВП2, 46 тыс. – 43 тыс. л.н.). Немногочисленные артефакты слоев 1 и 2, вероятно, имеют отношение к комплексу культурного горизонта ВП1, предварительно соотносимого с поздним этапом той же традиции (слои 4–5 разреза 1991 г., 34 тыс. – 29 тыс. л.н.).

Формально, следуя классификации В.Н. Гладилина [1976], изучаемый бифас можно отнести к классу двусторонне обработанных острий или скребел листовидной/овальной морфологической группы, оформленных в двояковыпуклой манере. Изделие представлено базально-медиальным фрагментом (см. рис. 1). Его длина – 99,8 мм; ширина у основания – 34,9 мм, в медиальной части – 41 мм, дистальной – 29,3 мм; толщина артефакта в базальной части – 11,5 мм, медиальной – 11,4 мм, дистальной – 8 мм. Соотношение значений ширины и толщины в медиальной части – 3,3; в дистальной – 3,7; вес орудия – 60 г. Сечение бифаса по всей длине – линзовидное симметричное, одна плоскость у основания более выпуклая. Продольные края оформлены симметрично, лезвия в профиль – прямые.

Исследование технологии изготовления орудия и особенностей его использования в нашей работе базировалось на данных технологического метода [Гиря, 1997, с. 58–79]. При реконструкции последовательности расщепления и утилизации мы следовали методическим разработкам по scar pattern analysis [Kot, 2014; Шалагина, Колобова, Кривошапкин, 2019]. Проведенное функциональное исследование основывалось на методике экспериментально-трасологического анализа [Keeley, 1980; Rots, 2009]. Изучение следов обработки и износа осуществлялось при помощи стереомикроскопа Альтами СМ0745-Т и металлографического микроскопа Olympus BHM. Для макросъемки привлекалась фотокамера Canon EOS 5D Mark IV макрообъективом EF 100mm f/2.8 Macro USM и штативом с ручной наводкой на резкость. Диагностика минерального сырья проводилась с использованием микроскопа МБС-10, а также на основании рентгено-фазового анализа (РФА) (аналитик Л.В. Мирошниченко, ИГМ СО РАН).

Результаты исследования

Петрографический анализ позволил установить, что орудие изготовлено из плотной однородной тонкозернистой осадочной породы массивной текстуры, темно-серой с очень слабым зеленоватым оттенком, твердость – 6,5 по шкале Мооса (рис. 1, *2*). Сколовая поверхность изделия тонкошероховатая матовая, с короткими раковистыми заусенцами, просвечивающими зеленовато-серым. В медиальной части одного из фасов (фас А) на сколовой поверхности присутствуют единичные мелкие полости (до 5 мм), в целом не препятствующие скалыванию. Определение минерального состава на основе РФА показало небольшое преобладание кварца («средне-много») над слюдой («средне») и полевыми шпатами (плагиоклаз и калишпат, оба – «немного-средне»). Это означает, что темная, почти черная, окраска породы определяется существенным содержанием слюды-биотита, а весь минеральный состав и отмеченные плотность и тонко-

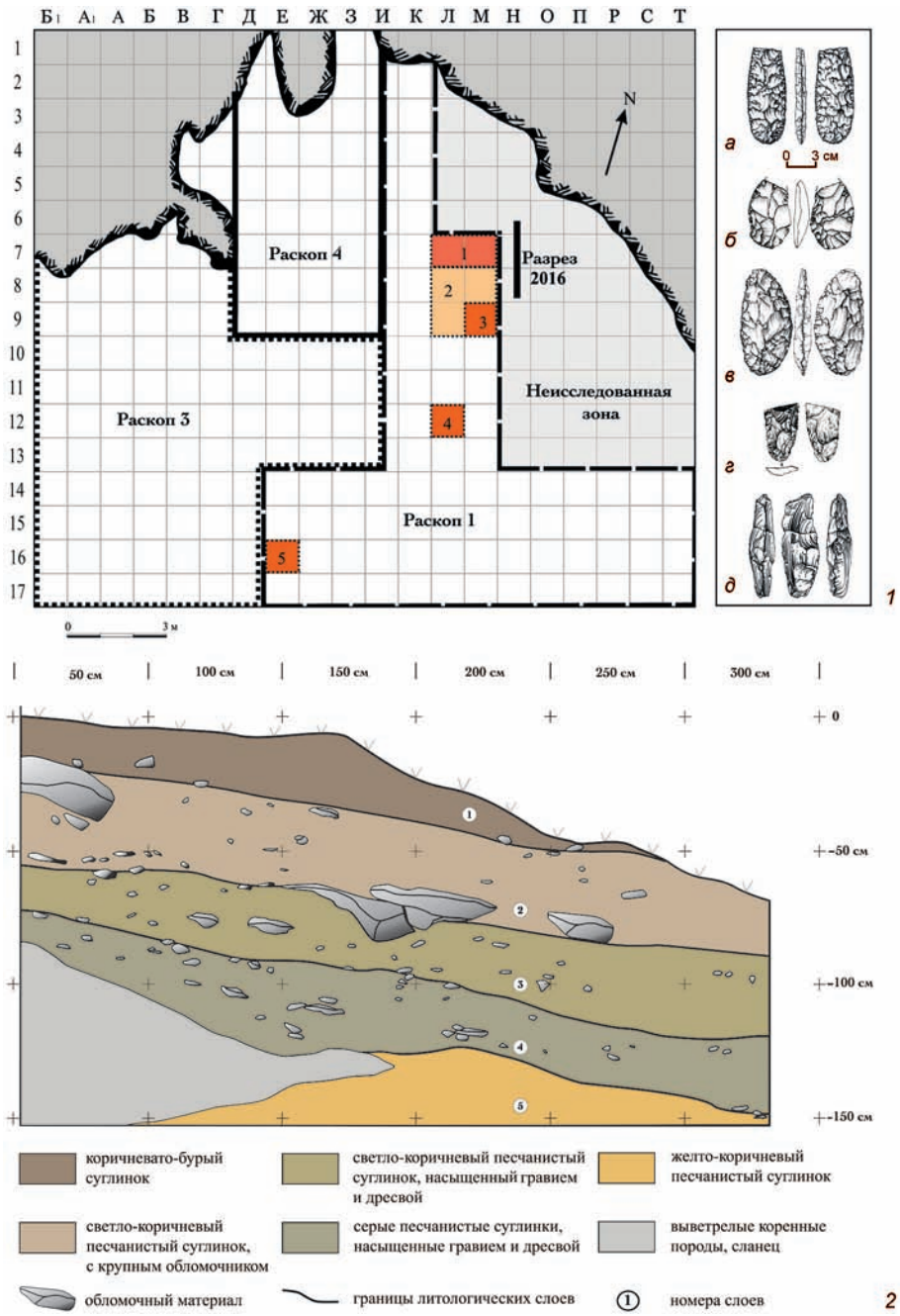

Рис. 2. Планиграфический и стратиграфический контекст бифасов стоянки Кара-Бом.
1 – местонахождение орудий на плане стоянки; *2* – продольный стратиграфический разрез 2016 г.

зернистость породы позволяют отнести последнюю к слабо метаморфизованным алевролитам горно-алтайской серии кембро-ордовика, широко распространенным в районе памятника и характерным для сырьевой базы каменных индустрий стоянки Кара-Бом.

Тип заготовки, послужившей основой изделия, неопределим – следы первичного расщепления были полностью перекрыты последующими сколами оформления. В качестве технологических единиц оформления мы выделяем фассонаж и ретуширование. Реконструкция последовательности снятий позволила установить, что формирование линзовидного сечения изделия и выравнивание его поверхностей как одна из стадий оформления (первичное утончение) происходили согласно определенной логике (рис. 3). Был зафиксирован поэтапный переход скалывания от края одного фаса (фас А, сектор 1) к противолежащему краю другого фаса (фас Б, сектор 2), затем происходило повторение этой последовательности на других альтернативных плоскостях (от оформления фаса Б, сектор 3, к оформлению фаса А, сектор 4) (рис. 3, *1*). Протяженность сколов оформления на данном этапе

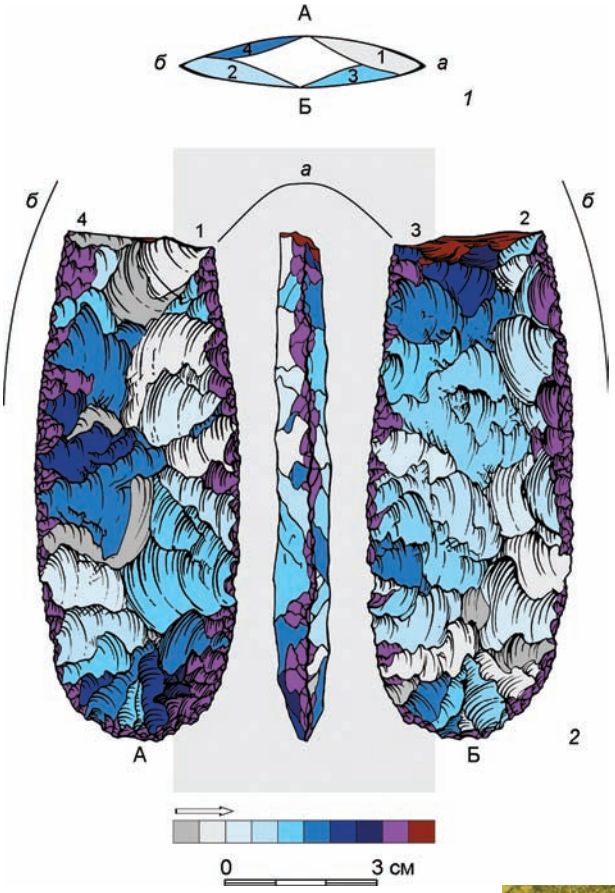

Рис. 3. Реконструкция последовательности оформления и фрагментации листовидного бифаса стоянки Кара-Бом.

1 – последовательность наложения сколов оформления и фрагментации; *2* – последовательность оформления отдельных фасов и секторов; А, Б – фасы орудия; *а*, *б* – продольные лезвия; 1, 2, 3 и 4 – секторы поверхностей орудия.

могла достигать 2/3 ширины изделия, иногда более. Чередование плоскостей при этом не являлось строгим – скалывание в рамках общей последовательности переносилось с одного фаса на другой в соответствии с технологической необходимостью (см. профиль орудия на рис. 3, *2*) – удаление лишнего объема, поддержание формы сечения или прямой линии лезвий. Так, на последних этапах оформления утончение производилось в дистальной части орудия на поверхности фаса Б (сектор 3), в медиальной (сектор 4) и базальной частях поверхности А (секторы 1, 4). Зафиксированная логика оформления могла быть подчинена только одной цели – созданию симметричной и эргономичной формы.

Обработка лезвий производилась с разной степенью интенсивности – чешуйчатой двусторонней ретушью по двум продольным краям. На поверхности фаса Б обработка более прерывистая. В большей степени ретушью был модифицирован с двух сторон продольный край *б* (в медиально-дистальной части) (рис. 4, *3*) и край наиболее выпуклой поверхности основания изделия (фас А). Таким образом, прослеживается технологическая (?) связь между наиболее поздними сколами оформления и участками интенсивного ретуширования; вероятно, ретушь могла нести выравнивающую, формообразующую функцию – данный вывод подкрепляется результатами анализа следов износа и их локализации (рис. 3, *2*).

В результате экспериментально-трасологического исследования выявлено несколько категорий следов утилизации, различающихся по своему облику и локализации (рис. 4). Наиболее выразительные признаки износа были прослежены в базальной части (фасы А и Б). При увеличении ×40–×100

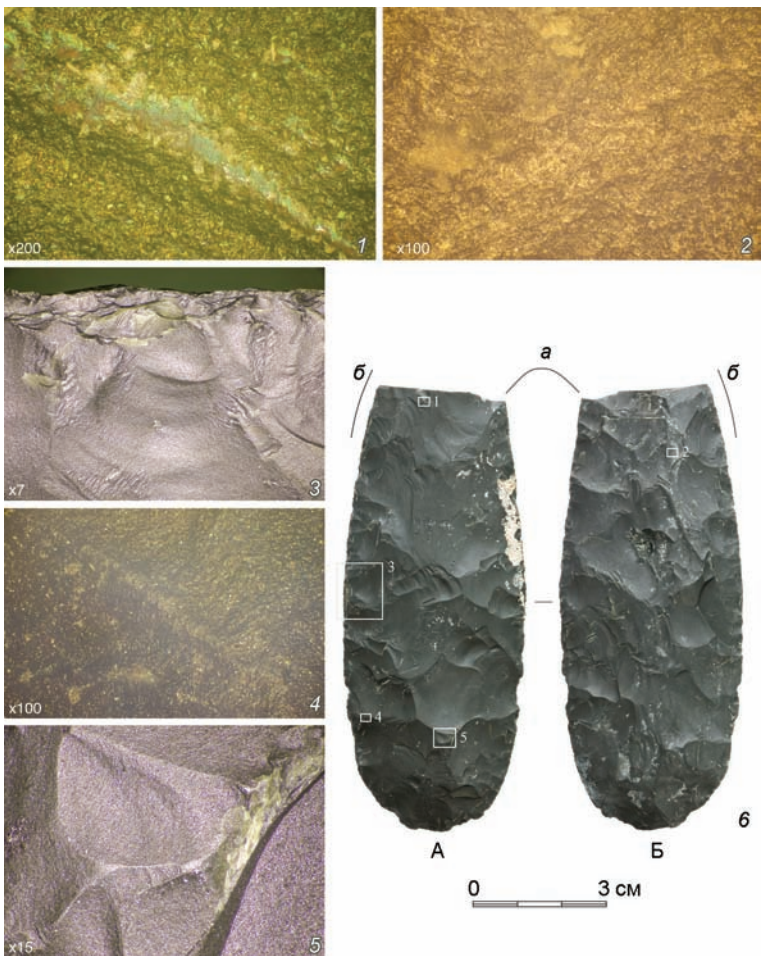

Рис. 4. Следы обработки и износа на поверхности листовидного бифаса со стоянки Кара-Бом.

на отдельных выступающих участках фаса А рядом с лезвием *б* зафиксированы локальные участки со следами заглаженности и стертости (рис. 4, *4*). Признаки подобного износа в наибольшей степени характерны для межфасеточных ребер негативов первичного формообразования. Утилизированные поверхности в этой части орудия имеют матовый, шероховатый вид. Следующий тип следов утилизации – отдельные пятна яркой ячеистой заполировки с признаками истирания (рис. 4, *5*). Аналогично первой категории, наиболее отчетливо эти следы представлены на наиболее «старых» выступающих участках поверхности артефакта в его базальной части. Следы схожего облика, но, вероятно, иной природы, выявлены и на одном из участков в дистальной части орудия (рис. 4, *1*).

На отдельных участках лезвия *а*, в частности у основания орудия, отмечены следы износа в виде скругления и заглаженности кромки (рис. 4, *3*). На макроуровне сработанные участки обладают тусклым блеском и отчетливо контрастируют с матовой поверхностью более «молодых» фасеток ретуши. Обширный участок со следами яркой заполировки (с «жирным» блеском), проникающей вглубь негативов и неровностей микрорельефа, выявлен в дистальной части артефакта по центру (фас Б) (рис. 4, *2*). Границы зоны со следами подобной залощенности, с неразвитой заполировкой и матовым фоном неизношенной поверхности артефакта прослеживаются слабо. Детальный трасологический анализ кромок бифаса в его медиальной и дистальной частях не позволил зафиксировать следы воздействия от контакта с мягким или твердым органическим материалом.

Выявленный комплекс следов утилизации, как и характер фрагментации, не типичны для бифасиально-обработанных орудий, которые использовались в процессе разделки туш животных. Более всего следы от контакта с твердым органическим материалом на различных выступающих участках основания бифаса характерны для орудий, крепившихся в специальном приспособлении. Результаты исследования следов износа согласуются с выводами морфо-технологического анализа – как было показано выше, логика обработки орудия была направлена главным образом на придание бифасу симметричной удлиненной листовидной формы, при которой базальная часть оставалась округлой и относительно массивной, а в дистальной части изделие сужалось и становилось тоньше. Результаты анализа позволяют нам предполагать, что орудие использовалось в качестве наконечника.

О технологическом контексте и функциональном назначении изучаемого орудия мы можем судить по четырем бифасиальным формам, которые были найдены на стоянке Кара-Бом ранее. Все артефакты были локализованы на участке раскопа 1 (см. рис. 2, *1*). Два целых изделия – преформа двояковыпуклого листовидного орудия на сколе (рис. 2, *1*, *д*) и завершенная двояковыпуклая овальная форма (рис. 2, *1*, *в*) – были обнаружены при полевых исследованиях 1980 г. [Окладников 1983, с. 19, рис. 11; Деревянко, Шуньков, 2002, с. 34, рис. 22]. Преформа, восстановленная из двух частей, была отнесена к археологическому горизонту 2, овальный бифас – к горизонту 1. В процессе исследований 1987 г. в отложениях верхней части горизонта 3 был зафиксирован базальный фрагмент завершенного двустороннего плоско-выпуклого орудия на сколе (рис. 2, *1*, *г*) [Археология и палеоэкология…, 1990, с. 139, рис. 4]. В 1991 г. был обнаружен базально-медиальный фрагмент завершенного двояковыпуклого двустороннего изделия (рис. 2, *1*, *б*) [Goebel, 2004, fig. 12.8].

Стилистические особенности оформления орудия 2004 г. указывают на то, что типологически артефакт относится к группе типичных для верхнего палеолита региона удлиненных листовидных бифасов [Проблемы…, 1998; Деревянко, Шуньков, 2002; Природная среда…, 2003; Деревянко и др., 2016]. По предварительным оценкам преформа орудия 1980 г. может иллюстрировать начальные этапы оформления такого типа изделий. По интенсивности обработки, тщательности оформления и массивности бифас 2004 г. можно сравнить лишь с овальной формой 1980 г., однако в последнем случае сколы оформления и ретуширования скорее несли функцию формирования рабочих краев орудия, а не создания симметричной остроконечной формы.

На уровне современных знаний о хроностратиграфии стоянки Кара-Бом на участках разных лет можно утверждать, что все обсуждаемые орудия являются верхнепалеолитическими. В то же время, дать более точную хронологическую атрибуцию большинства артефактов в пределах верхнего палеолита на данный момент сложно в силу неудовлетворительной сохранности полевой документации и особенностей методики фиксации археологического материала. Определенное исключение составляет базально-медиальный фрагмент 1991 г. (рис. 2, *1*, *б*), который был зафиксирован стратиграфически выше уровня обнаружения «клада» из предметов символической деятельности и природных красителей (выше культурного горизонта ВП2). То же самое относится к фрагменту овального бифаса (рис. 2, *1*, *в*), который был найден около кострища в отложениях горизонта 3, связанного стратиграфически с горизонтом ВП2.

Обсуждение

Листовидный бифас со стоянки Кара-Бом, обсуждаемый в статье, является достаточно распространенной формой в контексте ранних верхнепалеолитических комплексов Алтая. Однако региональные корреляции не могут дать нам однозначно интерпретируемой информации для его более точной хронологической атрибуции. Репрезентативная коллекция листовидных двусторонних орудий, включая полные аналоги, обнаружена в комплексе стоянки Тюмечин-4 (слой 5) [Проблемы…, 1998]. При этом материалы памятника относятся исследователями к усть-каракольской традиции раннего верхнего палеолита и не имеют абсолютного хронологического определения. Небольшой фрагмент острия бифасиального орудия (?) представлен в индустрии стоянки Усть-Каракол-1 (слои 8–11 раскопа 2), также связываемой с усть-каракольской традицией [Природная среда…, 2003]. Идентичные кара-бомовской листовидные формы присутствуют в коллекциях Денисовой пещеры, датируемых в очень широком хронологическом диапазоне от 50 тыс. до 29 тыс. л.н. [Деревянко и др., 2016]. Целое и наиболее выразительное листовидное бифасиальное изделие было обнаружено в отложениях Усть-Канской пещеры, однако специфика контекста затрудняет его культурно-хронологическую атрибуцию [Деревянко, Шуньков, 2002]. Серия листовидных бифасов отличает индустрии среднего палеолита стоянки Ануй-3 [Там же], однако, на наш взгляд, представления о структуре культурных отложений памятника и в целом его культурной последовательности могут быть уточнены.

За пределами Горного Алтая образцы бифасиальных изделий относятся к индустриям НВП. Они представлены в широком региональном контексте, и отмечаются в Восточном Казахстане, Джунгарии, Монголии и Прибайкалье, относясь при этом (в случае четко датированного контекста) к хронологическому промежутку от 40 тыс. л.н. до 32 тыс. л.н. Вместе с тем следует отметить, что в таких датированных индустриях не найдены прямые аналоги алтайских листовидных бифасов как орудий проникающего действия. Чаще всего на них фиксируются следы многократных переоформлений, в большинстве своем они относятся к овальным формам, или переходным к листовидным; даже если предметы имеют выраженную листовидную форму (стоянки Толбор-21 и -15 в Северной Монголии), по своему предназначению они скорее являлись ножами или скреблами. Пока это позволяет предполагать, что традиция изготовления бифасиальных наконечников листовидной формы является примером региональной вариабельности карабомовской традиции Горного Алтая.

Благодарности

Технологическая и функциональная интерпретация орудия, анализ РФА выполнены при поддержке проекта ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст»; определение позиции бифасиальной технологии Алтая в системе комплексов начального верхнего палеолита Сибири и Центральной Азии выполнено при поддержке проекта РНФ № 19-18-00198.

Список литературы

Археология и палеоэкология палеолита Горного Алтая: Путеводитель международного симпозиума «Хроностратиграфия палеолита Северной, Центральной, Восточной Азии и Америки (палеоэкологический аспект)». – Новосибирск, 1990. – 158 с.

Гиря Е.Ю. Технологический анализ каменных индустрий: методика микро-макроанализа древних орудий труда. – СПб.: Изд-во ИИМК РАН, 1997. – Ч. 2. – 198 с.

Гладилин В.Н. Проблемы раннего палеолита Восточной Европы. – Киев: Наук. думка, 1976. – 231 с.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Индустрии с листовидными бифасами в среднем палеолите Горного Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 16–41.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Чеха А.Н. Новые данные по каменным индустриям из плейстоценовых отложений центрального зала Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 69–71.

Окладников А.П. Палеолитическая стоянка Кара-Бом в Горном Алтае (по материалам раскопок 1980 года) // Палеолит Сибири. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 5–20.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Проблемы палеоэкологии, геологии и археологии палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Глинский, М.И. Дергачева, М.В. Шуньков и др. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 1998. – 312 с.

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном верхнем палеолите Северной Азии и восточной части

Центральной Азии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2014. – Вып. 4 (84), т. 1. – С. 188–198.

Шалагина А.В., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А. Листовидные бифасы в комплексах начального верхнего палеолита Южной Сибири и Севера Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2 (26). – С. 47–60.

Шалагина А.В., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Анализ последовательности сколов (scar-pattern) как инструмент реконструкции процесса изготовления каменных артефактов // Stratum plus. Археология и культурная антропология. – 2019. – № 1. – С. 145–154.

Goebel T. The Early Upper Paleolithic of Siberia // The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe / eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. – Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2004. – P. 162–195.

Keeley L. Experimental Determination of Stone Tool Uses. – Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980. – 212 p.

Kot M.A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leaf-points in Central and Southern Europe: Technological Approach // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 326–327. – P. 381–397.

Rots V. The functional analysis of the Mousterian and Micoquian assemblages of Sesselfelsgrotte, Germany: Aspects of tool use and hafting in the European Late Middle Palaeolithic // Quartär. – 2009. – Vol. 56. – P. 37–66.

References

Arheologiya and Paleoecology of the Paleolithic of the Altai Mountains: A Guide to the International Symposium “Chronostratigraphy of the Paleolithic of North, Central, East Asia and America (paleoecological Aspect)”. – Novosibirsk, 1990, 158 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Industries with leaf-shaped bifaces in the Middle Paleolithic of Altai Mountains. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2002, No. 1 (9), pp. 16–41 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Chekha A.N. New Data on Lithic Industries from Pleistocene Deposits of the Denisova Cave, Main Chamber. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 69–71 (in Russ.).

Girya E.Yu. Technological analysis of stone industries. The method of micro-macroanalysis of ancient tools. S. Petersburg: Akadem Print Press, 1998, 198 p. (in Russ.).

Gladilin V.N. Problemy rannego paleolita Vostochnoy Evropy. – Kiev: Nauk. dumka, 1976, 231 p. (in Russ.).

Goebel T. The Early Upper Paleolithic of Siberia. In The Early Upper Paleolithic Beyond Western Europe / eds. P.J. Brantingham, S.L. Kuhn, K.W. Kerry. Berkeley; Los Angeles; L.: Univ. of California Press, 2004, pp. 162–195.

Keeley L. Experimental Determination of Stone Tool Uses. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980, 212 p.

Kot M.A. The Earliest Middle Palaeolithic Bifacial Leaf-points in Central and Southern Europe: Technological Approach. *Quaternary Intern.*, 2014, vol. 326–327, pp. 381–397.

Okladnikov A.P. The Kara-Bom Paleolithic site in the Altai Mountains (based on 1980 excavations). In *Paleolithic of Siberia*. Novosibirsk: Nauka, 1983. pp. 5–20 (in Russ.).

Paleoenviromment and palaeolithic human occupation of Gorny Altai / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadganyan, G.F. Baryshnikov, V.M. Malaeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Rots V. The functional analysis of the Mousterian and Micoquian assemblages of Sesselfelsgrotte, Germany: Aspects of tool use and hafting in the European Late Middle Palaeolithic. *Quartär*, 2009, vol. 56, pp. 37–66.

Rybin E.P. Chronology and geographical distribution of culturally significant artifacts in the initial Upper Paleolithic of North Asia and the eastern part of Central Asia. *Izvestiya of the Altai State University*, 2014, iss. 4 (84), vol. 1, pp. 188–198 (in Russ.).

Shalagina A.V., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Scar Pattern Analysis as a Method for the Reconstruction of Lithic Artifacts Production Sequence. *Stratum Plus*, 2019, No. 1, pp. 145–154 (in Russ.).

Shalagina A.V., Zotkina L.V., Anoykin A.A., Kulik N.A. Leaf-shaped bifaces in the complexes of the initial Upper Paleolithic of South Siberia and the North of Central Asia. *Theory and practice of archaeological research*, 2019, No. 2 (26), pp. 47–60 (in Russ.).

The problems of paleoecology, geology and archeology of the Paleolithic of the Altai / A.P. Derevyanko, S.V. Glinsky, M.I. Dergacheva, M.V. Shunkov et al. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 312 p. (in Russ.).

Белоусова Н.Е. https://orcid.org/0000-0001-7054-3738
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.044-052
УДК 902.01

Е.Н. Бочарова[1], Н.А. Савельев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Утилизация каменного сырья в комплексе горизонта 12 местонахождения Казачка I (Канско-Рыбинская котловина)

По мере накопления новых материалов и получения новых радиоуглеродных датировок вопрос о выделении мезолита как нового хронологического этапа на территории Байкальской Азии вновь становится открытым. В связи с этим исследование многослойных объектов, содержащих археологические комплексы позднего плейстоцена – раннего голоцена, является наиболее актуальным. В статье анализируются материалы, полученные в результате раскопок на стоянке Казачка I в 1970–1980-е гг. Исследователи неоднократно обращались к материалам данного памятника, однако не все комплексы введены в научный оборот. В предлагаемой статье на примере каменной индустрии горизонта 12 анализируются стратегии утилизации каменного сырья раннеголоценовыми рыболовами-охотниками. Каменный инвентарь слоя представлен изделиями из кремня, халцедона и диабаза. Первичное расщепление представлено нуклеусами из халцедона и кремня, пластинчатыми сколами (в основном из кремня и халцедона) и отщепами (преимущественно из диабаза). Орудийный набор включает орудия на пластинчатых сколах из кремня и халцедона и массивные орудия на отщепах из диабаза и кремня. В ходе исследования каменной индустрии горизонта 12 выделены основные характеристики процессов утилизации каменного сырья и производства орудий. Реконструированные диверсифицированные стратегии использования каменного сырья указывают на то, что на стоянку приносились заготовки из диабаза, где они активно преобразовывались в орудия. Для кремня и халцедона фиксируется полная цепочка первичного расщепления. Устье р. Казачка являлось местом интенсивного и относительно долговременного базирования древнего человека со сложными диверсифицированными стратегиями утилизации каменного сырья различных типов.

Ключевые слова: *Канско-Рыбинская котловина, раннеголоценовые археологические комплексы, стратегии использования каменного сырья.*

Ekaterina N. Bocharova[1], Nikolay A. Saveliev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia
E-mail: bocharova.e@gmail.com

Strategies of Using Lithic Raw Materials in Layer 12 of the Kazachka Site (Kansk-Rybinsk Depression)

With the accumulation of new evidence and new radiocarbon dates, the problem of the Mesolithic as a separate chronological stage in the Baikal Asia becomes again an open issue. Accordingly, the exploration of multi-layered Late Pleistocene – Early Holocene sites becomes highly relevant. The article discusses the assemblages obtained during the excavations at the site of Kazachka I in the 1970s and 1980s. Scholars have repeatedly addressed the evidence from that site, yet not all assemblages have been published. Strategies of using lithic raw materials by the Early Holocene fishers-hunters have been analyzed using the lithic assemblage from layer 12, which consisted of the artifacts made of flint, chalcedony, and diabase. Primary reduction was represented by the cores made of chalcedony and flint, blades and bladelets generally made of flint and chalcedony, and flakes made of diabase. The toolkit includes the tools on laminar

spalls made of flint and chalcedony as well as blades and massive tools were made on flakes of diabase and flint. The research has resulted in establishing the main features of using lithic raw materials and producing tools in the assemblage from layer 12. Diversified strategies of the use of raw materials indicate that diabase blanks were brought to the site where they were actively processed into tools. The complete technological sequences of the flint and chalcedony reduction have been reconstructed. At the beginning of the eighth millennium BP, the estuary of the Kazachka River was a place of intensive and relatively long-term habitation by the ancient humans who possessed sophisticated and diversified strategies of using lithic raw materials.

Keywords: *Kansk-Rybinsk Depression, Early Holocene archaeological assemblages, strategy of raw materials use.*

Введение

Проблема культурно-хронологической идентификации археологических комплексов раннего голоцена слабо разработана для территории Восточной Сибири. Археологические комплексы, введенные в научный оборот в 1970–1980-е гг., не имеют абсолютных определений возраста и потому в настоящее время практически потеряли свою актуальность [Медведев, 1968]. Напротив, в среднем течении р. Енисей и нижнем течении р. Ангары были открыты и исследованы новые местонахождения, для которых получены серии абсолютных дат.

Результаты абсолютного датирования различных объектов Байкало-Енисейской Сибири и Забайкалья в совокупности с детальными реконструкциями палеоклимата и результатами морфологического анализа археологических материалов демонстрируют отсутствие хронологических, стадиальных либо культурных различий между позднеплейстоценовыми и раннеголоценовыми археологическими комплексами. Данное обстоятельство вновь возвращает нас к дискуссии о правомерности выделения мезолита как принципиально отличного от палеолита этапа в развитии древних сообществ (см., напр.: [Павленок, Зубова, 2019]).

Местонахождения, содержащие раннеголоценовые материалы на территории Восточной Сибири, количественно значительно уступают финально-плейстоценовым. С.А. Васильев отмечает «разительный контраст между обилием финальнопалеолитических пунктов и скудностью данных по раннеголоценовым культурам» для территории Восточного Саяна [Васильев, 2000, с. 72]. В данном контексте особо важными становятся археологические объекты, расположенные в Канско-Рыбинской котловине (Красноярский край). На данной территории известны стратифицированные объекты, которые позволяют проследить развитие человеческого общества от позднего плейстоцена до атлантического оптимума (и далее). Наиболее известным местонахождением на рассматриваемой территории является Казачка I. Местонахождение исследовалось силами комплексной археологической экспедиции Иркутского государственного университета. Стоянка располагается на устьевом участке р. Казачки (правый приток нижнего течения р. Кан) (рис. 1). За годы стационарных рас-

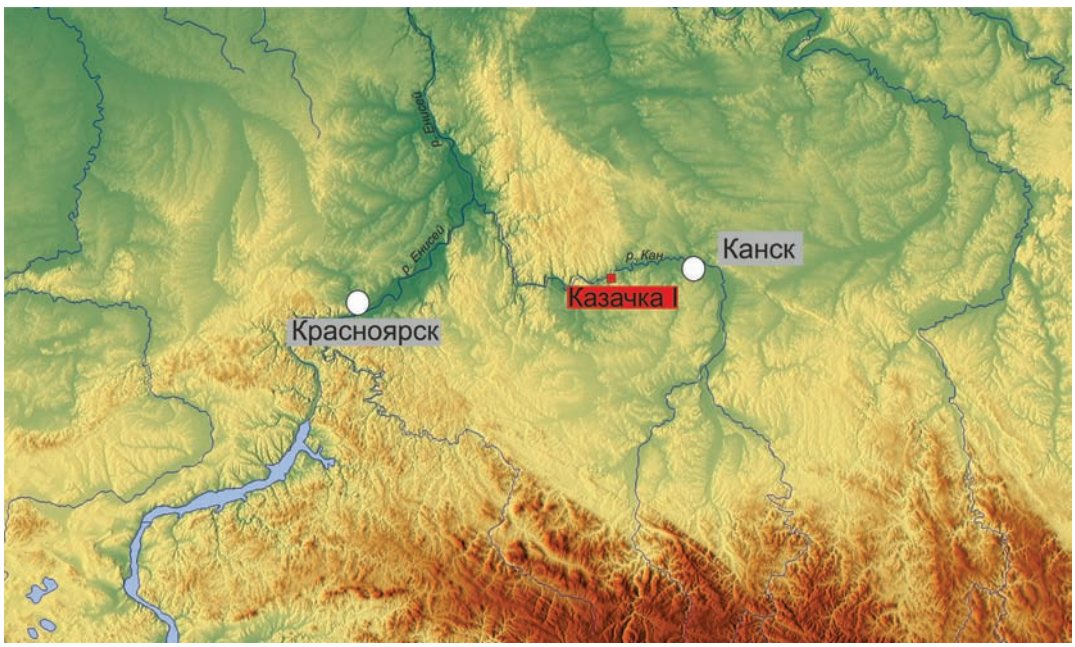

Рис. 1. Расположение памятника Казачка I в границах Канско-Рыбинской котловины.

копок (1973–1975, 1977, 1983 и 1985 гг.) вскрыта толща отложений, где в четких стратиграфических условиях выявлено 20 горизонтов, датированных в диапазоне от 11,5 до 1,5 тыс. л.н.

Описанию и анализу материалов горизонтов 7–1 были посвящены две кандидатские диссертации [Генералов, 1979, Тимощенко, 2013], горизонтов 20–14 – докторская диссертация [Генералов, 2001]. Также было издано несколько обобщающих статей, в которых приведена периодизационная схема стоянки [Савельев, Генералов, Абдулов, 1984].

Материалы данного объекта в полном объеме еще не были введены в научный оборот. Повторное обращение к уже известным материалам местонахождения Казачка I, а также приобщение новых материалов в последнее десятилетие позволило частично пересмотреть хронологическую схему. В предлагаемой статье на примере индустрии горизонта 12 местонахождения Казачка I рассматриваются основные сырьевые стратегии раннеголоценовых рыболовов/охотников-собирателей на территории Канско-Рыбинской котловины.

Материалы и методы

Для описания каменного комплекса горизонта 12 многослойного местонахождения Казачка I применялся технико-типологический метод с элементами атрибутивного подхода.

Структура индустрии определяется как комбинация нуклевидных изделий, сколов и отходов производства. В качестве дополнительной характеристики для каждого изделия определялся тип сырья. Все сколы делятся на сколы первичного снятия, сколы вторичного снятия и сколы без корки. Пластинчатые сколы включают в себя пластины (ширина ≥12 мм), пластинки (ширина ≤12 мм) и микропластины (ширина ≥6 мм) [Кривошапкин и др., 2012]. К техническим сколам относятся сколы переоформления нуклеусов: сколы переоформления площадки нуклеуса, краевые сколы (латеральные и реберчатые) и сколы подправки фронта. К отходам производства отнесены чешуйки, мелкие осколки до 5 мм в наибольшем измерении и обломки.

Ретушь, нанесенная на пластинах и отщепах, описана по способу нанесения, по динамике нанесения, по дислокации в пределах зоны, по дислокации образованной поверхности и распределения по продольным краям [Колобова, 2006].

Среди основных элементов орудийного набора определяются вкладыши, резцы, резчики и тесла. Вкладыши выделены в отдельный орудийный тип по наличию ровной притупляющей ретуши на одном или обоих продольных краях. Резцы – пластины с резцовым сколом. Резчики отличаются от боковых резцов тем, что выемка сделана не резцовым сколом, а ретушью. Тесла – массивные орудия, имеющие трапециевидное сечение и унифациально обработанные края.

Результаты

Структура каменной индустрии рассматриваемого слоя определяется сочетанием нуклевидных форм, сколов, отходов производства, орудий (табл. 1).

Самую многочисленную группу в каменном инвентаре представляют продукты расщепления. Сколов и технических отходов насчитывается 6 542 экз., по материалу преобладают сколы из диабаза, за ними следуют сколы из прозрачного халцедона, кремня разных цветов (рис. 2).

Отходов производства в слое найдено 1 548 экз. Такое небольшое количество можно объяснить применяемой на момент исследования объекта методикой раскопок.

Нуклевидные изделия горизонта 12 представлены серией нуклеусов в количестве 56 экз. и нуклевидными преформами. Все нуклеусы выполнены в рамках призматического (52) и торцового (4) принципов расщепления (рис. 3, *4*, *5*). Из всех нуклеусов только одно ядрище имеет две ударные площадки, остальные – одноплощадочные. Впервые для данного местонахождения зафиксированы «карандашевидные» призматические микронуклеусы, свойственные для мезолитических и раннеолитических комплексов Байкальской Сибири. Нуклевидные преформы представлены серией из 13 экз., из них 2 экз. – это блоки диабаза.

В горизонте было зафиксировано 1 135 экз. пластинчатых сколов. Пластинчатые сколы из кремня и халцедона представлены целыми формами и фрагментами (преобладают проксимальные фрагменты). В горизонте 12, помимо пластин из кремня и халцедона, зафиксированы пластины из диабаза (171 экз.), которые чаще всего фрагментированы (средняя длина составляет 3–9 см, ширина в области ударного бугорка – 2–5 см).

Отщепов в слое обнаружено 3 750 экз., диабазовые отщепы представляют самую многочисленную группу из всех продуктов расщепления.

Технические сколы представлены в основном сколами переоформления площадки нуклеуса и краевыми сколами (латеральные). Сколы подправки фронта и сколы разжелвачивания составляют незначительную часть коллекции.

Орудийный набор представлен вкладышами, резцами, резчиками, скребками, макро-орудиями, а также пластинами и отщепами с ретушью и следами шлифовки.

Таблица 1. **Состав каменной индустрии горизонта 12**

Категории		Тип сырья			
		Диабаз	Кремень	Халцедон	Кварц
Нуклевидные	*Пренуклеус*	2	3	8	0
	Начальная стадия	0	8	6	0
	Средняя стадия	0	8	18	0
	Финальная стадия	0	4	12	0
Пластинчатые сколы	Первичные		69	17	0
	Вторичные	40	20	32	0
	Без корки	131	166	660	0
Отщепы	*Первичные*	1585	45	53	0
	Вторичные	1449	15	120	0
	Без корки	0	186	297	0
Технические сколы	Переоформления площадки нуклеуса	0	71	206	0
	Переоформления фронта нуклеуса	0	10	49	0
	Краевые (латеральные) сколы	0	73	261	0
	Сколы разжелвачивания	0	3	17	0
Отходы производства		883	159	506	0
Чешуйки		0	27	82	0
Скребок	*Боковые*	0	4	5	0
	Концевые	0	3	3	0
	Комбинированный	0	0	1	0
Вкладыши		0	20	37	0
Резцы	*Угловые*	0	6	16	0
	Боковые	0	0	3	0
Резчики		0	2	3	0
Скребло	*Простые*	10	0	0	1
	Комбинированные	5	0	0	0
	Конвергентные	1	0	0	0
Тесло		12	0	0	0
Нож		2	1	0	0
Топор		2	1	0	0
Остроконечник		7	0	0	0
Пластины с ретушью		0	91	136	0
Отщепы с ретушью		0	25	58	0
Пластины со шлифовкой		19	17	0	0
Отщепы со шлифовкой		102	70	0	0

Орудия изготавливались преимущественно на пластинчатых сколах и представлены вкладышами, резцами, резчиками, комбинированным орудием (рис. 3, *6*). Отщепы в качестве заготовок использовались крайне редко – на отщепах изготовлялись скребки различных модификаций (16 экз.) (боковые, концевые, комбинированный).

Вкладышей в слое зафиксировано 57 экз. (рис. 3, *7–9*), по метрическим показателям их можно разделить на две группы: 1) вкладыши (35 экз.), длина до 27 мм, ширина 5–7 мм; 2) микровкладыши (22 экз.), длина до 20 мм, ширина 3–5 мм.

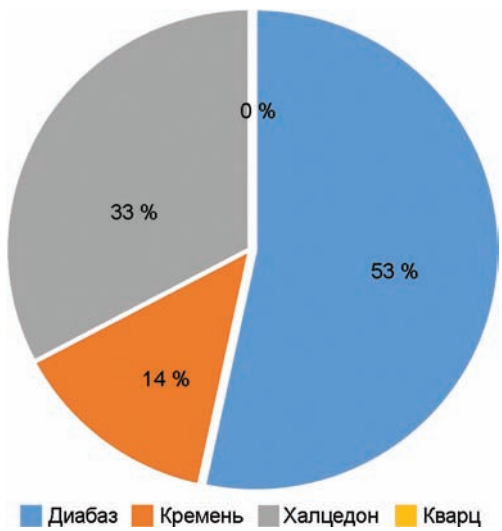

Рис. 2. Сырьевой состав каменной индустрии горизонта 12.

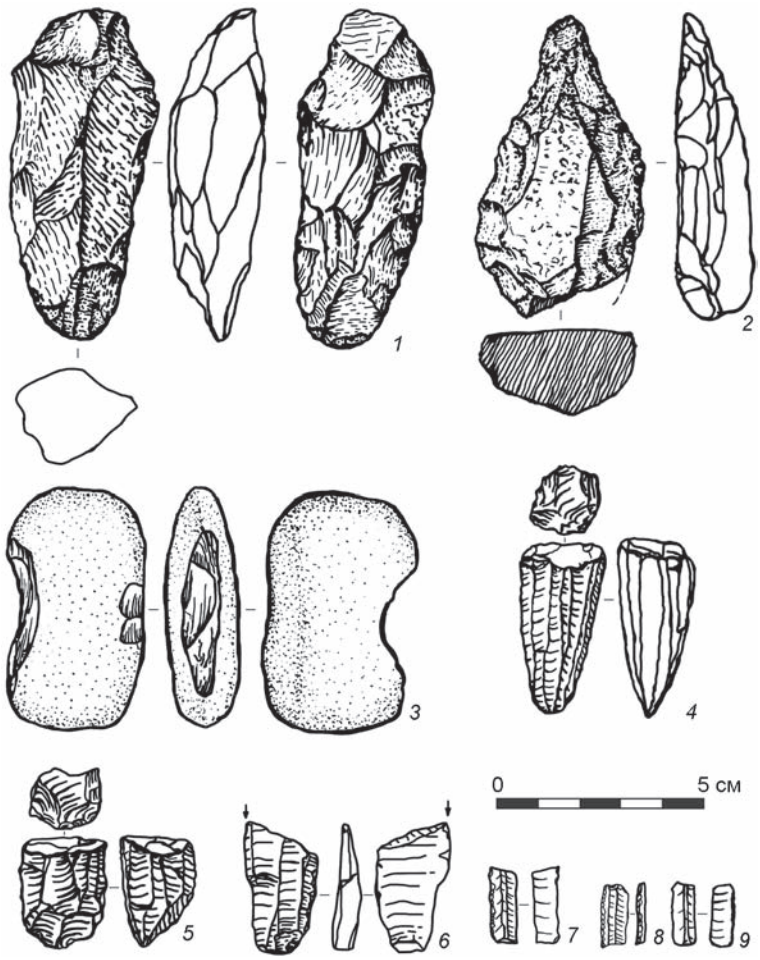

Рис. 3. Каменная индустрия горизонта 12.
1 – тесло; *2* – остроконечник; *3* – грузило; *4, 5* – нуклеус; *6* – скребок-резец; *7–9* – вкладыши.

Односторонне обработанных вкладышей – 34 экз., двусторонних – 23 экз. Ретушь отжимная крутая, направленная с дорсальной поверхности на вентральную. Некоторые экземпляры имеют сильно сработанный рабочий край.

Резцовые орудия (25 экз.) изготавливались на фрагментах пластинчатых сколов. Выделяются категории резцов (длина 33–35 мм, ширина 5–10 мм) и мелких резцов (длина 15–17 мм, ширина 3–4 мм) с различной дислокацией резцового скола (боковые и угловые). Также выделена отдельная категория орудий – *резчики* (5 экз.). В коллекции есть одно комбинированное орудие – скребок-резец.

Макроорудия в горизонте 12 представлены многочисленной серией изделий из диабаза и кварца. Изделия представлены скреблами, теслами, ножами и топорами.

Скребла – 17 экз., изготовлены из диабаза (16 экз.) и кварца (1 экз.). По расположению лезвия скребла можно разделить на трансверсальные (3 экз.), боковые (3 экз.) и двойные боковые (5 экз.); комбинированные (5 экз.), конвергентное (1 экз.).

Тесла из диабаза представлены пятью целыми формами, тремя обломками, четырьмя заготовками. Форма пяти целых тесел близка к форме массивной пластины (рис. 3, *1*). Лезвия у трех экземпляров пришлифованы до гладкой поверхности. Длина этих орудий 70–90 мм, ширина 40–50 мм.

Ножи (3 экз.): одно орудие изготовлено из светло-желтого кремня и два из диабаза. Нож из кремня имеет плоское сечение и бифисиально заостренные лезвия. Асимметричная база ножа покрыта галечной коркой. Ножи из диабаза имеют в сечении трапециевидную форму, два лезвия, обработаны односторонней отжимной ретушью. На лезвиях видны следы заполированности и выщерблины.

Топоры выполнены из диабаза (2 экз.) и кремня (1 экз.); ушки топоров выражены слабо, у одного прослеживаются выемки; поверхность только в одном случае частично пришлифована.

Остроконечники из отщепов диабаза (7 экз.). Рабочий конец изделий острый, правый и левый края конвергентны, обработаны крупной ретушью (рис. 3, *2*).

Отбойники на речных гальках в количестве 18 экз. обнаружены в горизонте 12. В отчетах о раскопках упоминается обнаружение 137 фрагментов абразивных орудий, однако, в настоящее время отсутствующих в фондах.

В горизонте 12 зафиксирована плоская овальная обкатанная галька с двумя искусственными выемками на противоположных краях, которую можно идентифицировать как рыболовное грузило.

Ретушированные пластинчатые сколы и отщепы составляют 227 экз. и 83 экз. соответственно. Преобладающим типом ретуши является утилизационная на вентральной или дорсальной поверхности скола по всему краю. Пластинчатых сколов с отжимной ретушью значительно меньше, преобладает вентральная ретушь по всему краю.

Помимо пластин и отщепов с ретушью в коллекции встречаются отщепы и пластины со следами шлифовки, как из диабаза, так и кремня.

Дискуссия

Горизонт 12 стоянки Казачка I был вскрыт на общей площади 201 м^2. К хозяйственно-бытовому комплексу горизонта относятся 13 очагов.

Кладки, овальные в плане, выполнены из плотно прилегающих друг к другу речных галек и плиток диабаза. Очаги имеют хорошо выраженные зольники, с углем и большим количеством находок.

Для 12 горизонта были получены следующие даты: 8 000 ± 150, 8 100 ± 150 л.н. (некалиброванные значения). Датировка по химической намагниченности отложений 8360–8850 л.н. (от 1950 г.) в целом согласуется с радиоуглеродными определениями абсолютного возраста [Бураков, Начасова, Генералов, 1996].

По численности и разнообразию каменных и костяных артефактов горизонт 12 значительно превосходит другие комплексы памятника. Весь комплекс находок слоя состоит из нуклеусов, продуктов расщепления, орудий, кости – обработанной, битой и определимой, каменных и костяных орудий. Сырьем для изготовления каменных орудий служило как высококачественное сырье (халцедон и кремень), так и диабаз – крупнозернистая горная порода, не очень удобная для расщепления, но, вероятно, находящаяся в непосредственной близости от стоянки.

Источники сырья достоверно не известны, однако анализируя коллекцию каменных артефактов, отчетливо реконструируются генеральные стратегии использования основных видов сырья. Для исследования процессов интенсивности утилизации каменного сырья было подсчитано соотношение нуклеусов к сколам и к орудиям в комплексе горизонта 12, как это было выполнено для палеолитических памятников Алтая [Деревянко и др., 2018].

Каменный инвентарь слоя представлен изделиями из кремня, халцедона и диабаза. В качестве основного сырья для изготовления формальных орудий использовался халцедон и в меньшей степени кремень. Нуклеусы представлены клиновидными и призматическими формами, с преобладанием последних. Нуклеусов из диабаза на местонахождении найдено не было, за исключением двух заготовок, однако большое количество отщепов и орудий из данного сырья указывают на то, что на стоянку уже приносились готовые отщепы (рис. 4). Пластинчатые сколы из кремня и халцедона использовались для изготовления резцов, резчиков, вкладышей. Диабаз использовался в основном для производства массивных орудий, типа скребел и топоров. Для орудий из диабаза заготовкой орудия является отщеп, очень редко массивные пластинчатые сколы. Орудия оформлены краевой ретушью. Некоторые из орудий со следами шлифовки. В основном диабазовые сколы – сколы оформления грубых орудий и лишь незначительное количество их использовалось для изготовления скребел.

Выводы

Проведенные исследования позволяют реконструировать отдельные элементы жизнеобеспечивающих стратегий населения Канско-Рыбинской котловины в начальном голоцене.

В комплексе горизонта 12 местонахождения Казачка I зафиксированы наиболее древние, но достоверные свидетельства использования рыболовства (совокупность находок гарпунов и их фрагментов, рыболовного грузила).

На основе анализа археологической коллекции можно сделать вывод о том, что для индустрии данного слоя характерна значительная стандартизация и унификация процессов утилизации каменного сырья и производства орудий.

Кремень доставлялся на стоянку в желваках. Пластинчатые сколы и отщепы относятся к одной

Рис. 4. Распределение нуклевидных форм по группам сырья.

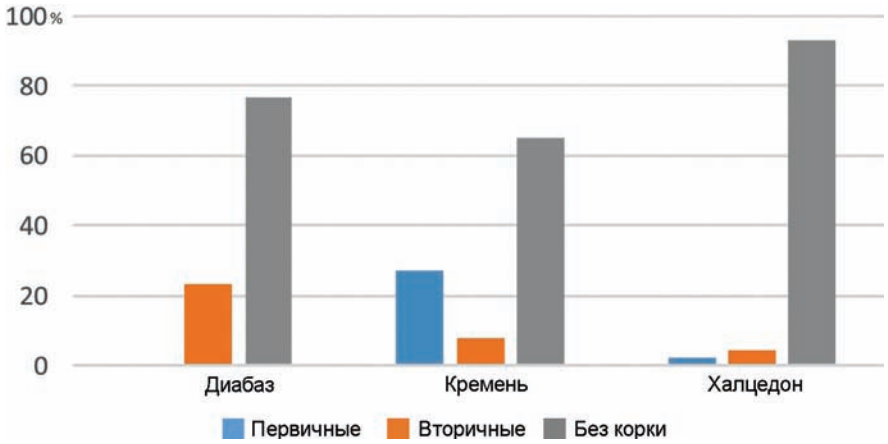

Рис. 5. Распределение пластинчатых сколов по группам сырья.

Таблица 2. **Соотношение основных категорий каменного инвентаря в комплексе горизонта 12**

Тип сырья	Нуклеусы-сколы	Нуклеусы-орудия	Сколы-орудия
Диабаз	1 : 2044	1 : 80	1 : 25
Кремень	1 : 30	1 : 10	1 : 3
Халцедон	1 : 40	1 : 6	1 : 7

редукционной последовательности, направленной на получение пластинчатых сколов. Получение пластинчатых сколов с кремневых нуклеусов начиналось с самого начала эксплуатации отдельностей сырья, о чем свидетельствует значительное количество первичных и вторичных кремневых пластин (рис. 5). Кремневые отщепы были как частью процесса разжелвачивания, так и частью последующего процесса утилизации нуклеусов. Соотношение нуклеусов к сколам и орудиям свидетельствует в пользу интенсивных процессов утилизации данного вида каменного сырья. Подобные процессы были зафиксированы в среднем и верхнем палеолите Алтая, когда для формальных орудий или пластинок выбиралось наиболее качественное сырье [Постнов, Анойкин, Кулик, 2000; Деревянко и др., 2015]. Мы предполагаем, что источники кремня были наиболее удалены от стоянки, по сравнению с источниками халцедона и диабаза.

Халцедон также доставлялся на стоянку в желваках. Технологические процессы, связанные с его обработкой, были направлены на получение пластинчатых сколов. Процесс разжелвачивания халцедоновых отдельностей, видимо, являлся отдельной технологической процедурой, когда снималось значительное количество первичных и вторичных отщепов. Процессы получения пластин начинались только после предварительной подготовки заготовки нуклеуса, о чем свидетельствует практически полное отсутствие первичных и вторичных пластинчатых сколов. Халцедоновые отщепы без корки были получены в процессе подготовки и подживления ядрищ в процессе их утилизации. Соотношение нуклеусов к сколам и орудиям свидетельствует об интенсивной утилизации нуклеусов, однако о менее интенсивных, по сравнению с кремнем, процессах изготовления орудий. Такого рода диверсифицированные стратегии утилизации каменного сырья известны в верхнепалеолитических индустриях Центральной Азии [Кривошапкин, Брантингхэм, Колобова, 2011]. Источники халцедона также, вероятно, располагались на значительном расстоянии от стоянки.

В отличие от халцедона и кремня, диабаз на стоянку приносился уже в виде в отщепов. Расщепление производилось вне стоянки, на что указывает отсутствие нуклеусов и технических сколов из данного сырья в коллекции. Значительно большее количество отщепов из диабаза, чем из кремня и халцедона может указывать на то, что заготовки приносились с близкого расстояния. Для изготовления макроорудий требовались крупные заготовки, что обеспечивалось крупными размерами отщепов.

Источники сырья, скорее всего, располагались достаточно близко к стоянке. На это указывает соотношение нуклеусов и сколов (табл. 2). На стоянку приносились уже готовые заготовки и в достаточно большом количестве. При этом мы прослеживаем наименее интенсивную утилизацию принесенных заготовок из диабаза на стоянку, по сравнению с другими видами применяемого сырья.

Таким образом, можно говорить о том, что в индустрии горизонта 12 отмечаются диверсифицированные стратегии использования каменного сырья. Стоянка Казачка I на основе комплекса петрографических, палеонтологических и археологических данных характеризуется как интенсивно и относительно долговременно обживаемый объект. Вероятнее всего, в горизонте 12 стоянки Казачка I

мы видим пример базовой рыболовной специализированной стоянки в регионе.

В целом материалы горизонта 12 типичны для раннеголоценовых комплексов Восточной Сибири, которые характеризуются призматическим микрорасщеплением, производством орудий на основе пластинчатых заготовок, появлением нового типа хозяйственной деятельности (рыболовство). Материалы данного горизонта в целом схожи с материалами нижележащего горизонта 13, однако для горизонта 12 отмечается несколько новаций. В первую очередь это появление призматических «карандашевидных» нуклеусов, предметов рыболовства. На основании изучения индустрии горизонта 12 четко прослеживаются аналогии каменной индустрии с памятниками соседних территорий. Наиболее близкие – это материалы пещеры Еленева (окрестности г. Красноярска), памятников сумнагинской культуры и памятников нижнего Витима.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта НИР № 0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

Список литературы

Бураков К.С., Начасова И.Е., Генералов А.Г. Запись вариаций геомагнитного поля в химической намагниченности осадочных пород археологического памятника «Казачка» // Палеомагнетизм и магнетизм горных пород. – М.: ОИФЗ РАН, 1996. – С. 15–18.

Васильев С.А. Поздние комплексы многослойной стоянки Уй II и проблемы развития каменного века в голоцене на верхнем Енисее // Археологические вести. – 2000. – Вып. 8. – С. 61–76.

Генералов А.Г. Неолитические комплексы многослойного поселения Казачка и их значение для изучения неолита Красноярско-Канской лесостепи: дис. ... канд. ист. наук. – Ленинград, 1979. – 156 с.

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского региона: дис. … д-ра ист. наук. – Иркутск, 2001. – 418 с.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Колобова К.А., Чабай В.П., Рудая Н.А., Виола Б., Бужилова А.П., Медникова М.Б., Васильев С.К., Зыкин В.С., Зыкина В.С., Зажигин В.С., Вольвах А.О., Робертс Р.Г., Якобс З., Бо Ли. Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с. – DOI: 10.17746/7803-0288-9.2018.

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 3–16. – DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.3.003-016

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с.

Кривошапкин А.И., Брантингхэм П.Д., Колобова К.А. Значение качества каменного сырья при использовании формализованных стратегий расщепления в палеолите Северо-Восточной Азии // Гуманитарные науки в Сибири. – 2011. – № 3. – С. 3–6.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Белоусова Н.Е., Исламов У.И. Ранние технологические инновации в палеолите Средней Азии: кареноидная технология в переходных индустриях Узбекистана // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, № 3. – С. 211–221.

Медведев Г.И. Мезолит Верхнего Приангарья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – М., 1968. – 28 с.

Павленок Г.Д., Зубова А.В. Новые данные о носителях селенгинской палеолитической культуры (Западное Забайкалье) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 3. – С. 3–11. – doi.org/10.17746/1563-0110.2019.47.3.003-011

Постнов А.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А. Критерии отбора каменного сырья для индустрий палеолитических памятников бассейна реки Ануй (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2000. – № 3 (3). – С. 18–30.

Савельев Н.А., Генералов А.Г., Абдулов Т.А. Многослойное археологическое местонахождение Казачка как основа для периодизации Канско-Рыбинской котловины // Проблема исследования каменного века Евразии. – Красноярск: Краснояр. пед. ун-т, 1984. – С. 136–142.

Тимощенко А.А. Неолит и бронзовый век Канско-Рыбинской котловины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Кемерово, 2013. – 22 с.

References

Burakov K.S., Nachasova I.E., Generalov A.G. Zapis' variacij geomagnitnogo polja v himicheskoj namagnichennosti osadochnyh porod arheologicheskogo pamjatnika "Kazachka". *Paleomagnetizm i magnetizm gornyh porod.* Moscow: IPE RAS, 1996, pp. 15–18 (in Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Kolobova K.A., Chabai V.P., Rudaya N.A., Viola B., Buzhilova A.P., Mednikova M.B., Vasiliev S.K., Zykin V.S., Zykina V.S., Zazhigin V.S., Volvakh A.O., Roberts R.G., Jacobs Z., Bo Li. Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. DOI: 10.17746/7803-0288-9.2018 (in Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha

Facies, the Middle Paleolithic of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 3, pp. 3–16.

Generalov A.G. Neoliticheskie kompleksy mnogosloinogo poseleniya Kazachka i ikh znachenie dlya izucheniya neolita Krasnoyarsko-Kanskoi lesostepi: cand. sc. (history) dissertation. Leningrad, 1979, 156 p. (in Russ.).

Generalov A.G. Pozdnii paleolit – rannii mezolit Kansko-Eniseiskogo regiona: doct. sc. (history) dissertation. Irkutsk, 2001, 418 p. (in Russ.).

Kolobova K.A. Methods of Stone Tools Processing in Paleolithic Industries of the Altai Mountains. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 135 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Brantingham P.D., Kolobova K.A. The role of lithic raw material quality in the use of the formalized strategies of flint knapping in the North-East Asian Paleolithic Age. *Humanitarian Sciences in Siberia*, 2011, iss. 3, pp. 3–6 (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Belousova N.E., Islamov U.I. The early technological innovation in the Paleolithic industries of Central Asia: carinated technology in transition industries of Uzbekistan. *Novosibirsk State University Bulletin. Series: History and Philology*, 2012, vol. 11, iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 211–221 (in Russ.).

Medvedev G.I. Mezolit Verkhnego Priangar'ya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1968, 28 p. (in Russ.).

Pavlenok G.D., Zubova A.V. New Dental Finds Associated with the Paleolithic Selenga Culture, Western Trans-Baikal Region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 3, pp. 3–11. DOI:10.17746/1563-0110.2019.47.3.003-011 (in Russ.).

Postnov A.V., Anoykin A.A., Kulik N.A. Criteria for the selection of raw materials in Paleolithic industries of the Anui river basin (Gorny Altai). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2000, No. 3, pp. 18–30.

Savel'ev N.A., Generalov A.G., Abdulov T.A. Mnogosloinoe arkheologicheskoje mestonakhozhdenie Kazachka kak osnova dlya periodizatsii Kansko-Rybinskoi kotloviny. *Problema issledovaniya kamennogo veka Evrazii*, Krasnoyrsk: State Ped. Univ. Press, 1984, pp. 136–142 (in Russ.).

Timoshchenko A.A. Neolit i bronzovyi vek Kansko-Rybinskoi kotloviny: cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2013, 22 p. (in Russ.).

Vasil'ev S.A. Pozdnie kompleksy mnogosloinoi stoyanki Ui II i problemy razvitiya kamennogo veka v golotsene na verkhnem Enisee. *Arkheologicheskie vesti*, 2000, iss. 8, pp. 61–76 (in Russ.).

Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Савельев Н.А. https://orcid.org/0000-0002-6324-4024

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.053-058
УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], М.Б. Козликин[1], А.С. Колясникова[2], М.В. Шуньков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Костные остатки из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (материалы 2017 и 2018 годов)

В ходе раскопок голоценовой толщи в южной галерее Денисовой пещеры в 2017 и 2018 гг. были получены костные остатки, насчитывающие свыше 14 тыс. экз. Определимые кости принадлежат пяти видам домашних и 16 видам диких млекопитающих. Среди остатков охотничье-промысловых видов преобладают косуля и марал. Единичными костями представлены бобр, заяц-беляк, волк, лисица, бурый медведь, рысь и сибирский горный козел. Найдено несколько костных фрагментов неизвестного крупного быка Bos/Bison sp., *сходного по размерам с плейстоценовым бизоном. В голоцене на северо-западе Алтая, скорее всего, сохранялся рефугиум, где обитала немногочисленная популяция* Bison priscus, *истребленная впоследствии человеком. Подобные остатки найдены также в голоценовых слоях пещер Чагырская и Страшная. Среди домашних животных во всех слоях доминируют остатки овец/коз, менее распространены кости лошади и собаки. Единственной находкой представлена домашняя свинья. В коллекции выделено несколько костей человека, а также птиц и рыб. Тафоценоз в голоценовых слоях южной галереи формировался, главным образом, за счет антропогенной деятельности. С раннего бронзового века и до позднего Средневековья человек эпизодически посещал пещеру, селился в ней или использовал как загон для содержания мелкого рогатого скота. Костные остатки из голоценовой толщи пещеры являются типичными кухонными отбросами, часто со следами порезов и обжига в очагах. Основу хозяйственной деятельности древнего населения региона составляли скотоводство и охота.*

Ключевые слова: *Денисова пещера, южная галерея, голоцен, костные остатки.*

Sergey K. Vasiliev[1, 2], Maxim B. Kozlikin[1], Anastasia S. Kolyasnikova[2], Michael V. Shunkov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Bone Remains from the Holocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave (Evidence of 2017 and 2018)

Over 14,000 specimens of bone remains were found during the excavations of the Holocene strata in the Southern Chamber of Denisova cave in 2017 and 2018. Identifiable bones belonged to five species of domestic and 16 species of wild mammals. Roe deer and maral predominated among the remains of the hunting species. Beaver, blue hare, wolf, fox, brown bear, lynx, and Siberian mountain goat were represented by individual bones. Several bone fragments of unknown large bull Bos/Bison sp., similar in size to the Pleistocene bison were discovered. A refugium with small population of Bison priscus was most likely preserved in the Holocene in the northwestern Altai, which was subsequently exterminated by the humans. Similar remains also appeared in the Holocene layers of Chagyrskaya and Strashnaya caves. Bone remains of sheep/goat prevailed among the domestic animals in all layers; dogs and horses were less common. Domestic pig was represented by a single bone. Several human bones, as well as bones of birds and fish have been identified in the collection.

Taphocenosis in the Holocene strata of the South Chamber mostly resulted from anthropogenic activities. Since the Early Bronze Age until the Late Middle Ages, people occasionally visited the cave, settled in it, or used it as a shelter for keeping small cattle. Bone remains from the Holocene strata of the cave were typical kitchen waste, often with traces of cuts and burns from the hearths. Economic activity of the ancient population of the region was based on cattle breeding and hunting.

Keywords: *Denisova cave, South Chamber, Holocene, bone remains.*

Фаунистические остатки из голоценовых отложений Денисовой пещеры изучались в несколько этапов. Первоначально были обработаны материалы из раскопов 1982 и 1983 гг. в центральном зале и на предвходовой площадке пещеры. Общий объем коллекции составил 37 тыс. экз., из которых 6,5 тыс. костей относились к числу определимых [Васильев, Гребнев, 1994]. В восточной галерее голоценовая толща была исследована в 2004 и 2007 гг. С этого участка пещеры получено свыше 39 тыс. костных остатков, в т.ч. 3,5 тыс. определимых [Васильев, Шуньков, 2010]. Раскопки голоценовых слоев в устьевой зоне южной галереи в 1999 г. позволили получить относительно небольшую (2,7 тыс. экз.), но весьма интересную по видовому составу коллекцию.

В 2017 и 2018 гг. в центральной части южной галереи голоценовая толща была вскрыта на площади 15 м^2. В стратиграфическом разрезе выделены слои 0, 2–8. В пределах слоев 0, 2 и в верхней части слоя 3 были обнаружены археологические материалы раннего железного века, представленные в основном фрагментами керамики. В нижней части слоя 3 зафиксированы отдельные находки эпохи поздней бронзы. Слои 4 и 5 содержали преимущественно фрагменты сосудов афанасьевской культуры ранней бронзы, а также отдельные предметы более позднего времени из нарушенных участков слоя. В слоях 6 и 7 были найдены каменные артефакты, переотложенные из нижележащих плейстоценовых отложений. Слой 8 не содержал находок. Коллекция костных остатков с этого участка насчитывает 14 558 экз., из которых 2 581 экз. определен до вида, рода или класса (табл. 1).

Костные остатки распределены по разрезу неравномерно. Наибольшее их количество зафиксировано в слоях 3 и 4 – 26,3 и 38,6 % соответственно. Фаунистические материалы из слоев 6 и 7 связаны преимущественно с зонами пристенной деформации и перемещены из вышележащих осадков. Серия костей и зубов из этих слоев, с характерной плейстоценовой сохранностью, происходит из заполнения поноров. Изучены также кости из осыпи голоценовых отложений юго-восточной стенки раскопа 1999 г.

Доля определимых костных остатков по слоям в южной галерее составляет в среднем 17,7 %, что сопоставимо с аналогичным показателем для центрального зала и предвходовой площадки пещеры и в два раза превышает процент определимых костей из голоценовой толщи восточной галереи.

Тафоценоз голоценовых отложений пещеры связан преимущественно с антропогенной деятельностью. С раннего бронзового века и до позднего Средневековья пещера периодически посещалась человеком, заселялась или использовалась в качестве загона для мелкого рогатого скота. Доля костей хищников минимальна – 0,8 %, а с учетом костей собаки она составляет 1,6 %. В плейстоценовых отложениях остатки *Carnivora* всегда превышают 25–30 % коллекции.

Большинство костей из голоценовых слоев представляют собой типичные кухонные отбросы. Преобладают фрагменты костей размерного класса 2–5 и 5–10 см. Практически все крупные трубчатые и плоские кости разбиты. Целиком сохранилась только часть наиболее прочных элементов скелета – астрагалы, центральные кубовидные, кости запястья и заплюсны, значительно реже – первые и вторые фаланги овец/коз и косули. Для крупных копытных (лошадь, корова, марал) преобладающими являются кости дистальных отделов конечностей и изолированные зубы, для мелких копытных (овцы/козы, косуля) – кости дистальных отделов и обломки крупных костей конечностей (табл. 2). Обломки позвонков и ребер, видовую принадлежность которых из-за фрагментарности не всегда можно установить, также многочисленны. В целом от числа всех костей овец/коз и косули доля позвонков и ребер составляет 10,6 и 15,3 % соответственно. Аналогичный показатель для костей лошади, коровы и марала – 8,4 и 23,3 %. Очевидно, что на месте оставались преимущественно небольшие, компактные или уплощенные кости и их фрагменты, а также изолированные зубы. Все более крупные кости, разбитые для извлечения костного мозга, выбрасывались за пределы обитаемой зоны или растаскивались собаками или волками.

Для костей из голоценовых слоев характерна хорошая сохранность, без следов выветривания или кислотной коррозии в желудках хищников. На отдельных экземплярах отмечены погрызы. Часто на костях имеются следы порезов и рубки. Около 5–10 % костей на поверхности несет следы обжига черного или темно-коричневого цвета. В слоях 3

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры**

Таксоны	Слои								
	0	2	3	4	5	6	7	Осыпь	Всего
Homo sapiens	–	9/1*	4/1	10/2	–	–	–	3/2	16/6
Canis familiaris	–	–	2/1	10/2	1/1	–	1/1	6/1	20/6
Sus scrofa domesticus	–	–	–	–	–	–	–	1/1	1/1
Equus caballus	–	4/2	42/3	51/2	1/1	–	16/2	28/2	142/12
Capra/Ovis	–	100/4	136/4	346/9	46/4	1/1	40/4	185/6	854/32
Bos taurus	–	28/3	19/2	39/2	5/1	–	2/1	38/2	131/11
Asioscalops altaica	–	–	–	–	–	–	–	4/2	4/2
Chiropthera gen. indet.	–	–	–	–	–	–	4/3	–	4/3
Lepus timidus	–	–	2/1	–	–	–	–	1/1	3/2
Spermophilus sp.	–	–	–	–	–	–	–	3/2	3/2
Marmota baibacina	–	1/1	–	–	–	–	–	–	1/1
Castor fiber	–	–	1/1	7/2	–	–	–	–	8/3
C. cricetus	–	–	1/1	-	1/1	–	–	2/1	4/3
M. myospalax	–	–	2/1	1/1	–	–	–	5/3	8/5
Canis lupus	–	–	7/1	4/2	–	–	–	1/1	12/4
Vulpes vulpes	–	–	–	1/1	–	–	–	–	1/1
Ursus arctos	–	–	–	2/1	–	–	–	2/2	4/3
Lynx lynx	–	–	–	1/1	–	–	1/1	–	2/2
Capreolus pygargus	8/1	101/5	325/6	368/11	18/1	–	41/3	170/7	1 031/34
Cervus elaphus sibiricus	4/1	11/1	40/3	122/3	9/1	–	22/2	34/2	242/13
Bos/Bison sp.	–	–	–	5/1	–	–	–	–	5/1
Capra sibirica	–	–	–	1/1	–	–	1/1	–	2/2
Pisces	–	–	3	1	1	–	–	–	5
Aves	9	8	7	24	1	–	4	15	68
Неопределимые фрагменты	85	1 219	3 236	4 624	558	5	512	1 738	11 977
Всего костных остатков	106	1 481	3 827	5 617	641	6	644	2 236	14 558

*Количество костных остатков/минимальное количество особей.

Таблица 2. **Количественное соотношение (%) элементов скелета крупных млекопитающих из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры**

Элементы скелета	Лошадь	Корова	Овцы/Козы	Косуля	Марал
Изолированные зубы и их фрагменты	31,2	26,6	16,8	6,1	10,4
Обломки черепа, рогов, верхней и нижней челюсти	5,8	10,5	8,8	11,3	7,1
Кости дистальных отделов конечностей	55,1	50,0	46,3	64,3	67,2
Обломки крупных трубчатых костей, лопатки, таза	8,0	12,9	28,2	18,3	15,4
Всего костных остатков, экз.	138	124	845	1029	241

и 4 обнаружены обломки костей белого цвета, обожженные до кальцинированного состояния.

Доля остатков охотничье-промысловых видов меняется от 33,8 % в слое 5 до 65,3 % в слое 3, составляя в среднем 53,3 %. На долю костей домашних животных приходится в среднем 46,7 %. Такое же соотношение между количеством костей диких и домашних млекопитающих было отмечено в фаунистических коллекциях из галерей – 54,8 % и 45,2 % соответственно.

Среди домашних животных преобладают остатки *Capra/Ovis*, количество которых по слоям составляет в среднем 74,4 %, на долю костей лошади и коровы приходится 12,4 % и 11,4 % соответственно. Во всех слоях отмечены единичные кости собаки. Домашняя свинья представлена астрагалом из осыпи.

Среди охотничье-промысловых видов доминирует косуля – в среднем по разрезу 79,4 % костей, на долю костей марала приходится 18,6 %. Единичными находками представлены заяц-беляк, бобр, волк, лисица, бурый медведь, рысь, сибирский горный козел и крупный бык/бизон. Часть костей лисицы и волка, активно использовавших пещеру

в качестве убежища, могла оказаться в пещерных отложениях без участия человека. Это относится и к остаткам мелких грызунов и птиц, попадавших в пещеру в основном из погадок филинов и сов, устраивающих дневки под ее сводами.

Наибольший интерес представляют находки костей следующих видов.

Человек *Homo sapiens* Linnaeus, 1758. Кости человека отмечены в слоях 2–4 и в материалах осыпи. В слое 2 найдены часть таза с неполной суставной впадиной, коленная чашка, две плюсневые кости (целая и проксимальный конец), три кости заплюсны, обломок верхнего конца первой фаланги и проксимальная часть ребра со следами обжига. В слое 3 обнаружены нижний конец плечевой кости, астрагал, поясничный позвонок и изолированный резец. В коллекции из слоя 4 присутствуют останки, по меньшей мере, двух индивидов – взрослого и молодого. Взрослому принадлежат поясничный позвонок, диафиз лучевой кости, обломок диафиза большой берцовой, малая берцовая с обломанным нижним концом, кость запястья, пястная кость без дистального конца и вторая фаланга. Кости, относящиеся к подростку, включают отпавшую головку бедренной кости, обломок верхней части диафиза бедра и вторую фалангу с отпавшим верхним эпифизом. В осыпи были обнаружены диафиз лучевой кости ребенка, первая фаланга взрослого индивида и вторая фаланга юной особи с отпавшим верхним эпифизом. Немногочисленные останки человека ранее были найдены в голоценовых слоях центрального зала и восточной галереи, а также в слое 2 раскопа 1999 г. в южной галерее [Васильев, Гребнев, 2004; Васильев, Шуньков, 2010].

Свинья домашняя *Sus scrofa domestica* Linnaeus, 1758. Представлена астрагалом из осыпи. В строении костей посткраниального скелета дикая и домашняя формы свиньи различаются только размерами [Громова, 1950]. Латеральная длина астрагала – 46,5 мм, ширина нижнего конца – 27 мм. Для сравнения, аналогичные промеры у голоценового кабана из Прибалтики составляют 47-M 52,9–58 / 27-M 31–36 мм (n = 46) [Паавер, 1965]. У домашней свиньи из Прибалтики и Древней Руси максимальная длина астрагала не превышала 46–48 мм [Там же; Цалкин, 1956]. Кости домашней свиньи были найдены ранее почти по всему разрезу голоценовой толщи центрального зала и в слоях 1 и 2 в восточной и южной галереях.

Бобр *Castor fiber* Linnaeus, 1758. В слое 3 найдена коленная чашка от крупной особи, размер кости – 23,2 × 20 × 19 мм. В слое 4 – лучевая кость с отпавшим нижним эпифизом, нижняя половина большой берцовой кости, четыре пястные кости и две первые фаланги от двух особей, взрослой и молодой. Единичные кости бобра присутствуют в большинстве голоценовых слоев пещеры. Речной бобр отмечен в плейстоценовых и голоценовых слоях многих пещер Горного Алтая. Обитавший здесь азиатский подвид бобра был истреблен человеком в XIX в. В 1950-е гг. на Алтае были успешно реинтродуцированы бобры европейского подвида [Собанский, 1988].

Серый волк *Canis lupus* Linnaeus, 1758. В слое 3 обнаружены верхний конец лучевой кости, кость запястья (radiointermedium), фрагмент таза, неполная первая фаланга и два изолированных зуба. В слое 4 – целая левая плечевая кость и обломок нижнего конца такой же кости со следами обжига, запястная добавочная кость (carpi accessorium) и изолированный предкоренной зуб. В материалах осыпи – верхний второй резец I^2. Целая плечевая кость без следов погрызов и порезов из слоя 4 принадлежала крупной взрослой особи. Наибольшая длина кости – 227 мм (от caput humeri – 218,5 мм), ширина/поперечник верхнего конца и диафиза посередине – 41,3/53 и 15,4/21 мм соответственно. Ширина нижнего конца – 44 мм, ширина суставного блока – 30 мм, медиальный поперечник – 33,4 мм, наименьший поперечник в желобе – 17,9 мм, высота медиального мыщелка – 25,2 мм. Единичные кости волка были отмечены ранее почти по всей толще голоценовых отложений пещеры. В эпоху плейстоцена и в голоцене волки периодически использовали пещеру в качестве убежища, где происходила их естественная гибель и захоронение останков. Основная же часть костей волка является, скорее всего, результатом охотничьей деятельности человека. Мясо волка могло употребляться в пищу, о чем свидетельствует обожженный в костре фрагмент плечевой кости.

Лисица *Vulpes vulpes* Linnaeus, 1758. В слое 4 найдена правая восходящая ветвь нижней челюсти. Кости лисицы, немного меньше, чем волка, обнаружены в большинстве голоценовых слоев пещеры.

Бурый медведь *Ursus arctos* Linnaeus, 1758. В слое 4 найдены обломок нижней части диафиза плечевой кости и проксимальная половина обожженной первой фаланги. Многочисленные кости медведя обнаружены в голоценовых отложениях центрального зала и особенно в восточной галерее пещеры, где из слоя 4 определено 294 целых и фрагментарных костей кисти и стопы, как минимум от пяти особей – двух взрослых, полувзрослой и двух медвежат. На протяжении голоцена бурый медведь являлся одним из основных промысловых видов у населения Горного Алтая.

Рысь *Lunx lynx* Linnaeus, 1758. В слое 4 найдена целая третья фаланга с просверленным в нижней

части основания круглым отверстием, диаметром 1,5 мм. Из пристенной зоны слоя 7 происходит неполная, без дистального конца, первая фаланга и нижний конец, скорее всего, этой же фаланги. Однако фрагменты не стыкуются из-за отсутствия части диафиза. Фаланга несет следы обжига. Мясо рыси, которое, как у всех кошачьих, обладает высокими вкусовыми свойствами, видимо, употреблялось человеком в пищу, а когти могли использоваться в качестве украшений. Кости рыси, в т.ч. обожженные, отмечены также в коллекциях из центрального зала и раскопок 1999 г. в южной галерее пещеры.

Бизон (?) *Bos/Bison* sp. Впервые остатки неизвестной формы крупного быка были обнаружены в 1999 г. в слое 3 южной галереи. Среди них неполный суставной отросток нижней челюсти, изолированный зуб верхней челюсти M^{1-2} и небольшой фрагмент пяточной кости [Васильев, Шуньков, 2010]. Их размеры характерны для плейстоценового бизона и значительно превосходят аналогичные показатели для костей и зубов мелкой голоценовой коровы. В коллекции 2017 и 2018 гг. идентифицированы неполный суставной отросток и обломок зубной кости нижней челюсти, толстостенный фрагмент диафиза лучевой кости длиной 15 см, неполная запястная лучевая и запястная промежуточная кости. Размеры двух последних образцов укладываются в пределы изменчивости *Bison priscus*. Костные остатки неизвестных крупных быков были найдены также в голоценовых слоях пещер Страшная и Чагырская – передняя половина крупного M_3 и сесамовидная (челночная) кость третьей фаланги [Васильев, 2013; Васильев и др., 2016].

Исследования последних лет показали, что *Bison priscus* на территории Южной Сибири не исчез в конце плейстоцена, а продолжал обитать в голоцене, только значительно сократив свои численность и ареал. Возможно, ареал бизона к позднему голоцену распался на ряд не связанных между собой рефугиумов. Редкие находки костей бизона известны из среднеголоценовых памятников Приишимской лесостепи [Косинцев, 1988; Косинцев, Явшева, 2006]. В степной и лесостепной зонах Прибайкалья и Забайкалья остатки бизона отмечены в отложениях раннего и среднего голоцена. Наиболее поздние его остатки найдены в слоях тюркского поселения VIII–X вв. около Балаганска [Ермолова, 1978]. Вместе с тем кости крупных быков из голоценовых отложений алтайских пещер могли принадлежать туру *Bos primigenius*. Этот вид на юге Западной Сибири не известен в позднем плейстоцене, но появился в начале голоцена [Васильев и др., 2018]. Учитывая, что *Bison priscus* в плейстоцене на Алтае был одним из фоновых видов копытных, можно предположить, что это животное обитало еще какое-то время и в голоцене, пока его небольшая популяция не была истреблена человеком.

Сибирский горный козел *Capra sibirica* Pallas, 1776. В слое 4 найден нижний конец плечевой кости, в пристенной деформации слоя 7 – дистальный отдел первой фаланги. Ширина нижнего конца humerus в сравнении с современными *Capra sibirica* из Восточных Саян (n = 4) – 46,8 мм (42-M 44,1–46,2 мм), ширина суставного блока – 44,5 мм (39,7-M 41,6–43,7 мм), медиальный поперечник – 37 мм (34-M 35,3–36,7 мм), поперечник в желобе – 19,5 мм (17,8-M 18,8–20,5 мм), высота медиального мыщелка – 27 мм (23-M 26,1–29,4 мм). Единичные кости горного козла обнаружены в большинстве голоценовых слоев пещеры. По сравнению с эпохой плейстоцена, в голоцене этот вид стал относительно редким. Вместе с тем в голоцене ареал *Capra sibirica* был приблизительно вдвое шире современного, а численность – в десятки раз больше [Собанский, 1988]. В настоящее время на окружающих пещеру хребтах сибирский горный козел не обитает.

Таким образом, по сохранности костных остатков, видовому составу и соотношению между фоновыми видами домашних и диких животных коллекция из голоценовых слоев южной галереи соответствует аналогичным материалам из восточной галереи, центрального зала и предвходовой площадки пещеры. Основой хозяйственной деятельности человека в Денисовой пещере в эпоху голоцена являлось разведение мелкого рогатого скота, в меньшей степени – коров и лошадей. Большое значение имела также охота на косулю и марала. Доля остатков охотничье-промысловых видов составляет более половины (53,3 %) остеологической коллекции.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 17-29-04206 офи-м.

Список литературы

Васильев С.К. Фауна крупных млекопитающих из плейстоценовых отложений Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) по материалам раскопок 2007–2011 годов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 1. – С. 28–44.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Фауна млекопитающих голоцена Денисовой пещеры // Деревянко А.П., Молодин В.И. Денисова пещера. – Новосибирск: Наука, 2004. – Ч. I. – С. 167–180.

Васильев С.К., Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Предварительные итоги исследования

остатков мегафауны из отложений пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 15–22.

Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Кузьмин Я.В., Калинкин П.Н., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 42–46.

Васильев С.К., Шуньков М.В. Остатки млекопитающих из голоценовых отложений в восточной и южной галереях Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 21–27.

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета // Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода АН СССР. – 1950. – Т. 9, вып. 1. – 239 с.

Ермолова Н.М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. – Новосибирск: Наука, 1978. – 220 с.

Паавер К.Л. Формирование териофауны и изменчивость млекопитающих Прибалтики в голоцене. – Тарту: Изд-во АН ЭССР, 1965. – 494 с.

Косинцев П.А. Голоценовые остатки крупных млекопитающих Западной Сибири // Современное состояние и история животного мира Западно-Сибирской низменности. – Свердловск: Изд-во УрО АН СССР, 1988. – С. 32–51.

Косинцев П.А., Явшева Д.А. Крупные млекопитающие степей Казахстана в голоцене // Биоразнообразие степных сообществ. – Костанай: Изд-во Костанайс. соц.-тех. ун-та, 2006. – С. 79–87.

Собанский Г.Г. Промысловые звери Горного Алтая. – Новосибирск: Наука, 1988. – 160 с.

Цалкин В.И. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси // МИА. – 1956. – № 51. – 185 с.

References

Derevianko A.P., Molodin V.I. Denisova peshchera. Novosibirsk: Nauka, 1994, pt. I, 262 p. (in Russ.).

Ermolova N.M. Teriofauna doliny Angary v pozdnem antropogene. Novosibirsk: Nauka, 1978, 220 p. (in Russ.).

Gromova V.I. Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeleta. In *Trudy komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 1950, vol. 9, iss. 1, 239 p. (in Russ.).

Kosintsev P.A. Golotsenovye ostatki krupnykh mlekopitayushchikh Zapadnoi Sibiri. In *Sovremennoe sostoyanie i istoriya zhivotnogo mira Zapadno-Sibirskoi nizmennosti*. Sverdlovsk: Ural Branch AS USSR, 1988, pp. 32–51 (in Russ.).

Kosintsev P.A., Yavsheva D.A. Krupnye mlekopitayushchie stepei Kazakhstana v golotsene. In *Bioraznoobrazie stepnykh soobshchestv: materialy mezhdunar. konf., 26–27 apr. 2006 g.* Kostanai: Kostanai Soc.-Techn. Univ., 2006, pp. 79–87 (in Russ.).

Paaver K.L. Formirovanie teriofauny i izmenchivost' mlekopitayushchikh Pribaltiki v golotsene. Tartu: AN ESSR Publ., 1965, 494 p. (in Russ.).

Sobanskii G.G. Promyslovye zveri Gornogo Altaya. Novosibirsk: Nauka, 1988, 160 p. (in Russ.).

Tsalkin V.I. Materialy dlya istorii skotovodstva i okhoty v drevnei Rusi. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow, 1956, No. 51, 185 p. (in Russ.).

Vasiliev S.K. Large Mammal Fauna from the Pleistocene Deposits of Chagyrskaya Cave, Northwestern Altai (Based on 2007–2011 Excavations). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, vol. 41 (1), pp. 28–44.

Vasiliev S.K., Grebnev I.E. Fauna mlekopitayushchikh golotsena Denisovoi peshchery. In *Derevyanko A.P., Molodin V.I., Denisova peshchera*. Novosibirsk: Nauka, 2004, pt. I, pp. 167–180 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. The Prelimenary Results of Megafauna Remains Study from Strashnaya Cave (Northern-Western Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 15–22 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Parkhomchuk E.V., Serednyov M.A., Milutin K.I., Kuzmin Ya.V., Kalinkin P.N., Rastigeev S.A. Radiocarbon dating of the remains of rare Pleistocene megafauna species in Southern Siberia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 42–46 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Shunkov M.V. Ostatki mlekopitayushchikh iz golotsenovykh otlozhenii v vostochnoi i yuzhnoi galereyakh Denisovoi peshchery. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. XVI, pp. 21–27 (in Russ.).

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6863-7900
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.059-067
УДК 569

С.К. Васильев[1, 2], М.А. Середнёв[2], К.И. Милютин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Крупные млекопитающие среднего и позднего плейстоцена из аллювиальных местонахождений Бибиха на реке Оби (Новосибирская область) и с реки Чумыш (Алтайский край)

В 2019 г. продолжилось изучение двух крупных вторичных аллювиальных местонахождений в районе пос. Бибиха на р. Оби и между селами Мартыново и Кытманово на р. Чумыш. За 5 лет в Бибихе было собрано 5 471 экз. костных остатков от 19 видов крупных млекопитающих. Остатки среднеплейстоценового возраста принадлежат Castor fiber, Canis lupus, Ursus arctos, Ursus savini, Panthera leo spelaea, Mammuthus primigenius, Equus ferus (ex. gr. mosbachensis-germanicus), Stephanorhinus kirchbergensis, Coelodonta antiquitatis, Camelus knoblochi, Megaloceros giganteus, Cervus elaphus cf. sibiricus, Rangifer tarandus, Bison priscus и Saiga tatarica borealis. Кости на пляж поступают из размываемой рекой ниже уреза воды толщи среднеплейстоценового руслового аллювия. Небольшая часть материала относится к раннеплейстоценовым видам, таким как Panthera leo mosbachensis, Cervalces latifrons, Praeovibos sp., Soergelia cf. elisabethae. В Бибихе наиболее многочисленны остатки бизона и лошади (52 и 25,8 %). Общее число костных остатков, собранных за 10 лет на р. Чумыш, составило 14 757 экз., относящихся к 29 видам мегафауны. Подавляющая часть костей, вымытых из отложений второй надпойменной террасы, датируется по ^{14}C каргинским и сартанским временем. Преобладают остатки бизона и лошади (47,5 и 22,5 %). В 2019 г. видовой список с Чумыша пополнился единичными костями Marmota baibacina, G. gulo, Sus scrofa и Ovis ammon. Это первая находка кабана в плейстоцене юго-востока Западной Сибири. Архар в позднем плейстоцене населял отроги Салаирского кряжа. Представители териокомплексов из отложений среднего плейстоцена Бибихи и каргинского времени с р. Чумыш обитали в условиях господства лесостепных ландшафтов.

Ключевые слова: *плейстоцен, Бибиха, Чумыш, мегафауна, костные остатки.*

Sergey K. Vasiliev[1, 2], Michail A. Serednyov[2], Kirill I. Milutin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: svasiliev@archaeology.nsc.ru

Large Mammals of the Middle and Late Pleistocene from the Alluvial Sites of Bibikha at the Ob River (Novosibirsk Region) and from the Chumysh River (Altai Krai)

In 2019, two large secondary alluvial sites in the vicinity of the village of Bibikha on the Ob River and between the villages of Martynovo and Kytmanovo on the Chumysh River continued to be explored. During five years of research, 5471 speciments of bone remains belonging to 19 species of large mammals have been collected in Bibikha. The remains of the Middle Pleistocene belong to Castor fiber, Canis lupus, Ursus arctos, Ursus savini, Panthera leo spelaea, Mammuthus primigenius, Equus ferus Equus ferus (ex. gr. mosbachensis-germanicus), Stephanorhinus kirchbergensis, Coelodonta antiquitatis, Camelus knoblochi, Megaloceros giganteus, Cervus elaphus cf. sibiricus, Rangifer tarandus, Bison priscus and Saiga tatarica borealis. Bones ended up on the beach from the Middle Pleistocene riverbed alluvium eroded by the river

below the water edge. A small part of the material evidence belongs to the Early Pleistocene species, such as Panthera leo mosbachensis, Cervalces latifrons, Praeovibos sp., Soergelia cf. elisabethae. In Bibikha, bone remains of bisons and horses were the most numerous (52 and 25.8 % respectively). The total number of bone remains collected in the course of ten years at the Chumysh River amounted to 14,757 pieces belonging to 29 species of megafauna. The vast majority of bones which had been washed out of the sediments of the second terrace above floodplain, were dated by ^{14}C to the Karginsky and Sartan periods. Bones of bisons and horses predominated (47.5 and 22.5 % of remains). In 2019, the list of species at the Chumysh River was enriched with individual bones of Marmota baibacina, G. gulo, Sus scrofa, and Ovis ammon. This is the first find of a boar from the Pleistocene in the southeastern Western Siberia. Argali lived on the spurs of the Salair Ridge in the Late Pleistocene. Theriocomplexes of the Middle Pleistocene at Bibikha and of the Karginsky period at the Chumysh River inhabited the dominant forest-steppe landscapes.

Keywords: *Pleistocene, Bibikha, Chumysh, megafauna, bone remains.*

На юго-востоке Западной Сибири, по Оби и ее притокам, в последние десятилетия исследован ряд крупных местонахождений остатков плейстоценовой мегафауны [Васильев, 2005; Васильев, Середнёв, Милютин, 2017, 2018]. Наиболее значительными из них являются местонахождения переотложенных костных остатков в районе пос. Бибиха на р. Оби, в 40 км ниже Новосибирска, и на р. Чумыш, между селами Мартыново и Кытманово.

Крупное скопление переотложенных остатков плейстоценовой мегафауны в районе Бибихи было открыто в 2015 г. одним из авторов статьи. За пять сезонов здесь собрано или учтено почти 5,5 тыс. костей от 19 видов (табл. 1). Песчано-галечный пляж простирается по фронту более чем на 200 м и свыше 500 м вниз по течению. Наиболее продуктивная его часть, где было найдено большинство костных остатков, находится в верхней по течению головной части пляжа. Вниз по течению песчано-галечный нанос постепенно мельчает, а вместе с этим исчезают и крупные кости. Однако именно в нижней части костеносного пляжа было найдено большинство остатков видов среднего размерного класса, таких как бобр, серый волк, сайгак и зоргелия. Костеносная отмель постепенно открывается по мере падения уровня воды в осеннюю межень. Кроме того, большое количество костей было собрано из воды на отмелой части пляжа (с глубины до 50–60 см), простирающейся на несколько десятков метров в сторону русла реки.

Источник, откуда кости вымываются и выносятся на пляж, неизвестен. Выше по течению на 10–15 км отсутствуют разрезы со сколько-нибудь заметным присутствием остатков мегафауны. По всей видимости, современной речной эрозией на одном из участков русла размывается ниже меженного уреза воды инситная толща древнего руслового аллювия. Часть костей, вынесенных на пляж, сохраняет, особенно в углублениях и полостях, остатки включавшей их породы в виде ожелезненной охристо-ржавой песчано-галечной корки, отслаивающейся при полном высыхании. Кости имеют различную степень окатанности. Преобладают слабо или средне окатанные кости, реже встречаются наиболее прочные и устойчивые к многократному переотложению астрагалы, фаланги, кости запястья и заплюсны лошадей и бизонов, окатанные подчас до состояния костяного обмылка. Судя по тому, что на костеносную отмель выносятся целые крупные трубчатые кости, позвонки, ребра и ветви нижних челюстей лошадей и бизонов, транспортировка костных остатков речным потоком в паводок вряд ли может превышать расстояние в 1–2 км, или, скорее, несколько сотен метров. Как и на любом вторичном аллювиальном местонахождении, на пляже Бибихи присутствуют разновременные костные остатки – от ранне- и среднеплейстоценовых до позднеплейстоценовых, а также единично встречаются кости домашних животных голоценового возраста.

Исходя из сохранности костей и их видового состава, основная масса находок имеет среднеплейстоценовый возраст. Кости этой группы довольно значительно минерализованы, в основном темно-кофейного цвета, слабо окатаны. Гидродинамические особенности на данном участке русла реки таковы, что наиболее значимые для целей биостратиграфии остатки, такие как тяжёлые зубы слонов, роговые стержни бизонов, не доносятся до пляжа. Основной материал, пригодный для этих целей – это многочисленные метаподии лошадей. На протяжении всего плейстоцена у настоящих кабаллоидных лошадей наблюдался тренд неуклонного измельчания при сохранении общих пропорций костей. Это позволяет использовать наиболее информативные и массово представленные метаподии лошадей из разных местонахождений (или слоев) для целей биостратиграфических корреляций. Анализ графических построений по пястным и плюсневым костям лошади из Бибихи показывает (рис. 1), что они весьма близки или же идентичны со среднеплейстоценовой *Equus ferus* (ex. gr. *mosbachensis-germanicus*), описанной из отложений Кузнецкой котловины [Форонова, 1990]. Хорошим индикатором среднеплейстоце-

Таблица 1. **Видовой состав и количество костных остатков крупных млекопитающих из местонахождений в районе пос. Бибиха и на р. Чумыш**

Виды	Бибиха, 2015–2019		Чумыш, 2011–2019	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Lepus tanaiticus	–	–	5	0,03
Marmota baibacina	–	–	1	0,01
Castor fiber	2	0,04	14	0,10
Cuon alpinus	–	–	2	0,01
V. vulpes	–	–	2	0,01
Canis lupus	5	0,09	11	0,08
Ursus arctos	21	0,38	52	0,35
Ursus savini	17	0,31	58	0,39
G. gulo	–	–	1	0,01
Meles anacuma	–	–	2	0,01
C.crocuta spelaea	–	–	9	0,06
Panthera leo spelaea	18	0,33	82	0,56
Mammuthus primigenius	295	5,39	1315	8,91
Equus ferus	1411	25,79	3314	22,46
E. (Sussemionus) ovodovi	–	–	8	0,05
Stephanorhinus kirchbergensis	2	0,04	17	0,12
Coelodonta antiquitatis	322	5,89	1428	9,68
Sus scrofa	–	–	1	0,01
Camelus knoblochi	1	0,02	2	0,01
Megaloceros giganteus	195	3,56	464	3,14
Cervus elaphus cf. *sibiricus*	196	3,58	710	4,81
Alces cf. *alces*	98	1,79	263	1,78
Cervalces latifrons	11	0,20	–	–
Capreolus pygargus	–	–	4	0,03
Rangifer tarandus	7	0,13	14	0,10
Bos primigenius	–	–	1	0,01
Bison priscus	2843	51,96	7002	47,45
Saiga borealis	6	0,11	3	0,02
Ovis ammon	–	–	1	0,01
Ovibos moschatus	–	–	1	0,01
Praeovibos sp.	3	0,06	–	–
Soergelia cf. *elisabethae*	18	0,33	–	–
Число костных остатков	5471	100	14757	100

новой хазарской фауны является также верблюд Кноблоха, единственная целая пяточная кость которого была найдена в 2018 г. [Васильев, Середнёв, Милютин, 2018]. Среднеплейстоценовый лось из Бибихи в средних значениях промеров костей посткраниального скелета приблизительно соответствует позднеплейстоценовому *Acles* cf. *alces* казанцевского времени из Красного Яра и резко отличается в размерах от костей огромного раннеплейстоценового широколобого лося, найденного здесь же. По длине роговой штанги у вполне взрослых экземпляров (с обхватом основания штанги более 150 мм) лось из Бибихи незначительно превосходит казанцевского лося Красного Яра (208 и 195 мм по средним значениям). Для сравнения, длина роговой штанги лося каргинского времени с Чумыша составляет в среднем 157 мм. Роговые штанги *Cervalces latifrons* имели длину в среднем 350–380 мм (до 550 мм максимум), а современного *A. a. alces* – 91 мм [Боескоров, 2001]. По размерам рогов и костей посткраниального скелета благородный олень из Бибихи сходен с *Cervus elaphus* cf. *sibiricus* из казанцевского слоя Красного Яра. В раннем плейстоцене на юге Западной Сибири обитал олень существенно более мелкий, мельче современного марала Алтая [Васильев, Оводов, 2013]. Единичные остатки мелкой формы раннеплейстоценового *C. elaphus* также были найдены в Бибихе. По средним значениям промеров костей зачерепного скелета бизон из Бибихи совершенно идентичен *Bison priscus* казанцевского межледниковья. Таким образом, не только сохранность костей, но и морфологические особенности остатков фоновых видов мегафауны указывают на средне-

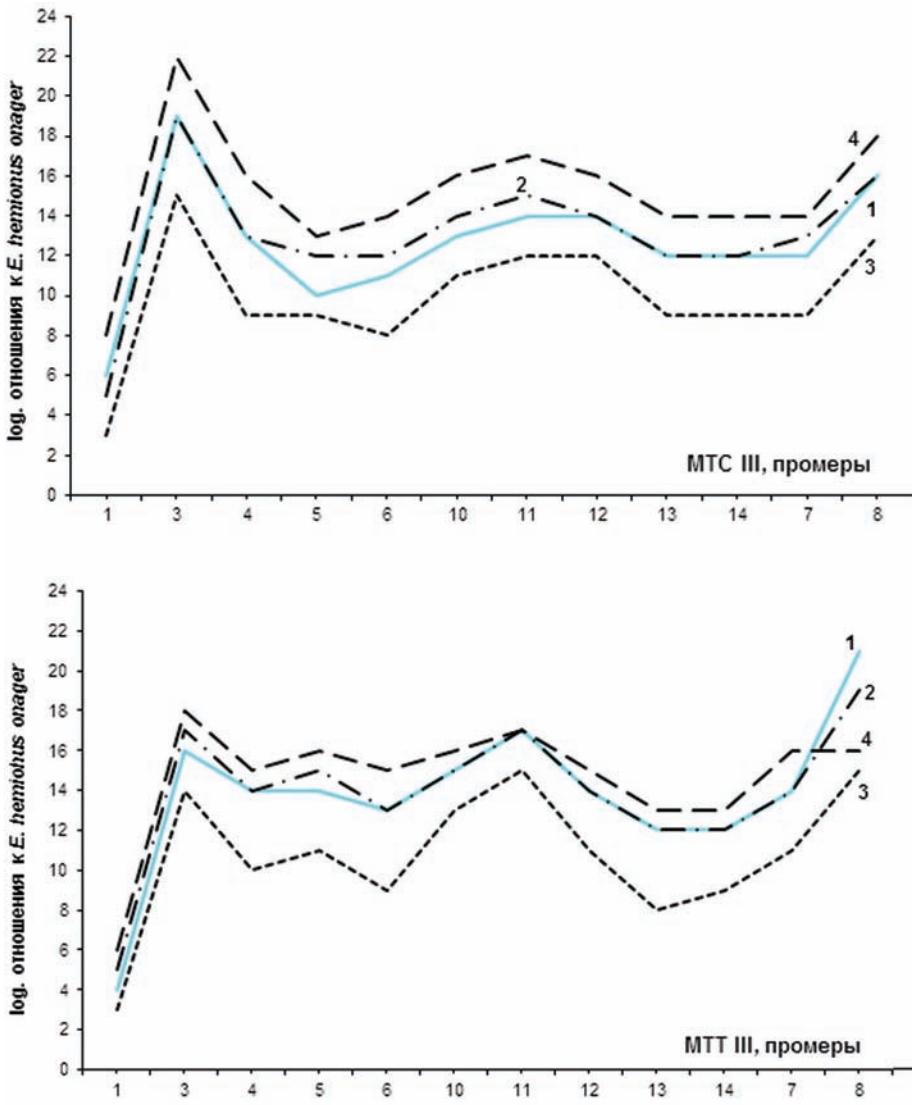

Рис. 1. Диаграммы соотношений средних пропорций пястных и плюсневых костей лошади.

1 – Equus ferus (ex. gr. *mosbachensis-germanicus*), Бибиха, Q_2 (МТС III: n = 47–66; МТТ III: n = 35–53); *2 – Equus ferus* (ex. gr. *mosbachensis-germanicus*), Кузнецкая котловина, Q_2 (МТС III: n = 18; МТТ III: n = 12 [Форонова, 1990]); *3 – Equus ferus* (ex. gr. *gallicus*), Красный Яр, 4 слой, W-2 (МТС III: n = 20–29; МТТ III: n = 25–37); *4 – Equus ferus* (ex. gr. *mosbachensis*), Кузнецкая котловина, Q_1 (МТС III: n = 6; МТТ III: n = 11 [Там же]).

Промеры: 1 – наибольшая длина; 3 – ширина диафиза посередине; 4 – поперечник диафиза там же; 5 – ширина верхнего конца; 6 – поперечник верхней суставной поверхности; 7 – диаметр фасетки для os carpale (os tarsale) III; 8 – диаметр фасетки для os carpale (os tarsale) IV; 10 – ширина нижнего конца в надсуставных буграх; 11 – ширина нижнего конца в суставе; 12 – поперечник сагиттального гребня; 13 – наименьший поперечник медиального мыщелка; 14 – наибольший поперечник медиального мыщелка.

плейстоценовый возраст значительной части материала, собранного в Бибихе.

В сборах присутствует также небольшое число костей раннеплейстоценового возраста. Кости этой группы темно-серого или почти черного цвета, минерализованы заметно сильнее, чем остатки среднеплейстоценового возраста, в основном сильно окатаны. В то же время примерно половина костей этой группы по комплексу признаков сохранности мало отличается от среднеплейстоценовых остатков. Выдает эти кости лишь их принадлежность к индикаторным видам раннего плейстоцена, таким как *Panthera leo fossilis, Equus* ferus (ex. gr. *mosbachensis*), *Cervalces latifrons, Praeovibos* sp., *Soergelia* cf. *elisabethae.* К группе раннеплейстоценового возраста принадлежат также костные остатки *Mammuthus* sp., *Coelodonta antiquitatis, Megaloceros giganteus, Cervus elaphus, Bison priscus.* Присутствие разновременных костных остатков характерно для любого руслового аллювия, даже в заведомо инситных местонахождениях, а уж тем более это наблюдается на пляжах и отмелях с переотложенными костями [Верещагин, Громов, 1953].

В 2019 г. весенне-летний паводок был относительно слабым, благодаря чему костей, особенно крупных, на пляж вынесло гораздо меньше, чем

в прежние годы. Тем не менее удалось собрать более 700 костей от 14 видов крупных млекопитающих. Из остатков редких видов коллекция пополнилась еще одним астрагалом, запястной 2+3 и второй фалангой широколобого лося. От зоргелии найдено 3 кости: фрагменты нижних концов пясти и плюсны и нижняя половина лучевой кости. Ширина диафиза radius – 38,2 мм, ширина/поперечник нижнего конца – 59/41,2 мм. Это уже вторая подобная находка в Бибихе (рис. 2, *6*). Из остатков малого пещерного медведя наиболее интересна правая сагиттальная половина лицевого отдела черепа с полным зубным рядом (рис. 2, *5*). Длина лицевого отдела – 205 мм, длина C^1-M^2 – 139 мм, длина P^4-M^2 коронарная – 81 мм (80,2 мм альвеолярная). Длина/ширина P^4 – 16,7/15 мм, M^1 – 25,7/18,5 мм, M^2 – 41/21,6 мм. Сравнение с промерами черепов и серией изолированных зубов *Ursus savini uralensis* [Барышников, 2007] показывает, что фрагмент черепа из Бибихи принадлежал крупному старому зверю.

Таким образом, сохранность костей не позволяет с полной уверенностью разделить весь материал на средне- и раннеплейстоценовые остатки. По этой причине он рассматривается в совокупности, но с учетом того, что основная его часть относится все же к среднему плейстоцену. Соотношение остатков бизон–лошадь (52 и 25,8 %) и относительно большая доля оленей (9,3 %) свидетельствуют о господстве лесостепных ландшафтов в период накопления среднеплейстоценового аллювия. Количество хищников (1,1 %) типично для аллювиальных местонахождений и соответствует таковому в естественных биоценозах.

Сплав по Чумышу между с. Мартыново и Кытманово в 2019 г. осуществлялся дважды – в конце июня и конце августа, когда уровень воды снизился еще на 30–40 см. В первую поездку было собрано 860 костных остатков, во вторую – 1 232. В это число включены также 42 кости, обнаруженные во время разведывательных поездок отрядом М.Б. Козликина и А.М. Чехи, любезно переданные

Рис. 2. Остатки мегафауны с р. Чумыш (*1–4*) и с р. Оби в районе пос. Бибиха (*5–6*).
1 – бедренная кость; *2–4* – нижние челюсти; *5* – фрагмент черепа; *6* – нижняя половина лучевой кости.
1 – Panthera leo spelaea; *2–4 – Ursus arctos*; *5 – Ursus savini*; *6 – Soergelia* cf. *elisabethae.*

впоследствии в наше распоряжение. В число этих находок входят фрагмент лобно-затылочной части черепа малого пещерного медведя и часть нижней челюсти (без зубов) росомахи, впервые обнаруженной на Чумыше. Всего с 2011 г., за 9 лет ежегодных поездок и сплавов по Чумышу было собрано либо учтено почти 14,8 тыс. костных остатков, принадлежащих к 29 видам плейстоценовой мегафауны (табл. 1).

Кости вымываются из отложений второй надпойменной террасы, достигающей высоты до 12–15 м. Строение ее достаточно однородно на всем исследованном участке реки. Непосредственно в слоях удавалось обнаруживать лишь считанные экземпляры костей, зато на песчано-галечных пляжах, закономерно чередующихся с ярами, кости представлены нередко в большом изобилии. Это связано в основном с тем, что главный костеносный горизонт, представленный рыже-охристыми ожелезненными песками и прослоями галечников, находится ниже уреза воды и размывается рекой непосредственно. В весенний паводок, когда переносящая сила потока наиболее велика, кости транспортируются течением (путем волочения или сальтации) и оседают обычно на ближайшем от окончания яра пляже. Прямое датирование костей крупных млекопитающих показало, что 76 % из них относятся ко времени каргинского межстадиала, 20 % принадлежат к сартанскому времени, и 3,4 % – к раннему голоцену [Васильев и др., 2016; 2018]. Отмечены также единичные находки сильно минерализованных и окатанных костей средне–раннеплейстоценового возраста.

В целом материал, собранный на пляжах, разновременен, но почти весь он относится ко второй половине позднего плейстоцена – каргинскому и сартанскому времени. Этим объясняются совместные находки на пляжах видов животных, совершенно различных по своей экологической приуроченности. Например, по единственному позвонку овцебыка была получена дата в 17 тыс. л.н., что как раз совпадает с максимумом сартанского оледенения, когда стада овцебыков могли проникать на юг вплоть до долины Чумыша [Васильев и др., 2018]. В основном на сартанское время приходятся, очевидно, и большинство находок костей северного оленя и сайгака, часть которых также была датирована. Единичные находки костей косули и кабана связаны, по-видимому, с наиболее теплыми интервалами времени внутри каргинского межстадиала. Единственная пястная кость тура датирована самым началом голоцена [Васильев и др., 2016]. Верблюд Кноблоха эпизодически проникал в долину Чумыша из северо-восточного Казахстана, или, возможно, Предалтайских степей в наиболее засушливые годы в периоды аридизации климата. Немногочисленные остатки носорога Мерка происходят, скорее всего, из более древних отложений, возможно, времени последнего, казанцевского межледниковья. Единственная датировка по целой лопатке этого вида носорога показала запредельный (>40 000 л.н.) возраст [Васильев и др., 2018].

В 2019 г. на Чумыше был сделан ряд интересных находок остатков новых видов. Найден диафиз бедренной кости сурка. Кости зверей подобного размерного класса (сурок, лисица, заяц, росомаха, волк) лишь в исключительно редких случаях встречаются на костеносных пляжах и отмелях. Не менее интересна неполная окатанная пяточная кость полувзрослого кабана. Сохранность кости не оставляет сомнений в ее позднеплейстоценовом возрасте. Это первая находка *Sus scrofa* в плейстоцене юго-востока Западной Сибири и Алтая. В районе с. Кытманово на пляже была поднята запястная кость архара (carpi 2+3). Ширина, поперечник и высота кости – 27,5; 25,6 и 16 мм. Очевидно, немногочисленная популяция *Ovis ammon* в позднем плейстоцене населяла отроги Салаирского кряжа. Четыре кости архара были найдены также в Тараданово на р. Оби, в 15 км выше Камня-на-Оби [Васильев, 2011]. Впервые за все время обнаружена абсолютно целая бедренная кость пещерного льва (рис. 2, *1*). Длина кости от большого вертела – 398 мм, то же от головки бедра – 385,5 мм. Ширина верхнего конца – 101 мм, поперечник в большом вертеле и головке – 54 и 45,5 мм. Ширина/поперечник диафиза посередине – 38/33 мм. Ширина нижнего конца – 88,5 мм, его медиальный и латеральный поперечники – 90 и 83,5 мм, ширина facies patellaris – 45 мм. Кость принадлежала крупному льву, чьи размеры превосходят данные по Евразии, приведенные Н.К. Верещагиным [1971], и укладываются в пределы изменчивости огромного американского *Panthera leo atrox* из битумов Ранчо Ла Бреа в Калифорнии [Merriam, Stock, 1932]. В коллекции с Чумыша имеется верхний отдел бедренной кости от еще более крупной особи, с шириной проксимального конца и диафиза 111 и 40 мм, и диаметром caput femoris 49,8 мм.

В 2018–2019 гг. удалось установить еще один источник поступления костей на пляжи. Они вымываются при максимальном подъеме воды из невысокого (1–1,5 м) уступа пойменной террасы, сформировавшейся в позднеголоценовое время. Терраса сложена той же перемытой песчано-галечной толщей, что и на современных пляжах, и в ней содержится большое количество костей крупных млекопитающих. Часто этот уступ отстоит от меженного уреза воды на 50–100 м. Кости, вымытые из него, растянуты полосой вдоль уступа террасы. Приме-

Таблица 2. **Размеры нижней челюсти *Ursus arctos* позднего плейстоцена и голоцена юга Западной Сибири**

Промеры, мм	Чумыш, W-2				Красный Яр, 6 слой, R-W				п. Памятная, Хакасия, голоцен			
	n	Lim	M	s	n	Lim	M	s	n	Lim	M	s
Длина челюсти	3	234,6–267,0	255,53	329,65	4	255,0–274,0	261,25	74,92	14	228,7–269,5	250,26	207,05
Длина I_1–M_3	3	151,5–167,5	160,33	66,08	3	159,0–174,0	167,17	57,58	18	143,3–177,5	158,69	77,85
Длина C_1–M_3 (от передней стенки клыка)	3	147,0–164,0	155,67	72,33	4	150,0–166,0	156,30	55,16	23	138,5–164,0	151,37	56,64
Длина C_1–M_3 (от задней стенки клыка)	4	118,0–134,0	126,75	47,58	4	128,0–136,0	132,00	13,33	28	116,0–140,0	127,61	44,29
Длина P_4–M_3 альвеолярная	4	86,5–96,5	92,50	19,50	3	84,0–100,2	93,47	71,21	34	77,0–95,6	88,03	23,96
Длина M_1–M_3 альвеолярная	4	72,0–79,0	76,65	10,10	4	69,5–81,0	75,50	37,17	34	66,5–81,6	73,70	16,21
Длина диастемы	2	34,0–41,7	37,85	29,65	3	29,0–43,0	37,67	57,33	33	27,5–49,0	38,90	22,81
Высота в диастеме, min	4	47,0–56,5	51,25	15,42	4	41,6–51,3	47,25	17,58	31	33,2–52,7	44,04	21,25
Высота перед P_4	3	51,0–59,3	54,00	21,19	4	48,5–56,0	52,25	12,75	35	39,5–59,3	48,51	27,90
Высота за M_3	5	55,5–68,0	62,14	24,97	4	56,0–57,4	56,78	0,42	37	41,3–70,5	58,48	47,73
Высота в суставном отростке	6	39,0–56,5	49,33	40,97	4	40,5–52,2	45,20	26,18	26	38,0–61,0	47,72	36,76
Высота в венечном отростке	4	97,7–124,0	111,05	115,71	4	103,3–122,6	109,28	80,33	21	91,8–125,3	107,99	101,61
Толщина горизонтальной ветви	5	22,0–25,3	23,30	1,70	4	19,0–26,0	22,08	8,49	38	16,0–27,2	20,43	6,40
Ширина суставного отростка	4	55,0–62,5	58,28	9,78	4	45,5–58,0	50,48	28,38	22	41,0–69,7	57,11	42,97
C_1 длина	3	23,0–28,3	25,43	7,16	2	25,0–26,0	25,50	0,50	9	18,2–26,5	22,00	7,38
C_1 ширина	2	14,9–19,0	16,95	8,41	2	18,0–18,5	18,25	0,13	9	13,4–17,5	15,69	1,37
P_4 длина	1	–	15,20	–	3	11,5–16,0	14,50	6,75	31	10,1–16,3	13,28	1,95
P_4 ширина	2	10,5–11,5	11,00	0,50	3	6,5–9,5	8,43	2,81	31	6,5–9,0	7,84	0,40
M_1 длина	4	24,3–27,0	25,85	1,35	1	–	28,00	–	28	23,5–32,3	25,79	3,19
M_1 ширина	4	12,4–14,8	13,73	1,06	1	–	14,50	–	27	11,0–16,5	12,89	1,25
M_2 длина	5	25,0–30,3	27,42	3,21	2	17,8-19,3	18,55	2,42	38	23,0–29,0	26,37	2,54
M_2 ширина	5	15,2–19,2	17,06	2,94	2	17,8-19,3	18,55	1,13	35	15,0–18,7	16,78	1,12
M_3 длина	4	22,8–25,0	24,13	0,96	1	–	24,60	–	28	19,2–25,4	22,63	3,03
M_3 ширина	4	17,2–19,6	18,25	1,00	1	–	18,20	–	28	14,4–18,4	16,47	0,91

чательно, что средняя часть подобных пляжей может почти совсем не содержать костных остатков. Вероятно, вымытые кости, пролежав сезон-другой на пляже, разрушаются и распадаются на более мелкие и легкие фрагменты, которые в очередной паводок уносятся течением. На одном из таких пляжей вдоль уступа пойменной террасы было одновременно найдено 3 целые ветви нижней челюсти бурого медведя (рис. 2, *2*). Эти челюсти, их фрагменты и кости посткраниального скелета, собранные в предыдущие годы, принадлежали в основном очень крупным особям (табл. 2). Позднеплейстоценовый *Ursus arctos* размерами тела незначительно превосходил крупного голоценового бурого медведя из пещеры-ловушки Памятная в Хакасии [Васильев, Гребнев, 2009], не говоря уже о сильно измельчавшем под влиянием антропогенного фактора современном буром медведе юга Западной Сибири. Если принять сумму средних значений промеров mandibula голоценового медведя за 100 %, то для *Ursus arctos* с Чумыша этот показатель составит 103 %, а у медведя казанцевского времени из слоя 6 Красного Яра – 103,6 %.

Аллювиальные местонахождения наиболее полно и точно отражают реальное соотношение между видами крупных млекопитающих, имевшее место в биотах плейстоцена. Анализ мегафауны из местонахождений среднего плейстоцена (Бибиха), начала позднего плейстоцена (слой 6 Красного Яра, Тараданово) и второй половины позднего плейстоцена (Чумыш, Чик, слой 4 Красного Яра, Орда) показал, что главными фоновыми видами на юго-востоке Западной Сибири всегда были бизон и лошадь. В сумме к ним принадлежит от 2/3 до 3/4 всех костных остатков. В периоды термохронов, когда на данной территории господствовали в основном лесостепные ландшафты [Архипов, Волкова, 1994], здесь доминировал бизон, кости которого могли составлять 48–52 % всех находок, лошадь же отодвигалась на второй план (до 20–25 %; Бибиха, Тараданово, слой 6 Красного Яра, Чумыш). В периоды гляциалов, в связи с остепнением и аридизацией территорий, преимущество получала лошадь, чьи остатки составляли более половины (50–63 %) от числа всех костей мегафауны, тогда как бизон смещался на вторую позицию (16–23 %; слой 4 Красного Яра, Чик). Остатки оленей – гигантского, благородного, а также лося в межледниковых фаунах (слой 6 Красного Яра) могли составлять до 17 %, в периоды гляциалов их численность резко падала – до 5–6 % (слой 4 Красного Яра, Чик). Относительная численность остатков мамонта (5–12 %) и шерстистого носорога (6–10 %) в периоды как оледенений, так и межледниковий, оставалась достаточно стабильной.

Благодарности

Выражаем большую признательность археологам М.Б. Козликину и А.М. Чехе за переданную коллекцию костей с Чумыша. Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0008.

Список литературы

Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: НИЦ ОИГГМ СО РАН, 1994. – 105 с.

Барышников Г.Ф. Медвежьи (Carnivora, Ursidae). – СПб.: Наука, 2007. – 541 с.

Боескоров Г.Г. Систематика и происхождение современных лосей. – Новосибирск: Наука, 2001. – 120 с.

Васильев С.К. Крупные млекопитающие казанцевского и каргинского времени Новосибирского Приобья (по материалам местонахождения Красный Яр): автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Новосибирск, 2005. – 26 с.

Васильев С.К. Некоторые итоги изучения Тараданов ского местонахождения позднеплейстоценовой мегафауны // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 20–25.

Васильев С.К., Гребнев И.Е. Морфология костей скелета голоценового бурого медведя (Ursus arctos L., 1758) Кузнецкого Алатау // Енисейская провинция. Альманах. – Красноярск: Красноярский краевой краеведческий музей, 2009. – Вып. 4. – С. 68–76.

Васильев С.К., Оводов Н.Д. Благородный олень (*Cervus elaphus* cf. *sibiricus*) в позднем плейстоцене и голоцене юга Западной и Средней Сибири // Зоологический журнал. – 2013. – Т. 92, № 9. – С. 1031–1045.

Васильев С.К., Пархомчук Е.В., Середнёв М.А., Милютин К.И., Кузьмин Я.В., Калинкин П.Н., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование остатков редких видов плейстоценовой мегафауны Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 42–46.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Новые сборы остатков мегафауны на вторичных местонахождениях Верхнего Приобья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 55–59.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Остатки плейстоценовой мегафауны из аллювиальных местонахождений Бибиха, Тараданово на р. Оби (Новосибирская область) и р. Чумыш (Алтайский край) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 47–51.

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И., Панов В.С. Сборы остатков мегафауны на реках Чумыш (Алтайский край) Чик и Обь в районе посёлка Бибиха (Новосибирская область) в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 23–28.

Верещагин Н.К. Пещерный лев и его история в Голарктике и в пределах СССР // Труды Зоол. ин-та АН СССР. – 1971. – Т. 49. – С. 123–199.

Верещагин Н.К., Громов И.М. Сбор остатков высших позвоночных четвертичного периода. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – 37 с.

Форонова И.В. Ископаемые лошади Кузнецкой котловины. – Новосибирск: Изд-во ИГиГ СО АН СССР, 1990. – 131 с.

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. – Washington: Carnegie Inst., 1932. – 232 p. + 42 pl.

References

Arhipov S.A., Volkova V.S. Geologicheskaja istorija, landshafty i klimaty plejstocena Zapadnoj Sibiri. Novosibirsk: United Institute of Geology, Geophysics and Mineralogy SB RAS, 1994, 105 p. (in Russ.).

Baryshnikov G.F. Medvezh'i (Carnivora, Ursidae). St. Petersburg: Nauka Publ., 2007, 541 p. (in Russ.).

Boeskorov G.G. Sistematika i proishozhdenie sovremennyh losej. Novosibirsk: Nauka, 2001, 120 p. (in Russ.).

Foronova I.V. Iskopaemye loshadi Kuzneckoj kotloviny. Novosibirsk: Institute of Geology and Geophysics SB AS SSSR Publ., 1990, 131 p. (in Russ.).

Merriam J.C., Stock G. The Felidae of Rancho La Brea. Washington: Carnegie Inst., 1932, 232 p. + 42 pl.

Vasiliev S.K. Krupnye mlekopitajushhie kazancevskogo i karginskogo vremeni Novosibirskogo Priob'ja (po materialam mestonahozhdenija Krasnyj Jar): cand. sc. (biology) dissertation abstract. Novosibirsk, 2005, 26 p. (in Russ.).

Vasiliev S.K. Nekotorye itogi izuchenija Taradanovskogo mestonahozhdenija pozdneplejstocenovoj megafauny. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 20–25 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Grebnev I.E. Morfologija kostej skeleta golocenovogo burogo medvedja (Ursus arctos L., 1758) Kuzneckogo Alatau. *Enisejskaja provincija. Al'manah*. Krasnojarsk: Krasnojarskij kraevoj kraevedcheskij muzej, 2009, iss. 4, pp. 68–76 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Ovodov N.D. Blagorodnyj olen' (*Cervus elaphus* cf. *sibiricus*) v pozdnem plejstocene i golocene juga Zapadnoj i Srednej Sibiri. *Zoologicheskij zhurnal*, 2013, vol. 92, No. 9, pp. 1031–1045 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Parkhomchuk E.V., Serednyov M.A., Milutin K.I., Kuzmin J.V., Kalinkin P.N., Rastigeev S.A. Radiocarbon dating of the remains of rare Pleistocene megafauna species in Southern Siberia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 42–46 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. New collecting of the Pleistocene megafauna remains at the alluvial locations if the Upper Ob-side in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 55–59 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. The Pleistocene megafauna fossil remains from the alluvial sites Bibikha,Taradanovo at the Ob River (Novosibirsk oblast) and Chumysh River (Altai region). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 47–51 (in Russ.).

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I., Panov V.S. Collecting of the theriofaunal materials at the rivers Chumysh (Altai region), Chick and Ob near Bibikha village (Novosibirsk region) in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 23–28 (in Russ.).

Vereshchagin N.K. Peshchernyi lev i ego istoriya v Golarktike i v predelakh SSSR. *Trudy Zool. instituta AN SSSR*, 1971, vol. 49, pp. 123–199 (in Russ.).

Vereschagin N.K., Gromov I.M. Sbor ostatkov vysshih pozvonochnyh chetvertichnogo perioda. Moscow: AS USSR Publ., 1953, 37p. (in Russ.).

Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6863-7900

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.068-073
УДК 903.23

Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Культуры неолита северо-востока Китая и их связи с сопредельными территориями (по материалам китайских исследователей)

Эпоха неолита на северо-востоке Китая и на сопредельных территориях характеризуется достаточно широкими миграциями населения, приведшими к распространению земледелия в более северные регионы, однако специальных исследований, посвященных культурному обмену между Маньчжурией и Приамурьем, Приморьем, или, наоборот, более южными территориями Шаньдунского п-ова или среднего Хуанхэ, немного. На северо-востоке Китая выделено более 20 культур, датирующихся диапазоном от 8000 до 4000 л.н. В статье приведены материалы публикаций китайских археологов, в которых проанализированы общие черты неолита региона: наиболее типичные керамические формы, орнаментация, жилищные и могильные комплексы, типы хозяйствования – и на их основе выделена периодизация неолита северо-восточного Китая. Отдельно приводятся аналогии на сопредельных Дунбэю территориях – среднего Хуанхэ, Ляодунского п-ова, Приамурья и Приморья. Наибольшее влияние культур центрального Китая мы наблюдаем в южных районах Ляодунского п-ова и запада Ляонина. Аналогии приамурским материалам мы находим в культуре Синькайлю равнины Саньцзян, где встречаются не только похожие формы, но и орнаментация – ромбовидным гребенчатым штампом («амурская плетенка»). Керамика громатухинского типа встречает свои аналогии в культурах Анъанси, Шихуэйчан, Чжэньсин. В среднем неолите носители культур Ябули и Синькайлю имели идентичную встречающейся на приморской бойсманской и руднинской керамике технику нанесения орнамента гребенчатым штампом. Наибольшие аналогии керамике раннего комплекса Зайсановка-1 можно найти в материалах памятника Синчэн. Единой культурной общности на северо-востоке Китая и сопредельных территориях в неолите не существовало, но стилистические черты сходства между близкими по времени культурами этих регионов прослеживаются довольно отчетливо, что свидетельствует об обширных и постоянных контактах.

Ключевые слова: *неолит, северо-восточный Китай, Приамурье, среднее Хуанхэ, керамика, межкультурные связи.*

Ekaterina A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Neolithic Cultures of Northeastern China and Their Relations with the Adjacent Territories (Chinese Research)

The Neolithic in Northeastern China and the adjacent territories is distinguished by relatively wide population migrations, which led to the spread of agriculture to the northern areas. There are few specialized studies on cultural exchange of Manchuria with the Amur region and Primorie, or, conversely, of Manchuria with the southern areas of the Shandong Peninsula or the Middle Yellow River region. In Northeastern China, over 20 archaeological cultures have been identified, dating from 8000 to 4000 BP. The article presents the studies by Chinese archaeologists analyzing the common features manifested by the cultures of the region, most typical forms of pottery, ornamentation, residential and burial complexes, and types of economy, which constitute the basis for periodization of the Neolithic in this region. The parallels from the areas adjacent to Dongbei , such as the Middle Yellow River region, Liaodong Peninsula, Amur region, and Primorie have been analyzed separately. The cultures of Central China had the greatest influence on the southern

regions of the Liaodong Peninsula and the west of Liaoning. We may find parallels to the evidence from the Amur region in the Xinkailiu culture of the Sanjiang Plain, where not only similar forms, but also similar ornamentation with the diamond-shaped comb stamp ("the Amur braid") have been discovered. Pottery of the Gromatukha type finds parallels in the cultures of Angangxi, Shihuichang, and Zhenxing. The carriers of the Middle Neolithic Yabuli and Xinkailiu cultures had the comb-stamp technique identical to what we may observe on the Boisman and Rudnaya Pristan' pottery of Primorie. We find parallels to the pottery of the early Zaisanovka-1 complex in the materials from the Xingcheng site. There was no unified cultural community in Northeastern China and the adjacent territories in the Neolithic, but the stylistic similarities between the cultures of the same period in these regions are quite distinct, which indicates the extensive and constant contacts.

Keywords: *Neolithic, Northeastern China, Amur region, Middle Yellow River region, pottery, intercultural relations.*

К северо-востоку Китая (кит. Дунбэй) относятся современные провинции Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин, частично восточные районы Внутренней Монголии. На западе регион ограничен хребтом Большой Хинган, на северо-востоке – хребтом Малый Хинган, на юго-востоке – Маньчжуро-Корейскими горами (кит. Чанбайшань). Более 60 % территории относится к бассейну р. Сунгари, другие крупные реки – Амур (Хэйлунцзян), Уссури, Ялуцзян, Муданьцзян, Ляохэ и др. Этот регион является одним из наиболее изученных в Китае. Насчитывается уже более сотни памятников различных типов, поселенческих, погребальных, культовых, относящихся к эпохе неолита, выделено более 20 археологических культур. Их датировки, как правило, укладываются в диапазон от 8000 до 4000 л.н. В китайской историографии принято выделять также географические зоны, их насчитывается одиннадцать – это предгорья Яньшань, нижнее течение р. Ляохэ, Ляодунский п-ов, хребет Цяньшань и бассейн р. Ялуцзян, «Вторая Сунгари» (участок реки от Нэньцзян до Амура), бассейн р. Муданьцзян, среднее–нижнее течение р. Нэньцзян, равнина Саньцзян, бассейн р. Хуньцзян, бассейн р. Тумэньцзян и район озер Хулун-Нур (Далайнор) и Буйр-Нуур [Го Дашунь, 2002]. Последние три представленных зоны являются наименее исследованными и не входят в ареалы ни одной из археологических культур неолита. Для других же зон, в особенности бассейна р. Сунгари, р. Ялуцзян, Ляодунского п-ова, гор Яньшань, имеется целая серия радиоуглеродных дат, выделенная типология материала, хорошо изученная стратиграфия, что позволило китайским археологам разделить неолит региона на три периода.

Первый период (6000–4000 гг. до н.э.): к нему относятся культуры Синлунва, Чжаобаогоу – Фухэ, ранние этапы Хуншань, а также Шанчжай, Синьлэ нижнего слоя, Сяочжушань нижнего слоя, Хоува нижнего слоя, Цзоцзяшань нижнего и среднего периодов, Сяолаха первого периода, Чжэньсин, Синькайлю и Сяонаньшань. Этот период в археологии среднего Хуанхэ носит название «Протояншао» и «Яншао раннего периода».

Ко второму периоду (4000–3000 гг. до н.э.) относятся культура Хуншань среднего и позднего периодов (памятники Сишуйцюань и Дуншаньцзуй), а также начальный период культуры Сяохэянь, Сяочжушань среднего слоя, Хоува верхнего слоя, начальный период верхнего слоя Цзоцзяшань, тип Башань, культура Ябули, начальный период культуры нижнего слоя Ингэлин, начальный период культуры Хакэ. Соответствует среднему–позднему периоду Яншао центрального Китая.

Для третьего периода (3000–2000 гг. до н.э.) характерными являются материалы культуры Сяохэянь позднего периода и культура верхнего слоя Сяочжушань, а также культура Пяньбаоцзы, поздний период культуры среднего слоя Сяочжушань, культура Бэйгоу, поздний период культуры верхнего слоя Цзоцзяшань, культура Анъанси, поздний период культуры нижнего слоя Ингэлин, культура нижнего слоя Шихуэйчан, тип Синчэн, культура Цзиньгу и средний, поздний периоды культуры Хакэ. Соответствует луншаньскому времени [Чжао Биньфу, 2006, с. 89–90].

Таким образом, нижняя граница датировок неолита северо-востока Китая соответствует ранneяншаоским, что говорит о том, что северо-восточный неолит «не уступает в древности» другим регионам, например, среднему Хуанхэ или бассейну Янцзы, характеризуется самобытностью и автономной линией развития, он был лишь частично затронут влиянием центрального Китая. Верхняя граница датировок относится к периоду ок. 2000 гг. до н.э., что так же соответствует датам финального неолита среднего Хуанхэ.

Неолитические культуры данного региона Восточной Азии характеризуются высоким уровнем развития технологии, быстрыми темпами становления производящего хозяйства и удивительными феноменами в области духовной культуры [Алкин, 2007, с. 12]. Особенности неолита северо-востока Китая можно сформулировать в нескольких тезисах.

1. Памятники расположены преимущественно на высоких террасах по берегам рек, озер: в прибрежной полосе – стоянки с раковинными кучами, в горах – пещерные комплексы. В районе горной

гряды Яньшань выделяется большая концентрация памятников с мощным культурным слоем. На севере региона культурный слой меньше, стоянки носят временный характер, археологический материал единообразен, ограничен рамками одной культуры определенного периода.

2. На протяжении всего неолита наиболее распространены два типа орудий: 1) микропластины длиной до 4 см из кремня, агата, халцедона, применялись в качестве скребков и режущих инструментов; 2) шлифованные рубящие орудия представлены топорами, асимметрично-овальными в поперечном сечении теслами и крупными плечиковыми мотыгами. Встречаются грузила, наконечники копий, стрел, каменные песты и зернотерки, жатвенные ножи полулунной формы с отверстиями.

3. Керамика часто пятнистая, черепок имеет рыхлую структуру, что связано с неравномерным обжигом. Заметны искусственные примеси – грубого или тонкозернистого песка, талька и раковины. Сосуды формуются вручную, жгутами, накладываемыми по кругу, затем заглаживаются. Данный способ фиксируется и в бронзовом веке. В некоторых случаях возможно применение ручного гончарного круга. Ранняя керамика покрыта сложным орнаментом практически полностью, более поздняя отличается зональным расположением декоративных элементов. По способу нанесения орнаментации изделия делятся на четыре типа: гребенчатым штампом, прочерчиванием, дополнительными налепными элементами и краской. Превалируют первые два, в большинстве случаев для украшения сосуда использовался только один тип орнамента, редко – два. Оттиски гребенчатого штампа с квадратными и зубчатыми окончаниями часто образуют «елочку», зигзаг, сетку, чешую, ромб. Прочерчивания – простыми горизонтальными линиями, зигзагом, волнообразные, сеткой. Керамика преимущественно плоскодонная или усеченно-конических форм, есть треножники, сосуды на кольцевых поддонах и редко – круглодонные. Встречаются миски, чаши, блюда, кувшины, бокалы, самая распространенная форма – горшки баночной формы.

4. Жилища – однокамерные (редко двухкамерные) полуземлянки с круглым или квадратным со скругленными углами котлованом. В жилище есть очаг, сооруженный из сложенных камней или каменных пластин. Наибольшее количество строений в культурах Синлунва (ок. 170 на эпонимном памятнике), Чжаобаогоу, Фухэ, Сильлэ нижнего слоя, Хоува нижнего слоя, однако по своим размерам, конфигурации, расположению различаются. Бассейн р. Шара-Мурэн – это центр культур Синлунва, Чжаобаогоу, Фухэ, где поселения окружены защитными рвами, строения внутри расположены рядами. В культуре нижнего слоя Сильлэ в районе Ляохэ и в культуры нижнего слоя Хоува средние и маленькие жилища концентрируются вокруг большого в центре.

5. Могильники эпохи неолита северо-восточного Китая выделяются трех типов: 1) грунтовые, прямоугольной или круглой формы, иногда с подзахоронением, например, в культуре Анъанси; 2) погребения с надмогильной каменной кладкой, например, Лаотешань в Люйшунь, г. Далянь; 3) погребения в каменных ящиках, например, могильник Нюхэлян в уезде Цзяньпин и Хутоугоу в у. Фусинь. Как правило, могильники характеризуются большой концентрацией захоронений. Например, памятник Синькайлю включает в себя 32 погребения, расположенных очень плотно друг к другу. Шипэншань, могильник первого типа, включает в себя 77 захоронений, разделенных на три участка. Что касается Лаотешань, могильник растянулся на протяжении 3 км вдоль одноименного горного хребта. Погребения бывают как одиночные, так и с подзахоронениями, как в вытянутом положении, так и в согнутом. Сопроводительного инвентаря обычно немного, чаще это орудия труда, керамика, костяные предметы, украшения редки.

6. Эпоха неолита северо-востока Китая характеризуется высоким уровнем развития мелкой пластики и искусства в целом, это предметы гончарного ремесла, украшенные росписью и орнаментами, изделия из нефрита, кости, рога, зубов, раковин, дерева. Керамика, расписанная черной или красной краской, встречается в культурах Сяохэянь и Хуншань в окрестностях Яньшань, это растительные, геометрические, зооморфные рисунки, различные знаки, солярные мотивы. Керамическая скульптура очень разнообразна, например, на эпонимном памятнике культуры Цзоцзяшань была найдена голова человека, в высоту составляющая всего несколько сантиметров. Различные фигуры свиней найдены в нижнем слое памятника Ингэлин. В культуре Хуншань на памятнике Дуншаньцзуй обнаружены антропоморфные лепные фигурки. Резные фигурки — это, например, различные предметы из нефрита культуры Хуншань, предметы из гагата и деревянный посох из культуры нижнего слоя Синьлэ, фигурки человека и животных из талька культуры нижнего слоя Хоува, костяные фигурки орла и рыб из культуры Синькайлю.

7. Существует большая разница в уровне развития и способах хозяйствования культур северовостока Китая. Выделяются два типа. Во-первых, экономика, основанная на рыболовстве и охоте. Учитывая ареалы бытования соответствующих орудий, она распространена в округе Хулун-Бу-

ир, среднего–нижнего течения р. Нэньцзян, района р. Сунгари от Нэньцзяна до Амура, бассейна рек Муданьцзян и Суйфэньхэ, Тумэньцзян, равнины Саньцзян и оз. Синкайху, где распространена микропластинчатая техника, найдено много орудий из рога, фаунистических останков. Памятники с небольшим культурным слоем распространены на больших площадях, далеко друг от друга. Характерным примером является памятник Синькайлю. Во-вторых, экономика, ориентированная на сельское хозяйство. Это территории к северу и югу от гор Яньшань, нижнее течение р. Ляохэ, Ляодунский полуостров, бассейн рек Ялуцзян и Хуньцзян. На памятниках находят много сельскохозяйственных орудий, поселения расположены концентрированно, характеризуются большим культурным слоем, это культуры Синлунва, Чжаобаогоу, Фухэ, Синьлэ нижнего слоя, Хоува нижнего слоя. Обугленные зерна просо были найдены в жилище на памятнике Синьлэ, а на Гоцзяцунь близ Даляня – корзина с зернами чумизы.

Эпоха неолита на северо-востоке Китая характеризуется достаточно широкими миграциями населения, однако специальных исследований, посвященных культурному обмену между Маньчжурией и Приамурьем, Приморьем, или, наоборот, более южными районами – Шаньдунским п-овом или средним Хуанхэ, немного. Ниже представлены аналогии культурам Дунбэя на сопредельных территориях, проявляющиеся в керамическом материале.

Аналогии в культурах среднего Хуанхэ. Плоскодонные баночные сосуды, типичные для севера, на юге Дунбэя существуют достаточно непродолжительное время. Расписная керамика, круглодонные сосуды, треножники центрального Китая в той или иной мере постепенно проникают на запад Ляонина и Ляодунский п-ов, однако северные территории этим влиянием практически не затронуты. Горы Яньшань издревле считались проходом из центральных районов Китая на северо-восток, поэтому культуры среднего Хуанхэ оказывали большое влияние на формирование культур юга Дунбэя еще со времен раннего Яншао, что проявляется не только в типологии сосудов, но и в идентичности орнаментов. Оттисками гребенчатого штампа украшены сосуды как в культуре Цышань, так и в Пэйлиган, и такое «соседство» проявлялось не во всех культурах – в аналогичной по времени культуре Синлунва подобных орнаментов нет. Наибольшее влияние мы наблюдаем в культуре Хуншань, это крашеная керамика, похожая на среднекитайские по составу теста, способу формования, форме, орнаменту. Особенно идентичны миски бо, чаши вань, блюда пань, украшенные прямыми линиями и треугольниками. Аналогии найденным в Дуншаньцзуй подставкам и чашам на поддоне мы находим в культуре Мяодигоу, а сосуд с круглой выпуклой ручкой-ушком похож на аналогичные со стоянки Баньпо.

Аналогии в культурах Шаньдунского п-ова. Ляодунский и Шаньдунский п-ова разделены морем, расстояние между ними составляет ок. 110 км. 21 остров гряды Мяодао мог выступать в качестве «сухопутного моста», соединяющего эти две территории. Самая южная культура Ляодунского п-ова – культура среднего слоя Сяочжушань (памятники Гоцзяцунь, Сяочжушань, Уцзяцунь) в формах керамического материала очень похожа на Давэнькоу – треножники типа гуй с носиком, горшковидные треножники дин, треножники с широким устьем, сосуды хэ с отдельным носиком на плечике, кубкообразные сосуды с орнаментацией черно-красными завитками похожи на найденные в Байшицунь (у. Яньтай), Цзыцзиншань (у. Пэнлай) и т.д. Обнаруженные в Сяочжушань верхнего слоя котлы-треножники, треножники с носиком гуй, чаши на ножке доу с отверстиями, тонкостенная черная керамика имеют свои аналогии в культуре Луншань. Интересно, что имело место и обратное влияние, орнаментация отпечатками гребенчатого штампа, струнный и сетчатый орнаменты, характерные для Сяочжушань нижнего–среднего слоя, Хоува нижнего слоя, встречаются в Цзыцзиншань, Байшицунь. Но это прибрежные памятники Бохайского залива, в глубине полуострова они не встречаются [Шэнь Фан, 2012].

Аналогии в культурах Приамурья. Наиболее характерными формами керамического материала для неолита юга Дальнего Востока являлись плоскодонные сосуды баночной или горшковидной формы. Они находят на левом берегу Амура очевидные аналогии. Китайский исследователь неолита Маньчжурии Фэн Эньсюэ, основываясь на определении ареала преобладания баночных плоскодонных сосудов, выделил отдельную культурную общность: на западе она ограничена хребтами Большого Хингана и горной цепью Яньшань, доходит до территории Японского и Охотского морей на востоке, на севере – до Станового хребта, на юге – от южных предгорий гор Яньшань (бассейн р. Луанхэ) и до Бохайского залива и бассейна р. Чхончхонган в КНДР. Центр приходится на Маньчжурскую равнину и равнину Саньцзян [Фэн Эньсюэ, 2009, с. 293–295]. Наибольшие аналогии приамурским материалам мы находим в культуре Синькайлю равнины Саньцзян, где встречаются не только аналогичные формы, но и орнаментация – ромбовидным гребенчатым штампом («амурская плетенка»). Это основной орнамент и в Синькайлю, где в большом

количестве находят сосуды с утолщенным венчиком, украшенные каннелюрами и широким полем ромбических, прямоугольных и округлых оттисков. Он не встречается ни в Синлунва, ни в Хуншань, ни в Чжаобаогоу, ни в Анъанси. Таким образом, можно сказать, что наибольшее количество аналогий приамурским материалам можно найти в ареале Синькайлю, т.е. на равнине Саньцзян, обмен технологиями с севером был возможен по восточному пути – по течению р. Сунгари от Нэньцзяна до Амура, т.к. в других районах, близ р. Ляохэ, Ляодунском п-ове, в долине р. Нэньцзян аналогии отсутствуют. Фэн Эньсюэ считает, что истоки «амурской плетенки» кондонской культуры можно искать в бассейне р. Тумэньцзян на границе Китая и Кореи или в Японии [Там же, с. 274–275]. Вероятным вариантом происхождения амурских меандров, по мнению автора, являются материалы 3 слоя памятника Сопхохан в пров. Хамгён-Пукто близ г. Унги в Северной Корее, где находят широкие горшки с маленьким устьем и кувшины. Сосуды были орнаментированы идентичным узором соединяющихся, перетекающих друг в друга меандров, спиралей, а также соединяющихся треугольников и ромбов, вписанных в ряды прямо поставленных оттисков гребенки. Памятник Сопхохан датируется первой половиной 3 тыс. до н.э. [Ли Юньдо, 1983, с. 30–39], что соответствует датировкам кондонской культуры. Первые два периода Сопхохан характеризуются плоскодонными баночными горшками, лепными, достаточно грубыми, однако в третьем периоде температура обжига становится выше, появляется сложный орнамент. Спиралевидный орнамент, характерный для керамики кондонской культуры, встречается и в культуре Синчэн в бассейне р. Тумэньцзян [Чжао Биньфу, 2006, с. 95]. Бай Хунцзи считает, что меандровые узоры Сопхохана происходят от крашеной керамики культуры Сяочжушань среднего периода [1994], локализованной на Ляодунском п-ове. Таким образом, проникновение «амурской плетенки» на Дальний Восток России видится авторам по схеме Ляодунский п-ов – р. Ялуцзян – р. Тумэньцзян – юг Приморья – Приамурье. IV период Сопхохан находит свои аналогии в керамике зайсановской и кроуновской культур, а также в материалах памятника Шифошань Ляодуна, где обнаружены изделия со спиралевидными узорами, заполненными насечками.

Вся керамика, найденная в среднем течении Амура, относящаяся к громатухинской культуре, в большинстве своем толстостенная в районе тулова, по краю оформлена валиком и различного рода вдавлениями. Такая технология встречается на памятниках бассейна р. Муданьцзян, например, Шихуэйчан, Чжэньсин, бассейна р. Нэньцзян, на памятниках культуры Анъанси – Анъанси, Хуанцзявэйцзы, Сяолаха, что бесспорно говорит о существовавших культурных связях.

Аналогии в культурах Приморья. Что касается Приморья, то связывали этот регион с северо-востоком Китая два речных пути: первый – по рекам Ялуцзян и Тумэньцзян, затем по побережью или течению р. Уссури, другой – по Амуру и притокам в его среднее и нижнее течение. Вероятно, в среднем неолите носители культур Ябули и Синькайлю имели идентичную приморской бойсманской и руднинской керамике технику нанесения орнамента гребенчатым штампом. Наибольшие аналогии керамике раннего комплекса Зайсановка-1 мы находим в материалах памятника Синчэн – это баночные сосуды без выраженной горловины, орнаментированные различными модификациями линий, пунктиром, прочерчиванием, ямками и сквозными отверстиями. Эти орнаменты роднят данные культуры с материалами бассейнов рек Ялуцзян, Муданьцзян, например, с Хоува нижнего слоя, причем не исключено, учитывая полученные радиоуглеродные датировки, что именно приморские технологии стали источником формирования неолитических традиций культур севера Китая [Чжао Биньфу, 2006, с. 96]. Другими аналогиями являются сосуды без горловины с усеченно-коническим туловом с орнаментом прочерченными линиями, налепными валиками, округлыми вдавлениями. Такие сосуды встречаются как на поселении Зайсановка-1, так и на поздних памятниках Маньчжурии – Цзиньгу, Ингэлин, Шихуэйчан и Чжэнсин [Чжао Биньфу, 2004, с. 119–120].

Следует подчеркнуть, что единой культурной общности на северо-востоке Китая и сопредельных территориях в неолите не существовало, но стилистические черты сходства между близкими по времени культурами этих регионов прослеживаются довольно отчетливо, что свидетельствует об обширных и постоянных контактах.

Список литературы

Алкин С.В. Древние культуры северо-восточного Китая: неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 165 с.

Бай Хунцзи. Дунбэй я пинди туци дэ яньцзю (Исследования плоскодонной керамики северо-восточной Азии). – Пекин: Сюэянь вэньхуашэ чубань, 1994. – 275 с. (на кит. яз.).

Го Дашунь. Дунбэй вэньхуа цюй дэ тичу цзи ии (Концепция «культурной общности северо-востока» и его значение) // Бяньцзян каогу яньцзю (Исследования археологии приграничных районов). – 2002. – № 1. – С. 170–180 (на кит. яз.).

Ли Юньдо. Чаосянь каогусюэ гайяо (Общие сведения об археологии Северной Кореи). – Харбин: Хэйлунцзян вэньу чубань бяньцзиши чубань, 1983. – С. 15–58 (на кит. яз.).

Фэн Эньсюэ. Эго Дун Сиболия юй Юаньдун (Археология Восточной Сибири и Дальнего Востока). – Чанчунь: Цзилинь дасюэ чубаньшэ чубань, 2002. – 619 с. (на кит. яз.).

Чжао Биньфу. Дунбэй синьшици вэньхуа гэцзюй цзи ци юй чжоубянь вэньхуа дэ гуаньси (Культуры неолита северо-востока и их связи с культурами сопредельных территорий) // Чжунго бяньцзян шиди яньцзю (Исследования истории и географии приграничных территорий Китая). – 2006. – Т. 16, № 2. – С. 88–97, 149 (на кит. яз.).

Чжао Биньфу. Дунбэй синьшици вэньхуа дэ фэньци юй тедянь (Хронология и особенности культур неолита северо-востока Китая) // Цюши сюэкань (Поиски правды). – 2004. – Т. 31, № 4. – С. 117–120 (на кит. яз.).

Шэнь Фан. Цзяодун баньдао юй Ляодун баньдао юаньши вэньхуа цзяолю цзайтань (Снова о связях доисторических культур Ляодунского и Цзяодунского полуостровов). – Шэньян: Ляонин шифань дасюэ чубаньшэ, 2012. – 38 с. (на кит. яз.).

References

Alkin S.V. Ancient cultures of northeastern China: Neolithic of southern Manchuria. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, 165 p. (in Russ.).

Bai Hongji. Dongbei ya pingdi tuqi de yanjiu [The studies of flat-bottomed ceramics of Northeast Asia]. Beijing: Xueyan wenhuashe, 1994, 275 p. (in Chin.).

Feng Enxue. Eguo Dong Siboliya yu Yuandong kaogu [Archaeology of Eastern Siberia and Far East]. Changchun: Jilin daxue chubanshe, 2002, 619 p. (in Chin.).

Guo Dashun. Dongbei wenhua qu de tichu ji yiyi [The concept of "Northeast Culture Region" and its significance]. *Bianjiang kaogy yanjiu [Border Archeology Studies]*, 2002, No.1, pp. 170–180 (in Chin.).

Li Yunduo. Chaoxian kaoguxue gaiyao [Korean archaeological summary]. Harbin: Heilongjiang wenwu chuban bianjishi, 1983, pp. 15–58 (in Chin.).

Shen Fang. Jiaodong bandao yu Liaodong bandao yuanshi wenhua jiaoliu zaitan [New investigations of the intercourse between Jiaodong and Liaodong Peninsula]. – Shenyang: Liaoning Normal Univ., 2012, 38 p. (in Chin.).

Zhao Binfu. Dongbei xinshiqi wenhua geju jiqi yu zhoubian wenhua de guanxi [Neolithic cultures of the North-East and their relations with the cultures of neighboring territories]. *Zhongguo bianjiang shidi yanjiu [China's Borderland History and Geography Studies]*, 2006, vol. 16, No. 2, pp. 88–97, 149 (in Chin.).

Zhao Binfu. Dongbei xinshiqi wenhua de fenqi yu tedian [Chronology and specific features of Neolithic cultures of North-East China]. *Qiushi xuekan [Seeking the Truth]*, 2004, vol. 31, No. 4, pp. 117–120 (in Chin.).

Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.074-079
УДК 903.28

Е.А. Гирченко[1], Д.А. Иванова[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Дальневосточный федеральный университет
Владивосток, Россия
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Пищевые традиции неолитического населения южного Тайваня (на материалах памятника Олуаньпи-2)

В статье представлен отчет о научной командировке ее авторов на юг о-ва Тайвань, у. Пиндун, летом 2019 г. Цель исследования – анализ пищевых привычек неолитического населения прибрежной зоны южного Тайваня. Основные изыскания сконцентрированы вокруг памятника Олуаньпи-2 на одноименном мысу, являющемся самой южной точкой острова. Это один из наиболее ранних неолитических объектов, что делает материалы важными для понимания процессов адаптации мигрантов с материка к новой окружающей среде. Памятник был заселен примерно 4500 л.н. и население проживало здесь непрерывно вплоть до 2500 л.н. Проанализированы различные фаунистические остатки и орудия рыболовного промысла всех четырех культурных горизонтов, что позволило проследить увеличение объемов потребления с течением времени. Для интерпретации стратегий рыболовства и охоты древних обитателей стоянки частично привлекались этнографические свидетельства, письменные источники, а также использовались личные наблюдения авторов. На Олуаньпи-2 находят большое количество рыболовных крючков и грузил для сетей, фаунистические остатки 15 видов рыб, а также моллюсков, черепах и наземных животных. Грузила (242 находки) и рыболовные крючки (58 находок) были типологизированы на основе сопоставления формы и материала. Сравнение размеров крючков показывает, что цельные, например, из раковины, скорее всего, использовались для ловли мелкой рыбы, сложносоставные – для глубоководной или большей по размеру. Из наземных животных в рацион входили олени как основной источник мяса, а также дикий кабан и мунтжак.

Ключевые слова: *о-в Тайвань, неолит, памятник Олуаньпи-2, традиции питания, рыболовство, охота.*

Ekaterina A. Girchenko[1], Darya A. Ivanova[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia
E-mail: ekaterina.girchenko@gmail.com

Traditions of Food Consumption among the Neolithic Population of the Southern Taiwan (Based on Materials of the Oluanpi-2 Site)

The article presents a report on a field trip of its authors to Pingdong County in the south of Taiwan in the summer of 2019, intended for analyzing the habits of food consumption among the Neolithic inhabitants of the coastal zone of southern Taiwan. The main research focused on the Oluanpi-2 archaeological site on the Cape Oluanpi – the southernmost point of the island. This is one of the earliest Neolithic sites on the island, which makes the materials important for understanding the adaptation processes on the part of the migrants from the mainland to the new environment. The site was inhabited by ca 4500 BP and people lived there continuously until 2500 BP. Various faunal remains and fishing equipment from all four cultural horizons have been analyzed, which made it possible to observe the increase in consumption over time. For interpreting the strategies of fishing and hunting on the part of the ancient population, ethnographic materials, written sources, and personal observations have also been used. Large number of fishing hooks and net sinkers, bones of the 15 species of fish, as well as land animals, mollusks, and turtles were found at the Oluanpi-2 site. Net sinkers (242 artifacts)

and fishing hooks (58 artifacts) were categorized in accordance with their shapes and material. The comparison of the sizes of fishhooks has shown that one-piece artifacts, for example, those made of shell, were most likely used for catching small fish, while composite artifacts were used for catching deep-sea fish or fish of larges sizes. Deer were a main source of meat in the diet among land animals which also included wild boar and muntjac.

Keywords: *Taiwan Island, Neolithic, Oluanpi-2 site, food consumption, fishing, hunting.*

Летом 2019 г. сотрудники Института археологии и этнографии СО РАН провели исследования материалов памятника Олуаньпи-2 в у. Пиндун на юге Тайваня. Данный объект расположен на одноименном мысу, являющемся самой южной точкой острова. Цель изысканий – анализ пищевых привычек неолитического населения прибрежной зоны южного Тайваня. Это один из наиболее ранних неолитических объектов данного региона, что делает материалы важными для понимания процессов адаптации мигрантов с материка к новой окружающей среде. Проанализированы различные фаунистические остатки и орудия рыболовного промысла из культурных горизонтов 1–4, что позволяет проследить увеличение объемов потребления с течением времени.

Остров Тайвань отделен от материка, юго-восточного побережья пров. Фуцзянь КНР, проливом шириной ок. 160 км. Остров расположен на конце континентального шельфа, известно, что в палеолите он был связан с материком сухопутным мостом. На Тайване находят археологические объекты, датируемые 20–30 тыс. л.н.: например, стоянки Цзочэнь в у. Тайнань и Чанпинь в у. Тайдун на восточном побережье. Однако на данный момент нет никаких сведений о преемственных связях между палеолитическими памятниками и неолитом региона, предположительно принесенным мигрантами с материка. Палинологические исследования центрального Тайваня показали, что 8 тыс. л.н., во время климатического оптимума, температуры были выше на 2–3° в сравнении с современностью. Этот период длился до 3000 л.н. [Li Kuang-ti, 1997, p. 15]. К 5 тыс. до н.э. относятся первые неолитические стоянки культуры Дабэнькэн, носители которой заселили большую часть западного побережья и архипелаг Пэнху. Чжан Гуанчжи писал, что Дапэнькэн могла выступать в качестве культурообразующей традиции Юго-Восточной Азии [Chang Kwang-chih, 1977, p. 141–143]. В материалах юго-западных памятников, например, Наньгуаньли и Наньгуаньли Дун в у. Тайнань, находят также зерна чумизы – это одни из наиболее ранних свидетельств земледелия на острове. В Дабэнькэн находят мотыги, но данные артефакты единичны, их находят вместе с многочисленными и разнообразными орудиями охоты и рыболовства. Примерно к 4500 л.н. относится целая серия неолитических культур – Чжишаньянь и Юаньшань на севере, «луншаноидных» в центральных западных районах и вдоль южного побережья, Цилинь и Пэйнань на востоке. Большая часть памятников расположена на низких морских и речных террасах. И здесь мы наблюдаем уже явные признаки рисосеяния.

Большая часть публикаций последних 20 лет в большей степени сконцентрирована вокруг построения единой шкалы последовательности культур Тайваня, лишь некоторые из них обращаются к реконструкции хозяйственной деятельности древнего населения. В рамках данного исследования важно было понять, на какую ресурсную базу опирались обитатели стоянки, каким было соотношение различных типов пищи в рационе и менялось ли оно с течением времени. Выбор опорного памятника не случаен, раскопки показали, что он был заселен примерно 4500 л.н. и население проживало здесь непрерывно вплоть до 2500 л.н. [Li Kuang-ti, 2001]. Исследование включает в себя анализ наиболее распространенных объектов охоты, рыболовства и собирательства в период доземледельческого неолита (до примерно 3500 л.н.) – моллюсков, морских рыб, черепах, наземных животных. Обилие остатков первых двух видов говорит о развитых рыболовных стратегиях. В последний период существования памятника мы наблюдаем сосуществование двух разных типов хозяйствования – рыболовного и земледельческого.

Расположение древнего поселения имеет большое значение для стратегий освоения пищевых ресурсов и стабильности их использования. Окрестности Олуаньпи – это суходольная долина, даже в настоящее время здесь нет рисовых полей, что объясняется отсутствием рек; лес представляет собой очень узкую полосу на севере, морское же побережье расположено в 200 м. Ближайшая к памятнику деревня находится в 3 км, и ее жители в основном заняты выращиванием суходольных зерновых культур, сахарного тростника, сизаля, кукурузы и даже в настоящее время испытывают трудности с доступом к питьевой воде. Этнографические исследования показывают, что местному населению было известно подсечно-огневое земледелие. 100 м^2 было достаточно, чтобы прокормить семью из 6 человек. Сначала срубались деревья, мотыгой обрабатывалась земля, после того как трава высыхала, ее поджигали. Территория засеивалась

просом. Весь экоцикл на одном участке занимал не более 20 лет.

Первый исследователь этого памятника, Ли Гуанчжоу, предположил, что Олуаньпи-2 мог быть заселен примерно 4500–4000 л.н. Первый слой (4000–3750 л.н.; известна одна радиоуглеродная дата раковины из слоя – 3985 ± 145 л.н.) характеризуется появлением крашеной керамики. Во втором периоде (3750–3500 л.н.) количество керамики существенно увеличивается. На третьем (3500–3000 л.н.; известна одна радиоуглеродная дата памятника – 2730 ± 120 л.н.) и на четвертом (3000–2500 л.н.) этапах крашенная керамика исчезает, данные два периода характеризуются некрашеной неорнаментированной посудой [Li Kuang-chou, 1974; Sung Wen-hsun, 1967].

К культурному горизонту 1 относится не так много фаунистических остатков. Это преимущественно раковины улиток-тюрбанов (*Turbinidae*), найдены кости акул, марлинов, отдельные находки костей кефали, луциана, рыбы-попугая, мурены, окуня, губана. Находят кости пятнистых оленей (*Cervus unicolor swinhoii*), дикого кабана (*Sus scofa taivanus*), мунтжака (*Muntiacus reevesii micrurus*). Среди орудий ловли рыбы найдено несколько грузил для сетей. Количество находок небольшое, что заставило некоторых исследователей предположить, что стоянка имела сезонный характер. Возможно, люди приходили сюда во время сбора моллюсков и рыбалки.

Культурный горизонт 2 характеризуется значительным ростом находок костей морских обитателей (практически в два раза) при небольшом количестве костей животных и морских черепах. Число раковин моллюсков больше, чем во всех других горизонтах. Улитки-тюрбаны составляют 97 % всех обнаруженных раковин моллюсков. К уже встречавшимся в горизонте 1 видам рыб добавились рыба-еж (как известно, очень ядовитая рыба, в пищу не употреблялась), губан, мурена, морской окунь, рыба-хирург, корифена. Обилие и разнообразие пищевых ресурсов говорит о том, что стоянка перестала иметь сезонный характер и стала постоянной.

Культурный горизонт 3 характеризуется обилием костей диких животных, что, вероятно, связано с ростом населения на стоянке. Доминантными попрежнему остаются моллюски-тюрбаны, однако их доля от общего количества снижается, появляются панцирные моллюски, что говорит о расширении рациона в данной категории. Среди морских рыб доминируют марлиновые, появляются новые виды – спинорог, морская щука, рыба-император. Марлины достаточно большие по размеру рыбы. Наличие таких видов в материалах неолитической стоянки говорит не только о расширении диеты, но и о более совершенных способах охоты в открытом море. Важно подчеркнуть, что постепенное увеличение доли морской рыбы крупных размеров в рационе и пик потребления приходится именно на третий период, когда количество костей акул, марлинов, кефали, рыб-попугаев превышает количество остатков мелкой рыбы. К сожалению, на данный момент нет археологических находок каких-либо плавучих средств в этом регионе. Кости оленя в процентном отношении встречаются реже, мунтжаки – эпизодически.

Культурный горизонт 4 характеризуется резким сокращением костей животных и рыб. Теперь количество костных остатков равно примерно 1/6 совокупного объема третьего слоя. Улитки-тюрбаны все еще представляли собой основную часть палеодиеты. Отсутствуют упомянутые ранее угорь, морской окунь, барракуда, рыба-хирург, рыба-еж. Основу охоты все так же составляли олени, но их количество сокращается. Вероятно, эти изменения были связаны с изменением ресурсной базы.

Современные рыбаки ловят рыбу сетями, удочкой или арканом. Прибрежные воды Тайваня населяет 22 вида акул (*Carcharhinidae*), но в районе п-ова Хэнчунь встречается только *Carcharhinus sorrah* (Серо-бурая или пилозубая рифовая акула). Арканом рыбак ловит хвост акулы, когда она в спокойном состоянии, и вытаскивает на поверхность. Сезон охоты на голубого и черного марлинов длится с октября по март. Рыбаки приманивают его тунцом и пронзают гарпуном. Акулы, судя по этнографическим свидетельствам, не употреблялись в пищу, в основном добывались на продажу и в качестве украшений [Chen Chi-lu, 1968, p. 39–40]. На памятнике Олуаньпи-2 было найдено несколько акульих зубов с отверстиями. По находкам в культурном горизонте 3 мы предполагаем, как уже указывалось, стремительное увеличение населения во время формирования горизонта и, кроме того, активизацию морской охоты на крупную добычу параллельно с постепенным развитием сельского хозяйства.

В материалах Олуаньпи-2 находят кости морских черепах пяти видов *Chelonia mydas* (зеленая черепаха), *Caretta caretta* (логгерхед), *Eretmochelys imbuicata* (бисса), *Lepidochelys olivacea* (оливковая черепаха), *Dermochelys coriacea* (кожистая черепаха). Наибольшее количество находок приходится на третий горизонт. Археологических свидетельств ловли морских черепах не сохранилось. Сейчас ловля черепах на архипелаге Пэнху длится с мая по октябрь. Согласно этнографическим свидетельствам, морских черепах добывают посредством тралового лова, стационарных и дриф-

терных сетей, ярусного лова, минирования: яйца черепах ищут вручную.

Что касается моллюсков, то они доступны в течение всего года, однако в этнографии нет примеров того, чтобы какое-то сообщество опиралось исключительно на данный тип промысла как доминантный. Большое количество раковин из Олуаньпи-2 наблюдается с первой до последней стадии, в особенности в культурных горизонтах 2 и 3, на которых отмечается рост поселений и численности населения. В основном это брюхоногие моллюски из семейства турбинид, распространенных на глубине от 10 до 30 м вдоль прибрежной зоны п-ова Хэнчунь, в особенности, *Turbo marmoratus Linnaeus*, диаметром от 15 до 20 см, *Turbo setosus Gmelin* и самые большие *Turbo argyrostomus*. В первом периоде доля турбинид от общего количества раковин составляет 88 %, во втором и третьем – 77 % (время наибольшего разнообразия представленных моллюсков), в четвертом – 89 %. Второе по распространенности семейство морских моллюсков – мурициды (иглянки; лат. Muricidae), встречаются *Drupa morum, Thais clavigera, Thais aculeata* и др. Наиболее важным наблюдением является тот факт, что на последнем этапе, по сравнению с предыдущими периодами, проявляется ориентированность на определенный тип моллюсков, что говорит о том, что население стало отдавать предпочтение только конкретным их видам.

Орудия, связанные с индивидуальным способом рыбной ловли на удочку и сетями, представлены грузилами (242 экз.) и рыболовными крючками (58 экз.). Грузила – это, как правило, овальные или плоские гальки песчаника. Различия в форме, размерах и весе позволили разделить грузила на 5 типов (рис. 1).

Тип 1 – наиболее массивные грузила с двумя желобками, иногда с дополнительным, расположенным перпендикулярно к горизонтальным, соединяющим их. К этому типу относится 52 артефакта, что составляет 21 % от общего количества находок грузил. Тип 1 значительно превосходит остальные по весу.

Тип 2 – грузила с двумя выбоинами, расположенными параллельно по длинным сторонам плоской гальки. К этому типу относятся 27 артефактов, что составляет 11 % от общего количества грузил.

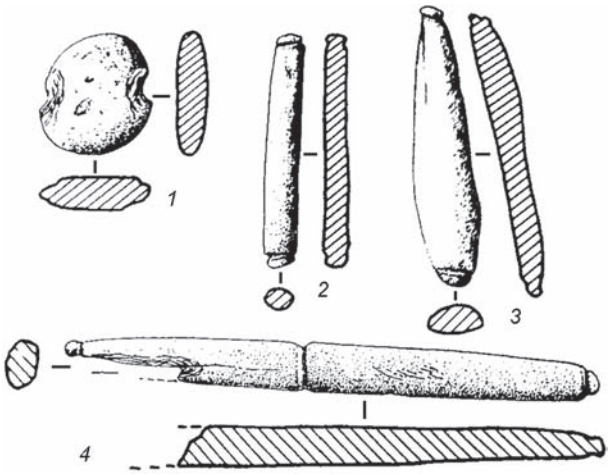

Рис. 1. Рыболовные грузила памятника Олуаньпи-2.
1 – с выбоинами по бокам; *2, 3* – с двумя бороздками на вершинах; *4* – с тремя бороздками на вершинах и посередине (по [Li Kuang-ti, 1997, p. 204]).

Тип 3 – грузила из плоской гальки с тонкими бороздками для шнурка на вершинах. К этой категории относятся 135 артефактов (65 % от общего количества). Сюда входят также грузила из раковины *turbo marmoratus* (мраморный турбо) и из коралла, выполненные в той же технике.

Тип 4 – грузила из плоской гальки с тремя тонкими бороздками для шнурка на вершинах и посередине. К этой категории относятся 7 артефактов (3 %). Они, как правило, значительно длиннее грузил типа 3.

Тип 5 – грузила с двумя симметрично расположенными выбоинами, похожие на тип 2, но выполненные из раковины *turbo marmoratus*.

Количественные показатели всех пяти типов грузил на разных этапах существования памятника представлены в виде таблицы 1.

Для культурного горизонта 3 характерно сосуществование нескольких типов размеров, что говорит о том, что, вероятно, данные грузила использовались для разных целей, например, как утяжелители для удочек и грузила для сетей. Изменения количественных показателей на раз-

Таблица 1. **Распределение типов грузил по культурным горизонтам памятника Олуаньпи-2**

Тип	Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	Всего
1	0	2	13	37	52
2	0	3	7	17	27
3	2	2	90	41	135
4	0	0	2	5	7
5	1	1	14	5	21
Всего	3	8	126	105	242

Таблица 2. **Распределение различных типов крючков на памятнике Олуаньпи-2**

Тип	Горизонт 1	Горизонт 2	Горизонт 3	Горизонт 4	Всего
1	0	1	2	3	6
2	0	0	3	1	4
3	0	0	0	1	1
4	0	2	3	0	5
5	0	5	20	8	33
Не определен	0	1	7	1	9
Всего	0	9	35	14	58

ных этапах свидетельствуют о превалировании той или иной стратегии рыбного промысла.

На памятнике обнаружено 58 фрагментов и целых крючков, их можно разделить на пять типов в зависимости от формы и материала (галька, раковина *turbo marmoratus*, кость). Большая часть находок фрагментарна и не подлежит типологизации. Общие количественные показатели археологически целых находок следующие – 12 артефактов с заостренными концами без бороздки (тип 1), 4 находки с заостренными концами с бороздкой посередине (тип 2), 1 фрагмент крючка с двумя бороздками (тип 3), 5 крючков из раковин моллюсков (тип 4); 33 сложносоставных крючка (тип 5) (табл. 2; рис. 2). Все находки последнего типа фрагментарны. Две находки кончика с шишечкой на конце в длину составляют примерно 70 мм.

Сравнение размеров крючков и ртов описанных рыб показывает, что цельные, например, из раковины, скорее всего, использовались для ловли мелкой рыбы, сложносоставные – для глубоководной или большей по размеру рыбы. К сожалению, все находки сложносоставных крючков обломаны и нет возможности точно реконструировать, как они цепляли рыбу. Китайскими археологами под руководством Ли Гуанти был предложен вариант рекон-

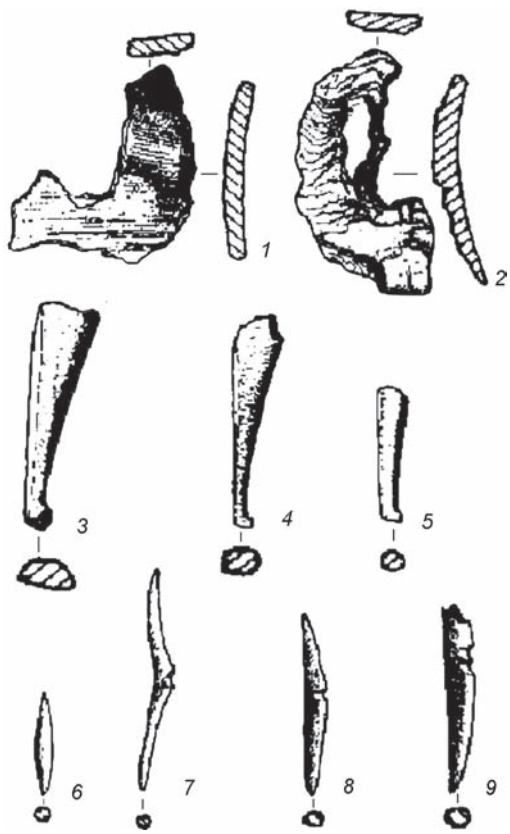

Рис. 2. Рыболовные крючки памятника Олуаньпи-2.
1, 2 – из раковины моллюска; *3–5* – сложносоставные крючки, фрагменты; *6* – с заостренными концами без бороздки; *7, 8* – с заостренными концами с бороздкой посередине; *9* – с двумя бороздками (по [Li Kuang-ti, 1997, p. 218]).

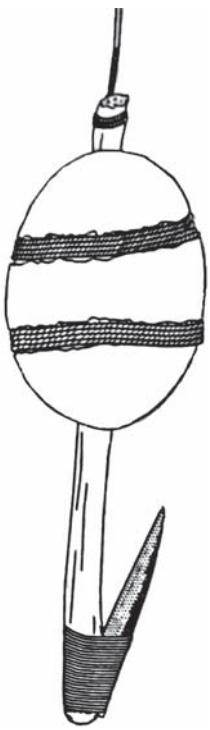

Рис. 3. Реконструкция сложносоставного рыболовного крючка с грузиком-утяжелителем (по [Li Kuang-ti, 1997, p. 218]).

струкции крючка для ловли глубоководной рыбы с использованием грузил типа 1 и сложносоставного крючка (рис. 3).

В Олуаньпи-2 чаще всего охотились на оленя (*cervidae*, в основном тайваньский пятнистый олень, китайский мунтжак и индийский замбар), и дикого кабана (*suidae*, в основном, тайваньский дикий кабан). Из костей делали крючки для рыбной ловли, проколки. К сожалению, в Олуаньпи-2 найдено очень мало орудий охоты. Методы охоты также реконструируются на основе этнографических свидетельств и исторических источников – в первую очередь, это сети-ловушки и поджог лесополосы. Дикий кабан распространен как на равнинах, так и в горных лесах высотой 3000 м, олени встречаются на равнинах и территориях до 300 м над ур. м., мунтжак на высоте до 1800 м. При нехватке пресной воды и отсутствии подходящей растительности большие животные обитали к северо-востоку от п-ова Хэнчунь к 8 км от поселения Олуаньпи-2. Мелкие животные – зайцы, крысы, белки – водились возле памятника. Этнографические данные свидетельствуют о том, что мелкие грызуны использовались в пищу. Кости собак на Олуаньпи-2 встречаются на всех этапах. В исторических свидетельствах XVII в. сказано, что индивидуальная охота была под запретом, зимой на охоту на оленей выходила группа из более 100 охотников с собаками, преследовала их, окружала и забрасывала горящими гарпунами. «Добыча одной охоты могла составить кучу величиною с небольшой холм» [Li Kuang-ti, 1997, p. 243]. Логично, что племена, жившие внутри острова, больше внимания уделяли охоте, нежели население прибрежных территорий. Этнографические данные свидетельствуют о том, что аборигены занимались охотой преимущественно зимой, это связано как с завершением этапа сельскохозяйственных работ, так и с опасностью рыбалки в открытом море в связи с периодом сильных северо-восточных муссонов. Возможно, эту же информацию можно проецировать и на древних обитателей Олуаньпи. Потребление продуктов охоты достигло своего пика в третьем периоде и уменьшилось в четвертом. Пятнистый олень, самый большой по размерам, был менее распространен в начале и более значим в позднем периоде. Дикий кабан равномерно представлен во всех периодах. Тем не менее не наблюдается такого сокращения продуктов охоты, как это было характерно для морского промысла.

Благодарности

Исследование проведено при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-00010 «Древние культуры островной части Юго-Восточной Азии: происхождение, особенности и региональное значение».

Список литературы

Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. – New Haven: Yale Univ. Press, 1977. – 535 p.

Chen Chi-lu. Material Culture of the Formosan Aborigines. – Taipei: Taiwan Museum, 1968. – 422 p.

Li Kuang-chou. Rethinking O-luan-pi, a Prehistoric Site at the Southern Tip of Formosa // Bull. of the Dep. of Archaeol. and Anthropol., National Taiwan Univ. – 1974. – N 35/36. – P. 48–61.

Li Kuang-ti. Change and Stability in the Dietary System of a Prehistoric Coastal Population in Southern Taiwan. – Phoenix: Arizona State Univ. Press, 1997. – 293 p.

Li Kuang-ti. Prehistoric Marine Fishing Adaptation in Southern Taiwan // J. of East Asian Archaeol. – 2001. – N 3. – P. 47–74.

Sung Wen-hsun. O-luan-pi, a Prehistoric Site at the Southern Tip of Taiwan // Ann. Bull. of the China Council for East Asian Studies. – 1967. – N 6. – P. 1–46.

References

Chang Kwang-chih. The Archaeology of Ancient China. New Haven: Yale Univ. Press, 1977, 535 p.

Chen Chi-lu. Material Culture of the Formosan Aborigines. Taipei: Taiwan Museum, 1968, 422 p.

Li Kuang-chou. Rethinking O-luan-pi, a Prehistoric Site at the Southern Tip of Formosa. *Bulletin of the Department of Archaeology and Anthropology, National Taiwan University*, 1974, No. 35/36, pp. 48–61.

Li Kuang-ti. Change and Stability in the Dietary System of a Prehistoric Coastal Population in Southern Taiwan. Phoenix: Arizona State Univ. Press, 1997, 293 p.

Li Kuang-ti. Prehistoric Marine Fishing Adaptation in Southern Taiwan. *Journal of East Asian Archaeology*, 2001, No. 3, pp. 47–74.

Sung Wen-hsun. O-luan-pi, a Prehistoric Site at the Southern Tip of Taiwan. *Annual Bulletin of the China Council for East Asian Studies*, 1967, No. 6, pp. 1–46.

Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595
Иванова Д.А. https://orcid.org/0000-0002-2873-6664

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.080-085
УДК 902.01

С.А. Гладышев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Поздний палеолит Приморья (к вопросу о происхождении)

Финальный палеолит Приморья характеризуется сочетанием пластинчатой (расщепление подпризматических ядрищ) и микропластинчатой (микроклиновидные нуклеусы) технологий и разнообразным орудийным набором, в котором представлены инструменты для обработки всех видов продуктов охотничье-собирательской деятельности. В основном памятники с материалами финала позднего палеолита сконцентрированы в двух районах: в континентальной части Приморья и в бассейне р. Зеркальной. Орудийный набор характеризуется сочетанием двусторонне обработанных изделий различной модификации, резцов (включая многофасеточные и трансверсальные), унифасиальных острий, тесел и топоров (в т.ч. с подшлифовкой), концевых скребков и ретушированных пластин и пластинок. Время существования этих комплексов лежит в диапазоне от 16–15 тыс. л.н. до начала голоцена. Вопрос о том, каким образом комплексы финального верхнего палеолита возникли в Приморье, исследователями не решен. Процесс заимствования технологий у соседей подразумевает существование материальной культуры, предшествовавшей этим комплексам, а таковые в Приморье не обнаружены. Следовательно, можно предположить миграцию носителей позднепалеолитической традиции в регион с соседних территорий. Родственные комплексы, с таким же набором нуклеусов и орудий, включая триаду бифасы, резцы и рубящие орудия, обнаружены в Приамурье (памятники бассейна р. Селемджи) и на юге Сахалина (стоянка Огоньки-5). Индустриальные комплексы этих стоянок имеют чуть более древний возраст (19–18 тыс. л.н.), чем приморские материалы, и могли быть, теоретически, центрами миграций древнего населения в Приморье. Но дело в том, что на промежуточных территориях никаких надежно документированных свидетельств комплексов позднего палеолита нет. Предлагается сценарий заселения Приморья в конце позднего палеолита с территории Корейского п-ова.

Ключевые слова: *Приморье, поздний верхний палеолит, бифасиальные орудия, клиновидные микронуклеусы, резцы, Приамурье, южный Сахалин, Корейский п-ов.*

Sergey A. Gladyshev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Late Paleolithic of Primorie (Towards the Problem of the Origins)

The Final Paleolithic of Primorie is distinguished by the coexistence of laminar (reduction of subprismatic cores) and microblade (wedge-shaped microcores) technologies, and diversified toolkit with implements for processing all types of products procured by hunting and gathering. Sites with the Final Paleolithic material evidence are mostly concentrated in the continental part of the region and in the Zerkalnaya River Valley. The lithic assemblage is distinguished by the combination of the variety of bifacial tools, burins (including multifaceted and transversal), unifacial points, adzes and axes (with partial polishing of the working edge), end-scrapers, and retouched blades and bladelets. These complexes have been dated from the 16–15 ka BP to the Initial Holocene. The problem of how these complexes of the Final Paleolithic emerged in Primirie has not yet been resolved. The adoption process of technologies from the neighbors implies the existence of the earlier cultural complex which, however, has not been discovered in Primorie. Thus, it is possible to suggest that the carriers of the Late Paleolithic tradition migrated from the neighboring regions. Similar complexes with the same set of cores and tools, including the triad "bifaces–burins–chopping tools" have been found in the Amur region (the sites from the Selemdzha River basin) and in the southern part of Sakhalin Island (Ogonki-5 site). These complexes have a slightly earlier age (19–18 ka BP) than the sites in Primorie, and theoretically could have served as centers of migrations for

the ancient population to Primorie. Unfortunately, there is no evidence of the documented Late Paleolithic complexes on the transitional territories. Thus, peopling of Primorie in the end of the Late Paleolithic might have happened from the Korean Peninsula.

Keywords: *Primorie, Late Upper Paleolithic, bifacial tools, wedge-shaped microcores, burins, Amur region, Southern Sakhalin, Korean Peninsula.*

Географическое положение Приморья – на стыке континентальной, прибрежной и островной природных зон, по соседству с территориями Приамурья, Китая, Кореи и Японского архипелага – определяет его исключительную важность и актуальность в решении вопросов первоначального заселения и освоения древним человеком прибрежных и островных районов Дальнего Востока Азии.

Финальный палеолит Приморья характеризуется освоением широкого сырьевого диапазона (туфы, кремнистые сланцы, роговики, липариты, обсидиан, яшмоиды и др.), сочетанием развитых пластинчатой (расщепление подпризматических ядрищ) и микропластинчатой (микроклиновидные нуклеусы) технологий и разнообразным орудийным набором, в котором представлены инструменты для обработки всех видов продуктов охотничье-собирательской деятельности [Крупянко, Табарев, 2015, с. 100]. В основном памятники с материалами финала позднего палеолита сконцентрированы в двух районах: в континентальной части Приморья и в бассейне р. Зеркальной.

Из группы памятников в бассейне р. Зеркальной наиболее выразительные материалы получены на стоянках Суворово III, Суворово IV и Суворово VI. Преобладающей техникой расщепления является подпризматическая система получения пластин и пластинчатых заготовок и микропластинчатая техника.

На стоянке Суворово III расщепление представлено пластинчатой и микропластинчатой техниками. Орудия (ножи, резцы, проколки, скребки, скребла, наконечники, рубящие инструменты и др.) составляют 2,3 % от общего числа находок, что является весьма высоким показателем. Радиоуглеродных дат для палеолитического комплекса стоянки нет. Взгляды специалистов сходятся на том, что его возраст соответствует самому концу плейстоцена – началу голоцена – 11–10 тыс. л.н. Хотя исследования последних лет допускают для нижней пачки отложений и более древний возраст.

Иную хронологическую позицию занимает индустрия памятника Суворово IV. Процент орудий здесь значительно ниже, чем на Суворово III, – 1,3 %. Преобладающей техникой расщепления является подпризматическая техника получения пластин и пластинчатых заготовок (207 экз.), микропластинчатая техника выражена не столь ярко, как в комплексе Суворово III. В свою очередь в инструментарии стоянки широко представлены ножи с бифасиальной обработкой, орудия для обработки дерева (топоры, тесла, сверла, резчики), скребки и скребла. Все это свидетельствует о разнообразных промысловых направлениях обитателей сезонной стоянки. Для комплекса стоянки Суворово IV получены четыре радиоуглеродные даты, компактно определяющие возраст памятника в пределах 16–15 тыс. л.н. [Там же, с. 102, табл.].

По многим технологическим показателям комплекс памятника Суворово IV близок верхнепалеолитическому комплексу стоянки Суворово VI, где найдены крупные и миниатюрные деревообрабатывающие инструменты, изделия на пластинах и пластинчатых отщепах, скребки и скобели, подпризматические ядрища и бифасиальные орудия.

Всеми признаками сезонной стоянки характеризуется каменный инвентарь еще одного памятника в бассейне р. Зеркальная – Устиновка-6 [Кононенко, 2001]. Из 26 386 изделий ок. 1,6 % отнесены исследователями к орудиям, заготовкам, обломкам, нуклеусам и преформам. Среди ядрищ (102 экз.) выделяются подпризматические, клиновидные, аморфные, есть единичный нуклеус конических очертаний. В орудийном наборе детально представлены бифасы и их заготовки (67 экз.), унифасы (10 экз.), наконечники стрел (4 экз.), резцы (9 экз.), скребки (19 экз.), скребла (5 экз.), фрагменты рубящих инструментов (4 экз.), терочники, абразивы и т.д. Для стоянки имеются две радиоуглеродные даты, которые позволяют определять время ее существования в пределах 12–11,5 тыс. л.н. [Там же, с. 45].

Среди устиновских комплексов выделяется стоянка Устиновка V. Особенности ее археологического материала связаны со спецификой и исключительной однородностью используемого сырья – липарита (игнимбрит дацита), которое добывалось непосредственно на месте его использования, у тылового шва террасы. Возможность использования отдельных изделий из липарита и существования подобных «чистых» литологических комплексов высказывалась давно, но фактическое подтверждение получено лишь с обнаружением памятников Устиновка V и Садовая IV в долинах р. Зеркальной и ее крупнейшего притока – ключа Садового.

Интерпретация автором раскопок материала, полученного при раскопках 1999, 2003 гг. и сборах с поверхности 1987–2002 гг., как и мнение коллег, сегодня неоднозначны. Единодушны они лишь в одном: представленные в собранной коллекции артефакты (массивные нуклевидные и скребловидно-тесловидные изделия, крупные грубые сколы с эпизодической краевой унифасиальной ретушью (остроконечники и скребла), многочисленные куски тестированного сырья) типологическим своеобразием выбиваются из контекста устиновской археологической индустрии и представляют более древний этап заселении территории. На это же, на наш взгляд, указывает и особенность их стратиграфической дислокации [Крупянко, 2002].

В континентальной части Приморья выразительные технологические комплексы с преобладанием галечного обсидиана в качестве основного сырья описаны для стоянок Горбатка-3 и Илистая-1 [Кузнецов, 1992]. На памятнике Горбатка-3 по образцу угля из слоя черного суглинка получена дата 13 500 ± 200 л.н., которая может определять нижнюю возрастную границу комплекса. Наиболее многочисленная коллекция каменных изделий (до 65 % на обсидиане) зафиксирована в подпочвенном суглинке. Заготовки и отщепы составляют 95 % от общего количества инвентаря, нуклеусы (микропластинчатые) и пластины – 4 %, изделия со вторичной обработкой в виде ретуши и резцового скалывания – 1 %. В орудийном наборе устойчивыми сериями представлены скребки, одно- и многофасеточные резцы, острия.

Коллекция каменного инвентаря памятника Илистая-1 насчитывает ок. 25 тыс. экз., из которых 96 % – изделия в начальной стадии изготовления и преформы, пластин и нуклеусов – 3 %, артефактов со вторичной обработкой – не более 1 %. В ней ярко представлены различные модификации микронуклеусов, многофасеточные резцы, скребки, острия, ретушированные пластины и отщепы, листовидные бифасы и их фрагменты [Там же].

Наиболее полно взгляды на становление палеолита и его периодизацию в этом регионе представлены в монографиях и статьях А.П. Окладникова, А.П. Деревянко, Р.С. Васильевского, С.А. Гладышева, В.И. Дьякова, Н.А. Кононенко, А.А. Крупянко, А.М. Кузнецова, Я.В. Кузьмина, А.В. Табарева и др.

А.П. Окладников соотносил материалы устиновского комплекса с кругом позднепалеолитических – мезолитических культур Монголии, Прибайкалья и Японии. Радиоуглеродные даты по серии стоянок на Хоккайдо и Хонсю в диапазоне 17–15 тыс. л.н. он считал наиболее приемлемыми и для определения возраста основной толщи отложений Устиновки-1, тогда как верхний слой с «листовидными двусторонне обработанными клинками» мог относиться к периоду ок. 12 тыс. л.н. [Крупянко, Табарев, 2015, с. 99]. Ж.В. Андреева определяла возраст верхних слоев Устиновки I неолитическим, а нижних – рубежом плейстоцена – голоцена. А.П. Деревянко характеризовал устиновский комплекс как «своеобразную и яркую культуру, которую можно отнести к концу палеолита – началу мезолита (20–10 тыс. л.н.)» [1983, с. 91]. По мнению Р.С. Васильевского и С.А. Гладышева, нижний (второй) слой Устиновки I по особенностям технико-типологического состава и аналогиям с материалами каменного века Японских о-вов может быть датирован достаточно широко – в пределах 22–14 тыс. л.н. Верхний (первый) культурный слой демонстрирует появление новых типов и модификаций орудий (трансверсальных резцов, бифасов), что для дальневосточных культур укладывается в рамки 15–8,5 тыс. л.н. [Васильевский, Гладышев, 1989, с. 102–105].

Достаточно скептически оценивает возраст палеолита в Приморье А.М. Кузнецов. По его мнению, особенности осадконакопления и формирования культуросодержащих отложений в регионе не позволяют синхронизировать возраст геологических слоев и залегавших в них каменных артефактов, а наиболее достоверная периодизация каменного века Приморья состоит из двух этапов – финального этапа позднего палеолита (11–9 тыс. л.н.) и неолита (9–4 тыс. л.н.) [Кузнецов, 1992].

В.И. Дьяков диагностирует устиновскую культуру как раннеголоценовую (мезолитическую) и датирует ее начало возрастом 10–8 тыс. л.н. [Дьяков, 2000].

Свою версию эволюции устиновской индустрии предложили А.А. Крупянко и А.В. Табарев. На основании серии дат и технико-типологической характеристики каменного инвентаря ими выделяется этап 16–12 тыс. л.н. как наиболее полно представленный на всех памятниках долины р. Зеркальной; этап 12–10,5 тыс. л.н., связанный с финалом развития микропластинчатого комплекса и появлением ряда новых элементов (тонкоретушированных наконечников и изделий из импортного обсидиана), и этап 10,5–9 тыс. л.н., демонстрирующий трансформацию в устиновской индустрии на рубеже плейстоцена и голоцена [Крупянко, Табарев, 2015, с. 100].

Таким образом, наиболее древние, надежно документируемые и подтвержденные радиоуглеродными датами палеолитические комплексы обнаружены на юге Приморья, в бассейне р. Зеркальной (Суворово IV, Устиновка V). В дальнейшем эта позднепалеолитическая культура, чаще всего назы-

ваемая «устиновская», существует эволюционируя, вплоть до рубежа плейстоцена – голоцена.

На сегодняшний день в Приморье не зафиксировано четко стратифицированных комплексов или отдельных артефактов раннепалеолитического или среднепалеолитического возраста. Ряд материалов (пещера Географического Общества) с некоторой долей вероятности может быть отнесена ко времени раннего верхнего палеолита и последнего ледникового максимума. Эти трактовки основаны на возрасте сопровождающего палеонтологического материала или геологических определений возраста культуросодержащих слоев или горизонтов, а также на морфологии или типологии каменных артефактов. Однако до сих пор у специалистов нет уверенности, что каменные артефакты, обнаруженные в пещере, принадлежат тому же комплексу, что и датированные возрастом более 30 тыс. л.н. кости плейстоценовых животных [Кузьмин и др., 2001, с. 196]. Согласно требованиям современного мирового палеолитоведения, для доказательства древности подобных комплексов необходима более полная аргументация (стратиграфия, фаунистический материал, радиоуглеродные датировки и т.д.).

Закономерно возникает вопрос, каким образом комплексы финального верхнего палеолита возникли в Приморье. Если это был процесс заимствования технологий у соседей, то должна была существовать материальная культура, предшествовавшая этим комплексам. А как указано выше, таковой в Приморье не обнаружено. Следовательно, можно предположить миграцию носителей позднепалеолитической традиции в регион с соседних территорий. Ближайшими регионами на территории России, где зафиксированы такие же комплексы, являются Сахалин и территория Амурской обл.

Стратифицированные палеолитические комплексы на Сахалине открыты в районе поселка Огоньки [Василевский, 2003; 2008, с. 104–113], наиболее значимым из них является многослойное поселение Огоньки-5. Авторами раскопок здесь выделено три культурно-хронологических горизонта [Василевский, 2008, с. 104]. Горизонт 1 (верхний) отнесен к переходному периоду от палеолита к неолиту. Материалы горизонта 2 характеризуют период финала позднего палеолита в интервале 18–13 тыс. л.н. Согласно полученным ^{14}C AMS-датам: 19 440 ± 140 (Beta-115987), 19 380 ± ± 190 (Beta-115986), 19 320 ± 145 (AA-20864), 18 920 ± 150 (AA-25434) л.н., коллекция горизонта 3 (нижнего) относится к чуть более раннему периоду финала позднего палеолита в границах 19,5–19 тыс. л.н. [Василевский, 2008, с. 104, 279]. Нуклеусы из горизонтов 2 и 3 включают в себя торцовые и аморфные ядрища для получения отщепов и пластинок, а также клиновидные микронуклеусы. Эти микронуклеусы представляют собой ладьевидные предметы, изготовленные из пластинок длиной до 10–11 см и толщиной ок. 8–10 мм. Инструментарий состоит из концевых скребков на пластинах и отщепах, трансверсальных резцов и резчиков на отщепах, ножей и односторонне обработанных орудий [Там же, с. 107]. Исследователи стоянки отмечают следующую особенность – в горизонте 3 обнаружена большая часть крупных пластин, как целых, так и фрагментированных. Обнаружение крупных пластин вместе с ^{14}C AMS-датой 31 130 ± 440 л.н. (AA-23138) свидетельствует о факте обнаружения на стоянке Огоньки-5 какого-то пока не известного в регионе пласта индустрии раннего верхнего палеолита [Там же, с. 109, 279]. На наш взгляд, здесь имеет место простая инверсия дат, которая очень часто встречается при массовых датировках, когда одна-две даты выпадают из общего ряда значений.

Еще одним регионом, где обнаружены комплексы финала позднего палеолита, является Амурская обл. С начала 1982 по 1989 г. в нижнем течении р. Селемджи в Приамурье открыты и исследованы более 10 местонахождений, представляющих оригинальную позднепалеолитическую культуру. Эти объекты расположены по правому берегу Селемджи на участке протяженностью ок. 80 км от устья реки на II и III террасах. На всех археологических объектах прослеживается по 2–3 культурных горизонта. Исследователи селемджинских стоянок считают, что местонахождения, расположенные на II террасе одновременные, а на III – более ранние [Деревянко, Волков, Ли Хонджон, 1998; Деревянко, 1983, с. 86–87]. Опорной стоянкой селемджинского геоархеологического района является местонахождение Усть-Ульма, обнаруженное в месте впадения одноименной реки в Селемджу. Здесь вскрыты три пункта (Усть-Ульма I–III), расположенные на II надпойменной террасе. В рыхлых отложениях стоянок Усть-Ульма I, II выделено три культурных слоя, материалы которых свидетельствуют о поступательном развитии единой культурной традиции позднего палеолита от начала сартанского времени до раннего голоцена. Эта традиция, на фоне преобладания галечного расщепления, характеризуется устойчивым сочетанием техники торцового скалывания, представленной клиновидными нуклеусами, техники двусторонней обработки, представленной бифасами различной морфологии и слабо развитой пластинчатой техники [Деревянко, Зенин, 1995, с. 70]. Базируясь на многослойности ульминских стоянок, авторы раскопок выделили четыре этапа в развитии селемджинской культурной традиции.

Первый этап представлен материалами культурного слоя 3 стоянок Усть-Ульма I, II. Для него характерны плоские (тонкие) клиновидные нуклеусы, торцовые и дисковидные ядрища, галечные орудия, напоминающие чопперы, листовидные бифасы, единичные скребки, резцы и скребла. Возраст этого комплекса – старше 20 тыс. л.н. Второй этап документируется коллекциями из подошвы культурного слоя 2 стоянки Усть-Ульма II и материалами слоя 2б стоянки Усть-Ульма I. Появляются призматические и двухплощадочные монофронтальные ядрища, узкие клиновидные нуклеусы замещаются изделиями с широким фронтом снятия микропластинок. Среди орудий расширяется типологический реестр бифасов и резцов, среди которых появляются диагональные, двугранные, нуклевидные и двойные. Время существования этого этапа определяется ^{14}C датой 19 360 ± 65 л.н. (СОАН-2619), полученной по углю из слоя 2б стоянки Усть-Ульма I. Третий этап – ок. 17–13 тыс. л.н. – документируется археологическими материалами слоя 2а стоянки Усть-Ульма I и кровлей слоя 2 памятника Усть-Ульма II. На этом этапе появляются одноплощадочные двусторонне-сопряженные и двухплощадочные односторонние нуклеусы со снятием в продольно-поперечном направлении, скребки на широких отщепах, микроскребки, двугранные резцы с ретушированными краями, скребла на пластинах, тесловидные орудия и массивные симметричные листовидные бифасы. Последний, четвертый этап – ок. 12–10,5 тыс. л.н. – характеризуется материалами слоя 1 и иллюстрирует переход от палеолита к неолиту.

Из вышесказанного следует, что теоретически сахалинские и амурские комплексы могли бы быть центрами миграции в Приморье. Их возраст более ранний, чем в Приморье. Если бы не одно «но». На всех транзитных территориях, а это весь Хабаровский край (для Селемджинского центра) и весь Сахалин, Нижний Амур и север Приморского края (для сахалинского центра), пока не зафиксировано ни одного надежно документированного памятника финала верхнего палеолита.

Мы берем на себя смелость предложить сценарий проникновения в Приморье микропластинчатых индустрий финала позднего палеолита из Кореи. На сопредельных территориях Дальнего Востока наиболее ранние свидетельства микропластинчатой техники (микронуклеусы, микропластины) известны именно на Корейском п-ове – комплексы Чанхынни (24,6–24,2 тыс. л.н.) и Синбук (25,5 тыс. л.н.) [Lee, 2012; Seong, 2016]. Гипотеза о связи появления микропластинчатой техники в Приморье и на Японском архипелаге с миграцией с территории Корейского п-ова имеет право на существование, хотя и нуждается в дополнительной аргументации.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках программы НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Василевский А.А. Периодизация верхнего палеолита Сахалина и Хоккайдо в свете исследований поселения Огоньки-5 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 3 (15). – С. 51–69.

Василевский А.А. Каменный век острова Сахалин. – Южно-Сахалинск: Сахалин. книж. изд-во, 2008. – 412 с.

Васильевский Р.С., Гладышев С.А. Верхний палеолит Южного Приморья. – Новосибирск: Наука, 1989. – 184 с.

Деревянко А.П. Палеолит Дальнего Востока и Кореи. – Новосибирск: Наука, 1983. – 215 с.

Деревянко А.П., Волков П.В., Ли Хонджон. Селемджинская позднепалеолитическая культура. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 336 с.

Деревянко А.П., Зенин В.Н. Палеолит Селемджи (по материалам стоянок Усть-Ульма I–III). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – 160 с.

Дьяков В.И. Приморье в раннем голоцене (мезолитическое поселение Устиновка IV). – Владивосток: Дальнаука, 2000. – 228 с.

Кононенко Н.А. Экология и динамика археологических культур в долине р. Зеркальной в конце плейстоцена – начале голоцена (устиновский комплекс, российский Дальний Восток) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 1 (5). – С. 40–59.

Крупянко А.А. К вопросу о «доустиновском» заселении долины р. Зеркальной // Пластинчатые и микропластинчатые индустрии в Азии и Америке: мат-лы междунар. науч. конф. – Владивосток: Изд-во Дальневост. гос. ун-та, 2002. – С. 55–58.

Крупянко А.А., Табарев А.В. Палеолит Приморья // Учен. зап. Сахалин. гос. ун-та. – Южно-Сахалинск: Сахалин. гос. ун-т. – 2015. – № XI/XII. – С. 96–108.

Кузнецов А.М. Поздний палеолит Приморья. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1992. – 240 с.

Кузьмин Я.В. Геохронология и палеосреда позднего палеолита и неолита умеренного пояса Восточной Азии. – Владивосток: Тихоокеан. ин-т географии ДВО РАН, 2005. – 282 с.

Кузьмин Я.В., Барышников Г.Ф., Джал Э.Дж.Т., Бурр Дж.С. Радиоуглеродное датирование фауны млекопитающих и палеолита в пещере Географического общества (Приморье, Дальний Восток Рос-

сии) // Современные проблемы евразийского палеолитоведения. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 195–197.

Lee G. Characteristics of Paleolithic Industries in Southwestern Korea during MIS 3 and MIS 2 // Quaternary Intern. – 2012. – Vol. 248 – P. 12–21.

Seong C.T., Bae C.J. The Eastern Asian "Middle Paleolithic" Revisited: A view from Korea // Antiquity. – 2016. – Vol. 90. – P. 1151–1165.

References

Derevianko A.P. Paleolit Dal'nego Vostoka i Korei. Novosibirsk: Nauka, 1983, 215 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Volkov P.V., Li Honjon. Selemdzhinskaya pozdnepaleoliticheskaya kul'tura. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 336 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Zenin V.N. Paleolit Selemdzhi (po materialam stoyanok Ust'-Ul'ma I–III). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995, 160 p. (in Russ.).

Dyakov V.I. Primorye in the Early Holocene (The Mesolithic Settlement of Ustinovka IV). Vladivostok: Dalnauka Publ., 2000, 228 p. (in Russ.).

Kononenko N.A. Ecology and Cultural Dynamics of Archaeological Sites in the Zerkalnaya River Valley at the Terminal Pleistocene–Early Holocene (the Ustinovka Complex, Russian Far East). *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, 2001, No. 1 (5), pp. 40–59.

Krupianko A.A. K voprosu o "doustinovskom" zaselenii doliny r. Zerkal'noi. In *Plastinchatye i mikroplastinchatye industrii v Azii i Amerike: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Vladivostok: Far East Univ. Press, 2002, pp. 55–58 (in Russ.).

Krupianko A.A., Tabarev A.V. Paleolit Primor'ya. *Uchenye zapiski Sakhalinskogo gosudarstvennogo universiteta.* Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Univ. Press, 2015, No. XI/XII, pp. 96–108 (in Russ.).

Kuzmin Y.V. Geochronology and paleoenvironment in the Late Paleolithic and Neolithic of Temperate East Asia. Vladivostok: Pacific Inst. of Geography FEB RAS Publ., 2005, 282 p. (in Russ.).

Kuzmin Y.V., Baryshnikov G.F., Jall A.Jh.T., Burr Jh.C. Radiouglerodnoe datirovanie fauny mlekopitayushchikh i paleolita v peshchere Geograficheskogo obshchestva (Primor'e, Dal'nii Vostok Rossii). In *Sovremennye problemy evraziiskogo paleolitovedeniya.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, pp. 195–197 (in Russ.).

Kuznetsov A.M. Pozdnii paleolit Primor'ya. Vladivostok: Far East Univ. Publ., 1992, 240 p. (in Russ.).

Lee G. Characteristics of Paleolithic Industries in Southwestern Korea during MIS 3 and MIS 2. *Quaternary International*, 2012, vol. 248, pp. 12–21.

Seong C.T., Bae C.J. The Eastern Asian "Middle Paleolithic" Revisited: A view from Korea. *Antiquity*, 2016, vol. 90, pp. 1151–1165.

Vasilevski A.A. Kamennyi vek ostrova Sakhalin. Yuzhno-Sakhalinsk: Sakhalin Publ. House, 2008, 412 p. (in Russ.).

Vasilevski A.A. Periodization of the Upper Paleolithic of Sakhalin and Hokkaido in the Light of Research Conducted at the Ogonki-5 Site. *Archaeology, Ethnography & Anthropology of Eurasia*, 2003, No. 3 (15), pp. 51–69.

Vasilievski R.S., Gladyshev S.A. Verkhnii paleolit Yuzhnogo Primor'ya. Novosibirsk: Nauka, 1989, 184 p. (in Russ.).

Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.086-094
УДК 902

А.П. Деревянко[1], А.В. Кандыба[1], С.А. Гладышев[1], Нгуен За Дой[2], Нгуен Кхак Шу[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии Вьетнамской академии общественных наук
Ханой, Вьетнам
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Типологическая характеристика нуклеусов и орудий раннепалеолитической индустрии Анкхе во Вьетнаме

Каменная индустрия нижнего палеолита анкхе включает в себя материалы более 30 местонахождений на левом берегу р. Ба и двух объектов на правом берегу. Помимо обширной коллекции каменных артефактов, собранных с поверхности, получен представительный стратифицированный материал из раскопов (ок. 2500 экз.). Статья посвящена типологическому и в какой-то мере технологическому анализу нуклеусов и орудий, полученных из культурного слоя стоянок Роктынг-1, -4 и -7. Заготовками для производства нуклеусов и орудий служили гальки и валуны разных размеров и форм, а также их фрагменты. Изредка в качестве преформ использовались сколы. Первичное расщепление на всех раннепалеолитических местонахождениях было ориентировано на эксплуатацию нуклеусов с естественной ударной площадкой (одно- и двухплощадочные), с подготовленной ударной площадкой, многоплощадочных многофронтальных и радиальных. Основную массу составляют одноплощадочные нуклеусы для получения укороченных массивных отщепов. Выделенные типы нуклеусов отражают, скорее всего, не стремление получить то или иное ядрище, а степень редукции нуклеусов. Самую многочисленную группу среди орудий составляют скребла, насчитывающие ок. 70 предметов, которые подразделяются на продольные и поперечные. Рубящие изделия – чоппинги и чопперы также представлены продольными и поперечными вариантами, встречаются образцы и с приостренным выступом-шипом. Реже встречаются изделия с выделенным выступом-«носиком», а также зубчатые и выемчатые инструменты. Наибольших затрат энергии, особого умения и осмысленной деятельности требовало производство двусторонне обработанных изделий – бифасов. Вторичной обработке подвергался только заостренный конец. Иногда имелась подправка лезвия более мелкими сколами. Бифасиальная индустрия анкхе возникла ок. 800 тыс. л.н. на местной основе, на базе галечно-отщепной индустрии. Об этом свидетельствует и первичное расщепление, и вторичная обработка каменных орудий, и весь раннепалеолитический технико-типологический комплекс.

Ключевые слова: *Вьетнам, нижний палеолит, индустрия анкхе, галечно-отщепное расщепление, бифасиально обработанные орудия, изделия типа пик.*

Anatoly P. Derevianko[1], Alexander V. Kandyba[1], Sergey A. Gladyshev[1], Nguyen Gia Doi[2], Nguyen Khac Su[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology, Vietnam Academy of Social Sciences,
Hanoi, Vietnam
E-mail: gladyshev57@gmail.com

Typological Description of Cores and Tools of the Early Paleolithic Ankhe Industry in Vietnam

The Lower Paleolithic Ankhe industry includes the evidence from over 30 sites on the left bank and two sites on the right bank of the Ba River. In addition to large surface collection, a representative collection of the stratified materials (about 2500 objects) from excavation pits is available. The article provides the typological and technological analysis of cores

and tools discovered in the cultural layers at the Rocktyng 1, 4, and 7 sites. Pebbles and rounded stones of various shapes and sizes as well as their fragments were used as preforms for cores and tools. Primary reduction at all Early Paleolithic sites involved the cores with natural striking platform (single and double) and specially prepared striking platform, as well as multiplatform cores and discoid cores. The dominant group was single platform cores for producing thick shortened flakes. The above types of cores reflect the stages of reduction rather than intentional shaping. The most numerous group of tools (about 70 objects) consists of side-scrapers, which can be divided into longtitudinal and transverse varieties. Chopping tools and choppers also appear in longitudinal and transverse varieties; some of them demonstrate slightly pointed spur. Nosed or notched-denticulate types of tools occurred more rarely. Production of bifaced tools required the greatest efforts and skills. Secondary processing of bifaces was used only for sharpening the point of the biface; sometimes fine retouching was used for preparing the working surface. The Ankhe bifacial technology emerged ca. 800,000 BP on the basis of the local pebble-flake industry. This is confirmed by the features of primary reduction, secondary treatment of stone tools, and by the entire Early Paleolithic technical and typological complex.

Keywords: *Vietnam, Lower Paleolithic, Ankhe industry, pebble-flake reduction, bifacial tools, pick-type artifacts.*

Археологические объекты каменной индустрии анкхе расположены на высокой сильно волнистой равнине, прорезанной сетью речных водотоков с генеральным направлением течения с запада на восток. Вся местность представляет собой денудационное структурное плато с останцовыми возвышенностями и маломощным покровом рыхлых отложений.

Первые археологические находки раннего палеолита были обнаружены в районе города Анкхе, по берегам водохранилища, образованного на реке Ба в 2014 г. Тогда были выделены местонахождения Года, Роктынг, Роклен, Рокхуонг, Рокзау и Рокнеп с высокой концентрацией каменных артефактов на поверхности, хотя отдельные предметы встречались и между этими пунктами на большой площади [Деревянко и др., 2016, 2017а, б].

С 2015 г. совместной российско-вьетнамской археологической экспедицией началось планомерное изучение этого района, которое продолжается до настоящего времени. В итоге была выделена группа местонахождений Роктынг (включает 12 пунктов), расположенная на левом берегу водохранилища (рис. 1, *А*, *Б*). Некоторые местонахождения

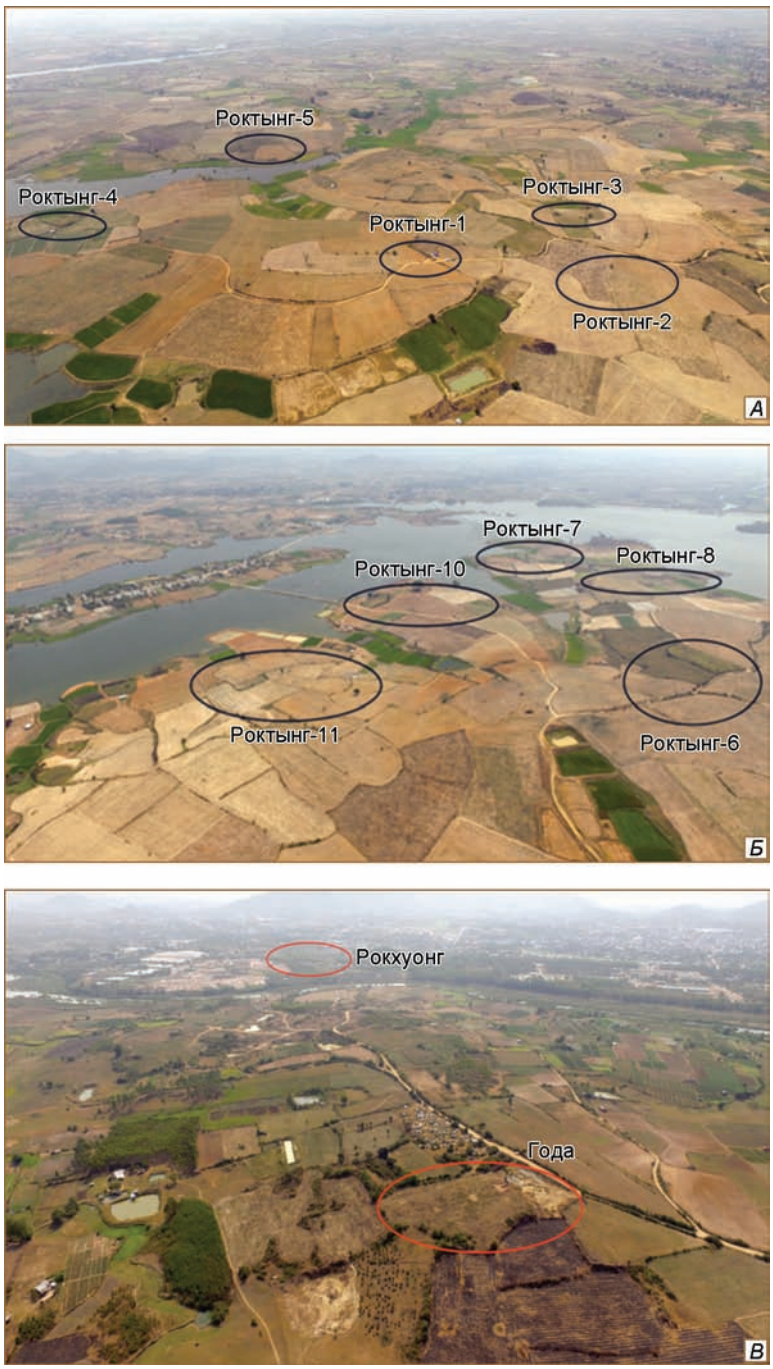

Рис. 1. Фото местности с расположением памятников раннего палеолита в окрестностях г. Анкхе.

А – стоянки Роктынг-1–5; *Б* – стоянки Роктынг-6–8, -10 и -11; *В* – стоянка Года.

(Роклен-2 и Рокнеп-1, -2) обнаружены к востоку от р. Ба ближе к горам. Пункты Рокзау-1 и Рокхуонг расположены вдали от водохранилища, ниже по течению р. Ба.

На правом берегу реки пока обнаружено немного археологических объектов: стоянка Года (рис. 1, *В*), расположенная также ниже водохранилища, на некотором удалении от реки, почти напротив местонахождения Рокхуонг, а также стоянки Нуйдат-1–3, открытые на пологих восточных склонах горы Дат.

За годы изучения этого региона была получена богатейшая коллекция каменных артефактов, собранных с поверхности, которая насчитывает более 400 экз. На пунктах с сохранившимся культурным слоем были проведены шурфовочные работы и стационарные раскопки. Это такие пункты, как Роктынг-1, -4 и -7. Из двух раскопов на стоянке Роктынг-1 получено 79 каменных артефактов, из четырех раскопов на стоянке Роктынг-4 – 2 384 артефакта и из двух раскопов на стоянке Роктынг-7 – 193 артефакта. Кроме того, для изготовления каменных изделий использовалось одно и то же сырье – крупнозернистые кварциты, крайне редко кварц и кремнистый песчаник. На памятнике Года в качестве сырья применялся кварц [Деревянко и др., 2018а, б].

Стоянки расположены на возвышенном холмистом плато, прорезанном сетью речных водотоков, текущих в основном с запада на восток. Рельеф подвергся сильному влиянию денудационных процессов. Скальное основание сложено базальтами, кислыми туфами и гранитами. Осадочные отложения представлены аллювиальными озерными осадками и делювиальными шлейфами. Рыхлые отложения формировались в основном в финале раннего и среднем плейстоцене [Деревянко, 2018, с. 196]. Наиболее типичная для всех археологических объектов стратиграфия представлена на памятнике Роктынг-1. Длительное время цоколь до формирования рыхлых пород подвергался денудации, и в результате этих процессов сформировалась сравнительно мощная кора выветривания. Верхний слой до глубины 20–30 см сильно видоизменен в результате длительного антропогенного воздействия: распашкой и строительством хозяйственных и ирригационных сооружений. Некоторое отличие имеет стратиграфическая ситуация на памятнике Года. Основание этого разреза составляют граниты, перекрытые корой выветривания. На кору выветривания ложится делювиальный шлейф, который свидетельствует о глубоких природно-климатических изменениях, по всей видимости, в регионе произошло значительное похолодание. Шлейф состоит из крупнозернистой супеси, не окатанной дресвы и обломочного гранитоидного материала. Шлейф сформировался в основном в результате дефляции гранитного цоколя и небольшого переноса крупнообломочного материала с наиболее возвышенных участков поверхности. Образование шлейфа происходило, видимо, в более прохладное время, и это был длительный процесс. Во время накопления делювиального шлейфа одновременно шла и его эрозия, в результате которой кровля шлейфа приобрела неровную поверхность, а его нижняя часть перекрывает цоколь и кору выветривания ровным слоем.

Данная статья посвящена типологическому и в какой-то мере технологическому анализу нуклеусов и орудий, полученных из культурного слоя инситных стоянок Роктынг-1, -4 и -7. Археологический материал с объектов с экспонированными находками привлекается в качестве дополнительного, иллюстративного материала, если те или иные типы орудий отсутствуют в коллекциях, полученных из раскопов.

Заготовками для производства нуклеусов и орудий служили гальки и валуны разных размеров и форм, а также их фрагменты. Изредка в качестве преформ использовались сколы. Первичное расщепление на всех раннепалеолитических местонахождениях было ориентировано на эксплуатацию нуклеусов с естественной ударной площадкой (одно- и двухплощадочные), с подготовленной ударной площадкой, многоплощадочных многофронтальных и радиальных. Основную массу составляют одноплощадочные нуклеусы для получения укороченных массивных отщепов. Эта группа ядрищ делится на два типа.

Первый тип представлен одноплощадочными монофронтальными нуклеусами с естественной ударной площадкой. Заготовки с таких нуклеусов скалывались прямым ударом без специальной подготовки точки скалывания. Как правило, остальная поверхность ядрищ не обрабатывалась (рис. 2, *1*). Иногда у нуклеусов с естественной ударной площадкой фиксируется несколько рабочих плоскостей (фронтов) скалывания (рис. 2, *2, 3*). Среди нуклеусов с естественной ударной площадкой имеются изделия, у которых фронт скалывания и ударная площадка образовывали почти прямой угол. С таких нуклеусов скалывали бесформенные отщепы различных размеров. Наряду с ними имеются нуклеусы, у которых фронт скалывания и ударная площадка образуют острый угол. Судя по негативам, с таких нуклеусов скалывали крупные отщепы с массивным ударным бугорком.

У второго типа нуклеусов ударная площадка подготавливалась преимущественно одним сколом, редко несколькими. Отщепы могли скалы-

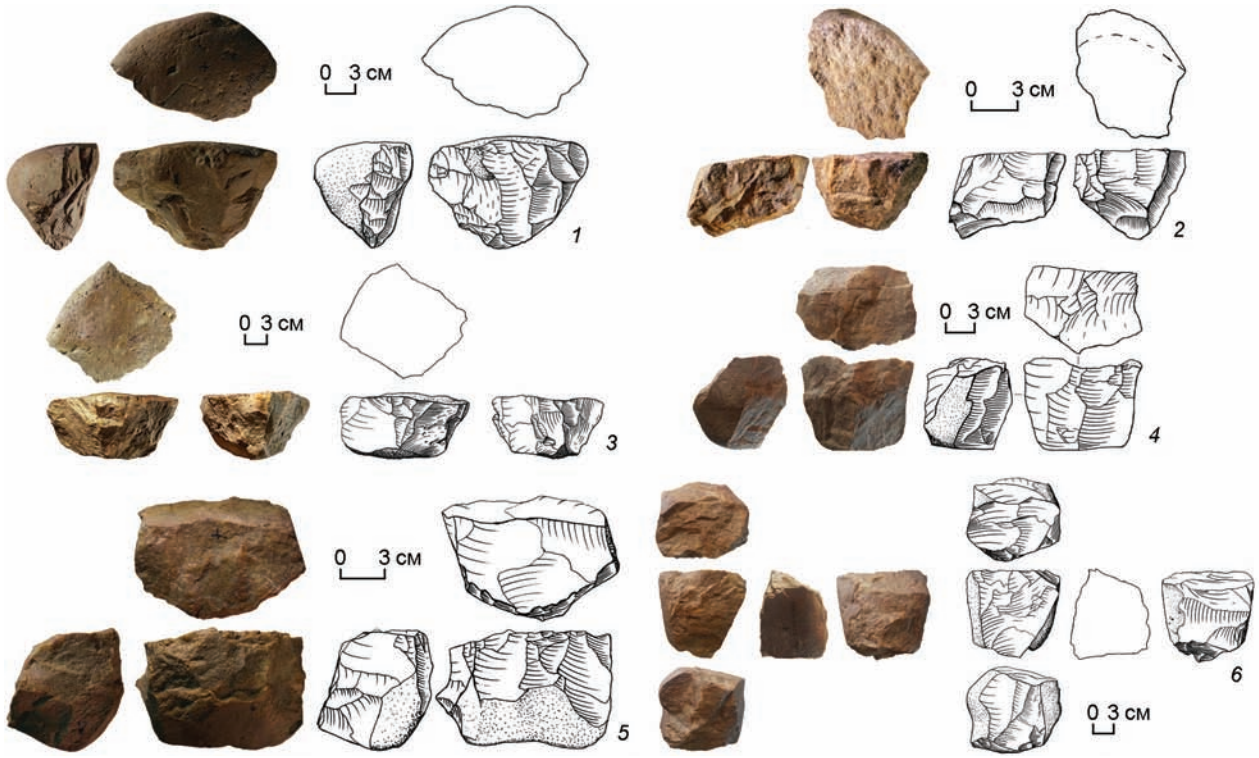

Рис. 2. Нуклеусы индустрии анкхе.

1 – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с естественной ударной площадкой; *2, 3* – одноплощадочные двухфронтальные нуклеусы с естественной ударной площадкой; *4* – одноплощадочный однофронтальный нуклеус с подготовленной ударной площадкой; *5* – двухплощадочный двухфронтальный нуклеус с одной подготовленной ударной площадкой; *6* – многоплощадочный многофронтальный нуклеус.

ваться с двух сопряженных или противолежащих сторон боковой поверхности ядрищ (рис. 2, *4*). Крайне редко встречаются двухплощадочные двухфронтальные нуклеусы, когда наблюдается перенос одной из ударных площадок на один из первоначальных фронтов скалывания (рис. 2, *5*). Еще более редкой находкой являются многоплощадочные многофронтальные ядрища. Причем рабочие поверхности скалывания и ударные площадки могут быть как сопряженные, так и противолежащие (рис. 2, *6*).

Радиальные нуклеусы также достаточно редки на этих местонахождениях. Они имеют, как правило, овальную в плане форму и линзовидный, или близкий к нему, профиль и сечение. Ударной площадкой у большинства из них служило ребро между фронтом скалывания и контрфронтом (рис. 3, *1*). В отдельных случаях на противолежащей фронту поверхности делались один-два скола, негативы которых в дальнейшем использовались как точка удара отбойником. Достаточно крупные отщепы скалывали от краев к центру. Эти нуклеусы в большей степени требовали от изготовителя сноровки и знания структуры исходного сырья.

Нельзя исключать, что некоторые крупные чопперы (рис. 3, *2*), чоппинги, орудия с «носиком» (рис. 3, *3, 4*) и т.н. пикообразные изделия (рис. 3, *5*) первоначально использовались как нуклеусы. Причем у чоппингов негатив скола на одной стороне служил ударной площадкой для снятия заготовки с другой стороны, т.е. снятие отщепов производилось попеременно (рис. 3, *6, 7*).

Каменные индустрии местонахождений левобережья р. Ба базировались на эксплуатации местного сырья. Кварцитовые гальки и валуны, использовавшиеся для изготовления нуклеусов и орудий, были невысокого качества. Внутри них было много трещин и включений крупных зерен, что препятствовало расщеплению. Об этом свидетельствует и большое количество галек со следами апробации, а также множество плохо диагностируемых обломков. Для получения сколов-заготовок использовались простые монофронтальные нуклеусы с минимальной подготовкой одной или двух площадок. Преобладает поперечная ориентация скалывания. Практически нет сильно сработанных нуклеусов, на большинстве ядрищ можно проследить лишь одну серию снятых сколов. Очень мало радиальных ядрищ [Деревянко, 2018].

На наш взгляд, выделенные типы нуклеусов отражают, скорее всего, не стремление получить то или иное ядрище, а степень редукции нуклеусов.

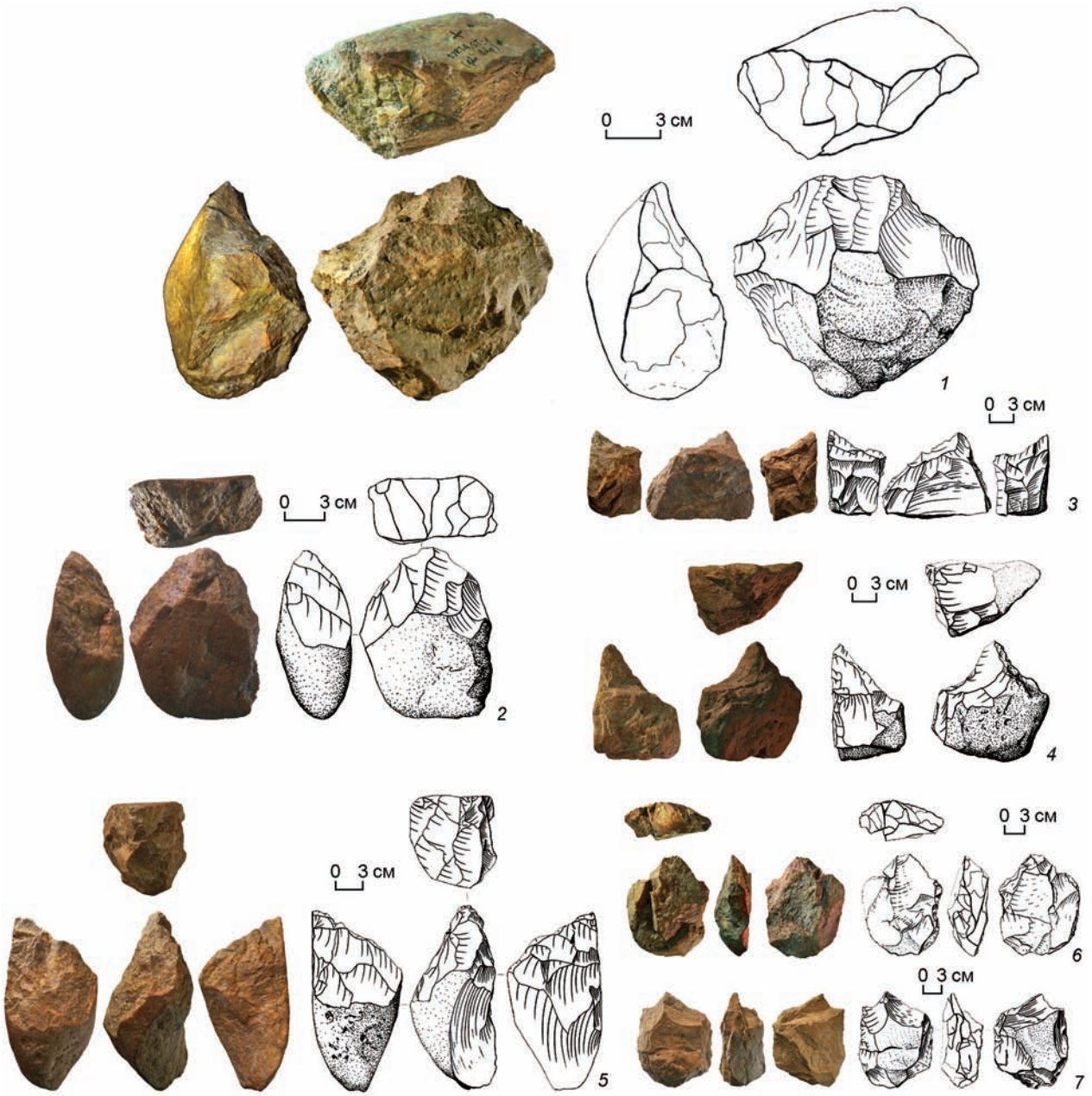

Рис. 3. Нуклеусы индустрии анкхе.
1 – радиальный нуклеус; *2* – нуклеус-чоппер; *3, 4* – нуклеусы-изделия с «носиком»; *5* – нуклеус-пика; *6, 7* – нуклеусы-чоппинги.

Сколы, как потенциальные заготовки, играли подчиненную роль. Об этом свидетельствуют и сколы, полученные из раскопов, которые не подверглись в дальнейшем вторичной обработке. Главной диагностирующей чертой этой индустрии является ее галечно-отщепный характер.

Среди орудий нижнепалеолитической индустрии анкхе одну из самых многочисленных групп составляют рубящие изделия, насчитывающие 60 предметов. Эта орудийная группа представлена чопперами и чоппингами, среди которых встречаются как поперечные варианты (рис. 4, *1*), так и изделия с продольным расположением рабочего края (рис. 4, *2*). Кроме того, встречаются образцы и с приостренным выступом-шипом. Основное различие между чопперами и чоппингами (рис. 4, *3*) заключается в односторонней или двусторонней обработке рабочего лезвия. Как правило, вторичная обработка затрагивала только лезвие, остальная поверхность этих орудий, включая пятку, сохраняет желвачную корку.

Самую многочисленную группу среди орудий составляют скребла, насчитывающие ок. 70 предметов, которые имеют несколько модификаций. Так же, как и чопперы и чоппинги, по месту расположения рабочего края они делятся на продоль-

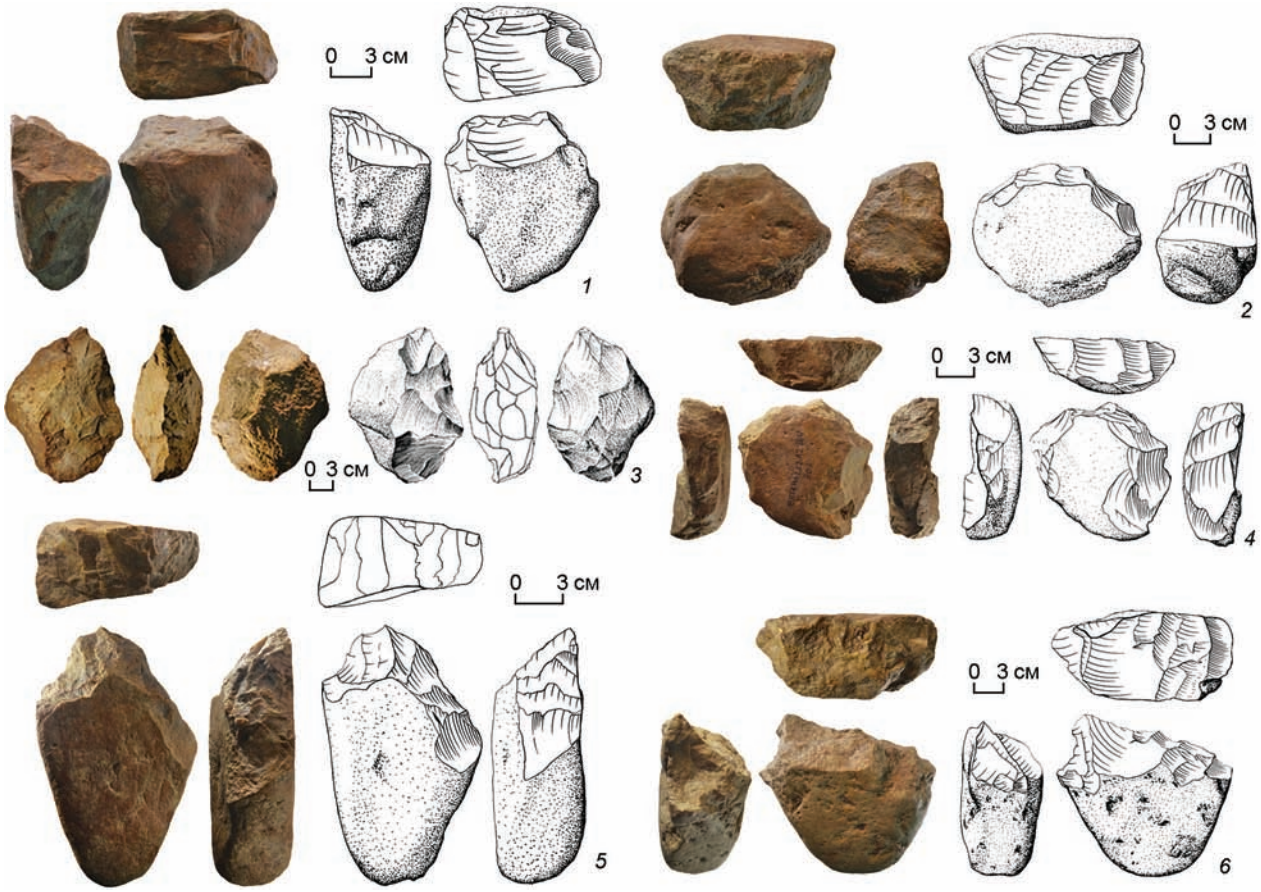

Рис. 4. Орудия индустрии анкхе.
1 – поперечный чоппер; *2* – продольный чоппер; *3* – чоппинг; *4* – скребло; *5* – орудие с «носиком»; *6* – зубчатое орудие.

ные и поперечные. Лезвие могло быть выпуклым, а также иметь волнистую или зубчатую форму. Подавляющее большинство этих изделий создавалось на гальках, но имеются и экземпляры, сделанные из крупных отщепов и фрагментов галек. В отличие от чопперов и чоппингов, для их изготовления выбирались более плоские гальки, и, помимо обработки рабочего края двух-, иногда трехрядной серией крупных сколов, они имели дополнительную подправку мелкой краевой ретушью. Лезвие оформлялось как с одной, так и с двух сторон. Противолежащий рабочему лезвию обушок всегда сохранял галечную корку (рис. 4, *4*).

Следующую по количеству образцов группу составляют орудия с намеренно выделенным острием в виде выступа-«носика» (рис. 4, *5*). Их насчитывается более 40 экз. Они отличаются от чопперов тем, что острие у них выделялось или крупными сколами, или дополнительной ретушью и мелкими сколами, образующими своеобразные «плечики». Иногда орудия этого типа имеют крупные размеры и достигают значительного веса (до 4 кг).

Среди орудий имеются немногочисленные предметы, которые можно трактовать как зубчатые и выемчатые изделия (рис. 4, *6*). Большинство этих изделий имеют небольшие размеры по сравнению с чопперами, чоппингами и скреблами. Рабочее лезвие у них оформлялось крупными сколами на продольной или поперечной боковой грани. Иногда наблюдается чередующаяся ретушь, формирующая зубцы и выемки. Как и у орудий других типов, вторичной обработке подвергался только рабочий край, остальная поверхность изделий оставалась покрытой галечной коркой.

Немногочисленную, но яркую группу составляют нуклевидные скребки или скребки высокой формы (рис. 5, *1*). Они изготавливались преимущественно на удлиненных гальках, и на одном конце у них имеются негативы мелких и узких снятий. Нуклевидные скребки представляют собой особую технико-типологическую форму изделий раннего палеолита. Как орудия, сделанные с применением одинаковой техники и имеющие идентичный типологический облик, они широко известны в местонахождениях раннего палеолита на обширной территории. Наиболее ранние образцы таких изделий обнаружены в доашельских горизонтах Олдувая. Они встречаются на ряде местонахождений

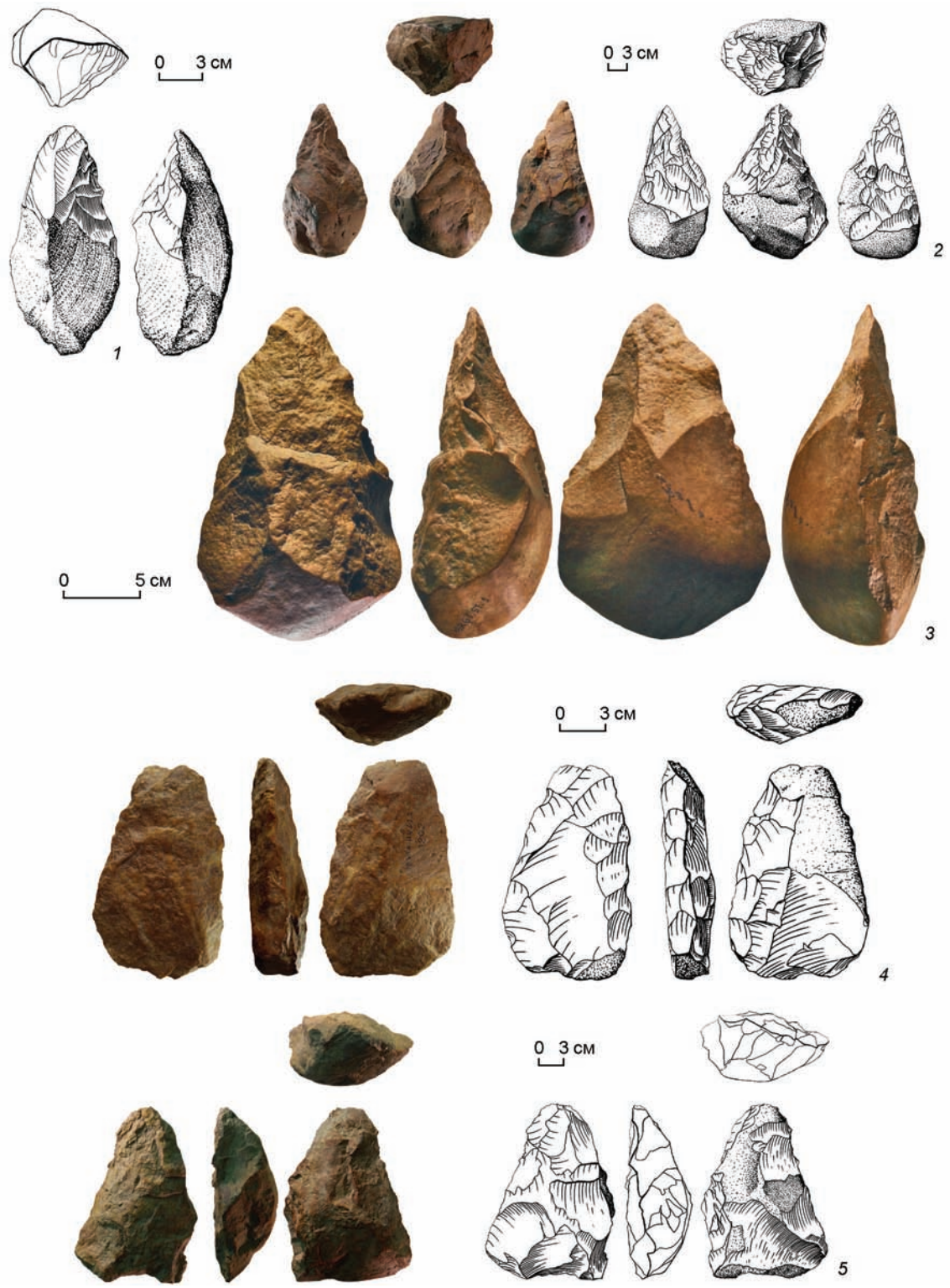

Рис. 5. Орудия индустрии анкхе.

1 – нуклеус-скребок (скребок высокой формы); *2* – пика; *3–5* – бифасиально обработанные орудия.

раннего палеолита с галечно-отщепной и ашельской индустрией в Африке, на Ближнем Востоке, Кавказе, в Сибири на стоянке Карама и в других регионах [Там же, с. 202]. Появление этих орудий на раннепалеолитических местонахождениях, относящихся к широкому хронологическому интервалу и удаленных друг от друга, – свидетельство технологической конвергенции, а не распространения в результате миграционных процессов у человеческих популяций.

Довольно многочисленной группой орудий являются орудия типа пик, насчитывающие ок. 70 предметов. Для изготовления этих орудий чаще всего использовались крупные, массивные гальки и валуны. Как правило, пикообразные изделия имели крупные размеры и значительный вес. Вторичной обработке подвергался только заостренный рабочий край орудий. Остальная поверхность пик оставалась покрытой галечной коркой. Иногда ретушь располагалась по обеим сторонам рабочего края, иногда – только по одному краю. Какую бы форму не имела исходная заготовка, сечение рабочего края всегда было треугольным, что характерно для пик. В отличие от бифасиально обработанных изделий, заостренный конец у этих изделий имел более выраженную форму и часто был асимметричен (рис. 5, *2*).

Наибольших затрат энергии, особого умения и осмысленной деятельности требовало производство двусторонне обработанных изделий – бифасов. Все они изготавливались из крупных галек, которые имели треугольно вытянутую в плане форму и линзовидное или треугольное сечение. Вторичной обработке подвергался только конвергентно заостренный конец, который с двух сторон обрабатывался крупными сколами (рис. 5, *3*). Иногда имелась подправка лезвия более мелкими сколами. Остальная поверхность этих орудий сохраняла желвачную корку с обеих сторон. У немногих бифасов пятка имеет дополнительную обработку (рис. 5, *4*).

Несколько особняком от симметричных треугольно-вытянутых бифасов с необработанной пяткой стоит изделие, сделанное из крупной вытянутой гальки. У этого бифаса прямое основание и слегка изогнутое в сторону лезвие, а его форма напоминает акулий зуб. Одна сторона изделия плоская и она сплошь обработана сколами, направленными от краев к центру. Вторая, выпуклая сторона почти полностью обработана сколами, только в центре изделия остался небольшой участок, покрытый галечной коркой (рис. 5, *5*).

У всех бифасиально обработанных изделий из раннепалеолитических стоянок в районе г. Анкхе отсутствует подработка ретушью по краям. На многих среднеашельских бифасах из Африки и Европы края по периметру обработаны дополнительной ретушью, придающей лезвию значительную остроту. Такие бифасы могли использоваться для выполнения различных операций: скобление, резание, рубка. Предназначение бифасов индустрии анкхе было, видимо, более ограниченным, они могли использоваться только в качестве рубящих орудий [Там же, с. 200].

Еще раз обратим внимание на факт залегания артефактов *in situ* в коре выветривания древних пород. Каменные изделия залегали в культурном слое вместе с галечным и валунным сырьем.

Вместе с артефактами в культурном слое обнаружено несколько сотен тектитов, расплавленных и застывших стекловидных образований, возникших в результате метеоритной деятельности. Два образца тектитов (один со стоянки Года, второй со стоянки Роктынг-1) были переданы в лабораторию изотопной геохимии и геохронологии Института геологии рудных месторождений, петрографии, минералогии и геохимии РАН (г. Москва) для определения их абсолютного возраста. В результате проведенных исследований возраст культурного слоя стоянки Года определен в 806 ± 22 тыс. л.н. (лаб. № 15962), а стоянки Роктынг-1 – в 782 ± 20 тыс. л.н. (лаб. № 15963) [Деревянко и др., 2018б, с. 16].

Таким образом, опираясь на абсолютные даты и технико-типологическую характеристику каменного ассамбляжа, мы считаем правомерным выделить палеолитические комплексы в районе г. Анкхе в своеобразную индустрию с бифасами, существовавшую в эпоху нижнего палеолита.

Орудия труда, такие как скребла различных модификаций, чопперы, чоппинги, зубчато-выемчатые изделия и др., присутствуют на большинстве раннепалеолитических местонахождений Африки и Евразии [Деревянко, 2018, с. 231]. Среди орудий раннепалеолитических местонахождений индустрии анкхе особого внимания заслуживают бифасиально обработанные изделия типа ручных рубил, орудий типа пик, изделия с выделенными сколами и ретушью острием. В то же время данные археологические материалы существенно отличаются от африканских и западноевразийских индустрий [Деревянко и др., 2017а, б; 2018а, б]. Несомненную близость к каменной индустрии анкхе демонстрируют археологические материалы котловины Байсэ, датированные по тектитам (732 ± 39 и 803 ± 3 л.н). Также на территории Юго-Восточной Азии обнаружено несколько местонахождений с бифасиально обработанными изделиями и стратифицированных объектов со сходными технологическими характеристиками первичного расщепления, относящихся к данному периоду [Деревянко, 2018]. Все это подтверждает предположение о технологической и типологической конвергенции. Бифасиальная индустрия в Восточной и Юго-Восточной Азии возникла на местной основе, на базе галечно-отщепной индустрии. Об этом свидетельствует и первичное расщепление, и вторичная обработка каменных орудий, и весь раннепалеолитический технико-типологический комплекс.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-59-92001 ВАОН-а.

Список литературы

Деревянко А.П. Три глобальные миграции человека в Евразии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. III: Ашельская бифасиальная индустрия в Африке и Азии: Левант, Аравия, Иран, Индия, Вьетнам и островная часть Юго-Восточной Азии. – 572 с.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Раскопки стоянки раннего палеолита с бифасиальной индустрией Роктынг-4 во Вьетнаме в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017а. – Т. XXIII. – С. 84–88.

Деревянко А.П., Гладышев С.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Чеха А.М., Цыбанков А.А., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Новые данные в изучении раннего палеолита с бифасиальной индустрией Вьетнама. Раскопки стоянки Роктынг-7 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017б. – Т. XXIII. – С. 79–83.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Чеха А.М. Новые данные в изучении стратифицированных стоянок раннего палеолита во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018а. – Т. XXIV. – С. 67–72.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Нгуен Кхак Шу, Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Лебедев В.А., Чеха А.М., Рыбалко А.Г., Харевич В.М., Цыбанков А.А. Открытие бифасиальной индустрии во Вьетнаме // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018б. – Т. 46, № 3. – С. 3–21.

Деревянко А.П., Цыбанков А.А., Нгуен Зианг Хай, Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу, Кандыба А.В., Гладышев С.А., Чеха А.М., Нгуен Ань Тоан, Фань Тхан Туан. Предварительные итоги раскопок местонахождений Роктынг-1 и Роктынг-4 во Вьетнаме // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 63–67.

References

Derevianko A.P. Three Global Human Migrations in Eurasia. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. III: The Acheulean and Bifacial Lithic Industries in Africa and Asia: The Levant, The Arabian Peninsula, Iran, India, Vietnam and the Islands of Southeastern Asia, 572 p.

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Chekha A.M., Tsybankov A.A., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Excavations of the Early Paleolithic Site Rock Tung 4, Vietnam, in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017a, vol. XXIII, pp. 84–88 (in Russ.).

Derevianko A.P., Gladyshev S.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Chekha A.M., Tsybankov A.A., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. New Data on the Investigations of the Early Paleolithic of Vietnam. Excavations of Rock Tung 7 Site in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017b, vol. XXIII, pp. 79–83 (in Russ.).

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Gladyshev S.A., Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Rybalko A.G., Kharevich V.M., Chekha A.M. New Data from the Studies of the Early Paleolithic Sites in Vietnam. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018a, vol. XXIV, pp. 67–72 (in Russ.).

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Nguyen Khac Su, Gladyshev S.A., Nguyen Gia Doi, Lebedev V.A., Chekha A.M., Rybalko A.G., Kharevich V.M, Tsybankov A.A. The Discovery of a Bifacial Industry in Vietnam. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018b, vol. 46, No. 3, pp. 3–21. DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.003-021.

Derevianko A.P., Tsybankov A.A., Nguyen Ziang Hai, Nguyen Gia Doi, Nguyen Khak Su, Kandyba A.V., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Nguyen Anh Tuan, Phang Thanh Toan. Preliminary Results of Excavations Archaeological Sites Rock Tung 1 and Rock Tung 4 in Vietnam. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 63–67 (in Russ.).

Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331
Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.095-102
УДК 902.01

А.П. Деревянко[1], М.В. Шуньков[1], Л. Булатович[2], А.А. Анойкин[1], В.А. Ульянов[3], М.Б. Козликин[1], И. Меденица[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Музей и галереи Подгорицы
Подгорица, Черногория
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
E-mail: anui1@yandex.ru

Новые результаты исследования скального навеса Малишина Стена в Черногории

В статье представлены результаты археологических исследований стоянки Малишина Стена в 2019 г. Скальный навес расположен на севере Черногории в ущелье р. Чехотина. Первые раскопки на памятнике проводились в 1980-е гг. сербскими археологами. Возобновление исследований стоянки в 2017 г. связано с работами российско-черногорской экспедиции. В полевом сезоне 2019 г. раскопки проводились в центральной части навеса, где на площади 7 м^2 были изучены литологические слои A, B1, B2 и C1. Новые результаты подтвердили высказанное ранее предположение о наличии в культурно-хронологической последовательности стоянки средне- и верхнепалеолитического комплексов. Первичное расщепление в каменных индустриях среднего палеолита из слоев C1, B2 и B1 ориентированно в большей степени на получение отщепов в рамках радиального, леваллуазского и бессистемного раскалывания. Орудийный набор включает как среднепалеолитические (скребла, ретушированные остроконечники), так и верхнепалеолитические (скребки, изделие с черешком) формы, но без признаков ориньякской морфологии. Хозяйственная деятельность обитателей навеса в этот период была ориентирована в первую очередь на промысел крупных травоядных животных. Для каменной индустрии из слоя A характерно развитое микропластинчатое расщепление. В орудийном наборе представлены формы, характерные для заключительного этапа верхнего палеолита – микропластины с притупленным краем, граветтоидные острия и мелкие скребки. Фаунистические остатки из этого слоя свидетельствуют о систематической рыбной ловле, а также об охоте на птиц и мелких млекопитающих.

Ключевые слова: *Черногория, Малишина Стена, скальный навес, плейстоцен, палеолит, каменная индустрия.*

Anatoly P. Derevianko[1], Michael V. Shunkov[1], Lenka Bulatovic[2], Anton A. Anoikin[1], Vladimir A. Ulianov[3], Maxim B. Kozlikin[1], Ivana Medenica[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Museum and Galleries of Podgorica,
Podgorica, Montenegro
[3]Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
E-mail: anui1@yandex.ru

New Results of Research at the Mališina Stijena Rock Shelter in Montenegro

The article presents the results of archaeological research of the Mališina Stijena site performed in 2019. This rock shelter is located in the north of Montenegro in the gorge of the Ćehotina River. First excavations at the site were conducted

in the 1980s by Serbian archaeologists. Research at the site in 2017 was resumed by the Russian-Montenegrin Expedition. In the field season of 2019, excavations were carried out in the central part of shelter, where lithological layers A, B1, B2, and C1 were studied over the area of 7 m^2. New results confirmed the earlier assumption on the presence of the Middle and Upper Paleolithic complexes in the cultural and chronological sequence of the site. Primary reduction in the lithic industries of the Middle Paleolithic from layers C1, B2, and B1 was largely oriented at producing flakes by radial, Levallois, and irregular splitting. The toolkit included both Middle Paleolithic (side-scrapers, retouched points) and Upper Paleolithic (end-scrapers, tanged tools) artifacts, but without the features of the Aurignacian morphology. The economic activity of the inhabitants of the rock shelter in this period was primarily focused on hunting large herbivores. Lithic industry from layer A is distinguished by the developed microblade production. The toolkit of this layer contains the implements typical of the Final Upper Paleolithic, such as backed microblades, Gravettoid points, and small end-scrapers. Faunal remains from this layer indicate systematic fishing as well as hunting of birds and small mammals.

Keywords: *Montenegro, Mališina Stijena, rock shelter, Pleistocene, Paleolithic, lithic industry.*

Балканский регион, являясь транзитной территорией между центральной Европой и Малой Азией, играет важную роль в изучении палеолита западной части Евразии. Здесь находятся опорные памятники Бачо-Киро, Темната и Козарника в Болгарии, Аспрохалико и Клиссура в Греции, Крапина и Виндийя в Хорватии. Балканский полуостров состоит из трех основных ландшафтно-климатических зон: морское побережье Адриатического и Ионического морей; горная часть – Динарское нагорье, Далматинские горы, Карпаты, Родопы, Пинд; межгорные котловины и южные окраины Среднедунайской и Нижнедунайской равнин [Furlan, 1977]. Каменный век наименее изучен на западном побережье полуострова. В настоящее время на этой территории основными палеолитическими объектами являются многослойные стоянки под скальными навесами Црвена Стена, Биоче и Малишина Стена в Черногории. В последнее десятилетие заметно возросла интенсивность исследований каменного века в регионе, однако практически все работы связаны с изучением этих трех стоянок [Crvena Stijena…, 2017; Derevianko et al., 2017].

С 2008 г. разведочные и раскопочные работы на территории Черногории проводит российско-черногорская экспедиция Института археологии и этнографии СО РАН и Музея и галерей Подгорицы. Последние три года основным объектом исследований является скальный навес Малишина Стена, расположенный на севере страны, в верхнем течении р. Чехотина.

Долина Чехотины в районе навеса представляет собой ущелье с крутыми скальными стенами, зачастую отвесными и субвертикальными в своей нижней части на высотах 25–30 м над урезом воды. Глубина ущелья по бровкам составляет 95–100 м, ширина – ок. 150 м. Рыхлые отложения представлены крайне фрагментарно на относительно пологих (менее 30–35°) участках склонов в виде тонкого (10–30 см) делювиально-коллювиального чехла, удерживаемого благодаря кустарниковой растительности и редколесью (сосна с примесью ели, в подлеске встречается лещина). Глыбы и крупный щебень склонового чехла преимущественно изометричной формы, будучи потревожены, они скатываются вниз по склону до самого днища долины. На отметках ок. 65–75 м над современным урезом реки по обоим бортам долины эпизодически встречаются останцовые скальные пики или плечеобразные перегибы склонов, а также висячие долины малых безводных водотоков, привязанные к этому гипсометрическому уровню. Они маркируют, скорее всего, уровень древней долины Чехотины до начала ее интенсивного неотектонического врезания.

Скальный навес Малишина Стена представляет собой выемку в виде амфитеатра в отвесной стене нижней части ущелья (рис. 1). Ширина навеса по капельной линии – 32 м, наибольшая высота – 15 м, глубина до тыловой стенки – до 11 м. Дневная поверхность заполняющих нишу рыхлых отложений первоначально была субгоризонтальной или слабо наклоненной в сторону русла Чехотины, высота ее составляет ~10 м над современным урезом реки. В настоящее время верхняя часть современных отложений мощностью до 0,2–0,3 м удалена на значительной площади в процессе археологических работ предыдущих лет. За пределами капельной линии поверхность осадков под навесом через четкую бровку переходит в крутой (до 40°) склон с прямым поперечным профилем, подмываемый рекой. В нижней части склона на высоте до 0,5 м над урезом воды в основании уступа вскрывается коренной цоколь.

Первый этап изучения памятника проходил в 1980-е гг. Работы на стоянке велись специалистами из Центра археологических исследований философского факультета Белградского университета совместно с музеем г. Плевля на протяжении шести лет, в 1980–1982 и 1984–1986 гг. [Radovanović, 1986]. В ходе этих работ было заложено несколько раскопов, шурфов и разведочных траншей, общей площадью ок. 50 м^2. Наиболее представительные коллекции археологического материала получены из западного (9 м^2) и восточного (8 м^2) раскопов.

Рис. 1. Общий вид на скальный навес Малишина Стена с правого борта ущелья р. Чехотина.

Сложная стратиграфическая ситуация не позволила исследователям провести корреляцию литологических подразделений между раскопами, однако на обоих участках было выделено по два комплекса находок палеолитического времени.

Нижний комплекс артефактов из слоев 15–9 в западном и слоев ЗБ16–ЗБ13 в восточном раскопах был представлен радиальными нуклеусами, скреблами, ретушированными остроконечниками, боковыми скребками и резцами. Археологический материал сопровождался большим количеством фрагментов костей травоядных животных [Там же; Malez M., Malez V., Paunović, 1988]. На основании технико-типологических характеристик каменной индустрии этот комплекс датирован в интервале финала среднего – первой половины верхнего палеолита.

Верхний комплекс находок из слоев 4–2 в западном и слоев ЗБ4–ЗБ1 в восточном раскопах включает значительно больше находок, чем из нижней части отложений. В нем присутствуют одноплощадочные и двуплощадочные нуклеусы для пластинок и микропластин, в орудийном наборе преобладают изделия из мелких пластинчатых сколов – двухсторонне ретушированные пластинки и пластинки с притуленным краем, мелкие ретушированные острия. Среди других орудийных форм наиболее многочисленными являются скребки и резцы. По кости из слоя ЗБ1 получена ^{14}C AMS-дата 13 780 ± 140 л.н. [Hedges et al., 1990]. Эти материалы были отнесены к кругу финальнопалеолитических индустрий Южной Европы [Radovanović, 1986]. Археологические находки

сопровождались массовым палеонтологическим материалом, представленным костями мелких млекопитающих, птиц и рыб [Malez M., Malez V., Paunović, 1988].

Исследования стоянки были возобновлены в 2017 г. российско-черногорской экспедицией. В ходе работ 2017 и 2018 гг. в западной и центральной частях навеса был заложен раскоп общей площадью 17,5 м^2, частично включающий в себя участки раскопов 1980 и 1984–1986 гг. (рис. 2, *А*). При сопоставлении нового разреза с ранее полученной для этой части стоянки стратиграфией возникли разночтения. В связи с этим была введена новая нумерация слоев, не связанная с разрезами 1980-х гг. Всего в новом разрезе было выделено восемь основных подразделений – литологиче-

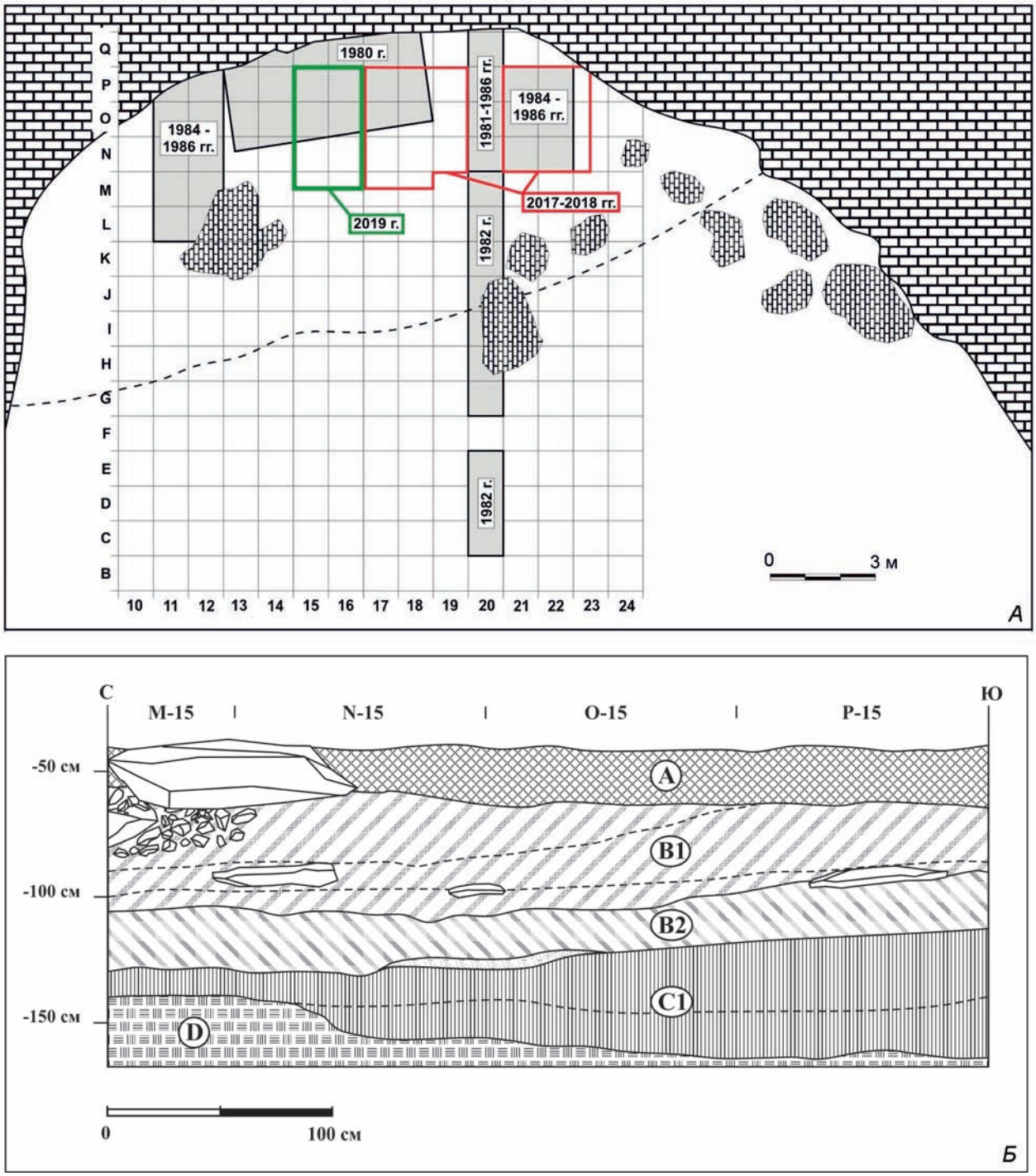

Рис. 2. План стоянки Малишина Стена с указанием участков археологических работ (*А*) и стратиграфический разрез восточной стенки раскопа 2019 г. (*Б*).

ские слои A–F, в четырех из которых зафиксирован археологический материал.

В 2019 г. работы на памятнике продолжены в центральной части навеса, где к восточной стенке раскопа 2018 г. была сделана прирезка площадью 7 м^2, включившая не изученный до конца участок работ 1980 г. Вскрытые на этой площади слои A, B1, B2, C1 и D по своим характеристикам в целом соответствуют описанным ранее стратотипам и представляют собой мощную щебнисто-дресвянистую толщу с заполнителем порового типа [Деревянко и др., 2017] (рис. 2, *Б*). Границы между слоями проведены по изменению цвета заполнителя и концентрации обломочного материала. Слой A на участке работ 2019 г. был сильно поврежден в результате современной антропогенной и биогенной деятельности, а также продолжительного экспонирования, после удаления перекрывающей голоценовой толщи.

Слой D не содержал археологических материалов.

Коллекция из слоя C1 включает 216 каменных изделий и манупорт в виде гальки (см. *таблицу*). Нуклевидные формы представлены истощенным бессистемным ядрищем. Среди сколов, примерно в равном количестве представлены отщепы, пластины и пластинчатые снятия. Для отщепов в большей степени характерна гладкая остаточная ударная площадка, единичны экземпляры с точечной, линейной, двугранной или фасетированной площадкой. Огранка дорсала у отщепов в большинстве случаев продольная однонаправленная или ортогональная. Два технических скола относятся к снятиям разжелвачивания и еще один – к сколам подправки ударной площадки. Подправка карниза площадки зафиксирована у 35 % сколов. Отходы производства (76 %) представлены в основном обломками, а также чешуйками и мелкими осколками. Орудийные формы включают два остроконечника – леваллуазский (рис. 3, *1*) и ретушированный (рис. 3, *9*), орудие с черенком (рис. 3, *7*), нож и пластину с ретушью.

В слое B2 найдено 279 каменных артефактов и галька-манупорт (см. *таблицу*). Нуклевидные формы включают три обломка сырья с несколькими бессистемными снятиями и истощенное бессистемное ядрище. Среди сколов преобладают отщепы, преимущественно мелкого размера. Для них характерна гладкая, реже двугранная или фасетированная остаточная ударная площадка. Огранка дорсала у отщепов в большинстве случаев гладкая, продольная однонаправленная или ортогональная. Среди технических сколов основную часть (7 экз.) составляют первичные снятия, отмечено также два краевых скола. Подправка карниза остаточной ударной площадки характерна для 34 % сколов. Отходы производства (80 %) представлены чешуйками, мелкими обломками и осколками. В числе изделий с вторичной обработкой диагональное скребло (рис. 3, *6*), боковой скребок на отщепе (рис. 3, *10*) и пластина с ретушью. Фаунистическая коллекция из слоя B2 включает 67 неопределимых фрагментов костей крупных млекопитающих.

В отличие от западного участка навеса, где слой B1 не содержал археологического материала, в центральной части грота в пределах этого слоя найдено 32 артефакта (см. *таблицу*). Среди сколов преобладают мелкие отщепы, имеется несколько пластин. Отходы производства, составляющие большинство находок (81 %), представлены чешуйками, мелкими обломками и осколками. Кроме того в слое найдено 15 фрагментов костей животных.

Каменная индустрия из слоя A насчитывает 302 экз. (см. *таблицу*). Нуклевидные формы включают восемь ядрищ и нуклевидный обломок. Среди них четыре одноплощадочных монофронтальных нуклеуса, предназначенных для производства микропластин. Первое изделие выполнено

Состав каменной индустрии стоянки Малишина Стена

	Слой C1		Слой B2		Слой B1		Слой A		Всего
	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во
Гальки	1	0,5	1	0,4	–	–	–	–	2
Нуклевидные формы	1	0,5	4	1,4	–	–	9	3,0	14
Пластины	13	6,0	2	0,7	2	6,3	22	7,3	39
Микропластины	–	–	–	–	–	–	6	2,0	6
Пластинчатые отщепы	9	4,2	5	1,8	–	–	6	2,0	20
Отщепы	20	9,3	31	11,1	4	12,5	18	6,0	73
Технические сколы	3	1,4	9	3,2	–	–	6	2,0	18
Обломки, осколки	76	35,2	88	31,5	7	21,9	87	28,8	258
Чешуйки	88	40,7	136	48,7	19	59,4	141	46,7	384
Орудия	5	2,3	3	1,1	–	–	7	2,3	15
Всего	216	100	279	100	32	100	302	100	829

на небольшом треугольном сколе, массивный дистальный край которого усечен широкими сколами и подправлен мелкой краевой ретушью. С этой плоскости по левому краю заготовки были сняты несколько микропластинчатых сколов (рис. 3, *8*). Второй нуклеус оформлен на мелком удлиненном прямоугольном в поперечном сечении отщепе. Один из торцов заготовки преобразован в гладкую скошенную ударную площадку, с которой по двум смежным граням производились снятия микропластин (рис. 3, *12*). Третье ядрище выполнено на удлиненном треугольном в поперечном сечении сколе. Один из его торцов пологой субпараллельной ретушью преобразован в слабовыпуклую ударную площадку, с которой по одному из ребер заготовки произведено микропластинчатое снятие. Последний нуклеус – подтреугольной формы, с естественной ударной площадкой и контрфронтом. Выпуклый фронт несет негативы мелких пластинчатых снятий, направленных конвергентно к узкому основанию (рис. 3, *11*).

Два изделия являются двуплощадочными монофронтальными нуклеусами для получения мелких пластинок и микропластин. Первое представляет собой прямоугольный обломок плитчатого сырья, на торцах которого единичными сколами оформлены гладкие слегка скошенные к контрфронту ударные площадки. Фронт несет негативы встречных микропластинчатых снятий, заходящих на одну из латералей. Одна из площадок имеет следы редукции карниза. Ядрище истощено, его эксплуатация прекращена из-за нескольких глубоких заломов (рис. 3, *13*). Второе, небольшое прямоугольное уплощенное ядрище имеет слабовыпуклый фронт с негативами встречных мелких пластинчатых снятий (рис. 3, *15*). Противолежащие ударные площад-

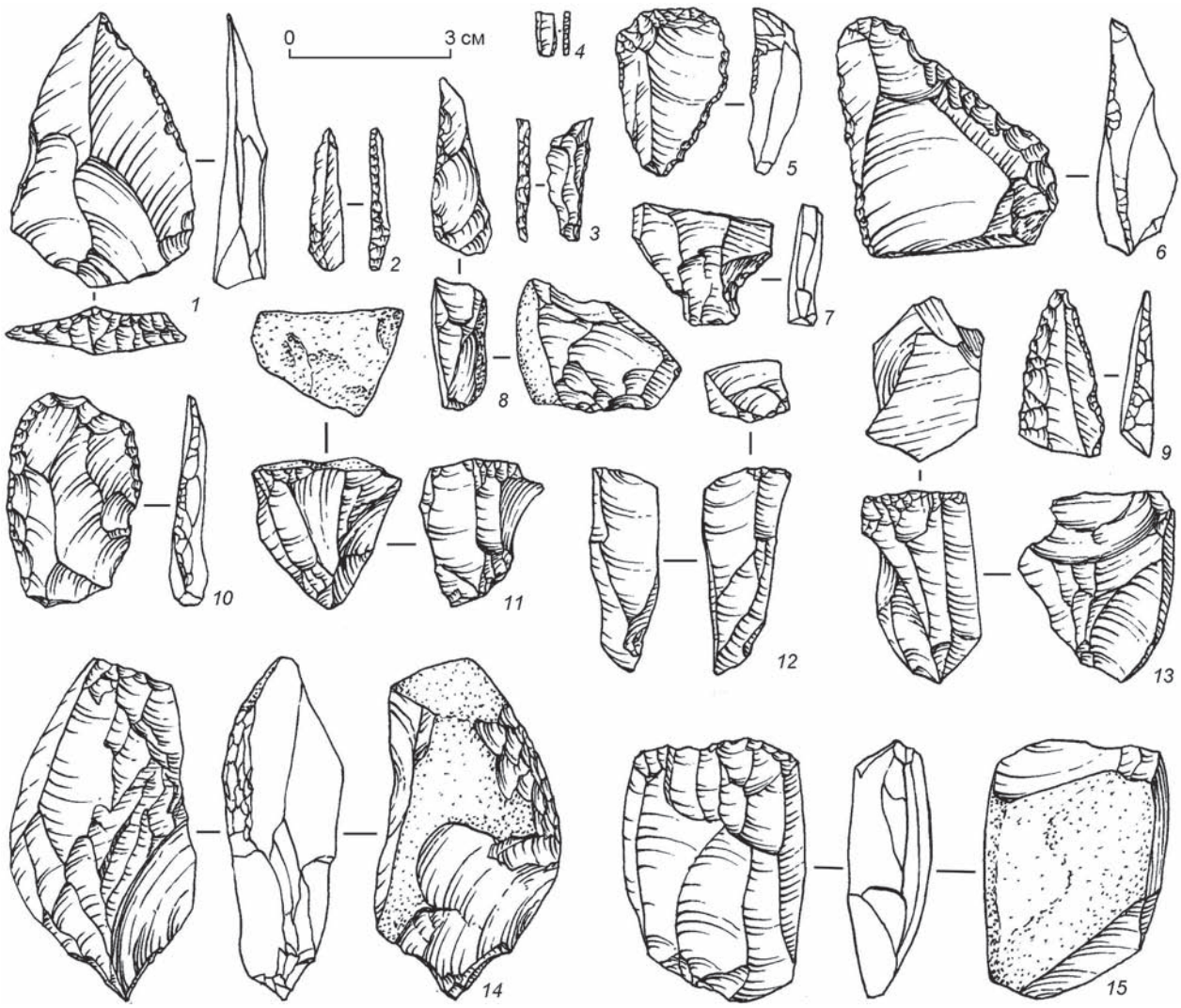

Рис. 3. Каменные артефакты из слоев С1 (*1*, *7*, *9*), В2 (*6*, *10*) и А (*2–5*, *8*, *11–15*) стоянки Малишина Стена.
1 – леваллуазское острие; *2–4* – микропластины с притупленным краем; *5*, *10* – скребки; *6* – скребло; *7* – орудие с черенком; *8*, *11–15* – нуклеусы; *9* – ретушированный остроконечник.

ки прямые, оформлены единичными крупными продольными сколами, скошены к естественному контрфронту.

Для получения мелких пластинок использовались также двуплощадочные бифронтальные ядрища. Первое из них небольшого размера, ромбовидной в плане формы, уплощенное. Слабовыпуклый широкий фронт несет негативы мелких пластинчатых снятий. Ударные площадки гладкие, скошены к контрфронту (рис. 3, *14*). Второе ядрище также небольшое, призматической формы, сильно истощенное. Ударные площадки гладкие, скошенные. С первой из них произведены снятия нескольких мелких пластинок, закончившиеся заломами. Со второй – на противолежащем фронте снят удлиненный скол, удаливший основной объем ядрища.

Среди сколов больше половины составляют пластины и микропластины. Отщепы представлены преимущественно мелкими сколами с гладкой остаточной ударной площадкой и продольной огранкой. Технические сколы включают снятия разжелвачивания (4 экз.), реберчатую пластинку и скол подправки ударной площадки. Подправка карниза остаточной ударной площадки отмечена у 19 % сколов. К отходам производства (75 %) относятся главным образом чешуйки, а также мелкие обломки и осколки. Орудийный набор включает три микропластины с притупленным краем, концевой скребок на отщепе, нож, выемчатое орудие и пластину с ретушью. В слое найдено также 53 фрагмента неопределимых костей млекопитающих.

В целом результаты раскопочных работ 2019 г. подтвердили присутствие в культурно-хронологической последовательности Малишиной Стены двух комплексов – среднего и верхнего палеолита. В каменных индустриях из слоев С1, В2 и В1 первичное расщепление было ориентированно главным образом на получение отщепов в рамках радиального, леваллуазского и бессистемного раскалывания. Орудийный набор включает как среднепалеолитические (скребла, ретушированные остроконечники), так и верхнепалеолитические (скребки, изделие с черешком) формы, но без признаков ориньякской морфологии. В контексте финала среднего палеолита эти материалы ближе всего к каменным индустриям из скальных навесов Биоче (слои 2 и 1) и Црвена Стена (слои XVI–XII) в центральной части Черногории [Derevianko et al., 2017; Crvena Stijena…, 2017]. Хозяйственная деятельность обитателей навеса в этот период была ориентирована в первую очередь на промысел крупных травоядных животных, а для производства орудий использовалось местное сырье из галечника р. Чехотина.

Материалы из верхних слоев стоянки свидетельствуют об изменениях в стратегиях жизнеобеспечения и в производственной практике. Для каменной индустрии из слоя А характерно развитое микропластинчатое расщепление. В орудийном наборе представлены формы, типичные для заключительного этапа верхнего палеолита – микропластины с притупленным краем, граветтоидные острия и мелкие скребки. Имеются свидетельства систематической рыбной ловли, а также охоты на птиц и мелких млекопитающих. Помимо орудий из местного каменного сырья в индустрии представлены изделия из качественных халцедонов и яшмоидов, которые в окрестностях стоянки не обнаружены.

Благодарности

Авторы выражают благодарность А.В. Абдульмановой за подготовку иллюстративного материала. Исследование выполнено за счет гранта РФФИ, проект № 18-09-40062.

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Анойкин А.А., Павленок К.К., Козликин М.Б., Ульянов В.И., Меденица И. Новые данные по каменной индустрии скального навеса Малишина Стена в Черногории (по результатам работ в 2017 году) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 98–102.

Crvena Stijena in cultural and ecological context: multidisciplinary archaeological research in Montenegro / ed. by R. Whallon. – Podgorica: Nat. Museum of Montenegro of MASA Publ., 2017. – 463 p.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatović L., Pavlenok K.K., Ulyanov V.A., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. New Findings on the Middle Paleolithic of the Eastern Adriatic: The Earliest Settlement at Bioce, Montenegro // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2017. – Vol. 45, N 1. – P. 3–14.

Furlan D. The climate of southeast Europe // Climates of Central and Southern Europe. World survey of climatology. – Amsterdam: Elsevier, 1977. – P. 185–235.

Hedges R.E.M., Housley R.A., Brouk C.R., Van Klinken G.J. Radiocarbon dates from Oxford AMS System: archaeometry datalist 11 // Archaeometry. – 1990. – N 32 (2). – P. 213–214.

Malez M., Malez V., Paunović M. Kvartarna fauna Mališine stijene u kanjonu Cehotine (SR Crna Gora) // Naskrs. – 1988. – N 14 (24–25). – P. 109–117.

Radovanović I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori // Glasnik Srpskog arheoloskog drustva. – 1986. – N 3. – P. 63–77.

References

Crvena Stijena in cultural and ecological context: multidisciplinary archaeological research in Montenegro / ed. by R. Whallon. Podgorica: Nat. Museum of Montenegro of MASA Publ., 2017, 463 p.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovich L., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kozlikin M.B., Ulianov V.I., Medenica I. Recent data on the lithic industry from the rock shelter of Mališina Stijena in Montenegro (based on the results from the 2017 study). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 98–102 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatović L., Pavlenok K.K., Ulyanov V.A., Kozlikin M.B., Kandyba A.V. New Findings on the Middle Paleolithic of the Eastern Adriatic: The Earliest Settlement at Bioce, Montenegro. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45, No. 1, pp. 3–14.

Furlan D. The climate of southeast Europe. Climates of Central and Southern Europe. World survey of climatology. Amsterdam: Elsevier, 1977, pp. 185–235.

Hedges R.E.M., Housley R.A., Brouk C.R., Van Klinken G.J. Radiocarbon dates from Oxford AMS System: archaeometry datalist 11. *Archaeometry*, 1990, No. 32 (2), pp. 213–214.

Malez M., Malez V., Paunović M. Kvartarna fauna Mališine stijene u kanjonu Cehotine (SR Crna Gora). *Naskrs*, 1988, No. 14 (24–25), pp. 109–117.

Radovanović I. Novija istrazivanja paleolita i mezolita u Cmoj Gori. *Glasnik Srpskog arheoloskog drustva*, 1986, No. 3, pp. 63–77.

Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Ульянов В.А. https://orcid.org/0000-0002-7798-0399
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.103-108
УДК 903.08 + 7.031

А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Палеолитическая скульптура из Денисовой пещеры

В 2019 г. в плейстоценовых отложениях слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры была обнаружена уникальная зооморфная скульптура, выполненная из бивня мамонта. Анализ морфологии, технологии и иконографии этого изделия позволил интерпретировать его как скульптурное изображение животного – представителя кошачьих подсемейства Pantherinae. Установлено, что технология производства зооморфной скульптуры включала несколько стадий: поиск и транспортировку сырья, освобождение бивня от цементного слоя, размачивание, вырезание заготовки, подготовку эбоша фигурки строганием, отделочную шлифовку и полировку, нанесение орнамента. В результате трасологического анализа скульптуры были выявлены следы общего недифференцируемого неутилитарного износа, связанного с функционированием артефакта в культурном контексте палеолитических обитателей пещеры. Такой тип износа часто возникает на изделиях неутилитарного назначения при нахождении в руках человека, контакте с иными изделиями или в результате транспортировки. Основные особенности изобразительного канона скульптуры не находят аналогий среди объемных изображений мамонтов, бизонов, лошадей и птиц, известных в верхнем палеолите Евразии. Наибольшее сходство эта фигурка имеет со скульптурными изображениями плейстоценовых львов из пещеры Фогельхерд на юго-западе Германии, а также с пещерными изображениями и гравированными изделиями Франко-Кантабрийской обл. Микроскопический анализ позволил выявить на скульптуре следы пигмента красного цвета, локализованные преимущественно на ее правом боку и животе. Наличие следов минерального красителя на фигурке было связано, скорее всего, с преднамеренным нанесением краски при обработке артефакта или в процессе совершения ритуальных действий.

Ключевые слова: *Российский Алтай, Денисова пещера, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ, начало верхнего палеолита, технология обработки бивня, скульптура.*

Anatoly P. Derevianko, Michael V. Shunkov, Alexander Yu. Fedorchenko, Maxim B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Paleolithic Sculpture from Denisova Cave

In 2019, a unique zoomorphic sculpture made of mammoth ivory was discovered in the Pleistocene deposits of layer 11 in the South Chamber of Denisova cave. The analysis of morphology, technology and iconography has made it possible to interpret the figurine as sculptural animal representation – a feline from the Pantherinae subfamily. It has been established that the technology for producing the zoomorphic sculpture included several stages: search and transportation of raw materials, cleaning the tusk from the cement layer, soaking, carving the blank, giving the initial shape to the figurine by planing, final grinding and polishing, and making ornamental decoration. Trace analysis of the sculpture has revealed general undifferentiated non-utilitarian wear associated with functioning of the artifact in the cultural context of the Paleolithic inhabitants of the cave. This type of wear often occurs on non-utilitarian objects when they are carried in human hands, contact with other objects or are transported. The main features of the figurative canon of the sculpture find no parallels among the three-dimensional images of mammoths, bisons, horses, and birds known in the Upper Paleolithic of Eurasia. It bears the greatest resemblance to the sculptures of Pleistocene lions from Vogelherd cave in Southwestern Germany, as well as cave images and engraved artifacts from the Franco-Cantabrian region. The microscopic analysis

has revealed traces of red pigment on the sculpture, located mainly on the right side and abdomen of the figurine. The presence of traces of mineral pigment on the sculpture was most likely caused by deliberate application of paint during the manufacturing or in the process of performing ritual actions.

Keywords: *Russian Altai, Denisova cave, experimental trace analysis, technological analysis, Initial Upper Paleolithic, tusk processing technology, sculpture.*

Зооморфные скульптурные изображения из кости, рога и бивня мамонта являются одним из наиболее редких типов первобытного искусства, известных в сибирском палеолите. Наряду с антропоморфной скульптурой, гравированными изображениями и орнаментированными изделиями, этот вид мобильного искусства составляет выразительный корпус археологических источников, позволяющих судить о духовной культуре верхнепалеолитического населения Северной Азии. На территории Сибири наиболее ранние находки, связанные с символической деятельностью палеолитического человека, обнаружены в Денисовой пещере на Алтае. Из отложений начала верхнего палеолита была получена представительная коллекция персональных украшений из зубов млекопитающих, костей животных и птиц, бивня мамонта, раковин пресноводных моллюсков, поделочного камня и скорлупы яиц страуса. Особую группу предметов мобильного искусства составляют изделия с орнаментом в виде линий, точек и треугольников [Деревянко, Шуньков, 2004; Шуньков и др., 2016]. Единичные находки свидетельствуют о производстве и использовании верхнепалеолитическими обитателями пещеры красящих веществ [Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017].

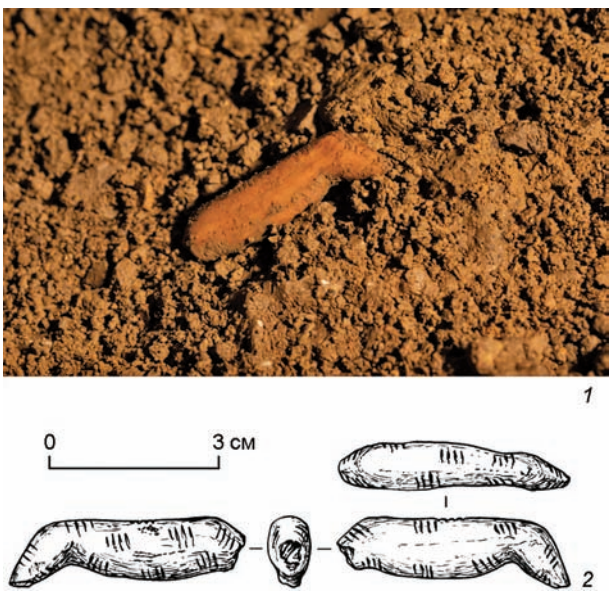

Рис. 1. Зооморфная статуэтка из Денисовой пещеры.
1 – положение *in situ* в контексте слоя 11; *2* – графический рисунок.

В 2019 г. в южной галерее пещеры, в плейстоценовых отложениях слоя 11, содержащих материалы начальной стадии верхнего палеолита, была обнаружена уникальная зооморфная скульптура из бивня мамонта (рис. 1, *1*). Согласно результатам морфологического, технологического и иконографического анализов, эта фигурка является, скорее всего, скульптурным изображением животного – представителя кошачьих подсемейства Pantherinae (рис. 1, *2*).

При экспериментально-трасологическом и технологическом изучении скульптуры, а также ее описании и интерпретации использовались разработки отечественных и зарубежных исследователей [Абрамова, 1962; Акимова, Метляев, 2003; Хлопачев, Гиря, 2010; Amirkhanov, Lev, 2009; Conard, 2003; Дюпюи, 2014; Heckel, Wolf, 2014; Floss, 2015; Steguweit, 2015; Hein, 2018]. Для изучения следов изготовления и износа использовались микроскопы МБС-10 и Olympus BHM. Фотофиксация следов осуществлялась с помощью зеркальной камеры Canon EOS 5D Mark IV с объективом EF-S 100mm f/2.8 Macro USM.

Следует отметить хорошую сохранность зооморфной скульптуры. Благодаря особенностям микроклимата пещеры, на поверхности статуэтки практически отсутствуют следы растрескивания, усыхания или иного эрозионного воздействия. Хорошо сохранились следы обработки и износа. У фигурки отсутствуют голова и передние конечности изображенного животного, утраченные, судя по характеру фрагментации, в результате механического повреждения в древности. Отслоение нижней части задних конечностей произошло, скорее всего, в процессе седиментации.

Изделие представляет собой объемную скульптуру, изображающую в реалистическом стиле животное семейства кошачьих в момент прыжка или бега (рис. 2). Для скульптуры характерны удлиненные пропорции тела, тщательно выделенные задние конечности, живот и шея. Корпус животного вытянут и имеет овальное поперечное сечение. Спина прямая, задние конечности сомкнуты и отведены назад в согнутом положении. Паховая складка передана относительно глубокой широкой V-образной по форме выемкой (рис. 3). Слегка округлый живот втянут, относительно массивная шея наклонена вниз, хвост отсутствует. Плечи жи-

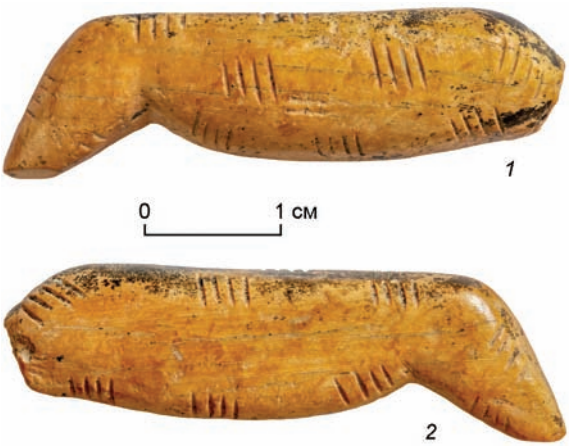

Рис. 2. Зооморфная статуэтка из бивня мамонта.
1 – вид справа; *2* – вид слева.

вотного на сохранившемся фрагменте скульптуры не выделены – они составляли, скорее всего, единую композицию с головой.

Максимальная длина скульптуры от концевой части задних конечностей до участка слома на шее составляет 42,1 мм, расстояние от крестца до места поломки на задних конечностях – 13,1 мм, от паховой области до шеи – 28,3 мм. Ширина фигурки составляет в области шеи 4,8 мм, холки – 8 мм, живота – 8,4 мм, бедер – 6 мм, голеней – 3,5 мм. Толщина скульптуры у шеи достигает 6,3 мм, холки – 10,2 мм, груди – 11,4 мм, живота – 11,5 мм, паховой области – 8,3 мм, бедер – 6 мм, голеней – 4,1 мм.

Изучение следов обработки, морфометрических и сырьевых особенностей скульптуры позволило реконструировать операционную последовательность ее производства. Начальный этап изготовления статуэтки включал подбор и транспортировку исходного материала. В верхнем плейстоцене мамонт *Mammuthus primigenius* не обитал в окрестностях Денисовой пещеры. Известные на стоянке фрагменты зубных пластин и сколы бивня приносились в пещеру человеком, скорее всего, из северных предгорий Алтая. Из бивня мамонта верхнепалеолитические обитатели пещеры изготавливали некоторые орудия и разнообразные украшения, в т.ч. технологически сложные изделия – диадемы, браслеты и кольца. Малочисленность заготовок из бивня в материалах пещеры может свидетельствовать о том, что большинство изделий из этого сырья было принесено на стоянку в готовом виде.

Процесс обработки начинался с освобождения дентиновой основы бивня от цементного слоя. На следующем этапе была получена заготовка – брусковидный фрагмент или удлиненный массивный скол, ориентированный параллельно структуре роста бивня. Следы первичной обработки заготовки на поверхности изделия не прослежены. Судя по морфометрическим показателям, можно предположить, что исходная заготовка была получена при работе с сильно увлажненным бивнем – вырезанием и последующим отделением путем продольного разламывания [Герасимов, 1941; Хлопачев, Гиря, 2010; Steguweit, 2015]. Затем поверхность заготовки обрабатывалась строганием, вероятно, также в увлажненном состоянии. Признаки формообразующей обработки на поверхности скульптуры выражены слабо. Как и на других изделиях из бивня мамонта в коллекции Денисовой пещеры, эти следы в основном перекрыты свидетельствами более поздней отделки и износа. Строгание применялось, видимо, для выравнивания поверхности заготовки и последующего формирования очертаний головы и конечностей на этапе оформления эбоша.

Окончательно контур изделия был оформлен абразивными инструментами. При увеличении ×40–×100 на отдельных участках поверхности жи-

Рис. 3. Зооморфная статуэтка из бивня мамонта.
1 – вид снизу и спереди; *2* – вид сверху.

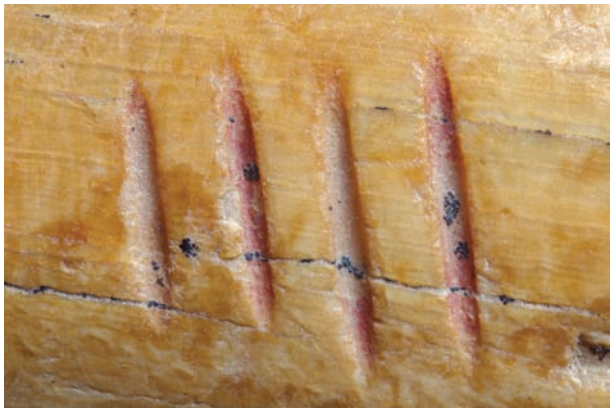

Рис. 4. Следы орнамента и остатков минерального красителя на скульптуре.

вота и задних конечностей фигурки зафиксированы следы шлифовки в виде тонких параллельных удлиненных борозд-линий. Обработанное шлифовкой изделие дополнительно полировалось, скорее всего, выделанной кожей.

На заключительном этапе изготовления фигурка была орнаментирована рядами из четырех коротких насечек, прорезанных каменным инструментом с U-образным лезвием (рис. 4). Длина насечек варьирует от 1,5 до 3,5 мм, ширина – 0,5 мм, глубина 0,1–0,3 мм, расстояние между насечками в рядах – 1,0–1,2 мм. На поверхности фигурки зафиксировано 18 рядов, включающих 72 линии. Ряды насечек нанесены относительно равномерно, однако не всегда симметрично – как правило, по два ряда с одной и с другой стороны. В таком виде следы орнамента расположены на задней стороне бедра животного, у его колен, поясницы, спины, загривка, груди, брюшной и паховой области. Еще два ряда насечек нанесены на правом боку скульптуры.

В результате трасологического анализа скульптуры были выявлены следы общего недифференцируемого неутилитарного износа, связанного с ее функционированием в культурном контексте палеолитических обитателей пещеры. При увеличении ×40–×100 выделены локальные зоны стертости, приуроченные преимущественно к наиболее выпуклым участкам поверхности скульптуры – неглубокие разнонаправленные риски и микроскопические выбоины. Такой тип износа часто возникает на изделиях неутилитарного назначения в обиходе – например, в руках человека, при контакте с другими изделиями или в результате транспортировки [Гиря, 2015]. Отмеченные на фигурке признаки износа по своему облику напоминают следы от контакта с мягким органическим материалом.

Микроскопический анализ выявил на скульптуре следы пигмента красного цвета (рис. 4). Остатки охры в виде скоплений или единичных частиц зафиксированы внутри следов орнамента, преимущественно на правом боку и животе фигурки. Ранее в южной галерее пещеры, рядом с местом находки статуэтки, были обнаружены два предмета, связанные с производством минеральной краски, – обломок твердого пигмента бордового цвета, обработанного в виде своеобразного карандаша, и галечка мрамора со следами растирания охристого порошка [Шуньков, Федорченко, Козликин, 2018].

Таким образом, установлено, что в основе технологии производства объемной зооморфной бивневой скульптуры лежала относительно длинная и строго последовательная операционная цепочка. Технология производства включала несколько стадий: поиск и транспортировку сырья, освобождение бивня от цементного слоя, размачивание, вырезание заготовки и ее отделение путем продольного разламывания, подготовку эбоша фигурки строганием, отделочную шлифовку и полировку, нанесение орнамента.

Вопросы иконографии и стилистики этой скульптуры требуют всестороннего детального исследования. Можно отметить, что основные особенности ее изобразительного канона не имеют аналогий среди статуэток мамонтов, бизонов, лошадей или птиц, известных в верхнем палеолите Евразии [Абрамова, 1962; Amirkhanov, Lev, 2009]. Наибольшее сходство этой фигурки прослежено со скульптурными изображениями плейстоценовых львов из пещеры Фогельхерд в горном массиве Швабский Альб на юго-западе Германии [Floss, 2015], а также с пещерными изображениями и изделиями с гравировкой Франко-Кантабрийской обл. – в пещерах Шове, Комбарель, Альден и Ваше [Женест, 2017]. Большой информативностью иконографии крупных кошачьих обладают фрагменты объемных скульптур пещерных львов из верхнепалеолитической стоянки Костёнки-1 на Русской равнине [Дюпюи, 2014]. Отсутствие головы и передних конечностей у скульптуры из Денисовой пещеры, несомненно, осложняет ее более точное сопоставление и интерпретацию.

Наличие следов минеральной краски на скульптуре может иметь разную интерпретацию. Нанесение красителя на поверхность изделий с неутилитарным назначением иногда рассматривается в качестве одной из стадий технологического процесса при их производстве. В этом случае окрашивание изделий могло осуществляться в процессе полировки с использованием в качестве агента порошка или пастообразной смеси, изготовленной на основе красной охры с добавлением жира [Питулько и др., 2012]. О возможном нанесении охры

в ритуальных или обрядовых целях могут свидетельствовать морфология и характер расположения орнамента на правом боку фигурки, его асимметричное положение относительно других блоков с резными линиями на теле животного, наличие внутри насечек на этом участке остатков красной краски. Сочетание насечек и охры, оставленной в одном из наиболее уязвимых мест тела животного – на животе и ребрах, – позволяет рассматривать эту композицию как имитацию смертельной, кровоточащей раны, нанесенной когтями другого крупного хищника.

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. – М.; Л.: Наука, 1962. – 86 с.

Акимова Е.В., Метляев С.В. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова // Древности Приенисейского края. – Красноярск: Изд-во РИО Краснояр. гос. пед. ун-та, 2003. – Вып. 2. – С. 18–19.

Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта // Материалы и исследования по археологии СССР. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – № 2. – С. 65–85.

Гиря Е.Ю. Следы как вид археологического источника (конспект неопубликованных лекций) // Следы в истории. – СПб.: ИИМК РАН, 2015. – С. 232–268.

Деревянко А.П., Шуньков М.В. Становление верхнепалеолитических традиций на Алтае // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 3. – С. 12–40.

Дюпюи Д. Скульптурные изображения из известняка восточнограветтийской стоянки Костёнки 1: тематика и функциональное назначение // Свод археологических источников Кунсткамеры. – СПб.: МАЭ РАН, 2014. – Вып. 4. – С. 118–288.

Женест Ж.-М. От Шове до Ляско: 15 тысячелетий европейского пещерного искусства (изменение видения, выразительных средств и способов использования пространства) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 3. – С. 29–40.

Питулько В.В., Павлова Е.Ю., Никольский П.А., Иванова В.В. Янская стоянка: материальная культура и символическая деятельность верхнепалеолитического населения Сибирской Арктики // Российский археологический ежегодник. – 2012. – № 2. – С. 33–102.

Хлопачев Г.А., Гиря Е.Ю. Секреты древних костерезов Восточной Европы и Сибири – приемы обработки бивня мамонта и рога северного оленя в каменном веке (по археологическим и экспериментальным данным). – СПб: Наука, 2010. – 144 с.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 259–262.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 198–202.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Белоусова Н.Е., Павленок Г.Д. Костяные орудия и украшения раннего верхнего палеолита из Центрального зала Денисовой пещеры: коллекция 2016 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 221–224.

Amirkhanov K., Lev S. Une statuette de bison découverte dans le site de Zaraïsk (région de Moscou, Russie) // Bull. de la Soc. préhistorique française. – 2009. – Vol. 106, N 3. – P. 457–475.

Conard N. Palaeolithic ivory sculptures from southwestern Germany and the origins of figurative art // Nature. – 2003. – Vol. 426. – P. 830–832.

Floss H. The Oldest Portable Art: the Aurignacian Ivory Figurines from the Swabian Jura (Southwest Germany) // Palethnologie. – 2015. – Vol. 7. – URL: http://journals.openedition.org/palethnologie/888

Heckel C., Wolf S. Ivory debitage by fracture in the Aurignacian: experimental and archaeological examples // J. of Archaeol. Sci. – 2014. – Vol. 42. – P. 1–14.

Hein W. Tusks and tools – Experiments in carving mammoth ivory // L'Anthropologie. – 2018. – Vol. 122, iss. 3. – P. 437–446.

Steguweit L. Rotten ivory as raw material source in European Upper Palaeolithic // Quaternary International. – 2015. – Vol. 361. – P. 313–318.

References

Abramova Z.A. Paleoliticheskoye iskusstvo na territorii SSSR. Moscow; Leningrad: Nauka Publ., 1962, 86 p. (in Russ.).

Akimova Ye.V., Metlyayev S.V. Interpretatsiya skul'pturnogo izobrazheniya s paleoliticheskoy stoyanki Ust'-Kova. In *Drevnosti Priyeniseyskogo kraya*. Krasnoyarsk: RIO Krasnoyarsk State Ped. Univ. Press, 2003, iss. 2, pp. 18–19 (in Russ.).

Amirkhanov K., Lev S. Une statuette de bison découverte dans le site de Zaraïsk (région de Moscou, Russie). *Bull. de la Soc. préhistorique française*, 2009, vol. 106, No. 3, pp. 457–475.

Conard N. Palaeolithic ivory sculptures from southwestern Germany and the origins of figurative art. *Nature*, 2003, vol. 426, pp. 830–832.

Derevianko A.P., Shunkov M.V. Formation of the Upper Paleolithic Traditions in the Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2004, No. 3 (19), pp. 12–40.

Dyupyui D. Skul'pturnyye izobrazheniya iz izvestnyaka vostochnogravettiyskoy stoyanki Kostonki 1: tematika i funktsional'noye naznacheniye. *Svod arkheologicheskikh istochnikov Kunstkamery*. St. Petersburg, 2014, iss. 4, pp. 118–288 (in Russ.).

Floss H. The Oldest Portable Art: the Aurignacian Ivory Figurines from the Swabian Jura (Southwest Germany). *Palethnologie*, 2015, vol. 7. URL: http://journals.openedition.org/palethnologie/888

Geneste J. From Chauvet to Lascaux: 15,000 Years of Cave Art. *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45 (3), pp. 29–40 (in Russ.).

Gerasimov M.M. Obrabotka kosti na paleoliticheskoy stoyanke Mal'ta. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1941, No. 2, pp. 65–85 (in Russ.).

Girya E.Yu. Traces as type of archaeological sources (abstract of unpublished lectures). In *Sledy v istorii*. St. Petersburg: IIMK RAS Publ., pp. 232–268 (in Russ.).

Heckel C., Wolf S. Ivory debitage by fracture in the Aurignacian: experimental and archaeological examples. *J. of Archaeol. Sci.*, 2014, vol. 42, pp. 1–14.

Hein W. Tusks and tools – Experiments in carving mammoth ivory. *L'Anthropologie*, 2018, vol. 122, iss. 3, pp. 437–446.

Khlopachev G.A., Girya E.Yu. Sekrety drevnikh kostorezov Vostochnoy Yevropy i Sibiri – priyemy obrabotki bivnya mamonta i roga severnogo olenya v kamennom veke (po arkheologicheskim i eksperimental'nym dannym). St. Petersburg: Nauka Publ., 2010, 144 p. (in Russ.).

Pitulko V.V., Pavlova E.Yu., Nikolskiy P.A., Ivanova V.V. Yanskaya stoyanka: material'naya kul'tura i simvolicheskaya deyatel'nost' verkhnepaleoliticheskogo naseleniya Sibirskoy Arktiki. *Rossiyskiy arkheologicheskiy yezhegodnik*, 2012, No. 2, pp. 33–102 (in Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Early Upper Paleolithic Objects of Bone from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2017). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 259–262 (in Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. The Early Upper Paleolithic Personal Ornaments from the Southern Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 198–202 (in Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Belousova N.E., Pavlenok G.D. Bone Tools and Ornaments from the Early Upper Paleolithic Deposits in the Main Chamber of Denisova Cave: 2016 Collection. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 221–224 (in Russ.).

Steguweit L. Rotten ivory as raw material source in European Upper Palaeolithic. *Quaternary International*, 2015, vol. 361, pp. 313–318.

Деревянко А.П. https://orcid.org/0000-0003-1156-8331
Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.109-115
УДК 902.2

И.Д. Зольников[1], А.В. Постнов[1], А.А. Анойкин[1], Н.В. Глушкова[2], Д.А. Бычков[1], А.В. Выборнов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: zol@igm.nsc.ru

О палеогеографических предпосылках и возможных путях миграции палеолитического человека с западных предгорий Урала в долину нижней Оби

Геолого-геоморфологический анализ территории Уральского хребта и прилегающей к нему территории позволил выявить палеогеографические предпосылки миграций палеолитического человека из Предуралья в Зауралье. На основе цифровой модели MERIT, приведенной к пространственному разрешению 70 × 70 м, была создана трендовая поверхность с усреднением абсолютных отметок высот в скользящем окне радиусом 10 км. Затем из исходной цифровой модели рельефа был вычтен тренд. В результате получен растр, каждый пиксель которого содержит значение отклонения по вертикали от тренда рельефа. Из полученного растра были выбраны все пиксели, которые расположены ниже поверхности тренда рельефа, что соответствует долинам. Далее из контуров долин были выделены все пиксели, угол наклона которых не превышал 4°, что и соответствует искомым сквозным долинам. Выявлены сквозные долины через Урал с плоскими широкими днищами, пригодными для длительных путешествий семейных групп палеолитических людей, включающих стариков и детей. Кроме того, выделены второстепенные долины с менее широкими днищами и уклонами менее 8°, соединяющиеся с главными сквозными проходами. Напротив нижней Оби (отрезок от Казым-мыса до Питляра) сквозные проходы через Урал соединяются с двумя ее левобережными притоками – реками Войкар и Собь. Севернее, на Полярном Урале, сквозная долина соединяется с р. Шучья. Южнее, напротив реки Казым, серия сквозных долин соединяется в бассейне р. Северная Сосьва. Еще южнее, напротив Иртыша, серия сквозных долин выходит в бассейн Тавды. Таким образом, на северном Урале существовали потенциальные миграционные пути, что позволяет оценивать северное Приуралье как территорию высокую по перспективности в качестве исходной для заселения севера Обской долины, на правобережье которой экспедициями 2016–2019 гг. были найдены артефакты палеолитического облика в поверхностном залегании.

Ключевые слова: *Урал, Обь, палеолит, миграции, палеогеография.*

Ivan D. Zolnikov[1], Alexander V. Postnov[1], Anton A. Anoikin[1], Nadezhda V. Glushkova[2], Dmitri A. Bychkov[1], Anton V. Vybornov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]V.S. Sobolev Institute of Geology and Mineralogy SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: zol@igm.nsc.ru

Paleogeographical Conditions and Possible Migration Routes of Paleolithic Humans from the Western Foothills of the Urals to the Valley of the Lower Ob River

Geological and geomorphological analysis of the Ural Range and adjacent territories has made it possible to establish paleogeographical conditions for migrations of Paleolithic humans across the Ural Mountains. Based on

the MERIT DEM digital model resampled to 70 × 70 m resolution, trend surface was created using the method of the sliding window with the radius of 10 km. Then the trend was deducted from the original DEM, resulting in raster surface with pixels containing the value of vertical deviation from the relief trend. Pixels located below the trend surface were selected from the raster surface and corresponded to valleys. After that the slopes with inclination angle under 4 degrees were selected from the contours of the valleys. These pixels corresponded to the required through valleys. Thereby, through valleys with flat and wide bottoms across the Ural Mountains, suitable for long journeys of family groups of Paleolithic people including the elderly and children, have been identified. In addition, secondary valleys with narrower bottoms and slopes under 8 degrees, connected with the main valleys by through passages have been identified. In the Lower Ob River region (the part from Kazym-mys to Pitlyar), through valleys across the Urals join two left tributaries of the Ob River – the Voikar and Sob Rivers. To the north, in the Arctic Urals, a though valley connects with the Shchuchya River. To the south, a number of through valleys join the Severnaya Sosva River basin opposite the Kazym River. Further to the south, several through valleys join the Tavda River basin opposite the Irtysh River. Thus, there were potential migration routes available in the Northern Urals, which makes Northern Urals a very promising region as a starting point for peopling the north of the Ob valley. In 2016–2019, Paleolithic artifacts have been found on the surface in the right bank area of the northern Ob River valley.

Keywords: *Urals, Ob River, Paleolithic, migrations, paleogeography.*

До недавнего времени север Западной Сибири считался территорий малоперспективной для поисков археологических памятников палеолита [Петрин, 1986]. На основании серии «омоложенных» радиоуглеродных дат, из отложений под верхним гляциокомплексом, выполненных по ископаемой растительности [Архипов и др., 1977], предполагалось, что низовья Оби – это область распространения ледника в интервале 24–11 тыс. л.н., а субширотное Приобье и более южные районы – территория, которая затапливалась одновозрастным этому леднику подпрудным озером [Архипов, Волкова, 1994]. Со временем выяснилось, что граница покровного оледенения для региона в позднем неоплейстоцене располагалась севернее полярного круга, а существование этого ледникового покрова и его подпрудного озера укладывалось в хронологический интервал ок. 90–60 тыс. л.н. [Астахов, 2009; Астахов, Назаров, 2010].

Таким образом, была выявлена потенциальная вероятность продвижения древних людей на север Западно-Сибирской низменности, вслед за осваивавшими эту территорию (после деградации ледников и спуска подпрудно-ледниковых озер) растительными и фаунистическими сообществами перигляциальной степи, начиная с 60 тыс. л.н. Открытие археологических памятников, сначала стоянки Луговское [Зенин и др., 2006], а затем Комудваны [Макаров, Резвый, 2018], продемонстрировало, что эта возможность была реализована людьми эпохи верхнего палеолита. Находки каменных артефактов палеолитического облика на отмелях левобережного притока Оби – р. Войкар [Косинская, Федорова, 1994], а также на бечевниках правобережья нижней Оби вдоль западной окраины Белогорского материка и от пос. Казым-мыс до пос. Питляр [Зольников и др., 2018] показали, что палеолитический человек посещал низовья Оби, продвигаясь фактически до ее устья. Однако севернее стоянки Комудваны пока не обнаружено стратифицированного памятника с культурным горизонтом, включающим органические остатки, пригодные к радиоуглеродному датированию. Соответственно, встает вопрос о конкретных путях и о времени первоначального проникновения (возможно, неоднократного) палеолитических людей в долину нижней Оби.

Вместе с тем западнее и восточнее нижней Оби время раннего присутствия палеолитического человека определяется более уверенно. Ярким свидетельством пребывания человека 45 тыс. л.н. в районе устья Енисея является находка у метеостанции Сопочная Карга костей мамонта со следами от ударов орудиями древних охотников [Питулько, 2016]. Таким образом, на Енисее гораздо севернее широты полярного круга человек появлялся уже если не в среднем палеолите, то по крайней мере в эпоху, переходную от среднего палеолита к верхнему. Собственно стоянки палеолитического человека с культурным слоем в низовьях Енисея не найдены, хотя следы, свидетельствующие о его пребывании в этом районе, были известны ранее; например, скребло, поднятое на галечном берегу Енисея близ Дудинки [Хлобыстин, 1973]. При этом значительное количество стратифицированных памятников палеолита с многочисленными радиоуглеродными датами известно на западных склонах Урала, включая его заполярную часть [Павлов, 2013].

На настоящий момент остается открытым вопрос о том, какие пути были предпочтительнее для проникновения палеолитического человека в низовья Оби. С востока – из долины Енисея, так же, как и с юга – вдоль долины Оби после 60 тыс. л.н. для миграции древних людей не существовало природных барьеров. Западно-

Сибирская равнина в позднем плейстоцене была свободна от болот, активное формирование которых началось только в голоцене. Общеизвестно, что в середине позднего плейстоцена Сибирский Север являлся областью распространения перигляциальной степи, которая была кормящим ландшафтом для мамонтовой фауны и не представляла трудностей для передвижения первобытным людям – охотникам на копытных млекопитающих. Тем не менее отсутствие природных барьеров и наличие благоприятного кормящего палеоландшафта не обязательно являлись достаточными условиями для мотивации древнего человека к миграциям на большие расстояния. Немаловажную роль могла играть степень доступности каменного материала, который служил ресурсом для изготовления орудий.

На территории Обь-Енисейского междуречья в пределах палеогляциозоны фактически единственный доступный источник камня – валуны и гальки из морен и флювигляциальных отложений, поскольку коренные источники литифицированых пород скрыты под чехлом рыхлых мезокайнозойских отложений. В центральной части севера Западной Сибири морены содержат гораздо меньше галек и валунов, чем на периферии. Кроме того, сезонные миграции копытных животных, вероятнее всего, проходили в субмеридиональных направлениях. Возможно, этот фактор ограничивал мотивацию людей к дальним субширотным перемещениям с восточного обрамления Западно-Сибирской равнины на запад. На юге Западной Сибири последние выходы аллювиальных валунно-галечников фиксируются в районе с. Могочино. Далее по долине Оби на север вплоть до района устья Иртыша, где появляются среднечетвертичные морены, содержащие валуны и гальку, литифицированные породы перекрыты четвертичными отложениями. Соответственно на отрезке от с. Могочино до г. Ханты-Мансийска на территории магистральной Обской долины отсутствуют источники каменного сырья, что также могло снижать привлекательность дальних миграций на север.

Оценивая возможность миграций с западных предгорий Урала на левобережье Оби (рис. 1), можно заключить следующее. Если Уральский хребет не являлся непреодолимым препятствием для древних людей, то в зимнее время, когда русло Оби и ее многочисленные протоки покрывались льдом, не существовало преград для дальнейшего продвижения с ее левобережья на восток, в частности, до современного правобережья Оби. При этом сам Уральский хребет является ближайшим к Обской долине источником высококачественного каменного сырья, среди которого имеются яшмы, кварциты, кремнистые породы и т.п. Однако до сих пор геолого-геоморфологические предпосылки миграций палеолитического человека из Приуралья в Зауралье детально не изучались и, следовательно, перспективы обнаружения на этой территории палеолитических памятников сколько-нибудь детально не анализировались.

Для выявления сквозных долин через Уральский хребет была использована цифровая модель рельефа (ЦМР) MERIT, находящаяся в свободном доступе. Данная ЦМР создана на основе данных SRTM v.2 и ALOS AW3D, а размер ее пикселя составляет 0,000833°, что для широты района исследования соответствует 70 × 90 м. Специфика используемой ЦМР состоит в том, что ее высоты соответствуют рельефу дневной поверхности «голой земли», т.е. с исключением кустарниковой и древесной растительности. Это было сделано на основе уменьшения высоты в местах произрастания растительности с помощью карт плотности деревьев. Для удобства дальнейших построений этот растр был пересчитан на квадратный пиксель со стороной 70 м.

Потенциальными проходами через хребет, пригодными для передвижения на дальние расстояния малочисленных групп древних людей (несколько десятков человек), являются линейные понижения рельефа с относительно широкими плоскими пологими днищами. Морфометрически такие днища долин при используемом пространственном разрешении по углам наклона, вычисляемым на основе ЦМР MERIT, не должны превышать для рассматриваемой территории 4°. Это пороговое значение выявлено эмпирически для долин Урала исходя из типового в регионе вертикального и горизонтального расчленения рельефа. В качестве сравнения отметим, что долины Горного Алтая с пологими днищами выделяются для ЦМР с разрешением 90 × 90 м на основе порога 11° [Зольников и др., 2013], что обусловлено как большей площадью пикселя, так и более крутыми бортами долин, фрагменты которых усредняются для элементарных ячеек ЦМР.

Конкретная методика выделения сквозных долин через Уральский хребет с использованием программного пакета ArcGIS может быть охарактеризована в виде следующей технологической последовательности. На основе исходной ЦМР (рис. 2, *А*) была построена генерализованная ЦМР (рис. 2, *Б*) с тем же пространственным разрешением, но с усреднением абсолютных отметок высот в скользящем окне радиусом 10 км. Такой радиус окна непосредственно в условиях анализируемой горной местности покрывает две смежные долины и прилегающие участки водоразделов, что обеспе-

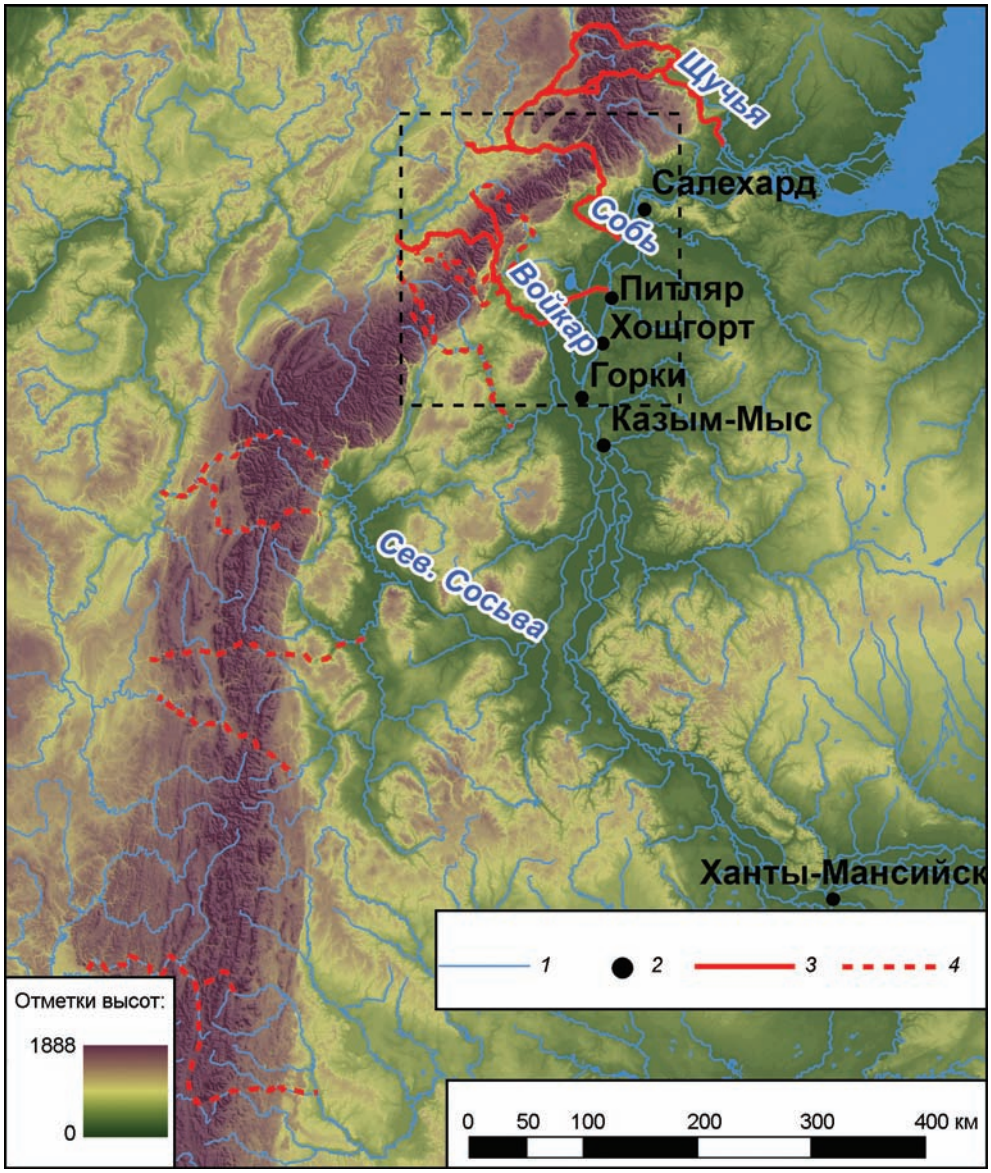

Рис. 1. Сквозные долины через северный Урал.
1 – гидросеть; *2* – населенные пункты, сквозные долины; *3* – основные; *4* – второстепенные.

чивает необходимый уровень генерализации. Затем из исходной ЦМР была вычтена усредненная ЦМР, которая представляет собой тренд рельефа. В результате получен растр, каждый пиксель которого содержит значение отклонения по вертикали от тренда рельефа, что отражает вертикальную расчлененность рельефа. Из полученного растра были выбраны все пиксели, которые расположены ниже поверхности тренда рельефа, что соответствует долинам (рис. 2, *В*). Затем из контуров долин были выделены все пиксели, угол наклона которых не превышал 4° (рис. 2, *Г*). Это было сделано при помощи растровой модели склонов, каждому пикселю которой присвоен угол наклона земной поверхности, усредненный для каждого участка 70 × 70 м (построена путем преобразования исходной ЦМР). В ArcGIS проведены оверлейные операции по растрам пологих поверхностей и ложбин. В итоге получена растровая модель, на которой отображены поверхности ниже тренда рельефа и с углом наклона менее 4°, что и соответствует искомым долинам. Как правило, такие широкие долины обрамлены серией более узких долин, на протяжении которых встречаются короткие отрезки с менее пологим днищем (уклоны до 8°). Эти долины, которые тоже доступны для прохождения человеком, выделены как второстепенные по сравнению с «магистральными».

На рис. 1 пунктиром показаны возможные пути миграций древнего человека через те долины, которые пересекают Уральский хребет и соединяют речные системы западных и восточных его скло-

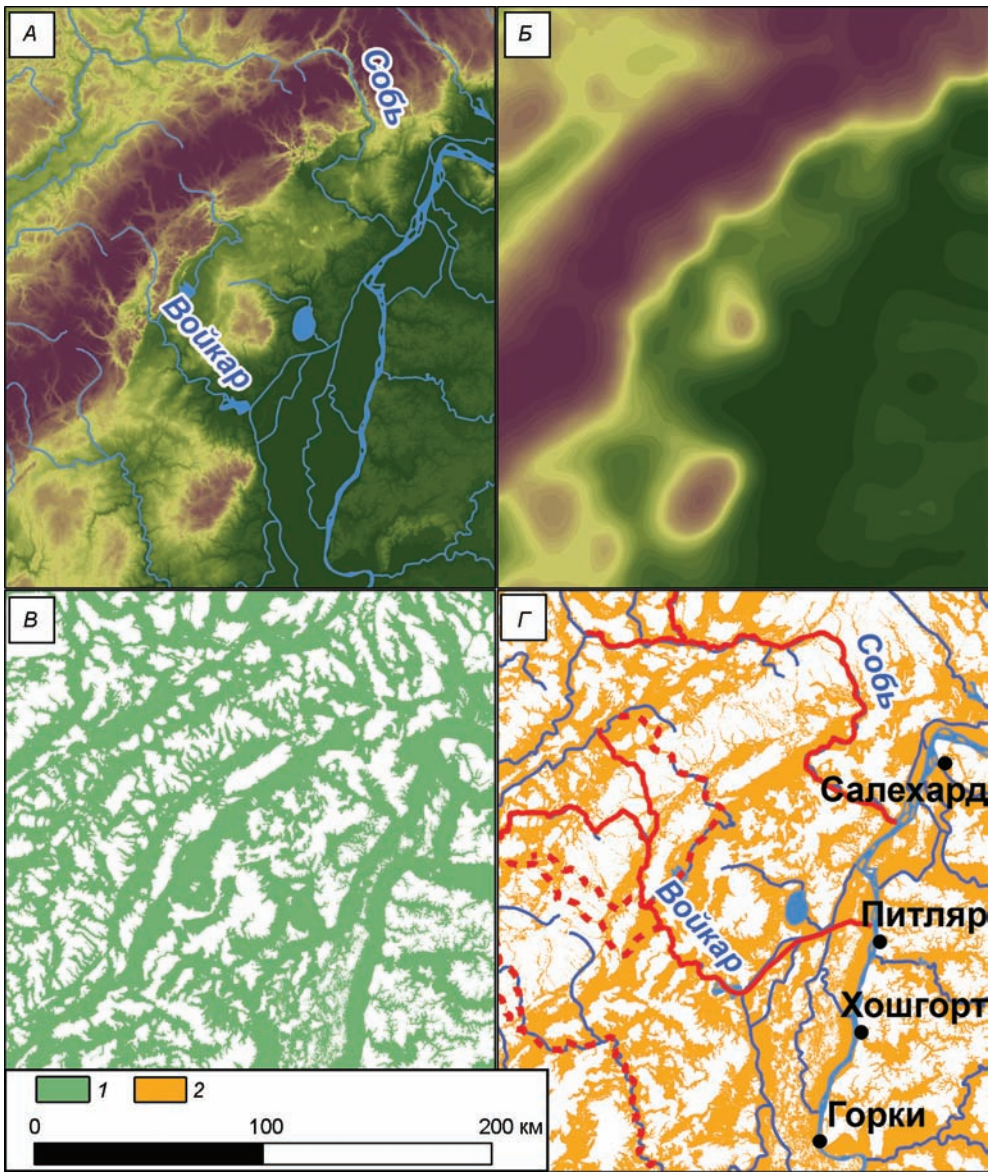

Рис. 2. Геоинформационное моделирование сквозных проходов через Уральский хребет. Показано с увеличением для фрагмента территории, отмеченного прямоугольником на рис. 1.

А – цифровая модель рельефа; *Б* – тренд рельефа; *В* – отрицательные формы рельефа (усл. обозн. *1*); *Г* – отрицательные формы рельефа с углами наклона менее 4° (усл. обозн. *2*).

нов. В соответствии с полученной моделью, напротив магистральной долины Оби на отрезке от устья Иртыша до впадения Оби в губу таких проходов из Приуралья в Зауралье, пригодных для миграции людей, всего два. На восточном склоне Уральского хребта и далее на левобережье Оби сквозные проходы соединяются с долинами рек Собь и Войкар. Еще севернее на левобережье Обской губы такой сквозной проход выходит на долину реки Щучья (см. врезку на рис. 1).

Таким образом, на севере Урала проходили потенциальные миграционные пути, что позволяет предполагать северное Приуралье территорией исходной для заселения низовьев Оби, на правобережье которой экспедициями 2016–2019 гг. были найдены в поверхностном залегании артефакты палеолитического облика. Этот вывод подтверждается как минимум для долины р. Войкар, где близ поселков Усть-Войкар и Вершина Войкар на берегах Войкарского сора ранее были найдены каменные артефакты, предположительно, палеолитического возраста [Косинская, Федорова, 1994]. В 2019 г. в ходе разведочных работ Нижнеобского палеолитического отряда в шурфе под культурным слоем бронзового века (на 20–30 см ниже) были обнаружены фрагменты палеопочвы, деформированной и «растасканной» солифлюкционными процессами, в которой встречаются мелкие обломки костей.

Сразу под этим прерывистым гумусовым горизонтом залегают уже аллювиальные отложения 6–8 м террасы р. Войкар. Не исключено, что именно к этому стратиграфическому уровню и были изначально приурочены каменные артефакты, найденные ранее на берегах Войкарского сора. Следует также отметить, что на берегах р. Войкар и Войкарского сора неоднократно поднимались ископаемые кости мамонтов, шерстистых носорогов и другой мегафауны. На настоящий момент эта территория служит резчикам по кости ресурсом сырья, пополняемым ежегодными сборами. Напротив Войкарского сора находится отрезок правобережья Оби, где около сел Лопхари, Горки, Хашгорт, Питляр в ходе полевых исследований 2016–2019 гг. на бечевнике были обнаружены каменные артефакты палеолитического облика и ископаемая мегафауна.

В низовьях Оби существовали геолого-геоморфологические и палеогеографические предпосылки для миграций древних людей из Предуралья через сквозные долины через Уральский хребет начиная примерно с 60 тыс. л.н., когда на данной территории уже не существовало ни ледников, ни подпрудных бассейнов. Подтверждением этому выводу являются находки по берегам р. Вокар и Войкарского сора на продолжении сквозной долины через Уральские горы. Дальнейшее продвижение через пойму Оби и ее многочисленные протоки было возможно в зимний период, когда на реки ложился устойчивый ледяной покров. Вышеизложенное позволяет считать долины рек Щучья, Собь, Войкар, Северная Сосьва, Тавда перспективными для поиска палеолитических памятников.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-20002).

Список литературы

Архипов С.А., Волкова В.С. Геологическая история, ландшафты и климаты плейстоцена Западной Сибири. – Новосибирск: Науч.-изд. центр ОИГГМ СО РАН, 1994. – 105 с.

Архипов С.А., Вотах М.Р., ГольбертА.В., Гудина В.И., Довгаль Л.А., Юдкевич А.И. Последнее оледенение в нижнем Приобье. – Новосибирск: Наука, 1977. – 213 с.

Астахов В.И. Средний и поздний неоплейстоцен ледниковой зоны Западной Сибири: проблемы стратиграфии и палеогеографии // Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. – 2009. – № 69. – С. 8–24.

Астахов В.И., Назаров Д.В. Стратиграфия верхнего неоплейстоцена севера Западной Сибири и ее геохронометрическое обоснование // Региональная геология и металлогения. – 2010. – № 43. – С. 35–37.

Зенин В.Н., Лещинский С.В., Золотарев К.В., Грутес П.М., Надо М.Х. Геоархеология и особенности материальной культуры палеолитического местонахождения Луговское // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 41–53.

Зольников И.Д., Выборнов А.В., Картозия А.А., Постнов А.В., Рыбалко А.Г. Рельеф и строение четвертичных отложений нижней Оби в связи с перспективами поиска палеолитических объектов // Археология Арктики. –Салехард: Науч. центр изучения Арктики, 2018. – Вып. 5. – С. 30–38.

Зольников И.Д., Постнов А.В., Лямина А.В., Славинский В.С., Чупина В.С. ГИС-моделирование условий обитания, благоприятных для проживания древнего человека в горах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 3 (55). – С. 40–47.

Косинская Л.Л., Федорова Н.В. Археологическая карта Ямало-Ненецкого автономного округа. – Екатеринбург, 1994. – 113 с.

Макаров С.С., Резвый А.С. Стоянка Комудваны – новый памятник палеолитической эпохи в среднетаежной зоне Западно-Сибирской равнины // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. науч. конф. – Тюмень: Федер. исслед. центр Тюм. науч. центр СО РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 143–149.

Павлов П.Ю. Древнейшее прошлое Пермского края: палеолит // Вестн. Перм. науч. центра. – 2013. – № 4. – С. 22–32.

Петрин В.Т. Палеолитические памятники Западно-Сибирской равнины. – Новосибирск: Наука, 1986. – 144 с.

Питулько В.В. Свидетельства раннего расселения человека в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы исследований // Археология Арктики. – Калининград: РОСДОАФК, 2016. – Вып. 3. – С. 91–116.

Хлобыстин Л.П. О древнем заселении Арктики // КСИА. – 1973. – № 136. – С. 11–16.

References

Arkhipov S.A., Volkova V.S. Geologicheskaya istoriya, landshafty i klimaty pleistotsena Zapadnoi Sibiri. Novosibirsk: NRC OIGGM SB RAS, 1994, 105 p. (in Russ.).

Arkhipov S.A., Votakh M.P., Gol'bert A.V., Gudina V.I., Dovgal' L.A., Yudkevich A.I. Poslendee oledenenie v nizhnem Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1977, 213 p. (in Russ.).

Astakhov V.I. Srednii i pozdnii neopleistotsen lednikovoi zony Zapadnoi Sibiri: problemy stratigrafii i paleografii. *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 2009, No. 69, pp. 8–24 (in Russ.).

Astakhov V.I., Nazarov D.V. Stratigrafiya verkhnego neopleistotsena severa Zapadnoi Sibiri i ee geokhro-

nometricheskoe obosnovanie. *Regional'naya geologiya i metallogeniya*, 2010, No. 43, pp. 35–37 (in Russ.).

Khlobystin L.O. O drevnem zaselenii Arktiki. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1973, No. 136, pp. 11–16 (in Russ.).

Kosinskaya L.L., Fedorova N.V. Arkheologicheskaya karta Yamalo-Nenetskogo avtonomnogo okruga. Yekaterinburg, 1994, 113 p. (in Russ.).

Makarov S.S., Rezvyi A.S. Stoyanka Komudvany – novyi pamyatnik paleoliticheskoi epokhi v srednetaezhnoi zone Zapadno-Sibirskoi ravniny. In *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: Materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 2018, iss. 4, pp. 143–149 (in Russ.).

Pavlov P.Yu. Drevneishee proshloe Permskogo kraya: paleolit. *Vestnik Permskogo nauchnogo tsentra*, 2013, No. 4, pp. 22–32 (in Russ.).

Petrin V.T. Paleoliticheskie pamyatniki Zapadno-Sibirskoi ravniny. Novosibirsk: Nauka, 1986, 142 p. (in Russ.).

Pitul'ko V.V. Svidetel'stva rannego rasseleniya cheloveka v Arkticheskoi oblasti Evrazii: novye nakhodki i perspektivy issledovanii. In *Arkheologiya Arktiki*. Kaliningrad: ROSDOAFK, 2016, iss. 3, p. 91–116 (in Russ.).

Zenin V.N., Leshchinskii S.V., Zolotarev K.V., Grutes P.M., Nado M.Kh. Lugovskoe: Geoarchaeology and Culture of a Paleolithic Site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, No. 1 (25), pp. 41–53 (in Russ.).

Zol'nikov I.D., Postnov A.V., Lyamina A.V., Slavinskii V.S., Chupina V.S. Geoinformation Modeling of Environments Favorable for Prehistoric Humans of the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 3 (55), pp. 40–47 (in Russ.).

Zol'nikov I.D., Vybornov A.V., Kartoziya A.A., Postnov A.V., Rybalko A.G. The relief and structure of the Quaternary sediments of the Lower Ob in relation to the prospect for the search of the Paleolithic sites. In *Arkheologiya Arktiki*, 2018, iss. 5, pp. 30–38 (in Russ.).

Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Постнов А.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Бычков Д.А. https://orcid.org/0000-0002-7646-9740
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.116-122
УДК 902.2

И.Д. Зольников[1], А.В. Постнов[1], А.А. Анойкин[1], А.С. Резвый[2], С.С. Макаров[2], А.В. Выборнов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Музей природы и человека
Ханты-Мансийск, Россия
E-mail: zol@igm.nsc.ru

О геолого-геоморфологических и палеонтологических поисковых признаках, определяющих перспективность обнаружения памятников палеолита в Нижнем Приобье

Палеонтологические находки и отсутствие геологических препятствий продолжают оставаться главными основаниями возможности заселения человеком севера Западной Сибири позднее 90 тыс. л.н. В ходе полевых исследований 2019 г. на правобережье Оби от с. Лопхари до п. Питляр была собрана представительная коллекция мамонтовой фауны, свидетельствующая о том, что эта территория в позднем плейстоцене была благоприятной для крупных млекопитающих. В составе находок есть кости шерстистого мамонта, северного оленя, шерстистого носорога, лошади, бизона, овцебыка, лося. Сводный геологический разрез четвертичных отложений изучаемой территории, составленный по авторским данным и сведениям предшественников, представляет последовательность слоев с тазовским гляциокомплексом в основании, в которой врезаны верхнечетвертичные аллювий и ледниково-озерные отложения. Они, в свою очередь, перекрыты субаэральным комплексом, включающим эоловые отложения, делювий, солифлюксий, палеопочвы. Обновлены представления о генезисе слоя, включающего костеносные отложения в разрезе у с. Лопхари: субаэральный (а не пойменно-аллювиальный) комплекс, формирование которого началось 50 тыс. л.н. Новейшие геологические наблюдения позволяют существенно оптимизировать поиск участков, перспективных для обнаружения стратифицированных памятников палеолита. Находки мегафауны в сочетании с бечевниковыми находками артефактов палеолитического облика позволяют прогнозировать возможность существования культурных слоев залегающих in situ в отложениях прибрежных обрывов, а также в слоях гравийно-галечного перлювия, погребенных в аллювии. Вместе с тем установлено, что высотные уровни прибрежных площадок далеко не всегда могут служить точным индикатором возраста вскрытых в береговых обнажениях отложений и, соответственно, определять перспективность поиска в них памятников палеолита.

Ключевые слова: *Обь, палеолит, палеонтология, палеогеография.*

Ivan D. Zolnikov[1], Alexander V. Postnov[1], Anton A. Anoikin[1], Anton S. Rezvyi[2], Sergey S. Makarov[2], Anton V. Vybornov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Museum of Nature and Man,
Khanty-Mansiysk, Russia
E-mail: zol@igm.nsc.ru

Geological, Geomorphological, and Paleontological Indicators for Detecting Paleolithic Sites in the Lower Ob Region

Paleontological findings and absence of geological obstacles continue to be the main indicators for the possibility of human settlement in the north of Western Siberia after 90,000 BP. During the field survey on the right bank of the Ob River (from the village of Lopkhari to the village of Pitlyar) in 2019, a representative collection of mammoth fauna

was obtained, indicating that this area was favorable for large mammals in the Late Pleistocene. The finds included the bones of woolly mammoth, reindeer, woolly rhinoceros, horse, bison, musk ox, and elk. Composite section of Quaternary sediments compiled on the basis of authors' data and information from the literature, constitutes the sequence of layers with the Tazov glaciocomplex at its base, which was cut by the Upper Quaternary alluvium and glacial-lake sediments, which in turn were covered by the subaerial complex, including aeolian sediments, deluvium, solifluxium, and paleosols. According to a new understanding of the genesis of the layer which included bone deposits in the section near the village of Lopkhari, it constituted a subaerial (rather than floodplain-alluvial) complex which started to emerge 50,000 BP. The latest geological observations significantly optimize the search for promising locations for detecting stratified Paleolithic sites. The finds of megafauna combined with Paleolithic artifacts found on the beach make it possible to predict the possibility that cultural layers may exist in situ in the sediments of coastal cliffs and in the layers of gravel and pebble perluvium buried in alluvium. At the same time, it has been established that high-altitude levels of coastal sites do not always serve an accurate indicator of the age of deposits discovered in coastal outcrops and accordingly do not always indicate good prospects for the search of Paleolithic sites in them.

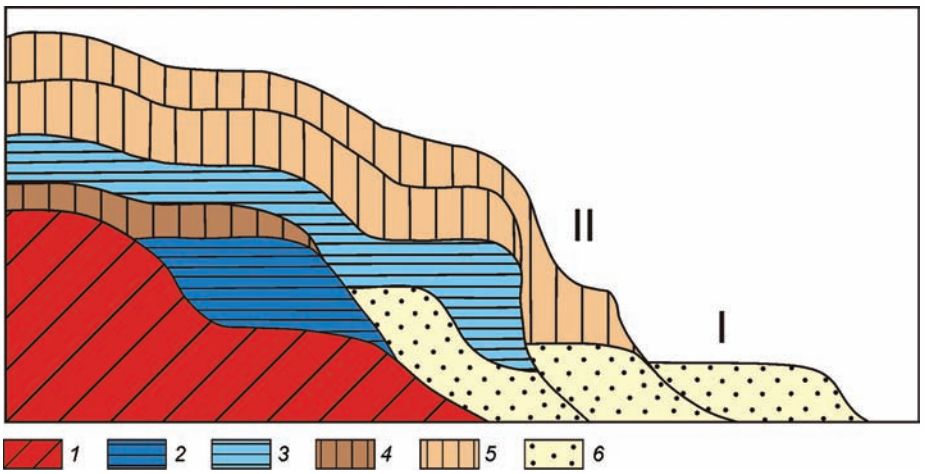
Keywords: *Ob River, Paleolithic, paleontology, paleogeography.*

За последние десятилетия время первоначального заселения севера Западной Сибири и Субарктики неоднократно отодвигалось в прошлое в связи с обнаружением таких археологических и палеонтологических находок, как усть-ишимский человек, мамонт из Сопочной Карги, волк со стоянки Бунге-Толь/1885, а также открытием стоянок Янская, Луговское, Комудваны [Питулько, 2006; Величко и др., 2014; Макаров, Резвый, 2018]. На сегодняшний день выявлено присутствие древнего человека в высоких широтах Сибири начиная с 45 тыс. л.н. [Питулько, 2016]. При этом облик единичных находок артефактов на отмелях рек позволяет относить их к среднему палеолиту, т.е. не исключает проникновение на эту территории человека ранее MIS 3 [Хлобыстин, 1973; Погодин, 2000].

Не является преувеличением констатация того, что трансформации наших представлений о начальном заселении субарктических районов Западной Сибири и миграций палеолитического человека целиком зависят от постоянно обновляющегося фактического палеонтологического и археологического материала. В частности, отсутствие антропологических находок на этой территории оставляет открытой дискуссию о том, кто же именно был первопоселенцем Сибирского Севера – неандертальцы или люди современного типа. Наиболее древние радиоуглеродные даты, близкие к запредельным, с самых северных из известных археологических объектов получены не по стратифицированным комплексам, а по случайным находкам фаунистических остатков, на которых были зафиксированы следы от орудий древних охотников (Соп-Каргинский мамонт и Бунге-Тольский волк). В условиях недостатка фактических данных особое значение приобретают актуальные палеогеографические и стратиграфические построения, которые определяют временные и территориальные рамки существования позднеплейстоценовых ландшафтов, благоприятных для обитания крупных степных копытных и, как следствие, охотившихся на них людей.

На основе современных стратиграфических и палеогеографических представлений [Астахов, 2009; Астахов, Назаров, 2010; Астахов, Свендсен, 2008], а также полевых исследований авторов статьи [Зольников и др., 2018], принципиальную схему взаимоотношений верхнечетвертичных отложений правобережья нижней Оби (от Казым-мыса до Питляра) можно представить следующим образом (см. *рисунок*). Геологическим репером, залегающим в основании верхнечетвертичной толщи, является тазовский гляциокомплекс (MIS 6), включающий как морены, так и водно-ледниковые осадки. Его формирование завершилось ок. 130 тыс. л.н. На правобережье Оби этот гляциокомплекс обычно имеет двучленное строение: внизу слабовалунная основная морена (валуны и гальки редко превышают 1–2 % от объема морен), а сверху ленточноподобное слоистые осадки ледниково-подпрудных озер.

Собственно, верхнечетвертичная толща, как правило, начинается с аллювия (возраст – 130–100 тыс. л.н.), который к северу (на Ямале и Гыдане) замещается морскими отложениями бореальной трансгрессии (MIS 5e). В районах, расположенных южнее Сопкейских гряд (севернее Сопкейских гряд распространены морены и погребенные глетчерные льды), стратиграфически выше залегают флювиогляциальные пески, а в исследуемом районе, т.е. южнее Салехарда, – варвиты ледниково-подпрудного бассейна верхнего неоплейстоцена с абсолютными отметками кровли не более 60–70 м и возрастом в интервале 90–60 тыс. л.н., что соответствует стадии MIS 4 и холодным подстадиям MIS 5 (d, b). Позднее 60 тыс. л.н. начинается речное врезание в ледниково-озерные варвиты и подстилающие их отложения, формирование надпойменной террасы II. Одновременно на водораздельных территориях происходит накопление покровного ком-

Модель взаимоотношений четвертичных отложений правого берега нижней Оби.
1 – тазовская морена; *2* – тазовские ленточные глины; *3* – раннезырянские ленточные глины; *4* – раннезырянский субаэральный комплекс; *5* – субаэральный комплекс времени MIS 4, 3, 2; *6* – верхнечетвертичный аллювий.

плекса, включающего в себя лессы, перевеянные пески, палеопочвы, солифлюксий и мелкие термокарстовые озера. Примерно 25 тыс. л.н., во время последнего глобального похолодания (MIS 2), происходит нарастание аридизации и начинается формирование надпойменной террасы I. На субаэральных поверхностях в это время активно накапливается покровный комплекс отложений. В позднеледниковье (15–11 тыс. л.н.) климат становится более теплым. В голоцене формируется пойма, а на междуречьях активизируется термокарст, формируются солифлюкционные, озерные, болотные отложения и современные почвы.

При этом геоморфологически однозначно на топокартах, космоснимках и цифровых моделях рельефа читается только пойменная терраса, а различия в рельефе между первой и второй надпойменными террасами не столь очевидны. Это обусловлено тем, что высота площадок послеледниковых речных террас определяется мощностью покрывающего аллювий субаэрального комплекса. Следует отметить, что у первой надпойменной террасы обычно толщина аллювия больше и субаэральный покров меньше, а у второй надпойменной террасы наоборот. Кроме того, под сниженными пологими поверхностями могут залегать эрозионные останцы среднечетвертичных отложений или же озерно-ледниковые ритмиты первого верхнечетвертичного оледенения. Поэтому высотные уровни прибрежных площадок далеко не всегда могут служить точным индикатором возраста вскрытых в береговых обнажениях отложений и, соответственно, определять перспективность поиска в них памятников палеолита.

Согласно современным представлениям [Величко и др. 2014; Питулько, Каспаров, 1988], в рационе охотников позднего палеолита на севере Евразии доминировали бизоны, лошади, северные олени с небольшим вкладом рыб и птиц. Олени составляли 2/3 рациона и добывались в весенне-летний период. Мамонты добывались в основном как источники сырья в условиях дефицита дерева. Помимо этого, кости мамонтов собирались и приносились древними людьми на стоянки. Особо отметим, что самые северные для Оби из известных на сегодняшний день палеолитических стоянок с инситными артефактами – Луговское и Комудваны – найдены на участках с массовыми скоплениями ископаемой мегафауны [Макаров, Резвый, 2018]. Таким образом, на изучаемой территории места с повышенной концентрацией костных остатков мегафауны являются одним из признаков для обнаружения стоянок палеолитического человека.

В ходе экспедиционных исследований 2019 г. на отмелях правобережья Оби от Золотого мыса до п. Питляр собрана представительная коллекция костных остатков мегафауны: шерстистый мамонт (*Mammuthus primigenius*) – 86 шт.; северный олень (*Rangifer tarandus*) – 4 шт.; шерстистый носорог (*Coelodonta antiquitatis*) – 9 шт.; лошадь (*Equus sp.*) – 7 шт.; бизон (*Bison sp.*) – 5 шт.; овцебык (*Ovibos moschatus*?) – 3 шт.; лось (*Alces alces*) – 1 шт. Учитывая остатки мегафауны, собранные авторами в предшествующие годы [Зольников и др., 2018], и палеонтологические материалы, опубликованные другими исследователями, можно сделать вывод о том, что фактически у всех береговых обрывов с высотой от 7–10 м и выше, на бечевнике с интервалом ок. 100–300 м встречаются единичные находки ископаемой мегафауны. В отдельных местах эти находки более концентрированы,

но массовых скоплений типа «мамонтовых кладбищ» не обнаружено.

Все без исключения находки каменных артефактов палеолитического облика на бечевниках нижней Оби сопровождаются местонахождениями мегафауны. Изначальным источником археологического и палеонтологического материала являются отложения субаэрального комплекса. В этом отношении интересно геологическое строение четвертичных отложений в районе п. Лопхари, где были проведены детальные полевые исследования 2019 г., имевшие основной задачей поиск культурного слоя. В распоряжение авторов статьи местным жителем с. Лопхари Ростиславом Леонтьевичем Русмиленко была передана бедренная кость шерстистого мамонта (*Mammuthus primigenius*), найденная им в основании разреза на уровне ископаемой почвы. Ранее отложения, которые перекрывают палеопочву, были проинтерпретированы нами как пойменный аллювий, преобразованный солифлюкционными процессами [Там же]. Расчистки 2019 г. позволили уточнить предварительную интерпретацию. Приведем описание разреза.

Лопхари. Шурф-1. 64,98278° с.ш., 65,76150° в.д. (±3 м). 2 × 2 × 1,7 м. 20 м по азимуту 250° от расчистки «Лопхари, расчистка-1». Сверху вниз от дневной поверхности в стратиграфической последовательности вскрыты:

0,0–0,25 м. Слой 1: темно-серый до черного гумусированный песок, современная почва, мощность – до 0,25 м.

0,25–1,3 м. Слой 2: палево-бурый песок алевритистый с фрагментарно проявленной параллельной слоистостью делювиального типа, нарушенной мелкими солифлюкционными текстурами, встречаются редкие маломощные линзы гумуса, делювий, мощность – 1,1 м.

1,3–2,0 м. Слой 3: палево-бурый неслоистый алевропесок, кровля неровная с солифлюкционными затеками, генезис – эоловый, видимая мощность – 0,7 м.

Разрез продолжен в расчистке «Лопхари. Расчистка-1».

Лопхари. Расчистка-1. 64,98265° с.ш., 65,76213° в.д. (±3 м). Расчищена стенка берегового обрыва от бровки бечевника до бровки обрыва. Протяженность – 15,6 м, глубина от дневной поверхности 7,1 м, азимут простирания стенки – 45° в.д. Продолжается разрез, вскрытый шурфом.

2,0–4,5 м. Слой 3: палево-бурый неслоистый алевропесок, генезис – эоловый, мощность слоя с учетом шурфа – 3,2 м (дается по центральной части зачистки). Мощность меняется в разных местах зачистки по горизонтали (от 2,6 до 4,2 м) из-за того, что подошва слоя деформирована крупными клиньями – псевдоморфозами по повторно-жильным льдам – по всей видимости эпигенетическим. Клинья выполнены материалом слоя 3.

4,5–6,4 м. Слой 4: параллельное переслаивание серого с буроватым оттенком алевритового песка и темно-серого гумусированного песка. Слоистость нарушена солифлюкционными текстурами. Первоначальная слоистость участками деформирована и «растаскана» на пятна и линзы. Слой рассечен вертикальными клиньями толщиной до 1 м. Генезис – солифлюксий. Мощность слоя меняется от 1,1 до 2,2 м, а в центральной части расчистки составляет 1,9 м.

6,4–6,7 м. Слой 5: темно-серый до черного гумусированный песок. Гидроморфная пойменная палеопочва, деформирована рассекающими ее клиньями, мощность – 0,2–0,3 м.

6,7–7,1 м. Слой 6: параллельное субгоризонтальное переслаивание песков серых алевритисто-пелитистых, светло-серых мелкозернистых, иногда рыжих за счет ожелезнения. В основании мелкие прослои серого тяжелого суглинка. Слоистость деформирована солифлюкционными (пологие складки) и криогенными (мелкие клинья) процессами. Генезис – пойменный аллювий, видимая мощность – 0,4 м.

Лопхари. Расчистка-1 А. 64,96257° с.ш., 65,76022° в.д. (±4 м). В сотне метров от расчистки 1 расчищена нижняя часть стенки берегового обрыва со слоями 4–2, протяженность – 1,4 м.

Кроме палеопочвы слоя 5 (на уровне которой, по словам местных жителей, при весеннем подмыве берега из стенки яра «появлялись мамонтовые кости»), отмечаются две солифлюкционно преобразованных палеопочвы в слое 4 на уровне 1,8 и 2,7 м. Текстурный облик слоя 4 свидетельствует о его изначально субаэральном, а не пойменно-аллювиальном генезисе, как это нами предполагалось ранее. Более темный цвет, тяжелый гранулометрический состав по сравнению с перекрывающим слоем 3, имеющим лессовидный облик, косвенно свидетельствуют о возрасте слоя 4, сопоставимом с MIS 3, а более светлых перекрывающих слоев 2 и 3 – с MIS 2. Ранее в обнажениях низких ступеней рельефа субширотного Приобья С.К. Кривоноговым [2009] были описаны темный «каргинский гидроморфный лесс» и светлый «сартанский криоморфный лесс», которые существенно различаются палеоклиматическими обстановками формирования. В частности, разными были условия увлажненности дневной поверхности, на которую ложился субаэральный покров, что нашло отражение в литологическом облике лессовидных навеянно-перевеянных отложений.

Предварительным свидетельством времени формирования слоев 4 и 5 может служить дата с возрастом 50 тыс. л.н., полученная из ископаемой почвы слоя 5 в ЦКП «Геохронология кайнозоя» (г. Новосибирск). Однако окончательные выводы о возрасте вряд ли можно делать по одной дате со значением, близким к запредельному. В 2019 г. для уточнения возраста отложений из двух других палеопочв также были отобраны образцы на радиоуглеродное датирование. Вместе с тем мощность субаэрального покрова и наличие в его составе трех палеопочв все же позволяет с высокой степенью вероятности предполагать, что его формирование происходило примерно на протяжении последних 50 тыс. лет.

Разрез с. Лопхари интересен тем, что субаэральный комплекс отложений начинается в самой нижней части обнажения. Аллювиальные отложения вскрываются не более чем на 0,5 м и уходят под бровку бечевника. Фактически основная часть 5–7 метровой террасы представлена навеянными, перевеянными и делювиальными отложениями. При этом нижняя ископаемая почва, к которой, вероятнее всего, приурочена мегафауна, находится на глубине ок. 6 м от дневной поверхности. Таким образом, мы имеем в стратиграфическом понимании тело надпойменной террасы II, но с гипсометрическим уровнем, который соответствует надпойменной террасе I и с выполнением самого геологического тела не аллювием, а субаэральными отложениями. Такая ситуация еще раз подчеркивает тот факт, что геоморфологические уровни пологих площадок рельефа в Нижнем Приобье однозначного стратиграфического значения не имеют, а потенциально культурный слой может залегать на глубине, превышающей возможную для обычной безопасной шурфовки в алевропесчаных грунтах.

В 2019 г. расчистками и шурфами в районе с. Лопхари и на прилегающей территории культурный слой эпохи палеолита не обнаружен, несмотря на то что на берегу в основании обнажений ранее были зафиксированы каменные артефакты палеолитического облика и остатки мегафауны. Жители села в ходе опросов рассказали, что за последние 20–30 лет неоднократно проявлялась обусловленная весенними паводками прибрежно-волноприбойная деятельность, которая привела к отступлению берега на несколько десятков метров. Это свидетельствует о том, что значительная часть культурного слоя могла быть уничтожена, поскольку палеолитические памятники на низких террасах большинства крупных сибирских рек занимают прибровочные полосы шириной, редко превышающей 50 м. Соответственно, каменные артефакты и находки мегафауны на отмелях под обрывами, подвергавшимися интенсивным оползням и абразии, могут быть свидетельствами уничтоженных культурных слоев, а не только поисковыми критериями по их обнаружению. Возможно, именно этим обстоятельством объясняется отсутствие положительного результата при интенсивных поисках стратифицированного памятника расчистками и шурфами в районе с. Лопхари в 2019 г.

Тем не менее субаэральные отложения, покровно залегающие на нижележащих ледниковых, ледниково-озерных, озерных, аллювиальных отложениях, являются основным источником остатков мегафауны и каменных артефактов, поднимаемых с бечевниковых отмелей Оби и ее притоков. В этом отношении интересна находка бивня мамонта на бечевнике правого берега Оби в 12 км севернее п. Хашгорт. На бивне присутствуют следы «насечек» и «порезов» предположительно антропогенного происхождения (устное сообщение Л.В. Зоткиной). При этом следует отметить, что сам бивень имеет «свежий вид», т.е. вероятно не подвергался процессам длительного переотложения и выветривания, находясь в погребенном состоянии после смерти животного до отмывки весной 2019 г.

Благодаря расспросам местных жителей, выяснилось, что кости и бивни мамонтов неоднократно обнаруживались на песчаных отмелях островов при низких уровнях воды осенью. При этом в местах таких находок нередко кости и бивни поднимаются фактически ежегодно. Известно, что зубы мамонтов разрушаются при длительном переносе. Соответственно, существуют местонахождения мегафауны в аллювии, которые захоронены в непосредственной близости от мест гибели животных. В этой связи обращает на себя внимание то обстоятельство, что на западных предгорьях Урала есть несколько палеолитических памятников, локализованных в аллювиальных толщах [Свендсен и др., 2008], что несколько противоречит традиционной парадигме поисков палеолита.

Например, культурный слой (кости мегафауны и артефакты) Мамонтовой Курьи находится в основании песчано-гравийного слоя мощностью до 1,4 м, который перекрыт двухметровой пачкой косослоистых песков руслового аллювия, наращиваемой аллювиальной пачкой переслаивающихся песка и алеврита мощностью 4 м; еще выше залегают отложения субаэрального покровного комплекса мощностью более 5 м [Астахов, Свендсен, 2008]. При этом культурный слой находится фактически на меженном уровне реки, в результате чего не доступен большую часть сезона. Именно осенью на низких уровнях воды на берегах нижней Оби и ее притоков появляется достаточно большое количество остатков мегафауны, что используется

местными резчиками по кости для пополнения сырьевой базы кустарных промыслов.

Другим примером может служить памятник Луговское, костеносные и артефактсодержащие отложения которого находятся фактически ниже уровня поймы [Макаров, Резвый, 2009]. Сама пойма как геоморфологический объект является достаточно однородной, однако отложения, которые залегают непосредственно под ее поверхностью, могут существенно различаться и по генезису, и по возрасту, в частности они могут являться останцами субаэральных супесей и суглинков верхнеплейстоценового возраста. На протяжении позднего плейстоцена река неоднократно возвращалась к современному уровню, а временами и врезалась на большую глубину. Поэтому не исключено, что часть палеолитических стоянок может быть расположена на уровне межени или несколько ниже.

Таким образом, по результатам полевых исследований низовьев Оби 2017–2019 гг. можно с уверенностью говорить о находках артефактов палеолитического облика на прибрежных отмелях от п. Казым-мыс до п. Питляр. На этой же территории в значительном количестве встречаются остатки мегафауны. В некоторых местонахождениях фаунистические остатки образуют повышенные концентрации, что приводит к находкам мегафауны в одних и тех же местах фактически каждый сезон. Анализ геолого-геоморфологического контекста местонахождений мегафауны и артефактов позволяет предположить, что источником подъемного материала служат не только субаэральные эоловые супеси, суглинки, пески, слагающие верхнюю, покровную часть разрезов береговых обнажений, но и грубообломочные слои аллювия, залегающие в основании береговых разрезов или на песчаных отмелях современных островов, лишенных субаэрального покрова.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-20002). Авторы искренне благодарны за поддержку и помощь в работе М.С. Темирбаеву, Ю.Ф. Коневу, Р.Л. Русмиленко, А.Г. Брусницыной и С.Г. Попову.

Список литературы

Астахов В.И. Средний и поздний неоплейстоцен ледниковой зоны Западной Сибири: проблемы стратиграфии и палеогеографии // Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. – 2009. – № 69. – С. 8–24.

Астахов В.И., Назаров Д.В. Стратиграфия верхнего неоплейстоцена севера Западной Сибири и ее геохронометрическое обоснование // Региональная геология и металлогения. – 2010. – № 43. – С. 35–37.

Астахов В.И., Свендсен Й.И. Природная обстановка первоначального заселения Приуральского севера // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. – М.: ИГ РАН, 2008. – С. 98–106.

Величко А.А., Васильев С.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Этапы первичного освоения человеком Арктики и Субарктики // Первоначальное заселение Арктики человеком в условиях меняющейся природной чреды. – М.: Геос, 2014. – С. 422–446.

Зольников И.Д., Выборнов А.В., Картозия А.А., Постнов А.В., Рыбалко А.Г. Рельеф и строение четвертичных отложений нижней Оби в связи с перспективами поиска палеолитических объектов // Археология Арктики. – Салехард: Науч. центр изучения Арктики, 2018. – Вып. 5. – С. 30–38.

Кривоногов С.К. Проблема интерпретации отложений низких террас р. Оби (Западная Сибирь) // Бюл. комиссии по изучению четвертичного периода. – 2009. – № 69. – С. 106–115.

Макаров С.С., Резвый А.С. Освоение территории центра Западной Сибири в позднем плейстоцене (по материалам стоянки Луговское) // Уфимский археол. вестн.: сб. науч. ст. – 2009. – Вып. 9. – С. 22–27.

Макаров С.С., Резвый А.С. Стоянка Комудваны – новый памятник палеолитической эпохи в среднетаежной зоне Западно-Сибирской равнины // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы всерос. науч. конф. – Тюмень: Фед. исслед. центр Тюм. науч. центр СО РАН, 2018. – Вып. 4. – С. 143–149.

Питулько В.В. Палеолитическая Янская стоянка // Современные проблемы археологии России: мат-лы Всерос. археол. съезда (23–26 октября 2006 г., Новосибирск). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. 1. – С. 134–136.

Питулько В.В. Свидетельства раннего расселения человека в Арктической области Евразии: новые находки и перспективы исследований // Археология Арктики. – Калининград: РОСДОАФК, 2016. – Вып. 3. – С. 91–116.

Питулько В.В., Каспаров А.К. Древние охотники высокоширотной Арктики: материальная культура и стратегия жизнеобеспечения // Археологические вести. – 1988. – № 5. – С. 55–71.

Погодин А.А. К проблеме изучения первоначального заселения Севера Западной Сибири // Древности Ямала. – Екатеринбург; Салехард, 2000. – Вып. 1. – С. 68–78.

Свендсен Й.И., Павлов П., Хегген Х., Мангеруд Я., Хуфтхаммер А.К., Робрукс В. Природные условия плейстоцена и палеолитические стоянки на севере западного склона Уральских гор // Путь на Север: окружающая среда и самые ранние обитатели Арктики и Субарктики. – М.: ИГ РАН, 2008. – С. 79–96.

Хлобыстин Л.П. О древнем заселении Арктики // КСИА. – 1973. – № 136. – С. 11–16.

References

Astakhov V.I. Srednii i pozdnii neopleistotsen lednikovoi zony Zapadnoi Sibiri: problemy stratigrafii i paleografii. *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 2009, No. 69, pp. 8–24 (in Russ.).

Astakhov V.I., Nazarov D.V. Stratigrafiya verkhnego neopleistotsena severa Zapadnoi Sibiri i ee geokhronometricheskoe obosnovanie. *Regional'naya geologiya i metallogeniya*, 2010, No. 43, pp. 35–37 (in Russ.).

Astakhov V.I., Svendsen J.I. Prirodnaya obstanovka pervonachal'nogo zaseleniya Priural'skogo severa. In *Put' na Sever: okruzhayushchaya sreda i samye rannie obitateli Arktiki i Subarktiki*. Moscow: Institute of Geography RAS, 2008, pp. 98–106 (in Russ.).

Khlobystin L.O. O drevnem zaselenii Arktiki. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1973, No. 136, pp. 11–16 (in Russ.).

Krivonogov S.K. Problema interpretatsii otlozhenii nizkikh terras r. Obi (Zapadnaya Sibir'). *Byulleten' komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda*, 2009, No. 69, pp. 106–115 (in Russ.).

Makarov S.S., Rezvyi A.S. Osvoenie territorii tsentra Zapadnoi Sibiri v pozdnem pleistotsene (po materialam stoyanki Lugovskoe). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik: sbornik nauchnykh statei*. 2009, iss. 9, pp. 22–27 (in Russ.).

Makarov S.S., Rezvyi A.S. Stoyanka Komudvany – novyi pamyatnik paleoliticheskoi epokhi v srednetaezhnoi zone Zapadno-Sibirskoi ravniny. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya: materialy vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 2018, iss. 4, pp. 143–149 (in Russ.).

Pitul'ko V.V. Svidetel'stva rannego rasseleniya cheloveka v Arkticheskoi oblasti Evrazii: novye nakhodki i perspektivy issledovanii. *Arkheologiya Arktiki*. Kaliningrad: ROSDOAFK, 2016, iss. 3, pp. 91–116 (in Russ.).

Pitul'ko V.V. Paleoliticheskaya Yanskaya stoyanka. *Sovremennye problemy arkheologii Rossii: materialy Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda (23–26 oktyabrya 2006 g., Novosibirsk)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. 1, pp. 134–136 (in Russ.).

Pitul'ko V.V., Kasparov A.K. Drevnie okhotniki vysokoshirotnoi Arktiki: material'naya kul'tura i strategiya zhizneobespecheniya. *Arkheologicheskie vesti*, 1988, No. 5, pp. 55–71 (in Russ.).

Pogodin A.A. K probleme izucheniya pervonachal'nogo zaseleniya Severa Zapadnoi Sibiri. *Drevnosti Yamala*. Yekaterinburg; Salekhard, 2000, iss. 1, pp. 68–78 (in Russ.).

Svendsen I.I., Pavlov P., Kheggen Kh., Mangerud Ya., Khuftkhammer A.K., Robruks V. Prirodnye usloviya pleistotsena i paleoliticheskie stoyanki na severe zapadnogo sklona Ural'skikh gor. In *Put' na Sever: okruzhayushchaya sreda i samye rannie obitateli Arktiki i Subarktiki*. Moscow: Institute of Geography RAS, 2008, pp. 79–96 (in Russ.).

Velichko A.A., Vasil'ev S.A., Gribchenko Yu.N., Kurenkova E.I. Etapy pervichnogo osvoeniya chelovekom Arktiki i Subarktiki. In *Pervonachal'noe zaselenie Arktiki chelovekom v usloviyakh menyayushcheisya prirodnoi chredy*. Moscow: Geos, 2014, pp. 422–446 (in Russ.).

Zol'nikov I.D., Vybornov A.V., Kartoziya A.A., Postnov A.V., Rybalko A.G. The relief and structure of the Quaternary sediments of the Lower Ob in relation to the prospect for the search of the Paleolithic sites. *Arkheologiya Arktiki*, 2018, iss. 5, pp. 30–38 (in Russ.).

Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Постнов А.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.123-128
УДК 902

А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Исследования среднепалеолитических комплексов Дарвагчайского геоархеологического района в 2019 году

Северо-Восточный Кавказ, а именно территория Приморского Дагестана, является одним из неандертальских рефугиумов в Евразии. Целый кластер среднепалеолитических памятников Дарвагчайского геоархеологического района, обнаруженный в последнее десятилетие, позволяет утверждать о присутствии неандертальских популяций на протяжении длительного хронологического промежутка. Поэтому полевые работы 2019 г. были направлены как на увеличение эмпирического материала, так и на решение проблемы возраста обнаруженных каменных индустрий путем отбора OSL-образцов. Шурфовка мест локализации разновременных среднепалеолитических комплексов на памятнике Дарвагчай-залив-1 позволила расширить коллекцию каменной индустрии, залегающей в погребенной почве и относимой на основе палеомагнитных данных к микулинскому потеплению, а также коллекцию каменных артефактов, относимых к финальному этапу среднего палеолита. Коллекция из палеопочвы представляет собой типичную леваллуазскую индустрию отщепового характера с мустьерскими орудийными формами. Подъемный археологический материал, относимый к финалу среднего палеолита, также демонстрирует развитую леваллуазскую отщеповую систему расщепления, что подтверждается наличием в орудийном наборе целевой заготовки. Полномасштабные раскопки многослойного памятника Дарвагчай-залив-4 позволили получить небольшую, но представительную коллекцию среднепалеолитических изделий. Развитая леваллуазская система расщепления, направленная на получение отщепов, что и подтверждается наличием оных в орудийном наборе, активный фасетаж ударных площадок позволяют говорить о мустьерском облике данной индустрии. По характеру залегания литологических подразделений, гипсометрических отметок, а также сравнению технико-типологического облика каменных индустрий обнаруженный среднепалеолитический комплекс может быть синхронен археологическим материалам из палеопочвы памятника Дарвагчай-залив-1. Проведенные дополнительные работы по отбору образцов на OSL-датирование дают возможность определить временные маркеры для культурно-хронологических интервалов среднего палеолита и вписать материалы Дарвагчайского геоархеологического района в культурную эволюцию неандертальских популяций.

Ключевые слова: *Кавказ, средний палеолит, леваллуазская система расщепления, методы абсолютного и относительного датирования.*

Alexander V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: arhkandyba@gmail.com

Study of Middle Paleolithic Complexes in the Darvagchay Geoarchaeological Area in 2019

Northeastern Caucasus and particularly the Coastal Dagestan, was one of the Neanderthal refugiums in Eurasia. The Darvagchay cluster of the Middle Paleolithic sites, which was discovered in the last decade, has given the evidence of long-term existence of Neanderthal populations. Excavation works of 2019 were intended for obtaining more archaeological evidence and solving the problem of chronology of the lithic industries through OSL-sampling and dating. Series of test pits made at the Darvagchay zaliv 1 site with asynchronous Middle Paleolithic complexes has enriched the collection of lithic industry confined to buried paleosoil which was dated to the Mikulinsky interglacial period according to paleomagnetic data, and lithic assemblage with the Final Middle Paleolithic features. The assemblage found in paleosoil can be described as

typical Levallois flake industry with the Mousterian tool types. Surface material associated with the Final Middle Paleolithic demonstrates the advanced Levallois flake technology, which is confirmed by the presence of tool blanks produced in this system of reduction. Large-scale excavations at the multilayered site of Darvagchay zaliv 4 have made it possible to obtain not very numerous, but representative collection of Middle Paleolithic artifacts. The advanced Levallois flake technology aimed at producing flakes which have been found in the tool assemblage, and intensive faceting of the striking platforms manifest the Mousterian appearance of this industry. Judging by the occurrence of lithological deposits and hypsometric marks, as well as comprehensive analysis of technological and typological features of the lithic industries, this Middle Paleolithic complex could have been synchronous to the archaeological evidence found in paleosoil of the Darvagchay zaliv 1 site. Additional sampling for OSL-dating makes it possible to establish the chronological markers for cultural and chronological intervals of the Middle Paleolithic and include the evidence from the Darvagchay geoarchaeological area into the cultural evolution of Neanderthal populations.

Keywords: *Caucasus, Middle Paleolithic, Levallois knapping system, methods of dating.*

Изучение процесса формирования человека современного типа – одна из фундаментальных проблем современной археологии палеолита. Поэтому исследование археологических памятников среднего палеолита позволяет установить предпосылки последующих трансформаций гоминин в сторону дальнейшей эволюции рода *Homo*. Одним из регионов, на территории которого расположена большая группа среднепалеолитических объектов, является Северо-Восточный Кавказ, а точнее район Геджухского водохранилища Приморского Дагестана [Рыбалко, Кандыба, 2016, 2019].

В 2019 г. были продолжены исследования стратифицированных памятников Дарвагчай-залив-1 и Дарвагчай-залив-4 с целью увеличения количества эмпирического материала и отбора образцов грунта для OSL-датирования.

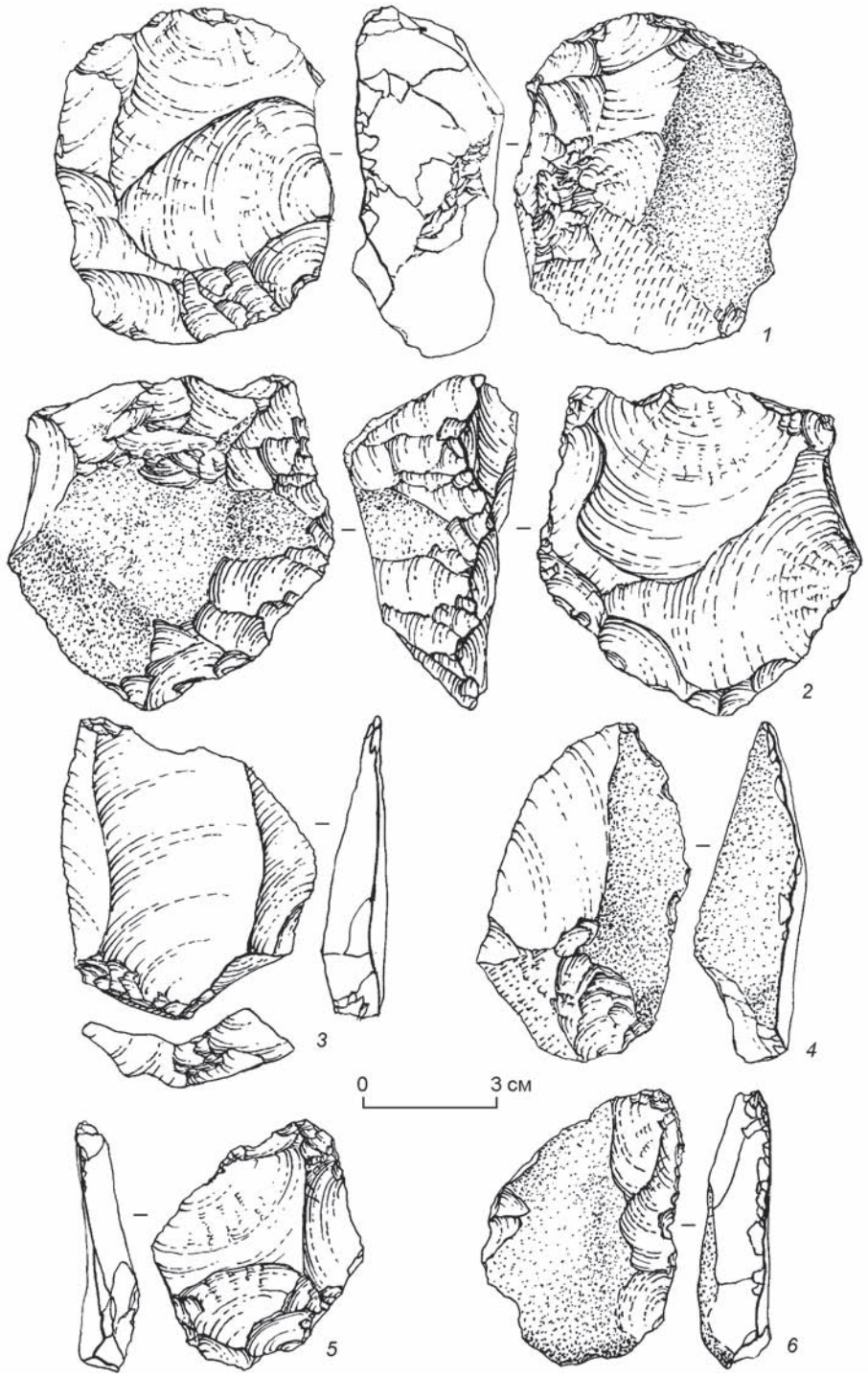
Среднепалеолитический комплекс Дарвагчай-залив-1 впервые был исследован в 2009 г. в ходе разведочных археологических изысканий Кавказского палеолитического отряда ИАЭТ СО РАН, во время обследования береговых обнажений и отмелей небольшого залива на правом берегу Геджухского водохранилища [Деревянко и др., 2009, 2012]. Наибольшее внимание в ходе последующих полевых исследований 2010–2014 гг. было уделено раскопу № 2, общая площадь которого по результатам раскопок составила 87 м^2, заложенному в верхней части террасы. Генезис рыхлых отложений связан с эоловой и биогенной деятельностью, а сама субаэральная толща была разделена на пять литологических подразделений [Рыбалко, 2014]. Археологические материалы были связаны со слоем 3 (палеопочва). В текущем году основной целью полевых работы был отбор образцов грунта для получения абсолютных датировок, поэтому раскопки на данном участке ограничились созданием шурфа площадью 2 м^2, примыкающего к ранее исследованной площади раскопа № 2 [Рыбалко, Кандыба, 2014]. В ходе раскопок был получен дополнительный археологический материал из слоя 3.

Каменная индустрия слоя 3 раскопа 2 насчитывает 14 предметов, в т.ч. крупный фрагментированный отбойник. В коллекции присутствует всего один леваллуазский нуклеус овальной формы (см. *рисунок*, *2*). Скошенная ударная площадка подготовлена серией мелких снятий. Фронт скалывания сохраняет негатив целевого «отраженного» снятия. Латерали и основание приострены серией мелких снятий как со стороны фронта скалывания, так и со стороны контрфронта. Плоский контрфронт сохраняет естественную поверхность.

Индустрия сколов насчитывает 12 предметов, из них один обломок средних размеров. Два крупных отщепа частично сохраняют естественную поверхность на дорсале и обладают гладкими ударными площадками (см. *рисунок*, *4*). Отщепов средних размеров тоже два экземпляра с параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Остаточные ударные площадки неопределимы. Мелкие отщепы насчитывают семь предметов. Остаточные ударные площадки в четырех случаях гладкие, в остальных неопределимы. Огранка дорсала у четырех отщепов параллельная однонаправленная, у остальных неопределима.

Орудийный набор представлен одним острием, созданном на крупном отщепе (см. *рисунок*, *6*). Рабочий элемент (острие) создан постоянной дорсальной чешуйчатой слабомодифицирующей мелкофасеточной ретушью.

В целом полученный материал согласуется с ранее сделанными выводами о принадлежности данного комплекса к развитой поре среднего палеолита [Рыбалко, Кандыба, 2014, 2019]. Об этом свидетельствует типологический состав нуклевидных изделий (абсолютное доминирование отщепового варианта леваллуа) и орудийного набора, в котором наблюдается сочетание леваллуазских и мустьерских форм, очень большой процент выемчатых орудий и полное отсутствие изделий верхнепалеолитической группы. Примерный хронологический диапазон существования данной индустрии определяют ранее проведенные палеомагнитные исследо-

Каменные артефакты.

1, 2 – нуклеусы; *3, 4* – отщепы; *5* – отщеп с ретушью; *6* – острие.

вания погребенной почвы (слой 3 раскопа 2), позволившие установить разброс остатков направлений остаточной намагниченности, на основании чего был сделан о принадлежности палеопочвы к периоду Брюнес, вероятнее всего, к эпизоду Блейк (120–110 тыс. л.н.) [Рыбалко, Кандыба, 2019].

Дополнительно была сделана зачистка в месте расположения раскопа № 3 памятника Дарвагчай-залив-1, где ранее были найдены материалы среднепалеолитического комплекса, залегавшие на распаханной поверхности террасы. Впоследствии был обнаружен участок на мысовидном выступе верхней части террасы, где подобные археологические материалы залегали в стратифицированном положении [Рыбалко, Кандыба, 2012, 2013; Кандыба, Рыбалко, 2017].

Каменная индустрия подъемного материала в районе расположения раскопа № 3 насчитывает 15 предметов, из них 7 нуклеусов. В нуклевидном наборе преобладает леваллуазская система расщепления. Все ядрища являются истощенными и демонстрируют финальную стадию расщепления. Первый крупный предмет овальной формы с подготовленной фасетированной ударной площадкой обладает выпуклым фронтом скалывания с негативами центростремительных укороченных сколов. Три крупных предмета объединяет наличие выпуклой фасетированной ударной площадки и негатива последнего целевого снятия на плоском фронте скалывания. Следующий крупный предмет прямоугольной формы, помимо оформленной ударной площадки, имеет уплощенные короткими снятиями латераль и основание, с которых проводились центростремительные снятия с плоскости фронта скалывания. Последний леваллуазский нуклеус средних размеров оформлен так же, как и первые три, но отличается непреднамеренной фрагментацией тела ядрища, повлекшей удаление одной из латералей. Контрфронт во всех случаях сохраняет естественную поверхность.

Последний нуклеус овальной формы относится к простой параллельной системе расщепления. Сильно скошенная ударная площадка образована одним снятием. Негативы многочисленных параллельных снятий среднего размера на поверхности фронта скалывания заканчиваются заломами.

Индустрия сколов насчитывает девять предметов. Отщепов в индустрии семь экземпляров, все целые и среднего размера. Остаточные ударные площадки гладкие, лишь в одном случае фасетированная. Огранка дорсала в трех случаях параллельная однонаправленная, в одном случае радиальная, в остальных неопределимая. В индустрии присутствует обломок средних размеров и продольно-краевой технический скол.

Орудийный набор насчитывает четыре орудия. Два орудия представляют собой отщепы с эпизодической ретушью. Нож выполнен на техническом сколе. Плоский обушок сохраняет естественную поверхность. Рабочее лезвие частично оформлено чередующейся мелкофасеточной чешуйчатой ретушью. Последним предметом орудийного набора является леваллуазский скол средних размеров.

Полученные данные 2019 г. полностью согласуются с ранее сделанным отнесением каменной индустрии к финальному среднему палеолиту с развитой леваллуазской техникой, отсутствием бифасиальных изделий (а в ранее полученных коллекциях отмечено присутствие орудий, сделанных на пластинчатых заготовках) [Рыбалко, Кандыба, 2016].

Основные полевые работы были сконцентрированы на памятнике Дарвагчай-залив-4. Здесь была сделана прирезка площадью 20 м^2 к раскопам предыдущих лет в юго-восточном направлении. Помимо исследований археологических слоев с каменными артефактами раннего палеолита (см. статью настоящего сборника), был получен дополнительный археологический материал из покровных субаэральных отложений, что дополнило уже имевшуюся коллекцию из слоя 2 памятника Дарвагчай-залив-4 [Кандыба, Рыбалко, 2017; Рыбалко, Кандыба, 2019].

Каменная индустрия слоя 2 памятника Дарвагчай-залив-4 насчитывает 52 предмета. Нуклевидный набор насчитывает 5 предметов, 4 леваллуазских нуклеуса и нуклевидный обломок. Первое ядрище демонстрирует начальную стадию расщепления. Один из краев овальной гальки оформлен как выпуклая фасетированная ударная площадка, с которой были проведены несколько конвергентно сходящихся снятий средних размеров. Три предмета находятся на финальной стадии расщепления. Ударные площадки фасетированы у двух нуклеусов, у одного она сохраняет естественную поверхность. Плоский фронт скалывания сохраняет негатив целевого снятия. Латерали и основания оформлены мелкими сколами на плоскости фронта. Контрфронт во всех случаях сохраняет естественную поверхность (см. *рисунок*, *1*).

Индустрия сколов насчитывает 47 предметов, из них 8 обломков. В индустрии имеются крупный реберчатый технический скол и целая пластина средних размеров с гладкой остаточной ударной площадкой и параллельной однонаправленной огранкой дорсала. Пластинчатый отщеп обладает неопределимой остаточной площадкой и параллельной огранкой дорсала. Два крупных первичных отщепа сохраняют естественные ударные площадки. Отщепы насчитывают 34 предмета, из которых 13 мелких, 17 средних и 4 крупных снятий. Крупные отщепы в половине случаев имеют фасетированные ударные площадки (см. *рисунок*, *3*), в половине – гладкие. Огранка дорсала в двух случаях неопределима, в остальных конвергентная. Отщепы средних размеров в двух случаях имеют естественную остаточную ударную площадку, столько же фасетированную, у четырех предметов площадка гладкая, у трех точечная, в остальных неопределимая. Огранка дорсала в большинстве случаев параллельная однонаправленная, лишь в одном радиальная. Остаточные ударные площадки у мелких снятий в пяти случаях гладкие, по одному естественная, точечная и фасетированная, в остальных неопределимая. Огранка дорсала на большинстве сколов парал-

лельная однонаправленная, на одном радиальная, на остальных неопределимая.

Орудийный набор насчитывает четыре предмета, из которых три леваллуазских скола (см. *рисунок, 3*), из них один с дополнительной вторичной обработкой в дистальной части (см. *рисунок, 5*), и отщеп с ретушью.

Таким образом, первичное расщепление данной каменной индустрии демонстрирует явное преобладание леваллуазской системы скалывания. Нуклеусы использовались преимущественно для снятия массивных, укороченных отщепов крупных и средних размеров. Пластинчатые заготовки представлены единичными экземплярами. Ударные площадки в основном гладкие и фасетированные. В орудийном наборе представлены среднепалеолитические формы орудий.

Ближайшим наиболее сходным по технико-типологическим характеристикам объектом является среднепалеолитический археологический комплекс из погребенной почвы памятника Дарвагчай-залив-1 (раскоп 2), для которого характерна развитая леваллуазская система расщепления, направленная на получение отщепов [Рыбалко, Кандыба, 2019]. С учетом гипсометрических отметок рельефа, стратиграфии и данных палеомагнитного анализа хронологический диапазон существования этого культурного комплекса определяется началом верхнего плейстоцена, стадия 5e кислородно-изотопной шкалы (130 000–110 000 л.н.). В то же время предварительные результаты OSL-датирования рыхлых отложений, в которых содержатся среднепалеолитические материалы памятника Дарвагчай-залив-4, могут определить хронологический интервал существования данной индустрии 120–110 тыс. л.н. (данные в печати).

Проведенные в 2019 г. полевые исследования дополнили уже имеющуюся информацию о среднем палеолите Геджухского водохранилища [Рыбалко, Кандыба, 2016, 2019; Кандыба, Рыбалко, 2017]. Исходя из имеющихся данных, можно заключить, что, несмотря на значительное количество известных среднепалеолитических памятников на Кавказе и большое технико-типологическое разнообразие внутри их групп, прямых аналогий среди них со среднепалеолитическими материалами Дарвагчайского геоархеологического района в настоящее время проследить не представляется возможным. Это может быть связано как с неполной представленностью дагестанских индустрий, состоящих из немногочисленных материалов, так и с имевшимся в то время культурным разнообразием, не исключающим возможность существования на данной территории оригинальной среднепалеолитической культуры. Кроме того, можно предполагать длительный период существования древних популяций на территории Приморского Дагестана – от начального до финального этапа среднего палеолита.

Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта НИР «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии» (№ 0329-2019-0002).

Список литературы

Деревянко А.П., Зенин В.Н., Рыбалко А.Г., Анойкин А.А. Археологические материалы финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 (по материалам подъемных сборов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. XV. – С. 96–101.

Деревянко А.П., Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив 1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII . – С. 68–74.

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Каменная индустрия среднего палеолита местонахождения Дарвагчай-залив-4 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 125–127.

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследование финала среднего палеолита стоянки Дарвагчай-залив-1 в 2012 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. XVIII. – С. 139–141.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 139–144.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Полевые исследования памятника Дарвагчай-залив-1 в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 76–79.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Каменная индустрия финала среднего палеолита с местонахождения Дарвагчай-залив-1 (Юго-Восточный Дагестан): новые данные //

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 156–158.

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования среднего палеолита Западного Прикаспия // Гуманитарные науки в Сибири. – 2019. – Т. 26, № 2. – С. 5–10.

References

Derevianko A.P., Zenin V.N., Rybalko A.G., Anoikin A.A. Arkheologicheskie materialy finala srednego paleolita stoyanki Darvagchai-zaliv-1 (po materialam pod"emnykh sborov). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. XV, pp. 96–101 (in Russ.).

Derevianko A.P., Rybalko A.G., Kandyba A.V. Polevye issledovaniya pamyatnika Darvagchai-zaliv-1 v 2012 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XIIIV, pp. 68–74 (in Russ.).

Kandyba A.V., Rybalko A.G. Middle Paleolithic Stone Industry from the Darvagchai-Zaliv-4 Site (South Eastern Dagestan): the New Data. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 125–127 (in Russ.).

Rybalko A.G. Geochronological Study of Darvagchai-Bay-1 Site in the Republic of Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 73–76 (in Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Issledovanie finala srednego paleolita stoyanki Darvagchai-zaliv-1 v 2012 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. XVIII, pp. 139–141 (in Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Polevye issledovaniya pamyatnika Darvagchai-zaliv-1 v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 139–144 (in Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Field Research of Paleolithic Darvagchai-Bay-1 Site in the 2014. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 76–79 (in Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Final Middle Paleolithic Stone Industry from the Darvagchai-Zaliv-1 Site (South Eastern Dagestan): The New Data. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 156–158 (in Russ.).

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Middle Palaeolithic Investigations in the Western Precaspian Region (on Materials of Darvagchai-Zaliv-1 Site). *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2019, vol. 26, No. 2, pp. 5–10 (in Russ.). DOI: 10.15372/HSS20190201.

Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.129-134
УДК 903.2

А.М. Клементьев[1], А.М. Хаценович[2], Е.П. Рыбин[2], Д. Базаргур[3], Д.В. Марченко[2, 4], С.А. Когай[1, 5], Б. Гунчинсурэн[3], Дж.У. Олсен[2, 6]

[1]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[5]Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
[6]Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: klem-al@yandex.ru

Новые данные по палеофауне позднего плейстоцена Монголии (по материалам памятника Мойлтын ам)

Одной из главных проблем в реконструкции условий окружающей среды, в которых обитал древний человек в позднем плейстоцене на территории современной Монголии, является скудность фаунистических остатков на археологических памятниках. Фауна обеспечивает археологическое исследование такими данными, как тип древнего ландшафта, объекты охоты, образцы для радиоуглеродного датирования. Раскопки 2019 г. на памятнике Мойлтын ам дали небольшую фаунистическую коллекцию, которая пополнила данные, полученные по другим стоянкам древнего человека, известным на этой территории. Полученные данные свидетельствуют о том, что на территории Хангая в позднем плейстоцене господствовал степной ландшафт с характерными для него видами млекопитающих, многие из которых исчезли в голоцене. Важным открытием является относительная видовая однородность объектов охоты, известных для Северной и Центральной Монголии. На первое место в стратегии ресурсообеспечения выдвигается лошадь, именно она (вместе с куланом) была предпочитаемым видом для охоты древнего человека. За последние годы возросло число находок на памятниках позднего плейстоцена, относимым к МИС 3 представителей рода Bovidae. *Находки сурка-тарбагана могут носить случайный характер: представители этого вида и сейчас обитают в долине р. Орхон, но они также могли являться объектом охоты, хотя следов разделки на их костях не обнаружено. Фаунистический ассамбляж долины р. Орхон важен с точки зрения понимания расселения териофауны, особенно лошадей, поскольку географически здесь проходит коридор с открытыми степными ландшафтами, ведущий в Гоби.*

Ключевые слова: *Центральная Монголия, поздний плейстоцен, палеолит, Мойлтын ам, палеонтология, палеофауна.*

Alexei M. Klementiev[1], Arina M. Khatsenovich[2], Evgeny P. Rybin[2], Dashzeveg Bazargur[3], Daria V. Marchenko[2, 4], Sergei A. Kogai[1, 5], Bunchinsuren Gunchinsuren[3], John W. Olsen[2, 6]

[1]Institute of the Earth's Crust SB RAS,
Irkutsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[3]Institute of Archaeology MAS,
Ulaanbaatar, Mongolia

[4]*Novosibirsk State University,*
Novosibirsk, Russia
[5]*Irkutsk State University,*
Irkutsk, Russia
[6]*School of Anthropology of University of Arizona,*
Tucson, USA
E-mail: klem-al@yandex.ru

New Evidence on Late Pleistocene Paleofauna of Mongolia (Materials from the Moiltyn-Am Site)

One of the main problems in reconstructing the paleoenvironment of human habitation in the Late Pleistocene in Mongolia is the scarcity of faunal remains found at archaeological sites. Faunal finds furnish archaeological research with data such as the type of paleolandscape, species of hunting animals, and samples for radiocarbon dating. Excavation works of 2019 yielded small faunal collection which enriched the data already known from other Paleolithic sites in Mongolia, indicating that steppe was predominant in the Khangai Mountains in the Late Pleistocene with typical mammals for this type of landscape, many of which became extinct in the Holocene. An important discovery was a relative homogeneity of the hunting species known in Northern and Central Mongolia. Horses (together with onagers) became the main hunting species in the strategy of food acquiring. Recently, the number of faunal finds identified as belonging to the Bovidae family of the MIS 3 has increased at the sites of the Late Pleistocene in Mongolia. The remains of the Tarbagan marmot from Moiltyn-am can be described as accidental findings, since this animal still inhabits the valley of the Orkhon River. However, Tarbagan marmots could have been the hunting species as well, although the traces of butchering have not been observed on their bones. The faunal assemblage of the Orkhon valley is important for understanding the spread of the teriofauna, especially horses, because geographically this territory had a passage with open steppe landscapes leading to the Gobi.

Keywords: *Central Mongolia, Late Pleistocene, Paleolithic, Moiltyn-am, paleontology, paleofauna.*

В 2019 г. на местонахождении Мойлтын ам были возобновлены археологические работы. Помимо каменного инвентаря были найдены палеонтологические образцы. Количество определимых экземпляров невелико. Наиболее представительны останки сурка-тарбагана, встреченные в 5 и 6 уровнях. Кости и резцы этого крупного грызуна хорошо сохранились, что позволило произвести измерения. Данный вид является обычным представителем позднеплейстоценовой фауны бассейна Селенги [Хензыхенова, 2010]. Из крупных копытных найдены останки крупного быка и лошади. Фрагмент плечевой кости быка несет морфологические признаки, соответствующие роду *Bos* [Бибикова, 1958; Balkwill, Cumbaa, 1992] (см. *рисунок*, *1*). Достоверная видовая атрибуция экземпляра затруднена в силу отсутствия находок ископаемых скелетов байкальского яка, обитавшего в бассейне Селенги в позднем плейстоцене [Верещагин, 1954]. Фрагмент лопаточной кости отнесен нами к некрупному представителю семейства лошадиных (см. *рисунок*, *2*). На территории Монголии существовало, вероятно, перекрытие ареалов дикой плейстоценовой лошади, лошади Пржевальского и кулана. Поэтому достоверная диагностика экземпляра затруднена. В связи с находками к северо-западу [Пластеева и др., 2019; Plasteeva et al., 2015] и к востоку [Yuan et al., 2019] от Монголии представителей *Equus ovodovi*, нами не исключается присутствие также и этого вида в горно-котловинных ландшафтах Хангая. По размерам лопаточная кость несколько больше таковых кулана, известных с юга Сибири. До верификации альтернативными методами этот экземпляр отнесен к *Equus* sp. Обнаружен также единственный мелкий фрагмент скорлупы яйца страуса. Отсутствие полных костей скелетов копытных животных, наличие суставных фрагментов, многочисленные неопределимые фрагменты из 2 и 3 слоев интерпретируются как «кухонные остатки» охоты и трапез древнего человека. Интересные выводы можно сделать на основании типа сохранности костного вещества. Хорошо отличаются между собой фрагменты костей из второго–третьего и пятого–шестого уровней. Во втором и третьем – костное вещество бледно-желтого цвета, поверхность сильно изъедена кавернами зоогенного и хемогенного происхождения. В пятом и шестом уровнях кости плотные, хорошей сохранности, окрашены в темные тона, до серо-черного оттенка. Из пятого уровня позвонок сурка также темного цвета, а неопределимый фрагмент кости окрашен в темно-желтый цвет с черными разводами окислов марганца. В первом уровне единственный колотый фрагмент фаланги копытного животного коричневого цвета обладает довольно плотной структурой.

Останки крупных копытных животных, найденные на памятнике Мойлтын ам.

1 – фрагмент плечевой кости быка *Bos* (горизонт 2); *2* – фрагмент лопаточной кости *Equus* sp. (горизонт 5).

Ранее были опубликованы некоторые палеонтологические данные для позднечетвертичных отложений долины Орхона [Окладников, Троицкий, 1967]. Что касается непосредственно Мойлтын ама, довольно хорошо известного памятника доистории долины Орхона [Абрамова, 1994; Bertran et al., 2003], сведения о найденной фауне были скудными и отрывочными, частично не введены в научный оборот.

В связи с находками палеофаунистических остатков на Мойлтын аме и других позднепалеолитических объектах Монголии, возник вопрос выделения в составе Центрально-Азиатского фаунистического комплекса локальных фаунистических группировок и их корреляции с фаунами прилегающих территорий. Для позднего плейстоцена Монголии долгое время были известны лишь изолированные/локальные места находок отдельных видов [Дашзэвэг, 1962; Динесман и др., 1989; Поздний кайнозой…, 1989; Дуброво, 2001]. В последние десятилетия интенсивных археологических работ видовые списки фауны заметно пополнилась, благодаря раскопкам стоянок палеолитического человека. Наиболее богатый палеофаунистический список определен для пещеры Цаган Агуй. Здесь обнаружены остатки 15 видов [Барышников, 1998; Оводов, 2001]. Полный список видового состава для Орхонских объектов [Деревянко и др., 2010] все еще требует анализа.

К западу от Монголии, на Русском Алтае, пожалуй, самое богатое представительство ископаемой фауны позднего плейстоцена среди окружающих территорий. Из различных пещерных и открытых объектов были определены виды центральноазиатского и европейско-сибирского фаунистических комплексов [Природная среда…, 2003; Васильев и др., 2017]. Непосредственно к северу от Монголии, в Тувинской республике (Тоджинская впадина), преимущественно для финала плейстоцена были найдены костные остатки *Bos primigenius, Cervus elaphus, Mammuthus primigenius, Bison priscus longicornis, Coelodonta antiquitatis, Rangifer tarandus, Equus caballus, Alces alces* [Гросвальд, 1965; Лавров, Забелин, 2007].

Восточнее, в Тункинской котловине, комплексное изучение геологических разрезов [Shchetnikov et al., 2015] и археологических объектов [Бурова, Никулина, 2017; Kozyrev et al., 2014] позволило выделить местные варианты палеотериофаун позднеплейстоценового возраста. Для этих фаун центральноазиатские виды занимают почти половину видового спектра.

В Забайкалье, в бассейне Селенги, позднепалеолитическая фауна разнообразна, представлена в геологических разрезах и археологических объектах [Калмыков, 2003; Кобылкин, 2007; Клементьев, 2011; Vasiliev, Rybin, 2009]. Наиболее многочисленными являются ископаемые лошади, горные бараны, дзерены, шерстистые носороги, реже находят кулана, верблюда, байкальского яка, корсака. В целом для Забайкалья археозоологические коллекции характеризуются доминированием степных форм млекопитающих (Толбага, Барун-Алан-1, Варварина Гора, Подзвонкая, Хотык, Санный Мыс).

В Ордосе (КНР) на стоянках Шуйдунгоу, Сьяраоссогол, Чжиюй и других [Абрамова, 1994; Фу Жэньи, 2002; Boule et al., 1928] определены ко-

сти шерстистого носорога, лошади Пржевальского, кулана, верблюда Кноблоха, кабана, благородного оленя, косули, пятнистого оленя, ордосского большерогого оленя, первобытного быка, буйвола, горного барана, газелей (*Procapra picticaudata przewalskii, Gazella subgutturosa*), винторогой антилопы, а также кости двух видов слонов (*Mammuthus* и *Palaeoloxodon*). В численном отношении особенно обильны останки кулана (Шуйдунгоу, Чжиюй), газели (Сьяраоссогол), лошади Пржевальского (Чжиюй), носорога (Сяонаньхай).

Таким образом, окружающие территории показывают явное сходство териоассоциаций в позднем плейстоцене с долиной Орхона. Для подробной характеристики орхонской палеофауны и ее хронологических вариантов необходимо привлекать материалы археологических объектов. Следовательно, требуются дальнейшие тщательные исследования Мойлтын ама для получения комплексных, в т.ч. палеонтологических, данных, привязанных к различным хроностратиграфическим горизонтам.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-78-10112).

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолит Северного Китая // Палеолит Центральной и Восточной Азии. – М.: Наука, 1994. – С. 61–135.

Барышников Г.Ф. О предварительном определении ископаемого костного материала из пещер Монголии. Прил. 1 // Археологические исследования Российско-монгольско-американской экспедиции в Монголии в 1986 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – С. 309–310.

Бибикова В.И. О некоторых отличительных чертах в костях конечностей зубра и тура // Бюл. МОИП. Отд. биол. – 1958. – Т. XIII, № 6. –С. 23–26.

Бурова В.В., Никулина Е.Д. Палеофауна позднего плейстоцена Прибайкалья (на примере местонахождения Туяна) // Материалы X Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода (г. Москва, 25–29 сентября 2017 г.). – М.: Геос. 2017. – С. 68–69.

Васильев С.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Остатки мегафауны из восточной галереи Денисовой пещеры и вопросы реконструкции природной среды Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 60–64.

Верещагин Н.К. Байкальский як (*Poephagus baikalensis* N. Ver. sp. nova Mammalia) из плейстоценовой фауны Восточной Сибири. – ДАН СССР. – 1954. – Т. 99, № 3. – С. 455–458.

Гросвальд М.Г. Развитие рельефа Саяно-Тувинского нагорья. – М.: Наука, 1965. – 165 с.

Дашзэвэг Д. Первая находка мамонта в Монголии // Природа. – 1962. – № 8. – С. 118.

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Дуброво И.А. Ископаемые слоны Монголии // Мамонт и его окружение: 200 лет изучения. – М.: Геос, 2001. – С. 145–156.

Калмыков Н.П. Палеогеография и эволюция биоценотического покрова в бассейне озера Байкал. – Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 2003. – 240 с.

Клементьев А.М. Ландшафты бассейна реки Уды (Забайкалье) в позднем неоплейстоцене (по фауне крупных млекопитающих): автореф. … канд. геогр. наук. – Иркутск, 2011. – 18 с.

Кобылкин Д.В. Динамика геосистем Селенгинского среднегорья в поздненеоплейстоценовое время: автореф. … канд. геогр. наук. – Улан-Удэ, 2007. – 22 с.

Лавров А.В., Забелин В.И. Первобытный тур (Bos primigenius, Bovidae) в раннем голоцене республики Тывы // Фундаментальные проблемы квартера: мат-лы V Всерос. совещ. по изучению четвертичного периода. – М.: ГЕОС, 2007. – С. 208–209.

Оводов Н.Д. Плейстоценовая фауна пещеры Цаган-Агуй (МНР) // Природные условия, история и культура Западной Монголии и сопредельных регионов. – Томск, 2001. – С. 146–147.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Фу Женьи. Четвертичная фауна млекопитающих плейстоцена Дунбэя (КНР) и ее специфика // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 1 (9). – С. 6–15.

Хензыхенова Ф.И. Сурок из местонахождений позднего плейстоцена–голоцена Байкальского региона // Прошлое, настоящее и будущее сурков Евразии и экологические аспекты расселения сурков в Байкальском регионе: тез. докл. X междунар. совещ. по суркам стран СНГ. – Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2010. – С. 61.

Balkwill D.M.S., Cumbaa L.A. Guide to the Identification of Postcranial Bones of *Bos taurus* and *Bison bison*. – Ottawa: Canadian Museum of Nature, 1992. – 272 p.

Bertran P., Fontugne M., Jaubert J. Permafrost aggradation followed by brutal degradation during the Upper

Pleniglacial in Mongolia: The probable response to the H2 Heinrich event at 21 kyr BP // Permafrost Periglac. Process. – 2003. – N 14. – P. 1–9. – DOI: 10.1002/ppp.435.

Boule M., Breuil H., Licent E., Teilhard de Chardin P. Le Paleolithique de la Chine // Arch. Inst. Pal. Humaine. Mem. 4. – Paris, 1928. – P. 1–102.

Kozyrev A., Shchetnikov A., Klement'ev A., Filinov I., Fedorenko A., White D. The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 348. – P. 4–13. – DOI: 10.1016/j.quaint.2014.06.012.

Plasteeva N.A., **Vasiliev S.K., Kosintsev P.A.** *Equus* (*Sussemionus*) *ovodovi* Eisenmann et Vasiliev, 2011 from the Late Pleistocene of Western Siberia // Russian J. of Theriology. – 2015. – Vol. 14. – P. 187–200.

Shchetnikov A.A., Klementiev A.M., Filinov I.A., Semeney E.Y. Large mammals from the Upper Neopleistocene reference sections in the Tunka rift valley, southwestern Baikal Region // Stratigraphy and Geological Correlation. – 2015. – N 23. – P. 214–236.

Vasiliev S.G., Rybin E.P. Tolbaga: upper Paleolithic settlement patters in the Transbaikal region // Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia. – 2009. – N 37. – P. 13–34.

Yuan J.-X., Hou X.-D., Barlow A., Preick M., Taron U.H., Alberti F., Basler N., Deng T., Lai X.-L., Hofreiter M., Sheng G.-L. Molecular identification of late and terminal Pleistocene Equus ovodovi from northeastern China // PLoSONE. – 2019. – N 14 (5). – URL: https://doi.org/10.1371/journal.pone.0216883.

References

Abramova Z.A. Paleolit Severnogo Kitaya. In *Paleolit Tsentral'noi i Vostochnoi Azii*. Moscow: Nauka, 1994, pp. 61–135 (in Russ.).

Balkwill D.M.S., Cumbaa L.A. Guide to the Identification of Postcranial Bones of Bos taurus and Bison bison. Ottawa: Canadian Museum of Nature, 1992, 272 p.

Baryshnikov G.F. O predvaritel'nom opredelenii iskopaemogo kostnogo materiala iz peshcher Mongolii. Prilozhenie 1. In *Arkheologicheskie issledovaniya Rossiisko-mongol'sko-amerikanskoi ekspeditsii v Mongolii v 1986 g.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, pp. 309–310 (in Russ.).

Bertran P., Fontugne M., Jaubert J. Permafrost aggradation followed by brutal degradation during the Upper Pleniglacial in Mongolia: The probable response to the H2 Heinrich event at 21 kyr BP. *Permafrost Periglac. Process*, 2003, No. 14, pp. 1–9. DOI: 10.1002/ppp.435.

Boule M., Breuil H., Licent E., Teilhard de Chardin P. Le Paleolithique de la Chine. In *Arch. Inst. Pal. Humaine. Mem*. 4. Paris, 1928, pp. 1–102.

Burova V.V., Nikulina E.D. Paleofauna pozdnego pleistotsena Pribaikal'ya (na primere mestonakhozhdeniya Tuyana). In *Materialy X Vserossiiskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda (Moscow, 25–29 sentyabrya 2017 g.)*. Moscow: Geos, 2017, pp. 68–69 (in Russ.).

Dashzeveg D. Pervaya nakhodka mamonta v Mongolii. *Priroda*, No. 8, 1962, pp. 118 (in Russ.).

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolithic of Orkhon. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 384 p. (in Russ.).

Dubrovo I.A. Iskopaemye slony Mongolii. In *Mamont i ego okruzhenie: 200 let izucheniya*. Moscow: Geos, 2001, pp. 145–156 (in Russ.).

Fu Zhen'i. The Quaternary Mammal Fauna of the Pleistocene Dongbei (PRC) and its Specificity. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2002, No. 1 (9), pp. 6–15.

Grosval'd M.G. Razvitie rel'efa Sayano-Tuvinskogo nagor'ya. Moscow: Nauka, 1965, 165 p. (in Russ.).

Kalmykov N.P. Paleogeografiya i evolyutsiya biotseno-ticheskogo pokrova v basseine ozera Baikal. Rostov-on-Don: Rostov Univ. Press, 2003, 240 p. (in Russ.).

Khenzykhenova F.I. Surok iz mestonakhozhdenii pozdnego pleistotsena-golotsena Baikal'skogo regiona. In *Proshloe, nastoyashchee i budushchee surkov Evrazii i ekologicheskie aspekty rasseleniya surkov v Baikal'skom regione: tezisy dokladov X mezhdunarodnogo soveshchaniya po surkam stran SNG*. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center Publ., 2010, p. 61 (in Russ.).

Klement'ev A.M. Landshafty basseina reki Udy (Zabaikal'e) v pozdnem neopleistotsene (po faune krupnykh mlekopitayushchikh): cand. sc. (geography) dissertation abstract. Irkutsk, 2011, 18 p. (in Russ.).

Kobylkin D.V. Dinamika geosistem Selenginskogo srednegor'ya v pozdneneopleistotsenovoe vremya: cand. sc. (geography) dissertation abstract. Ulan-Ude, 2007, 22 p. (in Russ.).

Kozyrev A., Shchetnikov A., Klement'ev A., Filinov I., Fedorenko A., White D. The early Upper Palaeolithic of the Tunka rift valley, Lake Baikal region, Siberia. *Quaternary International*, 2014, iss. 348, pp. 4–13. DOI: 10.1016/j.quaint.2014.06.012.

Lavrov A.V., Zabelin V.I. Pervobytnyi tur (Bos primigenius, Bovidae) v rannem golotsene respubliki Tyvy. In *Fundamental'nye problemy kvartera: materialy V Vserossiiskogo soveshchaniya po izucheniyu chetvertichnogo perioda*. Moscow: GEOS, 2007, pp. 208–209 (in Russ.).

Ovodov N.D. Pleistotsenovaya fauna peshchery Tsagan-Agui (MNR). In *Prirodnye usloviya, istoriya i kul'tura Zapadnoi Mongolii i sopredel'nykh regionov.* Tomsk, 2001, pp. 146–147 (in Russ.).

Plasteeva N.A., Vasiliev S.K., Kosintsev P.A. Equus (Sussemionus) ovodovi Eisenmann et Vasiliev, 2011 from the Late Pleistocene of Western Siberia. *Russian J. of Theriology*, 2015, iss. 14, pp. 187–200.

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan,

G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ul'yanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Shchetnikov A.A., Klementiev A.M., Filinov I.A., Semeney E.Y. Large mammals from the Upper Neopleistocene reference sections in the Tunka rift valley, southwestern Baikal Region. *Stratigraphy and Geological Correlation*, 2015, No. 23, pp. 214–236.

Vasiliev S.G., Rybin E.P. Tolbaga: upper Paleolithic settlement patters in the Transbaikal region. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 37, pp. 13–34.

Vasil'ev S.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. The remains of megafauna from the eastern gallery of Denisova Cave and the reconstruction of the natural environment of the Northwest Altai in the Pleistocene. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 60–64 (in Russ.).

Vereshchagin N.K. Baikal'skii yak (*Poephagus baikalensis* N. Ver. sp. nova Mammalia) iz pleistotsenovoi fauny Vostochnoi Sibiri. *DAS USSR*, 1954, vol. 99, No. 3, pp. 337–488 (in Russ.).

Yuan J.-X., Hou X.-D., Barlow A., Preick M., Taron U.H., Alberti F., Basler N., Deng T., Lai X.-L., Hofreiter M., Sheng G.-L. Molecular identification of late and terminal Pleistocene Equus ovodovi from northeastern China. *PLoSONE*, 2019, No. 14 (5), https://doi.org/10.1371/journal.pone.0216883.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Олсен Дж. У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.135-142
УДК 902.22

К.А. Колобова[1], М.Т. Крайцаж[2], М. Крайцаж[3], А.В. Шалагина[1], В.П. Чабай[4], Н.Я. Березина[5], А.Г. Рыбалко[1], П.В. Чистяков[1], А.С. Колясникова[6], А.В. Гашенко[6], М.В. Селецкий[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологических наук ПАН
Варшава, Польша
[3]Университет Николая Коперника
Торунь, Польша
[4]Институт археологии НАН Украины
Киев, Украина
[5]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[6]Новосибирский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Новосибирск, Россия
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2019 года

В статье представлены результаты полевых исследований Чагырской пещеры, ключевого памятника сибирячихинской фации среднего палеолита Алтая, в 2019 г. Пещера расположена в Северо-Западном Алтае, в долине р. Чарыш. В прошедшем полевом сезоне основными направлениями работ было геологическое изучение стратиграфии стоянки, исследование собранной палеонтологической коллекции в рамках зооархеологического подхода, а также технико-типологический анализ археологических материалов из среднепалеолитических комплексов пещеры. Геологические исследования показали, что полученные стратиграфические профили содержат семь основных подразделений голоценового и плейстоценового возраста. Важной характеристикой полученного разреза является наличие отдельных линз слоя 6с/2, который отсутствовал в разрезе 2018 г. Также на изученном участке был впервые зафиксирован в инситном положении участок слоя 6а, из которого происходит основная археологическая коллекция 2019 г. По своим технико-типологическим показателям собранная археологическая коллекция аналогична палеолитическим комплексам других подразделений слоя 6. Индустрия характеризуется значительной долей орудий по отношению к продуктам первичного расщепления. В орудийном наборе широко представлены различные формы односторонних скребел и ретушированных остроконечников, тронкированно-фасетированные изделия и двусторонние скребла и острия. Предварительно данный комплекс был определен как новый эпизод заселения стоянки, отличный от периода, представленного в слое 6с/2. Согласно проведенным зооархеологическим исследованиям, на изученном участке фиксируется высокая активность гиен, которые использовали пещеру в качестве своего логова. Данный факт может свидетельствовать о том, что в разные сезоны пещера попеременно заселялась человеком и хищниками. Учитывая, что в слое 6с/2 фиксируется минимальная активность хищников, а на изученном участке слоя 6а – максимальная, можно говорить о постепенном снижении интенсивности заселения Чагырской пещеры человеком по сравнению с основным культурным слоем.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, средний палеолит, сибирячихинский вариант, Чагырская пещера, археозоология, каменная индустрия.*

Kseniya A. Kolobova[1], Maciej T. Krajcarz[2], Magdalena Krajcarz[3], Alena V. Shalagina[1], Victor P. Chabai[4], Natalia Ya. Berezina[5], Andrey G. Rybalko[1], Pavel V. Chistyakov[1], Anastasiya S. Kolyasnikova[6], Andrey V. Gashenko[6], Maxim V. Seletskiy[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS, Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Geological Sciences PAS, Warsaw, Poland
[3]Nicolaus Copernicus University, Torun, Poland
[4]Institute of Archaeology NAS Ukraine, Kiev, Ukraine
[5]Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
[6]Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia
E-mail: kolobovak@yandex.ru

Investigation of the Middle Paleolithic Complexes in Chagyrskaya Cave in the Field Season of 2019

The article presents the results of field research in Chagyrskaya Cave – the key site of the Sibiryachikha variant of the Altai Middle Paleolithic – conducted in 2019. The cave is located in the Charysh River valley in northwestern Altai. In the field season of 2019, research was focused on geological study of stratigraphy at the site, examination of paleontological complex following the zoo-archaeological approach, as well as technical and typological analysis of lithic assemblage from the Middle Paleolithic layer. The geological studies have shown that stratigraphic profiles consisted of seven main subdivisions of the Holocene and Pleistocene. An important feature of the stratigraphic sequence was the presence of lenses in layer 6c/2 which was absent in the section explored in the field season of 2018. A part of layer 6a, from which the main archaeological collection of 2019 originated, was first found in situ in the excavation area. In terms of its technical and typological features, lithic assemblage from layer 6a was similar to assemblages from other subunits of layer 6. The industry manifests a significant share of tools compared to objects of primary reduction. The toolkit includes unifacial side-scrapers, retouched points, truncated and faceted tools, as well as bifacial side-scrapers and points. Preliminarily, this complex was identified as a new habitation episode at the site, different from the event revealed by layer 6c/2. According to zoo-archaeological analysis, the area under study shows high activity of hyenas which used the cave as their den. This fact may indicate that the cave was inhabited alternately by humans and predators in different seasons of the year. Taking into account that the minimum activity of carnivores was observed in layer 6c/2, while their maximum activity was found in layer 6a, it is possible to suggest a gradual decrease in the intensity of human habitation in Chagyrskaya Cave in comparison with the main cultural layer.

Keywords: *Northwestern Altai, Middle Paleolithic, Sibiryachikha variant, Chagyrskaya Cave, archeozoology, lithic assemblage.*

Исследование среднего палеолита Алтая в последние годы приносит множество новых антропологических, палеонтологических и археологических открытий. Мультидисциплинарное изучение памятников привело к тому, что процесс накопления материалов переходит на качественно новую стадию, когда актуальными становятся проблемы, связанные со стратегиями утилизации древними сообществами естественных ресурсов, их популяционная динамика и жизнеобеспечение в определенных палеоэкологических условиях и т.д. В связи с этим исследование Чагырской пещеры, ключевого памятника сибирячихинской линии развития, наиболее актуально, поскольку позволяет изучать материальную культуру поздних неандертальцев.

Целью предлагаемой статьи является освещение результатов полевых исследований Чагырской пещеры в 2019 г. Пещера расположена в среднегорном районе Северо-Западного Алтая и приурочена к левому борту долины р. Чарыш, дренирующей отроги северного склона Тигирекского хребта. Абсолютный уровень реки вблизи карстовой полости составляет 334,3 м. Пещера имеет северную экспозицию и располагается на высоте 19 м над уровнем Чарыша, своей приустьевой частью она выходит на вертикальную поверхность уступа фрагмента цокольной террасы высотой 50–60 м, сложенного

серыми, массивными, нижнесилурийскими известняками чагырской свиты. Пещера состоит из двух залов общей площадью ок. 130 м^2.

В течение полевого сезона 2019 г. было продолжено исследование рыхлых отложений Чагырской пещеры на квадратах К–Л/13–14. В результате работ было получено три стратиграфических профиля, содержащих отложения голоценового и плейстоценового возраста. Геологические исследования текущего сезона включали выявление литологического и стратиграфического состава отложений. Полученные стратиграфические профили (рис. 1, 2) в раскопе 2019 г. аналогичны профилю, описанному в полевом сезоне 2018 г. Наиболее важным отличием является наличие слоя 6с/2, сохранившегося в виде потревоженных линз вблизи стены пещеры.

Слой 2 – разноцветная, преимущественно коричневатая, супесь с большим количеством окатанных галек известняка и экзотических пород. В слое наблюдаются многочисленные тонкие прослои золы, древесного угля и обожженных суглинков черного, красного, желтого и белого цветов.

Слой 3 – серый суглинистый песок с многочисленными закругленными гальками известняка и экзотических пород.

Слой 3* – подразделение слоя 3 со слоистой структурой и комплексной литологией, содержит многочисленные мелкие фрагменты угля. Это подразделение, вероятно, представляет собой наполнитель ямы антропогенного происхождения.

Слой 5 – желтовато-коричневый алеврит с грубыми обломками известняка и многочисленными окатанными гальками известняка и других пород. Эти отложения состоят из нескольких подразделений с одинаковой литологией, но, возможно, с различной хронологией. Каждое из подразделений заполняет эрозионные структуры, напоминающие U-образные каналы. Вероятнее всего, эти отложения представляют собой ряд коллювиальных потоков по типу селей, последовавших вслед за интенсивными эрозионными явлениями. Нижние границы различных составляющих слоя эрозионные и волнистые.

Слой 5* – типичная фация слоя 5, расположенная между подразделениями 5** и 5***.

Слой 5** – фация слоя 5, расположенная в его верхней части, с многочисленными прослойками, богатыми органическим веществом (антропогенного происхождения?).

Слой 5*** – фация слоя 5 с корродированными известняковыми обломками, копролитами и многочисленными окатанными гальками. Оттенок цвета более серый по сравнению с типичными фациями. Толщина слоя достигает 60 см.

Слой 6а – светло-коричневый алеврит с угловатыми обломками известняка и большим количеством окатанных галек известняка и других пород,

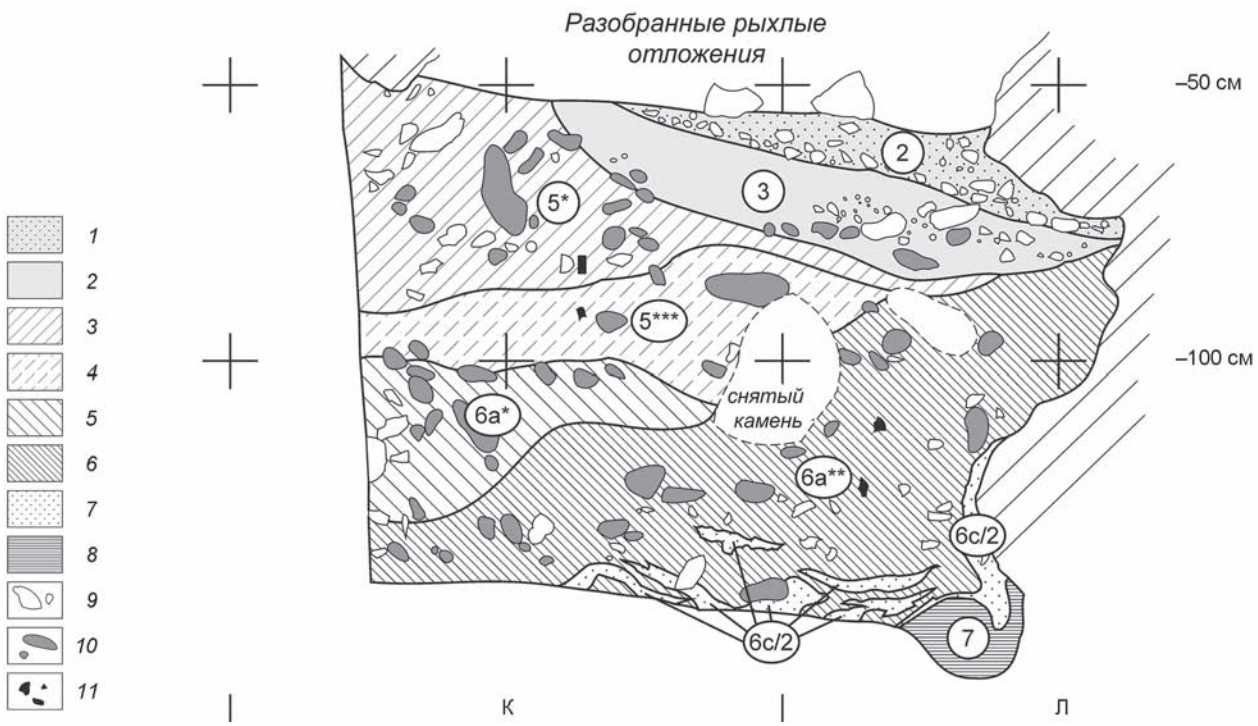

Рис 1. Стратиграфический разрез по линии «14».

1 – слой 2; *2* – слой 3; *3* – слой 5*; *4* – слой 5***; *5* – слой 6а*; *6* – слой 6а**; *7* – слой 6с/2; *8* – слой 7; *9* – обломки известняка; *10* – окатанные речные гальки; *11* – кости и копролиты.

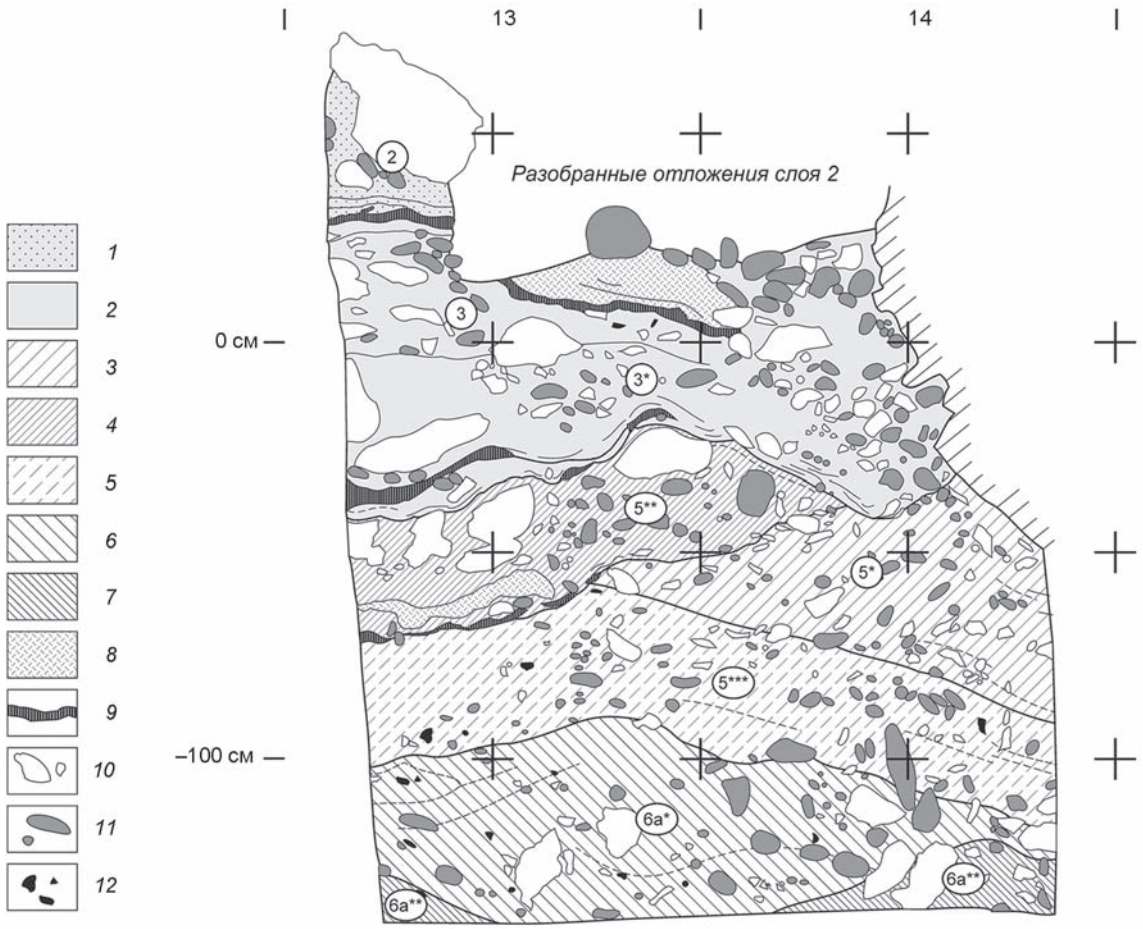

Рис 2. Стратиграфический разрез по линии «К».

1 – слой 2; *2* – слой 3 и 3*; *3* – слой 5*; *4* – слой 5**; *5* – слой 5***; *6* – слой 6а*; *7* – слой 6а**; *8* – зола; *9* – угольки; *10* – обломки известняка; *11* – окатанные речные гальки; *12* – кости и копролиты.

с многочисленными копролитами и фрагментами костей. По сравнению со слоем 5 в заполнителе данного стратиграфического подразделения больше глинистой составляющей.

Слой 6а* – фация слоя 6а, более глинистая по сравнению с основным заполнителем. Толщина подслоя достигает 50 см. Нижняя граница вогнутая и, возможно, отражает эрозионный процесс и последующий за ним коллювиальный поток.

Слой 6а** – фация слоя 6а сероватого цвета, со значительной алевритовой составляющей, с угловатыми обломками известняка и более многочисленными, чем в других подразделениях слоя 6а, копролитами. Толщина подслоя достигает 60 см. Это может быть инситный слой, потревоженный эрозионным процессом, предшествующим накоплению слоя 6а*, а также эрозионным процессом, предшествующим накоплению слоя 5. Нижняя часть, похоже, нарушена постдепозиционными процессами, которые привели к смешению со слоем 6с/2 и образовали локальную суб-вертикальную ориентацию, возможно, в результате криотурбаций.

Слой 6с/2 – коричневый алевритовый суглинок с мелкими окатанными гальками, фрагментами костей, артефактами и редкими обломками известняка. Слой представлен в виде комплекса тонких линз толщиной до 5 см, переслаивающимися с отложениями нижней части слоя 6а**. Слой был обнаружен недалеко от стены пещеры, только на площади квадрата Л-14.

Слой 7 – красно-коричневый тяжелый суглинок, с мелкими химически-корродированными обломками известняка и окатанными гальками. Этот слой располагается на дне пещеры. Он был обнаружен на ограниченной площади в квадрате Л-14, ниже слоя 6с/2.

В полевом сезоне 2019 г. значительное внимание было уделено палеонтологической коллекции, которая была исследована в рамках зооархеологического подхода. Основу данного исследования составил палеонтологический комплекс из слоя 6а, состоящий из 1090 экз. костей. Изученные костные остатки были получены в процессе раскопок с участка площадью 4 м^2. Согласно принятому методическо-

му подходу, для костных остатков определялись части скелетов и виды животных, когда это было возможно. В результате чего для каждого таксона было подсчитано количество определимых костей (NISP) и минимальное количество особей (MNI) в соответствии с методикой Р. Лаймана [Lyman, 1994, 2008]. Таксономический состав комплекса крупных млекопитающих представлен в табл. 1. Следующим этапом исследования стал тафономический анализ, целью которого было определение генезиса скопления костей, а также характеристик пред- и постседиментационных модификаций на костях. Эти исследования были ограничены костями животных, обнаруженными в процессе раскопок, и не включали образцы из промывки рыхлых отложений.

Зооархеологические исследования показали, что в фаунистической коллекции, полученной в ходе раскопок слоя 6а в 2019 г., доминируют неопределимые фрагменты костей и зубов. Все идентифицированные виды были описаны при анализе палеонтологических материалов Чагырской пещеры [Междисциплинарные исследования…, 2018]. Среди таксономически определимых палеонтологических материалов больше всего представлены кости и зубы травоядных (см. табл. 1). Останки хищников немногочисленны, всего 18,7 % от количества идентифицированных образцов (NISP). Среди определимых костей хищников пещерная гиена составляет 3 % от общего количества (учитывая всех травоядных и хищников, NISP). Количество других хищных видов (волк и лиса) составляет 6,5 %. *Ovis ammon* и *Siberian ibex* являются наиболее распространенными травоядными животными (с учетом значений индексов NISP и MNI), затем следуют лошадь и степной бизон. Довольно многочисленные останки мамонта представлены в основном небольшими фрагментами моляров и бивней. Очень интересными находками являются два полностью сохранившихся моляра молодого мамонта. Оба зуба несут следы кислотного воздействия – результата пищеварительных процессов хищников.

Проанализированный комплекс характеризуется сильной фрагментацией костей (более 90 %). Распределение костей по длине показывает, что более 90 % фрагментов меньше 4 см (рис. 3). Постдепозиционные повреждения костных фрагментов слабые, поэтому председиментационные тафономические характеристики хорошо распознаваемы. Кислотное воздействие в результате переваривания хищниками является основным тафономическим фактором изменения поверхностей изучаемых образцов в исследуемом комплексе, как в случае костей, так и в случае зубов. Для переваренных костей типичны тонкие края, неравномерная, негладкая поверхность, появившаяся вследствие растворения, и отверстия, образованные желудочной кислотой. С учетом определимых и неопределимых костей доля переваренных фрагментов составляет 90 % (980 экз. из 1090). Высокий процент следов пищеварительной коррозии может быть причиной низкой частоты фиксации следов других видов активности плотоядных животных, таких как следы погрызов.

По аналогии с данными по современным логовам гиен [Sutcliffe, 1970; Cruz-Uribe, 1991] переваренные кости и кости из погадок являются одним из наиболее характерных признаков определения активности плейстоценовой пещерной гиены. Пропорции содержания костей гиен в пещерах сильно

Таблица 1. **Видовой состав определимых костных остатков из слоя 6а Чагырской пещеры (раскопки 2019 г.)**

Таксоны	Кол-во определимых костей (NISP), экз.	Минимальное кол-во особей (MNI), экз.	% NSIP	% MNI
Mammuthus primigenius	19	1	1,7	5,6
Coelodonta antiquitatis	2	1	0,2	5,6
Equus sp.	16	1	1,5	5,6
Ovis ammon	13	5	1,2	27,8
Bison priscus	11	1	1,0	5,6
Capra sibirica	4	3	0,4	16,7
Capra/Ovis	51	1	4,7	5,6
Artiodactyl unidentified	3	1	0,3	5,6
Ungulate unidentified	76	–	7,0	–
Crocuta crocuta	6	3	0,6	16,7
Canis lupus	4	1	0,4	5,6
Vulpes sp.	4	2	0,4	11,1
Carnivoran unidentified	6	1	0,6	5,6
Large mammal unidentified	875	–	80,3	–
Всего	1090	18	100,00	100,00

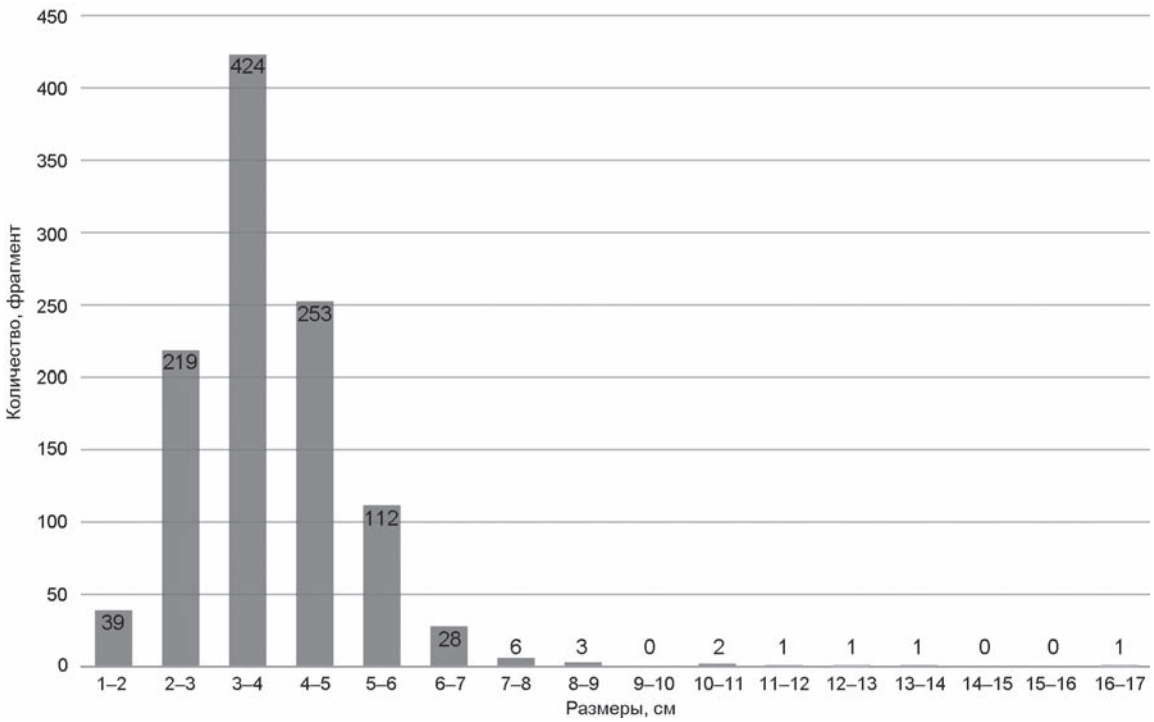

Рис. 3. Распределение костяных фрагментов из слоя 6а Чагырской пещеры по длине.

варьируются [Fosse, 1997; Stiner, 1994]. Доля их костей, определенная в исследуемой коллекции, находится в диапазоне наиболее низких известных значений. Несмотря на небольшое количество остатков гиены, на основании высокого уровня тафономических модификаций, появившихся в результате активности пещерной гиены, а также наличия зубов молодых, взрослых и пожилых особей, можно сделать вывод, что данный участок пещеры являлся ее логовом. Щенки гиен обитали здесь одновременно с взрослыми и пожилыми особями.

Коллекция каменных артефактов, полученная в ходе полевых работ, немногочисленна – 1545 экз. (табл. 2). Данный комплекс был исследован в рамках технико-типологического метода с применением атрибутивного подхода [Междисциплинарные исследования..., 2018; Колобова, 2006]. В комплексе преобладают отходы производства, составляющие 87,57 %. Индустрия характеризуется доминированием нуклеусного расщепления над бифасиальным. Представлена одна преформа нуклеуса (рис. 4, *3*), готовых ядрищ не было обнаружено. Технические сколы (57 экз.) относятся к радиальной и ортогональной редукционным последовательностям, среди них доминируют круто-латеральные краевые сколы и краевые сколы с радиальных нуклеусов. Первичное расщепление было направлено на получение отщепов, все пластины являются случайными/ситуационными продуктами расщепления. Отщепы обладают крупными, гладкими и прямо-фасетированными ударными площадками, среди огранок дорсальной поверхности доминируют параллельные однонаправленные, радиальные и ортогональные. Орудийный набор памятника многочисленный (рис. 4, *2*, *4–6*). В нем широко представлены различные варианты одинарных простых и конвергентных скребел, ретушированные остроконечники (рис. 4, *5*), тронкированно-фасетированные изделия (рис. 4, *4*). Кроме того, в коллекции представлено 5 экз. двусторонних орудий, среди которых фиксируется двустороннее простое скребло (рис. 4, *6*) и конвергентное скребло с естественным обушком (рис. 4, *2*). Присутствие двусторонней обработки на стоянке подтверждается наличием специфических сколов оформления двусторонних орудий (рис. 4, *1*).

Полученные в ходе работ текущего года результаты открывают новые перспективы в изучении Чагырской пещеры. Определение непотревоженного характера участка слоя 6а** позволяет со значительной степенью обоснованности сделать заключение об инситном характере каменной индустрии, обнаруженной в этом слое. Таким образом, мы имеем все основания предполагать, что исследуется новый эпизод заселения памятника, отличный от периода заселения памятника, представленного в слое 6с2. Новая каменная коллекция по своим технико-типологическим показателям аналогична каменным комплексам памятника из подразделений слоя 6. Ее относительная немногочисленность препятствует обнаружению отличий, связанных с типом памятника. В исследу-

Таблица 2. **Распределение каменных артефактов из слоя 6а Чагырской пещеры по категориям**

Типы артефактов	Кол-во, экз.	%	%, без учета отходов производства
Преформы	1	0,06	0,52
Отщепы	124	8,02	63,92
Пластины	7	0,45	3,61
Орудия	60	3,88	30,93
Неопределимые сколы	2	0,13	1,03
Чешуйки	1329	85,91	–
Обломки	24	1,55	–
Всего	1547	100,00	100,00

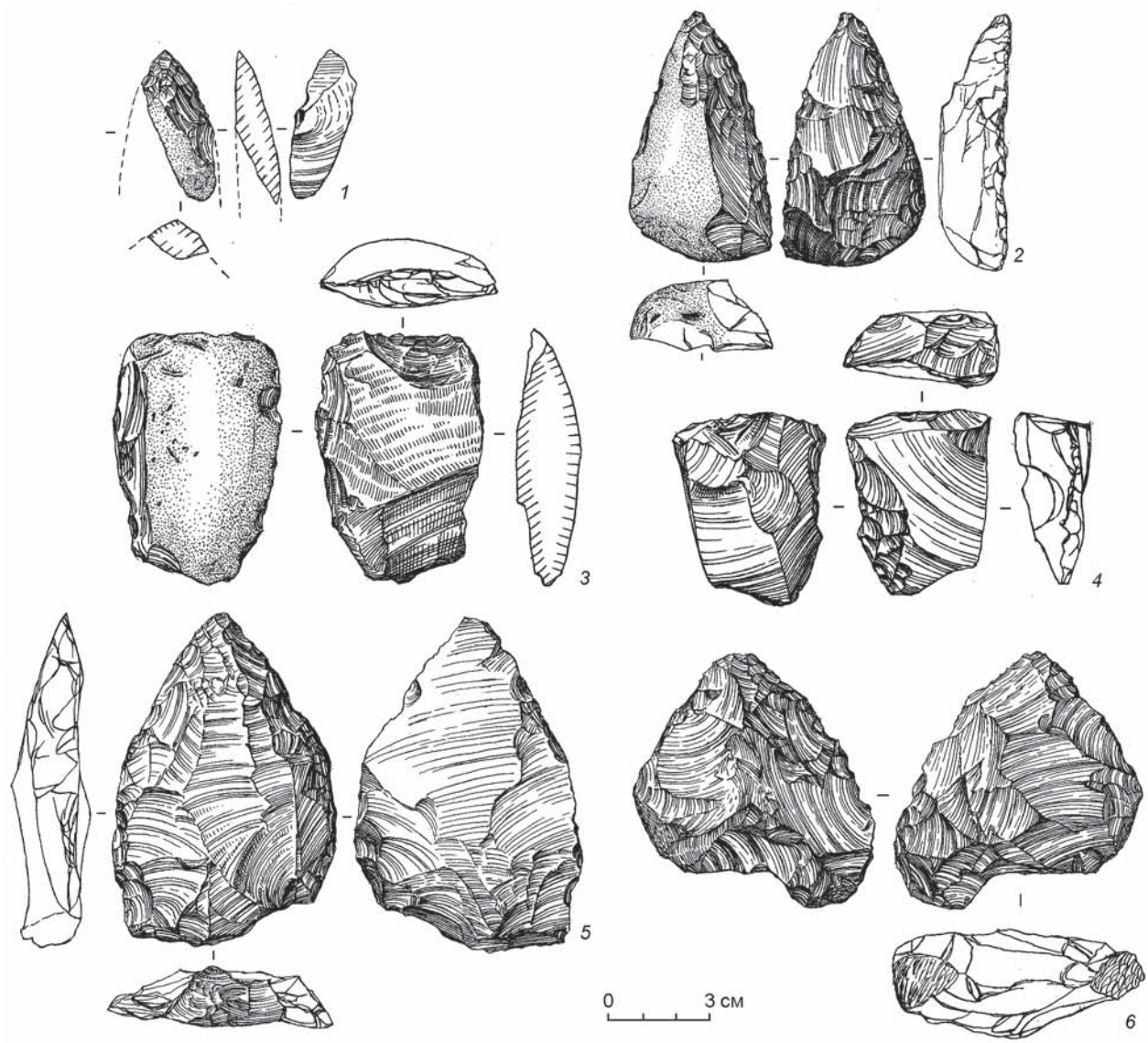

Рис. 4. Каменные артефакты из слоя 6а Чагырской пещеры. Раскопки 2019 г.

емом комплексе не было обнаружено костяных орудий, однако на это обстоятельство могла повлиять активность пещерных гиен.

По зооархеологическим данным, исследуемый участок слоя 6а определяется как логово гиены. Палеонтологические комплексы такого типа широко представлены в пещере Страшная [Васильев и др., 2016]. В связи с этим перед нами встает вопрос о сезонности обитания человека в комплексах пещеры и о возможной сезонной очередности заселения памятника человеком и хищниками, как это уже было зафиксировано для среднепалеолитических комплексов Денисовой

пещеры [Rendu et al., 2018]. Учитывая то обстоятельство, что в слое 6с/2 была зафиксирована минимальная активность хищников, а в слое 6а текущего года раскопок – максимальная, в совокупности с немногочисленной археологической коллекцией, возможно констатировать снижение интенсивности заселения памятника по сравнению с основным культурным слоем Чагырской пещеры.

Благодарности

Полевые исследования выполнены при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00041 «Освоение неандертальцами различных экологических ниш Горного Алтая в среднем палеолите», аналитическая часть работы проведена в рамках проекта Института археологии и этнографии СО РАН № 0329-2018-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Васильев С.К., Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Предварительные итоги исследования остатков мегафауны из отложений пещеры Страшная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 15–22.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Ли Бо. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Cruz-Uribe K. Distinguishing hyena from hominid bone accumulations // J. of Field Archaeol. – 1991. – Vol. 18, N 4. – P. 467–486.

Fosse P. Variabilité des assemblages osseux créés par les hyènes des cavernes // Paléo. – 1997. – N 9. – P. 15–54.

Lyman R.L. Vertebrate Taphonomy. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1994. – 524 p.

Lyman R.L. Quantitative Paleozoology. – N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2008. – 348 p.

Rendu W., Vasilyev S.K., Kozlikin M.B., Baumann M., Shunkov M.V. Predation at Denisova cave during the Middle Paleolithic: a story of men and beasts... // Abstracts of the 18th UISPP world congress. – P., 2018. – P. 2669–2670.

Stiner M.C. Honor among thieves. A zooarchaeological study of Neandertal ecology. – Princeton: Princeton Univ. Press, 1994. – 448 p.

Sutcliffe A.J. Spotted hyaena: Crusher, gnawer, digester and collector of bones // Nature. – 1970. – Vol. 227. – P. 1110–1113.

References

Cruz-Uribe K. Distinguishing hyena from hominid bone accumulations. *Journal of Field Archaeology*, 1991, vol. 18, N 4, pp. 467–486.

Fosse P. Variabilité des assemblages osseux créés par les hyènes des cavernes. *Paléo*, 1997, N 9, pp. 15–54.

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 135 p. (in Russ.).

Lyman R.L. Vertebrate Taphonomy. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 1994, 524 p.

Lyman R.L. Quantitative Paleozoology. N. Y.: Cambridge Univ. Press, 2008, 348 p.

Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai / A.P. Derevianko, S.V. Markin, K.A. Kolobova, V.P. Chabai, N.A. Rudaya, B. Viola, A.P. Buzhilova, M.B. Mednikova, S.K. Vasilev, V.S. Zykin, V.S. Zykina, V.S. Zazhigin, A.O. Volvakh, R.G. Roberts, Z. Jakobs, Li Bo. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (in Russ.).

Stiner M.C. Honor among thieves. A zooarchaeological study of Neandertal ecology. Princeton: Princeton Univ. Press, 1994, 448 p.

Sutcliffe A.J. Spotted hyaena: Crusher, gnawer, digester and collector of bones. *Nature*, 1970, vol. 227, pp. 1110–1113.

Rendu W., Vasilyev S.K., Kozlikin M.B., Baumann M., Shunkov M.V. Predation at Denisova cave during the Middle Paleolithic: a story of men and beasts... In *Abstracts of the 18th UISPP world congress*. P., 2018, pp. 2669–2670.

Vasiliev S.K., Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. Predvaritelnye itogi issledovaniya ostatkov megafauny iz otlozhenii peshchery Strashnaya (Severo-Zapadnyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 15–22 (in Russ.).

Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251
Крайцаж М.Т. https://orcid.org/0000-0002-1240-0664
Крайцаж М. https://orcid.org/0000-0003-3720-5926
Шалагина А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Чабай В.П. https://orcid.org/0000-0002-1066-3137
Березина Н.Я. https://orcid.org/0000-0001-5704-9153
Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0003-2214-821X
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738
Гашенко А.В. https://orcid.org/0000-0003-3564-5936
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.143-149
УДК 902/904

А.И. Кривошапкин[1], М.Т. Крайцаж[2], А.В. Шалагина[1], М. Крайцаж[3], В.М. Харевич[1], П.В. Чистяков[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт геологических наук ПАН
Варшава, Польша
[3]Университет Николая Коперника
Торунь, Польша
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Результаты исследования пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай) в 2019 году: новые данные о стратиграфии стоянки

В статье обсуждаются результаты полевых работ, проведенных в 2019 г. в пещере Страшной – одном из наиболее информативных объектов в изучении палеолита Алтая. Памятник расположен на юге Алтайского края, в долине р. Иня. Стоянка изучалась с 1969 г. несколькими группами исследователей; современный этап изучения был возобновлен в 2013 г. Памятник представляет собой многослойную стратифицированную стоянку, содержащую культурные отложения от среднего палеолита до Средневековья. В стратиграфическом разрезе пещеры выделяется 13 литологических подразделений. Слои 1, 2 относятся к периоду голоцена, остальные – к плейстоценовому времени; слои 11–13 стерильны в археологическом отношении. В последнем полевом сезоне исследовался стратиграфический контекст залегания среднепалеолитических комплексов пещеры в слоях 4–10. Для этого был зачищен и изучен стратиграфический разрез по линии «Е» в центральной части карстовой полости. Было составлено геологическое описание стратиграфических подразделений, а также отобраны образцы для основных литологических анализов. В составе разреза было выделено восемь слоев, содержащих археологический материал среднего палеолита, а также три стерильных в археологическом отношении слоя. Детальное изучение стратиграфии сопровождалось отбором образцов для датирования методом OSL. Проведенные исследования позволили составить единую схему осадконакопления в пещере, а также определить генезис основных стратиграфических подразделений. Литологические наблюдения, дополненные лабораторными исследованиями, позволят определить наименее потревоженные слои в пещере. OSL-датированием отобранных образцов возможно установить абсолютный возраст их формирования.

Ключевые слова: *Северо-Западный Алтай, пещера Страшная, палеолит, многослойный памятник, стратиграфия.*

Andrey I. Krivoshapkin[1], Maciej T. Krajcarz[2], Alena V. Shalagina[1], Magdalena Krajcarz[3], Vladimir M. Kharevich[1], Pavel V. Chistyakov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Geological Sciences PAS,
Warsaw, Poland
[3]Nicolaus Copernicus University,
Torun, Poland
E-mail: aliona.shalagina@yandex.ru

Field Research in Strashnaya Cave (Northwestern Altai) in 2019: New Data on the Stratigraphy

This article presents the results of field works carried out in Strashnaya cave in 2019. Strashnaya Cave is one of the most informative sites in the study of the Paleolithic in the Altai. The site is located in the southern part of the Russian

Altai, in the valley of the Inya River. Strashnaya cave has been studied since 1969 by several research teams; the current research stage was resumed in 2013. The cave is a multilayered stratified site containing cultural deposits from the Middle Paleolithic to the Middle Ages. There were 13 lithological layers in the stratigraphic section of the site. Layers 1 and 2 belonged to the Holocene; others layers belonged to the Pleistocene; layers 11–13 were archaeologically sterile. In the field season of 2019, studies were focused on the stratigraphic context of the Middle Paleolithic archaeological complexes in layers 4–10. For this purpose, the stratigraphic section along the "E" line in the central part of the cavern was cleared and studied. Geological description of stratigraphic subdivisions was prepared, and samples were taken for lithological analyses. Eight layers containing archaeological evidence from the Middle Paleolithic as well as three archaeologically sterile layers were identified in the section. The detailed study of stratigraphy was accompanied by sampling for dating by OSL-method. The studies have made it possible to compose a unified model of sedimentation in the cave, and determine the genesis of the main stratigraphic units. Lithological observations supplemented by detailed laboratory studies will make it possible to identify the least disturbed layers in the cave. OSL-dating of the selected samples will establish the absolute age of their formation.

Keywords: *Northwestern Altai, Strashnaya cave, Paleolithic, multilayered site, stratigraphy.*

Введение

На сегодняшний день в среднем палеолите Алтая установлен факт продолжительного сосуществования двух подвидов гоминин: денисовцев и неандертальцев [Slon et al., 2017; Динамика…, 2014]. При этом предполагается, что отдельные варианты среднего палеолита Алтая соотносятся с разными подвидами [Междисциплинарные исследования…, 2018]. Но в связи с тем, что антропологические остатки присутствуют далеко не на всех опорных стоянках среднего палеолита региона, вопрос о взаимосвязи материальной культуры с конкретным носителем остается открытым. В связи с этим особый интерес представляет исследование стратифицированных многослойных стоянок, культурные отложения которых напрямую не ассоциируются с конкретным антропологическим подвидом. Одной из таких многослойных стоянок является пещера Страшная, которая, судя по своему расположению, многочисленным палеонтологическим остаткам и относительно немногочисленной археологической коллекции, вероятнее всего, представляет собой кратковременную охотничью стоянку, которую могли посещать разные популяции гоминин.

Как археологический памятник пещера известна с 1966 г. после того, как томскими спелеологами на предвходовой площадке были обнаружены остатки культурного слоя. Начиная с 1969 г., памятник изучался несколькими группами исследователей в разные периоды [Окладников и др., 1973; Derevianko, Zenin, 1997; Зенин, Кандыба, 2006], с 2013 г. был возобновлен современный этап исследования стоянки [Кривошапкин и др., 2016; Анойкин и др., 2018]. Поскольку за время исследования стоянки был накоплен обширный археологический материал, требующий камеральной обработки, полноценные раскопочные работы здесь пока приостановлены. В 2019 г. была проведена зачистка имеющихся разрезов с целью уточнения стратиграфической последовательности и отбора образцов для абсолютного датирования. Результатам данных исследований посвящена настоящая статья.

Материалы и методы

Краткие сведения о памятнике. Пещера Страшная расположена в Северо-Западном Алтае, в бассейне р. Чарыш, в среднем течении р. Иня. Название памятника происходит от одноименного ручья, впадающего в реку вблизи пещеры. Стоянка расположена на высоте 30 м от уреза реки, ее абсолютная высота составляет 470 м над ур. м. Пещера имеет юго-восточную экспозицию. С юго-запада к пещере примыкает терраса высотой в пределах 18–25 м от уреза воды с обрывистым краем у реки, отделенная от пещеры скальным уступом. Терраса в основном покрыта травянистой растительностью с редкими кустарниками и деревьями (рис. 1).

Пещера Страшная представляет собой многослойный стратифицированный памятник, в котором было выделено 13 литологических подразделений [Зенин, Ульянов, 2007], содержащих культурные отложения от среднего палеолита до Средневековья. Результаты современного этапа исследований в совокупности с данными, полученными в ходе предшествующих работ, показывают, что в культурных отложениях стоянки выделяется несколько культурно-хронологических комплексов. Отложения слоев 1, 2 связаны с бронзовым веком и более поздними периодами заселения стоянки вплоть до этнографической современности [Кривошапкин, Зенин, Шалагина, 2014; Марковский и др., 2017]. В отложениях слоя 3 выделяется несколько самостоятельных литологических подразделений, которые содержат материалы, ассоциирующиеся с различными верхнепалеолитическими традициями региона [Кривошапкин, Зенин, Шалагина, 2014]. Слои 4–10 содержат среднепалеолитические материалы

[Кривошапкин и др., 2016]. Слои 11–13 стерильны в археологическом отношении и содержат отдельные артефакты, попавшие туда в результате биотурбаций [Зенин, Ульянов, 2007].

Среднепалеолитические комплексы пещеры традиционно относятся исследователями к денисовскому варианту среднего палеолита Алтая [Derevianko, Zenin 1997; Рыбин, Колобова, 2005–2009] (рис. 1, *Б*). При этом в ходе последнего этапа работ в отложениях слоев 4, 5 был обнаружен ряд предметов, которые по своему морфологическому облику могут быть отнесены к сибирячихинской фации среднего палеолита региона. Кроме того, почти все эти предметы выполнены из принесенного сырья, ближайший источник которого находится в русле р. Чарыш, где расположена Чагырская пещера [Деревянко и др., 2015].

Возраст культурных отложений стоянки определяется на основе имеющихся радиоуглеродных датировок. Для верхней пачки слоя 3 (3_1а) имеется дата 19 150 ± 80 л.н. (OxA-V-2359-19), для слоя 3_1б 43 650 ± 650 (OxA-15804) и 44 050 ± 700 (OxA-15805); для слоя 4_1 49 700 л.н. (OxA-30410). Для слоев 5–10 почти все даты за исключением одной имеют запредельные для метода значения [Там же].

В связи с необходимостью уточнения стратиграфии среднепалеолитических комплексов, а также определения возраста отложений стоянки, находящихся за пределами радиоуглеродного метода, в полевом сезоне 2019 г. был детально изучен разрез по линии «Е» (слои 4–10), вскрытый раскопами 2006, 2017, 2018 гг.

Методы исследования. Геологические работы, проведенные в рамках полевых исследований 2019 г., включали в себя наблюдения за литологической изменчивостью имеющегося разреза с последующим выделением стратиграфических единиц (слоев и подслоев), а также изучение характера границ между стратиграфическими единицами. Литологическая изменчивость оценивалась исходя из следующих параметров: наличие, размер, морфология и ориентация обломков известняка; размер зерен, формирующих отложения; консистенция отложений; цвет; наличие и ориентация структуры отложений. В тех случаях, где это было возможно, названия стратиграфических единиц давались в соответствии с системой нумерации, введенной во время предыдущих раскопок [Зенин, Ульянов, 2007].

В дополнение к описанию отложений были также взяты образцы для дальнейшего лабораторного изучения. Из каждого стратиграфического подразделения были отобраны образцы для основных литологических анализов (размер зерен мелкой фракции, содержание органических веществ, содержание карбонатов, химический состав). Из нескольких подразделений также были отобраны образцы для микроморфологического анализа, включая две пробы с участка, где в 2018 г. были обнаружены антропологические остатки [Анойкин и др., 2018]. Также отбор микроморфологических образцов проводился параллельно с отбо-

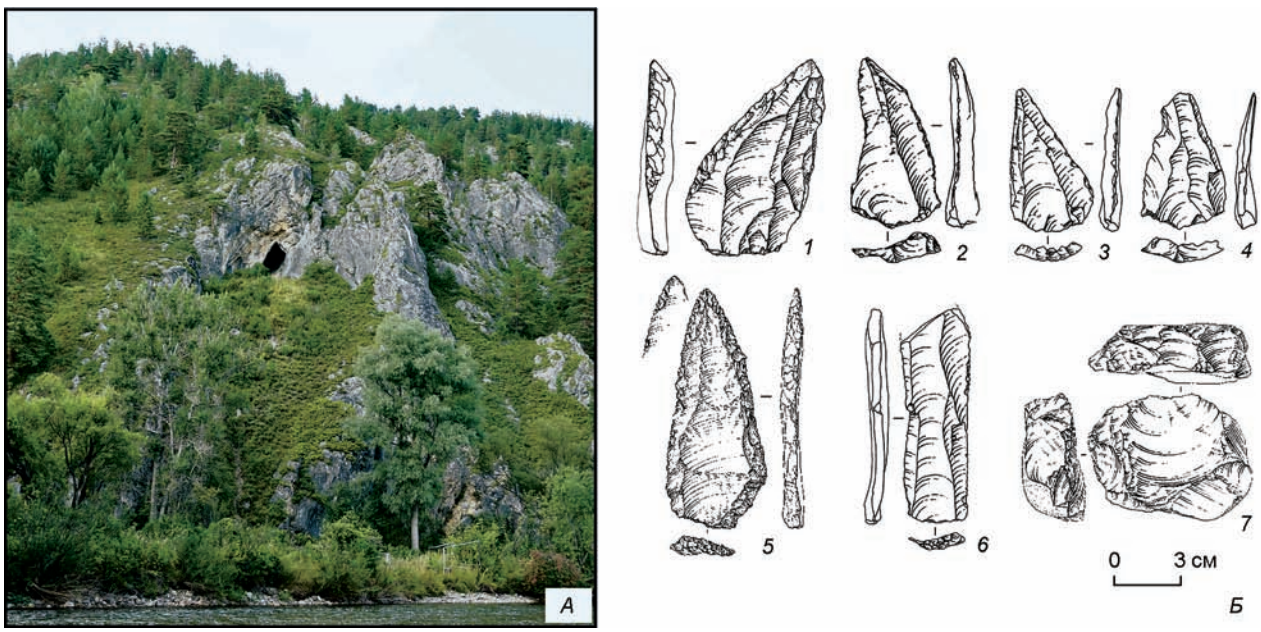

Рис. 1. Пещера Страшная.

А – вид на пещеру; *Б* – археологический материал из среднепалеолитических комплексов пещеры (рисунки Н.В. Вавилиной).
1 – скребло; *2–4* – леваллуазские острия; *5* – ретушированный остроконечник; *6* – пластина; *7* – нуклеус.

ром OSL-образцов группой специалистов во главе с Р.Б. Робертсом из Университета Вуллонгонга (Австралия), и каждый OSL-образец был взят вблизи от микроморфологического образца, чтобы повысить степень достоверности результатов OSL-датирования.

Результаты исследования: описание стратиграфического разреза

Слой 4 является самой верхней из стратиграфических единиц в разрезе, зачищенном в 2019 г. (рис. 2). Слой состоит из нескольких подслоев (самые большие из них – 4.1а, 4.1б и 4.2), которые образуют серию линз. Осадок представляет собой коричневый и темно-коричневый алеврит с многочисленными обломками известняка диаметром до 15 см. Обломки ориентированы субгоризонтально и параллельно нижним границам подслоя. Многочисленные эрозионные границы вписаны в серии линз. Линзовидная структура этих подразделений вместе с отчетливым наклоном указывают на формирование этого слоя в результате нескольких коллювиальных событий.

Слой 5 представляет собой желтовато-коричневый опесчаненный алеврит, состоящий из двух подслоев (5.1 и 5.2) с многочисленными угловатыми обломками известняка, диаметр которых в некоторых случаях достигает 30 см. Обломки ориентированы горизонтально или хаотично, и только вблизи крупной глыбы в северо-западной части разреза – вертикально. Вертикальная ориентация границы слоя и угловое несоответствие вместе с нарушением и локальным поднятием более древних слоев вблизи границы указывают на криотурбацию и наличие псевдоморфозы после морозобойной трещины, заполненной осадком слоя 5. Отсутствие аналогичных нарушений в слое 4 позволяет датировать развитие морозобойной трещины после накопления слоя 5 (подслой 5.1), но перед накоплением слоя 4 (подслой 4.2). Общая толщина этого слоя в непотревоженной части разреза составляет ок. 70 см. Также этот слой нарушен большой ямой биогенного происхождения, заполнение которой во время предыдущих полевых раскопок ошибочно рассматривалось как стратиграфическое подразделение.

Слой 5.3 литологически отличается от подслоев 5.1 и 5.2. Это серовато-коричневый алевритистый суглинок с мелкими обломками известняка. В верхней части слой содержит многочисленные фрагменты копролитов, которые служат отчетливым указателем стратиграфического горизонта. Ан-

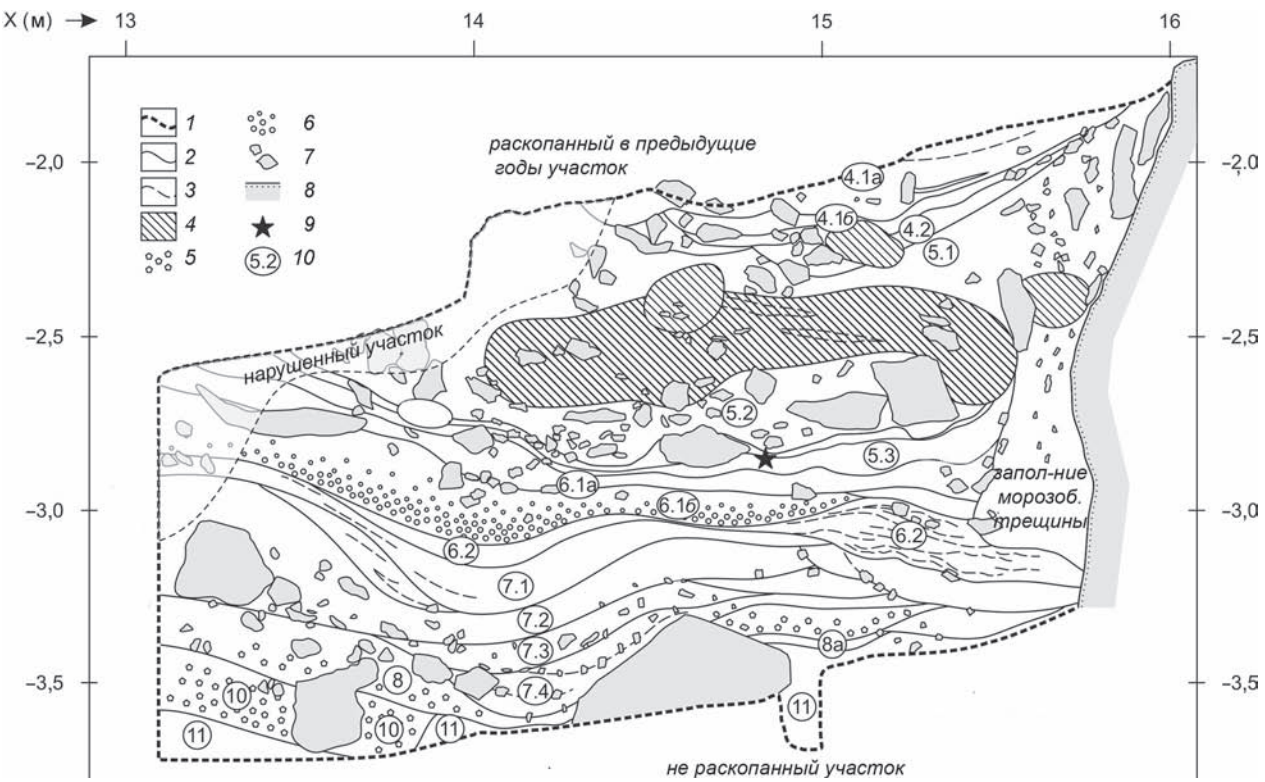

Рис. 2. Стратиграфический разрез по линии «Е» в центральной части пещеры Страшной.

1 – границы разреза, изученного в 2019 г.; *2* – границы слоев; *3* – слоистость отложений; *4* – кротовины; *5* – угловатые фрагменты глин; *6* – окатанные фрагменты глин; *7* – обломки известняка; *8* – известняковая глыба; *9* – местонахождение антропологической находки 2018 г.; *10* – нумерация слоев.

тропологическая находка 2018 г. происходит из этого слоя. Общая толщина слоя не превышает 15 см.

Слой 6.1 представлен алевритами и глинистыми суглинками от светло-коричневых до светло-коричневато-серых цветов. Этот слой содержит серые округлые обломки глины, которые имеют литологическое сходство со слоем 11. Это указывает на эрозию более древних отложений и интенсивное повторное осаждение материала в результате водного потока. Глинистые обломки почти отсутствуют в верхней части слоя (подслой 6.1а), и в многочисленном количестве встречаются в нижней части слоя (подслой 6.1б).

Слой 6.2 представляет собой сложное образование, состоящее из многочисленных тонких прослоек серовато-коричневого глинистого алеврита и желтовато-коричневого опесчаненного алеврита. Толщина отдельной прослойки составляет несколько миллиметров, а общая толщина слоя варьируется от 1–2 до 20 см. Этот слой документирует пик флювиальной активности в пещере и вместе со слоем 6.1 и нижними слоями (7–10) свидетельствует о влажном эпизоде в истории седиментации карстовой полости.

Слой 7 представлен коричневым и желтовато-коричневым алевритом и алевритистым суглинком с мелкими, единичными обломками известняка. Это сложная литологическая пачка, состоящая из многочисленных подразделений, самые большие из которых обозначены 7.1, 7.2, 7.3 и 7.4, но число подразделений больше и во время раскопок их трудно проследить из-за литологического сходства. Подразделения имеют форму линз с разрушенными нижними границами, непостоянной толщиной, попеременными наклонами и ограниченным пространственным распределением. Обломки известняка обычно сосредоточены в нижних частях линз и ориентированы параллельно их нижним границам. Эти характеристики подтверждают коллювиальное происхождение слоя и вместе с нарушениями, образованными небольшими промоинами и грязевыми оползнями, являются наиболее важными факторами осадконакопления. Максимальная толщина слоя достигает 50 см.

Слой 8 представляет собой желтовато-коричневый алевритистый суглинок, содержащий обломки выветренного известняка различных размеров, а также черные марганцевые конкреции. Слой сформирован линзами, аналогичными тем, что фиксируются в слое 7. Слой содержит многочисленные угловатые обломки серых глин, ориентированные в соответствии с остальной структурой отложений. Строение обломков глины напоминает материал слоя 11. Это указывает на разрушение более древних отложений и перемещение материала на короткие расстояния вследствие коллювиальной активности.

Слой 9 на данном участке зафиксирован не был.

Слой 10 аналогичен слою 8, но содержит больше обломков оскольчатых глин красного цвета.

Слой 11 представляет собой серые слоистые глины призматической текстуры. Он состоит из осадка, аналогичного материалу фрагментов глин, которые обнаружены в слоях 6.1, 8 и 10. В разрезе рядом с входом в пещеру слой содержит карбонатные конкреции размером до 10 см.

Слой 12 был изучен на ограниченном участке в разрезе рядом с входом в пещеру. Слой представлен коричневым алевритистым суглинком с угловатыми обломками известняка, копролитами и фрагментами оскольчатых глин. Обломки глины из данного слоя похожи на те, что были обнаружены в слоях 6.1, 8 и 10. Их наличие в данных отложениях указывает на то, что глины присутствовали в пещере до накопления слоя 12 и происходят из другого источника, нежели слой 11, который перекрывает слой 12.

Слой 13 также был изучен на ограниченном участке. Представляет собой лессовидный желтовато-коричневый алеврит.

Обсуждение результатов и выводы

В целом на сегодняшний день общая площадь изученных отложений в пещере Страшной составляет более 100 м^2. На половине площади вскрытые отложения пройдены до глубины слоев 10, 11. В центральной части пещеры на площади квадратов Б–Ж/16–17 был зачищен глыбовый горизонт, который покрывает предполагаемую поверхность слоя 6. Однако, как показали исследования 2017, 2018 гг., вероятнее всего, отложения нижележащих слоев в этой части пещеры отсутствуют, поскольку слой 11 поднимается на этом участке до уровня слоя 5. В связи с этим, а также из-за труднодоступности участка в центральной части пещеры, наиболее перспективной для дальнейшего изучения является юго-западная часть карстовой полости, в т.ч. участок, примыкающий к входу в галерею.

В результате полевых исследований 2019 г., в юго-западной стенке раскопов на квадратах Е/13–16 было выделено восемь основных литологических подразделений, содержащих культурные отложения среднего палеолита, также было изучено три стерильных в археологическом отношении слоя. Проведенные исследования позволили значительно дополнить имеющиеся представления о процессе формирования отложений в пещере и определить характер образования основных стратиграфических подразделений в ее

центральной части. Литологические наблюдения, дополненные лабораторными исследованиями, позволят определить наименее потревоженные слои в пещере. OSL-датированием отобранных образцов возможно установить абсолютный возраст их формирования.

Благодарности

Полевые исследования выполнены при финансовой поддержке гранта РФФИ № 18-09-00041 «Освоение неандертальцами различных экологических ниш Горного Алтая в среднем палеолите», аналитическая часть работы проведена в рамках проекта ИАЭТ СО РАН № 0329-2018-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Анойкин А.А., Шалагина А.В., Белоусова Н.Е., Марковский Г.И., Сердюк Н.В., Васильев С.К., Березина Н.Я., Кривошапкин А.И. Результаты полевых исследований среднепалеолитических комплексов пещеры Страшная в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 25–31.

Деревянко А.П., Кривошапкин А.И., Павленок К.К., Павленок Г.Д., Шнайдер С.В., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Поздние среднепалеолитические индустрии Горного Алтая: новый этап изучения пещеры Страшной // Теория и практика археологических исследований. – 2015. – № 2 (12). – С. 7–17. – DOI: 10.14258/tpai(2015)2(12).-01

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 3–16. – DOI: 10.1016/j.aeae.2015.11.003

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Динамика палеолитических индустрий в Африке и Евразии в позднем плейстоцене и проблема формирования *Homo sapiens*. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – 228 с.

Зенин А.Н., Кандыба А.В. Археологические исследования в пещере Страшная в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 141–145.

Зенин А.Н., Ульянов В.А. Стратиграфические исследования в пещере Страшная // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – Т. XIII. – С. 105–109.

Кривошапкин А.И., Зенин В.Н., Шалагина А.В. Результаты полевых исследований пещеры Страшная в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 54–56.

Кривошапкин А.И., Рудая Н.А., Сердюк Н.В., Васильев С.К., Шалагина А.В., Колобова К.А. Новый этап изучения пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай). Предварительные результаты исследований (по материалам слоев 1–5) // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 88–100.

Марковский Г.И., Белоусова Н.Е., Сердюк Н.В., Васильев С.К., Кривошапкин А.И. Исследование голоценовых отложений пещеры Страшной в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 345–348.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Бо Ли. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – 468 с.

Окладников А.П., Муратов В.М., Оводов Н.Д., Фриденберг Э.О. Пещера Страшная – новый памятник палеолита Алтая // Материалы по археологии Сибири и Дальнего Востока. – Новосибирск, 1973. – Ч. 2. – С. 3–54.

Рыбин Е.П., Колобова К.А. Средний палеолит Алтая: вариабельность и эволюция // Stratum plus. – 2005–2009. – № 1. – С. 33–78.

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition though the Example of the Altai Cave and Open air Site // Suyanggae and Her Neighbours. – Chungju, 1997. – P. 241–255.

Slon V., Hopfe Ch., Weiß C.L., Mafessoni F., Rasilla M., de la, Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewart J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., Lumley H., de, Perrenoud Ch., Gušić I., KućDQ 5 XGDQ $ L P X Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Meyer M. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments // Science. – 2017. – Vol. 356, N 6338. – P. 605–608. – DOI: 10.1126/science.aam9695

References

Anoikin A.A., Shalagina A.V., Belousova N.E., Markovsky G.I., Serdyuk N.V., Vasiliev S.K., Berezina N. Ya., Krivoshapkin A.I. Results of Field Works on Middle Paleolithic Complexes of Strashnaya Cave in 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of*

Siberia and Neighboring Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018. – Vol. XXIV, pp. 25–31 (in Russ.).

Derevyanko A.P., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Shnaider S.V., Zenin V.N., Shalagina A.V. Middle Paleolithic industries of the Altai Mountains: new stage of the Strashnaya Cave study. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2015, No. 2 (12), pp. 7–17 (in Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic raw material exploitation in the Sibiryachikha facies, the Middle Paleolithic of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, N 3, pp. 3–16. DOI: 10.1016/j.aeae.2015.11.003

Derevianko A.P., Zenin A.N. The Mousterian to Upper Paleolithic Transition though the Example of the Altai Cave and Open air Site. *Suyanggae and Her Neighbours*. Chungju, 1997, pp. 241–255.

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V. Dinamika paleoliticheskikh industrii v Afrike i Evrazii v pozdnem pleistotsene i problema formirovaniya *Homo sapiens*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, 228 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Rudaya N.A., Serdyuk N.V., Vasilyev S.K., Shalagina A.V., Kolobova K.A. New stage of Strashnaya cave's investigation (Northwestern Altai): preliminary results based on layers 1–5. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2016, No. 4 (16), pp. 88–100 (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Zenin V.N., Shalagina A.V. Rezul'taty polevykh issledovanii peshchery Strashnaya v 2014 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 54–56 (in Russ.).

Markovsky G.I., Belousova N.E., Serdyuk N.V., Vasilyev S.K., Krivoshapkin A.I. Research of the Holocene Deposits in Strashnaya Cave in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 345–348 (in Russ.).

Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai / A.P. Derevianko, S.V. Markin, K.A. Kolobova, V.P. Chabai, N.A. Rudaya, B. Viola, A.P. Buzhilova, M.B. Mednikova, S.K. Vasilev, V.S. Zykin, V.S. Zykina, V.S. Zazhigin, A.O. Volvakh, R.G. Roberts, Z. Jakobs, Bo Li. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Muratov V.M., Ovodov N.D., Fridenberg E.O. Peshchera Strashnaya – novyi pamyatnik paleolita Altaya. *Materialy po arkheologii Sibiri i Dal'nego Vostoka*. Novosibirsk, 1973, pt. 2, pp. 3–54 (in Russ.).

Rybin E.P., Kolobova K.A. Sredniy paleolit Altaya: Variabelnost i evolyutsiya. *Stratum plus*, 2005–2009, No. 1, pp. 33–78 (in Russ.).

Slon V., Hopfe Ch., Weiß C.L., Mafessoni F., Rasilla M., de la, Lalueza-Fox C., Rosas A., Soressi M., Knul M.V., Miller R., Stewart J.R., Derevianko A.P., Jacobs Z., Li B., Roberts R.G., Shunkov M.V., Lumley H., de, Perrenoud Ch., Gušić I., Kućan Ž., Rudan P., Aximu-Petri A., Essel E., Nagel S., Nickel B., Schmidt A., Kelso J., Burbano H.A., Pääbo S., Meyer M. Neandertal and Denisovan DNA from Pleistocene sediments. *Science*, 2017, vol. 356, No. 6338, pp. 605–608. DOI: 10.1126/science.aam9695

Zenin A.N., Kandyba A.V. Arkheologicheskie issledovaniya v peshchere Strashnaya v 2006 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. I, pp. 141–145 (in Russ.).

Zenin A.N., Ulyanov V.A. Stratigraficheskie issledovaniya v peshchere Strashnaya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, vol. XIII, pp. 105–109 (in Russ.).

Кривошапкин А.И. https://orcid.org/0000-0002-5327-3438
Крайцаж М.Т. https://orcid.org/0000-0002-1240-0664
Шалагина А.В. https://orcid.org/0000-0002-2267-2452
Крайцаж М. https://orcid.org/0000-0003-3720-5926
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Чистяков П.В. https://orcid.org/0000-0001-7036-7092

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.150-156
УДК 902.01

С.В. Маркин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Палеолитические комплексы сартанского времени Северо-Западного Алтая

В статье освещаются результаты исследований сартанских (аккемских) верхнепалеолитических материалов Северо-Западного Алтая (MIS 2) из пещерных и открытых стоянок. Рассматриваются вопросы хронологии, основанной на датах абсолютного возраста и относительном залегании литологических тел в толщах разрезов многослойных памятников, где установлена последовательность ландшафтно-климатических изменений различных этапов плейстоцена. Объекты региона, судя по фракционированности материала, представляют стоянки с полным циклом обработки камня. Распределенные на временной шкале по климатостратиграфическим подразделениям сартанского оледенения, они содержат каменные и костяные индустрии заключительной стадии верхнего палеолита региона. Определены петрографические свойства каменного инвентаря, предложены типологические и технологические характеристики технокомплексов. Способы расщепления горных пород, представленные во всех комплексах, основаны на параллельном раскалывании. Повсеместно в торцовых, редких клиновидных нуклеусах отражены микропластинчатые технологии. Для орудийных наборов всех стоянок характерно сочетание артефактов верхнепалеолитической типологии (разнообразные скребки, резцы, проколки, ретушированные сколы) и изделий (скребла, анкоши, ножи с упорами), присутствующих в большом количестве в комплексах среднего палеолита, что свойственно заключительной стадии верхнего палеолита Южной Сибири. Для многих технокомплексов сартанских объектов характерен микроинвентарь, выраженный, прежде всего, в виде пластинок с притупленным краем. Таким образом, на значительном отрезке верхнего палеолита сартанского времени Северо-Западного Алтая сохраняется устойчивая культурная традиция древнего социума. Рассмотренные индустрии близки технокомплексам местонахождений Центрального, Юго-Восточного, Северо-Восточного Алтая и сопоставимы по облику индустрии с синхронными стоянками юга Сибири.

Ключевые слова: *сартанское оледенение, заключительная стадия верхнего палеолита Северо-Западного Алтая, каменные, костяные индустрии.*

Sergei V. Markin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: markin@archaeology.nsc.ru

Paleolithic Assemblages of the Sartan Glacial Period in the Northwestern Altai

The article presents the results of research into Sartan Upper Paleolithic assemblages from the Northwestern Altai (MIS 2), originating from caves and open-air sites, and discusses the problems of chronology based on the absolute dates and relative position of lithological layers in profiles at multilayered sites with the established sequence of paleoecological changes in the Pleistocene. According to the composition of assemblages, sites of the region manifest the complete cycle of stone processing. Distributed in time in accordance with climatic and stratigraphic subdivisions of the Sartan glaciation, they contain Final Upper Paleolithic lithic and bone assemblages. Petrographic features of stone artifacts have been identified. Typological and technological description of the techno-complexes is provided. Primary reduction appearing in all complexes was based on parallel splitting. Microblade technologies, reflected in narrow-faced and rare wedge-shaped cores, were present in all assemblages. The toolkit of all sites is distinguished by the combination of artifacts of the Upper Paleolithic typology (various end-scrapers, burins, piercing tools, and retouched blanks) with tool types common for

the Middle Paleolithic complexes (side-scrapers, notches, backed knives), which is a typical feature of the Final Upper Paleolithic of Southern Siberia. Many techno-complexes of the Sartan glaciation manifest the use of microlithic technique which is primarily represented by backed bladelets. It has been concluded that stable cultural tradition was preserved throughout a significant part of the Sartan Upper Paleolithic in the Northwestern Altai. The industries under study are similar to the techno-complexes from the Central, Southeastern, and Northeastern Altai, and are comparable with the synchronous sites of Southern Siberia.

Keywords: *Sartan glaciation, Final Upper Paleolithic, Northwestern Altai, stone, bone assemblages.*

На Алтае представлено немало объектов заключительной стадии верхнего палеолита, большая часть которых лишена должного хронологического обоснования [Павленок, 2018]. Исключение составляют материалы северо-западной части региона, где установлена корреляция стоянок с различными климатостратиграфическими подразделениями сартанской (аккемской) эпохи. Это многослойные стоянки, организованные в условиях пещер (Денисова, Каминная, Искра) и открытых пространств (Усть-Каракола, Ануя-2), районированные в бассейне р. Ануй. Судя по фракционированности материала, объекты региона представляют стоянки с полным циклом обработки камня. На вскрытых участках артефакты не образуют зон особой концентрации. Лишь в некоторых слоях Каминной пещеры зафиксированы отдельные скопления (?) немногочисленных ядрищ и более выраженные скопления мельчайших сколов, что предполагает наличие специализированных участков по расщеплению сырья и дальнейшей отделке заготовок. Искусственные сооружения в виде простых овальных очагов представлены лишь в сартанских горизонтах стоянки Ануй-2.

Хронология памятников основана на датах абсолютного датирования и относительном залегании рыхлых пород в разрезах, где установлена климатическая последовательность плейстоцена [Болиховская и др., 2011; Деревянко и др., 2008]. Вместе с тем, учитывая седиментационные перерывы в отложениях некоторых стоянок, отметим, что соотношение ряда объектов с климатостратиграфическими стадиями сартанской эпохи, предложенные Н.В. Кинд [1974], произведено с заметной долей условности.

С гыданской стадией сартанского времени сопоставляются материалы из верхнего отдела культурных отложений, представленного горизонтами 5 (слой 10.3, дата которого 21280 ± 440 л.н. (СОАН-3007)), 4 (слой 10.2 с датой 21502 ± 584 л.н. (ИГАН-1431)), 3 (слой 10.1) стоянки Ануй-2, из слоев 9.1 центральной камеры и 9 восточной галереи Денисовой пещеры и два горизонта слоя 3_1а пещеры Страшная. Согласно современным OSL-измерениям, формирование осадка из центральной камеры Денисовой пещеры происходило в период ок. 21000–22000 л.н. [Jacobs et al., 2019]. Слой из карстовой полости Страшной пещеры отнесен к гыданской стадии на основании даты 19150 ± ± 80 л.н. (OxA-15803) [Krivoshapkin et al., 2018]. По сравнению с каргинским, начало сартанского времени в регионе связано с ухудшением природной обстановки, что выражалось, согласно спорово-пыльцевым показателям разреза Ануя-2, в существенном снижении верхней границы темнохвойных лесов.

В пределы интерстадиала, прежде всего, следует поместить материалы одного из слоев (14б с датой 15350 ± 240 л.н. (СОАН-3923)) Каминной пещеры. Отметим условность отнесения к интерстадиальному потеплению индустрии из верхней части отложений (слои 6, 5) предвходовых осадков Денисовой пещеры. Косвенным свидетельством такого отнесения может служить интерпретация рыхлых тел, перекрывающих слой 5, где развиты глыбово-щебнистые отложения максимально холодной фазы сартанского гляциала, кровля которых датирована временем менее 11 тыс. л.н. В этот кратковременный период по спорово-пыльцевым и фаунистическим данным из карстовых полостей реконструированы холодные и сухие условия, способствовавшие увеличению площади нивальных и степных биоценозов.

К ньяпанской стадии сартанского времени, в первую очередь, относятся близкие технокомплексы из слоев 14а (дата 14550 ± 230 л.н. (СОАН-3922)), 13 (дата 14120 ± 95 л.н. (СОАН-3921)), 12 (дата 13870 ± 390 л.н. (СОАН-3920)), 11г (дата 13550 ± 140 л.н. (СОАН-3919)) пещеры Каминной. На принадлежность к данной стадии слоев 4 и 3 стоянки Усть-Каракол, перекрывающих каргинскую почву, возможно, указывает установленный экскурс Гетеборг (11–13 тыс. лет) на уровне слоя 2. По данным из Каминной, во время ньяпанской стадии происходит смягчение климатических условий.

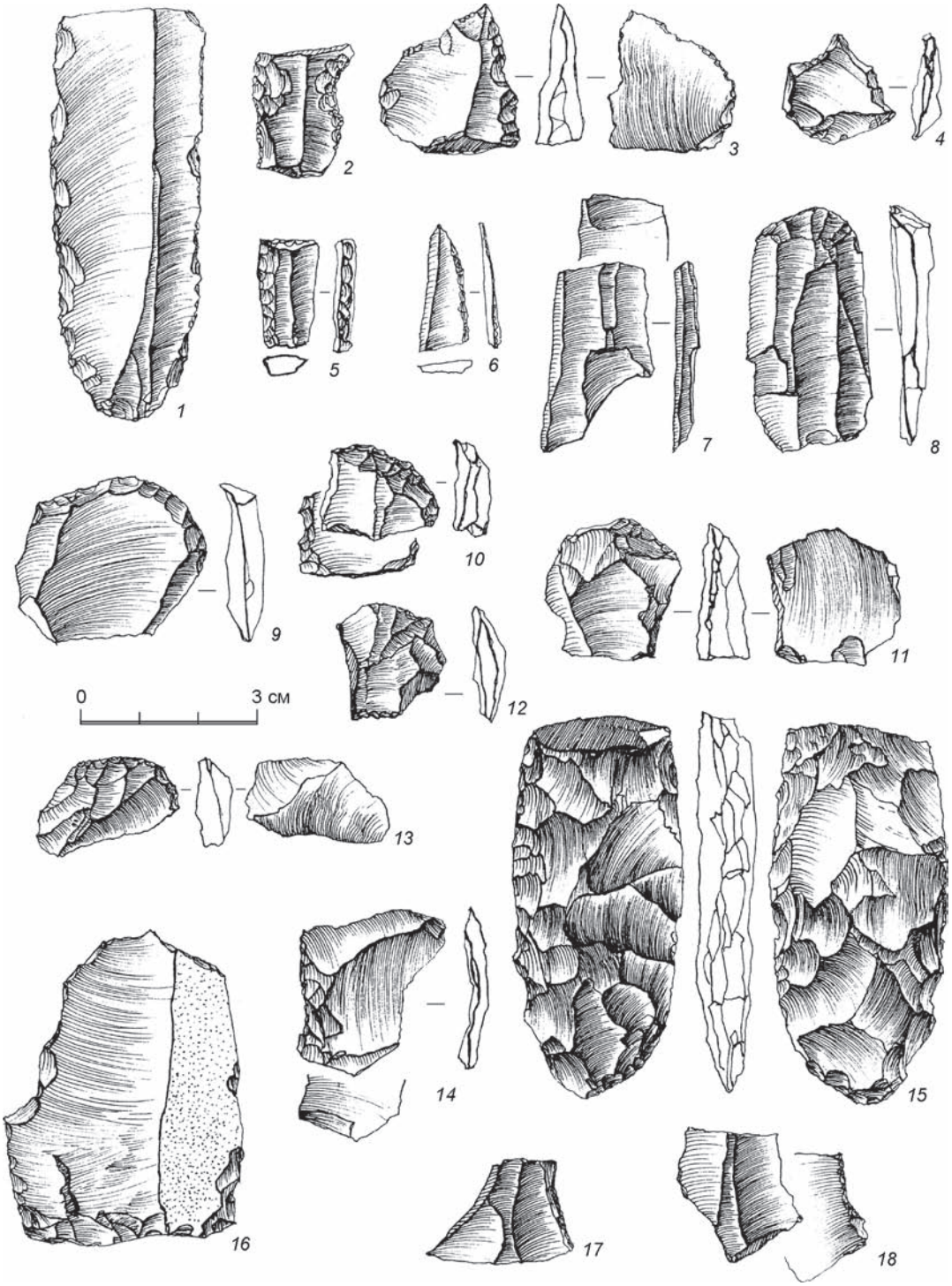
С кокоревским интерстадиалом соотнесена представительная индустрия, происходящая из слоя 11в пещеры Каминной, имеющего дату 12160 ± 225 л.н. (СОАН-3918) и немногочисленная коллекция слоя 2 Усть-Каракола. На климатическую осцилляцию этого времени приходится развитие горно-степных биоценозов на фоне некоторого увеличения влажности климата (по данным из Усть-Каракола) и условия развития перегляциальных лесостепей (по данным из Каминной пещеры).

К норильской стадии сартанского времени относятся материалы слоев 11б (дата 10860 ± 360 л.н. (СОАН-3514)), 11а (дата 10310 ± 330 л.н. (СОАН-3402)) пещеры Каминная. Что касается пещеры Искра, то два слоя (5б, 4в) в основании разреза, помещенные в пределы норильской стадии, перегруженные крупнообломочным материалом, являются результатом активизации процессов выветривания, перекрыты иными осадками, включающими неолитические материалы. Этот период, согласно материалам из карстовой полости Каминной пещеры, иллюстрируется последовательностью ландшафтно-климатических изменений. Начало похолодания – это время формирования перегляциальных степей. Далее палиноспектры отражают две кратковременные, отличающиеся по сухости и влажности, субстадии – термоксеротическую с межстадиальными степями и термогигротическую, на которую приходится развитие лесостепей. В конце норильской стадии в регионе формируется пояс перегляциальных горно-лесных ландшафтов.

Палеолитические технокомплексы Северо-Западного Алтая, несмотря на распределение по климатическим стадиям сартанской эпохи, обладают общими признаками, посредством которых можно охарактеризовать заключительный этап регионального верхнего палеолита [Деревянко, Шуньков, Анойкин, 1998; Деревянко, Маркин, 2003; Маркин, 2005; Природная среда…, 2003; Колобова, 2006; Шуньков, Козликин, 2014; Кривошапкин и др., 2015]. Наблюдаемая вариабельность инвентаря выражается по большей части лишь в объемах разновидностей артефактов. Способы расщепления горных пород, представленные во всех комплексах, основаны на параллельном раскалывании, что выражается в плоских типологически простых одно- и двуплощадочных, односторонних, двусторонних, реже трехсторонних ядрищах. Двусторонние двуплощадочные нуклеусы характеризуются формами изделий с соприкасающимися площадками и продольно-поперечным скалыванием заготовок. Встречены массивные торцовые ядрища и технические уклонившиеся сколы оживления их рабочих плоскостей. Реже использовались иные технологии обработки сырья. Образцы артефактов, отражающие радиальные способы расщепления сырья, встречены в материалах гыданской, ньянской стадий и кокоревского интерстадиала, где представлены единичные односторонние и двусторонние дисковидные ядрища с приподнятой поверхностью скалывания и происходящие с них угловатые сколы. Использование леваллуазских технологий демонстрируют редкие удлиненные леваллуазские острия различной степени сохранности и овальные сколы с радиальной огранкой, известные в материалах гыданской и норильской стадий. Повсеместно представлены микропластинчатые технологии, отраженные в торцовых, редких клиновидных нуклеусах. В материалах кокоревского интерстадиала имеются призматические образцы остаточных продуктов с гладкими площадками, покрытые негативами снятия пластинок и микропластинок. Мелкие призматические четырехугольные нуклеусы с прямой площадкой присутствуют в индустриях норильской стадии. Следствием использования подобной технологии являются пластинки и микропластинки прямого профиля с параллельными краями и гранями, а также технические удлиненные крутоизогнутые сколы, удалившие фронтальную поверхность клиновидных ядрищ и сколы оживления площадок нуклеусов с приустьевыми негативами микропластинчатых снятий.

В качестве заготовок для орудий употреблялись пластины, пластинки и отщепы, в отдельных случаях небольшие валуны галек. Пластинчатая направленность технокомплексов характерна для стоянок низкогорной части региона (Искра, Денисова, Усть-Каракол), населением которых в основном использовались осадочные породы: сероцветные алевролиты, разнозернистые песчаники [Природная среда…, 2003]. В индустриях Каминной пещеры, приуроченной к среднегорью Алтая, удлиненные заготовки менее характерны, что, возможно, является следствием преимущественного употребления порфиритовых разностей вулканических пород [Кулик, Маркин, 2001]. По своим петрофизическим свойствам это отнюдь не лучшее, в силу излишней грубости и трещиноватости, сырье. Очевидно, сырьевой фактор является причиной подобной вариабельности индустрий.

В орудийных наборах всех стоянок характерно сочетание артефактов верхнепалеолитической типологии и изделий, широко известных в комплексах алтайского среднего палеолита (см. *рисунок*). Немалую долю орудий составляют разнообразные скребки. Прежде всего, это концевые изделия на широких, треугольных и удлиненных сколах, с выпуклым, иногда дугообразным, лезвием, кромка которых может быть смещена на угол заготовки, порой с ретушированными параллельными или расходящимися продольными краями. Встречаются скребки высокой формы. Не менее выразительны скребки боковые, с диагонально расположенным лезвием, двойные, с ретушью по периметру или по части периметра округлой заготовки, стрельчатых разновидностей. Группа резцов объединяет типичные и атипичные угловые орудия, иногда с обработанным ретушью краем, срединные и редкие поперечные. Встречены по большей части атипичные, долотовидные

Образцы артефактов из слоя 11б пещеры Каминной.

1, 5, 17, 18 – пластины с ретушью; *2, 14* – анкоши; *3* – острие; *4* – проколка; *6* – пластинка с притупленным краем; *7* – пластина; *8–10, 12* – скребки; *11* – отщеп с ретушью; *13* – долотовидные орудия; *15* – бифас; *16* – скребло.

орудия на отщепах и треугольных сколах, концевые и боковые проколки на пластинах и отщепах с параллельными краями с выделенной рабочей частью и вытянутыми жальцами. В материалах норильской стадии один из артефактов содержит элементы проколки и концевого скребка. Реже встречаются клювовидные, симметричные и асимметричные шиповидные орудия на углу заготовок. В материалах кокоревской стадии представлены острия на пластинках, концы которых образованы сходящимися ретушированным и необработанными краями заготовки, а также косым основанием, притупленным мелкой вертикальной ретушью. В материалах норильского этапа выделяется об-

разец острия, выполненный на треугольном сколе с брюшковой ретушью краев. Группа ретушированных сколов включает обработанные отщепы и разнообразные удлиненные снятия. Выделяются широкие, узкие пластины с параллельными и расходящимися краями, покрытые лицевой, реже брюшковой, двусторонней и противолежащей одно-, двурядной ретушью краев, иногда концов заготовок, включая образцы с утонченной нижней поверхностью в районе бугорковой части изделия. К ним примыкают естественно заостренные удлиненные снятия с лицевой и противолежащей отделкой краев. Транкированные изделия, образованные на широких пластинах со скошенными поперечно усеченными ретушированными концами и ретушью продольного края, встречены в материалах интерстадиала и кокоревской стадии. Среди отщепов, как правило, с непротяженной однорядной вторичной обработкой, выделяются немногочисленные сколы с тщательной мелкой брюшковой ретушью, характерные для индустрий норильской стадии. Единичными артефактами выглядят двусторонне обработанные изделия, представленные, как правило, в обломках. Это овальные и подтреугольные плоско-выпуклые бифасы, а также листовидные двояко-выпуклые изделия. Тщательно обработанным артефактом является листовидный бифас с выпуклым основанием, представленный в материалах норильской стадии. Более редкими изделиями выглядят орудия с черенком. Единственный образец подобного артефакта обнаружен в комплексах гыданской стадии.

Для многих технокомплексов сартанских объектов характерен микроинвентарь, чаще всего в виде пластинок с притупленным прямым или дугообразным краем. В материалах интерстадиала присутствуют пластинки с притупленным краем и косоретушным концом заготовки. В индустриях норильской стадии встречены пластинки с притупленным краем и противолежащими ретушированными лезвиями. Помимо них, в группе микроизделий есть редкие образцы острий и атипичных резцов. В слое 9 Денисовой пещеры, отнесенном к гыданской стадии, обнаружен образец асимметричного сегмента нехарактерного для палеолита Алтая.

Дополняют индустрии памятников скребла различной типологии. В составе изделий обычны одинарные и двойные продольные артефакты с выпуклыми и прямо-выпуклыми кромками, лицевой и брюшковой отделки. Встречены конвергентные скребла, иногда с ретушью с брюшка, поперечные, диагональные, иногда с ретушью нижней поверхности с прямыми, дугообразными кромками. Среди угловатых скребел в материалах норильской стадии выделяются трехлезвийные артефакты, иногда с оббитой нижней поверхностью заготовки. В технокомплексе кокоревского потепления присутствуют мелкие «скреблышки». Материалы гыданской стадии содержат редкие комбинированные изделия с элементами скребел, анкошей, шиповидных орудий. Группа ножей объединяет артефакты с естественными обушками, а также с искусственными упорами, образованные одним сколом, реже – вертикальной обивкой. Обычными в сартанских материалах являются выемчатые изделия, оформленные лицевой, брюшковой ретушью или глубоким одинарным лицевым сколом, и орудия с зубчатыми кромками, иногда содержащие вертикальный или косо поставленный утолщенный обушок. Не так часто встречаются в гыданской и норильской стадиях леваллуазские острия без обработки и с ретушью, а также удлиненные мустьерские остроконечники и их части, содержащиеся в материалах гыданской, ньяпанской стадий и интерстадиала. Редки галечные односторонние орудия, образцы которых встречены в индустриях интерстадиала, ньяпанской, кокоревской и норильской стадиях.

Костяные изделия в сартанских материалах региона не столь многочисленны [Природная среда…, 2003; Маркин, Антипов, 2012; Колобова и др., 2016; Шалагина и др., 2018]. В гыданских комплексах из пещер известны обломки игл с ушком, острия, иногда с элементами декора, подвеска из зуба оленя, трубчатые кости с биконическим отверстием и их фрагменты с симметричными нарезками. В период интерстадиала коллекции демонстрируют фрагменты игл, цилиндрические бусины-пронизки из костей птиц. Известны кольца из скорлупы яиц страуса. В материалах, соответствующих кокоревскому потеплению, обнаружены части игл округлого сечения. В пещерных комплексах норильской стадии костяной инвентарь включает острийные фрагменты игл, резец сурка с многочисленными параллельными нарезками, подвески с биконическим отверстием, выполненные из зубов лисицы, в т.ч. орнаментированные по торцу параллельными насечками. Известна расчлененная трубчатая кость копытного с залощенным прямым концом.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о преемственности и последовательном развитии более ранних технокомплексов, существовавших в этой части Алтая в интервале 28–23 тыс. л.н. Речь идет о 12–6 горизонтах стоянки Ануй-2, где обнаружены плоские, призматические и клиновидные ядрища, разнообразные скребла, скребки, резцы, выразительные серии микроострий, пластинок с притупленным краем и ретушным усечением концов [Деревянко, Шуньков, Постнов, 1998]. Подобное обстоятельство свидетельствует, что на значительном отрезке верхнего палеолита на северо-

западе Алтая сохраняется устойчивая культурная традиция древнего социума.

Сартанские индустрии Северо-Западного Алтая обладают значительной схожестью с технокомплексом стоянок Центрального, Юго-Восточного и Северо-Восточного Алтая, которая наблюдается в технологиях расщепления пород и типологии вторично преобразованных артефактов. Они близки по облику индустрии с синхронными стоянками юга Сибири, представленными в Кузнецкой впадине, на Енисее, Приангарье, Забайкалье. Отсюда следует, что Алтай в конце верхнего палеолита являлся частью унифицированной культуры Южной Сибири, отмеченной еще А.П. Окладниковым [1981].

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Болиховская Н.С., Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В., Соболев В.М. Палеогеографические особенности развития плейстоценовой растительности и климата Алтая и Восточного Предкавказья в эпоху обитания древнего человека // Проблемы палеогеографии и стратиграфии плейстоцена. – М.: Географ. фак. Мос. гос. ун-та, 2011. – С. 373–418.

Деревянко А.П., Маркин С.В. Среда обитания и культура человека верхнего палеолита среднегорного пояса северо-западного Алтая (по результатам комплексного исследования пещеры Каминная) // Проблемы археологии и палеоэкологии Северной, Восточной и Центральной Азии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – С. 398–400.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Анойкин А.А. Археологическая характеристика верхнепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 153–161.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Маркин С.В. Климатические и палеогеографические сценарии в неоплейстоцене Северо-Западного Алтая // Глобальные изменения климата и природной среды позднего кайнозоя в Сибири. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – С. 249–322.

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Постнов А.В. К характеристике среднего этапа верхнего палеолита Алтая // Палеоэкология плейстоцена и культуры каменного века Северной Азии и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – Т. 1. – С. 174–184.

Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. – М.: Наука, 1974. – 255 с.

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 35–39.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Шалагина А.В., Рудая Н.А. Характеристика верхней пачки отложений пещеры Страшной по материалам раскопок в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. 21. – С. 99–102.

Кулик Н.А., Маркин С.В. К петрографической характеристике каменной индустрии пещеры Каминная (Горный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – С. 136–141.

Маркин С.В. Заключительная стадия верхнего палеолита Алтая и культурное единство Южной Сибири и северных регионов Центральной Азии // Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – С. 81–87.

Маркин С.В., Антипов А.С. Пещера Искра – стоянка заключительной стадии верхнего палеолита Северо-западного Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5: Археология и этнография. – С. 81–93.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын-Ам (Монголия). – Новосибирск: Наука, 1981. – 461 с.

Павленок Г.Д. Методические подходы к изучению материалов заключительной стадии верхнего палеолита Алтая // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – Вып. 4 (24). – С. 7–19.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Шалагина А.В., Боманн М., Колобова К.А., Кривошапкин А.И. Костяные иглы из верхнепалеолитических комплексов Страшной пещеры (Северо-Западный Алтай) // Теория и практика археологических исследований. – 2018. – № 1 (21). – С. 84–93.

Шуньков М.В., Козликин М.Б. Каменная индустрия заключительной стадии верхнего палеолита из восточной галереи Денисовой пещеры // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13, вып. 3: Археология и этнография. – С. 180–188.

Jacobs Z., Li Bo, Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A.,

Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. – 2019. – Vol. 565. – P. 594–599. – URL: https://doi.org/10.1038/s41586-018-0843-2.

Krivoshapkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains // Antiquity. – 2018. – Vol. 92 (365). – P. 1–7.

References

Bolikhovskaya N.S., Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V., Sobolev V.M. Paleogeograficheskie osobennosti razvitiya pleistotsenovoi rastitel'nosti i klimata Altaya i Vostochnogo Predkavkaz'ya v epokhu obitaniya drevnego cheloveka. In *Paleogeography and Pleistocene stratigraphy problems.* Moscow: Geographical department of Moscow State Univ. Press, 2011, pp. 373–418 (in Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V. Sreda obitaniya i kul'tura cheloveka verkhnego paleolita srednegornogo poyasa severo-zapadnogo Altaya (po rezul'tatam kompleksnogo issledovaniya peshchery Kaminnaya). In *Problems of archaeology and palaeoecology of North, East and Central Asia.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, pp. 398–400 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Anoikin A.A. Arkheologicheskaya kharakteristika verkhnepaleoliticheskogo kompleksa Denisovoi peshchery. In *Paleoecology of the Pleistocene and Stone Age culture of North Asia and adjacent territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, No. 1, pp. 153–161 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Markin S.V. Klimaticheskie i paleogeograficheskie stsenarii v neopleistotsene Severo-Zapadnogo Altaya. In *Global climate and environmental change in late Cenozoic Siberia.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, pp. 249–322 (in Russ.).

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Postnov A.V. K kharakteristike srednego etapa verkhnego paleolita Altaya. *Paleoecology of the Pleistocene and Stone Age culture of North Asia and adjacent territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, No. 1, pp. 174–184 (in Russ.).

Jacobs Z., Li Bo, Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature*, 2019, vol. 565, pp. 594–599. URL: https://doi.org/10.1038/s41586-018-0843-2.

Kind N.V. Geokhronologiya pozdnego antropogena po izotopnym dannym. Moscow: Nauka, 1974, 255 p. (in Russ.).

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 135 p. (in Russ.).

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of Chagyrskaya cave. *Theory and practice of archaeological research*, 2016, No. 4 (16), pp. 37–42 (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Shalagina A.V., Rudaya N.A. Harakteristika verhnei pachki otlozhenii peshchery Strashnoi po materialam raskopok v 2015 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XXI, pp. 99–102 (in Russ.).

Krivoshapkin A., Shalagina A., Baumann M., Shnaider S., Kolobova K. Between Denisovans and Neanderthals: Strashnaya Cave in the Altai Mountains. *Antiquity*, 2018, vol. 92, pp. 1–7.

Kulik N.A., Markin S.V. K petrograficheskoi kharakteristike kamennoi industrii peshchery Kaminnaya (Gornyi Altai). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, vol. VII, pp. 136–141 (in Russ.).

Markin S.V. Zaklyuchitel'naya stadiya verkhnego paleolita Altaya i kul'turnoe edinstvo Yuzhnoi Sibiri i severnykh regionov Tsentral'noi Azii. In *Paleolithic cultures of Transbaikalia and Mongolia (new sites, methods, hypotheses)*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, pp. 81–87 (in Russ.).

Markin S.V., Antipov A.S. Peshchera Iskra – stoyanka zaklyuchitel'noi stadii verkhnego paleolita Severo-zapadnogo Altaya. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, iss. 5, pp. 81–93 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Paleolit Tsentral'noi Azii. Moiltyn-Am (Mongoliya). Novosibirsk: Nauka, 1981, 461 p. (in Russ.).

Pavlenok G.D. Metodicheskie podkhody k izucheniyu materialov zaklyuchitel'noi stadii verkhnego paleolita Altaya. *Theory and practice of archaeological research*, 2018, iss. 4, pp. 7–19 (in Russ.).

Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadzhanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ul'yanov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Shalagina A.V., Bomann M., Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Kostyanye igly iz verkhnepaleoliticheskikh kompleksov Strashnoi peshchery (Severo-Zapadnyi Altai). *Theory and practice of archaeological research*, 2018, iss. 1, pp. 84–93 (in Russ.).

Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Kamennaya industriya zaklyuchitel'noi stadii verkhnego paleolita iz vostochnoi galerei Denisovoi peshchery. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 2014, vol. 13, iss. 3, pp. 180–188 (in Russ.).

Маркин С.В. https://orcid.org/0000-0002-4528-8613

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.157-166
УДК 902/903

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], Л.С. Кобелева[1], Д.А. Ненахов[1], Е.В. Пархомчук[1, 2], С. Райнхольд[3], А.В. Петрожицкий[1, 4], В.В. Пархомчук[2, 4], С.А. Растигеев[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Германский археологический институт
Берлин, Германия
[4]Институт ядерной физики имени Г.И. Будкера СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры

В 2018–2019 гг. были продолжены полевые исследования на памятниках Тартас-1 и Усть-Тартас-1 (могильник Усть-Тартасские курганы) в Правобережном Прииртышье. В результате получены не только новые конструкции и находки, но и серия дат. На памятнике Тартас-1 исследованы ямы № 1383 и 1508. По своим конструктивным особенностям, функциональному назначению и характеру находок они аналогичны ранее изученным ранненеолитическим ямам. Из ямы № 1383 взяты на радиоуглеродный анализ три образца, из ямы № 1508 – один. Четыре новые даты, полученные из материалов неолитического комплекса Тартас-1, находятся в диапазоне VIII–VII тыс. до н.э. На памятнике Усть-Тартас-1 исследована яма № 66. Ее планиграфическое положение, стратиграфический разрез, комплекс находок, скопление рыбьих останков на дне ямы и приклад в виде скелетов двух зайцев, расположенных валетом, позволили характеризовать объект как ранненеолитический. Из ямы датированы два образца, демонстрирующие значения в пределах VIII–VII тыс. до н.э. Для датирования новой барабинской ранненеолитической культуры имеется хронологическая колонка, составленная 19 датами. Они получены на основе образцов из памятника Тартас-1 в лабораториях Германии и России. Компактность радиоуглеродных дат позволяет считать памятник Тартас-1 эталонным хронологическим «репером» для новой ранненеолитической культуры. Ее существование определяется VII тыс. до н.э. с заходом в VIII и VI тыс. до н.э. Время существования ранненеолитических объектов на памятнике Тартас-1 подтверждается датами с других памятников – Венгерово-2 и Усть-Тартас-1.

Ключевые слова: *ранний неолит, барабинская культура, радиоуглеродное датирование, Правобережное Прииртышье.*

Vyacheslav I. Molodin[1], Liudmila N. Mylnikova[1], Marina S. Nesterova[1], Liliya S. Kobeleva[1], Dmitrii A. Nenakhov[1], Ekaterina V. Parkhomchuk[1, 2], Sabine Reinhold[3], Aleksey V. Petrozhitsky[1, 4], Vasiliy V. Parkhomchuk[2, 4], Sergey A. Rastigeev[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[3]German Archaeological Institute,
Berlin, Germany
[4]Budker Institute of Nuclear Physics SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

New Evidence on the Chronology of Sites of the Baraba Neolithic Culture

Field studies of 2018–2019 at the sites of Tartas-1 and Ust-Tartas-1 (burial ground "Ust-Tartasskie Kurgany") in the Right-Bank Irtysh region have resulted in new concepts, finds, and a series of dates. In terms of structural features, functional purpose, and finds, pits 1383 and 1508 at the Tartas-1 site were similar to the previously studied Early Neolithic pits. Three samples were taken from pit 1383 for radiocarbon analysis, and one sample was taken from pit 1508. Four new dates which have been obtained from the materials of the Neolithic complex at Tartas-1, were in the chronological range of the eighth–seventh millennium BC. The planigraphic position of pit 66 at the Ust-Tartas-1 site, its stratigraphic cross-section, complex of finds, accumulation of fish remains at the bottom, and addition of two hare skeletons arranged head to tail, have made it possible to identify the object as Early Neolithic. Two samples from the pit have been dated, and the dates correspond to the eighth–seventh millennium BC. The chronological column of 19 dates is available for dating the new Baraba Early Neolithic culture. These dates were obtained using the samples from the Tartas-1 site in laboratories in Germany and Russia. The density of the radiocarbon dates makes it possible to consider the Tartas-1 site a reference chronological "benchmark" for the new Early Neolithic culture which existed in the seventh millennium BC extending into the eighth and sixth millennium BC. The time when the Early Neolithic objects existed at the Tartas-1 site, is confirmed by the dates from other sites: Vengerovo-2 and Ust-Tartas-1.

Keywords: *Early Neolithic, Baraba culture, radiocarbon dating, Right-Bank Irtysh region.*

Недавно выделенная в зоне правобережного Прииртышья барабинская неолитическая культура имеет в своем активе практически полностью исследованную стоянку на памятнике Тартас-1, включающую два жилых сооружения, серию глубоких ям-хранилищ для квашения преимущественно рыбных запасов, а также несколько аналогичных ям на памятнике Усть-Тартас-1 (могильник Усть-Тартасские курганы), строение на памятнике Венгерово-2 [Молодин, Ненахов и др., 2015; Молодин, Райнхольд и др., 2018; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017; Молодин, Ненахов и др., 2019], а также частично раскопанное святилище на памятнике Усть-Тартас-1. К этой же культуре относится стоянка Старый Московский Тракт, исследуемая специалистами из Кемеровского университета во главе с профессором В.В. Бобровым [Бобров, Марочкин, 2013; Бобров, Марочкин, Юракова, 2012, 2015; Бобров, Юракова, 2014; Юракова, 2018]. Первые два памятника, помимо достаточно представительного инвентаря из камня и кости, жилых и хозяйственных сооружений, а также прикладов явно сакрального характера, обеспечены серией радиоуглеродных дат, полученных в высокорейтинговых лабораториях Германии и России. Их значительное количество, а также корреляция и последующее осмысление полученных данных позволило обоснованно говорить о хронологии данной культуры, укладывающейся в целом в VII тыс. до н.э. [Молодин, Ненахов и др., 2019]. Полевые исследования этих ранненеолитических комплексов и на Тартасе-1, и на Усть-Тартасе-1 продолжаются и в настоящее время, появляются новые данные по этой пока еще слабо изученной культуре. Особенно важно, что наряду с новыми находками и конструкциями, была оперативно получена серия дат, позволяющая углубить наши представления о хронологии культуры.

В настоящей работе представлены новые данные по хронологии барабинской неолитической культуры с учетом имеющегося археологического контекста.

Методика проведения анализа

Выделение коллагена из костных образцов проведено в лаборатории изотопных исследований AIsotopes ИАЭТ СО РАН путем химической обработки проб по методике, описанной ранее [Молодин, Ненахов и др., 2019].

Зауглероживание полученного коллагена для дальнейшего анализа на ускорительном масс-спектрометре (УМС) осуществлялось в Лаборатории радиоуглеродных методов анализа (ЛРМА) Новосибирского государственного университета на абсорбционно-каталитической установке, включающей стадии сжигания, сорбции углекислого газа на селективном сорбенте, десорбции и каталитического восстановления CO_2 водородом [Lysikov et al., 2018]. Процедуре зауглероживания, описанной ранее [Молодин, Ненахов и др., 2019], помимо исследовательских образцов, подвергались также стандартные образцы щавелевой кислоты: OxI и SRM 4990C (OxII). Относительное содержание радиоуглерода $^{14}C/^{13}C$ в исследовательских образцах нормировалось на содержание $^{14}C/^{13}C$ в современном углероде, определяемом по стандартным образцам. Определение содержания радиоуглерода проводилось на уникальной научной установке «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» [Parkhomchuk, Rastigeev, 2011].

Материалы и обсуждение

Напомним, что памятник Тартас-1 и исследуемая в его пределах неолитическая стоянка расположены на второй надпойменной террасе правого берега р. Тартас, в 2,5 км к северу от места впадения его в р. Омь.

Памятник Усть-Тартас-1 (могильник Усть-Тартасские курганы) расположен на левом берегу р. Тартас, где при ее разливе образуется проточный водоем, получивший наименование Урочище Таи, в 4,2 км к ЮВ от окраины с. Венгерово.

Серия хозяйственных ям, относящихся к эпохе неолита, на памятнике Тартас-1 дополнилась исследованными в полевые сезоны 2018–2019 гг. другими объектами (среди них выделим ямы № 1383 и 1508), содержащими фрагменты керамики барабинской неолитической культуры, а также органические остатки. Планиграфически они, несомненно, принадлежат к раскопанной ранее неолитической стоянке. Из этих объектов взяты образцы на датирование.

Яма № 1383 зафиксирована в тр. 321, 351, в кв. R–V/3–4. Исследовалась в течение двух сезонов (рис. 1, 2).

Для ямы было выполнено два профиля.

Разрез по линии ЮЗ – СВ (рис. 2). Заполнение ямы неоднородно, слоистое. У поверхности располагался слой серой супеси, перерезая мощный слой пестрой почвы серо-черно-желтого цвета, под которым находилась черная комковатая почва, относящаяся к современной колее. Ниже лежал слой светло-серой супеси, подстилающий серо-желтую почву. Далее залегали слои мешаной желто-коричневой супеси и серой супеси с белесыми вкраплениями. Еще ниже находились слои мешаной супеси желтого цвета с белесыми вкраплениями и супеси серо-коричневого цвета с включениями белого и черного цвета.

Разрез по линии СЗ – ЮВ также демонстрирует неоднородность и слоистость заполнения. Верхний горизонт состоял из гомогенной темно-серой супеси, залегающей крайне неравномерно. Мощность слоя изменялась от 0,06 до 0,35 м. На периферии ямы его подстилал мощный слой светлого мешаного серовато-желтого суглинка, являющегося основным заполнением ямы. Слой распространялся до ее дна и имел мощность до 2,06 м. В центральной части ямы зафиксирована линза пестрой мешаной серой супеси с темно-серыми, желтыми и белесыми включениями, мощностью до 0,29 м. Ниже, в толще основного слоя, отмечены линзовидные включения темно-серой с желтыми материковыми вкраплениями супеси мощностью от 0,02 до 0,1 м, ближе ко дну под углом друг к другу залегали линзы мешаной серо-белесо-коричневой супеси мощностью до 0,12 м.

Размеры ямы после выборки заполнения по верхнему абрису составили 2,52 × 2,5 м, по нижнему – 1,64 × 0,88 м. Стенки наклонные, дно ровное. В придонной части с восточной и западной стороны яма имела ступеньки. Размеры ступенек – 0,5 × 0,17 × 0,14 и 0,53 × 0,18 × 0,18 м соответственно. Глубина ямы от уровня материка – до 2,12 м.

Находки в яме представлены фрагментом ранненеолитической керамики (н.о. –1,86), фрагментом черепа благородного оленя (н.о. –2,68), бедренной костью и челюстью лисы (н.о. –3,26), чешуей и костями рыбы, обнаруженными в южной части ямы. В северной придонной части зафиксированы практически полный скелет зайца (рис. 3), кости и чешуя рыб.

Яма № 1508 (рис. 2, *А*) расположена в кв. $R^V–S^V/4–5$. В процессе выборки заполнения выяснилось, что ранний объект (яма № 1508) перекрывает более поздний (яма № 1509) и практически разрушает его верхний абрис (см. рис. 2, *В*). В данной работе учитывается яма № 1508. Она имела одно-

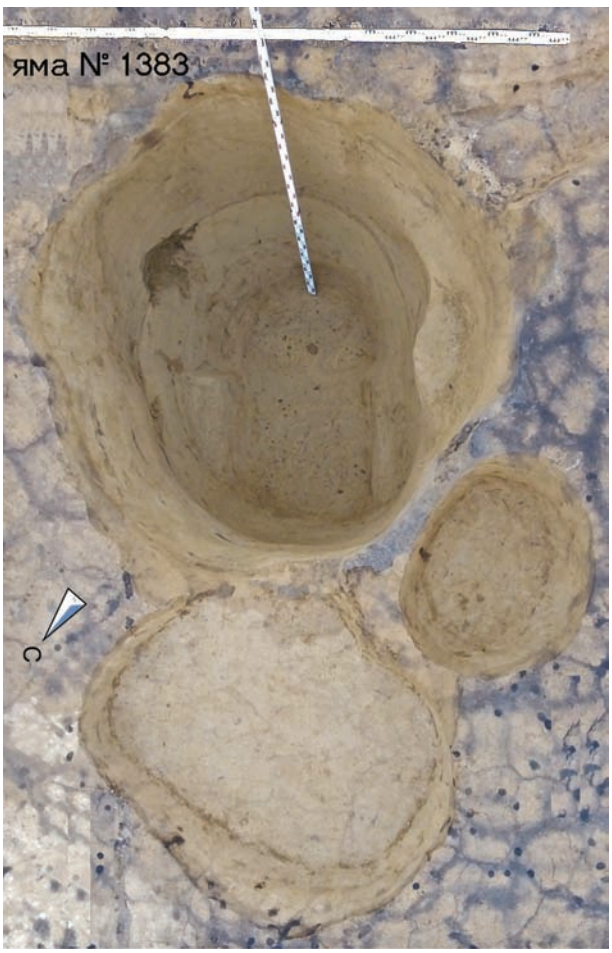

Рис. 1. Ямы эпохи раннего неолита памятника Тартас-1. Фото.

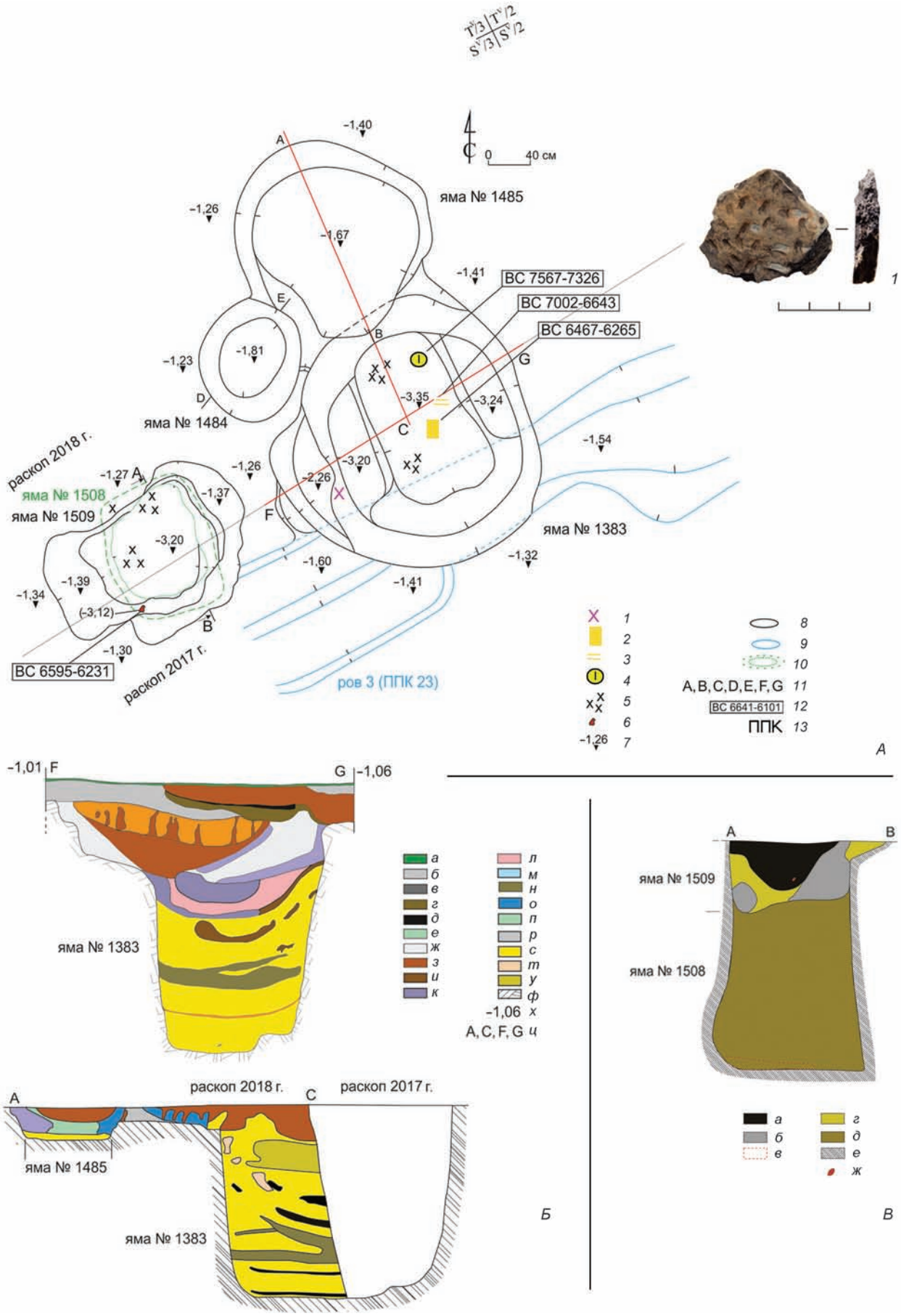

Т'/3 Т''/2
S'/3 S''/2
0 40 см
яма № 1485
яма № 1484
яма № 1383
яма № 1508
яма № 1509
раскоп 2018 г.
раскоп 2017 г.
ров 3 (ППК 23)
ВС 7567-7326
ВС 7002-6643
ВС 6467-6265
ВС 6595-6231
1
A, B, C, D, E, F, G 11
ВС 6641-6101 12
ППК 13
А
Б
В

Рис. 2. План и стратиграфические разрезы ям эпохи раннего неолита памятника Тартас-1.

А – план неолитических ям.

1 – фрагмент керамики; *2* – фрагмент черепа благородного оленя; *3* – кости лисы; *4* – скелет зайца; *5* – чешуя и кости рыб; *6* – кость животного; *7* – нивелировочные отметки; *8*, *10* – границы неолитических ям № 1383, 1484, 1485, 1508; *9* – граница рва 3 (ППК23); *11* – линии разрезов; *12* – дата по ^{14}С, полученная в лаборатории ИЯФ СО РАН; *13* – погребально-поминальный комплекс.

Б – разрезы неолитических ям № 1383, 1485.

а – дерн; *б* – серая супесь (пашня); *в* – сильно мешаная супесь (размывы); *г* – пестрая серо-черно-желтая супесь; *д* – супесь черного цвета; *е* – супесь серо-желтого цвета; *ж* – светло-серая супесь; *з* – темно-серая супесь; *и* – мешаная желто-коричневая супесь; *к* – серая супесь с белесыми включениями; *л* – мешаная желто-коричневая супесь с включениями серой и белесой супеси; *м* – мешаная желто-белесая супесь; *н* – мешаная серо-коричневая с включениями белесой и черной супеси; *о* – желто-серая супесь; *п* – желто-серая мешаная супесь; *р* – серая супесь; *с* – супесь желтого цвета; *т* – плотная белесая супесь; *у* – мешаная супесь черно-желто-серого цвета; *ф* – желтый суглинок (материк); *х* – нивелировочные отметки; *ц* – линии разрезов.

В – разрез ям № 1508, 1509.

а – темно-серая мешаная почва с включениями обожженной глины (заполнение ямы № 1509); *б* – желто-серая мешаная почва (заполнение ямы № 1509); *в* – серая мешаная почва с редкими включениями желтой почвы (заполнение ямы № 1509); *г* – мешаная пятнистая почва с включениями желто-серого и белесого цвета (заполнение ямы № 1508); *д* – область распространения костей рыбы; *е* – желтый суглинок (материк); *ж* – жженая глина.

родное заполнение, представлявшее собой светлую, мешаную, пятнисто-желто-серую супесь со слоистыми включениями белесой супеси и мешаного серо-желтого материкового суглинка. Слой достигал дна ямы, его мощность – до 1,4 м. В процессе выборки заполнения оконтурилась яма неправильной формы, со слегка намеченными углами. Размеры по верхнему абрису 0,95 × 0,82 м. Стенки ямы имели отрицательный уклон, дно – ровное. В придонной части яма приобрела подчетырехугольную с закругленными углами форму. Размер по нижнему абрису 1,26 × 0,98 м.

На дне ямы, в южной ее части, обнаружена неопределимая кость животного. В северной и центральной части зафиксировано крупное скопление костей, чешуи и жаберных крышек рыбы. Кости рыб залегали в сочленении, что свидетельствует о помещении в яму рыб целиком. Размер скопления 0,72 × 0,46 м, мощность слоя костей – от 0,05 до 0,12 м. Других находок не выявлено.

По своим конструктивным особенностям и функциональному назначению, а также по характеру обнаруженного материала, ямы № 1383 и 1508 аналогичны зафиксированным на памятнике ямам, относящимся к эпохе неолита [Молодин, Ненахов и др., 2015; Молодин, Хансен и др., 2016]. Согласно перечисленным признакам, их можно интерпретировать как ямы для квашения рыбы со следами ритуальных прикладов.

Из ямы № 1383 были взяты на исследование три образца: позвонок зайца, зубы лисы и фрагмент рога гигантского оленя (определения проведены канд. биол. наук С.К. Васильевым). Первый из них взят почти со дна ямы (NSK-02176) и демонстрирует самую раннюю дату (см. *таблицу*). По ± 1σ она составляет 7593–7142 лет до н.э. С ней соотносится вторая дата из этой же ямы (NSK-02177) – 7034–6608 лет до н.э. Фрагмент рога, выявленный в верхней части заполнения (NSK-02178), датирован 6529–6232 лет до н.э. – самый поздний из данного объекта. Однако все эти даты эпохально коррелируют между собой.

Образец NSK-02206 датирует яму № 1508. Его показатель по ± 1σ составляет 6595–6231 лет до н.э.,

Радиоуглеродные даты образцов из объектов эпохи раннего неолита (барабинская неолитическая культура)

№ образца	Код образца	Объект	Материал (нивелировочная отметка)	Радиоуглеродный возраст, л.н.	Календарная дата, гг. до н.э.	
					± 1σ	± 2σ
1	NSKA-02176	Tartas-1/18. Яма № 1383	Позвонок зайца (Lepus timidus) (–3,33)	8378 ± 108	7593–7142	7961–6812
2	NSKA-02177	Tartas-1/18. Яма № 1383	Зубы лисы (Vulpes) (–3,26)	7888 ± 71	7034–6608	7142–6459
3	NSKA-02178	Tartas-1/18. Яма № 1383	Фрагмент рога гигантского оленя (Megaloceros) (–2,68)	7539 ± 80	6529–6232	6701–6050
4	NSKA-02206	Tartas-1/18. Яма № 1508	Кость животного	7554 ± 96	6595–6231	6833–6021
5	NSKA-02182	UTK-1/18. Ямы № 65, 66	Кость животного (indefinito)	8170 ± 81	7474–7029	7527–6700
6	NSKA-02207	UTK-1/18. Ямы № 65, 66	Зуб бизона	8023 ± 96	7188–6649	7469–6560

что практически совпадает с датой фрагмента рога из ямы № 1383.

Таким образом, четыре новые даты, полученные из материалов неолитического комплекса памятника Тартас-1, находятся в диапазоне VIII–VII тыс. до н.э.

На памятнике Усть-Тартас-1 (могильник Усть-Тартасские курганы) исследована яма № 65–66.

На уровне материка были выявлены два пятна, овальной вытянутой формы, перпендикулярно накладывающиеся друг на друга почти центральными частями. Пятно, ориентированное по линии С – Ю с отклонением к В, имело темно-серый цвет заполнения; объект получил наименование «яма № 65». Пятно, ориентированное по линии З – В с отклонением к югу, мешанного серо-желтого цвета – «яма № 66». Разрез прошел по линии З – В через центры обоих объектов.

В процессе исследования выявилось, что яма № 65 – более поздняя, предварительно ее отнесли ко времени существования одиновской культуры эпохи ранней бронзы, а яма № 66 – к эпохе раннего неолита. Яма эпохи ранней бронзы в данной работе не рассматривается.

Яма № 66 находилась в кв. А'–В'/12'–15'. На уровне материка смотрелась как пятно вытянутой овальной формы серого цвета, ориентированное по линии З – В с отклонением к югу (рис. 4).

Стратиграфический разрез по линии З – В был как бы разделен на две части: восточную и западную (не считая впущенной ямы № 65). С той и другой стороны разрез состоял из прослоек различной по цвету почвы, причем с западной стороны этих прослоек больше, чем с восточной. Прослойки, в свою очередь, разделены тонкими линзами почвы черного цвета. Таким образом, создается ощущение «полосатого» заполнения.

В западной части у стенки, заполняя ступеньку, располагалась мешаная почва серо-коричневого цвета (0,17 × 0,43 м), которая далее переходит в почву светло-коричневого оттенка и опускается вдоль стенки на 0,9 м, имея толщину 0,1–0,28 м. Далее располагается слой мешаной почвы коричнево-серого цвета с включениями линз желтого, темно-желтого цвета и белесых вкраплений. Его мощность: 0,75–0,8 × 0,25–0,15 м. Отделен от нижележащего слоя прерывистой прослойкой почвы черного цвета, не толще 0,05 м. Ниже располагается слой почвы светло-желтого цвета с белесыми вкраплениями и разрывами из почвы коричневого цвета. Мощность слоя до 0,25 м. Слой почвы коричневого цвета с включениями белесых линз, черных протяжек (до 0,13 м) отделен от нижележащего также черной полосой. Мощная пачка, состоящая из слоев почвы светло-желтой, желтой, коричневой, черной с включениями белесых пятен, имеет мощность до 0,5 м. Ниже нее располагается слой желтого цвета с черными разводами и прослоями до 0,3 м толщиной. Под ним лежит пачка остатков рыбьей чешуи, костей, жаберных крышек. Ее мощность до 0,27 м. Среди остатков «рыбы» находятся кости животных, например, определены первая фаланга и плечевая кость зайца-беляка.

Нижнюю часть всего разреза занимает тонкий (до 0,05 м) слой почвы пепельно-серого цвета, он заходит и на слой останков рыбы. В восточной части разреза на пепельном слое лежит более темный – пепельно-темно-серый слой почвы (до 0,13 м), который заходит в западную часть разреза и лежит на слое «рыбы» до его середины. Это обстоятельство может свидетельствовать о том, что яму с рыбой разбирали не одновременно, а частями, а также о том, что после выборки ее запол-

Рис. 3. Скелет зайца из ямы № 1383.

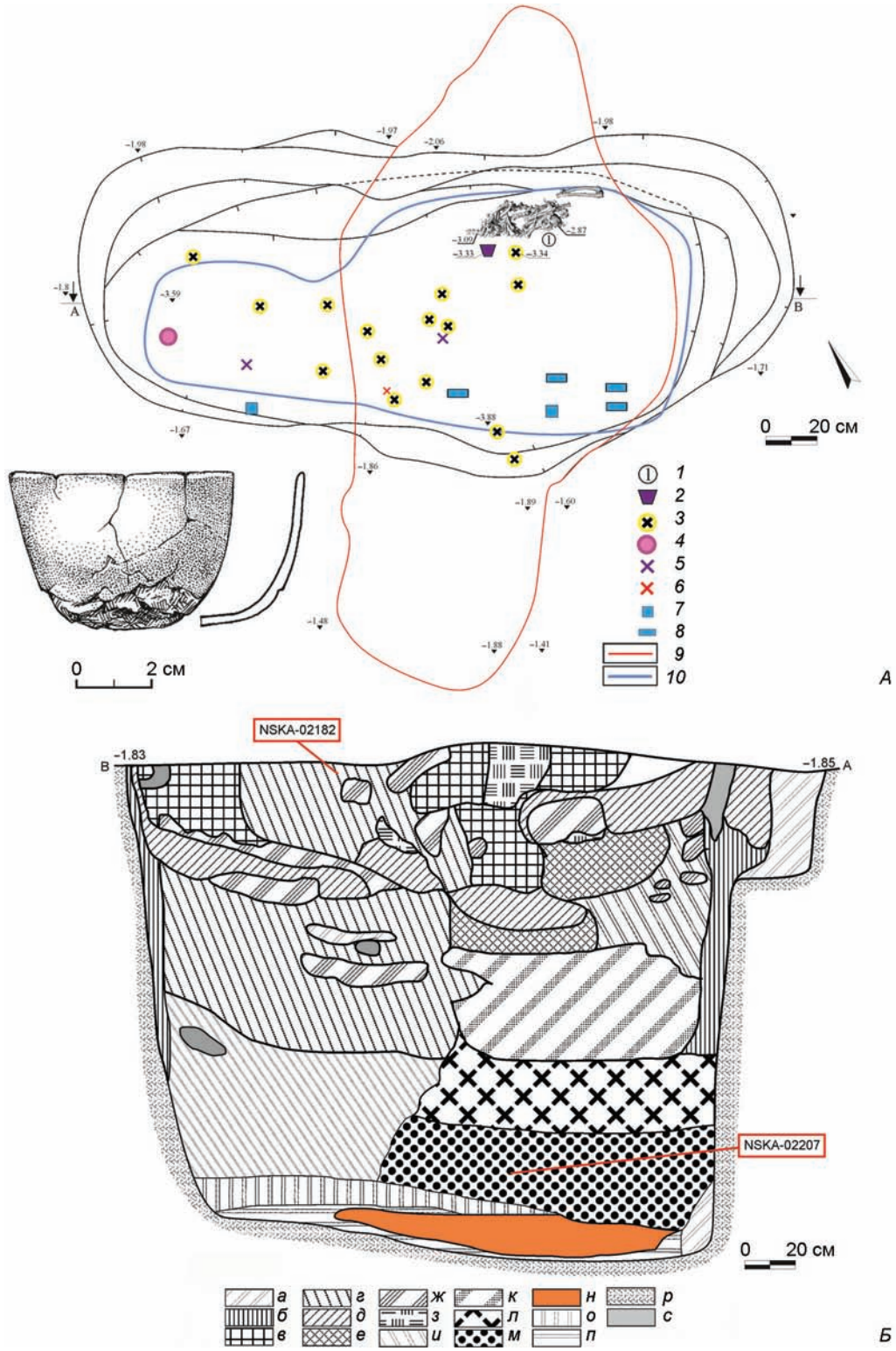

Рис. 4. Яма № 66 памятника Усть-Тартас-1.

А – план; *Б* – стратиграфический разрез.

1 – скелеты зайцев; *2* – керамический сосуд; *3* – кость животного; *4* – раковина; *5* – фрагмент керамики (неолит); *6* – фрагмент керамики (одиновская культура); *7* – отщеп; *8* – скребок; *9* – граница ямы № 65; *10* – нижняя граница ямы № 66.

а – серо-коричневая мешаная супесь; *б* – светло-коричневая супесь; *в* – серая плотная супесь; *г* – плотная светло-серая супесь; *д* – коричнево-серая супесь; *е* – светло-желтая супесь с белесыми вкраплениями и линзами коричневой супеси; *ж* – мешаная желто-серая супесь; *з* – черная гумусированная супесь; *и* – плотная светло-серая супесь с черно-желтыми линзами; *к* – коричневая супесь с желтыми, белесыми и черными линзами; *л* – светло-желтая супесь с коричневыми, черными и белесыми линзами; *м* – серая золистая почва с темно-серыми и пепельными линзами; *н* – область залегания костей и чешуи рыбы; *о* – темно-серая пепельная почва; *п* – пепельно-серая почва; *р* – плотный желто-серый суглинок; *с* – норы.

нения яма стояла открытой, что и послужило формированию слоистости почвенных отложений.

Выше пепельного слоя в восточной части располагается мощная пачка (до 0,35 м) почвы серого цвета с зеленоватым оттенком, разделенная почти посередине черной полосой, которая имеется и в верхней части пачки. Выше лежит мешаная почва серо-темно-серого цвета (мощность до 0,75 м) с включениями линз разной мощности желтой, темно-желтой, белесой почвы, с черными и коричневыми разводами. В верхней части они отделены от почвы серого цвета прослоями коричневой (до 0,2 м) и желтой (до 0,09 м) почвы.

После выборки заполнения яма имела вытянутую овальную форму. Стенки наклонные, в западной части имеется ступенька сверху, до 0,35 м шириной и высотой до 0,43 м. С востока ступенька находится в нижней части – у восточной и южной стенки. Из-за наличия ступенек пол ямы в различных местах неровный по высоте: в восточной части пол выше на 0,04–0,12 м. Размеры ямы 2,82 × × 1,00–1,17 м, глубина 1,94–2,13 м.

При выборке заполнения найдены отщеп, четыре скребка, фрагмент створки раковины, кусочки обожженной глины, фрагмент керамики раннего неолита, скорлупа, а также большое количество костей рыбы, чешуя рыбы, разрозненные кости зайца-беляка.

На нивелировочной отметке –340 в западной части ямы у южной стенки выявлены два скелета зайцев-беляков, лежащих валетом. На глубине 1,8–2,0 м от материка выявлен пласт рыбьих остатков в виде чешуи, костей, жаберных крышек и пр. Среди них, как отмечено выше, находились и кости животных. Почти на скоплении рыбьих остатков располагался сосудик красного цвета, баночной открытой формы с уплощенным дном (рис. 4, *А*). Изготовлен лоскутным налепом, как и средние, и крупные изделия этого времени. Имеет очень тонкие стенки. Рядом с ним лежала бедренная кость зайца.

Из этого объекта имеются пока две даты. Первая из них (NSK-02182) получена по кости животного. Калиброванное значение даты NSK-02182 составляет 7474–7029 лет до н.э. (± 1σ). Из зуба бизона (?) взят образец для второй даты (NSK-02207), его показатель – 7188–6649 лет до н.э. Несмотря на разброс в 300 лет (специалисты, в т.ч. и авторы данной работы, неоднократно указывали на существующую проблему наличия разброса дат в пределах одного комплекса [Косинцев, Бобковская, Беспрозванный, 2004; Косинская, 2010; Молодин, Райнхольд и др., 2018, с. 45]), существование объекта укладывается в пределы конца VIII – VII тыс. до н.э.

Заключение

На данный период для ранненеолитических материалов памятника Тартас-1 получена хронологическая колонка, составленная 19 датами. Компактность радиоуглеродных дат позволяет считать его эталонным хронологическим «репером» для барабинской ранненеолитической культуры. Ее существование определяется VII тыс. до н.э. с заходом в VIII и VI тыс. до н.э. Хронологические особенности разных объектов памятника, очевидно, следует рассматривать как определенные «события», и решать подобные проблемы надо будет при дальнейших исследованиях. Время существования ранненеолитических объектов на памятнике Тартас-1 подтверждается датами с других памятников – Венгерово-2 и Усть-Тартас-1, представленного в данной статье.

Таким образом, имеется вполне представительная серия дат, полученных в лабораториях Германии и России, которые устойчиво коррелируются между собой. Это позволяет обоснованно говорить о хронологии барабинской неолитической культуры. Добавим, что дополнительная серия образцов еще находится в обработке.

Благодарности

Работа выполнена по плану НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г. Боборыкинский комплекс из Барабы: проблема исторической интерпретации // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2013. – № 3 (23). – С. 211–215.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Исследования поселенческих и погребальных комплексов эпохи неолита на памятнике Автодром-1 в Барабинской лесостепи в 2015 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXII. – С. 7–11.

Бобров В.В., Юракова А.Ю. Боборыкинский комплекс в неолите Барабинской лесостепи // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. 1. – С. 211–214.

Косинская Л.Л. Каменный век севера Западной Сибири // История Ямала. – Екатеринбург: Изд-во Баско, 2010. – Т. 1: Ямал традиционный, кн. 1: Древние культуры и коренные народы. – Гл. 1.1. – С. 22–47.

Косинцев П.А., Бобковская Н.Е., Беспрозванный Е.М. Радиоуглеродная хронология археологических памятников таежной зоны Западной Сибири // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. – Томск; Ханты-Мансийск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2004. – Вып. 2. – С. 17–32.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Пархомчук Е.В., Калинкин П.Н., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Радиоуглеродное датирование комплекса эпохи раннего неолита памятника Тартас-1 (Среднее Приомье) с использованием установки «Ускорительный масс-спектрометр ИЯФ СО РАН» // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 1. – С. 15–22.

Молодин В.И., Ненахов Д.А., Нестерова М.С., Дураков И.А., Васильев С.К. Оригинальный производственный комплекс на Тартасе-1 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 326-331.

Молодин В.И., Райнхольд С., Мыльникова Л.Н., Ненахов Д.А., Хансен С. Радиоуглеродные даты неолитического комплекса памятника Тартас-1 (ранний неолит в Барабе) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17, № 3. – С. 39–56.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 335-339.

Юракова А.Ю. Неолит Барабинской лесостепи и южно-таежного Прииртышья: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2018. – 30 с.

Lysikov A.I., Kalinkin P.N., Sashkina K.A., Okunev A.G., Parkhomchuk E.V., Rastigeev S.A., Parkhomchuk V.V., Kuleshov D.V., Vorobyeva E.E., Dralyuk R.I. Novel Simplified Absorption-Catalytic Method of Sample Preparation for AMS analysis designed at the Laboratory of Radiocarbon Methods of Analysis (LRMA) in Novosibirsk Akademgorodok // Intern. J. of Mass-spectrometry. – 2018. – Vol. 433. – P. 11–18.

Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. Accelerator mass spectrometer of the center for collective use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences // J. of Surface Investigation. – 2011. – Vol. 5, iss. 6. – P. 1068–1072.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G. Boborykinskii kompleks iz Baraby: problema istoricheskoi interpretatsii. *Tomsk State University Bull. History*, 2013, No. 3 (23), pp. 211–215 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom 2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2012, No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neolithic Settlement and Burial Complex Research at the Avtodrom-1 Site of Baraba Forest-Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXII, pp. 7–11 (in Russ.).

Bobrov V.V., Yurakova A.Yu. Boborykinskii kompleks v neolite Barabinskoi lesostepi. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Kazani*. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. 1, pp. 211–214 (in Russ.).

Kosinskaya L.L. Kamennyi vek severa Zapadnoi Sibiri. In *Istoriya Yamala*. Yekaterinburg: Basko, 2010, vol. 1: Yamal traditsionnyi, book 1: Drevnie kul'tury i korennye narody, ch. 1.1, pp. 22–47 (in Russ.).

Kosintsev P.A., Bobkovskaya N.E., Besprozvannyi E.M. Radiouglerodnaya khronologiya arkheologicheskikh pamyatnikov taezhnoi zony Zapadnoi Sibiri. In *Khanty-Mansiiskiy avtonomnyi okrug v zerkale proshlogo*. Tomsk; Khanty-Mansiisk: *Tomsk State Univ. Press*, 2004, iss. 2, pp. 17–32 (in Russ.).

Lysikov A.I., Kalinkin P.N., Sashkina K.A., Okunev A.G., Parkhomchuk E.V., Rastigeev S.A., Parkhomchuk V.V., Kuleshov D.V., Vorobyeva E.E., Dralyuk R.I. Novel Simplified Absorption-Catalytic Method of Sample Preparation for AMS analysis designed at the Laboratory of Radiocarbon Methods of Analysis (LRMA) in Novosibirsk Akademgorodok. *Intern. J. of Mass-spectrometry*, 2018, vol. 433, pp. 11–18.

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Rainkhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasil'ev S.K. Recent Archaeological Discoveries in the Site Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 335–339 (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ust-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring*

Territories. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177 (in Russ.).

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Mylnikova L.N., Rainhold S., Parkhomchuk E.V., Kalinkin P.N., Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. The Early Neolithic Complex on the Tartas-1 Site: Results of the AMS Radiocarbon Dating. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 1, pp. 15–22 (in Russ.). DOI: 10.17746/1563-0110.2019.47.1.015-022

Molodin V.I., Nenakhov D.A., Nesterova M.S., Durakov I.A., Vasil'ev S.K. The Unique Production Complex at the Tartas 1 Site (Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 326–331 (in Russ.).

Molodin V.I., Rainhold S., Mylnikova L.N., Nenakhov D.A., Hansen S. Radiocarbon Dates of the Tartas-1 Neolithic Complex (Early Neolithic in Baraba). In *Novosibirsk State Univ. Bull. Series: History and Philology.* 2018, vol. 17, No. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 39–56 (in Russ.). DOI:10.25205/1818-7919-2018-17-3-39-56

Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. Accelerator mass spectrometer of the center for collective use of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *J. of Surface Investigation*, 2011, vol. 5, iss. 6, pp. 1068–1072.

Yurakova A.Yu. Neolit Barabinskoi lesostepi i yuzhno-taezhnogo Priirtysh'ya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2018, 30 p. (in Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Пархомчук Е.В. https://orcid.org/0000-0003-2200-884X
Пархомчук В.В. https://orcid.org/0000-0001-5833-0051
Растигеев С.А. https://orcid.org/0000-0003-0555-7935

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.167-173
УДК 903.5

А.Л. Нестеркина, Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Неолитические захоронения с браслетами из раковин на территории Корейского полуострова и Японских островов: проблема социальной дифференциации

Объектом исследования выступают захоронения с браслетами из раковин морских моллюсков – излюбленного сырья для изготовления украшений у населения Корейского п-ова и Японских о-вов на протяжении всей эпохи неолита. Эти предметы находят в специфическом археологическом контексте – в раковинных кучах. Цель работы – выявить по материалам погребений с браслетами из раковин признаки дифференциации в неолитических обществах Корейского п-ова и Японских о-вов. Детальный анализ материалов погребений показал, что браслеты из раковин присутствуют не во всех захоронениях, а лишь в некоторых, а количество таких захоронений на каждом отдельном памятнике относительно невелико. Чаще всего браслеты изготавливались из раковин белолинейного глицимериса (Glycymeris albolineata). Добыча этого моллюска, как и последующая обработка его раковины с целью изготовления браслета, – трудоемкий процесс, требующий специальных навыков и умений. Браслеты из раковин глицимериса также служили предметом обмена между населением Кореи и Японии. Все это указывает на то, что браслеты из раковин в эпоху неолита являлись престижными и ценными предметами для населения Корейского п-ова и Японских о-вов. Почти все браслеты из раковин сопровождают погребения женщин и детей. Нахождение браслетов в детских захоронениях можно рассматривать как свидетельство появления у неолитических племен признаков наследования социального статуса, а присутствие их в женских погребениях – как доказательство особой роли женщины в неолитическом обществе. Вероятнее всего, женщины, носившие браслеты при жизни, занимались культово-ритуальной деятельностью, возможно, играли важную роль в обрядах, связанных с морским промыслом.

Ключевые слова: *Корейский полуостров, Японские острова, неолит, раковинная куча, браслеты из раковин, социальная дифференциация.*

Anastasia L. Nesterkina, Elena A. Solovyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Neolithic Burials with Shell Bracelets on the Korean Peninsula and Japanese Islands: Problem of Social Differentiation

Burials with bracelets made of shells of sea mollusks – a favorite raw material for making personal adornments among the population of the Korean Peninsula and Japanese Islands in the entire Neolithic – have been found in a specific archaeological context of shell mounds. This study identifies the features of differentiation in the Neolithic societies of the Korean Peninsula and Japanese Islands based on the materials of burials with shell bracelets. Detailed analysis of material evidence from the burials has shown that shall bracelets were not present in all burials, but only in some, and the number of such burials at each site was relatively small. Most frequently, bracelets were made of shells of white linear glycymeris (Glycymeris albolineata). Gathering these mollusks, as well as the subsequent processing of their shells for making bracelets was a laborious process which required special skills. Glycymeris shell bracelets were also exchanged between the populations of Korea and Japan. All this indicates that shell bracelets were prestigious and valuable items

for the population of the Korean Peninsula and Japanese Islands in the Neolithic. Almost all shell bracelets accompany the burials of women and children. The presence of bracelets in children's burials can be regarded as evidence of the emerging features of inheriting the social status among the Neolithic tribes, and their presence in female burials can be regarded as evidence of the special role of women in the Neolithic society. Most likely, women who would wear bracelets during their lifetime, were engaged in cultic and ritual activities, and could have played an important role in the rituals associated with marine fishing.

Keywords: *Korean Peninsula, Japan Islands, Neolithic, shell mound, shell bracelets, social differentiation*

Наиболее распространенным типом украшений у неолитического населения Корейского п-ова и Японских о-вов можно считать изделия из раковин моллюсков – в то время самого доступного для приморских народов Восточной Азии сырья. Из морских раковин изготавливали бусы, подвески, серьги, маски, но чаще всего браслеты. В Корее традиция использования браслетов из раковин получила распространение на крайнем юге в период раннего неолита (VI–V тыс. до н.э.) и продолжала существовать вплоть до наступления бронзового века (конец I тыс. до н.э.). В западной Японии браслеты из раковин известны с периода *дзёмон* (X тыс. – III в. до н.э.). Они и другие украшения из раковин продолжают использоваться в период *яёй* (III в. до н.э. – III в. н.э.), а в период *кофун* (III–VIII вв. н.э.) получают распространение браслеты из камня, копирующие раковинные прототипы. Браслеты из раковин обнаруживаются в особом археологическом контексте – в раковинных кучах. Раковинные кучи представляют собой отдельный тип памятников археологии. Они имеют вид задернованных холмов, сформированных культурным слоем из раковин моллюсков, костей животных и рыб, прочих отходов жизнедеятельности и утвари древнего человека. В культурном слое раковинных куч часто присутствуют остатки древних жилищ и захоронений. Большая часть браслетов из раковин происходит из захоронений: в Корее – памятники Йондэдо, Сандын, Андо, Чанхан, в Японии – Одаке, Цукумо, Ямага, Ёсиго и др. Только в отдельных случаях эти предметы обнаруживают в культурном слое раковинных куч, как, например, на стоянке Тонсамдон. Погребения с браслетами из раковин представляют интерес, т.к. дают исследователям редкую возможность судить о наличии признаков дифференциации в обществе эпохи неолита, а также о структуре неолитического общества в целом.

На территории Корейского п-ова раковинные кучи с находками браслетов сосредоточены в акватории Японского моря, на южных островах. Большая их часть относится к раннему неолиту.

Раковинная куча Йондэдо расположена на одноименном острове в городском округе Тхэнъён. Раскопки здесь проводились в 1988–1992 гг. В результате работ на раковинной куче выделено семь разновременных культурных слоев. К эпохе неолита относятся слои 4–7, сложенные почвами темных оттенков, включающими раковины моллюсков, гальку и фрагменты керамики. К этим отложениям приурочены и погребения. Полученные абсолютные даты позволяют отнести эти комплексы к раннему периоду эпохи неолита (VI–V тыс. до н.э.). В слоях раковинной кучи было исследовано 13 погребений, жилищные конструкции на памятнике не выявлены. Возможно, данная территория использовалась древним населением исключительно для совершения захоронений, а сам памятник представляет собой могильник, вероятно, общинное кладбище. Большинство погребений совершались в неглубоких грунтовых ямах, дно которых выстлано плоскими камнями. После захоронения яма забутовывалась галькой и землей, сверху сооружалось подобие насыпи из более крупных камней (погр. № 7). Захоронения совершались преимущественно по обряду трупоположения, в вытянутом положении головой на запад. Зафиксировано также одно захоронение человека в скорченной позе (погр. № 5). В большинстве своем захоронения одиночные. Исключение составляет погр. № 2 [Ю Тхэён, 2010, с. 15].

Погребение № 2 совершено в неглубокой (до 0,15 м) грунтовой яме, ориентированной продольной осью по линии запад – восток. Вокруг ямы зафиксированы остатки каменной засыпки или насыпи. В западной части могильной ямы обнаружены останки трех индивидуумов – фрагменты черепов женщины, 10-месячного ребенка и еще одного взрослого, пол которого не установлен. Погребальный инвентарь захоронения составляют пять браслетов из раковин: один располагался ниже женского черепа, четыре – возле детского. В остальных захоронениях браслеты из раковин не найдены [Им Хагджон, 2008, с. 73–74].

К юго-западу от о-ва Йондэдо расположен о-в Саннодэдо, где найдена раковинная куча Сандын. Объект исследован в 1988 г. Здесь заложено два раскопа, в границах которых обнаружены каменные выкладки и одно захоронение. Погребение совершалось по обряду трупоположения в вытянутой позе головой на восток, без сооружения грунтовой

Рис. 1. Погребение в раковинной куче Сандын (илл. по: [Ким Донхо, Пак Кубён, 1989]).

ямы, непосредственно на древнем слое раковинной кучи. Могила принадлежала девушке возрастом 13–15 лет. На левую руку умершей было надето три браслета: два из раковины белолинейного глицимериса (*Glycymeris albolineata*), а надетый на руку последним – из раковины крупного морского блюдечка (*Patella flexuosa optima*). Внутренний диаметр браслетов составляет 50–60 мм (рис. 1). Небольшой диаметр изделий позволяет предположить, что их надевали на руку в раннем детстве. По керамике исследователи относят основную часть материалов памятника к позднему и финальному периоду эпохи неолита (III–II тыс. до н.э.) [Ким Донхо, Пак Кубён, 1989, с. 9–10, 12, 56–69, 74].

Раковинная куча Андо расположена на одноименном острове в у. Йосу. Раскопки здесь проводились в 2008 г. В раковинной куче выявлены разнообразные археологические объекты – погребения, открытые очаги, хозяйственные ямы и каменные выкладки. Большая часть абсолютных дат указывает на принадлежность памятника к эпохе раннего неолита (VI–V тыс. до н.э.) [Чо Хёнджон, Ян Сонхёк, Юн Онсик, 2009, с. 198, 349–352].

На памятнике выявлено четыре погребения. Захоронения № 1 и 2 совершены в неглубоких грунтовых ямах аморфных очертаний, захоронения № 3 и 4 – на поверхности древнего раковинного слоя. Погребенные лежали в вытянутом положении головой на северо-восток. Все погребения одиночные, кроме могилы № 1, содержавшей парное захоронение мужчины и женщины. В районе правого запястья и поясницы одного из погребенных найдены фрагменты браслетов из раковин. Антропологи предполагают, что это скелет мужчины возрастом ок. 30 лет. В погр. № 3 обнаружено захоронение женщины 50 лет. На ее правую руку было надето пять браслетов из раковин (рис. 2). Судя по описанию и иллюстрациям, внутренний диаметр браслетов не превышает 50–60 мм [Чо Хёнджон, Ян Сонхёк, Юн Онсик, 2009, с. 23, 40–41, 43, 184, 189–190, 325–332].

На исследованном в 2010–2011 гг. могильнике Чанхан на о-ве Кадогдо обнаружено 48 костяков, захороненных без сооружения грунтовой ямы в вытянутом или скорченном положении. Браслеты обнаружены только в двух захоронениях. Погребенный в могиле № 46 лежал в скорченной позе, перекрытый сверху девятью раковинами моллюска Анадара Броутона (*Anadara broughtonii*). После снятия раковин перекрытия выяснилось, что на обеих руках скелета надето по одному браслету из раковин моллюска того же вида, а на шее – ожерелье

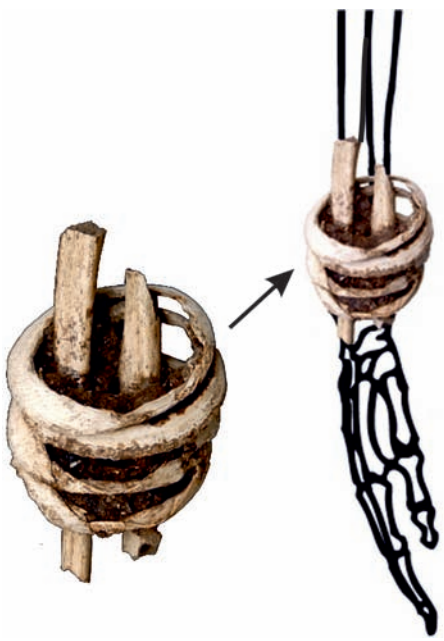

Рис. 2. Браслеты из раковин из погр. № 3 в раковинной куче Андо (илл. по: [Чо Хёнджон, Ян Сонхёк, Юн Онсик, 2009]).

из мелких морских ракушек. Захоронение принадлежало женщине 45–50 лет. В другом погребении, могиле № 41, обнаружен скелет мужчины возрастом примерно 40 лет, также захороненный в скорченной позе. На обеих руках умершего обнаружено примерно по семь–восемь браслетов, изготовленных из раковины белолинейного глицимериса. Часть браслетов располагалась в районе грудной клетки и могла входить в состав ожерелья. Памятник относится к раннему периоду эпохи неолита (VI–V тыс. до н.э.) [Ха Инсу, 2012].

В период *дзёмон* на Японских о-вах погребальная практика формировалась по пути увеличения и индивидуализации погребального инвентаря. Погребальный инвентарь начального и раннего этапов периода *дзёмон* встречается достаточно редко. Со среднего этапа можно говорить о его разнообразии и наличии персональных предметов. Наиболее интересные материалы содержат раковинные кучи западной Японии.

Раковинная куча Одаке (ранний этап периода *дзёмон*, 6500–5500 л.н.) расположена в преф. Тояма, в 4 км от морского побережья, на высоте 3 м над ур. м. В 2009 г. в ходе раскопок, которые предшествовали строительству линии Хокурику синкансен, было установлено, что памятник представляет собой поселение, в состав которого, кроме раковинной кучи, входили также погребения, жилища, производственные площадки. Мощность слоя раковин составляла 2 м, что позволяет отнести его к наиболее древним памятникам на побережье Японского моря о. Хонсю. В погребениях обнаружен 91 скелет. Это самый крупный могильник раннего этапа периода *дзёмон* из известных на сегодняшний день. Чаще всего люди захоранивались в скорченном положении. Преобладают коллективные погребения – по два–четыре человека. Отмечается разница в инвентаре в зависимости от половой принадлежности. В мужских погребениях встречаются полированные каменные топоры, бусы из клыков животных, колющие предметы из кости или оленьего рога, а в женских – украшения, такие как серьги в виде диска со щелью или подвески из кости или оленьего рога. Большинство погребенных – молодые люди (16–29 лет) с различными антропологическими характеристиками. Кроме того, в дополнение к предметам местного производства среди керамики *дзёмон* найдены сосуды из Кинки, Токай, Тохоку, наряду с лакированной расписной керамикой. Каменные изделия включали находки из янтаря с побережья Тихого океана, из камня, источники которого находятся в Нагано, Гифу и Ниигата, вместе с одним из древнейших источников нефрита. В погр. № 45, принадлежавшем молодому мужчине, обнаружен фрагмент браслета из раковины морского блюдечка длиной 6,4 см, а также браслет из раковины белолинейного глицимериса. Поскольку данные моллюски в этой местности редки, можно предположить проникновение браслетов в результате обмена с территорией Корейского п-ова [The Art…, 2019, p. 27–28].

Раковинная куча Цукумо в преф. Окаяма относится к позднему этапу периода *дзёмон*. Она является национальным историческим памятником, датируется временем 3500 л.н. При раскопках обнаружено 170 человеческих скелетов. Находки дают ценную информацию для понимания духовного мира и погребальных практик людей периода *дзёмон*. У некоторых погребенных взрослых отсутствовали передние зубы, что с большой долей вероятности связано с обрядом инициации. В погребении девочки найдены браслеты из раковин белолинейного глицимериса: семь на правой руке, восемь – на левой [Кавасэ, 2006, с. 63].

История раковинной кучи Ямага с 2015 г. вошла в учебники истории для средней школы. Памятник открыт в 1953 г., раскопки начались в 1962 г. Раковинная куча расположена на небольшой песчаной дюне, на высоте ок. 15 м над ур. м., площадь ее составляет ок. 900 м^2, размеры 150 × × 60 м. В процессе раскопок обнаружено более 20 скелетов, некоторые в составе коллективных погребений. В семи погребениях найдены браслеты из раковин. Наибольший интерес вызывает погребение двух женщин и ребенка (рис. 3). Скелет № 2 принадлежал женщине примерно 20 лет, ростом ок. 150 см. Вокруг верхней части тела песок окрашен в красный цвет. На груди подвеска из нефрита округлой формы, 75 × 31 × 14 мм, со смещенным к краю отверстием для ношения на нитке. Обнаружены две серьги из зубов акулы, на руках браслеты из раковин белолинейного глицимериса: 5 на правой руке и 14 – на левой. В районе груди – два оленьих рога с отверстиями, 25 см в длину (рис. 4). Скелет № 3 принадлежал женщине примерно 30 лет, ростом ок. 147 см. В районе головы найдены две заколки из оленьих костей, на руках браслеты из раковин белолинейного глицимериса: 15 на правой руке и 11 – на левой. Скелеты неполные, у скелета № 2 отсутствуют ребра, у скелета № 3 – кости позвоночника и другие кости ниже шеи. Скелет № 4 принадлежал новорожденному ребенку. Родственные отношения между погребенными неясны. Кости других скелетов раковинной кучи найдены в полном объеме [The Routledge Handbook…, 2016, p. 427]. Женщина из захоронения № 2 из-за большого количества украшений в составе погребального инвентаря считается представительницей правителей или жрецов (шаманов) [Kobayashi, Kaner, 2004, p. 134]. Вырази-

тельный инвентарь, физические характеристики, отсутствие ритуального удаления зубов – все эти признаки позволяют предполагать возможное континентальное происхождение этих двух женщин, что делает необходимым проведение ДНК-анализа [The Routledge Handbook…, 2016, p. 427].

На раковинной куче Камитакацу, г. Цучируа, преф. Ибараки, обнаружено 22 вида раковин, которые использовались для изготовления браслетов. Среди них анадара (*Anadara satowi nipponensis*), белолинейный глицимерис и меретрикс (*Meretrix lamarckii shells*). Все они собирались ныряльщиками в открытом море [Кавасэ, 2006, с. 78]. При этом у погребенных преобладают браслеты из раковин белолинейного глицимериса.

Таким образом, в работе были подвергнуты всестороннему анализу неолитические захоронения с браслетами из раковин Корейского п-ова и Японских о-вов. В результате можно предположить, что погребенные в таких захоронениях индивидуумы обладали особым социальным статусом. Об этом свидетельствует то, что браслеты из раковин клали не во все захоронения, а в случае, когда погребений с браслетами было несколько, количество браслетов между захоронениями варьировалось. На памятнике Йондэдо из 13 погребений браслеты обнаружены только в одном захоронении. На могильнике Чанхан браслеты найдены только в двух захоронениях из 48. На двух самых крупных могильниках периода *дзёмон* Японии – в раковинных кучах Цукумо, преф. Окаяма и Ёсиго, преф. Айти (поздний – финальный *дзёмон*), где раскопано 170 и 307 захоронений соответственно. Количество погребений, которые выделяются большим, по сравнению с остальными, количеством браслетов из раковин, не превышает 10.

Для изготовления браслетов использовались раковины различных моллюсков (анадары, меретрикса, морского блюдечка), но чаще всего – белолинейного глицимериса. Этот моллюск обитает на ракушечно-песчаных отложениях на глубинах от 4–5 до 15–18 м, поэтому его достаточно непросто добывать. Кроме того, он имеет гладкую, толстую и твердую раковину, очень плохо поддающуюся обработке: сверлению и шлифовке. На памятнике Тонсамдон за все годы раскопок обнаружено более 1 500 браслетов из раковины этого моллюска, находящихся на разных этапах изготовления, в т.ч. незаконченных и сломанных. Эти находки свидетельствуют о том, что население стоянки Тонсамдон специализировалось на производстве браслетов из раковин глицимериса, а также наглядно демонстрируют те трудности, которые возникали в процессе работы с этими украшениями [Ли Гихван, 2008]. Можно говорить о том, что браслеты

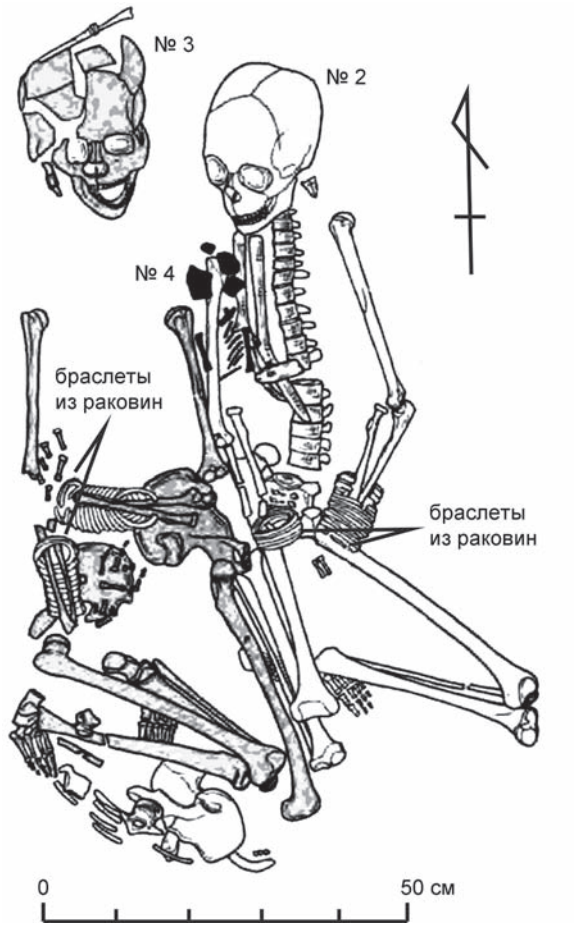

Рис. 3. Коллективное погребение из раковинной кучи Ямага преф. Фукуока (илл. по: [The Routledge Handbook…, 2016]).

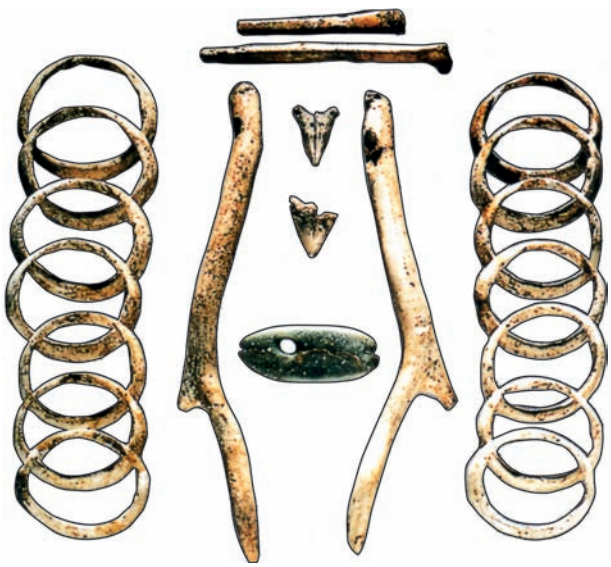

Рис. 4. Погребальный инвентарь скелета № 2 из коллективного погребения из раковинной кучи Ямага преф. Фукуока (илл. по: [Kobayashi, Kaner, 2004]).

из раковин в эпоху неолита являлись престижными предметами, процесс добычи сырья и изготовления которых требовал специальных навыков. Кроме того, известны находки браслетов из раковин белолинейного глицимериса на тех территориях, где этот моллюск не обитает, в частности на о-ве Цусима. Это обстоятельство дает повод предполагать, что браслеты из раковин были еще и предметом обмена между Кореей и Японией в эпоху неолита, что также дополнительно свидетельствует об особой ценности данных предметов.

Хотя браслеты встречаются и в мужских захоронениях, в большинстве случаев их обнаруживают в погребениях детей и женщин. Наличие детских погребений с браслетами, а также сравнительно небольшой внутренний диаметр браслетов (50–60 мм) наводит на мысль о том, что браслеты надевали на руку еще в младенчестве. Погребальный инвентарь младенца не может отражать личных достижений в силу возраста, что позволяет предположить происхождение таких детей из семей с высоким социальным статусом.

Находки браслетов из раковин в женских захоронениям дают возможность говорить об особой роли женщины в обществе эпохи неолита на Корейском п-ове и Японских о-вах. На обеих территориях браслеты имеют малый диаметр, что позволяет сделать вывод о том, что их надевали в раннем детстве и в дальнейшем они не снимались. Браслеты из раковин были достаточно хрупкими, что должно исключать возможность занятия физическим трудом девушек и женщин, которые их носили постоянно. Следовательно, они должны были заниматься особой деятельностью, возможно, связанной с ритуальными функциями [Habu, 2004, p. 139]. Вероятно, женщины играли важную роль в обрядах, связанных с морским промыслом.

Различные функции в неолитическом обществе мужчин и женщин также могут объяснить разницу в погребальном инвентаре, в т.ч. в престижных предметах. Женщины занимались собиранием моллюсков, желудей, орехов, ягод и др. Мужчины – охотой и иной работой, требовавшей физических усилий, о чем свидетельствует изучение костного материала. Мужские скелеты в пять раз чаще, чем женские, имеют переломы. Мужчины и женщины похоронены с различными предметами: каменные или глиняные серьги найдены только у женщин, поясные подвески – только у мужчин [Ibid., p. 176].

Таким образом, по находкам браслетов из раковин в захоронениях эпохи неолита Корейского п-ова и Японского архипелага мы можем говорить о наличии в обществе того времени зачатков дифференциации, признаков наследования особого социального статуса и специфической роли женщины, предположительно, связанной с ритуальными функциями.

Список литературы

Им Хагджон. Погребения эпохи неолита // Хангук синсокки ёнгу (Исследования по неолиту Кореи). – 2008. – № 15. – С. 65–115 (на кор. яз.).

Кавасэ М. Кити-но дзёмонкайдзука. Китибикокорайбурари (14) (Сокровища раковинных куч. Библиотека сокровищ археологии (14)). – Окаяма: Санкоу инсацу кабусикикайся, 2006. – 163 с. (на яп. яз.).

Ким Донхо, Пак Кубён. Сандын пхэчхон (Раковинная куча Сандын). – Пусан: Музей нац. ун-та Пугён, 1989. – 104 с. (на кор. яз.).

Ли Гихван. Синсокки мухва виён тыронэн «Тонсамдон пхальччи сучхуль танджи» («Центр экспорта браслетов в Тонсамдоне» – уникальный памятник неолитической культуры). – 2008. – URL: https://leekihwan.khan.kr/entry/19-%EB%B6%80%EC%82%B0-%EC%98%81%EB%8F%84-%EB%8F%99%EC%82%BC%EB%8F%99%ED%8C%A8%EC%B4%9D-%EC%9C%A0%EC%A0%81-%E4%B8%8B (на кор. яз.) (дата обращения: 07.08.2019).

Ха Инсу. Чогэ пхальччи хан инголь: синсокки сидэ (Погребенные с браслетами из раковин: эпоха неолита). – 2012. – URL: http://m.blog.daum.net/jeon44/868?tp_nil_a=1 (на кор яз.) (дата обращения: 07.08.2019).

Чо Хёнджон, Ян Сонхёк, Юн Онсик. Андо пхэчхон: Йосу Кымодо-Андо-ган ёндогё консоль куган нэ юджок (Раковинная куча Андо: памятники археологии на участке строительства соединительного моста между островами Кымодо и Андо в уезде Йосу). – Кванджу: Гос. музей г. Кванджу, 2009. – 363 с. (на кор. яз.).

Ю Тхэён. Обзор погребений эпохи неолита Кореи // Пэксан хагбо (Журнал общества «Пэксан»). – 2010. – № 88. – С. 5–61 (на кор. яз.).

Habu J. Ancient Jomon of Japan (Case Studies in Early Societies). – L.: Cambridge Univ. Press, 2004. – 352 p.

Kobayashi T., Kaner S. Jomon reflections: forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. – Oxford: Oxbow books, 2004. – 240 p.

The Art and Archaeology of Bodily Adornment: Studies from Central and East Asian Mortuary Contexts / ed. Sh.A. Lullo, L.V. Wallace. – L.: Routledge, 2019. – 204 p.

The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization. – L.: Taylor & Francis, 2016. – 970 p.

References

Ha Insoo. Jogae paljji-reul han ingol: sinseokgi sidae [Buried with shell bracelets: Neolithic age], 2012. URL: http://m.blog.daum.net/jeon44/868?tp_nil_a=1 (in Kor.) (Accessed: 07.08.2019).

Habu J. Ancient Jomon of Japan (Case Studies in Early Societies). L.: Cambridge Univ. Press, 2004, 352 p.

Im Hackjong. Sinseokgi sidae-ui mudeom [Neolithic tombs]. *Khanguk sinsokki engu [Journal of the Korean Neolithic Society]*, 2008, No. 5, pp. 65–115 (in Kor.).

Jo Hyeonjong, Yang Seonghyeok, Yun Onsik. Ando paechong: Yeosu Geumodo-Ando-gan yeondogyo geonseol gugan nae yujeok [Ando shell mound: Archeological sites at the connecting bridge construction area between the Kymodo and Ando Islands in Yeosu County]. Gwangju: Gwangju National Museum, 2009, 363 p. (in Kor.).

Kavasje M. Kiti-no dzjomonkajdzuka. Kitibiko-korajburari (14) [The treasures of shell middens. The library of archaeological treasures (14)]. Okajama: Sankou insacu kabusikikajsja, 2006, 163 p. (in Japan.).

Kim Dongho, Park Gubyeong. Sandeung paechong [Sandeung shell mound]. Busan: Pukyong National Univ. Museum, 1989, 104 p. (in Kor.).

Kobayashi T., Kaner S. Jomon reflections: forager life and culture in the prehistoric Japanese archipelago. Oxford: Oxbow books, 2004, 240 p.

Lee Kihwan. Sinseokgi munhwa wiyong deureonaen “Dongsamdong paljji suchul danji” [A unique monument of Neolithic culture “The Tonsamdon bracelet export center”], 2008. URL: https://leekihwan.khan.kr/entry/19-%EB%B6%80%EC%82%B0-%EC%98%81%EB%8F%84-%EB%8F%99%EC%82%BC%EB%8F%99%ED%8C%A8%EC%B4%9D-%EC%9C%A0%EC%A0%81-%E4%B8%8B (in Kor.) (Accessed: 07.08.2019).

The Art and Archaeology of Bodily Adornment: Studies from Central and East Asian Mortuary Contexts / ed. Sh.A. Lullo, L.V. Wallace. L.: Routledge, 2019, 204 p.

The Routledge Handbook of Archaeology and Globalization. L.: Taylor & Francis, 2016, 970 p.

Yoo Taeyong. Hanguk sinseokgi sidae mudeom-ui geomto [A Review of the Neolithic Tombs in Korea]. *Peksan khagbo [The Paek-San Hakpo]*, 2010, No. 88, pp. 5–61 (in Kor.).

Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527
Соловьева Е.А. https://orcid.org/0000-0002-3481-7292

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.174-180
УДК 902.21/904

В.М. Новосельцева[1], А.М. Клементьев[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
E-mail: novlm@mail.ru

Новые данные по палеолиту Иркутско-Черемховской равнины

Местонахождение Ункей было открыто В.С. Николаевым в 2016 г. на левом берегу р. Заларинки в Нукутском р-не Иркутской обл. Археологический и палеонтологический материал зафиксирован в двух уровнях. Первый уровень археологического материала зафиксирован в подошве раннеголоценовых суглинков, а второй уровень – в кровле солифлюциированной позднекаргинской почвы. Прямые датировки костей, полученные по костному материалу непосредственно из нижнего слоя с артефактами, попадают в рамки 23380 ± 204 – 31024 ± 311 л.н. Комплекс финальнопалеолитического времени имеет здесь смешанные черты объектов «бадайского» и «идинского» типов. В то же время комплекс позднекаргинского времени является самым западным форпостом ареала распространения Игетейской стратегии литорасщепления. Для верхнего уровня характерны неопределимые фрагменты костей крупных млекопитающих. Достоверно определен лишь северный олень Rangifer tarandus. В нижнем уровне были найдены кости ископаемой лошади Equus ferus, косули Capreolus pygargus, северного оленя Rangifer tarandus, благородного оленя Cervus elaphus, крупного быка или бизона Bos aut Bison sp. В 2018 г. на западной окраине пос. Новонукутский В.С. Николаевым в шурфах были зафиксированы каменные артефакты финальнопалеолитического облика, по морфологии и по стратиграфическому положению соотносимые с верхним комплексом Ункея. В 2017 г. геологами Института земной коры СО РАН С.Г. Аржанниковым и А.В. Аржанниковой было открыто местонахождение Первомайское на левом приустьевом участке Унгинского залива. За последние два года обнаружены новые стратифицированные комплексы позднего и верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Иркутско-Черемховская равнина, верхний палеолит, ранний голоцен, каргинский интерстадиал, артефакты.*

Valentina M. Novoseltzeva[1], Alexey M. Klementyev[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of the Earth's Crust SB RAS,
Irkutsk, Russia
E-mail: novlm@mail.ru

New Data on the Paleolithic of the Irkutsk-Cheremkhovo Plain

The Unkei site, discovered by V.S. Nikolaev in 2016, is located on the left bank of the Zalarinka River in Nukutsky District of Irkutsk Region. Archaeological and paleontological evidence was found in two layers. First layer was located in the buttom of the Early Holocene loam, and the second layer was located in the upper part of soluflucted Late Karginsky soil. Direct dating of bone samples taken from the lower stratum with artifacts indicated the chronological period from 23,380 ± 204 to 31,024 ± 311 BP. The complex of the Final Palaeolithic manifests the mixed features of the Badai and Ida types. The complex of the Kargisnky period is the most western point of the area where the Igetei flaking strategy appears. The upper layer is distinguished by the presence of unindefinable bone fragments or large mammals. Only reindeer (Rangifer tarandus) remains have been identified with certainty. The lower layer contained the bones of the fossil horse (Equus ferus), Siberian roe deer (Capreolus pygargus), reindeer (Rangifer tarandus), red deer (Cervus elaphus), and large bull or bison (Bos aut Bison sp). In 2018, V.S. Nikolaev discovered stone artifacts of the Final Paleolithic appearance in the western outskirts of the village of Novonukutsky, which can be correlated with the upper complex of Unkei according

to their morphology and stratigraphic position. New site of Pervomaiskoe was discovered in 2017 in the left estuary area of the Unga Bay by the geologists S.G. Arzhannikov and A.V. Arzhannikova from the Institute of the Earth Crust of SB RAS. In the past two years, new stratified complexes of the Late and Upper Paleolithic have been discovered in the Irkutsk-Cheremkhovo Plain.

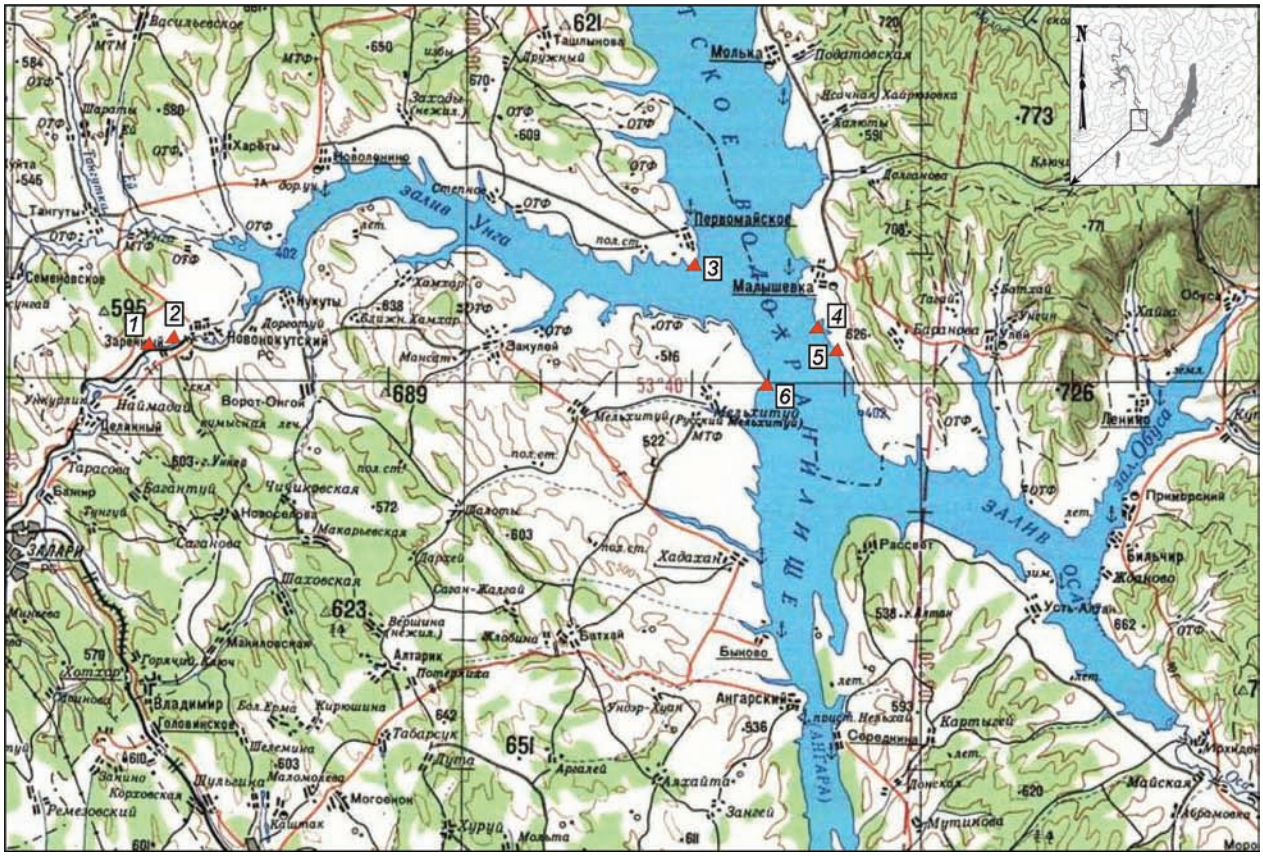
Keywords: *Irkutsk-Cheremkhovo Plain, Upper Palaeolithic, Early Holocene, Karginsky interstadial, artifacts.*

В настоящее время на участке слияния рек Осы, Унги и Ангары образовано Осинское расширение Братского водохранилища, к которому территориально привязан Осинско-Унгинский геоархеологический район. Несмотря на столетнюю историю археологических исследований в описываемом районе и в долине р. Унги, они носили, скорее, эпизодический характер. Впервые здесь проводили работы Н.А. Агапитов и Н.Н. Витковский в конце XIX в. Работы были продолжены в 50-е гг. XX в. Для работы в зоне затопления будущего водохранилища Братской ГЭС была организована Братская археологическая экспедиция Ленинградского отделения ИИМК АН СССР под руководством А.П. Окладникова. В приустьевом участке р. Унги были развернуты раскопочные работы на памятниках бронзового и железного веков. В 1957 г. на правом берегу р. Ангары, в 3 км ниже впадения р. Осы, напротив устья р. Унги, открыт первый в этом районе палеолитический объект – Красный Яр-1. В дальнейшем, начиная с 1969 г., после затопления ложа Богучанской ГЭС Иркутским государственным университетом были организованы экспедиции под руководством Г.И. Медведева. Работы главным образом проводились на Игетейском геоархеологическом полигоне и по Осинскому заливу. Лишь в 1981 г. был открыт комплекс экспонированного материала Мельхитуй [Бердников и др., 1982] на левом борту долины р. Ангары. В конце 1980-х гг. сотрудниками Иркутского областного краеведческого музея под руководством О.Б. Варламова велись работы на южном берегу Унгинского залива по изучению погребальных комплексов II тыс. н.э. В результате многолетних исследований сложилась ситуация неравномерной археологической изученности района. Основная часть исследовавшихся объектов каменного века расположена по правому борту долины р. Ангары и по Осинскому заливу. На левом борту, который географически принадлежит Иркутско-Черемховской равнине, об объектах эпохи палеолита имелись отрывистые сведения.

Многие известные археологические комплексы бассейнов рек Унга и Заларинка (западные притоки р. Ангары) относятся к эпохам раннего железного века и Средневековья (Унгинское городище, Улан-Бор, Доглан). Комплексов верхнего неоплейстоцена известно немного, к ним относится Мельхитуй, открытый в 1981 г. А.Б. Федоренко и Т.Н. Кононовой. Памятник расположен на западном (левом) берегу Братского водохранилища и территориально входит в Осинско-Унгинский геоархеологический район [Новосельцева, 2005]. В начале 1990-х гг. О.В. Задониным, А.В. Луньковым и С.А. Дзюбасом в составе отряда Центра по сохранению историко-культурного наследия Иркутской обл. в долине р. Заларинки открыт ряд местонахождений финальноплейстоценового возраста: Красная горка, Тагна-1, Троицк-3, Леденево. На отмеченных пунктах находок материала проводились только разведочные работы, а материал представлен единичными предметами. Авторы работ, на основании техноморфологии и стратиграфического положения каменного инвентаря, отнесли материалы к периоду позднего палеолита (14–10 тыс. л.н.) [Луньков, 1997].

Большинство палеолитических комплексов правого борта долины р. Ангары геоморфологически принадлежит высоким поверхностям Лено-Ангарского плато. Сюда относятся экспонированные на поверхностях «гор» ансамбли «Олонского» и «Тарахайского» пластов, объекты Игетейского геоархеологического полигона, Бильчир. Аналогов экспонированным комплексам корродированных артефактов на территории Иркутско-Черемховской равнины не было известно до начала 1990-х гг. В 1993 г. археологами Иркутского государственного университета (Г.И. Медведев) на поверхности правого высокого борта долины р. Заларинки, недалеко от п. Целинный обнаружен палеолитический объект «Ункурлик» [Ласточкин и др., 1995]. Комплекс датирован средним палеолитом и является на сегодняшний день единственным из известных местонахождений корродированных артефактов, географически принадлежащих к Иркутско-Черемховской равнине. Авторы отнесли комплекс к началу позднего неоплейстоцена аналогично местонахождениям Георгиевское, Тайтурская Гора и Бильчир [Там же, с. 167].

В 2016 г. при проведении разведочных работ В.С. Николаевым на территории под карьер по добыче гипса на левом борту долины р. Заларинка, по левому борту пади Ункей (рис. 1), в шурфах зафиксирован археологический материал в пачке палевых суглинков, предположительно сартанского возраста. В том же году выполнены спасательные

1
2
3
4
5
6
Унка
Новонукутск
Первомайское
Малышевка
Красный Яр-1
Изотиха
Мельхитуй
Ворот-Онгой
Залари
Ангарский
Ленино
Усть-Алтан
Жданово
Бильчир
Рассвет
Баранова
Обуса
Хайта
Батхай
Быново
Картыгей
Середнина
Мутинова
Майская
Абрамовка
Молька
Податовская
Ташлынова
Дружный
Заходы
Харбты
Новолонино
Степное
Тангуты
Семеновское
Нукуты
Хомхор
Ближн. Хомхор
Закулей
Манзат
Наймада
Целинный
Тарасова
Багантуй
Чичуйская
Новосельба
Макарьевская
Саганова
Шаховская
Маниловская
Горячий Ключ
Котхар
Владимир
Головинское
Шелемина
Табарсук
Лута
Аралей
Шульгина
Маломолева
Корховская
Ремезовский
Могоенок
Кашпак
Хуруй
Мольта
Аларик
Потеряхина
Кирюшина
Бол. Ерма
Жлобина
Сагай-Жалгай
Дархей
Хадахан
Шалоры
Мельхитуй (Русский Мельхитуй)
Унэр-Хуан
Аязхайта
Зангей
Ключи
Долганова
Исачная Хабтаковка
Ханоты
Татай
Батхай
Унчун
Хайта
Обуса
Примерный
Жданово
Бильчир
Усть-Алтан
Картыгей
Середнина
Майская
Мутинова
Абрамовка
Ангарский
Быново
Батхай
Жлобина
Вершина (нежил.)
Сагай-Жалгай
Дархей
Хадахан
Шалоры
Мельхитуй
Ворот-Онгой

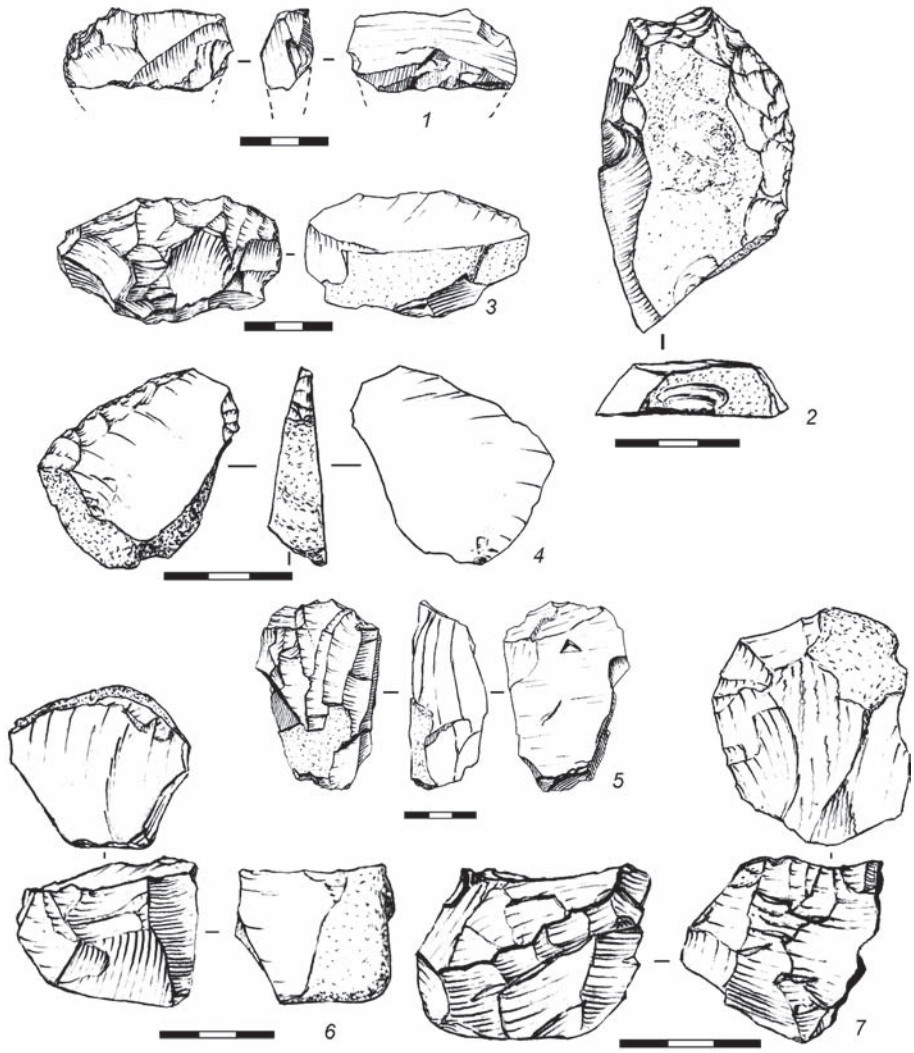

Рис. 2. Археологический материал.
1, 2, 5, 7 – верхний комплекс; *3, 4, 6* – нижний комплекс.
1 – долотовидное изделие; *2–4* – скребла; *5–7* – нуклеусы.

Орудийный комплекс представлен боковым острием, двумя скреблами (рис. 2, *2*), оформленными на крупных, массивных, высоких в сечении сколах, долотовидным изделием (рис. 2, *1*). Первичное расщепление представлено пятью нуклеусами, из которых четыре монофронтальных, выполненных на кварцитовых гальках (рис. 2, *7*). Из них один нуклеус однофронтальный одноплощадочный для отщепов. Два монофронтальных нуклеуса для отщепов – плоскостные, выполнены на кварцитовых гальках. К одноплощадочным, монофронтальным нуклеусам относится и подпризматический нуклеус для пластин (рис. 2, *5*). Один представитель первичного расщепления – подпризматический, многофронтальный, многоплощадочный нуклеус из кремня.

Нижний комплекс артефактов представлен 38 артефактами из камня. Первичное расщепление представляют группа сколов 24 экз. (63 %), группа нуклеусов – 3 экз. (8 %). Орудийный состав содержит семь изделий (18 %). Субстрат в преобладающем большинстве представлен кварцитом (87 %), остаточная доля приходится на кремень (10,5 %) и аргилит (2,5 %). Все нуклеусы, выделенные в коллекции, относятся к одноплощадочным монофронтальным нуклеусам, оформленным на кварцитовых гальках с объемным фронтом и негативами субпараллельных снятий по фронту (рис. 2, *6*). Площадки подготовлены продольными снятиями либо с фронта, либо с контрфронта. Орудийный комплекс представлен семью изделиями, среди них: скобель, три скребла (рис. 2, *3, 4*), два скребка (оформленных на кварцитовых отщепах), один из них концевой и один боковой. Остальные артефакты коллекции нижнего горизонта представлены фрагмен-

тами различных недиагностируемых изделий (3 экз.) и заготовкой изделия (1 экз.). При корреляции археологической коллекции верхнего комплекса с относительно синхронными объектами, в первую очередь, обращает на себя внимание отсутствие клиновидных нуклеусов с поперечно оформленными площадками, что характерно для коллекций горизонта 2 Красного Яра-1 [Абрамова, 1978; Медведев, 1966] и Мельхитуя. С другой стороны, в коллекции присутствуют призматические полифронтальные нуклеусы. Три нуклеуса, выполненных на кварцитовых гальках, аналогичны нуклеусам, описанным в коллекции Федяево [Астахов, 1963]. Орудийный же комплекс находит аналогии с комплексами Осинско-Унгинского геоархеологического района – Мельхитуй, Красный Яр-1 (горизонты 1, 2) и Федяево, где в коллекции зафиксированы острия и долотовидные изделия. На основании результатов сравнения техники литорасщепления возможно говорить, что коллекция верхнего уровня тяготеет к «бадайским» и «идинским» комплексам.

Нижний комплекс артефактов, датируемый позднекаргинским временем, как по техноморфологическим признакам, так и по стратиграфическому положению может коррелироваться с синхронными объектами Осинско-Унгинского геоархеологического района: Гора Игетей (некорродированный комплекс), Красный Яр II, III, Хадахан (некорродированный комплекс), Большой Нарын I, II [Есида и др., 2007; Медведев, Новосельцева, 2011; Khenzykhenova et al., 2011]. Спецификой района является использование для первичного расщепления галек вытянутой формы, оформление фронта на торце гальки без предварительной подработки площадки. Эта стратегия прослеживается и в комплексах позднекаргинского времени, и в комплексах сартанского времени, вплоть до финального палеолита (Федяево, Ункей).

В 2018 г. при обследовании участка под гипсовый карьер в 1200 м восточнее Ункея, на западной окраине п. Новонукутский В.С. Николаевым, в шурфах были зафиксированы каменные артефакты финальнопалеолитического облика, по морфологии и по стратиграфическому положению соотносимые с верхним комплексом Ункея. Объект, названный по названию п. Новонукутск, как и Ункей расположен на левом борту долины р. Заларинка, на террасовидной поверхности с относительными высотными отметками 30–40 м над уровнем Заларинки (440 м над ур. м.).

Немногочисленная коллекция представлена 20 каменными изделиями – продуктами нуклеарного расщепления: отщепы – 17 экз. (85 %), фрагменты пластин – 3 экз. (15 %). Талоны сколов в 83 % линейные (10 экз.), в остальных 17 % случаев – гладкие, не превышающие толщиной 5 мм. Основной субстрат – кремень – 45 % (9 экз.), на кварцит приходится 35 %, на аргилит – 20 % от всех каменных изделий.

Необходимо упомянуть об открытии в 2017 г. нового местонахождения геологами Института земной коры СО РАН С.Г. Аржанниковым и А.В. Аржанниковой. В 2018 г. объект был осмотрен приглашенными ими исследователями-археологами и назван «Первомайским» по названию ближайшего поселка. Комплекс экспонированных артефактов зафиксирован на левом приустьевом участке Унгинского залива, на техногенном пляже. Обнаружению артефактов способствовал низкий уровень водохранилища. Материал зафиксирован на относительных отметках 28–30 м над ур. р. Ангары (до затопления ложа Братского водохранилища) (398–400 м над ур. м.). Собранная на пляже немногочисленная коллекция каменных артефактов представлена сколами, нуклеусами и скреблами. Выполненные зачистки берегового обнажения не позволили зафиксировать археологический материал в стратиграфии. Коллекция экспонированного материала содержит также керамические и металлические изделия, что позволяет судить о ее смешанном характере. Несомненно одно – доля изделий палеолитического облика достаточно велика, что дает право для фиксации еще одного палеолитического объекта в долине р. Унги. Палеолитический компонент, трудноопределимый в своей искусственной выборке, все же обладает более характерными чертами некорродированных комплексов побережья Осинского залива (Гора Игетей 1, Хадахан и т.д.).

Таким образом, на сегодняшний день существенно пополнен банк знаний о палеолитических комплексах центральной части Иркутско-Черемховской долины. Обнаружение стратифицированных комплексов открывает новые перспективы в исследованиях верховьев западных притоков р. Ангары для дальнейшего изучения Иркутско-Черемховской равнины. На данный момент несомненно, что данная территория являлась транзитной для населения Южного Приангарья в финальном палеолите. Об этом свидетельствует техноморфологический анализ существующих материалов, имеющих смешанные черты «бадайского» и «идинского» типов памятников и практически не имеющих общих черт с известными комплексами Осинско-Унгинского р-на (Мельхитуй, Красный Яр-1). В то же время комплекс позднекаргинского времени, попадающий в рамки 29560–33990 л.н., является самым западным

форпостом ареала распространения Игетейской стратегии литорасщепления.

Благодарности

Авторы статьи выражают свою благодарность В.С. Николаеву за предоставленный материал. Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0008 «Северо-восток Евразии в позднем плейстоцене – раннем голоцене: культурная динамика, геохронология, развитие природной среды».

Список литературы

Абрамова З.А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс) // Древние культуры Приангарья. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 7–34.

Астахов С.Н. Позднепалеолитическая стоянка у дер. Федяево на Ангаре // СА. – 1963. – № 3. – С. 209–214.

Бердников М.А., Поселянин А.И., Лежненко И.Л., Кононова Т.Н. Мельхитуй – новый бескерамический комплекс на Братском водохранилище // Проблемы археологии и этнографии Сибири: тез. докл. к регион. конф. – Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1982. – С. 46–47.

Ермолова Н.М. Териофауна долины Ангары в позднем антропогене. – Новосибирск: Наука, 1978. – 222 с.

Есида К., Като Х., Когай С.А., Куникита Д., Липнина Е.А., Максименко К.М., Медведев Г.И., Новосельцева В.М., Ощепкова Е.Б., Попов А.А., Такао С. Некоторые итоги изучения палеолитического местонахождения Большой Нарын I, II. Осинский залив Братского водохранилища. Российско-японский геоархеологический проект // Северная Азия в антропогене: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология: мат-лы Всерос. конф. с междунар. участием, посвящ. 100-летию М.М. Герасимова. – Иркутск: Оттиск, 2007. – С. 5–9.

Клементьев А.М. Фауны позднекаргинского времени Иркутского амфитеатра // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. «Геоархеология. Этнология. Антропология». – 2013. – № 1 (2). – С. 30–43.

Ласточкин С.В., Медведев Г.И., Мухаррамов Ш.З., Распопин А.Б., Роговской Е.О. Новые данные по геоархеологии верхнего плейстоцена Байкальской Сибири // Обозрение результатов полевых и лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1993 году. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 165–170.

Луньков А.В. Некоторые результаты археологических исследований в Заларинском районе Иркутской области // 275 лет сибирской археологии: мат-лы XXXVII регион. археолог.-этнограф. студ. конф. вузов Сибири и Дальнего Востока. – Красноярск, 1997. – С. 20–21.

Медведев Г.И. Археологические исследования многослойной палеолитической стоянки Красный Яр на Ангаре в 1964–1965 гг. // Отчеты археологических экспедиций за 1963–1965 годы: мат-лы и докл. на науч. сессии ИА АН СССР. – Иркутск: Иркут. обл. краевед. музей, 1966. – С. 5–25.

Медведев Г.И., Новосельцева В.М. Хронология, стратиграфия и техноморфология комплекса артефактов геоархеологического местонахождения Гора Игетей I // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. – 2011. – Т. 10, вып. 7: Археология и этнография. – С. 100–111.

Новосельцева В.М. Плейстоцен-голоценовые местонахождения экспонированного материала Осинско-Унгинского расширения Братского водохранилища // Социогенез в Северной Азии. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. тех ун-та, 2005. – Ч. 1. – С. 149–154.

Khenzykhenova F., Sato T., Lipnina E., Medvedev G., Kato H., Kogai S., Maximenko K., Novoselтzeva V. Upper paleolithic mammal fauna of the Baikal region, east Sibaria (new data) // Quaternary Intern. – 2011. – Vol. 231, iss. 1–2. – P. 50–54.

References

Abramova Z.A. Paleoliticheskoe poselenie Krasnyi Yar na Angare (verkhnii kompleks). In *Drevnie kultury Priangarya*. Novosibirsk: Nauka, 1978, pp. 7– 34 (in Russ.).

Astakhov S.N. Pozdnepaleoliticheskaya stoyanka u derevni Fedyaevo na Angare. In *Sovetskay archeologia*, 1963, No. 3, pp. 209–214 (in Russ.).

Berdnikov M.A., Poselyanin A.I., Lezhnenko I.L., Kononova T.N. Melkhitui – novyi beskeramicheskii kompleks na Bratskom vodokhranilishche. In *Problemy arkheologii i etnografii Sibiri*. Irkutsk: Irkutsk State Univ. Press, 1982, pp. 46–47 (in Russ.).

Ermolova N.M. Teriofauna doliny Angary v pozdnem antropogene. Novosibirsk: Nauka, 1978, 222 p. (in Russ.).

Esida K., Kato Kh., Kogai S.A., Kunikita D., Lipnina E.A., Maksimenko K.M., Medvedev G.I., Novosel'-tseva V.M., Oshchepkova E.B., Popov A.A., Takao S. Nekotorye itogi izucheniya paleoliticheskogo mestonakhozhdeniya Bol'shoi Naryn I, II. Osinskii zaliv Bratskogo vodokhranilishcha. Rossiisko-yaponskii geoarkheologicheskii proekt. In *Severnaya Aziya v antropogene: chelovek, paleotekhnologii, geoekologiya, etnologiya i antropologiya*. Konferentsiya k 100-letiyu M.M. Gerasimova. Irkutsk: Ottisk, 2007, pp. 5–9 (in Russ.).

Khenzykhenova F., Sato T., Lipnina E., Medvedev G., Kato H., Kogai S., Maximenko K., Novoseltzeva V. Upper paleolithic mammal fauna of the Baikal region, east Siberia (new data). In *Quaternary International*, 2011, vol. 231, iss. 1-2, pp. 50–54.

Klementyev A.M. Fauny pozdnekarginskogo vremeni Irkutskogo amfiteatra. In *Izvestia Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2013, No. 1 (2), pp. 30–43 (in Russ.).

Lastochkin S.V., Medvedev G.I., Mukharramov Sh.Z., Raspopin A.B., Rogovskoy E.O. Novye dannye po geoarkheologii verkhnego pleistotsena Baikalskoi Sibiri. In *Obozrenie rezultatov polevykh i laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dalnego Vostoka v 1993 godu*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995, pp. 165–170 (in Russ.).

Lunkov A.V. Nekotorye rezultaty arkheologicheskikh issledovanii v Zalarinskom raione Irkutskoi oblasti. In *275 let sibirskoi arkheologii*. Krasnoyarsk, 1997, pp. 20–21 (in Russ.).

Medvedev G.I. Arheologicheskie issledovaniya mnogosloinoi paleoliticheskoi stoyanki Krasnyi Yar na Angare v 1964–1965 gg. In *Otchety arkheologicheskikh ekspeditsii za 1963–1965 gody*. Irkutsk: Irkutsk Regional Museum of Local Lore, 1966, pp. 5–25 (in Russ.).

Medvedev G.I., Novoseltseva V.M. Chronologiya, stratigrafiya i tekhnomorfologiya kompleksa artefaktov geoarkheologicheskogo mestonakhozhdeniya Gora Igetei I. In *Vestnik Novosibirsk State Univ.*, 2011, vol. 10, iss. 7: Arkheologiya i etnografiya, 2011, pp. 100–111 (in Russ.).

Novoseltseva V.M. Pleistozen-golozenovye mestonakhozhdeniia eksponirovannogo materiala Osinsko-Unginskogo rasshireniia Bratskogo vodokhranilishcha. In *Sotciogenez v Severnoi Azii*. Irkutsk: Irkutsk State Technic. Univ. Press, 2005, vol. 1, pp. 149–154 (in Russ.).

Новосельцева В.М. https://orcid.org/0000-0002-3950-0219
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.181-186
УДК 550.379, 550.389, 902.22

В.В. Оленченко[1, 2], Л.В. Цибизов[1, 2], П.С. Осипова[1, 2], М.П. Козлова[1, 2], С.В. Шнайдер[1, 3], С. Алишер кызы[1, 3], Т. Чаргынов[4]

[1]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[2]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[4]Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: olenchenkovv@yandex.ru

Результаты геофизических исследований памятника Сурунгур (Южный Кыргызстан)

Грот Сурунгур, расположенный на юге Ферганской долины (Кыргызстан), – новый перспективный археологический памятник периода, предположительно, финального плейстоцена – раннего голоцена. Стоянка была обнаружена в 2017 г. и изучалась в полевые сезоны 2018–2019 гг. Центральноазиатским палеолитическим отрядом ИАЭТ СО РАН и Киргизского национального университета им. Ж. Баласагына. Археологическим работам на памятнике предшествовали геофизические исследования методами электротомографии и магнитометрии. Были получены геоэлектрическая модель фрагмента памятника (объемное распределение сопротивления) и карта магнитных аномалий над поверхностью (распределение аномальных значений модуля вектора магнитной индукции). В результате анализа и интерпретации полученных данных были определены основные особенности строения и структуры отложений в пределах памятника: мощность литологических слоев и форма скального основания, а также локализован ряд участков, перспективных для археологических исследований. На одном из таких участков был заложен шурф и выявлен каскад кострищ, который являлся источником положительной аномалии модуля вектора магнитной индукции (10–15 нТл). Кроме того, по данным электротомографии были выявлены две локальные аномалии пониженного сопротивления (10–20 Ом·м на фоне 100 Ом·м), связанные, вероятно, с более ранними археологическими шурфами середины XX в. В верхней части разреза исследуемого участка были установлены признаки постдепозиционного нарушения. Нижняя часть залегает в непотревоженном состоянии, следовательно, данный участок является перспективным для проведения площадных археологических раскопок. Значение настоящего исследования важно в контексте имеющегося дефицита стратиграфических памятников в регионе периода мезолита–неолита.

Ключевые слова: *Ферганская долина, электротомография, магнитометрия, археологический памятник.*

Vladimir V. Olenchenko[1, 2], Leonid V. Tsibizov[1, 2], Polina S. Osipova[1, 2], Marina P. Kozlova[1, 2], Svetlana V. Shnaider[1, 3], Saltanat Alisher kyzy[1, 3], Temirlan Chargynov[4]

[1]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[2]Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[4]Kyrgyz National University named after Yusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: olenchenkovv@yandex.ru

Results of Geophysical Research at the Surungur Site (South Kyrgyzstan)

The Surungur grotto is a new and promising archaeological site presumably belonging to the Final Pleistocene – Early Holocene, located in the southern part of the Ferghana Valley (Kyrgyzstan). The site was discovered in 2017 and was studied in the field seasons of 2018–2019 by the Central Asian Paleolithic Unit from the IAE SB RAS and the Jusup Balasagyn Kyrgyz National University. Archaeological works at the site were preceded by geophysical research using electrical resistivity tomography and magnetometry. A geoelectric model of a part of the site (volumetric resistivity distribution) and map of magnetic anomalies above the surface (distribution of anomalous values of the module of magnetic induction vector) were obtained. Analysis and interpretation of the data obtained resulted in establishing the main structural features and composition of deposits at the site. The thickness of lithological layers and shape of the rock base, as well as a number of promising areas for archaeological research have been identified. Test pit was made at one of these areas, and a cascade of hearths, which was the source of positive anomaly in the magnetic induction vector module (10–15 nT) has been identified. In addition, the data of electrical resistivity tomography revealed two local anomalies of low resistivity (10–20 Ohm·m against the background of 100 Ohm·m), probably associated with the earlier archaeological test pits of the mid 20th century. The signs of post-depositional disturbance were found in the upper part of the section under study. The lower part occurred in undisturbed state and therefore this area is promising for local archaeological excavations. This study is important due to the lack of stratigraphic sites of the Mesolithic–Neolithic in the region.

Keywords: *Ferghana Valley, electrical resistivity tomography, magnetometry, archaeological site.*

В силу географического положения Ферганской долины между горными системами Тянь-Шаня, Гиссаро-Алая и Памира, через ее территорию проходили многие миграции древнего человека. Наиболее ранние свидетельства присутствия здесь древнего человека зафиксированы в пещере Сельунгур (ок. 120 тыс. л.н.) [Krivoshapkin et al., 2018]. Наибольшее количество известных стоянок древнего человека относится к периоду финального плейстоцена – раннего голоцена [Исламов, Тимофеев, 1986, с. 17], что, вероятнее всего, фиксирует период наиболее раннего массового заселения региона. К сожалению, большая часть данных памятников – это подъемные комплексы, известные стратифицированные объекты являются потревоженными [Shnaider et al., 2017; Шнайдер и др., 2017, с. 241].

С целью поиска новых памятников данного периода в 2017 г. членами Центральноазиатского палеолитического отряда были проведены разведочно-поисковые работы в долине р. Сох (северная часть Ферганской долины). В ходе разведочных работ в окрестностях г. Айдаркен недалеко от памятников Обишир-5 и -1 был обнаружен навес Сурунгур.

Памятник располагается в 3 км к югу от стоянки Обишир-5, в Баткенской обл., в 10 км от г. Айдаркен, в окрестностях с. Эшме, вдоль дорожной трассы Айдаркен–Сох, и представляет собой скальный навес, расположенный на южном склоне хребта Катрантау (рис. 1).

Согласно свидетельствам местных жителей, в 1960–1970 гг. на памятнике проводились археологические исследования в течение одного полевого сезона. Тем не менее данных об упоминаемых работах не представлено в опубликованных и архивных источниках, что заставило нашу группу усомниться в проведении ранее на памятнике полевых исследований.

Изучение памятника нашей группой было начато в 2018 г., при этом археологическим работам предшествовали геофизические исследования, направленные на выявление наиболее перспективных участков для проведения площадных раскопок.

Комплекс геофизических методов включал электротомографию и магнитометрию. Метод электротомографии основан на различии горных пород по удельному электрическому сопротивлению и часто применяется в практике археологических исследований [Campana, Piro, 2008, p. 83–104; Witten, 2017, p. 299–317]. С помощью многоэлектродных измерительных систем производят зондирование среды на глубину, в результате чего получают двумерные геоэлектрические разрезы (разрезы удельного электрического сопротивления (далее – УЭС). При площадных исследованиях строят объемные геоэлектрические модели, которые позволяют выявить особенности строения участка исследований в плане и по глубине. Интерпретация данных проводится на основе известных зависимостей УЭС от литологического состава, влажности и засоленности пород. Магнитометрия – это один из основных методов археогеофизики [Fassbinder, 2017, p. 499–514; Kvamme, 2006], он основан на различии магнитных свойств горных пород и артефактов. Для измерения магнитного поля применялся цезиевый магнитометр Geometrics G-858 [G-858…]. Расстояние между профилями магнитной съемки составляло 1 м, измерения вдоль профиля велись в режиме непре-

Рис. 1. Вид на памятник Сурунгур.

рывной съемки с частотой 10 Гц. Таким образом, при скорости перемещения оператора не более 3 км/ч расстояние между точками измерений вдоль профиля составило не более 10 см. Съемка вдоль всех профилей проводилась в одном направлении, т.е. без обратного хода (во избежание ориентационной ошибки). Каждый метр осуществлялась привязка (ставилась электронная метка) к метке на профиле по рулетке. Высота съемки составляла 1 м. Запись магнитных вариаций осуществлялась при помощи магнитовариационной станции MMPOS-1, вариации были учтены при обработке. По результатам обработки методом интерполяции Krigging в программном пакете Surfer было построено распределение аномальных значений модуля вектора магнитной индукции в пределах исследованной площади (далее – карта магнитных аномалий). В качестве уровня нормального поля было принято медианное значение по всей выборке измеренных значений.

При измерениях методом электротомографии применялась многоэлектродная электроразведочная станция Скала-48. При этом 48 электродов заземлялись с шагом 1 м вдоль линии профиля. Последовательность подключения электродов соответствовала прямой и встречной трехэлектродным установкам. Площадные измерения выполнены на пяти профилях, расстояние между профилями составляло 2 м. Еще один профиль располагался в 8 м от профиля № 5, на краю площадки с восточной стороны. Обработка данных выполнялась с помощью программ инверсии Res2DInv и Res3DInv [Loke, 2004, p. 46–70, 101–115].

На рис. 2 показан срез трехмерной геоэлектрической модели на глубине 1,8–2,59 м, полученный с помощью программы Res3DInv. На срезе отчетливо выделяются две аномалии низкого УЭС менее 10 Ом·м. Как правило, такие аномалии возникают в местах антропогенного нарушения структуры грунтов, например, при копке могил. Прямоугольная форма одной из аномалий также говорит о ее вероятной антропогенной природе. Низкое УЭС грунтов объясняется повышенной влажностью, а также высокой минерализацией поровой жидкости.

Площадка перед гротом используется домашними животными для отстоя, поэтому поровая влага насыщена продуктами жизнедеятельности животных и имеет высокую электропроводность.

На рис. 3 показан геоэлектрический разрез (3а) по профилю 3 и его интерпретация (3б). На разрезе в интервале 9,5–4,5 м на глубине ок. 2 м выделяется локальная изометричная аномалия, интерпретируемая как погребение.

Следует отметить, что над этой аномалией низкого УЭС в приповерхностной части разреза отмечается область высокого УЭС, которая может быть связана с крупнообломочными грунтами обратной засыпки. Еще одна локальная аномалия высокого УЭС выделяется в интервале 15–17 м. Под ней расположена область пониженного УЭС, обозначенная на рис. 2 цифрой «1».

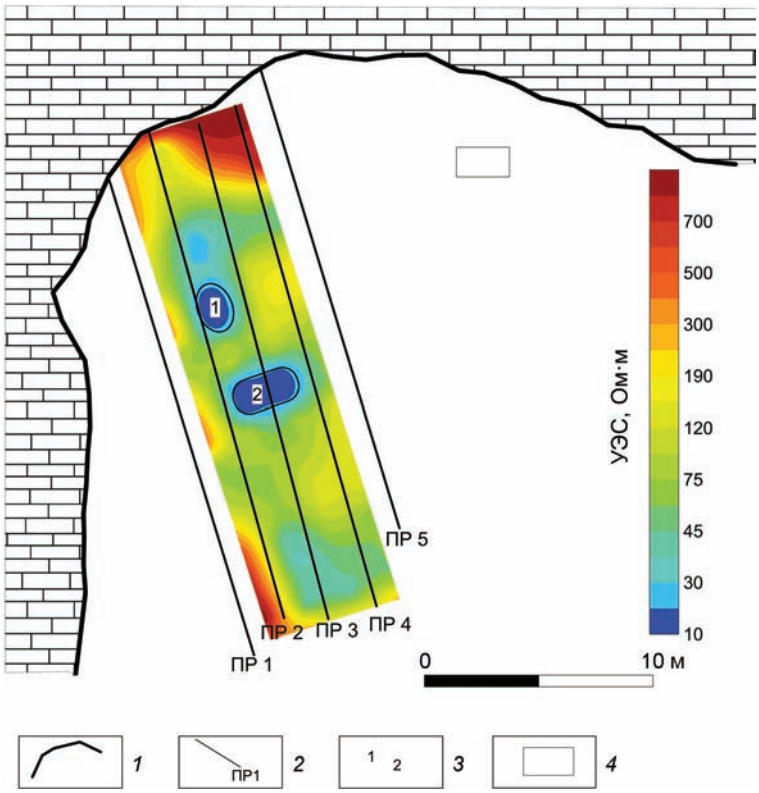

Рис. 2. Срез 3D-геоэлектрической модели на глубине 1,8 м.
1 – контур капельной линии грота; *2* – профиль электротомографии и его номер; *3* – номер аномалии низкого УЭС; *4* – шурф.

На рис. 4 приведена карта магнитных аномалий на площадке перед гротом. Как видно из рисунка, основной диапазон значений укладывается в пределы от –20 до +20 нТл. Максимальные аномальные значения, наблюдаемые на участке, достигают –160 и +80 нТл. Эти локальные возмущения магнитного поля (как правило, знакопеременные) вызваны, как показали неоднократные заверки, современными техногенными объектами на небольшой глубине (консервные банки, обломки сельскохозяйственных механизмов и т.п.). Некоторые положительные (в пределах 20 нТл) аномалии пространственно совпадают с особенностями рельефа (небольшие отвалы, канавы, грунтовый бруствер) и, вероятно, ими и объясняются. Среди перспективных аномалий, которые трудно объяснить на основе визуальных наблюдений и очевидных логических выводов (например, пониженные аномалии вблизи скальной стенки объясняются границей рыхлых отложений, которые имеют большую магнитную восприимчивость – приблизительно на два порядка в сравнении с карбонатным материалом скалы), поисковый интерес вызвала положительная аномалия магнитного поля в северо-восточном углу площадки (рис. 4). В центральной части она осложнена локальной знакопеременной аномалией.

В результате геофизических исследований установлено, что на площади исследований присутствуют аномалии низкого электрического сопротивления. Некоторые из таких аномалий имеют прямоугольную форму, что предполагает их ан-

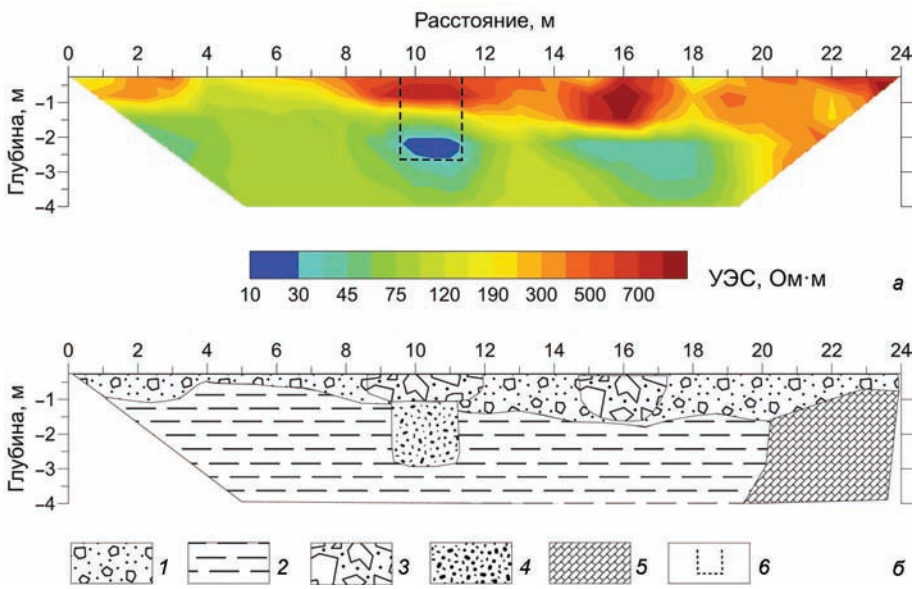

Рис. 3. Геоэлектрический разрез по профилю 3 (*а*) и его интерпретация (*б*).
1 – маловлажный щебенистый грунт; *2* – супесь; *3* – крупнообломочные породы обратной засыпки; *4* – антропогенно-нарушенный грунт; *5* – скальное основание; *6* – рекомендуемое место заложения шурфа.

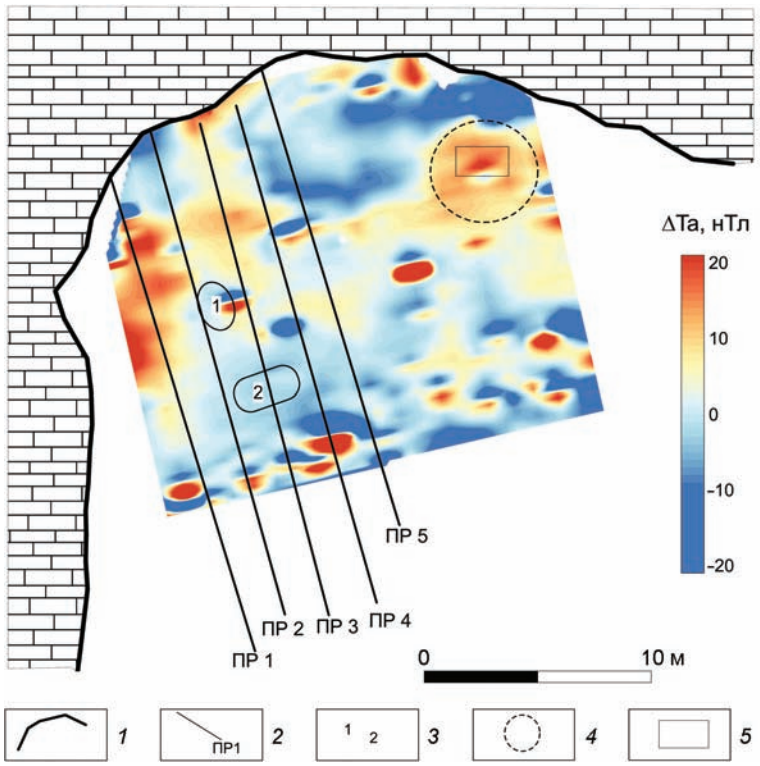

Рис. 4. Карта магнитных аномалий.
1 – контур капельной линии грота; *2* – профили электротомографии; *3* – аномалии УЭС и их номер; *4* –магнитная аномалия, рекомендуемая к раскопу; *5* – шурф.

тропогенное происхождение. Низкое УЭС грунтов объясняется нарушенным сложением, большей влажностью и повышенной минерализацией поровой влаги по сравнению с вмещающими породами. Магнитные аномалии объясняются в основном рядом естественных и техногенных особенностей, среди которых выявлен один участок (рис. 4), представляющий интерес для археологического исследования. Локальные геоэлектрические аномалии, которые, предположительно, также могут быть связаны с археологическими объектами, пространственно коррелируют с зонами слабоотрицательных магнитных аномалий. Однако эти аномалии трудно выделить лишь на основе анализа данных магнитометрии, без сопоставления с данными электроразведки.

Геофизические данные указывают на то, что в пределах участка, рекомендуемого к раскопу (рис. 4), имеется нарушение в строении рыхлых отложений. Исходя из опыта применения магнитометрии в подобных условиях [Цибизов и др., 2017, с. 171–174], такое нарушение может быть вызвано земляными работами различного рода, а также кострищами, следами прокаливания, скоплениями керамики. Для уточнения природы геофизической аномалии был заложен шурф. Глубина шурфа до крупных камней, залегающих на поверхности коренных пород, составила 2,5 м. В процессе археологических раскопок на данном участке была выявлена серия кострищ.

По данным электроразведки верхняя часть отложений имеет следы постдепозиционного нарушения до глубины 1,0–1,5 м, появившиеся, вероятно, из-за выравнивания поверхности площадки в середине XX в. Нижележащие отложения являются ненарушенными и перспективными для проведения площадных археологических работ. В этих отложениях выявлены две локальные аномалии сопротивления подпрямоугольной формы, которые могут быть следами как древних искусственных нарушений (могила, выгребная яма и т.д.), так и археологических шурфов. В пользу второй версии свидетельствует наличие зон высокого сопротивления, расположенных над этими аномалиями: следы шурфования верхнего слоя и, соответственно, последующей засыпки.

Благодарности

Геофизические исследования памятника были выполнены при поддержке проекта РФФИ № 17-29-04122 «Исследования палеолитических памятников в карстовых пещерах Южной Сибири и Центральной Азии комплексными геофизическими методами», археологические исследования памятника были выполнены при поддержке проекта РНФ № 19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства в горной части Центральной Азии».

Список литературы

Исламов У.И., Тимофеев В.И. Культура каменного века Центральной Ферганы. – Ташкент: ФАН, 1986. – 304 с.

Цибизов Л.В., Кривошапкин А.И., Осипова П.С., Оленченко В.В., Григоревская А.В., Виола Б., Чаргынов Т., Колобова К.А., Шнайдер С.В. Апробация комплекса геофизических методов в пещере Сельунгур (Кыргызстан) // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – № 4 (20). – С. 169–177.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Алишер-кызы С., Никулина Е.Д., Тэйлор В., Кривошапкин А.И. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-1 в 2017 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных тер-

риторий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 240–244.

Campana S., Piro S. Introduction to geophysics for archaeology. Seeing the unseen // Geophysics and landscape archaeology. CRC Press. – 2008. – P. 53–924.

Fassbinder J.W.E. Magnetometry for archaeology // Encyclopedia of Geoarchaeology, Encycl. Earth Sci. Series / ed. A. Gilbert. – 2017. – P. 499–514.

G-858 MagMapper Magnetometer // Geometrics. – URL: https://www.geometrics.com/product/g-858/ (дата обращения: 01.10.2019).

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave // Quaternary Intern. – 2018 (in Press, Available online 30 September 2018). – URL: https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051.

Kvamme K.L. Magnetometry: Nature's gift to archaeology // Remote sensing in archaeology: An Explicitly North American Perspective. – Univ. of Alabama Press, 2006. – P. 205–233.

Loke M.H. Tutorial: 2-D and 3-D electrical imaging surveys. – 2004. – 195 p. – URL: geoebectrical.com.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisherkyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. – 2017. – Vol. 91, iss. 360. – DOI:10.15184/aqy.2017.208.

Witten A.J. Handbook of geophysics and archaeology. – Routledge, 2017. – 329 p.

References

Campana S., Piro S. Introduction to geophysics for archaeology. Seeing the unseen. In *Geophysics and landscape archaeology.* CRC Press, 2008, pp. 53–924.

Fassbinder J.W.E. Magnetometry for archaeology. *Encyclopedia of Geoarchaeology, Encycl. Earth Sci. Series; ed. A. Gilbert*, 2017, pp. 499–514.

G-858 MagMapper Magnetometer. *Geometrics*. URL: https://www.geometrics.com/product/g-858/ (Accessed: 01.10.2019).

Islamov U.I., Timofeev V.I. Kul'tura kamennogo veka Central'noj Fergany. Tashkent: Phan, 1986, 304 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A., Viola B., Chargynov T., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Fedorowicz S., Shnaider S., Kolobova K. Middle Paleolithic variability in Central Asia: Lithic assemblage of Sel'Ungur cave. *Quaternary International*, 2018 (in Press, available online 30 September 2018). URL: https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.09.051.

Kvamme K.L. Magnetometry: Nature's gift to archaeology. In *Remote sensing in archaeology: An Explicitly North American Perspective*. Alabama, 2006, pp. 205–233.

Loke M.H. Tutorial: 2-D and 3-D electrical imaging surveys, 2004, 195 p. URL: https://sites.ualberta.ca/~unsworth/UA-classes/223/loke_course_notes.pdf.

Shnaider S.V., Abdykanova A., Krajcarz M., Alisherkyzy S., Nikulina E.D., Taylor W., Krivoshapkin A.I. Results of Archaeological Excavation at Obishir-1 in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 240–244 (in Russ.).

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisherkyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360. DOI:10.15184/aqy.2017.208.

Tsibizov L.V., Krivoshapkin A.I., Osipova P.S., Olenchenko V.V., Grigorevskaya A.V., Viola B., Chargynov T., Kolobova K.A., Shnaider S.V. Approbation of the Complex of Geophysical Methods in the of Sel"ungur cave (Kyrgyzstan). *Theory and Practice of Archaeological Research*, 2017, vol. 4 (20), pp. 169–177. DOI: 10.14258/tpai(2017)4(20).- 13 (in Russ.).

Witten A.J. Handbook of geophysics and archaeology. Routledge, 2017, 329 p.

Оленченко В.В. https://orcid.org/0000-0002-4386-7064
Цибизов Л.В. https://orcid.org/0000-0002-7395-4679
Осипова П.С. https://orcid.org/0000-0003-0510-6333
Козлова М.П. https://orcid.org/0000-0002-5002-0312
Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Чаргынов Т. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.187-194
УДК 903.01

Г.Д. Павленок[1], А.А. Анойкин[1], Е.Н. Бочарова[1], В.А. Ульянов[2], С.А. Гладышев[1], Г.И. Марковский[1], Ж.К. Таймагамбетов[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[3]Национальный музей Республики Казахстан
Астана, Казахстан
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Изучение материалов финала верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2019 году

В статье представлены результаты продолжающихся работ по изучению комплексов финала верхнего палеолита многослойной стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2019 г. В текущем полевом сезоне раскоп 1 был расширен на северо-восток, в направлении вниз по борту ручья Ушбулак Восточный, на склоне к востоку от раскопа 1 был заложен шурф 13, а также была заложена траншея, соединяющая раскопы 1 и 2. В результате проведенных работ были получены три новых стратиграфических разреза. Археологический материал, а также палеофауна (кости крупных млекопитающих, грызунов и малакофауна) присутствуют во всех вскрытых стратиграфических слоях. Литологические наблюдения позволяют говорить о сходстве разрезов раскопа 1 и шурфа 13, стратиграфия которых отличается только значительным увеличением мощности слоев в шурфе. Новый разрез, полученный в пределах раскопа 1, и траншея, соединяющая раскопы 1 и 2, свидетельствуют об уменьшении мощности отложений вниз по склону и уменьшении концентрации археологических материалов в верхних культурных подразделениях (культурные слои 1–3) при сохранении ранее выявленной мощности отложений и концентрации материала в культурных слоях 4–5.1. Наибольшее количество археологического материала было обнаружено в слое 5.1. Наблюдения прошлых лет о планиграфических особенностях залегания материала в слое скоплениями актуальны и для комплекса слоя 5.1 в 2019 г. Коллекция каменных артефактов пополнилась яркими формами нуклеусов для пластинок и микропластин. Анализ нуклевидных форм и дебитажа подтверждает принадлежность материалов слоя 5.1 финальному этапу верхнего палеолита.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, стоянка Ушбулак, плейстоцен, финальный верхний палеолит, микрорасщепление.*

Galina D. Pavlenok[1], Anton A. Anoikin[1], Ekaterina N. Bocharova[1], Vladimir A. Ulianov[2], Sergey A. Gladyshev[1], Grigory I. Markovsky[1], Zhaken K. Taimagambetov[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
[3]National Museum of the Republic of Kazakhstan,
Astana, Kazakhstan
E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

Study of the Final Upper Paleolithic Evidence at the Ushbulak Site in 2019

The article describes the results of ongoing research of the Final Upper Paleolithic at the multilayered Ushbulak site (East Kazakhstan) in 2019. In this field season, excavation pit 1 was expanded in northeastern direction down the edge

of the Ushbulak Vostochnyi stream. Test pit 13 to the east of excavation pit 1 and new trench between excavation pits 1 and 2 were made. These works resulted in three new profiles. Archaeological and paleontological materials (including the bones of large mammals and rodents, as well as malacofauna) were present in all excavated strata. Lithological data shows similarities between the profiles of test pit 13 and excavation pit 1 with significantly larger thickness of layers in the test pit. New profile in excavation pit 1 and trench connecting excavation pits 1 and 2 revealed the decrease in the thickness of deposits down the slope, smaller number of artifacts in the uppermost cultural strata (cultural layers 1–3), and stabile numbers in cultural layers 4–5.1. The riches archaeological evidence was obtained from layer 5.1. Previous observations on the distribution of materials in the form of concentrations were also relevant for the complex of artifacts from layer 5.1. Collection of artifacts was enriched with distinctive forms of cores for bladelets and microblades. Analysis of these cores and debitage confirms the attribution of the evidence from layer 5.1 to the Final Upper Paleolithic.

Keywords: *East Kazakhstan, Ushbulak site, Pleistocene, Final Upper Paleolithic, micro-percussion.*

Одной из задач продолжающегося исследования стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2019 г. стало дальнейшее изучение отложений, включающих материальные остатки финального этапа верхнего палеолита. Это отложения, вскрытые на глубину до 4 м на участке раскопа 1 и разделенные на пять основных литологических слоев, содержащих археологический материал от поздних этапов верхнего палеолита (слои 2–5.1) до эпохи палеометалла (слой 1) [Павленок и др., 2019]. В текущем полевом сезоне с целью уточнения стратиграфической ситуации, а также с целью выявления распространения концентрации археологического материала, площадь раскопа 1 была расширена вниз по борту ручья на 3 м^2, и к востоку от раскопа 1, выше по склону, был заложен шурф 13 площадью 3 м^2. Была заложена траншея, соединяющая раскопы 1 и 2 (рис. 1, *4*). В результате проведенных работ были получены три новых стратиграфических разреза, наиболее удаленных друг от друга на расстояние до 16 м (юго-западная стенка траншеи и юго-восточная стенка шурфа 13).

Ниже приводится описание разреза юго-восточной стенки шурфа 13 по направлению сверху вниз (рис. 1, *1*), и проводится сопоставление с ранее опубликованными данными по разрезам раскопа 1 (рис. 1, *2*) [Там же; Павленок и др., 2018].

Шурфом 13 вскрыта верхняя часть пролювиально-склоновой пачки на глубину ок. 3,8 м. Верхняя и средняя части разреза сложены суглинками легкими алевритистыми, в сухом состоянии светло-серыми (белесыми) с палевым оттенком, слабо сцементированными, обильно насыщенными дресвой и щебнем сапролитизированных гранитов. Нижняя четверть шурфа сложена плотными суглинками алевритистыми коричнево-палевыми и коричневыми с признаками наложенного омарганцевания. Все вскрытые осадки, включая расположенные ниже зоны омарганцевания, активно реагируют с HCl.

Слои залегают с общим падением на запад, что соответствует азимуту падения слоев в раскопе 1. Направление падения хорошо читается по прослоям обогащения включениями крупного щебня гранитного состава, что, очевидно, указывает на направление движения временных потоков, сформировавших грубообломочную составляющую осадка. Наибольший угол падения слоев отмечается в верхней трети разреза, составляя ок. 7° и уменьшаясь к приподошвенной части разреза до 5°.

Слой 1 (нерасчлененный). Супеси алевритистые черные и черно-коричневые, представляющие собой гумусовые горизонты черноземовидной почвы, сильно нарушенной деятельностью землероев. Мощность – 0,60 м.

Слой 2.1. Супесь алевритистая серая слабо сцементированная, одресвяненная, с непрочной мелкозернисто-пылеватой структурой. Отличается от разреза раскопа 1 сильно увеличенной мощностью (до 40 см, вместо 20 см в стратотипе). Нижняя граница неровная, сильно нарушена землероями. Мощность – 0,40 м.

Слой 2.2. Суглинок легкий светло-палевый с серым оттенком. На глубине 0,30–0,40 м от кровли слоя содержит разубоженный прослой сапролитизированного щебня преимущественно гранитного состава. Нижняя граница четкая, проводится по кровле подстилающего горизонта крупнощебнистого материала. Мощность – 0,80 м.

Слой 2.3. Горизонт полностью сапролитизированного крупного щебня гранитов с легкосуглинистым сильно одресвяненным заполнителем базального типа. По сравнению со слоем 2.3 раскопа 1 мощность увеличена на 5–10 см. Нижняя граница четкая, резкая, денудационного типа. Мощность – 0,20 м.

Слой 3.1. Суглинок легкий коричневато-палевый, плотный на ощупь умеренно одресвяненный. На глубине ок. 0,20 м от кровли слоя отмечен тонкий, мощностью ок. 5 см, прослой обогащения мелким щебнем. Нижняя граница четкая, ровная, проводится по резкому изменению гранулометрического состава отложений. Мощность – 0,50 м.

Слой 3.2. Дресвяно-супесчаный горизонт с алевритистым заполнителем порового типа, единичны-

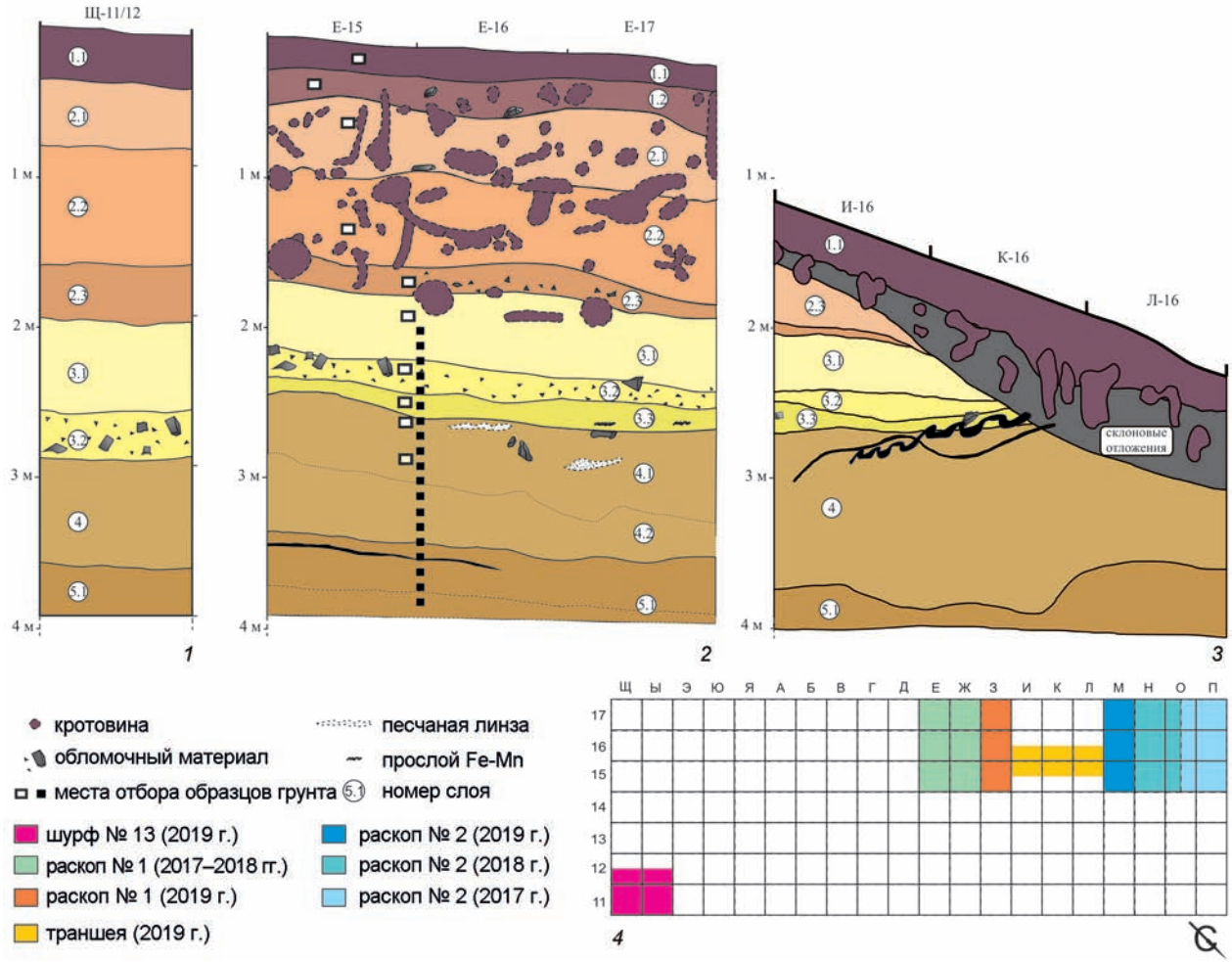

Рис. 1. Стратиграфические разрезы стоянки Ушбулак (*1–3*): юго-восточная стенка шурфа 13 (*1*); юго-восточная стенка раскопа 1 (*2*); юго-западная стенка траншеи (*3*). План взаиморасположения раскопов 1 и 2, шурфа 13 и траншеи (*4*).

ми включениями крупного щебня и маломощных невыдержанных по простиранию одресвяненных прослоев. Нижняя граница четкая, резкая, волнистая. Мощность – 0,25 м.

Слой 3.3 в стратиграфической последовательности разреза шурфа 13 отсутствует.

Слой 4 (нерасчлененный). Суглинок средний алевритистый светло-коричневый, насыщенный спорадически рассеянными включениями среднего и крупного щебня. В отличие от слоя 4, в раскопе 1 отмечается слабое увеличение глинистости осадка при отсутствии омарганцевания и ожелезнения большей части слоя. Тонкие горизонты омарганцевания фрагментарно появляются лишь в приподошвенной части слоя 4. Мощность – 0,90 м.

Слой 5.1. Суглинки средние плотные, пластичные, подстилаемые прослоем коричнево-желтых супесей. Мощность суглинистой пачки ок. 15 см, что приблизительно соответствует вскрытой в раскопе 1, мощность супесчаных отложений не установлена. Мощность (видимая) – 0,15 м.

Вскрытый шурфом 13 разрез почти полностью соответствует разрезу, вскрытому раскопом 1. Отличия заключаются в отсутствии слоя 3.3, а также в возросшей приблизительно на 1 м общей мощности пролювиально-склоновых отложений, увеличении количества горизонтов обогащения глыбово-щебнистым материалом и их более четкой выраженности. Это объясняется более близким расположением шурфа к источникам поступления пролювиальных осадков.

Другим важным отличием является приблизительно на 0,5 м более низкое гипсометрическое и стратиграфическое положение зоны наложенного омарганцевания, лишь частично затронувшей приподошвенную часть слоя 4 в шурфе 13. В то же время в раскопе 1 интенсивным омарганцеванием охвачены средняя и, вблизи русла ручья, прикровельная части слоя 4. Таким образом, установлена тенденция к понижению высоты зоны омарганцевания с удалением от русла ручья Восточный Ушбулак. Это свидетельствует о том, что источником

подвижных соединений железа и марганца служили родниковые воды ручья Восточный Ушбулак, и позволяет связывать положение уровня верхней границы омарганцевания в раскопе 1 с наиболее высоким положением русла ручья перед началом этапа его современного врезания.

Подобные заключения подтверждаются стратиграфией траншеи, соединяющей раскопы 1 и 2, пройденной на глубину 3,80–2,70 м до верхней части слоя 5.1 (рис. 1, *3*). Все слои, выявленные на разрезах раскопа 1, присутствуют в несколько измененном склоновыми процессами разрезе траншеи. Здесь не представляется возможным выявить отдельные прослои для слоев 1 и 4, а также отсутствует прослой 2.1. Сокращение мощности прослоев и слоев разреза траншеи в большей степени коснулось пролювиально-склоновых отложений (слои 1–3), тогда как характеристики нижних слоев 4 и 5 остаются практически неизменными.

На основе этих наблюдений было высказано предположение, что и концентрация артефактов на исследованных участках должна иметь аналогичные изменения. С целью выявления такой закономерности были построены диаграммы, отражающие количество артефактов, зафиксированных в каждом культурном слое по трем координатам в шурфе 13 и раскопе 1. Материалы траншеи в данном анализе не участвовали, поскольку часть отложений этого участка была исследована в 2016 г. в процессе закладки первой рекогносцировочной траншеи сразу после обнаружения памятника Ушбулак [Shunkov et al., 2017]. В анализ были включены координаты 314 артефактов, распределенные по слоям, а также по участкам – шурф 13 и поквадратно в пределах раскопа 1 (рис. 2).

В результате была получена предсказуемая картина только касательно слоя 3: здесь действительно фиксируется снижение концентрации материала вниз по склону. Для слоев 1, 2 и 4 наблюдается относительно равное распределение материала вне зависимости от изученного участка, что связано, скорее всего, с малой насыщенностью отложений слоев археологическим материалом. Так, ни для одного из рассмотренных участков количество артефактов не превышает отметку в 10 экз. Наиболее интересную ситуацию удалось зафиксировать в слое 5.1, где отмечается явное увеличение концентрации каменных артефактов вниз по склону. Такую ситуацию невозможно объяснить механическим накоплением материала, поскольку именно для отложений слоя 5.1 реконструируется ситуация залегания археологических материалов *in situ* [Павленок и др., 2019]. Возможно, именно этот участок слоя 5.1 является наиболее перспективным для дальнейшего изучения, особенно учитывая, что, помимо традиционного технико-типологического анализа каменных изделий, к ним применим метод ремонтажа [Там же].

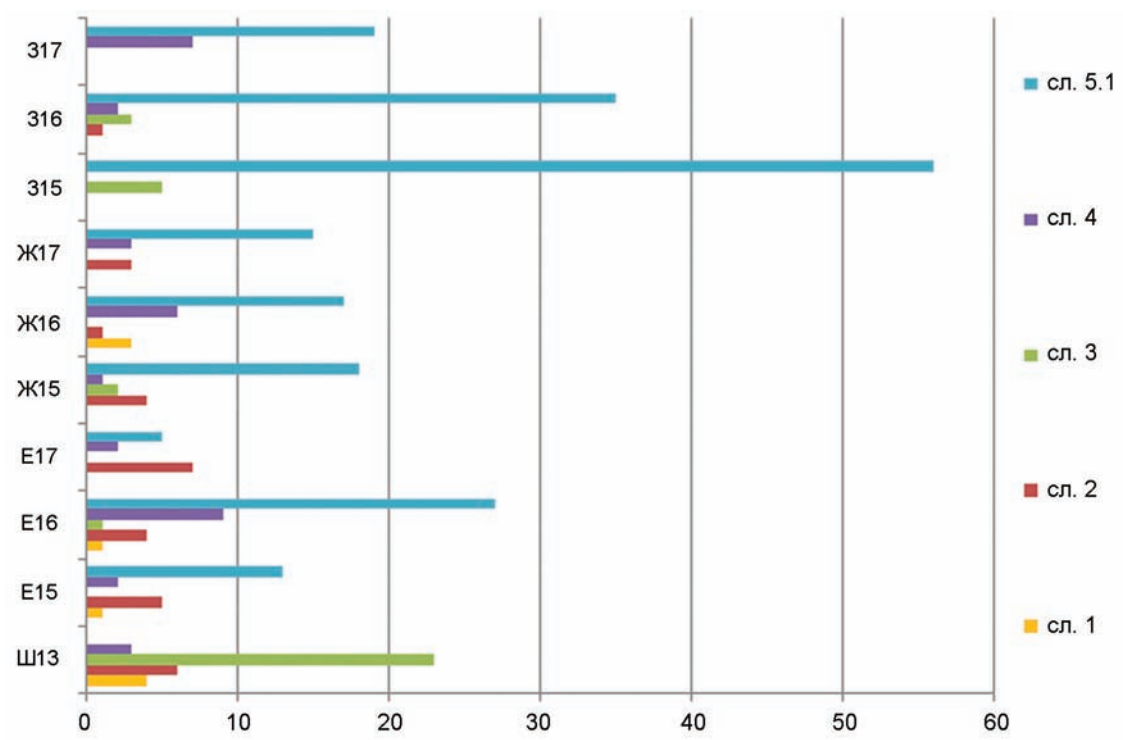

Рис. 2. Диаграмма, отражающая зависимость количества артефактов шурфа 13 и раскопа 1 от участка их расположения в слое.

Таблица 1. **Состав каменной индустрии слоев 1–5 стоянки Ушбулак. Раскопки 2019 г.**

Категории и группы/участок	Слой 1		Слой 2			Слой 3			Слой 4			Слой 5.1		
	Раскоп 1	Шурф 13	Раскоп 1	Шурф 13	Траншея	Раскоп 1	Шурф 13	Траншея	Раскоп 1	Шурф 13	Траншея	Раскоп 1	Шурф 13	Траншея
Нуклевидные														
Нуклеусы	–	–	–	2	–	1	–	1	–	–	3	3	–	1
Нуклевидные обломки	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–
Гальки/блоки со сколами	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Блоки без апробации	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1
Технические сколы														
Первичные	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Вторичные	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	1
Подправки дуги скалывания	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Подправки фронта	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	–	–
Полуреберчатые	–	–	1	–	–	1	–	–	2	–	1	3	–	–
Краевые	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	3	19	–	6
Заныривающие	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	2	–	–
Пластины														
ширина 20–39 мм	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	6	–	1
ширина 12–19 мм	–	–	2	–	–	–	–	–	1	1	1	20	1	1
Пластинки	–	–	1	–	–	–	1	–	1	–	1	6	–	–
Микропластины	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	35	–	–
Удлиненный остроконечник	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–
Пластинчатые отщепы														
Крупные (длина ≥ 50 мм)	–	–	–	–	–	–	2	–	–	–	–	2	–	–
Средние (длина 30–49 мм)	–	–	–	–	–	–	9	–	–	–	–	6	–	–
Мелкие (длина ≤ 29 мм)	–	–	–	–	–	–	4	–	–	–	–	2	–	–
Отщепы														
Крупные (длина ≥ 50 мм)	3	–	–	–	–	1	–	–	–	–	3	5	–	3
Средние (длина 30–49 мм)		1	3	1	1	3	–	–	2	1	25	31	1	6
Мелкие (длина ≤ 29 мм)	1	1	3	–	1	5	–	–	1	–	7	105	–	3
Обломки, осколки	–	2	5	3	3	20	6	–	3	1	11	411	1	7
Чешуйки	–	–	–	–	–	–	–	–		–	–	282	–	–
Всего	4	4	15	6	5	34	23	1	11	3	61	941	3	31

Коллекции каменных артефактов, полученных при изучении всех участков стоянки Ушбулак, содержащих материалы финального этапа верхнего палеолита, достаточно многочисленны (табл. 1).

Материалы слоя 1, не относящиеся к эпохе каменного века, представлены неопределимыми отходами производства, полученными при расщеплении камня, и небольшим количеством отщеповых форм разных размерностей (табл. 1) на площади раскопа 1 (4 экз.) и в шурфе 13 (4 экз.). Кроме того, в поддерновом участке слоя 1 шурфа 13 было зафиксировано 22 фрагмента керамики.

Материалы слоя 2 представлены на всех трех исследованных участках. Большую часть коллекции составляют отходы производства и отщеповый дебитаж мелкой и средней размерности (табл. 1). Кроме того, на раскопе 1 были обнаружены мелкие пластинчатые формы, в т.ч. и техническая полуреберчатая пластинка, а в шурфе 13 зафиксировано два типологически-определимых нуклеуса: сильно истощенный двуплощадочный двуфронтальный со скалыванием во встречном направлении для мелких пластин и призматический конусовидный для пластинок и мелких пластин (рис. 3, *1*).

Материалы слоя 3 представлены в относительно равных пропорциях в раскопе 1 и шурфе 13 и единственным, но значимым артефактом в траншее (табл. 1). Большую часть коллекции составляют отходы производства, отщепы и пластинчатые отщепы всех размерностей (табл. 1). Присутствуют единичные пластинка, микропластина и технические краевые и полуреберчатый сколы. Нуклевидные изделия встречаются трех форм: нуклевидный обломок (шурф 13); торцовый нуклеус, оставленный на стадии оформления, предназначенный, видимо, для получения мелких пластин, судя по ширине и протяженности фронта (раскоп 1); нуклеус двуплощадочный однофронтальный, оставленный

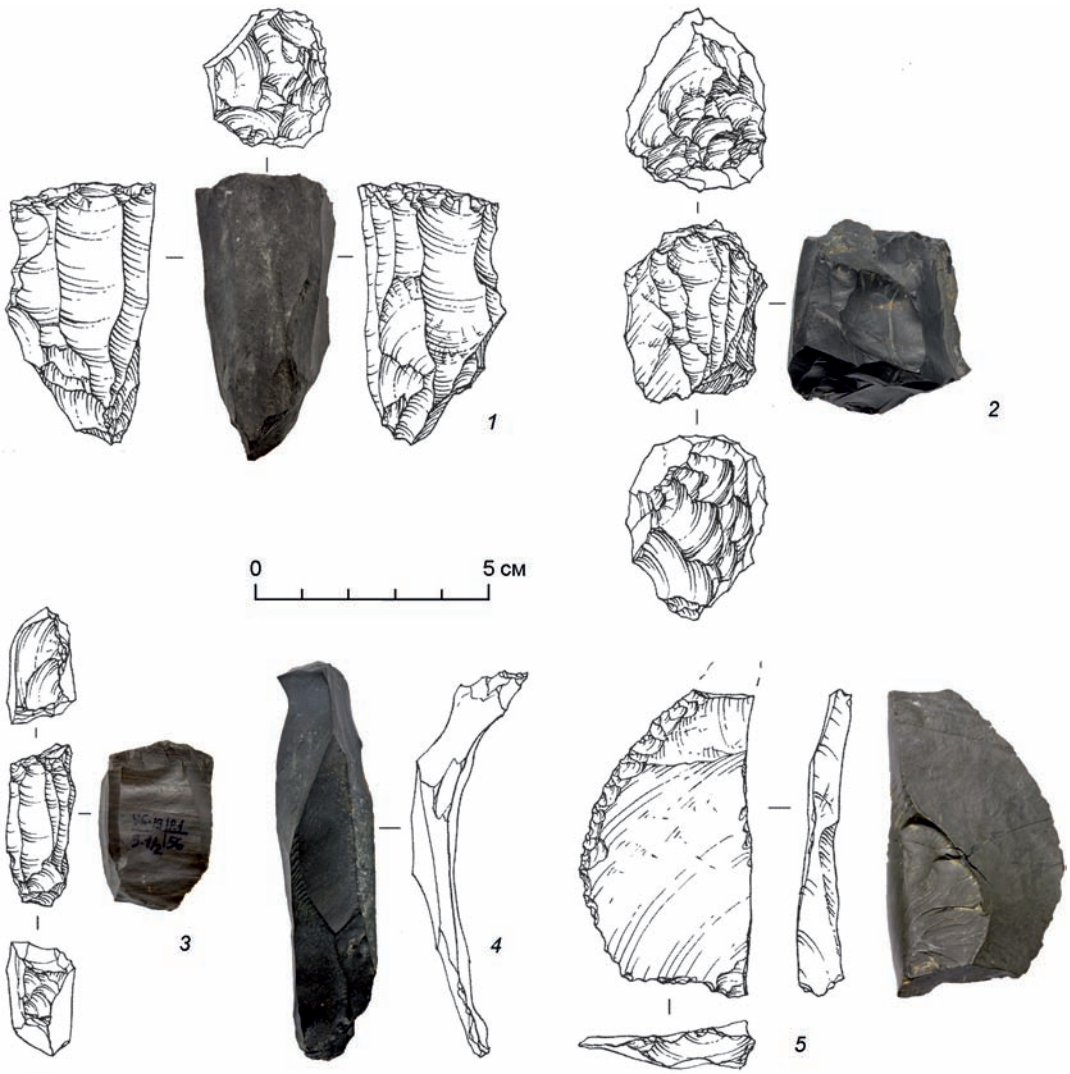

Рис. 3. Артефакты стоянки Ушбулак.
1 – нуклеус (слой 2); *2*, *3* – нуклеусы (слой 5.1); *4* – технический скол (слой 5.1); *5* – орудие (слой 5.1).

на стадии оформления и предназначенный, видимо, для получения пластинок и мелких пластин (траншея).

Материалы слоя 4 наиболее массово представлены на участке траншеи, в умеренном количестве – в раскопе 1 и единичными артефактами – в шурфе 13 (табл. 1). Как и в вышележащих слоях, наиболее многочисленные категории в коллекции – отходы производства и отщепы разных размерностей. Пластинчатые формы представлены пластинками (2 экз.), мелкими (3 экз.) и одной крупной пластиной. Помимо этого, в слое 4 траншеи зафиксирован удлиненный остроконечник. В качестве отличительной черты находок слоя 4 можно отметить возросшее количество и разнообразие технических сколов, которые отражают весь тип-лист технических изделий, характерных для стоянки Ушбулак, за исключением первичных и вторичных сколов разжелвачивания. Это сколы подправок фронта (1 экз.) и дуги скалывания (1 экз.), полуреберчатые изделия (3 экз.), краевые формы (3 экз.) и заныривающий скол (1 экз.). Нуклевидные изделия представлены пятью формами, зафиксированными при изучении траншеи: два блока сырья, один со следами апробации, другой без них и три нуклеуса. Ранняя стадия утилизации отражена в заготовке торцового клиновидного нуклеуса, где была оформлена ударная площадка и снята одна первичная пробная пластинка. Два других нуклеуса были оставлены на стадии серийного снятия сколов-заготовок: нуклеус двуплощадочный однофронтальный с встречным расщеплением для правильных, сильно удлиненных пластинок и нуклеус двуплощадочный двуфронтальный со сопряженными широким и узким фронтами и встречным направлением скалывания. С узкого фронта скалывались пластинки и мелкие пластины, с широкого – мелкие пластины и пластинчатые отщепы.

Артефакты слоя 5.1, представленные преимущественно материалами раскопа 1, при небольшом количестве находок из траншеи и единичных – в шурфе 13, суммарно составляют чуть менее тысячи изделий – 975 экз. (табл. 1). Подавляющее большинство из этих находок относятся к отходам производства (791 экз.). Среди дебитажа наиболее массово представлены отщеповые формы, причем доля мелких форм составляет 70 % от всех отщепов. В коллекции присутствуют пластинчатые отщепы (10 экз.). Среди удлиненных сколов количественно преобладают микропластины (35 экз.), чуть меньшую долю составляют пластины (29 экз.) и значительно уступают им по количеству пластинки (6 экз.). Стоит отметить, что лишь единичные пластинчатые сколы всех категорий (пластинки, пластины, микропластины) имеют правильную призматическую форму и огранку. Суммарное количество всех технических снятий с трех изученных участков составляет 35 изделий, среди них абсолютно преобладают краевые сколы (25 экз.) (рис. 3, *4*). Единично представлены такие технические снятия, как первичные и вторичные, сколы подправки дуги скалывания, подправки фронта, полуреберчатые и заныривающие.

Нуклевидные изделия представлены пятью формами, из которых один блок сырья без следов апробации (траншея) и четыре нуклеуса, три из которых были зафиксированы в раскопе 1 и один – в траншее. В начальной стадии расщепления был зафиксирован крупный торцовый нуклеус со сходящимися латералями. Нуклеус имеет тщательную обработку ударной площадки, в большей степени тяготеющую к тыльной ее части. Следы оформления фиксируются также на левой латерали. Присутствуют негативы сильно заломившихся сколов на фронте, что не позволяет реконструировать морфологию финальных сколов. При этом размер и пропорции фронта косвенно свидетельствует об ориентированности на изготовление пластин. Еще два ядрища были оставлены в крайней степени сработанности. Оба определяются как одноплощадочные с двумя со-

Таблица 2. **Фаунистический состав слоев 1–3 и 5.1 раскопа 1 стоянки Ушбулак**

Видовой состав фауны	Слой 1	Слой 2	Слой 3	Слой 5.1
Лошадь крупная кабаллоидная (*Equus ferus*?)	обломок зуба, 1 экз.	–	–	–
Лошадь (*Equus* sp.)	–	–	–	обломок зуба, 1 экз.
Козлы-бараны (*Capra-Ovis*)	–	–	обломок зуба, 1 экз.	–
Сибирский горный козел (*Capra sibirica*)	–	–	–	резец, 1 экз.
Суслик (*Spermophilus* sp.)	–	берцовая кость, 1 экз.	–	–
Неопределимые обломки	–	3 экз.	3 экз.	58 экз.

пряженными фронтами, расположенными на узкой и широкой поверхностях отдельности породы. Торцовые фронты обоих изделий использовался для получения микропластин, широкие – для мелких пластин. Оба нуклеуса имели также противолежащие вспомогательные ударные площадки. В первом случае точное технологическое назначение вспомогательной площадки определить не удалось (рис. 3, *2*), во втором – с нее реализовывались сколы оформления на левую латераль нуклеуса (рис. 3, *3*). Последнее изделие было зафиксировано в слое 5.1 траншеи. Типологически нуклеус тоже относится к одноплощадочным изделиям с двумя сопряженными фронтами. К торцовой части изделия тяготеют снятия пластинок и микропластин, на широкой плоскости – негативы мелких пластин.

В слое 5.1 на участке раскопа 1 было найдено два орудия. Это нож с ретушированным лезвием и с естественным обушком. Выпуклый рабочий край организован на вентральной поверхности скола-заготовки (рис. 3, *5*). Второе орудие представляет собой крупный медиальный фрагмент правильной призматической пластинки с мелкой дорсальной ретушью по части продольного края и по одному из поперечных сечений фрагмента скола.

Фаунистические материалы (69 экз.) были обнаружены во всех стратиграфических подразделениях раскопа 1, кроме слоя 4, но определимыми оказались только пять (табл. 2).

Раскопки 2019 г. позволили получить представительный материал, который укладывается в ранее предложенную атрибуцию слоев. Так, слой 1 может быть предварительно отнесен к очень широкому временному промежутку – эпохе палеометалла, а материалы слоев 2–5.1 – к финальному этапу верхнего палеолита. Значимым результатом раскопок 2019 г. является расширение коллекции нуклеусов из финальнопалеолитических отложений. За все время изучения верхних отложений стоянки Ушбулак было обнаружено всего 15 типологически-определимых нуклеусов, из которых 11 экз. были зафиксированы при раскопках в этом году. Все ядрища утилизировались с целью получения пластинчатых сколов. Для наиболее поздних материалов (слой 2) фиксируется применение призматического расщепления. Для слоев 3–4 характерны вариации двуплощадочных нуклеусов со встречным скалыванием на один или два фронта и торцовые формы. В слое 5.1 количественно явно преобладают одноплощадочные двуфронтальные сопряженные формы. Все эти новые технологические характеристики позволяют дополнить ранее полученные сведения о финале верхнего палеолита Восточного Казахстана.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст». Авторы выражают признательность А.В. Абдульмановой за подготовку графических иллюстраций артефактов и С.К. Васильеву за выполнение определений фаунистической коллекции.

Список литературы

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Бочарова Е.Н., Кулик Н.А., Ульянов В.А. Слой 5.1 верхнепалеолитической стоянки Ушбулак: археология, петрография, планиграфия // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 4 (в печати).

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Шалагина А.В., Харевич В.М. Материалы слоев 1–4 стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) // Евразия в кайнозое. Стратиграфия, палеоэкология, культуры. – 2018. – Вып. 7. – С. 203–210.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // Antiq. Proj. Gall. – 2017. – Vol. 91 (360). – P. 1–7. – DOI: 10.15184/aqy.2017.208.

References

Pavlenok G.D., Anoikin A.A., Bocharova E.N., Kulik N.A., Ulianov V.A. Artificial Construction in the Upper Palaeolithic Layer 5.1 of Ushbulak site: planigraphic Aspect. *Theory and Practice of archaeological Research*, 2019, No. 4 (in press) (in Russ.).

Pavlenok G.D., Anoikin A.A., Shalagina A.V., Kharevich V.M. Archaeological Materials from Layers 1–4 of Ushbulak Site (Eastern Kazakhstan). *Eurasia in the Cenozoic. Stratigraphy, Paleoecology, Cultures*, 2018, iss. 7, pp. 203–210 (in Russ.).

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia. 2017. *Antiq. Proj. Gall*, 2017, vol. 91 (360), pp. 1–7. DOI: 10.15184/aqy.2017.208

Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259
Бочарова Е.Н. https://orcid.org/0000-0002-7961-0818
Ульянов В.А. https://orcid.org/0000-0002-7798-0399
Гладышев С.А. https://orcid.org/0000-0002-7443-654X
Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Таймагамбетов Ж.К. https://orcid.org/0000-0003-3541-0600

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.195-202
УДК 902.01

К.К. Павленок[1], Г.Д. Павленок[1], С.А. Когай[1, 2], Р.Н. Курбанов[3], М. Хужаназаров[4], Г. Мухтаров[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
[3]Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Россия
[4]Институт археологических исследований им. Я. Гулямова АН РУз
Самарканд, Узбекистан
[5]Общеобразовательная школа № 21
Ангрен, Узбекистан
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Первые результаты изучения каменной индустрии слоя 24 стоянки Кульбулак (по материалам раскопок 2019 года)

Несмотря на значительный прогресс в изучении ранних пластинчатых комплексов Памиро-Тянь-Шаня, определявших направление культурного развития региона в середине верхнего плейстоцена, сохраняется потребность в дальнейшем исследовании из-за неясности их хронологии, недостаточного понимания процессов их генезиса и причин вариабельности. Перспектива решения обозначенных вопросов связана с комплексным изучением археологических материалов из нижней пачки отложений многослойной палеолитической стоянки Кульбулак. Последние исследования подтверждают, что в культурной последовательности этой стоянки запечатлены все этапы становления и развития пластинчатой традиции камнеобработки. Первые импульсы этого процесса прослеживаются уже в среднепалеолитических индустриях стоянки, которые могут иметь среднеплейстоценовый возраст. Наиболее древним культуросодержащим слоем стоянки Кульбулак является слой 24 преимущественно делювиального генезиса. Результаты предварительного технико-типологического анализа материалов 2019 г. органично сочетаются с результатами комплексного изучения стоянки в 2010–2018 гг. Они подтверждают, что в нижних слоях стоянки Кульбулак (возрастом старше 82 тыс. л.н.) представлены каменные индустрии, главным элементом которых выступает вариабельное пластинчатое производство. При этом в индустрии слоя 24 главенствующее положение занимает леваллуазская модель расщепления, практически не использующаяся в более поздних индустриях обирахматской культурной традиции. Состав орудийного набора подтверждает пластинчатую направленность расщепления, при этом он сформирован исключительно изделиями среднепалеолитического типологического ряда: удлиненный остроконечник на пластине, разнообразные скребла, отщеп леваллуа и сколы с нерегулярной ретушью.

Ключевые слова: *Памиро-Тянь-Шань, средний палеолит, многослойная стоянка, стратиграфия, пластинчатое производство, технико-типологический анализ.*

Konstantin K. Pavlenok[1], Galina D. Pavlenok[1], Sergey A. Kogay[1, 2], Redzhep N. Kurbanov[3], Muhiddin Khuzhanazarov[4], Gairathon Mukhtarov[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Irkutsk State University,
Irkutsk, Russia
[3]Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
[4]Institute of Archaeological Research named after Y. Gulyamov,
Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan,
Samarkand, Uzbekistan

[5]*Secondary School N 21,*
Angren, Uzbekistan
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

First Results of Research into the Lithic Industry from Layer 24 at the Kulbulak Site (Excavations of 2019)

Despite significant progress in the study of early laminar complexes of the Pamir–Tien Shan, which defined the outlook of the cultural development of the region in the mid Upper Pleistocene, their further study is relevant due to ambiguity of chronology, and insufficient understanding of their genesis and reasons for variability. These problems can be resolved though the comprehensive study of archaeological evidence from the lower unit of deposits at the multilayered Kulbulak Paleolithic site. Recent studies have confirmed that the cultural sequence of this site reveals all stages of formation and development of laminar tradition of stone processing. First indications of this process can be observed already in the Middle Paleolithic industries of the site, which may have the Middle Pleistocene age. The earliest culture-bearing layer at the Kulbulak site is layer 24 of predominantly deluvial origin. The results of preliminary technical and typological analysis of the evidence from the excavations of 2019 well correspond to the results of the comprehensive study of the site in 2010–2018, and confirm that lithic industries with variable blade production appear in the lower layers of the Kulbulak site (over 82,000 BP). The Levallois model of reduction dominated in the industry of layer 24, while it was virtually not used in the later industries of the Obi-Rakhmat cultural tradition. The toolkit consists exclusively of the objects belonging to the Middle Paleolithic typological series, such as elongated point on blade, various side-scrapers, Levallois flake, and spalls with irregular retouching, which confirms the focus on blade production.

Keywords: *Pamir–Tien Shan, Middle Paleolithic, multilayered site, stratigraphy, blade production, technical and typological analysis.*

В результате 14-летнего (1998–2012 гг.) цикла исследований в гроте Оби-Рахмат и ряде других комплексов (стоянка Кульбулак в Узбекистане; стоянки Худжи, Джаркутан, Дусти в Таджикистане) на территории горной системы Памиро-Тянь-Шаня было выявлено присутствие пластинчатых комплексов обирахматской культурной традиции. Она просуществовала как минимум с 80–70 тыс. л.н. (конец стадии 5е кислородно-изотопной шкалы) до 40–35 тыс. л.н. (середина КИС 3) [Krivoshapkin et al., 2010] и стала одним из основных источников формирования верхнего палеолита региона. Схожая с обирахматской направленность расщепления: сочетание среднепалеолитических и верхнепалеолитических характеристик как на уровне технологии расщепления, так и в орудийном наборе, достаточно хорошо прослеживается и на других местонахождениях Памиро-Тянь-Шаня: Хонако-3 (педокомплекс 2), Капчигай, Тосор и др. Значительная хронологическая протяженность и широкое распространение дали основания рассматривать обирахматскую традицию как явление, во многом определявшее культурное развитие Памиро-Тянь-Шаня в середине верхнего плейстоцена [Кривошапкин, 2012; Кривошапкин, Павленок, 2015].

Несмотря на значительный прогресс в изучении пластинчатых комплексов региона, хронологически принадлежащих среднему палеолиту, задача их дальнейшего исследования остается актуальной по ряду причин:

– в настоящий момент продолжает оставаться не до конца ясным хронологический контекст среднего палеолита региона, в первую очередь по причине малого количества датированных памятников;

– не поставлена точка в дискуссии о генезисе индустрий среднего палеолита. Исследователи разных поколений и разных научных школ (А.П. Окладников, В.А. Ранов, А.П. Деревянко, Л.Б. Вишняцкий) признавали наиболее вероятным появление среднепалеолитических индустрий в регионе в результате интервенции со стороны Ближнего и Среднего Востока [Деревянко, 2011; Ранов, 1964; Окладников, 1968; Vishnyatsky, 1999]. Об этом свидетельствуют схожие черты в каменных индустриях (леваллуа-пластинчатая технологическая основа), топографии стоянок (расположение в предгорном и низкогорном поясе с абсолютными высотами в пределах 1200–1400 м над ур. м.) и композиции фаунистических останков на стоянках (мелкие парнокопытные как основной объект охоты). Но вместе с тем не вызывает сомнений сходство материалов памятников Памиро-Тянь-Шаня с синхронными археологическими комплексами Горного Алтая [Деревянко, 2011]. А если принять точку зрения о технологической связи леваллуа-пластинчатых комплексов с бифасиальной технологической основой, тогда вполне корректны поиски истоков среднего палеолита Памиро-Тянь-Шаня и на территориях к востоку от исследуемого района;

– в исследовательской среде отсутствует единое понимание причин вариабельности комплексов среднего палеолита. Л.Б. Вишняцкий, аргументируя полный отказ от фациального деления среднепалеолитических индустрий [Vishnyatsky, 1999], отметил, что в западной части Центральной Азии значительное сходство демонстрируют памятники схожего типа (с одной стороны, пещерные: Оби-Рахмат, Ходжакент, Огзи-Кичик, Тешик-Таш и т.д.; с другой – открытого типа: Худжи, Кутурбулак, Зирабулак и т.д.) или схожей функции (стоянки-мастерские или базовые лагеря). В связи с этим он предположил, что в отличие от культурного, хронологического и фациального принципов деления, которые малоэффективны, значительно лучше различия в материальных комплексах памятников будет отражать создание ландшафтных группировок – равнинные объекты, предгорные, горные. Однако на современном этапе исследований в среднем палеолите Памиро-Тянь-Шаня исследователями выделяются две базовые индустрии, или линий культурного развития: мустьерская (тешикташская) и пластинчатая (обирахматская), именно на основе технологических параметров комплексов [Деревянко, 2011; Кривошапкин, 2012].

Перспектива решения обозначенных вопросов связана с комплексным изучением археологических материалов стоянки Кульбулак на юго-восточном склоне Чаткальского хребта, входящего в горную систему Западного Тянь-Шаня (рис. 1). За этим памятником почти с момента его обнаружения О.М. Ростовцевым в 1962 г. закрепился статус опорного объекта для всей палеолитической эпохи на западе Центральной Азии [Борисковский, Абрамова, 1983; Касымов, 1990; Анисюткин и др., 1995]. Хотя ашельский возраст нижней пачки отложений стоянки сейчас ставится под сомнение [Кривошапкин, Колобова и др., 2010; Колобова, Кривошапкин, 2016; Kolobova et al., 2016], новейшие исследования подтверждают, что Кульбулак является единственным памятником в регионе, где запечатлены все этапы становления и развития пластинчатой традиции камнеобработки. Первые импульсы этого процесса прослеживаются уже в среднепалеолитической индустрии слоя 23.

За последние годы из нижних слоев Кульбулака (слои 14–24) были получены четко стратифицированные коллекции, численность которых варьирует от нескольких предметов в слое 17 до свыше 20 000 экз. в слое 23. Согласно устному сообщению Д. Вандерберге, проводившего люминес-

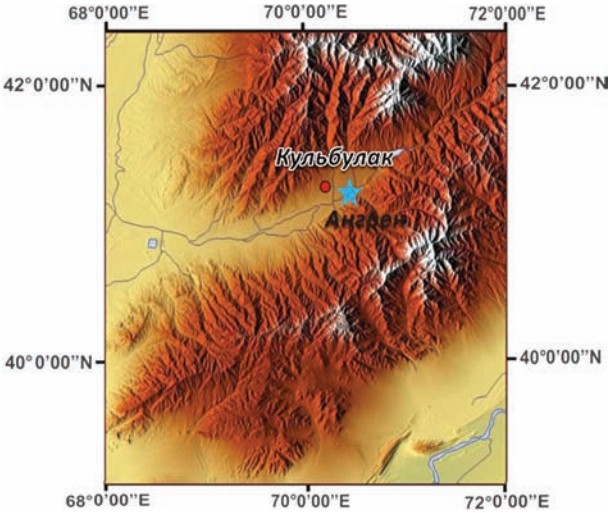

Рис. 1. Карта-схема расположения палеолитической стоянки Кульбулак.

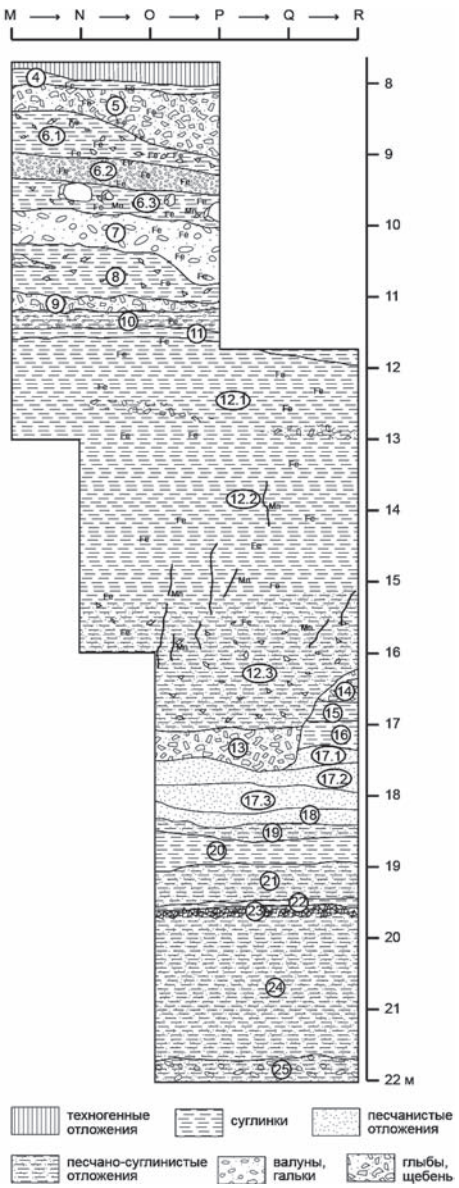

Рис. 2. Стратиграфическая колонка отложений стоянки Кульбулак (слои 4–25).

центное датирование стоянки Кульбулак в 2010 г. (в настоящий момент завершена обработка и опубликованы результаты датирования для слоев 2–10 [Vandenberghe et al., 2014]), нижние слои памятника (14 и ниже) могут иметь среднеплейстоценовый возраст. Они имеют особое значение для прояснения особенностей генезиса пластинчатых среднепалеолитических индустрий Памиро-Тянь-Шаня. В настоящей работе будут приведены первые результаты изучения каменной индустрии наиболее древнего культуросодержащего слоя стоянки Кульбулак – слоя 24 (по материалам раскопок 2019 г.).

С точки зрения литологии слой 24 (рис. 2) представляет собой плотный пластичный коричневосизый суглинок, имеющий неравномерный рыже-сизый оттенок из-за распространения окислов (гидроокислов) железа. Отложения, наиболее вероятно, имеют делювиальный генезис при незначительном участии эоловых процессов. Истинная мощность слоя – 1,9 м. Начиная с отметки 21,5 м и до отметки 21,7 м (нижняя граница слоя) отмечается постепенное увеличение количества включений мелкого щебня и гравия. За счет этих включений общий цвет грунта приобретает красновато-коричневый оттенок. Нижняя граница нечеткая, переход постепенный по увеличению содержания обломочного материала, представленного рыже-коричневой и холодно-бордовой цветовой гаммой. В целом 24 слой, по-видимому, представляет собой отложения застойного водоема, возможно, периодически проточного, что отражает механический состав плотных суглинков, в которые эпизодически поступал материал с близлежащих склонов в виде маломощных селей. Толща слоя 24 претерпела постседиментационные изменения, находясь под длительным влиянием грунтовых вод, что выразилось в наличии многочисленных пятен Fe-Mn и участков-линз с преобладанием сизого оттенка над коричневым.

Стерильные (с точки зрения археологии) подстилающие отложения слоя 25 сформированы плотным серо-коричневым суглинком с многочисленными включениями слабоокатанных обломков размерности щебня, которые формируют до 50 % слоя. Обломочник представлен андезит-порфирами, характерными для всего разреза Кульбулака. Кровля горизонта размытая, нечеткая. Видимая мощность слоя – 10 см. На уровне 21,85–21,90 м фиксируется выход грунтовых вод.

Археологический материал преимущественно сосредоточен в нижней части слоя – ниже отметки 20,60 м. Выше этой отметке встречаются единичные изделия. В настоящий момент произведен только первичный обсчет коллекции, потому ограничимся ее общей характеристикой. Общая численность коллекции составляет 1761 экз. (см. *таблицу*). Как и во всех других культуросодержащих горизонтах Кульбулака, наиболее многочисленной категорией находок являются отходы производства (чешуйки, осколки, обломки, мелкие отщепы, фрагменты отщепов); их доля составляет более 90 % коллекции. Кроме того, есть основания для отнесения к отходам производства единичных пластинок (один целый экземпляр и четыре фрагмента), но присутствие в составе индустрии разнообразных нуклеусов для такого типа заготовок препятствует однозначному решению этого вопроса до полной обработки коллекции.

Облик нуклеусов индустрии слоя 24 достаточно полно иллюстрируют следующие предметы.

Сильно сработанные плоскостные нуклеусы для пластин (рис. 3, *1, 2*). Их сближают следующие морфологические и технологические особенности:

Состав каменной индустрии. Слой 24 стоянки Кульбулак (раскопки 2019 г.)

Категория	Кол-во, экз.	%	% без учета отходов производства
нуклевидные изделия	14	0,8	8,0
технические сколы	23	1,3	13,2
отщепы	99	5,6	56,9
пластины	7	0,4	4,0
фрагменты пластин	26	1,5	14,9
пластинки	1	0,1	0,6
фрагменты пластинок	4	0,2	2,3
чешуйки	444	25,2	–
осколки	744	42,2	–
обломки	109	6,2	–
мелкие отщепы	183	10,4	–
фрагменты отщепов	107	6,1	–
Итого	1761	100,0	–
Итого (без учета отходов производства)	174	–	100,0

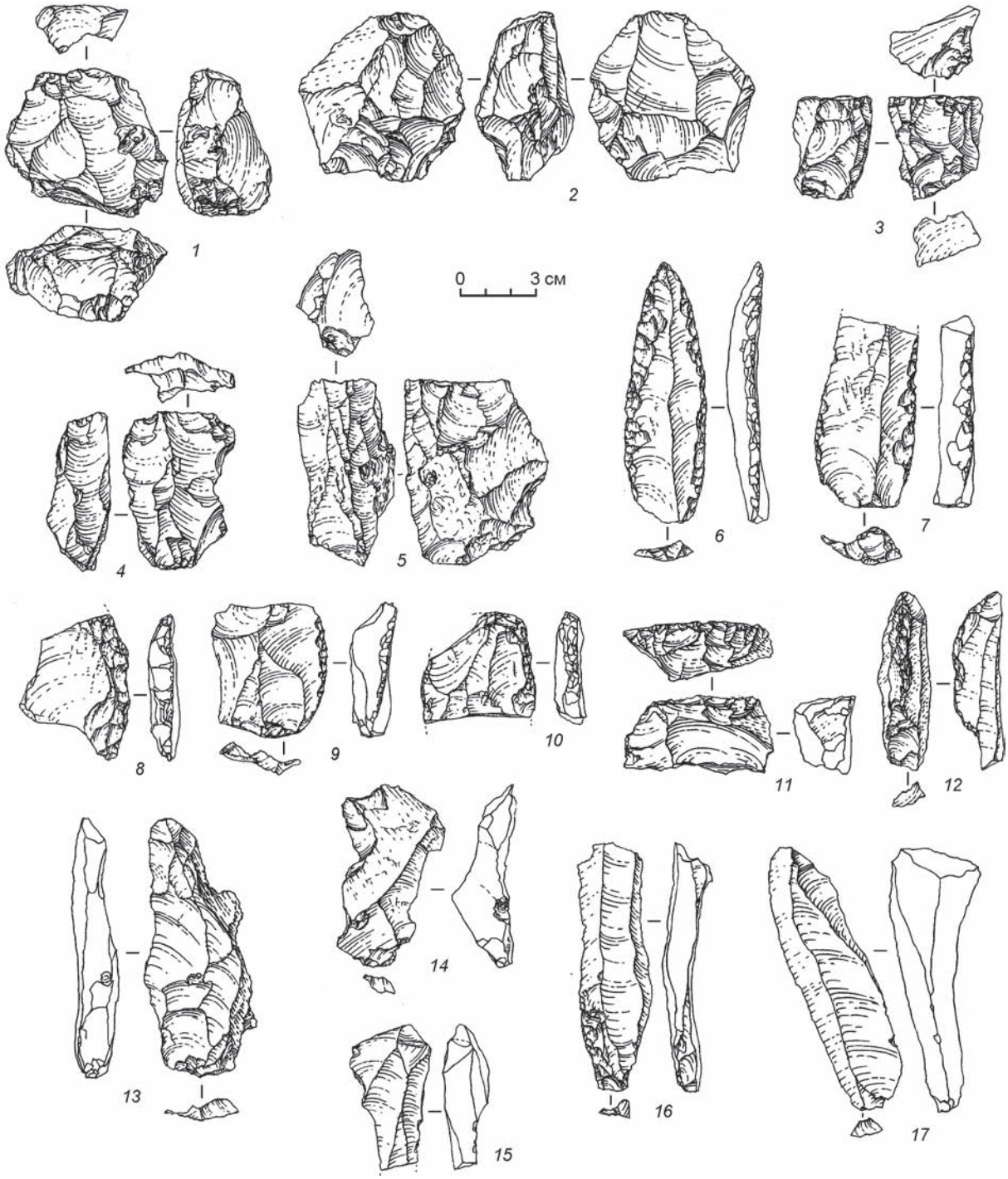

Рис. 3. Археологический материал из слоя 24 стоянки Кульбулак (по материалам раскопок 2019 г.).

1, 2 – плоскостные нуклеусы для пластин; *3, 4* – нуклеусы для мелких пластин и пластинок; *5* – торцовый нуклеус для пластинок; *6* – удлиненный остроконечник на пластине; *7* – фрагмент пластины с нерегулярной ретушью по краям; *8* – одинарное продольное выпуклое скребло; *9* – леваллуазский отщеп; *10* – двойное продольно-поперечное скребло; *11* – поперечное прямое скребло; *12, 15, 16* – сколы расширения фронта и удаления его неровностей; *13, 14, 17* – сколы формирования/восстановления рельефа фронта.

– небольшие размеры при существенных значениях массивности, что свидетельствует о достаточно сильной степени сработанности;

– четкое разграничение функций двух широких поверхностей: первая выступала в качестве фронта, вторая – в качестве ударной площадки;

– наличие основной и двух вспомогательных ударных площадок. Хотя в расщеплении задействована большая часть периметра, последние отличаются ломаной (зигзагообразной) линией рабочей кромки и достаточно острым углом сопряжения с фронтом;

– в обоих случаях с основной площадки снимался удлиненный подпрямоугольный скол, сильно превосходящий в размерах иные снятия на фронте (на втором изделии снятие закончилось заломом).

До проведения анализа последовательности реализации сколов однозначно утверждать этого нельзя, но комплекс приведенных выше признаков дает основание соотносить эти формы с леваллуазской (несколько упрощенной в связи с невысоким качеством используемого сырья) технологией расщепления, достаточно полно охарактеризованной в нескольких последних работах по палеолиту региона [Павленок и др., 2019; Kot et al., 2014; Krajcarz et al., 2015].

Нуклеусы для мелких пластин и пластинок параллельного принципа расщепления (рис. 3, *3, 4*). В отличие от описанных ранее предметов, расщепление этих ядрищ велось по слабовыпуклой дуге. Удлиненные заготовки снимались последовательно друг за другом в субпараллельном направлении. Именно серийность в реализации целевых сколов (как альтернатива интенсивному переоформлению нуклеуса после одного–двух целевых снятий в рамках леваллуазской модели расщепления) свидетельствует о технологической вариабельности в пластинчатом производстве индустрии слоя 24.

Третий вариант получения удлиненных заготовок представлен *торцовым нуклеусом для пластинок со сходящимися латералями* (рис. 3, *5*). Ядрище отличает интенсивное оформление киле-гребневой части (если использовать терминологию, принятую для описания клиновидных нуклеусов) и мелкая тщательная подработка рабочей кромки.

Морфология присутствующих в коллекции технических сколов хорошо соотносится с первыми двумя из охарактеризованных стратегий расщепления. Одной из характерных черт леваллуазской технической схемы является необходимость формирования (а в дальнейшем – периодического восстановления) выпуклого рельефа рабочей поверхности и выраженных межфасеточных граней, которые выступают в качестве направляющих для целевых сколов. Эти вспомогательные снятия чаще удлиненные, ассиметричные и искривленные в профиле. Они, как правило, имеют нерегулярную огранку и некрупную, грубо оформленную площадку (рис. 3, *13, 14, 17*). Наряду с ними в коллекции присутствуют достаточно массивные снятия с субпараллельными краями и огранкой, которые использовались для расширения фронта и удаления его неровностей в рамках схемы простого параллельного расщепления (рис. 3, *12, 15, 16*).

В индустрии сколов отщепы количественно втрое превосходят пластины (см. *таблицу*). Отщепы, как правило, ассиметричные, подпрямоугольных очертаний; часто имеют искривленный профиль. Они демонстрируют большое количество вариантов огранок: заметно преобладают продольные и продольно-конвергентные, но серийно представлены радиальные, ортогональные, бипродольные (где встречные снятия редко занимают более 1/3 от общей длины изделия). Выделить доминирующие типы ударных площадок проблематично: изделия с гладкими, двухгранными и грубо фасетированными площадками представлены практически равными по численности группами. Обращает на себя внимание большое количество сколов с изогнутыми и лентовидными в профиле площадками, что является признаком использования плоскостных стратегий расщепления.

Пластины составляют ок. 1/5 части коллекции (если не принимать в расчет отходы производства), что является очень высоким показателем, учитывая предполагаемый возраст комплекса. Они, как и отщепы, часто ассиметричные, искривленные в профиле и имеют неправильные очертания. Они также демонстрируют высокую степень вариабельности в типологии ударных площадок. Подобное сочетание признаков хорошо согласуется с идеей, что многие удлиненные снятия выполняли вспомогательную роль в расщеплении, но окончательный вывод можно будет сделать после проведения полного технологического анализа всей коллекции.

Состав орудийного набора (всего 7 экз. изделий) подтверждает тезис о пластинчатой направленности расщепления, при этом он сформирован исключительно изделиями среднепалеолитического типологического ряда. Морфологию, типичную для инструментария ранних пластинчато-ориентированных индустрий Западного Тянь-Шаня, имеют удлиненный остроконечник на пластине (рис. 3, *6*) и проксимальный фрагмент крупной пластины с легкой ретушью по обоим продольным краям (рис. 3, *7*). Одинарные продольные выпуклые (рис. 3, *8*) и поперечные прямые (рис. 3, *11*), а также двойные продольно-поперечные (рис. 3, *10*) скребла, фрагменты которых представлены в коллекции, тоже являются «фоновой» категорией в коллекциях известных в регионе индустрий среднего палеолита. Особняком стоит леваллуазский отщеп со слабовыпуклой площадкой типа «шапо де жандарм», край которого обработан легкой краевой ретушью (рис. 3, *9*). Последнее орудие представлено малоинформативным фрагментом скола с ретушью.

Результаты предварительного технико-типологического анализа материалов слоя 24 Кульбулака органично сочетаются с другими результатами комплексного изучения стоянки в 2010–2018 гг. (вклю-

чающими среди прочего абсолютное датирование [Vandenberghe et al., 2014]) и не противоречат итогам повторного изучения полевой документации и археологических материалов из раскопок М.Р. Касымова 1980-х гг. Комплекс этих исследований позволяет предполагать, что в нижних слоях стоянки Кульбулак (возрастом старше 82 тыс. л.н.) мы имеем дело со среднепалеолитическими индустриями, базовым элементом которых выступает вариабельное пластинчатое производство. При этом главенствующее положение занимает леваллуазская модель расщепления, практически не использующаяся в хронологически более поздних индустриях обирахматской культурной традиции, где ей на смену проходит серийное производство удлиненных сколов (пластин и остроконечников) в рамках простого субпараллельного расщепления. Продолжение исследований материалов памятника Кульбулак поможет пролить свет на вопросы становления и распространения этих традиций камнеобработки на обширных территориях внутриконтинентальной Азии, а также проследить культурные контакты обитателей предгорий Западного Тянь-Шаня с древним населением сопредельных территорий.

Благодарности

Исследование проведено в рамках реализации проекта РФФИ № 19-09-00453 (руководитель – проф. РАН А.И. Кривошапкин). Коллектив авторов выражает искреннюю признательность ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций каменных артефактов.

Список литературы

Анисюткин Н.К., Исламов У.И., Крахмаль К.А., Сайфуллаев Б., Хушваков Н.О. Новые исследования палеолита в Ахангароне (Узбекистан). – СПб., 1995. – 40 с.

Борисковский П.И., Абрамова З.А. К характеристике многослойной палеолитической стоянки Кульбулак // Общественные науки в Узбекистане. – 1983. – Вып. 2. – С. 34–36.

Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

Касымов М.Р. Проблемы палеолита Средней Азии и Южного Казахстана (по материалам многослойной палеолитической стоянки Кульбулак): автореф. дис. ... д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1990. – 47 с.

Колобова К.А., Кривошапкин А.И. История выделения Ашельских индустрий в Узбекистане // Universum Humanitarium. – 2016. – № 2 (3). – С. 6–22.

Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 2012. – 38 с.

Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Фляс Д., Павленок К.К., Исламов У.И., Лукьянова Г.Д. Индустрия слоя 23 стоянки Кульбулак по материалам раскопок 2010 года // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 105–110.

Кривошапкин А.И., Павленок К.К. Вариабельность комплексов обирахматской традиции в каменном веке Центральной Азии // Актуальные вопросы археологии и этнологии Центральной Азии: мат-лы междунар. науч. конф. – Иркутск: Оттиск, 2015. – С. 71–76.

Окладников А.П. Древние связи культур Сибири и Средней Азии // Бахрушинские чт. 1966 г. – Новосибирск, 1968. – Вып. 1: Методология истории, всеобщая история, археология. – С. 144–158.

Павленок К.К., Кот М., Павленок Г.Д., Шимчак К., Хужаназаров М., Когай С.А. Поиски объектов палеолита в бассейне реки Ахангаран: история и современность // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – Т. 26 (2). – С. 153–166. – URL: https://doi.org/10.14258/tpai(2019)2(26).-11.

Ранов В.А. О связях культур палеолита Средней Азии и некоторых стран зарубежного Востока. – М.: Наука, 1964. – 10 с.

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan // Archaeol. and Anthropol. Sciences. – 2016. – N 4. – P. 1–18.

Kot M., Pavlenok K., Shnayder S., Radzhabov A., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Snan piedmont, Uzbekistan, Central Asia // Antiquity. – 2014. – URL: http://journal.antiquity.ac.uk/projgall/456.

Krajcarz M.T., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Mroczek P., Radzhabov A., Sneider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages // Quaternary Intern. – 2015. – N 399. – P. 136–150. – URL: http://dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2015.07.051.

Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A.J. Chronology of the Obi-Rakhmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia // Radiocarbon. – 2010. – N 52. – P. 549–554.

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating // Quaternary Intern. – 2014. – N 324. – P. 180–189.

Vishnyatsky L. The Paleolithic of Central Asia // J. of World Prehistory. – 1999. – N 13. – P. 69–122.

References

Anisutkin N.K., Islamov U.I., Krakhmal K.A., Saifullaev B., Khushvakov N.O. Novye issledovaniya paleolita v Akhangarone (Uzbekistan). St. Petersburg, 1995, 40 p. (in Russ.).

Boriskovskii P.I., Abramova Z.A. K kharakteristike mnogosloinoi paleoliticheskoi stoyanki Kul'bulak. *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane*, 1983, iss. 2, pp. 34–36 (in Russ.).

Derevianko A.P. The Upper Paleolithic in Africa and Eurasia and the origin of anatomically modern humans. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 560 p. (in Russ.).

Kasymov M.R. Problemy paleolita Srednei Azii i Yuzhnogo Kazakhstana (po materialam mnogosloinoi paleoliticheskoi stoyanki Kul'bulak): doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1990, 47 p. (in Russ.).

Kolobova K.A., Flas D., Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K., Vandenberghe D., De Dapper M. Reassessment of the Lower Paleolithic (Acheulean) presence in the western Tien Shan. *Archaeological and Anthropological Sciences*, 2016, No. 4, pp. 1–18.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I. Istoriya vydeleniya Ashelskikh industrii v Uzbekistane. *Universum Humanitarium*, 2016, No. 2 (3), pp. 6–22 (in Russ.).

Kot M., Pavlenok K., Shnayder S., Radzhabov A., Szymczak K. Katta Sai: a Palaeolithic site in the Tian Snan piedmont, Uzbekistan, Central Asia. *Antiquity*, 2014. URL: http:.journal.antiquity.ac.uk/projgall/456.

Krajcarz M.T., Kot M., Pavlenok K., Fedorowicz S., Krajcarz M., Lazarev S.Yu., Mroczek P., Radzhabov A., Sneider S., Szymanek M., Szymczak K. Middle Paleolithic sites of Katta Sai in western Tian Shan piedmont, Central Asiatic loess zone: Geoarchaeological investigation of the site formation and the integrity of the lithic assemblages. *Quaternary International*, 2015, No. 399, pp. 136–150. URL: http:.dx.doi.org/10.1016/j.quaint.2015.07.051.

Krivoshapkin A.I. Obirakhmatskii variant perekhoda ot srednego k verkhnemu paleolitu: doct. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2012, 38 p. (in Russ.).

Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Flas D., Pavlenok K.K., Islamov U.I., Lukyanova G.D. Industriya sloya 23 stoyanki Kul'bulak po materialam raskopok 2010 goda. In *Problems of Archaeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. 16, pp. 105–110 (in Russ.).

Krivoshapkin A., Kuzmin Y., Jull A.J. Chronology of the Obi-Rakhmat grotto (Uzbekistan): first results on the dating and problems of the Paleolithic key site in Central Asia. *Radiocarbon*, 2010, No. 52, pp. 549–554.

Krivoshapkin A.I., Pavlenok K.K. Variability of Obirakhmatien assemblages in Paleolithic of Central Asia. In *Aktual'nye voprosy arkheologii i etnologii Tsentral'noi Azii: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Irkutsk: Ottisk Publ., 2015, pp. 71–76 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Drevnie svyazi kul'tur Sibiri i Srednei Azii. In *Bakhrushinskie chteniya* 1966 g. Novosibirsk, 1968, vol. 1: Metodologiya istorii, vseobshchaya istoriya, arkheologiya, pp. 144–158 (in Russ.).

Pavlenok K.K., Kot M., Pavlenok G.D., Szymczak K., Khuzhanazarov M., Kogai S.A. Searching of the Paleolithic sites in Akhangaran river valley: history and our times. *Theory and practice of archaeological research*, 2019, vol. 2 (26), pp. 153–166 (in Russ.).

Ranov V.A. O svyazyakh kul'tur paleolita Srednei Azii i nekotorykh stran zarubezhnogo Vostoka. Moscow: Nauka, 1964, 10 p. (in Russ.).

Vandenberghe D.A.G., Flas D., De Dapper M., Van Nieuland J., Kolobova K., Pavlenok K., Islamov U., De Pelsmaeker E., Debeer A.-E., Buylaert J.-P. Revisiting the Palaeolithic site of Kulbulak (Uzbekistan): First results from luminescence dating. *Quaternary International*, 2014, No. 324, pp. 180–189.

Vishnyatsky L. The Paleolithic of Central Asia. *J. of World Prehistory*, 1999, No. 13, pp. 69–122.

Павленок К.К. https://orcid.org/0000-0003-0205-2077
Павленок Г.Д. https://orcid.org/0000-0003-3727-776X

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.203-210
УДК 902.01

В. Рендю[1], С.В. Шнайдер[2], О. Мокри[1],
С. Алишер кызы[2], А.С. Колясникова[3], К.А. Колобова[2]

[1]Университет Бордо
Бордо, Франция
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: willrendu@gmail.com

Результаты экспедиционных исследований памятника Ше-Пино (Chez Pinaud, Жонзак, Франция) в полевом сезоне 2019 года

В предлагаемой статье обсуждаются результаты нового этапа раскопок французско-русской экспедицией памятника Ше-Пино (Жонзак, Франция). Слой 22 из стратиграфической колонки стоянки содержит комплексы мустье типа Кина, датирующиеся в пределах 70 тыс. л.н. Важность исследований данного объекта обусловлена уникальной сохранностью комплекса: здесь представлен археологический и палеофаунистический материал в непотревоженном контексте. В 2019 г. одним из основных направлений исследований было тщательное изучение планиграфии исследуемой области с целью детальной реконструкции организации пространства стоянки неандертальцами. Для этого мы применили протокол полевой документации, который предусматривает использование фотограмметрии в сочетании с тахеометрической съемкой. Данный протокол показал свою эффективность, поскольку ряд наблюдений, касающихся особенностей расположения археологического материала, был сделан в ходе изучения трехмерных моделей. Вторым важным направлением исследований являлось изучение каменной индустрии с применением технико-типологического метода в рамках атрибутивного подхода с реализацией технологических и типологических схем фации Кина. В результате было выявлено, что каменная индустрия содержит все элементы, свойственные комплексам данной фации. Исследование проксимальных зон технических сколов, относящихся к редукционной последовательности скребел Кина, продемонстрировало технологические связи между фасонажем скребел и костяными ретушерами. Что касается общей характеристики палеонтологической коллекции, то большая часть костей (ок. 80 %) представлена останками северного оленя, также отмечается наличие костей лошади и зубра. Продолжение исследований памятника позволит реконструировать поведенческие особенности и стратегии выживания неандертальцев в суровых условиях MIS 4.

Ключевые слова: *западная Европа, средний палеолит, мустье типа кина, неандерталец, фотограмметрия.*

William Rendu[1], Svetlana V. Shnaider[2], Audrey Mokry[1],
Saltanat Alisher kyzy[2], Anastasia S. Kolyasnikova[3], Kseniya A. Kolobova[2]

[1]Bordeaux University,
Bordeaux, France
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[3]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: willrendu@gmail.com

Results of Field Study at the Chez-Pinaud Site (Jonzac, France) in 2019

This article presents the results of a new excavation stage by the French-Russian expedition at the Chez-Pinaud site (Jonzak, France). Layer 22 from the stratigraphic sequence of the site contains the Quina Mousterian complexes, dated to 70 kyr BP. The importance of research at that site results from unique preservation of the complex, where archaeological

and paleontological assemblages have been found in undisturbed context. In 2019, one of the main research objectives was to conduct a detailed study of the spatial structure in the excavation area for reconstructing organization of space by the Neanderthals. For doing that, the protocol of field documentation involving the use of photogrammetry combined with tacheometry survey was followed. This protocol has proven to be effective, since a number of spatial observations concerning the location of archaeological artifacts and bone remains have been made during the study of 3D models. The second important area of research was attributive study of lithic assemblage using technological and typological patterns of the Quina Mousterian. It has been established that the lithic assemblage contained all typical elements of the Quina variant. The study of the proximal areas of technical spalls associated with the Quina side-scraper reduction sequence has revealed technological links between shaping side-scrapers and bone retouchers. The remains of reindeer (approximately 80%) were predominant in the paleontological complex; horse and bison bones have also been found. Continued research at the site will make it possible to reconstruct the behaviors and subsistence strategies of the Neanderthals in the harsh conditions of the MIS 4.

Keywords: *Western Europe, Middle Paleolithic, Quina Mousterian, Neanderthals, photogrammetry.*

Введение

Последний этап исследований палеолитических комплексов Евразии характеризуется повсеместным применением мультидисциплинарного подхода, а, следовательно, способствует расширению международных контактов между различными научными школами. Одним из удачных примеров такого сотрудничества стал новый этап совместных исследований коллективами Национального центра научных исследований Франции, Университета Бордо (Франция) и Института археологии и этнографии ИАЭТ СО РАН (Россия) среднепалеолитического памятника Ше-Пино (Жонзак, Франция).

Памятник Ше-Пино располагается на юго-западе Франции в 40 км от Атлантического океана (рис. 1), в долине р. Сонь (Seugne), и представляет собой небольшой грот (высотой ок. 7 м). Стоянка была открыта в конце 1990-х гг. экспедицией под руководством археолога Жана Аирво [Airvaux, 2004]. Позже, в 2004–2007 гг., памятник изучался под руководством Жака Жобера и Жан-Жака Ублина [Jaubert et al., 2008]. На объекте было выделено 26 стратиграфических подразделений, 9 из которых относились к мустье типа Кина. Наиболее богатая коллекция мустье типа Кина была получена из слоя 22, мощность которого достигает 1 м, при этом данный слой был сформирован за относительно короткий временной промежуток. Этот слой залегает *in situ* и представляет собой скопление костей, часть из которых располагается в анатомическом порядке, с многочисленными аппликирующимися каменными артефактами. В полевом сезоне 2019 г. мы продолжили исследования участка слоя 22 площадью 6 м^2. Хронологические рамки данного технокомплекса определяются в пределах МИС 4. После потепления в конце МИС 5 на территории западной Европы наступило похолодание, которое достигло своего максимума в период 72–65 тыс. л.н. (МИС 4), в это время лесная и степная флора была вытеснена арктической [Discamps et al., 2011; Soulier, 2013]. Вместе с тем отмечается уменьшение количества копытных животных, таких как *Cervus elaphus* и *Capreolus Capreolus,* и распространение популяции северных оленей (*Rangifer tarandus*). Вследствие этого в традиционной хозяйственной системе неандертальцев произошло изменение охотничьих стратегий: основной добычей стали северные олени, для которых свойственны сезонные миграции [Britton et al., 2011]. Человеческие популяции для осуществления успешной охоты приспособили свой хозяйственный уклад к этим миграциям, что подтверждается появившейся в это время системой специализированных стоянок древнего человека, где проводился забой животных, разделка туш и т.д. [Delagnes, Rendu, 2011]. При этом большая часть исследованных объектов использовалась на протяжении многих тысячелетий для одних и тех же целей, что свидетельствует о передаче знаний из поколения в поколение. Таким образом, постепенно вся территория была освоена неандертальцами в соответствии с миграционными маршрутами северного оленя. Несмотря на то, что к настоящему этапу исследований было выявлено множество специализированных стоянок [Thiébaut et al., 2010; Rendu et al., 2011], практически не имеется данных об организации деятельности человека на этих объектах. Тем не менее эти сведения являются ключевыми для понимания поселенческих процессов неандертальцев, а также вопросов организации самих групп.

Археологический комплекс слоя 22 Ше-Пино является одним из ключевых в мустьерской фации Кина [Airvaux, 2004]. Фация Кина была первоначально выделена Ф. Бордом как комплекс, характеризующийся значительным содержанием простых и трансверсальных скребел, произведенных главным образом посредством ретуши типа Кина, и практическим отсутствием продуктов леваллуазской технологии [Bordes, 1953]. Впоследствии в связи с появлением новых исследовательских концепций мустье типа Кина оценивалось как проявление «функциональной модели» [Binford, 1973],

Рис. 1. Расположение памятника Ше-Пино.

культурной и хронологической обособленности [Mellars, 1992], специфичной орудийной редукционной последовательности [Dibble, 1984]. В настоящее время доминирует технологический подход А. Тюрка и Л. Бургиньен, опирающийся на реконструкцию редукционных последовательностей скребел Кина и нуклеусов Кина [Turq, 1989, 1992; Bourguignon, 1996, 1997]. Основная концентрация памятников мустье типа Кина прослеживается в юго-западной Франции (Ля Кина, Комб-Греналь, Ле Прадель, Отрош, Рок-де-Марсал, Пеш де Лязе-4, Ля Рошетт, Абри Шадурн, Ля Рукетт) [Faivre et al., 2014]. Хронологические границы комплексов Кина практически все исследователи помещают в пределы МИС 4 – начало МИС 3 [Richter et al., 2013; Maureille, 2010]. В этот же промежуток входит археологический комплекс изучаемой стоянки Ше-Пино. При этом истоки формирования комплексов данной фации усматриваются в границах МИС 7 [Kuhn, 2013].

Материалы и методы

При проведении полевых работ нами использовался исследовательский протокол, который уже применялся на памятнике в начале 2000-х гг. [Jaubert et al., 2008], усовершенствованный за счет использования метода фотограмметрии. Протокол предусматривает зачистку культурного горизонта без перемещения артефактов и фаунистического материала, в целях детального изучения их положения относительно друг друга. После этого создавалась трехмерная модель поверхности культурного горизонта посредством фотограмметрии с использованием фотоаппарата Canon 600 D. Обычно для создания 3D-модели участка культурного горизонта площадью 6 м^2 использовалось порядка 50–100 фотографий и 5–10 маркеров, которые совмещались при помощи программного обеспечения Agisoft Photoscan. После этого положение археологического материала фиксировалось при помощи

тахеометра Nikon Nivo 5 MW. Первичная идентификация фаунистического материала и выявление костей, залегающих в анатомической последовательности, по возможности проводились непосредственно в ходе процесса фиксации.

Для исследования каменной индустрии Кина стоянки Ше-Пино мы использовали технологические и типологические наблюдения А. Тюрка и Л. Бургиньен [Hiscock et al., 2009; Turq, 1988, 1992], которые фиксировали в качестве отдельных признаков в рамках алгоритма атрибутивного подхода, разработанного для микокских комплексов [Междисциплинарные исследования…, 2018]. Такая комбинация исследовательских подходов оказалась очень эффективна в силу значительного количества схожих технологических продуктов, являющихся результатом бифасиальной редукционной последовательности и редукции Кина, свойственных для обоих технокомплексов.

Нуклеусная редукционная последовательность Кина направлена на получение крупных, массивных и асимметричных в поперечном сечении отщепов. Согласно Л.Л. Бургиньен, расщепление Кина, позволяющее реализовать значительное количество отщепов с кортикальной поверхностью, является объемным по своей сути и в значительной мере подобно клектонской модели [Hiscock et al., 2009]. Специфичными техническими сколами, характерными для расщепления Кина, являются:

1. Сколы типа «долек салями» – крупные, массивные в поперечном сечении отщепы с кортикальной площадкой и обоими кортикальными латерально-крутыми продольными краями.

2. Кортикально-обушковые сколы – крупные, массивные асимметричные в поперечном сечении сколы с кортикальной площадкой и одним кортикальным латерально-крутым продольным краем.

3. Кортикальные и/или кортикальные рекурентно-альтернативные сколы обладают некортикальной остаточной ударной площадкой и кортикальным крутым латеральным или дистальным краем.

Типичным для редукционной последовательности Кина является крупный отщеп с крупной ударной площадкой, часто кортикальной. Кортикальная поверхность часто встречается на дорсальной поверхности. В тех случаях, когда отщеп обладает круто-латеральным асимметричным поперечным сечением, кортикальная поверхность фиксируется на крутом продольном крае, обычно противопоставленном острому лезвию.

В комплексах Кина обычно продукты нуклеусного расщепления количественно уступают продуктом редукции скребел Кина. Скребла Кина изготавливались обычно на типичных отщепах Кина путем ретуширования острого края, противолежащего кортикальному обушку. Наиболее распространенной является многорядная ступенчатая крутая модифицирующая ретушь Кина. При этом отмечается, что сами скребла Кина расщеплялись в целях получения сколов, на которых в свою очередь впоследствии оформлялись орудия.

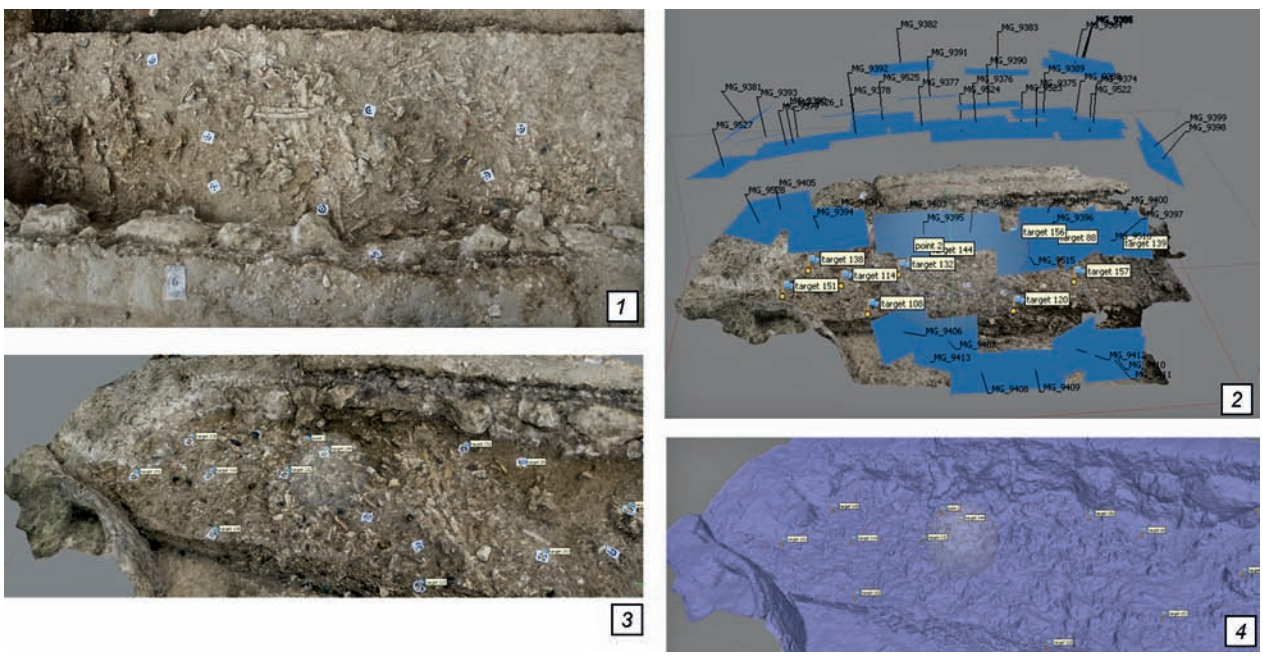

Рис. 2. 3D-модель первого археологического горизонта Ше-Пино.
1 – пример исходного снимка для фотограмметрии; *2* – общий вид расположения камеры во время фотофиксации; *3* – полигональная 3D-модель с текстурой; *4* – полигональная 3D-модель без текстуры.

Наиболее типичными техническими сколами для редукционной последовательности Кина являются сколы утончения двухсторонних орудий/скребел типа I, II, III и сколы переоформления скребел IV и V [Airvaux, 2004; Bourguignon, 1997].

Результаты

Применение протокола раскопок в совокупности с методом фотограмметрии продемонстрировало свою исключительную пользу для планиграфических исследований. На рис. 2 представлен участок культурного горизонта 1, где было зафиксировано 1200 экз. номерных археологических находок. На полученной 3D-модели фиксируется ориентация каждой находки, вследствие чего возможно провести детальное изучение характеристик культурного слоя. Так, например, только в процессе анализа трехмерной модели удалось выявить несколько костей, залегающих в анатомической последовательности, в частности, дистальную часть голени и лодыжечную кость северного оленя, плюсневую и сесамовидную кости северного оленя.

В ходе археологических работ на памятнике в полевом сезоне 2019 г. расчищено 3 культурных

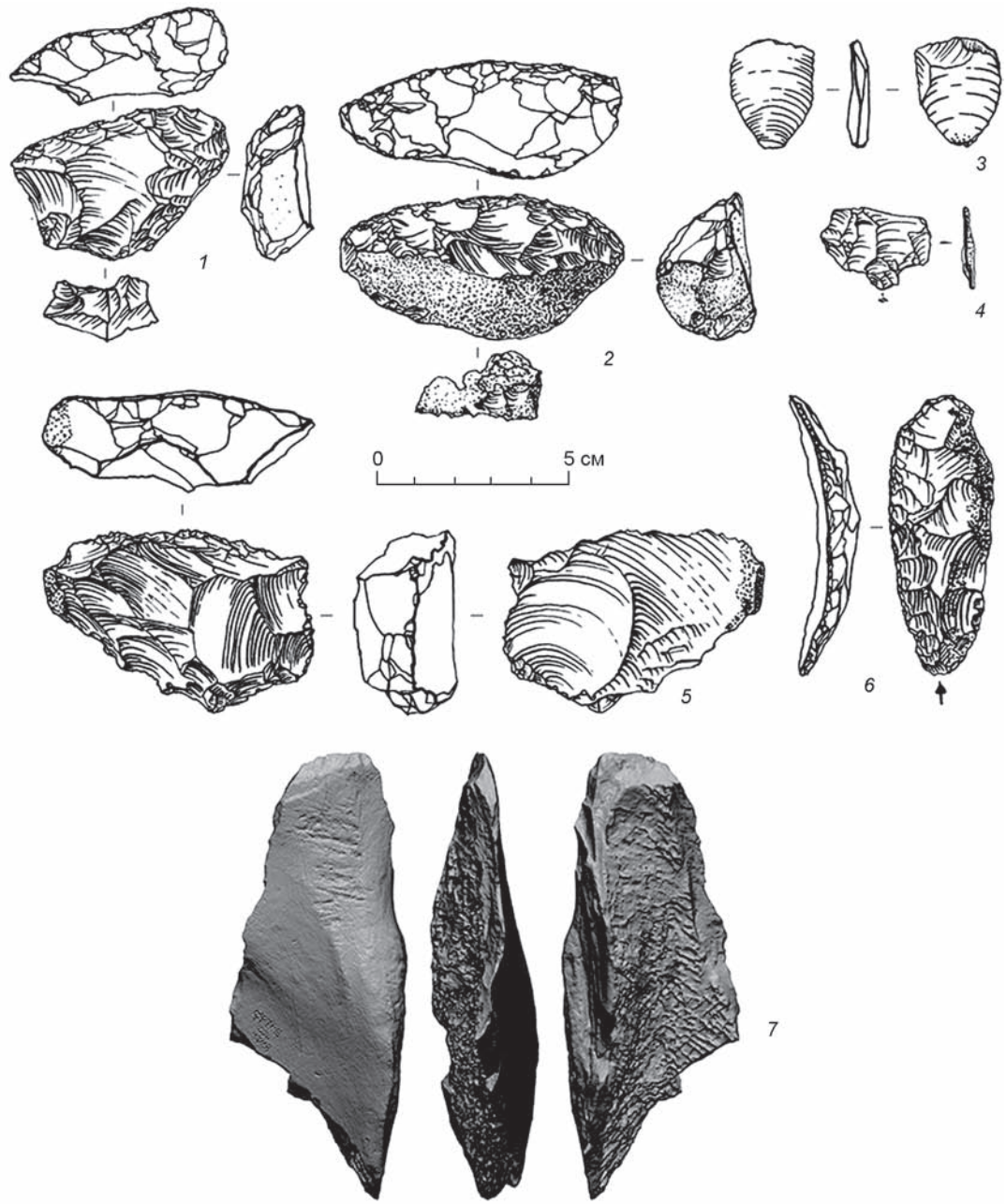

Рис. 3. Артефакты из комплекса слоя 22 стоянки Ше-Пино.
1, 2, 5, 6 – скребла Кина; *3* – отщеп комбева; *4* – отщеп утончения скребла Кина; *7* – костяной ретушер.

Распределение каменных артефактов из слоя 22 стоянки Ше-Пино по категориям

Типы артефактов	Кол-во, экз.	%	% без учета отходов производства
Нуклеусы	3	*0,03*	*0,66*
Нуклевидные обломки	4	*0,04*	*0,88*
Отщепы	377	*4,00*	*82,86*
Пластины	10	*0,11*	*2,20*
Орудия	61	*0,65*	*13,41*
обломки	37	*0,39*	–
Чешуйки	8929	*94,78*	–
Всего	9421	*100,00*	*100,00*

горизонта в слое 22. Зооархеологический анализ показал, что на памятнике преобладают останки северного оленя (более 80 %), также отмечается наличие костей лошадей и зубров. Изучение фаунистической коллекции показало, что наиболее мясные части туш уносились со стоянки, весь имеющийся фаунистический спектр раскопанного участка свидетельствует о том, что он функционировал как место забоя животных.

Технико-типологический анализ в рамках атрибутивного подхода продемонстрировал, что каменная индустрия является классическим проявлением мустье типа Кина, где расщепление скребел Кина доминирует над нуклеусным расщеплением. В комплексе представлено всего 3 экз. плоскостных нуклеусов Кина для отщепов в средней степени сработанности. При этом скребла Кина доминируют в орудийном наборе (рис. 3, *1*, *2*, *5*, *6*) наряду с преобладанием отщепов утончения двухсторонних орудий/скребел (рис. 3, *4*) среди технических сколов (см. *таблицу*). Наиболее многочисленные сколы II и III типов. Все типичные типы отщепов Кина типа «долек салями» и кортикально-обушковые сколы были зафиксированы в значительном количестве (рис. 3, *2*). Кроме того, зафиксировано несколько продуктов расщепления скребел Кина типа отщепов комбева (рис. 3, *3*).

Исследование характеристик проксимальных зон отщепов утончения двухсторонних орудий/сколов свидетельствует о применении мягкого отбойника для фасонажа и ретуширования сколов Кина. Обнаружение нескольких костяных ретушеров (рис. 3, *7*) в пределах исследуемой площади подтверждает полученные данные.

Выводы

Использование нового протокола ведения полевых исследований на памятнике позволило апробировать такой инструмент, как 3D-моделирование, при изучении насыщенного культурного слоя. Эффективность данного протокола перед традиционными методами фиксации (фотографии, зарисовка планов) заключается в том, что в процессе работы с 3D-моделью можно проводить дополнительные наблюдения по расположению различных категорий археологического материала относительно друг друга и для уточнения геологических наблюдений.

Применение технико-типологического анализа в рамках атрибутивного подхода показало очевидную эффективность данного метода при анализе каменной индустрии типа Кина. В результате исследований были установлены основные характерные черты каменного комплекса, подтверждающие наблюдения предыдущих исследователей [Soressie, 2004]. Были установлены признаки проксимальных зон сколов, свидетельствующие об исключительном использовании органических ретушеров для фасонажа скребел Кина.

Последующие работы с археологическими, планиграфическими и палеонтологическими данными позволят значительно расширить наши представления о жизнеобеспечивающих стратегиях и поведенческих особенностях неандертальцев юго-западной Франции.

Благодарности

Экспедиционные работы финансировались проектами SRA Nouvelle Aquitaine (Министерство культурного наследия Франции) и IRL Artemir; атрибутивный анализ каменной коллекции выполнен в рамках НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0009.

Список литературы

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Ли Бо.– Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2018. – 468 с.

Airvaux J. Le site paléolithique de chez-Pinaud à Jonzac, Charente-Maritime // Prehistoire du Sud-Ouest. – 2004. – Suppl. N 8. – 181 p.

Binford L.-R. Interassemblage variability: the Mousterian and the “functional” argument // The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory. – L.: Duckworth. – 1973. – P. 227–254.

Bordes F. Essai de classification des industries “mousteriennes” // Bull. de la Société Préhistorique Française. – 1953. – Vol. 50. – P. 457–466.

Bourguignon L. La conception de débitage Quina // Quaternaria Nova. – 1996. – Vol. 6. – P. 149–166.

Bourguignon L. Le Moustérien de type Quina: nouvelle définition d'une entité technique: Thèse de Doctorat. – Univ. de Paris X – Nanterre, 1997. – 672 p.

Britton K., Grimes V., Niven L., Steele T.E., McPherron S., Soressi M., Kelly T.E., Jaubert J., Hublin J.-J., Richards M.P. Strontium isotope evidence for migration in late Pleistocene Rangifer: Implications for Neanderthal hunting strategies at the Middle Palaeolithic site of Jonzac, France // J. of human evolution. – 2011. – Vol. 61. – P. 176–185.

Delagnes A., Rendu W. Shifts in Neandertal mobility, technology and subsistence strategies in western France // J. of Archaeol. Sci. – 2011. – Vol. 38. – P. 1771–1783.

Dibble H.L. Interpreting typological variation of Middle Paleolithic scrapers: function, style, or sequence of reduction? // J. of Field Archaeol. – 1984. – Vol. 11. – P. 431–436.

Discamps E., Jaubert J., Bachellerie F. Human choices and environmental constraints: deciphering the variability of large game procurement from Mousterian to Aurignacian times (MIS 5-3) in southwestern France // Quaternary Science Reviews. – 2011. – Vol. 30, iss. 19–20. – P. 2755–2775.

Faivre J.-P., Discamps E., Gravina B., Turq A., Guadelli J.-L., Lenoir M. The contribution of lithic production systems to the interpretation of Mousterian industrial variability in south-western France: The example of Combe-Grenal (Dordogne, France) // Quaternary Intern. – 2014. – Vol. 350. – P. 227–240.

Hiscock P., Turq A., Faivre J.-P., Bourguignon L. Quina procurement and tool production // Lithic Materials and Paleolithic Societies / eds. B. Adams, B.S. Blades. – Oxford: Blackwell Publ. Ltd. – 2009. – P. 232–246.

Jaubert J., Hublin J.-J., Mcpherron Sh. P., Soressi M., Bordes J.-G., Claud E., Cochard D., Delagnes A., Mallye J.-B., Michel A., Niclot M., Niven I., Park S.-J., Rendu W., Richards M., Richter D., Roussel M., Steele T. E., Texieret J.-P., Thiébaut C. Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien à Jonzac (Charente-Maritime): premiers résultats des campagnes 2004–2006 // Les sociétés Paléolithiques d'un grand Sud-Ouest: nouveaux gisements, nouvelles méthodes, nouveaux résultats. – 2008. – P. 203–243.

Kuhn S. Roots of the Middle Paleolithic in Eurasia // Current Anthropol. – 2013. – Vol. 54, N S8. – P. 255–268.

Maureille B., Mann A., Beauval C., Bordes J.-G., Bourguignon L., Costamagno S., Couchoud I., Fauquignon J., Garralda M.-D., Geigl E.-M., Grün R., Guibert P., Lacrampe-Cuyaubèrt F., Laroulandie V., Marquet J.-C., Meignen L., Mussini C., Rendu W., Royer A., Seguin G., Texier J.-P. Les Pradelles à Marillac-le-Franc (Charente). Fouilles 2001–2007: nouveaux résultats et synthèse // Préhistoire entre Vienne et Charente. Hommes et sociétés du Paléolithique. – Chauvigny: Association des publications chauvinoises. – 2010. – P. 145–162.

Mellars P.-A. Technological change in the Mousterian of southwest France // The Middle Paleolithic: Adaptation, Behavior, and Variability / eds. H.L. Dibble, P.A. Mellars. – Philadelphia: Univ. of Pennsylvania. – 1992. – P. 29–43.

Rendu W., Bourguignon L., Costamagno S., Meignen L., Soulier M.-C., Armand D., Beauval C., David F., Griggo C., Jaubert J., Maureille B., Park S.-J. Mousterian Hunting Camps: Interdisciplinary Approach and Methodological Considerations // Palethnologie. – 2011. – N 3. – P. 61–76.

Richter D., Hublin J.-J., Jaubert J., McPherron S.P., Soressi M., Texier J.-P. Thermoluminescence dates for the Middle Palaeolithic site of Chez-Pinaud Jonzac (France) // J. of Archaeol. Sci. – 2013. – Vol. 40. – P. 1176–1185.

Soressi P.M. L'industrie lithique des niveaux moustériens (foullies 1998–1999) // Le sute Paleolithique de Chrez-Pinaud a Jonzac, Charente-Maritime. – Bordo: Siege Sosial, 2004. – P. 79–98.

Soulier M.-C. Entre alimentaire et technique: l'exploitation animale aux débuts du paléolithique supérieur: stratégies de subsistance et chaînes opératoires de traitement du gibier à Isturitz, La Quina aval, Roc-de-Combe et Les Abeilles: Thèse de Doctorat. – Toulouse II, 2013. – 756 p.

Thiébaut C., Claud É., Mourre V., Chacón M.-G., Asselin G., Brenet M. , Paravel B. The Recycling and Reuse of Cores and Bifaces during the Middle Paleolithic in Western Europe: functional and cultural interpretations // Palethnologie. – 2010. – P. 38.

Turq A. Le Mousterien de type Quina du Roc de Marsal a Campagne (Dordogne) // Document d'Archeologie Perigourdine (ADRAP). – 1988. – N 3. – P. 5–30.

Turq A. Approche technologique et economique du facies Mousterien de type Quina: etude preliminaire // Bull. de la Société Préhistorique Française. – 1989. – Vol. 86. – P. 244–256.

Turq A. Raw material and technological studies of the Quina Mousterian in Perigord // The Middle Paleolithic: Adaptation, Behavior, and Variability. – Philadelphia: Univ. Museum; Univ. of Pennsylvania. – 1992. – P. 75–85.

References

Airvaux J. Le site paléolithique de chez-Pinaud à Jonzac, Charente-Maritime. *Prehistoire du Sud-Ouest*, 2004, suppl. No. 8, 181 p.

Binford L.-R. Interassemblage variability: the Mousterian and the "functional" argument. In *The Explanation of Culture Change: Models in Prehistory.* London: Duckworth, 1973, pp. 227–254.

Bordes F. Essai de classification des industries "mousteriennes". In *Bulletin de la Société Préhistorique Française,* 1953, vol. 50, pp. 457–466.

Bourguignon L. La conception de débitage Quina. *Quaternaria Nova,* 1996, vol. 6, pp. 149–166.

Bourguignon L. Le Moustérien de type Quina: nouvelle définition d'une entité technique: Thèse de Doctorat. Université de Paris X; Nanterre, 1997, 672 p.

Britton K., Grimes V., Niven L., Steele T.E., McPherron S., Soressi M., Kelly T.E., Jaubert J., Hublin J.-J., Richards M.P. Strontium isotope evidence for migration in late Pleistocene Rangifer: Implications for Neanderthal hunting strategies at the Middle Palaeolithic site of Jonzac, France. *Journal of human evolution*, 2011, vol. 61, pp. 176–185.

Delagnes A., Rendu W. Shifts in Neandertal mobility, technology and subsistence strategies in western France. *Journal of Archaeological Science*, 2011, vol. 38, pp. 1771–1783.

Dibble H.L. Interpreting typological variation of Middle Paleolithic scrapers: function, style, or sequence of reduction? *Journal of Field Archaeology*, 1984, vol. 11, pp. 431–436.

Discamps E., Jaubert J., Bachellerie F. Human choices and environmental constraints: deciphering the variability of large game procurement from Mousterian to Aurignacian times (MIS 5-3) in southwestern France. *Quaternary Science Reviews*, 2011, vol. 30, iss. 19–20, pp. 2755–2775.

Faivre J.-P., Discamps E., Gravina B., Turq A., Guadelli J.-L., Lenoir M. The contribution of lithic production systems to the interpretation of Mousterian industrial variability in south-western France: The example of Combe-Grenal (Dordogne, France). *Quaternary International*, 2014, vol. 350, pp. 227–240.

Hiscock P., Turq A., Faivre J.-P., Bourguignon L. Quina procurement and tool production. In *Lithic Materials and Paleolithic Societies* / eds. B. Adams, B.S. Blades. Oxford: Blackwell Publishing Ltd., 2009, pp. 232–246.

Jaubert J., Hublin J.-J., Mcpherron Sh.P., Soressi M., Bordes J.-G., Claud E., Cochard D., Delagnes A., Mallye J.-B., Michel A., Niclot M., Niven I., Park S.-J., Rendu W., Richards M., Richter D., Roussel M., Steele T.E., Texieret J.-P., Thiébaut C. Paléolithique moyen récent et Paléolithique supérieur ancien à Jonzac (Charente-Maritime): premiers résultats des campagnes 2004–2006. In *Les sociétés Paléolithiques d'un grand Sud-Ouest: nouveaux gisements, nouvelles méthodes, nouveaux résultats*, 2008, pp. 203–243.

Kuhn S. Roots of the Middle Paleolithic in Eurasia. *Current Anthropology*, 2013, vol. 54, No. S8, pp. 255–268.

Maureille B., Mann A., Beauval C., Bordes J.-G., Bourguignon L., Costamagno S., Couchoud I., Fauquignon J., Garralda M.-D., Geigl E.-M., Grün R., Guibert P., Lacrampe-Cuyaubèrt F., Laroulandie V., Marquet J.-C., Meignen L., Mussini C., Rendu W., Royer A., Seguin G., Texier J.-P. Les Pradelles à Marillac-le-Franc (Charente). Fouilles 2001–2007: nouveaux résultats et synthèse. Préhistoire entre Vienne et Charente. *Hommes et sociétés du Paléolithique*. Chauvigny: Association des publications chauvinoises, 2010, pp. 145–162.

Mellars P.-A. Technological change in the Mousterian of southwest France. In *The Middle Palaeolithic: Adaptation, Behavior, and Variability* / eds. H.L. Dibble, P.A. Mellars. Philadelphia: University of Pennsylvania, 1992, pp. 29–43.

Mezhdisciplinarnye issledovaniya Chagyrskoj peshchery – stoyanki srednego paleolita Altaya / A.P. Derevyanko, S.V. Markin, K.A. Kolobova, V.P. Chabaj, N.A. Rudaya, B. Viola, A.P. Buzhilova, M.B. Mednikova, S.K. Vasil'ev, V.S. Zykin, V.S. Zykina, V.S. Zazhigin, A.O. Vol'vah, R.G. Roberts, Z. Yakobs, Li Bo. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (in Russ.).

Rendu W., Bourguignon L., Costamagno S., Meignen L., Soulier M.-C., Armand D., Beauval C., David F., Griggo C., Jaubert J., Maureille B., Park S.-J. Mousterian Hunting Camps: Interdisciplinary Approach and Methodological Considerations. *Palethnologie*, 2011, No. 3, pp. 61–76.

Richter D., Hublin J.-J., Jaubert J., McPherron S.P., Soressi M., Texier J.-P. Thermoluminescence dates for the Middle Paleolithic site of Chez-Pinaud Jonzac (France). *Journal of Archaeological Science*, 2013, vol. 40, pp. 1176–1185.

Soressi P.M. L'industrie lithique des niveaux moustériens (foullies 1998–1999). Le sute Paleolithique de Chrez-Pinaud a Jonzac, Charente-Maritime. Bordo: Siege Sosial, 2004, pp. 79–98.

Soulier M.-C. Entre alimentaire et technique: l'exploitation animale aux débuts du paléolithique supérieur: stratégies de subsistance et chaînes opératoires de traitement du gibier à Isturitz, La Quina aval, Roc-de-Combe et Les Abeilles: Thèse de Doctorat. Toulouse II, 2013, 756 p.

Thiébaut C., Claud É., Mourre V., Chacón M.-G., Asselin G., Brenet M. , Paravel B. The Recycling and Reuse of Cores and Bifaces during the Middle Paleolithic in Western Europe: functional and cultural interpretations. *Palethnologie*, 2010, 38 p.

Turq A. Le Mousterien de type Quina du Roc de Marsal a Campagne (Dordogne). *Document d'Archeologie Perigourdine* (ADRAP), 1988, No. 3, pp. 5–30.

Turq A. Approche technologique et economique du facies Mousterien de type Quina: etude preliminaire. In *Bulletin de la Société Préhistorique Française*, 1989, vol. 86, pp. 244–256.

Turq A. Raw material and technological studies of the Quina Mousterian in Perigord. In *The Middle Paleolithic: Adaptation, Behavior, and Variability* / eds. H.L. Dibble, P. Mellars. Philadelphia: University Museum, University of Pennsylvania, 1992, pp. 75–85.

Рендю В. https://orcid.org/0000-0003-2137-1276
Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738
Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.211-217
УДК 551.89

Н.А. Рудая, С.В. Жилич

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nrudaya@gmail.com

Изменения уровня среднегодовых осадков в позднем дриасе и голоцене на юге Западной Сибири

В настоящей работе рассматриваются результаты реконструкции среднегодового уровня осадков по палинологическим данным из донных отложений двух озер Кулундинской низменности на юге Западной Сибири: Малое Яровое и Кучук – для голоцена и позднего дриаса. Реконструкция уровня осадков выполнена методом построения трансферной функции с использованием калибровочной базы данных поверхностных палинологических спектров. Количественная реконструкция среднегодовых осадков для позднего дриаса показывает средние значения в 285 мм/год для оз. Малое Яровое и в 322 мм/год для оз. Кучук. Средние значения, рассчитанные для всего голоцена, составляют 340 и 364 мм/год, соответственно. Среднее количество осадков, рассчитанное для позднего дриаса по записи оз. Малое Яровое, на 21 % меньше по сравнению с современным уровнем. Поздний дриас Кулундинской низменности характеризуется безлесностью, развитием степных и полупустынных сообществ при общем понижении среднегодового количества осадков. Голоцен в Кулундинской низменности начинается с резкого увеличения пыльцы древесных таксонов в палинологических спектрах – древесной березы и сосны обыкновенной. Максимальное развитие сосновых в регионе, когда к сосне обыкновенной примешиваются темнохвойные породы при значительном участии вяза, отмечено в интервале 7,5–2,6 тыс. л.н. Среднегодовое количество осадков для этого интервала реконструируется как 352 мм/год для оз. Малое Яровое и 378 мм/год для оз. Кучук. Среднегодовое количество осадков постепенно начинает снижаться в позднем голоцене. Пыльца вяза исчезает в последние 2,5 тыс. лет. Это свидетельствует об аридизации климата юга Западной Сибири в позднем голоцене, которая, однако, не так выражена, как в позднем дриасе.

Ключевые слова: *голоцен, поздний дриас, юг Западной Сибири, климат, растительность.*

Natalia A. Rudaya, Snezhana V. Zhilich

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nrudaya@gmail.com

Changes in Annual Precipitation in the Younger Dryas and Holocene in Southwestern Siberia

The article presents the results of numerical reconstruction of annual precipitation (PANN, mm/yr) in the Holocene and Younger Dryas (YD) based on the pollen data from bottom sediments of two lakes (Maloye Yarovoe and Kuchuk) in the Kulunda Depression in Southwestern Siberia. Precipitation was reconstructed using the transfer function calibrated on the database of surface pollen spectra. The reconstruction of the YD annual precipitation reveals the mean amount of PANN at 285 mm/yr for Maloe Yarovoye and 322 mm/yr for Kuchuk. The average PANN values calculated for the Holocene were 340 and 364 mm/yr, respectively. The mean PANN of the YD from Maloe Yarovoe was 21 % less than the present-day precipitation level. The YD of the Kulunda Depression was distinguished by treeless steppe and semidesert environment with the decreased level of annual precipitation. The Holocene in Kulunda started with rapid increase of tree taxa (Betula, Pinus sylvesris) in pollen spectra. The maximum of Pinaceae (P. sylvestris, P. sibirica, Abies and Picea) with significant contribution of Ulmus occurred between 7500–2600 BP. The PANN values for this interval were 352 mm/yr for Maloe Yarovoe and 378 mm/yr for Kuchuk. The decrease of the PANN began in the Late Holocene testifying to climate aridization, although not as strong as in the YD.

Keywords: *Holocene, Younger Dryas, Southwestern Siberia, climate, vegetation.*

В связи с нестабильностью климата последних десятилетий одной из приоритетных задач для мирового научного сообщества является выявление причин прошлых изменений климата Земли, их закономерностей, последствий и составление прогнозов [IPCC, 2014]. Необходимо понимание, насколько нестабильность климата последних 150 лет связана с деятельностью человека; были ли подобные периоды в прошлом; какова была динамика и цикличность процессов изменения климата в разных частях земного шара; чем были вызваны экстремальные климатические события и каковы были их последствия для человека и природы. Голоцен, текущая геологическая эпоха, современный интергляциал, представляется наиболее важным периодом для решения поставленных вопросов. Предшествующий голоцену короткий, но яркий эпизод позднего дриаса (12,9–11,5 (11,7) тыс. л.н.) является дискуссионным и не всегда фиксируется в палеозаписях континентальных отложений. Впервые описанный по палинологическим и литологическим данным из палеозаписей скандинавских болот, поздний дриас характеризуется как холодный и преимущественно сухой эпизод. Причиной похолодания, предположительно, выступают изменения термогалинной циркуляции в Северной Атлантике, связанные с резким выбросом пресной воды из-за прорыва оз. Агассис, существовавшего на границе тающего ледникового щита в Северной Америке [Björck, 2007, p. 1987].

Юг Западной Сибири является важнейшей транзитной территорией, связывающей центральноазиатские степи и североазиатскую тайгу. Здесь располагаются многочисленные всемирно известные и хорошо изученные археологические памятники неолита, бронзового и железного веков, такие как Чича, Тартас, Венгерово, Ближние Елбаны, Ирмень, Сростки, Пазырык. Изменения природной среды в голоцене и позднем дриасе могли значительно влиять на развитие человеческих сообществ в этом регионе. При этом юг Западной Сибири входит в зону с недостаточным и крайне недостаточным увлажнением [Гидрогеология…, 1970], где лимитирующим фактором для развития растительности служат осадки, что делает возможным количественные реконструкции этого показателя с использованием фоссильных палинологических записей.

В данной работе рассматриваются результаты реконструкции среднегодового уровня осадков методом построения трансферной функции по палинологическим данным из донных отложений двух озер юга Западной Сибири (Малое Яровое и Кучук) для голоцена и позднего дриаса (рис. 1).

Озера Кучук и Малое Яровое располагаются в Кулундинской низменности Алтайского края. Климат Кулундинской низменности континентальный с долгими холодными зимами (средняя температура января −17 – −19 °С) и короткими теплыми летами (средняя температура июля 19–20 °С), среднегодовая температура ок. 0 °С. Среднегодовое количество осадков не превышает 360 мм, большая часть осадков выпадает летом [Rudaya et al., 2012, p. 33]. Современная растительность в районе Кулундинского озера характеризуется высоким разнообразием [Королюк, Смоленцев, Лащинский, 2008, с. 81–84]. В растительном покрове представлены характерные для Кулунды типы: степи, луга, леса и кустарники, галофитная и водно-болотная растительность. Благодаря близкому залеганию грунтовых вод, на территории Кулундинской равнины развиты засоленные сообщества – солонцеватые степи и ценозы на солонцах.

Соленое оз. Кучук (52,69° с.ш., 79,84° в.д., 98 м над ур. м.) занимает замкнутое понижение и имеет площадь 166 км^2. Озеро горько-соленое, сульфатное с высокой минерализацией (ок. 300 г/л) и с максимальной глубиной 3 м. В озеро впадает небольшая р. Кучук, берущая начало в Родинском р-не Алтайского края. Протокой оз. Кучук соединено с Кулундинским озером.

Бессточное содовое Малое Яровое озеро (53,03° с.ш., 79,11° в.д., 96 м над ур. м.) имеет площадь 35 км^2 и максимальная глубину 5 м; соленость воды от 180 до 280 г/л.

Керны донных отложений получены поршневым пробоотборником в 2016 г. в ходе совместной экспедиции с С.К. Кривоноговым (ИГМ СО РАН). Длины полученных кернов 2,55 и 5 м соответственно. Согласно данным радиоуглеродного датирования и построенным на их основании возрастным моделям, колонки донных отложений этих озер включают весь голоцен и поздний дриас [Рудая, 2018, с. 147].

Палинологический анализ кернов проведен с шагом 2 см. Общее количество исследованных фоссильных палинологических образцов – 354. Химическая обработка образцов проводилась по стандартной методике для озерных отложений [Faegri, Iversen, 1989] с обработкой 10 % раствором соляной кислоты для растворения карбонатов, 10 % раствором гидроксида калия для удаления гуминовых кислот и концентрированной плавиковой кислотой для удаления силикатов. Готовый палинологический препарат изучался под световым микроскопом с увеличением в 400 раз, в каждом образце насчитывалось не менее 300 пыльцевых зерен. Таксономическое определение пыльцы и спор проводилось с использованием эталонной коллекции ИАЭТ СО РАН и атласов.

Реконструкция уровня осадков выполнена методом построения трансферной функции

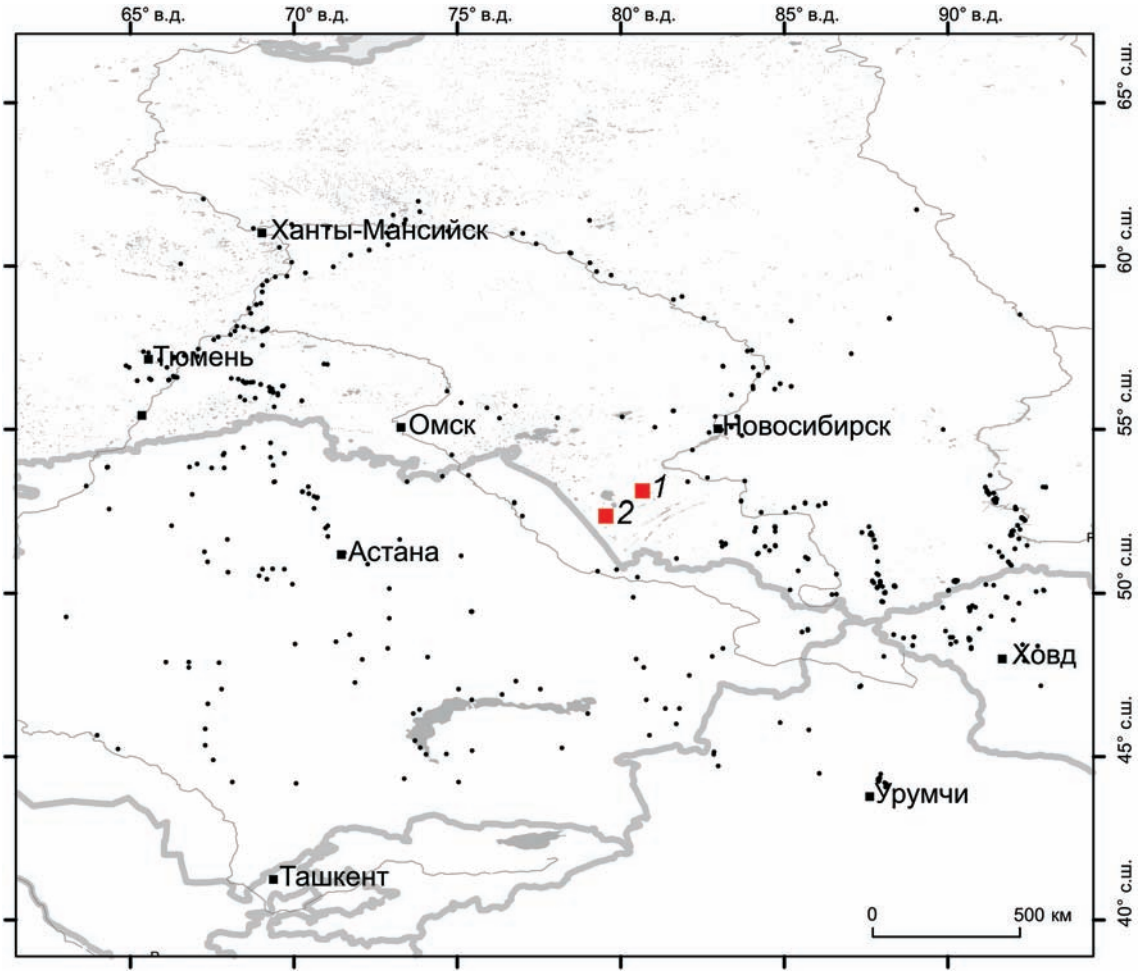

Рис. 1. Карта расположения исследованных озер Малое Яровое (*1*) и Кучук (*2*) и точек отбора поверхностных проб.

с использованием калибровочной базы данных поверхностных палинологических спектров. Поверхностные пробы отобраны в диапазоне 44–61° с.ш. и 63–93° в.д. (всего 701 проба, рис. 1), для каждой пробы приведены современные значения основных климатических переменных, которые влияют на структуру растительного покрова (среднегодовая температура, температура самого холодного месяца, температура самого теплого месяца, среднегодовое количество осадков). Для того чтобы понять, какой из климатических факторов играет наиболее важную роль в формировании палинологических спектров и определяет формирование растительности на данной территории, к базе применены методы множественной регрессии в программе CANOCO. Метод канонического анализа соответствия (CCA) применялся для оценки зависимости распределения палинологических таксонов относительно каждого климатического показателя отдельно [ter Braak, 1995]. Для проверки взаимокорреляции комплекса климатических переменных проведен анализ с использованием коэффициентов возрастания дисперсии VIF [ter Braak, Šmilauer, 2002]. В итоге была оставлена одна переменная, наиболее объясняющая распространение растительности изучаемой территории, – среднегодовое количество осадков. Трансферная функция создана с применением метода средневзвешенных дробных наименьших квадратов (WA–PLS) в программе C2 [Juggins, 2007]. Типы растительности реконструированы методом биомизации [Prentice et al., 1996]

Палинологическая диаграмма оз. Малое Яровое, охватывающая последние 13 тыс. лет, позволяет четко отделить поздний дриас от голоцена (рис. 2). Палинологические спектры позднего дриаса характеризуются доминирующей ролью травянистых таксонов степных и полупустынных ценозов. Это маревые (*Amaranthaceae*), полыни (*Artemisia*), злаки (Poaceae) и эфедра (*Ephedra*). Роль древесных растений минимальна; тундровые элементы не найдены. Реконструкция типов растительности (биомов) для озер Кучук и Малое Яровое (рис. 3) выявляет снижение баллов таежного биома в интервале 11,5–13,0 тыс. л.н. и увеличение баллов степного и пустынного биомов.

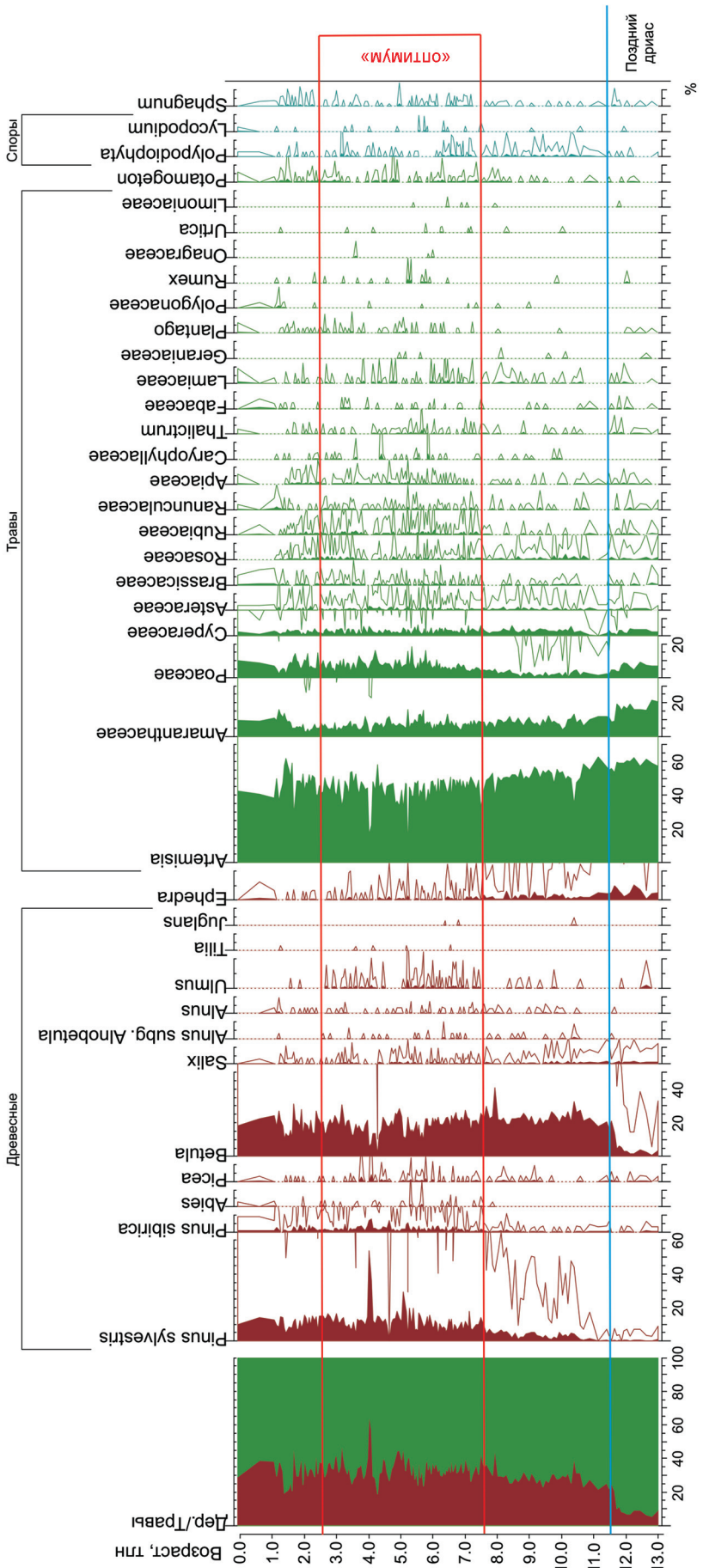

Рис. 2. Палинологическая диаграмма оз. Малое Яровое.

Количественная реконструкция среднегодовых осадков для позднего дриаса показывает средние значения в 285 мм/год (максимум 324 мм/год и минимум 226 мм/год) для оз. Малое Яровое и в 322 мм/год (максимум 385 мм/год и минимум 278 мм/год) для оз. Кучук (рис. 4). Средние значения, рассчитанные для всего голоцена, составляют 340 и 364 мм/год соответственно. Среднее

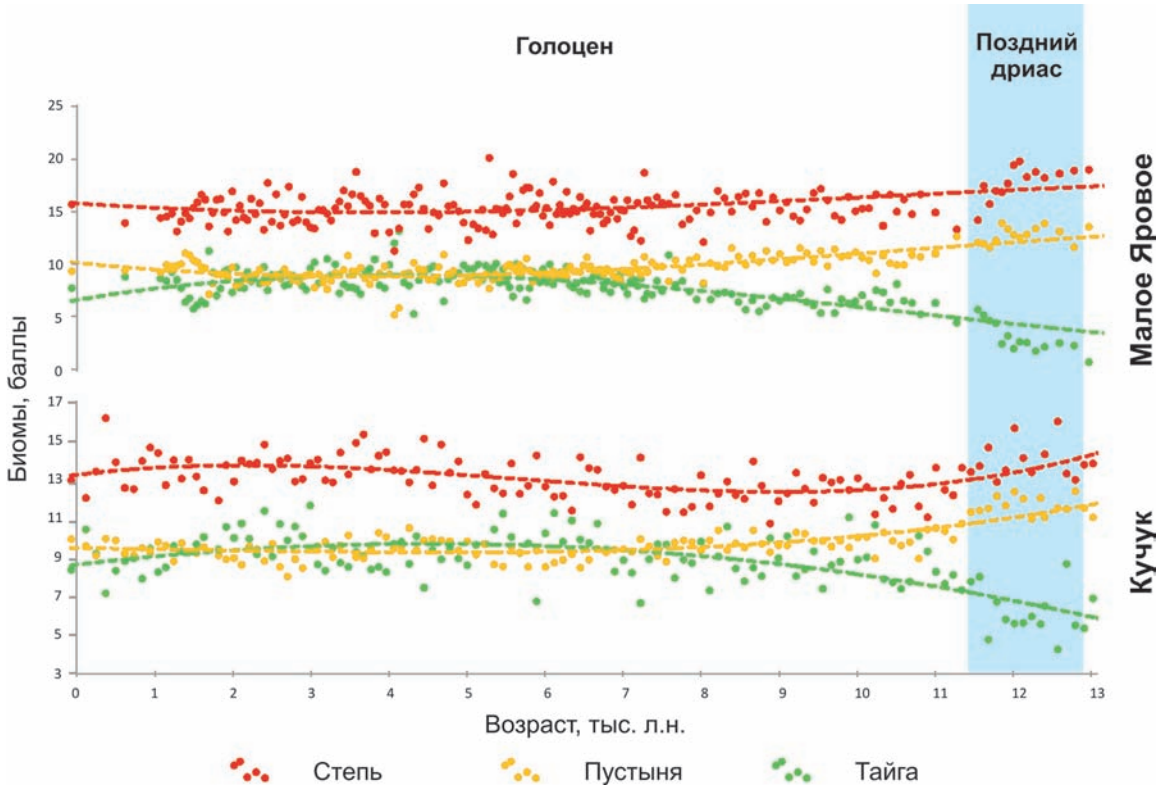

Рис. 3. Реконструкция растительности методом биомизации для озер Кучук и Малое Яровое.

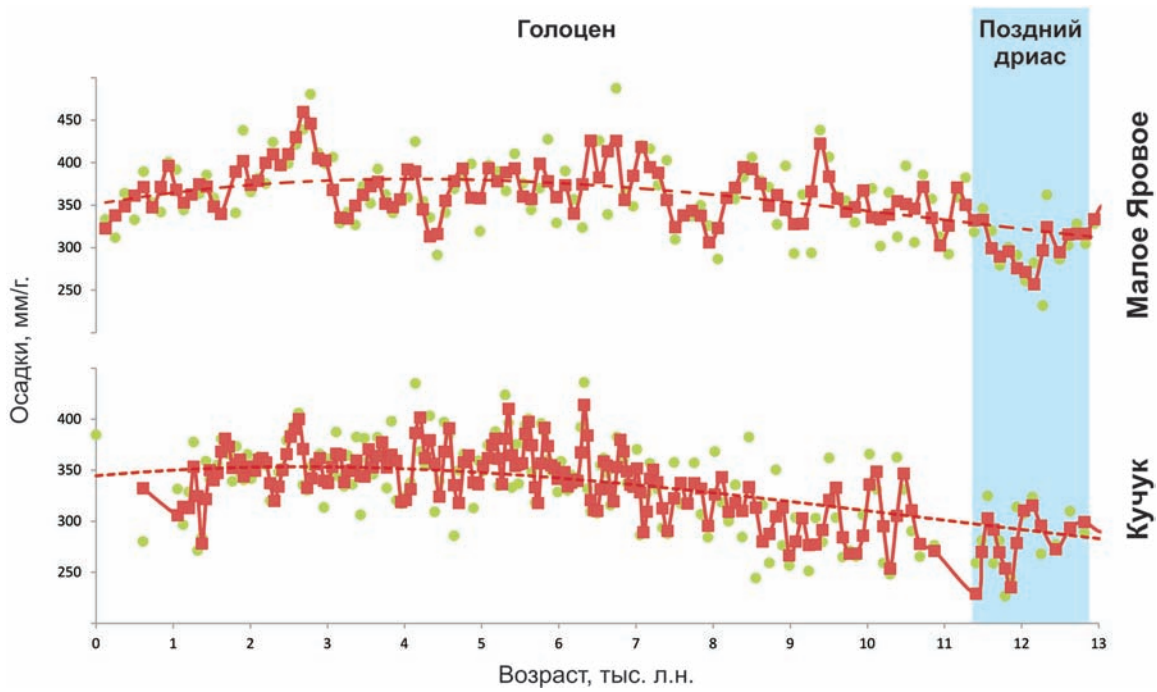

Рис. 4. Реконструкция среднегодового количества осадков для озер Кучук и Малое Яровое (красная линия: скользящее среднее с интервалом сглаживания 2).

количество осадков, рассчитанное для позднего дриаса по записи оз. Малое Яровое, на 21 % меньше по сравнению с современным уровнем. На основании количественных реконструкций осадков по палинологическим данным [Velichko et al., 2002, p. 76], этот показатель составляет 60–65 % для гумидной Восточной Европы, 80 % для таежной части Западной Сибири и 50 % для центральной Якутии. Таким образом, поздний дриас Кулундинской низменности характеризовался безлесностью, развитием степных и полупустынных сообществ при общем понижении среднегодового количества осадков.

Голоцен в Кулундинской низменности начинается с резкого увеличения пыльцы древесных таксонов в палинологических спектрах – древесной березы (*Betula*) и сосны обыкновенной (*Pinus sylvestris*) (см. рис. 2) [Рудая, 2018, с. 148]. Максимальное развитие сосновых в регионе, когда к сосне обыкновенной примешиваются темнохвойные породы (*Pinus sibirica, Abies* и *Picea*), и значительно участие широколиственных пород (в первую очередь вяза *Ulmus*) отмечено в интервале 7,5–2,6 тыс. л.н. (оптимум?). Среднегодовое количество осадков для этого интервала реконструируется как 352 мм/год (максимум 435 мм/год и минимум 286 мм/год) для оз. Малое Яровое и 378 мм/год (максимум 480 мм/год и минимум 291 мм/год) для оз. Кучук. Биомизация также показывает максимальные значения баллов для таежного биома.

Среднегодовое количество осадков постепенно начинает снижаться в позднем голоцене параллельно с баллами таежного биома и увеличением баллов степного и пустынного биомов. Пыльца вяза исчезает в последние 2,5 тыс. лет. Это свидетельствует об аридизации климата юга Западной Сибири в позднем голоцене, которая, однако, не так выражена, как в позднем дриасе.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН «Северо-восток Евразии в позднем плейстоцене – раннем голоцене: культурная динамика, геохронология, развитие природной среды».

Список литературы

Гидрогеология СССР. – М.: Недра, 1970. – Т. XVI. Западно-Сибирская равнина (Тюменская, Омская, Новосибирская и Томская области). – 368 с.

Королюк А.Ю., Смоленцев Б.А., Лащинский Н.Н. Почвенно-растительный покров приозерной равнины Кулундинского озера // Растительный мир Азиатской России. – 2008. – Т. 2. – С. 80–88.

Рудая Н.А. Изменение растительности Кулунды в позднем плейстоцене и голоцене: первые итоги палинологического изучения керна донных отложений озера Кучук // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 146–149.

Björck S. Younger Dryas oscillation, global evidence // Encyclopedia of Quaternary Sci. – Oxford: Elsevier B.V., 2007. – P. 1987–1994.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – Caldwell: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

IPCC, 2014: Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. – IPCC: Geneva; Switzerland. – 151 p.

Juggins S. C2 Version 1.5 User guide: Software for ecological and palaeoecological data analysis and visualisation. – Newcastle upon Tyne: Newcastle Univ., 2007. – 73 p.

Prentice C.I., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka // Climate Dynamics. – 1996. – Vol. 12. – P. 185–193.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Mid–late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: vegetation, climate and humans // Quaternary Sci. Reviews. – 2012. – Vol. 48. – P. 32–42.

ter Braak C.J.F. Ordination // Data analysis in community and landscape ecology. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1995. – Ch. 5. – P. 69–173.

ter Braak C.J.F., P. Smilauer. CANOCO reference manual and CanoDraw for Windows user's guide: software for canonical community ordination (version 4.5). – Ithaca: Microcomputer Power, 2002.

Velichko A.A., Cattob N., Drenova A.N., Klimanov V.A., Kremenetski K.V., Nechaev V.P. Climate changes in East Europe and Siberia at the Late glacial–holocene transition // Quaternary Intern. – 2002. – Iss. 91. – P. 75–99.

References

Björck S. Younger Dryas oscillation, global evidence. Encyclopedia of Quaternary Science. Oxford: Elsevier B.V., 2007, pp. 1987–1994.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. Caldwell: The Blackburn Press, 1989, 328 p.

Gidrogeologiya SSSR. Moscow: Nedra, 1970, vol. XVI. Zapadno-Sibirskaya ravnina (Tyumenskaya, Omskaya, Novosibirskaya i Tomskaya oblasti), 368 p. (in Russ.).

IPCC, 2014: Climate Change 2014: Synthesis Report. Contribution of Working Groups I, II and III to the Fifth Assessment Report of the Intergovernmental Panel on Climate Change. IPCC: Geneva; Switzerland, 151 p.

Juggins S. C2 Version 1.5 User guide: Software for ecological and palaeoecological data analysis and visualisation. Newcastle upon Tyne: Newcastle Univ., 2007, 73 p.

Korolyuk A.Yu., Smolentsev B.A., Lashchinskii N.N. Pochvenno-rastitel'nyi pokrov priozernoi ravniny Kulundinskogo ozera. *Rastitel'nyi mir Aziatskoi Rossii*, 2008, vol. 2, pp. 80–88 (in Russ.).

Prentice C.I., Guiot J., Huntley B., Jolly D., Cheddadi R. Reconstructing biomes from palaeoecological data: a general method and its application to European pollen data at 0 and 6 ka. *Climate Dynamics*, 1996, vol. 12, pp. 185–193.

Rudaya N., Nazarova L., Nourgaliev D., Palagushkina O., Papin D., Frolova L. Mid–late Holocene environmental history of Kulunda, southern West Siberia: vegetation, climate and humans. *Quaternary Science Reviews*, 2012, vol. 48, pp. 32–42.

Rudaya N.A. Izmenenie rastitel'nosti Kulundy v pozdnem pleistotsene i golotsene: pervye itogi palinologicheskogo izucheniya kerna donnykh otlozhenii ozera Kuchuk. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 146–149 (in Russ.).

ter Braak C.J.F. Ordination. Data analysis in community and landscape ecology. Cambridge: Cambridge Univ. Publ., 1995, ch. 5, pp. 69–173.

ter Braak C.J.F., P. Smilauer. CANOCO reference manual and CanoDraw for Windows user's guide: software for canonical community ordination (version 4.5). Ithaca: Microcomputer Power, 2002.

Velichko A.A., Cattob N., Drenova A.N., Klimanov V.A., Kremenetski K.V., Nechaev V.P. Climate changes in East Europe and Siberia at the Late glacial–holocene transition. *Quaternary International*, 2002, iss. 91, pp. 75–99.

Рудая Н.А. https://orcid.org/0000-0003-1536-6470
Жилич С.В. https://orcid.org/0000-0002-0365-0602

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.218-224
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Рубила Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан)

В статье рассматривается развитие форм ручных рубил (главным образом бифасов) в позднеашельских индустриях Юго-Восточного Дагестана. Сводная коллекция каменных артефактов включает изделия, полученные в результате раскопок последних лет, в т.ч. полевых исследований стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2019 г. Группа памятников, из которых происходит рассматриваемый материал, компактно расположена на границе равнины и предгорий на территории Дарвагчайского геоархеологического района (среднее течение р. Дарвагчай). Наиболее яркой чертой изучаемых комплексов, относящихся к финалу раннего палеолита, является присутствие крупных бифасиально обработанных орудий (рубил). Даны подробная морфологическая характеристика и описание изделий, а также проведен первичный анализ. На основании технико-типологических показателей орудий, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса, которые соответствуют определенным подразделениям местной стратиграфической схемы плейстоцена. Несмотря на то что эти позднеашельские комплексы разделены значительным промежутком времени, они имеют больше сходства между собой, чем с какими-либо археологическими материалами других регионов. Благодаря новейшим исследованиям территория Дарвагчайского геоархеологического района, может быть включена в зону распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. В то же время бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают частичные бифасы и унифасы. Различия в поделочных свойствах используемого сырья, разнообразие его форм и размеров определили большую вариабельность и соответственно низкую стандартизацию указанных орудий. Раннепалеолитические комплексы этого района имеют ряд морфологических и типологических особенностей, отличающих их от ашельских индустрий других регионов Кавказа.

Ключевые слова: *каменные изделия, ранний палеолит, рубило, сколы, ретушь, двусторонняя обработка.*

Andrey G. Rybalko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Handaxes of the Darvagchai Geoarchaeological Area (Southeastern Dagestan)

The article analyzes the development of handaxes in the Acheulian industries of Southeastern Dagestan. The collection of stone artifacts includes the objects obtained from excavations in recent years, including field studies of the Darvagchai-Zaliv-4 site in 2019. The group of sites from which the evidence originated, is located on the border between plain and foothills in the Darvagchai geoarchaeological area (the middle course of the Darvagchai River). The main feature of the Darvagchai Paleolithic complexes is the presence of large bifacially processed tools (handaxes). Detailed morphological features of these objects are described and preliminary analysis is provided in the article. On the basis of technical and typological features of these tools as well as their absolute and relative chronology, two cultural and chronological complexes have been identified. They correspond to specific units of the local stratigraphic model. Although these Late Acheulian complexes were separated by a large period, they show more similarities between themselves than with any archaeological materials from other regions. It has been concluded that the Darvagchai geoarchaeological area can be included into the distribution territory of the Early Paleolithic industries with the bifacially processed tools. At the same

time, bifaces of the classic types with continuously processed surface are very few, and the industry is dominated by partially treated bifaces and unifaces. Differences in raw materials as well as variety of their forms and sizes determined great variability and low standardization of the above tools. The Early Paleolithic complexes of that region manifest a number of morphological and typological features which distinguish them from the Acheulean industries of other regions of the Caucasus.

Keywords: *stone tools, Early Paleolithic, handaxes, spalls, retouching, bifacial treatment.*

Около 1,7 млн л.н. в Африке появились каменные индустрии, в которых произошло заметное качественное изменение в технологии обработки камня. От более древних олдувайских индустрий их принципиально отличает массовое появление группы специализированных макроорудий – ручных рубил, кливеров и пиков и т.п. Главным индикатором этих индустрий, названных ашельскими (от названия Сент-Ашель, пригорода Амьена, Франция), на протяжении всего существования являются ручные рубила или бифасы. Это крупные удлиненные орудия, изготовленные из отдельностей породы или сколов-заготовок путем полной или частичной двусторонней оббивки заготовки таким образом, что ее края на большей части периметра превращаются в лезвия, а дистальный конец заостряется. Общая форма рубил в плане варьирует от овальной до подтреугольной, а поперечное сечение, как правило, линзовидное. Термины «ручное рубило» (handaxe) или «бифас» (biface) часто рассматриваются как синонимы, в то же время очевидно, что каждый из них несет разную смысловую нагрузку, направленную либо на функциональное предназначение, либо на технические связанные с характером обработки признаки. Тем не менее и тот и другой широко используются в археологической литературе.

В данной работе рассматривается развитие форм ручных рубил (бифасов) в позднеашельских индустриях, обнаруженных на территории Дарвагчайского геоархеологического района, который географически расположен в среднем течении реки Дарвагчай (Кайтакский и Дербентский р-ны, Юго-Восточный Дагестан). На берегах Геджухского водохранилища к настоящему времени обнаружена целая серия местонахождений с раннепалеолитическими артефактами. Все они связаны с крутыми береговыми склонами и обнажениями, в которых снизу вверх прослеживаются прибрежно-морские и континентальные осадки [Рыбалко, 2014]. Здесь компактно расположены пять памятников, коллекции которых включают ручные рубила: Дарвагчай-1, Дарвагчай-Залив-1 (раскоп 4), -2, -4, Дарвагчай-карьер. Все названные пункты имеют в той или иной степени схожий геохронологический контекст. Хронологические рамки культуросодержащих слоев памятников установлены на основании палеонтологических данных (анализ малакофауны), палеомагнитных исследований и серии датировок, полученных методом OSL (оптически стимулируемое люминесцентное датирование). Посредством технико-типологических характеристик археологических коллекций, абсолютной и относительной хронологии выделены два культурно-хронологических комплекса.

Наиболее ранние свидетельства появления бифасов (рубил) на рассматриваемой территории (комплекс II 400–350 тыс. л.н. (МИС 11–10)) отмечены в слое 8 стоянки Дарвагчай-1 (прибрежно-морские отложения), в аналогичных отложениях местонахождений Дарвагчай-Залив-1 (слой 3), Дарвагчай-Залив-2 и Дарвагчай-Залив-4 (слой 5) [Рыбалко, 2016].

В этом комплексе четко выделяются три небольшие группы и несколько единичных изделий:

Частичные рубила подтреугольной формы (4 экз.). Одно изделие миндалевидной формы выполнено на плоской гальке из песчаника (10,7 × 6,5 × 2,7 см). Орудие среднеокатанное, основание сохраняет галечную корку, дистальная часть тщательно оформлена с двух сторон плоскими сколами и краевой ретушью. Лезвия слабоизвилистые, острие тонкое четко выраженное. Второе изготовлено на плоской гальке из серо-коричневого окремненного известняка (11,6 × 8 × 2,9 см). Изделие сильно окатанное, треугольной формы, максимальная толщина и ширина приходятся на необработанное основание, слабовыпуклые лезвия и острый дистальный край оформлены разно наклонными широкими сколами (рис. 1, *3*). Другое рубило крупных размеров (18 × 8,8 × 3 см), выполнено на плоской удлиненной гальке из серо-коричневого окремненного известняка. Орудие среднеокатанное, подтреугольной формы, половина изделия оформлена сколами, хорошо выраженное острие дополнительно подправлено ретушью, другая половина покрыта галечной коркой (рис. 2, *2*). Последнее рубило изготовлено на небольшой гальке из желтовато-серого кремня (7,5 × 5,4 × 3,4 см). Орудие подтреугольной формы, плоско-выпуклое, широкие плоскости обработаны сколами, одна боковая грань и острие дополнительно оформлены средней ретушью, массивная пятка галечная (рис. 3, *2*).

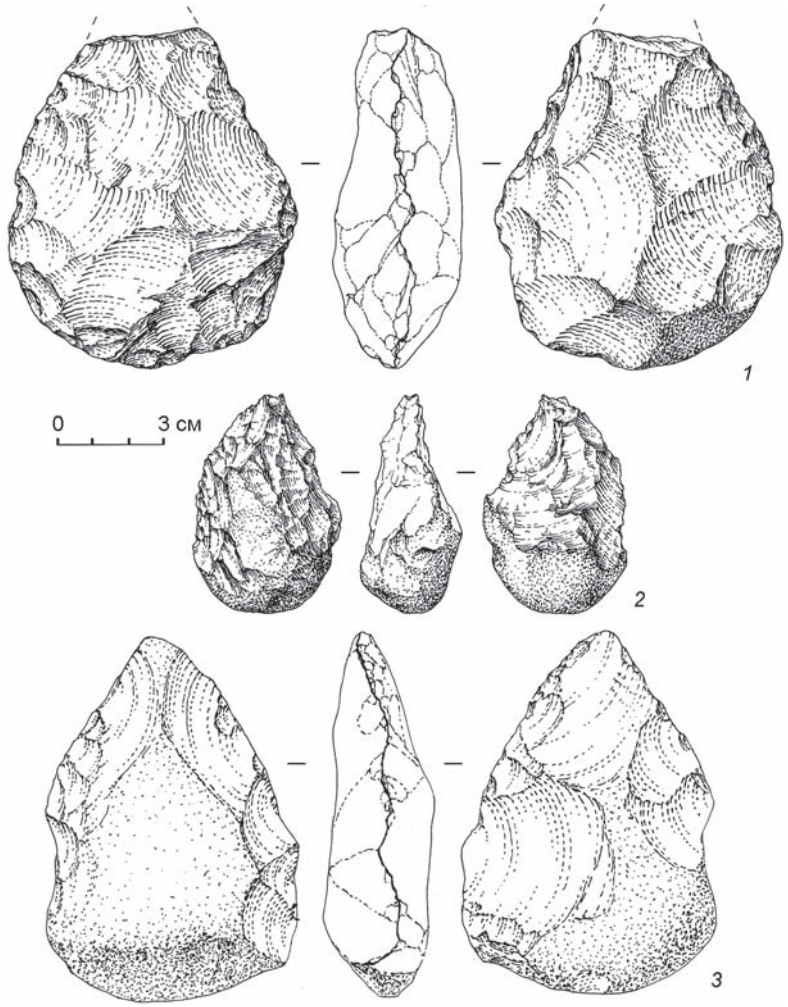

Рис. 1. Рубила с памятников Дарвагчай-карьер (*1*), Дарвагчай-Залив-2 (*2*), Дарвагчай-Залив-1 (*3*).

Частично оформленные минирубила (рубильца) (4 экз.). Рубильце миниатюрных размеров (5,2 × 3,1 × 1,9 см), в качестве заготовки использовался кремневый желвак желто-коричневого цвета, среднеокатанное, ассиметрично-подтреугольной формы, максимальная ширина и толщина приходятся на его основание. Обе стороны изделия оббиты двусторонними сколами, один продольный край и острие имеют дополнительную подправку ретушью. Следующее орудие, выполненное на продолговатой кремневой гальке серовато-розового цвета (7 × 4,3 × 2,7 см), не окатанное, имеет овальную форму и двояко-выпуклое поперечное сечение. Максимальная толщина и ширина приходятся на необработанное основание. Лезвия разных очертаний сходятся к хорошо выраженному, тонкому острию (см. рис. 1, *2*). К этой категории отнесены еще два бифасиально обработанных орудия, представляющие собой небольшие кремневые гальки, частично оформленные с двух сторон сколами и естественными основаниями. В обоих случаях дистальный край приострен. Типологически данные изделия можно отнести к проторубилам.

Рубила односторонние (унифасы) (2 экз.). Очень выразительно изделие (12,5 × 9,5 × 2,8 см), выполненное на плоской гальке из песчаника, орудие миндалевидной формы, одна плоскость оформлена крупными и средними сколами, острие четко выражено (см. рис. 3, *4*). Другой унифас изготовлен на кремневой гальке (9,3 × 5,5 × 2,8 см), орудие плоско-выпуклое, продольные края частично оформлены сколами, на острие и рабочих краях присутствует ретушь утилизации, основание и противолежащая сторона галечные (рис. 3, *3*).

Пиковидное рубило изготовлено на крупной массивной гальке из серовато-желтого песчаника (18,6 × × 9,9 × 6,8 см). Изделие грубо оформлено крупными и средними сколами. Основным рабочим элементом является хорошо выделенное острие, имеющее треугольное поперечное сечение, продольные края прямые, основание широкое, массивное, представляет собой необработанный край гальки.

Рубило с поперечным лезвием выполнено на окремненной гальке коричневого цвета (9,5 × 7,3 × 4,5 см). Изделие подпрямоугольной формы, плоско-выпуклое в сечении, продольные края грубо оббиты крупными сколами, дистальная часть представлена в виде широкого поперечного лезвия. Более половины орудия, включая массивное основание, не обработаны (рис. 4, *2*).

В целом комплекс II выглядит довольно архаично, здесь полностью отсутствуют классические ашельские бифасы. Морфологические черты рассматриваемых рубил позволяют разделить их на несколько групп. Рубила с хорошо выраженным конвергентным схождением лезвий в дистальной части (наиболее многочисленные) и рубила подпрямоугольных очертаний с прямым поперечным лезвием (очень редкие). Рубила функционально дополняются унифасами, для оформления которых использовались более уплощенные гальки. Наиболее выразительны в этом комплексе частичные бифасы. Некоторые общие черты этой небольшой серии обусловлены, по всей видимости, особен-

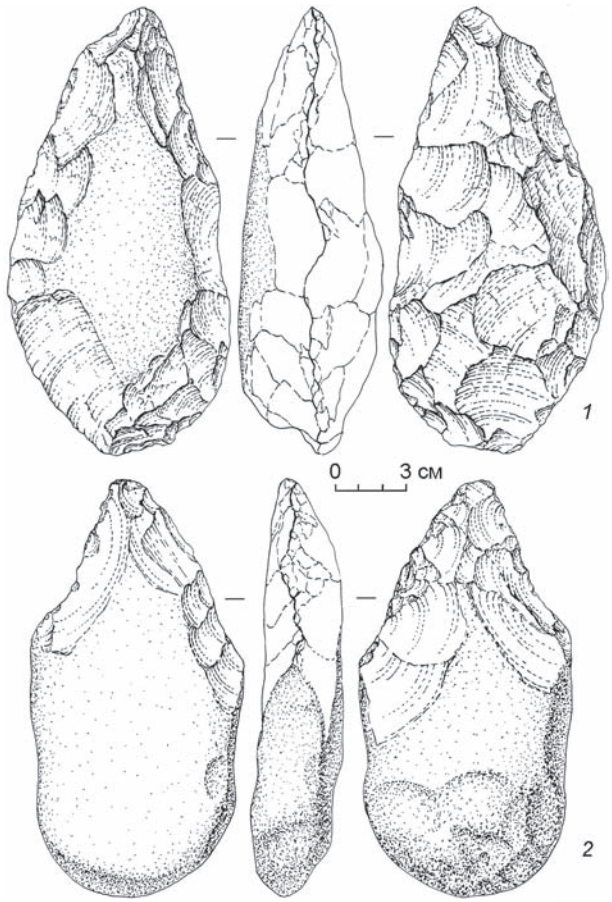

Рис. 2. Рубила с памятника Дарвагчай-Залив-1.
1 – комплекс I; *2* – комплекс II.

ностями местного сырья. Это сырье представлено главным образом разноразмерными, преимущественно плоскими, гальками подходящих очертаний, которые подвергались частичной бифасиальной оббивке средними и мелкими плоскими сколами, продольные лезвия и острия в некоторых случаях дополнительно оформлены ретушью, чаще всего краевой или слабо распространенной чешуйчатой полукрутой или крутой. Фрагменты галечной корки при этом сохранялись на пятках и частично широких плоскостях орудий.

Культурно-хронологический комплекс I включает ручные рубила, обнаруженные в нескольких пунктах в схожих стратиграфических условиях (галечно-гравийные отложения). На территории Дарвагчайского р-на эти напластования мощностью от 1,5 до 8 м встречается повсеместно. Ведущую роль в осадконакоплении играли элювиально-делювиальные и пролювиальные процессы. Данные отложения, состоящие из разнообразных сырьевых групп (кремень, известняк, песчаник, окремненные породы), являются основным источником каменного сырья, именно это обстоятельство на протяжении длительного периода привлекало сюда первобытных людей. Хронологические рамки комплекса I, включающего памятники Дарвагчай-Залив-1 (раскоп 4, слой 2), Дарвагчай-Залив-4 (слой 3) и местонахождение Дарвагчай-карьер [Там же], определены OSL-датированием (250–200 тыс. л.н. (МИС 7)).

В этом комплексе четко выделяются три группы:

Классические рубила (4 экз.). Первое орудие, выполненное на гальке из серо-зеленого песчаника (18,5 × 9,0 × 5,4 см), среднеокатанное, имеет симметричную удлиненную, двояковыпуклую, миндалевидную форму и линзовидное сечение, оформлено по всему периметру двусторонними сколами, продольные края выпуклые, извилистые, острие четко выражено. Наиболее тщательно обработано основание, уплощающими сколами и выравнивающей ретушью (см. рис. 2, *1*). Другое рубило крупных размеров (17,5 × 8,2 × 4 см), выполненное из пес-

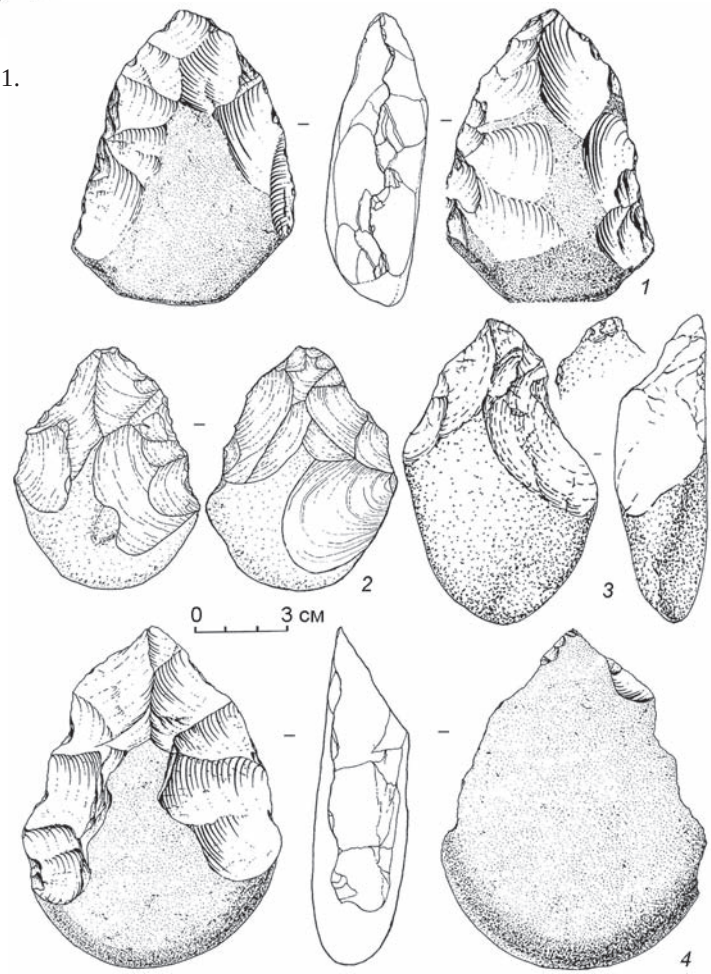

Рис. 3. Рубила с памятника Дарвагчай-Залив-4.
1 – комплекс I; *2–4* – комплекс II.

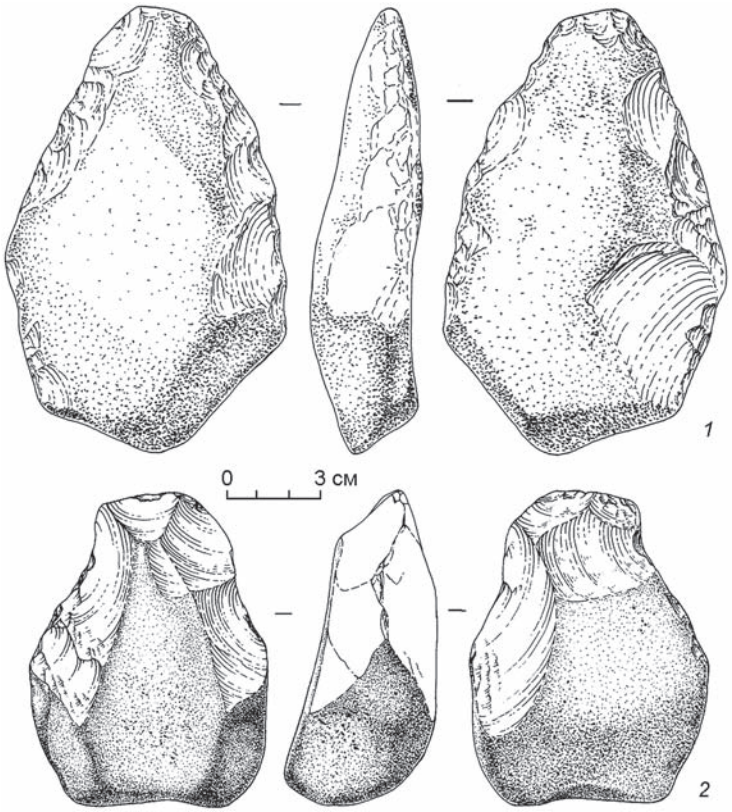

Рис. 4. Рубила с памятника Дарвагчай-Залив-4.
1 – комплекс I; *2* – комплекс II.

чаника темно-серого цвета, сильно окатанное, имеет симметричную копьевидную форму и двояковыпуклое сечение, обработано по всему периметру плоскими сколами. Дистальный конец является наиболее плоской частью изделия и напоминает дистальные окончания ланцетовидных рубил (рис. 5, *2*). Следующее рубило наиболее тщательно оформлено, это также самое крупное и массивное изделие в коллекции, выполнено на гальке из серо-коричневого окремненного известняка (20,5 × 10 × 5,4 см). Орудие среднеокатанное, имеет симметричную двояковыпуклую миндалевидную форму и линзовидное сечение, обработано по всему периметру сколами и крупной ретушью. Максимальная ширина и толщина приходятся на середину орудия. Лезвия выпуклые с извилистой кромкой, дистальный конец заужен боковыми сколами с двух сторон и не образует четко выраженного острия, основание тщательно оформлено, в плане имеет форму правильной дуги (рис. 5, *1*). Последнее орудие изготовлено из тонкозернистого серо-черного песчаника (11,1 × 8,7 × 3,5 см), сильно окатанное, миндалевидной формы с широким закругленным основанием и узким дистальным краем, который был обломан в древности. В сечениях изделие линзовидное, двояковыпуклое, тщательно оформленное по всему периметру плоскими сколами и эпизодической ретушью. Лезвия и основание слабоизвилистые, в проксимальной части сохранен небольшой участок галечной корки (см. рис. 1, *1*).

Частичные рубила (3 экз.). Первое изделие подготовлено на удлиненной плоской гальке из песчаника (13,6 × 8,3 × 3,2 см). Орудие сильно окатанное, имеет частичную отделку, по морфологии его можно отнести к миндалевидным формам, поперечное сечение плоско-выпуклое. Нижняя сторона плоская, что в большей степени обусловлено уплощающей оббивкой, верх-

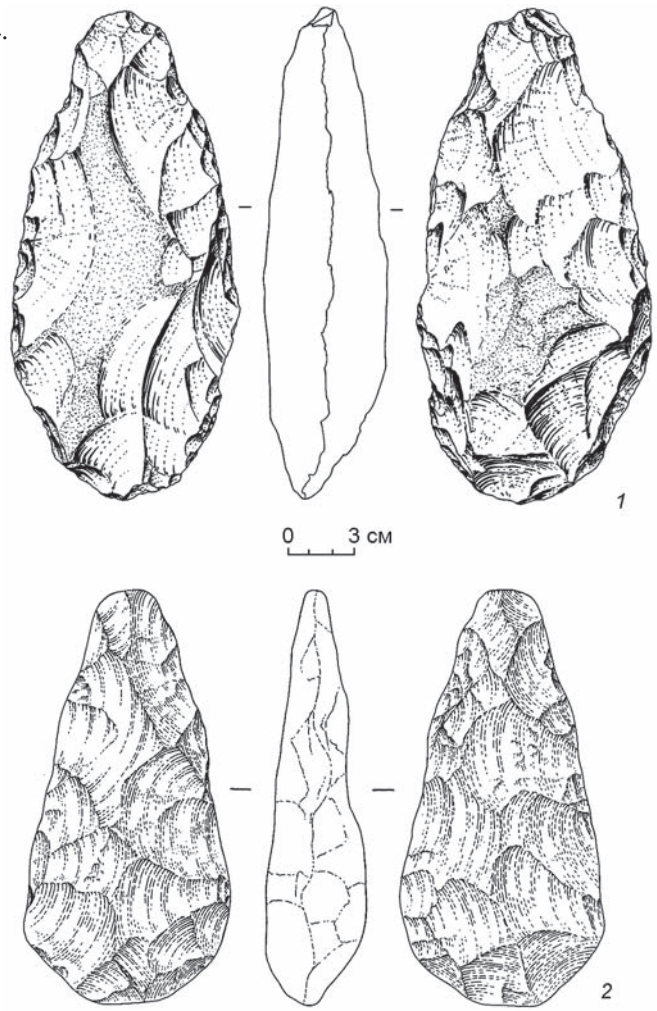

Рис. 5. Рубила с памятника Дарвагчай-Залив-4 (комплекс I).

няя сторона угловато-выпуклая, на большей части ее сохранена галечная корка. Тщательнее всего оформлена дистальная часть, основание не обработано (см. рис. 4, *1*). Следующее рубило изготовлено на обломке гальки из серо-зеленого песчаника (9,7 × 6,8 × 3,7 см). Орудие подтреугольной формы, имеет частичную отделку и выглядит незаконченным. Продольное сечение двояковыпуклое, обе стороны грубо оформлены крупными и средними сколами, дополнительная подправка ретушью отсутствует. Другое орудие (11 × 7,5 × 3 см) выполнено на гальке из известняка, миндалевидной формы, двояковыпуклое, сколами оформлено две трети заготовки, лезвия слабоизвилистые, пятка галечная, на острие видны более свежие сколы (см. рис. 3, *1*).

Частично оформленные минирубила (рубильца) (6 экз.). Для одного изделия миниатюрных размеров (4,4 × 3 × 1,9 см) в качестве заготовки использовалась галька из коричневато-серого кремня. Орудие слабо окатанное, подтреугольной формы, максимальная ширина и толщина приходятся на его основание. Обе стороны оббиты двусторонними сколами, один продольный край и острие имеют дополнительную подправку ретушью. Основание массивное, выпуклое, представлено необработанным краем гальки. Рубильце (5 × 4 × 3 см) изготовлено из кремня, плоско-выпуклое, основание галечное, острие округлое, видны следы забитостей. Следующее изделие, представленное в виде заготовка бифаса (6 × 4 × 2,6 см), выполнено на обломке кремня пирамидальной формы, острие четко выражено, одна сторона оформлена двусторонними сколами. Другое орудие выполнено на кремневой гальке (7 × 4,8 × 3,6 см), изделие подпрямоугольной формы, двояковыпуклое, одна сторона оформлена сколами, вторая большей частью галечная, основание массивное, острие притупленное. Небольшое рубильце изготовлено из кремня (5,9 × 5 × 2,7 см), овальной формы, плоско-выпуклое, основание и часть одной стороны галечные, острие хорошо выражено, дополнительно оформлено ретушью. Последнее изделие является заготовкой бифаса, выполнено из кремня (7 × 4,5 × 3,4 см), предмет частично оформлен двусторонними сколами.

Культурно-хронологический комплекс I выглядит намного более развитым как по технике оформления, так и типологии. Процесс совершенствования главных ашельских форм (ручных рубил) в качественном плане особенно ярко проявился здесь с появлением «классических» ашельских бифасов. Немногочисленная, но выразительная группа состоит из миндалевидных, сердцевидных и удлиненно-копьевидных форм, представляющих собой предельно выразительные морфологические образцы, соответствующие самым строгим представлениям о типе археологической классификации. Бифасы этой группы являются массивными, сплошь обработанными и двояковыпуклыми, базальные части имеют толстые закругленные пятки. Поверхности рубил обработаны большим количеством достаточно крупных снятий, дополнительная подправка ретушью более или менее волнистых лезвий, как правило, незначительна. В то же время основное количество изделий данной категории макроорудий, как и в комплексе II, по-прежнему представлено частичными бифасами и невыразительными мелкими рубильцами. В целом комплекс выглядит как позднеашельский.

Чтобы судить о степени сходства или различия каменных индустрий, следует выявлять специфические для них типы орудий, морфологические и технологические особенности. Технология производства макроорудий (ручных рубил), служащих главным маркером ашельских индустрий, была основана здесь на обработке подходящих по размеру и форме галек таких пород, как песчаник, кремень и известняк. Все эти материалы являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов и хорошо представлены в многочисленных обнажениях вблизи стоянок.

Данные комплексы, несомненно, имеют ряд общих черт. Во-первых, в обоих этих вариантах позднеашельских индустрий рубила немногочисленны. Во-вторых, рассматриваемые варианты сходны по подавляющему количественному превосходству неклассических форм бифасов с частичной двусторонней обработкой. Принципиальное значение для сравнения этих индустрий имеет тот факт, что они принадлежат к одной технологической традиции. Базовой заготовкой для рубил были гальки, массивные и плоские, разных размеров, в обоих комплексах полностью отсутствуют рубила в качестве заготовок, для которых использовались крупные отщепы. В то же время при преобладании галечных заготовок здесь все же есть единичные очень крупные сколы, которые не использовались как основа для рубил, а применялись как готовые орудия с минимальной подработкой или без таковой, т.е. являлись специфической формой рубящережущего орудия на отщепе с прямыми или заостренными рабочими лезвиями.

Итак, наблюдаются одновременно сходство и различие позднеашельских индустрий Дарвагчайского р-на. Стоит отметить, что несмотря на значительный хронологический перерыв эти комплексы имеют больше сходства между собой, чем с какими-либо материалами других стоянок кавказского региона. Допустимо предположить, что это отражение перехода от более древней технологической

традиции к финально-ашельским «классическим» комплексам.

Территория Дагестана, несомненно, является зоной распространения раннепалеолитических индустрий с бифасиально обработанными орудиями. Бифасы классических типов, имеющие сплошную обработку поверхности, здесь немногочисленны, преобладают т.н. частичные бифасы. Технологические особенности сырья, а также чрезвычайно разнообразные формы исходных заготовок (гальки и обломки) обусловили большое разнообразие морфологических форм и, соответственно, низкую стандартизацию указанных орудий.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-09-00006-а «Комплексное исследование палеолитических культур Приморского Дагестана: технологии, хронология, адаптации и культурные связи».

Список литературы

Рыбалко А.Г. Геохронологические исследования стоянки Дарвагчай-залив-1 в Республике Дагестан // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 73–76.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 152–155.

References

Rybalko A.G. Geohronologicheskie issledovanija stojanki Darvagchaj-zaliv-1 v Respublike Dagestan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 73–76 (in Russ.).

Rybalko A.G. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 152–155 (in Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.225-230
УДК 902/904

А.Г. Рыбалко, А.В. Кандыба

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Исследования Ашельских комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2019 году

В статье представлены новейшие результаты, полученные в ходе археологических раскопок стоянки Дарвагчай-Залив-4. Основное внимание отведено описанию и анализу полученного разреза и коллекций каменных изделий, относящихся к финальному раннему палеолиту. Артефакты залегали в слоях 3 и 5 (общая стратиграфическая колонка стоянки) и, по данным стратиграфии и планиграфии, претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. На памятнике представлены все циклы обработки камня (от апробации сырья до изготовления орудий). Наиболее выразительной частью коллекции являются крупные галечные (чопперы) и бифасиально обработанные (рубила, пики) орудия. Среди орудий на сколах выделяются крупные серии скребловидных, шиповидных, выемчатых и комбинированных изделий. Анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует, что в период формирования культуросодержащих слоев на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшиеся на местной полисырьевой основе. Все вышеперечисленные данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую стоянку-мастерскую, где осуществлялась деятельность, связанная с массовым изготовлением серий артефактов. Облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести данные материалы к числу позднеашельских комплексов Кавказа. В результате проведенных полевых археологических исследований получен новый массовый материал по древнейшей истории региона, что дает возможность более наглядно представить общую картину эволюции каменных индустрий на этой территории в палеолитическое время, начиная с самых ранних его этапов.

Ключевые слова: *Дагестан, каменные индустрии, ранний и средний палеолит, морские трансгрессии.*

Andrey G. Rybalko, Alexander V. Kandyba

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: rybalko@archaeology.nsc.ru

Research of Acheulian Complexes at the Site of Darwagchai-Zaliv-4 in 2019

The article presents the latest results of archaeological excavations at the Darvagchai-Zaliv-4 site with the main focus on describing and analyzing the archaeological section and collections of stone artifacts of the Final Early Paleolithic. The artifacts occurred in layers 3 and 5 (general stratigraphic column of the site). According to stratigraphy and planigraphy, they underwent minimal spatial displacement in post-depositional period. All stages of stone processing (from testing raw materials to production of tools) were present at the site. The most distinctive part of the collection were large pebble (choppers) and bifacially processed (choppers, pikes) tools. Tools on flakes included large series of scraper-shaped, spike-shaped, notched, and combined artifacts. Analysis of all aspects of lithic inventory has shown that the carriers of a single industrial tradition lived in that area during the emergence of the culture-bearing layers. All the above data makes it possible to conclude that the site was a repeatedly visited workshop-encampment, where mass production of the series of artifacts was carried out. The appearance and age of the typologically expressed artifacts indicate that these materials belonged to the Late Acheulean complexes of the Caucasus. Field archaeological studies have resulted in obtaining numerous new evidence on the earliest history of the region, which reveals more vivid picture of the evolution of stone industries in this territory in the Paleolithic since its earliest stages.

Keywords: *Dagestan, stone industries, Early and Middle Paleolithic, Pleistocene, marine transgressions.*

Стоянка Дарвагчай-Залив-4 обнаружена в 2010 г. в ходе археологического обследования правого берега р. Дарвагчай (Дербентский р-н, Республика Дагестан). Памятник расположен на правом берегу Геджухского водохранилища в средней части высокого (ок. 20 м) крутого обрыва. Географические координаты: 42º08’06” с.ш., 48º01’44” в.д.; высота над ур. м. ~ 125 м. Стационарные исследования памятника, проводившиеся с перерывами в 2011–2017 гг., позволили получить подробные сведения о стратиграфии объекта, а также выразительный набор палеолитических изделий, наиболее характерной чертой которого является наличие крупных бифасиально обработанных орудий [Рыбалко, 2014; Кандыба, Рыбалко, 2016].

В 2019 г. были сделаны две прирезки к основному раскопу с северо-восточного и юго-восточного направлений, общая площадь составила 20 м^2. Наиболее наглядно вскрытые отложения представлены на юго-восточной стенке раскопа, всего выделено восемь геологических горизонтов (краткое описание дается сверху вниз).

Слой 1а: гумусированный суглинок (современная почва), мощность – 0,15 м.

Слой 1б: серо-коричневый опесчаненный суглинок, генезис отложений субаэральный (элювиально-делювиальный), мощность до 1 м.

Слой 1в: буро-коричневый тяжелый суглинок (палеопочва). Большая часть слоя (верхняя половина) разрушена склоновыми процессами. Слой содержит среднепалеолитические артефакты, мощность до 0,4 м

Слой 2: коричневый, местами сильно карбонизированный лессовидный суглинок, генезис субаэральный. В верхней трети слоя встречаются единичные среднепалеолитические артефакты, мощность до 3,5 м.

Слой 3: гравийно-галечные отложения различной степени окатанности. В заполнителе глинистый песок, суглинки. Генезис отложений сложный, ведущую роль играли пролювиально-делювиальные и аллювиальные (горный аллювий) процессы. Слой содержит палеолитические артефакты, мощность до 2 м.

Слой 4: прибрежно-морские пески, светло-серые, косослоистые, мощность до 0,45 см.

Слой 5: гравийно-галечные отложения. В заполнителе светло-серый детритусовый песок с включением раковин морских моллюсков разной сохранности. Слой содержит палеолитические артефакты, мощность до 0,45 м.

Слой 6: тонкослойчатые серые пески с горизонтальными прослоями детритусового песчаника. Генезис отложений прибрежно-морской, мощность до 1,5 м.

Полученная сводная коллекция насчитывает 233 артефакта. Каменные изделия из верхнего галечно-гравийного горизонта (слой 3) имеют разную степень сохранности поверхности. В основном материал средне- и слабоокатанный (≈ 50 %). У некоторых изделий (≈ 10 %) на гранях встречаются выкрошенности и забитости. Вместе с тем значительную часть коллекции составляют предметы с относительно «свежими» гранями (≈ 40 %). Условия залегания и состояние изделий из камня свидетельствуют о незначительной, частичной переотложенности комплекса.

Коллекция слоя 3 состоит из 192 предметов. Нуклевидные формы представлены 12 изделиями, в т.ч. 3 нуклевидными обломками и 9 нуклеусами. Большинство ядрищ (5 экз.) относится к простейшим плоскостным формам, где скалывание заготовок производилось без предварительного оформления. Из них наиболее выразителен очень крупный нуклеус (12,5 × 6 × 7,1 см), выполненный на объемной гальке из кремня, площадка галечная сильно скошенная, на фронте видны негативы снятий крупных и средних отщепов (рис. 1). В двух случаях скалывание отщепов производилось с торца заготовок, в качестве которых использовались сильно окатанные кремневые желваки брусковидной формы (4 × 8 × 3 см и 3,5 × 5,5 × 6,7 см). С другого нуклеуса из кремня (8,4 × 6 × 4,4 см) производились скалывания удлиненных крупных отщепов. Один нуклеус – двухплощадочный встречного принципа скалывания (5 × 4,5 × 2,4 см), на фронте негатив снятия пластинчатого отщепа. Другая группа состоит из изделий, где площадки оформлялись одним (3 экз.) или серией (1 экз.) сколов. Небольшой нуклеус выполнен на обломке кремня подтреугольной формы (3,7 × 5,4 × 2,5 см), площадка гладкая, на фронте негативы снятий мелких и средних отщепов. Два изделия подготовлены на продолговатых кремневых гальках (6,5 × 3,8 × 2,8 см), площадки гладкие, сильно скошенные, у одного из них (6,4 × × 5,4 × 3,5 см) правая латераль частично оформлена поперечными сколами. Последний нуклеус выполнен на гальке из известняка (7,1 × 6,2 × 4,5 см), площадка двугранная, оформлена сколами, на фронте негативы укороченных снятий (рис. 2, *10*).

Продукты первичного расщепления включают: сколы (83 экз.), преимущественно укороченные, крупного и среднего размера, с ярко выраженным ударным бугорком и зачастую со смещением оси заготовки относительно направления снятия; обломки и осколки (78 экз.) – объемные угловатые куски породы разных размеров и форм; чешуйки (16 экз.).

Категория орудий насчитывает 72 предмета, в качестве заготовок использовались сколы (34 экз.), обломки (36 экз.) и гальки (3 экз.). Орудийный на-

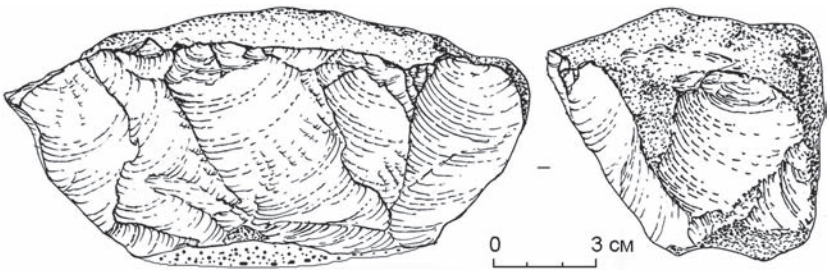

Рис. 1. Нуклеус со стоянки Дарвагчай-Залив-4.

бор состоит из: бифасиально обработанных орудий (2 экз.), пика и минипика, нуклевидного скребка, чопперов (2 экз.), кливера, скребел (5 экз.), скребков (4 экз.), острий (2 экз.), ножей (2 экз.) (рис. 2, *1, 3*), шиповидных (16 экз.), выемчатых (11 экз.), зубчатых (2 экз.) и комбинированных изделий (2 экз.), отщепов (9 экз.) и обломков с ретушью (11 экз.).

Наиболее выразительную часть коллекции представляют макроорудия, сильно отличающиеся по размерности и способу оформления. Бифасы небольших размеров изготовлены из кремня. Первый (6,5 × 4,3 × 1,9 см) – подтреугольной формы с естественным обушком, плоско-выпуклый в сечении, один продольный край и медиальная часть оформлены двусторонними сколами и крупной ретушью, другой край и основание галечные (рис. 2, *7*). Второй (4,5 × 3,4 × 2,4 см) – подтреугольной формы, двояковыпуклый, частично оформлен сколами, основание и часть одной плоскости галечные (рис. 2, *4*). В качестве заготовки для кливера использовался кремневый обломок пирамидальной формы (13,5 × 6 × 4,6 см), две плоскости образуют топоровидное слабовыпуклое лезвие со следами забитости и ретуши утилизации. Пик (7,5 × 3,3 × 3 см) и минипик (4 × 3,8 × 2,6 см) выполнены на кремневых обломках, изделия четырехгранные, оформлены сколами и крупной ретушью. Нуклевидный скребок (7 × 5,9 × 2,9 см) изготовлен на расколотой кремневой гальке, на торце изделия сколами и ретушью подготовлено неровное лезвие (рис. 3, *6*). В качестве заготовок для чопперов послужили галька из известняка (6,5 × 7 × 2,5 см) и кремневый обломок (10 × 6,1 × 4,5 см), лезвия прямые, оформлены мелкими сколами. Группа орудий на отщепах и обломках многочисленна и разнообразна. Стоит отметить наличие некоторых признаков стандартизации приемов оформления, серийности. Среди скребел преобладают простые однолезвийные формы (см. рис. 2, *9*). В категории выемчатых орудий встречаются как клектонские разновидности анкошей, так и ретушное оформление (см. рис. 3, *3*). Шиповидные изделия подготавливались с использованием естественных очертаний заготовок (острых выступов) либо одной или двумя сопряженными выемками (см. рис. 2, *6;* 3, *4*). Скребки атипичные, мелкие (см. рис. 2, *2*, *8*). Отщепы и обломки с нерегулярной обработкой по одному краю, ретушь мелкая прерывистая.

Коллекция слоя 5 включает 41 артефакт. Материалы нижнего галечника демонстрируют близкое состояние сохранности поверхности. Большинство изделий имеет среднюю или слабую степень (≈ 75 %) окатанности. Если артефакты из слоя 3, помимо сглаженности граней, нередко имеют следы соударения, забитостей, то на большинстве изделий из второго комплекса подобных следов нет.

Ядрища (2 экз.) выполнены из кремня. Радиальный односторонний нуклеус (5,6 × 4 × 2,4 см) овальной формы, с широкой плоскости производились снятия средних и мелких отщепов, контрфронт галечный (см. рис. 3, *5*). Второй нуклеус (6 × 8,1 × 6,5 см) – одноплощадочный монофронтальный, площадка естественная скошенная, на фронте расположены негативы разноразмерных снятий, упирающихся в заломы.

Основную часть продуктов первичного расщепления составляют сколы (18 экз.), преимущественно укороченные, средних и крупных размеров, обломки (17 экз.) главным образом средних размеров, часто плиткообразные и чешуйки (3 экз.).

Орудийный набор, состоящий из 16 предметов, включает: пик, острие, скребло (см. рис. 2, *5*), скребок (рис. 2, *1*), нож, выемчатые (3 экз.) (см. рис. 3, *1*) и шиповидные (3 экз.) (см. рис. 2, *3*) орудия, отщеп (см. рис. 3, *2*), обломки (3 экз.) и гальку с ретушью. В качестве заготовок использовались сколы (7 экз.), обломки (8 экз.) и галька.

Основные приемы получения заготовок и вторичной отделки, формы и типы орудий на сколах и обломках из слоя 5 в целом не отличаются от тех, что были описаны для слоя 3. Общий анализ археологических материалов позволяет сделать следующие выводы о характере индустрии стоянки. Обнаруженные артефакты отличает разная степень сохранности поверхности, варьирующая от изделий с несглаженными «свежими» ребрами до сильно «замытых» предметов. Анализ планиграфии, наряду с данными стратиграфии, показывает, что артефакты

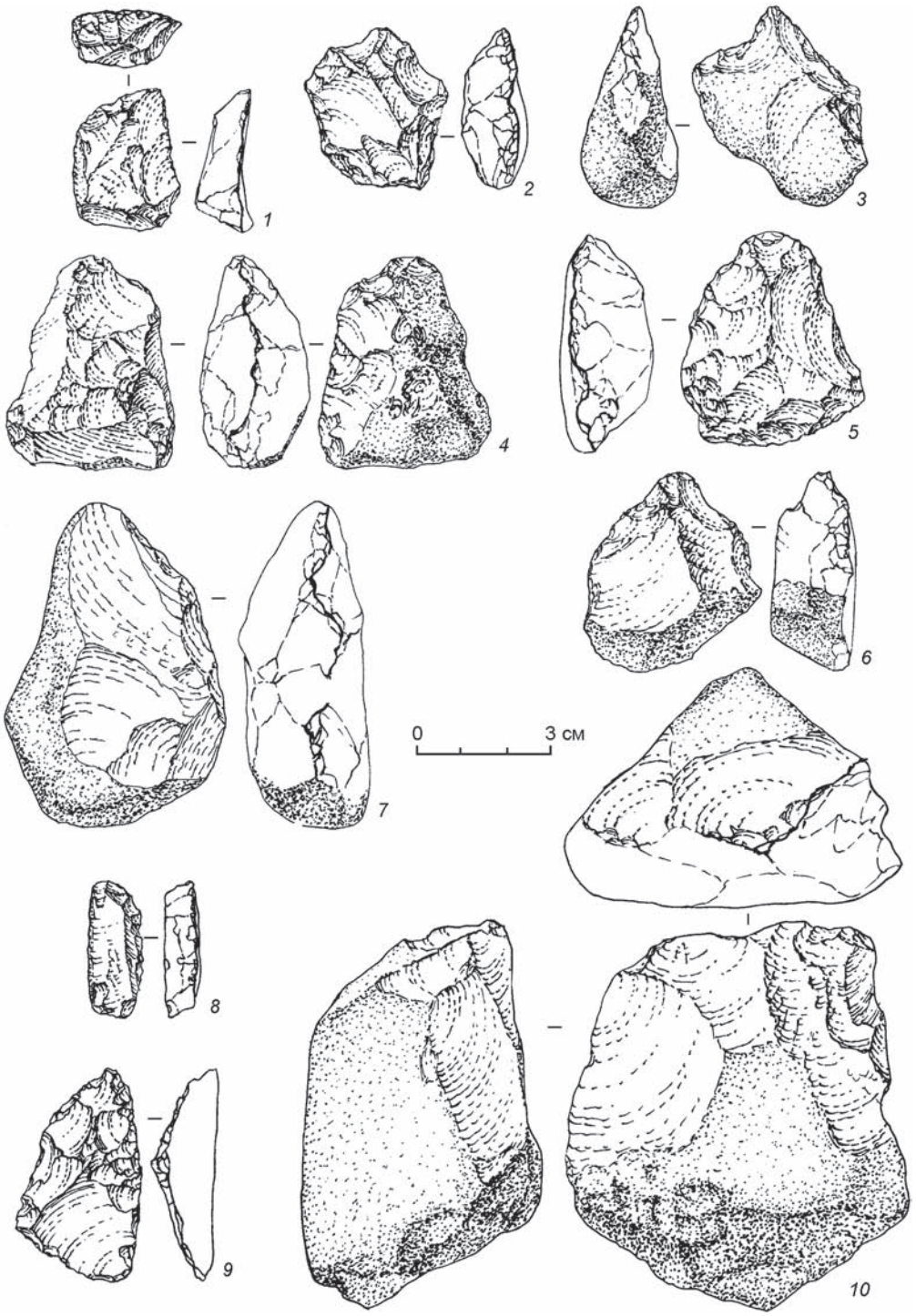

Рис. 2. Каменные артефакты со стоянки Дарвагчай-Залив-4.
1, 2, 8 – скребки; *3, 6* – шиповидные орудия; *4, 7* – бифасы; *5, 9* – скребла; *10* – нуклеус.

претерпели минимальные пространственные перемещения в постседиментационный период. Каменная индустрия памятника сформировалась на местной полисырьевой базе. В качестве исходного сырья использовались желвачный кремень, сильно окремненный известняк и слабо окремненный опесчаненый известняк в виде галек и желваков. Данные разновидности каменного сырья являются непосредственной составляющей культуросодержащих горизонтов стоянки и хорошо прослеживаются в нескольких обнажениях на близлежащей территории.

Набор орудийных типов и характер вторичной обработки практически не изменяется по культурно-литологическим подразделениям, но общее разнообразие орудийных форм, как и их количество, нарастает вверх по разрезу, достигая максимума

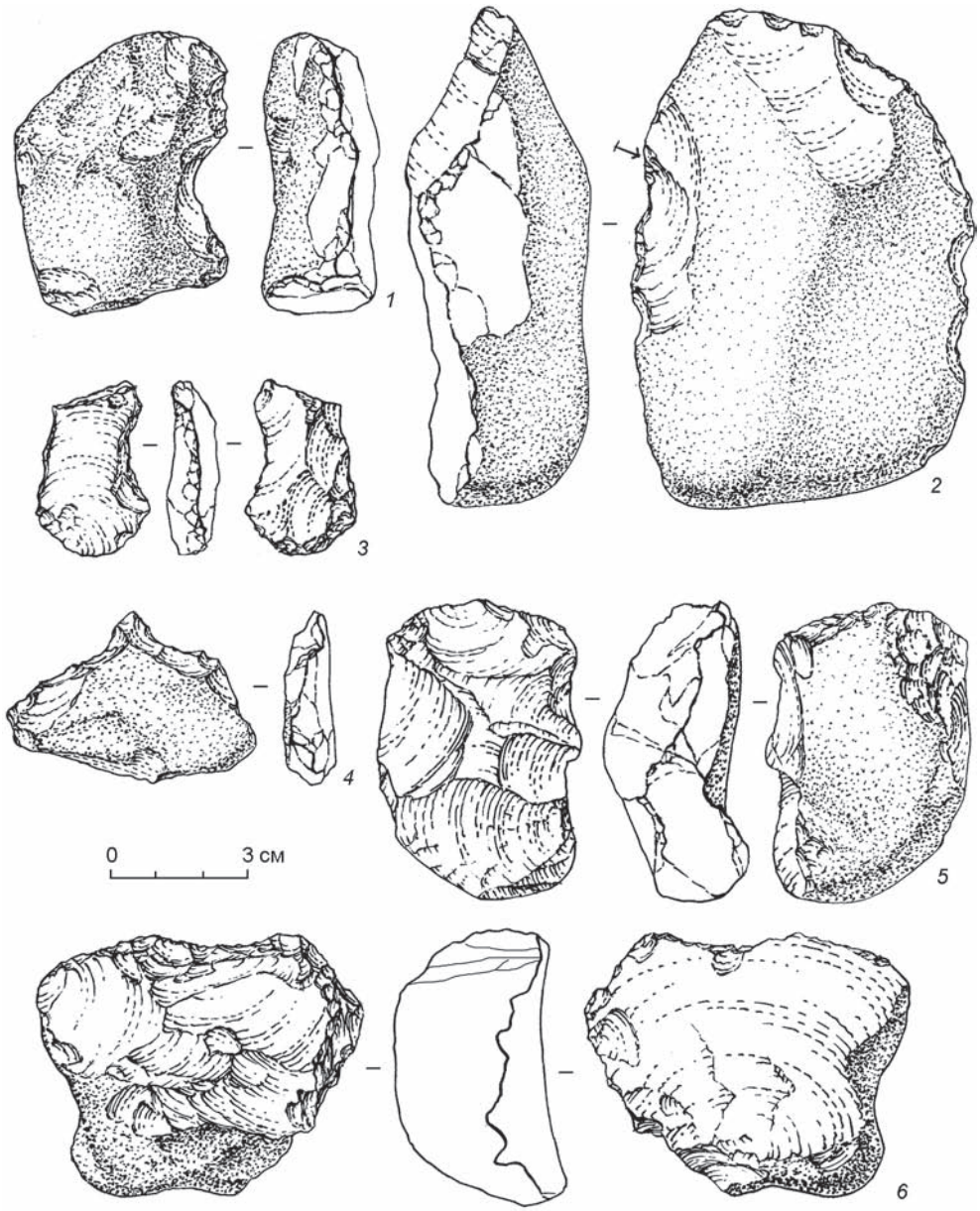

Рис. 3. Каменные артефакты со стоянки Дарвагчай-Залив-4.
1, 3 – выемчатые орудия; *2* – отщеп с ретушью; *4* – шиповидное орудие; *5* – нуклеус; *6* – нуклевидный скребок.

в слое 3. При этом, несмотря на хронологический разрыв в формировании культуросодержащих горизонтов, по основным технико-типологическим характеристикам оба комплекса близки друг другу. Совпадения касаются первичного расщепления и вторичной обработки, типов и форм орудий и нуклеусов [Рыбалко, 2014]. Коллекции артефактов демонстрируют глубокое сходство по основным технико-типологическим параметрам, в известной мере допустимо рассматривать эти материалы как остатки нескольких стоянок, существовавших на данной территории в течение определенного периода. В то же время анализ всех аспектов каменного инвентаря свидетельствует, что в период формирования слоев 3 и 5 на данной территории обитали носители одной индустриальной традиции, базировавшиеся на местной полисырьевой основе.

На памятнике представлены все циклы обработки камня (от апробации сырья до изготовления орудий). Фиксирующиеся приемы первичного расщепления и вторичной обработки относятся к простейшим вариантам. Предварительная подготовка ядрищ для регулярного расщепления была минимальной, в основном использовались удобные естественные поверхности. Есть свидетельства применения техник дробления и долечной (использование обломков кремня для изготовления орудий и единичные долечные сколы). Среди сколов преобладают массивные подпрямоугольные и широкие заготовки. Вторичная обработка в виде ретуши

чаще всего была краевой и лишь в редких случаях изменяла морфологию заготовки. Среди выделенных категорий орудий преобладают скребла, шиповидные, выемчатые и комбинированные изделия. Наиболее выразительной частью орудийного набора являются крупные галечные и бифасиально обработанные изделия [Рыбалко, 2016]. Все вышеперечисленные данные позволяют определить памятник как многократно посещаемую базовую стоянку-мастерскую, где осуществлялась деятельность, связанная с массовым изготовлением серий артефактов, в т.ч. сложных орудийных форм. Облик основных категорий типологически выраженных артефактов, а также возраст культуросодержащих отложений позволяют отнести данные материалы к числу позднеашельских комплексов Кавказа.

Хронологические рамки культуросодержащих слоев памятника ранее базировались исключительно на палеонтологических данных (анализ малакофауны) и палеомагнитных исследованиях. В процессе многолетних археологических раскопок из слоя 5 отбирались все целые (пригодные для определения) раковины моллюсков. На основании полученной коллекции малакофауны был определен возраст включающих ее отложений, который соответствует урунджикской трансгрессии Каспийского моря. Время этого события – начало среднего неоплейстоцена, лихвинское межледниковье (МИС 11) [Рыбалко, Янина, 2017]. В 2015 г. на местонахождении были выполнены палеомагнитные исследования (автор работ – д-р геол.-мин. наук А.Ю. Казанский). В результате работ, проведенных в лаборатории Палеомагнитного центра ИНГГ СО РАН, на памятнике выделены две зоны: хорошая прямая полярность в верхней части разреза (слои 2 и 3) и разброс обратных направлений остаточной намагниченности в морских песках (слой 4). С учетом палеонтологических данных и общей геологической истории Каспийского бассейна в четвертичное время, наиболее вероятным представляется соответствие выявленной отрицательной магнитозоны экскурсу Бива III.

В 2019 г. для всех вскрытых геологических горизонтов памятника Дарвагчай-Залив-4 методом OSL (оптически стимулируемое люминесцентное датирование) была получена серия из 13 дат (подробные данные в печати), которые полностью подтвердили предыдущие результаты. Суммарная информация, полученная методами естественных наук и OSL-датированием, свидетельствует, что время формирования слоев 4 и 5 соответствует периоду 390–350 тыс. л.н. (МИС 11–10), а слоя 3 – интервалу 250–220 тыс. л.н. (МИС 7).

Таким образом, проведенные полевые археологические исследования позволили получить новый массовый материал, который на более высоком уровне подтвердил ранее сделанные выводы о характере каменной индустрии памятника и его культурно-хронологической принадлежности.

Благодарности

Статья выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии».

Список литературы

Кандыба А.В., Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Юго-Восточного Дагестана (по материалам памятника Дарвагчай-залив-4) // Изв. Алт. гос. ун-та. Сер.: История, политология. – 2016. – 2 (90). – С. 210–214.

Рыбалко А.Г. Ранний палеолит Западного Прикаспия (новые данные) // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. – Казань, 2014. – Т. I. – С. 128–132.

Рыбалко А.Г. Бифасиально обработанные орудия Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 152–155.

Рыбалко А.Г., Янина Т.А. Обоснование возраста раннепалеолитической стоянки Дарвагчай-залив-4 (Юго-Восточный Дагестан) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 190–194

References

Kandyba A.V., Rybalko A.G. The Study of Early Paleolithic of Dagestan: New Data (According to the Materials of the Site Darvagchai-Bay-4. *Izvestiya Altai State Univ. Series: Istoriya, politologiya.* 2016, No. 2 (90), pp. 210–214 (in Russ.).

Rybalko A.G. Rannij paleolit Zapadnogo Prikaspija (novye dannye). *Trudy IV (XX) Vserossijskogo arheologicheskogo sezda*, 2014, vol. I, pp. 128–132 (in Russ.).

Rybalko A.G. Bifacial Tools According to Geo-Archeological Area Darvagchay (South-Eastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 152–155 (in Russ.).

Rybalko A.G., Yanina T.A. Age of the Early Paleolithic Site of Darvagchay-zaliv-4 (Southeastern Dagestan). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 190–194 (in Russ.).

Рыбалко А.Г. https://orcid.org/0000-0002-8749-0465
Кандыба А.В. https://orcid.org/0000-0003-0985-9121

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.231-237
УДК 903.2

Е.П. Рыбин[1], А.М. Клементьев[1, 2], В. Рендю[3], А.М. Хаценович[1], Д.В. Марченко[1], Б. Гунчинсурен[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[3]Университет Бордо
Бордо, Франция
[4]Институт истории и археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
E-mail: rybep@yandex.ru

Фаунистический набор и планиграфическая структура стоянки начального верхнего палеолита в Северной Монголии (Толбор-21)

В статье представлены первые результаты палеонтологического и зооархеологического исследования комплекса горизонта 3В стоянки Толбор-21 в бассейне р. Селенга в Северной Монголии. Каменная индустрия этого объекта относится к индустриям крупных пластин начального верхнего палеолита в его южносибирском – центральноазиатском варианте. На основании сопоставления особенностей фаунистического состава и распределения обработанных костей по территории стоянки определены виды, предпочитаемые для употребления в пищу, характер воздействия человека на фаунистические остатки, а также планиграфия их распространения на территории памятника. Все четыре вида крупных млекопитающих (шерстистый носорог, лошадь, кулан, як), которые были определены на объектах Толбора-21, относятся к группе степных обитателей. На территории стоянки Толбор-21 можно идентифицировать разделку туш лошадей с целью получения мяса, костного мозга и жира, происходившую непосредственно на стоянке. При изучении планиграфии горизонта 3В стоянки Толбор-21 очерчивается ее сложная структура, связанная с выделением функционально различных участков слоя, в которых были обнаружены кости. Подавляющее большинство фаунистических остатков и, в частности, все кости, модифицированные человеком, были найдены в пределах структурных единиц слоя, таких как каменная конструкция в раскопе 4 и два кострища в Раскопе 2. Полученные нами данные могут свидетельствовать о развитых поселенческих системах древнего человека начального верхнего палеолита даже в специфических условиях мастерских на выходах сырья.

Ключевые слова: *Монголия, начальный верхний палеолит, фаунистический набор, археозоология, планиграфия.*

Evgeny P. Rybin[1], Alexey M. Klementiev[1, 2], William Rendu[3], Arina M. Khatsenovich[1], Daria V. Marchenko[1], Byambaa Gunchinsuren[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of the Earth's Crust SB RAS,
Irkutsk, Russia
[3]University of Bordeaux,
Bordeaux, France
[4]Institute of History and Archaeology MAS,
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: rybep@yandex.ru

Faunal Assemblage and Spatial Structure of the Initial Upper Paleolithic Site in Northern Mongolia (Tolbor-21)

This article presents the first results of paleontological and zooarchaeological study of complexes from horizon 3B of the Tolbor-21 site located in the basin of the Middle Selenga River in Northern Mongolia. Lithic industry of this site belongs to laminar industries of Initial Upper Paleolithic in its Central Asian – Southern Siberian variant. The species which played an important role in resource procurement by the ancient humans, nature of human modification of bones, and spatial distribution of remains throughout the territory of the site have been identified using comparison of specific features of faunal assemblage and distribution of bones modified by the humans. All four species of large mammals (woolly rhinoceros, horse, wild ass, and yak), which were identified in the complexes of Tolbor-21, belonged to steppe inhabitants. Horse butchering by the humans for procuring meat, bone marrow, and fat directly at the site has been attested. The study of planigraphic structure of horizon 3B manifests its sophisticated structure associated with relatively well-recognizable functionally different zones of the layer where the bones were discovered. Most of the faunal remains and all bones with traces of human impact were found in such structural objects of the layer as stone structure in excavation pit 4 and two fireplaces in excavation pit 2. The data obtained testify to the developed settlement systems of the ancient humans living in the Initial Upper Paleolithic even in specific conditions of workshops at the primary outcrops of stone raw materials.

Keywords: *Mongolia, Initial Upper Paleolithic, faunal assemblage, archaeozoological studies, spatial analysis.*

Восточная часть Центральной Азии является регионом, где представлено наибольшее, на сегодняшний день, количество пластинчатых комплексов начальной стадии верхнего палеолита в хронологическом промежутке от 45–35 тыс. кал. л.н. Согласно наиболее вероятному сценарию, распространение этих индустрий связано с движением человеческих популяций из западной части Южной Сибири с территории Горного Алтая [Деревянко, 2009; Рыбин, 2014]. На предполагаемом миграционном пути распространения человеческие группы должны были преодолеть различные ландшафтно-географические зоны, что предполагает наличие адаптационной гибкости у этого населения. Существование на протяжении 10 тыс. лет в условиях мозаичных ландшафтов Монголии должно было обеспечиваться подходящими для этих физико-географических обстоятельств набором адаптационных стратегий. Вместе с тем определение характера адаптаций человеческих популяций начальной стадии верхнего палеолита восточной части Центральной Азии во многом остаются одним из наименее обеспеченных фактологическим материалом объектом исследований. В первую очередь, затруднительна реконструкция систем жизнеобеспечения. В лессовидных отложениях палеолитических стоянок Монголии кости сохраняются плохо, фаунистические остатки представлены единичными фрагментами; редкие описания фаунистических ассамбляжей ограничиваются определением списка видов, не привязанных к конкретным поведенческим ситуациям их использования, или фиксацией их в пределах структурных элементов культурного слоя. В отличие от начального верхнего палеолита Забайкалья, где на стоянках хорошо представлены сложные поселенческие элементы, такие как ямы и жилища [Ташак, 2016; Лбова, 2000; Константинов, 1994], для начального верхнего палеолита Северной Монголии до сих пор не было описано таких структур. При крайней бедности данных о способах жизнеобеспечения человека, пока, по существу, единственным способом определения поселенческих систем в Монголии является анализ каменных артефактов и петрографические характеристики использовавшихся каменных пород.

Наиболее плотная концентрация памятников начального верхнего палеолита фиксируется в Северной Монголии в среднем течении р. Селенга, впадающей в озеро Байкал, и ее притоков – рек Их-Тулбурийн-гол (Толбор), Харганын-гол, Эгийн-гол. Этот район относится к Хангайской горной области, близкой по своим природным характеристикам к поясу гор Южной Сибири. Благодаря интенсивным исследованиям последних 15 лет, на основе этого кластера палеолитических памятников был достигнут значительный прогресс в определении хронологии, последовательности смены культурных комплексов, а также развития каменной технологии на протяжении финала среднего палеолита и верхнего палеолита. Наиболее заметный вклад в исследования проблематики становления верхнего палеолита на этой территории были внесены исследованиями на двух реках – Харганын-гол и Их-Тулбэрийн-гол. В результате применения современных методов раскопок и датирования, а также использования естественно-научных методов был изучен ряд стоянок, что позволило достичь прогресса в изучении систем жизнеобеспечения древнего человека начального верхнего палеолита [Деревянко и др., 2007; Коломиец и др., 2009]. В данной работе мы представляем первые результаты палеонтологического и зооархеологического исследования комплексов стоянки Толбор-21, от-

крытой в 2011 г. и исследовавшейся в 2014–2017 гг. [Табарев и др., 2012; Рыбин и др., 2017]. На основании сопоставления особенностей фаунистического состава и распределения обработанных костей по территории стоянки мы постараемся определить характер окружающей среды, виды, предпочитаемые для употребления в пищу, и характер распространения фаунистических остатков на территории памятника.

Стоянка Толбор-21 находится в средней части долины р. Их-Тулбурийн-гол (Толбор), правом притоке р. Селенги, в 12 км от впадения Толбора в Селенгу. Она расположена на пологом веерообразном склоне, сформированном полигенетическими седиментами. В 100–200 м от стоянки имеются выходы метаморфизованных осадочных пород – силицитов, относящихся к Тулбурской свите пермского периода и пригодных для изготовления каменных артефактов. В толборском районе эксплуатировались преимущественно первичные выходы высококачественных окремненных пород. Здесь все известные до настоящего времени стоянки находятся около выходов сырья на расстоянии, не превышающем нескольких сотен метров. Такое расположение памятника является типичным для долины Толбора, но отражает лишь фрагмент поселенческих систем и стратегий мобильности древнего человека, так как, за исключением стоянки Толбор-15, все памятники, приближенные к руслу реки, были уничтожены позднейшей эрозией.

На наиболее ровном участке склона, имевшем превышение над дном распадка ок. 25–28 м в его восточной и западной частях, были заложены 4 раскопа и два разведочных шурфа, на основании датирования которых были определены хронологические рамки существования начального верхнего палеолита стоянки в пределах 39–44 тыс. некал. л.н. В раскопах 1, 2, 4 и шурфах 1 и 2 была выявлена схожая последовательность культурных комплексов, обозначенных нами как археологические горизонты. Толщина вскрытых отложений варьирует от 160 до 220 см. Основная концентрация каменных артефактов включена в иловатые отложения диамикта литологического слоя 3. Она находится в пределах последовательности ламинарных склоновых отложений, которые разделяются несколькими эпизодами солифлюкции, отражающими климатические события позднего плейстоцена. В верхней части этого слоя находятся артефакты горизонта 3А. Ниже, в пределах этого же слоя, располагается последовательность более тонкодисперсных ламинарных отложений, подвергшихся влиянию низкоэнергетических солифлюкционных процессов и включающих концентрацию артефактов, костей и различных пространственных структур горизонта 3В. Под горизонтом 3В располагается небольшой, не образующий единого стратиграфического уровня ассамбляж горизонта 3С. В раскопе 1 под горизонтом 3С находятся единичные, очевидно, перемещенные артефакты и кости эфемерного археологического горизонта 5–6, скорее всего, относящегося к среднему палеолиту. Раскоп 3, рассекающий склон и непосредственно примыкающий к раскопу 2, был направлен на изучение стратиграфически самого нижнего культуросодержащего уровня палеопочвы литологического слоя 13 и не рассматривается в данной статье.

С горизонтами 3А–3С, мощностью ок. 0,6 м, связаны практически все фаунистические находки на памятнике. В то время как можно уверенно сказать, что горизонт 3В маркируется уровнем горизонтально залегающих костей и артефактов, прослеживаемым по всей территории стоянки, для горизонта 3А известны лишь две находки кости, и, вероятно, к горизонту 3С может быть отнесено по одной находке кости из шурфа 1 и раскопа 2. Одна кость плейстоценовой лошади была обнаружена в археологическом горизонте 6 раскопа 1 и относится к среднему палеолиту. Для горизонта 3В была получена серия радиоуглеродных датировок, близких более молодому определению из шурфа 2 и находящихся в узких хронологических рамках на всей площади стоянки.

Общий состав изученного фаунистического ассамбляжа составил 210 экз. костей и их фрагментов.

Раскоп 1 находится в западной части склона. Его площадь составляет 12 м^2. В середине литологического субгоризонта 3.4 выделяется основной уровень концентрации артефактов, а также фаунистические находки, которых было найдено здесь 9 экз. (см. *таблицу*). Среди них фрагмент зуба ископаемой лошади и кость пищухи. Количество индивидуумов (MNI) для каждого вида не превышает одной особи. Обнаружен также единственный фрагмент скорлупы яйца страуса. Этот участок явно относится к периферии стоянки, здесь происходила первичная обработка нуклеусов.

Раскоп 2 располагался в средней части склона на востоке стоянки. Общая вскрытая площадь составила 12 м^2. В пределах горизонта 3В была определена сложная структура слоя, включающая два кострища, и связанные с ними предметы неутилитарного назначения, а также коллекция разнообразных орудий, включающая специфические для начального верхнего палеолита типы (пластины с черешком, скошенные острия и овальные и листовидные бифасы) (рис. 1). В слое определены три вида копытных: ископаемая лошадь, кулан и байкальский як (по одной особи). Кроме того, можно

Фаунистический набор археологического горизонта 3В стоянки Толбор-21

Таксон/категория остатков	Раскоп 1		Раскоп 2		Раскоп 4	
	NISP*	MNI**	NISP	MNI	NISP	MNI
Struthio sp.	1	–	3	–	1	–
Rodentia	–	–	3	–	11	–
Marmota sibirica	–	–	1	1	–	–
Ochotona sp.	1	1	1	1	–	–
Coelodonta antiquitatis	–	–	–	–	1	1
Equus hemionus	–	–	1	1	–	–
Equus ferus	1	1	8	1	1	1
Equidae gen.	–	–	1	–	2	–
Bos baicalensis	–	–	1	1	–	–
Bovidae gen.	–	–	2	–	–	–
Крупное копытное	1	–	12	–	15	–
Копытное средних размеров	–	–	2	–	6	–
Неопределимые	5	–	80	–	49	–
Итого	9	2	115	5	86	2

*NISP – количество остатков.

**MNI – минимально возможное количество особей.

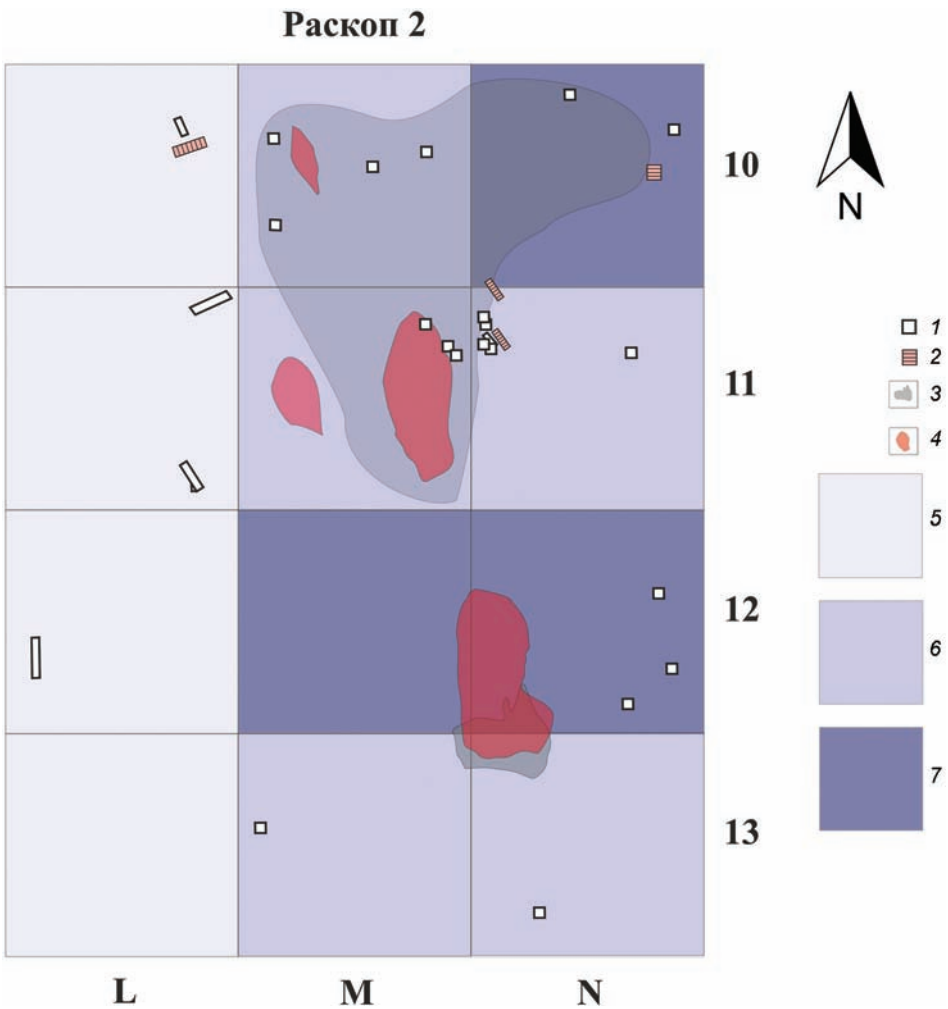

Рис. 1. План распределения фаунистических остатков и поселенческих структур археологического горизонта 3В раскопа 2 стоянки Толбор-21.

1 – кость; *2* – кость со следами модификации человеком; *3* – зольные пятна; *4* – пятна прокала.
Плотность распределения мелких находок (до 2 см) по квадратам: *5* – 90–199 экз.; *6* – 200–399 экз.; *7* – >400 экз.

констатировать наличие остатков крупного представителя быков по имеющимся костям (вероятно, также яка). Количество неопределимых фрагментов в слое довольно велико (81,7 %), что обычно характеризуется как кухонные отбросы. На отдельных фрагментах костей обнаружены следы антропогенного воздействия. Среди крупных обломков встречено много (50 %) продольных костных фрагментов, интерпретируемых нами как остатки заготовки костного сырья. В скоплении около кострища 1, помимо фрагментированных костей млекопитающих, найдено три фрагмента скорлупы яйца страуса. Находки обработанных костей ассоциированы исключительно с кострищем 1, где, судя по высокой концентрации мелких отходов расщепления, происходила интенсивная редукция нуклеусов. Также с этой зоной связаны и находки мелких фрагментированных костей. С кострищем 2 ассоциированы только мелкие фрагменты костей.

Заложенный в верхней части склона, и имеющий самую высокую гипсометрическую позицию раскоп № 4 площадью 12 м^2 расположен в восточной части стоянки. Здесь была обнаружена овальная каменная конструкция (рис. 2). На площади конструкции и территории, примыкающей к ней, имеется кластер находок, включающий скопление нуклеусов и основную часть орудий, обнаруженных на этом участке памятника. Здесь, помимо единичных костей грызуна, лошади, остатков крупных и средних копытных, установлено присутствие шерстистого носорога по обломку зуба. Фрагменты зубов эквид фрагментарны и не позволяют установить видовую принадлежность. Фрагментированность костного материала очень велика, доля определимых костей составляет всего 18,6 %. Среди костей крупных животных высока доля продольно расколотых фрагментов (50 %), в т.ч. единственный фрагмент метаподии лошади.

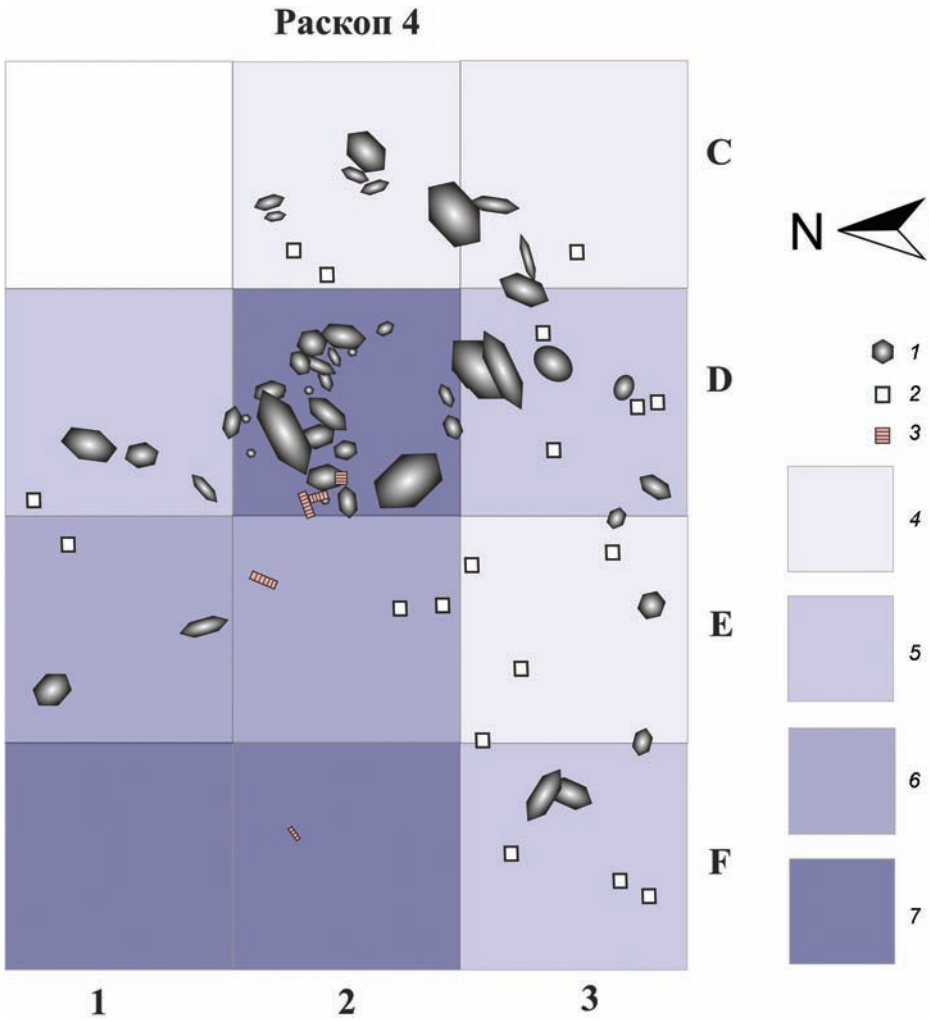

Рис. 2. План распределения фаунистических остатков и поселенческих структур археологического горизонта 3В раскопа 4 стоянки Толбор-21.

1 – камень; *2* – кость; *3* – кость со следами модификации человеком.
Плотность распределения мелких находок (до 2 см) по квадратам: *4* – 10–30 экз.; *5* – 30–50 экз.; *6* – 50–70 экз.; *7* – 70–90 экз.

Определен один фрагмент скорлупы яйца страуса. Все модифицированные человеком кости находятся на участке, где была расположена конструкция, судя по характеру костных остатков, здесь происходила разделка частей туши лошади. С конструкцией же ассоциировано и основное скопление мелких фрагментов костей.

В результате археозоологического исследования было установлено, что у 60 % изученных костей на их кортикальной поверхности сохранились следы воздействия внешней среды. Распространенность трещин (26 %) и отслаивание частей поверхностей (42 %) могут указывать на медленное захоронение костей. Эти данные перекликаются с высокой долей костей, сохранивших следы корневой системы на поверхности (62 %). В результате всех этих факторов большинство костей не сохранили кортикальную поверхность – у 52 % не сохранилось более 75 % их поверхности; это значительно уменьшает возможности идентифицирования модификации костей человеком.

На поверхности костей отсутствуют следы воздействия хищников. Напротив, несмотря на плохую сохранность, на 11 экз. сохранились следы человеческого воздействия. На ребре копытного животного средних размеров были обнаружены следы нарезки, свидетельствующие о тонкой разделке животного (раскоп 4). Два других свидетельства нарезок не относятся к числу очевидных и не включаются в общее число. Они были обнаружены на двух трубчатых фрагментах больших берцовых костей лошади (раскоп 1 и раскоп 4). Наиболее распространенным типом воздействия являются выемки, получившиеся в результате разбивания костей с целью извлечения костного мозга и жира. Они зафиксированы на трех метаподиях лошадей (все происходят из раскопа 4), двух больших берцовых костях лошадей (раскоп 2 и раскоп 4) и четырех фрагментах трубчатых костей крупных копытных (три кости из раскопа 4 и одна кость из раскопа 2). Кроме того, может быть упомянут костяной отщеп (раскоп 2), полученный в результате разбивания кости.

Страус до сих пор остается обитателем пустынь и саванн Африки и был также обычен в зональных степях Азии в течение плейстоцена. Все четыре вида крупных млекопитающих (шерстистый носорог, лошадь, кулан, як), которые были определены на объектах Толбора-21, относятся к группе степных обитателей [Клементьев, 2011]. Скудное представительство их остатков можно объяснять разными причинами, но нет сомнения, что именно они были самыми востребованными в качестве пищевых ресурсов древнего населения долины Толбора. Окружающие ландшафты обеспечивали круглогодичный выпас этих копытных и их процветание. Исходя из распределения и характера следов человеческого воздействия на кости, мы предполагаем, что на территории стоянки Толбор-21 возможно идентифицировать разделку туш лошадей с целью получения мяса, костного мозга и жира, происходившего непосредственно на стоянке. При изучении планиграфии горизонта 3В стоянки Толбор-21 очерчивается ее сложная структура, связанная с выделением функционально различных участков слоя, в которых были обнаружены кости. Подавляющее большинство фаунистических остатков и, в частности, все кости, модифицированные человеком, были найдены в пределах структурных единиц слоя, таких, как каменная конструкция и кострище. Полученные нами данные могут свидетельствовать о развитых поселенческих системах древнего человека начального верхнего палеолита даже в специфических условиях мастерских на выходах сырья.

Благодарности

Аналитические исследования выполнены за счет проекта НИР № 0329-2019-0002 «Древнейшие культурные процессы на территории Центральной Азии». Полевые работы выполнены при поддержке гранта РФФИ 19-59-44010 Монг_т «Пустынные земли: смена палеолитических культур в степных и пустынных ландшафтах Монголии во время последнего максимума оледенения плейстоцена и позднего дриаса».

Список литературы

Деревянко А.П. Переход от среднего к верхнему палеолиту и проблема формирования *Homo sapiens sapiens* в Восточной, Центральной и Северной Азии. – Новосибирск, 2009. – 328 с.

Деревянко А.П., Зенин А.Н., Рыбин Е.П., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Олсен Д., Цэвээндорж Д., Гунчинсурэн Б. Технология расщепления камня на раннем этапе верхнего палеолита Северной Монголии (стоянка Толбор-4) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1 (29). – С. 16–38.

Клементьев А.М. Ландшафты бассейна реки Уды (Забайкалье) в позднем неоплейстоцене: автореф. дис. … канд. геогр. наук. – Томск, 2011. – 18 с.

Коломиец В.Д., Гладышев С.А., Безрукова Е.В., Рыбин Е.П., Летунова П.П., Абзаева А.А. Природная среда и человек в позднем неоплейстоцене Северной Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 1 (37). – С. 2–14.

Константинов М.В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии: К Всемирному археологическому интер-конгрессу (Забайкалье, 1996). – Улан-Удэ;

Чита: Изд-во Ин-та общественных наук БНЦ СО РАН; Чит. пед. ин-т, 1994. – 264 с.

Лбова Л.В. Палеолит северной зоны Западного Забайкалья. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2000. – 240 с.

Рыбин Е.П. Хронология и географическое распространение культурно значимых артефактов в начальном верхнем палеолите Северной Азии и восточной части Центральной Азии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2014. – Вып. 4 (84), т. 1. – С. 188–198.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Звинс Н., Гунчинсурэн Б., Пэйн К., Болорбат Ц., Анойкин А.А., Харевич В.М., Одсурен Д., Маргад-Эрдэнэ Г. Стратиграфия и культурная последовательность стоянки Толбор-21 (Северная Монголия): итоги работ 2014–2016 годов и дальнейшие перспективы исследований // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – Т. 15, № 4 (20). – С. 158–168.

Табарев А.В., Гунчинсурэн Б., Гиллам Дж., Гладышев С.А., Доганджич Т., Звин Н., Болорбат Ц., Одсурэн Д. Комплекс памятников каменного века в долине р. Их-Тулбэрийн-Гол, Северная Монголия // Археологийн Судлал. – Улан-Батор: ИА МАН, 2012. – Т. XXXII. – С. 26–64.

Ташак В.И. Восточный комплекс палеолитического поселения Подзвонкая в Западном Забайкалье. – Иркутск: Изд-во ИГ СО РАН, 2016. – 185 с.

References

Derevianko A.P. Perekhod ot srednego k verkhnemu paleolitu i problema formirovaniya *Homo sapiens sapiens* v Vostochnoi, Tsentral'noi i Severnoi Azii. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 328 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Zenin A.N., Rybin E.P., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Olsen J., Tseveendorzh D., Gunchinsuren B. The Technology of Early Upper Paleolithic Lithic Reduction in Northern Mongolia: the Tolbor-4 site. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 1 (29), pp. 16–38.

Klement'ev A.M. Landshafty basseina reki Udy (Zabaikal'e) v pozdnem neopleistotsene: cand. sc. (geography) dissertation abstract. Tomsk, 2011, 18 p. (in Russ.).

Kolomiets V.D., Gladyshev S.A., Bezrukova E.V., Rybin E.P., Letunova P.P., Abzaeva A.A. Environment and human behavior in Northern Mongolia during the Upper Pleistocene. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 1 (37), pp. 2–14.

Konstantinov M.V. Kamennyi vek vostochnogo regiona Baikal'skoi Azii: K Vsemirnomu arkheologicheskomu interkongressu (Zabaikal'e, 1996). Ulan-Ude; Chita: Institut obshchestvennykh nauk Buryatskogo nauchnogo tsentra SB RAS Publ.; Chit. ped. institut, 1994, 264 p. (in Russ.).

Lbova L.V. Paleolit severnoi zony Zapadnogo Zabaikal'ya. Ulan-Ude: Buryatskii nauchnyi tsentr SB RAS Publ., 2000, 240 p. (in Russ.).

Rybin E.P. Khronologiya i geograficheskoe rasprostranenie kul'turno znachimykh artefaktov v nachal'nom verkhnem paleolite Severnoi Azii i vostochnoi chasti Tsentral'noi Azii. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, No. 4 (84), pp. 188–198 (in Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Zwyns N., Gunchinsuren B., Paine C., Bolorbat Ts., Anoikin A.A., Kharevich V.M., Odsuren D., Margad-Erdene G. Stratigraphy and cultural sequence of Tolbor 21 site (Northern Mongolia): preliminary results of 2014-2016 excavation campaigns and perspectives of further investigations. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*, 2017, vol. 15, No. 4 (20), pp. 158–168 (in Russ.).

Tabarev A.V., Gunchinsuren B., Gillam Ch., Gladyshev S.A., Dogandzhich T., Zwyns N., Bolorbat Ts., Odsuren D. Kompleks pamjatnikov kamennogo veka v doline r. Ikh-Tulberijn-Gol, Severnaja Mongolija. *Arheologijn Sudlal*. Ulan-Bator: IA MAN, 2012, vol. XXXII, pp. 26–64 (in Russ.).

Tashak V.I. Vostochnyi kompleks paleoliticheskogo poseleniya Podzvonkaya v Zapadnom Zabaikal'e. Irkutsk: Institut geografii im. V.B. Sochavy SB RAS Publ., 2016, 185 p. (in Russ.).

Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.238-244
УДК 903.01

М.В. Селецкий[1], А.С. Колясникова[1, 2], В.М. Харевич[1], К.А. Колобова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: archmax95@gmail.com

Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая

Экспериментальное моделирование позволяет достаточно точно реконструировать процессы расщепления каменного либо костяного сырья. При этом тщательный анализ отходов производства в состоянии предоставить ценную научную информацию для реконструкции функциональных особенностей палеолитических объектов. В предлагаемой работе приводятся предварительные результаты экспериментального моделирования расщепления кости для извлечения костного мозга и метрического анализа отходов этой трудовой операции. Кости расщеплялись тремя различными способами с использованием каменной наковальни. В ходе эксперимента были расколоты 17 длинных трубчатых костей домашней коровы (Bos taurus, 13 экз.) и лошади (Equus caballus, 4 экз.). По результатам эксперимента, опираясь на материалы сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая, были реконструированы основные этапы расщепления костей крупных травоядных с целью извлечения костного мозга. Кроме того, были определены основные метрические показатели костяных фрагментов, полученных в ходе расщепления образцов. В результате применения непараметрического статистического теста Манна–Уитни было определено, что способ расщепления кости оказывает существенное влияние на длину получаемых фрагментов. Значения толщины фрагментов, распределенные по способам расщепления, также продемонстрировали большие статистические отличия. Было установлено, что на данный показатель не оказывает влияние вид животного, чьи кости привлекались для проведения эксперимента. При условии расширения эталонной базы полученные данные экспериментального анализа будут использованы в ходе изучения археологической коллекции Чагырской пещеры, в т.ч. при реконструкции процессов тафоценоза и оценке интенсивности охотничьей деятельности неандертальцев.

Ключевые слова: *технология расщепления кости, сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая, Чагырская пещера.*

Maxim V. Seletsky[1], Anastasia S. Koliasnikova[1, 2], Vladimir M. Kharevich[1], Kseniya A. Kolobova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: archmax95@gmail.com

Experimental Modelling of Bone Splitting Based on the Evidence of the Sibiryachikha Variant of the Altai Middle Paleolithic

Experimental modeling makes it possible to reconstruct the processes of knapping lithic or bone raw materials with relative accuracy. Careful analysis of waste products remaining from manufacturing results in valuable scholarly information for reconstructing the functional features of Paleolithic objects. This article presents the preliminary results

of experimental modeling of bone splitting for marrow extraction. Bones were split in three different ways using the stone anvil. The experiment was based on the Sibiryachikha variant of the Altai Middle Paleolithic and involved splitting 17 long bones belonging to two species: domestic cow (Bos taurus; 13 specimens) and horse (Equus caballus; 4 specimens). Based on experimental results, main stages of splitting bones belonging to large herbivores with the purpose of marrow extraction have been reconstructed. In addition, main metric parameters of bone fragments obtained from splitting the samples have been established. The Mann-Whitney nonparametric statistical test has shown that the method of bone splitting made a significant impact on the length of the fragments produced. Thickness values of bone fragments, distributed in accordance with splitting method, also showed significant statistical differences. It has been found that animal species, whose bones were used in the experiment, did not make an impact on this indicator. With the expansion of reference base, experimental data can be used to study the archaeological collection of the Chagyrskaya cave, including the reconstruction of taphocenosis and assessment of hunting activities of the Neanderthals.

Keywords: *bone splitting technology, Sibiryachikha variant of the Altai Middle Paleolithic, Chagyrskaya cave.*

Введение

На протяжении всего палеолита древний человек активно использовал кости животных. В первую очередь это связанно с добычей костного мозга – важнейшего источника энергии и витаминов [Morin, Soulier, 2017]. На ранних этапах каменного века кость становится не только пищевым ресурсом, но и сырьем для орудийной деятельности. Уже в среднем палеолите появляются предметы неутилитарного назначения из кости и стандартизированные по форме, размерам и функциям комплексы костяных орудий [Mallye et al., 2012; Soressi et al., 2013].

Расщепление кости для добычи костного мозга являлось одной из основных трудовых операций неандертальцев, населявших Чагырскую пещеру – ключевой памятник сибирячихинского варианта среднего палеолита Горного Алтая. Палеонтологическая коллекция Чагырской пещеры содержит большое количество фрагментированных костей, которые рассматриваются в качестве результата этой деятельности [Междисциплинарные исследования..., 2018].

Предлагаемая работа посвящена экспериментальному моделированию технологии расщепления кости для извлечения костного мозга с целью определения основных характеристик данного процесса и установления степени его влияния на тафономические процессы в культурных слоях Чагырской пещеры.

Материалы и методы

Чагырская пещера, расположенная в среднегорье северо-западного Алтая, была открыта в 2007 г. [Междисциплинарные исследования..., 2018]. Исследователи выделяют в стратиграфической колонке памятника 7 слоев, из которых слои 6а, 6б, 6в1 и 6в2 содержат остатки гоминид неандертальского подвида и орудийные коллекции сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая, в т.ч. 1 200 экз. целых и фрагментированных костяных орудий [Там же].

Сибирячихинский вариант среднего палеолита Алтая характеризуется радиальной и ортогональной технологиями расщепления камня и значительным количеством конвергентных скребел в орудийной коллекции. Для комплексов данного варианта также характерно широкое использование кости для орудийной деятельности (преимущественно в качестве ретушеров, а также орудий-посредников и ретушированных отщепов) [Колобова, Маркин, Чабай, 2016].

В ходе исследования было выбрано 3 варианта расщепления кости (рис. 1). Два из них были описаны М. Мозотой и другими исследователями как наиболее эффективные для получения костного мозга [Mozota, 2013] и апробированы в рамках предварительных экспериментов, проведенных в 2017 г. [Федорченко и др., 2017]. Идея третьего варианта, который был применен для проверки эффективности метода расщепления кости без каменного отбойника, возникла в ходе эксперимента.

Первый способ включает несколько этапов: на первом этапе по кости, расположенной на наковальне, наносятся основные удары каменным отбойником вблизи эпифизов для их отделения; далее происходит поиск перспективных трещин, выщерблин или разломов для их продолжения путем нанесения ударов тяжелым отбойником (рис. 1, *1*).

Второй способ включает расщепление кости посредством нанесения ударов каменным отбойником по центру ее диафиза на наковальне для создания одной-двух трещин или раскалывания кости пополам. Далее осуществляется отделение фрагментов кости от эпифизов (рис. 1, *2*, *3*).

На первом этапе третьего варианта расщепления происходит отделение эпифизов путем нанесения удара костью о наковальню, на следующем – поиск трещин и других деформаций для их продолжения с помощью каменного отбойника (рис. 1, *4*).

Согласно методологии эксперимента, продукты расщепления кости разделяются на две группы:

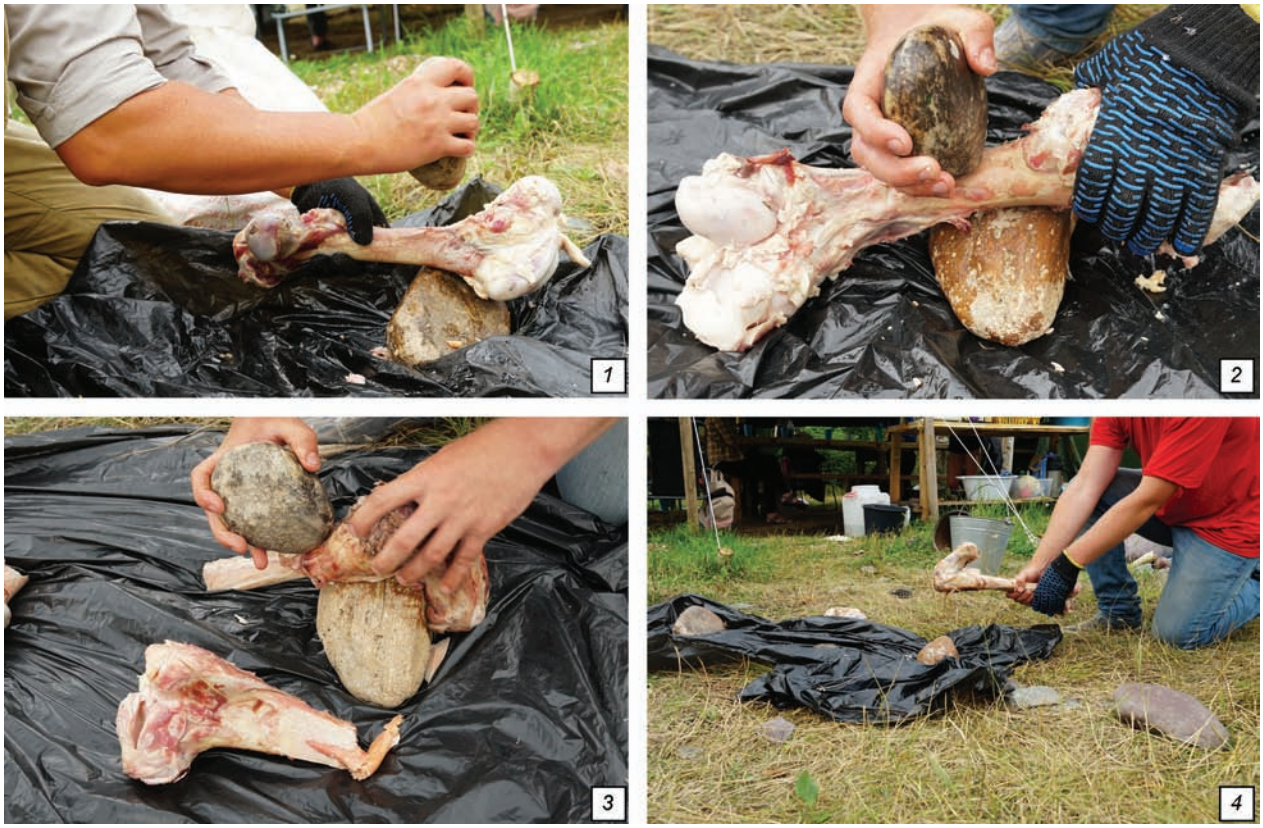

Рис. 1. Способы расщепления кости.

1 – отделение эпифизов и дальнейшая разделка кости (первый способ); *2* – нанесение удара по центру кости для ее разделения или создания крупных трещин (второй способ); *3* – отделение фрагментов кости от эпифизов (второй способ); *4* – отделение эпифизов кости посредством нанесения ею удара о наковальню (третий способ).

крупные фрагменты (>4,1 см) и мелкие осколки (≤4 см) [Alcántara-Garcíaetal et al., 2006]. Крупные фрагменты были посчитаны и измерены по длине, ширине и толщине. Мелкие осколки не измерялись, но были посчитаны для каждой кости. При подсчете костяных фрагментов учитывались лишь фрагменты диафизов.

Для расщепления были взяты 17 длинных трубчатых костей домашней коровы (*Bos taurus*, 13 экз.) и лошади (*Equus caballus*, 4 экз.). Кости принадлежали взрослым самкам. Согласно палеозоологическим исследованиям, неандертальцы Чагырской пещеры специализировались в охоте преимущественно на бизонов и в меньшей степени на лошадей, предпочитая полувзрослых животных или взрослых самок [Междисциплинарные исследования..., 2018]. Из доступных нам видов животных корова анатомически наиболее близка бизону.

В эксперименте участвовало 7 бедренных и 6 большеберцовых костей коровы. Из состава скелета лошади были отобраны кости передней и задней конечностей: большеберцовая, плюсневая, лучевая и пястная. На момент эксперимента кости находились в свежем состоянии (от 1 до 3 суток после смерти животного), их длина варьировала от 40 до 48 см, ширина – от 4 до 8 см. В ходе эксперимента было принято решение использовать разные типы рабочих поверхностей наковален (2 экз.) для определения наиболее эффективной формы. В первом случае использовалось ребро в качестве опоры для кости, во втором – кость была расположена на ровной поверхности.

Основной особенностью применения каменных отбойников при расщеплении кости является то, что они имеют овальную вытянутую форму в плане и основными рабочими поверхностями являются вершины этой фигуры. Стоит отметить, что каменное сырье, отобранное для создания экспериментальных эталонов отбойников и наковален, соответствует тому, что использовали древние обитатели Чагырской пещеры (гранит, пегматит, песчаник) [Междисциплинарные исследования..., 2018].

Результаты

Первый вариант расщепления кости (7 экз. целых костей). Посредством применения первого способа расщепления кости, базирующего-

ся на отделении эпифизов и дальнейшего фрагментирования в зависимости от образовавшихся деформаций, было расколото 7 костей: 5 костей коровы, 2 кости лошади. В результате было получено 45 фрагментов, из которых 22 экз. имеют крупные размеры. Получившиеся фрагменты имеют подтреугольную или прямоугольную вытянутую в плане форму. Их длина составляет от 60 до 257 мм, ширина – от 10 до 49 мм. Мелкие осколки и обломки (23 экз.) составляют 51 % от экспериментальной коллекции первого варианта расщепления кости.

Первая трещина появлялась уже после 3–4 ударов, но, чтобы отделить оба эпифиза, потребовалось более 6 ударов в сумме. Костный мозг извлекался из расколотой в результате отделения обоих эпифизов средней части трубчатой кости. При использовании выпуклой рабочей поверхности наковальни требовалось меньше ударов отбойником для раскалывания кости, чем при использовании ровной рабочей поверхности.

Второй вариант расщепления кости (9 экз. целых костей). Расщепление посредством нанесения ударов по центру кости и дальнейшего отделения эпифизов позволило получить из 9 костей (7 – коровы, 2 – лошади) 49 крупных фрагментов вытянутой подтреугольной или прямоугольной в плане формы. Их длина составляет от 40 до 199 мм, ширина – от 17 до 50 мм. Мелкие фрагменты (18 экз.) составляют 37 % от экспериментальной коллекции второго варианта расщепления кости.

Для появления первой трещины на кости требовалось в среднем 3–4 удара. Для извлечения костного мозга было достаточно еще 2–3 ударов, чтобы открыть тело кости. Последующие удары наносились лишь для отделения получившихся сколов друг от друга. Извлечение костного мозга осуществлялось после раскалывания кости по трещине, идущей от места основного удара по центру. При использовании выпуклой части наковальни получить первую трещину на кости удавалось за меньшее количество ударов, чем при использовании ровной рабочей поверхности.

Третий вариант расщепления кости (1 экз. целой кости). В результате расщепления большеберцовой кости коровы посредством нанесения прямого удара костью о каменную наковальню было получено пять крупных фрагментов от 111 до 201 мм в длину и от 19 до 42 мм в ширину.

Всего в ходе расщепления получено 8 костяных фрагментов, из которых мелкие составили 42 % (3 экз.). Костный мозг был извлечен сразу после того, как кость была разбита о наковальню. Чтобы получить первую трещину на кости, потребовалось более 12 ударов.

Дискуссия

Целью проведения серии экспериментов была точная реконструкция основных трудовых процессов, происходивших в Чагырской пещере в конце среднего палеолита, – расщепления кости и получения костного мозга. Они могли оказать решающее влияние на тафоценоз памятника, поскольку подавляющая доля костей в археологических коллекциях сильно фрагментирована, что свидетельствует об относительно интенсивном заселении памятника. При этом основную массу костных обломков составляют мелкие: менее 2 см в наибольшем измерении [Междисциплинарные исследования..., 2018].

По результатам эксперимента из 17 экз. костей коровы и лошади было получено 119 костяных фрагментов, из которых 76 – крупные и 43 – мелкие. То есть мелкие фрагменты составляют всего 36 % отходов расщепления кости для получения костного мозга, что расходится с археологическими данными. Следовательно, в складывании палеонтологического комплекса культуросодержащих слоев Чагырской пещеры, связанных с активностью неандертальцев, расщепление кости с целью получения костного мозга играет не самую главную роль. Вероятно, здесь принимали участие и другие факторы, связанные с фрагментированием костных остатков.

В результате наших экспериментов было установлено, что относительно немногочисленные мелкие осколки получаются в основном при нанесении последовательных сильных ударов по одному и тому же месту на кости, тогда как крупные фрагменты производятся посредством серии ударов (от 2 до 5) твердым каменным отбойником.

Наибольшее количество крупных костяных фрагментов было получено в рамках применения второго способа расщепления кости: из одной длинной кости было получено в среднем 5,4 крупных фрагментов (см. *таблицу*). Меньшее количество крупных костяных сколов получилось при использовании первого способа: 3,2 больших фрагмента было получено при фрагментировании одной длинной кости. Третьим способом нам удалось получить 5 крупных костяных осколков из одной кости. Стоит отметить, что третий способ является наиболее трудозатратным (для получения первой трещины на кости было нанесено более 12 ударов) и вследствие этого, вероятно, наименее часто применяемым в среднем палеолите.

Мы провели серию статистических одновариантных тестов с целью выяснения влияния определенного способа расщепления на метрические параметры получаемых крупных костных осколков. Для определения нормальности распределения статистических выборок мы применили крите-

Количество крупных и мелких фрагментов в зависимости от способов расщепления кости

Способ расщепления кости	Всего расщепленных костей	Кол-во крупных костяных фрагментов (>4,1 см)	Кол-во мелких костяных фрагментов (≤4 см)	Среднее кол-во крупных фрагментов, полученных в результате расщепления одной кости
1	7	22 (49 %)	23 (51 %)	3,2
2	9	49 (63 %)	18 (37 %)	5,4
3	1	5 (58 %)	3 (42 %)	5

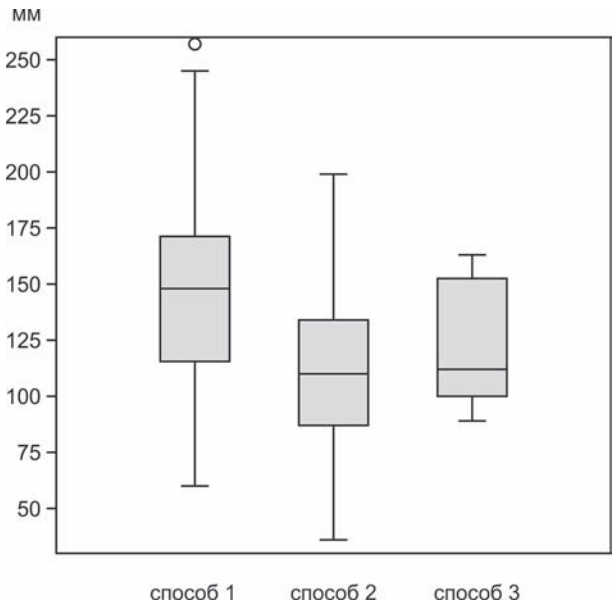

Рис. 2. Длина фрагментов костей в зависимости от способа расщепления.

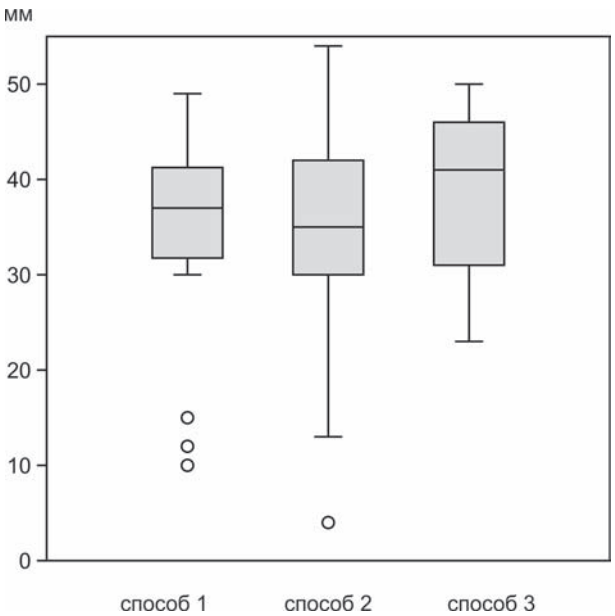

Рис. 3. Ширина фрагментов костей в зависимости от способа расщепления.

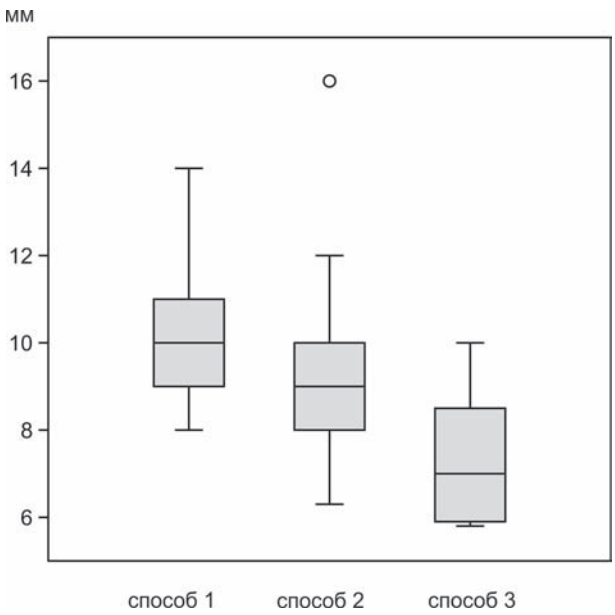

Рис. 4. Толщина фрагментов костей в зависимости от способа расщепления.

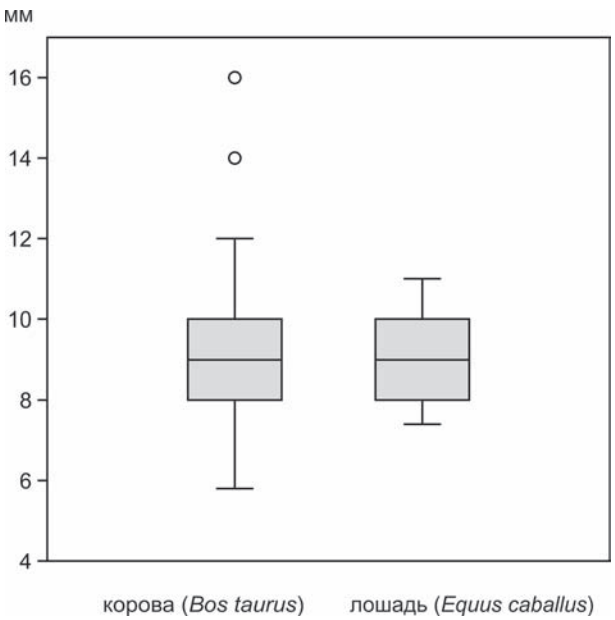

Рис. 5. Толщина фрагментов костей в зависимости от вида животного.

рий Шапиро–Уилка, который продемонстрировал, что все костные фрагменты по длине распределены нормально, по ширине и толщине распределены ненормально. Таким образом, в силу ненормальности распределения большинства тестируемых выборок мы можем использовать только непараметрические тесты.

При сравнении показателя длины между выборками (рис. 2) тест Манна–Уитни показал значительную разницу между более длинными фрагментами, полученными в рамках первого способа расщепления, и менее длинными фрагментами, полученными посредством применения второго способа (p = 0,003). Это свидетельствует в пользу значительного влияния выбранного способа расщепления на финальную длину сколов разделки добычи.

Тот же самый тест не показал какой-либо значительной разницы при распределении костяных фрагментов по ширине (рис. 3), в то время как по толщине костные фрагменты, распределенные по трем способам расщепления, значительно отличаются (рис. 4). На распределение фрагментов по толщине влияет целый ряд факторов, включающий вид животного, тип расщепляемой кости, часть кости, из которой был получен костный фрагмент, и т.д., поэтому на настоящем этапе исследований интерпретировать полученные данные достаточно сложно. Мы можем только протестировать в целом влияние вида животного на толщину костных фрагментов, полученных при добыче костного мозга (рис. 5). Анализ средних значений по тесту Манна–Уитни среди выборок костных фрагментов коровы и лошади не показал большой разницы. Таким образом, мы можем исключить данный параметр из влияющих на показатель толщины фрагментов в выборках разных способов расщепления.

Показатели длины и ширины фрагментов из костей лошади и коровы также статистически одинаковы.

Выводы

В результате экспериментального моделирования мы смогли с достаточной степенью точности реконструировать процесс расщепления костей коровы и лошади с целью получения костного мозга. Было определено, что количество мелких осколков, полученных в результате такой трудовой деятельности, невелико, что не соответствует имеющимся в нашем распоряжении археологическим данным. Вероятно, на данное обстоятельство оказывает влияние сложный комплекс факторов, включающий культурную принадлежность памятника, его функциональную специфику и интенсивность заселения объекта.

Вторым результатом нашего исследования явилось определение влияния способа расщепления на метрические параметры получаемых костных фрагментов. Так, было установлено, что наиболее длинные фрагменты получались в рамках первого способа, предусматривающего в первую очередь удаление эпифизов, в то время как самые короткие фрагменты получались в рамках второго способа, предусматривающего первоначальную фрагментацию диафиза. Также было выяснено, что в целом вид животного не оказывает значительного влияния на метрические параметры костных фрагментов.

Полученные предварительные данные, несомненно, требуют проведения более масштабных экспериментов с целью увеличения изучаемых выборок. Однако уже имеющаяся информация может быть использована при интерпретации процессов тафоценоза на Чагырской пещере, оценке интенсивности деятельности по производству орудий [Колобова, 2006] и для исследования многочисленной археологической коллекции костяных орудий Чагырской пещеры [Колобова, Маркин, Чабай, 2016].

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

Список литературы

Колобова К.А. Приемы оформления каменных орудий в палеолитических индустриях Горного Алтая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 135 с.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 35–39.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Ли Бо. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2018. – 468 с.

Федорченко А.Ю., Селецкий М.В., Боманн М., Колобова К.А. Экспериментальное исследование технологий среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2017 года // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 214–217.

Alcántara-García V., Barba Egido R., Barral del Pino J.M., Crespo Ruiz A.B., Eiriz Vidal A.I., Falquina

Aparicio Á., Herrero Calleja S., Ibarra Jiménez A., Megías González M., Pérez Gil M., Pérez Tello V., Rolland Calvo J., Yravedra Sáinz de los Terreros J., Vidal A., Domínguez-Rodrigo M. Determinación de procesos de fractura sobre huesos: un sistema de análisis de los ángulos de los planos de fracturación como discriminador de agentes bióticos // Trabajos de Prehistoria. – 2006. – No. 61 (1). – P. 25–38.

Mallye J.-B., Thiébaut C., Mourre V., Costamagno S. The Mousterian bone retouchers of Noisetier Cave: experimentation and identification of marks // J. of Archaeol. Sci. – 2012. – Vol. 39. – P. 1131–1142.

Morin E., Soulier M.C. New criteria for the archaeological identification of bone grease processing // American Antiquity. – 2017. – Vol. 82, N 1. – P. 96–122.

Mozota M. An experimental programme for the collection and use of retouching tools made on diaphyseal bone splinters // EXARC J. – 2013. – Iss. 2. – URL: http://journal.exarc.net/issue-2013-2.

Soressi M., McPherron S.P., Lenoir M., Dogan-GåLć T., Goldberg P., Jacobs Z., Maigrot Y., Martisius N.C., Miller C.E., Rendu W., Ricahrds M., Skinner M.M., Steeles T.E., Talamo S., Texier J.P. Neandertals made the first specialized bone tools in Europe // Proceedings of the National Academy of Sciences. – 2013. – Vol. 110 (35). – P. 14186–14190.

References

Alcántara-García V., Barba Egido R., Barral del Pino J.M., Crespo Ruiz A.B., Eiriz Vidal A.I., Falquina Aparicio Á., Herrero Calleja S., Ibarra Jiménez A., Megías González M., Pérez Gil M., Pérez Tello V., Rolland Calvo J., Yravedra Sáinz de los Terreros J., Vidal A., Domínguez-Rodrigo M. Determinación de procesos de fractura sobre huesos: un sistema de análisis de los ángulos de los planos de fracturación como discriminador de agentes bióticos. *Trabajos de Prehistoria*, 2006, 61 (1), pp. 25–38.

Fedorchenko A.Yu., Seletskiy M.V., Baumann M., Kolobova K.A. Experimental Study of the Middle Paleolithic Technique from the Chagyrskaya Cave Assemblages in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 214–217 (in Russ.).

Kolobova K.A. Priemy oformleniya kamennykh orudii v paleoliticheskikh industriyakh Gornogo Altaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 135 p. (in Russ.).

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of Chagyrskaya cave. *Theory and practice of archaeological research*, 2016, No. 4 (16), pp. 37–42 (in Russ.).

Mallye J.-B., Thiébaut C., Mourre V., Costamagno S. The Mousterian bone retouchers of Noisetier Cave: experimentation and identification of marks. *J. of Archaeological Science*, 2012, vol. 39, pp. 1131–1142.

Morin E., Soulier M.C. New criteria for the archaeological identification of bone grease processing. *American Antiquity*, 2017, vol. 82, No. 1, pp. 96–122.

Mozota M. An experimental programme for the collection and use of retouching tools made on diaphyseal bone splinters. *EXARC Journal*, 2013, iss. 2. – URL: http://journal.exarc.net/issue-2013-2.

Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai / A.P. Derevianko, S.V. Markin, K.A. Kolobova, V.P. Chabai, N.A. Rudaya, B. Viola, A.P. Buzhilova, M.B. Mednikova, S.K. Vasiliev, V.S. Zykin, V.S. Zykina, V.S. Zazhigin, A.O. Volvakh, R.G. Roberts, Z. Jacobs, Li Bo. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (in Russ.).

Soressi M., McPherron S.P., Lenoir M., Dogan-GåLć T., Goldberg P., Jacobs Z., Maigrot Y., Martisius N.C., Miller C.E., Rendu W., Ricahrds M., Skinner M.M., Steeles T.E., Talamo S., Texier J.P. Neandertals made the first specialized bone tools in Europe. *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2013, vol. 110 (35), pp. 14186–14190.

Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Колясникова А.С. https://orcid.org/0000-0002-6356-3738
Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.245-252
УДК 569:791(571)

Н.В. Сердюк[1], К.А. Колобова[2]

[1]Палеонтологический институт им. А.А. Борисяка РАН
Москва, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Методические аспекты изучения мелких млекопитающих Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) на примере материалов полевого сезона 2019 года

Исследование посвящено некоторым методам изучения ископаемых мелких млекопитающих, группы, которая традиционно используется при реконструкции ландшафта и климата прошлого. Был исследован материал из Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай), полученный в ходе работ прошедшего полевого сезона. Стратиграфический анализ отложений пещеры показал, что относительно не потревоженным на площади раскопа этого года является слой 6А. Материал по мелким млекопитающим из этого слоя был исследован с применением разных методов: математических расчетов показателей сохранности и условного количества материала и морфологического анализа некраниальных фрагментов. Все результаты были сопоставлены. Неопределимыми являются более половины костей. Показано, что при оценке костных остатков с учетом неопределимых фрагментов максимальная доля приходится на неопределимые остатки и щечные зубы полевок. Без их учета распределение остатков становится более наглядным и читаемым. Распределение доминирующих групп с учетом минимального числа особей незначительно отличается от распределения без учета этого показателя в силу определенных тафономических особенностей. При вычислении степени сохранности щечных зубов полевок, этот показатель оказался близок к нулевому значению, поскольку в слое обнаружены в основном только разрозненные зубы. Посткраниальные фрагменты мелких млекопитающих, пригодные для определения, дополнили и расширили общий список видов. В результате проведенного исследования выяснилось, что при палеореконструкциях наиболее нагляден метод процентного соотношения остатков мелких млекопитающих без учета фрагментов, определенных до семейств и триб; при характеристике общего состава фауны предпочтительно понятие «вероятное количество особей»; расчет степени сохранности материала возможен при сохранных верхних и нижних челюстях; для грызунов и зайцеобразных среднего размера определение посткраниальных элементов желательно всегда.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Чагырская пещера, мелкие млекопитающие, методы изучения.*

Nataliya V. Serduk[1], Kseniya A. Kolobova[2]

[1]Borissiak Paleontological Institute RAS,
Moscow, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: natalyserdyu@yandex.ru

Methodological Aspects of Studying Small Mammals from Chagyrskaya Cave (Northwestern Altai) Using the Evidence from the Field Season of 2019 Complex

The article analyzes the methods for studying fossil small mammals – a group which is traditionally used in landscape and climate reconstructions of the past. Evidence from Chagyrskaya cave (Northwestern Altai) excavated during the last field season was studied. Stratigraphic analysis of cave deposits has shown that layer 6A was relatively undisturbed in the excavation area. Complex of small mammals was analyzed using different approaches: mathematical calculations

of preservation indices and conditional amount of material evidence, as well as morphological analysis of non-cranial fragments. The results obtained by different methods have been compared. Over a half of bones were unidentifiable. It has been shown that the maximum share among bone remains, taking into account the unidentifiable fragments, consisted of unidentified remains and cheek teeth of voles. The distribution of remains became more obvious without them. The distribution of dominant groups, taking into account the minimum number of individual animals, differed insignificantly from the distribution without taking into account this indicator due to specific taphonomic features. When calculating the preservation degree of vole cheek teeth, this indicator came close to zero, since only isolated teeth have been found in the layer. Identifiable postcranial fragments of small mammals expanded the list of taxa. This study has proven that the method of percentage ratio of remains belonging to small mammals without fragments, defined with the accuracy of families and tribes, is the most useful for paleo-reconstructions. The notion of "probable number of individuals" is preferable when describing the total composition of the fauna. Calculation of preservation degree of the complex is possible with well-preserved upper and lower jaws. Definition of postcranial elements is always desirable for medium-sized rodents and lagomorphs.

Keywords: *Western Siberia, Chagyrskaya cave, small mammals, research methods.*

Исследования пещерных археологических памятников Западной Сибири ведутся очень давно и плодотворно. Чагырская пещера – уникальный среднепалеолитический объект Северо-Западного Алтая, ассоциирующийся исключительно с антропологическими остатками неандертальского подвида человека. Археологические комплексы Чагырской пещеры включают многочисленные наборы каменных артефактов, свидетельствующие об интенсивном заселении площади памятника в течение нескольких тысячелетий (ок. 60 тыс. л.н.). Неандертальцы использовали пещеру в качестве базового лагеря, в котором осуществлялась разделка частей туш крупных травоядных. В пещере были зафиксированы свидетельства полного цикла нуклеусного и бифасиального расщепления, сырье для которого подбиралось в непосредственной близости, в русле р. Чарыш. При разделке крупной добычи каменные орудия неоднократно подживлялись, для чего использовались костяные ретушеры [Деревянко и др., 2015; Колобова, Маркин, Чабай, 2016; Междисциплинарные исследования..., 2018]. В связи с научным значением данного археологического памятника особенно важным становятся детальные палеоэкологические реконструкции, позволяющие восстановить условия, в которых охотились алтайские неандертальцы.

В последние десятилетия получило широкую известность комплексное изучение археологических памятников, и вместе с археологами работы проводят специалисты из других областей: геологи, археозоологи, антропологи, палеонтологи [Природная среда…, 2003; Междисциплинарные исследования..., 2018]. Полученные результаты взаимно дополняют друг друга. Так, например, изучение ископаемых фаун мелких млекопитающих позволяет сравнить и обогатить палеореконструкции, основанные на выводах других исследований, в частности, палинологии и териологии крупных млекопитающих.

Памятник Чагырская пещера располагается в Краснощековском р-не Алтайского края на левом берегу р. Чарыш в нескольких км от селения Усть-Чагырка. В полевом сезоне 2019 г. в Чагырской пещере были вскрыты рыхлые отложения на квадратах К–Л по линиям 13 и 14. Многочисленные остатки материальной культуры неандертальцев были найдены в стратиграфическом подразделении 6А. Рыхлые отложения слоя являются светло-коричневым суглинком с редкими известняковыми обломками и гальками известняка и других пород. В наполнителе слоя были обнаружены многочисленные копролиты и фрагменты костей. Детальный стратиграфический анализ показал, что слой на этом участке относительно не потревоженный и содержит богатый остеологический материал по млекопитающим. Сбор материала по мелким млекопитающим из пещерных отложений производился традиционными методами [Агаджанян, 2008, с. 38–43; Тесаков, 2004, с. 8; Фадеева, Смирнов, 2008, с. 7]: из промытого грунта выбирались для определения кости и зубы. В последствие материал из слоя 6А был проанализирован с применением разных методов изучения мелких млекопитающих. Результаты были сопоставлены.

Систематика млекопитающих, как правило, опирается на характеристики зубной системы. Однако длинные кости конечностей, стопы, плечевого и тазового поясов несут информацию о систематическом положении животного [Батыров, 1985; Долгов, 1961; Ильяшенко, 1998; Полякова, 1971; Лобачев, Фомин, 1988, 2000; Gilbert, 1990]. При определении посткраниального скелета были использованы номенклатура и описания из морфологических атласов [Гамбарян, Дукельская, 1955; Громова, 1950, 1960].

При анализе результатов по мелким млекопитающим иногда применяются математические расчеты. Например, оценивается степень сохранности щечных зубов [Кочев, 1993, с. 6; Смирнов, Боль-

шаков, Бородин, 1986, с. 8], которая вычисляется по формулам, исходя из соотношения зубов, сохранившихся в челюстях, и общего количества зубов соответствующего порядка. Также встречается расчет вероятного (условного) количества остатков зубов для каждого вида [Комплексные биостратиграфические исследования, 1987, с. 53]. Помимо этого обычно учитывается процентное соотношение остатков вида от общего количества костей или от количества определимых остатков.

Точность количественного учета костных остатков важна для археозоологических реконструкций. При подсчете костей крупных млекопитающих используют показатели абсолютного числа определимых костей и минимального числа особей (МЧО), в англоязычной литературе minimum number of individuals (MNI) каждого вида [Антипина, 2003, с. 16]. В случае с мелкими млекопитающими часть исследователей придерживается учета этих двух показателей [Lopez-Garcia et al., 2014; Rhodes et al., 2018], а часть – нет [Дупал, 2004; Ивлева, 1990].

В основу палеореконструкций положено количественное соотношение каждого вида относительно общего числа остатков. По результатам полевого сезона 2019 г. было определено 1 966 костных фрагментов из исследуемого слоя. Остеологический материал средней сохранности, со следами воздействия желудочного сока (что предполагает погадковый характер накопления материала). Была посчитана степень сохранности щечных зубов [Кочев, 1993]. Поскольку в 2019 г. в слое 6А обнаружены в основном разрозненные зубы, то показатель сохранности оказался близок к нулевому значению.

Неопределимыми являются примерно 56 % костей от общего количества материала. Это обломки длинных костей конечностей мышевидных грызунов, фрагменты челюстей, черепа. Среди определимых костных элементов на долю грызунов (Rodentia) приходится почти 90 %, оставшаяся доля распределяется между рукокрылыми (Chiroptera), насекомоядными (Insectivora), зайцеобразными (Lagomorpha) и мелкими представителями куньих (табл. 1). При анализе костных остатков с учетом неопределимых фрагментов видно, что максимальная доля приходится на неопределимые остатки и щечные зубы серых полевок *Microtus*. На втором месте по численности – зубы узкочерепной полевки и щечные зубы скальных полевок, далее следуют остатки суслика и плоскочерепной полевки. Остатки других видов не достигают 2 %. Щечные зубы полевок вносят искажение в общую картину, и анализировать соотношение видов, чья доля менее 1–2 %, не вполне удобно. Если рассмотреть результаты без учета количества щечных зубов всех полевок, то получим следующие результаты (табл. 2). Доминирующая группа – узкочерепная полевка – 26,16 %, вторая по численности – суслик – 14,56 %, далее следуют скальная плоскочерепная полевка (10,47 %) и цокор (9,32 %), следующие группы – степная пеструшка (4,25 %) и водяная полевка (3,43 %). Очевидно, что без неопределимых остатков и щечных зубов картина распределения остатков становится более наглядной и читаемой.

Приведенные выше расчеты выполнены без привязки к минимальному числу особей каждого вида. Анализ ископаемого материала с учетом МЧО оправдан, когда вопрос касается остатков крупных млекопитающих, поскольку он позволяет проследить пищевые предпочтения человека, его охотничью деятельность или религиозные церемонии. В случае с мелкими млекопитающими, используя МЧО, предположительно можно определить, какому хищнику принадлежали погадки. Но в этом случае следует учитывать, что у хищных птиц даже одного вида есть половой диморфизм в пищевой избирательности [Екимов, 2009, с. 116]. Ранжирование мелких млекопитающих с учетом показателя МЧО представлено в табл. 1. Преобладающие виды – узкочерепная полевка и скальная полевка, далее – степная пеструшка, затем суслик и полевка-экономка. Но целесообразность использования этого метода пока остается открытой. Предположим, в слое обнаружено 7 левых M_1 и 1 правый M_1, минимальное число вида всегда будет – 1, хотя в слое, видимо, присутствуют остатки 7 особей. Также полевки определяются и по M^3, но МЧО, рассчитанное по M^3, всегда будет меньше, поскольку третьих верхних моляров вследствие особенностей тафономии обнаруживается всегда меньше. Так что выводы, основанные на подсчете минимального числа особей, будут искажены.

Можно рассчитать по формуле пропорции условное количество зубов для каждого вида, которое соотносится с количеством M_1 этого вида, как сумма всех щечных зубов серых полевок соотносится с количеством зубов M_1 этой трибы [Комплексные биостратиграфические исследования, 1987]. Так, например, для узкочерепной полевки условное количество зубов в слое 6А должно быть равно 160(M_1) * 525 (Общее число щечных зубов) / 172 (сумма M_1 полевок Microtini) = 488,37. По этой же формуле предлагается считать условное количество зубов других грызунов. Но формула не учитывает, что количество щечных зубов у грызунов в разных группах варьирует и что некоторые виды полевок могут определяться не только по первому нижнекоренному зубу. Вероятно, следует рассчитать некие коэффициенты с учетом этих показателей, чтобы можно было использовать эту формулу для дальнейших реконструкций.

Таблица 1. **Общее количество костных остатков мелких млекопитающих из слоя 6А Чагырской пещеры по материалам полевого сезона 2019 г.**

Таксон	Кол-во костных остатков		Мин. кол-во особей, экз.	%
	Экз.	%		
Chiroptera, летучие мыши	7	0,35	1	0,7
Asioscalops altaica, крот алтайский	35	1,78	4	2,83
Spermophilus sp., суслик	98	4,98	5	3,54
Marmota sp., сурок	12	0,61	1	0,7
Cricetus cricetus, хомяк обыкновенный	4	0,2	2	1,41
Cricetulus migratorius, хомячок серый	18	0,91	3	2,12
Allocricetulus eversmanni, хомячок Эверсмана	1	0,05	1	0,7
Ellobius talpinus, слепушонка обыкновенная	1	0,05	1	0,7
Clethrionomys rutilus-glareolus, лесные полевки	4	0,2	2	1,41
Clethrionomys sp.	9	0,45	–	–
Alticola strelzowi, плоскочерепная скальная полевка	64	3,25	17	12,05
Alticola sp.	150	7,62	–	–
Lagurus lagurus, степная пеструшка	26	1,32	7	4,96
Lagurus sp.	65	3,3	–	–
Eolagurus luteus, желтая пеструшка	4	0,2	1	0,7
Eolagurus sp.	10	0,5	–	–
Lasiopodomys (Stenocranius) gregalis, узкочерепная полевка	160	8,13	80	56,73
Microtus oeconomus, полевка-экономка	10	0,5	5	3,54
Microtus arvalis, обыкновенная полевка	2	0,1	1	0,7
Microtus sp.	525	26,7	–	–
Arvicola terrestris, водяная полевка	21	1,06	3	2,12
Myospalax myospalax, цокор алтайский	109	5,54	2	1,41
Allactaga sp., тушканчик	2	0,1	1	0,7
Ochotona sp., пищуха	16	0,81	2	1,41
Mustella sp., группа ласки, хорьки	2	0,1	1	0,7
Lepus sp., заяц	5	0,25	1	0,7
Неопределимые фрагменты Arvicolidae	38	1,93	–	–
Неопределимые фрагменты Rodentia	568	28,89	–	–
Итого	1966	100	141	100

Помимо зубов среди остатков встречаются пригодные для определения до рода и вида элементы конечностей, позвонки. В верхней части табл. 2 представлены виды, для которых в слое 6А Чагырской пещеры были определены и элементы скелета, и черепные фрагменты, зубы. Количество фрагментов скелета (посткраний) незначительно, но несмотря на это дополняет имеющиеся определения. При этом у крота доля посткраниальных фрагментов выше, чем краниальных, а у цокора количество тех и других примерно одинаково. Массовое обнаружение костей крота и цокора объясняется характерным строением их длинных костей конечностей, видоизменных роющей деятельностью. Поэтому даже незначительные фрагменты и мыщелки вполне пригодны для определения (табл. 3). Остатки сурка представлены разрозненными фалангами, метакарпальными и метатарзальными костями. Сурок – грызун среднеразмерного класса, в основном при промывке его кости не попадают на мелкие сита для мелких млекопитающих и остаются вместе с остатками крупных млекопитающих. Остатки зайца по той же причине в нашей выборке представлены только осколками эмали и единственным фрагментом проксимального эпифиза плечевой кости. От обыкновенного хомяка обнаружены моляр и три пяточные кости, отличающиеся от пяточных костей суслика, белки и цокора наружным отделом коракоидного отростка (он трапециевидной формы) и округлой сустентакулярной фасеткой.

В нижней части табл. 2 представлены виды, для которых были определены только зубы. В эту группу попали в основном полевки. Для обыкновенной, пашенной и экономки существуют ключи

Таблица 2. **Соотношение определимых до вида и рода костных остатков мелких млекопитающих из слоя 6А Чагырской пещеры по материалам полевого сезона 2019 г.**

Таксон	Костные элементы					
	Только черепные		Только фрагменты скелета		Общее число	
	Экз.	%	Экз.	%	Экз.	%
Chiroptera	6	0,98	1	0,16	7	1,14
Asioscalops altaica	4	0,65	31	5,07	35	5,72
Spermophilus sp.	89	14,56	9	1,47	98	16,03
Marmota sp.	0	0	12	1,96	12	1,96
Cricetus cricetus	1	0,16	3	0,49	4	0,65
Myospalax myospalax	57	9,32	52	8,51	109	17,83
Lepus sp.	4	0,65	1	0,16	5	0,81
Cricetulus migratorius	18	2,94	0	0	18	2,94
Allocricetulus eversmanni	1	0,16	0	0	1	0,16
Ellobius talpinus	1	0,16	0	0	1	0,16
Clethrionomys rutilus	4	0,65	0	0	4	0,65
Alticola strelzowi	64	10,47	0	0	64	10,47
Lagurus lagurus	26	4,25	0	0	26	4,25
Eolagurus luteus	4	0,65	0	0	4	0,65
Eolagurus sp.	10	1,63	0	0	10	1,63
Lasiopodomys (Stenocranius) gregalis	160	26,18	0	0	160	26,18
Microtus oeconomus	10	1,63	0	0	10	1,63
Microtus arvalis	2	0,32	0	0	2	0,32
Arvicola terrestris	21	3,43	0	0	21	3,43
Allactaga	2	0,32	0	0	2	0,32
Ochotona sp.	16	2,61	0	0	16	2,61
Mustella sp.	2	0,32	0	0	2	0,32
Итого	502		109		611	100

Таблица 3. **Определимые фрагменты скелета мелких млекопитающих Чагырской пещеры из слоя 6А, экз.**

Таксон	Scapula (лопатка)	Humerus (плечевая)	Radius (лучевая)	Ulna (локтевая)	Pelvis (таз)	Femur (бедренная)	Calcaneus (пяточная)	Astragalus (таранная)	Phalanges (фаланги)	Посткраний
Chiroptera	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–
Asioscalops altaica	3	8	7	7	–	–	–	–	4	2
Spermophilus sp.	–	1	1	5	–	–	2	–	–	–
Marmota sp.	–	–	–	–	–	–	–	–	12	–
Cricetus cricetus	–	–	–	–	–	–	3	–	–	–
Myospalax myospalax	3	8	3	10	1	3	1	1	22	–
Lepus sp.	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–
Итого	6	18	11	22	2	3	6	1	38	2

определения по костям конечностей, выполненные на современных материалах Пермской обл. [Маяков, Шепель, 1987]. Для массовых видов ископаемых полевок из пещер Северо-Западного Алтая в настоящий момент такие ключи разрабатываются.

В результате исследования выяснилось, что:

1. Использовать посткраний для определений мышевидных грызунов на постоянной основе имеет смысл, когда от них не сохранились фрагменты черепа и зубы. Для грызунов и зайцеобразных среднего размера определение посткрания желательно всегда для дополнения общего видового состава.

2. Использовать при анализе такой показатель как минимальное число особей одного вида у мелких млекопитающих не всегда оправдано. Вероятно, можно для анализа вводить понятие «вероятное количество особей». Но в конечном итоге это будет зависеть от постановки конкретных задач. Если

необходимо сравнивать фауны памятников, где этот показатель МЧО (MNI) был задействован, то тогда его нужно учитывать.

3. Расчет степени сохранности материала имеет смысл, когда помимо отдельных зубов обнаруживаются сохранные верхние и нижние челюсти.

4. Наиболее наглядным для палеореконструкций является метод процентного соотношения определимых остатков мелких млекопитающих без учета щечных зубов полевок.

Благодарности

Палеонтологические исследования выполнены в рамках проекта РФФИ № 18-09-40070; археологические работы по проекту выполнены в рамках НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0001.

Список литературы

Агаджанян А.К. Комплексные биостратиграфические исследования новейших отложений. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 62 с.

Антипина Е.Е. Археозоологические исследования: задачи, потенциальные возможности и реальные результаты // Новейшие археозоологические исследования в России. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – С. 7–33.

Батыров Б.Х. Ископаемые костные остатки *Allactaga elater* юга Узбекистана // Тушканчики фауны СССР. – М.: Наука, 1985. – С. 25–26.

Гамбарян П.П., Дукельская Н.М. Крыса. – М.: Советская наука, 1955. – 254 с.

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Определитель по крупным трубчатым костям. – М.: АН СССР, 1950. – 240 с. – (Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода; т. IX, вып. 1).

Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Определитель по крупным костям заплюсны. – М.: АН СССР, 1960. – 121 с. – (Тр. Комиссии по изучению четвертичного периода; т. XVI, вып. 2).

Деревянко А.П., Маркин С.В., Кулик Н.А., Колобова К.А. Эксплуатация каменного сырья представителями сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 3. – С. 3–16.

Долгов В.А. Об изменчивости некоторых костей посткраниального скелета землероек [Mammalia, Soricidae] // Acta theriologica. – 1961. – № 5. – Вып. 15. – С. 203–227.

Дупал Т.А. Перестройка сообществ мелких млекопитающих на рубеже плейстоцена и голоцена Северо-Западного Алтая // Палеонтологический журнал – 2004. – № 1. – С. 78–84. – DOI: 10.7868/S0044513414120071.

Екимов Е.В. Различия в размерном составе кормовых объектов самцов и самок филина (*Bubo bubo* L.) в гнездовой период: возможные и действительные причины // Вестн. Краснояр. гос. аграр ун-та. – 2009. – № 9. – С. 112–119.

Ивлева Н.Г. Микротериологические материалы из пещер им. Окладникова и Денисова на Алтае // Комплексные исследования палеолитических объектов бассейна р. Ануй. – Новосибирск, 1990. – С. 82–104.

Ильяшенко В.Б. Изменчивость элементов посткраниального скелета землероек Сибири и его диагностическая значимость: автореф. дис. … канд. биол. наук. – Новосибирск, 1998. – 22 с.

Колобова К.А., Маркин С.В., Чабай В.П. Костяные ретушеры в среднепалеолитических комплексах Чагырской пещеры // Теория и практика археологических исследований. – 2016. – № 4 (16). – С. 35–39.

Комплексные биостратиграфические исследования. – М.: Изд-во Мос. гос. ун-та, 1987. – 107 с.

Кочев В.А. Плейстоценовые грызуны Северо-Востока Европы и их стратиграфическое значение. – СПб.: Наука, 1993. – 112 с.

Лобачев В.С., Фомин С.В. О половом диморфизме размеров костей посткраниального скелета некоторых видов тушканчиков // Тушканчики фауны СССР. – Ташкент: Фан, 1988. – Вып. 2. – С. 54–55.

Лобачев В.С., Фомин С.В. Особенности строения костей трехпалых тушканчиков из Монголии и Средней Азии // Систематика и филогения грызунов и зайцеобразных. – М.: Товарищество научных изданий КМК, 2000. – С. 91–93.

Маяков А.А., Шепель А.И. Определение вида и пола некоторых млекопитающих по костям таза, голени и бедра // Зоологический журнал. – 1987. – Т. 66, № 2. – С. 288–294.

Междисциплинарные исследования Чагырской пещеры – стоянки среднего палеолита Алтая / А.П. Деревянко, С.В. Маркин, К.А. Колобова, В.П. Чабай, Н.А. Рудая, Б. Виола, А.П. Бужилова, М.Б. Медникова, С.К. Васильев, В.С. Зыкин, В.С. Зыкина, В.С. Зажигин, А.О. Вольвах, Р.Г. Робертс, З. Якобс, Ли Бо. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2018. – 468 с.

Полякова Р.С. Морфо-функциональные особенности строения скелета конечностей беличьих // Тр. Зоологического института. – Л.: АН СССР, 1971. – Т. 48. – С. 121–151.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с. Резюме на англ. (33 с.) и фр. (38 с.) яз.

Смирнов Н.Г., Большаков В.Н., Бородин А.В. Плейстоценовые грызуны севера Западной Сибири. – М.: Наука, 1986. – 144 с.

Тесаков А.С. Биостратиграфия среднего плиоцена-эоплейстоцена Восточной Европы (по мелким млекопитающим). – М.: Наука, 2004. – 247 с. – (Тр. Геол. ин-та; т. 554).

Фадеева Т.В., Смирнов Н.Г. Мелкие млекопитающие Пермского Предуралья в позднем плейстоцене и голоцене. – Екатеринбург: Гощицкий, 2008. – 172 с.

Gilbert B.M. Mammalian Osteology. – Portland: Missouri Archaeol. Society, 1990. – 428 p.

Lopez-Garcia J.M., Berto C., Colamussi V., Valle C.D., Vetro D.L., Luzi E., Malavasi G., Martini F., Sala B. Palaeoenvironmental and palaeoclimatic reconstruction of the latest Pleistocene-Holocene sequence from Grotta del Romito (Calabria, Southern Italy) using the small-mammal assemblages // Palaeogeography. Palaeoclimatology. Palaeoecology. – 2014. – Vol. 409. – P. 169–179. – DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.palaeo.2014.05.017

Rhodes S.E., Ziegler R., Starkovich B.M., Conard N.J. Small mammal taxonomy, taphonomy, and the paleoenvironmental record during the middle and upper Paleolithic at Geisenklosterle cave (Ach valley, southwestern Germany). Quaternary Science Reviews. – 2018. – Vol. 185 – P. 199–221. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2017.12.008

References

Agadjanyan A.K. Kompleksnye biostratigraficheskie issledovaniya novejshikh otlozhenii. Novosibirsk: Novosibirsk State Univ., IAET SB RAS Publ., 2008, 62 p. (in Russ.).

Antipina E.E. Arkheozoologicheskie issledovaniya: zadachi, potentsial'nye vozmozhnosti i real'nye rezul'taty. In *Noveishie arkheozoologicheskie issledovaniya v Rossii*. Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2003, pp. 7–33 (in Russ.).

Batyrov B.Kh. Iskopaemye kostnye ostatki Allactaga elater yuga Uzbekistana. In *Tushkanchiki fauny SSSR*. Moscow: Nauka, 1985, pp. 25–26 (in Russ.).

Derevianko A.P., Markin S.V., Kulik N.A., Kolobova K.A. Lithic Raw Material Exploitation in the Sibiryachikha Facies, the Middle Paleolithic of Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 3, pp. 3–16.

Dolgov V.A. Ob izmenchivosti nekotorykh kostei postkranial'nogo skeleta zemleroek [Mammalia, Soricidae]. *Acta theriologica*, 1961, No 5, iss. 15, pp. 203–227 (in Russ. with Engl. abstract).

Dupal T.A. Changes in small mammal communities of the northwestern Altai at the Pleistocene-Holocene boundary. *Paleontological Journal*, 2004, vol. 38, No. 1, pp. 83–89. DOI: 10.7868/S0044513414120071

Ekimov E.V. Differences in proportional structure of food objects of male and female Eagle Owl (*Bubo bubo*) during the nestling period: the possible and valid reasons. *Vestnik Krasnoyarskogo Gosudarstvennogo Agrarnogo Universiteta*, 2009, No. 9, pp. 112–119 (in Russ. with Engl. abstract).

Fadeeva T.V., Smirnov N.G. Melkie mlekopitayushchie Permskogo Predural'ya v pozdnem pleistotsene i golotsene. Yekaterinburg: Goshchitskii, 2008, 172 p. (in Russ.).

Gambaryan P.P., Dukelskaya N.M. Krysa. Moscow: Sovetskaya nauka, 1955, 254 p. (in Russ.).

Gromova V.I. Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeleta. Opredelitel' po krupnym trubchatym kostyam. Moscow: AS USSR, 1950, 240 p. (Trudy Komissii po izucheniyu chetvertichnogo perioda; vol. IX, iss. 1) (in Russ.).

Gromova V.I. Opredelitel' mlekopitayushchikh SSSR po kostyam skeleta. Opredelitel' po krupnym kostyam zaplyusny. Moscow: AS USSR, 1960, vol. XVI, iss. 2, 121 p. (in Russ.).

Gilbert B.M. Mammalian Osteology. Portland: Missouri Archaeological Society, 1990, 428 p.

Il'yashenko V.B. Izmenchivost' elementov postkranial'nogo skeleta zemleroek Sibiri i ego diagnosticheskaya znachimost': cand. sc. (biology) dissertation abstract. Novosibirsk, 1998, 22 p. (in Russ.).

Ivleva N.G. Mikroteriologicheskie materialy iz peshcher im. Okladnikova i Denisova na Altae. In *Kompleksnye issledovaniya paleoliticheskikh ob"ektov basseina r. Anui*. Novosibirsk, 1990, pp. 82–104 (in Russ.).

Kochev V.A. Pleistotsenovye gryzuny Severo-Vostoka Evropy i ikh stratigraficheskoe znachenie. St. Petersburg: Nauka, 1993, 112 p. (in Russ.).

Kolobova K.A., Markin S.V., Chabai V.P. Bone retouchers in the Middle Paleolithic complexes of Chagyrskaya cave. *Theory and practice of archaeological research*, 2016, No. 4 (16), pp. 37–42 (in Russ.).

Kompleksnye biostratigraficheskie issledovaniya. Moscow: Moscow State Univ. Press, 1987, 107 p. (in Russ.).

Lobachev V.S., Fomin S.V. O polovom dimorfizme razmerov kostej postkranial'nogo skeleta nekotoryh vidov tushkanchikov. In *Tushkanchiki fauny SSSR*. Tashkent: Fan, 1988, iss. 2, pp. 54–55 (in Russ.).

Lobachev V.S., Fomin S.V. Osobennosti stroeniya kostej trekhpalyh tushkanchikov iz Mongolii i Srednej Azii. In *Sistematika i filogeniya gryzunov i zajceobraznyh*. Moscow: Tovarishchestvo nauchnyh izdanij KMK, 2000, pp. 91–93 (in Russ.).

Lopez-Garcia J.M., Berto C., Colamussi V., Valle C.D., Vetro D.L., Luzi E., Malavasi G., Martini F., Sala B. Palaeoenvironmental and palaeoclimatic reconstruction of the latest Pleistocene-Holocene sequence from Grotta del Romito (Calabria, Southern Italy) using the small-mammal assemblages. *Palaeogeography. Palaeoclimatology. Palaeoecology*, 2014, vol. 409, pp. 169–179. DOI: http://dx.doi.org/10.1016/j.palaeo.2014.05.017

Majakov A.A., Shepel A.I. Species and sex identification in some mammals by the coxae, crus and femur bones. *Zoologicheskij zhurnal*, 1987, No. 2, vol. 66, pp. 288–294 (in Russ. with Engl. abstract).

Multidisciplinary Studies of Chagyrskaya Cave – A Middle Paleolithic Site in Altai / A.P. Derevianko, S.V. Markin, K.A. Kolobova, V.P. Chabai, N.A. Rudaya, B. Viola, A.P. Buzhilova, M.B. Mednikova, S.K. Vasiliev, V.S. Zykin, V.S. Zykina, V.S. Zazhigin, A.O. Volvakh, R.G. Roberts, Z. Jacobs, Li Bo. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, 468 p. (in Russ.).

Paleoenvironment and Paleolithic Human Occupation of the Gorny Altai / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadjanyan, G.F. Baryshnikov, E.M. Malaeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ. with English and French abstracts).

Polyakova R.S. Morfo-funkcional'nye osobennosti stroeniya skeleta konechnostej belich'ih. In *Trudy Zoologicheskogo instituta*. Leningrad: AN SSSR, 1971, vol. 48, pp. 121–151 (in Russ.).

Rhodes S.E., Ziegler R., Starkovich B.M., Conard N.J. Small mammal taxonomy, taphonomy, and the paleoenvironmental record during the middle and upper Paleolithic at Geisenklosterle cave (Ach valley, southwestern Germany). *Quaternary Science Reviews*, 2018, vol. 185, pp. 199–221. DOI: https://doi.org/10.1016/j.quascirev.2017.12.008

Smirnov N.G., Bolshakov V.N., Borodin A.V. Plejstocenovye gryzuny severa Zapadnoj Sibiri. Moscow: Nauka, 1986, 144 p. (in Russ.).

Tesakov A.S. Biostratigraphy of Middle Pliocene-Eopliocene of Eastern Europe (based on small mammals). Moscow: Nauka, 2004, 247 p. (Trudy Geologicheskogo instituta; vol. 554) (in Russ.).

Сердюк Н.В. https://orcid.org/0000-0003-2217-9024
Колобова К.А. https://orcid.org/0000-0002-5757-3251

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.253-260
УДК 903.59

А.В. Табарев, Д.А. Иванова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olmec@yandex.ru

Наиболее ранние погребения на юге Дальнего Востока России и Японском архипелаге: вопросы идентификации и интерпретации

Поселение Гончарка-1, изученное в середине 1990-х гг., до сегодняшнего дня является единственным памятником начального неолита (12–10 тыс. л.н.) для всей территории Юга Дальнего Востока России, где зафиксирован необычный комплекс с углистым пятном и набором выразительных каменных артефактов, предполагающих его погребальную интерпретацию. Несмотря на то, что антропологические материалы отсутствуют, на данную трактовку указывает специфика сопровождающего инвентаря. Обращение к данным о погребениях изначального и начального дзё:мона на территории Японского архипелага (13,8–6,5 тыс. л.н.), а также к более широкому кругу аналогий в тихоокеанском бассейне (Юго-Восточная Азия, побережье Южной Америки) и в Северной Америке (памятники и стоянки палеоиндейского периода) подтверждает многообразие погребальных ритуалов и практик, присутствие одиночных, парных и групповых захоронений, их первичный и вторичный характер, акценты на манипуляции с частями скелета (длинными костями, черепом), существование групповых некрополей, приуроченных к пещерам и гротам, а также наличие специфических погребальных комплексов с ярко выраженным сопроводительным инвентарем (тщательно обработанные бифасиальные наконечники крупных размеров, бифасиальные нуклеусы, ножи, тесловидные инструменты, фигурные камни и т.д.). Детальный анализ материалов свидетельствует о том, что в круг таких «ритуально-погребальных комплексов» хорошо вписываются и памятник Гончарка-1 (Приамурье, Российский Дальний Восток), и комплекс Микосиба (преф. Нагано, Хонсю), изученный японскими археологами еще в 1950-х гг., но продолжающий оставаться предметом острой научной дискуссии.

Ключевые слова: *Дальний Восток России, Японский архипелаг, погребения, идентификация, интерпретация.*

Andrey V. Tabarev, Darya A. Ivanova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: olmec@yandex.ru

The Earliest Burials in the Southern Part of the Russian Far East and in the Japanese Archipelago: Problems of Identification and Interpretation

Until today, the Goncharka-1 site, excavated in mid 1990s, is the only site of the Initial Neolithic (12,000–10,000 BP) in the entire southern part of the Russian Far East, where an unusual complex with a carbonaceous spot and set of expressive stone artifacts has been discovered. Despite the complete absence of anthropological evidence, the interpretation of the site as a burial is suggested by the accompanying inventory. The data on the burials of the Incipient and Initial Jomon in the Japanese archipelago (13,800–6500 BP), as well as a wider circle of parallels from the Pacific (Southeast Asia, Coastal Southern America), and Northern America (Paleoamerican sites and settlements) confirms the diversity of burial rituals and practices, presence of single, double, and group burials, primary and secondary burials, emphasis on manipulating with parts of the skeleton (long bones, skulls), presence of group cemeteries associated with caves and rock shelters, as well as specific burial complexes with distinctive accompanying inventory (carefully processed large bifacial points, bifacial cores, knives, adze-like tools, figure-shaped stones etc.). A detailed analysis of the evidence indicates that

the Goncharka-1 site (Priamurie, Russian Far East) and Mikoshiba site (Nagano Prefecture, Honshu) which was studied by the Japanese archaeologists in 1950s and is still the subject of active scholarly discussion, fit well the circle of such "ritual and burial complexes."

Keywords: *Russian Far East, Japanese Archipelago, burials, identification, interpretation.*

На сегодняшний день, в силу высокой кислотности почв, данных о специфике погребальной практики в культурах каменного века Юга Дальнего Востока России (Приамурье, Приморье) крайне мало, а применительно к периоду финального палеолита – начального неолита их практически нет. Исключение составляет комплекс, идентифицированный И.Я. Шевкомудом на памятнике осиповской культуры (12–10 тыс. л.н.) Гончарка-1 в 1996 г. (рис. 1, *27*). Согласно описанию, он был выявлен в пристеночной части раскопа 4 и в последующей прирезке к нему, где «...при выборке галечника с темно-желтым суглинком постепенно оконтурилось углубление овальной формы с неровными границами... 3,5 × 1,5 м... на дне была выявлена серия темно-серых углистых пятен... не характерных для очаговых линз... в северной части два пятна, по абрису напоминающие контур головы и верхней части туловища человека...» [Шевкомуд, Яншина, 2012, с. 42] (рис. 2, *1*).

Комплекс сопровождался парой фигурных У-образных камней, обработанных техникой пикетажа и пришлифовки, валуном с лунками искусственного происхождения и целой серией изделий из камня, среди которых бифасы разной степени подготовки, наконечники стрел, тесловидные инструменты, скребки – всего 21 артефакт, а также несколько фрагментов керамики. Отдельно, над комплексом, который интерпретировался автором как «погребение с использованием огня», найдены два обломка бифасов «кинжаловидной формы» длиной 14 и 5 см [Там же, с. 43–46] (рис. 2, *2*). К сожалению, данный сюжет, а вместе с ним и сама проблема идентификации и интерпретации наиболее ранних погребений на территории Юга Дальнего Востока России продолжения не получили.

В рамках настоящей работы мы обращаемся к данным о погребениях на соседней территории (о-вах Японского архипелага), которые относятся к ранним периодам эпохи дзё:мон – изначальному (Incipient Jomon) и начальному дзё:мону (Initial Jomon)*, а также к некоторым интересным аналогиям в пределах тихоокеанского бассейна и Американского континента.

Как и на Юге Дальнего Востока России, почвы Японского архипелага отличаются высокой кислотностью, грунтовые погребения практически не читаются, поэтому наибольший интерес представляют захоронения в пещерных комплексах и раковинных кучах, внутри которых органика сохраняется лучше.

Материалов по погребениям изначального дзё:мона практически нет. Единственный достоверно известный случай зафиксирован в пещере Оядзи, которая была открыта в 1965 г. в г. Уцуномия, в преф. Тотиги. Памятник относится к периодам изначального–начального дзё:мона и датирован рамками ок. 13 тыс. – 700 кал. л.н. Погребение находилось внутри пещеры на глубине 3 м. Костяк был уложен на боку в скорченном положении, скелет принадлежал молодому коренастому мужчине примерно 20 лет, ростом 154 см. Морфологический анализ показал, что при жизни молодой человек был парализован на левую руку, кости которой были тонкими и слабыми. Помимо целого костяка, на памятнике были зафиксированы фрагменты человеческих костей, принадлежащих другим индивидам [Дзё:мон…, 2009, с. 66].

Памятников начального дзё:мона, на которых обнаружены погребения с частично или полностью сохранившимися костяками, на территории Японского архипелага известно более 30 [Кохара и др., 2011, с. 93]. На о. Хоккайдо погребения начального дзё:мона представлены материалами раковинной кучи Хигаси Кусиро. На о. Хонсю к памятникам начального дзё:мона относятся: пещера Дзяо:до: (преф. Иватэ), грот Тотибара и пещера Югура (преф. Нагано); раковинная куча Минами Дзакай (преф. Мияги); раковинная куча Сиронодай Минами (преф. Тиба); памятник О:коси и пещера Мё:ондзи (преф. Сайтама); раковинные кучи Нацусима и Хирасака (преф. Канагава); раковинная куча Исияма (преф. Сига), пещера Тайсяку Каннондо: (преф. Хиросима); грот Ияи (преф. Гумма); пещера Муроя (преф. Ниигата) и пещера Томари (преф. Тояма). Самые ранние памятники начального дзё:мона известны на территории о. Сикоку – это пещерные комплексы Камикуроива, Анагамидо: и Нагацугава, расположенные в преф. Эхимэ. На о. Кюсю к начальному дзё:мону отнесены пещеры Фуцукайти, Каварада, Хэги и грот Нога в преф. Оита, в преф. Нагасаки – пещера Ивасита, и в преф. Сага – памятник Хигасимё: (см. рис. 1).

*На сегодняшний день изначальный дзё:мон датируется в пределах 13,8–10 тыс. л.н. (калиброванные даты – 16–11,5 тыс. л.н.), начальный – 10–6,5 тыс. л.н. (калиброванные даты – 11,5–7 тыс. л.н.).

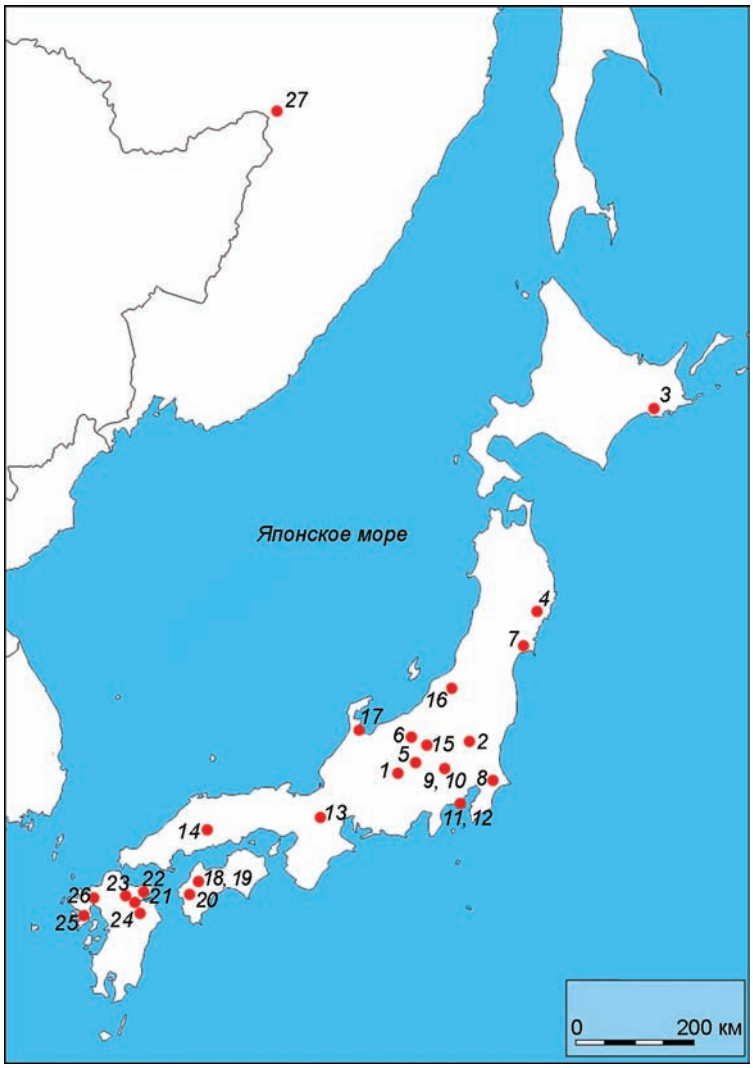

Рис. 1. Расположение памятников, упоминаемых в тексте.

1 – стоянка Микосиба (преф. Нагано); *2* – пещера Оядзи (преф. Тотиги); *3* – раковинная куча Хигаси Кусиро (о. Хоккайдо); *4* – пещера Дзяо:до: (преф. Иватэ); *5* – грот Тотибара (преф. Нагано); *6* – пещера Югура (преф. Нагано); *7* – раковинная куча Минами Дзакай (преф. Мияги); *8* – раковинная куча Сиронодай Минами (преф. Тиба); *9* – памятник О:коси (преф. Сайтама); *10* – пещера Мё:ондзи (преф. Сайтама); *11* – раковинная куча Нацусима (преф. Канагава); *12* – раковинная куча Хирасака (преф. Канагава); *13* – раковинная куча Исияма (преф. Сига); *14* – пещера Тайсяку Каннондо: (преф. Хиросима); *15* – грот Ияи (преф. Гумма); *16* – пещера Муроя (преф. Ниигата); *17* – пещера Томари (преф. Тояма); *18* – пещера Камикуроива (преф. Эхимэ); *19* – пещера Анагамидо: (преф. Эхимэ); *20* – пещера Нагацугава (преф. Эхимэ); *21* – пещера Фуцукайти (преф. Оита); *22* – пещера Каварада (преф. Оита); *23* – пещера Хэги (преф. Оита); *24* – грот Нога (преф. Оита); *25* – пещера Ивасита (преф. Нагасаки); *26* – памятник Хигасимё: (преф. Сага); *27* – стоянка Гончарка-1 (Хабаровский край).

На памятниках северной и центральной части Японского архипелага в слое с костными останками преобладают фрагменты керамики типа *осигатамон* (оттиски штампа). Для территорий западной и южной Японии характерна керамика типов *рю:таймон* (линейные аппликации), *цумэгатамон* (насечки, нанесенные ногтем), *мумон* (неорнаментированная керамика), *кайгарамон* (узор, нанесенный раковиной) и *осигатамон*.

Виды погребений начального дзё:мона наиболее детально представлены по материалам памятников Камикуроива (ок. 12,530–10,085 кал. л.н.), Мё:ондзи (ок. 10155–9680 кал. л.н.), Фуцукайти (ок. 11–7 тыс. л.н.), Тотибара (ок. 8600–8300 л.н.), Ияи № 1 (8300–8200 кал. л.н.) и Югура (7920–7795 кал. л.н.).

Грот Камикуроива – многослойный памятник, состоящий из девяти слоев, содержащих артефакты, датирующиеся от изначального дзё:мона до настоящего времени. Памятник открыт в 1961 г. в д. Кумакоген, преф. Эхиме. Работы велись до 1970 г. В слое № 4 найдено вторичное групповое захоронение (?), состоящее из останков мужчины и двух женщин. Кости захороненных женщин были положены друг на друга, верхняя половина туловища принадлежит одному индивиду, а нижняя другому. Обе части были выложены в анатомической последовательности. Всего на памятнике зафиксированы останки 28 индивидов [Кохара и др., 2011, с. 93; Дзё:мон…, 2009, с. 67; Kondo et al., 2018, p. 154–155].

Пещерный комплекс Мё:ондзи открыт в 1995 г. в п. Минано, преф. Сайтама. Погребение находилось в слое пепла в глубине пещеры. Костяк уложен на левом боку в скорченном положении, ноги прижаты к груди. Кости принадлежали невысокому зрелому мужчине ростом 153 см, весом примерно 40–45 кг [Дзё:мон…, 2009, с. 65–66].

Пещера Фуцукайти открыта в 1975 г. в п. Коконоэ, преф. Оита. Многослойный памятник, насчитывающий девять культурных слоев от начального до позднего дзё:мона (11–3 тыс. л.н.). Начальным дзё:моном датировано два коллективных вторичных захоронения, покрытых скоплениями камней. Костные останки из погребения № 2 принадлежали трем индивидам – мужчине зрелого возраста, молодой девушке и ребенку. Внутри захоронения № 3 находились кости пятерых индивидов – четверых взрослых, предположительно, мужчин, и одного ребенка мужского пола. Обе могилы овальной формы, размерами 80 × 60 × 18 см (погр. № 2) и 100 × 75 × 20 см (погр. № 3) [О:ита-кэн…, 1980].

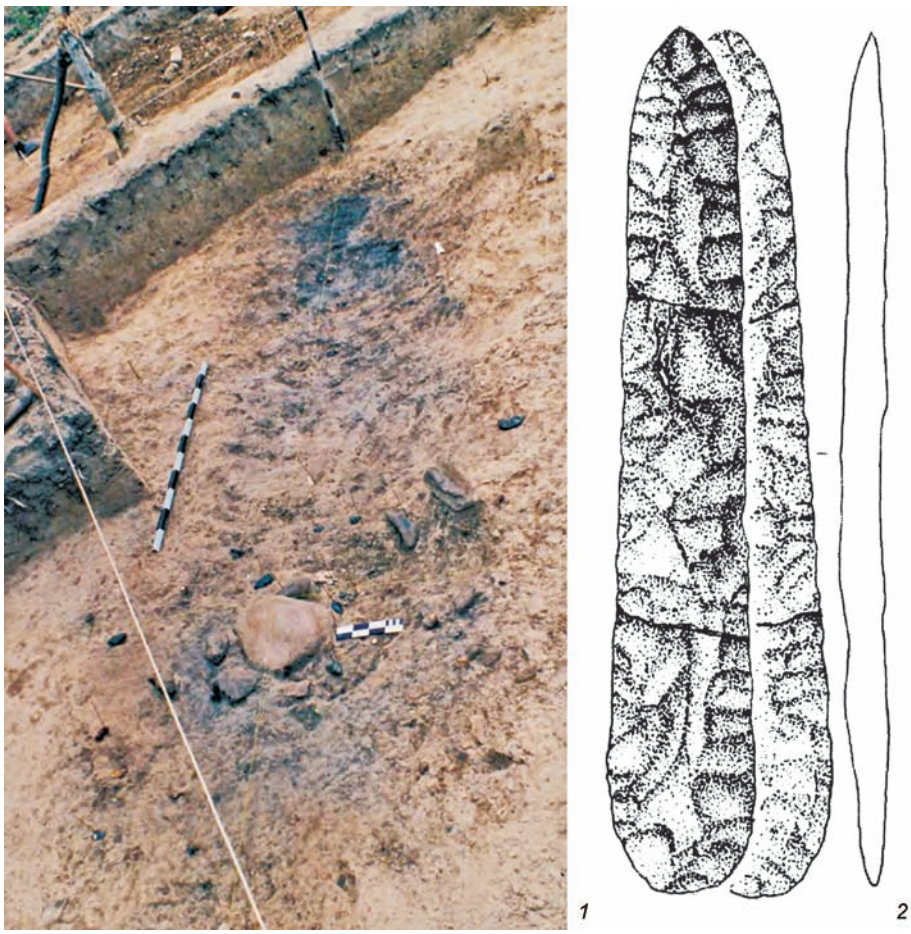

Рис. 2. Раскоп 4 памятника Гончарка-1.
1 – вид на погребение с юга; *2* – кинжаловидный бифас, найденный над погребением (по: [Шевкомуд, Яншина, 2012]).

Грот Тотибара обнаружен в 1965 г. в д. Китааики, преф. Нагано, и исследовался на протяжении 14 лет (до 1978 г.). На территории грота раскопано 12 погребений – восемь захоронений взрослых индивидов (четыре мужских и четыре женских) и четыре детских погребения (два ребенка трех и пяти лет и два младенца). Судя по всему, младенцы погибли от частичного обрушения свода. Человеческие кости, многие из которых были разбросаны по гроту, располагались на глубине 5,5 м. В пяти случаях костяки были уложены на правом боку, некоторые окружены несколькими камнями, положение оставшихся определить невозможно. У 60 % умерших обнаружены практически все кости. Погребенные в гроте Тотибара следующего роста: мужчины – 148–163 см, женщины – 155–156 см [Кохара и др., 2011; Yoneda et al., 2002].

Памятник Ияи-1 представляет собой грот, расположенный в д. Наганохара, преф. Гумма. Работы на памятнике ведутся с 2014 г. В 2015 г. была обнаружена грунтовая могила с сохранившимся костяком. По предварительным данным, скелет принадлежал невысокой молодой женщине ростом 146 см и возрастом ок. 20–40 лет. Могила овальной формы с размерами 70 × 50 × 30 см находилась в отложениях пепла в центре грота. Примечательно в данном погребении неординарное положение усопшей: на первый взгляд костяк был уложен в типичном для эпохи дзё:мон скорченном положении с согнутыми руками и ногами. Однако дальнейшее изучение показало, что туловище покойной было расчленено на две части между третьим и четвертым поясничными позвонками. Обе части располагались отдельно. С точки зрения анатомической последовательности костей, верхняя и нижняя половины костяка были уложены полностью. Нижняя половина туловища была смещена вверх на 40 см от третьего поясничного позвонка. Четвертый и пятый поясничные позвонки, а также тазовые кости были помещены под черепную коробку. Погребение ориентировано на север. Наряду с этим погребением, внутри грота было зафиксировано еще шесть одновременных захоронений, что может свидетельствовать об использовании грота Ияи в качестве группового погребального комплекса [Kondo et al., 2018].

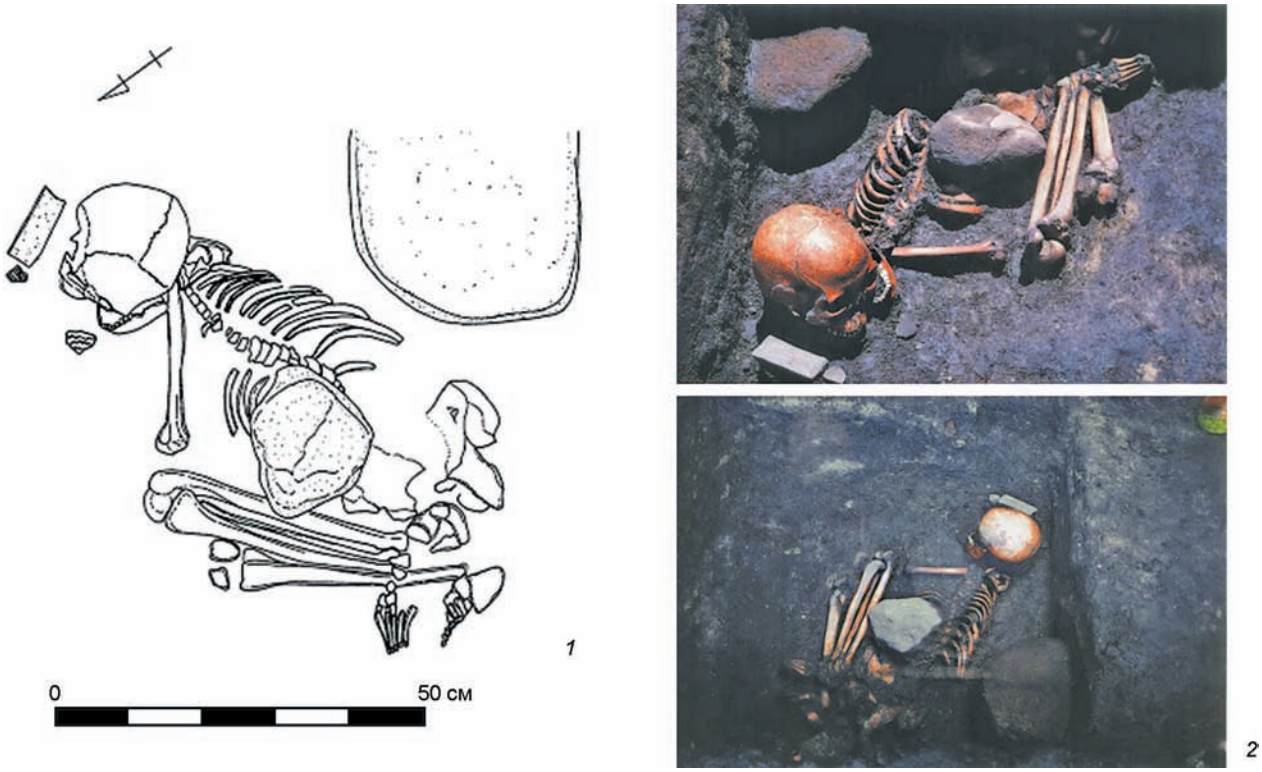

Рис. 3. Погребение из пещеры Югура. Японский архипелаг.
1 – прорисовка; *2* – фото (по: [Adachi et al., 2013]).

Пещера Югура расположена в д. Такаяма, преф. Нагано. Работы на памятнике велись с 1971 по 1995 г. Погребение раскопано в 1983 г. на участке С-3. Согласно морфологическим данным, кости принадлежали взрослой женщине, тело уложено в скорченном положении на правом боку, голова ориентирована на северо-восток. Рядом с черепом обнаружены фрагменты керамики типа *осигатамон*. Сверху на тело, между верхней правой рукой и левым бедром, положен крупный камень (20 × 17 см). У покойной были изъяты некоторые кости: большая часть правого предплечья, кисти рук, часть левых верхних конечностей и пальцы ног (рис. 3, *1*, *2*). Всего на памятнике были обнаружены фрагменты костей пяти индивидов – трое (две женщины и ребенок) отнесены к начальному дзё:мону, оставшиеся два (женщина и ребенок) датированы поздним периодом эпохи дзё:мон и началом культуры яёй [Adachi et al., 2013].

Таким образом, даже достаточно общий обзор наглядно показывает, что уже для самых ранних периодов дзё:мона прослеживается разнообразие и вариативность погребальных практик: первичный и вторичный характер захоронений, одиночные, парные и групповые погребения, манипуляции с частями скелета в процессе захоронения, скромный сопровождающий инвентарь подавляющего большинства погребений, маркировка погребений камнями, явный акцент на пещеры и гроты в качестве погребального пространства.

Примечательно, что все перечисленные признаки раннедзё:монских погребальных практик совпадают с данными, имеющимися для континентальной и островной частей Юго-Восточной Азии [Barker, Reynolds, Gilbertson, 2005], например, с т.н. комплексом донеолитических погребений в пещере Ниа (малазийская часть о. Борнео) [Harrisson, 1967; Lloyd-Smith, 2012], и с древнейшими погребальными комплексами на тихоокеанском побережье Южной Америки [Табарев, 2018; Табарев, Гаврилина, 2017].

Комплекс на памятнике Гончарка-1 из этого контекста выбивается – стоянка открытого типа, углистое пятно вместо останков погребенного, эффектный каменный инвентарь (кинжаловидные бифасы, тесла, фигурные изделия). Имеются ли аналогии этому комплексу, и есть ли основания для его «погребальной» интерпретации?

Приведем два очень показательных примера. Первый – стоянка изначального дзё:мона Микосиба (преф. Нагано), раскопки на которой велись в 1958–1959 и 1968 гг. В центральной части памятника на площади 6 × 3 м был зафиксирован комплекс с несколькими скоплениями тщательно изготовленных каменных артефактов (всего 87), в числе которых выделим 9 тесловидных инструментов

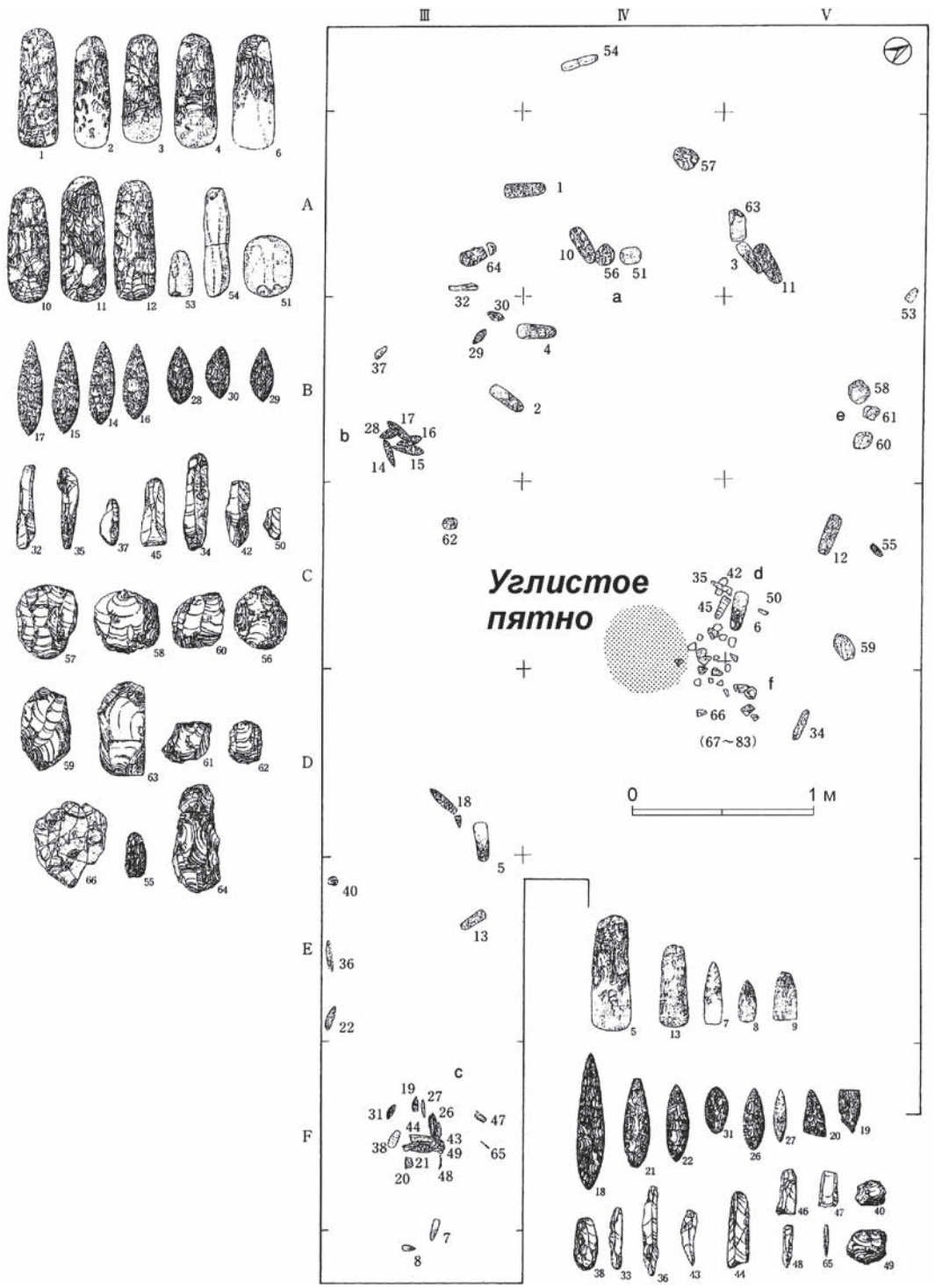

Рис. 4. Положение артефактов и углистого пятна на стоянке Микосиба (по: [Mikoshiba Site…, 2008]). Японский архипелаг.

с подшлифовкой, 18 бифасиальных наконечников (самый крупный 25 см длиной), два каменных изделия, подправленных пришлифовкой и пикетажем, скребки, нуклеусы, пластины с краевой ретушью. В центре этого комплекса в небольшом углублении было расчищено углистое пятно 70 × 60 см, которое позволило части исследователей интерпретировать комплекс как «погребально-ритуальный» [Mikoshiba Site…, 2008, p. 328] (рис. 4).

Другой аналогичный пример – памятник Слоан (штат Арканзас, США), который датируется временем 10,5–9,2 тыс. л.н., относится к позднему палеоиндейскому периоду и маркируется специфическим типом бифасиальных наконечников «Далтон».

В ходе раскопок памятника в 1974 г. было выделено 29 кластеров, идентифицируемых по углистым прослойкам с единичными фрагментами человеческих костей и скоплениям артефактов (всего 439), среди которых примечательны наконечники (146 экз. длиной от 8 до 19 см) и тесловидные орудия (42 экз.). Авторы раскопок интерпретируют кластеры как кремированные погребения (29–30 человек), а сам памятник Слоан как уникальный палеоиндейский могильник [Morse, 1997].

Нам представляется, что в свете данных аналогий комплекс на памятнике Гончарка-1 также может быть интерпретирован в качестве погребения, сопровождающего ритуальный комплекс, и иллюстрировать специфический тип захоронений, а сама проблема наиболее ранних погребений (и их разных типов) в Дальневосточном регионе требует дальнейшей тщательной разработки.

Благодарности

Авторы выражают признательность своим зарубежным коллегам доктору К. Гилламу (Университет Уинтроп, США), профессорам Й. Каномата (Университет Тохоку, Сендай), Я. Танигучи (Университет Кокугакуин, Токио) и Т. Цуцуми (Музей Дё:мона Асама, Нагано) за помощь с литературой и ценные консультации.

Список литературы

Дзё:мон ва ицу кара!? Ити ман го сэн-нэн маэ ни нани га окотта но ка (Когда началась эпоха дзё:мон? Что произошло 15 тысяч лет назад?). – Сакура: Кокурицу рэкиси миндзоку хакубуцукан, 2009. – 187 с. (на яп. яз.).

Кохара Ю., Сигэхара Н., Нисидзава Т., Фудзита С., Оотани Ё., Баба Х. Человеческие кости начального дзё:мона с памятника Тотибара (с. Китааики, уезд Минамисаку, преф. Нагано) – пересмотр данных о человеческих костях начально дзё:мона // Anthropol. Sci. (Japan. Series). – 2011. – Vol. 119, N 2. – P. 91–124 (на яп. яз.).

О:ита-кэн Фуцукайти до:кэцу: хаккуцу тё:са хо:коку-сё (Пещера Фуцукайти, преф. Оита: археологический отчет). – Оита: Беппу дайгаку фудзоку хакубуцукан, 1980. – 108 с. (на яп. яз.).

Табарев А.В. Вознаграждение вечностью: особенности погребальной практики в древних культурах тихоокеанского бассейна на рубеже эр // Вестн. РФФИ. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. – 2018. – № 2. – С. 37–47.

Табарев А.В., Гаврилина Т.А. Истоки погребальных традиций древних культур Тихоокеанского побережья Южной Америки // Теория и практика археологических исследований. – 2017. – № 1. – С. 167–180.

Шевкомуд И.Я., Яншина О.В. Начало неолита в Приамурье: Поселение Гончарка-1. – СПб.: МАЭ РАН, 2012. – 270 с.

Adachi N., Sawada Ju., Yoneda M., Kobayashi K., Itoh Sh. Mitochondrial DNA Analysis of the Human Skeleton of the Initial Jomon Phase Excavated at the Yugura Cave Site, Nagano, Japan // Anthropol. Sci. – 2013. – Vol. 121, N 2. – P. 137–143.

Barker G., Reynolds T., Gilbertson D. The Human Use of Caves in Peninsular and Island Southeast Asia // Asian Perspectives. – 2005. – Vol. 44, N 1 – P. 1–15.

Harrisson B. A Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak // Sarawak Museum J. – 1967. – Vol. 15. – P. 126–200.

Kondo O., Yoneda M., Taniguchi Y. A Female Human Skeleton from the Initial Jomon Period Found in the Iyai Rock Shelter in Mountainous Kanto, Japan // Anthropol. Sci. – 2018. – Vol. 126, N 3. – P. 151–164.

Mikoshiba Site. Excavation and Research at a Site Transitional from the Terminal Late Paleolithic to the Incipient Jomon Period / ed. Sh. Hayashi. – Nagano: Shinmae Shoseki Publ. Center, 2008. – 331 p.

Morse D.F. Sloan: A Paleoindian Dalton Cemetery in Arkansas. – Wash.; L.: Smithsonian Instit. Press, 1997. – 157 p.

Yoneda M., Hirota M., Uchida M., Tanaka A., Shibata Y., Morita M., Akazawa T. Radiocarbon and Stable Isotope Analyses on the Earliest Jomon Skeletons from the Tochibara Rockshelter, Nagano, Japan // Radiocarbon. – 2002. – Vol. 44. – P. 549–557.

References

Adachi N., Sawada Ju., Yoneda M., Kobayashi K., Itoh Sh. Mitochondrial DNA Analysis of the Human Skeleton of the Initial Jomon Phase Excavated at the Yugura Cave Site, Nagano, Japan. *Anthropol. Sci.*, 2013, vol. 121, No. 2, pp. 137–143.

Barker G., Reynolds T., Gilbertson D. The Human Use of Caves in Peninsular and Island Southeast Asia. *Asian Perspectives*, 2005, vol. 44, No. 1, pp. 1–15.

Harrisson B. A Classification of Stone Age Burials from Niah Great Cave, Sarawak. *Sarawak Museum J.*, 1967, vol. 15, pp. 126–200.

Jōmon wa itsu kara!? Ichi man go sen-nen mae ni nani ga okotta no ka (Beginning of the Jōmon Culture. What Took Place in 15,000 Years Ago?). Sakura: Kokuritsu rekishi minzoku hakubutsukan, 2009, 187 p. (in Japan.).

Kohara Yu., Shigehara N., Nishizawa T., Fujita Sa., Ootani E., Baba H. Tochibara iwakage iseki (Nagano-ken Minamisaku-gun Kitaaiki-mura) shutsudo no jōmon jidai sōki jinkotsu – jōmon jidai sōki jinkotsu no saikentō (Human Skeletal Remains from the Tochibara Rock-shelter Site (Earliest Jōmon, Nagano Pref., Central Japan), and Re-evaluation of the Characteristics of the Earliest Jōmon people). *Anthropol. Sci. (Japan. Series)*, 2011, vol. 119, No. 2, pp. 91–124 (in Japan.).

Kondo O., Yoneda M., Taniguchi Y. A Female Human Skeleton from the Initial Jomon Period Found in the Iyai

Rock Shelter in Mountainous Kanto, Japan. *Anthropol. Sci.*, 2018, vol. 126, No. 3, pp. 151–164.

Mikoshiba Site. Excavation and Research at a Site Transitional from the Terminal Late Paleolithic to the Incipient Jomon Period / ed. Sh. Hayashi. Nagano: Shinmae Shoseki Publ. Center, 2008, 331 p.

Morse D.F. Sloan: A Paleoindian Dalton Cemetery in Arkansas. Wash.; L.: Smithsonian Instit. Press, 1997, 157 p.

Ōita-ken Futsukaichi dōketsu hakkutsu chōsa hōkoku-sho (Oita Prefecture Futsukaichi Cave Excavation Report). Oita: Beppu daigaku fujoku hakubutsukan, 1980, 108 p. (in Japan.).

Shevkomud I.Ya., Yanshina O.V. Nachalo neolita v Priamur'e: Poselenie Goncharka-1. St. Petersburg: MAE RAS Publ., 2012, 270 p. URL: http://rockart-studies.ru/pdf/Shevkomud%20I.Ya.,%20Yanshina%20O.V.%20nachalo%20neolita%20v%20Priamure_2012.pdf (in Russ.).

Tabarev A.V. Voznagrazhdenie vechnost'yu: osobennosti pogrebal'noi praktiki v drevnikh kul'turakh tikhookeanskogo basseina na rubezhe er. *Vestnik of Russian Foundation for Basic Research. Series: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki.* 2018, No. 2, pp. 37–47. DOI: 10.22204/2587-8956-2018-091-02-34-47 (in Russ.).

Tabarev A.V., Gavrilina T.A. Istoki pogrebal'nykh traditsii drevnikh kul'tur Tikhookeanskogo poberezh'ya Yuzhnoi Ameriki. *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii*. 2017, No. 1, pp. 167–180. DOI: 10.14258/tpai(2017)1(17).-12 (in Russ.).

Yoneda M., Hirota M., Uchida M., Tanaka A., Shibata Y., Morita M., Akazawa T. Radiocarbon and Stable Isotope Analyses on the Earliest Jomon Skeletons from the Tochibara Rockshelter, Nagano, Japan. *Radiocarbon*, 2002, vol. 44, pp. 549–557.

Табарев А.В. https://orcid.org/0000-0002-6249-8057
Иванова Д.А. https://orcid.org/0000-0002-2873-6664

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.261-268
УДК 902/904

В.М. Харевич, А.А. Анойкин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mihalich84@mail.ru

Анализ состава каменной индустрии начальных этапов верхнего палеолита стоянки Ушбулак на основе экспериментального моделирования

В статье представлены результаты изучения процесса производства пластин в каменной индустрии слоев 6 и 7 верхнепалеолитической стоянки Ушбулак (Восточный Казахстан) на основе анализа продуктов отдельных этапов первичного расщепления. Согласно имеющимся датировкам (~ 45–36 тыс. л.н.) и индустриальному облику, археологический комплекс слоев 6, 7 относится к начальным этапам верхнего палеолита. Состав каменной индустрии позволил определить функциональное назначение стоянки как мастерской по производству пластин. В основу исследования был положен сравнительный анализ археологических и экспериментальных продуктов расщепления, полученных при моделировании технологии производства пластин в каменной индустрии слоев 6, 7. Применялись атрибутивный подход и методы непараметрической статистики (U-критерий Манна–Уитни и Хи-квадрат Пирсона). Анализ коллекции экспериментальных изделий позволил выявить сколы, маркирующие стадию оформления преформ нуклеусов из блоков сырья. Для этих сколов характерны крупные размеры, сохранение галечной или желвачной корки на дорсальной поверхности и зачастую отсутствие подготовленной ударной площадки. Сопоставление экспериментальной коллекции, отражающей полный цикл производства пластин, с археологической коллекцией демонстрирует значительные различия между ними. В то же время экспериментальная выборка, из которой были исключены сколы первичного оформления пренуклеусов, практически идентична коллекции отщепов из каменной индустрии слоев 6, 7 стоянки. Можно утверждать, что первичная подготовка пренуклеусов производилась за пределами вскрытого раскопами участка, видимо, непосредственно на выходах сырья, а подготовленные преформы приносились на территорию стоянки в уже готовом виде.

Ключевые слова: *Восточный Казахстан, начальный верхний палеолит, каменная индустрия, первичное расщепление, полный цикл расщепления, пренуклеус, методы непараметрической статистики.*

Vladimir M. Kharevich, Anton A. Anoikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: mihalich84@mail.ru

Analysis of the Composition of the Early Upper Paleolithic Stone Industry from the Ushbulak Site Based on Experimental Data

The article presents the results of studying production of blades in lithic industry of cultural layers 6 and 7 at the Upper Paleolithic Ushbulak site (East Kazakhstan). According to the radiocarbon dates (ca. 45–36 kyr BP) and artifacts' typological appearance, the complex of cultural layers 6 and 7 is associated with the initial stages of the Upper Paleolithic. The composition of stone industry has made it possible to establish the function of the site as a workshop for blade production. The study was based on a comparative analysis of archaeological artifacts and experimental flakes obtained from modeling the technology of blade production in the stone industry of cultural layers 6 and 7. The main research methods were attributive approach and nonparametric statistical methods (Mann–Whitney U-test and Pearson's Chi-square). Experimental products have been analyzed and removals revealing the stage of shaping core performs from the blocks of raw material have been identified. These removals are distinguished by large sizes, preservation of cortex on their dorsal surface, and often the lack of a specially prepared striking platform. Comparison of the experimental sampling reflecting the full cycle of blade production with the archaeological collection has shown a large number of

differences. However, when the spalls of primary preparation of cores were excluded from experimental sampling, it became almost identical to the collection of flakes from the stone industry of cultural layers 6 and 7. It can be argued that the initial precore preparation must have been carried out outside the excavation area, possibly directly at the outcrops of raw materials, and the prepared preforms were subsequently brought to the site.

Keywords: *East Kazakhstan, Initial Upper Paleolithic, stone industry, primary reduction, complete splitting cycle, precore, nonparametric statistical methods.*

Введение

Стоянка Ушбулак расположена в Восточном Казахстане на северо-востоке Шиликтинской долины. Памятник был открыт в результате разведочных работ российско-казахстанской экспедиции в 2016 г. [Шуньков и др., 2016]. По итогам раскопок 2016–2019 гг., проводившихся на нескольких участках, общая изученная площадь стоянки составила 40 м^2. В ходе исследовательских работ на памятнике было выделено три культурно-хронологических комплекса, два из которых относятся к разным этапам верхнего палеолита. Средняя пачка культуросодержащих отложений (слои 2–5.1) была отнесена к финальному верхнему палеолиту, нижняя пачка (слои 6, 7) – к начальным этапам верхнего палеолита, и именно с ней связан массовый и выразительный археологический материал [Shunkov et al., 2017; Анойкин и др., 2017, 2018]. Для этих отложений мощностью ~ 1,5 м было получено две радиоуглеродные даты: 42 100–39 364 кал. л.н. (AA-111921) и 45 249–44 012 кал. л.н. (NSKA-01811), определяющие возраст средней и нижней части слоя 6 [Анойкин и др., 2017, с. 25].

Первичное расщепление в каменной индустрии слоев 6, 7 характеризуется производством пластин в рамках субпараллельного объемного бипродольного расщепления. Большинство нуклеусов представлены двуплощадочными однофронтальными ядрищами встречного скалывания (2/3 от общего числа типологически выраженных нуклевидных форм). Одноплощадочные однофронтальные нуклеусы менее распространены и, видимо, представляют собой финальную стадию расщепления двуплощадочных форм. Торцовые нуклеусы единичны [Харевич и др., 2018, с. 7–8].

В орудийном наборе неформальные орудия (пластины и отщепы с ретушью) составляют около половины, при этом большая их часть имеет нерегулярную ретушь. Большинство типологически выраженных орудий составляют одинарные и двойные концевые скребки на пластинах. Много интенсивно ретушированных пластин, а также тронкированных и тронкированно-фасетированные изделий.

В значительном количестве есть выемчатые орудия с ретушированными анкошами. Резцы относительно редки, относятся к поперечным и угловым. Стоит отметить и наличие в коллекции ретушированных острий на пластинах и проколок. Скребла единичны и невыразительны. В единственном экземпляре представлено долотовидное орудие.

Важным элементом орудийного набора является серия изделий-маркеров, характерных для индустрий начального верхнего палеолита южной Сибири и Северной Монголии: пластина с перехватом, изделия с вентральной подтеской дистального края, скошенное острие, пластинка с притупленным краем, остроконечники и скребки с черешком или подтеской основания, нуклеусы-резцы, листовидный бифас [Анойкин и др., 2017, с. 24–25, Анойкин и др., 2018, с. 23; Шалагина и др., 2019].

В коллекции преобладают категории первичного расщепления и имеется относительно небольшая доля орудий. Это позволило предположить, что по функциональному назначению вскрытый участок представляет собой стоянку-мастерскую по производству пластин [Шуньков и др., 2016, с. 213].

При проведении полевых работ 2019 г. на стоянке Ушбулак была предпринята серия экспериментов по моделированию технологии производства пластин. Одной из целей экспериментального моделирования стала реконструкция различных вариантов подготовки преформ нуклеусов. В ходе экспериментов было опробовано три операционных цепочки подготовки пренуклеусов. Первая цепочка включала в себя оформление пренуклеусов на брусковидных отдельностях сырья. Вторая – на блоках с подготовкой одного инициального ребра. Третья цепочка включала активное использование приемов формообразования, под которым понимается придание желваку подпрямоугольной формы за счет создания нескольких, как правило двух-трех, ребер на латералях и плоскости будущего фронта. Судя по типологии остаточных форм нуклеусов и параметрам пластин, именно последняя цепочка наиболее активно использовалась в каменных индустриях слоев 6, 7 стоянки. Побочным продуктом подготовки преформ было большое число крупных первичных и вторичных сколов, практически отсутствующих в археологической коллекции.

В рамках данной работы был проведен анализ соотношения продуктов расщепления, получаемых на разных этапах производства пластин в ин-

дустрии слоев 6, 7 стоянки Ушбулак, на основе сравнения археологической и экспериментальной коллекций.

Материалы и методы

Сырьевая база индустрий слоев 6, 7 однообразна, ок. 95 % изделий выполнено из местных высококачественных силицитов (по классификации В.Т. Фролова 1992 г.), очень редко использовались окремненные алевролиты и туфы [Shunkov et al., 2019, p. 440]. Обилие крупных нуклеусов и сколов без следов обработки прямо указывает на отсутствие дефицита качественного сырья. На части артефактов сохранилась желвачная либо галечная корка, что первоначально рассматривалось как свидетельство использования древними обитателями стоянки нескольких источников сырья – слабоокатанного мелковалунника из руслового аллювия и блоков из скальных осыпей. Однако, как показали исследования сырья в русле р. Карагайлы, на одном и том же блоке горной породы могут встречаться участки как с желвачной, так и галечной поверхностью.

Сырьем для экспериментов послужили блоки силицитов найденные в русле р. Карагайлы и в осыпи в одном из ущелий, расположенных в 6 км к юго-востоку от стоянки. Для раскалывания отбирались разнообразные по форме блоки, размерами до 45 × 35 × 30 см. Именно разнообразие морфологии желваков диктовало необходимость интенсивной подготовки преформ ядрищ.

В рамках сравнительного анализа были изучены выборки экспериментальных и археологических продуктов расщепления. Экспериментальная коллекция составила 144 отщепа, представляющих собой побочные продукты производства пластин с трех нуклеусов. Их можно разделить на две группы. Первая, насчитывающая 68 экз., представлена сколами первичного оформления пренуклеусов. Это крупные отщепы, которыми производилось оформление ударных площадок, а также создание инициальных формообразующих ребер на латералях и поверхностях скалывания. Вторая группа (76 экз.) включает сколы подправки ударных площадок, сколы оформления вторичных ребер, неудачные снятия с фронта и другие сколы, получаемые в ходе производства пластин с уже подготовленных преформ.

Для сопоставления экспериментальных изделий с материалами археологической коллекции слоев 6, 7 была сделана соответствующая выборка. Поскольку одним из важных критериев, характеризующих сколы первичного оформления нуклеусов, является размер, то для анализа привлечены только целые отщепы. Также за рамками исследования остались мелкие отщепы (менее 3 см), т.к. они не характерны для стадии подготовки преформ. Всего полученная выборка насчитывают 415 экз. из слоя 6 и 461 экз. из слоя 7.

При сопоставлении экспериментальных и археологических сколов использовался атрибутивный подход. Основное внимание уделялось признакам, свидетельствующим о наличии на стоянке полного цикла расщепления, включающего подготовку пренуклеусов. К таковым принято относить: высокую долю кортикальных снятий, присутствие в коллекции крупных первичных и вторичных сколов, наличие желваков со следами апробации, а также выбракованных преформ [Technology…, 1999, p. 26–27; Grace, 2012, p. 12–15; Uthmeier, 2006, p. 185–186]. Соответственно, как основные атрибуты были использованы следующие признаки: площадь дорсальной поверхности, покрытой желвачной либо галечной коркой; характер подготовки ударной площадки; линейные размеры сколов.

По такому признаку, как площадь дорсальной поверхности, покрытой галечной коркой, отщепы экспериментальной и археологической коллекций были разделены на шесть групп. В первую группу вошли сколы без желвачной корки (площадь кортикальной поверхности 0 %), далее – от 0 до 25 %, 26–50 %, 51–75 %, 76–99 % и 100 % (полностью покрытые коркой). По способу подготовки ударной площадки сколы были разделены на отщепы с естественными и подготовленными площадками. Фиксация линейных размеров производилась исходя из наиболее протяженной оси изделия, вне зависимости от того, совпадает ли она с направлением снятия скола.

При сопоставлении значений этих параметров использовались методы статистического анализа – U-критерий Манна–Уитни и Хи квадрат Пирсона [Полякова, Шаброва, 2015, с. 89–95; Mann, Whitney, 1947].

Сравнительный анализ экспериментальной и археологической коллекции

Отщепы экспериментальной коллекции разделяются на две категории. К первой относятся сколы первичного оформления, служившие для подготовки пренуклеусов, а именно оформления двух противолежащих ударных площадок и инициальных ребер, которые создавались путем снятия крупных отщепов поперек длинной оси нуклеуса. Такие сколы обладают рядом особенностей (рис. 1). В основном это первичные и вторичные отщепы. Среди сколов первичного оформления доля сня-

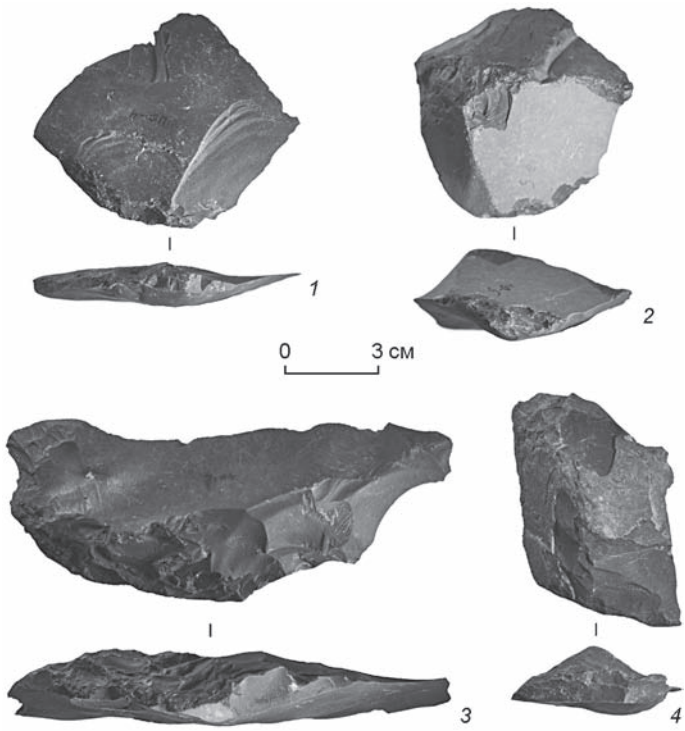

Рис. 1. Экспериментальная коллекция. Сколы первичного оформления нуклеусов.

тий, дорсальная поверхность которых полностью или частично покрыта естественной коркой, составляет 86,8 %. При этом также велик процент неподготовленных ударных площадок (до 44 %). Дистальные окончания подобных сколов перьевидные или петлевидные, профиль преимущественно прямой. Еще одной особенностью выступают, как правило, крупные размеры снятий, достигающие 135 × 91 × 38 мм.

Ко второй категории отнесены остальные отщепы, представляющие собой побочные снятия, получаемые в ходе скалывания пластин. Это различные сколы подправок, в т.ч. ударных площадок; сколы оформления вторичных латеральных ребер, необходимых для исправления ошибок расщепления и коррекции выпуклости фронта скалывания в плане и профиле; неудачные снятия с фронта. Морфология этих отщепов более разнообразна, чем у сколов первичного оформления. Доля снятий, сохраняющих желвачную корку на дорсальной поверхности, существенно ниже и составляет 30 %. Преобладающий тип ударных площадок – гладкие (46 %). Естественные площадки малочисленны – 7,9 %. Среди дистальных окончаний преобладают перьевидные и петлевидные, представленные примерно в равных долях. Профиль сколов преимущественно прямой.

На рис. 2 представлены ящичные диаграммы распределения размеров длинных осей отщепов в археологической и экспериментальной коллекциях. Как видно из диаграммы, отщепы экспериментальной коллекции (*A*) в целом крупнее, чем в слоях 6, 7 (*C* и *D*). Для сравнения данных выборок был применен статистический тест – U-критерий Манна–Уитни. Сопоставление отщепов по размерам длинных осей показывает, что разница между данными выборками существенна (при сравнении экспериментальной коллекции с материалами слоя 6 $p = 1{,}205 \times 10^{-7}$, слоя 7 – $p = 5{,}689 \times 10^{-5}$). Следовательно, отщепы из выборки, отражающей полный цикл получения

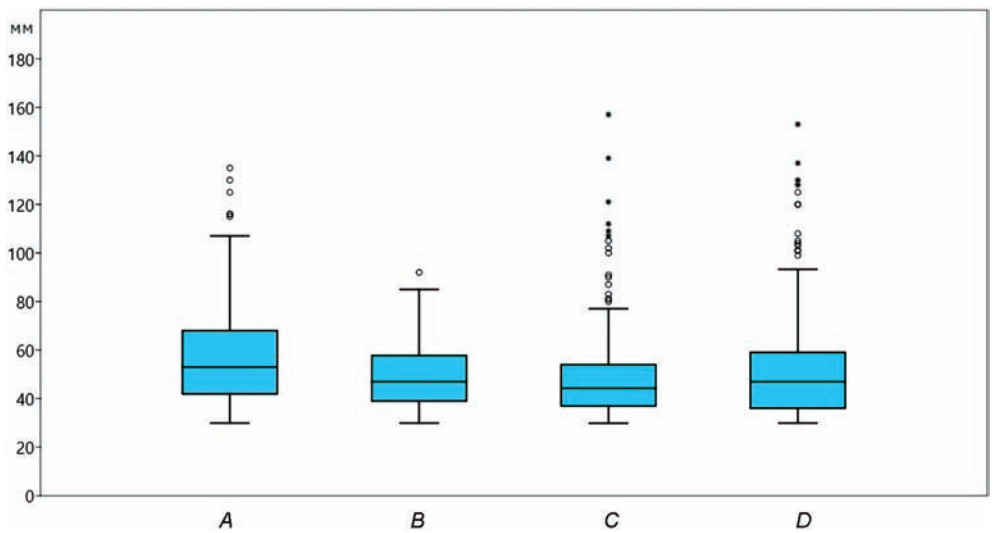

Рис. 2. Средние размеры протяженных осей отщепов археологической и экспериментальной коллекций.
A – все экспериментальные отщепы; *B* – экспериментальные отщепы без сколов первичного оформления нуклеусов; *C* – отщепы из слоя 6 стоянки Ушбулак; *D* – отщепы из слоя 7 стоянки Ушбулак.

пластин, действительно в среднем крупнее, чем из археологической коллекции.

Графа *B* отражает выборку экспериментальных отщепов, в которую не вошли сколы первичного оформления нуклеусов (рис. 2). Распределение значений длинных осей сколов в данной выборке существенно ближе к материалам слоев 6, 7. Значения U-критерия Манна–Уитни при сравнении экспериментальной выборки *B* с материалами слоев 6, 7 (*C* и *D*) указывают на то, что разницы по длинам сколов между данными выборками нет (при сравнении экспериментальной выборки с материалами слоя 6 p = 0,13471, слоя 7 – p = 0,65238). Таким образом, метрические параметры сравниваемых выборок указывают на отсутствие в археологической коллекции сколов первичного оформления нуклеусов.

Вместе с тем не вполне правомерно опираться только на размеры сколов, т.к. есть вероятность того, что при экспериментальном расщеплении брались более крупные желваки, с которых закономерно получались более крупные сколы оформления.

На рис. 3 представлено распределение в коллекциях отщепов с естественной коркой. В полной экспериментальной коллекции доля снятий без корки составляет 47 %, в то время как в слоях 6 и 7 их 78 и 77 % соответственно. В экспериментальной выборке без сколов первичного оформления соотношение существенно меняется, и доля снятий без корки увеличивается до 70 %. При сопоставлении такой выборки с материалами археологических коллекцией по Хи-квадрату Пирсона были получены значения p > 0,05 (при сравнении экспериментальной выборки с материалами слоя 6 p = 0,12014, слоя 7 – p = 0,16707), что указывает на отсутствие различий по составу между экспериментальной выборкой (без сколов первичного оформления) и археологической коллекцией. При этом доля отщепов, частично или полностью сохраняющих желвачную поверхность в экспериментальной коллекции, отра-

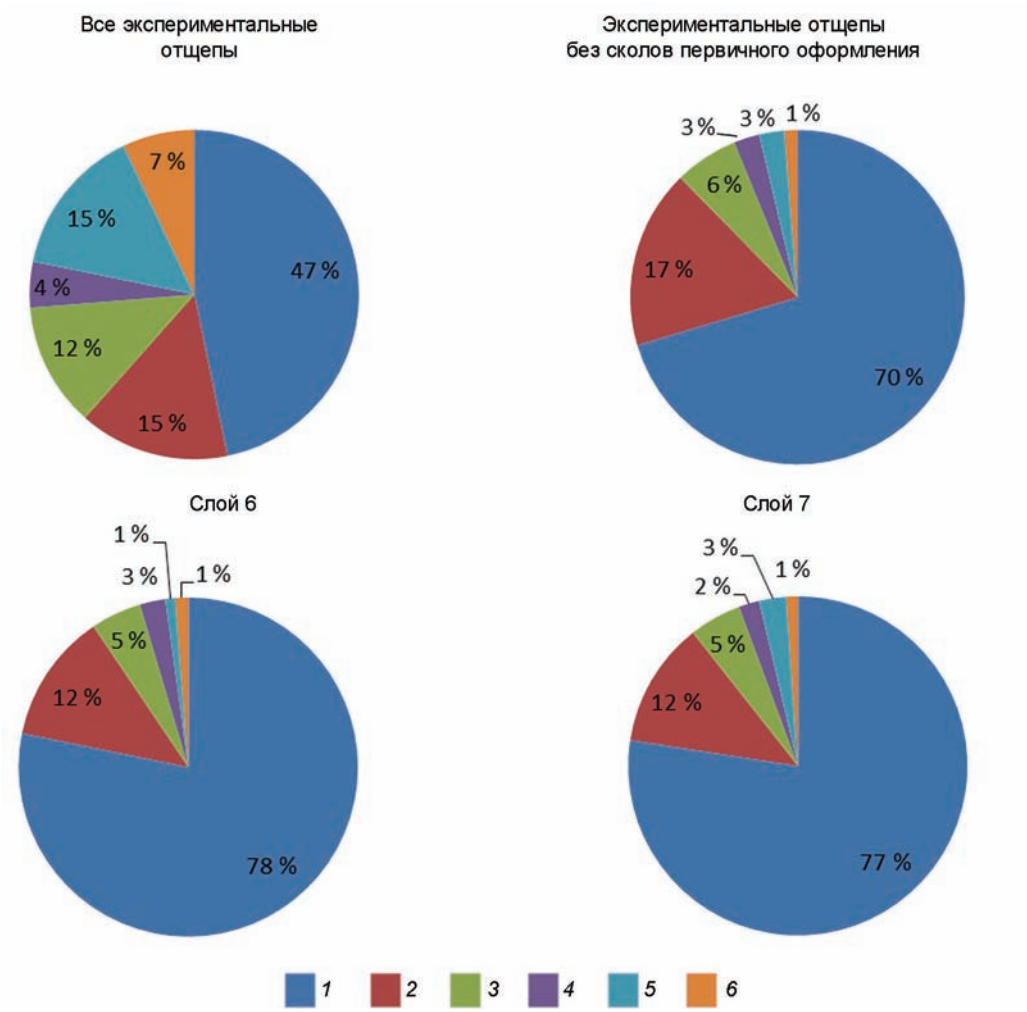

Рис. 3. Сколы с желвачной или галечной коркой на дорсальной поверхности в археологической и экспериментальной коллекциях.

Группы сколов с площадью желвачной корки: *1* – 0 %; *2* – 0–25 %; *3* – 26–50 %; *4* – 51–75 %; *5* – 76–99 %; *6* – 100 %.

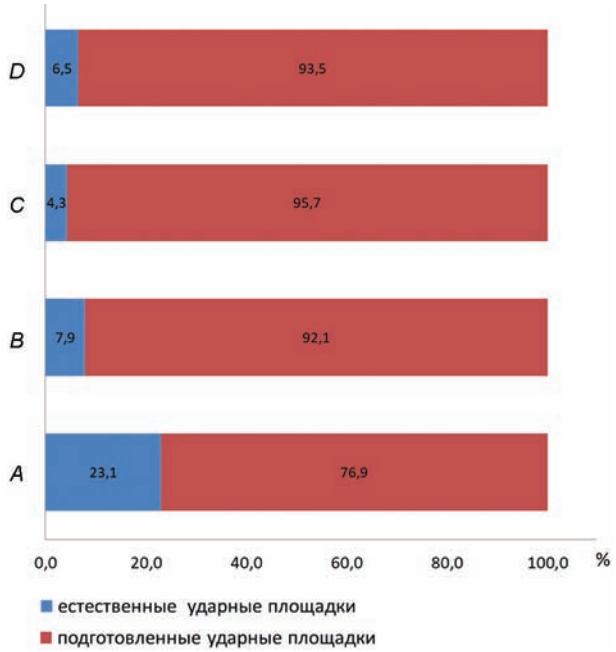

Рис. 4. Сколы с подготовленными и естественными ударными площадками в археологической и экспериментальной коллекциях.

A – все экспериментальные отщепы; *B* – экспериментальные отщепы без сколов первичного оформления нуклеусов; *C* – отщепы из слоя 6 стоянки Ушбулак; *D* – отщепы из слоя 7 стоянки Ушбулак.

жающей полный цикл подготовки и расщепления нуклеусов, значительно больше, чем в археологической (при сравнении по этим показателям экспериментальной коллекции с материалами слоя 6 $p = 2{,}8134 \times 10^{-13}$, слоя 7 – $p = 6{,}0696 \times 10^{-13}$).

Важным признаком, свидетельствующим об оформлении нуклеусов на стоянке, является доля вспомогательных сколов с естественными ударными площадками. В полной экспериментальной коллекции доля таких снятий составляет 23 %, в археологической коллекции – 4,3 % (слой 6) и 6,5 % (слой 7) (рис. 4). В экспериментальной выборке доля сколов с естественными площадками уменьшается до 7,9 %. Ее сравнение с материалами археологической коллекции слоев 6 и 7 по Хи-квадрату дает значение $p > 0{,}05$ (при сравнении экспериментальной выборки с материалами слоя 6 $p = 0{,}186$, слоя 7 – $p = 0{,}65414$), т.е. разница между ними отсутствует.

Дискуссия и выводы

Сравнение результатов экспериментов с материалами культурных слоев 6, 7 стоянки Ушбулак, показывает, что экспериментальная коллекция отщепов, отражающая весь цикл получения сколов-заготовок, существенно отличается от состава отщепов в археологической коллекции. Основными признаками, по которым выявляются отличия, являются размеры заготовок, доля сколов с естественными ударными площадками и число отщепов с сохранившейся на дорсальной поверхности естественной коркой. В то же время экспериментальная выборка, не содержащая сколы первичного оформления, т.е. не отражающая стадию подготовки пренуклеусов, по указанным параметрам идентична материалам из слоев 6, 7 Ушбулака.

Сопоставление измерений длинной оси отщепов экспериментальной выборки без сколов подготовки пренуклеусов с археологической коллекцией по U-критерию Манна–Уитни указывает на их сходство. Сравнение долей сколов с желвачной коркой и естественными ударными площадками по Хи-квадрату Пирсона также свидетельствует об идентичности неполной экспериментальной выборки и коллекции отщепов из археологических слоев. Следовательно, в археологических материалах отсутствуют снятия, относящиеся к этапу оформления пренуклеусов. Подготовка преформ, по всей видимости, производилась за пределами вскрытого раскопами участка или они приносились на стоянку уже в готовом виде.

Наиболее вероятно, что подготовка пренуклеусов происходила непосредственно на выходах сырья. Такой подход имеет ряд существенных преимуществ и является более рациональным. Прежде всего происходит снижение объема и веса транспортируемых изделий. Как показал эксперимент, при подготовке преформы размер изначального блока уменьшается примерно на треть. Кроме того, при предварительной подготовке убираются все потенциально «проблемные» участки – зоны трещин и включений. Таким образом, отсутствие статистически выраженных свидетельств подготовки пренуклеусов на изученном участке стоянки представляется закономерным.

Вопрос о конкретном расположении выходов сырья, используемых обитателями стоянки, пока еще не решен. Обнаруженные к настоящему времени источники удалены от памятника на 6–8 км. Скорее всего, выходы силицитов во время функционирования стоянки располагались в непосредственной близости, а сейчас они либо разрушены, либо скрыты чехлом рыхлых отложений. На раскопанной площади найдено лишь несколько выбракованных преформ и блоков со сколами апробации. Всех их отличает наличие дефектов сырья и небольшие размеры, не соответствующие размерности основной массы пластин. Сходные по параметрам отдельности сырья были найдены при вскрытии слоя 8, представляющего собой коллювиальный шлейф, на котором залегают культуросодержащие отложения слоя 7.

Подводя итог, можно реконструировать следующую стратегию утилизации каменного сырья

в индустриях слоев 6, 7 стоянки Ушбулак. Подготовка пренуклеусов производилась за пределами изученной площади памятника, скорее всего, непосредственно на выходах сырья, местонахождение которых в настоящий момент точно не установлено. Далее готовые преформы приносились на стоянку, где осуществлялось серийное производство пластин и связанные с ним подправка и/или переоформление нуклеусов. При этом небольшие блоки сырья могли подбираться непосредственно на памятнике или в ближайших окрестностях, однако доля такого материала в системе первичного расщепления незначительна. Обитатели стоянки предпочитали ему крупные отдельности более качественного сырья, пусть и из отдаленных источников.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда, проект № 19-18-00198 «Формирование культуры начального этапа верхнего палеолита восточной части Центральной Азии и Южной Сибири: полицентризм или перенос культурных традиций вдоль северного пути распространения *Homo sapiens* в Азии».

Список литературы

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Павленок Г.Д., Шалагина А.В., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Чеха А.М., Козликин М.Б., Искаков Г.Т., Васильев С.К., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2018 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 18–24.

Анойкин А.А., Таймагамбетов Ж.К., Ульянов В.А., Харевич В.М., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Чеха А.М., Искаков Г.Т., Васильев С.К. Исследование индустрий начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак-1 (Восточный Казахстан) в 2017 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 19–25.

Полякова В.В., Шаброва Н.В. Основы теории статистики: [учеб. пособие]. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 148 с.

Харевич В.М., Анойкин А.А., Шалагина А.В., Павленок Г.Д., Таймагамбетов Ж.К. Первичное расщепление в индустрии начальных этапов верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) // Изв. Иркут. гос. ун-та. – 2018. – Т. 23. – С. 3–23.

Шалагина А.В., Зоткина Л.В., Анойкин А.А., Кулик Н.А. Листовидные бифасы в комплексах начального верхнего палеолита Южной Сибири и севера Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. – 2019. – № 2 (26). – С. 47–60.

Шуньков М.В., Таймагамбетов Ж.К., Анойкин А.А., Павленок К.К., Харевич В.М., Козликин М.Б., Павленок Г.Д. Новая многослойная верхнепалеолитическая стоянка Ушбулак-1 в Восточном Казахстане // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 208–213.

Grace R. Chaîne Opératoire. – [s. l.]: Ikarus book, 2012. – 180 p. – URL: http://www.rogergrace.webmate.me/ikarusbooks/styled-3/chain.html (дата обращения: 29.09.2019).

Mann H.B., Whitney D.R. On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other // Annals of Mathematical Statistics. – 1947. – N 18. – P. 50–60.

Shunkov M.V., Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Zotkina L.V., Taimagambetov Z.K. Nouveau site Paléolithique supérieur ancient au nord de l'Asie Centrale // L'anthropologie. – 2019. – Vol. 123. – P. 438–451.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia // Antiquity. – December, 2017. – Vol. 91, iss. 360: Project Gallery. – P. 1–7.

Technology and Terminology of Knapped Stone / M.-L. Inizan, M. Reduron-Ballinger, H. Roche, J. Tixier. – Nanterre: C.R.E.P., 1999. – 191 p.

Uthmeier Th. Kabazi II, Unit II, Level 8C: Transformation of raw material at a Middle Paleolithic kill and butchering site in Crimea, Ukraine // Kabazi II: 70 kyr after the last Interglacial. – Simferopol: Shlyakh, 2006. – P. 169–195.

References

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Pavlenok G.D., Shalagina A.V., Bocharova E.N., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Ul'yanov V.A., Chekha A.M., Kozlikin M.B., Iskakov G.T., Vasilev S.K., Shunkov M.V. Studies of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak Site (Eastern Kazakhstan) in 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 18–24 (in Russ.).

Anoikin A.A., Taimagambetov Zh.K., Ulyanov V.A., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Markovskii G.I., Gladyshev S.A., Chekha A.M., Iskakov G.T., Vasilev S.K. Research of the Initial Upper Paleolithic Industry at the Ushbulak-1 Site (Eastern

Kazakhstan) in 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 19–25 (in Russ.).

Grace R. Chaîne Opératoire. [s. l.]: Ikarus book, 2012, 180 p. URL: http://www.rogergrace.webmate.me/ikarusbooks/styled-3/chain.html (Accessed: 29.09.2019).

Kharevich V.M., Anoikin A.A., Shalagina A.V., Pavlenok G.D., Taimagambetov Zh.K. Primary Reduction in the Stone Industry of the Initial Stages of Upper Paleolithic on the Ushbulak Site (Eastern Kazakhstan). *Izvestiya Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2018, vol. 23, pp. 3–23 (in Russ.).

Mann H.B., Whitney D.R. On a test of whether one of two random variables is stochastically larger than the other. *Annals of Mathematical Statistics*, 1947, No. 18, pp. 50–60.

Polyakova V.V., Shabrova N.V. Osnovy teorii statistiki. Yekaterinburg, 2015, 148 p. (in Russ.).

Shalagina A.V., Zotkina L.V., Anoikin A.A., Kulik N.A. Leaf-shaped bifaces in the Initial Upper Paleolithic of Southern Siberia and Central Asia. *Teoriya i praktika arheologicheskih issledovanij*, 2019, No. 2 (26), pp. 47–60 (in Russ.).

Shunkov M.V., Anoikin A.A., Pavlenok G.D., Kharevich V.M., Shalagina A.V., Zotkina L.V., Taimagambetov Z.K. Nouveau site Paléolithique supérieur ancient au nord de l'Asie Centrale. *L'anthropologie*, 2019, vol. 123, pp. 438–451.

Shunkov M., Anoikin A., Taimagambetov Z., Pavlenok K., Kharevich V., Kozlikin M., Pavlenok G. Ushbulak-1 site: new Initial Upper Paleolithic evidence from Central Asia. *Antiquity*, December, 2017, vol. 91, iss. 360: Project Gallery, pp. 1–7.

Shunkov M.V., Taimagambetov Zh.K., Anoikin A.A., Pavlenok K.K., Kharevich V.M., Kozlikin M.B., Pavlenok G.D. New Multistratified Upper Paleolithic Site Ushbulak-1 in Eastern Kazakhstan. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 208–213 (in Russ.).

Technology and Terminology of Knapped Stone / M.-L. Inizan, M. Reduron-Ballinger, H. Roche, J. Tixier. Nanterre: C.R.E.P., 1999, 191 p.

Uthmeier Th. Kabazi II, Unit II, Level 8C: Transformation of raw material at a Middle Paleolithic kill and butchering site in Crimea. In *Kabazi II: 70 kyr after the last Interglacial Ukraine*. Simferopol: Shlyakh, 2006, pp. 169–195.

Харевич В.М. https://orcid.org/0000-0003-2632-6888
Анойкин А.А. https://orcid.org/0000-0003-2383-2259

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.269-275
УДК 903.2

А.М. Хаценович[1], Е.П. Рыбин[1], Д. Базаргур[2], Д.В. Марченко[1, 3], Дж. Ге[4], И.Д. Долгушин[3], Т.А. Шевченко[1, 3], С.А. Когай[1, 5], Б. Гунчинсурэн[2], Дж.У. Олсен[1, 6]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии
Пекин, Китай
[5]Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
[6]Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Новая хронология и культурная атрибуция археологических комплексов памятника Мойлтын ам (Центральная Монголия)

Территория, занимаемая современной Монголией, являлась естественным перекрестком путей миграции древнего человека на восток и юг. И хотя предполагается, что восточная часть Центральной Азии была освоена еще в нижнем палеолите, достоверные свидетельства, снабженные серией радиоуглеродных дат, существуют для эпизодов ее заселения человеком в финальном среднем и верхнем палеолите. При этом заселение Центральной Монголии в среднем палеолите, зафиксированное в долине р. Орхон, также не имеет надежного хронометрического определения, и индустрии с леваллуазским компонентом имеют здесь и в Гобийском Алтае достаточно поздние даты, около 30 000 л.н. и моложе. С 2018 г. Российско-Монгольско-Американская экспедиция проводит геохронологическое исследование в долине Орхона, целью которого является надежное датирование и стратиграфическая позиция леваллуазских индустрий. Изучение памятника Мойлтын ам показало, что материал в литологических слоях был переотложен, и полученные даты подтверждают это. В результате раскопок 2019 г. была получена репрезентативная коллекция леваллуазских продуктов расщепления, произведенных в рамках однонаправленного и бипродольного конвергентных острийных методов, а также параллельного отщепового расщепления. Тем не менее индустрию, представленную в горизонтах 4, 5 и 6, нельзя отнести к среднему палеолиту. Она представляет собой начальный верхний палеолит с каменным производством, базирующимся на гальках из аллювия. Отсутствие находок, относящихся к среднему палеолиту, может быть объяснено редуцированными отложениями в стратиграфии вниз по склону, не включающими слой со среднепалеолитическим горизонтом.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Монголия, начальный верхний палеолит, леваллуа, Мойлтын ам, датирование.*

Arina M. Khatsenovich[1], Evgeny P. Rybin[1], Dashzeveg Bazargur[2], Daria V. Marchenko[1, 3], Junyi Ge[4], Ivan D. Dolgushin[3], Tatiana A. Shevchenko[1, 3], Sergei A. Kogai[1, 5], Byambaa Gunchinsuren[2], John W. Olsen[1, 6]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology MAS,
Ulaanbaatar, Mongolia

[3]*Novosibirsk State University,*
Novosibirsk, Russia
[4]*Institute of Vertebrate Paleontology and Paleoanthropology,*
Beijing, China
[5]*Irkutsk State University,*
Irkutsk, Russia
[6]*School of Anthropology of University of Arizona,*
Tucson, USA
E-mail: archeomongolia@gmail.com

New Chronology and Cultural Attribution of Archaeological Complexes at the Moiltyn Am Site in Central Mongolia

The territory of the present-day Mongolia was a natural crossroads for prehistoric human movements and geographical nexus of demographic expansions to the east and south from many points of origin. Although it has been suggested that the initial peopling of this region occurred still in the Early Paleolithic, only the Middle Paleolithic (MP) and later industries have been found there in reliable stratigraphic contexts. Peopling of Central Mongolia, which was attested at the sites in the Orkhon River valley, is associated only with unreliable dates, and the complexes with Levallois technology found in that area and in the Gobi Altai show relatively late dates of ca 30,000 BP and later. Since 2018, the Russian-Mongolian-American Expedition has been conducting geochronological research in the Orkhon valley, focused on establishing stratigraphic position and reliable dating of Levallois industries. Research has revealed significant post-depositional processes at the Moiltyn am site and new dates support that conclusion. The season of 2019 has resulted in gathering a representative collection of Levallois end-products produced following Levallois uni- and bidirectional convergent methods for points and Levallois parallel method for flakes. However, the industry from horizons 4, 5, and 6 cannot be attributed to the MP. This industry points to the Initial Upper Paleolithic with lithic production based on pebbles from the alluvium. The lack of finds associated with the MP can be explained by the reduced stratigraphic sequence down the slope, which did not contain the layer with the MP evidence.

Keywords: *Central Asia, Mongolia, Initial Upper Paleolithic, Levallois, Moiltyn am, dating.*

В 2019 г. совместной Российско-Монгольско-Американской археологической экспедицией было продолжено изучение памятника Мойлтын ам в Центральной Монголии. Он расположен на второй надпойменной террасе р. Орхон, в месте впадения пересохшей р. Тола. Памятник, открытый в 1949 г. академиком А.П. Окладниковым, подвергся значительным разрушениям за последние десятилетия в связи со строительством моста и разработкой небольшого карьера для нужд местного населения. Сохранилась полоса непотревоженных отложений памятника шириной ок. 2,5 м между дорогой и карьером (рис. 1, *1*). Стоянка изучалась в несколько этапов: 1960–1964 гг. – А.П. Окладниковым и В.Е. Ларичевым; 1985–1986 гг. – А.П. Деревянко и В.Т. Петриным; 1996–1997 гг. – французской экспедицией под руководством Ж. Жобера [Окладников, 1981; Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010; Jaubert et al., 2004]. Идентифицировать старые раскопы и прирезаться к ним не удалось. В 2018 г. нами был заложен шурф размером 2 × 1 м, отложения которого включали 6 литологических слоев, каждый из которых, по нашему предварительному определению, содержал отдельный археологический горизонт [Хаценович и др., 2018]. Горизонт 1 – современная почва – заключал в себе разновременные находки, оставленные в период почвообразования в голоцене, а также ранее экспонированные палеолитические артефакты. Горизонты 2–4 содержали леваллуазскую индустрию, в горизонтах 5 и 6 были сделаны только единичные находки.

Мойлтын ам был первым палеолитическим стратифицированным памятником, открытым в Монголии (всего их около десятка на данный момент, с различной степенью сохранности культурных слоев), и на основе культурно-хронологической последовательности, выявленной по его материалам, А.П. Окладниковым была построена первая периодизационная схема этапов палеолита в этой стране. Последующие раскопки ее уточнили и дополнили, но ряд важнейших исследовательских вопросов, поставленных в ходе изучения, остались без ответа. Прежде всего, не ясна степень влияния сохранности культурных слоев на последовательность и хронологию археологических комплексов. Присутствие леваллуазской индустрии в финальноплейстоценовом слое 2, а также ее нахождение в «среднепалеолитическом комплексе» вместе с пластинами, пластинками и верхнепалеолитическими типами орудий вызывает вопросы об инситности слоев и типологической атрибуции

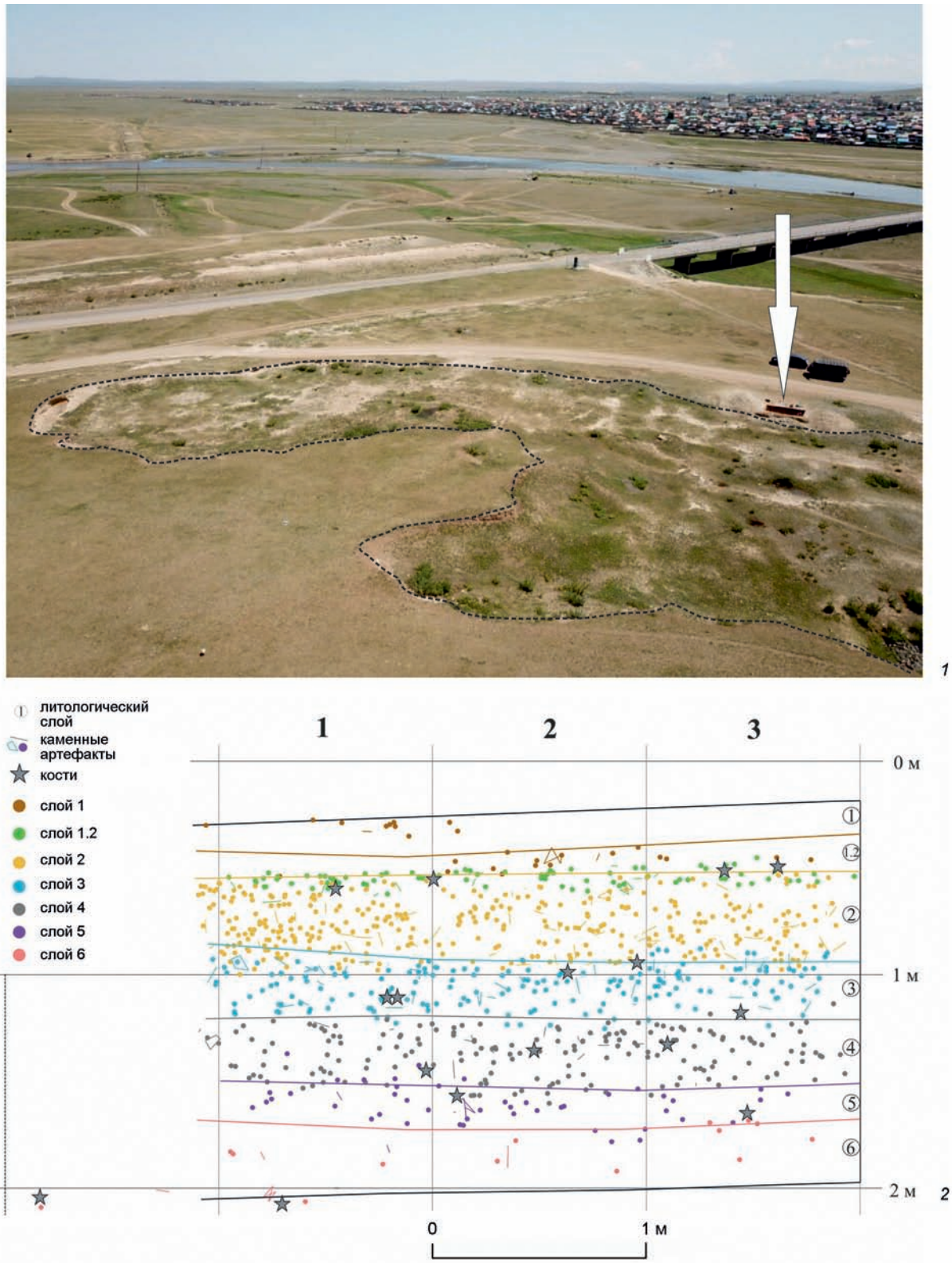

Рис. 1. Вид на памятник Мойлтын ам (*1*) и распределение находок в его слоях, западный профиль раскопа 2019 г. (*2*).

археологического материала. Во-вторых, отсутствие органического материала в слоях не позволяло определить представительную серию радиоуглеродных дат. Были получены хронометрические определения для слоя 2 (раскопки В.Т. Петрина) – 18 830 ± 290 л.н. (СОАН-8156) [Рыбин, Хаценович, Кандыба, 2016] и для слоя 4 (раскопки Ж. Жобера) – 20 240 ± 300 л.н. (Gif-10857) [Bertran et al.,

2003], которые свидетельствуют о нарушении сохранности слоев.

По итогам работ 2018 г. была получена радиоуглеродная дата для слоя 2, а также серия дат, установленных с помощью оптически стимулируемого люминесцентного датирования (ОСЛ), для всей последовательности слоев. Вместе с результатами анализа каменной индустрии это вызвало еще больше вопросов, поскольку возрастные определения не соответствовали результатам технико-типологического изучения комплексов.

В 2019 г. нами был заложен раскоп 3 × 2 м, северная стенка которого соединялась с шурфом 2018 г. Раскопки проводились с использованием тахеометра Leica TS 302 для фиксации находок, планиграфических структур, поверхностей литологических слоев и т.д. Методика раскопок подразумевает снятие координат индивидуальных находок и костей длиной свыше 2 см, уровня отбора грунта для каждого ведра, с последующим его сухим просевом через сита с размером ячеи 4 меш. Вместе с каждой костью отбирались образцы грунта на анализ стабильных изотопов. Стратиграфическая ситуация соответствует описанной нами ранее [Хаценович и др., 2018], в ходе раскопок были выявлены многочисленные нарушения целостности слоев в результате антропогенной деятельности и биотурбаций (рис. 2). У южной стенки, в слоях 1.2 и 2 была выявлена яма неизвестного назначения, а в ней – бронзовый двухлопастной втульчатый наконечник скифского типа (длина 2,2 см) (рис. 3, *1*).

Большая часть артефактов находится во взвешенном состоянии (см. рис. 1, *2*). Стерильных прослоек между культурными горизонтами не наблюдается. В целом, в северной части раскопа концентрация культурных остатков выше, чем в южной. Находки костей чаще всего приурочены к уровням залегания крупных глыб. По всей площади раскопа (за исключением северо-восточного угла) распространены кротовины. Горизонт 1 представлен единичными находками, залегавшими в дерновом слое. Под несколькими блоками породы залегает прослойка 1.2, плотная глинистая линза мощностью ок. 0,1 м, артефакты в ней преимущественно небольших размеров, присутствуют вертикально стоящие находки. С этой прослойкой связаны фаунистические остатки. Горизонт 2 является самым мощным (до 0,4 м) и насыщенным культурным материалом. Верхняя его часть наиболее подвержена биотурбации (см. рис. 2). Горизонты 2 и 3 характеризуются схожей ориентацией удлиненных артефактов (север–юг). Границу между этими горизонтами маркируют несколько глыб, на одном уровне с которыми была обнаружена кость крупного быка. Помимо каменных изделий в горизонте 3 (мощность ок. 0,25 м) также присутствуют фаунистические остатки. В горизонте 4 преобладает восточная ориентация удлиненных артефактов. Большая часть находок сосредоточена в верхней части горизонта, нижняя его часть характеризуется более низкой концентрацией артефактов в сочетании с крупными глыбами породы. В этой части горизонта встречена одна кость. В горизонтах 5 и 6 небольшое количество находок. В горизонте 5 встречено два фрагмента костей. Горизонт 6 был разобран вплоть до глыбовника, над верхней границей которого залегали две кости.

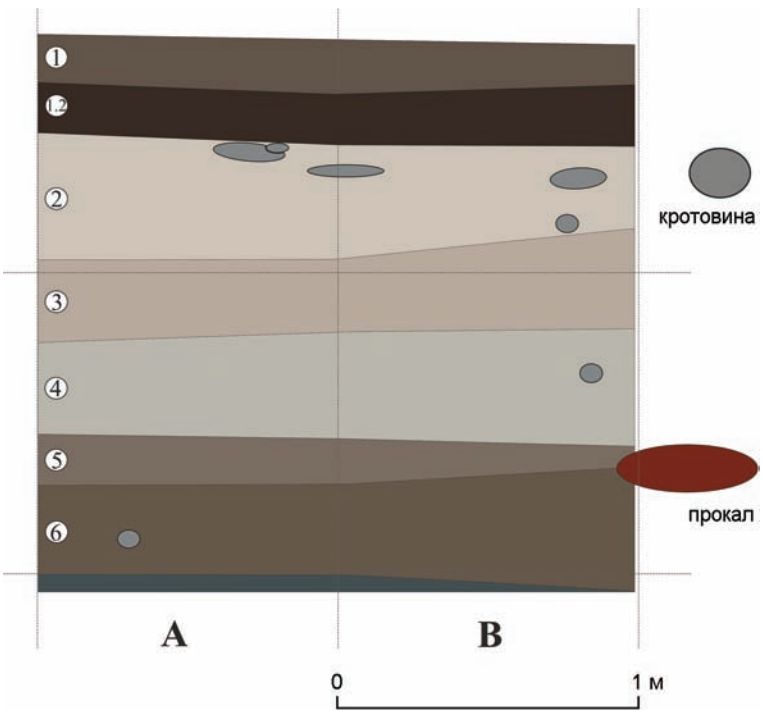

Рис. 2. Биотурбации в стратиграфическом профиле южной стенки раскопа 2019 г.

Всего коллекция индивидуальных находок насчитывает 973 каменных артефакта.

Коллекция находок нижнего горизонта 6 малочисленна и насчитывает 18 предметов, среди которых – преформа плоскостного нуклеуса на вытянутой гальке с оформленным ребром и медиальный фрагмент ретушированной пластины (рис. 3, *2*). Горизонт 5 включал 47 находок, представляющих собой преимущественно отщеповую индустрию. Среди предметов с вторичной обработкой выделяются зубчато-выемчатое орудие на леваллуазском отщепе и ретушированный отщеп (рис. 3, *3*).

Рис. 3. Находки 2019 г. из археологических горизонтов памятника Мойлтын ам.

1 – бронзовый наконечник двухлопастной втульчатый скифского типа (гор. 1); *2* – ретушированная пластина (гор. 6); *3* – ретушированная пластина (гор. 5); *4* – комбинированное орудие для грубой обработки; *5* – ретушированный леваллуазский отщеп; *6* – концевой скребок; *7* – леваллуазское атипичное острие (гор. 4); *8* – леваллуазский отщеп; *9* – леваллуазское ретушированное острие (гор. 3); *10* – леваллуазское атипичное острие; *11* – леваллуазское ретушированное острие; *12* – концевой скребок с носиком; *13* – леваллуазский отщеп; *14* – ретушированная полуреберчатая пластина (гор. 2).

Горизонт 4 содержал достаточно представительную коллекцию – 196 экз. Технические сколы свидетельствуют об оформлении ребер у нуклеусов и вместе со следами подправки на остаточных ударных площадках сколов об интенсивной подготовке приплощадочной зоны расщепления. Нуклеусы плоскостные, для отщепов, в т.ч. удлиненных. Присутствует единственный экземпляр торцового нуклеуса, с которого мелкопластинчатые заготовки со средним показателем ширины 5–7 мм производились в бипродольной системе. В индустрии сколов преобладают отщепы, при этом пластины занимают в ней 18 %. Наиболее яркой чертой является наличие здесь продуктов леваллуазского острийного однонаправленного расщепления (метод 4, согласно выделенным для территории Монголии методам леваллуазского расщепления [Rybin, Khatsenovich, 2018], рис. 3, *5, 7*). Основным сколом-заготовкой для орудий являлись пластины, на них оформлены концевой скребок, шиповидное изделие, комбинированное орудие для грубой обработки, ретушированные сколы, присутствует леваллуазское атипичное ретушированное острие (рис. 3, *4, 6*).

Коллекция горизонта 3 насчитывает 210 экз. каменных артефактов, процент пластин близок к показателю горизонта 4. Технические снятия свидетельствуют о применении таких технологических приемов, как подготовка и снятие ребра пластинчатыми сколами, поддержание выпуклости фронта. Техника скола характеризуется интенсивной подправкой приплощадочной зоны расщепления методом обратной редукции и снятием карниза. Орудийный набор невыразителен и характеризуется преимущественно ретушированными пластинами и отщепами (рис. 3, *8, 9*).

Наиболее яркий и в то же время порождающий множество вопросов археологический комплекс включал в себя горизонт 2. Коллекция содержит наиболее выразительный леваллуазский компонент, свидетельствующий о применении трех методов – острийного однонаправленного и бипродольного конвергентных методов и отщепового параллельного метода. Специфической особенностью является использование в леваллуазском расщеплении на Мойлтын ам технических приемов, характерных для производства крупных пластин начального верхнего палеолита Северной Монголии. При этом технические возможности при редукции леваллуазских нуклеусов были ограничены размерами исходного сырья – сильно окатанных галек из Орхона. Это ставило человека перед необходимостью миниатюризации целевых сколов-заготовок. Так, здесь было найдено леваллуазское острие длиной всего 32 мм (рис. 3, *11*). Орудийный набор в целом более вариативен, чем представленные в нижележащих горизонтах, и включает такие типы, как ретушированные леваллуазские острия, скребла, концевые скребки, ретушированные пластины и отщепы (рис. 3, *10, 12–14*).

Коллекции горизонтов 1.2 и 1 малочисленны, природа их формирования вызывает вопросы, и, скорее всего, они представляют собой разновременный материал конца плейстоцена – голоцена.

Все горизонты памятника Мойлтын ам имеют свою специфику погребения материала. Проведенное ОСЛ-датирование показало, что осадконакопление началось здесь несколько позднее, чем ранее предполагаемый возраст оставления культурных остатков нижних горизонтов, а именно после 40 000 л.н. Слои 6, 5 и 4 указывают на достаточно быстрое и, скорее всего, одномоментное погребение, слои различаются скорее по сортировке материала. Горизонт 3 отделен от ниже- и вышележащих горизонтов значительными перерывами в осадконакоплении. Осадконакопление слоя 2 относится ко времени после последнего ледникового максимума, но в то же время археологический материал, содержащийся в нем, включая леваллуазскую индустрию, типологически выглядит значительно старше. Вероятно, здесь имело место сползание слоя с этим комплексом и последующая денудация отложений. В последствие материал снова был погребен, причем отложения слоя 2 говорят о том, что это был очень холодный и сухой период. Неоднократное переотложение подтверждается двумя фактами. Во-первых, артефакты покрыты и патиной, и карбонатной коркой с обеих сторон. Как правило, в Монголии, когда артефакт остается на поверхности, сверху он патинизируется, а снизу образуется карбонатная корка. Ситуация с горизонтом 2 указывает, что артефакты неоднократно меняли свое положение. Во-вторых, нами была получена дата по кости, найденной в этом горизонте в шурфе 2018 г. – 32 460 ± 620 л.н. (AA112827, 36 400–33 250 кал. л.н.; кривая IntCal13, программа OxCal). Пробоподготовка образца с применением ультрафильтрации и датирование осуществлялись в АМС-лаборатории Университета Аризоны, Тусон, США. Калиброванная радиоуглеродная дата из горизонта 2 близка ОСЛ-датам, полученным для слоев 4, 5 и 6, и, хотя по единственной дате невозможно связать время существования индустрии горизонта 2 с представленной в горизонтах 4–6, косвенно это подтверждает наше предположение. Дополнительное ОСЛ-датирование и представительная серия радиоуглеродных дат позволят решить этот вопрос.

Также под вопросом остается инситность материала в слоях 4–6. Согласно ОСЛ-датированию, они синхронны, что может говорить об одномо-

ментном перемещении материала в результате геологических процессов. В 2019 г. при отборе ОСЛ-образцов было обнаружено кострище, уходящее в продольный разрез восточной стенки раскопа. Оно стоит вертикально в слое, в нем обнаружены три артефакта и маленький фрагмент обгоревшей кости. Определение возраста угля из него может дать по крайней мере один уверенно датированный эпизод заселения. В этом же горизонте была найдена целая бусина из скорлупы страуса.

Таким образом, предварительно можно заключить, что материалы памятника Мойлтын ам являются переотложенными в большей (горизонт 2) или меньшей (горизонты 4–6) степени. На нашем участке памятника комплекс среднего палеолита не выявлен. Представленную в горизонтах 4–6 индустрию можно рассматривать как начальный верхний палеолит на базе галечного сырья, что подтверждается специфической техникой скола. Возможно, материал горизонта 2 также является частью этого комплекса. Все предварительные выводы еще нуждаются в верификации.

Благодарности

Полевые исследования выполнены за счет гранта РНФ (проект № 19-18-00198), аналитическая часть за счет гранта РФФИ (проект № 19-59-44010), радиоуглеродное и ОСЛ-датирование – Дже Цонкапа Эндаумент, Университет Аризоны, г. Тусон.

Список литературы

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Мойлтын ам. – Новосибирск: Наука, 1981. – 460 с.

Рыбин Е.П., Хаценович А.М., Кандыба А.В. Палеолитическое заселение Монголии: по данным абсолютной хронологии // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2016. – № 2. – С. 245–254.

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Олсен Д.В., Гунчинсурэн Б., Базаргур Д., Марченко Д.В., Когай С.А., Кравцова Н.С., Шелепаев Р.А., Шелепов Я.Ю., Шевченко Т.А. Новый цикл исследований на памятнике Мойлтын ам в Центральной Монголии // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 169–173.

Bertran P., Fontugne M., Jaubert J. Permafrost aggradation followed by brutal degradation during the upper Pleniglacial in Mongolia: the probable response to the H2 Heinrich event at 21 kyr BP // Permafrost Periglac. Process. – 2003. – N 14. – P. 1–9.

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiïn Gol). Analogies avec les données de l'Altaï et de Sibérie // Acts of the XIVth UISPP Congress, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. – Oxford: Archaeopress, 2004. – P. 225–241.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia // Quaternary Intern. – 2018. – In press.

References

Bertran P., Fontugne M., Jaubert J. Permafrost aggradation followed by brutal degradation during the upper Pleniglacial in Mongolia: the probable response to the H2 Heinrich event at 21 kyr BP. *Permafrost Periglac. Process*, 2003, No. 14, pp. 1–9.

Derevyanko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolithic of Orkhon. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 384 p. (in Russ.).

Jaubert J., Bertran P., Fontugne M., Jarry M., Lacombe S., Leroyer C., Marmet E., Taborin Y., Tsogtbaatar B., Brugal J.P., Desclaux M., Poplin F., Rodière J., Servelle C. Le Paléolithique supérieur ancien de Mongolie: Dörölj 1 (Egiïn Gol). Analogies avec les données de l'Altaï et de Sibérie. In *Acts of the XIVth UISPP Congress*, University of Liège, Belgium, 2–8 September 2001. Section 6: Le Paléolithique Supérieur. Oxford: Archaeopress, 2004, pp. 225–241.

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Olsen J.W., Gunchinsuren B., Bazargur D., Marchenko D.V., Kogai S.A., Kravtsova A.S., Shelepaev R.A., Shelepov Ya.Yu., Shevchenko T.A. New Research at the Moiltyn-am Site in Central Mongolia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 169–173 (in Russ.).

Okladnikov A.P. Paleolit Tsentral'noi Azii. Moyltyn am. Novosibirsk: Nauka, 1981, 460 p. (in Russ.).

Rybin E.P., Khatsenovich A.M. Middle and Upper Paleolithic Levallois technology in eastern Central Asia. *Quaternary International*, 2018, in press.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Kandyba A.V. Pleistocene Settling of Mongolia: according to the Data of Absolute Chronology. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, No. 2, pp. 245–254 (in Russ.).

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Олсен Дж.У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.276-281
УДК 903.2

А.М. Хаценович[1], Е.П. Рыбин[1], Д. Базаргур[2], Д.В. Марченко[1, 3], Дж. Ге[4], А.М. Клементьев[1, 5], С.А. Когай[1, 6], И.Д. Долгушин[3], Т.А. Шевченко[1, 3], Б. Гунчинсурэн[2], Дж.У. Олсен[1, 7]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Институт палеонтологии позвоночных и палеоантропологии
Пекин, Китай
[5]Институт земной коры СО РАН
Иркутск, Россия
[6]Иркутский государственный университет
Иркутск, Россия
[7]Школа антропологии Университета Аризоны
Тусон, США
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Геохронологическая и археологическая летописи памятника Орхон-7: к постановке вопроса

Изучение первоначального заселения территории современной Монголии сопряжено с рядом проблем. Во-первых, стратифицированных памятников со среднепалеолитическими комплексами насчитывается всего четыре. Во-вторых, существуют трудности с надежной хронологической привязкой этих комплексов. Остаются невыясненными палеоклиматические условия расселения или перемещения человека в этих регионах. Стратиграфия памятника Орхон-7 представляет собой наиболее полную геохронологическую, палеоклиматическую и археологическую летописи в Монголии. Сохранность литологических слоев, а также свидетельства их формирования в различных климатических обстановках, геологически зафиксированные криогенные нарушения, палеопочва, слои гравия – все это позволяет реконструировать динамику климата в МИС 3 и МИС 2. Зафиксированные в 2019 г. культурные горизонты совпадают с теми, что были выявлены ранее, это позволит рассмотреть ассамбляжи в контексте новых хронологических и палеоклиматических определений. Долина р. Орхон в районе г. Хархорин находится на пересечении нескольких климатических зон, которые могли оказывать влияние на господствующие условия, и корреляция полученных данных с уже известными климатическими реконструкциями, проведенными для различных участков гор Хангая, позволит это определить. Выбранные для изучения природных условий существования человека позднего плейстоцена методы дополняют друг друга и в результате позволяют получить максимально детальную хроноклиматическую шкалу. На основании изучения памятника Орхон-7 предварительно определены периоды гумидности и аридности климатических условий и основные палеогеографические характеристики накопления отдельных слоев.

Ключевые слова: *Монголия, средний палеолит, палеоклимат, культуросодержащий горизонт, индустрия.*

Arina M. Khatsenovich[1], Evgeny P. Rybin[1], Dashzeveg Bazargur[2], Daria V. Marchenko[1, 3], Junyi Ge[4], Alexei M. Klementiev[1, 5], Sergei A. Kogai[1, 6], Ivan D. Dolgushin[3], Tatiana A. Shevchenko[1, 3], Byambaa Gunchinsuren[2], John W. Olsen[1, 7]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia

[2]*Institute of Archaeology MAS,*
Ulaanbaatar, Mongolia
[3]*Novosibirsk State University,*
Novosibirsk, Russia
[4]*Institute of Vertebrate Paleontology and Paleoanthropology,*
Beijing, China
[5]*Institute of the Earth's Crust SB RAS,*
Irkutsk, Russia
[6]*Irkutsk State University,*
Irkutsk, Russia
[7]*School of Anthropology of University of Arizona,*
Tucson, USA
E-mail: archeomongolia@gmail.com

Geochronological and Archaeological Records of the Orkhon-7 site: Research Problems

The study of the earliest peopling of Mongolia is associated with a number of problems. There are only four stratified sites with the Miiddle Paleolithic complexes, and their reliable chronological attribution is problematic. Paleoclimatic conditions for human expansion or movement in this region have not yet been established. The stratigraphy of the Orkhon-7 site reveals the most complete geochronological, paleoclimatic, and archaeological records in Mongolia. Preservation of lithological layers, evidence of their formation under various climatic conditions, geologically confirmed cryogenic disturbances, paleosol, and gravel layers provide sufficient data for reconstructing climate dynamics in the MIS 3 and MIS 2. Cultural horizons explored in the field season of 2019 corresponded to the sequence revealed by previous research, which makes it possible to view these assemblages in the context of new chronological and paleoclimatic records. The Orkhon valley near the present-day town of Kharkhorin is located at the crossroads of several climatic zones which could have made a significant impact on the environment. The correlation of the data obtained with the known climatic reconstructions for the Khangai Mountains, using complimentary research methods for studying the paleoenvironment of the human existence in the Late Pleistocene, will result in detailed chronoclimatic sequence. The periods of humidity and aridity, as well as main paleogeographic features of accumulation of individual layers at the Orkhon-7 site have been tentatively identified.

Keywords: *Mongolia, Middle Paleolithic, paleoclimate, cultural horizon, industry.*

Занимающая восточную часть Центральной Азии Монголия относится к самым восточным регионам распространения среднепалеолитического технокомплекса в типичных для западной части Евразии формопроявлениях. Расположенная в центре Евразии, территория этой страны находится на стыке ландшафтных зон горного пояса Южной Сибири и аридных плоскогорий и хребтов Монгольского и Гобийского Алтая. Потенциальные транзитные зоны для передвижений человеческих популяций проходят как в широтном направлении, между системами Хангая и Хэнтэя на севере и Гобийского и Монгольского Алтая на юге, так и в меридиональном направлении, от Ордоса в Северном Китае через проходы в гобийских хребтах и Долину Озер на северном краю Гоби по благоприятному для обитания бассейну р. Селенги в направлении системы межгорных котловин Южной Сибири. На протяжении этих естественных коридоров было достаточное количество каменного сырья хорошего качества, были доступны фаунистические ресурсы и водные источники. Мы рассматриваем восточную часть Центральной Азии как потенциально исключительно важный регион для понимания процессов расселения и возможного взаимодействия различных популяций гоминин.

В последовательности палеолита Монголии читается несколько периодов разрыва в развитии культурных традиций, а также такой смены эпох, между которыми возможно проследить культурную (и, возможно, генетическую) преемственность населения [Rybin et al., 2016]. К наиболее дискуссионным проблемам относится определение характера смены индустрий среднепалеолитического технокомплекса верхнепалеолитическими, а именно было ли это результатом локального развития или же здесь отмечается полное замещение среднего палеолита экзогенными ассамбляжами начального верхнего палеолита. В то время как точка зрения о полном замещении среднепалеолитических традиций воспринимается как более очевидная в силу кардинально различных технологических дефиниций среднего и верхнего палеолита, существуют все

же несколько технологических методов расщепления, которые могут быть прослежены как в среднем палеолите, так и в начале верхнего палеолита. К таковым относится, в первую очередь, леваллуазское расщепление, существующее в Монголии, судя по данным абсолютного датирования вплоть до конца МИС 3. Вместе с тем, в т.ч. и по причине отсутствия описания вариабельности леваллуазских методов в палеолите Монголии и недостаточной хроностратиграфической резолюции каменных ассамбляжей рубежа среднего и верхнего палеолита, реконструкция модели смены эпох в восточной части Центральной Азии пока затруднительна. Текущее исследование, в рамках которого выполнены работы в долине р. Орхон, направлено на выявление основных вариаций леваллуазских методов в ассамбляжах Монголии; определение хронологии и культурной стратиграфии индустрий, содержащих явные свидетельства леваллуазского расщепления; реконструкцию палеоклиматической летописи.

Для памятника Орхон-7 была выявлена культурная последовательность от среднего к раннему верхнему палеолиту [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010]. Первичное расщепление с доминирующим простым параллельным, радиальным, ситуационным расщеплением и орудийный набор, представленный ретушированными сколами, аморфными скреблами, зубчато-выемчатыми орудиями и единичными ситуационно-ретушированными сколами, определенными как скребки, скорее, может соответствовать представлениям о среднепалеолитическом характере этих ассамбляжей, хотя их облик не обладает специфическими чертами. Подстилаются эти комплексы весьма близкими к ним ассамбляжами, отнесенными к отщеповому среднему палеолиту, залегающему в пойменных аллювиальных седиментах [Там же]. Они характеризуются доминированием нелеваллуазского простого параллельного расщепления, а также ситуационным раскалыванием, когда негатив предыдущего снятия отщепа служил ударной площадкой для последующего.

В 2019 г. было принято решение зачистить 2 м северной стенки раскопа 3 для отбора образцов для датирования методом оптически стимулируемой люминесценции (ОСЛ), палинологии и анализа стабильных изотопов грунта. Стратиграфия памятника Орхон-7 представляет собой на сегодняшний день самый полный из известных палеоархивов, начало его осадконакопления совпадает, по предварительным данным, с началом стадии МИС 3. Поскольку стенки рекультивированного раскопа 1980-х гг. оказались частично обрушены (отложения слоев 1–3) на глубину почти 2 м и ширину ок. 1,5 м, нами были вскрыты непотревоженные отложения памятника, содержащие культурные горизонты.

Стратиграфия памятника в целом соответствует описанной для раскопа 3 1980-х гг. [Деревянко, Николаев, Петрин, 1992], однако нами было выделено 12 слоев, а не 11 (рис. 1).

Слой 1 – дерн, серо-коричневый супесчаный суглинок.

Слой 2 – светлая супесь с прослойками гравия, сформировалась, по предварительным заключениям, в среднем или позднем голоцене в холодный период. Наличие гравия и белесый цвет говорят о скудной растительности в то время.

Слой 3 – темно-коричневый слабопесчаный суглинок, потенциально заключает в себе остатки растительности. Сформировался в раннем голоцене, в теплый период. Описан С.В. Николаевым как палеопочва, что совпадает с нашими предварительными заключениями.

Слой 4 – желтый лессовидный супесчаный суглинок, сформировался в период похолодания. Слои 3 и 4 разделяет прерывающийся белесый прослой с затеками, который свидетельствует о резкой смене климата.

Слой 5 – коричневый супесчаный суглинок, ламинарный, что говорит о воздействии солифлюкционных процессов.

Слой 6 – серо-желтый суглинок, с белесыми прослоями, с включениями мелкого обломочного материала.

Слой 7 – представляет собой перемежающиеся прослои гравия и дресвы, ламинарный.

Слой 8 – серовато-коричневый суглинок, иловатый.

Слой 9 – представляет собой перемежающиеся прослои гравия и дресвы, ламинарный, встречается крупный обломочный материал.

Слой 10 – темный плотный серо-коричневый суглинок, иловатый, сформировался во влажных условиях и представляет собой пойменную фацию р. Орхон, а именно ее второй надпойменной террасы. Вероятно, этот слой может быть предварительно скоррелирован со слоем 7 памятника Орхон-1. Оба слоя содержат крупные, 1–2 $см^2$ размером карбонаты.

Слой 11 также представляет собой пойменную фацию второй надпойменной террасы Орхона, однако отличается от вышележащего слоя по текстуре.

Слой 12 – русловой аллювий р. Орхон.

Приведенное здесь описание стратиграфического разреза может быть скорректировано после проведения гранулометрического анализа. Была отобрана первая серия образцов для ОСЛ-датирования с использованием следующей методики: для слоев,

в которых были зафиксированы культурные горизонты, образцы отбирались с четырех сторон вокруг артефакта в стенке, чтобы определить точное время, когда артефакт был погребен. В слоях, где артефакты отсутствовали в профиле, образцы были отобраны преимущественно из середины слоя. Первая серия дат позволит определить последовательность, скорость и время осадконакопления отложений стоянки.

В ходе зачистки были обнаружены кости, 88 экз. Количество определимых экземпляров невелико. Все они принадлежат, как и неопределимые фрагменты, непарнокопытным и единственная кость – барану-аргали. Из слоя 9 происходят остатки ископаемой лошади. Самый крупный представитель – носорог, остатки которого (фрагмент ребра и трубчатой кости) не позволяют установить видовую принадлежность. Они изъяты из слоя 10. Также из слоя 10 происходит неполный позвонок горного барана. В слое 8 найдена единичная кость ископаемой лошади и зубы крупного ископаемого быка. В этом слое найдено большое количество фрагментированных костей. По сохранности фрагменты костей из слоев 8 и 10 заметно различаются между собой. В слое 8 костное вещество бледно-желтого цвета, плотное. В слое 10 кости более фоссилизованные, окрашены в темные тона, до серо-черного оттенка.

Культурные горизонты зафиксированы в слоях 8, 9 и 10. Согласно прежней классификации слоев [Деревянко, Кандыба, Петрин, 2010], слой 8 включает культурный горизонт 3. В нем были найдены несколько отщепов, указывающих на однонаправленное раскалывание (рис. 2, *4*). В горизонте 4 (слой 9) были обнаружены отщепы с центростремительной и поперечной огранкой дорсальной поверхности, а также скол подправки фронта нуклеуса (рис. 2, *1–3*, *5*). Горизонт 5 (слой 10) был самым многочисленным и включал преимущественно колотые гальки. Присутствует нуклеус плоскостной одноплощадочный монофронтальный для отщепа, оформленный на сломанном более крупном нуклеусе. Также в коллекции присутствует отщеп с центростремительной огранкой дорсальной поверхности. Из орудий представлен ретушированный обломок гальки. Индустрию горизонта 5 можно интерпретировать как галечную.

Отдельного внимания заслуживает обнаружение в слое 10, несколько выше основного горизонта залегания находок, классического трехгранного орудия-пик (рис. 2, *6*). Находка артефакта, характерного для олдувая Африки, в нижнем среднепалеолитическом горизонте Орхон-7 наглядно отражает предмет дискуссии, опубликованной в журнале «Antiquity», который сводится к тому, что культур-

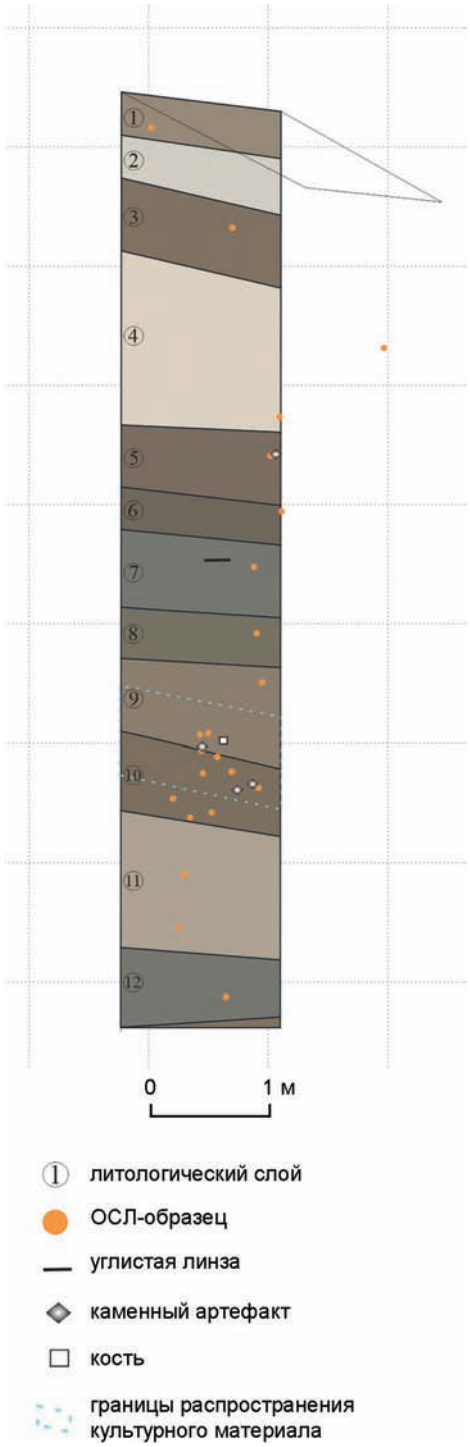

Рис. 1. Стратиграфический профиль северной стенки памятника Орхон-7.

ная таксономия представляет собой «карточный домик», любая типология несовершенна и остается таковой даже при высокой степени ее стандартизации [Reynolds, Riede, 2019]. Джон Шэй в рамках этой дискуссии указывает, что наша проблема в том, что мы пытаемся рассматривать палеолитические комплексы сродни этнографическим культурам, а также переносим типологические листы,

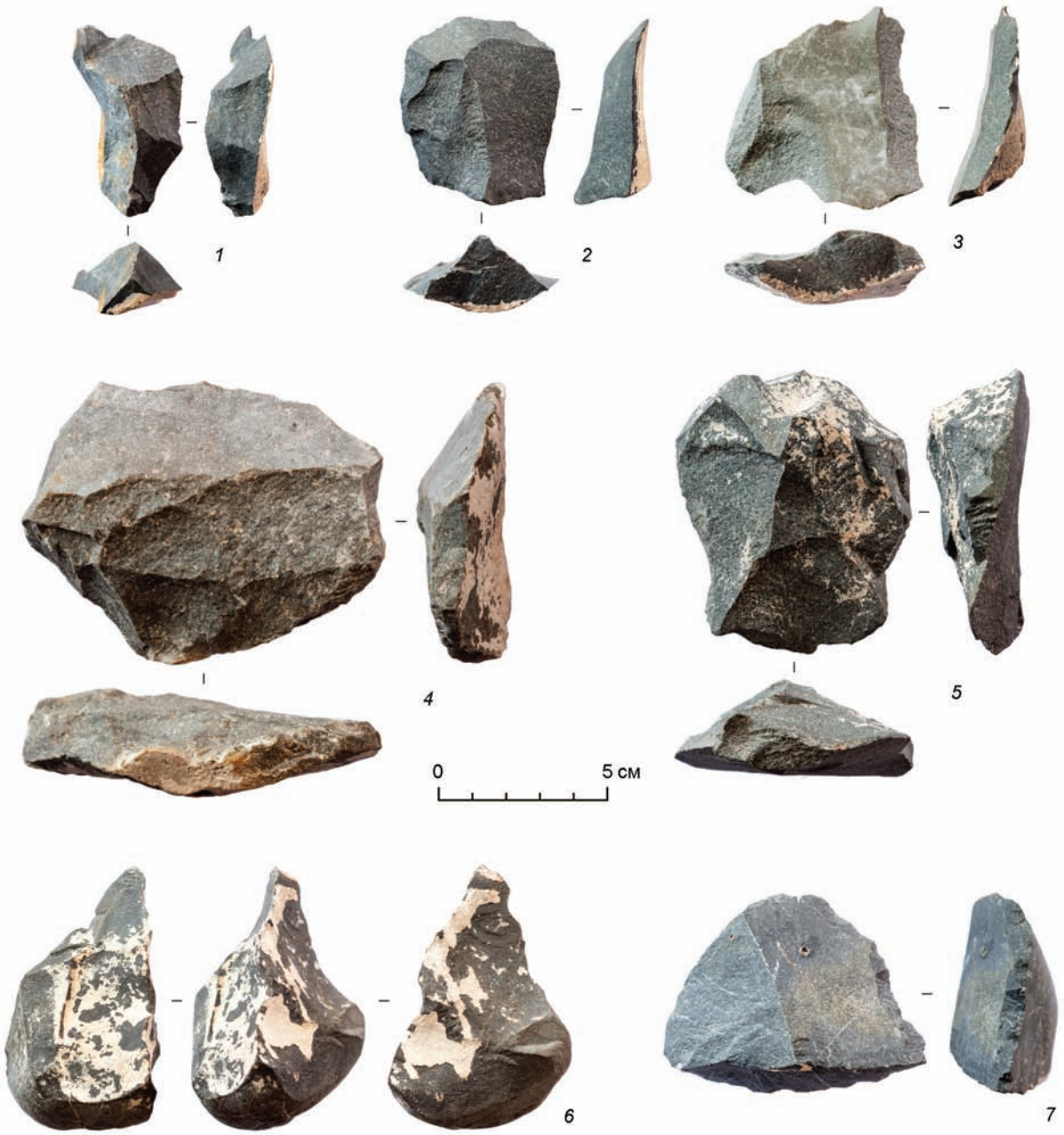

Рис. 2. Артефакты из культурных горизонтов памятника Орхон-7.
1–3, 4 – горизонт 3; *5* – горизонт 4; *6, 7* – горизонт 5.

созданные для палеолита на территории Европы, на комплексы других регионов, порождая анархию [Shea, 2019]. Таксономия несовершенна, и типы, которые мы считаем маркерами определенных культурно-хронологических этапов или культур, могут появляться случайно в совершенно ином хронологическом и географическом контексте. Именно этим может объясняться находка орудия-пик в среднепалеолитическом контексте в Монголии.

В целом археологические комплексы стоянки Орхон-7 могут интерпретироваться как мастерские: высокая интенсивность расщепления, отходы которого представлены преимущественно осколками, обломками, неудавшимися сколами апробации нуклеусов вместе со скудным орудийным инвентарем. К этому же выводу подводит и очень большой удельный вес нуклевидных форм, которые находятся в начальной стадии расщепления и характеризуются высоким процентом технического брака – после первых же неудачных сколов расщепление нуклеусов прекращалось. Такой облик ассамбляжа выглядит вполне естественным, учитывая позицию памятника, расположенного в непосредственном доступе к аллювиальным галечникам р. Орхон. Вместе с тем опре-

деленную, достаточно важную роль в поведенческих характеристиках популяции, оставившей изученные ассамбляжи, играло и употреблению в пищу животных, большое количество костей которых фиксируется в горизонтах 5 и 4. Горизонт 5 является на сегодняшний день наиболее ранним эпизодом заселения среднегорий Монголии. Предположение о влиянии палеоклиматических условий позднего плейстоцена на заселение данной территории человеческими популяциями основывается на ряде наблюдений над распределением радиоуглеродных дат. Зависимость эпизодов заселения человеком Центральной Монголии от флуктуаций природных условий будет установлена за счет корреляции полученных данных: радиоуглеродного датирования остеологического материала в культурных слоях памятника и датирования седиментов, показывающего как скорость их накопления, так и время, когда они окончательно погребли культурные остатки, реконструкции существовавших типов растительности и условий осадконакопления.

Список литературы

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Петрин В.Т. Палеолит Орхона. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – 384 с.

Деревянко А.П., Николаев С.В., Петрин В.Т. Геология, стратиграфия, палеогеография палеолита Южного Хангая. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1992. – 90 с.

Reynolds N., Riede F. House of cards: cultural taxonomy and the study of the European Upper Palaeolithic // Antiquity. – 2019. – Vol. 93, iss. 371. – P. 1350–1358.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia // Quaternary Intern. – 2016. – Vol. 425. – P. 69–87.

Shea J. European Upper Palaeolithic cultural taxa: better off without them? // Antiquity. – 2019. – Vol. 93, iss. 371. – P. 1359–1361.

References

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Petrin V.T. Paleolithic of Orkhon. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 384 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Nikolaev S.V., Petrin V.T. Geologiya, stratigrafiya, paleogeografiya paleolita Yuzhnogo Hangaya. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1992, 90 p. (in Russ.).

Reynolds N., Riede F. House of cards: cultural taxonomy and the study of the European Upper Palaeolithic. *Antiquity*, 2019, vol. 93, iss. 371, pp. 1350–1358.

Rybin E.P., Khatsenovich A.M., Gunchinsuren B., Olsen J.W., Zwyns N. The impact of the LGM on the development of the Upper Paleolithic in Mongolia. *Quaternary International*, 2016, vol. 425, pp. 69–87.

Shea J. European Upper Palaeolithic cultural taxa: better off without them? *Antiquity*, 2019, vol. 93, iss. 371, pp. 1359–1361.

Хаценович А.М. https://orcid.org/0000-0002-8093-5716
Рыбин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-7434-2757
Марченко Д.В. https://orcid.org/0000-0003-3021-0749
Клементьев А.М. https://orcid.org/0000-0002-2129-7072
Когай С.А. https://orcid.org/0000-0003-4232-9587
Олсен Дж.У. https://orcid.org/0000-0001-5295-7451

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.282-285
УДК 902.01

А.М. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: chekhandrej@yandex.ru

Палеолитические комплексы Северного Приаралья (Западный Казахстан)

На территории Казахстана открыто и исследовано большое количество памятников, представляющих все этапы каменного века от эпохи ашеля до энеолита. В то же время степень исследованности этих памятников в разных районах Казахстана неодинакова. В первую очередь это связано с преобладанием аридных условий, препятствующих процессу активного осадконакопления. В результате были образованы археологические объекты особого типа – памятники с поверхностным залеганием артефактов. Подобными объектами являются палеолитические комплексы Северного Приаралья, расположенные в Западном Казахстане – Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8. Целью данного исследования является культурно-хронологическая оценка местонахождений с поверхностным залеганием артефактов Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 с применением технико-типологического и петрографического анализа каменных изделий исследуемых памятников. Местонахождения Арал A–D и Арал-1, -2, -4–6, -8 в первичном расщеплении характеризуются отсутствием леваллуазских нуклеусов, непластинчатостью. Здесь присутствуют, главным образом, призматические нуклеусы параллельного принципа расщепления в плоскостном и объемном вариантах. Торцовый и дисковидный встречаются реже. В орудийном наборе наблюдается высокое содержание бифасов, а также наличие скребел, зубчато-выемчатых и комбинированных изделий и орудий позднепалеолитических типов (скребки). В качестве оформления применялись оббивка и ретуширование. При этом ретушь, используемая в качестве вторичной отделки, характеризуется как краевая чешуйчатая, в большинстве случаев, дорсальная крутая и полукрутая средних и мелких размеров. Оценивая результаты исследования палеолитических местонахождений на северном побережье Аральского моря в целом, следует отметить, что пункты Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 представляют смешанные комплексы, основные материалы которых, вероятно, относятся к заключительной стадии среднего – верхнему палеолиту. В то же время часть коллекций на основе морфологических признаков может быть отнесена к более ранним этапам палеолита.

Ключевые слова: *Западный Казахстан, Северное Приаралье, аридная зона, поверхностное залегание артефактов, средний палеолит, верхний палеолит.*

Andrey M. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: chekhandrej@yandex.ru

Paleolithic Complexes of the Northern Aral Sea Region (West Kazakhstan)

Large number of sites representing all stages of the Stone Age from the Acheulian to the Chalcolithic have been discovered and studied in Kazakhstan. However, the exploration degree of these sites in different regions of Kazakhstan is uneven. This is primarily associated with the predominance of arid conditions which impede the process of active sedimentation, resulting in the emergence of archaeological sites with the superficial occurrence of evidence, such as Paleolithic sites of Aral A-D, Aral – 1–2, -4–6, -8 in the Northern Aral Sea region in West Kazakhstan. This study was mainly focused on cultural and chronological assessment of the Aral A-D, Aral 1–2, -4–6, -8 sites with surface occurrence of artifacts, using technical, typological, and petrographic analysis of lithic artifacts found at these sites. The sites of Aral A-D and Aral -1–2, -4–6, -8 are distinguished by the lack of Levallois cores and laminar blanks in primary reduction. These assemblages mostly contained prismatic cores of parallel reduction in their planar and volumetric varieties. Narrow-faced and discoid cores have been found more rarely. The toolkit contained high share of bifaces, and showed the presence of side-scrapers, denticulate and notched tools, combined objects, and Upper Paleolithic types of tools (end-scrapers), produced by trimming and retouching. Marginal scaly, in most cases dorsal abrupt and semi-abrupt retouching of medium

and small sizes was used as secondary treatment. Evaluating the results of studying the Paleolithic sites on the northern coast of the Aral Sea, it should be concluded that the sites of Aral A-D, Aral –1–2, -4–6, -8 were mixed complexes with main material evidence most likely associated with the Final Middle–Upper Paleolithic. Based on morphological analysis, a part of the collections can be attributed to the earlier stages of the Paleolithic.

Keywords: *West Kazakhstan, North Aral Sea region, arid zone, surface occurrence of artifacts, Middle Paleolithic, Upper Paleolithic.*

Территория Казахстана представляет интересный в археологическом плане регион. Здесь найдено и исследовано большое количество местонахождений, относящихся к различным этапам древнекаменного века. Преобладание аридных условий в плейстоцене затрудняло процесс активного осадконакопления, в результате чего подавляющая часть палеолитических памятников не имеет стратифицированного культурного слоя и артефакты на данных объектах залегают на поверхности.

В аридной зоне палеолитические местонахождения дислоцируются в основном у различного типа водных источников, часть которых не функционирует в настоящее время, или вблизи выходов исходного сырья для изготовления артефактов. Сочетание первого и второго факторов способствовало тому, что древние популяции в течение длительного времени многократно посещали одно и то же место, и ценность таких местонахождений исключительно велика [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, 1998, с. 166].

К местонахождениям с поверхностным залеганием артефактов археологи относились скептически, считая данные памятники информативно неполноценными и недостаточно достоверными по сравнению со стратифицированными комплексами. Подобный подход к материалу накладывал отпечаток на характер изучения памятников с поверхностным залеганием находок. Исследование таких местонахождений ограничивалось частичным сбором и кратким описанием наиболее ярких изделий. Но при всех недостатках местонахождения с подъемными материалами не только являются дополнением к коллекциям каменных артефактов стратифицированных памятников, но и представляют собой самостоятельные, во многом уникальные объекты со сложной структурой и массовым, как правило, типологически выраженным материалом, отражающим определенные временные этапы.

Таким образом, среди основных направлений изучения древнейших этапов заселения человеком территории Казахстана и Центральной Азии в целом актуальным является исследование палеолитических памятников с поверхностным залеганием археологического материала.

Подобными объектами являются палеолитические местонахождения Северного Приаралья Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8, обнаруженные совместной Российско-Казахстанской экспедицией, производившей в 1998–1999 гг. разведочные работы по исследованию территории северного побережья Аральского моря в Западном Казахстане. В связи с тем, что из-за крайне ограниченных сроков исследований детальное изучение указанных пунктов не представлялось возможным, сбор археологического материала производился выборочно; предпочтение отдавалось наиболее выразительным изделиям [Деревянко и др., 1999].

Так как палеолитические местонахождения, расположенные в аридной зоне, не перекрыты рыхлыми отложениями, основными источниками информации остаются коллекции каменного инвентаря. Поэтому для разделения артефактов смешанных комплексов наиболее действенным оказывается корреляция нескольких показательных признаков – распределения коллекции по исходному сырью, сохранности поверхности артефактов (петрографический анализ) и технико-типологического анализа [Деревянко, Петрин, Таймагамбетов, 1998, с. 168–169].

Для местонахождений с поверхностным залеганием артефактов каменный инвентарь является единственным источником получения информации. Одним из основных показателей при работе с подъемными материалами является степень сохранности поверхности артефакта.

Каменное сырье, использованное на местонахождениях Северного Приаралья Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8, имеет наиболее близкий к кварцитам вид, однако отсутствие типичных для кварцитов структур перекристаллизации обломочного материала сохраняет за ними название кварцитовидных песчаников.

Обычно для обоснования хронологического деления каменных материалов в подобных смешанных комплексах поверхностного залегания при отсутствии сопутствующих и перекрывающих рыхлых отложений используется оценка степени сохранности поверхности артефактов, зависящей от длительности воздействия на них факторов выветривания. Проведенный петрографический анализ изделий с палеолитических местонахождений Северного Приаралья позволил установить, насколько правомерно здесь использование этого критерия [Чеха, Кулик, 2014, с. 64].

Так, было установлено, что очень часто на одном и том же артефакте проявлена разная степень

дефляции, причем не только поверхностей с разных сторон артефакта, но иногда в пределах одной и той же сколотой поверхности. Это означает, что степень выветривания, в т.ч. степень дефляции, артефактов из серого кварцитовидного средне-крупнозернистого кварцевого песчаника не может быть использована для их возрастной стратификации [Там же, с. 69].

Но следует отметить, что деление по степени дефляции поверхности является отдельной для каждого комплекса характеристикой подъемного материала. Это объясняется специфическими природно-климатическими условиями, ландшафтной обстановкой окружающей местности, типом сырья и др.

Так как, во-первых, на местонахождениях Северного Приаралья Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 использовалась единая сырьевая база, во-вторых, пункты сборов расположены в непосредственной близости по отношению друг к другу, мы склонны относить их к единому палеолитическому комплексу. Таким образом, собранный на этих пунктах археологический материал далее рассматривается нами как единая коллекция.

Среди каменных артефактов местонахождений Северного Приаралья, относящихся к первичному расщеплению, преобладают монофронтальные, бифронтальные и радиальные ядрища. Также отметим наличие двуплощадочного монофронтального нуклеуса, нуклеуса со скалыванием перпендикулярно к оси одной плоскости, торцовых и призматических ядрищ.

Одноплощадочные монофронтальное и бифронтальное ядрища имеют продольную ориентацию скалывания. Большинство нуклеусов использованы для получения серии крупных, средних или коротких отщепов. Лишь на единичных ядрищах фиксируются негативы удлиненных снятий; как правило, длина сколотой заготовки немногим превышает ее ширину. Для большинства экземпляров характерна гладкая, образованная одним либо двумя крупными либо средними сколами, скошенная к контрфронту ударная площадка. Наряду с приемами подготовки ударной площадки одним или двумя сколами, применяется оформление серией мелких сколов, в некоторых случаях с дополнительной разнофасеточной ретушной подправкой. В большинстве случаев контрфронт выпуклый, выполненный несколькими сколами, нередко центростремительными. При организации нуклеуса большое внимание уделялось оформлению латералей: характерным элементом является бифасиальная или односторонняя обработка мелкими сколами, в результате которой они приобретали вид ребра.

Обращает на себя внимание подход к отбору исходных заготовок для подготовки нуклевидных форм. Избыточное количество сырья привело к тому, что зачастую отбирались подходящие по форме заготовки, требующие минимального переоформления.

В орудийном наборе главенствующее положение занимают двусторонне обработанные изделия, скребла и скребки различных модификаций. Несколько уступают им зубчато-выемчатые изделия, как в комбинированных, так и в индивидуальных типологических формах. Также встречаются шиповидные изделия, ножи, в одном экземпляре присутствует лимас.

Среди материалов открытых местонахождений особого внимания заслуживают бифасиально обработанные изделия. В общей сложности было обнаружено 135 целых бифасов и их фрагментов.

Все двусторонне оформленные орудия данной коллекции можно разделить на три категории.

Первую категорию (58 экз.) составляют двусторонне обработанные изделия начальной стадии оформления. Преобладающее число изделий характеризуется крупными негативами сколов, направленными от краев к центру для придания им определенной формы. Ретушь покрывает не всю поверхность этих изделий, а лишь часть, оставляя значительные необработанные участки. Характер ретуши грубый. Она формирует неровную поверхность и извилистые боковые края. Негативы сколов оставили глубокие следы на поверхности изделий.

Вторую категорию (22 экз.) составляют двусторонне обработанные изделия заключительной стадии оформления. Наблюдаются различия в форме этих изделий, их размерах и массивности. От первой категории их отличает отсутствие необработанных участков, тщательность оформления обеих плоскостей и, в некоторых случаях, мелкая ретушная подработка продольных краев изделий.

В третью категорию (55 экз.) входят фрагменты двусторонне обработанных изделий. Они различаются между собой по размерам и форме. Данную группу можно разделить на подовальные и подтреугольные разновидности. По размерам они варьируют от больших к средним. Все изделия характеризуются наличием крупных негативов центростремительно направленных сколов.

В большинстве случаев двусторонне обработанные изделия представлены плоскими симметричными листовидными формами. В то же время присутствуют крупные массивные бифасиально обработанные артефакты, подготовленные на плитках и желваках.

Несколько особняком стоят четыре изделия с обушком, где обушок массивный, подработан несколькими крупными сколами, не несет на себе следов желвачной корки. Также выделяются четыре двусторонне обработанных изделия с «плечиком».

Допустимо предположить, что «плечиком» являлась часть вспомогательной ударной площадки, которая по неизвестной причине была оставлена древним мастером. Обилие подходящего сырья (желваки, плитки, массивные отщепы и десквамационные сколы) позволяло изготавливать крупные изделия правильной (листовидной и овальной) формы.

Преобразование исходных заготовок в орудийные формы осуществлялось оббивкой, ретушью и выемчатым снятием (анкошем). Преобладающим приемом изготовления орудий является ретушь. Во всех случаях ретушь характеризуется по углу наклона как крутая либо полукрутая, по форме фасеток как чешуйчатая, по размеру как разнофасеточная, варьирующая в пределах средне- и мелкофасеточной. У большинства орудий ретушь нанесена со стороны дорсала.

Также для оформления орудий достаточно широко использовалась оббивка. Данный прием вторичной обработки применялся при оформлении скребловидных изделий.

При помощи выемчатого снятия формировались выемчатые орудия. Данный прием также применялся для выделения рабочего участка у орудий с «шипом».

Следует отметить, что по ряду признаков, особенно морфологии и характеру оформления, у изделий местонахождений Арал A–D, Арал-1, -2, -4–6, -8 прослеживается определенное сходство с материалами сопредельных Мугоджарских комплексов [Деревянко и др., 2001] и комплексов Кызылтау [Деревянко и др., 2003].

Таким образом, основываясь на технико-типологическом анализе исследуемых местонахождений, можно сделать вывод о том, что большая часть изделий рассматриваемых комплексов, сочетающая среднепалеолитические и верхнепалеолитические черты в технико-типологическом облике инвентаря, соотносится с концом среднего – начальной стадией верхнего палеолита. Об этом свидетельствует как первичное расщепление, представленное вариативными полюсным и торцовым ядрищами, так и орудийным набором, где достаточно широко представлены изделия верхнепалеолитического облика. В то же время не стоит исключать возможности отнесения части артефактов к более раннему времени.

Список литературы

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Зенин А.Н., Таймагамбетов Ж.К., Гладышев С.А., Цыбанков А.А., Славинский В.С. Каменный век Казахстана: Исследования Российско-казахстанской археологической экспедиции в Казахстане (1998–2001). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 184 с.

Деревянко А.П., Петрин В.Т., Таймагамбетов Ж.К. Методика изучения и информативность палеолитических памятников поверхностного залегания в аридной зоне Центральной Азии // Каменный век Казахстана и сопредельных территорий. – Туркестан: Мирас, 1998. – С. 165–196.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н. Ашельские комплексы Мугоджарских гор (Северо-Западная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 136 с.

Деревянко А.П., Таймагамбетов Ж.К., Петрин В.Т., Гладышев С.А., Зенин А.Н., Зенин В.Н., Искаков Г.Т. Палеолитические местонахождения северного побережья Аральского моря // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 46–50.

Чеха А.М., Кулик Н.А. Каменное сырье палеолитических местонахождений Северного Приаралья (по материалам пункта Арал-1) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 63–72.

References

Chekha A.M., Kulik N.A. Stone raw materials of Paleolithic sites of Northern Aral Sea (according to the materials of location Aral-1). In *Vestn. Novosib. Gos. un-ta. Ser.: Istoriya, Filologiya*, 2014, vol. 13, iss. 5: Arkheologiya i Etnografiya, pp. 63–72 (in Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Zenin A.N., Tajmagambetov Zh.K., Gladyshev S.A., Tsybankov A.A., Slavinskij V.S. Stone Age of the Kazakhstan: Research of the Russian-Kazakh archaeological expedition in Kazakhstan (1998–2001). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 184 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Tajmagambetov Zh.K. Metodika izucheniya i informativnost' paleoliticheskikh pamyatnikov poverkhnostnogo zaleganeya v aridnoj zone Tsentral'noj Azii. In *Kamennyj vek Kazakhstana i sopredel'nykh territorij*. Turkestan: Miras, 1998, pp. 165–196 (in Russ.).

Derevianko A.P., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Tajmagambetov Zh.K. Acheulean complexes Mugojar Mountains (North-West Asia). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 135 p. (in Russ.).

Derevianko A.P., Tajmagambetov Zh.K., Petrin V.T., Gladyshev S.A., Zenin A.N., Zenin V.N., Iskakov G.T. Paleolithic location of the northern coast of the Aral Sea. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, vol. V, pp. 46–50 (in Russ.).

Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.286-292
УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1, 2], С. Алишер кызы[1, 3], Д.В. Селин[1, 3], В. Рендю[4], А. Абдыканова[5], Г. Бранкалеоне[6], М. Крайцарж[6], А.И. Кривошапкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия,
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Университет Бордо
Бордо, Франция
[5]Американский университет Центральной Азии
Бишкек, Кыргызстан
[6]Институт геологических наук ПАН
Варшава, Польша
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Результаты экспедиционных исследований памятника Обишир-5 в 2018–2019 годах

В статье приведены предварительные результаты комплексного анализа керамики, палеофаунистической коллекции и коллекции каменных артефактов, обнаруженных в отложениях слоев 1 и 2 памятника Обишир-5 (Южный Кыргызстан) в ходе полевых исследований 2018–2019 гг. Анализ керамических изделий из слоя 1 показал, что памятник представляет несколько культурно-хронологических этапов – от поздней бронзы до Средневековья. Новые данные по керамической посуде позволили пересмотреть культурно-хронологические позиции памятника. Предполагалось, что он был заселен в раннем голоцене и затем в Средневековье. Наличие керамики чустской и шурабашатской культуры свидетельствует о том, что памятник был также заселен в период бронзы и раннего железного века. Согласно палеофаунистическим данным, доминируют кости доместицированных животных (овца, коза, корова, лошадь). Проведенный анализ коллекции каменных артефактов из слоя 2 показал, что в данной индустрии использовалась микропластинчатая техника расщепления, направленная на производство микропластин, которые потом оформлялись вентральной ретушью. Результаты изучения палеофаунистических материалов позволяют заключить, что большая часть костей принадлежит роду Ovis/Capra, при этом ок. 25 % костей имеют следы человеческой деятельности. Помимо этого, были зафиксированы орудия из кости (шило, ретушер) и следы символической практики (кость с гравировкой, зуб лисы со следами резки). Аналогии исследованному материалу отмечаются в синхронных памятниках Памира, таких как Ошхона и Истыкская пещера (Таджикистан).

Ключевые слова: *Ферганская долина, ранний голоцен, эпипалеолит, бронзовый век, Средневековье, керамика, каменная индустрия.*

Svetlana V. Shnaider[1, 2], Saltanat Alisher kyzy[1, 3], Dmitriy V. Selin[1, 3], William Rendu[4], Aida Abdykanova[5], Greta Brancaleoni[6], Machej T. Krajcarz[6], Andrey I. Krivoshapkin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State University,
Barnaul, Russia
[3]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

[4]*Bordeaux University,*
Bordeaux, France
[5]*American University in Central Asia,*
Bishkek, Kyrgyzstan
[6]*Institute of Geological Sciences PAS,*
Warsaw, Poland
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Results of Field Studies at the Obishir-5 Site in 2018–2019

The article presents the preliminary results of a comprehensive study combining the analysis of pottery, paleofauna, and lithic collections found in layers 1 and 2 at the Obishir-5 site (Southern Kyrgyzstan) during the field season of 2018–2019. The analysis of pottery from layer 1 has shown that the site contains several cultural and chronological stages – from late Bronze Age to the Middle Ages. The analysis of paleofauna has revealed the predominance of domesticated animals (sheep, goat, cow, and horse) in the same layer. New data from pottery collection makes it possible to propose a new cultural and chronological approach to Obishir-5. According to the previous research, the site was inhabited during the Early Holocene and in the Middle Ages. The discovery of pottery typical of the Chust and Shurabashat cultures indicates that the area was also inhabited during the Late Bronze Age and Early Iron Age. The analysis of lithic industry from layer 2 testifies to the use of microblade technique. The microblades were shaped by ventral retouching. The analysis of paleofaunal evidence has revealed that most of the bones belong to the Ovis/Capra genus and around 25% of them show the traces of human modification. In addition, bone tools (awl, retoucher) and evidence of symbolic practices manifested by an engraved bone and fox tooth with traces of carving have been found. The parallels to these technocomplexes are known from the synchronous sites of the Pamir region (Oshkhona site and Istykskaya cave in Tajikistan).

Keywords: *Fergana Valley, Early Holocene, Epipaleolithic, Bronze Age, Middle Ages, pottery, lithic industry.*

Памятник Обишир-5 располагается на территории южного Кыргызстана, в Баткенской обл., между селами Эшме и Сур, в 4 км от г. Айдаркен, вдоль трассы Айдаркен–Сох, на южном склоне хребта Катрантау. Наряду с другими памятниками вблизи Айдаркена, памятники Обишир были открыты Ферганским палеолитическим отрядом Института археологии АН УзбССР под руководством У.И. Исламова в 1965 г. [Исламов, 1980]. После этого исследование стоянки осуществлялось в течение семи полевых сезонов: 1966–1971 и 1973 гг. В процессе раскопок был изучен участок общей площадью 141 м^2. Первый литологический слой на всех разрезах стоянки был представлен гумусированной серой супесью, второй слой состоял из серой супеси и содержал остатки раннесредневекового поселения. Материалы мезолитического времени залегали в нижней части литолого-стратиграфической пачки отложений (слои 3–6). Археологическая коллекция всех мезолитических комплексов анализировались У.И. Исламовым в совокупности и была отнесена к обиширской культуре [Там же].

На современном этапе исследований была проведена ревизия материалов ключевых памятников финального плейстоцена – раннего голоцена западной части Центральной Азии [Шнайдер, 2015; Kolobova, Krivoshapkin, Shnaider, 2018; Shnaider et al., 2017]. Полевые исследования памятника Обишир-5 были возобновлены в 2015 г. с целью уточнения культурной атрибуции и хронологических рамок памятника и получения новой археологической коллекции. В 2015–2017 гг. раскопки проводились на площади 8 м^2, в ходе работ был получен обширный материал в виде каменных артефактов, изделий из кости, а также фрагментов керамических изделий, что, в свою очередь, позволило определить перспективность дальнейших работ на памятнике. В связи с этим в 2018 г. была расширена площадь раскопок до 22 м^2, чтобы получить более представительную археологическую коллекцию и провести более детальное планиграфическое изучение, восстановив с высокой точностью седиментационную историю памятника. На изучаемом участке в 2018–2019 гг. (площадь 14 м^2) было выявлено два культурных слоя, которые соответствовали двум литологическим слоям (рис. 1).

Первый культурный слой залегает в литологическом слое 1, представленном суглинками от светло-серого до серо-коричневого цветов. Здесь была обнаружена представительная палеофаунистическая коллекция и фрагменты керамической посуды. Палеофаунистическая коллекция преимущественно представлена костями доместицированных животных (овца, коза, корова, лошадь). Керамическая посуда относится к нескольким культурно-хронологическим этапам. К эпохе поздней бронзы принадлежит посуда чустской культуры (рис. 2, *1, 2*).

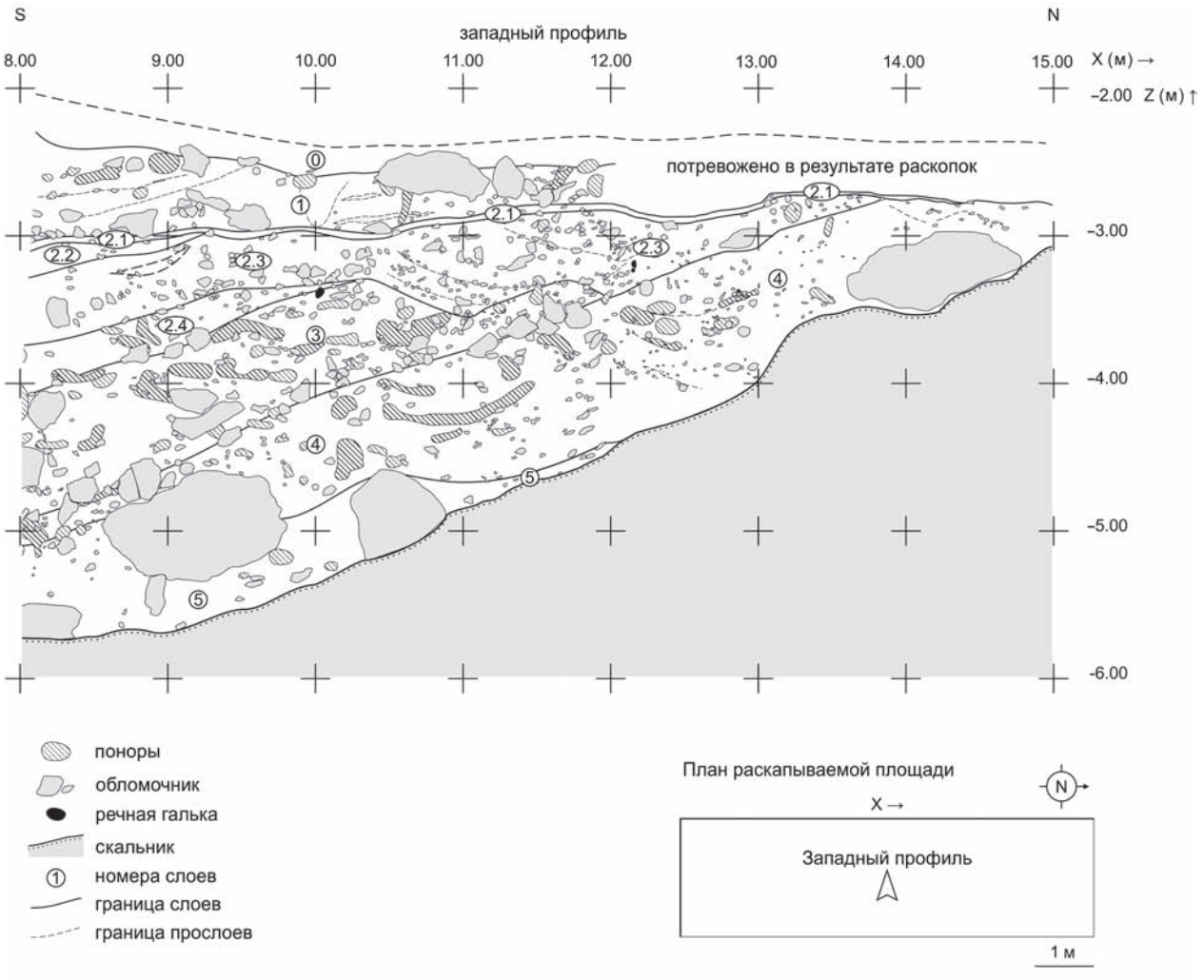

Рис. 1. Стратиграфия памятника Обишир-5 по линии S 8–14.

Она изготовлена из ожелезненных глин с примесью шамота и дресвы из известняка и кварцита. Полое тело сосудов изготовлено с помощью ленточного и лоскутного налепов. В одном случае зафиксированы следы матерчатой формы-основы (рис. 2, *2*). Внутренняя поверхность изделий обработана при помощи заглаживания пучком травы или пальцами рук, внешняя сторона не обработана, орнамент отсутствует. Ближайшие аналогии известны на поселениях Дальверзин и Чуст и соответствуют VI типу керамики чустской культуры, выделенной Ю.А. Заднепровским [1962, с. 28].

К эпохе раннего железа относится керамика шурабашатской культуры (рис. 2, *3–7*), разделяющаяся на два типа. К первому относится сероглиняная (кухонная) посуда, изготовленная из ожелезненной глины с примесью шамота и дресвы из известняка (рис. 2, *6*, *7*). Полое тело сосудов выполнено лоскутным налепом с применением гончарного круга, при помощи которого заглаживался венчик сосуда (соответствует РФК-2 по А.А. Бобринскому [1993]). Изделия заглаживались при помощи влажной ткани и подвергались сплошному обвариванию с томлением, что оставляло темный налет по всей поверхности. Вторую группу составляет керамика, покрытая красным и черным ангобом (рис. 2, *3–5*). Она также изготовлена из ожелезненной глины с примесью шамота и дресвы из известняка, полое тело сконструировано из лоскутов и лент с применением гончарного круга, при помощи которого заглаживалась вся поверхность сосудов и частично придавалась форма полому телу (соответствует РФК-3, -4 по А.А. Бобринскому [Там же]). Поверхность дополнительно залощена и покрыта ангобом. Ближайшие аналогии обоим типам керамики известны на городищах Шурабашат и Кара-Дарьинское [Заднепровский, 1962, с. 130–152].

Третья группа представлена посудой эпохи Средневековья. Она изготовлена из ожелезненной глины с примесью шамота и дресвы из кварцита. Полое тело изделий изготовлено с применением

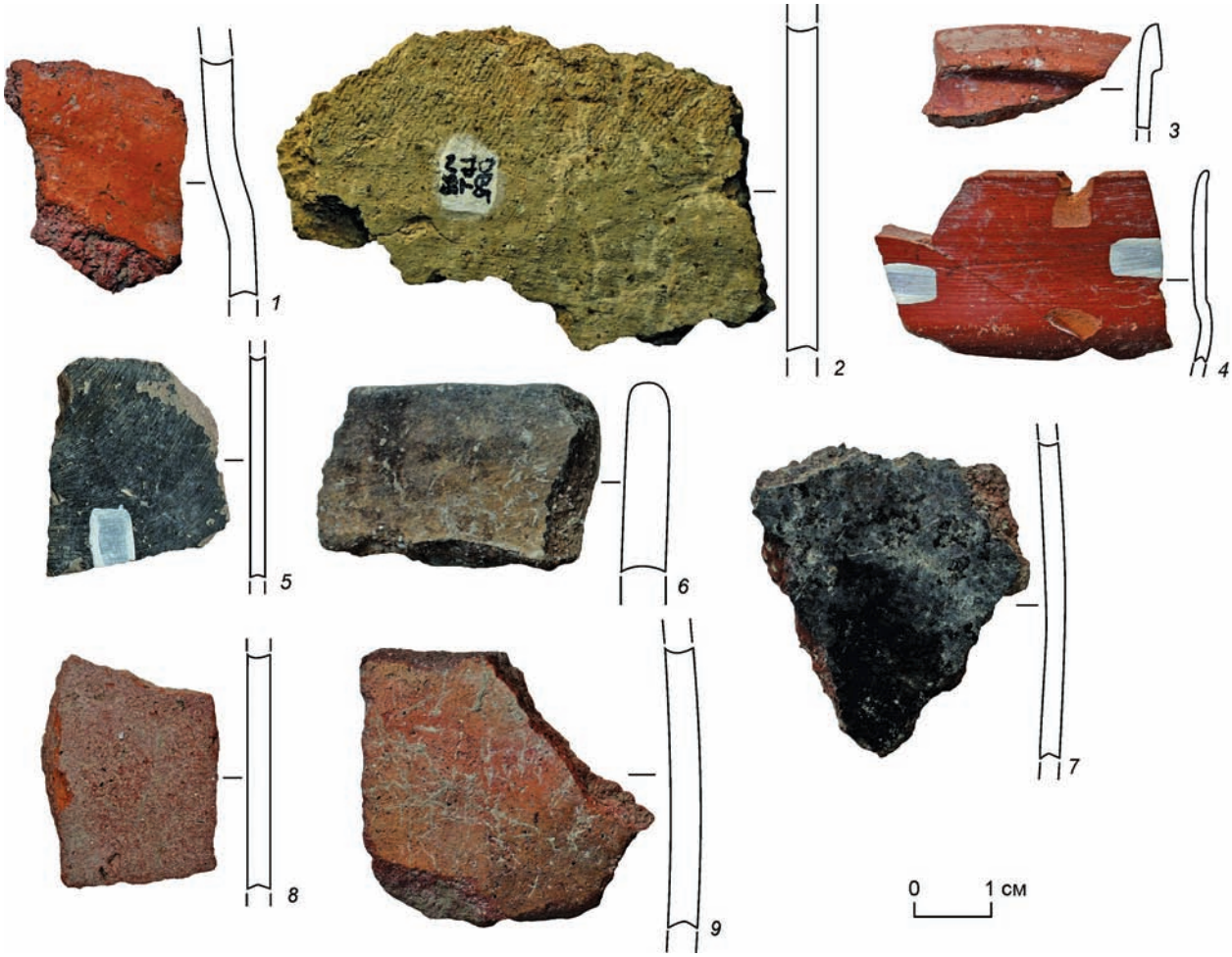

Рис. 2. Керамическая посуда из слоя 1 памятника Обишир-5 (раскопки 2018–2019 гг.).

гончарного круга, при помощи которого происходило полное вытягивание сосуда из комка глины или вытягивание полого тела и частично начина (соответствует РФК-6, -7 по А.А. Бобринскому [1993]). Заглаживание внешней поверхности проведено на гончарном круге. На одном изделии зафиксирован прочерченный геометрический орнамент. Аналогии этой группе известны на средневековых памятниках Ферганской долины [Брыкина, Горбунова, 1999, с. 102–103].

Второй культурный слой залегает в литологическом слое 2, сложенном суглинками от светло-коричневого до темно-коричневого цветов, имеющими коллювиальный генезис. В ходе раскопок здесь была получена представительная палеофаунистическая коллекция и многочисленная коллекция каменных артефактов.

Согласно результатам абсолютного датирования, данный слой относится к периоду 8–10,5 тыс. л.н. (калиброванные значения) [Shnaider et al., 2017].

Каменная индустрия, обнаруженная в ходе работ, насчитывает 2 227 экз., из которых 920 экз. (41,3 %) составляют отходы производства (табл. 1).

Нуклевидные изделия насчитывают 53 экз. (4 % от общего количества), из них типологически определимых 30 экз., среди которых выделяются плоскостные, торцовые и объемные ядрища (рис. 3, *8, 9, 10, 11*). Плоскостные нуклеусы преимущественно изготовлены из гальки и ориентированы на получение отщепов посредством центростремительного и параллельного способа расщепления. Торцовые и объемные нуклеусы ориентированы на получение пластинок и микропластин посредством продольного и бипродольного скалывания.

Технических сколов в коллекции насчитывается 83 экз. (6,7 %), среди которых доминируют сколы латеральной подправки, сколы подправки дуги скалывания, таблетки, краевые сколы и сколы подправки фронта расщепления.

Индустрия сколов представлена отщепами – 447 экз., пластинами – 28 экз. и пластинками/микропластинами – 588 экз. (табл. 1).

Изделий со вторичной обработкой насчитывается 218 экз. (табл. 2). Наиболее многочисленной категорией орудийной коллекции являются

Таблица 1. **Состав каменной индустрии слоя 2 памятника Обишир-5 (раскопки 2018–2019 гг.)**

Каменная индустрия	Обишир-5				Всего	
	2018		2019		Экз.	%
	Экз.	%	Экз.	%		
Нуклеус*	*12*	*3,3*	*41*	*4,6*	*53*	*4,3*
Гальки*	59	16	49	5,6	108	8,7
Технические сколы*	*25*	*7*	*58*	7	83	6,7
Отщепы*	*118*	*33*	*257*	*29*	*375*	*30,4*
Пластины*	*7*	*2*	*21*	*2*	*28*	*2,3*
Пластинки/микропластины*	*139*	*39*	449	51	588	47,6
Всего, без учетов отходов производства*	***360***	***84***	***875***	***55***	***1235***	57,3
Отходы производства (обломки, чешуйки, отщепы менее 20 мм)**	*71*	*16*	*849*	*49*	*920*	*42,7*
Всего	431	100	1724	100	2155	100

*Процент от суммы артефактов горизонта без учетов отходов производства.
**Процент от общей суммы артефактов горизонта.

Рис. 3. Каменная индустрия слоя 2 памятника Обишир-5 (раскопки 2018–2019 гг.).

концевые скребки (63 экз., рис. 3, *4, 5, 7, 13, 15*) и микропластины с вентральной ретушью (54 экз., рис. 3, *2*). Помимо этого, в коллекции выделены выемчатые изделия (8 экз., рис. 3, *3*), проколки (5 экз., рис. 3, *1*), долотовидные орудия (5 экз.), трапеция, скребла (9 экз., рис. 3, *6*), микропластины с ретушью притупления (8 экз., рис. 3, *14*). Особый интерес представляет наконечник стрелы, который представлен в единственном экземпляре, и одна заготовка для наконечника. Кроме этого, в комплексе представлены микропластины с дорсальной ретушью (30 экз., рис. 3, *12*) и сколы с ретушью утилизации (33 экз.).

Всего для слоя 2 было проанализировано 420 костей, среди которых большая часть относится к роду *Ovis/Capra*; единичные образцы принадлежали зайцу и лисице. В целом данный материал сильно фрагментирован, при этом, судя по морфологическим характеристикам, в 79 % случаев фрагментация была произведена на сырой кости. Процессу выветривания было подвержено ок. 50 % костей, на что указывают прежде всего растрескивание и отслоение материала. Мерзлотной модификации, характеризующейся появлением трещин в кортикальной поверхности, подверглось порядка 16 % костей. Разрушение в результате постдепозиционных процессов отмечается достаточно часто (34 экз.), большая часть имеет следы воздействия корневой системы (33 экз.), из-за чего зачастую невозможно изучить исходную поверхность. Означенные процессы ограничили численность изученных образцов: от общего числа детальному анализу было подвергнуто лишь 58 %. Из них ок. 25 % имеют следы искусственной модификации со следами разделки (15 экз.), порезов (11 экз.), слома (1 экз.), расщепления (1 экз.), также выделяются жженные кости (22 экз.). Помимо этого, в коллекции было выделено несколько орудий, изготовленных на длинных костях животных, – ретушер и шило. Также фиксируются свидетельства символической деятельности: кость с гравировками и зуб лисы со следами порезов.

В результате проведенных исследований памятника Обишир-5 в 2018–2019 гг. удалось пересмотреть культурно-хронологическую позицию памятника. Ранее предполагалось, что памятник заселялся с раннего голоцена и после – в период Средневековья [Исламов, 1980]. Обнаружение чустской и шурабашатской керамики свидетельствует о том, что Обишир-5 был заселен человеком практически постоянно, начиная с финального плейстоцена [Shnaider et al., 2017]. Что касается материалов из слоя 2, то они полностью соответствует обнаруженному здесь в 2015–2016 гг. комплексу [Шнайдер и др., 2016] и находят аналогии в материалах памятников Памира (Ошхона и Истыкская пещера).

Таблица 2. **Орудийный набор слоя 2 памятника Обишир-5 (раскопки 2018–2019 гг.), экз.**

Типы орудий	2018	2019	Всего
Трапеции	–	1	1
Проколки	1	4	5
Выемчатые изделия	2	6	11
Долотовидные изделия	–	5	5
Наконечник стрелы	2	–	2
Скребла	1	8	9
Концевые скребки	13	50	65
Пластинки с вентральной ретушью	12	42	55
Сколы с дорсальной ретушью	14	16	33
Сколы с ретушью притупления	4	4	8
Сколы с ретушью утилизации	2	31	33
Всего	51	167	218

Благодарности

Авторы признательны ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку рис. 3. Полевые исследования памятника были выполнены при поддержке проекта РФФИ № 18-09-00222 «Адаптационные стратегии неандертальцев и людей современного физического типа в среднегорном поясе западной части Центральной Азии», анализ палеофаунистической коллекции проведен в рамках госзадания Министерства образования и науки РФ № 33.867.2017/4.6 «Реконструкция технологических приемов и методов производств древних обществ Северной Азии».

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарный круг и его происхождение. – Екатеринбург: Изд-во ИИиА УрО РАН, 1993. – 56 с.

Брыкина Г.А., Горбунова Н.Г. Фергана // Археология. Средняя Азия и Дальний Восток в эпоху средневековья. Средняя Азия в раннем средневековье. – М.: Наука, 1999. – С. 93–114.

Заднепровский Ю.А. Древнеземледельческая культура Ферганы. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – 328 с. – (МИА; № 118).

Исламов У.И. Обиширская культура. – Ташкент, 1980. – 147 с.

Шнайдер С.В. Туткаульская линия развития в мезолите западной части Центральной Азии: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 28 с.

Шнайдер С.В., Абдыканова А., Крайцарж М., Кривошапкин А.И., Колобова К.А., Романенко М.Е., Алишер-кызы С. Результаты археологических раскопок памятника Обишир-5 в 2016 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 194–198.

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia // Archaeol. and Anthropol. Sci. – 2018. – DOI 10.1007/s12520-018-0613.

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5 // Antiquity. – 2017. – Vol 91, iss. 360. – DOI:10.15184/aqy.2017.208.

References

Bobrinskij A.A. Goncharnyi krug i ego proiskhozhdenie. Yekaterinburg: Institute of History and Archaeology UB RAS Publ., 1993, 56 p. (in Russ.).

Brykina G.A., Gorbunova N.G. Fergana. In *Arheologija. Srednjaja Azija i Dal'nij Vostok v epohu srednevekov'ja. Srednjaja Azija v rannem srednevekov'e.* Moscow: Nauka, 1999, pp. 93–114 (in Russ.).

Islamov U.I. Obishirskaya kul'tura. Tashkent, 1980, 147 p. (in Russ.).

Kolobova K.A., Krivoshapkin A.I., Shnaider S.V. Early geometric microlith technology in Central Asia. *Archaeol. and Anthropol. Sci.*, 2018, DOI 10.1007/s12520-018-0613.

Shnaider S.V. Tutkaul'skaya liniya razvitiya v mezolite zapadnoi chasti Tsentral'noi Azii: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2015, 28 p. (in Russ.).

Shnaider S.V., Abdykanova A., Krajcarzh M., Krivoshapkin A.I., Kolobova K.A., Romanenko M.E., Alisher-kyzy S. Results of archaeological excavation of Obishir 5 site in 2016. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 194–198 (in Russ.).

Shnaider S.V., Krajcarz M.T., Viola T.B., Abdykanova A., Kolobova K.A., Fedorchenko A.Yu., Alisher-kyzy S., Krivoshapkin A.I. New investigations of Epipaleolithic in western Central Asia: Obishir-5. *Antiquity*, 2017, vol. 91, iss. 360, DOI:10.15184/aqy.2017.208.

Zadneprovskij Yu.A. Drevnezemledel'cheskaya kul'tura Fergany. Moscow: AS SSSR Publ., 1962, 328 p. (in Russ.).

Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Рендю В. https://orcid.org/0000-0003-2137-1276
Абдыканова А. https://orcid.org/0000-0002-7238-9065
Крайцарж М. https://orcid.org/0000-0002-1240-0664
Кривошапкин А.И. https://orcid.org/0000-0002-5327-3438

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.293-298
УДК 902.01

С.В. Шнайдер[1], Н.Н. Сайфулоев[2], С. Алишер кызы[1, 3], Н.А. Рудая[1], И.Е. Дедов[3], Л.В. Зоткина[1], В.А. Жуков[4], А. Караев[2], М. Навруздбеков[2], В.В. Алексейцева[3], А.И. Кривошапкин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт истории, археологии и этнографии им. А. Дониша АН РТ
Душанбе, Таджикистан
[3]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[4]Государственный музей искусства народов Востока
Москва, Россия
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан)

Согласно результатам последних исследований, перманентное заселение высокогорных ландшафтов относится к периоду позднего голоцена: так, первые поселения в Андах на высоте ок. 4 000 м над ур. м. датируются ок. 12 тыс. л.н.; возраст первых поселений в Тибете – ок. 12,5 тыс. лет. Изучение каменного века высокогорий западной Центральной Азии проводилось в 1950–1970-х гг. По данным этих исследований, указанные территории были заселены человеком только в раннем голоцене (ок. 10 тыс. л.н.). Пересмотр старых коллекций и проведение серии абсолютного датирования позволили установить, что регион был заселен раньше (ок. 13 тыс. л.н.). В связи с этим силами российско-таджикской экспедиции было возобновлено полевое изучение многослойного памятника Истыкская пещера. В ходе работ была получена представительная археологическая коллекция, в т.ч. уникальные предметы из кости – иглы и украшения. Предварительный корреляционный анализ свидетельствует о сходстве обнаруженной каменной индустрии с индустриями памятников, располагающихся на сопредельных территориях (Ферганская, Маркансуйская и Алайская долины). Дальнейшие исследования позволят реконструировать направления миграций в высокогорные районы Центральной Азии и их хронологию, а также проследить взаимосвязь между изменениями ландшафтно-климатических условий и типами хозяйствования человека от самого раннего заселения вплоть до современности.

Ключевые слова: *Памир, высокогорья, финальный плейстоцен, ранний голоцен, каменная индустрия.*

Svetlana V. Shnaider[1], Nuritdin N. Sayfulloev[2], Saltanat Alisher kyzy[1, 3], Natalia A. Rudaya[1], Igor E. Dedov [3], Lidia V. Zotkina[1], Valeriy A. Zhukov[4], Asliddin Karaev[2], Masnav Navruzbekov[2], Valentina V. Alexeytseva[3], Andrey I. Krivoshapkin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]A. Donish Institute of History, Archaeology and Ethnography AS RT,
Dushanbe, Tajikistan
[3]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[4]The State Museum of Oriental Art,
Moscow, Russia
E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

First Research Results at the Multilayered Site of Istikskaya Cave (Eastern Pamir, Tajikistan)

According to the results of recent studies, first peopling of the highlands started during the Final Pleistocene–Early Holocene. The earliest settlements in the Andes at the height of ca. 4000 m above sea level were dated to 12 kyr BP; the age of the first settlements in Tibet is about 12.5 kyr BP. Active archaeological research of Central Asian highlands was conducted in 1950s–1970s. According to the results of these studies, this region was peopled in the Early Holocene (ca. 10 kyr BP). The revision of collections from Soviet excavations and new absolute dates have made it possible to establish that the region was peopled at the earlier date (ca. 13 kyr BP). The joined Russian-Tajik Expedition resumed the field study of multilayered archaeological site of Istikskaya cave, which resulted in large archaeological collection, including unique artifacts of bone – needles and personal adornments. The preliminary correlation analysis of the lithic industry has revealed similarities with the evidence from the neighboring territories (Fergana Valley, Markansu Valley, and Alay Valley). Continued field study of the cave will make it possible to reconstruct ancient human migrations to the Central Asian highlands and their chronology, and establish relationship of changes in climate and landscape with ancient human economic systems from the earliest peopling of highlands almost until the present time.

Keywords: *Pamir Mountains, highlands, Final Pleistocene, Early Holocene, lithic industry.*

Освоение высокогорий является одной из наиболее обсуждаемых и актуальных тем в современной археологии. Так, на территории Тибета наиболее ранние свидетельства появления человека связываются с денисовцем, бесспорные свидетельства присутствия которого отмечаются ок. 160 тыс. л.н. на высоте 3 280 м над ур. м. [Chen et al., 2019]; ок. 40–30 тыс. л.н. датируется каменная индустрия Ньява Деву (высота 4 600 м над ур. м.), которая, вероятнее всего, ассоциируется также с денисовцем [Zhang X.L. et al., 2018]. Что касается расселения человека современного анатомического облика, то высказано предположение, что он впервые появился здесь ок. 20 тыс. л.н. [Brantingham et al., 2007], однако данное исследование неоднократно подвергалось критике и на настоящий момент признается не всеми специалистами [Meyer et al., 2017]. Наиболее аргументированное раннее свидетельство проживания человека на Тибете было зафиксировано на памятнике Чузанг (Chusang) и датируется ок. 12,6 тыс. л.н. [Там же]. Учитывая физико-географические условия западной части Центральной Азии, а также ее географическую близость Тибетскому нагорью, данное направление исследований в настоящий момент может заполнить территориальную и хронологическую лакуны, а также предоставить новую информацию о путях расселения человека в обсуждаемых регионах.

На территории Центральной Азии к высокогорным районам относится Памир (средние высоты – 3 000–4 500 м над ур. м., максимум – 7 495 м, Пик Коммунизма) и Гиссаро-Алай (высота 3 000–3 500 м над ур. м., максимум – 5 489 м, г. Чимтарга).

Активное археологическое изучение этого сурового региона проводилось в советское время В.А. Рановым, В.А. Жуковым и А.А. Никоновым. На Восточном Памире ими было открыто и изучено множество археологических памятников, большая часть которых – это подъемные комплексы, по результатам технико-типологического анализа каменных артефактов отнесенные к верхнему палеолиту – неолиту [Ранов, Худжагелдиев, 2005]. Также в ходе данных работ были обнаружены и исследованы многослойные объекты Ошхона и Истыкская пещера [Ранов, 1988; Ранов, Худжагелдиев, 2005]. Согласно построениям, предложенным ранее, здесь выделялось два различных комплекса. Один (названный В.А. Рановым эпипалеолитическим) был представлен в материалах стоянки Ошхона и верхнем слое каменного века Истыкской пещеры. Второй комплекс (мезолитический, по В.А. Ранову) был обнаружен в материалах нижнего культурного горизонта Истыкской пещеры [Ранов, 1988]. В связи с малой представленностью стратифицированных памятников периода финального плейстоцена – раннего голоцена на территории Центральной Азии, а также учитывая, что здесь представлено несколько культурных традиций, повторное изучение Истыкской пещеры приобретает особую значимость. В связи с этим в полевом сезоне 2018 г. было возобновлено изучение памятника силами российско-таджикского археологического отряда по изучению каменного века Восточного Памира.

Стоянка располагается на левом берегу р. Сулистык (абсолютная высота над ур. м. – 4 060 м), на 7–12 м выше современного уровня реки (рис. 1). Общая площадь, вскрытая раскопом в 1970-х гг., составляет 30 м². В полевом сезоне 2018 г. в капельной линии пещеры была проведена небольшая зачистка северо-восточной стенки раскопа В.А. Жукова. В 2019 г. в этой части пещеры был заложен раскоп площадью 2 м^2. В ходе проведения археологических работ на памятнике было выделено пять стратиграфических подразделений (рис. 2).

Слой 1. Серая супесь, пылеватая, структурно не выраженная, обломочный материал отсутствует.

Рис. 1. Расположение Истыкской пещеры (*1*); вид на памятник Истыкская пещера (*2*).

Истинная мощность слоя колеблется от 0,2 до 0,4 м. В нижней части слоя обнаружены следы большого понора, заполненного мышиным пометом.

Слой 2. Слой представляет собой коричневую, гумусированную, пылеватую, супесь. Выделено 3 прослоя.

Прослой 2.1 сложен из коричневой супеси, отмечены следы одного кострища, согласно предварительным результатам, основным сырьем для него послужил терескен. В прослое обнаружены каменные артефакты и фаунистические остатки. Отмечается большое количество обожженного обломочника.

Прослой 2.2 представляет собой прослойки тапака (навоза), согласно предварительному морфологическому анализу он принадлежит быку рода *Bos*. В слое отмечается меньшая концентрация находок, чем в прослое 2.1.

Прослой 2.3 сложен темно-коричневой супесью, отмечено четыре следа кострищ, каменные и костяные артефакты и фаунистические остатки.

Слой 3. Серая супесь, пылеватая, бесструктурная. На границе между слоями 2–3 отмечается наличие стерильной прослойки. В слое обнаружены каменные артефакты и фаунистический материал. Истинная мощность слоя колеблется от 0,3 до 1,5 м.

Слой 4. Представлен серым речным хорошо сортированным песком, без каких либо включений. В археологическом отношении стерилен и достигает мощности 1 м.

Ниже слоя 4 залегает *слой 5*, который представляет собой тонкие переслоения супеси и песка, возможно, фиксирует эпизоды подступления воды

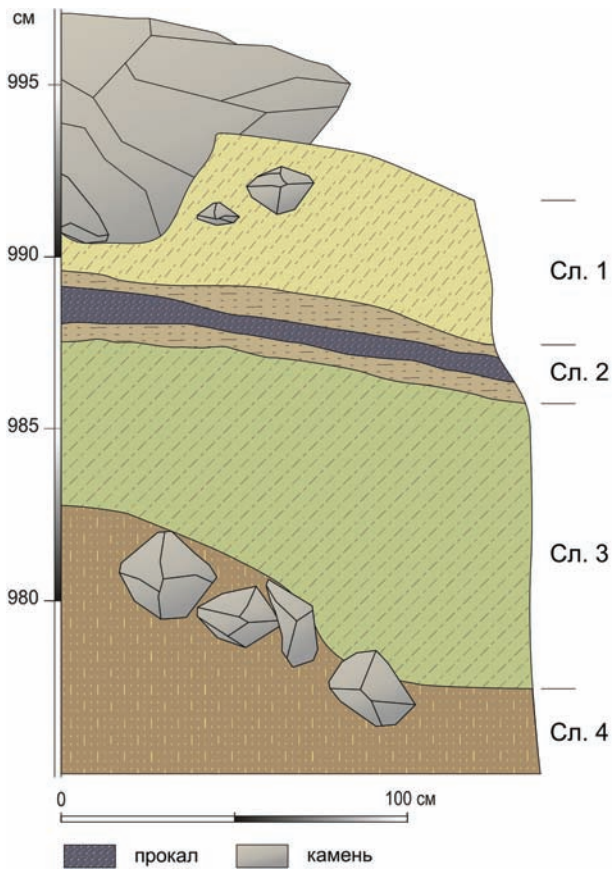

Рис. 2. Стратиграфия памятника.

к пещере. В археологическом отношении слой стерилен. В ходе проведения раскопок скальное дно не было достигнуто, видимая мощность слоя составляет 0,5 м.

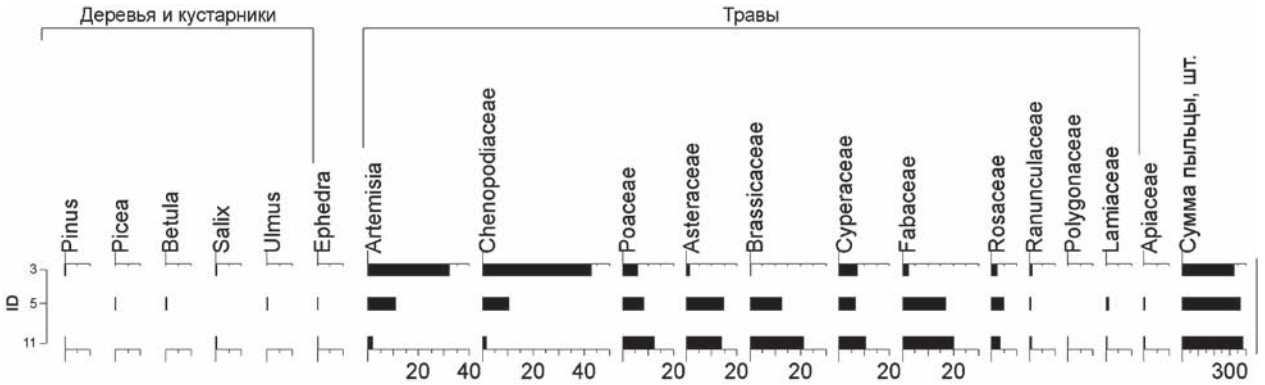

Рис. 3. Палинология памятника.

Палинологический анализ был проведен для образцов, отобранных из слоев 1 (ID 3) и верхней части слоя 3 (ID 5 и 11) (рис. 3). Образец из слоя 1 выявляет существование аридного климата во время накопления слоя и распространение пустынных степей или полупустынь в окрестностях Истыкской пещеры. На это указывают доминирование пыльцы семейства маревых (Chenopodiaceae) и полыней (*Artemisia).* Древесные таксоны представлены единичными пыльцевыми зернами. Совсем другие растительные комплексы зафиксированы в образцах из верхней части слоя 3. В обоих образцах доминирует пыльца более мезофитного разнотравья: бобовые (Fabaceae), крестоцветные (Brassicaceae), астровые (Asteraceae), злаковые (Poaceae) и розоцветные (Rosaceae). При этом в образце ID 5 процент ксерофитных полыней и маревых также достаточно высок, что отличает его от образца с ID 11 в сторону усиления аридности климата.

В слое 0 зафиксировано несколько прослоек очажной золы, к которым приурочена наибольшая концентрация находок. Их большая часть представлена костями и зубами животных (преимущественно O*vis/Capra*) (табл. 1).

В слое 1 встречается большое количество прокалов, костей (большая часть которых обожженные), углей, встречены единичные фрагменты керамики, кусочки дерева, каменные артефакты и гальки со следами обработки. Особый интерес представляет обнаруженное здесь скопление обожженных костей, согласно результатам предварительного анализа – ребра *Bos* (вероятнее, яка). Помимо этого, в слое обнаружена бусина, изготовленная их синего стекла. Предположительно формирование данного культурного слоя относится к периоду бронзового века – Средневековья.

Таблица 1. **Состав археологической коллекции, полученной в ходе раскопок памятника Истыкская пещера в 2019 г.**

Находки	Количество изделий (экз.)			
	Слой 0	Слой 1	Слой 2	Слой 3
Фрагменты костей	54	70	52	275
Зубы животных	17	31	11	5
Обожженные кости	17	179	33	65
Фрагменты керамики	2	3	2	
Дерево	10	8	10	13
Каменные артефакты	11	18	105	59

В слое 2 обнаружено 220 номерных находок (табл. 2), большая часть которых представлена каменными артефактами, костями (из них треть – обожженные), фрагментами зубов животных.

Первичное расщепление комплекса, обнаруженного в слое 2, представлено торцовыми, конусовидными и цилиндрическими нуклеусами, утилизация которых была направлена на получение микропластин (рис. 4, *2, 3, 5, 6*). В орудийном наборе доминируют пластинки с вентральной ретушью, концевые скребки, отмечается наличие пластинок с дорсальной ретушью (рис. 4, *4*), также в коллекции выделены геометрический микролит в виде трапеции и стрелка.

В слое 3 обнаружено 197 номерных артефактов, среди которых доминируют кости (единичные экземпляры обожжены) и каменные артефакты, единичными экземплярами представлены фрагменты зубов животных, угли и фрагменты дерева. Особый интерес представляет здесь обнаруженный дистальный фрагмент костяной иглы.

Каменная индустрия слоя 3 характеризуется мелкопластинчатым расщеплением со значительной ролью пластин, которые выступали в качестве заготовок для орудий, таких как пластины с притупленным краем, выемчатые орудия, острия (рис. 4, *1*), концевые скребки.

Помимо этого, при просеве отвала со старых раскопок было обнаружено два экземпляра костяных игл и две бусины из кости. Судя по сохранности изделий и их морфологии, они, вероятнее всего, происходят из слоев 2–3.

Таблица 2. **Состав каменной индустрии, полученной в ходе раскопок памятника Истыкская пещера в 2019 г.**

Каменная индустрия	Слой 0		Слой 1		Слой 2		Слой 3		Всего	
	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%	Кол-во (экз.)	%
Нуклеусы	–	*0,0*	–	*0,0*	*3*	*5,5*	*2*	*4,4*	*5*	*4,5*
Гальки	*2*	*40*	*2*	*28,6*	*2*	*4*	–	*0,0*	*6*	*5,4*
Отщепы	*1*	*20*	*4*	*57*	*19*	*35*	*18*	*40*	*42*	*38*
Пластины	–	*0*	–	*0*	–	*0*	*4*	*9*	*4*	*4*
Пластинки/микропластина	*2*	*40*	*1*	*14*	*31*	*56*	*21*	*47*	*55*	*49*
*Всего, без учетов отходов производства**	***5***	***45***	***7***	***88***	***55***	***52***	***45***	***76***	*112*	***61***
Отходы производста (обломки, чешуйки, отщепы менее 20 мм)**	*6*	*55*	*1*	13	50	48	14	24	71	39
Всего	***11***	***100***	***8***	***100***	***105***	***100***	***59***	***100***	*183*	***100***

*Процент от суммы артефактов горизонта без учетов отходов производства.
**Процент от общей суммы артефактов горизонта.

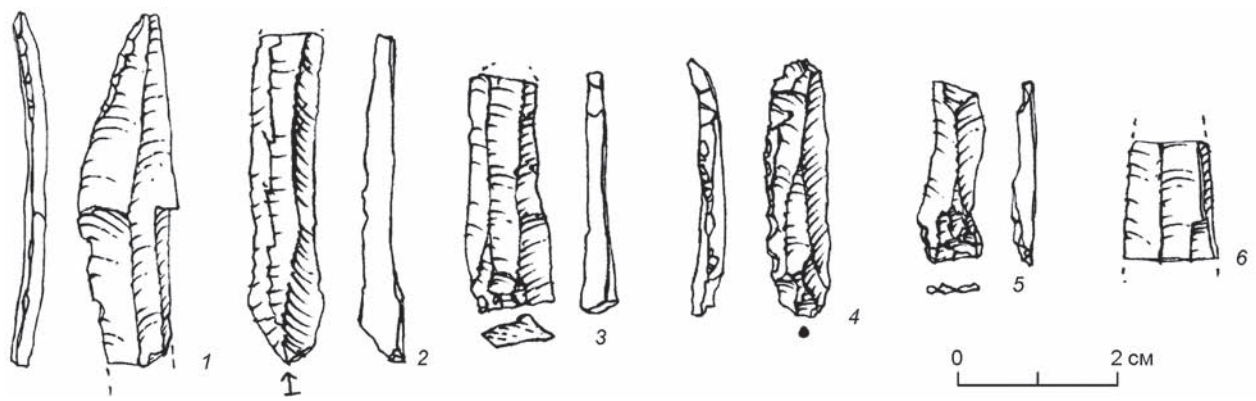

Рис. 4. Каменная индустрия слоев 2, 3 Истыкской пещеры (раскопки 2019 г.).

Что касается абсолютных датировок, то на новом этапе исследований получены две радиоуглеродные даты по костям из раскопок В.А. Жукова, которые были промаркированы «нижний горизонт», их точную принадлежность к культурному слою на настоящий момент установить невозможно. Даты укладываются в диапазон – 13,8–13,4 тыс. л.н. [Shnaider et al., 2018]. Совместные полевые наблюдения, проведенные В.А. Жуковым и С.В. Шнайдер, указывают на то, что слой 3 раскопок 2019 г. полностью соотносится с материалами «нижнего горизонта» раскопок 1970-х гг. Таким образом, мы можем говорить о том, что начиная с 13,5 тыс. л.н. человек заселял суровые высокогорья Восточного Памира.

Проведенный предварительный корреляционный анализ обнаруженной каменной индустрии с материалами синхронных комплексов сопредельных территорий свидетельствуют о наличии сходств с индустриями памятников Ошхона, Обишир-5 и Обишир-1 и Алайская стоянка. Здесь были обнаружены схожие типы объемных нуклеусов, микропластинок с вентральной ретушью, концевых скребков и пластинок с притупленным краем.

На взгляд авторов раскопок, подобные аналогии в каменной индустрии свидетельствуют о культурных связях между территориями Ферганской, Маркансуйской, Алайской и Истыкской долин в финальноплейстоценовое – раннеголоценовое время. Дальнейшее детальное изучение Истыкской пещеры позволит реконструировать направления миграций в высокогорные районы Центральной Азии и их хронологию, а также проследить смену адаптационных стратегий человека начиная от раннего заселения высокогорий до настоящего времени и установить связь между изменениями ландшафтно-климатических условий и типами хозяйствования человека.

Благодарности

Авторы признательны ведущему художнику ИАЭТ СО РАН Н.В. Вавилиной за подготовку рис. 2 и 4. Изучение памятника было выполнено при поддержке проекта РФФИ № 18-09-40081.

Список литературы

Ранов В.А. Каменный век Южного Таджикистана и Памира: автореф. дис. … д-ра ист. наук. – Новосибирск, 1988. – 52 с.

Ранов В.А., Худжагелдиев Т.У. Каменный век // История Горно-Бадахшанской автономной области. – 2005. – Т. 1. – С. 51–107.

Brantingham P.J., Xing G., Olsen J.W., Rhode D.E., Zhang H.Y., Madsen D.B. A short chronology for the peopling of the Tibetan Plateau // Late Quaternary Climate Change and Human Adaptation in Arid China. – 2007. – P. 129–150.

Chen F., Welker F., Shen C., Bailey S.E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S.E., Yu T.L., Skinner M.M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D., Hublin J.J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau // Nature. – 2019. – N 569 (7756). – P. 409–412.

Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene // Science. – 2017. – Vol. 355. – P. 64–67.

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoshapkin A.I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: the Tutkaulian complex // Quaternary Intern. – 2018 (in press). – https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001.

Zhang X.L., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago // Science. – 2018. – N 362 (6418). – P. 1049–1051.

Zhang D.D., Li S.H. Optical dating of Tibetan human hand- and footprints: An implication for the palaeoenvironment of the last glaciation of the Tibetan Plateau // Geophys. Res. Letters. – 2002. – N 29. – P. 1072.

References

Brantingham P.J., Xing G., Olsen J.W., Rhode D.E., Zhang H.Y., Madsen D.B. A short chronology for the peopling of the Tibetan Plateau. In *Late Quaternary Climate Change and Human Adaptation in Arid China*, 2007, pp. 129–150.

Chen F., Welker F., Shen C., Bailey S.E., Bergmann I., Davis S., Xia H., Wang H., Fischer R., Freidline S.E., Yu T.L., Skinner M.M., Stelzer S., Dong G., Fu Q., Dong G., Wang J., Zhang D., Hublin J.J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau. *Nature*, 2019, No. 569 (7756), pp. 409–412.

Meyer M.C., Aldenderfer M.S., Wang Z., Hoffmann D.L., Dahl J.A., Degering D., Haas W.R., Schlütz F. Permanent human occupation of the central Tibetan Plateau in the early Holocene. *Science*, 2017, vol. 355, pp. 64–67.

Ranov V.A. Kamennyi vek Yuzhnogo Tadzhikistana i Pamira: doctor sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 1988, 52 p. (in Russ.).

Ranov V.A., Khudzhageldiev T.U. Kamennyi vek. In *Istoriya Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti*, 2005, vol. 1, pp. 51–107 (in Russ.).

Shnaider S.V., Kolobova K.A., Filimonova T.G., Taylor W., Krivoshapkin A.I. New insights into the Epipaleolithic of western Central Asia: the Tutkaulian complex. *Quaternary Intern.*, 2018, in press. https://doi.org/10.1016/j.quaint.2018.10.001.

Zhang X.L., Ha B.B., Wang S.J., Chen Z.J., Ge J.Y., Long H., He W., Da W., Nian X.M., Yi M.J., Zhou X.Y., Zhang P.Q., Jin Y.S., Bar-Yosef O., Olsen J.W., Gao X. The earliest human occupation of the high-altitude Tibetan Plateau 40 thousand to 30 thousand years ago. *Science*, 2018, No. 362 (6418), pp. 1049–1051.

Zhang D.D., Li S.H. Optical dating of Tibetan human hand- and footprints: An implication for the palaeoenvironment of the last glaciation of the Tibetan Plateau. *Geophys. Res. Letters*, 2002, No. 29, p. 1072.

Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286
Алишер кызы С. https://orcid.org/0000-0003-3138-0942
Рудая Н.А. https://orcid.org/0000-0003-1536-6470
Зоткина Л.В. https://orcid.org/0000-0002-1912-3882
Кривошапкин А.И. https://orcid.org/0000-0002-5327-3438

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.299-305
УДК 903.01

М.В. Шуньков[1], М.Б. Козликин[1], А.Ю. Федорченко[1], В.А. Михиенко[2], А.М. Чеха[1], А.Н. Чеха[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: kmb777@yandex.ru

Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года

В статье представлены результаты технико-типологического анализа новых палеолитических материалов из верхней части плейстоценовой толщи в южной галерее Денисовой пещеры. В 2019 г. в центральной части галереи на площади 12 м^2 были изучены осадки литологических слоев 11 и 12. Согласно результатам ОСЛ-датирования, слой 12 накапливался на протяжении стадии 4 морской кислородно-изотопной шкалы и в начале МИС 3. Коллекция каменных артефактов из слоя 12 насчитывает 761 экз. Среднепалеолитическая индустрия из этого слоя характеризуется различными вариантами леваллуазского, параллельного и радиального расщепления, представленными монофронтальными одно- и двуплощадочными нуклеусами. Типологическую основу инвентаря составляют продольные, поперечные и конвергентные модификации скребел. В орудийном наборе отмечены мустьерские остроконечники, зубчатые и выемчатые изделия, верхнепалеолитические формы, а также тронкированно-фасетированные и вентрально утонченные сколы. Результаты ^{14}C AMS-датирования образцов кости и угля из слоя 11 показали, что возраст этих отложений связан с первой половиной МИС 3. Каменная индустрия ранней стадии верхнего палеолита из слоя 11 насчитывает 525 экз. Для первичного расщепления в этой индустрии характерно параллельное раскалывание, направленное на получение удлиненных отщепов, крупных пластин и мелких пластинок. В числе орудий отмечены миниатюрные скребки, угловой и срединный резцы, ретушированные пластины с хорошо выраженной верхнепалеолитической морфологией и серия тщательно оформленных тонких листовидных бифасов. Вместе с каменной индустрией обнаружены костяные орудия и представительный набор разнообразных персональных украшений.

Ключевые слова: *Денисова пещера, плейстоцен, средний палеолит, ранний верхний палеолит, каменная индустрия.*

Michael V. Shunkov[1], Maxim B. Kozlikin[1], Alexander Yu. Fedorchenko[1], Valeria A. Mikhienko[2], Andrey M. Chekha[1], Anna N. Chekha[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: kmb777@yandex.ru

Lithic Industries of the Middle and Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave: Evidence of 2019

The article presents the results of technical and typological analysis of new Paleolithic material evidence from the upper part of the Pleistocene strata in the South Chamber of Denisova cave. In 2019, the deposits of lithological layers 11 and 12 were studied in the central part of the chamber over the area of 12 m^2. According to the results of OSL-dating, layer 12 was accumulated during stage 4 of the marine oxygen-isotope scale and at the early MIS 3. The collection of stone artifacts from layer 12 consists of 761 objects. The Middle Paleolithic industry from that layer is distinguished by the varieties of the Levallois, parallel, and radial reduction, represented by monofrontal single- and double platform

cores. The typological basis of the inventory consists of longitudinal, transverse, and convergent varieties of side-scrapers. The toolkit includes the Mousterian points, denticulate and notched implements, Upper Paleolithic varieties, as well as truncated-faceted and ventrally thinned spalls. The ^{14}C AMS-dating of bone and charcoal samples from layer 11 has shown that the age of these deposits can be associated with the first half of the MIS 3. Lithic industry of the Early Upper Paleolithic from layer 11 consists of 525 objects. Primary reduction in this industry is distinguished by parallel splitting aimed at obtaining elongated flakes, large blades, and bladelets. The tools include miniature end-scrapers, angle and dihedral burins, retouched blades with well-expressed Upper Paleolithic morphology, and a series of carefully processed thin leaf-shaped bifaces. Bone tools and a representative set of various personal adornments have been discovered together with the stone industry.

Keywords: *Denisova cave, Pleistocene, Middle Paleolithic, Early Upper Paleolithic, stone industry.*

В 2019 г. комплексные исследования плейстоценовых отложений Денисовой пещеры проводились в центральной части южной галереи. К раскопу 1999–2003 гг. был прирезан участок квадратов Д/2–7. В пределах раскопа 2017 г. [Деревянко и др., 2017] прирезана линия квадратов Е/2–7. В результате раскопочных работ на площади 12 м^2 были изучены осадки нижней части слоя 11 и слой 12, содержащие археологические материалы ранней стадии верхнего и среднего палеолита соответственно.

Средний возраст начала и завершения осадконакопления слоя 12 в южной галерее был смоделирован с помощью Байесовского метода на основе десяти ОСЛ-дат. Согласно этим данным слой 12 формировался в интервале от 64 ± 9 до 47 ± 8 тыс. л.н. [Jacobs et al., 2019]. Для отложений нижней части слоя 11 по кости были получены ^{14}C AMS-даты – 48 900 ± 1 800 л.н. (OxA-V-2359-18), 51 200 ± 2 200 л.н. (OxA-V-2359-17) и 48 650 +2 380/–1 840 л.н. (KIA 25285 SP 553/D19). Для кровли слоя 11 на контакте с вышележащим слоем 9 по углю получена ^{14}C AMS-дата 29 200 ± ± 360 л.н. (AA-35321).

Коллекция каменных артефактов из слоя 12 включает 761 экз.

Инструменты для расщепления представлены двумя отбойниками в виде галек крупнозернистого песчаника с участками интенсивной забитости.

Типологически выраженные нуклеусы – 10 экз. Производство леваллуазских отщепов в индустрии представляет одноплощадочный монофронтальный нуклеус округлой в плане формы (рис. 1, *2*). Его выпуклая ударная площадка тщательно подготовлена мелкими снятиями и скошена к контрфронту, выровненному крупными центростремительными сколами. По периметру контрфронта более мелкими фасетками оформлена ударная площадка для сколов подготовки центрального объема фронта ядрища, который впоследствии был удален крупным подпрямоугольным снятием.

Двуплощадочные монофронтальные параллельные со встречным скалыванием – 2 экз. У одного ядрища площадки подготовлены несколькими крупными сколами, скошены к контрфронту, обработанному центростремительными снятиями. Объем фронта поддерживался латеральными подправками (рис. 1, *1*). На другом нуклеусе ударные площадки оформлены также крупными сколами, контрфронт сохраняет галечную поверхность, латеральная подправка не использовалась.

Радиальные нуклеусы, моно- – 5 экз. и бифронтальные – 2 экз. В основном это сильно истощенные изделия округлой или угловатой в плане формы, с расщеплением по всему периметру от неподготовленного ребра. На двух уплощенных нуклеусах по окружности контрфронта мелкими сколами подготовлена ударная площадка. Фронт на этих ядрищах сохранил негативы крупных коротких или укороченных центростремительных снятий.

Нуклевидные обломки в виде крупных угловатых отдельностей галечного сырья с единичными сколами или с негативами бессистемных снятий – 6 экз.

Среди сколов преобладают отщепы (342 экз.), преимущественно мелкого размера или фрагментированные. Для целых изделий среднего и крупного размера (133 экз.) характерны гладкая (64 %) или естественная (14 %) остаточная ударная площадка. Сколы с другими определимыми типами площадки единичны. Небольшая часть сколов (14 %) имеет подправку карниза остаточной ударной площадки с помощью прямой, реже обратной редукции. Распределение отщепов по типу огранки дорсала: ортогональная – 31 %, продольная однонаправленная – 26 %, продольная бинаправленная – 9 %, неопределимая – 14 %. Доля сколов с естественной или гладкой дорсальной стороной составляет 9 и 8 % соответственно. Отщепы, сохраняющие часть галечной поверхности, составляют 29 %.

Пластины – 25 экз. В основном это крупные снятия, в т.ч. сколы леваллуазского облика с тщательно фасетированной выпуклой остаточной ударной площадкой и бинаправленной огранкой дорсала. Основная часть пластин имеет гладкую площад-

ку и продольную однонаправленную или ортогональную огранку дорсала.

Технические сколы представлены краевыми отщепами с радиальных нуклеусов (4 экз.) и полуреберчатыми пластинами (3 экз.)

Отходы производства включают 25 колотых галек, 255 обломков и осколков. В составе индустрии следует отметить достаточно крупные галечные отдельности со сколами апробации – валуны размером от 120 до 200 мм, оказавшиеся малопригодными для расщепления из-за повышенной слоистости или зернистости сырья.

Коллекция орудий – 89 экз. составляет 11,7 % индустрии (18,5 % без учета отходов производства).

Скребла – 20 экз. Продольные формы имеют прямое (4 экз.) (рис. 2, *5*, *9*) или выпуклое (5 экз.) лезвие, в большинстве случаев с дорсальным наложением ретуши. На трех орудиях лезвию противопоставлен обушок-грань, в т.ч. утонченный вентральной подтеской. Диагональные скребла (4 экз.) имеют дорсальное прямое лезвие (рис. 2, *2*, *8*). Конвергентное и продольно-поперечное скребла оформлены также с дорсальной стороны. Поперечные дорсальные скребла (4 экз.) имеют выпуклый рабочий край (рис. 2, *6*). На одном из них обушком служила противолежащая лезвию широкая естественная остаточная ударная площадка отщепа-заготовки. Одно скребло округлой в плане формы оформлено дорсальной ретушью по периметру. Заготовками скребел служили в основном крупные целые или фрагментированные отщепы, одно изделие оформлено на пластине. Для подготовки лезвия использовалась чаще всего дорсальная краевая или захватывающая крутая субпараллельная крупно- или среднефасеточная средне- или сильномодифицирующая ретушь.

Мустьерский остроконечник (рис. 2, *7*), представленный медиально-дистальным фрагментом, оформлен дорсальной краевой крутой чешуйчатой сильномодифицирующей ретушью.

Резцы угловые на пластинах – 2 экз. Резцовый скол снят вдоль продольного края пластины с отвесного дистального края заготовки. На одном из резцов вентральной подтеской удалены остаточная ударная площадка и ударный бугорок заготовки.

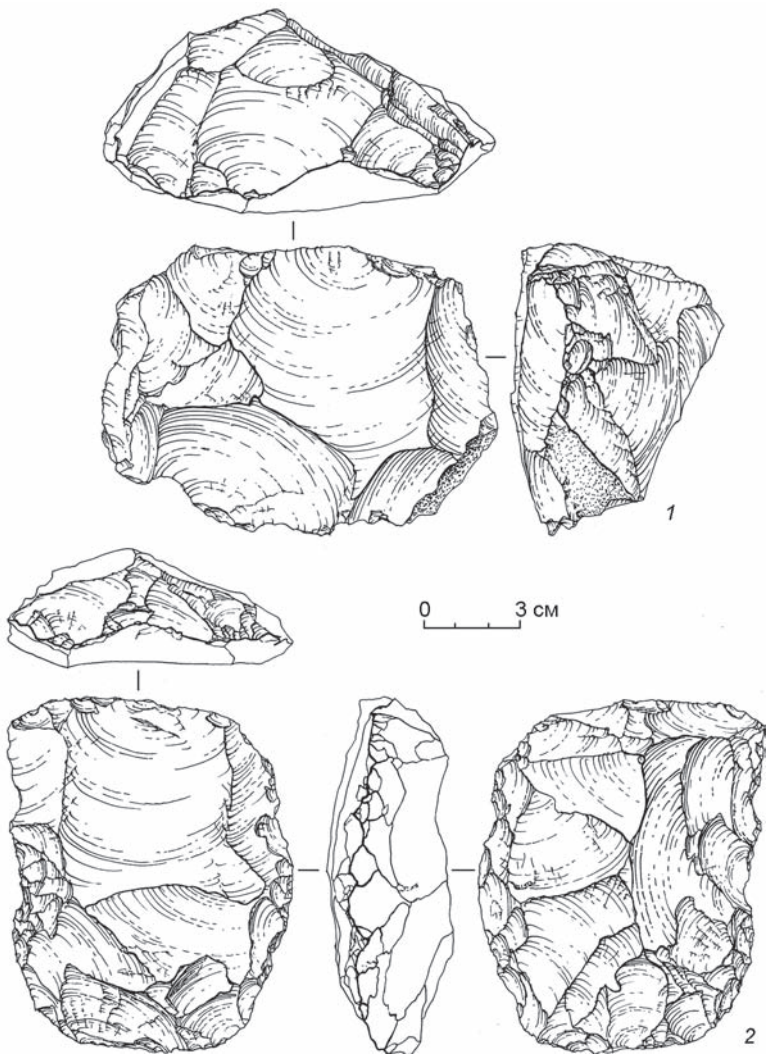

Рис. 1. Нуклеусы из слоя 12 в южной галерее Денисовой пещеры.

Шиповидные орудия – 2 экз. У одного из них шип выделен на углу между продольным краем и поперечным сломом крупного отщепа-заготовки. Ретушь дорсальная, краевая, крутая, мелкофасеточная, среднемодифицирующая. Рабочий элемент другого орудия оформлен вентральной краевой крутой среднемодифицирующей ретушью на дистальном крае крупной пластины.

Зубчатое орудие с продольным вентральным лезвием оформлено на крупном отщепе захватывающей полукрутой субпараллельной сильномодифицирующей ретушью.

Выемчатые орудия – 2 экз. – поперечное (рис. 2, *1*) на отщепе и продольное на проксимально-медиальном фрагменте пластины. Рабочий участок оформлен дорсальной краевой крутой чешуйчатой сильномодифицирующей ретушью.

Комбинированное орудие (рис. 2, *4*). Диагональное выпуклое скребло на продольно фрагментированном отщепе, с резцовым сколом, снятым вдоль

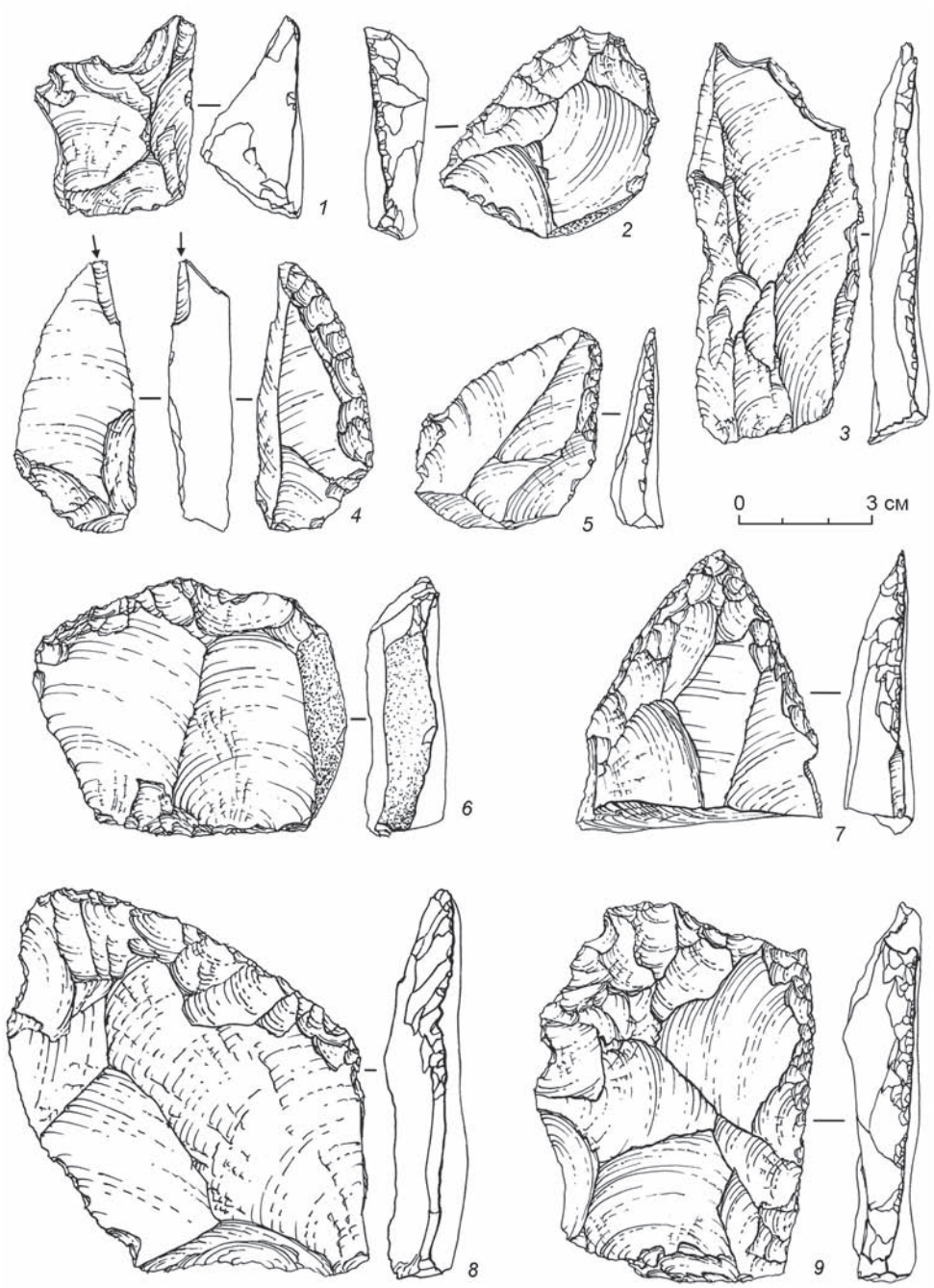

Рис. 2. Каменные артефакты из слоя 12 в южной галерее Денисовой пещеры.
1 – выемчатое орудие; *2, 5, 6, 8, 9* – скребла; *3* – пластина с ретушью; *4* – комбинированное орудие; *7* – мустьерский остроконечник.

продольного слома, и обушком-обломом. Ретушь дорсальная, захватывающая, крутая, субпараллельная, сильномодифицирующая. Остаточная ударная площадка и бугорок заготовки удалены вентральной подтеской.

Тронкированно-фасетированные сколы – 3 экз. Крупные отщепы с вентральным усечением проксимального края.

Вентрально утонченные сколы – 2 экз. Крупные массивные отщепы с утончением продольного или дистального края.

Отщепы – 42 экз. и пластины – 10 экз. (рис. 2, *3*) с эпизодической ретушью; неопределимые фрагменты орудий – 3 экз.

В коллекции изделий с вторичной обработкой имеется несколько принесенных предметов со следами реутилизации. Они представляют собой крупные отщепы с заглаженной или патинированной поверхностью с фасетками более позднего переоформления.

В целом для среднепалеолитической индустрии из слоя 12 характерны различные варианты левал-

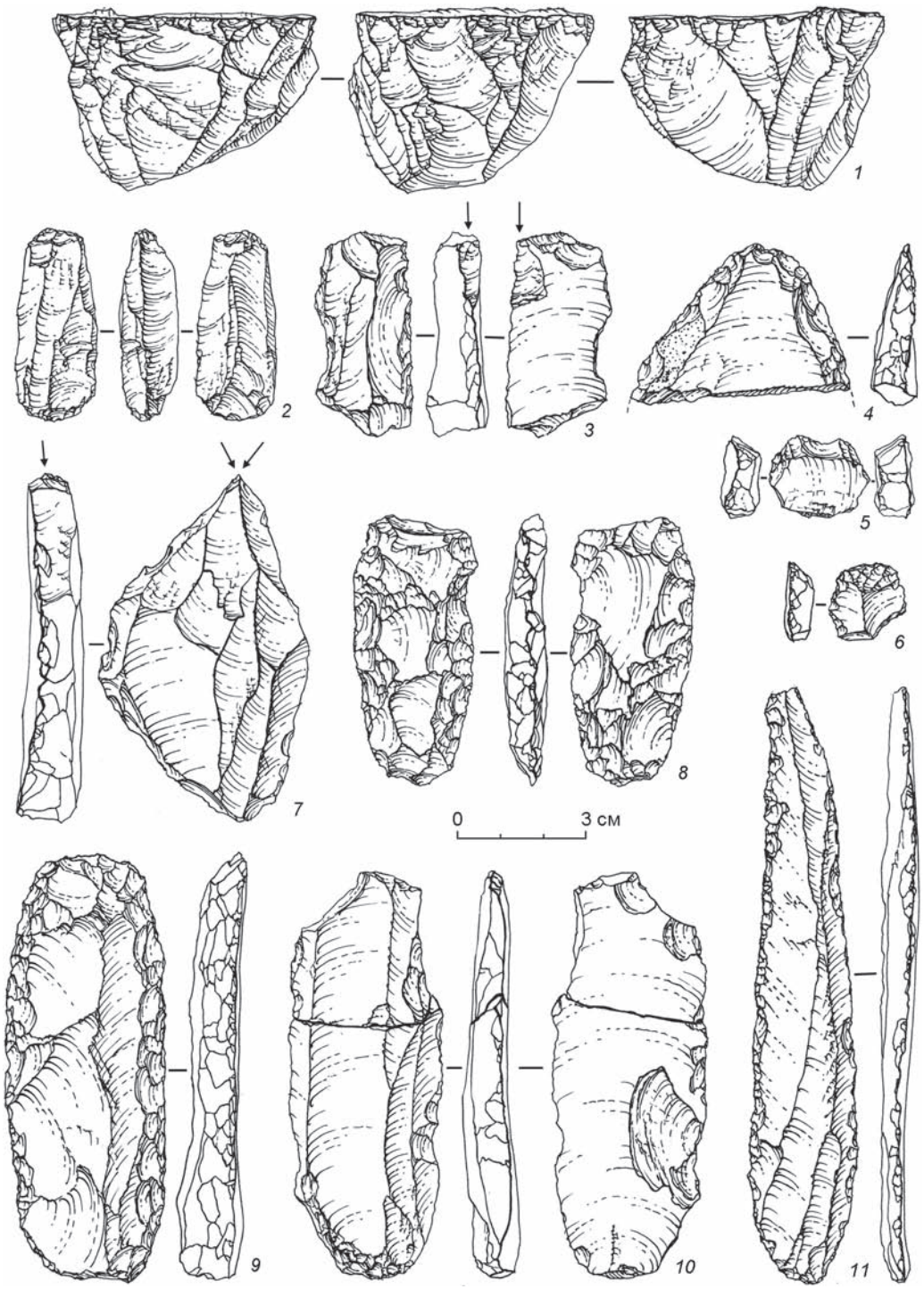

Рис. 3. Каменные артефакты из слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры.
1, 2 – нуклеусы; *3* – комбинированное орудие; *4, 9* – скребла; *5, 6* – скребки; *7* – резец; *8* – бифас; *10, 11* – скребла.

луазского, параллельного и радиального расщепления, преобладание среди орудий различных вариантов скребел, а также зубчато-выемчатых изделий и верхнепалеолитических форм.

Каменная индустрия из слоя 11 включает 525 экз.

Нуклеусы для получения мелких пластинчатых сколов – 2 экз. Одно ядрище – конусовидной формы, с расщеплением по всему периметру; имеет ровную гладкую ударную площадку с тщательным и регулярным снятием карнизов прямой редукцией (рис. 3, *1*). Другой нуклеус двуплощадочный, со встречным скалыванием, сильно сработанный (рис. 3, *2*).

Двуплощадочный монофронтальный нуклеус для получения крупных пластин. Гладкие ударные площадки скошены к контрфронту, выровненному

крупными сколами. Фронт несет негативы встречных пластинчатых снятий, из которых последние закончились глубокими заломами. Попытка переноса фронта на одну из латералей завершилась также заломами.

В числе сколов преобладают отщепы – 159 экз. Для целых предметов (23 экз.) характерны средние и крупные размеры, в основном гладкая остаточная ударная площадка и продольная или ортогональная огранка дорсала.

Пластины (31 экз.) представлены в основном фрагментами с гладкой ударной площадкой и продольной однонаправленной, в т.ч. параллельной огранкой дорсала. Сохранившиеся. Среди пластин следует отметить очень длинное и узкое (соотношение 1 : 5) изделие с остроконечным дистальным краем (рис. 3, *11*). Для получения скола таких пропорций использовался, скорее всего, отбойник из органического материала.

Технические сколы представлены полуреберчатыми пластинами (2 экз.) и сколом латеральной подправки мелкопластинчатого кареноидного или подпризматического нуклеуса.

Отходы производства включают колотую гальку, обломки и осколки (266 экз.), а также чешуйки (5 экз.).

Изделия с вторичной обработкой (57 экз.) составляют 10,8 % всей индустрии или 22,6 % – без отходов производства.

Скребла – 3 экз. Двойное продольное прямое скребло оформлено на крупном удлиненном отщепе. Края заготовки тщательно обработаны дорсальной крутой субпараллельной сильномодифицирующей ретушью (рис. 3, *9*). Конвергентное скребло (рис. 3, *4*) представлено дистальным фрагментом с дорсальной краевой крутой сильномодифицирующей ретушью. Двойное конвергентное скребло имеет ромбовидную в плане форму, наподобие лимаса. Орудие оформлено интенсивной дорсальной крутой чешуйчатой ретушью.

Скребки – 2 экз. Миниатюрные орудия размером 23 × 18 × 8 и 17 × 17 × 6 мм. Одно изделие высокой формы, обработано по периметру отвесной параллельной ретушью (рис. 3, *5*). У другого скребка округлое лезвие оформлено на дистальном крае фрагмента пластины дорсальной параллельной сильномодифицирующей ретушью (рис. 3, *6*).

Резцы – 2 экз., угловой и срединный. Первое орудие оформлено на медиальном фрагменте крупного удлиненного краевого отщепа резцовым сколом, снятым с поверхности слома заготовки вдоль ее продольного края. Второй резец образован на медиальном фрагменте крупной пластины (рис. 3, *7*). Орудие диагонально усечено в основании отвесной дорсальной ретушью, что придало изделию ромбовидную в плане форму.

Выемчатое орудие оформлено на медиальном фрагменте крупного отщепа. Рабочий участок выполнен дорсальной крутой сильномодифицирующей ретушью на крае поперечного слома заготовки.

Пластина с перехватом представляет собой медиальный фрагмент, на продольных краях которого друг напротив друга дорсальной крутой ретушью оформлены глубокие выемки.

Бифасы – 3 экз. Одно почти целое (рис. 3, *8*) и два фрагмента изделий листовидной формы с линзовидным сечением. Поверхность орудий полностью покрыта негативами пологой или стелящейся параллельной ретуши.

Ретушированные пластины – 3 экз. Целая пластина и два медиальных фрагмента с интенсивной обработкой ретушью одного или двух краев.

Комбинированное орудие (рис. 3, *3*). Медиальный фрагмент крупной пластины, один из продольных краев которой обработан дорсальной краевой крутой слабомодифицирующей ретушью, а на ее противоположном крае отвесной дорсальной ретушью оформлена глубокая выемка. Кроме того, с одной из плоскостей поперечного слома пластины вдоль ее продольного края снят резцовый скол.

Дополняют орудийный набор отщепы (22 экз.), пластины (8 экз.) (рис. 3, *10, 11*) и пластинка с эпизодической ретушью, а также неопределимые фрагменты орудий (10 экз.).

Помимо изделий из камня в этом слое найдены костяные орудия – наконечник из бивня мамонта, лопаточка и три шила из кости, фрагмент неопределимого костяного орудия. Предметы неутилитарного назначения представлены подвесками из зубов животных (5 экз.), орнаментированной подвеской, пластиной, плоской бусиной и пронизкой из кости, фрагментами подвесок из серпентина (4 экз.), бусиной из скорлупы яйца страуса, зооморфной скульптурой из бивня мамонта.

Характерной чертой каменной индустрии ранней стадии верхнего палеолита из слоя 11 является параллельное расщепление, направленное на производство удлиненных отщепов, крупных пластин и мелких пластинок. В составе инвентаря присутствуют образцы микроскребков, резцов и ретушированных пластин с хорошо выраженной верхнепалеолитической морфологией, а также тщательно обработанные тонкие листовидные бифасы. Вместе с каменной индустрией обнаружены костяные орудия и представительный набор персональных украшений.

Благодарности

Авторы выражают благодарность Н.В. Вавилиной за подготовку иллюстраций каменных изделий. Экспедиционные исследования выполнены за счет гранта РФФИ

№ 18-09-00404. Лабораторные исследования археологических материалов проведены в рамках государственного задания по проекту № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст».

Список литературы

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Чеха А.М., Шалагина А.В. Новые результаты исследований верхнепалеолитического комплекса в южной галерее Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 103–107.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia // Nature. – 2019. – Vol. 565, N 7741. – P. 594–599.

References

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Chekha A.M., Shalagina A.V. New research findings on the Upper Paleolithic assemblage from the South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 103–107 (in Russ.).

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature*, 2019, vol. 565, No. 7741, pp. 594–599.

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Михиенко В.А. https://orcid.org/0000-0002-7861-5983
Чеха А.М. https://orcid.org/0000-0002-2427-7480

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.306-312
УДК 903.01

М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко, М.Б. Козликин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года)

В 2019 г. в результате исследования верхнеплейстоценовых отложений слоя 11 в южной галерее Денисовой пещеры была получена серия костяных орудий и персональных украшений, состоящая из 20 предметов. Костяной инвентарь насчитывает шесть изделий – удлиненный наконечник узкой формы из бивня мамонта, лопаточка, шилья, а также фрагмент неопределимого орудия из кости со следами залощенности от использования. Большинство этих орудий было связано с пошивом одежды из кожи и меха или применялось при охоте. Коллекция персональных украшений представлена серией из 14 изделий нескольких типов – подвески с кольцевой нарезкой и просверленными отверстиями, орнаментированная пластина, плоские бусины и пронизка, неопределимые фрагменты подвесок или заготовок. Для изготовления этих украшений использовались зубы травоядных и хищных млекопитающих, трубчатые кости животных, поделочные породы камня и скорлупа яйца страуса. В результате исследования материалов начала верхнего палеолита из южной галереи пещеры было выделено несколько технологий производства украшений, которые включали последовательную реализацию короткого или длинного набора операций. Трасологический анализ позволил проследить на большинстве украшений несколько разновидностей следов износа, связанных с их непосредственным использованием. В результате микроскопического анализа изделий неутилитарного назначения на поверхности четырех украшений были выявлены следы-остатки охристого пигмента красного цвета в виде отдельных частиц и пятен окрашивания. Дальнейшее изучение остатков пигментов на изделиях и в отложениях Денисовой пещеры позволит дать подробную характеристику древнейшим на территории Северной и Центральной Азии технологиям производства и особенностям использования красящих веществ.

Ключевые слова: *Российский Алтай, Денисова пещера, начало верхнего палеолита, костяные орудия, персональные украшения, экспериментально-трасологический анализ, технологический анализ.*

Michael V. Shunkov, Alexander Yu. Fedorchenko, Maxim B. Kozlikin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: winteralex2008@gmail.com

Bone Tools and Personal Adornments of the Early Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2019)

In 2019, the study of the Upper Pleistocene deposits of layer 11 in the South Chamber of Denisova cave resulted in discovering a series of bone tools and personal adornments consisting of 20 objects. Bone inventory includes six artifacts – extended narrow point made of mammoth ivory, spatulate, awls, and fragment of unidentifiable bone tool with polished wear traces. Most of these tools were associated with making clothes of leather and fur, or hunting. The collection of personal adornments is represented by a series of 14 objects of several types –pendants with ringed carving and drilled holes, plate with ornamental decoration, flat beads and tubular bead, as well as unidentifiable fragments of pendants or blanks. Teeth of herbivorous and predatory mammals, tubular animal bones, semiprecious stones, and shell of ostrich egg were used for manufacturing the adornments. The study of the Early Upper Paleolithic evidence from the South Chamber of Denisova cave has made it possible to identify several technologies for manufacturing adornments, which involved sequential implementation of short or long set of operations. Trace analysis has shown several varieties of wear on the majority of the adornments, associated with their use. Microscopic analysis of the objects of non-utilitarian purpose has

revealed the remains of red ochreous pigment in the form of individual particles and coloration spots on the surface of four adornments. Further study of pigment remains on the artifacts and in the deposits of Denisova Cave will make it possible to give a detailed description of the earliest production technologies and features of the pigment use in Northern and Central Asia.

Keywords: *Russian Altai, Denisova Cave, Early Upper Paleolithic, bone tools, personal adornments, experimental trace analysis, technological analysis.*

Массовое производство персональных украшений и орудий из кости является одним из характерных культурно-хронологических маркеров археологических комплексов начала верхнего палеолита в северной части Евразии. На территории Северной и Центральной Азии наиболее ранние и выразительные находки орудий из кости, рога и бивня мамонта, персональных украшений из костей и зубов животных, бивня мамонта, мягкого камня, скорлупы яиц страуса и раковин моллюсков зафиксированы в археологических комплексах начала верхнего палеолита из Денисовой пещеры на Алтае. Согласно данным литологии, биостратиграфии, AMS-, OSL- и post-infrared IRSL-датирования, эти комплексы относятся к первой половине MIS 3 [Douka et al., 2019; Jacobs et al., 2019].

В настоящее время коллекция костяных орудий и персональных украшений из центрального зала и предвходовой площадки пещеры были изучены и введены в научный оборот в полном объеме [Природная среда…, 2003]. Орудия из кости и украшения, обнаруженные в ходе полевых работ 2017 и 2018 гг. в южной галерее, были опубликованы в виде кратких предварительных сообщений [Боманн и др., 2018; Шуньков, Федорченко, Козликин, 2017, 2018]. В результате раскопочных работ 2019 г. в центральной части южной галереи пещеры верхнеплейстоценовых отложений слоя 11 была получена коллекция костяных орудий и персональных украшений начала верхнего палеолита, состоящая из 20 предметов.

Костяной инвентарь включает шесть изделий – целое и фрагментированное шилья, наконечник из бивня мамонта, лопаточка из кости и фрагмент неопределимого орудия из кости. Набор персональных украшений состоит из 14 изделий – подвески с кольцевой нарезкой (3 экз.) и просверленными отверстиями (4 экз.), орнаментированная пластина, плоские бусины (2 экз.) и пронизка, неопределимые фрагменты подвесок или заготовок украшений (3 экз.). Производство этих артефактов основано на разнообразной сырьевой базе, включающей зубы травоядных и хищных млекопитающих (5 экз.), трубчатые кости животных (4 экз.), породы мягкого поделочного камня (4 экз.), скорлупу яиц страуса.

Изучение технологии и функций костяных орудий и персональных украшений базировалось на данных технологического и экспериментально-трасологического анализов. Фиксация следов обработки и износа проводилась с помощью стереомикроскопа Альтами CM0745-T и металлографического микроскопа Olympus BHM. В процессе макросъемки использовалась цифровая фотокамера Canon EOS 5D Mark IV с макрообъективом EF 100mm f/2.8 Macro USM и штативом с ручной наводкой на резкость. Диагностика минерального сырья проводилась с использованием микроскопа МБС-10 и рентгенофазового анализа (аналитик Л.В. Мирошниченко, ИГМ СО РАН). Фаунистические определения выполнены д-ром биол. наук А.К. Агаджаняном и канд. биол. наук С.К. Васильевым.

Наконечник из бивня мамонта имеет узкую удлиненную форму, округлое поперечное сечение и прямой профиль (рис. 1, *2*). Длина изделия – 57,6 мм, ширина – 2,2–7,2 мм, толщина – 3,3–4,7 мм. Орудие изготовлено из длинной пластины бивня, имеющей параллельную ориентацию относительно структуры его роста. Основание наконечника фрагментировано в результате утилизации, одна из широких сторон – утрачена из-за расслоения материала. Поверхность несет следы обработки строганием. При увеличении ×10–×45 зафиксированы удлиненные извилистые бороздылинии, параллельные и субпараллельные длинной оси орудия.

Целое шило из ребра млекопитающего восстановлено из двух фрагментов (рис. 1, *1*). Орудие имеет узкую удлиненную форму и слегка искривленный профиль. Форма поперечного сечения изделия варьирует: в проксимальной части, где сохранилась суставная головка, сечение плоско-выпуклое, в медиальной – подпрямоугольное, в дистальной – округлое. Длина орудия достигает 139,5 мм, ширина составляет на острие – 1,1 мм, в дистальной части – 5,3 мм, в медиальной – 12,1 мм и в проксимальной – 13,4 мм. Толщина изделия также значительно меняется от проксимальной части к острию – от 8,9 до 1,3 мм. Поверхность орудия несет следы строгания, с целью выравнивания профиля орудия, оформления его боковых краев и острия. При увеличении ×10–×45 следы строга-

Рис. 1. Костяные орудия из слоя 11 южной галереи Денисовой пещеры.
1, 3 – шилья; *2* – наконечник; *4* – лопаточка.

ния имеют вид протяженных извилистых борозд, параллельных или субпараллельных длинной оси орудия. На вогнутой стороне изделия подобные следы распространены на 60 % его длины, на выпуклой – на 85 %. Суставная головка кости в проксимальной части орудия частично удалена с помощью раскалывания. Боковые грани орудия обработаны на 85 %, интенсивность и тщательность обработки поверхности нарастает от проксимальной части к дистальной. В проксимальной части узкие боковые стороны орудия имеют заостренную форму, в медиальной – плавно закруглены, в дистальной – сильно закруглены и заполированы от износа. При увеличении ×40–200× на острие орудия видны следы микроповреждений, связанные с износом от работы по мягкому органическому материалу – заполировка, одиночные мелкие разнонаправленные царапины. Следы сопровождаются обволакивающей заполировкой, которая проникает вглубь микрорельефа.

Два других шила представлены фрагментами. Одно из них (рис. 1, *3*) изготовлено из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего, имеет вытянутую форму, округлое поперечное сечение и прямой профиль. Размеры изделия – 43 × 8 × × 7 мм. Поверхность орудия тщательно обработана строганием, острие залощено в результате использования. Второе изделие выполнено из трубчатой кости животного. Орудие имеет цилиндрическую форму, округлое поперечное сечение и прямой профиль. Форма во многом обусловлена морфологией исходной заготовки. Размеры изделия – 31,7 × × 4,8 × 4,6 мм. Концы артефакта обломаны. У одного из них на поверхности выступающего участка фрагментации отмечена зона со следами сильной залощенности.

Впервые в пещере обнаружен фрагмент орудия типа лопаточки (рис. 1, *4*). Изделие выполнено из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего, имеет неправильную овальную форму, подпрямоугольное поперечное сечение и прямой профиль. Размеры лопаточки – 44,2 × 16,2 × 3,8 мм. Широкие стороны и боковые грани изделия тщательно обработаны строганием, следы которого имеют вид протяженных извилистых борозд, ориентированных параллельно или субпараллельно его длинной оси.

Узкий медиальный фрагмент неопределимого орудия, изготовленного из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего, имеет линзовидное сечение. Судя по размерам фрагмента, ширина изделия составляла 32,7 мм, толщина – 4,4 мм. На внутренней поверхности заготовки зафиксированы следы сильной стертости и заполировки, возникшие, скорее всего, в результате активного контакта со шкурой. Внешняя сторона орудия менее заполирована.

Подвески из зубов сибирского горного козла *Capra sibirica,* благородного оленя *Cervus elaphus* и лисицы *Vulpes Vulpes* – 5 экз. По способу крепления подвески разделены на две группы – с кольцевыми нарезками и со сквозным отверстием. Первая группа представлена тремя целыми изделиями из резцов *Capra sibirica* (рис. 2, *1–3*). Длина украшений варьирует от 37,0 до 37,2 мм, ширина – от 6,6 до 7,3 мм, толщина – от 6,2 до 6,5 мм. Серия коротких кольцевых нарезок пропиливалась в корневой части зуба каменным инструментом с относительно тонким V-образным лезвием. Длина нарезок – 2,0–7,9 мм, ширина – 0,4–1,0 мм. На всех подвесках прорезанные каналы не совпадают. На боковых сторонах изделий, выше зоны с кольцевыми нарезками, прослеживаются одна или две

короткие пробные нарезки. На всех подвесках зона будущих кольцевых нарезок была предварительно обработана строганием. Следы строгания в виде параллельных или субпараллельных удлиненных борозд, ориентированных вдоль длинной оси изделия, распространены с двух сторон на половину длины заготовки.

Две подвески из клыков *Vulpes vulpes* и *Cervus elaphus* имеют просверленное биконическое отверстие в корневой части зуба (рис. 2, *4*). Размеры одного изделия – 26 × 8,6 × × 3,9 мм, другого – 24,4 × 13,0 × 7,6 мм. Диаметр отверстий – 1,6 и 3,4 мм. Предварительно место сверления было слегка обработано строганием. Отверстие сформировано попеременным двусторонним сверлением с последующей развальцовкой. Конусы сверления с разных сторон подвески расположены асимметрично.

Одна подвеска изготовлена из сесамовидной кости лошади *Equus* sp. (рис. 2, *5*). Изделие имеет подпрямоугольную в плане форму и поперечное сечение, профиль – линзовидный. Размеры украшения – 46,2 × 15,1 × × 12,3 мм. В верхней части подвески расположено отверстие, фрагментированное перпендикулярно ее длинной оси; оно имеет биконический профиль и многогранную форму. Диаметр отверстия – 1,5–3,8 мм. С двух сторон подвески в месте сверления прослежены следы предварительного уплощения заготовки скоблением. Грань между одной из широких сторон и смежной к ней боковой стесана строганием. Схожие следы выравнивания поверхности обнаружены на этой же широкой стороне в нижней части подвески. Отверстие сформировано попеременным двусторонним ручным сверлением и последующей развальцовкой. На заключительной стадии оформления на подвеску был нанесен орнамент. На боковых гранях изделия короткие насечки оформлены пилением или резанием каменным орудием с V-образным лезвием и возвратно-поступательной кинематикой. На поверхность изделия было нанесено три ряда по 9, 10 и 15 насечек. Длина насечек варьирует от 1,1 до 5 мм, ширина – от 0,2 до 1,0 мм, глубина – от 0,2 до 0,7 мм. Расстояние между линиями в рядах – 0,1–6,0 мм. В зоне между двумя рядами прослежено несколько неглубоких, скорее всего, пробных насечек.

Рис. 2. Персональные украшения из слоя 11 южной галереи Денисовой пещеры.

1–4 – подвески из зубов млекопитающих; *5* – орнаментированная подвеска из кости; *6* – пронизка из трубчатой кости; *7* – плоская бусина из кости; *8* – бусина из скорлупы; *9* – подвеска из хризотила.

Плоская бусина из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего фрагментирована по отверстию (рис. 2, *7*). Она имеет округлую форму, уплощенное поперечное сечение и прямой профиль.

Длина бусины – 10,4 мм, ширина – 5,8 мм, толщина – 1,2 мм. Цилиндрическое округлое отверстие диаметром 2,2 мм расположено в центральной части изделия. На широких сторонах бусины прослежены участки со следами формообразующего строгания. В основном они перекрыты более тонкими линейными следами-рисками, оставленными мелкозернистым абразивом.

Пронизка из диафиза трубчатой кости мелкого млекопитающего (рис. 2, *6*) имеет цилиндрическую форму и овальное поперечное сечение, которые обусловлены морфологией заготовки. Размеры украшения – 19,1 × 4,7 × 3,7 мм, диаметр отверстия – 2,3–4,0 мм. На верхних гранях украшения зафиксированы следы кругового резания. Поверхность пронизки залощена от использования.

Рис. 3. Костяная пластина с орнаментом из слоя 11 южной галереи Денисовой пещеры.

На одну из широких сторон украшения нанесена короткая насечка длиной 2,7 мм.

Орнаментированная пластина из стенки трубчатой кости крупного млекопитающего восстановлена из трех фрагментов (рис. 3). Пластина имеет подпрямоугольную форму, линзовидное поперечное сечение, изогнутый профиль. Длина изделия составляет 131,5 мм, ширина – от 6,1 мм на концах до 10,6 мм в центральной части, толщина – от 2,3 мм на концах до 3,8 мм в центре. Поверхность пластины обработана строганием, следы которого имеют вид протяженных извилистых борозд, параллельных ее длинной оси или диагонально ориентированных относительно нее. Одна из широких сторон украшения частично сохраняет внутреннее губчатое вещество кости. Орнамент представлен короткими насечками, прорезанными на двух узких боковых сторонах каменным инструментом с V-образным лезвием. Насечки сгруппированы в четыре ряда – по 4, 8, 7 и 6 линий на одной стороне, 6, 5, 4 и 7 линий – на противоположной. Расположение насечек и их количество не совпадают на разных сторонах изделия. Длина насечек варьирует в соответствии с толщиной изделия, ширина – от 0,01 до 1,0 мм, глубина – от 0,3 до 1,7 мм, расстояние между линиями в рядах – от 0,5 до 3,8 мм.

Набор персональных украшений из мягкого камня включает четыре изделия. Одна крупная подвеска, частично восстановленная из семи фрагментов, изготовлена из мелкой отдельности хризотила полосчатой расцветки – от зеленовато-желтой до темно-коричневой (рис. 2, *9*). Она имеет подпрямоугольную в плане форму, уплощенно-линзовидные поперечное сечение и профиль. Нижняя и верхняя грани подвески не сохранились. Поверхность одной из широких сторон практически полностью утрачена в результате расслоения. Длина украшения – 34,6 мм, ширина – 27,7 мм, толщина – 6,3 мм. На одной из боковых сторон изделия сформирована широкая V-образная в профиль выемка, длиной 3 мм и глубиной 0,7 мм. В верхней части подвески расположено крупное округлое частично фрагментированное биконическое в профиль отверстие, диаметром 5,6 мм. Широкие стороны и боковые грани подвески тщательно выровнены и заглажены шлифовкой и полировкой. Свидетельства формообразующей обработки практически полностью перекрыты следами интенсивного износа. Характер следов перфорации свидетельствует о двустороннем сверлении – конусообразное по форме отверстие формировалось с одной стороны, а затем рассверливалось с противоположной. Канал сверления смещен по диагонали относительно поперечного сечения.

Фрагмент другой подвески из светло-зеленого серпентина-антигорита с включениями желтого цвета, имеет удлиненную подпрямоугольную форму, уплощенно-линзовидное поперечное сечение и прямой профиль. Размеры украшения 13,0 × 4,1 × × 1,2 мм. На широких сторонах подвески зафиксированы следы продольного раскалывания по слоистости. На нижней грани фрагмента сохранился участок со следами интенсивной шлифовки и износа. Плоская обработанная шлифовкой поверхность несет единичные тонкие линейные следы, деформированные в значительной степени последующим износом в виде яркой, почти зеркальной заполировки, проникающей в неровности микрорельефа, неглубокие разнонаправленные риски и микроскопические выбоины. Такие следы утилизации интерпретируются как свидетельства контакта с одеждой или кожей человека.

Еще два украшения или их заготовки из яркого светло-зеленого серпентина представлены мелкими фрагментами. Один фрагмент (отсутствуют нижняя и верхняя грани, а также одна из боковых сторон) имеет подпрямоугольную форму, плоско-выпуклое поперечное сечение и профиль. Его размеры – 4,5 × × 5,1 × 1,3 мм. На одной из широких сторон фрагмента сохранилась поверхность «зеркала скольжения», на противоположной – следы раскалывания по слоистости. Другой фрагмент имеет подтреугольную форму, плоско-выпуклое поперечное сечение и профиль, его размеры – 2,4 × 1,5 × 0,5 мм. На одной из сторон украшения зафиксированы «зеркала скольжения», на другой – ударный бугорок и следы раскалывания. Цвет, текстура, характер сколовой поверхности и другие характеристики обоих изделий идентичны. Они являются, возможно, частями одного украшения.

Бусина из скорлупы яйца страуса *Struthio Asiaticus* имеет округлую форму, плоско-выпуклое поперечное сечение и прямой профиль (рис. 2, *8*). Изделие поперечно фрагментировано. Длина бусины составляет 11,6 мм, ширина – 5,6 мм, толщина – 2,2 мм. Остатки округлого биконического отверстия расположены в центральной части бусины. Диаметр отверстия – 2,2 мм. Широкие стороны бусины выровнены шлифовкой и обработаны последующей отделочной полировкой, грани также тщательно заглажены и отполированы. При увеличении ×30–×100 на уплощенной широкой стороне украшения наблюдаются локальные участки с сохранившимися формообразующими следами от использования абразива в виде параллельных рядов удлиненных и более коротких широких линейных следов, ориентированных преимущественно диагонально длинной оси изделия. Микрорельеф линейных следов в значительной степени деформирован в результате последующей обработки и износа. Характер следов перфорации свидетельствует о том, что сначала сверление осуществлялось с внутренней стороны скорлупы, затем полученное отверстие рассверливалось с противоположной стороны.

Новые находки персональных украшений из южной галереи Денисовой пещеры существенно дополнили коллекцию древнейших предметов неутилитарного назначения из археологических комплексов начального верхнего палеолита Российского Алтая. В коллекции палеолитических костяных изделий из южной галереи выделен набор орудий, связанных с охотой и пошивом одежды из кожи и меха – наконечник из бивня мамонта и шилья из кости. Дополняет облик костяной индустрии пещеры первая находка орудия в виде лопаточки. Среди персональных украшений присутствуют такие массовые формы изделий, как округлые бусины и пронизки из кости, подвески из зубов животных с кольцевыми нарезками или отверстиями. Небольшой, но выразительной группой представлены орнаментированные украшения – подвеска из сесамовидной кости лошади, изделия с несколькими рядами коротких линий и пластина с рядами насечек.

В материалах начала верхнего палеолита из южной галереи пещеры выявлено несколько технологий производства украшений, включавших последовательную реализацию короткого или длинного набора операций. Относительно простая технология с короткой последовательностью операций применялась при изготовлении подвесок из зубов млекопитающих – удаление зуба из челюсти, обработка места будущего отверстия строганием или скоблением, формирование кольцевых нарезок или отверстия прорезанием или сверлением. Технология производства неорнаментированных пронизок включала удаление эпифизов трубчатой кости путем глубокого кругового разрезания с последующим сломом и обработку поверхности заготовки абразивом. Более длинную операционную последовательность предусматривало производство подвесок из хризотила и серпентина-антигорита, а также бусин из скорлупы – поиск и транспортировка сырья, расщепление отдельностей сырья на мелкие сколы-заготовки, биконическое сверление, обработка шлифовкой и полировкой. Трасологический анализ выявил на большинстве украшений несколько видов следов износа, связанных с использованием, – от контакта с ниткой или ремешком, от взаимодействия с одеждой или кожей человека, «прижизненных» деформаций.

Микроскопический анализ персональных украшений выявил на четырех изделиях следы-остатки охристого пигмента красного цвета. На подвесках

из зубов с отверстиями остатки охры зафиксированы в виде отдельных частиц и пятен прокрашивания внутри отверстий, с двух сторон изделия. Кроме того, на одном из этих украшений, а также на подвеске из хризотила и бусине из скорлупы частицы пигментов отмечены внутри борозд от строгания, в трещинах, микровыбоинах и других неровностях микрорельефа на широких сторонах этих изделий. Свидетельства использования красящих пигментов имеют важное значение в контексте исследования символического поведения палеолитических обитателей Алтая. Дальнейшее изучение остатков пигментов на изделиях и в отложениях Денисовой пещеры позволит дать подробную характеристику древнейшим на территории Северной и Центральной Азии технологиям производства и особенностям использования красящих веществ.

Список литературы

Боманн М., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б., Плиссон Х., Шуньков М.В. Костяные орудия среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 32–36.

Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.К. Агаджанян, Г.Ф. Барышников, Е.М. Малаева, В.А. Ульянов, Н.А. Кулик, А.В. Постнов, А.А. Анойкин. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 448 с.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные изделия верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 259–262.

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Персональные украшения ранней стадии верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 198–202.

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave // Nature. – 2019. – Vol. 565, N 7741. – P. 640–644. – DOI: 10.1038/s41586-018-0870-z.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of Archaic Hominin Occupation of Denisova Cave in Southern Siberia // Nature. – 2019. – Vol. 565, N 7741. – P. 594–599. – DOI: 10.1038/s41586-018-0843-2.

References

Baumann M., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B., Plisson H., Shunkov M.V. The Middle and Upper Paleolithic Bone Tools from South Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 32–36 (in Russ.).

Douka K., Slon V., Jacobs Z., Ramsey C.B., Shunkov M.V., Derevianko A.P., Mafessoni F., Kozlikin M.B., Li B., Grün R., Comeskey D., Devièse T., Brown S., Viola B., Kinsley L., Buckley M., Meyer M., Roberts R.G., Pääbo S., Kelso J., Higham T. Age estimates for hominin fossils and the onset of the Upper Palaeolithic at Denisova Cave. *Nature*, 2019, vol. 565, No. 7741, pp. 640–644.

Jacobs Z., Li B., Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Bolikhovskaya N.S., Agadjanian A.K., Uliyanov V.A., Vasiliev S.K., O'Gorman K., Derevianko A.P., Roberts R.G. Timing of Archaic Hominin Occupation of Denisova Cave in Southern Siberia. *Nature*, 2019, vol. 565, No. 7741, pp. 594–599.

Paleoenvironment and Palaeolithic human occupation of Gorny Altai / A.P. Derevianko, M.V. Shunkov, A.K. Agadganyan, G.F. Baryshnikov, V.M. Malaeva, V.A. Ulianov, N.A. Kulik, A.V. Postnov, A.A. Anoikin. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2003, 448 p. (in Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Early Upper Paleolithic Objects of Bone from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2017). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXIII, pp. 259–262 (in Russ.).

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. The Early Upper Palaeolithic Personal Ornaments from the Southern Chamber of Denisova Cave. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 198–202 (in Russ.).

Шуньков М.В. https://orcid.org/0000-0003-1388-2308
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Козликин М.Б. https://orcid.org/0000-0001-5082-3345

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.315-320
УДК 903.5(1-925.73)

В.В. Ахметов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: akhmetovladimir@yandex.ru

Когурёские каменные курганные выкладки и их влияние на бохайскую погребальную обрядность

Когурёские каменные курганные выкладки составляют важную часть когурёской погребальной культуры. Их изучение поможет глубже понять культуру Когурё и то, как она взаимодействовала с культурными традициями соседних государств. Когурёские каменные курганы в основном располагались на юге Маньчжурии – севере Корейского полуострова. Каменные курганные выкладки появляются на рубеже нашей эры и прекращают сооружаться в начале IV – первой половины V в. Территория Южной Маньчжурии изначально была зоной контактов между протокорейскими и тунгусо-маньчжурскими, а затем соответственно когурёскими и мохэскими племенами. Таким образом, взаимодействие между этими племенами происходило продолжительное время, что не могло не сказаться на их материальной и духовной культуре. Поэтому закономерно, что бохайские погребения, как в свое время и когурёские, в основном сооружались из камня. Эта традиция использования большого количества камня для сооружения могил, как показывает пример каменных курганных выкладок, зародилась и оформилась в данном регионе еще в неолите – бронзовом веке. В когурёских каменных курганных выкладках отображены особенности погребальной обрядности, свойственной югу Маньчжурии и северу Корейского полуострова. На смену им пришли каменные склепы и ящики (произошедшие от каменных курганов), которые распространились в Бохае, т.е. по югу Маньчжурии, к VII–IX вв. Изменения погребальной обрядности в регионе, в частности в погребальных сооружениях, шли естественным путем, политические потрясения в основном сказывались на погребениях знати.

Ключевые слова: *Когурё, Бохай, каменная курганная выкладка, каменный склеп, Амноккан.*

Vladimir V. Akhmetov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: akhmetovladimi@yandex.ru

Goguryeo Stone-Piled Tombs and Their Influence on the Bohai Funeral Rite

Goguryeo stone-piled tombs are an important part of the Goguryeo burial culture. The study of the stone-piled tombs makes it possible to better understand the Goguryeo culture and its interactions with cultural traditions of the neighboring countries. Goguryeo stone-piled tombs are mostly located in the south of Manchuria and north of the Korean Peninsula. Stone-piled tombs emerged around the beginning of the Common Era and seized to be built in the early 4th–first half of the 5th century AD. Southern Manchuria was a contact zone between the Proto-Korean and Tungus-Manchu tribes, and later between the Goguryeo and Mohe tribes. These contacts were reflected in their material and non-material culture. Bohai burials, just as Goguryeo burials at their time, were mostly built of stone. The example of stone-piled tombs shows that the tradition of using large amounts of stone for construction of tombs originated in this region in the Neolithic–Bronze Age. Goguryeo stone-piled tombs revealed specific aspects of the funeral rite typical of the south of Manchuria and north of the Korean Peninsula. They were replaced by stone chamber tombs which evolved from stone-piled tombs and spread

in Bohai, that is, throughout Southern Manchuria, in the 7th–9th centuries AD. As far as construction of burial structures is concerned, changes in funeral rite occurred in a natural evolutionary way in the region. Political events made a strong impact mostly on the burials of nobility.

Keywords: *Goguryeo, Bohai, stone-piled tomb, stone chamber tomb, Amnok River.*

Когурёские погребения в целом делятся на две большие группы – это курганы с каменными склепами (кор. *соксильпонтхобун*) и каменные курганные выкладки (кор. *чоксокмё*, *чоксокчхон*). М.В. Воробьев переводил обозначения такого типа погребений как «курганы с каменным покрытием» [1961, с. 84–85]. Отечественные исследователи чаще всего обращались к когурёским гробницам с настенной живописью [Джарылгасинова, 1972; Гилев, 2009; Alkin, 2006]. Гробницы с фресками – очень информативный источник, выделяющийся на фоне других археологических памятников Когурё, однако когурёские каменные курганные выкладки также важны для изучения, но должного внимания в отечественной историографии не получали. Исследование каменных курганных выкладок в Когурё позволит выявить особенности когурёской погребальной культуры, а также выяснить, как она взаимодействовала с культурными традициями соседних государств.

Когурёские каменные курганы в основном расположены в долинах рек Амноккан, Тонноган, Хуньцзян, Тэдонган (рис. 1). Особенно выделяется по количеству погребений такого типа группа могильников, расположенных при впадении р. Тунгоу в р. Ялуцзян (Амноккан) (пров. Цзилинь, КНР). Это могильники Юйшанься, Масяньгоу, Цисиншань, Ванбаотин, Шаньчэнся, Сяцзефан, Чанчуань. В историографии эту группу могильников также называют Тунгоу, но чаще используются их отдельные названия. На могильниках в бассейне р. Тунгоу подавляющее большинство погребений – каменные курганные выкладки, они составляют в среднем 90 % от общего числа погребений [О Джинсок, 2010, с. 43, табл. 1]. Каменные курганные выкладки помимо этого встречаются и на территории пров. Ляонин в КНР (Гаолимуцзы), и на могильниках на севере Корейского полуострова в пров. Чагандо (Нампхадон, Рёнмури, Симгвири), а также и южнее, в бассейне р. Тэдонган в районе г. Пхеньяна [Чан Хёджон, 2010, с. 2]. Пэкческие погребения в Сокчхондоне в черте г. Сеула фиксируют южную границу распространения каменных курганов со ступенчатым фундаментом [Сон Джонён, 2009, с. 108]. В историографии принято связывать их появление на пэкческих территориях с возможными миграциями из бассейна р. Амноккан вглубь Корейского полуострова.

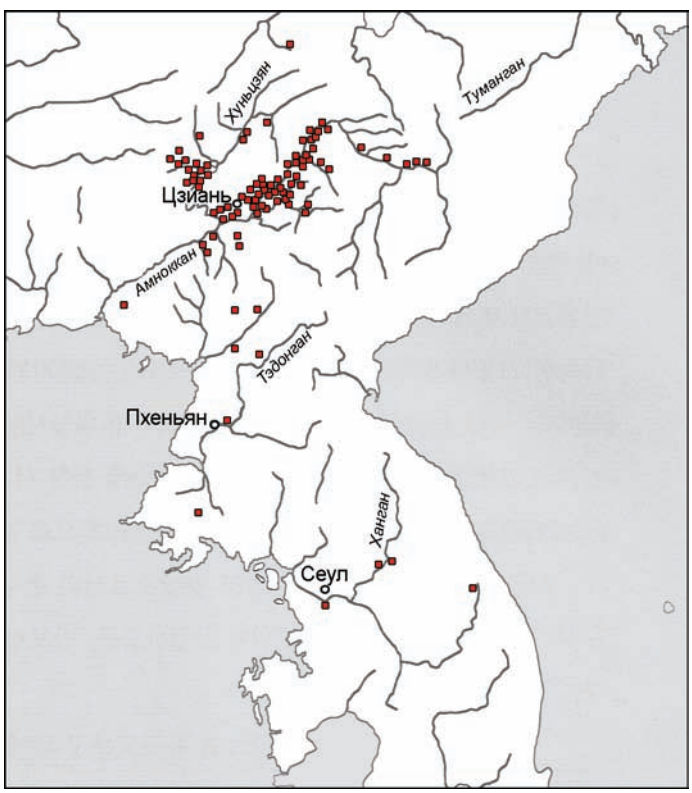

Рис. 1. Карта распространения когурёских каменных курганных выкладок.

Каменные курганные выкладки возводились следующим образом. На поверхности складывалась груда камней, на вершине которой располагалась яма для размещения тела умершего. Яма после помещения тела заполнялась камнями. Наиболее ранние погребения такого типа в Восточной Азии известны по неолитическому памятнику Нюхэлян культуры *хуншань* в пров. Ляонин [Алкин, 2007, с. 46]. Происхождение когурёских каменных курганов связывают именно с этим регионом, в частности с погребальными памятниками бронзового века полуострова Ляодун. Однако некоторые корейские исследователи предполагают, что *чоксокмё* были распространены в среднем и верхнем течении р. Амноккана еще до того, как протокорейские племена оформились в когурёское государство [Yeo Hokyu, 2015, p. 61].

Когурёские каменные курганы на раннем этапе представляли собой округлые

в плане каменные кучи с расположенными на них могильными ямами. Постепенно конструкция *чоксокмё* усложнялась, при их возведении стали сооружать подквадратный в плане каменный фундамент. Последний мог возродиться в несколько уровней с отступом, тем самым получалась пирамидальная конструкция. Самое типичное такое погребение – «могила полководца» [Воробьев, 1961, с. 84–85], известная во многом благодаря тому, что она относительно хорошо сохранилась. Таким образом, выделяют обычно три типа каменных курганов в Когурё: без фундамента, с фундаментом, со ступенчатым фундаментом (рис. 2). Курганы без фундамента представляли собой нагромождение камней, на котором располагали умершего, затем его покрывали также камнями. Для сооружения курганов с фундаментом сначала из подтесанных крупных камней выкладывали подквадратное основание, которое заполняли галькой. Далее умерших располагали на этом слое гальки. Иногда рядом с курганом могла находиться полукруглая или подпрямоугольная каменная конструкция.

Для расположения погребенных на вершине каменных курганов оставляли углубление, к которому иногда пристраивали проход. В углублении мог сооружаться каменный гроб. В могильных ямах редки находки ровных плоских камней, которые могли бы служить стенками каменного гроба, но часто встречаются металлические скобы. Такого рода скобы

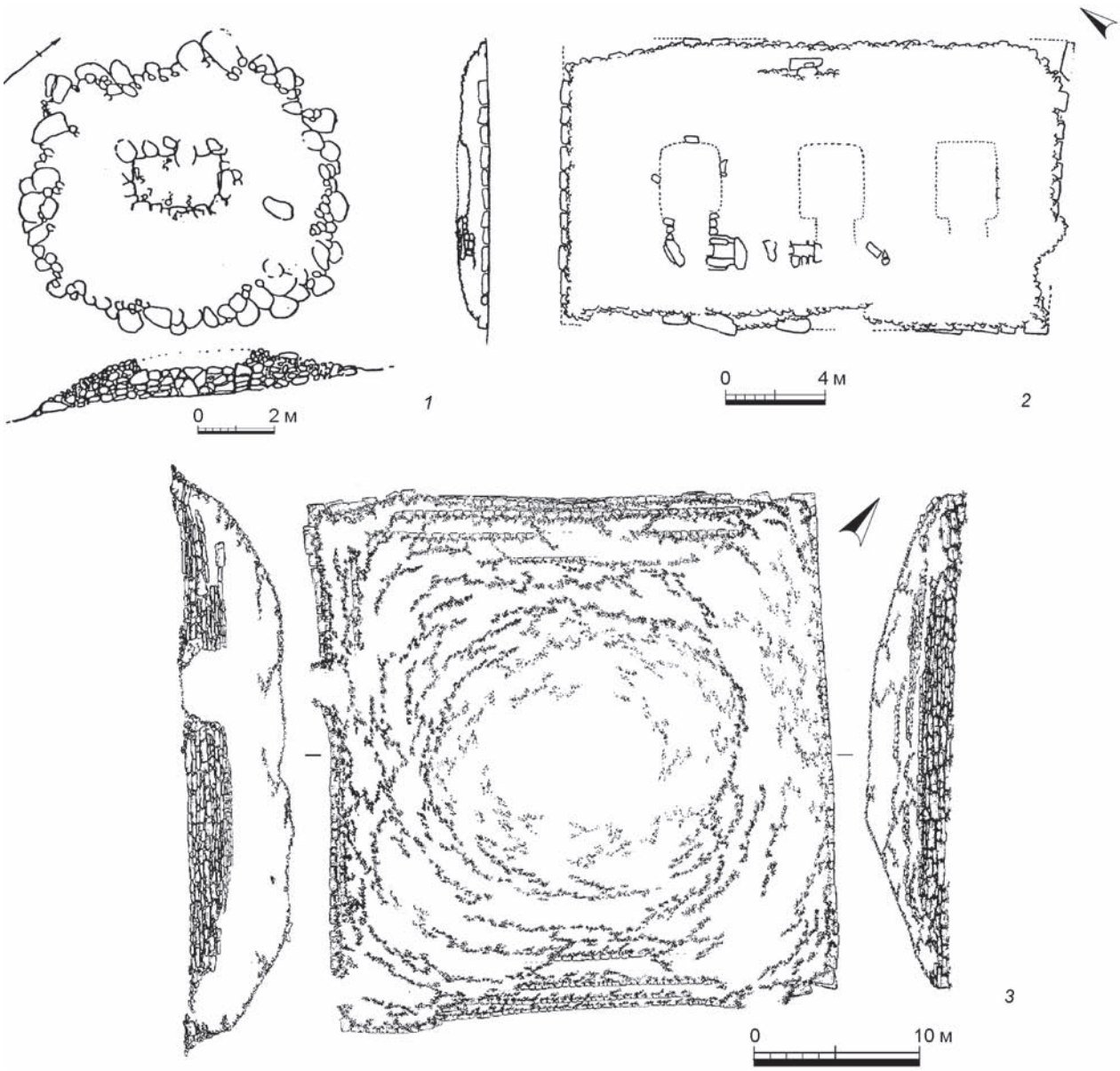

Рис. 2. Основные типы каменных курганных выкладок в Когурё.
1 – без фундамента (Сяхуолун, мог. № 8); *2* – с фундаментом (Юйшанься, мог. № 2891); *3* – со ступенчатым фундаментом (Масяньгоу, мог. № 2100).

обычно считают свидетельством использования деревянного гроба.

В поздних каменных курганах стали сооружать погребальную камеру и проход к ней. В самой камере мог располагаться склеп с двухскатной крышей (например, гробницы Чхончхучхон (могила № 1000 в Масяньгоу) [Когурёый…, 2015, с. 57–77] и Тхэваннын (могила № 541 в Юйшанься)). В гробнице Тхэваннын этот склеп сохранился относительно хорошо в отличие от склепа в Чхончхучхоне [Там же, с. 307–347]. На вершинах каменных курганов со ступенчатым фундаментом найдены черепица, черепичные концевые диски, что позволяет предположить здесь наличие сооружений поминально-погребального характера. Находки деталей черепичной крыши обнаружены на вершинах многих погребений: Масяньгоу № 2738, № 626; могила Имганчхон (Юйшанься № 43); Юйшанься № 2110; Содэчхон (Масяньгоу № 500). Возведение склепов и дополнительных сооружений с черепичным покрытием на вершине кургана было свойственно поздним масштабным погребениям, которые обычно трактуются как могилы правителей Когурё.

Как уже указывалось, когурёские погребения в целом можно разделить на две группы: курганы с каменными склепами и каменные курганные выкладки. Кроме того, они различаются и хронологически. На смену каменным курганам приходят каменные склепы с земляной насыпью. Склепы зачастую были многокамерными и с погребальной настенной живописью. Гробницы с фресками датируются второй половиной IV – VII в. [Гилев, 2009, с. 180]. Они сооружались вплоть до гибели Когурё в 668 г., а возможно, и позже.

Самые ранние каменные курганные выкладки некоторые авторы датируют серединой III – началом II в. до н.э. [Чан Хёджон, 2010, с. 13]. Однако чаще нижнюю хронологическую границу существования *чоксокмё* проводят на рубеже эр. В китайской летописи «Сань го чжи», написанной Чэнь Шоу в III в. н.э., когурёские погребения описывались следующим образом: «Могилы делают из сложенных в виде холмика камней» [Пак, 1961, с. 122]. Это описание вполне соответствует тому, как внешне выглядят каменные курганы. *Чоксокмё* в основном прекращают возводить к середине – второй половине IV в. В долине р. Амноккан имеются и более поздние погребения такого типа (VI–VII вв.), но к тому времени это уже были единичные случаи [Адзума Усио, 2008, с. 254–258]. Хорошей иллюстрацией процесса перехода от одного типа погребения к другому служат масштабные каменные курганные выкладки, считающиеся погребениями правителей. Хронологически они укладываются в рамки начала IV – первой половины V в. Все они также располагались в долине р. Амноккан. В дальнейшем погребениями знати, в том числе и правителей, стали каменные склепы с фресками, которые, в свою очередь, сооружались в основном в долине р. Тэдонган в районе г. Пхеньяна. Эти изменения в погребальном обряде во многом произошли вследствие того, что в 427 г. столица Когурё была перенесена из Куннэ на р. Амноккан в Пхеньян [Стоякин, 2011, с. 51]. Переносу столицы предшествовали падение Лолана в 313 г. под ударами Когурё и окончательный захват когурёсцами земель на Корейском полуострове вплоть до р. Ханган. Культура Лолана, которая базировалась на ханьской основе, была воспринята когурёсцами, в том числе это проявилось и в изменениях в погребальном обряде. Политический и культурный центр Когурё перемещается в район Пхеньяна в VI–V вв., в это же время на смену *чоксокмё* приходят каменные склепы.

Изначально государство Когурё стало оформляться в бассейне р. Амноккан в районе современного г. Цзиань (пров. Цзилинь, КНР). Когурёские племена обитали на территории Южной Маньчжурии и севера Корейского полуострова. Равнины Южной Маньчжурии являлись зоной контактов между протокорейскими и тунгусо-маньчжурскими племенами, не ослабевавших на протяжении всего существования государства Когурё. В войнах Когурё с империями Суй и Тан принимали участие и разные мохэские племена, причем на стороне и тех и других.

В этой связи можно говорить о возможном когурёском влиянии на мохэские племена или, если смотреть шире, о едином культурном контексте характерном для племен этой части Маньчжурии. Таким образом, тот факт, что бохайские погребения, как в свое время и когурёские, в основном сооружались из камня, закономерен. Эта традиция использования большого количества камня для сооружения могил, как показывает пример *чоксокмё*, зародилась и оформилась в данном регионе еще в бронзовом веке, если не раньше. На вершинах поздних каменных курганных выкладок стали возводиться могилы, которые вполне подходят под характеристики каменных ящиков или каменных склепов. Не удивительно поэтому, что на когурёских могильниках (тех же, на которых фиксируются и *чоксокмё*) в районе Амноккана уже ближе к моменту гибели Когурё появляются погребения, которые вполне могут именоваться каменными склепами (могилы № 1758, 1810, 2890 в Юйшанься). Они возводились на поверхности:

стены из крупных камней, на которые помещали широкие плоские потолочные камни, при этом оставался проход обычно с южной стороны. Затем сооружалась земляная насыпь. Практически идентичный каменный склеп бохайского времени раскопан в Тоудаохэцзы в пров. Хэйлунцзян [Чу Ёнхон, 1971, с. 71].

Можно предположить, что на смену масштабным и весьма трудозатратным и материалоемким в плане использования камня *чоксокмё* естественным образом пришли каменные склепы и каменные ящики – типы могил, которые впоследствии стали наиболее распространенными в Бохае, причем каменные склепы с простым потолком из нескольких плоских камней. Обычай возведения гробниц с фресками со сложными сводчатыми потолочными перекрытиями сформировался уже в районе Пхеньяна все-таки с заметным влиянием ханьских традиций.

Когурёские каменные курганные выкладки отображали особенности погребальной обрядности, свойственной югу Маньчжурии и северу Корейского полуострова в целом. Их сменили каменные склепы и ящики (можно сказать, произошедшие от каменных курганов), которые распространились в Бохае, т.е. на юге Маньчжурии, к VII–IX вв. Изменения погребальной обрядности в регионе, в частности в погребальных сооружениях, шли естественным путем, политические потрясения в основном сказывались на погребениях знати.

Список литературы

Адзума Усио, Танака Тосиаки. Когурёый ёксава юджок (История Когурё и когурёские памятники). – Сеул: Тонбугаёксаджэдан, 2008. – 674 с. (на кор. яз.).

Алкин С.В. Древние культуры Северо-Восточного Китая: Неолит Южной Маньчжурии. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 168 с.

Воробьев М.В. Древняя Корея (историко-археологический очерк). – М.: Вост. лит., 1961. – 194 с.

Гилев А.А. Хронология когурёских гробниц с фресками // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2009. – Т. 8. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 175–185.

Джарылгасинова Р.Ш. Древние когурёсцы (К этнической истории корейцев). – М.: Наука, 1972. – 202 с.

Ким Ёнсон. Когурё чоксокчхоный пунджева мёджеэ тэхан (Новый подход к классификации когурёских каменных курганов) // Пукпансанончхон (Сборник по истории северных территорий). – 2005. – № 3. – С. 115–154 (на кор. яз.).

Когурёый копун мунхва II (Килимсон Чипанси Тхонгу копунгун). (Когурёские погребения II (провинция Цзилинь, город Цзиань, могильник Тунгоу)). – Квачхон: Чининджин, 2015. – 640 с. (на кор. яз.).

О Джинсок. Тхонгугобун чоксокчхоный гунджипянсан ёнгу (Изучение расположения каменных курганов на могильниках в районе Тунгоу) // Когурёбальхэёнгу (Изучение Когурё и Бохая). – 2010. – Т. 37. – С. 37–75 (на кор. яз.).

Пак М.Н. Описание корейских племен начала нашей эры (по «Сань-го Чжи») // Проблемы востоковедения. –1961. – № 1. – С. 115–138.

Сон Джонён. Пэкчегобуный янсангва кы пёнчхон (Пэкческие погребения: типология и хронология) // Че 2 ки когохак симинганджва (вторые археологические чтения). – 2009. – Т. 2. – С. 102–124 (на кор. яз.).

Стоякин М.А. Дворцово-парковая архитектура в столицах Когурё и Бохая // Россия и АТР. – 2011. – № 3. – С. 50–61.

Чан Хёджон. Тэдонган харюильдэый когурё чоксокчхоный пунпхохёнхвангва кы сонгёк (Когурёские каменные курганные выкладки в долине р. Тэдонган: распространение и особенности) // Куксагваннончхон (Сборник Национального института истории Кореи). – 2010. – Т. 101. – С. 1–23 (на кор. яз.).

Чу Ёнхон. Пархэмунхва (Культура Бохая). – Пхеньян: Сахвэгвахакчхульпханса, 1971. – 171 с. (на кор. яз.).

Alkin S.V. Traditions and trends in the Russian study of Kogurye History // J. of Inner and East Asian Studies. – 2006. – Vol. 3-1. – P. 95–107.

Yeo Hokyu. Origins of Early Goguryeo Stone-piled Tombs and the Formation of a Proto-Goguryeo Society // J. of Korean Art and Archaeol. – 2015. – Vol. 9. – P. 48–63.

References

Alkin S.V. Traditions and trends in the Russian study of Koguryo History. *Journal of Inner and East Asian Studies*, 2006, vol. 3-1, pp. 95–107.

Alkin S.V. Ancient cultures of North-East China: the Neolithic epoch of South Manchuria. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2007, 168 p. (in Russ.).

Azuma Ushio, Tanaka Toshiaki. Goguryeoui yeoksawa yujok [History of Goguryeo and Goguryeo sites]. Seoul: Dongbugayeoksajaedan, 2008, 674 p. (in Kor.).

Dzharylgasinova R.Sh. Drevnie koguryostsy (K etnicheskoi istorii koreitsev). Moscow: Nauka, 1972, 202 p. (in Russ.).

Gilev A.A. The chronology of Koguryo tombs with wall paintings. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2009, vol. 8, iss. 5: *Archaeology and Ethnography*, pp. 175–185 (in Russ.).

Goguryeo gobun munhwa II (Gilimseon Jibansi Tongugobungun) [Goguryeo tombs II (Jilin Jian Tonggou cemetry)]. Gwacheon: Jininjin, 2015, 640 p. (in Kor.).

Jang Hyojeong. Daedonggang haryuildae goguryeo jeokseokchongui bunpohyeonhwanggwa geu seonggyeok

[Patterns of distribution and characteristics of Taedong river area stone-piled tombs]. *Guksagwannonchong* [Korean history collection of papers], 2010, vol. 101, pp. 1–23 (in Kor.).

Ju Yeongheon. Balhae munhwa [Bohai culture]. Pyongyang: Sahoegwahakchulpansa, 1971, 171 p. (in Kor.).

Kim Yongseong. Goguryeo Joeokseokchongui Bunjewa myojee Daehan [A new perspective on the classificatory systems of mound and burial of Goguryeo stone mound tombs]. *Bukpangsanonchong* [Northern history collection of papers], 2005, No. 3, pp. 115–154 (in Kor.).

Oh Jinsuk. Tonggugobungun jeokseokchongui gunjipyangsang yeonggu [An Inquiry into the Clustering Pattern of Stone-Mound Tombs in Tonggu Tomb Complex]. *Goguryeobalhayeoengu* [Bohai and Goguryeo studies], 2010, vol. 37, pp. 37–75 (in Kor.).

Pak M.N. Opisanie koreiskikh plemen nachala nashei ery (po "San'-go Chzhi"). *Problemy vostokovedeniya*, 1961, No. 1, pp. 115–138 (in Russ.).

Seong Jeongyong. Baekjegobunui yangsanggwa gu byeoncheon. In *Je 2 gi gogohak simingangjwa*, 2009, vol. 2, pp. 102– 24 (in Kor.).

Stoyakin M.A. Palatial and park architecture in Koguryo and Pohai capitals. *Rossiya i ATR*, 2011, No. 3, pp. 50–61.

Vorob'ev M.V. Drevnyaya Koreya (istoriko-arkheologicheskii ocherk). Moscow: Oriental Literature Publ., 1961, 194 p. (in Russ.).

Yeo Hokyu. Origins of Early Goguryeo Stone-piled Tombs and the Formation of a Proto-Goguryeo Society. *Journal of Korean Art and Archaeology*. 2015, vol. 9, pp. 48–63.

Ахметов В.В. https://orcid.org/0000-0002-7133-4417

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.321-327
УДК 572, 902

О.В. Батанина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: olgabatanina@mail.ru

Два случая скальпирования в погребениях позднекротовской (черноозёрской) культуры могильника Тартас-1

В статье рассматриваются два случая скальпирования, зафиксированные на антропологическом материале позднекротовской (черноозёрской) культуры из памятника Тартас-1. Оба скелета принадлежали мужчинам, которые были погребены не совсем типичным для позднекротовской культуры образом. Анализ литературных данных показал, что находки черепов с манипуляциями эпохи бронзы редки на территории Евразии в целом, а в Западной Сибири ранее не фиксировались. В работе предпринимается попытка рассмотреть специфику этого обряда в эпоху развитой бронзы и провести возможные параллели с более поздними по хронологии проявлениями на территории Западной Сибири. Характер насечек, присутствующих на черепах, следы травматического поражения и вероятной декапитации на одном из них свидетельствуют о том, что манипуляции осуществлялись посмертно. Важной особенностью проявлений скальпирования является различие в технике их выполнения, что может быть обусловлено полиморфизмом семантики этого обряда в культурной среде. По способу выполнения манипуляций один из случаев имеет аналогии в Быстровском некрополе, относящемся к большереченской культуре раннего железного века, другой обнаруживает сходство со скальпированием, зафиксированным на материалах могильника скифского времени Уландрык-2. Обряд скальпирования может быть в данном случае трактован как проявление агрессии между группами людей или же восходить к мировоззрению, в котором голова и волосы имели сакральное значение, а обряд совершался для обеспечения невозможности возвращения души в тело. Обряд скальпирования предположительно можно считать проявлением локальных конфликтов пришлых (срубно-андроновских) групп с автохтонным населением.

Ключевые слова: *скальпирование, скальп, травматические повреждения, палеопатология, позднекротовская (черноозёрская) культура, эпоха развитой бронзы, Западная Сибирь.*

Olga V. Batanina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: olgabatanina@mail.ru

Two Cases of Scalping in the Burials of the Late Krotovo (Chernoozyorie) Culture at the Tartas-1 Burial Ground

The article discusses two cases of scalping observed on anthropological finds of the Late Krotovo (Chernoozyorie) culture from the Tartas-1 burial ground. Both skeletons belonged to males who were buried in a manner not quite typical of the Late Krotovo culture. According to the literature, skulls of the Bronze Age with traces of manipulation are generally quite rare in Eurasia and until now were unknown in Western Siberia. The study analyzes specific aspects of this rite in the Advanced Bronze Age and draws possible parallels with the later chronological parallels in Western Siberia. The nature of incisions on the skulls, traces of traumatic injury and probable decapitation on one of the sculls indicate that manipulations were carried out postmortem. An important feature of marks left by scalping is a difference in scalping methods, which could have been caused by polymorphism in the semantics of this ritual in its cultural environment. In one case, the method of manipulations shows parallels with the Bystrovka necropolis of the Bolshaya Rechka culture of the Early Iron Age; the other case resembles scalping occurring among the evidence from the Ulandryk-2 burial ground of

the Scythian period. Scalping ritual in this case can be interpreted both as manifestation of aggression between the groups of people, and element of the worldview in which the head and hair had a sacred meaning, and the ritual was performed to ensure that the soul would be incapable of returning back to body. Scalping ritual may reveal local conflicts between the newcomers (Srubno-Andronovo groups) and autochthonous population.

Keywords: *scalping, scalp, traumatic injuries, paleopathology, Late Krotovo (Chernoozyorie) culture, Middle Bronze Age, Western Siberia.*

Изучение намеренных повреждений черепа и посткраниального скелета становится в наши дни неотъемлемой частью биоархеологических исследований и реконструкций. Выявленные факты прижизненных и посмертных манипуляций с телом расширяют картину знаний о социальной активности древних обществ, погребальном обряде, идеологических представлениях и служат полноценным историческим источником.

Обычай скальпирования часто привлекал внимание исследователей. За последнее столетие накопилось значительное количество антропологических работ, посвященных различным аспектам данной темы (историографические обзоры приводятся в работах: [Медникова, 2001; Бородовский, Табарев, 2005; Перерва, 2005; Лушина, 2017; и др.]). Самые ранние палеоантропологические свидетельства скальпирования на территории Евразии относятся к эпохе неолита, самые поздние – к первой половине прошлого века. Палеоантропологические свидетельства о скальпировании в эпоху бронзы на Евразийском континенте немногочисленны (см.: [Медникова, 2001; Перерва, 2005; Лушина, 2017; и др.]) и имеют «точечный» характер, что не позволяет говорить о чётко очерченном ареале его распространения.

Первые известные находки скальпированных черепов на территории Западной Сибири относятся к раннему железному веку. Материалы происходят из Быстровского некрополя, относящегося к большереченской культуре, и могильников пазырыкской культуры [Руденко, 1948; Бородовский, 1997, 2002; Бородовский, Табарев, 2005, Поздняков, 2004; Бородовский и др., 2010]. Известны находки скальпированных черепов на территории Тувы, датируемых скифским и гунно-сарматским временем [Murphy et al., 2002]. Изучение черепов со следами скальпирования, относящихся к позднекротовской (черноозёрской) культуре эпохи развитой бронзы, таким образом, приобретает особую актуальность в силу того, что на территории Западной Сибири случаев скальпирования эпох неолита и бронзы ранее не фиксировалось.

Источником для исследования послужили черепа, обнаруженные в разновременном могильнике Тартас-1. В двух погребениях, относимых В.И. Молодиным к позднекротовской (черноозёрской) культуре, на черепах присутствовали следы манипуляций, которые, вероятно, можно считать последствиями скальпирования. Археологический контекст погребений был взят из полевых отчетов, любезно предоставленных В.И. Молодиным [Молодин и др., 2006, 2008] (см. *таблицу*).

Из таблицы следует, что при наличии явного сходства с «классическим» погребальным обрядом позднекротовской (черноозёрской) культуры присутствуют и особенные черты: парное и коллективное захоронения, вторичное погребение, следы огня на костях скелета и др.

Погребение 158. Скелет принадлежал молодому мужчине 20–24 лет. На лобной кости присутствуют 2 пореза. Верхний, длиной 31,6 мм, пересекает венечный шов и направлен диагонально вниз, нижний располагается параллельно венечному шву и составляет 13 мм. Все остальные порезы зафиксированы на теменных костях. На расстоянии 12 мм от брегмы на правой теменной кости расположен порез длиной 22 мм, направленный косо вниз, совершенный, вероятно, в переднезаднем направлении. Его продолжением является порез длиной 54 мм, латеральнее которого имеется след длиной 20 мм, пересеченный под тупым углом небольшой насечкой (рис. 1, 5, *а*). Медиальнее и латеральнее основной линии разреза присутствуют мелкие насечки, не превышающие 10 мм.

На левой теменной кости на расстоянии 38 мм от венечного шва наблюдается серия крупных (ок. 10 мм) и мелких (3–5 мм) насечек, параллельных линии порезов на правой теменной кости. Они располагаются друг за другом, практически образуя одну линию (рис. 2, 5, *а*). Всего на данном черепе зафиксировано 17 насечек.

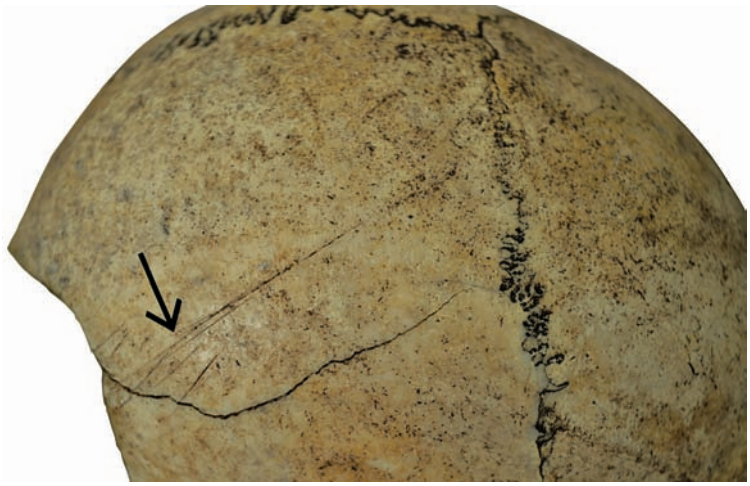
Скальпирование затрагивало только теменную область. На данном черепе оно сопровождается следами другого травматического повреждения, которое может свидетельствовать о выламывании затылочной кости, возможно сопровождавшем декапитацию. Чешуя затылочной кости отсутствует (сохранилась только базилярная часть), а в нижней части теменных костей в районе ламбдовидного шва присутствуют следы слома (рис. 3). Они уходят на внутреннюю поверхность в виде нескольких крупных сколов. Выламывание предварялось ударами тяжелым тупым предметом вдоль ламбдовидного шва. Трещины, расходящиеся от места

Характеристика погребений памятника Тартас-1, в которых присутствуют черепа со следами скальпирования

Признак	Погребальный обряд позднекротовской (черноозёрской) культуры*	Погр. 158**	Погр. 254***
Количество погребенных	Обычно 1	2	6
Положение костяка	Вытянутое на спине; на боку в скорченном положении	Вытянутое на спине	Ск. 1 – вытянутое на спине
Тип погребения	Первичное	Первичное?	Первичное (ск. 1, 2) + вторичное (ск. 3–6)
Инвентарь	Бронзовое оружие, украшения, керамика (на позднем этапе существования)	Фрагменты керамики, кости животных, костяное изделие (наконечник стрелы?)	Обломок ножевидной пластины, конические бронзовые втулки
Примечания	–	–	Следы огня на костях скелета

*По: [Молодин, 2014, с. 53]).
**По: [Молодин, 2006, с. 23–24].
***По: [Молодин, Чемякина, Мыльникова, 2008, с. 20–22; Молодин и др., 2008].

Рис. 1. Следы скальпирования на правой теменной кости (погр. 158, скелет № 2).

импульса силы, проходят через всю толщину теменных костей и свидетельствуют о нанесении как минимум трех ударов (см. рис. 3). Подобные проявления могут быть характерны для удара по голове, нанесенного сзади [Крюков и др., 2000, с. 112–113]. Расположение порезов создает впечатление, что было произведено частичное скальпирование, снимающее только кожу с волосами на макушке и затрагивающее лишь сухожильный шлем, но не задевающее мышечных тканей.

Погребение 254. Скелет принадлежал мужчине 29–34 лет. Погребение, в котором он находился, было разрушено в процессе современной распашки участка, и чешуя лобной кости оказалась разрушенной. Следы порезов на черепе были обнаружены в теменном и затылочном отделах. На обеих теменных костях присутствуют длинные порезы, повторяющие конфигурацию теменно-височного (чешуйчатого) шва. На левой теменной кости зафиксировано 7 порезов. Вдоль линии шва,

Рис. 2. Следы скальпирования на левой теменной кости (погр. 158, скелет № 2).

Рис. 3. Внутренняя поверхность левой теменной кости (погр. 158, скелет № 2). Стрелками белого цвета обозначены трещины, стрелками черного цвета – следы слома кости.

Рис. 4. Следы скальпирования на левой теменной кости (погр. 254, скелет № 1).

пятью миллиметрами выше, расположены 3 длинные насечки, длиной 42, 18 и 19 мм. Две последние образуют между собой тупой угол. Наиболее высоко расположенная насечка фиксируется в 10 мм ниже височной линии и параллельна переднему порезу над чешуйчатым швом. Над наиболее дистально поставленной линией присутствуют два параллельных пореза, длиной 35 (нижний) и 22 (верхний) мм (рис. 4, 5, *б*). На пересечении затылочной и правой теменной костей находятся 2 крупных пореза. Первый расположен в 12 мм выше краниометрической точки asterion (27 мм). Ему параллельна насечка длиной 11 мм. Между ними находятся мелкие порезы, длиной менее 5 мм (рис. 5, *в*). На правой теменной кости фиксируются 2 едва различимых пореза, параллельных височно-теменному шву. Общее число насечек – 12.

Порезы на правой и левой теменных костях рассекали височную мышцу (*m. temporalis*) и пластинку ее фасции. С правой стороны, в месте слияния ламбдовидного и теменно-височного швов, порез рассекал начало надчерепной мышцы (*m. epicranius*).

Особенности порезов на двух исследованных черепах позволяют выделить как сходные черты в их нанесении, так и различия. Оба скаль-

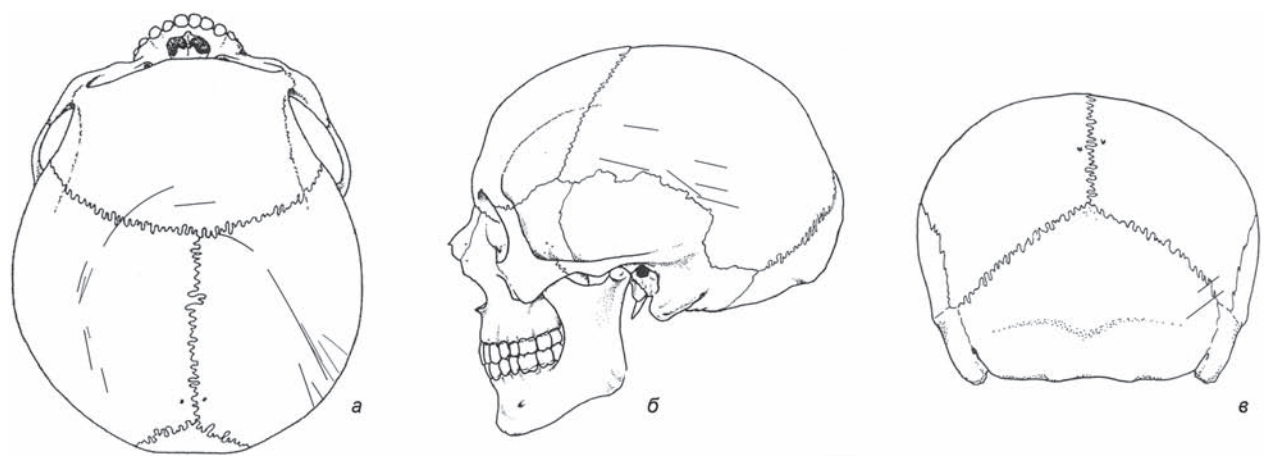

Рис. 5. Схема расположения насечек на черепах погребенных.

а – погр. 158, скелет № 1; *б* – погр. 254, скелет № 1, левая теменная кость; *в* – то же, правые теменная и затылочная кости.

пирования были выполнены острым металлическим предметом, т.к. на порезах отсутствуют бахромчатость и зазубрины, а их ширина минимальна (визуально меньше 1 мм). Отсутствие хаотичных насечек, зигзагообразных и пересекающихся линий косвенно свидетельствует о том, что оба скальпирования производились посмертно, а в случае индивида из погр. 158 есть вероятность, что скальпирование выполнялось после декапитации.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что, при определенных сходных чертах, скальпирования выполнены разными способами. Если в первом случае (погр. 158) фиксируется циркулярный характер насечек, то в погр. 254 основная масса порезов приходится на одну сторону. Вероятно, что во втором случае кожа головы могла сниматься в поперечном направлении, разрез делался над левым ухом и отделял кожу головы от мышечных волокон.

Отсутствие единообразия в характере расположения системы порезов на черепах из погребений в Барабинской лесостепи, таким образом, является важным вопросом. Мы обнаружили две совершенно разные системы в пространстве одного погребального комплекса: в одном случае удалялась только макушечная часть кожи головы, в другом же снималась вся ее волосистая часть. Данная особенность обряда может быть вызвана полиморфизмом его семантики в данной культурной среде.

Сопоставляя общие для двух позднекротовских (черноозёрских) погребений черты методики скальпирования с приводимыми другими авторами, можно заключить, что они больше всего напоминают скальпирования из могильников Быстровка-2 (череп из погр. 158) и Уландрык-2 (погр. 254).

А.П. Бородовский и А.В. Табарев отмечают, что скальпы, происходящие из Быстровского некрополя, снимались «быстрым» способом, при котором делалось большое количество неглубоких насечек. Количество насечек на черепе из погр. 158 и черепах из Быстровского некрополя сопоставимо [Бородовский, Табарев, 2005, с. 90].

Важно, что на черепе из погр. 158 помимо скальпирования присутствуют следы травматического повреждения в виде удара, нанесенного сзади, и, возможно, последующей декапитации. Эти признаки находят аналогии в материалах Быстровского некрополя [Бородовский, 2002; Бородовский, Табарев, 2005; Бородовский и др., 2010].

Во втором случае (череп из погр. 254) кожа головы могла сниматься в поперечном направлении, разрез делался над левым виском и отделял кожу головы от мышечных волокон, подобно скальпированию, описанному Д.В. Поздняковым на материалах из могильника Уландрык-2 (см.: [Бородовский и др., 2010, с. 72, рис. 21]). С другой стороны, неполная комплектность черепа (отсутствует почти вся лобная кость) не позволяет в данном случае точно реконструировать особенности скальпирования.

Причины, по которым производился обряд скальпирования, многочисленны и дифференцируются в зависимости от территории, эпохи, культурной принадлежности и многих других факторов. М.Б. Медникова, анализируя случаи скальпирования умерших в эпоху неолита и бронзы, объясняет их такими причинами, как особенности погребальной практики, военные традиции и ритуальный каннибализм [Медникова, 2001, с. 184–185.]

Скальпирование, безусловно, могло быть произведено в ходе столкновения между группами людей как проявление агрессии. Но сочетание скальпирования и декапитации требует иного объяснения. Применение этих обрядов может восходить к более сложному ритуалу, к мировоззрению, в котором голова и волосы имели сакральное значение. Например, отсечение кожи головы с волосами, частичное разрушение черепа, отделение головы от тела и другие манипуляции могли быть направлены на «обезвреживание» покойника и обеспечение невозможности возвращения его души в тело [Медникова, 2001; Руденко, 1948; Бородовский, 2002; Бородовский, Табарев, 2005; Лушина, 2017; и др.]. То обстоятельство, что оба индивида были погребены не совсем типично для позднекротовской (черноозёрской) культуры, тоже косвенно может свидетельствовать о ритуальном характере совершения манипуляций.

Находки черепов со следами манипуляций эпохи развитой бронзы из могильника Тартас-1, безусловно, удревняют бытование обряда скальпирования на территории Западной Сибири. Накопившийся материал (см.: [Руденко, 1948; Бородовский, 2002; Murphy et al., 2002; Поздняков, 2004; Бородовский, Табарев, 2005; Бородовский и др., 2010; и др.]), по справедливому замечанию А.В. Лушиной, позволяет считать юг Западной Сибири в скифское и гунно-сарматское время еще одним регионом, в котором обычай скальпирования встречается достаточно часто [Лушина, 2017, с. 80].

Факт присутствия черепов со следами травм в целом согласуется с результатами, полученными А.П. Бужиловой, М.В. Добровольской и М.Б. Медниковой на основе анализа серии скелетов из разновременного памятника Сопка-2, по территориальному расположению очень близкого к изучаемому нами могильнику. Исследователи отметили, что наибольшее количество травм черепа и посткраниального скелета приходилось на индивидов из погребений, относимых к кротовской культуре [Бужилова, Добровольская, Медникова, 2006, с. 150]. Большую часть повреждений черепа и скелета авторы указанной работы считают про-

явлениями бытового травматизма, но те случаи, где имели место травмы без следов заживления и посмертные манипуляции, трактуются ими как последствия конфликтов [Там же, с. 153]. Данное суждение согласуется с полученными ранее данными археологии, антропологии и палеогенетики о том, что в конце III – начале II тыс. до н.э. на территорию Барабинской лесостепи начинается проникновение пришлого (срубно-андроновского) населения [Молодин, 2014; и мн. др.], вероятно, сопровождавшиеся локальными конфликтами с автохтонным населением. Отсутствие зафиксированных следов обряда скальпирования у населения срубно-андроновской общности может быть объяснено в т.ч. и малой изученностью соответствующих материалов с палеопатологической точки зрения.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде».

Список литературы

Бородовский А.П. Проблема исторических корней обычая скальпирования в Западной Сибири // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. 3. – С. 164–169.

Бородовский А.П. Археологические памятники Искитимского района Новосибирской Области. Материалы «Свода памятников истории и культуры народов России». – Новосибирск: Изд-во Гос. ун-та путей сообщения, 2002. – Вып. 6. – 208 с.

Бородовский А.П., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Табарев А.В., Черемисин Д.В. Археология насилия (интерпретация материалов археологических, антропологических и изобразительных комплексов): учеб.-метод. пособие. – Новосибирск, 2010. – 110 с.

Бородовский А.П., Табарев А.В. Скальпирование в Северной Америке и Западной Сибири по данным археологии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2005. – № 1 (21). – С. 87–96.

Бужилова А.П., Добровольская М.В., Медникова М.Б. К проблеме реконструкции социальных взаимоотношений населения Барабинской степи (анализ травм и повреждений по антропологическим материалам серии Сопка-2) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 3 (27). – С. 148–156.

Карачаров К.Г., Ражев Д.И. Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Вестник археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2002. – Вып. 4. – С. 137–140.

Крюков В.Н., Саркисян Б.А., Янковский В.Э., Новосёлов В.П., Плаксин В.О., Гедыгулыев И.А., Корсаков С.А., Зорькин А.И., Шадымов А.В. Диагностикум механизмов и морфологии переломов при тупой травме скелета. Т. 5. Механизмы и морфология переломов костей черепа. – Новосибирск: Наука, 2000. – 214 с.

Лушина А.В. Обычай скальпирования в Старом Свете: хронология и ареалы // Преистория. Древность. Средневековье. Исследования по истории, археологии, культуре. сб. науч. ст. Кн. I / отв. ред. М.Г. Моисеенко, А.В. Деев. – Зимовники: Зимовниковский краеведческий музей, 2017. – 165 с., ил.

Медникова М.Б. Трепанации у древних народов Евразии. – М.: Научный мир, 2001. – 304 с.

Медникова М.Б., Лебединская Г.В. Пепкинский курган: данные антропологии к интерпретации погребений // Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений. сб. ст. – М.: Вост. лит., 1999. – 248 с.

Молодин В.И. К вопросу о позднекротовской (черноозёрской) культуре (прииртышская лесостепь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 57 (1). – С. 49–54.

Молодин В.И. Отчет об археологических исследованиях в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области в 2006 году // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 322. – 219 с.

Молодин В.И., Новикова О.И., Гришин А.Е., Гаркуша Ю.Н., Марченко Ж.В., Рыбина Е.В., Пилипенко А.С., Лабецкий В.П. Изучение памятника эпохи развитой бронзы Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – Т. XII, ч. I. – С. 422–427.

Молодин В.И., Парцингер Г., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Соловьёв А.И., Наглер А., Дураков И.А., Кобелева Л.С. Тартас-1. Некоторые итоги полевых исследований // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – Т. XIV. – С. 202–207.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Мыльникова Л.Н. Отчет об археологических исследованиях в Венгеровском и Чановском районах Новосибирской области в 2008 году // Архив ИАЭТ СО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 366. – 397 с.

Перерва Е.В. О скальпировании у сарматов (по материалам могильника Новый) // РА. – 2005. – № 3. – С. 36–44.

Поздняков Д.В. К вопросу о травматических повреждениях у населения пазырыкской культуры // OPUS: Междисциплинарные исследования в археологии. – М.: Изд-во ИА РАН, 2004. – Вып. 3. – С. 133–141.

Ражев Д.И., Пошехонова О.Е. Обычай срубания кос у средневековых воинов Западной Сибири // Вестн. архе-

ологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: Изд-во ИПОС СО РАН, 2009. – Вып. 10. – С. 83–89.

Руденко С.И. Второй Пазырыкский курган. Результаты работ экспедиции Института истории материальной культуры Академии наук СССР в 1947 г. Предварительное сообщение. – Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1948. – 64 с.

Murphy E., Gokhman I., Chistov Y., Barkova L. Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetery of Aymyrlyg, South Siberia // Am. J. of Archaeol. – 2002. – Vol. 106, No. 1. – P. 1–10.

References

Borodovsky A.P. Problema istoricheskikh kornei obychaya skal'pirovaniya v Zapadnoi Sibiri. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, No. 3, pp. 164–169 (in Russ.).

Borodovsky A.P. Arkheologicheskie Pamyatniki Iskitimskogo Raiona Novosibirskoi Oblasti. Materialy "Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury narodov Rossii". Novosibirsk: Siberian Transport Univ. Publ., 2002, iss. 6, 208 p. (in Russ.).

Borodovsky A.P., Tabarev A.V. Scalping in North America and Western Siberia: The archaeological evidence**.** *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2005, No. 1, iss. 21, pp. 87–96.

Borodovsky A.P., Zubova A.V., Pozdnyakov D.V., Tabarev A.V., Cheremisin D.V. Arkheologiya nasiliya (interpretatsiya materialov arkheologicheskikh, antropologicheskikh i izobrazitel'nykh kompleksov). Uchebno-metodicheskoe posobie. Novosibirsk, 2010, 110 p. (in Russ.).

Buzhilova A.P., Dobrovolskaya M.V., Mednikova M.B. Injures of human skeletal remains from Sopka-2 and their relevance for social relationships among the Baraba steppe populations. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, No. 3 (27), pp. 148–156.

Karacharov K.G., Razhev D.I. Obychai skal'pirovaniya na severe Zapadnoi Sibiri v Srednie veka. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS Publ., 2002, iss. 4, pp. 137–140 (in Russ.).

Kryukov V.N., Sarkisyan B.A., Yankovsky V.E., Novoselov V.P., Plaksin V.O., Gedygulyev I.A., Korsakov S.A., Zorkin A.I., Shadymov A.V. Diagnosticum mekhanizmov i morfologii perelomov pri tupoi travme skeleta. In *Mekhanizmy i morfologiya perelomov kostei cherepa*. Novosibirsk: Nauka, 2000, vol. 5, 214 p. (in Russ.).

Lushina A.V. Scalping Custom in the Old World: Chronology and Ranges. In *Prehistory. Antiquity. Middle Ages. Historical, Archaeological and Cultural Studies*: collection of scientific articles, vol. I / ed. M. Moiseyenko, A. Deyev. Zimovniki: The Zimovniki Local History Museum, 2017, 165 p. (in Russ.).

Mednikova M.B. Trepanatsii u drevnikh narodov Evrazii. Moscow: Nauchny mir, 2001, 304 p. (in Russ.).

Mednikova M.B., Lebedinskaya G.V. Pepkinsky kurgan: Dannye antropologii k rekonstruktsii pogrebenii. In *Pogrebal'nyi obryad: rekonstruktsiya i interpretatsiya drevnikh ideologicheskikh predstavlenii*. Moscow: Vostochnaya literatura, 1999, 248 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Vengerovskom i Chanovskom raionakh Novosibirskoi oblasti v 2006 godu. In *Archive of IAET SB RAS*. Coll. 1, aids 1, fol. 322, 219 p. (in Russ.).

Molodin V.I. The Late Krotovo (Chernoozerye) Culture in the Irtysh Forest-Steppe, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 57 (1), pp. 49–54 (in Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A., Mylnikova L.N. Otchet ob arkheologicheskikh issledovaniyakh v Vengerovskom i Chanovskom raionakh Novosibirskoi oblasti v 2008 godu. In *Archive of IAET SB RAS*. Coll. 1, aids 1, fol. 366, vol. 1, 2, 397 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Novikova O.I., Grishin A.E., Garkusha Yu.N., Marchenko Zh.V., Rybina E.V., Pilipenko A.S., Labetsky V.P. Izuchenie pamyatnika epokhi razvitoi bronzy Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, vol. XII, pt. I, pp. 422–427 (in Russ.).

Molodin V.I., Parzinger G., Mylnikova L.N., Novikova O.I., Solovyev A.I., Nagler A., Durakov I.A., Kobeleva L.S. Tartas-1. Nekotorye itogi polevykh issledovanii. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, vol. XIV, pp. 202–206 (in Russ.).

Murphy E., Gokhman I., Chistov Y., Barkova L. Prehistoric Old World Scalping: New Cases from Cemetery of Aymyrlyg, South Siberia. *American Journal of Archaeology*, 2002, vol. 106, No. 1, pp. 1–10.

Pererva E.V. Concerning scalping among the Sarmatians (according to the data from the cemetery Novy). *Russian archaeology*, 2005, No. 3, pp. 36–44 (in Russ.).

Pozdnyakov D.V. K voprosu o travmaticheskikh povrezhdeniyakh u naseleniya pazyrykskoi kul'tury. *OPUS: Interdisciplinary research in archaeology*. Moscow: IA RAS Publ., 2004, iss. 3, pp. 133–141 (in Russ.).

Razhev D.I., Poshekhonova O.E. Obychai srubaniya kos u srednevekovykh voinov Zapadnoi Sibiri. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS Publ., 2009, iss. 10, pp. 83–89 (in Russ.).

Rudenko S.I. Vtoroi Pazyrykskii kurgan. Rezul'taty rabot ekspeditsii Instituta istorii material'noi kul'tury Akademii nauk SSSR v 1947 g. Predvaritel'noe soobshchenie. Leningrad: Gos. Ermitazh Publ., 1948, 64 p. (in Russ.).

Батанина О.В. https://orcid.org/0000-0003-2898-9407

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.328-335
УДК 902/904

В.В. Бобров[1, 2], А.Г. Марочкин[1, 2], А.Ю. Юракова[1, 2], А.В. Веретенников[1, 2]

[1]Институт экологии человека ФИЦ УУХ СО РАН
Кемерово, Россия
[2]Кемеровский государственный университет
Кемерово, Россия
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Южная группа жилищ поселения Старый Московский тракт-5 в Барабинской лесостепи (итоги работ 2019 года)

В 2019 г. продолжились раскопки Кузбасской археологической экспедиции на поселении Старый Московский тракт-5 (Венгеровский район Новосибирской области, северо-запад Барабинской лесостепи). Проведенные исследования нацелены на получение данных о хроностратиграфическом и планиграфическом положении комплексов неолита – раннего металла в лесостепной зоне Среднего Прииртышья. Исследованы раскопками жилища № 1–3 и участки культурного слоя между ними. Получены многочисленные фрагменты керамической посуды и предметы каменной индустрии. Наиболее представительную и значимую категорию находок из заполнения и со дна жилищ составляет плоскодонная керамика раннего – среднего неолита, аналогичная синхронным керамическим комплексам близлежащих поселений Автодром 2/2, Тартас-1, Усть-Тартас-1. Подтверждено наличие на памятнике нескольких горизонтов обитания древнего населения. Несколькими стратиграфическими разрезами в разных частях раскопа установлено отсутствие археологических материалов под слоем темно-красного суглинка, что отрицает возможный стратифицированный характер памятника. Стратиграфическая ситуация полностью соответствует ранее сделанным наблюдениям о более древней (нижней) позиции неолитического комплекса с плоскодонной керамикой относительно комплекса финального неолита – раннего металла с остродонной гребенчато-ямочной посудой. По совокупности находок со дна древних конструкций выявлена культурно-хронологическая однородность большинства жилищ южной группы поселения Старый Московский тракт-5, входящих в одну планиграфическую зону с жилищами № 1–8 поселения Старый Московский тракт-4. Установлен спорадический характер присутствия на южном участке памятника немногочисленных материалов гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла, маркирующих периферию поселения этого периода, планиграфически соотносимого с памятником Старый Московский тракт-4.

Ключевые слова: *поселение Старый Московский тракт-5, неолит, ранний металл, раннее Средневековье, Барабинская лесостепь.*

Vladimir V. Bobrov[1, 2], Alexey G. Marochkin[1, 2], Alena Yu. Yurakova[1, 2], Alexey V. Veretennikov[1, 2]

[1]Institute for Human Ecology of the Federal Research Center of Coal and Coal Chemistry SB RAS,
Kemerovo, Russia
[2]Kemerovo State University,
Kemerovo, Russia
E-mail: yurakova_al@mail.ru

Southern Group of Dwellings at the Settlement of Staryi Moskovskiy Trakt-5 in Baraba Forest-Steppe (Results of Research in 2019)

In 2019, the Kuzbass Archaeological Expedition continued its research at the settlement of Staryi Moskovskiy Trakt-5, aimed at obtaining new data on chronology, stratigraphy, and planigraphy of Neolithic and Early Metal complexes in

the forest-steppe area of the Middle Irtysh region. Dwellings No. 1–3 and parts of cultural layer between them have been explored, and numerous pottery fragments and stone tools have been discovered. Flat-bottomed vessels of the Early and Middle Neolithic, similar to pottery complexes from the Avtodrom 2/2, Tartas-1, Ust-and Tartas-1 settlements in the neighboring areas, constitute the most representative and important category of findings. The presence of several habitation layers of the ancient population has been confirmed. Several stratigraphic sections in different parts of the excavation pit have proven the absence of archaeological evidence under the layer of dark red clay, which indicates the absence of possible stratified nature of the site. The stratigraphic situation fully corresponded to the observations that the Neolithic complex with flat-bottomed pottery was earlier (in the lower position) that the complex of the Final-Neolithic–Early Metal Age containing pit-comb pottery with pointed bottoms. Cultural and chronological homogeneity of the majority of dwellings in the southern group of the site, located in the same planigraphic zone as dwellings No. 1–8 of the Staryi Moskovskiy Trakt--4 site has been established using the finds from the floor of the ancient structures. The sporadic evidence of the Pit-Comb Community of the Early Metal Age in the southern part of the settlement marks the periphery of the site and can be correlated with the Staryi Moskovskiy Trakt-4 site on the basis of planigraphic data.

Keywords: *Staryi Moscovskiy Trakt-5 settlement, Neolithic, Early Metal Age, Early Middle Ages, Baraba forest-steppe.*

Введение

Группа археологических памятников на Старом Московском тракте (СМТ), приуроченная к краю второй надпойменной террасы левого берега р. Тартас (Венгеровский р-н Новосибирской обл.), была открыта В.И. Молодиным в 1997 г. В 2014–2018 гг. исследования поселения Старый Московский тракт-5 проводились Барабинским отрядом Кузбасской археологической экспедиции ФИЦ УУХ СО РАН и КемГУ. За этот период получены сведения о планиграфии памятника: а) жилищные западины № 1–10 поселения СМТ-5 и № 1–7 поселения СМТ-4 образуют общую группу объектов; б) культурно-хронологические комплексы неолита – раннего металла обнаруживают на этом участке пространственную локализацию: неолитический комплекс с плоскодонной посудой (VI – первая половина V тыс. до н.э.) занимает основную площадь у края террасы, тогда как комплекс гребенчато-ямочной общности эпохи раннего металла (первая половина IV тыс. до н.э.) тяготеет к участкам, удаленным от края террасы.

Актуален вопрос о генезисе обозначенной группы жилищных построек, условно разделенной границей памятников СМТ-4 и СМТ-5. Отражает ли указанная планиграфия хронологическую закономерность, согласно которой население гребенчато-ямочной общности лишь причастно к формированию верхнего горизонта обитания поселка? Для проверки культурно-хронологической принадлежности жилищ, расположенных у края террасы, в прошедшем полевом сезоне на южном участке поселения Старый Московский тракт-5 был заложен раскоп, соединивший раскопы № 1 и 2 2018 г.

Результаты работ 2019 г.

Раскоп площадью 248 м^2, расположенный на краю надпойменной террасы, включил остатки трех жилищных котлованов (№ 1–3), четырех очагов и шести ям (рис. 1, *2*). Кроме того, изучены участки межжилищного пространства.

Жилище № 1 представлено остатками котлована подокруглых очертаний, размерами 6,3 (по оси С – Ю) × 6 м (по оси З – В), углубленного в «материковый» суглинок до 0,6–0,85 м. Заполнение жилища – супесь светло-желтого цвета – идентично основному культурному слою памятника. Стенки котлована крутые, чуть более пологие с юго-восточной стороны. На уровне пола жилища зафиксированы остатки очага и столбовой ямки.

Очаг № 9 в виде линзы прокаленной супеси красно-оранжевого цвета размерами 1,1 × 0,6 м, вытянутой по линии ЮЗ – СВ, был расположен в центре жилищного котлована. Мощность – 0,1 м. Под линзой выявлена небольшая ямка диаметром 0,25 м и такой же глубины от уровня пола.

Яма № 14 (0,28 × 0,35 м, глубина – 0,1 м), подовальной формы, зафиксирована в 0,9 м к ЗСЗ от очага; располагалась в 2,5 м к востоку от западной стенки котлована и в 2,05 м к югу от северной.

С северо-восточной стороны к границе жилища № 1 примыкала *яма № 15*, выделявшаяся на фоне «материкового» суглинка в виде овального пятна светло-желтой супеси, размерами 1,75 × 1,25 м, вытянутого по оси СВ – ЮЗ. Глубина ямы – до 0,3 м. Функция ямы и ее связь с жилищем не установлены. В верхнем заполнении ямы, близ ее восточного края, залегал небольшой фрагмент тулова сосуда без орнамента.

Артефакты из нижних горизонтов заполнения и со дна жилища представлены фрагментами посуды плоскодонного неолитического комплекса и предметами каменной индустрии; в заполнении очага найдены отщеп и сколы с поверхности шлифованных орудий.

Жилище № 2 (рис. 1, *3*) известно по котловану подокруглых очертаний, размерами 5,9 (по оси З – В) × 5,8 (по оси Ю – С) м, глубиной от уровня «материка» 0,95–1,1 м. Стенки котлована отвесные в северной части и более пологие в южной. Заполнение его представлено светло-желтой супесью,

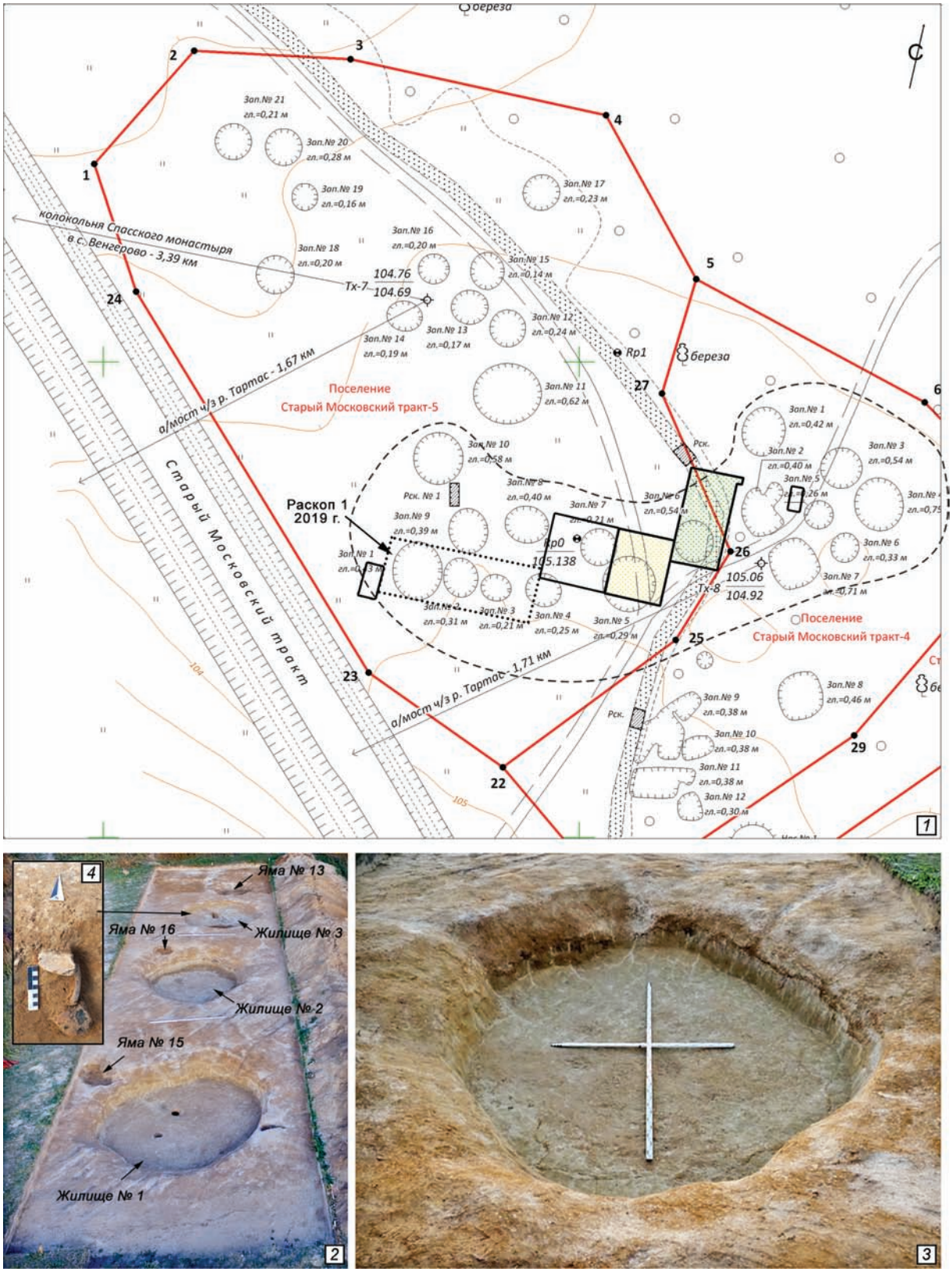

Рис. 1. План поселений на Старом Московском тракте (*1*) и участки, изученные раскопом 2019 г. (*2*, *3*): *2* – общий вид раскопа (фото с З); *3* – жилище № 2 (фото с В); *4* – фрагменты неолитического сосуда *in situ* в стенке жилищного котлована № 3 (фото с Ю).

в нижних горизонтах содержащей золистые включения, вероятно образовавшиеся в результате обрушения сгоревшего перекрытия. В центре жилища изучены остатки *очага № 10* в виде прокаленной линзы размерами 0,5 × 0,7 м, вытянутой по линии ССВ – ЮЮЗ, мощностью до 0,13 м.

В нижних горизонтах и на дне жилища залегали фрагменты плоскодонной неолитической посуды и связанный с ней комплекс каменного инвентаря.

С северо-восточной стороны к жилищу № 2 в 0,2 м от него примыкала *яма № 16*, выделявшаяся на фоне «материкового» суглинка пятном подовальной формы, размерами 0,8 × 0,6 м, слегка вытянутым по линии ССВ – ЮЮЗ, и имевшая незначительную глубину (до 0,06 м). Находки в заполнении ямы отсутствовали. Связь ямы с жилищем не установлена, предназначение ее неизвестно.

Жилище № 3 представлено котлованом подокруглой формы, размерами 4,9 (по оси З – В) × 4,6 (по оси Ю – С) м, слегка вытянутым по линии З – В и углубленным на 0,3–0,5 м. Стенки котлована отвесные в северной части, в южной – более пологие. Рельеф дна отражает постепенное углубление от периферии к центру и осложнен ортзандовыми «затеками». В центре жилища выявлен небольшой очаг, а в северо-восточной части – остатки ямы неизвестного назначения.

Очаг № 11 в виде прокаленно-золистой линзы размерами 0,6 × 0,6 м, вытянутой по линии СЗ – ЮВ, имел мощность до 0,08 м.

Яма № 17 была обнаружена в 1 м к западу от восточной границы жилища № 3, на уровне его пола; имела аморфные очертания, размеры – 0,85 × × 0,6 м, выделяясь на фоне красно-коричневого суглинка пятном светло-желтого цвета. Глубина – до 0,17 м. В южной части ямы обнаружены отщеп (1 экз.), фрагмент тулова сосуда (1 экз.) и две мелкие кальцинированные кости.

Керамический и каменный инвентарь со дна жилища № 3 соответствует характеристикам неолитического комплекса. Несколько фрагментов плоскодонного сосуда обнаружены *in situ* на северном участке стенки котлована (рис. 1, *4*).

Яма № 13 располагалась к востоку от жилища № 3; зафиксирована на уровне «материкового» суглинка в виде округлого пятна светло-желтой супеси с гумусированными включениями, диаметром 0,2 м. Глубина – 0,75 м, в том числе внутреннее углубление размерами 0,8 × 0,8 м и глубиной 0,4 м. В верхних горизонтах заполнения найдены фрагменты керамики гребенчато-ямочной общности (5 экз.), в нижних – фрагменты плоскодонной неолитической посуды (13 экз.) и угольков (4 экз.), глиняный спек, отщепы (2 экз.), скребок и скол с поверхности шлифованного орудия. Назначение ямы неизвестно.

Очаг № 8 зафиксирован на уровне «материкового» суглинка к северу от жилища № 3 в виде прокаленной линзы размерами 0,5 × 0,6 м, слегка вытянутой по линии Ю – С; мощность – до 0,11 м. Хронологическая принадлежность не ясна.

Коллекция находок из раскопа 2019 г. включает 1228 единиц (982 номера индивидуального учета). Наиболее массовые категории находок – предметы каменного инвентаря (43 %) и фрагменты керамической посуды (47 %); мелкие фрагменты костей (3 %) обнаружены в кальцинированном виде; присутствуют глиняные спеки (6 %); в единственном числе найден фрагмент керамического изделия («утюжка»?).

По фрагментам керамики (580 экз.) установлено наличие на памятнике различных культурно-хронологических комплексов.

Керамический комплекс раннего – среднего неолита (VI – первая половина V тыс. до н.э.) – 343 фрагмента, принадлежащих плоскодонным профилированным сосудам с прочерченным и накольчатым декором (рис. 2). Характерные морфологические признаки данной группы посуды – толстостенность (до 10–12 см), выраженный вогнутый профиль придонной части, переходящий в «выступ» по краю дна, срез венчика скошен вовнутрь, иногда утолщен и в большинстве случаев украшен гладкими оттисками. В теле венчика фиксируется полый канальчик от выгоревшего шнура (рис. 2, *а*), которым обвязывалось устье при формовке.

Идентичная керамика содержалась в материалах раскопок на памятнике 2016–2018 гг. [Бобров, Марочкин, Юракова, 2016, 2017; Бобров, Марочкин, Юракова, Веретенников, 2018]. В раскопе 2019 г. керамика залегала по всей площади, в том числе в нижних горизонтах заполнения жилищ и заполнении ямы № 13. Аналогии комплексу происходят из близлежащих поселений Северо-Западной Барабы – Автодром 2/2, Тартас-1, Усть-Тартас-1 [Бобров, Марочкин, Юракова, 2012; Молодин и др., 2016; Молодин, Кобелева, Мыльникова, 2017].

Керамический комплекс финального неолита – раннего металла, гребенчато-ямочная общность (конец V – первая половина IV тыс. до н.э.) – фрагменты тонкостенных сосудов (34 экз.) с округлым и в единичных случаях уплощенным дном. Орнамент состоит из отступающе-накольчатых линий, рядов наклонных оттисков гребенчатого / гладкого штампа и ямочных вдавлений (см. рис. 2).

В материалах предыдущих лет аналогичная керамика представлена в большем количестве, в особенности на участках, удаленных от края террасы [Бобров, Марочкин, Юракова, 2016, 2017, 2018]. Фрагменты залегали разрозненно в слое светло-желтой супеси, а также в верхних горизонтах заполнения жилищ № 1 и 2 и ямы № 13. Наиболее

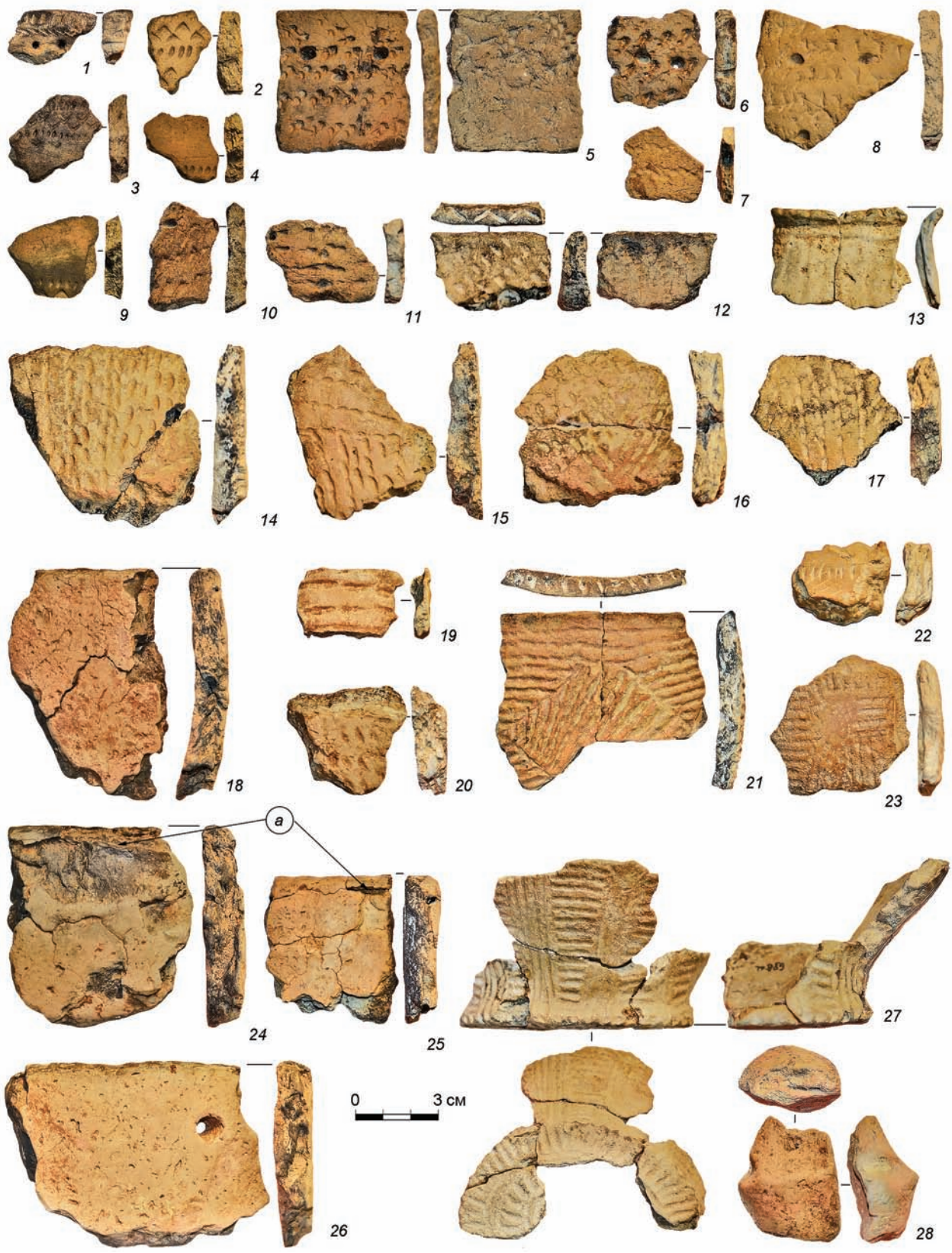

Рис. 2. Керамические комплексы с поселения Старый Московский тракт-5 (исследования 2019 г.): раннего железного века – раннего Средневековья (*1–4*, *9*); эпохи раннего металла (*5–8*, *10–12*); раннего – среднего неолита (*13–27*); фрагмент керамического изделия – «утюжка» (*28*).

Место нахождения предметов: *1*, *2*, *4*, *9* – слой гумусированной супеси; *3*, *7*, *10–11*, *13–16*, *20*, *23*, *27*, *28* – слой светло-желтой супеси; *5*, *8*, *12*, *14*, *17*, *21* – жилище № 1; *6*, *22*, *25* – жилище № 2; *18*, *19*, *24*, *26* – жилище № 3.

близкие аналогии происходят с поселения раннего металла Венгерово-3, изученного неподалеку на берегу р. Тартас [Молодин, 1977].

Керамический комплекс раннего железного века / раннего Средневековья (III–IX вв. н.э.) представлен 8 фрагментами одного сосуда (см. рис. 2). Орнаментальная композиция приурочена к верхней зоне сосуда; включает ряды оттисков, выполненных треугольным фигурным штампом. Фрагменты обнаружены в слое гумусированной супеси и в верхних горизонтах слоя светло-желтой супеси. Сходная орнаментация встречается на керамике памятников Барабинской лесостепи, относящихся к новочекинской (ранний железный век) и потче-

Рис. 3. Каменный инвентарь с поселения Старый Московский тракт-5 (исследования 2019 г.): из слоя светло-желтой супеси (*3–9*, *11–14*, *18–21*, *37*, *38*, *41*, *45*, *46*, *56–58*) и заполнения жилищ № 1 (*22–26*, *42*, *43*, *48*, *49*, *54*), № 2 (*1*, *2*, *27–30*, *44*, *47*, *50–52*), № 3 (*10*, *15–17*, *31–36*, *39*, *40*, *53*, *55*).

1, 2 – перфораторы; *3–20, 25–36* – пластины; *21–24, 37–51, 57* – скребки; *52* – абразив, *53–56, 58* – шлифованные орудия.

вашской (раннее Средневековье) культурам – Новочекино-1, Кыштовка-2а, Чулым-2, Туруновка-3 и др. [Полосьмак, 1987; Молодин и др., 1988, рис. 14, 55]. Культурно-хронологичесая атрибуция требует уточнения.

Среди ***каменного инвентаря*** (рис. 3) – 527 экз. – количественно преобладают отщепы (251 экз.), пластины (120 экз.) и скребки, выполненные на пластинчатых и отщеповых заготовках (106 экз.). Найдены единичные перфораторы на пластинах (2 экз.) и острие на отщепе (1 экз.). Абразивы (6 экз.) представлены брусками различных форм из мелко- и крупнозернистого песчаника; размеры самого крупного, трапециевидного в сечении, предмета – 6,5 × 5 × 2 см.

«Шлифованная» часть находок состоит из почти целого топора (обломана лезвийная часть), выполненного из крупного валуна (1 экз., размеры 14 × × 4,5 × 3,2 см), обушных фрагментов небольших топоров (3 экз., размеры – до 6,5 × 4 × 2 см), фрагмента заготовки-бифаса аналогичного орудия (1 экз.) и одного топорика, переиспользованного в роли скребка, размерами 6,8 × 4,3 × 1,8 см (рис. 3, *57*). Интересны два шлифованных предмета (рис. 3, *54*, *55*) из легкой песчаниковой (?) породы, найденные на полу жилищ № 1 и 3. Их морфология близка к категории топоров: оба трапециевидные в сечении, размеры сохранившихся фрагментов – 11 × 4 × × 3 см и 6 × 4 × 3 см. Однако свойства сырья могут говорить об их скорее абразивной, нежели рубящей функции. Сколы с поверхности шлифованных орудий (22 экз.) найдены во всех трех жилищах и в слое светло-желтой супеси.

Практически не представлены предметы первичного расщепления, за исключением одного продольного скола с нуклеуса из жилища № 2 и нескольких небольших по размерам кварцитовых желваков (4 экз.). Необработанное сырье найдено в виде мелких галек (4 экз.). На уровне границы слоя светло-желтой супеси с «материковым» суглинком, близ жилищ № 2 и 3, обнаружена плитка из серого сланца (размеры – 14 × 11,5 × 1,2 см), под которой залегал проксимальный сегмент пластины. На поверхности плитки фиксируются следы утилитарной заглаженности и легкая вогнутость.

Морфологические характеристики каменного инвентаря из заполнения жилищ № 1–3 и межжилищного пространства отражают его относительное типологическое единство; с учетом малочисленности находок более поздних периодов на изученном участке памятника, комплекс каменного инвентаря с большой долей вероятности может быть соотнесен с комплексом плоскодонной керамики эпохи неолита (VI – первая половина V тыс. до н.э.).

Обсуждение результатов

Материалы раскопок 2019 г., подобно результатам работ предыдущих лет, показывают наличие на памятнике нескольких горизонтов обитания древнего населения (ранний – средний неолит, начало эпохи палеометалла, раннее Средневековье).

Залегание в нижних горизонтах заполнения и на дне котлованов керамики и каменного инвентаря неолитического времени позволяет надежно увязать происхождение жилищ № 1–3 с ранним периодом истории памятника. Таким образом, уже для шести исследованных жилищ южной группы поселения СМТ-5 установлена однородность в культурном и хронологическом отношении. Вместе с тем находки начала эпохи палеометалла (гребенчато-ямочная общность), хотя и малочисленные на участках памятника, прилегающих к краю террасы, все же стабильно маркируют, по-видимому, периферийную зону поселка данного периода. В стратиграфическом отношении залегание керамики эпохи раннего металла показательно связано с верхними горизонтами заполнения жилищ и слоем светло-желтой супеси за их границами.

Рабочая гипотеза о стратифицированном характере памятника, при котором пачка плотного темно-красного суглинка, возможно, не является условным «материком», а лишь стерильной прослойкой, разделяющей культурные слои неолита и палеометалла, в процессе полевых работ 2019 г. не подтвердилась. Несколько стратиграфических разрезов удостоверяют отсутствие каких-либо археологических материалов в подстилающих супесях за пределами жилищных котлованов.

Полученные результаты позволяют дополнить представления о культурно-хронологических комплексах поселения, в особенности о неолитическом комплексе с плоскодонной профилированной посудой. Исследование жилищных конструкций на краю террасы делает возможными предварительные выводы о планиграфии неолитического поселка. Таким образом, поселение Старый Московский тракт–5 вписывается в цепочку комплексов с ранней плоскодонной посудой, расположенных на второй надпойменной террасе левого берега р. Тартас, – Автодром-1, Автодром-2/2, Усть-Тартас-1.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 33.2597.2017/ПЧ.

Список литературы

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Поселение боборыкинской культуры Автодром 2/2 (северо-западные районы Барабинской лесостепи) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2012. – № 3 (18). – С. 4–13.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Начало исследований на поселении Старый Московский тракт-5 (Северо-Западная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 7–11.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю. Жилище эпохи неолита с поселения Старый Московский тракт-5 (результаты работ 2017 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 45–49.

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Веретенников А.В. Культурно-хронологическая планиграфия поселений Старый Московский тракт-4 и Старый Московский тракт-5 на северо-западе Барабинской лесостепи (предварительные выводы) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 214–218.

Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья. Боборыкинская культура. – Екатеринбург, 2010. – 308 с.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И., Кобелева Л.С., Мыльникова Л.Н. Ранненеолитическая стоянка Усть-Тартас-1 и ее культурно-хронологическая интерпретация // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 172–177.

Молодин В.И., Савинов Д.Г., Елагин В.С., Соболев В.И., Полосьмак Н.В., Сидоров Е.А., Соловьев А.И., Бородовский А.П., Новиков А.В., Ким А.Р., Чикишева Т.А., Беланов П.И. Бараба в тюркское время. – Новосибирск, 1988. – 176 с.

Молодин В.И., Хансен С., Ненахов Д.А., Райнхольд С., Ненахова Ю.Н., Нестерова М.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Васильев С.К. Новые данные о неолитических комплексах памятника Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 135–139.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск, 1987. – 144 с.

References

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Poselenie boborykinskoi kul'tury Avtodrom 2/2 (severo-zapadnye raiony Barabinskoi lesostepi). *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii.* Tyumen: Institute of the Problems of Northern Development SB RAS Publ., 2012, No. 3 (18), pp. 4–13 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Beginning of the Research of Old Moscow Trackt-5 Settlement (North-Western Part of Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 7–11 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu. Neolithic Dwelling from the Settlement of Stary Moskovsky Trakt-5: Results of 2017. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 45–49 (in Russ.).

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Veretennikov A.V. Cultural Planography and Topochronology of the Stary Moskovsky Trakt-4 and Stary Moskovsky Trakt-5 Settlements in Northwestern Baraba Forest-Steppe (Preliminary Results). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 214–218 (in Russ.).

Kovaleva V.T., Zyryanova S.Yu. Neolit Srednego Zaural'ya. Boborykinskaya kul'tura. Yekaterinburg, 2010, 308 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Nenakhov D.A., Reinhold S., Nenakhova Yu.N., Nesterova M.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Vasiliev S.K. New Information about Neolithic Complexes on the Site Tartas-1. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 135–139 (in Russ.).

Molodin V.I., Kobeleva L.S., Mylnikova L.N. Ust-Tartas-1 Early Neolithic Site and Its Cultural and Chronological Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 172–177 (in Russ.).

Molodin V.I., Savinov D.G., Elagin V.S., Sobolev V.I., Polosmak N.V., Sidorov E.A., Solovyov A.I., Borodovsky A.P., Novikov A.V., Kim A.R., Chikisheva T.A., Belanov P.I. Baraba v tyurkskoe vremya. Novosibirsk, 1988, 176 p. (in Russ.).

Polosmak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk, 1987, 144 p. (in Russ.).

Бобров В.В. https://orcid.org/0000-0002-3272-0390
Марочкин А.Г. https://orcid.org/0000-0002-6757-0775
Юракова А.Ю. https://orcid.org/0000-0003-2548-2459
Веретенников А.В. https://orcid.org/0000-0001-9204-5297

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.336-344
УДК 902/904

А.П. Бородовский[1], Ю.В. Оборин[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Независимый исследователь
Красноярск, Россия
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Средневековый клад конской упряжи из Хакасии

В статье представлен вещевой клад, случайно обнаруженный в 2012 г. у с. Катюшкино Ширинского р-на Республики Хакасия. Описан комплекс предметов парадного сбруйного набора верхового коня средневекового аристократа. Определены состав клада и его структура. Найденный комплекс включает в себя бронзовые предметы: рельефные фигурки для украшения седла, крупные бляхи (фалары), большой набор ременных накладок, наконечников ремней, щитковых пряжек. Общее количество предметов комплекса – 209 экз. Сделан вывод, что находка является вещевым кладом, а не набором предметов поминального тайника могильника енисейских кыргызов. Дана краткая сравнительная характеристика предметов из найденного комплекса с находками из тайников кургана № 6 Копёнского чаатаса. Выявлена практически полная идентичность предметов из Катюшкинского клада с находками из тайников шестого кургана Копёнского могильника. Определен район, объединяющий места обнаружения этих вещевых комплексов. Рассмотрены некоторые аналоги найденным артефактам в китайской торевтике времен династии Тан. Представлены изображения на китайских бронзовых зеркалах, металлической посуде и тканях, композиционное построение и иконография которых подобны рельефам Копёнского и Катюшкинского комплексов. Дополнительно представлены некоторые предметы из случайных сборов последнего времени из района Копёнского могильника (левый берег Красноярского водохранилища). Установлены хронологические рамки формирования клада и возможное время его попадания на территорию Среднего Енисея. Поиск аналогий позволил уточнить датировку и культурную принадлежность Катюшкинского вещевого клада. Комплекс относится к середине X в. В этот период существования Кыргызского каганата торевтика вследствие обширных внешних связей отличалась синкретизмом.

Ключевые слова: *клад, сбруйный набор, кыргызы, Хакасия, Копёнский чаатас, Китай.*

Andrew P. Borodovsky[1], Yury V. Oborin[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Researcher,
Krasnoyarsk, Russia
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

Medieval Hoard of Horse Harness from Khakassia

The article presents a hoard discovered in 2012 near the village of Katyushkino in Shirinsky District of the Republic of Khakassia. A set of ceremonial harness for saddle horse of a Medieval aristocrat is described. The composition of the hoard and its structure have been determined. The total number of objects in the set was 209. It included bronze figurines of saddle decoration made in relief, large plates (phalerae), as well as great number of strap onlays and tips, and shield-like buckles. It is concluded that this find is a hoard rather than set of items from commemorative hiding place from the burial ground of the Yenisei Kyrgyz. Brief description of this find compared to the finds from the hiding places of burial mound No.6 at the Kopyonsky chaatas is given. In terms of its composition, the Katyushkino hoard turned out to be almost completely identical to the finds from burial mound 6 at the Kopyonsky chaatas necropolis. The geographic area uniting the places where these complexes of artifacts occurred has been identified. Some parallels to the objects from the hoard appear in the Chinese toreutics of the Tang Dynasty, and the pertinent ornamental motifs from Chinese bronze mirrors, metal utensils, and fabrics, whose composition and iconography are similar to the reliefs from the Kopyonsky and

Katyushkino complexes, are presented. In addition, some random finds recently made near the Kopyonsky burial ground (on the left bank of the Krasnoyarsk Reservoir) are described. The chronological framework of the objects from the hoard and possible time when they appeared on the territory of the Middle Yenisei region have been established. The search for parallels has made it possible to clarify the dating and cultural identity of the Katyushkino hoard. The set belongs to the mid 10th century, when the toreutics of the Yenisei Kyrgyz Khaganate was distinguished by syncretism caused by its wide external connections.

Keywords: *hoard, harness set, Kyrgyz, Khakassia, Kopyonsky chaatas, China.*

Начиная с эпохи палеометалла в кладах и тайниках Южной Сибири появляются предметы конского снаряжения. В эпоху раннего железа (тагарское время) на Среднем Енисее и в Туве в составе этих предметных комплексов встречаются преимущественно детали узды (удила и различные бляхи). Позднее, в хунно-сяньбийское время (Саяногорский клад), присутствуют металлические накладки от седел [Пшеницина, Хаврин, 2015].

Ввиду того, что предметы конского снаряжения являются наиболее «мобильными» категориями материальной культуры, они достаточно наглядно отражают культурные контакты своего времени. При этом если на ранних этапах своего возникновения и формирования детали экипировки верховой лошади отражают, как правило, воздействие или влияние «кочевой среды» на древние цивилизации, то начиная с хуннского времени и особенно в эпоху Средневековья эти изделия в полной мере аккумулируют в себе результаты сложной системы историко-культурных связей и контактов. В качестве одного из таких примеров можно привести серебряную декорированную накладку луки седла из Приаралья середины I тыс. н.э. [Богданов, 2017; Астафьев, Богданов, 2018]. Интерпретация мотивов помещения в землю этого предмета неоднозначна, как и ситуация, связанная с захоронением клада средневековой сбруи у с. Катюшкино в Хакасии. Поэтому более результативными будут детальная характеристика и поиск аналогий этого предметного комплекса.

Весной 2012 г. при проведении лесных противопожарных мероприятий (опашка периметра леса) на левом берегу р. Сон в 1,5 км юго-западнее с. Катюшкино (Ширинский р-н Республики Хакасия) был обнаружен комплекс украшений и деталей конской упряжи (209 экз.) (рис. 1). В настоящее время все эти предметы находятся в составе частной коллекции, с которой удалось ознакомиться в 2013 г. На территории Южной Сибири подобные наборы предметов эпохи раннего Средневековья обычно происходят из тайников (жертвенников) элитарных кыргызских могильников, одним из которых является Копёнский чаатас. Этот погребально-ритуальный комплекс расположен на берегу Красноярского водохранилища, в 60 км к востоку от места обнаружения собрания предметов у с. Катюшкино. Учитывая исключительную значимость Копёнского чаатаса как одного из ключевых и проблемных археологических объектов средневековой Хакасии [Азбелев, электронный ресурс], а также явное сходство целого ряда происходящих оттуда предметов с находками у с. Катюшкино, следует уделить пристальное внимание описанию и характеристике этих изделий.

Состав собрания предметов из Катюшкино однороден по назначению – это часть парадного сбруйного набора верхового коня, включая металлическую отделку седла. Среди изделий присутствуют бронзовые предметы: сбруйные ременные накладки – 152 шт., наконечники ремней – 14 шт., пряжки – 6 шт., обоймы-тренчики – 8 шт., большие подвесные сбруйные бляшки (фалары) – 9 шт., тисненые рельефные изображения зверей, гор и облаков – 18 шт.; железные предметы: подпружные пряжки – 2 шт. (см. рис. 1).

Функционально весь комплект изделий можно разделить на три категории: рельефные изображения для украшения деревянных лук жесткого седла; большие подвесные бляшки (фалары); ременные накладки и прочая сбруйная фурнитура. Особого внимания заслуживают рельефные изображения седельного набора (рис. 1, *9*). Все найденные предметы выполнены тиснением на бронзовой (медной) фольге. По периметру фигурок пробиты небольшие отверстия, причем в некоторых сохранились короткие (8–10 мм) бронзовые гвоздики, которыми эти накладки прибивались на луки и полки деревянной основы седла (см. рис. 1, *9*; рис. 2, 19).

Наличие в комплекте крепежных гвоздей дает определенные основания для предположения о первоначальном присутствии в собрании деревянной основы жесткого седла, к которому были прикреплены металлические рельефные изображения. Характеристику этих металлических рельефов в рамках корреляции с близкими деталями из Копенского чаатаса следует привести в соответствии с названиями, данными Л.А. Евтюховой [1948, с. 47]. Среди них: два прыгающих тигра (правый и левый); два снежных барса (правый и левый); дикий кабан, бегущий влево; бегущая вправо собака; два больших

Рис. 1. Предметный комплекс клада.

1–4 – бляшки (бронза); *5* – подпружные пряжки (железо); *6* – пряжки (бронза); *7* – пронизи (бронза); *8* – фалары (бронза); *9* – металлические детали декора седла (бронза).

цилиня* (правый и левый); поросшие лесом горы (большие и малые); облака баоюнь** (два правых и три левых). Часть из этих предметов (правый цилинь и малые горы) имеет повреждения и представлена фрагментарно. В состав сохранившихся металлических деталей отделки седла входят еще три фигурные накладки (рис. 2, *16–18*).

Среди деталей сбруйной фурнитуры особое внимание привлекают подвесные бляшки-фалары (рис. 1, *8*; рис. 3). Это массивные литые предметы весом от 120 до 270 граммов. Шесть подвесок выполнены в виде облаков баоюнь: три правые, две левые и одна центральная меньшего размера (см. рис. 1, *8*; рис. 3, *1, 3*), составляющие явный гарнитур с аналогичными мотивами оформления седла.

Еще два литых фалара выполнены в виде стилизованной цветочной розетки (см. рис. 1, *8*; рис. 3, *2*). Обратная сторона всех предметов гладкая. На всех экземплярах в большей или меньшей степени сохранились остатки позолоты.

Все фалары сверху имеют петлю для подвешивания, причем на некоторых сохранились полоски бронзовой фольги с отверстием для крепления к ремням сбруи.

Особняком в этом ряду предметов стоит бляшка с изображением двух птиц со скрещенными шеями (рис. 3, *4*). Она сборная, состоит из внешней сердцевидной рамки, которая окаймляет само изображение, фоном служит деревянная пластина (сохра-

*Цили́нь (麒麟) – в китайской мифологии чудозверь, главное из 360 животных, проживающих на суше.

**Баоюнь (宝云) – буквально переводится с китайского как «драгоценное облако» и считается символом божественного благоволения.

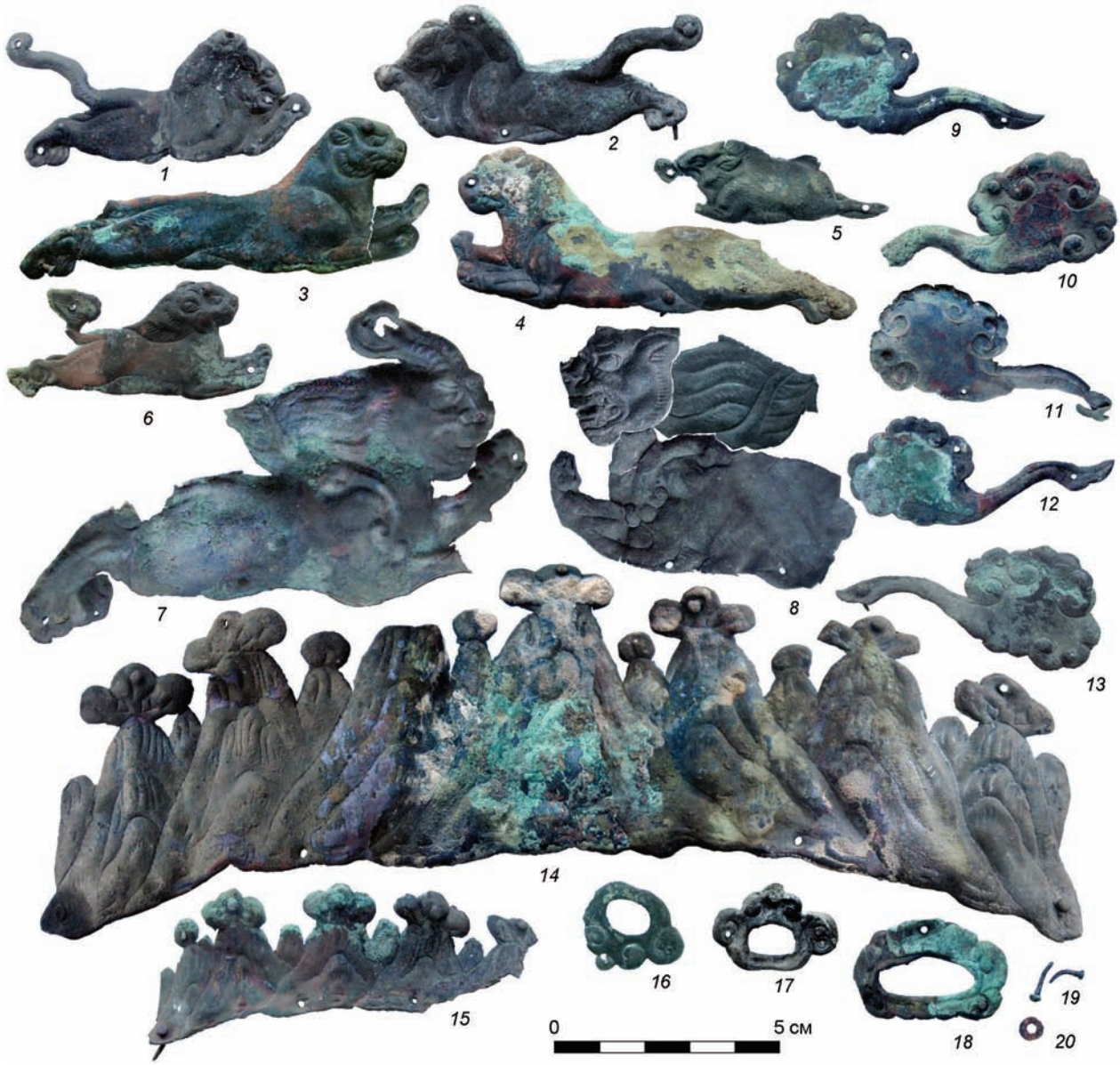

Рис. 2. Седельные накладки.

1–4 – кошачьи хищники; *5* – кабан; *6* – собака; *7, 8* – цилини; *9–13* – облака баоюнь; *14, 15* – горы с облаками; *16–18* – фигурные накладки; *19* – гвоздики; *20* – накладка для гвоздиков.

нилась частично). Основой всей сборки является тонкая железная пластина. Вся эта многослойная конструкция скреплена семью небольшими заклепками. Рамка и изображения птиц выполнены тиснением на бронзовой фольге. Вес этой подвески составляет 53 г.

Сбруйная фурнитура включает набор фестончатых бляшек (накладок) и наконечников ремней трех размеров – широких, средних и узких (рис. 4, *4*). Все металлические ременные накладки литые, с крепежными шпеньками с обратной стороны. Широкие и средние накладки имеют по четыре шпенька, узкие – по два. Комплект для широкого ремня: 43 накладки, один наконечник и одна пряжка. Комплект для ремня средней ширины: 52 накладки, 9 наконечников, 5 пряжек и 8 обойм-тренчиков. Комплект для узкого ремня: 57 накладок и 4 наконечника. Все сбруйные накладки овальной формы, выполнены в виде цветочной розетки, имеют следы позолоты. Вес широких накладок 13–14 г, средних 10–11 г и узких 4–5 г. Значительное количество и разнообразие типов металлических пряжек из Катюшкинского собрания вполне соответствует полному декору сбруйных ремней. Следует заметить, что даже если предположить, будто накладки крепились на ремнях без промежутков, то общая длина ремней могла составлять до 2 м. В дей-

Рис. 3. Сбруйные фалары.

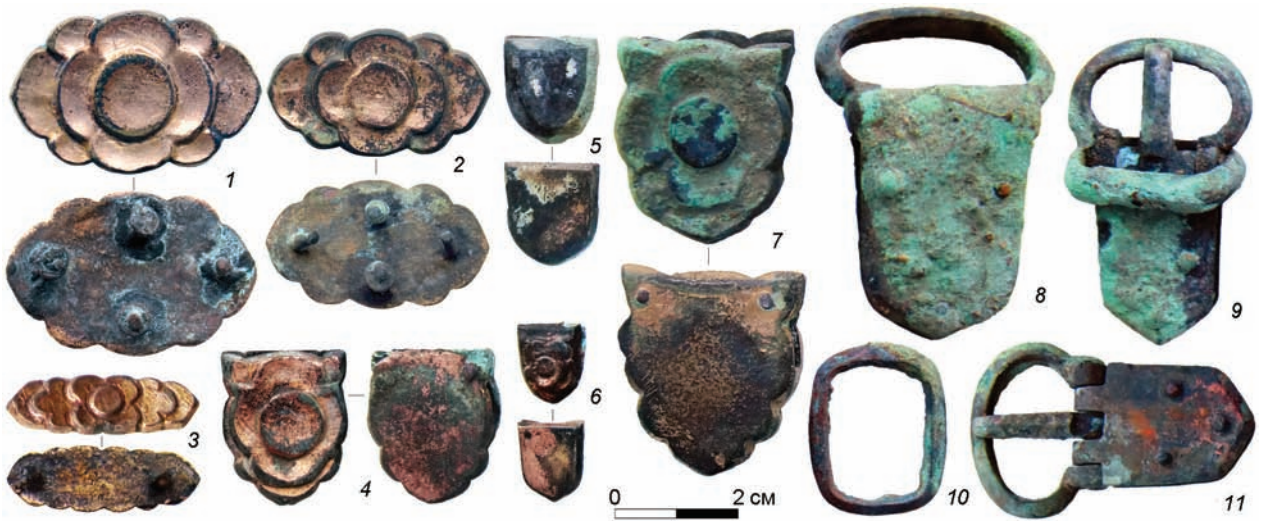

Рис. 4. Сбруйные бляшки, обоймы и пряжки.
1–7 – бляшки; *8, 9, 11* – пряжки; *10* – обойма.

ствительности между металлическими накладками на сбруе всегда присутствуют «разрывы» до 10 см, что вполне соответствует реальной протяженности полного сбруйного набора.

К сбруйной фурнитуре также относятся две железные пряжки от подпружных ремней с язычком на вертлюге (рис. 1, *5*). Попутно отметим, что в Катюшкинском собрании предметов отсутствуют железные удила, псалии, что позволяет интерпретировать его преимущественно как сбруйный конский набор.

В целом значительная часть предметов Катюшкинского клада имеет явное сходство с изделиями из тайников курганов 2 и 6 и недавними случайными находками из района Копёнского чаатаса. В собрании предметов из Катюшкино присутствует практически тот же набор изображений зверей, облаков и гор, добавлены фигуры мифических цилиней, выполненные в танской изобразительной традиции. Наблюдается та же парная симметричность фигур, одинаковы их размеры, стиль исполнения и способ крепления к седлу. Отсутствуют только изображения архаров, ланей и всадников. Последнюю разновидность изображений (всадника) можно интерпретировать, во-первых, как специфику металлического декора седел из Копёнского чаатаса с изображением загонной охоты. Во-вторых, можно говорить о присутствии в собрании предметов Ка-

тюшкинского клада сбруи другого варианта, в изобразительном сюжете которой отсутствует антропоморфный персонаж.

Рассмотрим эти положения последовательно. Так, существует достаточно большая серия китайских бронзовых зеркал эпохи династии Тан (618–907 гг.) со сценами конной охоты [Чжао Мин, Хун Хай, 1997, с. 133, рис. 67; Люйшунь боугуань…, 1997, с. 134, рис. 122; Чжунго цинтунци…, 1998, с. 78], где фигуры всадников, коней, зверей, гор и облаков абсолютно идентичны копёнским и катюшкинским рельефам. Та же динамика летящих в галопе коней; всадники, стреляющие назад в прыгающих зверей; те же горы, поросшие лесом, облака, цилини [Го Юйхай, 1996, с. 97; Ван Ганхуай, 2004, с. 196–197] – все, как на найденных рельефах.

О распространенности этих изображений говорит большое количество видов подобных зеркал, а также значительная вариативность поз всадников и зверей, т.е. налицо сюжеты с традиционными персонажами средневекового Китая. Некоторое сходство рисунков со среднеазиатскими мотивами объясняется влиянием на танское изобразительное искусство сасанидских сюжетов [Даркевич, 1976, с. 71–73; Feltham, 2010, p. 4].

Помимо зеркал изображения сцен конной охоты часто встречаются на китайских тканях [Лубо-Лесниченко, 1994, с. 87, рис. 73] и посуде. Наглядным примером может служить серебряный сосуд с гравированными сценами конной охоты, найденный близ Красноярска в начале XVIII в. [Strahlenberg, 1730, Tab. III–E, IV–A, B]. Серебряный кубок времен династии Тан был найден в 1963 г. в Сиане, пров. Шаньси (Китай, Нанкинский музей). На нем изображены те же персонажи: стреляющий из лука всадник, лань, кабан, облака.

Не менее показательны и подвески в виде облаков из Катюшкино. Облака баоюнь – это, можно сказать, символическое, знаковое изображение в Китае времен династии Тан. Чтобы убедиться в этом, достаточно просмотреть любую коллекцию бронзовых зеркал той эпохи. Эти облака изображались не только на небе, но и для передачи динамики движения, имитируя «пыль из-под копыт», а также использовались танскими мастерами как элемент декора. Смысловая нагрузка этого образа – усиление благожелательной символики всего изображения.

Для полноты картины необходимо отметить появление в последнее время нескольких новых находок из района Копён (рис. 5). В частности, фигур всадника [Азбелев, 2010, с. 75, рис. 1, *1*] и прыгающего влево тигра, имеющих явное стилистическое сходство с аналогичными предметами из Катюш-

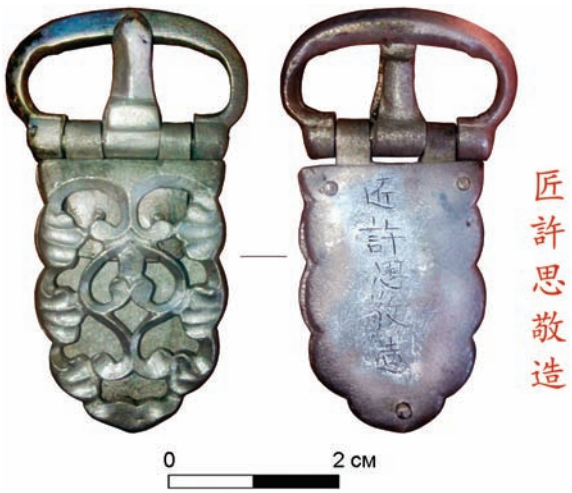

Рис. 5. Серебряная пряжка с китайской надписью из района Копён.

кинского клада. Кроме того, в обоих собраниях близкое сходство наблюдается также среди других бляшек сбруи.

Не менее любопытна изящная серебряная пряжка с гравированной китайской надписью 匠許思敬造 на обратной стороне щитка (см. рис. 5). Надпись гласит «Изготовлено с почтением (мастером) Цзян Сюйсы». Предмет орнаментирован растительным декором, имеющим определенную близость с декором некоторых фаларов Катюшкинского клада (рис. 4, *2*). Не исключено, что эти случайно обнаруженные предметы были утрачены ранее во время грабительских раскопок бугровщиками или «черными копателями».

Говоря о явных параллелях между предметными комплексами из Копёнского чаатаса и Катюшкинского клада, можно упомянуть еще ряд предметов. Среди них бляха-подвеска с изображением двух птиц со скрещенными шеями. Катюшкинская находка и фрагмент бляхи с двумя утками из Копён [Киселёв, 1949, табл. LVII, рис. 7] также имеют китайские «корни». В аналогичной позе изображены две птицы на бронзовой прорезной пластине из Северного Китая еще хуннского времени [Кан Ин Ук, Богданов, Леонтьев, 1999, рис. 2, *9*]. В Минусинском краеведческом музее хранится бронзовый зажим (инв. № 6450) с изображением птиц со скрещенными шеями – популярный мотив декорирования в искусстве средневекового Китая, который был широко распространен как в декоре металлических изделий, так и в живописи. В Китае птицы со скрещенными шеями означали пожелание семейного благополучия, супружеской верности.

Не менее важно и то, что фалары в виде цветочной розетки из комплекта фурнитуры, происходя-

щие из Катюшкинского клада (см. рис. 4, *2*), также имеют достаточно представительные аналогии. Известно огромное количество скульптурных изображений коней из погребений танского времени [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 164], на которых присутствуют аналогичные фалары. Крупные бляхи-подвески, подобные найденным, украшали нагрудный и накрупный, а иногда налобный и нащечный ремни сбруй, представленных на этих керамических фигурках. Мастерская проработка изображений элементов украшения сбруи позволяет говорить о сложившемся иконографическом стиле, который воспроизводил реальный парадный убор верхового коня времен правления династии Тан (см. рис. 2).

Необходимо заметить, что фестончатые края найденных фаларов повторяют формы танских блюд и зеркал. При этом 13 подвесных литых позолоченных сбруйных блях, найденных в тайнике № 2 шестого кургана Копёнского чаатаса [Евтюхова, 1948, рис. 66], отличаются от сходных изделий из Катюшкино только сюжетом (два противостоящих льва).

Ременные накладки, наконечники ремней и бронзовые щитковые пряжки, найденные у д. Катюшкино, также полностью идентичны копёнским [Там же, рис. 41, 56], совпадают стиль, форма, размеры, золочение. Накладки с фестончатым контуром, так называемого тюркского типа, были широко распространены в Евразии. Через посредство Танского Китая они получили распространение в Южной Сибири и на Дальнем Востоке [Крюков, Малявин, Софронов, 1984, с. 155–157]. Так, подобные по форме и размеру ременные накладки найдены в Западном Приамурье, они датируются концом IX в. [Нестеров, Савин, Колмогоров, 2016, с. 85–86, 88].

Не менее показательны железные пряжки от подпружных ремней. Аналогии этим предметам также можно обнаружить среди находок Копёнского чаатаса [Евтюхова, 1948, рис. 45]. По мнению ряда исследователей, такие пряжки появились ок. VIII в. и, имея широкий ареал распространения, просуществовали вплоть до XI в. [Гаврилова, 1965, с. 34; Длужневская, 1990, с. 68–79; Кубарев, 1992, с. 26–27]. Такая хронология предметного комплекса из Катюшкинского клада позволяет отнести его к периоду Кыргызского каганата, существовавшего на территории Хакасии в конце I тыс. н.э. Торевтика этой эпохи являлась продуктом интенсивных и разнообразных контактов, что в полной мере нашло отражение в наборе предметов конской сбруи и отделки жесткого седла, представленном в Катюшкинском кладе.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Азбелев П.П. Древние кыргызы. Очерки истории и археологии [Электронный ресурс]. – URL: http://kronk.spb.ru/mono/mono.htm (дата обращения: 15.03.2015).

Азбелев П.П. К истории седельного декора // Древности Сибири и Центральной Азии. – 2010. – № 3 (15).– С. 75–91.

Археология СССР. – М.: Наука, 1992. – Т. 10. Степная полоса азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – 494 с.

Астафьев А.Е., Богданов Е.С. Жертвенные приношения вещей гуннского облика в каменных оградах Алтынказгана на восточном берегу Каспийского моря // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 2. – С. 68–78.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – Ч. 1. – 382 с.

Богданов Е.С. Звери и птицы на обкладках гуннских седел Мангышлака // Тр. САПИ. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2017. – Вып. XI. Изобразительные и технологические традиции ранних форм искусства. – С. 65–77.

Ван Ганхуай. Саньхуай тан цан цзин (Зеркала в коллекции храма Саньхуай). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. – 281 с. (на кит. яз.).

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Гаврилова А.А. Новые находки серебряных изделий периода господства кыргызов // КСИА. – 1968. – Вып. 114. – С. 24–30.

Го Юйхай. Гугун цан цзин (Зеркала в коллекции музея Гугун). – Пекин: Цзыцзиньчэн чубаньшэ, 1996. – 206 с. (на кит. яз.).

Даркевич В.П. Художественный металл Востока VIII–XIII вв.: произведения восточной торевтики на территории европейской части СССР и Зауралья. – М.: Наука, 1976. – 199 с.

Длужневская Г.В. Проблема датировки памятников енисейских кыргызов в Туве // Информ. бюл. МАИКЦА. – М.: Наука, 1990. – № 16. – С. 68–79.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. – 109 с.

Евтюхова Л.А., Киселёв С.В. Чаа-тас у села Копёны // Тр. ГИМ. – 1940. – Вып. XI. – С. 21–54.

Кан Ин Ук, Богданов Е.С., Леонтьев Н.В. Ажурная пластина ордосского типа из Минусинского музея // Древности Алтая. Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 1999. – № 4. – С. 159–163.

Киселёв С.В. Древняя история Южной Сибири – М.; Л.: ИА АН СССР, 1949. – С. 351–352. – (МИА; № 9).

Кожин П.М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. – М.: Форум, 2011. – 368 с.

Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В. Китайский этнос в средние века (VII–XIII вв.). – М.: Наука, 1984. – 336 с.

Кубарев В.Д. Палаш с согдийской надписью из древнетюркского погребения на Алтае // Северная Азия и соседние территории в средние века. – Новосибирск: Наука, 1992. – С. 26–36.

Лубо-Лесниченко Е.И. Китай на Шелковом пути: шелк и внешние связи древнего и раннесредневекового Китая. – М.: Наука, 1994. – 326 с.

Люйшунь боугуань цан тунцзин. Люйшунь боугуань бянь (Бронзовые зеркала из коллекции музея города Люйшунь. Фонды музея г. Люйшунь провинции Ляонин). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1997. – 250 с. (на кит. яз.).

Маршак Б.И. Согдийцы в Китае и китайцы в Согде (по произведениям искусства) // Отделу Востока 80 лет. – СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2000. – С. 43–48.

Нестеров С.П., Савин А.Н., Колмогоров Ю.П. Раннесредневековый предметный комплекс ювелира-литейщика из Западного Приамурья // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 81–90.

Пшеницына М.Н., Хаврин С.В. Исследование металла клада литейщика Ай-Дай (тесинская культура) // Древняя металлургия Саяно-Алтая и Восточной Азии. – Абакан: Эхимэ, 2015. – С. 70–74.

Чжао Мин, Хун Хай. Гудай тунцзин (Бронзовые зеркала древности). – Шанхай: Чжунго шудянь, 1997. – 182 с. (на кит. яз.).

Чжунго цинтунци цюаньцзи. Тунцзин (Полное собрание изделий из бронзы Китая; т. 16: Зеркала). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1998. – 160 с. (на кит. яз.).

Bronze Mirrors from the Lüshun Museum Collection / ed. the Lüshun Museum. – Beijing: Wenwu Publ. House, 1997. – 250 p. (in Chin.).

Feltham H.B. Lions, Silks and Silver: The Influence of Sasanian Persia, Sino-Platonic Papers, 206. 2010. August. [Электронный ресурс]. URL: http://sino-platonic.org/complete/spp206_sasanian_persia.pdf (дата обращения: 15.03.2013).

Marschak B. Silberschatze des Orients. – Leipzig, 1986. – 438 S.

Strahlenberg Ph. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. – Stockholm, 1730. – 474 S.

References

Arkheologiya SSSR. Vol. 10. Stepnaya polosa aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Moscow: Nauka, 1992, 494 p. (in Russ.).

Astaf'ev A.E., Bogdanov E.S. Zhertvennye prinosheniya veshchei gunnskogo oblika v kamennykh ogradakh Altynkazgana na vostochnom beregu Kaspiyskogo morya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 2, pp. 68–78 (in Russ.).

Azbelev P.P. Ancient Khirgiz. Essays on History and Archaeology. [Electronic edition]. URL: http://kronk.spb.ru/mono/mono.htm (Accessed: 15.03.2015) (in Russ.).

Azbelev P.P. To the history of the saddle décor. *Antiquities of Siberia and Central Asia*, 2010, No. 3, pp. 75–91 (in Russ.).

Bichurin N. Ya. (Iakinf). Sobranie svedenii o narodakh, obitavshikh v Srednei Azii v drevnie vremena. Pt. 1. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1950, 382 p. (in Russ.).

Bogdanov E.S. Zveri i ptitsy na obkladkakh gunnskikh sedel iz Mangyshlaka. *Trudy Sibirskoy assotsiatsii issledovateley pervobytnogo iskusstva*, Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2017, iss. XI: Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii rannikh form iskusstva, pp. 65–77 (in Russ.).

Bronze Mirrors from the Lüshun Museum Collection / ed. the Lüshun Museum. Beijing: Wenwu Publ. House, 1997, 250 p. (in Chin.).

Chzhao Min, Khun Khai. Gudai tuntszin (Bronze mirrors of antiquity). Shanghai: Chzhungo shudyan', 1997, 182 p. (in Chin.).

Chzhungo tsintuntsi tsyuan'tszi. Tuntszin (Complete collection of bronze products from China; vol. 16: Mirrors). Beijing: Wenwu Publ. House, 1998, 160 p. (in Chin.).

Darkevich V.P. Khudozhestvenny metall Vostoka VIII–XIII vv.: proizvedeniya vostochnoi torevtiki na territorii evropeiskoi chasti SSSR i Zaural'ya. Moscow: Nauka, 1976, 199 p. (in Russ.).

Dluzhnevskaya G.V. Problema datirovki pamyatnikov yeniseiskikh kyrgyzov v Tuve. *Informatsionnyi byulleten' Mezhdunarodnoy assotsiatsii po izucheniyu kultur Tsehtralnoy Azii*, No. 16. Moscow: Nauka, 1990, pp. 68–79 (in Russ.).

Feltham H.B. Lions, Silks and Silver: The Influence of Sasanian Persia, Sino-Platonic Papers, 206. 2010. August. [Electronic edition]. URL: http://sino-platonic.org/complete/spp206_sasanian_persia.pdf (Accessed: 15.03.2013).

Gavrilova A.A. Mogil'nik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965, 144 p. (in Russ.).

Gavrilova A.A. Novye nakhodki serebryanykh izdelii perioda gospodstva kyrgyzov. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*. Moscow: Nauka, 1968, iss. 114, pp. 24–30 (in Russ.).

Go Yuikhai. Gugun tsan tszin (Mirrors in the collection of the Gugun museum). Beijing: Tszytszin'chen chuban'she, 1996, 206 p. (in Chin.).

Kan In Uk, Bogdanov E.S., Leont'ev N.V. Azhurnaya plastina ordosskogo tipa iz Minusinskogo muzeya. *Drevnosti Altaya. Izvestiya laboratorii arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Publ. Press, 1999, No. 4, pp. 159–163 (in Russ.).

Kiselev S.V. Drevnyaya istoriya Yuzhnoi Sibiri. Moscow; Leningrad: Institute of Archaeology AS USSR, 1949, No. 9, pp. 351–352 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR) (in Russ.).

Kozhin P.M. Kitai i Tsentral'naya Aziya do epokhi Chingiskhana: problemy paleokul'turologii. Moscow: Forum Publ. House, 2011, 368 p. (in Russ.).

Kryukov M.V., Malyavin V.V., Sofronov M.V. Kitaisky etnos v srednie veka (VII–XIII vv.). Moscow: Nauka, 1984, 336 p. (in Russ.).

Kubarev V.D. Palash s sogdiiskoi nadpis'yu iz drevnetyurkskogo pogrebeniya na Altae. In *Severnaya Aziya i sosednie territorii v srednie veka*. Novosibirsk: Nauka, 1992, pp. 26–36 (in Russ.).

Lubo-Lesnichenko E.I. Kitai na Shelkovom puti: shelk i vneshnie svyazi drevnego i rannesrednevekovogo Kitaya. Moscow: Nauka, 1994, 326 p. (in Russ.).

Lyuishun' bouguan' tsan tuntszin. Lyuishun' bouguan' byan' (Bronze mirrors from the collection of the museum of the city of Lushun. Funds of the museum Lushun, Liaoning Province). Beijing: Wenwu Publ., 1997, 250 p. (in Chin.).

Marschak B. Silberschatze des orients. Leipzig, 1986, 438 S.

Marshak B.I. Sogdytsy v Kitae i kitaytsy v Sogde (po proizvedeniyam iskusstva). In *Otdelu Vostoka 80 let*. St. Petersburg: State Hermitage Publ., 2000, pp. 43–48 (in Russ.).

Nesterov S.P., Savin A.N., Kolmogorov Yu.P. Ranne-srednevekovy predmetny kompleks yuvelira-liteishchika iz Zapadnogo Priamur'ya. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 2, pp. 81–90 (in Russ.).

Pshenitsyna M.N., Khavrin S.V. Issledovanie metalla klada liteishchika Ai-Dai (tesinskaya kul'tura). In *Drevnyaya metallurgiya Sayano-Altaya i Vostochnoi Azii*. Abakan: Ekhime, 2015, pp. 70–74 (in Russ.).

Strahlenberg Ph. Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asia. Stockholm, 1730, 474 S.

Van Gankhuai. San'khuai tan tsan tszin (Mirrors in the collection of Sanhuai temple). Beijing: Wenwu Publ. House, 2004, 281 p. (in Chin.).

Yevtyukhova L.A. Arkheologicheskie pamyatniki yeniseiskikh kyrgyzov (khakasov). Abakan: Khakass Research Inst. of Language, Literature and History, 1948, 109 p. (in Russ.).

Yevtyukhova L.A., Kiselev S.V. Chaa-tas u sela Kopyony. *Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*. Moscow: State Historical Museum, 1940, iss. XI, pp. 21–54 (in Russ.).

Бородовский А.П. https://orcid.org/0000-0002-6312-1024

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.345-352
УДК 903.27(904/930.271)

А.В. Варенов[1], М.А. Кудинова[2], А.И. Соловьев[3]

[1]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[2]Пекинский университет
Пекин, Китай
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: avvarenov@mail.ru

Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзинъюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года

В статье представлен отчет о научной командировке коллектива ее авторов в пров. Ганьсу (КНР) в июле 2019 г. В ходе поездки новосибирским археологам удалось провести консультации с китайскими специалистами по петроглифам из Северо-Западного педагогического университета, принять участие в научном семинаре «Археологическое изучение древних и средневековых петроглифов», ознакомиться с музейными коллекциями г. Ланьчжоу (Музей Северо-Западного университета, Исторический музей пров. Ганьсу), а также посетить памятник наскального искусства Уцзячуань (уезд Цзинъюань, пров. Ганьсу). Памятник обнаружен в 1976 г., а впервые опубликован в 1983 г. Размер памятника невелик: две плоскости с рисунками и одиночное зооморфное изображение на отколотом фрагменте скалы. На восточной плоскости присутствуют изображения оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи. На западной плоскости помимо оленей и козлов выбиты по меньшей мере восемь всадников и несколько антропоморфных фигур, в т.ч. не менее шести всадников и один стоящий (или сидящий) персонаж показаны в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами. По мнению авторов, памятник датируется в диапазоне от рубежа эр до развитого Средневековья включительно. В статье приводятся аналогии «трехрогим» персонажам Уцзячуань как из погребальных комплексов тюркского времени (могильник Кудыргэ), так и среди наскальных выбивок и граффити в Чу-Илийском междуречье, на севере Хакасии и на востоке Горного Алтая. Обсуждается возможность интерпретации одной из фигур как изображения солярного божества или шамана.

Ключевые слова: *Северо-Западный Китай, пров. Ганьсу, археология, петроглифы, памятник Уцзячуань.*

Andrei V. Varenov[1], Mariya A. Kudinova[2], Alexander I. Solovyev[3]

[1]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[2]Peking University,
Beijing, China
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: avvarenov@mail.ru

Field Research at the Wujiachuan Rock Art Site in Jingyuan County of Gansu Province, China, in the Summer of 2019

A report on the field trip to Gansu Province of China in July 2019 is presented in this article. During the trip, the authors consulted with local experts in Chinese rock art from the Northwestern Pedagogical University, took part in a scholarly seminar, "Archaeological Study of Ancient and Medieval Rock Art," and visited the Historical Museum of Gansu Province, Museum of Northwestern University, and the Wujiachuan rock art site in Jingyuan County of the Gansu Province. The site was discovered in 1976 and its description was published in 1983. The site is not large: it contains two surfaces with images and a single animal representation on a separate rock. Images of deer and goats as well as modern inscriptions

made with Chinese characters appear on the eastern surface. In addition to deer and goats, western surface shows at least eight pecked horsemen and several anthropomorphic figures. At least six riders and one standing (or seated) person are shown wearing three-horned headdresses. The authors argue that the site can be dated to the period from the beginning of the Common Era through the Advanced Middle Ages. The parallels to the "three-horned" images from the Wujiachuan rock art site can be found both in the art of Old Turkic Kudyrge burial ground and in pecked rock representations from the Chu-Ili Interfluve, in graffiti of Northern Khakassia and eastern part of the Russian Altai. Possible interpretation of one of the figures as a solar deity or shaman has been discussed.

Keywords: *Northwest China, Gansu Province, archaeology, rock art, Wujiachuan site.*

В начале июля 2019 г. сотрудники ИАЭТ СО РАН и НГУ побывали в научной командировке в провинции Ганьсу и Нинся-Хуэйском автономном районе КНР. Северо-западные районы Китая богаты памятниками наскального искусства, и петроглифы данной части страны достаточно хорошо изучены. Еще одним фактором, обусловившим выбор именно этого направления поездки, является важность сведений о наскальном искусстве Северо-Западного Китая для исследования территориально близких петроглифов Южной Сибири, Алтая и Монголии. Разумеется, справедливо и обратное положение: знания о давно и плодотворно изучаемых памятниках наскального искусства Сибири и Центральной Азии, а также о наработках в этой области российских археологов могут помочь китайским коллегам существенно продвинуться вперед в исследовании местных петроглифов. В данной заметке мы представим краткий отчет о пребывании сибирских ученых в пров. Ганьсу и о проведенных там работах.

Петроглифы в пров. Ганьсу распространены в основном в ее гористых западной и центральной (Ганьсуйский коридор) частях. На востоке провинции, где расположен ее административный центр

Рис. 1. Петроглифы Уцзячуань. Фотографии 1983 г.

1 – левая часть восточной плоскости; *2* – правая часть восточной плоскости; *3* – западная плоскость (по: [Чжан Баоси, 1983, с. 46, рис. 2; с. 47, рис. 3, 4]).

г. Ланьчжоу, в рельефе преобладают лессовые холмы, а наскальные изображения крайне немногочисленны, их местонахождения можно буквально пересчитать по пальцам одной руки. Участникам поездки удалось непосредственно ознакомиться с петроглифами местонахождения Уцзячуань (吴家川) в уезде Цзинъюань. Памятник обнаружен в 1976 г. [Чжан Баоси, 1983, с. 46]. Изображения в технике выбивки нанесены на естественную поверхность невысокого останца красного песчаника, возвышающегося над лессовым холмом. Чжан Баоси отмечает, что рисунки, скорее всего, выполнены металлическими инструментами [Там же], что уже ставит под сомнение возможность датирования их временем более ранним, чем эпоха бронзы. Но ближе к концу своей статьи он сопоставляет персонажей в трехрогих головных уборах из Уцзячуань и изображения на керамике местной неолитической культуры Баньшань [Там же, с. 47].

Размер памятника невелик: две плоскости с рисунками и одиночное зооморфное изображение на отколотом фрагменте скалы. Восточная плоскость больше по площади (высота, по Чжан Баоси, составляет около 2,20 м, ширина – 4,80 м) (рис. 1, *1*, *2*). Здесь присутствуют изображения оленей и козлов, а также современные иероглифические надписи (рис. 2, *1*, *2*). Западная плоскость меньше (высота – 2,95 м, ширина – 2,75 м) (рис. 1, *3*). Помимо оленей и козлов на ней выбиты фигуры по меньшей мере восьми всадников (в силу чего памятник невозможно датировать эпохой бронзы и тем более неолитом), а также изображение лучника (?) и несколько антропоморфных фигур (рис. 2, *3*). Кроме того, на отколотом фрагменте скалы имеется рисунок копытного животного (рис. 2, *4*). На более интересной по сюжетам западной плоскости не менее шести всадников и один стоящий (или сидящий) человек показаны в специфических головных уборах, напоминающих корону с тремя зубцами.

Один наиболее четко выбитый и выглядящий свежее остальных (возможно, за счет подновления рисунка) всадник, изображенный в центральной части плоскости, «скачет» в левую сторону (рис. 3, *1*). Три других всадника правее него, в пра-

Рис. 2. Общий вид памятника Уцзячуань.

1 – левая часть восточной плоскости; *2* – правая часть восточной плоскости; *3* – западная плоскость; *4* – изображение на отколовшемся куске скалы.

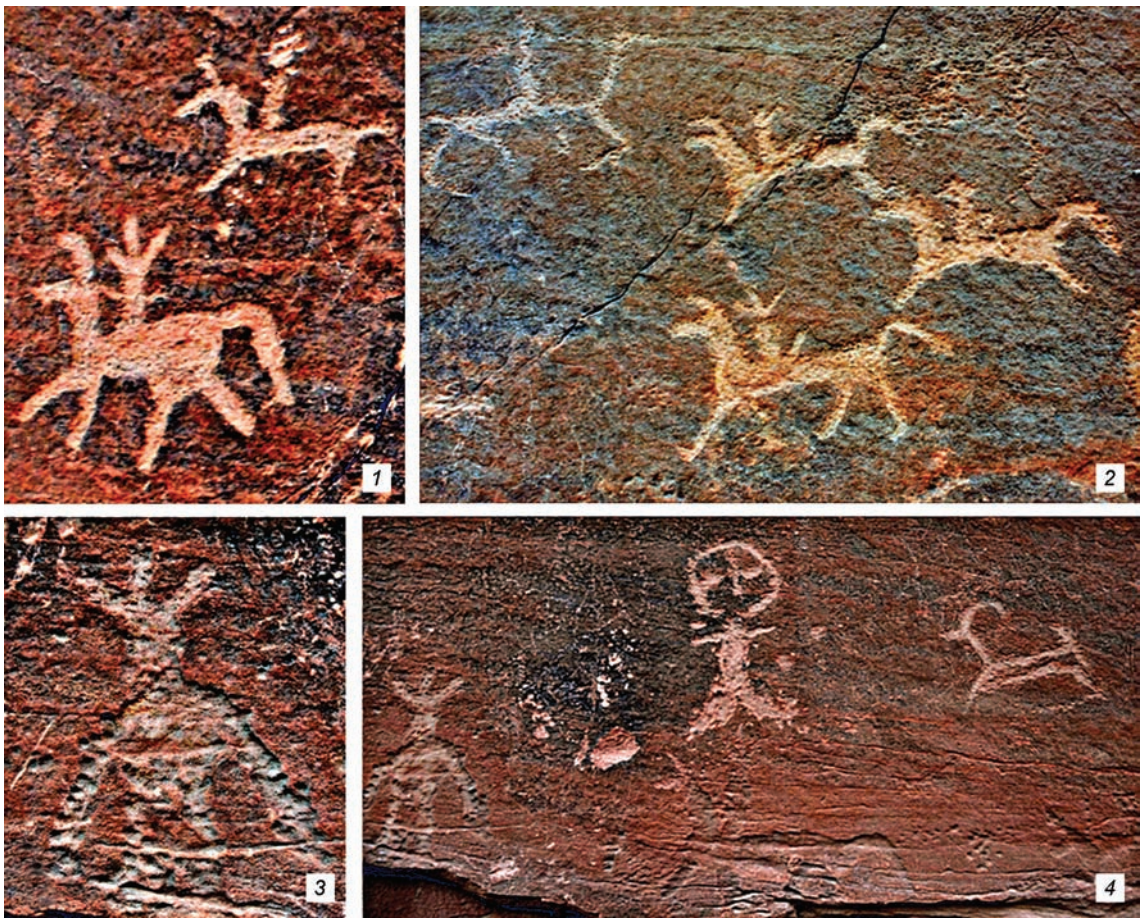

Рис. 3. Детали западной плоскости памятника Уцзячуань.

1 – всадник в трехрогом головном уборе в центре плоскости; *2* – три всадника в рогатых головных уборах в правой части плоскости; *3* – стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе в левой части плоскости; *4* – левая нижняя часть западной плоскости (слева направо): стоящий (сидящий) персонаж в рогатом головном уборе, круглоголовый персонаж (солярное божество/шаман), горный козел, внизу по центру и справа, у границы плоскости – всадники № 5 и 6 в рогатых головных уборах.

вом верхнем углу западной плоскости, тоже «скачут» влево (рис. 3, *2*). Пятый всадник в трехрогом головном уборе, тоже едущий влево, изображен в левой части западной плоскости, ниже выглядящего очень свежо антропоморфного персонажа с большой круглой головой, которого китайские археологи считают солярным божеством (рис. 3, *4*). Изображение пятого всадника сохранилось плохо, особенно задняя часть фигуры его коня, но на старой фотографии 1983 г. он виден вполне отчетливо (см. рис. 1, *3*). Шестой всадник в трехрогом головном уборе расположен правее пятого, в самом низу западной плоскости, ниже фигурки горного козла, там, где на нашем фото стоит цифра «4» (рис. 3, *4*). Сохранность изображения в настоящее время также оставляет желать лучшего, но на протирке 1983 г. шея и голова коня и верхняя часть туловища его седока четко различимы (см. рис. 1, *3*). Фигура стоящего человека в трехрогом головном уборе находится в нижней части левой оконечности западной плоскости, левее и чуть ниже круглоголового «солярного» персонажа (см. рис. 3, *4*). На опубликованной Чжан Баоси протирке 1983 г. она осталась за границей кадра. Впрочем, эту фигуру можно воспринимать и как сидящую, если ее очень длинные опущенные вниз «руки» считать контуром широкополого одеяния, а то, что передано выбивкой внутри него, – сложенными на груди или на животе «настоящими» руками и подогнутыми ногами (рис. 3, *3*).

Такая трактовка находит соответствие в древнетюркских изображениях Горного Алтая и иных районов. В погребении 16 могильника Кудыргэ встречен валун-изваяние, на двух сторонах которого выгравирована так называемая сцена коленопреклонения [Гаврилова, 1965, с. 19–20, табл. VI, 2]. Показана фигура сидящей женщины в трехрогом головном уборе с ребенком, перед которой склонились три гораздо меньших по размеру спешившихся всадника. Центральный из них тоже в трехрогом головном уборе, а на гривах у всех трех коней выстрижено по три зубца (рис. 4, *1*). Женщина в трехрогом головном уборе, сидящая на тахте рядом

с мужчиной внутри юрты (шатра), выбита на поверхности древнетюркского изваяния № 2 из Когалы в Чу-Илийском междуречье [Рогожинский, 2010, с. 339–342, рис. 8] (рис. 4, *4*). Аналогичный рисунок есть и среди гравировок Сулекской писаницы на севере Хакасии [Кызласов, 1998, с. 40–44, рис. 3, 5]. Обзор раннесредневековых персонажей в трехрогих головных уборах на территории Южной Сибири и Центральной Азии предпринял Ю.С. Худяков [2010, с. 97–103]. Рассмотрев выдвигавшиеся ранее версии, что так выглядели древнетюркские божества Умай и Йер-Су или шаманы в своем ритуальном облачении, он все же пришел к выводу, что так изображались «головные уборы с высоким коническим верхом и боковыми наушами», которые «определенно вошли в моду и приобрели престижный характер у древнетюркских женщин в период существования Первого Тюркского каганата» [Там же, с. 101]. Однако гравировка из урочища Дялбак (о ней см. ниже) свидетельствует, что трехрогий головной убор всадника не обязательно должен быть парадным или ритуальным, а может являться вариантом конического боевого шлема с рогами (рис. 4, *3*).

Кони с выстриженными на гривах тремя зубцами встречаются не только на накладке на перед-

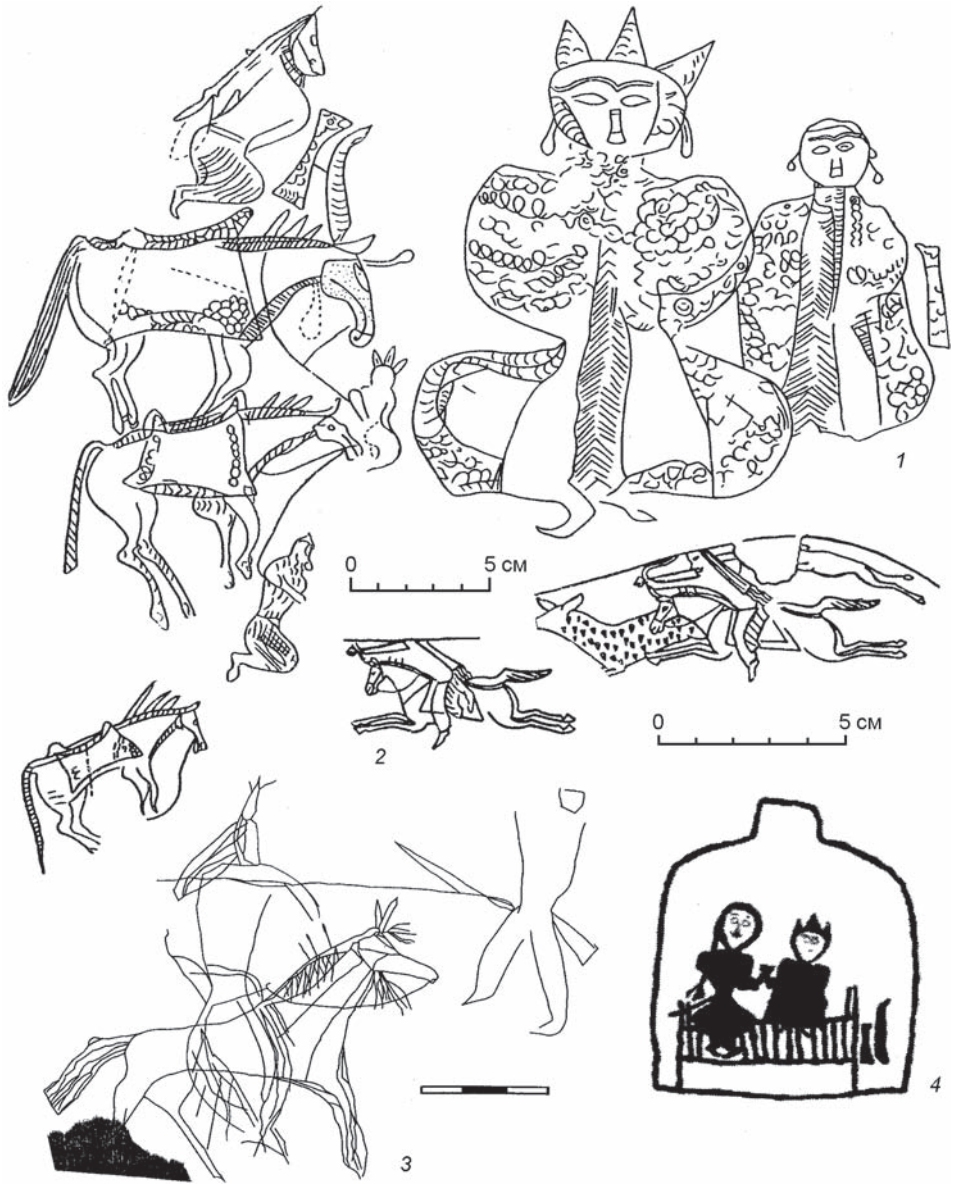

Рис. 4. Аналогии «трехрогих» персонажей с писаницы Уцзячуань.

1 – «сцена коленопреклонения» на валуне из погр. 16 могильника Кудыргэ; *2* – всадники, выгравированные на обкладке луки седла из погр. 9 могильника Кудыргэ; *3* – наскальная гравировка из урочища Дялбак; *4* – сцена, выбитая на изваянии из Когалы.
Рисунки масштабированы и скомпонованы А.В. Вареновым по: *1, 2* – [Гаврилова, 1965, табл. VI, 2, XV, 12]; *3* – [Константинов, Урбушев, 2018, с. 271]; *4* – [Рогожинский, 2010, рис. 8, *2*].

нюю луку седла из погребения 9 того же могильника Кудыргэ [Гаврилова, 1965, с. 24, 33, 35–36, табл. XV, 12, XVI, 1], но и в раннесредневековых петроглифах Чаганки и Елангаша в Горном Алтае [Konstantinov et al., 2016, p. 11–12, fig. 4, *2*, 5, *3*, 6, *2*] (рис. 4, *2*). В 2017 г. в урочище Дялбак в Восточном Алтае были открыты раннесредневековые гравированные изображения. Среди них есть фигура сидящего на коне воина с копьем в руках и в трехрогом головном уборе (видимо, боевом шлеме) (см. рис. 4, *3*). На гриве коня выстрижены три зубца [Константинов, Урбушев, 2018, с. 271–272]. П.П. Азбелев связывает стрижку конской гривы с виде трех зубцов со стремлением древних тюрков уподобить лошадь мифическому трехрогому «носорогу» Древнего и раннесредневекового Китая [2010, с. 7–9]. Но на гривах всех коней из Уцзячуань – как на тех, на которых сидят всадники в трехрогих головных уборах, так и на всех остальных – трех зубцов нет. Наверху конских голов показан только один сильно выдающийся вперед выступ, соответствующий челке, настороженным ушам или султану (плюмажу). Так что три зубца, выстриженные на гриве коня, скорее всего, местная алтайская специфика древнетюркской эпохи, которая, впрочем, имеет заметные параллели среди материалов мелкой полихромной пластики Китая.

П.П. Азбелев, тщательно рассмотревший и проанализировавший время и обстоятельства создания кудыргинского валуна с гравировками, «сцену коленопреклонения» интерпретирует как отражение христианского (несторианского) сюжета о поклонении волхвов [Там же, с. 48–49]. Не вдаваясь в обсуждение предложенной петербургским исследователем трактовки сцены на валуне из Кудыргэ, которая находит и совсем иные объяснения, можно предположить, что всадники в рогатых головных уборах на писанице из Уцзячуань, сгруппированные по трое в левой и правой частях западной плоскости, спешат на поклонение к стоящему (или, скорее, сидящему) слева от них персонажу в трехрогом головном уборе. Этот персонаж, как и на кудыргинском валуне, по росту превосходит и всадников, и даже их коней. Две тройки едущих на поклонение кавалеристов могут оказаться не строго синхронными. Напротив, судя по степени их сохранности, правая группа «рогатых» всадников чуть моложе левой.

Представляет интерес рисунок в левой части западной плоскости, состоящий из разделенной на четыре сектора окружности и символа, напоминающего схематически исполненную человеческую фигуру (см. рис. 3, *4*). Возможно, это изображение солярного божества (как считают китайские археологи) или шамана с бубном. Поиски шаманских сюжетов в сибирских и центрально-азиатских наскальных изображениях стали в последние десятилетия весьма популярны у российских [Devlet, 2001; Kubarev, 2002] и западных исследователей (см.: [Francfort, 2001; Hoppál, 1992; Rozwadowski, 2002; Розвадовский, 2014]). Шаманами обычно считают персонажей наскального искусства в рогатых головных уборах и/или в костюмах, обильно украшенных по рукавам, бокам и подолу бахромой, и/или с бубнами (разделенными на четыре сектора кружками) в руках или над головой, а также другие отходящие от привычного стандарта антропоморфные образы. Не обойдены вниманием «шамановедов» от первобытного искусства и китайские петроглифы (см., напр.: [Dematтè, 2004]). Шаманов усматривают в т.ч. и в «солнцеголовых» персонажах Саймалы-Таша в Киргизии и Тамгалы в Восточном Казахстане [Rozwadowski, 2001].

«Солярную» версию с несколько экзотической аргументацией (на основе сопоставлений с иероглификой) предлагает в своей работе Лю Кэ [2010]. Впрочем, рисунок «солнцеголового шамана» на западной плоскости памятника Уцзячуань вполне может оказаться современным. На фотографиях, опубликованных Чжан Баоси в 1983 г., «солнцеголовый» персонаж, как и крупная фигура обращенного вправо козленка (?), в правой части западной плоскости едва заметны (см. рис. 1, *3*). Судя по темному фону и светлым фигурам-выбивкам, китайские археологи снимали не сами петроглифы, а их протирки (микалентные копии), когда бумага в процессе копирования была еще закреплена на скалах. На наших снимках, сделанных спустя не менее 36 лет, они выглядят слишком свежими и очень контрастными по сравнению с фоном и с иными соседними выбивками (см. рис. 2, *3*). Возможно, «свежие» рисунки подвергались за эти годы подновлению или, наоборот, были заретушированы на фотографиях, изданных в 1983 г., чтобы скрыть при публикации памятника современные, как тогда считалось, добавления. С древними фигурами на западной плоскости так же, как и на восточной, соседствуют современные иероглифы (тоже плохо различимые на фотографиях 1983 г.), выполненные, судя по неуверенному начертанию, детьми или подростками. Так что и образ «солярного божества» мог быть создан относительно недавно малолетними местными жителями по принципу «точка, точка, запятая».

К сожалению, в настоящее время памятник продолжает разрушаться под воздействием как антропогенных, так и природных факторов. Порода, на которой выполнены изображения, очень мягкая, по плотности близкая к мелу, и подвержена эрозии. Ведущиеся в непосредственной близости от место-

нахождения масштабные строительные работы усугубляют риск ее повреждения. В какой-то степени этому препятствуют проведенные китайскими специалистами работы по консервации памятника. Вся его скальная поверхность, не покрытая рисунками, сплошь укреплена цементом и/или гипсом, тонированными под цвет природного камня.

Полученные в ходе командировки в пров. Ганьсу материалы позволят значительно расширить представление о наскальном искусстве северо-западных районов Китая и станут основой для дальнейших теоретических и экспедиционных исследований в рамках поддержанного РФФИ проекта.

Благодарности

Поездка в КНР и написание данной работы осуществлены при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)». Авторы выражают глубокую признательность за помощь в организации поездки профессору Китайского университета Гонконга д-ру Тан Чуну (Дэн Цуну), доценту Северо-Западного педагогического университета, главному редактору журнала «Шелковый путь» Фэн Юйлэю и другим китайским коллегам.

Список литературы

Азбелев П.П. Кудыргинский сюжет. – СПб.: ЛЕМА, 2010. – 60 с.

Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. – М.; Л.: Наука, 1965. – 144 с.

Константинов Н.А., Урбушев А.У. Раннесредневековые гравировки Дялбака // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии: сб. науч. ст. / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2018. – Вып. 2. – С. 270–272.

Кызласов И.Л. Изображение Тенгри и Умай на Сулекской писанице // Этнографическое обозрение. – 1998. – № 4. – С. 39–53.

Лю Кэ. Цун Уцзячуань яньхуа юй цзягувэнь дэ бицзяо кань шу-хуа тунъюань (Общие истоки каллиграфии и живописи, видные из сравнения петроглифов Уцзячуань и надписей на гадательных костях (*цзягувэнь*)) // Вестн. пед. колледжа Аба. – 2010. – Т. 27, вып. 3. – С. 104–105, 114 (на кит. яз.).

Рогожинский А.Е. Новые находки памятников древнетюркской эпиграфики и монументального искусства на юге и востоке Казахстана // Роль номадов в формировании культурного наследия Казахстана. – Алматы: Print-S, 2010. – С. 329–344.

Розвадовский А. Наскальное искусство и шаманизм: феноменология, контекст и этика // Теория и практика археологических исследований. – 2014. – № 2 (10). – С. 57–71. – DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-04

Худяков Ю.С. Об изображении божеств древнетюркского пантеона на памятниках искусства номадов Южной Сибири и Центральной Азии эпохи раннего средневековья // Древности Сибири и Центральной Азии: сб. науч. тр. / под ред. В.И. Соёнова. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2010. – № 3 (15). – С. 93–103.

Чжан Баоси. Ганьсу шэн Цзинъюань сянь Уцзячуань фасянь яньхуа (Петроглифы, обнаруженные в Уцзячунаь, уезда Цзинъюань пров. Ганьсу) // Вэньу. – 1983. – № 2. – С. 46–47 (на кит. яз.).

Demattè P. Beyond shamanism: Landscape and self-expression in the petroglyphs of Inner Mongolia and Ningxia (China) // Cambridge Archaeological Journal. – 2004. – No. 14 (1). – P. 5–23.

Devlet E. Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism // The archaeology of shamanism. – L., N. Y.: Routledge, 2001. – P. 43–55.

Francfort H.-P. Art, archaeology and the prehistories of shamanism in Inner Asia // The concept of shamanism: uses and abuses. – Budapest: Akadémia; Kiadó, 2001. – P. 243–276.

Hoppál M. On the origins of shamanism and the Siberian rock art // Studies on shamanism. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992. – P. 132–149.

Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai // Rock Art Research. – 2016. – Vol. 33, No. 1. – P. 8–18.

Kubarev V.D. Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai // Spirits and stones: shamanism and rock art in Central Asia and Siberia. – Poznań: Instytut Wschodni UAM, 2002. – P. 99–119.

Rozwadowski A. Sun gods or shamans? Interpreting the ‘solar-headed’ petroglyphs of Central Asia // The archaeology of shamanism. – L., N. Y.: Routledge, 2001. – P. 65–86.

Rozwadowski A. The antiquity and dynamics of Central Asian shamanism and rock art // The Turks. – Istanbul: Yeni Türkiye Research and Publication Center, 2002. – Vol. 1. – P. 967–980.

References

Azbelev P.P. Kudyrginsky syuzhet. St. Petersburg: LEMA Publ., 2010, 60 p. (in Russ.).

Dematt̀e P. Beyond shamanism: Landscape and self-expression in the petroglyphs of Inner Mongolia and Ningxia (China). In *Cambridge Archaeological Journal*, 2004, No. 14 (1), pp. 5–23.

Devlet E. Rock art and the material culture of Siberian and Central Asian shamanism. In *The archaeology of shamanism*. London, New York: Routledge, 2001, pp. 43–55.

Francfort H.-P. Art, archaeology and the prehistories of shamanism in Inner Asia. In *The concept of shamanism: uses and abuses*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2001, pp. 243–276.

Gavrilova A.A. Mogilnik Kudyrge kak istochnik po istorii altaiskikh plemen. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965, 144 p. (in Russ.).

Hoppál M. On the origins of shamanism and the Siberian rock art. In *Studies on shamanism*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1992, pp. 132–149.

Khudyakov Yu.S. Ob izobrazhenii bozhestv drevneturkskogo panteona na pamyatnikakh iskusstva nomadov Yuzhnoi Sibiri I Tsentralnoi Azii epokhi rannego srednevekov'ya. In *Drevnosti Sibiri I Tsentralnoi Azii*, coll. of papers / ed. V.I. Soenov. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 2010, No. 3 (15), pp. 93–103 (in Russ.).

Konstantinov N., Soenov V., Cheremisin D. Battle and hunting scenes in Turkic rock art of the early Middle Ages in Altai. In *Rock Art Research*, 2016, vol. 33, No. 1, pp. 8–18.

Konstantinov N.A., Urbushev A.U. Early medieval engravings of Dyalbak. In *Sovremennye resheniya aktualnykh problem evraziiskoi arheologii*, coll. of papers / ed. A.A. Tishkin. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018, iss. 2, pp. 270−272 (in Russ.).

Kubarev V.D. Traces of shamanic motives in the petroglyphs and burial paintings of the Gorno-Altai. In *Spirits and Stones: shamanism and rock art in Central Asia and Siberia*. Poznań: Instytut Wschodni UAM, 2002, pp. 99–119.

Kyzlasov I.L. Tengry and Umay Imprint on Sulek Rock Paintings. In *Etnograficheskoe obozrenie*, 1998, No. 4, pp. 39–53 (in Russ.).

Liu Ke. Cong Wujiachuan yanhua yu jiaguwende bijiao kan shu-hua tongyuan [The homology of calligraphy and painting as seen from the comparison of Wujiachuan petroglyphs and jiaguwen]. In *Journal of Aba Teachers College*, 2010, vol. 27, No. 3, pp. 104–105, 114 (in Chin.).

Rogozhinsky A.E. Novye nakhodki pamyatnikov drevnetyurkskoi epigrafiki i monumentalnogo iskusstva na yuge i vostoke Kazakhstana. In *Rol nomadov v formirovanii kulturnogo naslediya Kazakhstana*. Almaty: Print-S, 2010, pp. 329−344 (in Russ.).

Rozwadowski A. Sun gods or shamans? Interpreting the 'solar-headed' petroglyphs of Central Asia. In *The archaeology of shamanism*. London, New York: Routledge, 2001, pp. 65–86.

Rozwadowski A. The antiquity and dynamics of Central Asian shamanism and rock art. In *The Turks*. Istanbul: Yeni Türkiye Research and Publication Center, 2002, vol. 1, pp. 967–980.

Rozwadowski A. Rock art and shamanism: phenomenology, context and ethics. In *Theory and practice of archaeological research*, 2014, No. 2 (10), pp. 57–71 (in Russ.). DOI: 10.14258/tpai(2014)2(10).-04

Zhang Baoxi. Gansu sheng Jingyuan xian Wujiachuan faxian yanhua [Petroglyphs discovered in Wujiachuan, Jingyuan County, Gansu province]. In *Wenwu (Cultural Relics)*, 1983, No. 2, pp. 46–47 (in Chin.).

Варенов А.В. http://orcid.org/0000-0003-2145-8611
Кудинова М.А. http://orcid.org/0000-0001-8369-2089
Соловьев А.И. http://orcid.org/0000-0003-3891-8944

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.353-359
УДК 902

Д.П. Волков[1, 2], С.В. Коваленко[2], В.С. Адамов[2], Е.И. Крючко[2], С.П. Нестеров[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Центр по сохранению историко-культурного наследия Амурской области
Благовещенск, Россия
E-mail: volk-d@yandex.ru

Результаты мониторинга поселения раннего железного века на острове Урильском на реке Амур в 2019 году

В 2019 г. сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области и Института археологии и этнографии СО РАН выполнено обследование поселения на о-ве Урильском на р. Амур. Данное островное поселение известно с начала XX в. Оно периодически посещалось исследователями древностей, но только в начале 1960-х гг. археологами здесь были проведены раскопки пяти жилищ. Коллекции, собранные на южном берегу острова, материалы раскопок, а также аналогичные артефакты из Приамурья позволили А.П. Окладникову и А.П. Деревянко выделить урильскую культуру раннего железного века. Именно на о-ве Урильском впервые на Амуре были найдены железные и чугунные орудия, датируемые рубежом II–I тыс. до н.э. Парадокс заключается в том, что до настоящего времени не существовало инструментального топографического плана данного поселения. Поэтому основная задача в 2019 г. состояла в его создании. Попутно необходимо было оценить физическое состояние археологического памятника в связи с систематическими крупными наводнениями на р. Амур. В результате работы на острове было установлено, что на поселении имеется 31 западина от древних построек. С учетом раскопанных пяти жилищ можно говорить о том, что к началу 1960-х гг. их сохранилось 36. По расположению относительно друг друга жилищные западины делятся на три группы. К четвертой можно отнести раскопанные жилища на кромке берега. Незначительный подъемный материал на берегу острова под поселением и вниз по течению реки свидетельствует о том, что пока паводки ему не угрожают, так как западины расположены на некотором расстоянии от берегового обрыва.

Ключевые слова: *о-в Урильский, поселение урильской культуры, инструментальный план.*

Denis P. Volkov[1, 2], Stanislav V. Kovalenko[2], Viktor S. Adamov[2], Evgeniya I. Kryuchko[2], Sergey P. Nesterov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region,
Blagoveshchensk, Russia
E-mail: volk-d@yandex.ru

Results of Monitoring the Early Iron Age Settlement on the Urilsky Island on the Amur River in 2019

In 2019, the team from the Center for the Preservation of the Historical and Cultural Heritage of the Amur Region and Institute of Archeology and Ethnography of the SB RAS carried out a survey on a settlement on the Urilsky Island on the Amur River. This insular settlement has been known since the early 20th century. It was periodically visited by researchers of antiquities, and only in the early 1960s, archaeologists excavated five dwellings on the island. The collections gathered on the southern coast of the island, excavation materials, as well as similar artifacts from the Priamurie allowed Aleksey P. Okladnikov and Anatoliy P. Derevianko to identify the Urilsky culture of the Early Iron Age. Tools of iron and crude iron going back to the secind–first millennium BC were found on Urilsky Island for the first time on the Amur River. The paradox in the study of the settlement is that up until now its instrumental topographic plan is not available. Therefore,

the main task of works in 2019 was to create such plan. In addition, it was necessary to assess the physical condition of the archaeological site due to repreated large floods on the Amur River. The works on the island have shown that the settlement has 31 pits remaining from ancient dwellings. Given the excavated five dwellings, 36 dwellings were preserved by the beginning of the 1960s. According to the location relative to each other, the pits from the dwellings were divided into three groups. The fourth group included excavated dwellings on the edge of the coast. Insignificant surface material on the coast of the island under the settlement and downstream of the river indicates that floods have not threatened the site yet, since the pits are located at some distance from the coastal cliff.

Keywords: *Urilsky Island, settlement of the Urilsky culture, instrumental plan.*

В полевом сезоне 2019 г. сотрудниками Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области и Института археологии и этнографии СО РАН в рамках выполнения государственного задания был проведен мониторинг технического состояния находящегося на государственной охране древнего памятника, расположенного на о-ве Урильском (в реестре – *Сагибово, поселение*. В археологической литературе – поселение раннего железного века *Урильский Остров. – Авт.*).

Остров Урильский расположен на юго-востоке Амурской обл. в среднем течении р. Амур в 360 км ниже г. Благовещенска и в 5 км юго-западнее с. Сагибово (рис. 1, *1*). Напротив острова, на правом берегу Амура, располагается китайский поселок Сехэцунь, а юго-восточнее в 3,3 км ниже по течению город Цзяинь. Протяженность о-ва Урильского с юго-запада на северо-восток по его юго-восточному берегу и вдоль основного русла реки составляет 2 км, максимальная ширина 490 м, ширина в месте расположения древнего поселка около 450 м (рис. 1, *2*). Большая часть территории имеет слабоувалистый характер и покрыта густой растительностью, включающей дуб маньчжурский, черную (Маака) и белую березу. Юго-восточный берег, выходящий к основному руслу реки, высокий, сухой. Его высота относительно подошвы террасы достигает 5 м. Северо-западный берег более низкий, сырой, покрыт мелким труднопроходимым тальником и зарослями лимонника. Местность в окрестностях острова представляет собой участок «амурских прерий», где влажные луга чередуются с многочисленными возвышенностями (рёлками. – *Авт.*), на которых растут дубы, ильмы, черная береза. Напротив юго-западной оконечности острова находится место впадения р. Урил в протоку Амура, ширина которой от 80 до 120 м. В настоящее время р. Урил в устье имеет лагунообразное расширение, которое отделяется от амурской протоки узким мысом, выклинивающимся на северо-восток (рис. 1, *2*; 2, *1*). Удобное географическое положение, окружающий ландшафт, разнообразие флоры и фауны, микроклимат способствовали заселению данной территории с эпохи неолита.

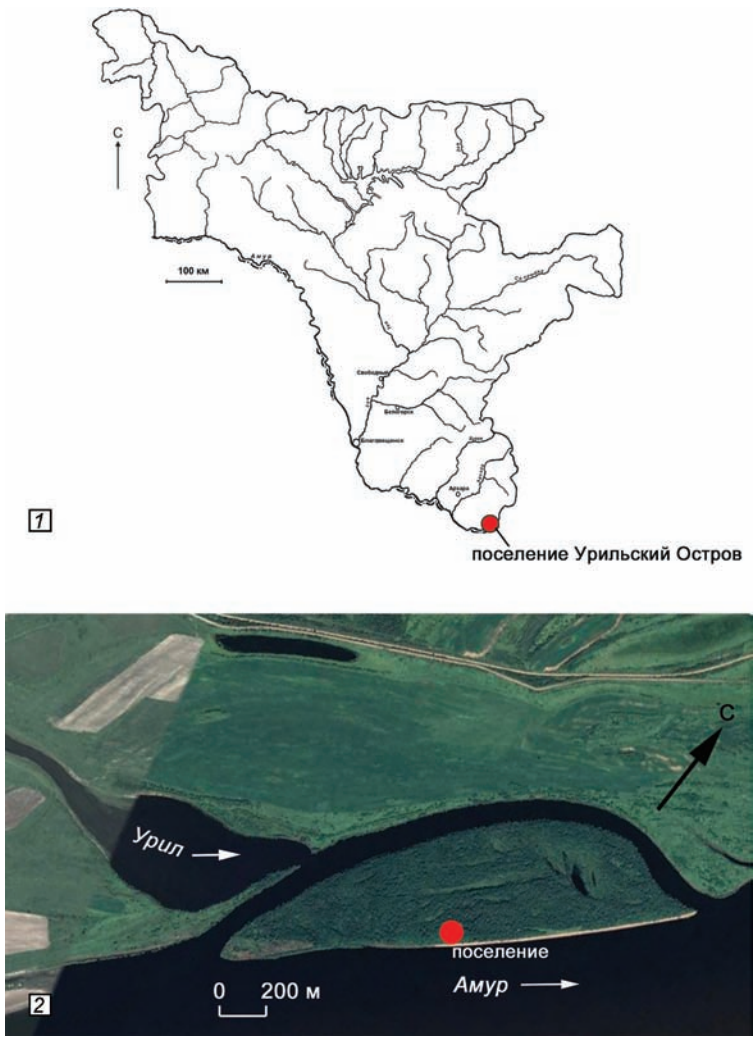

Рис. 1. Поселение Урильский Остров на карте Амурской обл. (*1*) и на о-ве Урильском на Амуре (*2*).

В 1902 г. первым амурским археологом, составителем карты археологических памятников берегов Амура

Рис. 2. Ландшафт о-ва Урильского и прилегающего пространства.
1 – вид с северо-востока; *2* – жилищная западина, фото с юга; *3* – южный берег острова; *4* – место раскопа 1961, 1963 гг., вид с юга.

А.Я. Гуровым на острове было обнаружено и осмотрено древнее поселение. В 1915–1916 гг. памятник посетил антрополог и этнограф С.М. Широкогоров. Он обследовал его и собрал подъемный археологический материал. В 1961 г. под руководством А.П. Окладникова и в 1963 г. под руководством А.П. Деревянко на памятнике проведены стационарные раскопки (рис. 2, *4*), по материалам которых была выделена урильская культура раннего железного века (XI–II вв. до н.э.) [Деревянко, 1973; Нестеров, Гирченко, 2018, с. 201].

Четыре жилища, раскопанные на поселении в 1961 г., большей частью были разрушены водами Амура, поэтому значительную долю информации об их конструктивных особенностях дали в основном стратиграфические разрезы по береговому обрыву. По ним удалось определить длину жилищ 1, 3, 4 – 11,25, 11,4 и около 8 м соответственно. Глубина котлована жилища 1 составляла 1–1,5 м. Данные о размерах построек на данном поселении получены благодаря сохранившейся северной части жилища 5, исследованного в 1963 г. [Деревянко, 1973, с. 140, рис. 8]. Его реконструируемые размеры 12 × 17 м, площадь около 200 м^2. Жилище 5 имело котлован прямоугольной формы с закругленными углами глубиной почти 1 м. По верхним краям котлована и у его стен по дну располагались ямки от столбов. Верхние столбы служили основой для внешних стен жилища, нижние – для облицовки стен котлована. В середине на ровном полу двумя рядами располагались ямки от столбов, образуя коридор. Ниже пола были хозяйственные ямы различных размеров [Там же, с. 140–143]. Таким образом, жилые постройки на о-ве Урильском имели прямоугольную форму и большую площадь. В устройстве внешних стен использовались столбы, а облицовка котлована выполнена горизонтально уложенными плахами или жердями, упором для которых служили вертикальные столбы. В интерьере располагались столбы, которые могли быть опорными для кровли и выступать в качестве основы для внутренних стен. Для отопления использовали несколько очагов.

При обследовании древнего поселения в 2019 г. впервые был выполнен инструментальный план памятника и определены его границы (рис. 3).

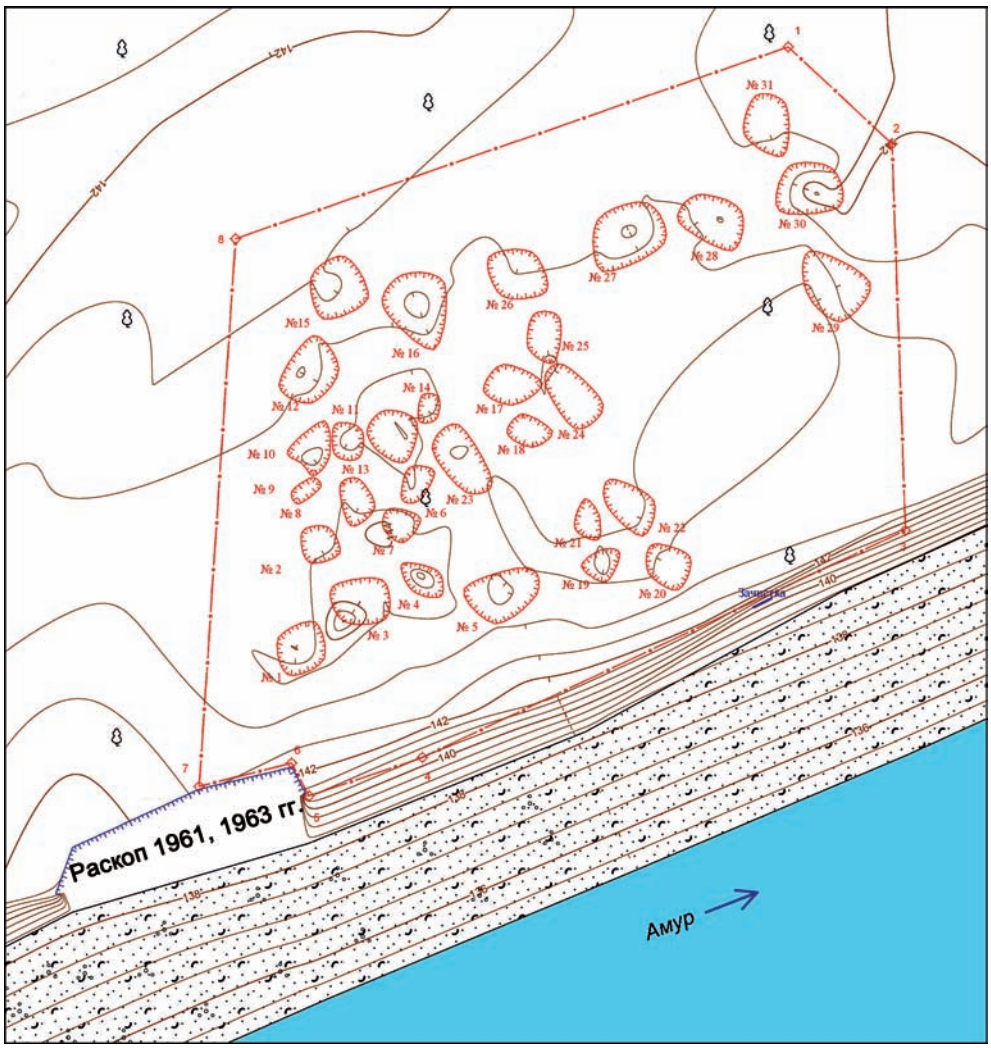

Рис. 3. Топографический план поселения Урильский Остров.

Для топографической съемки рельефа использовался метод RTK-измерений («кинематика реального времени» – совокупность методов и приемов определения координат и высот в реальном времени посредством получения поправок с базовой станции, установленной над точкой с уже известными координатами и высотой) с помощью оборудования PENTAX Ni6 и с применением глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и GPS от 2002 г. [Ашурков, Минченко, 2002].

Поселение занимает самый высокий участок юго-восточного берега, высота которого в центральной части острова достигает 5 м относительно подошвы террасы. Поверхность площадки, на которой расположен памятник, задернована и покрыта густым лесом, состоящим из вышеназванных деревьев, а также лимонника, ореха маньчжурского, среднего и мелкого кустарника. Объект визуально фиксируется на поверхности в виде 31 западины неправильной овальной формы, иногда подтреугольных очертаний со скругленными углами (см. *таблицу*). По расположению на местности их условно можно разделить на три группы.

В северную группу входят девять больших западин диаметром от 5,5 до 8,6 м и глубиной от 0,4 до 1,5 м (№ 12, 15, 16, 26–31). Центральная группа включает 14 западин: 7 – среднего размера, диаметром от 3,5 до 4,8 м, глубиной 0,35–0,6 м; 7 – больших, диаметром от 5,8 до 7,6 м, глубиной от 0,4 до 0,7 м (№ 2, 6–11, 13, 14, 17, 18, 23–25). Южная группа представлена восемью западинами, из которых три имеют средний размер (диаметр от 3,8 до 5,3 м), глубина от 0,35 до 1 м) и пять – большой (диаметр от 6,4 до 7,3 м, глубина 0,5–0,7 м) (№ 1, 3–5, 19–22). На юго-западной окраине объекта, в 10 м от западины 1 располагается подквадратная врезка в берег длиной до 25–28 м, сохранившаяся от раскопов 1961 и 1963 гг. (месторасположение исследованной юго-западной береговой группы жилищ) (рис. 2, *4*; 3).

Размеры памятника были определены по распространению западин, подъемному археологиче-

скому материалу на пляже и особенностям рельефа местности. Ширина по оси северо-восток – юго-запад составляет 55 м, с северо-запада на юго-восток – 98 м с учетом раскопа 1961, 1963 гг. Площадь поселения равна 4318 м^2.

Крутой береговой склон, ограничивающий объект с юга, резко обрывается в пойму реки, плавно переходя в бечевник. Расстояние от начала террасы до уреза воды – примерно 17 м. Во время больших разливов Амура вода интенсивно подмывает береговые отложения, обнажая и разрушая культурный слой древнего поселения, вымывая на прибрежную косу у подножия террасы археологический материал (рис. 5, *1*, *4–6*). С севера и запада территорию поселения ограничивает заболоченная низина, покрытая кочкарником и ивовыми деревьями, заливаемая при наводнении.

Для уточнения стратиграфической ситуации, определения мощности и сохранности культурных слоев в границах археологического памятника была произведена зачистка берегового обнажения длиной 2 м (рис. 4, *1*). В разрезе выявлены следующие литологические слои (рис. 4, *2*).

Слой 1 (дерн) – темно-серая гумусированная супесь, насыщенная корнями растений, мощностью от 15 до 20 см.

Слой 2 представлен серой рыхлой супесью с включением корней, мощностью 8–12 см.

Слой 3 – светло-коричневый рыхлый суглинок мощностью 30–40 см.

Слой 4 – темно-серая заиленная супесь с включением гальки. Толщина 10–12 см.

Слой 5 – плотный светло-коричневый суглинк мощностью 26–40 см.

Слой 6 – плотная серая супесь с включением линз светло-коричневой супеси. Мощность 8–20 см.

Слой 7 – светло-коричневый аллювиальный песок мощностью 8–22 см.

Слой 8 – коричневый аллювиальный песок мощностью 10–20 см.

Слой 9 – белый аллювиальный песок. Пройденная мощность 20 см.

Культурный горизонт соотносится с литологическими горизонтами светло-коричневого суглинка (слой 3), в котором найдена небольшая коллекция археологического материала. Она представлена каменным отщепом и фрагментом керамического сосуда раннего железного века. Фрагмент стенки сосуда (4,6 × 6,8 × 0,4 см) собран из пяти обломков керамики бежевого цвета. В качестве наполнителя в керамическое тесто введен песок мелкого и среднего размерного ранга. На внешней стороне черепка фиксируется полузатертый вафельный орнамент, длина стороны квадратной ячейки которого около 4 мм (рис. 5, *3*). Отщеп снят с камня яшмовидной породы светло-коричневого цвета (3,2 × × 2,5 × 0,5 см). Четко читается ударная площадка. Брюшко отщепа ровное, на спинке имеются негативы предыдущих снятий. Следов вторичной обработки нет (рис. 5, *2*).

Размеры жилищных западин на поселении Урильский Остров

№ западины	Длина, м	Ширина, м	Глубина, м	Площадь, м^2
1	6,3	5,3	0,6	33,4
2	3,9	3,9	0,4	15,2
3	6,6	6,1	0,6	40,3
4	5,4	3,5	1	19
5	7,8	4,8	0,4	37,4
6	4,3	3	0,4	13
7	4,1	3,7	0,6	15,2
8	5,2	3,3	0,4	17,2
9	3,5	1,9	0,4	6,7
10	5,6	4	0,4	22,4
11	3,6	3,4	0,6	12,2
12	7,2	5,2	0,8	37,4
13	5,9	5,3	0,5	31,3
14	3,1	2,3	0,4	7,1
15	7,1	6,5	0,4	46,2
16	8,6	8	0,8	68,8
17	6,3	4,4	0,4	27,7
18	3,4	3,3	0,4	11,2
19	5,7	4,7	0,5	26,8
20	4,7	2,8	0,4	13,2
21	5,6	4,7	0,5	26,3
22	7,1	4,4	0,5	31,2
23	8,1	4,3	0,5	34,8
24	7,5	4,2	0,4	31,5
25	5,5	3,6	0,4	20
26	7,1	5,7	0,4	40,3
27	8,1	6,5	0,6	52,7
28	6,9	4,9	0,5	33,8
29	8,2	6,6	0,4	54,1
30	6,9	5,5	1,2	38
31	7,1	5,1	0,6	36,2

В переотложенном грунте береговой осыпи встречены камень яшмовидной породы со следами снятия (7,4 × 3,4 × 1,1 см) и небольшой полупрозрачный халцедоновый отщеп белого цвета (2,3 × × 1,8 × 0,4 см).

Обследование береговой полосы в районе археологического памятника, а также вплоть до северо-восточного мыса острова показало практическое отсутствие на пляже подъемного материала. Обнаружен один артефакт в виде уплощенного валуна средних размеров с двумя противолежащими выемками, возможно, это грузило ставной сети (рис. 5, *1*). Остальные предметы представ-

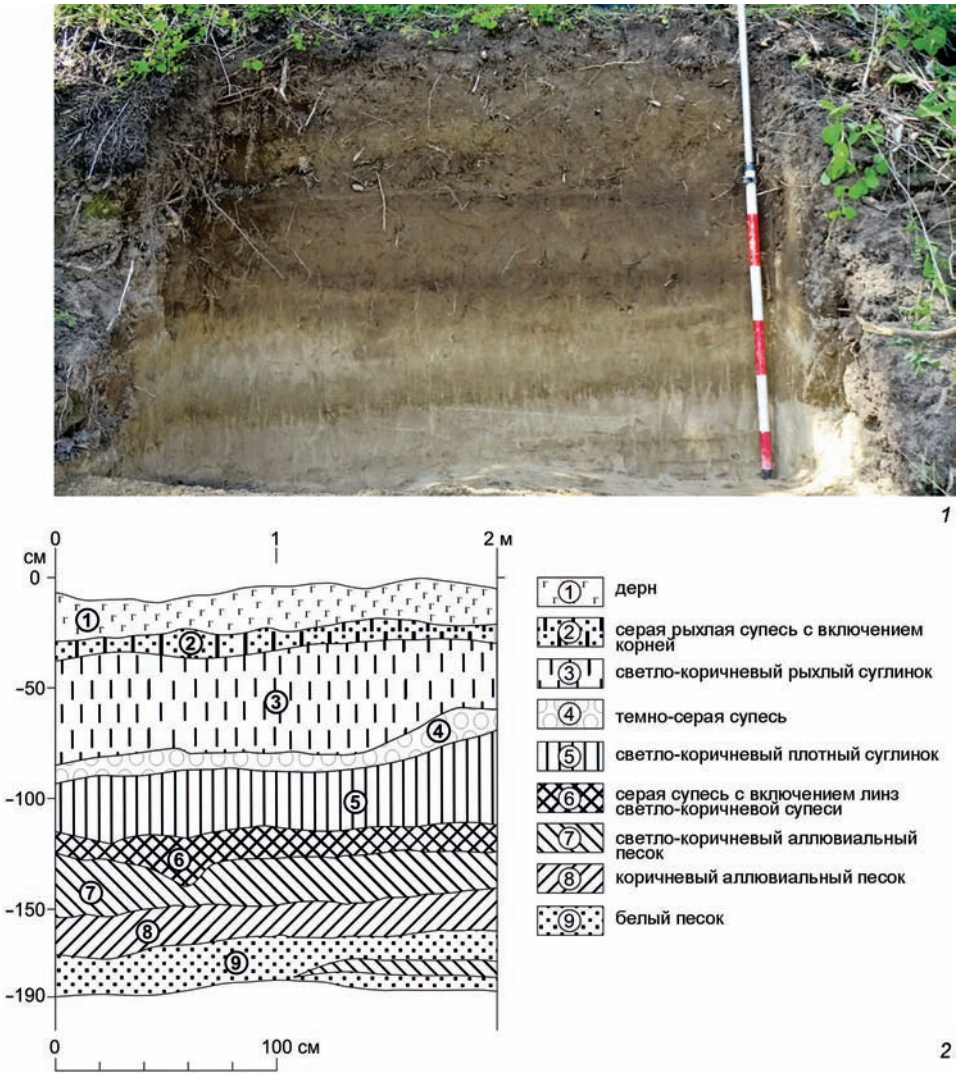

Рис. 4. Вид с юга на зачистку берега в границах археологического памятника (*1*); стратиграфический разрез берегового обнажения (*2*).

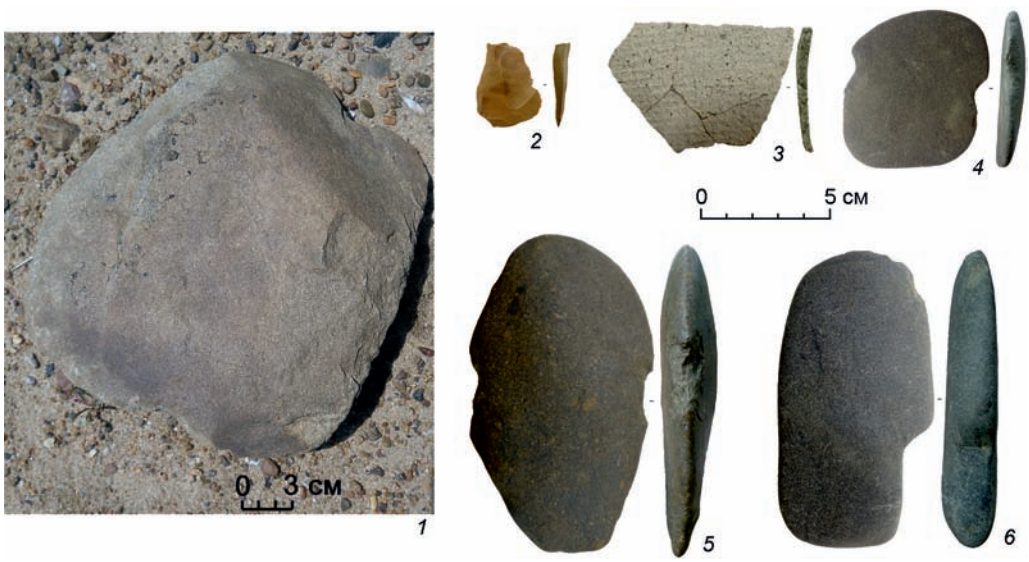

Рис. 5. Артефакты с береговой полосы (*1*, *4*–*6*) и из слоя 3 берегового обнажения (*2*, *3*).
1, *4*, *5* – галечные грузила; *2* – отщеп; *3* – фрагмент керамики урильской культуры; *6* – отбойник.

лены двумя грузилами, отбойником, отщепом, сколом и двумя фрагментами керамики. Грузило из песчаника серого цвета имеет подквадратную форму со сглаженными углами (размеры – 5,7 × × 4,8 × 0,9 см). На противоположных сторонах изделия имеются искусственно оформленные выемки (рис. 5, *4*). Еще одно грузило серо-коричневого цвета из камня вулканической породы андезита в плане овальное (11,4 × 6,2 × 2,1 см). На противоположных длинных сторонах изделия имеются выемки, оформленные в результате нескольких сколов (рис. 5, *5*). Отбойник из аркозового песчаника серого цвета в плане подпрямоугольный (10 × 5,4 × 1,7 см). Один край изделия закруглен. На рабочей стороне видны следы сколов (рис. 5, *6*). Крупный отщеп серо-коричневого цвета снят с кремнистого сланца (8,5 × 4,1 × 1,2 см); скол – с камня яшмовидной породы бордового цвета (5,3 × 5,4 × 1) см. Два небольших неорнаментированных фрагмента керамики имеют размеры 3,2 × 2,2 × 0,7 см и 2,6 × 1,6 × 0,5 см.

Большое количество артефактов урильской культуры, которое было поднято исследователями при посещении о-ва Урильского в первой половине XX в., связано с тем, что интенсивному разрушению подверглись остатки жилищ, которые стояли на самом краю берега. После их раскопок в начале 1960-х гг. «источник», насыщенный артефактами, исчез. Не исключено, что очистке берега от различного мусора, среди которого были и предметы материальной культуры проживавших здесь людей, способствовали катастрофические наводнения 1972, 1984 и 2013 гг., а также практически ежегодные сезонные паводки [История…].

Исследования 2019 г. показали удовлетворительное состояние объекта. Однако при больших подъемах воды он продолжает в незначительной степени разрушаться Амуром, хотя жилищным западинам, расположенным на некотором удалении от берегового обрыва, пока ничего не угрожает. В настоящее время поверхность археологического памятника задернована, покрыта обильной растительностью, а западины не разрушены.

Список литературы

Ашурков М.О., Минченко А.Н. Инструкция по развитию съемочного обоснования и съемке ситуации и рельефа с применением глобальных навигационных спутниковых систем ГЛОНАСС и GPS. – М.: ЦНИИГАиК, 2002. – 214 с.

Деревянко А.П. Ранний железный век Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1973. – 354 с.

История наводнений в Приамурье. – URL: https: // dkphoto.livejournal.com (дата обращения: 04.11.2019 г.).

Нестеров С.П., Гирченко Е.А. Концепции происхождения урильской культуры в Приамурье // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – СПб.: Росток, 2018. – С. 201–209.

References

Ashurkov M.O., Minchenko A.N. Instruktsiya po razvitiyu s'emochnogo obosnovaniya i s'emke situatsii i rel'efa s primeneniem global'nykh navigatsionnykh sputnikovykh sistem GLONASS i GPS. Moscow: Central Research Institute of Geodesy, Aerial Survey and Cartography, 2002, 214 p. (in Russ.).

Derevianko A.P. Ranniy zhelezny vek Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1973, 354 p. (in Russ.).

Istoriya navodnenii v Priamur'e. URL: https: // dkphoto. livejournal.com. (Accessed: 04.11.2019).

Nesterov S.P., Girchenko E.A. Concepts of Origin of the Uril Culture in Priamurye. In *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 15-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoi oblasti*. St. Petersburg: Rostok Publ., 2018, pp. 201–209. DOI: 10.18411/nes-2018-27 (in Russ.).

Волков Д.П. https://orcid.org/0000-0001-6064-4981
Коваленко С.В. https://orcid.org/0000-0003-0840-2920
Адамов В.С. https://orcid.org/0000-0002-6377-4615
Крючко Е.И. https://orcid.org/0000-0001-8385-2724
Нестеров С.П. https://orcid.org/0000-0003-3629-2730

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.360-367
УДК 902/903

Ю.Н. Гаркуша, А.В. Новиков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Дверные проемы и дверные полотна из построек Усть-Войкарского городища (по материалам 2012–2016 годов)

В научный оборот вводятся данные по истории традиционного домостроения коренного населения севера Западной Сибири. Привлечены материалы Усть-Войкарского городища (ЯНАО). Поселение принадлежало аборигенному населению севера Нижнего Приобья. Наличие мерзлого культурного слоя обеспечило сохранность архитектуры поселения. Это позволило получить детальное представление об устройстве различных элементов традиционного жилища. В статье рассмотрены особенности конструкции дверных проемов и дверных полотен из жилых построек. Время сооружения исследованных объектов домостроения, по данным дендрохронологии, приходится на период последней трети XV в. – середину XVIII в. Рассмотрена конструкция 15 дверных проемов. Она демонстрирует свою устойчивость на всем протяжении истории строительства поселения в указанный период. Проемы были оборудованы для установки дверей с пяточными шипами. Следовательно, как минимум с последней трети XV в. двери с пяточными шипами становятся частью домостроительной традиции жителей Усть-Войкарского городища. Проанализированы 9 дверных полотен. Они демонстрируют значительное сходство с конструкцией дверей из раскопов Новгорода XII–XV вв. Общие черты в конструкции дверных полотен: наличие пяточных шипов, сборка полотна с помощью брусков, расположенных в пазах, угловое расположение пазов, сплочение в паз, бóльшая длина верхнего пяточного шипа. Все перечисленные технологические приемы становятся основными в конструкции дверных полотен в русском деревянном зодчестве. Появление в строительной культуре коренного населения дверных проемов и дверных полотен выявленных типов рассматривают как влияние материальной культуры жителей европейской части России.

Ключевые слова: *Усть-Войкарское городище, север Западной Сибири, дверные проемы, двери с пяточными шипами, русское деревянное зодчество, традиционное домостроение.*

Yuri N. Garkusha, Andrey V. Novikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: yunga1971@ngs.ru

Door Openings and Door Panels from the Houses at the Ust-Voikar Site (The Evidence of 2012–2016)

This article presents the data on the history of traditional house-building by the indigenous people living in the northern part of Western Siberia. The research is based on the evidence from the Ust-Voikar site in the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, which used to be inhabited by the indigenous population of the Northern Lower Ob region. The fact that the habitation layer was in permafrost, ensured good preservation of structures at the settlement and made it possible to obtain a detailed picture of how various elements were arranged in traditional dwelling. The article describes the structural features of door openings and door panels of residential buildings. According to dendrochronological data, these structures were built from the last third of the 15th century to the mid 18th century. Structural features of 15 door openings which were analyzed, demonstrate stability throughout the entire period of settlement's functioning. Door openings were designed for setting up doors on pivot hinges. Thus, at the very least since the last third of the 15th century, doors on pivot hinges were a part of house-building tradition for the dwellers of the Ust-Voikar site. Nine door panels have been analysed. Their design shows significant resemblance to the design of door panels from the 12th–15th centuries, found in

Novgorod excavations. The common features in door panels include the presence of pivot hinges, assemblage of planks for door panels fastened by rails placed in grooves, angled position of grooves, and extended length of the upper pivot finger. All these technological methods were basic for Russian wooden architecture. Incorporation of these types of door openings and door panels into the building culture of the indigenous people can be viewed as a result of the influence by the material culture of the residents of the European part of Russia.

Keywords: *Ust-Voikar site, northern part of Western Siberia, door openings, pivot hinged doors, Russian wooden architecture, traditional house building.*

Раскопки средневековых поселенческих комплексов с мерзлым культурным слоем на севере Западной Сибири, в ряду которых находится Усть-Войкарское городище (Шурышкарский р-н ЯНАО), позволили получить детальное представление не только об особенностях архитектурно-планировочной организации поселений. Хорошая сохранность остатков строений способствовала получению значительно большего объема данных о технико-технологических параметрах архитектурных сооружений, что дает возможность сопоставить корпус полученных археологических данных с этнографическими материалами по традиционному домостроительству.

В данной публикации рассматриваются такие элементы конструкции домов, как дверные проемы и дверные полотна, обнаруженные в ходе работ 2012–2016 гг.

Дверные проемы. Архитектура представлена комплексом малогабаритных (с длиной стен 2,5–3 м) и крупногабаритных (5–8 м) каркасно-столбовых и срубных (смонтированных из горизонтально уложенных бревен) жилищ. Для каркасно-столбовых строений приводятся материалы только малогабаритной застройки, так как у крупногабаритных жилищ этого типа уровень расположения основания дверных проемов на стадии полевых исследований достигнут не был.

Дверные проемы выходили непосредственно на улицу либо соединялись с ней посредством небольшого коридора. Его ширина в целом соответствовала общей ширине дверного проема, а длина, судя по имеющимся примерам, составляла около 2 м.

Нижние части проемов были выявлены в 9 жилых постройках (жилой статус определялся наличием очажной конструкции). Конструкция дверных проемов во всех них была сходной. Их основания выполнялись в серединной части лицевого фасада, во 2-м снизу бревне из горизонтального стенового набора каркасных построек или в бревне 2-го венца. Среди срубных построек отмечен случай (постройка № 3А*), когда дверной проем готовили выше 2-го венца. Несомненно, что низкое расположение проемов сыграло положительную роль в их сохранности. Так, материалы новгородских раскопов показывают, что дверные проемы удавалось фиксировать очень редко, так как двери располагались, как правило, выше 4-го венца [Засурцев, 1963, с. 40; Кудрявцев, 2018, с. 254].

Основания проемов изготавливались в бревне, длина которого соответствовала длине фасада. Некоторые из них содержали поперечные пазы для кольев, фиксирующих уложенные бревна. Зафиксированы два варианта обработки древесины, использованной для установки основания дверного проема. Первый вариант: цилиндрическое бревно, в серединной части которого вырубалось основание проема. Поверхности, смежные с другими бревнами из стенового набора, как правило, подтесывались для более плотного прилегания (рис. 1, *1*). Второй вариант: цилиндрическая часть сохранялась в середине бревна, в пределах размещаемого основания. Боковые поверхности сильно подтесывались, в результате чего сечение древесины приобретало вид бруса, обработанного на два противолежащих канта (по другой терминологии – лафет) (рис. 1, *2*).

Для основания проема в толще бревна вырубалась одна четверть с внутренней стороны помещения. Таким образом, порог (как его определяют в современном строительстве – возвышение над уровнем пола или брус, расположенные в нижней части проема) составлял единое целое с бревном, а пороговая плоскость становилась своеобразной ступенью. Высота порога варьировалась в зависимости от размера поперечного сечения древесины – от 4 до 9 см.

В одном случае (постройка № 9А) на пороговой плоскости с помощью деревянных шпонок была прикреплена доска, ширина которой соответствовала ширине ступени. Ряд из 3–4 отверстий с остатками шпонок выявлен на поверхности еще двух плоскостей (постройки № 3, 7). Необходимость установки такой детали вряд ли вызвана острой необходимостью ремонтных работ, так как повреждений на пороговых плоскостях не отмечено.

Проем оформлялся посредством цилиндрических боковых стоек. Нижний торец был оформлен в виде прямоугольных пазов, которыми стой-

*Нумерация построек, принятая в 2012–2016 гг.

Рис. 1. Усть-Войкарское городище.

1 – постройка № 4. Основание дверного проема. Вид с юго-востока; *2* – часть скопления бревен с основанием дверных проемов, обнаруженных под юго-восточной стеной постройки № 1. Вид с запада; *3* – постройка № 7. Основание дверного проема. Вид с севера; *4* – изделие 1. Дверное полотно. Постройка № 2А (на снимке ошибочно положение верхней планки. В действительности ее левый фрагмент должен быть смещен влево; желоб должен располагаться между крайней парой отверстий); *5* – изделие 2. Фрагмент дверного полотна. Постройка № 3А.

ки фиксировались по бокам проема в специально подготовленных углублениях. Бревна стенового набора закреплялись в продольном треугольном пазу стойки. В ряде случаев верхняя поверхность бревна по обе стороны от порогового выруба имела небольшие подтесанные площадки для более плотного прилегания устанавливаемых стоек, оформляющих проем. Такие площадки готовились не всегда, но обязательным элементом являлись прямоугольные пазы по бокам бревна либо подте-

санные участки, в которые вставлялись стенки торцевых пазов стойки. Следов дополнительного крепления стоек к основанию, например с помощью шипов, не зафиксировано.

Установлено, что для малогабаритных строений ширина дверного проема (в данном случае – длина пороговой плоскости) варьировалась от 0,43–0,45 м (в большинстве случаев) до 0,56 м. Для крупногабаритных построек ширина находилась в пределах 0,7–0,76 м.

На каждой пороговой плоскости выдолблено чашевидное углубление (подпятник), предназначенное для установки одностворчатых беспетельных дверей с пяточными шипами. От края плоскости к углублению, под углом к длинной оси бревна выдалбливался узкий паз, по которому нижний шип заводили в углубление (см. рис. 1, *1*). Вероятно, в первую очередь в подпятник устанавливался верхний шип дверного полотна, а затем выдалбливался паз нужной глубины для заведения в углубление нижнего шипа.

Вертикальная плоскость порога препятствовала свободному вращению двери. Таким образом, дверь открывалась внутрь помещения. Подпятники размещались как с правой стороны при входе в помещение, так и с левой, что говорит об отсутствии устойчивых предпочтений при определении направления открывания дверей.

Иное приспособление для фиксации шипа зафиксировано в срубной постройке № 7. В левом краю (при входе в помещение) пороговой плоскости был вырублен паз, в который установлен брус 10 × 10 см высотой 15 см. На его вершине был выдолблен подпятник (рис. 1, *3*). Появление такой детали с большой вероятностью вызвано необходимостью ремонта в месте крепления двери. Такое простейшее приспособление для вращения двери широко применялось обскими уграми и по наблюдениям этнографов [Соколова, 1963, с. 195, 206], являлось частью устройства, расположенного с внешней стороны постройки.

Отметим, что количество деталей фасадов, в которых изготовлено основание дверного проема, превышает число исследованных построек. Это вызвано тем, что часть изделий находилась во вторичном использовании. Примечательна ситуация, зафиксированная при демонтаже срубной постройки № 1. Помимо основания проема во 2-м, последнем сохранившемся венце, таким же элементом располагало и бревно 1-го венца этой же стены. В свою очередь, под 1-м венцом располагалась кладка еще из пяти бревен, стратиграфически разделявшая уровни расположения построек № 1 и 1А, на руинах которой и было построено первое сооружение (см. рис. 1, *2*). Интересно отметить, что пороговые плоскости в древесине из этой кладки имели практически одинаковую длину и демонстрировали единое направление открывания пяточной двери – влево, в то время как в срубе дверь открывалась направо.

Двери. Находки дверных полотен в раскопах достаточно редки. Например, за годы археологического исследования Новгорода выявлено 19 дверных полотнищ разной степени сохранности [Кудрявцев, 2018, с. 257]. Единичный характер таких находок объясняется, по мнению исследователей, тем, что после прекращения их использования по прямому назначению двери либо целиком, либо в разобранном виде применялись уже для других целей, например в качестве элементов различных настилов. Эти наблюдения подтверждаются и контекстом обнаружения части дверных полотен из Усть-Войкарского городища: некоторые из них служили частью настилов, формирующих покрытие пола в разных местах помещения. Только одна дверь находилась непосредственно у дверного проема (постройка № 2А). Коллекция дверных полотен насчитывает 6 предметов; еще три изделия находились в плохом состоянии, не позволившем сохранить их целостность.

Изделие 1 (рис. 1, *4*). Практически целая дверь обнаружена в заполнении малогабаритной каркасно-столбовой постройки № 2А. Дверное полотно с пяточными шипами, имевшее незначительные повреждения, найдено в створе дверного проема. Шипы (пятники, пятки) – выступы, обеспечивающие вращение двери в подпятниках.

Полотно собрано из двух хорошо обтесанных досок; смежные грани подтесаны. Верхняя и нижняя грани закруглены подрезкой. Высота полотна (без учета длины шипов) – 52 см. Одна доска имела ширину 26 см, другая (поврежденная) – 12,5 см; толщина 1,2–1,5 см. Общая ширина сохранившихся деталей полотна – 39 см. Таким образом, была утеряна лишь небольшая часть полотна, учитывая длину пороговой ступени в постройке в 45 см.

Сплоченные доски были соединены посредством двух параллельных планок, расположенных на одной из плоскостей. Они имели уплощенную поверхность для лучшего прилегания к полотну и поперечные желоба на концах. Планки были соединены с полотном с помощью деревянных шкантов и притянуты саргой через желоба на планках и сквозные отверстия в полотне.

Длина шипов различается – от 1,5 (нижний) до 2,5 см при отсутствии следов повреждения, что вряд ли является случайностью. Очевидно, первоначально в подпятник устанавливали длинный верхний шип, а затем по желобу в ступени заводили в чашу нижний. Широкая доска имела следы

ремонта: в трех местах через пары сквозных отверстий посредством сарги была скреплена трещина. Известно, что для лучшего скольжения дверных пяток в подпятники подкладывались деревянные дощечки или куски глиняных горшков, которым придавалась круглая форма [Белов, Овсяников, Старков, 1981, с. 17]. В войкарских постройках такого не обнаружено.

Изделие 2 (рис. 1, *5*). Здесь дверное полотно частично было перекрыто нижним венцом срубной постройки № 3А, из чего следует, что оно может быть и не связано с этим жилищем. Боковые части полотна обрублены, в результате чего пяточные шипы, наличие которых можно предполагать с большим основанием, не выявлены. Верхняя и нижняя грани ровно подтесаны, что позволяет считать установленную высоту полотна (62–63,5 см) реальной высотой двери.

Сохранившаяся часть полотна собрана из двух сплоченных досок, скрепленных двумя брусками, которые были загнаны в пазы, имеющие трапециевидное сечение («ласточкин хвост»). Внешняя ширина пазов – 2,5 и 3 см; внутренняя – 3,5 и 4 см; глубина – 2 см. С учетом длины выступающего за пределы полотна сохранившегося бруска ширина двери была более 40 см. Брусья расположены под углом друг к другу. Между ними имеются два отверстия со сторонами около 1,5 и 3,5 × 3 см. Одно из отверстий на внутренней стороне полотна переходит в крупный треугольный выруб, который, вероятно, является следствием повреждения двери. Эти отверстия могли быть признаком наличия дверной рукояти.

Обращает на себя внимание продольный профиль полотна: с одной стороны оно имеет плоскую поверхность; с другой – от верхней и нижней грани полотна толщина досок с 1,5–2 см постепенно увеличивается к серединной части, образуя уплощенный выступ толщиной около 3,5 см.

Изделие 3 (рис. 2, *1*). Фрагмент дверного полотна с пяточным шипом обнаружен в заполнении расположенных ярусом срубной постройки № 1 (верхняя) и каркасно-столбовой № 1А. Представлена доской шириной 27 см; реконструируемая высота полотна 52–53 см. Пяточный шип сохранился один; судя по его длине (около 3,5 см), он был верхним. Полотно набиралось из досок в треугольный паз. Крепеж осуществлялся посредством двух брусков, загнанных в трапециевидные пазы. Пазы выполнены на всю ширину доски; глубина – 3,5 см. Дополнительно бруски крепились посредством деревянных шкантов. Данное изделие отличается обработкой плоскостей. Они обтесаны таким образом, что обе плоскости приобрели выпуклую форму. В силу этого толщина доски от краев к серединной части увеличивается с 3,5–4 до 7 см.

Несколько фрагментов дверных полотен связано со срубной постройкой № 7. Однако контекст их обнаружения говорит о вторичном использовании – в качестве деталей различных настилов.

Изделие 4 (рис. 2, *2*). Доска длиной 66,5 см; узкие грани подрублены достаточно ровно, что позволяет соотнести ее длину с действительной высотой дверного полотна. Ширина доски 21,0–21,5 см. Одна боковая грань имеет уплощенную поверхность, другая достаточно неровная. Однако ее вид позволяет предположить скорее неаккуратную обработку, нежели повреждения. Пяточные шипы не выявлены.

Сплочение досок в полотно осуществлялось посредством двух брусков, загнанных в трапециевидные пазы. Параллельные пазы были выполнены на всю ширину доски, глубина 4,5–5 см.

Примечателен продольный профиль полотна: постепенное увеличение толщины изделия от нижнего и верхнего краев к местам расположения пазов. Толщина постепенно изменяется от 1,7–2,2 до 3,8–4 см. В свою очередь, участок между пазами подтесан до толщины 2,8 см. Другая поверхность полотна плоская. Специфическая обработка формирует вид изделия как имеющего два выступа на одной поверхности.

В одном из пазов сохранился фрагмент бруска длиной 45,5 см. В его торце зафиксирован деревянный клин.

Изделие 5 (рис. 2, *3*). Доска длиной 64,5–66 см; узкие грани подрублены достаточно ровно, что позволяет соотнести ее длину с действительной высотой дверного полотна. Ширина доски 19,5 см. Пяточные шипы не выявлены. Одна боковая грань подтесана неаккуратно, что не могло обеспечить плотное прилегание к смежной доске. Другая грань имеет по краям вырубленные площадки, в результате чего в серединной части образовался выступ 32,5 × 2,5 см. Функциональное назначение такого выступа неизвестно; возможно, его появление связано уже со вторичным использованием этой части дверного полотна.

Сплочение досок в полотно осуществлялось посредством двух брусков, загнанных в трапециевидные пазы. Параллельные пазы были выполнены не на всю ширину доски, глубина – около 2,5 см. Торец паза образует положительный угол с поверхностью доски.

Доска имеет аналогичную изделию 4 обработку поверхностей, в результате которой на одной из них образуются два выступа. Толщина доски изменяется постепенно от 1,8–2,5 до 4–4,2 см; участок между пазами подтесан до 2,4 см.

Рис. 2. Усть-Войкарское городище.

1 – изделие 3. Фрагмент дверного полотна. Заполнение построек № 1 и 1А; *2* – изделие 4. Фрагмент дверного полотна. Постройка № 7; *3* – изделие 5. Фрагмент дверного полотна. Постройка № 7; *4* – изделие 6. Фрагмент дверного полотна. Межжилищное пространство.

Оба изделия обнаружены по отдельности, но схожи между собой степенью сохранности, габаритами и расположением имеющихся технологических элементов, что позволило предположить их принадлежность к одному дверному полотну. Однако попытка реконструкции показала небольшое различие по толщине и несовпадение смежных технологических элементов в месте стыка двух досок. Возможно, между ними должна была располагаться еще одна доска.

Изделие 6 (рис. 2, *4*). Доска длиной 45,5 см с пяточными шипами была обнаружена в межжилищном пространстве. Сохранился только один шип, нижний (делаем это предположение исходя из его длины – около 1,5 см). Верхняя и нижняя грани аккуратно подтесаны, что позволяет соотнести длину

доски с действительной высотой дверного полотна. Внутренняя боковая грань имеет незначительные повреждения, но уплощена на большем ее протяжении, что указывает на ширину доски в 20 см как на действительный ее размер. Толщина доски по краям 2–2,2 см. От других дверей ее отличает сплочение посредством одного бруска, но достаточно широкого (6–6,5 см), уложенного в паз. Паз имеет слабо выраженный трапециевидный профиль, что привело к неизбежности дополнительного соединения с помощью шкантов. Продольный профиль доски демонстрирует постепенное увеличение толщины по одной плоскости к ее серединной части, в результате чего образуется уплощенный выступ толщиной около 3,8–4 см.

Еще три доски, использованные в качестве элементов нар в постройке № 7, были отнесены к деталям дверных полотен достаточно условно в силу плохой сохранности. Размеры предметов 112–115 × × 35–38 см при толщине 5–5,5 см. На одной из поверхностей каждого предмета выявлены пары поперечных пазов; пяточные шипы не обнаружены.

Дверные проемы, оборудованные для установки дверей с пяточными шипами, выявлены в постройках, время строительства которых, по дендрохронологическим данным, приходится на последнюю треть XV в. – середину XVIII в.* – время освоения населением европейской части России севера Западной Сибири. Наблюдения над основными особенностями устройства дверных проемов демонстрируют устойчивость их конструкции на всем протяжении истории строительства поселения в указанный период. Следовательно, как минимум с начала этого периода двери с пяточными шипами становятся частью домостроительной традиции жителей Усть-Войкарского городища. Существует большая вероятность того, что и фрагменты других полотен принадлежат дверям с пяточными шипами. Наиболее ранним из обнаруженных экземпляров является фрагмент полотна, который был перекрыт венцом постройки № 3А, сооруженной в конце 60-х гг. XV в. (рис. 1, *5*).

Дверные полотна, обнаруженные в постройках городища, в первую очередь демонстрируют значительное сходство с конструкцией дверей из раскопов Новгорода XII–XV вв.: наличие пяточных шипов, сборка полотна с помощью брусков в пазах на «ласточкин хвост», угловое расположение пазов, сплочение в паз, бóльшая длина верхнего пяточного шипа [Засурцев, 1963, с. 41–42, рис. 25, 26; Кудрявцев, 2018, с. 259, рис. 5, 6] – технологические приемы, которые становятся основными в конструкции полотен в русском деревянном зодчестве (см., напр.: [Бломквист, 1956, с. 125; Бодэ, Зинина, 2016, с. 121–122]). К примеру, угловым расположением крепежных брусьев в пазах достигалось уменьшение осадки досок, из которых собрано полотно [Белов, Овсяников, Старков, 1981, с. 17].

Обнаруженные двери и их фрагменты не имели признаков запирающих устройств. Вероятно, при необходимости двери подпирались изнутри. Кроме того, практически на всех досках в разной степени присутствуют отверстия, наличие которых не имеет явного функционального обоснования. Вероятно, это результат вторичного использования деталей полотна, но относится ли их появление ко времени после его демонтажа или вторичным являлось уже использование доски в качестве детали полотна – последовательность эксплуатации не ясна.

По мнению исследователей, появление рассмотренных типов дверных полотен в традиционной домостроительной культуре аборигенов Нижнего Приобья – это результат заимствования у непосредственных носителей строительных традиций, бытовавших в европейской части России [Кардаш, 2013, с. 123; Кудрявцев, 2018, с. 257].

Пример малогабаритных построек каркасно-столбового типа демонстрирует, что прочно соотносимые со срубными строениями двери с пяточными шипами и соответственно проемы, оборудованные для их установки, становятся частью домостроительной традиции местного населения еще до того, как им был воспринят полный технологический цикл собственно срубного строительства. Отметим, что на материалах поселения уже были отмечены факты локального применения приемов срубного строительства при создании интерьеров архаичных каркасно-столбовых жилищ, в частности при монтаже деревянного ограждения очажных устройств [Гаркуша, Новиков, 2017].

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Белов М.И., Овсяников О.Ф., Старков В.Ф. Мангазея. Материальная культура русских полярных мореходов и землепроходцев XVI–XVII вв. – М.: Наука, 1981. – 152 с.

Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // ТИЭ. – 1956. – Т. XXXI: Восточнославянский этнографический сборник. – С. 3–458.

*Датирование выполнено науч. сотр. ИАЭТ СО РАН Ю.Н. Гаркушей.

Бодэ А.Б., Зинина О.А. Традиционные русские плотницкие технологии. – М.: Институт Наследия, 2016. – 142 с.

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Очажные устройства в жилых постройках городища Усть-Войкарское (по материалам работ 2012–2016 годов) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 294–299.

Засурцев П.И. Усадьбы и постройки древнего Новгорода. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 5–165. – (МИА; № 123: Жилища Древнего Новгорода).

Кардаш О.В. Полуйский мысовой городок князей Тайшиных (Обдорские городки конца XVI – первой половины XVIII в. История и материальная культура). – Екатеринбург; Салехард: Магеллан, 2013. – 379 с.

Кудрявцев А.А. Дверные полотнища средневекового Новгорода // Археология Севера России: Югра – волость Новгорода Великого в XI–XV вв.: в 2 ч. – Сургут; Нефтеюганск; Екатеринбург: Институт археологии Севера, 2018. – Ч. I. – С. 254–259. – DOI: 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-254-259.

Соколова З.П. Материалы по жилищу, хозяйственным и культовым постройкам обских угров // ТИЭ. Нов. сер. – 1963. – Т. 84. – С. 182–233.

References

Belov M.I., Ovsyanikov O.F., Starkov V.F. Mangazeya. Material'naya kul'tura russkikh polyarnykh morekhodov i zemleprokhodtsev XVI–XVII vv. Moscow: Nauka, 1981, 152 p. (in Russ.).

Blomkvist E.E. Krest'yanskie postroiki russkikh, ukraintsev i belorusov. *Trudy Instituta etnografii*, 1956, vol. XXXI: *Vostochnoslavyansky etnograficheskiy sbornik*, pp. 3–458 (in Russ.).

Bode A.B., Zinina O.A. Traditsionnye russkie plotnitskie tekhnologii. Moscow: Institut Naslediya, 2016, 142 p. (in Russ.).

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Hearth Structures in the Dwellings of the Ust-Voikarskoe Fortified Settlement (Based on Archeological Research in 2012–2016). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 294–299 (in Russ.).

Kardash O.V. Poluisky mysovoi gorodok knyazei Taishinykh (Obdorskie gorodki kontsa XVI – pervoi poloviny XVIII v. Istoriya i material'naya kul'tura). Yekaterinburg; Salekhard: Magellan, 2013, 379 p. (in Russ.).

Kudryavtsev A.A. Door panels of Medieval Novgorod. In *Arkheologiya Severa Rossii: Yugra – volost' Novgoroda Velikogo v XI–XV vv.* Surgut; Nefteyugansk; Yekaterinburg: Institut arkheologii Severa, 2018, pt. I, pp. 254–259 (in Russ.). DOI: 10.31630/978-5-6040401-1-9-2018-1-254-259.

Sokolova Z.P. Materialy po zhilishchu, khozyaistvennym i kul'tovym postroikam obskikh ugrov. Trudy instituta etnografii. Novaya seriya, 1963, vol. 84, pp. 182–233 (in Russ.).

Zasurtsev P.I. Usad'by i postroiki drevnego Novgoroda. Moscow: AS USSR Publ., 1963, pp. 5–165 (Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR; No. 123: Zhilishcha drevnego Novgoroda) (in Russ.).

Гаркуша Ю.Н. https://orcid.org/0000-0002-0935-0213
Новиков А.В. https://orcid.org/0000-0002-6418-1061

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.368-374
УДК 903.53

И.С. Гнездилова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Определение социальной и гендерной принадлежности погребенных в курганах периода кофун (III–VII века нашей эры) на территории Японского архипелага

В период кофун (III–VII вв. н.э.) на территории Японского архипелага, в отличие от предыдущего периода яей, повсеместно распространилась традиция погребения в курганах, что является свидетельством формирования единой погребальной традиции на обширной территории. В этот период предпринимаются попытки объединения территорий под властью единого центра, происходит формирование социальной структуры общества, выделение слоя «управляющих», это находит отражение в конструкции и размерах погребальных комплексов. В настоящей статье рассматриваются основные внешние маркеры, демонстрирующие социальный статус погребенного в кургане, такие как размеры и форма насыпи, дополнительные элементы. В отношении проблемы гендерной специфики погребальной традиции периода кофун остаются еще некоторые вопросы. Особенность погребальных комплексов периода кофун на территории Японского архипелага состоит в слабой сохранности антропологического материала. Встречающийся в погребениях инвентарь разнообразен. Однако имеющиеся на сегодняшний день результаты исследований погребений, где возможно было установить пол погребенного, позволили выделить типы инвентаря, использовавшиеся исключительно в женских либо исключительно в мужских погребениях. В статье представлен историографический обзор работ японских исследователей, посвященных проблеме определения гендерной принадлежности погребенных в кофунах, основные этапы изучения проблемы, современное состояние. В качестве примера женского погребения приводятся материалы исследования кофуна Муко:нода (г. Уто преф. Кумамото).

Ключевые слова: *Японский архипелаг, кофун, погребения, погребальный инвентарь.*

Irina S. Gnezdilova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: gnezdilova06@mail.ru

Identification of Social Status and Gender of the Persons Buried in the Burial Mounds of the Kofun Period (3rd–7th Century AD) on the Territory of the Japanese Archipelago

As opposed to the previous Yayoi period, the tradition of funerals in burial mounds spread throughout the entire territory of the Japanese Archipelago during the Kofun period (3rd–7th centuries AD), testifying to the emergence of a single funerary tradition on a vast area. In the Kofun period, the attempts were made to unite the lands under a single authority, and social strata with the separate ruling class emerged. These processes were reflected in the construction and size of burial mounds. This article discusses the main external markers for identifying the social status of a person buried in a barrow, including the size and shape of the burial structure and its additional elements. There are still some problems regarding specific gender aspects in the funeral tradition of the Kofun period. The burial complexes of the Kofun period on the territory of the Japanese Archipelago have their own specific features, including poor preservation of anthropological evidence and diverse nature of funeral inventory. Japanese scholars have analyzed the results of archaeological research from the burials with the surviving anthropological evidence which made it possible to establish the gender of the deceased, and have identified the types of funeral objects associated exclusively with female or male burials. The article presents

the overview of the studies by Japanese scholars on determining the gender of the persons buried in the barrows, main stages of research into the problem, and its current state. Specific features of funeral inventory depending on the sex of the buried are presented. The shape and size of the burial mound reflected the status of the person and do not provide information about the gender. The evidence from the Mukonoda kofun (the city of Uto, Kumamoto Prefecture) is used as example of a female burial.

Keywords: *Japanese Archipelago, kofun, burials, burial inventory.*

В период кофун (III–VII вв. н.э.) традиция погребения в курганах получила повсеместное распространение на территории Японского архипелага (за исключением о-вов Рюкю и Хоккайдо). В предшествующий период – яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.) погребальные традиции отличались разнообразием: использовались глиняные сосуды, погребения в каменных ящиках или деревянных гробах, при этом создание курганной насыпи не являлось обязательным. В следующий за периодом кофун – период Нара (710–794 гг. н.э.) в погребальной традиции прочно закрепилась практика кремации согласно буддийским канонам. Таким образом, период кофун в погребальной практике – время формирования традиций в соответствии с местными верованиями (синто), которые не получили дальнейшего развития. В то же время в социальной области кофуны являются свидетельством нового этапа процесса социальной стратификации общества, попыток объединения территорий под властью единого центра и формирования протогосударственных структур.

В процессе формирования социальных слоев в обществе указанием на статус погребенного являлись размеры кургана, форма насыпи кургана (квадратно-круглая, квадратно-квадратная, квадратная и т.д.), погребальный инвентарь. Строго установленных норм не существовало (требования к размерам, формам и трудозатратам при строительстве кофунов были установлены только в рамках реформы Тайка [Нихон сёки, 1997, с. 155]), однако можно выделить несколько основных групп. Погребения рядовых членов общества осуществлялись на территории могильников в небольших курганах. Среди «статусных» погребений к первой группе относятся квадратно-круглые курганы, которые располагались на территории могильников. Общая длина насыпи подобных кофунов не превышает 20 м. К следующей группе можно отнести отдельно стоящие квадратно-круглые кофуны, которые могут быть сформированы в небольшие группы (например, группа из трех квадратно-круглых курганов). Они, как правило, имеют длину насыпи от 20 до 100 м. В таких группах для погребений также сооружались курганы с круглыми, квадратными насыпями. К кофунам, свидетельствующим о самом высоком статусе погребенного в обществе, относятся самые большие квадратно-круглые кофуны, длина насыпи которых может достигать 400 м.

Если в исследовании социальной стратификации по материалам кофунов можно говорить о достаточно сформированной системе на базе размеров кофунов и форм насыпи, то в определении гендерных стереотипов ситуация более сложная. Основной проблемой в проведении исследований гендерных стереотипов в период кофун является слабая сохранность антропологического материала. В редких случаях находят полностью сохранившийся скелет, главным образом это фрагменты, которые порой с трудом можно идентифицировать, зачастую антропологический материал полностью отсутствует. Однако анализ материалов погребений, где было возможно установить пол погребенного по сохранившемуся скелету, позволяет выявить некоторые основные тенденции.

К вопросу определения гендерных стереотипов в погребальном обряде в период кофун японские исследователи обратились в конце XX в. Уже в это время ученые отмечали, что не существовало четкого разделения между «женским» и «мужским» способом захоронения и погребальным инвентарем в период кофун. Имаэ Хидэнори, изучая кофуны, в которых были обнаружены кости женщин, утверждал, что женщины принимали активное участие не только в сельскохозяйственных ритуалах и действиях, но и в военных предприятиях, об этом свидетельствует тот факт, что в погребениях женщин-вождей, как и в мужских, встречаются оружие, ритуальные предметы, сельхозорудия [1982]. Секигути Хироко, основываясь на теории Имаэ, а также изучив письменные источники, указывала, что разделение ролей между мужчинами и женщинами было «мобильным и взаимозаменяемым». Существовало время, когда мужчины и женщины на равных участвовали в военном командовании, а в V–VI вв. в военном деле равенство было утеряно [Сэкигути, 1987]. Однако в этих исследованиях не было уделено достаточно внимания типам погребального инвентаря и тому, какое оружие и доспехи вкладывали в погребения женщин-вождей. Исследователи Кавариси Хироюки и Цудзимура Сумиё обратили внимание на то, что некоторые виды оружия и доспехов

не использовались в женских погребениях. В женских погребениях не находят доспехи. Из всех типов оружия в женских погребениях, как правило, находят ножи, небольшие мечи, практически не встречаются копья и наконечники стрел [Кавариси, Цудзимура, 1991]. В начале XXI в. Сэйкэ Акира предпринял ряд исследований с целью уточнения специфики погребального инвентаря мужских и женских погребений. Проанализировав материалы раскопок кофунов, где удалось установить пол погребенного, он выявил, что наконечники стрел и доспехи встречаются только в мужских погребениях. Обнаружено лишь несколько памятников на юге о-ва Кюсю, где наконечники стрел использовались в погребальном инвентаре женского погребения. Кроме того, в ранний период кофун (III–IV вв. н.э.) внутри гроба мечи находят исключительно в мужских погребениях, только начиная со среднего периода мечи появляются внутри гробов в женских погребениях [Сэйкэ, 2018, с. 59].

Есть примеры кофунов, где встречается исключительно «женский» набор погребального инвентаря. Первый кофун группы Икэноути (г. Самураи преф. Нара) относится именно к таким. Это круглый кофун насыпью диаметром 13 м, на вершине расположено два погребения в деревянных колодах. Скелеты не сохранились. Но были обнаружены каменные браслеты: в восточном погребении – в районе расположения рук и в центре, в западном погребении – два браслета в районе расположения рук [Сэйкэ, 2018, с. 68]. При этом полностью отсутствуют орудия и оружие из железа.

Каменные браслеты, как правило, встречаются в женских погребениях, однако следует отметить, что некоторые типы использовались и в женских, и в мужских погребениях. Все каменные браслеты, получившие распространение в период кофун, можно разделить на три основных типа (рис. 1): *кувагатаиси* («камень в форме мотыги»), *сяринсэки* («камень в форме колеса») и третий тип – *исикусиро* («каменный браслет»). В качестве материала для каменных браслетов использовались яшма и известковый туф. Прототипами для каменных браслетов периода кофун служили браслеты из раковин с территории побережья Южно-Китайского моря, которые получили распространение в период яёй. В период кофун каменные браслеты *кувагатаиси* (тип 1) находят исключительно в мужских погребениях. Браслеты из раковин, одинаковые по форме с каменными браслетами *сяринсэки* и *исикусиро*, главным образом являются женскими украшениями, но в период кофун эти два типа браслетов (как каменные, так и из раковин) использовались в погребальном инвентаре и в мужских, и в женских погребениях. При этом в районе рук браслеты располагали редко, обычно их находят в районе головы, груди и в свободном пространстве около ног. Только в женских погребениях встречаются каменные браслеты, надетые на руки. В отличие от типов *сяринсэки* и *исикусиро*, браслеты типа *кувагатаиси* больше по размеру и располагались вдоль стен погребальной камеры либо укладывались сверху на саркофаг [Там же, с. 61].

Таким образом, можно выделить некоторые особенности использования предметов в погребальном инвентаре в зависимости от пола умершего. В погребения мужчин клались наконечники стрел, доспехи и каменные браслеты *кувагатаиси*. В ранний период кофун в мужских погребениях мечи присутствуют внутри гроба, в последующие периоды – как внутри гроба, так и в погребальной камере. С другой стороны, расположение каменных браслетов *сяринсэки* и *исикусиро* в районе руки указывает на женское погребение.

Одним из примеров типичного погребения женщины – представительницы правящей элиты служит кофун Муко:нода. Кофун расположен в п. Мацуяма (г. Уто преф. Кумамото, о-в Кюсю). Датируется началом V в. н.э. Курган построен

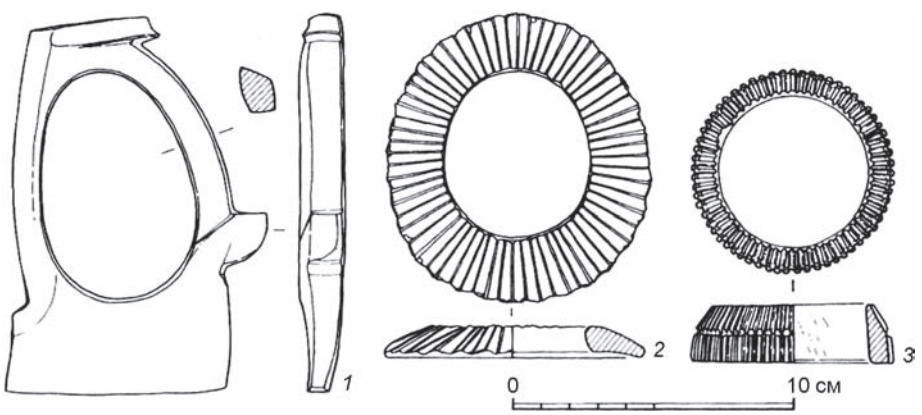

Рис. 1. Типы каменных браслетов из курганов периода кофун (ил. по: [Сэйкэ, 2018, с. 61]).

на вершине холма, имеет квадратно-круглую форму, квадратная насыпь частично разрушена, примыкает к круглой насыпи с северной стороны. Общая длина сохранившейся части – 89 м. Предполагаемая начальная длина насыпи могла составлять ок. 100 м. Погребальная камера вертикального типа находилась в центре круглой насыпи. Камера расположена по направлению север–юг. Для каменной кладки насыпи и для пола камеры использовались желто-коричневый песчаник, который добывался в горах неподалеку от кофуна, и роговообманковый андезит с северного побережья п-ова Уто. Кроме того, для пола камеры использовался туф. Основание пола камеры в месте расположения саркофага было покрыто глиной. Стены сооружались при помощи небольших плит (рис. 2), материалом для которых служил песчаник, добываемый в горах у побережья моря Ариакэ (залив, окруженный выступающими п-овами о-ва Кюсю). Внутренние размеры камеры – длина 4,3 м, ширина – от 1,3 м до 0,93 м [Муко:нода, 1978, с. 30].

Процесс создания кофуна состоял из нескольких этапов (рис. 3):

1. Вершина южной части холма, где предполагалось расположить погребальную камеру, была частично удалена и выровнена.

2. В центре была подготовлена прямоугольная площадка длиной с севера на юг 10,1 м и шириной с востока на запад ок. 7 м. Площадка была прокопана в глубину на полтора метра, в северо-восточном углу оставлена ступенька для подъема наверх, выноса грунта и доставки материалов для камеры. Таким образом была подготовлена первая площадка.

3. По внешнему краю периметра первой площадки оставлено примерно по 70 см. В центре, на глубине 1,5 м, подготовлена вторая площадка длиной с севера на юг 8 м и шириной ок. 5,5 м.

4. На полу второй площадки размещена сначала более крупная галька, поверх которой насыпан слой более мелкой гальки. В центре, в месте планируемого места помещения каменного гроба, были уложены каменные плиты из известняка, которые затем были обмазаны глиной. На подготовленную площадку была установлена нижняя часть саркофага.

5. Вокруг саркофага на высоту его основания уложены плоские камни, формировавшие стены камеры. На этом этапе, вероятно, проводился погребальный обряд, в саркофаг помещали тело умершей женщины, а также весь погребальный инвентарь, как в саркофаг, так и в камеру.

6. Затем устанавливалась крышка саркофага. Вдоль длинных сторон саркофага до уровня первой

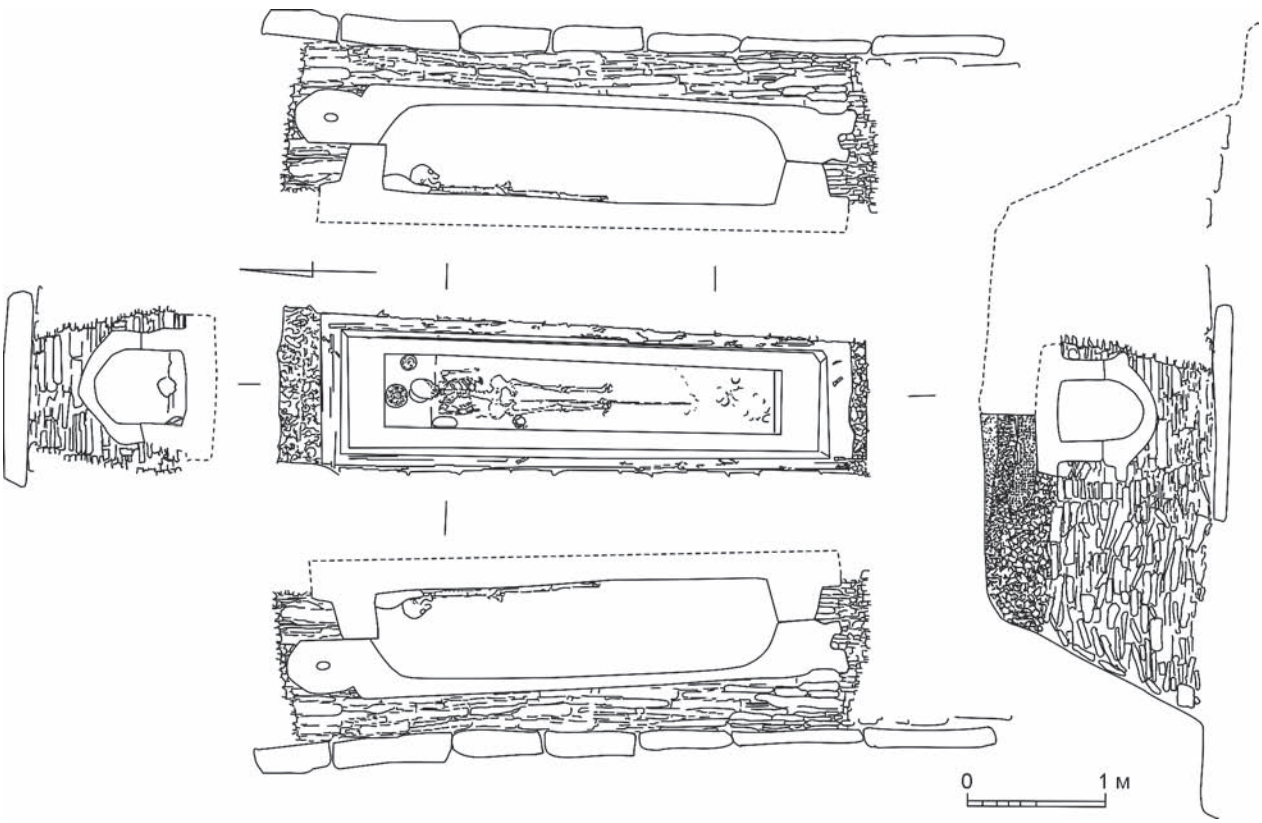

Рис. 2. Структура погребальной камеры кофуна Муко:нода (ил. по: [Муко:нода, 1978, с. 34]).

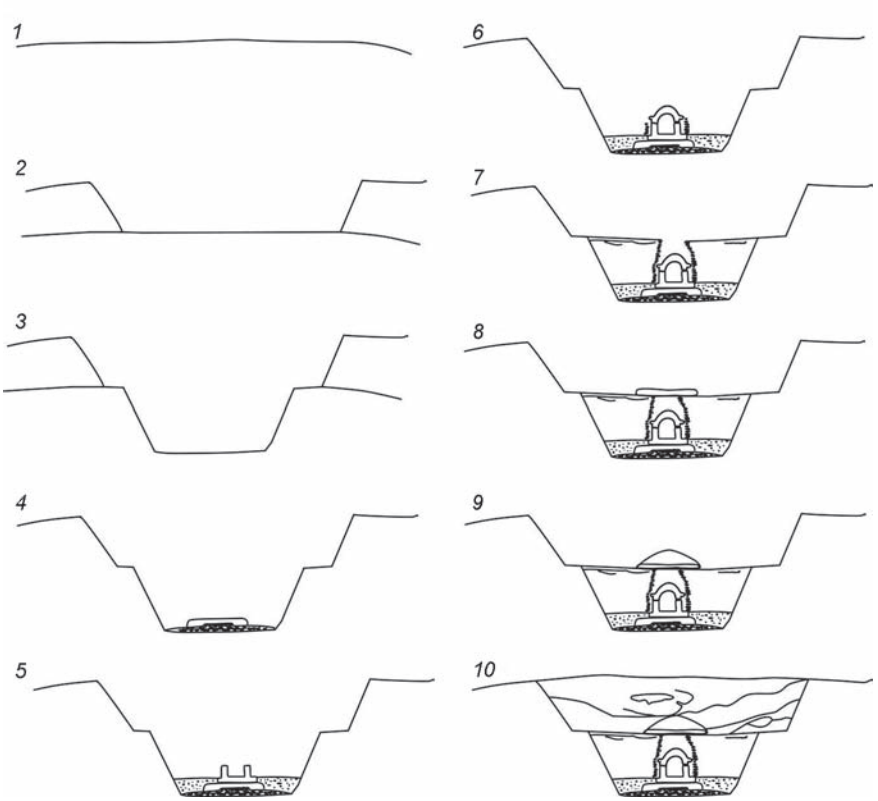

Рис. 3. Этапы сооружения кофуна Муко:нода (ил. по: [Муко:нода, 1978, с. 39]).

площадки укладывались плоские камни, формируя стены погребальной камеры.

7. Пустое пространство между камнями замазывалось глиной как с внутренней, так и с внешней стороны. Остальное свободное пространство засыпалось землей.

8. В качестве потолка использовалось семь плоских плит песчаника.

9. Плиты засыпались одним слоем земли с примесью веществ желтого цвета и одним слоем земли с примесями веществ красного цвета.

10. Затем первая площадка полностью засыпалась землей и формировалась поверхность насыпи [Там же, с. 38].

Каменный саркофаг длиной 4 м имеет в изголовье (северной части) ширину 1 м, в южной части 0,87 м. Саркофаг имеет специфическую форму, соединяя черты саркофагов в форме ящика (*видакэгата сэккан*) и в форме лодки (*фунэгата сэккан*). Нижняя часть имеет сходство с саркофагами в форме ящика. На крышке сделаны выступы, характерные для саркофагов в форме лодки. С северной стороны – шарообразный выступ длиной 30 см с отверстием, с южной – выступ 10 см. Длина саркофага типична для используемых в период среднего кофуна – 3–5 м, в то время как в ранний период использовались колоды длиной 5–7 м. В качестве материала использовался туф с горы Аса, расположенной в 50 км на северо-восток вглубь о-ва Кюсю [Там же, с. 32].

В изголовье в процессе изготовления саркофага был сделан уступ – специальная «подушка» с углублением для головы. На «подушке» располагались два бронзовых зеркала, еще одно зеркало находилось около правого плеча. Первое зеркало диаметром 17 см и высотой 1,8 см, с цветочным мотивом в центре. Второе зеркало с квадратом в центре и мотивами птиц – диаметром 18,4 м. Третье – диаметром 11,2 см с мотивами птиц и животных [Там же, с. 36].

В саркофаге была погребена женщина возрастом от 30 до 40 лет, ростом примерно 150 см, причину смерти по сохранившимся антропологическим останкам установить не удалось [Ходзё, 1978, с. 156].

Погребальный инвентарь расположен как внутри саркофага, так и в погребальной камере. В северо-восточном углу погребальной камеры располагались три железных топора. В небольшом пространстве вдоль восточной стены обнаружены: один меч длиной 90 см, один меч длиной 80 см, а также 37 небольших ножей. В южной части камеры – еще шесть таких же небольших ножей. Вдоль западной стены камеры были обнаружены 10 небольших

ножей и два длинных меча, один длиной 1,18 м, второй – 1 м, и один короткий меч длиной 33 см [Муко:нода, 1978, с. 38]. Все длинные мечи были расположены рукоятью на север, в сторону изголовья, небольшие ножи расположены беспорядочно.

Если снаружи саркофага располагались железное оружие и орудия, то внутри саркофага находились бронзовые зеркала, украшения, каменный браслет, браслеты из раковин и другие украшения.

Среди украшений были обнаружены сережки в виде небольших *магатама* и *кудатама*. Бусины *магатама* (в форме капли) и *кудатама* (цилиндрические бусины) были расположены в верхней части тела. Две небольших бусины *магатама* располагались возле головы и, вероятно, использовались в качестве сережек. В районе шеи было найдено скопление бусин *кудатама* вместе с бусиной *магатама*. Вероятно, изначально это было ожерелье. Мелкие бусины в большом количестве обнаружены в районе ног [Там же, с. 67]. Они, возможно, были нашиты на нижнюю часть костюма, их концентрацию зафиксировали на восьми участках. Кроме того, в ходе раскопок были найдены тройные бусины (небольшие бусины, соединенные по три в ряд либо изготовленные в виде трех шариков) [Там же, с. 68].

На правую руку женщины был надет браслет из яшмы. Внешние размеры: длина – 10,2 см, ширина – 9,3, толщина – от 2 до 8 мм, диаметр внутреннего отверстия от 5,1 до 6 см. Браслет не имеет повреждений или следов изношенности, возможно, был использован только для погребения. На внешней поверхности браслета оформлены зубчатые выступы [Кикути, 1978, с. 158]. В некоторых случаях по находкам подобных браслетов внутри колоды и при отсутствии антропологического материала погребение считают женским.

На ноги погребенного в саркофаге были надеты браслеты из раковины, в ходе раскопок было обнаружено 20 фрагментов от них. В районе расположения браслетов был обнаружен темно-красный пигмент.

Памятник Муко:нода представляет собой «эталонное» женское погребение среднего периода кофун и дает возможность не только реконструировать этапы сооружения погребения, но и определить гендерную специфику погребального инвентаря.

Таким образом, в период кофун единых принятых повсеместно погребальных традиций не существовало. Только размеры и форма (квадратно-круглая) насыпи были внешними маркерами социального статуса погребенного. В отношении других внешних элементов встречаются значительные региональные отличия. Если в центральной части о-ва Хонсю получила распространения практика установки *ханива*, создания пристроек и проведение более поздних поминальных ритуалов на них с использованием специальных керамических сосудов, то на о-ве Кюсю на кофунах устанавливались каменные изваяния и реже встречаются кофуны с пристройками. Гендерная специфика еще более сложна для определения по причине слабой сохранности антропологического материала. Среди основных признаков «мужского» погребения следует отметить наличие в погребальном инвентаре наконечников стрел и доспехов. Для «женских» погребений характерно присутствие большего количества украшений, а также каменных браслетов, надетых на руки, соответственно отсутствие доспехов и наконечников стрел, наличие более «скромного» набора оружия и орудий – небольших ножей, мечей; в меньшем количестве, чем в мужских погребениях, здесь встречаются сельскохозяйственные орудия.

Список литературы

Имаэ Хидэнори. Кофун дзидай дзэнки ни окэру дзёсэй-но тии [Статус женщины в ранний период кофун] // Рэкиси хёрон [Исторический журнал]. – 1982. – № 383. – С. 2–24 (на яп. яз.).

Каваниси Хироюки, Цудзимура Сумиё. Кофун дзидай-но мико [Шаманки периода кофун] // Хакко кэнкю: [Археологические исследования]. – 1991. – № 2. – С. 1–26 (на яп. яз.).

Кикути Таидзи. Муко:нода кофун но каива ни цуитэ [О браслете из кофуна Муко:нода] // Кофун Муко:нода. Уто-си майдзобункадзай тё:сахо:кокусё даинисю: [Кофун Муко:нода. Отчет об исследованиях погребенных культурных ценностей г. Уто]. – Уто: Кумамото-кэн Уто-си кё:икуиинкаи, 1978. – Т. 2. – С. 158 (на яп. яз.).

Муко:нода кофун. Уто-си майдзо: бункадзай тё:са хо:кокусё дайнисю: [Кофун Муко:нода. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Уто]. – Уто: Кумамото-кэн Уто-си кё:ику-иинкай [Отдел по делам просвещения г. Уто преф. Кумамото], 1978. – Т. 2. – 222 с. (на яп. яз.).

Нихон сёки – Анналы Японии: в 2 т. / пер. и комм. Л.М. Ермаковой и А.Н. Мещерякова. – СПб.: Гиперон, 1997. – Т. 2. Свитки XVII–XXX. – 432 с.

Сэйкэ Акира. Майсо кара сита кофун дзидай [Период кофун по материалам погребений]. – Токио: Ёсикава Ко:бункан, 2018. – 265 с. (на яп. яз.).

Сэкигути Хироко. Химико кара дзётэй э [От Химико к императрице] // Нихон дзёсэй си [Женщина в истории Японии]. – Токио: Ёсикава Ко:бункан, 1987. – С. 5–37 (на яп. яз.).

Ходзё Теруюки. Муко:нода кофун-но дзинкотсу ни цуитэ [Об антропологическом материале кофуна

Муко:нода] // Кофун Муко:нода. Уто-си майдзобункадзай тё:сахо:кокусё даинисю: [Кофун Муко:нода. Отчет об исследованиях погребенных культурных ценностей г. Уто]. – Уто: Кумамото-кэн Уто-си кё:икуиинкаи, 1978. – Т. 2. – 158 с. (на яп. яз.).

References

Hojo Teruyuki. Mukonoda kofun no jinkotsu ni tsuite [About the anthropological material of Kofun Mukonoda]. *Kofun Muko:noda. Uto-si maidzobunkadzai chyosahokokusyo dainisyu [Mukonoda Kofun. Report of the research on buried cultural property of city Uto]*. Uto: Kumamoto-ken Uto-si kyoikuiinkay, 1978, vol. 2, pp. 156–157 (in Japan.).

Imae Khidenori. Kofun dzidai dzenki ni okeru josei-no chii [The status of women in the early kofun period]. *Rekisi hyoron [Historical magazine]*, 1982, No. 383, pp. 2–24 (in Japan.).

Kavanisi Hiroyuki, Tsudzimura Sumie. Kofun dzidai-no miko [Shaman women during the kofun period]. *Hakko kenkyu [Archaeological research]*, 1991, No. 2, pp. 1–26 (in Japan.).

Kikuti Taidzi. Mukonoda kofun no kaiva ni tsuite [About the bracelet from Mukonoda kofun]. *Kofun Muko:noda. Uto-si maidzobunkadzai chyosahokokusyo dainisyu [Mukonoda Kofun. Report of the research on buried cultural property of city Uto]*. Uto: Kumamoto-ken Uto-si kyoikuiinkay, 1978, vol. 2, p. 158 (in Japan.).

Mukonoda kofun. Uto-si maidzo bunkadzay chyosa hokokusyo dainisyu: [Mukonoda Kofun. Report of the research on buried cultural property of city Uto]. Uto: Kumamoto-ken Uto-si kyoikuiinkay, 1978, vol. 2, 222 p. (in Japan.).

Nihon shyoki. Annals of Japan. St. Petersburg: Giperon, 1997, vol. 2. Scrolls XVII–XXX. 432 p. (in Russ.).

Seike Akira. Maiso kara sita kofun dzidai [Kofun period based on materials of burial mounds]. Tokyo: Yosikava Kobunkan, 2018, 265 p. (in Japan.).

Sekiguchi Hiroko. Himiko kara jotei e [From Himiko to the Empress]. *Nihon josei si [Woman in the history of Japan]*. Tokyo: Yosikava Kobunkan, 1987, pp. 5–37 (in Japan.).

Гнездилова И.С. https://orcid.org/0000-0003-3318-0848

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.375-380
УДК 903.5

И.С. Гнездилова, А.Л. Нестеркина, Е.А. Соловьева, А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Культура каяских царств на юге Корейского полуострова: по материалам раскопок на памятнике Кёдон-Сонхёндон в 2019 году

В апреле 2019 г. сотрудники сектора зарубежной археологии ИАЭТ СО РАН приняли участие в раскопках опорного памятника культуры Кая на территории Кореи. Объектом работ стал курганный могильник Кёдон-Сонхёндон, расположенный на юго-востоке Корейского п-ва в границах поселка Чханнён. Здесь сосредоточено более 140 курганных сооружений, образующих группы: небольшие по размерам объекты концентрируются на периферии больших насыпей. Цель проводимых работ – получение новых данных о культуре каяских царств на юге Корейского п-ва. Археологические раскопки проходили на участке II, где расположена группа из 27 археологических объектов. К интересующему исследователей времени относятся 23 объекта – 8 курганов и 15 каменных ящиков без насыпей. Центральным объектом группы является большой кург. № 39. В ходе археологических раскопок, проводящихся на данном участке с 2016–2019 гг., был раскопан кург. № 39, а также ряд расположенных на его периферии каменных ящиков. В результате работ удалось установить особенности конструкции курганной насыпи, погребальной камеры и получить выразительную коллекцию артефактов. Курганные насыпи сооружались с учетом особенностей микрорельефа и с тем расчетом, чтобы предотвратить их разрушение в результате сползания со склона. Погребальные камеры имеют типичную для культуры Кая конструкцию: подпрямоугольную в плане форму, стенки из каменных плиток и вход в одной из боковых стенок. В погребальном инвентаре присутствуют черты, характерные как для культуры Кая, так и для культуры царства Силла. Однако поскольку на могильнике преобладают именно каяские черты, можно с уверенностью говорить о его принадлежности к культуре царства Пихва Кая, которое, судя по письменным источникам, существовало в этом районе в III–VI вв. до завоевания царством Силла.

Ключевые слова: *Корейский полуостров, царства Кая, курган, археологические раскопки.*

Irina S. Gnezdilova, Anastasia L. Nesterkina, Elena A. Solovyeva, Alexander I. Solovyev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Culture of the Gaya Kingdoms in the South of the Korean Peninsula: Excavations at the Gyodong-Songhyeondong Site in 2019

In April, 2019, the team from the Department of International Archeology of IAET SB RAS participated in excavations at a referential site of the Gaya culture on the Korean Peninsula. The works were done at the Gyodong–Songsonghyeondong burial ground of the barrow type, located in the southeast of the Korean Peninsula within the boundaries of the village of Changnyeong. Over 140 burial mounds are concentrated on this territory. The burial mounds consisted of two groups with barrows of small sizes concentrated on the periphery of large burial mounds. The works were aimed at obtaining new data on the culture of the Gaya Kingdoms in the Southern Korean Peninsula. Archaeological excavations were performed in zone II, where a group of 27 archaeological objects was located. Eight burial mounds and 15 stone boxes without mounds belonged to the period under study. The central object of the group was large burial mound No. 39. During archaeological excavations in 2016–2019, burial mound No. 39 and a number of stone boxes located on its periphery were excavated. The works made it possible to establish the structural elements of the burial mound and chamber, and obtain a substantial collection of artifacts. Mounds were made taking into account specific features of microrelief in attempts to prevent their

destruction resulting from sliding down the slope. Burial chambers had a typical structure for the Gaya culture: they were sub-rectangular in plan; walls were made of stone tiles, and entrance was in one of the side walls. Funeral inventory shows typical features of both Gaya culture and culture of the Silla Kingdom. However, since the Gaya features dominated in the burial ground, it is possible to attribute the site to the culture of the Bihwa Gaya Kingdom which existed in this area in the 3rd–6th centuries AD and was conquered by the Silla Kingdom according to historical records.

Keywords: *Korean Peninsula, Gaya Kingdoms, burial mound, archaeological excavations.*

В апреле 2019 г. в рамках работы по инициативному проекту РФФИ «Корейский полуостров и Японский архипелаг: культурные контакты в эпоху палеометалла по материалам погребальных комплексов курганного типа» сотрудники сектора зарубежной археологии ИАЭТ СО РАН приняли участие в археологических раскопках одного из опорных памятников культуры царства Кая на территории Южной Кореи.

Кая – союз племен на юге Корейского полуострова, существовавший в III–VI вв. в бассейне р. Нактонган. Каяские царства сформировались на основе племенного союза *пёнхан* (I–III вв.) раннего железного века и прекратили свое существование, будучи завоеванными царством Силла [Пак Чхонсу, 2007, с. 331–332].

Объектом работ стал могильник Кёдон-Сонхёндон. Памятник расположен в поселке Чханнён одноименного уезда пров. Кёнсан-намдо. Данная территория также известна в Корее под названием «*Писаболь*» (более позднее название одной из областей в царстве Силла, а затем – в Корё) [Ирён, 2018, с. 216–217]. Это чисто корейский топоним: *писа* означает «свет», а *поль* – «поле, луг».

Могильник расположен в холмистой местности на западных отрогах горы Могмасан (высота ок. 450 м над ур. м.) (рис. 1). Всего на территории памятника насчитывается ок. 140 курганных насыпей: 50 на территории квартала Сонхёндон и 90 – на территории граничащего с ним квартала Кёдон (рис. 2). История исследований могильника начинается в далеком 1910 г., когда памятник посетил профессор Токийского университета Секино Тадаси и опубликовал информацию о том, что в районе г. Могмасан расположены курганные насыпи. В 1917 г. на могильнике проводил исследования другой японский ученый – Иманиси Рю. Он изучил планиграфию могильника и собрал на его территории подъемный материал. В последующие годы японской оккупации Корейского п-ва японскими археологами было раскопано несколько курганов: № 21 и 31 исследовали Хамада Косаку и Умехара Суэдзи; № 5–8, 10–12, 89 и 91 изучались под руководством Ясуи Сэйити. Однако, материалы всех раскопок, проведенных японскими исследователями на могильнике Кёдон-Сонхёндон, не были изданы в виде научных отчетов. Имеется лишь краткое упоминание о них в информационном бюллетене японского генерал-губернаторства в Корее «*Чосэн ихо*» за август 1912 г. Результаты этих работ не введены полностью в научный оборот и по сей день. Часть материалов из раскопок Ясуи Сэйити была

Рис. 1. Общий вид на курганный могильник Кёдон-Сонхёндон с запада (фото авторов).

Рис. 2. Общий вид на курганный могильник Кёдон-Сонхёндон с северо-востока (фото авторов).

обработана и опубликована в 1975 г. в совместной работе японских исследователей Анадзава Вакоу и Маномэ Сюнъити. Эта публикация посвящена в основном материалам, полученным в ходе раскопок кург. № 12, который считается классическим вариантом кургана с каменной погребальной камерой вертикального типа и деревянным гробом, характерными преимущественно для культуры царства Силла. Опубликованы план и профиль курганной насыпи, рисунки и эстампы артефактов, а также план находок и фотографии рабочих моментов. После освобождения Кореи от японской оккупации могильник Кёдон-Сонхёндон регулярно подвергался разрушениям в результате сельскохозяйственного освоения территории. В 1963 г. могильник Кёдон был внесен в реестр памятников истории Республики Корея под номером 80, а могильник Сонхёндон – под номером 81. Начиная с середины 1980-х гг. памятник активно изучался в рамках работ по обеспечению его сохранности в связи с активным хозяйственным освоением прилегающих к нему районов. А в 2011 г. курганы, расположенные в границах соседних кварталов Кёдон и Сонхёндон, были объединены в один объект культурного наследия, которому было присвоено наименование «курганный могильник Кёдон-Сонхёндон» и статус памятника истории Республики Корея, занесенного в реестр под номером 514 [Сим Хёнчхоль, 2013, с. 105–107].

В результате многолетних продолжающихся археологических работ на могильнике Кёдон-Сонхёндон удалось выявить характерные особенности раннесредневековой культуры этого региона. В первую очередь можно отметить, что для каждого захоронения, независимо от его размеров, сооружалась отдельная земляная насыпь. Как правило, насыпи образуют группы: вокруг одной большой насыпи сосредоточены насыпи меньшего размера. Преобладающее большинство захоронений в таких курганах совершалось в сложенных из камня погребальных камерах, подпрямоугольных в плане, со входом в одной из коротких боковых стенок — погребальных камерах горизонтального типа. Считается, что данный способ захоронений связан с обычаем сопогребения, получившим широкое распространение во многих областях, занятых племенным союзом Кая. Кроме того, представляет интерес и внутреннее устройство самого захоронения: погребальная камера обычно была разделена перегородками на отсеки с различной функциональной нагрузкой: в центральном отсеке размещалось основное захоронение, в головном и в изножном отсеках – погребальный инвентарь и захоронения сопогребенных индивидуумов, предположительно слуг того, кто был погребен в основном захоронении. Наиболее яркими находками на могильнике Кёдон-Сонхёндон являются серебряные украшения головного убора в форме крыльев, серебряные ажурные поясные бляхи и бронзовые с позолотой мечи с ажурным кольчатым навершием, содержащим изображение трилистника [Ким Ёнсон, 2009, с. 125–126].

Наличие на памятнике металлических изделий из позолоченной бронзы, в сочетании с небольшим количеством каменных погребальных камер вертикального типа (например, захоронение в кург. № 12) и керамическим комплексом, включающим в себя кубки на поддонах и другую керамику так называ-

емого силлаского типа, ставит вопрос о культурной принадлежности курганного могильника Кёдон-Сонхёндон. Проблема в том, к культуре какого из раннесредневековых царств относится данный памятник – Силла или Кая. Вопрос этот остается дискуссионным и в наши дни. Большинство исследователей считают, что уезд Чханнён входил во владения царства Пихва Кая. Это царство существовало в V–VI вв. и внесло существенный вклад в формирование культуры объединенного Силла – первого государства, объединившего под своей властью всю территорию Корейского п-ва. Но есть и такие работы, где уезд Чханнён и могильник Кёдон-Сонхёндон обозначены как территория и памятник культуры царства Силла [Тихонов, Кан Мангиль, 2011, с. 97; Пак Чхонсу, 2007, с. 333]. В целом большинство исследователей объясняют наличие элементов культуры Силла в этом регионе тесными связями, между Силла и Кая, сформировавшимися в процессе длительного соседства.

В последние годы Национальным научно-исследовательским институтом Кая (Республика Корея) реализуется долгосрочный проект по комплексному исследованию памятников культуры Кая на юге Корейского п-ва. И первоочередной задачей, стоящей перед корейскими исследователями, стали археологические раскопки каяских памятников. С 2014 г. и до настоящего времени сотрудниками института проводятся раскопки на участке II могильника Кёдон-Сонхёндон. До начала раскопок на данном участке фиксировались 4 курганные насыпи, самая большая из которых обозначена как кург. № 39. Впоследствии выяснилось, что одна из этих насыпей к категории археологических объектов не относится. Участок II стал объектом археологических исследований благодаря тому, что до начала работ он был в меньшей, чем другие участки, степени затронут техногенными изменениями.

До начала раскопок на участке II были проведены разведочные работы. В результате установлено наличие на данном участке 27 археологических объектов: 8 курганов и 15 каменных ящиков без насыпей эпохи «троецарствия» (III–VI вв.) и 4 курганных захоронений эпохи Корё (X–XIV вв.). Был собран разнообразный подъемный материал в количестве более 300 предметов. Это железный меч с кольчатым навершием, удила, подвеска и фрагменты керамической посуды.

В 2016–2019 гг. стационарными археологическими раскопками был исследован самый большой курган на данном участке – № 39. Курган расположен на крутом склоне холма. Диаметр насыпи кургана составляет ок. 30 м, сохранившаяся высота насыпи – ок. 5 м. Курган подвергался неоднократным ограблениям, одно из которых, как показали настоящие работы, произошло в 1980-е гг.: в процессе разборки грабительского лаза было обнаружено резиновое ведро для выборки грунта производства тех лет (рис. 3).

В ходе раскопок выяснилось, что грабительский лаз вел к входу в погребальную камеру, расположенному в одной из ее коротких боковых стенок. Погребальная камера сложена из массивных каменных плиток, подпрямоугольной в плане формы, ориентирована продольной осью по линии север – юг. Ее длина составляет 6,9 м, ширина – 1,7 м. Перекрытием служили 8 плоских каменных плиток. Такая конструкция погребальной камеры типична для могильника Кёдон-Сонхёндон и прослеживается также на материалах других погребений. Наиболее близкими аналогиями являются погребальные камеры кург. № 89 и 116.

В основании насыпи зафиксирована каменная кладка, опоясывающая курган по его периметру. С расположенной выше по склону восточной стороны насыпи каменная кладка сложена двумя ступенями, а ее основание выложено камнями меньшего размера. С находящейся ниже по склону южной стороны каменная кладка в основании насыпи одноступенчатая, но сложена относительно крупными камнями. Таким образом, в результате работ установлено, что каменная кладка в основании насыпи сооружалась по-разному, в зависимости от характера поверхности, на которой возводилась курганная насыпь. На примыкающем к кургану пространстве обнаружены вкопанные керамические сосуды (4 экз.), предположительно предназначавшиеся для использования в ритуально-поминальных практиках.

Археологические раскопки показали также, что насыпь кургана сооружалась с учетом особенностей микрорельефа. Возведение насыпи шло сначала в западной части, соответствующей нижней части склона, чтобы выровнять площадку для строительства кургана. После того как была сформирована относительно ровная площадка, насыпь возводилась на всей ее поверхности. Кроме того, было высказано предположение, что в зависимости от величины склона на разных участках насыпи использовался различный грунт: к примеру, на расположенном ниже по склону участке насыпи, более подверженном склоновым процессам, в ее составе зафиксировано большее количество суглинков, чем в расположенной выше по склону части насыпи.

В связи с тем что погребальная камера кург. № 39 подверглась неоднократным ограблениям, каких-либо ярких артефактов в ходе раскопок обнаружено не было [Кая ияги 2, 2016, с. 152–154].

Наиболее выразительные артефакты были получены в ходе раскопок археологических

Рис. 3. Общий вид на кург. № 39 сверху (по: [Кая ияги 2, 2016, с. 153]).

Рис. 4. Общий вид на каменный ящик № 48 с запада (по: [Кая ияги 2, 2016, с. 63]).

объектов, примыкающих к насыпи кург. № 39 и, по-видимому, составляющих с ним единую синхронную группу. Так, археологическими раскопками были исследованы каменные ящики без наземных конструкций в виде насыпей. Некоторые из них (№ 48 и 53) оказались не захоронениями, а вместилищами погребальной керамики (рис. 4). На их полу стояли целые сосуды, среди которых присутствовал и фрагмент керамического изделия (сосуда) необычной формы. Полученные в ходе работ керамические материалы позволяют датировать всю группу объектов, связанных с кург. № 39, серединой V в. [Там же, с. 59–62].

Таким образом, в ходе археологических раскопок 2016–2019 гг., проводящихся Институтом культурного наследия Кая (Республика Корея), были получены новые данные о культуре каяских царств на юге Корейского п-ва, одним из типичных и наиболее ярких памятников которой является могильник Кёдон-Сонхёндон на территории поселка Чханнён. Как уже отмечалось, этот памятник, известный еще с начала XX в., неоднократно исследовался японскими и корейскими учеными. Несмотря на это, большая часть его материалов не была опубликована и, более того, уже безвозвратно утрачена. Поэтому актуальные проблемы, связанные с культурной принадлежностью, датировкой и характерными особенностями раннесредневековой культуры этого региона, не могут быть решены без проведения археологических раскопок уже в наши дни. Благодаря археологическим раскопкам на участке II могильника Кёдон-Сонхёндон (группа объектов, связанных с кург. № 39) были получены ценные данные о конструкции курганной насыпи и устройстве погребальной камеры. Кроме того, выявлены уникальные предметы, проливающие свет на культуру царства Пихва Кая и его соседей, в частности царства Силла эпохи раннего Средневековья в южной части Корейского п-ва.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ, проект № 18-09-00507.

Список литературы

Ирён. Оставшиеся сведения [о] трех государствах (Самгук юса) / Ирён; пер. с ханмуна, вступ. ст., комм., и указ. Ю.В. Болтач; ИВР РАН. – СПб.: Гиперион, 2018. – 894 с.

Кая ияги 2: Кая-ый ёкса, кириго ури (Повествование о Кая 2: история Кая и мы). – Чханвон: Нац. науч.-исслед. ин-т Кая, 2016. – 185 с. (на кор. яз.).

Ким Ёнсон. Особенности и значимость курганных захоронений в районе Чханнён // Хангук кодэса сог-ый Чханнён (Чханнён в древней истории Кореи). – Тэгу: Чханнён-гун, Кёнбугдэ Йонам мунхва ёнгувон, 2009. – С. 93–151 (на кор. яз.).

Пак Чхонсу. Кая // Хангук когохак каный (Лекции по археологии Кореи). – Сеул: Хангук когохакхве, 2007. – С. 331–363 (на кор. яз.).

Сим Хёнчхоль. Конструкция и особенности кург. № 12 могильника Кёдон в уезде Чханнён // Яве когохак (Полевая археология). – 2013. – № 18. – С. 103–130 (на кор. яз.).

Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. – М.: Наталис, 2011. – Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. – 533 с.

References

Gaya iyagi 2: Gaya-ui yeoksa, geurigo uri. Changwon: Gaya National Research Institute of Cultural Heritage, 2016, 185 p. (in Kor.).

Iryon. Ostavshiesya svedeniya [o] trekh gosudarstvakh (Samguk yusa) / Iryon; transl., preface., comments and index by Yu.V. Boltach; Institute of oriental Manuscripts RAS. St. Petersburg: Giperion Publ., 2018, 894 p. (in Russ.).

Kim Yongseong. Changnyeong jiyeok gochong myojeui teukseongg-wa uiui [Characteristics and significance of burial grounds in Changnyeong area]. In *Hanguk godaesa sog-ui changnyeong* [Changnyeong in Korean Ancient History]. Daegu: Changnyeong County, Institute of Youngnam Cultural Research, 2009, pp. 93–151 (in Kor.).

Park Cheonsoo. Gaya. In *Hanguk gogohak gangui* [Lectures on Korean archeology]. Seoul: Hanguk gogohakhoe [The Korean Archaeological Society], 2007, pp. 331–363 (in Kor.).

Sim Hyeoncheol. Changnyeong Gyodong 12-ho bunui gujo-wa seonggyeok [Structure and Characteristics of Mound Gyodong No. 12 in Changnyeong County]. In *Yaoe gogohak* [Field Archeology], 2013, No. 18, pp. 103–130 (in Kor.).

Tikhonov V.M., Kan Mangil'. Istoriya Korei: in 2 vols. Vol. 1: S drevneishikh vremen do 1904 goda. Moscow: Natalis, 2011, 533 p. (in Russ.).

Гнездилова И.С. https://orcid.org/0000-0003-3318-0848
Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527
Соловьева Е.А. https://orcid.org/0000-0002-3481-7292
Соловьев А.И. https://orcid.org/0000-0003-3891-8944

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.381-387
УДК 903.7

Н.С. Ефремова[1], В.И. Молодин[1], И.А. Дураков[2], С.К. Васильев[1], Д.В. Селин[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
E-mail: ens77@mail.ru

Животные в обрядовой практике носителей восточного варианта пахомовской культуры

Статья посвящена всестороннему анализу остеологических материалов из ритуальных комплексов эпохи поздней бронзы памятника Тартас-1. Большое количество костей животных имело место в культурных слоях данных объектов, а также в жертвенных и столбовых ямах. Кроме того, наличие здесь многочисленных фрагментов керамики позволило говорить о ритуале жертвоприношения как о доминирующей функциональной направленности комплексов. На некоторых объектах удалось реконструировать обряд помещения мясной пищи в ямы. Материалы культовых комплексов фиксируют устойчивые составляющие ритуала: керамика – мясная пища, в ряде случаев сопровождавшиеся дополнительными прикладами (охра, единичные артефакты). Преобладают кости домашних животных (коровы, овец/коз, лошади), а кости диких зверей (лося, косули, медведя) являются редким исключением. Отличительной особенностью костных остатков животных можно считать их фрагментарность и специфический состав мясной пищи, предназначенной для ритуала: среди идентифицированных частей скелетов преобладают зубы, фрагменты челюстей и костей конечностей. Согласно этнографическим данным, многие современные традиционные общества для жертвоприношений также используют черепа и конечности животных. Значительный процент остеологического материала подвергался воздействию огня, что может свидетельствовать о существовании ритуального сжигания жертвенной пищи. Анализ видового состава животных позволяет говорить об особенностях хозяйственного уклада древнего населения региона в переходное от эпохи бронзы к раннему железному веку время. Выбор для ритуалов жертвоприношения преимущественно мяса домашних животных, несмотря на изобилие рыбных ресурсов и существование развитой присваивающей отрасли хозяйства, косвенно указывает на важную роль продуктов скотоводства в экономике носителей восточного варианта пахомовской культуры.

Ключевые слова: *эпоха поздней бронзы, восточный вариант пахомовской культуры, Барабинская лесостепь, ритуальные комплексы, остеология, жертвоприношение.*

Natalya S. Efremova[1], Vyacheslav I. Molodin[1], Igor A. Durakov[2], Sergey K. Vasilyev[1], Dmitrii V. Selin[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ens77@mail.ru

Animals in Ritual Practices Among the Carriers of the Eastern Version of the Pakhomovo Culture

This article analyzes bone evidence from ritual complexes at the archaeological site of Tartas-1 of the Late Bronze Age. Many animal bones were found in cultural layers, sacrificial pits, and holes remaining from posts. Numerous fragments of pottery discovered at the site indicate that the ritual of sacrifice was the main function of the complexes. In some cases, it was possible to reconstruct the ritual of placement of meat in the pits. The evidence from the cultic complexes illustrates the main components of the ritual: pottery and meat food, sometimes accompanied by ochre and individual artifacts. Bones of

domestic animals (cows, goats, sheep, and horses) prevailed. Bones of wild animals (elk, roe deer, and bear) were rare. The main feature of animal bones was fragmentation and special composition of meat food intended for the ritual: teeth, fragments of jaws, and bones of the limbs dominated among the identified parts of the skeletons. According to ethnographic data, many traditional societies of today also use animal skulls and limbs for sacrifices. Many bones showed traces of fire impact, which could imply ritual burning of the sacrificial food. Analysis of the species reveals the economic structure of the ancient population living in the region during the transition from the Bronze Age to the Early Iron Age. The choice of meat for ritual sacrifices from predominantly domestic animals despite the abundance of fish and advanced gathering economy indirectly indicates the important role of livestock in the economy of the carriers of the eastern version of the Pakhomovo culture.

Keywords: *Late Bronze Age, Eastern variant of the Pakhomovo culture, Baraba forest-steppe, ritual complexes, osteology, sacrifice.*

Ритуальные объекты эпохи поздней бронзы, относящиеся к восточному варианту пахомовской культуры, более десяти лет исследуются на разновременном комплексе памятников, объединенных общим названием Тартас-1 и расположенных на территории Барабинской лесостепи. В настоящее время культовый комплекс локализован на довольно значительной площади западной части памятника и занимает ок. 3000 м^2. По-видимому, можно уверенно говорить о том, что данное святилище исследовано практически полностью. Обнаружены следы как минимум пяти комплексов, представлявших собой каркасно-столбовые сооружения, а также иные конструкции, прокалы, внушительная серия ям различной конфигурации и заполнения; пять из них являлись объемными теплотехническими сооружениями. Рассматриваемые комплексы расположены на периферии памятника и ограничены с западной стороны старицей р. Тартас. В непосредственной близости от них расположены единокультурные погребения, что позволило предположить взаимосвязь данных объектов и интерпретировать ритуальные комплексы в т.ч. как элемент погребально-поминальной обрядности. Отдельные находки – бронзовые предметы, сплески, техническая керамика, включая обломки глиняных форм и др., – дают возможность связать некоторые конструкции с процессом литья металла.

Одной из наиболее массовых категорий находок является остеологический материал. Напомним, что кроме костей животных, в ритуальных ямах обнаружены кости рыбы, птиц, человека, а также фрагменты керамики и, реже, другие предметы, прежде всего, связанные с металлургической деятельностью. К настоящему моменту на памятнике исследовано 556 ям, отнесенных к ритуальным комплексам. Особый интерес представляет выявленный здесь обряд помещения мясной пищи в ямы: 86 объектов содержали в заполнении костные остатки, в единичных случаях кости животных имелись в столбовых ямах сооружений (например, такие кости и каменный скребок обнаружены в яме № 597 ритуального комплекса 2). Важно и то, что в 57 ямах кости животных находились вместе с фрагментами керамики. В семи ямах (№ 1116, 1296, 1298, 1299, 1346, 1396, 1401) найдены также кусочки охры, еще в семи ямах (№ 530, 544, 1361, 1365, 1401, 1442, 1544), а также в конструкции 2 зафиксированы кости рыбы, в объекте 1 и конструкции 1 – кости человека (см. *таблицу*).

Видовой состав животных достаточно однороден. Основную массу остеологического материала представляли мелкие неопределимые обломки костей, например, в ритуальном комплексе 1 обнаружен 351 неопределимый экземпляр. Четко идентифицированы кости коровы и мелкого рогатого скота (овцы/козы) (здесь и далее – определения канд. биол. наук С.К. Васильева). В ритуальном комплексе 2 обнаружены кости коровы, овец/коз и лошади. В расположенном вблизи комплекса скоплении определены кости коровы: обломок таза, фаланги, плюсневые, диафизы, фрагменты длинных костей (всего 37 экз.), 84 фрагмента не идентифицированы. В материалах ритуального комплекса 3 и конструкции 2 присутствовали кости овец/коз, в последнем сооружении также находились костные остатки лошади, коровы и косули. В яме 681 третьего ритуального комплекса, кроме костей коровы, обнаружены также четыре обломка костей птицы.

Уникальными явились материалы одной из жертвенных ям (№ 1442). В заполнении и на дне объекта зафиксировано 438 фрагментов костей животных (из них 98 – крупных), челюсть копытного, череп лося со стесанными рогами, скопления костей крупных рыб, фрагменты керамики, костяные и каменные артефакты. К сожалению, подавляющее количество остеологического материала не пригодно для определения в силу плохой сохранности и мелкого размера. Идентифицированы 26 экземпляров, частично повторяющие уже упоминавшийся ряд животных: лошадь, корова, овца. Редко встречавшимися на ритуальных комплексах ранее оказались кости диких животных – лося и медведя [Ефремова и др., 2017].

Значительный процент остеологического материала подвергался воздействию огня. Обожженные кости встречались и в культурном слое ритуальных комплексов, и в ямах-жертвенниках. Достаточно часто обжиг являлся длительным, о чем свидетельствуют

Остеологические материалы из ритуальных комплексов памятника Тартас-1

№ ямы	Остеологический материал	Атрибутация	Другие находки
1	2	3	4
РК 1	обожженные зубы и кости	травоядные животные	керамика, бронзовый наконечник копья
Объект 1	121 кость (хвостовой позвонок, фрагменты длинных костей, обрубленные диафизы, фаланги, неопределимые)	корова	фрагмент таза человека
529	1) 2-я и 3-я фаланги 2) 2 неопределимых	1) лошадь	–
530	1) астрагал 2) мелкие неопределимые кальцинированные кости	1) лось	позвонок рыбы
532	несколько костей животных	–	–
532а	фрагмент кости животного	–	–
532б	фрагменты костей животных, фрагмент кальцинированной кости	–	керамика
532г	фрагмент кости таза	лошадь	керамика, конкреция
534	3 зуба	»	керамика
535	несколько зубов и костей животных	–	»
537	1) зубы, 10 неопределимых 2) диафиз берцовой, ребро, 7 неопределимых	1) лошадь 2) корова	»
538	зуб	лошадь	–
540	1) зуб 2) фрагмент локтевой 3) центральнокубовидная, tarsale IV (senex)	1) лошадь 2) медведь 3) лось	керамика
541	фрагменты костей животных	–	»
542	4 кости животных	–	»
543	фрагменты костей животных	–	»
544	1) ребро, череп, зуб, 2 1-х фаланги, 3-я фаланга, ниж. эпифиз пяточной (s/ad), лопатка 2) верх. эпифиз берцовой (s/ad) 3) 25 неопределимых	1) корова 2) овца/коза	керамика, 7 жаберных крышек рыбы
547	1) 1-я фаланга 2) 3 неопределимых	1) лошадь	керамика, фрагмент тигля, отщеп
548	1) 3 зуба 2) 19 неопределимых	1) лось	керамика
549	зуб	лошадь	»
551	зуб верх. челюсти (s/ad)	корова	»
555	фрагменты костей животных	–	»
558	1) ниж. конец берцовой, астрагал, пяточной, ниж. конца метаподии 2) плюсневая 3) 47 неопределимых	1) лошадь 2) лось	заготовка костяного орудия
559	1) диафиз лучевой, верх. конец берцовой, ниж. конец плюсневой 2) диафиз плечевой, головка бедра (s/ad) 3) 96 неопределимых	1) лошадь 2) корова	–
560	зуб	лошадь	–
562	1) зуб 2) зуб 3) 4 неопределимых	1) лошадь 2) корова	керамика
564	15 неопределимых	–	»
565	зуб	корова	–
572	1) ребро 2) зуб (s/ad)	1) корова 2) лошадь	–
580	1 неопределимая	–	–
583	зуб	лошадь	–
593	2 зуба	лось	камень
597	зубы и часть ребра крупного травоядного животного	–	каменный скребок

Продолжение таблицы

1	2	3	4
620	зуб травоядного животного	–	–
622	фрагмент кости травоядного животного	–	–
Конструкция 1	1) 4 1-х фаланги, 2 плюсневых, ниж. конец плечевой, затылочная мыщелка, 1-й шейный позвонок, поясничный позвонок, крестец, 6 зубов, 4 2-х фаланги, 3-я фаланга, 5 сесалювидных, сесановидная, 2 ниж. конца берцовой, фрагмент центральнокубовидной 2) головка бедренной (s/ad), ниж. конец метаподии, 2 зуба 3) ниж. конец 1-й фаланги 4) запястная, лучевая, ниж. конец плюсневой, таз, локтевая, шейный позвонок, метаподия ниж. конца, 2 2-х фаланги, 5 ребер, грудной позвонок, 2 дистальных блока метаподии, лучевая, верх. конец диафиза, верх. конец плюсневой, 3 запястных, эпифиз лучевой, диафиз лучевой, 2 диафиза берцовой, ниж. половина лопатки, астрагал, ниж. челюсть, маллеолярная кость, лопатка 5) ниж. челюсть с зубами, M1, M1, запястная 6) 1-я фаланга 7) 749 неопределимых, в т.ч. обожженных	1) корова 2) лошадь 3) косуля 4) овца/коза 5) лисица 6) медведь	керамика, конкреция, резец человека
Конструкция 2	1) пяточная кость, ниж. конец плечевой, 3 ребра, 2 поясничных позвонка, головка бедра (s/ad), 2 тазовых, 2 2-х фаланги, 3-я фаланга, 2 зуба, астрагал, запястная промежуточная, верх. конец плюсневой, ниж. конец берцовой, центральнокубовидная 2) ниж. эпифиз берцовой (juv.-s/ad), 2 диафиза берцовой, 2 ниж. эпифиза пястной кости (s/ad), 11 ребер, 2 лопатки, 7 шейных, 4 грудных и 1 поясничный позвонок, 4 1-х фаланги, 3 2-х фаланги, 3-я фаланга, 5 обломков и ветвь ниж. челюсти (juv.), зуб, 2 фрагмента таза, 2 фрагмента локтевой, основание черепа, суставной блок метаподии (juv.-s/ad), обл. рогового стержня+метаподия, суставной блок, центральнокубовидная, нижняя половина и диафиз плечевой 3) верх. конец лучевой кости 4) запястная лучевая, неполная; ниж. конец пястной кости, ниж. конец плечевой 5) 312 неопределимых, в т.ч. обожженных	1) корова 2) овца/коза 3) косуля 4) лошадь	ребра, позвонки рыбы, керамика
681	1) 3 ребра 2) 144 жженые кости и зуба животных	1) корова	керамика, техническая керамика, конкреции, 4 кости птицы, кельт
682	кость животного	–	–
687	1) 2 обл. ниж. конца плечевой, обл. поясничного позвонка 2) 5 неопределимых обожженных костей животных	1) овца/коза	–
688	1) запястная локтевая 2) неопределимые фрагменты обожженных костей животных	1) овца/коза	–
698	мелкие обожженные кости животных	–	–
778	фаланга животного	–	–
Конструкция 3	кости животных	–	техническая керамика, фрагменты литейных форм, бронзовые бусины, камень-«алтарь », охра
Конструкция 4	»	–	бронзовый сплеск, обломки свода печи, фрагменты болотной руды
1012	несколько фрагментов костей животных	–	керамика

Продолжение таблицы

1	2	3	4
1016	фрагмент кости животного	–	керамика
1017	несколько фрагментов костей животных	–	–
1020	фрагмент кости животного	–	–
1023	»	–	–
1024	несколько фрагментов костей животных, в т.ч. обожженных	–	керамика, техническая керамика
1047	фрагмент кости животного	–	керамика
1050	несколько фрагментов кальцинированных костей	–	бронзовая бусина
1051	фрагменты костей животных	–	керамика
1059	»	–	»
1063	»	–	»
1071	кость животного	–	»
1073	фрагмент кости животного	–	–
1076	2 кости животных	–	керамика
1087	фрагмент кости животного	–	»
1107	10 фрагментов костей животных	–	»
1109	несколько фрагментов костей животных	–	»
1110	фрагмент кости животного	–	–
1116	9 фрагментов костей животных	–	керамика, охра
1121	фрагмент кости животного	–	–
1136	несколько фрагментов костей животных	–	–
1184 (печь)	несколько фрагментов кальцинированных костей	–	керамика
1185 (печь)	»	–	–
1253	мелкий фрагмент кальцинированной кости	–	–
1254	»	–	–
1258	несколько мелких фрагментов костей животных	–	–
1259	мелкий фрагмент кости животного	–	–
1262	»	–	керамика
1263	»	–	»
1267	фаланга животного	–	»
1276	5 мелких кальцинированных костей	–	»
1278	6 мелких фрагментов костей животных	–	–
1279	мелкий фрагмент кальцинированной кости	–	–
1290	7 мелких фрагментов костей животных	–	керамика
1291	6 мелких фрагментов костей животных	–	»
1292	мелкий фрагмент кости животного	–	»
1296	5 мелких фрагментов костей животных	–	керамика, охра
1298–1299	9 мелких фрагментов кальцинированных костей животных	–	»
1304	68 мелких фрагментов костей животных	–	керамика
1306	3 мелких фрагмента костей животных	–	»
1313	26 мелких фрагментов костей животных	–	»
1315	7 мелких фрагментов костей животных	–	»
1316	мелкий фрагмент кости животного	–	–
1322	8 мелких фрагментов костей животных	–	–
1323	6 мелких фрагментов кальцинированных костей животных	–	–
1331	4 мелких фрагментов костей животных	–	керамика
1341	мелкий фрагмент кости животного	–	»
1343	158 мелких фрагментов костей животных, фрагмент кости конечности животного	–	»
1345	2 мелких фрагмента костей животных	–	–

Окончание таблицы

1	2	3	4
1346	3 мелких фрагмента костей животных	–	охра
1356	несколько очень мелких фрагментов костей животных	–	керамика
1361 (печь)	несколько мелких фрагментов костей животных,	–	керамика, скопление костей рыбы
1365	25 мелких фрагментов костей животных	–	керамика, скопления костей и чешуи рыб
1368	14 мелких фрагментов костей животных	–	керамика
1369	12 мелких фрагментов костей животных	–	»
1370	4 мелких фрагмента костей животных	–	»
1374	11 мелких фрагментов костей животных	–	»
1376	2 зуба и фрагмент челюсти копытного	–	–
1377 (печь)	25 фрагментов костей животных	–	керамика
1393 (печь)	79 фрагментов костей животных, 2 из них с окислом бронзы	–	»
1395	фрагмент кальцинированной кости	–	–
1396	3 мелких фрагмента костей животных	–	охра
1401	несколько мелких костей животных	–	керамика, кости птицы и рыбы, охра
1402	7 мелких фрагментов костей животных	–	керамика
1442	438 фрагментов костей животных (из них 98 – крупных), челюсть копытного, череп лося со стесанными рогами	–	керамика, кости рыбы
1457	6 фрагментов костей животных	–	керамика
1495	фрагмент эпифиза кости мелкого животного	–	–
1526	мелкий фрагмент кости животного	–	–
1540	фрагмент кости животного	–	–
1544	2 мелких фрагмента костей животных +	–	керамика, кости рыбы
1557	мелкий фрагмент кости животного	–	керамика
1560	мелкий фрагмент кости животного	–	»
1571	16 мелких фрагментов костей животных	–	»

кальцинированные костные остатки, обнаруженные как в ямах, так и в слоях конструкций; такие кости, как правило, представлены мелкими фрагментами.

Обрядовая практика, включающая сжигание животных, отмечена на памятнике Гонур-Депе. Здесь ритуальные сооружения представляли собой жертвенники-лунки, заполненные обугленными костями кремированных животных (мелкого рогатого скота). И если, как правило, сжигались неосвежеванные туши, то в «поминальной лунке» для кремации использовались разделанные части животного (мясные куски) [Сатаев, 2010, с. 484].

Обращает на себя внимание фрагментарность костных остатков. В ямы помещали небольшую часть мясной пищи, дополненную в ряде случаев несколькими обломками керамической посуды. По-видимому, повторяемость подобного действия может говорить о существовании в эпоху поздней бронзы Западной Сибири сходной с этнографически зафиксированным обрядом идеи «часть вместо целого».

Среди идентифицированных частей скелетов животных преобладают зубы, фрагменты челюстей и костей конечностей, что может говорить об избирательном подходе к выбору мяса, предназначенного для ритуального использования.

Рассмотренные материалы свидетельствуют о преобладающей доле домашних животных в остеологических материалах ритуальных комплексов. Присваивающие формы ведения хозяйства играли важную роль в экономике носителей пахомовской культуры, однако скотоводство рассматривается исследователями в качестве ведущей отрасли экономики [Зимина, Костомаров, Цембалюк, 2012, с. 73]. Остеологические материалы с поселений западной части ареала пахомовской культуры свидетельствуют о преобладании домашнего скота над объектами охотничьего промысла. Так, доля костей диких животных на поселении Ново-Шадрино VII составляла ок. 22 % от общего количества костных остатков (лось, косуля, кабан, лисица, медведь, заяц и др.). Домашний скот представлен лошадью (42,7 %) и крупным рогатым скотом (36,8 %) [Корочкова, 2009, с. 80]. В Притоболье «общая специфика скотоводства проявилась в увеличении в составе ста-

да мелкого рогатого скота и лошади и уменьшении количества крупного рогатого скота» [Матвеев, Костомаров, 2011, с. 50]. Вполне вероятно, что состав стада мог варьировать в соответствии с природно-климатическими условиями. Богатые биоресурсы территории Барабинской лесостепи, в т.ч. обильный травостой, могли обеспечить благоприятные условия для развития скотоводства [Молодин, 2014, с. 56]. Большая доля костей крупного рогатого скота в материалах из ритуальных комплексов (по сравнению с мелким скотом и лошадью) может свидетельствовать как о преобладании первого в стаде, так и о предпочтении его в качестве жертвенной пищи.

Таким образом, остеологический материал несет в себе уникальную разноплановую информацию и позволяет сделать выводы не только о видовом составе животных, но и об особенностях хозяйственного уклада древнего общества [Петренко, Асылгараева, 2008]. Материалы культовых комплексов фиксируют устойчивые составляющие ритуала: керамика – мясная пища, в ряде случаев сопровождавшиеся дополнительными прикладами (охра, единичные артефакты). Вероятнее всего, данные находки являются составляющими жертвоприношений, поскольку лишь о принесении в жертву может говорить присутствие в материалах ритуальных комплексов единичных фрагментов скелета человека. Использование в обрядовой деятельности мяса домашних животных, несмотря на изобилие на данной территории рыбных ресурсов и наличие развитой присваивающей отрасли, косвенно указывает на важную роль продуктов скотоводства в хозяйстве носителей восточного варианта пахомовской культуры.

Список литературы

Ефремова Н.С., Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Васильев С.К., Дураков И.А., Селин Д.В. Ритуальные комплексы восточного варианта пахомовской культуры: новые концепции интерпретации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 314–317.

Зимина О.Ю., Костомаров В.М., Цембалюк С.И. Палеоэкономика населения Тоболо-Ишимья на рубеже бронзового и железного веков // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2012. – № 3 (18). – С. 73–81.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура эпохи поздней бронзы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3 (39). – С. 75–84.

Матвеев А.В., Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2011. – № 1 (14). – С. 46–55.

Молодин В.И. Этнокультурная мозаика в Западной Барабе (эпоха поздней бронзы – переходное время от эпохи бронзы к железному веку. XIV–VIII века до н.э. // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 54–63.

Петренко А.Г., Асылгараева Г.Ш. Материалы «кухонных» и ритуальных остатков животных из археологических памятников как источник для изучения древних и средневековых культур Евразии // Древние и средневековые кочевники Центральной Азии. – Барнаул: Азбука, 2008. – С. 189–192.

Сатаев Р.М. Реконструкция условий кремации животных из жертвенников-лунок Гонур Депе // На пути открытия цивилизации: сб. статей к 80-летию В.И. Сарианиди. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 466–484. – (Тр. Маргианской археологической экспедиции).

References

Efremova N.S., Mylnikova L.N., Molodin V.I., Vasilyev S.K., Durakov I.A., Selin D.V. Ritual Complexes of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture: New Concepts of Interpretation. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 314–317 (in Russ.).

Korochkova O.N. The pakhomovskaya culture of the late Bronze Age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 3 (39), pp. 75–84 (in Russ.).

Matveev A.V., Kostomarov V.M. Pakhomovskie drevnosti Zapadnoi Sibiri. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2011, No. 1 (14), pp. 46–55 (in Russ.).

Molodin V.I. Ethnic and cultural mosaic in western Baraba during the late Bronze to Iron Age transition (14th–8th centuries BC). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 4 (60), pp. 54–63 (in Russ.).

Petrenko A.G., Asylgaraeva G.Sh. Materialy "kukhonnykh" i ritual'nykh ostatkov zhivotnykh iz arkheologicheskikh pamyatnikov kak istochnik dlya izucheniya drevnikh i srednevekovykh kul'tur Evrazii. In *Drevnie i srednevekovye kochevniki Tsentral'noi Azii*. Barnaul: Azbuka, 2008, pp. 189–192 (in Russ.).

Sataev R.M. Rekonstruktsiya uslovii krematsii zhivotnykh iz zhertvennikov-lunok Gonur Depe. In *Na puti otkrytiya tsivilizatsii. Sb. statei k 80-letiyu V.I. Sarianidi*. St. Petersburg: Aleteiya, 2010, pp. 466–484 (Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii) (in Russ.).

Zimina O.Yu., Kostomarov V.M., Tsembalyuk S.I. Paleoekonomika naseleniya Tobolo-Ishim'ya na rubezhe bronzovogo i zheleznogo vekov. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2012, No. 3 (18), pp. 73–81 (in Russ.).

Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Васильев С.К. https://orcid.org/0000-0002-6863-7900
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.388-395
УДК 551.89:902.2

С.В. Жилич[1, 2], С.В. Шнайдер[1, 2], Н.А. Рудая[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: snezhy@yandex.ru

К вопросу о выделении пыльцы культурных злаков на археологических памятниках на примере памятника Куртеке (Таджикистан)

История появления и распространения культурных злаков – один из дискуссионных вопросов в современной археологии. Что касается Центральной Азии, то имеются данные по нескольким археологическим объектам с равнинных территорий региона. В этом отношении Восточный Памир представляет собой «белое пятно». Активное изучение этого региона проводилось в 1950–1980-х гг., а наиболее детальные реконструкции имеются по средневековому городищу Базар-Дара. Тогда предполагалось, что в регионе было возможно выращивание пшеницы, ржи, бобовых и ячменя. При этом только последний сейчас может произрастать на высоте ок. 4000 м над ур. м. В данной статье приводятся результаты палинологического изучения многослойного памятника Куртеке (абсолютная высота – 3980 м над ур. м.). По спорово-пыльцевому спектру из верхней части разреза (предположительно датированному временем ок. 3,5–2 (1,5) тыс. л.н.) реконструированы сухие полынные степи и ксерофильные растительные сообщества шиблякового типа – редколесья из кустарников и низкорослых деревьев фисташки, бухарского миндаля и граната. В образце присутствует пыльца злаков (12 % от всей пыльцы), 2/3 из которых можно отнести к культурным видам (предположительно просо обыкновенное и просо итальянское). Таким образом, полученные палинологические данные позволяют предположить существование земледелия в экстремально высокогорных районах. Безусловно, дальнейшее исследование памятника Куртеке должно позволить выявить весь земледельческий комплекс.

Ключевые слова: *Центральная Азия, Восточный Памир, земледелие, пыльца культурных злаков.*

Snezhana V. Zhilich[1, 2], Svetlana V. Shnaider[1, 2], Natalia A. Rudaya[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: snezhy@yandex.ru

Palynological Evidence of Cultivated Grain Crops at the Archaeological Site of Kurteke (Tajikistan)

The history of the emergence and spread of cultural cereals is one of the controversial problems in modern archaeology. Today there are only a few archaeological sites with macrofossil data on agriculture for the whole region of Central Asia; these sites are located on the plains. In this regard, the Eastern Pamir is a blank spot. Active study of this region was conducted in the 1950s–1980s, and the most detailed reconstructions are available for the Medieval settlement of Bazar-Dara. At that time it was assumed that wheat, rye, legumes, and barley could be cultivated in that region. Today, only barley can grow at an altitude of about 4000 m. This article presents the results of palynological study of the Kurteke multilayered archaeological site (3980 m a.s.l.). Dry wormwood steppes and xerophilic plant communities of the shibliak type – sporadic growth of shrubs and low trees of pistachio, wild almond, and pomegranate – were reconstructed from the pollen spectrum in the upper part of the section (presumably dated to ca. 3500–2000 (1500) BP). That sample contained pollen of cereals (12 % of all pollen), 2/3 of which can

be identified as cultivated (presumably, common millet and foxtail millet). This, the pollen data suggest the existence of agriculture in harsh highland conditions. Further research at Kurteke will make it possible to establish the entire agricultural complex.

Keywords: *agriculture, pollen of cultural cereals, Central Asia, Tajikistan.*

Введение

Территория Восточного Памира, несмотря на свою труднодоступность, активно обживалась человеком начиная с периода раннего голоцена. Здесь обнаружено большое количество памятников периода позднего мезолита – неолита, выделяется более 100 памятников периода бронзового века – Средневековья [Бубнова, 2015, с. 20–25]. Одним из дискуссионных вопросов здесь является реконструкция экономических стратегий древнего человека и проблема становления производящего хозяйства. Наиболее детальные реконструкции на настоящий момент выполнены для средневекового городища Базар-Дара, откуда получена большая коллекция доместицированных растений. Так, согласно проведенным реконструкциям, в Средние века на территории Восточного Памира могли выращивать пшеницу, рожь, бобовые, которые произрастают в настоящее время до высоты 3400 м над ур. м., а также ячмень, который растет на высоте 3000–4000 м над ур. м. Помимо этого, на памятнике были обнаружены семена таких растений, как гранат, арбуз, персик, абрикос, виноград, миндаль, которые могли быть импортированы с территории Ферганской долины [Бубнова, 1993, с. 41–43]. К сожалению, до сих пор нет детальных исследований относительно раннего распространения доместицированных агрокультур на территории Восточного Памира, в связи с чем реконструкции имеют в большей степени предположительный характер.

Надежное доказательство наличия земледелия представляет значительную сложность, так как обнаружение фоссилизированных семян злаков, отпечатков семян и орудий для обработки говорит об использовании зерна в хозяйстве, но не всегда о выращивании его на месте. О выращивании самих культурных растений могут свидетельствовать анализ макроостатков, а также примененные комплексно палинологический и биоморфный (фитолитный) анализы [Рябогина, 2006; Сергушева и др., 2016]. Макроостатки злаков (семена, ость колоса, чешуйки и т.д.) и фитолиты сохраняются непосредственно в месте произрастания, использования или захоронения растения [Гольева, 2003]. Пыльца же распространяется как в самом месте произрастания, так и поблизости от него. Наибольшим потенциалом для обнаружения признаков земледелия при проведении палинологического анализа обладает пыльца злаков.

Хотя пыльца всех злаков имеет схожее строение (округлая или вытянутая овальная форма и одна проростковая пора), все же у пыльцы культурных злаков существует ряд морфологических признаков, по которым ее можно выделить с определенной долей вероятности. Пыльца культурных видов злаков значительно крупнее, чем у дикорастущих: так, для современных видов культурных злаков пограничной величиной между дикими и культурными видами считается размер в 37–38 мкм. При этом некоторые культурные злаки имеют пыльцу меньшего размера, например диаметр пыльцы чумизы или проса итальянского (*Setaria italica* L.) и пшеницы-однозернянки (*Triticum monococcum* L.) 32–35 мкм, а размеры пыльцевых зерен проса обыкновенного (*Panicum miliaceum* L.) варьируют в пределах 35–47,3 мкм [Beug, 2004, S. 74–90; Федорова, 1959]. Кроме величины пыльцевого зерна в качестве диагностического признака могут выступать форма, расположение и размер пор [Федорова, 1959]. По данным Л.А. Куприяновой [1948], для культурных злаков характерны яйцевидная, реже эллиптическая, форма пыльцевого зерна и крупная проростковая пора, расположенная на широком конце зерна или немного сдвинутая. Пыльца злака с порой, измеренной вместе с валиком, диаметром более 10,53 мкм идентифицируется как принадлежащая культивируемым злакам [Joly et al., 2007].

По данным H.-J. Beug [2004], пыльцу проса (группы *Panicum*-Type) можно идентифицировать при увеличении ×1000 с применением фазового контраста и масляной иммерсии, так как на поверхности экзины становятся различимы специфичные группы из 5–6 точек (*Panicum miliaceum*) или крупные сгустки пятен (*Setaria italica*) [Сергушева и др., 2016].

В данном исследовании материалов многослойного памятника Куртеке наибольшее внимание уделено поискам палинологических свидетельств присутствия доместицированных культур. Памятник располагается на Восточном Памире, в 40 км юго-восточнее поселка Мургаб на абсолютной высоте 3980 м над ур. м. (рис. 1). Объект представляет собой отторженец в долине Куртеке-сая, длина которого 100 м, высота 15–20 м, он отделяется от скалы небольшой 20-метровой «протокой» заполненной аллювием. Археологический памятник приурочен к небольшой нише (длина – 12 м, ширина – 3,5 м). Объект был обнаружен археологической экспеди-

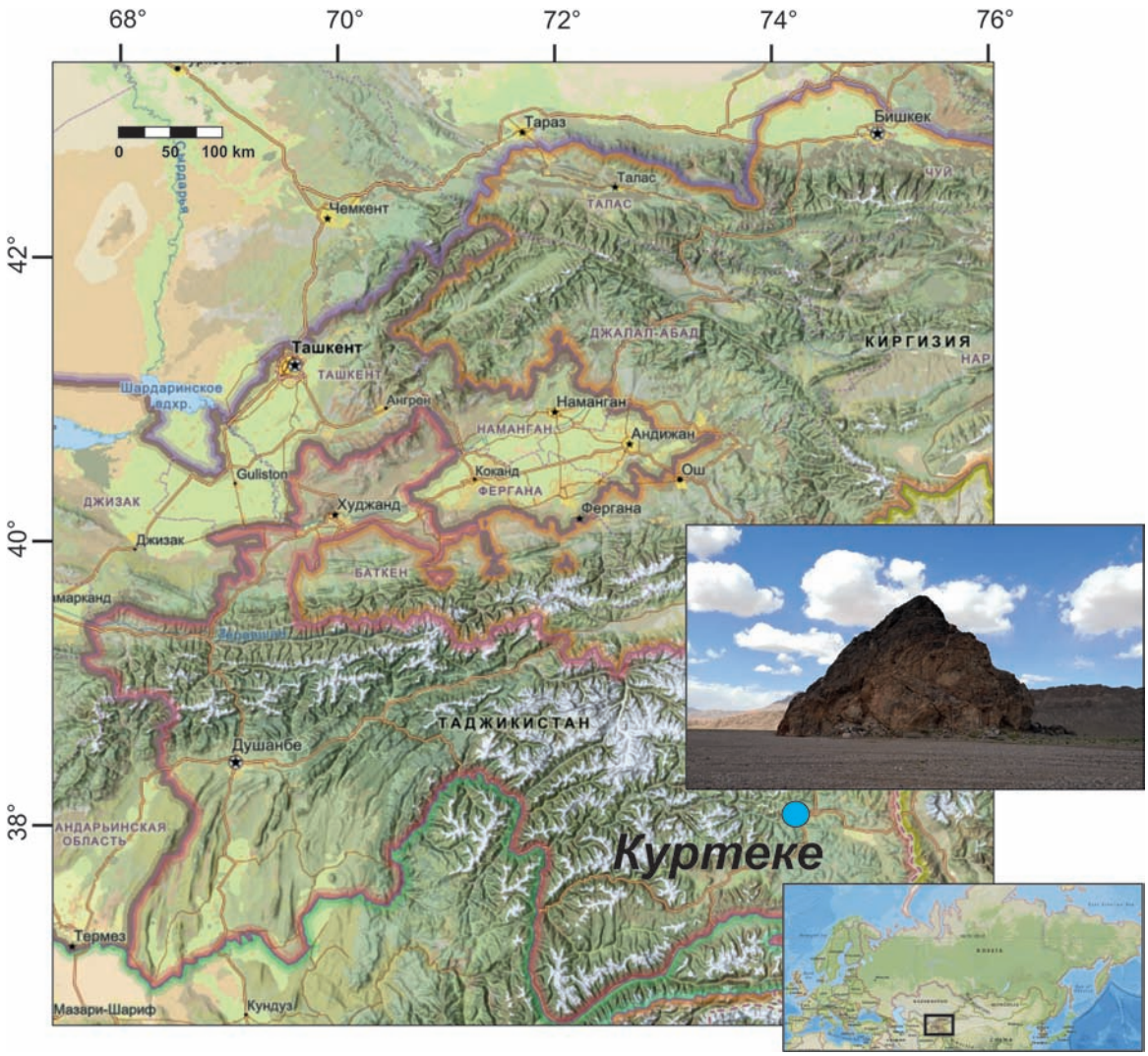

Рис. 1. Карта расположения памятника Куртеке (Таджикистан).

цией под руководством В.А. Ранова в 1960 г., в этом же году здесь проводились раскопки площадью 10 м^2. На памятнике было выделено два культурных слоя. Первый культурный слой сложен преимущественно гумусно-кизячной прослойкой, здесь было выявлено несколько кострищ, отмечается хорошая сохранность органический остатков. В слое обнаружено несколько каменных артефактов, фрагментов неорнаментированной керамической посуды, вероятнее всего, андроноидной кайрак-кумской культуры. Второй культурный горизонт преимущественно сложен рыхлым буроватом песком эолового происхождения. Здесь были зафиксированы следы от нескольких кострищ, найдены фрагменты костей и каменные артефакты. Данный слой отнесен к периоду энеолита – неолита, В.А. Ранов предполагал, что данные материалы имеют аналогии с синхронными памятниками Синьцзыня. Также на памятнике были обнаружены писаницы, предположительно периода энеолита – ранней бронзы [Ранов, 1960].

В 2018 г. силами российско-таджикской экспедиции на памятнике проводились небольшие зачистки с целью отбора образцов для проведения абсолютного датирования и палинологического анализа. Высота разреза составила 0,8 м, было выделено два литологических слоя (рис. 2). Первый слой представлен буровато-коричневой супесью с прослойками навоза, сена и кострищами. Второй слой – светло-коричневая супесь, здесь встречаются включения в виде мелких обломков (щебень), обнаружены также следы кострища. В ходе проведенных зачисток на памятнике найдены фрагменты костей и зубов животных, а во втором слое – каменные артефакты. Для первого литологического слоя получены две радиоуглеродные даты: для верхней части слоя 3835–3480 кал. л.н., для средней 5310–4725 кал. л.н.; для второго слоя 13565–13130 кал. л.н. (табл. 1). Калибровка дат была произведена по базе INTCAL13 и OxCal (версия 4.2) с использованием доверительного интервала 95,4 %.

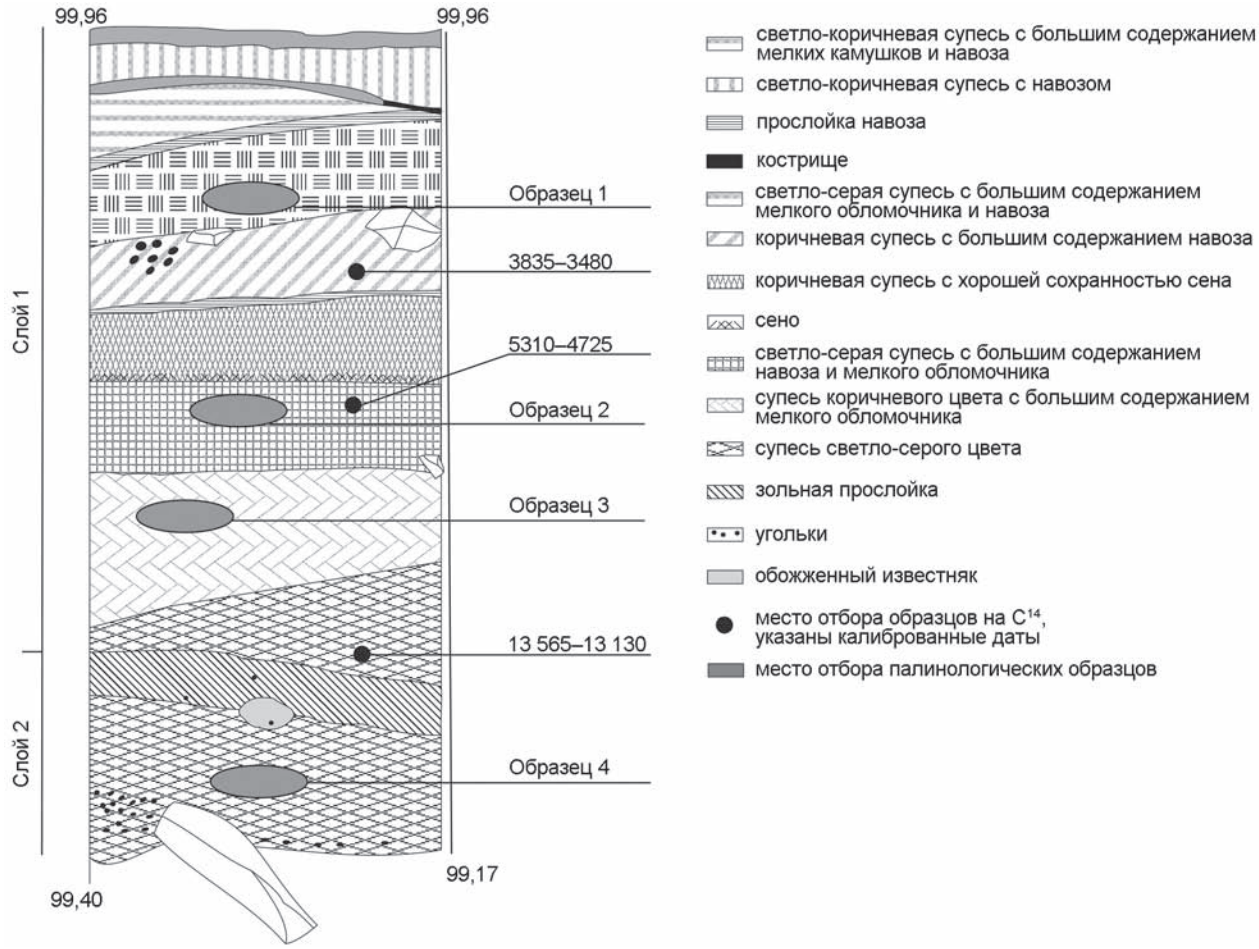

Рис. 2. Стратиграфия разреза восточной стенки памятника Куртеке (2018 г.).

Таблица 1. **Радиоуглеродные даты разных слоев памятника Куртеке**

Номер образца	Лаб. номер	Радиоуглеродное определение	Калиброванное значение	Датируемый материал
1	NSKA-02126	3407 ± 62 BP	3835–3480 Cal. BP	Кость
2	NSKA-02127	11580 ± 97 BP	13565–13130 Cal. BP	»
3	NSKA-02128	4374 ± 95 BP	5310–4725 Cal. BP	»

Методы

Палинологическим методом были изучены четыре образца (№ 1–4).

Химическая подготовка образцов проводилась в лаборатории PaleoData по модернизированной методике [Faegri, Iversen, 1989, p. 37], включающей постадийную обработку кислотами и щелочами для удаления различных компонентов из раствора образца и двукратную отмывку дистиллированной водой после каждой стадии. Навески для пробоподготовки брались по 50 г, в каждый образец для подсчета концентрации добавлялось по две таблетки спор плауна; готовый образец переносили в пробирку объемом 5 мл и заливали глицерином для дальнейшего исследования.

Временные препараты образцов изучались под световым микроскопом ZEISS Axio Imager с увеличением в 400 раз с подсчетом пыльцевых зерен, спор и непыльцевых палиноморф (НПП). Определение пыльцы проводилось с использованием эталонной коллекции ИАЭТ СО РАН и атласов [Куприянова, 1965; Куприянова, Алешина, 1972, 1978; и др.]. Для анализа и реконструкции использовались процентные содержания таксонов растений в образце, где за 100 % бралась сумма пыльцы древесных и травянистых растений. Для спор и НПП представлена концентрация их в образцах.

Особое внимание уделялось пыльце злаков. Для каждого зерна выполнялись микрофотографирование и замеры диаметра пыльцы и пор с помощью камеры AxioCam MRc5, несмотря на то что в ископаемом состоянии пыльца злаков часто бывает смята или разорвана. Для изучения поверхности пыльцевых зерен использовалось увеличение ×1000 и иммерсионное масло.

В каждом образце подсчитывалось 300–600 пыльцевых зерен, данные заносились в специализированную программу Tilia [Grimm, 2004] для построения диаграммы и анализа (рис. 3).

Результаты

Образец № 1. Реконструируемый тип растительности – сухие полынные степи и ксерофильные растительные сообщества шиблякового типа – редколесья из кустарников и низкорослых деревьев (фисташка, бухарский миндаль, гранат, в травянистом ярусе – степные сообщества).

Пыльца злаков составляет 12 % всей пыльцы в образце. По данным измерений диаметров пыльцевых зерен и пор, а также визуального изучения поверхности пыльцевых зерен, 2/3 (ок. 50 шт.) пыльцы злаков можно отнести к культурным видам. Предположительно в образце присутствует пыльца проса обыкновенного и проса итальянского (выполнены микрофотографии с замерами) (рис. 4). Также присутствуют единичные пыльцевые зерна льна. Согласно полученным датировкам, образец может относиться к периоду ок. 3,5–2 (1,5) тыс. л.н.

Образец № 2. Концентрация пыльцы в образце значительно ниже, чем в предыдущем случае. Реконструированный тип растительности – сухие полынные степи и ксерофильные растительные

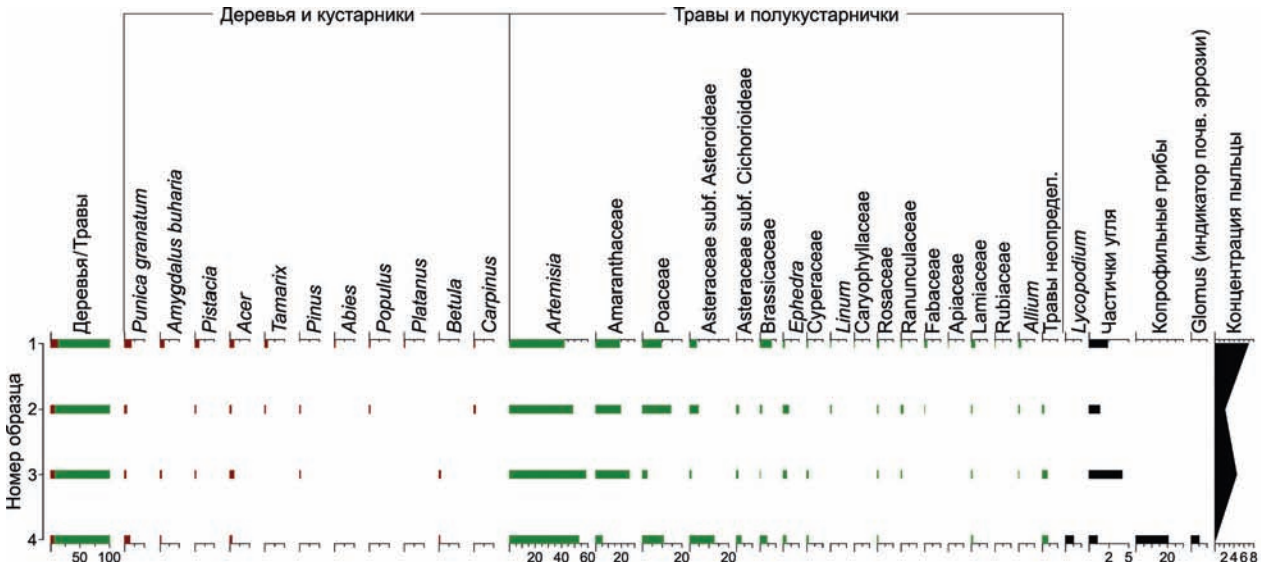

Рис. 3. Спорово-пыльцевая диаграмма образцов с памятника Куртеке.

Рис. 4. Микрофотографии пыльцы культурного злака просо итальянское (*Setaria italica*) из образца № 1. На фото отражены характерные признаки: крупный размер пыльцевого зерна (более 35 мкм), крупная пора (более 10 мкм) и точечный рисунок.

сообщества шиблякового типа, хотя доля пыльцы древесных растений в этой пробе ниже, чем в первой. Доля злаков, наоборот, значительно выше. Крупные пыльцевые зерна злаков присутствуют в очень малом количестве, и из-за плохой сохранности нет возможности точно определить их принадлежность. Найдены единичные зерна льна. Для кости, обнаруженной в непосредственной близости от места отбора образца, была получена дата 5,310–4,725 тыс. л.н.

Образец № 3. Концентрация пыльцы высокая, хотя доля пыльцы деревьев и кустарников ниже, меньше разнообразие трав и доля пыльцы злаков. Реконструированы опустыненные марево-полынные степи. Отмечается высокая концентрация угольных частиц. Согласно полученным датам, образец может относиться к периоду 13–5,5 тыс. л.н.

Образец № 4. Концентрация пыльцы резко снижается; намного ниже доля пыльцы амарантовых и выше – злаковых и астровых, уменьшается разнообразие трав. Реконструируются сухие или злаково-полынные степи. В образце присутствуют споры копрофильных грибов, индикаторов присутствия крупных травоядных животных, и гриба *Glomus*, индикатора почвенной эрозии, образующего облигатную микоризу с осоками. Образец относится к периоду древнее 13 тыс. л.н.

Обсуждение результатов

Выполненные по каждому из образцов реконструкции растительности показали различную обстановку в окружающих памятник ландшафтах в разные периоды времени. По полученным данным, условия, реконструированные для первого образца (по составу палинологического спектра, по сохранности и концентрации пыльцы), были наиболее благоприятными.

По литературным данным, в непосредственной близости от района исследования нет памятников с датированными находками, подтверждающими выращивание проса. Однако есть сведения по нескольким памятникам в Центральной Азии, ближайшие из которых находятся на расстоянии 600–800 км от Куртеке. В этих соседних относительно удаленных районах подтверждено распространение пшеницы и ячменя. Просо обыкновенное обнаружено не во всех местах и значительно позже – примерно во II тыс. до н.э., и не в горных, а в более равнинных районах (табл. 2). Оба вида проса засухо- и морозоустойчивы и хорошо подходят для выращивания на исследуемой территории.

В соответствии со схемой распространения культивируемых злаков по всей Евразии [Liu et al., 2019], между 5 и 2,5 тыс. лет до н.э., пшеница и ячмень распространились в Центральной и Южной Азии со стороны Европы. К 2,5 тыс. лет до н.э. просо появилось также в Восточной Азии и отмечено в Приморье [Sergusheva, 2006]. Просо итальянское распространилось с востока вплоть до Таиланда к концу III тыс. до н.э., и оба вида проса произрастали в Восточном Китае к концу III тыс. до н.э. Между 2,5 и 1,5 тыс. лет до н.э. оба вида проса распространились за пределы Китая на запад в Центральную Азию и на юго-запад в Южную Азию. Просо обыкновенное выращивалось в Вос-

Таблица 2. **Данные о находках остатков культурных злаков на археологических объектах в Центральной Азии, наиболее близких к Куртеке**

Страна	Объект	Возраст, тыс. л. до н.э.	Вид анализа	Источник	Пшеница	Ячмень	Просо обыкн.
Таджикистан	Sarazm	3,5–2	Макроостатки	Spengler, Willcox, 2013	+	+	–
Туркменистан	Gonur Depe	2,2–1,75	Макроостатки, отпечатки в керамике	Miller, 1999; Moore et al., 1994	+	+	+
»	Ojakly	1,95–1,5	Макроостатки	Spengler et al., 2014; Rouse, Cerasetti, 2014	+	+	+
»	1211/1219	~ 1,2	»	Spengler et al., 2014	+	+	+
Узбекистан	Djarkutan	2–1	»	Miller, 1999	+	+	–
Афганистан	Shortughai	2,5–1	»	Willcox, 1991	+	+	–
Киргизия	Argyrzhal-2	1,8–1,4	»	Motuzaite Matuzeviciute et al., 2015	+	+	–
Пакистан	Sheri Khan Tarakai	3,8–2,9	»	Petrie et al., 2010	+	+	–

точном Казахстане в конце III тыс. до н.э., а просо итальянское появилось в этом регионе только около 1,5 тыс. лет до н.э. В течение II тыс. до н.э. просо обыкновенное появилось в Афганистане и Туркменистане [Liu et al., 2019].

Проведенное исследование показывает безусловную важность изучения памятника Куртеке, который перспективен для обнаружения всего комплекса свидетельств земледелия в период бронзового века – Средневековья в экстремальных условиях высокогорий.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта РНФ № 19-78-10053 «Происхождение производящего хозяйства в горной части Центральной Азии». Авторы благодарны Н.Е. Рябогиной за консультации и помощь в определении пыльцы злаков. Благодарим физиков ИЯФ СО РАН (С.А. Растигеева и А.В. Петрожицкова), лаборатории радиоуглеродных методов анализа Новосибирского государственного университета (Е.В. Пархомчук, М.А. Кулешову, Д.В. Кулешова) и инженеров ИАЭТ СО РАН (О.В. Ершову, Е.В. Кузнецову, Ю.В. Срывкину) за датирование образцов.

Список литературы

Бубнова М.А. Археологическая карта Горно-Бадахшанской автономной области. – Душанбе, 2015. – 280 с.

Бубнова М.А. Древние рудознатцы Памира. – Душанбе: Дониш, 1993. – 176 с.

Гольева А.А. Информационные возможности биоморфного анализа для реконструкции природной среды древних обществ // Экология древних и современных обществ: докл. конф. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 2003. – Вып. 2. – С. 21–24.

Куприянова Л.А. Морфология пыльцы однодольных // Флора и систематика высших растений. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – Вып. 7. – С. 106–117.

Куприянова Л.А. Палинология сережкоцветных. – М.; Л.: Наука, 1965. – 215 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца двудольных растений флоры европейской части СССР. Lamiaceae–Zygophyllaceae. – Л.: Наука, 1978. – 183 с.

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца и споры растений флоры СССР. – Л.: Наука, 1972. – Т. 1. – 171 с.

Ранов В.А. Раскопки памятников первобытно-общинного строя на Восточном Памире // Археологические работы в Таджикистане. – 1960. – № 8. – С. 6–26.

Рябогина Н.Е. Очаги культивирования злаков в древности на территории Западной Сибири по палеоботаническим данным // Вестн. ВОГиС. – 2006. – Т. 10, № 3. – С. 572–579.

Сергушева Е.А., Рябогина Н.Е., Лящевская М.С., Гольева А.А. Аргументация земледелия на археологических памятниках Приамурья и Приморья: результаты применения палеоботанических методик // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2016. – Т. 402. – С. 99–108.

Федорова Р.В. Некоторые особенности морфологии пыльцы культурных злаков // Тр. Ин-та географии АН СССР: мат-ла по геоморфологии и палеогеографии. Работы по спорово-пыльцевому анализу. – 1959. – Вып. 77. – С. 166–186.

Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete [Guide on pollen provision for Central Europe and adjacent areas]. – Munich: Verl. Friedrich Pfeil, 2004. – 542 S.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – Caldwell: The Blackburn Press, 1989. – 328 p.

Grimm E. Tilia software 2.0.2. – Springfield: Illinois State Museum Research and Collection Center, 2004.

Joly C., Barillé L., Barreau M., Mancheron A., Visset L. Grain and annulus diameter as criteria for distinguishing pollen grains of cereals from wild grasses // Review of Palaeobotany and Palynology. – 2007. – Vol. 146. – P. 221–233.

Liu X., Jones P.J., Motuzaite Matuzeviciute G., Hunt H.V., Lister D. L., An T., Przelomska N., Kneale C.J., Zhao Z., Jones M. K. From Ecological Opportunism to Multi-Cropping: Mapping Food Globalisation in Prehistory // Quaternary Sci. Rev. – 2019. – Vol. 206. – P. 21–28.

Miller N.F. Agricultural development in western Central Asia in the Chalcolithic and Bronze Ages // Vegetation history and archaeobotany. – 1999. – Vol. 8. – N 1-2. – P. 13–19.

Moore K., Miller N.F., Heibert F.T., Meadow R.H. Agriculture and herding in the early oasis settlements of the Oxus Civilization // Antiquity. – 1994. – Vol. 68. – N 259. – P. 418–427.

Motuzaite Matuzeviciute G., Preece R.C., Wang S., Colominas L., Ohnuma K., Kume S., Abdykanova A., Jones M.J. Ecology and subsistence at the Mesolithic and Bronze Age site of Aigyrzhal-2, Naryn valley, Kyrgyzstan // Quaternary International. – 2017. – Vol. 437. – P. 35–49.

Petrie C.A., Thomas K.D., Morris J. Chronology of Sheri Khan Tarakai //Sheri Khan Tarakai and Early Village Life in the Borderlands of Northwest Pakistan. – Oxbow: Oxford and Oakville, 2010. – P. 343–352.

Rouse L.M., Cerasetti B. Ojakly: a Late Bronze Age mobile pastoralist site in the Murghab region, Turkmenistan // Journal of Field Archaeology. – 2014. – Vol. 39. – N 1. – P. 32–50.

Sergusheva E.A. Seeds and fruits from late neolithic site Rettichovka - Geologicheskaya of Primorye region // Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia, 2. – Kumamoto: Shimoda Print, 2006. – P. 1–11.

Spengler R.N., Willcox G. Archaeobotanical results from Sarazm, Tajikistan, an Early Bronze Age Settlement on the edge: Agriculture and exchange // Environmental Archaeology. – 2013. – Vol. 18. – N 3. – P. 211–221.

Spengler R., Frachetti M., Doumani P., Rouse L., Cerasetti B., Bullion E., Mar'yashev A. Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists of Central Eurasia // Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences. – 2014. – Vol. 281. – P. 1–7.

Willcox G. Carbonized plant remains from Shortughai, Afghanistan // New light on early farming: Recent developments in palaeoethnobotany. – 1991. – P. 139–153.

References

Beug H.-J. Leitfaden der Pollenbestimmung für Mitteleuropa und angrenzende Gebiete [Guide on pollen provision for Central Europe and adjacent areas], Münich: Verl. Friedrich Pfeil, 2004, 542 S.

Bubnova M.A. Arkheologicheskaya karta Gorno-Badakhshanskoi avtonomnoi oblasti. Dushanbe, 2015, 280 p. (in Russ.).

Bubnova M.A. Drevnie rudoznattsy Pamira. Dushanbe: Donish Publ., 1993, 176 p. (in Russ.).

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. Caldwell: The Blackburn Press, 1989, 328 p.

Fedorova R.V. Nekotorye osobennosti morfologii pyl'tsy kul'turnykh zlakov. *Trudy Instituta geografii AN SSSR: Mater. po geomorfologii i paleogeografii. Raboty po sporovo-pyl'tsevomu analizu*, 1959, iss. 77, pp. 166–186 (in Russ.).

Gol'eva A.A. Informatsionnye vozmozhnosti biomorfnogo analiza dlya rekonstruktsii prirodnoi sredy drevnikh obshchestv. *Ekologiya drevnikh i sovremennykh obshchestv. Dokl. konferentsii*, Tyumen: Institute of the Problems of Northern Development SB RAS, 2003, iss. 2, pp. 21–24 (in Russ.).

Grimm E. Tilia software 2.0.2. – Springfield: Illinois State Museum Research and Collection Center, 2004.

Joly C., Barillé L., Barreau M., Mancheron A., Visset L. Grain and annulus diameter as criteria for distinguishing pollen grains of cereals from wild grasses. *Review of Palaeobotany and Palynology*, 2007, vol. 146, pp. 221–233.

Kupriyanova L.A. Morfologiya pyl'tsy odnodol'nykh. *Flora i sistematika vysshikh rastenii*, Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1948, iss. 7, pp. 106–117 (in Russ.).

Kupriyanova L.A. Palinologiya serezhkotsvetnykh. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965, 215 p. (in Russ.).

Kupriyanova L.A., Aleshina L.A. Pyl'tsa dvudol'nykh rastenii flory evropeiskoi chasti SSSR. Lamiaceae–Zygophyllaceae. Leningrad: Nauka, 1978, 183 p. (in Russ.).

Kupriyanova L.A., Aleshina L.A. Pyl'tsa i spory rastenii flory SSSR. Leningrad: Nauka, 1972, vol. 1, 171 p. (in Russ.).

Liu X., Jones P.J., Motuzaite Matuzeviciute G., Hunt H.V., Lister D. L., An T., Przelomska N., Kneale C.J., Zhao Z., Jones M.K. From Ecological Opportunism to Multi-Cropping: Mapping Food Globalisation in Prehistory. *Quaternary Science Reviews*, 2019, vol. 206, pp. 21–28.

Miller N.F. Agricultural development in western central Asia in the Chalcolithic and Bronze Age. *Vegetation History and Archaeobotany*, 1999, vol. 8, pp. 13–19.

Moore K., Miller N.F., Heibert F.T., Meadow R.H. Agriculture and herding in early oasis settlements of the Oxus civilization. *Antiquity*, 1994, vol. 68, pp. 418–427.

Motuzaite Matuzeviciute G., Preece R.C., Wang S., Colominas L., Ohnuma K., Kume S., Abdykanova A., Jones M.J. Ecology and subsistence at the Mesolithic and Bronze Age site of Aigyrzhal-2, Naryn valley, Kyrgystan. *Quaternary International*, 2015, vol. 437, pp. 35–49.

Petrie C.A., Thomas K.D., Morris J. Chronology of Sheri Khan Tarakai. *Sheri Khan Tarakai and Early Village Life in the Borderlands of Northwest Pakistan*, Oxbow: Oxford and Oakville, 2010, pp. 343–352.

Ranov V.A. Raskopki pamyatnikov pervobytno-obshchinnogo stroya na Vostochnom Pamire. *Arkheologicheskie raboty v Tadzhikistane*, 1960, No. 8, pp. 6–26 (in Russ.).

Rouse L.M., Cerasetti B. Ojakly: A late Bronze Age mobile pastoralist site in the Murghab region. *Turkmenistan. Journal of Field Archaeology*, 2014, vol. 39, pp. 32–50.

Ryabogina N.E. Ochagi kul'tivirovaniya zlakov v drevnosti na territorii Zapadnoi Sibiri po paleobotanicheskim dannym. *Vestnik Vavilovskogo obschestva genetikov i selektsionerov*, 2006, vol. 10, No. 3, pp. 572–579 (in Russ.).

Sergusheva E.A. Seeds and fruits from late neolithic site Rettichovka - Geologicheskaya of Primorye region. *Cultivated Cereals in Prehistoric and Ancient Far East Asia, 2*, Kumamoto: Shimoda Print, 2006, pp. 1–11.

Sergusheva E.A., Ryabogina N.E., Lyashchevskaya M.S., Gol'eva A.A. Argumentatsiya zemledeliya na arkheologicheskikh pamyatnikakh Priamur'ya i Primor'ya: rezul'taty primeneniya paleobotanicheskikh metodik. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2016, vol. 402, pp. 99–108 (in Russ.).

Spengler R., Frachetti M., Doumani P., Rouse L., Cerasetti B., Bullion E., Mar'yashev A. Early agriculture and crop transmission among Bronze Age mobile pastoralists of Central Eurasia. *Proceedings of the Royal Society B: Biological Sciences*, 2014, vol. 281, pp. 1–7.

Spengler R.N., Willcox G. Archaeobotanical results from Sarazm, Tajikistan, an Early Bronze Age Settlement on the edge: Agriculture and exchange. *Journal of Environmental Archaeology*, 2013, vol. 18, pp. 211–221.

Willcox G. Carbonised plant remains from Shortughai, Gafhanistan. *New Light on Early Farmin: Recent Developments in Palaeoethnobotany*, Edinburgh: Edinburgh Univ. Press, 1991, pp. 139–152.

Жилич С.В. https://orcid.org/0000-0002-0365-0602
Рудая Н.А. https://orcid.org/0000-0003-1536-6470
Шнайдер С.В. https://orcid.org/0000-0003-2230-4286

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.396-401
УДК 902.672+902.2

Е.П. Загваздин[1], Н.А. Рудая[2]

[1]Тобольская комплексная научная станция УрО РАН
Тобольск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: kulay_arx@mail.ru

Результаты палинологических исследований в Тобольском Прииртышье

Палинологические исследования на памятниках археологии Тобольского Прииртышья стали предметом пристального внимания специалистов сравнительно недавно. Изученные в 2016 г. палеоботанические образцы с городища Ярковского-1 и поселения Вахрушево-1 дали дополнительные аргументы в пользу присутствия у средневекового населения пашенного земледелия. Необходимость обратиться к палинологическим исследованиям возникла при изучении культурного слоя г. Тобольска для характеристики особенностей формирования городской среды. Основой для данных работ стали материалы археологических исследований, проведённых в 2017 г. в нагорной исторической части города. Была поставлена главная задача –прояснить состав растительных сообществ, существовавших на правобережной коренной террасе Тобольского материка с 1587 г. и до первой четверти XVIII в. В статье представлены результаты палинологических исследований культурного слоя г. Тобольска. Помимо проб из культурного слоя для сравнительного анализа были взяты образцы из погребённой палеопочвы, не содержащей культурных остатков. Для палеопочвы выяснено время начала ее формирования, относящегося к атлантическому периоду голоцена. В общей сложности из почвенных горизонтов были отобраны 4 пробы. В результате палинологического изучения образцов прослежена динамика развития растительных сообществ Троицкого мыса. Исследование показало произрастание сосново-березовых лесов с примесью широколиственных пород с VII тыс. до н.э. К первой четверти XVIII в. н.э. наблюдается увеличение доли сосны и ели, а доля березы, напротив, значительно сокращается. Пыльца цикориевых выявляет заметный антропогенный компонент.

Ключевые слова: *Тобольск, палинология, археология, культурный слой.*

Evgeny P. Zagvazdin[1], Natalia A. Rudaya[2]

[1]Tobolsk Integrated Scientific Station UB RAS,
Tobolsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: kulay_arx@mail.ru

Palynological Research in the Tobolsk Irtysh Region

Palynological studies at archeological sites of the Tobolsk Irtysh region have become an active subject of research relatively recently. Paleobotanical samples from the Yarkovsky 1 and Vakhrushevo 1 settlements, studied in 2016, provided additional arguments in favor of the presence of arable farming practiced by the Medieval population. When the cultural layer in the city of Tobolsk was studied for establishing the conditions of urban environment, there was a need to use palynological data. The evidence of archaeological studies conducted in 2017 in the upper historical part of Tobolsk, became the basis for research aimed at clarifying the composition of plant communities which existed on the right bank rock terrace of the Tobolsk natural ground from 1587 until the first quarter of the 18th century. The article presents the results of palynological studies into the cultural layer of Tobolsk. In addition, the samples taken from the cultural layer were compared with samples from the sterile buried paleosol. The time when the paleosol started to be formed was the Atlantic period of the Holocene. In total, four samples were taken from soil horizons. The dynamics of the development of plant communities on Cape Troitsky revealed pine-birch forests with admixture of broad-leaved species starting from the seventh

millennium BC. By the time when Tobolsk was founded (1587), the structure of plant communities had not fundamentally changed. By the first quarter of the 17th century, an increase in the share of pine and spruce can be observed, while the share of birch became significantly reduced. The pollen of the Cichorioideae reveals a notable anthropogenic component.

Keywords: *Tobolsk, palynology, archaeology, cultural layer.*

Палеоботаническим исследованиям на памятниках археологии в Тобольском Прииртышье до недавнего времени не уделялось должного внимания. Предпринятое не так давно археоботаническое изучение культурного слоя городища Ярковского-1 и поселения Вахрушево-1 позволило существенно дополнить представление о хозяйственном укладе и засвидетельствовать существование в Тобольском Прииртышье в XII–XIV вв. пашенного земледелия с посевами ячменя, пшеницы, а также овса и ржи [Адамов и др., 2016; Адамов, 2018].

В палеоботанических исследованиях в Тобольском Прииртышье нуждаются не только средневековые памятники. В 2017 г. при изучении культурного слоя г. Тобольска в качестве главной была поставлена задача прояснить состав растительных сообществ, существовавших на правобережной коренной террасе Тобольского материка о времени основания города (1587 г.) и до первой четверти XVIII в.

Реконструкция облика природного ландшафта на начальном этапе формирования города до сих пор остается для Тобольска актуальной проблемой. Хотя ранее уже рассматривался ряд вопросов, связанных с изучением структуры городской застройки в XVI–XVII вв. [Данилов, 2017а, б], они касались прежде всего антропогенного воздействия на природную и городскую среду, фиксируемого в основном по археологическим материалам. Исследования динамики развития облика городского ландшафта в XVI–XVII вв. с использованием методов и данных естественно-научных дисциплин не проводилось.

Для территории Сибири опыт реконструкции начального этапа становления русских городов с применением комплекса этих дисциплин невелик, но значим. К примеру, в Енисейске использовался комплексный подход с определением морфологических, химических и физических свойств археологических почв, позволяющий выявить тренд развития города. А.А. Гольевой на основании почвоведческих данных реконструированы особенности смены биогеоценозов Енисейска начиная с XVII в. [2017].

Для Тобольска была поставлена аналогичная задача, однако акцент сместился в сторону реконструкции облика растительных сообществ, существовавших на территории Троицкого мыса со времени основания города в 1587 г. Актуальной задачей также было проследить динамику в облике растительности на начальном этапе становления города. Для этого были использованы образцы из горизонта, датированного первой четвертью XVIII в.

Раскоп, в котором брались пробы для палинологического анализа, был заложен в исторической нагорной части города на ул. Октябрьской, 9 (рис. 1). Участок усадьбы, где проводились раскопки, занят огородом. Площадь раскопа составила 10 м^2 (5 × 2 м). Раскопки показали, что культурный слой на этом участке частично разрушен линией тепловых сетей (восточный край раскопа). Площадь разрушения слоя при прокладке сетей (в последнее десятилетие) составила около 3 м^2. При исследовании напластований в остальных квадратах раскопа, не нарушенных тепловыми сетями, выявлено, что слой вплоть до 5-го горизонта перемешан, нарушен поздними перекопами и поэтому содержит артефакты как XIX в., так и советского периода.

На уровне 6-го горизонта проявились контуры крупной округлой ямы № 1 по древней погребенной почве. Ее площадь, вошедшая в раскоп, составляла около 4 м^2. Яма оказалась не нарушена поздними перекопами и представляет собой закрытый археологический комплекс. При ее выборке у восточного края котлована были расчищены деревянные конструкции – бревна из дерева хвойных пород разной толщины и длины. Их расположение показывает, что они, вероятнее всего, обвалились сверху. Назначение этих бревен остается неясным. На дне ямы следов очага не обнаружено – лишь неровное подпрямоугольное углубление.

Яма, по всей видимости, была погребом под жилым домом. Нумизматический материал – монеты мелкого номинала, т.н. «чешуйки» (11 экз.), позволил датировать яму и сопутствующий 6-й горизонт первой половиной XVII – первой четвертью XVIII в.

Поскольку под ранним культурным слоем оказалась погребена и голоценовая суглинистая дерново-подзолистая почва со вторым почвенным горизонтом, зафиксированная при многочисленных раскопках в нагорной части города как «черный суглинок» (далее – ЧС), образцы были взяты также из этого слоя для сравнительного анализа. Отбор проб из погребенной палеопочвы продиктован рядом обстоятельств: слой стерильный, так как не содержит культурных остатков (в небольшом количестве они выявлены лишь в его кровле), и может

Рис. 1. Карта нагорной исторической части г. Тобольска.

служить образцом для оценки антропогенного воздействия и динамики развития растительных сообществ до начала заселения Троицкого мыса; слой ЧС не поврежден распашкой, достаточно мощный (16–40 см), гомогенный.

С двух стенок раскопа из заполнения ямы № 1 было отобрано в общей сложности 15 образцов грунта (дополнительно два образца собраны в 2018 г. из ЧС). В итоге из отобранной коллекции для анализа взяты четыре образца грунта (рис. 2), маркирующие основные хронологические этапы функционирования объекта.

Пробы 1 и 6 отобраны из заполнения ямы № 1. Первая проба, взятая со дна ямы, с натоптанной суглинистой земли, маркирует начало функционирования этого объекта (первая половина XVII в.), тогда как проба 6 – его окончание (первая четверть XVIII в.).

Проба 14 взята из верхней части ЧС, а проба 15 – из ее подошвы. Проба 15 была разделена на две части, одна из которых отправлена на радиоуглеродное датирование в лабораторию ИЯФ СО РАН для выяснения абсолютной даты начала формирования этой почвы. Датирование образца (BINP_NSU_1385) показало радиоуглеродный возраст почвы 6671 ± 90 л.н. Калиброванная календарная дата: 5730–5476 лет до н.э. с вероятностью 95,4 %. Вторая часть пробы 15 была отправлена на палинологические исследования.

Химическая обработка представленных образцов производилась в лаборатории PaleoData ИАЭТ СО РАН. Применялась стандартная методика [Faegri, Iversen, 1989]. Для подсчета концентрации пыльцевых зерен и спор использовались таблетки спор *Lycopodium*. Подсчет проводился с помощью светового микроскопа Zeiss Axio Imager D2 с увеличением ×400. Для определения таксономической принадлежности пыльцы и спор применялись определители и атласы [Куприянова, Алешина, 1978; Moore, Webb, Collison, 1991]. В каждой пробе насчитывалось не менее 300 зерен пыльцы и спор. Спорово-пыльцевая диаграмма построена в программе Tilia [Grimm, 2004] (рис. 3).

Проба 1 характеризуется преобладанием пыльцы древесных растений – сосны (преимущественно *Pinus sylvestris*) и древесной березы (*Betula*). Единично встречена пыльца липы (*Tilia*). Концентрация пыльцы и спор невысокая. Из пыль-

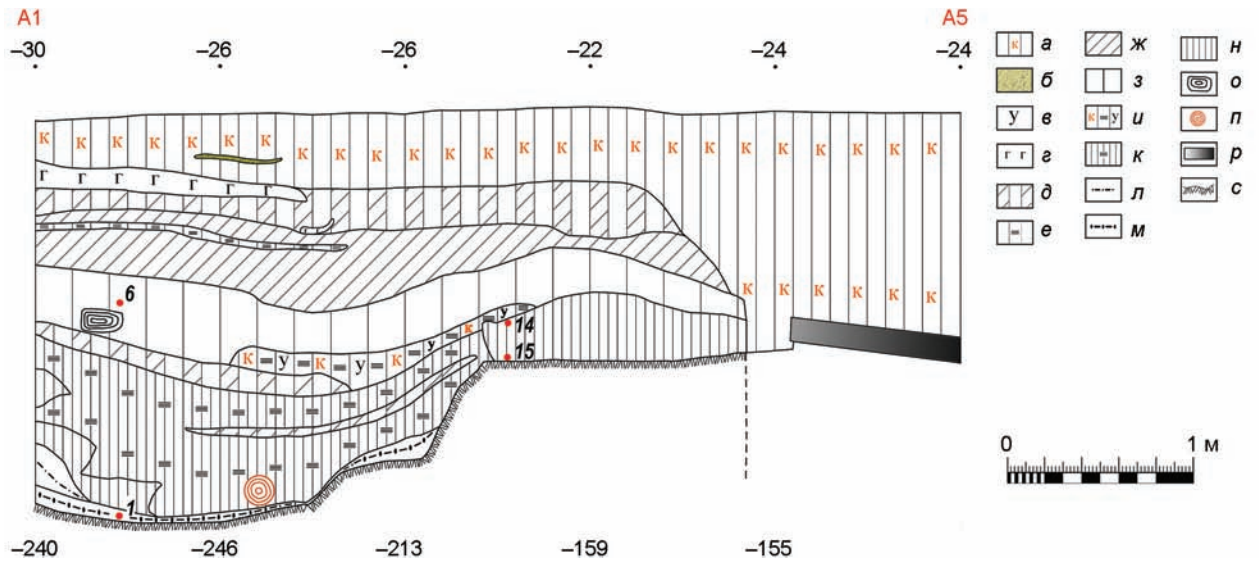

Рис. 2. Северный профиль раскопа 2017 г. с указанием точек отбора образцов для палинологических исследований (№ 1, 6, 14, 15).

а – темно-серый суглинок с кирпичом; *б* – песок; *в* – уголь; *г* – гравий; *д* – темно-серый суглинок с перегноем; *е* – мешаный темно-серый с желтым суглинок; *ж* – перегной; *з* – бурый суглинок; *и* – мешаный темно-серый с желтым суглинок с углем и кирпичом; *к* – мешаный черный с желтым суглинок; *л* – желтый суглинок; *м* – желтый суглинок (натоптанный); *н* – черный суглинок (палеопочва); *о* – горелое дерево; *п* – истлевшее дерево; *р* – перекрытие теплотрассы (бетон); *с* – материк.

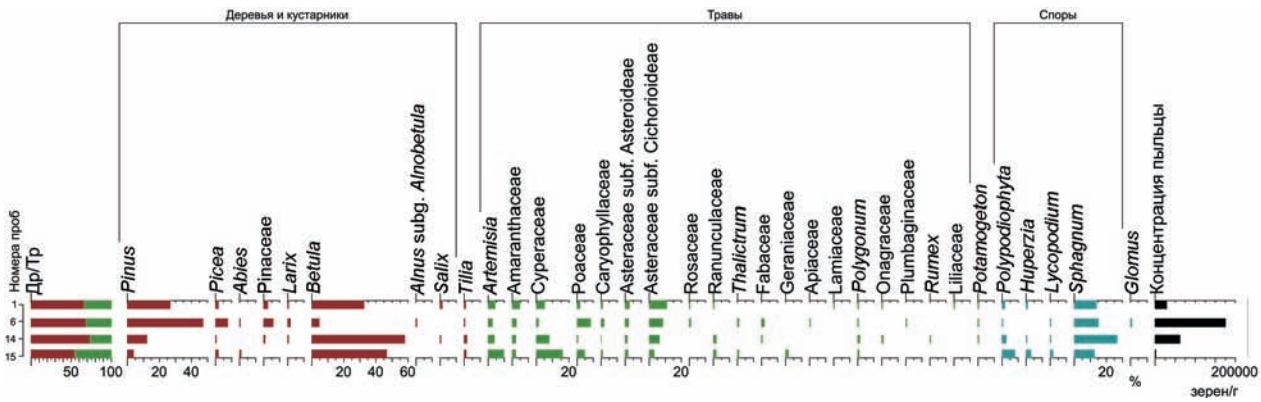

Рис. 3. Палинологическая диаграмма образцов тобольского культурного слоя (пробы № 1, 6) и погребенной палеопочвы (№ 14, 15).

цы разнотравья более или менее обильны астровые (Asteraceae), полынь (*Artemisia*), маревые (Amaranthaceae), злаки (Poaceae) и осоковые (Cyperaceae). Подсемейство астровых – цикориевые (Asteraceae subf. Cichorioideae), включающее большое количество видов-сорняков и служащее маркером присутствия человека, в этой пробе представлено наиболее обильно. Из споровых более всего присутствует мох сфагнум (*Sphagnum*). Единично встречены пыльцевые зерна водного растения рдест (*Potamogeton)*.

Состав спорово-пыльцевого спектра выявляет развитие березовых лесов с примесью сосняков и широколиственных пород в окрестностях города; пыльца *Potamogeton* и споры *Sphagnum* указывают на то, что постройка располагалась рядом с заболоченным водоемом.

Проба 6 отличается от *пробы 1* бóльшим процентом сосны и ели (*Picea*), березы, напротив, значительно меньше. Состав травянистой пыльцы и спор в целом соответствует *пробе 1*. Так же среди травянистых ведущее место занимают цикориевые. Обилие хвойных может быть свидетельством как лесной растительности в окрестностях места отбора пробы, так и того, что погреб выстилали ветками хвойных деревьев. Большое количество спор мха сфагнума и присутствие пыльцы *Potamogeton* может говорить о присутствии рядом водоема.

Проба 14 характеризуется наибольшим процентом пыльцы березы и спор сфагнума, что мо-

жет свидетельствовать о развитии березняков и болотных сообществ в окрестностях пункта отбора пробы. Единично встречена пыльца липы и ивы (*Salix*). Травянистая пыльца представлена в основном осоками (Cyperaceae), цикориевыми и полынью.

Проба 15 отличается крайне низкой концентрацией пыльцы и спор, что вполне характерно для почв. Также доминирует пыльца березы, значителен процент осоковых, полыни, злаков и папоротников (Polypodiophyta).

Выводы

Проведенные палинологические исследования погребенной палеопочвы и культурного слоя Тобольска первой половины XVII – первой четверти XVIII в. позволили сделать ряд выводов.

1. Согласно данным радиоуглеродного датирования формирование погребенной палеопочвы со вторым гумусовым горизонтом началось в атлантический период голоцена, что подтверждается также рядом почвоведческих исследований, проведенных в подзоне южной тайги (Гаврилов, 2016; Гаврилов и др., 2017). Палинологическое наполнение почвы выявляет произрастание в регионе в это время сосново-березовых лесов с примесью широколиственных пород.

2. Ко времени основания Тобольска (1587 г.) Троицкий мыс был занят березовым лесом с примесью сосняков и широколиственных пород.

3. С меридиональным расширением верхнего города, до первой четверти XVIII в., наблюдается увеличение доли сосны и ели, а береза, напротив, значительно сокращает свое присутствие. Обилие пыльцы цикориевых выявляет заметный антропогенный компонент в локальной растительности. Уменьшение доли березняка в древостое, возможно, объясняется как массовой вырубкой из-за расширения площадей под городскую застройку, так и тем, что береза охотнее используется как источник органического топлива по сравнению с другими видами деревьев.

4. Палинологические исследования по растительности Троицкого мыса предоставили дополнительные аргументы, которые позволяют на качественно новом уровне оценить летописные свидетельства, касающиеся строительства Данилой Чулковым первого ладейного города.

Благодарности

Радиоуглеродное датирование образца проведено в лаборатории ИЯФ СО РАН под руководством академика РАН д-ра физ.-мат. наук В.В. Пархомчука. Пробоподготовка для датирования осуществлялась в лаборатории радиоуглеродных методов анализа Новосибирского государственного университета под руководством канд. хим. наук Е.В. Пархомчук.

Работа выполнена при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ в рамках темы № 0408-2019-0008.

Список литературы

Адамов А.А. Земледелие в эпоху средневековья у народов Западной Сибири (обзор источников) // Вестн. Тюм. гос. ун-та. Гуманитарные исследования. Humanitates. – 2018. – Т. 4, № 2. – С. 152–173.

Адамов А.А., Корона О.М., Рябогина Н.Е. Палеоэтноботанические и археологические данные о пашенном земледелии на памятниках XII–XIV вв. в Тобольском Прииртышье // Экология древних и традиционных обществ: мат-лы V Междунар. науч. конф. – Тюмень, 2016. – С. 15–19.

Гаврилов Д.А. Генезис второго гумусового горизонта почв Васюганской наклонной равнины // Бюл. Почвенного ин-та им. В.В. Докучаева. – М., 2016. – Вып. 85. – С. 3–19.

Гаврилов Д.А., Лойко С.В., Лада Н.Ю., Климова Н.В. Радиоуглеродный возраст гумусово-элювиальной части полигенетитичных почв южной тайги Западной Сибири // Почвенные ресурсы Сибири: вызовы XXI века. – Новосибирск, 2017. – Ч. 1. – С. 38–41.

Гольева А.А. Этапы становления Енисейска по данным почвенных исследований: первые результаты // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Наука, 2017. – С. 37–44.

Данилов П.Г. Вопросы топографии Тобольского кремля XVII века по археологическим и историческим материалам // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск: Наука, 2017а. – С. 329–331.

Данилов П.Г. Топография исторического центра города Тобольска в конце XVI – первой половине XVII в. // V (XXI) Всерос. археол. съезд [Электронный ресурс]. – Барнаул, 2017б. – URL: http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896 (дата обращения: 21.10.2019).

Куприянова Л.А., Алешина Л.А. Пыльца двудольных растений флоры европейской части СССР. Lamiaceae – Zygophyllaceae. – Л.: Наука, 1978. – 183 с.

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. – Chichester: John Wiley and Sons, 1989. – 328 p.

Grimm E.C. Tilia Graph v.2.0.2, Software / Illinois State Museum, Research and Collection Center. – Springfield, 2004.

Moore P.D., Webb J.A., Collison M.E. Pollen analysis. Blackwell Scientific Publications. – 2nd Edition. – Blackwell, Oxford, 1991. – 216 p.

References

Adamov A.A. Zemledelie v epohusrednevekov'ya u narodov Zapadnoi Sibiri (obzor istochnikov). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta, Gumanitarnye issledovanija. Humanitates*, 2018, vol. 4, No. 2, pp. 152–173 (in Russ.).

Adamov A.A., Korona O.M., Ryabogina N.E. Paleoetnobotanicheskie i arkheologicheskie dannye o pashennom zemledelii na pamyatnikakh XII–XIV vv. v Tobol'skom Priirtysh'e. *Ekologiya drevnikh i traditsionnykh obshhestv. Materialy V Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii*, Tyumen, 2016, pp. 15–19 (in Russ.).

Danilov P.G. Voprosy topografii Tobol'skogo kremlya XVII veka po arkheologicheskim i istoricheskim materialam. *Kul'tura russkikh v akrheologicheskikh issledovaniyah*. Omsk: Nauka, 2017a, pp. 329–331 (in Russ.).

Danilov P.G. Topografiya istoricheskogo tsentra goroda Tobol'ska v kontse XVI – pervoy polovine XVII v. *V (XXI) Vserossiysky arkheologichesky s'ezd* [*Elektronic edition*]. Barnaul, 2017b. URL: http://elibrary.asu.ru/handle/asu/3896 (Accessed: 21.10.2019) (in Russ.).

Faegri K., Iversen J. Textbook of Pollen Analysis. Chichester: John Wiley and Sons, 1989, 328 p.

Gavrilov D.A. Genezis vtorogo gumusovogo gorizonta pochv Vasyuganskoy naklonnoy ravniny. *Byulleten' Pochvennogo instituta im. V.V. Dokuchaeva*, Moscow, 2016, iss. 85, pp. 3–19 (in Russ.).

Gavrilov D.A., Loyko S.V., Lada N.Yu., Klimova N.V. Radiouglerodny vozrast gumusovo-elyuvial'noy chasti poligenetichnykh pochv yuzhnoy taygi Zapadnoy Sibiri. *Pochvennye resursy Sibiri: vyzovy XXI veka*. Novosibirsk, 2017, pt. 1, pp. 38–41 (in Russ.).

Gol'eva A.A. Etapy stanovleniya Yeniseyska po dannym pochvennykh issledovaniy: pervye rezul'taty. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskih issledovaniyakh*. Omsk: Nauka, 2017, pp. 37–44 (in Russ.).

Grimm E.C. Tilia Graph v.2.0.2, Software / Illinois State Museum, Research and Collection Center. Springfield, 2004.

Kupriyanova L.A., Alyoshina L.A. Pollen and Spores of Plants from the Flora of European Part of USSR. Leningrad: Nauka, 1978, 166 p.

Moore P.D., Webb J.A., Collison M.E. Pollen analysis. Blackwell Scientific Publications, 2nd Edition. Blackwell, Oxford, 1991, 216 p.

Загваздин Е.П. https://orcid.org/0000-0001-8438-3448
Рудая Н.А. https://orcid.org/0000-0003-1536-6470

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.402-408
УДК 902.2

Л.С. Кобелева[1], Д.А. Ненахов[1], И.А. Дураков[2], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], В.И. Молодин[1], С. Райнхольд[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
[3]Германский археологический институт
Берлин, Германия
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Бронзолитейный комплекс эпохи ранней – развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь)

В статье публикуются новые материалы эпохи бронзы, полученные при раскопках в полевой сезон 2019 г. в Барабинской лесостепи. На поселении Карьер Таи-1 был исследован хозяйственно-производственный комплекс эпохи ранней бронзы (начала III тыс. до н.э.), содержащий бронзолитейный участок. Участок состоял из заглубленного в землю очага и хозяйственных ям, содержащих керамику, кости животных и рыбы, известняковые конкреции. Техническое назначение очага документируется найденными в его заполнении обломками форм, тигля и, видимо, фрагментами футеровки дна. На прилегающей к очагу территории в заполнении рвов и в слое почвы над объектами найдена серия предметов, также связанных с литейным производством: фрагмент литейной формы, обломок тигля, абразивы на фрагментах керамики, фрагменты глиняной пластики и обмазки. В исследовании представлено описание литейного оборудования, дана характеристика очажного устройства, найдены аналогии с другими памятниками этого времени. Керамический материал комплекса демонстрирует своеобразие и может быть охарактеризован как смешанный, имеющий черты одиновской и кротовской археологических культур эпохи ранней бронзы (III тыс. до н.э.). Данную хронологическую позицию также подтверждает радиоуглеродная дата, полученная по кости животного из заполнения рва. Найденное литейное оборудование носит синкретический характер, хотя более тяготеет к кротовским образцам. До сих пор стратиграфически для одиновской культуры фиксировалась более ранняя позиция, однако синкретизм керамики и радиоуглеродная дата свидетельствуют о том, что активное взаимодействие между носителями этих археологических культур началось уже в начале III тыс. до н.э.

Ключевые слова: *Барабинская лесостепь, эпоха бронзы, кротовская культура, одиновская культура, бронзолитейный комплекс, очаг.*

Liliya S. Kobeleva[1], Dmitrii A. Nenakhov[1], Igor A. Durakov[2], Liudmila N. Mylnikova[1], Marina S. Nesterova[1], Vyacheslav I. Molodin[1], Sabine Reinhold[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
[3]German Archaeological Institute,
Berlin, Germany
E-mail: molodin@archaeology.nsc.ru

Foundry Complex of the Early-Advanced Bronze Age at the Karier Tai-1 Site (Baraba Forest-Steppe)

New evidence of the Bronze Age, which was obtained during the excavations in 2019 in the Baraba forest-steppe, is published in this article. An Early Bronze economic and production complex of the early third millennium BC, which included a bronze casting site was investigated at the Karier Tai-1 site. The site had a hearth dug into the ground and utility pits containing pottery, animal and fish bones, and limestone nodules. The technical function of this hearth is indicated by the fragments of molds, crucible, and apparently the fragments of the bottom lining, found in the filling of the hearth. A number of objects also related to foundry, including the fragments of a mold and crucible, abrasives on ceramic fragments, fragments of clay plastic art and plaster were found in the adjacent territory, in the filling of the ditches, and in the layer of soil above the objects. The article describes the foundry equipment and structure of the hearth, and shows parallels with other sites of that time. Pottery evidence from the complex demonstrates its originality and manifests the features of the Odino and Krotovo archaeological cultures of the Early Bronze Age (third millennium BC). This chronological position is also confirmed by the radiocarbon date obtained from an animal bone found in the filling of the ditch. The foundry equipment is syncretic in nature, although tends to show more similarities with the Krotovo culture. An earlier stratigraphic position used to be recorded for the Odino culture, however, the syncretism of ceramics and radiocarbon date indicate that active interaction between the carriers of these archaeological cultures had already begun in the early third millennium BC.

Keywords: *Baraba forest-steppe, Bronze Age, Krotovo culture, Odino culture, bronze foundry complex, hearth.*

Изучение бронзолитейного производства во всех многообразных проявлениях имеет исключительно важное значение для реконструкции хозяйственной деятельности человека и в конечном итоге воссоздания экономического потенциала носителей той или иной археологической культуры.

В полевой сезон 2019 г. Западно-Сибирский отряд Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН совместно со специалистами Германского археологического института проводил исследования памятника Карьер Таи-1.

Памятник располагается в 3 км к ЮВ от р.п. Венгерово (Венгеровский р-н Новосибирской обл.), на краю высокой надпойменной террасы левого берега р. Тартас, в межкурганном пространстве широко известного в литературе «Усть-Тартасского могильника» саргатской культуры раннего железного века.

В результате геофизических исследований в 2018–2019 гг. был выявлен участок памятника площадью 400 м^2, содержащий различные аномалии, обособленные объектом (рвом) подковообразной формы. Часть объекта, по-видимому, разрушена в результате эрозии почв на краю террасы.

С целью проверки данных геофизики в 2019 г. сплошной площадью исследована половина площади вышеописанного объекта (208 м^2).

В результате обнаружены ямы хозяйственного назначения, обособленные двумя концентрическими рвами подковообразной формы. В ямах, рвах и в культурном слое над ними найдены многочисленные фрагменты керамических сосудов, изделия из камня (скребки, ножевидные пластины, отщепы, сколы, нуклеусы) и кости (наконечники стрел, проколки, лощило), а также кости животных и рыбы.

Серия выявленных при раскопках ям имеет в заполнении фрагменты керамики гребенчато-ямочного облика, относящиеся к ранней поре бронзового века, что свидетельствует о существовании на этом участке более древнего поселения.

Рвы, окружавшие ямы, имели разное заполнение. Внутренний ров содержал мешаную серо-желтую почву, внешний – темно-серую сажистую супесь. Возможно, по этой причине, из-за разных магнитных свойств почвы, внутренний ров не отразился на геомагнитной карте. Согласно стратиграфическим наблюдениям, внешний ров более поздний, нежели внутренний, хотя не исключено, что объекты сооружались в достаточно короткий промежуток времени и сосуществовали. В некоторых местах стенка между рвами отсутствует. Ширина объектов достигает 4 м, глубина от уровня материка 0,4–0,6 м.

На дне рва № 2 обнаружен бронзолитейный участок, состоящий из углубленного в землю очага (яма № 106) (рис. 1) и хозяйственных ям, содержащих керамику, кости животных и рыбы, а также известняковые конкреции.

Очаг представлял собой углубление округлой формы. Его размер по верхнему абрису 0,8 × 0,97 м, по уровню дна 0,7 × 0,67 м. Стенки неровные, наклонные. Глубина варьируется от 0,26 до 0,35 м. Дно неровное, имеет плавное понижение от стенок к центру.

С севера в верхней части ямы обнаружена ступенька шириной от 0,05 до 0,13 м. В ней выявлено подчетырехугольное наклонное углубление размером 0,17 × 0,18 м, предназначенное, скорее всего, для размещения оборудования для нагнетания воздуха. На уровне дна ямы, вдоль всей северной стенки, зафиксирован подбой.

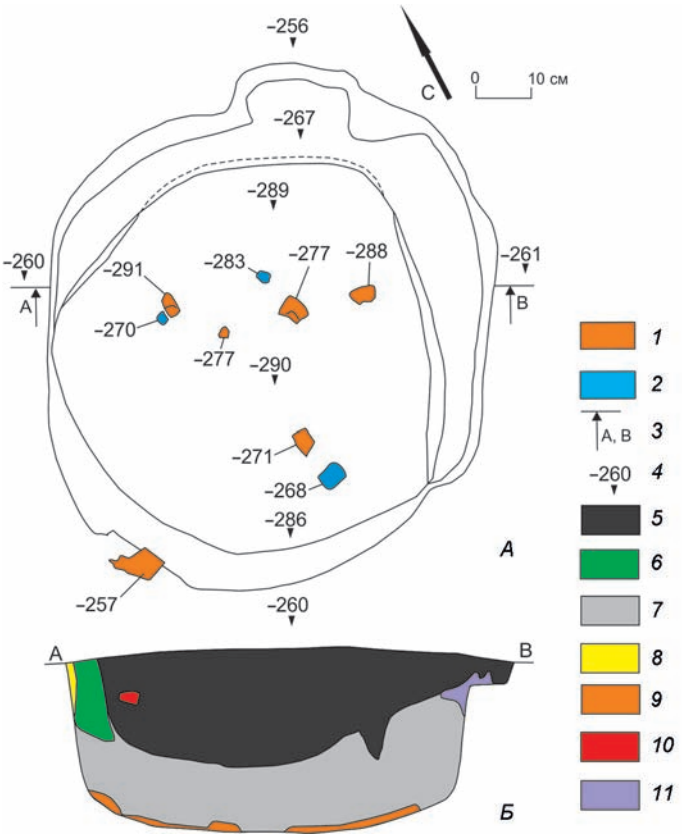

Рис. 1. План (*А*) и разрез (*Б*) ямы № 106 (поселение Карьер Таи-1).

1 – керамика; *2* – фрагменты тигля; *3* – линия разреза; *4* – нивелировочная отметка; *5* – темно-серая (черная) сажистая супесь; *6* – мешаная желто-серая супесь (нора грызуна); *7* – мешаная светло-серо-бурая супесь с большим содержанием пепла; *8* – плотная желто-серая супесь; *9* – ярко-оранжевая плотная супесь; *10* – фрагмент керамики; *11* – мешаная светло-серая, белесая супесь.

Заполнение объекта неоднородно. В верхней части содержалась темно-серая (черная) супесь мощностью до 0,23 м, которую подстилала мешаная, светло-серо-бурая с большим содержанием пепла супесь мощностью до 0,2 м. На уровне дна обнаружена ярко-оранжевая плотная, прокаленная почва (мощность слоя до 0,03 м), возможно, остатки футеровки горна.

Данный тип очага имеет ряд довольно близких аналогий в материалах памятников кротовской культуры. Например, округлый горн найден в жил. № 4 поселения Преображенка-3 [Молодин, 1977, с. 54]. Близкое по конструкции сооружение зафиксировано в жил. № 7 поселения Венгерово-2 [Молодин и др., 2018, с. 50–51, рис. 8, *1*].

Техническое назначение вышеописанного очага документируется найденными в его заполнении обломками форм, тигля и, видимо, фрагментами футеровки дна.

Тигель (рис. 2) представлен крупным обломком, позволяющим реконструировать первоначальную форму изделия. Размеры сохранившейся части 4 × 4,4 см. Высота 3,1 см. Ширина бортика 1 см. Толщина дна 1,8 см. Глубина рабочей камеры 1,5 см. Изделие реконструируется как овальная или каплевидная плоскодонная чашечка с невысоким бортиком и асимметричным сливом. Реконструируемая длина – 8 см, ширина – 5–6 см. Объем рабочей камеры – 35–50 см^3. Тигель изготовлен из крупных кусков формовочного материала на деревянной модельной площадке. На это указывают сохранившиеся на его днище отпечатки волокон древесины.

Судя по морфологическим признакам, изделие относится ко второму типу тиглей в культурах раннего металла Западной Сибири. Отличительной чертой этих плавильных устройств является овально-каплеобразная форма с толстым дном и хорошо выраженным сливом [Дураков, Кобелева, 2017, с. 24]. Наиболее ранний образец таких тиглей найден на территории одиновского поселения Марково-2 [Молодин, 1981, рис. 9, *1*]. Следует отметить, что большинство тиглей этого типа происходят с памятников кротовской культуры. Например, два целых экземпляра найдено в погр. № 282 могильника Сопка-2/4В [Молодин, Гришин, 2016, с. 246–247, рис. 391, *1, 2*]. Еще четыре изделия найдены на кротовских памятниках Прииртышья, один на поселении Черноозерье VI [Кондра-

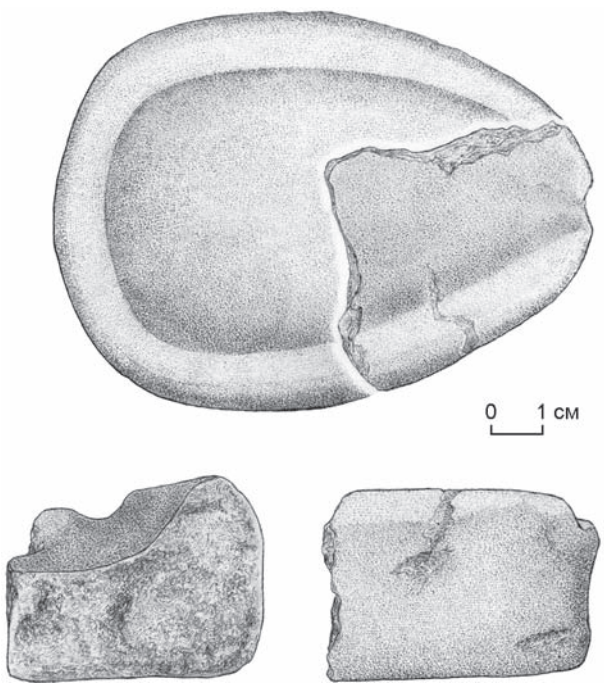

Рис. 2. Тигель из ямы № 106.

тьев, 1974, рис. 1, *2*; Стефанова, 1998, рис. 6, *4*], три остальных на поселении Саранин II [Стефанова, 1998, с. 66].

В очаге также найдены довольно крупные обломки двух форм. Одна из них имеет размеры 2,3 × × 2,5 см. Толщина стенок 2,9 см. Сохранились спинка и рабочая камера для отливки какого-то крупного линзовидного предмета. Формовка изделия, видимо, производилась по модели. Спинка уплощена и выровнена плоской деревянной палочкой.

Второй обломок формы имеет размеры 2,5 × × 3 см. Толщина стенок не менее 2 см. Он также предназначен для отливки крупного предмета. Судя по отпечатку древесной структуры, на поверхности рабочей камеры форма изготовлена по деревянной модели.

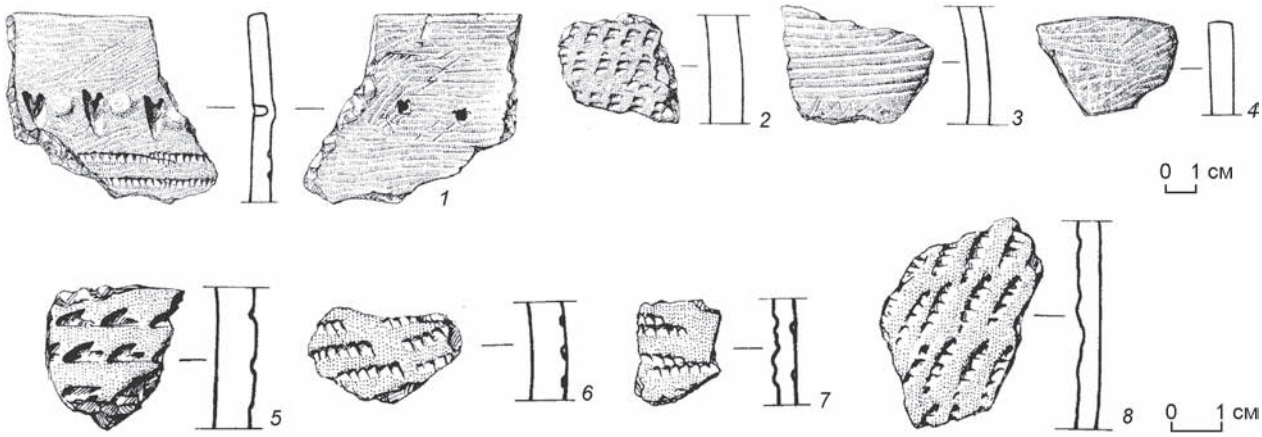

Рис. 3. Керамика из заполнения ямы № 106.

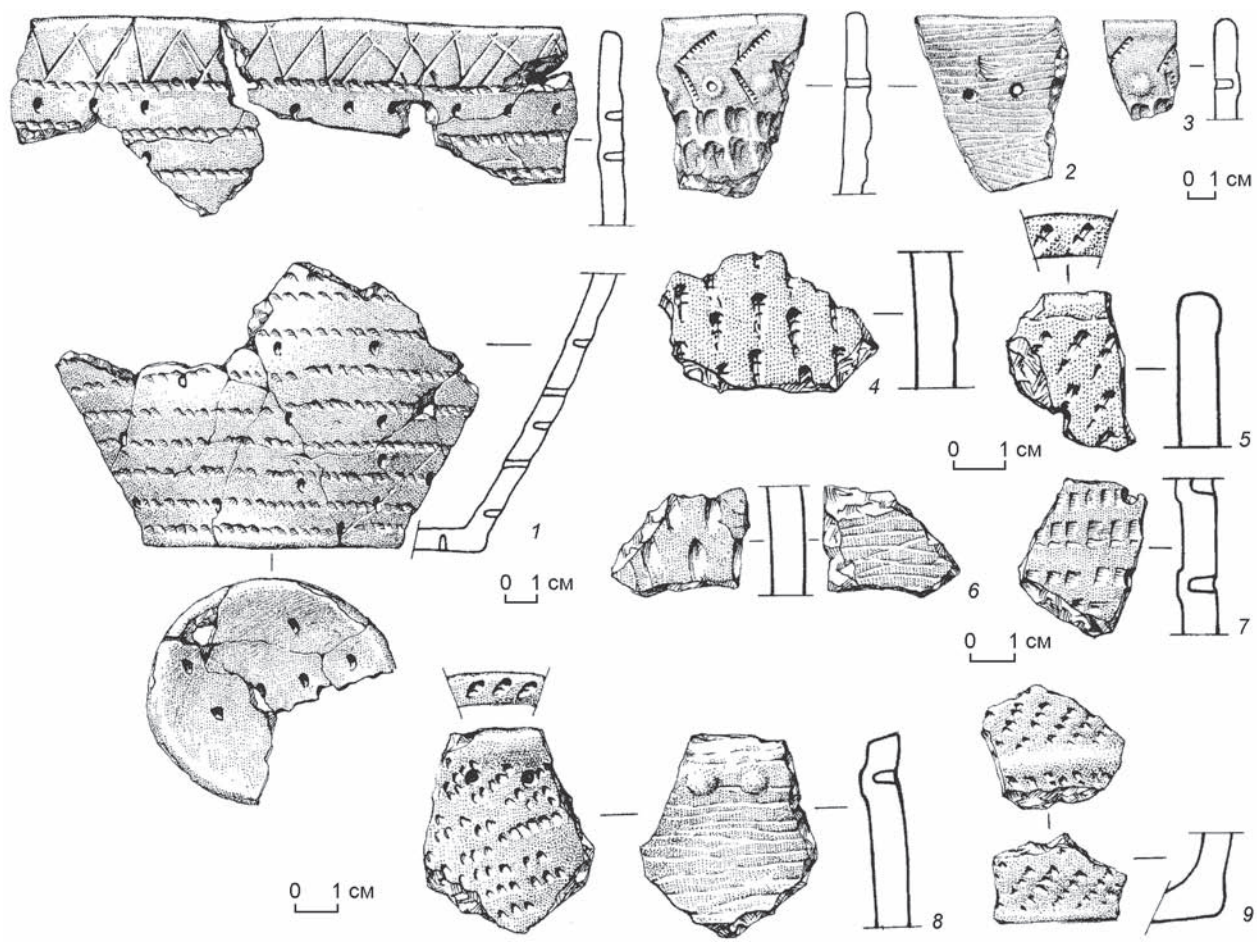

Рис. 4. Керамика из заполнения рвов поселения Карьер Таи-1.

Кроме этого, в очажной яме обнаружен абразив (рис. 3, *4*), который представляет собой фрагмент стенки керамического сосуда, одна из сторон его имеет следы сработанности.

В заполнении ямы найдены многочисленные фрагменты, предположительно, от шести керамических сосудов (рис. 3). Наиболее показательны: фрагмент горловины крупного сосуда, орнаментированный рядом попеременных галочкообразных вдавлений и «жемчужин», а также двумя параллельными горизонтальными линиями, составленными из оттисков гребенчатого штампа (рис. 3, *1*); фрагменты стенок сосудов, в одном случае декорированные параллельными рядами, составленными из парных оттисков зубов животного (?) (рис. 3, *5*), в другом – оттисками семечковидного в сечении гребенчатого штампа (рис. 3, *8*). Обработка поверхности, судя по хаотичным бороздкам, проводилась щепой. Керамический комплекс из очага созвучен с керамическими материалами, содержащимися во рвах и хозяйственных ямах (рис. 4). Они представлены многочисленными толстостенными фрагментами от разных керамических сосудов баночной формы. В орнаментации керамики преобладает гребенчато-ямочная техника. Судя по орнаментации и технологии изготовления, большая часть посуды относится к эпохе ранней – развитой бронзы (одиновская и кротовская археологические культуры, III тыс. до н.э.). Надо сказать, что, несмотря на имеющие место элементы сходства с керамикой, как кротовской, так и одиновской культур, выявленный на памятнике керамический комплекс следует признать достаточно своеобразным, что в дальнейшем потребует его особого анализа.

Данную хронологическую позицию также подтверждает ^{14}C-дата, калиброванная по ±2σ – 3090–2701 до н.э., полученная по кости животного из заполнения рва.

Стоит также отметить определенный синкретизм керамического комплекса, имеющий как кротовские, так и одиновские черты.

На прилегающей к очагу территории в заполнении рвов и в слое почвы над объектами найдена серия предметов, также связанных с литейным про-

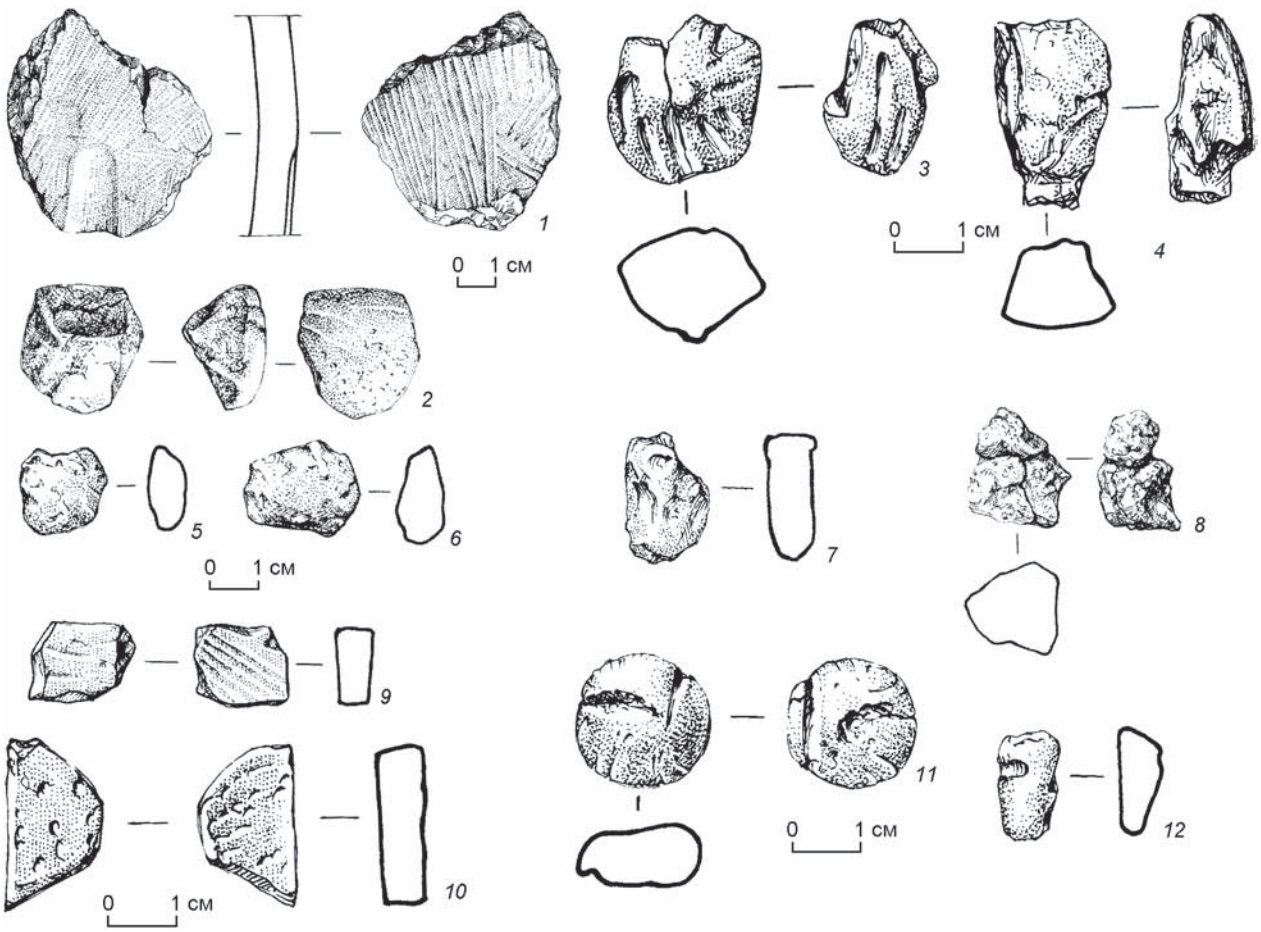

Рис. 5. Техническая керамика с поселения Карьер Таи-1.

1 – обломок литейной формы; *2* – обломок тигля; *3–8* – обломки литейных форм и глиняной обмазки; *9, 10* – абразивы на фрагментах керамики; *11, 12* – изделия из глины.

изводством: фрагмент литейной формы, обломок тигля, абразивы на фрагментах керамики, фрагменты глиняной пластики и обмазки (рис. 5).

Литейная форма изготовлена на фрагменте керамики (рис. 5, *1*). Ее размеры 5,9 × 5,2 × 1,1 см. Сохранилась часть рабочей камеры в виде вытянутого углубления подпрямоугольной формы. Дно рабочей камеры ровное, имеет понижение от одной длинной стенки к другой, соответственно. Размер камеры 2,6 × 1,4 см, глубина 0,1–0,2 см. Фрагмент керамики, послуживший материалом для изготовления формы, представлял собой неорнаментированную стенку керамического сосуда. Необходимо отметить, что обработка поверхности выполнена зубчатым с неровным краем инструментом (щепой?), из-за чего на внутренней и внешней сторонах изделия фиксируются хаотичные бороздки.

Литейные формы на фрагментах керамики представляют собой самую многочисленную группу технической керамики кротовской культуры. К настоящему времени нами учтено не менее 25 таких изделий, найденных на территории бронзолитейных участков поселений Преображенка-3, Венгерово-2 [Молодин и др., 2012, с. 115–116, рис. 13, 14; Дураков, Кобелева, 2017, с. 23]. Все они однотипны и предназначены для отливки стандартизированных слитков в виде вытянутых пластинок или стержней.

Фрагмент тигля найден во рву № 1 (рис. 5, *2*). По всей видимости, тигель относится к тому же типу, что и найденный в заполнении очага. Сохранилась часть стенки с плавильной емкостью. Стенка округлая, хорошо заглажена, в верхней части уплощением выделен бортик шириной 0,7 см. Высота сохранившейся части 3,2 см. Максимальная толщина изделия 1,8 см. Размеры сохранившейся части рабочей камеры 1,5 × 1,9 см.

Два абразива (рис. 5, *9*, *10*) изготовлены из стенок керамических сосудов. Один из краев имеет следы сработанности.

Из глиняной пластики стоит отметить сформованную лепешку округлой формы, с отпечатками ребра плоского инструмента (рис. 5, *11*) размером 2 × 2 × 1,3 см. Назначение данного предмета до конца неясно, но следует отметить статистическую закономерность, заключающуюся в том, что подобные предметы фиксируются на целом ряде бронзолитейных участков как в одиновской культуре, например, в очаге жил. № 1 поселения Старый Тартас-5 [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014, с. 114], так и в кротовской культуре, например, на поселениях Абрамово-10 и Венгерово-2 [Молодин и др., 2012, с. 113].

Таким образом, на территории раскопа выявлен бронзолитейный участок, типичный для этой эпохи. Характер проводимых здесь работ, объем плавок, достигающих, судя по размеру тигля, 0,3–0,4 кг, присутствие формы для отливки стандартизированных слитков, указывает на довольно высокий уровень специализации производства. По всей видимости, при плавке использовалась искусственная подача воздуха. Меха были известны как кротовским, так и одиновским мастерам. Так, каменное сопло было найдено в погр. № 282 кротовского литейщика из могильника Сопка-2 [Молодин, Гришин, 2016, рис. 394]. Обломки трех керамических сопел зафиксированы в жил. № 1 одиновского поселения Старый Тартас-5 [Молодин, Нестерова, Мыльникова, 2014, с. 114].

Керамический материал комплекса демонстрирует своеобразие и может быть охарактеризован как смешанный одиновско-кротовский. Найденное здесь литейное оборудование также носит синкретический характер, хотя более тяготеет к кротовским образцам. Следует отметить, что стратиграфически для одиновской культуры фиксировалась более ранняя позиция [Молодин и др., 2011], однако синкретизм керамики и радиоуглеродная дата свидетельствуют о том, что активное взаимодействие между носителями этих археологических культур началось, вероятно, уже в начале III тыс. до н.э.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 18-09-40051).

Список литературы

Дураков И.А., Кобелева Л.С. Техническая керамика кротовской культуры // Вестн. Том. ун-та. – 2017. – № 49. – С. 23–25. – DOI: 10.17223/19988613/49/4.

Кондратьев О.М. Раскопки поселения эпохи ранней бронзы Черноозерье VI в 1970 г. // Из истории Сибири. – Томск: Том. гос. ун-т, 1974. – Вып. 15. – С. 17–19.

Молодин В.И. Эпоха неолита и бронзы лесостепного Обь-Иртышья. – Новосибирск: Наука, 1977. – 174 с.

Молодин В.И. Памятники одиновского типа в Барабинской лесостепи // Проблемы западносибирской археологии. Эпоха камня и бронзы. – Новосибирск: Наука, 1981. – С. 63–75. – https://arheologija.ru/molodin-pamyatniki-odinovskogo-tipa-v-barabinskoy-lesostepi/ (дата обращения: 10.09.2019).

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Производственный комплекс кротовской культуры на поселении Венгерово-2 (Барабинская

лесостепь) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11, вып. 5. – С. 104–119.

Молодин В.И., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Адаптация сейминско-турбинской традиции в культурах эпохи бронзы юга Западно-Сибирской равнины // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 49–58. – DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.049-058.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Новикова О.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Ефремова Н.С., Соловьев А.И. К периодизации культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи: стратиграфическая позиция погребальных комплексов ранней – развитой бронзы на памятнике Тартас-1 // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2011. – № 3. – С. 40–56.

Молодин В.И., Нестерова М.С., Мыльникова Л.Н. Особенности поселения одиновской культуры Старый Тартас-5 в Барабинской лесостепи // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История. Филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 110–125.

Стефанова Н.К. Кротовская культура в Среднем Прииртышье // Материальная культура древнего населения Урала и Западной Сибири. Вопр. археол. Урала. – 1998. – Вып. 19. – С. 53–75.

References

Durakov I.A., Kobeleva L.S. The technical ceramics of krotovo culture (Central Baraba). *Tomsk State university journal of history*, 2017, No. 49, pp. 23–25 (in Russ.). DOI: 10.17223/19988613/49/4.

Kondrat'ev O.M. Raskopki poseleniya epokhi rannei bronzy Chernoozer'e VI v 1970 g. In *Iz istorii Sibiri*. Tomsk: State Univ. Press, 1974, iss. 15, pp. 17–19 (in Russ.).

Molodin V.I. Epokha neolita i bronzy lesostepnogo Ob'-Irtysh'ya. Novosibirsk: Nauka, 1977, 174 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Pamyatniki odinovskogo tipa v Barabinskoi lesostepi. In *Problemy zapadnosibirskoi arkheologii. Epokha kamnya i bronzy*. Novosibirsk: Nauka, 1981, pp. 63–75 (in Russ.). URL: https://arheologija.ru/molodin-pamyatniki-odinovskogo-tipa-v-barabinskoy-lesostepi/ (Accessed: 10.09.2019).

Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Krotovo's culture production complex on the settlement Vengerovo-2 (the Barabinsk forest-steppe). In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya.* Novosibirsk: State Univ. Press, 2012, vol. 11, No. 5, pp. 104–119 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. The Adaptation of the Seima-Turbino Tradition to the Bronze Age Cultures in the South of the West Siberian Plain. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 3, pp. 49–58 (in Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.3.049-058

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Novikova O.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Efremova N.S., Soloviev A.I. Periodization of Bronze Age cultures in the Ob-Irtysh forest-steppe: The stratigraphic position of early and middle Bronze Age burials at Tartas-1. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2011, No. 3, pp. 40–56 (in Russ.).

Molodin V.I., Nesterova M.S., Mylnikova L.N. Odino culture settlements in Baraba forest-steppe. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2014, vol. 13, No. 3, pp. 110–125 (in Russ.).

Stefanova N.K. Krotovskaya kul'tura v Srednem Priirtysh'e. Material'naya kul'tura drevnego naseleniya Urala i Zapadnoi Sibiri. *Voprosy arkheologii Urala*, 1998, iss. 19, pp. 53–75 (in Russ.).

Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Нестерова М.С. https://orcid.org 0000-0003-4024-6753
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.409-414
УДК 7.031.1”634/638”(315)

С.А. Комиссаров[1, 2], Ю.А. Азаренко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: sergai@mail.ru

Петроглифы Тайваня

Представлен обзор памятников наскального искусства на о-ве Тайвань, который не всегда был островом. Сухопутный мост с материком существовал в рамках последнего ледникового максимума (примерно 25–12 тыс. л.н.), а возможно, и до 6–5,5 тыс. л.н., по нему проникали на Тайвань представители плейстоценовой фауны, за которыми шли охотники. Заселение острова с материка продолжалось и в эпоху голоцена, чему способствовали небольшая глубина пролива и вероятное наличие навигационных средств, уже довольно развитых в каменном веке. Петроглифы, открытые лишь в конце 1970-х – начале 1980-х гг. в горной местности Ваньтоуланьшань (у. Гаосюн) на юго-западе острова, сходные с наскальной живописью Фуцзяни и Гонконга и предварительно датированные эпохой палеометалла, можно считать свидетельством таких ранних миграций. Все они сконцентрированы в долине небольшой реки Чжокоу, связанной с системой других рек, по которым лодки могли продвигаться во внутренние районы. Для раскрытия семантики некоторых изображений привлекались предания обитающих в данной местности аборигенных племен рукая, у которых отмечено почитание петроглифов как священных объектов; вероятно, с их ритуальной деятельностью связаны кострища возле памятников, уголь из которых датирован по радиокарбону периодом 480–520 л.н. По набору сюжетов и отчасти технике их исполнения выбивки и гравировки на скалах Тайваня входят в обширную зону тихоокеанского наскального искусства, в рамках которой не исключены и более ранние даты, и новые находки. Перспективными для поиска ранних памятников с изображениями являются карстовые пещеры в горных районах острова.

Ключевые слова: *Тайвань, наскальное искусство, древние миграции, семантика, племена рукая.*

Sergey A. Komissarov[1, 2], Yulia A. Azarenko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: sergai@mail.ru

Petroglyphs of Taiwan

The article presents the survey of rock art sites on Taiwan Island which was connected with mainland by land bridge in the Last Glacial Maximum (ca. 25,000–12,000 BP), or even later, up to 6000–5500 BP. Through that bridge, the representatives of the Pleistocene fauna would enter the island, and were followed by the hunters. Peopling of the island from the mainland continued in the Holocene, fostered by shallow Taiwan Straight and probable use of floating devices which were relatively advanced already in the Stone Age. Petroglyphs in the mountain area of Wantoulanshan (Gaoxiong County) in the southwestern part of the island were discovered only in the late 1970s and early 1980s. They are similar to the rock art of Hong Kong and Fujian Province of China, which were preliminarily dated to the Paleometal Age, and can be considered to be the evidence of early migrations. All sites are concentrated in the valley of small Zhuokou River connected with the system of other rivers which could be used for movement of boats deeper into the hinterland. In order to understand the semantics of some images, the authors used myths and legends of aboriginal Rukai tribes. They worship the petroglyphs as sacred objects, and fire pits near the sites are likely associated with their ritual activity; the samples of charcoal from these pits were dated by the radiocarbon method to 480–520 BP. Judging by the subject matter and to some extent execution technique, pecked and carved

representations on the rocks of Taiwan belong to the vast zone of Pacific rock art. In this context, new finds and earlier dates cannot be excluded. Solutional caves in the mountain regions of the island are promising for the search of early sites with rock art.

Keywords: *Taiwan, rock art, ancient migrations, semantics, Rukai aboriginal tribes.*

Тайвань не всегда был островом. Возникнув как единый объект с архипелагом Рюкю еще в позднем миоцене (9 млн л.н.), он с тех пор не раз менял свою конфигурацию, а в эпоху плейстоцена на месте Тайваньского пролива неоднократно возникал сухопутный мост, по которому осуществлялась миграция животных и, очевидно, людей. Трансгрессии моря в основном соответствовали ледниковым максимумам, выделенным по европейским данным (гюнц, миндель, рисс, вюрм 1 и вюрм 2), а регрессии были связаны с интергляциалами [Lin, 1963, p. 206]. В рамках последнего ледникового максимума сухопутный мост существовал довольно продолжительное время (примерно 25–12 тыс. л.н.), а некоторые геологи склонны продлевать его датировку до 6,2 или даже 5,4 тыс. л.н. [Чжан Чунгэнь, 2005, с. 16–18]. По мнению акад. Цзан Чжэньхуа, заселение острова с материка продолжалось и в эпоху голоцена, чему способствовала небольшая глубина пролива, над поверхностью которого возвышались массивные песчаные отмели. Для этого, вероятно, использовались лодки или плоты, но их остатки в жарком и влажном тайваньском климате не сохранились [Chen Chih-chung, Hsu, 2016]. Впрочем, развитие морской навигации в плейстоцене в настоящее время признано большинством ученых. Доказательством послужили антропологические находки на островах, которые, судя по геологическим данным, в изучаемый период были изолированы от материка. Разумеется, все это, строго говоря, косвенные данные. Но систематическая подборка антропологических материалов, вкупе с наблюдениями за развитием морского промысла, создает достаточную основу для выводов о существовании мореплавания уже в среднем плейстоцене, с возможностью дальнейшего удревнения этого важнейшего изобретения человечества (см.: [Simmons (with collaboration by DiBenedetto), 2014, p. 21–132]).

Для Тайваня такой вывод представляет особую важность в связи с находкой обломка челюсти *Homo* архаичного облика, поднятого рыбаками со дна моря возле островов Пэнху вместе с костями плейстоценовой фауны. По содержанию фтора и натрия удалось доказать практическую одновременность антропо- и палеонтологических остатков. На основании сопоставительного анализа геологических, палеонтологических и геохимических данных удалось связать эти находки с регрессией моря, имевшей место 190–130 тыс. л.н. Это дает основания сопоставить челюсть из Пэнху с другими остатками поздних эректусов, найденными на территории Китая [Chang Chun-Hsiang et al., 2015]. Но наиболее интригующим оказалось сравнение с находкой, сделанной на расстоянии почти 2 000 км вглубь страны, в Сяхэ (пров. Ганьсу). При этом если тайваньскую челюсть извлекли с морского дна, то ганьсускую – из высокогорной пещеры Байшия (3 280 м над ур. м.) на Тибетском плато. Однако полученные ураниевые даты (164 ± ± 6,2 тыс. л.н., 163 ± 10 тыс. л.н., 155 ± 15 тыс. л.н.) укладывались в обозначенный промежуток, а размеры и морфология зубов обоих образцов оказались довольно близкими [Chen Fahu et al., 2019]. Но еще большую интригу добавляет установленная благодаря анализу палеопротеома весьма вероятная принадлежность древнейшего из известных нам тибетских жителей к денисовцам. Тем самым и Тайвань оказывается включенным в процесс сапиентизации и, более того, представляется вероятным «трамплином» в движении денисовцев в страны южных морей.

Мы специально остановились на начальных этапах освоения острова человеком, чтобы показать, насколько рано стали прокладываться первые маршруты, в том числе не только сухопутные, но и – вполне вероятно – водные. Археологические находки являются прямым свидетельством того, что имели место прямые миграции древнего населения (впрочем, на уровне первопоселенцев другие варианты просто исключались).

Ситуация становится не столь однозначной в более позднее время, когда конкретная территория уже была известна и освоена различными племенами. Соответственно их культурные достижения могли распространяться также разными способами (прежде всего за счет обмена). Но в общем наборе этих достижений петроглифы занимают особое место, поскольку не обладают мобильностью. Нанести на скалы те или иные изображения, входившие в арсенал духовной культуры, мог только художник, хорошо знакомый с этой культурой.

Целенаправленные поиски памятников наскального искусства на территории Тайваня начались сравнительно недавно. В настоящее время известны четыре местонахождения наскальных изображений. Эту цифру вряд ли можно считать окончательной, поскольку все обнаруженные памятники располагаются в труднодоступных дебрях тропи-

ческого леса, на низких скальных поверхностях, практически скрытых густой растительностью. К петроглифам, очевидно, следует также отнести изображения людей и животных на валунах и плитках, связанных с так называемой мегалитической культурой (другое название – культура Цилинь), выявленной на северо-востоке острова. Наиболее известная плита, изображающая антропоморфную фигуру в «короне» с пятью лучами, была найдена возле небольшой пирамиды, сложенной на горе Цисиншань близ г. Тайбэй [Хэ Сяньжун, 2001, с. 2, 7].

Известные в настоящее время памятники собственно наскального искусства сосредоточены в горах Ваньтоуланьшань, в районе к северо-востоку от муниципалитета Ваньшань (у. Гаосюн). Первые находки были сделаны в 1978 г. проф. Гао Ежуном, который продолжил их обследование в 1984 г. и в том же году опубликовал первую специальную статью в тайбэйском журнале «Ишуцзя» («Художник»). Открытые памятники располагались в пределах волости Маолинь, определенной правительством как одна из 30 резерваций для проживания аборигенов (в данном случае – представителей народа рукая), поэтому для всех памятников есть названия на языке этого народа: Kopaca'e, Tubulili, Sanaginaeh, Takalravoe*. В начале 2000-х гг. обследование памятников продолжал Цзэн Ижэнь из Государственного университета Чэнгун. Совместными усилиями на всех четырех местонахождениях удалось выявить и зафиксировать 14 пунктов с изображениями [Чжан Цзяцин, 2015, с. 97].

Петроглифы в основном нанесены выбивкой, с использованием естественных каверн, иногда дополнены резными линиями. Но по содержанию они очень различаются. В пункте Тубулили обнаружили 27 отпечатков в форме ступни, между ними – круглые выемки и точки; в пункте Шанацзилээ – геометрические узоры (треугольники, клетки, спирали). Самые обширные панно с выбитыми картинами – в пунктах Губачаэ и Дачжалау, где помимо окружностей, спиралей и точечной выбивки выявлены личины, фигуры людей, а также изображения змей [Чжан Чунгэнь, 2005, с. 283–284]. Отмеченные отличия в репертуаре, возможно, были обусловлены различиями в использовании объектов. Другое объяснение (впрочем, не исключающее первую гипотезу) – разная племенная или клановая принадлежность создателей трех композиций (кроме рукая в регионе были представлены цоу, а затем бунун). С помощью фольклора этих народов исследователи попытались выяснить семантику некоторых образов. Так, о происхождении двух первых памятников существует легенда: о том, как великий предок Лаба-у-Лай (Laba-u-Lai) взял в жены женщину другого племени (южных цоу), а та в отсутствие мужа совершила дурной поступок – свистом подманила, поймала, запекла на камнях (вместе с бататом) и съела одну (или несколько) 100-шаговых (100-футовых) змей. У рукая (и бунун) змеи почитались особо, поэтому муж прогнал любительницу змеиного мяса. Некоторое время она жила в горах, где в отчаянии билась о скалы, оставив свои отпечатки, но прощения так и не получила и вернулась в дом родителей. По одной из версий, когда она падала на камни ничком, то на них отпечатались многочисленные личины [Гао Ежун, 2006, с. 4]. Подобные «селфи» древних времен были возможны только потому, что камни в те времена были мягкие (причина не называется, но, возможно, это какая-то реминисценция базовой мифологемы о лишних солнцах). По другой версии выбитые личины считались воплощением 100-шаговой змеи, которая выступала также как озерное божество. Спирали трактовались как солярные знаки и олицетворяли космические силы, а каверны – как женское лоно, символизировавшее плодородие [Чжан Цзяцин, 2015, с. 98].

Ближайшие аналогии находке в Цзубулили можно отметить на территории округа Чжанчжоу (пров. Фуцзянь), где выявлено ок. 10 местонахождений с т.н. следами великанов, выбитыми в камне [Фуцзянь Чжанчжоу..., 2007; Чэнь Чжаофу, 2008, с. 305–306]. Спирали и личины Губачаэ (рис. 1, 2) соответствуют общему контексту тихоокеанского искусства эпохи неолита и палеометалла, однако более точные аналогии пока не установлены. Геометрические узоры слишком аморфны для сопоставительного анализа. Для нас важно, что все три пункта расположены на склонах вблизи рек. Очевидно, вдоль этих естественных маршрутов шло движение от побережья вглубь острова. Поэтому их можно рассматривать как свидетельство морских контактов с континентом. Насколько глубоко могли простираться такие контакты – подлежит дальнейшему обсуждению. Так, Гао Ежун на конференции по проблемам наскального искусства в Иньчуане (июль 2008 г.) говорил о высокой степени сходства между петроглифами Ваньтоуланьшань и Хэланьшань в изображении личин, фигур адорантов («в позе лягушки»), двойных колец, спиралей и т.д. Основой для такого сходства служила близость религиозных (шаманских) представлений у племен Северо-Восточной Азии и тайваньских аборигенов. Контакты между ними и возможные

*В описаниях встречаются также названия, прочитанные в соответствии с нормативной транскрипцией иероглифов (которые сами оказались транскрипцией), – соответственно Губачаэ (Gubacha'e), Цзубулили (Zubulili), Шанацзилээ (Shanajile'e), Дачжалау (Dazhalawu).

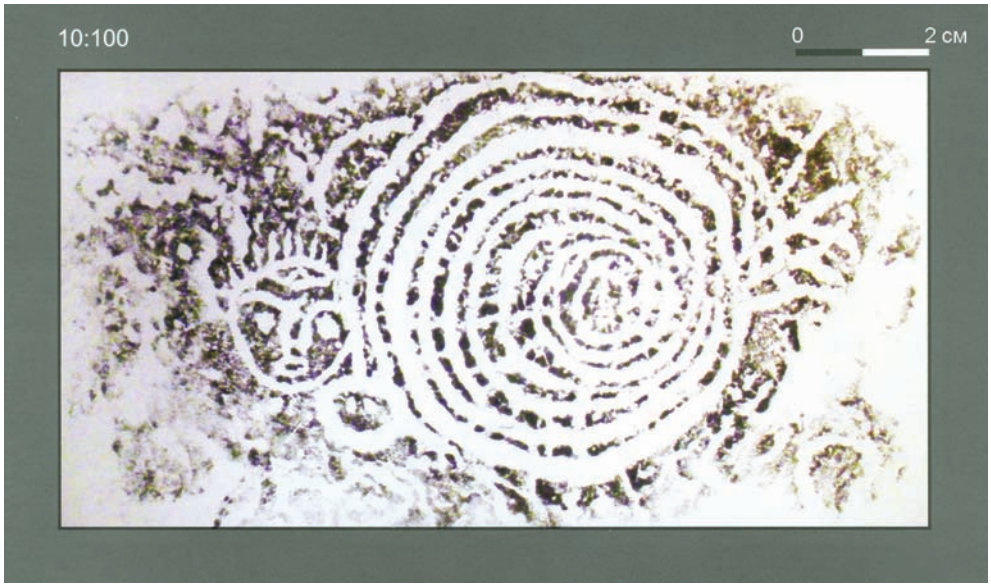

Рис. 1. Местонахождение Губачаэ, выбивка № 1 (по: [Яньдяо..., 2009, с. 51]).

Рис. 2. Местонахождение Губачаэ, выбивка № 5 (по: [Яньдяо..., 2009, с. 55]).

миграции могли осуществляться как по сухопутному мосту, так и через узкий пролив в периоды регрессий (см.: [Чэнь Хуа, Ли Хуй, 2008]). В своей предыдущей статье Гао Ежун писал о сходстве «адорантов» Ваньшань с петроглифами Гонконга, Фуцзяни (местонахождение Сяньцзытань), Гуанси (Цзоцзян) и Юньнани (Цанюань), а также Гавайских островов и относил эти изображения к базовым культурным символам Тихоокеанского региона [Гао Ежун, 2006]. Однако сопоставлялись отдельные фигуры, а не композиции, поэтому сходство (если даже его признать) в данном случае носило общетипологический характер.

Ранее попытку проследить направление распространения одного из сюжетов – личин – предпринял Хэ Сяньжун, куратор лаборатории по изучению древней цивилизации Тайваня. В 2001 г. он написал статью, в которой обосновывал тайваньское происхождение изображения личин в петроглифах Восточного Китая (район Ляньюнгана) и Внутренней Монголии [Хэ Сяньжун, 2001]. Недостаточная надежность датировок и стилистические различия не позволяют полностью принять эту гипотезу, однако она удивительно органично вписывается в общую концепцию развития наскального искусства Тихоокеанского региона, сформулированную в свое время акад. А.П. Окладниковым. Подробно разобрав ряд наиболее примечательных сюжетов (в том числе личины в сочетании с лунками и концентрическими кольцами и спиралевидные конструкции), он указал на «цепь общих элементов культуры древних племен, заселявших огромные по протяжению пространства побережий и островов Тихого океана между Амуром и Австралией» [Окладников,

1971, с. 119]; при этом вопрос об истоках обозначенной общности оставался открытым. Благодаря исключительному географическому положению Тайвань вполне может оказаться среди важнейших передаточных центров в этой «гигантской по ее территориальной и хронологической протяженности культурно-исторической цепи» [Окладников, 1968, с. 60] (см. также: [Яньдяо, 2009, с. 18–19]).

В этом контексте особую важность приобретает проблема датировки тайваньских петроглифов. Радиоуглеродная дата для древесного угля, собранного возле петроглифов, оказалась очень поздней: 480–520 л.н. [Gao, 2013]. Кострище, весьма вероятно, было связано с каким-то племенным ритуалом, частью которого были петроглифы (подобные факты не раз отмечались этнографами), но вряд ли относится к периоду их создания. В настоящее время вопросы хронологии требуют дальнейшего обсуждения и будут решаться по мере получения новых данных. Исходя из способа нанесения петроглифов их можно предварительно отнести к эпохе палеометалла. Не исключена и более ранняя дата. Очень ранние датировки, казалось бы, хорошо известных образцов искусства в карстовых пещерах на островах Сулавеси и Борнео (Индонезия) [Aubert et al., 2014; Cheremisin, 2015] (см. также: [Larson, 2018]) могут послужить весомым стимулом для нового обследования горных районов Тайваня, где также известно немало карстовых пещер.

Благодарности

Работа подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-59-52002. Авторы признательны акад. Цзан Чжэньхуа за помощь в сборе материалов.

Список литературы

Гао Ежун. Цзай лунь тайвань ваньшань яньдяо дачжалау (TKM4) дэ тицай, цзифа юй фэнгэ (Еще раз о сюжетах, технике и стиле выбивки на скалах в Дачжалау (TKM4), Ваньшань, Тайвань) // Docin (соц. депозитарий науч. и худож. текстов). – 18.05.2006. – 17 с. (на кит. яз.). – URL: https://www.docin.com/p-4214080.html (дата обращения: 01.09.2019).

Окладников А.П. Лики древнего Амура. – Новосибирск: Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 238 с.

Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. – Л.: Наука, 1971. – 336 с.

Фуцзянь Чжанчжоу «сяньцзытань» ши тайвань яньхуадэ юаньтоу (ту) (Местонахождение Сяньцзытань, округ Чжанчжоу, пров. Фуцзянь как исток петроглифов Тайваня (иллюстрации)) // Хуася цзинвэйван (гос. новостной и аналитический портал). – 28.11.2007 [статья перепечатана из «Шиши жибао», ежеднев. газеты г. Шиши] (на кит. яз.). – URL: http://www.huaxia.com/wh/kgfx/2007/00721552.html (дата обращения: 01.09.2019).

Хэ Сяньжун. Тайвань кэнэн ши шан гушидай чжунго жэньмянь яньхуадэ циюаньди (Тайвань может оказаться местом, откуда в древности брали начало изображения личин в наскальном искусстве Китая) // Docin (соц. депозитарий науч. и худож. текстов). – Сент. 2001 г. – 10 с. (на кит. яз.). – URL: https://www.docin.com/p-1996191538.html (дата обращения: 01.09.2019).

Чжан Цзяцин. Записки о посещении выбивки (петроглифов) в горах Ваньшань на Тайване // Мэй юй шидай: чэнши бань (Искусство и эпоха: город. вып.). – 2015. – № 9. – С. 97–99 (на кит. яз.).

Чжан Чунгэнь. Тайвань сыбай нянь цянь ши (История Тайваня до последних четырехсот лет). – Пекин: Цзючжоу чубаньшэ, 2005. – 422 с. (на кит. яз.).

Чэнь Хуа, Ли Хуй. Тайвань ваньшань яньдяо юй нинся хэланьшань яньхуа гаоду сянсы (Высокая степень сходства между скальными выбивками в Ваньшань, Тайвань и наскальным искусством Хэланьшань, Нинся) // Сайт газеты «Жэньминь жибао». – 07.07.2008 (на кит. яз.). – URL: http://unn.people.com.cn/GB/14786/7478051.html (дата обращения: 01.09.2019).

Чэнь Чжаофу. Чжунго яньхуа фасянь ши (История открытия наскальной живописи в Китае). – Шанхай: Шанхай жэньминь чубаньшэ, 2008. – 437 с. (на кит. яз.).

Яньдяо – яньхуа шицянь ишу тэчжань чжуаньцзи (Резные камни – особый выпуск для спец. выставки доисторического наскального искусства) / отв. ред. Гао Личжэнь. – Тайбэй: Тайбэйсянь ли шисаньхан боугуань, 2009. – 71 с. (на кит. яз.).

Aubert M., Brumm A., Ramli M., Sutikna T., Saptomo E.W., Hakim B., Morwood M.J., Bergh, van den G.D., Kinsley L., Dosseto A. Pleistocene cave art from Sulawesi, Indonesia // Nature. – 2014. – N 514. – P. 223–227.

Balter M. In search of the world's most ancient mariners // Sci. – 2007. – Vol. 318, iss. 5849. – P. 388–389.

Chang Chun-Hsiang, Kaifu Yousuke, Takai Masanaru, Kono Reiko T., Grün R., Matsu'ura Shuji, Kinsley L., Lin Liang-Kong. The first archaic Homo from Taiwan // Nature Communications [Эл. изд.]. – 25.01.2015. – URL: https://www.nature.com/articles/ncomms7037.pdf (дата обращения: 01.09.2019).

Chen Chih-chung, Hsu E. Evidence of how ancient humans crossed Taiwan Strait still scarce // Focus Taiwan [Новостной портал]: News channel. – 12.02.2016. – URL: http://focustaiwan.tw/news/aftr/201602120012.aspx (дата обращения: 01.09.2019).

Chen Fahu, Welker F., Shen Chuan-Chou, Bailey Sh.E., Bergman I., Davis S., Xia Huan, Wang Hui, Fisher R., Freidline S.E., Yu Tsai-Luen, Skinner M.M., Stelzer S., Dong Guangrong, Fu Qiaomei, Dong Chuanghui, Wang Jian, Zhang Dongju, Hublin J.-J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau // Nature. – 2019. – N 569. – P. 409–412.

Cheremisin D.V. Rock art of Sulawesi: 40,000 years after // Science first hand. – 2015. – N 1. – P. 10–13.

Gao P. A noble past of stone // Taiwan today [Эл. изд.]. – 01.07.2013. – URL: https://taiwantoday.tw/news.php?post=26403&unit=20 (дата обращения: 01.09.2019).

Larson Ch. Oldest known animal drawing found in remote Indonesian cave // Taiwan News [Эл. изд.]. – 08.11.2018. – URL: https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3570384 (дата обращения: 01.05.2019).

Lin C.C. Geology and ecology of Taiwan prehistory // Asian Perspectives. – 1963. – Vol. 7. – P. 203–213.

Simmons A.H. (with collaboration by K. DiBenedetto). Stone Age sailors: Paleolithic seafaring in the Mediterranean. – N. Y.: Routledge, 2014. – 263 p.

References

Aubert M., Brumm A., Ramli M., Sutikna T., Saptomo E.W., Hakim B., Morwood M.J., Bergh, van den G.D., Kinsley L., Dosseto A. Pleistocene cave art from Sulawesi, Indonesia. *Nature*, 2014, No. 514, pp. 223–227. DOI: https://doi.org/10.1038/nature13422.

Balter M. In search of the world's most ancient mariners. *Science*, 2007, vol. 318, iss. 5849, pp. 388–389. URL: https://www.jstor.org/stable/20051377

Chang Chun-Hsiang, Kaifu Yousuke, Takai Masanaru, Kono Reiko T., Grün R., Matsu'ura Shuji, Kinsley L., Lin Liang-Kong. The first archaic Homo from Taiwan. *Nature Communications* [Electronic edition], 25.01.2015. URL: https://www.nature.com/articles/ncomms7037.pdf (Accessed: 01.09.2019). DOI: https://doi.org/10.1038/ncomms7037.

Chen Chih-chung, Hsu E. Evidence of how ancient humans crossed Taiwan Strait still scarce. *Focus Taiwan*: *News channel*, 12.02.2016, URL: http://focustaiwan.tw/news/aftr/201602120012.aspx (Accessed: 01.09.2019).

Chen Fahu, Welker F., Shen Chuan-Chou, Bailey Sh.E., Bergman I., Davis S., Xia Huan, Wang Hui, Fisher R., Freidline S.E., Yu Tsai-Luen, Skinner M.M., Stelzer S., Dong Guangrong, Fu Qiaomei, Dong Chuanghui, Wang Jian, Zhang Dongju, Hublin J.-J. A late Middle Pleistocene Denisovan mandible from the Tibetan Plateau. *Nature*, 2019, No. 569, pp. 409–412. DOI: 10.1038/s41586-019-1139-x.

Chen Hua, Li Hui. Taiwan wanshan yandiao yu ningxia helanshan yanhua gaodu xiangsi (High level of similarity between rock-carvings of Wanshan, Taiwan and rock-art of Helanshan, Ningxia). *"Renmin ribao" newspaper's web-site*, 07.07.2008 (in Chin.). URL: http://unn.people.com.cn/GB/14786/7478051.html (Accessed: 10.05.2019).

Chen Zhaofu. Zhongguo yanhua faxian shi [A history of petroglyphs' discoveries in China]. Shanghai: Shanghai renmin chubanshe, 2008, 437 p. (in Chin.).

Cheremisin D.V. Rock art of Sulawesi: 40,000 years after. *Science first hand*, 2015, No. 1, pp. 10–13. URL: https://scfh.ru/en/papers/rock-art-of-sulawesi-40-000-years-after

Fujian Zhangzhou «xianzitan» shi taiwan yanhuade yuantou (tu) [Xianziyan site in Zhangzhou district, Fujian Province as a source of Taiwanese Petroglyphs (ill.)]. *Huaxia jingweiwang* (state-controlled web-site for news and analytical materials), 28.11.2007 [the article reprinted from "Shoshi Daily", newspaper of Shishi City] (in Chin.). URL: http://www.huaxia.com/wh/kgfx/2007/ 00721552.html (Accessed: 01.05.2019).

Gao P. A noble past of stone. *Taiwan today* [Electronic edition], 01.07.2013. URL: https://taiwantoday.tw/news.php?post=26403&unit=20 (Accessed: 01.09.2019).

Gao Yerong. Zai lun taiwan wanshan yandiao dazhalawu (TKM4) de ticai, jifa yu fengge [Once again about the plots, technique and style of rock carvings at Dazhalawu, Wanshan, Taiwan] // *Docin* (social depository for fiction and non-fiction texts), 18.05.2006, 17 p. (in Chin.). URL: https://www.docin.com/p-4214080.html (Accessed: 01.09.2019).

He Xianrong. Taiwan keneng shi shang gushidai zhongguo renmian yanhuade qiyuandi [Taiwan could be the place where the image of human face in ancient Chinese rock-art was originated] // *Docin* (social depository for fiction and non-fiction texts), Sept., 2001, 10 p. (in Chin.). URL: https://www.docin.com/p-1996191538.html (Accessed: 01.09.2019).

Larson Ch. Oldest known animal drawing found in remote Indonesian cave. *Taiwan News* [Electronic edition], 08.11.2018, URL: https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3570384 (Accessed: 01.09.2019).

Lin C.C. Geology and ecology of Taiwan prehistory. *Asian Perspectives*, 1963, vol. 7, pp. 203–213. URL: https://www.jstor.org/stable/42929011

Okladnikov A.P. Visages of the ancient Amur. Novosibirsk: West.-Sib. Book Publ., 1968, 238 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P. Petroglyphs of the Lower Amur. Leningrad: Nauka, 1971, 336 p. (in Russ.).

Simmons A.H. (with collaboration by K. DiBenedetto). Stone Age sailors: Paleolithic seafaring in the Mediterranean. New York: Routledge, 2014, 263 p.

Yandiao – yanhua shiqian yishu tezhan zhuanji [A guidebook of the special exhibition of prehistoric rock art], ed. by Gao Lizhen. Taipei: Taipeixian li shisanhang bowuguan, 2009, 71 p. (in Chin.).

Zhang Conggen. Taiwan sibai nian qian shi [Taiwanese history before the last four hundred years]. Beijing: Jiuzhou chubanshe, 2005, 422 p. (in Chin.).

Zhang Jiaqing. Taiwan wanshan yandiao (yanhua) youji [Some notes on visit to rock-engravings place in Wanshan Mountains, Taiwan]. *Mei yu shidai: chengshi ban* [Art and epoch: city issue], 2015, No. 9, pp. 97–99 (in Chin.). URL: https://wenku.baidu.com/view/0dfdc76fb80d6c85ec3a87c24028915f814d841a.html

Комиссаров С.А. https://orcid.org/0000-0002-7657-054X
Азаренко Ю.А. https://orcid.org/0000-0003-1162-2393

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.415-424
УДК 903.074

Н.А. Константинов[1], В.П. Мыльников[2], И.Ю. Слюсаренко[2], Е.В. Степанова[3], Н.А. Васильева[3]

[1]Горно-Алтайский государственный университет
Горно-Алтайск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Государственный Эрмитаж
Санкт-Петербург, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Завершение полевого доследования внутримогильной конструкции Пятого Пазырыкского кургана

Спустя 70 лет после раскопок С.И. Руденко на Пазырыкском могильнике было признано необходимым повторное исследование Пятого кургана. С 2017 г. проводятся работы по доследованию остатков внутримогильной конструкции, а также осуществляется изучение периферии кургана. В сезоне 2019 г. была полностью расчищена могильная яма, в заполнении и на дне которой выявлены различные предметы, оставшиеся после прежних раскопок: кости и части туш коней, куски берестяного покрытия сруба, фрагменты бронзовых и деревянных резных блях, обрывки золотой фольги и войлочных изделий, включая многочисленные фрагменты ковра «со сфинксом» и войлочных украшений снаряжения лошади. Внутри сруба и за его стенками обнаружены роговой заступ, деревянные лопата и колотушка, детали повозки, а также другие изделия. Проведена полевая консервация всех обнаруженных артефактов. С целью исследования внутримогильных конструкций извлечены и изучены внешний сруб погребальной камеры и остатки надсрубных сооружений. В полевых условиях произведена экспресс-реконструкция внешнего сруба с фотофиксацией и описанием его конструктивных и технологических особенностей. Сруб прямоугольный в плане, размером по нижнему периметру 7 × 4 м и высотой 2 м, имел форму усеченной пирамиды, что характерно и для других подобных сооружений пазырыкской культуры. Хорошая сохранность древесины обеспечила возможность проведения дендрохронологического анализа, для которого отобрано 40 образцов от различных конструктивных элементов. Все образцы относятся к лиственнице сибирской (Larix sibirica Ledeb.); возраст деревьев колеблется от 150 до 260 лет, максимальный диаметр стволов варьирует от 15 до 50 см. Зафиксирован один и тот же год валки деревьев, которая происходила в холодный период (осенью-зимой либо ранней весной). Проведенное доследование кург. 5 показало перспективность повторного изучения раскопанных ранее царских погребений пазырыкской культуры, включая оставшиеся четыре больших кургана в урочище Пазырык.

Ключевые слова: *Алтай, скифское время, Пазырыкский могильник, Пятый курган, деревянные погребальные сооружения, конструктивные особенности, дендрохронологический анализ.*

Nikita A. Konstantinov[1], Vladimir P. Mylnikov[2], Igor Yu. Slyusarenko[2], Elena V. Stepanova[3], Natalia A. Vasilyeva[3]

[1]Gorno-Altaysk State University,
Gorno-Altaysk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[3]State Hermitage,
Saint Petersburg, Russia
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

Completion of Field Research of the Internal Burial Structure in the Pazyryk Burial Mound 5

Seventy years after the excavations at the Pazyryk burial ground by S.I. Rudenko, it was decided to resume the study of burial mound 5. Investigation of the remaining internal grave structures and study at the periphery of the burial mound has been carried out since 2017. In the field season of 2019, the grave pit was completely explored, and various objects left after the previous excavations were discovered, such as bones and parts of horse carcasses, pieces of birch bark lining of the cribwork, fragments of bronze and wooden carved plates, fragments of gold foil and felt objects including numerous pieces of carpet and felt decorations of horse equipment. Spade made of horn, wooden shovel and clapper, parts of carriage, and other artifacts were found inside the cribwork and beyond its walls. Field conservation of all artifacts was conducted. As a part of the study of internal grave structures, the outer cribwork of the burial chamber and remains of the structures above the cribwork were extracted and studied. A preliminary reconstruction of the external cribwork was made in the field accompanied by photographic records and description of its structural and technological features. The cribwork was rectangular in plan, measuring 7 x 4 m along the lower perimeter and 2 m in height. It had a shape of truncated pyramid, which is typical of other similar structures of the Pazyryk culture. Good preservation of wood has made it possible to perform dendrochronological analysis, for which 40 samples were taken from various structural elements. All samples belonged to Siberian larch (Larix sibirica Ledeb.); the age of the trees varied from 150 to 260 years; the maximum diameter of the trunks ranged from 15 to 50 cm. The same year of timber harvesting which was done in the cold season (autumn–winter or early spring) was observed. An additional exploration of burial mound 5 has shown good prospects for revisiting the previously excavated royal burials of the Pazyryk culture, including the remaining four large burial mounds at the Pazyryk site.

Keywords: *Altai, Scythian period, Pazyryk burial ground, burial mound 5, wooden burial structures, structural features, tree-ring analysis.*

Введение

Исследование пяти больших курганов скифского времени на Пазырыкском могильнике, проведенное в 1929 и 1947–1949 гг. археологами М.П. Грязновым и С.И. Руденко, имело большое значение для изучения культур ранних кочевников Евразии. Благодаря подкурганной мерзлоте в царских погребениях Пазырыка сохранились прекрасные комплексы сопроводительных вещей из органических материалов, мумифицированные тела самих погребенных и даже мерзлые трупы коней [Грязнов, 1950; Руденко, 1953]. В большинстве памятников такие предметы, как правило, почти не сохраняются. Несмотря на то что основные погребения в этих курганах были полностью раскопаны, применявшаяся в те годы методика полевого изучения памятников делает вполне оправданным и перспективным повторное исследование объектов. С 2017 г. на кург. 5 могильника Пазырык проводятся работы по доследованию самого кургана, а также осуществляется изучение его периферии [Константинов и др., 2018а, б]. В сезоне 2019 г. была полностью доследована могильная яма; расчищены, извлечены и изучены внешний сруб погребальной камеры и остатки надсрубных сооружений; проведена полевая консервация всех обнаруженных артефактов; отобрана коллекция образцов для дендрохронологического анализа. Символично, что в 2019 г. исполнилось ровно 90 лет с начала исследований М.П. Грязнова на Пазырыкском могильнике и 70 лет со времени раскопок С.И. Руденко собственно Пятого кургана.

Результаты исследования

Могильник Пазырык находится вблизи с. Балыктуюль Улаганского р-на Республики Алтай в одноименном урочище, представляющем собой сухой лог. Лог состоит из двух террасовидных уступов. В южной части верхнего (северного) уступа располагаются четыре больших кургана, рядом с которыми находится целый ряд ритуальных конструкций и небольших курганов скифского времени, а также несколько объектов более поздних эпох. На нижней (юго-восточной) площадке находится большой кург. 5, который является планиграфическим центром этой части могильника. Рядом с ним размещаются также различные археологические объекты, относящиеся как к скифскому времени, так и к последующим периодам. Топографическое расположение и планиграфия могильника отличаются некоторым своеобразием в сравнении с классической схемой расположения курганных комплексов пазырыкской культуры. Обычно курганные могильники этой культуры образуют цепочки, ориентированные по линии север – юг, и располагаются на открытых участках долин. Могильник Пазырык же, напротив, расположен в укромном закрытом урочище, с трех сторон огражденном горами, а с южной стороны находится довольно крутой склон в долину р. Большой Улаган.

Раскопки курганов, осуществленные в XX в., велись лишь с частичной разборкой насыпей, обеспечивающей доступ непосредственно к могильной яме. Курган 5 исследовался через глухую тран-

шею с южной стороны, отвал насыпан в стороны от раскопа на насыпь кургана и вокруг южной его половины. Полностью под отвалом из камней оказались четыре южных вытянутых выкладки-луча. Вероятно, под отвалом с южной стороны кургана 5 также находятся лучи и некоторые объекты гунно-сарматского времени. Стены раскопа 1949 г. сильно осыпались. На дне образовавшейся воронки до начала наших работ собиралась вода, что свидетельствовало о наличии подкурганной мерзлоты. Внутри воронки были видны следы пребывания скота, который заходит в раскоп на водопой, поскольку других источников воды в урочище нет. Прослеживались торчащие из камней, засыпавших раскоп, верхние части двух толстых деревянных столбов – опор деревянного навеса над перекрытием погребения и другие, более тонкие бревна. Фрагменты бревен также были навалены в южной части раскопа 1949 г. и к юго-юго-западу и западу от кургана.

Насыпь кург. 5 в настоящее время имеет высоту около 3,5 м, при этом часть насыпи составляют отвал из раскопа 1949 г. и камни, набросанные при ограблении кургана. Диаметр насыпи кургана – около 40 м. Прежде чем приступить к доследованию ямы, была произведена расчистка подхода к могильной яме. Для этого были перемещены навалы грунта, валунов и бревен с площади старого раскопа, а также убраны отвалы, насыпанные у южной полы кургана. В 2018 г. начата расчистка воронки на месте могильной ямы (рис. 1). Работы велись в основном в пределах границ старого раскопа. За один сезон не удалось довести расчистку до дна могильной ямы, поскольку нижняя часть заполнения оказалась сильно промерзшей, а на дне ямы обнаружилось скопление больших валунов, сброшенных сюда в ходе прежних раскопок с северной части перекрытия. Раскоп был законсервирован, деревянные детали обернуты полиэтиленом и обложены мешками с грунтом.

Рис. 1. Начало доследования кург. 5 на могильнике Пазырык в 2018 г.
1 – могильная яма до начала вторичных раскопок; *2–4* – исследование заполнения могильной ямы.

В следующем сезоне, в 2019 г., была продолжена и завершена расчистка заполнения могильной ямы (рис. 2). Рядом с отвалом, к юго-западу от каменной насыпи кургана сооружена рабочая площадка для консервационной и технологической обработки бревен сруба (рис. 3). При помощи грузоподъемного крана произведена выемка валунов, мешавших завершению доследования ямы, и остатков деревянного внутримогильного сооружения (рис. 3, *3*).

Еще до начала наших работ в самой низкой части дна воронки скапливалась вода на глубине около 2 м от уровня современной поверхности. При выборке заполнения ямы вода продолжала поступать в раскоп, но не на прежний уровень, а значительно ниже. На глубине около 3 м от современной поверхности по углам сруба начал фиксироваться мерзлый грунт. Откачивание воды производилось при помощи мотопомпы дважды в день: утром и во второй половине дня. Благодаря мерзлоте деревянные части конструкции и оставшиеся после раскопок предметы из органики имели прекрасную сохранность.

Глубина могильной ямы составляла около 4 м, уровень дна западной половины ямы был ниже восточной части. Яма имела подпрямоугольную форму, размеры ямы в верхней части изначально составляли 8,25 × 6,65 м, ко дну яма значительно сужалась. В ходе повторных раскопок установлено, что часть двухсрубного внутримогильного погребального сооружения в виде внешнего сруба и столбов-опор для навеса над перекрытием срубов были оставлены практически *in situ*. При исследовании могильной ямы в 1949 г. отпилены концы трех верхних венцов западной и северной стенок в северо-западном углу сруба (находятся на хранении в Эрмитаже), а также для облегчения доступа в лошадиный отсек в северной части ямы выпилены все бревна северной стены на большую часть их длины. Два столба-опоры у южной стены (центральный и юго-западный), хотя и стояли на своем месте, оказались в значительной степени приподнятыми со дна ямы. Вероятно, в ходе раскопок С.И. Руденко предпринимались попытки извлечь эти столбы.

Рис. 2. Доследование кург. 5 на могильнике Пазырык в 2019 г.

1 – законсервированный на зиму сруб; *2* – раскопки в условиях тающей подкурганной мерзлоты; *3* – огромные валуны в заполнении; *4* – извлечение валунов из ямы.

Рис. 3. Доследование могильной ямы и внешнего сруба в кург. 5 могильника Пазырык и подготовка рабочей площадки в 2019 г.

1, 2 – рабочая площадка и консервационная обработка бревен внешнего сруба; *3* – использование вспомогательной техники при извлечении особо крупных валунов из могильной ямы; *4* – применение вспомогательной техники при возведении стен во время экспресс-реконструкции внешнего сруба.

Изучение и разборка внешнего сруба осуществлялись в соответствии с разработанной и в течение многих лет апробированной методикой полевого изучения деревянных погребальных сооружений [Мыльников, 2012а, с. 101–105; 2012б]. Вначале производилась выемка заполнения внутри сруба. Потом зачистка внутренних поверхностей стен и внешних поверхностей бревен с последовательной разборкой венцов, их разметкой и транспортировкой на рабочую площадку для предварительной очистки и обработки консервирующими растворами.

Параллельно проводилась фотофиксация особенностей вязки бревен в каждом углу сруба. При извлечении из ямы бревна маркировались в соответствии с номером венца, обозначенным зарубками пазырыкских плотников, и расположением стены сруба относительно сторон света. Нумерация венцов велась при демонтаже, так же как и древними мастерами, начиная с нижнего. После извлечения бревна раскладывались на подготовленной площадке по порядку в группы, в соответствии с принадлежностью к той или иной стене для удобства и быстроты повторной сборки.

На заранее подготовленной ровной площадке рядом с курганом в течение светового дня была произведена полная экспресс-реконструкция сруба. Поскольку стены сруба имели значительную высоту, сборка до пятого венца выполнялась вручную, а начиная с шестого венца при помощи автокрана (рис. 3, *4*). После повторного возведения сруба на рабочей площадке проведены вторичное технико-технологическое изучение и фотофиксация всех составляющих погребальной деревянной конструкции, осуществлены технологический реставрационный анализ и предварительная обработка бревен консервирующими растворами (рис. 4, *1–3*), а также отобрана коллекция образцов древесины для дендрохронологического анализа (рис. 4, *4*).

Как уже отмечалось выше, внешний сруб погребальной камеры Пятого Пазырыкского кургана сохранился не полностью. Отсутствовало перекрытие потолка, кроме того, во время раскопок 1949 г. были выпилены северная стена и почти на треть северные концы трех верхних бревен западной стены. Сруб прямоугольный в плане, с заметным сужением всех стен к верху, так что в профиль стены имели подтрапециевидную форму. В целом срубу была придана форма усеченной пирамиды (рис. 5), что характерно и для других подобных исследованных сооружений пазырыкской культуры [Мыльников, 2008, с. 61]. Размеры сруба по нижнему периметру составляли 7 × 4 м, высота 2 м. Таким образом, общая площадь сруба – 28 м². На каждом бревне стен сруба имелись ряды неглубоких зарубок лезвием тесла – повенцовая разметка пазырыкскими строителями при первоначальном возведении сруба. Угловая вязка бревен велась «в обло»

Рис. 4. Дополнительные исследования в процессе экспресс-реконструкции внешнего сруба из кург. 5 могильника Пазырык.

1, 2 – технико-технологическая атрибуция стен сруба; *3* – консервационно-реставрационная атрибуция бревен внешнего сруба; *4* – отбор образцов от бревен сруба для дендрохронологических исследований.

Рис. 5. Итог экспресс-реконструкции внешнего сруба из кург. 5 могильника Пазырык в Горном Алтае.

1 – вид сруба со стороны южной стены; *2* – вид сруба со стороны северной стены. Стоят (слева направо): Чой Чжон-Хун, Чон Ги-Пом (студентки Корейского гос. ун-та культурного наследия); С. Юрина (студентка Горно-Алт. гос. ун-та); С. Филатова (волонтер); канд. ист. наук Н.А. Константинов; С. Назаров (волонтер); Д. Мамаева, Р. Джигота (студенты Горно-Алт. гос. ун-та); канд. ист. наук Е.В. Степанова; канд. ист. наук Н.А. Васильева; Е. Тыбыкова (студентка Горно-Алт. гос. ун-та); В. Васильев (волонтер/реконструктор). Сидят (слева направо): канд. ист. наук И.Ю. Слюсаренко; А. Асканаков (крановщик); Р. Куюков (студент Горно-Алт. гос. ун-та); А.В. Борисов; д-р ист. наук В.П. Мыльников.

с увеличивающимся остатком концов, после попеременной укладки пар бревен – коротких поперечных и длинных продольных – в глубокие вырубы чашек углового сопряжения у торцов бревен.

Хорошая сохранность древесины внутримогильных погребальных конструкций в Пятом Пазырыкском кургане обеспечила возможность проведения дендрохронологических исследований. Пятый курган, так же как и остальные четыре больших кургана могильника, ранее уже неоднократно становился объектом таких исследований [Замоторин, 1959; Захариева, 1974; Марсадолов, 1988; Слюсаренко, Гаркуша, 1999]. Их результатом стало установление относительной хронологии сооружения пяти «царских» курганов в рамках половины столетия, при этом Пятый курган большинством исследователей был датирован как самый поздний. Казалось бы, тему определения последовательности возведения курганов и временно́й разницы между ними можно считать закрытой. Однако доследование Пятого кургана предоставило уникальный шанс вновь вернуться к древесно-кольцевому методу датирования применительно к древесине из Больших Пазырыкских курганов.

Несмотря на то что памятник стал полигоном для первого применения метода дендрохронологии в отечественной археологической науке, образцы для анализа в конце 1950-х гг. были получены от фрагментов древесины, которые просто имелись на тот момент в Государственном Эрмитаже и ИИМК АН СССР [Замоторин, 1959, с. 21]. Соответствующие фрагменты деревянных конструкций отбирались в процессе раскопок задолго до дендрохронологического исследования без учета его специфики. Между тем данный метод предъявляет вполне определенные требования к количественному и качественному составу анализируемого древесного материала. Последние работы на памятнике как раз и позволили отобрать материал исходя из методических рекомендаций, тем более что, как показали раскопки, состояние деревянных конструкций было приемлемым как по сохранности, так и по полноте. Хотя необходимо отметить, что в силу вторичности проведенных сейчас раскопок не все обнаруженные конструктивные элементы удалось соотнести с их первоначальным положением из-за того, что в процессе раскопок С.И. Руденко они были перемещены либо деформированы (обрублены, отпилены и пр.) или и то и другое сразу. В первую очередь это относится к бревнам перекрытия внешнего сруба и многослойного наката над ним.

Для дендрохронологического анализа нами отобрано в общей сложности 40 образцов: от 26 конструктивных элементов – в виде спилов, от 14 – в виде кернов. Подавляющее большинство образцов надежно определяется по их месту в конструкции внешнего сруба: от всех 10 венцов северной стенки, от 6 венцов восточной, четырех – западной и четырех – южной. Образцы от перекрытия сруба и многослойного наката над ним (всего 9 экз.) включают как атрибутируемые вполне надежно по оригинальным строительным меткам или концевым вырубам, так и бревна, отнесенные к перекрытию или накату только по своим габаритным характеристикам. Конструкция навеса над срубом, как известно, состояла из 6 столбов-опор и 3 балок-переводин, опирающихся на столбы. К балкам отнесены 2 образца, один из которых происходит из фрагмента бревна, лежащего на юго-восточной балке, что говорит о его первоначальном положении, другой – из фрагмента бревна в заполнении ямы, который определен как балка только гипотетически. Непосредственно от столбов-опор образцы не брались ни в виде спилов (чтобы не нарушать их целостность), ни в виде кернов (поверхность древесины в определенной степени деградировала, что означает неизбежную потерю части наружных колец). Тем не менее эти конструктивные элементы также представлены в нашей коллекции. Дело в том, что в заполнении ямы найдены 6 обрубков длиной 0,5–0,7 м от бревен, размер которых не оставляет сомнений, что эти 6 фрагментов были отделены от столбов-опор в процессе их подгонки по высоте уже непосредственно при монтаже всей конструкции в яме. От 5 таких обрубков взяты спилы.

В настоящее время коллекция дендрообразцов проходит сушку и подготовку к измерениям ширины годичных колец. Однако уже сейчас можно привести некоторые характеристики древесины. Все образцы относятся к лиственнице сибирской (*Larix sibirica* Ledeb.). На примере бревен северной стенки внешнего сруба, от всех 10 венцов которой взяты полные спилы, можно оценить возрастные и габаритные параметры: возраст деревьев колеблется от 154 до 194 лет, но для большинства составляет 170–180 лет; максимальный диаметр стволов варьирует от 27 см в нижнем (первом) венце до 15,5 см в верхнем (десятом), постепенно убывая от венца к венцу снизу вверх. Бревна перекрытия и наката по диаметру в целом несколько меньше (16,5–21 см), средний возраст также около 170 лет. Стволы, которые послужили для изготовления столбов-опор – наиболее значительные по размеру и возрасту: диаметр 0,4–0,5 м, возраст около 250–260 лет.

Подкоровый слой, позволяющий максимально точно определить год валки дерева, фиксируется у всех образцов. Для того чтобы уже сейчас предварительно оценить время заготовки древесины, выборочно была исследована часть образцов: 5 бревен северной стенки сруба, бревно перекрытия, три обрубка столбов-опор. Во всех случаях, кроме одного,

зафиксирован один и тот же год валки деревьев; вид сформировавшегося годичного кольца говорит о том, что валка происходила в холодный период, то есть осенью-зимой либо весной, но до начала вегетации у дерева. Единственным исключением стало бревно 10-го венца – судя по угнетенному состоянию его годового прироста последние несколько десятков лет, дерево могло засохнуть за 2–3 года до его валки вместе с остальными деревьями. Одновременность заготовки древесины вполне понятна ввиду исключительного характера события, по случаю которого сооружалась погребальная конструкция. В последующем предполагается детальный дендрохронологический анализ всей собранной в настоящее время древесины от внешнего сруба и навеса, а также ее сопоставление с образцами от внутреннего сруба, полученными ранее из Государственного Эрмитажа.

После выемки всех деревянных конструкций из могильной ямы в ее южной стене на уровне дна ямы изучен небольшой подбой, в который, судя по всему, были помещены концы бревен, использовавшихся для заклинивания крышки колоды [Руденко, 1953, с. 54–56]. Этот подбой в 1949 г. не изучался, поэтому целесообразно привести его описание. Подбой был сделан в южной стене с западной стороны центрального столба-опоры, примерно напротив проруба в стене сруба. Подбой заглублен в стену ямы на 1,3 м, его ширина 1,5 м, высота 0,8 м. В подбое обнаружены роговой заступ, детали четырехколесной повозки и фрагмент резной деревянной бляхи (?), покрытой золотой фольгой. В заполнении подбоя и рядом с ним было обнаружено множество щепок, образовавшихся, вероятно, при оформлении проруба непосредственно в яме (в отличие от мнения С.И. Руденко о том, что «окно это прорубалось заранее, после того, как камера была уже построена, но еще не установлена в могильной яме» [Там же, с. 55–56]).

В процессе повторного исследования выявлены различные предметы, оставшиеся после прежних раскопок. В заполнении и на дне ямы находились разрозненные кости лошади, в южной половине зафиксированы скопления костей лошади в сочленении с сохранившимися фрагментами мягких тканей или со следами их гниения. За южной стеной сруба, между центральным и юго-восточным столбами, обнаружена часть туши коня с сохранившимися мягкими тканями. Судя по всему, части туш коней (не менее трех) были сброшены в яму после их полевого изучения сразу после раскопок 1949 г. Длинных костей ног и черепа лошадей не обнаружено.

Также в заполнении сруба и снаружи, вдоль его восточной и западной стенок, встречались куски бересты, вероятно из покрытия потолков сруба берестяными полотнищами. На одном куске бересты обнаружен свитый лубяной шнурок, которым сшивалось полотно берестяного покрытия. На уровне 4–5 венцов сруба (сверху) в центральной и восточной его частях найдены разрозненные фрагменты золотой фольги и войлочных изделий. В юго-западном углу ямы обнаружена деревянная лопата.

На дне ямы, в основном в северной половине, обнаружены многочисленные фрагменты ковра «со сфинксом», вероятно от той части, которая находилась в конском погребении вместе с ковром со сценой «всадник и богиня». Также в северной половине найдены деревянная колотушка, фрагменты деревянной резной бляхи в виде оленя (от конского убора № 5) и украшения нагрудника седла в виде войлочных розеток (от конского убора № 3), мелкие полусферические бронзовые бляшки, покрытые золотой фольгой, а также фрагменты других изделий. За южной стеной сруба на дне ямы выявлены различные детали повозки. Кроме того, при выборке заполнения ямы встречены предметы, связанные с раскопками 1949 г.: носилки, две лестницы (одна сделана из бревен перекрытия сруба), верхонка (брезентовая рукавица), железный ковш, кусок мешковины, клочки газет и т.д.

Заключение

Проведенные работы показали перспективность повторного (вторичного) изучения раскопанных царских погребений пазырыкской культуры. Состояние сохранности оставленных после раскопок предметов в кургане 5 на могильнике Пазырык, в первую очередь деревянных погребальных конструкций, было более чем удовлетворительным и вполне пригодным для их музеефикации. Несмотря на глубокую воронку, оставшуюся на месте нерекультивированного раскопа в центре кургана, в яме вновь образовалась мерзлота, не тающая даже в летние периоды. Скорее всего, в остальных курганах могильника ситуация должна быть похожей.

Проведенное в течение трех лет доследование кург. 5 убедительно показало, что есть глубокий смысл и насущная потребность в осуществлении аналогичных исследований на всех оставшихся четырех больших курганах в урочище Пазырык с последующей корректной их рекультивацией.

Благодарности

Полевые исследования проведены в рамках гранта РФФИ № 18-09-00709 и частично при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых МК-1413.2019.6. Технико-технологический и дендрохронологический анализ погребальных конструкций выполнен в рамках проекта НИР № 0329-2019-0003.

Список литературы

Грязнов М.П. Первый Пазырыкский курган. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1950. – 92 с.

Замоторин И.М. Относительная хронология Пазырыкских курганов // Сов. археология. – 1959. – № 1. – С. 21–30.

Захариева Е.И. Археологическое дерево как исторический источник (Дендрохронология Саяно-Алтайских курганов VIII–III вв. до н.э.): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Л., 1974. – 21 с.

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Полевое доследование внутримогильных конструкций Пятого Пазырыкского кургана на Алтае (предварительное сообщение) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018а. – Т. XXIV. – С. 275–279.

Константинов Н.А., Степанова Е.В., Урбушев А.У., Васильева Н.А., Шаблавина Е.А., Эбель А.В., Куюков Р.В. Работы на Пазырыкском могильнике в 2017 году // Полевые исследования на Алтае, в Прииртышье и Верхнем Приобье (археология, этнография, устная история). 2017 год: мат-лы XIII междунар. науч.-практ. конф., Горно-Алтайск, 24–27 апр. 2018 г. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2018б. – Вып. 13. – С. 30–34.

Марсадолов Л.С. Дендрохронология больших курганов Саяно-Алтая I тыс. до н.э. // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. – 1988. – Вып. 29. – С. 65–81.

Мыльникков В.П. Обработка дерева в скифское время на Монгольском Алтае // Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: ИД «Триумф принт», 2012б. – С. 409–490.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с.

Мыльников В.П. Опыт изучения погребальных сооружений из дерева в процессе раскопок археологических памятников // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012а. – № 1 (49). – С. 97–107.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: АН СССР, 1953. – 402 с.; 120 табл.

Слюсаренко И.Ю., Гаркуша Ю.Н. К вопросу об относительной хронологии Пазырыкских курганов // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999. – Т. V. – С. 497–501.

References

Gryaznov M.P. Pervy Pazyryksky kurgan. Leningrad: State Hermitage Publ., 1950, 92 p. (in Russ.).

Konstantinov N.A., Mylnikov V.P., Stepanova E.V., Vasilyeva N.A. Field Supplementary Examination of Intrasepulchral Design of the Fifth Pazyryk Barrow in Altai (a Preliminary Report). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 275–279 (in Russ.).

Konstantinov N.A., Stepanova E.V., Urbushev A.U., Vasil'eva N.A., Shablavina E.A., Ebel' A.V., Kuyukov R.V. Raboty na Pazyrykskom mogil'nike v 2017 godu. In *Polevye issledovaniya na Altae, v Priirtysh'e i Verkhnem Priob'e (arheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya). 2017 god: Materialy XIII mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*. Gorno-Altajsk, 24–27 apr. 2018 goda. Gorno-Altaisk: State Univ. Press, 2018, iss. 13, pp. 30–34 (in Russ.).

Marsadolov L.S. Dendrokhronologiya bol'shikh kurganov Sayano-Altaya I tys. do n.e. *Arkheologichesky sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha*, 1988, iss. 29, pp. 65–81 (in Russ.).

Mylnikov V.P. Derevoobrabotka v epokhu paleometalla (Severnaya i Tsentral'naya Aziya), Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, 364 p. (in Russ.).

Mylnikov V.P. Obrabotka dereva v skifskoe vremya na Mongol'skom Altae. In *Zamerzshie pogrebal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'sky Altai)*. Moscow: Triumf print Publ., 2012b, pp. 409–490 (in Russ.).

Mylnikov V.P. Opyt izucheniya pogrebal'nykh sooruzheniy iz dereva v protsesse raskopok arkheologicheskikh pamyatnikov. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2012a, No. 1 (49), pp. 97–107 (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953, 402 p., 120 tab. (in Russ.).

Slyusarenko I.Yu., Garkusha Yu.N. K voprosu ob otnositel'noi khronologii Pazyrykskikh kurganov. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999, vol. V, pp. 497–501 (in Russ.).

Zakharieva E.I. Arkheologicheskoe derevo kak istorichesky istochnik (Dendrokhronologiya Sayano-Altaiskikh kurganov VIII–III vv. do n.e.): cand. sc. (history) dissertation abstract. Leningrad, 1974, 21 p. (in Russ.).

Zamotorin I.M. Otnositel'naya khronologiya Pazyrykskikh kurganov. *Sovetskaya arkheologia*, 1959, No. 1, pp. 21–30 (in Russ.).

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.425-431
УДК 902/904

Г.В. Кубарев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Гравировки скифского времени из Калбак-Таша I

Статья посвящена результатам работ автора по копированию новых и уточнению уже известных гравированных изображений на местонахождении петроглифов Калбак-Таш I. Несмотря на монографическую публикацию этого памятника, многие уникальные гравировки остались необработанными и неопубликованными. Автору удалось скопировать несколько композиций, две из которых представлены в статье. На одной из них изображены две большие фигуры фантастических животных, сочетающих в себе признаки грифона, оленя и кошачьего хищника. До сих пор образ такого мифического животного был известен почти исключительно по татуировкам пазырыкцев. Эти изображения – первые подобные образы в наскальном искусстве Алтая и сопредельных регионов – были оставлены носителями пазырыкской культуры в V–III вв. до н.э. Иконография такого фантастического существа была широко распространена у ираноязычного населения Евразии и связана с сюжетом «благого терзания» хищниками травоядных животных. Этот сюжет трактуется исследователями как «основной миф» скифского мира Евразии. На другой скопированной композиции изображена большая гравированная фигура кабана, пораженного несколькими стрелами. Возможно, в данном случае мы имеем дело с охотничьей магией – изображенное дикое животное должно было быть «убито», чтобы обеспечить благоприятный исход охоты. Вероятно, Калбак-Таш в разные исторические эпохи всегда являлся наиболее удобным и безопасным местом переправы через р. Чуя для диких животных, таких как олень и кабан. Как раз на месте переправы охотники могли поджидать свою добычу. Изображение кабана датируется скифским временем.

Ключевые слова: *петроглифы, гравировки, скифский период, Калбак-Таш, Алтай.*

Gleb V. Kubarev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: gvkubarev@gmail.com

Engravings of the Scythian Period from Kalbak-Tash I

This article presents the results of author's work on copying new engraved representations and clarifying the already known images at the Kalbak-Tash I petroglyphic site. Despite a specialized work about this site, many unique engravings have remained uncopied and unpublished. The author copied several compositions, two of which are presented in this article. One of the compositions depicts two large figures of fantastic animals which combine the features of the griffin, deer, and feline predator. Until now, the image of such mythical animal was known almost exclusively from the tattoos of the Pazyryk people. These images are the first representations of that kind in the rock art of the Altai and neighboring regions; they were left by the representatives of the Pazyryk culture in the 5th–3rd centuries BC. The iconography of such fantastic creature was widespread among the Iranian-speaking population of Eurasia and was associated with the theme of "good torment" of herbivores by the predators. This subject has been interpreted by scholars as the main myth of the Scythian world of Eurasia. Another copied composition represents a large engraved figure of boar injured by several arrows. It is possible that in this composition, we are dealing with hunting magic – the depicted wild animal had to be "killed" in order to ensure the successful result of the hunt. In different historical periods Kalbak-Tash could have always been the most convenient and safe crossing of the Chuya River for wild animals such as deer and wild boars. Hunters could have waited for their prey precisely at the crossing point of the river. The image of the wild boar was dated to the Scythian period.

Keywords: *petroglyphs, engraving, Scythian period, Kalbak-Tash, Altai.*

В полевом сезоне 2019 г. автором были продолжены археологические разведочные работы по поиску новых и обработке уже известных наскальных изображений на территории Онгудайского и Кош-Агачского р-нов Республики Алтай. Так, например, в окрестностях с. Кокоря были обнаружены два новых местонахождения петроглифов, выполненных на необычных для наскального искусства Алтая песчаниковых скалах и останцах. Однако одной из главных целей проведенных исследований была всесторонняя обработка и копирование гравированных сцен на местонахождениях петроглифов Калбак-Таш I и Калбак-Таш II.

Петроглифоведение начиналось преимущественно с обработки и копирования выбитых и крашеных рисунков. На тонкие резные изображения исследователи либо не обращали внимания, либо их останавливала трудность или невозможность копирования гравировок. А между тем именно техника гравировки позволяла древним художникам разных эпох предельно детализировать рисунок – показать одежду, военное снаряжение, окраску или шкуру животного, прическу и даже черты лица людей. Часто уникальные изображения и образы выполнены именно в технике гравировки.

Одним из вариантов обработки резных изображений во второй половине XX в. было использование разнообразных материалов (полимерные пластики, гипс, смолы и пр.) для изготовления «объемных негативных матриц» путем отливки со скалы с петроглифами. Однако эту методику вряд ли можно назвать копированием граффити. В итоге можно было получить дубликат изображения и продолжить его обрабатывать в стационарных, камеральных условиях. Гравировки снимали аналоговыми фотоаппаратами, однако в случае с большими композициями возникали трудности – их можно было фотографировать лишь отдельными фрагментами. Микалентная бумага и калька не подходили для копирования тонких резных линий. Копирование на прозрачные полимерные материалы трудоемко и требует от археолога большого опыта.

В настоящее время с развитием цифровых технологий стали доступны методы фотограмметрии, многоугловой теневой фотосъемки, 3D-сканирования. Е.А. Миклашевич предложила и опробовала документирование гравировок при помощи многократной цифровой фотосъемки, последующего «сшивания» снимков в графическом редакторе и прорисовки изображения в отдельном слое поверх полученной фотопанорамы [2012, с. 167]. Однако какой бы способ копирования и прорисовки гравированных изображений ни был выбран исследователем, он остается очень трудоемким как при работе собственно на местонахождении петроглифов, так и при последующей обработке материалов. Особенные трудности вызывают большие сцены граффити, на которых разновременные резные изображения накладываются друг на друга и многие резы имеют волосяную толщину.

Яркий и эталонный петроглифический памятник Алтая Калбак-Таш I был обработан и введен в научный оборот В.Д. Кубаревым дважды – на английском [Kubarev V.D., Jacobson, 1996] и русском [Кубарев В.Д., 2011] языках. В монографиях представлено несколько гравированных сцен, преимущественно древнетюркского времени, собрание тамг и прорисовки рунических надписей. Однако, как отмечал сам В.Д. Кубарев, на памятнике осталось несколько необработанных плоскостей с тонкими, слабо различимыми граффити, которые будут исследованы, когда появятся новые технические возможности для более точного копирования рисунков [Кубарев В.Д., 2011, с. 14]. И такие новые технические возможности в виде цифровой фототехники появились. В числе первых свою методику работы по копированию гравировок на Калбак-Таше I опробовала Е.А. Миклашевич [Миклашевич, 2012, рис. 3, 4; Миклашевич, Мухарева, 2011]. Она обработала многослойные композиции 239, 240 и 409 (по нумерации В.Д. Кубарева), преимущественно скифской эпохи [Там же]. Я также скопировал некоторые, неизвестные ранее гравировки на этом местонахождении петроглифов [Кубарев Г.В., 2013, рис. 1, 2].

В этом году мне удалось заново скопировать несколько как уже известных и опубликованных В.Д. Кубаревым сцен граффити, так и тех, которые в книгу не вошли. Отдельными фрагментами они были полностью отсняты на цифровой фотоаппарат при косом солнечном освещении для дальнейшего «сшивания» и прорисовки в графическом редакторе. В числе прочего была отснята и прорисована композиция, опубликованная В.Д. Кубаревым под № 384 [2011, с. 255]. Она находится на скале VI, на вертикальной поверхности, ориентированной на юг – в направлении Чуйского тракта и р. Чуи. После расширения Чуйского тракта в середине XX в. эта поверхность фактически стала нависать над ним. Ее размеры – 150 × 95 см. На скале хорошо различимы три фигуры оленей и одна – козла, выгравированных в древнетюркское время, а также по меньшей мере 13 рунических строк. Удалось уточнить многие детали изображений, рунические знаки, зафиксировать тамгу, которую исследователь, вероятно, принял за современную кириллическую букву и не стал воспроизводить в своей копии.

Однако первыми на этой скале были выгравированы два фантастических существа скифской эпохи, совмещающие в себе голову и клюв грифона, тело (?) и рога оленя, когтистые лапы кошачье-

го хищника (рис. 1, *1*; 2). У «олене-грифонов» массивное тело, голова грифона с большим загнутым клювом, крупным круглым или ромбическим глазом, ухом. Передняя лапа верхнего и задняя нижнего мифических существ как будто имеют когти. Рога верхней «химеры» с многочисленными завитками близки по форме к рогам оленей на оленных камнях (рис. 1, *1*, *8*). Они показаны в профиль, тогда как у нижнего существа развернуты и различимы оба.

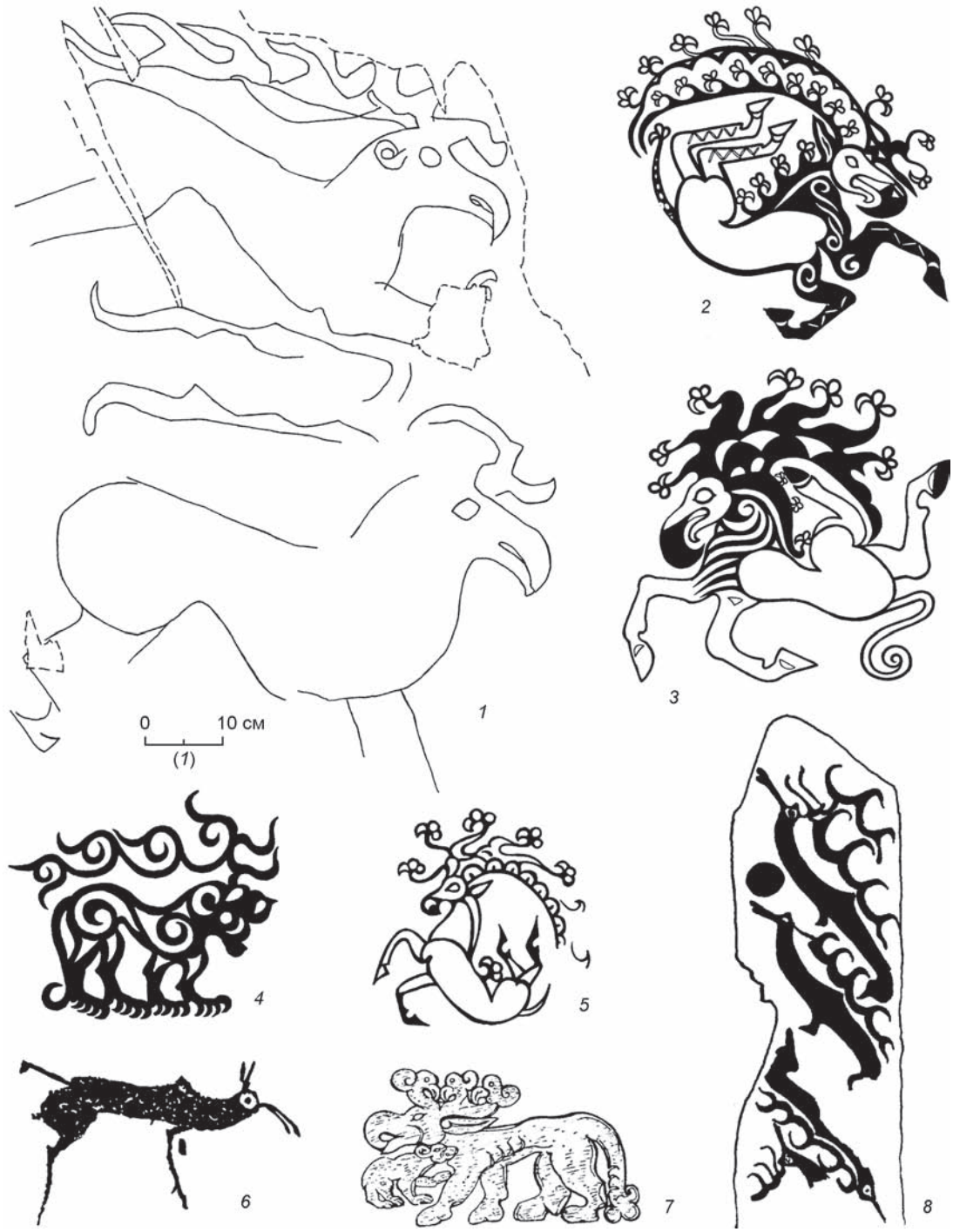

Рис. 1. Фрагмент композиции 384 из Калбак-Таша I с фантастическими существами, сочетающими в себе признаки грифона, оленя и кошачьего хищника (*1*) и их аналогии (*2–8*).

1 – петроглифы Калбак-Таша; *2, 3* – татуировка мужчины, Пазырык, кург. 2 (по: [Руденко, 1953, рис. 181, 182]); *4* – кожаная аппликация, Первый Туэктинский курган (по: [Руденко, 1960, рис. 87]); *5* – татуировка женщины, Ак-Алах-3, кург. 1 (по: [Полосьмак, 2001, рис. 151, *б*]); *6* – петроглифы Калбак-Таша I (по: [Кубарев В.Д., 2011, № 595]); *7* – деревянная бляха, Катанда (по: [Руденко, 1953, табл. 82, *4*]); *8* – изображение на оленном камне, Нухтийн ам, Галт сумын, Хубсугульский аймак МНР (по: [Волков, 2002, табл. 99, *2*]). *2–8* – масштаб разный.

Рис. 2. Фото головы «олене-грифона» из Калбак-Таша I.

«Олене-грифоны» воспроизведены мной без налегающих на них раннесредневековых гравировок и рунических строк (см. рис. 1, *1*). Длина фигур составляет примерно 64 см при высоте 40 см. Резные линии, которыми они выполнены, довольно широкие и глубокие, хотя и сильно патинизированные (см. рис. 2). Это особенно хорошо видно в сравнении с более светлыми и тонкими резами древнетюркской эпохи. Именно сильная патинизация, раннесредневековые изображения, рунические строки и огромная посетительская надпись («Юдин Василий Осипович») поверх фигур этих синкретических существ осложняют их восприятие и копирование. Тем не менее абрис верхнего мифического животного был воспроизведен В.Д. Кубаревым правильно [2011, с. 255], хотя, видимо, не будучи до конца уверенным в нем, исследователь не уделил ему внимания в отношении интерпретации, датировки и т.п. Ему не удалось рассмотреть детали изображения (завитки рогов, глаз, ухо, когти) и зафиксировать нижнюю фигуру.

Датировка и этнокультурная принадлежность образов этих синкретичных животных не вызывает никаких сомнений. Фантастические «олене-грифоны» были нанесены на скалу носителями пазырыкской культуры и должны относиться к периоду V–III вв. до н.э. В пользу этого свидетельствуют их аналогии в татуировках (см. рис. 1, *2, 3, 5*), на деревянных бляшках (см. рис. 1, *7*), в кожаных аппликациях (см. рис. 1, *4*) пазырыкцев. К образу «олене-грифонов» семантически близки изображения рогатых тигров (см. рис. 1, *4*) или рогатого лося (см. рис. 1, *7*).

Подобные фантастические персонажи были известны не только пазырыкцам. Иконография такого фантастического существа была широко распространена у ираноязычного населения Евразии и была связана с сюжетом «благого терзания» хищниками травоядных копытных животных [Черемисин, 2008, с. 100]. Этот сюжет трактован исследователями как «основной миф» скифского мира Евразии. П.И. Шульга считает, что подобные «олене-грифоны» обладали у пазырыкцев Алтая особой сакральностью – их изображения не помещались на пояса, оружие, одежду, украшения и сбрую. Они воспроизводились преимущественно на татуировках людей, причем на руках или плечах [Шульга, 2010, с. 65].

Если говорить не только о сходстве, но и об отличиях сравниваемых образов, то необходимо отметить, что у «олене-грифонов» на татуировках практически всегда вывернут зад – как у травоядных животных, жертв хищников, тогда как у калбак-ташских существ массивные тела и показаны они в стремительном беге или полете (особенно это справедливо для верхней фигуры). Кроме того, последние имеют когти грифона (?) или кошачьего хищника, а пазырыкские фигуры – копыта. Если отростки рогов фантастического существа на татуировках завершаются стилизованными головками птиц, то рога калбак-ташских существ вполне соответствуют форме рогов оленей на оленных камнях.

Оленей, представленных на оленных камнях, часто описывают как имеющих клювовидную морду (рис. 1, *6, 8*). Действительно, по аналогии с фантастическими «олене-грифонами» из Калбак-Таша с головой и клювом грифона легко можно себе представить существо с телом оленя и головой другой птицы с длинным и изогнутым клювом (журавля, цапли, аиста?).

Мифическим существам из Калбак-Таша присущ большой размер, и они были выгравированы на одной из центральных плоскостей, обращенных к реке. Не исключено, что в древности у подножия этих скал пролегала конная и пешая тропа, с которой этих «олене-грифонов» было хорошо видно. Возможно, они исполняли роль охранителей и освятителей культового места, каким был Калбак-Таш. Если до сих пор подобные образы синкретичных существ (в общем-то, не очень многочисленные) преимущественно воплощались в виде татуировок либо на бляхах, то калбак-ташские «олене-грифоны» являются, пожалуй, первым их изображением в наскальном искусстве не только Алтая, но и сопредельных регионов.

Другая скопированная мной сцена граффити не публиковалась В.Д. Кубаревым. Она находится на скале III, рядом с композицией 241 и может быть условно обозначена как 241а. Скальная поверхность здесь почти горизонтальная, с небольшим наклоном, размерами 120 × 67 см. Почти

Рис. 3. Фрагмент композиции из Калбак-Таша I с кабаном, пораженным стрелами (*1*), и аналогии этого образа в петроглифах Калбак-Таша II (*2, 3*).

всю ее площадь занимает фигура животного, прозванного гидами «носорогом» (рис. 3, *1*). Действительно, поначалу кажется, что морда животного заканчивается рогом. Однако в дальнейшем становится очевидным, что это большая фигура кабана (*Sus scrofa*). Длина гравировки 64 см, высота 46 см. Общий абрис фигуры кабана весьма изящен, у него показаны две ноги – он как будто стоит на «цыпочках» (см. рис. 3, *1*). Массивная длинная голова составляет примерно одну треть от туловища и имеет два клыка-резца, изображенных в проекции. Безусловно, это самец, кабан-секач. На хребте у кабана имеется подобие гривы, образуемой шерстью, что натуралистично передано параллельными резными линиями. Необычным представляется достаточно большой размер гравированного изображения. Кабан воспроизведен пронзенным 6–7 стрелами с треугольными наконечниками и оперением.

Под фигурой кабана выбиты изображения двух козлов и оленя, а на его крупе – грубая и незаконченная фигура козла (?) (см. рис. 3, *1*).

Микалентная копия передней части кабана уже публиковалась [Назаренко, 2018, рис. 5]. Публикатор различила у фигуры только голову, шею и переднюю ногу и считает, что это прием частичного изображения [Там же, с. 67]. Но самое поразительное, что она принимает эту якобы парциальную фигуру за носорога и попутно производит «революцию» в палеонтологии: «Удивление вызывает время исполнения рисунка. В официальной палеонтологии считается, что эти животные вымерли еще в период плейстоцена. Но рисунок периода нашей эпохи говорит, что этих крупных животных могли наблюдать и художники эпохи тюркских кочевников» [Там же]. Автор статьи не знает, что благодаря целой серии радиоуглеродных определений установлено: шерстистый носорог вымер на территории Западной Сибири около 10 тыс. л.н. [Орлова и др., 2008, с. 133, 135].

Не вызывает никаких сомнений, что перед нами фигура кабана. В пользу этого свидетельствуют другие, выбитые изображения этого животного – например, в Калбак-Таше II (рис. 3, *2, 3*). Они имеют абсолютно идентичные пропорции, анатомические детали и пр. Гравированный кабан из Калбак-Таша по указанным признакам близок к изображениям этих животных, выполненным в т.н. аржано-майэмирском стиле и датируемым IX–VII вв. до н.э. [Чугунов, 2008, с. 60–61, 68]. Впрочем, эта фигура кабана может быть широко датирована скифской эпохой, с IX и вплоть до III в. до н.э. Эту датировку подтверждают и треугольные наконечники стрел, поразивших кабана. Они были широко распространены в скифский период. Изображения кабанов, в том числе гравированные, представлены и на других местонахождениях петроглифов Алтая [Миклашевич, 2012, рис. 9, *2, 6*; 11, *8*].

Любопытно, что большая гравированная фигура кабана показана пронзенной стрелами – он «убит». Возможно, мы имеем здесь дело с охотничьей магией. Кабаны – прекрасные пловцы, и вполне вероятно, что Калбак-Таш (на многие километры вниз и вверх по течению р. Чуи берега очень обрывисты, а течение реки стремительное) всегда являлся местом переправы для диких животных, таких как олень и кабан. Как раз на месте переправы охотники могли поджидать свою добычу.

Проведенные мной и моими коллегами работы по выявлению, обработке и прорисовке еще не учтенных петроглифов на Калбак-Таше I, и прежде всего гравированных, подчеркивает их важность и значение. Потенциал этого эталонного петроглифического комплекса использован далеко не полностью, о чем и свидетельствует обнаружение уникальных гравированных образов и композиций. Эту работу необходимо продолжить и в конечном счете подготовить к печати дополнительно к уже изданной монографии публикацию, которая объединила бы уточненные старые и новые гравированные изображения Калбак-Таша I.

Благодарности

Статья написана в рамках проекта НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Волков В.В. Оленные камни Монголии. – М.: Научный мир, 2002. – 248 с.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша I (Российский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев Г.В. Археологические работы Чуйского отряда на Алтае в 2013 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2013. – Т. XIX. – С. 225–229.

Миклашевич Е.А. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. – М.; Кемерово: Кузбассвузиздат, 2012. – С. 157–202.

Миклашевич Е.А., Мухарева А.Н. Новые петроглифы Калбак-Таша. К вопросу о расчистке наскальных рисунков от лишайников // Древнее искусство в зеркале археологии: к 70-летию Д.Г. Савинова. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2011. – С. 233–246. – (Тр. САИПИ; вып. VII).

Назаренко Е.Ю. Особенности изобразительных приемов в наскальной графике Алтая // Значение природного и культурного наследия в современном обществе: мат-лы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием, посв. 100-летию со дня основания бюджет. учреждения Республики Алтай «Национальный музей Республики Алтай им. А.В. Анохина». – Горно-Алтайск: Нац. музей Респ. Алтай; Горно-Алт. гос. ун-т, 2018. – С. 65–67.

Орлова Л.А., Васильев С.К., Кузьмин Я.В., Косинцев П.А. Новые данные о времени и месте вымирания шерстистого носорога (*Coelodonta antiquitatis Blumenbach*, 1799) // Докл. Академии наук. – 2008. – Т. 423 (1). – С. 133–135.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с., 120 табл.

Руденко С.И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 350 с.; 128 табл.

Черемисин Д.В. К семантике образа клювоголового оленя в пазырыкском искусстве // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр., посв. юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008. – С. 99–105. – (Тр. САИПИ; вып. IV).

Чугунов К.В. Плиты с петроглифами в комплексе кургана Аржан-2 (к хронологии аржано-майэмирского стиля) // Тропою тысячелетий: сб. науч. тр., посв. юбилею Марианны Арташировны Дэвлет. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2008.– С. 53–69. – (Тр. САИПИ; вып. IV).

Шульга П.И. Изображения копытных грифонов из Дунхэйгоу (Синьцзян) // Древности Сибири и Центральной Азии. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т. – 2010. – № 3 (15). – С. 62–71.

Kubarev V.D., Jacobson E. Siberie du Sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. – Paris: De Boccard, 1996. – T. 3. – 45 p., 662 pl.

References

Cheremisin D.V. K semantike obraza klyuvogolovogo olenya v pazyryk-skom iskusstve. In *Tropoyu tysyacheletii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi yubileyu Marianny Artashirovny Devlet*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, pp. 99–105 (Trudy SAIPI; iss. 4) (in Russ.).

Chugunov K.V. Plity s petroglifami v komplekse kurgana Arzhan-2 (k khronologii arzhano-maiemirskogo stilya). In *Tropoyu tysyacheletii: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi yubileyu Marianny Artashirovny Devlet*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2008, pp. 53–69 (Trudy SAIPI; iss. 4) (in Russ.).

Kubarev G.V. Arkheologicheskie raboty Chuiskogo otryada na Altae v 2013 godu. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2013, vol. XIX, pp. 225–229 (in Russ.).

Kubarev V.D. The petroglyphs of Kalbak-Tash I (Russian Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 444 p. (in Russ.).

Kubarev V.D., Jacobson E. Siberie du Sud 3: Kalbak-Tash I (Republique de l'Altai). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Paris: De Boccard, 1996, vol. 3, 45 p., 662 pl.

Miklashevich E.A. The technique of engraving in rock art of the Scythian period. In *Izobrazitel'nye i tekhnologicheskie traditsii v iskusstve Severnoi i Tsentral'noi Azii*. Moscow; Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2012, pp. 157–202 (in Russ.).

Miklashevich E.A., Mukhareva A.N. Novye petroglify Kalbak-Tasha. K voprosu o raschistke naskal'nykh risunkov ot lishainikov. In *Drevnee iskusstvo v zerkale arkheologii: k 70-letiyu D.G. Savinova*. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2011, pp. 233–246 (Trudy SAIPI, iss. 7) (in Russ.).

Nazarenko E.Yu. Special features of depiction technigues in the rock art of Altai. In *Znachenie prirodnogo i kul'turnogo naslediya v sovremennom obshchestve: materialy Vserossijskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchennoi 100-letiyu so dnya osnovaniya byudzhetnogo uchrezhdeniya Respubliki Altai «Natsional'nyi muzei Respubliki Altai im. A.V. Anokhina*. Gorno-Altaisk: Natsional'nyi muzei Respubliki Altai; Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2018, pp. 65–67 (in Russ.).

Orlova L.A., Vasil'ev S.K., Kuz'min Ya.V., Kosintsev P.A. Novye dannye o vremeni i meste vymiraniya sherstistogo nosoroga (*Coelodonta antiquitatis Blumenbach*, 1799). *Doklady Akademii nauk*, 2008, vol. 423 (1), pp. 133–135 (in Russ.).

Polos'mak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001, 336 p. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953, 402 p., 120 tabl. (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Tsentral'nogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1960, 350 p., 128 tabl. (in Russ.).

Shul'ga P.I. Izobrazheniya kopytnykh grifonov iz Dunkheigou (Sin'tszyan). In *Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii*. Gorno-Altaysk: Gorno-Altaysk State Univ. Press, 2010, No. 3 (15), pp. 62–71 (in Russ.).

Volkov V.V. Stone stelaes from Mongolia ("deer stone"). Moscow: Nauchnyi mir, 2002, 248 p. (in Russ.).

Кубарев Г.В. https://orcid.org/0000-0001-6376-4153

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.432-439
УДК 903.2

А.И. Лебединцев[1], П.С. Гребенюк[1], А.Ю. Федорченко[2], Б.А. Малярчук[3], Д.В. Селин[2]

[1]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Институт биологических проблем Севера ДВО РАН
Магадан, Россия
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Новые результаты исследований токаревской культуры в Северном Приохотье

В статье представлены новые результаты междисциплинарных исследований токаревской культуры, проведенных в 2019 г. Палеогенетический анализ показал, что предки носителей токаревской культуры по линии G1b мтДНК и Q-B143 Y-ДНК обитали в районах бассейна р. Колымы еще на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена. По линии D2a1 мтДНК древние обитатели стоянки Ольская оказались ближайшими родственниками индивида палеоэскимосской культуры Саккак (Гренландия). Проведен технико-технологический анализ фрагментов керамики от разных сосудов с древних стоянок Северо-Западного Приохотья. Впервые для этого региона зафиксировано наличие минеральных добавок шамота (дробленой керамики), что делает актуальным проведение дальнейших естественнонаучных и корреляционных исследований древней керамики региона. Дата, полученная по углю из заполнения большого плоскодонного сосуда со стоянки Спафарьева, показывает, что распространение этого типа керамики происходит на поздних этапах существования токаревской культуры и, вероятно, связано с миграцией древних племен Приамурья в северном направлении. Впервые осуществлен технологический и экспериментально-трасологический анализ каменных подвесок токаревской культуры. Выявленная последовательность производства персональных украшений стоянки Спафарьева включала нескольких этапов: подбор и транспортировка сырья, обработка шлифовкой, формирование отверстий для подвешивания, нанесение орнамента или схематического изображения. Полученные данные показывают своеобразие и сложность процесса формирования и развития токаревской культуры, в котором можно выделить несколько различных генетических и культурных компонентов: палеоэско-алеутский, внутриконтинентальный колымский, а также нижнеамурский компонент на поздних этапах существования.

Ключевые слова: *Северное Приохотье, палеометалл, токаревская культура, древнекорякская культура, палеогенетика, гаплогруппы, керамика, персональные украшения.*

Alexander I. Lebedintsev[1], Pavel S. Grebenyuk[1], Alexander Yu. Fedorchenko[2], Boris A. Malyarchuk[3], Dmitry V. Selin[2]

[1]N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS,
Magadan, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[3]Institute of Biological Problems of the North FEB RAS,
Magadan, Russia
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

New Results of Research into the Tokarev Culture of Northern Sea of Okhotsk Region

The article presents new results of interdisciplinary research into the Tokarev culture conducted in 2019. Paleogenetic analysis has shown that the ancestors of the carriers of the Tokarev culture belonged to haplogroup G1b of mtDNA and

haplogroup Q-B143 of Y-DNA, and lived in the Kolyma River basin at the turn of the Late Pleistocene and Early Holocene. The ancient inhabitants of the Olskaya site belonged to mtDNA haplogroups D2a1, and turned out to be close relatives of an individual from the Paleoeskimo Saqqaq culture (Greenland). Technical and technological analysis of pottery fragments from the ancient sites of the Northern Sea of Okhotsk region was performed. The presence of chamotte (crushed ceramics) mineral additives has been found for the first time in this region, which fosters further research and correlation studies of ancient pottery found in the region. A new date obtained from charcoal sample from the filling of a large flat-bottomed vessel from the Spafaryev site shows that this type of pottery spread at the late stages of the Tokarev culture and was probably associated with the migration of the ancient Amur tribes to the north. For the first time, technological and experimental-trace analysis of stone pendants of the Tokarev culture has been carried out. The identified production sequence of personal adornments at the Spafaryev site included several stages, such as selection and transportation of raw materials to the site, processing by grinding, making holes for hanging, and drawing ornamental decoration or stylized image. The data shows the uniqueness and complexity of the emergence and development of the Tokarev culture, which was based on several different genetic and cultural components: the Paleoeskimo and Paleo-Aleut component, inland Kolyma component, and the Lower Amur component in the later stages of its existence.

Keywords: *Northern Sea of Okhotsk region, Paleometal, Tokarev culture, Old Koryak culture, paleogenetics, haplogroups, pottery, personal adornments.*

Проблема формирования приморских культур Северного Приохотья и Камчатки является одной из актуальных в археологии Северо-Восточной Азии и разрабатывается в трудах исследователей уже несколько десятилетий. Попытка ее решения на современном этапе немыслима без проведения комплексной реконструкции адаптационных стратегий древнего населения в конце неолита – начале эпохи палеометалла, моделирования процессов освоения побережий Северного Приохотья и Камчатки на основе данных археологии, палеоэкологии, палеогенетики и других естественных наук. В настоящее время предполагается, что токаревская культура Северного Приохотья может быть связана с палеоэскимосским кругом археологических культур, с середины III тыс. до н.э. распространившихся на Аляске, в Арктической Канаде и Гренландии [Гребенюк и др., 2019]. На территории Северо-Восточной Азии к палеоэскимосской традиции относятся лишь два памятника (Чертов Овраг на о-ве Врангеля и поселение Уненен на Чукотском п-ове).

Токаревская культура является наиболее древней приморской культурой в Северном Приохотье [Лебединцев, 1990; Лебединцев, Кузьмин, 2010; Такасе, Лебединцев, Пташинский, 2012]. Опорными памятниками этой культуры выступают стоянки Токарева, Ольская и Спафарьева. В географическом отношении археологические памятники токаревской культуры расположены на побережье и островах в районе Тауйской губы – в устьях рр. Окса и Ойра, на о-вах Завьялова, Недоразумения, Спафарьева и Талан, в бухте Токарева и на мысе Восточный. На основании широкой серии радиоуглеродных измерений возраст данной культуры определяется в хронологических границах 2600 ± 50 – 1630 ± 50 л.н. [Лебединцев, Кузьмин, 2010; Такасе, Лебединцев, Пташинский, 2012], в календарном исчислении – 2800–1400 л.н. (VIII в. до н.э. – V в. н.э.)*. Наличие на поселениях токаревской культуры изделий из меди и железа позволяет отнести эту культуру к эпохе палеометалла.

На севере Дальнего Востока России период I тыс. до н.э. является переходным от неолита к раннему металлу. Для ряда археологических памятников Северного Приохотья и Камчатки получена серия радиоуглеродных дат, однако данных недостаточно для уточнения периодизации. Это актуально для раннего этапа токаревской культуры и раннего периода древнекорякской культуры. Предполагается, что на основе токаревской культуры формируется древнекорякская культура [Лебединцев, 1990], однако переходный период, связанный с формированием последней слабо изучен. В связи с этим особую важность приобретает изучение археологических памятников, которые относятся к этому периоду и на которых имеются материалы как токаревской, так и древнекорякской культур.

В контексте решения проблем идентификации археологических культур важное значение имеют палеогенетические исследования. В Северном Приохотье самые древние антропологические материалы, происходящие от нескольких древних индивидов, получены в процессе полевых исследований стоянки Ольская. В культурном слое этой стоянки найдены верхняя часть человеческого черепа, левая бедренная кость, лучевая кость и ребро (рис. 1). В Центре геогенетики Университета Копенгагена был проведен палеогенетический анализ антропологических материалов стоянки Ольская, показавший, что индивиды токаревской культуры относились к гаплогруппам D2a1 мтДНК (по фрагменту лучевой ко-

*Калибровка радиоуглеродных дат осуществлялась при помощи программного обеспечения OxCal v.4.2, с применением IntCal13 калибровочной кривой при использовании 68.2 % [Reimer, 2013].

Рис. 1. Бедренная кость человека в раскопе стоянки Ольская (п-ов Старицкого, Магаданская обл.).

сти) и G1b мтДНК (по фрагменту бедренной кости) [Sikora et al., 2019]. По линии G1b мтДНК носители токаревской культуры являлись потомками древней палеосибирской популяции, представленной геномом древнего человека из Дуванного Яра. Древняя «палеоэскимосская» гаплогруппа D2a1 мтДНК была обнаружена на северном побережье Охотского моря впервые. Носители токаревской культуры оказались ближайшими родственниками индивида палеоэскимосской культуры Саккак (4170–3600 кал. л.н.), обнаруженного в Гренландии и являвшегося обладателем гаплогруппы мтДНК D2a1 и гаплогруппы Y-ДНК Q-B143.

В филогенетическом отношении гаплотип D2a1, выявленный у индивида токаревской культуры, такой же древний, как и у носителя культуры Саккак, из чего следует, что представители этой митохондриальной линии в Северном Приохотье могли быть потомками носителей гаплогруппы D2a1, ранее прошедших через Северо-Восток на Аляску. Однако более вероятной представляется возможность обратной миграции носителей гаплогруппы D2a1 мтДНК из Америки в Азию. Интересно, что подгруппа Q-B143 Y-ДНК, ассоциировавшаяся ранее с носителем культуры Саккак, присутствует в генофонде современных коряков, что в недавнем исследовании объясняется обратной миграцией палеоэскимосов [Grugni et al., 2019]. Вместе с тем работа группы Э. Виллерслева показала, что носители подгруппы Q-B143 Y-ДНК присутствовали на крайнем Северо-Востоке Азии уже 10 000 л.н. [Sikora et al., 2019].

Предполагается, что в формировании токаревской культуры наряду с северным (чукотско-камчатским приморским) и южным (приамурским континентальным) компонентами участвовали неолитические культуры Колымы [Васильевский, 2001; Лебединцев, 2003; Слободин, 2001]. Высказывалось мнение, что приморская культура Северного Приохотья восходит своими корнями к палеоэскоалеутским прототипам [Арутюнов, Сергеев, 1975].

В археологических материалах токаревской культуры прослеживается влияние палеоэскимосской традиции, что особенно проявляется в технологически развитом арсенале для морского зверобойного промысла (рис. 2). Появление и развитие гарпунного комплекса у древних морских охотников Северного Приохотья связано с прямым влиянием палеоэскимосских культур Северной Америки (Дорсет) и палеоалеутских традиций. Токаревская культура древнее охотской историко-культурной общности, существовавшей в Южном Охотоморье с середины I тыс. н.э. до середины XIII в. Токаревские поворотные наконечники гарпунов отличаются от охотских, а зубчатые наконечники, имеющие палеоалеутские прототипы, сопоставимы со сходными образцами сусуйской культуры Сахалина (середина I тыс. до н.э. – середина I тыс. н.э.).

Появление ~ 3000–2800 л.н. на северном побережье Охотского моря высокотехнологичной культуры морских охотников, наряду с отсутствием археологических данных о ее постепенном формировании в этом регионе, позволяет предполагать ге-

Рис 2. Костяной инвентарь токаревской культуры.

нетические связи с носителями палеоэскимосской традиции Чукотки, а также возможность независимой миграции палеоэско-алеутских групп с Американского континента.

Определенное влияние на формирование токаревской культуры оказывали культуры раннего железного века: польцевская (VII в. до н.э. – конец III/начало IV в. н.э.) [Деревянко, 1976, 2000] и талаканская (конец V/начало IV в. до н.э. – начало IV в. н.э.). Это особенно отразилось в распространении изделий из металла и практике копирования этих орудий в камне, а также в керамическом производстве и орнаментике.

В 2019 г. был проведен технико-технологический анализ пяти фрагментов керамики от разных сосудов с древних стоянок Северо-Западного Приохотья (Уйка, Токарева, Спафарьева и Кухтуй VIII). Памятники Токарева и Спафарьева относятся к токаревской культуре, Уйка и Кухтуй VIII – к периоду раннего металла. Все изделия изготовлены из ожелезненного среднезапесоченного глинистого сырья. Естественные примеси представлены крупным окатанным бурым железняком. Как искусственные примеси в формовочной массе обнаружены минеральные добавки шамота (дробленой керамики) и песка в составах смешанных и несмешанных рецептов формовочных масс.

Смешанные рецепты выявлены на памятниках Уйка, Токарева, Спафарьева (рис. 3), где в исходное сырье добавлялся некалиброванный до 4 мм (2 обр.) или калиброванный от 1 мм (2 обр.) шамот в концентрации 1:2 (1 обр.), 1:4 (1 обр.) и 1:8 (2 обр.) и калиброванный от 1 мм (4 обр.) песок в концентрации 1:2 (1 обр.), 1:(4–5) (4 обр.). Несмешанный рецепт формовочной массы представлен одним образцом с памятника Кухтуй VIII, в исходное сырье

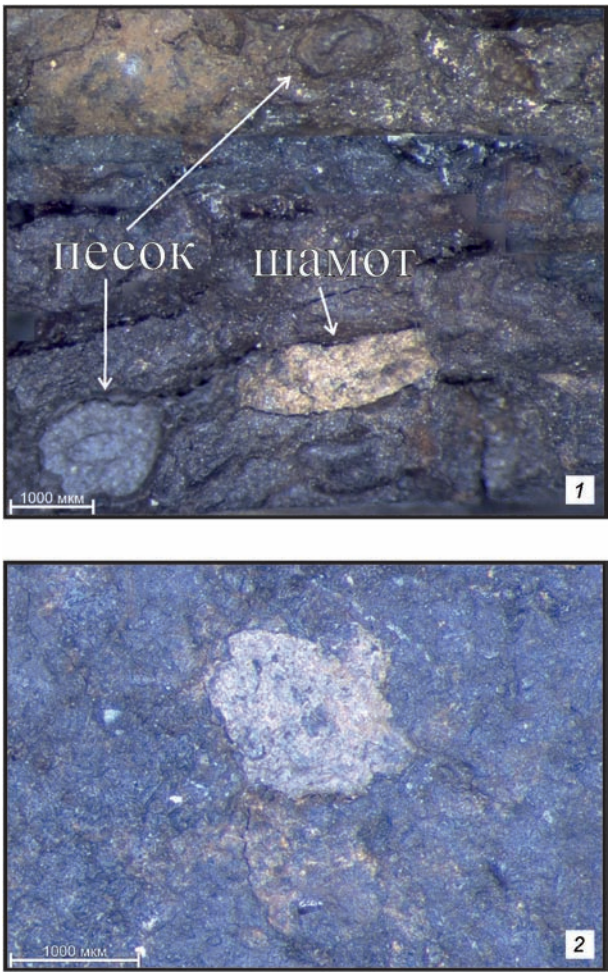

Рис. 3. Микрофотографии искусственных примесей в составе формовочной массы сосудов токаревской культуры.

1 – песок и шамот (стоянка Спафарьева); *2* – шамот (стоянка Токарева).

которого был добавлен калиброванный от 1 мм песок в концентрации 1:3. Полое тело сосудов (2 обр.) изготавливалось на форме-основе при помощи лоскутов, навитых по спиральной траектории, с последующим выбиванием гладкой колотушкой. Внешняя поверхность залощена при помощи твердого предмета после подсушивания изделия.

Источником ложнотекстильной керамики могла быть польцевская культура, носители которой жили на Среднем Амуре еще в IV в. до н.э. Плоскодонные сосуды с токаревских стоянок сопоставимы с сосудами польцевской культуры I типа [Деревянко, 2000, с. 40], для которых характерны вытянутая форма тулова и почти одинаковые диаметры венчика и тулова. Гребенчатая керамика обнаружена в токаревской культуре на о-ве Спафарьева и стоянках периода палеометалла в Северо-Западном Приохотье. В период палеометалла в Нижнем Приамурье сосуды горшковидной формы орнаментировались косыми насечками и гребенчатыми оттисками [Шевкомуд, 2003].

Дата 1740 ± 20 (IAAA-170091), полученная по углю из заполнения большого плоскодонного сосуда со стоянки Спафарьева, показывает, что распространение этого типа керамики происходило на позднем этапе существования токаревской культуры. Сосуды с гребенчатой орнаментацией в конце I тыс. до н.э. – начале I тыс. н.э. могли распространиться с Нижнего Амура к северу и попасть к токаревцам в результате спорадических проникновений нижнеамурского населения в район контактной зоны (стоянки Уйка, Кухтуй VIII) и далее к токаревским приморским охотникам.

Выразительным компонентом токаревской культуры являются каменные украшения, изготовленные из мелких овальных галек и сколов при помощи шлифовки, резьбы и сверления (рис. 4). Среди токаревских подвесок есть изображения морских животных, птиц и человека. На новом этапе исследований впервые осуществлен технологический и экспериментально-трасологический анализ персональных каменных украшений токаревской культуры. В предыдущие годы трасологическим методом была изучена коллекция рубящих орудий, что позволило выделить группу инструментов для работы по дереву и кости, а также полифункциональные инструменты [Макаров, 2006].

В 2019 г. исследована серия из девяти каменных подвесок со стоянки Спафарьева [Лебединцев, 2014]. Изучаемые украшения изготовлены из мелких уплощенных галек мелкозернистой плотной породы серого, серо-коричневого, светло-коричневого или темно-красного цвета. Длина подвесок колеблется от 18,5 до 53,6 мм, ширина – от 14,4 до 25,5 мм, толщина – от 2,6 до 5,6 мм. Для изделий характерны овальная или грушевидная форма, прямой или несколько изогнутый профиль, уплощенно-линзовидное или – реже – подпрямоугольное поперечное сечение. В результате проведенного исследования было установлено, что технология производства каменных украшений на стоянке Спафарьева включала несколько этапов: подбор и транспортировка на стоянку сырья, обработка шлифовкой, формирование отверстий для подвешивания, нанесение орнамента или схематического изображения.

Поверхность всех изученных украшений обработана при помощи мелкозернистого абразива. Следы шлифовки в виде рядов с параллельными удлиненными линейными следами обычно располагаются на изделиях параллельно и перпендикулярно их длинной оси на обеих сторонах. Боковые стороны украшений тщательно обработаны шлифовкой. Большая часть изученных подвесок (7 экз.)

Рис. 4. Каменные украшения токаревской культуры.

располагает одним округлым отверстием с биконическим профилем, смещенным к узкому краю. Диаметр отверстий составляет 1,6–3,8 мм. Внутри отверстий прослеживаются концентрические борозды, располагающиеся ровными параллельными рядами, что может указывать на использование лучкового сверления. Отверстия других украшений (2 экз.) сформированы двусторонним пропиливанием с последующим пробиванием и рассверливанием. Завершающая стадия производства каменных украшений на стоянке Спафарьева была связана с нанесением рисунка. Боковые стороны шести подвесок украшены серией из 23–34 коротких насечек. На широких сторонах трех артефактов ниже просверленных отверстий вырезаны изображения в виде «елочек» и ромбической фигуры с ячейками. Еще одна подвеска украшена рядами из насечек, расположенных на широких сторонах артефакта перпендикулярно его длинной оси.

Итак, в результате проведенных исследований получены новые данные о формировании и развитии токаревской культуры Северо-Западного Приохотья. Палеогенетическое исследование показало, что предки носителей этой традиции по линии G1b мтДНК и по линии Q-B143 Y-ДНК обитали в районах бассейна р. Колымы еще на рубеже позднего плейстоцена и раннего голоцена. При этом по линии D2a1 мтДНК древние обитатели стоянки Ольская генетически не отличаются от палеоэскимосов Гренландии (культура Саккак).

Технико-технологический анализ фрагментов керамики с древних стоянок Северо-Западного Приохотья позволил впервые для этого региона зафиксировать наличие минеральных добавок шамота (дробленой керамики). Представляется перспективным дальнейшее исследование керамики приморских культур с применением методов естественных наук (петрография, РФА, ТГМ), важных для анализа особенностей состава исходного сырья и формовочной массы, реконструкции обжига. С целью сравнительного анализа традиций древнего гончарства важным продолжением работ должно стать комплексное исследование керамики сопредельных регионов – Якутии и Приамурья. Дата, полученная по углю из заполнения большого плоскодонного сосуда со стоянки Спафарьева, показывает, что распространение этого типа керамики происходило на позднем этапе существования токаревской культуры и, вероятно, связано с миграцией древних племен Приамурья в северном направлении.

Результаты исследования серии украшений токаревской культуры со стоянки Спафарьева свидетельствуют о наличии определенной стандартизации в производстве персональных каменных украшений. В то же время прослежена и определенная вариабельность в способах получения отверстий и орнаментации украшений. Предполагается, что подобные изделия могли служить не только личными украшениями, но и своеобразными амулетами, индивидуальными «охранителями», «помощниками» или «оберегами». Шлифованные подвески из камня характерны в основном для внутриконтинентальных культур. Токаревские подвески из камня и украшения отличаются своеобразием. В материалах древних приморских культур Берингоморья, северного побережья Чукотки, восточного и западного побережья Камчатки подобные украшения не зафиксированы.

Таким образом, полученные данные демонстрируют своеобразие и сложность процесса формирования и развития токаревской культуры в основе которой можно выделить несколько различных генетических и культурных компонентов: палеоэско-алеутский (присутствие гаплогруппы D2a1 и гарпунный комплекс) и внутриконтинентальный колымский (гаплогруппа G1b и каменные украшения), а также нижнеамурский культурный компонент на поздних этапах существования (керамика).

Благодарности

Исследования проведены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00144 (А.И. Лебединцев, П.С. Гребенюк), проекта ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст» (А.Ю. Федорченко), а также JSPS KAKENHI (Grant No. 15H01899).

Список литературы

Арутюнов С.А., Сергеев Д.А. Проблемы этнической истории Берингоморья (Эквенский могильник). – М.: Наука, 1975. – 240 с.

Васильевский Р.С. Генезис и взаимодействие культур Северной Пасифики // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2001. – № 3. – С. 31–38.

Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю., Лебединцев А.И., Малярчук Б.А. Древние культуры крайнего Северо-Востока Азии и этногенетические реконструкции // Томский журнал антропологических и лингвистических исследований. – 2019. – № 2 (24). – С. 110–136.

Деревянко А.П. Приамурье: I тыс. до н.э. – Новосибирск: Наука, 1976. – 384 с.

Деревянко А.П. Польцевская культура на Амуре. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2000. – 67 с.

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.

Лебединцев А.И. К проблеме происхождения древних приморских культур севера Дальнего Востока // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2003. – № 2. – С. 87–93.

Лебединцев А.И. Подвески и украшения из камня со стоянки Спафарьева // VIII Диковские чтения. – Магадан: Типография, 2014. – С. 107–110.

Лебединцев А.И., Кузьмин Я.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Северного Приохотья (Дальний Восток России) // VI Диковские чтения. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. – С. 116–120.

Макаров И.В. Рубящие орудия токаревской культуры северо-западного побережья Охотского моря // Неолит и палеометалл севера Дальнего Востока. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2006. – С. 128–141.

Слободин С.Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2001. – 202 с.

Такасе К., Лебединцев А.И., Пташинский А.В. Новые радиоуглеродные даты для Северного Приохотья и северо-восточного побережья Камчатки // VII Диковские чтения. – Магадан: ДВО РАН, 2012. – С. 139–143.

Шевкомуд И.Я. Палеометалл северо-востока Нижнего Приамурья (поселение Голый Мыс-5) // Амуро-Охотский регион в эпоху палеометалла и средневековья. – Хабаровск: Хабар. краевед. музей, 2003. – С. 7–36.

Grugni V., Raveane A., Ongaro L., Battaglia V., Trombetta B., Colombo G., Capodiferro M.R., Olivieri A., Achilli A., Perego U.A., Motta J., Tribaldos M., Woodward S.R., Ferretti L., Cruciani F., Torroni A., Semino O. Analysis of the human Y-chromosome haplogroup Q characterizes ancient population movements in Eurasia and the Americas // BMC Biology. – 2019. – Vol. 17. – DOI: 10.1186/s12915-018-0622-4

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55. – P. 1869–1887. – DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M.,

Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Laurent Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – N 570. – P. 182–188. – DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.

References

Arutyunov S.A., Sergeev D.A. Problemy etnicheskoy istorii Beringomor'ya (Ekvensky mogil'nik). Moscow: Nauka, 1975, 240 p. (in Russ.).

Derevyanko A.P. Priamur'ye: I tys. do n.e. Novosibirsk: Nauka, 1976, 384 p. (in Russ.).

Derevyanko A.P. Pol'tsevskaya kul'tura na Amure. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2000, 67 p. (in Russ.).

Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Malyarchuk B.A. The Ancient cultures of the Extreme North-East Asia and ethnogenetic reconstructions. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2019, iss. 2 (24), pp. 110–136 (in Russ.).

Grugni V., Raveane A., Ongaro L., Battaglia V., Trombetta B., Colombo G., Capodiferro M.R., Olivieri A., Achilli A., Perego U.A., Motta J., Tribaldos M., Woodward S.R., Ferretti L., Cruciani F., Torroni A., Semino O. Analysis of the human Y-chromosome haplogroup Q characterizes ancient population movements in Eurasia and the Americas. *BMC Biology*, 2019, vol. 17. DOI: 10.1186/s12915-018-0622-4.

Lebedintsev A.I. Early Maritime Cultures of North-Western Priokhot'e, Leningrad: Nauka, 1990, 260 p. (in Russ.).

Lebedintsev A.I. On the problem of the origin of ancient coastal cultures of the north of the Far East. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2003, iss. 2, pp. 87–93 (in Russ.).

Lebedintsev A.I. Podveski i ukrasheniya iz kamnya so stoyanki Spafar'yeva. In *VIII Dikovskie chteniya*. Magadan: Tipografiya, Ltd., 2014, pp. 107–110 (in Russ.).

Lebedintsev A.I., Kuz'min Ya.V. Radiouglerodnoye datirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov Severnogo Priokhot'ya (Dal'niy Vostok Rossii). In *VI Dikovskie chteniya*. Magadan: North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS Publ., 2010, pp. 116–120 (in Russ.).

Makarov I.V. Rubyashchiye orudiya tokarevskoy kul'tury severo-zapadnogo poberezh'ya Okhotskogo morya. In *Neolit i paleometall Severa Dal'nego Vostoka*. Magadan: North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS Publ., 2006, pp. 128–141 (in Russ.).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 2013, vol. 55, pp. 1869–1887. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947.

Shevkomud I.Ya. Paleometall severo-vostoka Nizhnego Priamur'ya (poseleniye Goly Mys-5). In *Amuro-Okhotsky region v epokhu paleometalla i srednevekov'ya*. Khabarovsk: Khabarovsk Regional Museum Publ., 2003, pp. 7–36 (in Russ.).

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., Fuente C., de la, Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Laurent Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*, 2019, No. 570, pp. 182–188. DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.

Slobodin S.B. Upper Kolyma and Continental Priokhotye in the Neolithic and Early Metal epoch. Magadan: North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS Publ., 2001, 204 p. (in Russ.).

Takase K., Lebedintsev A.I., Ptashinsky A.V. Novyye radiouglerodnye daty dlya Severnogo Priokhot'ya i severo-vostochnogo poberezh'ya Kamchatki. In *VII Dikovskie chteniya*. Magadan: North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS Publ., 2012, pp. 139–143 (in Russ.).

Vasil'evsky R.S. Genesis and interaction of cultures of Northern Pacific. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2001, iss. 3, pp. 31–38 (in Russ.).

Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116
Гребенюк П.С. https://orcid.org/0000-0001-9940-9962
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037
Малярчук Б.А. https://orcid.org/0000-0002-0304-0652
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.440-447
УДК 902/904

А.И. Лебединцев[1], И.В. Макаров[2], А.А. Прут[2], П.С. Гребенюк[1], А.Ю. Федорченко[3]

[1]Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н.А. Шило ДВО РАН
Магадан, Россия
[2]ООО «Геокорд»
Москва, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Результаты полевых исследований стоянки Ольская (Северное Приохотье) в 2019 году

В полевом сезоне 2019 г. были возобновлены археологические исследования стоянки Ольская, расположенной на мысе Восточном п-ова Старицкого (Магаданская обл.). С целью уточнения стратиграфической ситуации на памятнике и отбора образцов для радиоуглеродного AMS- и OSL-датирования к раскопу предыдущих лет была сделана прирезка шириной 1 м и длиной 10 м. Общая площадь вскрытого участка составила 10 м^2. Данное поселение является одним из опорных памятников токаревской культуры. В результате проведенных работ получена археологическая коллекция, представленная разнообразным типами каменных и костяных изделий. Установлено, что для изготовления каменных орудий обитатели стоянки использовали окремнелые породы и халцедон. Особый интерес представляют орнаментированные костяные изделия, среди которых гребни, наконечники гарпунов, украшения и фрагмент игольника. Костяные орудия Ольского поселения находят прямые аналогии в материалах стоянок на о-вах Завьялова и Спафарьева. В полученной археологической коллекции зафиксирован ряд новых типов изделий и орудий, дополняющих материальный комплекс поселения. Актуальной проблемой остается установление времени первоначального появления токаревцев в бухте Гертнера и на самой стоянке Ольской, а также выявление культурных традиций, повлиявших на формирование орудийных комплексов токаревской культуры, связей этой культуры с сопредельными приморскими и континентальными древними общностями. В верхней части культурного слоя встречены отдельные предметы, относящиеся к древнекорякской культуре. В связи с этим важной задачей является выяснение начала формирования древнекорякской культуры и определение культурных составляющих этого процесса.

Ключевые слова: *Северное Приохотье, стоянка Ольская, палеометалл, токаревская культура, древнекорякская культура, орнаментированные украшения.*

Alexander I. Lebedintsev[1], Igor V. Makarov[2], Alexander A. Prut[2], Pavel S. Grebenyuk[1], Alexander Yu. Fedorchenko[3]

[1]N.A. Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute FEB RAS,
Magadan, Russia
[2]LLC "Geokord",
Moscow, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: grebenyuk.pavel@gmail.com

Field Research at the Olskaya Site (Northern Sea of Okhotsk Region) in 2019

In 2019, new field research at the Olskaya site on Cape Vostochny of the Staritsky Peninsula (Magadan Region) was conducted. For clarifying the stratigraphic situation at the site and taking samples for the radiocarbon AMS- and OSL-

dating, excavation pit 1 m wide and 10 m long was added to the excavation of the previous years. The unearthed area was 10 m^2. The Olskaya settlement is one of the referential sites of the Tokarev archaeological culture in the Northern Sea of Okhotsk region. Material evidence consisted of various lithic and bone tools. For producing lithic tools, silicified rocks and chalcedony were used. Ornamented bone artifacts including combs, harpoon heads, personal adornments, and a fragment of needle case were particularly interesting finds. Bone tools from the Olskaya site reveal their close similarity to the tools discovered at the sites on Zavyalova and Spafaryeva islands. The collected evidence contains a number of new types of artifacts and tools, which enrich the material complex of the Olskaya site. Presently, an important problem is to establish the time when the Tokarev population first appeared in the Gertner Bay and at Olskaya site, and identify the cultural traditions which influenced tool complexes of the Tokarev culture as well as connections of the Tokarev culture with the adjacent coastal and continental ancient communities. In the upper part of the cultural layer, individual finds of the Old Koryak culture were discovered. Thus, an important task is to find out when the Old Koryak culture started to emerge and establish the cultural components of that process.

Keywords: *Northern Sea of Okhotsk region, Olskaya site, Paleometal, Tokarev culture, Old Koryak culture, personal adornment.*

Археологическая стоянка Ольская (59°28’57”N, 150°57’29”E) является одним из опорных памятников токаревской археологической культуры Северного Приохотья. Памятник расположен на мысе Восточный (п-ов Старицкого), на поверхности 3-метровой береговой террасы, в зоне Охотского моря, в 10 км от г. Магадан (Магаданская обл., Россия) (рис. 1, *а*). Ольская стоянка открыта археологической экспедицией СВКНИИ ДВО РАН под руководством А.И. Лебединцева в 1982 г., исследовалась в течение нескольких полевых сезонов. Предположительная площадь поселения составляет 9 000 м^2. В результате осмотра поверхности береговой террасы зафиксировано 26 округлых жилищных впадин диаметром 5–9 м и глубиной котлованов от 0,4 до 0,7 м.

В предыдущие годы в результате полевых археологических исследований Ольской стоянки раскопано одно углубленное жилище округлой формы глубиной 0,6 и диаметром 6 м [Лебединцев, 1990]. Культурный слой памятника, содержащий каменные и костяные артефакты, фрагменты костей животных и раковин моллюсков, приурочен к отложениям бурой супеси мощностью до 80 см. В процессе раскопок обнаружен очаг прямоугольной формы размером 100 × 120 см, выложенный из вертикально установленных камней. Заполнение очага включало желтоватую золистую массу с углистыми прослойками толщиной до 2 см. Мощность заполнения очага составляла 14–17 см.

В полевом сезоне 2019 г. к раскопу предыдущих лет была сделана прирезка шириной 1 м и длиной 10 м (рис. 1, *б*, *в*). Площадь вскрытого участка составила 10 м^2. Стоянка представляет собой однослойный памятник токаревской культуры. Полевые работы включали снятие дерна по всей площади раскапываемого участка, исследование культурного слоя по всему участку до галечно-валунной поверхности намывной террасы при индивидуальной фиксации положения находок в трехмерной системе координат, консервацию раскопа.

В результате был получен разрез, в котором выделено несколько стратиграфических подразделений:

слой 1. Горизонт современного дерна. Мощность 0,15–0,25 м;

слой 2. Супесь бурого цвета. Мощность 0,25–0,80 м;

слой 3. Галечно-валунные отложения. Мощность более 1 м.

Культурный слой токаревской культуры залегал под дерном в слое бурой супеси. Вскрытый участок культурного слоя изобилует костями ластоногих и раковинами моллюсков, встречаются кости птиц и китов. Основная масса костных остатков залегала в кв. О-29, Н-29, М-29. На данном участке в нижней части культурного слоя выявлена раковинная куча, содержащая прослойки фрагментированных раковин моллюсков. Мощность отложений раковиной кучи достигает 60 см, в основном это мидии *Mytilidae edulis* и небольшое количество литорин *Littorina* sp. В кв. Н-29 зафиксировано крупное скопление раковин на глубине 40–45 см. В кв. М-29 обнаружено скопление костей тюленя *Phocidae* sp. на глубине 45–50 см. В кв. М-29 под дерном на глубине 25 см прослежено небольшое углистое скопление диаметром 25 см. В кв. Н-29 на глубине 75–90 см выявлен слой углистой спекшейся массы мощностью 5–12 см.

Коллекция артефактов Ольского поселения из раскопа 2019 г. представлена различными каменными и костяными изделиями. Для изготовления каменных орудий использовались окремнелые породы и халцедон (табл. 1). Наиболее массовую категорию каменных артефактов коллекции составляют отщепы и сколы (876 экз.), преобладают халцедоновые. Широкое присутствие продуктов дебитажа, наличие отдельностей сырья и отбойников позволяет говорить о том, что часть производственных процессов расщепления камня и оформления орудий осуществлялась непосредственно на участке.

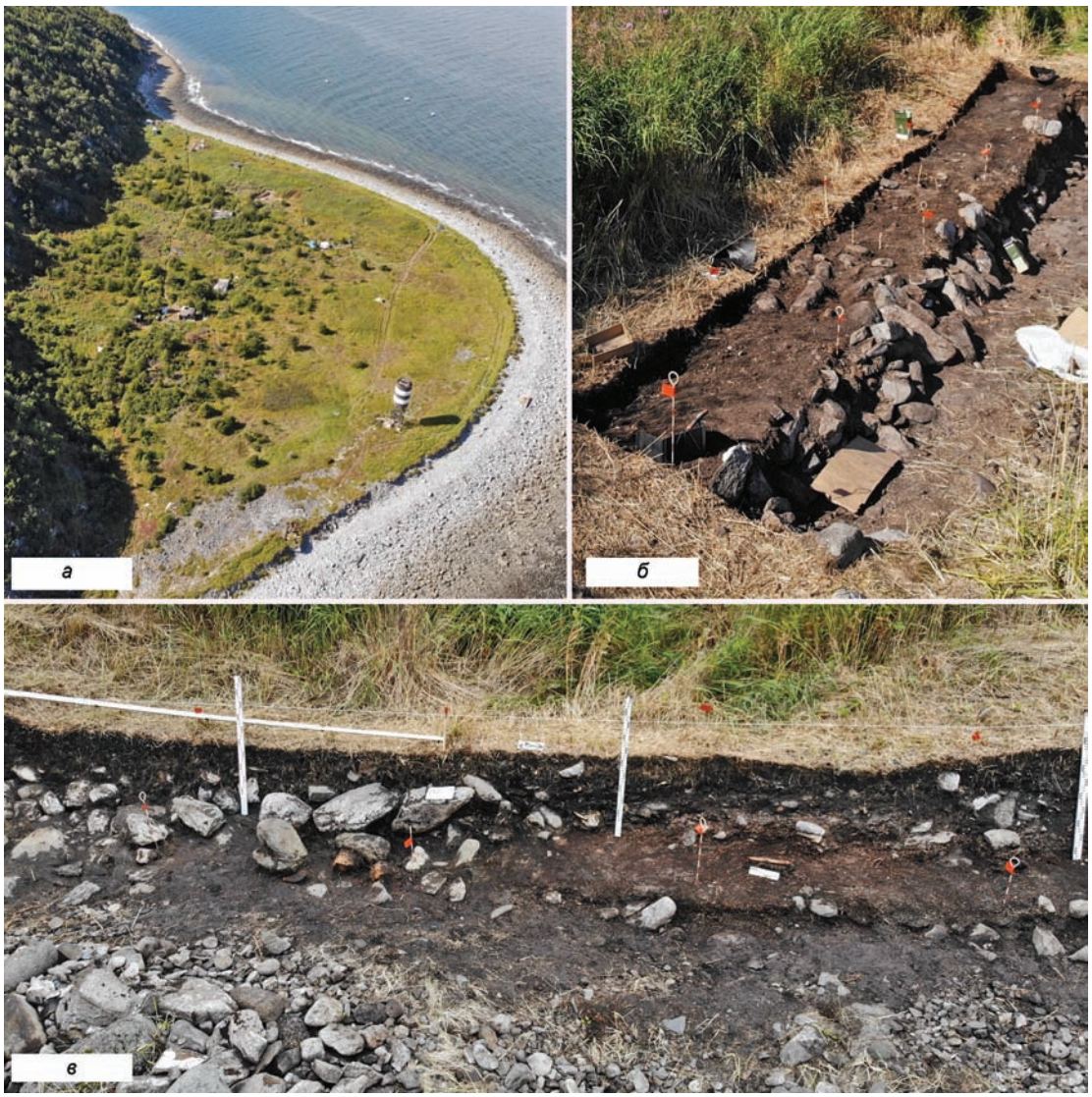

Рис. 1. Стоянка Ольская.
а – вид на стоянку с юга; *б*, *в* – раскоп 2019 г.

Таблица 1. **Состав каменной индустрии раскопа 2019 г. стоянки Ольская**

Категория	Сырье				
	Халцедон	Кремнистые породы	Кварц	Сланец	Всего
Отщепы	365	106	–	–	471
Сколы	399	3	–	–	402
Осколки	–	–	2	–	2
Сколы оформления орудий	–	13	–	–	13
Гальки	3	1	–	–	4
Плитки	–	–	–	1	1
Всего	767	123	2	1	893

Орудийный набор включает 81 изделие (табл. 2). Среди каменных орудий, характерных для токаревской культуры, выделяется крупный бифасиальный листовидно-усеченный наконечник копья с прямым основанием (рис. 2, *1*), нож с широким клинком с обломленной и слегка подработанной рукояточной частью (рис. 2, *7*), скребок на отщепе подтрапециевидной формы (рис. 2, *3*), долото из продол-

Таблица 2. **Состав орудийного набора из раскопа 2019 г. стоянки Ольская**

Категория	Сырье		
	Окремнелые породы	Халцедон	*Всего*
Ножи			
неопределенной формы	4	2	6
узкоклинковые с выделенной рукоятью	1	–	1
ширококлинковые с выделенной рукоятью	1	–	1
листовидные	2	–	2
на отщепе	2	4	6
Скребки			
неопределенной формы	–	1	1
трапециевидные	3	1	4
овальные	–	1	1
подтреугольные	–	1	1
с выделенной рукоятью	–	3	3
на отщепе	2	22	24
Наконечники			
неопределенной формы	2	3	5
листовидные с прямым основанием	1	1	2
подтреугольные	–	1	1
фрагменты	–	2	2
Тесла			
овальные	8	–	8
миндалевидные	1	–	1
подпрямоугольные	1	–	1
из галек	2	–	2
Долота			
из галек со шлифованным лезвием	3	–	3
Резцы			
стержневидные	–	1	1
Скобели			
на отщепе	2	–	2
Заготовки орудий	1	–	1
Отбойники			
из продолговатой гальки	2	–	2
Всего	38	43	81

говатой гальки овального сечения с обломленной обушковой частью и тщательной шлифовкой рабочего края (рис. 2, *8*), тесло с линзовидным сечением и зауженными рабочими элементами, слегка изогнутое в профиле, со следами шлифовки на части поверхности (рис. 2, *9*), отбойник из продолговатой гальки со следами выбоин от работы (рис. 2, *10*). В коллекции присутствует значительное количество орудий из халцедона, в т.ч. небольшой наконечник стрелы с прямым основанием (рис. 2, *2*), скребок на отщепе с выделенной рукояточной частью и округлым рабочим лезвием (рис. 2, *4*), скребок продолговатой овальной формы (рис. 2, *6*), нож листовидной формы (рис. 2, *5*).

Костяная индустрия раскопа 2019 г. представлена 90 артефактами, большая часть которых находит прямые аналогии в материалах стоянок на о-вах Завьялова и Спафарьева:

Категория	Кол-во (экз.)
Орудийный набор:	
наконечники гарпунов	8
наконечники копий, дротиков и стрел	20
наконечники острог	6
лощила	1
игольники	1
проколки	9
гребни	3
мотыжки	2
стержень рыболовного крючка	1
затычка для ран	1
функционально неопределимые изделия	15
Украшения:	
подвески из акульих позвонков	2
фрагмент диска из кости	1
Кость со следами обработки:	
фрагменты кости со следами резания	19
отщепы из кости	1
Всего	***90***

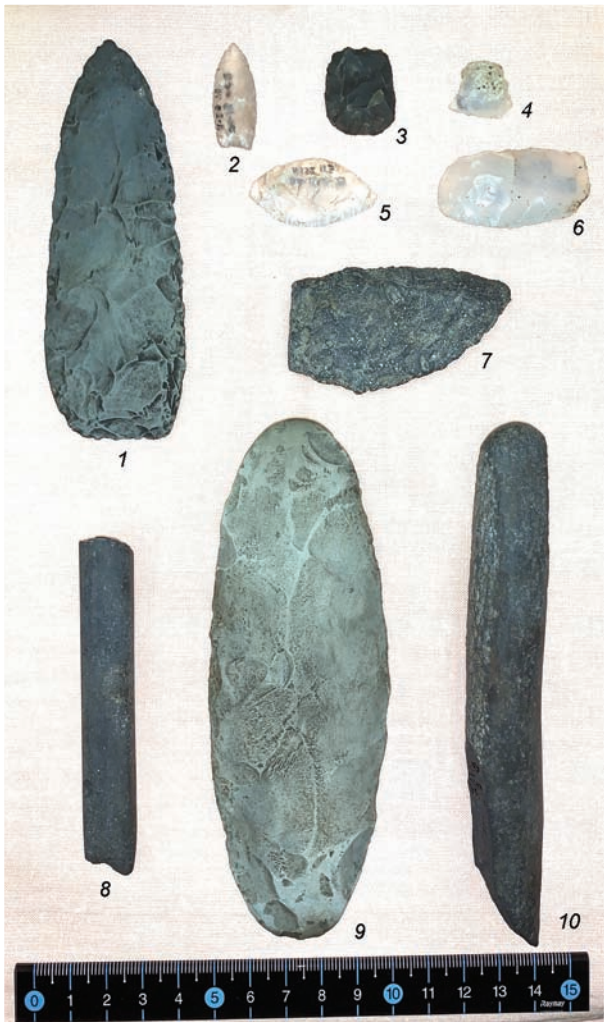

Рис. 2. Каменные изделия токаревской культуры.

1 – листовидно-усеченный наконечник копья с прямым основанием; *2* – наконечник стрелы с прямым основанием; *3* – скребок на отщепе подтрапециевидной формы; *4* – скребок на отщепе с выделенной рукояточной частью и округлым рабочим лезвием; *5* – нож листовидной формы; *6* – скребок продолговатой овальной формы; *7* – нож с широким клинком; *8* – долото; 9 – тесло с зауженными рабочими концами; *10* – отбойник.

Среди характерных костяных изделий раскопа 2019 г. можно отметить наконечник в виде уплощенного стержня с вырезами в верхней и нижней части (рис. 3, *2*), наконечник удлиненно-треугольной формы с приостренным жалом, выделенным желобком в средней части и уплощенным насадом (рис. 3, *4*), наконечник в виде уплощенного стержня с зубцами по сторонам (рис. 3, *11*), обломок нижней части бокового наконечника остроги с характерным срезом в основании и боковой выемкой (рис. 3, *10*). В коллекции имеются наконечник зубчатого гарпуна с боковыми зубцами, обломанным жалом и насадом (рис. 3, *1*), а также наконечники с двумя боковыми зубцами и прорезью в основании (рис. 3, *3*, *5*), у одного из которых (рис. 3, *5*) имеется прорезь сверху для каменного наконечника. Проколки представлены изделиями из крупных и мелких птичьих костей (рис. 3, *6*, *7*), а также обоюдоострой проколкой из небольшого фрагмента (рис. 3, *8*). Среди находок имеется мотыжка с длинной приостренной рукояточной частью и широким рабочим лезвием (рис. 3, *9*).

Отдельную категорию в коллекции образуют орнаментированные костяные изделия, среди которых

Рис. 3. Костяные изделия токаревской культуры.

1 – наконечник зубчатого гарпуна; *2* – наконечник в виде уплощенного стержня; *3*, *5* – зубчатые наконечники гарпуна; *4* – наконечник удлиненно-треугольной формы с приостренным жалом; *6–8* – проколки; *9* – мотыжка; *10* – обломок нижней части бокового наконечника остроги с характерным срезом в основании и боковой выемкой; *11* – наконечник в виде уплощенного стержня с зубцами по сторонам.

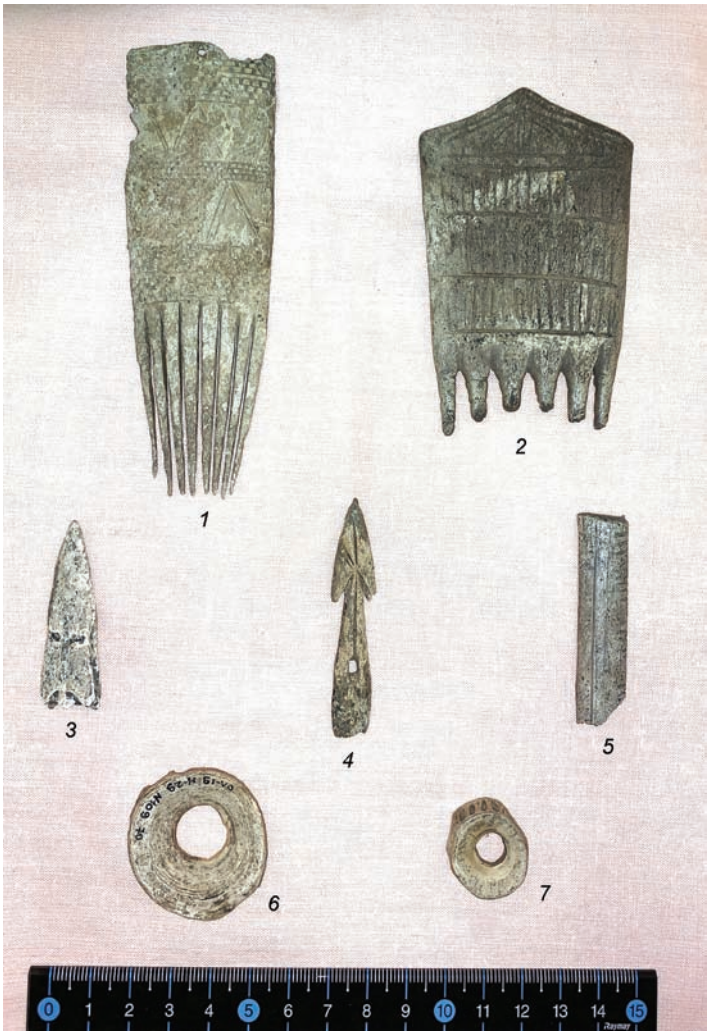

Рис. 4. Орнаментированные изделия токаревской культуры.

1 – гребень из тонкой пластины рога оленя; *2* – гребень широкий из китовой кости; *3* – верхняя часть наконечника гарпуна из рога оленя; *4* – наконечник зубчатого гарпуна; *5* – фрагмент игольника из трубчатой кости крупной птицы; *6, 7* – украшения из позвонков акулы.

гребни, наконечники гарпунов, украшения и фрагмент игольника. Один гребень изготовлен из тонкой пластины рога оленя, он удлиненной подпрямоугольной формы с восьмью зубцами (рис. 4, *1*). Орнамент составляет композиция из горизонтальных мотивов в виде полос квадратиков и зигзагообразного мотива, выполненного двойными линиями. В верхней части гребня имеется округлое отверстие для подвешивания. Другой гребень изготовлен из китовой кости, он более широкий, с приостренным обушком и шестью зубцами (рис. 4, *2*). Орнаментирован вертикальными и горизонтальными линиями. Двойными линиями оформлен край обушка, чуть ниже которого идут три ряда орнаментальных мотивов, представленных вертикальными линиями, которые расположены между горизонтальных желобков. Второй гребень выполнен более грубо. В основании зубцов видны следы износа от грубого растительного материала. Оборотные стороны гребней не орнаментированы.

В коллекции имеется наконечник зубчатого гарпуна с симметричными зубцами вверху и расширяющимся уплощенным насадом (рис. 4, *4*). В нижней части насада сделано овальное отверстие для линя. В верхней части вырезан паз для каменного наконечника. Наконечник орнаментирован одиночными и параллельными линиями. Среди находок также верхняя часть наконечника гарпуна из рога оленя, украшенного с четырех сторон вертикальными желобками (рис. 4, *3*). Зубцы с двух сторон имеют раздвоенный вырез. В культурном слое обнаружены также украшения из крупных позвонков акулы: одно целое (рис. 4, *7*) и фрагмент более крупного (рис. 4, *6*). В них были проделаны отверстия для продевания на шнурок, удалены ненужные отростки. Найден и фрагмент игольника из крупной трубчатой птичьей кости (рис. 4, *5*), орнаментированный чередующимся мотивом из трех коротких линий и одной продольной.

В верхней части культурного слоя встречены отдельные костяные изделия, которые могут быть отнесены к древнекорякской культуре. Коллекция включает наконечник остроги, односторонне-зубчатый, с выделенным уступом для крепления (рис. 5, *1*), наконечник стрелы трехгранного сечения с уплощенным насадом (рис. 5, *2*). На одной из плоскостей последнего орудия, у основания, имеется орнамент в виде композиции из пересекающихся зигзагообразных мотивов. Также присутствует в коллекции крупный стержень односторонне выгнутого рыболовного крючка из кости (рис. 5, *3*). В верхней части изделия есть округлое отверстие, а в нижней – небольшая выемка для крепления приостренного жальца. Кроме того, обнаружены приспособление для затыкания ран у тюленей – чтобы животные не тонули при транспортировке из-за попадания морской воды внутрь ран (рис. 5, *6*); гребень с зауженной приостренной рукоятью и обломанными зубцами (рис. 5, *5*); фрагмент украшения в виде диска, орнаментированного желобчатыми линиями (рис. 5, *4*).

За время исследований Ольского поселения на мысе Восточном получено десять радиоуглеродных измерений, большая часть которых укладывается в диапазон от 2480 ± 20 до 1800 ± ± 60 л.н. (табл. 3). Три даты из этой серии получе-

Рис. 5. Костяные изделия древнекорякской культуры в верхнем слое раскопа 2019 г.

1 – наконечник остроги; *2* – наконечник стрелы; *3* – стержень рыболовного крючка; *4* – фрагмент украшения; *5* – гребень; *6* – затычка для ран.

ны по углю и фрагменту обработанной древесины на основе конвенциального метода. Пять радиоуглеродных определений выполнены методом AMS-датирования по углю, еще одно – по обугленной органике, сохранившейся на внешней поверхности керамического сосуда [Лебединцев, Кузьмин, 2010; Такасе, Лебединцев, Пташинский, 2012]. В 2019 г. по фрагменту бедренной кости человека получена дата 2920 ± 49 лет [Sikora, Pitulko, Sousa et al., 2019]. Для приморских памятников Северного Приохотья радиоуглеродные измерения по органике со стенок керамики обычно указывают на даты древнее, чем полученные по остаткам костей и древесного угля. Результаты предыдущих исследований показали, что углерод на керамике стоянок токаревской культуры имеет частично морское происхождение. В связи с этим разница в радиоуглеродных определениях может быть напрямую ассоциирована с влиянием резервуарного эффекта. В календарном исчислении хронология существования Ольского поселения определяется в границах 2443–1629 л.н. (485 г. до н.э. – 322 г. н.э.).

В результате анализа новой археологической коллекции с Ольского поселения можно отметить, что в полученном материале имеется ряд новых изделий и орудий, дополняющих материальный комплекс этого памятника. Дальнейшие полевые исследования Ольской стоянки и детальный анализ археологических материалов позволят расширить наши представления о носителях токаревской культуры, их стратегиях жизнеобеспечения и традициях. Актуальной остается проблема установления времени первоначального появления токаревцев в бухте Гертнера и на самой стоянке Ольской, а также выявления культурных

Таблица 3. **Радиоуглеродные даты со стоянки Ольская**

№	Дата	σ (±)	Лаб. №	Календарный возраст	Материал	Метод
1	2920	49	UBA-34732	3156–2996	Кость человека	AMS
2	2480	20	IAAA-110414	2702–2493	Нагар	»
3	2380	30	МАГ-1096	2434–2349	Уголь из кострища	Конвенциальный
4	2340	40	СОАН-6847	2364–2328	Обработанное дерево	»
5	2250	60	Beta-155134	2340–2159	Уголь	AMS
6	2160	60	Beta-155131	2306–2061	»	»
7	2110	60	Beta-155135	2153–1995	»	»
8	1950	60	Beta-155132	1983–1825	»	»
9	1830	50	МАГ-1005	1825–1705	»	Конвенциальный
10	1800	60	Beta-155133	1817–1629	»	AMS

традиций, повлиявших на формирование орудийных комплексов токаревской культуры, связей этой культуры с сопредельными приморскими и континентальными древними общностями. Обнаружение в верхней части культурного слоя отдельных предметов, связанных с древнекорякской культурой, представляется важным для уточнения хронологии начальных этапов ее формирования.

Благодарности

Полевые археологические исследования Ольской стоянки выполнены при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00144 (А.И. Лебединцев, П.С. Гребенюк), анализ археологического материала – проекта ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0001 «Заселение первобытным человеком Северной Азии: культурный и экологический контекст» (А.Ю. Федорченко).

Список литературы

Лебединцев А.И. Древние приморские культуры Северо-Западного Приохотья. – Л.: Наука, 1990. – 260 с.

Лебединцев А.И., Кузьмин Я.В. Радиоуглеродное датирование археологических памятников Северного Приохотья (Дальний Восток России) // VI Диковские чтения. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2010. – С. 116–120.

Такасе К., Лебединцев А.И., Пташинский А.В. Новые радиоуглеродные даты для Северного Приохотья и северо-восточного побережья Камчатки // VII Диковские чтения. – Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2012. – С. 139–143.

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP // Radiocarbon. – 2013. – Vol. 55. – P. 1869–1887. – DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947.

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Laurent Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene // Nature. – 2019. – N 570. – P. 182–188. – DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.

References

Lebedintsev A.I. Early Maritime Cultures of North-Western Priokhot'e. Leningrad: Nauka, 1990, 260 p. (in Russ.).

Lebedintsev A.I., Kuz'min Ya.V. Radiouglerodnoye datirovaniye arkheologicheskikh pamyatnikov Severnogo Priokhot'ya (Dal'niy Vostok Rossii). In *VI Dikov readings*. Magadan: Sev.-Vost. kompl. nauch.-issled. inst. FEB RAS Publ., 2010, pp. 116–120 (in Russ.).

Reimer P.J., Bard E., Bayliss A., Beck J.W., Blackwell P.G., Bronk Ramsey C., Buck C.E., Cheng H., Edwards R.L., Friedrich M., Grootes P.M., Guilderson T.P., Haflidason H., Hajdas I., Hatté C., Heaton T.J., Hoffmann D.L., Hogg A.G., Hughen K.A., Kaiser K.F., Kromer B., Manning S.W., Niu M., Reimer R.W., Richards D.A., Scott E.M., Southon J.R., Staff R.A., Turney C.S.M., van der Plicht J. IntCal13 and Marine13 radiocarbon age calibration curves 0–50,000 years cal BP. *Radiocarbon*, 2013, vol. 55, pp. 1869–1887. DOI: 10.2458/azu_js_rc.55.16947.

Sikora M., Pitulko V.V., Sousa V.C., Allentoft M.E., Vinner L., Rasmussen S., Margaryan A., de Barros Damgaard P., de la Fuente C., Renaud G., Yang M.A., Fu Q., Dupanloup I., Giampoudakis K., Nogués-Bravo D., Rahbek C., Kroonen G., Peyro M., McColl H., Vasilyev S.V., Veselovskaya E., Gerasimova M., Pavlova E.Y., Chasnyk V.G., Nikolskiy P.A., Gromov A.V., Khartanovich V.I., Moiseyev V., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Lebedintsev A.I., Slobodin S.B., Malyarchuk B.A., Martiniano R., Meldgaard M., Arppe L., Palo J.U., Sundell T., Mannermaa K., Putkonen M., Alexandersen V., Primeau C., Baimukhanov N., Malhi R.S., Sjögren K.-G., Kristiansen K., Wessman A., Sajantila A., Lahr M.M., Durbin R., Nielsen R., Meltzer D.J., Laurent Excoffier L., Willerslev E. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*, 2019, No. 570, pp. 182–188. DOI: 10.1038/s41586-019-1279-z.

Takase K., Lebedintsev A.I., Ptashinsky A.V. Novyye radiouglerodnye daty dlya Severnogo Priokhot'ya i severo-vostochnogo poberezh'ya Kamchatki. In *VII Dikov readings*. Magadan: Sev.-Vost. kompl. nauch.-issled. inst. FEB RAS Publ., 2012, pp. 139–143 (in Russ.).

Лебединцев А.И. https://orcid.org/0000-0003-2714-2116
Гребенюк П.С. https://orcid.org/0000-0001-9940-9962
Федорченко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-7812-8037

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.448-456
УДК 904

Ж.В. Марченко[1, 2], А.Е. Гришин[1], О.А. Позднякова[1], П.Г. Дядьков[3], Н.Д. Евменов[3], Ф.В. Кокорев[2], И.С. Гнездилова[1], Л.О. Понедельченко[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: afrika_77@mail.ru

Новый курганный могильник Новая Курья-1 в Северной Кулунде

В 2019 г. была проведена археологическая разведка на территории Карасукского р-на Новосибирской обл. В результате было обнаружено три новых памятника – два курганных могильника (Новая Курья-1 и -3) и остатки поселенческого культурного слоя эпохи неолита (Новая Курья-2). На могильнике Новая Курья-1 были проведены широкомасштабные магнитометрические исследования, общей площадью 23 550 м^2. Удалось получить информацию о внутреннем устройстве курганов и выявить археологические объекты без внешних признаков в пространстве между ними. Геомагнитные данные определили своеобразие структуры кург. 5, не свойственное остальным сооружениям могильника (подпрямоугольно-округлая форма рва и подкурганные объекты, расположенные в ряд по линии север–юг). В результате проведения археологических работ на кург. 5 были полностью изучены остатки насыпи кургана, ров, два захоронения и ритуальная столбовая яма за пределами рва (остатки сэрге?), относящаяся к основному комплексу. Центральное погр. 1 было ограблено в древности и содержало останки человека и отдельные части лошади (фрагмент черепа и кости четырех конечностей). Судя по сохранившимся in situ костям, человек был положен в вытянутой позе на спине головой на восток. Останки лошади были уложены рядом и были ориентированы черепом на запад. В заполнении погребения обнаружена бронзовая пластина – основа для налобного украшения лошади – султанчика. Погребение 2 оказалось непотревоженным. Погребенный был уложен в вытянутой позе на животе и ориентирован головой на восток. В районе нижней челюсти найдена бронзовая подтреугольная привеска. Оба захороненных – взрослые мужчины. Погребальный обряд и набор сопроводительных предметов позволили определить принадлежность кург. 5 к эпохе Средневековья, связанной с широким распространением тюркских традиций в степных и лесостепных культурах Евразии.

Ключевые слова: *Кулундинская степь, эпоха Средневековья, курганный могильник, геомагнитная съемка.*

Zhanna V. Marchenko[1, 2], Artem E. Grishin[1], Olga A. Pozdnyakova[1], Petr G. Dyadkov[3], Nikolay D. Evmenov[3], Fedor V. Kokorev[2], Irina S. Gnezdilova[1], Lidiya O. Ponedelchenko[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[3]Trofimuk Institute of Petroleum Geology and Geophysics SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: afrika_77@mail.ru

New Burial Ground of the Barrow Type Novaya Kurya-1 in the Northern Kulunda Steppes

Archaeological survey in Karasuksky District of Novosibirsk Region in 2019 resulted in discovering three new archaeological sites – two burial grounds of the barrow type (Novaya Kurya-1 and -3) and cultural remains of a Neolithic

settlement (Novaya Kurya-2). Wide-scale magnitometric research was conducted at the Novaya Kurya-1 burial ground over the total area of 23,550 m^2 revealing internal structure of burial mounds and archaeological objects without explicit external features in the space between the burial mounds. Geomagnetic data indicated distinctive structure of burial mound 5, which differed from other burial mounds of the necropolis (subrectangular-rounded shape of the ditch and structures under the mound arranged in a row along north–south). In the process of archaeological excavations of burial mound 5, the mound remains, ditch, two burials, and pit from the ritual post outside the ditch (remains of a serge hitching post?) associated with the main burial complex have been fully investigated. Central burial 1 was looted in the ancient times; it contained human remains and individual parts of horse skeleton (scull fragment and bones of four limbs). Judging by the bones which remained in situ, the deceased was buried in the stretched position lying on his back with his head towards the east. Horse remains were placed nearby and were oriented with the scull towards the west. Bronze plate – the base of horse head decoration (head plume) was discovered in the filling of the grave. Burial 2 was intact. The deceased lay in the stretched position on his stomach with his head towards the east. Bronze sub-triangular pendant was found in the area of his lower jaw. Adult males were buried in both graves. Funeral rite and accompanying bronze objects indicate that burial mound 5 belonged to the Middle Ages, when Turkic traditions became widespread among the cultures of the Eurasian steppe and forest-steppe.

Keywords: *Kulunda steppe, Middle Ages, burial mound, geomagnetic survey.*

В 2019 г. в северной части Кулундинской степи проводились комплексные археолого-геофизические исследования. Они включали археологическую разведку, магнитную съемку и раскопки. В задачи археологической разведки входил поиск объектов эпохи бронзы на территории Северной Кулунды. Накопление большого фактического материала по эпохе развитой бронзы с территории Барабинской лесостепи [Молодин и др., 2015] и из южной части Кулундинской степи [Кирюшин и др., 2004] сделало актуальным поиск поселенческих и ритуальных объектов на сопредельной к ним территории. Кроме того, новые археологические, в т.ч. палеоантропологические и палеозоологические источники необходимы для решения на новом уровне с использованием данных биоархеологии вопросов расселения и хозяйствования пастушеских коллективов в эпоху бронзы на юге Западной Сибири, в т.ч. проблемы внутрирегиональной мобильности населения [Марченко и др., 2018]. В результате разведки, проводившейся в левобережной части р. Старица Курья, были выявлены три памятника – два курганных могильника (Новая Курья-1 и -3) и переотложенные остатки культурного слоя поселения эпохи неолита (Новая Курья-2) (рис. 1).

Курганный могильник Новая Курья-1 расположен на гриве Горячий Дол, в 3 км к юго-западу от д. Новая Курья и представлен восемью округлыми курганами, диаметром от 20 до 35 м и высотой от 0,2 до 0,8 м. Строгой закономерности в размещении курганов не наблюдалось. Поверхность могильника подвергалась неоднократной, в т.ч. глубокой распашке. Расположение памятника на водоразделе, на господствующей высоте, а также компактное размещение, отсутствие четко выраженной северной ориентации курганных групп позволили первоначально ассоциировать данный комплекс с эпохой бронзы.

Для определения внутренней структуры курганов, а также с целью выявления археологических объектов в межкурганном пространстве на памятнике Новая Курья-1 были проведены геофизические исследования. Они включали магнитную съемку участка, общей площадью 23 550 м^2, а также определение магнитных свойств почв и подстилающих пород для корректной интерпретации данных. Съемка выполнялась цезиевым магнитометром-градиентометром G-858G методом вертикального градиента. Расстояние между профилями составляло 1 м. Для исключения вклада внешних геомагнитных вариаций использовалась вариационная протонная станция МВ-07М. Такой подход позволяет получать информацию не только о вертикальном градиенте, но и об аномальном магнитном поле на двух высотах, что существенно повышает достоверность выделения археологических объектов и расширяет возможности по определению параметров их залегания. Эта методика подробно рассматривалась нами ранее и хорошо зарекомендовала себя при работе на разнотипных памятниках Обь-Иртышского междуречья (напр.: [Дядьков, Позднякова, 2017]).

По результатам съемки были построены карты вертикального градиента модуля вектора магнитной индукции и аномального магнитного поля на двух уровнях высоты (0,4 и 1,15 м). Контраст значений магнитной восприимчивости почв и подстилающих пород составил ~ 0,0003 СИ, что оказалось достаточным для генерации отчетливых микроаномалий над археологическими объектами. Большинство выявленных на памятнике курганов, в том числе не выраженных в рельефе, вероятнее всего, относится к одному комплексу. Особенности устройства (круглый ров и захоронение в центре) позволяют предположить их принадлежность к скифскому времени. Принципиально иная орга-

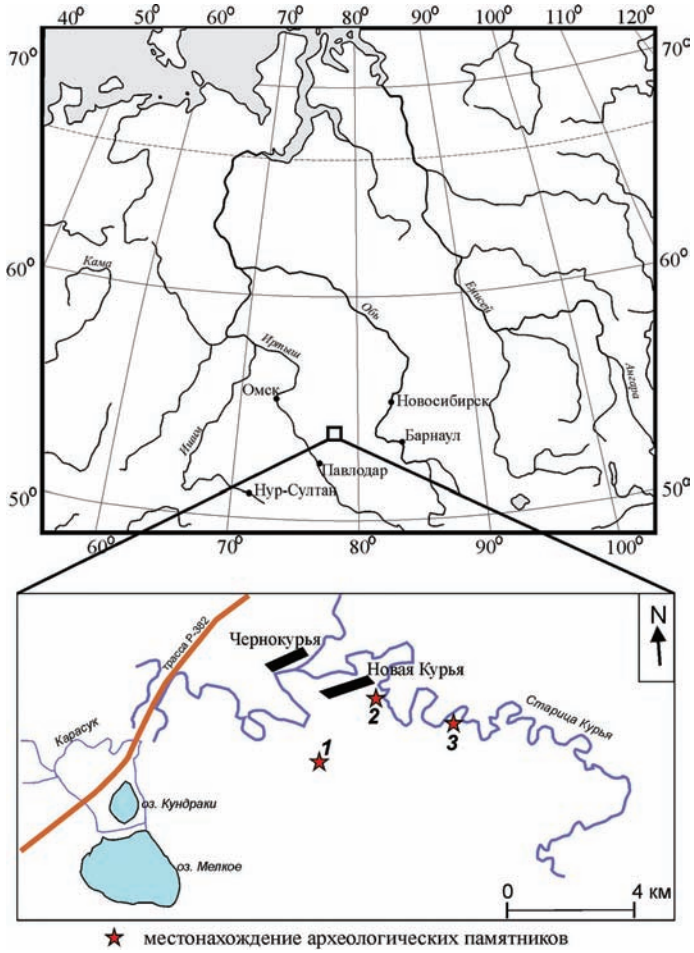

Рис. 1. Карта расположения археологических памятников Новая Курья-1–3 в Кулундинской степи.

1 – курганный могильник Новая Курья-1; *2* – поселение Новая Курья-2; *3* – курганный могильник Новая Курья-3.

низация площадки под насыпью зафиксирована для кург. 5 (рис. 2, *А–В*). Наличие трех захоронений, вытянутых в ряд по линии север–юг, подпрямоугольно-округлая форма рва, а также центральное положение кургана на могильном поле позволили соотнести его с эпохой бронзы [Усманова, 2005, с. 143, рис. 2; Наглер и др., 2011].

В 2019 г. были полностью изучены остатки насыпи кург. 5, ров, два захоронения и ритуальная столбовая яма за пределами рва (объект 2). «Северная» магнитная аномалия, предварительно интерпретированная как археологический объект, оказалась связана с норой. Сопоставление результатов раскопок с данными геофизического мониторинга показало очень высокую степень корреляции данных (рис. 2).

Курган 5, диаметром 25 м и высотой 0,6 м, имел округлую форму. Участки погребенной почвы и могильных выбросов (в т.ч. от грабительских действий) сохранились лишь в центральной, наиболее высокой части кургана. На геофизических картах этой области соответствует магнитная аномалия, размером ок. 15 × 20 м, с амплитудой 3–4 нТл (рис. 2, *А–В*). Сопоставление данных позволяет достаточно уверенно связать ее происхождение с локальным увеличением мощности более магнитного почвенного вещества в центральной части кургана. Включения менее магнитных подстилающих пород (выбросов) фиксируются в виде участков с пониженными магнитными значениями. Трапециевидная форма аномалии и прямолинейность ее границ объясняются, вероятно, последствиями распашки. По той же причине не представляется возможным достоверно реконструировать первоначальный вид кургана.

Ров имел подпрямоугольно-овальную форму и ограничивал вытянутую по линии восток–запад площадку, размерами 17 × 20 м. С востока ров имел небольшую материковую перемычку шириной 0,5 м. Ширина рва по верхнему контуру на разных участках варьировала от 0,8 до 2 м, по дну – 0,8–0,9 м; глубина – 0,65 м. Судя по разрезам, южная часть рва была довольно быстро засыпана, при этом остальные участки оставались открытыми, постепенно оплывали и заполнялись. Отличительные особенности южной части рва подтверждают и данные магнитной съемки. Амплитуда аномалий, соответствующих этому участку, варьирует от 1–2 до 3–4 нТл, что объясняется присутствием в заполнении менее магнитного материкового грунта (рис. 2, *В*).

В средней части западного участка рва, практически на дне, находилась целая правая половина таза лошади, в средней части южного участка – целая подъязычная кость лошади. Однако, учитывая, что эта часть рва была засыпана вскоре после сооружения, можно относить эту находку ко времени возведения комплекса и связывать обе кости лошади с ритуальными действиями. Фрагменты диафиза бедренной кости человека были обнаружены в средней части заполнения северного участка рва. Данные фрагменты не могут происходить из захоронений под кург. 5, поскольку эти кости есть в скелетах обоих погребенных. Вероятнее всего, они оказались переотложены в результате проникновения в соседние курганы.

С западной стороны, рядом со рвом зафиксирована небольшая овальная *яма* (объект 2) размером 0,3 × 0,32 × 0,14 м (рис. 2, *Г*). В заполнении обнаружены остатки золы и мелкие фрагменты обожженной глины; в центре – округлое пятно рыхлой серо-коричневой супеси с остатками древесины. По всей

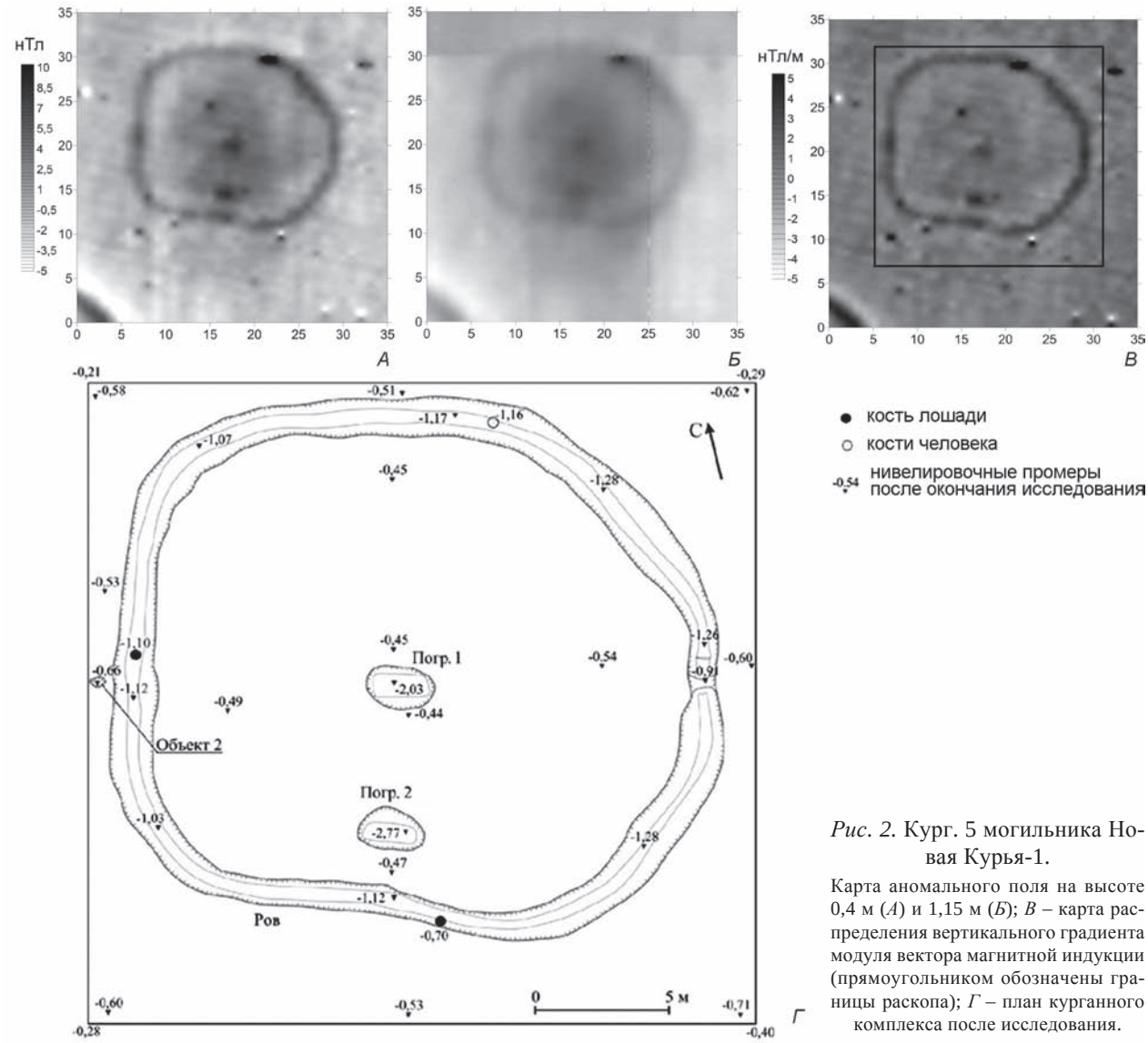

Рис. 2. Кург. 5 могильника Новая Курья-1.

Карта аномального поля на высоте 0,4 м (*А*) и 1,15 м (*Б*); *В* – карта распределения вертикального градиента модуля вектора магнитной индукции (прямоугольником обозначены границы раскопа); *Г* – план курганного комплекса после исследования.

вероятности, в яму был помещен деревянный столб и засыпан продуктами горения. На наш взгляд, объект 2 относится ко времени сооружения кург. 5 и может быть ритуальным *сэрге* (коновязь). На магнитограмме данная яма, как и проход в восточной части рва, отчетливо не выделились, поскольку направление профилей, вдоль которых проводились замеры, практически полностью совпадало с направлением рва. В результате число замеров оказалось недостаточным для достоверного выделения этих небольших объектов.

Погребение 1 – центральное захоронение человека (мужчина, 30–40 лет) и останков лошади (рис. 3). В восточной части камеры зафиксирован древний грабительский шурф, занимавший почти ее треть (рис. 4). Размеры камеры по верхнему краю – 2,55 × 1,49 м, по дну – 2,15 × 0,95 м, глубина от уровня материка – 1,55 м. На дне в анатомическом положении *in situ* были найдены берцовые кости и кости стоп человека и одна задняя конечность лошади. Останки человека занимали южную часть камеры, животного – северную. Судя по положению ног, человек был уложен вытянуто на спине, головой на восток. Почти все остальные кости скелета человека обнаружены в грабительском шурфе. Под костями, на костях человека и местами на дне камеры отмечены остатки бересты (остатки погребальных оболочек?). Вдоль южной и восточной стен камеры на дне сохранились остатки деревянных сооружений с остатками бересты. Судя по положению ненарушенной задней конечности лошади, а также по отпечаткам нижней челюсти на дне могилы (рис. 3, *Б*), останки лошади были ориентированы черепом на запад, т.е. в противоположном от человека направлении. Комплектность костей животного из грабительского шурфа показала, что в могилу помещался неполный скелет лошади, представленный передними и задними конечностя-

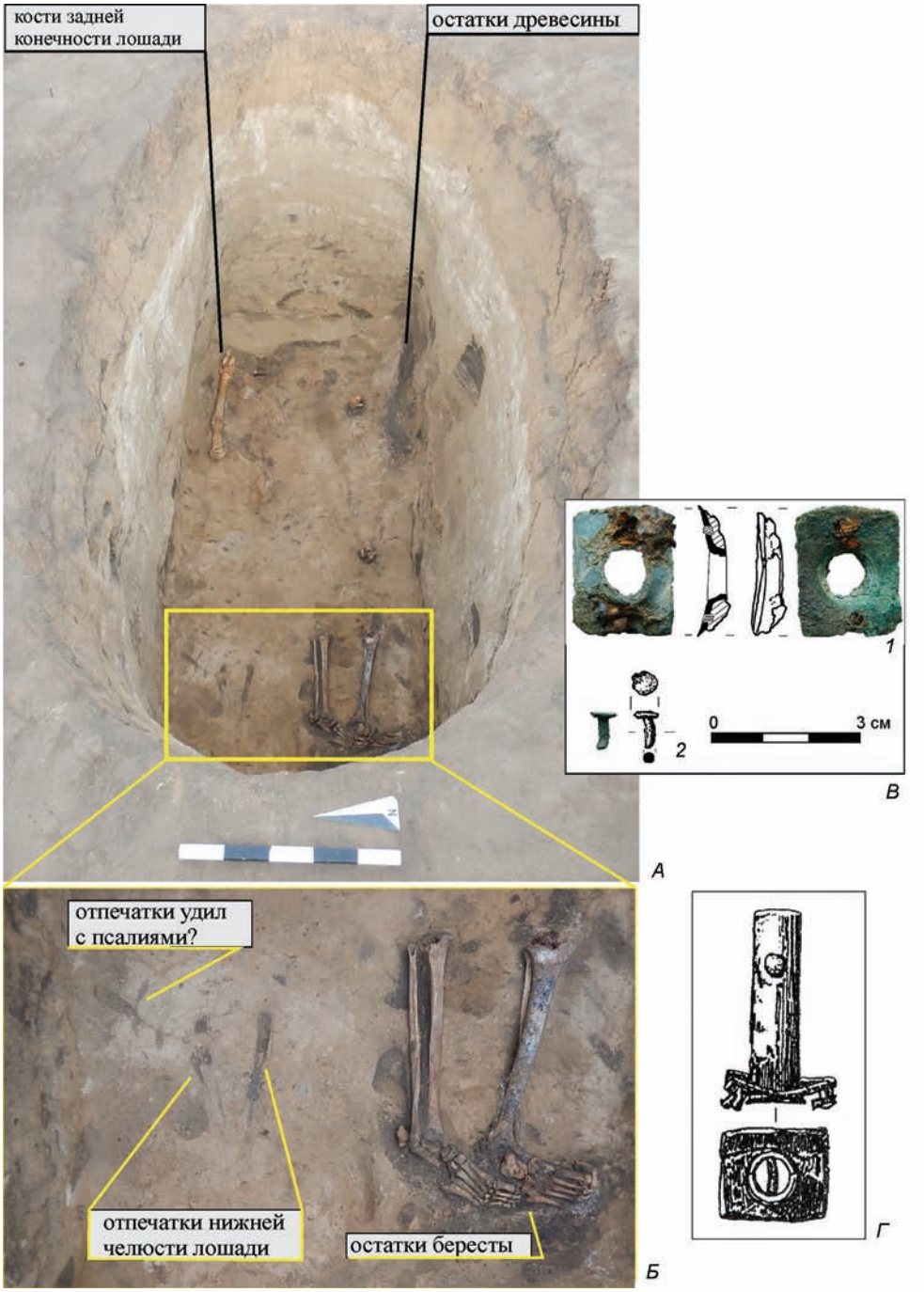

Рис. 3. Погр. 1, кург. 5, могильник Новая Курья-1.

А – общий вид на уровне дна; *Б* – деталь погребения; *В* – бронзовые находки: *1* – пластина-основание султанчика, *2* – гвоздик; *Г* – модель-схема устройства налобного султанчика (по: [Тишкин, Горбунова, 2004, с. 48, рис. 24, *3*]).

ми (полный набор костей от запястного и заплюсневого сустава до третьей фаланги), а также головой животного, от которого сохранился зуб и фрагмент основания черепа. Костей хвоста в комплексе не обнаружено, что не позволяет с уверенностью судить об использовании в ритуале шкуры. Кости лошади из погр. 1 и рва принадлежат взрослой лошади (Senilis/Adults). Не исключено, что все кости из погребения и рва принадлежат одной особи.

В верхних горизонтах заполнения ненарушенной части могилы обнаружен полный скелет небольшой птицы. Разрез непотревоженной части могилы указывает, что камера после захоронения тела и сооружения на дне внутримогильных конструкций оставалась незасыпанной продолжительное время (возможно, весь сезон). Захоронение было ограблено уже после засыпки камеры, но в момент, когда перекрытие еще не просело и сохраняло полое простран-

Рис. 4. Погр. 1, кург. 5, могильник Новая Курья-1. Схема-реконструкция продольного разреза.

ство внутри. После проникновения мешаный грунт заполнил почти всю полость деревянного внутримогильного сооружения на дне.

В грабительском шурфе обнаружены бронзовая пластина основания султанчика и обломок бронзового гвоздика (рис. 3, *В*). Кроме того, на дне могилы, между черепом лошади и стенкой были зафиксированы оттиски предметов, вероятнее всего, удил с псалиями, определить тип которых не представляется возможным.

Подпрямоугольная *пластина* имеет размеры 2,5 × 2,0 см, большое округлое отверстие в центре и два небольших отверстия по краям (рис. 3, *В*, *1*). В этих отверстиях зафиксированы остатки железных элементов крепления пластины к основе. С внешней стороны сохранились значительные области железистых окислов, которые являются остатками втулки султанчика и/или его крепежа. Морфологически данный образец пластины султанчика отражает один из наиболее простых вариантов составного изделия (рис. 3, *Г*).

Использование составных султанчиков с цилиндрической втулкой в рамках сросткинской культуры, совмещающей черты ритуальной практики и материальной культуры тюркских племен и местного угро-самодийского населения, барнаульские исследователи относят к концу X – первой половине XI в. [Горбунова, Тишкин, Хаврин, 2009, с. 17]. Вместе с тем начало распространения тюркской традиции подобных украшений лошадей в Горном Алтае и Алтайской лесостепи, в Восточном Казахстане и на Южном Урале относится ко второй половине VIII – первой половине IX в. [Там же, с. 38] и связано с падением Второго Восточно-тюркского каганата и широкими миграциями тюрок. Поэтому появление в Северной Кулунде султанчиков (и погребальных комплексов типа кург. 5 на могильнике Новая Курья-1) можно связывать с более ранним, чем сросткинская культура, периодом.

Погребение 2 располагалось в ряд с погр. 1 в 3,5 м южнее (рис. 5). Оно не нарушено. Яма имела овальную форму и была вытянута по линии восток–запад. Размеры пятна по верхнему краю – 2,56 × 1,52 м, по дну – 2,33 × 0,80–0,90 м; глубина от уровня материкового суглинка – 2,3 м. У дна с северной стороны яма имела небольшой подбой (рис. 5, *В*). В нижней части придонного заполнения зафиксированы остатки перекрытия (?) в виде древесного тлена с остатками бересты. Амплитуда аномалии над погр. 2 (~ 5 нТл) несколько превышает амплитуду над погр. 1 (~ 4 нТл). Это может объясняться более гумусированным и, соответственно, более магнитным заполнением верхней части погр. 2 и, в меньшей степени, более глубоким залеганием нижней кромки могильной ямы.

Погребен мужчина 25–30 лет в вытянутой позе на животе, головой на северо-восток. Ось тела была

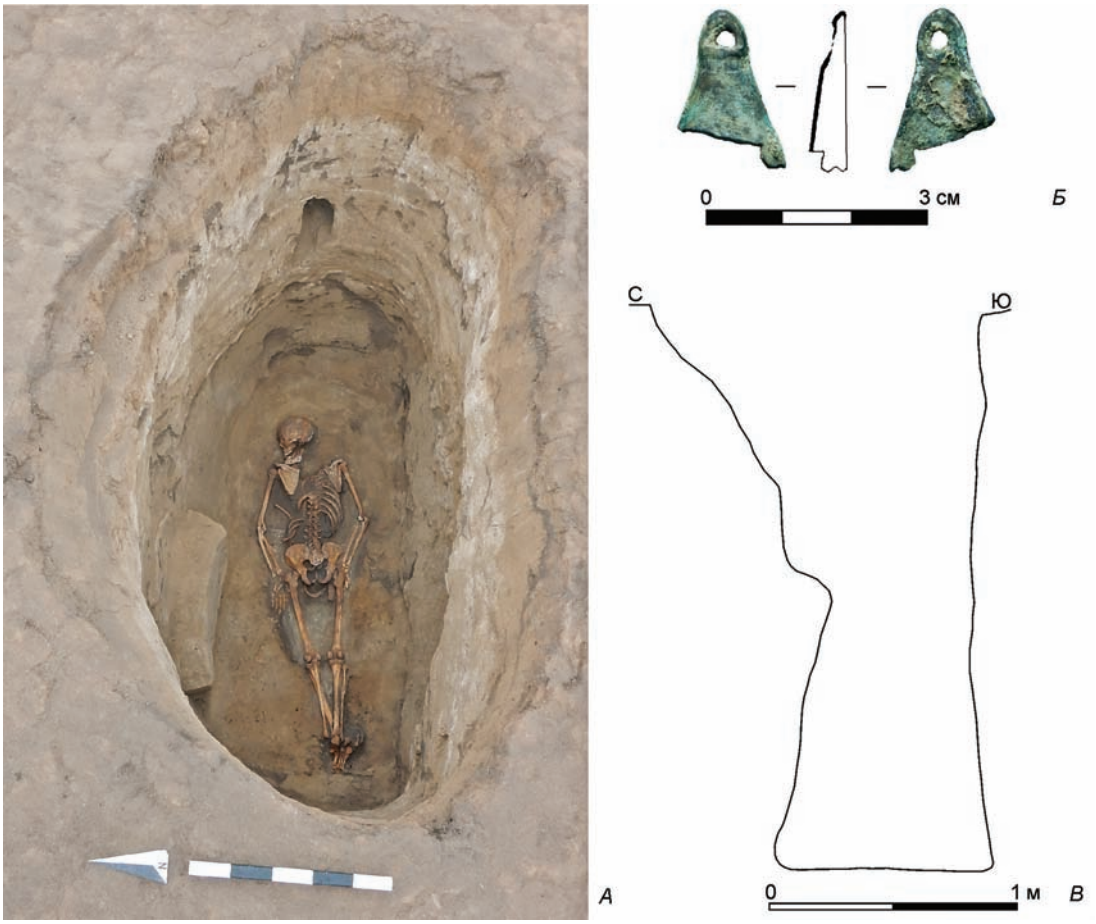

Рис. 5. Погр. 2, кург. 5, могильник Новая Курья-1.
А – общий вид на уровне дна; *Б* – бронзовая привеска; *В* – профиль погребальной камеры.

немного смещена к подбою. Руки слегка согнуты в локтях и подведены под бедра, ноги сведены. Следы бересты отмечены по всему скелету (на костях и под ними). Между костями ног зафиксирован слой пылеватого голубого грунта (сухая голубая глина?).

Под правой ветвью нижней челюсти обнаружена единственная находка – обломок верхней части *бронзовой привески* (рис. 5, *Б*). Вероятнее всего, первоначально она представляла декоративный элемент, имеющий в плане форму равнобедренного треугольника, в вершине которого оформлено округлое отверстие для подвешивания. Размеры сохранившейся части 2,3 × 0,6–1,6 см. Не исключено, что это рассеченный вдоль бронзовый конусовидный колокольчик. Помещение обломка предмета в мужском непотревоженном погребении в районе нижней челюсти может указывать на нестандартное использование инвентаря, имеющее ритуальную подоплеку. Возможно, предмет был первоначально помещен в рот погребенного.

Треугольная подвеска также не обнаруживает пока полных аналогий по причине своей фрагментарности и отсутствия всего декоративного ансамбля, в который она могла входить. Но близкие по функциональному назначению и форме предметы указывают, что она могла использоваться как элемент в сложном изделии, как например конусовидные подвески, скрученные из золотого листа на «венчике» из Кара-Агача [Козырев, 1905, с. 32, рис. 1] (лесостепное Приволжье). Памятник Кара-Агач отнесен С.Г. Боталовым к VI–VIII вв. [2009, с. 411–414] и имеет параллели, по его мнению, с катандинско-кудэргинскими комплексами Алтая и Тувы. Отметим также, что курган в Кара-Агаче также имел ров с перешейком на востоке, восточную ориентировку погребенного, неполный скелет лошади с западной ориентировкой рядом с погребенным [Козырев, 1905, с. 31–36]. Примером сложных украшений, включающих подобные элементы, могут быть и изделия из погребения женщины из Шамси (Киргизия), датируемых в пределах VII в. [Степи…, 1981, с. 21; с. 114, рис. 10, *16*]. Нельзя исключать использование данного предмета и в качестве стилизованной подвески-колокольчика [Там же, рис. 12, *58*; 13, *50*; 15, *87–89*]. Подоб-

ные предметы, например, фиксируются в караякуповской, турбаслимской, бахмутинской культурах Южного Урала. Первые две культуры помещены Н.А. Мажитовым в рамки VII–VIII вв., а бахмутинская имеет больший хронологический диапазон V–VIII вв. [Там же, с. 23, 25, 28]. Кроме того, погребальные комплексы турбаслимской культуры характеризуются помещением в могилу шкуры, головы и ног коня, подбоями в могиле и вытянутой позой погребенного, которого редко, но ориентируют головой на восток. На финальном этапе культура испытывает «воздействие со стороны тюркокультурного степного ареала», отразившееся в появлении погребений со шкурой коня [Боталов, 2009, с. 453]. Каплевидные элементы ушных украшений с несколько иной системой крепления к кольцам известны и в тюркских материалах Алтая VI–VII вв. [Степи…, с. 38, 123, рис. 19, *53, 55*].

Таким образом, погребальный комплекс кург. 5 на могильнике Новая Курья-1 явно связан с тюркской (в широком смысле) погребально-поминальной традицией или с ее незначительной трансформацией. Ограждение ритуальной площадки, восточная ориентировка и вытянутая на спине поза погребенного, помещение рядом с человеком ног и головы коня (возможно, шкуры?) в обратной ориентировке, подбой в камере, помещение серег и украшений с треугольными (каплевидными) или конусовидными навесками, декорирование конской упряжи султанчиками, отсутствие керамики – все это в разной степени находит отражение в памятниках кочевников упомянутых культурных ареалов и ряда других культур, связанных с тюркским влиянием. В связи со скудостью предметного комплекса и универсальностью черт ритуальной практики для широкого круга тюркских и производных от них культур, мы склонны относить исследованный нами курган ко второй половине VIII (падение Второго Тюркского каганата) – IX в. и связывать его с эпизодом проникновения группы тюркского населения в пограничную с лесостепной полосой зону северной степи. Верхняя граница обусловлена расширением кимако-кыпчакского культурного ареала. Хронологическая детализация может последовать после проведения радиоуглеродного датирования полученных образцов, а уточнение культурной атрибуции станет возможным после исследования в Северной Кулунде серии аналогичных погребальных памятников средневековых кочевников.

Новые палеоантропологические и палеозоологические источники будут использованы для изотопного анализа. Они послужат хорошим сравнительным материалом для реконструкции степени мобильности и структуры питания пастушеских коллективов, населявших разные ареалы юга Западной Сибири в эпоху бронзы. Приобретенный опыт магнитного картирования с возможностью расчета аномального магнитного поля на двух уровнях высоты будет способствовать развитию методики магнитных съемок и может быть использован для дистанционной оценки других объектов могильника Новая Курья-1. На фоне слабой изученности археологических комплексов Северной Кулунды их исследование и культурно-хронологическая атрибуция являются актуальной задачей.

Благодарности

Работы проводились при финансовой поддержке РФФИ (проект РФФИ-ННИО № 18-509-12067а). Авторы благодарят канд. ист. наук П.И. Шульгу за консультации, сотрудников и руководство Карасукского краеведческого музея Новосибирской обл. за участие в полевых работах и популяризацию их результатов. Остеологические определения выполнены канд. биол. наук С.К. Васильевым, половозрастные определения и целостность скелетов – М.С. Кишкурно, рисунки предметов – М.Е. Медовиковой, за что авторы выражают им глубокую признательность.

Список литературы

Боталов С.Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). – Челябинск: Рифей, 2009. – 672 с.

Горбунова Т.Г., Тишкин А.А., Хаврин С.В. Средневековые украшения конского снаряжения на Алтае: морфологический анализ, технологии изготовления, состав сплавов. – Барнаул: Азбука, 2009. – 144 с.

Дядьков П.Г., Позднякова О.А. Итоги и перспективы применения метода магнитометрии для изучения археологических памятников Западной Сибири // Мультидисциплинарные методы в археологии: новейшие итоги и перспективы. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – С. 60–68.

Кирюшин Ю.Ф., Папин Д.В., Позднякова О.А., Шамшин А.Б. Погребальный обряд древнего населения Кулундинской степи в эпоху бронзы // Аридная зона юга Западной Сибири в эпоху бронзы. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – С. 62–85.

Козырев А. Раскопка кургана в урочище Кара-Агач Акмолинского уезда // Изв. Императорской археологической комиссии. – СПб.: Типография Главного Управления Уделов, 1905. – Вып. 16. – С. 27–36.

Марченко Ж.В., Райнхольд С., Молодин В.И., Гришин А.Е., Кобелева Л.С., Зубова А.В., Поздняков Д.В., Батанина О.В. Биоархеологические подходы к решению проблемы адаптации андроновского и андроноидного населения к условиям лесостепи и подтаежной зоны

Обь-Иртышья (по материалам погребальных памятников) // Современные решения актуальных проблем Евразийской археологии. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2018. – Вып. 2. – С. 84–91.

Молодин В.И., Хансен С., Дураков И.А., Райнхольд С., Ефремова Н.С., Ненахов Д.А., Ковыршина Ю.Н., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Борзых К.А., Сальникова И.В., Демахина М.С. Археологические комплексы эпохи развитой и поздней бронзы на памятнике Тартас-1: новейшие результаты // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 332–336.

Наглер А., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Молодин В.И., Хансен С. Андроновский (федоровский) курган на могильнике Погорелка-2 (Центральная Бараба) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – Т. XVII. – С. 212–216.

Степи Евразии в эпоху средневековья. – М.: Наука, 1981. – 304 с. – (Археология СССР; т. 1 (20)).

Тишкин А.А., Горбунова Т.Г. Методика изучения снаряжения верхового коня эпохи раннего железа и средневековья. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 2004. – 126 с.

Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. – Караганда; Лисаковск, 2005. – 232 с.

References

Botalov S.G. Gunny i tyurki (istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya). Chelyabinsk: Rifei, 2008, 672 p. (in Russ.).

Dyadkov P.G., Pozdnyakova O.A. Results and prospects of application of the magnitometry method for investigating archaeological sites in Western Siberia. In *Multidisciplinary approach to archaeology: recent achievements and prospects.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, pp. 60–68 (in Russ.).

Gorbunova T.G., Tishkin A.A., Khavrin S.V. Srednevekovye ukrasheniya konskogo snaryazheniya na Altae: morfologicheskii analiz, tekhnologii izgotovleniya, sostav splavov. Barnaul: Azbuka, 2009, 144 p. (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Papin D.V., Pozdnyakova O.A., Shamshin A.B. Pogrebal'nyi obryad drevnego naseleniya Kulundinskoi stepi v epokhu bronzy. In *Aridnaya zona yuga Zapadnoi Sibiri v epokhu bronzy*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004, pp. 62–85 (in Russ.).

Kozyrev A. Raskopka kurgana v urochishche Kara-Agach Akmolinskogo uezda. *Izvestiya Imperatorskoi arkheologicheskoi komissii.* St. Petersburg: Tipografiya Glavnogo Upravleniya Udelov, 1905, iss. 16, pp. 27–36 (in Russ.).

Marchenko Z.V., Reinhold S., Molodin V.I., Grishin A.E., Kobeleva L.S., Zubova A.V., Pozdnyakov D.V., Batanina O.V. Bioarchaeological approaches to evaluate the adaption of Andronovo and Andronovoide populations to forest-steppe and sub-taiga environments of the Ob-Irtysh region (on the basis of the burials). In *Sovremennye resheniya aktual'nykh problem Evraziiskoi arkheologii.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2018, iss. 2, pp. 84–91 (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Durakov I.A., Reinhold S., Efremova N.S., Nenakhov D.A., Kovyrshina Yu.N., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Borzykh K.A., Salnikova I.V., Demakhina M.S. Archaeological complexes of the Developed and Late Bronze Age at the Tartas-1 site: the newest results. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 332–336 (in Russ.).

Nagler A., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Molodin V.I., Hansen S. Andronovskii (fedorovskii) kurgan na mogil'nike Pogorelka-2 (Tsentral'naya Baraba). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, vol. XVII, pp. 212–216 (in Russ.).

Stepi Evrazii v epokhu srednevekov'ya. Moscow: Nauka, 1981, 304 p. (Arkheologiya SSSR; vol. 1 (20)). (in Russ.).

Tishkin A.A., Gorbunova T.G. Metodika izucheniya snaryazheniya verkhovogo konya epokhi rannego zheleza i srednevekov'ya. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2004, 126 p. (in Russ.).

Usmanova E.R. Mogil'nik Lisakovskii I: fakty i paralleli. Karaganda; Lisakovsk, 2005, 232 p. (in Russ.).

Марченко Ж.В. https://orcid.org/0000-0002-4729-8575
Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-2272
Позднякова О.А. https://orcid.org/0000-0001-8376-0344
Дядьков П.Г. https://orcid.org/0000-0001-5345-9331
Евменов Н.Д. https://orcid.org/0000-0003-0164-8610
Кокорев Ф.В. https://orcid.org/0000-0002-1978-2298
Гнездилова И.С. https://orcid.org/0000-0003-3318-0848
Понедельченко Л.О. https://orcid.org/0000-0003-0567-1754

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.457-462
УДК 902 (571.63)

В.Е. Медведев[1], Е.А. Сергушева[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН
Владивосток, Россия
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Семена культурного проса с памятника Сопка Булочка (Приморье)

Представлены результаты археоботанического анализа семян растений из двух скоплений, обнаруженных визуально в 2003 и 2004 гг. в ходе работ совместной Российско-корейской экспедиции в жилищах обширного многослойного пос. Сопка Булочка. Всего проанализировано более 16 000 семян, абсолютное большинство которых принадлежит просу итальянскому (Setaria italica subsp. italica). Из них только два семени идентифицированы как принадлежащие другому виду культурного проса – обыкновенному (Panicum miliaceum). Большая часть проанализированных семян получена из пробы № 1 с пола жилища № 1 кроуновской культуры раннего железного века (2 500–2 000 л.н.). Скопление семян размещалось под углистым слоем поблизости от горелой деревянной конструкции и каменного ящика-очага. Очевидно, зерно изначально находилось в деревянной коробочке или мешочке. Именно эти семена первоначально ошибочно были определены как принадлежащие маку снотворному. В пробе № 2 из верхней части заполнения жилища № 9 (зайсановская культура позднего неолита (5 200–3 400 л.н.)) найдено всего 15 зерновок проса итальянского. Стратиграфические наблюдения, морфологическое и размерное сходство зерновок проса итальянского из двух проб позволяет предположить их принадлежность к одному периоду – времени функционирования на памятнике поселения кроуновской археологической культуры. Находки семян итальянского и обыкновенного проса и остатки других культурных растений известны на ряде памятников этого времени (Корсаковское II, Черепаха-13, Шеломаев Ключ). Относительно частые находки семян культурного проса на памятниках раннего железного века Приморья, в т.ч. на пос. Сопка Булочка подтверждает значимую роль проса в системах жизнеобеспечения населения этого периода в общем и у носителей кроуновской археологической культуры в частности.

Ключевые слова: *итальянское и обыкновенное просо, земледелие, ранний железный век.*

Vitaly E. Medvedev[1], Elena A. Sergusheva[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of History, Archaeology and Ethnography FEB RAS,
Vladivostok, Russia
E-mail: Medvedev@archaeology.nsc.ru

Seeds of Millet from the Sopka Bulochka Archaeological Site in Primorie

This article presents the results of archaeobotanical analysis of plant seeds from two clusters which were found visually in 2003 and 2004 during the excavations of dwellings in large multilayered site of Sopka Bulochka in Southern Primorie by the joint Russian-Korean Expedition. In total, over 16,000 seeds have been analyzed. The absolute majority of the seeds belonged to foxtail millet (Setaria italica subsp. italica). Only two seeds have been identified as broomcorn millet (Panicum miliaceum). The greatest part of the seeds analyzed were obtained from sample No. 1 from the floor of dwelling No. 1, belonging to the Krounovka culture of the Early Iron Age (2500–2000 BP). The accumulation of seeds was found under a carbonaceous layer near the burnt wooden structure and stone box-hearth. The seeds must have been originally kept in a wooden box or bag, and had been originally mistakenly identified as opium poppy (Papaver somniferum). Sample No. 2 from the upper part of the filling in dwelling No. 9, belonging to the Zaisanovka culture of the Late Neolithic (5200–3400 BP), contained only 15 caryopses of foxtail millet. Stratigraphic observations as well as morphological and dimensional

similarity of foxtail millet seeds from two samples suggests that they belonged to the same period of the Krounovka culture. Findings of seeds of foxtail and broomcorn millet among the seeds of other cultivated plants are known from a number of sites of this period in Primorie (Korsakovskoye-II, Cherepakha-13, Shelomaev Klyuch). Relatively frequent finds of millet seeds at the sites of the Early Iron Age, including the site of Sopka Bulochka confirms a significant role of millet in the subsistence system among the carriers of the Krounovka archaeological culture.

Keywords: *foxtail and broomcorn millet, agriculture, Early Iron Age.*

При исследовании совместной Российско-корейской экспедицией, организованной ИАЭТ СО РАН и Государственным институтом культурного наследия Республики Кореи, многослойного памятника Сопка Булочка вблизи дельты р. Партизанской на юге Приморья в 2003 г., в котловане жилища № 1 крouновской археологической культуры раннего железного века зафиксировано скопление карбонизированного зерна. В жилище размерами 2,1 × 2,6 м располагался ящик-очаг, сложенный из плит белого известняка и перекрытый песчаниковой плитой. Скопление находилось под углистым слоем на уровне пола жилища поблизости от горелой деревянной конструкции и ящика-очага (глубина залегания −270 см), имело достаточно компактные размеры – 19,0 × 14,0 × 6,0−7,0 см. По-видимому, зерно изначально размещалось в деревянной коробочке или мешочке [Деревянко и др., 2004, с. 70, 82, рис. 26]. Приблизительные подсчеты показывают, что объем скопления не превышал двух литров.

Первоначально семена из этого скопления были идентифицированы как принадлежащие маку снотворному (син. мак опийный, *Papaver somniferum*) [Там же, с. 322−324]. Но его присутствие на памятнике раннего железного века юга Дальнего Востока России выглядело довольно сомнительным. Находки мака на археологических памятниках юга Дальнего Востока не известны даже для средневекового времени.

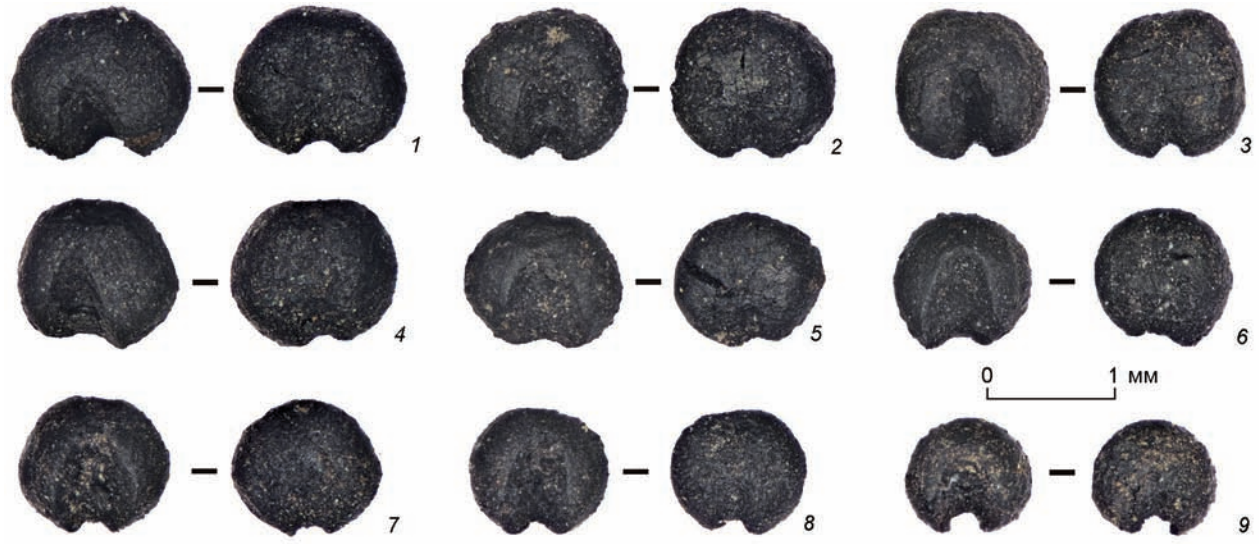
С целью уточнения видового определения этих семян нами была проведена их повторная идентификация. Помимо остатков из описанного зернового скопления были проанализированы семена, обнаруженные названной экспедицией в 2004 г. в небольшом скоплении в верхней части отложений котлована жилища № 9 того же памятника. Первому образцу был присвоен № 1, остатки из жилища № 9 были поименованы «образец № 2».

Образец № 1 представлен черной пылеватой супесью с включением многочисленных мелких округлых карбонизированных семян растений, фиксировавшихся визуально. Его общий объем не превышал 100 мл. Для удаления супеси он был просеян через почвенное сито с размерами ячеи 0,5 мм. После чего с использованием стереоскопического микроскопа с рабочим увеличением до ×20 из оставшейся пробы выбирались растительные остатки. В итоге получено огромное количество однотипных карбонизированных семян, общий объем которых составил 22 мл. Проведенные подсчеты показали, что в 1 мл содержится 670 семян; таким образом, их общее количество в пробе может быть оценено приблизительно в 16 000 экз.

Все семена представлены однотипными зерновками шаровидной формы со слегка округлой спинкой и более уплощенным брюшком. У многих семян на брюшной стороне имеется ясно различимая вертикальная ложбинка, тянущаяся от основания зерновки до его верхушки. Со спинной стороны присутствует глубокая зародышевая впадина. Она имеет форму перевернутой «V» и занимает 60 % и более длины зерновки. Сам зародыш сохранился лишь у немногих зерновок. Очевидно, у большинства семян он был утерян еще в древности, по-видимому, при механической очистке зерна. Рубчик ясно различимый, овальной формы находится на брюшной стороне, у основания зерновок (см. *рисунок*). Вершина у большинства зерновок округлая (см. *рисунок, 2, 6, 8, 9*) или слегка уплощенная (см. *рисунок, 1, 3, 4*). Абсолютно у всех отсутствуют цветковые чешуи. Небольшой фрагмент ее зафиксирован у единственной зерновки. Это свидетельствует о том, что зерно было тщательно очищено от чешуй. Большинство зерновок в скоплении представлено отдельными экземплярами, но имеется небольшое количество более или менее крупных комочков из склеившихся вместе семян. Средние размеры для 30 зерновок составили 1,15−1,21−0,85 мм (табл. 1). Среди семян встречены значительно меньшие экземпляры (см. *рисунок, 9*). Средние размеры, просчитанные для 10 таких экземпляров, 0,86−0,81−0,53 мм (табл. 2).

В целом описанная морфология является типичной для зерновок проса итальянского (*Setaria italica* subsp. *italica*), характерного культурного растения Восточной Азии и Дальнего Востока России.

Кроме проса итальянского в исследованной пробе обнаружены две зерновки, морфология которых типична для проса обыкновенного (*Panicum miliaceum*). Они сферической формы, брюшко и спинка одинаково выпуклые. Зародышевая впа-

Зерновки проса итальянского (*Setaria italica* subsp. *italica*) из зернового скопления в жилище № 1. Вид со спинной и брюшной сторон. Памятник Сопка Булочка. Раскоп 2003 г.

Таблица 1. **Размерные показатели зерновок проса итальянского из жилища № 1 (образец № 1) памятника Сопка Булочка (раскопки 2003 г.)**

№ п/п	Длина (L), мм	Ширина (B), мм	Толщина (T), мм	Индекс L/B×100	Индекс T/B×100
1	1,25	1,5	0,83	83,33	55,33
2	1,15	1,25	0,8	92,00	64,00
3	1,05	1,2	0,75	87,50	62,50
4	1,0	1,05	0,75	95,24	71,43
5	1,02	1,13	0,8	90,27	70,80
6	1,3	1,4	0,9	92,86	64,29
7	1,15	1,25	0,8	92,00	64,00
8	1,2	1,2	0,85	100,00	70,83
9	1,1	1,15	0,8	95,65	69,57
10	1,15	1,2	1,05	95,83	87,50
11	1,07	1,0	0,7	107,00	70,00
12	1,23	1,35	0,93	91,11	68,89
13	1,02	1,04	0,8	98,08	76,92
14	1,23	1,27	0,8	96,85	62,99
15	1,18	1,2	0,9	98,33	75,00
16	1,1	1,2	0,9	91,67	75,00
17	1,18	1,2	0,97	98,33	80,83
18	1,1	1,15	0,93	95,65	80,87
19	1,8	1,3	1,0	138,46	76,92
20	1,13	1,08	0,87	104,63	80,56
21	1,3	1,3	1,0	100,00	76,92
22	1,1	1,8	0,84	61,11	46,67
23	1,05	1,1	0,8	95,45	72,73
24	1,1	1,25	0,85	88,00	68,00
25	1,05	1,1	0,75	95,45	68,18
26	1,15	1,17	0,8	98,29	68,38
27	1,1	1,18	0,8	93,22	67,80
28	1,1	1,08	0,7	101,85	64,81
29	0,9	1,0	0,82	90,00	82,00
30	1,2	1,22	0,97	98,36	79,51
среднее	1,15	1,21	0,85	95,55	70,77

Таблица 2. **Размерные показатели мелких зерновок проса итальянского из жилища № 1 (образец № 1) памятника Сопка Булочка (раскопки 2003 г.)**

№ п/п	Длина (L), мм	Ширина (B), мм	Толщина (T), мм	Индекс L/B×100	Индекс T/B×100
1	0,85	0,75	0,45	113,33	60,00
2	0,85	0,87	0,65	97,70	74,71
3	0,74	0,8	0,45	92,50	56,25
4	0,83	0,73	0,45	113,70	61,64
5	0,83	0,8	0,5	103,75	62,50
6	0,85	0,73	0,5	116,44	68,49
7	0,87	0,8	0,5	108,75	62,50
8	0,95	0,88	0,6	107,95	68,18
9	0,85	0,8	0,47	106,25	58,75
10	1,0	0,9	0,7	111,11	77,78
среднее	0,86	0,81	0,53	107,15	65,08

Таблица 3. **Размерные показатели зерновок проса итальянского из жилища № 9 (образец № 2) памятника Сопка Булочка (раскопки 2004 г.)**

№ п/п	Длина (L), мм	Ширина (B), мм	Толщина (T), мм	Индекс L/B×100	Индекс T/B×100
1	1,28	1,3	0,8	98,46	61,54
2	1,13	1,19	0,9	94,96	75,63
3	1,25	1,3	0,9	96,15	69,23
4	1,4	1,3	0,85	107,69	65,38
5	1,3	1,35	0,85	96,30	62,96
6	1,15	1,3	1,1	88,46	84,62
7	1,2	1,38	1,08	86,96	78,26
8	1,28	–	0,9	–	–
среднее	1,25	1,3	0,92	95,57	71,09

дина полукруглая или слегка вытянутая. Ее длина не превышает половины длины зерновки. Размеры этих зерновок 1,6–1,65–1,27 и 1,6–1,65–1,25 мм, т.е. заметно больше, чем у описанных выше.

Образец № 2 получен методом визуальной выборки из скопления в верхней части заполнения котлована жилища № 9. Его точное местонахождение неизвестно. Как и образец № 1 он представлен пылеватой черной супесью, объем которой не превышал 50 мл. Визуально растительные остатки в ней не фиксировались. Образец был профлотирован с использованием сита с размером ячеи 0,5 мм. Из полученной таким образом легкой фракции, после ее просушки, с помощью стереоскопического микроскопа были выбраны карбонизированные остатки растений. Всего в этой пробе обнаружено 15 зерновок проса итальянского и два мелких фрагмента косточки плода. Морфология, размеры и значения индексов зерновок проса оказались сходными с таковыми из образца № 1 (табл. 3). У них также отсутствовали покровные чешуи.

Образец № 2 получен из верхней части отложения котлована жилища зайсановской культуры позднего неолита. Следовательно, обнаруженные в нем остатки проса не могут относиться ко времени функционирования жилища и должны быть датированы несколько более поздним временем. Это наблюдение, а также морфологическое сходство зерновок итальянского проса из жилищ № 9 и № 1 позволяют предположить принадлежность обоих образцов к одному культурно-хронологическому этапу заселения памятника – кроуновскому, стратиграфически следовавшему на данном памятнике за зайсановским. Но окончательный вывод о принадлежности семян проса из верхней части заполнения жилища № 9 к кроуновской культуре возможен только на основании их датирования методом AMS.

Видовую принадлежность двух мелких фрагментов (2,6−1,7 мм) оболочки косточки плода, обнаруженных в этой же пробе, определить не удалось.

Повторное видовое определение семян из зернового скопления жилища № 1 памятника Сопка Булочка показало их принадлежность к итальянскому просу. В этом же скоплении идентифицированы две зерновки другого вида культурного проса – обыкновенного. В скоплении из жилища № 9 обнаружено 15 зерновок итальянского проса и два

мелких фрагмента оболочки не идентифицированного плода. (Видовые определения макроботанических остатков с памятника Сопка Булочка показали принадлежность большинства из них к культурной флоре. Среди них преобладают зерновки проса итальянского.)

Зерновое скопление из жилища № 1 содержит огромное количество зерновок итальянского проса. Отсутствие у них цветковых чешуй и зародышей однозначно свидетельствует о том, что перед нами дранец – очищенные зерна проса, подготовленные для приготовления пищи. Такая подготовка включала несколько последовательных операций: сушка, обрушивание, отвеивание. Сушка могла осуществляться на открытом воздухе в солнечную сухую погоду или с использованием огня (в помещении или вне его). Обрушивание проводили пестами в ступках, при этом механически разрушались оболочки семян и зерно, таким образом, высвобождалось из чешуй. От отходов обрушивания зерно очищали, просеивая его через сита или отвеивая на ветру. То, что в этом скоплении не обнаружены иные растительные остатки культурного проса кроме его зерновок, свидетельствует о качественной очистке зерна.

Также обращает внимание отсутствие в образце остатков дикорастущих просовых растений, прежде всего зерновок щетинников и куриного проса. Эти растения из-за сходной биологии являются типичными и злостными засорителями посевов культурного проса [Лысов, 1968, с. 105]. Их семена в большем или меньшем количестве присутствуют среди зерновок культурного проса, полученных с археологических памятников юга Дальнего Востока России. И то, что в таком значительном по объему скоплении семян культурного проса совсем не обнаружены представители сорной растительности, выглядит довольно необычно. Гипотетически можно рассматривать несколько причин этого: например, тщательный уход за посевами или очень хорошая очистка собранного урожая. Имеющиеся в нашем распоряжении данные с Сопки Булочка недостаточны для надежного объяснения отсутствия семян сорняков в этом зерновом скоплении.

Находки семян итальянского и обыкновенного проса известны на целом ряде памятников раннего железного века Приморья. Согласно имеющимся данным эти культурные растения появляются на данной территории уже в позднем неолите, когда их выращивали носители различных локально-хронологических вариантов зайсановской культурной традиции [Сергушева, 2008а, б, 2013]. В последующие хронологические периоды просяное земледелие сохранялось в системах жизнеобеспечения населения этого региона. Так семена обоих видов проса обнаружены на памятнике Ольга-10 маргаритовской культуры раннего палеометалла [Батаршев и др., 2015]. Из литературных источников известна находка семян проса итальянского в жилище бронзового века памятника Кировское [Окладников, 1959, с. 82, 86, 87; Лысов, 1966]. Зерновки проса обыкновенного найдены в отложениях периода палеометалла на памятниках Новоселище-4 и Анучино-14 [Сергушева, 2008а]. В последующий период раннего железного века, представленного в Приморье янковской и кроуновской археологическими культурами, оба вида проса продолжают выращиваться населением. А находки их семян на археологических памятниках количественно преобладают среди остатков культурных растений. Находки зерновок проса известны на памятниках янковской культуры – Песчаный-1, Малая Подушечка; на памятниках кроуновской культуры – Шеломаев Ключ, Корсаковское II, Черепаха-13. На пос. Шеломаев Ключ остатки обоих видов проса обнаружены вместе с семенами культурных (ячмень голозерный, соя культурная и конопля посевная) и сорных растений в небольшой керамической миске [Слепцов, Сергушева, Горюшин, 2008].

Применение методики водной флотации при исследовании археологических памятников Дальнего Востока периода раннего железа позволяет гарантированно получать остатки культурных растений, среди которых, как правило, именно семена проса являются самыми многочисленными. Благодаря использованию этой методики зерновки проса, а также остатки других культурных растений (ячмень, пшеница) были обнаружены на памятнике кроуновской культуры Корсаковское II [Янушевич, Вострецов, Макарова, 1991, с. 6], в отложениях жилищ янковской и кроуновской культур на памятнике Черепаха-13 [Сергушева, Морева, 2017].

Согласно этим данным, у населения Приморья в I тыс. до н.э., в т.ч. у носителей кроуновской культуры, существовала устойчивая традиция земледелия, значительное место в котором, по-видимому, занимало выращивание итальянского и обыкновенного проса. Пока же недостаток археоботанических данных не позволяет убедительно ранжировать оба вида проса и другие культурные растения по их хозяйственной значимости для населения Приморья этого периода. В то же время косвенные данные, такие как частота обнаружения остатков проса на археологических памятниках (как с использованием флотационной методики, так и при выборке визуально фиксируемых скоплений), в т.ч. на памятнике Сопка Булочка, дают веские основания предполагать его значимую роль в хозяйстве населения

Приморья в раннем железном веке и в частности у носителей кроуновской культуры.

Список литературы

Батаршев С.В., Сергушева Е.А., Морева О.Л., Дорофеева Н.А., Крутых Е.Б. Поселение Ольга-10 в Юго-Восточном Приморье: новые материалы к дискуссии о маргаритовской археологической культуре // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2015. – № 1 (28). – С. 26–36. –URL: http://ipdn.ru/_private/a28/26-36.pdf

Деревянко А.П., Ким Бон-Гон, Медведев В.Е., Шин Чан-Су, Ю Ын-Сик, Краминцев В.А., Медведева О.С., Филатова И.В., Хон Хен-У. Древние памятники Южного Приморья. Отчет об исследованиях поселения Булочка в 2003 г. – Сеул: [б. и.], 2004. – Т. 1. – 341 с.

Лысов В.Н. Чумиза и просо в условиях Приморского края: (О находках зерен злаков на археологических памятниках) // Материалы по истории Сибири. Древняя Сибирь. Сибирский археологический сборник. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1966. – Вып. 2. – С. 148–150.

Лысов В.Н. Просо. – Л.: Колос, 1968. – 224 с.

Окладников А.П. Отчет об археологических работах Дальневосточной археологической экспедиции Института археологии АН СССР в 1959 г. // Архив ИА РАН. – Р. 1. – № 2029. – 140 л.

Сергушева Е.А. Использование растительных ресурсов населением Приморья в эпоху неолита – раннего металла (по археоботаническим данным поселений): автореф. дис. … канд. ист. наук. – СПб., 2008а. – 30 с.

Сергушева Е.А. К вопросу о появлении земледелия на территории Приморья в позднем неолите: археоботанические исследования // OPUS: междисциплинарные исследования в археологии. – М.: Параллели, 2008б. – Вып. 6. – С. 180–195.

Сергушева Е.А. Динамика земледелия в позднем неолите Приморья по данным археоботаники // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2013. – № 4 (23). – С. 155–162. – URL: http://ipdn.ru/_private/a23/155-162.pdf.

Сергушева Е.А., Морева О.Л. Земледелие Южного Приморья в I тыс. до н.э.: карпологические материалы поселения Черепаха-13 // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2017. – № 4 (39). – С. 195–204. – DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-195-204.

Слепцов И.Ю., Сергушева Е.А., Горюшин Ю.А. Жилище поселения Шеломаев Ключ (Приморье): планиграфия, инвентарь, ботанические остатки // Cultural exchange in East-Sea and Primorye region of Russia. The 16th International conference of the Association of North-East Asian cultures. – Busan, 2008. – P. 383–391.

Янушевич З.В., Вострецов Ю.Е., Макарова С.А. Палеоэтноботанические находки в Приморье: препринт. – Владивосток: ДВО АН СССР, 1990. – 24 с.

References

Batarshev S.V., Sergusheva E.A., Moreva O.L., Dorofeeva N.A., Krutykh E.B. The settlement of Olga-10 in the South-East Primorye: new materials to a discussion on the Margaritovka archaeological culture. *Vestnik Arkheologii, Antropologii i Etnografii*, 2015, No. 1 (28), pp. 26–36. URL: http://ipdn.ru/_private/a28/26-36.pdf (in Russ.).

Derevianko A.P., Kim Bon-Gon, Medvedev V.E., Shin Chan-Su, Yu Yn-Sik, Kramincev V.A., Medvedeva O.S., Filatova I.V., Hon Hen-U. Ancient sites of the Southern Primorye. Report about excavation of Bulochka settlement in 2003. Seoul, 2004, vol. 1, 341 p. (in Russ.).

Lysov V.N. O nakhodkakh zeren zlakov na arkheologicheskikh pamyatnikakh. In *Materialy po istorii Sibiri. Drevnyaya Sibir'. Sibirskii arkheologicheskii sbornik*. Novosibirsk, 1966, iss. 2, pp. 148–150 (in Russ.).

Lysov V.N. Proso. Leningrad: Kolos Publ., 1968, 224 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P Otchet ob arheologicheskih rabotah Dal'nevostochnoj arheologicheskoj ekspedicii Instituta arheologii AN SSSR v 1959 g. *Archive of the Institute of archaeology* (Moscow). R. 1, No. 2029, 140 p. (in Russ.).

Sergusheva E.A. Ispol'zovanie rastitel'nykh resursov naseleniem Primor'ya v epokhu neolita – rannego metalla (po arkheobotanicheskim dannym poselenii): cand. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2008a, 30 p. (in Russ.).

Sergusheva E.A. Archaeobotanical studies of Late-Neolithic sites in Primorye. In *OPUS: Interdisciplinary Investigations in Archaeology*. Moscow: Parallely, 2008b, vol. 6, pp. 180–195 (in Russ.).

Sergusheva E.A. Dynamics of agriculture in the Late Neolithic of Primorye according to archaebotanical data. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2013, No. 4 (23), pp. 155–162. URL: http://ipdn.ru/_private/a23/155-162.pdf (in Russ.).

Sergusheva E.A., Moreva O.L. Agriculture in the Southern Primorye in the I millennium BC according to archaeobotanical data of Cherepakha-13 settlement. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*, 2017, No. 4 (39), pp. 195–204. DOI: 10.20874/2071-0437-2017-39-4-195-204 (in Russ.).

Slepsov I.Yu., Sergusheva E.A., Gorjushin Yu.A. Pit-dwelling of the settlement Shelomaev Klyuch (Primorye region): planigraphy, artefacts, archaeobotanical remains. In *Cultural exchange in East-Sea and Primorye region of Russia. The 16th International conference of the Association of North-East Asian cultures*. Busan, 2008, pp. 383–391 (in Russ.).

Yanushevich Z.V., Vostretsov Yu.E., Makarova S.A. Palaeoethnobotanical finds in Primorye: Preprint. Vladivostok: DVO AN SSSR, 1990, 24 p. (in Russ.).

Медведев В.Е. https://orcid.org/0000-0002-4087-0364
Сергушева Е.А. https://orcid.org/0000-0003-4529-6485

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.463-470
УДК 902.01

В.И. Молодин, А.Е. Гришин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: artem-grishin@mail.ru

Типы наконечников стрел периода развитой бронзы по материалам могильника Сопка-2/4а (одиновская культура)

Проведен анализ структуры и разнообразия типов костяных и каменных наконечников стрел в составе колчанных наборов из погребений могильника Сопка-2/4А одиновской культуры, которые являются массовым материалом для некрополя. Цель – выделение типов наконечников стрел в качестве индикаторов субкультурных групп. Результаты сравниваются с опубликованными данными по одиновскому могильнику (Абрамово-11) и кротовскому некрополю (Сопка-2/4Б, 4В). Для наборов костяных наконечников одиновской культуры наиболее характерно сочетание типов 1, 2А, 2В, 3В. Каменные наконечники используются эпизодически, чаще не в рамках наборов. Выделены два основных варианта использования наконечников стрел в ритуальной практике: 1) в составе колчанных наборов (прижизненный охотничий инвентарь); 2) в рамках традиции помещения прокалывающего предмета в могилу рядом с рукой погребенного. На кротовском могильнике Сопка-2/4Б наиболее популярным является сочетание типов костяных проникателей 3А, 5А и 5С; в группе Сопка-2/4В – каменных наконечников отделов IА, IВ и костяных изделий типа 2В. Определена специфика набора наконечников в мог. № 420 (Сопка-2/4Б), в котором обнаружен двулезвийный бронзовый кинжал. Она заключается в оригинальном сочетании типов костяных проникателей типа 1А и 6 и каменных наконечников отдела II. Универсальными, наиболее общеупотребимыми для всего населения развитой бронзы, оставившего могильник Сопка-2/4А, 4Б и 4В, являются костяные наконечники типов 2В и 3В. Сочетание типов проникателей на Сопке-2/4А указывает на сравнительно бóльшую культурную монолитность одиновского могильника по сравнению с некрополем кротовской культуры Сопка-2/4Б, 4В, которые формировались населением, испытавшим интенсивное культурное влияние во второй половине III тыс. до н.э.

Ключевые слова: *одиновская культура, кротовская культура, могильник Сопка-2/4, развитый бронзовый век, костяные и каменные наконечники стрел, колчанный набор, погребальная практика, типология.*

Vyacheslav I. Molodin, Artem E. Grishin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: artem-grishin@mail.ru

Types of Arrowheads of the Advanced Bronze Age from the Sopka-2/4A Archaeological Site (the Odino Culture)

The structure and various types of bone and stone arrowheads from quiver sets, commonly found at the burial ground Sopka-2/4A of the Odino culture, are analyzed. The study intends to identify the types of arrowheads as indicators of subcultural groups of the Odino culture. The results have been compared with the published data from the archaeological sites of the Odino culture (Abramovo-11) and Krotovo culture (Sopka-2/4Б, 4B). Sets of bone arrowheads of the Odino culture are distinguished by the combination of types 1, 2A, 2B, and 3B. Stone arrowheads were used sporadically, often not as parts of the sets. Two main variants of using arrowheads in ritual practice have been identified: 1) as a part of quiver sets (hunting equipment during the lifetime); 2) tradition of placing a piercing object next to the hand of the buried person. The most popular combination at the burial ground of Sopka-2/4Б of the Krotovo culture were types 3A, 5A and 5C of bone arrowheads. Combination of stone arrowheads of groups IA, IB, and bone arrowheads of type 2B was predominant at the burial ground of Sopka-2/4B. Specific features of a quiver set, combining types 1A and 6 of bone arrowheads and stone arrowhead of group II, and its place in grave No. 420 (Sopka-2/4Б) where a double-bladed bronze dagger was discovered, has been established. Bone arrowheads of types 2B and 3B were the most common for the entire population

of the Advanced Bronze Age, which left the burial grounds of Sopka-2/4A, 4Б, and 4B. Combinations of arrowhead types at Sopka-2/4A indicate a relatively greater cultural homogeneity of the Odino burial ground compared to the Krotovo burial grounds (Sopka-2/4Б, 4B) which were left by the population which experienced intensive cultural influences in the second half of the third millennium BC.

Keywords: *Odino culture, Krotovo culture, burial ground Sopka-2/4, Bronze Age, arrowheads of bone and stone, typology, quiver set, funeral practice.*

Несмотря на полную публикацию погребальных комплексов одиновской культуры могильника Сопка-2/4А, в которой дана их обширная характеристика и анализ [Молодин, 2012б], изучение этого источника нельзя признать законченным. Потенциал материала таков, что он будет являться объектом исследования в обозримом будущем.

Мы обращаемся к уточнению некоторой информации, касающейся использования наконечников стрел из камня и кости в погребальной практике одиновского населения. Основные сведения об этих изделиях и погребениях, из которых они происходят, уже были представлены ранее [Молодин, 2012а, б]. Целью настоящей работы является поиск дополнительных индикаторов культурных влияний, которому было подвержено население Барабинской лесостепи в период ранней–развитой бронзы. Наконечники стрел, являющиеся наиболее массовым сопроводительным инвентарем, а также контекст их нахождения в могилах потенциально могут нести информацию о хозяйственной и культурной специфике различных групп населения, которое сформировало масштабный могильник Сопка-2. Определение культурных типов предметов является одной из основных целей классификационной процедуры в археологии [Клейн, 1991; Колпаков, 1989].

Нами анализируется связь между типами проникателей в колчанных наборах, учтена степень нарушенности и планиграфическое положение могил, в которых они найдены. Колчанными наборами мы условно называем непотревоженные крупные скопления наконечников стрел в погребении, расположенные компактно. Мы полагаем, что обыденный охотничий инвентарь, используемый в ритуальной практике, может претерпевать определенные метаморфозы по составу, количеству и качеству. Поэтому мы сознательно уходим от анализа промысловых характеристик наконечников, а концентрируемся на типовом разнообразии, в котором может быть скрыта, помимо хозяйственной, культурная маркировка комплексов. Нами использована уже не раз опробованная классификационная схема для каменных наконечников [Медведев Г.И., 1981]. Классификация костяных наконечников является модифицированным под одиновские материалы вариантом схемы А.Ф. Медведева [1966]. Интересующим нас наконечникам в рамках обширных тем посвящены специальные работы [Сальникова, 2002; Шатов, 2005]. Задачу же определения культурной принадлежности и значения предметов в рамках погребального обряда специально решали только авторы статьи на разных этапах работы с материалом могильника.

Итак, на одиновском могильнике Сопке-2/4А были выделены четыре комплекса с сохранившимися колчанными наборами (погр. № 184, 189, 195, 199) [Молодин, 2012б] (рис. 1, *1*). Они расположены в наименее потревоженной северо-восточной части некрополя. В этой части могильника наиболее ярко отразились черты одиновской погребальной практики: полусидячая поза погребенного, подъем дна и/или специально оставленная «подушка», помещение костяной проколки в кисть или рядом с ней. Причем две могилы с наборами наконечников расположены в одном ряду, одна – в соседнем с ними. Три из четырех упомянутых комплексов связаны с северо-западной оконечностью ряда, которая, согласно высказанной нами гипотезе, может являться его началом [Молодин, Гришин, 2016, с. 314, 315]. Три колчанных набора обнаружены с мужскими костяками, один – с женским скелетом, что может указывать на преобладание мужчин охотников, но не на исключительную их роль в дистанционной охоте.

Колчанные наборы состоят из 12–29 предметов (см. *таблицу*). Типичное положение колчанных наборов, находящихся *in situ* – в районе берцовых костей/у дистальной части бедренных костей/у костей стоп. Проникатели направлены, как правило, боевой частью в юго-западную (подножную) сторону ямы. То, что скопления наконечников являются колчанными наборами, косвенно подтверждается остатками берестяного колчана рядом с ними*. Основу наборов составляет сочетание костяных проникателей типа 1 с изделиями типов 2А, 2В, 3В (рис. 2, см. *таблицу*). Тип 1 является не самым массовым по количеству предметов, но самым распространенным по количеству комплексов с колчанными наборами, где они были обнаружены.

*Подобное свидетельство есть и в кротовском могильнике Сопка-2/4Б – погр. № 160 [Молодин, Гришин, 2016, с. 271, 272]).

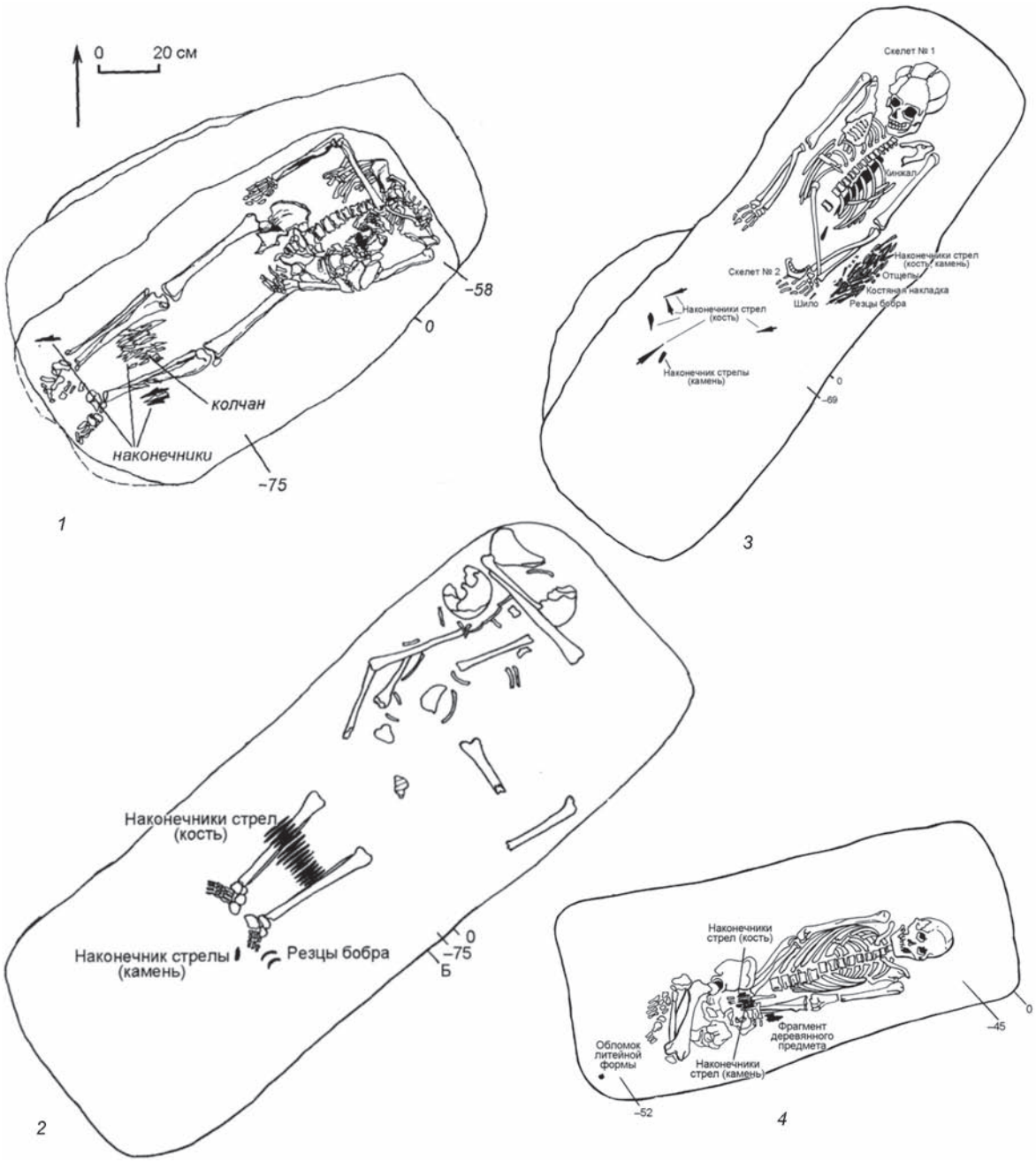

Рис. 1. Погребения могильника Сопка-2 с колчанными наборами.

1 – одиновский могильник Сопка-2/4А (погр. № 184); *2, 3* – кротовский могильник Сопка-2/4Б (погр. № 311, 420); *4* – кротовский могильник Сопка-2/4В (погр. № 594).

Другие три типа 2А, 2В, 3В связаны и между собой, но сравнительно слабее, чем их связь с типом 1. При этом каменные наконечники оказываются включенными в колчанный набор только один раз, их всего два и они относятся только к отделу II по выбранной нами классификации.

Наконечники с обратным шипом, которые обозначены В.И. Молодиным в качестве одного из маркеров сначала кротовской, а потом одиновской культуры, представлены двумя типами – 3А и 3В. Если рассматривать эти типы в совокупности, то они являются самыми массовыми и распространенными на памятнике – 43 изделия в десяти комплексах. Большинство погребений с ними опять же расположены в северо-восточной части некрополя Сопка-2/4А.

Типологический состав наконечников скомплектован весьма различно в каждом из непотревоженных наборов. Если следовать за интерпретацией назначения данных типов [Молодин, 2012б, с. 153], то «охотничьи» (1 и 2) и «гарпунные» типы (3А и 3В) составляют следующие пропорции: 93

Распределение наконечников стрел могильника Сопка-2/4А по типам

№ погребений и скелетов	Каменные изделия (отделы)					Костяные наконечники (типы)											Всего каменных и костяных предм.
	I	II	III	IV	всего, экз.	1	2А	2В	3А	3В	4А	4В	5	6	?	всего, экз.	
178 (ск. 2)	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0	1
184 (ск. 2)	–	–	–	–	–	1	–	1	–	24	–	–	–	–	3	29	29*
186	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	–	–	1	1
189	–	2	–	–	2	3	1	2	–	1	1	–	–	–	2	10	12*
195	–	–	–	–	–	1	3	8	1	–	1	–	–	1	–	15	15*
199	–	–	–	–	–	5	7	–	7	5	–	–	–	–	–	24	24*
208 (ск. 1)	–	–	1	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0	1
209	1	–	–	–	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0	1
246	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	–	1	1
251	–	–	1	1	2	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0	2
522	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	–	–	1	–	–	2	2
541	–	–	–	1	1	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	0	1
569	–	–	–	–	–	1	–	1	–	1	–	–	–	–	–	3	3
573	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	–	1	1	1
588	–	–	–	–	–	–	–	1	2	–	–	–	–	–	2	5	5
Всего, экз.	1	2	3	2	8	11	11	13	10	33	2	1	1	1	8	91	99
Всего, компл.	1	1	3	2	6	5	3	3	3	7	2	1	1	1	4	10	15

*Колчанный набор.

и 7 %; 60 и 10 %; 50 и 50 %; 7 и 83 %. Это может указывать на кардинально различные условия промысла и личные предпочтения охотников даже в рамках близких коллективов.

Отметим, что непотревоженное или близкое к тому расположение костяных наконечников стрел вне рамок колчанных наборов можно наблюдать в четырех случаях. В трех из них небольшие скопления (3 и 5 экз.) или отдельные наконечники находятся рядом с костями рук взрослых индивидов (два из них определены как мужчины – погр. № 569, 588). Предположить первоначальное положение наконечника у кисти погребенного можно и для погр. № 186 с женским скелетом, потревоженного норными животными. Эти наконечники, как и предметы в колчанных наборах, обращены рабочей частью в сторону «подножной», юго-западной стенки могилы. Возможно, эти контексты, в отличие от колчанных наборов, имеют более выраженное ритуальное значение, нежели отражают реальный промысловый набор предметов. Не исключено, что это редкий вариант размещения прокалывающих предметов в районе кисти или руки. Традиция размещения костяных проколок и других острых предметов, в т.ч. и наконечников, в такой позиции уже отмечалась для одиновских некрополей [Там же, с. 134; Молодин, Гришин, 2016, с. 325]. Иной контекст расположения двух проникателей демонстрирует непотревоженный нижний ярус мог. № 522 со скелетом мужчины. Предметы лежат парой в районе грудной клетки, обращены остриями в сторону черепа. Характерно, что во всех рассмотренных случаях помещения небольшого количества костяных наконечников в наборе обязательно присутствуют предметы диагностирующих одиновских типов 3А и/или 3В.

Каменные наконечники, как мы уже отметили, чаще не связаны с колчанными наборами. Лишь один случай нами уже описан выше – в составе комплекса погр. № 189. Положение *in situ* возможно предположить еще в трех случаях. В двух погребениях взрослых индивидов (верхняя часть скелетов нарушена) по одному изделию расположено у левой стопы (№ 178, 209). Эти погребения также принадлежат к северо-восточной части одиновского некрополя. Подобные контексты могут быть следами еще одного варианта ритуальных действий с наконечниками.

Один сюжет следует отметить особо. Каменный наконечник обнаружен на дне могилы в районе левой лопатки. Возможно, он не был вынут из одежды или раны умершего (погр. № 541). Это каменный наконечник с оформленным черешковым насадом (отдел IV), единственный на памятнике Сопка-2/4А, имеющий наибольшие аналогии среди сейминско-турбинских изделий [Молодин, 2012б, с. 142]. Этот наконечник происходит уже из более разрушенной части некрополя, демонстрирующей

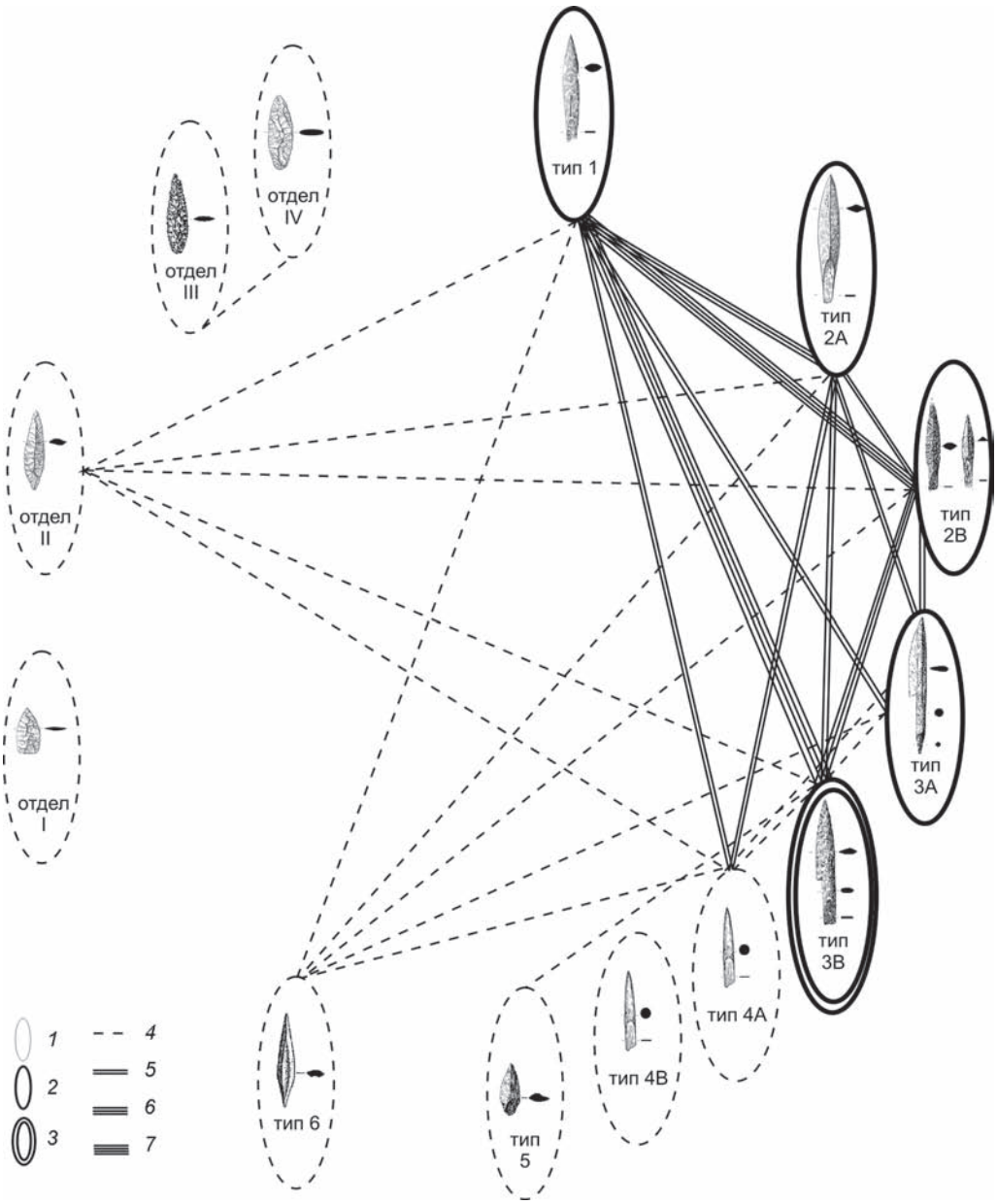

Рис. 2. Граф взаимовстречаемости морфологических разновидностей наконечников стрел из кости и камня одиновского могильника Сопка-2/4А.

Общее количество предметов типа (отдела): *1* – от 1 до 3 ед.; *2* – от 11 до 13 ед.; *3* – 33 ед.
Взаимовстречаемость изделий разных таксонов в рамках одного погребения: *4* – однократная; *5* – двукратная; *6* – троекратная; *7* – четырехкратная.

следы одиновской погребальной практики не столь отчетливо. Находки каменных и костяных наконечников есть и здесь в девяти погребениях по 1–5 изделий, но их первоначальное положение, как правило, нарушено.

Таким образом, можно вполне уверенно предположить два варианта ритуального использования наконечников: 1) помещение в районе ног погребенного колчана с набором стрел для различных вариантов промысла; 2) помещение отдельных проникателей рядом с кистью умершего, что отражает традицию вкладывания острого предмета в руку погребенного. Следует констатировать, что каменные наконечники с данными вариантами жестко не связаны и, как мы видим, демонстрируют другие черты ритуального использования. В целом, к одиновским могилам тяготеют костяные изделия типов 1, 2А, 2В и 3В.

Сравним полученный результат с материалами другого опубликованного могильника Абрамово-11 [Соболев, Панфилов, Молодин, 1989], атрибутированного изначально как кротовский, но затем включенного В.И. Молодиным в ареал одиновской культуры. На могильнике, непосред-

ственно в погребальной камере, возможно в непотревоженном положении, обнаружен один костяной наконечник стрелы, близкий типу 5С. Он располагался у бедра и левой кисти погребенного (погр. № 15). В нарушенном погр. № 4 найден костяной наконечник типа 3В. Таким образом, даже такая незначительная выборка показывает совпадения по типам и вариантам использования в погребальной практике наконечников стрел.

Исследование других могильников одиновской культуры пока продолжается (Тартас-1, Усть-Тартас-2, Преображенка-6), и проводить сравнения с этими источниками преждевременно.

Для кротовского же могильника Сопка-2/4Б, 4В подобная процедура сравнения вполне возможна, т.к. его материалы опубликованы полностью [Молодин, Гришин, 2016]. Кроме того, для Сопки-2/4Б, 4В выполнен аналогичный представленному

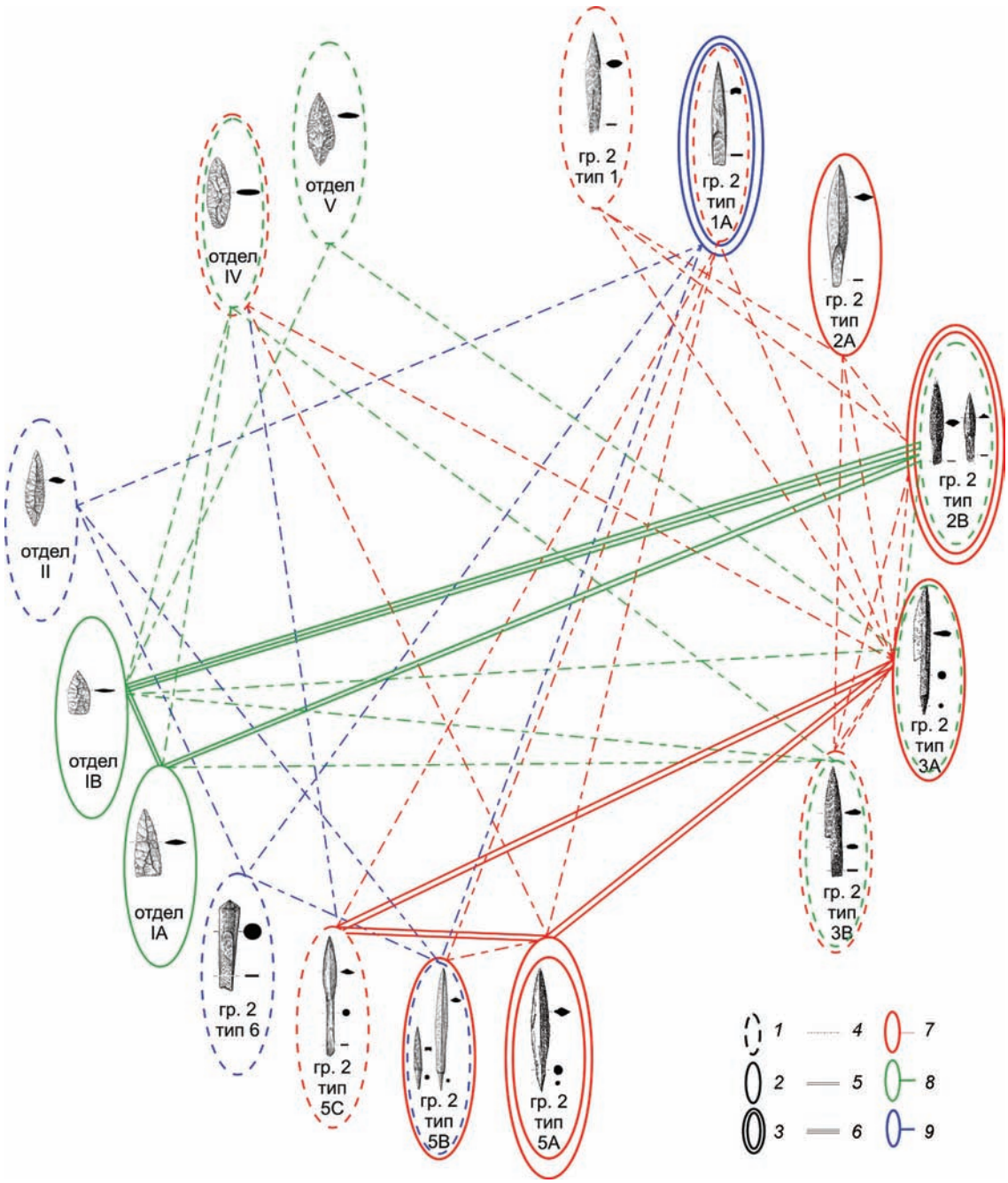

Рис. 3. Граф взаимовстречаемости морфологических разновидностей наконечников стрел из кости и камня в колчанных наборах кротовского могильника Сопка-2/4Б, 4В.

Общее количество предметов типа (отдела): *1* – от 1 до 3 ед.; *2* – от 10 до 15 ед.; *3* – от 21 до 39 ед.
Взаимовстречаемость изделий разных таксонов в рамках одного погребения: *4* – однократная; *5* – двукратная; *6* – троекратная.
Субкультурные группы: *7* – северо-восточная часть Сопки-2/4Б; *8* – Сопка-2/4В; *9* – погр. № 420 Сопки-2/4Б.

анализ сочетания типов наконечников стрел [Там же, рис. 423] и предложены варианты их использования в ритуальной практике. Сравнение тем более актуально, т.к. на кротовском могильнике фиксируется часть погребений, в которых довольно ярко отражены следы одиновской погребальной практики.

Итак, на могильнике Сопка-2/4Б обнаружено семь колчанных наборов (от 8 до 46 экз.), связанных с мужскими погребениями. Разнообразие типов наконечников на этом некрополе больше, однако ядро связей образуют в первую очередь типы 2А, 2В и 3В (рис. 3). Каменные наконечники здесь используются активнее, а в погребениях могильника Сопка-2/4В они даже превалируют над костяными проникателями.

Отдельно рассмотрим наборы из погребений с признаками одиновской погребальной традиции в кротовском могильнике Сопка-2/4Б (№ 311, 366, 155), а также могил группы Сопка-2/4В (№ 282, 594, 623) и погр. № 420, чтобы продемонстрировать их специфику (см. рис. 1, *2–4*). Для этой цели нами модифицирован граф из монографии [Молодин, Гришин, 2016], в нем указаны связи типов наконечников только из колчанных наборов (см. рис. 3).

В результате самые сильные связи (двух- и трехкратная встречаемость), как мы видим, образуют не самые многочисленные типы изделий в обеих культурных группах кротовского некрополя. При этом конфигурация этих сильных связей не совпадает. Так, в группе Сопка-2/4Б ядро образовано типами костяных проникателей 3А, 5А и 5С, а в группе Сопка-2/4В – это морфологически слаборазличимые между собой каменные наконечники отделов IA, IB и костяные изделия типа 2В. По всей видимости, можно говорить о культурной специфике набора группы Сопка-2/4В, основу которых образуют именно каменные наконечники. Кроме этого, группа Сопка-2/4В выделена благодаря наличию изделий сейминско-турбинского облика (литейные формы, кельт), позе погребенных в могиле (на спине, коленями вверх) и планиграфической обособленности. Как отмечалось, наконечники также подчеркивают и специфику погребений с бронзовыми кинжалами – наиболее многочисленная выборка костяных проникателей (38 экз.) «елунинского» типа 1А связана с погр. № 420. В этом же погребении содержатся все, хоть и немногочисленные, представленные на Сопке-2/4Б каменные наконечники отдела II, а также единственный в своем роде костяной наконечник типа 6. Не характерно для всей группы Сопка-2/4Б и расположение этого набора в могиле – у костей предплечья, часть наконечников развернуто остриями к изголовной части могилы. Кроме того, культурная специфика группы Сопка-2/4В и погр. № 420 с характерным бронзовым кинжалом подчеркивается и наличием двух различных типов накладок на лук. Разные наборы проникателей и специфика конструкции лука в совокупности являются очень весомым дополнительным доводом для дифференциации внутри всего массива Сопка-2/4 данных субкультурных групп погребений, которые, кроме того, содержат яркие металлические изделия.

Таким образом, проведенное сравнение указывает на более компактный и взаимосвязанный набор типов наконечников в рамках одиновского могильника Сопка-2/4А по сравнению с типологическим разнообразием, зафиксированным на кротовском некрополе Сопка-2/4Б, 4В. Мы связываем данное обстоятельство, с одной стороны, с бóльшей культурной монолитностью северо-восточной части могильника Сопка-2/4А, откуда происходят непотревоженные колчанные наборы, а с другой – с наличием как минимум трех различных субкультурных компонентов на могильнике Сопка-2/4Б, 4В. Первый компонент связан с сейминско-турбинской металлургической традицией (каменные наконечники отдела I); второй – со специфическими цельнолитыми бронзовыми кинжалами (типы костяных наконечников 1А и 6), третий – с могилами, сооруженными в рамках кротовского могильника, но по канонам, близким к одиновской погребальной традиции (сочетание типов 3А, 5А и 5С костяных наконечников). Универсальными, общеупотребимыми для всего населения периода развитой бронзы, оставившего некрополи Сопка-2/4А, 4Б, 4В, являются костяные наконечники типов 2В и 3В.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0003.

Список литературы

Клейн Л.С. Археологическая типология. – Л.: Изд-во Лен. гос. ун-та, 1991. – 448 с.

Колпаков Е.М. Понятия и методы археологической классификации: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1989. – 16 с.

Медведев А.Ф. Ручное метательное оружие (лук, стрелы, самострел). VIII–XIV вв. // Археология СССР. Свод археологических источников. – М.: Наука, 1966. – Вып. EI-36. – 184 с.

Медведев Г.И. К проблеме морфологического анализа каменного инвентаря палеолитических и мезолитических ансамблей Восточной Сибири // Описание и анализ археологических источников. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 1981. – С. 16–34.

Молодин В.И. Костяные наконечники стрел могильника одиновской культуры Сопка-2/4А // Дальневосточно-Сибирские древности: сб. науч. тр., посвящ. 70-летию со дня рождения В.Е. Медведева. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012а. – С. 63–72.

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012б. – Т. 3. – 220 с.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Сальникова И.В. Костяные наконечники стрел из комплексов Западной Сибири, проблемы классификации и моделирования: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2002. – 22 с.

Соболев В.И., Панфилов А.Н., Молодин В.И. Кротовский могильник Абрамово-11 в Центральной Барабе // Культурные и хозяйственные традиции народов Западной Сибири. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 1989. – С. 37–51.

Шатов А.Г. Военное дело населения лесостепной полосы Западной Сибири в эпоху ранней и развитой бронзы: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2005. – 18 с.

References

Klein L.S. Arkheologicheskaya tipologiya. Leningrad: State Univ. Press, 1991, 448 p. (in Russ.).

Kolpakov E.M. Ponyatiya i metody arkheologicheskoi klassifikatsii: cand. sc. (history) dissertation abstract. Leningrad, 1989, 16 p. (in Russ.).

Medvedev A.F. Ruchnoe metatel'noe oruzhie (luk, strely, samostrel). VIII–XIV vv. In *Arkheologiya SSSR. Svod arkheologicheskikh istochnikov*. Moscow: Nauka Publ., 1966, iss. EI-36, 184 p. (in Russ.).

Medvedev G.I. K probleme morfologicheskogo analiza kamennogo inventarya paleoliticheskikh i mezoliticheskikh ansamblei Vostochnoi Sibiri. In *Opisanie i analiz arkheologicheskikh istochnikov*. Irkutsk: State Univ. Press, 1981, pp. 16–34 (in Russ.).

Molodin V.I. Kostyanye nakonechniki strel mogil'nika odinovskoi kul'tury Sopka–2/4A. In *Dal'nevostochno-Sibirskie drevnosti*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012a, pp. 63–72 (in Russ.).

Molodin V.I. Archaeological site of Sopka-2 on the Om River: cultural and chronological analysis of burial complexes of the Odino culture. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012b, vol. 3, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Archaeological site of Sopka-2 on the Om River. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Cultural and chronological analysis of burial complexes of the Krotovo culture, 452 p. (in Russ.).

Sal'nikova I.V. Kostyanye nakonechniki strel iz kompleksov Zapadnoi Sibiri, problemy klassifikatsii i modelirovaniya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2002, 22 p. (in Russ.).

Shatov A.G. Voennoe delo naseleniya lesostepnoi polosy Zapadnoi Sibiri v epokhu rannei i razvitoi bronzy: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2005, 18 p. (in Russ.).

Sobolev V.I., Panfilov A.N., Molodin V.I. Krotovskii mogil'nik Abramovo-11 v Tsentral'noi Barabe. In *Kul'turnye i khozyaistvennye traditsii narodov Zapadnoi Sibiri*. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 1989, pp. 37–51 (in Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-2272

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.471-477
УДК 902

В.И. Молодин[1], Л.Н. Мыльникова[1], М.С. Нестерова[1], Л.С. Кобелева[1], Д.В. Селин[1], Д.А. Ненахов[1], В.С. Степанова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: msnesterova@gmail.com

Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году

Проведен культурно-хронологический анализ двенадцати погребальных комплексов эпохи бронзы, выявленных в прошедшем полевом сезоне на памятнике Усть-Тартас-2. Восемь из них относятся к одиновской археологической культуре, три – к кротовской. Еще одно многоярусное захоронение, содержащее пять погребенных, на сегодняшний день не подлежит надежной культурной идентификации. Однако стратиграфическая позиция комплекса и находка бронзового шила позволяет отнести его к эпохе ранней бронзы. Представлена характеристика погребального обряда и инвентаря захоронений, содержащих костяные и бронзовые предметы. Определен круг основных аналогий. Выявлены различия в характере нарушения детских и взрослых захоронений одиновской культуры. Описан редкий способ захоронения погребенного в могиле в положении «сидя» с вытянутыми ногами. Подтверждена гипотеза о наличии изолированного детского кладбища кротовской культуры, где на сегодняшний день изучено уже 8 погребений. Рассмотрены планиграфические особенности формирования пространства могильника носителями разных образований. Так, кротовские и одиновские ряды могильных ям не нарушают друг друга, хотя имеют сходную ориентацию и занимают довольно компактный участок террасы. Сделан вывод о перспективах исследования памятника для выявления специфики погребального обряда носителей культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи, а также установления характера взаимодействия между ними, в т.ч. с точки зрения хронологии.

Ключевые слова: *эпоха бронзы, Обь-Иртышская лесостепь, погребальный обряд, одиновская культура, кротовская культура.*

Vyacheslav I. Molodin[1], Liudmila N. Mylnikova[1], Marina S. Nesterova[1], Liliya S. Kobeleva[1], Dmitriy V. Selin[1], Dmitriy A. Nenakhov[1], Valeria S. Stepanova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: msnesterova@gmail.com

Archaeological Research of 2019 at the Ust-Tartas-2 Burial Ground of the Bronze Age

The article presents the results of cultural and chronological analysis of twelve Bronze Age burial complexes, explored in the last field season at the site of Ust-Tartas-2. Eight of them are associated with the Odino archaeological culture, three with the Krotovo culture. The culture of another multilayered burial with five skeletons currently cannot be established with certainty, although the stratigraphic position of this complex and discovery of bronze awl suggests the Early Bronze Age. Description of the funeral rite and inventory made of bone and bronze is provided, and the circle of main parallels is established. Differences in the disturbed children's and adult graves of the Odino culture have been identified. A rare method of human burial in the sitting position with the stretched legs is described. The hypothesis on the presence of

separate children's cemetery of the Krotovo culture, where eight graves have been already studied, has been confirmed. Planigraphic features of organizing the cemetery space by the carriers of different cultures have revealed that the Odino and Krotovo rows of grave pits did not interfere with each other, although they had a similar orientation and occupied relatively small space of the terrace. It has been concluded that this site shows good prospects for the study aimed at identifying specific aspects of funeral rite among the carriers of the Bronze Age cultures in the Ob-Irtysh forest-steppe region and establishing the nature of interaction between them, including the chronological relationship.

Keywords: *Bronze Age, Ob-Irtysh forest-steppe region, funeral rite, Odino culture, Krotovo culture.*

Введение

В 2019 г. Западносибирским (руководитель – акад. В.И. Молодин) и Тогучинским (руководитель – д-р ист. наук Л.Н. Мыльникова) археологическими отрядами Северо-Азиатской комплексной экспедиции ИАЭТ СО РАН были продолжены исследования грунтового могильника эпохи бронзы, получившего наименование «Усть-Тартас-2». Памятник расположен в 4,3 км от села Венгерово по автодороге М-51 «Старый Московский Тракт» в сторону с. Туруновка, на высокой первой надпойменной террасе левого берега займища «Таи» (Венгеровский р-н Новосибирской обл.). Археологические исследования этой террасы начались еще в XVIII в., когда здесь был открыт крупный могильник саргатской культуры Усть-Тартасские курганы [Молодин и др., 2019, с. 89]. В 2016 г. в результате археолого-геофизического исследования периферии курганов раннего железного века в межкурганном пространстве на краю террасы были выявлены ряды аномалий, соответствующие грунтовым захоронениям и поселенческим объектам [Молодин и др., 2017, с. 48].

В 2017–2018 гг. было исследовано 50 захоронений, относящихся к периоду позднего неолита, усть-тартасской, одиновской и кротовской археологическим культурам эпохи бронзы [Молодин и др., 2019, с. 90–92]. Раскопом 2019 г. были продолжены исследования северного и северо-западного участков памятника. Общая вскрытая площадь составила 286 м^2. Цель работы – представить краткую культурно-хронологическую интерпретацию двенадцати обнаруженных захоронений.

Материалы и их характеристика

Характерной чертой погребальной обрядности одиновской культуры является расположение могил плотными рядами параллельно борту террасы [Молодин, 2012, с. 174]. В полевой сезон 2019 г. на памятнике Усть-Тартас-2 изучены восемь погребений этой культуры (III тыс. до н.э.). Пять из них продолжали первый ряд, вытянутый по линии ССЗ – ЮЮВ, вдоль террасы, ближе к ее краю, выявленный в 2018 г. Остальные три захоронения (два детских и одно взрослое) расположены в северо-восточной части раскопа и формируют третий ряд, ориентированный аналогично. При этом сами могилы ориентированы по линии ССВ – ЮЮЗ. Большинство погребений было нарушено в древности (№ 52–54, 56, 57). Выявлены различия в способах нарушений детских и взрослых захоронений. В первом случае нарушался весь скелет, зачастую в могиле оставались лишь отдельные кости. Во взрослых захоронениях нарушению подвергалась верхняя часть скелета, но берцовые кости и стопы часто оставались в положении *in situ*, остальные кости скелета в могиле практически отсутствовали (за исключением нескольких фаланг). При этом в двух из этих погребений сохранилась часть погребального инвентаря: бронзовое шильце (№ 53) и раковина (№ 54). Это не первый случай наблюдения подобного нарушения могил. Похожая картина зафиксирована на одиновском могильнике Сопка-2/4А [Гришин, 2016, с. 77]. Еще одно детское захоронение (№ 51) не имело признаков погребальной ямы, возможно, оно было сооружено на уровне погребенной почвы, поэтому в результате распашки площади памятника практически полностью уничтожено. Сохранилась бедренная кость и костяная проколка. Однако надежно его диагностировать с точки зрения культурной принадлежности позволяет расположение в ряду одиновских погребений.

Погребение № 61 (скелет 3), впущенное в многоярусную могильную яму, было идентифицировано как одиновское на основании приподнятой верхней части скелета погребенного, а также расположения у его левой плечевой кости каменной луновидной подвески. Это уже второй случай обнаружения в одиновских могилах подобных предметов [Молодин и др., 2018б, с. 313], хотя ранее они были зафиксированы в данном регионе только в комплексах кротовской культуры [Молодин, 2013]. Также в районе тазовых костей погребенного обнаружено пять зубов животного, составлявших, вероятно убранство одежды в районе пояса. Аналогичное украшение было зафиксировано в погр. № 192 одиновского могильника Сопка-2/4А [Молодин, 2012, с. 156].

Погребение № 62 располагалось в подпрямоугольной со скругленными углами могильной яме

размерами 1,6 × 0,85 м, глубиной до 0,6 м от уровня материковой поверхности, ориентированной по линии ССВ – ЮЮЗ (рис. 1). Северо-восточная часть могильной ямы глубже юго-западной на 0,15 м. Погребенный мужчина 30–35 лет, судя по положению костей, был захоронен в могильной яме сидя с вытянутыми ногами. В результате разложения мягких тканей верхняя часть скелета «осела» таким образом, что череп оказался на левой тазовой кости, наклоненный лицевым отделом ко дну могильной ямы. У северо-северо-восточной стенки могильной ямы располагались позвонки в сочленении в вертикальном положении, а также ребра, лопатки и грудина. Правая плечевая кость локализовалась на правом крыле таза перпендикулярно положению скелета. Рука была согнута в локте так, что локтевая и лучевая кости дистальными эпифизами находились на верхней части правой бедренной кости. Левая плечевая кость сохранилась в вертикальном положении слева от черепа. Левая локтевая и лучевая кости расположены рядом с тазовой костью параллельно положению скелета. Кости ног вытянуты параллельно друг другу. Под бедренными костями зафиксированы остатки бересты, которой, вероятно, было устлано дно могилы. Фаланги кистей и стоп практически отсутствовали, что связано с деятельностью норных животных, а также, возможно, с негативным воздействием берестяной подстилки на кости погребенного.

Погребальный инвентарь представлен костяными и бронзовыми изделиями (рис. 2, *1–10*). В верхней части заполнения могильной ямы обнаружено роговое колечко (рис. 2, *3*). Следует отметить, что аналогичные изделия в количестве 23 экз. обнаружены в соседней мог. № 59, культурная и хронологическая атрибуция которой пока остается под вопросом. Похожие роговые колечки известны из кротовских могил памятников Сопка-2/4Б, В [Молодин, Гришин, 2016, рис. 455, *2*] и Ордынское-1 [Молодин, Дураков, 2013, рис. 9, *2*].

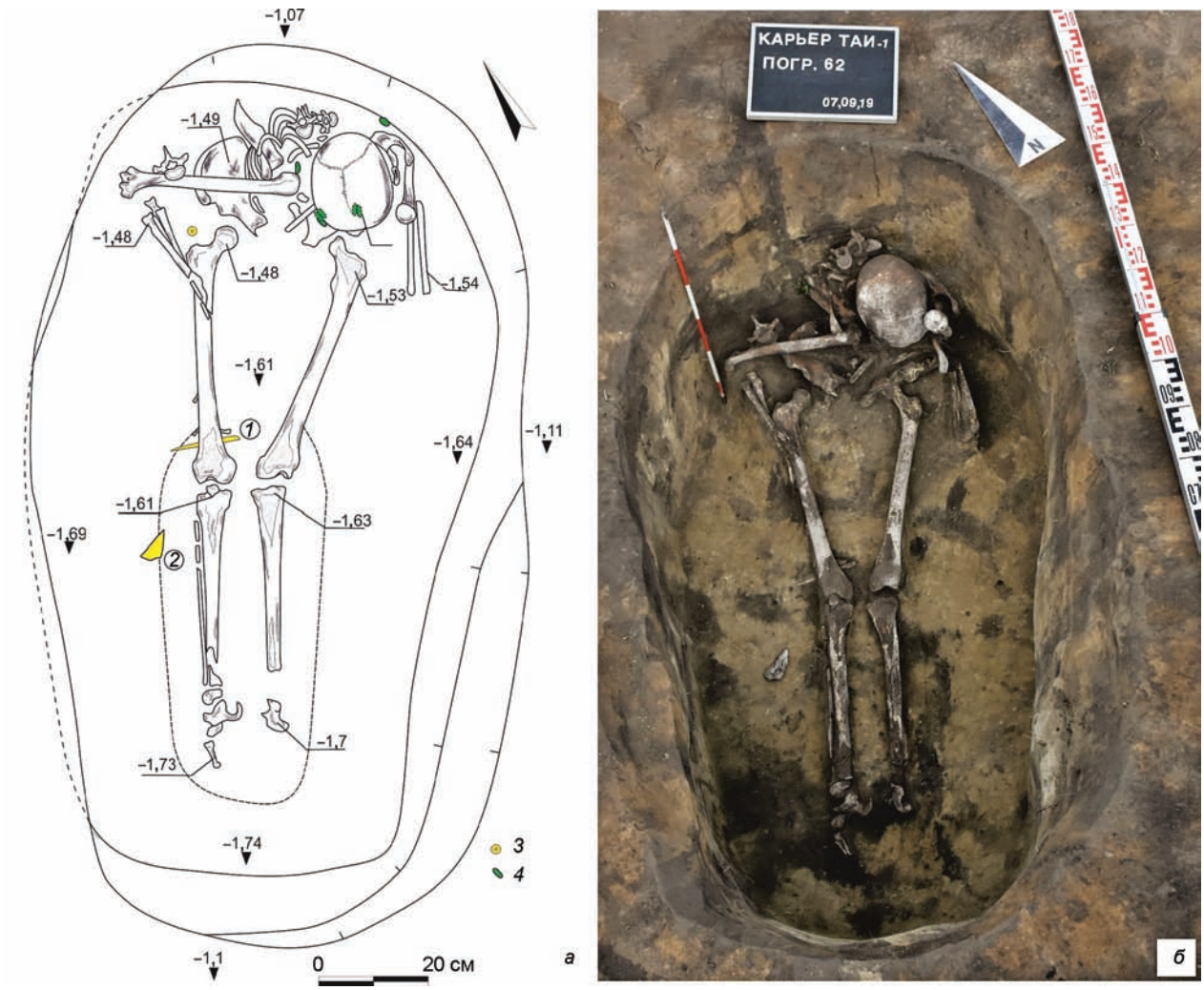

Рис. 1. План (*а*) и вид (*б*) погр. № 62 (одиновская культура).
1, 2 – костяное орудие; *3* – роговое колечко; *4* – бронзовые пронизки.

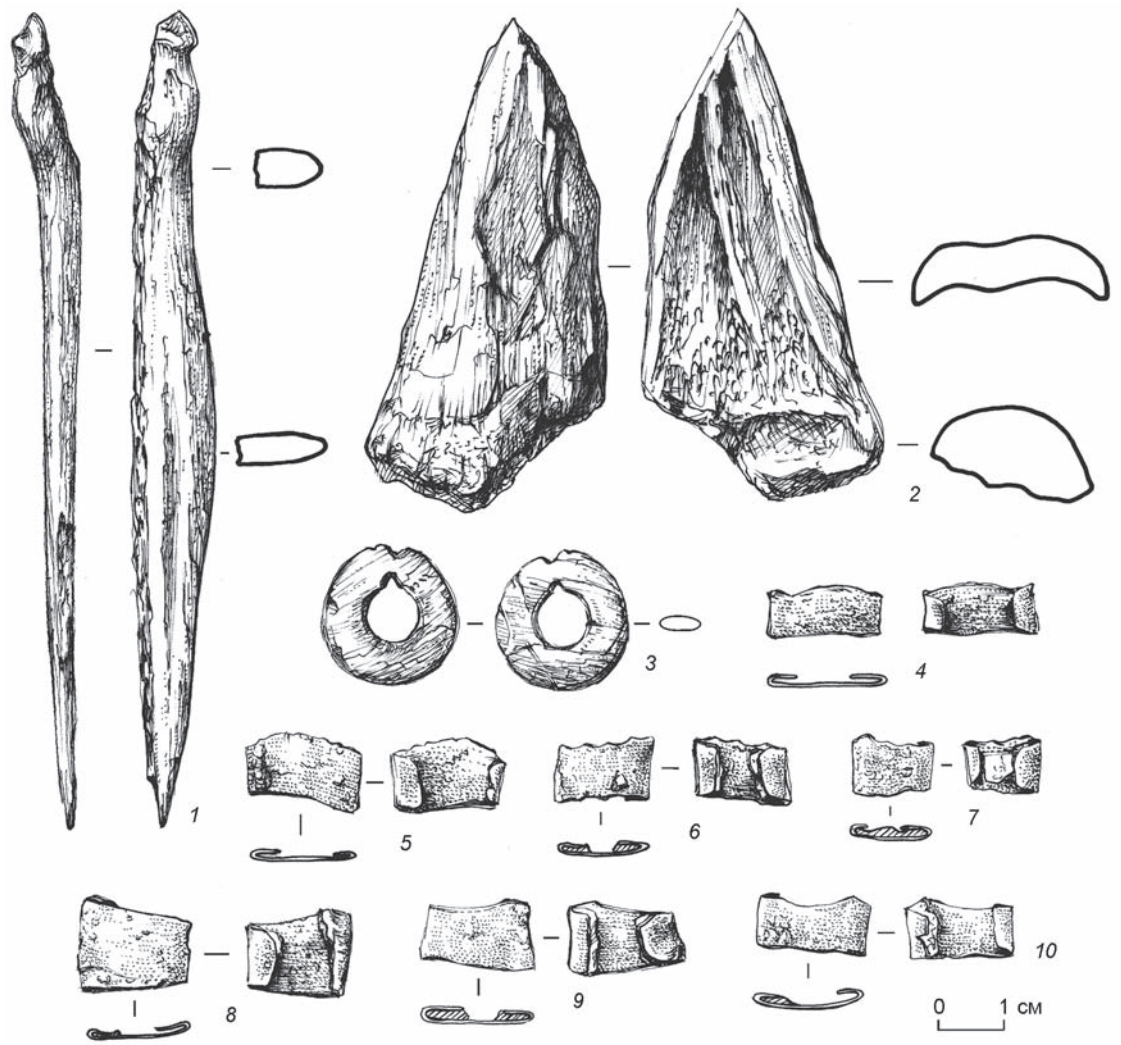

Рис. 2. Инвентарь из погр. № 62.
1, 2 – костяные орудия; *3* – роговое колечко; *4–10* – бронзовые пронизки.

Под дистальной частью правой бедренной кости обнаружена костяная проколка из грифельной кости животного, смещенная норой (рис. 2, *1*). Вероятно, первоначально она располагалась рядом с правой кистью погребенного. У проксимальной части берцовой кости обнаружено еще одно костяное орудие (рис. 2, *2*). Проколки – один из самых распространенных типов погребального инвентаря одиновской культуры; в целом они имеют широкий территориальный и хронологический диапазон бытования [Молодин, 2012, с. 134–135]. В районе черепа зафиксировано семь бронзовых пронизок, представляющих собой остатки головного убора или украшение волос. Они изготовлены из тонкой бронзовой фольги, разрезанной на небольшие подпрямоугольные фрагменты, загнутые с двух сторон, но не сомкнутые (рис. 2, *4–10*). Внутри сохранились фрагменты органики. Любопытно, что две пронизки были обнаружены под верхней челюстью у костного нёба. При этом окислы от них зафиксированы на левой височной кости. Вероятно, их смещение произошло в процессе разложения мягких тканей и связок. Две подобные бронзовые пронизки были обнаружены в мужском погр. № 176 могильника Сопка-2/4А. Они располагались также в районе верхней части скелета (у правой височной кости черепа и в районе грудной клетки) [Молодин, 2012, с. 35, 157].

Согласно выборке «сидячих» погребений, проанализированных М.Д. Хлобыстиной, это довольно редкий феномен в культурах эпохи неолита и бронзы Северной Евразии [Хлобыстина, 1991]. Исследователь связывала появление такого способа захоронения с развитием процессов ранней социальной дифференциации, а именно, с высоким прижизненным статусом погребенного, отраженным в атипичном посмертном ритуале [Там же, с. 36].

В случае с описанным выше погребением и погребальной практикой одиновской культуры в целом такая интерпретация представляется нам недо-

статочно аргументированной. Очевидно, мы имеем дело с трансформацией классического погребального обряда одиновской культуры с приподнятой головой или верхней частью туловища [Молодин, 2012, с. 175]. Между тем, следует отметить, что «сидячих» погребений на памятнике Усть-Тартас-2 всего два из сорока четырех исследованных комплексов. При этом положение погребенных абсолютно идентично, также их сближает наличие укороченной могильной ямы по сравнению с классическими одиновскими могилами.

Три захоронения отнесены к кротовской археологической культуре. Они продолжают ряд, зафиксированный в 2018 г. [Молодин и др., 2018а, с. 304]. При этом наблюдается достаточно большое расстояние между могилами (от 3 до 15 м). Следует отметить, что кротовские и одиновские ряды могильных ям не нарушают друг друга. Все обнаруженные захоронения – детские. Таким образом, выдвинутая ранее гипотеза о наличии изолированного детского кладбища кротовской культуры находит свое подтверждение. В погр. № 55 и 60 в вытянутых неглубоких подпрямоугольных ямах захоронены подростки. Погребальный инвентарь представлен каменными отщепами и пластинами, а также несколькими фрагментами керамики, возможно, попавшими в заполнение могильной ямы в результате засыпки. В погр. № 58 захоронен новорожденный (рис. 3). Могильная яма нарушала два более ранних объекта, поэтому ее размеры реконструируются условно (0,76 × 0,45 м). Младенец был уложен вытянуто на спине, головой на ССВ. Справа и слева у височных костей черепа расположено по паре металлических серег (рис. 3, *2–5*). Это замкнутые и разомкнутые кольца, выполненные из свинца (?) или оловянистой бронзы, на что указывают характерный светло-серый цвет изделий и их вес. Аналогии им встречаются в эпохально близких памятниках, например, в окуневской и елунинской культурах [Gass, 2011; Кирюшин, Грушин, Тишкин, 2010], а также в кротовских захоронениях [Молодин, Дураков, 2013].

Недалеко от погребения обнаружен развал археологически целого керамического сосуда (рис. 4). Он относится к горшкам с выраженной шейкой (группа 2, тип 3, по: [Молодин, Гришин, 2016, с. 223]). Диаметр изделия по венчику составляет 7,8 см, диаметр по тулову – 8,7 см, высота – 7,6 см. На внутренней и внешней поверхности сосуда фиксируются характерные расчесы, выполненные зубчатым орудием. Тулово покрыто шестью волнообразными рядами оттисков отступающего гребенчатого штампа. Срез венчика также украшен косыми оттисками гребенки. Традиция помещения рядом с могилой перевернутых сосудов подробно рассмотрена авторами в работе, посвященной характеристике данного могильника [Молодин и др., 2018а].

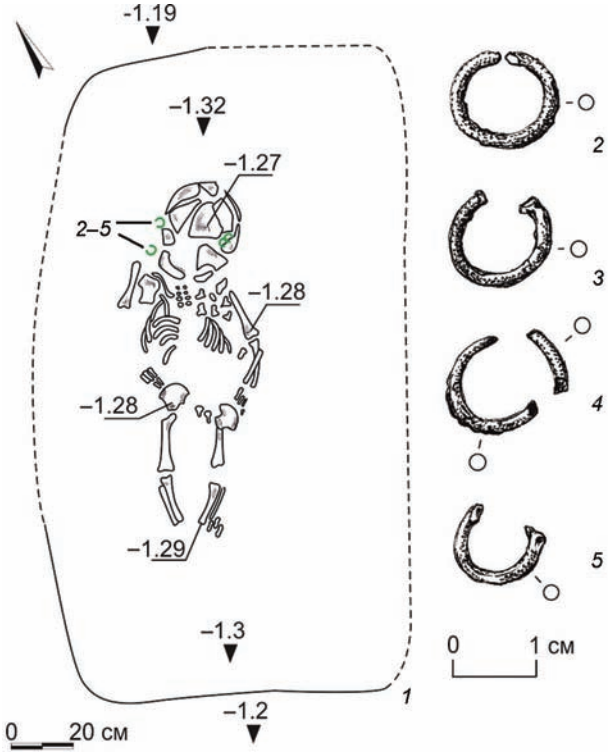

Рис. 3. План погр. № 58 (кротовская культура).
1 – план; *2–5* – металлические серьги.

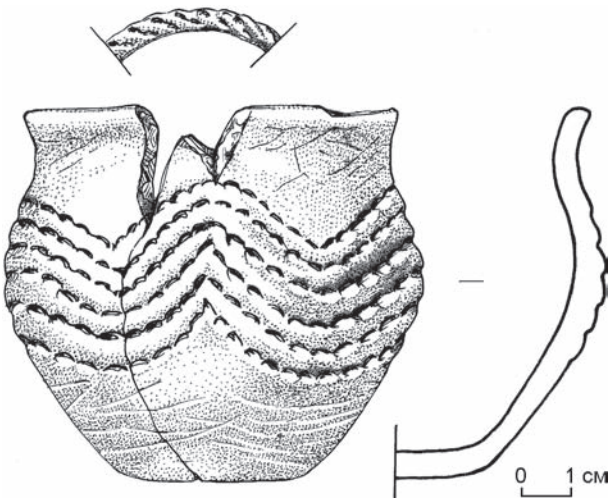

Рис. 4. Керамический сосуд (кротовская культура).

Еще одно многоярусное захоронение, содержащее пять погребенных, на сегодняшний день не подлежит надежной культурной идентификации. Однако стратиграфическая позиция комплекса, а также находка бронзового шильца в деревянной рукояти позволяет отнести его к эпохе ранней бронзы. Тщательный анализ материалов погребения, а также получение радиоуглеродных дат позволят в дальнейшем диагностировать данный объект.

Заключение

Работы 2019 г. на памятнике Усть-Тартас-2 подтвердили культурное и хронологическое разнообразие составляющих его комплексов. К погребениям эпохи неолита, усть-тартасской, одиновской и кротовской культур добавились комплексы эпохи бронзы, хронологическую и культурную позицию которых еще предстоит установить на основе результатов изучения методами естественных наук. Перспективы исследования объектов на памятнике определяют выявление новых черт погребальной обрядности у носителей традиций культур эпохи бронзы Обь-Иртышской лесостепи, а также установление характера их взаимодействия или последовательного освоения площади, на которой сконцентрированы многочисленные различные в хронологическом и функциональном отношении объекты.

Благодарности

Работа выполнена по проекту НИР № 0329-2019-0003.

Список литературы

Гришин А.Е. Преднамеренно нарушенные погребальные комплексы одиновского некрополя Сопка-2/4а (бронзовый век Обь-Иртышского междуречья) // Древние некрополи и поселения: постпогребальные ритуалы, символические захоронения и ограбления. – 2016. – С. 72–83. – (Тр. ИИМК РАН; т. 46).

Кирюшин Ю.Ф., Грушин С.П., Тишкин А.А. Елунинская культура бронзового века в Обь-Иртышском междуречье // На пути открытия цивилизации: сб. ст. к 80-летию В.И. Сарианиди. – СПб.: Алетейя, 2010. – С. 552–565. – (Тр. Маргианской археологической экспедиции).

Молодин В.И. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – Т. 3: культурно-хронологический анализ погребальных комплексов одиновской культуры. – 220 с.

Молодин В.И. Каменные «луновидные» подвески в непотревоженных погребальных комплексах кротовской культуры (Западная Сибирь) // Monumentum Gregorianum: сб. науч. ст. памяти академика Г.М. Бонгард-Левина. – М.: Граница, 2013. – С. 135–153.

Молодин В.И., Гришин А.Е. Памятник Сопка-2 на реке Оми. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. 4: Культурно-хронологический анализ погребальных комплексов кротовской культуры. – 452 с.

Молодин В.И., Дураков И.А. Погребения эпохи раннего металла могильника Ордынское-1 (новая версия историко-культурной интерпретации) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 4. – С. 84–101.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С. Памятники Усть-Тартас-1, -2 в Барабинской лесостепи: культурно-хронологическая интерпретация и перспективы исследования // Полевые исследования в Верхнем Приобье, Прииртышье и на Алтае (археология, этнография, устная история и музееведение). 2018 г.: Вып. 14: мат-лы XIV междунар. науч.-практ. конф. Барнаул, 22–23 мая 2019 г. – Барнаул: Алт. гос. пед. ун-т, 2019. – С. 88–96.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С. Новый могильник кротовской культуры в Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018а. – Т. XXIV. – С. 304–309.

Молодин В.И., Парцингер Г., Кобелева Л.С., Гасс А., Фассбиндер Й. Исследования межкурганного пространства могильников саргатской культуры Центральной Барабы с применением магнитометрии // Тр. V (XXI) Всерос. археол. съезда в Барнауле – Белокурихе: сб. науч. ст.: в 3 т. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. – Т. III. – С. 44–48.

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Райнхольд С., Дураков И.А., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Ефремова Н.С., Ненахова Ю.Н., Селин Д.В., Демахина М.С. Основные итоги полевых исследований Западносибирского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Барабинской лесостепи (полевой сезон 2018 г.) // Проблемы археологии, антропологии, этнографии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 2018б. – Т. XXIV. – С. 310–314.

Хлобыстина М.Д. «Сидячие» погребения культур Северной Евразии эпохи неолита и бронзы // КСИА. – 1991. – № 203. – С. 32–38.

Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker Becken. – Bonn: Dr. R. Habelt, 2011. – 202 S., 177 Taf. – (Aus dem Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 199).

References

Gass A. Frühbronzezeit am mittleren Enisej. Gräberfelder der frühbronzezeitlichen Okunev-Kultur im Minusinsker. Bonn: Dr. R. Habelt, 2011, 202 S., 177 Taf. (Aus dem Institut für Prähistorische Archäologie der Freien Universität Berlin, Universitätsforschungen zur prähistorischen Archäologie, Bd. 199).

Grishin A.E. Intentionally disturbed burial assemblages at the Odino culture necropolis of Sopka-2/4A (Bronze Age of the Ob'-Irtysh interfluves). In *Drevnie nekropoli i poseleniya: postpogrebal'nye ritualy, simvolicheskie zakhoroneniya i ogrableniya*, 2016, pp. 72–83 (*Trudy Instituta istorii materialnoy kultury RAS*; vol. 46) (in Russ.).

Khlobystina M.D. "Sidyachie" pogrebeniya kul'tur Severnoi Evrazii epokhi neolita i bronzy. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 1991, No. 203, pp. 32–38 (in Russ.).

Kiryushin Yu.F., Grushin S.P., Tishkin A.A. Eluninskaya kul'tura bronzovogo veka v Ob'-Irtyshskom mezhdurech'e. In *Na puti otkrytiya tsivilizatsii: sbornik statei k 80-letiyu V.I. Sarianidi*. St.-Petersburg: Aleteiya, 2010, pp. 552–565 (in Russ.) (Trudy Margianskoi arkheologicheskoi ekspeditsii).

Molodin V.I. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, vol. 3: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov odinovskoi kul'tury, 220 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Kamennye "lunovidnye" podveski v nepotrevozhennykh pogrebal'nykh kompleksakh krotovskoi kul'tury (Zapadnaya Sibir'). In *Monumentum Gregorianum: sbornik nauchnykh statei pamyati akademika G.M. Bongard-Levina*. Moscow: Granitsa, 2013, pp. 135–153 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A. Early and middle Bronze Age burials at Ordynskoye-1, Western Siberia: A new cultural interpretation. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 4, pp. 84–101 (in Russ.).

Molodin V.I., Grishin A.E. Pamyatnik Sopka-2 na reke Omi. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 4: Kul'turno-khronologicheskii analiz pogrebal'nykh kompleksov krotovskoi kul'tury, 452 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Reinhold S., Durakov I.A., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Efremova N.S., Nenakhova Yu.N., Selin D.V., Demakhina M.S. Main Results of the West-Siberian Team of Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS Field Research in Baraba Forest-Steppe in 2018. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 310–314. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.310-314 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S. Sites Ust-Tartas-1, -2 (Baraba forest-steppe): cultural and chronological interpretation and research prospects. In *Polevye issledovaniya v Verkhnem Priob'e, Priirtysh'e i na Altae (arkheologiya, etnografiya, ustnaya istoriya i muzeevedenie), iss. 14, materialy XIV mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Barnaul, 22–23 May 2019*. Barnaul: Altai State Ped. Univ. Press, 2019, pp. 88–96 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Reinhold S. New Burial Ground of the Krotovo Culture in Baraba Forest-Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018a, vol. XXIV, pp. 304–309. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.304-309 (in Russ.).

Molodin V.I., Parzinger G., Kobeleva L.S., Gass A., Fassbinder J. Issledovaniya mezhkurgannogo prostranstva mogil'nikov sargatskoi kul'tury Tsentral'noi Baraby s primeneniem magnitometrii. In *Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda v Barnaule – Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, vol. III, pp. 44–48 (in Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.478-488
УДК 902/903

В.И. Молодин[1], С. Хансен[2], Л.Н. Мыльникова[1], Л.С. Кобелева[1], М.С. Нестерова[1], Д.А. Ненахов[1], И.А. Дураков[3], А.А. Идимешев[4], Г.И. Галямина[5], Л.В. Назарова[5]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Германский археологический институт
Берлин, Германия
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
[4]Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
[5]Дом детского творчества «Центральный»
Новосибирск, Россия
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Хозяйственно-производственные участки кротовской культуры на памятнике Усть-Тартас-2

Памятник Усть-Тартас-2 (поселение Карьер-Таи-1) имеет уникальную особенность – кроме могильников эпохи неолита – развитой бронзы на нем выявлен комплекс производственных объектов кротовской культуры. Цель работы – ввести в научный оборот хозяйственно-производственные участки, расположенные вне жилищных структур. Хозяйственно-производственный участок 1 включал в себя очаг, хозяйственное строение и серию ям (№ 26, 31, 44–50, 63, 64, 79, 80, 83–84). Оба первых объекта служили для обогрева, приготовления пищи и использовались в бронзолитейном производстве. На хозяйственно-производственном участке 2 очаг был окружен тремя ямами. Заполнение очага и находки в нем различных предметов дали основание считать объект теплотехническим устройством бытового характера. Преобладание в сопровождающих хозяйственных ямах останков рыбы характеризует очаг также как устройство для ее тепловой переработки. Хозяйственно-производственный участок 3 представлен площадкой-мастерской бытового характера. Выявленные изделия из глины могут быть результатом опытов древних мастеров-гончаров по исследованию сырья для производства сосудов. Хозяйственно-производственный участок 4 составлен теплотехническим устройством с обмазанными глиной стенками и устланным «кирпичиками» дном, и ямой. Последняя служила местом складирования отходов, получаемых при очистке теплотехнического устройства. Объект подобной технической конструкции зафиксирован для кротовской культуры впервые. Хозяйственно-производственный участок 5 представлен очагом и сопровождающими его тремя ямами. Установлено длительное его использование преимущественно для приготовления пищи. Ямы служили местом складирования отходов. Выделение и анализ хозяйственно-бытовых участков на памятнике представляет новую информацию для изучения способов организации жизнедеятельности населения кротовской культуры.

Ключевые слова: *кротовская культура, хозяйственно-производственные участки.*

Vyacheslav I. Molodin[1], Svend Hansen[2], Liudmila N. Mylnikova[1], Liliya S. Kobeleva[1], Marina S. Nesterova[1], Dmitrii A. Nenakhov[1], Igor A. Durakov[3], Asap A. Idimeshev[4], Galina I. Galyamina[5], Larisa V. Nazarova[5]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]German Archaeological Institute,
Berlin, Germany

[3]Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
[4]National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia
[5]"Central" House of Children's Creativity,
Novosibirsk, Russia
E-mail: Molodin@archaeology.nsc.ru

Economic and Production Areas of the Krotovo Culture at the Ust-Tartas-2 Site

The site of Ust-Tartas-2 (the settlement of Karier-Tai-1) has a unique feature, – it contains a set of production areas of the Krotovo culture in addition to burial grounds of the Neolithic–Advanced Bronze Age. This study describes economic and production areas located outside of dwelling structures. Economic-production area 1 included a hearth, dwelling structure, and series of pits (No. 26, 31, 44–50, 63, 64, 79, 80, and 83–84). Hearth and dwelling were used for warming, cooking, and casting bronze. Hearth in economic-production area 2 was surrounded by three pits. Filling of the hearth and finds of various objects in it suggested that it was a heat generating device for household needs. The predominance of fish remains in household pits accompanying the hearth indicates that it was also used for fish processing. Economic-production area 3 was a workshop. Clay objects which have been found could result from experiments by ancient potters in testing raw materials for production of vessels. Economic-production area 4 consisted of a heat generating device with clay coated walls and bottom, and pit lined with "bricks" which served as a place for storing waste from cleaning the heat generating device. The object of such technical design has been found for the first time in the Krotovo culture. Economic-production area 5 was represented by a hearth and three accompanying pits. Its long-term use mainly for cooking has been established. The pits served as a place for storing waste. Identification and analysis of the areas used for household needs at the site provides new information for studying the methods of organizing life support among the Krotovo population.

Keywords: *Krotovo culture, economic-production area.*

Введение

В полевой сезон 2019 г. были продолжены археологические изыскания на памятнике Усть-Тартас-2 (поселение Карьер-Таи-1). Еще в начале работ, в 2017–2018 гг. была отмечена уникальная особенность памятника – кроме могильников эпохи неолита, усть-тартасской, одиновской и кротовской культур здесь выявлен значительный комплекс производственных объектов кротовской культуры. Они были представлены чаще всего теплотехническим устройством, вокруг которого располагались одиночные или организованные в систему ямы. Цель данной работы – ввести в научный оборот хозяйственно-производственные участки, расположенные вне жилищных структур, которые датируются временем существования кротовской культуры (рис. 1).

Исследование подобных объектов – тема не новая [Бобров, 1995; Коробкова, 2004; Костомарова, 2017; Кулькова, Полковникова, Мазуркевич, 2012; Марочкин, Юракова, Плац, 2018; Меркулов, 2016; Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2017; Молодин и др., 2018; Нестерова, 2015; Овчаренко, Мыльникова, Дураков, 2005]. Однако основное внимание авторы уделяли изучению организации жилого и хозяйственного пространства внутри жилищных комплексов. Это объясняется малым количеством памятников, раскопанных сплошными площадями, где преднамеренно исследовалось и межжилищное пространство.

Под хозяйственно-производственным участком понимается часть культурного горизонта определенной площади [Разгильдеева, 2018], ограниченной входящими в нее структурными элементами и находками специфической функциональной направленности.

Материалы и их характеристика

Хозяйственно-производственный участок 1 включал в себя очаг (яма № 56), каркасно-столбовое строение (яма № 69) и серию ям (№ 26, 31, 44–50, 63, 64, 79, 80, 83, 84) (рис. 2). Объекты располагались цепочкой, полукругом и содержали различные артефакты.

Очаг (яма № 56) как главная структурная единица участка имел сложное заполнение. После выборки заполнения яма имела аморфную форму. Западная стенка – наклонная, имеет ступеньку, восточная – неровная, пологая, образует нишу (рис. 2, *6*). Дно неровное с понижением к юго-восточному углу. Размеры ямы по верхнему краю составили 1,65 × 1,15 м. Глубина варьирует от 0,26 до 0,38 м.

В центральной части ямы, на уровне дна, обнаружено скопление костей рыбы. В юго-восточной части найден неорнаментированный фрагмент стенки керамического сосуда и кость животного.

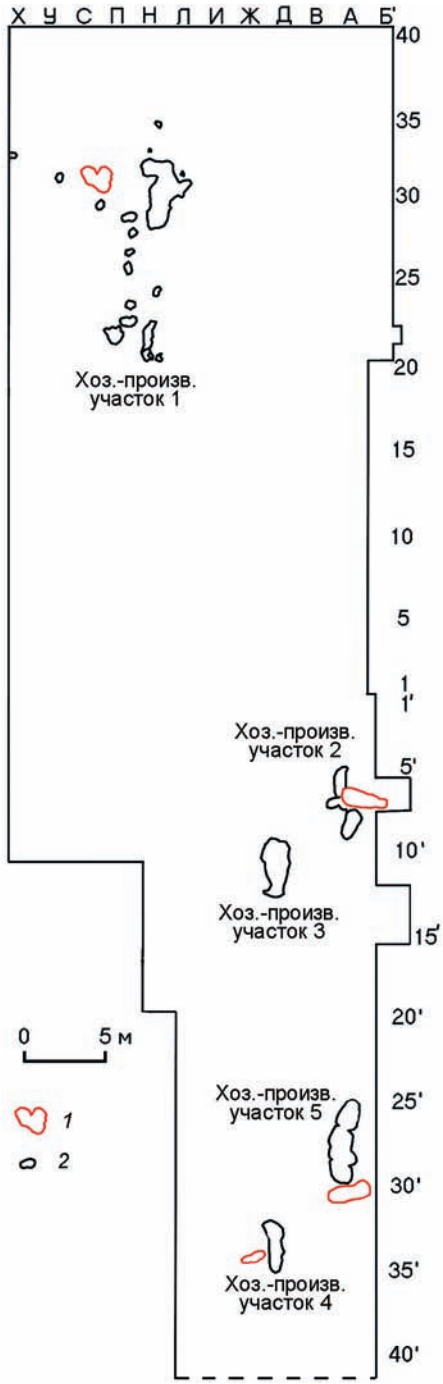

Рис. 1. План-схема размещения хозяйственно-производственных участков на площади раскопа.

1 – теплотехнические устройства; *2* – ямы.

В непосредственной близости от очага располагалось строение каркасно-столбового типа (яма № 69). Заполнение его было неоднородным, включало участки прокаленной почвы, золы, сажистые линзы (рис. 2, *10*). После выборки заполнения яма имела вытянутую, аморфную форму, неровные наклонные стенки, неровное дно, с углублением подовальной формы в центральной части. Размеры ямы составили 4,14 × 1,2 м, глубина варьирует от 0,16 до 0,4 м. В заполнении найдены многочисленные кости животных, в т.ч. обожженные. Самое большое скопление остеологического материала обнаружено в наиболее глубокой части ямы. Определимы лопатка, длинные кости конечностей и нижняя челюсть травоядного животного. Кроме того, в яме обнаружены многочисленные мелкие кости рыбы очень плохой сохранности. Найдены также изделия из камня: 6 отщепов, 2 микроотщепа, 1 каменный скол, 1 каменный скребок, 3 ножевидные пластины, 1 микропластина. В заполнении ямы содержались фрагменты обожженной глины и фрагменты изделий из глины. Среди них – фрагмент технической керамики (обломок литейной формы?). Зафиксированы восемь фрагментов стенок от разных керамических сосудов. На одном из них сохранились вдавления гребенчатого штампа, на другом – мелкие ямочные вдавления округлого в сечении инструмента.

Очаг и строение сопровождали 16 ям (см. рис. 1, 2; табл. 1).

Анализ объектов показывает, что яма № 69 является сложным хозяйственным строением, связанным с очагом. Возможно, первоначально это тоже была очажная яма, о чем свидетельствует ее заполнение в нижней части. Поскольку место было сезонным и эксплуатировалось многократно, очаг был перенесен к СВ, а на освободившейся площади было возведено строение-хранилище. Оба объекта, очевидно, служили не только для обогрева и приготовления пищи, но и использовались в бронзолитейном производстве. Об этом свидетельствуют находки обломка технической керамики (литейной формы?) из строения и бронзовый сплеск из ямы № 45. Хозяйственное назначение большинства остальных объектов (см. рис. 2) подтверждается находками фрагментов керамики, изделий из камня, костей животных и рыбы.

Хозяйственно-производственный участок 2 представлен очагом и ямами № 51, 73, 82 (рис. 3).

Заполнение очага насыщено сажистой и прокаленной почвой различных цветов и линзами супеси (рис. 3, *б*). При выборке заполнения, которое осуществлялось тремя горизонтами, были обнаружены находки, список которых представлен в табл. 2.

Очажная яма имела подпрямоугольную форму, расширяющуюся к С, с округлыми углами. Размеры: 2,78 × 1,01–0,55 м, глубина 0,18–0,35 м. Ориентирована по линии СВ – ЮЗ. Стенки ямы наклонные, дно – ровное, с углублением в северной части. Очевидно, стенки очага были обмазаны глиной.

Яма № 82 выявлена в 0,25 м к З от очага 1 (рис. 3), имела овальную форму, с расширением в юго-восточной части. Стенки ямы наклонены внутрь, дно наклонено к центру. Размеры ямы 1,72 × 0,76–0,98 м, глубина 0,15–0,16 м. Ориенти-

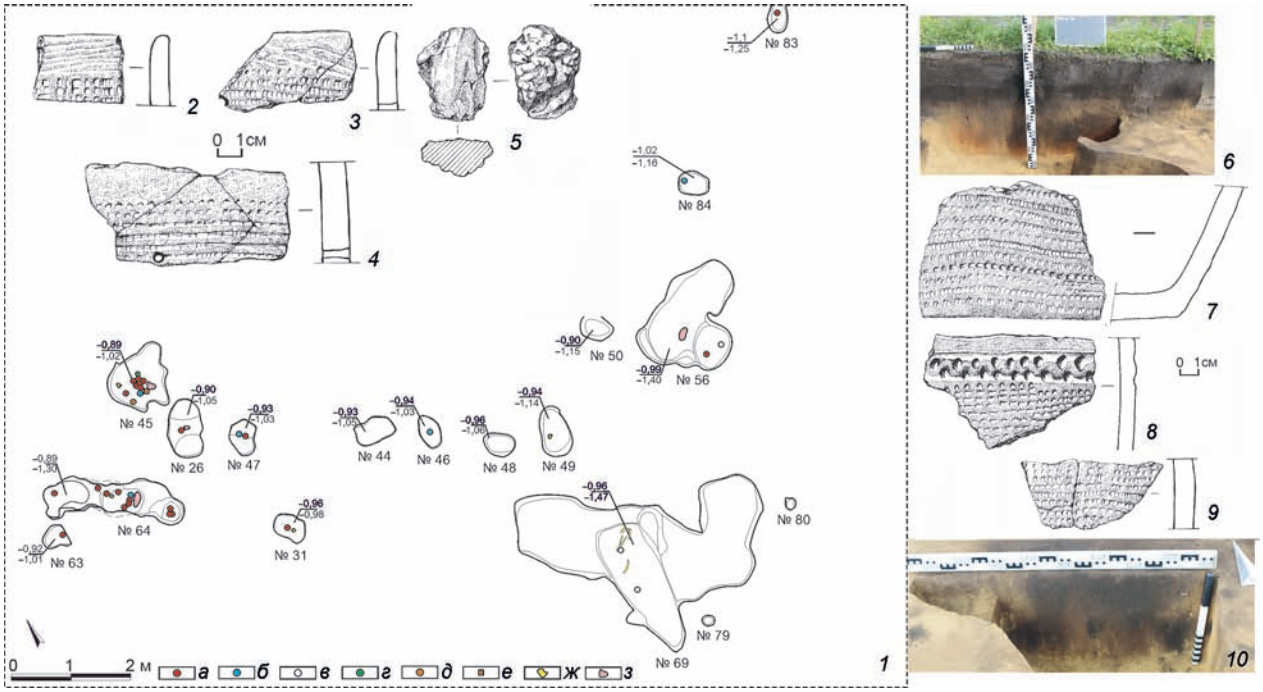

Рис. 2. Хозяйственно-производственный участок 1.

1 – план: *а* – фрагмент керамики; *б* – камень; *в* – конкреция; *г* – фрагмент бронзы; *д* – обожженная глина; *е* – фрагмент литейной формы; *ж* – кость животного; *з* – область распространения костей рыбы; *2–4, 9* – фрагменты керамики из ямы № 64; *5* – фрагмент технической керамики из ямы № 69; *6* – профиль очага (яма № 56); *7, 8* – фрагменты керамики из ямы № 45; *10* – профиль ямы № 69.

Таблица 1. **Характеристика ям хозяйственно-производственного участка 1**

№ ямы	Размеры, м	Форма	Форма стен	Форма дна	Находки
1	2	3	4	5	6
26	0,98 × 0,56 × × 0,14–0,18	овальная	наклонные	наклонено к С	фрагмент стенки сосуда, кости рыбы
31	0,57 × 0,56 × × 0,04–0,07	округлая	»	неровное	два фрагмента керамики, обломок кости животного
44	0,67 × 0,42 × × 0,09–0,11	подпрямоугольная	»	наклонное	–
45	1,18 × 1,09 × × 0,12–0,16	аморфная	–	–	скопление фрагментов от одного сосуда, бронзовый сплеск, кости рыбы, кости животного, куски обожженной глины, конкреция
46	0,6 × 0,35 × × 0,07–0,09	овальная	отвесные	ровное	конкреция
47	0,61 × 0,42 × × 0,14–0,18	»	наклонные	»	каменное лощило (?), мелкий фрагмент керамики
48	0,55 × 0,38 × × 0,07–0,1	»	»	»	–
49	0,88 × 0,38 × × 0,14–0,2	»	»	»	фрагмент дна и стенки сосуда, обломок эпифиза животного
50	0,59 × 0,43 × × 0,15–0,16	»	»	»	–
63	0,48 × 0,45 × × 0,05–0,1	аморфная	»	неровное, понижается к ЮЗ	фрагмент керамики
64	2,38 ×0,64 × × 0,11–0,32	вытянутая, аморфная	наклонные, с В – с отрицательным уклоном	неровное, понижается к центру	кости животных, жженые кости, кости рыбы, изделие из камня, конкреция, 14 фрагментов керамики
78	0,41 × 0,23 × × 0,3	овальная	наклонные	ровное	–

Окончание табл. 1

1	2	3	4	5	6
79	0,21 × 0,19 × × 0,08	»	»	чашевидное	–
80	0,18 × 0,19 × × 0,28	округлая	»	–	фрагмент керамики
83	0,45 × 0,34 × × 0,08–0,13	овальная	»	ровное	фрагмент керамики
84	0,5 × 0,38 × × 0,1–0,16	»	»	понижается к центру	конкреция

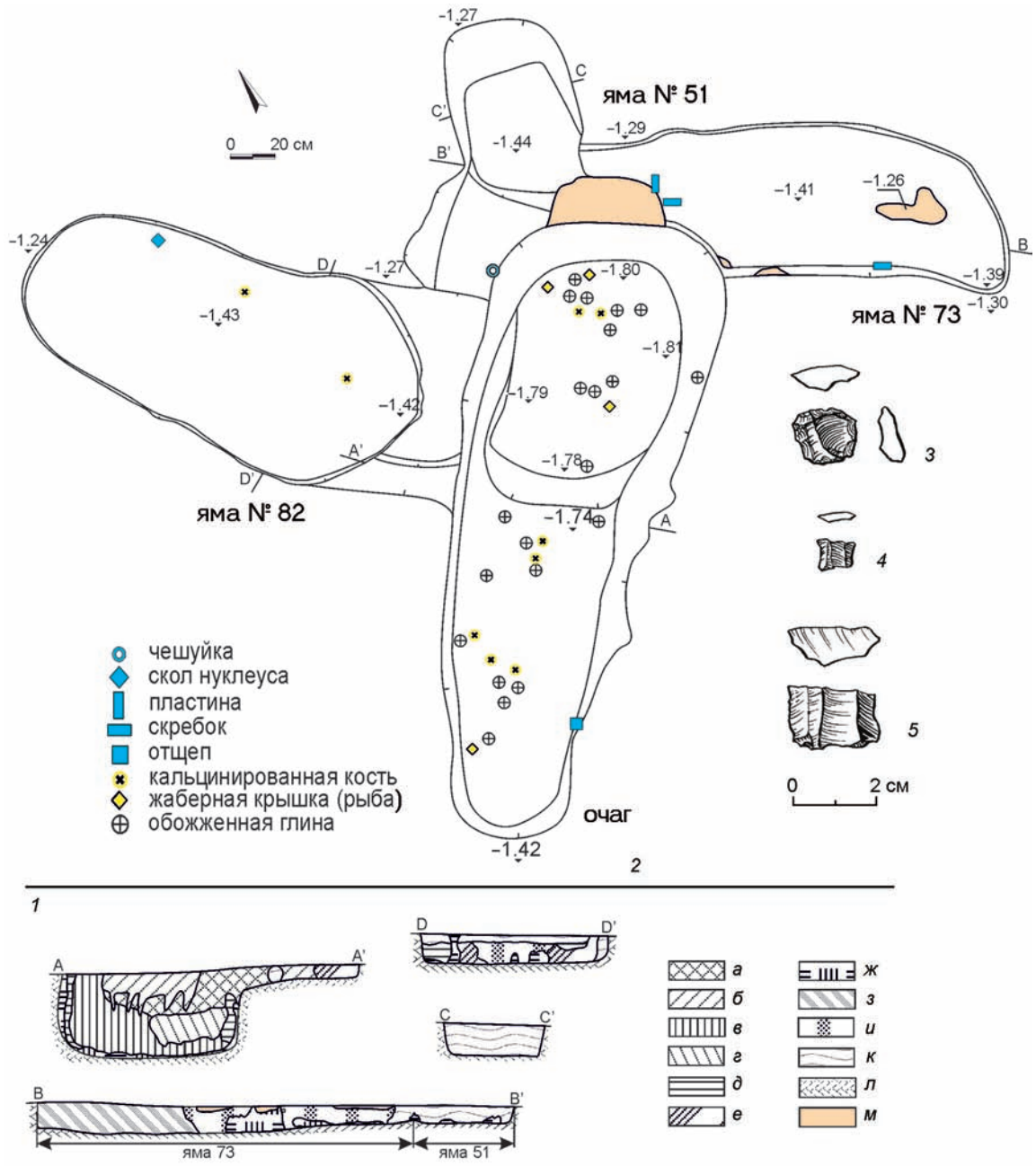

Рис. 3. Хозяйственно-производственный участок 2.

1 – стратиграфические разрезы; *2* – план; *3* – скребок из ямы № 73; *4* – пластина из ямы № 73; *5* – скол нуклеуса из ямы № 82. *а* – коричневая прокаленная супесь; *б* – насыщенно-черная сажистая почва; *в* – мешаная оранжево-коричневая прокаленная супесь; *г* – мешаная красно-коричневая прокаленная супесь; *д* – красно-оранжевая прокаленная супесь; *е* – мешаная серо-желтая супесь; *ж* – мешаная желто-серая супесь; *з* – мешаная коричнево-желтая супесь; *и* – темно-серая супесь; *к* – серая супесь; *л* – плотный серо-желтый суглинок; *м* – скопление костей и чешуи рыбы.

Таблица 2. **Находки из заполнения очага (объект № 28)**

Находка	Горизонт выборки очага	Кол-во
Кости рыбы	1	–
»	1	–
»	1	–
»	1	–
»	1	–
Мелкие кальцинированные кости	1	16
Кость	1	1
»	1	2
Обожженная глина	1	30
»	1	5
»	1	3
»	1	24
»	1	10
»	1	5
»	2	3
Обожженная глина – обмазка	2	1
Обожженная глина	2	1
»	2	1
Кости рыбы (без позвонков)		72
Позвонки рыбы	2	164
Шарик, овальный, глина	2	1
Мелкие кальцинированные кости	2	269
Обожженная глина	2	1
»	2	18
Позвонки рыбы	3	43
Кости рыбы (без позвонков)	3	35
Мелкие кальцинированные кости	3	41
Обожженная глина	3	21

рована по линии СЗ – ЮВ. При выборке верхней части заполнения, в центре юго-восточного края, зафиксирован фрагмент кости животного.

Яма № 51 примыкала к очагу с северной стороны. Имела подпрямоугольную форму с округлыми углами. Ее размеры составляли 0,82 × 0,55 × × 0,11–0,14 м. Стенки ямы наклонные, северная – очень пологая, южная – соприкасается с пространством вокруг очага, имеет четкий нижний контур. Дно немного понижается к западу (до 0,03 м). Яма ориентирована по линии С – Ю. При выборке заполнения ямы найдено изделие из глины, кости животного и рыбы, неорнаментированный фрагмент керамики.

Яма № 73 находилась с северо-восточной стороны очага. Имела подпрямоугольную форму с выпуклым юго-восточным углом и неправильной юго-восточной стенкой. Размеры: 1,85 × 0,57–0,65 × × 0,07–0,1 м, ориентирована по линии ССЗ – ЮЮВ. Стенки – отвесные, дно неровное, понижается к западу до 0,06 м. В верхнем горизонте найдена каменная чешуйка, далее ниже выявлены фрагмент пластины, два скребка. В разных частях – зафиксированы рыбья чешуя, кости, жаберные крышки.

Заполнение очага в виде прокаленной почвы разного цвета, найденные в нем кости рыбы и жженые кости животных дали основание считать объект теплотехническим устройством бытового характера. Это подтверждают сопровождающие очаг хозяйственные ямы. Преобладание в них останков рыбы, возможно, характеризует очаг как устройство для тепловой переработки последней.

Хозяйственно-производственный участок 3 представлен ямой № 72 (рис. 4).

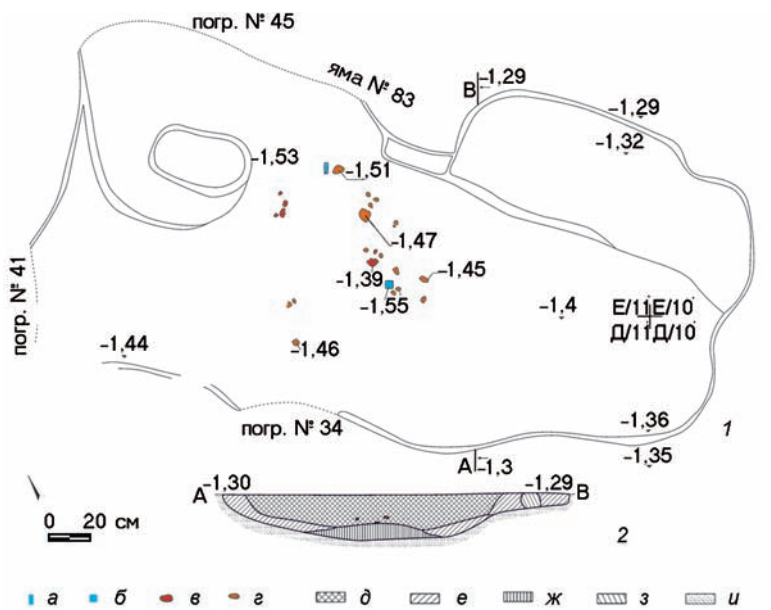

Рис. 4. Хозяйственно-производственный участок 3.

1 – план; *2* – стратиграфический разрез. *а* – пластина; *б* – отщеп; *в* – фрагмент керамики; *г* – кусочки обожженной глины; *д* – гумусированная темно-серая почва с включениями кусочков обожженной глины; *е* – гумусированная темно-серая почва, мешанная со светло-желтым суглинком со следами прокала; *ж* – гумусированная красно-бурая супесь; *з* – желтая супесь; *и* – плотный желто-серый суглинок.

Заполнение ямы состояло из основного слоя – почвы темно-серого цвета с включениями фрагментов обожженной глины и линз почвы разного цвета (рис. 4, *2*).

Яма имела форму неправильного многоугольника со скругленными углами и выпуклыми стенками. С ЮЗ, З и СВ яма накладывалась на более ранние объекты – погр. № 34, 41, яму № 83 (соответственно). Сохранившиеся стенки чуть наклонены, дно понижается к центру и западу. На нижележащей площади расположена яма № 72а подпрямоугольной формы с округлыми углами. Размеры 0,5 × × 0,27–0,31 м, глубина 0,21 м. Стенки наклонные, дно ровное. Ориентирована, как и основная яма, по линии СЗ – ЮВ. Находок не зафиксировано.

Размеры ямы № 72: 3,6 × 1,67–1,83 × 0,09 до 0,16 м.

Основные находки в яме группировались в центральной части. Зафиксированы проколка на отщепе, сколы, отщеп, ножевидная пластина. Более всего представлены изделия из глины, не имеющие определенной формы, фрагменты обожженной глины, а также пять мелких фрагментов керамики. Выявленные изделия из глины могут быть результатом опытов древних мастеров-гончаров, изучающих потенциальное сырье для производства сосу-

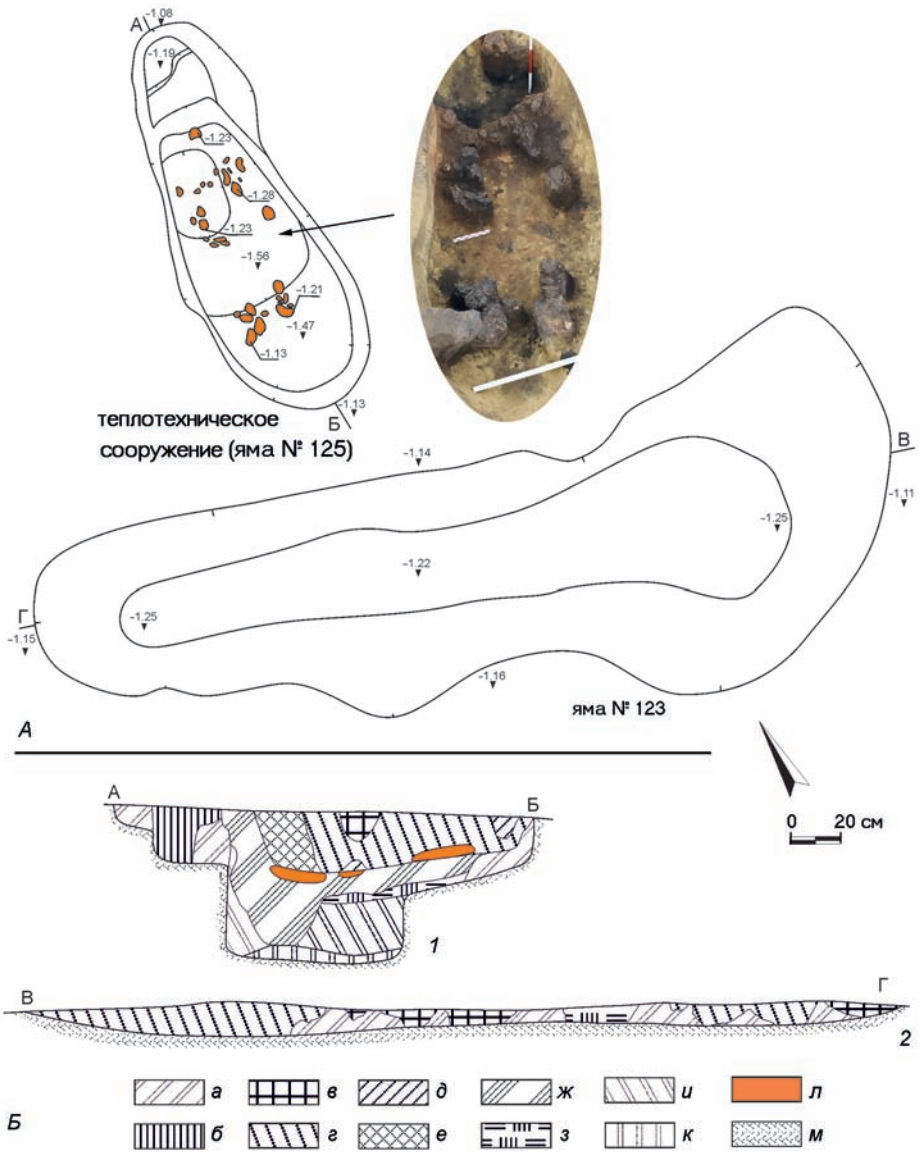

Рис. 5. Хозяйственно-производственный участок 4.

А – план и фото с южного участка теплотехнического сооружения; *Б* – разрезы по линиям А–Б (*1*) и В–Г (*2*).
а – желтая супесь с серыми включениями; *б* – светло-серая рыхлая супесь; *в* – мешаная серо-желтая супесь; *г* – плотная темно-серо-бурая супесь; *д* – темно-серая углистая супесь; *е* – серо-желто-бурая супесь; *ж* – буро-коричневая супесь со следами прокала; *з* – мешаная желто-оранжево-серая прокаленная супесь; *и* – плотная серая золистая почва; *к* – черная углистая почва; *л* – обожженная глина; *м* – плотный желто-серый суглинок.

дов. А сам объект является площадкой-мастерской бытового характера.

Хозяйственно-производственный участок 4 представлен теплотехническим сооружением (яма № 125) и ямой № 123 (рис. 5).

Теплотехническое сооружение (рис. 5, *А*) имело сложную конструкцию, для укрепления стенок которой использовалась глина. Яма вытянутой овальной формы размерами 1,65 × 0,45 м ориентирована по линии С – Ю с небольшим отклонением к СВ. Камера сгорания расположена в северной части объекта и углублена на 0,5 м от уровня материковой поверхности. Ее заполнение представлено буро-коричневой прокаленной супесью, в нижней части фиксируется линза серой золистой супеси, на дне залегает линза насыщенно-черной углистой почвы. В южной части глубина ямы достигает до 0,3 м от уровня материковой поверхности. Заполнение представлено темной серо-бурой супесью с включениями кальцинированных костей (рис. 5, *Б, 1*). По периметру этой части теплотехнического устройства фиксируются крупные фрагменты формованной обожженной глины, представляющие собой, вероятно, фрагменты обмазки со следами выгоревшей органики. Часть изделий сформована в виде овально-приплюснутых «кирпичиков» (рис. 5, *А, фото*).

Яма № 123 находилась в 0,3–0,4 м к Ю и ЮВ от теплотехнического устройства. Заполнение представлено золистой почвой серого цвета (рис. 5, *Б, 2*). В верхней части ямы, на уровне материка найден обломок скребка. При выборке заполнения выявлены скол и пластина. После выборки заполнения яма приобрела форму вытянутого овала неправильной формы с волнистыми стенками и расширяющейся восточной частью. Размеры ямы 3,14 × × 0,65–1,23 × 0,07–0,14 м. Назначение ямы № 123 определяется ее размерами, формой и заполнением. Совершенно очевидно, что она служила местом складирования отходов, получаемых при чистке теплотехнического устройства. Подобные объекты известны в кротовской культуре. Они зафиксированы в жилище № 7 поселения Венгерово-2 [Молодин, Мыльникова, Нестерова, 2017], которое находится в 1,5 км к С от памятника Усть-Тартас-2.

В настоящее время довольно сложно определить особенности функционирования теплотехнического устройства, а также назначение его структурных составляющих «кирпичиков». Следует лишь подчеркнуть, что объект подобного технического устройства зафиксирован для кротовской культуры впервые.

Хозяйственно-производственный участок 5 (рис. 6) представлен очагом (объект 19) и сопровождающими его ямами № 113–115.

Основное заполнение очажной ямы составлено различными линзами прокаленной почвы: от углисто-черного цвета до оранжевого (рис. 6, *2*). Нижняя часть имеет участки светло-серо-оранжевой прокаленной и светло-серо-пепельной мелкодисперсной супеси. По дну в центральной части зафиксирован прокал мощностью до 5 см.

Выборка заполнения очага осуществлялась тремя горизонтами.

В заполнении ямы на разной высоте выявлены 5 сколов, 4 мелких фрагмента керамики, 3 отщепа, пластина и скребок. Большая часть находок представлена жженными костями (183 фрагмента, поддающихся учету). Они различные по размеру

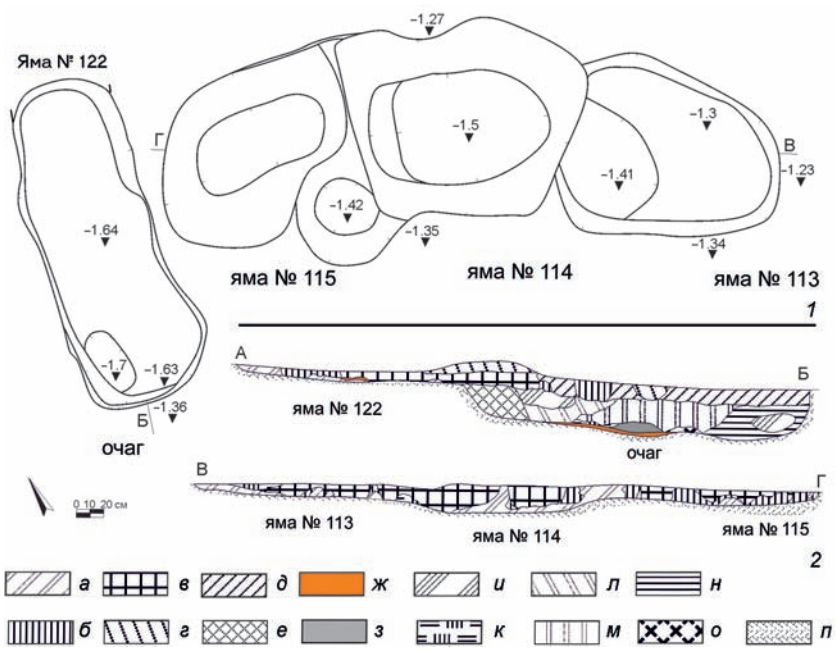

Рис. 6. Производственно-хозяйственный участок № 5.

1 – план очага и ям № 113–115; *2* – стратиграфические разрезы.

а – желто-серая мешаная супесь; *б* – серая плотная супесь; *в* – темно-серая неоднородная супесь; *г* – черная однородная плотная супесь; *д* – буро-серая рыхлая супесь; *е* – серо-желтая плотная супесь; *ж* – оранжевая прокаленная супесь; *з* – нора; *и* – углисто-черная плотная супесь; *к* – светло-серо-оранжевая прокаленная супесь; *л* – темно-буро-серая прокаленная супесь; *м* – пепельно-серая рыхлая супесь с включениями жженых костей; *н* – темно-серая золистая супесь с углистыми включениями; *о* – светло-серо-пепельная мелкодисперсная супесь; *п* – плотный желто-серый суглинок.

и цвету. В верхней части преобладают фрагменты размером 2–3 см черно-коричневого и серо-черного цвета, что свидетельствует о карбонизации кости. Также встречаются слабообожженные фрагменты кремового цвета. Это указывает на отсутствие длительного и интенсивного высокотемпературного воздействия. В нижней части заполнения кости более фрагментированы. Их светло-серый цвет указывает на начало процессов кальцинирования. Полностью кальцинированные кости здесь отсутствуют. Большинство фрагментов относится к категории трубчатых. Все это свидетельствует о том, что в данном очаге кости использовались не только в качестве топлива, а являлись и остатками пищи. Помимо костей животных также обнаружено большое количество костей рыбы, кусочки формованной глины, а также куски обожженной глины. Находки распределены по всей мощности заполнения очага:

Находка	Нивелировочная отметка
керамика 2	–100
скол	–106
фрагмент керамики	–117
кость	–121
изделие из глины	–122
кости жженые	–122
кость	–135
кость	–139
кости жженые	–141
скребок	–141
кость жженая	–142
фрагмент керамики	–142
скол	–142
жженая кость	–143
кость	–145
формованная глина	–145
кости жженые	–145
кость жженая 1	–146
микроскол	–147
отщеп	–147
кость	–148
отщеп	–149
отщеп	–149
жженая кость	–153
скол	–154
скол	–154
кость	–154
жженая кость	–158
пластина	–159

После выборки заполнения очаг приобрел овальную форму. Отвесные в верхней части стенки закруглялись ближе к дну, дно имеет наклон к югу. Размеры очажной ямы: 1,48 × 0,85 × 0,26–0,35 м.

С восточной стороны очага, в 0,1 м располагались три ямы (№ 113–115), вплотную следующие друг за другом. Заполнение ям составляла неоднородная темно-серая почва, чередующаяся с мешаной почвой желто-серого цвета.

Размеры ямы № 115 – 1,55 × 1,15–0,9 × 0,1 м. В заполнении и на дне ямы находились жженые косточки, кость животного, кости рыбы, а также фрагмент технической керамики (обломок формы?).

Размеры ямы № 114 – 1,75 × 1,26–1,46 × 0,16 м. В заполнении найдены две косточки мелкого животного.

Размеры ямы № 113 – 1,55 × 0,9–1,35 × 0,13–0,17 м. В ее заполнении были обнаружены жженые кости, мелкий фрагмент керамики (рис. 6, *1*).

Таким образом, особенности заполнения и наличие прокала стенок и дна теплотехнического устройства свидетельствуют о длительном его использовании. Самое интенсивное температурное воздействие происходило в центральной части ямы. В северную и южную часть, вероятно, сгребали угли, о чем свидетельствуют линзы черной супеси. Ямы № 113–115 служили местом складирования отходов, получаемых при чистке очажного устройства.

Судя по остаткам костей и жженых костей животных и рыб, очаг использовался преимущественно для приготовления пищи, однако находка технической керамики не отрицает его многопрофильного характера.

Заключение

Развитие археологической науки в современных условиях, мультидисциплинарные исследования, применение различных методов, направленных на изучение организации жилого и хозяйственно-бытового пространства, повышают информативность археологических источников.

Материалы памятника Усть-Тартас-2 включают, кроме погребальных комплексов, различные хозяйственные структуры, отражающие системы адаптации и жизнеобеспечения населения эпохи бронзы. Место нахождения памятника на высокой террасе с наличием у ее подошвы огромного водоема в течение нескольких летних месяцев, имело адаптивную привлекательность для древнего населения, и явно стабильно посещалось. Это подтверждается наличием серии хозяйственно-бытовых участков. При их сооружении учитывались, очевидно, климатические условия и функциональное назначение. Исследованные теплотехнические сооружения имели близкую ориентацию и планиграфию.

Находки на памятнике Усть-Тартас-2 теплотехнических сооружений дали возможность сопоставления их с подобными конструкциями известных памятников Западной Сибири. Сравнение характеристик этих объектов с базой данных по очагам эпохи бронзы и раннего железного

века региона [Нестерова, 2015] позволило культурно атрибутировать их как кротовские. Отличительной чертой теплотехнических сооружений кротовской культуры является стандартизованная форма (вытянутая подпрямоугольная с закругленными углами) и соотношение размеров и глубины (1,2–2 × 0,7–1 × 0,3–0,7 м), а также значительная мощность заполнения. Кроме того, только для объектов кротовской культуры характерно наличие в очажных устройствах большого количества различных изделий, особенно из обожженной глины. В качестве топлива население активно использовало кости животных и рыб. Подобная практика подробно изучена по материалам поселения кротовской культуры Венгерово-2. Все эти признаки, а также характерная посуда позволили отнести изученные теплотехнические сооружения к кротовской культуре и синхронизировать с могильником. Косвенным аргументом этой гипотезы является наличие рядом с исследованными погребениями кротовской культуры ям с аналогичными изделиями из обожженной глины и технической керамикой [Молодин и др., 2018]. Следует подчеркнуть еще одну важную деталь – в отличие от очагов в жилищах поселения кротовской культуры Венгерово-2, где заполнение очагов было насыщено жженными костями, на памятнике Усть-Тартас-2 их количество значительно меньше. При этом стратегия их устройства (размеры, глубина) и заполнение аналогичны. Очевидно, этот нюанс указывает на сезонное использование объектов. Также надо отметить многофункциональный характер теплотехнических сооружений, их основные характеристики не меняются в зависимости от специфики назначения.

Выделение и анализ хозяйственно-бытовых участков на памятнике представляет новую информацию для изучения организации жизнедеятельности кротовского населения. Как выяснилось при раскопках, на площади памятника Усть-Тартас-2, где находится могильник кротовской культуры [Там же], население занималось и хозяйственной деятельностью. При этом нет случаев, когда бы производственно-хозяйственный участок накладывался на погребение. Очевидно, эта деятельность имела еще и ритуальную окраску и была строго регламентирована. Живые и мертвые были в постоянной связи.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект 18-09-40051 «На заре металлургии: технология бронзолитейного производства населения Обь-Иртышской лесостепи в III–II тыс. до н.э.».

Список литературы

Бобров В.В. Комплекс бронзолитейного производства из поселения Танай-4 (по результатам раскопок 1993 г.) // Обозрение результатов полевых лабораторных исследований археологов, этнографов и антропологов Сибири и Дальнего Востока в 1973 г. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1995. – С. 36–88.

Коробкова Г.Ф. Хозяйственно-производственная деятельность населения Алтын-Депе (по данным комплексного изучения каменных орудий) // Орудия труда и системы жизнеобеспечения населения Евразии по материалам эпох палеолита-бронзы. – СПб.: Европейский дом, 2004. – С. 92–136.

Костомарова Ю.В. Вариативность хозяйственной и производственной деятельности населения эпохи поздней бронзы лесостепного Притоболья // Международная археологическая школа в Болгаре: сб. мат-лов конф. – 2018. – Т. 5.– С. 130–136.

Кулькова М.А., Полковникова М.Э., Мазуркевич А.Н. Опыт применения геохимии для реконструкции функциональных зон на поселениях каменного века // Материалы и исследования по археологии России и Беларуси: комплексное исследование и синхронизация культур эпохи неолита – ранней бронзы Днепровско-Двинского региона. – СПб.: ИИМК РАН, ИИ НАН Беларуси, 2012. – С. 64–87.

Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Плац И.А. Производственные объекты на поселениях крохалевской культуры // Человек и Север: Антропология, археология, экология: мат-лы Всерос. науч. конф. – Тюмень: Федер. исслед. центр «Тюменский научный центр СО РАН», 2018. – С. 149–153.

Меркулов А.Н. Хозяйственно-производственные комплексы среднедонского населения скифского времени // КСИА. – 2016. – № 242. – С. 96–112.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С. Хозяйственно-производственные комплексы на поселениях кротовской культуры (Правобережное Прииртышье) // V (XXI) Всерос. археол. съезд: сб. науч. тр. – Барнаул; Белокуриха: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. 1. – С. 717–718.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Райнхольд С. Новый могильник кротовской культуры в Барабе // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 304-311.

Нестерова М.С. Очаги в поселенческих комплексах эпохи бронзы и раннего железного века Западной Сибири: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2015. – 30 с.

Овчаренко А.П., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Планиграфия жилищ и организация жилого пространства на поселении переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 // Актуальные проблемы ар-

хеологии, истории и культуры: сб. науч. тр. к юбилею проф. Т.Н. Троицкой. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005. – С. 141–154.

Разгильдеева И.И. Планиграфический анализ жилищно-хозяйственных комплексов верхнего палеолита Забайкалья. – Чита: Заб. гос. ун-т, 2018. – 208 с.

References

Bobrov V.V. Kompleks bronzoliteinogo proizvodstva iz poseleniya Tanai-4 (po rezul'tatam raskopok 1993 goda). *Obozrenie rezul'tatov polevykh laboratornykh issledovanii arkheologov, etnografov i antropologov Sibiri i Dal'nego Vostoka v 1973 g*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1995, pp. 36–88 (in Russ.).

Korobkova G.F. Khozyaistvenno-proizvodstvennaya deyatel'nost' naseleniya Altyn-Depe (po dannym kompleksnogo izucheniya kamennykh orudii). *Orudiya truda i sistemy zhizneobespecheniya naseleniya Evrazii po materialam epokh paleolita-bronzy*. St.-Petersburg: Evropeyskiy dom, 2004, pp. 92–136 (in Russ.).

Kostomarova Yu.V. The Variability of Economic and Industrial activities of the late bronze age Population of Forest-Steppe Tobol Region. In *Bolgar international archaeological Field School: proceedings*, vol. 5. Kazan; Bolgar, 2018, pp. 130–136 (in Russ.).

Kul'kova M.A., Polkovnikova M.E., Mazurkevich A.N. Opyt primeneniya geokhimii dlya rekonstruktsii funktsional'nykh zon na poseleniyakh kamennogo veka. In *Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii i Belarusi: kompleksnoe issledovanie i sinkhronizatsiya kul'tur epokhi neolita – rannei bronzy Dneprovsko-Dvinskogo regiona*. St.-Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, Institute of History NAS Belarus, 2012, pp. 64–87 (in Russ.).

Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Plats I.A. Proizvodstvennye ob"ekty na poseleniyakh krokhalevskoi kul'tury. *Chelovek i Sever: Antropologiya, arkheologiya, ekologiya. Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii*. Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 2018, pp. 149–153 (in Russ.).

Merkulov A.N. Khozyaistvenno-proizvodstvennye kompleksy srednedonskogo naseleniya skifskogo vremeni. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 2016, No. 242, pp. 96–112 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S. Khozyaistvenno-proizvodstvennye kompleksy na poseleniyakh krotovskoi kul'tury (Pravoberezhnoe Priirtysh'e). In *V (XXI) Vserossiiskii arkheologicheskii s"ezd. Sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul; Belokurikha: Altai State Univ. Press, 2017, vol. 1, pp. 717–718 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Reinhold S. New burial ground of the Krotovo culture in Baraba Forest-Steppe. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 304–311 (in Russ.).

Nesterova M.S. Ochagi v poselencheskikh kompleksakh epokhi bronzy i rannego zheleznogo veka Zapadnoi Sibiri: cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2015, 30 p. (in Russ.).

Ovcharenko A.P., Mylnikova L.N., Durakov I.A. Planigrafiya zhilishch i organizatsiya zhilogo prostranstva na poselenii perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku Linevo-1. In *Aktual'nye problemy arkheologii, istorii i kul'tury: sbornik nauchnykh trudov k yubileyu professora T.N. Troitskoi*. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 2005, pp. 141–154 (in Russ.).

Razgil'deeva I.I. Planigraficheskii analiz zhilishchno-khozyaistvennykh kompleksov verkhnego paleolita Zabaikal'ya. Chita: Transbaikal State Univ. Press, 2018, 208 p. (in Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Хансен С. https://orcid.org/0000-0002-6714-4629
Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Нестерова М.С. https://orcid.org/0000-0003-4024-6753
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410
Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.489-497
УДК 902/904; 903.27

В.И. Молодин[1], Д.В. Черемисин[1, 2], Н. Батболд[3], Ю.Н. Ненахова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

В поисках наскальных изображений на Северо-Западе Монголии

В 2019 г. российско-монгольским археологическим отрядом, включающим сотрудников Института археологии и этнографии СО РАН и Института археологии МАН, были исследованы памятники наскального искусства на Северо-Западе Монголии. Целью экспедиционного проекта являлось изучение петроглифов на уже известных объектах и новый поиск наскальных изображений. Был проведен осмотр памятников Цаган-Салаа и Бага-Ойгур, а также археологическая разведка в долине р. Хара Джамат Гол. В ходе работ были изучены известные ранее и вновь открытые изображения древнейшего пласта алтайских петроглифов, которые характеризуются особым калгутинским стилем, выделенным ранее на памятниках Российского и Монгольского Алтая. Большой интерес представляет серия палимпсестов, в которых древнейшие фигуры лошадей в калгутинском стиле перекрыты петроглифами эпохи бронзы. На горе Цаган Эрэг впервые в Монгольском Алтае открыты наскальные рисунки, выполненные малиновой краской (знаки в виде косых крестов и параллельных линий). В долине р. Хара Джамат Гол на обоих берегах зафиксирован ряд местонахождений петроглифов от эпохи бронзы до палеоэтнографии, в т.ч. изображения животных, колесниц бронзового века, стилизованных оленей раннескифской эпохи, сцен охоты. На правом берегу р. Бага-Ойгур открыто скопление петроглифов «чемурчекского типа» с фигурами животных и людей, вероятно, относящихся к одному локальному святилищу, возникновение которого связано с чемурчекской культурой эпохи бронзы Центральной Азии.

Ключевые слова: *петроглифы, Монголия, калгутинский стиль, эпоха бронзы, Цаган-Салаа IV, долина Хара Джамат Гол.*

Vyacheslav I. Molodin[1], Dmitry V. Cheremisin[1, 2], Natsag Batbold[3], Yuliya N. Nenakhova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[3]Institute of Archaeology MAS,
Ulaanbaatar, Mongolia
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Search of Rock Representations in Northwestern Mongolia

In 2019, the Russian-Mongolian Archaeological Team of the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS and Institute of Archaeology of the MAS conducted research of rock art in Northwestern Mongolia. This field project was intended for studying petroglyphs at the known sites and searching for new rock representations. The sites of Tsagan-Salaa and Baga-Oygur were surveyed and archaeological survey in the valley of the Khara Dzhamat River was conducted. The known and newly discovered images of the earliest layer of Altai petroglyphs were studied. These petroglyphs are distinguished by the specific Kalguty style which was widespread at the sites of the Russian and Mongolian Altai. A series of palimpsests where the earliest figures of horses of the Kalguty style were covered by the petroglyphs of the Bronze Age is of

great interest. For the first time in the Mongolian Altai, rock paintings made by crimson paint (oblique crosses and parallel lines) were discovered on the Tsagan Ereg Mount. A number of petroglyphs from the Bronze Age to paleoethnographic period were recorded on both banks of the Khara Dzhamat River valley, including animal representations, Bronze Age chariots, Early Scythian stylized deer, and hunting scenes. An assemblage of petroglyphs of the "Chemurchek type" with animal and human figures probably belonging to the same local shrine was discovered on the right bank of the Baga-Oygur River. This site could have been associated with the Chemurchek culture of the Central Asian Bronze Age.

Keywords: *petroglyphs, Mongolia, Kalguty style, Bronze Age, Tsagan-Salaa-IV, Khara Dzhamat River valley.*

Весной 2019 г. российско-монгольским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН и Института археологии АН Монголии были проведены исследования на Северо-Западе Монголии, направленные на изучение петроглифов. Регион изобилует памятниками наскального искусства и хорошо известен благодаря работам Российско-Монгольско-Американской экспедиции, исследовавшей здесь на рубеже тысячелетий серию памятников [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005; Кубарев, 2009; Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001a, b]. Наши работы, направленные на поиск древнейших изображений, были продолжены в 2017 г. командой российско-монголо-французской экспедиции. Результаты опубликованы в России, Монголии и Франции [Черемисин и др., 2018; Молодин и др., 2019; Цэвээндорж и др., 2017; Creten et al., 2018].

Несовершенство методики поиска петроглифов в пространствах, исчисляемых десятками километров, нередко приводит к тому, что многие изображения оказываются не обнаруженными. Поэтому перспективным становится многократное обследование участков со скальными плоскостями. Такой подход полностью оправдал себя, когда целенаправленный поиск древнейших петроглифов на памятниках Цагаан-Салаа и Бага-Ойгур дал прекрасные результаты – экспедиция открыла более десятка ранее неизвестных фигур, которые, как представляется, относятся к древнейшему калгутинскому пласту изображений [Молодин и др., 2019]. Одной из главных задач текущего сезона стало дальнейшее обследование памятников Северо-Западной Монголии с целью поиска архаичных петроглифов.

Этот поиск увенчался успехом. При осмотре памятника Цаган-Салаа I на высоте 2480 м обнаружены две архаичные фигуры, близкие изображениям калгутинского стиля (рис. 1). Ранее на этой плоскости были зафиксированы изображения козлов и лучников [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 145, рис. 7], относящиеся, скорее всего, к скифской эпохе (координаты: 49°20'28.0'' с.ш.; 088°20'33.8'' в.д.). Контуры двух крупных фигур выбиты разряженными точками, выделяющимися черным цветом патины, скорее всего, с помощью каменного орудия. Изображение быка закончено, у второго животного частично проработана голова и нижняя часть туловища. Подобная манера парциального изображения животного характерна для архаичных петроглифов региона. Контур фигуры быка перекрыт более поздними изображениями. Прямая аналогия быку известна на памятнике Калгутинский Рудник на плоскогорье Укок [Молодин, Черемисин, 1999, рис. 17–19]. Второе изображение выполнено аналогичным способом.

На скалах местонахождения Цаган-Салаа IV открыты еще пять ранее не отмеченных архаичных изображений. Первое – на валуне, где фигура лошади в калгутинском стиле перекрыта более поздними изображениями эпохи бронзы – раннего железного века. Его координаты: 49º19'31.9'' с.ш.; 088º21'30.6'' в.д. Вторая плоскость с палимпсестом также содержит изображение лошади, перекрытое более поздней фигурой. Его координаты: 49º19'30.7'' с.ш. и 088º21'30.6'' в.д. Третья плоскость, также с палимпсестом – изображение лошади в калгутинском стиле, перекрытое массивной фигурой быка эпохи бронзы. Координаты: 49º19'30.8'' с.ш.; 088º21'30.7'' в.д.

Четвертый палимпсест, безусловно, является наиболее интересным. Наши предшественники привели только фотографию этого камня, не сопроводив его каким-либо анализом [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 611, фото 7]. Осмотр и первая съемка изображений была произведена нами в 2017 г. В настоящем сезоне мы вновь обратились к этому палимпсесту, поскольку здесь отчетливо прослеживаются несколько слоев изображений (этому палимпсесту будет посвящена особая работа). Отметим, что на палимпсесте присутствуют два изображения лошадей в калгутинском стиле, фигура «быка-марала» эпохи ранней бронзы, а также ок. 30 более поздних изображений, среди которых антропоморфная фигура лучника. Этот пласт рисунков относится, скорее всего, к эпохе поздней бронзы – раннему железному веку. Палимпсест находится на высоте 2433 м от ур. м. Его координаты: 49º19'28.9'' с.ш.; 088º21'44.0'' в.д.

Второй основной задачей полевого сезона было проведение разведки по р. Хара Джамат Гол, где монгольские коллеги отмечали три пункта с петроглифами. Река берет свое начало на южных склонах Сайлюгемского хребта, пограничного между Рос-

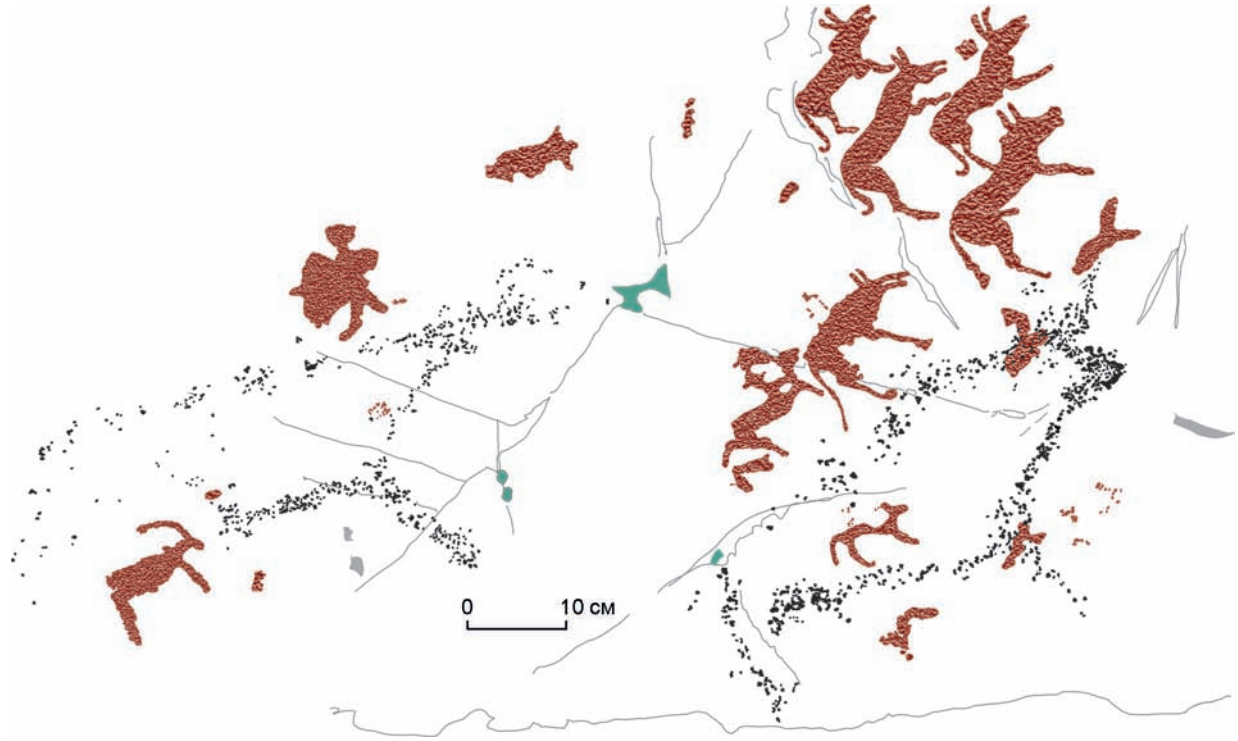

Рис. 1. Прорисовка архаичных фигур животных, выполненных в калгутинском стиле. Пункт Цаган-Салаа I.

сией и Монголией. В истоках доступ в ее долину затруднен, попасть в узкое ущелье можно только летом, когда тают ледники и наледь по берегам реки.

В мае 2019 г. нам удалось совершить разведку по обоим берегам реки от пограничного блокпоста в верховьях до места ее слияния с р. Ойгор-Гол (рис. 2). Монгольские коллеги любезно сообщили координаты трех пунктов открытых ими здесь местонахождений петроглифов. Кроме того, А.А. Ковалевым и Д. Эрдэнэбаатаром были проведены раскопки кургана афанасьевской культуры [Ковалев, Эрдэнэбаатар, 2010]. Долина Хара Джамат Гол известна также благодаря древнетюркскому комплексу с замечательным изваянием, оградкой и цепочкой балбалов [Кубарев, 1995].

Одной из главных задач разведки было обнаружение петроглифов калгутинского стиля. У долины реки, в среднем ее течении, хорошо выражены древние террасы. Сама же долина, особенно в верхнем течении, изобилует каменно-песчаными останцами, довольно высокими блоками сланца, окатанными валунами с отшлифованными плоскостями и плотным скальным загаром. Принципиально иная ситуация наблюдается в низовьях реки. Здесь прослеживается достаточно хорошо разработанная и широкая долина, борта которой обрамлены мощными скальными выходами, оканчивающимися у подножия крупными развалами камня. Осмотр каждого из таких «бомов» показал, что сложены они не сланцем, а гранитоидами, поверхности которых подверглись сильному выветриванию, и на них едва ли можно было наносить изображения.

Необычный для северо-запада Монголии памятник с изображениями, выполненными красной краской, был открыт при преодолении перевала, разделяющего долины рек Ойгор-Гол и Хара Джамат-Гол. Справа от дороги на перевал видны разрушенные выходы камня, являющиеся отрогами горы Цаган Эрэг. Осмотр выявил совершенно оригинальную для этих мест писаницу. Памятник получил название Цаган Эрэг-1. Его координаты: 49º20’39.2’’ с.ш.; 88º35’08.8’’ в.д., высота 2422 м. При осмотре восточной части экспозиции скалы, на ровной плоскости, защищенной небольшим карнизом, обнаружена композиция из знаков, нанесенных малиново-красной охрой. В ее верхней части нарисованы два косых креста, ниже них – три косые линии. Правее различимы остатки по меньшей мере еще четырех плохо сохранившихся линий, ниже – отчетливо читаемый косой крест, рядом с которым – еще одна линия.

Здесь же выявлена еще одна плоскость, расположенная под прямым углом к первой. На ней отчетливо прослеживаются два косых креста друг над другом, нанесенные малиновой краской. Другие красочные наскальные изображения в этом районе Монголии неизвестны. Памятник Курмантау, обнаруженный В.Д. Кубаревым на северном склоне Сайлюгемского хребта [Кубарев, 2000], территориально является самым близким пун-

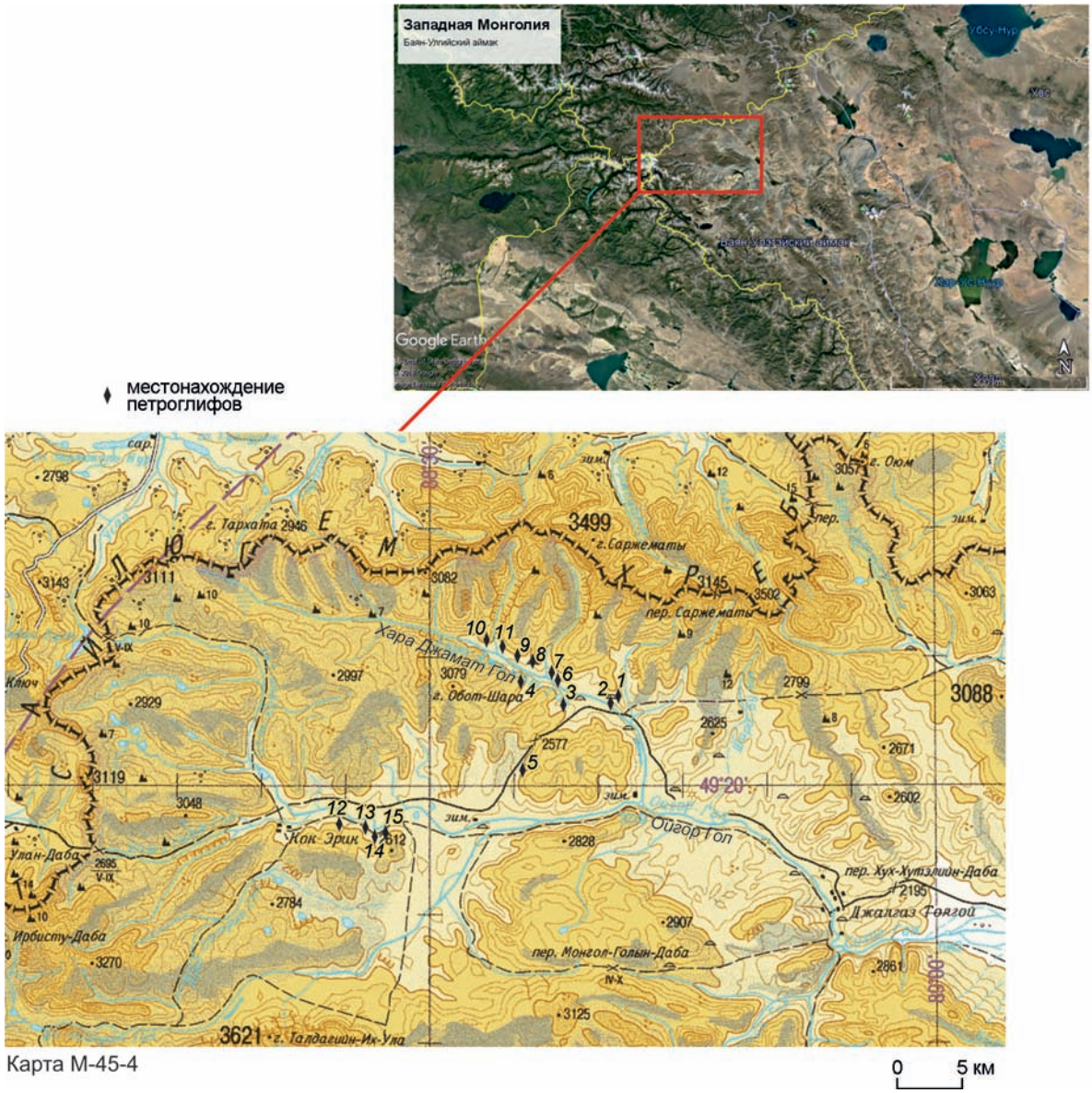

Рис. 2. Расположение местонахождений петроглифов по маршруту поиска.

1 – Хара Джамат Гол-1; *2* – Хара Джамат Гол-2; *3* – Хара Джамат Гол-3; *4* – Хара Джамат Гол-4; *5* – Цаган Эрэг-1; *6* – Хара Джамат Гол-9; *7* – Хара Джамат Гол-5; *8* – Саби Салаа; *9* – Хара Джамат Гол-6; *10* – Хара Джамат Гол-7; *11* – Хара Джамат Гол-8; *12* – Бага-Ойгур-1 (правый берег); *13* – Бага-Ойгур-2 (правый берег); *14* – Бага-Ойгур-3 (правый берег); *15* – Бага-Ойгур-4 (правый берег).

ктом с фигурами животных, нанесенных краской. Стоит отметить также раскраску в погребальных ящиках чемурчекской культуры эпохи бронзы, исследованных под руководством А.А. Ковалева [Ковалев и др., 2015]. Более отдаленные аналогии – крашеные изображения косых крестов и линий на территории Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1969]. Впрочем, эти аналогии не позволяют однозначно решать проблему хронологии памятника Цаган Эрэг-1, хотя научная значимость открытого местонахождения несомненна.

Пункт Хара Джамат Гол-1. На скальном прижиме по левому берегу реки, образованном гранитоидо-сланцевыми разрушающимися скалами темно-серого и красноватого цвета, сохранилось не менее сотни изображений, выполненных точечной выбивкой, также подверженных разветриванию и в значительной степени утраченных. Координаты памятника: 49º22’56.8’’ с.ш. и 088º40’58.9’’ в.д.

Плоскость венчает огромное изображение лошади с массивным туловищем, непропорционально маленькой головкой и длинным хвостом, относящееся к эпохе бронзы. На соседней плоскости выбито крупное изображение «раннескифского» оленя с обращенной назад «клювовидной» мордой.

Пункт Хара Джамат Гол-2. На этих же скалах, приблизительно в 35 м от первого пункта, выше по реке, на высоте приблизительно 20 м от поверх-

ности земли на обломке скалы, состоящей из двух блоков, выбито крупное изображения «скифского» оленя и двух собак, преследующих его. Координаты памятника: 49º22’57.5’’ с.ш.; 88º40’58’’ в.д. Высота над ур. м. – 2326 м.

Пункт Хара Джамат Гол-3. Расположен на правом берегу реки, в 2 км от «входа» в долину, вверх по течению. Координаты памятника: 49º23’49.0’’ с.ш.; 088º37’02.5’’ в.д. Зафиксированы блоки сланца у подножия горного обрамления, на которых фиксируются выбитые изображения животных.

Пункт Хара Джамат Гол-4. Местонахождение ранее открыто монгольскими коллегами. Координаты: 49º24’17.3’’ с.ш.; 088º33’46.1’’ в.д. На высоте 2442 м над ур. м. отмечены изображения козлов и собак. Особо следует отметить камень с изображением марала с бычьими рогами. Сверху гравированная фигура волка, рядом этнографические изображения козликов.

Пункт Хара Джамат Гол-5. Открыт на левом берегу реки, на левом борту коренной террасы р. Джум Салаа, берущей начало с верховий Сайлюгемского хребта. Координаты памятника: 49º24’31.4’’ с.ш.; 088º37’0.76’’ в.д. Зафиксировано около восьми плоскостей с фигурами животных.

Пункт Хара Джамат Гол-6. Расположен на левом берегу реки, на высоких останцах террасы, в пойме. На многих сланцевых останцах обнаружены петроглифические композиции, порой совершенно незаурядные. Данный пункт был открыт монгольскими коллегами, причем они делили его на два. Детальный осмотр показал их территориальную близость и наличие изображений в пространстве между этими пунктами, на основании чего мы объединили их в один, присвоив соответствующую индексацию. Таким образом, координаты памятника: 49º24’47.2’’ с.ш.; 088º35’25.6’’ в.д. Отмечены композиции с изображениями колесниц бронзового века (рис. 3).

Пункт Саби Салаа у впадения ручья Джум Сала – левого притока реки Хара Джамат Гол. Координаты пункта: 49º24’43.0’’ с.ш.; 088º36’33.1’’ в.д. Здесь отчетливо фиксируется скальный прижим, на «загорелых» темно-коричневых плоскостях которого и на лежащих у подножия скал валунах зафиксировано обилие изображений. Особенно ярко представлены многофигурные композиции эпохи бронзы (рис. 4).

Особо следует отметить загорелый валун, на котором изображены два крупных быка, по стилю напоминающих петроглифы калгутинского стиля. Рисунки профильные, контур передан прерывистой линией, отчетливо прослеживаются прерывистые удары, скорее всего, нанесенные каменным орудием. Представляется, что перед нами наиболее древ-

Рис. 3. Прорисовка изображений колесницы и козлов. Пункт Хара Джамат Гол-6.

ние изображения (и единственные!), обнаруженные в дельте реки Хара Джамат Гол. Координаты камня: 49º24’46.2’’ с.ш.; 088º36’33.1’’ в.д.

Пункт Хара Джамат Гол-7. Расположен на левом берегу реки, на правом берегу безымянного ручья, текущего с отрогов Сайлюгемского хребта. Зафиксировано около тридцати изображений, преимущественно горных козлов, видимо, это композиции эпохи бронзы (?) и граффити этнографического времени. Координаты памятника: 49º25’37.1’’ с.ш., 088º33’33.9’’ в.д., 2504 м над ур. м.

Пункт Хара Джамат Гол-8 на левом берегу одноименной реки, в 2 км вниз по течению от предыдущего объекта. На склоне горы огромные «загорелые» валуны покрыты наскальными изображениями. Камни с петроглифами тянутся вдоль склона примерно на 400 м. Представлены одиночные фигурки животных и несколько антропоморфных изображений. Координаты местонахождения: 49º25’62.6’’ с.ш., 088º35’05.1’’ в.д.

Пункт Хара Джамат Гол-9 на левом берегу реки, на скальном прижиме, над зимником. Координаты памятника: 49º24’21.5’’ с.ш., 088º35’05.1’’ в.д. Обнаружены изображения животных (козлов, лошадей); в общей сложности их несколько десятков.

Не все пункты, полученные при разведке по р. Хара Джамат Гол, равнозначны по содержанию наскальных

Рис. 4. Прорисовка плоскости с изображениями антропоморфов. Пункт Саби Салаа.

изображений, однако на открытых местонахождениях присутствуют незаурядные композиции, нуждающиеся в детальном изучении. Кроме того, в дальнейшем было бы целесообразно осмотреть верховья реки, что можно выполнить в летнее время.

На заключительной стадии исследований мы провели разведку по правому берегу р. Бага-Ойгур. Маршрут проходил напротив левобережных петроглифических комплексов этой реки, открытых участниками российско-монгольско-американской экспедиции [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005]. Можно утверждать, что петроглифы на правом берегу не менее интересны, чем на левом. Нами открыты четыре местонахождения, содержащие порой выдающиеся композиции, достойные детального изучения. Изображения раннего калгутинского пласта здесь не найдены.

Пункт Бага-Ойгур-1 (правый берег). Скальный массив на правом берегу р. Бага-Ойгур выделяется достаточно отчетливо, в 5 км вниз по реке найдено первое местонахождение петроглифов. Скальный массив сильно разрушен, у его подножья обнаружено большое количество патинированных валунов с изображениями. Валуны тянутся вдоль склона на несколько сотен метров. Представлены изображения эпохи бронзы и раннего железа. Координаты памятника: 49º18’53.8’’ с.ш.; 088º24’17.0’’ в.д.

Пункт Бага-Ойгур-2 (правый берег). В широкой долине рассеяны отдельные сильно деградированные сланцевые валуны, на которых зафиксировано довольно большое количество изображений. Протяженность разброса камней с рисунками вдоль склона достигает порядка 400 м. Координаты памятника: 49º18’47.0’’ с.ш.; 088º25’03.9’’ в.д.; высота 2400 м. Северная часть склона плавно переходит в плоскую гору, господствующую над местностью. Вершина увенчана высоким, аккуратно сложенным обо, которое видно на значительном расстоянии. Весь склон горы и ее вершина усеяны валунами и гладкими плитами разной степени окатанности и загара. На многих из них нанесены отдельные изображения и великолепные композиции, среди которых выделяются рисунки эпохи бронзы. Сюжеты первой группы – люди в грибовидных уборах, на согнутых в коленях ногах, стреляющие из луков в оленей и сопровождаемые охотничьими собаками (аналогии известны в петроглифах Укока).

Вторую группу составляют изображения быков с массивным туловищем и поклажей на спине. Этот сюжет также имеет ряд параллелей в петроглифах Центральной Азии. Третью хронологическую и стилистическую группу демонстрируют «скифские» олени с ветвистыми рогами и клювовидными мордами (рис. 5).

Среди отмеченных групп изображений встречаются совершенно незаурядные. Замечателен валун, целиком покрытый изображениями животных и предметов, которые даже затруднительно определить (рис. 6). Координаты: 49º18’42.4’’ с.ш.; 088º24’43.7’’ в.д. Памятник заслуживает моногра-

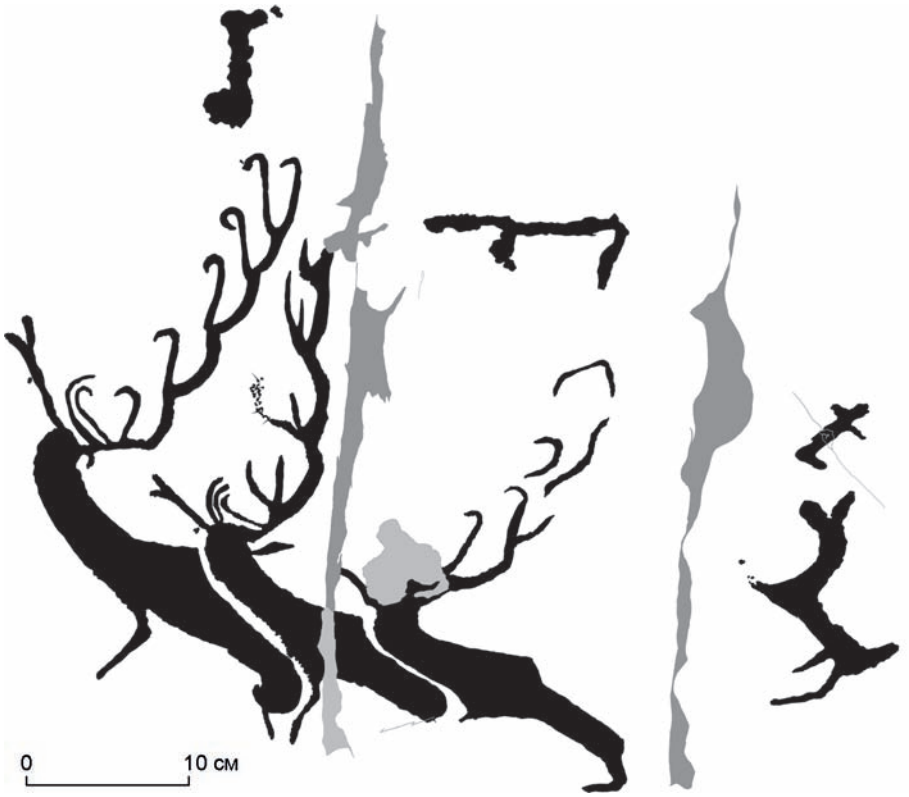

Рис. 5. Прорисовка «скифских» оленей с ветвистыми рогами. Пункт Бага-Ойгур-2 (правый берег).

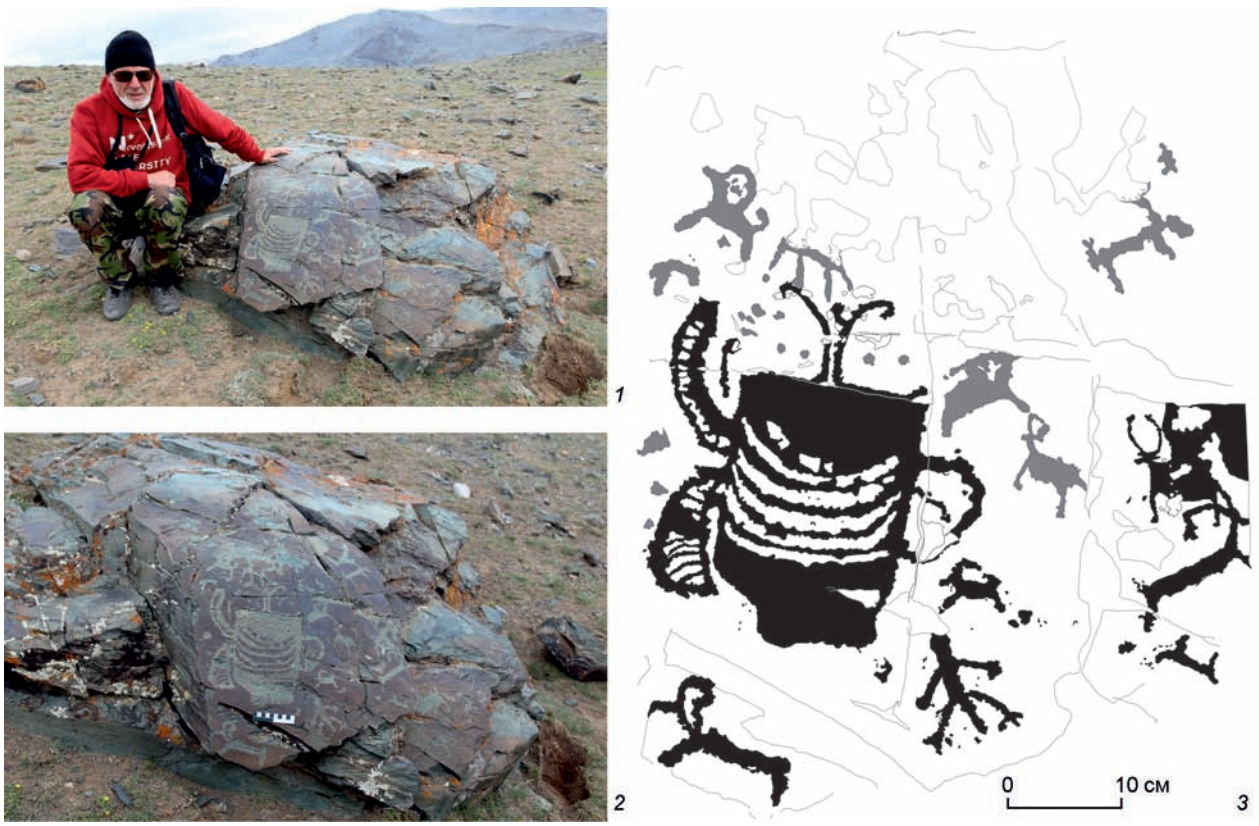

Рис. 6. Фотографии (*1*, *2*) и прорисовка (*3*) неопределенной фигуры. Пункт Бага-Ойгур-2 (правый берег).

Рис. 7. Прорисовка антропоморфной фигуры чемурчекского типа. Пункт Бага-Ойгур-4 (правый берег).

фического изучения, эффективным средством документации было бы применение дрона.

Пункт Бага-Ойгур-3 (правый берег). Координаты: 49º18’50.7’’ с.ш.; 088º25’33.1’’ в.д. На противоположной стороне долины, на склоне, усеянном крупными камнями с пригодными для нанесения фигур плоскостями, обнаружены разновременные изображения. К наиболее интересным находкам относятся изображения двух колесниц. Особенностью местонахождения является тот факт, что на склоне и на вершине горы изображений значительно больше, чем в ее нижней части.

Пункт Бага-Ойгур-4 (правый берег) расположен в нижней части скального прижима, у дороги, примерно в километре от угла закругления излучины реки и террасы. Координаты: 49º18’52.2’’ с.ш.; 088º25’48.4’’ в.д., высота – 2364 м. Памятник представляет собой локальное скопление, в котором все петроглифы сконцентрированы так близко друг к другу, что это позволяет квалифицировать данный объект как святилище эпохи бронзы.

Особенностью изображений является технологический прием, при котором сначала воспроизводился контур, который был более глубоким, чем последующее заполнение силуэта изображения. Ретушь тонкая и изящная, очень плотно поставленная. Обнаружено несколько замечательных композиций, среди них кабан, которого атакует барс. Совершенством исполнения выделяются петроглифы на небольшом валуне с округлым гребнем, с противоположных сторон которого выбиты фигуры двух быков, соединенные рельефной линией. Замечательна крупная плита, на которой размещена многофигурная композиция с фигурами оленей, быков, лучника в характерной для эпохи бронзы позе. На оборотной плоскости камня нанесена антропоморфная стилизованная фигура «чемурчекского» типа с бронзовым проушным топором за спиной (рис. 7). Близкие изображения обнаружены на левом берегу одноименной реки российско-монгольско-американской экспедицией [Кубарев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005, с. 559, рис. 69]. Очевидно, перед нами культурный комплекс, где изображения объединены в локальном святилище.

Таковы предварительные итоги, которые можно подвести по результатам наших работ в 2019 г. на Северо-Западе Монголии. Среди них открытие пятнадцати неизвестных ранее пунктов изображений, многие из которых несомненно перспективны для дальнейших исследований. Большой научный интерес представляют семь плоскостей с изображениями калгутинского типа, среди которых пять палимпсестов, а также открытие крашеных рисунков.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта НИР № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Ковалев А.А., Мунхбаяр Ч., Грушин С.П., Тишкин А.А., Ожередов Ю.И. Чемурчекские курганы в урочище Хуурай салааны ам (Ховд сомон Ховд аймака Монголии) // Древнейшие европейцы в сердце Азии: чемурчекский культурный феномен. – СПб.: СПб. гос. музей-институт семьи Рерихов, 2015. – Ч. II: Результаты исследований в центральной части Монгольского Алтая и в истоках Кобдо; памятники Синьцзяна и окраинных земель. – С. 100–141.

Ковалев А.А., Эрдэнэбаатар Д. Афанасьевско-чемурчекская курганная группа Кургак гови (Хуурай говь) и вопросы внешних связей афанасьевской культуры // Афанасьевский сборник: сб. науч. ст. – Барнаул: Азбука, 2010. – С. 91–108.

Кубарев В.Д. Изваяние с р. Хар-Яма // Проблемы охраны, изучения и использования культурного наследия Алтая. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1995. – С. 158–162.

Кубарев В.Д. Петроглифы Курман-Тау // Древности Алтая: Известия лаборатории археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 2000. – № 5. – С. 15–21.

Кубарев В.Д. Петроглифы Шивээт-Хайрихана (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 420 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск; Улан-Батор: ИАЭТ СО РАН; Юджин, 2005. – 638 с.

Молодин В.И., Женест Ж.-М., Зоткина Л.В., Черемисин Д.В., Кретэн К. «Калгутинский» стиль в наскальном искусстве Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 3. – С. 12–26.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Л.: Наука, 1969. – Ч. I. – 219 с.

Цэвээндорж Д., Молодин В.И., Черемисин Д.В., Кретэн К., Зоткина Л.В., Натсаг Б., Нестеркина А.Л. Изучение древнейшего пласта наскальных изображений Монголии в 2017 году (памятники Цаган-Салаа и Бага-Ойгур) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 231–235.

Черемисин Д.В., Молодин В.И., Зоткина Л.В., Цэвээндорж Д., Кретэн К. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17, вып. 3: Археология и этнография. – С. 57–77.

Creten C., Genest J.-M., Plisson H., Zotkina L., Cheremisin D., Molodin V., Delannoy J.-J., Delin Ph., Ravanel L. Un art rupestre paléolithique au-delà de l'Oural ? // Les Nouvelles de l'Archéologie. – 2018. – N 154. – P. 45–50.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale // J. of Archaeol. Sci. – P., 2001a. – N 6, Textes et Figures. – 481 p.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale // J. of Archaeol. Sci. – P., 2001b. – N 6, Planches. – 256 p.

References

Cheremisin D.V., Molodin V.I., Zotkina L.V., Tsehvehehndorzh D., Kretehn K. Novye issledovaniya rannego plasta naskal'nogo iskusstva Mongol'skogo Altaya. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*, 2018, vol. 17, No. 3: Arkheologiya i ehtnografiya, pp. 57–77 (in Russ.).

Creten C., Genest J.-M., Plisson H., Zotkina L., Cheremisin D., Molodin V., Delannoy J.-J., Delin Ph., Ravanel L. Un art rupestre paléolithique au-delà de l'Oural? *Les Nouvelles de l'Archéologie*, 2018, No. 154, pp. 45–50.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. *Journal of Archaeological Science*, No. 6, Textes et Figures. Paris, 2001a, 481 p.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. *Journal of Archaeological Science*, No. 6, Planches. Paris, 2001b, 256 p.

Kovalev A.A., Ehrdehnehbaatar D. Afanas'evskochemurchekskaya kurgannaya gruppa Kurgak govi (Khuurai gov') i voprosy vneshnikh svyazei afanas'evskoi kul'tury. In *Afanas'evskii sbornik: sbornik nauchnych statei.* Barnaul: Azbuka, 2010, pp. 91–108 (in Russ.).

Kovalev A.A., Munkhbayar Ch., Grushin S.P., Tishkin A.A., Ozheredov Yu.I. Chemurchekskie kurgany v urochishche Khuurai salaany am (Khovd somon Khovd aimaka Mongolii). In *Drevneishie evropeitsy v serdtse Azii: chemurchekskii kul'turnyi fenomen.* St. Petersburg: State Museum-Institute of Roerichs, 2015. Pt. II: Rezul'taty issledovanii v tsentral'noi chasti Mongol'skogo Altaya i v istokakh Kobdo; pamyatniki Sin'tszyana i okrainnykh zemel', pp. 100–141 (in Russ.).

Kubarev V.D. Izvayanie s R. Khar-Yama. In *Problemy okhrany, izucheniya i ispol'zovaniya kul'turnogo naslediya Altaya.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 1995, pp. 158–162 (in Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Kurman-Tau. *Drevnosti Altaya: Izvestiya laboratorii arkheologii.* Gorno-Altaisk: State Univ. Press, 2000, No. 5, pp. 15–21 (in Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Shiveheht-Khairikhana (Mongol'skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 420 p. (in Russ.).

Kubarev V.D., Tsehvehehndorzh D., Yakobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai). Novosibirsk; Ulan-Bator: IAET SB RAS Publ.; Yudzhin, 2005, 638 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok. Novosibirsk: Nauka, 1999, 160 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Zhenest Zh.-M., Zotkina L.V., Cheremisin D.V., Kreten K. "Kalgutinskii" stil' v naskal'nom iskusstve Tsentral'noi Azii. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, vol. 47, No. 3, pp. 12–26 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Zabaikal'ya. Leningrad: Nauka, 1969, pt. I, 219 p. (in Russ.).

Tseveendorzh D., Molodin V.I., Cheremisin D.V., Kreten K., Zotkina L.V., Natsag B., Nesterkina A.L. Izuchenie drevneishego plasta naskal'nykh izobrazhenii Mongolii v 2017 godu (pamyatniki Tsagan-Salaa i Baga-Oigur). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 231–235 (in Russ.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Черемисин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-1184-4044
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.498-506
УДК 903.074

В.П. Мыльников

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

К вопросу о методике изучения деревянных предметов в процессе раскопок археологических памятников и камеральной обработки артефактов

Данная методика впервые была предложена четверть века назад во время полевых исследований в Горном Алтае на плато Укок. Ее основные положения изложены в ряде специальных научных публикаций и учебных пособий для студентов университетов, специализирующихся по археологии. Отдельный раздел этой системы исследования посвящен методу экспресс-реконструкции обнаруженных деревянных сооружений рядом с местом раскопок. Он состоит из ряда обязательных последовательных этапов и операций. В 2019 г. завершено двухлетнее доследование могильной ямы кург. 5 могильника Пазырык скифского времени в Горном Алтае, который был раскопан в 1949 г. известным исследователем скифских курганов С.И. Руденко. В ходе повторных раскопок был выявлен внешний сруб двухкамерного погребального сооружения элиты кочевого общества, оставленный руководителем раскопок 70 лет назад. Все детали сруба были тщательно изучены, затем демонтированы и дополнительно исследованы на рабочей площадке. По окончании изысканий была осуществлена повторная сборка сруба у места раскопок. Сруб оказался самым большим из изученных до этого деревянных сооружений раннего железного века на Алтае и сопредельных территориях. В результате получен большой объем дополнительной ценной информации по деревообработке в раннем железном веке на Алтае. Выявлены и зафиксированы новые данные по традициям домостроения у носителей пазырыкской культуры. В процессе исследований реставраторы обработали все детали сруба и другие деревянные предметы консервирующими препаратами. В настоящее время эти артефакты находятся в специальном хранилище Национального музея Республики Алтай в Горно-Алтайске, где вскоре будет осуществлена повторная экспресс-реконструкция сруба в одном из экспозиционных залов музея.

Ключевые слова: *ранний железный век, Горный Алтай, могильник Пазырык, курган 5, внешний сруб, технология деревообработки.*

Vladimir P. Mylnikov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: mylnikov@archaeology.nsc.ru

On the Methodology of Studying Wooden Artifacts in the Field and in Laboratory Processing

This methodology was first proposed a quarter of a century ago during a field research on the Ukok Plateau in the Altai Mountains. Its main points have been described in a number of scholarly publications and handbooks for University students specializing in archaeology. A separate section of this research system focuses on the method for rapid reconstruction of the discovered wooden structures near the excavation site, which consists of a series of mandatory sequential steps and operations. In 2019, the two-year investigation of the grave pit in burial mound 5 of the Pazyryk burial ground in the Altai Mountains, belonging to the Scythian period, was completed. This burial mound was excavated in 1949 by the famous researcher of Scythian burial mounds S. I. Rudenko. New excavations resulted in finding the outer cribwork of the double-chamber burial structure of a person from the elite of the nomadic society. This structure was left in the burial mound by the author of the excavations seventy years ago. All elements of cribwork were carefully studied, disassembled, and additionally examined on a working ground. At the end of the works, the cribwork was assembled near the excavation site and turned out to be the largest from all previously studied wooden structures of the Early Iron Age in the Altai and

adjacent territories. The reconstruction of the cribwork resulted in rich and valuable information on woodworking in the Early Iron Age in the Altai and on the traditions of house-building among the carriers of the Pazyryk culture. In the process of research, all elements of the cribwork and other wooden objects were treated with conservation compounds. Currently, all artifacts are kept in a special storage of the National Museum of the Altai Republic in Gorno-Altaisk, where another reconstruction of the cribwork in one of the exhibition halls of the Museum will be soon carried out.

Keywords: *Early Iron Age, Altai Mountains, Pazyryk burial ground, burial mound 5, external cribwork, woodworking technology.*

Введение

В 1949 г. под руководством известного скифолога С.И. Руденко в урочище Пазырык в Горном Алтае был раскопан большой курган скифского времени, которому присвоили номер 5. Погребение «скифского царя» было совершено в могильной яме размерами 8,25 × 6,65 м на глубине 4,2 м от дневной поверхности в двойной погребальной камере. Прямо на перекрытие (потолок) внешнего сруба пазырыкскими строителями было положено три ряда окоренных бревен. Надо всем монументальным погребальным сооружением согласно местным плотницким и погребально-ритуальным традициям была возведена дополнительная каркасно-столбовая конструкция – навес с бревенчатым накатом. Шесть мощных лиственничных вертикальных стоек высотой до 2,75 м и диаметром до 0,60 м с поперечными горизонтальными лагами-матицами поддерживали над срубами пять рядов плотно уложенных друг на друга окоренных лиственничных бревен. Всего бревен в накатах исследователи насчитали 250 шт., а в заполнении – до 100 больших камней и несколько валунов весом до 3 т [Руденко, 1953, с. 38–39]. Несмотря на то, что погребение было ограблено еще в древности и вся деревянная конструкция прорублена сверху вниз грабителями [Там же, с. 373], оба сруба и навес сохранили все особенности изготовления и монтажа в могильной яме.

По завершении исследования в 1949 г. внутренний сруб двухкамерного сооружения был перевезен в Ленинград и выставлен в экспозиции Государственного Эрмитажа. Внешний сруб был оставлен *in situ* в могильной яме и засыпан (рекультивирован) вынутым ранее грунтово-щебнистым заполнением, обломками каменной насыпи, целыми и пилеными бревнами навеса, северной и западной стенок сруба, громадными валунами, кольями, подсобным строительным материалом и всем тем, что попадалось под руку. Это беспорядочное заполнение явилось своеобразным консервантом, сохранившим для потомков оставленную деревянную конструкцию.

По прошествии почти полувека со времени раскопок, в 1996 г., в ученой среде возникла дискуссия по поводу атрибуции срубов из пазырыкского кург. № 5. Часть ученых считала, что в 1949 г. в Эрмитаж был привезен не внутренний, а внешний сруб двухкамерного погребального сооружения, их оппоненты утверждали обратное [Гаврилова, 1996; Марсадолов, 1996].

Позже нами было выдвинуто технико-технологически аргументированное предположение в поддержку того, что в пазырыкской экспозиции Эрмитажа выставлен внутренний сруб двухсрубной погребальной камеры из кург. 5 могильника Пазырык [Мыльников, 1999б].

Результаты раскопок по Республиканской программе доисследования курганов могильника Пазырык в Улаганском р-не Республики Алтай 2017–2019 гг. подтвердили наши предположения.

Результаты исследования

Изыскания деревянных артефактов в могильной яме кург. 5 могильника скифского времени Пазырык происходили в 2018–2019 гг. во время доисследования памятника. Раскопки сопровождались большими трудностями. Сложность исследования заключалась в нескольких аспектах. Рекультивация (засыпка) могильной ямы в 1949 г. проводилась бессистемно. Плотное, слежавшееся, утрамбованное заполнение состояло из щебнистого грунта вперемешку с разной величины булыжниками каменной наброски насыпи, целыми и во фрагментах бревнами стен и перекрытия, огромными до 1,5 т гладкоокатанными валунами, строительным мусором в виде кольев, клиньев, щепок, остатками лестниц, изготовленных из бревен перекрытия, жердями, чурками и пр.

Перед расчисткой ямы в 2018 г. на поверхности торчали только верхние части нескольких стоек навеса, не было ясно, есть ли в заполнении части конструкций внешнего сруба. Через несколько дней упорной работы среди завалов и мусора рекультивации 1949 г. были расчищены и обнажены бревна верхнего венца сруба. Их размеры по периметру составили 6,67 × 3,81 м. Это обстоятельство ясно свидетельствовало в пользу того, что в могильной яме оставлен именно внешний сруб. Размеры внутреннего сруба, выставленного в экспозиции Эрмитажа, – 5,2 × 2,3 м. Параметры внешнего сруба показали,

что это самый большой бревенчатый сруб из всех исследованных ранее в пазырыкской культуре.

Было принято решение обязательно досконально изучить его и по завершении раскопок произвести экспресс-реконструкцию возле насыпи кургана по нашей методике, которая прекрасно зарекомендовала себя, начиная с 1994 г. во время исследования курганов пазырыкской культуры в Горном Алтае на плато Укок, в Туве и Монголии (рис. 1, *1–5*) [Мыльников, 1999а, 2008, 2012]. К концу полевого сезона 2018 г. шесть верхних венцов сруба были обнажены и законсервированы до следующего года.

В конце июня 2019 г. раскопки могильной ямы и зачистка сруба продолжились. После полной зачистки сруба в течение дня велась подготовка сруба к демонтажу, последующей атрибуции всех его составляющих на специальной рабочей площадке рядом с насыпью кургана и завершающей стадии исследования – экспресс-реконструкции. Еще раз была произведена зачистка внутренних поверхностей бревен (внешние скрывал грунт заполнения могильной ямы), потом последовали фотосъемка с земли и с квадрокоптера, замеры, описание и планиграфия. На следующий день началась осторожная, детальная – бревно за бревном, венец за венцом – последовательная разборка сруба, транспортировка бревен на рабочую площадку, раскладка их по стенам и повторный осмотр и изучение с целью получения дополнительной информации, которую невозможно получить в ограниченном пространстве могильной ямы.

Параллельно на рабочей площадке бревна раскладывались по стенам в порядке их следования в венцах для удобства быстрого монтажа при экспресс-реконструкции. Здесь тоже производился внимательный осмотр каждого артефакта и фиксация новой информации.

Во время исследования в могильной яме и повторной сборки сруба, начиная с шестого венца, по причине физической невозможности вручную извлекать из ямы тяжелые пропитанные водой бревна пришлось прибегнуть к помощи спецтехники. Когда бревна сруба были демонтированы до пятого снизу венца, выяснилось, что мощные столбы-опоры навеса не вкопаны в грунт дна могильной ямы, а просто приставлены снаружи к бревнам сруба на высоте второго венца и закреплены только плотно утрамбованным заполнением. Это об-

Рис. 1. Примеры практического применения методики экспресс-реконструкции погребальных сооружений из дерева.
1–3 – кург. 1 могильника Верх-Кальджин-2. Горный Алтай, плато Укок, 1994 г.; *4* – кург. 2 могильника Аржан. Тува, 2002 г.; 5 – кург. 1 могильника Курин-гол-10. Северо-Западная Монголия, 2006 г.

стоятельство создало дополнительные трудности при дальнейшем демонтаже стен тем, что тяжелые стойки начали заваливаться внутрь сруба. Пришлось их постепенно извлекать наружу сначала вручную, затем с помощью спецтехники.

После того как последнее бревно нижнего венца сруба транспортировали на рабочую площадку, возле насыпи кургана подготовили место для повторного возведения уникальной деревянной конструкции. Предварительно производилась атрибуция бревен, вынутых из заполнения могильной ямы и складированных на площадках рядом с раскопом и в ближайшем перелеске. В течение первого светового дня удалось смонтировать последовательно только четыре венца сруба (рис. 2, *1–4*). На следующий день работы по сборке сруба были

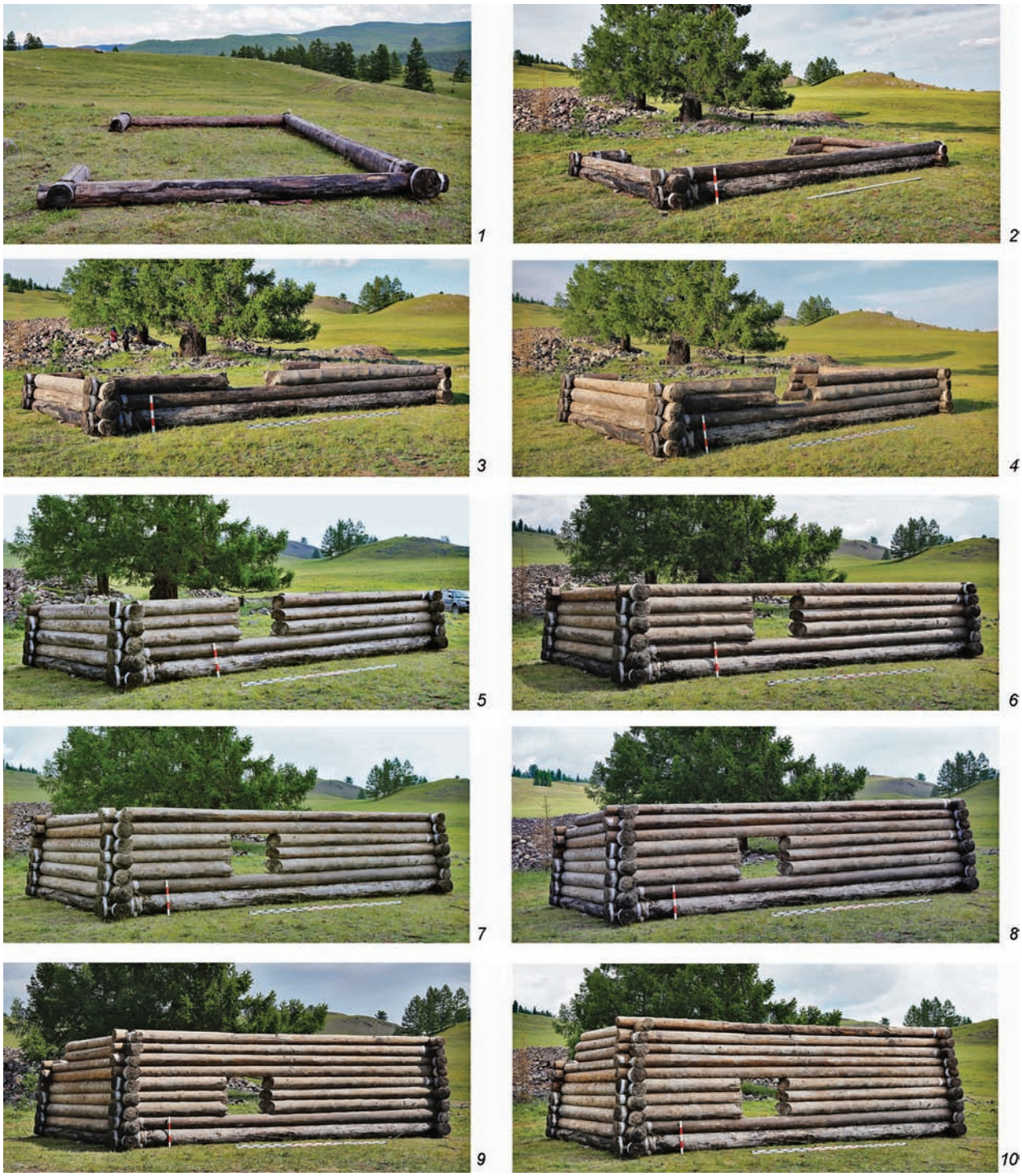

Рис. 2. Курган 5 могильника Пазырык. Горный Алтай, урочище Пазырык, 2019 г. Фото последовательной, повенцовой сборки сруба на рабочей площадке рядом с курганом.

продолжены (рис. 2, *5–10*). Начиная с 6 венца, снова пришлось прибегнуть к помощи спецтехники. В процессе сборки было установлено, что горизонтальные плоскости-лежаки каждого последующего бревна во всех стенах, начиная с шестого венца, строители намеренно отесывали с наклоном вовнутрь примерно на 15° (рис. 3, *1–3*), а чашки замков углового сопряжения вырублены с отступом от края торца на 5–7 см с таким расчетом, чтобы каждое бревно следующего венца было смещено внутрь к центру сруба. В результате этого технологического приема внешний вид сруба приобретал форму усеченной пирамиды (см. рис. 2, *10*; 4).

После того как сруб был полностью собран, состоялась полная атрибуция бревенчатой конструкции снаружи и изнутри. Целыми, хорошей сохранности оказались только бревна восточной и южной стен сруба. Все бревна северной стены были пропилены пилой в 1949 г. сверху донизу (в верхних бревнах десятого венца, отступая от северо-восточного угла сруба на 0,83 м, от северо-западного – примерно на 1,05 м). Выпиленные бревна, вероят-

Рис. 3. Особенности монтажа стен внешнего сруба из кург. 5 могильника Пазырык.

1–3 – отеска плоскостей межвенцовых лежаков с наклоном внутрь на 15°; *4–9* – рубка выемок для угловой вязки бревен разными плотниками.

Рис. 4. Атрибуция стен внешнего сруба из кург. 5 могильника Пазырык.
1 – южная стена; *2* – восточная стена; *3* – западная стена; *4* – северная стена.

но, были использованы на вспомогательные нужды, связанные, как выяснилось при технико-технологическом анализе, с укреплением стен могильной ямы от случайных обвалов. Пропил был косой и неровный, видно, пилили наспех, не соблюдая никаких технологических плотницких канонов (рис. 4, *4*).

Бревна западной стены сруба с десятого по седьмой венец, спиленные наклонно под углом (рис. 4, *3*), судя по планиграфии пространства могильной ямы, вероятно, мешали работе в околосрубном пространстве, где были погребены жертвенные кони и колесница.

Измерения снаружи камеры по нижнему и верхнему периметрам показали следующие ее размеры. Вверху южной стены – 6,66 × 6,88 м, восточной – 3,88 × 3,92 м, северной стены – 6,70 × 7,00 м, западной – 3,80 × 3,90 м. Высота стен в углах сруба: северо-восток – 2,02 м, юго-запад – 2,03 м, юго-восток – 2,03 м. Площадь сруба изнутри – 19,7 м²; снаружи – 27,4 м².

Внутри камеры восточная стена: верх – 3,05 м, низ – 3,16 м; южная стена: верх – 5,92 м, низ – 6,12 м; западная стена: верх примерно – 3,04 м, низ – 3,15 м, северная стена: примерно – 6,23 м (верхние бревна в северной и западной стенах распилены в 1949 г.). Площадь сруба по нижнему венцу составила 28 м².

Проем-окно в северной стенке в бревнах третьего–пятого венцов для бревен зажимов колоды прорублено снаружи с большим сужением к внутренней плоскости стены. Снаружи: низ – 96 см, верх – 91 см, высота – 63 см. Изнутри: низ – 65 см, верх – 70 см, высота – 62 см.

Замеры столбов-опор, особенности их изготовления, полукруглые лежаки с овальными выступами-бортиками для матиц, пары проушин для транс-

портировки показали следующие результаты. Юго-восточная опора: диаметр – 0,57 × 0,45 м; длина – 2,78 м с овальными выступами бортиков для матиц-переводин. Выступы-бортики: ширина 30 см, высота 15 см. Полукруглая выемка для матицы – 0,34 м. Одна пара проушин посередине: квадратной формы 8 × 8 см, глубиной 17 см. Отверстия прорублены навстречу друг другу под углом 90°.

Юго-западная опора: диаметр – 0,52 × 0,44 м, длина – 2,75 м. Выступы-бортики овальные – 18 × × 7 см, толщиной у основания 8 см. Одна пара проушин вверху: подпрямоугольной формы 12 × × 17 см. Отверстия прорублены под тупым углом навстречу друг другу на глубину 14 см.

Центральная стойка у южной стены оказалась с отпиленным верхом. Сохранившийся диаметр – 0,44 × 0,43 м, длина – 2,10 м. У нее была одна пара проушин, прорубленных посередине: квадратной формы 8 × 8 см, глубиной 13 см.

Северо-восточная опора: диаметр – 0,53 × × 0,46 м, длина 2,55–2,58 м. Верхний торец с овальными выступами-бортиками для горизонтальных матиц обгорел и деформировался. Две пары отверстий для проушин вверху и внизу прямоугольные, размерами 12,5 × 12,5 см, глубиной 14 см.

Северо-западная опора: диаметр – 0,55 × 0,48 м, длина – 2,78 см. Один овальный выступ бортик размерами 18 × 7 см, толщиной у основания 6 см. Второй бортик срублен, вероятно, в 1949 г. Выемка для матицы полукруглой формы вырублена на глубину 0,3 м. Внизу изготовлена одна пара проушин подпрямоугольной формы 9,5 × 8 см, 13 × 9 см. Отверстия прорублены под тупым углом навстречу друг другу на глубину 9 см.

Центральная стойка у северной стены была с отпиленным верхом. Сохранившиеся диаметр – 0,50 × × 0,48 м, длина – 2,16 м. У нее отсутствовали проушины (вероятно, тоже спилены, т.к. были изготовлены вверху, как у юго-западной опоры).

Повенцовая разметка стен сруба была зафиксирована исследователями при раскопках кургана в 1949 г., скорее всего, по отпиленным бревнам северной стены и по внешним стенам внутреннего сруба. Другие внешние поверхности стен внешнего сруба скрывало плотно утрамбованное заполнение. Знаки разметки были обнаружены и на перекрытиях обоих срубов [Руденко, 1953, с. 79].

В процессе раскопок 2019 г. мы выявили, что разметка наносилась на всех внешних плоскостях бревен. Она производилась легкими двойными ударами лезвия тесла (рубящим и подрубающим), последовательно по номеру венца в срубе ровными рядами зарубок длиной 4–5 см, шириной 0,5 см, глубиной 0,3–0,5 см (рис. 5, *1–3*). Разметка зафиксирована: на южной стене – у юго-восточного угла, на восточной – посередине, на западной – у северо-западного угла, на северной – посередине, на бревнах потолка – посередине. На верхних поперечных бревнах десятого венца восточной и западной стен четко отпечатались следы опорных вырубок бревен перекрытия (рис. 5, *4*).

Судя по качеству и чистоте исполнения, замки-чашки угловых сопряжений выполняли несколько плотников разной квалификации (см. рис. 3, *4–9*). Вероятно, в постройке срубов участвовала целая бригада мастеров древоделов. На это указывает и различное качество исполнения и обработки торцов бревен сруба. В одном углу сруба они двух разных видов: закругленные с небольшой выпуклостью, образованной круговой отеской лицовочным теслом с боков к центру торца, и почти вертикально отвесные (рис. 5, *5–11*).

По окончании экспресс-реконструкции произведена последовательная разборка (демонтаж) бревен сруба, отбор образцов спилов и кернов для дендрохронологического анализа. При этом была получена дополнительная информация по технологии деревообработки. Затем каждый артефакт был подготовлен к транспортировке в государственный Национальный музей республики Алтай им. А.В. Анохина в г. Горно-Алтайск.

Выводы

Время еще раз подтвердило, что только детальный технико-технологический анализ деревянных артефактов и их камеральная обработка в процессе раскопок археологического памятника позволяют максимально полно получить весь объем информации о древней деревообработке и точно восстановить и показать весь процесс и особенности изготовления предметов различного функционального назначения.

Исследование в 2018–2019 гг. оставленного в 1949 г. внешнего сруба двухкамерного погребального сооружения в могильной яме кург. 5 могильника скифского времени Пазырык дало много новой ценной информации по обработке дерева в раннем железном веке на Алтае и сопредельных территориях. Полученный банк данных в ближайшее время предстоит осмыслить и ввести в научный оборот. Но уже сейчас можно высказать несколько аргументированных предположений. Это погребение особенное. Оно по ряду планиграфических признаков и анализу сопроводительного материала имеет некоторое отличие от канонов погребального обряда пазырыкской группы курганов, что в значительной степени подтверждается и данными технико-технологического анализа традиций обработки дерева.

Рис. 5. Атрибуция стен внешнего сруба из кург. 5 могильника Пазырык.

1–3 – особенности разметки венцов бревен в стене; *4* – отпечатавшиеся следы чашек опор бревен перекрытия сруба; *5* – угол сруба, где фиксируются особенности чередования вершинной и комлевой частей бревен в венцах; *6–11* – особенности отески торцов бревен.

Курган 5 отстоит от правильной цепочки 1–4 курганов, ориентированных по оси север–юг, далеко на юго-восток. Он сооружен на более низкой долинной террасе. У каждого из первых четырех больших курганов Пазырыка от полы каменной насыпи по направлению к востоку поставлена линия вертикальных камней балбалов до двух десятков штук и более. У кург. 5 она отсутствует. Вокруг каменной

насыпи этого кургана возведено кольцо из вертикально поставленных плоских плит и сооружены особые каменные выкладки в виде расходящихся лучей. Этого нет у первых четырех курганов Пазырыка. Крепиду из вертикальных плит вокруг насыпи выявил С.И. Руденко у курганов, находящихся возле с. Туэкта в долине р. Урсул [Руденко, 1953, с. 26–28]. Он же констатировал, что на верхнем берестяном покрытии кург. 5 не было настила из курильского чая, как в остальных пазырыкских курганах [Там же, с. 373]. Сумма этих отличительных признаков может указывать на особенности погребального ритуала.

Нами установлено, что внутренний сруб кург. 5 единственный из пазырыкских имеет внутри камеры отеску бревен «в лас» с закруглениями в углах, ближайшие аналогии которому выявились при раскопках кургана Аржан-2 в Туве в начале третьего тысячелетия. Однако между ними разница в возрасте почти четыре века. Факты, связанные с устройством кургана и особенностями технологии изготовления погребальных сооружений из дерева в нем, могут свидетельствовать о миграциях домостроительных традиций в раннем железном веке на Алтай из сопредельных с ним территорий и адаптации их к местным обычаям.

Список литературы

Гаврилова А.А. Пятый пазырыкский курган. Дополнения к раскопочному отчету и исторические выводы // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы Междунар. конф. – СПб.: РГНФ, ИИМК, РАН, Гос. Эрмитаж, 1996. – С. 89–102.

Марсадолов Л.С. Краткое послесловие к статье А.А. Гавриловой // Жречество и шаманизм в скифскую эпоху: мат-лы Междунар. конф. – СПб.: РГНФ, ИИМК, РАН, Гос. Эрмитаж, 1996. – С. 105–107.

Мыльников В.П. Обработка дерева носителями пазырыкской культуры. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999а. – 232 с.

Мыльников В.П. Погребальный комплекс Пазырык 5 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1999б. – Т. V. – С. 467–471.

Мыльников В.П. Деревообработка в эпоху палеометалла (Северная и Центральная Азия). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2008. – 364 с.

Мыльников В.П. Обработка дерева в скифское время на Монгольском Алтае // Замерзшие погребальные комплексы пазырыкской культуры на южных склонах Сайлюгема (Монгольский Алтай). – М.: Триумф принт, 2012. – С. 409–490.

Руденко С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 402 с.

References

Gavrilova A.A. Pyatyi pazyrykskii kurgan. Dopolneniya k raskopochnomu otchetu i istoricheskie vyvody. In *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Petersburg: RGNF, IIMK, RAS, Hermitage, 1996, pp. 89–102 (in Russ.).

Marsadolov L.S. Kratkoe posleslovie k stat'e A.A. Gavrilovoi. In *Zhrechestvo i shamanizm v skifskuyu epokhu: materialy Mezhdunarodnoi konferentsii*. St. Petersburg: RGNF, IIMK, RAS, Hermitage, 1996, pp. 105–107 (in Russ.).

Mylnikov V.P. Obrabotka dereva nositelyami pazyrykskoi kul'tury. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999a, 232 p.

Mylnikov V.P. Pogrebal'nyi kompleks Pazyryk 5. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1999b, vol. V, pp. 467–471 (in Russ.).

Mylnikov V.P. Derevoobrabotka v epokhu paleometalla (Severnaya i Tsentral'naya Aziya). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2008, 364 p. (in Russ.).

Mylnikov V.P. Obrabotka dereva v skifskoe vremya na Mongol'skom Altae. In *Zamerzshie pogrebal'nye kompleksy pazyrykskoi kul'tury na yuzhnykh sklonakh Sailyugema (Mongol'skii Altai)*. Moscow: Triumf print, 2012, pp. 409–490 (in Russ.).

Rudenko S.I. Kul'tura naseleniya Gornogo Altaya v skifskoe vremya. Moscow; Leningrad: AS USSR Publ., 1953, 402 p. (in Russ.).

Мыльников В.П. https://orcid.org/0000-0002-7532-9607

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.507-515
УДК 902/903

Л.Н. Мыльникова[1], В.И. Молодин[1], И.А. Дураков[2], Ю.Н. Ненахова[1], Н.С. Ефремова[1], С. Хансен[3], Л.С. Кобелева[1], Д.В. Селин[1], Д.А. Ненахов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
[3]Германский археологический институт
Берлин, Германия
E-mail: L.Mylnikova@mail.ru

Погребение мастера-гончара бронзового века (памятник Тартас-1, Барабинская лесостепь)

Находки орудий гончаров довольно редки, а в погребальных комплексах они единичны. Особое отношение мастеров гончарного производства к своему инструментарию известно по этнографическим материалам: его передавали по наследству, редко – захоранивали вместе с мастером. Поэтому вопрос о существовании этой группы специалистов остается открытым в виду недостатка информации. При исследовании памятника Тартас-1 в полевой сезон 2019 г. обнаружено погребение мастерицы-гончара андроновской (фёдоровской) культуры. Умершая захоронена на правом боку в скорченном положении, ориентирована головой на восток. Ноги согнуты в коленях и подогнуты к животу, руки согнуты в локтях, кисти расположены близко к лицевой части черепа. Погребальный инвентарь включал бронзовое шильце, несколько бронзовых пронизей, два глиняных сосуда, два лощила и зубчатый орнаментир. На основе результатов бинокулярного анализа выявлены следы износа и признаки деформации на рабочих плоскостях лощил и орнаментира. Своеобразное строение зубчика на малом рабочем крае «гребенки» и наличие подобного дефекта на отпечатках орнаментира в орнаментальном поле сосуда № 1 позволили сделать вывод о том, что мастер произвел орнаментацию сосуда с помощью данного инструмента. В качестве сопроводительного инвентаря с погребенной захоронены не только ее инструменты, но и ее изделие. Зафиксировано, что в могиле находятся два сосуда, изготовленные по различным программам, следовательно, в могилу помещали изделия, произведенные разными мастерами. Очевидно, что у населения, оставившего данное погребение, существовало несколько традиций изготовления сосудов (по крайней мере, две).

Ключевые слова: *гончарное производство, андроновская (фёдоровская) культура, орнаментиры.*

Liudmila N. Mylnikova[1], Vyacheslav I. Molodin[1], Igor A. Durakov[2], Yuliya N. Nenakhova[1], Natalya S. Efremova[1], Svend Hansen[3], Liliya S. Kobeleva[1], Dmitrii V. Selin[1], Dmitrii A. Nenakhov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
[3]German Archaeological Institute,
Berlin, Germany
E-mail: L.Mylnikova@mail.ru

Bronze Age Burial of a Potter (Tartas-1, Baraba Forest Steppe)

Potters' tools have been discovered relatively rarely, and they occur in burial complexes only sporadically. Special attitude of potters to their tools is known from the ethnographic evidence: such tools were inherited and were rarely buried with their owners. The question on the existence of this group of artisans remains open due to the lack of information. A

burial of a female potter of the Andronovo (Fedorovka) culture was discovered during the study of the Tartas-1 site in the field season of 2019. The deceased was placed on her right side in the crouched position, and was oriented with her head to the east. Her legs were bent and pulled to the stomach; her arms were bent, and hands were placed close to the facial part of the skull. The funeral inventory included bronze awl, several bronze tubular beads, two pottery vessels, two polishers, and denticulate ornamentation tool. Binocular analysis has shown traces of wear and deformation on the working surfaces of polishers and ornamentation tool. Distinctive configuration of a denticle on the small working edge of the "comb" and presence of the same defect on the imprints in the ornamental field of vessel No. 1 have made it possible to conclude that the potter used that ornamentation tool for decorating the vessel. Thus, the accompanying inventory of the female artisan included not only her tools, but also her product. It has been found that two vessels made according to different programs were placed into the grave. Therefore, the population which left that burial had several traditions (at least two) of pottery manufacturing.

Keywords: *pottery, Andronovo (Fedorovka) culture, ornamentation tools.*

Введение

Погребения специалистов-мастеров встречаются в погребальных комплексах эпохи бронзы не так уж часто. Как правило, такие захоронения связаны с мастерами – литейщиками бронзы [Бочкарев, 1975, 2010; Епимахов, Берсенева, 2016; Калмыков, Березина, Гресси и др., 2018; Халяпин, 2005; и др.]. Пожалуй, одно из наиболее замечательных захоронений специалиста по бронзовому литью в Северной Азии было исследовано на памятнике Сопка-2/4Б, в Центральной Барабе [Молодин, 1983]. Открыты захоронения мастеров-литейщиков, относящиеся к позднекротовской (черноозерской) культуре, и на соседнем с Сопкой некрополе Тартас-1 [Молодин, Дураков, Кобелева, 2016]. Очевидно, что для эпохи ранней–развитой бронзы специалисты-металлурги были уже явно дифференцированы и особо почитаемы в обществе.

А что можно сказать о мастерах-гончарах? Была ли эта не менее сложная и не менее значимая для общества профессиональная ориентация доступна широкому кругу производителей или все-таки уже выделялись мастера, изготавливавшие сосуды по специальному заказу или для возможного обмена? Такие вопросы не выглядят риторическими, поскольку речь идет об андроновской (фёдоровской) культуре, для которой типична удивительная по красоте и качеству керамическая продукция. При этом наряду с «массовыми» керамическими комплексами, особенно характерными для поселений, имеют место замечательные произведения керамического производства, встречающиеся преимущественно в погребальных комплексах. Это – горшки, отличающиеся высоким качеством обработки поверхности, украшенные жестко канонизированной орнаментальной композицией, за которой кроется несомненный мифологический контекст (см.: [Зотова, 1965]).

Мы предполагаем, что в среде андроновского (фёдоровского) населения имелись талантливые мастера – специалисты по изготовлению керамической посуды. Это были еще не мастера-ремесленники, изготавливавшие узкоспециализированную продукцию для обмена и продажи, однако, по-видимому, выделялись гончары, продукция которых особо ценилась в том или ином сообществе.

Возможно, с проявлением такого феномена следует связывать открытие на могильнике Тартас-1 андроновского (фёдоровского) захоронения № 750, в котором погребена взрослая женщина, сопровождаемая в мир иной, помимо характерной посуды, костяным зубчатым штампом для нанесения орнамента.

Описание погребения и материалов

Погребение (рис. 1) расположено в северо-западной части могильного поля. На уровне материка фиксировалось в виде пятна подпрямоугольной формы с закругленными углами, темно-серого цвета. В северо-восточной и центральной части объекта отмечены линзы желто-серого цвета. Размеры пятна составляли 1,08 × 1,64 м.

Заполнение могильной ямы неоднородно (рис. 1, *А*). В верхней части зафиксирована прослойка темно-серой супеси с вкраплениями желтого суглинка (современное заполнение) размером 0,42 × 0,03 м, примыкающая к северной стенке. Основное заполнение представлено слоем темно-серой супеси мощностью до 0,23 м, который располагался на слое такой же темно-серой супеси, но с линзами мешаной желтой и мелкими вкраплениями черной супеси (до 0,39 м). В этом слое отмечено три линзы темно-серой (почти черной) почвы. Кости человека располагались по центру в придонной части погребальной камеры (рис. 1, *Б*).

После выборки заполнения могильная яма имела подпрямоугольную форму с закругленными углами. Размер ее по верхнему абрису – 1,26 × × 1,72 м, по нижнему – 1,11 × 1,58 м. Глубина от уровня материка – 0,47 м. Стенки ровные, пологие. Дно ровное. Фиксируется небольшой наклон с юга на север до 0,05 м.

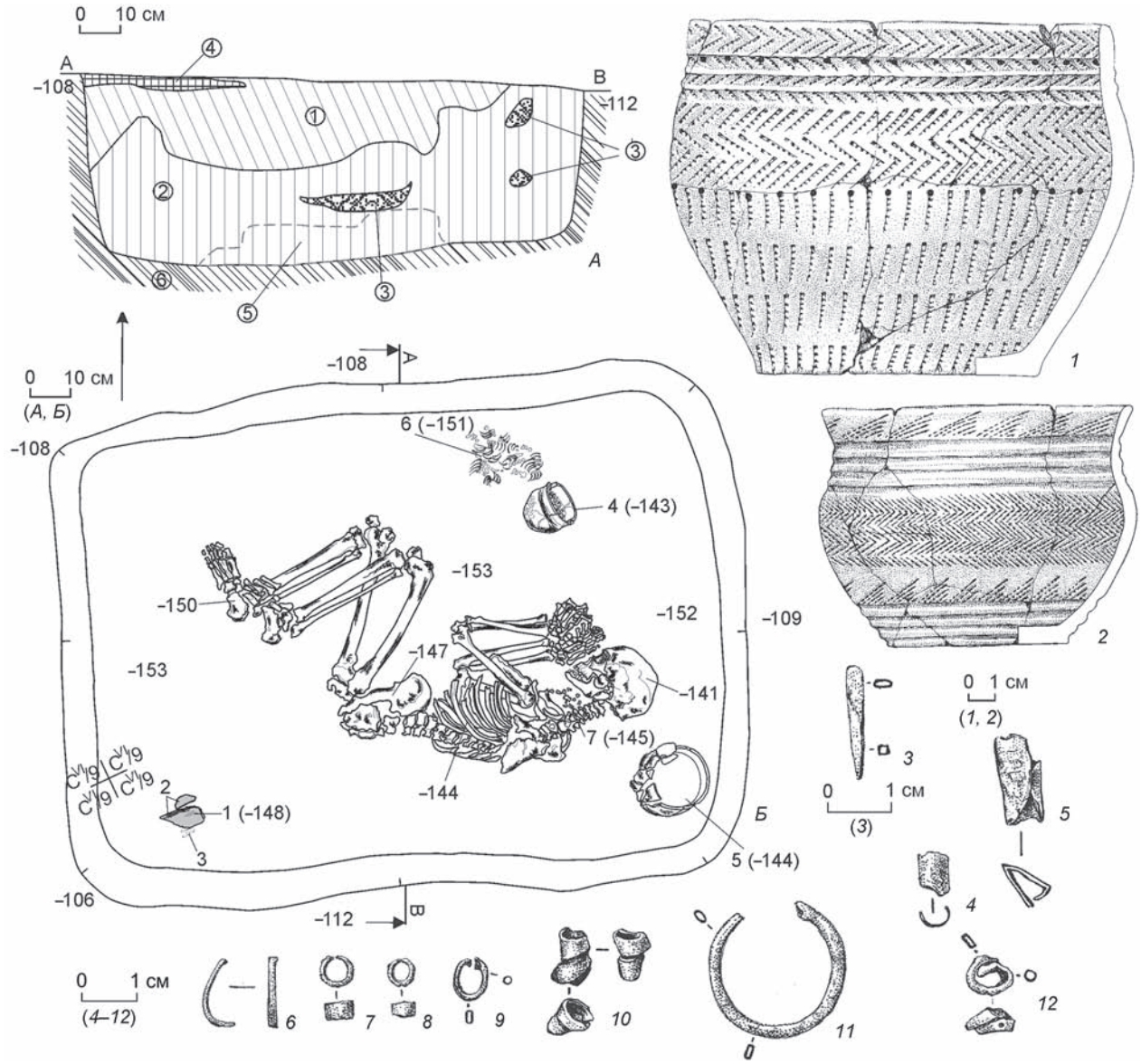

Рис. 1. Погребение № 750 из могильника Тартас-1.

А – стратиграфический разрез: 1 – темно-серая супесь; 2 – темно-серая супесь с линзами мешаной желтой супеси и мелкими вкраплениями серой и черной супеси; 3 – темно-серая (почти черная) супесь; 4 – темно-серая супесь с вкраплениями желтого суглинка (колея); 5 – область залегания костей человека; 6 – желтый суглинок («материк»).

Б – план: 1 – бронзовое шило; 2 – орудия гончара; 3 – зуб животного; 4 – керамический сосуд № 1; 5 – керамический сосуд № 2; 6 – кости рыбы; 7 – бронзовые изделия (пронизки, кольцо, обломок кольца).

1 – сосуд № 2; *2* – сосуд № 1; *3* – бронзовое шило; *4, 5* – пронизки из бронзы; *6, 9* – расплющенные проволочки; *7, 8* – бронзовые бусины; *10, 12* – пластинки из расплющенной проволоки; *11* – бронзовая серьга.

На дне ямы, в ее центральной части находился скелет взрослой женщины. Погребенная была положена на правый бок в характерной для культуры скорченной позе, ориентирована головой на восток. Ноги согнуты в коленях и подогнуты к животу, при этом руки согнуты в локтях и кисти расположены близко к лицевой части черепа.

В могилу был помещен значительный инвентарный набор. В юго-западном углу располагалось бронзовое шильце – четырехугольное в сечении, с приплюснутым насадом. Длина изделия – 1,7 см (рис. 1, *3*). Рядом с шилом найден зуб животного.

В этой же части могилы, за черепом, находился керамический сосуд (№ 2) баночной закрытой формы (рис. 1, *1*). Его размеры: диаметр венчика – 14,8 см, диаметр дна – 9,8 см, максимальный диаметр тулова – 16,3 см, высота изделия – 13 см. Выполнен из плохо подготовленного «сухого» теста с естественными примесями в сырье песка и небольшого количества органики по рецепту глина + некалиброванный шамот (в концентрации ~ 1 : 4). Сформован на основе донного начина

и ленточного налепа. Обжиг изделия – без доступа кислорода с быстрым остыванием в конце операции. От венчика до середины тулова сосуд орнаментирован четырьмя рядами зигзага, углом ориентированного в правую сторону. Каждый ряд сформирован разнонаправленными наклонными оттисками гребенчатого штампа. После первой линии зигзага идет ряд круглых вдавлений (диаметр до 0,02 см), затем три ряда каннелюр, заполненных наклонными оттисками гребенчатого штампа. Под четвертым рядом зигзага следуют четыре ряда наклонных оттисков (вправо) гребенчатого штампа, поставленного под острым углом к плоскости. Поверх верхнего ряда располагается еще один ряд округлых вдавлений.

Ряды ямочных вдавлений не характерны для классической андроновской (фёдоровской) посуды. Сосуд с подобным мотивом, нанесенным по основному орнаменту, известен в материалах могильника Соленоозерная-1 из Минусинской котловины [Максименков, с. 178, табл. XLIII, 5]. Однако этот мотив декора типичен для посуды северных таежных районов, например, сузгунской культуры. Подобная орнаментальная схема была характерна и для изделий предшествующей андроновской – одиновской культуры. То, что в захоронениях андроновской (фёдоровской) культуры на памятнике Тартас-1 найдено уже не менее трех таких сосудов, позволяет говорить о несомненных северо-западных влияниях на данную группу андроновского населения.

Керамический сосуд № 1 (рис. 1, *2*) находился в северо-восточной части могилы. Он имеет горшковидную форму. Размеры изделия: диаметр по венчику – 11,2 см, диаметр дна – 6,7 см, диаметр тулова – 12,5 см, высота сосуда – 8,9 см. Изготовлен на основе емкостного начина лоскутной техникой. Однако следов формы-основы или формы-емкости не прослеживается. Дно наложено на емкость. Горловина возведена жгутовым налепом. Под венчиком сосуд орнаментирован косыми треугольниками, составленными из наклонных рядов (5 шт.) отступающего гребенчатого штампа без обводки по периметру. По шейке идут четыре линии каннелюр, которые выполнены раньше треугольников на венчике. По тулову – пять рядов наклонного отступающего гребенчатого штампа, каждая линия разнонаправлена, первая сверху наклонена влево, вторая – вправо и так поочередно, что составляет «елочку». Ниже идет ряд наклонных треугольников, подобных тем, что имеются на верхней части сосуда. Придонная часть орнаментирована четырьмя рядами каннелюр. Дно не орнаментировано. Таким образом, этот сосуд является классическим для носителей андроновской (фёдоровской) культуры.

Скопление рыбы находилось между северной стенкой и керамическим сосудом № 1. Площадь скопления примерно 0,12 × 0,18 м. Представлено позвонками, костями; некоторые из них находились в сочленении с позвонками (т.е. рыба была положена, скорее всего, разделанной на куски).

В области шейных позвонков найдены фрагменты бронзовых изделий, а также бронзовые пронизки (1,6 × 0,4 см) (рис. 1, *4, 5*), две свернутые в спираль пластинки из расплющенной проволочки (небольшого размера) (рис. 1, *10, 12)*, две согнутые расплющенные проволочки (рис. 1, *6, 9*), две бронзовые бусины (0,5 × 0,3 см, 0,4 × 0,2 см) (рис. 1, *7, 8*). С левой стороны под челюстью найдена бронзовая серьга – не сомкнута, диаметр 2,5 см, сформирована из сплющенной проволоки (рис. 1, *11*).

В юго-западном углу захоронения найдены три изделия из кости, идентифицированные как орудия гончара. Все изделия представляют собой небольшие пластинки неправильной подпрямоугольной формы. Размеры предметов варьируют: длина от 2,2 до 5,9 см, ширина от 2,9 до 10,6 см. Сохранность изделий хорошая.

Орудие 1. Изготовлено на пластине из лопатки животного. Оно неправильной прямоугольной формы: два угла скруглены, два острые, с одного края намеренно выполнена выемка для удобного расположения инструмента в руке. Размеры изделия: 5,9 × 10,6 × 0,02 см (рис. 2, *1*). На выемке имеются следы износа: затертость, залощенность (рис. 2, *3*). Признаки деформации фиксируются также на двух рабочих краях (рис. 2, *2, 4*). Таким образом, инструмент выполнял, очевидно, функцию лощила.

Орудие 2 располагалось рядом с первым. Костяная пластина в форме полукруга, ее размер 4,8 × 2,9 × 0,03–0,01 см (рис. 3, *1*). Один рабочий край сильно залощен (рис. 3, *2*). Угол инструмента также имеет следы износа, что свидетельствует о его использовании как лощила (рис. 3, *3*). Если учесть размеры изделия и сработанность данной части, его можно интерпретировать и как «лопатку». Оттиски подобных инструментов имеются на сосудах могильника из других погребений, а также являются одним из характерных элементов орнамента на сосудах андроновской (фёдоровской) культуры.

Орудие 3 – орнаментир «гребенка», выполненный на изогнутой костяной пластине подпрямоугольной формы. Размеры: 2,2 × 5,4 × 0,02 см (рис. 4). Имеет два рабочих края на углу пластины. На одном крае (протяженность 1,7 см) оформлены 12–13 (рис. 4, *3, 4*), на втором (протяженность 1,2 см) – 7–8 зубцов (рис. 4, *2, 6*). Последний зубец первого края и первый второго – смыкаются (см. рис. 4, *5*). На участке пластины, примыкающем к рабочему краю, четко фиксируются затер-

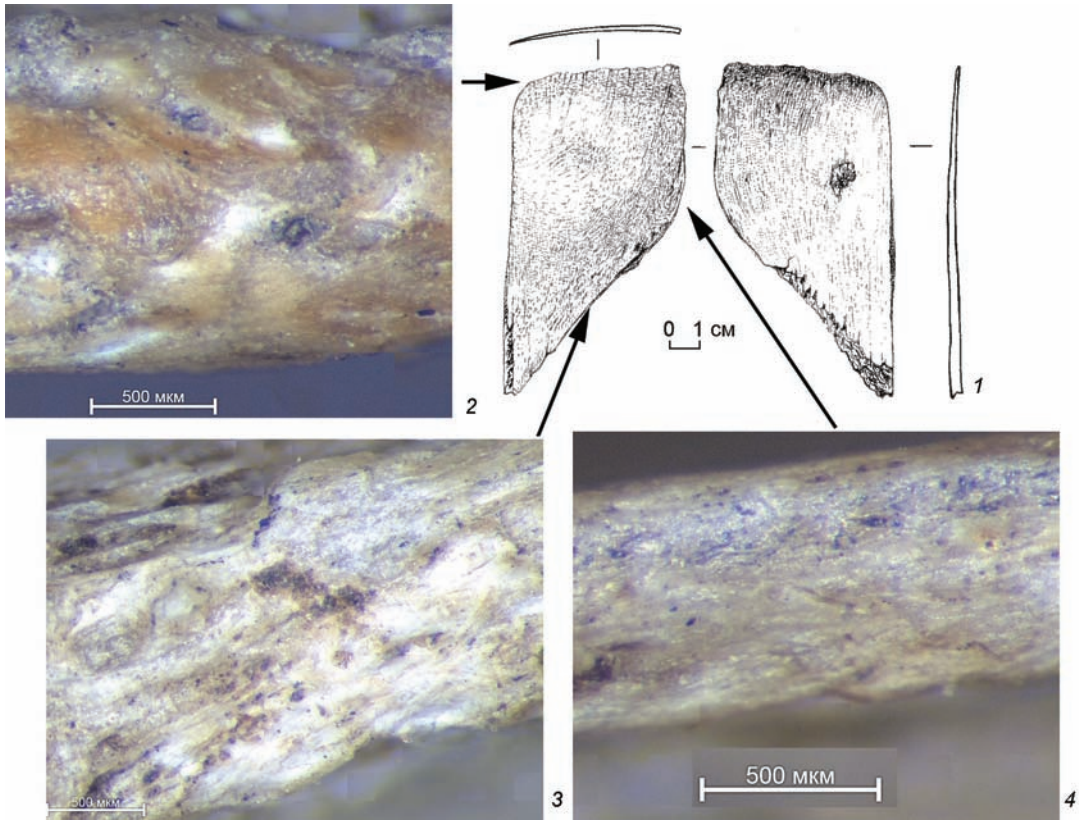

Рис. 2. Костяное лощило (*1*) и микрофотографии участков его рабочих поверхностей (*2–4*).

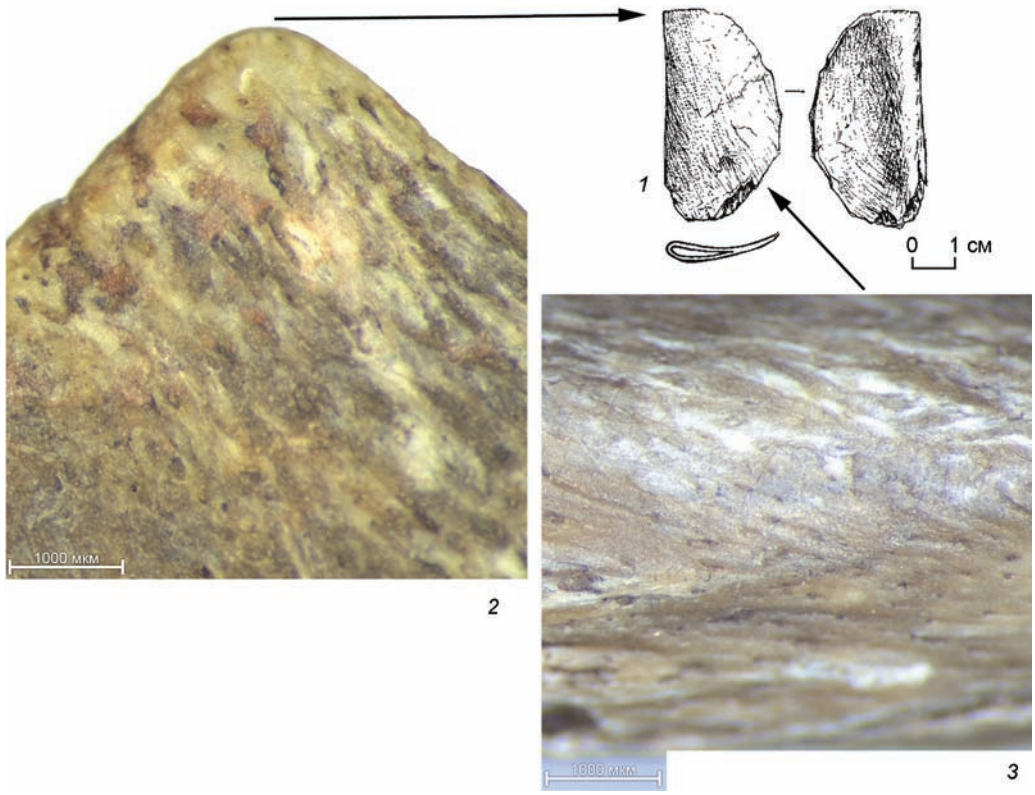

Рис. 3. Костяное лощило-орнаментир (*1*) и микрофотографии участков его рабочих поверхностей (*2*, *3*).

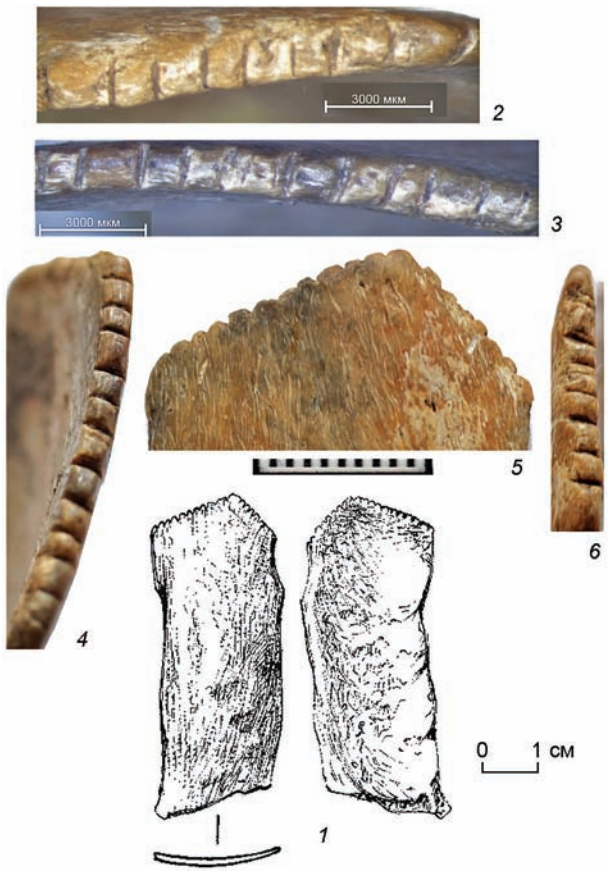

Рис. 4. Костяной орнаментир «гребенка» (*1*); микрофотографии участков его рабочих поверхностей (*2*, *3*); фото рабочей поверхности инструмента (длинный участок) (*4*); боковое фото рабочей площадки инструмента (*5*); фото рабочей поверхности инструмента (короткий участок) (*6*).

тость, залощенность как результат изношенности инструмента из-за постоянного зажима его в руке мастера (рис. 5, *1*, *2*). Полная рабочая поверхность орудия имеет немного изогнутую форму, что давало возможность нанесения орнамента обоими краями не только техникой штампования, но и «гребенчатой качалки».

Отмечена важная деталь – на малом крае орнаментира имеется дефект на зубце (рис. 5, *3*). Подобный дефект читается и на оттисках штампа (рис. 5, *4*), которым орнаментирован сосуд № 1 (рис. 5, *5*).

Обряд захоронения и характеристика инвентарного набора позволяют отнести данное погребение к андроновской (фёдоровской) культуре.

Выводы

Находки инструментария гончаров – достаточно редкое явление. Большинство известных на сегодняшний день штампов происходят в основном из поселенческих комплексов [Дубовцева, 2017; Захожая, 1994; Клементьева, Погодин, 2017; Кокшаров, 2009; Мыльникова, Чемякина, 2002; Куличков, Смольянинов, 2015; Молодин, Мыльникова, Нестерова и др., 2018], встречаясь единично на погребальных памятниках (см., напр.: [Алексашенко, Яншина, 2017]). Большую часть таких находок составляют орнаментиры «гребенка». Как отмечают исследователи, зубчатый штамп – самое распространенное орудие орнаментации керамики, начиная с культур эпохи неолита разных районов мира – Восточной и Западной Европы, Сибири, Средней Азии. И.Н. Калинина связывает это явление с возможностью использовать природные штампы в виде челюстей мелких животных [Калинина, Устинова, 1990], С.А. Семенов – с тем, что орнаментация изделий зубчатым орнаментиром не требовала особого мастерства

Рис. 5. Лицевая (*1*) и обратная (*2*) сторона орнаментира; зубчик орнаментира с дефектом на малой рабочей поверхности (*3*); отпечаток зубчатого инструмента на сосуде № 1 (*4*); орнаментированная поверхность сосуда № 1 и зубчатый инструмент (*5*).

[1955]. По мнению И.С. Жущиховской, зубчатый штамп привлекал древних гончаров тем, что с его помощью можно было изображать большое количество различных вариантов орнамента. Им можно создавать узоры разными способами: тиснением, когда оттиск соответствует по размеру и форме зубцов инструмента; прочесыванием, когда протягиванием инструмента по поверхности создаются длинные параллельные борозды. При этом, в зависимости от положения орнаментира в руке мастера, угла его соприкосновения с поверхностью сосуда увеличивалось число вариантов орнамента [2001].

Находки штампов-орнаментиров в памятниках андроновской культуры единичны. Есть упоминания о костяном штампе в виде овальной пластины с зубцами и бронзовом зубчатом колесике из поселения на Семипалатинских дюнах; а также о костяном штампе – из поселения Канай [Черников, 1960, рис. 13, 1, 2, табл. XIV, 1, 2]. Е.Е. Кузьмина упоминает о глиняном зубчатом штампе из кург. 1 в могильнике Сосновка [1994, с. 116]. Поэтому обнаружение на памятнике Тартас-1 погребения мастера-гончара имеет большое значение.

Особое отношение гончаров к своему инструментарию известно по этнографическим материалам: его передавали по наследству [Пошивайло, 1993], редко – захоранивали вместе с мастером [Волкова, 1998]. Анализ изделий и сосудов, найденных в погр. № 750, показывает, что орнаментир «гребенка» является инструментом, которым мастер произвел орнаментацию одного из сосудов. И оба изделия (орнаментир и сосуд) находятся в одной могиле. Погребенной мастерице положили в качестве сопроводительного инвентаря в могилу не только ее инструменты, но и ее изделие. Кроме того, из факта, что в погребении находятся два сосуда, изготовленных по различным программам, следует еще один вывод: в могилу помещали сосуды, произведенные разными мастерами. Развивая этот тезис, можно утверждать, что у населения, оставившего данное погребение, существовало несколько традиций изготовления сосудов (по крайней мере, две). Это следует учитывать при интерпретации гончарных традиций населения культуры.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-09-00406 «Население Среднего Приомья в раннем голоцене по материалам новейших археологических комплексов: периодизация, хронология, культурогенез».

Список литературы

Алексашенко Н.А., Яншина О.В. Керамические штампы Эквенского могильника // Археология Евразийских степей. – 2017. – № 2. – С. 298–314.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы // 150 лет Одесскому археологическому музею АН СССР: тез. докл. – Одесса: Изд-во АН СССР, 1975. – С. 55–67.

Бочкарев В.С. Погребения литейщиков эпохи бронзы (методологический пересмотр) // Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. – СПб.: ИнфоОл, 2010. – С. 209–211.

Волкова Е.В. Керамика волосово-даниловского могильника фатьяновской культуры как исторический источник. – М.: Старый сад, 1998. – 259 с.

Дубовцева Е.Н. Эволюция орудий для гребенчатой орнаментации керамики Урала и Западной Сибири в неолите и бронзовом веке // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. – С. 4–19. – (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири; вып. VI).

Епимахов А.В., Берсенева Н.А. Металлопроизводство и социальная идентичность по материалам погребальных памятников синташтинской культуры южного Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 1. – С. 65–71.

Жущиховская И.С. История керамики Восточной Азии: уч. пособ. – Владивосток: Изд-во Владивост. гос. ун-та экономики и сервиса, 2001. – 13 с.

Захожая Т.М. Орнаментиры и технология нанесения узоров на посуде поселения Чилимка III // Экспериментальная археология. – Тобольск: Тобол. гос. пед. ин-т, 1994. – Вып. 3. – С. 42–51.

Зотова С.В. Ковровые орнаменты андроновской керамики // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва: к 60-летию со дня рождения. – М., 1965. – С. 177–180. – (МИА; № 130).

Калинина И.В., Устинова Е.А. Технологическая классификация орнаментов неолитической–энеолитической керамики Уральского региона // АСГЭ. – Л., 1990. – Вып. 30. – С. 7–19.

Калмыков А.А., Березина И.Я., Грески Ю., Добровольская М.В., Бужилова А.П. Погребение мастера-литейщика лолинской культуры на Ставрополье // КСИА. – 2018. – Вып. 251. – С. 64–79.

Клементьева Т.Ю., Погодин А.А. Технология орнаментации посуды позднего неолита поселения Большая Умытья 100 // Археология и история Северо-Западной Сибири: сб. науч. ст. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Уральский рабочий, 2017. – С. 20–49. – (Материалы и исследования по истории Северо-Западной Сибири, вып. VI).

Кокшаров С.Ф. Памятники энеолита Севера Западной Сибири. – Екатеринбург: Волот, 2009. – 272 с.

Кузьмина Е.Е. Откуда пришли индоарии? Материальная культура племен андроновской общности и происхождение индоиранцев. – М.: Калина, ВИНИТИ РАН, 1994. – 457 с.

Куличков А.А., Смольянинов Р.В. Искусственные орнаментиры на памятниках неолита–бронзы лесостепного Подонья // Изв. Самар. науч. центра РАН. История. Исторические науки. – 2015. – Т. 17, № 3. – С. 242–246.

Максименков А.Г. Андроновская культура на Енисее. – Л.: Наука, 1978. – 190 с.

Молодин В.И. Погребение литейщика из могильника Сопка-2 // Древние горняки и металлурги Сибири. – Барнаул: Алт. гос. ун-т, 1983. – С. 96–109.

Молодин В.И., Дураков И.А., Кобелева Л.С. «Клад литейщика» позднекротовской (черноозерской) культуры памятника Тартас-1 в лесостепной Барабе // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – № 2 (44). – С. 30–46.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Оригинальный комплекс эпохи раннего железного века на могильнике Усть-Тартас-2 (Барабинская лесостепь) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 299–303.

Мыльникова Л.Н., Чемякина М.А. Традиции и новации в гончарстве древних племен Барабы (по материалам поселенческого комплекса Омь-1). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – 200 с.

Пошивайло О.Н. Етнографія українського гончарства: Лівобережна Україна. – Киев: Молодь, 1993. – 410 с.

Семенов С.А. К изучению техники нанесения орнамента на глиняную посуду. Шнуровой и зубчатый орнаменты неолитической керамики Карелии // КСИА. – 1955. – Вып. 57. – С. 135–144.

Халяпин М.В. Погребение литейщика эпохи бронзы с территории степного Приуралья // Вопр. истории и археологии Западного Казахстана. – Уральск: Зап.-Казахстан. обл. центр истории и археологии, 2005. – Вып. 4. – С. 203–217.

Черников С.С. Восточный Казахстан в эпоху бронзы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 272 с. – (МИА; № 88).

References

Aleksashenko N.A., Yanshina O.V. Tamps for Pottery decoration Among Ekven Cemetery's toolkit. *Archaeology of the Eurasian Steppes*, 2017, No. 2, pp. 298–314 (in Russ.).

Bochkarev V.S. Pogrebeniya liteishchikov epokhi bronzy. In *150 let Odesskomu arkheologicheskomu muzeyu AN SSSR. Tezisy dokladov*. Odessa: AN SSSR Publ., 1975, pp. 55–67 (in Russ.).

Bochkarev V.S. Pogrebeniya liteishchikov epokhi bronzy (metodologicheskii peresmotr). In *Bochkarev V.S. Kul'turogenez i drevnee metalloproizvodstvo Vostochnoi Evropy*. St. Petersburg: InfoOl, 2010, pp. 209–211 (in Russ.).

Chernikov S.S. Vostochnyi Kazakhstan v epokhu bronzy. Moscow; Leningrad: AN SSSR Publ., 1960, 272 p. (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*, No. 88) (in Russ.).

Dubovceva E.N. Evolyuciya orudij dlya grebenchatoj ornamentacii keramiki Urala i Zapadnoj Sibiri v neolite i bronzovom veke. In *Arheologiya i istoriya Severo-Zapadnoj Sibiri: sbornik nauchnykh statey*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Ural'skij rabochiy, 2017, pp. 4–19 (*Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoj Sibiri*; iss. VI) (in Russ.).

Epimakhov A.V., Berseneva N.A. Metal-production, mortuary ritual, and social Identity: the Evidence of Sintashta burials, Southern Urals. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 1, pp. 65–71.

Kalinina I.V., Ustinova E.A. Tekhnologicheskaya klassifikaciya ornamentov neoliticheskoj–eneoliticheskoj keramiki Ural'skogo regiona. In *Archaeological Papers: Studies in Archaeology of Eurasia*, 1990, iss. 30, pp. 7–19 (in Russ.).

Kalmykov A.A., Berezina I.Ya., Greski Yu., Dobrovol'skaya M.V., Buzhilova A.P. The Burial of a Lola Smelter in the Stavropol' region. In *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 2018, iss. 251, pp. 64–79 (in Russ.).

Khalyapin M.V. Pogrebenie liteishchika epokhi bronzy s territorii stepnogo Priural'ya. In *Voprosy istorii i arkheologii Zapadnogo Kazakhstana*. Uralsk: Zap.-Kazakhstan. obl. tsentr istorii i arkheologii, 2005, iss. 4, pp. 203–217 (in Russ.).

Klement'eva T.Yu., Pogodin A.A. Tekhnologiya ornamentacii posudy pozdnego neolita poseleniya Bol'shaya Umyt'ya 100. In *Arheologiya i istoriya Severo-Zapadnoj Sibiri: sbornik nauchnykh statey*. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Ural'skij rabochiy, 2017, pp. 20–49 (*Materialy i issledovaniya po istorii Severo-Zapadnoj Sibiri*; iss. VI) (in Russ.).

Koksharov S.F. Pamyatniki eneolita Severa Zapadnoj Sibiri. Yekaterinburg: Volot, 2009, p. 272 (in Russ.).

Kulichkov A.A., Smol'yaninov R.V. The artificial Ornament-makers from the archaeological Sites of the neolithic and the bronze age in the forest-steppe Don region. In *Izvestiya of the Samara science Centre of the Russian Academy of Sciences. History. Historical science*, 2015, vol. 17, No. 3, pp. 242–246 (in Russ.).

Kuz'mina E.E. Otkuda prishli indoarii? Material'naya kul'tura plemen andronovskoi obshchnosti i proiskhozhdenie indoirantsev. Moscow: Kalina, Vserossiyskiy institute nauchnoy i technicheskoy informatsii RAN, 1994, 457 p. (in Russ.).

Maksimenkov A.G. Andronovskaya kul'tura na Enisee. Leningrad: Nauka, 1978, 190 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Pogrebenie liteishchika iz mogil'nika Sopka-2. In *Drevnie gornyaki i metallurgi Sibiri*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1983, pp. 96–109 (in Russ.).

Molodin V.I., Durakov I.A., Kobeleva L.S. "Caster's Cache" from Tartas-1, Late Krotovo (Cherno-Ozerye) Culture, Baraba Forest-Steppe. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2016, No. 3 (44), pp. 30–46.

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Original Complex of the Early Iron Age at Ust-Tartas-2 (Baraba Forest-Steppe). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 299–303 (in Russ.).

Mylnikova L.N., Chemyakina M.A. Traditsii i novatsii v goncharstve drevnikh plemen Baraby (po materialam poselencheskogo kompleksa Om'-1). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2002, 200 p. (in Russ.).

Poshivajlo O.N. Etnografiya ukraïns'kogo goncharstva: Livoberezhna Ukraïna. Kiev: Molod', 1993, 410 p. (in Ukr.).

Semenov S.A. K izucheniyu tekhniki naneseniya ornamenta na glinyanuyu posudu. Shnurovoi i zubchatyi ornamenty neoliticheskoi keramiki Karelii. In *Kratkie soobshcheniya instituta arkheologii*, 1955, iss. 57, pp. 135–144 (in Russ.).

Volkova E.V. Keramika volosovo-danilovskogo mogil'nika fat'yanovskoj kul'tury kak istoricheskij istochnik. Moscow: Staryj sad, 1998, 259 p. (in Russ.).

Zakhozhaya T.M. Ornamentiry i tekhnologiya naneseniya uzorov na posude poseleniya Chilimka III. In *Eksperimental'naya arkheologiya*. Tobolsk: State Ped. Univ. Press, 1994, iss. 3, pp. 42–51 (in Russ.).

Zhushchikhovskaya I.S. Istoriya keramiki Vostochnoi Azii. Uchebnoe posobie. Vladivostok: State Univ. of Economics and Service Press, 2001, 13 p. (in Russ.).

Zotova S.V. Kovrovye ornamenty andronovskoi keramiki. In *Novoe v sovetskoi arkheologii. Pamyati Sergeya Vladimirovicha Kiseleva: k 60-letiyu so dnya rozhdeniya*. Moscow, 1965, pp. 177–180 (*Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*; No. 130) (in Russ.).

Мыльникова Л.Н. https://orcid.org/0000-0003-0196-5165
Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Дураков И.А. https://orcid.org/0000-0002-8526-9257
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Ефремова Н.С. https://orcid.org/0000-0002-3053-8755
Хансен С. https://orcid.org/0000-0002-6714-4629
Кобелева Л.С. https://orcid.org/0000-0002-4969-3771
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.516-521
УДК 903.5

А.Л. Нестеркина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Погребальный обряд населения южной части Корейского полуострова в период бронзового века: по материалам могильников Хвансонни, Чундо и Хари

В результате изучения антропологических останков, полученных в ходе раскопок могильников Хвансонни, Чундо и Хари, выявлены основные особенности погребального обряда населения южной части Корейского п-ова в период бронзового века. Ввиду плохой сохранности материала в нашем распоряжении имеется лишь его небольшой объем. Захоронения совершались в плиточных гробах, которые являлись частью дольменов или представляли собой самостоятельные погребальные сооружения. Размеры плиточного гроба, куда помещалось тело умершего, сопоставимы с ростом погребенного в нем индивидуума. Почти все исследованные захоронения – одиночные трупоположения. Большинство погребенных лежат на спине в вытянутой позе, положение рук и ног умерших незначительно различается. В состав комплекса инвентаря женских погребений входили украшения. Предположение об особых «мужских» категориях погребального инвентаря не подтверждается. В женских захоронениях присутствуют предметы инвентаря, связанные с «мужскими» занятиями: предметы вооружения и орудия охоты. Ряд отличительных черт демонстрирует погребальная обрядность женских и детских захоронений. Женское захоронение на могильнике Хари выделяется среди прочих своими размерами и своеобразием инвентаря. Захоронение девочки на могильнике о-ва Чундо совершено по обряду трупосожжения. Различия в погребальной обрядности между мужскими захоронениями, с одной стороны, и женскими и детскими захоронениями – с другой, можно объяснить особым положением женщин и детей в обществе периода бронзового века на юге Корейского п-ова.

Ключевые слова: *южная Корея, бронзовый век, захоронение, плиточный гроб, погребальный обряд.*

Anastasia L. Nesterkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: a.l.subbotina@yandex.ru

Burial Rite of the Population Inhabiting the Southern Part of the Korean Peninsula in the Bronze Age: Evidence from the Hwangseok-ri, Jungdo, and Hari Burial Grounds

This study identifies the main features of the burial rite of the population living in the southern part of the Korean Peninsula during the Bronze Age using the evidence from excavations at the burial grounds of Hwangseok-ri, Jungdo, and Hari. Due to poor preservation of anthropological remains, only a small amount of materials is available. Burials were made in stone cists, which were a part of dolmens or were independent burial structures. The size of the cist where the body of the deceased was placed was comparable with the height of the individual buried inside. Almost all burials were individual inhumations. Most of the buried persons were placed on their backs in elongated position with some minor differences in the position of arms and legs. Personal adornments were a part of burial inventory in female burials. The assumption on the specific male categories of burial inventory has not been confirmed. Weaponry and hunting equipment – burial inventory associated with male activities – have also been found in female burials. Burial rituals of women and children demonstrate a number of distinctive features. The female burial at the Hari site stands out by its size and originality of burial inventory. The burial of a girl at the Jungdo island site was performed according to the rite of cremation. Differences in burial rite between male burials, and female and children's burials can be explained by special position of women and children in the society of the Bronze Age in the southern part of the Korean Peninsula.

Keywords: *Southern Korea, Bronze Age, burial, cist, burial rite.*

Самой распространенной формой погребений на территории Корейского п-ова в период бронзового века (XI–I вв. до н.э.) являются дольмены. Их насчитывается свыше 30 тыс., при этом большинство сосредоточено на юге Кореи. Другие формы погребений, такие как захоронения в каменных ящиках и керамических урнах, встречаются гораздо реже. К сожалению, в связи с плохой сохранностью антропологических останков даже о погребальном обряде населения, оставившего многочисленные дольмены, известно очень мало. Что касается захоронений в каменных ящиках, то, поскольку количество таких памятников сравнительно невелико, до недавнего времени в нашем распоряжении не было материалов, дающих информацию о погребальном обряде захоронений данного типа.

Некоторые особенности погребального обряда дольменов демонстрируют материалы памятников Хвансонни и Чундо. Памятник Хвансонни находится в у. Чечхон пров. Чхунчхон-пукто. Он представляет собой группу из 46 дольменов, расположенных двумя рядами на берегу р. Намханган. В 1962 г. сотрудниками Национального музея Республики Корея здесь были проведены раскопки 18 дольменов, а в 1982–1983 гг. в ходе мероприятий по изучению памятников района затопления плотины Чхунджу отрядом Университета Чхунбук были проведены раскопки еще 8 дольменов. Исследования показали, что 26 изученных дольменов относятся к типу сооружений без опорных камней с погребальной камерой в виде плиточного гроба. Пригодные для анализа антропологические останки обнаружены только в 4 сооружениях – № 6, 7, 17 (из материалов раскопок Университета Чхунбук) и № 13 (из материалов раскопок Национального музея Республики Корея). По радиоуглеродным датам и типологии инвентаря могильник датируется V в. до н.э. [Ким Джэвон, Юн Мубён, 1967, с. 124].

Дольмен № 6 имеет хорошую сохранность. Его крышкой является плита глинистого сланца размерами 2,6 × 1,6 × 0,25 м. На ее поверхности зафиксировано 12 чашевидных углублений. Камера дольмена представляет собой каменный ящик, изготовленный из поставленных на ребро и подогнанных друг к другу тонких плиток известняка. Западная стенка погребального сооружения на момент раскопок была разрушена. Дополнительное перекрытие у каменного ящика отсутствовало. Пол ящика образован уложенными друг за другом плитками известняка. Размеры камеры дольмена составляют 1,95 × 0,6 × 0,3 м. Вдоль северной и южной стенок погребальной камеры, на расстоянии 0,25–0,3 м от них, вкопаны в землю сланцевые и известняковые плитки, образующие подобие оградки. На полу погребальной камеры обнаружен антропологический материал: в восточной части – нижняя челюсть и зубы, вдоль северной стенки – правая плечевая и правая большая берцовая кость. Рядом с костями человека залегала кость оленя [Ли Юнджо, Син Сугджон, У Джонъюн, 1983, с. 112, 118, 123].

У дольмена № 7 крышка изготовлена из плиты глинистого сланца, относительно небольшая – 1,2 × 1,2 × 0,2 м. Стенки, пол и перекрытие камеры дольмена сооружены из поставленных на ребро или уложенных последовательно друг за другом тонких сланцевых плиток. Размеры камеры дольмена составляют 1,6 × 0,4 × 0,25 м. На полу погребального сооружения залегал практически полный скелет человека (рис. 1). Захоронение совершено в вытянутом положении на спине головой на восток. Рост погребенного составляет примерно 145–150 см. В районе грудной клетки умершего выявлена подвеска *когок* и пронизка, а над его головой – крупная кость коровы [Там же, с. 113, 118, 122].

Крышка дольмена № 17 представляет собой сланцевую плиту размерами 3,8 × 1,3 × 0,45 м. Размеры каменного ящика составляют 1,81 × 0,45 × × 0,25 м. Его стенки сделаны из отдельных плит сланца. Дополнительное перекрытие и пол камеры выполнены из подогнанных друг к другу каменных плиток. У восточной стенки каменного ящика выявлены фрагменты черепа погребенного, у северной стенки – шлифованный каменный кинжал и зуб свиньи, за его пределами – шлифованный каменный топор и фрагменты гладкостенной керамики [Там же, с. 115, 118, 127].

Крышка дольмена № 13 из материалов раскопок Национального музея Республики Корея имеет размеры 1,3 × 0,8 × 0,12 м. Стенки и пол погребальной камеры дольмена сооружены из каменных плиток, дополнительное перекрытие отсутствует. Размеры погребальной камеры составляют 1,85 × × 0,6 × 0,3 м. На полу погребальной камеры обнаружен целый скелет человека. Погребенный лежал на спине, ноги у него вытянуты, правая рука согнута под прямым углом и лежит ладонью на животе, левая согнута сильнее правой и ее ладонь находится на груди (рис. 2). Предположительный рост умершего составляет 170–174 см. В районе правого колена погребенного обнаружен шлифованный каменный кинжал, залегавший острием по направлению к голове умершего [Ким Джэвон, Юн Мубён, 1967, с. 108–110, 117, 125].

Все исследованные захоронения на могильнике Хвансонни совершены по обряду трупоположения в вытянутом положении на спине головой на восток, по направлению течения реки. По антропологическим материалам удалось определить, что за-

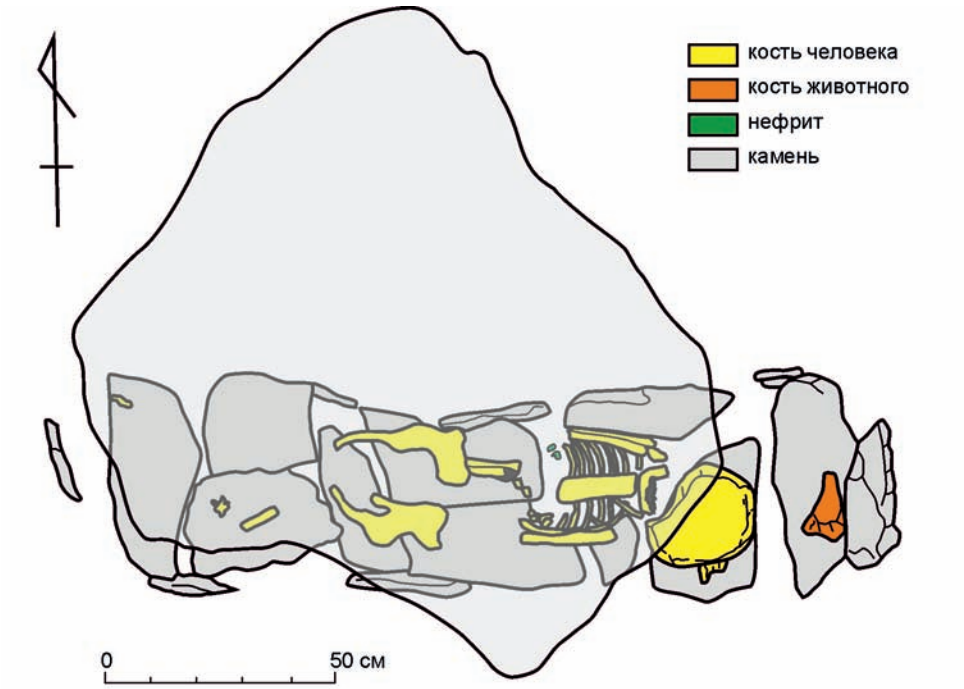

Рис. 1. Погребение в дольмене № 7 Хвансонни. Из материалов раскопок Университета Чхунбук (ил. по: [Ли Юнджо, Син Сугджон, У Джонъюн, 1983, с. 123]).

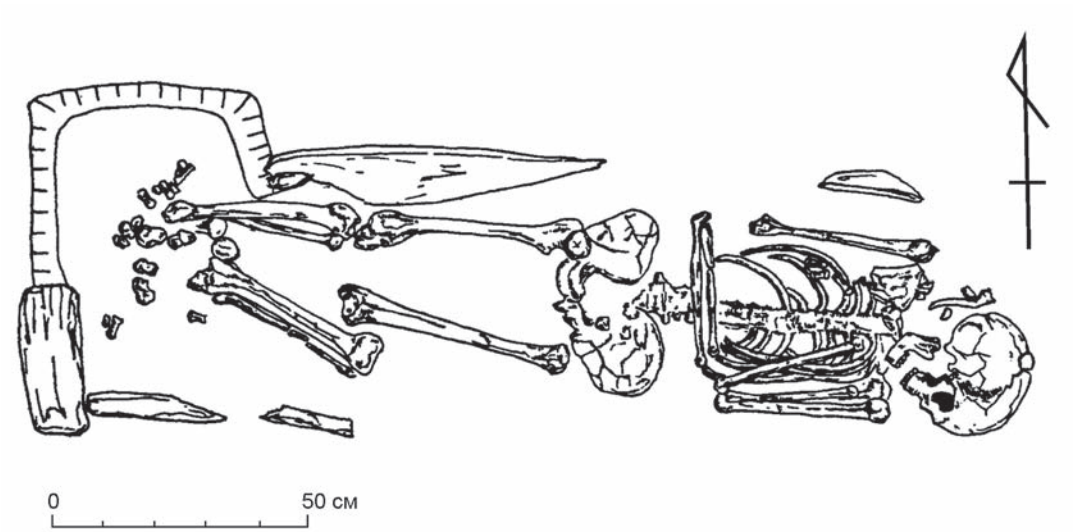

Рис. 2. Погребение в дольмене № 13 Хвансонни. Из материалов раскопок Национального музея Республики Корея (ил. по: [Ким Джэвон, Юн Мубён, 1967, с. 109]).

хоронение № 6 принадлежало юноше до 20 лет, № 7 – женщине 40–50 лет, № 17 – мужчине примерно 30 лет, № 13 из материалов раскопок Национального музея Республики Корея – взрослому мужчине неопределенного возраста. Исследователи попытались выделить также «мужские» и «женские» категории инвентаря. К первым относятся предметы вооружения и орудия труда, связанные с охотой (каменные кинжалы, топоры и т.д.), а ко вторым – украшения (подвески и бусины, которые могли входить в состав ожерелий) [Ли Юнджо, Син Сугджон, У Джонъюн, 1983, с. 118].

Чундо – небольшой остров на р. Пукханган, расположенный на окраине г. Чхунчхон пров. Конвондо. Археологические исследования на нем проводились сотрудниками Национального музея Республики Корея в 1980–1984 гг. В 1983 г. здесь было изучено два дольмена. Дольмен № 1 относится к типу сооружений без опорных камней. До начала раскопок крышка дольмена, представляющая собой сланце-

вую плиту, была хорошо задернована и на поверхности не просматривалась. Ее размеры составляют 0,9 × 0,9 × 0,09–0,2 м. Под крышкой обнаружена грунтовая яма размерами 0,77 × 0,5 м, глубиной 0,2 м, в которую был помещен небольшой плиточный гроб (0,3 × 0,25 м) с дополнительным перекрытием, сложенный из отдельных плиток сланца. Вокруг камеры дольмена сооружена каменная насыпь размерами 2,05 × 1,9 м, образованная уложенными в один слой крупными и мелкими гальками. В заполнении плиточного гроба выявлено большое количество фрагментов костей человека и углей. Анализ сохранившихся костных останков показал, что они принадлежали девочке не старше 10 лет (наиболее вероятный возраст 4–8 лет). Предполагается, что захоронение совершалось в скорченном положении на боку головой на восток. Кремация проводилась непосредственно на месте захоронения, в грунтовой яме, а плиточный гроб был сооружен уже после сожжения останков умершего. Предметы инвентаря обнаружены как в погребальной камере (три каменных шлифованных наконечника стрелы), так и за ее пределами, в насыпи (фрагменты керамики). По типологии керамики памятник датируется III–II вв. до н.э. [Чи Гонгиль, Ли Ёнхун, 1983, с. 4–5, 7, 13; Хангукса, 1997, с. 28–29].

Новые данные о погребальном обряде населения южной части Кореи в период бронзового века были получены в результате археологических раскопок на памятнике Хари. Памятник Хари локализуется в п. Пхёнчхан одноименного уезда пров. Канвондо. В 2016 г. сотрудниками Института археологических и культурных ценностей пров. Канвондо на объекте проведены раскопки. В результате работ выявлено 14 археологических объектов, 9 из которых являются погребальными комплексами. Погребальные сооружения представляют собой помещенные в грунтовую яму каменные ящики, сооруженные из поставленных на ребро плит известняка. Все они имеют перекрытие из отдельных массивных каменных плит. На полу некоторых ящиков также лежали каменные плиты. Пространство между стенками могильной ямы и каменного ящика заполнялось галькой, обломками гранита и известняка [Хван Джонук, 2017, с. 39].

Среди всех захоронений наибольший интерес представляет погребение № 2, расположенное в северной части могильника. Оно выделяется среди прочих конструкций своими размерами. Кроме того, сохранность у этого погребения гораздо лучше, чем у остальных. Погребение № 2 представляет собой помещенный в грунтовую яму каменный ящик из поставленных на ребро известковых плит. Верхняя часть стенок ящика сложена из плитняка. Плитняком заполнено также и пространство между стенками могильной ямы и ящика. Размеры ящика составляют 1,63 × 0,53 м, высота – 0,25 м. Перекрытие ящика образовано отдельной плитой слюдяно-глинистого сланца размерами 1,68 × 1,04 м. Обнаруженный в захоронении антропологический материал представлен практически целым скелетом – черепом с нижней челюстью, зубами, костями рук и ног (рис. 3). В процессе зачистки захоронения удалось зафиксировать позу погребенного: захоронение совершено в вытянутом положении на правом боку с согнутыми в коленях ногами, головой на север [Пхёнчхан Пхёнчхан-ып Хари..., 2016, с. 15–17]. Комплекс инвентаря захоронения включает бронзовый скрипковидный кинжал, каменные черешковые наконечники стрел, нефритовые пронизки и нефритовую дисковидную подвеску. Скрипковидный кинжала залегал в восточной части каменного ящика, в районе нижней части грудной клетки и поясницы погребенного. До совершения захоронения он был сломан в сред-

Рис. 3. Погребение в каменном ящике № 2 Хари (ил. по: [Хван Джонук, 2017, с. 41]).

ней части и только после этого помещен в каменный ящик [Хван Джонук, 2017, с. 41]. Анализ обнаруженных в погребении № 2 антропологических останков показал, что они принадлежат женщине. Возраст погребенной на момент смерти составлял примерно 20–25 лет, рост – ок. 160 см. Анализ морфологических особенностей найденного в захоронении бронзового скрипковидного кинжала позволяет предварительно датировать памятник VI–V вв. до н.э. [Ю Вонмо, 2018].

Таким образом, судя по имеющимся в нашем распоряжении археологическим и антропологическим материалам, можно выделить некоторые особенности погребального обряда населения южной части Корейского п-ова в период бронзового века. Захоронения в эпоху бронзы совершались как в дольменах без опорных камней, так и в каменных ящиках, но во всех случаях погребальной конструкцией служил гроб, сложенный из каменных плит. Размеры гробов в целом соответствуют росту погребенных. Все захоронения одиночные. Взрослые индивидуумы обоих полов погребены по обряду трупоположения на спине или на боку, в вытянутой позе. Положение отдельных частей тел погребенных могло варьировать: ноги вытянуты или согнуты в коленях, руки уложены вдоль туловища или согнуты в локтях и лежат на груди и пояснице. Единичному случаю кремации, зафиксированному в содержавшем захоронение ребенка дольмене № 1 на о-ве Чундо, можно дать несколько объяснений. Во-первых, такое захоронение могло представлять собой локальный вариант погребальной обрядности. Во-вторых, представляется вероятным, что кремация в период бронзового века использовалась только в детских погребениях. Для более детального объяснения данного факта пока недостаточно материалов.

Инвентарь исследованных погребений не отличается разнообразием, но можно прийти к выводу, что украшения клали в основном в женские захоронения. Что касается утверждения о том, что предметы вооружения и орудия охоты соотносятся с мужскими захоронениями, то оно не находит подтверждения как в материалах дольмена № 1 на о-ве Чундо, так и в материалах погребения № 2 могильника Хари. В обоих случаях в женских захоронениях присутствуют наконечники стрел, а на могильнике Хари только в женском погребении обнаружен скрипковидный бронзовый кинжал. Можно допустить, конечно, что пол ребенка из захоронения в дольмене № 1 на о-ве Чундо корейские исследователи определили неверно. Относительно женщины, погребенной в могиле № 2 памятника Хари, представляется вероятным, что она выполняла в обществе какую-то «мужскую» функцию, предположительно, связанную с культовыми и ритуальными практиками. Как бы то ни было, на основании материалов дольмена № 1 на о-ве Чундо и погребения № 2 могильника Хари можно говорить о том, что на территории юга Кореи в период бронзового века погребальный обряд детских и женских захоронений мог обладать определенной спецификой, отличной от погребальной обрядности захоронений взрослых мужчин.

Список литературы

Ким Джэвон, Юн Мубён. Хвансонни юджок (Памятник Хвансонни) // Хангук чисонмё ёнгу (Исследования дольменов Кореи). – Сеул: Нац. музей Республики Корея, 1967. – С. 99–125 (на кор. яз.).

Ли Юнджо, Син Сугджон, У Джонъюн. Чевон Хвансонни В-чигу юджок пальгуль якпого (Краткий отчет об археологических раскопках на участке «В» памятника Хвансонни в уезде Чевон) // 83 Чхунджу-дэм сумоль чигу мунхва юджок пальгуль чоса якпогосо (Краткие отчеты о раскопках памятников культуры, расположенных в зоне затопления плотины Чхунджу в 1983 г.). – Чхонджу: Музей ун-та Чхунджу, 1983. – С. 109–133 (на кор. яз.).

Пхёнчхан Пхёнчхан-ып Хари (240-4-понджи ильвон) конмуль синчхук пуджи нэ юджок пальгуль чоса яксик погосо (Краткий отчет о раскопках археологических объектов, расположенных в зоне реконструкции квартала Хари 240-4 в поселке Пхёнчхан уезда Пхёнчхан). – Вонджу: Ин-т археологических и культурных ценностей пров. Канвондо, 2016. – 33 с. (на кор. яз.).

Хангукса – чхондонги мунхва-ва чхольги мунхва (История Кореи: культура бронзы и железа). – Сеул: Кукса пхёнчхан вивонхве, 1997. – Т. 3. – С. 7–322 (на кор. яз.).

Хван Джонук. Пхёнчхан Пхёнчхан-ып Хари 240-4-понджи ильвон конмуль синчхук пуджи юджок: пипхахён тонгом-ыль анго чамдын чхондонги сидэ сарам (Человек периода бронзового века, заснувший в обнимку со скрипковидным кинжалом: по материалам памятника в зоне реконструкции квартала Хари 240-4 в поселке Пхёнчхан уезда Пхёнчхан) // J. of Korean Archaeol. – Тэджон: Нац. ин-т культурного наследия Республики Корея, 2017. – С. 38–43 (на кор. яз.).

Чи Гонгиль, Ли Ёнхун. Чундо чинджон пого IV (Отчет о раскопках памятника Остров Чундо. Продолжающееся издание). – Сеул: Нац. музей Республики Корея, 1983. – 52 с. (на кор. яз.).

Ю Вонмо. Пхёнчхан чхондонги сидэ мудом сок пипхахён тонгом чуин-ын 20-тэ ёсон-иотта (В Пхёнчхане найдено погребение периода бронзового века, содержавшее захоронение 20-летней девушки со скрипковидным кинжалом) // Тон-а ильбо (ежедневная газета Тон-а), 14.02.2018. URL: http://www.donga.com/news/article/all/20180214/88668326/1 (дата обращения: 20.08.2019) (на кор. яз.).

References

Hanguksa – cheongdonggi munhwa-wa cheolgi munhwa [History of Korea: Bronze and Iron Age Culture]. Seoul: Guksa pyeonchan wiwonhoe, 1997, vol. 3, pp. 7–322 (in Kor.).

Hwang Jeongwook. Pyeongchang Pyeongchang-eup Hari 240-4 beonji irwon geonmul sinchuk buji yujeok: bipahyeong donggeom-eul ango jamdeun cheongdonggi sidae saram [A Bronze Age period man who fell asleep with a violin-shaped dagger: according to the materials of the site in the reconstruction zone of the Hari 240-4 quarter in the village of Pyeongchang, Pyeongchang county]. *J. of Korean Archaeol*. Daejeon: National research institute of cultural heritage, 2017, pp. 38–43 (in Kor.).

Ji Geongil, lee Yeonghun. Jungdo jinjeon bogo IV [Excavation report of the Jungdo Island site. Ongoing publication]. Seoul: National museum of Korea, 1983, 52 p. (in Kor.).

Kim Chewon, Youn Moo-byong. Hwangseok-ri yujeok. In *Hanguk jiseokmyo yeongu [Studies of dolmens in Korea]*. Seoul: National museum of Korea, 1967, pp. 99–125 (in Kor.).

Lee Yun-jo, Sin Sukjeong, Woo Jongyun. Jewon Hwangseok-ri B-jigu yujeok balgul yakbogo. In *83 Chungju-daem sumol jigu munhwa yujeok balgul josa yakbogoseo [Brief reports on excavations of cultural monuments located in the flooding zone of the Chungju Dam in 1983]*. Cheongju: Chungbuk national university museum, 1983, pp. 109–133 (in Kor.).

Pyeongchang Pyeongchang-eup Hari (240-4 beonji) geonmul sinchuk buji nae yujeok balgul josa yaksik bogoseo [A brief report on excavations of archaeological sites located in the reconstruction zone of the Hari 240-4 quarter in the village of Pyeongchang in Pyeongchang County]. Wonju: Gangwon research institute of archaeological and cultural properties, 2016, 33 p. (in Kor.).

Yoo Wonmo. Pyeongchang cheongdonggi sidae mudeom sok bipahyeong donggeom juine-un 20-dae yeoseong-ieossda. Dong-a Ilbo, 14.02.2018. URL: http://www.donga.com/news/article/all/20180214/88668326/1 (Accessed: 20.08.2019) (in Kor.).

Нестеркина А.Л. https://orcid.org/0000-0002-3703-1527

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.522-527
УДК 903.23

С.П. Нестеров, Е.А. Гирченко

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Морфологический анализ сосудов с горловиной эпохи палеометалла Приамурья и Южной Маньчжурии

Исследование происхождения урильской культуры в Приамурье, анализ гончарного дела ее населения показал ее тесную связь с культурами бронзового и раннего железного века Маньчжурии и районов Внутренней Монголии в Китае. Одним таким свидетельством служит сосуд с горловиной из Музея истории г. Цзиньчжоу, обнаруженный в культуре нижнего слоя сяцзядянь на пос. Сянъянлин в пров. Ляонин. Горшки с горловиной являются ведущей категорией посуды у населения урильской культуры. Исследователями гончарства данной культуры они разделены на несколько типов и подтипов по характеру отгиба горловины: хорошо профилированные и слабопрофилированные. Установленные по статистической программе В.Ф. Генинга указатели/индексы относительной характеристики форм позволяют проводить объективное сравнение таких сосудов с другими изделиями. Сосуд из Сянъянлин дополнительно подвергся процедуре верификации его параметров и расчетам указателей форм. Сравнительный анализ морфологии сянъянлинского горшка и сосудов открытой формы с горловиной урильской культуры Приамурья показал, что морфоструктуру сянъянлинского горшка можно рассматривать в качестве прототипа для гончаров урильской культуры. Данная керамическая традиция могла попасть в Приамурье с переселенцами протоурильского поликультурного конгломерата в XI в. до н.э. и там получить свое дальнейшее развитие уже в урильском гончарстве. Носители сяцзядяньской гончарной традиции также могли принимать участие в данном миграционном процессе. Об этом свидетельствуют и большие сосуды с горловиной закрытой формы, некоторые виды орнамента на них, которые имеют аналоги в урильской культуре Приамурья.

Ключевые слова: *Приамурье, урильская культура, керамика, поселение Сянъянлин.*

Sergey P. Nesterov, Ekaterina A. Girchenko

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nesterov@archaeology.nsc.ru

Morphological Analysis of Vessels with the Neck of the Paleometal Age from the Amur Region and Southern Manchuria

The study on the origins of the Uril culture in the Amur region and analysis of pottery used by the population from that region have shown that this population was closely related to the cultures of the Bronze Age and Early Iron Age of Manchuria and the regions of Inner Mongolia in China. A vessel with the neck from the Jinzhou Museum of History, found at the Xiangyangling settlement of the Lower Xiajiadian culture in the Liaoning Province can be considered as important evidence of this connection. Such vessels with necks are the main categories of pottery among the population of the Uril culture. The archaeologists who investigated the pottery of this culture divided it into several types and subtypes according to their well-profiled or slightly profiled neckline. The indicators/indexes of the relative characteristics of vessel shapes were established using the statistical methodology elaborated by V.F. Gening, which made it possible to make an objective comparison between this pottery and other vessels. The vessel from Xiangyangling was additionally examined and its parameters and indices of shape have been verified. Comparative analysis of morphology of the Xiangyangling pot and open vessels with necks of the Uril culture from the Amur region has revealed that the morphological structure of the Xiangyangling pot could have served the prototype for the potters of the Uril culture. This pottery tradition could reach the Amur region with migrants from the proto-Uril multicultural conglomerate in the 11th century BC and were

further developed in this region already in the Uril pottery. Ancient Xiajiadian population with their pottery tradition could also participate in these migration processes, which is confirmed by large vessels of the closed neck type and some types of ornamentation, showing parallels with the Uril culture of the Amur region.

Keywords: *Amur region, Uril culture, pottery, Xiangyangling settlement*.

Введение

В ходе работы авторов в 2016–2018 гг. над проблемой происхождения урильской культуры в Приамурье научному сообществу была представлена новая концепция данного процесса. В качестве альтернативы местной приамурской модели на основе позднеолитических культур с обширными связями с культурами Маньчжурии, а также аборигенно-миграционной – формирование в Западном Приамурье и дальнейшая миграция за горы Малого Хингана в восточную часть данного региона, была предложена миграционная модель – переселение протоурильского смешанного по культуре конгломерата. Территорией исхода были западные и юго-западные районы Маньчжурии и прилегающие территории Внутренней Монголии. Это могло произойти под натиском сложившихся политических (не исключено, что толчком к переселению протоурильских племен из указанных выше областей могли послужить события XI в. до н.э., связанные с образованием государства Западное Чжоу и его экспансией на северо-восток) и, возможно, природных обстоятельств. В ходе этих событий часть аборигенного маньчжурского населения ушла вверх по р. Нэньцзян и ее притокам в Западное Приамурье и вниз по р. Сунгари – в Восточное Приамурье. Сравнительный анализ урильского материала (керамических сосудов, изделий из бронзы и камня) с артефактами из Маньчжурии позволил установить присутствие в урильской культуре элементов культуры ситуаньшань, байцзиньбао, культур районов Внутренней Монголии Китая и Монгольской Народной Республики [Нестеров, Гирченко, 2018]. Изучение А.В. Гребенщиковым гончарства урильской культуры Приамурья показало, что определенные типы керамических сосудов могли свидетельствовать об устойчивых контактах между населением Амура и Маньчжурии. При этом он не исключает отражение в этом миграционных процессов. В данном случае исследователь имеет в виду т.н. тюльпановидные сосуды, которые состоят из двух половин, изготовленных отдельно и скрепленных между собой ребристым перегибом (рис. 1, *1*). По его мнению, отдельные экземпляры таких форм являются точной копией сосудов пос. Рыбное Озеро (рис. 1, *2*). И хотя на других поселениях урильской культуры такая форма пока не известна, она была широко распространена у населения Центральной и Южной Маньчжурии уже на раннем этапе бронзового века в памятниках культуры нижнего слоя сяцзядянь (например, в керамических комплексах пос. Сяцзядянь, Фэнся, Яованмяо, Дадянцзы, Фэйфан, Чжанцзяюань) [Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 67; Алкин, 2016].

Сосуд с поселения Сянъянлин

В 2017 г. во время работы в Музее истории г. Цзиньчжоу пров. Ляонин (КНР) среди его экспонатов был обнаружен керамический горшок (рис. 1, *3*), который является аналогом посуде с горловиной урильской культуры, в т.ч. ее раннего этапа (рис. 1, *4*).

Поселение Сянъянлин, где был найден данный сосуд, расположено у д. Фаньцзятунь на берегу р. Далинхэ близ ее впадения в Ляодунский залив Желтого моря (у. Исянь, пров. Ляонин). Эта территория известна с древности как проход между побережьем и горными хребтами Сунлиншань, соединяющий северо-восток и север Китая. Данный район является частью Дунбэйской равнины, знаменит своим плодородием и обильными водными ресурсами. Памятник открыт в 1984 г., его раскопки проводились в 1991–1992 гг. Сосуд относится ко второму небольшому культурному горизонту, включающему в себя пять зольников. Керамика второго периода демонстрирует преемственность развития гончарных традиций первого периода. Сосуды, как правило, мало орнаментированы. Типологически они представлены мисками, горшками и треножниками, которые демонстрируют очевидные связи с типом Яованмяо культуры нижнего слоя сяцзядянь (географически входит в ее ареал). Материалы второго периода датируются серединой II тыс. до н.э. [Ван Чэншэн и др., 2000].

Археологически целый горшок найден только один, но к этой же категории относятся еще пять фрагментов венчика. По данным китайских археологов, основным наполнителем керамического теста является песок. Внешняя поверхность сосуда, несмотря на преобладающий темный цвет, выглядит пятнистой за счет светло-коричневых пятен, распределенных хаотично по тулову, придонной части и зоне венчика. Это предполагает костровый обжиг. Размеры горшка: диаметр венчика – 14,4 см, плоского дна – 8 см (с внутренней стороны дно утолщается к середине [Там же, с. 50, рис. 10, *8*]),

Рис. 1. Керамические сосуды с поселений Сянъянлин (*1, 3*), Рыбное Озеро (*2*) и Кочковатка II (*4*).

1 – по: [Ван Чэншэн и др., 2000, с. 45, рис. 6, *19*]; *2, 4* – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН; *3* – Музей истории г. Цзиньчжоу.

высота – 14,6 см. Поскольку авторы публикации не привели ряд параметров сосуда, были проведены их расчеты, которые показали: диаметр основания горловины 9,7 см, тулова – 13 см, высота горловины 2 см, плечика – 4 см, придонной части 8,6 см. Таким образом, в параметрах открытости или закрытости формы сянъянлинский сосуд занимает пограничное положение с небольшим смещением в сторону открытой формы (разница между диаметрами венчика и тулова составила 1,4 см). Горловина горшка плавно отогнута наружу. Основание горловины по форме близко воротничку и имеет предельно малую кривизну, в некоторых местах из-за дефекта лепки переходящую в тупой угол. В месте перехода от тулова в горловину имеется слабозаметное утолщение, которое все же не является валиком из-за его дискретности. Внутри сосуда в месте отгиба горловины видно едва намеченное ребро изгиба. Срез венчика округлый, без орнамента. Китайские археологи орнамент, имеющийся на внешней поверхности, определили как шнуровой. На наш взгляд, он выполнен твердым инструментом типа шпателя. Горловина снаружи покрыта вертикальными полосками, нанесенными от венчика до ее основания. От него вниз идут узкие выклинивающиеся бороздки. Все тулово вплоть до дна покрыто такими же бороздами, расположенными сверху вниз и слева направо. Они не сплошные, но им придан определенный общий параллелизм.

Расчеты указателей форм, выполненные по статистической программе В.Ф. Генинга [1973], характеризуют сянъянлинский сосуд как *средней высотности* (1,12), *очень малой* высотногорловинностью (0,14), *большой* широкогорловинностью (0,93), с *очень сильно профилированной* горловиной (шейки) (1,18), *средней высотностью* тулова (0,97), *большой высотностью* плечиков (0,5), но *малой выпуклостью* плечиков (0,41) и *большой широкодонностью* (0,29). Установленные относительные параметры форм позволяют произвести сравнение морфологии данного сосуда с хорошо- и слабопрофилированными сосудами с горловиной урильской культуры.

Сосуды с горловиной урильской культуры

Данные *типы 1, 2* посуды, входящие в группу открытых сосудов с горловиной, были выделены А.В. Гребенщиковым в ходе изучения гончарства древних племен Приамурья [Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 40–41]. Исследователь по форме горловины (или, по его терминологии, – служебной части) среди хорошо профилированных сосудов первого типа (рис. 2, *1–4*) выделяет пять подтипов: с раструбчатой горловиной в виде высокой воронки (1); с горловиной в виде низкой воронки, образованной резким отгибом горловины (2); с плавно отогнутой горловиной, которая дугообразно выгнута в профиле, с большим радиусом кривизны (3); с низкой горловиной в форме чаши (4); со сложнофигурной горловиной (5). Слабопрофилированные сосуды (рис. 2, *5–10*) делятся на четыре подтипа: с горловиной, напоминающей высокую воронку (1); с горловиной в виде высокого раструба (2); с плавно отогнутой наружу горловиной (3) и со сложнофигурной горловиной (4).

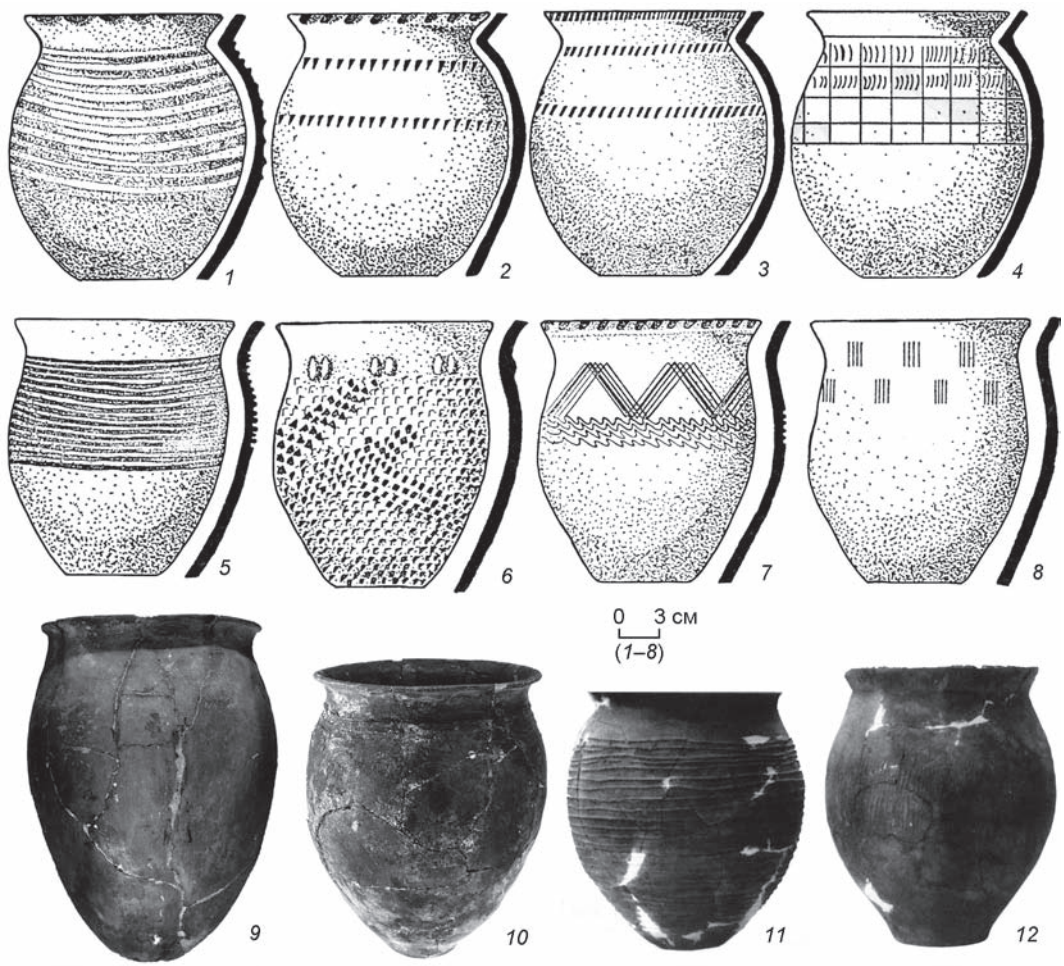

Рис. 2. Керамические сосуды урильской культуры с поселений Урильский Остров (*1–9*), Кочковатка (*10*) в Приамурье и памятника Сянъянлин (*11, 12*) в Китае.

1–8 – по: [Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 81, табл. II, *1, 2, 4, 5*; 86, табл. VII, *1, 2, 4, 5*]; *9, 10* – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН; *11, 12* – по: [Ван Чэншэн и др., 2000, с. 83].

Сводные указатели и категории размера основных широтно-высотных пропорций открытых сосудов типов 1 и 2 урильской культуры и сянъянлинского сосуда*

Указатель	Тип 1	Тип 2	Сосуд памятника Сянъянлин
Высотный	0,81–1,42 средний – большой	0,82–1,4 средний – большой	1,12 средний
Высотногорловинный	1,15–2,2 малый – средний	0,7–0,75 малый	0,14 очень малый
Широтногорловинный	0,99–1,1 большой	0,97–1,1 большой	0,93 большой
Профилировка горловины	0,13–0,75 малый – средний – большой	0,1–0,5 малый – средний	1,18 очень большой
Высотный тулова	0,89–1,42 средний – большой	0,82–1,0 малый – средний	0,97 средний
Высотный плечика	0,5–0,89 средний	0,58–0,87 средний	0,5 большой
Выпуклость плечика	0,25–0,33 малый	0,15–0,21 очень малый	0,41 малый
Широкодонность	0,32–0,64 большой – средний	0,33–0,59 большой – средний	0,29 большой

*Сост. по: [Генинг, 1973, с. 120, табл. IV; Гребенщиков, Деревянко, 2001, с. 39, табл. 12].

По значениям указателей основных широтно-высотных пропорций эти типы сосудов близки (см. *таблицу*). Указатель широкодонности у обоих типов стремится скорее к большому показателю, чем к среднему. Однако открытость контура у сосудов второго типа образуется уменьшением крутизны плечика до очень малой, а не сильным наружным отгибом горловины, как у горшков первого типа. Указатель высотности горловины у сосудов первого типа более тяготеет к среднему, в отличие от малой – второго типа. В этом их разница, что и дает возможность произвести их таксономическое деление. В материалах большинства поселений урильской культуры первый тип сосудов является ведущим.

Заключение

Визуальное сравнение внешнего вида сянъянлинского горшка с сосудами с горловиной урильской культуры показывает большое сходство их морфоструктуры. Однако проведенная статистическая обработка по программе В.Ф. Генинга показала, что на уровне указателей и категорий их размера можно говорить как о сходстве данных изделий, так и об определенных различиях. Наибольшее различие в морфологии было выявлено на основе указателя профилировки горловины. Если урильские сосуды в этом индексе отличаются незначительно тем, что у хорошо профилированных сосудов первого типа имеются изделия с категорией «большой», хотя разница составляет 0,25 ед. от границы категории «средний», то у сянъянлинского сосуда данный указатель очень большой. Это же касается высотногорловинного указателя, который у сосуда культуры сяцзядянь очень малый (см. *таблицу*). Тем не менее морфоструктуру сянъянлинского горшка можно рассматривать в качестве прототипа, учитывая его датировку периодом Шан, для гончаров урильской культуры. Данная керамическая традиция могла попасть в Приамурье с переселенцами протоурильского поликультурного конгломерата в XI в. до н.э. и там получить свое дальнейшее развитие уже в урильском гончарстве. Исходя из факта миграции протоурильского конгломерата на сравнительно свободную (по не выясненным пока причинам) от позднеолитического населения территорию как Западного, так и Восточного Приамурья [Шевкомуд, 2015, с. 161], можно считать, что участие вознесеновского гончарства, имевшего в своем типологическом ряду сосуды с горловиной [Шевкомуд, 2004, с. 60, табл. 40], маловероятно в плане передачи его урильским гончарам. Переселенцы-протоурильцы, скорее всего, с данным типом посуды уже были хорошо знакомы еще в своей метрополии и имели многовековой опыт в ее изготовлении.

Таким образом, проведенный сравнительный анализ морфологии сосуда с поселения Сянъянлин с горшками с горловиной урильской культуры Приамурья показал, что носители сяцзядяньской гончарной традиции могли принимать участие в миграционном процессе протоурильского конгломерата. Дополнительно можно отметить украшение сосудов мелкими горизонтальными валиками (рис. 2, *11*), схожие формы сосудов с выделенной горловиной закрытой формы (рис. 2, *12*), присутствие посуды с ребром на тулове, что есть в культуре нижнего слоя сяцзядянь и имеется на керамических сосудах урильской культуры.

Список литературы

Алкин С.В. Культуры раннего и среднего бронзового века за пределами исторического региона. Северо-Восток современной КНР. Культура нижнего слоя Сяцзядянь // История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. – М.: Наука; Вост. лит., 2016. – Т. I. Древнейшая и древняя история Китая (по археологическим данным): от палеолита до V в. до н.э. – С. 489–496.

Ван Чэншэн, У Пэн, Лю Цзянь, Люй Баолинь, У Янь, Шэн Люэ, Ли Боцянь, Го Дашунь, Сунь Шодао, Синь Чжаньшань. Ляонин Исянь. Сянъянлин цинтун шидай ичжи фацзюэ баогао (Сообщение о раскопках памятника бронзового века Сянъянлин в уезде Исянь провинции Ляонин) // Каогусюэ цзикань (Археологический альманах). – 2000. – Т. 13. – С. 41–82 (на кит. яз.).

Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // СА. – 1973. – № 1. – С. 114–135.

Гребенщиков А.В., Деревянко Е.И. Гончарство древних племен Приамурья (начало эпохи раннего железа). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2001. – 120 с.

Нестеров С.П., Гирченко Е.А. Концепции происхождения урильской культуры в Приамурье) // Восток Азии: проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия региона. К 15-летию Центра по сохранению историко-культурного наследия Амурской области. – СПб.: Росток, 2018. – С. 201–209. – DOI: 10.18411/nes-2018-27.

Шевкомуд И.Я. Поздний неолит Нижнего Амура. – Владивосток: ДВО РАН, 2004. – 156 с.

Шевкомуд И.Я. Неолит–палеометалл в Нижнем Приамурье – концепция палеоэтнокультурного развития // Первобытная археология Дальнего Востока России и смежных территорий Восточной Азии: современное состояние и перспективы развития. – Владивосток: ИИАЭ ДВО РАН, 2015. – С. 140–176.

References

Alkin S.V. Kul'tury rannego i srednego bronzovogo veka za predelami istoricheskogo regiona. Severo-Vostok sovremennoi KNR. Kul'tura nizhnego sloya Syatszyadyan'. Istoriya Kitaya s drevneishikh vremen do nachala XXI veka: v 10 t. Moscow: Nauka; Vostochnaya literatura, 2016, vol. I. Drevneishaya i drevnyaya istoriya Kitaya (po arkheologicheskim dannym): ot paleolita do V v. do n.e., pp. 489–496 (in Russ.).

Gening V.F. The program of statistical processing of the ceramics from the archaeological excavations. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, No. 1, pp. 114–135 (in Russ.).

Grebenshchikov A.V., Derevianko E.I. Pottery of the ancient tribes of the Amur region (beginning of the Early Iron Age). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2001, 120 p. (in Russ.).

Nesterov S.P., Girchenko E.A. Concepts of Origin of the Uril Culture in Priamurye. In *Vostok Azii: problemy izucheniya i sokhraneniya istoriko-kul'turnogo naslediya regiona. K 15-letiyu Tsentra po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya Amurskoi oblasti*. St. Petersburg: Rostok, 2018, pp. 201–209. DOI: 10.18411/nes-2018-27 (in Russ.).

Shevkomud I.Ya. Late Neolithic of the Lower Amur. Vladivostok: FEB RAS Publ., 2004, 156 p. (in Russ.).

Shevkomud I.Ya. Neolithic and Paleometal in the Lower Amur Region – the concept of paleoethnocultural development. In *Pervobytnaya arkheologiya Dal'nego Vostoka Rossii i smezhnykh territorii Vostochnoi Azii: sovremennoe sostoyanie i perspektivy razvitiya.* Vladivostok: IHAE FEB RAS Publ., 2015, pp. 140–176 (in Russ.).

Wang Chengsheng, Wu Peng, Liu Jian, Lu Baolin, Wu Yan, Sheng Lue, Li Boqian, Guo Dashun, Sun Shoudao, Xin Zhanshan. Liaoning Yixian. Xiangyangling qingtong shidai yizhi fajue baogao [Excavation report on Xiangyangling Bronze Age Site in Yixian County Liaoning Province]. *Kaoguxue jikan (Archaeological Bulletin)*, 2000, vol. 13, pp. 41–82 (in Chin.).

Нестеров С.П. https://orcid.org/0000-0003-3629-2730
Гирченко Е.А. https://orcid.org/0000-0001-5304-2595

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.528-535
УДК 902

А.В. Никулина, И.Д. Зольников, О.И. Новикова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikulina_a@ngs.ru

Особенности пространственного расположения могильников ранней бронзы – Средних веков на территории центральной части Барабинской низменности

Статья посвящена изучению пространственной локализации могильников среднего – позднего голоцена центральной части Барабинской низменности с применением ГИС-технологий и предварительной интерпретации выявленных закономерностей. Для могильников, имеющих культурно-хронологическую атрибуцию, на основе ранее полученной карты геолого-геоморфологического каркаса территории были определены геоморфологические позиции (речные долины, эрозионные останцы, прибровочные поверхности, гривы). Далее в программном пакете ArcGIS 10.2.2 были рассчитаны морфометрические показатели (расстояния между памятниками и реками, высота местонахождения могильника над урезом воды, удаленность памятников от границ между долинами рек и полого-волнистой равниной). Выявлено, что от эпохи бронзы к раннему железному веку и Средним векам происходило расширение ареала размещения могильников и увеличение средних значений расстояний между этими памятниками и реками. Помимо мировоззренческих представлений древнего населения на отмеченную закономерность локализации могильников влияли климатический (разнообразие ресурсных зон при умеренном климате и их сокращение при влажном и сухом) и хозяйственный (освоение со временем более мобильных форм скотоводства) факторы, стимулирующие заселение новых территорий носителями различных археологических культур. При этом люди стремились обособить места, на которых устраивались некрополи, от участков, где находились поселения, что проявилось в специфике геоморфологической приуроченности памятников. Важные кормовые базы и площадки, наиболее комфортные для проживания, не использовались для размещения могильников. Не менее важным условием при выборе места была его высота относительно уреза воды ближайшей реки, чтобы защитить погребения от размыва при повышении уровня воды.

Ключевые слова: *ГИС, Западная Сибирь, голоцен, могильники, Барабинская низменность, эпоха бронзы, ранний железный век, Средневековье.*

Anastasiya V. Nikulina, Ivan D. Zolnikov, Olga I. Novikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikulina_a@ngs.ru

Spatial Distribution of Burial Grounds of the Early Bronze Age–Middle Ages in the Central Baraba Lowland

This article analyzes spatial patterns manifested by the burial grounds of the Middle–Late Holocene in the Central Baraba Lowland using geoinformation technologies and preliminary interpretation of the data obtained. The geomorphological positions (river valleys, erosion remnants, watershed edges, and ridges) have been established for the burial grounds with cultural and chronological attribution based on the map of geological and geomorphological structure of the territory. The morphometric parameters (distances between the sites and rivers, between the sites and watershed edges, and elevation of sites relative to the rivers) have been calculated using the ArcGIS 10.2.2 software. It has been established that geographic areas where burial grounds were located and mean distances between rivers and burial grounds expanded between the Early Bronze Age and the Middle Ages. This trend could be associated with environmental changes (accessibility of resources during moderate natural conditions and scarcity of resources during wet and dry conditions), changes in economic systems of the ancient populations (transition to more mobile type of animal husbandry), as well as their beliefs and worldview.

In addition, people tried to separate the areas used for burial grounds and habitation areas, which is manifested in the specific nature of geomorphological locations of the sites. Another important condition for choosing a particular location for a burial ground was the height of the place relative to the water surface for protecting the burials from flooding.

Keywords: *GIS, Western Siberia, Holocene, burial grounds, Central Baraba Lowland, Bronze Age, Early Iron Age, Middle Ages.*

Введение

Центральная часть Барабинской низменности, включающая такие административные районы Новосибирской обл., как Барабинский, Венгеровский, Здвинский, Куйбышевский, Купинский, Татарский, Усть-Таркский, Чановский, является хорошо изученным в археологическом отношении регионом. В результате многолетних планомерных исследований Западно-Сибирского отряда под руководством В.И. Молодина, регулярных обследований и мониторинга памятников сотрудниками научно-производственного центра по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области (НПЦ) на территории перечисленных районов выявлено 563 археологических объекта (данные о количестве объектов археологического наследия представлены на официальном сайте http://www.nasledie-nso.ru/). Но культурно-хронологическую атрибуцию имеют меньше половины памятников – только те, на которых были проведены археологические раскопки.

Ранее исследовательским коллективом были представлены результаты изучения пространственного распределения поселений эпохи бронзы – средних веков в центральной части Барабинской низменности [Кузьмин и др. 2013, 2014; Никулина и др., 2018]. Была разработана методика анализа пространственной локализации поселений в полупустынных, степных и лесостепных регионах. На основе пространственного анализа была выявлена зависимость палеоландшафтных предпочтений населения от палеоклимата и типов хозяйственной деятельности. Для каждой культуры были определены типы пространственного распределения и геоморфологической приуроченности памятников в соответствии со структурой экономики и набором климатических обстановок [Никулина и др., 2018; Nikulina, 2019]. Отметим, что к рассматриваемому региону подход Landscape Archaeology в сочетании с методами ГИС был применен впервые. Полученные результаты являются перспективными для предварительной датировки поселений, не имеющих культурно-хронологической привязки и построения прогнозных моделей для поиска новых объектов.

Могильники этого региона не подвергались специальному анализу с точки зрения выявления закономерностей их пространственной локализации, что обуславливает новизну и актуальность данного исследования. Поскольку для ряда административных районов изданы своды памятников и археологические карты [Молодин, Новиков, 1998; Молодин, Новиков, Софейков, 2000; Молодин и др., 2011], анализ имеющихся данных с применением ГИС-технологий позволяет не только выявить существующие закономерности, но и прогнозировать в дальнейшем местоположение еще не открытых объектов археологического наследия. В России опыт предиктивного моделирования носит пока ограниченный характер, но положительный опыт подобных работ уже имеется [Зольников и др., 2013; Зайцева, 2014].

Материалы и методы

Географические координаты, типы могильников (грунтовые или курганные) и их культурно-хронологическая характеристика были получены из ранее составленной базы геоданных [Кузьмин и др. 2013, 2014]. Среди известных могильников центральной части Барабинской низменности интересующую нас культурно-хронологическую атрибуцию (эпоха бронзы – Средневековье) имеют 47 памятников. Многие из них являются разновременными – Сопка-2, Преображенка-3, Тартас-1, Усть-Тартасский могильник и др. Некоторые могильники датируются определенной эпохой или культурой. Всего на 47 могильниках было выделено и проанализировано 105 культурно-хронологических комплексов. Из них 43 датируются эпохой бронзы, 33 – ранним железным веком и 29 – эпохой Средневековья.

Для проведения исследования каждый могильник был охарактеризован по следующим параметрам: 1) геоморфологическая приуроченность (речные долины, останцы, прибровочные поверхности, гривы); 2) расстояние памятника до ближайшей реки (в т.ч. до палеообъектов – покинутых палеорусел, пересохших стариц и т.п.); 3) расстояние между могильником и бровкой, являющейся границей между долинами рек и полого-волнистой равниной (отрицательные значения получены для памятников, расположенных на площадках террас и пойм); 4) высота памятника относительно уреза воды ближайшей реки. Для памятников, расположенных на большом удалении от рек и их долин

(более 3 000 м), расстояние до границы между равниной и долиной заменено на дистанцию между могильником и ближайшей котловиной палеоозера. Анализ расстояний между поселениями и могильниками не проводился. Это связано с трудностями при определении взаимосвязей между памятниками: как правило, неизвестно, какие могильники были оставлены жителями отдельных поселений и какие некрополи использовались населением нескольких поселков одновременно.

Карты геолого-геоморфологического каркаса территории [Чупина, 2014; Чупина, Зольников, 2016] использовались для определения геоморфологической приуроченности памятников. Эти карты были построены на основе морфометрического анализа рельефа по цифровой модели SRTM (Shuttle Radar Topographic Mission), находящейся в свободном доступе (http://srtm.csi.cgiar.org/), с пространственным разрешением 3 арксекунды (размер пикселя был приведен к 60 × 60 м). Затем особенности рельефа территории исследования уточнялись путем анализа карт четвертичных отложений масштабов 1 : 500 000 и 1 : 200 000, объяснительных записок к ним и космических снимков.

Морфометрический анализ рельефа района исследования, определение значений числовых показателей и геоморфологических позиций памятников были проведены в программном пакете ArcGIS 10.2.2. Для составления базы данных и объединения памятников в группы при проведении сравнительного анализа и построении диаграмм использовалась программа Microsoft Excel.

Результаты и обсуждение

Курганные могильники ранней – поздней бронзы (кроме курганного могильника эпохи развитой бронзы Старогорностали-2) и все грунтовые могильники этого периода локализованы очень компактно – вблизи рек Омь и Тартас (рис. 1). Такая ситуация,

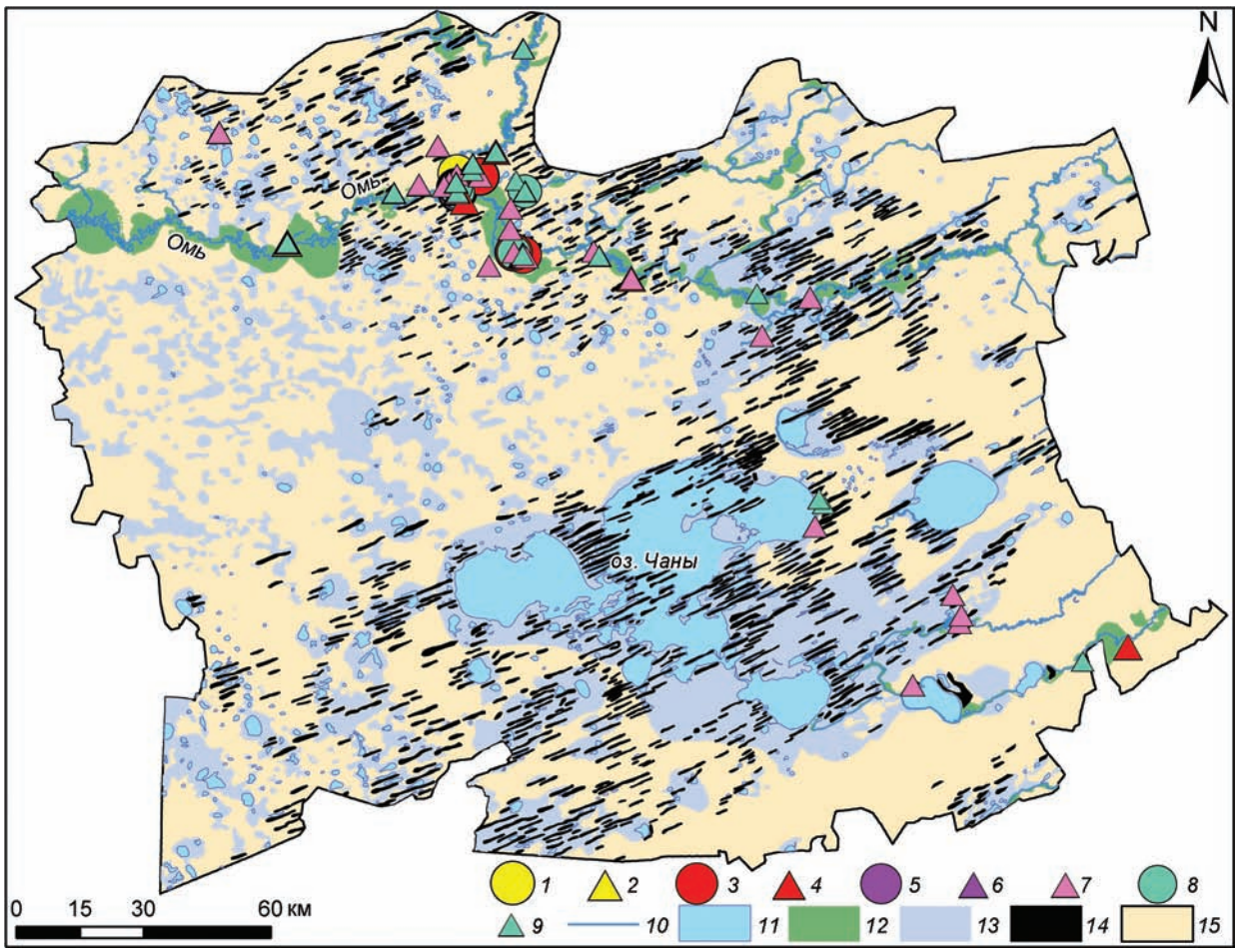

Рис. 1. Расположение могильников на геоморфологической карте-схеме центральной части Барабинской низменности.

1 – грунтовые могильники ранней бронзы; *2* – курганные могильники ранней бронзы; *3* – грунтовые могильники развитой бронзы; *4* – курганные могильники развитой бронзы; *5* – грунтовые могильники поздней бронзы; *6* – курганные могильники поздней бронзы; *7* – курганные могильники раннего железного века; *8* – грунтовые могильники Средних веков; *9* – курганные могильники Средних веков; *10* – реки; *11* – современные озера; *12* – долины рек; *13* – котловины палеоозер; *14* – гривы; *15* – полого-волнистая равнина.

по-видимому, отражает степень изученности региона с точки зрения количества выявленных памятников. Обнаружение грунтовых могильников затруднено отсутствием каких-либо рельефных признаков на дневной поверхности. Поэтому памятники данного типа выявлены и локализованы только там, где проводились стационарные археологические работы или геофизические изыскания.

В эпоху бронзы население проживало также вдоль рек Чулым и Каргат. Однако для этой территории известен только один курганный могильник развитой бронзы (Старогорностали-2). Поэтому данный участок региона является перспективным в плане поиска и обнаружения погребальных комплексов. Возможно, что среди известных к настоящему моменту могильников без культурно-хронологической идентификации присутствуют и те, которые функционировали в эпоху бронзы.

Курганные могильники раннего железного века и Средних веков распространены шире по изучаемой территории в сравнении с могильниками эпохи бронзы (рис. 1). Во-первых, такая локализация связана с тем, что курганные могильники легче выявить, поскольку в отличие от грунтовых могильников курганные имеют рельефные признаки. Во-вторых, отмеченные закономерности могут быть связаны с климатическими обстановками и типами хозяйства носителей разных культур [Nikulina, 2019]. В раннем железном веке и Средних веках население проживало в умеренном и влажном/очень влажном климате. При умеренном климате расширяется набор доступных источников ресурсов и мест для выпаса скота: наряду с долинами рек (в эпоху бронзы население расселялось ближе к ним, чем в более позднее время), носители археологических культур могли использовать при-

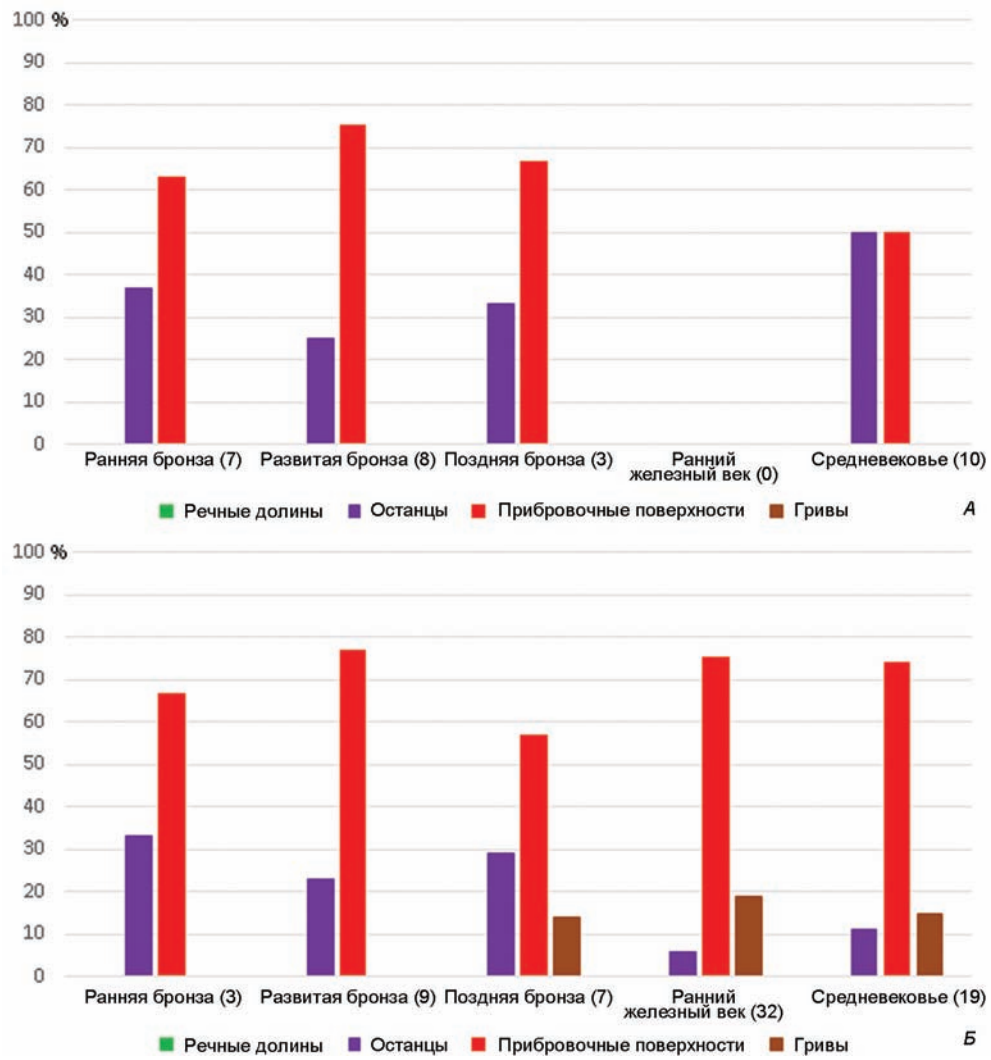

Рис. 2. Геоморфологическая приуроченность (в %) могильников эпох бронзы – Средневековья на территории центральной части Барабинской низменности.

А – грунтовые могильники; *Б* – курганные могильники.

В скобках указано количество памятников, где были найдены погребения каждой эпохи.

бровочные территории полого-волнистой равнины и участки вблизи озер. При влажном климате доступных для скотоводства участков становилось меньше, и население вынуждено было активнее перемещаться по большей территории в поиске пригодных для выпаса скота участков. Поэтому и ареалы расселения и ареалы распространения могильников носителей археологических культур раннего железного века и средних веков по сравнению с эпохой бронзы были шире.

Несмотря на отмеченную неравномерность в количестве известных могильников для каждой эпохи, выявляются устойчивые тенденции геоморфологической приуроченности этих памятников (рис. 2). Случаев расположения могильников на площадках террас и пойм не выявлено. Вместе с тем речные долины были одним из основных источников ресурсов как для охоты, собирательства и рыболовства при разных обстановках окружающей среды, так и для выпаса скота при сухом и умеренном климате. Поэтому население не использовало для размещения некрополей территории, где находились важные кормовые базы. Такая локализация могильников также позволяла защитить эти памятники от размыва при повышении уровня воды в реках во время половодий или при увеличении увлажненности климата и, следовательно, заболачивании или затоплении террас и пойм.

На протяжении всего рассматриваемого периода могильники чаще всего располагались на эрозионных останцах внутри речных долин и на прибровочных поверхностях (рис. 2). Начиная с эпохи поздней бронзы для возведения курганных могильников население использовало гривы, локализованные внутри котловин палеоозер или вблизи них. Необходимо отметить, что поселения, в отличие от могильников, очень редко располагались на эрозионных останцах внутри долин рек. По-видимому, люди стремились максимально обособить участки, на которых располагались поселения, от территорий, где сооружались могильники.

Несмотря на то что многие могильники (рис. 2), так же как и поселения, локализованы на гривах и зачастую на прибровочных участках, в среднем местонахождения некрополей расположены выше и дальше от рек, чем поселения (рис. 3, 4). Исключение составляют памятники эпохи Средневековья: могильники в среднем расположены на меньшем удалении от рек, чем поселения, но на тех же высотных отметках. Средние расстояния между могильниками и бровками эрозионных террас отличаются от значений этого параметра, рассчитанного для поселений (рис. 5). Вышеописанные особенности пространственного распределения археологических объектов также могут отражать существовавшую у населения тенденцию отделять участки для захоронений от основных жилых и хозяйственных территорий.

Заключение

Проведенный анализ пространственного расположения могильников эпох ранней бронзы – Средних веков показал, что наибольшая концентрация памятников этого типа отмечается вблизи долинного расширения рек Омь и Тартас. Это связано с проведением на данной территории систематических полевых работ, что позволило выявить грунтовые могильники без рельефных признаков на дневной поверхности.

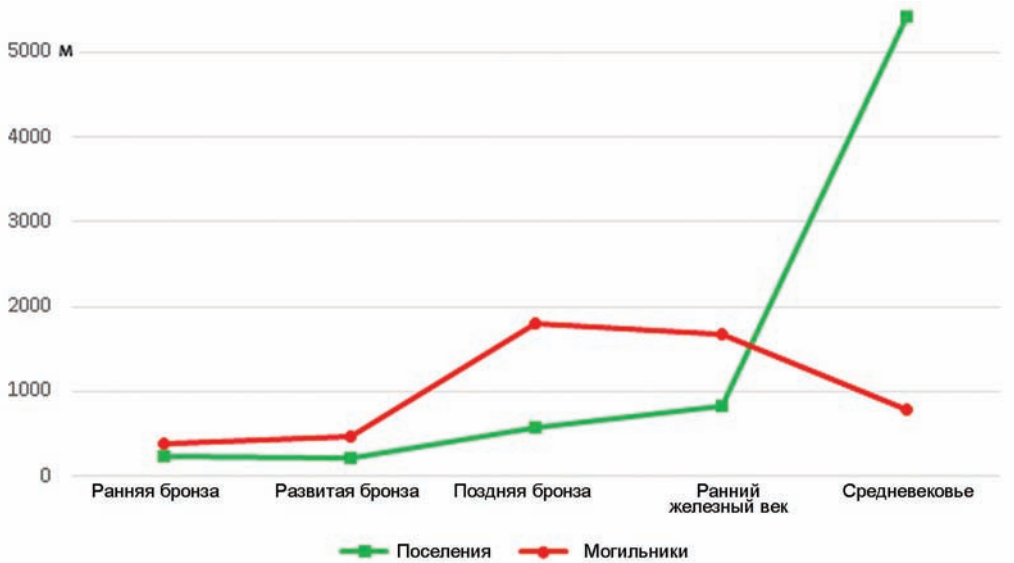

Рис. 3. Средние значения расстояний (в м) между памятниками и реками.

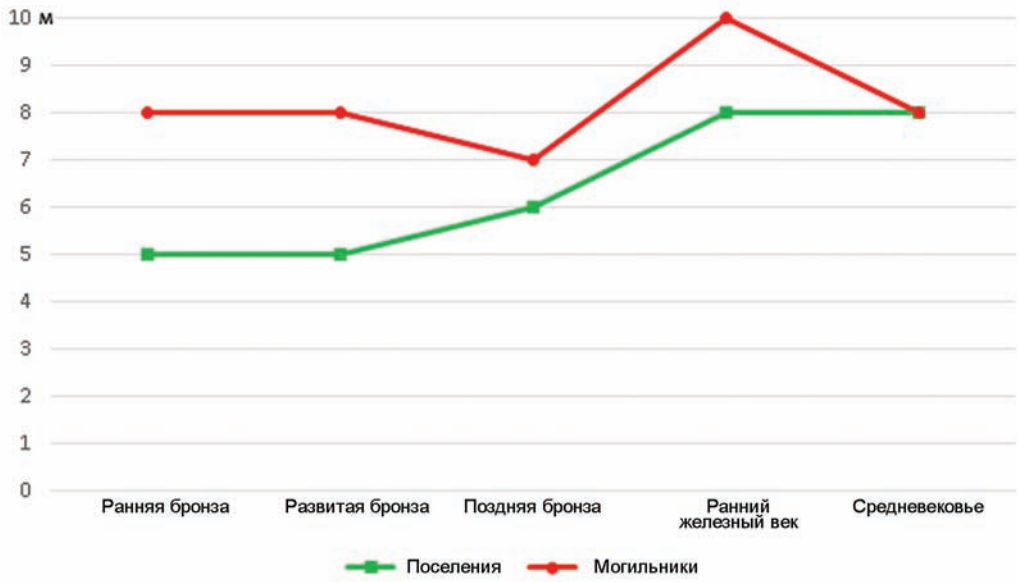

Рис. 4. Средние значения высотных отметок (в м) памятников относительно уреза воды.

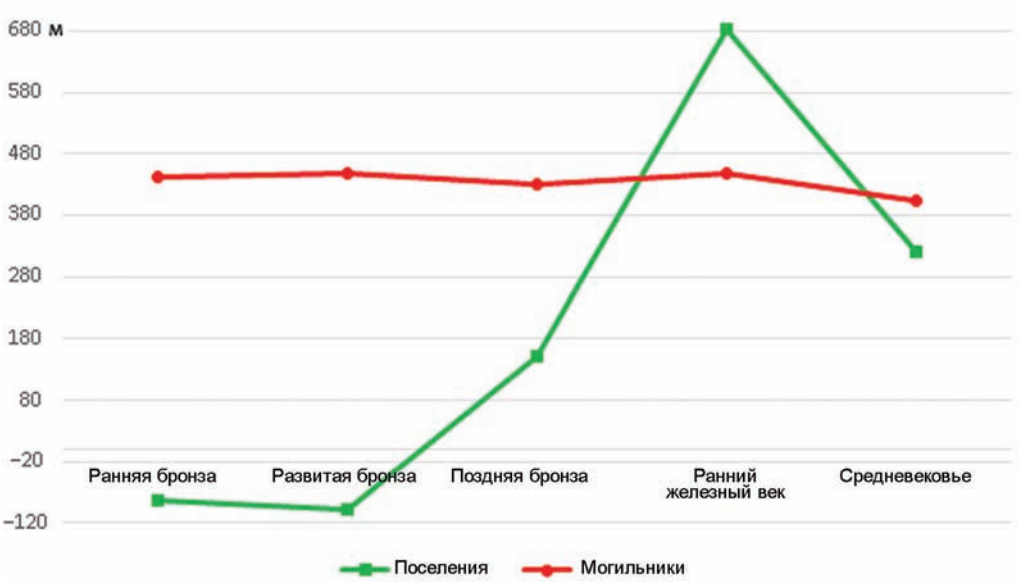

Рис. 5. Средние значения расстояний (в м) между памятниками и бровками (граница между полого-волнистой равниной и речной долиной).

Несмотря на отмеченную неравномерность в пространственном распределении известных на сегодняшний день и атрибутированных могильников, было выявлено несколько устойчивых закономерностей. Так, ближе всего к рекам расположены погребальные объекты эпохи ранней бронзы, а дальше всего – Средних веков. На особенности геоморфологической приуроченности могильников могли влиять мировоззренческие представления древнего населения. По этнографическим источникам известно, что в мировоззрении многих народов река является связующим звеном между различными мирами. «Река в связи с миром мертвых выступает у народов Сибири в двух планах. Первый из них – это река-дорога, второй – река-преграда. И в том, и в другом случаях она отделяет мир живых от мира мертвых, но река-дорога осмысляется как связующее звено, в то время как реку-преграду необходимо преодолеть для того, чтобы попасть из одного мира в другой» [Федорова, 2007, с. 225–226]. На практике эти представления определяли выбор места для кладбища: ниже по течению реки относительно селения, выше по реке относительно селения, за рекой, на острове, в относительном отдалении от реки, на высоком берегу реки, в лесу [Там же, с. 226–227]. Аналогичные представления могли

бытовать у носителей различных археологических культур на протяжении эпохи бронзы – Средневековья, что и фиксируется в закономерностях геоморфологической привязки могильников.

Необходимо отметить, что в целом ареал обитания населения в раннем железном веке и в Средневековье был шире, чем в предыдущие эпохи и определялся климатическим (разнообразие доступных источников ресурсов при умеренном климате и ограниченность пригодных для расселения участков при влажном климате) и хозяйственным факторами (наличие в структуре хозяйства более мобильных форм скотоводства). Останцы, прибровочные поверхности, а с эпохи раннего железного века и гривы вблизи озер выбирались населением для расположения могильников, а площадки террас и пойм не использовались для этой цели. Различия в ареалах распространения могильников и поселений свидетельствуют о том, что у древнего населения данного региона были разные, но достаточно устойчивые предпочтения при выборе мест для локализации этих двух типов объектов.

Благодарности

Авторы выражают благодарность д-ру геол.-мин. наук Я.В. Кузьмину, канд. техн. наук Н.В. Глушковой, канд. техн. наук Д.А. Чупиной, сотрудникам НПЦ по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской обл., а также сотруднику Новосибирского городского юридического агентства О.В. Софейкову.

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0264-2019-0009 «Цифровые технологии в реконструкции стратегий жизнеобеспечения древнего населения Евразии».

Список литературы

Зайцева Е.А. Прогнозирование расположения объектов археологии с применением ГИС и ДДЗ // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. IV. – С. 399–401.

Зольников И.Д., Постнов А.В., Лямина В.А., Славинский В.С., Чупина Д.А. ГИС-моделирование условий обитания, благоприятных для проживания древнего человека в горах Алтая // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2013. – № 3. – С. 40–48. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.aeae.2014.03.006

Кузьмин Я.В., Зольников И.Д., Новикова О.И., Глушкова Н.В., Чупина Д.А., Софейков О.В., Ануфриев Д.Е., Дементьев В.Н. Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2013. – Т. 12, вып. 7. – С. 87–96.

Кузьмин Я.В., Софейков О.В., Зольников И.Д., Чупина Д.А., Новикова О.И., Никулина А.В., Ануфриев Д.Е. Адаптация древнего населения центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) к природным условиям в голоцене: анализ на основе ГИС-технологий // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. 4. – С. 320–323.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Новиков А.В., Софейков О.В. Археологические памятники Здвинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, 2000. – 224 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И., Чемякина М.А., Сумин В.А., Ануфриев Д.Е., Евтеева Е.М., Князев А.О., Кравченко Е.В. Археологические памятники Чановского района Новосибирской области. – Новосибирск: Изд-во НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия, ИАЭТ СО РАН, 2011. – 258 с.

Никулина А.В., Зольников И.Д., Кузьмин Я.В., Софейков О.В., Чупина Д.А., Глушкова Н.В., Пчельников Д.В. Методика использования ГИС-технологий для анализа пространственной локализации поселений на примере эпох бронзы, раннего железного века, средневековья в центральной части Барабинской низменности // Вестн. Том. гос. ун-та. – 2018. – № 428. – С. 117–126.

Федорова Е.Г. Река в погребальной обрядности народов Сибири // Реки и народы Сибири: сб. науч. ст. – СПб.: Наука, 2007. – С. 216–237.

Чупина Д.А. Автоматическое выделение форм и комплексов рельефа на основе морфометрического ГИС-анализа (на примере Венгеровского района Новосибирской области) // Геоморфология. – 2014. – № 3. – С. 43–50.

Чупина Д.А., Зольников И.Д. Геоинформационное картографирование форм и типов рельефа на основе морфометрического анализа // Геодезия и картография. – 2016. – № 6. – С. 35–43. – DOI: 10.22389/0016-7126-2016-912-6-35-43

Nikulina A.V. GIS-based analysis of settlement patterns for the central Baraba Lowland (Western Siberia, Russia) in relation to climatic conditions of the Middle – Late Holocene // J. of Archaeol. Sci.: Rep. – 2019. – N 4. – P. 302–312. – DOI: https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.01.018

References

Chupina D.A. Avtomaticheskoe vydelenie form i komplexsov reliefa na osnove morphometricheskogo GIS-analisa (na primere Vengerovskogo raiona Novosibirskoy oblasti). *Geomorphology RAS*, 2014, No. 3, pp. 43–50 (in Russ. with Engl. abstract).

Chupina D.A., Zolnikov I.D. GIS-mapping of form and types of relief based on morphometric analysis. *Geodeziya i Katrografiya*, 2016, No. 6, pp. 35–43 (in Russ. with Engl. abstract). DOI: 10.22389/0016-7126-2016-912-6-35-43

Fedorova E.G. Reka v pogrebalnoy obryadnosti narodov Sibiri. In *Reki i norody Sibiri: sbornik nauchnyh statei*. St. Petersburg: Nauka, 2007, pp. 216–237 (in Russ.).

Kuzmin Y.V., Sofeikov O.V., Zolnikov I.D., Chupina D.A., Novikova O.I., Nikulina A.V., Anufriev D.E. Adaptatsiya drevnego naseleniya tsentralnoi chasti Barabinskoi lesostepi (Zapadnaya Sibir) k prirodnym usloviyam v golotsene: analiz na osnove GIS-tekhnologiy. *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. 4, pp. 320–323 (in Russ.).

Kuzmin Y.V., Zolnikov I.D., Novikova O.I., Glushkova N.V., Chupina D.A., Sofeikov O.V., Anufriev D.E., Dementiev V.N. Analysis of spatial distribution of archaeological sites in the central Baraba Forest Steppe (Vengerovo County, Novosibirsk Province) based on GIS technologies. *Novosibirsk State University Bulletin*, vol. 12, iss. 7, pp. 87–96 (in Russ. with Engl. abstract).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: NPC po sohraneniu istoriko-kulturnogo nasledia, 1998, 140 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V., Sofeikov O.V. Arheologicheskie pamyatniki Zdvinskogo raiona Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: NPC po sokhraneniu istoriko-kulturnogo nasledia, 2000, 224 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Soloviev A.I., Chemyakina M.A., Sumin V.A., Anufriev D.E., Evteeva E.M., Knyazev A.O., Kravchenko E.V. Arheologicheskie pamyatniki Chanovskogo raiona Novosibirskoy oblasti. Novosibirsk: NPC po sohraneniu istoriko-kulturnogo nasledia, 2011, 258 p. (in Russ.).

Nikulina A.V. GIS-based analysis of settlement patterns for the central Baraba Lowland (Western Siberia, Russia) in relation to climatic conditions of the Middle – Late Holocene. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2019, No. 4, pp. 302–312. URL: https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2019.01.018

Nikulina A.V., Zolnikov I.D., Kuzmin Y.V., Sofeikov O.V., Chupina D.A., Glushkova N.V., Pchelnikov D.V. Methodology of GIS-based spatial analysis of the Bronze Age, the Early Iron Age and the Medieval settlements in the central part of the Baraba Lowland. *Tomsk State University Journal*, 2018, No. 428, pp. 117–125 (in Russ. with Engl. abstract). DOI: 10.17223/15617793/428/16\

Zaitceva E.A. Prognozirovanie raspolozhenia ob"ektov arheologii s primeneniem GIS i DDZ (GIS- and Remote Sensing-based predictive modelling of archaeological sites distribution). *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. 4, pp. 399–401 (in Russ.).

Zolnikov I.D., Postnov A.V., Lyamina V.A., Slavinski V.S., Chupina D.A. Geoinformation modeling of environments favorable for prehistoric humans of the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2013, No. 3, pp. 40–47. URL: https://doi.org/10.1016/j.aeae.2014.03.006

Никулина А.В. https://orcid.org/0000-0003-4456-0942
Зольников И.Д. https://orcid.org/0000-0003-1178-5707
Новикова О.И. https://orcid.org/0000-0002-8779-2084

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.536-542
УДК 902/904; 903.27

Б. Омирбек[1], В.И. Молодин[2], Н. Батболд[3], Д.В. Черемисин[2, 4], Ю.Н. Ненахова[2], Д.А. Ненахов[2]

[1]Институт философии МАН, филиал Баян-Ульгийского аймака
Улан-Батор, Монголия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[3]Институт археологии МАН
Улан-Батор, Монголия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

Новые петроглифы Монголии в долине реки Хойд Холцуут

Российско-монгольский археологический отряд в полевом сезоне 2019 г. проводил исследования петроглифических комплексов на северо-западе Монголии. Основные усилия были направлены на выявление позднеплейстоценового пласта наскальных изображений. В задачи входило, во-первых, проведение разведочных работ, во-вторых, представление общей оценки уже открытого памятника в обозначенном регионе. Местонахождение петроглифов на левом берегу р. Хойд Холцуут в 28 км от сомона Буянт расположено в узком каньоне, где плейстоценовые террасы прослеживаются только в его начале. Остальная часть долины в плейстоцене была необитаема для человека. Однако в голоцене она была достаточно обжитой: об этом свидетельствуют курганные насыпи, наличие петроглифов, характерных по своей стилистике для этого периода и пр. Отдельные изображения и многофигурные композиции выбиты на горизонтальных и полого спускающихся под острым углом плоскостях сильно патинированного коричневато-черного сланца. Воспроизведены образы быков, оленей, горных козлов, кабанов, хищников – волков и собак, преследующих и атакующих травоядных животных. К эпохе бронзы можно отнести изображения быков с характерными рогами, в т.ч. сомкнутыми, с копытами и хвостами, выполненными в манере, известной по памятникам наскального искусства Алтая (Калбак-Таш, Елангаш, Чаганка, Цаган Салаа, Бага-Ойгур и др.). Ряд петроглифов принадлежит эпохе раннего железного века или Средневековья. Выделение изображений, выполненных в архаическом стиле и сравнимых со стилем древнейших наскальных памятников Российского и Монгольского Алтая, на данном памятнике безосновательно.

Ключевые слова: *петроглифы, Монголия, плейстоцен, эпоха бронзы, местонахождение Хойд Холцуут.*

Bikhumar Omirbek[1], Vyacheslav I. Molodin[2], Natsag Batbold[3], Dmitry V. Cheremisin[2, 4], Yuliya N. Nenakhova[2], Dmitry A. Nenakhov[2]

[1]Institute of Philosophy MAS, Branch of the Bayan-Ulgii Aimag,
Ulaanbaatar, Mongolia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[3]Institute of Archaeology MAS,
Ulaanbaatar, Mongolia
[4]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nenaxoffsurgut@mail.ru

New Petroglyphs in the Khoid Kholtsootin River Valley, Mongolia

In 2019, the Russian-Mongolian Archaeological Team conducted research on petroglyphic complexes in Northwestern Mongolia. Main efforts of the expedition focused on identifying the Late Pleistocene layer of rock art. The objectives

included survey and assessment of the already known site in a narrow canyon on the left bank of the Khoid Kholtsootin River 28 km from the Buyant District. Pleistocene terraces are observed only in its beginning of the canyon; the rest of the valley was uninhabited in the Pleistocene but became inhabited in the Holocene, as evidenced by burial mounds, style of the petroglyphs typical of the period, etc. Individual images and multifigured compositions were pecked on horizontal and gently sloping surfaces of brownish-black slate with strong desert varnish, and include images of bulls, deer, mountain goats, wild boars, as well as predatory wolves and dogs chasing and attacking herbivorous animals. Images of bulls with distinctive joint horns, with hooves and tails, which were made in the manner known from the Altai rock art (Kalbak-Tash, Elangash, Chaganka, Tsagaan Salaa, Baga-Oigur, etc.), can be attributed to the Bronze Age. A number of petroglyphs belonged to the Early Iron Age or the Middle Ages. Identification of the images made in the archaic style and comparable with the style of the earliest rock art of the Mongolian and Russian Altai was unfeasible at the site. The Khoid Kholtsootin site is a remarkable monument of rock art, which is deserves a special study and publication.

Keywords: *petroglyphs, Mongolia, Pleistocene, Bronze Age, Khoid Kholtsootin site.*

Как показывает практика изучения наскальных изображений в зоне гор и степей Евразии в пространствах от Памира и Тянь-Шаня до Саяно-Алтая и Тибета – везде, где в горных долинах возникали и развивались местные культуры, основой которых, как правило, было подвижное скотоводство, повсеместно отмечены многочисленные петроглифические памятники. Местонахождения петроглифов различаются по насыщенности: известны скопления рисунков в долинах рек на протяжении десятков километров и в то же время распространены многочисленные небольшие по количеству рисунков памятники, приуроченные к локальным скальным выходам, вершинам гор, перевалам на транзитных путях. В научном плане и те и другие представляют очевидный интерес.

Весной 2019 г. российско-монгольский археологический отряд провел поиск новых местонахождений петроглифов на северо-западе Монголии. Один из таких комплексов был ранее исследован монгольским археологом Бихумаром Омирбеком в районе сомона Буянт (Баян-Ульгийский аймак, МНР) (рис. 1). Полученные материалы были использованы им при написании кандидатской диссертации [Омирбек, 2013].

Основной массив петроглифов сконцентрирован в долине левого притока р. Саксай Гол – Хойд Холцуут (рис. 1). Аналогичное название получило и данное местонахождение наскальных рисунков. Мы были приглашены для осмотра памятника с целью возможного нахождения там раннего (позднеплейстоценового) пласта изображений (речь шла о том, чтобы провести дополнительную разведку и дать общую оценку уже открытого местонахождения).

Местонахождение наскальных изображений находится примерно в 28 км от сомона Буянт, на ле-

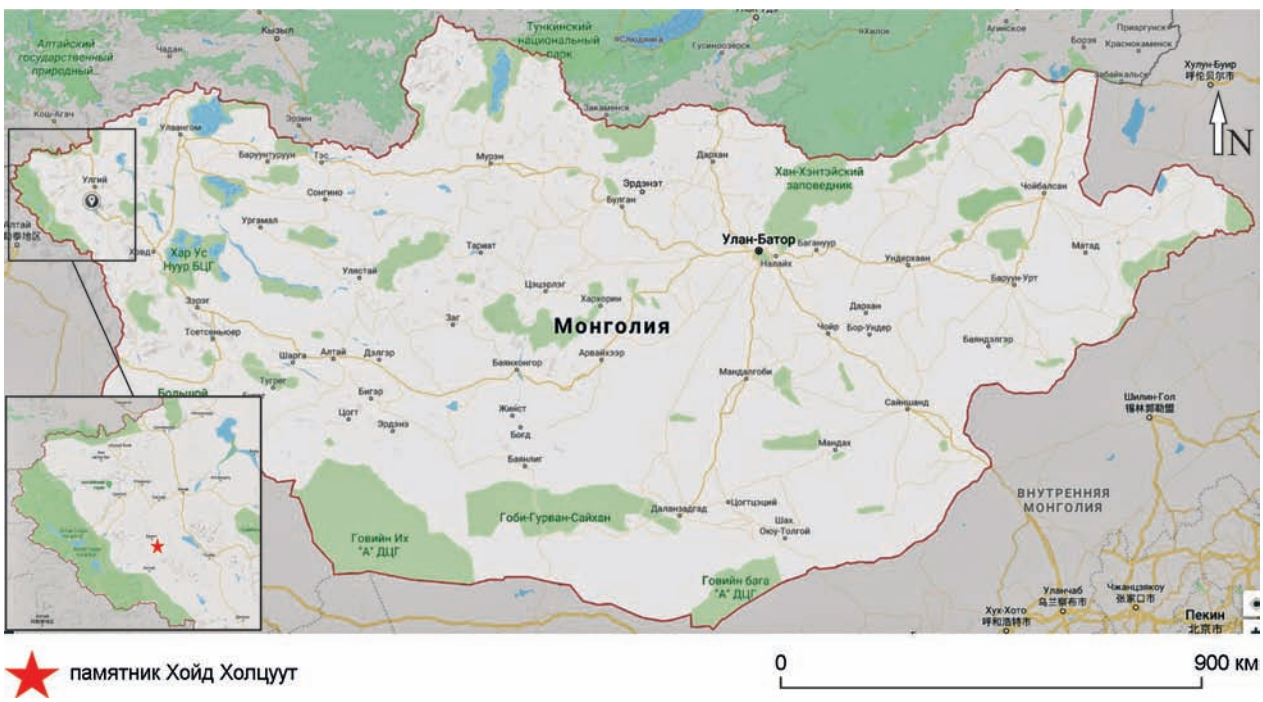

Рис. 1. Месторасположение памятника Хойд Холцуут, Монголия.

Рис. 2. Фигуры козлов на гранитном валуне, Хойд Холцуут.

вом берегу р. Хойд Холцуут, берущей начало в горах. Уже первоначальный осмотр долины показал, что это узкий каньон, где плейстоценовые террасы (очень небольшие по ширине) прослеживаются только в его начале. Остальная часть долины в плейстоцене представляла собой бурный поток, несущий огромные валуны, делающие каньон необитаемым для человека. Поэтому изначально было понятно, что искать там наскальные рисунки периода плейстоцена абсолютно бесперспективно. В настоящее время р. Хойд Холцуут представляет собой небольшой ручей, пробивающий себе путь среди нагромождения крупного аллювиального валунника.

Однако, несмотря на слабую растительность и сильнейшие ветра вдоль каньона, сейчас долина заселена. Большое количество юрт и зимников казахов и монголов встречаются очень часто по мере продвижения вглубь горного массива. Здесь, среди нагромождения аллювиальных валунов, пасутся стада овец, коз, сарлыков, реже лошадей. Очевидно, что и в голоцене долина была достаточно обжитой. Об этом свидетельствует, как нам представляется, древняя дорога, проложенная в долине среди скоплений валунов и функционирующая до настоящего времени. В самом начале дороги, у входа в ущелье, на левом берегу реки обнаружены гранитные валуны с изображением козликов (рис. 2). Они как бы маркируют вход в ущелье. Удалось даже выделить два таких скопления: координаты первого N 48°34’711.9’’, E 089°26’047’’, высота над ур. м. 2 279 м, второго N 48°35’047’’, E 089°24’515’’. Скопления, в принципе, можно обозначить как отдельные памятники. Вероятнее всего, они относятся к эпохе раннего железного века или Средневековья. Ничего более узко датируемого здесь выявлено не было. Впрочем, не следует исключать, что дальнейшее детальное обследование этих мест даст дополнительные результаты.

По мере продвижения вверх по реке долина ее все более сужается, и тем не менее об ее активном обитании в голоцене свидетельствуют многочисленные курганные насыпи, сложенные, как правило, из аллювиального, окатанного валунника, встречающегося здесь в изобилии. Размеры и высота насыпей различны. Обнаружено и несколько явно поздних некрополей (небольшие по размерам подпрямоугольные насыпи, расположенные рядами). Отмечен один керексур, окруженный подпрямоугольной оградой.

Петроглифический памятник, о котором далее и пойдет речь, получивший в литературе название Хойд Холцуут, расположен на левом берегу одноименной реки. Хорошим ориентиром является расположенное напротив скал с рисунками узкое ущелье, примыкающее к каньону с В. Координаты памятника N 48°36’038’’, E 089°17’831’’, высота 2 531 м над ур. м. Перед нами раскинулась достаточно обширное скалистое плато, протянувшееся вдоль реки приблизительно на 700–800 м к С.

Рисунки выполнены на отполированных до зеркального блеска небольших темно-коричневых плоскостях. Похоже, что сравнительно небольшие размеры рисунков были продиктованы именно размерами плоскостей. Наскальные изображения памятника – это в основном фигуры животных, выбитые на горизонтальных и полого спускающихся под острым углом плоскостях сильно патинированного коричневато-черного сланца (рис. 3, 4). Представлены как отдельные изображения, так и многофигурные композиции. Воспроизведены образы быков, оленей, горных козлов, кабанов, хищников – волков и собак, преследующих и атакующих травоядных животных. К эпохе бронзы можно отнести изображения быков с характерными рогами, в т.ч. сомкнутыми, с копытами и хвостами, выполненными в манере, известной по памятникам наскального искусства Российского и Монгольского Алтая (рис. 3–5) (Калбак-Таш, Елангаш, Чаганка, Цаган Салаа/Бага-Ойгур и др., достоверно датируемые эпохой бронзы) [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001].

Выявлено одно антропоморфное изображение с поднятыми вверх руками без головного убора, показанное в фас (рис. 6). Фигура аналогична опубликованным исследователями многофигурным композициям с «танцорами» [Jacobson, 2006a, p. 24, fig. 1].

Рис. 3. Академик В.И. Молодин копирует многофигурную композицию эпохи бронзы.

Рис. 4. Многофигурная композиция эпохи бронзы, Хойд Холцуут.

Найдено также несколько ярких композиций скифского времени с изображениями оленей с ветвистыми закинутыми за спину рогами и клювовидной мордой. Изображений других эпох обнаружено не было, хотя это, возможно, объясняется нашим достаточно кратковременным пребыванием на памятнике.

Памятник Хойд Холцуут уже изучался ранее. В 2005 г. в ходе работ над Атласом культурных древностей Монголии его посетила американский искусствовед Э. Якобсон, посвятившая петроглифам этого местонахождения специальную статью [Jacobson, 2006a] и упомянувшая его в числе «ма-

Рис. 5. Прорисовка многофигурной композиции эпохи бронзы Хойд Холцуута.

Рис. 6. Многофигурная композиция с антропоморфной фигурой.

леньких памятников» в последующей обзорной публикации [Jacobson, 2006b]. Исследовательница пришла к выводу, что на памятнике выделяются два периода, никак не связанные единой линией культурного развития. По ее мнению, самые ранние, крайне немногочисленные фигуры на скалах Хойд Холцуута были выбиты в «архаический период» (его исследовательница гипотетически обозначает как «поздний плейстоцен (?)» или как «ранний голоцен (?)») [Jacobson, 2006a, p. 25, 26] на основании того, что фигура горного козла кажется ей сходной по стилю с древнейшими наскальными изображениями Европы и Центральной Азии (Ibid., fig. 2). Кроме того, ею упоминается, но не приводится в прорисовке или фотографии фигура животного, которое напоминает носорога из Арал-Толгоя [Ibid., p. 25; Кубарев, 2007]. Попытка Э. Якобсон на всех без исключения памятниках наскального искусства Северо-Западной Монголии увидеть ранний, «до-бронзовый» пласт петроглиф-

фов [Jacobson-Tepfer, 2013] понятна и заслуживает самого пристального внимания, однако в отношении Хойд Холцуута ее гипотеза не находит графических доказательств и противоречит геоморфологическим данным.

Следующий пласт наскального искусства в Хойд Холцууте Э. Якобсон справедливо связывает с бронзовым веком – «скорее, эпохой поздней бронзы, а то и всем периодом» [Jacobson, 2006a, p. 26]. К этому пласту рисунков отнесены фигуры быков, в т.ч. вьючных в «караванах», фигуры козлов, оленей, хищников. Помимо этого, очевиден пласт изображений раннего железного века – на публикуемом исследователями фото представлено характерное изображение кабана, трактованного в стилистике раннего этапа скифо-сибирского звериного стиля [Ibid.].

Монгольские и голландские исследователи в своих публикациях следуют идее Э. Якобсон об «архаике» и не связанной с ней поздней наскальной традиции, не вдаваясь в тонкости датировки по стилю и не настаивая на определении возраста петроглифов [Halbertsma, Omirbek, 2011].

Изучение памятника, проведенное в 2019 г. нашей исследовательской группой, позволило сделать ряд важных наблюдений и выводов. На наш взгляд, нет никаких оснований определять в петроглифах Хойд Холцуута изображения архаического стиля, сравнимые со стилем древнейших наскальных памятников Алтая, который был выделен В.И. Молодиным и Д.В. Черемисиным [1993, 1999] на юге Российского Алтая и который со всей очевидностью проявляется в памятниках Монгольского Алтая – Цаган-Салаа, Бага Ойгур. При культурно-хронологическом анализе этого замечательного памятника Д. Цэвээндорж и Э. Якобсон совершенно справедливо выделили на нем изображения, относящиеся к концу плейстоцена – началу голоцена [Jacobson, Kubarev, Tseveendorj, 2001]. Существенно увеличилось количество таких архаических изображений при их целенаправленном поиске российско-монгольско-французской экспедицией, проведенной в 2017 г. [Черемисин и др., 2018].

Да, линия живота у фигуры горного козла из Хойд Холцуута, на которую обращает внимание Э. Якобсон, не проведена по линейке, но ни по этому, ни по каким-либо иным критериям эта фигура не относится к древнейшему, калгутинскому стилю. К сожалению, невозможно оценить не приведенную Э. Якобсон «плохо различимую» фигуру животного, похожего на носорога из Арал-Толгоя. Эти заключения, сделанные исследователем и ее последователями, как и гипотеза о необитаемости долины в определенное время, объясняющая «лакуну» в пластах наскального искусства, нам представляются умозрительными, а «стилистическое» выделение раннего хронологического пласта ошибочным.

Что касается данных о репертуаре, распространенности и особенностях наскальных изображений памятника Хойд Холцуут, то наиболее полно они приведены в публикациях и кандидатской диссертации Б. Омирбека [2012, 2013]. Исследователем приведены сведения о распространенности петроглифов на территории 4 × 5 км и о фигурах в количестве 2 600–2 800 экз. в локальных урочищах. Они разделены на пять групп, выделены основные сюжеты (охота, скотоводство), которые связаны с эпохой бронзового века. Возможность отнесения петроглифов к плейстоцену или ранней поре эпохи бронзы не обозначена. Здесь следует добавить, что отчетливо фиксируется пласт наскальных изображений скифского времени.

Таким образом, как малые, так и содержащие тысячи фигур и композиций на скалах, валунах, останцах памятники наскального творчества и ритуальной деятельности древнего населения Центральной Азии представляют огромный научный интерес, раскрывая страницы древней истории. В любом случае в Хойд Холцууте мы имеем дело с замечательным местонахождением наскальных изображений, достойных специального монографического изучения и издания.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Кубарев В.Д. Арал-Толгой: новый памятник наскального искусства Монголии // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1 (29). – С. 111–126.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Великолепные лошади блестящих скал Алтая // Природа. – 1993. – № 3. – С. 55–61.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Древнейшие наскальные изображения плоскогорья Укок. – Новосибирск: Наука, 1999. – 160 с.

Омирбек Б. Хойд Холцоотийн хадны зураг дахь тэрэгний дур дурслэл, он цагийн хамаарал // Studici Archaeol. Insituti archaeologici Academiae Scientiarum Mongoliae. – 2012. – T. XXXII. – Fasc. 6. – P. 122–135 (на монг. яз.).

Омирбек Б. Монгол Алтайн нурууны Хойд Хөлцөөтийн хадны зургийн судалгааны асуудалд. – Улаанбаатар, 2013. – 18 p. (на монг. яз.).

Өмирбек Б., Золбаяр Г., Ансаган А. Баян-Өлгий аймгийн түүх-соёлын дурсгалууд. Фотоальбом. – Улаанбаатар, 2009. – 125 с. (на монг., каз., англ., рус., тур. яз.).

Цэвээндорж Д., Кубарев В.Д., Якобсон Э. Арал Толгойн хадны зураг (Петроглифы Арал-Толгой (Монголия). Petroglyphs of Aral Tolgoi (Mongolia)). – Улаанбаатар, 2005. – 204 с. (на монг. яз.).

Черемисин Д.В., Молодин В.И., Зоткина Л.В., Цэвээндорж Д., Кретэн К. Новые исследования раннего пласта наскального искусства Монгольского Алтая // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2018. – Т. 17. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 57–77.

Halbertsma T., Omirbek B. Petroglyphs of Kholtsootin Gol Valley (Mongolia) // INORA. – 2011. – N 60. – P. 1–7.

Jacobson E. A new petroglyphic complex in Bayan Olgiy Aimag, Mongolia // INORA. – 2006a. – N 45. – P. 23–26.

Jacobson E. Rock Art Research in Mongolia 2005–2009 // Rock Art Studies News of the World IV. – 2006b. – P. 164–195.

Jacobson-Tepfer E. Late Pleistocene and Early Holocene Rock Art from the Mongolian Altai: The Material and its Cultural Implications // Arts. – 2013. – Iss. 2. – P. 151–168.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorj D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale // JAS. – N 6, Textes et Figures. – P., 2001. – 481 p.

References

Cheremisin D.V., Molodin V.I., Zotkina L.V., Tsehvehehndorzh D., Kretehn K. Novye issledovaniya rannego plasta naskal'nogo iskusstva Mongol'skogo Altaya. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: History, Philology*, 2018, vol. 17, iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 318–319 (in Russ.).

Halbertsma T., Omirbek B. Petroglyphs of Kholtsootin Gol Valley (Mongolia). *INORA*, 2011, No. 60, pp. 1–7.

Jacobson E. A new petroglyphic complex in Bayan Olgiy Aimag, Mongolia. *INORA*, 2006a, No. 45, pp. 23–26.

Jacobson E. Rock Art Research in Mongolia 2005–2009. In *Rock Art Studies News of the World IV*, 2006b, pp. 164–195.

Jacobson-Tepfer E. Late Pleistocene and Early Holocene Rock Art from the Mongolian Altai: The Material and its Cultural Implications. *Arts*, 2013, iss. 2, pp. 151–168.

Jacobson E., Kubarev D.V., Tseveendorzh D. Mongolie du Nord-Ouest. Tsagan-Salaa/Baga-Oigor. Répertoire des petroglyphes d'Asie Centrale. *JAS*, No. 6, Textes et Figures, Paris, 2001, 481 p.

Kubarev V.D. Aral-TolgoI: novyi pamyatnik naskal'nogo iskusstva Mongolii. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2007, No. 1 (29), pp. 111–126.

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Velikolepnye loshadi blestyashchikh skal Altaya. *Priroda*, 1993, No. 3, pp. 55–61 (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Drevneishie naskal'nye izobrazheniya ploskogor'ya Ukok. Novosibirsk: Nauka, 1999, 160 p. (in Russ.).

Omirbek B. Khoid Kholtsootiin khadny zurag dakh' tehrehgnii durb dursehlb on tsagiin khamaaral. *Studici Archaeologica Insituti archaeologici Academiae Scientiarum Mongoliae*, 2012, t. XXXII, fasc. 6, pp. 122–135 (in Mong.).

Omirbek B. Mongol Altain nuruuny Khoid Khөltsөөtiin khadny zurgiin sudalgaany asuudald. Ulaanbaatar, 2013, 18 p. (in Mong.).

Өmirbek B., Zolbayar G., Ansagan A. Bayan-Өlgii aimgiin tүүkh-soelyn dursgaluud. Fotoal'bom. Ulaanbaatar, 2009, 125 p. (in Mong., Kaz., Engl., Russ., Turk.).

Tsehvehehndorzh D., Kubarev V.D., Yakobson E. Aral Tolglin khadny zurag [Petroglify Aral-Tolgoi (Mongoliya). Petroglyphs of Aral Tolgoi (Mongolia)]. Ulaanbaatar, 2005, 204 p. (in Mong.).

Молодин В.И. https://orcid.org/0000-0002-3151-8457
Черемисин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-1184-4044
Ненахова Ю.Н. https://orcid.org/0000-0003-3209-8180
Ненахов Д.А. https://orcid.org/0000-0002-0820-9410

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.543-548
УДК 902.2

Д.В. Папин[1], А.А. Редников[2], А.С. Федорук[2], М.А. Демин[3], И.А. Савко[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Алтайский государственный университет
Барнаул, Россия
[3]Алтайский государственный педагогический университет
Барнаул, Россия
E-mail: papindv@mail.ru

Новые данные о традициях домостроительства населения раннего железного века Бийского Приобья

В 2019 г. было продолжено изучение памятника Енисейское-10 (поселение), расположенного в Бийском р-не Алтайского края. В настоящее время существует дисбаланс между накопленными знаниями о погребальном обряде и данными о поселенческих комплексах скифского периода раннего железного века Алтая. Наиболее перспективным является изучение Енисейского археологического микрорайона, где отмечается высокая концентрация объектов археологического наследия. Раскопом была исследована полуземляночная конструкция комбинированного типа, сочетающая каркасно-столбовую конструкцию и сруб. Сооружение имеет множество черт, характерных для большинства построек эпохи бронзы – раннего железного века региона. Как и большинство известных строений, оно относится к типу однокамерных полуземлянок средних размеров со стенами из бревен. В северо-западной части раскопа был исследован погребальный комплекс. При раскопках был найден керамический материал, представленный как отдельными фрагментами, так и развалами сосудов быстрянской культуры раннего железного века. Морфологически найденные сосуды реконструируются как банки небольших форм, орнаментированные в верхней зоне. Основным мотивом декора является сочетание таких элементов, как жемчужник с разделителем и налепной валик. Последний, как правило, орнаментировался разного рода оттисками гладкого штампа. В большом количестве были найдены изделия из камня, представленные обломками зернотерок, пестов, терочников. Полученные новые данные существенно дополняют представления о традициях домостроительства быстрянских племен Бийского Приобья. Впервые удалось надежно зафиксировать сочетание в рамках одного сооружения двух различных традиций – каркасно-столбовой и срубной.

Ключевые слова: *Алтай, эпоха раннего железного века, ирменская культура, быстрянская культура, поселение Енисейское-10.*

Dmitry V. Papin[1], Anton A. Rednikov[2], Aleksander S. Fedoruk[2], Mikhail A. Demin[3], Ilia A. Savko[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Altai State University,
Barnaul, Russia
[3]Altai State Pedagogical University,
Barnaul, Russia
E-mail: papindv@mail.ru

New Evidence on House Building Traditions of the Early Iron Age from the Biysk Ob Region

The study of the "Yeniseiskoe-10, poselenie" site in Biysky District of Altai Krai continued in 2019. Presently, the available data on the funeral rite is not sufficiently supported by information on the Scythian settlement complexes of the

Early Iron Age in the Altai. The most promising is the study of the Yeniseiskoe archaeological microdistrict with high concentration of archaeological sites. A semi-dugout of the composite type combining frame-and-post structure and cribwork was excavated. That object has shown many features typical of the most buildings of the Bronze Age–Early Iron Age in the region. It belongs to the type of single-chamber semi-dugouts of medium size with log walls. Burial complex was investigated in the northwestern part of the excavation. It contained pottery evidence in the form of individual fragments and collapsed vessels of the Bystryanka culture of the Early Iron Age. Morphologically, these vessels can be reconstructed as jars of small shape with ornamental decoration in the upper zone, consisting of the combination of pearl-like punched nodes with the divider and pasted band usually decorated with various imprints made with smooth stamp. Large number of stone objects, such as fragments of mealing stones, pestles, and grinders has been discovered. New data significantly enriches our knowledge of house building traditions among the Bystryanka tribes of the Ob region. For the first time, it was possible to reliably confirm the combination of two different traditions – frame-and-post and cribwork – in a single structure.

Keywords: *Altai, Early Iron Age, Irmen culture, Bystryanka culture, Yeniseiskoe-10.*

Традиционно древности скифского времени Бийского Приобья рассматриваются в рамках выделенного М.П. Грязновым березовского этапа большереченской культуры раннего железного века Верхней Оби [1930, 1956]. Впоследствии С.М. Киреев уточнил его содержание для Бийско-Катунского междуречья и предложил использовать термин «быстрянская» культура, основанием для этого послужила, в первую очередь, специфика погребальных комплексов [1992, 1994]. При этом, если погребальный обряд этого времени достаточно хорошо изучен по материалам курганных могильников Бийск-1, Бийск-2, Аэродромный, Быстрянский, Березовка, то поселения в большей мере представлены сборами. Исключением являются две наземные постройки из окрестностей с. Усть-Кажа, раскопанные М.Т. Абдулганеевым [Абдулганеев, Кунгурова, 2001]. Таким образом, в изучении памятников VI–II вв. до н.э. региона наблюдается определенный дисбаланс между накопленными знаниями о некрополях и данными о поселенческих комплексах.

В этом плане большими информативными возможностями обладает Енисейский археологический микрорайон, расположенный в окрестностях с. Енисейское Бийского р-на Алтайского края [Козликин, 2007]. Здесь отмечается высокая концентрация как поселенческих, так и погребальных комплексов, относимых к начальному этапу раннего железного века. Ранее работы М.Т. Абдулганеева показали перспективность проведения исследований на данном участке, им было раскопано одно жилище на пос. Енисейское-2, отнесенное им к бийскому типу памятников [Абдулганеев, 2007].

Летом 2019 г. Бийской археологической экспедицией Барнаульской лаборатории археологии ИАЭТ СО РАН, Лабораторией междисциплинарного изучения археологии Западной Сибири и Алтая Алтайского государственного университета и исторического факультета Алтайского государственного педагогического университета продолжилось исследование памятника Енисейское-10 (поселение), расположенного в Бийском р-не Алтайского края, в 2,5 км к западу от фермы с. Енисейское на краю высокой надпойменной террасы. Поселение находится на краю соснового бора, по его территории проходят полевые дороги и противопожарные траншеи. Наше исследование является продолжением работ 2016 г., когда было начато полевое изучение объекта археологического наследия «Енисейское-10, поселение» [Папин, Редников, Федорук, 2016].

В сезон 2019 г. при визуальном обследовании территории памятника на предмет антропогенных разрушений было обнаружено, что противопожарная траншея прорезает жилищную западину, северная часть западины подвергнута разрушению. На аварийном участке был разбит раскоп площадью 96 м^2, который южной стенкой непосредственно примыкал к противопожарной траншее.

На поверхности фиксировались западина подтреугольной в плане формы, одной из сторон которой являлась противопожарная траншея, и ее отвал. Размеры западины составляли примерно 10 × 9 м. До выхода на уровень материковой поверхности, на фоне которой стал четко читаться котлован сооружения, на всей площади раскопа были исследованы: слой почвы мощностью 0,1–0,15 м, ниже – песчаный надув (до 0,3 м), желто-серая супесь мощностью до 0,1 м. В ходе раскопок контур котлована существенно изменился. Его размеры на уровне материковой поверхности составили ок. 9 × 8,5 м, по дну сооружения – 9 × 7,5 м. Котлован имел вертикальные стенки, был врезан в склон террасы, имеющей наклон с севера на юг, и прорезал материковую поверхность на глубину до 0,4–0,7 м. Дно сооружения в целом ровное, с углублением в центральной части, находилось на отметках 0,6–1,1 м от современной поверхности. Заполнение котлована состояло из супеси

от светло-серого до черного оттенков. Практически по всему исследованному внутреннему периметру стен котлована прослежены участки, более насыщенные гумусом, мощностью до 0,3 м (рис. 1).

На площади котлована изучено шесть ямок. Все они располагались в восточной части сооружения, имели вертикальные стенки и плоское дно. Две из них, диаметром ок. 0,4 м и глубиной 0,25 и 0,3 м от уровня дна котлована, располагались в его восточном углу. Еще две (диаметр ок. 0,2 м, глубина 0,15 и 0,2 м) – ближе к центральной части. Остальные (диаметр 0,5 и 0,35 м, глубина 0,1–0,3 м от дна котлована) находились ближе к северному углу сооружения (рис. 1). Вероятно, все ямки связаны с конструкцией сооружения.

Интересной деталью стало наличие на дне постройки вдоль восточной части северной стены и центральной части западной стены канав. Ширина западной канавы 0,2–0,45 м, глубина от дна постройки 0,15–0,21 м. Канава имела дугообразную в плане форму, длину ок. 2 м, покатые стенки. Восточная канава приурочена к северо-восточной стенке котлована, длина ок. 4,5 м, ширина 0,4–0,5 м, стенки покатые. В восточном углу канава частично пересекает столбовую ямку (рис. 1).

Исходя из зафиксированных фактов, можно предварительно реконструировать конструкцию раскопанной постройки. Сооружение, очевидно, относилось к постройкам полуземляночного типа и имело подпрямоугольную в плане форму. Ориентировочная площадь – ок. 65–80 м^2. Камера была углублена в древнюю дневную поверхность на глубину до 1,0 м. Приуроченность столбовых ям к стенкам и углу котлована, их размеры и форма, факт перекрытия гумусированным слоем могут указывать на существование у постройки тяжелого каркаса. С другой стороны, отсутствие столбовых ямок в западной части наталкивает на мысль о срубном типе постройки. Очевидно, нельзя исключать комбинированный тип постройки, сочетающей каркасно-столбовую конструкцию и сруб. Наличие канав вдоль стен, цвет и структура заполнения которых идентичны заполнению гумусированного слоя по внутреннему периметру котлована, может указывать на назначение канавы – для укладки бревен нижних венцов стен. Отсутствие очагов говорит, возможно, на использование сооружения только в летний период. Судить о типе кровли, характере стен представляется пока преждевременным ввиду отсутствия полных данных для реконструкции.

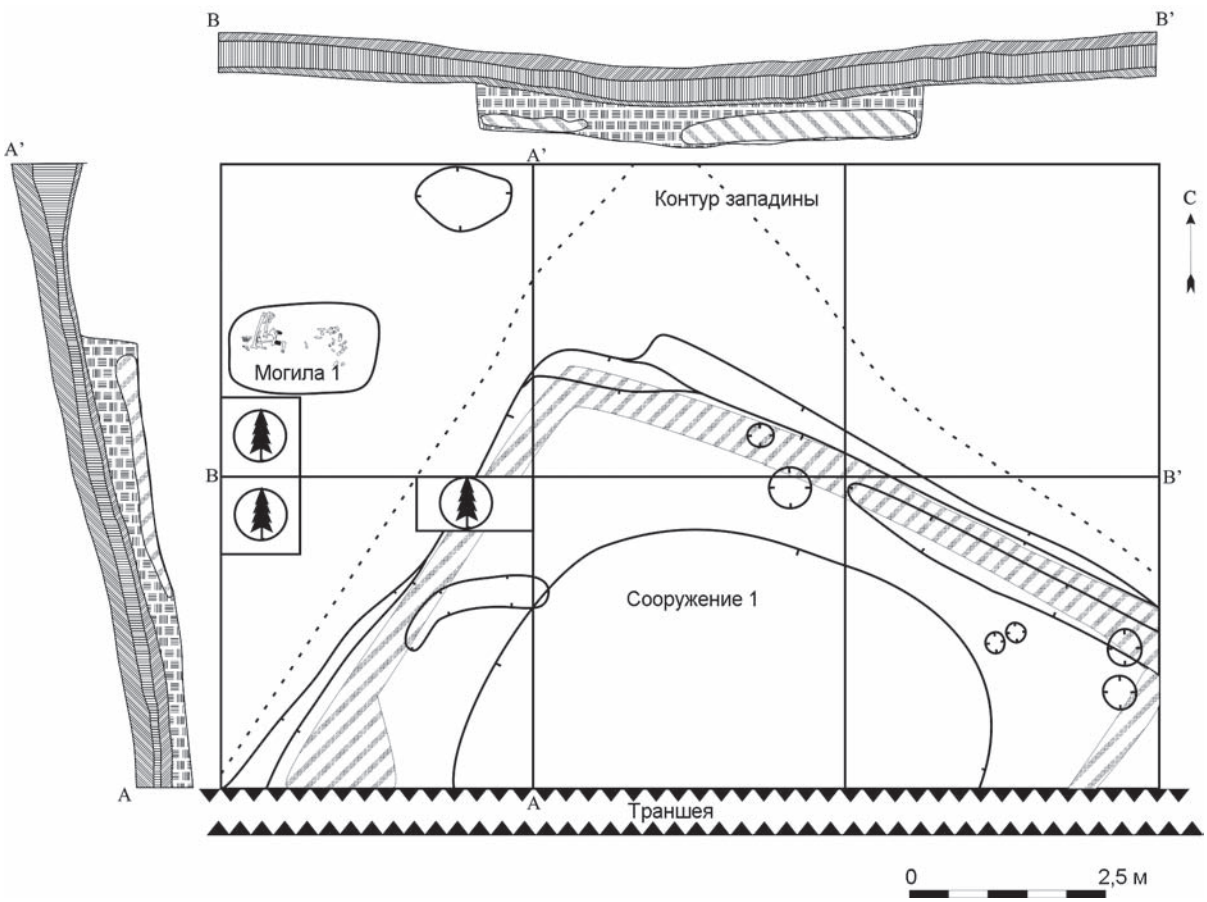

Рис. 1. План раскопа с объектами пос. Енисейское-10.

В целом данное сооружение имеет множество черт, характерных для построек эпохи бронзы – раннего железного века региона. Как и большинство известных строений, оно относится к типу однокамерных полуземлянок средних размеров со стенами из бревен (жердей?). Наличие канав по внутреннему периметру котлована сближает с отдельными хронологически более ранними строениями лесостепного Алтая и Новосибирского Приобья [Мыльников, Мыльникова, 2015; Овчаренко, Мыльникова, Дураков, 2005; Федорук А.С., Папин, Федорук О.А., 2018]. Сочетание в рамках одного сооружения двух различных традиций домостроения – каркасно-столбовой и срубной – указывает на синкретичный характер населения региона.

За пределами жилища было изучено погребение, расположенное в восточной части раскопа. Могила располагалась в 1,5 м от верхнего контура котлована жилища (рис. 1). Размеры могильной ямы 1,9 × 1,1 м, ориентация – запад – восток. В восточной части могилы были обнаружены разрозненные фрагменты черепа, а в западной – кости ног и таза. Кости черепа были обожжены, длинные кости ног лежали в сочленении, торсальная часть скелета и кости рук отсутствовали. В районе малой берцовой кости и кости таза найдено две речных гальки неясного назначения. Ранее нами было исследовано одно погребение на территории поселка, датируемое эпохой поздней бронзы, но в данном случае погребальный обряд не позволяет определить принадлежность могилы. Важно отметить, что, если для бронзового века юга Западной Сибири традиция интрамуральных погребений надежно фиксируется [Новикова, 2011], то для скифского периода она неизвестна.

Практически все находки происходят из исследованного жилища и представлены главным образом керамикой быстрянской культуры раннего железного века, за исключением отдельных обломков каменных изделий – зернотерок, пестов, терочников (рис. 2, *1–5, 7*). Морфологически найденные сосуды реконструируются как банки небольших форм, орнаментированные в верхней зоне. Основным мотивом декора является сочетание таких элементов, как жемчужник с разделителем и налепной валик, последний, как правило, орнаментировался разного рода оттисками гладкого штампа (рис. 2, *1–5, 7*). Такая керамика находит широкие аналогии в кругу быстрянских древностей Бийско-Катунского междуречья и надежно идентифицирует культурную принадлежность раскопанного жилища: это поселения Енисейское-1, Дмитриевская грива, Майма-2, Малоугренево, Стан-Бехтемир и др. [Абдулганеев, Владимиров, 1997, рис. 54–56].

Кроме того, отдельные фрагменты относятся к более ранним периодам существования поселения и происходят из верхних почвенных горизонтов на периферийной части котлована, что свидетельствует о перемещенном характере керамики при строительстве жилища. Материалы ранних эпох

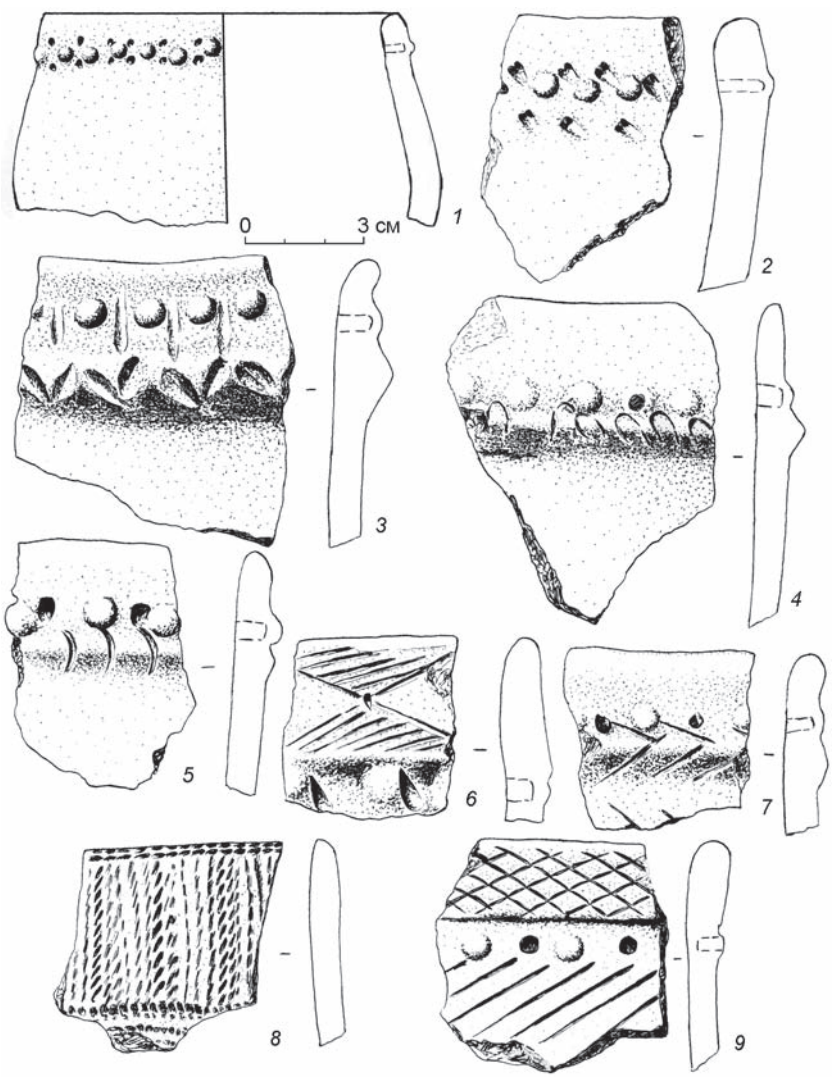

Рис. 2. Материалы пос. Енисейское-10.

представлены ирменскими древностями (рис. 2, *6, 9*), связаны с позднебронзовым жилищем, расположенным на краю жилища [Папин, Редников, Федорук, 2016]; единично встречены и более ранние, относящиеся к раннему бронзовому веку (рис. 2, *8*).

Таким образом, полученные данные существенно дополняют наши представления о традициях домостроительства быстрянских племен Бийского Приобья раннего железного века. Впервые удалось надежно зафиксировать сочетание в рамках одного сооружения двух различных традиций домостроения – каркасно-столбовой и срубной. С одной стороны, это может свидетельствовать о связи производственных навыков с предыдущей эпохой бронзы, с другой стороны, строительство конструкции полуземляночного типа отражает достаточно высокий уровень оседлости.

Благодарности

Работа выполнена в рамках программы НИР, проект № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Абдулганеев М.Т. Поселение Енисейское-2 на р. Бия // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. центр, 2007. – С. 42–51.

Абдулганеев М.Т., Владимиров В.Н. Типология поселений Алтая 6–2 вв. до н.э. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1997. – 148 с.

Абдулганеев М.Т., Кунгурова Н.Ю. Исследования аварийных поселений скифского времени на р. Бия // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2001. – Вып. XII. – С. 97–100.

Грязнов М.П. Древние культуры Алтая. – Из содерж.: [Об исследованиях на Алтае]. – Новосибирск, 1930. – С. 3–11. – (Материалы по изучению Сибири; вып. 2).

Грязнов М.П. История древних племен Верхней Оби по раскопкам близ с. Большая Речка. – М.; Л., 1956. – 160 с. – (МИА; № 48).

Киреев С.М. Работы на майминском комплексе в 1990–1991 гг. // Проблемы сохранения, использования и изучения памятников археологии. – Горно-Алтайск: Изд-во Горно-Алт. гос. ун-та, 1992. – С. 55–56.

Киреев С.М. Роль миграционных процессов в сложении быстрянской культуры // Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1994. – С. 118–120.

Козликин М.Б. Новые археологические памятники из окрестностей села Енисейского // Изв. Бийск. отделения Русского географического общества. – Бийск: Бийск. пед. гос. ун-т им. В.М. Шукшина, 2007. – Вып. 28. – С. 154–157.

Мыльников В.П., Мыльникова Л.Н. Жилые и хозяйственные постройки поселения переходного периода от бронзового к железному веку Линёво-1 (Присалаирье, Западная Сибирь) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 2. – С. 72–86.

Новикова О.И. Интрамуральные погребения эпохи бронзы Западной Сибири: проблемы интерпретации // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. Великий Новгород – Старая Русса. – СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. – Т. II. – С. 252–253.

Овчаренко А.П., Мыльникова Л.Н., Дураков И.А. Планиграфия жилищ и организация жилого пространства на поселении переходного времени от бронзового к железному веку Линево-1 // Актуальные проблемы археологии, истории и культуры. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2005. – Т. 1. – С. 141–154.

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С. Материалы эпохи поздней бронзы поселения Енисейское-10 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 398–400.

Федорук А.С., Папин Д.В., Федорук О.А. Домостроительство населения степного и лесостепного Алтая в эпоху развитого и позднего бронзового века // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 3. – С. 75–82.

References

Abdulganeev M.T. Poselenie Eniseiskoe-2 na reke Biya. In *Izuchenie istoriko-kul'turnogo naslediya narodov Yuzhnoi Sibiri*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskii tsentr Publ., 2007, pp. 42–51 (in Russ.).

Abdulganeev M.T., Kungurova N.Yu. Issledovaniya avariinykh poselenii skifskogo vremeni na r. Biya. In *Sokhranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altaiskogo kraya*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2001, iss. XII, pp. 97–100 (in Russ.).

Abdulganeev M.T., Vladimirov V.N. Tipologiya poselenii Altaya 6–2 BC. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1997, 148 p. (in Russ.).

Fedoruk A.S., Papin D.V., Fedoruk O.A. Middle and Late Bronze Age House-Building in the Steppe and Forest-Steppe Altai. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 3, pp. 75–82.

Grjaznov M.P. Drevnie kul'tury Altaja. Novosibirsk, 1930. Iz soderzh.: [Ob issledovanijah na Altae], pp. 3–11 (Materialy po izucheniju Sibiri; iss. 2) (in Russ.).

Grjaznov M.P. Istorija drevnih plemen Verhnej Obi po raskopkam bliz s. Bol'shaja Rechka. Moscow, 1956, 160 p.

(Materialy i issledovanija po arheologii SSSR; No. 48) (in Russ.).

Kireev S.M. Raboty na maiminskom komplekse v 1990–1991. In *Problemy sokhraneniya, ispol'zovaniya i izucheniya pamyatnikov arkheologii*. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaisk State Univ. Press, 1992, pp. 55–56 (in Russ.).

Kireev S.M. Rol' migratsionnykh protsessov v slozhenii bystryanskoi kul'tury. In *Paleodemografiya i migratsionnye protsessy v Zapadnoi Sibiri v drevnosti i srednevekov'e*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 1994, pp. 118–120 (in Russ.).

Kozlikin M.B. Novye arheologicheskie pamjatniki iz okrestnostej sela Enisejskogo. *Izvestija Bijskogo otdelenija Russkogo geograficheskogo obshhestva*. Biysk: Biysk Ped. State Univ. Press, 2007, iss. 28, pp. 154–157 (in Russ.).

Mylnikov V.P., Mylnikova L.N. Dwellings and Utility Structures at Linevo-1 – a Late Bronze to Early Iron Age Settlement in the Salair Region, Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 2, pp. 72–86.

Novikova O.I. Intramural'nye pogrebeniya epokhi bronzy Zapadnoi Sibiri: problemy interpretatsii. In *Trudy III (XIX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s"ezda. Velikii Novgorod – Staraya Russa*. St. Petersburg; Moscow; Velikiy Novgorod, 2011, vol II, pp. 252–253 (in Russ.).

Ovcharenko A.P., Myl'nikova L.N., Durakov I.A. Planigrafiya zhilishch i organizatsiya zhilogo prostranstva na poselenii perekhodnogo vremeni ot bronzovogo k zheleznomu veku Linevo-1. In *Aktual'nye problemy arkheologii, istorii i kul'tury*. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 2005, vol. 1, pp. 141–154 (in Russ.).

Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S. Late Bronze Age Materials from Settlement Yenisei-10. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 398–400 (in Russ.).

Папин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-2010-9092
Редников А.А. https://orcid.org/0000-0003-3846-8066
Федорук А.С. https://orcid.org/0000-0002-9825-1822

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.549-555
УДК 903.27+904

А.С. Пахунов[1, 2], С.В. Алкин[3], В.С. Илюшечкин[2]

[1]Институт археологии РАН
Москва, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkin-s@yandex.ru

Изучение писаницы на реке Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края в 2019 году

Памятники наскального искусства на территории юго-востока Забайкалья края представлены писаницами – нанесенными на скальную поверхность красочными изображениями. К настоящему времени в бассейне среднего течения р. Шилка обнаружено пять таких объектов, которые были обследованы авторами статьи в июле 2019 г. Памятник в пади Джалинда (Бичигинская писаница) впервые был описан в литературе в середине XIX в. Из-за расположения в весьма труднодоступном месте он посещался археологами с исследовательскими целями лишь дважды: в 1954 г. сотрудником экспедиции А.П. Окладникова и в 1968 г. новосибирским археологом А.И. Мазиным. Общие размеры центрального панно с изображениями – 2,3 × 0,9 м. Рисунки выполнены пигментами двух оттенков красного на плоскости гранитного останца серого цвета. Среди изображений имеются вертикальные линии, крестообразные знаки, антропоморфные фигуры и др. Сохранность изображений удовлетворительная, однако в настоящее время не все детали композиции хорошо прочитываются, поскольку часть из них скрыта натечными образованиями. Документирование памятника осуществлялась с применением фотограмметрии, цифровой микроскопии и съемки с беспилотного летательного аппарата. В результате фотограмметрической обработки были получены текстурированная трехмерная модель поверхности, карта высот и ортофотография разрешением 1 гигапиксель. Последующее применение метода усиления цветового контраста позволило зафиксировать мельчайшие следы краски на поверхности скалы, выявить новые изображения и уточнить ранее известные. Анализ образцов пигмента показал, что красная краска – это охра. Во всех проанализированных образцах была обнаружена примесь марганца, что потенциально может являться одним из индикаторов источника сырья. Первые результаты полевой фиксации памятника и лабораторных анализов показывают значительный потенциал предложенной методики для изучения писаниц Забайкалья и позволяют разработать комплексную программу дальнейших исследований наскального искусства региона.

Ключевые слова: *Забайкалье, Шилка, наскальное искусство, писаницы, охра, фотограмметрия.*

Alexander S. Pakhunov[1, 2], Sergei V. Alkin[3], Vitaly S. Ilyushechkin[2]

[1]Institute of Archaeology RAS,
Moscow, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkin-s@yandex.ru

Research of the Rock Art Site at the Dzhalinda River in Sretensky District of Zabaikalsky Krai in 2019

Rock art sites in the southeastern of the Transbaikal region mostly contain painted images. So far, five rock art sites have been discovered in the middle reaches of the Shilka River. The authors of this article surveyed all these locations in

July 2019. Rock art site in Dzhalinda gully ("Bichiginskaya Pisanitsa") was first described in the literature in the mid 19th century. Since the site is located in a very isolated place with difficult access, archaeologists visited it for research purposes only two times – a member of A.P. Okladnikov's expedition in 1954 and Novosibirsk archaeologist A.I. Mazin in 1968. The size of the central plane with images is 2.3 x 0.9 m. Representations were painted with pigments of two shades of red on the surface of gray granite rock and show satisfactory preservation degree. Not all details of the composition are currently clearly visible since some of them are covered by sinter deposits. The site was documented using photogrammetry, digital microscopy, and aerial photography with a drone. Photogrammetric processing resulted in textured three-dimensional surface model, altitude map, and orthophoto with the resolution of one gigapixel. The subsequent use of color contrast enhancement technique has made it possible to see the smallest traces of paint on rock surface, identify new images, and clarify the already known representations. Analysis of pigment samples has shown that the red paint was ocher. The presence of manganese has been found in all analyzed samples, which can potentially lead to discovering the source of raw materials used for paint preparation. First results of documenting the site in the field and laboratory elemental analysis have revealed great capacity of the above methodology for studying the Transbaikal sites and contribute to the development of a comprehensive program for further research of rock art in the region.

Keywords: Transbaikal region, Shilka, rock art site, ocher, photogrammetry.

Введение

Памятники наскального искусства на территории юго-восточного Забайкалья в пределах современного Сретенского р-на Забайкальского края изучаются с середины 1950-х гг. Летом 1954 г. во время разведки сплавом сотрудниками Дальневосточной археологической экспедиции ИИМК АН СССР под руководством А.П. Окладникова благодаря информации, полученной от местных жителей, были обследованы три таких объекта (Джалинда, на р. Кара, Средне-Шайкино) [Окладников, Ларичев, 1999, с. 7–9, 15]. В 1968 г. А.И. Мазин провел фиксацию трех этих объектов и осуществил раскопки жертвенников у скал с писаницами [Мазин, 1986, с. 28–34; 1994, с. 16–18]. В 1980-х гг. писаницу в пади Джалинда посещал со школьниками с. Усть-Карск В.К. Колосов.

Более десяти последних лет программу разведывательных и стационарных исследований древних и средневековых археологических памятников в бассейне среднего течения р. Шилка осуществляет археологический отряд ИАЭТ СО РАН (нач. отряда – С.В. Алкин). Отдельной задачей отряда является изучение древних наскальных изображений. Существенным результатом стало обнаружение ранее неизвестных памятников. Выявлен рисунок у входа в грот с археологическими материалами вблизи средневекового Усть-Чёрнинского городища, а также определено место расположения писаницы, известной по информации местных жителей, в 5 км от устья р. Ларги – правобережного притока р. Шилки ниже с. Горбица [Ахметов, Алкин, 2017, с. 27].

В 2019 г. нами начато изучение выполненных краской памятников наскального искусства в бассейне р. Шилка с использованием методов фотограмметрии, цифровой микроскопии и фотофиксации с применением беспилотного летательного аппарата, а также были отобраны образцы пигментов для дальнейших лабораторных анализов их состава. В июле авторами были посещены все пять известных писаниц: Кара (в 10 км от устья р. Кара), Джалинда, Усть-Чёрнинская, Ларгинская и Средне-Шайкино в Сретенском и Могочинском р-нах Забайкальского края. На памятниках была выполнена полная или частичная фиксация наскальных изображений с применением наземной фотосъемки с последующей фотограмметрической обработкой с целью получения высокодетализированных ортофотографий для последующего выполнения прорисовок красочных изображений. В результате в ряде случаев, помимо уточнения известных ранее изображений, были обнаружены новые рисунки. Кроме того, в ходе выполнения маршрута отбирались образцы сырья, которое могло использоваться для приготовления минеральной краски.

В настоящей работе представлены предварительные результаты обследования писаницы Джалинда, которая из-за расположения в весьма труднодоступном месте ранее посещалась археологами с исследовательскими целями лишь дважды – в 1954 и 1968 гг.

Писаница Джалинда (иначе – Бичигинская писаница) находится в Сретенском р-не Забайкальского края в распадке р. Бичига – левого притока р. Джалинда. В свою очередь Джалинда впадает в р. Чёрную – самый крупный левобережный приток р. Шилки. «Писаный камень» представляет собой гранитовый останец высотой ок. 8 м (рис. 1, 2). Рисунки располагаются на одной из плоскостей у основания останца. Среди изображений имеются вертикальные линии, крестообразные знаки, антропоморфные фигуры и др. (рис. 3). В настоящее время не все детали изображения хорошо прочитываются, часть из них покрыта натечными образованиями.

Рис. 1. Писаница Джалинда. Общий вид на памятник с воздуха.

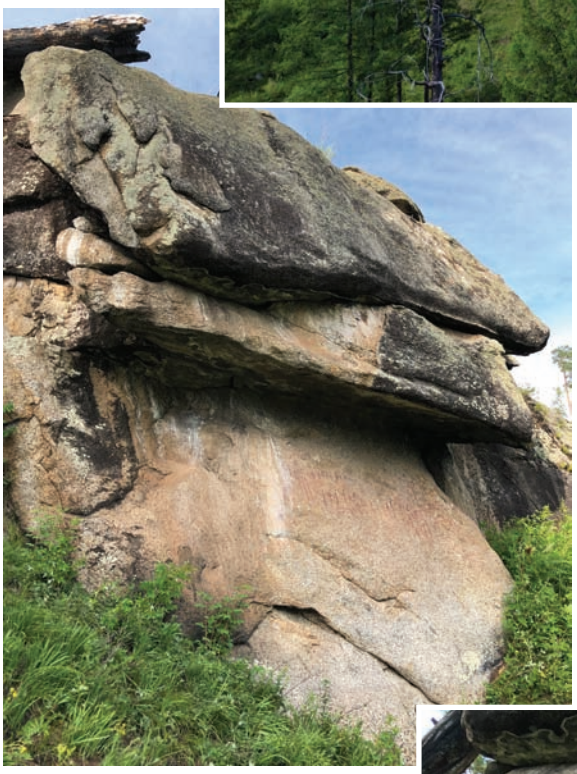

Рис. 2. Писаница Джалинда. Общий вид на памятник с земли.

История изучения

Первые сведения о выполненных охрой наскальных изображениях на р. Джалинда (приток р. Чёрной) были опубликованы в 1887 г. горным инженером и писателем Александром Александровичем Черкасовым. Осенью первого года своей службы управляющим Верхне-Карийскими золотыми промыслами (с 1857 по 1862 г.) вместе с проводником Дмитрием Кудрявцевым он побывал на писанице и оставил следующее свидетель-

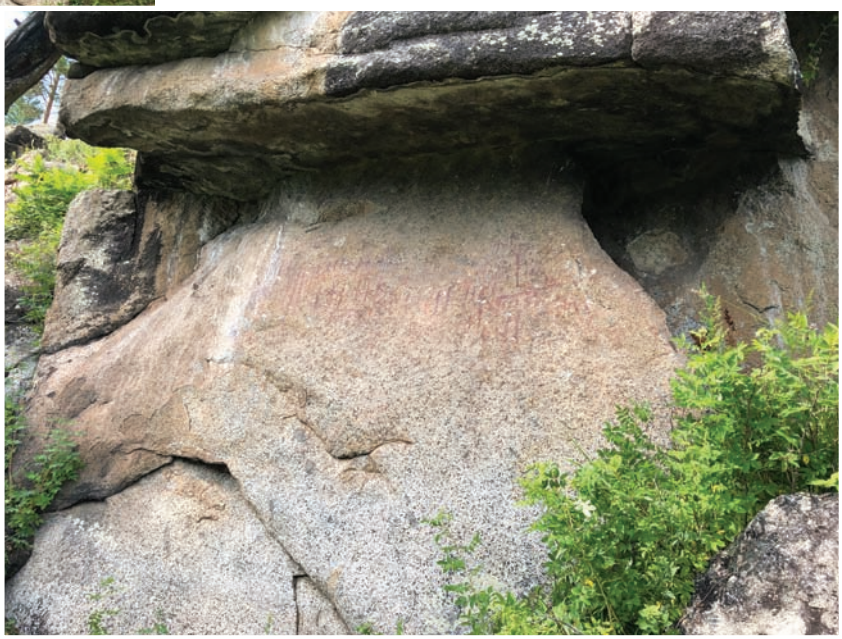

Рис. 3. Писаница Джалинда. Общий вид плоскости с изображениями.

ство: «…пред нами под крутой горой возвышался громадный утес, который маскировался небольшими площадками, покрытыми красиво сгруппировавшимся лесом. Под самым утесом, при выходе горы на узкою лесную долину, я увидал громадную гранитную стену, которая состояла из целой массы сплошного камня и стояла не отвесно, а немного наклонно, низом под себя, а верхним концом – к подолу. Кроме того, сверху этой стены спустились, как бы нарочно, весьма солидной величины плиты, которые, составляя естественный навес, закрывали стоячую массу камня и охраняли ее от атмосферных вод. Вот тут, на этой природной скрижали, я увидал большую красную запись. …Сверху каменной стены было начерчено как бы отдельное слово, а затем шла надпись, по крайней мере, на шести или восьми квадратных аршинах. Но так как западный угол сверху спускающейся скалы, как оказалось, уже на памяти Кудрявцева от времени обвалился, то дождевая вода, стекающая с горы, то ли смыла, то ли полудила черными ниспускающимися полосами часть надписи, так что ее целостность нарушилась и уже не представлялось никакой возможности скопировать это замечательное сказание древних аборигенов» [Черкасов, 2009, с. 421–422].

В июле 1954 г. в ходе разведывательных работ на Шилке А.П. Окладников узнал от местного жителя о писанице на р. Джалинда. Для прояснения ситуации и обследования местонахождения был отправлен сотрудник отряда, лаборант Ю.И. Завитухин. Скала была описана им как валунообразный останец с карнизом, под которым находились «сильно пострадавшие от времени» рисунки, выполненные красной охрой – точки, линии, зооморфные фигуры. Левая часть плоскости с изображениями покрыта известковым натеком [Окладников, Ларичев, 1999, с. 7, 9]. Скорее всего, копия с рисунков не снималась. В отчете, направленном в Полевой комитет, их нет. Отсутствует описание писаницы на р. Джалинда (как и двух других зафиксированных в тот год памятников с наскальными рисунками) и в монографии о петроглифах Забайкалья [Окладников, Запорожская, 1969, 1970].

В 1967 г. памятник был обследован А.И. Мазиным, который по стилистическим особенностям рисунков и керамике, обнаруженной в культурном слое у основания останца, датировал его концом I тыс. до н.э. Однако, в отличие от коллекций из других жертвенников, артефакты не были опубликованы. А.И. Мазин выполнил фиксацию изображений на плоскости, дав их порисуночное описание. Им были определены изображения животных, антропоморфные фигуры (в т.ч. с рогатыми головными уборами), пятна, вертикальные и горизонтальные линии [Окладников, Мазин, 1976, с. 77–78, 184; Мазин, 1986, с. 29].

Методы

Для фиксации памятников наскального искусства в настоящее время применяется комплексная методология, включающая различные виды трехмерной визуализации [Fritz et al., 2016; Robert et al., 2016], усиления цветового контраста [Миклашевич, Солодейников, 2013; Le Quellec et al., 2015], выполнения цифровых прорисовок [Domingo et al., 2015; Martínez, Pajas, 2015]. В настоящей работе нами применялась фотосъемка с последующей фотограмметрической обработкой полнокадровой фотокамерой Sony A7II с объективом Sony FE 28/2 и кольцевой вспышкой. Всего было выполнено 354 кадра, которые далее экспортировались в программу Agisoft Photoscan. Результатом обработки явились текстурированная трехмерная модель поверхности, ортофотография и карта высот. Построение карты высот использовалось для оценки рельефа поверхности и характера его использования в процессе нанесения рисунков. Полученный набор изображений собирался в стек в программе Adobe Photoshop, а затем рисунки выделялись в полуавтоматическом режиме и помещались на отдельный слой. Прорисовка выполнялась по ортофотографии, разрешение которой в 20 раз превосходит разрешение одного кадра, что существенно повысило детализацию изображения и позволило зафиксировать мельчайшие следы краски на поверхности камня.

Результаты

Рисунки располагаются на одной из плоскостей в нижней части гранитового останца. Ориентация положительно наклоненной плоскости – на юг к долине р. Бичиги. Общие размеры центрального панно – 2,3 × 0,9 м. Состояние сохранности красочного слоя удовлетворительное ввиду наличия над рисунком козырька, который защищает изображение от прямого воздействия дождя и потоков воды. Однако в настоящее время не все детали композиции хорошо прочитываются, поскольку часть из них скрыта натечными образованиями. В первой половине дня панно находится в тени козырька, затем нижняя часть частично экспонируется на солнце. Визуально различия в цвете краски и поверхности, экспонируемой на солнце, не обнаружены.

Порода – гранит с крупными включениями слоистых алюмосиликатов. Рисунки выполнены пигментами двух оттенков красного на скальной пло-

скости серого цвета. Основной объем – краской насыщенного красного цвета (NCS S 4050-Y90R), положенной плотным слоем, полностью перекрывающим поверхность. Отмечены также изображения желто-красной или оранжевой краской, цвет которой невозможно специфицировать ввиду тонкости слоя, сквозь которой просвечивает поверхность камня.

Одним из самых существенных процессов, происходящих на памятниках наскального искусства под открытым небом и оказывающих влияние как на состояние сохранности, так и на визуальное впечатление от памятника, является выветривание породы. В процессах выветривания на поверхность влияют различные химические и физические факторы, изменяется ее цвет, пористость, трещиноватость, что приводит к нарушению целостности приповерхностного слоя породы и его разрушению.

Слой выветривания на плоскости имеет желтый оттенок, тогда как ниже рисунка визуально различима граница более светлой части плиты, открытой для прямого воздействия дождя. Более светлый оттенок, вероятно, связан с удалением продуктов выветривания с поверхности. В левой части плиты зафиксированы натеки белого цвета, частично перекрывающие краску. Доступ воды на плоскость происходил через щели между плитой с рисунком и козырьком.

Состояние сохранности изображений удовлетворительное. Отмечены локальные утраты породы вместе с красочным слоем, случившиеся относительно давно, поскольку обнажившаяся порода уже покрыта слоем выветривания. Из относительно свежих дефектов в верхней части панно были обнаружены небольшие округлые выбоины, вероятно, от выстрелов.

Подложка под краской – микропористая поверхность, типичная для слоя выветривания. Краска на ней обнаруживается при съемке образцов с фазовым контрастом на сканирующем электронном микроскопе. Красный цвет обусловлен присутствием в краске гематита. Во всех проанализированных образцах была обнаружена примесь марганца, что потенциально может быть индикатором источника сырья, т.к. в образцах красных красок с других памятников региона марганец отсутствует (неопубликованные данные). Поскольку на плоскость попадала вода, несущая растворенные соли, во всех образцах отмечено присутствие фосфора и серы – элементов, не типичных для охр.

Ввиду сложной стратиграфии образцов детальное изучение состава краски и наслоений будет возможно при подготовке микрошлифов и картировании элементного состава с применением различных химико-аналитических методов.

Использование ортофотографии вместо прямого снимка позволило избежать угловых иска-

Рис. 4. Писаница Джалинда. Комбинирование прорисовок разных лет. Сине-зеленые линии округлой формы – прорисовка А.И. Мазина [Окладников, Мазин, 1976, табл. 62]. Прорисовка 2019 г. была наложена в режиме исключения. Белые линии – прорисовка 2019 г. – лежит в границах прорисовки 1976 г. Черные линии – вновь выявленные изображения.

жений и объективно передать размеры и пропорции изображений, а также выполнить уточненную фиксацию, при которой были выявлены новые изображения (рис. 4). Специальная обработка фотоизображений позволила получить текстурированную трехмерную модель поверхности и ортофотографию разрешением 1 гигапиксель. Последующее применение метода усиления цветового контраста позволило зафиксировать мельчайшие следы краски на поверхности скалы, выявить новые изображения и уточнить ранее известные.

Первые результаты использования современных методов фиксации памятника демонстрируют значительный потенциал предложенной методики для его изучения и позволяют разработать комплексную программу дальнейших исследований писаниц бассейна р. Шилки и сопредельных территорий.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проектов НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0004 и РФФИ № 17-29-04172, а также при поддержке стипендиальной программы НОЦ «Новая археология» Гуманитарного института Новосибирского государственного университета.

Авторы благодарны генеральному директору АО «Прииск Усть-Кара» В.П. Котельникову, работникам прииска, жителям сел Усть-Карск, Верхние Куларки, Усть-Чёрная и Горбица за помощь в проведении исследований полевого сезона 2019 г. Особая благодарность за сотрудничество выражается группе студентов отделения среднего профессионального образования Забайкальского института железнодорожного транспорта под руководством преподавателя высшей категории Р.В. Смолякова.

Список литературы

Ахметов В.В., Алкин С.В. Археологическая разведка в Сретенском районе Забайкальского края в 2014 году // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 26–29.

Мазин А.И. Таежные писаницы Приамурья. – Новосибирск: Наука, 1986. – 260 с.

Мазин А.И. Древние святилища Приамурья. – Новосибирск: Наука, Сиб. изд. фирма, 1994. – 241 с.

Миклашевич Е.А., Солодейников А.К. Новые возможности документирования наскальных изображений, выполненных краской (на примере Кавказской писаницы в Минусинской котловине) // Научное обозрение Саяно-Алтая. – 2013. – № 1. – С. 176–191.

Окладников А.П., Запорожская В.Д. Петроглифы Забайкалья. – Ч. 1. – Л.: Наука, 1969. – 219 с.; ч. 2. – Л.: Наука, 1970. – 264 с.

Окладников А.П., Ларичев В.Е. Археологические исследования в бассейне Амура в 1954 году // Традиционная культура Востока Азии. – Благовещенск: Изд-во Амур. гос. ун-та, 1999. – Вып. 2. – С. 4–29.

Окладников А.П., Мазин А.И. Писаницы реки Олёкмы и Верхнего Приамурья. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1976. – 190 с.

Черкасов А.А. Записки сибирского охотника. – Чита: Экспресс-издательство, 2009. – 484 с.

Domingo I., Carrión B., Blanco S., Lerma J.L. Evaluating conventional and advanced visible image enhancement solutions to produce digital tracings at el Carche rock art shelter // Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage. – 2015. – Vol. 2. – N 2-3. – P. 79–88.

Fritz C., Willis M.D., Tosello G. Reconstructing Paleolithic cave art: The example of Marsoulas cave (France) // J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2016. – Vol. 10. – P. 910–916.

Le Quellec J.L., Duquesnoy F., Defrasne C. Digital image enhancement with DStretch®: is complexity always necessary for efficiency? // Digital Applications in Archaeol. and Cultural Heritage. – 2015. – Vol. 2. – N 2-3. – P. 55–67.

Martínez M.B., Pajas J.A. Las representaciones Levantinas de bovinos de la casa Forestal de Tormón (Teruel): ceja de piezarrodilla y Cerrada del Tio Jordge // Zephyrus. – 2015. – Vol. 75. – P. 73–84.

Robert E., Petrognani S., Lesvignes E. Applications of digital photography in the study of Paleolithic cave art // J. of Archaeol. Sci.: Reports. – 2016. – Vol. 10. – P. 847–858.

References

Akhmetov V.V., Alkin S.V. Archaeological Survey in the Sretensky District of the Transbaikal Region in 2014. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 26–29 (in Russ.).

Cherkasov A.A. Zapiski sibirskogo okhotnika. Chita: Ekspress-izdatel'stvo, 2009, 484 p. (in Russ.).

Domingo I., Carrión B., Blanco S., Lerma J.L. Evaluating conventional and advanced visible image enhancement solutions to produce digital tracings at el Carche rock art shelter. *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2015, vol. 2, No. 2-3, pp. 79–88.

Fritz C., Willis M.D., Tosello G. Reconstructing Paleolithic cave art: The example of Marsoulas cave (France). *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016, vol. 10, pp. 910–916.

Le Quellec J.L., Duquesnoy F., Defrasne C. Digital image enhancement with DStretch®: is complexity always necessary for efficiency? *Digital Applications in Archaeology and Cultural Heritage*, 2015, vol. 2, No. 2-3, pp. 55–67.

Martínez M.B., Pajas J.A. Las representaciones Levantinas de bovinos de la casa Forestal de Tormón

(Teruel): ceja de piezarrodilla y Cerrada del Tio Jordge. *Zephyrus*, 2015, vol. 75, pp. 73–84.

Mazin A.I. Taezhnye pisanitsy Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, 1986, 260 p. (in Russ.).

Mazin A.I. Drevnie svyatilishcha Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1994, 241 p. (in Russ.).

Miklashevich E.A., Solodeinikov A.K. Novye vozmozhnosti dokumentirovaniya naskal'nykh izobrazhenii, vypolnennykh kraskoi (na primere Kavkazskoi pisanitsy v Minusinskoi kotlovine). *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*, 2013, No. 1, pp. 176–191 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Larichev V.E. Arkheologicheskie issledovaniya v basseine Amura v 1954 godu. *Traditsionnaya kul'tura Vostoka Azii*. Blagoveshchensk: Amur State Univ. Press, 1999, iss. 2, pp. 4–29 (in Russ.).

Okladnikov A.P., Mazin A.I. Pisanitsy reki Olekmy i Verkhnego Priamur'ya. Novosibirsk: Nauka, Sibirskoe otdelenie, 1976, 190 p. (in Russ.).

Okladnikov A.P., Zaporozhskaya V.D. Petroglify Zabaikal'ya. Pt. 1, Leningrad: Nauka, 1969, 219 p.; pt. 2, Leningrad: Nauka, 1970, 264 p. (in Russ.).

Robert E., Petrognani S., Lesvignes E. Applications of digital photography in the study of Paleolithic cave art. *Journal of Archaeological Science: Reports*, 2016, vol. 10, pp. 847–858.

Пахунов А.С. https://orcid.org/0000-0001-9604-2106
Алкин С.В. https://orcid.org/0000-0002-6319-6448
Илюшечкин В.С. https://orcid.org/0000-0001-8906-9669

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.556-561
УДК 902.2

И.С. Половников[1, 2], М.М. Игнатов[1], Т.А. Ключников[3], О.А. Митько[2], К.В. Танцура[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Минусинский краеведческий музей им. Н.М. Мартьянова
Минусинск, Россия
E-mail: polis.sib@gmail.com

Результаты изучения поясного украшения из средневекового могильника Гришкин Лог-2 на среднем Енисее

В статье представлены результаты элементного анализа состава фольги (обкладки), покрывавшей поясное бронзовое украшение, из погребения кург. 1 чаатаса Гришкин Лог-2. Чаатас входил в комплекс археологических памятников Гришкин Лог на левобережье Енисея, состоявший из восьми отдельных могильников, исследовавшихся в начале 60-х годов XX в. Л.П. Зяблиным. Материалы раскопок полностью не были введены в научный оборот, в настоящее время коллекция находок хранится в фондах Минусинского краеведческого музея. Толщина обкладки составляет менее 0,5 мм, что позволяет отнести ее к толстой фольге. Сплав состоит из трех компонентов: золота (85,6 %), серебра (10,9 %) и меди (3,5 %). Высокое содержание меди может свидетельствовать об искусственном легировании сплава. В то же время не исключается возможность изготовления фольги из самородного металла, добытого на месторождениях медистого золота. Крепление обкладки на поверхность бронзовой основы было проведено механическим способом путем обжима краев фольги на обратной стороне бронзового изделия. Украшение золотой фольгой деревянных фигурок баранов, обнаруженных в погребениях могильника Капчалы-1 и Уйбатского чаатаса, также осуществлялось архаичным способом без использования клея. Золотые листы крепились при помощи тонких медных гвоздиков. В VIII в. у енисейских кыргызов появляются бронзовые украшения пояса и конской сбруи, изготовленные на основе более прогрессивной технологии золотого амальгамирования.

Ключевые слова: *золотая фольга, енисейские кыргызы, средний Енисей, курганы чаатас, могильник Гришкин Лог-2, энергодисперсионный анализ, украшения пояса.*

Ivan S. Polovnikov[1, 2], Mikhail M. Ignatov[1], Timofey A. Kluchnikov[3], Oleg A. Mitko[2], Kristina V. Tantsura[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[3]N.M. Martyanov Minusinsk Regional Museum of Local Lore,
Minusinsk, Russia
E-mail: polis.sib@gmail.com

Results of Studying Belt Decoration from the Medieval Burial Ground of Grishkin Log-2 in the Middle Yenisei Region

This article presents the results of elemental analysis of foil covering bronze belt decoration from the burial of barrow 1 at the Grishkin Log-2 chaatas. This site is a part of the Grishkin Log group of sites on the left bank of the Yenisei River, which consists of eight separate burial grounds, explored in the beginning of the 1960s by L.P. Zyablin. The materials of these excavations have not been fully published, and the finds are currently kept in the Minusinsk Museum of Local History. The lining alloy consisted of three components: gold (85.6 %), silver (10.9 %), and copper (3.5 %).

High percentage of copper may indicate that this element might have been specially added to the alloy. However, it is also possible that lining was made of native gold from the deposits of cupriferous gold. The thickness of lining was about than 0.5 mm, which is close to thick foil. It was attached to the surface of bronze base mechanically by bending the edges of foil to the reverse side of the bronze object. Wooden figurines of rams found in the burials at the Kapchaly 1 burial ground and at the Uibatsky chaatas were also decorated with gold leaf in archaic way without using glue. Gold sheets were attached with thin copper nails. In the 8th century AD, bronze decoration of belts and horse harness using more advanced technology of gold amalgamation appeared among the Yenisei Kyrgyz people.

Keywords: *gold foil, Yenisei Kyrgyz people, Middle Yenisei, chaatas burial mounds, burial ground of Grishkin Log-2, energy-dispersive analysis, belt decoration.*

Благодаря интенсивным и целенаправленным раскопкам археологических памятников и их корреляции со сведениями китайских письменных источников, история средневекового населения степной части среднего Енисея по сравнению с другими территориями Южной Сибири исследованиями воссоздана достаточно полно. Тем не менее начальный этап (VI–VIII вв.) этногенеза енисейских кыргызов, как и заключительный этап, приходящийся на постмонгольское время (XIV–XVII вв.), остаются по прежнему малоизученными. Из известных к настоящему времени 65 чаатасов частичные раскопки проводились не более чем на 20 памятниках [Кызласов, 1980]. Однако из-за несовершенства методики полевых исследований в качестве полноценных источников могут рассматриваться лишь материалы, полученные в начале нового столетия [Грачев, 2009].

Одной из характерных особенностей погребального обряда енисейских кыргызов на раннем этапе их истории является очень небольшое количество предметов сопроводительного инвентаря, в котором преобладают керамические сосуды. Исключение составляют лишь погребения Копёнского чаатаса, содержавшие помещенные в тайниках кург. 2 и 6 яркие и неординарные украшения и столовую посуду [Киселев, 1937]. В большей же части раскопанных курганов встречаются лишь единичные предметы из органических материалов и металла. В связи с этим практически любая находка в кыргызских чаатасах является ценным источником для реконструкции различных аспектов культуры енисейских кыргызов VI–VIII вв., включая древние технологии обработки цветных и черных металлов.

В 1960–1961 гг. XX в. Копёнским отрядом Красноярской археологической экспедиции под руководством Л.П. Зяблина был исследован чаатас Гришкин Лог-2. Он входил в комплекс памятников, расположенных в урочище Гришкин Лог близь устья р. Карасук и представлявших собой отдельный археологический микрорайон на левобережье Енисея; в настоящее время эта территория находится в зоне затопления Красноярского водохранилища. Всего в данном археологическом микрорайоне было зафиксировано восемь разновременных памятников, отмеченных как Гришкин Лог-1–8. Среди них курганы и поселения тагарской культуры, а также средневековые могильники.

Чаатас Гришкин Лог-2 занимал территорию ок. 13 тыс. м^2 и состоял из девяти сооружений. Его археологическое изучение начато еще С.А. Теплоуховым в 1920–1929 гг., когда было раскопано два кургана: один «широкой траншеей», другой – «колодцем». Копёнским отрядом под руководством Л.П. Зяблина было изучено шесть курганов и зафиксировано 67 могил, находившихся между оградами чаатасов. Материалы раскопок полностью не были введены в научный оборот. По результатам экспериментов по реконструкции внешнего вида каменных сооружений Л.П. Зяблиным была опубликованы лишь данные о форме и строительных приемах при сооружении надмогильных устройств енисейских кыргызов [1965].

В настоящее время находки из чаатаса Гришкин Лог-2 хранятся в фондах Минусинского краеведческого музея им. Н.М. Мартьянова. При работе с материалами из погребения кург. 1 внимание привлекла бронзовая орнаментированная поясная накладка прямоугольной формы, покрытая металлической обкладкой желтого цвета (номер хранения А 12404).

Бронзовая накладка изготовлена методом тиснения, ее размеры: 2,5 × 2,5 см, толщина 1,5 мм, по углам проделаны сквозные отверстия. Нанесенный на нее рельефный орнамент представляет собой композицию из помещенной в центре квадратной фигуры, окруженной выпуклыми дугами и углубленными округлыми «ячейками». На наш взгляд, она являлась частью поясного украшения (не исключено, что крепилась к верхней одежде или головному убору). Бронзовая накладка послужила моделью для листовой обкладки, которой была украшена с помощью того же метода тиснения.

Толщина обкладки составляет ок. 0,5 мм, что близко к толстой фольге [Бородовский, 2016, с. 249]. Ее размеры чуть больше основы, к которой она достаточно плотно прилегает, и благодаря этому внешние края огибали ребро бронзового изделия и загибались с обратной стороны. Использо-

Рис. 1. Бронзовая накладка с обкладкой из фольги из погребения кург. 1 могильника Гришкин Лог-2.

1 – лицевая сторона; *2* – оборотная сторона.

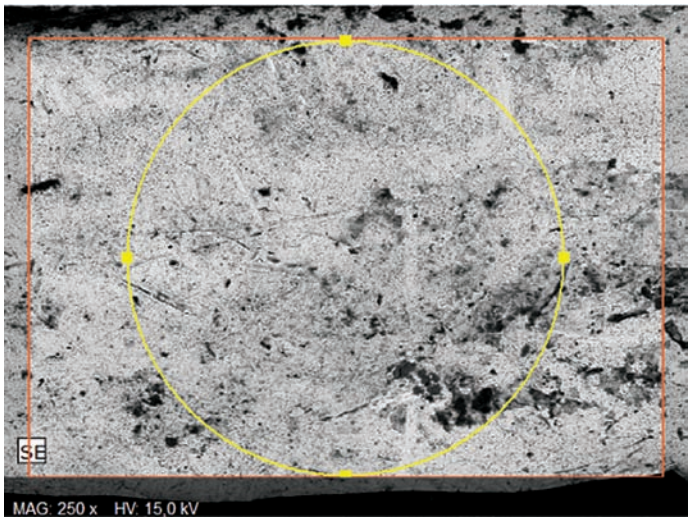

Рис. 2. Микроструктура металла поверхности золотой фольги из погребения кург. 1 могильника Гришкин Лог-2.

вание клея не зафиксировано, крепление обкладки на поверхность бронзовой основы было проведено только механическим способом (рис. 1).

Изучение состава фольги, покрывавшей бронзовое украшение, проводилось в отделе геохронологии кайнозоя Института археологии и этнографии СО РАН с применением электронного микроскопа Hitachi TM 3000 (Япония) с энергодисперсионной приставкой Bruker Quantax 70 (Германия) методом элементного анализа на основе энергодисперсионной спектрометрии (ЭДС, EDX). Предварительная механическая обработка или полировка поверхности не проводилась (рис. 2).

Сплав фольги состоит из трех компонентов: золота (85,6 %), серебра (10,9 %) и меди (3,5 %) (рис. 3). Причем содержание меди фиксируется достаточно высокое (рис. 4). Как показали анализы состава проб золотых изделий из курганов Урала и Алтая, содержание меди в пределах 3 % и более свидетельствует о природной примеси этого элемента [Зайков и др., 2016, с. 86]. В то же время в литературе отмечалось, что на отдельных месторождениях золота фиксирует более 3 % меди, являющейся сопутствующим металлом [Пунишко, Евдокимов, 2009, табл. 4]. Очевидно, при анализе археологических находок следует учитывать нали-

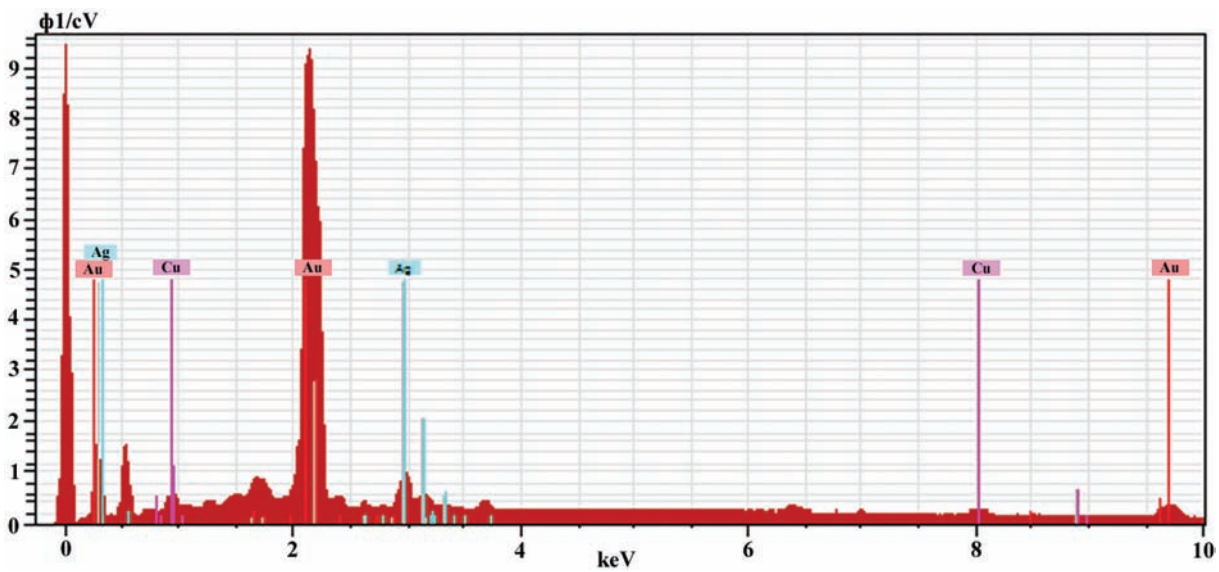

Рис. 3. График количественных характеристик элементов спектра фольги из погребения кург. 1 могильника Гришкин Лог-2.

чие на территории Сибири месторождений медистого золота.

При изучении изделий из древнего золота Южной Сибири основное внимание уделяется находкам в скифских курганах Горного Алтая. При этом золотая фольга из захоронений отличается значительным разнообразием. Среди ранее исследованных золотых изделий из памятников Тувы скифского времени преобладает золото невысокой пробы. Исключение составляют предметы из кургана Аржан-2, где преобладает высокопробное золото [Марсадолов, Хаврин, Гук, 2013, с. 135].

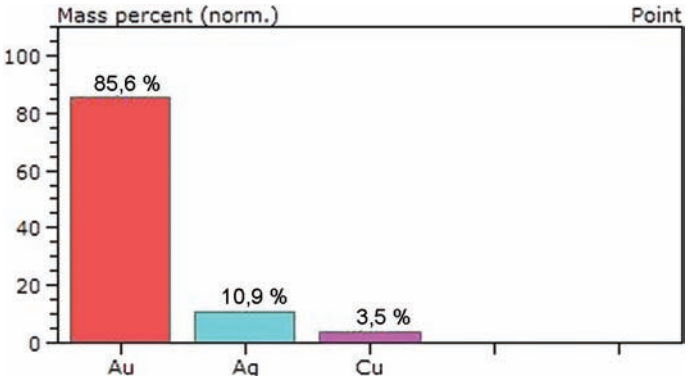

Рис. 4. Результаты элементного анализа обкладки из фольги.

Большинство образцов из пазырыкских курганов с плоскогорья Укок и из памятников северо-западных предгорий Алтая имеет низкопробный состав. Отмечено, что золотая фольга из этих памятников производилась преимущественно из самородных металлов [Бородовский, 2016, с. 250]. Причем алтайская фольга имеет высокие содержания Zn и Pb, что обусловлено влиянием использованного древними ювелирами золота из зон окисления колчеданно-полиметаллических месторождений Рудного Алтая [Зайков и др., 2016, с. 91].

Отдельно стоит отметить результаты анализов большой серии проб золотых изделий (62 предмета) из памятника Яломан II (II в. до н.э. – I в. н.э.). Одним из результатов работы стало сопоставление состава ряда золотых украшений с данными о россыпных и коренных месторождениях Алтая [Тишкин и др., 2013, с. 101, рис. 1].

Для территории среднего Енисея представляют интерес результаты анализа сплава золотых украшений из сарагашенского могильника Новомихайловка I. Фрагменты фольги имеют близкое соотношение золота, серебра и меди с невысоким содержанием последнего компонента. По мнению С.В. Хаврина, присутствие меди выше 3 % на одной из проб не является строго диагностирующим показателем, отделяющим искусственные сплавы от природного золота [2018, с. 118, табл.].

Для хунно-сарматского времени пробы, полученные методом натирки на пробирном камне, были проведены лишь для золотых предметов из клада на Знаменском городище в Боградском р-не Республики Хакасия. Литая бляха оказалась изготовленной из высокопробного золота, браслет и низка бисера из среднепробного, а две булавки из низкопробного металла [Марсадолов, Хаврин, Гук, 2013, табл. 1].

Интересные результаты были получены при изучении четырех нашивок из тонкой золотой фольги из тюркской оградки комплекса Баян Булаг II в Западной Монголии. Учитывая близкие показатели их химического состава, высказано предположение об изготовлении украшений из одного самородка [Тишкин, 2016, с. 95].

Украшение из кург. 1 могильника Гришкин Лог-2 изготовлено по достаточно архаичной технологии использования золотой фольги. Бронзовые предметы, обложенные золотой фольгой (чеканы, оленные бляшки, гривны), встречаются еще в тагарских памятниках [Герман, 2016, с. 131, рис. 1, *1–5*]. Украшенные фольгой деревянные предметы достаточно часто встречаются в грунтовых могилах таштыкской культуры. В раннем Средневековье на территории среднего Енисея нередко находили деревянные фигурки баранов, головы которых были оббиты золотым листом при помощи тонких медных гвоздиков (погребение в кург. 5 могильника Капчалы-1, мог. 2 в кург. 7 Уйбатского чаатаса) [Евтюхова, 1948, рис. 28, 104, 105]. Лишь с VIII в. у енисейских кыргызов появляются пояса и конская сбруя, украшенные бронзовыми накладками, покрытыми золотом, но уже на основе другой, более прогрессивной технологии амальгамирования. Амальгамирование бронзовых и железных предметов с полным основанием можно отнести к престижным технологиям, однако вопрос о том, владели ли ей кыргызские ювелиры или же покрытые золотом поясные и сбруйные украшения поступали на средний Енисей из ремесленных центров соседних регионов, остается открытым.

Стоит также отметить, что чаатас Гришкин Лог-2 находился приблизительно в 45 км ниже по течению от Копёнского чаатаса, являвшегося местом захоронения представителей правящей верхушки енисейских кыргызов или знатного рода [Там же, с. 30]. Рядом с Копёнским чаатасом был расположен еще один крупный средневековый могильник – Перевозинский чаатас, в погребениях которого тоже были обнаружены предметы престижа и социальной значимости их владельцев. Он также исследовался археологическим отрядом под руководством Л.П. Зяблина, но, как и в случае с мо-

гильником Гришкин Лог-2, материалы раскопок не были введены в научный оборот.

В настоящее время изучение древних технологий получения драгоценных металлов и изготовления из них различных изделий не может ограничиваться лишь определением их химических составов. Насущной является проблема создания базы данных проб находок из археологических памятников Алтае-Саяна и взятых из мест древних разработок, с которыми можно было бы произвести детальное сравнение и выявить источники добычи золота.

Благодарности

Исследование проведено в рамках проекта НИР № 0264-2019-0010 «Реконструкция природных условий и способы адаптации к ним населения Евразии в четвертичном периоде».

Список литературы

Бородовский А.П. Особенности состава золотой и серебряной фольги эпохи раннего железного века из Южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН. – 2016. – Т. XXII. – С. 249–252.

Герман П.В. Тагарский склеп с изделиями из золотой фольги в Мариинской лесостепи (материалы раскопок 1969 г.) // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 4. – С. 129–133.

Грачев И.А. Погребальный обряд енисейских кыргызов IX–X вв. (некоторые наблюдения на материалах раскопок могильника эпохи Чаа-тас на Тагарском острове) // Сибирский сборник-1: погребальный обряд народов Сибири и сопредельных территорий. – СПб.: МАЭ РАН, 2009. – Кн. 1. – С. 215–222.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1948. – 110 с.

Зайков В.В., Филиппова К.А., Удачин В.Н., Зайкова Е.В., Рассомахин М.А., Крайнев Ю.Д. Сравнительный анализ состава золотой фольги из археологических памятников Алтая, Урала, Подонья (по данным ICP-MS и XRF) // Минералогия. – 2016. – № 2. – С. 82–92.

Зяблин Л.П. Архитектура курганов чаатаса Гришкин Лог // Новое в советской археологии. – М., 1965. – С. 282–286. – (МИА; № 130).

Киселев С.В. Некоторые результаты Саяно-алтайской экспедиции 1936 г. // Вестн. древней истории. – 1937. – № 1. – С. 247–250.

Кызласов Л.Р. Чаатасы Хакасии // Вопр. археологии Хакасии. – Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1980. – С. 108–114.

Марсадолов Л.С., Хаврин С.В., Гук Д.Ю. Проба древнего золота Казахстана и Саяно-Алтая как временной и социальный индикатор // Теория и практика археологических исследований. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – № 2 (8). – С. 129–141.

Пунишко О.А., Евдокимов А.В. Особенности химического состава самородного золота по данным технологических исследований // Изв. Сибирского отделения секции наук о Земле Российской Академии естественных наук. – 2009. – № 1 (34). – С. 77–80.

Тишкин А.А. Изучение золотых и позолоченных изделий с помощью рентгенофлюоресцентных спектрометров (по материалам древних и средневековых памятников археологии Алтая и сопредельных территорий) // Древние культуры Монголии, Байкальской Сибири и Северного Китая. – 2016. – Т. 2. – С. 92–99.

Тишкин А.А., Зайков В.В., Хворов П.В., Зайкова Е.В. Состав золотых изделий из памятника Яломан-II (Алтай) и проблема поиска древних источников золота // Современные решения актуальных проблем евразийской археологии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2013. – С. 98–102.

Хаврин С.В. О составе сплава золотых украшений из кургана 2 могильника Новомихайловка I (Хакасия) // Памятники археологии в исследованиях и фотографиях (памяти Галины Вацлавны Длужневской). – СПб.: ИИМК РАН, 2018. – 328 с.

References

Borodovsky A.P. Peculiarities of the Composition of the Golden and Silver Foil Referred to the Early Iron Age in Southern Siberia. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 249–252 (in Russ.).

Evtyukhova L.A. Arkheologicheskiye pamyatniki eniseyskikh kyrgyzov (khakasov). Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 1948, 110 p. (in Russ.).

German P.V. Tagar burial vault with objects of golden foil in Mariinsk forest-steppe (materials from excavations of 1969). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2016, No. 4, pp. 129–133 (in Russ.).

Grachev I.A. Pogrebal'nyi obryad eniseiskikh kyrgyzov IX–X vv. (nekotorye nablyudeniya na materialakh raskopok mogil'nika epokhi Chaa-tas na Tagarskom ostrove). In *Sibirskiy sbornik-1: pogrebal'nyi obryad narodov Sibiri i sopredel'nykh territorii.* St. Petersburg: Muzei arkheologii i etnografii Rossiyskoy Akademii nauk Publ., 2009, vol. 1, pp. 215–222 (in Russ.).

Khavrin S.V. Composition of the alloy of gold ornaments from kurgan 2 at the cemetery of Novomikhaylovka I (Khakassia). In *Pamyatniki arheologii v issledovaniyah i fotografiyah (pamyati Galiny Vaclavny Dluzhnevskoj).* St. Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS, 2018, 328 p.

Kiselev S.V. Nekotoryye rezul'taty Sayano-altayskoy ekspeditsii 1936 g. *Vestnik drevnei istorii*, 1937, No. 1, pp. 247–250 (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Chaatasy Khakasii. In *Voprosy arkheologii Khakasii*. Abakan: Khakass Research Institute of Language, Literature and History, 1980, pp. 108–114 (in Russ.).

Marsadolov L.S., Khavrin S.V., Guk D.Yu. Proba drevnego zolota Kazakhstana i Sayano-Altaya kak vremennoi i sotsial'nyi indicator. In *Teoriya i praktika arkheologicheskikh issledovanii.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013, No. 2 (8), pp. 129–141 (in Russ.).

Punishko O.A., Evdokimov A.V. Osobennosti khimicheskogo sostava samorodnogo zolota po dannym tekhnologicheskikh issledovaniy. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya sektsii nauk o Zemle Rossiyskoy Akademii estestvennykh nauk*, 2009, No. 1 (34), pp. 77–80 (in Russ.).

Tishkin A.A. Studying of gold and gilded artefacts by x-ray fluorescent spectrometers (on the materials of ancient and medieval archaeological sites in the altai and adjacent territories). In *Drevnie kultury Mongolii, Baikalskoi Sibiri i Severnogo Kitaya*, 2016, vol. 2, pp. 92–99 (in Russ.).

Tishkin A.A., Zajkov V.V., Khvorov P.V., Zajkova E.V. Sostav zolotyh izdelij iz pamyatnika Yaloman II (Altaj) i problema poiska drevnih istochnikov zolota. In *Sovremennye resheniya aktualnyh problem evraziiskoi arheologii*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2013, pp. 98–102 (in Russ.).

Zajkov V.V., Filippova K.A., Udachin V.N., Zajkova E.V., Rassomahin M.A., Krajnev Yu.D. Comparative analysis of composition of gold foil from archaeological monuments of Altai, Urals, and Don region: ICP-MS and XRF data. *Mineralogiya*, 2016, No. 2, pp. 82–92 (in Russ.).

Zyablin L.P. Arkhitektura kurganov chaatasa Grishkin Log. In *Novoye v sovetskoy arkheologii*. Moscow, 1965, pp. 282–286 (Materialy i issledovaniya po arkheologii; No. 130) (in Russ.).

Половников И.С. https://orcid.org/0000-0002-2654-9283
Игнатов М.М. https://orcid.org/0000-0001-5659-0431
Ключников Т.А. https://orcid.org/0000-0002-3519-1287
Митько О.А. https://orcid.org/0000-0002-7741-3167
Танцура К.В. https://orcid.org/0000-0001-7745-3575

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.562-567
УДК 902

Н.В. Полосьмак[1], Е.Е. Ямаева[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Независимый исследователь
Горно-Алтайск, Россия
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Местонахождение петроглифов у деревни Йодро, Республика Алтай (предварительное сообщение)

Несмотря на многолетнее плодотворное исследование петроглифов Горного Алтая, остается много неизвестных ученым памятников и нерешенных проблем. Новые местонахождения всегда актуальны. Так, открытие петроглифов в урочище Суулу-Сеертпек позволило вновь вернуться к одним из спорных и интересных персонажей эпохи бронзы Центральной Азии – к фигурам мужчин в грибовидных головных уборах. Авторы выносят на обсуждение свою интерпретацию этих образов. По нашему мнению, их можно рассматривать как представителей определенной культурной общности, которую выделяет особый, но не являющийся ритуальным повседневный костюм, а в изобразительной традиции – особый стиль. Эти своеобразные фигуры маркируют обширную территорию распространения неизвестной нам культуры, которая охватывала Саяно-Алтай, Монголию, Северный Китай, Восточный Казахстан, на севере доходила до Хакасии, на юге – до Ладака (Индийские Гималаи). Их полифункциональность отражает все виды деятельности, в которых они были заняты: охота, выпас скота, война, совершение жертвоприношений. Распространение этой культуры было связано с горными системами Центральной Азии и имело исходной точкой, вероятно, территорию Саяно-Алтая. Особенно интересен их маршрут через юго-восточные и южные оазисы Синьцзяна, которым веками шли в Индию воины, паломники и торговцы. И это движение началось по крайней мере уже в II тыс. до н.э.

Ключевые слова: *новое местонахождение петроглифов, Алтай, бронзовый век, антропоморфные фигуры в грибовидных головных уборах.*

Natalia V. Polosmak[1], Elizaveta E. Yamaeva[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Researcher,
Gorno-Altaysk, Russia
E-mail: polosmaknatalia@gmail.com

Petroglyphs near the Village of Yodro, the Altai Republic (Preliminary Communication)

Despite many years of successful studies of petroglyphs in the Altai Mountains, there are still many rock art sites unknown to scholars and unanswered questions in this region. Discovery of new rock art sites is always important. Thus, the discovery of a remarkable rock art site at the Suulu-Seertpek locality has brought to light one of the most contradictory and amazing characters of the Bronze Age in Central Asia – male figures with mushroom-shaped headdresses. The authors offer their own interpretation of these images for discussion. In our opinion, these figures can be considered to be the representatives of a cultural community distinguished by special outfit – everyday rather than ritual – and by a special style of artistic tradition. These distinctive figures mark a vast geographical area of distribution of an unknown culture, which embraced the Altai–Sayan region, Mongolia, Northern China, and East Kazakhstan, spreading as far as Khakassia in the north and Ladakh (Indian Himalayas) in the south. The polyfunctional nature of the images reflects the circle of their activities: hunting, herding, warfare, and sacrificial offerings. The distribution of this culture appears to have been associated with the mountain systems of Central Asia, while the Altai–Sayan region must have been its point of origin.

Of special interest is their route through the southwestern and southern oases of Xinjiang, the places passed through for centuries by warriors, pilgrims and merchants on their route to India. This migration must have begun as early as the second millennium BC.

Keywords: *new petroglyphic site, Altai, Bronze Age, anthropomorphic images with mushroom-shaped headdresses.*

В 2019 г. во время рекогносцировочной поездки в Онгудайском р-не Республики Алтай было обнаружено новое местонахождение петроглифов. Оно находится в 1,5 км от с. Йодро, на правом берегу р. Чуи, в урочище Суулу-Сеертпек на участке, принадлежащем Р.М. Садалову.

На вертикальном скальном выступе, сильно заросшем кустарником, располагались хорошо сохранившиеся рисунки, которые можно отнести к эпохе бронзы. Гладкая поверхность скалы, сложенной из сланцевых пород серого цвета, имеет трещины и отслоившиеся участки. Из-за этого часть рисунков утеряна (рис. 1). Нами было произведена съемка сохранившихся изображений.

Остановимся на композиции, ограниченной естественными очертаниями скальной поверхности. Хотя центральная часть не сохранилась, оставшиеся изображения позволяют представить ее содержание.

Композиция включает нанесенные выбивкой изображения козерогов, оленей, волков (лис), собак, быка и корову (рис. 2). В центральной части сохранилась группа из четырех мужчин в т.н. грибовидных головных уборах (два полных изображения и два фрагментарных) (рис. 3). Вероятно, их было больше, поскольку отколовшиеся (или специально отколотые) части слоистого камня с рисунками непосредственно примыкают к этим изображениям. Двое мужчин в правой руке держат длинное копье с навершием того типа, который, по мнению Д.Г. Савинова, можно назвать сейминско-турбинским [2015, с. 155], с привязанным к древку небольшим флажком. Что было у двух других – неизвестно, эта часть их изображений не сохранилась. Левая рука у всех мужчин находится у пояса, они стоят как будто подбоченясь. У всех четырех обозначены «хвосты». Эти персонажи и стали объектами обсуждения в данной статье. Д.Г. Савиновым высказано полностью разделяемое нами мнение о том, что «изображения головных уборов, скорее всего, имеют чисто формальное сходство с грибом: на самом деле это изображение своеобразной формы воинского шлема...» [Там же, с. 154]. На наш взгляд, это может быть и просто обычная для этого населения шапка типа треуголки или казахских колпаков. «Хвост», вероятнее всего, является изображением колчана, привешенного к поясу. Надо еще раз отметить, что изображений мужчин в грибовидных головных уборах или близких им по стилистике, т.е. «фас профильное изображение человеческой фигуры (туловище анфас, ноги в профиль); слегка подогнутые, как будто в танце, ноги; сзади подвешен «хвост» или «сумка»; в руках натянутый лук, копье или посох…» [Там же, с. 150], довольно много среди петроглифов Российского и Монгольского Алтая [Кубарев, 1987, 2011; Куба-

Рис. 1. Вид на скальный выступ с рисунками в урочище Суулу-Сеертпек, Республика Алтай.

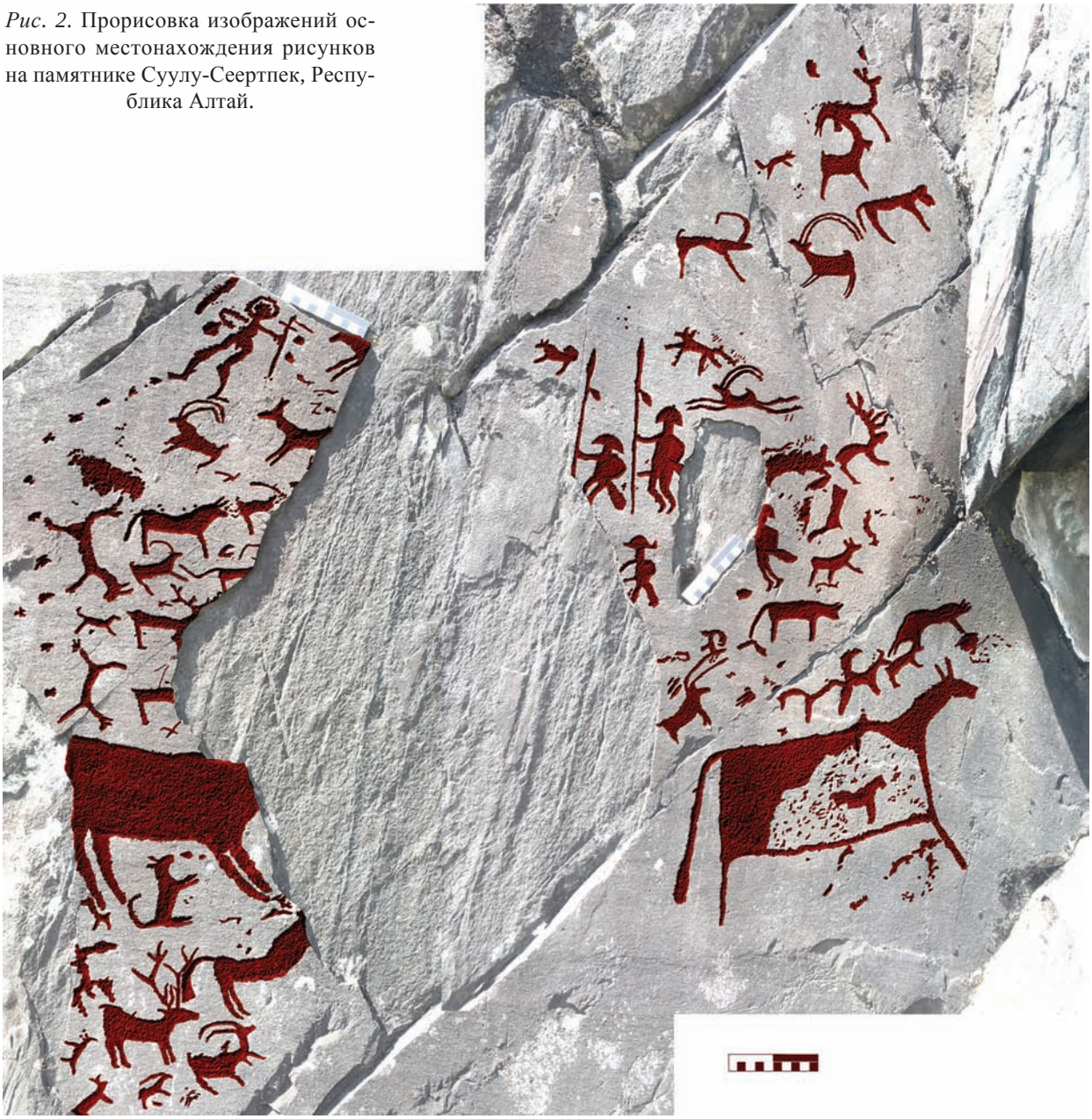

Рис. 2. Прорисовка изображений основного местонахождения рисунков на памятнике Суулу-Сеертпек, Республика Алтай.

рев, Цэвээндорж, Якобсон, 2005; Молодин, Черемисин, 1997], в Северной Монголии [Новгородова, 1984], в Саянах [Дэвлет, 1976, 1982], в Восточном Казахстане [Самашев, 1992, с. 193–195], их находят в Северном Китае [Кашина, 1983], они обнаружены в Хакасии [Ковалева, 2006] и в Гималаях (Ладаке) [Bruneau, Devers, Vernier, 2010, p. 96–97] (рис. 4, 5). Они стали своего рода «центральноазиатским иконографическим каноном» [Дэвлет, Чжан Со Хо, 2014, с. 104], «главными героями петроглифических комплексов эпохи бронзы» [Савинов, 2015, рис. 1], изображениями персонажей, которым приписывается выполнение культовых функций или которых считают «изобразительным воплощением чрезвычайно значимого мифа, перенесенного через огромные расстояния, трансформированного и воспринятого в подвижной среде скотоводов и охотников Евразийских степей» [Молодин, Черемисин, 1997, с. 250]. Д.Г. Савинов пишет, что мифологический «герой…, по-видимому, обладал широким спектром деятельности, совмещая функции воина-победителя, охранителя стад и покровителя охоты, исполнителя жертвоприношений (что по своему значению синонимично понятию «царь-жрец» древнеегипетской мифологии), которые затем воплотились в единый образ эпического героя» [2015, с. 156]. Мы полностью согласны с тем перечнем функций, которыми автор наделяет эти персонажи. Но, как нам кажется, во всех этих функциях нет ничего выходящего за рамки обычной жизни любого члена общества скотоводов и охотников эпохи бронзы. Ни в коей мере не под-

вергая сомнению высказанные перечисленными авторами точки зрения, мы хотели бы предложить и иное толкование этих персонажей, а именно, предположить, что перед нами не мифический герой, а типичный представитель того населения, которое осваивало в эпоху бронзы просторы Центральной Азии. Этих людей отделяет от прочих особый костюм (одна из главных функций костюма, как известно, этнодифференцирующая), набор оружия и особый стиль изображений. Как нам представляется, все сцены с участием этих персонажей – это зарисовки людей эпохи бронзы за их повседневными занятиями, выполненные ими самими. Можно рискнуть предположив, что появление этого образа на просторах Центральной Азии вплоть до Гималаев свидетельствует о распространении определенной культуры. И тогда речь идет уже не «о транслировании какого-то значимого мифа на огромные расстояния», а о культурной общности, маркерами границ которой являются персонажи в грибовидных головных уборах, реальные люди.

Возвращаясь к исследуемым петроглифам, можно отметить, что если

Рис. 3. Изображения мужчин в грибовидных головных уборах на местонахождении Суулу-Сеертпек, Республика Алтай.

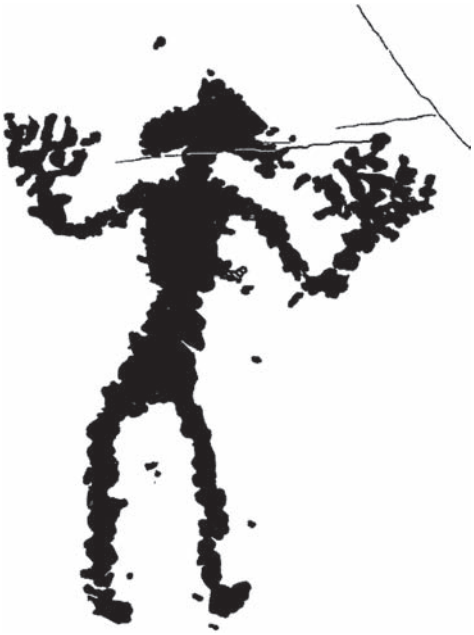

Рис. 4. Изображение мужчины в грибовидном головном уборе на местонахождении Murgi Topko в долине Нубра, Ладак.

Рис. 5. Изображения мужчин в грибовидных головных уборах на местонахождении Bazgo Zampa, Ладак.

особо выделять кого-то в этой композиции, то это будет персонаж, изображенный в левом углу. Это мужчина, который стоит широко расставив длинные слегка согнутые в коленях ноги (рис. 6). В вытянутой левой руке он держит какое-то орудие, оружие или жезл: на рисунке это изделие выглядит как палка с двумя поперечными перекладинами сверху. В правой согнутой руке у него, возможно, круглый сосуд или другая емкость. На голову надет какой-то убор, может быть, все та же шапка грибовидной формы, но в другой проекции. От правой ступни отходит вниз цепочка из 13 следов. Но это следы не человеческой ступни, а животного или птицы. Такие следы, связанные с человеком, мы впервые встречаем в наскальных изображениях Горного Алтая. Эта мужская фигура вместе с оставленными ею следами в семантическом плане сопоставима с фигурой Беса в группе петроглифов под названием Бесовы следки на Белом море. Бесом называют изображение крупной антропоморфной фигуры с огромным фалосом, от ног которой отходит цепочка из восьми следов. О семантике этого изображения высказано много различных мнений, обобщенных А.М. Жульниковым [2006, с. 128–134]. Главные выводы, в которых исследователи единодушны, это то, что Бес – мифологический персонаж, великан – предок, имеющий отношение к магии плодородия и воспроизводства охотничьей добычи. Важно то, что все авторы, так же как и мы, считают, что для понимания семантики Беса большое значение имеют его следы. «Ни одно животное, птица, или антропоморфное существо на Бесовых следках, за исключением Беса, не сопровождается отпечатками ног» [Там же, с. 132]. Их значение в данном случае может рассматриваться как мифическая граница, отделяющая мир людей от мира духов и предков, граница между своим и чужим пространством, граница как защита: «Видимо, цепочка следов Беса маркировала границу своего пространства и была призвана защитить эту территорию…» [Там же, с. 133]. Следы, которые «оставил» мужчина, находящийся в верхнем левом углу рассматриваемой композиции, проходят вдоль естественной границы гладкой скальной поверхности, на которой она располагалась. Слева за ними уже нет никаких изображений, все рисунки сосредоточены справа от цепочки следов. То есть и в нашем случае наиболее вероятно то, что этот персонаж мог являться неким мифическим существом, ограничивающим и защищающим сакральное пространство. А на этом пространстве мы видим изобилие промысловых зверей и домашних животных (корову и быка?), а также людей, занятых своими делами.

Рис. 6. Изображение мужской фигуры с цепочкой следов, местонахождение Суулу-Сеертпек, Республика Алтай.

Сюжеты и образы, обнаруженные на местонахождении Суулу-Сеертпек, не исчерпываются только этими оригинальными персонажами. Необычным является изображение коровы в геометрическом стиле, у которой в передней части живота помещена фигура теленка. Изображение беременного домашнего животного – новый сюжет среди алтайских петроглифов эпохи бронзы.

В данной работе даны лишь общие представления о новом памятнике петроглифического искусства Алтая. Более подробное изучение рисунков, привлечение широкого круга аналогий значительно дополняют наши знания о миграционных процессах и культурном взаимодействии населения Центральной Азии в древности.

Благодарности

Работа выполнена по теме № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Дэвлет Е.Г., Чжан Со Хо. Каменная летопись Алтая. – М.: ИА РАН, 2014. – 144 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы Улуг-Хема. – М.: Наука, 1976. – 120 с.

Дэвлет М.А. Петроглифы на кочевой тропе. – М.: Наука, 1982. – 128 с.

Жульников А.М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. – Петрозаводск: Скандинавия, 2006. – 224 с.

Кашина Т.И. Петроглифы Лунных гор (о древнем искусстве кочевников-скотоводов Внутренней Монголии) // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1983. – С. 77–86.

Ковалева О.В. Петроглифы кургана Барсучий Лог // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2006. – № 1 (25). – С. 110–116.

Кубарев В.Д. Антропоморфные хвостатые существа алтайских гор // Антропоморфные изображения. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд., 1987. – С. 150–170.

Кубарев В.Д. Петроглифы Калбак-Таша. Российский Алтай. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 444 с.

Кубарев В.Д., Цэвээндорж Д., Якобсон Э. Петроглифы Цагаан-Салаа и Бага-Ойгура (Монгольский Алтай). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 640 с.

Молодин В.И., Черемисин Д.В. Петроглифы эпохи бронзы плоскогорья Укок // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1997. – Т. III. – С. 247–252.

Новгородова Э.А. Мир петроглифов Монголии. – М.: Наука, 1984. – 166 с.

Савинов Д.Г. В поисках главного героя… (по материалам наскальных изображений Центральной Азии и Южной Сибири) // Теория и методология архаики. – СПб.: МАЭ РАН, 2015. – (Вып. VIII (ч. 1 «Реальные и знаковые формы социальной дифференциации в архаике»; ч. 2 «Миф и формы его отражения в ритуальной практике»). – С. 149–167.

Самашев З.С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. – Алма-Ата: Гылым, 1992. – 288 с.

Bruneau L., Devers Q., Vernier M. Rock art research in Murgi Topko, Nubra Valley in Ladakh // Purahala, J. of rock art society of India. – 2010-2011. – Vol. 20-21. – P. 91–97.

References

Bruneau L., Devers Q., Vernier M. Rock art research in Murgi Topko, Nubra Valley in Ladakh. *Purahala, Journal of rock art society of India*, 2011-2011, vol. 20-21, pp. 91–97.

Devlet E.G., Chzhan So Kho. Kamennaya letopis' Altaya. Moscow: IA RAS Publ., 2014, 144 p. (in Russ.).

Devlet M.A. Petroglify na kochevoi trope. Moscow: Nauka, 1982, 128 p. (in Russ.).

Devlet M.A. Petroglify Ulug-Khema. Moscow: Nauka, 1976, 120 p. (in Russ.).

Kashina T.I. Petroglify Lunnykh gor (o drevnem iskusstve kochevnikov-skotovodov Vnutrennei Mongolii). In *Plastika i risunki drevnikh kul'tur*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otdelenie, 1983, pp. 77–86 (in Russ.).

Kovaleva O.V. Petroglyphs of the Barsuchy Log Mound. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2006, No. 1 (25), pp. 110–116.

Kubarev V.D. Antropomorfnye khvostatye sushchestva altaiskikh gor. *Antropomorfnye izobrazheniya*. Novosibirsk: Nauka, Sib. otdelenie, 1987, pp. 150–170 (in Russ.).

Kubarev V.D. Petroglify Kalbak-Tasha. Rossiiskii Altai. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2011, 444 p. (in Russ.).

Kubarev V.D., Tseveendorzh D., Yakobson E. Petroglify Tsagaan-Salaa i Baga-Oigura (Mongol'skii Altai). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 640 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Cheremisin D.V. Petroglify epokhi bronzy ploskogor'ya Ukok. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1997, vol. III, pp. 247–252 (in Russ.).

Novgorodova E.A. Mir petroglifov Mongolii. Moscow: Nauka, 1984, 166 p. (in Russ.).

Samashev Z.S. Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya. Alma-Ata: Gylym, 1992, 288 p. (in Russ.).

Savinov D.G. V poiskakh glavnogo geroya… (po materialam naskal'nykh izobrazhenii Tsentral'noi Azii i Yuzhnoi Sibiri). In *Teoriya i metodologiya arkhaiki*. St. Petersburg: Muzei antropologii i etnografii im. Petra Velikogo RAS (Kunstkamera), 2015, iss. VIII (ch. 1 "Real'nye i znakovye formy sotsial'noi differentsiatsii v arkhaike"; ch. 2 "Mif i formy ego otrazheniya v ritual'noi praktike"), pp. 149–167 (in Russ.).

Zhul'nikov A.M. Petroglify Karelii. Obraz mira i miry obrazov. Petrozavodsk: Skandinaviya, 2006, 224 p. (in Russ.).

Полосьмак Н.В. https://orcid.org/0000-0002-3760-265X

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.568-573
УДК 902.2

**А.И. Поселянин[1, 2], В.С. Зубков[1],
И.Ю. Слюсаренко[3], О.А. Митько[4]**

*[1]Хакасский государственный университет
Абакан, Россия
[2]Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия
[3]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[4]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: omitis@gf.nsu.ru*

Исследование таштыкского поселения Сартыков в Республике Хакасия

Поселения таштыкской культуры изучаются ок. 100 лет: на сегодня на территории Хакасско-Минусинской котловины по архивным и литературным источникам их известно порядка 30. Но до настоящего времени исследование поселений таштыкской культуры не рассматривалось в качестве самостоятельной научной задачи, поэтому в целом они изучены значительно меньше, чем погребальные памятники. В 2018–2019 гг. в окрестностях аала Сартыков Алтайского р-на Республики Хакасия проведена археологическая разведка для уточнения сведений о границах таштыкского поселения. Памятник находится в северной части Койбальской степи на правом берегу р. Абакан, у подножия горного кряжа Изых, на территории жилой застройки населенного пункта. С целью определения стратиграфической позиции культурного слоя, границ его распространения были сделаны зачистки берегового обнажения, заложены два разведочных шурфа (2 × 1 м) и небольшой раскоп (4 × 3 м). Культурный слой зафиксирован на глубине 0,12–0,35 м: многочисленные кости домашних животных со следами раскалывания и фрагменты керамики таштыкского типа. Установлено, что преобладают толстостенные банки, украшенные оттисками прямоугольного, овального, треугольного штампов, прорезными линиями. Подобные орнаменты имеют широкое распространение на всей территории Хакасско-Минусинской котловины в грунтовых могилах, коллективных склепах и поминальных памятниках. Сосуды со скобочным и полулунным орнаментами имеют аналогии в материалах поблизости расположенных могильников и на соседней территории также в долинах рек. Сделаны наблюдения о форме венчиков, хронологических признаках орнаментов, хозяйственной специализации посуды. Найдены каменные предметы: дисковидное пряслице и два песта из речной гальки. Археологический материал представляет единый культурный комплекс таштыкской археологической культуры в широком хронологическом диапазоне.

Ключевые слова: *хунно-сарматское время, таштыкская культура, правобережье р. Абакан, керамика, кости животных, каменное пряслице.*

**Aleksander I. Poselyanin[1, 2], Valeriy S. Zubkov[1],
Igor Y. Slyusarenko[3], Oleg A. Mitko[4]**

*[1]Khakass State University,
Abakan, Russia
[2]Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia
[3]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[4]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: omitis@gf.nsu.ru*

Research at the Tashtyk Settlement of Sartykov in the Republic of Khakassia

Settlements of the Tashtyk culture have been studied for about a century. Presently, about thirty sites are known in the Khakass-Minusinsk Depression from archival and literary sources. Yet, until now the study of Tashtyk settlements has not been considered an independent scholarly task and therefore they have been explored much less actively than burial sites. In 2018–2019, archaeological survey was carried out in the vicinity of Sartykov aal in Altaisky District of the Republic of Khakassia for clarifying the information about the boundaries of a Tashtyk settlement located on the territory of modern settlement on the right bank of the Abakan river at the foot of the Izykh mountain range in the northern part of the Koibal steppe. In order to establish the stratigraphic position of the cultural layer and its boundaries, bank outcrop was cleaned up, two test pits (2 × 1 m) were made, and small area (4 × 3 m) was excavated. The cultural layer was found at the depth of 0.12–0.35 m. It included numerous bones of domestic animals with traces of splitting and fragments of pottery of the Tashtyk type. Jars with thick walls, decorated with imprints of rectangular, oval, and triangular stamps, and with incised lines prevailed among the pottery. Pottery with such ornamental decoration commonly appears in the entire Khakass-Minusinsk Depression in soil graves, collective crypts, and at commemoration sites. Vessels with arched and semilunar ornamentation have parallels in the evidence from the nearby burial grounds, and in the neighboring territories and river valleys. Observations concerning shapes of the rims, chronological features of ornamental decoration, and economic specialization of pottery are presented. Stone objects, including a disk-shaped spindle and two pestles made of river pebbles were also found. Archaeological evidence represents a single cultural complex of the Tashtyk archaeological culture in wide chronological range.

Keywords: *Hunno-Sarmatian times, Tashtyk culture, right bank of the Abakan River, pottery, animal bones, stone spindle.*

Введение

В 2018–2019 гг. в соответствии с программой Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова по изучению поселений таштыкской культуры, Алтайский археологический отряд провел археологическую разведку с целью уточнения сведений о наличии древнего поселения в окрестностях аала Сартыков. Предварительная информация получена от уроженца этого аала И.И. Таштандинова, ученого секретаря Хакасского национального краеведческого музея им. Л.Р. Кызласова.

Таштыкская культура раннего железного века (I–V вв. н.э.) на территории Хакасско-Минусинской котловины изучена по материалам погребально-поминальных памятников и петроглифов. На этой основе создана ее внутренняя периодизация и относительная хронология. Однако вплоть до настоящего времени целенаправленное исследование таштыкских поселений не проводилось и не рассматривалось в качестве самостоятельной научной задачи. Основная часть поселенческих материалов по таштыкской культуре получена в процессе археологических разведок, паспортизации и при проведении археологических аварийно-спасательных раскопок объектов археологического наследия.

В 1923 г. С.А. Теплоухов на пос. Анаш, на левом берегу Енисея, недалеко от хребта Батени, проводил сборы подъемного материала и зачистки. В 1940-е гг. сборы подъемного материала и шурфовку на выявленных единичных поселениях осуществили археологи С.В. Киселев в г. Минусинске, у с. Тесь и В.П. Левашева в долине Енисея у г. Суханиха. Исследовались также дюнные стоянки у с. Быстрая, у Джоева озера, у с. Лугавского, которые датировались временем существования таштыкской культуры [Евтюхова, 1948, с. 73]. Л.А. Евтюхова выполнила первые масштабные раскопки многослойного поселения Малые Копены VI площадью более 200 м^2 поблизости от одноименного средневекового могильника. Найдены обломки глиняной посуды, зернотерки и колотые кости [Там же, с. 74–80]. В 1960–1970-гг. работы руководителя Красноярской новостроечной экспедиции М.П. Грязнова положили начало новому этапу в изучении таштыкской культуры в долине среднего Енисея. В дальнейшем с его именем связана организация и проведение раскопок таштыкских поселенческих комплексов Поляна, Таштык I, Крестик, Джесос, Тепсей X [Грязнов, 1979, с. 18; Вадецкая, 1986]. В 1960–1980-е гг. Я.И. Сунчугашев в рамках изучения древних медных и железных рудников проводит раскопки поселений металлургов (Юлия, Темир, на р. Узун-Жул, у горы Посельщик и др.). Полученные материалы расширяют представления о хозяйственной деятельности таштыкского населения [Сунчугашев, 1975]. Г.С. Мартыновой в Мариинской степи на р. Кия найдены остатки жилых построек; после реконструкции установлено, что они имели столбовую конструкцию [Мартынова, 1985]. А.И. Мартынов и М.Б. Абсалямов в этом же регионе, в рамках изучения тагарских поселений, выделили многослойные

памятники, которые содержали материал, датирующийся переходным тагаро-таштыкским временем [1988]. В 1988 г. В.С. Зубков во время разведочных работ обнаружил и провел шурфовку таштыкского поселения Усть-Сос-1 на правом берегу р. Абакан у с. Усть-Сос. В 2005 г. А.И. Поселянин в ходе аварийно-спасательных работ исследовал поселение Усть-Сос-2. Был выявлен культурный слой с обилием остатков керамической посуды и небольшим количеством костей животных. В 1993 г. в окрестностях г. Саяногорска под руководством М.Н. Пшеницыной проведена шурфовка и аварийно-спасательные раскопки таштыкского поселения Ай-Дай IV общей площадью не менее 2 тыс. м^2. Материалы представлены керамикой, многочисленными остатками костей домашних животных, каменными зернотерками, пестами, фрагментами шлака [Массон, Пшеницына, 1994, с. 18]. В 2002 г. Е.Н. Данькин, К.М. Торбостаев в ходе разведки в подтаежных районах в долине р. Камышта обнаружили поселение Сорах-Таг-1. Были проведены сборы черепков керамической посуды и обнаружены землянки. Ими же в 2005 г. обнаружено поселение у с. Сабинка, собран подъемный материал и проведена шурфовка. В настоящее время на территории Хакасско-Минусинской котловины по архивным и литературным источникам известно ок. 30 поселений таштыкской культуры. Тем не менее в целом поселения таштыкской культуры исследованы значительно меньше, чем погребальные памятники.

Материалы и методы исследования

Аал Сартыков находится в северной части Койбальской степи на правом берегу р. Абакан, у подножия горного кряжа Изых. Поблизости расположены ранее изученные археологические памятники: в 5 км к ЮВ Изыхский чаатас [Кызласов, 1960]; в 4 км к В крепостной комплекс – све Изых [Готлиб, Подольский, 2008, с. 32]; в 0,7 км к Ю могильник Кек-Оба [Скобелев, 2000; Митько, 1997].

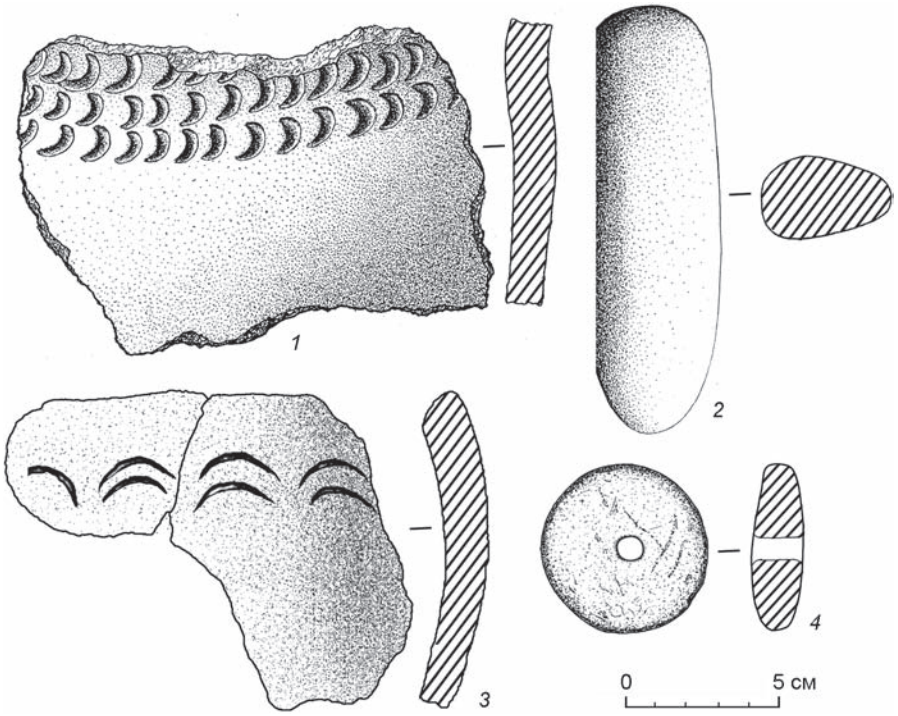
Поселение находится на территории жилой застройки и протянулось от центральной части до северо-восточной окраины населенного пункта. При осмотре осыпей и обнажений первой 5–6-метровой надпойменной террасы правого берега были собраны фрагменты гладкостенной керамической посуды и колотые трубчатые кости животных, которые указывали на присутствие здесь древнего культурного слоя.

С целью определения стратиграфической позиции культурного слоя, границ его распространения были сделаны зачистки берегового обнажения, поставлены два разведочных шурфа (каждый размером 2 × 1 м) и заложен небольшой раскоп (4 × 3 м). В целом стратиграфия отложений имеет одинаковые характеристики. Верхний слой представлен песком светло-серого цвета (0,05–0,07 м), в подошве залегает гумусированный песок темно-серого цвета (0,1–0,12 м). Ниже прослеживается слой плотных мелкозернистых пылеватых песков светло-серого цвета с включениями и прослойками мелкого гравия и плитняка, вскрытая мощность 1,7 м. Культурный слой зафиксирован на глубине от 0,15–0,2 м до 0,30–0,35 м от современной поверхности, в верхней части плотных мелкозернистых пылеватых песков светло-серого цвета с включениями плитняка.

В береговой зачистке № 1 в центральной части села в районе оврага, размываемого сезонными осадками, были обнаружены немногочисленные колотые кости мелкого рогатого скота и 12 фрагментов керамики. К верхней части керамических сосудов с венчиками принадлежало четыре фрагмента, из них два орнаментированы овальным штампом.

Шурф № 1 не дал археологических находок. В площади шурфа № 2 обнаружены фрагменты трубчатых костей одомашненных животных – овцы и коровы, скопление керамики. Выявлено, что 10 фрагментов керамики принадлежат одному крупному сосуду, толщина его стенок от 1,0 до 1,4 см, внешняя и внутренняя поверхности стенок тщательно заглажены, цвет от светло-коричневого до темно-коричневого. Ниже венчика нанесен орнамент в виде трех горизонтальных поясков скобочных вдавлений (см. *рисунок, 1*).

Раскоп № 1 площадью 12 м^2 был заложен на краю террасы между зачисткой и шурфами с целью получения большего количества археологического и фаунистического материала, позволяющего надежно определить культурно-хронологическую принадлежность изучаемого поселения. Культурный слой зафиксирован на глубине 0,12–0,30 м от современной поверхности в отложениях слабо гумусированного пылеватого песка темно-серого цвета. Количественно преобладают фаунистические материалы от домашних животных – овцы, коровы, лошади (более 300 фрагментов). Большинство костей имеют отчетливые следы раскалывания. Собственно археологические материалы представлены фрагментами керамических сосудов – 309 ед. Выделяются 11 фрагментов верхней части тулова (плечиков с венчиками) глиняной посуды, из них 4 экз. украшены оттисками овального, треугольного (вершиной вниз) штампа и горизонтальным пояском из трех прорезных линий-канелюр. Предметы из камня представлены речной галькой-отбойником продолговатой, слегка уплощенной формы со следами подработки, длиной 14 см, толщиной 4,6 см (см. *рисунок, 2*).

Инвентарь из пос. Сартыков.
1, 3 – фрагменты керамики; *2* – галька-отбойник; *4* – каменное пряслице.

Пункт 2 на северо-восточной окраине аала Сартыков находится на 250–300 м восточнее пункта 1. При осмотре берегового обнажения был выявлен культурный слой на протяжении 10–12 м. Была выполнена зачистка № 2 береговых отложений длиной 4 м. В результате установлено, что стратиграфические условия залегания материала одинаковые с пунктом 1. Культурный слой залегает на глубине 0,15–0,34 м и представлен фрагментами керамических сосудов (30 экз.), остеологическими остатками (колотые кости крупного и мелкого рогатого скота – 40 фрагментов), изделиями из камня (2 экз.). Определена форма трех сосудов – баночная. Один сосуд украшен горизонтальным пояском в виде двух парных резных линий полулунной формы (см. *рисунок, 3*). Фрагмент второго сосуда орнаментирован горизонтальным пояском, выполненным одной линией полулунного штампа. У обоих сосудов верхний край венчика скошен внутрь. Третий сосуд представлен фрагментом поддона сосуда.

Каменный инвентарь включает две находки. Крупная продолговатая галька зеленого цвета длиной 25 см, шириной 6 см имеет следы сколов и забитостей на ее узких концах. Другое изделие изготовлено из тонкого галечника. Оно имеет форму диска диаметром – 5 см, толщиной – до 1 см, в центре сквозное отверстие диаметром – 7–8 мм. Вся поверхность предмета имеет следы шлифования, вероятно, эта находка является пряслицем (см. *рисунок, 4*).

Обсуждение результатов

В ходе полевых археологических исследований получены следующие результаты. На небольших по площади участках поселения Сартыков представлены многочисленные образцы керамики таштыкского типа. Орнаментированные фрагменты посуды чаще всего украшены сплошными простыми поясками с оттисками различных штампов – линейного, прямоугольного, овального, треугольного. Подобные орнаменты имели широкое распространение в хуннское время на всей территории Хакасско-Минусинской котловины в грунтовых могилах, коллективных склепах и поминальных памятниках [Вадецкая, 1999]. Из всего массива керамики выделяются фрагменты трех баночных сосудов с полулунным и скобочным орнаментом. Важная особенность заключается в том, что они находят аналогии в материалах находящихся в непосредственной близости таштыкских могильников на правобережье Абакана: Кек-Оба, Изыхский чаатас и на небольшом удалении – Белый Яр-3 [Поселянин, 2007; Вадецкая, Поселянин, 2015]. Отметим, что единичные сосуды с аналогичными скобочными и полулунными орнаментальными мотивами встречаются на приустьевых участках рек Абакана, Туба и Енисея в могильниках: Тепсей III и Тепсей IV, Абаканская управа-9, Комаркова Песчаная, Быстрая-2 [Грязнов, 1979; Вадецкая, 1999; Поселянин, 2016].

На основе анализа полученных фрагментов сосудов можно сделать предварительный вывод о том, что на поселении Сартыков преобладала посуда баночной формы. Максимальный диаметр тулова находился в средней или верхней части высоты сосуда, угол наклона плечика, как правило, отвесный (сосуды закрытого типа). Это керамика толстостенная – толщина стенок 0,9–1,4 см. Среди фрагментов керамики по способу оформления верхней части стенки сосуда чаще всего выделяются венчики – овальные и приостренные. Реже встречаются сосуды с венчиками прямой формы, у которых верхняя поверхность перпендикулярна внешнему и внутреннему бортам банки. По признакам наклона верхнего среза стенки сосуда выделены венчики прямой и ассиметричной формы, у которых верхний край имеет наклон к внутренней поверхности (см. *рисунок, 2*), и очень редко к внешней стенке сосуда. В зависимости от своих размеров баночные сосуды небольших объемов использовались для приема пищи, в качестве индивидуальной столовой посуды (до 3 л). Крупный фрагмент толстостенного сосуда из шурфа № 2 (орнаментированный скобочным орнаментом) мог принадлежать к банкам большого объема, которые в бытовой сфере использовались для приготовления (3–6 л) или хранения пищи (9–15 л) [Поселянин, 2007]. Среди находок также обнаружены отдельные фрагменты тонкостенной керамики, однако дополнительных конструктивных признаков горшковидных сосудов, состоящих из горла в сочетании с выделенными пологими плечиками, не установлено. В материалах сартыковского поселения не обнаружено керамики с налепным орнаментом в виде рассеченного валика, с сосковидными налепами, волютами, с заштрихованными (треугольными, прямоугольными) геометрическими фигурами. Данные орнаментальные мотивы более характерны для позднего этапа таштыкской культуры.

Заключение

Таким образом, можно сделать вывод, что в пунктах 1 и 2 на пос. Сартыков культурный материал представлен находками таштыкского времени без инокультурных примесей в широком хронологическом диапазоне. Продолжение работ позволит изучить особенности профанной и вотивной керамики (из соседних погребально-поминальных комплексов), уточнить хронологию памятника, исследовать особенности хозяйственной специализации таштыкского населения, обитавшего у подножия горного кряжа Изых, на берегу обширной плодородной долины р. Абакан, к югу от которой простирались массивы пастбищных угодий Койбальской степи.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л., 1986. – 180 с.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. – 440 с.

Вадецкая Э.Б., Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Белый Яр-3. – Абакан: Хакасское кн. изд-во, 2015. – 243 с.

Готлиб А.И., Подольский М.Л. Све – горные сооружения Минусинской котловины. – СПб., 2008. – 222 с.

Грязнов М.П. Комплекс археологических памятников у горы Тепсей на Енисее. – Новосибирск, 1979. – 168 с.

Евтюхова Л.А. Археологические памятники енисейских кыргызов (хакасов). – Абакан, 1948. – 109 с.

Кызласов Л.Р. Таштыкская эпоха в истории Хакасско-Минусинской котловины (I в. до н.э. – V в. н.э.). – М.: Мос. гос. ун-т, 1960. – 198 с.

Мартынов А.И. Новые материалы о тагаро-таштыкских поселениях и жилищах // СА. – 1973. – № 3. – С. 163–173.

Мартынов А.И., Абсалямов М.Б. Тагарские поселения. – Красноярск: Изд-во Краснояр. гос. ун-та, 1988. – 136 с.

Мартынова Г.С. Таштыкские племена на Кие. – Красноярск, 1985. – 112 с.

Массон В.М., Пшеницына М.Н. Древности Саяногорска. – СПб., 1994. – 24 с.

Митько О.А. Каменные оградки с трупосожжениями из Койбальской степи // 275 лет сибирской археологии: мат-лы XXXVII РАЭСК. – Красноярск, 1997. – С. 76–77.

Поселянин А.И. Керамический комплекс таштыкского поминальника Белый Яр-3 на юге Хакасии // Таштыкские памятники Хакасско-Минусинского края / под ред. С.П. Нестерова. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. ун-та, 2007. – С. 89–125.

Поселянин А.И. Таштыкский погребально-поминальный комплекс Быстрая-2 // Научное обозрение Саяно-Алтая. – Тюмень: Изд. науч. центр. – 2016. – № 1 (13). – С. 3–47.

Скобелев С.Г. Древнетюркские оградки могильника Кёк-Оба // Памятники древнетюркской культуры в Саяно-Алтае и Центральной Азии. –Новосибирск, 2000. – С. 86–105.

Сунчугашев Я.И. Древнейшие рудники и памятники ранней металлургии в Хакасско-Минусинской котловине. – М.: Наука, 1975. – 176 с.

References

Evtyukhova L.A. Arkheologicheskie pamyatniki eniseiskikh kyrgyzov (khakasov). Abakan, 1948, 109 p. (in Russ.).

Gotlib A.I., Podol'skii M.L. Sve – gornye sooruzheniya Minusinskoi kotloviny. St. Petersburg, 2008, 222 p. (in Russ.).

Gryaznov M.P. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov u gory Tepsei na Enisee. Novosibirsk, 1979, 168 p. (in Russ.).

Kyzlasov L.R. Tashtykskaya epokha v istorii Khakassko-Minusinskoi kotloviny (I v. do n.e. – V v. n.e.). Moscow: State Univ. Press, 1960, 198 p. (in Russ.).

Martynov A.I. Novye materialy o tagaro-tashtykskikh poseleniyakh i zhilishchakh. *Sovetskaya arkheologiya*, 1973, No. 3, pp. 163–173 (in Russ.).

Martynov A.I., Absalyamov M.B. Tagarskie poseleniya. Krasnoyarsk: State Univ. Press, 1988, 136 p. (in Russ.).

Martynova G.S. Tashtykskie plemena na Kie. Krasnoyarsk, 1985, 112 p. (in Russ.).

Masson V.M., Pshenitsyna M.N. Drevnosti Sayano-gorska. St. Petersburg, 1994, 24 p. (in Russ.).

Mitko O.A. Kamennye ogradki s truposozhzheniyami iz Koibal'skoi stepi. In *275 let sibirskoi arkheologii: materialy XXXVII RAESK*. Krasnoyarsk, 1997, pp. 76–77 (in Russ.).

Poselyanin A.I. Keramicheskii kompleks tashtykskogo pominal'nika Belyi Yar-3 na yuge Khakasii. In *Tashtykskie pamyatniki Khakassko-Minusinskogo kraya* / pod red. S.P. Nesterova. Novosibirsk: State Univ. Press, 2007, pp. 89–125 (in Russ.).

Poselyanin A.I. Tashtykskii pogrebal'no-pominal'nyi kompleks Bystraya-2. *Nauchnoe obozrenie Sayano-Altaya*. Tyumen: Izdatel'skii nauchnyi tsentr, 2016, No. 1 (13), pp. 3–47 (in Russ.).

Skobelev S.G. Drevnetyurkskie ogradki mogil'nika Kek-Oba. In *Pamyatniki drevnetyurkskoi kul'tury v Sayano-Altae i Tsentral'noi Azii*. Novosibirsk, 2000, pp. 86–105 (in Russ.).

Sunchugashev Ya.I. Drevneishie rudniki i pamyatniki rannei metallurgii v Khakassko-Minusinskoi kotlovine. Moscow: Nauka, 1975, 176 p. (in Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. Leningrad, 1986, 180 p. (in Russ.).

Vadetskaya E.B. Tashtykskaya epokha v drevnei istorii Sibiri. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 440 p. (in Russ.).

Vadetskaya E.B., Poselyanin A.I. Tashtykskii pogrebal'no-pominal'nyi kompleks Belyi Yar-3. Abakan: Khakass book publ., 2015, 243 p. (in Russ.).

Поселянин А.И. https://orcid.org/0000-0001-9746-9291
Зубков В.С. https://orcid.org/0000-0002-7505-6231
Слюсаренко И.Ю. https://orcid.org/0000-0002-1243-0900
Митько О.А. https://orcid.org/0000-0002-7741-3167

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.574-584
УДК 902. 659

И.В. Сальникова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: salnikovair52@gmail.com

Нательные кресты Кривощековского некрополя

В ходе проведения спасательных археологических работ на объекте «Участок культурного слоя села Кривощеково» в зоне строительства мостового перехода через р. Обь в г. Новосибирске обнаружен каменный фундамент Никольской церкви. Он частично перекрывает некрополь XVI–XIX вв., в котором исследовано 384 погребения. В погребальном инвентаре наиболее значимым и часто встречаемым предметом был нательный крест (278 экз.). Были проведены рентгенофлуоресцентный анализ химического состава изделий (РФА), типологическая структуризация коллекции и иконографический анализ предметов. РФА-анализ химического состава сплавов осуществлен для репрезентативной выборки из 29 изделий, которая включила основные типы крестов. Коллекция систематизирована на основе типологии, предложенной В.И. Молодиным. Установлен ряд типов, характерных для нательных крестов Западной и Восточной Сибири, найден большой круг аналогий, показаны новые группы, представлены особенности декора образцов известных форм. Выявлено восемь типов крестов, один из которых ранее не был описан. Проведен сравнительный анализ металлографических характеристик крестов из Кривощековского некрополя с аналогичными данными коллекций Илимского острога и памятников Омской обл. РФА-анализ состава изделий показал, что основная их часть изготовлена из сложной латуни. В этой группе три предмета имеют в своем составе мышьяк. В коллекции присутствуют бронзовый крест и три креста, выполненных из свинцового сплава. На основе иконографического анализа нательных крестов сделано предположение о разнообразии конфессий населения с. Кривощеково. Об этом свидетельствует, в частности, наличие креста, выполненного в католической традиции. Кроме того, титлы на крестах говорят о том, что большинство захоронений XVIII в. являются старообрядческими. Следовательно, первопоселенцы или были старообрядцами, или использовали культовые предметы, изготовленные мастерами-старообрядцами.

Ключевые слова: *Кривощековский некрополь, нательный крест, метод рентгенофлуоресцентного анализа, лигатурный состав сплава, иконография.*

Irina V. Salnikova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: salnikovair@gmail.com

Pectoral Crosses from the Krivoshchyokovo Necropolis

This article describes the collection of baptismal crosses (278 objects) found during the rescue excavations, "Area of Cultural Layer in the Village of Krivoshchyokovo" located in the construction zone of the bridge across the Ob River in the city of Novosibirsk. The discovered stone foundations of St. Nicholas church partly overlapped the necropolis of the 17th–19th centuries, where 384 burials were explored. Baptismal crosses were the most important and frequently found objects in burial inventory. Investigation of baptismal crosses included X-ray fluorescence analysis (XRF) of their chemical composition, typological classification of the collection, and iconographic analysis of the objects. XRF analysis of chemical composition of alloys in the objects was conducted on a representative sampling consisting of 29 objects, which included the main types of crosses. Classification of the collections was made using the typology proposed by V.I. Molodin. A number of varieties typical of baptismal crosses of Western and Eastern Siberia have been identified; large circle of parallels has been established, new groups have been discovered, and specific features of decoration on the examples with the known forms have been described. Eight types of crosses have been identified, one of which had not been described before. Comparative analysis between metallographic features of crosses from the Krivoshchyokovo necropolis and crosses from the collections of Ilimsky Ostrog and the sites of Omsk Region have been conducted. XRF

analysis of the composition of the objects has shown that their majority was made of compound brass. Three objects in this group had arsenic in their alloy composition. One cross was made of bronze and three crosses were made of lead-based alloys. Iconographic analysis of baptismal crosses has suggested the diversity of confessions among the population which lived in the village of Krivoshchyokovo. This suggestion can be confirmed by the presence of a cross made in the Catholic tradition. In addition, inscriptions on the crosses indicate that the majority of the 18th century burials belonged to the Old Believers. Therefore, either the first settlers were Old Believers, or used religious objects produced by Old Believers artisans.

Keywords: *Krivoshchekovo necropol, baptismal crosses, X-ray fluorescence (XRF) analysis, pre-alloy composition, ikonografiya.*

Введение

Сегодня растет интерес к археологическим памятникам нового времени. Сформировалось этноархеологическое направление, что диктует комплексное изучение, включающее археологические раскопки, привлечение архивного материала, исторические изыскания для реконструкции хозяйственной, экономической, духовной жизни первых русских поселенцев на территории Сибири [Корусенко, Полеводов, 2015].

К этому кругу памятников можно отнести археологический комплекс «Культурный слой с. Кривощеково». Данный памятник был исследован в 2018 г. сотрудниками отдела спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН. В результате было вскрыто 2398 м^2 площади памятника, обнаружено 384 грунтовых погребения, датированных XVII–XIX вв.

Характерной находкой русских поселенческих и погребальных комплексов является нательный крест, что подтвердило исследование некрополя – было обнаружено 278 предметов личного благочестия.

Актуальность изучения ставрографической коллекции несомненна, поскольку нательные кресты являются неоценимым источником для реконструкции социально-экономического ландшафта в контексте колонизации Сибири русским населением, тем более что с. Кривощеково, на территории которого обнаружен некрополь, было одним из первых русских поселений на левом берегу Оби и в середине XVIII в. являлось центром одноименной русской крестьянской волости [Мамсик, 2012, с. 3].

История с. Кривощеково необычна, поскольку оно возникло не как форпост или острог, а «как торговый пункт» на «телеутской меже», т.к. вплоть до р. Ини Приобье в XVIII в. входило в состав Телеутской земли – территории кочевий «белых калмыков» [Там же, с. 47]. Точная дата основания деревни неизвестна, но косвенные архивные данные свидетельствуют о том, что в первом десятилетии XVIII в. существовала «новоселебная» д. Кривощеково. Название она получила по имени ее основателя Федора Ильина по прозвищу Кривощек, настоящая его фамилия Креницин [Миненко, 1990, с. 23].

Цель статьи – ввести в научный оборот полную информацию о коллекции нательных крестов некрополя, расположенного возле Никольской церкви с. Кривощеково, поскольку их характеристика сможет дополнить историческую реконструкцию социально-культурного ландшафта одного из первых русских поселений на территории современного г. Новосибирска.

Материалы и методы

Вопросы ставрографии в последнее время активно обсуждаются, растет количество публикаций, в научный оборот вводятся коллекции нательных крестов из различных археологических комплексов Сибири. Обширная библиография истории изучения данного вида источника представлена в монографиях В.И. Молодина [2007, 2010]. В последнее десятилетие опубликована информация о новых коллекциях нательных крестов XVII–XIX вв., которые использованы в сравнительном анализе кривощековского материала. Они получены с территории Сибири, Поволжья и Прикамья.

Анализ коллекции Никольского погоста с. Кривощеково, состоящей из 278 крестов, проводился в два этапа. На первом она была систематизирована по морфологическим критериям с использованием типологии, предложенной В.И. Молодиным [2007]. Для вариантов с нетипичным декором был проведен иконографический анализ предметов. Разнообразие иконографии нательных крестов дало возможность применить историко-культурологический подход к изучению коллекции, необходимый для выявления конфессиональной принадлежности населения с. Кривощеково.

На следующем этапе был исследован состав сплава крестов. Для этой цели сформирована репрезентативная выборка, куда вошло 28 крестов из различных групп и один фрагмент креста-распятия. Все предметы были отреставрированы в целях очистки от загрязнений и окислов. Состав металла исследован в Центре коллективного пользования «Геохронология кайнозоя» М.М. Игнатовым с помощью электронного микроскопа Hitachi TM-3000 с приставкой энергодисперсионного анализа Briker Quantax 70.

Результаты и обсуждение

При анализе морфологических особенностей коллекции выявлены типы 1, 4, 5, 6, 8. Самым многочисленным является тип 1 – 150 ед., что составляет 54 % от всей коллекции (рис. 1). К нему относятся простые по форме кресты, двусторонние, ушко-оглавие многоярусное, фигурное. Лицевая сторона оконтурена тонким валиком, а ее центральным образом является восьмиконечный крест, у подножия которого схематично нанесена гора Голгофа с обозначенной внутри головой Адама. Параллельно ему изображено копье и трость с губкой. На верхней части под оглавием титлы, нанесенные в две строчки «ЦРЬ» (Царь), «СВЫ» (Славы), на горизонтальных оконечностях нанесены титлы «IC XC» (Иисус Христос). Некоторые кресты украшены эмалью голубого, темно-синего, черного цветов. Оборотная сторона заполнена текстом. Размеры крестов колеблются в высоту от 6 до 2,6 см, в ширину от 3,3 до 1,7 см.

Среди типичных крестов есть крест с нехарактерным декором лицевой и оборотной стороны (рис. 1, № 144). На его лицевой стороне титлы помещены на горизонтальной лопасти и оконтурены ромбическим орнаментом. В центре, на средокрестии, нанесены слова молитвы поклонения кресту в две строчки. Все поле креста заполнено параллельными линиями и волютами. Оборотная сторона креста орнаментирована виньетками и волютами, в центре средокрестия помещен заштрихованный ромб, на оконечностях повторен декор лицевой стороны. Размеры изделия 4,4 × 2,8, × 0,1 см.

Вторая по численности группа относится к типу 5 (49 ед., 17,4 % от общего числа предметов в коллекции) (рис. 2). Размеры изделий варьируют от 5,7 × 3,3 × 03 до 2,6 × 1,7 × 0,2 см. Кресты этого типа называют листовидными или копьевидными. Концы и углы средокрестия, а также ствол заполнены растительным орнаментом. У данного типа встречаются ушки как фигурные, трехъярусные с каплевидным навершием, так и плоские. Изображения и титлы на лицевой стороне традиционные. На оборотной стороне помещена молитва поклонения кресту, вписанная в крестообразную рельефную рамку. Необходимо отметить, что не на всех крестах читаемы титлы и надписи, но их конфигурация одинакова для всех предметов этого типа.

Рис. 1. Нательные кресты, тип 1. Номера под предметами соответствуют номерам в музейной учетной документации.

Рис. 2. Нательные кресты, тип 5. Номера под предметами соответствуют номерам в музейной учетной документации.

Группа крестов типа 8 включает 22 экз., что составляет 7,93 % от всей коллекции. Размеры крестов от 4,8 × 3,1 × 0,2 до 2,3 × 1,9 × 0,1 см. Их отличает фигурное оформление всех четырех оконечностей креста, рельефный кант по периметру. Изображения и титлы традиционные. На обороте сохранились следы букв молитвы (текст нечитаемый), например, на кресте № 148 (рис. 3).

К следующей представительной группе – тип 4 относятся 20 ед., что составляет 7,2 % от всей коллекции (рис. 4). Размеры изделий колеблются от 7,6 × 5,9 × 0,2 до 3,1 × 1,8 × 0,1 см. Кресты данного типа имеют средокрестие, обрамленное кругом, украшенное шариками либо лучами. В зависимости от подтипа поверхность средокрестия может быть ажурной, слитной, дополнительно украшенной волютами и пламевидным орнаментом. Нижний край вертикальной лопасти тоже может быть и прямым, и фигурным, например у № 196, 146, 147, 101 (рис. 4).

Необходимо подчеркнуть, что именно в этой группе есть несколько нетипичных крестов, по форме близких к данному типу, но отличающихся по декору и по семантике изображений. Среди них кресты № 196, 111, 146, 112, 107, 103, 188, 147.

Крест № 196 (рис. 4) односторонний, оконечности с титлами горизонтальной лопасти имеют закругленную форму. Крест № 111 (рис. 4) украшен фигурным кругом с волютами вокруг средокрестия. Титлы на нем помещены с двух сторон, на лицевой стороне они вписаны в рельефный сердцеобразный орнамент, на оборотной стороне в средокрестие помещен заштрихованный ромб.

Крест № 146 (рис. 4) двусторонний, богато орнаментированный. Лучи у основания от прямоугольной формы переходят в копьевидную. Под оглавием креста расширение из завитков. Оконечности горизонтальных лопастей и основание многоступенчатые и имеют подтреугольную форму. Они украшены ромбами в центральной части. Нижняя часть вертикальной лопасти дополнена фигурными выступами. Лицевая сторона средокрестия украшена цатой, в нижней части расположена надпись «НИКА», на горизонтальную лопасть нанесена молитва. На обороте в крестообразной рамке помещены орнамент из волют и слова, но текст нечитаемый.

Крест № 112 (рис. 4) отличается тем, что имеет сплошное (не ажурное) средокрестие, а титлы

Рис. 3. Нательные кресты, тип 6 (№ 75, 75 об., 12, 143), тип 8 (№ 148), тип 10 (№ 192), новый тип (№ 147, 272). Номера под предметами соответствуют номерам в музейной учетной документации.

«ХР ІС» помещены на оборотной стороне на горизонтальных лопастях, обрамлены крестообразной рамкой и расположены нетрадиционно («ХР» на левой лопасти, «ІС» – на правой). Возможно, в данном случае этими буквами представлена молитва, полный текст которой не сохранился. Особенность креста № 103 (рис. 4) в том, что круг, обрамляющий средокрестие, гладкий, он с внешней стороны украшен шариками, на оборотной стороне – рельефным ромбическим орнаментом.

Крест № 188 (рис. 4) отличается декором оборотной стороны, на вертикальную лопасть нанесены заштрихованные прямоугольники по обеим сторонам от средокрестия. Крест № 107 (рис. 4) не имеет лучей, отходящих от декоративного круга, обрамляющего средокрестие.

Крест № 147 (рис. 4) односторонний, имеет оконечности луковичной формы. На лицевой стороне изображен восьмиконечный крест-распятие, ниже которого помещена надпись «НИКА», а выше нанесено изображение трех куполов. На боковых лопастях изображены закомары. Ушко массивное с оттиском ромба. Это самый крупный крест в коллекции, его размеры 7,6 × 5,9 × 0,2 см.

И последняя группа крестов относится к типу 6. Она представлена 13 экз., что составляет 4,7 % от всей коллекции (рис. 3). Для данной группы крестов характерно расширение лопастей от средокре-

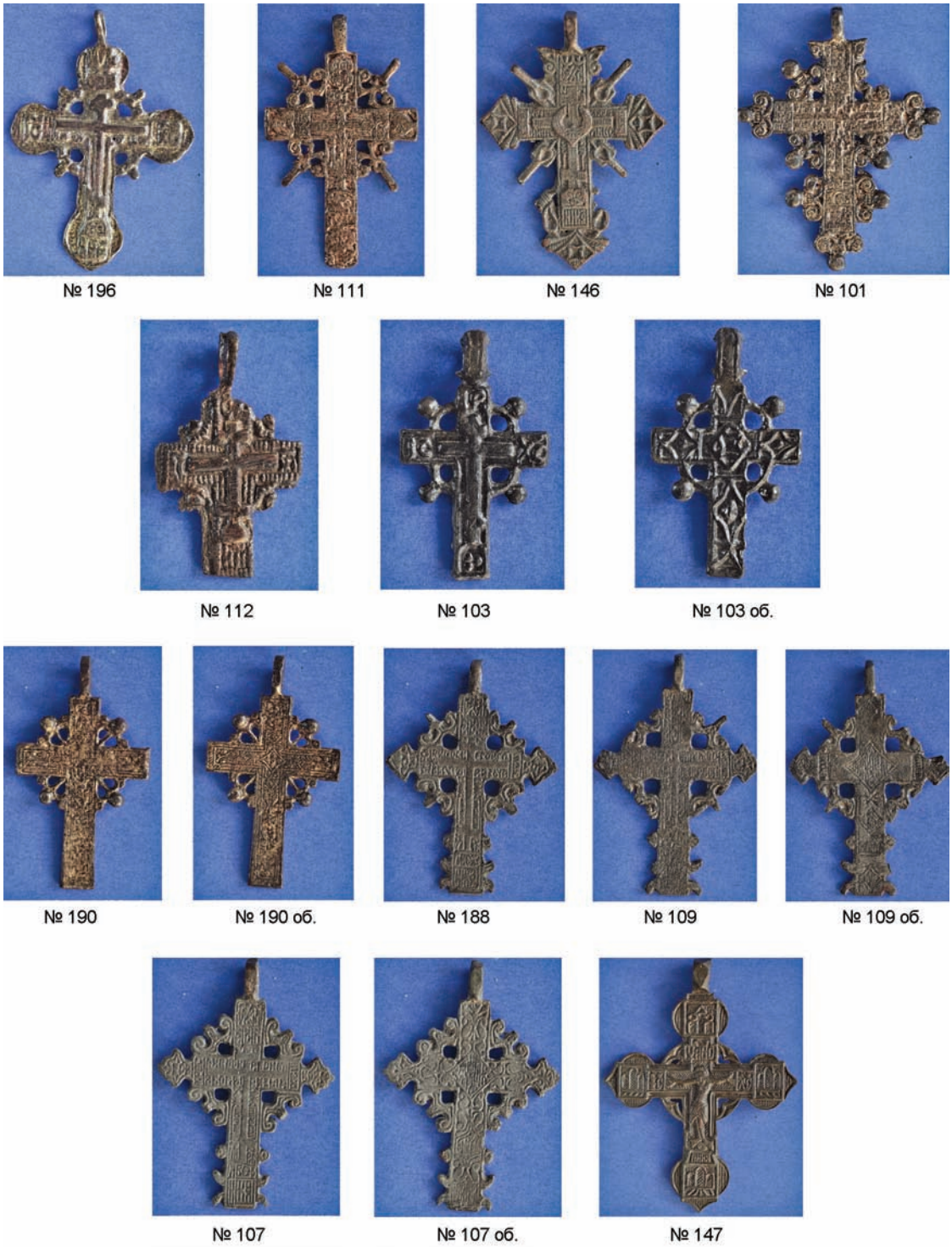

Рис. 4. Нательные кресты, тип 4.

стия. В зависимости от подтипа лопасти имеют прямые или фигурные (подтреугольные) оконечности. Изображения на лицевой части крестов традиционные. Оборотные стороны могут иметь дополнительную орнаментацию. Отнесение сюда креста № 12 вызывает сомнения, т.к. он близок по форме к крестам типа 1. Однако измерения показали, что небольшое расширение вертикальной лопасти имеется.

Один предмет из коллекции отнесен к типу 7, крест № 192 (рис. 3) условно причислен к типу 10, но не является его точным отображением. Края лопастей этого креста украшены дополнительными волнистыми рельефами. Лицевая поверхность изделия украшена голубой эмалью. На оборотную сторону нанесена молитва в крестообразной рамке.

Особо необходимо отметить два креста, форма которых – четырехлепестковый цветок – не встречена в Илимском остроге (рис. 3). Данные кресты отличает острый угол лопастей, отходящих от средокрестия. Оконечности лопастей вытянуты, их края закруглены. Один крест (№ 145), вероятно, штампованный (не литой), двусторонний. Его ушко отломано, для ношения просверлено отверстие на верхней части вертикальной лопасти. Лицевая сторона окантована простым рельефом. В центральной части изображена фигура распятого Христа, выполненная не в православной традиции: одно колено подогнуто, стопы сведены, нимб над головой в виде расходящихся лучей. Титлы «IC XC» расположены по обе стороны от головы Христа. Вверху под ушком на плате читаются буквы нижнего ряда титла «ЦI» (Царь Иудейский), буквы верхнего ряда повреждены отверстием. На оборотной стороне на горизонтальной перекладине помещена рельефная надпись прописными буквами «ВЛМАРВА», окантованная жгутовым орнаментом. На нижней части вертикальной лопасти имеется погрудное изображение святого с крестом в правой руке, чашей в левой и нимбом, обозначенным рельефной дугой.

Второй крест (№ 272) двусторонний, изготовлен методом штамповки из сплава, содержащего золото, о чем свидетельствуют два клейма, проставленных на обороте вертикальной лопасти: одно в нижней части –полуовал с гербом Москвы, дата 1863, проба 56; второе в верхней части – клеймо мастера – в прямоугольнике буквы «ИЕ». Все изображения исполнены гравировкой. На лицевой стороне по центру нанесен шестиконечный крест, титлы «IC XC» выполнены наклонными линиями, участок под оглавием лицевой стороны украшен расходящимися лучами, нижняя часть вертикальной лопасти – сетчатым орнаментом. Оборотная сторона декорирована лучами, исходящими от центра средокрестия.

В настоящее время еще не все предметы в коллекции отреставрированы, поэтому 21 крест – 6,8 % не вошел в число анализируемых. После окончания реставрации данные будут уточнены. Проведенное обследование форм изделий позволило выявить типологический состав коллекции.

Анализ различной иконографии нательных крестов дал возможность применить в исследовании историко-культурологический подход, в частности определить конфессиональную принадлежность части населения с. Кривощеково. Например, крест № 147 (рис. 4) явно принадлежал католику, поскольку на нем изображено только тело распятого Христа, что не характерно для православия. В православной традиции нательных крестов изображения Христа всегда помещены на крест [Молодин, 2010, с. 125]. В пользу католической традиции говорит положение ног Христа (сведенные стопы, подогнутая правая нога), лучистый нимб над его головой, владельческая надпись на обороте.

Эпиграфические данные – титлы и надписи свидетельствуют о том, что большая часть населения либо относились к старообрядцам, либо использовала старообрядческие кресты с титлами «ЦРЬ» (Царь), «СВЫ» (Славы). Мы согласны с положением, высказанным Г.С. Самигуловым, о том, что эпиграфические данные не могут свидетельствовать о приверженности верующих к расколу, т.к. в XVIII в., а многие и в XIX в. продолжали носить кресты, форма которых сложилась еще до раскола [2008, с. 220]. Вполне вероятно, что при нехватке изделий личного благочестия нового типа кресты с традиционными титлами могли быть использованы в качестве модели. Косвенным подтверждением этого могут служить формы для отливки крестов четвертого типа, опубликованные в каталоге Российского этнографического музея [Островский, Федоров, 2007, с. 329]. Они происходят из Архангельского Погоста Онежской губ. Следовательно, априорно этот тип крестов должны были использовать в раскольнической среде. На этих формах видны четкие надписи и декор, тогда как на крестах данного типа из археологических памятников Сибири сохранен только рельеф, и фиксируются надписи, которые не читаются, что произошло, вероятно, из-за вторичной отливки.

Необходимо отметить, что 40 крестов имеют явные следы органики: ткань с обеих сторон, фрагменты кожи, дерева, несколько крестов обмотаны волосами. Без сомнения, некоторые вещи находились в кожаных мешочках или обертывались тканью. Многие кресты имеют фрагменты плетеных гайтанов, что является старообрядческой традицией.

Исследование состава сплава крестов, проведенное методом РФА-анализа, показало, что он содержит медь, цинк, свинец, олово и в трех случаях мышьяк (его количество минимально – от 2,96 до 2,23 %). Медь содержат все предметы – от 0,8 до 85 %; цинк выявлен в 27 изделиях – от 0,36 до 65,26 %; свинец обнаружен в 28 предметах – от 0,93 до 80,6 %; олово фиксируется в 19 предметах – от 2,20 до 65,24 % (см. *таблицу*). Таким образом, соответственно показателям основного ингредиента, выделены медные, свинцовые и цинковые сплавы.

Наибольшая часть крестов выполнена из латуни. Сочетание легирующих компонентов разнообразно. Сплав меди, цинка и свинца – самый распространенный, из него изготовлено 10 изделий. В нем наиболее высокое содержание меди (58,2–85,28 %), основной легирующей добавкой является цинк (33,95–11,7 %), затем идет свинец, которого содержится от 15,97 до 2,41 %. Фрагмент креста-рас-

Химический состав нательных крестов Кривощековского некрополя

П/п	Учетный №	Тип	Химический состав, %					Особенности
			Cu	Zn	Pb	Sn	As	
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	301/10	1	70	25,9	4,1	–	–	Гайтан, ушко фигурное с навершием
2	301/86	1	–	–	–	–	–	Видимые следы эмали черного цвета, гайтан, ушко фигурное с навершием
3	301/46	1	23,79	65,26	10,95	–	–	Ушко фигурное с навершием
4	301/37	1	58,2	25,83	15,97	–	–	Голубая эмаль, ушко фигурное с навершием
5	301/57	1	70,57	24,66	4,77	–	–	Ушко плоское
6	301/144	1, подтип 2, вариант 3	65,96	6	13,4	14,9	–	На обороте вписан ромб в средокрестии, растительный орнамент на лопастях, на лицевой стороне надпись в две строчки, ушко с ромбом
7	301/196	4, подтип 6	63,6	33,99	2,41	–	–	Односторонний, оборотная сторона гладкая
8	301/111	4, подтип 2, вариант 1, подвариант 1	84,65	1,81	5,69	7,85	–	Петля гладкая, объемная
9	301/146	4, подтип 5, вариант 2, подвариант 1	30,77	4,94		64,29	–	Нижняя часть вертикальной перекладины декорирована одним пламевидным отростком
10	301/101	4, подтип 4, вариант 1, подвариант 1	46,47	1,68	12,42	36,46	2,96	–
11	301/112	4, подтип 3	66,19	27,73	3,13	2,95	–	Надписи на оборотной стороне, ушко фигурное с навершием
12	301/103	4, близок к подтипу 3, вариант 1, подвариант 4	0,83	0,36	59,18	39,63	–	Недекорированный круг вокруг средокрестия, ушко с навершием, с вдавленным ромбом
13	301/190	4, подтип 3, вариант 2	82,55	4,61	7,16	5,68	–	Ушко плоское
14	301/188	4, подтип 2, вариант 3	14,1	3,04	40,13	42,73	–	На обороте заштрихованные прямоугольники на вертикальной перекладине по обеим сторонам от средокрестия. Ушко массивное, вдавленный ромб
15	301/109	4, подтип 2, вариант 3	27,38	2,62	13,94	56,06	–	Ушко массивное, вдавленный ромб
16	301/107	4, подтип 2, вариант 3	24,98	6,28	3,5	65,24	–	Отсутствуют лучи, идущие от средокрестия, ушко – вдавленный ромб
17	301/147	4, подтип 6, вариант 2	32,93	–	51,53	14,54	–	Односторонний. Изображение распятого Христа на лицевой части, в оглавии изображение трех куполов, на боковых лопастях по три овала, ушко массивное с оттиском ромба
18	301/209	5, подтип 1, вариант 3, подвариант 2	5,99	2,04	80,16	–	–	Отсутствие эмали, ушко плоское
19	301/211	5, подтип 1, вариант 1	52,15	15,99	25,60	3,94	2,23	Петля плоская
20	301/123	5, подтип 1, вариант 3	80,13	13,82	6,05	–	–	Отсутствует эмаль, ушко с фигурным навершием

Окончание таблицы

1	2	3	4	5	6	7	8	9
21	301/194	5, подтип 1, вариант 2	72,42	26,65	0,93	–	–	Ушко с фигурным навершием
22	301/271	5, подтип 1, вариант 3	76,29	22,58	1,13	–	–	Слова молитвы в две строки. Ушко с фигурным навершием
23	301/75	6, подтип 4, вариант 1	78,6		19,3	2,2	–	Ушко плоское
24	301/12	6, подтип 1, вариант 1	58,54	3,84	8,77	28,85	–	Односторонний, лопасти слегка расширены, близок к типу 1, ушко массивное, без навершия
25	301/143	6, подтип 1	84,71	11,24	4,05	–	–	Ушко плоское
26	301/148	8, подтип 1, вариант 1	61,14		5,23	33,63	–	Ушко плоское
27	301/192	10 тип	52,93	33,95	13,12	–	–	Близок к 10 типу, лопасти украшены рельефными деталями, голубая эмаль, ушко с фигурным навершием
28	301/145	Новый тип	85,28	11,7	3,02	–	–	Штамповка, лопасти закруглены, на лицевой стороне фигура распятого Христа, в нижней части – фигура святого, на обороте надпись
29	301/309	Фрагмент креста-распятия	–	–	–	–	–	Нижняя часть вертикальной лопасти

пятия (см. *таблицу*, № 29) изготовлен из того же сплава, но с присутствием следов мышьяка в его составе. Наличие мышьяка, по мнению исследователей, облегчало получение плотных отливок в рельефных литейных формах [Перевозчикова, Перевозчиков, Пастушенко, 2014, с. 42].

Еще одну группу составляют изделия, в состав которых входят медь–цинк–свинец–олово (6 экз.). Это сложная или многокомпонентная латунь. Кроме того, обнаружены латунные сплавы двух композиций медь–свинец–цинк–олово–мышьяк и медь–олово–свинец–мышьяк–цинк (элементы соответственно их долям в сплаве). Имеется еще два изделия из бронзы (в составе: медь, олово и свинец).

Изделия из свинцовых сплавов (содержание свинца от 80,6 до 51,53 %) выявлены со следующими сочетаниями элементов в металлах: свинец–олово–медь–цинк (свинца 59,18 %, минимальное значение цинка 0,36 %), свинец–медь–олово (свинца 51,53 %), свинец–цинк–медь (свинца 80,6 %).

В выборке присутствуют предметы из оловянного сплава с содержанием олова от 65,24 до 42,73 %, с присутствием в составе свинца, меди и олова. Один предмет изготовлен из цинкового сплава (содержание цинка 65,26 %, присутствуют медь и свинец).

Анализ ингредиентов сплавов крестов Кривощековской коллекции свидетельствует о том, что медные сплавы, особенно латунь, были самыми распространенными. Из них изготовлено подавляющее количество изделий. Наблюдается определенная связь между формами предметов и рецептурами сплавов.

В настоящее время есть возможность сравнить наши результаты с исследованиями других коллекций [Татаурова, Тишкин, 2018; Перевозчикова, Перевозчиков, Пастушенко, 2014; Сальникова, 2016]. Все авторы приходят к выводу, что основное количество предметов изготовлено из простой и сложной латуни. Такие же сплавы преобладают в выборке из коллекции некрополя Кривощеково, но она отличается наличием изделий, изготовленных из свинцовых и оловянно-цинковых сплавов, и похожа в этом на коллекцию нательных крестов из Илимского острога [Сальникова, 2016, с. 66] и Гольяновского кладбища [Перевозчикова, Перевозчиков, Пастушенко, 2014, с. 42]. Учитывая такое широкое распространение крестов из латуни в погребениях XVII–XIX вв., можно предположить, что именно такой сплав был традиционным для их изготовления в то время.

Большинство нательных крестов из коллекции некрополя Кривощеково имеют достаточно широкий круг аналогий. Это относится к крестам 1 и 5 типов, встречающихся повсеместно. Кресты 4 типа встречаются реже. Они зафиксированы в поселении

Кулаково III [Сизев, Ермоленко, Соловьев, 2019, с. 52, 55], на памятниках Изюк I, Ананьино I [Татаурова, Кромм, 2010, с. 284], в г. Иркутске [Бердников, 2012, с. 167, рис. 3–10], в могильниках Путяка и Волковский [Боброва, 2014, с. 217]. Аналогия редкому кресту 6 типа, но с цатой на лицевой стороне (рис. 4, № 146) найдена на Тискинском могильнике [Боброва, 2004, с. 111, рис. 16].

В коллекции из Кривощеково имеется крест, изготовленный из сплава, содержащего золото. Практически идентичный ему обнаружен в Горноправдинском могильнике, расположенном в ХМАО [Зайцева, Кениг, 2014, с. 25]. Очень важно, что оба креста имеют одинаковые клейма, т.е. они изготовлены одним московским ювелиром.

Количественное распределение по типам крестов из сельских некрополей Омской обл. и кладбищ г. Иркутска показало, что наибольшее разнообразие их типов характерно для городов [Кромм, Бердников, 2012]. Типы 1 и 5 являются самыми распространенными в обоих регионах, тип 4 популярен в Иркутске, тип 5 в Омской обл. Типы 6, 7, 8 встречаются единично в Омской обл., тип 10 там отсутствует [Там же]. В коллекции некрополя Кривощеково распределение предметов по типам занимает промежуточное положение: представлена значительная часть типов, наиболее часто встречается тип 5, имеются все известные варианты крестов типа 4.

Заключение

Морфологический анализ форм и декора крестов-тельников позволил выделить наиболее часто встречающиеся типы изделий и сравнить их с подобными коллекциями Западной и Восточной Сибири. Кривощековские кресты относятся к семи типам, присутствующим в классификации В.И. Молодина. По результатам анализа нами добавлен новый тип креста. Выявлен широкий круг аналогий, включающий Центральную Россию и Сибирь в целом. Получено количественное распределение типов на Кривощековском некрополе. Эти данные были сопоставлены с результатами сравнительного количественного анализа по двум регионам (Западно-Сибирскому, представленному кладбищами Омской обл., и Восточно-Сибирскому, представленному некрополями г. Иркутска) и двум типам погостов (городским и сельским).

Исторический анализ дал возможность предположить, что население с. Кривощеково было неоднородно в конфессиональном отношении: большинство жителей исповедовало официальное православие, часть населения явно относилась к старообрядцам, отдельные лица придерживались католической веры.

Большой интерес может представлять база данных по составу металлов, который можно коррелировать как с формами изделий, так и с регионами их распространения. Наш опыт показал актуальность анализа сплавов, т.к. позволил выявить их традиционные рецептурные составы. Композиция металла, из которого изготовлено большинство крестов, оказалась идентичной в разных регионах. Необходимо сравнивать составы изделий, относящихся к разным морфологическим типам нательных крестов. Исследования в этом направлении позволили бы определить наиболее древние сплавы и формы, в результате чего состав изделия мог бы стать дополнительным хронологическим маркером.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 19-49-54006.

Список литературы

Боброва А.И. Нательные кресты с Тискинского могильника // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2004. – № 4. – С. 107–115.

Боброва А.И. Нательные кресты из могильников Прикетья // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 215–219.

Бердников И.М. Кресты-тельники из некрополя Спасской церкви города Иркутска // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 3 (47). – С. 164–178.

Зайцева Е.В., Кениг А.В. Погребальная обрядность русского старожильческого населения нижнего Прииртышья XVIII–XIX вв. (по материалам раскопок могильника Горноправдинского) // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. I. – С. 23–27.

Корусенко М.А., Полеводов А.В. Предмет, объект, источник в концепции этнографо-археологического комплекса: к проблеме теоретических разработок в рамках научного направления // Интеграция археологических и этнографических исследований: сб. науч. тр. – Барнаул; Омск: Наука, 2015. – С. 89–93.

Кромм И.Д., Бердников И.М. Выявление возможности датирования ставрографической коллекции Омского Прииртышья методом сравнительного анализа с материалами некрополя г. Иркутска // Вестн. Ом. ун-та. – 2012. – № 4. – С. 222–226.

Мамсик Т.С. Первопоселенцы Новосибирского Приобья: по материалам XVII – середины XIX в. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2012. – 252 с.

Миненко Н.А. По старому московскому тракту. – Новосибирск: Новосиб. кн. издание, 1990. – 184 с.

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: ИНФОЛИО, 2007. – 248 с.

Молодин В.И. Очерки по ставрографии. – Красноярск: Краснояр. гос. пед. ун-т, 2010. – 172 с.

Островский А.Б., Федоров Ю.А. Русский православный крест в собрании Российского этнографического музея. – СПб.: Арт-Паллас, 2007. – 348 с.

Перевозчикова С.А., Перевозчиков С.Е., Пастушенко И.Ю. Гольяновское кладбище – памятник нового времени в среднем Прикамье // Культура русских в археологических исследованиях. – Омск; Тюмень; Екатеринбург: Магеллан, 2014. – Т. II. – С. 40–47.

Сальникова И.В. Элементный анализ православного медного художественного литья как способ химико-технологической атрибуции // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2016. – Т. 15, № 5. – С. 49–69.

Самигулов Г.Х. Еще раз о литых крестах-тельниках конца VII – середины XIX века: к вопросу о старообрядческих крестах // Культура русских в археологических исследованиях: сб. науч. ст. / под ред. Л.В. Татауровой. – Омск: Апельсин, 2008. – С. 202–222.

Сизев А.С., Ермоленко Л.Н., Соловьев А.И. Коллекция нательных крестов из поселения Кулаково III в Нижнем Притомье // Вестн. Кем. ун-та. – 2018. – № 2. – С. 50–59.

Татаурова Л.В., Кромм И.Д. К вопросу о типологии крестов-тельников из русских памятников Сибири // Культура как система в историческом контексте: Опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. – Томск: Агро-Пресс, 2010. – С. 284–285.

Татаурова Л.В., Тишкин А.А. Результаты рентгенофлюоресцентного анализа предметов культового литья из коллекции археологических памятников XVII–XVIII вв. русского населения Омского Прииртышья // Вестн. Ом. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2018. – № 1 (17). – С. 220–231.

References

Berdnikov I.M. The Pectoral Crosses found during the excavation of the church of Savior's necropolis in Irkutsk. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2012, No. 3 (47), pp. 164–178.

Bobrova A.I. Natel'nye kresty s Tiskinskogo mogil'nika. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia,* 2004, No. 4, pp. 107–115.

Bobrova A.I. The Prikety a Burial Crosses, Worn next to the Skin. In *Culture of Russian in archaeological researches.* Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. I, pp. 215–219 (in Russ.).

Korusenko M.A., Polevodov A.V. Predmet, ob"ekt, istochnik v kontseptsii etnografo-arkheologicheskogo kompleksa: k probleme teoreticheskikh razrabotok v ramkakh nauchnogo napravleniya. In *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovanii: sbornik nauchnykh trudov*. Barnaul; Omsk: Nauka, 2015, pp. 89–93 (in Russ.).

Kromm I.D., Berdnikov I.M. Identification of possibility of dating of a collection of crosses of Omsk Priirtyshje by a method of the comparative analysis with materials from necropolises of Irkutsk. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta,* 2012, No. 4, pp. 222–226 (in Russ.).

Mamsik T.S. Pervoposelentsy Novosibirskogo Priob'ya: po materialam XVII – serediny XIX v. Novosibirsk: SB RAS Publ., 2012, 252 p. (in Russ.).

Minenko N.A. Po staromu moskovskomu traktu. Novosibirsk: Novosibirskoe knizhnoe izdanie, 1990, 184 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: INFOLIO, 2007, 248 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Ocherki po stavrografii. Krasnoyarsk: State Ped. Univ. Press, 2010, 172 p. (in Russ.).

Ostrovskii A.B., Fedorov Yu.A. Russkii pravoslavnyi krest v sobranii Rossiiskogo etnograficheskogo muzeya. St. Petersburg: Art-Pallas, 2007, 348 p. (in Russ.).

Perevozchikova S.A., Perevozchikov S.E., Pastushenko I.Y. The Golyanskoe cemetery as the modern times monument in the Middle Prikamye. Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. II, pp. 40–47 (in Russ.).

Salnikova I.V. Elementel analisis of copper art casting as a method of chemico-technological attribution. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya,* 2016, vol. 15, No. 5, pp. 49–69 (in Russ.).

Samigulov G.Kh. Eshche raz o litykh krestakh-tel'nikakh kontsa VII – serediny XIX veka): k voprosu o staroobryadcheskikh krestakh. In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: sbornik nauchnykh statei / pod red. L.V. Tataurovoi.* Omsk: Apel'sin, 2008, pp. 202–222 (in Russ.).

Sizev A.S., Ermolenko L.N., Solov'ev A.I. Kollektsiya natel'nykh krestov iz poseleniya Kulakovo III v Nizhnem Pritom'e. *Vestnik Kemerovskogo universiteta,* 2018, No. 2, pp. 50–59 (in Russ.).

Tataurova L.V., Kromm I.D. K voprosu o tipologii krestov-tel'nikov iz russkikh pamyatnikov Sibiri. In *Kul'tura kak sistema v istoricheskom kontekste: Opyt Zapadno-Sibirskikh arkheologo-etnograficheskikh soveshchanii*. Tomsk: Agro-Press, 2010, pp. 284–285 (in Russ.).

Tataurova L.V., Tishkin A.A. Rezul'taty rengenoflyuorestsentnogo analiza predmetov kul'tovogo lit'ya iz kollektsii arkheologicheskikh pamyatnikov XVII–XVIII vv. russkogo naseleniya Omskogo Priirtysh'ya. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki,* 2018, No. 1 (17), pp. 220–231 (in Russ.).

Zaitseva E.A., Koenig A.V. Funenel rites of XVIII–XIX centures Nizhnee Priirtyshye russian old residents (based on Gornopravdinsk cemetery excavation materials). In *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh.* Omsk; Tyumen; Yekaterinburg: Magellan, 2014, vol. I, pp. 23–27 (in Russ.).

Сальникова И.В. https://orcid.org/0000-0003-3239-9418

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.585-590
УДК 902/904

Д.В. Селин

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: selin@epage.ru

Особенности орнаментации керамики восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи

В эпоху поздней бронзы – переходное к раннему железному веку время на территории Барабинской лесостепи сосуществуют различные носители археологических культур, одной из которых является восточный вариант пахомовской культуры. Проведен анализ мотивов орнамента на 73 экз. полных форм сосудов из могильников, поселений и культового комплекса. Мотивы можно разделить на две основные категории: монотонные и геометрические. Узоры наносились на поверхность сосуда при помощи гребенчатого (82 %) и гладкого (18 %) орнаментира. Самым распространенным мотивом среди монотонных является «елочка» (17 %). Наклонные и вертикальные ряды оттисков штампа составляют 6,7 % и 3,5 % от общего числа мотивов соответственно. На горловине и в месте перехода горловины к плечу на посуде зафиксированы желобки (5,4 %) и валики (1,8 %). Немногочисленную часть занимают такие мотивы орнамента, как желобки с насечками (1,1 %), «бахрома» (1,8 %). Среди геометрических орнаментов преобладают ряды треугольников (27 %). Зафиксированы меандры (3,2 %) и «неорнаментированная горловина» (26 %). В орнаментальную традицию сосудов восточного варианта пахомовской культуры входит три основных компонента. К первому относятся общеэпохальные мотивы, характерные для андроноидных культур Сибири, ко второму – специфические пахомовские мотивы, третьим являются мотивы, присутствующие в других синхронных культурах, таких как бегазы-дандыбаевская, сузгунская. Зафиксированы южные параллели рассматриваемым изделиям среди памятников культур Средней Азии, что еще раз свидетельствует о наличии контактов между населением.

Ключевые слова: *археология, Барабинская лесостепь, бронзовый век, восточный вариант пахомовской культуры, керамика, орнамент.*

Dmitrii V. Selin

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: selin@epage.ru

Ornamental Decoration on the Pottery of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture in the Baraba Forest-Steppe

Various archaeological cultures coexisted in the Baraba forest-steppe in the Late Bronze Age and in the transitional period to the Iron Age, including the eastern variant of the Pakhomovo culture. Ornamentation motifs on 73 vessels from burial grounds, settlements, and cultic complex have been analyzed and divided into two categories: monotonous and geometric. Surfaces on the vessels were decorated with comb-like (82 %) and smooth (18 %) tool. The most common motif among monotonous ornamentation was "herringbone" (17 %). Slanting and vertical rows of stamp imprints constitute 6.7 % and 3.5 % of the total number of motifs. Grooves (5.4 %) and bands (1.8 %) were observed on the rim and in the area between the neck and shoulders of the vessels. The ornamental motifs such as grooves with notches (1.1 %) and fringe-like pattern (1.8 %) occupy a small part of the surfaces. Geometric ornamentation is dominated by rows of triangles (27 %). Meander (3.2 %) and "undecorated neck" (26 %) have also been observed. The ornamental tradition of the eastern version of the Pakhomovo culture included three main components. First component comprised the common motifs of the period, typical of the Andronovo circle of cultures in Siberia. Second component included specific Pakhomovo motifs, and third component was represented by the motifs typical of other synchronous cultures, such as the Begazy-Dandybai and Suzgun cultures. Southern parallels appear at the sites of Central Asia, which is an additional testimony of contacts.

Keywords: *archaeology, Baraba forest-steppe, Bronze Age, eastern version of the Pakhomovo culture, pottery, ornamentation.*

Введение

В эпоху поздней бронзы – переходное к раннему железному веку время на территории Барабинской лесостепи сосуществуют различные группы населения, отличающиеся друг от друга по культурным, антропологическим и генетическим характеристикам. Частью этой сложившейся этнокультурной мозаики являются носители восточного варианта пахомовской культуры, особого культурного образования, сложившегося на этой территории в результате миграции носителей пахомовской культуры из Тоболо-Иртышского междуречья на восток и ее взаимодействия в Барабе с бегазы-дандыбаевскими, ирменскими, позднеирменскими и сузгунскими популяциями. Кроме того, носители восточного варианта пахомовской культуры поддерживали культурные и торговые связи с населением Северной и Центральной Азии, что фиксируется по наличию импортных бронзовых и керамических изделий, сходству некоторых элементов погребальной практики. К настоящему моменту к восточному варианту пахомовской культуры надежно относятся 12 памятников, включая шесть поселений (Ложка-6, Туруновка-4, Новочекино-3, Нижняя Тунуска-3, Прорва, Алексеевка XXI), пять могильников (Старый Сад, Гришкина Заимка, Гандичевский совхоз, Преображенка-3, Тартас-1) и один культовый комплекс (Тартас-1) (рис. 1). Обнаруженные на этих памятниках материалы разнообразны. Они представлены керамическими сосудами, грузилами, тиглями, бронзовыми изделиями (ножи, кинжалы, кельты, наконечники стрел и копий, иглы, шилья), украшениями (бусины, серьги), костяными наконечниками стрел, каменными нуклеусами, отщепами.

Материалы и их обсуждение

Особый интерес представляет коллекция полных и реконструируемых форм сосудов, насчитывающая 73 экз., с памятников Старый Сад (46 изд.), Гришкина Заимка (5 изд.), Гандичевский совхоз (2 изд.), Преображенка-3 (4 изд.), Абрамово-4 (3 изд.), Тартас-1 (8 изд.), Прорва (1 изд.), Алексеевка XXI (2 изд.), Новочекино-3 (1 изд.), Нижняя Тунуска-3 (1 изд.) (по: [Молодин, 1985; Восточный вариант…, 2017, Молодин и др., 2015; Молодин, Чемякина, 1984; Евдокимов, Стефанов, 1980; Татаурова, Полеводов, Труфанов, 1997; Марченко, 2009]) (рис. 2). Ранее для этой коллекции были проведены исследования гончарной технологии и морфологии форм, составлена типология, в которой выделено 11 типов изделий [Молодин, Мыльникова, Селин, 2014; Восточный вариант…, 2017; Селин, 2018]. По результатам технико-технологического анализа сделан вывод о том, что сходство керамического комплекса пахомовской культуры и ее восточного варианта является не общеэпохальным явлением, а следствием генетической близости. Традиция искусственной добавки дресвы в формовочную массу появилась в результате контактов с носителями

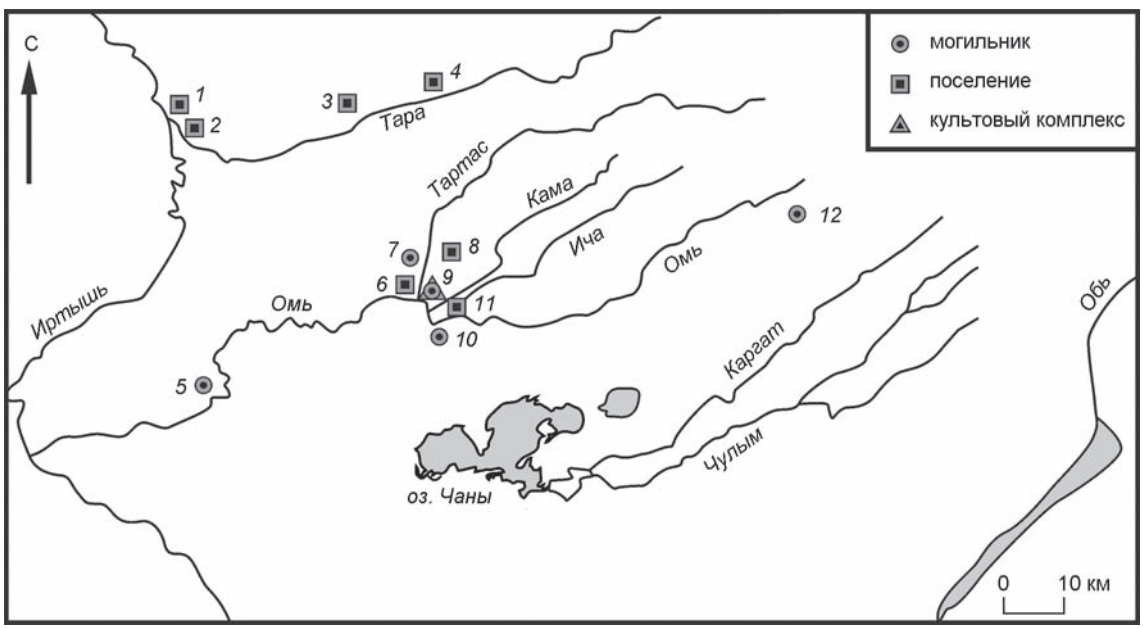

Рис. 1. Карта-схема расположения археологических памятников восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи.

1 – Прорва; *2* – Алексеевка XXI; *3* – Нижняя Тунуска-3; *4* – Новочекино-3; *5* – Гришкина Заимка; *6* – Ходуненково-2; *7* – Старый Сад; *8* – Ложка-6; *9* – Тартас-1 (могильник и культовый комплекс); *10* – Преображенка-3; *11* – Туруновка-4; *12* – Гандичевский совхоз.

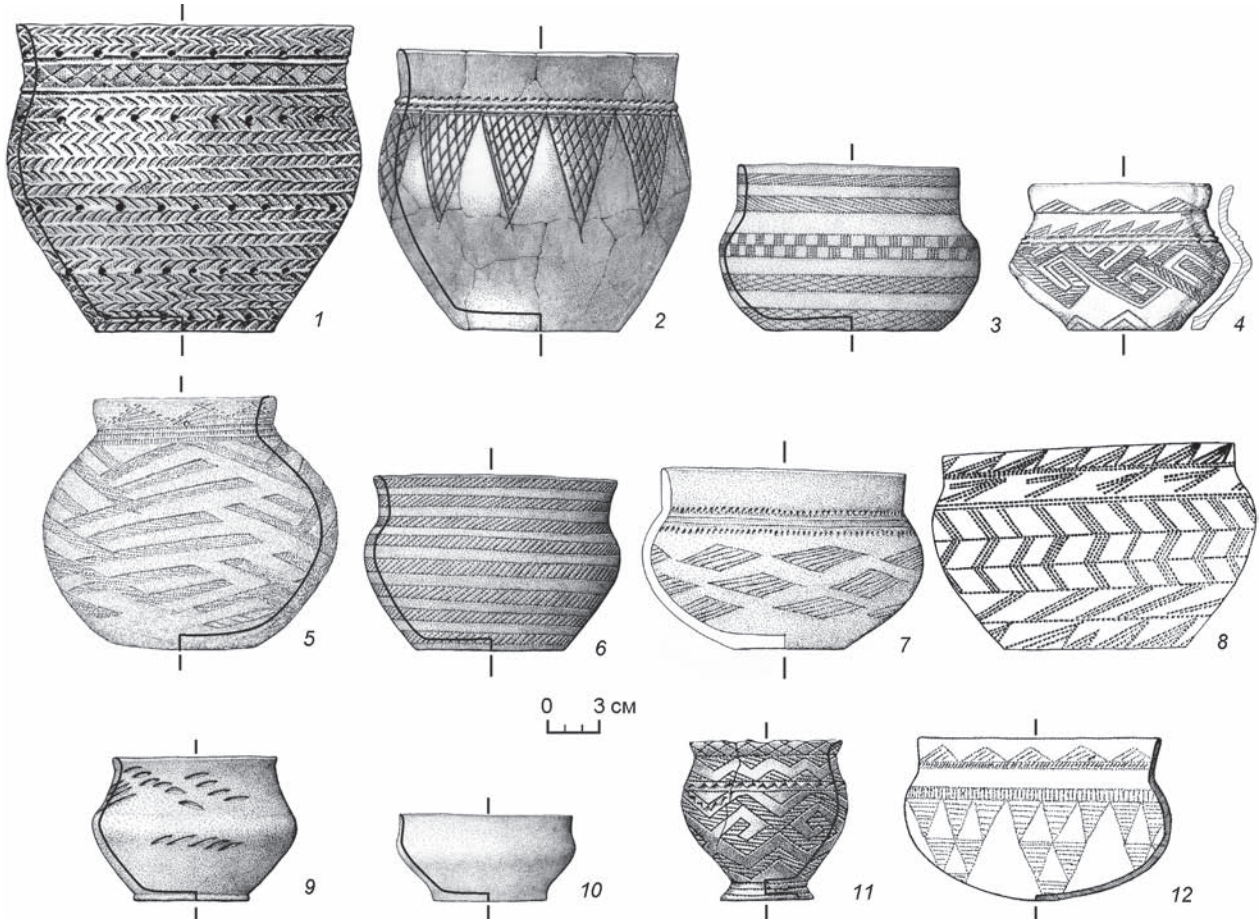

Рис. 2. Керамика восточного варианта пахомовской культуры.

1 – тип I; *2* – тип II; *3* – тип III; *4* – тип IV; *5* – тип V; *6, 7* – тип VI; *8* – тип VII; *9* – тип VIII; *10* – тип IX; *11* – тип X; *12* – тип XI. *1–4, 6, 8–10* – Старый Сад (по: [Восточный вариант..., 2017]); *5* – Гришкина Заимка (по: [Молодин и др., 2015]); *7* – Гандичевский совхоз (по: [Молодин, 1985]); *11* – Тартас-1 (по: [Молодин и др., 2014]); *12* – Абрамово-4 (по: [Молодин, 1985]).

бегазы-дандыбаевской культуры, для которой эта примесь характерна. Анализ морфологии показал, что традиция формообразования сосудов является неустоявшейся. Это маркируется непропорциональностью изменений соотношений пропорций сосудов, в размытости «эталона» и наличии «сосудов-подражаний», составляющих более 2/3 коллекции.

Необходимой частью комплексного исследования керамики является рассмотрение особенностей техники орнаментации и составления орнаментальных композиций. Часть сосудов утеряна (в первую очередь, с памятника Старый Сад), что затрудняет изучение технологии нанесения узоров, поэтому мы сосредоточимся на анализе мотивов (рис. 3).

Мотивы орнамента можно разделить на две основные категории: монотонные и геометрические. Узоры наносились на поверхность сосуда в большинстве случаев при помощи гребенчатого штампа (82 %). Доля использования гладкого орнаментира составляет 18 %. В 3 % случаев зафиксировано совместное использование гребенчатого и гладкого штампа для нанесения узора на поверхность изделия.

Самым распространенным мотивом среди монотонных является «елочка» – 17 % (см. рис. 2, *1*), нанесенная преимущественно на придонную часть изделий (50 %). Наклонные и вертикальные ряды оттисков штампа составляют 6,7 % и 3,5 % от общего числа мотивов соответственно. Ряды наклонных оттисков встречаются на всех частях сосудов, а вертикальные оттиски – в основном на придонной части. Доля горизонтальных линий от общего числа составляет 5,6 %, а рядов оттисков уголком штампа – 5,1 %. Опоясывающие ряды ямок (3,5 %) (рис. 2, *1*) зафиксированы на всех частях сосудов, что позволяет наметить параллели в использовании этого мотива с керамикой сузгунской культуры [Потемкина, Корочкова, Стефанов, 1995; Полеводов, 2003]. На горловине и в месте перехода горловины к плечу на посуде зафиксированы желобки – 5,4 % (рис. 2, *1, 7*) и валики – 1,8 % (рис. 2, *2*). Немногочисленную, но важную часть орнаментальных мотивов занимают такие специфичные мотивы орнамента, как желобки с насечками – 1,1 % (рис. 2, *5*), «бахрома», обрамляющая геометрические фигуры

и меандры, – 1,8 %. По мнению О.Н. Корочковой, эти мотивы орнамента являются одним из индикаторов пахомовской орнаментальной традиции [2009; 2010, с. 58].

Среди геометрических орнаментов преобладают треугольники, скомпонованные в ряды и горизонтальные пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа, – по 13,5 % (рис. 2, *2, 4, 5, 8, 11, 12*). Иногда ряды треугольников образуют фестоны, опускающиеся вниз в месте перехода от горловины к тулову (рис. 2, *2, 12*). Эти мотивы выявлены на всех частях сосудов. Большая доля узоров нанесена на плечо и придонную часть, она составляет 76 % от общего числа. Интересен тот факт, что общая встречаемость этих двух мотивов на разных функциональных частях совпадает. Реже встречаются ряды ромбов (5,6 %), нанесенные главным образом на плечо и придонную часть сосудов (рис. 2, *7*). К еще одним специфичным пахомовским мотивам орнамента могут быть отнесены диагональные «лесенки» (3,3 %) (рис. 2, *8*), расположенные на разных частях сосуда, и «решетки» (1,8 %) (рис. 2, *11*). Особое место занимают меандры (3,2 %), придающие посуде андроноидный колорит (рис. 2, *4, 11*). Встречаются узоры, размеченные как по прямой, так и по косой сетке. Отдельное место среди орнаментальных мотивов занимает «неорнаментированная горловина» (рис. 2, *7*), зафиксированная на 26 % полных форм (3 % от общей доли мотивов), что делает его весомым приемом орнаментации, влияющим на общую композицию изделий. Неорнаментированная горловина характерна для изделий бегазы-дандыбаевской культуры, встречается она и на изделиях карасукской культуры [Маргулан, 1979; Вадецкая, 1986; Ломан, 2013].

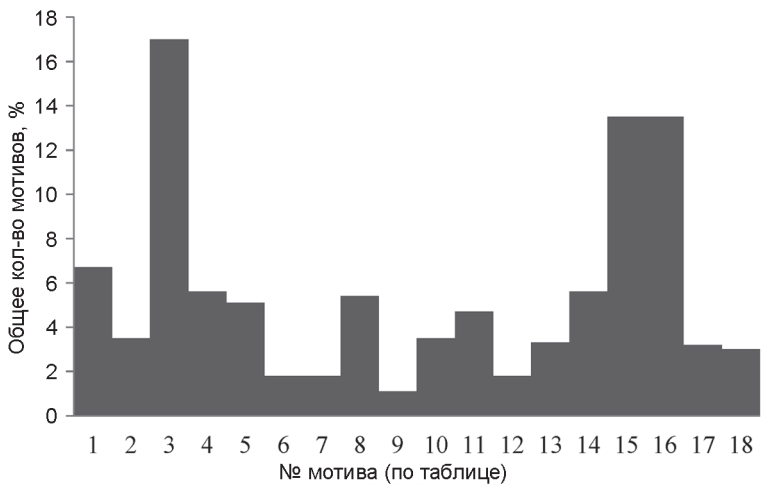

Рис. 3. Встречаемость мотивов орнамента на полных формах сосудов восточного варианта пахомовской культуры (в %).

Специфичные мотивы пахомовской орнаментации (желобки с насечками, «бахрома», диагональные лесенки) не зафиксированы одновременно в композиции одного сосуда. Попарно они встречаются в крайне редких случаях (3 %), что позволяет говорить о них как о самодостаточных частях узора. Три наиболее часто встречаемых мотива («елочка», треугольники, вертикальные пояса, заполненные оттисками штампа) также ни в одном случае не зафиксированы все совместно, а в паре встречены на 6 % сосудов. Помимо этого, выделяется ряд изделий (9 %), орнаментированных только одним орнаментальным мотивом (вертикальные пояса, заполненные оттисками гребенчатого штампа, ряды ромбов, «елочка» (рис. 2, *6*), что не характерно для посуды пахомовской культуры [Корочкова, 2010, рис. 29, 30; Костомаров, 2010]. В коллекции восточнопахомовской керамики выделяется и серия полностью неорнаментированных емкостей – 6 % (рис. 2, *10*). Подобные изделия не являются редкостью и для пахомовской культуры, они обнаружены как на поселениях, так и в погребениях [Корочкова, 2010, рис. 6, *15*; 7, *10*; 9, *8*; 27, *9*].

Заключение

Таким образом, в орнаментальную традицию сосудов восточного варианта пахомовской культуры входит три основных компонента (см. рис. 3). Первый – общеэпохальные мотивы, характерные для андроноидных культур Сибири, такие как меандры, ряды геометрических фигур, наклонные и вертикальные оттиски гребенчатого штампа, пояса, заполненные оттисками штампа. Ко второму относятся специфические пахомовские мотивы – «бахрома», желобки с насечками, диагональные «лесенки», «решетки». Третьим компонентом выступают мотивы, характерные для других синхронных культур, таких как бегазы-дандыбаевская (ряды решетчатых ромбов и треугольников, расположенных на тулове, треугольные фестоны, валики и неорнаментированные горловины), сузгунская (опоясывающие ряды ямок). Особый интерес представляет то, что южные параллели рассматриваемым изделиям (которые доходят до практически полного тождества) известны среди находок в мавзолеях Северного Тагискена, поселении Якке-Парсан-2 [Итина, Яблонский, 2001, с. 267, рис. 69, 370; Итина, 1992, табл. 2, 26; Итина, 1977, с. 156, рис. 74, 10, 11]. Аналогии отдельным орнаментальным мотивам

можно обнаружить в еще более южных регионах (см.: [Кузьмина, 2008, рис. 63–67]). Это еще раз свидетельствует о наличии контактов населения юга Западной Сибири с носителями культур Средней Азии в эпоху поздней бронзы – переходное к раннему железному веку время.

Благодарность

Работа выполнена по проекту НИР ИАЭТ СО РАН № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях».

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 178 с.

Восточный вариант пахомовской культуры в Центральной Барабе / В.И. Молодин, Л.Н. Мыльникова, Д.В. Селин, А.В. Нескоров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – 180 с.

Евдокимов В.В., Стефанов В.И. Поселение Прорва // Археология Прииртышья. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1980. – С. 41–51.

Итина М.А. История степных племен южного Приаралья. – М.: Наука, 1977. – 241 с.

Итина М.А. Ранние саки Приаралья // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – С. 31–47.

Итина М.А., Яблонский Л.Т. Мавзолеи Северного Тагискена. Поздний бронзовый век Нижней Сырдарьи. – М.: Вост. лит., 2001. – 295 с.

Корочкова О.Н. Пахомовская культура // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2009. – № 3 (39). – С. 75–84.

Корочкова О.Н. Взаимодействие культур в эпоху поздней бронзы (андроноидные древности Тоболо-Иртышья). – Екатеринбург: Уралюриздат, 2010. – 103 с.

Костомаров В.М. Пахомовские древности Западной Сибири: культурная атрибуция, хронологическая и территориальная локализация: дис. … канд. ист. наук. – Тюмень, 2010. – 168 с.

Кузьмина Е.Е. Арии – путь на юг. – М.: Летний сад, 2008. – 556 с.

Ломан В.Г. О культурных типах памятников финала эпохи бронзы Казахстана // Бегазы-дандыбаевская культура степной Евразии. – Алматы: Бегазы-Тасмола, 2013. – С. 247–259.

Маргулан А.Х. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. – Алма-Ата: Наука, 1979. – 360 с.

Марченко Ж.В. Культурная принадлежность, хронология и периодизация археологических памятников среднего течения р. Тара (эпоха неолита и бронзы): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Новосибирск, 2009. – 30 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 202 с.

Молодин В.И., Ефремова Н.С., Кобелева Л.С., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Ковыршина Ю.Н. Погребение пахомовской культуры на могильнике Тартас-1 // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 219–223.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Гаркуша Ю.Н., Селин Д.В. Погребальные комплексы эпохи поздней бронзы восточного варианта пахомовской культуры (памятник Гришкина Заимка, Бараба) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. – Т. 43, № 1. – С. 47–60.

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Селин Д.В. Сосуды восточного варианта пахомовской культуры памятника Старый Сад: морфологический анализ // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2014. – Т. XX. – С. 227–231.

Молодин В.И., Чемякина М.А. Поселение Новочекино-3 – памятник эпохи поздней бронзы на севере Барабинской лесостепи // Археология и этнография Южной Сибири. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1984. – С. 40–62.

Полеводов А.В. Сузгунская культура в лесостепи Западной Сибири: дис. … канд. ист. наук. – Омск, 2003. – 290 с.

Потемкина Т.М., Корочкова О.Н., Стефанов В.И. Лесное Тоболо-Иртышье в конце эпохи бронзы (по материалам Чудской Горы). – М.: Наука, 1995. – 207 с.

Селин Д.В. Сравнительный технико-технологический анализ керамики пахомовской культуры и восточного варианта пахомовской культуры // Мультидисциплинарные аспекты изучения древней и средневековой истории: к 70-летию акад. В.И. Молодина. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – С. 324–344.

Татаурова Л.В., Полеводов А.В., Труфанов А.Я. Алексеевка XXI – памятник эпохи поздней бронзы предтаежного Прииртышья // Археологические микрорайоны Западной Сибири. – Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 1997. – С. 162–191.

References

Evdokimov V.V., Stefanov V.I. Poselenie Prorva. In *Arkheologiya Priirtysh'ya.* Tomsk: State Univ. Press, 1980, pp. 41–51 (in Russ.).

Itina M.A. Istoriya stepnykh plemen yuzhnogo Priaral'ya. Moscow: Nauka, 1977, 241 p. (in Russ.).

Itina M.A. Rannie saki Priaral'ya. In *Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya.* Moscow: Nauka, 1992, pp. 31–47 (in Russ.).

Itina M.A., Yablonskii L.T. Mavzolei Severnogo Tagiskena. Pozdnii bronzovyi vek Nizhnei Syrdar'i. Moscow: Vostochnaya literatura, 2001, 295 p. (in Russ.).

Korochkova O.N. The Pakhomovskaya culture of the late Bronze Age. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2009, No. 3, pp. 75–84 (in Russ.).

Korochkova O.N. Vzaimodeistvie kul'tur v epokhu pozdnei bronzy (andronoidnye drevnosti Tobolo-Irtysh'ya). Yekaterinburg: Uralyurizdat, 2010, 103 p. (in Russ.).

Kostomarov V.M. Pakhomovskie drevnosti Zapadnoi Sibiri: kul'turnaya atributsiya, khronologicheskaya i territorial'naya lokalizatsiya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Tyumen, 2010, 168 p. (in Russ.).

Kuz'mina E.E. Arii – put' na yug. Moscow: Letnii sad, 2008, 556 p. (in Russ.).

Loman V.G. O kul'turnykh tipakh pamyatnikov finala epokhi bronzy Kazakhstana. In *Begazy-dandybaevskaya kul'tura stepnoi Evrazii*. Almaty: Begazy-Tasmola, 2013, pp. 247–259 (in Russ.).

Marchenko Zh.V. Kul'turnaya prinadlezhnost', khronologiya i periodizatsiya arkheologicheskikh pamyatnikov srednego techeniya r. Tara (epokha neolita i bronzy): cand. sc. (history) dissertation abstract. Novosibirsk, 2009, 30 p. (in Russ.).

Margulan A.Kh. Begazy-dandybaevskaya kul'tura Tsentral'nogo Kazakhstana. Almaty: Nauka, 1979, 360 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 202 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A. Poselenie Novochekino-3 – pamyatnik epokhi pozdnei bronzy na severe Barabinskoi lesostepi. In *Arkheologiya i etnografiya Yuzhnoi Sibiri.* Barnaul: Altai State Univ. Press, 1984, pp. 40–62 (in Russ.).

Molodin V.I., Efremova N.S., Kobeleva L.S., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Kovyrshina Yu.N. The Grave of Pakhomovo Culture at Tartas-1 Burial Ground. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 219–223 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Garkusha Yu.N., Selin D.V. Late Bronze Age burial complexes of the Pakhomovskaya culture, eastern variant (site of Grishkina Zaimka, Baraba). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia.* 2015, No. 1, pp. 47–60. DOI: 10.17746/1563-0102.2015.43.1.047–060 (in Russ.).

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Selin D.V. The Vessels of Pakhomovo Culture at Old Garden Site, Eastern Variant: Morphological Analysis. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2014, vol. XX, pp. 227–231 (in Russ.).

Polevodov A.V. Suzgunskaya kul'tura v lesostepi Zapadnoi Sibiri: cand. sc. (history) dissertation abstract. Omsk, 2003, 290 p. (in Russ.).

Potemkina T.M., Korochkova O.N., Stefanov V.I. Lesnoe Tobolo-Irtysh'e v kontse epokhi bronzy (po materialam Chudskoi Gory). Moscow: Nauka, 1995, 207 p. (in Russ.).

Selin D.V. Comparative Technical and Technological Analysis of Ceramics of the Pakhomovskaya Culture and the Eastern Variant of the Pakhomovskaya Culture. In *Multidisciplinary Aspects of the Study of Ancient and Medieval History: A collection of papers published in honor of Academician V.I. Molodin.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, pp. 324–344. DOI: 10.17746/0284-1.2018.324–344 (in Russ.).

Tataurova L.V., Polevodov A.V., Trufanov A.Ya. Alekseevka XXI – pamyatnik epokhi pozdnei bronzy predtaezhnogo Priirtysh'ya. In *Arkheologicheskie mikroraiony Zapadnoi Sibiri.* Omsk: State Univ. Press, 1997, pp. 162–191 (in Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Eniseya. Leningrad: Nauka, 1986, 178 p. (in Russ.).

Vostochnyi variant pakhomovskoi kul'tury v Tsentral'noi Barabe / V.I. Molodin, L.N. Mylnikova, D.V. Selin, A.V. Neskorov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, 180 p. (in Russ.).

Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.591-596
УДК 902.2

Д.В. Селин[1], Р.М. Харитонов[2], П.М. Давыдов[3], Д.Н. Бобин[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Новосибирский государственный педагогический университет
Новосибирск, Россия
[4]Средняя общеобразовательная школа № 36
Новосибирск, Россия
E-mail: selin@epage.ru

Новые данные по археологической карте Новосибирской области: результаты работ в Венгеровском районе в 2019 году

К настоящему моменту в акватории правого берега р. Оми на участке от с. Старый Тартас до с. Вознесенка (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) выявлено 14 археологических памятников, относящихся к различным периодам, в то время как на левом берегу достоверно был известен один – Вознесенское городище. Для устранения этого пробела в 2019 г. были проведены разведочные работы. Обнаружено 10 новых археологических памятников, из которых четыре являются курганными могильниками с количеством курганов от одного до тринадцати, пять – поселениями, и одно – городищем площадью ок. 7 тыс. м^2 с рвом глубиной до 0,9 м и оплывшим валом высотой до 0,3 м, общей протяженностью 220 м. Предварительно объекты датируются эпохой поздней бронзы – переходным к раннему железному веку временем (два памятника), эпохой раннего железного века (два памятника), эпохой Средневековья (три памятника), временем русского освоения Сибири (два памятника). Полученные результаты позволяют утверждать, что носители разных археологических культур активно заселяли оба берега р. Оми, а отсутствие памятников на левом берегу связано не с особенностями стратегий расселения древнего населения, а со слабой степенью изученности этой территории. Продолжение разведочных работ с выполнением локальных земляных работ позволит обнаружить новые объекты историко-культурного наследия, определить границы новых памятников и уточнить границы ранее выявленных, расширит наши представления о количестве и типах памятников на территории Новосибирской обл., уточнит ареалы археологических культур, даст возможность выявить новые стратегии адаптации населения к окружающему ландшафту.

Ключевые слова: *археология, Барабинская лесостепь, разведка, поселение, городище, курганный могильник.*

Dmitrii V. Selin[1], Roman M. Kharitonov[2], Pavel M. Davydov[3], Dmitrii N. Bobin[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[3]Novosibirsk State Pedagogical University,
Novosibirsk, Russia
[4]School N 36,
Novosibirsk, Russia
E-mail: selin@epage.ru

New Data for the Archaeological Map of Novosibirsk Region: Results of Works in Vengerovsky District in 2019

Fourteen archaeological sites have been discovered on the right bank of the Om River in the area from the village of Stary Tartas to the village of Voznesenka (Vengerovsky District of Novosibirsk Region). However, only archaeological

site – the Voznesenskoe fortified settlement – is known on the left bank of the Om River. In 2019, an archaeological survey was conducted for filling this gap. Ten new archaeological sites, including four burial grounds of the barrow type, five unfortified settlements, and one fortified settlement with the area of ca. 7000 m^2, ditch up to 0.9 m deep, and collapsed rampart up to 0.3 m high and 220 m long have been discovered. The archaeological sites were tentatively dated to the Late Bronze Age – transitional period to the Early Iron Age (two sites), Early Iron Age (two sites), Middle Ages (three sites), and the time of the Russian exploration of Siberia (two sites). The results obtained suggest that the carriers of different archaeological cultures actively populated both banks of the Om River, and the lack of archaeological sites on the left bank is associated not with specific settlement strategies of the ancient population, but with the lack of knowledge of this territory. Continuation of survey works accompanied by test excavations will make it possible to discover new objects of historical and cultural heritage, establish the boundaries of new archaeological sites, clarify the boundaries of the known archaeological sites, expand the knowledge on the number and types of archaeological sites in Novosibirsk Region, identify the areas of archaeological cultures, and uncover new adaptation strategies of the population to the surrounding landscapes.

Keywords: *archaeology, Baraba forest-steppe, archaeological survey, settlement, burial ground of the barrow type.*

Введение

Выявление новых археологических памятников и планирование мероприятий по обеспечению их сохранности является одной из фундаментальных научных проблем, т.к. памятники постоянно подвергаются воздействию различных факторов, приводящих к их разрушению. К настоящему моменту в акватории правого берега р. Оми на участке от с. Старый Тартас до с. Вознесенка (Венгеровский р-н Новосибирской обл.) выявлено 14 археологических памятников, относящихся к различным периодам, в то время как на левом берегу достоверно был известен один – Вознесенское городище [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980; Молодин, Новиков, 1998]. Подобный диссонанс в количестве выявленных объектов историко-культурного наследия на разных берегах одного водоема нуждался в осмыслении, для чего в 2019 г. была проведена разведка по левому берегу р. Оми. В ходе работ обнаружено 10 новых памятников, из которых четыре являются курганными могильниками, пять – поселениями и одно – городищем (рис. 1). Их краткой характеристике посвящена данная статья.

Материалы и их обсуждение

Старотартасский Мост-1. Расположен в 11,7 км к северо-востоку-востоку от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 79°). Памятник приурочен к сильно выположенному участку склона останца коренной террасы левого берега р. Оми. Зафиксирован один культурный горизонт, относящийся к русскому периоду XVIII – начала XX в. Культурный слой мощностью до 0,25 м насыщен фрагментами гончарной посуды (рис. 2, *1*), кирпичами, костями животных, остатками древесины.

Состояние объекта аварийное. Культурный слой разрушается при воздействии водной и ветряной эрозии края террасы левого берега р. Оми. Через территорию объекта проходит действующая грунтовая автомобильная дорога, на его площади проводится регулярный выпас крупного и мелкого рогатого скота, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков построек.

Объект содержит культурные отложения, которые определяются эпохой русского освоения Сибири, и может представлять собой постройку, связанную с функционировавшим в 0,85 км в северо-восточном-восточном направлении Усть-Тартасским форпостом [Молодин, Новиков, 1998, с. 62].

Старотартасский Мост-2. Расположен в 9,7 км к северо-востоку-востоку от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 79°). Памятник приурочен к сильно выположенному участку склона останца коренной террасы левого берега р. Оми. При проведении зачисток обнажений края террасы обнаружен один культурный горизонт. Культурный слой зафиксирован в виде мешаного темно-серого суглинка мощностью до 0,1 м. В ходе размывания культурного слоя обнажились фрагменты керамики, относящиеся к эпохе поздней бронзы – переходному к раннему железному веку времени. Памятник может представлять собой поселение XIV–VIII вв. до н.э. (рис. 2, *2, 5, 7*).

Состояние объекта аварийное. Культурный слой разрушается под воздействием водной и ветряной эрозии края террасы левого берега р. Оми. Через территорию объекта проходит действующая грунтовая автомобильная дорога, на его площади проводится регулярный выпас крупного и мелкого рогатого скота, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков построек.

Первосибирцево-1. Расположен в 4,9 км к северо-востоку от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 62°). Объект находится в 0,6 км к востоку от края коренной террасы левого берега р. Оми. Обнажения, пригодные для зачистки, отсутствуют. Четко выраженных рельефных признаков построек не выявлено. В ходе обследования участка пашни обнаружены фрагменты гончарной посуды (рис. 2, *4*), кирпичи, кости животных.

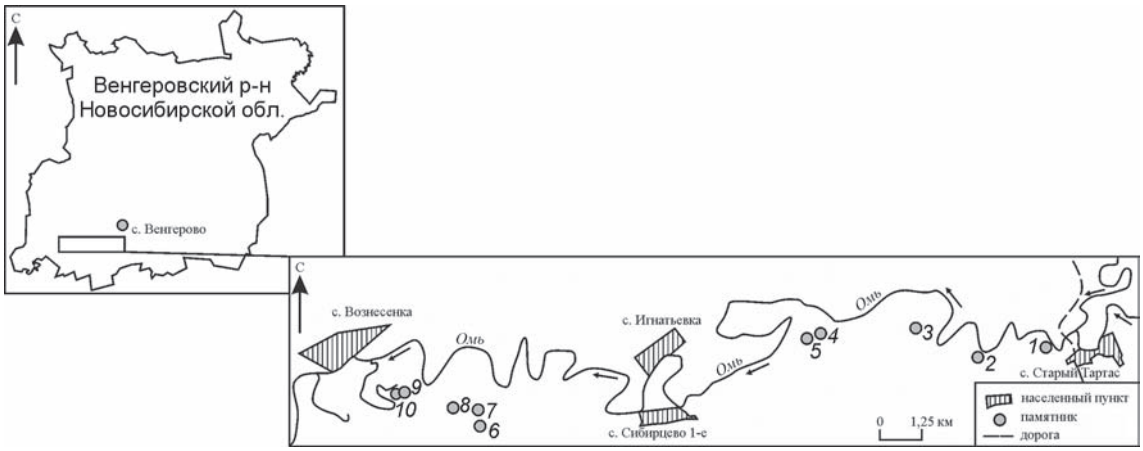

Рис. 1. Карта-схема расположения выявленных новых археологических памятников в акватории левого берега р. Оми (Венгеровский р-н Новосибирской обл.).

1 – Старотартасский Мост-1; *2* – Старотартасский Мост-2; *3* – Первосибирцево-3; *4* – Первосибирцево-2; *5* – Первосибирцево-1; *6* – Озеро Кривое-5; *7* – Озеро Кривое-4; *8* – Озеро Кривое-3; *9* – Озеро Кривое-2; *10* – Озеро Кривое-1.

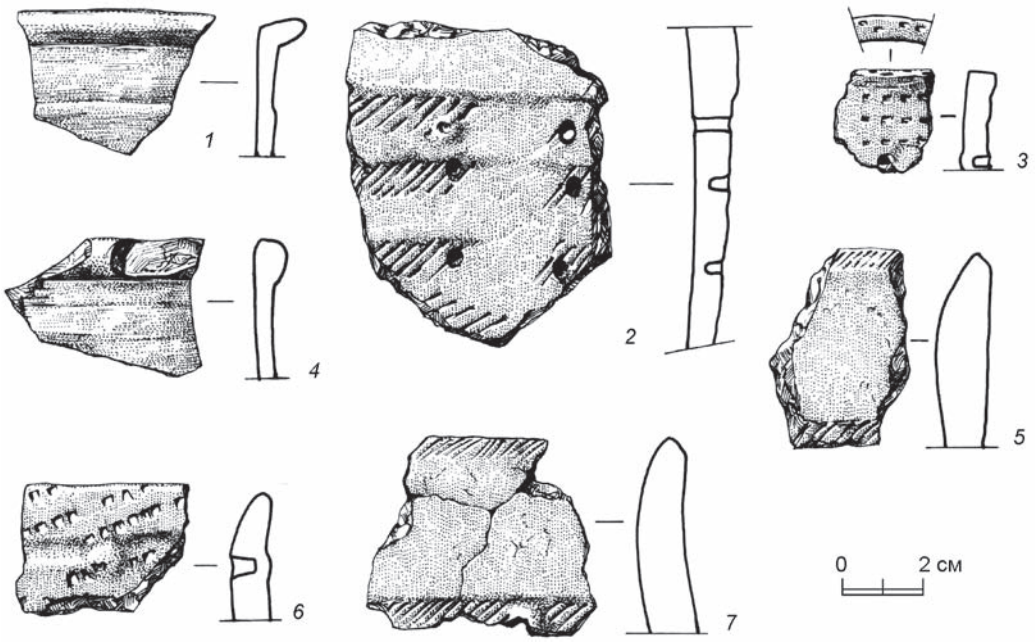

Рис. 2. Фрагменты керамики с выявленных новых археологических памятников в акватории левого берега р. Оми.

1 – Старотартасский Мост-1; *2, 5, 7* – Старотартасский Мост-2; *3* – Первосибирцево-2; *4* – Первосибирцево-1; *6* – Первосибирцево-3.

Состояние объекта аварийное. Площадь памятника активно распахивается, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков и повреждению культурного слоя. Объект содержит подъемный материал, который относится ко времени русского освоения Сибири (XVIII – началу XX в.) и может представлять собой остатки хутора.

Первосибирцево-2. Расположен в 5,2 км к северо-востоку от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 63°). Объект находится в 1 км к востоку от края коренной террасы левого берега р. Оми. Четко выраженных рельефных признаков не выявлено. В ходе обследования участка на пашне обнаружены фрагменты керамической посуды. Состояние объекта аварийное. Площадь выявленного памятника активно распахивается, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков построек. На площади памятника собран подъемный керамический материал, который может датироваться эпохой Средневековья (рис. 2, *3*). Выявленный объект предварительно определен как поселение.

Первосибирцево-3. Расположен в 8 км к северо-востоку от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 71°). Объект находится на останце коренной террасы старицы левого берега р. Оми. Четко

выраженных рельефных признаков не выявлено. В ходе обследования участка в колее грунтовой автомобильной дороги обнаружены фрагменты керамики (рис. 2, *6*) и жженые кости животных.

Состояние объекта аварийное. Обнажений культурного слоя не зафиксировано, однако он может разрушаться при воздействии водной и ветряной эрозии по краю террасы старицы. Через территорию объекта проходит действующая грунтовая автомобильная дорога, на площади объекта проводится регулярный выпас крупного и мелкого рогатого скота, проводится сенокос, что привело к полному нивелированию возможных рельефных признаков сооружений. На памятнике собран подъемный керамический материал, который датируется эпохой поздней бронзы. Сам объект предварительно определен как поселение.

Озеро Кривое-1. Расположен в 7,8 км к западу от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 274°). Памятник находится на коренной террасе старицы левого берега р. Оми, обозначенной как оз. Кривое, и представляет собой курганный могильник. Всего в ходе визуального обследования выявлены три курганные насыпи, выраженные в рельефе:

– кург. № 1 – овальной формы, его размеры 11,4 × × 13,7 м, высота до 0,6 м;

– кург. № 2 – овальной формы, размеры 10,8 × × 9,8 м, высота до 0,5 м;

– кург. № 3 – подчетырехугольной формы, со сторонами длиной до 4,5 м и высотой до 0,6 м. Насыпь кургана оконтуривает подчетырехугольный ров шириной до 1,3 м и глубиной до 0,55 м. Аналогии подобному типу надмогильной конструкции в Барабинской лесостепи известны на памятниках Осинцево IV и Венгерово VII [Бараба…, 1988, с. 91–112].

Состояние объектов удовлетворительное. Насыпи не распахиваются, следов проникновений не выявлено. Рядом с курганами проходит грунтовая автомобильная дорога. На площади памятника не обнаружено подъемного материала, поэтому, предварительно, по наличию подпрямоугольной курганной насыпи, окруженной рвом, он может быть отнесен к началу II тыс. н.э.

Озеро Кривое-2. Расположен в 7,7 км к северо-западу-западу от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 275°). Памятник находится в 66 м к юго-востоку от коренной террасы старицы левого берега р. Оми, обозначенной как оз. Кривое, и представляет собой курганный могильник. Площадь памятника залесена. Всего в ходе визуального обследования выявлены две курганные насыпи.

Кург. № 1 – округлой формы размерами 9,5 × × 8,7 м и высотой до 0,75 м. В верхней части насыпи обнаружена округлая яма диаметром 2,2 м и глубиной до 0,2 м, образовавшаяся, возможно, в ходе ограбления.

Кург. № 2 – округлой формы размерами 8,4 × × 7,6 м и высотой до 0,65 м. В северо-восточной части насыпи обнаружена округлая яма размерами 1,7 × × 1,2 м и глубиной до 0,2 м, образовавшаяся, возможно, в ходе ограбления.

Состояние объекта удовлетворительное. Насыпи курганов не распахиваются. На площади памятника не обнаружено подъемного материала, поэтому, предварительно, по особенностям морфологии курганных насыпей, он может быть отнесен к эпохе раннего железного века, возможно, к саргатской культуре [Полосьмак, 1987; Матвеева, 1994, 2019].

Озеро Кривое-3. Расположен в 6,1 км к западу от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 272°). Городище находится на коренной террасе старицы левого берега р. Оми. Площадь объекта залесена. По периметру площади памятника выявлен ров глубиной до 0,9 м и оплывший вал высотой до 0,3 м, общей протяженностью 220 м, оконтуривающий площадь ок. 7 тыс. м^2. В ходе визуального обследования выявлено 27 западин подчетырехугольной и овальной формы, размерами в среднем 6 × 7 м и глубиной 0,2–1 м, представляющих собой остатки построек. Сооружения расположены неправильными рядами вдоль края террасы и края вала.

Состояние объекта аварийное. Территория, примыкающая непосредственно ко рву городища, регулярно распахивается для высаживания рапса, что могло привести к уничтожению культурного слоя, расположенного за пределами рва. Следует отметить, что при обследовании пашни подъемного материала не обнаружено. Через площадь памятника проходит грунтовая автомобильная дорога, что приводит к разрушению и раскатке в двух местах вала и рва городища и двух западин.

Городища в Барабинской лесостепи известны, начиная с переходного от бронзового к раннему железному веку времени, и существуют вплоть до эпохи позднего Средневековья [Чича…, 2004, 2009; Молодин, Новиков, 1998; Молодин, Соболев, Соловьев, 1990].

Озеро Кривое-4. Расположен в 5,4 км к западу от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 271°). Объект находится в 317 м к юго-западу от коренной террасы старицы левого берега р. Оми и представляет собой курганный могильник. Площадь памятника залесена. Всего в ходе визуального обследования выявлено 13 курганных насыпей овальной и округлой формы, протянувшихся по линии ЮЗ – СВ. Размеры насыпей в среднем составляют 16 × 9 м, высотой 0,9–1,4 м. В ходе обследо-

вания девяти насыпей выявлены ямы различной конфигурации, являющиеся, возможно, остатками грабительских ходов. Особо выделяется кург. № 6, подчетырехугольной в плане формы, размерами 18,5 × 16,5 м и высотой до 1,3 м. Надмогильные конструкции такого типа известны в Барабинской лесостепи в начале II тыс. до н.э. [Бараба…, 1988, с. 91–112].

Состояние объекта удовлетворительное. Насыпи курганов не распахиваются, однако площадь пашни подходит близко к краям курганов, что может повредить объекты, которые располагались в межкурганном пространстве, и не выражены в рельефе.

На площади памятника не обнаружено подъемного материала, поэтому, предварительно, по особенностям морфологии курганов и наличию подпрямоугольной насыпи, он может быть отнесен к началу II тыс. н.э.

Озеро Кривое-5. Расположен в 5,4 км к западу от угла здания администрации с. Сибирцево 1-е (аз. 266°). Объект находится на пашне в 700 м к юго-востоку от коренной террасы старицы левого берега р. Оми и представляет собой одиночный курган овальной формы размерами 16,7 × 14,6 м и высотой до 1,4 м.

Состояние объекта удовлетворительное. Насыпь не распахивается, однако площадь пашни подходит непосредственно к полам кургана, что может повредить объекты, которые, предположительно, расположены в межкурганном пространстве и не выражены в рельефе. В ходе обследования насыпи в верхней части обнаружена округлая воронка диаметром 2,5 м и глубиной до 0,3 м, образовавшаяся, возможно, в ходе грабежа кургана бугровщиками.

На площади памятника и примыкающей пашни не обнаружено подъемного материала, поэтому, предварительно, по особенностям морфологии курганной насыпи он может быть отнесен к эпохе раннего железного века, возможно, к саргатской культуре [Полосьмак, 1987; Матвеева, 1994, 2019].

Заключение

В ходе разведочных работ, проведенных в 2019 г. на участке от с. Старый Тартас до с. Вознесенка (Венгеровский р-н Новосибирской обл.), выявлено 10 новых разновременных археологических памятников, включающих курганные могильники, поселения и городище. Два объекта (Старотартасский Мост-1, Первосибирцево-1) относятся ко времени русского освоения Сибири. Еще два памятника (Старотартасский Мост-2, Первосибирцево-3) предварительно датируются по наличию керамики эпохой поздней бронзы – переходным к раннему железному веку временем. Два курганных могильника отнесены к эпохе раннего железного века (Озеро Кривое-2, -5). Другие два курганных могильника (Озеро Кривое-2, -4) и поселение (Первосибирцево-3) датируются эпохой Средневековья. Время существования и культурная принадлежность городища Озеро Кривое-3 определить затруднительно.

Полученные результаты позволяют утверждать, что носители разных археологических культур активно заселяли оба берега р. Оми, а отсутствие памятников на левом берегу связано не с особенностями стратегий расселения древнего населения, а со слабой степенью изученности этой территории. Продолжение разведочных работ вдоль акватории р. Оми с выполнением локальных земляных работ позволит обнаружить новые объекты историко-культурного наследия, определить границы новых памятников и уточнить границы ранее выявленных. Это расширит наши представления о количестве и типах памятников на территории Новосибирской обл., уточнит ареалы археологических культур, даст возможность выявить новые стратегии адаптации населения к окружающему ландшафту.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Правительства Новосибирской обл.

Список литературы

Бараба в тюркское время / В.И. Молодин, Д.Г. Савинов, В.С. Елагин, В.И. Соболев, Н.В. Полосьмак, Е.А. Сидоров, А.И. Соловьев, А.П. Бородовский, А.В. Новиков, А.Р. Ким, Т.А. Чикишева, П.И. Беланов. – Новосибирск: Наука, 1988. – 176 с.

Матвеева Н.П. Ранний железный век Приишимья. – Новосибирск: Наука, 1994. – 152 с.

Матвеева Н.П. Курганы-пирамиды раннего железного века в Западной Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 1. – С. 73–82. – DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.1.073-082.

Молодин В.И., Новиков А.В. Археологические памятники Венгеровского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-производств. центр по сохранению ист.-культ. наследия, 1998. – 140 с.

Молодин В.И., Соболев В.И., Соловьев А.И. Бараба в эпоху позднего средневековья. – Новосибирск: Наука, 1990. – 262 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 202 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 183 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, Ю.Н. Гаркуша, Й. Шнеевайс, А.Е. Гришин, О.И. Новикова, М.А. Чемякина, Н.С. Ефремова, Ж.В. Марченко, А.П. Овчаренко, Е.В. Рыбина, Л.Н. Мыльникова, С.К. Васильев, Н. Бенеке, А.К. Манштейн, П.Г. Дядьков, Н.А. Кулик. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2004. – Т. 2. – 336 с.

Чича – городище переходного от бронзы к железу времени в Барабинской лесостепи / В.И. Молодин, Г. Парцингер, С.К. Кривоногов, А.Ю. Казанский, М.А. Чемякина, Г.Г. Матасова, А.Н. Василевский, А.С. Овчаренко, А.Е. Гришин, Н.В. Ермакова, М.И. Дергачева, И.Н. Феденева, О.А. Некрасова, Л.Н. Мыльникова, И.А. Дураков, Л.С. Кобелева, А.В. Зубова, Т.А. Чикишева, Д.В. Поздняков, А.С. Пилипенко, А.Г. Ромащенко, И.В. Куликов, В.Ф. Кобзев, О.И. Новикова, С.К. Васильев, Й. Шнеевайсс, К. Приват, В.В. Болдырев, В.А. Дребущак, Т.Н. Дребущак, Е.И. Деревянко, А.П. Бородовский, Д. Боургарит, И. Реихе, С.В. Кузьминых, Ж.В. Марченко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – Т. 3. – 248 с.

References

Baraba v tyurkskoe vremya / V.I. Molodin, D.G. Savinov, V.P. Elagin, V.I. Sobolev, N.V. Polos'mak, E.A. Sidorov, A.I. Solov'ev, A.P. Borodovskii, A.V. Novikov, A.R. Kim, T.A. Chikisheva, P.I. Belanov. Novosibirsk: Nauka, 1988, 176 p. (in Russ.).

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi / V.I. Molodin, G. Partsinger, Yu.N. Garkusha, I. Schneeweiss, A.E. Grishin, O.I. Novikova, M.A. Chemyakina, N.P. Efremova, Zh.V. Marchenko, A.P. Ovcharenko, E.V. Rybina, L.N. Myl'nikova, P.K. Vasil'ev, N. Beneke, A.K. Manshtein, P.G. Dyad'kov, N.A. Kulik. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2004, vol. 2, 336 p. (in Russ.).

Chicha – gorodishche perekhodnogo ot bronzy k zhelezu vremeni v Barabinskoi lesostepi / V.I. Molodin, G. Parzinger, P.K. Krivonogov, A.Yu. Kazanskii, M.A. Chemyakina, G.G. Matasova, A.N. Vasilevskii, A.P. Ovcharenko, A.E. Grishin, N.V. Ermakova, M.I. Dergacheva, I.N. Fedeneva, O.A. Nekrasova, L.N. Myl'nikova, I.A. Durakov, L.P. Kobeleva, A.V. Zubova, T.A. Chikisheva, D.V. Pozdnyakov, A.P. Pilipenko, A.G. Romashchenko, I.V. Kulikov, V.F. Kobzev, O.I. Novikova, P.K. Vasil'ev, I. Schneeweiss, K. Privat, V.V. Boldyrev, V.A. Drebushchak, T.N. Drebushchak, E.I. Derevyanko, A.P. Borodovskii, D. Bourgarit, I. Reikhe, P.V. Kuz'minykh, Zh.V. Marchenko. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, vol. 3, 248 p. (in Russ.).

Matveeva N.P. Rannii zheleznyi vek Priishim'ya. Novosibirsk: Nauka, 1994, 152 p. (in Russ.).

Matveeva N.P. Early Iron Age Pyramidal Kurgans in Western Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 1, pp. 73–82. DOI: 10.17746/1563-0102.2019.47.1.073-082 (in Russ.).

Molodin V.I., Novikov A.V. Arkheologicheskie pamyatniki Vengerovskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauchno-proizvodstvennyi tsentr po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya, 1998, 140 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Sobolev V.I., Solov'ev A.I. Baraba v epokhu pozdnego srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1990, 262 p. (in Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epokhu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 202 p. (in Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1987, 183 p. (in Russ.).

Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.597-601
УДК 903

А.И. Соловьев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievys@mail.ru

Керамические изделия из Прииртышья и юго-западной Маньчжурии. Неожиданные параллели или случайное сходство?

Осенью 2019 г. среди материалов музея г. Чаоян (КНР) было встречено керамическое изделие, типологически очень близкое предмету глиняной пластики, который обнаружен на пос. Новотроицкое-1 в лесном Прииртышье. Изделие из Китая сохранилось гораздо лучше, чем предмет из Сибири, что позволяет реконструировать утраченные детали последнего. Основой обоих изделий является резко изогнутая почти под прямым углом глиняная трубка, наружная поверхность которой оформлена в виде животного. В китайской традиции изделие трактуется как изображение дракона. Общие пропорции изделия из Сибири вместе с гребнем, который начинается в верхней трети шеи, переходит на морду и продолжается по всей ее длине, вкупе с особенностями орнаментации позволяют рассматривать новотроицкую находку и с этих позиций. Устройство изделия, выполненного в виде трубки, предполагает его использование для перемещения некоторой воздушной массы, насыщенной, например, парами воды, продуктами горения или даже эфирными маслами. Последнее могло использоваться в ходе обрядовых действий для эффекта извержения из верхней части трубки, изображающей пасть, струи дыма или галлюциногенных испарений, что могло произвести наибольшее впечатление в зрелищном акте ритуальных мистерий. Вместе с тем для территории Сибири в данном случае может остаться в силе и ранее предложенная трактовка находки из пос. Новотроицкое-1 как изображения лошади. Сам факт обнаружения изделия у очага авторы находки и прежних публикаций склонны связывать с той ролью, которую играло это животное в верованиях людей раннего железного века, прежде всего, в производственных культах. Учитывая то, что сходство обоих предметов выходит за рамки случайных совпадений и что они едва ли могли быть простым объектом обмена, их можно рассматривать как свидетельство экспорта серии мировоззренческих идей независимо от того, чей образ воспроизводят фигурки – дракона или же огнедышащей лошади. Пути этой трансляции следует видеть в восточном векторе связей, опосредованном развитием торговых контактов и распространением товаров.

Ключевые слова: *глиняная пластика, поселение, образ коня, дракон, обрядовая практика, Прииртышье, глиняная трубка, экспорт идей.*

Alexander I. Solovyev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievys@mail.ru

Clay Objects from the Irtysh Region and Southwestern Manchuria. Unexpected Parallels or Accidental Similarities?

In the Autumn of 2019, an object was found in the collection of the Chaoyang Museum (China), which was typologically very close to clay figurine excavated at the Novotroitskoe-1 settlement in the forest Irtysh region. The object from China has been much better preserved than object from Siberia, which makes it possible to reconstruct the lost parts of the Irtysh figurine. The basis of both products is a clay tube bent almost at the right angle. The external surface of the tube has a form of animal representation, which was interpreted n the Chinese tradition as dragon. The general proportions of the object from Siberia, its details such as crest running along the entire muzzle, and features of ornamental decoration make it possible to view the Novotroitskoe find from this perspective and see it as example of the transition of ideas. Tubular structure of the artifact implies its use as a device for moving some air mass, for example, saturated with water vapor,

combustion products, or even essential oils in ritual actions, and using the resulting effect of smoke coming from the mouth as a spectacular action of ritual mysteries. At the same time, the previously suggested interpretation of the Irtysh representation as a horse, its place of discovery near the hearth, and the role played by this animal in the beliefs of the Early Iron Age and above all in the production cults may as well remain valid for Siberia. Given that the similarity of both objects is beyond random coincidence, and the fact that they could hardly be a simple object of exchange, they can be considered as evidence of the transition of ideological ideas, regardless of which model – dragon or fire-breathing horse – the figures reproduce. The routes of this transition should be searched in the eastern direction of ties mediated by the development of trade contacts and distribution of goods.

Keywords: *clay figurines, settlement, horse image, dragon, ritual practice, Irtysh region, tube, transition of ideas.*

В сентябре 2019 г. во время работы на территории Северо-Западной Маньчжурии среди материалов небольшого археологического музея в г. Чаоян (Китайская Народная Республика) был встречен любопытный предмет, параллели которому уводят нас далеко за границы бывшей Поднебесной империи, в глубины чужого «варварского» мира.

Привозные предметы, найденные на памятниках населения эпохи раннего железного века и Средневековья в лесостепи и таежной полосе Западной Сибири, на Алтае и Минусинской котловине, – явление далеко не уникальное. Среди прочих древностей, доставленных сюда с территорий родственных скотоводческих культур Приуралья, Поволжья, Средней и Центральной Азии, известны изделия мастеров из совсем отдаленных регионов, в т.ч. и тех, где располагались очаги древнейших цивилизаций – Египта, Рима, Китая. Среди прочих изделия мастеров Поднебесной наиболее многочисленны и представлены бронзовыми зеркалами, монетами, единичными предметами вооружения, в частности, железными мечами с бронзовым перекрестием, воронкообразным навершием, лаковыми изделиями, включая ножны. Завозились сюда и экзотические фрукты, косточки которых обнаруживаются на поселениях. Их материалы позволяют говорить о том, что сюда, в предтаежье, приводились целые караваны вьючных верблюдов, которые в ряде случаев даже зимовали под защитой стен укрепленных городищ [Чернецов, Машинская, Талицкая, 1953; Лубо-Лесниченко, 1975; Троицкая, 1979; Полосьмак, 1987; Матвеева, 1993; Кубарев, 2005; Новосибирская археологическая экспедиция…, 2010; Тишкин, Серегин, 2011].

Что касается упомянутых находок, есть основания считать, что вместе с экспортом предметов материальной культуры должен был идти и экспорт идей. Однако, все эти материалы, способные заметно повысить благосостояние местной элиты и маркировать социальный статус ее представителей, пока не дают возможности говорить о заметных коррективах в мироощущении рядовой массы аборигенного населения. Способность утилитарных металлических изделий «мигрировать» как вместе со своими творцами, так и без них – уже давно общепризнанный факт. Равно как и то обстоятельство, что наиболее надежным индикатором, отражающим направления межкультурных и межэтнических контактов (из тех, что доступны в настоящее время исследователям), являются керамические изделия. И это не только сосуды, форма и декор которых отражают разные технологические и мировоззренческие традиции, но и предметы мелкой пластики, дающие исследователю аналогичные, зачастую не менее яркие посылы. Правда, в силу своей единичности, особенно заметной на фоне массового материала, единичности, их, если так можно сказать, хор звучит не столь громко и слаженно, как в свое время и как это следовало бы от него ожидать. Но все же…

На правом берегу Иртыша в 40 км к северу от г. Омска в ходе исследования котлована жилища переходного от позднего бронзового века к эпохе раннего железа поселения краснозерской культуры Новотроицкое I А.Я. Труфановым в 1981 г. было найдено любопытное керамическое изделие. Целенаправленному анализу этого предмета посвящена специальная статья А.П. Бородовского и А.Я. Труфанова, в которой дается досконального его описание, приводятся варианты интерпретации, отыскивается аналог среди комплекса находок поселения Стрелковское-2 в Нижнем Приангарье, а ряду элементов находится объяснение на материалах изобразительной традиции античного мира и Месопотамии [2019]. Изделие, о котором идет речь, представляет собой Г-образно загнутую керамическую трубку, длинная часть которой до сгиба воспроизводит шею живого существа, а короткая – его морду. Оба конца изделия повреждены, что не позволяло до сегодняшнего дня восстановить его прежний вид. Авторы рассматривают находку как протому лошади – изображение передней части ее тела. Они отмечают, что часть фигурки, воспроизводящая шею, утончается к приподнятой вверх «голове», которая «выполнена подчеркнуто короткой и массивной». Небольшие уши рельефно выделены, в ушной раковине имеются сквозные отверстия. Такими же отверстиями переданы и глаза. Обращает на себя внимание шея, несоразмерно длинная относительно пропорций тела реального животного. Бросается в глаза странно короткая зубчатая «грива»,

Рис. 1. Керамическая протома головы лошади из пос. Новотроицкое I (по: [Бородовский, Труфанов, 2019]).

расположенная только на верхней трети ее длины. Она выходит на «морду», где продолжается до линии излома, более всего напоминая гребень. Поверхность изделия покрыта небольшими треугольными вдавлениями, в расположении которых угадывается некоторая рядность (рис. 1). Авторы публикации усматривают в мотивах орнаментации новотроицкой фигурки элементы, связанные с воспроизведением упряжи верхового животного. В целом предложенная трактовка изображения не вызывала особых возражений. Правда, несколько смущал довольно непривычный вид животного – грива, пропорции, избранный скульптором стиль орнаментации.

Минувшей осенью во время научной командировки в Китайскую народную республику нам удалось познакомиться с материалами археологического музея в г. Чаоян на территории юго-западной Маньчжурии, среди которых обнаружилось одно крайне любопытное и почти уже знакомое нам полое изделие, выполненное в виде Г-образной асимметричной керамической трубки. В верхней ее части так же сформирован зубчатый гребень. С двух сторон от него небольшими глиняными налепами воспроизведены стоячие уши. Одна, длинная, часть трубки до сгиба, также воспроизводит шею, другая, короткая, – приподнятую вверх морду живого существа. Важным моментом явилось то, что у изделия сохранились отсутствующие у новотроицкой находки торцевые участки, которые являют нам законченный образ. В нижней части у самого основания изделия заметен небольшой валик, который придает фигурке устойчивость и позволяет легко устанавливать ее на ровной поверхности. Передняя, короткая часть трубки никогда не была «слепой».

Рис. 2. Керамическая голова дракона из археологического музея г. Чаоян (КНР).

Ее края на торце хорошо заглажены. И оставленное здесь открытым сквозное отверстие передает распахнутый рот или разинутую пасть (рис. 2).

Сходство на уровне идеи меж двумя фигурками удивительно, но на уровне исполнения не тождественно. Различия видны в пропорциях шеи – более тонкой и цилиндрической у китайского экземпляра; длине гребня-гривы – она короче у новотроицкого; в отсутствии сквозных отверстий в ушных раковинах и на месте глаз у чаоянского, орнаментации на его поверхности. Вместе с тем перед нами, несомненно, один и тот же образ или два крайне схожих. Близость изделий выходит за рамки случайных совпадений и предполагает воспроизведение некой общей зооморфной ипостаси, имеющей в основе

сходные, если не общие, мифологические корни. В китайской версии это дракон.

Вполне допустимо, что такой персонаж был и в сознании древнего мастера из Новотроицкого поселения, когда его руки разминали глину и лепили из нее то изделие, что было найдено в наши дни в заброшенном жилище на берегу Иртыша. Глиняные предметы такого рода в силу своей простоты, явной сакральной значимости и хрупкости, едва ли могли служить предметом целенаправленного товарного обмена. Поэтому можно уверенно полагать, что один из предметов выполнен мастером краснозерской культуры Омского Прииртышья, другой – гончаром Поднебесной.

Если взять эту трактовку за основу, исчезает целый ряд несоответствий, которые сознательно гасит наше воображение при взгляде на сибирский экземпляр. Это и непропорциональная длина шеи, и зубчатый, обрывающийся в верхней ее трети (если даже не четверти) и доходящий почти до конца морды гребень, и орнаментация, кажется, более всего похожая на чешую, и высоко посаженные маленькие глаза, и сама небольшая сужающаяся морда. Было бы глупо отрицать, что некоторые такие черты не могут быть присущи и лошади. Но в целом, комбинация этих деталей вызывает в памяти образ гигантского чудовища Годзиллы, созданного японскими аниматорами, в т.ч. и с учетом порождений мифологического сознания. Возможно, будь окончание морды рассматриваемой фигурки иным, иным был бы и навеваемый ею образ. Однако зияющее отверстие рта и весь облик поделки ведет в ином направлении. Можно, конечно, возразить, что конец головы изображения обломан. Но и предмет из Чаояна, и тот факт, что новотроицкое изделие полое и фактически представляет собой трубу, на наш взгляд, говорит в пользу того, что его окончания аналогичным образом заканчивалось сквозными отверстиями. Ведь обычное небольшое скульптурное изображение какого-либо животного быстрее и проще вылепить монолитом из сплошного куска глины, что мы и видим на примере мобильной сибирской пластики. Изготовление же трубчатого тонкостенного предмета, особенно резко изогнутой Г-образной формы, – достаточно сложный и трудоемкий технологический процесс, на который мастер пойдет, если ему нужна именно сквозная составляющая изделия.

Собственно, с этих позиций и надо подходить к определению смыслового и функционального назначения предмета, для которого важнейшим составляющим элементом является внутренний проводящий канал, который мог использоваться для «прокачки» некоторой воздушной массы, насыщенной, например, парами воды, продуктами горения или даже эфирными маслами или галлюциногенами. В этом случае исходящие изо рта скульптурки клубы дыма, пара или даже небольшие язычки пламени, что технически достижимо даже при весьма ограниченных возможностях, могли производить неизгладимое впечатление при исполнении зрелищной части ритуальной мистерии, доводя ассоциативный ряд у зрителей до предела.

Мы не будем обсуждать здесь техническую сторону вопроса. Для этого пока слишком мало материала при известном числе возможных решений. Оставим данный тезис в качестве предположения, иначе несложно завязнуть в массиве малодоказуемых версий и полуфантастических гипотез.

Данный предмет мог использоваться и в качестве элемента курильницы. В то же время явная сакральная составляющая Г-образных предметов выводит их числа средств заурядной ингаляции, за исключением, пожалуй, тех случаев «опьянения» дымами наркотических трав, о которых сообщал для скифов Геродот.

К сожалению, нам пока недоступна информация об обстоятельствах обнаружения чаоянского предмета, которая могла бы пролить свет на характер его использования и, соответственно, подсказать направления дальнейшего поиска. Однако, известно, что новотроицкая керамическая протома была найдена на полу, у стенки жилища, ближе к его углу, между кострищем и крупным вкопанным в землю сосудом [Бородовский, Труфанов, 2019]. И это весьма показательно, ибо напрашивается намек на связь с огненной стихией, подкрепляемый и следами металлообработки, которые обнаружены на поселении [Там же]. Что касается образа лошади, то исключать его из списка персонажей творчества неизвестного мастера до новых находок аналогичного материала пока не целесообразно. Тем более, что в мировых мифологических анналах образы огнедышащих животных, в т.ч. и лошадей вместе с драконами, достаточно распространены. А сакральный характер этого почитаемого животного в мировой культуре хорошо известен.

Откуда же мог взяться загадочный дракон на берегах Иртыша? Формирование этого образа, столь чуждого для Западной Сибири, на наш взгляд, можно рассматривать как результат трансформации картины мира, имевшей место в регионе в один из переломных моментов истории под влиянием импульсов, пришедших сюда по северным ответвлениям маршрутов Шелкового пути. И в данном случае мы, возможно, имеем пример экспорта идей, который шел вслед за распространением товаров, повышавших благосостояние местной элиты и привносивших свои коррективы в мироощущение рядовой массы аборигенного населения. И не важно,

идет ли в данном случае речь о драконе или все-таки об огненной лошади.

Список литературы

Бородовский А.П., Труфанов А.Я. Керамические протомы лошадей эпохи палеометалла из южнотаежной зоны Сибири // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2019. – Т. 47, № 4. – С. 36–45.

Кубарев Г.В. Культура древних тюрок Алтая (по материалам погребальных памятников). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 400 с.

Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири. – М., 1975. – 170 с. + 109 ил.

Матвеева Н.П. Саргатская культура на среднем Тоболе / отв. ред. Н.В. Полосьмак. – М.: Наука, 1993. –174 с.

Новосибирская археологическая экспедиция (1957–1995). – Новосибирск: Издательство ИАЭТ СО РАН, 2010. – 152 с.

Полосьмак Н.В. Бараба в эпоху раннего железа. – Новосибирск: Наука, 1987. – 126 с.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). – Барнаул: Азбука, 2011. – 144 с., ил.

Троицкая Т.Н. Кулайское время в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Наука, 1979. – 124 с.

Чернецов В.Н., Мошинская В.И., Талицкая И.А. Древняя история Нижнего Приобья. – М.: Изд-во АН СССР, 1953. – С. 121–178. – (МИА; № 35).

References

Borodovskij A.P., Trufanov A.Y. Ceramic protoms of horses of paleometall epoch from southern forest zone of Siberia. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2019, vol. 47, No. 4, pp. 36–45.

Chernetsov V.N., Moshinskaya V.I., Talitskaya I.A. Drevnyaya istoriya Nizhnego Priob'ya. Moscow: AS USSR Publ., 1953, pp. 121–178 (Materialy I issledovaniya po arkheologii SSSR; No. 35) (in Russ.).

Kubarev G.V. Kul'tura drevnih tyurok Altaja (po materialam pogrebal'nyh pamyatnikov). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 400 p. (in Russ.).

Lubo-Lesnichenko E.I. Privoznye zerkala Minusinskoj kotloviny. K voprosu o vneshnih svyazyah drevnego naseleniya Yuzhnoj Sibiri. Moscow, 1975, 170 p. + 109 ill. (in Russ.).

Matveeva N.P. Sargatskaya kul'tura na srednem Tobole. Moscow: Nauka, 1993, 174 p. (in Russ.).

Novosibirskaya arheologicheskaya ekspeditsiya (1957–1995). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, 152 p. (in Russ.).

Polos'mak N.V. Baraba v epohu rannego zheleza. Novosibirsk: Nauka, 1987, 126 p. (in Russ.).

Tishkin A.A., Seregin N.N. Metallicheskie zerkala kak istochnik po drevney i srednevekovoy istorii Altaja (po materialam Muzeya arheologii i etnografii Altaya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta). Barnaul: Azbuka, 2011, 144 p., ill. (in Russ.).

Troickaya T.N. Kulayskoe vremya v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: Nauka, 1979, 124 p. (in Russ.).

Соловьев А.И. https://orcid.org/0000-0003-3891-8944

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.602-606
УДК 903.53

Е.А. Соловьева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: easolovievy@mail.ru

Погребения в сосудах с антропоморфными изображениями периода *яёй* в Японии

Погребения в сосудах известны на территории Японии на протяжении нескольких сотен лет, начиная с периода дзёмон. На поздних этапах периода дзёмон погребения в сосудах (камэкан) являлись детскими и вторичными. Эта практика особенно была распространена в восточной Японии. В качестве погребальных урн иногда использовали глиняную пластику догу. Вторичные погребения в сосудах встречаются в период яёй (III в. до н.э. – III в. н.э.). Особую группу составляют сосуды с антропоморфными изображениями. Наибольшее количество подобных сосудов обнаружено в ходе исследования археологических памятников на территории современной преф. Ибараки при раскопках памятников Идзумисакасита, Одзаката, Онотэндзиняма и Каиго. Сосуды с антропоморфными изображениями, как правило, находят в погребениях среди других сосудов, они обычно крупнее остальных. Земля и фрагменты костей внутри них, а также небольшие размеры горловины позволяют сделать вывод о вторичном характере погребений. Данная группа сосудов имеет сходный контекст обнаружения и общие черты. Детали изображения глаз и рта сопоставимы с татуировкой, на «лицах» нескольких сосудов обнаружены следы красной краски. Появление особых сосудов для вторичных захоронений очень небольшого количества людей связывается с изменениями в обществе периода яёй. С распространением влажной культивации риса происходит усложнение социальной структуры, складываются особые ритуалы, характерные для разных социальных групп. Захоронения в сосудах с антропоморфными изображениями могут быть связаны с такими носителями особого статуса, как правители или жрецы. Концентрация подобных сосудов на определенной территории может свидетельствовать о сохранении традиции предшествующего периода и ее трансформации.

Ключевые слова: *дзёмон, яёй, камэбо, вторичные погребения, антропоморфные изображения.*

Elena A. Solovyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: easolovievy@mail.ru

Burials in Jars with Anthropomorphic Images During the Yayoi Period in Japan

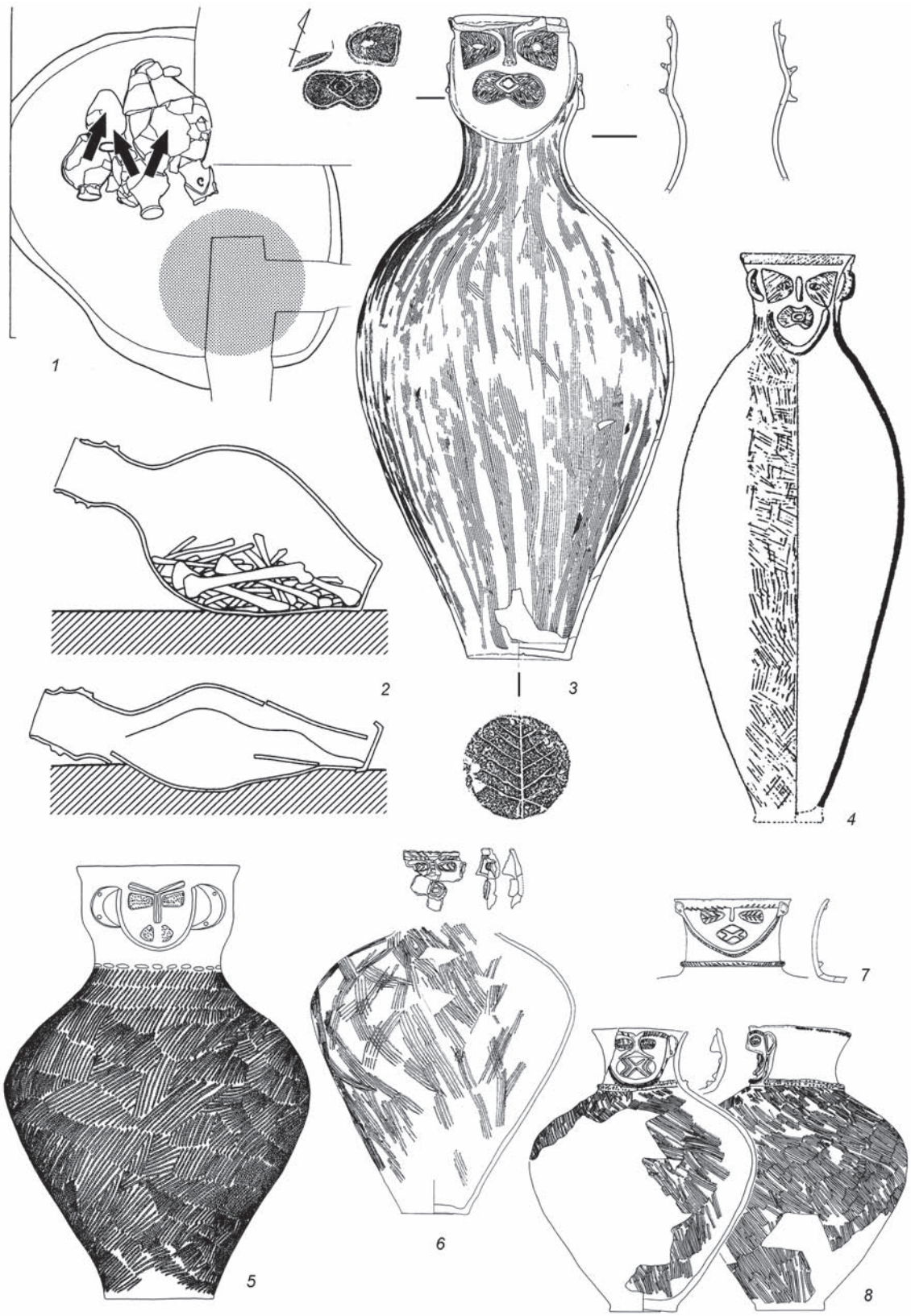
Burials in jars have been known in Japan for several hundred years starting from the Jomon period. In the Late Jomon, burials in vessels (kamekan) were used for children and were secondary burials. Secondary burials in jars occurred in the Yayoi period (3rd century BC – 3rd century AD). This practice was common especially in Eastern Japan. The dogu clay figurines were also sometimes used as funeral urns. A special group of urns consisted of jars with anthropomorphic images. The largest number of such jars was discovered during the excavation of the Izumisakashit, Odzakat, Onotenjinyama, and Kaigo sites in the present-day Ibaraki Prefecture. Jars with anthropomorphic images have been usually found in burials along with other vessels; they are usually larger in size. Findings of soil and bone fragments inside the jars as well as small size of the neck suggest that these burials were secondary. This group of jars has a similar archaeological context and common features. Details of representing eyes and mouth are comparable to a tattoo; "faces" of several vessels show traces of red pigment. The appearance of special vessels for secondary burials of a very small number of people is associated with changes in the social life of the Yayoi period. Social structure became more sophisticated and special rituals typical of different social groups developed with the spread of wet rice cultivation. Burials in jars with anthropomorphic images can be associated with persons of special status, such as rulers or priests. The concentration of such jars in a specific territory may indicate the preservation of the tradition from the previous period and its transformation.

Keywords: *Jomon period, Yayoi period, kamebo, secondary burials, anthropomorphic images.*

На поздних этапах периода дзёмон встречаются погребения в керамических сосудах, называемые *камэбо*. В таких сосудах-кувшинах обнаружены фрагменты костей новорожденных детей и младенцев, поэтому их принято связывать с погребениями детей. Поскольку в *камэбо* найдены фрагменты костей, размеры сосудов относительно невелики, считается, что это вторичные погребения. Исследователи отмечают, что захоронения в глиняных сосудах практиковались, начиная со среднего этапа периода *дзёмон* для детских погребений [Stanbach, 2005, p. 233]. Для погребения брали обычную повседневную посуду. Как правило, при использовании сосуда в качестве погребальной урны в дне делали отверстие или выбивали дно, нарушая его целостность. Детские погребальные урны хоронились либо в раковинной куче, либо непосредственно в жилищах. В жилищах для захоронения выбиралось вполне определенное место – непосредственно у входа под порогом или в других частях дома, где активно перемещались его обитатели. Вариантом погребального сосуда можно считать один из типов *догу*, глиняной пластики периода *яёй*. Так называемые *догу*-кувшин представляют собой довольно крупные полые фигуры высотой ок. 25 см. В восточной Японии подобные *догу* находят погребенными в специальных сооружениях, внутри обнаруживают фрагменты костей младенцев. Нахождение фрагментов костей, иногда даже обожженных, и небольшие размеры *догу*-кувшинов позволяют сделать вывод об их использовании для вторичных погребений. На протяжении периода *дзёмон догу* были связаны с индивидуальными и коллективными ритуальными действиями, врачебной магией, ритуалами для беременных женщин, культом плодородия. На позднем и заключительном этапах периода *дзёмон* особенно тесная связь наблюдается между *догу* и погребальным обрядом. Кроме того, глиняная пластика *догу* – это преимущественно женские изображения, поэтому помещение детских останков внутрь женских изображений может символизировать возвращение к матери и даже матери-природе, что характерно для культа плодородия.

Постепенно погребения в сосудах стали распространяться и на взрослых. Люди периода *дзёмон* технически не могли изготавливать керамические сосуды большого размера, пригодные для захоронения человеческого тела целиком. Вероятно, для других целей сосуды такого размера не требовались. То есть керамические сосуды стали использовать как элемент ритуальной практики вторичного погребения. В данном случае тело умершего помещали на продолжительное время, возможно, на несколько месяцев или лет в пещере, яме, на открытом воздухе – в зависимости от конкретных условий проживания коллектива. Когда мягких тканей не оставалось, кости омывались и помещались в погребальный сосуд. Вторичные погребения взрослых находят рядом с могилами, края которых оформлены камнями [Ibid.].

В период *яёй* (начальный–средний, 2400–2200 л.н.) практика захоронения в керамических сосудах получает широкое распространение как в западной, так и в центральной Японии. В восточной Японии обнаружены оригинальные погребальные урны с антропоморфными изображениями. Достоверно можно говорить о 20 подобных сосудах [Хаккуцусарэта…, 2012, с. 27]. Большинство из них найдены при раскопках археологических объектов в преф. Ибараки, единичные случаи обнаружения известны в преф. Фукусима, Тотиги, Канагава, Тиба. Наиболее интересными представляются находки в преф. Ибараки, т.к. здесь обнаружена серия погребальных урн с нанесенными на них антропоморфными изображениями на компактной территории, ограниченной бассейном рек Накагава и Кудзигава. На сегодняшний день детальнее всего исследованы материалы памятника Идзумисакасита. При раскопках обнаружено 44 сосуда-кувшина, погребенных в пяти могильных ямах диаметром примерно 2 м. В могильной яме № 1 обнаружено пять сосудов, один из которых с антропоморфным изображением (см. *рисунок*, *1*). Всего на памятнике найдено три грунтовые могилы и семь кувшинов с остатками костных материалов, пять могильных ям с сосудами-кувшинами, небольшие ямы, иногда с керамическими сосудами [Идзумисакаситаисэкино…, 2011, с. 109]. Памятник датируется заключительным этапом периода *дзёмон* – серединой периода *яёй*, основные находки относятся ко времени 2200 л.н. При исследовании самого крупного сосуда-кувшина было обнаружено, что он заполнен землей, в которой также найдены фрагменты человеческих костей. По расположению в яме и следам сдавливания японским ученым удалось восстановить изначальное положение кувшина и реконструировать процесс сплющивания (см. *рисунок*, *2*). Стало понятно, что кости были положены в сосуд в разрозненном состоянии после того, как на них не осталось мягких тканей. Таким образом, помещение умершего внутрь сосуда представляло собой элемент вторичного погребения. Высота сосуда составляет 77,7 см, он является самым большим из известных подобных погребальных сосудов. Отличительной его чертой является изображение лица и других деталей головы на горлышке сосуда (см. *рисунок*, *3*). Форма верхней части сосуда имитирует голову человека, можно различить лицо, подбородок, уши. Форма лица задана налепным

Погребальные сосуды с антропоморфными изображениями.

1 – план мог. № 1 с вторичными погребениями, памятник Идзумисакасита, преф. Ибараки; *2* – реконструкция расположения сосуда с антропоморфным изображением на памятнике Идзумисакасита; *3* – сосуд с антропоморфным изображением из Идзумисакасита; *4* – сосуд с антропоморфным изображением из Одзаката; *5* – сосуд с антропоморфным изображением из Каиго; *6–8* – сосуды с антропоморфным изображением из Онотэндзинмаэ.

(*1–3, 5–8* – по: [Идзумисакаситаисэки-но…, 2011], *4* – по: [Кодай-но…, 1982]).

валиком, который продолжается на затылке и, возможно, передает детали прически или головного убора. Нос выпуклый, на него нанесены три вертикальные линии. Рот круглый, губы обозначены тонкими линиями. Пространство вокруг глаз и рта покрыто орнаментом. Венчик оформлен валиком, он одновременно ограничивает верхнюю часть лица. Орнамент на лице напоминает татуировку.

На территории преф. Ибараки в непосредственной близости к памятнику Идзумисакасита расположены известные с 60-х гг. прошлого века памятники среднего этапа *яёй* с аналогичными находками: Одзаката, г. Тикусэй, Каиго, г. Нака, Онотэндзинмаэ, г. Хитатиомия. Памятник Одзаката датируется поздним этапом периода *дзёмон* – средним этапом периода *яёй* (II–I вв. до н.э.), большинство находок относится к периоду *яёй*. При раскопках обнаружено 41 захоронение группами из нескольких сосудов, одно погребение – в сосуде-кувшине с человеческим лицом (см. *рисунок, 4*). На лице изображены выступающие челюсти, уши, нос. Глаза и рот окружены орнаментом, что может трактоваться как изображение татуировки [Кодай-но…, 1982, с. 50] Выпуклый венчик ограничивает пространство лица и создает эффект головного убора. Под правым глазом и справа около рта обнаружены следы красного пигмента, что позволяет предположить, что лицо было окрашено. Рот изображен небольшим кругом, что может передавать значение поющего или говорящего человека. Высота сосуда 69,5 см.

На памятнике Каиго, датируемом временем 2200 л.н., в могильной яме обнаружено несколько сосудов-кувшинов, на одном – изображение лица (см. *рисунок, 5*). Высота сосуда 42 см, нижняя часть орнаментирована группами коротких полос, на горловине налепами и орнаментом изображено лицо. Контур лица и уши показаны валиком, брови и нос выпуклые. Орнамент вокруг глаз и рта напоминает татуировку. На каждом ухе сделаны по два отверстия. Между горловиной и туловом нанесена линия орнамента, которая может изображать ожерелье [Там же, с. 40].

На памятнике Онотэндзинмаэ обнаружено 15 сосудов-кувшинов, три из которых с изображением лица (см. *рисунок, 6–8*). Памятник датируется серединой периода *яёй*, 2200 л.н. В заполнении сосудов обнаружены земля и фрагменты костей, что позволило интерпретировать их как погребальные урны. Один сосуд удалось реконструировать практически полностью (см. *рисунок, 8*), около глаз и рта обнаружены следы красного пигмента, высота сосуда 44,5 см [Хаккуцусарэта…, 2012, с. 28]. Детали изображения лица типологически близки на всех трех сосудах: рот изображен крестом, заключенным в овал, глаза – валиком, контур лица обозначен валиком. Оформление глаз и рта напоминает татуировку. На двух сосудах в месте соединения горловины и тулова нанесена линия орнамента, которая может изображать ожерелье (см. *рисунок, 7, 8*).

Все найденные сосуды-урны имеют сходный контекст обнаружения и общие черты. Сосуды-кувшины с изображением человеческого лица обнаружены в захоронениях в сопровождении нескольких сосудов, иногда также с фрагментами человеческих костей. Рядом с могильными ямами расположены несколько небольших ям. На поверхности изображенных лиц, около глаз и рта, обнаружены следы красной краски. На каждом памятнике обнаружено чаще всего по одному подобному сосуду, исключение составляет Онотэндзинмаэ.

Период *яёй* следует за периодом *дзёмон*, практика вторичных погребений приобретает новые черты. В этот период с материка на территорию Японских о-вов проникает заливное рисосеяние, что влечет за собой много изменений хозяйственной деятельности и отражается на социальном устройстве, меняется отношение к родственным связям. Разные социальные группы формируют различные варианты жизнедеятельности, что отражается и на обрядовой практике, в т.ч. и погребальной. Среди погребений встречаются вторичные, что можно рассматривать как продолжение традиции периода *дзёмон*. При этом характерной особенностью вторичных погребений периода *яёй* является использование сосудов-кувшинов в качестве погребальных урн. Кроме того, кувшины *яёй* отличаются и тем, что изображения всегда наносятся только на горловину сосуда. Никакие детали тела не изображаются, в отличие от *догу*-кувшинов, которые изображались с руками, грудью и т.д. В период *яёй* в целом количество антропоморфных изображений резко сокращается, среди них следует отметить только гиреобразные фигуры западной Японии, антропоморфные погребальные урны и редкие антропоморфные фигуры на бронзовых колоколах *дотаку* и бронзовых кинжалах. В следующий период – *кофун* – антропоморфных изображений снова становится больше, прежде всего, это *ханива*, изображающие людей, и мелкая примитивная пластика, а также человеческие фигуры на керамике *суэки*. Чем можно объяснить упадок количества и разнообразия изображений человека, пока не вполне ясно.

Что касается вторичных погребений в кувшинах, то они активно встречаются до середины периода *яёй* от преф. Айти до преф. Иватэ в восточной Японии, затем исчезают и вновь появляются в период *кофун*, но уже без сосудов. В начале–середине периода *яёй* вторичные погребения в кув-

шинах встречаются как коллективные захоронения. Погребения в сосудах с антропоморфными изображениями, как правило, единичны, что может свидетельствовать об особом, вероятно, важном и высоком, социальном статусе погребенных. Возможно, это погребения представителей знати, вождей или жрецов. Обнаружение погребальных сосудов с антропоморфными изображениями на достаточно компактной территории может свидетельствовать о традиции отдельно взятой группы населения современной территории преф. Ибараки, сохранившей элементы ритуальной практики периода *дзёмон*, привнеся новые детали, связанные с новыми реалиями жизни. Учитывая такую особенность погребальных сосудов, как отсутствие деталей тела, можно высказать предположение о том, что это изображение не человека, а некоего сверхъестественного существа, вид которого не воспринимается как человеческое тело. То есть образ, который передают сосуды-кувшины, не только касается особого статуса людей, но и подчеркивает их связи со сверхъестественными силами. Детали изображения лица – борода, татуировка трактуются как изображение мужчин, что может свидетельствовать о закреплении высокого статуса мужской части населения в социальной структуре общества *яёй* [Кодай-но…, 1982, с. 51].

Практика вторичных погребений в керамических сосудах в период *яёй* сохраняется у населения Японских о-вов, приобретая новое значение, связанное с различиями ритуальной жизни социальных слоев. В начале периода вторичные погребения более многочисленны, применяются к большему количеству людей, во второй половине становятся редкими и практически исчезают. Находки на территории современной преф. Ибараки демонстрируют сложение локальных особенностей вторичных погребений в виде, в частности, сосудов с антропоморфными изображениями.

Список литературы

Идзумисакаситаисэки-но кэнкю (Изучение памятника Идзумисакасита). Дзиммэнфудоки-о томонау яёйдзидайтюкки-но сайсобо-ни цуйтэ (Сосуды с антропоморфными изображениями о вторичных погребениях периода яёй). – Ибараки: Акэбоно инсацуся, 2011. – 148 с. (на яп. яз.).

Кодай-но као (Лики древности). – Фукуока: Рицурэкисисирёкан, 1982. – 64 с. (на яп. яз.).

Хаккуцусарэта нихонрэтто (Японский архипелаг в раскопках). – Токио: Асахисимбун сюппанся, 2012. – 80 с. (на яп. яз.).

Stanbach S. Clay. The history and evolution of humankind's relationship with Earth's most primal element. – Hannover; L.: Univ. Press of New England, 2005. – 288 p.

References

Hakkucusarjeta nihonrjetto (Japanese archipelago excavated). Tokio: Asahisimbun sjuppansja, 2012, 80 p. (in Japan.).

Idzumisakasitaisjeki-no kjenkju (Studying Izumisakashita site). Dzimmjenfudoki-o tomonau jajojdzidajtjukki-no sajsobo-ni cujtje (Jars with anthropomorphic images about secondary burials of yayoi period). Ibaraki: Akjebono insacusja, 2011, 148 p. (in Japan.).

Kodaj-no kao (Faces of the past). Fukuoka: Ricurjekisisirjokan, 1982, 64 p. (in Japan.).

Stanbach S. Clay. The history and evolution of humankind's relationship with Earth's most primal element. Hannover; L.: Univ. Press of New England, 2005, 288 p.

Соловьева Е.А. https:// orcid.org/0000-0002-3481-7292

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.607-613
УДК 902/904

Н.Ф. Степанова[1], Д.Ю. Рыбаков[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья

В статье представлены результаты изучения керамики эпохи раннего железа и Средневековья из Томского и Нарымского Приобья в рамках историко-культурного подхода. Основная задача – выявление специфики культурных традиций в отборе исходного сырья, подготовке формовочных масс, местных и неместных традиций и зависимости традиций от ландшафтных зон. Установлено, что древнее население Томского Приобья, в отличие от Нарымского, предпочитало слабо- и неожелезненные пластичные глины. Среднеожелезненные глины гончары применяли редко. Керамика из такого сырья нередко имеет и другие необычные черты, что, как правило, свидетельствует о контактах населения. Возможно, посуда из среднеожелезненных глин была изготовлена пришлым населением. Анализ рецептов формовочных масс показал, что в Томском Приобье использование дресвы является местной традицией. Применение шамота – это принесенная традиция. В Нарымском Приобье местной традицией является добавление шамота. Смешение навыков, а, следовательно, контактов населения в Томском и Нарымском Приобье, отражают рецепты, с двумя минеральными примесями – дресвой и шамотом. Рецепт глина + органика редко встречается на обеих территориях и только в памятниках раннего железного века. Видимо, он связан с группой населения, которая могла отличаться и другими чертами, однако на исследуемых памятниках была немногочисленной. В целом выявлены отличия в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс в керамике двух регионов. Кроме того, прослежена тенденция в выборе минеральных примесей в зависимости от доступности камня, пригодного для добавления в формовочные массы. Древние гончары Томского Приобья, где имеются выходы камня, как в горных и предгорных районах Алтая, предпочитали добавлять камень, а в равнинных районах Алтая и Нарымского Приобья, где камня поблизости не было, добавляли шамот.

Ключевые слова: *керамика, исходное сырье, формовочные массы, Томское и Нарымское Приобье.*

Nadezhda F. Stepanova[1], Dmitry Yu. Rybakov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia
E-mail: nstepanova10@mail.ru

Raw Materials and Clay in Ancient Pottery from the Tomsk and Narym Ob Regions

The article analyzes the pottery of the Early Iron Age and Middle Ages from the Tomsk and Narym Ob regions following historical and cultural approach. The main task was to identify specific aspects of cultural traditions manifested in selection of raw materials, preparation of clay, use of local and non-local traditions, and dependence of these traditions on landscape zones. It has been discovered that the ancient population of the Tomsk Ob region, as opposed to the population living in the Narym Ob region, preferred weakly- and non-ferruginous clays. The potters rarely used clays with the medium content of iron. Pottery made of such clays exhibits other uncommon features, which usually indicate the contacts between the populations. Such pottery might have been produced by migrant human groups. The analysis of clay recipes has shown that the use of grus was a local tradition in the Tomsk Ob region, while use of chamotte was an imported tradition. Conversely,

adding chamotte was a local tradition in the Narym Ob region. Mixing of skills and contacts of the populations from the Tomsk and Narym Ob region is reflected in clay recipes with mineral admixtures of grus and chamotte. The recipe of clay + organic additives was rare in both territories and appeared only at the sites of the Early Iron Age. Apparently, it was associated with the population group which could have also differed in other features, but such pottery was not numerous in the areas under study. The article describes the differences in the choice of raw materials and preparation of clay in the pottery of two regions. In addition, there was a special trend in the choice of mineral additives depending on availability of stone suitable for adding to pottery clays. Ancient potters of the Tomsk Ob region where the outcrops of such stone occur, as well as potters from the mountainous and foothill areas of the Altai, preferred to add stone, while potters from flat areas of the Altai and Narym Ob region, where no such stone was available, added chamotte.

Keywords: *pottery, raw materials, clay mass, Tomsk and Narym Ob regions.*

В рамках историко-культурного подхода проводится изучение разновременной керамики с территории Алтая, Казахстана, Томского и Нарымского Приобья и др. [Бобринский, 1978, 1999; Цетлин, 2012; Степанова, 2010, 2015; Ломан, 1993; Рахимжанова, 2018; и др.]. Обобщение результатов подобных исследований керамики с Алтая и некоторых других регионов позволило сделать ряд выводов, имеющих значение как для отдельных археологических памятников и культур, так и в целом. Например, прослежена зависимость в выборе минеральных примесей от ландшафтных характеристик (горная, предгорная, равнинная) территорий, выявлены особенности исходного сырья, характерные для горных районов [Степанова, 2017]. Изучение технологии изготовления керамики из Томского и Нарымского Приобья по методике А.А. Бобринского начато сравнительно недавно [Рыбаков, Степанова, 2013, 2017; Степанова, Рыбаков, 2016; Плетнева, Степанова, 2018; Степанова, Боброва, 2018а, б]. Тем не менее исследованное количество сосудов позволяет провести предварительное обобщение результатов и сделать ряд выводов относительно исходного сырья и состава формовочных масс.

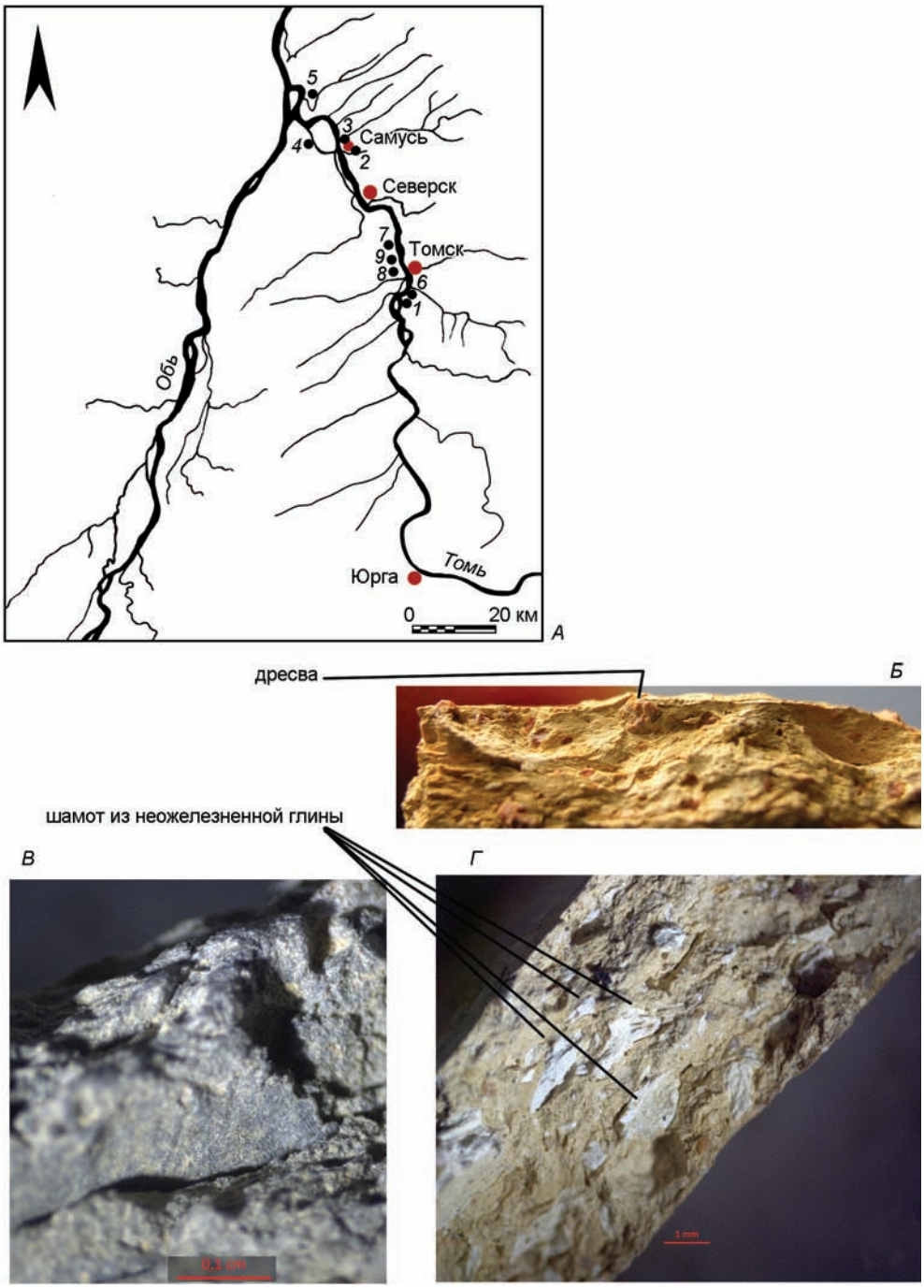
Томское Приобье по физико-географическим характеристикам отличается от Верхнего Приобья, горных и предгорных районов Алтая. Томское Приобье расположено в лесостепной зоне на стыке двух крупных природно-географических поясов. Характеризуется расчлененным рельефом с абсолютными высотами от 69 до 250 м. Долина реки Томи образует до семи террас. Практически везде в основании террас имеется обломочный материал, состоящий из гальки, гравия, реже валунов с разнозернистым песком, представляющим собой отложения руслового типа [Парначев В.П., Парначев С.В., 2010, с. 53]. На малых реках в правобережье Томи также имеются редкие скальные выходы [Там же, с. 5]. Характерной особенностью р. Томи является крутой правый берег, где высокая третья и четвертая террасы подходят близко к реке. Именно здесь расположено большинство известных памятников археологии раннего железного века региона (поселения Шеломок I–III, Самусь II, Кижирово II, Аникино I). В левобережье их значительно меньше (городище Тимирязево III). Отдельную группу памятников представляют самые северные из них: городище Мурашка и поселение Мурашка IV, которые расположены на боровых гривах в устье р. Шишкобойка. Некоторые памятники, например Шеломок I, II, находятся на близком расстоянии относительно один от другого. Максимальное расстояние между наиболее удаленными памятниками не более 80 км (Мурашка–Шеломок).

Нарымское Приобье занимает центральную таежную часть западносибирской равнины. По своим геоморфологическим характеристикам оно значительно отличается от Томского и представляет собой относительно ровную сильно заболоченную равнину. Абсолютные высоты колеблются от 56 до 160 м. Реки Нарымского Приобья принадлежат к типу равнинных, таежных, и крайне бедны камнем. Памятники археологии раннего железного века здесь в основном расположены вблизи небольших речных систем.

При исследовании древней керамики из Томского и Нарымского Приобья в рамках историко-культурного подхода по методике А.А. Бобринского целью было выявление специфики исходного сырья и подготовки формовочных масс. Рассматривались вопросы выделения культурных традиций в навыках отбора исходного сырья и подготовки формовочных масс, признаки смешения традиций. С помощью бинокулярного микроскопа МБС-10 и Stemi-2000-C изучались изломы и поверхности образцов. При исследовании особенностей исходного сырья устанавливалась степень ожелезненности глин, характер содержащихся в них примесей, использование одной или двух глин. Для определения степени ожелезненности глин они дополнительно нагревались в окислительной среде в муфельной печи при температуре 850 °С. Всего было исследовано 496 образцов от разных сосудов с 22 памятников. Основное количество изученных сосудов (398 экз.) происходит из Томского Приобья. Серия образцов из Нарымского Приобья меньше, но тем не менее позволяет провести предварительное обобщение результатов исследований.

Томское Приобье. Изучена разновременная керамика с 13 памятников (см. *рисунок*). Основное количество сосудов относится к шеломокской культуре (VI–IV вв. до н.э.) и томскому варианту кулайской культурно-исторической общности (КИО) (конец IV в. до н.э. – IV в. н.э.) и эпохе Средневековья (IX и XVII вв.).

В результате исследований установлено, что глиняную посуду изготавливали из качественно разных глин – ожелезненных и неожелезненных. Преобладают сосуды из неожелезненного и слабоожелезненного сырья, которые обнаружены на всех памятниках. Суммарно керамика из таких глин составляет от 67 % (Тоянов городок) до 100 % (Са-

Расположение памятников в Томском Приобье (*А*); дресва в ожелезненном сырье (*Б*); отпечатки чешуи рыбы в формовочной массе сосуда (*В*); неожелезненный шамот в слабоожелезненной глине (*Г*).

1 – пос. Шеломок I–III; *2* – пос. Самусь II; *3* – пос. Кижирово II; *4* – городище Рюзаково (Духовое), пос. Рюзаково (Духовое); *5* – городище Мурашка, пос. Мурашка IV; *6* – пос. Аникино I; *7* – городище Тимирязево III; *8* – Кисловский комплекс археологических памятников; *9* – городище Тоянов городок.

мусь II, Кисловские поселения), но в основном 75–88 % (см. *таблицу*). Среднеожелезненное сырье использовалось реже, оно выявлено на девяти памятниках. Сосудов из таких глин от 8 до 33 %. Больше всего их найдено на поселениях Шеломок I, Кижирово II, Аникино I (25–28,5 %) и Тоянов городок (33 %). Сильноожелезненное сырье встречается как исключение, всего на двух памятниках – поселении Шеломок II и Городище Мурашка (6 и 4 %). Отметим, что на обоих памятниках изучены значительные серии образцов, на Шеломке II, например, 135 сосудов, что подчеркивает необычность глиняной посуды из такого сырья.

Использовали преимущественно пластичные глины, в которых естественный песок (диаметр частиц от 0,3 мм и больше), как правило, отсутствует или его примесь минимальна (1–2 фракции на 1 см^2). Обычно это кварцевый песок. Редко встречается и такая естественная примесь, как бурый железняк. По исходному сырью выделяется коллекция из Тоянова городка, где всего 17 % сосудов изготовлено из пластичного сырья, в то время как на остальных памятниках керамики из таких глин от 80 до 100 %. Посуда из средне- и низкопластичного сырья выявлена на семи памятниках, составляет от 1,5 до 20 % и только на Тояновом городке – 83 %. К этой категории сырья относятся глины, в которых зафиксирован кварцевый песок (диаметр частиц обычно от 0,3 до 1,0 мм) в концентрации от 1 : 4–5 до 1 : 1. Особо отметим, что в формовочных массах сосудов с разных памятников иногда прослеживаются отпечатки чешуи рыб (см. *рисунок, В*).

Зафиксировано восемь рецептов формовочных масс, которые по минеральным примесям можно объединить в четыре группы: 1) с добавлением дресвы (дробленого камня) (см. *рисунок, Б*); 2) с шамотом (см. *рисунок, Г*); 3) с применением дресвы и шамота одновременно; 4) без искусственно введенных минеральных примесей.

Почти на всех памятниках преобладает рецепт глина + дресва + органика (от 40 до 100 %). Выделяется коллекция из Тоянова городка, где основной рецепт глина + дресва (67 %). На двух памятниках выявлен рецепт глина ожелезненная + глина неожелезненная + дресва + органика (4 и 3 %). Рецепт глина + шамот + органика зафиксирован на пяти памятниках. Такая посуда составляет, в основном, по 4 %, за исключением двух памятников, с которых исследована незначительная серия сосудов (до 20 %). Рецепты, отражающие смешение культурных традиций (глина + глина + дресва + шамот +

Характеристика исходного сырья с памятников Томского Приобья

Памятник	Период, культура	Пластичность сырья			Ожелезненность сырья			
		пластичное	среднепластичное	низкопластичное	сильноожелезненное	среднеожелезненное	слабоожелезненное	неожелезненное
Шеломок II	VI–IV вв. до н.э., шеломокская культура	98,5	1,5	–	6	12	3	79
Шеломок I		83	8,5	8,5	–	25	58	17
Самусь II		80	–	20	–		80	20
Кижирово II	VI–IV вв. до н.э., шеломокская культура, конец IV в. до н.э. – II в. н.э., томский вариант кулайской КИО	100	–	–	–	25	75	–
Рюзаковский комплекс	Конец IV – II в. до н.э., томский вариант кулайской КИО	98	–	2	–	7	7	86
Мурашка, Мурашка IV	I в. до н.э. – II в. н.э., томский вариант кулайской КИО	87,5	8,3	4,2	4,2	8,3	33,5	54
Аникино I	III–IV вв. н.э., томский вариант кулайской КИО	94	3	3	–	28,5	23	48,5
Тимирязево III	IV в. н.э., томский вариант кулайской КИО	100	–	–	–	14	43	43
Кисловские поселения	IX в.	100	–	–	–	–	–	100
Тоянов городок	XVII в.	17	83	–	–	33	67	–

+ органика, глина + дресва + шамот + органика, глина + дресва + шамот), выявлены на семи памятниках. Они составляют от 5 до 8,5 %. Выделяется поселение Шеломок II, где в общей сложности такой посуды 23 %. К числу необычных относится рецепт глина + органика. Он зафиксирован на трех памятниках (от 3 до 8,5 %).

Нарымское Приобье. Проведен анализ исходного сырья и формовочных масс с девяти памятников эпохи раннего железного века (V–III вв. до н.э.), развитого и позднего Средневековья (X–XIV вв. и XV–XVII вв.). Выявлены особенности при изготовлении керамики на двух ступенях производственного процесса, характерные для археологических памятников разных периодов [Степанова, Боброва, 2018а, б]. В целом для этого региона более характерно использование ожелезненного сырья, неожелезненные глины зафиксированы на двух памятниках: городище Чонджа и поселении Тискинское. В целом керамика из слабо- и неожелезненного сырья преобладает на городище Чонджа (до 56 %) и Тискинском поселении (до 90 %). Однако это исключение.

Выявлено пять рецептов составления формовочных масс, которые по использованию минеральных примесей можно объединить в четыре группы: 1) с добавлением в формовочные массы шамота; 2) дресвы; 3) с добавлением дресвы и шамота одновременно; 4) без искусственно введенных минеральных примесей. В формовочных массах иногда встречаются отпечатки чешуи рыб. Из минеральных примесей древние гончары предпочитали шамот, дресва зафиксирована на двух памятниках, на трех отмечено смешение традиций в использовании минеральных примесей (шамот + дресва). В целом сосудов, в формовочные массы которых добавлена дресва, совсем мало.

Суммируя полученные данные по изучению исходного сырья и формовочных масс, отметим, что древнее население Томского Приобья, в отличие от Нарымского, предпочитало слабо- и неожелезненные пластичные глины. Им были известны среднеожелезненные глины, однако гончары применяли их редко. В ряде случаев для сырья средней ожелезненности отмечен и другой необычный признак – низкая пластичность. Керамика из таких глин нередко имеет необычные черты и по другим признакам, в т.ч. в орнаментации, что в большинстве случаев свидетельствует о контактах населения. Возможно, посуда из среднеожелезненных глин была изготовлена пришлым населением или была неместной на памятниках. Отметим, что обычно гончары с соседних территорий, в частности Алтая, Казахстана и других территорий, использовали среднеожелезненное сырье, а слабо- и неожелезненное, напротив, применяли редко [Степанова, 2010, 2015, 2017; Ломан, 1993; Рахимжанова, 2018]. В настоящее время сложно сказать, почему древние гончары Томского Приобья редко применяли среднеожелезненные глины. Это может быть связано как с меньшей доступностью таких глин, так и со сложившимися традициями.

Как видно из анализа рецептов формовочных масс, в Томском Приобье предпочитали дробить камень для добавления его в формовочные массы. В основном использовали граниты с преобладанием прозрачного и белого кварца, однако на многих памятниках изредка встречается керамика, для изготовления которой применяли граниты с красным или розовым кварцем. Такие сосуды необычны для большинства коллекций. В целом использование дробленого камня для изготовления глиняной посуды в Томском Приобье является местной традицией. Применение шамота – это принесенная традиция, т.к. она не характерна для изученных коллекций. В Нарымском Приобье, напротив, добавление шамота является местной традицией. Смешение традиций, а, следовательно, контакты населения, фиксируется как в Томском, так и Нарымском Приобье, т.к. при изготовлении керамики одновременно использовали дресву и шамот. Совсем необычный рецепт глина + органика редко встречается на обеих территориях и только в памятниках раннего железного века. Видимо, он связан с группой населения, которая могла отличаться и другими чертами, однако на исследуемых памятниках была немногочисленной.

Таким образом, в ходе исследования не только выявлены культурные традиции в выборе исходного сырья и подготовке формовочных масс у населения Томского и Нарымского Приобья, но и прослежена тенденция в выборе минеральных примесей в зависимости от доступности камня, пригодного для добавления в формовочные массы при изготовлении глиняной посуды. Древние гончары Томского Приобья, где имеются выходы камня, также как горных и предгорных районов Алтая, предпочитали добавлять камень, а в равнинных районах Алтая и Нарымского Приобья, где камня поблизости не было, добавляли шамот. Дальнейшие исследования керамики очень перспективны.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках госзадания № 0329-2019-0003 «Историко-культурные процессы в Сибири и на сопредельных территориях» и при поддержке Программы повышения конкурентоспособности Томского государственного университета.

Список литературы

Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. – М.: Наука, 1978. –272 с.

Бобринский А.А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. – Самара: Изд-во Сам. гос. пед. ун-та, 1999. – С. 5–109.

Ломан В.Г. Гончарная технология населения Центрального Казахстана второй половины II-го тыс. до н.э.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – М., 1993. – 31 с.

Парначев В.П., Парначев С.В. Геология и полезные ископаемые окрестностей города Томска. Материалы к полевой геологической экскурсии. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 2010. – 141 с.

Плетнева Л.М., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики с поселения Шеломок II // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. – 2018. – № 3 (21). – С. 107–117. – DOI: 10.23951/2307-6119-2018-3-107-117.

Рахимжанова С.Ж. Керамические традиции в эпоху энеолита – ранней бронзы на территории степного Обь-Иртышского междуречья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Барнаул, 2018. – 25 с.

Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа кулайской керамики поселенческого комплекса Рюзаково (Духовое) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2013. – № 2 (22). – С. 86–90.

Рыбаков Д.Ю., Степанова Н.Ф. Результаты технико-технологического анализа керамики памятников кулайской культурно-исторической общности из Томского и Нарымского Приобья // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2017. – Вып. 49. – С. 56–63. – DOI: 10.17223/19988613/49/9.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья и формовочных масс керамики эпохи неолита и бронзы Горного Алтая и его северных предгорий // Древнее гончарство: итоги и перспективы изучения. – М.: ИА РАН, 2010. – С. 117–125.

Степанова Н.Ф. Культурные традиции в выборе исходного сырья и минеральных примесей при изготовлении керамики по материалам горных, предгорных, степных и лесостепных районов Алтая // Самарский науч. вестн. – 2015. – № 4 (13). – С. 90–95.

Степанова Н.Ф. Особенности исходного сырья из горных и лесостепных районов Алтая и сопредельных территорий (по материалам керамических комплексов эпохи неолита – раннего железного века) // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. XXIII. – С. 401–404.

Степанова Н.Ф., Боброва А.И. Особенности исходного сырья и состава формовочных масс керамических комплексов из Томского Приобья // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018а. – Т. XXIV. – С. 324–328. – DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.324-328.

Степанова Н.Ф., Боброва А.И. Первые результаты технико-технологического анализа керамики из Нарымского Приобья (по материалам из фондов Томского областного краеведческого музея) // Человек и Север: антропология, археология, экология: мат-лы всерос. науч. конф., г. Тюмень, 2–6 апреля 2018 г. – Тюмень: Тюм. науч. центр СО РАН, 2018б. – Вып. 4. – С. 224–228.

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Первые результаты технико-технологического анализа керамики городища Тимирязево III кулайской культурно-исторической общности // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 420–423.

Цетлин Ю.Б. Древняя керамика. Теория и методы историко-культурного подхода. – М.: ИА РАН, 2012. – 384 с.

References

Bobrinskii A.A. Goncharstvo Vostochnoi Yevropy. Moscow: Nauka, 1978, 272 p. (in Russ.).

Bobrinskii A.A. Goncharnaya tekhnologiya kak ob"ekt istoriko-kul'turnogo izucheniya. In *Aktual'nye problemy izucheniya drevnego goncharst*va. Samara: State Ped. Univ. Press, 1999, pp. 5–109 (in Russ.).

Loman V.G. Goncharnaya tekhnologiya naseleniya Tsentral'nogo Kazakhstana vtoroi poloviny II-go tys. do n.e.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Moscow, 1993, 31 p. (in Russ.).

Parnachev V.P., Parnachev S.V. Geologiya i poleznye iskopaemye ok-restnostei goroda Tomska. Materialy k polevoi geologicheskoi ehkskursii. Tomsk: State Univ. Press, 2010, 141 p. (in Russ.).

Pletneva L.M., Stepanova N.F. Results of the technical and technological analysis of ceramics from Shelomok II settlement. *Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology*, 2018, No. 3 (21), pp. 107–117. DOI: 10.23951/2307-6119-2018-3-107-117 (in Russ.).

Rakhimzhanova S.Zh. Keramicheskie traditsii v ehpokhu eneolita – rannei bronzy na territorii stepnogo Ob'-Irtyshskogo mezhdurech'ya: cand. sc. (history) dissertation abstract. Barnaul, 2018, 25 p. (in Russ.).

Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. Resultaty tekhnico-tekhnologicheskogo analiza kulayskoi keramiki poselencheskogo kompleksa Ryuzakovo (Duhovoye). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2013, No. 2 (22), pp. 86–90 (in Russ.).

Rybakov D.Yu., Stepanova N.F. The Results of Technical and Technological Analysis of Ceramics of the Kulai Cultural-Historical Community's Sites from

the Tomsk and Narym Ob Region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2017, iss. 49, pp. 56–63. DOI: 10.17223/19988613/49/9 (in Russ.).

Stepanova N.F. Osobennosti iskhodnogo syr'ya i formovochnyh mass keramiki epohi neolita i bronzy Gornogo Altaya i ego severnyh predgorij. In *Drevnee goncharstvo: itogi i perspektivy izucheniya*. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2010, pp. 117–125 (in Russ.).

Stepanova N.F. Cultural traditions in selection of feedstock and mineral admixturesin ceramics production (on the ground of materials from the mountainous, foothill, steppe and forest-steppe areas of Altai). *Samarskij nauchnyj vestnik*, 2015, No. 4 (13), pp. 90–95 (in Russ.).

Stepanova N.F. Features of the initial raw materials from the mountainous and forest-steppe areas of Altai and adjacent territories (on materials of ceramic complexes of the neolithic era – the early Iron Age). In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2017, vol. XXIII, pp. 401–404 (in Russ.).

Stepanova N.F., Bobrova A.I. Features of the Raw Materials and Composition of Pottery Paste of the Ceramic Complexes from Tomsk Ob Region. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018a, vol. XXIV, pp. 324–328. DOI: 10.17746/2658-6193.2018.24.324-328 (in Russ.).

Stepanova N.F., Bobrova A.I. Pervye rezul'taty tekhniko-tekhnologicheskogo analiza keramiki iz Narymskogo Priob'ya (po materialam iz fondov Tomskogo oblastnogo kraevedcheskogo muzeya). In *Chelovek i Sever: antropologiya, arkheologiya, ehkologiya. Materialy vserossiiskoi nauchnoi kon-ferentsii, g. Tyumen, 2–6 aprelya 2018 g.* Tyumen: Tyumen Scientific Centre SB RAS, 2018b, iss. 4, pp. 224–228 (in Russ.).

Stepanova N.F., Rybakov D.Yu. The First Results of the Technical and Technological Analysis of the Ancient Settlement Timiryazevo III Ceramics of the Kulay Cultural and Historical Community. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. XXII, pp. 420–423 (in Russ.).

Tsetlin Y.B. Ancient Ceramics. Theory and Methods of Historical-and-Cultural Approach. Moscow: Institute of Archaeology RAS, 2012, 384 p. (in Russ.).

Степанова Н.Ф. https://orcid.org/0000-0003-4017-5641

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.614-618
УДК 902.2

С.Ф. Татауров[1, 2], М.П. Чёрная[2], С.С. Тихонов[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия
E-mail: mariakreml@mail.ru

Исследования в историческом центре города Тары в 2019 году

В 2019 г. – двенадцатом сезоне археологических исследований в историческом центре г. Тары – подведен определенный итог раскопкам в острожной части Тары в районе, прилегающем к Тобольской острожной башне. На данной площадке изыскания проводились в 2009–2011, 2015–2019 гг., общая площадь раскопов составляет более 800 м^2. Открыты и изучены различные объекты: жилищно-хозяйственные комплексы, а также здания общегородского и общественного значения (пожарная каланча, полковая канцелярия, богадельня, винная лавка и др.). Работы позволили составить планиграфию города и динамику ее изменений в период с XVII по XIX в., показать архитектурные и конструктивные особенности застройки, бытовые условия проживания тарчан в острожной части города. В 2019 г. были обследованы участки, примыкавшие к границам раскопов 2018 г. (раскоп 1) и 2015–2016 гг. (раскоп 2), что позволило объединить площадки в единую исследованную зону. В раскопе 1, расположенном вдоль кромки коренного берега Иртыша, обнаружены остатки дома-пятистенка с углубленным подклетом, а также постройка неясного назначения. Культурный слой по коллекции собранных здесь монет датируется концом XVIII – серединой XX в. В раскопе 2 выявлено три разновременных строительных горизонта. Наиболее ранний, представленный остатками погреба и ямами-глинищами, датируется второй половиной XVIII в. Второй строительный горизонт представлен баней и дворовыми вымостками, входившими в состав усадьбы, построенной в середине 1920-х гг. и уничтоженной пожаром в 1930-е гг. На третьем строительном горизонте выявлены столбы-стулья пожарной каланчи, существовавшей с середины 1930-х гг. до 1964 г. В 2019 г. также проведены рекогносцировочные работы на месте Никольской церкви и в северо-западной части Тарской крепости с целью выявления перспективных участков для раскопок в историческом центре города в последующие годы.

Ключевые слова: *город, Тара, археология, история, планиграфия, культурный слой.*

Sergey F. Tataurov[1, 2], Mariya P. Chernaya[2], Sergey S. Tikhonov[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]National Research Tomsk State University,
Tomsk, Russia
E-mail: mariakreml@mail.ru

Research in the Historical Center of the Town of Tara in 2019

The year of 2019 marked the twelfth season of archaeological studies in the historical center of the town of Tara. The article sums up the excavation results in the fortification area adjacent to the Tobolskaya fortress tower. Excavations at this site were carried out in 2009–2011 and in 2015–2019 and covered the total area of over 800 m^2. Various structures have been discovered and studied, including household complexes as well as buildings of townwide and public function (fire tower, regimental chancellery, poorhouse, wine shop, and others). These works have made it possible to establish the town planigraphy and dynamics of its changes from the 17th to the 19th century, and reveal architectural and structural features of the building system as well as living conditions of the Tara inhabitants in the fortified part of town. In 2019, the areas adjacent to the boundaries of the excavations done in 2018 (excavation pit 1) and 2015–2016 (excavation pit 2) were surveyed, which made it possible to unite the excavation pits into a single research area. The remains of a five-walled house with the ground floor deepened into the ground and structure of unclear purpose were found in excavation pit 1, located along the edge of the bedrock bank of the Irtysh River. Based on the collection of coins found in the cultural

layer, the layer may be dated to the late 18th–mid 20th century. Excavation pit 2 revealed three building horizons of different periods. The earliest layer contained the remains of a cellar and pits for extracting clay, and was dated to the second half of the 18th century. The second layer contained the remains of a bathhouse and courtyard pavement, built in the mid 1920s and destroyed by the fire in the 1930s. The third building layer contained the posts remaining from fire tower which existed since the mid 1930s until 1964. In addition, in 2019, survey works were carried out at the site of St. Nicholas church and in northwestern part of the Tara fortress in order to identify prospective areas for excavations in the historical center of the town in the following years.

Keywords: *town, Tara, archaeology, history, planigraphy, cultural layer.*

В 2019 г. совместной экспедицией Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения ИАЭТ СО РАН и Национального исследовательского Томского государственного университета продолжены археологические изыскания на территории Тарской крепости (руководители С.Ф. Татауров, М.П. Чёрная). Они стали продолжением работ предыдущих лет в острожной части города по краю коренного берега Иртыша.

Практической задачей этого сезона было объединение участков, раскопанных в 2009–2010 и 2015–2019 гг., в единую площадь. В связи с этим исследования проводились на двух площадках, которые примыкали к границам раскопов 2018 г. (раскоп 1) и 2015–2016 гг. (раскоп 2). Общая площадь, вскрытая в 2019 г., составила ок. 200 м^2 при средней мощности культурного слоя 1,5 м. Зафиксировано и исследовано несколько жилых и хозяйственных объектов XVIII–XX вв. Нам удалось идентифицировать эти комплексы с конкретными зданиями г. Тары, уточнить их расположение и время существования. Важным, на наш взгляд, является то, что с каждым объектом соотносится определенная коллекция предметов, что позволит в дальнейшем более точно определять специфику городских общественных и государственных комплексов. В ходе раскопок получена представительная коллекция керамики, бытовых и хозяйственных предметов, монет и украшений (примерно 1000 ед.). Помимо этого были проведены рекогносцировочные работы в районе расположения Никольского собора, разрушенного в 30-е гг. XX в., и в парке имени А. Клименко с целью выявления культурного слоя и определения зоны исследований в последующие сезоны.

В раскопе 1 площадью 60 м^2, расположенном вдоль кромки коренного берега Иртыша, предполагалось завершить вскрытие объектов, зафиксированных в 2018 г. и предварительно интерпретированных как погреба. Однако в ходе исследований 2019 г. выяснилось, что это остатки большого срубного дома-пятистенка, построенного вдоль кромки коренного берега и углубленного на 1,7 м от дневной поверхности. Размеры дома 6,5 × 4,2 м. Сохранилось четыре венца сруба. С востока к дому примыкала постройка (6 × 4 м) неясного назначения. Вероятно, заглубленная часть здания представляет хозяйственный подклет. Возможно, он использовался в качестве склада, что подтверждает находка большого безмена и полупудовой гири (8 кг). Жилой дом с углубленным подклетом встречен в ходе раскопок Тары впервые, хотя подобные постройки известны по раскопкам других городов, например Томска [Чёрная, 2015, с. 54–56], и в целом характерны для русского домостроительства. Тара в этом отношении не являлась исключением, что документируют историко-этнографические материалы. Известно, что в Таре еще в начале XX в. стоял дом купца Я.В. Орлова, построенный по такому же принципу: он был врезан в край берега, а нижняя каменная часть заглублена на несколько метров.

В ходе изучения культурного слоя в раскопе 1 была собрана коллекция монет, охватывающая период с конца XVIII до середины XX в.

Отсутствие фортификаций вдоль современного обреза коренной террасы позволяет говорить об изменении береговой линии в ходе хозяйственного освоения территории, когда склоны скапывались, чтобы сделать их более пологими и разбить здесь огороды. В период правления Павла I эта территория застраивалась казенными и жилыми зданиями.

Раскоп 2 площадью 148 м^2 (рис. 1, 2) примыкал к границам раскопов 2015–2016 гг. Срубы из раскопа 2016 г., согласно дендрохронологическим данным, относятся к 80-м гг. XVIII в. Это позволило уточнить датировку полученной в ходе исследований вещевой коллекций – обуви, предметов быта, производственного инвентаря. Поэтому основной задачей этого сезона было создание более полной планиграфической картины застройки данной части города в указанное время и получение материалов об условиях жизни и хозяйственных занятиях проживавшего здесь населения.

В ходе изучения культурного слоя было зафиксировано три строительных горизонта. Самые ранние объекты, исследованные в 2019 г. в раскопе 2, – погреб и две ямы-глинища датируются второй половиной XVIII в. и входят в один жилищно-хозяйственный комплекс с избой и двумя погребами, зафиксированными в 2015 г. Глинища представляют собой округлые ямы диаметром ок. 2 м и глубиной 1,5 м. Подобное глинище нами открыто в ходе исследований 2016 г. Расположение подобных объектов

Рис. 1. Трехмерная съемка раскопа 2. Вид сверху.

Рис. 2. Трехмерная съемка раскопа 2. Перспективное изображение под углом 30°.

в жилой зоне диктовалось условиями крепости, когда население длительное время не могло покинуть ее пределы, поэтому было вынуждено заниматься добычей сырья в непосредственной близости от своих изб. Погреб представлял собой сруб из семи венцов, размерами 3,3 × 3,3 м и глубиной 1,4 м. Пол погреба выложен тесаными плахами, вдоль северной стены сохранились днища от двух бочек. Спуск в погреб был устроен при помощи лестницы из двух бревен с перекладинами, которые упирались в специальную колоду-основание. Обнаруженный в 2019 г. погреб дополнил число объектов, связанных с решением важнейшей для тарчан проблемы – продовольственного обеспечения, которая была особенно острой в полувоенных условиях жизни пограничного города [Чёрная, Татауров, Борило, 2018].

К раннему строительному горизонту относятся линии ямок, оставшихся от заборов-частоколов из березовых кольев. Подобные частоколы, разграничивавшие внутреннюю площадь двора на отдельные зоны, уже встречались при раскопках Тары и, видимо, были характерной особенностью зонирования жилищно-хозяйственных комплексов [Чёрная, Татауров, 2015а, б].

При изучении этого горизонта была получена представительная коллекция предметов. Комплекс обуви состоит из 140 предметов, включая более 25 целых изделий. Основной объем обувной коллекции представлен деталями кожаных сапог с наборным каблуком. К низкой обуви принадлежат простые поршни, имеющие сильные следы износа, а также несколько фрагментов аборигенной обуви и городских туфель жесткой конструкции, в т.ч. женская туфля с наборным каблуком высотой 8 см. Подобная женская обувь обнаружена на поселении Ананьино I (12 км от Тары) [Татаурова, Богомолов, 2016]. В целом обувная коллекция 2019 г. соответствует типам обуви, выделенным по материалам раскопок Тары предыдущих лет [Осипов и др., 2017]. Кроме обуви кожаные изделия представлены рукавицами-голицами, фрагментами ремней, сумки (?), а также ремесленными отходами (обрезки вторичного кроя, заплаты)*.

Коллекция керамики состоит из кухонной (горшки, корчаги, жбаны) и столовой (миски, сливочники, рукомои) посуды. Металлический инвентарь представлен железными ножами, рыболовными крючками, ременными пряжками. В ряду других находок следует отметить стеклянные шарики диаметром 3,5–5 см. Хотя стеклянные шарики найдены при раскопках разных русских археологических комплексов XVII–XVIII вв. (например, в Мангазее, Ананьино I и др.), их функциональное предназначение неясно. Двояко можно интерпретировать найденный миниатюрный горшочек, оплетенный тонкими полосками бересты: скорее всего, это детская игрушка, но, возможно, и солонка.

Второй строительный горизонт представлен фрагментом усадьбы, построенной в середине 20-х гг. XX в. В раскопе зафиксированы остатки крытого (?) двора, разрушенного в ходе строительства новой каланчи, и бани. На территории двора между избой и баней обнаружено нескольких настилов, которые покрывали площадь примерно в 30 м^2. Маленькая (2 × 2 м) срубная баня сохранилась на два венца. Внутри бани – остатки кирпичной печки (0,8 × 0,8 м) и пол из плах. Постройки просуществовали сравнительно недолго, ок. 10 лет. В результате пожара была уничтожена изба, которая располагалась преимущественно за пределами раскопа: от нее остался мощный прокал и большое скопление кирпича. Следы огня несут на себе многие фрагменты настилов и бревен бани. После пожара постройки были заброшены.

Датировка этого комплекса объектов осуществлялась по коллекции монет (16 шт.), относящихся к 1924–1932 гг., и по клеймам на фаянсовой посуде. В ходе вскрытия этого горизонта найдены фрагменты керамической посуды, в основном горшки, в т.ч. лепные, и крынки, несколько железных ножей, колокольчик для дуги конской упряжи, два маленьких колечка: одно серебряное, второе представляет небольшой перстенек, на щитке которого изображен цветок.

На третьем строительном горизонте выявлены столбы-стулья пожарной каланчи, построенной примерно в середине 30-х гг. XX в. Лиственничные столбы диаметром 0,6–0,7 м, вкопанные на глубину 1,5 м, образуют прямоугольный (северо-восточный) угол каланчи. К этому комплексу относятся находки трех пожарных топоров и фрагменты брезентовых рукавов.

В 2011 г. нами были исследованы остатки пожарной каланчи, построенной раньше – в середине XIX в. Она запечатлена на фотографиях начала XX в., что и позволило соотнести ее с материалами раскопок. От каланчи сохранились огромные столбы, вкопанные на глубину почти двух метров и образующие квадрат 10 × 10 м. По периметру и внутри объекта был зафиксирован мощный прокал, слои золы и угля. Примерно в 1918–1920 гг. каланча сгорела, остатки ее были разобраны. На более поздних фотографиях этой части города отображена каланча другой конструкции, обшитая досками. Она была построена в середине 30-х гг. XX в., неподалеку от бывшей (сгоревшей) каланчи. Новая вышка простояла до 1964 г., когда из-за ветхости была разобрана на дрова. Остатки этой каланчи и были обнаружены в нынешнем полевом сезоне.

В 2019 г. проведены рекогносцировочные работы с целью выявления перспективных участков для раскопок в историческом центре города в последующие годы.

На месте расположения Никольского собора, построенного в конце XVIII в. и разобранного в середине 30-х гг. XX в., был заложен раскоп площадью 16 м^2 для поиска фундамента собора и прихрамового кладбища. Обе эти задачи были выполнены. Обнаружена часть фундамента в виде кирпичной кладки шириной 1,4 м и глубиной ок. 1,5 м. Фундамент находится в хорошем состоянии, поскольку собор был разобран, а не взорван. В одном метре

*Выражаем благодарность д-ру ист. наук Д.О. Осипову за работу по выявлению типов кожаных изделий из раскопок Тары 2019 г.

от стены храма зафиксирована могильная яма, которую вскрыли примерно в начале XXI в., кости скелета были аккуратно сложены в большой полиэтиленовый пакет (?). Обнаружение захоронения, хотя и нарушенного, подтверждает наличие прихрамового кладбища. Таким образом, перспективы раскопок комплекса собора и кладбища несомненны.

Второй перспективной площадкой для исследований в последующие сезоны является северо-западная часть Тарской крепости, где, судя по планам XVIII в., располагались государственные житницы (амбары) для хранения зерна, оружия, других припасов, а также Спасская башня, а в XIX в. – Базарная площадь. Сегодня здесь разбит парк им. А. Клименко. В парке заложены два шурфа 2 × 2 м. Стратиграфия шурфов сходная: под гумусом залегает почти метровый слой современного строительного мусора, ниже которого – напластования XVIII в. На глубине 1,5 м в одном шурфе обнаружена мостовая из толстых тесаных плах, а в другом – сруб из мощных, диаметром 0,4 м, бревен. Выборка культурного слоя была прекращена, чтобы не нарушить обнаруженные конструкции. В ходе выборки получен ряд находок – керамика гончарная и лепная, рыболовные принадлежности – железный крючок и поплавок из сосновой коры, детали кожаной обуви. Шурфовка показала перспективность паркового участка для дальнейших раскопок.

В результате работ 2019 г. на территории острожной части города исследованы жилые, хозяйственные постройки и производственные площадки второй половины XVIII в., жилищно-бытовой комплекс 20–30-х гг. XX в., а также каланча, существовавшая в период с 1930-х гг. до 1964 г. Определены перспективные площадки в историческом центре Тары для исследований в последующие сезоны.

Благодарности

Исследования выполнены при финансовой поддержке РНФ по теме «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении» (№ 18-18-00487 от 16.04.2018 г.).

Список литературы

Осипов Д.О., Татауров С.Ф., Тихонов С.С., Чёрная М.П. Коллекция кожаных изделий из Тары (по материалам раскопок 2012–2014 гг.) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – Т. 45, № 1. – С. 112–120.

Татаурова Л.В., Богомолов В.Б. Женские кожаные туфли на высоком каблуке XVII–XVIII вв. (по материалам археологических комплексов русских Омского Прииртышья) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 2. – С. 109–117.

Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. – Томск: Изд. дом «Д' Принт», 2015. – 276 с.

Чёрная М.П., Татауров С.Ф. Ограды как элемент планировки и застройки городской усадьбы в историко-археологическом контексте Томска и Тары // Археологические изыскания в Западной Сибири и на сопредельных территориях: сб. науч.-исслед. работ по итогам конф., посв. 90-летию проф., д-ра ист. наук Т.Н. Троицкой. – Новосибирск: Изд-во Новосиб. гос. пед. ун-та, 2015а. – С. 127–135.

Чёрная М.П., Татауров С.Ф. Ограждения в бытовом контексте городской усадьбы (по материалам Томска и Тары) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2015б. – № 6 (38). – С. 100–107.

Чёрная М.П., Татауров С.Ф., Борило Б.С. Продовольственное обеспечение и хранилища для припасов в историко-археологическом контексте Тары // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2018. – № 56. – С. 177–185.

References

Chernaya M.P. Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arheologicheskaya rekonstruktsiya. Tomsk: „D' Print" Publ., 2015, 276 p. (in Russ.).

Chernaya M.P., Tataurov S.F. Ogrady kak element planirovki i zastroyki gorodskoy usad'by v istoriko-arkheologicheskom kontekste Tomska i Tary. In *Arkheologicheskiye izyskaniya v Zapadnoy Sibiri i na sopredel'nykh territoriyakh: sbornik nauchno-issledovatel'skikh rabot po itogam konferentsii, posvyashchennoy 90-letiyu professora, doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Nikolayevny Troitskoy*. Novosibirsk: State Ped. Univ. Press, 2015a, pp. 127–135 (in Russ.).

Chernaya M.P., Tataurov S.F. Fences in Domestic Context of Urban Manor (on Tomsk and Tara Material). *Tomsk State University Journal of History*. 2015b, No. 6 (38), pp. 100–107 (in Russ.).

Chernaya M.P., Tataurov S.F., Borilo B.S. Food supply and storage for provisions in the historical and archaeological context of Tara. *Tomsk State University Journal of History*, 2018, No. 56, pp. 177–185 (in Russ.).

Osipov D.O., Tataurov S.F., Tikhonov S.S., Chernaya M.P. Leather Artifacts from Tara, Western Siberia, Excavated in 2012–2014. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2017, vol. 45, No. 1, pp. 112–120.

Tataurova L.V., Bogomolov V.B. Women's High-Heel Leather Shoes from 17th–18th Century Russian Villages near Omsk. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 2, pp. 109–117.

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.619-625
УДК 904

Л.В. Татаурова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Русский комплекс XVII–XVIII веков Ананьино I в Тарском Прииртышье. Открытия и уникальные находки полевого сезона 2019 года

Сельские поселения, основанные в период заселения русскими Сибири, мало исследованы археологами. Исключение составляет территория близ г. Тары (основан в 1594 г.), где проводятся многолетние раскопки русской деревни Ананьино, ведущей свою историю с XVII в. В 2019 г. в раскоп попало одно жилище сложной конструкции. Планиграфически жилище дважды перестраивалось от небольшой избы к избе с сенями, а затем – к избе-связи. Последний тип жилища характерен для большинства русских поселений Сибири XVII–XVIII вв. В заполнении жилища обнаружено большое количество инвентаря и керамических сосудов, в т.ч. целых. Под половицами жилища найдена коллекция бус, кресальных камней, ножи, грузила и рыболовные крючки, детали кожаной обуви, медные нательные крестики и др. Уникальными находками стали срединная часть деревянной кибити лука и железный навесной замок от сундука в виде собачки. Кибити от луков зафиксированы в культурном слое Мангазеи. Замки-собачки в X–XIV вв. производились в Болгаре. Они имели широкое распространение и встречены в слоях XII в. Московского Кремля, Старой Рязани. Открытием стало обнаружение на поселении погребального комплекса. Зафиксировано взрослое и два детских захоронения. В другом раскопе на кладбище, которое относится к поселению, изучено пять могил. Полученные материалы о структуре жилищ, взаиморасположении поселенческого и погребальных комплексов, а также уникальные находки позволяют существенно дополнить информацию о жизни и быте проживавшего в деревне русского населения и его торговых связях.

Ключевые слова: *русские, археология, жилище, находки, погребальный комплекс.*

Larisa V. Tataurova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: Li-sa65@mail.ru

Russian Complex of Ananyino I of the 17th–18th Centuries from the Tara Irtysh Region: Discoveries and Unique Finds in the Field Season of 2019

Rural settlements founded during the period of the Russian settlement in Siberia have been rarely studied by archaeologists. The notable exception is a territory near the town of Tara (founded in 1594), where the Russian village of Ananyino, founded in the 17th century has been excavated for many years. In 2019, one dwelling of sophisticated structure was unearthed. The dwelling was rebuilt twice from a log house to the house with the anteroom, and then to the double log house with two parts connected by the anteroom. The latter type of dwelling is typical for the majority of the Russian settlements in Siberia of the 17th–18th centuries. The filling of the dwelling contained a large number of inventory and pottery, including intact vessels. Collection of beads, flintstones, knives, sinkers, fishing hooks, details of leather shoes, copper baptismal crosses, etc. was found under the floorboards of the dwelling. The unique finds were the middle part of a wooden bow and iron padlock from a chest in the form of the dog. Wooden bow parts have been earlier discovered in the cultural layer of Mangazeya. Dog-like padlocks were made in Bolghar in the 10th–14th centuries. They were common and have been found in the layers of the 12th century in the Moscow Kremlin and Old Ryazan. An interesting discovery was a burial complex found in the area of the settlement. One adult burial and two children's burials have been explored.

Five graves were studied in another excavation pit in the cemetery associated with the settlement. New evidence on the structure of the dwellings, spatial relationship of the settlement and burial complexes, as well as unique finds significantly enrich the information on the life of the Russian population of the village and its trade connections.

Keywords: *Russians, archaeology, dwelling, finds, burial complex.*

Введение

Русская деревня Ананьино в Тарском р-не Омской обл., основанная в начале XVII в., уже более десяти лет исследуется автором как памятник археологии. Комплекс (поселение и кладбище) дал представительный и уникальный материал по различным сторонам системы жизнеобеспечения: жилищам и их типам, планиграфии и внутреннему обустройству [Татаурова, Крих, 2015; Татауров и др., 2018; Татаурова, 2018б], хозяйству, промыслам и ремеслам [Татаурова, 2018а], костюмным комплексам [Богомолов и др., 2013].

Полевой сезон 2019 г. был ориентирован на завершение исследования жилища, частично раскопанного в 2018 г., и продолжение изучения погребального комплекса. Работы проводились по открытому листу № 1212-2019 от 12.07.2019 г.

Результаты изучения поселенческих структур и погребальных практик

На поселении полностью изучено жилище сложной конструкции. Традиционно оно ориентировано по линии СЗ – ЮВ, и по планиграфии его можно было бы отнести к избе с сенями, расположенными с юго-восточной стороны. Но встык к юго-восточной стене сеней пристроен еще один сруб, что позволяет предположить развитие из избы с сенями избы-связи.

Внутреннее пространство избы составило 4,0 × 4,3 м, что равняется 17,2 м^2. Сени площадью 11,4 м^2 поставлены встык к юго-восточной стене жилища, без северо-западной стены, остальная часть – срубная конструкция, сохранившаяся из трех венцов с выпусками (рис. 1).

С ЮВ к сеням примыкал еще один сруб, от его северо-западной стены сохранилось пять венцов (рис. 1), юго-восточная и юго-западная стены не сохранились. Внутренние размеры помещения составили ок. 10,5 м^2. Можно предположить, что этот сруб был частью избы-связи, но в таком случае сени имели бы только две собственные стены, а две другие были бы стенами основных срубов жилища. Такая техника строительства преобладает в жилищах на раскопанной части поселения. Но в пользу того, что все три сруба могли составлять один комплекс, говорит остаток северо-восточной стены сеней за пределами сруба в виде бревна между двух столбов с вертикальным пазом, установленных у восточного угла основной избы и у северного угла сруба, пристроенного к сеням. Общая площадь избы-связи составила 39,1 м^2.

Вход в сени был с юго-западной стороны у южного угла жилой избы, о чем свидетельствует проем под порог шириной 75 см. Бревно, в котором вырублена площадка под порог, укреплено с обеих сто-

Рис. 1. 3D-модель жилищного комплекса на поселении, выполненная по оригинальной авторской методике без применения беспилотного летательного аппарата [Быков и др., 2019]. Вид с ВСВ.

рон вертикальными колами, вставленными в пазы размером 10 см в этом бревне. Необходимость колов обусловлена тем, что порог находился с северо-западного края бревна юго-западной стены, а северо-западной стены у сеней не было, они стояли встык к жилой избе. Снаружи, у порога, в 2018 г. зафиксирован бегун – верхняя половина жернова от ручной крупорушки диаметром 41 см и втулка к нему.

Зафиксированная планиграфия могла сложиться потому, что жилище дважды перестраивалось. Ранняя изба, окладной венец которой был открыт под полом поздней постройки, первоначально была маленькой, площадью 6,75 м^2, из тонких (18 см) бревен (рис. 2).

Вероятно, от раннего сруба остался и развал печи, зафиксированный снаружи у северо-западной стены поздней избы (рис. 1, 3). Глина от него была на уровне первого венца наружного сруба, в ней обнаружено большое количество фрагментов керамики и индивидуальные находки: супинатор от обуви, кремень, наконечник стрелы. Стратиграфия разреза развала слоистая и представлена глиной с тонкими прослойками угля. Слоев глины на досках пола поздней постройки не зафиксировано.

Тем не менее не исключено, что развал печи образовался после или вместе с разрушением всего жилища. В раннем и позднем срубах полы были настланы из широких и толстых плах. Пол наружного, позднего, сруба положен поверх нижнего уровня. Направление половиц (СЗ – ЮВ) свидетельствует о том, что вход был с ЮВ, из сеней, которые пристроили к позднему срубу. После возведения третьей части сени, возможно, расширили за счет постройки северо-восточной стены методом набирки.

В жилище и вокруг зафиксировано большое количество керамики в скоплениях и целых формах: это корчаги, миски, горшки, сковороды, рукомой. Представителен объем фрагментов китайского фарфора конца XVII – XVIII в. В самом жилище найдено более 200 индивидуальных находок, из них 40 бусин разных цветов и форм (рис. 4, *1*), две детали с бусинами от пары сережек и четыре – от украшений с использованием металлической проволоки. Зафиксированы железные ножи, оселок, супинаторы и кожаные детали обуви, два кресала калачевидной формы и сорок кремней, несколько нательных крестов, в основном пятого типа по В.И. Молодину [2007], а также части стеклянных шариков-игрушек, аналогичных найденному в 2005 г. [Довгалюк, Татаурова, 2010, с. 39]. Из промыслового инвентаря – глиняные грузила, поплавки из коры, рыболовные крючки. Большая часть мелких находок (бусы, крестики) найдены под и между половицами. С северо-восточной и северо-западной сторон жилища обнаружена завалинка из бревен, засыпанных землей.

Рис. 2. Внутренний, ранний, сруб в избе. Вид с ВСВ. Фото Л.В. Татауровой.

Рис. 3. Развал глинобитной печи у СЗ стены жилища. Вид с С. Фото Л.В. Татауровой.

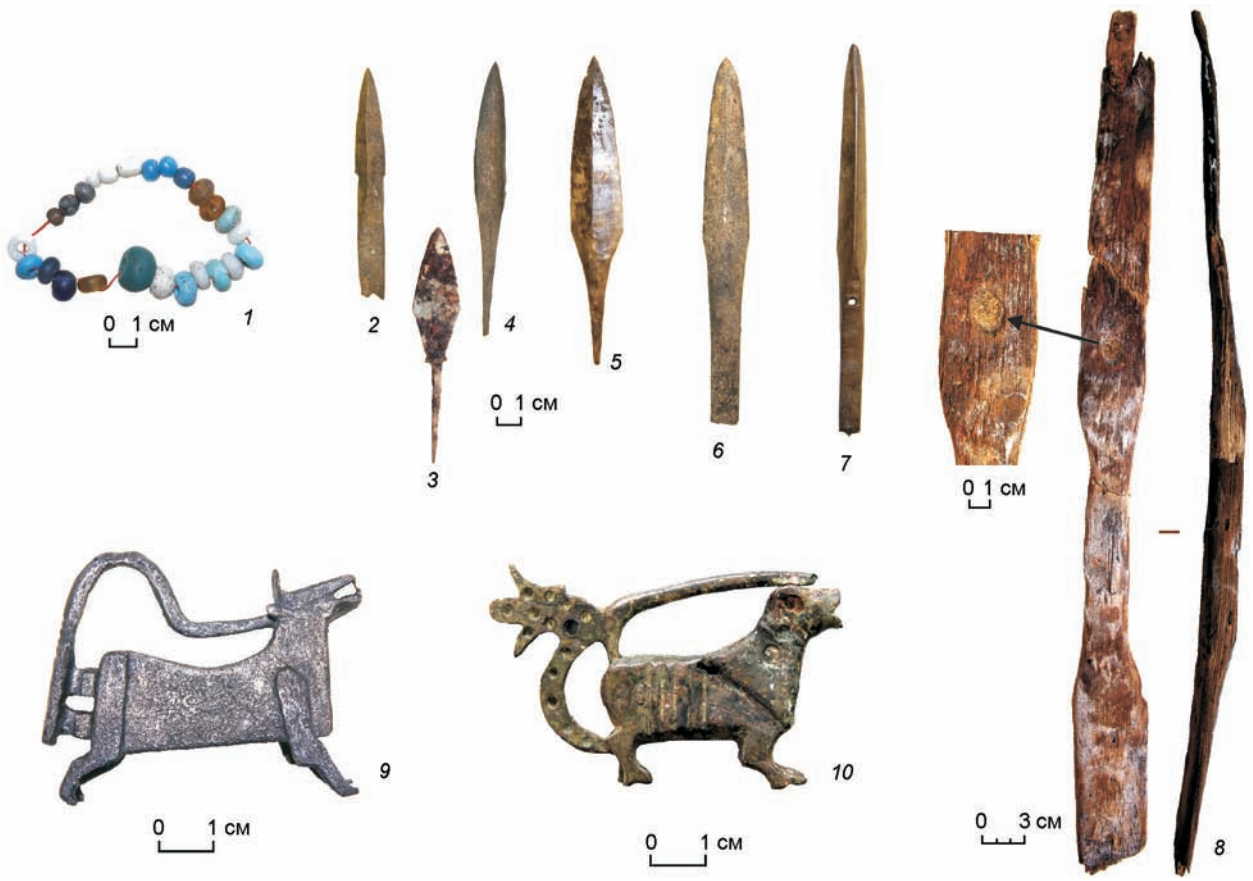

Рис. 4. Предметный комплекс с пос. Ананьино I.

1 – набор крупных бус из жилища; *2–7* – наконечники стрел; *8* – центральная часть кибити лука; *9* – железный замок-собачка из Ананьино I; *10* – бронзовый замок из Музея-заповедника «Старина Сибирская». Фото Л.В. Татауровой.

1 – стекло; *2, 4–7* – кость; *3, 9* – железо; *8* – дерево; *10* – бронза.

Рис. 5. Погребальный комплекс в границах поселения. Вид с ЮЗ. Фото Л.В. Татауровой.

Уникальной стала находка центральной части деревянной кибити от лука, зафиксированная под верхним уровнем пола у юго-западной стены избы (рис. 4, *8*). Длина изделия – 60 см, ширина краев – 4,5 см, центр – 2,7 см, толщина – 1,7–2 см. Подобные предметы на русских памятниках обнаружены в культурном слое Мангазеи [Визгалов, Пархимович, 2017, с. 195, 198, 238, 253, 274]. Однако такая находка на поселении, где отмечается плохая сохранность дерева, – большая удача. В разных местах в жилище и рядом с ним найден и «арсенал» для лука – один металлический и пять костяных наконечников стрел различных размеров (рис. 4, *2–7*).

Еще одним уникальным предметом, попавшим в раскоп, стал железный сундучный замочек в виде фигуры собаки (рис. 4, *9*). История изучения подобных предметов уводит нас в средневековый Болгар, где в X–XIV вв. было развито ремесленное производство таких замков [Смирнов, 1951, с. 118, 119; Город…, 1996, с. 43, 44]. По мнению исследователей, эти изделия имели широкое распространение. Подобные предметы найдены в Московском Кремле, в слое XII в. [Город…, 1996, с. 238], в Старой Рязани [Монгайт, 1955, с. 159].

В Тарском Прииртышье известно два предмета: один бронзовый (рис. 4, *10*) из коллекции Музея-заповедника «Старина Сибирская»*, второй – железный, найден в культурном слое д. Ананьино. Отличают Прииртышские находки от средневековых поволжских древностей более крупные размеры. Происхождение, время бытования и пути попадания этих изделий в Прииртышье еще предстоит выяснить.

Несмотря на продолжительный срок изучения памятника, значительный объем – 2 638 м^2 общей раскопанной площади, включая изучение погребального комплекса, расположенного за ручьем к ЮЗ от деревни, оставался один нерешенный вопрос: где было первоначальное (основное) деревенское кладбище? Проблема заключается в том, что на исследованном погосте, площадь раскрытия которого составила 660 м^2, зафиксировано всего 66 погребений. Для деревни, просуществовавшей с начала XVII в. и до 1870-х гг. [Крих, 2014, с. 88–90; Татаурова, Крих, 2015, с. 480–486], это незначительное количество, при том что погребальный комплекс раскопан примерно наполовину. Тогда как на кладбище пос. Изюк I (Большереченский р-н Омской обл.), синхронном памятнике с родственным ананьинцам русским населением, на площади в 364 м^2 зафиксировано 262 могилы, в которых похоронено 264 человека [Татаурова, 2010].

Раскопы, заложенные на северо-восточном краю и в центральной части памятника, не зафиксировали следов погребального комплекса, хотя при определении палеозоологических материалов с поселения в небольшом количестве присутствовал антропологический материал.

Разгадку вопроса дал полевой сезон 2019 г. В процессе изучения культурного слоя поселения в северо-западной стенке раскопа было зафикси-

*Автор выражает глубокую признательность Музею-заповеднику «Старина Сибирская» за предоставленную возможность публикации предмета.

ровано две деревянные колоды: взрослая и детская (рис. 1, 5). Для их исследования была сделана прирезка, в которую попало еще одно младенческое захоронение.

Погребальный обряд традиционен для русских комплексов Тарского Прииртышья Нового времени [Там же]. Хоронили в деревянных колодах, ориентированных по линии запад – восток, головой на запад. Взрослая колода внутри была засыпана землей. Детская колода в прирезке ориентирована по линии СВ – ЮЗ, головой на ЮЗ. Такое положение погребенных на памятниках тоже встречается. В двух могилах (взрослой и одной из детских) зафиксированы нательные кресты.

Раскоп, заложенный на кладбище за ручьем, составил 100 м^2. В нем зафиксировано пять захоронений: три взрослые и два – детских. Умершие погребены в деревянных колодах без засыпки, в неглубоких ямах, ориентированных по линии запад – восток, вытянуто на спине, головой на запад, руки скрещены на поясе. Во всех случаях есть нательные кресты, в основном первого типа по В.И. Молодину [2007].

Заключение

Проведенные в 2019 г. исследования на русском поселении XVII–XVIII вв. Ананьино открыли новую страницу в изучении памятника. Прежде всего, выявление погребального комплекса в границах поселенческого позволит в дальнейшем изучить его планиграфию и выявить демографические аспекты, связанные с населением деревни, а также причины, создавшие необходимость использования нового участка под кладбище. Ситуация с кладбищем, расположенным рядом с жилищами, зафиксирована на русском памятнике Изюк I [Татаурова, 2010]. Вероятно, местоположение кладбищ близ жилья было у русских традиционной чертой, дошедшей до современности. В этнографии зафиксированы случаи, когда в старых деревнях погребальный комплекс постепенно оказывался в середине деревни.

Изучение способов перепланировки жилищ, которое впервые отмечено в раскопе 2018 г. и продолжено в 2019 г., позволяет накопить и проанализировать археологические свидетельства развития и трансформации жилых комплексов, чаще в сторону увеличения обитаемого пространства и постройки вспомогательных помещений, и, кроме того, изучить различные строительные приемы.

Находки уникальных предметов – деревянной кибити лука и железной собачки-замка – позволяют выйти на новый уровень интерпретации найденных за годы исследования памятника предметов, связанных с использованием лука, и изучения торговых отношений жителей деревни, благодаря которым у них появлялись необычные бытовые предметы, такие как замок-собачка.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

Список литературы

Богомолов В.Б., Татаурова Л.В., Кравец Е.В. Реконструкция костюма русских Западной Сибири по археологическим материалам XVII–XVIII веков // Вестн. Челяб. гос. ун-та. История, 2013. – Вып. 55, № 12 (303). – С. 28–36. – URL: http://www.lib.csu.ru/vch/303/vcsu13_12.pdf (дата обращения: 29.10.2019).

Быков Л.В., Татаурова Л.В., Федоровский А.А., Богданов А.А., Светлейший А.З. Стереофотограмметрия для трехмерного компьютерного моделирования объектов в археологии русских Сибири // Археология и геоинформатика. IV Междунар. конф.: тез. докл. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 26–27. – DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-289-6.28-30.

Довгалюк Н.П., Татаурова Л.В. Торговые связи русских переселенцев XVII–XVIII вв. (по находкам стеклянных бус из слоев сельских поселений) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 2 (42). – С. 37–45.

Визгалов Г.П., Пархимович С.Г. Мангазея: усадьба заполярного города. – Нефтеюганск; Екатеринбург: Караван, 2017. – 360 с.

Город Болгар. Ремесло металлургов, кузнецов, литейщиков. – Казань: [б. и.], 1996. – 300 с.

Крих А.А. Этносоциальная история русского населения д. Ананьино в XVII–XIX вв. // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2014. – № 4 (4). – С. 86–90. – URL: http://elib.omsu.ru/page.php?id=1455942860881288 (дата обращения: 29.10.2019).

Молодин В.И. Кресты-тельники Илимского острога. – Новосибирск: Инфолио, 2007. – 248 с.

Монгайт А.Л. Старая Рязань. – М., 1955. – 231 с. – (МИА; № 49).

Смирнов А.П. Волжские Булгары. – М.: Изд-во ГИМ, 1951. – 305 с. – (Тр. ГИМ; вып. XIX).

Татауров С.Ф., Татаурова Л.В., Самигулов Г.Х. Слюдяные окна в постройках города Тары и ее окрестностях в XVII–XVIII веках: археологические реконструкции // Урал. ист. вестн. – 2018. – № 2 (59). – С. 135–142. – DOI: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-135-142.

Татаурова Л.В. Погребальный обряд русских Среднего Прииртышья XVII–XIX вв. по материалам комплекса Изюк I. – Омск: Апельсин, 2010. – 284 с.

Татаурова Л.В. Ремесленные занятия в структуре системы жизнеобеспечения сибирской деревни XVII–XVIII вв. (по археологическим материалам Омского Прииртышья) // Былые годы. – 2018а. – Т. 50, № 4. – С. 1376–1387. – DOI: 10.13187/bg.2018.4.1376.

Татаурова Л.В. Структура усадебных комплексов и размеры жилищ у русского населения Приангарья конца XIX – середины XX в. (по материалам Л.М. Сабуровой) // Вестн. Том. гос. ун-та. История. – 2018б. – № 56. – С. 158–166. – DOI: 10.17223/19988613/56/21.

Татаурова Л.В., Крих А.А. Система жизнеобеспечения сибирской деревни Ананьино в XVII–XVIII вв. (по археологическим и письменным источникам) // Былые годы. – 2015. – Т. 37, № 3. – С. 479–490. – URL: http://ejournal52.com/journals_n/1442664483.pdf (дата обращения: 29.10.2019).

References

Bogomolov V.B., Tataurova L.V., Kravets E.V. Rekonstruktsiya kostyuma russkikh Zapadnoi Sibiri po arkheologicheskim materialam XVII–XVIII vekov. In *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya*, 2013, iss. 55, No. 12 (303), pp. 28–36. URL: http://www.lib.csu.ru/vch/303/vcsu13_12.pdf (Accessed: 29.10.2019) (in Russ.).

Bykov L.V., Tataurova L.V., Fedorovskii A.A., Bogdanov A.A., Svetleishii A.Z. Stereofotogrammetriya dlya trekhmernogo komp'yuternogo modelirovaniya ob"ektov v arkheologii russkikh Sibiri. In *Arkheologiya i geoinformatika. IV Mezhdunarodnaya konferentsiya: tezisy dokladov*. Moscow: IA RAS, 2019, pp. 26–27. DOI: 10.25681/IARAS.2019.978-5-94375-289-6.28-30yu (in Russ.).

Dovgalyuk N.P., Tataurova L.V. Torgovye svyazi russkikh pereselentsev XVII–XVIII vv. (po nakhodkam steklyannykh bus iz sloev sel'skikh poselenii). *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2010, No. 2 (42), pp. 37–45.

Gorod Bolgar. Remeslo metallurgov, kuznetsov, liteishchikov. Kazan: [s. l.], 1996, 300 p. (in Russ.).

Krikh A.A. Etnosotsial'naya istoriya russkogo naseleniya d. Anan'ino v XVII–XIX vv. *Vestnik Omskogo universiteta. Ser.: Istoricheskie nauki*, 2014, No. 4 (4), pp. 86–90 (in Russ.).

Molodin V.I. Kresty-tel'niki Ilimskogo ostroga. Novosibirsk: Infolio, 2007, 248 p. (in Russ.).

Mongait A.L. Staraya Ryazan'. Moscow, 1955, 231 p. (Materialy i issledovaniya po arkheologii; iss. 49) (in Russ.).

Smirnov A.P. Volzhskie Bulgary. Moscow: GIM Publ., 1951, 305 p. (Trudy GIM, iss. XIX) (in Russ.).

Tataurov S.F., Tataurova L.V., Samigulov G.Kh. Slyudyanye okna v postroikakh goroda Tary i ee okrestnostyakh v XVII–XVIII vekakh: arkheologicheskie rekonstruktsii. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*, 2018, No. 2 (59), pp. 135–142. DOI: 10.30759/1728-9718-2018-2(59)-135-142 (in Russ.).

Tataurova L.V. Pogrebal'nyi obryad russkikh Srednego Priirtysh'ya XVII–XIX vv. po materialam kompleksa Izyuk I. Omsk: Apel'sin, 2010, 284 p. (in Russ.).

Tataurova L.V. Remeslennye zanyatiya v strukture sistemy zhizneobespecheniya sibirskoi derevni XVII–XVIII vv. (po arkheologicheskim materialam Omskogo Priirtysh'ya). *Bylye gody*, 2018a, vol. 50, No. 4, pp. 1376–1387. DOI: 10.13187/bg.2018.4.1376 (in Russ.).

Tataurova L.V. Struktura usadebnykh kompleksov i razmery zhilishch u russkogo naseleniya Priangar'ya kontsa XIX – serediny XX v. (po materialam L.M. Saburovoi). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2018b, No. 56, pp. 158–166. DOI: 10.17223/19988613/56/21 (in Russ.).

Tataurova L.V., Krikh A.A. Sistema zhizneobespecheniya sibirskoi derevni Anan'ino v XVII–XVIII vv. (po arkheologicheskim i pis'mennym istochnikam). *Bylye gody*, 2015, vol. 37, No. 3, pp. 479–490. URL: http://ejournal52.com/journals_n/1442664483.pdf (Accessed: 29.10.2019) (in Russ.).

Vizgalov G.P., Parkhimovich S.G. Mangazeya: usad'ba zapolyarnogo goroda. Nefteyugansk; Yekaterinburg: Karavan, 2017, 360 p. (in Russ.).

Татаурова Л.В. https://orcid.org/0000-0003-4829-7619

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.626-630
УДК 902

К.Н. Тихомиров

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

Новые данные о погребальных традициях предков тарских татар (по материалам раскопок могильника Сеитово IV 2019 года)

Приводятся результаты аварийно-спасательных работ, проведенных в 2019 г. на грунтовом могильнике Сеитово IV на окраине д. Сеитово Тарского р-на Омской обл. на правобережье р. Иртыш в южнотаежной зоне Западной Сибири. Данные исследования были проведены с целью спасения от разрушения указанного памятника и изучения культуры предков тарских татар на ранних этапах ее формирования. Целью статьи стало введение в научный оборот новых данных о погребальном обряде указанного населения XIV–XVI вв. В ходе раскопок было изучено семь могил (одна из них была парная). Они содержали плохо сохранившиеся останки погребенных по обряду трупоположения, вытянуто на спине, головой на запад с небольшим отклонением к северу, сопровождавшиеся инвентарем. В погребениях зафиксированы разнообразные вещи: железный топор местного производства, детали украшений из меди и бронзы, стеклянный бисер, глазчатые стеклянные и костяные бусы, медные полые подвески «крыжовник», бронзовые проволочные серьги в виде вопросительного знака, обломки железных ножей, железные поясные пряжки. Одна из них имела накладку из сбруйной бронзовой бляшки эпохи раннего железного века в виде трех шей и голов грифонов, расположенных по кругу, и одной обломанной. Отмечено, что могилу 7 частично прорезало, не задевая остатков черепной коробки, захоронение передней части туши лошади. Анализ полученных материалов привел к выводу о том, что исследованный участок содержал более ранние – XV–XVII вв. – погребения предков тарских татар, чем обнаруженные до этого.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Среднее Прииртышье, предки тарских татар, археология, спасательные работы, погребальный обряд, XV–XVII вв.*

Konstantin N. Tikhomirov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: ktikhomirov@gmail.com

New Evidence on the Burial Traditions Among the Ancestors of the Tara Tatars (Based on the Excavations at the Seitovo IV Burial Ground in 2019)

Rescue excavation works were carried out in 2019 at the Seitovo IV soil burial ground, located on the outskirts of the Seitovo village in Tarsky District of Omsk Region on the right bank of the Irtysh River in the southern taiga zone of Western Siberia. These works were done for saving the burial ground from destruction and studying the culture of the ancestors of the Tara Tatars in its early stages. The period of the 14th–16th centuries is still largely unknown in the history of Western Siberia. This article presents new evidence on the funeral rite of the ancestors of the Tara Tatars in that period. During the excavation, seven graves were explored; one of them was double. The graves contained poorly preserved human remains in the stretched position on the back with the heads towards the west with small deviation to the north, and various burial inventory: locally produced iron axe, elements of personal adornments of copper and bronze, beads of various sizes made of glass and bone, copper hollow pendants, bronze wire earrings, fragments of iron knives, and iron belt buckles. One of the buckles had an overlay made of bronze plaque from former horse harness belonging to the Early Iron Age in the form of three griffin necks and heads placed in the circle and one broken off. Grave 7 was

partially cut by the burial of the front part of horse carcass, which did not disturb the remains of the human skull. The analysis of the evidence has shown that this area contained earlier burials of the ancestors of the Tara Tatars dated to the 15th–17th centuries, than the burials which had been discovered before.

Keywords: *Western Siberia, Middle Irtysh region, ancestors of the Tara Tatars, archaeology, rescue works, funeral rite, 15th–17th centuries.*

Одной из самых традиционных сфер культуры являются представления о потустороннем мире и связанные с этим ритуалы. Именно они наиболее достоверно отражают этнокультурную идентичность и показывают новации в культуре, поэтому они необходимы при исследовании этнокультурной истории региона. Одной из доминирующих групп населения в южнотаежной зоне Среднего Прииртышья в XVII–XVIII вв. являлись сибирские татары, из которых наиболее полно исследована группа тарских татар. Немало сделано для изучения их погребального обряда. Однако ранние этапы его формирования были загадкой. Исследователи хорошо представляли себе комплекс ритуалов, связанных с захоронениями умерших у населения Среднего Прииртышья в развитом Средневековье (XII – начало XIV в.) и во второй половине XVII – XVIII в. То, что происходило с ним в этом промежутке, было неизвестно. Оставались сокрытыми этнокультурные процессы, протекавшие в это время и приведшие к формированию предков тарских татар. Обнаружение таких данных и введение их в научный оборот является важнейшей задачей, позволяющей пролить свет на этническую историю Западной Сибири.

Летом 2019 г. были проведены аварийно-спасательные раскопки на грунтовом могильнике Сеитово IV, расположенном на южной окраине д. Сеитово Тарского р-на Омской обл., разрушаемого современным карьером. Они стали продолжением работ, начатых в 2013, 2015 гг., когда были проведены исследования на участке в юго-западной части карьера (рис. 1) и обнаружены четыре могилы [Тихомиров, 2019]. В 2019 г. был раскопан участок, граничащий с северной частью карьера и бровкой террасы р. Иртыш с запада. На площади в 66 м^2 были исследованы семь могил, одна из которых была двойная.

Сохранность костей во всех погребениях очень плохая, вследствие чего возраст и пол умерших определить практически невозможно. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что все тела при захоронении помещались головой на запад с небольшим отклонением к северу. Все они были погребены по обряду трупоположения, вытянуто на спине. Исключением было погребение на правом боку в могиле 6. Могилы 5–8 имели ровики, окружающие их, а 9а, 9б и 10 находились на площадке, отграниченной одним общим ровиком с востока (большая часть комплекса разрушена карьером и ямой). Инвентарь в могилах 7 и 5 лежал выше скелета, а в 6, 9а, 9б и 10 – на костях. Все обнаруженные погребения концентрировались плотной группой в западной части раскопа (у бровки террасы).

Погребение 5. Здесь зафиксированы зубы, остатки черепной коробки, двух бедренных, правой плечевой костей и несколько ребер, которые лежали в анатомическом порядке. Инвентарь составили: миниатюрный проушный плоскообушный топор (рис. 2), кольчатые удила, остатки железного ножа и металлический плоский ромбический наконечник стрелы. Вещи находились в районе пояса погребенного выше костей на 18–19 см. Судя по инвентарю, можно предположить, что это мужское захоронение.

Погребение 6. Его западная часть была разрушена современной ямой. Сохранился тлен от черепа, зубы, бедренная и остатки больших берцовых и фрагменты плечевых костей. В яме находились: кусок бересты с остатками украшения из медной пластинки, детали украшения на бересте, стеклянный (пасто-

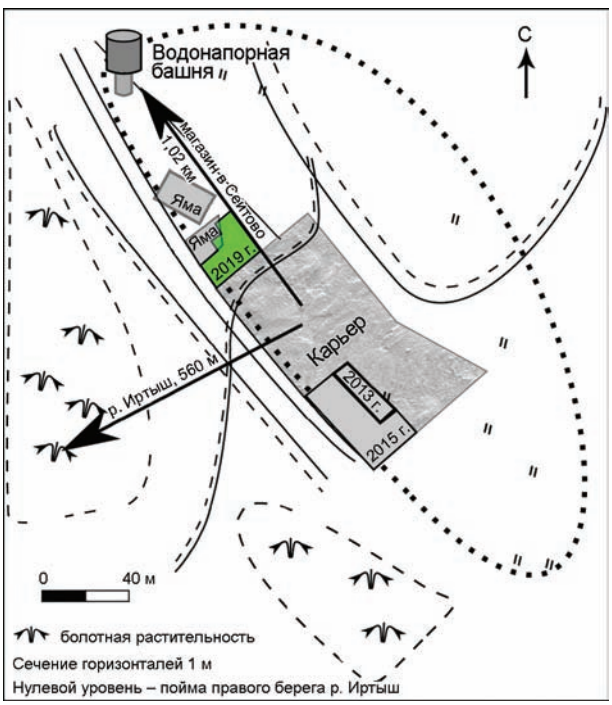

Рис. 1. План могильника Сеитово IV с указанием раскопов.

Рис. 2. Железный топор из погр. 5.

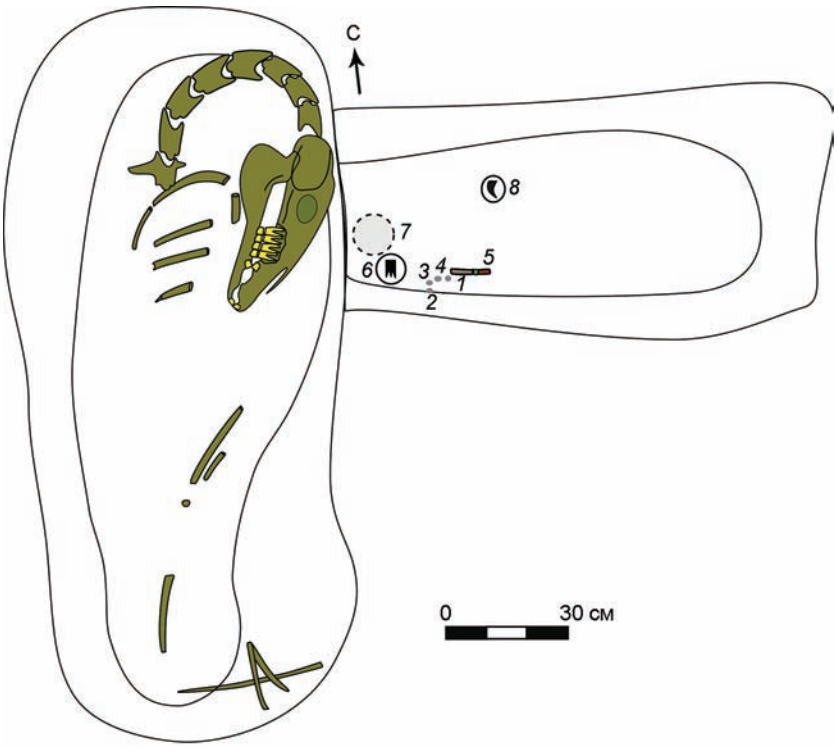

Рис. 3. План мог. 7 и захоронения передней части туши лошади. Инвентарь мог. 7: бусы (*1–4)*; обломок железного ножа (*5*); скопление зубов (*6)*; остатки черепной коробки (*7)*; скопление когтей животного (*8)*.

вый) цилиндрический бисер (рубка) зеленого, серого цветов и круглый – синего цвета, бусы, два железных кольца, небольшое круглое стекло, наполовину обломанное, и еще одно меньшего размера – круглое зеленого цвета, две бронзовые проволочные серьги в форме вопросительного знака.

Погребение 7. От скелета сохранилась лишь труха от черепа и несколько зубов. Основываясь на их положении можно утверждать, что скелет располагался черепом на запад-северо-запад. Выше остатков костей на 20 см был обнаружен крупный рифленый глухой стеклянный бисер темно-серого цвета и обломок железного черешкового ножа с медной обоймочкой на рукояти, крепившейся к нему медной клепкой. Это скопление предметов обнаружено над местом, где должна была находиться правая плечевая кость (не сохранилась) (рис. 3). В области левых локтевой и лучевой костей было зафиксировано скопление когтей животного.

Особый интерес вызывает факт обнаружения захоронения черепа лошади с шейными позвонками и первыми ребрами в анатомическом порядке. Оно было расположено перпендикулярно могиле 7 и разрезало ее в области головы погребенного (не затронув костей черепа, но разрезав могильную яму) так, что морда лошади лежала вплотную к голове человека (рис. 3). Судя по расположению костей, во время погребения связки еще не распались и шея лошади при помещении в яму была сильно изогнута. Следов рубки костей не зафиксировано. Это дает возможность сделать вывод об отчленении головы с шеей и несколькими ребрами от остального тела по суставу и захоронении целой частью. Следует отметить, что заполнение ямы было однородным и отличалось от грунта в могиле, что свидетельствует о разновременности ямы с передней частью туши лошади и могилы. Тем не менее можно предположить, что захоронение передней части тела животного было совершено целенаправленно и, возможно, преследовало какие-то ритуальные цели.

Погребение 8 содержало отдельные кости черепа и зубы в виде трухи. Инвентаря в могиле не обнаружено. Судя по размерам костей и могильной ямы, это было погребение ребенка.

Погребение 9 было двойное. Могила 9а содержала останки взрослой женщины. В ней было зафиксировано большое количество инвентаря, который практически весь находился с правой стороны от скелета в районе тазовых костей (не сохранились) и, возможно, являл собой остатки пояса с пряжкой в виде бронзовой бляшки-накладки, которая находилась на металлическом кольце. Рамка пряжки была выполнена из стального прутка прямоугольного в сечении, который согнули в коль-

цо, а концы расплющили, наложив их друг на друга. Поверх нее находилась бронзовая бляшка с тремя изображениями голов и шей грифонов (рис. 4), одна была обломлена еще в древности. Здесь же находились полые рифленые бронзовые подвески – «крыжовники» с насечками на гранях, костяные и глухие стеклянные глазчатые цилиндрические и однородные голубые бусы, обломок железного ножа и фрагмент железного изделия, возможно, обломок черешка от ножа или стрелы.

Погребение 9б находилось слева от захоронения 9а в одной яме, но было выше него на 10 см. Оно содержало отдельные кости очень плохой сохранности. Судя по их размерам, захоронен ребенок. Инвентарь был представлен остатками двух бронзовых украшений и костяных бус. Они находились слева от скелета.

Рис. 4. Бронзовая сбруйная бляха из погр. 9а.

Погребение 10 содержало захоронение по обряду трупоположения, вытянуто на спине. Здесь находился раздавленный череп, ключицы, плечевые, локтевая и часть лучевой костей правой руки, ребро, часть позвоночника, остатки бедренных и большеберцовых костей. Положение последних позволяет предположить, что при погребении ноги были согнуты в коленях и поставлены вертикально, а потом упали влево. Инвентарь представлен остатками украшений в виде костяных бус и темно-серых бус с рельефными белыми глазками из стеклянной пасты, а также двух колец из черного металла, лежащих на ключицах. В них в основном и были сосредоточены бусы.

Анализ полученных материалов позволяет сделать вывод о датировке погребений на раскопанном участке могильника и культурной принадлежности захороненных. Обнаруженный топор наиболее близок по форме и размерам бойку из кургана 11 могильника Крючное-6. В.И. Молодин относит его к типу I по классификации, выполненной на основе коллекции топоров из могильника Кыштовка II [Позднесредневековые комплексы..., 2012, с. 67]. Он считает их местным производством и говорит об их более раннем бытовании по сравнению с остальными материалами могильника. А.И. Соловьев, соглашаясь с датировкой таких предметов, писал, что на территории Западной Сибири эти изделия существуют до XVI–XVIII вв. [1987, с. 96].

Кольчатые железные удила имеют широкую хронологию бытования. Они часто встречаются в могильниках XVII–XVIII вв. Ближайшие аналогии обнаружены на могильниках Окунево VII [Матющенко, Полеводов, 1994, рис. 74, *22*; 78, *20*], Кыштовка II [Молодин, 1979, с. 176, табл. XLIV–*2,3,4*] и др.

Бронзовая сбруйная бляха в виде трех голов грифонов с шеями, расположенными по кругу (одна обломана в древности), является декоративной деталью узды (рис. 4). Подобные ей были довольно распространены в эпоху раннего железного века в степной зоне Евразии [Королькова, 2006, с. 191, табл. 22–*1-4;* Степная полоса…, 1992, с. 355, табл. 5–*14*, с. 444, табл. 94–*21*]. Вероятно, она была найдена в одном из комплексов этого времени и приспособлена в качестве накладки на пряжку пояса.

Медные полые подвески – «крыжовник» в форме эллипса с ребристой поверхностью, орнаментированные столбиками насечек по граням, довольно широко распространены на территории Западной Сибири и датируются от XIII до XVII в. [Семенова, 2001, с. 69].

Как отмечено выше, в погребениях 9а, 9б и 10 были найдены черные пастовые бусы с глазками в виде трех белых колец. В.И. Семенова отмечает, что подобные изделия появляются в Прикамье в XIII в. [Там же, с. 90]. Кроме того, в могиле 7 были найдены мелкие рифленые бусы, изготовленные из глухого стекла темно-серого цвета.

Обнаруженные в погр. 6 остатки украшения с деталями из меди и стеклянным серым, зеленым (рубка), синим (круглым) бисером из пастового стекла появляются, по мнению В.И. Семеновой, в Западной Сибири в конце XVI – начале XVII в. Она их признает предметом русского импорта [Там же, с. 94].

Погребения с частью туши лошади (чаще всего – фрагменты челюсти и лишь единичные с черепом) встречались в раннем и развитом Средневековье на территории Среднего Прииртышья [Коников, 2007]. Позднее такие захоронения в этом регионе в материалах грунтовых могильников XVII–XVIII вв. не встречаются, это пока единственный в данном регионе объект для указанного времени. Однако на сопредельной терри-

тории, в Новосибирской обл., такие погребения известны. Они характерны для ранних этапов (садовкинский и усть-изесский) кыштовской культуры, ареал которой находится восточнее, в среднем течении р. Тара (правый приток р. Иртыш). Наибольшие же аналогии имеются среди материалов тарского (XV–XVI вв.) и отчасти кыштовского (XVII–XVIII вв.) этапов [Молодин, Соловьев, 2012, с. 200].

Таким образом, в результате спасательных работ в 2019 г. исследован участок могильника, которому грозило уничтожение. Получены новые материалы, характеризующие ранний этап погребального обряда предков тарских татар. Проведенный анализ позволяет датировать погребения на могильнике периодом XV – начала XVII в. и утверждать, что эта часть памятника содержит погребения более ранние, чем исследованные в 2013, 2015 гг.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта № 0329-2019-0005 «Население южнотаежной и лесостепной зон Западной Сибири и Северного Казахстана: историко-культурные реконструкции и современность».

Список литературы

Коников Б.А. Омское Прииртышье в раннем и развитом Средневековье. – Омск: Изд-во Ом. гос. пед. ун-та; Наука, 2007. – 466 с.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII–IV вв. до н.э.). Проблемы стиля и этнокультурной принадлежности. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 2006. – 272 с.

Матющенко В.И., Полеводов А.В. Комплекс археологических памятников на Татарском увале у деревни Окунево. – Новосибирск: Наука, 1994. – 223 с.

Молодин В.И. Кыштовский могильник. – Новосибирск: Наука, 1979. – 184 с.

Молодин В.И., Соловьев А.И. Кыштовская культура: вариативность погребальной практики и обрядов // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2012. – Т. 11. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 197–210.

Позднесредневековые комплексы на озере Крючное (Средняя Тара) / В.И. Молодин, А.В. Новиков, Д.В. Поздняков, А.И. Соловьев. – Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2012. – 162 с.

Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. – Новосибирск: Наука, 2001. – 296 с.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. – М.: Наука, 1992. – 495 с.

Тихомиров К.Н. Сеитово IV – новый могильник предков тарских татар XVII–XVIII вв. в Среднем Прииртышье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. – 2019. – № 2 (45). – С. 59–68.

References

Konikov B.A. Omskoe Priirtysh'e v rannem i razvitom Srednevekov'e. Omsk: Omsk State Pedagogic. Univ. Press; Nauka, 2007, 466 p. (in Russ.).

Korol'kova E.F. The animal style of Eurasia. Art of the lower Volga and South Urals tribes in scythian epoch (7–4 centuries B.C.). Problems of style and ethnocultural affiliation. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006, 272 p. (in Russ.).

Matyushchenko V.I., Polevodov A.V. Kompleks arkheologicheskikh pamyatnikov na Tatarskom uvale u derevni Okunevo. Novosibirsk: Nauka, 1994, 223 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Kyshtovskii mogil'nik. Novosibirsk: Nauka, 1979, 184 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Solov'ev A.I. Archaeological culture of Kyshtovka: variation of bural practice and rites. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Ser.: Istoriya, filologiya*, 2012, vol. 11, iss. 3: Arkheologiya i etnografiya, pp. 197–210 (in Russ.).

Pozdnesrednevekovye kompleksy na ozere Kryuchnoe (Srednyaya Tara) / V.I. Molodin, A.V. Novikov, D.V. Pozdnyakov, A.I. Solov'ev. Novosibirsk: State Univ. Press, 2012, 162 p. (in Russ.).

Semenova V.I. Srednevekovye mogil'niki Yuganskogo Priob'ya. Novostibirsk: Nauka, 2001, 296 p. (in Russ.).

Solov'ev A.I. Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoi Sibiri. Epokha srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987, 193 p. (in Russ.).

Stepnaya polosa Aziatskoi chasti SSSR v skifo-sarmatskoe vremya. Moscow: Nauka, 1992, 495 p. (in Russ.).

Tikhomirov K.N. Seitovo 4: a new burial ground of the tara tatars' ancestors of the 17th–18th centures in the Middle Irtysh area. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii*, 2019, No. 2 (45), pp. 59–68 (in Russ.).

Тихомиров К.Н. https://orcid.org/0000-0003-1159-1603

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.631-634
УДК 903.2

Ю.С. Худяков[1], А.Ю. Борисенко[2], О.А. Солтобаев[3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
[3]Кыргызский национальный университет им. Жусупа Баласагына
Бишкек, Кыргызстан
E-mail: khudjakov@mail.ru

Железные наконечники стрел из окрестностей Иссык-Куля и Баткена в Кыргызстане

В статье анализируются железные черешковые плоские наконечники стрел, найденные на территории Кыргызстана. Некоторые из них в настоящее время хранятся в собрании частного музея «Раритет» в г. Бишкеке. Большинство данных находок происходит из окрестностей оз. Иссык-Куль в северо-восточной части Кыргызской Республики. Еще один железный наконечник стрелы с плоским в сечении пером, удлиненно-ромбической формы был найден в районе Баткена в южном районе Кыргызстана. Два плоских железных черешковых наконечника удлиненно-ромбической формы из состава рассматриваемой коллекции в предшествующие годы были обнаружены в окрестностях современного села Джаркумбаево, которое расположено в восточной части котловины оз. Иссык-Куль. В данной статье прослеживаются основные события, относящиеся к истории изучения различных типов кыргызских предметов вооружения дистанционного боя, в т.ч. железных черешковых наконечников стрел с плоским в сечении пером, которые находились на вооружении у кыргызских воинов в горах Тянь-Шаня и на территории Семиречья, в пределах территории Республики Кыргызстан. Согласно высказанным ранее предположениям, подобные железные плоские наконечники стрел аналогичных форм в историческом прошлом применялись кыргызскими воинами в течение нескольких столетий в ходе исторического периода позднего Средневековья и начального этапа Нового времени.

Ключевые слова: *железные плоские наконечники стрел, частный музей «Раритет», озеро Иссык-Куль, Баткен, Кыргызстан.*

Yuliy S. Khudyakov[1], Alisa Yu. Borisenko[2], Orozbek A. Soltobaev[3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
[3]Kyrgyz National University named after Yusup Balasagyn,
Bishkek, Kyrgyzstan
E-mail: khudjakov@mail.ru

Iron Arrowheads from the Outskirts of Issyk-Kul and Batken in Kyrgyzstan

The article analyzes flat iron tanged arrowheads discovered in various regions of Kyrgyzstan. Some of these archaeological finds are presently kept in the "Raritet" private museum, organized by a Kyrgyz businessman, philanthropist, and owner of museum collection, and located in the Kyrgyz capital city of Bishkek. The greatest part of these finds originated from the vicinity of Lake Issyk-Kul in northeastern part of Kyrgyzstan. One more iron arrowhead of elongated-rhombic shape and flat blade in cross-section was discovered near Batken in southern Kyrgyzstan. Two more flat iron tanged arrowheads of elongated-rhombic shape from the museum collection were found in the previous years in the vicinity of the village of Dzharkumbaevo in the eastern part of Lake Issyk-Kul basin. This article describes the main stages of research

into various types of Kyrgyz ranged weaponry, including iron tanged arrowheads with flat blades in cross-section, which were used by the Kyrgyz warriors in the Tian Shan and Semirechie in the borders of the present-day Kyrgyzstan. According to the earlier suggestions, iron flat arrowheads of similar forms were used by the Kyrgyz warriors for several centuries from the Late Middle Ages to the Initial Modern period.

Keywords: *flat iron arrowheads, "Raritet" private museum, Lake Issyk-Kul, Batken, Kyrgyzstan.*

В составе набора предметов вооружения дистанционного боя средневековых кыргызских воинов, проживавших на территории Тянь-Шаня и Семиречья в течение исторических эпох развитого и позднего Средневековья и начального периода Нового времени, важное место принадлежало стрелам с разнообразными железными черешковыми наконечниками. Наиболее многочисленными среди подобных стрел были железные наконечники с плоским в сечении пером. Среди известных в течение рассматриваемого времени на территории Притяньшанья железных стрел имеется одна сравнительно небольшая по численности, но достаточно разнообразная по своему составу коллекция железных плоских стрел, которая находится в собрании некоторых других предметов древнего и средневекового вооружения в частном музее «Раритет» в г. Бишкеке. Данный музейный комплекс был создан по инициативе и на средства известного кыргызстанского предпринимателя В.В. Кадырова с целью сохранения культурного наследия страны, часть которого в течение последних десятилетий была утрачена. В составе этого музейного собрания представлены разнообразные железные наконечники стрел, обнаруженные в предшествующие годы в разных районах Кыргызстана.

Актуальность данного исследования заключается в том, что взятые для формально-типологического анализа железные наконечники стрел были проанализированы по ранее выработанной для изучения предметов вооружения дистанционного боя и в дальнейшем неоднократно апробированной методике формально-типологического анализа [Худяков, 1980, с. 75–77, 79, 95]. Новизна предпринятой работы состоит в том, что рассматриваемые в ней археологические материалы использованы в качестве источника для научного исследования впервые. Важной проблемой, в рамках которой рассматриваются материалы, описанные в данной статье, является необходимость изучения предметов вооружения дистанционного боя из числа случайных находок, происходящих с территории Кыргызстана, для их анализа и последующего включения в состав расклассифицированных и пригодных для сравнительного исследования с другими подобными предметными комплексами. В рамках данной статьи использованы те находки предметов вооружения дистанционного боя из коллекции этого частного музея, для которых известна территория их обнаружения в пределах Республики Кыргызстан.

По сечению пера все анализируемые предметы вооружения дистанционного боя должны быть отнесены к одной группе.

Группа I. Железные черешковые наконечники стрел с плоским в сечении пером. В составе данной группы по форме пера выделяется несколько разных типов наконечников стрел.

Тип 1. Секторные наконечники стрел. Включает 1 экз. Такой наконечник был обнаружен в окрестностях оз. Иссык-Куль на территории одноименной межгорной котловины в пределах северо-восточной части Кыргызстана. Длина пера – 4,5 см, ширина пера – 2,4 см, длина черешка – 4 см. Наконечник с полукруглым острием, секторным пером, пологими плечиками, выделенным упором и укороченным черешком (см. *рисунок, 1*). Наконечники подобной формы с плоским широким секторным по своей форме пером и полукруглым, широким острием могли быть предназначены для поражения незащищенных металлическими доспехами противников и нанесения врагам широких кровоточащих рваных ран. Вполне вероятно, что стрелы с плоскими железными наконечниками секторного типа применялись кыргызскими воинами на Тянь-Шане и в Семиречье в течение исторических эпох развитого и позднего Средневековья, а также начального периода Нового времени. Выделение в составе оружейного набора тянь-шаньских кыргызских воинов подобных стрел с железными плоскими наконечниками секторного типа позволяет расширить набор известных к настоящему времени форм, бывших у них на вооружении [Худяков, 2017, с. 152].

Ранее в составе сопроводительного инвентаря погребальных памятников эпохи развитого Средневековья Туура-Суу и Чап, а также в числе некоторых случайных находок, изученных на территории Кыргызстана, были выявлены подобные железные плоские наконечники стрел секторной формы [Табалдиев, 1996, с. 120, рис. 40, *7*; 43, *4*; 2011, с. 304].

В составе коллекции находок железных наконечников стрел, хранящихся сейчас в собрании Государственного исторического музея Кыргызстана, часть которых происходит с площади распаханного поля, расположенного на территории Ноокатского р-на Ошской обл. на юге Кыргызстана, также

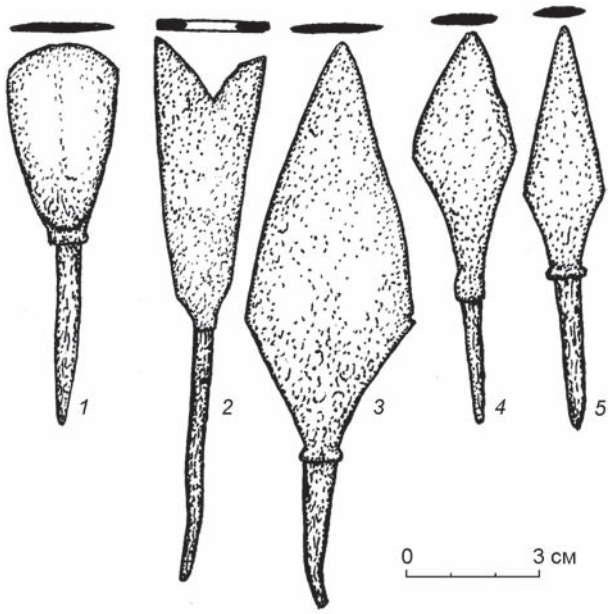
представлен железный наконечник стрелы с секторным острием, расширенным уплощенным крупным пером, уплощенным упором и прямым коротким черешком [Акматов, 2014, с. 211].

Тип 2. Вильчатые наконечники стрел. Включает 1 экз. Этот наконечник найден в районе оз. Иссык-Куль на территории одноименной котловины в пределах Республики Кыргызстан. Длина пера – 6,5 см, ширина пера – 2,6 см, длина черешка – 5,5 см. Наконечник с раздвоенным, вогнутым острием, удлиненным пером, покатыми плечиками, выделенным упором, удлиненным черешком (см. *рисунок, 2*).

Наконечники такой формы с раздвоенным, вогнутым, угловатым, двойным острием некоторыми исследователями считаются преимущественно не боевыми, а охотничьими по своему назначению. Предполагалось, что они были предназначены для охоты на разнообразную дичь. Однако в некоторых таежных районах Западной Сибири подобные вильчатые наконечники было принято относить к числу боевых стрел [Соловьев, 1987, с. 43; табл. V, 14, 16–21].

Тип 3. Удлиненно-ромбические наконечники. Включает 3 экз. Среди них имеется один образец, который происходит из южного Кыргызстана. Длина пера – 9 см, ширина пера – 4 см, длина черешка – 3,2 см. Наконечник с остроугольным острием, удлиненно-ромбическим широким пером, покатыми плечиками, выделенным упором, укороченным черешком (см. *рисунок, 3*). Два других железных наконечника стрелы с плоским, удлиненно-ромбическим пером происходят из окрестностей с. Джаркумбаево, которое находится в восточной части Иссык-Кульской котловины. У этих наконечников выделяется остроугольное острие, перо удлиненно-ромбической формы, покатые плечики, выделенный упор и укороченный черешок (см. *рисунок, 4, 5*). Наконечники данного типа, вероятно, были предназначены для поражения легковооруженных противников и нанесения им такими стрелами широких рваных ран, чтобы вывести вражеских воинов из строя во время дистанционного боя.

Как удалось установить в ходе предшествующих исследований, воины из состава вооруженных сил средневекового енисейского кыргызского государственного образования начали применять такие стрелы с плоскими железными наконечниками еще в конце I тыс. н.э., в период длительной ожесточенной войны с уйгурами, когда в ходе военных действий кыргызские войска разгромили уйгурские армии и воинские силы телесских племен и завоевали обширные территории Центральной Азии [Худяков, 1980, с. 100]. На территории Минусинской котловины железные плоские стрелы

Железные плоские наконечники стрел из окрестностей оз. Иссык-Куль и Баткена.

1 – секторный наконечник из окрестностей оз. Иссык-Куль; *2* – вильчатый наконечник из окрестностей оз. Иссык-Куль; *3* – удлиненно-ромбический наконечник из окрестностей Баткена; *4, 5* – удлиненно-ромбические наконечники из окрестностей с. Джаркумбаево в Иссык-Кульской котловине.

енисейские кыргызы и кыштымы стали использовать для обстрела противников в IX–X вв. Однако в эпоху «Кыргызского Великодержавия» такие наконечники применялись достаточно редко и не получили сколько-нибудь широкого распространения в составе набора железных стрел, характерного для этого времени. Вероятно, появление и освоение стрел с плоскими железными наконечниками у енисейских кыргызских воинов было связано с выходом их войск на широкую историческую арену Центральной Азии во время успешного ведения длительной ожесточенной войны с уйгурами. В дальнейшем, в начале II тыс. н.э., со времени становления эпохи развитого Средневековья, у енисейских кыргызских воинов получили широкое распространение стрелы с уплощенными наконечниками различных форм, среди которых преобладали железные наконечники с плоским в сечении пером асимметрично-ромбического типа [Там же, с. 100–101].

Типологически близкие, похожие по своим формам пера на рассмотренные выше, железные плоские наконечники стрел секторной, вильчатой и удлиненно-ромбической форм были на вооружении у монгольских воинов, которые в XIII–XIV вв. н.э. способствовали очень широкому распространению таких стрел во время многочисленных масштабных монгольских завоеваний в пределах всего Степного пояса и на сопредельных территориях Евразийско-

го континента [Худяков, 1991, с. 11–111, 113]. Есть основания предполагать, что выделенные ранее формы стрел с плоскими железными наконечниками отмеченных выше типов получили широкое распространение на Тянь-Шане также в исторические периоды предмонгольского и монгольского времени [Табалдиев, 1996, с. 120, рис. 38]. В дальнейшем, в периоды позднего Средневековья и начала Нового времени, подобные наконечники большей частью сохранили свое значение в составе набора железных стрел тянь-шаньских кыргызов.

Такие стрелы продолжали активно использоваться кыргызскими воинами для обстрела противников в течение последующих исторических эпох позднего Средневековья и раннего Нового времени, включая середину и третью четверть II тыс. н.э., вплоть до широкого освоения ими ручного огнестрельного оружия.

Благодарности

Работа выполнена по проекту № 0329-2019-0003.

Список литературы

Акматов К.Т. Новая коллекция железных наконечников стрел в государственном историческом музее Кыргызской Республики // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 3: Археология и этнография. – С. 209–217.

Соловьев А.И. Военное дело коренного населения Западной Сибири. Эпоха средневековья. – Новосибирск: Наука, 1987. – 193 с.

Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек: Айбек, 1996. – 256 с.

Табалдиев К.Ш. Древние памятники Тянь-Шаня. – Бишкек: V.R.S. Company, 2011. – 320 с.

Худяков Ю.С. Вооружение енисейских кыргызов VI–XII вв. – Новосибирск: Наука, 1980. – 176 с.

Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого Средневековья. – Новосибирск: Наука, 1991. – 190 с.

Худяков Ю.С. Военное дело кыргызов Центральной Азии (VI–XVIII вв.). – Бишкек: Турар, 2017. – 280 с.

References

Akmatov K.T. The New Collection of the Iron Arrowheads in the State historical Muzeum of Kyrgyz Republic. *Vestnik of the Novosibirsk State University. Ser.: History, Philology*, 2014, vol. 13, iss. 3: Archaeology and Ethnography, pp. 209–217 (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzheniye eniseiskikh kyrgyzov VI–XII vekov. Novosibirsk: Nauka, 1980, 176 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Vooruzheniye tsentralnoaziatskikh kochevnikov v epokhu rannego i razvitogo Srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1991, 190 p. (in Russ.).

Khudyakov Yu.S. Voennoe delo kyrgyzov Tsentral'noy Azii (VI–XIII veka). Bishkek: Turar, 2017, 280 p. (in Russ.).

Soloviev A.I. Voennoe delo korennogo naseleniya Zapadnoy Sibiri. Epokha Srednevekov'ya. Novosibirsk: Nauka, 1987, 193 p. (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Kurgany srednevekovykh kochevykh plemen Tyan'-Shanya. Bishkek: Aybek, 1996, 256 p. (in Russ.).

Tabaldiev K.Sh. Drevniye pamyatniki Tyan'-Shanya. Bishkek: V.R.S. Company, 2011, 320 p. (in Russ.).

Худяков Ю.С. https://orcid.org/0000-0002-4741-9971
Борисенко А.Ю. https://orcid.org/0000-0001-9558-5678
Солтобаев О.А. https://orcid.org/0000-0003-0554-2485

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.635-641
УДК 902.01

А.Н. Чеха

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Керамические комплексы слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье

С широкомасштабными спасательными работами, связанными со строительством Богучанской ГЭС, начался новый этап археологического исследования территории Северного Приангарья. В результате исследований представительные коллекции археологического материала были получены на памятниках в устье р. Кутарей (Устье Реки Кутарей, Сенькин Камень, Гора Кутарей, Ручей Поварный). В силу специфики формирования отложений (памятники носят преимущественно стояночный характер с отсутствием закрытых комплексов, отложения на краю прибрежных террас, где располагается большинство местонахождений, слабо стратифицированы – компрессионный характер отложений (макрослоистость)) особенно важно детальное изучение археологического материала и его планиграфического контекста. Керамика выступает в качестве основного культурно-хронологического маркера. В данной работе представлены результаты анализа неопубликованного керамического материала слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей, в сравнении с ранее изученной и опубликованной коллекцией археологических материалов слоя 3, каменной индустрией слоя 2 с целью уточнить культурно-хронологическую принадлежность материалов памятника. Декоративно-морфологический анализ показал, что большую часть керамики можно датировать II–I тыс. до н.э. Однако, с учетом присутствия в слое пластинчатых трех-четырехгранных каменных наконечников, близких к уолбинской культурной традиции (8000–6000 л.н.), а также примеси более ранней керамики (усть-бельской, сетчатой) нельзя исключать наличие более раннего компонента. Проведенные исследования позволяют расширить источниковую базу неолита – эпохи палеометалла и в дальнейшем уточнить культурно-хронологическую шкалу региона.

Ключевые слова: *Северное Приангарье, неолит, палеометалл, каменная индустрия, компрессионный характер отложений, керамические комплексы, спасательные археологические работы.*

Anna N. Chekha

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: cheha.anna@yandex.ru

Pottery Complexes from Layer 2 of the Ustie Reki Kutarei Site in Northern Angara Region

Wide-scale rescue works associated with building of the Boguchany Dam fostered a new stage in archaeological research in the Northern Angara region and active analysis and publication of the evidence obtained in excavations. These works have resulted in representative collections of archaeological materials from the sites in the mouth of the Kuturei River (Ustie Reki Kutarei, Senkin Kamen, Gora Kutarei, and Ruchei Povarny). Since these sites are mostly represented by short-term encampments without closed complexes, and deposits on the edge of the riverbank terraces where the majority of the sites are located, are poorly stratified, manifesting compression of the deposits (macrolamination), a detailed study of archaeological evidence and its planigraphic context is crucial. In this case, pottery constitutes the main cultural and chronological marker. This article presents the results of analysis of the unpublished pottery finds from layer 2 of the Ustie Reki Kutarei site, compared with the previously studied and published collection of archaeological evidence from layer 3 and lithic assemblage from 2 in order to clarify the cultural and chronological attribution of the evidence found at the site. The analysis of pottery decoration and morphology has shown that most of the vessels can be dated to the second–first millennium BC. However, taking into account the presence of laminar tri- or tetrahedral stone points similar to the points

of the Uolba cultural tradition (8000–6000 BP) in the layer as well as some presence of earlier pottery (Ust-Belskaya, pottery with textile imprints), the existence of an earlier component cannot be excluded. Pottery studies make it possible to expand the sources of the Neolithic–Paleometal Age and clarify the cultural and chronological scale of the region.

Keywords: *Northern Angara region, Neolithic, Paleometal Age, pottery complexes, compression of deposits, rescue archaeological excavations.*

Цель работы – с помощью декоративно-морфологического анализа выявить основные культурно-хронологические группы керамического материала слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей и сопоставить ее с ранее изученными и опубликованными коллекциями керамики и каменными индустриями из слоев 2 и 3, что позволит более четко разграничить культурно-хронологические комплексы памятника.

Стоянка Устье Реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежма (Кежемский р-н Красноярского края), на правом берегу в устье р. Кутарей.

Наиболее насыщенным и перспективным (представительная коллекция артефактов, минимум техногенных повреждений) можно считать ранее изученный слой 3 данной стоянки. В нем в результате планиграфического анализа удалось выявить «чистый» неолитический комплекс и «смешанный» – с примесью более поздней керамики [Чеха, 2016].

Однако, с учетом того, что отложения носят «компрессионный» характер и материал мог быть частично перемешан, поскольку имеются следы техногенных нарушений, имеет смысл подробное рассмотрение материалов вышележащего слоя 2. Он представляет собой темно-гумусированную супесь, равномерно подстилающую стратиграфический слой 1 (почвенно-растительный горизонт) на всей исследованной площади памятника. Слой слабоувлажнен, рыхлый, пылеватый, бесструктурный с неоднородной пятнистой текстурой (рис. 1). Он содержал археологические материалы – фрагменты керамики, изделия из камня. На отдельных участках слой 2 перерезает нижележащие культурные напластования и достигает мощности 0,2 м. Нижняя граница слоя нечеткая, волнистая, с переходом до 0,07 м.

Ранее был проведен технико-типологический анализ коллекции каменных артефактов, а также определен ее петрографический состав [Чеха, 2019].

Коллекция каменных артефактов слоя 2 насчитывает 4345 экз. (рис. 2).

Хотя слой 2 стоянки Устье Реки Кутарей менее насыщен каменными артефактами, его в сравнении со слоем 3 отличает небольшое количество массивных орудий и тесел, отсутствие скребел, небольшое количество двойных скребков, исключительно объемное расщепление, направленное в основном на получение мелких пластинчатых снятий, среди которых преобладают сколы шириной 7–10 мм. Несмотря на то, что основу коллекции составляют изделия из роговиков (алевролитов) местного происхождения, существенно увеличилось процентное содержание артефактов из кремня (до 13 %), что может говорить о несколько иной сырьевой стратегии. Установлено, что в районе устья реки Кутарей и вверх по ее течению выходов кремнистых пород не отмечалось. Таким образом, данный тип материала вероятнее всего является принесенным. Предположительно, его источником могли оказаться осадочные толщи Ангаро-Илимского междуречья.

Наиболее интересные аналогии прослеживаются с выделенным на Верхней Колыме раннеголоценовым комплексом с черешковыми пластинчатыми наконечниками (рис. 3), широко распространенными на северо-востоке Азии.

Для уточнения культурно-хронологической принадлежности памятника был также выполнен анализ керамического материала слоя 2. В основу группировки посуды был положен декоративно-морфологический анализ концентраций фрагментов и развалов *in situ* крупных частей сосудов. При анализе соотнесения группы керамики со слоем и горизонтом приоритет отдавался также контекстам со скоплениями крупных частей сосудов. Основой для хронологической интерпретации послужили планиграфические наблюдения, отмеченные еще во время раскопок, а также данные по стратифицированным объектам и погребальным комплексам, расположенным в бассейне Среднего Енисея (Пещера Еленева, Няша), Канской лесостепи (Казачка), Северном Приангарье (Усть-Кова) и Прибайкалье (Саган-Заба II, Горелый Лес). Были учтены радиоуглеродные даты, полученные по материалам отложений, погребений, нагаров из комплексов Северного Приангарья и стратифицированных памятников сопредельных территорий. Представления о хронологии дополнялись опубликованными сведениями о стратиграфическом положении керамической посуды на ряде памятников Северного Приангарья, изученных в ходе работ Богучанской археологической экспедиции в 2008–2012 гг. [Богучанская археологическая экспедиция…, 2015; Стоянка…, 2016].

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей зафиксировано 2069 фрагментов керамики (включая мелкие

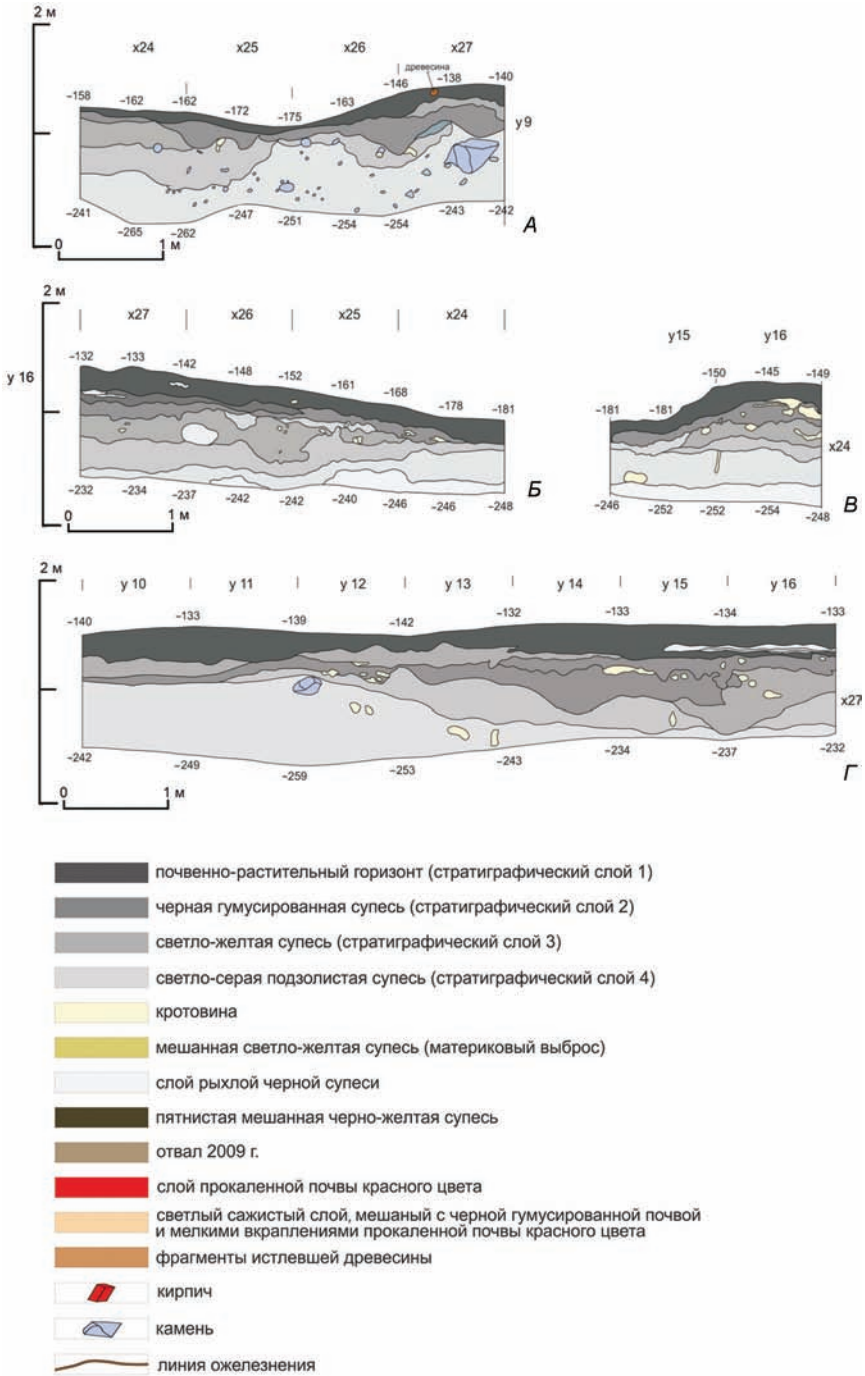

Рис. 1. Устье Реки Кутарей. Стратиграфический разрез на участке п. 20.

и неорнаментированные). Определимые фрагменты можно разделить на несколько групп.

Тонковаликовая керамика раннего железного века – круглодонные сосуды с тонкими налепными заглаженными валиками, зафиксированные в южнотаежной зоне среднего Енисея [Мандрыка, 2011].

Керамика цэпаньской культуры – тонкостенные сосуды, поверхность которых оформлена параллельными горизонтальными или волнообразными тонкими «обмазочными» валиками. Данная группа сосудов представляет керамическую традицию эпохи раннего железного века [Привалихин, 1993], она аналогична керамике карабульского типа, выделенной по материалам стоянки Усть-Карабула (Богучанский р-н Красноярского края) [Баташев, Макаров, 2000; Макаров, Быкова, 2011]. Ареал ее охватывает территорию от района г. Братска до устья Ангары, а также «прилегающую таежную территорию долины Енисея от Казачинского порога до окрестностей г. Енисейска» (т.е. территорию Северного Приангарья). Похожая керамика с налепными лентами по венчику по материалам Енисейского Приангарья выделе-

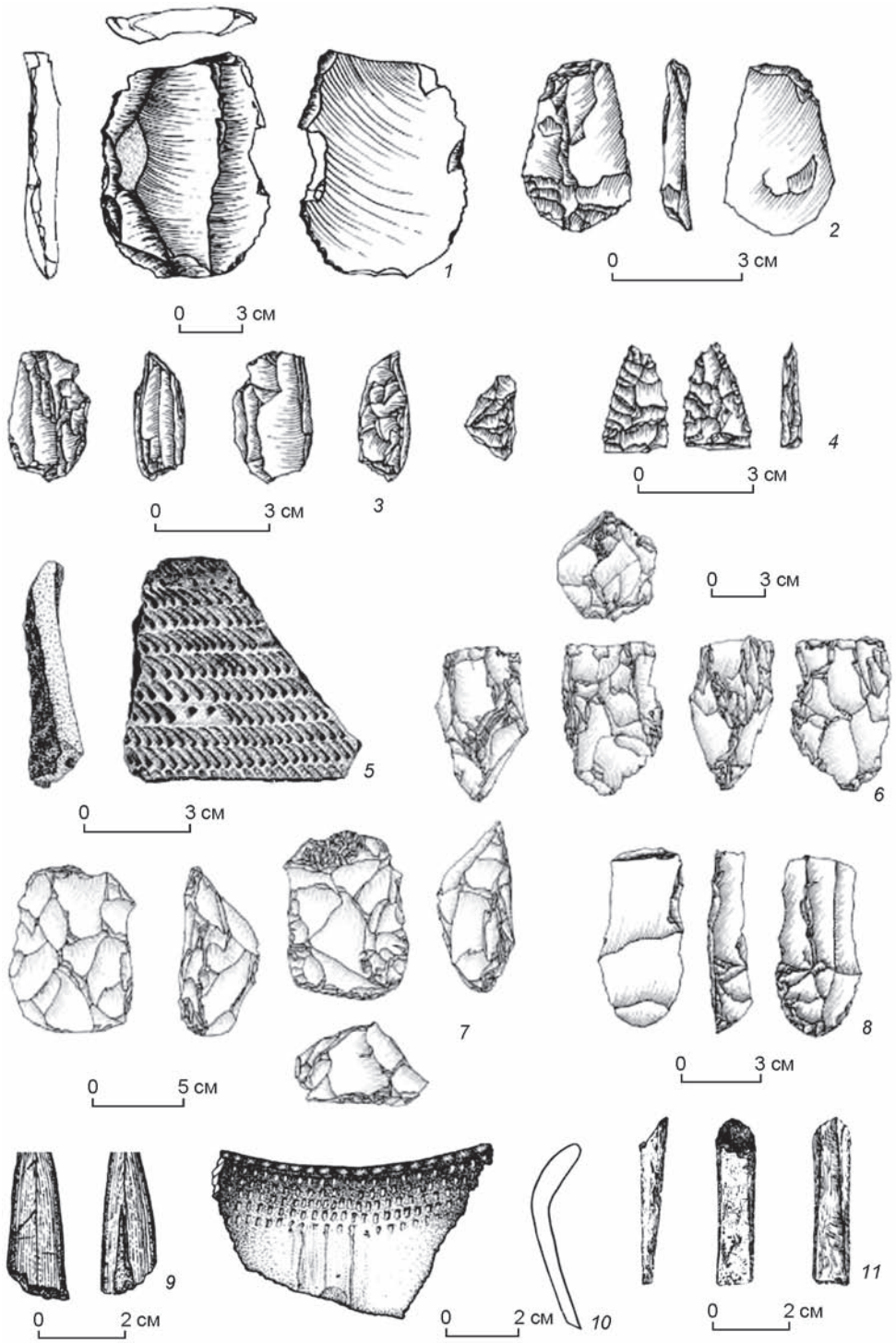

Рис. 2. Материалы слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей.

1, 2, 8 – скребки; *3, 6* – нуклеусы; *4* – каменный наконечник стрелы; *5* – фрагмент венчика (керамика цэпаньской культуры); *6, 7* – тесло; *9, 11* – фрагменты костяных наконечников стрел; *10* – фрагменты венчика керамического сосуда (тонковаликовая керамика раннежелезного века).

на в каменско-маковский тип [Мандрыка, 2008]. Исследователями отмечается, что разница между двумя этими типами заключается лишь в отсутствии у каменско-маковской посуды пояса ямочных вдавлений под венчиком в месте крепления нижнего края дополнительной ленты к верхней части сосуда. В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей данная посуда составляет 6,7 %, выявлено всего 12 фрагментов керамики с венчиками, поэтому четко отнести ее к какому-либо типу достаточно проблематично. На соседнем памятнике Гора Кутарей выделяется карабульский тип [Выборнов, Нестерова, 2015].

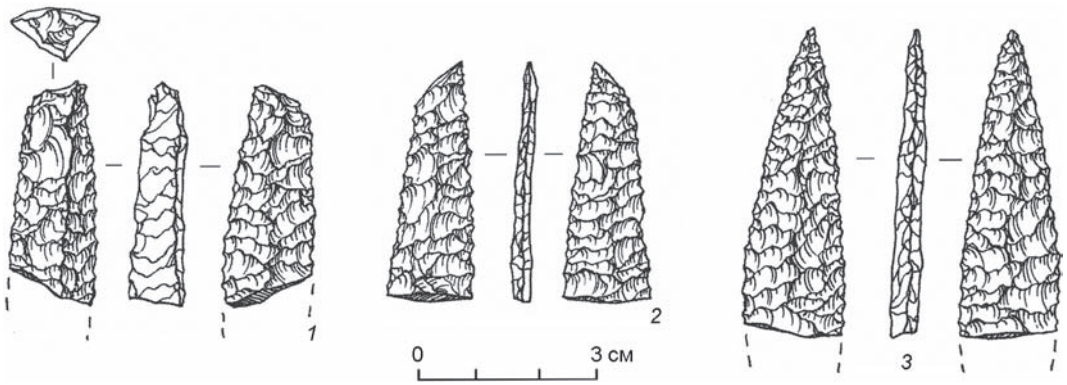

Рис. 3. Пластинчатые наконечники из слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей.

Керамика шилкинского типа – фрагменты сосудов с объемными круглыми «рассеченными» валиками со следами прищипов и насечками в верхней части, представляют собой закрытые горшечные формы с короткой шейкой, отогнутым венчиком и расширяющимся плечиком. Данные характеристики более всего сопоставимы с посудой шилкинской культуры (VI–I вв. до н.э.) южно-таежной зоны Средней Сибири и нижепорожинской (VII–III вв. до н.э.) Енисейского Приангарья [Мандрыка, 2008].

Керамика ковинского типа – тонкостенные, по всей вероятности круглодонные горшковидные сосуды закрытой формы с ангобом; характерным признаком служат гладкие «рассеченные» и «обмазочные» валики, которые покрывают верхнюю часть сосуда. В памятниках Северного Приангарья данная посуда встречена на стоянках Гора Кутарей, Усть-Кеуль-1 (культурные горизонты 2 и 3), Хедугин Ручей, Сережкино, Усть-Кова-1 (в культурном слое 1), Парта (во втором слое), Усть-Кода, на стоянке и могильнике Сергушкин-3. По мнению исследователей, эта посуда относится к первой половине I тыс. н.э., к раннему Средневековью.

Керамика усть-бельского типа – крупные круглодонные тонкостенные формы с прямыми стенками. На срез венчика нанесены косые насечки, овальные вдавления. Сосуды (чаще полностью) орнаментированы прямолинейными горизонтальными рядами однообразных наклонных оттисков (насечки, гребенчатый штамп, отпечатки ногтя, оттиски угла лопаточки, овальные вдавления, реже прочерченные линии). Существует довольно широкий круг работ, посвященных проблеме выделения, происхождения и культурно-хронологической позиции керамики усть-бельского типа относительно других керамических пластов [Бердников, Бердникова, 2007; Герман, Леонтьев, 2013]. Исследователями также отмечается и терминологическая несогласованность в зависимости от места расположения объекта – «унюкская», «казачинская», «западно-ангарская». Ареал распространения данной керамики охватывает Минусинскую котловину, Средний Енисей, Северное Приангарье, западное побережье Байкала и Южное Приангарье [Бердников, Бердникова, 2007, с. 53].

Керамика посольского типа – закрытые или открытые тонкостенные сосуды с округлым дном, утолщением венчика с внешней стороны подтреугольным в сечении налепом. Толщина стенок у венчика существенно увеличивается. Венчик профилирован. По самому краю среза венчика фиксируется ряд мелких сквозных отверстий, располагающихся поверх наколов или прочерченной линии. Верхняя часть сосудов орнаментирована в отступающее-накольчатой или протащенной технике. Встречаются прочерченные горизонтальные линии, оттиски зубчатого штампа или лопаточки). Ареал бытования данной посуды совпадает с ареалом усть-бельской керамики [Макаров, 2012]. На некоторых североангарских памятниках (стоянка Парта (4 слой), Усть-Кеуль I (культурный горизонт 7), в т.ч. на стоянке Устье Реки Кутарей) керамика усть-бельского и посольского типа залегает совместно [Савин, 2010].

Сетчатая (текстильная) керамика (сосуды открытого типа, как правило, без орнамента, с отверстиями в привенчиковой зоне и декорированные редкими наколами или прочерченными линиями). Данный тип сосудов встречается на всей территории юга Средней Сибири. Керамика с «текстильными отпечатками» в Северном Приангарье наиболее просто поддается идентификации, однако сильная фрагментарность зачастую не позволяет группировать посуду и определять ее типологию. Можно встретить разную терминологию относительно данного типа керамики: «с псевдотекстильным орнаментом», с «отпечатками сетки или ткани», с «текстильным орнаментом», но чаще исследователи пользуются термином «сетка-плетенка». Для памятников Северного Приангарья (Аплинский порог, Пашино, могильник и стоянка Отико) был выделен «аплинский» тип [Бердников, 2013]. В работе, посвященной систематизации керамических типов Средней Сибири, И.М. Бердников вы-

деляет в данной группе два типа сосудов: овалоидной или параболоидной, закрытой или открытой формы, «декорированный ямочными вдавлениями в верхней части, простыми наколами или гребенчатым штампом по срезу венчика»; сосуды «закрытой формы с профилировкой в верхней части, округлым или приостренным дном. Срез венчика прямой или скошенный, декорирован наколами. Встречаются сосуды без орнамента с отверстиями в привенчиковой зоне и с редкими наколами (ямки, гребенчатый и гладкий штампы) или прочерченными линиями» [Там же, с. 207–208].

В слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей тонковаликовая керамика раннего железного века составляет 377 фрагментов/28 венчиков (44,5 %), посуда шилкинского типа – 102/29 (12 %), посуда ковинского типа – 33/9 (3,9 %), керамика цэпаньской культуры – 57/12 (6,7 %) посуда с текстильными отпечатками – 61/3 (7,2 %), керамика усть-бельского типа – 62/6 (7,4 %), посольского типа – 5/0 (0,5 %), возможно, аплинского типа – 2/0 (0,2 %), смешанная группа (недостаточно диагностирующих признаков, не относящаяся к эпохе неолита) – 27/7 (3,2 %), неорнаментированные фрагменты – 118 экз. (14 %), техническая керамика – 3 экз. (0,4 %). Остальные 1 223 фрагмента являются мелкими и неорнаментированными.

На стоянке не зафиксировано характерной для региона керамики с «жемчужником», распространенной также на территории Канско-Рыбинской котловины, время существования которой оценивается в 4–2,8 тыс. л.н.

На современном этапе исследования получены новые данные по хронологии керамических комплексов региона, в т.ч. для ранненеолитической керамики по материалам Холмушино-3, Еловка-Нуган I (в Тункинской долине) (8510–8380 л.н.), для усть-бельской керамики по материалам памятника Деревня Пашина (SPb-352: 5034 ± 80 л.н., SPb-351: 4990 ± ± 90 л.н.). По материалам памятника Сергушкин-1 (датировки которого позволяют отнести ранний период бытования усть-бельского комплекса к концу VI – началу V тыс. до н.э. [Герман, Леонтьев, 2013, с. 151]), выделен ангарский вариант сетчатой керамики (аплинский), хайтинского типа. Однако указанные данные сложно назвать однозначными [Бердников, Бердникова, Воробьева, 2017].

«Чистые» комплексы бронзового века выделены на крайне малом числе стоянок региона (Усть-Карабула, Парта, Ручей конный-3, Усть-Верея-2, Капонир) и до настоящего времени в полной мере не введены в научный оборот.

Таким образом, в слое 2 стоянки Устье Реки Кутарей преобладает керамика, относящаяся к раннему железному веку (тонкожгутиковая (2300–2100 л.н.), посуда шилкинского типа (2400–2100 л.н.)), керамика цэпаньской культуры (2800–2200 л.н.). Неолитический компонент присутствует в небольшом количестве, что можно связать с техногенными нарушениями, особенностями формирования культурного слоя и перепадом высот. В целом большую часть материалов слоя можно датировать II–I тыс. до н.э., однако наличие неолитической керамики и пластинчатых, трех-четырехгранных каменных наконечников, близких уолбинской культурной традиции (8000–6000 л.н.), не исключают наличие более раннего компонента.

Список литературы

Баташев М.С., Макаров Н.П. Культурогенез таежных народов Нижнего Енисея. – Красноярск: Красторгтрей LTD, 2000. – 36 с.

Бердников И.М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по материалам керамических комплексов) // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 203–229.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е. Усть-бельская керамика: проблемы, характеристика, хронология // Северная Евразия в антропогенезе: человек, палеотехнологии, геоэкология, этнология и антропология. – Иркутск: Оттиск, 2007. – Т. 1. – С. 51–57.

Бердников И.М., Бердникова Н.Е., Воробьева Г.А. Мультислойчатые местонахождения как основа для палеогеографических и культурных реконструкций в среднем голоцене Байкало-Енисейской Сибири // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2017. – Т. 21. – С. 5–32.

Богучанская археологическая экспедиция: очерк полевых исследований (2007–2012 гг.) / А.П. Деревянко, А.А. Цыбанков, А.В. Постнов, В.С. Славинский, А.В. Выборнов, И.Д. Зольников, Е.В. Деев, А.А. Присекайло, Г.И. Марковский, А.А. Дудко. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – 564 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 1).

Выборнов А.В., Нестерова М.С. Керамика на стоянке Гора Кутарей в Северном Приангарье // Материалы IV Северного археологического конгресса. – Екатеринбург; Ханты-Мансийск: ИИиА УрО РАН, 2015. – С. 118–120.

Герман П.В., Леонтьев С.Н. Комплекс археологических материалов с Усть-Бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2013. – № 1 (2). – С. 133–156.

Макаров Н.П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Улан-Батор: Изд-во Монг. гос. ун-та, 2012. – Вып. 3. – С. 67–72.

Макаров Н.П., Быкова М.В. Керамика карабульского типа // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. – Иркутск: Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2011. – С. 227–231.

Мандрыка П.В. Комплексы раннего железного века Енисейского Приангарья // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда в Суздале. – М.: ИА РАН, 2008. – Т. II. – С. 162–164.

Мандрыка П.В. Тонковаликовая керамика раннего железного века из южно-таежной зоны среднего Енисея // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2011. – Т. 10, вып. 3. – С. 118–126.

Привалихин В.И. Ранний железный век Северного Приангарья (цэпаньская культура): автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 1993. –24 с.

Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2010. – Т. XVI. – С. 582–586.

Стоянка Пашина в Северном Приангарье (исследования 2008–2009 годов) / А.Е. Гришин, Ж.В. Марченко, Ю.Н. Гаркуша, Д.А. Гурулев, С.В. Шнайдер, Н.А. Кулик, С.К. Васильев, Е.А. Кребс. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – 168 с. – (Тр. Богучанской археологической экспедиции; т. 2).

Чеха А.Н. Каменные индустрии слоя 3 стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер.: История. – 2016. – № 6 (44). – С. 106–113.

Чеха А.Н. Каменная индустрия слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей (Северное Приангарье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер.: История, филология. – 2019. – Т. 18. – № 3: Археология и этнография. – С. 62–73.

References

Batashev M.S., Makarov N.P. Cultural genesis of taiga people of Lower Yenisei. Krasnoyarsk: Krastorgtrey LTD, 2000, 36 p. (in Russ.).

Berdnikov I.M. The main aspects of historical and kultural processes in the south of Middle Siberia in Neolithic (on materials of ceramic complexes). *Izvestiya Irkutskogo gosydarstvennogo universiteta. Series: "Geoarkheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya"*, 2013, No. 1 (2), pp. 203–229 (in Russ.).

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E. Ust'-belsky ceramic type: problems, characteristic, chhronology. In *Severnaya Evraziya v antropogeneze: chelovek, paleotechnologiya, geoekologiya, etnologiya i antropologiya*. Irkutsk: Ottisk, 2007, vol. 1, pp. 51–57 (in Russ.).

Berdnikov I.M., Berdnikova N.E., Vorob'yeva G.A. Multilayer sites as a base for paleogeographic and cultural reconstructions in Middle Holocene period in Baikal-Yenisei Siberia. *Izvestiya Irkutskogo gosydarstvennogo universiteta. Series: Geoarkheologiya. Ehtnologiya. Antropologiya*, 2017, vol. 21, pp. 5–32 (in Russ.).

Boguchan archaeological expedition: an essay field-based research (2007–2012) / A.P. Derevyanko, A.A. Tsybankov, A.V. Postnov, V.S. Slavinskii, A.V. Vybornov, I.D. Zolnikov, E.V. Deev, A.A. Prisekailo, G.I. Markovskii, A.A. Dudko. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, 564 p. (Trudy Boguchanskoi arkheologicheskoi ekspeditsii; vol. 1) (in Russ.).

Chekha A.N. The stone industries of layer 3 Ust'-Kutarey site in North Angara region. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Istoriya*, 2016, No. 6 (44), pp. 106–113 (in Russ.).

Chekha A.N. The stone industry of layer 2 Ust'-Kutarey site (North Angara regon). *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Istoriya i Filologiya*, 2019, vol. 18, No. 3: Archaeologiya i Ethnographiya, pp. 62–73 (in Russ.).

German P.V., Leont'ev S.N. Complex of archaeological materials with ust-bel'sky ceramic from Sergushkin site, location "A". *Izvestiya Irkutskogo Gosydarstvennogo universiteta. Series: Geoarkheologiya. Etnologiya. Antropologiya*, 2013, No. 1 (2), pp. 133–156 (in Russ.).

Makarov N.P. Posolsky type of ceramic in Baikal and Middle Siberia. In *Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia*. Ulan-Bator: Mongolian State Univ. Press, 2012, vol. 3, pp. 67–72 (in Russ.).

Makarov N.P., Bykova M.V. Karabulsky type of ceramic. In *Ancient cultures of Mongolia and Baikal Siberia*. Irkutsk: State Univ. Press, 2011, pp. 227–231 (in Russ.).

Mandryka P.V. Early iron age complexes of Yenisei Angara region. Raskopki istoricheskogo tsentra Irkutska [Excavations of the Irkutsk Historical Center]. *Trudy II (XVIII) Vserossiiskogo arkheologicheskogo siezda v Suzdale.* Moscow, 2008, vol. 2, pp. 162–164 (in Russ.).

Mandryka P.V. Iron age Ceramics with thin roller from southern taiga zone of Middle Yenisei. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Series: Istoriya, filologiya*, 2011, vol. 10, No. 3, pp. 118–126 (in Russ.).

Pashina site in North Angara region (researching 2008–2009) / A.E. Grishin, J.V. Marchenko, J.N. Garkusha, D.A. Gurulyov, S.V. Shnaider, N.A. Kulik, S.K. Vasil'ev, E.A. Krebs. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, 168 p. (Trudy Bogushanskoi arkheologisheskoi ekspeditsii; vol. 2) (in Russ.).

Privalikhin V.I. Early iron age period of North Angara region (thepan'sky culture): cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 1993, 24 p. (in Russ.).

Savin A.N. Ceramic of multilayer site Parta. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories.* Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2010, vol. 16, pp. 582–586 (in Russ.).

Vybornov A.V., Nesterova M.S. Ceramic complex on Gora Kutarey site at North Angara region. *Materialy IV Severnogo arkheologicheskogo kongressa*. Yekaterinburg; Khanty-Mansiysk: Institute of History and Archaeology UB RAS, 2015, pp. 118–120 (in Russ.).

Чеха А.Н. https://orcid.org/0000-0002-6872-9493

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.642-648
УДК 572.08

Т.А. Чикишева[1], Е.С. Аристова[2], П.А. Елясин[2], Н.В. Полосьмак[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия
E-mail: chikisheva@ngs.ru

Опухоли на костях людей из курганов пазырыкской культуры в долине реки Ак-Алахи (плоскогорье Укок, Горный Алтай)

Проведено обследование коллекции останков людей (16 индивидов: 10 мужчин, 2 женщины, 4 детей), погребенных в курганах пазырыкской культуры, которые расположены в долине р. Ак-Алахи. Этот палеоантропологический материал был изучен ранее по краниометрической и одонтоскопической программе, но без внимания остался пласт биоархеологической информации, отражающей последствия влияния биологических и социокультурных факторов среды. В статье обсуждаются патологии опухолевого характера, обнаруженные на костях скелетов. Констатирована высокая частота возникновения опухолевых заболеваний в данной группе. С учетом мумии женщины из кургана Ак-Алаха-3 (томографический анализ мумии обнаружил опухоль молочной железы и метастатический онкопроцесс в телах грудных позвонков Th1–Th3) такая патология встречена у пяти индивидов, что составляет более 30 % взрослого контингента. У трех молодых мужчин (из погребений в комплексах Ак-Алаха-1, -5 и Бертек-12) опухоли локализованы в области метафизов длинных костей и диагностированы нами как остеохондромы и остеоид-остеомы. У одного индивида (молодой мужчина из кург. 3 комплекса Ак-Алаха-5) патологическое разрастание костной ткани обнаружено на скате основной кости, на наружной поверхности базилярной части затылочной кости в основно-затылочном синостозе и в сфеноидальном синусе. В число факторов, вызывающих опухоли костей скелета, можно включить повышенную нагрузку на скелет в раннем возрасте, эндокринные нарушения (гиперфункция щитовидной железы), особенности диеты, способ приготовления пищи на огне открытого очага, дым от очага, которым отапливалось в холодное время жилище, и экологические факторы.

Ключевые слова: *Горный Алтай, пазырыкская культура, опухоли костей, метаэпифизарный хрящ, остеохондрома, остеома.*

Tatiana A. Chikisheva[1], Elena S. Aristova[2], Pavel A. Elyasin[2], Natalya V. Polosmak[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State Medical University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: chikisheva@ngs.ru

Tumors on the Human Bones from the Burial Mounds of the Pazyryk Culture in the Ak-Alakha River Valley (Ukok Plateau, Altai Mountains)

The collection of human remains (16 individuals, including 10 males, 2 females, and 4 children) from the burial mounds of the Pazyryk culture, located in the Ak-Alakhi River Valley has been analyzed. This paleoanthropological evidence had been previously studied using a craniometric and odontoscopic methodology, however, the bioarchaeological information reflecting the effects of biological and sociocultural environmental factors was ignored. This article describes tumor pathologies found on the bones. High incidence of tumor diseases in this group has been observed. Taking into account

the female mummy from the Ak-Alakha-3 burial mound, whose tomographic examination revealed the breast tumor and metastatic oncological decease in the bodies of the thoracic vertebrae Th1-Th3 (Letyagin, Savelov, 2014), this pathology has been found in five individuals, which constitutes over 30 % of the adult group. Three young males from the burials in the Ak-Alakha-1, Ak-Alakha-5, and Bertek-12 complexes had metaphyseal tumors, which we diagnosed as osteochondromae and ososteoid osteomae. Pathological hypertrophy was found on the slope of sphenoid bone, on the outer surface of the basilar part of the occipital bone in the sphenoid-occipital synostosis, and in the sphenoid sinus on male remains from the burial mound at Ak-Alakha-5. The factors which might have caused skeletal bone tumors could include skeletal overload in the early age, endocrine disorders such as hyperfunction of the thyroid gland, dietary features, method of cooking on the open fire, smoke from the hearth in the dwellings in cold weather, and environmental factors.

Keywords: *Altai Mountains, Pazyryk culture, bone tumors, metaphyseal cartilage, osteochondroma, osteoma.*

Введение

Антропологический контекст пазырыкской культуры с каждым годом становится обширнее. В настоящее время внимание исследователей направлено не только на получение антропометрических и одонтоскопических данных, но и биоархеологических, в определенной степени отражающих некоторые особенности жизни людей, своеобразные условия их труда и быта, перенесенные травмы и заболевания, иногда причины смерти.

Было проведено дополнительное обследование останков 16 скелетов (10 мужчин и 2 женщины, включая мумию из кург. Ак-Алаха-3, и 4 детей) из нескольких курганных комплексов в долине р. Ак-Алаха на плоскогорье Укок (Горный Алтай). Этот палеоантропологический материал частично уже опубликован, но ранее его изучение было сфокусировано на проблемах генезиса антропологического состава пазырыкских популяций. Использовались краниометрические параметры и одонтологические данные серий, сформированных по принципу территориальной приуроченности курганов, из которых они происходят, к долинам основных рек Горного Алтая. Эти серии рассматривались на популяционном уровне, и одну из анализируемых единиц представляла популяция с Укока [Чикишева, 2003, 2012].

В большинстве случаев посткраниальные отделы скелетов из пазырыкских курганов Укока имели плохую сохранность (неполную комплектность, фрагментарное состояние и деструктивные разрушения сохранившихся отделов), объясняемую эксгумацией тел или частей тел из погребений при разграблении курганов, повсеместно практикуемой у кочевников евразийских степей в скифское время. Поэтому популяционный подход к классическим остеометрическим характеристикам, при котором анализируется их внутригрупповая вариабельность, не был использован. На патологические отклонения в скелетах носителей пазырыкской культуры обращалось внимание и ранее, но оно относилось к наиболее «эффектным» их проявлениям, максимально выраженным, фиксируемым при визуальном осмотре. Постановка дифференциального диагноза не проводилась, не анализировалась частота заболеваний в группе. В ходе нового обследования у трех индивидов, захороненных в ак-алахинских пазырыкских курганах, были выявлены патологии в виде опухолей, характеристике которых посвящена статья.

Результаты и обсуждение

Комплекс Ак-Алаха-1, кург. 1, погр. 2. Курган исследован в 1990 г. под руководством Н.В. Полосьмак и отнесен к пазырыкской культуре [Полосьмак, 1994, с. 16–60; Население…, 2003, с. 17–21]. Два погребения кургана содержали останки двух человек, при первоначальном антропологическом обследовании которых было определено, что в первом был захоронен мужчина 45–50 лет, во втором – молодая женщина 16–17 лет. Также было сделано краткое описание морфологических особенностей этих индивидов и опубликованы их антропометрические параметры [Население…, 2003, с. 259–261]. Спустя два десятилетия был проведен молекулярно-генетический анализ образцов скелетного материала и установлен мужской пол молодого индивида, а также родственная связь обоих мужчин и по материнской, и по отцовской линии [Пилипенко, Трапезов, Полосьмак, 2015].

Таким образом, установлено, что в погр. 2 захоронен подросток, умерший в возрасте 16–17 лет. На задней поверхности левой плечевой кости, на 3 см ниже проксимального метафиза (поверхность зоны роста хорошо сохранилась), имеется крупное костное опухолевое образование, предположительно остеохондрома (рис. 1). Ее размеры: длина вдоль продольной оси кости – 7,5 см, ширина по поперечному сечению на уровне наибольшего развития – 2,5 см, максимальная толщина – 2 см. Поверхность опухоли покрыта тонким слоем компактного вещества. На ней имеются небольшие участки, лишенные компакты – следы локализации хрящевой ткани. На распиле губчатое вещество имеет трабекулярную структуру. Трабекулы ров-

Рис. 1. Левая плечевая кость мужчины из погр. 2, кург. 1 комплекса Ак-Алаха-1 с остеохондромой.
а – общий вид сзади; *б* – область опухоли, заметны следы локализации хрящевой ткани.

ные, полукруглой формы, заполняют всю опухоль, в костномозговой канал не проникают.

Остеохондрома – доброкачественная опухоль, растущая из метаэпифизарного хряща в период формирования скелета, локализующаяся обычно в области метафизов плечевой (чаще проксимальный отдел), бедренной (чаще дистальный отдел) и большеберцовой кости (чаще проксимальный отдел) [Пальцев, Аничков, 2005, с. 149; Murphey et al., 2000]. Представляет собой вырост костной ткани, покрытый хрящом. Возникает в возрасте до 20 лет. Может развиваться как одиночное образование (солитарная остеохондрома) или в виде нескольких поражений (множественная остеохондрома) [Khurana, Abdul-Karim, Bovée, 2002; Пальцев, Аничков, 2005, с. 149–150]. В наблюдаемом нами случае представлена солитарная остеохондрома. В современных популяциях эта патология встречается при рентгенографическом обследовании у 1–2 % индивидов, преобладает у мужчин [Murphey et al., 2000], на палеоантропологических материалах гендерные различия по частоте встречаемости патологии не обнаружены [Waldron, 2009, p. 172] .

Дифференциальный диагноз солитарной остеохондромы проводится с малигнизированной остеохондромой или хондросаркомой (злокачественное перерождение остеохондромы). Источником развития данной опухоли является хрящевая часть остеохондромы, которая может прорастать в мягкие ткани или в костномозговой канал, но вероятность такого поражения не превышает 1–2 % случаев [Пальцев, Аничков, 2005, с. 150]. На палеоантропологических материалах остеохондрома должна быть дифференцирована также от гетеротопического травматического окостенения, что иногда может оказаться проблематичным из-за отсутствия хрящевого колпачка в сухих костях [Waldron, 2009, p. 175]. В нашем случае обнаружены следы локализации хрящевой ткани (рис. 1, *б*), изменения в строении и структуре окружающей опухоль костной ткани отсутствуют, и диагноз остеохондрома нам кажется верным.

Причиной заболевания долгое время считалась чрезмерная физическая нагрузка на скелет в период его созревания. В последнее время одним из факторов, вызывающих остеохондрому, называют также ионизирующую радиацию. Получены данные, что эта опухоль развивается у 12 % детей, получавших лучевую терапию в дозе 1000–6000 рад [Пальцев, Аничков, 2005, с. 149].

Комплекс Бертек-12, кург. 1, погр. 1. Курган исследован под руководством В.И. Молодина в 1991 г., датирован V–III вв. до н.э. [Древние культуры…, 1994, с. 24]. Парное захоронение (взрослый и ребенок) со следами ограбления осуществлено в каменном ящике трапециевидной формы, сооруженном на дне могильной ямы из пяти сланцевых плит, перекрытых сверху плахами и плоскими сланцевыми плитами [Там же, с. 84].

При обследовании скелета взрослого (мужчины 20–25 лет) на границе верхней и средней трети левой бедренной кости обнаружено опухолевидное образование. Опухоль имеет плоскую форму, расположена параллельно поверхности диафиза кости. Ее размеры: длина вдоль продольной оси диафиза – 5,0 см, ширина – 2,5 см, толщина – 0,3 см. Поверхность опухоли гладкая, покрыта тонким слоем компактного вещества, под которым находится трабекулярная костная ткань (рис. 2). Возможно, данное образование возникло в раннем возрасте из метаэпифизарного хряща проксимального конца диафиза кости.

Нижняя треть левой большеберцовой кости этого индивида сильно деформирована – изогнута кпереди, утолщена, укорочена (ее полная длина составляет 39,0 см, тогда как на правой кости этот параметр 40,3 см). На задней поверхности кости компактный слой имеет выпуклую, бугристую поверхность, множество сосудистых каналов. На латеральной поверхности кости на уровне изгиба диафиза обнаружена плоская опухоль размером 4,0 × 2,5 см. Толщина образования не более 1,0 мм. Граница опухоли довольно четкая (рис. 3).

Дифференциальный диагноз подобной патологии проводится между остеоид-остеомой, параостальной остеомой и реактивными разрастаниями костной ткани (посттравматическими и инфекционными) [Пальцев, Аничков, 2005, с. 140–142]. В некоторых случаях остеому и остеоид-остеому следует отличать от старых остеохондром. В пользу остеоидной остеомы в нашем случае говорит ее локализация вблизи ростковой эпифизарной зоны, ярко выраженный сосудистый рисунок и деформация кости, которую могут вызывать растущие остеоид-остеомы.

В нижней трети малоберцовой кости в области дистального межберцового синдесмоза имеются многочисленные остеофиты, возникшие, возможно, из-за сильного натяжения соединительнотканных структур в дистальном отделе кости. Это связано с отставанием роста большой берцовой кости. Нельзя исключить наличие реактивного воспалительного процесса, который, как правило, присоединяется во время роста остеоид-остеомы.

Комплекс Ак-Алаха-5, кург. 3, погр. 2. Комплекс Ак-Алаха-5, исследованный Н.В. Полосьмак в 1994–1995 гг., представляет собой «цепочку» курганов, в которой кург. 3 является самым большим [Полосьмак, 2001, с. 86–99]. В кургане были захоронены молодые мужчины близкого возраста в интервале 25–30 лет. Для исследования одного из них были получены фрагменты черепа. Кости посткраниального отдела не сохранились.

Были исследованы фрагменты костей основания черепа – клиновидной, затылочной, решетчатой, височной и часть задней стенки тела верхней челюсти. У клиновидной кости сохранились тело и небольшой фрагмент малых крыльев. Другой фрагмент состоит из части большого крыла (подвисочная поверхность) и части височной кости со скуловым отростком и нижнечелюстной ямкой левой стороны. Патологии обнаружены на скате основной кости, на наружной поверхности базилярной части затылочной кости, в основно-затылочном синостозе, в сфеноидальном синусе и на левом большом крыле основной кости.

Поверхность крыла и наружная поверхность базилярной части затылочной кости имеют выраженный сосудистый рисунок, а основно-затылочный синостоз представляет собой разрастание губчатой ткани (рис. 4, *в*). В теле клиновидной кости имеется опухолевидное образование овальной формы, размером 2,5 × 1,7 см (рис. 4, *б*). Поверхность опухоли ровная. В отличие от окружающего губчатого вещества клиновидной кости, имеет очень плотную костную консистенцию пластинчатой костной ткани. Границы опухоли определяются хорошо, она занимает почти все тело (но не синусы) кости,

Рис. 2. Левая бедренная кость мужчины из кург. 1 комплекса Бертек-12 с остеоид-остеомой.

Рис. 3. Дистальная половина левой большеберцовой кости мужчины из кург. 1 комплекса Бертек-12 с остеоид-остеомой на латеральной поверхности диафиза.

прорастает кпереди в сторону крыловидно-небной ямки, а также кзади по направлению к затылочной кости. Компактное вещество клиновидной кости истончено, турецкое седло узкое (1,5 см). В области ската (позади основания спинки турецкого седла) имеется патологическое образование с четко очерченными границами, округлой формы размером 1,5 × 1,3 см (рис. 4, *а*). В центре образования имеется небольшой участок, лишенный компактного слоя. Дно гипофизарной ямки слабо порозное. Скорее всего, имеется связь между этими отклонениями от нормальной анатомии в пределах одной кости.

По данным литературы, распространенность опухолей основания черепа в наше время не превышает 2–3 % среди опухолей головы [Гаспарян, Черекаев, Бекяшев, 2012]. То есть такие опухоли являются редкими заболеваниями. Можно предположить, что данная опухоль относится к опухолям хондроид-

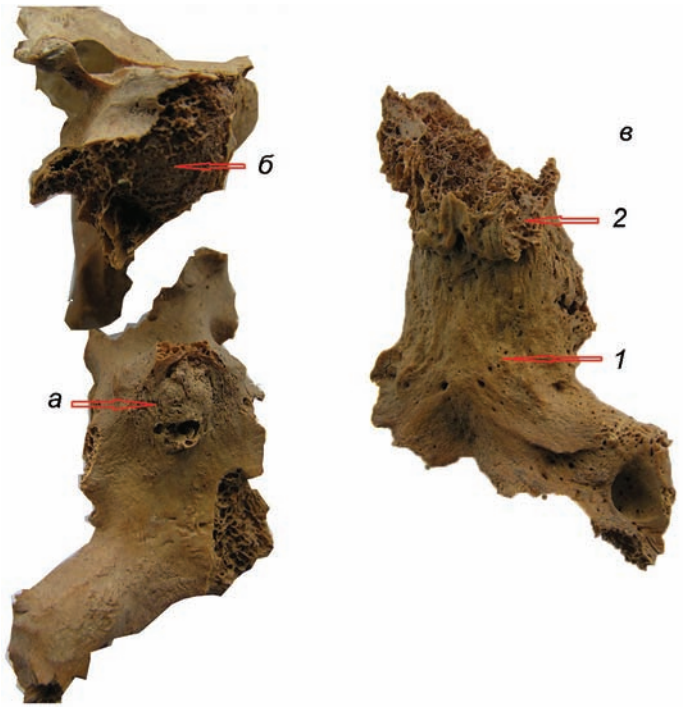

Рис. 4. Фрагменты костей основания черепа мужчины из погр. 2, кург. 3 могильника Ак-Алаха-5.

а – опухоль на наружной поверхности стенки ямки гипофиза; *б* – остеома в сфеноидальном синусе; *в* – наружная поверхность основания затылочной кости с крупными порами (*1*) и разрастанием губчатой ткани в области основно-затылочного синостоза (*2*).

ного ряда, которые могут возникать из хрящевой ткани (в т.ч. и эмбриональной) синхондрозов основания черепа. Численность таких патологий у современного населения не превышает 1 % из числа опухолей костной и хрящевой ткани [Там же].

В палеопатологической литературе поражение ската, аналогичное встреченному нами у погребенного, не описано. На палеоантропологическом материале, не имеющем повреждения кости над параназальными синусами, вне целенаправленного рентгенографического обследования она вряд ли может быть зафиксирована. Поэтому случаи описания таких патологий единичны [Riccomia et al., 2017], а наблюдаемая нами локализация встречена впервые. В литературе рассматриваются три группы причин, провоцирующих развитие опухолей в воздухоносных полостях черепных костей – аномалии развития в эмбриональном периоде жизни, травмы и гипертрофия костной ткани как реакция на воспалительный процесс [Alexander, Patel, Odland, 2007].

В данном случае вся лежащая в глубине основания головы анатомическая структура имеет очаги патологического разрастания костной ткани. Причиной смерти изучаемого индивида могло послужить разрушение кровеносных сосудов Виллизиевого круга и синусов твердой мозговой оболочки. Какова бы ни была первичная причина этой патологии, она, в свою очередь, могла стать субстратом для процессов воспалительного характера, вызываемых вирусной, бактериальной или грибковой инфекцией.

Комплекс Ак-Алаха-5, кург. 4, погр. 2. В кургане были захоронены молодые мужчины близкого возраста – ок. 35–40 лет. Следует уточнить, что при предыдущем обследовании пол одного из индивидов был ошибочно определен как женский и его краниометрические данные попали в таблицы как относящиеся к индивиду из погр. 2 кург. 5 [Чикишева, 2003, табл. П.1.10, с. 220–224; Чикишева, 2012, табл. 40, с. 397–399]. Затруднения с определением пола обусловлены относительно слабым рельефом черепа, сильным наклоном ветви нижней челюсти и визуально гра-

Рис. 5. Остеоид-остеома на правой малой берцовой кости мужчины из кург. 5 могильника Ак-Алаха-5. Стрелкой указано место травмы.

цильными позвонками при посмертной деструкции тазового отдела скелета. Горизонтальные диаметры черепа и размеры длинных костей скелета соответствуют параметрам мужчин в данной группе.

На правой малоберцовой кости выявлена опухоль, расположенная на границе верхней и средней трети кости. Ее длина по продольной оси – 5,0 см, максимальная ширина – 1,5 см. Опухоль имеет четкие контуры и хорошо выраженный склеротический ободок с латеральной стороны (рис. 5). Медиальный край опухоли незначительно приподнят над поверхностью диафиза. Опухоль растет субпериостально. Эти признаки характерны для остеоид-остеомы. Скорее всего, опухоль старая, поскольку ее центральная часть полностью оссифицирована.

Заключение

Частота опухолей у пазырыкцев, погребенных в долине р. Ак-Алахи очень высока. С учетом мумии женщины из кург. Ак-Алаха-3 число индивидов с такой патологией возрастает до пяти (томографический анализ мумии обнаружил опухоль молочной железы и метастатический онкопроцесс в телах грудных позвонков Th1–Th3 [Летягин, Савелов, 2014; Летягин, Савелов, Полосьмак, 2014]), а это более 30 % взрослого контингента. Плоскогорье Укок в хозяйстве современного населения Горного Алтая является осенне-зимним пастбищем. Здесь зимой выпадает немного осадков, которые сдувает с холмов постоянный западный ветер. По данным археологических исследований, аналогичным образом оно использовалось в системе жизнеобеспечения различных племен в эпохи бронзы, раннего железа, в тюркское время. Обилие погребений может быть объяснено двояко: возможно, в этой местности похоронены те, кто умирал, находясь здесь зимой, но нельзя исключить, что в древности (в частности в скифское время) люди специально использовали зимние пастбища как кладбища, закрепляя, таким образом, свои права на эту чрезвычайно важную территорию. Особый сакральный смысл заключался в пространстве Укока, окруженном пиками гор. В любом случае, погребенные в долине р. Ак-Алахи люди не могут рассматриваться как представители одной локальной популяции.

Патологии опухолевого характера, обнаруженные на данном палеоантропологическом материале, могут иметь различную этиологию. В число факторов, вызывающих опухоли костей скелета, можно включить повышенную нагрузку на скелет в раннем возрасте, эндокринные нарушения (гиперфункция щитовидной железы), особенности диеты с преобладанием мяса, способ приготовления пищи на огне открытого очага, дым от очага, которым отапливалось в холодное время жилище. Не следует исключать из этого комплекса воздействие суровых климатических условий, химический состав грунта и воды, значение ионизирующего излучения от естественных источников, в частности от скальных пород [Радиация..., 1990, с. 11–15].

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-09-40048 «Пазырыкская культура в XXI веке: новые интерпретации и концепции».

Список литературы

Гаспарян Т.Г., Черекаев В.А., Бекяшев А.Х. Опухоли основания черепа хондроидного ряда // Опухоли головы и шеи. – 2012. – № 3. – С. 42–55.

Древние культуры Бертекской долины. – Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма РАН, 1994. – 224 с.

Летягин А.Ю., Савелов А.А. Жизнь и смерть «Алтайской принцессы» // Наука из первых рук. – 2014. – № 3/4 (57/58). – С. 116–137.

Летягин А.Ю., Савелов А.А., Полосьмак Н.В. Высокопольная магнитно-резонансная томография антропоархеологического объекта из кургана 1 могильника Ак-Алаха-3 (Укок): результаты и интерпретация // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2014. – № 4 (60). – С. 83–91.

Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – 286 с.

Пальцев М.А., Аничков Н.М. Атлас патологии опухолей человека. – М.: Медицина, 2005. – 424 с.

Пилипенко А.С., Трапезов Р.О., Полосьмак Н.В. Палеогенетическое исследование носителей пазырыкской культуры из могильника Ак-Алаха-1 (Горный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2015. –Т. 43, № 4. – С. 144–150.

Полосьмак Н.В. Стерегущие золото грифы. – Новосибирск: Наука, 1994. – 125 с.

Полосьмак Н.В. Всадники Укока. – Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. – 336 с.

Радиация. Дозы, эффекты, риск / пер. с англ. – М.: Мир, 1990. – 79 с.

Чикишева Т.А. Население Горного Алтая в эпоху раннего железа по данным антропологии // Население Горного Алтая в эпоху раннего железного века как этнокультурный феномен: происхождение, генезис, исторические судьбы (по данным археологии, антропологии, генетики). – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2003. – Гл. 2. – С. 63–120.

Чикишева Т.А. Динамика антропологической дифференциации населения юга Западной Сибири в эпохи неолита – раннего железа. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 468 с.

Alexander A.A.Z., Patel A.A., Odland R. Paranasal Sinus Osteomas and Gardner's Syndrome// Annals of Otology, Rhinology and Laryngology. – 2007. – Vol. 116, N 9. – P. 658–662.

Khurana J., Abdul-Karim F., Bovée J.V.M.G. Osteochondroma // Pathology and Genetics of Tumours of Soft Tissue and Bone / ed. C.D.M. Fletcher, K.K. Unni, F. Martens. – Lyon: IARC Press, 2002. – P. 234–236.

Murphey M., Choi J., Kransdorf M., Fleming D., Gannon F. Imaging of osteochondroma: variants and complications with radiologic-pathologic correlation // Radiographics. – 2000. – Vol. 20, N 5. – P. 1407–1434.

Riccomia G., Minozzia S., Pantanob W., Catalanob P., Aringhieric G., Giuffra V. Paleopathological evidence of paranasal lesions: Two cases of frontal sinus osteomata from Imperial Rome // Intern. J. of Paleopathol. – 2017. – http://doi.org/10.1006/j.ijpp.2017.12.004

Waldron T. Paleopathology. – Cambridge: Univ. Press, 2009. – 279 p.

References

Alexander A.A.Z., Patel A.A., Odland R. Paranasal Sinus Osteomas and Gardner's Syndrome. In *Annals of Otology, Rhinology and Laryngology*, 2007, vol. 116, No. 9, pp. 658–662.

Chikisheva T.A. Naselenie Gornogo Altaya v epohu rannego zheleza po dannym antropologii. In *Naselenie Gornogo Altaya v epohu rannego zheleznogo veka kak etnokulturnyj fenomen: proiskhozhdenie, genezis, istoricheskie sud'by (po dannym arheologii, antropologii, genetiki)*. Novosibirsk: Nauka, 2003, chap. 2, pp. 63–120 (in Russ.).

Chikisheva T.A. Dinamika antropologicheskoi differentsiatsii naseleniia iuga Zapadnoi Sibiri v epokhi neolita – rannego zheleza. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 468 p. (in Russ.).

Drevnie kultury Bertekskoy doliny. Novosibirsk: Nauka, 1994, 224 p. (in Russ.).

Gasparyan T.G., Cherekaev V.A., Bekyashev A.Kh. Opuholi osnovaniya cherepa hondroidnogo ryada. *Opuholi golovi i shei*, 2012, No. 3, pp. 42–55 (in Russ.).

Khurana J., Abdul-Karim F., Bovee J.V.M.G. Osteochondroma. In *Pathology and Genetics of Tumours of Soft Tissue and Bone* / eds. C.D.M. Fletcher, K.K. Unni, F. Martens. Lyon: IARC Press, 2002, pp. 234–236.

Letyagin A.Yu., Savelov A.A. Zhizn i smert "Altajskoj princess". *Nauka iz pervyh ruk*, 2014, No. 3/4 (57/58), pp. 116–137 (in Russ.).

Letyagin A.Yu., Savelov A.A., Polosmak N.V. High field magnetic resonance imaging of a mummy from Ak-Alaha-3 mound 1, Ukok Plateau, Gorny Altai: findings and interpretation. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2014, No. 4 (60), pp. 83–91.

Murphey M., Choi J., Kransdorf M., Fleming D., Gannon F. Imaging of osteochondroma: variants and complications with radiologic-pathologic correlation. *Radiographics*, 2000, vol. 20, No. 5, pp. 1407–1434.

Naselenie Gornogo Altaya v epohu rannego zheleznogo veka kak etnokulturnyj fenomen: proiskhozhdenie, genezis, istoricheskie sud'by (po dannym arheologii, antropologii, genetiki). Novosibirsk: Nauka, 2003, 286 p. (in Russ.).

Paltsev M.A., Anichkov N.M. Atlas patologii opuholej cheloveka. Moscow: Medicina, 2005, 424 p. (in Russ.).

Pilipenko A.S., Trapezov R.O., Polosmak N.V. A paleogenetic study of pazyryc people buried at Ak-Alaha-1, the Altai Mountains. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2015, vol. 43, No. 4, pp. 147–153.

Polosmak N.V. Steregushchie zoloto grify. Novosibirsk: Nauka, 1994, 125 p. (in Russ.).

Polosmak N.V. Vsadniki Ukoka. Novosibirsk: INFOLIO-press, 2001, 336 p. (in Russ.).

Radiaciya. Dozy, effekty, risk [Radiation. Doses, Effects, Risks]. Moscow: Mir, 1990, 74 p. (in Russ.).

Riccomia G., Minozzia S., Pantanob W., Catalanob P., Aringhieric G., Giuffra V. Paleopathological evidence of paranasal lesions: Two cases of frontal sinus osteomata from Imperial Rome. *International Journal of Paleopathology*, 2017. http://doi.org/10.1006/j.ijpp.2017.12.004

Waldron T. Paleopathology. Cambridge: University Press, 2009, 279 p.

Чикишева Т.А. https://orcid.org/0000-0003-1985-1369
Елясин П.А. https://orcid.org/0000-0003-2570-367X
Полосьмак Н.В. https://orcid.org/0000-0002-3760-265X

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.649-656
УДК 392.81

Д.П. Шульга[1], П.И. Шульга[2]

[1]Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР

На сегодняшний момент регион китайского северо-запада остается белым пятном для русскоязычных археологов. Материалы по этой части КНР довольно редко публикуются, причиной тому нередко становится языковой барьер. В данной работе авторы попытаются кратко осветить некоторые аспекты материальной и духовной культуры ранних кочевников, которые оставили археологические памятники на рубеже пров. Ганьсу и Нинся-Хуэйского автономного района. Скифоидная культура янлан VI–III вв. до н.э. относится к числу достаточно хорошо изученных и значимых этнокультурных образований Северного Китая (при этом прослеживается явное сходство описываемой культуры с соседней маоцингоу и, в меньшей степени, культурами скифо-сибирского круга). Памятники культуры янлан оставлены кочевниками (хотя судить о полном отсутствии иных форм хозяйствования мы не можем), долгое время противостоявшими экспансии соседнего царства Цинь, что говорит о высоком уровне организации общества, способного выставить значительное войско. Могильник Вандаху (у. Пэнъян Нинся Хуэйского автономного района, в 5–7 км к юго-востоку от г. Гуюань) с захоронениями воинов колесничих служит тому ярким подтверждением. Особый интерес представляет скифоидный облик многих деталей конского убранства, оружия, воинского снаряжения, а также искусства. Решение этой проблемы невозможно без публикации материалов культуры янлан, почти не известной русскоязычным исследователям. Данная статья является своего рода анонсом авторов начатой работы в этом направлении.

Ключевые слова: *культура янлан, ранние кочевники, Северный Китай, могильник Вандаху, Нинся-Хуэйский автономный район.*

Daniil P. Shulga[1], Petr I. Shulga[2]

[1]Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkaddafa@gmail.com

The Wangdahu Burial Ground of the Yanlan Culture in the Ningxia Hui Autonomous Region, China

Until today, the northwest of China remains a blank spot for Russian archaeologists. Materials from this part of the China have been published in Russia relatively rarely, often due to language difficulties. In this article, the authors discuss some aspects of material and spiritual culture of the early nomads who left the archaeological sites at the border of Gansu and Ningxia. The Scythoid Yanlan culture of the 6th–3rd centuries BC belongs to a number of sufficiently well-studied and important ethnic and cultural entities of the Northern China (Zhong Kan, Han Kunle, 1985; Wu En, 2004; Luo Feng etc., 1990; etc.) and shows clear similarities with the neighboring Maoqingou culture and to a lesser degree with the cultures of the Scytho-Siberian circle. The archaeological sites of the Yanglang culture were left by the nomads (although we cannot definitively deny the presence of other features in their economy) who for a long time successfully opposed the expansion of the neighboring Qin Kingdom. This indicates a high level of social organization manifested in a capacity to deploy a significant army. This supposition is confirmed by the Wangdahu burial ground (Pengyang County, Ningxia-Hui

Automatous Region, 5–7 km to the southeast from the city of Guyuan) with the burials of chariot warriors. The Scythoid appearance of many elements of horse harness, weaponry, other equipment, and objects of art are of particular interest. The solution to this problem is not possible without publishing the evidence of the Yanglang culture, almost unknown in Russia. This article is a preliminary description of works initiated by the authors in this field.

Keywords: *Yanlan culture, early nomads, Northern China, Wandahu burial ground, Ningxia Hui Autonomous Region.*

В 2007 и 2008 гг. в юго-восточной части Нинся-Хуэйского автономного района КНР был открыт и исследован сравнительно небольшой по площади могильник Вандаху. Он находился у д. Вандаху, в у. Пэнъян, в 5–7 км к юго-востоку от г. Гуюань. Исследование могильника проведено силами Института археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского автономного района после сообщения от крестьян о случайных находках. Захоронения обнаружены на возделываемых полях в верхней части одной из уплощенных возвышенностей, разделенных глубокими оврагами. Всего выявлено 15 погребений, из которых 8 полностью разрушены, в т.ч. в ходе сельскохозяйственной деятельности. Восемь погребений располагались по линии север – юг вдоль склона на отрезке ок. 84 м. Шесть из них (М1 и М9, М2 и М3, М5 и М6) устраивались парами параллельно друг другу на расстоянии 0,5–3 м. Примерно в 30 м к западу от основной цепочки обнаружена могила М4.

Погребальный обряд захоронений в Вандаху характерен для культуры янлан [Чжун Кань, Хань Кунлэ, 1985; У Энь, 2004; Ло Фэн и др., 1990]. Входные ямы в плане квадратной или подпрямоугольной (М5, М6) формы размерами в плане ок. 1,4 × × 1,4 м и 1,4 × 1,8 м. Особенностью входной ямы М1 является наличие с юго-западной стороны небольшого пандуса (рис. 1, *А*). Глубина входных ям около 1 м, но в М1 она составляла 0,5 м. Большинство ям имели с подбойными погребальными камерами Т-образную в плане форму. В поздней могиле М4 форма была Г-образной, т.е. подбой был сделан не по центру восточной стенки, а сбоку (рис. 2, *А*).

Все семь сохранившихся погребений совершены в узких подбоях, устроенных в нижней части восточных стенок входных ям (рис. 1, *А*; 2, *А*). В заполнении ям находились черепа жертвенных животных, в основном сконцентрированные у входа в подбой над ногами человека (рис. 1, *Б*; 2, *Б*). Погребальные камеры в подбоях довольно узкие (ок. 0,5 м), длиной 2–2,5 м. Подбои располагались в широтном направлении и имели значительный наклон к востоку, вследствие чего голова умершего находилась значительно ниже ног (рис. 1, *А*). В этом особенность могильника Вандаху. Так, в погребении М2 наклон составлял ок. 45°, в результате чего череп человека оказался ниже пяточных костей более чем на 1 м. Умершие располагались на спине вытянуто, головой на восток. В могиле М1 ступни человека сильно сведены. Возможно, они были связаны при погребении (рис. 1, *А*).

Черепа лошадей и крупного рогатого скота (далее крс) обычно укладывались в 1–2 слоя, горизонтально, чаще мордой на восток, что совпадает с ориентацией умерших в подбоях. Черепа мелкого рогатого скота (далее мрс) могли ориентироваться в разные стороны (рис. 1, *Б*; 2, *Б*). Количество и расположение останков жертвенных животных в различных погребениях весьма вариативно. В погребении М1 найдено 25 черепов животных (12 лошади, 2 крс, 4 черепа козы, 7 овцы). Черепа лошадей (иногда с шейными позвонками) были уложены в два слоя. В М2 зафиксировано 7 черепов (5 лошади и 2 крс). Судя по зубам и иным признакам, возраст животных на момент забоя заметно различался. Костей мелкого рогатого скота в данном погребении не обнаружено. Погребение М3 содержало в общей сложности 11 черепов (4 лошади, 3 крс, 4 мрс). В позднем погребении М4 обнаружено 24 черепа животных (7 лошади, 3 крс, 14 мрс). Рядом с некоторыми конскими черепами находились прилегающие шейные позвонки. В этом погребении черепа жертвенных животных укладывались в четыре слоя, разделенных прослойками грунта. В погребении М5 было 23 черепа, уложенных в два слоя (4 черепа крс и 19 черепов мрс). В погребении М6 найдено 25 черепов в два слоя (2 лошади, 2 крс, 21 мрс). В погребении М7 обнаружен 31 череп, в т.ч. 5 крс и 26 мрс.

Несомненный интерес представляют находки из захоронений, главным образом включавшие предметы вооружения и конского снаряжения, характерные для культуры янлан среднего и позднего периодов (V–III вв. до н.э.). В качестве примера рассмотрим два воинских захоронения: одно из самых представительных ранних погребений основной цепочки (М1) и обособленно устроенное более позднее погребение М4.

В погребении мужчины 40–45 лет из М1 все сопроводительные предметы располагались в подбойной погребальной камере по сторонам от умершего (рис. 1, *А*). Первыми при погребении были выложены предметы снаряжения лошади и колесницы у правой руки и в головах умершего. В этом же раннем нижнем слое в головах лежал и костяной втульчатый трехгранный наконечник стрелы (рис. 1, *4*). Затем с противоположной стороны у ле-

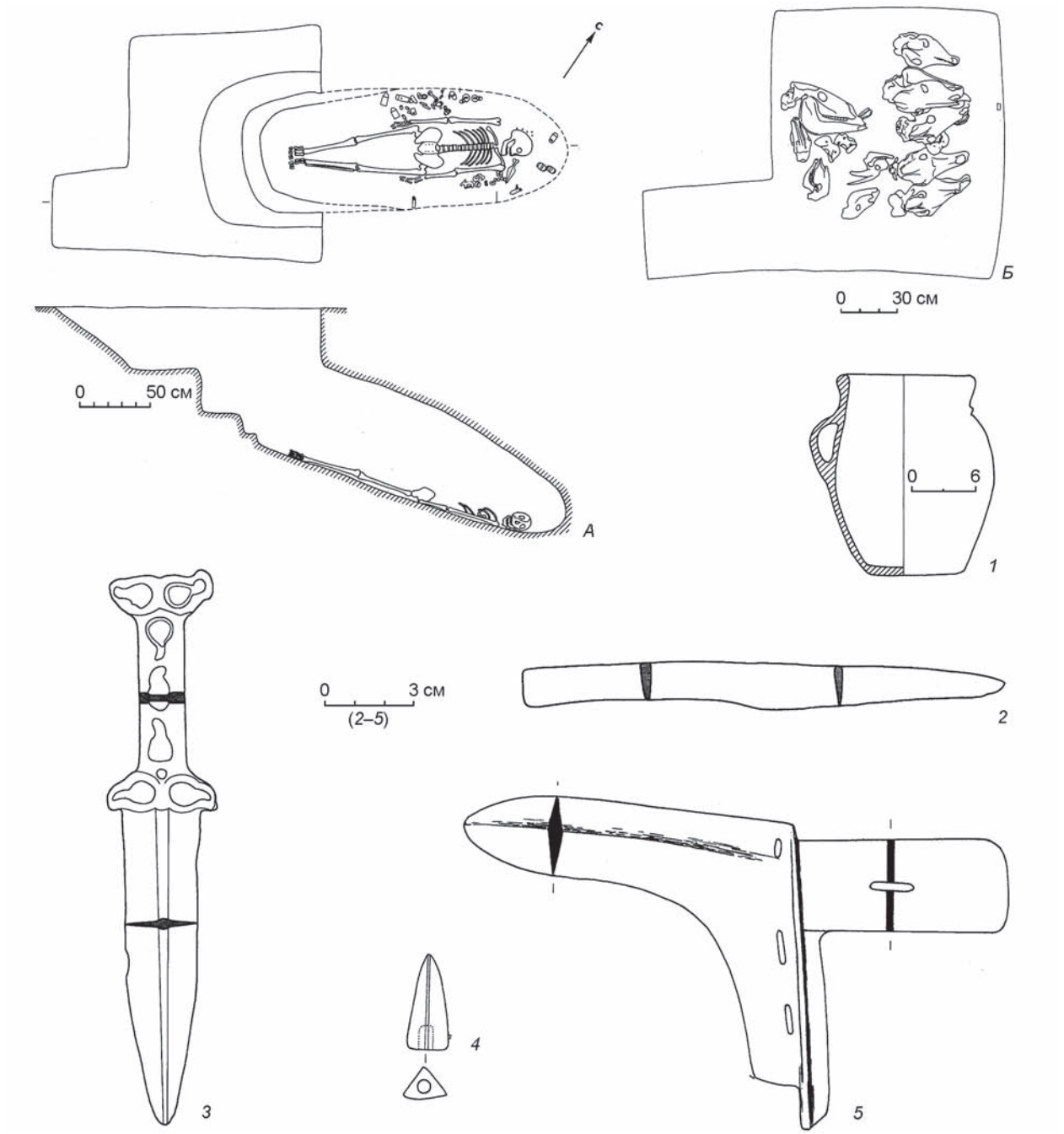

Рис. 1. Погребение М1 могильника Вандаху.
А – план и разрез входной ямы с подбоем; *Б* – план одного из слоев черепов животных во входной яме; *1–5* – инвентарь. *1* – керамика; *2, 3, 5* – бронза; *4* – кость (рог).

вой руки и в головах умершего поверх одной из уздечек поместили украшенный бляхами кожаный пояс с бронзовым кинжалом и ножом (рис. 1, *2*, *3*). Там же находился бронзовый клевец *гэ* (рис. 1, *5*).

Конское снаряжение включало детали четырех уздечек, из которых две были с характерными колесничными псалиями с центральным отверстием и без удил, а две – с двудырчатыми псалиями и удилами. Всего найдено: четыре пары роговых псалиев, одна из которых изготовлена из почти не обработанных окончаний рогов (рис. 3, *3*, *4*); две пары бронзовых удил с большими кольчатыми окончаниями (рис. 3, *1*, *2*); девять бронзовых блях (рис. 3, *10*); 20 костяных малых и четыре крупных распределителей ремней (рис. 3, *6*, *7*); восемь костяных двоителей на четыре уздечки (рис. 3, *8*); налобная костяная бляха (рис. 3, *5*) и некоторые другие детали, также характерные для культуры янлан. К деталям колесницы относится бронзовый наосник с остатками деревянной оси (рис. 3, *11*) и, возможно,

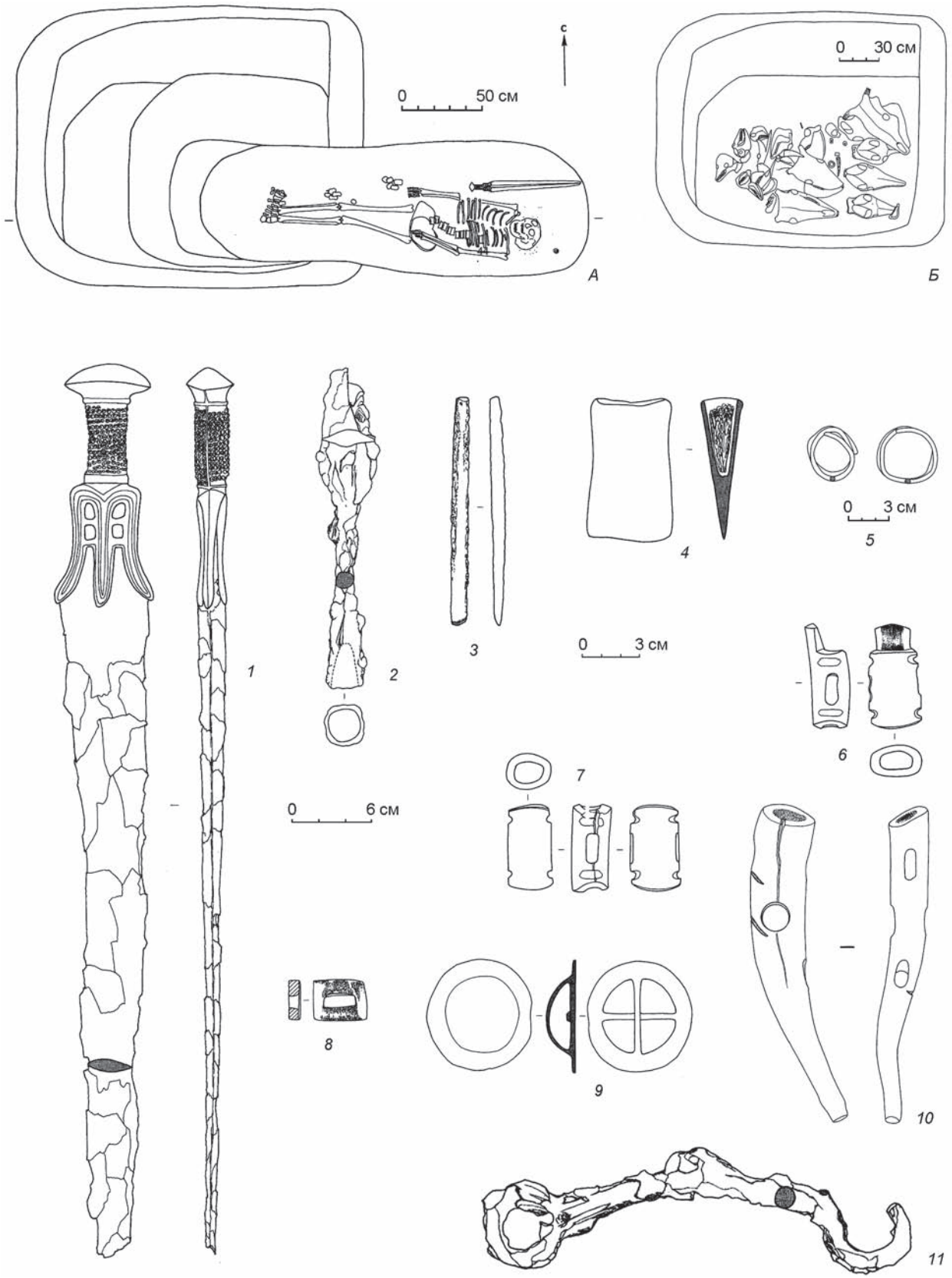

Рис. 2. Погребение М4 могильника Вандаху.

А – план входной ямы с подбоем; *Б* – план одного из слоев черепов животных с деталями конского снаряжения во входной яме; *1–11* – инвентарь.

1 – бронза, железо; *2, 11* – железо; *3, 9* – бронза; *4* – бронза, дерево; *5* – серебро; *6–8, 10* – кость (рог).

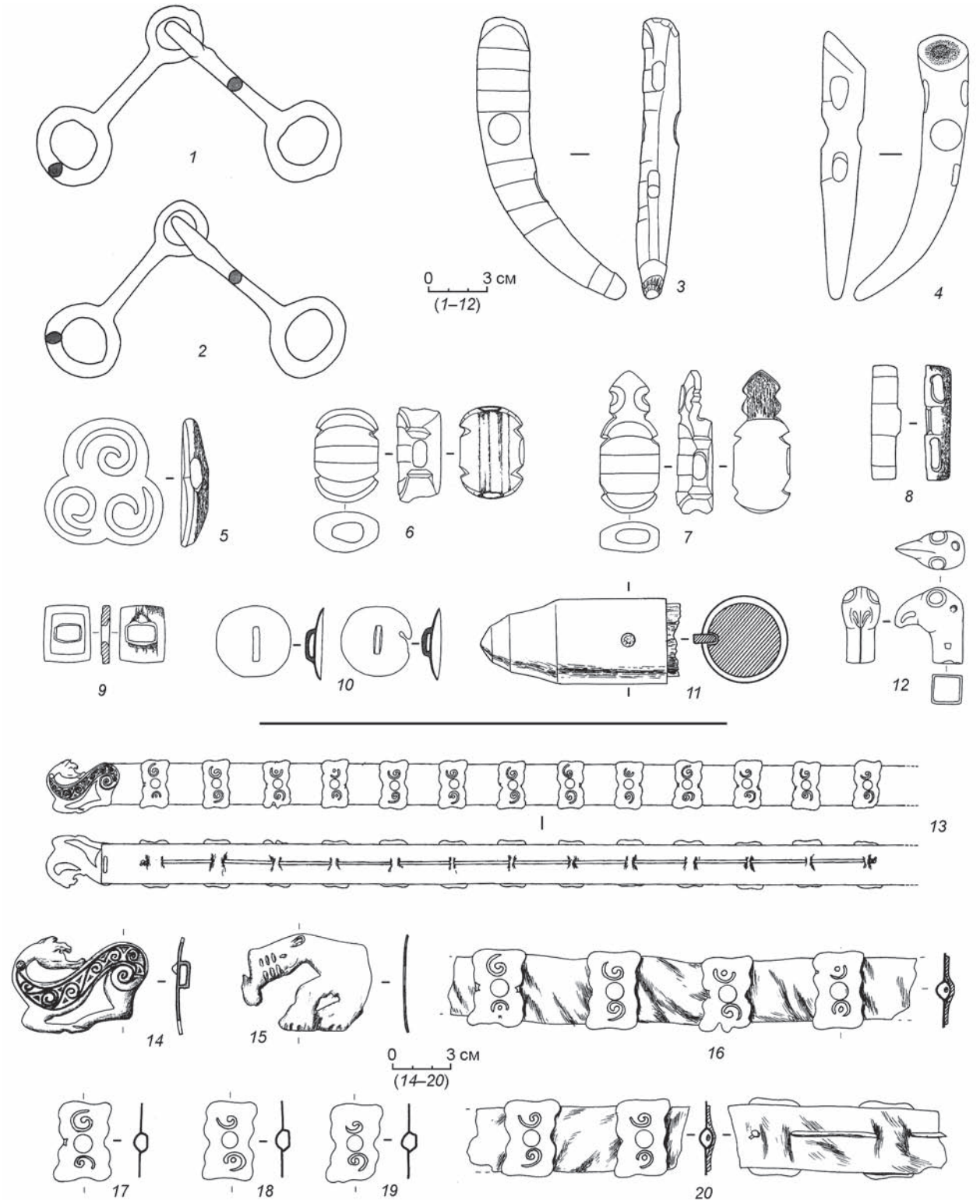

Рис. 3. Погребение М1 могильника Вандаху.

1–10 – снаряжение колесничных лошадей; *11* – наосник колесницы; *12* – навершие в виде головки хищной птицы; *13* – реконструкция пояса; *14–20* – поясные бляхи и сохранившиеся фрагменты ремня.

1, 2, 10, 12, 14, 15, 17–19 – бронза; *3–9* – кость (рог); *11* – бронза, дерево; *16, 20* – бронза, кожа.

бронзовое навершие в виде головки хищной птицы (рис. 3, *12*).

Особый интерес представляет пояс, украшенный 13 бронзовыми бабочковидными бляхами (рис. 3, *16–20*) и двумя бляхами. Концевая бляха изображает копытное животное с подогнутыми ногами, а вторая бляха – хищное существо с когтистыми лапами (рис. 3, *14*, *15*). Такое оригиналь-

ное решение сцены терзания в виде раздельных существ на поясе еще не встречалось. Ширина пояса составляла ок. 4 см. Бляшки на сохранившихся участках ремня прихватывались пропущенным с оборотной стороны тонким ремешком (рис. 3, *13*, *20*). Судя по интервалам между местами крепления бабочковидных бляшек (6 см), длина пояса была не менее 1 м. Концы пояса с бляхами могли свисать вниз (рис. 3, *13*).

Опираясь на находки, можно заключить, что умерший представлял собой воина на колеснице, запряженной четверкой лошадей, из которых две лошади с характерными колесничными псалиями располагались посередине. Головной убор мужчины украшался бусинами. Воин подпоясывался замечательным украшенным бляхами поясом, на котором был подвешен кинжал в одних ножнах с ножом. Помимо этого, он был вооружен клевцом *гэ* на длинной рукояти и луком со стрелами, вероятно, крепившимися на колеснице. Неслучайно символический роговой наконечник стрелы располагался в могиле среди конского снаряжения, а не рядом с оружием.

В погребении мужчины 40–45 лет из более поздней могилы М4 почти все конское снаряжение располагалось несколькими скоплениями в слоях у черепов животных во входной яме, что необычно для культуры янлан (см. рис. 2, *Б*). Там же найдены бронзовое долото (рис. 2, *3*), звено железных удил и железный наконечник копья длиной 23,4 см (рис. 2, *2*). В подбойной погребальной камере рядом с умершим находилось оружие и некоторые другие изделия (рис. 2, *А*). У правой ноги с внешней стороны обнаружено два скопления сильно корродированных пластинчатых железных изделий неясного назначения. Выше, у правого плеча, острием на восток лежал биметаллический меч длиной 57 см с бронзовой рукоятью и железным клинком (рис. 2, *1*), а на груди находился бронзовый топор с остатками дерева во втулке (рис. 2, *4*). В головах человека и у левой плечевой кости обнаружено две серьги из серебряной проволоки (рис. 2, *5*). Кроме того, в захоронении № 54 учтено 586 бусин из пасты и агата, однако место их нахождения не указано. По всей видимости, они располагались в районе черепа мужчины.

Детали конского снаряжения в М4 включали две пары железных удил (рис. 2, *11*); колесничные псалии с центральным отверстием (рис. 2, *10*) и простые двудырчатые; бронзовые бляхи-распределители (3 экз.) (рис. 2, *9*); костяные распределители (всего 18 экз.), в т.ч. с щитками и без щитков (рис. 3, *6*, *7*), а также другие детали типа ворворок (рис. 2, *8*). Наличие двух железных удил и нескольких двудырчатых псалиев позволяет предположить, что в могиле М4, как и в могиле М1, находились детали упряжки из четырех лошадей. Часть из них (псалии, роговые распределители и ворворки) также подобны найденным в могиле М1.

Большая часть погребений из основной цепочки относится китайскими исследователями к V–IV вв. до н.э. Сделать такой вывод позволяют, прежде всего, артефакты из захоронения М1, где обнаружены поясной набор с бляхами, бронзовые удила и кинжал, украшенный стилизованными головками хищной птицы. Этот кинжал подобен найденному в погребении М3 могильника Самэнь в Гуюане. Бронзовый клевец *гэ* из М1 имеет аналогии в том же погребении могильника Самэнь. Поскольку захоронение М3 в могильнике Самэнь М3 датируется не позже раннего этапа периода Сражающихся царств (V–IV вв. до н.э.), то и М1 в Вандаху относится примерно к тому же времени [Институт…, 2016, с. 740].

Не противоречат подобной датировке и находки из М2 (зооморфная бляха, бронзовый наконечник копья, кинжал), М3 (ажурные поясные бляшки, наконечник копья из бронзы, кинжал, кельт), М5 (поясная фурнитура, бронзовый чекан, кинжал и кельт), М6 (своеобразный чекан, трехлопастные втульчатые наконечники стрел, кинжал с кольцевидным навершием, кельт) и М7 (бронзовые ножи, ажурные поясные бляшки, фигурки животных). Сильно выбивается из общего ряда (по расположению и по инвентарю) захоронение М4, в котором преобладают железные изделия: наконечник копья, удила, биметаллический меч и два скопления сильно корродированных пластинчатых изделий у ноги умершего [Там же, с. 20–218]. Меч имеет аналогии в могильниках Мачжуан* и Юйцзячжуан** и, в со-

*Расположен у д. Мачжуан, в вол. Янлан, на северо-западе у. Гуюань. В 1989 г. могильник раскапывался Исследовательским институтом археологии и культурного наследия Нинся. В границах раскопа площадью 1 942 м^2, выявлено 49 могил, найдено ок. 2 900 артефактов. Основную часть погребального инвентаря составляли бронзовые изделия: клевцы *гэ*, мечи, копья, биметаллические кинжалы, чеканы, наконечники стрел, ножи, топоры, долота, поясные пряжки, поясные бляхи, поясные крюки, «колокольчики», браслеты, кольца, серьги. Многие из этих предметов были оформлены в зверином стиле. В значительном количестве представлены и детали конского снаряжения: удила, псалии, головные украшении лошади, распределители, украшения оглобель повозки, втулки от колесниц [Сюй Чэн и др., 1993, с. 13–14].

**Находится в у. Гуюань Нинся-Хуэйского автономного района, вол. Пэнбао, в 2,5 км к северо-западу от д. Самэнь, на восточном берегу р. Даинхэ (правый приток р. Дунчжихэ). В 1987 г. раскопки могильника

ответствии с мнением китайской исследовательницы Ян Цзяньхуа, относится к юйцзячжуанскому типу B [Ян Цзяньхуа, 2004, с. 28–41]. Меч, копье с листовидным пером и железные удила, по мнению руководителей раскопок, указывают на то, что могила M4 относится к началу III в. до н.э. В качестве верхней даты может быть принят 272 год до н.э., т.к. в это время удельное царство Цинь возвело в данном районе «длинную стену», что, разумеется, не способствовало сооружению здесь погребений номадов [Институт…, 2016, с. 739–741]. Радиоуглеродные даты по двум пробам из раннего погребения M1 также находятся в рамках предполагаемого времени (470 и 300 гг. до н.э.) [Там же, с. 741].

Материалы могильника Вандаху показывают, что в V – начале III в. до н.э. в обществе культуры янлан, как и в царствах Китая, значительное место занимали воины-колесничие, вооруженные мечами, кинжалами, клевцами *гэ*, боевыми топорами и копьями местного и китайского производства, а также луком со стрелами. Судя по сбруйным наборам из раннего погребения M1 и позднего M4, в колесницу запрягалась четверка лошадей, при этом удила и псалии двух коренных и двух пристяжных лошадей существенно различались. Устройство и форма деталей снаряжения колесничных лошадей за время функционирования могильника Вандаху (V – начало III в. до н.э.) почти не изменились. Вместе с тем удила и многие другие изделия в позднем погребении M4 уже не бронзовые, а железные. На этом основании можно сделать вывод, что переход к железу у кочевников культуры янлан совершался примерно в то же время, что и в царствах Китая.

В заключение необходимо отметить, что бронзовые кинжал с ножом, замечательный пояс с бляхами, трехгранный наконечник стрелы и бронзовые удила с двудырчатыми роговыми псалиями из погребения M1 (см. рис. 1, 3) почти идентичны синхронным изделиям староалейской и каменской культур на Верхней Оби (см. [Троицкая, Бородовский, 1994; Могильников, 1997; Фролов, 2008; Шульга и др., 2009]), обнаруженным в 2,5 тыс. км к северо-западу от Вандаху. На вопрос о причинах сходства предметов искусства и некоторых категорий изделий культуры янлан (в частности, из могильника Вандаху) с найденными в Южной Сибири (в т.ч. на верхней Оби) по-прежнему нет внятного ответа. Можно лишь сказать, что указанное сходство распространяется на культуры от Монголии и Забайкалья на востоке до Верхнего Приобья на западе, но отсутствует в Синьцзяне в Казахстане. Некоторые русскоязычные исследователи считают культуры Северного Китая источником многих известных в Южной Сибири инноваций в искусстве, вооружении, снаряжении лошади и воина в VI–V вв. до н.э. Однако убедительные обоснования тому пока отсутствуют, прежде всего, из-за языкового барьера и крайне ограниченной источниковой базы на русском языке*.

Список литературы

Институт археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского АР, Управления по делам культурного наследия уезда Пэнъян. Вандаху юй Цзюлуншань – бэйфан цинтун вэньхуа муди (Вандаху и Цзюлуншань – могильники культуры северных бронз) (в 2 т.). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2016. – 842 с. (на кит. яз.).

Ло Фэн, Чжун Кань, Хань Кунлэ. Нинся Гуюань цзиннянь фасянь дэ бэйфанси цинтунци (Северные бронзы, найденные в последние годы в уезде Гуюань, Нинся) // Каогу. – 1990. – № 5. – С. 403–414 (на кит. яз.).

Могильников В.А. Население Верхнего Приобья в середине – второй половине I тысячелетия до н.э. – М.: Пушкинский науч. центр РАН, 1997. – 196 с.

Сюй Чэн, Ли Цзиньцзэн, Вэй Чжун, Хань Сяоман, Янь Шичжун. Нинся Гуюань Янлан вэньхуа муди (Мо-

были начаты Исследовательским институтом археологии и культурного наследия Нинся-Хуэйского автономного района. Могильник разделен оврагом на центральную, южную и северную части. Центральная часть самая представительная: выявлено 20 погребений (M1–M20). В северном секторе – 3 погребения (NM1–NM3), в южном – 5 (SM1–SM5). Всего на могильнике вскрыто 28 захоронений. Основные находки: кинжалы, клевцы *гэ*, копья, наконечники стрел, чеканы, ножи, топоры, долота, игольники, шилья и другие изделия. Из конского снаряжения найдены: детали колесниц, удила, распределители, колокольчики, головные украшения. Поясная фурнитура представлена пряжками, пояснымы крючками, бабочковидными бляшками, бляшками с «жемчужным» орнаментом, колокольчиковидными украшениями. Многие из этих изделий оформлены в зверином стиле. Из кости изготавливались псалии, пряжки, распределители, головные украшения лошади, пластины с изображениями голов животных, иглы, наконечники стрел. Кроме этого, найдено: железный кинжал плохой сохранности, поясные железные прямоугольные бляхи, керамика, золотые украшения и каменные бусы. В 1989 г. в результате новых раскопок обнаружены: бронзовый кинжал, нож, украшения колесниц, различные виды бляшек от упряжи и пояса, пряжки, фигурки оленя и биметаллический кинжал [Чжун Кань, Чэнь Сяохуа, 1995].

*Данный вопрос иногда затрагивается китайскими и зарубежными исследователями, в большей или меньшей степени знающими материалы скифского времени Северного Китая. Однако они крайне слабо ориентируются в материалах из азиатской части России, предшествующих хуннскому времени.

гильник бронзовой культуры Янлан в у. Гуюань, Нинся) // Каогу сюэбао. – 1993. – № 3. – С. 13–56 (на кит. яз.).

Троицкая Т.Н., Бородовский А.П. Большереченская культура лесостепного Приобья. – Новосибирск: Наука, Сиб. издат. фирма, 1994. – 184 с.

У Энь. Янлан вэньхуа (Культура Янлан) // Археология Китая. О двух Чжоу. – Пекин: Чжунго шэхуэй кэсюэ чубань, 2004. – С. 540–548 (на кит. яз.).

Фролов Я.В. Погребальный обряд населения Барнаульского Приобья в VI в. до н.э. – II в. н.э. (по данным грунтовых могильников). – Барнаул: Азбука, 2008. – 479 с.: ил.

Чжун Кань, Хань Кунлэ. Нинся наньбу чуньцю чжаньго шици дэ цинтун вэньхуа (Культура бронз периода Чуньцю-Чжаньго в южной части Нинся). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 1985. – 253 с. (на кит. яз.).

Чжун Кань, Чэнь Сяохуа. Нинся Пэнъян Юйцзячжуан муди (Могильник Юйцзячжуан в волости Пэнпу уезда Гуюань, Нинся) // Каогу сюэбао. – 1995. – № 1. – С. 79–107 (на кит. яз.).

Шульга П.И., Уманский А.П., Могильников В.А. Новотроицкий некрополь. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2009. – 329 с.

Ян Цзяньхуа. Чуньцю Чжаньго шици Чжунго бэйфан вэньхуадай дэ синчэн (Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго). – Пекин: Вэньу чубаньшэ, 2004. – 219 с. (на кит. яз.).

References

Frolov Ya.V. Sepulchral tradition of Barnaul Priobye population in the VI century BC – II century AD (based on burial ground data). Barnaul: Azbuka, 2008, 479 p.: ill. (in Russ.).

Luo Feng, Zhong Kan, Han Kongle. Ningxia Guyuan jinnian faxian de beifangxi qingtongqi [Northern bronzes found in recent years in Guyuan County, Ningxia]. *Kaogu*, 1990, No. 5, pp. 403–414 (in Chin.).

Mogil'nikov V.A. Heritage of Upper Priobie region in the middle – the second half I millennia BC. Moscow: Pushkinskij nauchnyj centr RAS, 1997, 196 p. (in Russ.).

Ningxia Institute of Cultural Relics and Archaeology, Pengyang County Cultural Relics Management Office. Wangdahu yu Jiulongshan – Beifang qingtong wenhua mudi [Wangdahu and Jiulongshan – Northern Bronze Cultural Cemetery]. Beijing: Wenwu chubanshe, 2016, 842 p. (in Chin.).

Shul'ga P.I., Umanskii A.P., Mogil'nikov V.A. Novotroitskiy necropolis. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2009, 329 p. (in Russ.).

Troitskaya T.N., Borodovskii A.P. Bolsherechenskaya culture of frorest-steppe Priobie region. Novosibirsk: Nauka, Sibirskaya izdatel'skaya firma, 1994, 184 p. (in Russ.).

Wu En. Yanglang wenhua [Yanglang culture]. In *Archaeology of China.* Beijing: Zhongguo shehui kexue Chuban, 2004, pp. 540–548 (in Chin.).

Xu Cheng, Li Jinzeng, Wei Zhong, Han Xiaomang, Yan Shizhong. Ningxia Guyuan Yanlang wenhua mudi [Ningxia Guyuan Yanglang bronze culture cemetery]. *Kaogu xuebao*, 1993, No. 3, pp. 13–56 (in Chin.).

Yan Jianhua. Chongqiu Zhanguo shiqi Zhongguo beifang wenhuadai de xingcheng [The Formation of the Northern Chinese Cultural Belt during the Spring and Autumn Period and the Warring States Period]. Beijing: Wenwu chubanshe, 2004, 219 p. (in Chin.).

Zhong Kan, Chen Xiaohua. Ningxia Pengyang Yujiazhuang mudi [Ningxia Pengyang Yujiazhuang cemetery]. *Kaogu xuebao*, 1995, No. 1, pp. 79–107 (in Chin.).

Zhong Kan, Han Kongle. Ningxia nanbu chongqiu zhanguo shiqi de qingtong wenhua [Bronze Culture in the Spring and Autumn Period and the Warring States Period in Southern Ningxia]. Beijing: Wenwu chubanshe, 1985, 253 p. (in Chin.).

Шульга Д.П. https://orcid.org/0000-0001-5820-1743
Шульга П.И. https://orcid.org/0000-0003-4684-8456

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.657-662
УДК 392.81

А.А. Шульга[1], Д.П. Шульга[1], М.О. Сидорова[2]

[1]Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС
Новосибирск, Россия
[2]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Рисоводческие обряды «малых народов» юго-западного Китая (Юньнань) как возможный ключ к семантике наскальной композиции в уезде Цанъюань

Потенциально продуктивная для исследования и интерпретаций неолитическая петроглифическая композиция «план селения» (村落图) (она же «композиция № 2») на юго-западе Китая обнаружена в Цанъюане, пров. Юньнань, где с 1960-х гг. шли активные изыскания. На фоне достаточно подробной картины традиционной рисоводческой обрядности у национальных меньшинств пров. Юньнань авторы предлагают отличную от принятой интерпретацию наскального изображения «план селения», связывая ее не с «военным триумфом», а с ритуальными действиями земледельческого цикла. Вводится в научный оборот определенный объем материалов в русле не столь частой для отечественного востоковедения темы рисоводческой обрядности народов Дальнего Востока. Рассматриваются два основных земледельческих ритуала («посадка риса» и «проба нового урожая») у ачанов (阿昌族), буланов (布朗), палаунгов (они же дэаны, 德昂族), дулунов (独龙族), дино (基诺), качинов (они же цзинпо, синпхо, цайва, лечи, тхейнбо, синфо, чхинпау, 景颇族), ну (怒族), пуми (普米族). Основная причина такого охвата – заведомая приблизительность любых попыток связать древний памятник с той или иной современной этнокультурной группой даже в таких достаточно стабильных с точки зрения населения регионах, как Юго-Западный Китай, и при наличии схожих черт проведения рисовых обрядов у разных народностей.

Ключевые слова: *Юньнань, петроглифы, рисоводство, сбор урожая, земледельческие ритуалы, Юго-Западный Китай.*

Anna A. Shulga[1], Daniil P. Shulga[1], Maya O. Sidorova[2]

[1]Siberian Institute of Management – Branch of RANEPA,
Novosibirsk, Russia
[2]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: alkaddafa@gmail.com

Rice Cultivating Rituals of the Indigenous Ethnic Minorities in the Southwestern China (Yunnan) as a Possible Key to the Meaning of the Petroglyphic Composition from Cangyuan County

Neolithic petroglyphic composition "plan of the settlement" (村落图) (also called "composition No. 2) was discovered in Cangyuan County of Yunnan Province in Southwestern China, where active research has been carried out since the 1960th. In this article, the authors offer an alternative interpretation of this petroglyphic composition based on the knowledge of rituals of the indigenous ethnic minorities living in Yunnan Province, associated with traditional rice cultivation. In authors' opinion, there may be a link between the composition and ritual activities of the agricultural cycle rather than "military triumph." Some evidence on rice cultivating rituals of the peoples living in the Far East, not easily available in Russian literature, is presented. Two main agricultural rituals ("rice planting" and "testing new harvest") among the Achans (阿昌族), Bulans (布朗), Palaungs (or Deans, 德昂族), Duluns (独龙族), Dino (基诺), Kachin (or Jingpo, Sinpo, Tsaiva, Lechi, Theinbo, Sinfo, Chinpau, 景颇族), Nu (怒族), and Pumi (普米族) peoples have been

analyzed. The main reason for such wide scope is obviously hypothetical nature of linking the ancient petroglyphic site with a particular present-day ethnic group even in such ethnically stable regions as Southwestern China and with similar features of rice-related rituals among different peoples.

Keywords: *Yunnan, petroglyphs, rice cultivation, harvesting, agricultural rituals, Southwestern China.*

Цанъюань-Ваский автономный уезд (относится к городскому округу Линьцан, пров. Юньнань) достаточно широко известен в КНР своими петроглифическими памятниками [Ван Шэнхуа, 2013, с. 396]. С точки зрения возможной вариативности интерпретации заслуживает подробного рассмотрения неолитическая петроглифическая композиция, именуемая в китайской науке «план селения» (村落图). Точно датировать находку сложно, возможно, она относится к началу III тыс. до н.э. (рис. 1).

Изображение содержит в центре овальное кольцо, отмечающее границы деревни. Также оно, возможно, означает стену или ров, используемые в качестве фортификации. Внутри поселения расположены шестнадцать хорошо различимых построек – это хижины на сваях. Сваи нижней части дома соединены с представленными овальным кольцом границами деревни. Поэтому дома сверху и по бокам перевернуты. Таким образом, на изображениях переднего края крыша обращена вверх, столбы стоят на нижней части овального кольца; у дома на заднем плане крыша «смотрит вниз», а столбы соединены с верхним краем овала, т.е. «вверх ногами»; у дома слева столбы также соединены с боковой линией, поэтому здание изображено как бы «лежа». Видимо, намерение древнего художника (или группы таковых) состояло в том, чтобы показать: овал обозначает ограду деревни, а дома соотносятся с ней. Каждый дом построен на земле в пределах кольца, поэтому одни здания ровные, другие – на боку, третьи – перевернутые. На изображении видно: дома расположены упорядоченно, что может свидетельствовать о развитой социальной организации. Большой дом, расположенный в центре, – место для общественных собраний или место проживания лидера; меньшие хижины вокруг – жилые дома для людей; строения за пределами поселения могут быть зернохранилищем или «постом охраны». Примечательно, что дома внутри деревни можно разделить на две группы: расположенные слева не покрыты краской, справа – окрашены. То же самое относится к двум большим домам в центре. Возможно, это отражает некоторую социальную дифференциацию, причем скорее горизонтальную, чем вертикальную. Стоит отметить, что на композиции четко показаны дороги (тропы) вокруг деревни: их много, они пересекаются. Пунктирными ли-

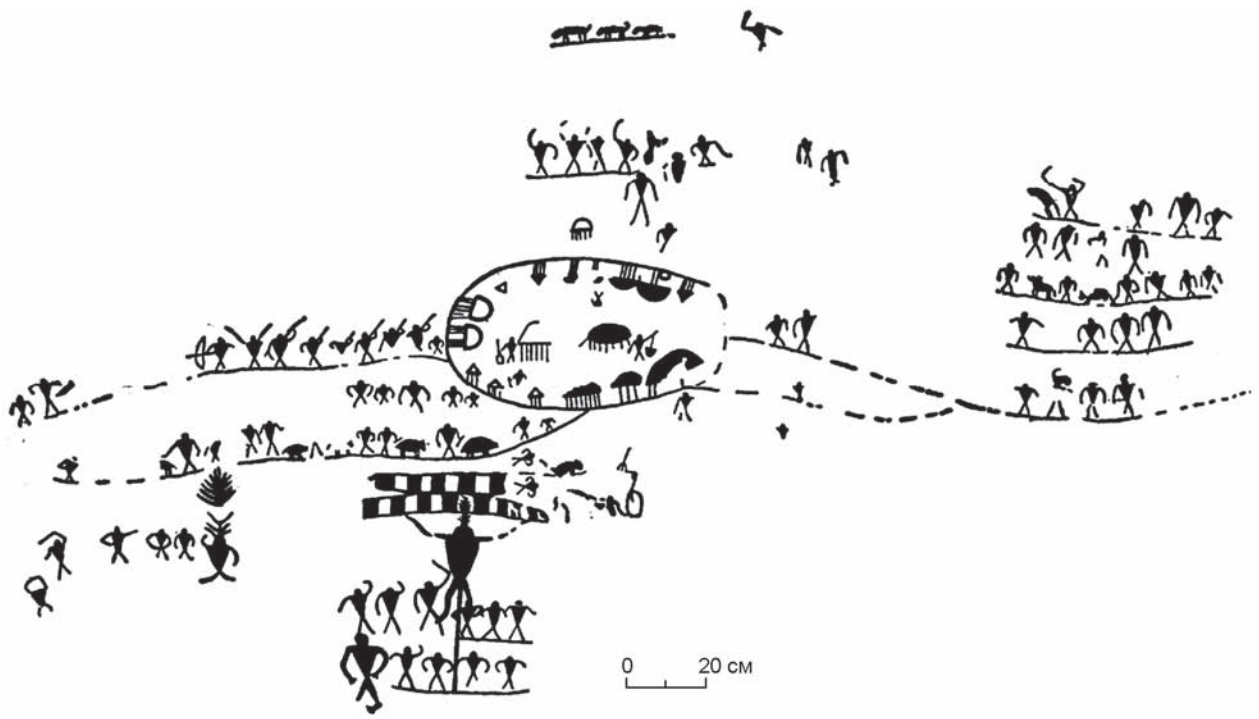

Рис. 1. Наскальное изображение «деревни» из Цанъюань-Ваского автономного уезда (городской округ Линьцан, пров. Юньнань) [Лю Юнцзянь, 2003, с. 24].

Рис. 2. Наскальное изображение воинов из Цанъюань-Ваского автономного уезда (городской округ Линьцан, пров. Юньнань) [Лю Юнцзянь, 2003, с. 24].

ниями могут обозначаться тропы (возможна иная трактовка). С левой стороны деревни две дороги. В правой части петроглифическая композиция повреждена, но можно распознать четыре «тропы»; также есть «дорога» сверху. Со всех сторон от «деревни» за пределами стен (сверху, снизу, слева и справа) изображены группы людей («шествия»). Интерпретация «композиции № 2» («план деревни») в китайской исследовательской литературе дается, например, следующая: *воины возвращаются из успешного похода, несут домой трофеи и ведут захваченный скот* [Сяо Дунфа, Гао Лилай, 2014, с. 86–87].

Однако, в отличие от происходящих из того же автономного уезда композиций (рис. 2) [Лю Юнцзянь, 2003, с. 24], изображенное на «композиции № 2» шествие людей не выглядит особенно военизированным. С высокой долей уверенности можно назвать вооруженной лишь одну фигуру с луком (группа слева), что сложно толковать как типичную маркировку триумфального возвращения отряда воинов.

В связи с вышесказанным, целью настоящей статьи является выдвижение авторской интерпретации наскальной композиции «план селения» из у. Цанъюань, в ходе аргументации которой мы также вводим в оборот ранее не публиковавшиеся этнографические сведения об обычаях коренного населения китайского юго-запада.

В пров. Юньнань у целого ряда народов сохранился достаточно архаичный пласт обрядности земледельческого цикла [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн, 2016]. Каждая из местных народностей в ходе развития своей агрикультуры сформировала сложную структуру, включающую хозяйствование, распределение, уникальные ритуальные действия, религиозные верования и способы поддержания экологического баланса, проистекающие из окружающих природных условий. Основной целью рисоводческих ритуалов, являющихся важной частью культурной жизни народов Юньнани и их сельскохозяйственного цикла, было повышение урожайности. В ритуале сплетаются верования в сверхъестественную связь неба, земли с людьми, с одной стороны, и агрикультурный опыт – с другой. Можно сказать, что в рамках рисоводческой обрядности организуется деятельность крестьян. Из национальных меньшинств Юньнани *ачаны, буланы, палаунги (дэаны), дулуны, дино, качины* (они же *цзинпо, синпхо, цайва, лечи, тхейнбо, синфо, чхинпау), ну, пуми* – являются самыми малочисленными.

Этнические меньшинства Юньнани и всего Юго-Западного Китая издревле проводят ритуалы перед началом сева. Например, в *ачанском* языке название духов-покровителей земледелия тесно связано с периодом высадки риса. Символом здесь выступает корзина с рисовыми колосьями. Каждый год, перед «открытием ворот посева» (начало высадки риса), ачаны проводят церемонию, в ходе которой вставляют цветущие ветви (чаще всего – сливы) в центр поля. При этом произносятся слова следующего содержания: «Пусть наш рис будет столь же красив, как цветы; пусть будут зер-

на крупными, как сливы; пусть урожай наш будет обильным». Затем помещают в землю три саженца, и тем самым ритуал «открытия ворот посева» завершается, можно начинать новый сельскохозяйственный цикл. Кроме того, посреди каждого нового поля втыкается пучок рассады, именуемый «царь рассады», и уже потом вокруг высаживается остальной рис. Во время «закрытия ворот посева» (окончание высадки), чтобы задержать духов на поле, ачаны оставляют там пучок рассады, обтирают свои руки, ноги и инструменты. Затем приносят недалеко от поля жертвы (часто кур), и лишь потом отправляются домой. Во время уборочной кампании ачаны приносят в качестве жертвы куриные яйца или мясо кур. По представлениям этого народа, если при помещении риса в амбар не провести необходимые ритуалы и не почтить сверхъестественные силы, собранный урожай может испортиться или его количество уменьшится.

Интересна церемония сбора урожая у народности *дино*: она посвящена призыву духов и в языке дино дословно называется «амбар старейшины» (国老库). Главы семей берут кур на поля, птицы собирают оставшиеся на поле зерна и роются в грунте. Затем курицу несут домой. По дороге начинают призывать духов, оберегающих сельскохозяйственную деятельность дино. На каждом перекрестке оставляют пучок рисовой соломы, чтобы сверхъестественные существа не заблудились. По возвращении домой колосья делят на две части: одну помещают в амбар, вторую – в жилище. Именно те колосья, что оставляют дома, должны символизировать успешное взаимодействие с духами. После разделения урожая глава семьи режет в амбаре курицу (либо, если семья может себе позволить, корову или свинью – перед амбаром), кровью жертвенного животного покрывают стены, потолок и ворота зернохранилища. «Кистью» в данном случае служат обычно петушиные перья. Голова жертвенного животного (не важно, курицы или свиньи) вешается на ворота также как дань духам. Божествам могут быть «предложены» алкогольные напитки и закуски. Все вышеописанное вкупе с молитвами должно приносить обильный урожай на будущий год. Похожим образом отмечают окончание уборочной кампании *качины*. Призыв духов осуществляется в ходе молотьбы и сразу после. Качины верят, что во время молотьбы духи могут испугаться и уйти. Значит, после завершения обмолота риса их нужно приманить назад, дабы на следующей год урожай также был обильным. Для этого оставляются два растения, именуемые «отец и мать поля». На следующий год во время посевной кампании их «возвращают домой», что должно бы гарантировать хорошие всходы, ибо вместе с парой растений возвращаются и духи рисоводства [Там же, с. 47].

Поклонение сверхъестественным покровителям, как мы видим, происходит как в ходе посевной, так и в ходе уборочной кампании. *Дэаны (палаунги)* осуществляют «дарения духов» в начале сельскохозяйственного цикла. Важно отметить, что историю культивации риса у палаунгов можно проследить с первых веков нашей эры (эпохи Западная Хань (206 г. до н.э. – 24 г. н.э.), Троецарствия (220–280 гг. н.э.) и Цзинь (265–420 гг. н.э.)). За тысячу лет, к эпохе Юань (1279–1368 гг.), дэаны стали одной из самых передовых в области рисоводства этнических групп в регионе [Инь Яцзюань, Пань Ян, Цинь Ин, 2016, с. 50]. Но информацию эту мы черпаем из внешних (по отношению к палаунгам) нарративных источников и археологии, ибо язык дэанов не имеет письменности. Дэаны весьма близки по культуре и верованиям более крупной народности *дай*. Потому их рисоводческие традиции практически неразделимы. Каждый год после праздника *Цинмин* (清明, вскоре после весеннего равноденствия) дэаны начинают пахать. Во время работы женщины беспрестанно призывают духов-покровителей полей, произнося молитвы следующего содержания: «Эй! Эй! Эй! Вернись, дух! Приди на землю, защити наши посевы, не дай оленям их испортить и вытоптать». Подобные призывы о помощи не случайны, ибо местные дикие копытные (например, олень-мунтжак) сильно вредят полям. Ритуал продолжается вплоть до окончания пахоты. В четвертый месяц лунного сельскохозяйственного календаря проходит ритуал поклонения духам. В установленное время все население деревни, взяв с собой скот, отправляется на ритуальный сев полей. Скот приносится в жертву в непосредственной близости от поля, после чего начинают высаживать рис. Похожие действия палаунги совершают в ходе ритуальной прополки. Данный обряд обычно осуществляют в мае. В установленное время в изголовье кровати главы семьи ставится наполненная жертвенными продуктами бамбуковая корзинка. В ней, помимо мяса, овощей и риса, вставлены цветные флажки. До того, как пробовать рис нового урожая, во второй и третьей декаде каждого месяца главы семьи добавляют продукты в жертвенную корзинку. Когда приходит пора варить новый рис, содержимое корзинки полностью заменяется [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн, 2016, с. 48].

Весьма своеобразные рисовые ритуалы сложилась у *дулунов*. Эта народность проживает в изрезанной ущельями местности, так что пригодных для выращивания поливного риса земель у них немного, а те, что есть, сосредоточены в среднем

и нижнем течении р. Дулун [Инь Яцзюань, Пань Ян, Цинь Ин, 2016]. Во время посевной кампании дулуны проводят ритуальные практики, но они направлены не на привлечение духов-покровителей, а на изгнание злых демонов, *булань* (布兰). В первобытной анимистической религии дулунов *булань* играют роль главных темных сущностей, окружающих людей и вредящих им. Демоны-*булань* могут оборачиваться различными зверями и птицами, отпугивают добрых духов-покровителей. Если это происходит, то урожай под угрозой. В итоге люди должны отогнать темные силы, сохранить светлые силы плодородия и собрать хороший урожай риса.

Как и в других регионах с устойчивой рисоводческой традицией, у «малых народностей» пров. Юньнань есть обычай *пробовать* новый урожай. Он порой существенно разнится в деталях. Например, палаунги проводят ритуал до основной жатвы, и при этом точной даты для всего поселения нет – каждая семья действует индивидуально. В выбранное время берется небольшое количество риса нового урожая; потом старые и новые зерна варятся отдельно; затем одни укладываются поверх других. Обычно получившуюся вареную крупу с овощами преподносили предкам и добрым духам в качестве жертвы; часть риса заворачивается в листья и этим кормят собак и коров. (По мифам палаунгов собака помогла человеку найти зерна риса, а крупный рогатый скот в реальной земледельческой практике этой народности играет колоссальную роль.) Потом старейшие члены семьи пробуют оставшееся блюдо, и лишь после этого вся семья приступает к ритуалу пробы нового урожая.

У других этнических групп день пробы нового урожая избирает предводитель (старейшина) или знахарь. Поэтому для всего коллектива это не только грандиозный праздник, но и важный день для поклонения предкам. Подобную практику мы видим, например, у *качинов*. Они активно отмечают «День нового урожая», причем не только как сельскохозяйственный, но и как религиозный праздник в системе своих традиционных верований. Свежие колосья риса должна собирать в нарядный костюм пожилая женщина в заплечную корзину, причем последняя декорируется свежими цветами. Вначале собранное несут в дом старейшины, где молодая девушка толчет рис, затем передает его знахарю, который приносит жертву. После этого рис нового урожая раздается рядовым семьям; они кормят собак, что привлекает, по представлениям качинов, духов-покровителей земледелия. Похожий ритуал отмечается и у народности *дино*. В соответствии с календарными традициями этого народа, при участии старейшин в период перед сбором риса выбирается «День тигра», когда и пробуют новый урожай: первыми – старейшины, а затем и рядовые члены сообщества. Каждый глава семьи берет с собой курицу на первый ритуальный сбор текущего года. Очень важно: слышатся ли по пути крики оленя-мунтжака. Если животное подало голос, то необходимо вернуться домой и выбрать более счастливый день. Когда удается все же получить рисовые колосья нового урожая, зерна толкут. Вначале приносят жертвы на специальных алтарях, потом начинается варка риса. В это же время режут и варят тех самых кур, которых носили на поле. Из приготовленного приносятся жертвы предкам. Знахарь читает заклятия против злых духов и тем защищает членов каждой семьи от бедствий. Как уже говорилось, по обычаям *дино* рис должен сначала пробовать знахарь и главы уважаемых семей, остальные члены коллектива не могут при этом присутствовать. Лишь *после* старейшина открывает дверь и приглашает соседей попробовать продукты нового урожая всем вместе [Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн, 2016, с. 48–49].

Описанные варианты рисоводческих обрядовых действий коренного населения пров. Юньнань, пусть и в современном их состоянии, но уходящие в глубокую традицию, могут стать *ключом к одному из «прочтений»* наскальной «композиции № 2» («план селения») из Цанъюань-Ваского автономного уезда *в рамках земледельческого ритуала*. Наличие борозд, которые можно трактовать и в земледельческом контексте, наличие сложного сельскохозяйственного культа в Юньнани, подразумевающего, помимо прочего, жертвоприношения, пиры, мероприятия за пределами поселения, взаимодействие с духами, обрядовое использование оружия и орудий труда. Все эти элементы мы, так или иначе, можем видеть и на т.н. «плане селения»: неолитические рисоводы за поселением проводят празднования с жертвоприношениями, в то время как их соплеменники готовят пир в самой деревне.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке проекта РФФИ 18-09-00557 «Изучение памятников наскального искусства в археологии Китая (эпохи Древности и Средневековья)».

Список литературы

Ван Шэнхуа Сицзюйдэ фашэн юй бэньчжи (Возникновение и сущность театра). – Шанхай: Шанхай гуцзи чубаньшэ, 2013. – 459 с. (на кит. яз.).

Инь Яцзюань, Пань Ян, Цинь Ин. Юньнань жэнькоу цзяошао миньцзу шиши чжун чуаньтун нунъе сысяндэ яньцзю (Сельскохозяйственные мотивы

в традиционном эпосе малых народов провинции Юньнань) // Юньнань нунъе дасюэ сюэбао. – 2016. – № 10 (3). – С. 49–53 (на кит. яз.).

Лю Юнцзянь. Жэньмянь юйсин сы няо вэнь дуньпай вэньти чутань (К вопросу о щитах в виде рыбы с человеческим лицом, имеющих орнитоморфный орнамент) // Чжунго гудай тунгу яньцзю тунсюнь. – 2003. – № 17. – С. 22–24 (на кит. яз.).

Сяо Дунфа, Гао Лилай. Яньхуа гуюнь (Традиционное чтение петроглифов). – Пекин: Сяндай чубаньшэ, 2014. – 165 с. (на кит. яз.).

Чжу Инци, Цинь Ин, Ли Хэн. Юньнань жэнькоу цзяошао миньцзу даоцзо иши таньцзю (Углубленное изучение рисоводческой обрядности у малых народов провинции Юньнань) // Юньнань нунъе дасюэ сюэбао. – 2016. – № 10 (3). – С. 46–49 (на кит. яз.).

References

Liu Yongjian. Renmian yuxing si niao wen dunpai wenti chutan [About the ornithomorphic ornament shields in shape of a fish with a human face]. *Zhongguo gudai tonggu yanjiu tongxun*, 2003, vol. 17, pp. 22–24 (in Chin.).

Wang Shenghua. Xijude fasheng yu benzhi [The Origin and Self of Theatre]. Shanghai: Shanghai guji chubanshe, 2013, 459 p. (in Chin.).

Xiao Dongfa, Gao Lilai. Yanhua guyun [Traditional reading of petroglyphs]. Beijing: Xiangdai chubanshe, 2014, 165 p. (in Chin.).

Yin Yanjuan, Pan Yang, Qin Ying. Yunnan renkou jiaoshao minzu shishi zhong chuantong nongye sixiangde yanjiu [Agricultural motives in the traditional epic of the Yunnan national minorities]. *Yunnan nongye daxue xuebao*, 2016, vol. 10 (3), pp. 49–53 (in Chin.).

Zhu Yingqi, Qin Ying, Li Heng. Yunnan renkou jiaoshao minzu daozuo yishi tanjiu [Research of the Yunnan national minorities rice cultivation]. *Yunnan nongye daxue xuebao*, 2016, vol. 10 (3), pp. 46–49 (in Chin.).

Шульга А.А. https://orcid.org/0000-0003-3006-5342
Шульга Д.П. https://orcid.org/0000-0001-5820-1743
Сидорова М.О. https://orcid.org/0000-0001-5828-4809

ЭТНОГРАФИЯ

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.665-671
УДК 393

Ш.К. Ахметова[1], И.В. Толпеко[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Особенности внутреннего и внешнего обустройства погребальных сооружений у казахов юга Западной Сибири

Погребальный обряд остается одной из наиболее традиционных сторон жизни казахского населения юга Западной Сибири. Ведущую роль в его оформлении сыграл ислам. Однако важно учитывать и другие факторы. На действия, производимые непосредственно на кладбище во время и после похорон, существенное влияние оказали природно-географические условия: состояние грунта, флора, фауна. Во многом именно под их воздействием формировались локальные различия в погребальном обряде казахского населения различных территорий. На юге Западной Сибири они зафиксированы для конструкции могилы, оформления могильного холмика, строительства ограды. Обустройство могилы зависело от состава грунта. У мусульман в могильной яме принято делать боковую нишу – лахат. Для ее закрытия традиционно использовались местные материалы – дерн, дерево, саман, камыш, солома, сено. В некоторых местах лахат нельзя сооружать из-за сыпучего грунта. В этом случае покойного укладывают на дно могилы, и над ним из кирпичей возводят камеру с перекрытием. Покрытие могильного холмика несколькими слоями дерна (а на современном этапе – старой одеждой умершего) в степи и лесостепи необходимо для защиты погребения от хищников. Ограды вокруг могил первоначально делали из дерновых кирпичей, дерева, самана. Это были самые доступные местные строительные материалы, и они отвечали традициям ислама – не обрабатывались огнем. На первых этапах формирования погребального обряда у казахов юга Западной Сибири влияние природно-географических факторов было весьма значительным. На сегодняшний день многие стороны погребального обряда по-прежнему зависят от природно-географических условий. Лишь в сфере строительства оград на юге Западной Сибири это влияние практически отсутствует: на смену традиционным пришли промышленно изготовленные материалы.

Ключевые слова: *казахи, юг Западной Сибири, погребальные сооружения, могила, ислам, природно-географические условия.*

Sholpan K. Akhmetova[1], Irina V. Tolpeko[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia
E-mail: ack-sholpan@yandex.ru

Features of Internal and External Furnishing of Burial Structures Among the Kazakhs in the South of Western Siberia

Funeral rite is one of the most traditional aspects in the life of the Kazakh population in the south of Western Siberia, which was largely formed with the leading role of Islam. However, other factors, such as natural and geographical conditions, including soil condition, flora, and fauna, also made a significant impact on the actions performed directly at the cemetery during and after the funeral. In many ways, local differences in funeral rites of the Kazakh population living on various territories emerged under their influence. In the south of Western Siberia, such differences have been observed in making the grave, designing the grave mound, and constructing the fence. The structure of the grave depended on the composition of soil. Muslims would make a side niche "lahat" in the grave, and cover it with local materials, such as

peat, wood, adobe, reeds, straw, or hay. In some places, lahat cannot be built due to loose soil. In this case, the deceased is placed at the bottom of the grave and a chamber of bricks with ceiling is built over him. Covering the burial mound with several layers of peat (in our days, with old clothes of the deceased) in the steppe and forest-steppe is necessary for protecting the burial from predators. Fences around graves were originally made of sod bricks, wood, or adobe. These were the most affordable local building materials. They also corresponded to the traditions of Islam since they were produced without fire. The influence of natural and geographical factors was very significant at the first stages of formation of the funeral rite among the Kazakhs in the south of Western Siberia. Today many aspects of funeral rite still depend on natural and geographic conditions with the only exception of building fences, since traditional materials have become replaced by industrial materials.

Keywords: *Kazakhs, south of Western Siberia, funerary structures, grave, Islam, natural and geographical conditions.*

Казахское население проживает на юге Западно-Сибирской равнины в пределах Омской, Новосибирской, Тюменской, Томской, Курганской, Свердловской, Челябинской обл. и Алтайского края Российской Федерации. Географически к Западной Сибири относятся также Северо-Казахстанская обл. и значительная часть Кустанайской, Кокчетавской и Павлодарской обл. Республики Казахстан. В задачи исследования входит анализ способов погребения и различных конструкций погребальных сооружений казахов на юге Западной Сибири в конце XIX – начале XXI вв. в зависимости от конфессиональных и местных природно-географических условий. Работа построена на материалах Международной казахской археолого-этнографической экспедиции (далее – МКАЭЭ) ИАЭТ СО РАН 2019 г., в ходе которой были обследованы Омский, Таврический, Азовский, Шербакульский, Павлоградский, Марьяновский р-ны Омской обл. Авторы также использовали материалы МКАЭЭ Омского филиала (с 2018 г. – Омской лаборатории археологии, этнографии и музееведения) ИАЭТ СО РАН 2006–2018 гг., собранные на территориях степной и лесостепной зон Омской, Новосибирской обл. и Алтайского края (Россия) и степной зоны Павлодарской обл. (Казахстан).

Погребальный обряд казахов юга Западной Сибири формировался под влиянием ислама и под воздействием местных природно-географических условий. В результате, несмотря на его консервативность и традиционность, в каждой местности появились свои локальные особенности. На способы погребения оказывали влияние различные составляющие природных зон: грунт, флора и фауна.

Непосредственно процесс погребения начинается с копания могильной ямы (*қабір қазу*). Землю бросают на восточную сторону. Грунт из подбоя в могильной яме – *лахата* со стороны изголовья бросают на север, со стороны ног – на юг. Потом могилу закапывают в таком же порядке, в каком укладывали кучи земли. Лопату из рук в руки не передают. При определении глубины могилы существуют половые различия: для мужчины ее копают по пояс, для женщины по грудь. Это связано с мусульманским представлением о большей греховности женщин, поэтому для них требуется более глубокое захоронение.

В ауле Карасарт Карасукского р-на Новосибирской обл. перед тем, как идти копать могилу, измеряют рост *маита* (тело умершего) палкой. Старший и опытный человек объясняет на месте (на кладбище) как надо ориентировать и копать могилу. *Лахат* там делают с запада. В ауле Баимбет Называевского р-на Омской обл. рост *маита* измеряют рейкой или веткой таволги (*байағаш*), которую потом втыкают в могилу. *Лахат* шириной 0,6–0,7 м, высотой около 0,5–0,65 м (по высоте сидящего человека) устраивают в западной стенке могилы. *Маита* ориентируют головой на север, поворачивая лицом на юго-запад, в сторону Мекки. В Павлодарской обл. *лахат* также делают в западной стенке могилы. По информации, полученной от Т.Б. Салыкбаева, на кладбище аула Куатовка Славгородского р-на Алтайского края *лахат* устраивают в южной стенке могильной ямы. *Маита* укладывают головой на запад, поворачивая лицом на юго-запад – в сторону Каабы. На кладбище аула Ащен Омского р-на Омской обл. *лахат* устраивают с северной стороны могилы. Его копают в длину примерно на 2 м, углубляя в стену в ширину и в высоту на 0,5 м. *Маита* укладывают головой на запад, а его лицо поворачивают на юг, в сторону Мекки. Следует отметить, что могилы часто ориентированы неправильно, направления определяются приблизительно. Информаторы объясняют это тем, что в основном стороны света определяли без компаса. По экспедиционным данным 2019 г. это остается актуальным и в настоящее время.

На кладбище аула Карасарт первую землю, вынутую из лахата, предварительно перетирают для мягкости ладонями и кладут под голову. В некрополе Ащен под голову подкладывают сухую траву, дно ничем не выстилают. В Здвинском, Карасукском, Краснозерском, Купинском, Чановском и Чистоозерном р-нах Новосибирской обл. дно лахата застилают сеном или соломой.

Маита, завернутого в ковер или бархат, перевозят на специальных носилках или в *табыте* (де-

ревянное корыто, оббитое изнутри тонким листом светлого металла, открытое у изножья). В Омской обл. *табыт* ставят возле могильной ямы. Развернув ковер или ткань, тело перевязывают в области ног, пояса и груди белыми вафельными полотенцами в 1,5 м длиной. В последние годы в ауле Балангуль Саргатского р-на Омской обл. вместо вафельных полотенец стали использовать, оставшееся от *акирета* (саван) белое полотно, которое разрезают на полосы длиной в 1,5 м и шириной в 0,3 м. Три человека, стоящие внутри ямы в соответствии с тремя повязанными частями тела, берут в правые руки концы полотенец, опускают *маита* в могилу и укладывают в *лахат*. Опускать тело помогают три человека, стоящие возле ямы. Лицо умершего поворачивают в сторону Каабы. По шариату мужчинам нельзя смотреть на тело женщины, поэтому при опускании в могилу над ним сверху держат ковер или бархатную ткань, в которую оно было завернуто. Каждый должен бросить в могилу немного грунта лопатой, которую при этом из рук в руки не передают, а кладут на землю. При этом у казахов принято говорить следующее пожелание умершему: «*Топырағы жеңіл болсын*» («Да будет тебе земля пухом»). Именно поэтому, согласно мусульманской традиции, чтобы земля не давила на тело, в конструкции могильной ямы предусмотрена ниша. Следует отметить, что эта традиция характерна для всех мусульман [Гаджиева, 1979, с. 128; Гаджиева, 1985, с. 289; Томилов, 1983, с. 112].

Природно-географические условия определяли и то, как закрывают *лахат*. До первой трети XX в. в степной зоне его заделывали дерном (*шім*). Его же использовали для строительства оград вокруг могил – *торткулаков*. В то время это был самый распространенный строительный материал, который казахи повсеместно применяли для строительства жилищ и хозяйственных построек. По нашим данным, это характерно как для степной, так и лесостепной зон. Со временем, когда появились разрушающиеся дома из самана, кирпичи из них стали использовать для закладки *лахата*, как, например, в ауле Кайдаул Павлоградского р-на Омской обл. Лишние кирпичи (как и другие строительные материалы) с кладбища выносить нельзя. Их аккуратно складывают рядом с могилой (рис. 1). В дальнейшем они могут быть использованы во время других похорон.

В лесостепной зоне *лахат* также могли закрывать косым накатом из березовых бревен или жердей разной толщины. В настоящее время, в связи с повышением грунтовых вод в Омской обл., березовые стволы перестали применять из-за быстрого гниения. По этой причине для закрытия *лахата* теперь предпочитают использовать саман из забро-

Рис. 1. Саманные кирпичи, оставшиеся от закрытия лахата, на кладбище аула Кайдаул, Павлоградский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2019 г.

шенных домов или сосновые доски (*тақтай*) (аулы Шербакульского р-на Омской обл.). Интересна традиция применения саманных кирпичей для закрытия *лахата*. Как правило, на кладбище после строительства оград остаются кирпичи. *Лахат* могут закладывать и ими, но информаторы отмечали, что красный кирпич для этого нельзя использовать из-за его огненной обработки. Согласно исламской традиции *лахат* можно закрывать только необожженным кирпичом или деревом.

Накат из стволов покрывали соломой, травой, камышовыми щитами, чтобы на тело не попала земля. В аулах Здвинского, Карасукского, Краснозерского, Купинского, Чановского и Чистоозерного р-нов Новосибирской обл. подбой по диагонали перекрывают досками, которые сверху накрывают пленкой, рубероидом или соломой для защиты от проникновения влаги и грызунов. Это характерно и для Омской обл. В Павлодарской обл. *лахат* закладывают досками, кирпичом или камнем.

Данные, полученные из разных мест юга Западной Сибири, свидетельствуют о том, что обустройство могильной ямы зависит от плотности земли. В пределах одной административно-территориальной зоны могут быть разные виды грунта и, соответственно, разные варианты обустройства могильной камеры. Наиболее распространенными являются могилы с *лахатом*. Они характерны для всех обследованных территорий, за исключением отдельных р-нов Алтайского края и Павлодарской обл.

В местах с песчаным или каменистым грунтом могила копается по ямному типу, без подбоя (*жарма*) (Михайловский р-н Алтайского края, часть Баян-Аульского р-на Павлодарской обл.). Устройство боковой ниши там невозможно. Поэтому тело кладут на дно ямы и выкладывают вокруг него из кирпича камеру со сводчатым перекрытием, прямоугольную в поперечном и трапециевидную в продольном разрезах. Иногда кирпичные стенки камеры делают прямыми, а сверху ее перекрывают бетонной или каменной плитой. Так же, как и при подбойном типе могилы, отдельно откладывают первый слой земли, который кладут под голову *маита*.

После засыпки могилы на поверхности образуется небольшой холмик. Родственники должны следить за тем, чтобы он не разрушался, не проседала земля, не обнажился *лахат*, тело не пострадало от хищников. За могилами присматривают старики и имамы. Например, имам аула Большой Искак К.Х. Тютин следит за несколькими кладбищами, расположенными в округе, регулярно их объезжая. В случае необходимости могильный холмик подсыпается землей, которую берут рядом с захоронением.

На многих казахских кладбищах Омской обл., в старой их части, нами были зафиксированы овальные насыпи довольно больших размеров, без ограждения [Ахметова, Толпеко, 2017, с. 20]. За д. Луговое (Таврический р-н Омской обл.), у дороги в сторону аула Байдалин, расположено старое казахское кладбище, часть которого ушла под дорожное покрытие. Общее количество могил, визуально фиксируемых на сегодняшний день, ок. 30. В южной части некрополя находится группа захоронений с выделяющейся по центру большой курганообразной насыпью. Длина большой насыпи – 8 м, ширина – 4,5 м, высота – ок. 1 м. Она окружена ровиком. С востока к ней примыкает насыпь длиной 4 м и шириной 2,5 м, высотой 0,4 м, также окруженная ровиком. С запада к ней примыкает еще одна насыпь: длиной 5,5 м, шириной 3,7–3,8 м, высотой 0,6 м, с ровиком. Все три насыпи овальной формы. Ровики переходят один в другой, однако между насыпями они прослеживаются четко. На каждой насыпи фиксируется небольшая западина овальной формы, ориентированная по длинной оси. Они немного смещены от центра (возможно, просевшие могилы с подбоем). Подобные объекты зафиксированы на кладбище Каржас в г. Омске [Иващенко, 2010, с. 125–126] и др. В 2019 г. была получена информация о том, как возникали такие насыпи на кладбище аула Кайдаул Павлоградского р-на Омской обл. Некрополь был заложен примерно в XVIII – начале XIX вв. З.Ж. Жумабеков (1935 г.р.) сообщил, что в старые времена ограды не делали, а могильный холмик обкладывали дерновыми пластами в несколько слоев (три-четыре), чтобы росла трава. Их называли *түйе арқасы* (спина верблюда). Мощность используемых дерновых пластов, вероятно, составляла 0,15–0,2 м. Таким образом, над могильным холмиком образовывался дополнительный слой мощностью до 0,6–0,8 м, предохраняя захоронение от разрушения (проседания земли) и защищая его от проникновения хищников.

На всех кладбищах Омской обл., обследованных в 2019 г., была зафиксирована традиция покрытия могильного холмика недавнего захоронения старой одеждой умершего (рис. 2). Она хорошо прослеживается для степной и юга лесостепной зоны, где необходимо уберечь могилу от проникновения хищников, в первую очередь степных хорьков. Были случаи, когда мелкие хищники вытаскивали трупы из могил. На кладбище Ащен на них даже ставили капканы.

Казахская традиция сооружения ограды вокруг захоронения также развивалась на территории юга Западной Сибири под влиянием природных условий. Первоначально ограды делали из наиболее доступного материала – дерновых кирпичей (пластов).

Рис. 2. Могила, покрытая курткой умершей, на кладбище Ащен, Омский р-н Омской обл. Фото Ш.К. Ахметовой, 2019 г.

Рис. 3. Разрушающаяся ограда из саманных кирпичей на кладбище аула Жумабай, Шербакульский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2019 г.

Затем стали использовать саман (рис. 3) и дерево. До 1970–1980-х гг. для ограждения могил в лесостепной зоне Омской обл. делали забор из бревен и жердей или из штакетника: *зираты* Бараба Шербакульского р-на (рис. 4), Ащен Омского р-на Омской обл. и др. Причем первый вариант (из бревен и жердей), по сообщению имама мечети аула Большой Искак К.Х. Тютина, более ранний. Поскольку многие такие ограды гнили и обрушивались, сгорали во время пожаров, то вместо них стали делать металлические ограды (рис. 5), а в конце XX – начале XXI в. строить кирпичные *торткулаки*. В степной зоне ограды строили из дерновых кирпичей, а позже – из самана. В дальнейшем их также сменили ограды из обожженного кирпича, бетона и различные комбинированные конструкции.

Рис. 4. Ограда из жердей на кладбище Бараба, Шербакульский р-н Омской обл. Фото И.В. Толпеко, 2019 г.

Рис. 5. Разрушенная ограда из штакетника внутри металлической ограды на кладбище Бараба, Шербакульский р-н Омской обл. Фото Ш.К. Ахметовой, 2019 г.

Анализ погребального обряда казахского населения юга Западной Сибири позволяет сделать вывод не только об исламском характере погребального обряда, но и о влиянии природно-географических условий на действия, осуществлявшиеся непосредственно на кладбище во время и после погребения. Конструкция могилы (наличие или отсутствие *лахата*) зависела от состава грунта. Материалы, которыми закрывали лахат, традиционно использовались местные – дерево (береза), дерн, саман, камыш, солома, сено. Лишь позднее, с появлением новых возможностей, стали применяться полиэтиленовая пленка, рубероид и сосновые доски, иногда – промышленно изготовленный кирпич. Покрытие могильного холмика в прошлом несколькими слоями дерна, на современном этапе – старой одеждой умершего в условиях степи и юга лесостепи необходимо для защиты тела по-

гребенного от хищников. Ограды также первоначально делали из дерновых кирпичей, дерева, самана – самых доступных местных строительных материалов, которые отвечали традициям ислама (не подвергались обработке огнем). На сегодняшний день современные веяния все сильнее входят в традиционный погребальный обряд казахского населения юга Западной Сибири, особенно в той его части, которая касается кладбища. Воздействие природно-географических факторов на некоторые стороны погребального обряда (например, на строительство оград) практически отсутствует.

Список литературы

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. К вопросу о периодизации казахских кладбищ Среднего Прииртышья // Социосфера. – 2017. – № 4. – С. 18–23.

Гаджиева С.Ш. Очерки семьи и брака у ногайцев: XIX – начало XX в. – М.: Наука, 1979. – 167 с.

Гаджиева С.Ш. Семья и брак у народов Дагестана в XIX – начале XX в. – М.: Наука, 1985. – 358 с.

Иващенко С.Н. Курганный могильник Омск-Каржас-1 и специфика его изучения // Казахи России: История и современность: мат-лы Междунар. науч.-практ. конф. (20–23 мая 2009 г., Омск). – Омск, 2010. – Т. 2. – С. 122–127.

Томилов Н.А. Очерки этнографии тюркского населения Томского Приобья (этническая история, быт и духовная культура). – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1983. – 215 с.

References

Akhmetova Sh.Q., Tolpeko I.V. On the periodization question of the kazakh cemeteries of the region of Middle Priirtyshya. *Sociosphere*, 2017, No. 4, pp. 18–23 (in Russ.). DOI: 10.24044/sph.2017.4.2

Gadzhieva S.Sh. Ocherki sem'i i braka u nogaitsev XIX – nachale XX v. Moscow: Nauka, 1979, 167 p. (in Russ.).

Gadzhieva S.Sh. Sem'ya i brak u narodov Dagestana v XIX – nachale XX v. Moscow: Nauka, 1985, 358 p. (in Russ.).

Ivashchenko S.N. Kurgannyi mogil'nik Omsk-Karzhas-1 i spetsifika ego izucheniya. In *Kazakhi Rossii: istoriya i sovremennost': materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (20–23 maya 2009 g., Omsk)*. Omsk, 2010, vol. 2, pp. 122–127 (in Russ.).

Tomilov N.A. Ocherki etnografii tyurkskogo naseleniya Tomskogo Priob'ya (etnicheskaya istoriya, byt i dukhovnaya kul'tura). Tomsk: State Univ. Press, 1983, 215 p. (in Russ.).

Ахметова Ш.К. https://orcid.org/0000-0002-8925-0772
Толпеко И.В. https://orcid.org/0000-0002-3085-2330

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.672-675
УДК 39:34

А.А. Бадмаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Образы паука и червя в мировоззрении бурят

В число ярких зооморфных образов, отмечаемых исследователями в традиционном мировоззрении у разных народов Европы и Азии, входят паук и червь. На бурятском материале образы этих представителей фауны еще не изучались. Целью работы является выделение и сопоставление традиционных представлений бурят о черве и пауке. Источниками для исследования послужили фольклорные и лексические сведения, включая произведения различных жанров бурятского фольклора, а также полевой этнографический материал. В работе был использован структурно-семиотический метод, позволивший выделить символы, связанные с пауком и червем. Выявлено, что в традиционном мировоззрении бурят паук и червь наделялись амбивалентными чертами. Выделены общие моменты в их образах: они ассоциируются с врагом, болезнью, имеют демоническое начало; с ними связывается оборотничество нечистой силы. Определены различия в их образах. Констатируется размытость границ категории червь «хорхой» в традиционном мировоззрении бурят. Червь в представлениях бурят имел хтоническое происхождение, символизировал некоторые человеческие пороки (сладострастие, жадность) и физическую немощь, уподоблялся домашнему скоту. Паук считался посредником между мирами (Верхним и Средним); к нему относились почтительно, вероятно, связывая это в т.ч. с его будто бы «родственной» близостью с человеком. Исследование показало, что ряд традиционных воззрений бурят о пауке и черве имеет аналогии с суждениями тюрко-монгольских народов (в особенности калмыков), что доказывает существование в прошлом тесных этнокультурных контактов между их предками.

Ключевые слова: *буряты, традиционное мировоззрение, зооморфные образы, червь, паук, фольклор.*

Andrew A. Badmaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS
Novosibirsk, Russia
E-mail: badmaevaa@ngs.ru

Images of Spider and Worm in the Worldview of the Buryats

Vivid zoomorphic images in the traditional worldview of different peoples of Europe and Asia include the images of spider and worm. These representatives of fauna have not yet been studied using the Buryat evidence. This article identifies and compares traditional beliefs of the Buryats associated with these animals using folklore and lexical information, including the works of various genres of Buryat folklore and ethnographic field materials. The structural-semiotic method used in the study has made it possible to select the symbols associated with spider and worm. In Buryat traditional worldview, they were endowed with ambivalent features. The common elements in their imagery were associated with enemy, disease, and demonic principle, as well as shapeshifting of evil forces. Differences in their images have been established. The boundaries of the category of worm, "khorkhoi" in the traditional worldview of the Buryats were blurry. Worm in the Buryat beliefs had a chthonic origin, symbolized some human vices (voluptuousness, greed) and physical infirmity, and was likened to livestock. Spider was considered to be a mediator between the worlds (Upper and Middle); it was treated with respect which might have been associated with its perceived "kinship" with the humans. The study has shown that a number of traditional beliefs of the Buryats related to spider and worm manifest some parallels with beliefs of the Turkic-Mongolian peoples (particularly, the Kalmyks), which proves the existence of close ethnic and cultural contacts between their ancestors in the past.

Keywords: *Buryats, traditional worldview, zoomorphic images, worm, spider, folklore.*

Образы паука и червя включаются в галереи животного мира, выделяемые современными отечественными исследователями в мировоззрении разных народов (славян [Гура, 1997], вепсов [Винокурова, 2007] и др.). Данные зооморфные образы пока не получили освещение на бурятском материале. По этой причине настоящее исследование посвящается выделению и сопоставлению традиционных представлений бурят о черве и пауке.

Работа построена на анализе преимущественно фольклорных и лексических данных, в т.ч. содержащихся в произведениях различных жанров бурятского фольклора (эпоса, сказок и др.), бурятско-русском словаре «Буряад-ород толи» [2010] и т.д. Полевой этнографический материал носит здесь дополнительный характер.

В бурятском языке под *хорхой* «червь» понимают самых разных животных (в отличие, скажем, от калмыков, у которых слово *хорха* – «червяк червь» – является общим обозначением насекомых [Басангова, 2016, с. 155]): помимо собственно червей (*утэ хорхой* – «червь»), также рыбу, представителей моллюсков, ракообразных и земноводных. К «червям» относили еще и некоторых насекомых, об этом свидетельствует следующая лексика: *таршаа хорхой* – «кузнечик»; *тоолуур* (*тугжэ*) *хорхой* – «гусеница (личинка бабочки)»; *галтай хорхой* – «светлячок». В то же время черви объединяются с ящерицами и змеями, образуя класс змееобразных, характеризуемый демонологическими чертами [Бадмаев, 2018, с. 95]. Отметим, что подобным образом поступали и некоторые другие коренные народы Сибири (например, табуистическое название змеи у тофаларов *узун-куърт* – «длинный червь» [Рассадин, 1996, с. 217]): славяне, вепсы и т.д. Очевидно, что затруднительно определить критерии, по которым выделялась бурятами категория «черви» (налицо размытость ее границ). Поэтому в нашем исследовании ограничимся рассмотрением представлений о червях в узком (современном) их понимании.

Сначала выясним, как бурятская мифология объясняет происхождение червей. По космогоническим воззрениям бурят, они, наряду с другими земными гадами, появились из отверстия, которое проделал черт Шолмо с позволения бога за помощь, оказанную ему в создании первородной суши [Сказания…, 1890, с. 70–71]. О хтонической природе червей говорит и то, что буряты в аду выделяли особый «червячий ад» [Хангалов, 1959, с. 281].

Считалось, что черви имеют «травяное» рождение, т.е. «появляются с травою, как будто выходят из травы» [Там же, с. 219]. Несомненно, такое представление сложилось на основе наблюдений за природными ритмами, когда весной появление первых ростков зеленой травы сопровождается пробуждением насекомых и всей дикой фауны Байкальского региона, в т.ч. земляных червей.

По мифологическим воззрениям бурят, черви служат пищей нечистой силе:

> Когда зачерпнула своим ковшом,
> Далантуйские семьдесят семь
> Червей кишмя кишели,
> Еронтуйские шестьдесят семь
> Червей кишмя кишели
>
> [Фольклор…, 1999, с. 38].

Буряты верили, что есть невидимые глазу черви, которые подтачивают зубы: *Хорхойдо элюуһэн шудэн* «Гнилой зуб, червем подточенный» [Бертагаев, 1949, с. 104]. Интересно, что и у славян (поляков) были подобные представления [Гура, 1997, с. 373].

С червем связывали физическую немощь, обычно о физически слабом человеке говорили: *хорхойдол тулюур* «слабый как червяк» [Буряад-ород толи, 2010, т. II, с. 451]. По суждениям бурят, противоположность червю составлял муравей, символизирующий недюжинную силу. Упомянутое выше позволяет предположить, что червь вызывал ассоциацию с болезнью.

Он воспринимался еще и как источник человеческой страсти и возникающих желаний: *хорхой хурэхэ* «прельщаться чем-нибудь, червячок дошел». В то же время с ним связывался другой человеческий порок – жадность (*хорхойтой* – «жадный»). Полагали, что он живет внутри человека [Бертагаев, 1949, с. 101] и подталкивает его на определенные поступки. Данное воззрение отмечается и у других монгольских народов, в частности у калмыков, выражение *улан хорха* означает «очень жадный человек» [Басангова, 2016, с. 155].

Одним из признаков в символике червя является множественность, на это указывают такие выражения: *утэнһоо олон* – букв. «больше, чем червей, видимо-невидимо», *утэн шэнги* – букв. «словно черви, бесчисленное множество» [Буряад-ород толи, 2010, т. II, с. 355].

Но образ червя не является однозначно негативным, в доказательство стоит привести суждение о том, что появление большого числа червей в домашнем очаге воспринималось положительно, т.к. это было знаком грядущего приращения домашнего стада [Хангалов, 1960, с. 76]. В этом можно увидеть символическое отождествление червя с домашним рогатым скотом. Напомним, что очаг являлся одним из самых сакральных мест в бурятском жилище, полагали, что там обитает дух – хозяин огня, покровительствующий семье и плодородию скота.

В народном восприятии червь тесно связан с *арбаахай*, *абаахай* – «пауком». Так, есть устойчивое выражение, которое означает стремление неослабно преследовать врага: *арбан жэлдэ арбаахайн муроор мурдэжэ*, *хорин жэлдэ хорхойн муроор мурдэжэ* – «Выслеживать (противника) в течение десяти лет по следам паука и гнаться в течение двадцати лет по следам червяка» [Буряад-ород толи, 2010, т. I, с. 23]. Любопытно, что в калмыцком эпосе «Джангар» используется схожее выражение [1960, с. 123]. У монгольских народов под «путем паука» иносказательно понимался путь культурного героя, поскольку полагали, что одним из способностей мифического богатыря является умение превращаться в т.ч. в паука [Басангова, 2016, с. 156]. Однако, на наш взгляд, к приведенному выше выражению следует относиться как к свидетельству отрицательности образов обоих животных, очевидно, что они символизируют врага.

С червем и пауком связан мотив оборотничества представителей нечистой силы. В сказке «Баатар Сагаан хаан» разрубленное пополам сказочное чудовище мангадхай превращается в червей: «<…> тогда он, спустившись, под конем соединился, поднявшись, на седле соединился, превратившись в червей, сидит» [Сказки…, 1997, с. 27]. Там же выведен образ зловредной женщины, подобной пауку, который плетет паутину: «Доехал до места той женщины (остромордой и остробородой), которая проклинает и распускает свои паучьи слюни (*абаахайн шулһэн* – «паутина» (букв. «слюна паука»). – А. Б.)» [Там же, с. 24]. В другой сказке двойником человека оказывается дьявол, способный воплощаться в паука: «Ложный муж обратился в паука и вошел в бонбон (священный сосуд, наподобие чайника, из которого совершается омовение). <…> Бонбон был тотчас же предан огню, причем слышны были стоны дьявола» [Смолев, 1903, с. 65]. Таким образом, оба животных увязывались с демонологическими персонажами, а это косвенно свидетельствует, что в глазах бурят они имели демоническое начало.

В фольклорных произведениях герои пользуются охотничьим манком и употребляют топленое масло, которые якобы произведены из этих животных и обладают особыми качествами:

Двадцать лет
На дне сундука лежавший
Манок свой из костей червяка,
Губами своими зажав,
Десять лет
На дне короба лежавший
Манок свой из костей паука,
Коренными зубами прижав

[Фольклор…, 1999, с. 30–31].

Паучье желтое масло
На коренных своих зубах
Растопил,
Двадцать лет не позволяющий
Голодать,
Червячье желтое масло на передних зубах своих
Растопил.
Чем прежде,
Еще лучше стал

[Там же, с. 43].

Следует указать, что, в отличие от червя, паук не рассматривался бурятами как хтоническое существо. Устройство им паутины на растениях, других высоких местах придавало ему качества существа, обитающего на небе и земле, выполняющего роль посредника между мирами (Верхним и Средним). В народном воображении паук мог быть источником болезни: «На окраине этой долины у жены хана – хатан – опухло ухо, никак не проходит. <…> Огромные пауки внутри уха находятся» [Сказки…, 1997, с. 100]. Он входил в круг животных, с поведением которых буряты увязывали те или иные грядущие события. Так, известна следующая примета: если с потолка спускается паук, то надо ожидать скорого прихода гостя и получения новостей (ПМА). Сходные представления зафиксированы, в частности, у калмыков [Басангова, 2016, с. 155].

У бурят существовал подсознательный страх перед пауками, который поддерживался запретом на их убийство (ПМА). Одно из названий паука – *абаахай*, дословно переводимое как *аба* – «охота» и *ахай* «старший, почтенный, господин», несомненно, подтверждает сложившееся в народе трепетное отношение к нему. Вероятно, наблюдая за ним, буряты убеждались в его полезности как охотника, в особенности на гнус.

С другой стороны, в основе отмеченной выше номинации паука может лежать воззрение о «родственных» отношениях между человеком и этим животным, т.к. бурятское слово *аба* имеет еще значение «отец». Аналогично воспринимали паука в культурах некоторых других народов: у калмыков его называли «дядюшкой» [Там же], у тунгусо-маньчжурских групп – «бабушкой» [Бурыкин, 1985, с. 37].

Укажем, что ни с червем, ни с пауком не связана ритуальная практика бурят. Итак, рассмотренный материал показывает, что в бурятской традиции образы паука и червя наделялись амбивалентностью. В представлениях о них обнаруживаются общие моменты: они ассоциируются с образом врага, болезнью, имеют демоническое начало; с ними связывается оборотничество нечистой силы. Но были и отличительные особенности. Считалось, что червь имеет хтоническое происхождение, символизирует некоторые человеческие пороки (сладострастие, жадность), его уподобляют домашнему скоту. Паук воспринимался как медиатор между небом и землей;

у бурят было почтительное отношение к нему (запрет на его убийство), вероятно, возводимое к неким «родственным» узам человека с ним.

Можно также констатировать, что некоторые традиционные представления бурят о пауке и черве обнаруживают параллели с воззрениями тюрко-монгольских народов (прежде всего калмыков), что указывает на имевшие место в прошлом этнокультурные контакты между их предками.

Список литературы

Бадмаев А.А. Образы основных животных водно-подземного мира в традиционной бурятской культуре // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 94–99.

Басангова Т.Г. Паук в фольклорной традиции калмыков // Вестн. КИГИ РАН. – 2016. – Т. 24, № 2. – С. 154–159.

Бертагаев Т.А. Об устойчивых фразеологических выражениях (на материалах современного бурят-монгольского языка) // Сб. тр. по филологии. – Улан-Удэ: Бурмонгиз, 1949. – С. 64–119.

Бурыкин А.А. К реконструкции мифологических представлений о пауке-прародителе у тунгусо-маньчжуров и других народов Северо-Востока Азии по лингвистическим, фольклорным и этнографическим данным // Формирование культурных традиций тунгусо-маньчжурских народов. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 1985. – С. 37–51.

Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь / сост. К.М. Черемисов, Л.Д. Шагдаров: в 2 т. – Улан-Удэ: Республ. тип., 2010. – Т. I. А–Н. – 636 с.; т. II. О–Я. – 708 с.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции): автореф. дис…. д-ра ист. наук. – СПб., 2007. – 46 с.

Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. – М.: Индрик, 1997. – 912 с.

Джангар. Героический эпос калмыцкого народа. – М.: Вост. лит., 1960. – 362 с.

Рассадин В.И. Легенды, сказки и песни седого Саяна. – Иркутск, 1996. – 249 с.

Сказания бурят, записанные разными собирателями // Зап. ВСОИРГО. – 1890. – Т. 1, вып. 2. – 160 с.

Сказки бурят Монголии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. – 122 с.

Смолев Я.С. Бурятские легенды и сказки // Тр. КОПОИРГО. – 1903. – Т. VI, вып. II. – С. 61–85.

Фольклор Курумчинской долины. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. – 136 с.

Хангалов М.Н. Собр. соч. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – Т. 2. – 444 с.; 1960. – Т. 3. – 421 с.

References

Badmaev A.A. Obrazy osnovnykh zhivotnykh vodno-podzemnogo mira v traditsionnoi buryatskoi kul'ture. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 4, pp. 94–99 (in Russ.).

Basangova T.G. Pauk v fol'klornoi traditsii kalmykov. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences*, 2016, vol. 24, No. 2, pp. 154–159 (in Russ.).

Bertagaev T.A. Ob ustoichivykh frazeologicheskikh vyrazheniyakh (na materialakh sovremennogo buryat-mongol'skogo yazyka). In *Sbornik trudov po filologii*. Ulan-Ude: Buryad-mongol'skoe kn. izd-vo, 1949, pp. 64–119 (in Russ.).

Buryaad-orod toli. Buryatsko-russkii slovar' in 2 vol. / sostaviteli K.M. Cheremisov, L.D. Shagdarov. Ulan-Ude: Respublikanskaya tipografiya, 2010, vol. I. A–N, 636 p.; vol. II. O–Ya, 708 p. (in Buryat., Russ.).

Burykin A.A. K rekonstruktsii mifologicheskikh predstavlenii o pauke-praroditele u tunguso-man'chzhurov i drugikh narodov Severo-Vostoka Azii po lingvisticheskim, fol'klornym i etnograficheskim dannym. In *Formirovanie kul'turnykh traditsii tunguso-man'chzhurskikh narodov*. Novosibirsk: SB RAS Publ., 1985, pp. 37–51 (in Russ.).

Dzhangar. Geroicheskii epos kalmytskogo naroda. Moscow: Vostochnaya literatura, 1960, 362 p. (in Russ.).

Fol'klor Kurumchinskoi doliny. Ulan-Ude: BSS SB RAS Publ., 1999, 136 p. (in Russ.).

Gura A.V. Simvolika zhivotnykh v slavyanskoi narodnoi traditsii. Moscow: Indrik, 1997, 912 p. (in Russ.).

Khangalov M.N. Sobranie sochinenii. Ulan-Ude: Buryatskoe kn. izd-vo, 1959, vol. 2, 444 p.; 1960, vol. 3, 421 p. (in Russ.).

Rassadin V.I. Legendy, skazki i pesni sedogo Sayana. Irkutsk, 1996, 249 p. (in Russ.).

Skazaniya buryat, zapisannye raznymi sobiratelyami. *Zapiski Vostochno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1890, vol. 1, iss. 2, 160 p. (in Russ.).

Skazki buryat Mongolii. Ulan-Ude: Buryat Science Center SB RAS Publ., 1997, 122 p. (in Russ.).

Smolev Ya.S. Buryatskie legendy i skazki. *Trudy Troitskosavsko-Kyakhtinskogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*, 1903, vol. VI, iss. II, pp. 61–85 (in Russ.).

Vinokurova I.Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii): doct. sc. (history) dissertation abstract. St. Petersburg, 2007, 46 p. (in Russ.).

Бадмаев А.А. https://orcid.org/0000-0002-9525-4366

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.676-681
УДК 397+398

В.А. Бурнаков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Кошка в верованиях и обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века)

Работа выполнена на основе анализа фольклорно-этнографических источников. Автор вводит в научный оборот ранее неизвестные архивные этнографические материалы. Хронологические рамки исследования охватывают конец XIX – середину XX в. Используются историко-этнографические методы семантического анализа и реликта. Обнаружена значимая роль образа кошки в обрядности во время заселения нового дома и первого положения ребенка в колыбель. Выявлены этические нормы взаимодействия людей с кошкой, в т.ч. касающиеся соответствующих правил для беременных женщин. Определены место и роль обозначенного животного в шаманских практиках. Анализ характерных черт биологического поведения этого зверька позволил выявить механизм символизации его образа в религиозно-мифологическом сознании хакасов. Автор приходит к следующим выводам: 1) в культуре рассматриваемого народа большое значение придавалось кошке и ее образу; 2) это животное попало к хакасам от русских; 3) вместе с кошкой из народного христианства в хакасскую среду проникли апокрифические повествования о ней; 4) на формирование характерных черт мифологического образа этого домашнего питомца повлияла сама ее биологическая природа, поведение и образ жизни; 5) в религиозно-мифологических представлениях хакасов образ кошки неразрывно связан с потусторонним миром. Глубокая убежденность в этом способствовала тому, что в сознании народа это домашнее животное наделялось амбивалентными характеристиками, в связи с чем в устном народном творчестве хакасов обнаруживаются как положительные, так и отрицательные оценки его образа.

Ключевые слова: *хакасы, традиционные верования, шаманизм, обряд, образ, символ, кошка.*

Venariy A. Burnakov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

Cats in the Khakas Beliefs and Rituals (Late 19th – Mid 20th Century)

This study covers the late 19th – mid 20th century, analyzing a wide range of folklore and ethnographic sources, and presenting previously unpublished archival ethnographic evidence on the subject. Historical and ethnographic methods of semantic analysis and relict method were used. An important role of the cat in the rituals associated with moving into a new house and first placement of the child into the cradle has been established. Ethical norms of interaction between people and cats, including the norms related to pregnant women, as well as place and role of cats in shamanistic practices have been identified. The analysis of typical features of cats' biological behavior has made it possible to uncover the mechanism of symbolization of cat's image in religious and mythological consciousness of the Khakas people. The author comes to the conclusion that: 1) in the culture of the Khakas people, cat and its image played an important role; 2) cats came to the Khakas people from the Russians; 3) apocryphal narrations about cats entered the Khakas environment together with the image of cats from popular Christianity; 4) biological nature, behavior, and lifestyle of cats influenced the emergence of typical features of the mythological image of the cat, and 5) image of the cat was inextricably linked with the other world in religious and mythological beliefs of the Khakas people thus contributing to ambivalent features of this animal in the minds of the people and both positive and negative assessments of cat's image in their oral folklore.

Keywords: *Khakas people, traditional beliefs, shamanism, ritual, image, symbol, cat.*

В мировоззрении хакасов важное место занимают представления о домашних животных. Со многими из них были связаны различные поверья и приметы. Некоторые были включены в ритуальную сферу, а их образы запечатлены в фольклоре. В круг домашних питомцев у хакасов входила и кошка. Она появилась в их быту сравнительно поздно, в результате этнокультурного взаимодействия с русским народом.

Из истории известно, что активное заселение славянским населением Южной Сибири началось с XVII в. и продолжилось вплоть до XX столетия. Оно было связано с присоединением этой территории к России и ее дальнейшим освоением [Очерки…, 2008, с. 247–467]. В результате глобальных социокультурных изменений хакасы окончательно перешли к оседлому образу жизни. Это способствовало определенным изменениям в системе жизнеобеспечения народа. В обозначенный период осуществляется христианизация хакасов. Вероятно, именно с этого времени у хакасов появляется кошка. Добавим и то, что само хакасское название этого животного в различных его вариантах: *хоосха*, *кыска*, *кӱска*, несомненно, происходит от русского слова «кошка». А такое ее наименование, как *пырыс*, восходит к распространенному окрику «брысь» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 413].

В культуре хакасов воззрения о кошке складывались под влиянием устоявшихся религиозно-мифологических воззрений русского народа об этом зверьке, в т.ч. народного православия. В частности, большое влияние на формирование образа кошки в сознании как русского, так и хакасского народов оказали апокрифические повествования. Помимо этого, представления хакасов об этом животном вырабатывались и в процессе собственных эмпирических наблюдений за ним и через призму собственной культуры. В результате чего в их мировоззрении указанное животное наделялось сложной и неоднозначной характеристикой. В ее образе выявляются как положительные, так и отрицательные черты. Начнем с положительных.

В устном народном творчестве хакасов кошка часто встречается в паре с другими представителями животного мира – с собакой или мышью. Причем в указанных обстоятельствах она, как правило, воспринимается в исключительно положительной коннотации. Кошка считается животным, благословленным высшей силой, что четко выделяет ее среди остальных фольклорных персонажей. Так, в мифе о происхождении человека кошка, в отличие от собаки, проявила себя с наилучшей стороны. Она сказалась более достойной и надежной защитницей человека от нечистой силы. Согласно повествованию: «Айна [черт] не смог навредить человеку, потому что в доме находился кот. Он был хитрее собаки, не поддался ни на какие уловки айна и прогнал его из дома. С тех пор человек с удовольствием гладит кошку, а собаку гладить не любит, считая, что у нее чертова шкура» [Бурнаков, 2006, с. 137]. В другом варианте этого мифа владыка подземного мира Эрлик хан все же сумел приблизиться к человеку и осквернил его – оплевал. Кошка, обнаружив это злодеяние, попыталась очистить хозяина и стала слизывать нечистоты. С тех пор, как констатируется в фольклоре, среди хакасов принято считать, что у нее рот грязный, а шерсть чистая, поэтому ее можно гладить [Бутанаев, 2003, с. 111]. Поэтому в мифологическом сознании народа комфортная жизнь кошки, в сравнении с собачьей, объяснялась ее наибольшими заслугами как перед человеком, так и перед высшей силой. В народном творчестве повествуется о том, что это обстоятельство якобы спровоцировало зависть у собаки и в дальнейшем привело к конфликту между ними. Они навечно стали непримиримыми врагами. Столь глубокое противостояние этих животных нашло отражение в известной поговорке, характеризующей ситуацию постоянно конфликтующих сторон: *Адайның хоосха осхастар* – «[Они живут], как кошка с собакой» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 847].

Следует заметить, что рассмотренные мифологические сюжеты о противопоставлении кошки и собаки известны многим народам, в т.ч. и русским. Они, возможно, своими корнями восходят к соответствующим псевдобиблейским легендам народного православия [Афанасьев, 1859, с. 48–53].

Наряду с этим в фольклоре встречается и другой вариант объяснения причины «осквернённости» кошачьей пасти и «чистоты» ее шерсти. Он также имеет отношение к мифологическому сюжету, повествующему о борьбе кошки с нечистой силой. При этом само толкование данного представления излагается уже в другом контексте. Своеобразная интерпретация этой темы обнаруживается в апокрифическом варианте мифа о всемирном потопе, вероятно, заимствованного от русских из народного православия [Голубкова, 2009, с. 189–190]. Отметим, что в указанном произведении кошка выступает в оппозиции уже не к собаке, а к мыши. Согласно мифу, в период глобального наводнения дьявол перевоплотился в мышь и стал грызть корабль, чтобы потопить праведника с его женой и всеми земными животными. Кошка же в силу своей проницательности не позволила осуществить задуманное злодеяние. Она вовремя поймала и съела грызуна. В финале повествования констатируется, что «Бог после этого заповедал кошке иметь веселую (приятную) жизнь. Поэтому говорят: “Рот кошки – поганый, а шерсть чистая!”» [Катанов, 1907, с. 274–276].

В представлениях хакасов кошка наделена мощной апотропеистической силой. Ей приписывалась способность отвращать от дома и его обитателей всевозможные несчастья и беды. До сих пор среди хакасов бытует обычай, воспринятый из русской культуры: при заселении в новый дом первой впускать в него кошку. Согласно выводам А.К. Байбурина, в обряде перехода в новый дом кошке приписывались защитная и очистительная функции. Изначально это пространство воспринималось как необжитое и таящее в себе различные опасности. По мнению исследователя, в этом ритуале обнаруживаются и мифологические корни, прежде всего, мифологический прецедент заселения мира живыми существами в установленной последовательности: сначала животные, а потом люди [1983, с. 104–105].

Соответствующие семантические аналогии выявляются у хакасов и в обряде положения ребенка в колыбель. В нем также акцентированы защитные функции кошки. Хакасы были убеждены, что своей сакральной силой она могла нейтрализовать потенциальную угрозу для младенца в новом для него пространстве. Ритуал состоял в следующем. Прежде чем поместить новорожденного в люльку, ее благословляли и окуривали дымом чабреца или можжевельника. Затем клали в нее щенка или кошку. И только по завершении всех этих обрядовых действий помещали туда самого младенца. Так, со слов хакасских стариков: «кладут ребенка в зыбку только на новый месяц. Сначала кладут кошку, а уже потом ребенка» (АМАЭС ТГУ. № 681-1. Л. 7).

Глубокая вера в мистические возможности кошки способствовала формированию в народе корректного к ней отношения. Вследствие отсутствия агрессивности по отношению к человеку она стала одним из излюбленных объектов для детских игр (см. *рисунок*). Ее, как и других домашних животных, запрещалось держать впроголодь, а тем более за ненадобностью выбрасывать на улицу. Отметим, что у хакасов живодерство во всех своих проявлениях имело общественное порицание и строго осуждалось. Полагали, что кошка наряду с другими представителями фауны обладает *чула* – душой (АМАЭС ТГУ. № 818-1. Л. 16). В.Я. Бутанаев, рассматривая данный вопрос, делает следующее уточнение: жизненную субстанцию загубленных животных, как и невинно убиенных детей, хакасы обозначали специальным термином – «*аан*» [2003, с. 88]. Верили, что после мучительной гибели животного его душа обязательно проклянет своих обидчиков и жестоко им отомстит. Пожилые хакасы по этому поводу сообщали: «У нас, у хакасов, такое поверье. Кошку лучше убить, чем выбросить ее где-нибудь. Если убьешь – один грех, а если брошенная кошка будет жить и мучиться, то [ее] хозяину выпадут те же мученья в жизни» (АМАЭС ТГУ. № 677-13. Л. 15).

Картина В.В. Калинина (1911–1942) «Хакасские девочки» (1937).

Строгое соблюдение этой нормы предписывалось женщинам, находящимся в состоянии беременности. Им категорически запрещалось причинять какой-либо вред или проявлять неуважение к кошке, как, собственно, и к каждому домашнему животному. Полагали, что любые неблаговидные действия в отношении этого зверька неизбежно повлекут за собой болезнь или физические изъяны у будущего ребенка. Кроме того, имелись и иные предписания. По сведениям В.Я. Бутанаева: «Беременной запрещалось есть одной. Если она вынуждена садиться за стол одна, то обязана была вместе с собой покормить собаку или кошку» [2011, с. 93].

Общеизвестной является вера людей в исцеляющую силу кошки. Счи-

тается, что она хорошо чувствует болезни человека и может их излечить. Не стали исключением и хакасы. Подобные воззрения возникли в результате длительного наблюдения за ней и получили осмысление сквозь призму собственных ментальных установок. Основанием для веры в целительные возможности кошки послужила ее распространенное биологическое поведение. Оно проявляется в том, что порой этот зверек в течение длительного времени мягко и осторожно топчется на определенных местах человеческого тела. При этом кошка слегка массирует его коготками и монотонно мурчит. Полагали, что таким образом животное лечит – *хамнапча* (шаманит) и вбирает в себя болезнь человека. В мифологическом сознании хакасов данное поведение в какой-то мере сближает ее образ с шаманом. Помимо этого, кошка до сих пор воспринимается в качестве одного из самых распространенных домашних предсказателей изменений погоды. Как известно, гадательные функции в хакасском обществе также входили в прерогативу шаманов. Отметим, что убеждение в прогностических способностях кошки является универсальным и широко известно всем тем, кто держит в своем доме этого зверька, а в представлениях хакасов эта реалия воспринималась в рамках их этнической специфики. В мировосприятии этого народа многие животные и птицы наделялись шаманскими чертами. Все они характеризовались как существа, тонко чувствующие окружающий их природный мир. К числу таких животных относили и кошку. Полагали, что если она спит на спине, раскинув лапки по сторонам, то это предвещает теплую и ясную погоду. Если животное сворачивается клубком и укрывает нос хвостом или лапами, то это указывает на приближающиеся холода. Образ этого домашнего питомца, характеризующий его как теплолюбивого животного, нашел отражение в следующей загадке: «Если мороз, то на улицу не выходит; выходит тогда, когда настанет тепло (кошка)» [Катанов, 1907, с. 287].

В представлениях хакасов, как уже отмечалось, кошка имеет тесную связь с потусторонним миром. В традиционном сознании она являлась существом, находящимся в состоянии постоянного контакта с нижней сферой мироздания. Подобные воззрения, очевидно, основывались на факте того, что кошка часто осуществляет свою биологическую деятельность в соответствующем пространстве – в подполье, подвале, расщелинах, возле нор грызунов и т.д. Хорошо известна ее поведенческая особенность в процессе охоты либо большой опасности всегда прижиматься низко к земле, тем самым кошка как бы хочет слиться с землей. Соответствующие ассоциации, например, нашли отражение в загадке: «Если ляжет, то ниже кошки; если станет, то выше лошади (дуга)» [Там же, с. 370]. Своеобразная близость к земле в мифологическом мышлении способствовала наделению ее хтоническими признаками. Тенденция к отождествлению образа кошки с «низом» находит свое выражение в метафорической конструкции, связанной с анатомией человеческого тела. Этот зверек устойчиво соотносится с нижней частью – ногами и пр. Так, в одной из хакасских загадок представлена следующая символизация этого образа: «Внутри большого дома – маленький дом, внутри маленького дома – котенок (обувь, портянки, нога)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 334].

Итак, в традиционном сознании хакасов кошка считалась существом, постоянно мистически переходящим из мира людей в мир потусторонний. Верили, что она обладает умением в мгновенье ока исчезать из виду и появляться в неожиданных местах из ниоткуда. Реликты воззрения о ней как о животном, находящемся в процессе ритуального, кругового движения, очевидно, представлены в таких загадках, как: «Вокруг юрты побежала белая кошка (белая веревка, окружающая юрту)», «Вокруг меня бежит черная кошка (кайма шубы)» [Катанов, 1907, с. 243, 370].

Из зоологии известно, что наибольшую активность, в частности связанную с добыванием пищи, указанное животное проявляет ночью [Брем, 2010]. Полагали, что именно в темное время суток кошка чаще совершает мистическое путешествие между мирами людей и духов. В религиозно-мифологическом сознании данная реалия способствовала несколько настороженному и даже опасливому отношению к ней. В этой связи И.Ю. Винокурова совершенно точно замечает, что «одна из причин такой негативной позиции кроется в биологических особенностях кошки, прежде всего, – в ее ночном, скрытном времяпрепровождении» [2006, с. 341]. Великолепная способность этого зверька видеть в темноте, острое зрение и блеск глаз придавали его образу ореол таинственности. Более того, зрительный аппарат кошки нередко становится ее основным маркирующим признаком. Подобные ассоциации обнаруживаются в следующих загадках: «Имеет глаза величиной с луну (кошка)» [Катанов, 1907, с. 286]; «В ближнем месте – бриллиант, в дальнем месте янтарь (глаза кошки и волка)» [Бутанаев, Бутанаева, 2008, с. 323]. Про остроглазого человека, хорошо ориентирующегося в темноте, хакасы говорят *хоосха харахтыг* – букв. «с кошачьим глазом» [Хакасско-русский словарь, 2006, с. 847].

Представление о кошке как о вечном страннике между мирами привело к тому, что некоторы-

ми хакасскими шаманами она была взята в оборот. При этом указанное животное нередко использовалось ими в качестве *möc'a* – духа-помощника. В этой связи уместным является привести воспоминания окружного минусинского начальника Н.А. Кострова о камлании хакасского шамана. Исследователь дал краткое описание и самой сцены призывания шаманских духов. Среди них был и кошачий *möc*: «Дверь зимника отворилась снова и послышался визг кошки. Это явился другой айна [дух] – айна-кошка. Последовала такая же сцена, как с собакой; старик великолепно мяукал по-кошачьи и скоро сошелся с духом» [Костров, 1884, с. 244]. Мифологический мотив превращения кошки в человека и наоборот, по мнению В.Н. Топорова, свидетельствует о «неуловимости границ между кошачьим и человеческим» [1988, с. 11]. Данная мысль в полной мере приложима и к сфере шаманизма.

В религиозно-мифологических воззрениях хакасов кошка нередко выступает еще и в качестве воплощения вредоносного духа. В одной из шаманских молитв, направленных на изгнание подобных сущностей, приводятся такие слова: «*Орты харада пырчын пырысха чӱленмеӈер, пырыс полып чӧрбеӈер*!» – «В полночь не обряжайтесь в голубых кошек, подобно кошке не мяукайте!» [Бутанаев, 2003, с. 210]. Представление о кошке как о нечистой силе нашло отражение в приметах сна у хакасов: «Увидеть кошку, значить придет дьявол» [Катанов, 1907, с. 463]; «Кошка во сне – к плохому» [Бурнаков, 2006, с. 178]. Убежденность в том, что магическая сила кошки при определенных обстоятельствах могла оказать негативное влияние на людей, встречалась среди телеутов. Так, «после камланья огню белой овцой в течение года не впускали кошку в дом» [Дыренкова, 1927, с. 69]. В прошлом алтайские бурханисты, относясь к кошке как чужеродному элементу, вообще проявляли радикализм. Так, А.В. Анохин в статье «Бурханизм в Западном Алтае» сообщает о соответствующем их призыве: «Убейте всех кошек и никогда впредь не пускайте их в свои юрты» [1927, с. 164].

Независимый и своенравный характер кошки, ее некоторая отчужденность, вероятно, способствовали тому, что и в самом мире духов отношение к ней было неоднозначным. Согласно верованиям хакасов, духи-хозяева местности не испытывали особых симпатий к этому животному. Об этом, например, может свидетельствовать следующая быличка: «Везде, в каждом месте есть хозяин. Вот мне бабушка Мухина (русская) рассказывала. Шла [она] из деревни пешком в Костино (кажется, из Черемшино) и несла домой котеночка. Шла по лесу, по горе Кара таг. Присела на двор сходить [справить нужду], а котенка рядом поставила. А котенок взял, да и прыгнул на березу. Забрался на самую верхушку. Бабушка зовет его, зовет, а он не спускается. Залезть самой на эту березу тоже невозможно, потому что она гладкая и прямая. Пошла она домой без котенка. Уже недалеко было до Костино. Вдруг рядом с ней молодой парень оказался. Высокий черноволосый, черноглазый. Спрашивает меня: “Что, Михайловна, домой идешь?”. Я говорю: “Да, иду”. Идем с ним разговариваем. А я его до этого нигде не видела. Потом чувствую, что мне трудно идти. Как будто что-то в сапог попало. Я села. Сапог сняла. Щепку оттуда достала. Оглядываюсь, а парня уже не видно, только голос [его] уже издалека слышно. Он смеется и говорит: “Хорошо, Михайловна, что ты сапог снять догадалась, а то я поводил бы тебя по лесу, будешь [знать, как] кошек оставлять, где попало. Мы кошек не любим”. С тех пор бабка не может по лесу ходить. В любом лесу заблудится. Голова у нее кругом идет» (Анастасия Митрофановна Чарочкина, д. Костино) (АМАЭС ТГУ. № 677-13. Л. 14].

В культуре хакасов мясо кошки, как и некоторых других животных, никогда не употреблялось в пищу. Оно считалось вредоносным и само по себе воспринималось как большая скверна. Подтверждение тому находим в наблюдениях некоторых исследователей XIX в. Согласно их сведениям, у хакасов «несъедобным считается мясо: собаки, кошки, волка, рыси, лисицы, суслика, мыши и крысы; по отзыву инородцев все это “погань”; если собака, кошка, мышь или крыса попадут случайно в посуду с каким-нибудь кушаньем, то все выбрасывается вон» [Кузнецова, Кулаков, 1898, с. 192].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что появление кошки в культуре хакасов явилось следствием их межэтнического и социокультурного взаимодействия с русским народом, осуществлявшимся в период с XVII до XX столетия. Вместе с указанным домашним животным из народного православия к хакасам пришли устоявшиеся апокрифические легенды и иные повествования о нем. Наряду с этим на формирование представлений хакасов об этом домашнем питомце большое влияние оказали и собственные наблюдения за ним и его биологическим поведением. При этом его восприятие осуществлялось в рамках их традиционного мировоззрения. Кошка была включена в обрядность хакасов, связанную с жилищем и детским циклом. Отдельные ее элементы были заимствованы из русской культуры и адаптированы к хакасской традиции. В религиозно-мифологическом сознании народа этот зверек воспринимался в качестве существа, имеющего непосредственную связь с инобытием. Данное обстоятельство спо-

собствовало тому, что хакасы наделяли его как положительными, так и отрицательными характеристиками. В традиционном сознании народа образ кошки обладал многими чертами шамана, в т.ч. магической, целительской и прогностической силой. Более того, некоторыми шаманами это животное использовалось в качестве *möc'a* – духа-помощника и применялось в ритуальной практике. Все это может свидетельствовать о том, что кошка, будучи изначально чужеродным элементом, постепенно интегрировалась в культуру хакасов и стала ее составной частью.

Список литературы

Анохин А.В. Бурханизм в Западном Алтае // Сибирские огни. – 1927. – № 5. – С. 162–167.

Афанасьев А.Н. Народные русские легенды, собранные А.Н. Афанасьевым. – Лондон: [Б. и.], 1859. – 205 с.

Байбурин А.К. Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. – Л.: Наука, 1983. – 190 с.

Брем А. Жизнь животных. – М.: Эксмо, 2010. – 960 с.

Бурнаков В.А. Духи среднего мира в традиционном мировоззрении хакасов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2006. – 197 с.

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.

Бутанаев В.Я. Особенности культуры и быта тюрков Саяно-Алтая. – Астана: Кантана Пресс, 2011. – 440 с.

Бутанаев В.Я., Бутанаева И.И. Мир хонгорского фольклора. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 376 с.

Винокурова И.Ю. Животные в традиционном мировоззрении вепсов (опыт реконструкции). – Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2006. – 448 с.

Голубкова О.В. Душа и природа: Этнокультурные традиции славян и финно-угров. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2009. – 304 с.

Дыренкова Н.П. Культ огня у алтайцев и телеут // Сб. МАЭ РАН. – Л., 1927. – Т. VI. – С. 63–78.

Катанов Н.Ф. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов // Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В.В. Радловым. – СПб.: Тип. Импер. Акад. наук, 1907. – Т. 9. – 640 с.

Костров Н.А. Очерки быта минусинских татар // Тр. четвертого археол. съезда в России, бывшего в Казани с 31 июля по 18 августа 1877 г. – Казань: Тип. Импер. ун-та, 1884. – Т. 1. – С. 208–248.

Кузнецова А.А., Кулаков П.Е. Минусинские и ачинские инородцы. – Красноярск: Тип. Енис. губ. упр., 1898. – 298 с.

Очерки истории Хакасии (с древнейших времен до современности). – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2008. – 672 с.

Топоров В.Н. Кот, кошка // Мифы народов мира. – М.: Сов. энцикл., 1988. – Т. II. – С. 11.

Хакасско-русский словарь. – Новосибирск: Наука, 2006. – 1114 с.

References

Afanas'ev A.N. Narodnye russkie legendy, sobrannye A.N. Afanas'evym. London, 1859, 205 p. (in Russ.).

Anokhin A.V. Burkhanizm v Zapadnom Altae. *Sibirskie ogni*, 1927, vol. 5, pp. 162–167 (in Russ.).

Baiburin A.K. Zhilishche v obryadakh i predstavleniyakh vostochnykh slavyan. Leningrad: Nauka Publ., 1983, 190 p. (in Russ.).

Brem A. Zhizn' zhivotnykh. Moscow: Exmo Publ., 2010, 960 p. (in Russ.).

Burnakov V.A. Dukhi Srednego mira v traditsionnom mirovozzrenii khakasov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2006, 197 p. (in Russ).

Butanaev V.Ya. Burkhanizm Tyurkov Sayano-Altaya. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2003, 260 p. (in Russ.).

Butanaev V.Ya. Osobennosti kul'tury i byta tyurkov Sayano-Altaya. Astana: Kantana Press Publ., 2011, 440 p. (in Russ.).

Butanaev V.Ya., Butanaeva I.I. Mir khongorskogo (khakasskogo) fol'klora. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2008, 376 p. (in Russ., in Khakass).

Dyrenkova N.P. Kul't ognya u altaitsev i teleutov. Sbornik Muzeya antropologii i etnografii. Leningrad, 1927, vol. 6, pp. 63–78 (in Russ.).

Golubkova O.V. Dusha i priroda: Etnokul'turnye traditsii slavyan i finno-ugrov. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2009, 304 p. (in Russ.).

Katanov N.F. Narechiya uryankhaitsev (soiotov), abakanskikh tatar i karagasov. In *Obraztsy narodnoi literatury tyrkskikh plemen, izdannye V.V. Radlovym*. St. Petersburg: Imper. Acad. of Sciences Publ., vol. 9, 1907, 640 p. (in Russ.).

Khakassko-russkii slovar'. Novosibirsk: Nauka Publ., 2006, 1114 p. (in Khakass, in Russ.).

Kostrov N.A. Ocherki byta minusinskikh tatar. *Trudy chetvertogo arkheologicheskogo s'ezda v Rossii, byvshego v Kazani s 31 iyulya po 18 avgusta 1877 goda*. Kazan: Imper. Univ. Publ., 1884, vol. 1, pp. 208–248 (in Russ.).

Kuznetsova A.A., Kulakov P.E. Minusinskie i achinskie inorodtsy. Krasnoyarsk: Yenisei Province Control Publ., 1898, 298 p. (in Russ.).

Toporov V.N. Kot, koshka. Mify narodov mira. Moscow: Soviet encyclopedia Publ., 1988, vol. 2, p. 11 (in Russ.).

Vinokurova I.Yu. Zhivotnye v traditsionnom mirovozzrenii vepsov (opyt rekonstruktsii). Petrozavodsk: Petrozavodsk State Univ. Press, 2006, 448 p. (in Russ.).

Бурнаков В.А. https://orcid.org/0000-0001-9636-3081

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.682-686
УДК 397+398

В.А. Бурнаков[1], А.А. Бурнаков[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Хакасский научно-исследовательский институт
языка, литературы и истории
Абакан, Россия
E-mail: venariy@ngs.ru

Көл тайыг – жертвоприношение духу-хозяину озера у северных хакасов – кызыльцев (конец XIX – середина XX века)

Феномен жертвоприношений духам-хозяевам природных объектов и стихий, в частности водному духу – көл ээзі, актуален в плане изучения традиционного мировоззрения хакасов. В исследовании на примере этнической группы хакасов – кызыльцев, проживающей в северной части Хакасии, охарактеризован мифо-ритуальный комплекс, связанный с почитанием духа-хозяина озера – көл тайыг. Основной источниковой базой для исследования стали как опубликованные, так неопубликованные этнографические материалы. В научный оборот вводятся архивные этнографические сведения, касающиеся обозначенной темы, собранные в 1950–1970-х гг. Ю.А. Шибаевой и М.С. Усмановой, а также другими исследователями из Томского государственного университета. В мировоззрении хакасов, в т.ч. и кызыльцев, водная стихия и ее конкретное религиозно-мифологическое воплощение – водный хозяин – занимали одно из ключевых мест. Это было обусловлено самим природным ландшафтом той территории, на которой они проживают. На ней имеются разнообразные водные объекты – ручьи, реки, озера и пр. Воззрения о воде тесно связаны с повседневным бытом и хозяйственной деятельностью народа. В мировидении народа связь между человеком и природой выходит за рамки лишь рационального взаимодействия. Согласно традиционным воззрениям, люди были убеждены в мистическом влиянии водных источников на жизнь и благополучие. Одним из способов поддержания устойчивых гармоничных взаимоотношений между ними выступал обряд жертвоприношения. Оно проводилось на регулярной основе и имело коллективный характер со строго заданной структурой, включающей в себя руководителя и иных непосредственных участников, а также саму жертву, и совершалось при строгой последовательности ритуальных действий. Обрядность ограничивалась конкретными временными и пространственными параметрами.

Ключевые слова: *традиционное мировоззрение хакасов, кызыльцы, обряд, жертвоприношение, вода, көл тайыг, шаман, образ, символ.*

Venariy A. Burnakov[1], Artas A. Burnakov[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Khakass Research Institute of Language, Literature and History,
Abakan, Russia
E-mail: venariy@ngs.ru

Kol Taiyg – Sacrifice to the Master Spirit of the Lake Among the Northern *Kyzyl* Khakas People (Late 19th – Mid 20th Century)

The article analyzes the phenomenon of sacrifice to master spirits of natural objects and elements, in particular to the water spirit – kol eezi, important for studying the traditional worldview of the Khakas people. Using the example of the Kyzyl ethnic group of the Khakas people, which lives in the northern part of Khakassia, the mythological and ritual complex associated with reverence for the master spirit of the lake – kol taiyg – is described. Both published and unpublished ethnographic materials were used as the main sources for the study, including the unpublished archival ethnographic evidence on the subject, collected in the 1950–1970s by Y.A. Shibaeva, M.S. Usmanova, and other scholars from Tomsk

State University. It has been established that water element and its specific religious and mythological embodiment – the water master – played one of the key roles in the worldview of the Khakas people, including the Kyzyl group. This was caused by the natural landscape of the territory where they live with abundant water bodies – streams, rivers, lakes, etc. The Khakas beliefs about water are closely related to everyday life and economic activities of the people. In the traditional worldview, relationship between humans and nature transcends merely rational interaction. People believe in mystical influence of water sources on their lives and well-being. Ritual sacrifice was one of the ways to maintain stable harmonious relationship; it was performed regularly and had a collective nature with strictly defined structure, including the leader, other direct participants, and sacrifice as well as sequence of ritual actions confined by specific temporal and spatial parameters.

Keywords: *traditional worldview of the Khakas people, Kyzyl Khakas people, ritual, sacrifice, water, kol taiyg, shaman, image, symbol.*

В традиционной культуре многих народов одними из наиболее значимых были обряды жертвоприношений всевозможным сверхъестественным силам – божествам, духам и пр. У хакасов наибольшее распространение получили жертвенные подношения духам-хозяевам природных стихий и объектов, а также всевозможным духам-покровителям и охранителям. Более того, соответствующая обрядность явилась краеугольной культовой практикой традиционного хакасского общества. Основу указанных сакральных действ составляли ментальные установки, направленные на формирование договорных, дарообменных форм взаимодействия между человеком и окружающим миром с его невидимыми обитателями. В мировоззрении существовала устойчивая вера, что в зависимости от того, как будут выстроены отношения с миром духов и божеств, будет полностью определена судьба не только одного человека и его семьи, но и всего родового коллектива и в целом – этнической общности, проживающей в данной местности. У хакасов среди обозначенных ритуалов одно из важных мест занимал *суғ тайығ/тайии* – жертвоприношение воде/духу-хозяину воды – *суғ ээзі*. Следует заметить, что обозначенная акция не ограничивалась лишь одними обрядовыми действиями. Помимо этого, она обязательно включала в себя праздничный пир, песенные и спортивные состязания, игрища и т.д. Поэтому *суғ тайығ* в полном смысле этого слова был праздником, связанным с почитанием водной стихии.

В историко-этнографической литературе сведения о *суғ тайығ* у хакасов представлены лишь на материалах двух этнических групп – качинцев (*хаастар*) и кызыльцев (*хызыллар*). В данной статье мы рассмотрим такую разновидность обрядовой практики в отношении водных объектов, как *көл тайығ* – жертвоприношение духу-хозяину озера у северных хакасов – кызыльцев. Соответствующий выбор обусловлен тем, что проблема жертвоприношений духу-хозяину воды, в частности озерному духу, у обозначенной этнической группы, как и в целом у хакасов, в этнографии все еще остается практически неизученной, сохранилось мало достоверных сведений по рассматриваемой теме. Среди них следует упомянуть отрывочные сообщения, встречаемые в полевых материалах Ю.А. Шибаевой [1951], и небольшую статью М.С. Усмановой [1976], подготовленную на материалах собственных полевых этнографических исследований. Обратим внимание на то, что значительная часть собранных материалов не была введена в научный оборот. Среди ученых, касавшихся указанной проблемы, необходимо отметить В.Я. Бутанаева. Ученый в своем труде «Бурханизм тюрков Саяно-Алтая» [2003, с. 187–189] обобщил и структурировал обширные сведения по традиционным верованиям и обрядности хакасов. В указанном исследовании имеется упоминание о специфичности проведения *суғ тайығ* у северных хакасов. Кроме того, в процессе исследования автор выявил и опубликовал список почитаемых ими водных объектов. Вместе с тем, заметим, что непосредственно сама обрядность этого народа с конкретным выделением в ней особенных черт и локальных отличий все же не была рассмотрена.

Северная территория Минусинской котловины изобилует водными объектами – реками, ручьями и озерами. Многие из них были включены не только в хозяйственную, но и в сакральную сферу северных хакасов – кызыльцев. Пожалуй, самым известным из озер является *Тиғір көл* – «Небесное/Божье озеро». Сведения о нем неоднократно встречаются в историко-этнографической литературе. В XVII в. близ этого озера находились кочевья енисейских кыргызов из Алтысарского княжества [История…, 1993, с. 136]. Первое научное сообщение об этом озере в XVIII в. оставил немецкий ученый Д.Г. Мессершмидт [2012, с. 94]. В первой половине XIX в. упоминание о нем встречается в материалах статского Советника И.С. Пестова [1833, с. 131–133]. Несколько позднее более подробные сведения об упомянутом озере предоставил окружной минусинский начальник Н.А. Костров. Он отметил факт почтительного отношения местных жителей к этому природному объекту:

«упомянутые озера вполне заслуживают названия Небесных или Божьих, и эти названия свидетельствуют о том глубоком уважении, которое питает к ним народ, в соседстве живущий» [1853, с. 4–5].

Есть основания утверждать, что сакрализация этого озера хакасами, переданная даже в самом его названии, не ограничивалась лишь этическими нормами. *Тигір көл*, наряду со многими другими, было включено в культовую практику народа. К сожалению, исследователями не были описаны сами обрядовые действия, проводимые автохтонным населением в отношении этого озера, точнее, его духа-хозяина. Вместе с тем этнографические материалы, имеющиеся в нашем распоряжении, позволяют реконструировать ритуальную практику этой группы хакасов в отношении духов озер. В общих чертах она была одинакова для всех указанных акватических объектов.

Көл тайығ – обряд жертвоприношения духу-хозяину озера у кызыльцев совершался регулярно, обычно раз в три года [Шибаева, 1951, л. 45, 63; Усманова, 1976, с. 241]. Кызыльцы о сроках проведения этого праздника исследователям сообщали следующее: «раз [в] 3 года, накануне Троицы, когда уже вырастут травы и распустятся листья» [Шибаева, 1951, л. 63]; «через неделю после Троицы», «когда кукушка прокукует», «когда листья появятся», «когда трава вырастет и у скота молока прибавится» [Усманова, 1976, с. 241]. Заметим, что пожилые хакасы в качестве основного маркера времени проведения обозначенного мероприятия часто называли христианский праздник «Троица». При этом его хронологический диапазон все же мог варьироваться в пределах одной-двух недель до этого знаменательного события и столько же после него (АМАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 16; № 678-3. Л. 47; № 678-4. Л. 15, 22). Отправление ритуала, таким образом, происходило в мае–июне. В некоторых случаях обозначенное сакральное действо осуществлялось чаще положенного. Причиной тому были участившиеся несчастные случаи на воде, болезни людей, всевозможные затруднения в хозяйственной деятельности, в т.ч. падеж скота и т.д.

Руководил обрядом шаман или человек, обладающий задатками гадателя-ясновидца, – *көрігчі* [Усманова, 1976, с. 241]. Если таковых не оказывалось, приглашали хорошо знающего традицию и уважаемого в народе старика. Бывало, что его привозили из соседних селений. По воспоминаниям пожилых хакасов: «[Руководил] специальный человек – көругжи. Если был шаман, то шаман таил [т.е. проводил ритуал], а потом их не стало. Көругжи стали таить. Весь народ собирался. Везли стряпню и водку» (Ипишкина Александра Астафьевна, 81 год, с. Устинкино) (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 46); «Если көругжи своего не было, то привозили из другой деревни. Ему давали одежду. Его звали после таига в каждый дом. Потом его отвозили в его родной улус. Когда ему что-нибудь дарили, то вешали вещь на плечо. Бывало, что сначала дарящий вытирал лицо көругжи этой вещью. Просил благополучия, а потом көругжи забирал эту вещь» (Итеменева Прасковья Федоровна, с. Устинкино) (Там же. Л. 47–48).

Сам обряд обычно проводили на берегу озера в том месте, где росла лиственница (*тыт*) или береза (*пай хазың*). Все участники *көл тайығ* подвязывали на ветви ритуальные ленты *шалама* (*чалама* – хак. лит.) белого, синего и красного цветов. Причем их требовалось подвесить именно в таком количестве, сколько человек было в семье. На эти же деревья на период отправления обряда, а иногда и на более длительный срок подвешивали шкуры жертвенных баранов. В некоторых селениях в дополнение к имеющимся срубали еще три молодые березки. Их всаживали в землю, а верхушки соединяли. Получалось подобие шалаша. На это сооружение также подвешивали *шалама* и бараньи шкуры (Там же. Л. 47–47; № 678-4. Л. 22). В отдельных селениях *көл тайығ* проводился не на самом берегу озера, а на некотором расстоянии от него среди древних могильников – курганов. Со слов Марии Николаевны Янгуловой (1903 г.р., д. Ошколь): «Делали таиг не на озере, а на пути к озеру. За мыском есть курганы. Среди курганов и делали таиг. Женщинам туда нельзя было ходить, только мужикам, молодым ребятам, девкам и старухам. А мы, молодые бабы, издалека смотрели. Нам ведь интересно было» (АМАЭС ТГУ. № 678-2. Л. 24).

Участники обряда с собой привозили воду, молоко, араку и мучные изделия. Всю араку сливали в общий котел. В качестве жертвенного животного, как правило, выступал баран. Причем не всегда ограничивались лишь одним. На заклание нередко приводили до трех баранов и даже больше. Помимо того в каждом селении имелись собственные предпочтения в масти. Все же наиболее распространенными из них были белые и черные. По традиции каждая семья по очереди поставляла жертвенного барана. В ситуации, когда очередь доходила до бедняка, не имевшего скот, то его приобретали всей сельской общиной. По сведениям информатора Ю.А. Шибаевой, хакасы жившие в районе Черного озера проводили праздник с разные годы с разным размахом: «Каждые 3 года праздновали сугтайх у озера, около самой воды. Резали на праздник двух чёрных баранов и через каждые 9 лет – черно-бурого бычка двухлетка» [Шибаева, 1951, л. 45]. Позднее, как свидетельствуют материалы М.С. Усмановой, не без влияния антирелигиозной политики

советского государства, жертвенные дары становятся беднее. Так, сообщается, что только в определенных случаях в жертву приносился трехгодовалый крупный рогатый скот (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 43, 47).

На жертвеннике разводили ритуальный костер. Мужчины – непосредственные участники сакрального действа, схватив барана за рога, трижды обходили с ним вокруг огня. Во главе шел шаман или *көрігчі*. Он обращался к духу-хозяину озера и остальным местным духам, в том числе и горным. После чего животное умерщвляли. Тушу разделывали. Мясо и осердие (*өкпе-чүрегі*) клали в большой котел с несоленой водой и варили. Кровь же собирали в отдельную посуду. Из нее шаман совершал ритуальное окропление по сторонам света. Тем самым он жертвовал кровь всем почитаемым божествам и духам. Хакасские старики по этому поводу сообщали: «Берет кровь барана, начинает шухтить [брызгать] туда-сюда. Говорит, что праздник мы вам делаем. Таг эзи, куль эзи – обращается к хозяину горы и озера. Люди сидят и слушают» (АМАЭС ТГУ. № 678-1. Л. 16); «На озере, где Красный Яр, делали таиг. Взяли белую овечку. Как горло зарежут, кровь разбрызгивают. Таиптур – кланяются» [Там же, л. 46]; «Кровь жертвовали. Кланялись каждой горе, каждой речке» (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 43).

В дальнейшем часть приготовленного мяса и осердие выкладывали в *тупсі* – деревянное корытце. Руководитель обряда брал его в руки и поднимал высоко вверх. Произносил *алғыс* – молитву, обращаясь к духу озера и остальным природным гениям, и трижды им кланялся. Данный элемент обряда назывался «*оор / пус тутханы*» – ‘букв. держание пара [от горячего мяса]’. Затем он вместе с помощниками совершал троекратный обход вокруг жертвенника. Попутно в их честь совершалось окропление бульоном, водой, молоком и аракой. Свидетели обряда сообщали: «Таиг делали весной (конец мая – июнь). На березы вешали шалама. Көругжи кланялся во все стороны. Называл все горы, ручьи и все места, чтобы хозяева дали благополучия для всех» (Там же. Л. 47); «Старик держал мясо в деревянном корытце. Обходил вокруг огня три раза, паром шёктил. Кланялся на все стороны. Всех поминал. Ко всем обращался, благополучия просил. Водкой обязательно шухтили. Была круглая деревянная чашечка. Он из нее водку плескал. Все тот же старичок. Все доверено ему. Шухтили молоком и водой» (АМАЭС ТГУ. № 678-4. Л. 15); «Темного вина, воды, вареного мяса бульон, брызгали [говоря] “ағаларым [отцам], энэлерым [матерям]”» (Там же, л. 28); «Осердие клали в корытце деревянное. Көругжи брал его в руки и кланялся озеру. Потом всех людей три раза обходил и опять кланялся» (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 46); «Обращались к озеру, к земле, чтобы скот водился, чтобы в озере рыба водилась, чтобы никто не тонул» (Там же, л. 47).

Затем все жертвенное подношение бросалось прямо в озеро. Причем помимо руководителя обряда и его помощников каждый из участников *көл тайығ* должен был сделать это еще индивидуально (АМАЭС ТГУ. № 818-2. Л. 22). По завершении ритуальной части приступали к пиршеству, в ходе которого устраивались музыкальные и спортивные состязания, в том числе борьба и скачки на лошадях (АМАЭС ТГУ. № 678-2. Л. 25). К концу мероприятия все оставшееся мясо и кости складывали в баранью шкуру и кидали в озеро. Следует добавить, что в некоторых селениях с частью жертвенной пищи и ее остатками поступали иначе. Все собиралось в одном месте и по завершению обряда на трое суток оставалось нетронутым. По истечении установленного срока специально назначенный человек приходил на жертвенник и, обращаясь к местным духам со словами благопожеланий, сжигал все эти подношения (АМАЭС ТГУ. № 678-3. Л. 47).

Люди верили, что дух-хозяин озера – *көл ээзі* в процессе жертвоприношения мог показываться из воды и нередко в антропоморфном обличии. Однако увидеть его могли лишь шаманы или *көрігчі*. В материалах М.С. Усмановой встречается описание одной из таких историй: «Көругжи говорил, что хозяйкой озера является девка. Когда народ делал таиг, она открывала свою дверь и наклоняла голову. Это означало, что она приняла дары людей. Она одета во все шелковое, белое. Волосы длинные, до пят. Хозяйка больше никогда не появлялась, кроме дня таига» (Там же).

В *көл тайығ* обычно участвовали жители одного населенного пункта. По сведениям информанта Ю.А. Шибаевой: «В улусе Осколь до установления советской власти праздновали всем улусом (без различия сеоков [родов] – такого разделения он не слыхал и от стариков) праздник и на горе около улуса С. Чо[ғ]ар хучул – около родника около березы всегда в одном месте, и у Оскель озера) – тоже около берёзы» [Шибаева, 1951, л. 63]. Следует отметить и то, что порой участниками обряда могли быть не только коренные жители – хакасы, но и русские. В связи с чем вызывает интерес история, записанная со слов Марии Семеновны Аргудаевой (1882 г.р., д. Секта): «Один русский старик жил в деревне со своей семьей. Он часто посмеивался над хакасами. Особенно над тем, что они делали таиг. Однажды его лодка перевернулась на озере, как раз в то время когда проводился таиг. Он стал

кричать. Его едва вытащили из воды. После этого случая он стал верить. Вместе с хакасами таиг делать стал. Саламат варил (потха), водку носить стал» (АМАЭС ТГУ. № 678-4. Л. 22).

Таким образом, изложенный материал позволяется сделать вывод о том, что в культуре северных хакасов – кызыльцев одно из ключевых мест отводилось обрядности, связанной с водой. Во многом это было обусловлено самим природным ландшафтом этой территории Хакасии. На ней повсеместно и широко представлены разнообразные водные объекты – реки, озера и пр. В отношении многих из них был сформирован особый мифо-ритуальный комплекс. В его основе лежала идея абсолютной сакрализации водной стихии. При этом в религиозно-мифологическом сознании народа она персонифицируется как отдельное божество – дух-хозяин реки / озера – *суғ / көл ээзі*. Местные жители всегда стремились установить конструктивные взаимоотношения с обозначенной сверхъестественной силой, от которой, по их убеждению, зависело благополучие их жизни, в том числе хозяйственной деятельности. Согласно традиционным взглядам, одним из самых действенных мер, направленных на установление гармоничных отношений между человеком и водным хозяином, выступал обряд жертвоприношения, в том числе такой, как *көл тайығ*. Ритуал имел устоявшуюся традиционную структуру, характерную и для других почитаемых природных объектов – горы, реки неба и пр. Главным лицом в нем выступал шаман или «знающий» человек – *көрігчі*, а нередко – хорошо знающий традицию старик. В качестве жертвы чаще выступали бараны, а в определенный период – крупный рогатый скот. Праздник проходил в специальных местах – вблизи почитаемых водных объектов и в отведенный срок. Особое значение при жертвоприношении придавалось дереву (лиственнице или березе), на которое подвязывались ритуальные ленты *шалама*. Оно, наряду с огнем, выступало в качестве центра моления и символизировало собой мировое древо, соединяющее различные сферы мироздания. Обязателен был троекратный обход вокруг жертвенника. Типичным для соответствующей обрядности было проведение его в форме праздника с пиршеством, фольклорными и спортивными состязаниями. Вместе с тем, в ритуале *көл тайығ*, проводимом кызыльцами, имеются и некоторые особенные черты. Прежде всего, это касается периодичности проведения – раз в три года, не считая исключительных случаев. По материалам В.Я. Бутанаева, водные жертвоприношения у других групп хакасов проводились ежегодно [2003, с. 187–189]. Необычен и ритуальный тип сооружения – аналог шалаша из берез, а также жертвование крови закланного животного местным духам путем ее разбрызгивания. Своеобразным является и обычай, встречавшийся в некоторых селениях, выражавшийся в оставлении жертвенного подношения на трое суток и последующее его сжигание. В материалах исследователей остался незафиксированным и факт посвящения *ызых'а* – священного животного (коня, коровы, барана) духу озера. Отметим и то, что праздник у них носил не родовой, как у остальных групп хакасов, а территориально-общинный характер.

Список литературы

Бутанаев В.Я. Бурханизм тюрков Саяно-Алтая. – Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та, 2003. – 260 с.

История Хакасии с древнейших времен до 1917 г. – М.: Наука; Вост. лит., 1993. – 525 с.

Костров Н.А. Кизильские татары. – Казань: [Тип. Губ-го правл-я], 1853. – 38 с.

Мессершмидт Д.Г. Дневники. Томск–Абакан–Красноярск. 1721–1722. – Абакан: Кооператив «Журналист», 2012. – 160 с.

Пестов И.С. Записки об Енисейской губернии Восточной Сибири 1831 г. – М.: Тип. ун-та, 1833. – 297 с.

Усманова М.С. Жертвоприношение земле и воде у северных хакасов // Из истории Сибири. – Томск, 1976. – Вып. 19. – С. 240–243.

Шибаева Ю.А. Отчет об этнографическом обследовании кызыльцев Ширинского и Саралинского районов в июле 1951 года // Рукописный фонд ХакНИИЯЛИ. Ф. И-3. Оп. 1. Д. 353. 200 л.

References

Butanaev V.Ya. Burkhanizm tyurkov Sayano-Altaya. Abakan: Khakass State Univ. Press, 2003, 260 p. (in Russ.).

Istoriya Khakasii s drevneishikh vremen do 1917 g. Moscow: Nauka; vostochnaya literatura, 1993, 525 p. (in Russ.).

Kostrov N.A. Kizil'skie tatary. Kazan, [Tipografiya gubernskogo pravleniya], 1853, 38 p. (in Russ.).

Messershmidt D.G. Dnevniki. Tomsk–Abakan–Krasnoyarsk. 1721–1722. Abakan: Kooperativ "Zhurnalist", 2012, 160 p. (in Russ.).

Pestov I.S. Zapiski ob Eniseiskoi gubernii Vostochnoi Sibiri 1831 goda. Moscow: Univ. Press, 1833, 335 p. (in Russ.).

Shibaeva Yu.A. Otchet ob obsledovanii kyzyl'tsev Shirinskogo i Saralinskogo raionov v iyule 1951 g. Rukopisnyi fond Khakasskogo nauchno-issledovatel'skogo instituta yazyka, litaratury i istorii. Fond I-3. Opis' 1. Delo 353. 200 p.

Usmanova M.S. Zhertvoprinoshenie zemle i vode u severnykh khakasov. *Iz istorii Sibiri.* Tomsk, 1976, iss. 19, pp. 240–243 (in Russ.).

Бурнаков В.А. https://orcid.org/0000-0001-9636-3081

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.687-692
УДК 398.4

О.В. Голубкова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Мифологические персонажи в исследовании этнокультурной идентичности локальных групп восточных славян в Западной Сибири

В статье представлены результаты междисциплинарного лингвоэтнографического исследования мифологических персонажей (домовой, кикимора, леший, русалка) у восточнославянского населения Западной Сибири. На основе полевых материалов выявлена региональная специфика народных верований, связанных с этими персонажами. Определены характерные признаки современных представлений о них у городских и сельских жителей. Рассмотрены образы наиболее известных персонажей низшей славянской мифологии в лексике и языковой картине мира. Образ домового хорошо известен горожанам и сельским жителям, представления о нем в основном соответствуют традиционным верованиям; этнолокальные и региональные различия связаны с наименованием домашнего духа. Образ кикиморы на протяжении времени существенно изменился. В современной лексике слово «кикимора» употребляется как пренебрежительное наименование неопрятной и вредной женщины, кикимора практически перестала восприниматься как мифологический персонаж. Верования о кикиморе как о домашнем духе фиксируются редко. Представления о лешем широко распространены. Выявлена этнолокальная специфика сюжетов несказочной устной прозы о детях, которых забирают лесные духи. Хорошо отображены региональные особенности представлений о русалках у различных групп русских, украинцев и белорусов в Западной Сибири. Эти отличия связаны с верованиями «исходных» мест сибирских переселенцев: преемственность традиционной культуры у сельских жителей способствовала сохранению народных верований, характерных для определенной местности. У русских старожилов представления о мифологических персонажах существенно упростились, многие уже забыты. Сибирские «новоселы» – переселенцы из южнорусских губерний, Украины и Белоруссии, напротив, сохранили и транслировали яркие эмоциональные сюжеты с подробным описанием персонажей и связанных с ними событий. Таким образом, проследив развитие образов ключевых восточнославянских мифологических персонажей в мировосприятии, фольклоре и их отображение в лексике, можно рассматривать их как один из инструментов определения этнокультурной идентичности локальных групп.

Ключевые слова: *мифология, домовой, русалка, леший, кикимора, народные верования, этнокультурная идентичность.*

Olga V. Golubkova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: Olga-11100@yandex.ru

Mythological Characters in the Study of Ethnic and Cultural Identity of the Local Groups of Eastern Slavs in Western Siberia

The article presents the results of interdisciplinary linguistic and ethnographic study into the mythological characters of domovoy, kikimora, leshiy, and rusalka among the Eastern Slavic population of Western Siberia. Based on ethnographic field materials, regional distinctiveness of popular beliefs associated with these characters as well as typical beliefs related to them among the contemporary urban and rural residents have been established. Reflection of the best known characters of lower Slavic demonology in the vocabulary and linguistic picture of the world has been considered. Domovoy is well known to urban and rural residents, and their beliefs about him mostly correspond to traditional beliefs, while local and regional differences are associated with the name of that home spirit. The perception of kikimora has significantly

changed. In the contemporary vocabulary, the word "kikimora" is used as a derogatory name for an untidy and mean woman; kikimora is no longer perceived as a mythological character. Beliefs about kikimora as a home spirit surface very rarely. Beliefs associated with leshiy are well known and widespread. Local ethic specific features of oral prose tales about children abducted by forest spirits have been identified. Clear regional distinctiveness of beliefs concerning rusalkas among various groups of Russians, Ukrainians, and Byelorussians in Western Siberia are associated with the beliefs of "ancestral" places of Siberian migrants. Continuity of traditional culture among rural residents contributed to preservation of popular beliefs typical for specific region. Beliefs about mythological characters have become greatly simplified among Russian old-timers; many beliefs have already been forgotten. Conversely, the Siberian "new settlers" – migrants from the southern provinces of the Russian Empire, Ukraine, and Byelorussia – have preserved and broadcasted vivid emotional stories with detailed descriptions of the characters and related events. Thus, the imagery of key Eastern Slavic mythological characters in worldview, folklore, and vocabulary can be considered as one of the tools for establishing the ethnic and cultural identity of the local groups.

Keywords: *mythology, domovoy, kikimora, leshiy, rusalka, popular beliefs, ethnic and cultural identity.*

Проблематика этнокультурной идентичности представляет собой хотя и комплексную, но достаточно конкретную тему научных исследований. В то же время в ней в концентрированном виде отражаются глобальные тенденции современного развития. В самом общем виде проблема идентичности представляет собой осмысление себя и своей принадлежности к группе, тому или иному сообществу [Попков, 2019, с. 10]. Этнокультурная идентичность русских в Сибири отражалась в самоназвании и выражалась в приверженности ценностям своей культуры, в системе предпочтительности расселений групп, совместном или раздельном проведении праздников и пр. [Фурсова, 2019, с. 31].

Цель данного исследования состояла в определении специфических признаков представлений о мифологических персонажах у различных этнолокальных групп восточнославянского населения Западной Сибири. Эти признаки могут стать инструментом – своеобразными маркерами, определяющими этнокультурную идентичность русских сибиряков, сибирских украинцев и белорусов: потомков переселенцев из различных губерний европейской части Российской империи, переехавших за Урал в конце XVII – XVIII в. (сформировавших группы сибиряков-старожилов) и на рубеже XIX–XX вв. (образовавших группы «новоселов»).

Важнейшим критерием этнокультурной идентичности, а также одним из ключевых механизмов передачи социокультурного опыта и основным средством социализации является язык. Язык обеспечивает коммуникативные связи в синхроническом и диахроническом планах, т.е. как внутри одного поколения, так и между ними [Морзавченков, 2010, с. 141]. Существует некий объем лингвокультурных знаний, известных носителям определенной лингвокультуры (взаимодействие языка и культуры), необходимых для коммуникации. Язык выступает в этом случае в качестве «зеркала культуры» [Hirsch, 1988]. Учитывая данные обстоятельства, было проведено междисциплинарное лингвоэтнографическое исследование. Его задачи заключались в выявлении современных представлений о наиболее известных восточнославянских мифологических персонажах у городских и сельских жителей, а также исследовании их образов в современной лексике. В процессе работы были проанализированы сюжеты несказочной устной прозы, связанные с этими персонажами; изучено отображение их образов в языковой картине мира, которая воспроизводит наиболее значимые и типичные компоненты традиционной культуры и, соответственно, может являться одним из способов выражения этнокультурной идентичности.

Совместно с лингвистом О.К. Ансимовой было проведено анкетирование, в котором участвовали люди разных социально-возрастных групп: студенты, представители различных специальностей, пенсионеры – жители нескольких городов России. В анкете предлагалось ответить на вопросы относительно возможных ассоциаций, понимания и использования лексических единиц *леший*, *домовой*, *кикимора*, *русалка*. В качестве единиц были выбраны наиболее известные мифологические персонажи, слова и словосочетания, связанные с некоторыми из них (*глухомань*, *дремучий лес*, *манить*, *морочить*) [Ансимова, Голубкова, 2016]. Основой исследования стал обширный корпус полевых материалов автора (ПМА), полученных в результате этнографических экспедиций 1999–2019 гг. ПМА ярко демонстрируют представления о леших, домовых, русалках и кикиморах у жителей сельской местности – представителей различных этнолокальных групп восточнославянского населения Западной Сибири, бытовавшие на протяжении XX в. (по воспоминаниям респондентов), а также отображают современное состояние народных верований и мифотворчества. Был проведен анализ этнографических, фольклорных, лексикографических источников и данных опроса – в результате выявлены различия в представлениях о мифологических персонажах у городских и сельских

жителей, обнаружены некоторые специфические региональные (этнолокальные) черты и показана динамика развития упомянутых демонологических образов и связанных с ними сюжетов.

Исследуя современные мифологические представления, важно отметить, что домовые, лешие, русалки и кикиморы почти не отражены в классических русских народных сказках (в частности, в сборнике А.Н. Афанасьева). Скорее всего, этот факт можно объяснить тем, что еще в недавнем прошлом упомянутые персонажи считались не сказочными, а вполне реальными, в то время как волшебная сказка отражала более древний, ушедший в прошлое, пласт мифопоэтических воззрений [Пропп, 1996, с. 57]. Поэтому, как показала полевая практика, истории о леших, домовых, водяных, русалках, кикиморах и прочих обычно повествовались в жанрах быличек и бывальщин, претендующих на достоверность. Отголоски веры в их существование еще живы, причем достаточно широко распространены в сельской местности, а в присутствие в квартирах домового верили также многие горожане.

Образ домового, согласно проведенному опросу и ПМА, оказался общеизвестным у разных возрастных и социальных групп респондентов. Современные представления о нем в основном соответствовали восточнославянским традиционным верованиям [Даль, 2008, с. 166–197; Максимов, 1903, с. 31–50]. Не только сельские жители, но и горожане проявили высокую осведомленность о домашнем духе. Домового называли «добрым помощником», «защитником дома и семьи»; его представляли невидимкой или маленьким лохматым (волосатым) человечком, старичком, котом. Большинству респондентов были известны обычаи оставлять в определенном месте угощение (хлеб, молоко, конфеты), воду, игрушки (мелочь, пуговицы, бусины) для домового и приглашать его в новый дом во время переезда; многие селяне и горожане это сами практиковали. Наибольшее число историй о домашнем духе повествовало о его появлении: домового «видели», а чаще «слышали», что обычно считалось предзнаменованием важного события в жизни человека или его семьи. В ряде мест у сельских жителей сохранились отголоски представлений о домовом как о душе умершего предка: некоторые события информанты расценивали как проявления активности домового или умершего родственника. То есть их воспринимали как взаимозаменяемых персонажей, способных производить одинаковые действия. *Когда умер дед, до сорока дней домовой беспокоил. На кухне гремело, кастрюли падали, погреб обвалился. Через сорок дней душа на тот свет уходит, тогда тихо стало* (ПМА: Новосибирская обл., с. Довольное, 2015, *русские*). *Как сына схоронила, на девятый день ночью в доме всё гремело. В окно стучало, посудой кто-то гремел. А кто это? То ли домовой бесился, то ли сын приходил* (ПМА: Новосибирская обл., с. Прямское, 2016, *украинцы*). Опрос, проведенный среди городских жителей, подобных воззрений не выявил. Специфика представлений о домовом у различных этнолокальных групп также не обнаружена, за исключением наименований этого духа: *домовой*, *хозяин*, *суседко*, *домовик*, *невидимец*. В лексике респондентов слово «домовой» ассоциировалось преимущественно с домашним духом, что закономерно, поскольку вера в его существование еще не ушла в прошлое. В редких случаях (которые отмечены у сибирских украинцев и «новоселов» из южнорусских губерний) домовым или домовиком могли назвать домоседа: *Он домовик, никуда не ходит* (ПМА: Омская обл., с. Нижняя Омка, 2002, *украинцы*). *Сидит в хате как домовой* (ПМА: Новосибирская обл., с. Светлое, 2004, *украинцы*). У жителей с. Прямское и д. Петропавловка Маслянинского р-на Новосибирской обл. – потомков переселенцев из Черниговской губ. – зафиксировано использование слова «домовой» в качестве обобщающего наименования *нечистой силы*: любой *нежити*, не только домашнего духа (ПМА: 2016, 2018).

Кикимора – персонаж домашнего пространства* в народных верованиях обычно наделен вредоносными качествами: она пугала, гремела, стучала, била посуду, портила хлеб, рвала и путала нитки, ощипывала кур, загоняла лошадей [Даль, 2008, с. 406; Максимов, 1903, с. 62–63]. Результаты опроса и ПМА показали, что, в отличие от домового, образ кикиморы в конце XX – начале XXI в. существенно изменился, особенно в городе, где кикимора перестала восприниматься как мифологический персонаж. Для горожан кикимора – это бранное слово, пренебрежительное наименование неопрятной, некрасивой женщины, вредной, со скверным характером. Часто фигурировало словосочетание *кикимора болотная*. Вследствие чего кикимора осознавалась как болотный (реже – лесной) персонаж, но не домашний. У респондентов из сельской

*Слово *кикимора* могло также относиться к предметам: 1) кукла, сделанная из тряпок, щепок (иногда с использованием крови или предметов, бывших в соприкосновении с мертвецом) в магических целях: чтобы в доме «чудилось», для «наведения порчи» на человека; 2) предмет, воспроизводящий звуки (бутылочное горлышко, трещотка из щепок и т.п.), который недовольные печники или плотники в качестве мести хозяевам могли замуровать в печной трубе, в стене дома, чтобы ветер создавал неприятный шум, треск, пугающие «завывания» [Даль, 2008, с. 404–421; Максимов, 1903, с. 62–63].

местности сохранились представления о домашней кикиморе – прядущем духе, вредоносном инфернальном существе, которое создает шум и причиняет беспокойство в доме, а также может быть предвестником или причиной несчастья. Былички о кикиморе зафиксированы ПМА у русских и белорусов. *Заглянула я в баню, а там кикимора сидит, коноплю тюпает* (ПМА: Новосибирская обл., д. Барлакуль, 2001). *Если в доме кикимора заведется, от нее только одно беспокойство будет, добра не жди, потому что это нечистая сила* (ПМА: Алтайский край, с. Березовка, 2009, *русские*). В кикимору (в числе прочих персонажей, включая чертей) рядились женщины во время святочных и масленичных маскарадов (ПМА: Новосибирская обл., Искитимский, Мошковский р-ны, *рус.*, *бел.*).

Представления о лешем широко распространены в Западной Сибири у русских – как старожилов, так и новоселов и у белорусов. У украинцев образ лесного хозяина выражен более слабо (согласно ПМА). Большинство информантов характеризовали лешего как нечистую силу, но считали его опасным в основном для людей, которые не соблюдают нормы экологического поведения в лесу. При этом слово «леший» в сельской местности часто табуировалось, т.к. произнесение имени лесного духа могло спровоцировать нежелательную встречу с ним. Некоторые информанты объясняли, что «леший» – ругательное слово и оно может обидеть *лесного хозяина*. Повсеместно распространено поверье о том, что человек блуждает в лесу, потому что над ним шутит леший. У русских с лесными духами связаны истории о подмене детей: вместо новорожденных младенцев (до крещения или до появления первых зубов) они подкладывали чурку или своего ребенка, а замороченные родители воспитывали «обменыша» до тех пор, пока он не убегал в лес (ПМА: Алтайский край, Омская, Тюменская области). У украинцев подобные рассказы не были зафиксированы, но записаны истории о том, что к лесным духам попадали «прóклятые» своими родителями дети (ПМА: Алтайский край, Омск, Новосибирская обл.). У русских старожилов известны рассказы о «выкупе» у лешего заблудившейся скотины (ПМА: Алтайский край, Новосибирская обл.).

Вопреки предполагаемым ожиданиям того, что неактуальный в городской среде образ лешего окажется забытым или сильно измененным в лингвокультуре городских жителей, итоги опроса показали совершенно иной результат. Респонденты не только продемонстрировали знания о том, кто такой леший, но и в своих ответах раскрыли детали его образа, соответствующие восточнославянским верованиям [Даль, 2008, с. 530–555]. Опрашиваемые, описывая внешний облик лешего, упоминали, что у него зеленый цвет волос и бороды, он высокого роста, лохмат, оброс мхом, неопрятный (в лохмотьях), глухой, хромой, пугает страшными звуками, шутит, водит по лесу, заманивает путников в чащу, запутывает дорогу, может наказать браконьеров. В русской лексике закрепились идиоматические выражения: «Иди к лешему!», «Леший его знает!», которые знакомы всем, но в современной речи используются редко.

Русалка – самый вариативный и полисемантический образ славянской мифологии. Неоднозначны представления о местах обитания русалок, их происхождении, внешнем облике, отличительных признаках, характерных занятиях, отношении к человеку [Зеленин, 1995, с. 141–295; Виноградова, 2000, с. 141–229; и др.]. Происхождение русалок в Сибири, как и в Европейской России, часто связывали с преждевременной смертью молодых девушек, с утопленницами. Поэтому в описании облика русалки проглядывали черты покойника – демонические и пугающие: бледность, синеватый или зеленоватый цвет кожи, распущенные длинные волосы (зеленые, рыжие, русые, золотистые, черные), страшный взгляд, свечение глаз, длинные острые ногти или когти, длинные (иногда способные растягиваться) руки, белая одежда, напоминающая саван. Появление русалки, как и покойника, могло сопровождаться ощущением холода, озноба, чувства «жуткого» страха.

У разных этнографических групп, согласно ПМА, выделяются различные черты облика русалки, нередко противоположные. Такое различие, как правило, связано с происхождением информантов и соответствует традиционным представлениям населения из «исходных» мест их предков, переселившихся в Сибирь. Некрасивыми, уродливыми и страшными русалки представлялись потомкам переселенцев с Русского Севера, Поволжья, Приуралья, из некоторых центральных областей России и северной части Белоруссии. *Русалки ходят грязные, косматые. Зубы у них острые, а глаза как угли горят. Раньше детей русалками пугали, чтоб на речку не шли* (ПМА: Новосибирская обл., д. Баратаевка, 2013, *белорусы*). *Русалок боялись, они как покойники. Шастают по ночам, людей пугают, могут и до смерти загрызть* (ПМА: Омская обл., д. Гриневичи, 2005, *белорусы*).

Потомки южнорусских и украинских переселенцев представляли русалок молодыми красивыми девушками, трагически погибшими (утопившимися) в результате несчастной любви или из-за жестокого обращения мачехи. Русалками могли стать дети, прóклятые родителями, а также «обещанные» или «подаренные» нечистой силе. У потомков переселенцев из Украинского Полесья (Ки-

евской, Черниговской губерний) сохранились представления о том, что русалками становятся умершие в «русалкину неделю» девушки и дети любого пола (ПМА: Новосибирская обл., Карасукский, Масляинский р-ны). *В русалкин день боялись выходить в поле <…> в такой день русалки по полю бегают. Прибранные, в венках, в лентах* (ПМА: Новосибирская обл., д. Морозовка, 2019). *Русалки по полю ходили, цветы рвали, бегали с букетом* (ПМА: там же). *Умерла девочка малэнька в тей день. Бабушки сидят на похоронах: теперь она уже буде считаться русалкою, буде ходить по полю* (ПМА: там же). *Русалки могут шпынять, задушить. Будут тебе щекотать, ты будешь смеяться и помэрти* (ПМА: там же).

Во многих местах сибирские старожилы (потомки русских переселенцев конца XVII – XVIII в.) утратили верования, связанные с русалками. В той местности, где представления о русалках фиксировались у старожилов, они представлялись лохматыми и косматыми «из-за необходимости утепляться в суровых климатических условиях, где невозможно существовать голыми» [Фурсова, 2007, с. 128]. В сохранившихся (начала XXI в.) представлениях русских старожилов русалка могла наделяться характеристиками ведьмы-оборотня: превращаться в животных (лошадь, жеребенка, теленка, собаку, свинью), птиц (курицу, утку, кукушку, ворону) или в стог сена (ПМА: Алтайский край, Новосибирская, Омская обл.). В мировоззрении русских сибиряков русалка не сохранила связи с культом растений, плодородия и стала восприниматься исключительно как водное существо. Наиболее распространенный сюжет быличек – сидящая на камне у воды русалка, расчесывающая волосы, заманивающая людей в омут.

Большую роль в популяризации русалок сыграли произведения художественной литературы (преимущественно европейской), живописи, кино. Они повлияли на развитие романтических представлений о русалке, далеких от одноименного персонажа русской мифологии, а также на формирование в массовом сознании облика русалки как девушки с рыбьим хвостом. В русской мифологии полудевы-полурыбы – *фараонки* и *сирены* – были известны жителям Русского Севера и западных областей России. Их изображения украшали оконные наличники домов, называли их *фараонами* или *берегинями* [Померанцева, 1975, с. 16–21]. Однако в Сибири традиция изображения *берегинь-фараонов* не прижилась, как и апокрифическая легенда о потонувшем фараоновом войске (повествующая о происхождении полулюдей-полурыб) не получила широкого распространения. Вероятно, поэтому упоминание рыбьего хвоста в описаниях русалок сибирскими старожилами может быть результатом вторичной сакрализации этих образов, которые в новом виде «возвращаются» в сюжеты несказочной устной прозы из художественной литературы, изобразительного искусства и кинематографа.

У городских жителей русалка вызывала ассоциации, прежде всего, связанные с водой. Русалкой могли называть купающуюся женщину, привлекательную девушку, девушку с длинными волосами, поющую деву, обладательницу приятного голоса, значительно реже – обманщицу, ветреную красавицу или соперницу. Характерные признаки русалки – привлекательная внешность, длинные распущенные волосы, сладкоголосое пение, обитание в водоеме – можно назвать синкретичными, соответствующими как народным верованиям, так и образу ундины из художественных произведений. Но опрашиваемые также отмечали опасность этого персонажа, в их ответах присутствовали демонические признаки русалки: стремление погубить человека, заманить в омут, защекотать, т.е. черты, присущие образу русалки в народных верованиях.

Итак, на основе комплексного исследования, построенного на совокупности материалов и методов этнографии, фольклористики и лингвистики, была выявлена специфика этнолокальных представлений о домовом, кикиморе, лешем и русалке у русских, украинцев и белорусов в Западной Сибири. Эти различия, в первую очередь, связаны с региональными верованиями населения «исходных» мест сибирских переселенцев. Преемственность традиционной культуры у сельских жителей способствовала сохранению мировоззренческих представлений, характерных для определенной местности. У русских старожилов образы мифологических персонажей существенно упростились, многие уже забыты. Сибирские «новоселы» – переселенцы из южнорусских губерний, Украины и Белоруссии, напротив, сохранили и транслировали яркие эмоциональные сюжеты с подробным описанием персонажей и связанных с ними событий. Потомки переселенцев из Украинского Полесья (Киевской, Черниговской губерний) наиболее полно сохранили пласт архаичных верований.

Междисциплинарный подход к исследованию позволил раскрыть наиболее полную картину современных представлений о домовом, кикиморе, русалке и лешем, а также предложить интерпретацию данных единиц в языковой картине мира. Проследив развитие образов ключевых восточнославянских мифологических персонажей в мировосприятии, фольклоре и языке, мы пришли к выводу, что их можно рассматривать как один из инструментов определения этнокультурной идентичности локальных групп.

Благодарности

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ (проект №18-09-00028а).

Список литературы

Ансимова О.А., Голубкова О.В. Мифологические персонажи домашнего пространства в народных верованиях русских (этнографический и лексикографический аспекты) // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2016. – Т. 44, № 3. – С. 130–138.

Виноградова Л.Н. Народная демонология и мифоритуальная традиция славян. – М.: Индрик, 2000. – 432 с.

Даль В.И. Поверья, суеверия и предрассудки русского народа. – М.: Эксмо, 2008. – 736 с.

Зеленин Д.К. Очерки русской мифологии: Умершие неестественной смертью и русалки. – М.: Индрик, 1995. – 432 с.

Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. – СПб.: Товарищество Р. Голике и А. Вильборг, 1903. – 530 с.

Морзавченков Г.А. Критерии этнокультурной идентичности в условиях глобализации // Вестн. Нижегор. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Социальные науки. – 2010. – № 1 (17). – С. 139–142.

Померанцева Э.В. Мифологические персонажи в русском фольклоре. – М.: Наука, 1975. – 192 с.

Попков Ю.В. Глобальный контекст актуализации темы идентичности и ее место в проблемном поле государственной национальной политики // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 9–17.

Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. – СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та, 1996. – 366 с.

Фурсова Е.Ф. Антимир в мифологических образах русалок (Севернорусские и сибирские параллели) // Рябининские чтения – 2007. – Петрозаводск: Карельский науч. центр РАН, 2007. – С. 126–128.

Фурсова Е.Ф. Основные факторы формирования этнокультурной идентичности (по материалам русских Сибири на рубеже XIX–XX веков) // Этнокультурная идентичность народов Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2019. – С. 30–34.

Черепанова О.А. Мифологическая лексика Русского Севера. – Л.: Ленингр. гос. ун-т, 1983. – 169 с.

Hirsch E.D.Jr. Cultural literacy. What every American needs to know. – N.Y.: Random House, 1988. – 253 p.

References

Ansimova O.A., Golubkova O.V. Mythological Characters of the Domestic Space in Russian Folk Beliefs: Ethnographic and Lexicographic Aspects. *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*, 2016, vol. 44, No. 3, pp. 130–138. DOI: 10.17746/1563-0102.2016.44.3.130-138 (in Russ., in Engl.).

Cherepanova O.A. Mifologicheskaya leksika Russkogo Severa. Leningrad: Leningrad State Univ. Press, 1983, 169 p. (in Russ.).

Dal' V.I. Pover'ya, sueveriya i predrassudki russkogo naroda. Moscow: Eksmo, 2008, 736 p. (in Russ.).

Fursova E.F. Antimir v mifologicheskikh obrazakh rusalok (Severnorusskie i sibirskie paralleli). In *Ryabininskie chteniya – 2007*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Publ., 2007, pp. 126–128 (in Russ.).

Fursova E.F. Ethnocultural Identity of the Russians of Siberia at the Turn of the 19th and 20th Centuries: Trends and Factors of Formation. In *Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, pp. 30–34. DOI: 10.17746/0295-7.2019.030-034 (in Russ.).

Hirsch E.D.Jr. Cultural literacy. What every American needs to know. N.Y.: Random House, 1988, 253 p. (in Engl.).

Maksimov S.V. Nechistaya, nevedomaya i krestnaya sila. St. Petersburg: Tovarishchestvo R. Golike i A. Vil'borg, 1903, 530 p. (in Russ.).

Morzavchenkov G.A. Ethno-cultural identity criteria in globalization. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nyye nauki*, 2010, No. 1 (17), pp. 139–142 (in Russ.).

Pomerantseva E.V. Mifologicheskie personazhi v russkom fol'klore. Moscow: Nauka, 1975, 192 p. (in Russ.).

Popkov Yu.V. The Global Context of the Actualization of the Theme of Identity and Its Place in the Problem Field of the State National Policy of Russia. In *Ethnocultural Identity of the Peoples of Siberia and Adjacent Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2019, pp. 9–17. DOI: 10.17746/0295-7.2019.009-017 (in Russ.).

Propp V.Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. St. Petersburg: State Univ. Press, 1996, 366 p. (in Russ.).

Vinogradova L.N. Narodnaya demonologiya i miforitual'naya traditsiya slavyan. Moscow: Indrik, 2000, 432 p. (in Russ.).

Zelenin D.K. Ocherki russkoi mifologii: Umershie neestestvennoi smert'yu i rusalki. Moscow: Indrik, 1995, 432 p. (in Russ.).

Голубкова О.В. https://orcid.org/0000-0002-9936-8555

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.693-699
УДК 39=512.1+73.031

М.В. Красавина[1], А.А. Балган[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел
Кызыл, Россия
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Тувинское народное прикладное искусство: тенденции развития и современное состояние

С конца XIX в. самобытное народное искусство Тувы становится предметом интереса и изучения российских научных и художественных кругов. Существуя в условиях домашнего производства и не имея выделенного характера, тувинские промыслы к началу XX в. оформляются в профессиональное ремесло. В это же время инициируются экспедиции, их участники формируют обширный корпус источников – изделий народного творчества для ведущих музеев страны, осуществляются художественная фиксация предметов старины, а также первые опыты фотографирования. На основе экспедиционных сборов формируются музейные собрания. К 1950-м гг. промыслы и ремесла приходят в упадок. В течение последующего времени, вплоть до современности, народное искусство Тувы при государственной и общественной поддержке проходит процессы восстановления. Предпринимаются попытки развития местной промышленности на основе традиционных технологий. В восстановлении ремесел активно участвуют народные мастера-камнерезы с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского кожууна. Основы народного искусства включаются в образовательные практики региона как на уровне школьного, так и среднего специального обучения. Изделия современного народного искусства, в первую очередь художественная резьба из агальматолита и серпентина, сохраняют свои позиции в качестве бренда Республики Тыва. Интерес к проблемам сохранения и развития историко-культурного наследия определяет процессы, протекающие в среде народного искусства Тувы, инициируются фестивали и научно-практические конференции. Можно заключить, что развитие современного народного тувинского искусства идет по следующим направлениям: изготовление изделий по традиционным технологиям, копирование музейных образцов с их последующим осмыслением и приспособлением к современным реалиям жизни, авторские поиски в русле стилизации и использования современных технологий.

Ключевые слова: *народное искусство, промыслы и ремесла, Республика Тыва.*

Margarita V. Krasavina[1], Ailana A. Balgan[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Center of Development of Tuvan Traditional Culture and Crafts,
Kyzyl, Russia
E-mail: marg.moskvina@gmail.com

Tuvan Folk Arts and Crafts: Trends of Development and Current State

Since the late 19th century, original folk art of Tuva has been the subject of interest and study in Russian scholarly and artistic circles. Tuvan craftsmanship which had existed as home production, became professional by the early 20th century. At that time, expeditions started, and their participants gathered an extensive corpus of historical sources: folk objects of art were purchased for the leading museums of the country, art sketches of household items were created, and first photographing experiments were conducted. Museum collections were formed on the basis of objects acquired in the field. By the 1950s, crafts fell in decline. Over the next period and up to the present day, Tuvan folk art has revived with state and public support. There are some attempts to develop local industry based on traditional technologies. Stone carvers from the village of Kyzyl-Dag in Bai-Tayginsky Kozhuun actively participate in reviving other crafts, and the basics of folk art became included in the educational programs of the region both at the school level and at the level of secondary professional education. Objects of modern folk art, primarily artistic carving from agalmatolite and serpentite, retain their

position as a brand of the Republic of Tuva. Interest in the problems of preservation and development of historical and cultural heritage triggered the processes happening in the Tuvan folk art; festivals, scholarly conferences, and workshops have been initiated. It can be concluded that the contemporary Tuvan folk art has been developing in the following areas: manufacturing products using traditional technologies, copying museum designs with their subsequent interpretation and adaptation to contemporary life, and artists' creative work in line with stylization and use of the present-day technologies.

Keywords: *folk art, craftsmanship, Republic of Tuva.*

Процесс формирования тувинского народа, по мнению С.И. Вайнштейна, завершился к концу XVIII – началу XIX в. Тувинская традиционная культура этого времени представляла собой кочевое и полукочевое скотоводство, дополненное практиками охоты, собирательства, промыслами и ремеслами – обработкой кожи, шерсти, дерева, металла, изготовлением одежды и домашней утвари. Одновременно оформляются и основные черты тувинского народного искусства, однако некоторые его особенности в полном виде складываются только ко второй половине XIX в. [Вайнштейн, 1974, с. 216].

Этнографическое изучение тувинцев началось еще в XVIII в., но тема народного искусства Тувы не выделялась из общего контекста исследований, систематического изучения предметов искусства, поступавших из экспедиций, не производилось [Там же, с. 9]. Изучение народного искусства Тувы было начато в середине XX в. в связи с процессом планомерного освоения музейных этнографических фондов. Главными исследователями по этому направлению стали С.И. Вайнштейн [1974], С.М. Червонная [1995]. В монографии Е.Ю. Павловой [2012] обозначены основные процессы, характеризовавшие развитие народного прикладного искусства Тувы с конца XIX по начало XXI в. Представленная статья предполагает исследование тувинского народного прикладного искусства в настоящий момент в непосредственной связи с тенденциями его предыдущего развития в границах современного субъекта Российской Федерации – Республики Тыва (Тува).

К концу XIX в. среди научных и творческих кругов России в русле общемировой тенденции «открытия» аборигенного искусства возникает интерес к тувинскому искусству. Этому способствовало объявление протектората Российской империи над Тувой в 1914 г. и освоение ее территории российскими переселенцами. Участники экспедиций на восточные рубежи российского государства для изучения культуры и быта аборигенных сообществ формируют обширный корпус источников: производятся закупки изделий народного творчества для ведущих музеев страны, осуществляются художественная фиксация предметов старины и их первое фотографирование.

В границах Тувы уже к концу XIX в. функционируют ремесленные центры на территории монастырей-хурээ, чье производство было ориентировано на культовую ламаистскую пластику, формируются школы художественной обработки металла, камня и дерева.

Основная масса кузнецов-ювелиров проживала в долине р. Хемчик, где кочевали богатые роды. Ф.Я. Кон отмечал, что «кузнечное ремесло особенно развито в долине Хемчика, а литейное сохранилось только там, при этом литые изделия выполнены очень качественно и могут конкурировать с европейскими» [1934]. Мастера по металлу объединяли в своей работе профессии кузнеца, ювелира и слесаря [Вайнштейн, 1974, с. 81–109]. При том, что к началу XX в. ремесло металлообработки, ювелирное производство, деревообработка и камнерезный промысел оформляются в качестве профессиональной деятельности отдельных мастеров, в структуре домашнего хозяйства все еще производятся необходимые бытовые предметы.

Результатом этнографических экспедиций стали коллекции по культуре и искусству Тувы первого десятилетия XX в. Наиболее представительные из них находятся в фондах Музея антропологии и этнографии РАН и Российского этнографического музея в Санкт-Петербурге, Минусинском краеведческом музее им. Н.М. Мартьянова. Предметы тувинского искусства включаются в экспозиции Всероссийской выставки в Нижнем Новгороде (1896 г.) и Всемирной выставки в Париже 1900 г., тем самым они участвуют в формировании имиджа многонациональной Российской империи [Червонная, 1995].

С целью создания местной сибирской кустарной промышленности на основе традиционных промыслов Томский кустарный комитет в 1917 г. командирует художницу С.К. Просвиркину для поездки по Минусинскому округу и Урянхайскому краю (Хакасии и Туве). Особый интерес у С.К. Просвиркиной вызывало посещение урочища Бай-Тайга – традиционного места камнерезного промысла, т.к. в задачи поездки входили закупка образцов в мастерские кустарного комитета и поиск мастеров-резчиков по камню, готовых переехать в Томск. В ходе поездки исследовательницей была собрана коллекция мелкой тувинской пластики, на-

считывающая более 200 экспонатов, множество зарисовок [Павлова, 2012, с. 50]. Таким образом, в период с конца XIX до начала XX в. идет накопление материальной базы для дальнейшего изучения народного тувинского искусства.

Советское правительство не оставило идею развития кустарной промышленности и использования ее как источника средств на нужды модернизации. Традиции ламаистского искусства в Туве были утрачены к 1930-м гг. в связи с антирелигиозной политикой новой тувинской власти, а мастера-ламы перешли на изготовление декоративно-прикладных изделий и бытовых вещей из дерева и поделочного камня, став первым поколением тувинских народных мастеров. Из искусства уходят буддийские мотивы, их заменяют бытовые сцены новой жизни. В это же время предпринимаются первые попытки промысловой кооперации мастеров-резчиков, все сильнее заметно влияние «советского стиля» на изделия мастеров [Вайнштейн, 1974, с. 191].

С первой четверти XX в. изделия тувинских ремесленников курируются структурами «Кустэкспорта» и имеют спрос за рубежом. В 1930-е гг. оформляются государственные заказы на изготовление традиционных шахмат и скульптур из агальматолита. Поддержка государства обеспечивает сохранение тувинского камнерезного промысла, выводя его на позиции ведущего направления народного прикладного искусства Тувы [Павлова, 2012, с. 63].

Однако уже к 1940–1950-м гг. другие промыслы и ремесла, связанные с традиционной культурой (изготовление одежды и обуви, деталей и обстановки юрты), утратили актуальность и пришли в упадок. В целях решения возникших проблем в Туву для изучения и поддержания традиций художественного творчества направляются квалифицированные художники из России. Тувинские мастера (С.К. Ланзы, И.Ч. Салчак, С.Ш. Саая, М.А. Даржай и др.) едут на учебу в художественные центры Москвы, Ленинграда, Казани, Красноярска и Омска. Формируется общее культурное пространство, в т.ч. обусловленное вхождением Тувы в состав СССР в 1944 г., что находит отражение в увеличении доли мотивов новой советской жизни в искусстве мелкой каменной пластики. К этому времени пропадает свойственная традиционному искусству анонимность и оформляется понятие авторства изделий.

Согласно исследованиям, проведенным Институтом художественной промышленности, в 1950–1960-е гг. в традиционной манере по различным районам Тувы работали чеканщики, ювелиры, мастерицы шитья, резчики по дереву и т.п. В результате экспедиций института формируется фонд образцовых изделий, а на основе анализа материалов вырабатываются рекомендации для восстановления промыслов, сохранения в них «национального» компонента. Уже в начале 1960-х гг. художники-камнерезы из Тувы становятся активными участниками сибирских зональных и всероссийских выставок.

В 1960 г. тувинские мастера Х.К. Тойбухаа и М.Х. Черзии участвуют во Всесоюзной выставке работ самодеятельных художников и народных мастеров прикладного искусства в г. Москве. При участии мастеров начинаются эксперименты по внедрению традиционных технологий в местную промышленность – на базе мастерской Ак-Туругского детского дома организуется выпуск мебели, украшенной национальным орнаментом, но опыт не получает дальнейшего развития [Троякова, 2013, с. 46].

Преподавание декоративно-прикладного искусства, включая резьбу по агальматолиту, включается в образовательные практики и становится одним из направлений обучения в открывшейся в 1967 г. детской художественной школе в г. Кызыле и на художественном отделении Кызыльского училища искусств. В течение 1970-х гг. по республике формируется сеть детских художественных школ и школ искусств с камнерезными отделениями. Всесторонняя поддержка оказывается самодеятельным художникам в виде организации студии при Доме народного творчества в г. Кызыле, нескольких изостудий, кружков художественного творчества в районах республики. В 1978 г. создается «Экспериментальное предприятие народно-художественных промыслов и сувениров» для объединения и координации мастеров-надомников, специализирующихся на изготовлении национальной одежды, музыкальных инструментов, мелкой скульптуры из камня.

Эти мероприятия закладывают основы профессионального этнического искусства Тувы. При этом тувинская каменная пластика развивается в профессиональное художественное ремесло, не отрываясь от фольклорных истоков, и к началу 1980-х гг. в Туве существуют три постоянно действующие школы камнерезов: в поселках Тээли и Кызыл-Даг Бай-Тайгинского р-на, в г. Эрзине. Из тридцати работавших в Туве в 1983 г. мастеров-резчиков двенадцать приняты в члены Союза художников СССР.

С 1980-х гг. профессиональными художниками-камнерезами В.Ш. Салчаком и С.Х. Кочаа предпринимаются попытки возрождения других видов традиционного прикладного искусства – обработки кожи и ювелирного дела.

Еще в 1980-е гг. С.Х. Кочаа познакомился с мастером Малаховским, обучившим его азам литья

металла. С привлечением опыта старейших мастеров-ювелиров Тувы и Бурятии были восстановлено искусство литья, чеканки, инкрустации, а также формы традиционных тувинских украшений, мужского костюма, убранства коня. Далее под руководством С.Х. Кочаа в филиале Тээлинского профтехучилища в Кызыл-Даге обучались мастера художественных изделий из кожи. В.Ш. Салчак готовил мастеров по камню. По результатам педагогической деятельности мастерами были разработаны учебная программа «Традиционная культура древних тувинцев», выключившая авторские разработки по технологии выделки шкур, по работе с агальматолитом для кызылдагской республиканской экспериментальной площадки по возрождению народных ремесел, ориентированные на реализацию в пятом–девятом классах средних школ [Искатель…, № 25].

В своих интервью С.Х. Кочаа отмечал, что «сегодня кузнецы уже не работают по традиционной технологии. Им необходимы специальное оборудование литейного цеха, а инвентарь традиционного способа изготовления был приспособлен для жизни кочевника – помещался в сумке» [Искатель…, № 24]. Так, восстановление отраслей народного искусства, не связанного с камнеобработкой и не получившего поддержки государства, с пресекшейся живой традицией осуществлялось на основе привлечения всех доступных технологий и техник.

Новый этап интереса к народным промыслам Тувы приходится на рубеж 1990-х гг., когда в регионе актуализируются темы восстановления и развития этнических культур коренных народов.

В структуре «Тувинского центра народного искусства», созданного в 1990-е гг. в с. Кызыл-Даг, объединились мастера, владеющие технологиями литья и художественной обработки металла, изготовления конской упряжи, народных инструментов, выделки кожи и др., но ведущей специализацией центра остается камнерезное искусство (мастера Д. Тойбухаа, В. Салчак, К. Саая).

С 2001 г. мастеров-резчиков по камню и дереву, по пошиву одежды и изготовлению кожевенных изделий объединяет предприятие «Суй-Белек», созданное в результате преобразования «Экспериментального предприятия народно-художественных промыслов и сувениров». К числу предприятий и организаций народных промыслов относятся также: Кызылская мебельная фабрика, на которой изготавливаются изделия из меха и тканей с национальной вышивкой, изделия из камня и дерева; Чаданский райпромкомбинат, специализирующийся на художественных изделиях из дерева; Кызылская ковровая фабрика. В республике хорошо известен эрзинский кружок камнерезов «Чонар-даш» [Павлова, 2012, с. 121–122]. При этом большая часть тувинских мастеров работает на дому, традиционные предметы быта изготавливают для личного пользования, реже на заказ, а не на широкую продажу.

Активное содействие развитию народных промыслов и ремесел оказывает «Центр традиционной тувинской культуры и ремесел», организованный по инициативе Министерства культуры Республики Тыва 2008 г. в Кызыле. Целями работы центра стали: создание нормативно-правовой базы развития тувинской традиционной культуры; формирование электронной базы данных и библиотеки; обеспечение условий для сохранения и развития культуры тувинского народа (декоративно-прикладное искусство, традиционная кухня, национальная одежда, национальные игры и обряды, устный и музыкальный фольклор и др.); популяризация культурного наследия тувинского народа через различные формы культурно-досуговой и учебно-познавательной деятельности. Важным направлением работы Центра стала социальная поддержка мастеров и сохранение традиционных промыслов. Сегодня в Центре работают мастерские по изготовлению национальной одежды, национальных инструментов, сувенирной продукции, изделий народно-художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства, проводятся обучающие семинары и мастер-классы [Центр…].

В настоящее время основные творческие поиски мастеров по-прежнему сосредоточены на развитии промыслов и ремесел, связанных с убранством юрты, производством национальной одежды, аксессуаров и украшений, изготовлением конской сбруи, предметов быта, орудий труда, охоты и т.п. Неоценимый вклад в это дело внес ушедший из жизни в 2018 г. С.Х. Кочаа. Ему принадлежат разработки технологии литья из металла для создания гальванокопий археологических и этнографических экспонатов, концепция изготовления когээржиков (кожаных сосудов для молочной водки), модернизация технологий тиснения по коже, чеканки металла, обработки дерева, резьбы по камню. Мастер также участвовал в восстановлении промысла по художественной металлообработке в Онгудайском р-не Республики Алтай [Мастер…]. В.Ш. Салчак продолжает работу с агальматолитом, он разработал собственное оригинальное направление в камнепластике – ажурные пустотелые изделия [Мелодия…].

С 2010-х гг., поддерживая общее оживление интереса к сфере народного искусства в Саяно-Алтайском регионе, в Республике Тыва активизируются инициативы в сфере охраны и развития народных промыслов и ремесел. С 2010 г. для поддержки и популяризации войлочного ремесла в г. Кызыл

ежегодно проводится Международный фестиваль войлока «Узоры жизни на войлоке», включающий презентации мастеров-участников, выставку-продажу и обучающие мастер-классы по валянию войлока, изготовлению изделий, росписи. Кроме этого, тувинские мастера участвуют в подобных мероприятиях, проводимых в Республиках Хакасия и Алтай, проходят стажировки по восстановлению и развитию войлочных технологий за рубежом, укрепляя международное сотрудничество в этой сфере.

В 2012 г. Правительство Республики Тыва одобрило проект закона «Об охране нематериального культурного наследия», в которое входят знания и навыки, связанные с традиционными ремеслами. На основе этого закона Министерством культуры Республики Тыва разработана государственная программа «Развитие культуры и туризма на 2014–2020 годы», направленная на «сохранение культурного и исторического наследия народа; повышение качества и доступности услуг в сфере внутреннего и международного туризма; сохранение и развитие системы профессионального образования в сфере культуры и искусства». Программа предусматривает поддержку как профессионального, так и самодеятельного народного прикладного искусства, создание благоприятной среды для ремесленников и повышения роли народного искусства в формировании бренда Республики Тыва.

В программу включен проект «Одно село – один продукт», нацеленный на развитие «материальных брендов республики, которые бы передавали самобытность Тувы, ее дух. Доносили до самых разных уголков России, что здесь живут люди дела, мастеровитый народ, бережно хранящий многовековые традиции» [Москвина, Октябрьская, Павлова, 2015, с. 120]. В 2013 г. из представленной по проекту продукции более 34 % относились к национальным изделиям (инструменты, одежда, ювелирные украшения из серебра, миниатюрная скульптура из агальматолита и каменной соли, изделия из меха и кожи, кованые изделия из металла), т.е. осуществляются попытки включения народных промыслов и ремесел в экономику региона [Там же]. С 2013 г. действуют Художественно-экспертный совет по народным художественным промыслам при Правительстве республики и Ремесленная палата, проводятся форумы ремесленников [На республиканском форуме…].

Знаковым событием в сфере народного искусства Тувы стало проведение в 2016 г. в Кызыле Международной научно-практической конференции по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья. Ее целью стало «осмысление проблем, связанных с возрождением и сохранением народных традиций декоративно-прикладного искусства, бережным отношением к наследию национальной культуры, развитием межрегионального сотрудничества, а также стимулирование интереса современных мастеров, творческих коллективов к изучению культурного наследия народов России». В своих выступлениях мастера и исследователи обращали внимание на проблемы доступности источников по народному искусству, стандартизацию, стилизацию и унификацию изделий при массовом изготовлении, а также на экономические аспекты развития промыслов и ремесел. К конференции были приурочены Международный симпозиум «Деревянная резьба в творчестве мастеров Центральной Азии» и выставка прикладного искусства. По материалам выставки можно сделать заключение, что в Туве по-прежнему ведущим остается камнерезное искусство, сохраняются орнаментальные традиции, развиваются промыслы, связанные с изготовлением одежды и аксессуаров, однако ювелирное искусство пока еще не имеет широкого распространения [Кыргыс, 2016].

Стойкий интерес к теме народного искусства обозначил проведенный в 2018 г. в с. Кызыл-Даг I Республиканский фестиваль тувинской народной культуры «Монгун кержек» («Серебряное тесло»), посвященный Году малых сел в Республике Тыва и светлой памяти заслуженного художника Тувинской АССР, народного мастера Тувы С.Х. Кочаа. В программу фестиваля был включен круглый стол по теме «Народно-художественные промыслы в Туве: проблемы и перспективы развития», объединивший 78 мастеров из 10 кожуунов республики. Подобный представительный состав сделал это мероприятие крупнейшим фестивалем мастеров народно-художественных промыслов и декоративно-прикладного искусства в Республике Тыва.

В 2019 г. был проведен второй фестиваль «Монгун кержек», закрепивший в культурной повестке Республики Тыва тему народного искусства и промыслов. В программу фестиваля были включены конкурс мастеров, выставка-ярмарка изделий народных промыслов, мастер-классы по традиционным ремесленным технологиям (резьба по камню, обработка кожи) и II Межрегиональная научно-практическая конференция «Традиции и современность искусства народов Саяно-Алтая». Мастер-класс по изготовлению кожаного сосуда когээржик провела Л.М. Кочаа со своей ученицей Л.К. Кандан. По ее словам, в Кызыл-Даге на сегодняшний день есть только три мастера, изготавливающих подобные сосуды по технологии, восстановленной С.Х. Кочаа в 1980-х гг. (ПМА: 2019, с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского кожууна Республики Тыва).

Материалы фестиваля свидетельствуют о широком бытовании народных промыслов и ремесел в Туве на сегодняшнее время. Активно продолжает развиваться камнерезное искусство, ставшее брендом Республики Тыва. В конкурсе мастеров эта номинация была наиболее многочисленной и оценивалась по двум направлениям – изделия из агальматолита и изделия из серпентина. Вторыми по количеству мастеров-участников стали промыслы по обработке мягких материалов, включившие в себя традиционные меховые изделия, одежду, интерьерные предметы из войлока и ткани, кожаную обувь и пр. В современном тувинском ювелирном искусстве отчетливо выделяются два направления: стилизованные женские украшения с этническими мотивами из драгоценных металлов, преимущественно серебра (серьги, кольца, ожерелья) и женские накосные украшения (чавага, боошкун), повторяющие традиционные формы музейных образцов. В структуре промыслов в меньшей мере присутствует деревообработка и роспись по дереву, а также кузнечные изделия.

Можно говорить, что развитие современного народного тувинского искусства идет по следующим направлениям: изготовление изделий по традиционным технологиям, копирование музейных образцов с их последующим осмыслением и приспособлением к современным реалиям жизни, авторские поиски в русле стилизации и использования современных технологий. При этом мастера не только интересуются технико-технологическими подробностями своего ремесла, но и стараются осмыслить символические значения орнаментов, цветовых и конструктивных решений изготавливаемых ими вещей.

Важным направлением в сфере развития народного прикладного искусства в форме промыслов и ремесел в Республике Тыва становится его внедрение в сферу малого предпринимательства. Участники фестиваля во время дискуссии отметили, что данный процесс находится в своем становлении и обнаруживает определенные проблемные места, связанные с законодательной и налоговой составляющей (ПМА: 2019, с. Кызыл-Даг Бай-Тайгинского кожууна Республики Тыва).

Изделия народного искусства, в первую очередь художественная резьба из агальматолита и серпентина, остаются узнаваемым материальным брендом Республики Тыва. Стойкий интерес к проблемам сохранения и развития историко-культурного наследия определяет процессы, протекающие в среде народного искусства Тувы.

Благодарности

Исследование выполнено по проекту НИР № 0329-2018-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

Вайнштейн С.И. История народно-прикладного искусства Тувы. – М.: Наука, 1974. – 224 с.

Искатель забытых ремесел // Центр Азии. – № 24 (18–24 июня 2010 г.). – URL: http://www.centerasia.ru/issue/2010/24/3455-iskatel-zabitikh-remyosel.html (дата обращения: 02.08.2019).

Искатель забытых ремесел // Центр Азии. – № 25 (25 июня – 1 июля 2010). – URL: http://www.centerasia.ru/issue/2010/25/3463-iskatel-zabitikh-remyosel.html (дата обращения: 02.08.2019).

Кон Ф.Я. За пятьдесят лет. Экспедиция в Сойотию // Собр. соч. – М., 1934. – Т. 3. – С. 109–110.

Кыргыс З.К. I Международная научно-практическая конференция по возрождению прикладного искусства, ремесел и верований народов Саяно-Алтайского нагорья (24–27 июля 2016 г., г. Кызыл) // Новые исследования Тувы. – 2016. – № 3. – URL: http://nit.tuva.asia/nit/article/view/470 (дата обращения: 17.09.2019).

Мастер мирового уровня // Тувинская правда. – 29.06.2012. – № 70. – URL: http://tuvapravda.ru/?q=content/master-mirovogo-urovnya (дата обращения: 12.09.2013).

Мелодия камня // Центр Азии. – 23–24 октября 2008 г. – № 42. – URL: http://www.centerasia.ru/issue/2008/42/2304-melodiya-kamnya.html (дата обращения: 12.09.2019).

Москвина М.В., Октябрьская И.В., Павлова Е.Ю. Народные художественные промыслы Южной Сибири: современные практики сохранения культурного наследия // Universum Humanitarium. – 2015. – № 1. – С. 114–123.

На республиканском форуме ремесленников будет создана Ремесленная палата Тувы // Новые исследования Тувы. – URL: http://www.tuva.asia/news/tuva/5701-remesl.html (дата обращения: 12.09.2019).

Павлова Е.Ю. Народные художественные промыслы Саяно-Алтая в контексте этнокультурного развития России (конец XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 276 с.

Троякова Ю.К. Камнерезное изобразительное искусство Тувы в 1965–1970-е гг.: истоки, проблемы и тенденции развития // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2013. – № 4 (20). – С. 46–50.

Центр развития тувинской традиционной культуры и ремесел. – URL: http://tuvancenter.com (дата обращения: 05.08.2019).

Червонная С.М. Художники Республики Тыва. – СПб., 1995. – 184 с.

References

Chervonnaya S.M. Khudozhniki Respubliki Tyva. St. Petersburg, 1995, 184 p. (in Russ.).

Iskatel' zabytykh remesel. *Tsentr Azii*, No. 24 (18–24 iyunya 2010). URL: http://www.centerasia.ru/issue/2010/24/3455-iskatel-zabitikh-remyosel.html (Accessed: 02.08.2019) (in Russ.).

Iskatel' zabytykh remesel. *Tsentr Azii*, No. 25 (25 iyunya – 1 iyulya 2010). URL: http://www.centerasia.ru/issue/2010/25/3463-iskatel-zabitikh-remyosel.html (Accessed: 02.08.2019) (in Russ.).

Kon F.Ya. Za pyat'desyat let. Ekspeditsiya v Soiotiyu. *Sobraniye sochineniy*. Moscow, 1934, vol. 3, pp. 109–110 (in Russ.).

Kyrgys Z.K. I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya po vozrozhdeniyu prikladnogo iskusstva, remesel i verovanii narodov Sayano-Altaiskogo nagor'ya (24–27 iyulya 2016 g., g. Kyzyl). *Novye issledovaniya Tuvy*, 2016, No. 3. URL: http://nit.tuva.asia/nit/article/view/470 (Accessed: 17.09.2019) (in Russ.).

Master mirovogo urovnya. *Tuvinskaya Pravda*, 29.06.2012, No. 70. URL: http://tuvapravda.ru/?q=content/master-mirovogo-urovnya (Accessed: 12.09.2013) (in Russ.).

Melodiya kamnya. *Tsentr Azii*, 23–24 oktyabrya 2008, No. 42. URL: http://www.centerasia.ru/issue/2008/42/2304-melodiya-kamnya.html (Accessed: 12.09.2019) (in Russ.).

Moskvina M.V., Oktyabr'skaya I.V., Pavlova E.Yu. Narodnye khudozhestvennye promysly Yuzhnoi Sibiri: sovremennye praktiki sokhraneniya kul'turnogo naslediya. *Universum Humanitarium*, 2015, No. 1, pp. 114–123 (in Russ.).

Na respublikanskom forume remeslennikov budet sozdana Remeslennaya palata Tuvy. *Novye issledovaniya Tuvy*. URL: http://www.tuva.asia/news/tuva/5701-remesl.html (Accessed: 12.09.2019) (in Russ.).

Pavlova E.Yu. Narodnye khudozhestvennye promysly Sayano-Altaya v kontekste etnokul'turnogo razvitiya Rossii (konets XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 276 p. (in Russ.).

Troyakova Yu.K. Kamnereznoe izobrazitel'noe iskusstvo Tuvy v 1965–1970-e gg.: istoki, problemy i tendentsii razvitiya. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl'*, 2013, No. 4 (20), pp. 46–50 (in Russ.).

Tsentr razvitiya tuvinskoi traditsionnoi kul'tury i remesel. URL: http://tuvancenter.com (Accessed: 05.08.2019) (in Russ.).

Vainshtein S.I. Istoriya narodno-prikladnogo iskusstva Tuvy. Moscow: Nauka, 1974, 224 p. (in Russ.).

Красавина М.В. https://orcid.org/0000-0002-8940-5244

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.700-707
УДК 392.5+398.8+391

В.В. Лыгденова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Эволюция символов и этапы свадебного обряда у баргузинских бурят в XX – начале XXI века

Статья написана на основе полевых материалов, собранных автором в ходе полевых экспедиций в Баргузинский и Курумканский р-ны Республики Бурятия в 2012–2019 гг. Использован этнолокальный анализ, который подразумевает исследование культурных особенностей этнической группы на определенной территории, что позволило автору обнаружить символы, характерные для группы баргузинских бурят. Рассмотрены символы заключения договора о браке, сватовства, девичника, установки коновязи, которые являются ключевыми в процессе подготовки и празднования свадьбы. В качестве иллюстративного материала представлены фольклорные песни, которые исполняются для одевания невесты, изготовления приданого и во время свадьбы. Выявлены элементы архаичного матрилокального культа, которые прослеживаются на всех этапах свадебной обрядности, а также следы шаманского и буддийского влияния на раннерелигиозные культы (поклонение тотемам рода, особая роль буддийских лам в установке даты сватовства и свадьбы и т.д.). Сделан вывод, что эволюция свадебных символов и образов связана с изменением религиозных воззрений баргузинских бурят и с приобщением их к буддизму, а также с пережитками матрилокального строя.

Ключевые слова: *свадьба, баргузинские буряты, матрилокальный культ, свадебные песни, этнография.*

Victoria V. Lygdenova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: victoria.lygdenova@gmail.com

Evolution of Symbols and Stages of Wedding Ritual Among the Barguzin Buryats in the 20th – Early 21st Centuries

The article analyzes the evolution of wedding symbols and metaphors among the Barguzin Buryats, as well as the main stages of their wedding traditions based on the field evidence gathered by the author during the expeditions to Barguzin and Kurumkan Districts of the Republic of Buryatia in 2012–2019. Ethno-local analysis of specific cultural features manifested by an ethnical group living on a specific territory has made it possible to identify symbols, traditions, and folk materials typical of the ethnic group of the Barguzin Buryats. Symbols of marriage agreement, matchmaking, pre-wedding girls' party, and setting up the hitching pole, which are the key elements in the process of preparing and celebrating the wedding, have been established. The songs sung during bride's dressing and preparation of dowry, and at the wedding are used as illustrations. Elements of archaic matrilocal cult have been found at all stages of wedding rituals; traces of shamanistic and Buddhist influence on the early religious cult (tribal totems worship, special role of Buddhist lamas while setting the dates of matchmaking and wedding, etc.) also appear. The author concludes that evolution of wedding symbols and metaphors is associated with changes in Barguzin Buryat religious worldview with their conversion to Buddhism, and with remnants of matrilocal cult.

Keywords: *wedding, Barguzin Buryats, matrilocal cult, wedding songs, ethnography.*

Свадебные обряды народов Сибири часто являются объектом внимания этнологов не только потому, что поражают своей красочностью и значимостью, но и в связи с тем, что содержат архаичные символы и культы родоплеменного сообщества. Тем не менее становится все труднее выделить то, что предшествовало наслоению более поздних религиозных и культурных влияний и является отголоском традиций родоплеменной общины. В таких случаях особенно продуктивным является анализ эволюции символов на примере одной этнолокальной группы (в нашем случае бурят, именующих себя баргузинскими, согласно месту проживания), которая в наименьшей степени подверглась внешнему влиянию. В статье использованы полевые материалы автора, собранные на северо-востоке Республики Бурятия – в Баргузинском и Курумканском р-нах – в 2012–2019 гг. В качестве объекта исследования выбрана этнолокальная группа баргузинских бурят, т.к. из-за территориальной отдаленности и труднодоступности региона, а такжее миграции баргузинских бурят из Предбайкалья в XVIII в. многие традиции и обычаи данной этнолокальной группы не видоизменились. Кроме того, влияние буддизма на традиции и обряды, по сравнению с другими группами забайкальских бурят, у баргузинских выражено намного слабее, ведь буддизм пришел на эту территорию поздно – только в начале XIX в.

Поскольку баргузинские буряты исторически относятся к верхоленским бурятам, то описания некоторых свадебных традиций верхоленских бурят мы обнаруживаем в работах М.Н. Хангалова [2004] и С.П. Балдаева [1959]. Свадебные обряды у баргузинских бурят в 1950–1960-е гг. описаны в работах К.Д. Басаевой и Г.Р. Галдановой. В статье К.Д. Басаевой рассматривается влияние советской идеологии на свадебную обрядность баргузинских бурят [1980], а в трудах Г.Р. Галдановой дан обзорный сравнительный анализ свадебных обрядов у бурят из Иркутского, Тункинского, Селенгинского и Агинского р-нов Бурятии, монголов и тюрков [1986], а также частично – баргузинских бурят [1992]. Некоторые данные из работ М.Н. Хангалова, К.Д. Басаевой и Г.Р. Галдановой использованы в нашей статье с целью наиболее полной характеристики основных этапов свадебного обряда у баргузинских бурят в XX – начале XXI в. При выявлении эволюции свадебной символики используется методология, разработанная Н.Л. Жуковской, для анализа системы символов монгольских традиций и обрядов [1988].

В представленном исследовании используются материалы, которые не описаны в работах предшественников, касающиеся деталей, характерных для различных этапов свадьбы у баргузинских бурят. Например, подробно описан предсвадебный обряд «милагаан», записанный в интервью с Ириной Гомбоевной Посходиевой (1942 г.р., с. Баянгал Курумканского р-на, род шубтхэй шоно) на основании информации от ее матери Эрэнджид Зонхиевны Гомбоевой (1899 г.р.). В статье впервые использованы свадебные песни на баргузинском диалекте бурятского языка, которые на протяжении второй половины XX и начала XXI в. исполняются фольклорным ансамблем «Баянголай гургалдайндуу» (с. Баянгол, Курумканский р-н) и также параллельно русскому языку даются названия этапов свадебного обряда и элементов свадебной церемонии на местном баргузинском диалекте. Диалектизмы часто указывают на архаику элементов свадебной традиции и уточняют их семантику. В связи с тем что многие элементы свадебной обрядности были переосмыслены и трансформированы в конце XX – начале XXI в., некоторые аспекты свадебной традиции освещены в обновленном ракурсе.

Свадебные традиции баргузинских бурят сохранили черты, характерные для матрилокального культа. Согласно сведениям информанта И.Г. Посходиевой, которая записала их от своей матери Э.З. Гомбоевой (1899 г.р.), предположительно, во второй половине XIX в. жених приезжал к невесте и жил с семьей невесты. Однако в любой момент он мог уехать обратно к себе на родину на длительное время, а жена надолго оставалась дома. Поскольку приданое жены составляло несколько тяжелых сундуков с одеждой и дорогостоящими украшениями, то при отъезде мужа в свой улус одной жене вывезти приданое в другое место было затруднительно. После рождения детей жена уже не могла переехать к мужу, поэтому, по мнению информанта, впоследствии матрилокальный тип брака сменился патрилокальным. В свадебной обрядности бурят, в особенности у баргузинской этнолокальной группы, сохранились в пережиточной форме отголоски всех этапов развития института брака и семейно-брачных отношений, начиная с эпохи разложения материнского рода, когда институт свадебной обрядности только складывался. Сюда можно отнести все предсвадебные церемонии и такие обряды, как приобщение жениха к роду невесты, церемонии угощения стороной жениха родственников невесты на его родине, особая роль дяди по матери и др. На матрилокальные традиции баргузинских бурят обращает внимание и Г.Р. Галданова. Так, например, она отмечает, что изготовление сундуков отцом невесты в качестве приданого для молодоженов, несомненно, указывает на существование матри-

локального строя у баргузинских бурят в прошлом [1986, с. 135] .

Подготовка к свадьбе и сама свадьба у бурят подразделяются на несколько этапов: договор о свадьбе между отцами жениха и невесты, сватовство, обход невестой родственников, раздача мяса родственникам и подготовка приданого невесты, передача калыма (если брак заключен не по обмену сестер и братьев из одной семьи), девичник на стороне невесты, проводы невесты, свадьба, установка коновязи-сэргэ. Остановимся на каждом из них подробнее.

Договор о свадьбе детей между отцами обеих сторон. В конце XIX – начале XX в. прежде чем вести переговоры о свадьбе, двум сторонам необходимо было ознакомиться с родословными жениха и невесты для того, чтобы не было кровосмешения (до седьмого колена было недопустимо). Часто жених и невеста могли быть выбраны по договору отцов еще до рождения, т.е. когда их матери были ими беременны. Символом такого договора являлся обмен кушаками: при договоре о женитьбе своих будущих детей их отцы обменивались поясами. В связи с этим жених с невестой зачастую не были знакомы до момента свадьбы. Например, информант Раднаева Дынцыма Ламажаповна (1929 г.р., с. Гарга Курумканского р-на, род харбад hэнгэлдэр) добавляет, что в начале XX в. при нежелании жениха и невесты жениться, их могли посадить вместе в сарай и закрыть до достижения согласия. Брак по согласию жениха и невесты, характерный для западной культуры, стал особенно распространенным при крещении бурят, поскольку после крещения жениху и невесте разрешалось жениться по западной традиции, т.е. по обоюдной любви.

Сватовство (барг. бурят. *ураг орохо* «породниться», бурят. *тахил табилга* или *хадаг табилга*). Отметим, что церемония сватовства соблюдается баргузинскими бурятами и в начале XXI в. Выполнение роли посредника между двумя сторонами поручается уважаемому лицу, знакомому обеим семьям, которое может успешно справиться с задачей договора. Обе стороны договариваются о месте и времени проведения сватовства (бурят. *болзор*): для этого родственники со стороны жениха узнают в дацане благоприятную дату для сватовства. Большую роль в свадебном обряде играет не только отец, но и *нагаса* – родной брат матери жениха и невесты, который занимает почетное место во всех обрядах. До сих пор пожилые информанты спрашивают при знакомстве: «Кто твой брат по матери?», поскольку брат матери почитается наравне с отцом и по его репутации судили о человеке. При обсуждении сватовства также составляют список сватов из трех, пяти или семи человек (нечетное число): среди них должны быть отец, брат матери, брат отца (бурят. *абга*), муж сестры (бурят. *хурэха*), друг семьи (бурят. *худэ*): авторитетный, здоровый, в годах, имеющий жену, детей и внуков и обладающий красноречием, т.е. знающий благопожелания – *юрөөлы*). На сватовство приезжает друг жениха (бурят. *нухэр хубуунин*), но сам жених остается дома. В настоящее время жених может присутствовать на сватовстве. Женщинам ехать со сватами нельзя. Информант И.Г. Посходиева сообщила, что ее мама (1899 г.р., род *бурэ hэнгэлдэр*) в начале XX в. наблюдала, как женщину, приехавшую со сватами, выгнали с порога веником, чтобы она не принесла порчи. Сваты перед поездкой должны взять ритуальное угощение для бурхана (бурят. *далга*), кусок топленого масла или жира для подношения огню. Сваты и принимающая семья невесты обсуждают подарки на свадьбу (бурят. *зутхул*). Ранее, в начале XX в., у баргузинцев такого обычая не было: сейчас, в 1990-е – начало 2000-х гг., женщинам дарят платки и полотенца (в прошлом – отрезы ткани), мужчинам – рубашки. Войдя в дом, сваты, не здороваясь, сразу проходят к священному углу в доме (в начале XX в. – к шаманским онгонам, а впоследствии вплоть до начала XXI в. – к буддийскому божеству – бурхану) и совершают ритуальное подношение «*далга*», состоящее из сладостей и лучшей еды (бурят. *бурханда мүргэхэ*), затем подают *хадаг* – ритуальный буддийский шарф – старейшинам, а также подносят топленое масло духу огня, брызгая его в печь или в костер (бурят. *галда мүргэхэ*). После подношения хозяевам очага и дома все садятся за стол. Встречать гостей принято радушно. *Худэ* говорит: «У нас есть парень, чтобы поймать соболя, а у вас есть девушка, которая может его отделать» (бурят. *Бидэ булга бариха хүбүүтэйбди, танда булга эсхэжэ юумэ оёдог басаган бии гэжэ дуулад ерэбэбди*) (ПМА). После такого вступления заводили разговор о хороших качествах жениха и невесты. Затем садились к столу, и совершался обряд «*адуу эдеэн*», в ходе которого отец жениха или жених спрашивали у родных невесты: «Сколько лошадей вы просите за девушку?», т.е. происходил договор о калыме. Также о том, какой скот и сколько денег сваты отдают за невесту (бурят. *басаганай эреэлтэ*). Если калым затруднителен для сватов, то договаривались по поводу женитьбы вторых детей в обмен на калым, если есть дочь и сын в семьях (бурят. *андаляата* – «обмен калыма на невесту»). Подарки на свадьбу делаются не всем родственникам, поэтому также договариваются, кому какие подарки необходимо преподнести на свадьбе (бу-

рят. *зүдхэл*). Сватам нужно вернуться домой до захода солнца. На сватовстве раньше водку не пили и не подносили, подарков тоже не дарили.

Предсвадебный обряд «Милааган». За две недели до свадьбы невеста с подругой в течение недели должна была обойти своих родственников: ей дарят деньги, украшения, скот для свадьбы (после свадьбы невеста и ее семья обязаны были подарить каждому родственнику равноценные подарки, когда у них, в свою очередь, дочь выходила замуж). После этого, за неделю до свадьбы, семья невесты забивала корову или барана, звали родственников и раздавали сырые именные куски мяса по определенной иерархии (бурят. *мяха нэрээрээ*) каждому родственнику в знак благодарности: самое лучшее мясо – лопатка (бурят. *далаа мяха*) дается дяде со стороны матери. Этот обряд назывался «милааган». Делить и раздавать мясо должен был юноша (обычно брат невесты). Если по ошибке он давал мясо не тому родственнику, то его хлестали плеткой, а того, кто принял это мясо, – порицали: разрезали мясо и вешали ему на шею в наказание. Девушки до 18 лет на этот обряд не приглашались. По словам информанта, если всем родственникам мяса не хватило, то нужно было сказать так: «*Милаагадай мяхан хүсөө*» или «*мяха нэрээрээ хуртөө угэ*» – мясо для милагаан закончилось – в этом случае родственники не должны были обижаться. И.Г. Посходиева уточнила, что, по словам ее матери, невеста могла не обходить родственников, т.к. подарки ей можно было преподнести во время одаривания родственников мясом (ПМА). Схожий обряд упомянут у Г.Р. Галдановой, но, в отличие от информации, полученной от информантов, она пишет, что «милагаа» был связан с празднованием совершеннолетия дочери или сына накануне свадьбы и этот праздник не справляли, если дочь родила до замужества [1986, с. 138–139]. Описанный обряд связан с традициями родоплеменного сообщества и выражает проявление уважения к родственникам посредством приглашения их на освежевание туши и угощения. Однако подробного описания данного ритуала не представлено.

Подготовка украшений и приданого для невесты. На собранные во время обряда деньги невеста готовила себе приданое, нарядный костюм с длиннополой безрукавкой, характеризующий статус замужней женщины и свадебные украшения. Одно из украшений – *юбүүн* характерно для баргузинских буряток. Оно представляет собой ложкообразное пластинчатое серебряное украшение, которое подвешивается на лоб или вплетается в косички на висках. Надевают *юбүүн*, после него *даруулга* (коралловый венок) и поверх них – шапка. Когда невесту украшают перед свадьбой, то поется песня для каждого украшения. При одевании на невесту украшения *юбүүн* пелась такая песня:

Онёогой баруун биин басагад
Оложкайн шэнээн ебүүнтэйнүүд,
Харуунай баруун биин басагад
Халбагайн шэнээн ебүүнтэйнүүд.

У девушек с западной стороны
Украшение юбүүн на лбу размером с ложку,
У девушек с западной стороны
Ложкообразное украшение – юбүү.

[Свадебные обряды…, 2016].

В девичестве девушка ходит с одной косой, перед свадьбой ее косу переплетают в две косы и украшают голову коралловым венком (бурят. *даруулга*):

Дэрээн дэрээн газарай
Дэлхэйн холые мэдэхэгүйб.
Дэнзэтэй hайхан малгайhаа
Дээрэ хүндэм байхагүй.

В прекрасной горной местности,
Не знаю более красивой земли,
Где бы шапка с навершием коралловым дэнзэ
Была бы красивее!

[Там же].

Короткая девичья безрукавка меняется на длиннополую уужа, украшенную монетами или пуговицами:

Халуун наранда хубирхашгүй,
Харбажа оеhон уужамни,
Хамагай хэлэндэ гажархашгүй,
Халуун эреэн зүрхэмни.

Под ярким солнечным светом
Никогда наша безрукавка свой цвет не поменяет
Она согревает сердце девушки,
Под этим платьем бьется горячее и доброе сердце.

[Там же]

На шею невесте вешали *гуу* – талисман-медальон, внутри которого лежала молитва или образ буддийского божества (у каждой невесты свое божество, согласно году ее рождения). Невеста надевала на свою длиннополую безрукавку *уужа пинхуза* (сумочка с табакеркой и табаком подвешивалась на пуговицу, девушки курили, но не при родителях) [Тинхалаев, 2017].

Перед свадьбой семья и родственники невесты готовили для нее приданое (барг. бурят. *залга, тугэд заhал*). Участвовали в этом процессе преимущественно женщины. Для каждой невесты был свой комплект приданого. У баргузинских бурят такое приданое состояло из следующих вещей, количество которых названо условно и зависело от благосостояния семьи невесты:

– три платка (бурят. *пулад*) – один для работы, второй для праздников, третий – в качестве накидки на спину, т.к. отцу жениха невестка не должна была показывать спину и для этого накидывала платок;

– два сундука (барг. бурят. *хобто*), которые изготавливаются без гвоздей. Если невеста выходит замуж зимой, то кладет туда летние вещи, и наоборот. Рабочую одежду кладет отдельно от праздничной – в другой сундук;

– два матраца (бурят. *шэрдэг*) – для шитья матрацов приглашали женщин-родственниц, которые вместе шили матрацы и помогали невесте. Для шитья *шэрдэг* выбирали благополучный день в дацане, а до начала XX в., согласно информанту И.Г. Посходиевой и ее матери, достаточно было договориться всем родственникам по поводу даты шитья. Перед шитьем в помещении брызгали водкой и молоком для освящения и умилостивления духов, и после начинали шить (рис. 1). Вообще, обряд брызгания водкой и молоком как угощения духов местности характерен для шаманской традиции, но позднее произошла эволюция данной традиции под влиянием буддизма и этот обычай стал называться *сэржэм үргэлгэ* (буддийский обряд подношения угощения буддийским богам местности в виде брызгания воды или молока). Заметим, что родственницы жениха шили матрац для него. Процесс шитья войлочного матраца для невесты назывался *Заһалай шэрдэг* и сопровождался песнями:

Сагаан ноohон шэрдэг дээрээ
Сайхан айлшадаа унтуулаарай.
Сайхан айлшадаа сэнгүүлхэдээ
Сагаан эдеэгээр хүндэлөөрэй.

На самом лучшем белом шерстяном матрасе
Дорогих хороших гостей укладываем спать
Когда наших хороших гостей встречаем –
Всегда угощаем их белой едой.

(ПМА).

– занавеска для перегородки уголка новобрачных в общей юрте (бурят. *басаганай ураага хэшэгэ*);

– ковер (бурят. *ханын хүүшэгэ*);

– простроченный матрац из овечьей кожи (бурят. *хобсор*);

– два тонких покрывала (бурят. *нимгэн шэрдэг*);

– три матраца для гостей (бурят. *бэсэгэн шэрдэг*);

– два подголовника (бурят. *дэрэ*) (ПМА).

Рис. 1. Обряд шитья матраца «Заһалай шэрдэг» в с. Элысун Курумканского р-на Республики Бурятия, 15 августа 2019 г.

Передача калыма родителям невесты. Со стороны жениха к родителям невесты приезжали 20–30 человек и привозили калым: коня, 2–3 коровы, 20–30 овец, бочку муки. Родители невесты отдавали невесте в приданое 1–2 коровы и нескольких овец. Цифры информантами (И.Г. Посходиевой, с. Баянгол, Курумканский р-н, род: шубтхэй шоно; Д.Ч.-С. Гармаевой, с. Аргада, Курумканский р-н, род: басай шоно; Э.Д. Будзанаевой, с. Баянгол, Курумканский р-н, род: бутанай шоно) даны условно, поскольку количество скота зависело от зажиточности семьи. Для встречи гостей закалывали барана. Проводился обряд «*гал тайлга*» (характерный для шаманизма): жених поклонялся огню и покровителям невесты. После почитания женихом огня в доме невесты его одевали в шелковый халат. В одевании жениха в ритуальный свадебный халат, как и женщины-невесты, также прослеживаются архаичные следы матрилокального культа.

Девичник (бурят. *басаганай наадан*). На девичнике собиралась молодежь, они пели и танцевали, старейшины рода произносили благопожелания. Иначе говоря, это была свадьба на стороне невесты, на которую приглашались ее родственники и молодежь.

Проводы невесты (бурят. *наадаар гарха*) начинались на следующее утро после девичника, т.е. в день свадьбы. На проводы не приглашались одинокие люди. С невестой была подруга невесты (бурят. *туулгатай басаган*), она могла быть неродившей и незамужней, которая выезжала с невестой к жениху. Выбиралось благоприятное, часто сакральное, место на возвышенности (бурят. *угтуулга*), на котором жених и его родные встречают кортеж невесты. Приехав в дом жениха, невестки со стороны невесты передавали приданое родственницам со стороны жениха (бурят. *заһалаа тушааха*). Невестки и замужние женщины, здоровые и имеющие мужа и детей, со стороны жениха и невесты застилали постель для молодых, чтобы прикоснувшись к ней, призвать счастье в новую семью.

Свадьба (бурят. *хурим*). Всю свадебную церемонию молодожены проводили стоя. На свадьбе мужчины и женщины сидели за разными столами, всех гостей рассаживали по иерархии: дяди со стороны жениха и невесты усаживались на почетном месте. При входе в дом родителей жениха и в свой дом невеста должна была подойти к очагу и поднести куски жира духу и покровителю жилища – огню, а также жир величиной с ладонь свекру в честь уважения и почитания своих новых покровителей. Матери жениха она дарила шелковый платок, в который клала серебряные монеты, кораллы. У баргузинских бурят рода «шоно» (волк) был также шаманский обычай расстилать на ковре женскую шубу из волка недалеко от очага, что указывало на почитание родового тотема. Происходило одаривание подарками, а затем сваты отдавали калым. После свадебного пира все выходили на улицу и исполняли традиционный бурятский танец ёохор.

Намаг намаг газарта
Набша сэсэг ургуужан
Наада хэһэн хоёрнай
Наһан соогоо жаргуужан
Хүбөө, хүбөө газарта
Хонхо сэсэг ургуужан,
Хурим хэһэн хоёрнай
Ходо жарган һуугуужан
Шэнэ гэрэй үүдэндэ
Шэбхэ болотор хатарая,
Шэнэ ерэһэн бэриеэ
Худагы болотор хатарая.

На прекрасной родине нашей невесты
Распускаются цветы –
Там проводится свадьба,
Пусть совместная жизнь молодых будет счастливой!
На прекрасной родине нашего жениха
Расцветают веселые колокольчики,
Там мы играем свадьбу –
Пусть молодые живут счастливо!
Во дворе нового дома
Будем так весело плясать, чтобы земля под ногами отвердела,
Будем так хорошо танцевать,
Чтобы невеста, которую мы с радостью встречаем,
Стала почтенной и многодетной замужней женщиной!

[Там же]

На свадьбе преподносились преимущественно мясные и молочные блюда. После танцев провожали родственников невесты, которые уезжали до захода солнца. Вечером невеста угощала новых родственников чаем (барг. бурят. *бэриин сай*), здесь тоже оценивали ее навыки. Ласково или иронично могли ее покритиковать, но чаще хвалили. После свадьбы она не должна была в течение трех дней приезжать домой к своим родителям.

Установка коновязи (барг. бурят. *сэргэеэ һуулгахадаа*, бурят. *сэргэеэ бодхооха*). В день свадьбы до восхода солнца отец жениха, дядя со стороны матери и человек со стороны готовят и ставят коновязь-сэргэ возле дома отца жениха. Сэргэ устанавливают для женившихся сыновей перед домом их отца. В зависимости от того, каким по счету является сын, делаются зарубки под верхней частью коновязи. Верх коновязи являлся конусообразным и не заостренным, чтобы не «поранить» небо и шаманских духов-небожителей. Этот риту-

Рис. 2. Коновязи-сэргэ в с. Аргада Курумканского р-на Республики Бурятия, 10 июля 2012 г.

ал проводился в советское время, широко распространен среди баргузинских бурят он и в начале XXI в. До восхода солнца в день свадьбы копают ямку для сэргэ, куда брызгают молоком или водкой, кладут монеты, золотые или серебряные украшения, зерно, кусочки шерсти (бурят. *ноohон зоол*) – для богатства, достатка, обилия скота и благополучия новой семьи. Хорошим знаком является, когда при установке сэргэ рядом бегают маленькие дети, чтобы у новой семьи тоже было много детей. При установке сэргэ старейшинами рода произносились благопожелания. Со второй половины XX в. по настоящее время довольно часто наблюдается традиция обвязывания сэргэ ритуальными буддийскими лентами и полотном – *сэмэлгэ* и *хадаком* (рис. 2).

В работе представлены основные этапы свадьбы и прослежена эволюция свадебных символов у баргузинских бурят в XX – начале XXI в. На примере обрядов договора и сватовства выявлено, что вследствие влияния буддизма многие шаманские символы были видоизменены или утрачены: поклонение домашним хранителям – онгонам и шаманским духам местности сменилось поклонением буддийским божествам и духам. Традиция поклонения шаманским тотемам рода потеряла актуальность уже во второй половине XX в. Сюда же относится описанный в статье ритуал жертвоприношения невестой кусочков жира духу-хранителю семейного очага – огню. Уже в начале XX в. баргузинские буряты стали повсеместно обращаться к ламам для назначения дня для сватовства и свадьбы, а в конце XX в. использование буддийской символической атрибутики (сэмэлгэ, хадаки) становится обязательным. Другим примером эволюции символов и образов у баргузинских бурят является преобразование традиций матрилокальной архаичной культуры в патрилокальную: переезд жениха в дом родителей невесты сменился на переезд невесты в дом жениха, традиция одевания жениха в свадебный наряд сохраняется в виде одевания жениха в праздничный халат в доме родителей невесты и т.д. Если в первой половине XX в. следы матрилокальных отношений явно прослеживаются в свадебных традициях баргузинских бурят: значимая роль дяди по стороне матери в иерархии, приобщение жениха к роду невесты (приготовление приданого женихом, угощение родственников невесты, женская шуба в качестве тотемной одежды), то в начале XXI в. сохраняется только особая роль дяди-*нагаса* на всех этапах свадебной церемонии.

Список литературы

Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. – 179 с.

Басаева К.Д. Современные свадебные обряды у селенгинских и баргузинских бурят (традиции и инновации) // Быт бурят в настоящем и прошлом. – Улан-Удэ: Бурят. фил. АН СССР, 1980. – С. 15–42.

Галданова Г.Р. Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. – Новосибирск: Наука, 1986. – С. 131–159.

Галданова Г.Р. Семантика архаичных элементов свадьбы у тюрко-монголов // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Наука, 1992. – С.71–88.

Жуковская Н.Л. Категории и символика традиционной культуры монголов. – М.: Наука, 1988. – 197 с.

Свадебные обряды у баргузинских бурят // Радиопередача Буряад FM. – 19.10.2016. – URL: https://vk.com/barg_kurumk_culture?w=wall-95189895_9145 (на бурят. яз.) (дата обращения: 10.07.2019).

Тинхалаев Б.Ц. Традиционные украшения у баргузинских бурят. – 29 апреля 2017 г. – URL: https://vk.com/barg_kurumk_culture?w=wall-95189895_4594 (дата обращения: 10.08.2019).

Хангалов М.Н. Соб. соч.: в 3 т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2004. – Т. 1. – 508 с.

References

Baldaev S.P. Buryatian wedding traditions. Ulan-Ude: Buryat Publ. House, 1959, 179 p. (in Russ.).

Basaeva K.D. Modern wedding traditions of Selengiskiye and Barguzinskiye Buryats. In *Everyday life of Buryats in past and present*. Ulan-Ude: Buryat Branch of Academy of Science of USSR, 1980, pp. 15–42 (in Russ.).

Galdanova G.R. Semantics of archaic element of wedding among Turks and Mongols. In *Traditsionnaya obryadnost' mongol'skikh narodov*. Novosibirsk: Nauka, 1992, pp. 71–88 (in Russ.).

Galdanova G.R. Traditional Buryats' wedding structure. In *Traditional culture of the peoples of Central Asia. Materials of research*. Novosibirsk: Nauka, 1986, pp. 131–159 (in Russ.).

Khangalov M.N. Collection of works: in 3 vol. Ulan-Ude: Republic Typography, 2004, vol. 1, 508 p. (in Russ.).

Tinkhalaev B.Ts. Traditional accessories of Barguzin Buryats. April 29, 2017 g. URL: https://vk.com/barg_kurumk_culture?w=wall-95189895_4594 (in Russ.) (Accessed: 10.08.2019).

Wedding rituals of Barguzin Buryats. *Radio Buryad FM*, 19.10.2016. URL: https://vk.com/barg_kurumk_culture?w=wall-95189895_9145 (in Buryat.) (Accessed: 10.07.2019).

Zhukovskaya N.L. Categories and symbolics of traditional culture of Mongols. Moscow: Nauka, 1988, 197 p. (in Russ.).

Лыгденова В.В. https://orcid.org/0000-0003-4277-8155

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.708-713
УДК 394.2

Г.В. Любимова[1], А.А. Рублева[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: terra-gl@mail.ru

Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX века (по полевым материалам 2018–2019 годов)

В работе использованы записи рассказов сельских жителей о свадебных традициях Мариинского, Чебулинского и Тяжинского р-нов Кемеровской обл. во второй половине XX в. На основе разработанной К.В. Чистовым типологии восточнославянской свадьбы, дополненной критериями Т.А. Бернштам, Л.М. Телегиной, И.М. Колесницкой и других исследователей, выделены основные типы русской сибирской свадьбы, бытовавшей на территории Верхнего и Среднего Притомья. Наряду с украинско-белорусско-южнорусским, а также северно- и среднерусским (согласно К.В. Чистову) вариантами ритуальных сценариев, ведущую роль в обследованных районах, как показала предварительная статистическая оценка полученных материалов, играл смешанный тип свадебной обрядности, вобравший в себя элементы как северно-, так и южнорусского вариантов. Наиболее существенные изменения в самом сценарии традиционной свадьбы, ставшие особенно заметными к середине прошлого века, проявились в новых практиках оформления брака, пришедших на смену церковному венчанию. Следствием замены религиозного заключения брака обязательной «регистрацией» в местных органах власти (сводившейся в основном к уплате пошлины в сельсовете) стало неизбежное редуцирование свадебного ритуала за счет сокращения некоторых элементов традиционной обрядности, прежде всего причитаний невесты и прощания ее с кра́сотой, не соответствовавших новой идеологии. Помимо универсальных процессов модернизации, связанных с переходом от традиционного аграрного общества к обществу современного типа, к числу решающих факторов трансформации свадебных обрядов в 1950–1960-х гг. авторы относят обстоятельства, вызванные Великой Отечественной войной и последовавшим за ней экономическим кризисом.

Ключевые слова: *русская сибирская свадьба, ритуальный сценарий, факторы трансформации, сельское население, Верхнее и Среднее Притомье.*

Galina V. Lyubimova[1], Anastasia A. Rubleva[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: terra-gl@mail.ru

Ritual Scenario of Russian Siberian Wedding: Traditions and Innovations in the Second Half of the 20th Century (Based on Field Materials of 2018–2019)

The article analyzes the recollections on wedding traditions of the second half of the 20th century, told by the rural residents of Kemerovo Region (Mariinsky, Chebulinsky, and Tyazhinsky Districts). Using the typology of the Eastern Slavic wedding, proposed by K.V. Chistov and supplemented with additional criteria by T.A. Bernshtam, L.M. Telegina, I.M. Kolesnitskaya, and other scholars, main types of Russian Siberian wedding practiced at the upper and middle reaches of the Tom River have been identified. According to preliminary statistical assessment of field evidence, mixed

type of wedding ritual combining Northern and Southern Russian elements played a leading role on these territories along with Ukrainian, Belorussian, as well as Northern and Central Russian types (following the Chistov's terminology). The most important changes in the traditional wedding scenario, which became conspicuous by the mid 20th century, were associated with new practices of marriage registration replacing church wedding. The mandatory "registration" with local authorities (mostly consisting of paying the fee in the village administration), resulted in inevitable reduction of wedding ritual associated with the removal of some traditional elements of the wedding ritual, which did not comply with the new ideology (first of all, bride's lamentations and farewell to her "beauty"). In addition to universal processes of modernization caused by transition from agricultural society to society of the modern type, the authors consider the circumstances caused by the Second World War and the ensuing economic crisis as decisive transformation factors of wedding ceremonies in 1950s–1960s.

Keywords: *Russian Siberian wedding, ritual scenario, transformation factors, rural population, upper and middle reaches of the Tom River.*

Летом 2019 г. в рамках проекта «Новая археология» проводилась этнографическая экспедиция для сбора материалов о свадебных традициях сельского населения северных районов Кемеровской обл. Верхнее и Среднее Притомье – территория с исторически сложившимися очагами расселения русских сибиряков-старожилов и более поздних российских переселенцев. Несмотря на ранее проводившиеся исследования [Скрябина, 1997; Похабов, 2004; и др.], данная территория остается недостаточно изученной с точки зрения сохранения и трансформации ряда базовых компонентов традиционной культуры, прежде всего, обычаев и обрядов семейного цикла. Высокая степень сохранности локальных традиций, выявленная в 2018 г. в Мариинском р-не Кемеровской обл., определила необходимость продолжения сравнительно-исторических исследований в соседних Чебулинском и Тяжинском р-нах. Особое внимание в минувшем сезоне уделялось специфике и факторам трансформации свадебных традиций разных групп русского населения во второй половине XX в. (здесь и далее полевые материалы А.А. Рублевой).

В ходе экспедиции было обследовано полтора десятка населенных пунктов, расположенных в Чебулинском (с. Николаевка, Усманка, Усть-Чебула, Алчедат, Чумай, Ивановка, а также д. Курск-Смоленка, Дмитриевка, Карачарово, Михайловка, Покровка, Новоказанка, Шестаково, Кураково) и Тяжинском (с. Прокопьево) р-нах Кемеровской обл. В настоящее время в указанных районах проживают потомки не только русских старожилов и поздних русско-украинско-белорусских переселенцев – выходцев из юго-западных губерний России (Тамбовской, Курской, Смоленской, Киевской, Полтавской и др.), но и представители неславянского населения из европейской части страны. Так, по словам жителей с. Николаевка, приехавшие *«с Волги»* мордовские переселенцы еще в середине прошлого века не только сохраняли мордовский язык, но и обучали ему депортированных немцев. Особенности своего говора смогли сохранить жители с. Усть-Чебула, потомки донских казаков-переселенцев (выходцев из станицы Гундоровской б. Области Войска Донского), долгое время находившиеся в состоянии затяжного конфликта с чалдонами – старожилами д. Дмитриевка. Подобные конфликты происходили не только между разными поселениями, но и в пределах одного населенного пункта. К примеру, в д. Новоказанка исторически образовалось два края – киевский и полтавский, между которыми регулярно случались *«стычки»*. Такая же картина наблюдалась и в Курск-Смоленке, что отразилось в самом названии деревни.

Конфессиональная специфика и связанные с нею особенности брачного поведения традиционно отличали старожилов-старообрядцев с. Прокопьево – *кержаков*, предпочитавших женить своих сыновей на девушках исключительно «своей веры», тогда как дочерей допускалось отдавать замуж за «иноверцев». По словам Анны Владимировны Лепшановой (1955 г.р.), ее родной дядя Харитон, будучи от природы *«красивым парнем»*, так и не смог жениться до тридцати лет. Уходя на войну, он попросил родителей найти для него *«хорошую невесту-кержачку»*, однако ему не суждено было вернуться с фронта. При этом обе его сестры благополучно вышли замуж за *«местных хохлов»*.

Своеобразие внешнего и культурного облика были характерны для представителей такой группы старожильческого населения, как *ясашные* (*ясашные чалдоны*), потомки которых проживают сегодня в д. Кураково Чебулинского р-на и ряде других районов Кемеровской и Новосибирской обл. Примером локальной межкультурной коммуникации (способом взаимодействия проживающих в одной местности разных этнокультурных групп) может служить сочиненная чалдонами с. Чумай и адресованная жителям д. Кураково дразнилка: «*Вы кураковски, вы ясашные! / Вы зачем пришли, черти страшные?*». Особенности коллективной исторической памяти данной группы, представители которой допускают свое происхождение от коренного

сибирского населения, находят отражение в мифологии окружающего ландшафта. Валентина Андреевна Никитина (1937 г.р.), относящая себя к «ясачным», пересказала слышанную в детстве от матери легенду о приходе в край русских, связав ее с происхождением имеющихся на берегу р. Кии ям, которые, как считается, остались от некогда стоявших там юрт. Детали известного мифологического сюжета о «самопогребении чуди» ярко проявляются в нарративе о предках ясачного населения, якобы живших в окрестностях Кии. Появление белой березы явилось, по словам информанта, сигналом, по которому предки начали подрубать столбы, служившие в юртах опорой. Последовавшее затем самозахоронение стало ответом местного населения на «*скорый приход белых людей*», знаком которого и послужило появление белой березы. Приведенные примеры свидетельствуют о значительном этнокультурном разнообразии обследованных районов Кемеровской обл. и создают предпосылки для выявления основных типов русской сибирской свадьбы, бытовавшей на территории Верхнего и Среднего Притомья.

В отечественной литературе утвердилась точка зрения о наличии двух основных вариантов восточнославянской свадьбы, нередко обозначаемых как «южный» и «северный». Еще Д.К. Зеленин, убежденный в том, что «всех восточных славян можно разделить на четыре народа» (украинцы, белорусы, северные и южные русские), в соответствующем разделе своей монографии (1927 г.), посвященном семейной жизни этих народов, выделял две свадьбы – украинскую и северную русскую [1991, с. 332–345]. Более подробно вопросами типологии свадебной обрядности занимался К.В. Чистов, который исходил из того, что между русской, украинской и белорусской свадьбой существуют «какие-то отличия типологического характера» [1979, с. 224].

В поисках «более обоснованных методов типологического анализа», требовавших расширения «рамок и масштабов сопоставлений», автор обращается «к народам Кавказа и Средней Азии», изучение которых приводит его к выводу, что свадебная обрядность народов со скотоводческо-кочевыми традициями древнее той, которая сформировалась на почве оседло-земледельческого хозяйства. Отмечая своеобразие набора обрядовых элементов, характерных для каждого типа свадьбы, К.В. Чистов подчеркивает несомненное сходство ритуальных функций, в том и другом случае направленных на фиксацию патрилокального брака и санкционирование перехода невесты в семью мужа. Вместе с тем к числу наиболее значимых (имеющих структурообразующее значение) различий каждого свадебного сценария автор относит ряд показателей, главными из которых оказываются время и место так называемого «постельного обряда», а также формы и способы окончательного признания брака. С этой точки зрения, как показано в работе, пережитки матрилокальных форм брака и/или «временная уксорилокальность» в большей степени характерны для среднеазиатско-кавказского типа свадебной обрядности, тогда как европейский (в том числе, восточнославянский) свадебный тип отличается ярко выраженной «вирилокальностью» [Там же, с. 224–226].

В пределах восточнославянского ареала К.В. Чистов выделяет два варианта свадебного сценария – украинско-белорусско-южнорусский и северно-среднерусский, обладающих несколько иным набором дифференцирующих признаков. С распространением христианства, подчеркивает автор, санкция (общественное признание) брака приобретает дуалистический характер: наряду с бытовой (на уровне семьи, рода и общины) утверждается его церковная форма. Обе санкции осуществляются в один день, что непосредственно сказывается на структуре свадебного обряда и, в первую очередь, на характере передвижений партий жениха и невесты. В варианте, который охватывает в основном украинско-белорусско-южнорусские этнические территории, жених и невеста вместе или порознь приезжают в церковь, однако после венчания вновь разъезжаются по своим домам. Затем жених отправляется за невестой, после чего совершается ее переезд в дом жениха, где и происходит «постельный обряд» с последующим бурным празднеством. В северно-среднерусском варианте «круговой» характер передвижений проявляется в том, что вначале жених едет в дом невесты, откуда они вместе направляются в церковь и затем возвращаются в дом жениха. В данном случае, как отмечает автор, «церковное венчание более органично включено в общий ход свадебного ритуала» [Там же, с. 227].

Далее К.В. Чистов останавливается на характерных обрядовых элементах восточнославянской свадьбы и том месте, которое они занимают в структуре свадебного обряда. В первом случае набор таких элементов (заручины, изготовление каравая, плетение венка, украшение *гільца*, отъезд невесты к венцу, ее возвращение и ожидание жениха, посад, окручивание и пр.) сконцентрирован по преимуществу в доме невесты. При этом общий стол для родственников жениха и невесты происходит только после «клети» («постельного обряда»), как правило, на другой день свадьбы. Во втором случае, напротив, наблюдается тенденция к концентрации свадебных обрядов в доме жениха.

В то же время большинство обрядов в доме невесты (девичник, невестина баня, причитания и пр.) носит отчетливо выраженный прощальный (а не приготовительный, как в первом случае) характер. Кроме того, родственники жениха и невесты сходятся за общим столом не после, а до «клети», то есть, свадебный пир происходит во время «постельного обряда». Наконец, еще одно выявленное автором отличие связано с общей направленностью обрядовых элементов, которые в украинско-белорусско-южнорусском варианте имеют аграрно-символическое значение, тогда как в северно-среднерусском – магическое, обережно-очистительное (нередко с участием колдуна) [Там же, с. 227–228].

Основу свадебной типологии могут составлять не только структурные, но и атрибутивные особенности, а именно – предметные символы, наиболее ярко характеризующие главных героев и участников ритуала. Как пишет в этой связи Т.А. Бернштам, южный и северный варианты свадьбы восточных славян различаются по типу головного убора невесты. Если в первом случае таким убором (тесно связанным с понятием *девьей кра́соты*) является сделанный из бумажных цветов венок, то во втором случае данное название упоминается только в словесно-поэтическом сопровождении обряда, в то время как реальный головной убор представлен девичьей повязкой [1982, с. 50–51].

Не менее характерным свадебным атрибутом, также имеющим непосредственное отношение к невесте, является свадебное деревце, в роли которого в восточнославянской традиции могли выступать самые разные растения (части растений): елочка, сосновая ветка, калина, репей и даже украшенный веник. Д.К. Зеленин, к примеру, прямо писал о том, что роль ритуального свадебного деревца у восточных славян мог играть «березовый банный веник, который иногда украшают» [1991, с. 339]. По наблюдениям И.М. Колесницкой и Л.М. Телегиной, этот «древний славянский обряд» (украшение свадебного деревца и ритуальные действия с ним) со временем «был перенесен в северно-восточную Русь из южной и локализовался там в полосе центральных русских губерний до юга Вологодской области» [1977, с. 121–122]. На сибирских материалах было показано, что катание по селу и другие действия с украшенным веником, по сути, означавшие прощание невесты с кра́сотой, практиковались лишь в тех локальных традициях, где свадебный обряд включал в себя посещение бани. Там же, где баня не входила в состав свадебного ритуала, ритуальные действия с веником не фиксируются [Любимова, 2013, с. 73].

Разработанная К.В. Чистовым типология восточнославянской свадьбы, дополненная критериями других исследователей, была положена в основу авторского подхода к анализу полевых материалов, собранных в северных районах Кемеровской обл. Следует отметить, что в новых идеологических условиях в связи с радикальными экономическими, политическими и социокультурными изменениями в 1930-е гг. в сельской местности практически не осталось действующих храмов. Распространение новых практик оформления брака – обязательной «регистрации» в местных органах власти (сводившейся в основном к уплате пошлины в сельсовете) – не могло не сказаться на характере свадебных традиций в целом. С закрытием церквей, пишет К.Е. Корепова, происходит неизбежное редуцирование свадебного обряда за счет церковного венчания и других не соответствующих новой идеологии элементов (прощания невесты с кра́сотой, причитаний и пр.); сокращается общая продолжительность свадьбы [2015, с. 121, 127–128]. С учетом выпадения из традиционного сценария важнейшего компонента, каким является венчание в церкви, в числе устойчивых (позволяющих соотнести конкретную локальную традицию с тем или иным типом свадьбы) сохраняются такие показатели, как общая структура свадебного обряда (характер передвижений партий жениха и невесты), локализация обрядовых элементов (в том числе, санкционирующего характера), а также атрибутивный ряд (набор характерных предметных символов).

Сценариев, полностью совпадающих с северным или южным типом свадьбы, в ходе экспедиции было зафиксировано немного. В чалдонской д. Дмитриевка (Чебулинский р-н) еще в 1960-е гг. сохранялась северно-среднерусская структура свадебного обряда, хотя по форме брак приближался к свадьбе *убёгом* (без официального сватовства). На следующий после «побега» день родители жениха шли с угощением к родителям невесты договариваться о предстоящей свадьбе. Первый день свадьбу гуляли у жениха, второй – у невесты, причем объединение за общим столом родственников той и другой стороны (как способ окончательного признания брака) приходилось именно на первый день (записано от Веры Ивановны Сладковой, 1949 г.р.). Свадебный сценарий, близкий по структуре к северно-среднерусскому варианту, был записан в д. Кураково (Чебулинский р-н), где, как уже упоминалось, проживают потомки *ясашных чалдонов*. Сразу после выкупа жених вез невесту к себе домой, где происходило совместное застолье родственников жениха и невесты. В тот же день, вспоминает Валентина Андреевна Никитина (1937 г.р.), молодым дарили подарки. Во второй день, празднование перемеща-

лось к родителям невесты и в третий – завершалось возвращением к родителям жениха.

Иная структура свадебного обряда, типологически близкая к украинско-белорусско-южнорусскому варианту, была зафиксирована в с. Алчедат (Чебулинскй р-н). По словам Лидии Никитичны Барабаш (1934 г.р.), местная свадебная традиция включала в себя сватовство; приготовление каравая и украшение его ветками калины и ягодами в доме невесты; первый стол в доме жениха с участием крестной со стороны невесты; приглашение родителей невесты в дом жениха во второй день свадьбы; «выметание сора», «тушение овина» и последующее гулянье в доме невесты. Близкий тип обрядовой структуры характерен для свадебного сценария д. Знаменка (Мариинский р-н), где проживают потомки российских переселенцев. Первое свадебное застолье в местной традиции происходило сразу после выкупа, в доме невесты. Вечером жених и невеста уезжали в дом жениха, куда родителей невесты приглашали только после «клети», на другой день. Если невеста оказалась «нечестной», жених мог *«накинуть* (ей) *на голову половую тряпку»* (вместо платка). В тот же день происходило деление каравая (записано от Антонины Емельяновны Синиченко, 1937 г.р.).

Как показала первичная статистическая оценка полученных результатов, к числу наиболее распространенных в обследованных районах относится смешанный тип свадьбы, вобравший в себя элементы как северно-, так и южнорусского вариантов. Причины этого, как отмечает Е.В. Миненок в статье, посвященной динамике свадебного обряда в сибирско-белорусской переселенческой традиции, заключаются в неоднородном и неустойчивом характере фольклорно-этнографической культуры Сибири как региональной культуры позднего (вторичного) формирования. Ссылаясь на работы Н.В. Леоновой, автор подчеркивает, что оторванность от материнской традиции провоцирует в такой культуре развитие процессов приспособления к новым обстоятельствам функционирования [Миненок, 2014, с. 16].

Примером смешанного типа свадьбы может служить сценарий, записанный в д. Шестаково (Чебулинский р-н). По словам Валентины Николаевны Стеклашовой (1924 г.р.), уверенной, что все ее предки были «*настоящие русские*, *сибиряки*», традиционная шестаковская свадьба включала в себя сватовство; приготовление каравая матерью невесты совместно с приглашенными родственницами; выкуп невесты, сидевшей за столом с украшенной елочкой; совместный переезд с родителями невесты к родителям жениха; продолжение свадебного гулянья и деление каравая во второй день в доме жениха. С точки зрения передвижения обеих партий, а также места проведения первой совместной трапезы родственников жениха и невесты, зафиксированный сценарий близок северному варианту свадьбы, тогда как атрибутивный ряд тяготеет к южному. Смешанные типы русской сибирской свадьбы, представленные как результат процессов культурной интерференции и трансформации идентичностей, приводятся в работах Л.А. Скрябиной [1997, с. 91–100] и Е.Ф. Фурсовой [2016, с. 550–552].

Наряду с универсальными факторами трансформации сибирских свадебных традиций (такими, как отрыв от материнской традиции, поздний (вторичный) характер формирования сибирской региональной культуры, активные этнокультурные взаимовлияния, а также неизбежные процессы модернизации, связанные с переходом от традиционного аграрного общества к обществу современного типа) к числу решающих факторов трансформации свадебных обрядов в 1940–1950-е гг. относятся обстоятельства, вызванные Великой Отечественной войной и последовавшим за ней экономическим кризисом. По словам Лидии Петровны Волковой (1933 г.р., с. Чумай, Чебулинский р-н), «*свадьбы тогда были плохенькие… после войны какие были… пришли, чаю попили*, (вот) *и вся свадьба!*». Следствием всеобщего послевоенного обнищания, отмечает К.Е. Корепова, стало выпадение из свадебного сценария элементов, связанных с переговорами о материальном обеспечении брака, обменом дарами и пр. [2015, с. 121–122]. Преодоление негативных тенденций наметилось только в 1960–1970-е гг. с распространением на селе модернизированного уклада жизни, положившего начало новому этапу трансформации свадебных традиций.

Благодарности

Статья подготовлена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0006 «Символ и знак в культуре народов Сибири XVII–XXI вв.: актуализация и стратегии сохранения».

Список литературы

Бернштам Т.А. Обряд «расставания с красотой». К семантике некоторых элементов материальной культуры в восточнославянском свадебном обряде // Памятники культуры народов Европы и европейской части СССР. – Л.: Наука, 1982. – С. 43–66.

Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. – М.: Наука, 1991. – 507 с.

Колесницкая И.М., Телегина Л.М. Коса и красота в свадебном фольклоре восточных славян // Фольклор и этнография. – Л.: Наука, 1977. – С. 112–122.

Корепова К.Е. Русская свадьба в середине XX в. (по материалам Нижегородского Поволжья) // Традиционная культура. – 2015. – № 3 (59). – С. 121–134.

Любимова Г.В. Сибирская свадьба в крестьянской мемуарной литературе // Языки и фольклор коренных народов Сибири. – 2013. – № 1 (24). – С. 70–77.

Миненок Е.В. Свадебный обряд д. Сулкет Куйтунского района Иркутской области // Традиционная культура. – 2014. – № 1. – С. 14–21.

Похабов В.Ф. Обрядовые традиции русского населения Мариинского уезда Томской губернии конца XIX – XX в.: автореф. дис. … канд. ист. наук. – Кемерово, 2004. – 23 с.

Скрябина Л.А. Русские Притомья: ист.-этногр. очерки (XVII – начало XX в.). – Кемерово: Кузбассвузиздат, 1997. – 130 с.

Фурсова Е.Ф. Взаимовлияния в свадебной обрядности у сибиряков курско-черниговского происхождения в первой трети XX века // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2016. – Т. XXII. – С. 550–552.

Чистов К.В. Типологические проблемы изучения восточнославянского свадебного обряда // Проблемы типологии в этнографии. – М.: Наука, 1979. – С. 223–230.

References

Bernshtam T.A. Obryad “rasstavaniya s krasotoy”. K semantike nekotorykh elementov material’noy kul’tury v vostochnoslavyanskom svadebnom obryade. In *Pamyatniki kul’tury narodov Yevropy i yevropeyskoy chasti SSSR*. Leningrad: Nauka, 1982, pp. 43–66 (in Russ.).

Chistov K.V. Tipologicheskiye problemy izucheniya vostochnoslavyanskogo svadebnogo obryada. In *Problemy tipologii v etnografii*. Moscow: Nauka, 1979, pp. 223–230 (in Russ.).

Fursova E.F. Interference in Wedding Rituals between Siberians of Kursk-Chernigov Origin in the First Third of the XX Century. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2016, vol. 22, pp. 550–552 (in Russ.).

Kolesnitskaya I.M., Telegina L.M. Kosa i krasota v svadebnom fol’klore vostochnykh slavyan. In *Fol’klor i etnografiya*. Leningrad: Nauka, 1977, pp. 112–122 (in Russ.).

Korepova K.E. Russkaya svad’ba v seredine XX v. (po materialam Nizhegorodskogo Povolzh’ya). *Traditsionnaya kul’tura*, 2015, No. 3 (59), pp. 121–134 (in Russ.).

Lyubimova G.V. Sibirskaya svad’ba v krest’yanskoy memuarnoy literature. *Yazyki i fol’klor narodov Sibiri*, 2013, No. 1 (24), pp. 70–77 (in Russ.).

Minenok E.V. Svadebnyy obryad d. Sulket Kuytunskogo rayona Irkutskoy oblasti. *Traditsionnaya kul’tura*, 2014, No. 1, pp. 14–21 (in Russ.).

Pokhabov V.F. Obryadovyye traditsii russkogo naseleniya Mariinskogo uyezda Tomskoy gubernii kontsa XIX – XX v.: cand. sc. (history) dissertation abstract. Kemerovo, 2004, 23 p. (in Russ.).

Skryabina L.A. Russkiye Pritom’ya: istoriko-etnograficheskiye ocherki (XVII – nachalo XX v.). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1997, 130 p. (in Russ.).

Zelenin D.K. Vostochnoslavyanskaya etnografiya. Moscow: Nauka, 1991, 507 p. (in Russ.).

Любимова Г.В. https://orcid.org/0000-0003-3538-2806
Рублева А.А. https://orcid.org/0000-0003-4967-6311

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.714-719
УДК 39+004

А.Ю. Майничева[1, 2], Е.А. Груздева[2], Е.Ю. Орлова[3], А.В. Радзюкевич[4]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет архитектуры, дизайна и искусств
Новосибирск, Россия
[3]Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство)
Москва, Россия
[4]Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: annmaini@gmail.com

Выбор методики фиксации этнографического объекта с использованием информационных технологий

Статья посвящена проблеме выявления достоинств и недостатков использования лазерного сканирования и фотограмметрии в этнографических исследованиях. Методики с применением лазерного сканирования и фотограмметрии подразумевают получение сведений об объекте (и последующую обработку данных), с помощью лазерного сканера и фотоаппарата, для их дальнейшего формирования в виде 3D-модели или комплекта чертежей. Несмотря на то что обе методики связаны с цифровым описанием объекта в виде «облака точек», у каждой из них есть свои особенности, что ставит проблему выбора какой-либо из них. Сравнение выполнено на материалах полевых работ, проведенных летом 2019 г. на территории Историко-архитектурного музея под открытым небом ИАЭТ СО РАН. Впервые разработаны методики, адаптированные к этнографическим объектам. Для более быстрого обследования объекта, мониторинга и оценки состояния фасадов, формирования отчетности, создания чертежей фасадов, визуальной демонстрации объекта достаточно использования фотограмметрии, поскольку она более доступна по стоимости и проще в техническом отношении. К недостаткам метода можно отнести серьезную зависимость от погодных условий. Метод лазерного сканирования в меньшей степени зависит от погодных условий. Оба метода ограничены такими природными условиями, как искажение форм объекта снежным покровом или листвой деревьев. Лазерное сканирование более удобно для создания чертежей обмеров и 3D-моделей. Проведенное исследование показало, что для получения более полной и достоверной информации об объекте целесообразно применять оба метода в комплексе.

Ключевые слова: *этнография, методика, лазерное сканирование, фотограмметрия, «облако точек».*

Anna Y. Mainicheva[1, 2], Evgenia A. Gruzdeva[2], Elena Y. Orlova[3], Andrew V. Radzyukevich[4]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University of Architecture, Design and Arts,
Novosibirsk, Russia
[3]Russian State University named after A.N. Kosygin
(Technologies. Design. Art),
Moscow, Russia
[4]Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering,
Novosibirsk, Russia
E-mail: annmaini@gmail.com

Choice of Methodology for Recording Ethnographic Structures Using Information Technologies

The article discusses advantages and disadvantages of using laser scanning and photogrammetry in ethnographic studies. These techniques make it possible to receive information about the structure and process the data obtained with the help of laser scanner and camera for subsequent representation of the data in the form of a 3D model or set of drawings. Even though both methods deal with digital description of the structure in the form of a point cloud, each of them has its own features, which poses the problem of choosing between them. The comparison is based on the materials of field work carried out in the summer of 2019 in the Historical and Architectural Museum of the IAET SB RAS. Techniques adapted to ethnographic structures have been elaborated for the first time. Photogrammetry is sufficient for faster inspection of the structure, monitoring and evaluating the condition of the facades, reporting, creating drawings of the facades and visual demonstration of the object, since it is more affordable and technically simpler. The disadvantages of that method involve serious dependence on weather conditions making laser scanning preferable. Both methods are limited by such natural conditions as distortion of structure's shapes with snow cover or tree foliage. Laser scanning is more convenient for creating drawings of measurements and 3D models. The study has shown that it is advisable to combine both methods for obtaining more complete and reliable information on the structure.

Keywords: *ethnography, technique, laser scanning, photogrammetry, "point cloud".*

Сбор этнографических данных включает в себя фиксацию объектов, с помощью графических методов. Помимо ставших традиционными в архитектурных и археологических исследованиях зарисовок и фотографий можно предложить использование возможностей современных информационных технологий для исследования этнографических объектов, под которыми понимаются материальные объекты, подвергнутые этнографическому исследованию, например, здания, сооружения, стелы, мебель, утварь, орудия труда, приспособления и пр.

Летом 2019 г. были проведены полевые исследования по применению различных методик сбора информации этнографических объектах, включающих здания и сооружения, стелы и пр., расположенные на территории Историко-архитектурного музея ИАЭТ СО РАН. На основе полученных данных в статье рассматривается проблема выбора методики фиксации с помощью лазерного сканирования и фотограмметрии. Некоторые вопросы способов сбора и обработки сведений для зданий и сооружений с помощью этих методов освещались ранее в литературе (напр.: [Вафина и др., 2018; Оленников, Попов, 2010; Середович, Алтынцев, 2013; Радзюкевич и др., 2012; Шеина, Упенников, 2015], однако методики пока находятся в стадии разработки и слабо апробированы. Методики с использованием лазерного сканирования и фотограмметрии подразумевают получение сведений об объекте и последующую обработку данных, полученных лазерным сканером и фотоаппаратом, для дальнейшего формирования информации об объекте в виде 3D-модели или комплекта чертежей. Несмотря на то, что обе методики имеют дело с цифровым описанием объекта в виде «облака точек», у каждой из них есть свои особенности, что создает проблему выбора какой-либо из них. Впервые ставится вопрос о применении их в этнографических исследованиях.

Метод лазерного сканирования позволяет получить точное трехмерное изображение объекта в виде «облака точек», его геометрические параметры, привязанные к заданным геодезическим координатам. Из облака точек с помощью специального программного обеспечения можно получить любое количество горизонтальных и вертикальных сечений для выполнения по ним чертежей планов, разрезов, фасадов архитектурного объекта, топографических планов, двухмерных и трехмерных видов объемного объекта.

Лазерное сканирование удобно при проведении обмеров объектов. Оно не позволяет получить полную информацию об их особенностях, в частности о скрытых конструкциях и труднодоступных участках, но можно узнать точные геометрические параметры объектов за короткий промежуток времени без необходимости возводить дополнительные конструкции (леса), даже при значительных размерах объекта работы можно выполнять малочисленной группой операторов (1–3 чел.).

Важной особенностью съемки этнографических объектов является необходимость заранее определить ряд параметров: размещение сканера относительной нулевой отметки, которую можно поставить и на внешней части объекта, и внутри его, что важно для дальнейшей работы над чертежами; расположение и количество внутренних и наружных позиций сканирования объекта, которые зависят от целей сканирования, размеров и пространственной организации объекта, сложности плана, наличия или отсутствия загораживающих объектов (деревьев, стоящих рядом зданий и других конструкций, особенностей рельефа и т.д.) и элементов

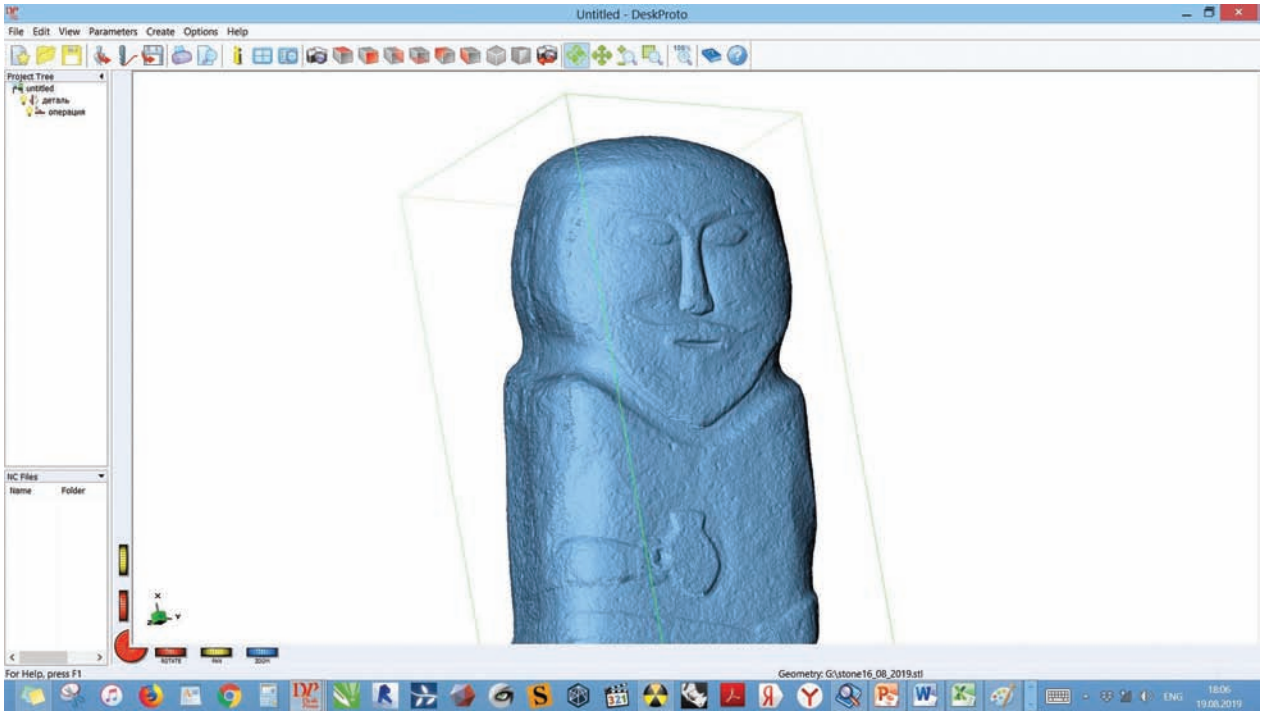

Рис. 1. Визуализация поверхности стелы на основе данных, полученных с использованием сканера RangeVizion.

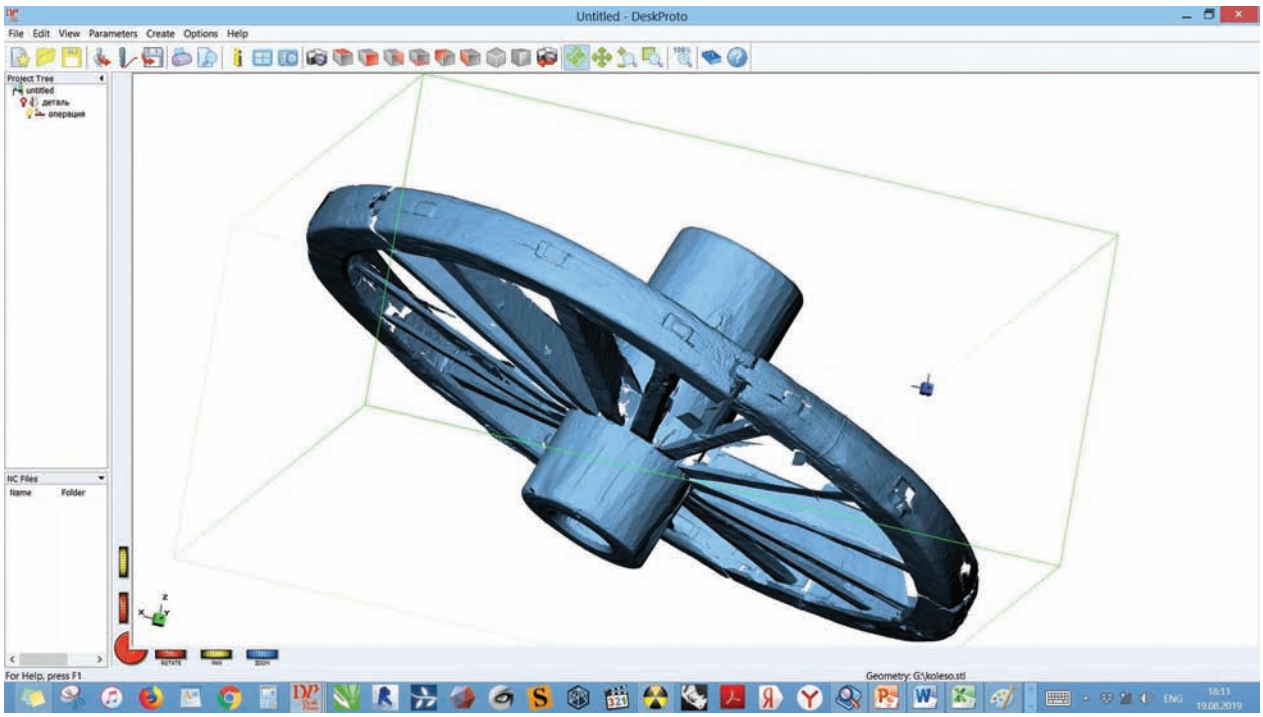

Рис. 2. Визуализация результатов сканирования этнографического объекта. Колесо.

конструкции самого сканируемого объекта (выступов, рельефов и т.д.). Количество позиций должно быть достаточным, чтобы при сканировании избежать появления «дыр» и «теней» в цифровом скане объекта – «облаке точек», поскольку работа лазерного сканера основывается на отражении лазерного луча от поверхности, определение позиций сканирования должно опираться на законы распространения света. Обычно это определяется на глаз и во многом зависит от опыта оператора съемки, но можно выполнить графический расчет, зная сектор съемки сканера, высоту объекта и примерные габариты объекта. Для съемки экстерьеров сканер устанавливается вокруг наружного периметра объ-

екта. Для съемки интерьеров сканер устанавливается в каждом отсеке или помещении объекта.

Существенное влияние оказывают природные условия, если исследование ведется под открытым небом. Поскольку важным условием является отсутствие загораживающих обзор сканера объектов, лучше всего вести съемку экстерьеров в весеннее или осеннее время (для региона Западной Сибири), в это время у деревьев отсутствует листва и еще нет снега.

Результат работы сканера может быть представлен в двух вариантах: в виде растрового изображения или массива точек («облака точек»). Растровое изображение представляет собой элементы вектора с такими компонентами, как измеренное расстояние, интенсивность отраженного сигнала и RGB-составляющая, характеризующая реальный цвет точки. Положение (строка и столбец) каждого элемента (пикселя) полученного растра отражает значения измеренных вертикального и горизонтального углов. Массив точек составляют лазерные отражения от объектов, находящихся в поле зрения сканера, с пятью характеристиками: пространственными координатами (X, Y, Z), интенсивностью и цветом. В дальнейшем результаты лазерного сканирования при помощи специализированного программного обеспечения (например, CloudCompare, ScanIMEGER, Cyklone) обрабатываются.

После подготовки данных сканирования и объединения информации по каждой позиции сканирования в единое «облако точек» обработка данных по виду получаемого на выходе объекта делится на два этапа. Первый этап: работа ведется непосредственно с «облаком точек» (делаются сечения и фрагменты объекта, выбирается цвет, плотность, размер точек, создаются сетки, оболочки и текстуры, структурные линии). Итоговый объект (например, оболочка) остается без редакции. Его можно использовать для снятия геометрических показателей, демонстрации, основы для создания чертежей и 3D-модели. Этот вид обработки «облака точек» можно использовать как самостоятельно (в случае, если не предполагается трансформация объекта), так и в качестве промежуточного этапа перед созданием чертежей или 3D-модели. Второй этап включает выполнение чертежей объекта на основе данных, полученных на предыдущем этапе, а также может быть выполнена 3D-модель, которую можно преобразовывать. Для обработки данных («облака точек»), полученных при помощи лазерного сканирования, требуется использовать программное обеспечение, позволяющее работать с облаком точек (поворачивать объект, создавать оболочки и т.п.): ScanIMAGER, CloudCompare, AutoCAD. Необходимое количество горизонтальных и вертикальных сечений, фрагментов объекта можно получить с помощью специализированного программного обеспечения ScanIMAGER (приложение ReCap, AutoCAD), затем осуществить импорт полученных сечений и фрагментов в чертежные программы (например, AutoCAD, Revit) и далее работать над созданием чертежей методом обводки, используя полученные фрагменты как подоснову. Уже существуют некоторые приложения, которые позволяют обвести нужный фрагмент автоматически, но данные функции имеют существенные недостатки и их использование ограниченно. В ряде случаев воспользоваться этой функцией не получается, поскольку программа просчитывает только наружный контур облака точек и вычислить внутренние контуры элементов (в частности внутренних контуров помещений или окон на фасаде) оказывается не способна.

Основное преимущество данной методики заключается в том, что при получении данных минимизируется человеческий фактор, поскольку процесс съемки объекта и первичной обработки полностью автоматизирован. Метод лазерного сканирования позволяет быстро и очень точно получить данные об исследуемом объекте. Созданная в итоге виртуальная модель объекта максимально идентичная по геометрическим параметрам, к ней можно обратиться в любой момент, она легко тиражируется и весьма наглядна.

Но при таком подходе есть определенные сложности в съемке объектов сверху. Зачастую выполнить, например, съемку крыши постройки в достаточно хорошем качестве бывает невозможно без использования квадрокоптера (беспилотного летательного аппарата), что также затруднено вследствие ограниченности грузоподъемности летательного аппарата и трудностей управления сканером. Возникают трудности при интерпретации данных («облака точек») без дополнительных источников информации (фотографий, зарисовок, чертежей). «Тени» или «дыры» в облаке точек, возникающие при сканировании объекта, также являются техническими недостатками лазерного сканера. Кроме того, оборудование, требуемое для съемки, имеет высокую стоимость и большие размеры.

Метод фотограмметрии в некоторых случаях может стать альтернативой сканированию. Для ее проведения достаточно цифровой фотокамеры и программного обеспечения (например, Agisoft PhotoScan). На основе серии цифровых снимков, сделанных при соблюдении специального алгоритма, программное обеспечение позволяет создать трехмерную модель объекта в виде облака точек, трехмерной сетки или цветной модели. Сама мето-

дика съемки проще, чем при трехмерном сканировании: съемка объекта производится со всех сторон под разными углами. Зоны фотографирования на каждом последующем снимке должны перекрываться не менее чем на 70 %. Затем в специализированных программах происходит сопоставление полученных фотографий, выявляются общие точки, измеряются расстояния и углы между ними. Далее с помощью специальных математических алгоритмов создается трехмерная поверхность и на нее накладывается текстура. На получаемой трехмерной модели по опорным точкам задается масштаб. Для съемки объекта методом фотограмметрии из оборудования достаточно фотоаппарата со штативом. При необходимости съемки вида сверху можно использовать дополнительные устройства, такие как квадрокоптер.

Последовательность получения данных методом фотограмметрии следующая: на объекте отмечаются маркерные точки, на основании которых можно будет задать масштаб объекта, производится выравнивание снимков в программе; выполняется серия снимков объекта в определенной последовательности и с соблюдением ряда требований и условий: делается ряд снимков вокруг объекта с таким шагом, чтобы кадры с каждой позиции перекрывали друг друга не менее 70 %, необходимо соблюдать горизонт и расстояние между фотоаппаратом и объектом для предотвращения искажений при построении фотограмметрических изображений; фотографии загружаются в специальную программу (Agisft, ReCap); на основе снимков создается «облако точек», далее рисуется сетка и накладывается текстура, при этом используются стандартные образцы и фотографии объекта. Алгоритм прост, а выполнение всех перечисленных действий производится автоматически путем поэтапного задания команд программе. Полученные изображения могут быть экспортированы в виде плоскостного изображения (например, фасада в виде пиксельного изображения), объемной модели (нередактируемой), «облака точек». Данный метод применяется для фиксации объектов и мониторинга их состояния в виде фронтальных видов экстерьеров.

Важным природным условием использования фотограмметрии является отсутствие яркого солнца. Съемку лучше всего вести в пасмурную погоду. При солнечной погоде получаются резкие светотеневые переходы и глухие тени, которые программа «превращает» в «дыры».

Метод отличает доступность оборудования для съемки объекта (можно обойтись фотоаппаратом), при этом есть возможность съемки как с земли, так и с воздуха при использовании беспилотных летательных аппаратов. Метод прост в получении 2D- или 3D-изображения объекта. Опыт исследования объектов показал, что данный метод дает большую вероятность погрешностей и искажений изображений, но при использовании квадракоптера есть возможность избежать искажений, если автоматически задать уровень и траекторию съемки, дистанцию между кадрами, тем самым снизив человеческий фактор при фотографировании. Редактирование полученного в итоге объекта требует дополнительного программного обеспечения и знания нескольких визуализаторских программ.

Использование обеих методик для исследования объектов дало возможность сравнить полученные результаты и выявить их достоинства и недостатки. Лазерное сканирование дает более точные геометрические характеристики, а фотограмметрия более наглядно передает внешние визуальные характеристики. Выбор методики фиксации объекта во многом зависит от задач исследования. Для более быстрого обследования объекта, мониторинга и оценки состояния фасадов, формирования отчетности, создания чертежей фасадов, визуальной демонстрации объекта достаточно использования фотограмметрии, поскольку она более доступна по стоимости и проще в техническом отношении. К недостаткам метода можно отнести зависимость от погодных условий: для получения хорошего результата требуется вести работы в пасмурную погоду. Метод лазерного сканирования в меньшей степени зависит от погодных условий. Снежный покров или листва деревьев ограничивают оба метода, поскольку происходит искажение форм объекта. Лазерное сканирование более удобно для создания чертежей обмеров и 3D-моделей. Проведенное исследование показало, что для получения более полной и достоверной информации об объекте целесообразно применять оба метода в комплексе.

Благодарности

Авторы благодарят РФФИ за предоставленное финансирование работ в рамках гранта РФФИ № 18-09-00469А «Новые методы в этнографии в информационную эпоху: оценка итогов и перспектив использования для исследования материальной культуры».

Список литературы

Вафина Г.Х., Овечкина Л.В., Садриев Н.Р., Старков А.С. О некоторых подходах к построению трехмерных моделей сооружения // Поволжская археология. – 2018. – № 4 (26). – С. 193–202. – DOI: 10.24852/2018.4.26.193.202.

Оленников В.Д., Попов Д.С. Автоматизация диагностики технического состояния культовых памятников

архитектуры // Акад. вестн. УралНИИпроект РААСН. – 2010. – № 4. – С. 103–105.

Радзюкевич А.В., Чернова М.А., Середович В.А., Иванов А.В., Мифтахудинова О.Р. Методика лазерного сканирования и пропорционального анализа форм памятника архитектуры (на примере храма Александра Невского в Новосибирске) // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2012. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lazernogo-skanirovaniya-i-proportsionalnogo-analiza-form-pamyatnika-arhitektury-na-primere-hrama-aleksandra-nevskogo-v (дата обращения: 19.10.2019).

Середович В.А., Алтынцев М.А. Применение данных мобильного лазерного сканирования для создания топографических планов // Интерэкспо Гео-Сибирь. – 2013. – URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenenie-dannyh-mobilnogo-lazernogo-skanirovaniya-dlya-sozdaniya-topograficheskih-planov (дата обращения: 19.10.2019).

Шеина С.Г., Упенников Д.К. Современные технологии, приборы и оборудования для трехмерного моделирования памятников архитектурного наследия // Науковедение. – 2015. – Т. 7. – № 3. – URL: http://naukovedenie.ru/PDF/103TVN315.pdf. DOI: 10.15862/103TVN315 (дата обращения: 19.10.2019).

References

Olennikov V.D., Popov D.S. Avtomatizaciya diagnostiki tekhnicheskogo sostoyaniya kul'tovyh pamyatnikov arhitektury. *Akademicheskij vestnik UralNIIproekt Rossijskoj akademii arhitektury i stroitel'nyh nauk*, 2010, No. 4, pp. 103–105 (in Russ.).

Radzyukevich A.V., Chernova M.A., Seredovich V.A., Ivanov A.V., Miftahudinova O.R. Metodika lazernogo skanirovaniya i proporcional'nogo analiza form pamyatnika arhitektury (na primere hrama Aleksandra Nevskogo v Novosibirske). *Interekspo Geo-Sibir', 2012*. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/metodika-lazernogo-skanirovaniya-i-proportsionalnogo-analiza-form-pamyatnika-arhitektury-na-primere-hrama-aleksandra-nevskogo-v (Accessed: 19.10.2019) (in Russ.).

Seredovich V.A., Altyncev M.A. Primenenie dannyh mobil'nogo lazernogo skanirovaniya dlya sozdaniya topograficheskih planov. *Interekspo Geo-Sibir', 2013*. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/primenenenie-dannyh-mobilnogo-lazernogo-skanirovaniya-dlya-sozdaniya-topograficheskih-planov (Accessed: 19.10.2019) (in Russ.).

Sheina S.G., Upennikov D.K. Sovremennye tekhnologii, pribory i oborudovaniya dlya trekhmernogo modelirovaniya pamyatnikov arhitekturnogo naslediya. *Naukovedenie*, 2015, vol. 7, No. 3. URL: http://naukovedenie.ru/PDF/103TVN315.pdf. DOI: 10.15862/103TVN315. (Accessed: 19.10.2019) (in Russ.).

Vafina G.H., Ovechkina L.V., Sadriev N.R., Starkov A.S. O nekotoryh podhodah k postroeniyu trekhmernyh modelej sooruzheniya. *Povolzhskaya arheologiya*, 2018, No. 4 (26), pp. 193–202. DOI: 10.24852/2018.4.26.193.202. (Accessed: 19.10.2019) (in Russ.).

Майничева А.Ю. https://orcid.org/0000-0002-0784-4252
Груздева Е.А. https://orcid.org/0000-0003-4460-102X
Орлова Е.Ю. https://orcid.org/0000-0003-4188-0895
Радзюкевич А.В. https://orcid.org/0000-0001-8726-9886

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.720-725
УДК 394+323

В.В. Николаев

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Результаты интеграции коренного населения предгорий Северного Алтая в социальную структуру Российской империи (на примере аила и села Пильно по материалам Всероссийской переписи 1917 года)

В статье рассмотрены этносоциальные и этнополитические процессы у коренного населения предгорий Северного Алтая, на примере а. и с. Пильно. В исследовании использованы материалы Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. Включение предгорий Северного Алтая в состав Российской империи в начале XVII в. не изменило жизнь коренного населения. Реформы начались в начале XIX в. В это время стало возможным освоение региона и начались законодательные и административные преобразования. Они, с одной стороны, были нацелены на защиту коренного населения от пришлого, с другой – закладывали основу постепенной интеграции. Основным инструментом интеграции стала Алтайская духовная миссия, созданная в 1828 г. Миссионеры расселяли среди коренного населения переселенцев и новокрещенов, создавали поселения, открывали школы, рекрутировали в свои ряды лучших учеников из числа коренного населения. Данные меры привели к кардинальным трансформациям в жизни коренного населения: изменению характера расселения, хозяйства, самоидентификации, антропонимии, нарастанию межэтнических связей, распространению православия, вовлечению в товарно-денежные отношения. В начале XX в. оформилось два пути интеграции коренного населения в социальную структуру Российской империи. В первом случае население сохраняло традиционный образ жизни (имена, верования и др.) и постепенно заимствовало отдельные элементы у переселенцев. В основном они проживали в моноэтничных и удаленных населенных пунктах. Во втором случае большая часть коренного населения активно интегрировалась и утрачивала традиции. Они проживали вместе с переселенцами в крупных населенных пунктах.

Ключевые слова: *коренное население, интеграция, Алтай, Пильно, Алтайская духовная миссия.*

Vasily V. Nikolaev

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: nikolaevvv06@mail.ru

Results of Integration of the Indigenous People from the Foothills of the Northern Altai into the Social Structure of the Russian Empire (The Example of the Ail and Village of Pilno According to the Data of the All-Russian Census of 1917)

The article analyzes ethnic social and political processes among the indigenous population from the foothills of the Northern Altai using the example of the ail and village of Pilno. The study used the data of the All-Russian Agricultural Census of 1917. The inclusion of the foothills of the Northern Altai in the Russian Empire in the early 17th century did not change the life of the indigenous population. Reforms began in the early 19th century. At this time, the development of the region became possible, and legislative and administrative transformations began. On the one hand, they were aimed at

protecting the indigenous population from migrant population. On the other hand, changes laid the foundations for gradual integration. The main tool of integration was the Altai Spiritual Mission created in 1828. Missionaries would resettle the migrants and the newly baptized among the indigenous population, create missionary settlements, open schools, and recruit the best indigenous students. These measures led to dramatic transformations in the life of the indigenous population, including the changed nature of settlement, economy, self-identification, and anthroponymy, growth of interethnic ties, spread of Orthodoxy, and involvement in commodity-money relations. In the early 20th century, there were two ways of integrating the indigenous population into the social structure of the Russian Empire. In the first case, the population would keep their traditional way of life (names, beliefs, etc.) and gradually borrow individual elements from the settlers. Such population lived in monoethnic and remote settlements. In the second case, the majority of the indigenous population became actively integrated and lost their traditions, living in large settlements together with migrants.

Keywords: *indigenous people, integration, Altai, Pilno, Altai Spiritual Mission.*

Включение коренного населения Южной Сибири в орбиту Российской государственности происходило постепенно на протяжении нескольких столетий в условиях военно-политической конкуренции с джунгарами, телеутами и енисейскими кыргызами. Укрепление российской власти на Алтае и решение внешнеполитических вопросов позволило перейти к регулированию внутренних процессов. Этого требовало и нарастание потока переселенцев на плодородные земли степного и лесостепного Алтая.

В 1822 г. был принят «Устав об управлении инородцев», зафиксировавший автономию аборигенных этнических групп. Главную его цель современные исследователи видят в «устранении кризисного положения в сборе ясака, поднятии платежеспособности сибирских народов», что было возможно посредством замены «промыслового хозяйства на земледельческо-скотоводческое, имевшее постоянный доход» [Сатлаев, 1994, с. 5]. Фактически предполагалось постепенное включение коренного населения в состав крестьянского или другого сословия.

В то же время в «Уставе…» был закреплен принцип веротерпимости: разрешалось отправление традиционных религиозных представлений; крещенным не запрещались браки с язычниками и т.д. [Асочакова, 2008, с. 151]. Наряду с созданием условий для интеграции этот документ предполагал сохранение традиций коренного населения. Среди важнейших прав в § 34 выделяются «назначенныя во владения земли», распределение которых «зависит от самих кочующих». В § 36 и 37 «инородцы ограждаются от взаимных стеснений, кои могут происходить от перехода одних племен на земли другим племенам принадлежащия», а также «строго запрещается русским самовольно селиться на землях, во владение инородцам отведенных», хотя и предусматривалась возможность и приселения по обоюдному согласию сторон» [Законодательные акты…, 1994, с. 20–21].

В 1824 г. была введена поразрядная система М.М. Сперанского, с одной стороны, способствовавшая постепенному нивелированию сословных границ, а с другой стороны – выделению этнических групп Сибири. Права и обязанности (кроме рекрутской повинности) «оседлых инородцев» и крестьянского сословия по «Уставу» были одинаковы, в то время как кочевые составляли особую сословную группу [Сатлаев, 1994, с. 5; Шерстова, 2008, с. 131].

К «кочевым инородцам» с родовым управлением была причислена бóльшая часть коренного населения предгорий Северного Алтая, на основе которого сформировались современные кумандинцы, тубалары и челканцы, проживающие в Турачакском и Чойском р-нах Республики Алтай и Красногорском и Солтонском р-нах Алтайского края. Именно на них с начала XIX в. были направлены основные усилия по интеграции в социальную структуру Российской империи. Коренное население предгорий Северного Алтая было выбрано в качестве объекта этнокультурной трансформации в силу ряда причин: в сравнении с южными соседями-скотоводами они жили оседло и вели комплексное хозяйство (мотыжное земледелие, скотоводство, рыболовство, охота и собирательство), что в хозяйственном плане сближало их с переселенцами; сравнительно более длительные и устойчивые межэтнические контакты.

Целью данной публикации является рассмотрение механизмов интеграции автохтонного населения предгорий Северного Алтая в социальную структуру Российской империи на примере а. и с. Пильно и ее итогов на основе материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. [ГААК. Ф. 233. Оп. 1а. Д. 293, 294, 303].

Важнейшим изменением в жизни коренного населения, произошедшим в начале XIX в., стали административно-территориальные преобразования. «Кочевые инородцы» были организованы в инородческие волости с родовым управлением, не имевшим четкой территории и к которым были приписаны только аборигены. «Оседлые инородцы» проживали в инородческих управах, в организационном плане не отличавшихся от кре-

стьянских волостей. Эти волости (Быстрянская, Кокшинская, Сарасинская, Тагапская 1 и 2 половины, Тогульская 1 и 2 половины) опоясывали с севера, северо-востока и северо-запада поселения автохтонного населения предгорий Северного Алтая, разделяя крестьянские и инородческие волости. Их население частично состояло из специально переселенных крещеных «инородцев», представляя собой, по сути, маргинальные группы, воспринявшие христианскую веру и культуру переселенцев из «Расеи». Волости были созданы как «образцово-показательные» административно-территориальные единицы, а их население использовалось в культуртрегерских целях, постепенно расселяясь по улусам некрещеных коренных жителей региона или миссионерским поселениям среди новокрещенов.

Следующим шагом стало открытие Алтайской духовной миссии в 1828 г. Религиозный институт, на первый взгляд, имевший целью своей деятельности прозелитические практики, фактически стал инструментом реализации интеграционной политики в отношении коренного населения предгорий Северного Алтая.

Алтайская духовная миссия реализовывала комплекс мер, направленных на приобщение «шаманистов» к православию, а в отдаленной перспективе их интеграции в крестьянское сословие посредством стирания этнокультурных границ. Одним из первых таких способов было приселение в аилы и улусы автохтонов семьи благочестивых переселенцев или крещеных «инородцев». В частности, по материалам Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. прослеживается широкое расселение семей «быстрянцев», а также переселенцев в улусах коренного населения предгорий Северного Алтая, миссионерских поселениях и в соседних населенных пунктах (деревнях, заимках, заселках).

Чуть позже была сделана ставка на создание сети миссионерских поселений, куда переселялись новокрещены. Функция подобных населенных пунктов заключалась во всестороннем преобразовании образа жизни автохтонов за счет влияния и контроля со стороны сотрудников миссии, а также смешанного этнического состава населения, благоприятствующего этнокультурным контактам и нивелированию различий.

В последующем, в зависимости от финансовых возможностей, в миссионерских поселениях открывались школы, при которых создавались интернаты. В интернатах размещались дети из соседних населенных пунктов. В последние десятилетия существования миссии были открыты передвижные школы, целью которых было охватить население удаленных уголков Алтая, проживающих в небольших по численности аилах (например, лебединских татар, расселившихся в бассейне р. Лебедь).

Среди руководства миссии очень быстро сложилось четкое понимание, что одним словом Божьим, обучением молитвам и т.д. коренное население не будет приобщено к православию; христианизация будет иметь поверхностный характер. Поэтому, в частности, в программу миссионерских школ было включено не только обучение чтению, письму, счету, молитвам, но и базовым хозяйственным навыкам, в том числе огородничеству и хлебопашеству.

Имея ограниченный кадровый потенциал, руководство Алтайской духовной миссии решило проблему рекрутирования сотрудников путем набора и обучения наиболее успешных учеников из числа «инородцев», в последующем становившихся миссионерами. Учитывая удаленность духовных образовательных заведений, руководством миссии было создано собственное катехизаторское училище, расположившееся в итоге в г. Бийске. Знание языка и культуры коренного населения позволяло миссионерам-«инородцам» более успешно контактировать и осуществлять преобразования в жизни своих соплеменников [Николаев, 2012, с. 23–32].

Результаты усилий в сфере интеграции коренного населения предгорий Северного Алтая в социальную структуру Российской империи можно сформулировать исходя из анализа материалов Всероссийской сельскохозяйственной переписи 1917 г. на примере двух населенных пунктов аила и с. Пильно, располагавшихся в непосредственной близости к крестьянским волостям и территории расселения «быстрянцев». Разделение населенного пункта на две части, в том числе по этническому признаку, было обычным явлением.

В с. Пильно располагалось 228 домохозяйств, из которых 113 (49,6 % от общего числа) были «инородческими» и 115 (50,4 %) «русскими»; в а. Пильно из 25 домохозяйств 22 были «инородческими» (88 %). Пофамильный анализ коренного населения позволяет говорить о том, что в с. Пильно проживали в основном выходцы из Быстрянской волости. В аиле Пильно большинство жителей имело кумандинские фамилии и традиционные имена. Наличие традиционных имен позволяет предполагать, что их носители не были крещены и придерживались традиционных верований.

За прошедшее столетие этнически смешанный состав населенных пунктов предгорий Северного Алтая стал обычным явлением. Так, в Тайнинской, Троицкой и Урунской волостях к 1917 г. не осталось моноэтничных поселений, а в Нижне-Кумандинской, Паспаульской и Сузопской волостях сохранилось лишь один-два моноэтничных населенных

пункта. Большинство моноэтничных поселений, а это в основном аилы, располагались в таежной местности: Верхне-Бийской, Лебедской и Озеро-Куреевской волостях. В целом расселение коренного населения предгорий Северного Алтая стало дисперсным, многие населенные пункты были охвачены заимками и заселками пришлого населения.

В ходе переписи главы домохозяйств а. и с. Пильно, указавшие инородческое сословие, записались кумандинцами. В целом на территории предгорий Северного Алтая широко распространились квазиэтнонимы («алтаец», «инородец», «татарин») и оформились этнонимы (кумандинцы и челканцы), а в отдельных случаях отмечается смена этнической идентичности на русскую, в то время как в отдаленных аилах сохранялось сеоковое самосознание.

В обоих населенных пунктах имелись грамотные, но их количество существенно различалось. В аиле проживало 5 грамотных человек, что составляло 3,8 % от общей численности, а в селе – 72, или 10,1 % соответственно. Заметно выше была доля грамотных среди пришлого населения – 120 человек, или 15,8 %.

Трансформация практик расселения и этнического состава поселений способствовала устойчивости этнокультурных связей и, как следствие, появлению иных форм хозяйствования, сближающих коренное население с пришлым. Хозяйство коренного и пришлого населения а. и с. Пильно имело земледельческо-скотоводческий характер; традиционные промыслы, фиксируемые у автохтонов других населенных пунктов региона – охота, рыболовство и собирательство, – не были отмечены переписчиками и, видимо, не имели существенного значения в экономике «инородческих» хозяйств. В аиле под пашню использовалось всего 503,8 дес. земли, а под покос 406 дес.; в селе «инородцы» и «русские» сеяли на 1403,45 и 1353,85 дес. и косили сено на 1215 и 1289,5 дес. земли соответственно.

Хозяйства, в которых не обрабатывали землю и не разводили скот, составляли незначительную долю: два «инородческих» и три «русских» хозяйства в с. Пильно и одно в а. Пильно не занимались земледелием, а домашний скот отсутствовал в 12, восьми и двух хозяйствах соответственно.

Земледельческая деятельность «инородцев» аила, с одной стороны, и коренного и пришлого населения села – с другой, существенно различалась. В а. Пильно в среднем каждое хозяйство обрабатывало 4,5 дес., а в селе – 6,3 и 6,0 дес. соответственно (табл. 1). Несмотря на то, что основными возделываемыми культурами были яровая пшеница и овес, в аиле сравнительно широко (в 15 из 22 домохозяйств) выращивали ячмень. Ячмень традиционно использовался при приготовлении традиционных и ритуальных блюд коренным населением, он является важным индикатором сохранения традиционного образа жизни.

Оснащение сельскохозяйственным инвентарем хозяйств аила и села заметно различалось. В с. Пильно применялся более передовой сельскохозяйственный инвентарь: от однолемешных плугов, которые имелись в каждой второй семье, до паровой/нефтяной молотилки (табл. 2). Если учитывать, что еще 32 «инородческих» и 22 «русских» хозяйства использовали «чужие» (брали на время полевых работ у соседей/родственников/знакомых) плуги, то на «сельских» землях преобладало пашенное земледелие. Не менее активно использовались чужие конные молотилки, жнейки-самосброски, веялки и сортировки. Не редка была и кооперация хозяйств при приобретении нового инвентаря, которым могли владеть две или три семьи, в том числе разные в этническом плане. Подобное совершенно не практиковалось в а. Пильно. В а. Пильно лишь одно хозяйство не имело инвентаря, в то время как в с. Пильно таковыми были 14 «инородческих» и 11 «русских», при этом лишь семь и пять хозяйств соответствен-

Таблица 1. **Распределение посевов в хозяйствах «инородцев» и «русских» а. и с. Пильно**

Посевы	а. Пильно, «инородцы»		с. Пильно, «инородцы»		с. Пильно, «русские»	
	кол-во, дес.	%	кол-во, дес.	%	кол-во, дес.	%
Яровая пшеница	44,5	45,0	368,85	51,5	313,00	45,05
Яровая рожь	1,00	1,0	0,75	0,1	4,30	0,60
Ячмень	8,45	8,6	8,35	1,2	12,55	1,80
Овес	38,30	38,8	259,75	36,3	263,75	38,00
Гречиха	0	0	1,30	0,2	5,80	0,80
Просо	3,50	3,5	40,50	5,6	51,65	7,40
Лен	2,75	2,8	17,55	2,4	19,55	2,80
Конопля	0,30	0,3	19,25	2,7	24,05	3,50
Картофель	0	0	0	0	0,20	0,05
Всего	98,8	100	716,30	100	694,85	100

Таблица 2. **Распределение с/х инвентаря в хозяйствах «инородцев» и «русских» в а. и с. Пильно**

С/х инвентарь	а. Пильно, «инородцы»		с. Пильно, «инородцы»		с. Пильно, «русские»	
	кол-во	в среднем на одно хоз-во	кол-во	в среднем на одно хоз-во	кол-во	в среднем на одно хоз-во
Соха	15	0,70	27	0,20	13	0,10
Плуг однолемешной	1	0,05	46,5	0,40	64,5	0,60
Плуг однолемешной негодный	0	0	2	0,02	5	0,04
Борона железная	51	2,30	283	2,50	281	2,40
Борона железная негодная	0	0	0	0	4	0,03
Жнейка самосброска	1	0,05	20	0,20	9,5	0,08
Жнейка самосброска негодная	0	0	0	0	1	0,01
Жнейка сноповязка	0	0	1	0,01	0	0
Косилка	0	0	7	0,06	8	0,07
Молотилка конная	0	0	8	0,07	0	0
Молотилка конная	1	0,05	15,5	0,10	5,5	0,05
Молотилка конная чужая	0	0	0	0	2	0,02
Молотилка паровая или нефтяная	0	0	0	0	1	0,01
Грабли конные	0	0	0	0	7	0,06
Аппарат жатвенный	0	0	1	0,01	1	0,01
Веялка/сортировка	1	0,05	30	0,30	24	0,20
Веялка/сортировка негодная	0	0	1	0,01	2	0,02
Сеялки разбросные	0	0	0	0	3	0,03
Телега на железном ходу	3	0,15	18	0,20	16	0,10
Телега на железном ходу негодная	0	0	2	0,02	2	0,02
Телега на деревянном ходу	20	0,90	133	1,20	137	1,20
Телега на деревянном ходу негодная	0	0	27	0,20	12	0,10

Таблица 3. **Распределение домашнего скота в хозяйствах «инородцев» и «русских» в а. и с. Пильно**

	а. Пильно, «инородцы»			с. Пильно, «инородцы»			с. Пильно, «русские»		
	кол-во	%	в среднем на одно хоз-во	кол-во	%	в среднем на одно хоз-во	кол-во	%	в среднем на одно хоз-во
Лошади	146	32,9	6,6	601	25,5	5,3	592	23,9	5,2
Крупный рогатый скот	166	37,4	7,6	820	34,7	7,3	818	33,0	7,1
Овцы	128	28,8	5,8	641	27,2	5,7	705	28,5	6,1
Свиньи	4	0,9	0,2	298	12,6	2,6	362	14,6	3,2
Всего	444	100	20,2	2360	100	20,9	2477	100	21,5

но заимствовали для своих нужд сельскохозяйственный инвентарь у односельчан.

Не меньшее значение имело скотоводство. В домашнем стаде преобладал крупный рогатый скот, которому по численности голов немного уступали лошади и овцы (табл. 3). В с. Пильно находился маслодельный завод, а в маслодельном кооперативе состояли и жители аила, что и способствовало преобладанию коров в хозяйствах местных жителей.

В скотоводстве можно выделить важный показатель – свиноводство, свидетельствующий об интеграции части коренных жителей и сохранении традиций другими коренными жителями. Так, население а. Пильно, за исключением одного домохозяйства, придерживаясь традиции, не разводило свиней. Напротив, в с. Пильно свиноводство было представлено широко как у «инородцев» (из 113 домохозяйств в 107 имелись свиньи), так

и у «русских» (из 115 в 82 хозяйствах). Учитывая, что у «русских» заметно преобладала доля свиней возрастом до четырех месяцев в сравнении с соседями из числа коренных жителей, можно предположить, что первые поставляли вторым поросят.

На рассматриваемой территории относительно активно развивались товарно-денежные отношения. По данным переписи 1917 г. можно отметить не только наличие маслодельного завода и кооператива в с. Пильно, но и развитие арендных отношений, привлечение рабочей силы домохозяйствами. В меньшей степени эти процессы затрагивали население аила, где совершенно не практиковалась аренда земли и пользование чужим сельскохозяйственным инвентарем. Среди сельчан-«инородцев» аренда или сдача земель была характерна для 54 хозяйств из 113, а среди «русских» – 41 из 115.

Таким образом, на примере жителей аила и села Пильно, можно говорить об оформлении двух путей интеграции коренного населения предгорий Северного Алтая в социальную структуру Российской империи. В этнокультурном и хозяйственном плане сельские «инородцы» были ближе к пришлому населению, а по некоторым параметрам превосходили его в силу переходного состояния последних, включавших в том числе переселившихся на Алтай в 1900–1910-е гг. Позиционируя себя как «кумандинцы», коренное население а. и с. Пильно во многом различалось. Для обоих сообществ было характерно земледельческо-скотоводческое хозяйство, использование новых агрокультур и вполне передового с/х инвентаря, наличие грамотных, полиэтничность населенных пунктов, но показатели по каждому приведенному параметру заметно коррелировали. Различия в характере расселения, хозяйстве, антропонимии, религии, вовлеченности в товарно-денежные отношения и межэтнические контакты обуславливали вариативность развития автохтонных сообществ в начале XX в. Первый вариант, «аильный», предполагал более закрытое существование, позволявшее сохранять традиции, в условиях копирования более успешных форм хозяйствования. Второй вариант, «сельский», предполагал полный отказ от традиционного образа жизни. Уже в 1917 г. была вполне очевидна перспектива дальнейшей интеграции. Аильное расселение уходило в прошлое (численность жителей а. Пильно – 131 чел. против 712 чел. в с. Пильно), теснимое смешанными по составу населения поселками, селами и деревнями.

Список литературы

Асочакова В.Н. Христианизация хакасов в XVIII в. – 1861 г. (до образования Енисейской епархии). – Абакан, 2008. – 248 с.

Законодательные акты Российской империи. («Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в XVII–XX вв.). – Горно-Алтайск, 1994. – 75 с.

Николаев В.В. Этнодемографическое развитие коренного населения предгорий Северного Алтая (XIX – начало XXI века). – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 312 с.

Сатлаев Ф.А. Предисловие // Законодательные акты Российской империи («Устав об инородцах» М.М. Сперанского и земельная политика Российской империи в Сибири в XVII–XX вв.). – Горно-Алтайск, 1994. – С. 3–6.

Шерстова Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: Этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 312 с.

References

Asochakova V.N. Khristianizatsiya khakasov v XVIII v. – 1861 g. (do obrazovaniya Eniseiskoi eparkhii). Abakan, 2008, 248 p. (in Russ.).

Nikolaev V.V. Etnodemograficheskoe razvitie korennogo naseleniya predgorii Severnogo Altaya (XIX – nachalo XXI veka). Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 312 p. (in Russ.).

Satlaev F.A. Predislovie. In *Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii ("Ustav ob inorodtsakh" M.M. Speranskogo i zemel'naya politika Rossiiskoi imperii v Sibiri v XVII–XX vv.)*. Gorno-Altaisk, 1994, pp. 3–6 (in Russ.).

Sherstova L.I. Tyurki i russkie v Yuzhnoi Sibiri: Etnopoliticheskie protsessy i etnokul'turnaya dinamika XVII – nachala XX veka. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2005, 312 p. (in Russ.).

Zakonodatel'nye akty Rossiiskoi imperii. ("Ustav ob inorodtsakh" M.M. Speranskogo i zemel'naya politika Rossiiskoi imperii v XVII–XX vv.). Gorno-Altaisk, 1994, 75 p. (in Russ.).

Николаев В.В. https://orcid.org/0000-0001-6834-2961

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.726-730
УДК 394

И.В. Октябрьская[1], Е.М. Чиркина[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: evi99@yandex.ru

Анастасийцы Новосибирской области: культура поселений

Статья посвящена анастасийцам – новому религиозному движению славянского неоязыческого толка, которое представлено в Новосибирской обл. несколькими поселениями. Происхождение движения связано с авторским, мифотворческим по своему содержанию, литературным произведением «Анастасия» В. Мегре. Первая книга стала частью серии «Звенящие кедры России». В настоящее время движение имеет общероссийский характер и представлено за рубежом. В целом в стране насчитывается 430 поселений, по миру – ок. 517. В 2012 г. на основе движения зарегистрирована политическая партия «Родная партия». Программное значение для партии и движения анастасийцев имеет изложенная в первой книге В. Мегре (1996 г.) и в последовавшей за ней серии «Звенящие кедры России» концепция родовых поместий как новой формы сельского поселения. Родовое поместье представляет собой участок земли площадью не менее 1 га, который предназначен для проживания одной семьи. На территории родового поместья должен быть ряд обязательных объектов: дом, лесная зона, сад, огород, пасека, водоем, живая изгородь. Несколько расположенных рядом поместий образуют поселение родовых поместий. Уклад жизни в поместье характеризуется следующими базовыми принципами: экологизм, инициативность, самоорганизация, самообеспечение и автономность, солидарность и взаимопомощь. Основные формы деятельности и жизнеобеспечения анастасийцев – производство сельскохозяйственных продуктов, сбор дикоросов, ремесленничество, туризм, фестивальные проекты, удаленная работа и пр. Все действующие поселения находятся на разном уровне становления и развития. В их устройстве реализована единая культурная модель, ориентированная на идею мифологизированного единства человека и природы. При этом известны примеры эффективности родовых поместий, которые имеют перспективы роста. Являясь новой формой сельского поселения, программы родовых поместий в ряде областей России рассматриваются как опыт возрождения заброшенных деревень и территорий в сельской местности.

Ключевые слова: *субкультура, неотрадиционализм, новое религиозное движение, культура жизнеобеспечения, родовое поместье.*

Irina V. Oktyabrskaya[1], Evgeniya M. Chirkina[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: evi99@yandex.ru

The Anastasians of Novosibirsk Region: Culture of the Settlements

This article describes the Anastasians – new religious movement of Slavic Neopaganism, represented by several settlements in Novosibirsk Region. The origin of the movement is associated with the mythopoetic book "Anastasia" written by Vladimir Megre, which was the first in a book series "The Ringing Cedars of Russia." Currently, this movement has spread throughout Russia and abroad. There are 430 Anastasian settlements in Russia, and about 617 settlements in the world. In 2012, the political party "Rodnaya Party" which is based on the movement was registered. The main point of the first book and the series is the concept of family estate as a new form of rural settlement. Family estate is a land property of not less that 1 ha, intended for the life of one family; it includes a number of mandatory structures, such as house, forest area, orchard, vegetable garden, apiary, pond, and live fence. Several adjacent estates constitute a settlement. The way of life in the estate follows several basic principles: environmentalism, initiativeness, self-organization, self-

sufficiency, solidarity, and mutual support. The owners of the estates do different types of work to earn money, including agricultural production, gathering wild plants, handicrafts, organization of tourist projects and festivals, distance working, etc. All existing settlements are at different levels of development, yet all of them are based on the same cultural model implementing the concept of the mythologized unity of humans and nature. There are examples of effective family estates with good growth prospects. Being a new type of rural settlements, the programs of family estates in some Russian regions are regarded as successful experience in reviving abandoned villages and rural territories.

Keywords: *subculture, neotraditionalism, neomythology, new religious movement, life support culture, family estate.*

Анастасийцы – новое религиозное движение славянского неоязыческого толка. Его происхождение связано с авторским, мифотворческим по своему содержанию, литературным произведением В. Мегре (Пузакова) «Анастасия» 1996 г. Роман повествует о событиях 1994 г., когда произошла «мистическая встреча» автора с главной героиней его романов – женщиной по имени Анастасия, живущей уединенно в диком лесу. Изложение ее откровений составило содержание многотомной серии «Звенящие кедры России» 1996–2010 гг.

Опираясь на неомифологию «зеленых книг» серии, сообщество анастасийцев в 1990–2000-е гг. превратилось в заметное движение в социокультурном пространстве Сибири и России. В целом в стране в настоящее время насчитывается 430 поселений анастасийцев. Электронный ресурс движения – poselenia.ru – дает информацию о существовании на текущий момент 517 поселений анастасийцев в России, в ближнем и дальнем зарубежье. В Новосибирской обл. организовано 8 поселений, где, по данным неофициальной статистики, проживает более 600 чел. В 2012 г. на основе движения зарегистрирована политическая партия – «Родная партия».

Поселения анастасийцев – Атрика, Благодатное, Сказка, Медуница, Ладамир, Белагуры, Лучезарное, Благодара – стали объектом авторского изучения в ходе реализации программы подготовки этно-конфессионального атласа Новосибирской обл., которая поддержана министерством региональной политики Новосибирской обл. в рамках реализации государственной программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов, проживающих на территории Новосибирской обл., на 2015–2020 годы» (утверждена постановлением Правительства Новосибирской обл. от 08.06.2015 г.).

Статья была написана на основе авторских полевых материалов 2019 г., полученных в результате экспедиционных поездок в поселения анастасийцев Новосибирской обл. В работе использованы интервью и материалы включенного наблюдения.

Социальная актуальность исследования определялась запросом на программы возрождения деревень, озвученным, в частности, в государственной программе «Комплексное развитие сельских территорий», рассчитанной на срок с 2020 по 2025 г., основные цели которой – сохранение доли сельского населения в общей численности населения России и повышение доли общей площади благоустройства в сельских населенных пунктах [Постановление…].

Интерес к программам анастасийцев на уровне общественного запроса был обусловлен идеологией и практиками экологизма, ключевыми для которых являются: мотивы технократической опасности и возврата к природе и этническим корням как форме спасения человеческого рода вообще и каждого конкретного человека в частности.

Эта идеология, возникнув в период системного кризиса в России, стала руководством к действиям, главным из которых должно было стать создание родовых поместий: *«Мы распространяем книги “Звенящие кедры России”. Люди их читают, внимательно следя за искренним изложением жизненных перипетий автора… за его духовным ростом, за развитием событий в мире поселений… Учатся вместе с ним сопоставлять факты… растут от книги к книге, пересматривая и свою жизнь вместе с его, формируют образ своей малой родины, кардинально меняют свою жизнь... Все это очень вдохновляет! Цели у нас общие – создание родовых поместий на основе вдохновения полученного из книг “Звенящие кедры России”»* (ПМА. Интервью: В. Старицин, г. Новосибирск, 2.03.2019).

Родовое поместье – краеугольный и самобытный концепт в творчестве В. Мегре и мировоззрении анастасийцев. Каждое поместье является местом проживания для одной семьи и расположено вне города. Оно не может продаваться и должно передаваться по наследству. Площадь такого поместья должна составлять не менее 1 га, в границах которого должны располагаться хвойный и лиственный лес, водоем, фруктовый сад, огород, пчелиные ульи и свой дом. Дома предпочтительны из экологически безопасных материалов – деревянные, саманные, соломенные, землянки. Поместья не принято огораживать заборами, допускается только «живая» изгородь из деревьев (кедров, лиственниц) в сочетании с кустарниками. Несколько расположенных рядом родовых поместий составляют поселение.

«*Родовое поместье – это земля с огромным плодоносящим садом, домом, построенным твоим дедом, прудом, выкопанным твоими предками, ке-*

дром (я имею ввиду Родовым деревом), посаженым 400 лет назад мужем и женой, частью рода которого являешься ты» (ПМА. Интервью: М. Тимонина, пос. Лучезарное, 31.03.2019).

Анастасийцы полагают, что только в родовом поместье через взаимодействие, общение, заботу о земле человек приобретает ощущение причастности к природе. Одновременно он становится звеном в череде поколений своего рода, живших в поместье.

Родовые поместья рассматриваются как антитеза городу, олицетворяющему разрушительное технократическое начало. Поэтому создание родовых поместий, согласно концепции В. Мегре и представлениям анастасийцев, способно предотвратить глобальную экологическую катастрофу. Сторонники движения ссылаются на книгу почитаемого ими автора «Новая цивилизация», где он предсказывает появление на земле новых поместий и поселений, которые будут умножаться и спасут человечество от гибели [Мегре, 2005, с. 88–91].

Анастасийцы называют родовое поместье воплощением малой родины и национальной идеи России. В их представлении концепция родовых поместий соотносится с программой возрождения страны через укоренение человека на земле, которая с течением времени становится его потомственной родовой территорией.

В практическом отношении анастасийцы, живущие в поселениях, образованных родовыми поместьями, регистрируют их как кооперативные крестьянско-фермерские хозяйства и различные садоводческие объединения (садоводческое некоммерческое партнерство, садоводческое некоммерческое товарищество, садоводческий потребительский кооператив). Например, в 2011 г. был организован садоводческий потребительский кооператив «Медуница», по запросу которого Администрация Мошковского р-на Новосибирской обл. на основе договора аренды выделила 400 га земли. Для оформления земли поселенцы используют официальные способы, однако на поверку оказывается, что поместные земли не всегда имеют прочный юридический статус: «*…в рамках действующего законодательства законно создавать новые поселения на собственных территориях из земель сельхозназначения для сельхозпроизводства не представляется возможным. Законом в данный момент определено, что жилищное строительство на землях, предназначенных для сельскохозяйственной деятельности, не допускается ни в каком виде. Ни фермерам, ни садоводам, ни кому-то еще*» (ПМА. Интервью: А. Курченко, пос. Атрика, 1.10.2019).

«Например, в Лучезарном периодически проводят проверки Россельхознадзора, по которым нас привлекают к суду. В частности, запрещено, на землях сельхоз. назначения высаживать деревья, не говоря уже о строительстве. На 20 оставшихся гектарах требуют сеять, веять и разводить свиней. Когда шло судебное разбирательство о сносе дома,… решение суда было не в пользу поселенцев. Все мы знаем, что на сегодняшний день принято решение о сносе всех домов Лучезарного. А на 20 оставшихся гектарах принято решение скосить все деревья» (ПМА. Интервью: М. Тимонина, пос. Лучезарное, 10.03.2019).

Понимая уязвимость формального положения поселений, анастасийцы неоднократно направляли во властные структуры различные проекты. Их инициативы предполагали издание закона о безвозмездном выделении в пожизненное пользование каждой желающей российской семье одного гектара земли для обустройства на нем родового поместья. Земля должна была предоставляться с правом передачи по наследству и без возможности продажи. Произведенная в родовом поместье продукция, как и его территория, не подлежала налогообложению [Мегре, 2001, с. 40].

«*Нужно показать, что закон есть для кого принимать, что мы существуем и развиваемся и готовы принести пользу России, если наше положение узаконят и дадут гарантии неотъемности земельных участков*» (ПМА. Интервью: Г. Проценко, пос. Лучезарное, 11.04.2019).

Социальные отношения поселенцев ориентированы на принципы общинности и кооперации. Управление осуществляется общим собранием. В каждом поселении существует общий дом или общее место, где при необходимости проходят собрания. Лидеры поселений выбираются «снизу»; как правило, это происходит благодаря личному авторитету и вкладу в общее дело.

Решение общих вопросов (проведение электричества, воды, расчистка и отсыпка дорог, строительство сооружений для общего использования и т. п.) осуществляется путем согласования. Предполагается, что человек должен принимать участие в совместных работах на основе его доброй воли, ответственности, порядочности при фактическом отсутствии фискальных механизмов. В рамках поселения развита практика взаимопомощи: «*Нужно искать пути развития механизма общественного самоуправления… в такой задаче абсолютно убеждена. Нужно наблюдать за природой и учиться ее самоорганизации и устойчивому развитию*» (ПМА. Интервью: Т. Кучеренко, г. Новосибирск, 5.03.2019).

Экономика поселений связана с осуществлением сельскохозяйственных проектов, призванных обеспечить автономность их обитателей и независимость от города: «*…идем путем экодвижения и создания экопоселения как места автономного*

проживания людей с самодостаточно организованной местной инфраструктурой, обеспечивающей все необходимые нужды человека – в жилье, энергии, продовольствии и пр.» (ПМА. Интервью: Т. Кучеренко, г. Новосибирск, 6.02.2019).

Отторжение города анастасийцами связано с пресыщенностью урбанизмом. Для них город – это место обитания темных сил, источник ложных, навязанных ценностей, бездуховности и эгоизма. Человек в городе подчинен чужой воле, технократическому порядку [Мегре, 2005, с. 106–114].

В качестве причин переезда в поселения декларируются: загрязненная окружающая среда, перспектива изменить к лучшему свою жизнь и усовершенствовать окружающий мир, неудовлетворенность стратегией наращивания потребления, страх потери экономической автономии, потребность приобщения к природе, безработица, духовные запросы – поиски своего предназначения и смысла жизни, неудовлетворенность рекомендуемыми моделями социализации, которые предлагает социальная реальность.

В противоположность этому Анастасия проповедует экономическую независимость в родовом поместье, здоровый образ жизни в широком понимании, который, помимо физической культуры, предполагает духовный рост, так как жизнь на природе является духовной практикой общения с богом через его творения. Идеальный образ жизни для поселенцев – максимально автономный, опирающийся на самообеспечение посредством альтернативных источников энергии и натурального земледелия.

«*Наше поселение далеко от городов, а в тех, что есть, работы нет. К нам едут те, кто реально готов жить постоянно и работать на себя*» (ПМА. Интервью: А. Бояринова, пос. Майское, 5.03.2019).

Тем не менее у большинства анастасийцев сохраняется прочная связь с городом. Некоторые имеют работу, не требующую ежедневного пребывания там. Кто-то живет в поселении только летом, а все остальное время проводит в городе. Есть те, кто перевез в поместье семью, а сам продолжает работать в городе, приезжая время от времени.

“Дачниками” мы называем жителей из поселений, которые живут в поместьях только летом. Работать стараются в городе. В поместьях остаются только мамочки с детками» (ПМА. Интервью: А. Бояринова, пос. Майское, 5.03.2019).

Обитатели поселений собирают дикоросы, лекарственные травы, кедровую живицу, разводят пчел, производят молоко, держат сыроварни, выращивают овощи, фрукты, ягоды, занимаются домашним консервированием, изготавливают травяные чаи.

Родопоселенцы зарабатывают тем, что продают продукты местного производства, предоставляют услуги проката лошадей, аренды гостевых домов для отдыхающих, разрабатывают проекты регионального туризма. Во многих поселениях живут печники, кузнецы, резчики по дереву, гончары, выполняющие изделия на заказ. Женщины шьют одежду, чаще – стилизованную под традиционную, вышивают, проводят мастер-классы по обучению рукоделию. *«Надо трудиться на земле своего родового поместья, или в поселении (стройбригада поселенческая, общественные поля и пр.), производить продукцию от земли и продавать во вне или своим. Не покупать продукцию вне поселения. Создать поселенческий банк и давать кредиты людям как своим, так и вне поселения под небольшой процент. Если не живешь в своем доме поместья, сдавать в аренду приезжим. Фестивали, туристы – это во вторую очередь, не главное»* (ПМА. Интервью: В. Симонов, г. Кострома, 31.10.2019).

Экологический императив является базовым принципом образа жизни и хозяйствования анастасийцев. В родовых поместьях реализуются принципы лесовосстановления; минимизации энергопотребления, используются альтернативные источники энергии (ветряки и солнечные аккумуляторные батареи); неистощительные технологии обработки земли, запрещено использование химических удобрений.

В своих аграрных практиках, основанных на концепциях «природного земледелия» (экоземледелие, органическое земледелие), анастасийцы руководствуются идеей о взаимопомощи растений, изложенной в книгах В. Мегре. Она, с их точки зрения, нашла подтверждение в учении о пермакультуре или системе перманентного сельского хозяйства. Технология пермакультуры была развита австрийским фермером и агрономом З. Хольцером. Это система ведения сельского хозяйства, которая основана на взаимосвязях, наблюдаемых в естественных экосистемах. Культуры растений сочетаются таким образом, чтобы благоприятно воздействовать на посеянные рядом и гармонично взаимодействовать с окружающим ландшафтом.

«А упор, как мне видится, нужно делать на значимость для общества, для наших городов, и на экспорт – производство настоящих экопродуктов, органических, самого высшего качества, на технологиях природного земледелия, в практике пермакультуры и лесосадов… такие продукты не получить на крупных предприятиях. Малый бизнес, небольшие фирмы производства всего и вся высокого – «органического» качества, фермы природного (пермакультурного) земледелия – будущее всей планеты, иначе ресурсы будут исчерпаны, а земля слишком загрязнена» (ПМА. Интервью: Т. Кучеренко, г. Новосибирск, 6.02.2019).

Сельский образ жизни и ориентация анастасийцев на крестьянские русские (славянские) традиции формирует синкретичный по своей природе календарь, соединяющий пантеистические и христианские элементы. В их поселениях принято отмечать Коляду (зимнее солнцестояние), Праздник урожая (осеннее равноденствие), Купалу (летнее солнцестояние), Масленицу (весеннее равноденствие).

«*20 сентября в нашей Благодаре будем проводить праздник осеннего равноденствия! Поблагодарим землю матушку за любовь и хороший урожай, поводим хороводы, песни споем, чай на травах да с угощеньями отведаем! Все вместе светлый образ будущего сотворим!*» (ПМА. Интервью: А. Белоконь, пос. Благодара, 9.09.2019).

Оригинальный обычай анастасийцев – обыкновение отмечать «День дачника и Праздник всей земли». Праздник, посвященнный любви и природе, провозглашающий бережное отношение к земле, проводится в конце июля. На поместных фестивалях проходят концерты бардов, ярмарки и гулянья, в городе анастасийцы угощают прохожих плодами собственных садов и огородов.

«Если бы каждый из нас дарил бы книги хорошим людям, например, в День дачника, то это помогло бы развитию движения» (ПМА. Интервью: И. Новосёлов, г. Новосибирск, 1.03.2019).

В образе жизни родового поместья для анастасийцев реализуется альтернативная система ценностей, которая изложена в посланиях Анастасии на страницах книг В. Мегре и считается общепринятой в рамках движения. Стратегия антиконсьюмеризма в поведении анастасийцев возникает из их устойчивого антиглобализма. Поселенцы стремятся к максимально сдержанному потреблению, практикуют выборочное освоение информации, многие не имеют телевизоров и радио. Концепция «опрощения», отрицание потребительского образа жизни, необходимость самообеспечения и ограничения потребностей инициированы у анастасийцев идеей о рисках и обреченности капиталистического уклада жизни.

Согласно проекту переустройства мира анастасийцев, возвращение к земле и природе имеет целью формирование прогрессивного сообщества единомышленников на основе ответственного и благожелательного взаимодействия человека с землей (природой) и человека с человеком в коллективе.

Концепт родового поместья воплощает собой социально-экономический идеал, который обнаруживает много общего с проектом экономиста Алексея Чаянова, описанным в фантастической повести «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии», которая была издана в г. Москве в 1920 г. Мотивы этой повести («крестьянский строй» как приоритет и господство сельской экономики и образа жизни, второстепенная роль города, крестьянское самоуправление, крупные семейные земельные наделы до 3–4 га) были повторены В. Мегре в формате мистического фэнтези об Анастасии. Социальную программу преобразования российской деревни настойчиво и небезуспешно в начале XXI в. воплощают в жизнь «новые крестьяне» в поселениях родовых поместий.

Несмотря на то, что в процессе устроения поселения единомышленники сталкиваются с множеством препятствий: проблемы оформления прав собственности на землю, на обработку сельхозугодий, на строительство дома, регистрацию и т.д., число поселений анастасийцев растет. И уже более чем десятилетний опыт хозяйствования родопоселенцев позволяет признать их практику обустройства родовых поместий вполне жизнеспособной. Неслучайно стратегия сельской жизни, которая включает в себя экологически непротиворечивые аграрные практики, индивидуальное ремесленное производство, организацию местного, в том числе событийного, туризма и основана на принципах самообеспечения, автономии, самоорганизации, взаимопомощи, имеет широкую поддержку в России на общественном, а в отдельных регионах (как, например, в Белгородской обл.) и на административном уровне.

Список литературы

Мегре В. Анастасия. – СПб.: Диля, 1996. – 224 с.

Мегре В. Кто же мы? – СПб.: Диля, 2001. – 240 с.

Мегре В. Новая цивилизация. – СПб.: Диля, 2005. – Ч. 1. – 224 с.

Постановление от 31 мая 2019 г., № 696. Государственная программа «Комплексное развитие сельских территорий» [Электронный ресурс]. – URL: http://government.ru/docs/36905/ (дата обращения: 29.10.2019).

References

Megre V. Anastasija. St. Petersburg: Dilya, 1996, 224 p. (in Russ.).

Megre V. Kto my? St. Petersburg: Dilya, 2001, 240 p. (in Russ.).

Megre V. Novaja civilizacija. St. Petersburg: Dilya, 2005, pt. 1, 224 p. (in Russ.).

Postanovlenie ot 31 maja 2019 g., № 696. Gosudarstvennaja programma “Kompleksnoe razvitie sel’skih territorij”. URL: http://government.ru/docs/36905/ (Accessed: 29.10.2019) (in Russ.).

Октябрьская И.В. https://orcid.org/0000-0002-4190-9478

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.731-735
УДК 314.122.62

Е.В. Самушкина

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: Khakassie@yahoo.com

Национальная политика в Горном Алтае: формирование советской праздничной культуры в 1920–1930-е годы

Статья посвящена анализу праздничной культуры народов Ойротской автономной области. Сквозь призму национальной политики советской власти в отношении коренного тюркоязычного населения региона рассматривается процесс формирования ценностей и символов советской праздничной культуры. На примере Дня Октябрьской революции представлена трансформация праздничной культуры, становление ее канона. Источниковая база исследования – архивные документы и материалы периодической печати. В ходе анализа выявлено, что политика советской власти в 1920-е гг. в отношении этнических меньшинств была направлена на развитие символических форм национальной идентичности. В Горном Алтае шло становление праздничной культуры нового образца, что выражалось в использовании элементов традиционной культуры, поощрении развития национальной культуры. Ее подъем рассматривался как неизбежный результат национальной политики Советского государства. Праздничная культура была призвана демонстрировать населению новый порядок вещей. Праздник рассматривался в качестве средства интеграции различных этнических групп в единую ценностную и символическую систему, закрепления нормативной структуры Советского государства. В 1930-е гг. ставка была сделана на переход от национального характера культуры к интернациональному. Шло формирование традиции, связанной уже с историей Советского государства и жизни народов в нем. В общественно-политическом дискурсе, посвященном праздничным мероприятиям, формировалась историческая память тюркоязычного населения региона. Через советские праздники была реализована идея о культуре, советской по содержанию и национальной по форме. Праздник должен был объединить трудящихся Ойротии по классовому признаку, сформировав интернациональную общность.

Ключевые слова: *советская национальная политика, историческая память, национальная культура, символы, массовые праздники.*

Ekaterina V. Samushkina

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: Khakassie@yahoo.com

Ethnic Policy in the Altai Mountains: Emergence of Soviet Festive Culture in the 1920s–1930s

The article analyzes the festive culture of the peoples who lived in the Oirot Autonomous Region. Formation of values and symbols of Soviet festive culture is viewed through the lens of ethnic policy pursued by the Soviet government in relation to the indigenous Turkic-speaking population of the region. The transformation of festive culture and emergence of its canon is presented using the example of the October Revolution Day. It has been established that the policy of the Soviet government regarding ethnic minorities in the 1920s was aimed at developing symbolic forms of ethnic identity. Festive culture of a new type, which was manifested in the use of the elements taken from traditional culture and in the policy of encouraging the development of ethnic culture was emerging in the Altai Mountains. Resurgence of festive culture was intended for demonstrating a new order of things to the population. Feast days were considered to be the means for integrating various ethnic groups into a single value-oriented and symbolic system, and consolidating the normative structure of the Soviet state. In the 1930s, the accent was made on the transition from the ethnic nature of culture to the

international nature in attempts to build up a tradition associated with the history of the Soviet state and joint life of various peoples there. Historical memory of the Turkic-speaking population of the region was forming in the social and political discourse on festivities. The idea on the culture which would be Soviet in its contents and ethnic in its form was embedded in Soviet feasts which were supposed to unite the working people of Oirotia on the class basis and shape an international community.

Keywords: *Soviet ethnic politics, historical memory, ethnic culture, symbols, public festivities.*

В первое десятилетие после установления советской власти в политике был актуализирован этнический фактор. В рамках проводимой национальной политики были подготовлены национальные элиты, осуществлены мероприятия по коренизации местного административного аппарата, создана сеть учебных заведений, проведена широкая кампания по развитию национальных культур и языков. Одной из главных задач Наркомата по делам национальностей РСФСР было определено «широкое содействие материальному и духовному развитию всех национальностей и племен применительно к особенностям их быта, культуры и экономического состояния» [Новое положение…, 1922].

Праздник как часть национальной культуры стал одним из способов трансляции советской национальной политики в среде этнических меньшинств. Используя государственный праздничный календарь, советская власть утверждала новые символические формы, новое прочтение исторических событий, демонстрировала свое восприятие времени и пространства. Через праздничные мероприятия формировалась и транслировалась новая система ценностей, власть провозглашала свой легитимный статус.

В данной статье на примере праздника Октябрьской революции рассматривается праздничная культура в Ойротской автономной области раннесоветского периода; показано становление советской праздничной культуры и ее трансформация; описан способ трансляции системы символов и ценностей Советского государства коренному тюркоязычному населению региона.

К разработке новых обрядов в Советском государстве приступили с момента провозглашения нового строя; 25 января 1918 г. на заседании Совета Народных Комиссаров под председательством В.И. Ленина А.В. Луначарский доложил о новом календаре, а на следующий день Совнарком опубликовал декрет «О введении в Российской республике западноевропейского календаря». Этим декретом отменялись религиозные и старорежимные праздники и вводились новые – памятные дни великих событий борьбы трудящихся России и всего мира [Мазаев, 1978, с. 235–236]. Так было положено начало государственной легитимизации праздников «Красного календаря». Началось становление совершенно нового типа массового празднества. Надо отметить, что это был длительный процесс, который условно можно разделить на два периода: до 1930–1940-х гг. и после.

В Горном Алтае процесс формирования новой праздничной культуры начался в 1920-е гг. Самое пристальное внимание в организации и проведении праздников уделялось знаковым для советской власти датам – годовщине Великой Октябрьской революции, 1 Мая, годовщине образования Ойротской автономной области (с 1923 г.), Международному дню работниц, Дню урожая (впоследствии – День кооперации и урожая). В праздничный календарь также были включены День Красной армии, День печати, День образования Ойротского комсомола, Международный день кооперации. Первоначально не было какого-то единого ритуала проведения этих праздников, и потому они отражали общие послереволюционные настроения, что проявилось в идейно-социальной направленности: митинги, речи, демонстрации стали их неотъемлемыми атрибутами. В середине 1920-х г., в т.ч. благодаря работе отделения Союза воинствующих безбожников, в Ойротии была активизирована антирелигиозная кампания. Как следствие, в праздничный календарь были включены антирождественские, антипасхальные мероприятия. Семейные праздники, застолья, спортивные соревнования и игры, проводимые в рамках весенне-летних праздников, было предложено заменить на красные *ойыны* и *тои*. Праздники старого и нового календаря четко противопоставлялись. Аналогом Рождества являлось Комсомольское рождество, в дальнейшем – Новый год, Пасхи – 1 Мая, Покрова – День Урожая (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 77). Также были разработаны новые формы праздничной культуры, имевшие фестивальный характер. К ним можно отнести, например, художественную олимпиаду народного творчества в Ойротии, Краевую спартакиаду, Западно-Сибирскую краевую олимпиаду самодеятельного искусства.

Главным праздником Страны Советов являлся день утверждения нового строя – Праздник Великой Октябрьской социалистической революции. В 1920-е гг. шло становление канона празднования этой центральной даты. Праздничные мероприятия длились несколько недель. Вначале органами

центральной власти, Сибкрайкомом на места рассылались циркуляры с подробными указаниями по организации всего хода праздничных торжеств. Мероприятия начинались с кампании в прессе. В местной газете «Ойротский край» накануне памятной даты появлялись публикации, в которых были обозначены основные принципы советской политики в национальном вопросе, описывался путь народов Советской Ойротии от непросвещенной окраины, влачившей жалкое существование, к национальной автономии, находящейся на этапе восстановления хозяйства, становления национальной пролетарской культуры и системы образования.

Первый номер газеты «Ойротский край» вышел из печати 7 ноября 1922 г. В связи с празднованием пятилетия Октябрьской революции все тексты были посвящены этой тематике. Среди прочих публикаций представлена статья И.С. Алагызова, занимавшего пост заведующего национальным отделом Горно-Алтайского уездного ревкома и исполкома, с августа 1922 г. являвшегося членом президиума Ойротского обкома РКП(б), «Что дала Октябрьская революция народам». В ней отмечалось, что в период империи ломались коренные устои алтайской культуры, политика царской власти подводила местное население к конфликту с русскими. В результате же завоеваний Февральской и Октябрьской революций местное население получило автономию, его представители стали равноправными гражданами Советского государства. И.С. Алагызов отмечал: «Празднуя этот великий пролетарский праздник, мы в первый раз празднуем его при мирной обстановке на Алтае. Бей веселее по струнам, кайчи! Звучней гуди, топшур! Воспой по всем аилам трудящихся о великих днях Октябрьской Революции!» [1922, с. 6].

После череды публикаций велась работа по оформлению общественного пространства праздника с использованием символов, презентующих советскую власть, – красных флагов, портретов вождей, лозунгов на алтайском, казахском, русском языках. Затем 6–7 ноября наступал период непосредственно праздничных мероприятий. Начинались они, как правило, с торжественного собрания местных органов власти, где подводились итоги развития Ойротской автономной области, формулировались новые задачи. Так, например, на торжественном объединенном заседании Ойротского областного комитета РКИ и Областного революционного комитета с участием представителей профессиональных, военных и общественных организаций, проходившем 7 ноября 1922 г., была принята резолюция, в которой отмечалось, что на территории Ойротской автономной области в результате пятилетней революционной борьбы была достигнута полная победа над врагами трудящихся, а народы приступают к восстановлению сельского хозяйства и формированию административного аппарата (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 17. Л. 48). От лица собравшихся в Москву во ВЦИК и Совет Народных Комиссаров РСФСР была направлена телеграмма, в которой сообщалось, что полученное право на автономное самоуправление является доказательством истинных намерений советской власти по защите народов, и выражалась готовность стоять на страже интересов Советского государства (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 17. Л. 49). В ходе заседания присутствующим была представлена версия прошлого местных народов. Сары-Сэп Конзычаковым были обозначены основные вехи истории: миграции «ойротских народностей», войны Китая с Джунгарией, период Каракорума, учредительные съезды и, наконец, выделение в автономную единицу (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-91. Оп. 1. Д. 17. Л. 50). Обязательным элементом празднества после торжественного собрания являлось массовое шествие. Демонстрация символизировала сплочение трудящихся масс Ойротии. Однонаправленный линейный характер движения участников в колоннах был призван продемонстрировать прогрессивное развитие социалистического общества, движение в счастливое будущее. Таким образом, позаимствовав форму массового шествия у крестных ходов, большевики наполнили ее своим содержанием; был изменен вектор движения с циклического на однонаправленный, иконы и хоругви были заменены на портреты политических деятелей и красные флаги.

Во второй половине дня участникам праздника предлагались традиционные народные развлечения – скачки, угощения. Также вечером проходили мероприятия просветительского толка, проведение которых имело целью познакомить население с политикой советской власти в области культурного развития, показать растущий уровень грамотности, образованности коренного населения. Наглядным примером успехов советской национальной политики были демонстрации спектаклей на русском и алтайском языках. Заканчивался праздник увеселительными мероприятиями – спевками, хоровыми номерами, играми, которые могли продолжаться до поздней ночи (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-55. Оп. 1. Д. 114; 718. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 438).

Год от года зрелищная часть праздника расширялась. Так, в 1927 г. праздник Октябрьской революции был совмещен с 5-летием автономии. В распорядок праздничных мероприятий были введены летние курсы кочующих агитаторов,

в задачи которых входило разъяснение значения празднования годовщины Октябрьской революции и выделения Ойротской автономии; вечера воспоминаний участников событий, массовые инсценировки и карнавалы в ноябре, в ходе которых демонстрировались основные вехи истории Горного Алтая («колчаковщина», «каракорумщина», партизанское движение, Октябрьская революция). В ходе подготовительных мероприятий местные органы власти должны были выявить потенциальных рассказчиков, отредактировать изложенные ими факты согласно официальной концепции, проследить за логикой повествования и наполненностью фактическим материалом (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 7–8). Для наглядности использовались полотна местных художников, изображавшие бытовые и этнографические сцены, участников партизанского движения, картины новой жизни, революционной борьбы в Ойротии (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 9).

В ознаменование юбилея выделения Ойротской автономной области вначале в аймаках, а затем в Улале были организованы выставки, где подводились итоги преобразований советской власти в следующих сферах: сельском хозяйстве, потребительской кооперации, народном образовании, здравоохранении, социальном обеспечении, советском строительстве, раскрепощении женщин, организации профсоюзного движения (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 8).

В газетах «Ойротский край» и «Кызыл Ойрот» публиковались тексты, содержащие описание основных мер советской власти в области национальной политики, основных моментов национального движения на Алтае, истории революционного движения в автономии с кратким пояснением, рассказывающим о ходе работ по подготовке к празднику. Также сотрудникам газеты вменялся сбор фольклора на революционную тематику.

Особое внимание уделялось проведению юбилейных торжеств в пограничных с Монголией и Танну-Тувой аймаках. На них предлагалось пригласить представителей этих республик с целью демонстрации преимуществ советской национальной политики (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 9).

Для более широкого охвата среди населения Ойротии были применены следующие формы работы: собрания, беседы, индивидуально-групповая агитация, художественные спектакли, кино, диапозитивный фонарь, читка, плакаты, стенные газеты, вечера воспоминаний об Октябре, гражданской войне на Алтае, использование крестьянских «вечерок», вечера вопросов и ответов, массовые митинги в крупных населенных пунктах (на площадях, братских могилах), торжественные заседания сельсовета с членами правлений других общественных организаций, воспоминания о павших за «дело Октября», выступления представителей общественных организаций, «вечера спайки трех поколений большевиков» (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 11). Содержание лозунгов, которые печатались к каждому Октябрьскому празднику, отражали направления деятельности большевиков в области национальной политики. Так, в ознаменование X годовщины были предложены следующие лозунги: «За пять лет существования Ойратии алтайская молодежь получила возможность улучшать свою жизнь, учиться в школах и университетах, участвовать в строительстве социализма!»; «Из-под гнета царского, колчаковского-сатунинского и миссионерско-камского владычества – выбралась алтайская молодежь, начала жить свободно по-новому!»; «Да здравствует братское единение трудящихся всех национальностей!»; «Осиновый кол в могилу национальной вражды!» (КУ РА «Госархив СПД РА». Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 438. Л. 34).

К 1930-м гг. к уже сложившемуся канону празднования дня Октябрьской революции был добавлен еще один элемент. Накануне праздничных мероприятий в областной газете «Красная Ойротия» публиковались автобиографии трудящихся. Строились они по одной схеме. Первая часть была посвящена «ненавистному прошлому». В ней рассказывалось о природных богатствах края, красоте природы, плодородной земле. Антитезой звучало повествование о мрачной жизни народов Ойротии: «*На многие десятки километров, к юго-востоку от устья реки Кан, до Келейского горного перевала, раскинулись богатейшие земли Яконурской долины… “Долина слез” – так называли раньше трудящиеся алтайцы эту богатую местность. На плодородных землях Яконурской долины жирными пауками сидели баи и зайсаны. Алтайская бедно*та ютилась в горных ущельях, на “камне” и билась *в лапах жесточайшей кулацко-байской эксплуатации, бесстыдного произвола царских опричников и патриархально-феодального угнетения*» [Ненавистное прошлое, 1939]. Основным мотивом было описание национальной розни, которую разжигали господствующие классы. Абстрактные картины жалкого существования дополнялись личными свидетельствами: «*Товарищ Орусов Абаш – ударник, работающий в полеводческой бригаде колхоза имени Карла Маркса, рассказывает: “Всю жизнь мой отец – Орус работал пастухом у бая Кумысова Титаш, а получал за это обноски одежды да корову из байского табуна имел право доить”*»; «*Как темная осенняя ночь вспоминается мне наша*

прошлая жизнь, – говорит 63-летняя тов. Кокпаева Арчы. – Все семьи нашего урочища "Келей" работали на бая... Имел бай 40 табунов лошадей да несколько табунов рогатого скота и овец. Жирел на нашем поте бай и его сыновья»; «тяжела и невыносима была жизнь алтайской женщины. По злому зайсанскому обычаю мы были рабынями бая, зайсана, мужа, брата мужа. Всю жизнь мы не имели права снять с себя чегедек. Не имели права заходить на мужскую половину. Нас продавали, как вещи, и распоряжались, как собственностью…» [Проходили века…, 1939]. Вторая часть свидетельств – описание перемен, произошедших в Советской Ойротии: «*Счастливая жизнь в наших колхозах, – говорят сейчас жители Яконура. – Они поют и слагают песни в честь родной большевистской партии, любимого и мудрого вождя народов товарища Сталина*»; «*Каждый день приносит нам новую радость. У меня вот семеро детей. Разве раньше они бы выросли? Конечно, нет. Большинство бы из них умерло, а сейчас они цветут, как маков цвет. Трое старших окончили по четыре класса; двое учатся в неполной средней школе, а двое еще маленькие*» [Ненавистное прошлое, 1939]. Были обозначены и основные достижения советской власти в области национальной политики: переход к оседлому образу жизни, улучшение демографических показателей, успехи в области развития экономики и культуры. В 1930-е гг. окончательно сложился советский праздничный канон.

Таким образом, в 1920-е гг. началось формирование советской праздничной культуры на Алтае. Праздничные практики сочетали в себе компоненты традиционного праздника и нового советского. Особенно это касается периферии Ойротской автономной области, где наряду с базовыми элементами советских массовых праздников присутствовали такие традиционные для народов региона составляющие, как скачки, спортивные соревнования, исполнение фольклорных произведений. Постепенно в ходе праздничных мероприятий шло выделение двух парадигм общественного развития, противопоставление старого и нового мира. Через праздничную культуру шло формирование и трансляция исторической памяти тюркоязычного населения в соответствии с официальной версией истории области.

Благодарности

Исследование проведено в рамках НИР № 0329-2019-0006.

Список литературы

Алагызов И.С. Что дала Октябрьская революция народам // Ойротский край. – 1922. – № 1. – С. 6.

Мазаев А.И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. – М.: Наука, 1978. – 392 с.

Ненавистное прошлое // Красная Ойротия. – 1939. – № 121. – С. 3.

Новое положение о Наркомнаце // Жизнь национальностей. – 1922. – № 17. – С. 14.

Проходили века, а жизнь не изменялась // Красная Ойротия. – 1939. – № 106. – С. 2.

References

Alagyzov I.S. Chto dala Oktyabr'skaya revolyutsiya narodam. *Oirotskii krai*, 1922, No. 1, p. 6 (in Russ.).

Mazaev A.I. Prazdnik kak sotsial'no-khudozhestvennoe yavlenie. Opyt istoriko-teoreticheskogo issledovaniya. Moscow: Nauka, 1978, 392 p. (in Russ.).

Nenavistnoe proshloe. *Krasnaya Oirotiya*, 1939, No. 121, p. 3 (in Russ.).

Novoe polozhenie o Narkomnatse. *Zhizn' natsional'nostei*, 1922, No. 17, p. 14 (in Russ.).

Prokhodili veka, a zhizn' ne izmenyalas'. *Krasnaya Oirotiya*, 1939, No. 106, p. 2 (in Russ.).

Самушкина Е.В. https://orcid.org/0000-0001-5481-3822

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.736-742
УДК 316.723

А.Г. Селезнев[1, 2], И.А. Селезнева[2, 3]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского
Омск, Россия
[3]Сибирский филиал Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия им. Д.С. Лихачева
Омск, Россия
E-mail: seleznev@myttk.ru

Идейные и ландшафтные основы организации экопоселений (по материалам полевых этнографических работ в Омской области в 2019 году)

Представлены материалы полевого этнографического изучения экопоселений Омской обл. В 2019 г. продолжено исследование экопоселений «Северная столица», Обережное, Имбирень и Азъ-Град. Поселения родовых поместий (ПРП) Имбирень и Обережное основаны последователями нового религиозного движения (НРД) «Звенящие кедры России» или «Анастасия», Азъ-Град создан на основе славянского родноверия, «Северная столица» образована на базе неоиндуистского НРД кришнаизма-вайшнавизма. Собранные в текущем полевом сезоне данные касаются идейных и ландшафтных оснований формирования и функционирования экопоселений. Идеология анастасиевских ПРП изложена в книгах основателя движения писателя В. Мегре. Собранные нами интервью показывают, что для анастасиевцев эти книги являются источником истинного смысла жизни, демонстрируют непреходящую ценность земли, утраченную в городской жизни. Идейные основания определяют базовые параметры образа жизни и поведения. Они включают в себя безусловное стремление переехать на землю, продолжить свой род, построить дом, посадить деревья. Основная цель жителей экопоселений – создание родовых поместий как пространства любви, основанного на принципах гармоничного взаимодействия с природой. Жители поселений придерживаются вегетарианства, не употребляют алкоголь и не курят. Частью идеологического комплекса является миссия возрождения деревни и сельского образа жизни. Не менее важным аспектом функционирования экопоселения является выбор оптимального места его формирования. Учитываются такие факторы, как плодородие почвы, обеспеченность водой, отдаленность от крупных магистралей и промышленных объектов. Создание окружающего пространства, преобразование ландшафта рассматриваются поселенцами как главная их функция. Обязательным элементом планировки поселений являются общественные здания и открытые площадки для проведения познавательных, праздничных и иных мероприятий. В текущем году авторы приняли участие в праздновании Дня Земли в анастасиевском поселении Обережное, а также Масленицы и Осенин в поселении Азъ-Град. Информация о некоторых ритуальных практиках, входящих в праздничные торжества, приведена в работе.

Ключевые слова: *экопоселения, Омская обл., полевые этнографические исследования, новые религиозные движения, идеология, ландшафт, праздничная обрядность.*

Alexander G. Seleznev[1, 2], Irina A. Selezneva[2, 3]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Dostoevsky Omsk State University,
Omsk, Russia
[3]Siberian Branch of the Russian Scientific Research Institute
for Cultural and Natural Heritage named after D.S. Likhachev,
Omsk, Russia
E-mail: seleznev@myttk.ru

Ideological and Landscape-Oriented Roots of Organizing Ecovillages (Ethnographic Field Evidence of 2019 from Omsk Region)

Evidence from the ethnographic field study into the ecovillages of Omsk Region is presented. Research in ecovillages of "Severnaya Stolitsa," Oberezhnoe, Imbiren, and Az-Grad continued in 2019. Settlements of family estates Imbiren and Oberezhnoe were founded by the followers of a new religious movement "The Ringing Cedars of Russia" or "Anastasia"; Az-Grad was founded on the basis of native Slavic neopaganism, while Severnaya Stolitsa was founded on the basis of a neo-Hindu new religious movement of Krishnaism-Vaishnavism. The evidence collected during the field season of 2019 is related to ideological and landscape-oriented principles for ecovillages' organization and functioning. The ideology of the "Anastasia" movement was described in the books of its founder Vladimir Megre. Field interviews have shown that these books were the source of the true meaning of life for the followers of "Anastasia"; they demonstrate the eternal value of land, which has been lost in the urban lifestyle. Ideological principles determine the basic criteria of life and behavior, which include the unconditional desire to settle on the land, give birth to children, build a house, and plant trees. The main goal of the residents in eco-communities is creation of family estates as the space of love, based on the principles of harmonious interaction with nature, which involves vegetarian diet and refusal of alcohol consumption and smoking. A part of the ideological complex is the mission of reviving rural lifestyle. An important factor for the ecovillage functioning is the choice of the best possible place. Soil productivity, water availability, remoteness from major highways and industrial facilities play an important role in choosing location. The residents consider creating the surrounding space and transforming the landscape as their main goal. Public buildings and open areas for educational, festive, and other events are the necessary elements of settlements' planigraphy. In 2019, the authors took part in celebrating the Earth Day in the Anastasian settlement of Oberezhnoe, and participated in the celebration of Maslenitsa and Oseniny in the ecovillage of Az-Grad. Information on some festive rituals is provided in this article.

Keywords: *Ecovillages, Omsk Region, field ethnographic research, new religious movements, ideology, landscape, festive rituals.*

Последние два десятилетия на территории бывшего Советского Союза получили развитие новые формы социокультурных общностей – *экологические поселения*. Горожане, руководствуясь определенной природоориентированной идеологией, уходили из города и создавали в сельской местности экопоселения на принципах и идеях гармоничного взаимодействия человека с природой. Характерная для постсоветских стран ситуация идейного хаоса и распада традиционных идентичностей, дополненная осознанием нарастающего экологического кризиса, стимулировала и, в известной мере, способствовала ускорению данного процесса. В основе этих трансформаций лежит особая форма мировоззрения, сознание необходимости выполнения некой подвижнической миссии. Идеологическая специфика обычно проявляется через участие в культурно-религиозных движениях: родноверов, анастасиевцев, неоиндуистов.

С 2015 г. выполняется полевое этнографическое изучение экопоселений Омской обл. [Селезнев, 2015; Селезнев, Селезнева, 2017]. До 2018 г. сбор материалов был осуществлен в экопоселениях на урочище Юрт-Бергамак, Колобово (Малинкино) Муромцевского р-на, Черноозерье (Имбирень) Саргатского р-на, Березовка (Обережное) Горьковского р-на, Азъ-Градъ Омского р-на, а также в экологической общине в д. Тимшиняково Тарского р-на.

В ходе экспедиционных работ 2018 г. было впервые проведено полевое обследование экопоселения «Северная столица», расположенного рядом с с. Сосновка Азовского Немецкого р-на Омской обл. В текущем полевом сезоне мы продолжили изучение экопоселений «Северная столица», Обережное, Имбирень и Азъ-Град. Помимо прочего, нам удалось принять участие в праздниках, являющихся важным компонентом создаваемой поселенцами обрядности. В Обережном мы побывали на праздновании Дня Земли – главном празднике последователей нового религиозного движения (НРД) «Звенящие кедры России» или «Анастасия», в Азъ-Граде приняли участие в праздновании т.н. Масленицы и Осенин, которые выпадают, соответственно, на дни весеннего и осеннего равноденствия. Праздники включали в себя не только обрядовые действия – хороводы, огненные церемонии, ритуальные посадки растений, – но и ряд мероприятий информационного и презентационного характера. Последние состояли из публичных торжественных речей лидеров общин, а также экскурсий по родовым поместьям, в ходе которых излагались принципы, на основе которых создавались поселения и отдельные поместья. На этих моментах мы и заострим внимание в настоящей работе. Основные методы сбора материала: включенное наблюдение и глубинные экспертные интервью.

Развитию экопоселенческого движения посвящена обширная научная литература (см.: [Селезнев, Селезнева, 2017]). Из достижений самых последних лет необходимо отметить обобщающую

работу сотрудника Института археологии и этнографии СО РАН Г.В. Любимовой [2017, с. 68–76], посвященную экоориентированным НРД Сибири. Работа выполнена в т.ч. и на материалах, полученных в ходе полевого этнографического изучения экопоселений.

В отечественной научной традиции сформировалось три подхода к определению понятия экопоселения. Согласно первому подходу – это часть экологического движения, выступающего за альтернативный образ жизни, ориентированный на восстановление элементов традиционной российской культуры, с которыми их объединяет «общее ценностное ядро». По второму подходу – это новая форма сельских сообществ, создатели которых осознанно выбрали экологически устойчивый образ жизни. Третий подход определяет экопоселения как социоэкологические практики, модель альтернативного образа жизни в гармонии с природой [Щукина, 2015, с. 20].

В 2018 г. мы опубликовали вариант классификации экопоселений, основным критерием которой является идеологический (идейный, мировоззренческий) принцип. При этом идеология поселенцев чаще всего выступает в религиозной оболочке, обычно в форме того или иного НРД. Соответственно, экопоселения Омской обл. подразделяются на три группы: 1) поселения «родноверов», «ведических православных» и т.п., основанные на представлениях об изобретаемой «древнеславянской» религии и экологической этике; 2) поселения родовых поместий (ПРП), в основу которых положена идеология широко распространенного в России НРД «Звенящие кедры России», известного также под именем анастасиевцев или анастасийцев; 3) неоиндуистские поселения, созданные на идейных принципах кришнаизма-вайшнавизма [Селезнев, 2018]. Обследованные нами в текущем сезоне поселения распределяются по этим трем классам. ПРП Имбирень и Обережное являются анастасиевскими поселениями, Азъ-Град создан на основе славянского родноверия, «Северная столица» возникла на базе неоиндуистского НРД кришнаизма-вайшнавизма.

Материалы, собранные в текущем полевом сезоне, содержат данные, касающиеся идейных и ландшафтных оснований формирования и функционирования экопоселений. Идеологические принципы были сформулированы в ходе торжественной речи лидера анастасиевского поселения Обережное Надежды, произнесенной ею после праздничных мероприятий, посвященных Дню Земли (вообще этот праздник отмечается 23 июля, но в Обережном в этом году он состоялся в субботу 28 июля). Как уже было отмечено, основой поселений анастасиевцев является идеология НРД «Звенящие кедры России». Эти идеи изложены в 10 книгах основателя движения писателя В. Мегре. По сюжету, знания и мудрость жизни автор получил от мистической и обладающей сверхъестественными способностями таежной женщины Анастасии. Тексты Мегре оказали исключительное влияние на сознание многих людей в России и за ее пределами. Для них смыслом жизни стала реализация созданного автором экологического идеала. В своей речи Надежда подчеркнула: «*Наше поселение основано на идеях, которые изложены в серии книг под названием “Звенящие кедры России”. И я очень рекомендую, кто не читал, обязательно почитать. В этих книгах можно для себя почувствовать и открыть истинный смысл жизни, какие-то настоящие ценности, понятную целостную картину мира. Ни в какой книге я, например, такого не читала. И когда мы, все поселенцы, прочитали эти книги, мы решили воспользоваться теми идеями которые там написаны. И решили создать такое вот поселение и назвали его Обережное. Поселение родовых поместий. Потому что благодаря этим книгам раскрывается какая-то непреходящая ценность земли, которая, к сожалению, в нашей повседневной, городской жизни утрачивается. Она замыливается, эту ценность… ее очень занизили, практически свели на нет и навязали нам какие-то другие совсем иллюзорные ценности. И когда читаешь эти книги, очень отчетливо понимаешь, что в городе мы бегаем по кругу. Нас как будто очень тонко выставляют благодаря рекламе, благодаря каким-то передачам по телевизору, заставляют стать если не рабами, но очень близко к этому, денег. Получается, что как будто ничего больше нет ценного в этой жизни. Но это не так, это совсем не так. И люди, которые живут в нашем поселении, они уже вот это осознали. И мы, конечно, не простая деревня, потому что вот я слышу иногда такие отзывы: “Ой ну как же это работать с утра до вечера”. Опять-таки это мнение навязано нам извне, что работать надо с утра до вечера, не покладая рук, в поте лица и так далее. Это совсем не так. Конечно, мы утратили знания по общению с природой, эффективному общению, но мы стараемся сейчас вернуть в себе это, пробудить, может быть, давно забытые наши истины. И не сразу может быть это получается, но мы стараемся, и вот наше поселение… начало свое развитие в <две тысячи> двенадцатом году*».

Идейные основания определяют базовые параметры образа жизни и поведения. Эти темы затрагиваются в интервью одного из основателей Обережного Сергея: «*Для нас важно все-таки, чтобы*

соседи наши были единомышленниками. То есть не просто чтобы человек, который хочет просто жить на свежем воздухе. Многие приезжают, мы не всех принимаем. Многие приезжают, говорят: "Слушай, мне тут нужно 3 гектара, я хочу содержать баранов, мне нужны работники, естественно". Понятно, зачем нам нужны такие… Мы все-таки ориентируемся и базируемся именно на этих книгах. И основная просьба и условие приема к нам – это поддержка этих идей, которые изложены там в этих книгах. На этом строится все по большому счету. То есть можно критиковать, не со всем соглашаться. Это без проблем. Но главное, чтобы суть, которая движет человеком, когда он переселяется на землю, она совпадала бы с сутью тех людей, которые здесь тоже находятся.

…Естественно конкретное желание переехать на землю, то есть у нас не дачный участок. То есть некоммерческое использование, и не дачное использование. <…>У нас цель именно переселиться на землю. Пусть это будет через 5, через 10 лет. Пусть человек к этому идет. И в итоге мы видим, что это происходит. И в итоге все равно это свершится. Каждому свое время, это нормально.

…На одну семью выделяем от 1 до 1,5 гектаров. Земля есть. Нужны люди, нужны хозяева. Причем нужны люди, которые в самом деле реально могут творить, то есть заниматься делом… переехать сюда жить, настоящие мужчины и настоящие женщины. Которые могут продолжить свой род, построить дом, посадить деревья и создать пространство любви, которым является вот это поместье, которое мы создаем. Которое дальше будет передаваться детям, внукам, правнукам и так дальше, и так дальше. Это место для наших родов. И нужно это место развивать, облагораживать, заселять. Земля ждет людей.

Естественно, люди разные, не всегда у нас все гладко… Но основное, что держит, вот этот основной костяк, все равно в основе лежат эти идеи. Они вроде простые, изложены художественным языком, но так образно и так доступно, что понятны всем. И здесь, в общем-то, что об этом долго говорить, надо просто прочитать, все будет понятно. Там основной принцип – в ладу с природой жить, без алкоголя, сигарет, без мяса. Мы здесь придерживаемся вегетарианства, здорового образа жизни. У нас никто не пьет и не курит здесь. Если кто-то еще и потребляет мясо, допустим из моих родственников, ну что ж теперь делать, я же не буду разводиться со своей женой из-за этого. Это ж не насильно, каждый придет к этому в свое время. Главное, чтобы в целом основные вот эти моменты поддерживались. Каждый в свое время, своим путем все равно придёт к гармонии этой».

Следует отметить, что именно такие категории, как *цель*, *идея*, *идеология*, *мировоззрение*, рассматриваются исследователями в качестве принципиальной основы и стимула создания экопоселений. Кроме того, общим моментом является некий фильтр для чужаков, строгость критериев которого сильно варьирует от поселения к поселению [Позаненко, 2017, с. 163, 171].

Частью идеологического комплекса является *миссия*, которую призваны выполнить человек или экоориентированная община. Нередко в качестве такой миссии выступает возрождение деревни. Причем последнее понимается на двух уровнях: создание новой, привлекательной для жизни, комфортной русской «сельскости» как особого современного образа жизни, альтернативного городской культуре, и, в более узком смысле слова, подъем конкретной деревни, с которой ассоциировано экопоселение.

Сергей эту функцию понимает и выражает так: «*Вы сами знаете какая ситуация в стране. Все из деревень бегут, а тут пришли какие-то чудаки <и добровольно переселились в сельскую местность>. Фактически это единственная, по большому счету, деревня* (Обережное. – **Авт.**), *по крайней мере, в Горьковском районе, которая развивается и увеличивает свое население. У нас здесь родилось уже 5 детей. Это очень здорово, и у нас будут дальше рождаться. И это не предел и мы ждем еще, еще и еще новых людей. И будем еще рожать.*

У нас больше 100 гектар свободной земли есть. Сейчас, благодаря своим усилиям и работе совместной с администрацией и прочими структурами власти не только района, но и области, мы расширили деревню Березовка, сейчас у нас официально утвержден генплан. Сейчас около 140 гектаров входит, осталось решить кое-какие еще вопросы, чтобы можно было официально строиться, мы идем к этому и это скоро будет».

Положительную динамику численности населения большинства ПРП, также как и переживаемую ими стадию «укомплектования», отмечают и другие исследователи [Позаненко, 2017, с. 170].

Не менее важным аспектом функционирования экопоселения является выбор оптимального места его формирования. С некоторой долей условности данный фактор можно назвать ландшафтным основанием развития экопоселения. Сергей описывает трудные поиски в этом направлении: *Мы по многим районам ездили, мы и в Муромцево были. И в Колобово* (анастасиевское поселение в Муромцевском р-не. – **Авт.**) *были, которое там*

развивается. Ну там много факторов учитывалось, при выборе нашего места. Колобово далеко, слишком далеко, не каждый готов за 200 км ехать. Вот Имбирень (анастасиевское поселение в Саргатском р-не. – **Авт.**) *тут все нормально, хорошие ребята, мы с ними дружим. Ну тоже немножко далековато и низкое место. Здесь удачно сочетаются многие моменты. И высокое место, и плодородная земля, потому что здесь береза. То что нужно, земля крупинками, самая лучшая земля крупинками, ни песок, ни глина, а именно крупинками, золотая середина. Плюс еще смотрели на воду, какая вода, чтобы вода была на уровне колодцев, чтобы можно было вырыть колодцы. Мы планируем чтобы на каждом поместье был пруд, свой личный пруд. Чтобы можно было и поливать, и купаться, и экология была, и все прочее… Мы искали одно из самых высоких мест. То есть вот эта самая Березовка находится на одном из самых высоких мест вокруг если брать в радиусе 200 км. И наши предки всегда выбирали самое высокое. Ведь дом как мы строим? На самом высоком месте. И деревню надо строить на самом высоком месте, чтобы там всегда было сухо и в любом случае было комфортно… А здесь оптимальный вариант, уже на* 6 *метров вода, хорошо, колодцы можно рыть. Земля отличная, место высокое. Плюс еще она свободная. Это немаловажный момент… Отдаленная от этих магистралей, от этой пыли и шума. Плюс еще не сильно далеко от города. То есть фактически, все эти моменты, факторы здесь очень удачно сошлись воедино и мы остановились на этом».*

Окружающее ландшафтное пространство творится поселенцами, и это фактически главная их функция. В анастасиевских ПРП высаживается большое количество различных деревьев, в т.ч. и весьма экзотичных для лесостепной зоны Сибири – кедры, дубы и т.д. Преобразованию ландшафта уделяется особое место. В ряде поселений вырыты пруды, а в Азъ-Граде сложная система прудов создавалась по заранее разработанному единому плану.

Обязательным элементом планировки поселений являются общественные здания и открытые площадки для проведения культурных, познавательных, праздничных и иных мероприятий. Праздничные гуляния, на которых мы присутствовали в этом году, проходили именно на таких площадках.

Праздничная обрядность – важный элемент социальной жизни экопоселения. Надежда поделилась своими ощущениями: «*…когда находишься на этом празднике, вы сами уже это прочувствовали, что именно душа начинает говорить с душой. Это как-то не видно со стороны, но когда ты находишься в каком-то кругу, в каком-то единении с людьми, это нигде больше не получить. Правда, ну нигде!*» (рис. 1). Мы сами испытали это чувство единения, в частности, приняв участие в посадке

Рис. 1. На празднике Дня Земли в ПРП Обережное, Горьковский р-н Омской обл. 28 июля 2019 г. *Фото А.Г. Селезнева и И.А. Селезневой.*

Рис. 2. Церемония возжигания факелов на празднике Осенин. Экопоселение Азъ-Град, Омский р-н Омской обл. 22 сентября 2019 г. *Фото А.Г. Селезнева*.

деревьев в ходе праздничных церемоний в День Земли. Как отметила Надежда, «*…когда сообща делаешь, это так здорово! Даже вот вы, например, посадили, мы каждый год делаем посадки, и это, действительно, превращается в какой-то праздник, в такое общение, очень тесное, очень дружеское, теплое*».

В Имбирени центр поселения образуют общий дом (одновременно функционирующий и как школа) и обширная площадка для игр и праздников. В Обережном есть маленький общий дом и открытая площадка. В планах – строительство большого общего дома. Подготовлен проект двухэтажного дома 8 м высотой с купольной крышей. По словам Надежды, они планируют «*построить такой общий дом, чтобы можно было и зимой хороводы водить*».

Целая инфраструктура общественных сооружений создана в Азъ-Граде. Кроме жилых домов, здесь построены общественная трапезная, гостиница, Музей топора, кузница, баня по-черному, и даже зоопарк. Культовые действия производятся на обширной открытой площади.

Важным моментом праздников в Азъ-Граде являются эффектные огненные церемонии. В этом году мы их наблюдали на Масленицу и на Осенинах. В последнем случае ритуал начался с возжигания 11 факелов в специальном сооружении, именующемся *Храмом огня* (рис. 2). Огонь в храме горел на специальном постаменте. Ведущий церемонии пояснил, что 11 – число перехода, символизирующее день равноденствия. Затем состоялось факельное шествие и ритуал *Огненного моста* – прохода под склоненными горящими факелами. Завершилось действо большим костром на площади для гуляний и прыжками через стелющееся низко над землей пламя.

Объем работы не позволяет охарактеризовать в полной мере структуру жизнедеятельности экопоселений и факторы, определяющие направление их развития. За пределами рассмотрения остались аспекты социальных и семейных отношений в экологических общинах, взаимодействие с властными структурами, жителями соседних деревень, связи с городом и многое другое. Однако уже сейчас можно констатировать, что экопоселения занимают важную область сельского социокультурного ландшафта и имеют существенный потенциал к расширению.

Благодарности

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-09-00487.

Список литературы

Любимова Г.В. Новые религиозные движения и культы Сибири (конец XX – начало XXI в.) // Религиозный ландшафт Западной Сибири и сопредельных регионов Центральной Азии. – Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2017. – Т. 3. – С. 61–76.

Позаненко А.А. Два вида изолированных локальных сообществ как старые и новые тённисовские общности в современной России // Журн. социологии и социальной антропологии. – 2017. – Т. 20, № 3. – С. 161–179.

Селезнев А.Г. Горожане вне города: этнографическое изучение новых экопоселений на территории Омской области (по материалам экспедиции 2015 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 553–557.

Селезнев А.Г. Экологические поселения: варианты освоения локального пространства и принципы классификации // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 439–442.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. «Жить по совести и в ладу с природой»: новые экологические поселения в современном социокультурном пространстве (Западная Сибирь, Омская область) // Вестн. Ом. гос. ун-та. Сер.: Исторические науки. – 2017. – № 4 (16). – С. 264–276.

Щукина М.Ю. Социальная активность субъектов устойчивого развития сельских территорий: автореф. дис. … канд. соц. наук. – М., 2015. – 30 с.

References

Lyubimova G.V. New religious movements and cults of Siberia (the end of the XX – beginning of the XXI century). In *Religious Landscape of the Western Siberia and Contiguous Territories of the Central Asia*. Barnaul: Altai State Univ. Press, 2017, vol. 3, pp. 61–76 (in Russ.).

Pozanenko A. Two kinds of isolated local communities as old and new gemeinschafts in contemporary Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 2017, No. 20 (3), pp. 161–178 (in Russ.).

Seleznev A.G. City people out the city: ethnographic study of the new ecovillages at the territory of Omsk region (2015 expedition campaign). *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2015, vol. XXI, pp. 553–557 (in Russ.).

Seleznev A.G. Ecovillages: options for the development of local space and classification principles. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 439–442 (in Russ.).

Seleznev A.G., Selezneva I.A. “To live according to conscience and in harmony with nature”: new ecovillages in the modern socio-cultural space (Western Siberia, Omsk Region). *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoricheskiye nauki*, 2017, No. 4 (16), pp. 264–274. DOI: 10.25513/2312-1300.2017.4.264-276 (in Russ.).

Shchukina M.Yu. Sotsial’naya aktivnost’ sub”ektov ustoichivogo razvitiya sel’skikh territorii: cand. sc. (sociology) dissertation abstract. Moscow, 2015, 30 p. (in Russ.).

Селезнев А.Г. https://orcid.org/0000-0001-6096-7190
Селезнева И.А. https://orcid.org/0000-0003-2292-0476

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.743-747
УДК 39+63

М.Н. Тихомирова

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: marinat24@mail.ru

Новые сведения о хозяйственных занятиях татар деревни Большемурлы Большереченского района Омской области в конце XX – начале XXI века

Современная экономическая жизнь сельского населения является актуальной темой этнографии. В статье вводятся в научный оборот новые полевые материалы о состоянии традиционных хозяйственных занятий татар д. Большемурлы в конце XX – начале XXI в., выявляются общие и локальные черты этой деятельности; анализируются изменения в личном подсобном хозяйстве (огородничестве, животноводстве), описывается состояние рыболовства и собирательства. Сделаны выводы о том, что большая часть жителей занимается огородничеством, около половины домохозяйств разводит сельскохозяйственных животных; рыболовство и собирательство носит вспомогательный характер в жизнеобеспечении. Территория вокруг поселения экономически освоена татарами в радиусе до 6–7 км, включая левобережную террасу и пойму р. Иртыш. В хозяйственных занятиях жителей д. Большемурлы зафиксирован ряд изменений, которые встречаются и в других поселениях татар Омской обл. Они носят характер общей тенденции: сокращение площадей под посадки картофеля (его выращивание перестало носить товарный характер); выпас сельскохозяйственных животных без пастуха; уменьшение количества молочных коров и, следовательно, производства молока; восстановление рыбных запасов озер, что связано с обильными половодьями в Омской обл. Однако по этой же причине оставлены традиционные сенокосные угодья. Также выявлена локальная специфика в хозяйственной деятельности татар этого поселения: в рыболовстве сохраняются традиционные приемы рыбной ловли; преобладает собирательство ягод и грибов, произрастающих вокруг поселения.

Ключевые слова: *хозяйственные занятия, личные подсобные хозяйства, рыболовство, собирательство, изменения, татары, Омская обл.*

Marina N. Tikhomirova

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: marinat24@mail.ru

New Evidence on Economic Activities of the Tatars from the Village of Bolshemurly in Bolsherechensky District of Omsk Region in the Late 20th–Early 21st Century

Contemporary economic life of rural population is an important topic of ethnographic research, since economic activities constitute the basis for the entire life support of this population. The article presents new field evidence on traditional economic life of the Tatars living in the village of Bolshemurly in the late 20th – early 21st century, and establishes the general and local features of their economy. The main part of the article analyzes the changes in private household economy (vegetable gardening and cattle breeding) and describes the situation in fishing and gathering. It has been established that most of the village inhabitants practice vegetable gardening; about a half of the households breed livestock, while fishing and gathering serve as auxiliary means of life support. Economic development of the territory around the settlement covers the left bank river terrace and floodplain of the Irtysh River in a radius up to 6–7 km. Some changes have been observed in economic activities of the inhabitants of Bolshemurly, which have also been found in other Tatar settlements in Omsk Region. These changes involve reduced area for growing potatoes, since they ceased to be cultivated

for commercial purposes, cattle grazing without shepherds, decreased number of dairy cows and milk production, and regeneration of the fish stock in lakes, associated with abundant seasonal floods in Omsk Region. However, for the same reason, traditional grasslands have been abandoned. Specific local features in economic activities of the Tatars living in of the village of Bolshemurly have been identified. They include the preservation of traditional fishing techniques, and predominance of gathering berries and mushrooms growing around the settlement.

Keywords: *economic activities, subsidiary farming, fishing, gathering, changes, Tatars, Omsk Region.*

Исследование современной экономической жизни сельского населения является важной темой этнографии и культурной антропологии, т.к. хозяйственная деятельность является базовой ценностью человека, основой его жизнеобеспечения.

В июле и сентябре 2019 г. в контексте изучения локальных стратегий жизнеобеспечения татар и экономического освоения ими территории вокруг поселения автор статьи собирала полевые материалы по хозяйственным занятиям жителей д. Большемурлы Большереченского р-на Омской обл.

Деревня Большемурлы (*Оллокүл ауыл*) расположена на краю сглаженной левобережной террасы р. Иртыш в северной лесостепной подзоне в 25 км от районного центра р.п. Большеречье [Атлас…, 1996, с. 4].

Целью работы является введение в научный оборот новых данных о состоянии традиционных хозяйственных занятий татар данного поселения в конце XX – начале XXI в., выявление общих и локальных черт в их функционировании.

Традиционные хозяйственные занятия татар д. Большемурлы изучались И.А. Селезневой и А.Г. Селезневым, и результаты были ими опубликованы [Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006]. Поэтому наша задача состояла в том, чтобы собрать данные о состоянии традиционных хозяйственных занятий в последние годы и сравнить их с уже опубликованными сведениями.

Для выявления общих тенденций и локальных черт в хозяйстве населения д. Большемурлы мы будем сравнивать ранее собранные сведения с информацией, полученной нами в 2019 г. при опросах татар Тарского р-на Омской обл.

Личное подсобное хозяйство населения д. Большемурлы представлено огородничеством, животноводством, птицеводством. Трудоспособные семьи занимаются всеми перечисленными видами деятельности.

Татары культивируют все овощные культуры, которые можно увидеть на приусадебных участках среднестатистического жителя сибирской деревни. С 2015–2016 гг. татары д. Большемурлы стали сокращать посадочные площади под картофель, потому что перестали выращивать его на продажу. Раньше обычно картофелем засаживали 20–30 соток. Для личных нужд (на питание и на корм животным) использовался урожай с пяти–восьми соток. Остальное реализовывалось через заготовителей. Приблизительно до начала 2000-х гг. некоторые жители отвозили урожай в г. Омск и сдавали на предприятия общественного питания.

Отметим, что тенденция к выращиванию картофеля только для личного потребления носит общий характер, и она наблюдалась нами в других населенных пунктах: в с. Большие Туралы, деревнях Малые Туралы, Сеитово, Тимшиняково Тарского р-на Омской обл. Продажа картофеля перестает быть источником дохода для сельских жителей из-за низких закупочных цен, тяжелой борьбы с колорадским жуком, сокращения и старения населения и других местных причин.

В прежние годы у татар д. Большемурлы животноводство и птицеводство было важной отраслью хозяйства. В 1997 г. информаторы рассказывали, что они живут за счет своего хозяйства: «*каждая семья в деревне (за редким исключением) имеет не менее двух-трех коров, а некоторые пять-шесть, столько же лошадей*» (Науч. архив МАЭ ОмГУ. Ф. I. Д. 105-2. К. 137, 140). Согласно данным из похозяйственных книг д. Большемурлы, в 2016 г. на 146 прописанных чел. было учтено следующее количество животных: крупного рогатого скота (коров и нетелей) – 144, молодняка – 64, лошадей – 66, овец – 153; в 2017 г. на 127 прописанных чел.: крупного рогатого скота – 134, молодняка – 59, лошадей – 45, овец – 154; в 2018 г. на 109 прописанных чел.: крупного рогатого скота – 143, молодняка – 53, лошадей – 41, овец – 155; в 2019 г. на 110 прописанных чел.: крупного рогатого скота – 120, молодняка – 46, лошадей – 24, овец – 124. Правда, приведенные цифры приблизительные, т.к., во-первых, реальное число проживающих жителей отличалось от прописанных; во-вторых, хозяева склонны преуменьшать количество сельскохозяйственных животных, опасаясь налогов и повышения платы за коммунальные услуги. Но эти данные показывают тенденцию к сокращению животных в домохозяйствах.

Для более точной картины состояния животноводства в данной деревне приведем цифры, полученные от жительницы Р.Р. Бикбулатовой (Ярашевой), 1971 г.р., которая опрашивает владельцев скота и заполняет похозяйственные книги. В на-

селенном пункте постоянно проживает 41 семья. На ул. Озерной три жилых дома, в которых не занимаются животноводством, на ул. Молодежной находится 10 домохозяйств, из них 5 держат скот и лошадей, на ул. Лесной – 28 домов и в 14 из них занимаются разведением сельскохозяйственных животных (ПМА. Т-105. Л. 35–36). Таким образом, 19 домохозяйств, или около половины семей, занимаются животноводством.

Сельскохозяйственные животные распределены по домохозяйствам неоднородно. До семи человек держат большое количество скота (до 30 голов), и он является одним из важных источников их дохода. У одной из опрошенных нами семей по состоянию на июль 2019 г. было 10 коров, 3 лошади, 10 овец. У другого нашего информатора содержались 1 корова, 1 кобыла, 1 жеребенок, 3 овцематки, 1 баран, 1 ягненок, 10 гусей, 12 кур-несушек, 1 петух (ПМА. Т-103. Л. 2, 36).

Отметим, что в д. Большемурлы наблюдается та же тенденция, что и во всех обследованных нами населенных пунктах Тарского р-на Омской обл., – сокращается количество сельскохозяйственных животных, в первую очередь, молочных коров. Уменьшение коров обусловлено несколькими причинами. Во-первых, молоко перестало быть источником дохода, так как его не сдают для переработки на заводы из-за отсутствия лиц, которые захотели бы заниматься его сбором. Во-вторых, в семьях сокращается употребление молока и молочных продуктов из-за расширения продуктового набора и, возможно, также из-за изменений вкусовых предпочтений. Необходимое количество данных продуктов татары приобретают в магазинах непосредственно в деревне или в с. Могильно-Посельское (находящемся на расстоянии 13 км), р.п. Большеречье. Молочную продукцию также покупают у соседей, которые держат коров. Цена за 1 л домашнего молока – 40 руб., 0,5 л сметаны – 120 руб., 1 кг творога – 120 руб., 1 кг сливочного масла – 400–500 руб. (ПМА. Т-103. Л. 37). Владельцы большого количества молочных коров продают свою продукцию приезжающим на охотбазу, в р.п. Большеречье и г. Омск.

В настоящее время традиционный цикл содержания скота и лошадей не изменился. Он состоит из весенне-летнего периода, характеризующегося выпасом на пастбище, и осенне-зимнего, основанного на стойловом содержании. Детально мы не будем рассматривать этот вопрос, т.к. традиционные формы были описаны И.А. Селезневой и А.Г. Селезневым [2006, с. 175–178].

Нами были выявлены следующие изменения в этой сфере хозяйства. Все группы животных (стадо крупного рогатого скота, табун лошадей, отара, если она группировалась отдельно) пасутся самовыпасом, то есть без пастуха, на протяжении нескольких лет. Это привело к утрате ряда традиций, например, одаривания пастуха яйцами в первый день выгона на пастбище крупного рогатого скота. Скот пасется самовыпасом до 15–20 августа, после этой даты и до перехода на стойловое содержание его пасут владельцы по очереди по два человека. Присмотр за животными становится необходим, потому что когда спадает жара, они могут уходить от поселения за несколько километров, и тогда их нужно будет искать. Осенью лошадей также стараются содержать дома, иначе они убегают за 10 км от деревни. Кроме того, они могут устраивать потравы засеянных полей. Это грозит хозяевам животных штрафами.

Овец держат дома в сараях, не выпуская на пастбище. Но часть семей, у которых много мелкого рогатого скота, объединила животных в отару. На ночь ее запирают в большом загоне, принадлежащем одному из жителей. Эти семьи устанавливают между собой очередность дежурства. Неделю один из владельцев открывает и закрывает загон, присматривает за животными (ПМА. Т-103. Л. 42об.–43).

Хозяева скотины и птицы для отличия своих животных от чужих ставят метки (*мета*). Сейчас их метят краской, завязывают цветные ленты, а коровам ветеринарные службы вставляют ушные пластиковые бирки с личными номерами. Интересно, что у татар сохраняется память о старинных метках, которые ставились родителями информаторов. Правда, сейчас их не используют (ПМА. Т-103. Л. 28, 43об.–44).

Обычными ножницами на левом или правом ухе молодых особей делались надрезы разной конфигурации (ПМА. Т-103. Л. 28). У каждой семьи были свои метки. К примеру, уже упоминавшаяся жительница деревни Р.Р. Бикбулатова рассказывала, что ее свекор у коров и бычков ровно отрезал кончик правого уха, а на левом делал в верхней части два округлых выщипа, у своих кур он отрезал задний палец на лапе, у гусей и уток делал надрез на перепонке (ПМА. Т-103. Л. 43об.–44).

Западносибирские татары не держали свиней, но в советский период и в 1990–2000-е гг. во многих поселениях известны случаи, когда жители стали заниматься их разведением. В д. Большемурлы, по словам информаторов, в 1980–1990-ые гг. свиньи были только у русских, которые здесь проживали. Свиней держали *«в закрытых сараях»* (ПМА. Т-103. Л. 30об.), не позволяя им пастись самовыпасом на территории поселения, иначе это могло вызвать недовольство коренного населения.

В 2018 г. у татар д. Большемурлы произошла смена традиционных сенокосных угодий. До этого

времени многие жители косили сено в иртышской пойме на заливных лугах, называемых *Ну*. Они находятся на расстоянии 2–4 км. С 2018 г. из-за повышенного уровня воды были разрушены дамбы (*мосты*), ведущие на покосы. Одна дамба была сделана через узкий водоем, входящий в систему озер Каргавуль, вторая – в окрестностях оз. Ирча (*Арчи*).

С прошлого года жители стали заготавливать сено на полях, принадлежавших ранее подсобному хозяйству завода им. Попова (г. Омск), расположенных слева от дороги, ведущей из деревни на трассу Тара – Омск в сторону с. Могильно-Посельское. Эти поля татары называют *Костер* по названию растения-многолетника «костер безостый», который там произрастает. В советский период его сеяли в качестве кормовой культуры.

Также татары косят сено за охотбазой, расположенной в 1 км от поселения (ПМА. Т-103. Л. 40об.). Ранее ими обкашивались сухие луга в районе оз. Большое (место, называемое *Цуцкара*).

Сено косится механизированным способом. Во многих населенных пунктах Большереченского и Тарского р-нов Омской обл. получили распространение рулонные пресс-подборщики для сена (подбирают и прессуют в рулоны скошенную травяную массу с обвязкой шпагатом или сеткой из полипропилена). Такая машина ускоряет работу и минимизирует затраты на стогование с четырех-пяти до одного человека. В д. Большемурлы такой машины ни в одном домохозяйстве нет из-за высокой цены. Несколько лет назад такой машиной владела одна семья. В настоящее время сено ставится, как и в прежние годы, стогами. Обычно для стогования нанимают соседей.

В последние годы в д. Большемурлы некоторые жители перестали заготавливать сено. Его приобретают по 9 тыс. руб. за один стог в деревне или в соседних селах Могильно-Посельское, Шипицыно и др.

У части жителей есть в собственности доли земель сельскохозяйственного назначения (*паи*), которые они сдают в аренду фермерам в с. Шипицыно. Осенью с ними рассчитываются зерном (к примеру, за 2 пая дают 3 ц овса и 2 ц пшеницы).

В заключение обзора этого вида хозяйственной деятельности добавим, что, по рассказам информаторов, кур-несушек держать становится не очень выгодно из-за дороговизны кормов, необходимости покупать зерновые смеси и витамины, поэтому дешевле и проще покупать куриное яйцо в магазине (ПМА. Т-103. Л. 37).

Помимо ведения личного подсобного хозяйства татары д. Большемурлы занимаются рыболовством и собирательством. Деревня расположена на пути из г. Омска в г. Тару, в окрестностях самого крупного озера на левобережье р. Иртыш – Большого или Большие Мурлы. Недалеко от населенного пункта есть другие озера, на которых татары ранее также рыбачили, но в настоящее время, в основном, рыболовством занимаются на оз. Большом. По мнению жителей деревни Е.С. Джуматаева, 1959 г.р. и Р.Р. Бикбулатовой, в настоящее время рыбачат не менее десяти мужчин. Количество рыбаков за последние годы уменьшилось. Е.С. Джуматаев рассказал, что, когда он переехал жить в д. Большемурлы в 1982 г. «*чуть ли не половина деревни занималась рыболовством*» (ПМА. Т-105. Л. 36об.).

По оценкам информаторов, рыболовство играло важнейшую роль в жизнеобеспечении, когда жители остались без работы: «*А мы три месяца жили без ничего. Только на рыбе. Это было перед подсобным хозяйством* <завода им. Попова> *в 1982 г. Все жили на рыбе*» (ПМА. Т-103. Л. 39об.).

На оз. Большом с 2015–2016 гг. несколько лет подряд происходили локальные экологические катаклизмы. Зимой из-за низких температур заводи озера (Чулок и др.), где обычно рыбачат жители, промерзали, и происходила гибель рыбы («*она превращалась в сухарь*»). Озеро промерзало из-за низкой воды. С 2018 г., благодаря обильному половодью, рыбные запасы озера стали восстанавливаться и рыбы стало больше (ПМА. Т-103. Л. 6). В период половодья оз. Большое с р. Иртыш не соединяется. Поэтому, чтобы вода заходила, был прорыт канал в районе охотбазы. Вода заполняет озеро неделю или десять дней (ПМА. Т-105. Л. 36об.).

На оз. Большом ловят серебряных (белых) карасей, ротанов (ПМА. Т-103. Л. 38об.–39). Но местные жители все же предпочитают золотых (желтых) карасей с оз. Ирча, так как они считаются вкуснее. Но сейчас, чтобы там рыбачить, нужна путевка (лицензия на отлов рыбы на водоемах, принадлежащих рыбохотхозяйствам), поэтому жители д. Большемурлы на нем практически не рыбачат.

В весенне-летний период рыбу ловят сетями и удочками. С 2018 г. возобновилось рыболовство в зимний период; напомним, что из-за промерзания озера в прошлые несколько лет мужчины не могли рыбачить. В период загара (замора) рыбу ловят на тягу, то есть путем создания искусственного течения ее вытягивают на поверхность.

Суть данного приема ловли состоит в следующем. Вырубаются две лунки, которые соединятся желобом. Важно, чтобы у одной из них диаметр был больше – до полуметра, у другой меньше – до 15–20 см. Из маленькой лунки воду «гонят» сачком в большую, таким образом создается течение (тяга). Как только в лунке появляется рыба, поток воды ее затягивает в желоб, из которого ее сачком

выкидывают на лед. Удобнее всего этим способом ловить вдвоем. Один рыбак создает тягу, другой – выкидывает рыбу на лед.

Информатор Е.С. Джуматаев вспоминал, что загар в 1998 г. случился в феврале. Мужчины деревни ловили этим способом рыбу полтора месяца с 27 февраля 1998 г. Это был один из самых обильных на улов за год (ПМА. Т-105. Л. 36об.).

Ловля рыбы на тягу была распространена в других татарских поселениях, например, в д. Черталы Муромцевского р-на Омской обл. [Селезнев, Селезнева, Бельгибаев, 2006, с. 44].

В д. Большемурлы немногими рыбаками еще практикуется более архаичный способ подледного лова – при помощи котцов, представляющих собой конструкции из открылка и корзины в виде сердца, сплетенных из стеблей рогозы или камыша (*еган*). Существует описание конструкции котца [Там же, с. 43], которое мы дополним подробностями его установки: *«Как только толщина льда достигала 20 см, чтобы он держал, тогда ставлю котец. От нашего берега уходим на 1,5 км и устанавливаем котец… Корзина состоит из двух частей; каждая половина сплетена из 250 камышей»* (ПМА. Т-103. Л. 41–41об.).

Летом и осенью жители занимаются собирательством ягод и грибов. Важным объектом собирательства является калина (*малан*), так как из нее готовится *кулага* (блюдо из калины и муки). Сейчас калину собирают в лесах. А раньше, в начале 2000-х гг., калинник рос в местности называемой *Бабьегат*, расположенной рядом с оз. Ирча вдоль дороги от озера в сторону с. Могильно-Посельское. В окрестностях поселения собирают клубнику и землянику (*йеляк*), смородину (*каргат*), костянику (*кысылгат*). Татары собирают довольно много грибов. Место сбора находится в 1–2 км от деревни в лесах в стороне кладбища. В окрестностях поселения растут грузди, опята, волнушки, сыроежки (*синюшки*).

Таким образом, к настоящему времени практически все жители выращивают овощные культуры на огородах для личного потребления. Животноводством занимается около половины домохозяйств. У тех семьей, которые разводят скот в большом количестве, он является одним из важных источников дохода. Рыболовство и собирательство носит вспомогательный характер в жизнеобеспечении. Отметим, что экономическое освоение татарами территории вокруг поселения охватывает левобережную террасу и пойму р. Иртыш в радиусе до 6–7 км. Если в данном поселении продолжит сокращаться население, будет отсутствовать товарное производство, сокращаться личное подсобное хозяйство, то, вероятно, освоенная территория не будет далее расширяться.

В хозяйственных занятиях жителей д. Большемурлы зафиксирован ряд изменений, которые встречаются и в других поселениях татар Омской обл. Они носят характер общей тенденции. Это сокращение площадей под посевы картофеля (его выращивают для личных нужд); уменьшение поголовья молочных пород коров и, следовательно, производства молока. Идет восстановление рыболовных запасов озер. Частично это связано с обильными половодьями в Омской обл. По этой причине оставлены традиционные сенокосные угодья.

В результате изучения хозяйственной деятельности татар этого поселения была выявлена локальная специфика: в рыболовстве сохраняются традиционные приемы рыбной ловли; преобладание собирательства ягод и грибов, что произрастают вокруг поселения.

Благодарности

Исследование выполнено в рамках проекта РФФИ № 19-09-00487а.

Выражаю искреннюю благодарность за помощь в сборе материалов заведующему клубом и музеем в д. Большемурлы Е.С. Джуматаеву, жителям деревни Р.Р. и Л.В. Бикбулатовым; за содействие в работе Западно-Сибирской историко-этнографической экспедиции – главе Могильно-Посельского сельского поселения Большереченского муниципального р-на Омской обл. Т.А. Полозковой и специалисту Л.А. Костюриной.

Список литературы

Атлас Омской области. – Омск: Ом. картограф. фабрика, 1996. – 59 с.

Селезнев А.Г., Селезнева И.А., Бельгибаев Е.А. Мир таежных культур юга Сибири (традиционное хозяйство и сопутствующие компоненты жизнедеятельности). – Омск: Издат. дом «Наука», 2006. – 260 с.

References

Atlas Omskoi oblasti. Omsk: Om. kartograf. fabrika, 1996, 59 p. (in Russ.)

Seleznev A.G., Selezneva I.A., Bel'gibaev E.A. Mir taezhnykh kul'tur yuga Sibiri (traditsionnoe khozyaistvo i soputstvuyushchie komponenty zhiznedeyatel'nosti). Omsk: Izdatel'skiy dom "Nauka", 2006, 260 p. (in Russ.).

Тихомирова М.Н. https://orcid.org/0000-0001-8271-8451

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.748-753
УДК 39

Е.Ф. Фурсова
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: mf11@mail.ru

Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века)

Причина, привлекшая внимание к проблеме этнокультурной идентичности украинских переселенцев в Сибири начала XX в. и начала XXI в., кроется в остроте их собственных переживаний по поводу самотождественности, обсуждаемой сегодня среди российских ученых. Исследование этнокультурной идентичности тесным образом связано с решением проблемы критериев формирования этнического самосознания. В последние годы в трудах антропологов и философов предлагается различать идентичность как внутреннее чувство (осознание себя, Self) в сравнении с внешней информацией о себе, т.е. со стороны. На материалах украинских переселенцев Сибири поставлена задача проанализировать специфику процессов этнокультурной идентификации двух групп переселенцев – столыпинских и современных выходцев с территории Казахстана. Привлекая полевые экспедиционные материалы, автор приходит к выводу о формировании плавающей или ситуативной идентичности столыпинских переселенцев Западной Сибири, которая включает также промежуточные русско-украинские варианты («хахлы»). Особенно ярко эта ситуация прослеживается при их сравнении с южнорусскими переселенцами, которых украинцы отделяли как иную культурную общность («кацапы»). Однако те и другие в представлении сибирских старожилов составляли единую группу с коллективным прозвищем «хахлы». Описанная ситуация объясняет нестыковки в переписях населения Советского Союза 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., обусловленных именно существованием ситуативной или плавающей идентичности украинских жителей, а не медлительными процессами ассимиляции или «русификации». Казахстанские переселенцы, прибывавшие на сибирские земли последние тридцать лет, демонстрируют выраженную украинскую идентичность, обусловленную спецификой проживания в инокультурном и иноконфессиональном окружении прежнего местожительства.

Ключевые слова: *этнокультурная идентичность, украинские переселенцы, хахлы, Западная Сибирь, Казахстан.*

Elena F. Fursova
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: mf11@mail.ru

Problems of Ethnic and Cultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries)

The reason that for the interest to the problem of ethnic and cultural identity of Ukrainian migrants to Siberia in the early 20th and 21st centuries is their acute perception of self-identity – the topic currently discussed by Russian scholars. The study of ethnic and cultural identity is closely related to the problem of criteria for ethnic self-awareness. In recent years, anthropologists and philosophers have proposed to distinguish between self-identity as internal feeling of self-awareness, as opposed to external information about oneself. Evidence on Ukrainian migrants to Siberia is used for analyzing the processes related to ethnic and cultural identification in two groups – migrants who arrived during the Stolypin's reforms and contemporary immigrants from Kazakhstan. Using field evidence, the author comes to conclusion about the floating or situational identity of the Stolypin's migrants to Western Siberia, which also included some intermediate Russian-Ukrainian variants ("khakhly"). This situation becomes especially pronounced when they are compared with the Southern Russian migrants, whom the Ukrainians distinguished as different cultural community ("katsapy"). However, in the eyes of the Siberian old-timers, both of these groups constituted a single group with the collective nickname of "khakhly." This situation explains inconsistencies in the Soviet Censuses in 1959, 1970, 1979, and 1989, caused by the situational or floating identity of Ukrainian residents, and not by slow processes of assimilation or "Russification." The immigrants from Kazakhstan, who have been arriving to Siberia for the past thirty years, demonstrate a pronounced Ukrainian identity, which is caused by living in another cultural and religious environment in their former places of residence.

Keywords: *ethnic and cultural identity, Ukrainian migrants, "khakhly," Western Siberia, Kazakhstan.*

Полевые этнографические работы 2019 г. и более ранних экспедиций (материалы Летней полевой антропологической школы 2019 г. Новосибирского государственного университета и ИАЭТ СО РАН; ПМА 1980–2000-х гг.) позволили собрать фактический материал и составить представление об этнокультурном составе восточнославянских переселенцев Сибири, в их числе выходцев с территории современной Украины. Вопрос самосознания – основного критерия, который может быть положен в основу этнической идентификации, – рассмотрен автором на основе многочисленных данных интервьюирования информантов 1890–1930-х гг.р. Как показал первичный просмотр материалов, решение вопросов самосознания / этнокультурной идентичности напрямую зависит от времени переселения выходцев из украинских земель в Сибирь. Прежде всего, различия наблюдаются между столыпинскими переселенцами из европейской части России (1906–1917 гг.) и переселенцами 1990–2000-х гг., т.е. времени разрушения Советского Союза, с территории Казахстана и Средней Азии. В свет вышло немалое количество работ, посвященных истории переселения уроженцев украинских земель в Сибирь и их демографическим характеристикам, особенностям обрядовой сферы культуры, песенно-танцевального творчества [Переселение…, 1906; Фурсова, Васеха, 2004; Голубкова, 2018; и пр.]. Научные труды по проблеме этнокультурной идентичности россиян с украинскими корнями стали появляться относительно недавно и открыли много важного, ранее не замечаемого, в этом направлении [Листова, 2016; Фурсова, 2015].

Сегодня потомки украинских переселенцев периода столыпинских реформ представляют собой третье-четвертое поколения родившихся в Сибири. С потомками первого-второго поколений переселенцев нам удалось общаться в условиях полевых экспедиций 1980–1990-х гг. [Фурсова, Васеха, 2004]. Особую группу составляют переселенцы, выехавшие на волне последних политических событий из стран Средней Азии и Казахстана (ПМА 2019) [Шустов, 2018]. Проанализируем специфику процессов этнокультурной идентификации этих двух групп сибирских переселенцев.

Этнокультурная идентичность потомков украинских переселенцев периода реформ П.А. Столыпина (1906–1917 гг.)

Колорит украинской культуры бросается в глаза в поселениях степных районов Алтайского края и Новосибирской обл. (Кулундинская степь, Приобское плато), где местные жители могут уверенно указать на села, за которыми идет слава «украинских», или «хахляцких». И сегодня здесь можно услышать специфическую речь местных жителей – в основе русскую, но с включением ряда украинизмов. Жители вспоминают не только историю своего появления и места исхода в Европейской России, но и названия конкретных сел и деревень, где родились их предки (рис. 1, 2). В р.п. Кулунда Алтайского края Нина Степановна Медуница всю жизнь прожила среди переселенцев с Украины, она сохранила память о местах выхода дедов, может обстоятельно рассказать историю своей деревни. «*Родилась я в деревне Белоцерковке, здесь жили все мои бабушки и дедушки. Баба Дуня родилась в Киевской губернии недалеко от города Белоцерковка, их много там было. Работали они в батраках, а когда началось движение это, столыпинское, обещали землю, то они загрузились всей своей династией и поехали. Сюда приехала в 1905 году. Их много оттуда ехали и им здесь нарезали отруба, землю. И она приехала не первая. Когда приехали первые, деревня называлась первая, потом вторая. И когда она приехала, эта новая деревня называлась уже 101-я, а потом были сто второе, сто третье, сто шестое – по отрубам. А потом уже, когда Советская власть пришла, то стали названия давать, чтобы не были деревни безымянными. Вот в Семёновке приехал первый переселенец дед Семён – она стала Семёновкой. В Белоцерковку приехали много людей, проживавших около города Белоцерковки и они попросили, чтобы называли деревню Белоцерковкой*» (ПМА 2019, Н.С. Медуница, 1940 г.р.).

Первоначально в ходе нашей беседы у Нины Степановны не возникало сомнений относительно своей принадлежности к украинцам, хотя она уже сибирячка в третьем поколении. «*Я родилась в 1940 году и все помню очень хорошо,* – рассказывала Н.С. Медуница. – *Мы пишемся украинцами, я сама родилась в Сибири, в Белоцерковке и родители мои родились уже в Белоцерковке. На Украине родилась только бабушка в 1882 году, а сами родители родились уже здесь. Мама с 1917 года, брат мамин старший с 1913 года, еще один брат с 1915 года*» (ПМА 2019, Н.С. Медуница).

Однако когда речь зашла об особенностях речи в кругу семьи собеседницы или ее бабушки («бабы Дуни»), то в изложении неожиданно произошла смена идентичности, утверждаемой ранее. «*Дома баба Дуня говорила на хахлацком. Мы не украинцы и были не русские, мы – хахлы, мы немножко перевертыши. Вот, например, даже в школу я ходила, училась в 9–10 классе... В школе я говорила на русском, а приходила домой, только переступала порог, говорила: «Мама, шо куда мы челе, а баба Дуня не приходывала? – Не приходывала». Когда со мной были девчата, они слушали вот с та-акими глаза-*

Рис. 1. Столыпинские переселенцы из Херсонской губ. *Фото М.А. Круковского. Архив автора*.

Рис. 2. Переселенцы из Харьковской губ. *Фото М.А. Круковского. Архив автора*.

ми. Я и сейчас хахлацкий язык хорошо разбираю, а вот украинский – не знаю...» (ПМА 2019, Н.С. Медуница). Процесс новой идентификации «хахлы» в ее рассказе оказался тесно увязан с произношением мягкого «г» («х»).

Плавающая или ситуативная идентичность украинцев особенно ярко прослеживается при их сравнении с южнорусскими переселенцами, которых Нина Степановна отделяла как иную общность. «*С теми переселенцами, которые выходцы*

из Курской губернии, мы также общались. Но они все больше по-русски говорили. А вот в Белоцерковке, в Воздвиженке они еще до сих пор чешут похахлацки… и в Семёновке особенно – там вообще хахлы, там до сих пор гэкают, и я гэкаю, и девчата мои гэкают. А вот мы были вчера в Курске, там жители не гэкают, но они считают себя русскими» (ПМА 2019, Н.С. Медуница). Коллективным прозвищем «кацапы» выходцы из Киевщины называли своих соседей – курских, воронежских и прочих южнорусских переселенцев, произносивших твердое «г». Характерно, в разговоре с информантами может проскочить также утверждение типа «наш русский Иван» в противоположность «кацапам» из южнорусских губерний. «*Ну, переселялись ведь не только из Киевской губернии, там-то русские. А если взять Курск, Воронеж, там же вообще кацапы, они и тут разговаривают на кацапском. А кацапы, у них: кричит, плачит, ривит. Вот у меня подружка, она уже сколько живет, у нее чисто кацапский выговор. А она не понимает, что я говорю по-хахлацки*» (ПМА 2019, Н.С. Медуница).

Прозвище «кацапы» встречается в Сибири только в местах с компактным украинским населением; оно не известно ни в старожильческой среде, ни среди прочих российских выходцев. Вопросу, живут ли сейчас в этих кулундинских краях кацапы, Н.С. Медуница даже удивилась. По ее мнению, эти люди тоже не совсем русские и только по приезду в Сибирь они «подравнялись под общий стандарт». «*Они и сейчас живут, куда они денутся. Но они уже обрусели, хотя разговоры у них такие есть. Вот они приехали с Воронежа, со Смоленщины – у них разговор другой, у них немного другие традиции*» (ПМА 2019, Н.С. Медуница).

Приведем еще один пример из районов компактного поселения выходцев с украинских земель, поселившихся на новых землях вместе с южнорусскими крестьянами, с которыми соседствовали и на прежней прародине – пограничье Курской и Харьковской (Сумский у.) губерний. Информативен рассказ сотрудницы народного музея д. Переясловка Топчихинского р-на Алтайского края, в котором создана небольшая экспозиция «Откуда есть пошла земля Пере**я**словская». На стенде музея присутствуют карты с мест переселения, фотографии первопоселенцев, другие документы. Сотрудник Елена Алексеевна рассказывала, главным образом, про выходцев из Киевской губернии: «*По документам у нас Пере**я**словка, а печати – Переясл**о**вка. А по идее, по правилам, Переясл**а**вка, потому что Пере**я**словский уезд был. На карте Украины – вот Пере**я**слав. В основном, переселялись из двух сел Панфилы (Киевская обл., Яготинский р-н) и Соснов**а** (Киевская обл., Переяслав-Хмельницкого р-на), еще и другие были. Посмотрите на фотографию: это Катренко Семён Васильевич и его первый саманный дом. Вот у нас за Переясловкой есть Катренков луг, он так и называется, что была земля Семёна Васильевича. Вот ещё Пешкин Герасим Онуфриевич на фото. Они четверо сюда переселились, то есть здесь была их земля, здесь заимки стояли. Они, четыре семьи, в 1914 году в зиму остались зимовать. Видимо, зимовали успешно, и уже в 1915 году еще девятнадцать семей сюда приехали, и датой образования села считается 1915 год*» (ПМА 2018, Е.А. Климанова).

Располагая информацией, что, помимо украинцев, в эту местность шел поток курских переселенцев, я решила подкорректировать рассказ музейной сотрудницы и попросила уточнить этот момент. Елена Алексеевна отступила от своей, видимо, обычной речи экскурсовода, и стала уже просто вспоминать, как сюда приехали южнорусские из Курской губернии (курские, «куряне»), среди которых оказались и ее родственники. «*И вот у меня мама – она наполовину хохлушка, наполовину казачка. Бабушка казачка была, из Курска, под Курском они жили. Да, да, курские. Отец-то ее с Днепропетровска, ну это с маминой стороны. Поэтому после войны в селе стали разговаривать более по-русски, хотя украинские песни можно еще услышать и сегодня*». В итоге, по мнению краеведа, к настоящему времени смена идентичности налицо: «*Да здесь все себя считают русскими. Ну, фамилии еще есть украинские*» (ПМА 2018, Е.А. Климанова). Таким образом, если соседство украинских и южнорусских переселенцев на прежних местах проживания не вызывало изменения этнокультурной идентичности (различия подчеркивались даже в названиях деревень, ср. Русская Конопелька – Черкасская Конопелька, Русское Поречное – Черкасское Поречное), то в Сибири культурное взаимодействие этих групп населения было уже заметно в 1920–1930-е и особенно в послевоенные годы. На глазах местных жителей в алтайской Переясловке произошла трансформация украинских фамилий. Елена Алексеевна привела такие примеры: «*Здесь, на стенде есть фамилии: вот Обель, потом Бескишкий, а сейчас у нас есть фамилии Бескишкин, Обелев. Была Рыжак, а сейчас Рыжаков фамилия*» (ПМА 2018, Е.А. Климанова).

В смешанных селах украинско-сибирского типа случалось, что девушки-сибирячки выходили замуж за переселенцев – наемных работников в семье родителей. Потомок первого поколения украинцев, рожденных в Сибири, Екатерина Григорьевна Бабкодун (по мужу Андреева) вспоминает, что ее отец, столыпинский переселенец, приехал из Полтавской губ. и женился на матери-сибирячке в д. Комарье

Доволенского р-на Новосибирской обл. «*Отец с Украины, с Полтавшины, там жил**ы**. Мама булы русские… Звали хахлами, пишемся русскими. Хахлы – пошло с поколения. Оно ведь и раньше так разговаривалы, по породе…*» (ПМА 2019, Е.Г. Бабкодун, 1929 г.р.). В своем сообщении она обращает внимание на особенности речи «по породе», т.е. с мягким «г», по причине чего родственников и звали «хахлами». В Западной Сибири сложилась специфическая ситуация, что характеристика, данная Другими, стала соответствовать внутреннему чувству (осознанию Себя, Self) [So`kefeld, 1999, p. 417].

Несмотря на то, что Е.Г. Бабкодун выходила замуж за русского, она до сих пор разговаривает на характерном «украинском говоре», на что ей не раз пеняло местное начальство. «*Работала на маслозаводе, начальница говорила: "Катя, ты хоть бы на работе разговаривала по-русски". Я говорю, ну, як я буду гов**о**рить, яж не могу як вы…*». Интересно, что муж на свадьбе рассказывал гостям о своих планах выучить жену говорить на русском языке, а в реальности получилось, что он сам стал «гуторить по-хахляцки». Однако их дети учились в школе, и сегодня все говорят по-русски, о чем не без гордости сообщила нам собеседница (ПМА 2019, Е.Г. Бабкодун).

Потомки украинских переселенцев из Казахстана начала XXI века

Основная масса потомков переселенцев из Казахстана и среднеазиатских республик покинули материнские территории Киевской, Полтавской и пр. губерний в период столыпинских реформ или после Отечественной войны 1941–1945 гг. Они приехали в Сибирь недавно, в 1990–2000-е гг. по причине разрушения Советского Союза и усиления националистических настроений местного населения [Шустов, 2018, с. 114; Каргин, Костина, 2011, с. 34]. В отличие от столыпинских переселенцев Сибири, эти, недавно ставшие сибиряками, люди, хорошо помнят «украинску мову» и могут свободно на ней говорить, и, в большинстве, носят свои специфические фамилии в неизменном виде. Однако по рассказам и нашим наблюдением, общение в домашней обстановке происходит на русском языке, но, как утверждалось информантами, в любой момент они могут перейти и на украинский. Например, Раиса Васильевна Цыплёнок переехала в Казахстан из Донецкой обл. по причине сложного экономического положения после Отечественной войны, где, как и в Сибири, тоже совместно проживали и русские, и украинцы. «*Сюда переехали, потому что там очень трудно было,* – вспоминала Раиса Васильевна. – *Родилась я в Донецке, Петровский район города Донецка. У нас знакомые уехали в Казахстан и мы тоже соблазнились, переехали. Мы жили 70 км от Павлодара, Щербактинский район. И когда начал разваливаться Союз, дочь говорит: "Переезжайте сюда* (здесь: на Алтай. – **Е.Ф.**)*, чё вы там будете мучиться?" И вот переехали в 2001 году*» (ПМА 2018, Р.В. Цыпленок, 1940 г.р.).

Наши информанты очень гордятся тем, что даже после отмены графы «национальность» в паспорте они помнят о своем происхождении. «*По национальности мы украинцы. Малороссами нас не звали. Сейчас графу отменили, а раньше писалась украинкой. И дети у меня украинцы, вот у дочери муж – он тоже с Украины. У меня муж был украинец, но разговаривал чисто по-русски, а я по-украински. Вот он говорил: "Ты – перевертыш". Как говорят: "Лез, лез по лестнице, а упал с дробыли"* (смеется. – **Е.Ф.**)» (ПМА 2018, Р.В. Цыплёнок).

Выводы

1. На момент переселения в Сибирь у украинских переселенцев периода реформ П.А. Столыпина (как и у многих других) превалировало региональное сознание, наряду с представлением о России как зауральской территории («из Расеи мы»). Внутренние и внешние идентификационные характеристики (эмного и этного характера) свидетельствуют о ситуации, аналогичной описанной для южнорусских губерний Л.Н. Чижиковой [1988] и Т.А. Листовой [2016]. В наших более ранних работах этот момент также был отмечен особо: свободное причисление себя как к русским, так и к украинцам, наряду с одновременным сохранением самоопределения «хахлы» (*«мы не русские, но уже не украинцы, мы – русские хахлы», «украинцы на Украине, а мы здесь – хахлы», «украинцы живут на Украине, а хахлы – везде»* и пр.) [Фурсова, Васеха, 2004]. Описанная ситуация объясняет нестыковки в переписях населения Советского Союза 1959, 1970, 1979 и 1989 гг., обусловленных именно существованием ситуативной или плавающей идентичности украинских жителей, а не медлительными процессами ассимиляции или «русификации».

Зафиксированные в ходе интервьюирования селян сибирского региона данные разрушают миф о происхождении названия «хахлы» от особенностей прически в виде чуба (такой здесь никто не видел). В основу существования этого локального эндоэтнонима легли особенности произношения мягкого «г», подобно как носители других диалектов русской речи назывались «цуканами», «цвякунами», «щекунами», «талагаями», «ягу-

нами», «толдонами» и пр. Особо подчеркнем тот факт, что этот локальный эндоэтноним не считался и не считается обидным именно потому, что он стал самоназванием.

2. Укреплению украинской этнокультурной идентичности на территориях современного ближнего зарубежья (Казахстана) способствовало, с одной стороны, проживание здесь переселенцев компактными поселениями, с другой – инокультурное и иноконфессиональное местное окружение. По причине этого, казахстанские переселенцы прибыли в Сибирь с более выраженным самосознанием, более «украинистыми». Актуализация этнической идентичности той части населения, которая твердо относит себя к украинцам, способствует деятельность домов культуры и этнокультурных центров, пропагандирующих традиции украинской культуры в сельской местности. Участие в художественной самодеятельности, исполнение украинских песен, реконструкции праздников, ярмарок (напр. «Сорочинской» в д. Петропавловка Новосибирской обл.) может рассматриваться как важный фактор поддержания этнокультурной идентичности сибирских украинцев. Именно эта категория поздних переселенцев является сегодня активными участниками художественной самодеятельности.

Благодарности

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, проект № 18-09-00028а.

Список литературы

Голубкова О.В. Невидимость как символ иномира в нарративах переселенцев из Полесья // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2018. – Т. XXIV. – С. 398–400.

Каргин А.С., Костина А.В. Этнокультура как фактор национальной идентичности // Традиционная культура. – 2011. – № 1. – С. 34–46.

Листова Т.А. Была ли смена идентичности? // Этнографические открытия. – 2016. – № 6. – С. 82–85.

Переселение в Сибирь. Прямое и обратное движение переселенцев семейных, одиноких, на заработки и ходоков. – СПб., 1906. – Вып. 18. – 81 с.

Фурсова Е.Ф. Проблемы типологии этнографических, конфессиональных, локальных групп славянских переселенцев Западной Сибири: мультидисциплинарный подход // Гуманитарные науки в Сибири. – 2015. – № 2. – С. 100–104.

Фурсова Е.Ф., Васеха Л.И. Очерки традиционной культуры украинских переселенцев Сибири XIX – первой трети XX в. (по материалам Новосибирской области). – Новосибирск: Агро-Сибирь, 2004. – Ч. 1. – 190 с.

Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. История и судьбы традиционно-бытовой культуры (XIX–XX века). – М.: Наука, 1988. – 251 с.

Шустов А.В. Восточно-славянское население Средней Азии после распада СССР: этнодемографические процессы // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2018. – Т. 46, № 4. – С. 114–122. – DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.114-122.

So`kefeld M. Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment // Current Anthropology. – 1999. – Vol. 40, N 4. – P. 417–447.

References

Chizhikova L.N. Russko-ukrainskoe pogranich'e. Istoriya i sud'by tradicionno-bytovoj kul'tury (XIX–XX veka). Moscow: Nauka, 1988, 251 p. (in Russ.).

Fursova E.F. Problemy tipologii etnograficheskih, konfessional'nyh, lokal'nyh grupp slavyanskih pereselencev Zapadnoj Sibiri: mul'tidisciplinarnyj podhod. *Gumanitarnye nauki v Sibiri*, 2015, No. 2, pp. 100–104 (in Russ.).

Fursova E.F., Vasekha L.I. Ocherki tradicionnoj kul'tury ukrainskih pereselencev Sibiri XIX – pervoj treti XX v. (po materialam Novosibirskoj oblasti). Novosibirsk: Agro-Sibir', 2004, pt. 1, 190 p. (in Russ.).

Golubkova O.V. Nevidimost' kak simvol inomira v narrativah pereselencev iz Poles'ya. In *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2018, vol. XXIV, pp. 398–400 (in Russ.).

Kargin A.S., Kostina A.V. Etnokul'tura kak faktor natsional'noj identichnosti. *Traditsionnaya kul'tura*, 2011, No. 1, pp. 34–46 (in Russ.).

Listova T.A. Byla li smena identichnosti? *Ethnographic Review*, 2016, No. 6, pp. 82–85 (in Russ.).

Pereselenie v Sibir'. Pryamoe i obratnoe dvizhenie pereselencev semejnyh, odinokih, na zarabotki i hodokov. St. Petersburg, 1906, iss. 18, 81 p. (in Russ.).

Shustov A.V. The Eastern Slavic population of Central Asia after the collapse of the USSR: Ethno-demographic processes. *Archaeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia*, 2018, vol. 46, No. 4, pp. 114–122 (in Russ.). DOI: 10.17746/1563-0102.2018.46.4.114-122.

So`kefeld M. Debating Self, Identity, and Culture in Anthropology with CA comment. *Current Anthropology*, 1999, vol. 40, No. 4, pp. 417–447.

Фурсова Е.Ф. https://orcid.org/0000-0002-9459-7033

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.754-758
УДКЗ 94

А.П. Чемчиева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: chemchieva@gmail.com

Институт алтайского рода: итоги трансформации

Статья раскрывает главные линии развития института алтайского рода в период с середины XIX в. до настоящего времени. Качественные изменения института алтайского рода рассматриваются в контексте трех исторических периодов: досоветского, советского и постсоветского. На основе этнографических материалов проведен анализ исходного состояния института алтайского рода накануне его трансформационных перемен. Выявлено, что основными признаками алтайского рода являются: общий предок-родоначальник, патрилинейность, дислокальность, экзогамия, наличие культа и ощущение взаимопринадлежности. Установлено, что институт алтайского рода осуществлял несколько важных функций: административно-организационную, управленческую, регуляции семейно-брачных отношений, сохранения родового культа. Указывается, что со второй половины XIX в. устои алтайского рода стали расшатываться. Постепенная интеграция коренного населения в систему общероссийских отношений оказала на функционирование института разрушающее воздействие. Значительную роль в отходе части коренного населения от родового быта и родовых представлений сыграл процесс обращения коренного населения в православие. Важным фактором, дестабилизировавшим функционирование алтайского рода, стало упразднение родового принципа в административном устройстве коренного населения. Восприятие в советский период алтайского рода как «пережитка» способствовало его дальнейшей деформации. Коренные изменения, произошедшие в Горном Алтае, привели к преобразованию института алтайского рода и исчезновению некоторых его социальных функций. В постсоветский период институт алтайского рода получил общественное признание. Материалы приведенных эмпирических исследований свидетельствуют, что основная масса коренного населения Горного Алтая сохраняет свою родовую идентичность. Главной функцией алтайского рода в наши дни является регулирование семейно-брачных отношений. В работе делается вывод, что институт алтайского рода проявил большую устойчивость к внешним воздействиям и сумел приспособиться к изменившимся обстоятельствам.

Ключевые слова: *институт алтайского рода, трансформация, коренное население, северные алтайцы, южные алтайцы, Горный Алтай.*

Arzhana P. Chemchieva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: chemchieva@gmail.com

The Altai System of Clans: The Outcomes of Its Transformation

This article describes the main development patterns in the Altai system of clans starting from the mid 19th century until the present time. The transformations of the Altai clans are explored in three historical periods: pre-Soviet, Soviet, and post-Soviet. On the basis of ethnographic evidence, the initial state of the Altai clan system before its transformation has been analyzed. It has been shown that the Altai clan system manifests the following features: existence of the same ancestor, patrilineage, dislocality of exogamy, presence of a cult, and feeling of belonging to the clan. It has been established that the Altai clan system used to fulfill the following important functions: regulation of familial and marital relations, preservation of family cults, as well as administrative and organizational functions. In the late 19th century, the principles behind the existence of the Altai clans started to disintegrate. Gradual integration of the indigenous population into the system of general Russian relations made a destructive impact on the clan systems. The conversion of the indigenous Altaians to Orthodox Christianity also played an important role in their partial departure from clan-oriented concepts and lifestyle. The abolition of clan-oriented principles in the indigenous administrative system

also contributed to destabilization of the Altai clan system. Since the Altai clans were viewed as "archaic" during the Soviet period, their further deformation occurred. Such fundamental changes in the Republic of Altai have resulted in transformation of the Altai clan system and disappearance of some of its social functions. In the post-Soviet period, the clan system gained social recognition. Empirical research has revealed that the majority of the indigenous Altaians continue to sustain their clan identities. Nowadays, the main function of the clan system is regulation of familial and marital relations. It has been concluded that the clan system appears to be able to resist the external influences and adapt to the changing environment.

Keywords: *Altai clan system, transformation, indigenous people, Northern Altaians, Southern Altaians.*

На протяжении ряда веков одним из фундаментальных институтов общественной организации коренного населения Горного Алтая являлся род – сеок (алт. *сөөк* – кость). В течение последних двух столетий институт алтайского рода испытал значительную трансформацию. В данной статье предпринята попытка проанализировать и обобщить лишь некоторые главнейшие линии развития института алтайского рода в период с середины XIX в. до настоящего времени. В соответствии с этой целью в статье сформулированы следующие задачи: рассмотреть, как в указанный период развивался институт алтайского рода, как изменялись его социальные функции; охарактеризовать современное состояние института алтайского рода.

Важную информацию о родовом составе коренного населения Горного Алтая в середине XIX в. дают работы В.И. Вербицкого и В.В. Радлова. Миссионер протоиерей В.И. Вербицкий долгое время жил среди алтайцев и владел алтайским языком. В одной из своих этнографических работ, вошедших в изданный посмертно сборник «Алтайские инородцы» (1893 г.), В.И. Вербицкий указывал, что алтайские инородцы разделяются на множество родов-сеоков: «Алтайские инородцы, кроме официального разделения по дючинам и волостям, разделяют себя еще на множество родов, или поколений (сеок – кость). Происхождение сеоков различно. Одни имеют родоначальниками людей, другие происходят от гор… Сеоки Ойротов, сохраняющиеся свято в памяти народа, разбросаны на большие пространства…» [1993, с. 22].

В работе выдающегося ученого-востоковеда В.В. Радлова «Aus Sibirien» («Из Сибири»), вышедшей в 1884 г., также отмечается, что коренное население Алтая разделяется на рода. В.В. Радлов описывал рода южных алтайцев так: «…Алтайцы распадаются на 24 рода (сөөк – «кость»), в которых отчетливо сохранилось ощущение взаимопринадлежности, несмотря на то, что живут они некомпактно и вперемешку. Так, например, члены одного рода не вступают между собой в брак. Они называют себя родовыми братьями (сёктӱнг карындашы). У каждого рода есть свой дух-охранитель и имеются свои особые формулы обращения к нему и свои церемонии шаманского камлания» [1989, с. 128–129]. Кроме того, В.В. Радлов отметил родовой принцип административного устройства коренного населения, при котором во главе «зайсанств» стояли зайсаны – выходцы из старинных княжеских и байских родов, передававшие свои должности по наследству. Ученый указывал, что зайсаны были облечены обязанностью собирать калан (ясачную дань), а также осуществляли судебную и полицейскую власть [Там же, с. 123–126].

Обратим внимание, что В.И. Вербицкий и В.В. Радлов одними из первых отождествили алтайский сеок с родом. Основными характеристиками сеока они назвали такие признаки, как наличие общего предка-родоначальника, патрилинейность, дислокальность, экзогамию, наличие культа и ощущение взаимопринадлежности. Исходя из приведенных этнографических данных можно заключить, что в середине XIX в. алтайский сеок выполнял различные функции, наиболее важными из которых являлись: административно-организационная, управленческая, регуляции семейно-брачных отношений, сохранения родового культа.

Между тем уже во второй половине XIX в. устои алтайского рода стали расшатываться. Прежде всего родовой быт, родовые представления подверглись изменениям в среде северных алтайцев, которые вошли в соприкосновение с русскими людьми и русской культурой раньше (XVII в.), чем южные алтайцы (XVIII в.). Северные алтайцы первыми оказались в сфере влияния Русской церкви и стали обращаться в православие (особенно активно в XIX в.). Смена вероисповедания неизбежно приводила к коренным переменам в жизни неофитов. Новообращенным воспрещалось оставаться среди своих некрещеных сородичей, они выводились из-под родового управления и переселялись в миссионерские селения.

Тем не менее, по свидетельству современников, алтайский род проявлял большую устойчивость к внешним воздействиям. Так, С.П. Швецов, руководивший в 1897 г. проведением в Горном Алтае переписи населения и внимательно изучавший родовое устройство алтайцев (им было учтено

68 сеоков), отмечал, что даже крещеные алтайцы сохраняли идентификацию со своим родом: «Даже алтайцы (калмыки), принявшие христианство и таким образом всецело подпавшие влиянию русской культуры, продолжают придерживаться той же системы родства и только во втором–третьем поколении оставляют ее и переходят к новым воззрениям на родство. Мне приходилось встречать потомков, когда-то перешедших в православие, не только утративших родную речь, одежду, но даже национальный тип, и в то же время еще сохранивших воспоминание о своей принадлежности к определенной кости, с другими представителями которой браки считают если не греховными, то предосудительными» [1898, с. 4].

На рубеже XIX–XX вв. институт алтайского сеока лишился административно-организационной и управленческой функций. Это случилось вследствие того, что российские власти предприняли меры по ликвидации родового принципа в административном устройстве коренного населения. Вначале, в 1880 г., был упразднен наследственный принцип передачи зайсанства – должность зайсана стала выборной [Кыдыева, 2008, с. 34]. Впоследствии, в 1911–1913 гг., в ходе проведения землеустроительной реформы, коренное население Алтая было административно поделено исключительно по территориальному принципу.

В разные периоды советского времени значимость института сеока, родовая идентификация имели свои особенности. В первые послереволюционные годы институт сеока продолжал влиять на жизнедеятельность коренного населения. На это в 1926 г. указывала Н.П. Дыренкова: «Турецкие племена Алтая, алтайцы и телеуты… живут еще до сих пор родовым бытом, основанным на кровном родстве по отцовской линии. Каждый род, называемый сёёк…, хорошо помнит свою генеалогию… Каждый род внутри себя экзогамен» [1926, с. 247, 253]. Северные алтайцы также продолжали придерживаться в кругу семьи родовых норм. В частности, по данным Ф.А. Сатлаева, кумандинцы сохраняли родовую экзогамию вплоть до 1920-х гг.: мужчины не могли брать себе жен из своего рода [1974, с. 108].

В 1930-е гг. институт алтайского рода был объявлен советской властью «пережитком», тормозящим процесс социалистических преобразований. В работе С.А. Токарева об этом говорилось так: «…Родовые отношения уже очень давно потеряли свою первоначальную природу и превратились в форму феодальных по существу отношений. Родовая оболочка прикрывала и маскировала классовую эксплуатацию, одновременно служа ее орудием» [1936, с. 138–139]. Выдвинутый партийным руководством лозунг борьбы с «родовыми пережитками» способствовал деформации и постепенному разрушению алтайского сеока. Так, именно в эти годы алтайский сеок утратил свою функциональную значимость в религиозной сфере в связи с преследованием традиционной религии и деятельности шаманов.

В середине XX в. алтайский род продолжал рассматриваться учеными в качестве пережитка. Л.П. Потапов писал: «Сохранение родовых традиций весьма тормозило общественное развитие алтайцев. Быстрое разрушение этих традиций и освобождение личности, особенно женщины, из патриархальных родовых пут принадлежат социалистическому строю» [1953, с. 422].

Тем не менее в советский период алтайский сеок функционировал. На это в своих работах указывали сами этнографы. Так, в работе Л.П. Потапова находим: «Потеряли практическое значение и встречаются только в виде пережитков такие родовые признаки, как экзогамия (запрет браков между лицами, принадлежащими к одному сеоку или роду), родовое имя, обозначающее принадлежность к определенному сеоку (роду)» [Там же]. В работе Е.М. Тощаковой отмечалось следующее: «Констатируя новые положительные черты в семейных отношениях, приходится отметить, что в быту алтайцев до сих пор живут патриархально-родовые пережитки, отрицательно влияющие на формирование новой семьи. Сохранилось, например, сознание принадлежности к той или иной родовой группе: мундус, тодош, алмат, чапты и т.д., которое родители внушают детям с малых лет. Как уже говорилось, совершенно безосновательно считается, что все принадлежащие к данной родовой группе (сеоку) являются кровными родственниками и браки между ними недопустимы (экзогамия). Известны случаи, когда по этой причине не состоялись браки любящих друг друга девушки и юноши, что тяжело отразилось на всей их дальнейшей жизни. Живучесть подобных пережитков объясняется в значительной мере тем, что партийные, советские, общественные организации ослабили в последнее время борьбу с вредными традициями» [1973, с. 48–49].

По приведенным из этнографических работ фрагментам видно, что, несмотря на разъяснительную работу советской власти, коренное население Горного Алтая продолжало сохранять традиции рода. При этом основной функцией алтайского сеока в советский период являлась регламентация семейно-брачных отношений. Такую оценку подтверждают и данные массового опроса, проведенного Н.И. Шатиновой в 1971 г. среди южных алтайцев. Опрос показал, что 98,5 % респондентов знали

свой род, а 78 % поддерживали соблюдение экзогамии [1981, с. 36]. К сожалению, подобных научных данных по северным алтайцам в советское время не было получено.

В постсоветский период под влиянием демократизации общества роль института сеока в Горном Алтае существенно возросла. В регионе стали проводиться праздники отдельных сеоков, создаваться родовые организации и избираться главы родов – зайсаны [Кыдыева, 2008, с. 80–81].

Результаты двух этносоциологических исследований, проведенных автором данной работы, подтверждают, что институт сеока остается социально значимым явлением в жизни коренного населения Горного Алтая. Однако его роль неодинакова в жизни северных и южных алтайцев.

Первое исследование было проведено в 2004 г. среди сельских представителей северных и южных алтайцев. Материалы обследования показали, что все представители южных алтайцев имели четкое представление о своем сеоке, а 81,9 % из них были против нарушения обычая родовой экзогамии. Среди северных алтайцев свой сеок смогли назвать только 72 % респондентов (88 % челканцев, 76,3 % тубаларов и 22,2 % кумандинцев). В ходе опроса было выявлено, что в среде северных алтайцев обычай родовой экзогамии стал забываться. Против нарушения данного обычая высказалось 54,4 % респондентов, 27,7 % опрошенных допускали брак внутри одного сеока и 18 % затруднились с ответом [Чемчиева, 2012, с. 163–164].

Второе исследование было проведено в августе 2016 г. среди городских представителей северных и южных алтайцев (опрос в г. Горно-Алтайске методом структурированного интервью, n = 369). Результаты обследования показали, что 98,7 % представителей южных алтайцев знали свой сеок, а 86,5 % не допускали заключения брака между представителями одного рода. В ходе данного опроса свой сеок смогли назвать только 70,5 % северных алтайцев (80,4 % челканцев, 82 % тубаларов и 50 % кумандинцев). При этом против нарушения родовой экзогамии высказалось 52,1 % респондентов, допускали нарушение обычая 32,2 % опрошенных, а с ответом затруднилось 15,8 % респондентов.

Приведенные эмпирические данные показывают, что в современных условиях часть коренного населения Горного Алтая утрачивает родовое самосознание. Прежде всего, этот процесс характерен для северных алтайцев, поскольку еще с досоветского времени их родовая структура подверглась большим изменениям за счет ассимиляции и межэтнического смешения.

В завершение статьи приведем мнение двух проинтервьюированных мною жительниц Горного Алтая. Обе респондентки дали довольно содержательные ответы на вопрос о том, каким они видят будущее алтайского сеока: «Я думаю, что алтайцы должны продолжать придерживаться обычаев предков. Мы должны знать свой сеок. Я поддерживаю, что у нас в районе есть выбранные зайсаны. Однако мне кажется, что сейчас их работы особо не видно. Хотелось бы, чтобы зайсанами становились авторитетные люди, которые своей жизнью и делами были бы примером для всех. Еще я думаю, можно было бы наделить их правом разрешать какие-либо разногласия между людьми. Может быть, даже зайсан мог бы влиять на поведение молодежи, мирить супругов»; «Я вышла замуж за человека из другого сеока. Когда-то в молодости я думала, что этот обычай уже не нужен и его можно забыть. Даже сейчас, возможно, я согласилась бы на брак своего сына с девушкой из одного сеока. Но мой сын меня не поддержал бы точно. Он считает, что наш народ маленький, и поэтому наши предки были правы, что не женились на девушках из одного рода. Только так алтайцы могли сохранить генетическое здоровье народа. Думаю, мой сын прав» (ПМА, 2019).

Резюмируя сказанное, отметим, что в традиционном алтайском обществе каждый человек с юных лет имел четкое представление о своей родовой принадлежности. Однако коренные изменения, произошедшие в Горном Алтае в течение последних двух столетий, до предела осложнили сохранение самобытной местной культуры. Тем не менее институт алтайского сеока оказался достаточно устойчивым и сумел приспособиться к изменившимся обстоятельствам. Несмотря на то, что институт сеока со временем утратил некоторые функции, он все же не потерял свою значимость для коренного населения Горного Алтая.

Список литературы

Вербицкий В.И. Алтайские инородцы. – Горно-Алтайск: [Горно-Алт. тип.], 1993. – 270 с.

Дыренкова Н.П. Род, классификационная система родства и брачные нормы у алтайцев и телеут // Материалы по свадьбе и семейно-родовому строю народов СССР. – Л., 1926. – Вып. I. – С. 247–259.

Кыдыева В.Я. Поземельные отношения в Горном Алтае в XX веке. – Горно-Алтайск, 2008. – 136 с.

Потапов Л.П. Очерки по истории алтайцев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1953. – 444 с.

Радлов В.В. Из Сибири: Страницы дневника. – М.: Наука, 1989. – 749 с.

Сатлаев Ф.А. Кумандинцы: Историко-этнографический очерк XIX – первой четверти XX века. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1974. – 200 с.

Токарев С.А. Докапиталистические пережитки в Ойротии. – Л.: Соцэкгиз, 1936. – 156 с.

Тощакова Е.М. Женщина в обществе и семье у современных алтайцев. – Новосибирск: Наука, 1973. – 58 с.

Чемчиева А.П. Алтайские субэтносы в поисках идентичности. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2012. – 254 с.

Шатинова Н.И. Семья у алтайцев. – Горно-Алтайск: Горно-Алт. отд-ние Алт. кн. изд-ва, 1981. – 184 с.

Швецов С.П. Обычно-правовые воззрения алтайцев (калмык) и киргиз. Брачные и семейные отношения // Зап. Западно-Сибирского отделения Имп. рус. геогр. об-ва. – Омск, 1898. – Кн. 25. – 12 с.

References

Chemchieva A.P. Altaiskie subetnosy v poiskakh identichnosti. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 2012, 254 p. (in Russ.).

Dyrenkova N.P. Rod, klassifikatsionnaya sistema rodstva i brachnye normy u altaitsev i teleut. *Materialy po svad'be i semeino-rodovomu stroyu narodov SSSR*. Leningrad, 1926, iss. I, pp. 247–259 (in Russ.).

Kydyeva V.Ya. Pozemel'nye otnosheniya v Gornom Altae v XX veke. Gorno-Altaisk, 2008, 136 p. (in Russ.).

Potapov L.P. Ocherki po istorii altaitsev. Moscow; Leningrad: Izdatel'stvo AN SSSR, 1953, 444 p. (in Russ.).

Radlov V.V. Iz Sibiri: Stranitsy dnevnika. Moscow: Nauka, 1989, 749 p. (in Russ.).

Satlaev F.A. Kumandintsy: Istoriko-etnograficheskii ocherk XIX – pervoi chetverti XX veka. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskoye otdeleniye Altaiskogo knizhnogo izdatel'stva, 1974, 200 p. (in Russ.).

Shatinova N.I. Sem'ya u altaitsev. Gorno-Altaisk: Gorno-Altaiskoye otdeleniye Altaiskogo knizhnogo izdatel'stva, 1981, 184 p. (in Russ.).

Shvetsov S.P. Obychno-pravovye vozzreniya altaitsev (kalmyk) i kirgiz. Brachnye i semeinye otnosheniya. In *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva*. Omsk, 1898, vol. 25, 12 p. (in Russ.).

Tokarev S.A. Dokapitalisticheskie perezhitki v Oirotii. Leningrad: Sotsekgiz, 1936, 156 p. (in Russ.).

Toshchakova E.M. Zhenshchina v obshchestve i sem'e u sovremennykh altaitsev. Novosibirsk: Nauka, 1973, 58 p. (in Russ.).

Verbitskii V.I. Altaiskie inorodtsy. Gorno-Altaisk: [Gorno-Altaiskaya tipografiya], 1993, 270 p. (in Russ.).

Чемчиева А.П. https://orcid.org/0000-0003-3090-859x

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.761-765
УДК 902.01

Н.В. Басова[1], П.К. Ломов[1], М.В. Селецкий[1, 2], И.С. Половников[1, 2], О.А. Митько[1, 2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия
E-mail: bass15@yandex.ru

Результаты разведочных работ 2019 года на территории Республики Хакасия

Осенью 2019 г. Средне-Енисейским отрядом ИАЭТ СО РАН проведена археологическая разведка в Республике Хакасия. Обследовались земли под обустройство автомобильных дорог и расширение железнодорожного полотна. Рядом с участком под обустройство автомобильной дороги Р-257 обнаружен объект археологического наследия – курганный могильник Знаменка-4. Могильник насчитывает четыре кургана, вытянутых в цепочку, ориентированную по линии север – юг. Сохранность всех четырех курганов неудовлетворительная. Бóльшая часть стенок ограды, сооруженных из вкопанных ребром плит песчаника, разрушена, камни сдвинуты со своих мест. По характерным признакам надмогильных сооружений курганный могильник Знаменка-4 предварительно можно отнести к подгорновскому этапу тагарской культуры (VI–V вв. до н.э.). В результате археологической разведки в Аскизском р-не Республики Хакасия на землях под железнодорожное строительство были уточнены сведения об уже известных памятниках (могильники Сагайская протока-1 и -2, курганные могильники Аскиз-1, -13, -15 и -16) и зафиксировано более 30 археологических памятников, полностью или частично входящих в полосу отвода проектируемого железнодорожного полотна. Объекты археологического наследия включают как крупные могильники, насчитывающие несколько десятков курганов, так и одиночные курганы и стелы. На участке ст. Камышта – ст. Уйтак, в районе моста через р. Камышта, находится крупный могильник Усть-Камышта-1. В ходе полевых работ были определены границы памятника и составлен план могильника, насчитывающего ок. 80 археологических объектов раннего железного века и эпохи палеометалла.

Ключевые слова: *Республика Хакасия, Боградский р-н, Аскизский р-н, археологическая разведка, тагарская культура, палеометалл.*

Natalia V. Basova[1], Pavel K. Lomov[1], Maxim V. Seletsky[1, 2], Ivan S. Polovnikov[1, 2], Oleg A. Mitko[1, 2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia
E-mail: bass15@yandex.ru

Results of Field Survey in the Republic of Khakassia in 2019

In the fall of 2019, the Middle Yenisei Team conducted a field survey in the Republic of Khakassia on the territories intended for road and railway expansion. An archaeological object – the burial ground of Znamenka-4 – was discovered near the area reserved for the R-257 highway. This archaeological object included four burial mounds forming a chain along the north–south. All burial mounds were poorly preserved. Nearly all surrounding walls which used to be made of dug-in sandstone blocks, are destroyed, and stones have been displaced. Judging by the typical features of structures above the graves, the Znamenka-4 burial ground most likely belonged to the Podgornovsky period of the Tagar culture (6th–5th centuries BC). Field survey in the area reserved for railroads in Askizsky District of Khakassia resulted in new data regarding the known sites (burial grounds of Sagaiskaya Protoka-1 and -2, Askiz-1, -13, -15, and -16), and discovery

of over 30 archaeological sites fully or partially located within the planned railway areas. These archaeological sites include both large burial grounds with dozens of burial mounds and isolated mounds and steles. Large burial ground of Ust'-Kamyshta-1 is located in the area between the Kamyshta and Uitak railway stations near the bridge across the Kamyshta River. During the field works, the borders of this site have been established and a map including over 80 archaeological sites of the Early Iron Age and Paleometal Age has been compiled.

Keywords: *Republic of Khakassia, Bogradsky District, Askizsky District, field survey, Tagar culture, Paleometal Age*.

Осенью 2019 г. Средне-Енисейским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проведена археологическая разведка в Республике Хакасия, в ходе которой обследовались земли под обустройство автомобильных дорог и расширение железнодорожного полотна.

Рядом с планируемым участком под обустройство автомобильной дороги Р-257 у с. Знаменка Боградского р-на Республики Хакасия был выявлен объект археологического наследия – курганный могильник Знаменка-4 (рис. 1).

Участок, где обнаружен памятник, расположен в левобережье р. Енисей. Растительность представлена здесь несколькими типами. В среднем ярусе произрастает редкий кустарник карагана, в нижнем – ирисы, злаковые и полевые растения. Рельеф обследованного участка значительно изменен в результате хозяйственной деятельности.

На землях, подвергшихся техногенным разрушениям (коридор коммуникаций, автодорога и пр.), произрастает рудеральная флора: кипрей, хвощ полевой, пырей.

Могильник расположен на юго-восточной окраине с. Знаменка и находится в 30 м от осевой линии автотрассы Р-257 (Красноярск – Абакан). Территория памятника представляет собой остепненный участок, в силу чего долгое время она использовалась под выпас скота и испытала значительное антропогенное воздействие, связанное с хозяйственной деятельностью. В настоящее время на его площади зафиксированы остатки бытового и строительного мусора.

Могильник насчитывает четыре кургана, вытянутых в цепочку, ориентированную по линии север – юг. Земляные насыпи отсутствуют, поверхность внутри отдельных оград, сооруженных из девонского песчаника, хорошо задернована. Курганы 1–3 расположены настолько близко друг от друга, что между стенками отдельных конструкций расстояние составляет до 0,5 м. Курган 4 смещен относительно их к юго-западу, но тем не менее входит с курганами 1–3 в единый погребальный комплекс. Сохранность всех четырех курганов неудовлетворительная: из угловых камней кург. 1 *in situ* сохранилась лишь одна стела, в конструкции курганов 1–3 сохранилось по 1–2 стелы. Помимо этого, большая часть стенок ограды, сооруженных из вкопанных ребром плит песчаника, разрушена, камни сдвинуты со своих мест.

Курган 1. Расположен в северной части могильника на расстоянии 40 м от осевой линии ав-

Рис. 1. Вид на курганный могильник Знаменка-4.

тодороги Р-257. Наземная конструкция кургана претерпела значительные разрушения и читается по фрагментарному контуру остатков оградки из врытых ребром каменных плит. Сооружение имеет прямоугольную форму 8,5 × 9,5 м и ориентировано сторонами по сторонам света. Каменно-земляная насыпь, как и северо-западная угловая стела, отсутствуют. Северо-восточная угловая стела смещена и лежит на поверхности земли. Ее размеры 1,3 × 0,5 × 0,3 м.

Северная стена ограды (длина 9,5 м) представлена остатками всего одной врытой ребром плиты. Ее размеры: 0,5 × 0,1 × 0,15 м.

С южной и восточной стороны стенки кургана не сохранились. Вертикально вкопанная стела юго-восточного угла имеет высоту 1,10 м, ширину 0,70 м и толщину 0,40 м. Западная стенка ограды слабо прослеживается на уровне современной дневной поверхности. Она представлена тремя врытыми в ряд плитами песчаника со значительными разрывами между ними. Размеры плит: 0,5 × × 0,2 × 0,05 м; 0,5 × 0,10 × 0,15 м; 0,5 × 0,10 × 0,15 м.

В центре прослеживается скопление камней, образующих округлую в плане конструкцию диаметром ок. 1 м и высотой 0,10 м, являющуюся остатками перекрытия могильной ямы.

Курган 2. Расположен на расстоянии 0,5 м к югу от кург. 1, практически примыкая к нему вплотную. Наземная конструкция кургана подверглась значительным разрушениям и читается по фрагментарному контуру остатков оградки из врытых ребром каменных плит.

Сооружение имеет прямоугольную форму 8,5 × × 9,5 м и ориентировано по сторонам света. Северная и южная стены ограды не сохранились. Из угловых стел надмогильной конструкции в вертикальном положении находится лишь северо-западная (высота 0,45 м, длина 0,5 м, толщина 0,15 м). Восточная стенка ограды слабо прослеживается на уровне современной дневной поверхности. Она представлена двумя врытыми ребром плитами песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 0,6 × 0,2 × 0,15 м и 0,5 × 0,1 × 0,15 м. Западная стенка ограды состоит из трех вертикально вкопанных ребром плит. Их размеры: 1,1 × 0,2 × 0,15 м; 0,5 × 0,1 × 0,2 м; 0,5 × 0,2 × 0,15 м.

Курган 3. Расположен на расстоянии 0,5 м к югу от кург. 2, практически примыкая к нему вплотную. Наземная конструкция кургана обнаруживает значительные разрушения и читается по фрагментарному контуру остатков оградки из врытых ребром каменных плит. Сооружение имеет прямоугольную форму 6,5 × 10,3 м и ориентировано по сторонам света.

В северо-западном углу расположена вертикально вкопанная стела. Ее размеры 1 × 0,1 × 0,65 м. В северо-восточном углу вертикально вкопанная стела высотой 0,85 м, шириной 0,4 м и толщиной 0,25 м. В юго-восточном – также вертикально вкопанная стела высотой 1 м, шириной 0,4 м и толщиной 0,3 м. В юго-западном – высотой 0,7 м, шириной 0,5 м и толщиной – 0,3 м.

Северная стена ограды (длина 6,5 м) представлена двумя врытыми в ряд плитами песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 0,3 × 0,2 × 0,1 м; 0,5 × 0,15 × 0,2 м. Восточная стена ограды (длина 10,3 м) – двумя врытыми в ряд плитами песчаника также со значительными разрывами между ними. Их размеры 0,3 × 0,2 × 0,15 м и 0,5 × 0,15 × 0,2 м.

Южную стену ограды представляют две врытые в ряд плиты песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 0,3 × 0,2 × 0,2 м; 0,2 × × 0,15 × 0,15 м. Западную – четыре врытые в ряд плиты песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 1 × 0,2 × 0,15 м; 0,2 × × 0,15 × 0,15 м; 0,6 × 0,5 × 0,05 м; 0,4 × 0,2 × 0,15 м.

Курган 4. Находится на расстоянии 10 м к юго-западу от кург. 3. Наземная конструкция кургана со значительными разрушениями читается по фрагментарному контуру остатков оградки из врытых ребром каменных плит. Сооружение имеет прямоугольную форму, размеры 6 × 7 м, ориентировано по сторонам света.

В юго-восточном углу расположена вертикально вкопанная стела. Ее высота 0,75 м, ширина 0,6 м, толщина 0,1 м.

Северная стена ограды (длина – 7 м) представлена двумя врытыми в ряд плитами песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 0,3 × 0,2 × 0,4 м; 0,5 × 0,15 × 0,4 м. Восточная (длина – 6 м) – четырьмя врытыми в ряд плитами песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 0,3 × 0,2 × 0,2 м; 0,5 × 0,15 × 0,2 м; 0,3 × 0,2 × 0,3 м; 0,5 × 0,2 × 0,2 м.

Южная стена ограды состоит из пяти врытых в ряд плит песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 0,5 × 0,2 × 0,45 м; 0,4 × × 0,15 × 0,15 м; 0,3 × 0,2 × 0,25 м; 0,2 × 0,15 × 0,15 м; 0,6 × 0,5 × 0,35 м. Западная – из четырех врытых в ряд плит песчаника со значительными разрывами между ними. Их размеры: 0,3 × 0,2 × 0,3 м; 0,2 × 0,15 × 0,15 м; 0,6 × 0,5 × 0,05 м; 0,4 × 0,2 × 0,15 м.

С восточной стороны пристроены две перпендикулярно вкопанные плиты. Их размеры: 1,5 × 0,1 × × 0,15 м; 1,5 × 0,1 × 0,1 м. В центре прослеживается скопление плит, образующих выкладку округлой в плане формы диаметром ок. 2,5 м и высотой 0,10 м, – остатки перекрытия могильной ямы.

Опираясь на характерные признаки всех четырех надмогильных сооружений (близкое располо-

жение, отсутствие насыпей, небольшие размеры), предварительно можно отнести курганный могильник Знаменка-4 к подгорновскому этапу тагарской культуры (VI–V вв. до н.э.).

В ходе работ на участке предстоящего расширения железнодорожного полотна в Аскизском р-не Республики Хакасия было уточнено месторасположение уже известных памятников (могильники Сагайская Протока-1 и -2, курганные могильники Аскиз-1, -13, -15 и -16) и зафиксировано более 30 археологических памятников, полностью или частично входящих в полосу отвода железнодорожного строительства. Они состоят из крупных могильников, насчитывающих несколько десятков курганов, отдельных одиночных курганов и стел.

Как правило, большинство археологических объектов, прилегающих к железнодорожным путям, имеет значительные повреждения, нанесенные при строительстве водоотводных и укрепительных устройств, защитных лесополос, линий связи и электроснабжения, производственных зданий и сооружений железнодорожного транспорта, при прокладке технологических дорог, предназначенных для проезда ремонтных бригад. Помимо этого, значительные повреждения наземных конструкций курганов фиксируются в местах сооружения водозащитных валов и каналов, предназначенных для защиты насыпи железной дороги в период паводков и наводнений.

Наблюдения за топографическими особенностями расположения курганов, входящих в полосу отвода, показали, что их наибольшая концентрация фиксируется на участках, являющихся частью открытого степного ландшафта. Так, большая часть открытых в ходе разведочных работ памятников расположена в районе остановочной платформы «Скальная», железнодорожного моста через р. Камышта и в районе разъезда Чартыковский, где железная дорога проходит по обширным равнинным долинам, изобилующим погребальными комплексами тагарской культуры.

Тагарские курганы, выявленные в полосе отвода для расширения железнодорожного пути, имеют различные размеры: от 10–12 м в диаметре при высоте до 0,4 м до 25–30 м в диаметре при высоте ок. 3 м. Один из таких крупных курганов находится в 100 м к северо-востоку от посадочной платформы «Скальная». Размеры прослеживающейся в насыпи ограды составляют 30 × 30 м, в насыпи, помимо упавших, сохранилась 21 вертикально установленная стела. Предварительно памятник отнесен к сарагашенскому этапу тагарской культуры (V–III вв. до н.э.). На двух стелах ограды обнаружены петроглифические изображения. Особенно выразительно изображение на стеле 17. Это фигура копытного животного (оленя?), зафиксированного в статичной позе. Она нанесена в технике точечной выбивки, без прошлифовки (рис. 2). Также на примыкающих к полосе отвода стелах тагарских курганов имеются 12 отдельных изображений – как древние, так и современные «народные» рисунки хакасов.

Рис. 2. Изображение копытного животного на стеле кург. № 1 у остановочной платформы «Скальная».

Одним из первых исследователей, опубликовавших копии рисунков раннего железного века на плитах оград тагарских курганов, был Я. Аппельгрен-Кивало, но целенаправленно их стали изучать лишь с 30-х годов XX в. [Киселев, 1930]. Большой вклад в их изучение внесли В.Ф. Капелько, Д.Г. Савинов, Л.Р. Кызласов, Т.В. Николаева, Е.Б. Долговесова, А.Л. Заика, а также сотрудники археологических экспедиций ИИМК РАН [Семенов и др., 2003]. Однако большая часть систематизированных и введенных в научный оборот материалов относится к северным и центральным районам Минусинской котловины. Очевидно, что информация о петроглифических изображениях на стелах тагарских курганов, обнаруженных в ходе проведения государственной историко-культурной экспертизы в зоне реконструкции желез-

Рис. 3. Внешний вид насыпи кург. № 25 могильника Усть-Камышта-1.

нодорожного полотна в Аскизском р-не Республики Хакасия, может быть востребована среди специалистов по наскальному искусству древнего населения.

На участке ст. Камышта – ст. Уйтак, в районе моста через р. Камышта, находится крупный могильник Усть-Камышта-1, разделенный полотном железной дороги на две части – западную и восточную. В ходе полевых работ были определены границы памятника и составлен план могильника, насчитывающего ок. 80 археологических объектов раннего железного века и эпохи палеометалла. Последние представлены курганами с невысокими каменно-земляными насыпями округлой в плане формы. Во внутренней части оград прослеживаются остатки конструкций каменных ящиков и выкладок различной формы (кург. № 25), возможно, впущенных в насыпи курганов более раннего времени (рис. 3). Предварительно их можно отнести к периоду существования афанасьевской и окуневской культур [Вадецкая, 1986, с. 16, 28].

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Вадецкая Э.Б. Археологические памятники в степях Среднего Енисея. – Л.: Наука, 1986. – 180 с.

Киселев С.В. Значение техники и приемов изображений некоторых енисейских писаниц // Техника обработки камня и металла. Труды секции археологии. – М.: Ранион, 1930. – Т. 5. – С. 91–100.

Семенов Вл.А., Килуновская М.Е., Красниенко С.В., Субботин А.В. Изображения на плитах тагарских курганов (Шарыповский район Красноярского края). – СПб.: ИИМК РАН, 2003. – 122 с.

References

Kiselev S.V. Znachenie tekhniki i priemov izobrazhenii nekotorykh eniseiskikh pisanits. In *Tekhnika obrabotki kamnya i metalla. Trudy sektsii arkheologii*. Moscow: Ranion Publ., 1930, vol. 5, pp. 91–100 (in Russ.).

Semenov Vl.A., Kilunovskaya M.E., Krasnienko S.V., Subbotin A.V. Izobrazheniya na plitakh tagarskikh kurganov (Sharypovsky raion Krasnoyarskogo kraya). St. Petersburg: Inst. of Material Culture History Publ., 2003, 122 p. (in Russ.).

Vadetskaya E.B. Arkheologicheskie pamyatniki v stepyakh Srednego Yeniseia. Leningrad: Nauka, 1986, 180 p. (in Russ.).

Басова Н.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501
Ломов П.К. https://orcid.org/0000-0003-4367-8279
Селецкий М.В. https://orcid.org/0000-0003-2581-8792
Половников И.С. https://orcid.org/0000-0002-2654-9283
Митько О.А. https://orcid.org/0000-0002-7741-3167

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.766-773
УДК 902.2

А.В. Выборнов, В.А. Чертыков

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году

В ходе полевых исследований ИАЭТ СО РАН 2019 г. на землях, отводимых для хозяйственных работ, на территории Республики Хакасия были описаны известные и открыты новые археологические объекты. На северном участке разведки, расположенном в Северо-Минусинской (Чулымо-Енисейской) котловине, обследованы могильники эпохи бронзы (Терский Лог) и подгорновского этапа тагарской культуры (курганный могильник Сарагаш-1, одиночный курган Сарагаш-3). Западный участок разведки расположен в предгорной части Хакасско-Минусинской котловины, в месте выхода р. Аскиз из горной долины в степную местность. В окрестностях пос. Бирикчуль, пос. Югачи, с. Казановка, ст. Казановская обнаружены стоянки и погребально-поминальные комплексы от эпохи бронзы до этнографической современности: курганные могильники Казановка-12 (эпоха бронзы, тагарская культура), Казановка-6, Станция Казановская-1, Станция Казановская-2; одиночные курганы Казановка-8, Станция Казановская-3, Станция Казановская-4 (тагарская культура); могильники Казановка-10 (таштыкская культура, эпоха Средневековья), Казановка-9 (карасукская культура); стоянки Югачи-1 (тагарская культура, этнографическая современность), Казановка-11 (таштыкская культура, эпоха Средневековья); стелы Казановка-7, Станция Казановская-5 (эпоха бронзы – ранний железный век). Все исследованные памятники находятся в зоне активного антропогенного влияния, несут следы нарушений в ходе строительных, аграрных и противопожарных работ, требуют выполнения мероприятий по сохранению в ходе реализации проектов хозяйственных работ. Результаты разведки актуализируют обсуждение вопросов, связанных с определением границ курганных могильников, отдельно стоящих камней, локальными особенностями планиграфии могильников и погребально-поминальных сооружений, культурно-хронологической атрибуцией выраженных в рельефе археологических объектов.

Ключевые слова: *Хакасско-Минусинская котловина, Аскиз, Красноярское водохранилище, эпоха бронзы, тагарская культура, таштыкская культура, Средневековье, курганные могильники, могильники, стоянки.*

Anton V. Vybornov, Vladimir A. Chertykov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: vybornov@archaeology.nsc.ru

Archaeological Surveys in the Valley of the Askiz River and Around Mount Tersky in the Republic of Khakassia in 2019

In 2019, field studies of IAE SB RAS in the Republic of Khakassia in the areas intended for economic development focused on describing the known archaeological sites and discovering new sites. Burial grounds of the Bronze Age (Tersky Log) and Podgornovsky period of the Tagar culture (Saragash-1 burial ground of the barrow type, Sargash-3 burial mound) were examined in the northern survey area in the Northern Minusinsk (Chulym-Yenisei) Depression. Western survey area was located in the foothills of the Khakass-Minusinsk Depression, at the exit of the Askiz River from the mountain valley to the steppe. Survey works resulted in discovering encampment sites as well as burial and commemorative complexes from the Bronze Age to the ethnographic period, including burial grounds of the barrow type Kazanovka-12 (Bronze Age, Tagar culture), Kazanovka-6, Stantsiya Kazanovskaya-1, and Stantsiya Kazanovskaya-2; burial mounds of Kazanovka-8, Stantsiya Kazanovskaya-3, and Stantsiya Kazanovskaya-4 (Tagar culture); burial grounds Kazanovka-10 (Tashtyk culture, Middle Ages) and Kazanovka-9 (Karasuk culture); sites of Yugachi-1 (Tagar culture, ethnographic modernity) and Kazanovka-11 (Tashtyk culture, Middle Ages) as well as steles at Kazanovka-7 and Stantsiya Kazanovskaya-5 (Bronze Age–Early Iron

Age) in the vicinity of the villages of Birikchul, Yugachi, and Kazanovka, and near the Kazanovskaya railway station. All sites which have been explored are located in the zone of active anthropogenic impact; they show traces of disturbance resulting from construction, agricultural activities, and fire suppression works, and require conservation measures in the course of economic projects. Survey results foster discussion on the boundaries of burial grounds of the barrow type, individually standing stones, local features of planigraphy in burial grounds and burial and commemoration structures, as well as cultural and chronological attribution of archaeological sites visible in the terrain.

Keywords: *Khakass-Minusinsk Depression, Askiz, Krasnoyarsk reservoir, Bronze Age, Tagar culture, Tashtyk culture, Middle Ages, burial grounds of the barrow type, burial mounds, encampments.*

Проведение экспертиз земельных участков путем археологической разведки, предваряющей хозяйственные работы, – основной способ получения сведений о новых объектах археологического наследия и об уже известных для их постановки на учет, обеспечения сохранности объектов в случае угрозы им в результате хозяйственных работ. На территории Южной Сибири, и особенно Республики Хакасия, это особенно актуально в связи с большим количеством и богатой информационной насыщенностью памятников, расширением хозяйственной деятельности в местах концентрации археологических объектов. Памятники Хакасско-Минусинской котловины давно и плодотворно археологически изучаются. Открытие новых памятников – естественный результат разведок, который обеспечивает наполнение источниковой базы и сохранение археологического наследия.

ИАЭТ СО РАН проводит исследования землеотводов на территории хозяйственных объектов всей Сибири. Две разведки в Южной Сибири привели к открытию новых и описанию ряда известных объектов археологического наследия в административных пределах Аскизского и Боградского р-нов Республики Хакасия.

Северный район разведки связан с землеотводом для автомобильной дороги Красноярск–Абакан и расположен на восточной периферии Северо-Минусинской (Чулымо-Енисейской) котловины, в 5 км на запад от д. Базандаиха и в 9 км на юго-запад от с. Сарагаш Боградского р-на Республики Хакасия (рис. 1). Полоса землеотвода плавно снижается с севера на юг от Тюпского перевала до лога Терский. Далее поворачивает на юго-восток, пересекает Терский лог – долину р. Черная, выходящей в залив Черная речка (Сарагашенский) Красноярского водохранилища с запада, и заканчивается на восточной подошве горы Терская.

Северо-Минусинская (Чулымо-Енисейская) котловина относительно хорошо археологически изучена. Особенно масштабные работы в районе разведки проводились Красноярской экспедицией, изучавшей, среди прочего, погребальные сооружения у д. Черновой [Грязнов, 1965]. Вблизи от дороги Абакан–Красноярск в 1987–1989 гг. Э.Б. Вадецкой раскапывался могильник Терский. Были изучены таштыкские склепы и погребально-поминальные комплексы эпохи Средневековья [Ва-

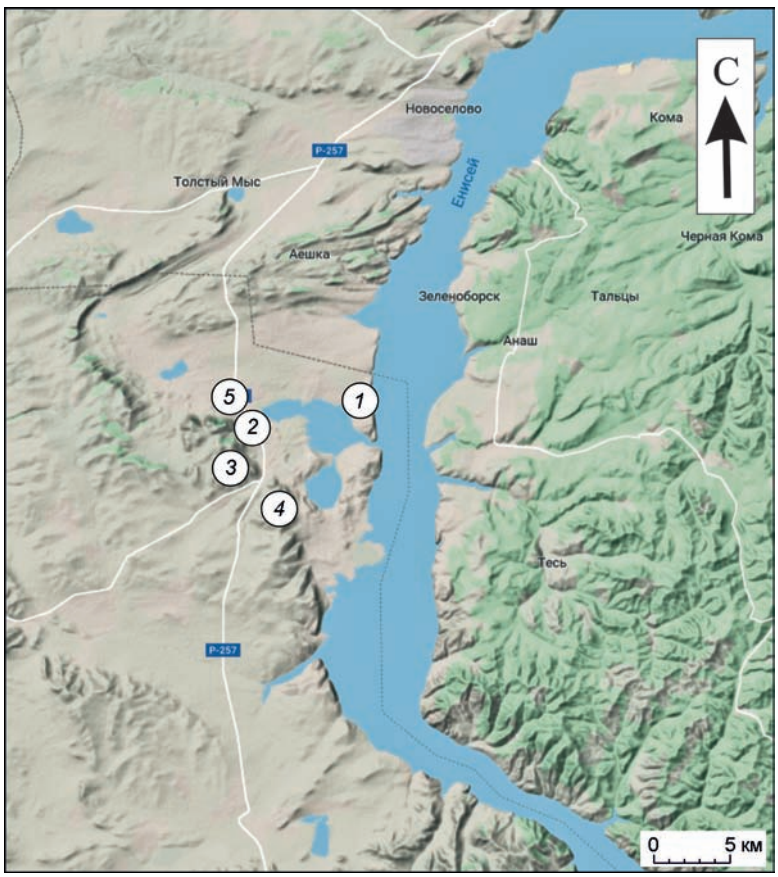

Рис. 1. Археологические объекты в окрестностях полосы разведки у горы Терская.

1 – могильник Мысок; *2* – могильник Терский, курганный могильник Сарагаш-1, одиночные курганы Сарагаш-2, Сарагаш-3; *3* – све Сарагашенская; *4* – све Варча; *5* – могильник Терский Лог.

Использованы топографические данные © Google, 2019.

децкая, 1999, с. 217]. В окрестностях полосы разведки 2019 г. в последние три-четыре года проводились исследования территории хозяйственного освоения П.Б. Амзараковым, О.В. Ковалевой, Е.Н. Данькиным и др., в частности были описаны и поставлены на охрану курганные могильники у автомобильной дороги (курганный могильник Сарагаш-1, одиночный курган Сарагаш-2) [Ковалева, 2015].

В 2019 г. были описаны несколько археологических объектов в полосе землеотвода, расположенных у Терского лога и подошвы одноименной горы, – могильник Терский Лог, курганный могильник Сарагаш-1 и одиночный курган Сарагаш-3.

Могильник Терский Лог расположен в ложбине лога Терский, который представляет собой пересыхающую долину р. Черная с задернованными склонами. Лог имеет пологовогнутое дно, склоны выпуклые, плавно переходящие в водораздельные пространства. Длина лога до 5 км, ширина приблизительно 1,5 км, глубина ок. 45 м. Памятник представлен хорошо выраженной в рельефе округлой выкладкой кургана (рис. 2). Поверхность кургана интенсивно задернована, выделяются лишь небольшие обнаженные обветренные части песчаника. Диаметр кургана ок. 12 м, высота до 0,3 м. По форме насыпи и топографии местонахождения могильник Терский Лог может быть датирован карасукской культурой либо более ранними периодами эпохи бронзы (III–I тыс. до н.э.).

Одиночный курган Сарагаш-3 расположен на восточной подошве горы Терская, в 50 м к востоку от курганного могильника Сарагаш-1. Насыпь кургана округлой в плане формы. Высота ее до 0,5 м, диаметр до 16 м. Сохранились остатки «угловых камней» высотой до 1,5 м. Размер кургана по угловым стелам 12 × 10 м. Прослеживается прямоугольная ограда, сооруженная из каменных плит, вкопанных ребром. Посередине каждой из сторон находится по одному вертикальному простеночному камню высотой от 1,5 м. Центр насыпи кургана уплощен. В центре ограды проступает каменное перекрытие надмогильного сооружения в виде уложенных плашмя плиток песчаника. Все каменные конструкции выполнены из массивных плит девонского красного песчаника. Курган датируется тагарской культурой, подгорновским ее этапом по классификации М.П. Грязнова.

Курганный могильник Сарагаш-1 расположен на восточной подошве горы Терская. С запада к нему вплотную примыкает могильник Терский. Курганный могильник Сарагаш-1 и могильник Терский представляют собой разновременный, но планиграфически единый археологический комплекс.

Тагарский могильник был упомянут Э.Б. Вадецкой при описании таштыкского могильника Терский [1999, с. 217]. Детальное описание могильника составлено в 2015 г. археологической экспедицией ХакНИИЯЛИ под руководством О.В. Ковалевой и П.Б. Амзаракова. В 2016 г. он был осмотрен Е.Н. Данькиным.

Могильник представлен 25 курганами. На могильном поле курганы вытянуты по линии запад–

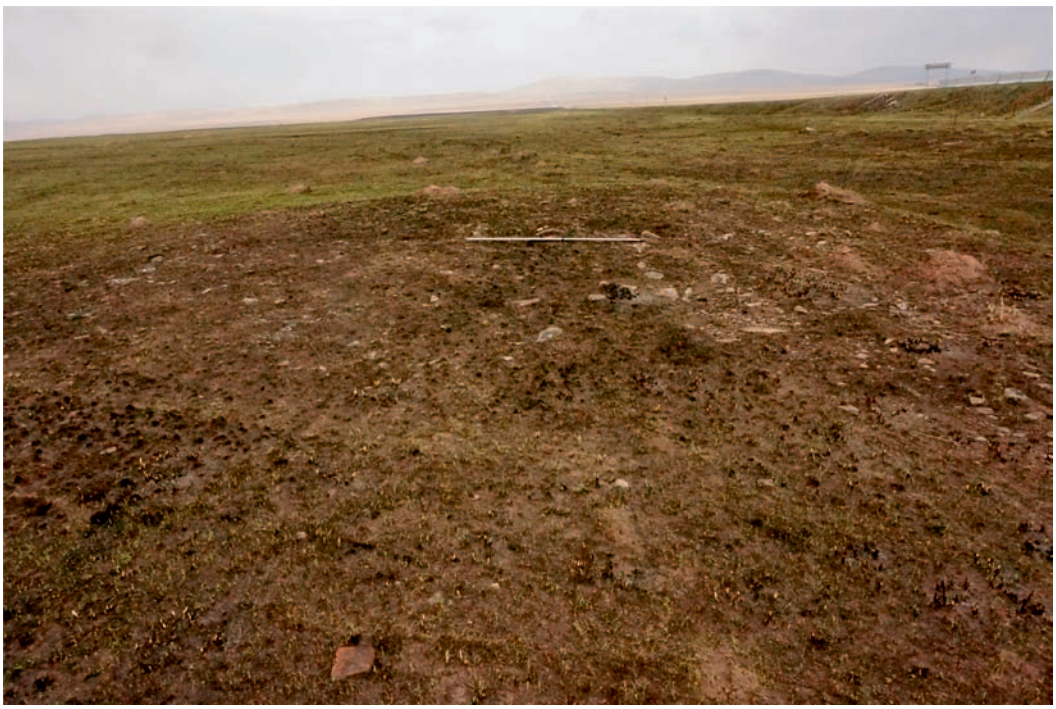

Рис. 2. Могильник Терский Лог (вид с юга).

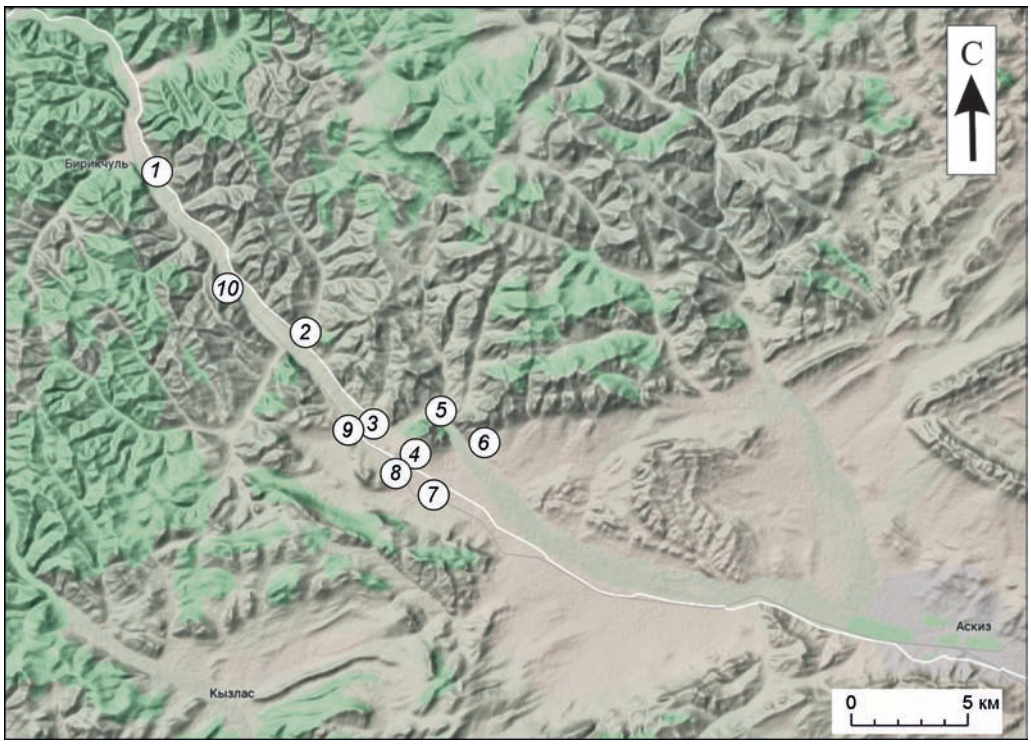

Рис. 3. Археологические объекты в окрестностях полосы разведки в долине р. Аскиз.

1 – курганный могильник Бирикчуль-1; *2* – могильник Сир-2 (6 курганов), поселение Сиры, медный рудник Сир, могильник Сир-1 (8 курганов), кузница (остатки мастерской), могильник Улуг-Кичик-1, оросительный канал Сиры, одиночный курган Улуг-Кичик-2, поселение Улуг-кичиг, могильник Улуг-Кичик-3, могильник Улуг-Кичик-4, могильник Улуг-Кичик-5, могильник Улуг-Кичик-6; *3* – писаница Предок/3, менгир Предки, поселение Хуртуях-хол, изображения на камне кургана Казановка-1/8, могильник Казановка-1/23, поселение Малая Казановка, поселение Казановка; *4* – могильник Казановский чаатас (курганный могильник Аар-таг-1), курганный могильник Казановка-5, курганный могильник Аар-таг-2; *5* – могильник Кюг-4/23, могильник Хурух-Кюг/36, изваяние Ах-тас, оросительный канал Никанор-кюле, могильник Никанор-кюле/104, могильник Кюг-2/8, курганный могильник Усть-Кюг (могильник Кюг-1), медный рудник Кюг-2, поселение Кюг-1, могильник Кюг-3/6, изображения на камнях курганов могильника Кюг-1/8, могильник Кюг-1/66 (могильник Кюг-2), оросительный канал Кюг, медный рудник Кюг-1; *6* – могильник Анчил-чон-1/184, могильник Анчил-чон-2/153, изображения на камнях курганов могильника Анчил-чон-2/154, писаница Хазын-хыр/230, крепость Хазын-хыр-3, курганный могильник Хазын-хыр-1; *7* – курганные могильники Станция Казановская-1, Станция Казановская-2, одиночные курганы Станция Казановская-3, Станция Казановская-4, стела Станция Казановская-5; *8* – курганный могильник Казановка-6; *9* – стела Казановка-7, одиночный курган Казановка-8, могильник Казановка-9, могильник Казановка-10, стоянка Казановка-11, курганный могильник Казановка-12; *10* – стоянка Югачи-1.

Использованы топографические данные © Google, 2019.

восток. Некоторые из курганов объединены в отдельные группы. Курганы представляют собой прямоугольные каменные ограды с вертикальными стелами по углам и сторонам и дополнительными каменными конструкциями, перекрытыми незначительными земляными насыпями. Все каменные конструкции выполнены из массивных плит девонского песчаника. По визуальным признакам могильник относится к тагарской культуре раннего железного века, вероятнее всего к подгорновскому этапу (по классификации М.П. Грязнова) – ок. VI–V вв. до н.э.

Западный участок разведки связан с землеотводом железной дороги Новокузнецк–Абакан и расположен на границе двух природных зон – юго-западной части Хакасско-Минусинской котловины и гор Кузнецкого Алатау, горно-таежной местности на юго-восточной окраине Абаканского хребта и степной зоны, в месте выхода верхнего течения р. Аскиз в котловину (рис. 3).

В то время как горно-таежная часть долины Аскиза изучалась неравномерно и редко, археологические исследования в степной части продолжительны и изобилуют открытиями значительных археологических объектов. Наиболее хорошо изучен район концентрации объектов археологического наследия в долине р. Аскиз возле с. Казановка – на окраине лесостепной части Хакасско-Минусинской котловины, в предгорьях Абаканского хребта. Здесь известны погребально-поминальные комплексы от окуневской эпохи до позднего Средневековья, включая многочисленные курганные группы тагарской культуры. Рядом с районом разведки находится Хакасский республиканский национальный музей-заповедник «Казановка». На его территории и поблизости расположено множество археологических объектов различного типа: пещерные стоянки, древние поселения, могильники, поминальники, менгиры, изваяния, наскальные

изображения, древние рудники, оросительные системы и крепостные сооружения. Археологические раскопки и работы по мониторингу археологических объектов в этой местности с 1994 г. проводятся под руководством ст. науч. сотр. ИИМК РАН Н.А. Боковенко [Ерёмин, 2005; Боковенко, Кулимеева, 2012]. В 2005 г. в районе пос. Югачи проводились раскопки поселения Сир под руководством Э.Н. Киргинекова [Зубков, 2009, с. 140].

В районе землеотвода были известны и поставлены на государственную охрану археологические объекты на левобережье р. Аскиз (у с. Бирикчуль, в нижнем течении р. Сир, у аала Улуг Кичик, в с. Казановка), а также на правобережье у подножия горы Аар-таг. Часть памятников (крупные тагарские курганы, стелы), попадающих в полосу землеотвода в окрестностях с. Казановка и ст. Казановская, хорошо выражены в рельефе, отражены в материалах топографической съемки и известны местным жителям и специалистам, однако не имели отдельного описания ни в литературе, ни в учетной документации Госохранинспекции Республики Хакасия. Определение границ и описание археологических объектов проведено в июне–июле 2019 г. археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН. Ниже представлены выявленные объекты археологического наследия вдоль долины р. Аскиз и железной дороги с севера на юг.

Стоянка Югачи-1 расположена на надпойменной возвышенности на правом берегу р. Аскиз. Граница территории объекта определялась по наличию или отсутствию в 8 изученных земляных вскрытиях археологических предметов, с учетом характера и мощности культурного слоя, выявленного в двух шурфах (33, 35) и двух зачистках обнажений (8, 9). Южная окраина возвышенности относительно пологая и соприкасается с высокой поймой р. Аскиз, юго-восточная связана с высоким (до 6 м) обрывистым берегом р. Аскиз, восточная и северная – с заболоченной, залесенной высокой поймой, западная граница – с обрывом выемки для железной дороги.

Зафиксировано как минимум два культурных горизонта – эпохи Средневековья и раннего железного века. Выделяются три участка по характеру залегания и насыщенности культурного слоя. В шурфах и зачистках обнаружены многочисленные фрагменты костей животных и керамических сосудов – закрытых, плоскодонных, с венчиками, скошенными внутрь и прямыми.

Курганный могильник Казановка-12 расположен на относительно ровной площадке пологого склона, возвышающегося над поймой правого берега р. Аскиз. Памятник состоит из четырех видимых на современной дневной поверхности курганов. Курган 1, занимающий северное положение, наполовину уничтожен железной дорогой. Сохранившаяся часть насыпи имеет форму полукруга размером 14 × 7 м. Высота сохранившейся насыпи кургана до 0,5 м. В северо-восточной части кургана видна часть каменной погребальной конструкции. Состояние кургана аварийное. Курган 2 расположен в 10 м южнее кург. 1. Представлен слабо выраженной в рельефе округлой выкладкой из камня. Поверхность кургана интенсивно задернована, выделяются лишь небольшие обнаженные, обветренные части камней. Высота насыпи кургана до 0,3 м, диаметр ок. 10 м. Между курганами 1 и 2 в противопожарной опашке лесозащитной полосы обнаружен подъемный материал (фрагменты лепного керамического сосуда и кости), предположительно происходящий из частично разрушенного кург. 1. Курган 3 занимает в могильнике южное положение. Представлен слабо выраженной в рельефе округлой выкладкой из камня. Поверхность кургана интенсивно задернована, выделяются лишь небольшие обнаженные, обветренные части камней. Высота насыпи кургана до 0,3 м, диаметр ок. 12 м. Курган 4 занимает западное положение. Представлен слабо выраженной в рельефе округлой выкладкой из камня. Поверхность кургана интенсивно задернована, выделяются лишь небольшие обнаженные, обветренные части камней. Высота насыпи кургана до 0,3 м, диаметр ок. 10 м. Южная часть кургана частично нарушена противопожарной опашкой лесозащитной полосы. Курганы датируются эпохой бронзы (III–I тыс. до н.э.) и тагарской культурой (VII–III вв. до н.э.).

Стоянка Казановка-11 расположена в широком, относительно неглубоком логу у подошвы пологого склона, над поймой правого берега р. Аскиз. Культурный слой стоянки выявлен в шурфах и зачистках, залегает на глубине от 0,1 до 0,7 м от современной дневной поверхности. В составе подъемных сборов и находок из земляных вскрытий присутствуют фрагменты керамических сосудов таштыкского времени, часть их может датироваться эпохой бронзы – ранним железным веком, часть – эпохой Средневековья. Среди находок – фрагменты костей животных, а также, вероятно, человека. Объект датируется эпохой бронзы – Средневековьем (II тыс. до н.э. – I тыс. н.э.).

Могильник Казановка-10 расположен на небольшом увале у подошвы пологого склона, над поймой правого берега р. Аскиз, на западной стороне железной дороги. Могильник состоит из десяти видимых на современной дневной поверхности конструкций. Склеп, занимающий центральное положение в могильнике, представляет собой округлую каменно-земляную насыпь. Высота насыпи до 0,7 м, диаметр ок. 12 м. По центру скле-

па западина диаметром ок. 4 м, глубиной до 0,5 м. В окружении склепа округлые в плане земляные насыпи, западины и сильно задернованные овальные выкладки из песчаника. Подъемный материал представлен фрагментами лепного керамического сосуда и кальцинированными костями, предположительно из разрушенной грунтовой могилы. Часть западин ассоциируется с грунтовыми могилами, отдельные насыпи могут являться средневековыми курганами. В полосе противопожарной опашки севернее выраженных в рельефе объектов обнаружены фрагменты керамических сосудов таштыкского времени. Объект датируется таштыкской культурой, Средневековьем (I тыс. н.э.).

Могильник Казановка-9 расположен на северо-западной окраине с. Казановка, у подошвы пологого склона, над поймой правого берега р. Аскиз. Могильник представлен обнажениями нескольких погребальных сооружений, проявившимися в противопожарной опашке и выемках грунта под лесопосадку вдоль железной дороги. Погребальные сооружения представляют собой оградки из горизонтально уложенных плиток красного девонского песчаника. Предварительное определение культурно-хронологической принадлежности могильника – эпоха поздней бронзы (карасукская культура, конец II – первая треть I тыс. до н.э.).

Одиночный курган Казановка-8 расположен на западной окраине с. Казановка, у пересечения грунтовой и железной дорог. Это место начала расширения долины р. Аскиз в юго-восточном, степном направлении. Курган представляет собой слабовыраженную земляную насыпь, в северной и западной его части в осыпи обнажены элементы каменных конструкций из массивного красного девонского песчаника. Насыпь имеет округлый абрис, диаметр ее ок. 24 м, высота до 0,4 м. Объект датируется тагарской культурой (VII–III вв. до н.э.).

Стела Казановка-7 расположена на западной окраине с. Казановка, на пологом склоне, ближе к подошве северо-восточной стороны вершины 516 м. Стела сделана из массивной плиты красного девонского песчаника, подквадратная в сечении. Высота стелы от современной дневной поверхности до 2,15 м. Стела ориентирована узкими гранями по линии север–юг. Датировка стелы не определена, аналогичные каменные сооружения, без видимых в настоящее время изображений, ассоциируются с эпохой бронзы и ранним железным веком (окуневской, тагарской культурами).

Курганный могильник Казановка-6 расположен между подошвами гор Аар-таг (с северо-востока), Чоллыгпил и Толдогей (с юга), южнее с. Казановка, с обеих сторон железной дороги и автомобиль-

Рис. 4. Курганный могильник Казановка-6 (вид с востока).

ной дороги Аскиз–Вершина Тёи. К северо-востоку от курганного могильника, на юго-западной окраине горы Аар-таг, расположен могильник Казановский чаатас.

Могильник представлен 40 курганами разных размеров и форм. Курганы группируются в несколько рядов, сконцентрированных между подошвами возвышенностей (рис. 4). Выделяются курганы с высокой округлой земляной насыпью и угловыми камнями и относительно невысокие округлые в плане курганы с выраженными на поверхности камнями ограды и без таковых. Могильник датируется тагарской культурой (VII–III вв. до н.э.).

У северо-восточной подошвы горы Позикхыр, восточнее ст. Казановская по обе стороны железной дороги расположены курганы, обозначенные как курганные могильники Станция Казановская-1, Станция Казановская-2, одиночный курган Станция Казановская-3, одиночный курган Станция Казановская-4. Все видимые курганы датируются тагарской культурой (VII–III вв. до н.э.).

Одиночный курган Станция Казановская-4 представляет собой оплывшую земляную насыпь округлой формы. Диаметр ок. 22 м, высота до 1,3 м. Центр насыпи кургана уплощен. Сохранились части каменной ограды из массивных плит девонского песчаника.

Одиночный курган Станция Казановская-3 представляет собой оплывшую земляную насыпь подпрямоугольной формы, вытянутую с юго-юго-востока на северо-северо-запад. Размеры 22 × 19 м, высота до 1,4 м. Центр насыпи кургана уплощен. У подошвы насыпи сохранились части каменной ограды из массивных плит девонского песчаника – у северо-западного угла и с южной стороны.

Курганный могильник Станция Казановская-2 представлен 21 курганом. Они расположены в пределах слабовыраженного лога в направлении с юго-запада на северо-восток, на разном расстоянии друг от друга и группируются в несколько относительно плотных рядов. Курганы представляют собой земляные насыпи круглой, овальной, прямоугольной в плане формы, высотой 0,5–1,5 м. Каменные ограды сложены из массивных плит девонского песчаника.

Курганный могильник Станция Казановская-1 состоит из 16 курганов. Они группируются в несколько рядов, вытянутых вдоль подошвы возвышенности. Курганы представляют собой земляные насыпи круглой, овальной, прямоугольной в плане формы, высотой 0,5–1,3 м. Часть курганов имеет каменные ограды из массивных плит девонского песчаника.

К югу от курганного могильника Станция Казановская-1 расположена *стела Станция Казановская-5*, на пологом северо-восточном склоне горы Позикхыр. Стела сделана из светлого гранита, подпрямоугольная в сечении, округлая вверху, высотой 1,4 м, наклонена в северную сторону. Датировка стелы не определена, аналогичные каменные сооружения, без видимых в настоящее время изображений, ассоциируются с эпохой бронзы и ранним железным веком (окуневской, тагарской культурами).

Все описанные археологические объекты нарушены современным антропогенным воздействием. Особенно сильное влияние оказывают проложенные по территории объектов дороги, противопожарные опашки. Следует отметить, что при археологической разведке без разрушения насыпных дорог невозможно исключить наличие части курганов или иных погребально-поминальных структур под насыпью и полотном дорог.

Проведенные работы подтверждают, что результаты разведок должны вводиться в научный оборот, как для пополнения точных знаний о распространении археологических объектов, так и для обсуждения вопросов, связанных с их охраной как научного источника. Это становится особенно актуальным в свете расширения спасательных археологических работ в Республике Хакасия [Кызласов, 2019]. Археологические полевые работы должны способствовать решению проблем определения границ курганных могильников или святилищ (стел, менгиров) и их культурно-хронологической атрибуции. В настоящее время отмечается разнообразие подходов к определению границ территории курганных могильников: с одной стороны, опыт многолетних раскопок курганов Хакасии позволяет считать, что площадь, необходимая для полноценных раскопок кургана, совершенно предсказуема; с другой стороны, известны примеры раскопов, расширение которых способствовало открытию структур могильника, не выраженных в рельефе. Закономерности их расположения можно установить только сериями раскопок на широкой площади. При этом и для определения границ, и для культурной атрибуции памятников важно учитывать локальные особенности погребальных сооружений одной культуры или периода.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Боковенко Н.А., Кулимеева В.К. Мониторинг археологических памятников в Республике Хакасия // Ар-

хеологические памятники России: охрана и мониторинг / Группа археологического мониторинга ИИМК РАН (2001–2010). – СПб.: Инфо Ол, 2012. – С. 81–101.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская эпоха в древней истории Сибири. – СПб.: Петербург. Востоковедение, 1999. – 440 с.

Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. – 1965. – Вып. 100. – С. 62–71.

Ерёмин Л.В. К истории создания первого музея-заповедника в Республике Хакасия // Развитие языков и культур коренных народов Сибири в условиях изменяющейся России. – Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н.Ф. Катанова, 2005. – С. 85–88.

Зубков В.С. Археология поселений энеолита и бронзового века Хакасско-Минусинского края: состояние источниковой базы и задачи изучения // Вузовская научная археология и этнология Северной Азии. Иркутская школа 1918 – 1937 гг.: мат-лы всерос. семинара, посвящ. 125-летию Бернгарда Эдуардовича Петри, Иркутск, 3–6 мая 2009 г. – Иркутск: Амтера, 2009. – С. 137–143.

Ковалева О.В. Научный отчет о проведении в 2015 году археологической разведки на участке землеотвода реконструкции автодороги по проекту «Капитальный ремонт автомобильной дороги Р-257 “Енисей” Красноярск–Абакан–Кызыл–граница с Монголией км 268+000 – км 275+000» в Боградском районе Республики Хакасия. – Абакан, 2015. – 33 с.

Кызласов И.Л. Задачи археологического изучения Хакасско-Минусинской котловины. – Абакан, 2019. – 40 с.

References

Bokovenko N.A., Kulimeeva V.K. Monitoring arkheologicheskikh pamyatnikov v Respublike Khakasiya. In *Arkheologicheskie pamyatniki Rossii: okhrana i monitoring. Gruppa arkheologicheskogo monitoringa IIMK RAN (2001–2010)*. St. Petersburg: Info Ol, 2012, pp. 81–101 (in Russ.).

Eremin L.V. K istorii sozdaniya pervogo muzeya-zapovednika v Respublike Khakasiya. In *Razvitie yazykov i kul’tur korennykh narodov Sibiri v usloviyakh izmenyayushcheisya Rossii*. Abakan: N.F. Katanov Khakass. State Univ. Press, 2005, pp. 85–88 (in Russ.).

Gryaznov M.P. Raboty Krasnoyarskoi ekspeditsii. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii*, 1965, iss. 100, pp. 62–71 (in Russ.).

Kovaleva O.V. Nauchny otchet o provedenii v 2015 godu arkheologicheskoi razvedki na uchastke zemleotvoda rekonstruktsii avtodorogi po proektu ‘Kapital’ny remont avtomobil’noi dorogi R-257 “Enisei” Krasnoyarsk–Abakan–Kyzyl–granitsa s Mongoliei km 268+000 – km 275+000’ v Bogradskom raione Respubliki Khakasiya. Abakan, 2015, 33 p. (in Russ.).

Kyzlasov I.L. Zadachi arkheologicheskogo izucheniya Khakassko-Minusinskoi kotloviny. Abakan, 2019, 40 p. (in Russ.).

Vadetskaya E.B. The Tashtyk epoch in the ancient history of Siberia. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999, 440 p. (in Russ.).

Zubkov V.S. Arkheologiya poselenii eneolita i bronzovogo veka Khakassko-Minusinskogo kraya: sostoyanie istochnikovoi bazy i zadachi izucheniya. In *Vuzovskaya nauchnaya arkheologiya i etnologiya Severnoi Azii. Irkutskaya shkola 1918 – 1937 gg.: Materialy vserossiiskogo seminara, posvyashchennogo 125-letiyu Berngarda Eduardovicha Petri, Irkutsk, May 3–6, 2009*. Irkutsk: Amtera Publ., 2009, pp. 137–143 (in Russ.).

Выборнов А.В. https://orcid.org/0000-0002-9063-5223

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.774-777
УДК 902.2

А.А. Дудко, Ю.А. Васильева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Результаты спасательных археологических работ Юганского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2019 году

В 2019 г. Юганским отрядом ИАЭТ СО РАН проведены спасательные археологические раскопки на выявленных объектах археологического наследия «Селище Кулунигый-5», «Поселение Кулунигый-71», «Группа впадин Кулунигый-72», «Могильник Кулунигый-73», которые расположены в границах участка, подлежащего хозяйственному освоению на территории Среднеугутского месторождения нефти в Сургутском р-не ХМАО – Югры. В результате исследования на периферии селища Кулунигый-5 в границах раскопа № 4 обнаружены хозяйственная конструкция, углубленная в материковый слой, внешний очаг, а также золисто-углистое пятно, в заполнении которого выявлено несколько фрагментов керамики. В ходе работ на поселении Кулунигый-71 на площади раскопа № 1 изучена центральная часть памятника. Археологический материал залегал в трех культурных горизонтах в стратиграфической последовательности: VII–VIII вв. н.э. – кучиминская археологическая культура, IV–I вв. до н.э. – ранний этап кулайской археологической культуры, середина IV тыс. до н.э. – период энеолита. Археологический материал представлен фрагментами керамических сосудов, предметами каменной индустрии. Объект археологического наследия «Группа впадин Кулунигый-72» исследован в периферийной части – археологические сооружения не вскрывались, т.к. они не попадают в зону хозяйственного освоения. На участке раскопа № 1 археологические предметы и археологизированные сооружения не выявлены, культурный слой не обнаружен. На площади раскопа № 11 могильника Кулунигый-73 зафиксированы две хозяйственные ямы и внешний очаг. При просеве заполнения ямы 1 обнаружена кремневая микропластина. При разборе внешнего очага были отмечены остеологические остатки.

Ключевые слова: *селище Кулунигый-5, поселение Кулунигый-71, группа впадин Кулунигый-72, могильник Кулунигый-73, энеолит, бронза, Средневековье.*

Alexander A. Dudko, Yulia A. Vasilyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Results of Rescue Archaeological Works by the Yugan Team from the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS in Surgutsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2019

In 2019, the Yugan Archaeological Team from the IAET of the SB RAS conducted rescue excavations at the archaeological sites of Kulunigyi-5 and Kulunigyi-71 ancient settlements, Kulunigyi-72 group of hollows, and Kulunigyi-73 burial ground, located in the area intended for economical development in the Sredneugutsk oil field in Surgutsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra. The works at the Kulunigyi-71 ancient settlement have made it possible to gather a collection of pottery fragments and objects of stone industry. The study on the periphery of the Kulunigyi-5 ancient settlement in the area of excavation pit 4 has revealed a utility structure dug into the sterile layer, external hearth, and

ashy-carbonaceous spot, the filling of which contained several pottery fragments. The central part of the Kulunigyi-71 ancient settlement was studied in the area of excavation pit 1. Archaeological evidence occurred in three cultural horizons in the following stratigraphic sequence: the Kuchiminsky archaeological culture of the 7th–8th centuries AD, early stage of the Kulaika archaeological culture in the 4th–1st centuries BC, and the Chalcolithic of the mid 4th millennium BC. Archaeological evidence was represented by pottery fragments and objects of stone industry. The object of archaeological heritage the Kulunigyi-72 group of hollows was explored in the peripheral part. Archaeological structures of the site have not been unearthed since they were not located in the area of economic development. Archaeological objects and structures as well as cultural layer have not been found in excavation pit 1. Two utility pits and external hearth have been discovered in the area of excavation pit 11 at the Kulunigyi-73 burial ground. Flint microblade was found in the filling of utility pit 1, and bone remains were discovered after unearthing the external hearth.

Keywords: *Kulunigyi-5 ancient settlement, Kulunigyi-71 ancient settlement, Kulunigyi-72 group of hollows, Kulunigyi-73 burial ground, Chalcolithic, Bronze Age, Middle Ages.*

В июле–сентябре 2019 г. Юганский отряд ИАЭТ СО РАН продолжил археологические полевые исследования на территории Среднеугутского месторождения нефти в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. С целью исключения прямого или косвенного влияния хозяйственной деятельности на объекты археологического наследия проведены спасательные археологические раскопки на памятниках селище Кулунигый-5, поселение Кулунигый-71, группа впадин Кулунигый-72, могильник Кулунигый-73. Объекты расположены на левом берегу р. Большой Юган, левом (селище Кулунигый-5, могильник Кулунигый-73) и правом (поселение Кулунигый-71, группа впадин Кулунигый-72) берегах р. Кулунигый, в 12 км к юго-западу от с. Угут.

Территория памятника селище Кулунигый-5 вытянута полосой вдоль коренной террасы левого берега р. Кулунигый, с востока ограничено заболоченной поймой р. Кулунигый, с юга площадка селища отделяется небольшой ложбинкой от селища Кулунигый-4, с севера вплотную примыкает к оборонительному валу городища Куншин-ко-вантэу. Западные объекты удалены от края террасы до 100 м. Объект культурного наследия «Селище Кулунигый-5» выявлен М.Ю. Селяниной в 1996 г., в 2006 г. повторно обследован Е.Н. Петровой, с 2017 г. спасательные археологические работы на объекте проводит научно-исследовательская группа ООО «НПО “Северная археология-1”» [Дополнение..., 2019, с. 13]. На периферии селища Кулунигый-5, в траншее № 10 в 2018 г. было выявлено золисто-углистое пятно, что позволило предположить наличие в этой части селища сооружения, не выраженного в рельефе; для его изучения на этом участке и был заложен раскоп № 4 площадью 531 м^2.

В результате работ на территории селища Кулунигый-5 в границах раскопа № 4 полностью изучен культурный слой на глубину до 3,6 м, культурный слой в стенках раскопа № 4 не зафиксирован. На исследованной площади раскопа № 4 найдены археологический материал и археологизированные объекты, не выраженные в рельефе. В ходе работ изучены хозяйственная конструкция подпрямоугольной со скругленными углами формы, углубленная в материковый слой, внешний очаг, а также золисто-углистое пятно, в заполнении которого выявлено несколько фрагментов керамики. Также был обнаружен отбойник для расщепления камня. Все это свидетельствует о том, что на периферии селища Кулунигый-5 могут быть скрытые в земле остатки древних конструкций, не фиксируемые на современной дневной поверхности.

Объекты культурного наследия «Поселение Кулунигый-71» и «Группа впадин Кулунигый-72» выявлены Ю.А. Васильевой в 2018 г. [Васильева, 2019].

Территория, занимаемая поселением Кулунигый-71, расположена на мысу, который сформирован правым берегом р. Кулунигый и его старицей, ограничена с запада современным руслом р. Кулунигый и затопляемой поймой, с юга и востока – старичной поймой. Участок представляет собой выположенную террасовидную поверхность, высотой около 2 м, вдоль русловой старицы р. Кулунигый, протяженностью около 50 м.

На поселении Кулунигый-71, в юго-восточной его части, заложен раскоп № 1 площадью 380 м^2. Почвенные горизонты изучены на глубину до 3,2 м от современной дневной поверхности, зафиксирована следующая стратиграфия (сверху вниз):

слой 1 – дерново-почвенный горизонт с многочисленными включениями растительного детрита и корней растений, генезис субаэральный, мощность 0,05–0,07 м;

слой 2 – серо-коричневый суглинок, структура плотная, неоднородная, граница с нижележащим слоем нечеткая, ясная, генезис субаэральный, при разборе найдены фрагменты керамики средневекового облика, мощность до 0,22 м;

слой 3 – коричневый суглинок, структура плотная, неоднородная, граница с подлежащим слоем четкая, ясная, при разборе найдены фрагменты керамики, в нижней части зафиксированы углистая

линза (слой 3.1, мощность 0,01 м) и линза рыжего суглинка (слой 3.2, мощность 0,02 м), в которой найдены фрагменты керамики и каменный отщеп, генезис субаэральный, общая мощность 0,95 м;

слой 4 – светло-серый песок аллювиального генезиса, вскрыт до 0,63 м.

В ходе проведенных археологических работ на площади раскопа № 1 изучена центральная часть поселения Кулунигый-71. Археологический материал залегал в трех культурных горизонтах в стратиграфической последовательности: VII–VIII вв. н.э. – кучиминская археологическая культура, IV–I вв. до н.э. – ранний этап кулайской археологической культуры, середина IV тыс. до н.э. – период энеолита. Археологические предметы представлены развалами керамических сосудов, двумя шлифованными каменными каплевидными подвесками из красного сланца, фрагментами трех грузил, теслом, отходами расщепления камня, гальками со сколами и без, плитками со следами шлифовки. Культурный слой периода энеолита насыщен мелкими остеологическими остатками, углистыми включениями. При просеве отложений культурного слоя зафиксированы продукты расщепления камня (чешуйки, осколки).

Коллекция керамической посуды представлена фрагментами (преимущественно верхней и средней части, дно – в пяти случаях) не менее чем 20 сосудов ручной лепки, которые можно разделить на три типа.

1. Слабопрофилированные сосуды (5 ед.) диаметром по венчику 19–27 см, толщина стенок 0,5–0,8 см. В двух случаях реконструировано дно округлой формы, толщиной до 1 см. Срез венчика прямой, с карнизиком с внутренней стороны, переход от шейки к плечику плавный, тулова слегка раздуты, сужаются на переходе к придонной части. Внешняя сторона сосудов хорошо заглажена, изнутри видны следы затирки, возможно щепой. Тесто с примесью песка и шамота. Орнамент у первого типа сосудов нанесен только по верхней части, включая срез венчика, и представляет собой оттиски гребенчатого и фигурного штампа, ряд ямочных вдавлений по шейке. Три сосуда данного типа имеют аналогии на городище Нехсап-1, относятся к кучиминской культуре [Древнее наследие..., 2013, с. 58–59], еще два сосуда датируются серединой IV тыс. до н.э.

2. Слабопрофилированный сосуд (1 ед.) диаметром по венчику 19 см, толщина стенок 0,5–0,6 см. Срез венчика прямой, с карнизиком с внутренней стороны, орнаментирован оттисками фигурного штампа по внешнему и внутреннему углу, переход от шейки к плечику плавный, тулово слегка раздуто. Внутренняя сторона сосуда хорошо заглажена. Тесто с примесью песка, шамота и органики. Верхняя часть сосуда орнаментирована оттисками фигурного штампа («уточкой»), по шейке проходит ряд сглаженных жемчужин, образованных ямочными вдавлениями с внутренней стороны емкости. Фрагменты дна отсутствуют, восстановлена только верхняя часть сосуда. Керамическая посуда аналогичного облика встречается на селище Нёгусъях-2, которое находится на территории Среднеугутского месторождения, и датируется ранним этапом кулайской культуры [Там же, с. 135–137].

3. Сосуды баночной формы с ровными стенками (14 ед.) диаметром 24–34 см, толщина стенок 0,5–1 см. В одном случае реконструировано плоское дно, орнаментированное оттисками гребенчатого штампа, слегка вогнутое в средней части, толщина до 0,5 см. Срез венчика округлый, орнаментирован оттисками гребенчатого штампа. Внешняя и внутренняя сторона сосудов хорошо заглажена. Тесто с примесью песка и шамота крупных фракций, фрагменты часто рыхлые, плохой сохранности, расслаиваются. Экземпляры этого типа покрыты плотным слоем нагара, в основном с внешней стороны. Орнамент покрывает всю внешнюю часть сосудов, включая срез венчика и дно. Основные элементы декора – повторяющиеся ряды оттисков фигурного и гребенчатого штампа, один или два ряда ямочных вдавлений по шейке. Вся посуда данного типа относится к периоду энеолита (середина IV тыс. до н.э.).

Таким образом, в результате спасательных археологических работ на территории поселения Кулунигый-71 в границах раскопа № 1 полностью изучен культурный слой на глубину до 3,2 м. Культурные слои зафиксированы в северо-западных стенках секторов 1–3 раскопа № 1.

На памятнике «Группа впадин Кулунигый-72» заложен раскоп № 1 площадью 40 м^2. Территория, занимаемая группой впадин Кулунигый-72, расположена на правом берегу р. Кулунигый, ограничена с запада современным руслом р. Кулунигый и затопляемой поймой, с севера и востока низким пойменным (пойма р. Большой Юган) пологоволнистым рельефом, с юга – старичной поймой. Участок представляет собой террасовидную поверхность, высотой около 2 м, вдоль русловой старицы р. Кулунигый, протяженностью около 150 м.

На поверхности зафиксированы три археологических сооружения – две впадины с обваловкой (№ 1 – округлая, 3,7 × 3,7 м, глубиной 0,2 м, высота обваловки 0,2 м и № 3 – овальная, 3,7 × 3,4 м, глубиной 0,3 м, высота обваловки 0,2 м) и одна без обваловки (№ 2 – округлая, 3,0 × 2,9 м, глубиной 0,4 м). Предварительно объект культурного наследия был

датирован в широком временно́м диапазоне: эпоха неолита – эпоха Средневековья.

В ходе археологических работ на площади раскопа изучена периферия памятника. Археологические предметы и археологизированные сооружения выявлены не были, культурный слой не обнаружен. Археологические сооружения не вскрывались, так как они находятся вне участка хозяйственного освоения, в связи с этим характер их происхождения не установлен, по внешнему виду они могут оказаться остатками жилищ или ям-ловушек.

На территории могильника Кулунигый-73 заложены раскопы № 1–11, общей площадью 875 м^2, в их пределах изучены внешний очаг и две хозяйственные ямы.

Объект культурного наследия «Могильник Кулунигый-73» выявлен А.Ю. Скоробогатовой в 2018 г. Памятник расположен на участке между селищем Кулунигый-4 и группой впадин Кулунигый-64. На данных объектах на вершинах гривы в 2018 г. были изучены погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века [Дополнение..., 2019, с. 30–31].

Могильник Кулунигый-73 расположен на участке коренной террасы левого берега р. Кулунигый, на вершине вытянутого перпендикулярно к террасе гривообразного всхолмления, возвышающегося на 2,0–2,5 м от поверхности террасы. Могильник находится на верхней площадке гривы и ориентирован по ее центральной оси. Могильные сооружения в рельефе не прослеживаются.

В раскопах № 1–10 археологический материал не обнаружен. На площади раскопа № 11 в результате вскрытия отложений зафиксированы две хозяйственные ямы и внешний очаг. При просеве заполнения ямы 1 обнаружена кремневая микропластина. При разборе внешнего очага были отмечены остеологические остатки. Во внешних стенках раскопа № 11 культурный слой не зафиксирован.

Таким образом, проведение спасательных археологических работ (раскопок) с целью изучения и сохранения объектов культурного наследия на территории Среднеугутского месторождения нефти в Сургутском р-не Ханты-Мансийского автономного округа – Югры способствует получению обоснованных источников сведений по истории и археологии одного из районов Сургутского Приобья, отличающегося высокой концентрацией археологических объектов, а именно бассейна р. Большой Юган (левый приток Юганской Оби).

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Васильева Ю.А. Отчет об археологической разведке в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2018 году. – Новосибирск, 2019. – 98 с.

Дополнение № 1 к разделу «Мероприятия по обеспечению сохранности объектов культурного (археологического) наследия селище Кулунигый 4, селище Кулунигый 5, группа впадин Кулунигый 64, группа впадин Кулунигый 66 в границах участка, подлежащего хозяйственному освоению по проекту “Обустройство кустов скважин № 25, 49 Среднеугутского месторождения” для ПАО “НК «Роснефть»”, шифр 4701 (обустройство куста скважин № 25) в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Селище Кулунигый 4, селище Кулунигый 5, поселение Кулунигый 71, группа впадин Кулунигый 72, могильник Кулунигый 73. – Нефтеюганск, 2019.

Древнее наследие Средней Оби на территории хозяйственного освоения ООО «РН-Юганскнефтегаз». – Екатеринбург: Магеллан, 2013. – 256 с.

References

Dopolnenie No. 1 k Razdelu “Meropriyatiya po obespecheniyu sokhrannosti ob’ektov kul’turnogo (arkheologicheskogo) naslediya selishche Kulunigyi 4, selishche Kulunigyi 5, gruppa vpadin Kulunigyi 64, gruppa vpadin Kulunigyi 66 v granitsakh uchastka, podlezhashchego khozyaistvennomu osvoeniyu po proektu ‘Obustroistvo kustov skvazhin No. 25, 49 Sredneugutskogo mestorozhdeniya’, dlya PAO ‘NK ‘Rosneft’’, shifr 4701 (obustroistvo kusta skvazhin No. 25) v Surgutskom raione Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry”. Selishche Kulunigyi 4, selishche Kulunigyi 5, poselenie Kulunigyi 71, gruppa vpadin Kulunigyi 72, mogil’nik Kulunigyi 73. Nefteyugansk, 2019 (in Russ.).

Drevnee nasledie Sredney Obi na territorii khozyaystvennogo osvoeniya OOO “RN-Yuganskneftegaz”. Yekaterinburg: Magellan Publ., 2013, 256 p. (in Russ.).

Vasilyeva Yu.A. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Surgutskom raione Khanty-Mansiiskogo avtonomnogo okruga – Yugry v 2018 godu. Novosibirsk, 2019, 98 p. (in Russ.).

Дудко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2253-5658
Васильева Ю.А. https://orcid.org/0000-0003-4955-2749

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.778-782
УДК 902/904

А.А. Дудко, Г.И. Марковский, А.Е. Гришин, Ю.А. Васильева

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Спасательные археологические работы на стоянке Сарапулка: новый объект верхнеобской культуры на реке Иня

Осенью 2019 г. проведены спасательные раскопки на стоянке Сарапулка (Мошковский и Тогучинский р-ны Новосибирской обл.), расположенной на границе горно-таежной и степной зон Западной Сибири. Значительному участку территории памятника грозит разрушение в связи со строительством моста через р. Иня (правый приток Оби). Изучена бóльшая часть площади археологического объекта (1 792,27 м^2), которая приурочена к краю первой надпойменной террасы. Территория объекта археологического наследия имеет следы техногенных нарушений. Выявлено более десятка археологических контекстов, демонстрирующих присваивающую хозяйственную деятельность носителей верхнеобской средневековой культуры и предположительно гребенчатой керамической традиции эпохи бронзы. Хронологический диапазон памятника удревнен: III тыс. до н.э. – конец I тыс. н.э. В ходе полевых археологических работ были уточнены границы объекта археологического наследия, в результате чего увеличена его площадь. В центральной части объекта присутствует литологически выраженный культурный слой. Немногочисленные находки залегают, как правило, рассеянно, развалы керамических сосудов или их частей редки. Были обнаружены хозяйственные ямы, вероятно коптильни, предназначенные для консервирования охотничьей добычи, которые еще предстоит датировать по остаткам древесного топлива. Присутствует керамический материал, который отнесен к верхнеобской культуре раннего Средневековья и к гребенчатой керамической традиции эпохи бронзы. Из орудийных форм обнаружен каменный наконечник стрелы, который не является узкодатирующим предметом. Выявлены закономерности распределения некоторых объектов на территории памятника. Так, остеологические находки тяготеют к южному, более инсолированному склону и предположительно связаны с разделкой охотничьей добычи. В центральной и северной части расположены основные углубленные в грунт объекты: хозяйственные ямы и нижние части древних коптилен.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, река Иня, верхнеобская культура, гребенчатая керамическая традиция, Средневековье, эпоха бронзы, древние коптильни.*

Alexander A. Dudko, Grigory I. Markovsky, Artem E. Grishin, Yuliya A. Vasilyeva

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: a-dudko9@mail.ru

Rescue Archaeological Excavations at the Sarapulka Site: New Archaeological Object of the Verkhneobskaya Culture at the Inya River

In the Fall of 2019, rescue excavations were carried out at the Sarapulka site located on the border of the mountain taiga and steppe zones of Western Siberia (Moshkovsky and Toguchinsky Districts of Novosibirsk Region). The largest part of the site will be destroyed by the construction of a bridge across the Inya River (right tributary of the Ob River). The main part of the archaeological site (1792.27 m^2), located on the eastern edge of the first river terrace, was investigated. Numerous traces of anthropogenic impact were found at the site. Over a dozen archaeological contexts demonstrate the appropriating economic activities of the population of Verkhneobskaya Medieval culture and presumably, the carriers

of the tradition of combed pottery of the Bronze Age. The chronological range of the site was expanded and was dated to the earlier period of third millennium BC – late first millennium AC. During archaeological excavations, the boundaries of this object of archaeological heritage were established with more precision resulting in the increased area of the site. The lithologically expressed cultural layer was discovered in the central part of the site. Archaeological finds were not numerous; as a rule they occurred in a scattered manner. Collapsed vessels or large fragments of pottery were rare. Utility pits with charcoal fragments and spots of calcined soil, possibly associated with smoke shops for preserving the food procured by hunting, have been discovered. These structures should still be dated by the remains of wood fuel. Pottery evidence from the excavation area can be attributed to the Verkhneobskaya archaeological culture of the Early Middle Ages and combed pottery tradition of the Bronze Age. The toolkit is represented only by a stone arrowhead which cannot be used for establishing an accurate date. Distribution patterns of some objects at the site have been identified. Osteological findings were more common on the southern slope where the inhabitants of the site might have butchered the carcasses acquired by hunting. Main structures in the ground, such as utility pits and lower parts of ancient smoke shops were located in the central and northern parts of the archaeological site.

Keywords: *Western Siberia, Inya River, Verkhneobskaya culture, comb pottery tradition, Middle Ages, Bronze Age, ancient smoke shops.*

Выявленный объект археологического наследия (ВОАН) «Стоянка Сарапулка» находится на границе Мошковского и Тогучинского р-нов Новосибирской обл. Памятник был открыт в ходе государственной историко-культурной экспертизы земельного участка в зоне строительства автомобильной дороги «Обход с. Сарапулка» с мостом через р. Иня (правый приток р. Обь первого порядка) сотрудниками отдела охранно-спасательной археологии ИАЭТ СО РАН под руководством Н.В. Басовой в мае 2017 г.

Один из археологических шурфов, заложенный непосредственно в зоне проектируемого моста, дал незначительный археологический материал – фрагменты керамики верхнеобской культуры и остатки археологического сооружения в виде вытянутого углубления с прокаленным дном [Басова, 2017]. Эти данные стали основанием для выделения археологической стоянки. Поскольку памятник в определенных разведкой границах полностью попадает в зону строительства моста, перед началом хозяйственного освоения было необходимо подготовить проект обеспечения сохранности ВОАН «Стоянка Сарапулка» и исследовать всю его площадь (1 787 м^2). Эту задачу выполнял Сарапульский отряд ИАЭТ под руководством А.А. Дудко в течение осени 2019 г.

Актуальность проведенных раскопок очевидна в силу их спасательной направленности, а новизна заключается в уточнении культурно-хронологической характеристики памятника и выявлении более ранних культурных комплексов, чем были зафиксированы в ходе разведки.

Ландшафтным фоном места расположения объекта является холмисто-увалистая равнина с разветвленной овражно-балочной сетью. Преобладающие абсолютные отметки 150–200 м. Стоянка Сарапулка находится на Приобской предгорной равнине, в пределах Томско-Колыванской складчатой зоны, ярким примером которой служат т.н. Буготакские сопки, расположенные вблизи изучаемого объекта (абсолютные высоты 232–381 м). Существенный показатель рельефа – глубоко врезанные долины больших рек, в том числе Ини, в которые впадают многочисленные мелкие реки, ручьи и сезонные водотоки.

Для геологического строения района характерны породы палеозойского фундамента и перекрывающие их рыхлые палеогеновые, неогеновые и четвертичные отложения [Васютинская, Михайловский, 1963]. С точки зрения растительно-ландшафтного районирования место работ находится в полосе перехода лесной, горно-таежной зоны в лесостепную. Березовые и осиново-березовые леса, занимавшие в прошлом все водоразделы, сейчас тяготеют к низинам и северным склонам логов и балок.

Район работ обладает потенциалом для выявления и изучения археологических объектов всего периода голоцена, т.к. находится на границе горно-таежной и степной зон и осваивался населением различных культурно-хозяйственных типов. Кроме того, р. Иня соединяет данную территорию с Новосибирским Приобьем, что способствовало проникновению на нее населения как из зоны Кузнецкой котловины, так и из Верхнего Приобья.

В бассейне р. Ини разведки и раскопки проводились в 1970-х – начале 1980-х гг. В.И. Молодиным, В.А. Захом, С.В. Глинским. Ими был открыт ряд разновременных археологических комплексов различных типов: могильники, поселения, городища [Троицкая, Молодин, Соболев, 1980]. Среди них поселение I – нач. II тыс. н.э. Боровое-1, поселение раннего железного века Боровое-2, разновременный поселенческий комплекс Кусмень-1 и др. [Там же; Зах, 1997]. Позднее археологическая карта района была значительно дополнена силами новосибирских, кемеровских и петербургских исследователей [Бобров и др., 2000].

Стоянка Сарапулка располагается непосредственно на выступающем останце первой надпойменной террасы, имеющей выраженный склон в сторону поймы (на юг) и к берегу р. Ини (на восток). К западу площадка плавно повышается. На момент исследования она имела следы значительных техногенных нарушений в виде канавы и врезки в береговой склон, заполненных переотложенным грунтом и мусором. Южная часть памятника поросла редким березняком. Граница объекта включает и выраженный склон террасы к низкой пойме.

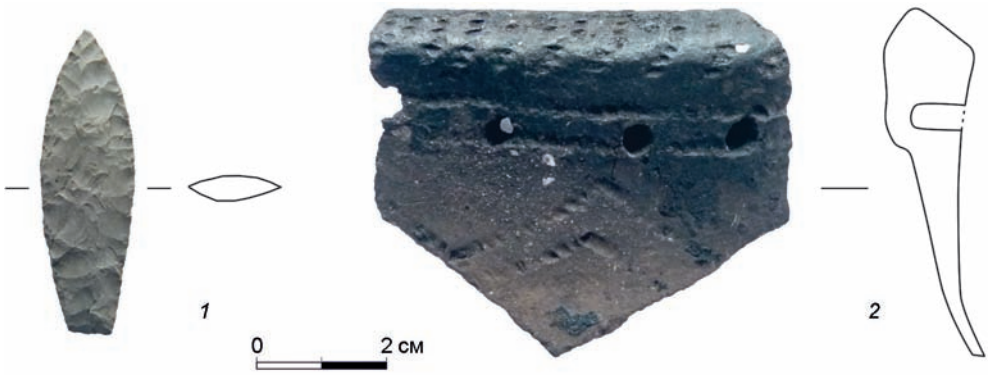
Обобщенная стратиграфическая колонка представляет собой чередование следующих отложений: слой 1 (дернина) – поверхностный гумусо-аккумулятивный почвенный горизонт; слой 2 – гумусовый горизонт, супесь серого, темно-серого цвета; слой 3 – материковый суглинок желтого цвета различных оттенков. Часть отложений связана с пахотным слоем в западной части памятника, со склоновыми и пойменными процессами – в восточной, с эоловыми наносами – в южной. В стратиграфической колонке в процессе исследования в центральной части раскопа был зафиксирован литологически выраженный культурный слой. Находки залегали на разных уровнях слоя 2 от границы с дерново-растительным горизонтом и до подстилающего суглинка, слагающего террасу. Археологический материал в большинстве залегал рассеянно по площади объекта и был представлен неорнаментированными фрагментами керамических сосудов и обломков костей и рогов животных.

Наиболее интересными объектами на памятнике, на наш взгляд, являются остатки древних земляных коптилен. Они представляют собой, как правило, длинные врезки в понижающуюся поверхность террасы или просто ямы. Нами зафиксированы только углубленные части сооружений, где разводился огонь, дающий дым в основной, верхний объем с обрабатываемым продуктом. Следов верхних объемов не найдено. Нет и возможности определить, для копчения какой промысловой добычи, мяса или рыбы, они предназначались. Одна из коптилен была обнаружена в разведочном шурфе в 2017 г., четыре других подобных сооружения изучены в процессе раскопок этого года. На дне ям помимо прокаленных участков обнаружены обугленные остатки дров. Это важно для датирования сооружений, т.к. никаких находок, способных пролить свет на точную культурно-хронологическую принадлежность объектов, не обнаружено. Коптильни сооружались в центральной и северной четверти территории памятника, морфологически близки и расположены недалеко друг от друга. Они, вероятнее всего, как единый комплекс отражают эпизод хозяйственного использования территории стоянки, время которого предстоит еще определить. Следует отметить, что площадь памятника до сих пор активно используется рыбаками, о чем свидетельствуют находки современных орудий лова у реки. В районе памятника река течет медленнее, чем на соседних участках, что положительно влияет на успех промысла. Обнаруженными объектами подчеркивается комплексность хозяйства древнего населения, в котором рыбалка занимала значительное место.

В процессе исследования были отмечены следующие закономерности в стратиграфическом и планиграфическом распределении находок и объектов. Остеологический материал, видовая принадлежность которого в данный момент определяется, тяготел к южной части памятника и располагался на склоне понижения к пойме, в то время как керамика образовывала разреженные концентрации в северной, более горизонтальной части. Возможно данный факт указывает на то, что для обработки добычи выбирался инсолированный южный склон террасы, а прочая хозяйственная деятельность проходила на более горизонтальных плоскостях.

Также было отмечено наличие на южной склоновой территории прокалов естественного происхождения, связанных с выгоранием корней. Именно в этой части памятника произрастал и современный редкий березняк. По всей видимости, характер залесенности территории сформировался достаточно давно.

Керамический материал представлен в основном неорнаментированными фрагментами тулова сосудов, принадлежность которых определить затруднительно. Отметим лишь, что их облик весьма различен. Данный факт свидетельствует о разных культурных компонентах, отразившихся в напластованиях стоянки. Наиболее узнаваемы фрагменты посуды верхнеобской средневековой культуры [Троицкая, Новиков, 1998]. Это, например, фрагменты венчика одного сосуда, включающие шейку и часть тулова (см. *рисунок*, *2*). Черепок черного цвета, прочный, в тесте фиксируются включения слюды разной размерности. Зона устья утолщена дополнительным налепом. Стенка тулова тонкая. Срез венчика скошен наружу, орнаментирован тремя параллельными рядами наклонных гребенчатых оттисков. Возможно, тем же орнаментиром оформлены две горизонтальные линии по шейке и двойной зигзаг под ними. По шейке также нанесен горизонтальный ряд ямок. Верхнеобские фрагменты находились как в верхней части заполнения, так и рядом с хозяйственной ямой, расположенной на северной границе исследованной территории.

Стоянка Сарапулка. Каменный наконечник стрелы (*1*) и фрагмент керамического сосуда (*2*).

Другой керамический комплекс несет следы затирки внешней поверхности и волнообразный прочерченный орнамент, иногда сопровождаемый ямками. Подобные изделия могут быть связаны с гребенчатой керамической традицией [Молодин, 1985]. Имеются и другие свидетельства более раннего пребывания человека на изученном археологическом памятнике. На склоне, обращенном к реке, был обнаружен целый каменный наконечник стрелы (см. *рисунок, 1*). Перо изделия пламевидной формы, с прямой базой и линзовидным сечением. Наконечник полностью ретуширован. Размеры 47 × 15 × 4 мм. Он не является диагностирующим материалом, подобные изделия использовались на территории Приобья с периода неолита. Эта находка, возможно, расширяет хронологический диапазон памятника в сторону удревнения.

Вероятнее всего, коптильные сооружения и хозяйственная яма относятся к верхнеобской средневековой культуре. Судя по всему, в период расширения ареала именно этой культуры по обским восточным притокам происходит интенсивное освоение стоянки. Очевидно, что промысловые рыбные и животные ресурсы территории являлись необходимым компонентом комплексного хозяйства верхнеобцев. Роль рыбного промысла в пищевых стратегиях и экономике древнего населения описана в специальных работах [Плахута, 2002; Цепкин, Могильников, 1968; Эверстов, 1988].

Таким образом, в ходе работ на стоянке Сарапулка были полностью изучены культурные напластования на основной площади памятника, подвергавшиеся угрозе полного разрушения в результате строительства автомобильной дороги «Обход с. Сарапулка» с мостом через р. Иня. Кроме того, были уточнены его западная и северная границы, выявлены более ранние комплексы бронзового века, что расширяет культурно-хронологический диапазон памятника до III тыс. до н.э. Площадь памятника увеличилась в северном направлении, т.к. часть находок располагалась вплотную к установленным в 2017 г. границам объекта и одна из хозяйственных ям вышла за их пределы. Для ее исследования была выполнена прирезка, а для уточнения границ ВОАН «Стоянка Сарапулка» проведена дополнительная шурфовка. Вновь выявленная периферийная часть объекта не попадает в зону строительства и остается потенциальным археологическим источником по изучению присваивающих форм хозяйствования древнего населения.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Басова Н.В. Отчет об археологической разведке в Тогучинском и Мошковском районах Новосибирской области в 2017 г. // Архив ИАЭТ СО РАН, 2017.

Бобров В.В., Молодин В.И., Журба Т.А., Кравцов В.М., Кравцов Ю.В., Соболев В.И. Археологические памятники Тогучинского района Новосибирской области. – Новосибирск: Науч.-произв. центр по сохранению ист.-культ. наследия Новосиб. обл., 2000. – (Мат-лы Свода памятников истории и культуры России; вып. 5).

Васютинская Т.Ф., Михайловский Д.В. Геологическая карта СССР масштаба 1 : 200 000. Сер. Кузбасская. Лист N-44-XII. Объяснительная записка. – М.: Гос. науч.-тех. изд-во лит. по геологии и охране недр, 1963. – 114 с.

Зах В.А. Эпоха бронзы Присалаирья. – Новосибирск: Наука, 1997. – 132 с.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Плахута Д.О. Рыболовство населения Обь-Иртышья эпохи камня – средневековья: история изучения: по публикациям XVIII–XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Омск, 2002. – 17 с.

Троицкая Т.Н., Молодин В.И., Соболев В.И. Археологическая карта Новосибирской области. – Новосибирск: Наука, 1980. – 118 с.

Троицкая Т.Н., Новиков А.В. Верхнеобская культура в Новосибирском Приобье. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 1998. – 152 с.

Цепкин Е.А., Могильников В.А. Рыболовство у населения лесного Прииртышья в эпоху железа // СА. – 1968. – № 3. – С. 54–61.

Эверстов С.И. Рыболовство в Сибири: каменный век. – Новосибирск: Наука, 1988. – 143 с.

References

Basova N.V. Otchet ob arkheologicheskoi razvedke v Toguchinskom i Moshkovskom raionakh Novosibirskoi oblasti v 2017 g. *Archive of IAET SB RAS*, 2017 (in Russ.).

Bobrov V.V., Molodin V.I., Zhurba T.A., Kravtsov V.M., Kravtsov Yu.V., Sobolev V.I. Arkheologicheskie pamyatniki Toguchinskogo raiona Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Research and Production Center for the Preservation of Historical and Cultural Heritage of the Novosibirsk Region, 2000 (Materialy Svoda pamyatnikov istorii i kul'tury Rossii, iss. 5) (in Russ.).

Everstov S.I. Rybolovstvo v Sibiri: kamenny vek. Novosibirsk: Nauka, 1988, 143 p. (in Russ.).

Molodin V.I. Baraba v epokhu bronzy. Novosibirsk: Nauka, 1985, 200 p. (in Russ.).

Plakhuta D.O. Rybolovstvo naseleniya Ob'-Irtysh'ya epokhi kamnya – srednevekov'ya: istoriya izucheniya: Po publikatsiyam XVIII–XX vekov: cand. sc. (history) dissertation abstract. Omsk, 2002, 17 p. (in Russ.).

Troitskaya T.N., Molodin V.I., Sobolev V.I. Arkheologicheskaya karta Novosibirskoi oblasti. Novosibirsk: Nauka, 1980, 118 p. (in Russ.).

Troitskaya T.N., Novikov A.V. Verkhneobskaya kul'tura v Novosibirskom Priob'e. Novosibirsk: IAET SB RAS Publ., 1998, 152 p. (in Russ.).

Tsepkin E.A., Mogil'nikov V.A. Rybolovstvo u naseleniya lesnogo Priirtysh'ya v epokhu zheleza. *Sovetskaya arkheologiya*, 1968, vol. 3, pp. 54–61 (in Russ.).

Vasyutinskaya T.F., Mikhailovsky D.V. Geologicheskaya karta SSSR masshtaba 1 : 200 000. Seriya Kuzbasskaya. List N-44-XII. Ob'yasnitel'naya zapiska. Moscow: Gos. nauch.-tekh. izd-vo literatury po geologii i okhrane nedr, 1963, 114 p. (in Russ.).

Zakh V.A. Epokha bronzy Prisalair'ya. Novosibirsk: Nauka, 1997, 132 p. (in Russ.).

Дудко А.А. https://orcid.org/0000-0003-2253-5658
Марковский Г.И. https://orcid.org/0000-0003-2698-707X
Гришин А.Е. https://orcid.org/0000-0001-8367-2272
Васильева Ю.А. https://orcid.org/0000-0003-4955-2749

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.783-789
УДК 902.2

А.В. Кениг[1, 2], Е.А. Зайцева[2], А.В. Родионова[2]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]ООО «НИПИ ЭтноАрхео Центр»
Ханты-Мансийск, Россия
E-mail: a.kenig@bk.ru

Результаты обследования археологических памятников в Нижнем Приобье

В 2018 г. под руководством А.В. Кенига проводились археологическое обследование, мониторинг технического состояния и установление границ археологических памятников в Нижнем Приобье на территории Октябрьского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. По заказу Службы государственной охраны объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры были произведены уточнение местоположения ранее выявленных и поставленных на государственный учет объектов культурного (археологического) наследия регионального значения городищ Шеркалы-1, -2, -4, -6, -7, -12, поселений Шеркалы-2, -3, -5, -8, -9 и могильника Шеркальского, определение их точных координат, оценка технического состояния, инструментальная топографическая съемка и установление границ. На первом этапе был выполнен анализ архивных и опубликованных источников, картографических материалов, в т.ч. космоснимков, по истории исследования указанных памятников. Полевые археологические работы включали поиск памятников на местности, выявление визуально определимых археологизированных сооружений и их корреляцию с результатами предыдущих исследований, определение границ распространения культурного слоя, фотографическую фиксацию современного технического состояния и тахеометрическую съемку. На территории поселений Шеркалы-8, -9 и могильника Шеркальского были произведены археологические сборы, для всех обследованных памятников установлены границы территорий, составлены топографические планы, получены новые данные о хронологии, вписывающиеся в круг известных культурно-хронологических типов региона, проведена оценка текущего технического состояния, а также выявлены факторы, оказывающие негативное воздействие на сохранность памятников.

Ключевые слова: *Нижнее Приобье, памятники археологии, мониторинг технического состояния, ранний железный век, Средневековье.*

Alexander V. Kenig[1, 2], Evgenia A. Zaitseva[2], Alena V. Rodionova[2]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]NIPI EtnoArcheo Center Ltd.,
Khanty-Mansiysk, Russia
E-mail: a.kenig@bk.ru

Survey of Archaeological Sites in the Lower Ob Region

In 2018, an archaeological survey aimed at monitoring the technical condition and establishing the boundaries of archaeological sites in the Lower Ob region was conducted in Oktyabrsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra under the leadership of A. V. Kenig. At the request of the State Protection Service of the Cultural Heritage of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug – Yugra, the location of the following sites of cultural (archaeological) heritage of regional significance: fortified settlements of Sherkaly-1, -2, -4, -6, -7, and -12, unfortified settlements of Sherkaly-2, -3, -5, -8, and -9, and the Sherkaly burial ground was updated, exact coordinates were established, technical condition was evaluated, instrumental topographic survey was carried out, and boundaries were delineated. At the first stage of works, archival and published sources, as well as cartographic materials including satellite images, related to research history of these sites were analyzed. Archaeological works in the field involved identifying the sites on the ground, examining visually observable archaeological structures, correlating them with the results of the previous studies, establishing the boundaries

of the cultural layer, and making photographic records on the current technical condition of the sites and tacheometric survey. The works at the settlements of Sherkaly-8 and Sherkaly-9, and at the Sherkaly burial ground resulted in gathering archaeological collections, establishing precise boundaries of the sites, compiling topographic maps, obtaining new data on chronology corresponding to the known cultural and chronological types of the region, assessing the current technical state, and identifying the factors which may have a negative impact on the preservation of the sites.

Keywords: *Lower Ob region, archaeological site, monitoring of technical condition, Early Iron Age, Middle Ages.*

В полевом сезоне 2018 г. под руководством А.В. Кенига проведены археологические работы по мониторингу технического состояния и установлению границ археологических памятников в Нижнем Приобье, в окрестностях с. Шеркалы Октябрьского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры. В задачи исследований входили уточнение местоположения ранее выявленных и поставленных на государственный учет памятников, определение их точных координат, оценка технического состояния, инструментальная топографическая съемка и установление границ.

В ходе работ обследована территория общей площадью 12,0 га, заложено 25 шурфов и зачисток обнажений, подготовлен комплект документов, включающий учетные карты, отчеты по результатам определения технического состояния и установлению границ, проекты границ территории 12 объектов археологического наследия: городищ Шеркалы-1, -2, -4, -6, -7, -12, поселений Шеркалы-2, -3, -5, -8, -9, могильника Шеркальский.

Исследуемая территория расположена в границах Октябрьского р-на Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, в 270–275 км к северо-западу от окружного центра – г. Ханты-Мансийска, в 2,5–5,5 км к северо-северо-западу от с. Шеркалы, на правом берегу нижнего течения р. Обь и в устье р. Шеркальской (рис. 1).

Правобережье нижнего течения р. Оби в исследуемом районе представляет собой хорошо дренированную, сплошь изрезанную короткими, но глубокими долинами рек-притоков погребенную моренную возвышенность с абсолютными отметками 135–170 м (Белогорский материк). К западной оконечности возвышенности, омываемой с этой стороны на всем протяжении р. Обью, приурочены наибольшие высоты (231,0 м). Расчлененный западный край Белогорского материка, сопровождаемый почти на всем протяжении огромными оползнями со стороны долины Оби, кажется грядой невысоких гор со слабоизрезанной поверхностью гребня. Белогорский материк резко отличается холмисто-увалистым рельефом, значительными уклонами поверхности, сильным линейным расчленением, преобладанием субстратов легкого механического состава, относительно низкой степенью заболоченности и т.д.

Геологическое строение исследуемой территории определяется Шеркальским валом, ориентированным с запада на восток. Данная тектоническая форма плиты, покрытой мощным слоем мезозойских и кайнозойских отложений, в современном рельефе проявляется слабо. В большей степени особенности современного рельефа обусловлены максимальным оледенением четвертичного периода.

В эпоху Средневековья данная территория входила в состав Кодского княжества – одного из раннегосударственных образований таежных угров (остяков). По сведениям различных источников, в Кодском княжестве насчитывалось до 14 населенных пунктов – городков. Городки-крепости строились преимущественно на высоком правом берегу р. Оби, имевшей важное транспортное и торговое значение. Их гарнизоны контролировали русло Оби. Одно из самых известных нижнеобских городищ – Шеркалы I, остатки «города Соркорда», упомянутого в 1557 г. в грамоте русского царя Ивана IV Васильевича Грозного [Кокшаров].

Первые упоминания об объектах археологии в окрестностях Шоркарского погоста (в настоящее время с. Шеркалы Октябрьского р-на) встречаются уже в 1740 г. в путевых дневниках академика Г.Ф. Миллера – это Шоркарское старое городище (прежние зимние жилища остяков Шоркарской вол., в настоящее время объект археологического обследования Шеркалы-1) и старая остяцкая крепость, которая «на людской памяти не была уже заселена» [Сибирь…, 1996].

В 1948 г. Шеркалинское городище было осмотрено в ходе археологической экспедиции в Нижнее Приобье, организованной В.Н. Чернецовым [Талицкая, 1953]. В 1965 г. памятник обследовала Л.Г. Шорикова, которая и дала ему современное название «городище Шеркалы-1» [1965].

В 1978 г. Северным отрядом Уральской археологической экспедиции под руководством В.М. Морозова на городище Шеркалы-1 начаты археологические раскопки, которые продолжились в 1979, 1981 и 1983 гг. По мощности культурных напластований (на некоторых участках превышающих 3,5 м), сохранности объектов, разнообразию и оригинальности находок памятник был назван исследователем «северным Новгородом». За четыре года исследо-

Рис. 1. Карта-схема района проведения археологических работ.

ваний В.М. Морозовым были зафиксированы слои раннего железного века (конец I тыс. до н.э. – рубеж нашей эры) и Средневековья (вторая четверть I тыс., конец I – начало II тыс. н.э.), определены строительные горизонты различных эпох, остатки фортификационных сооружений, а также обнаружены материальные свидетельства древних миграционных процессов [Морозов, 1985, 1986].

В 1979 г. Е.А. Курлаевым в окрестностях пос. Шеркалы обнаружены разновременные памятники, получившие названия Шеркалы-2–13 [Курлаев, 1980].

В 1980 г. отрядом экспедиции Томского университета под руководством Е.А. Васильева проведены рекогносцировочные работы на трех памятниках эпохи бронзы: сезонных стоянках Шеркалы-10, -11 и долговременном поселении Шеркалы-13. В 1981 г. при раскопках стоянки Шеркалы-10 зафиксированы энеолитические и средневековые древности, вскрыто средневековое погребение, на Шеркалы-13 – материалы середины II тыс. до н.э. [Васильев, 1983].

В 1981 г. Л.А. Чиндиной на поселении Шеркалы-9 выявлен своеобразный погребальный и жертвенный комплекс первой половины I тыс. н.э., зафиксированы два типа погребального обряда – кремация (более ранние захоронения, тяготеющие к традициям Западного Приуралья) и ингумация (более позднее, с типичным западносибирским вещевым инвентарем), а также поселенческие слои трех периодов: финаль-

ной бронзы (IX–VIII вв. до н.э.), раннего железа (VII–IV вв. до н.э.) и раннего Средневековья (VI–VIII вв.) [Чиндина, 1984]. При закладке на данном памятнике разведочной траншеи под руководством В.М. Морозова в 1994 г. следов погребений не выявлено, зафиксированы остатки постройки с материалами эпохи поздней бронзы и второй половины I тыс. н.э.

В 2001–2002 гг. Шеркалы-1–7 обследованы С.Ф. Кокшаровым и А.В. Ермоленко. При осмотре городищ Шеркалы-2, -4, -6, -7 и поселений Шеркалы-3, -5 исследователь выявил связь расположения жилых площадок и геоморфологических особенностей местности: памятники расположены на возвышенных участках береговой террасы, с двух (реже – трех) сторон ограничены логами, которые являются естественной (природной) частью фортификационной системы городищ, исполняя роль оборонительных рвов. В зачистке обнажения на городище Шеркалы-6 зафиксированы два напластования: слой раннего этапа существования городища, который содержит фрагмент кинтусовской керамики (X–XII вв. н.э.), и верхний слой эпохи позднего Средневековья (середина II тыс. н.э.). В результате сделан вывод о синхронности отличающихся значительными размерами и сложной системой фортификации городищ Шеркалы-6 и -7 позднесредневековому этапу жизнедеятельности городища Шеркалы-1 [Кокшаров, 2002; Ермоленко, 2003].

Археологический мониторинг и установление границ объектов археологического наследия в 2018 г. проходили в три этапа.

На первом этапе проведен поиск, обзор и анализ архивных и опубликованных источников, а также картографических материалов (включая космоснимки) о местонахождении, обнаружении, первичном осмотре и исследовании городищ Шеркалы-1, -2, -4, -6, -7, -12, поселений Шеркалы-2, -3, -5, -8, -9, могильника Шеркальского (рис. 2).

На втором этапе осуществлены:

– поиск объектов на местности в соответствии с привязками, отраженными в письменных источниках;

– выявление визуально определимых археологизированных сооружений и их корреляция с объектами, отраженными на ранее снятых планах;

– закладка стратиграфических разрезов с целью выявления границы распространения и характеристик культурного слоя;

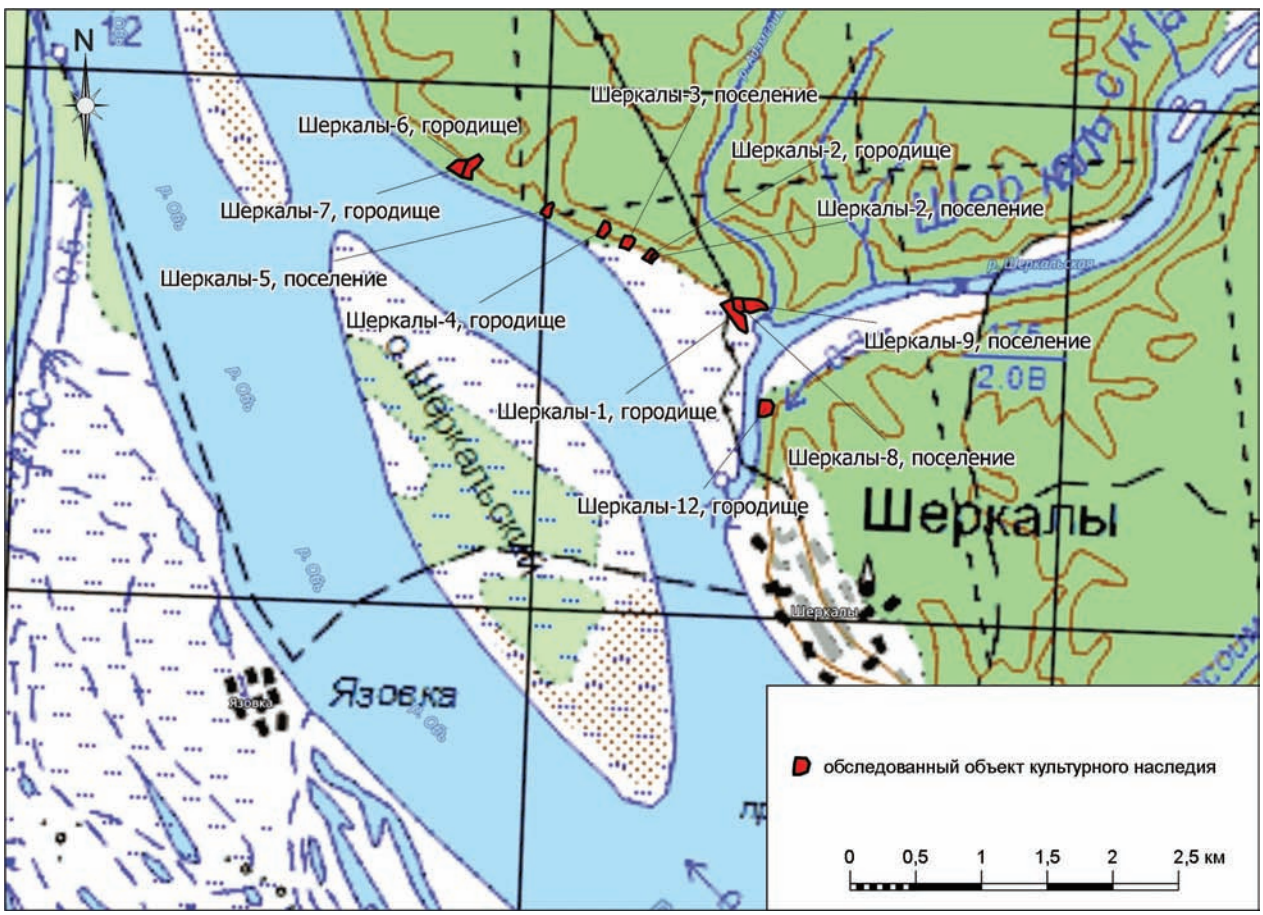

Рис. 2. Карта-схема расположения обследованных объектов культурного наследия.

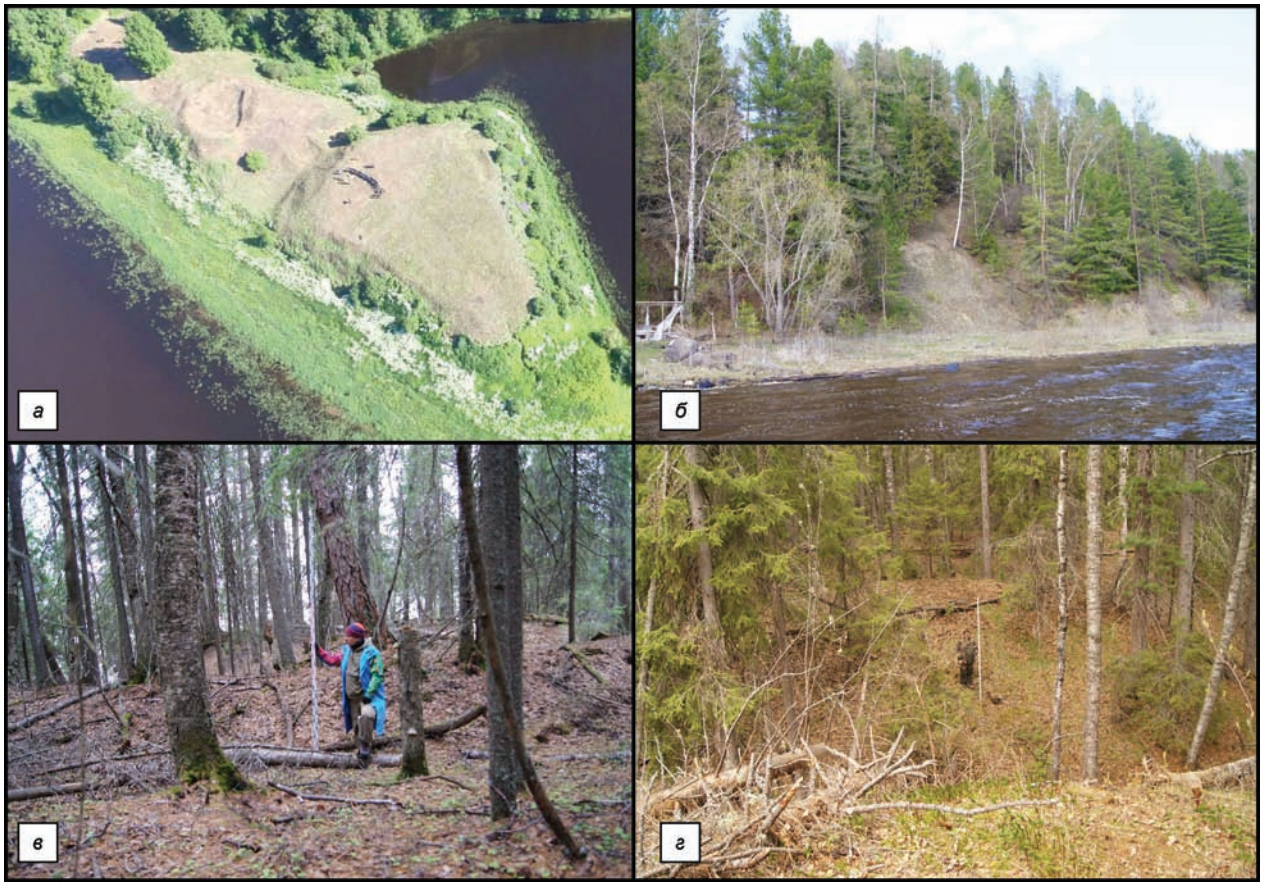

Рис. 3. Памятники археологии Шеркальского микрорайона.
а – городище Шеркалы-1 (вид сверху); *б* – поселение Шеркалы-5 (вид с запада); *в* – городище Шеркалы-2 (вид на систему фортификации с северо-востока); *г* – городище Шеркалы-6 (общий вид на рвы и вал между площадками № 1 и 2 с юга).

– поиск обнажений (повреждений) культурного слоя, определение степени влияния разрушений на состояние объектов, сбор подъемного материала;

– фотографическая фиксация современного состояния объектов археологического наследия, их частей, остатков сооружений и стратиграфии разрезов (рис. 3);

– установка временных опорных точек, их координирование;

– тахеометрическая съемка территории объектов археологического наследия и прилегающей местности.

Определение границ объектов археологического наследия проводилось в соответствии с Методикой определения границы территории объекта археологического наследия, рекомендованной к применению письмом Министерства культуры Российской Федерации от 27.01.2012 (№ 12-01-39/05-АБ). Методы, использовавшиеся при определении границ, были выбраны с учетом географических и ландшафтных особенностей территории расположения объектов археологического наследия, а также их типологической специфики.

Третий этап состоял из обработки полученных материалов, их анализа и подготовки отчетной документации.

Это позволило идентифицировать на месте памятники, выявленные во второй половине XX в., включая их археологизированные сооружения (см. *таблицу*); определить факторы, угрожающие их техническому состоянию; в ряде случаев оценить мощность культурного слоя и установить границы объектов археологического наследия.

В результате проведенных работ получены новые данные о хронологии обследуемых памятников, которые вписываются в круг известных культурно-хронологических типов региона и находят аналогии в материалах Нижнего и Среднего Приобья. На всех памятниках выполнена тахеометрическая съемка, составлены топографические планы. На трех памятниках (поселения Шеркалы-8, -9, могильник Шеркальский) произведены сборы археологических предметов (подъемного материала).

По внешним признакам, с учетом аналогий, а также исходя из характера подъемного материала

Характеристика памятников Шеркальского микрорайона

Памятник	Исследователи	Выраженные в рельефе объекты	Находки
Городище Шеркалы-1	Миллер, 1740; Шорикова, 1965; Морозов, 1978, 1979, 1981, 1983, 1994; Кокшаров, 2001; Ермоленко, 2002	2 впадины (разм. от 2,5 до 6,7 м), вал (длина до 31 м, высота до 0,5 м), раскопы 1978, 1979, 1981, 1983 гг.	Более 2500 изделий из железа, бронзы, глины, камня, рога, кости, дерева, бересты и стекла (1965, 1978, 1979, 1981, 1983)
Городище Шеркалы-2	Курлаев, 1979; Кокшаров, 2001	2 впадины (разм. от 2,7 до 6,9 м), ров–вал–ров–вал–ров (длина до 26 м, высота 1 до м)	Железный наконечник, фр. неорнамент. керамики (2001)
Поселение Шеркалы-2	Курлаев, 1979	2 впадины	–
Поселение Шеркалы-3	Курлаев, 1979; Кокшаров, 2001	6 впадин (разм. от 5,5 до 8,9 м)	Железный наконечник, фр. орнамент. керамики (2001)
Городище Шеркалы-4	Курлаев, 1979; Кокшаров, 2001	9 впадин (разм. от 5,0 до 12,7 м), вал–ров (длина до 37 м, высота до 0,7 м)	Фр. неорнамент. и орнамент. керамики, в т.ч. кульминского типа, шлак (1979, 2001)
Поселение Шеркалы-5	Курлаев, 1979; Кокшаров, 2001	6 впадин (разм. от 1,8 до 9,8 м)	Фр. неорнамент. и орнамент. керамики (1979, 2001); фр. железных изделий (2001)
Городище Шеркалы-6	Курлаев, 1979; Кокшаров, 2001	17 впадин и 3 площадки (разм. от 1,5 до 8,3 м); ров–вал–ров (длина до 30 м, высота до 2 м), вал–ров–вал (длина до 16 м, высота до 0,4 м)	Медная обрезь (1979); фр. железных орудий, фр. орнамент. керамики (2001)
Городище Шеркалы-7	Курлаев, 1979; Кокшаров, 2001	вал–ров дугообразной формы (длина до 50 м, высота до 1 м)	Фр. орнамент. керамики, в т.ч. кинтусовского типа (1979, 2001); железное кольцо (2001)
Поселение Шеркалы-8	Курлаев, 1979	6 впадин и 1 площадка (разм. от 2,3 до 6,5 м)	Железный нож, фр. орнамент. керамики (1979); железное кресало (2018)
Поселение Шеркалы-9	Курлаев, 1979; Васильев, 1980	Раскопы 1980, 1981, 1994 гг.	Каменные изделия, целый керамический сосуд, фр. керамики, в т.ч. саровского типа (датирована эпохой бронзы, раннего железного века) (1981); фр. бронзовых нашивки и зеркала (2018)
Могильник Шеркальский	Васильев, 1980; Чиндина, 1981		
Городище Шеркалы-12	Курлаев, 1979	18 впадин (разм. от 2,6 до 11,9 м), вал–ров (длина до 50 м, высота до 1 м)	Фр. неорнамент. и орнамент. керамики, шлак (1979)

объекты археологического наследия Шеркалы-2–5, -12 могут быть датированы Средневековьем (IV–XVI вв.), Шеркалы-1, -6–8 – ранним железным веком, Средневековьем; Шеркалы-9 и могильник Шеркальский – бронзовым веком, ранним железным веком, Средневековьем.

Состояние объектов археологического наследия Шеркалы-5, -7, -8, -12 оценивается как удовлетворительное, Шеркалы-1–4, -6, -9 и Шеркальского могильника – как неудовлетворительное. Большинству памятников угрожают осыпи склонов, размывание высокими подъемами уровня р. Оби, деятельность «черных копателей». Для минимизации воздействия указанных негативных факторов необходима разработка комплекса мероприятий по сохранению данных объектов археологического наследия.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Васильев Е.А. Исследования в Нижнем Приобье // Археологические открытия 1981 года. – М., 1983. – С. 189–190.

Ермоленко А.В. Отчет о разведках в Октябрьском районе ХМАО в 2002 году. – Екатеринбург, 2003 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 4297. Д. 67.

Кокшаров С.Ф. Кодское княжество // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2078306 (дата обращения: 19.08.2019).

Кокшаров С.Ф. Отчет о научно-исследовательской работе «Археологические исследования на территории

Советского и Октябрьского районов ХМАО Тюменской области, проведенные в 2001 году». – Екатеринбург, 2002 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 3849, д. 31.

Курлаев Е.А. Отчет о разведке по правому берегу реки Обь в районе поселка Шеркалы в 1979 году. – Свердловск, 1980 // Архив АУ ЦОКН. Инв. № 1221, д. 75.

Морозов В.М. Средневековые памятники Нижнего Приобья // Археологические открытия 1983 года. – М., 1985. – С. 231–232.

Морозов В.М. Средневековые поселения и постройки Сургутского и Нижнего Приобья // Проблемы уралосибирской археологии. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1986. – С. 99–107.

Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. – Новосибирск: Сиб. хронограф, 1996. – 312 с.

Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего Приобья // МИА. – М.: АН СССР, 1953. – № 35. – С. 242–357.

Чиндина Л.А. Древняя история Среднего Приобья в эпоху железа. Кулайская культура. – Томск: Изд-во Том. гос. ун-та, 1984. – 256 с.

Шорикова Л.Г. Отчет о разведке в Ханты-Мансийском национальном округе. – Свердловск, 1965 // Архив археологического музея УрФУ. Ф. II. Д. 36.

References

Chindina L.A. Drevnyaya istoriya Srednego Priob'ya v epokhu zheleza. Kulaiskaya kul'tura. Tomsk: State Univ. Press, 1984, 256 p. (in Russ.).

Ermolenko A.V. Otchet o razvedkah v Oktjabr'skom rajone KhMAO v 2002 godu, Yekaterinburg, 2003. In *Arkhiv Avtonomnogo Uchrezhdeniya KhMAO – Yugry "Tsentr okhrany kul'turnogo naslediya". Inv. No. 4297. Delo 67* (in Russ.).

Koksharov S.F. Kodskoe knyazhestvo. In *Bol'shaya rossiyskaya entsiklopediya*. URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2078306 (Accessed: 19.08.2019) (in Russ.).

Koksharov S.F. Otchet o NIR Arkheologicheskie issledovaniya na territorii Sovetskogo i Oktyabr'skogo rayonov KhMAO Tyumenskoy oblasti, provedennye v 2001 godu. Yekaterinburg, 2002 (in Russ.).

Kurlaev E.A. Otchet o razvedke po pravomu beregu reki Ob' v raione poselka Sherkaly v 1979 godu. Sverdlovsk, 1980 (in Russ.).

Morozov V.M. Srednevekovye pamyatniki Nizhnego Priob'ya. *Arkheologicheskie otkrytiya 1983 goda*. Moscow, 1985, pp. 231–232 (in Russ.).

Morozov V.M. Srednevekovye poseleniya i postroyki Surgutskogo i Nizhnego Priob'ya. In *Problemy uralo-sibirskoi arkheologii*. Sverdlovsk, 1986, pp. 99–107 (in Russ.).

Shorikova L.G. Otchet o razvedke v Khanty-Mansiyskom natsional'nom okruge. Sverdlovsk, 1965. In *Arkhiv arkheologicheskogo muzeya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Fond II. Delo 36* (in Russ.).

Sibir' 18 veka v putevykh opisaniyakh G.F. Millera. Novosibirsk: Sibirskii khronograf, 1996, 312 p. (in Russ.).

Talitskaya I.A. Materialy k arkheologicheskoy karte Nizhnego Priob'ya. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR*. Moscow, 1953, No. 35, pp. 242–357 (in Russ.).

Vasilyev E.A. Issledovaniya v Nizhnem Priob'ye. *Arkheologicheskie otkrytiya v 1981 godu*. Moscow, 1983, pp. 189–190 (in Russ.).

Кениг А.В. https://orcid.org/0000-0002-4083-1920
Зайцева Е.А. https://orcid.org/0000-0002-5137-8754
Родионова А.В. https://orcid.org/0000-0002-1635-0297

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.790-794
УДК 902.01

П.К. Ломов, А.В. Новиков, А.А. Морозов
Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: lomov90@mail.ru

Глиняное антропоморфное изображение из урочища Пашкин Бор (Западная Сибирь)

В полевой сезон 2018 г. Кондинским отрядом ИАЭТ СО РАН в рамках реализации договора о научном сотрудничестве с ООО «НАЦ АВКОМ-Наследие» была проведена археологическая разведка на территории Кондинского р-на Ханты-Мансийского автономного округа. В результате был обнаружен предмет глиняной пластики, имеющий хорошую сохранность. В статье рассматриваются имеющиеся представления о средневековой глиняной пластике таежной зоны Западной Сибири, производится морфологический и стилистический анализ глиняной фигурки. Антропоморфная фигурка с территории урочища Пашкин Бор представляет собой хорошо обожженное изделие коричневого цвета. Фронтальная сторона декорирована тонким острым предметом. В предплечевой и осевой части фигурки – декор из волнистых линий, от конечностей до головы декор представлен двойными обратно закрученными спиралями. Голова оформлена в виде личины, с изображением глазниц и рта. Тыльная сторона не орнаментирована, сглажена, на ней имеются следы ногтевых вдавлений. Подобные изделия во фрагментированном состоянии характерны для памятников X–XIII вв. н.э., соотнесенных с кинтусовским этапом обь-иртышской историко-культурной общности. Глиняная пластика на территории Западной Сибири имеет глубокие исторические корни. Можно предположить взаимосвязь предметов антропоморфной глиняной пластики с обрядовыми практиками, направленными на создание семьи, деторождение, становление и взросление человека. Найденная глиняная фигурка из урочища Пашкин Бор позволит расширить представления о форме, стилистике и семантике предметов глиняной пластики эпохи Средневековья таежной зоны Западной Сибири.

Ключевые слова: *Западная Сибирь, Кондинская низменность, искусство, мелкая глиняная пластика, эпоха Средневековья, кинтусовский этап, обь-иртышская историко-культурная общность.*

Pavel K. Lomov, Andrey V. Novikov, Anatoly A. Morozov
Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: lomov90@mail.ru

Clay Anthropomorphic Representation from Pashkin Bor (Western Siberia)

In the field season of 2018, the Kondinsky Unit of IAE SB RAS conducted an archaeological survey in the Khanty-Mansi Autonomous Okrug as a part of agreement on scholarly collaboration with the OOO "NUTs AVKOM-Nasledie". A well-preserved object of clay plastic art was found in Kondinsky District. This article discusses the Medieval clay plastic art of the taiga zone of Western Siberia, describes the area where the object was discovered, and analyzes the morphological and stylistic features of the clay figurine. The anthropomorphic figurine from the territory of the Pashkin Bor locality is a well-burned object of brown color. The frontal side of the object was decorated with thin sharp implement. The antebrachial and axial part of the figurine are decorated with wavy lines, and the space from the limbs to the head is covered by spiral s-shaped ornamentation. The head is represented as a mask with eyes and mouth. The back side is undecorated and smooth; it shows traces of nail imprints. Similar objects found in fragmented state are typical of the sites of the 10th–13th centuries AD associated with the Kintus stage of the Ob-Irtysh historical and cultural community. Clay plastic art in Western Siberia has deep historical roots. It may be assumed that anthropomorphic objects of clay plastic art were associated with ritual practices related to the creation of a family, giving birth to children, and becoming a grown-up person. The intact figurine found in the Pashkin Bor locality (Kondinsky District) makes it possible to significantly expand the knowledge on the shape, stylistic features, and semantics of objects of clay plastic arts in the taiga zone of Western Siberia in the Middle Ages.

Keywords: *Western Siberia, Kondinsky lowland, art, small clay plastic arts, Middle Ages, Kintus stage, Ob-Irtysh historical and cultural community.*

Глиняная фигуративная пластика составляет особую категорию находок в археологии Западной Сибири. При повсеместном распространении навыков работы с глиной (о чем свидетельствуют многочисленные коллекции керамической посуды различных эпох) древнее население лишь в редких случаях использовало это сырье для создания каких-либо изделий другого, неутилитарного предназначения. На большинстве памятников региона, даже наиболее полно исследованных, они исчисляются единицами, а в основном отсутствуют, что делает обнаружение каждого подобного изображения исключительно важным. За более чем вековую историю на археологических памятниках собрана коллекция свыше 150 экз. разной степени сохранности.

Первое упоминание об антропоморфной глиняной фигурке с территории Западной Сибири содержится в вышедшей в 1935 г. публикации Т.Й. Арне, который проанализировал археологический материал, полученный Ф.Р. Мартином во время раскопок в конце XIX в. Барсового городка (Сургутский р-н). Обнаруженная Ф.Р. Мартином фигурка представляла собой продолговатый глиняный предмет с элементами декора [Арне, 2005].

Начиная с середины 1950-х гг. В.Н. Чернецовым и В.И. Мошинской детально описываются и анализируются предметы глиняной пластики. В 1959 г. В.И. Мошинской был произведен первый систематический анализ имеющихся глиняных изображений с территории Обь-Иртышского междуречья. Фигурки были предположительно датированы концом I тыс. н.э., по назначению предметы определены как детские игрушки [Мошинская, 1959]. Позднее исследователь отметила, что наибольшее распространение эти изображения получают в I тыс. н.э. Ключевым стилистическим признаком было названо отсутствие детального изображения лица, тогда как одежда и обувь обозначены очень тщательно [Мошинская, 1976].

В 1986 г. Л.М. Тереховой и В.Н. Широковым были опубликованы 29 глиняных фигурок с территории Рачевского археологического комплекса. Авторы сделали предположение о связи антропоморфных изображений с производственными культами (плавки металла) [Терехова, Широков, 1986; Терехова, Кокшаров, Зыков, 1994].

В 2001 г. А.П. Зыковым и С.Ф. Кокшаровым, были проанализированы более 100 предметов, обнаруженных на 34 памятниках таежной зоны Западной Сибири. Глиняные изображения названы авторами важным маркером средневековых культур таежной зоны Западной Сибири и датированы XI–XII вв. н.э. [Зыков, Кокшаров, 2001].

В 2008 г. О.И. Приступа опубликовала археологические коллекции с предметами глиняной пластики из Музея природы и человека (г. Ханты-Мансийск). Детально описав каждый предмет с территории Рачевского археологического комплекса, городища Увал, поселения Тал-1, городища Стариков Мыс-1, городищ Болчары и Сотник-1, О.И. Приступа составила общую классификацию, выделили морфологические и стилистические особенности [2008].

На сегодняшний день коллекция предметов глиняной пластики относительно немногочисленна – ок. 150 экз. При этом важной ее особенностью является отсутствие целых антропоморфных фигурок, что давало разным авторам основания предполагать преднамеренную поломку изделий.

В 2018 г. совместной археологической экспедицией ИАЭТ СО РАН (г. Новосибирск) и ООО «НАЦ АВКОМ-Наследие» (г. Екатеринбург) на территории Кондинской низменности (урочище Пашкин Бор) было найдено целое антропоморфное глиняное изображение.

Обнаружение глиняного антропоморфного изображения

Описываемое изделие является случайной находкой на территории урочища Пашкин Бор (Кондинский р-н ХМАО–Югры), расположенного на правобережной террасе р. Конда вблизи пос Кондинское. При этом место его обнаружения не может быть привязано ни к одному из известных в урочище памятников. Предмет найден в экспонированном состоянии, при проведении обследования магистральной линии нефтепровода «Сургут – Горький – Полоцк».

Первые сведения об археологических исследованиях в урочище Пашкин Бор относятся к 1979 г., когда разведочной группой В.М. Коноркина были произведены рекогносцировочные работы. В результате было выявлено восемь памятников археологии – поселения Пашкин Бор-1–8.

В 1980 г. Кондинским отрядом под руководством Я.А. Алексашенко, С.Г. Пархимович и Н.К. Стефановой были проведены раскопки и разведки на трассе магистрального нефтепровода «Сургут – Горький – Полоцк», в т.ч. раскопки поселения Пашкин Бор-1, основной комплекс которого дал название новому типу древностей – полымьятскому; пос. Пашкин Бор-6 – памятник полымьятского типа.

В 2013 г. Н.Е. Труновой в рамках историко-культурных изысканий на месте поселений Пашкин Бор-1, -2, -4 был выявлен объект археологического наследия «Поселение Кима-2». Также в 2013 г. на месте ранее известного объекта археологическо-

го наследия «Поселение Пашкин Бор-4» выделены поселение Кима-3 и могильник Кима-4.

В 2018 г. исследовательской группой под руководством П.К. Ломова уточнены границы поселения Кима-2. Проведенные предварительные камеральные и полевые работы позволили идентифицировать на испрашиваемом участке ВОАН «Поселение Пашкин Бор-1»; «Поселение Пашкин Бор-2»; «Поселение Пашкин Бор-6»; «Поселение Пашкин Бор-7»; «Поселение Пашкин Бор-8».

Описание антропоморфной фигурки

Антропоморфная фигурка (см. *рисунок*) представляет собой хорошо обожженное керамическое изделие коричневого цвета. Размеры: 7,2 см от «головы» до ног, 7 см в грудной части, 5 см – в тазовой. Ярко выражены голова, ноги и руки. Руки изогнуты (имеются следы слома края).

По технике изготовления можно предположить, что фигурка была вылеплена из целого куска глины. Перед обжигом на еще не полностью просохшее изделие был нанесен декор, при этом мастер придерживал фигурку за нижнюю часть рук, о чем свидетельствует наличие отпечатков пальцев (следы папиллярных рисунков).

Декор был нанесен на фронтальной стороне тонким острым предметом. В предплечевой и осевой части нанесены вертикальные волнистые линии, от конечностей до головы декор представлен двойными обратно закрученными спиралями. Голова оформлена в виде личины, с изображением глазниц и рта. Тыльная сторона не декорирована, сглажена, на ней имеются следы ногтевых вдавлений. Обращает на себя внимание диспропорциональность в размерах относительно небольшой головы (лица) и остальных частей тела. Это может быть следствием того, что мастер предпринял попытку изобразить человека в одежде (возможно, зимней распашной), что визуально увеличивает размеры тела по сравнению с головой.

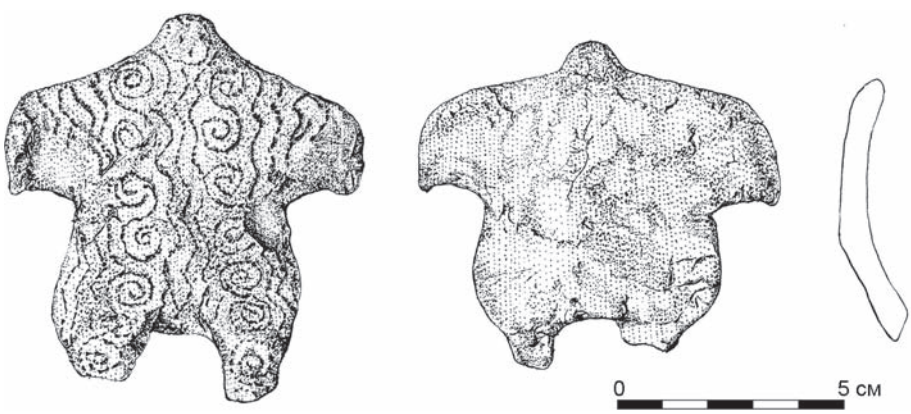
Подобные изделия во фрагментированном состоянии характерны для памятников X–XIII вв. н.э. (кинтусовский этап обь-иртышской историко-культурной общности). Ввиду контекста обнаружения предмета (экспонированное состояние) нами задаются максимально широкие хронологические рамки.

Интерпретация

У исследователей нет единого мнения о назначении предметов глиняной пластики X–XIII вв. н.э. (кинтусовский этап обь-иртышской историко-культурной общности) с территории таежной зоны Западной Сибири.

Одной из ранних версий, высказанных В.И. Мошинской, было использование таких предметов в качестве игрушек. Аргументация автора основывалась на этнографических параллелях. Так, основной чертой, характерной для игрушек, являлось отсутствие изображений лица [1959, с. 183]. Дополнительной аргументацией этой версии служат малочисленность целых изделий и отсутствие плоских изображений [Адамов, 1999, с. 219]. О.И. Приступа считает гипотезу об игровом предназначении данных предметов маловероятной. Так, анализируя имеющиеся этнографические источники по материальной культуре обских угров, она не находит подходящих аналогий. Для игрушек характерной чертой является динамизм в изображении, отсутствующий в предметах глиняной пластики обозначенного периода [2008, с. 15].

Другой версией, основанной на планиграфическом анализе контекста обнаружения изделий, выступает высказанная В.Д. Викторовой гипотеза об их связи с культами очага [1968, с. 249]. Од-

Антропоморфная фигурка из урочища Пашкин Бор.

нако при массовом анализе материала связь с очагом не подтверждается. Так, например, предметы глиняной пластики были обнаружены вне жилищ и даже в погребениях, что противоречит имеющимся сведениям о мировоззрении средневекового населения таежной зоны Обь-Иртышского междуречья [Приступа, 2008, с. 16].

Л.М. Терехова выдвинула предположение о наличии связи предметов глиняной пластики с кузнечным ремеслом, поскольку на поселенческих комплексах, где они были обнаружены, найдены следы обработки металлов [1986, с. 135]. Однако предметы пластики встречаются и на памятниках без следов металлургической деятельности, а развитие металлургии – эпохальный процесс для территории таежной зоны Обь-Иртышья обозначенного периода.

Отметим также, что глиняная пластика на территории Западной Сибири имеет глубокие исторические корни. Антропоморфные изделия в большом количестве встречаются на памятниках эпохи бронзы и раннего железа. Так, на городище Чича-1 в Барабинской лесостепи обнаружена серия антропоморфных глиняных изображений с выраженными половыми признаками. По мнению академика В.И. Молодина, традиция изготовления таких фигурок связана с культом плодородия, свойственным ираноязычным племенам [Молодин и др., 2003, с. 340]. Вероятно, нельзя исключать подобной трактовки и для предметов из таежной зоны Западной Сибири. Учитывая упоминания об изготовлении глиняных изделий у обских угров для использования с религиозной целью [Иванов, 1970, с. 22], можно сделать предположение о взаимосвязи предметов антропоморфной глиняной пластики с обрядовыми практиками, направленными на создание семьи, деторождение, становление и взросление человека.

Таким образом, обнаруженное в районе среднего течения р. Конды в полевой сезон 2018 г. антропоморфное глиняное изображение X–XIII вв. н.э. высокой степени сохранности позволит расширить представления о форме, стилистике, семантике и технике изготовления предметов глиняной пластики эпохи Средневековья таежной зоны Западной Сибири.

Благодарности

Полевые исследования выполнены в рамках соглашения о научном сотрудничестве между ИАЭТ СО РАН и ООО «НАЦ АВКОМ-Наследие» от 24.09.2017 г., анализ археологического материала реализован в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007 «Изучение, сохранение и музеефикация археологического и этнокультурного наследия Сибири».

Список литературы

Адамов А.А. Глиняная антропоморфная фигурка из Прииртышья // Обские угры: мат-лы II Сиб. симп. «Культурное наследие народов Западной Сибири» (12–14 дек. 1999 г., г. Тобольск). – Тобольск; Омск, 1999. – С. 218–221.

Арне Т.Й. Барсов Городок. Западносибирский могильник железного века. – Екатеринбург; Сургут: Уральский рабочий, 2005. – 184 с.

Викторова В.Д. Памятники лесного Зауралья в X–XIII вв. н.э. // Учен. зап. Перм. ун-та. – 1968. – № 191. – С. 240–256.

Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. – Екатеринбург: Волот, 2001. – 320 с.

Иванов С.В. Скульптура народов севера Сибири XIX – первой половины XX в. – Л.: Наука, 1970. – 296 с.

Молодин В.И., Чемякина М.А., Парцингер Г., Новикова О.И., Ефремова Н.С., Гришин А.Е., Марченко Ж.В. Глиняные скульптурки городища Чича-1 // Исторический опыт хозяйственного и культурного освоения Сибири: сб. науч. тр. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2003. – Кн. 1. – С. 333–340.

Мошинская В.И. Об одной группе глиняных антропоморфных изображений из Западной Сибири // КСИИМК. – 1959. – № 75. – С. 180–184.

Мошинская В.И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. – М.: Наука, 1976. – 132 с.

Приступа О.И. Средневековая глиняная пластика в коллекции Музея природы и человека (Ханты-Мансийск). – Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2008. – 96 с.

Терехова Л.М., Широков В.Н. Глиняная культовая пластика Рачевского археологического комплекса // Проблемы урало-сибирской археологии: сб. науч. тр. – Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1986. – С. 131–138.

Терехова Л.М., Кокшаров С.Ф., Зыков А.П. Угорское наследие. – М.: Внешторгиздат, 1994. – 160 с.

References

Adamov A.A. Glinyanaya antropomorfnaya figurka iz Priirtysh'ya. In *Obskie ugry. Materialy II Sibirskogo simpoziuma "Kul'turnoe nasledie narodov Zapadnoi Sibiri" (December12–14, 1999, Tobolsk)*. Tobolsk; Omsk, 1999, pp. 218–221 (in Russ.).

Arne T.I. Barsov Gorodok. Zapadnosibirskii mogil'nik zheleznogo veka. Yekaterinburg; Surgut: Ural'skii rabochii, 2005, 184 pp. (in Russ.).

Ivanov S.V. Skul'ptura narodov severa Sibiri XIX – pervoi poloviny XX v. Leningrad: Nauka, 1970, 296 p. (in Russ.).

Molodin V.I., Chemyakina M.A., Parzinger G., Novikova O.I., Efremova N.S., Grishin A.E., Marchenko Zh.V. Glinyanye skul'pturki gorodishcha Chicha-1. In

Istoricheskii opyt khozyaistvennogo i kul'turnogo osvoeniya Sibiri: coll. of papers. Barnaul: Alt. Univ. Press, 2003, b. 1, pp. 333–340 (in Russ.).

Moshinskaya V.I. Ob odnoi gruppe glinyanykh antropomorfnykh izobrazheniy iz Zapadnoi Sibiri. *KSIIMK*, 1959, No. 75, pp. 180–184 (in Russ.).

Moshinskaya V.I. Drevnyaya skul'ptura Urala i Zapadnoi Sibiri. Moscow: Nauka, 1976, 132 p. (in Russ.).

Pristupa O.I. Srednevekovaya glinyanaya plastika v kollektsii Muzeya prirody i cheloveka (Khanty-Mansiysk). Khanty-Mansiysk; Yekaterinburg, 2008, 96 p. (in Russ.).

Terekhova L.M., Shirokov V.N. Glinyanaya kul'tovaya plastika Rachevskogo arkheologicheskogo kompleksa. In *Problemy uralo-sibirskoi arkheologii: coll. of papers*. Sverdlovsk: Ural Univ. Press, 1986, pp. 131–138 (in Russ.).

Terekhova L.M., Koksharov S.F., Zykov A.P. Ugorskoe nasledie. Moscow: Vneshtorgizdat, 1994, 160 p. (in Russ.).

Viktorova V.D. Pamyatniki lesnogo Zaural'ya v X–XIII vv. n.e. *Uchenye zapiski Permskogo universiteta*, 1968, No. 191, pp. 240–256 (in Russ.).

Zykov A.P., Koksharov S.F. Drevnii Emder. Yekaterinburg: Volot, 2001, 320 p. (in Russ.).

Ломов П.К. https://orcid.org/0000-0003-4367-8279
Новиков А.В. https://orcid.org/0000-0002-6418-1061
Морозов А.А. https://orcid.org/0000-0002-5545-8356

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.795-799
УДК 902.01

А.В. Постнов[1], Ю.В. Ширин[2], Н.В. Басова[1]

[1]Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
[2]Новокузнецкий институт (филиал) Кемеровского государственного университета
Новокузнецк, Россия
E-mail: postnov@yandex.ru

Результаты археологического обследования поселения Черемза-1 в Новокузнецком районе Кемеровской области в 2019 году

В статье рассматриваются результаты археологической разведки в Новокузнецком муниципальном р-не и Мысковском городском округе Кемеровской обл. В ходе работ был обследован выявленный объект археологического наследия «Поселение Черемза-1»: уточнены границы, составлен топографический план памятника. Установлено, что площадь его занимает более значительную территорию, чем считалось ранее. Первые археологические раскопки на поселении были предприняты в 2011 г. Тогда была обследована площадь в 196 м^2. Памятник включает два хронологических горизонта разного характера (эпоха бронзы и раннее Средневековье). Нижние горизонты связаны с остатками поселения. К ним следует отнести каменные орудия и галечные наброски, выявленные на уровне материка. С уровнями галечных набросок связаны находки преимущественно каменных орудий и отщепов. Среди фрагментов керамики, найденных на площади раскопа 2011 г., можно выделить две технологические и морфологические группы. Одна из них, представленная мелкими фрагментами сосудов баночных форм слабого обжига, также может быть связана с нижним поселенческим горизонтом. Если с этим горизонтом связаны и найденные на раскопе два куска глиняных бронзолитейных форм и куски ошлакованной глины, то выделенный поселенческий слой может быть отнесен к ранней бронзе. Орудийный набор и отходы обработки не противоречат этому предположению. Также в разных частях раскопа были обнаружены разрозненные мелкие куски пережженных костей. Из-за многолетних распашек и незначительности исследованной площади памятника сложно судить не только о том, было ли это местом проведения кремаций, но и о характере возможных погребально-поминальных обрядов. Эти находки могли быть связаны с оставлением инвентаря и остатков кремаций на поверхности или в слабозаглубленных конструкциях. Памятники подобного типа в Кузнецкой котловине пока не известны.

Ключевые слова: *Кемеровская обл., Новокузнецкий муниципальный район, р. Черемза, эпоха бронзы, раннее Средневековье, поселение, могильник.*

Alexander V. Postnov[1], Yuri V. Shirin[2], Natalia V. Basova[1]

[1]Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
[2]Novokuznetsk Institute (Branch) of Kemerovo State University,
Novokuznetsk, Russia
E-mail: postnov@yandex.ru

Results of the Field Survey at the Cheremza-1 Site (Novokuznetsky Municipal District, Kemerovo Region) in 2019

This article describes the results of a field survey in the Novokuznetsky Municipal District and Myskovsky Urban Okrug of Kemerovo Region. The object of archaeological heritage Cheremza-1 was examined. Its boundaries were established, and topographical plan was made. According to our research, the area covered by this site was larger than previously thought. The earliest excavation works at this site were conducted in 2011, and 196 m^2 area was explored. This site included two archaeological horizons belonging to the Bronze Age and Early Middle Ages. The lower layers revealed the remains of a settlement. They contained stone tools and pebble accumulations found at the level of sterile soil. Finds of stone tools and

flakes were mostly associated with pebble layers. Two technological and morphological groups can be distinguished in pottery fragments found in the area of the excavation pit made in 2011. The first group included small fragments of weakly burned jar-like vessels and could be related to the lower habitation horizon. Assuming that two fragments of clay molds for casting bronze and pieces of scorified clay discovered at this site are also associated with this horizon, this habitation level belongs to the Bronze Age. The set of tools and production waste do not contradict this assumption. Isolated pieces of burnt bones were also discovered at this site. Since this area was frequently plowed and only a small part of it has been explored, it is hard to tell whether it was originally used as a cremation site and which funeral and commemorative rituals were performed. It is possible that some tools and cremation remains were abandoned on the surface or in weakly deepened structures. Sites of this type have been previously unknown in the Kuznetsk Depression.

Keywords: *Kemerovo Region, Novokuznetsky Municipal District, Cheremza River, Bronze Age, Early Middle Ages, settlement, burial ground.*

Летом 2019 г. Солнечным археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проведена археологическая разведка в Новокузнецком муниципальном р-не и Мысковском городском округе Кемеровской обл. В ходе разведки обследовались участки под строительство путей необщего пользования железнодорожной станции. Установлено, что в 26 м на юг от юго-восточной границы участка под планируемый объект строительства находится выявленный объект археологического наследия (ВОАН) «Поселение Черемза-1».

ВОАН «Поселение Черемза-1» расположено в 2,5 км к западу от д. Берензас Новокузнецкого р-на Кемеровской обл., в 3 км к югу от пос. Черемза.

Памятник был обнаружен и частично разрушен поисковиками («черными копателями») осенью 2010 г. При помощи металлодетекторов они обследовали вершину приметного бугра в долине р. Черемза, полагая, что это может быть искусственным сооружением – курганом или культовым местом. У местного населения данный бугор известен под названием «Лилькин Пуп».

Естественный, тектонически-эррозионный характер образования бугра не вызывает сомнений. Вдоль его западной стороны идет разработанная долина р. Черемзы. Каньон современного русла р. Черемзы меандрирует в 50 м от северо-западного подножия бугра. С северо-востока бугор отделен от основного массива правобережного увала долиной шириной ок. 150 м. В этой долине заметны плохо дренированные понижения в местах старых стоков, протекавших вдоль северо-восточного и южного склонов бугра. Подобные останцы не частая, но характерная деталь рельефа данной местности.

В результате на вершине бугра на площади более 120 м^2 из верхних горизонтов культурного слоя памятника «черными копателями» было изъято более 30 металлических предметов и их фрагментов. Несколько находок было сделано в выбросе из пропаханной борозды (шириной ок. 0,8 м), пересекающей бугор с юго-запада на северо-восток через его вершину. Вскоре практически все найденные на поселении предметы были переданы в частный музей в пос. Теба Междуреченского р-на Кемеровской обл.

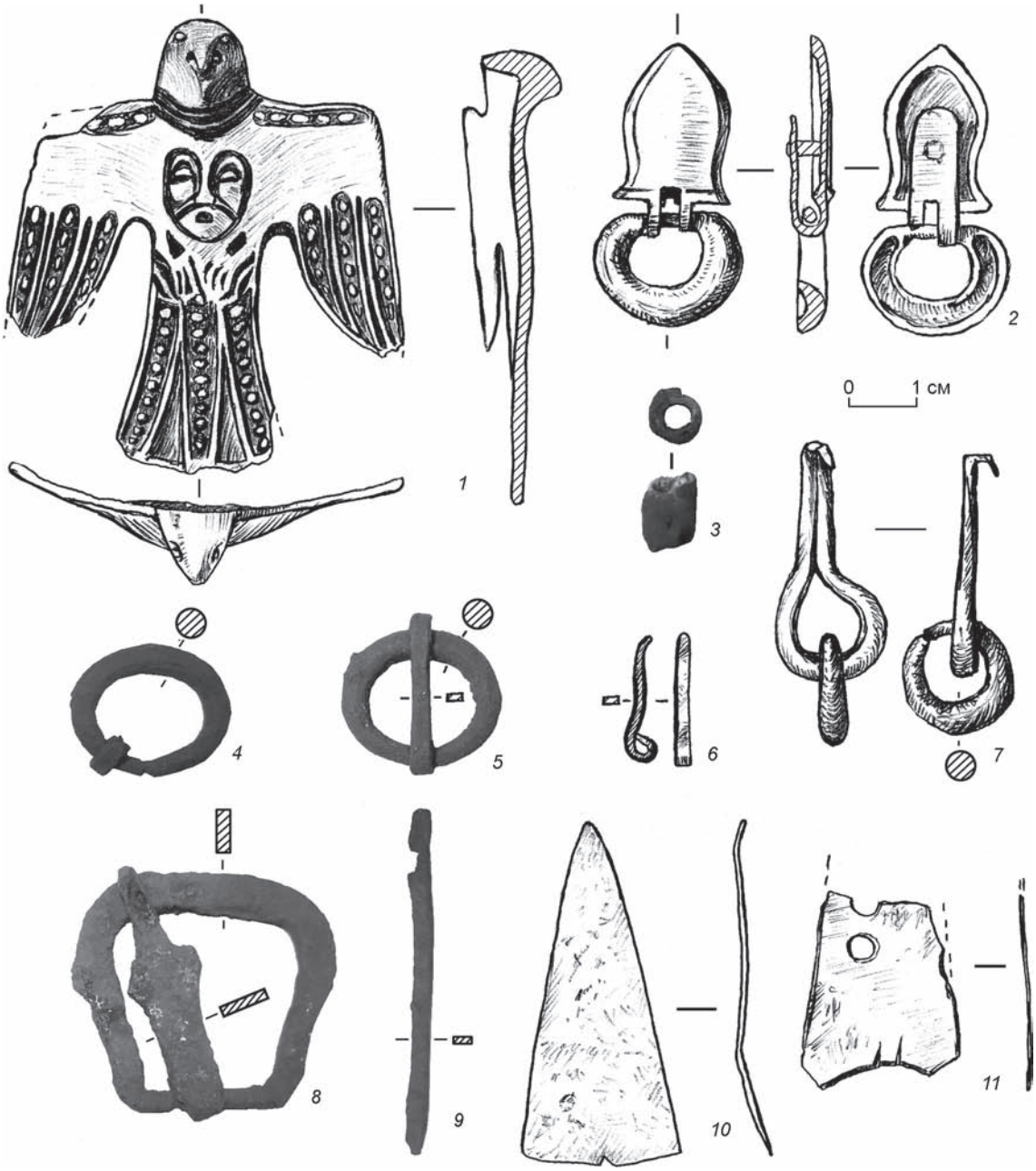
После получения сведений о данных находках Ю.В. Ширин выехал на памятник, осмотрел и зафиксировал следы разрушений. Было установлено, что при межевании земельных участков в 1982 г. через бугор в центральной части памятника была пропахана глубокая борозда по линии юго-запад – северо-восток. У юго-восточного подножия бугра есть три котлована (глубиной 1–1,5 м, длиной 10–15 м и шириной 5 м), забитых сухостоем. Со слов местных жителей, эти котлованы связаны с попыткой устройства силосных траншей в 1970-х гг. Земельный участок, на котором располагается ВОАН «Поселение Черемза-1», уже давно подвергается распашке. По воспоминаниям старожилов, в годы Великой Отечественной войны здесь были пашни, обрабатывавшиеся переселенными из Поволжья немцами, жившими в д. Берензас, в 3 км к востоку. Именно с этими запашками и связан вал, который фиксируется на северо-восточном склоне бугра ближе к его вершине. В последние годы площадь памятника используется под сенокос арендаторами земель совхоза «Берензас», частично подвергается распашке под посадки картофеля (у подножия бугра, его северного и северо-восточного участков). Как выяснилось, к моменту обследования распашка у подножия бугра ведется уже не менее пяти лет.

Бугор, на котором были сделаны находки, возвышается над поймой р. Черемзы на высоту ок. 10 м. У него пологие склоны, при взгляде со стороны – куполообразный профиль. При всей кажущейся округлости этого бугра он имеет в плане подтреугольные очертания, с пологим мысом на юго-запад. Вдоль северо-восточного подножия бугра можно различить остаток пойменной террасы р. Черемзы, высотой над поймой до 2 м.

В 2010 г. Ю.В. Ширином был составлен инструментальный план участка разрушений, включающий макушку бугра к юго-западу от борозды, разделяющей его на две части. В ходе этих работ

у северо-западного подножия бугра, в 75 м к северо-западу от его вершины, осмотрена пашня убранного картофельного поля. Здесь на площади ок. 25 м^2 собраны мелкие куски пережженных костей, 4 мелких фрагмента лепной керамики, крупный отщеп алевролитовой гальки, крупный кремневый обломок с негативами сколов, несколько железных и бронзовых предметов.

Среди керамики выделен фрагмент шейки сосуда с жемчужиной. Железные предметы представлены язычком пряжки (1,85 × 0,25 × 0,15 см), прогнутым в средней части (см. *рисунок*, *6*); прокаленным на огне петлевым пробоем (4,5 × 1,7 × 0,4 см) с сомкнутым кольцом в петле, у кольца утолщенная рамка, кончик пробоя загнут (см. *рисунок*, *7*); двумя пластинками: одна треугольной формы (5 × 2,35 × 0,1 см), с просечкой в средней части основания (см. *рисунок*, *10*), другая – трапециевидный обломок панцирной пластинки (2,9 × 1,4 × 0,1 см), с двумя отверстиями (одно частично разрушено) и парной насечкой на вогнутой кромке (см. *рисунок*, *11*). Панцирная пластинка имеет прокаленную поверхность. Бронзовые изделия представлены литой фронтально развернутой фигуркой птицы

Материалы археологической разведки на объекте археологического наследия «Поселение Черемза-1».
1–3 – бронза; *4–11* – железо.

(6,65 × 5,85 × 1,2 см) с рельефной головкой, опущенными крыльями и личиной на груди (см. *рисунок, 1*); пряжкой (с утраченным язычком) (4,2 × 2,2 × × 0,7 см) с округлой литой рамкой выгнутого сечения, подвижно соединенной со щитком геральдического типа с одной заклепкой (см. *рисунок, 2*).

Таким образом, площадь поселения оказалась более значительной, не ограниченной только самим бугром.

В 2011 г. Ю.В. Ширим были проведены охранные раскопки разрушенных участков памятника на вершине бугра. Раскоп общей площадью 196 м^2 был спланирован таким образом, чтобы в него вошли все участки, на которых фиксировались недавние поверхностные разрушения. При разметке раскопа в его площадь вошла и визуально заметная борозда, пересекающая бугор, природа которой в то время еще не была известна. Позже, в ходе раскопок, установлено, что отвал из борозды упал вдоль ее северо-западного края. При разборке отвала из борозды и снятии верхних уровней находок в этой части раскопа не оказалось.

В результате проведенных работ в культурном слое выявлено минимум два хронологических горизонта разного характера. Здесь были исследованы остатки могильника конца VI – начала VII в. н.э., краткая информация о котором уже опубликована [Ширин, 2014].

Могильник представлен погребением, разрушенным в ходе раскорчевки и распашки. К погребению относятся фрагменты сосуда, которые начали встречаться на уровне –15 см от современной поверхности. На уровне –30 см было расчищено скопление фрагментов этого же сосуда, которые тянулись узкой полосой с востока на запад. При разборке скопления удалось собрать более 2/3 фрагментов сосуда, что позволило восстановить его форму и всю орнаментальную композицию. Это был круглодонный горшок с шаровидным туловом, короткой прямой шейкой и слабовыраженным плечиком, выделенным небольшим ребром. Реконструируемые размеры: диаметр устья 8 см, максимальный диаметр тулова 8 см, высота сосуда 7 см. Срез венчика уплощен и украшен поперечными наклонными оттисками гребенки. Орнаментирован по всей поверхности: на шейке, под обрезом венчика – тремя горизонтальными линиями оттисков гребенчатого штампа, плечико – полосой вертикальных оттисков ногтя, средняя часть тулова – тремя горизонтальными линиями оттисков гребенчатого штампа, тулово – частыми вертикальными линиями из оттисков гребенчатого штампа. Вместе с этими фрагментами были расчищены сомкнутое бронзовое поясное кольцо (1,9 × 1,7 × 0,4 см) с утолщенной спереди рамкой с обломками обоймы из тонкой бронзовой пластины; пластинчатая бронзовая ременная накладка в обломках, с двурогим кончиком и двумя заклепками с подквадратными шайбами-заглушками с тыльной стороны; пластинчатая бронзовая ременная накладка (1,4 × 1,2 × 0,2 см) в обломках, с одной заклепкой с большой шляпкой.

Вокруг скопления предметов и керамики на уровне –30 см фиксировалось темное пятно подпрямоугольных очертаний (35 × 60 см) со слаборазличимыми границами, вытянутое по линии юго-восток – северо-запад. При его выборке оно перешло в узкую трещину 10 × 55 см, вытянутую по линии северо-восток – юго-запад. Природа трещины не понятна. Возможно, она возникла при корчевке – от корневого выворотня. Именно по линии этой трещины лежали предметы и фрагменты керамики. На уровне –40 см расчищена железная П-образная скоба, обернутая склепанной пластинчатой железной обоймой (раскрошилась). Внутри обоймы фиксируются остатки органики, пропитанной окислами железа. Вероятно, эта конструкция (3,3 × 2,4 × 0,75 см) представляет собой бутероль ножен ножа. Обойма расколота, на ней есть следы прокаливания. В глубине узкой трещины найдены несколько мелких фрагментов от развала сосуда из верхнего уровня, еще одно сильно окисленное портупейное сомкнутое кольцо с утолщенной серединой прутка; бочонковидная бронзовая пронизь (диаметром 0,9 см, длиной 1,05 см) с узким каналом и массивный бронзовый литой язычок пряжки (2,9 × 0,9 × 0,7 см) с тупоугольным переломом в средней части, полукруглым поперечным сечением, двумя валиками у основания и поперечными желобками на кончике, с обломанной петлей. Из-за трещин в основании заполнения в ходе его выборки не удалось установить реальное первоначальное дно (если оно было) у данного углубления.

Нижний горизонт памятника связан с остатками поселения, представленными преимущественно каменными орудиями. С этим горизонтом может быть связана и керамика – мелкие фрагменты от сосудов баночных форм слабого обжига с гребенчатыми узорами. Если им синхронны найденные на памятнике куски ошлакованных глиняных бронзолитейных форм, то выделенный поселенческий слой может быть отнесен к ранней бронзе. Орудийный набор и отходы обработки камня не противоречат этому предположению [Ширин, 2019].

В 2019 г. при осмотре этого же участка пашни найдены несколько неорнаментированных фрагментов керамики, железная пряжка (см. *рисунок, 8*), железный язычок от пряжки (см. *рисунок, 6*), железный пластинчатый стерженек (см. *рисунок, 9*) и оплавленная бронзовая цилиндрическая пронизь (см. *рисунок, 3*).

С целью установления границ памятника в 2019 г. было заложено три археологических шурфа. Шурфы демонстрируют единую стратиграфическую ситуацию:

слой 1 – растительный детрит и корни растений, граница с последующим слоем неясная, мощность 0,03 – 0,05 м;

слой 2 – темно-серый перекопанный пахотный слой, во включениях растительный детрит, корни растений, мощность 0,18 – 0,20 м;

слой 3 – темно-коричневый суглинок, мощность 0,12 – 0,15 м;

слой 4 – светло-коричневый суглинок, максимальная пройденная мощность до 0,05 м.

В одном из шурфов, примыкающем к тому участку пашни, где были сделаны находки, на уровне –30–35 см от современной поверхности, вне какого-либо объекта, найдены несколько кусков пережженных костей и две железные пряжки с рамкой в виде кольца, с утолщением передней части рамки (см. *рисунок, 4, 5*). У одной из пряжек кончик язычка обломан.

По результатам археологической разведки 2019 г. был составлен инструментальный топографический план ВОАН «Поселение Черемза-1» с уточненными границами памятника, отмечены новые участки с признаками разрушенных погребений могильника, планиграфически частично совпадающего с поселением.

Выделенный поселенческий слой по орудийному набору, отходам обработки камня и керамике, найденным в ходе раскопок 2011 г., может быть отнесен к ранней бронзе [Ширин, 2019, рис. 1–7]. Металлические предметы со следами огня позволяют связывать их с пережженными косточками в слое памятника и ограничить время существования выявленных кремационных комплексов концом VI – началом VII в. н.э. [Ширин, 2014, рис. 1]. Однако природа найденных в разных частях памятника разрозненных мелких кусков пережженных костей не ясна. Без специального исследования пока нельзя сказать, кому принадлежали эти кости – человеку или животному. Следы огня, отмеченные почти на всех железных предметах, и оплавленность многих бронзовых изделий могут свидетельствовать о связи их и с местами кремаций, но иных следов этих операций на исследованной площади не выявлено. Из-за многолетних распашек и незначительности исследованной площади сложно судить не только о том, было ли это местом проведения кремаций, но и о характере возможных погребально-поминальных обрядов. В частности, эти находки могли быть связаны с оставлением инвентаря и остатков кремаций на поверхности или в слабозаглубленных конструкциях. Впрочем, памятники подобного типа в Кузнецкой котловине нам не известны. Исследование памятника планируется продолжить.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Ширин Ю.В. О компонентах культурогенеза на раннем этапе верхнеобской культуры // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. – Казань: Отечество, 2014. – Т. II. – С. 449–452.

Ширин Ю.В. Поселение Черемза-1 // Из кузнецкой старины. – Новокузнецк: Лотус-Пресс, 2019. – Вып. 8. – С. 4–17.

References

Shirin Yu.V. O komponentakh kul'turogeneza na rannem etape verkhneobskoi kul'tury. In *Trudy IV (XX) Vserossiiskogo arkheologicheskogo s'ezda v Kazani*. Kazan: Otechestvo, 2014, vol. 2, pp. 449–452 (in Russ.).

Shirin Yu.V. Poselenie Cheremza-1. *Iz kuznetskoi stariny*. Novokuznetsk: Lotus-Press Ltd., 2019, iss. 8, pp. 4–17 (in Russ.).

Постнов А.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501
Ширин Ю.В. https://orcid.org/0000-0002-2116-1677
Басова Н.В. https://orcid.org/0000-0001-7853-0501

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.800-807
УДК 902.2

А.А. Тимощенко, А.С. Кравцова, О.В. Белан

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Местонахождение финала верхнего палеолита «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» в Канско-Рыбинской котловине (результаты работ 2019 года)

Летом 2019 г. отрядом ИАЭТ СО РАН проведены работы по обеспечению сохранности (археологические раскопки) выявленного объекта культурного наследия «Бородино. Стоянка Бородинский разрез», расположенного в Рыбинском р-не Красноярского края. Объект открыт в 2016 г. Ю.А. Гревцовым. Установлено, что археологический материал дислоцируется на выположенном террасовидном участке древней поверхности, вытянутом с северо-запада на юго-восток. Остатки материальной культуры зафиксированы в подошве литологического слоя 3, который может быть сопоставлен по хронологии с почвами кокоревско-таймырского интерстадиала Среднего Енисея и датирован интервалом 12–10,5 тыс. л.н. Каменная индустрия включает торцовые и плоскостные нуклеусы, скребки, пластины и отщепы с ретушью, ножевидное орудие, долотовидные орудия и остроконечник. Основным источником сырья выступают местные аргиллиты, обработка которых производилась на месте стоянки. Кремниевые орудия были принесены на стоянку в готовом виде. Индустрия, обладая рядом характерных для финала верхнего палеолита черт, таких как использование остроконечников-унифасов и массивных пластин с ретушью, имеет и некоторые особенности, в частности прием нанесения диагональных снятий под углом к оси скалывания по фронту, фиксирующийся на нуклеусах и ряде орудий. Суммарно вскрытая на памятнике площадь составила 5 750 м^2. В результате работ установлено, что ВОАН «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» представляет собой однослойную стоянку эпохи позднего палеолита. Исходя из состава коллекции каменных артефактов и обилия зафиксированных костей животных, объект можно охарактеризовать как кратковременный лагерь охотников.

Ключевые слова: *Красноярский край, Канско-Рыбинская котловина, раскопки, р. Барга, палеолит.*

Alexei A. Timoshchenko, Anastasiya S. Kravtsova, Olga V. Belan

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

The Terminal Upper Palaeolithic Site of “Borodino. Stoyanka Borodinsky Razrez” in the Kansk-Rybinsk Depression: Results of the Field Season of 2019

In the summer of 2019, the team from the IAE of the SB RAS conducted rescue archaeological works to ensure the safety of the “Borodino. Stoyanka Borodinsky Razrez” site in Rybinsky District of Krasnoyarsk Krai. The site was discovered by Y.A. Grevtsov in 2016. It has been established that archaeological evidence occurred on a flattened terrace-like section of the ancient surface, stretched from the northwest to the southeast. Lithic artifacts were found in the base of lithological layer 3, which can be chronologically correlated with the Kokorev-Taimyr interstadial of the Middle Yenisei and dated to the 12,000–10,500 BP. The lithic industry included narrow-faced and flat-faced cores, end-scrapers, retouched flakes and blades, knife-like tool, chisel-like tools, and a point. Local argillites were the main source of raw materials processed at the site. Pre-made tools made of flint were brought to the site from elsewhere. The industry shows a number of features typical of the Terminal Upper Paleolithic, such as utilization of pointed unifaces and massive retouched blades. On the other hand it has a number of specific features, in particular the technique of diagonal removals at an angle to the knapping

axis along the flaking surface, which is observed on the cores and on a number of tools. As a result of expedition works, the total excavated area reached 5750 m^2. It has been established that "Borodino. Stoyanka Borodinsky Razrez" is a single-layered archaeological site of the Terminal Upper Paleolithic. According to the assemblage of lithic artifacts and abundance of animal bones, the object can be described as a short-term hunter camp.

Keywords: *Krasnoyarsk Krai, Kansk-Rybinsk Depression, excavations, Barga River, Paleolithic.*

Летом 2019 г. Бородинским археологическим отрядом ИАЭТ СО РАН проведены археологические раскопки выявленного объекта культурного наследия «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» на территории земельных участков, отводимых под строительство горно-транспортной части отработки буроугольного месторождения филиала АО «СУЭК-Красноярск» «Разрез Бородинский им. М.И. Щадова», в связи с чем были проведены работы по обеспечению сохранности археологического материала.

Месторождение «Разрез Бородинский им. М.И. Щадова» относится к центральной части Канско-Рыбинской котловины (рис. 1, *1*). В административном отношении Канско-Рыбинская котловина находится на востоке центральной части Красноярского края и включает в себя 5 районов: Рыбинский, Канский, Дзержинский, Абанский и Тасеевский.

С позиции геолого-геоморфологической характеристики территория Канско-Рыбинской котловины находится в центре Азиатского материка на юге Средней Сибири. Рассматриваемая территория является промежуточной геологической структурой на границе Среднесибирского плоскогорья и Восточного Саяна и вместе с обрамляющими ее возвышенностями образует обширную тектоническую депрессию. Границы котловины определяют долина р. Бирюсы на востоке и северо-востоке, проходящая по краю Канско-Тасеевской впадины, хребты Восточного Саяна на юге, горные поднятия Енисейского кряжа на северо-северо-западе и приенисейские лесостепные участки на западе (см. рис. 1, *1*). Большую часть региона занимает Канская лесостепь – одно из ярких проявлений цепочки островных лесостепей Южной Сибири. Протяженность ее с юга на север – 200 км и с запада на восток – от 60 до 125 км. Общая площадь лесостепи – 17 тыс. км^2 [Сергеев, 1971].

ВОАН «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» расположен в Рыбинском р-не, в 0,4 км юго-западнее борта Бородинского угольного разреза им. М.И. Щадова, на правом берегу оз. Гнилое. Объект был выявлен в октябре 2016 г. разведочным отрядом ООО «Красноярская Геоархеология» под руководством Ю.А. Гревцова.

В двух шурфах были зафиксированы палеофаунистические материалы и отщепы. Материалы, датированные поздним палеолитом (14–12 тыс. л.н.), находились на глубине 0,98–1,55 м. В слое темно-коричневой глины (погребенная почва) с участками высокой концентрации включений мелких фрагментов древесного угля был обнаружен археологический материал, представленный фрагментами костей северного оленя со следами преднамеренного расщепления и обработки, халцедоновым отщепом с ретушью, а также первичным отщепом из роговика без вторичной обработки [Гревцов, 2016].

К началу проведения археологических работ в 2019 г. полная информация о распространении и характере культурного слоя на объекте отсутствовала, в связи с чем раскопочные работы были разделены на три последовательных этапа.

Первый этап – рекогносцировочный. В его рамках на территории объекта были заложены три рекогносцировочные траншеи с целью определения границ распространения культурного слоя. Площадь земляных работ составила 510 м^2.

Второй этап включал в себя площадные работы. На основании рекогносцировочных работ было начато раскрытие пикетов площадью 5 × 5 м, примыкающих к участкам траншей, где был зафиксирован археологический материал. Помимо этого была определена конфигурация раскопа и зафиксированы границы распространения археологического материала. Площадь земляных работ составила 3 500 м^2. Вскрыто 140 пикетов.

Третий этап – завершающий. По завершении площадного изучения объекта на остальной территории в проектных границах ВОАН были заложены траншеи с целью подтверждения отсутствия культурного слоя на данной территории. Площадь земляных работ на этом этапе составила 2 100 м^2.

Конфигурация раскопа диктовалась фактическим распространением культуросодержащего слоя (рис. 1, *2*). Раскопки велись сплошной площадью от центра к периферии памятника в рамках единой условной системы координат и высот, привязанной к реперам. Поскольку археологический материал уходил за установленные в 2016 г. границы памятника, по границе ВОАН были размечены и вскрыты дополнительные площади. Их размер зависел от геоморфологического расположения, наличия и насыщенности культурных отложений. Наибольшая концентрация находок наблюдалась в северной части раскопа, за границами ВОАН, где было дополнительно раскопано 1 500 м^2.

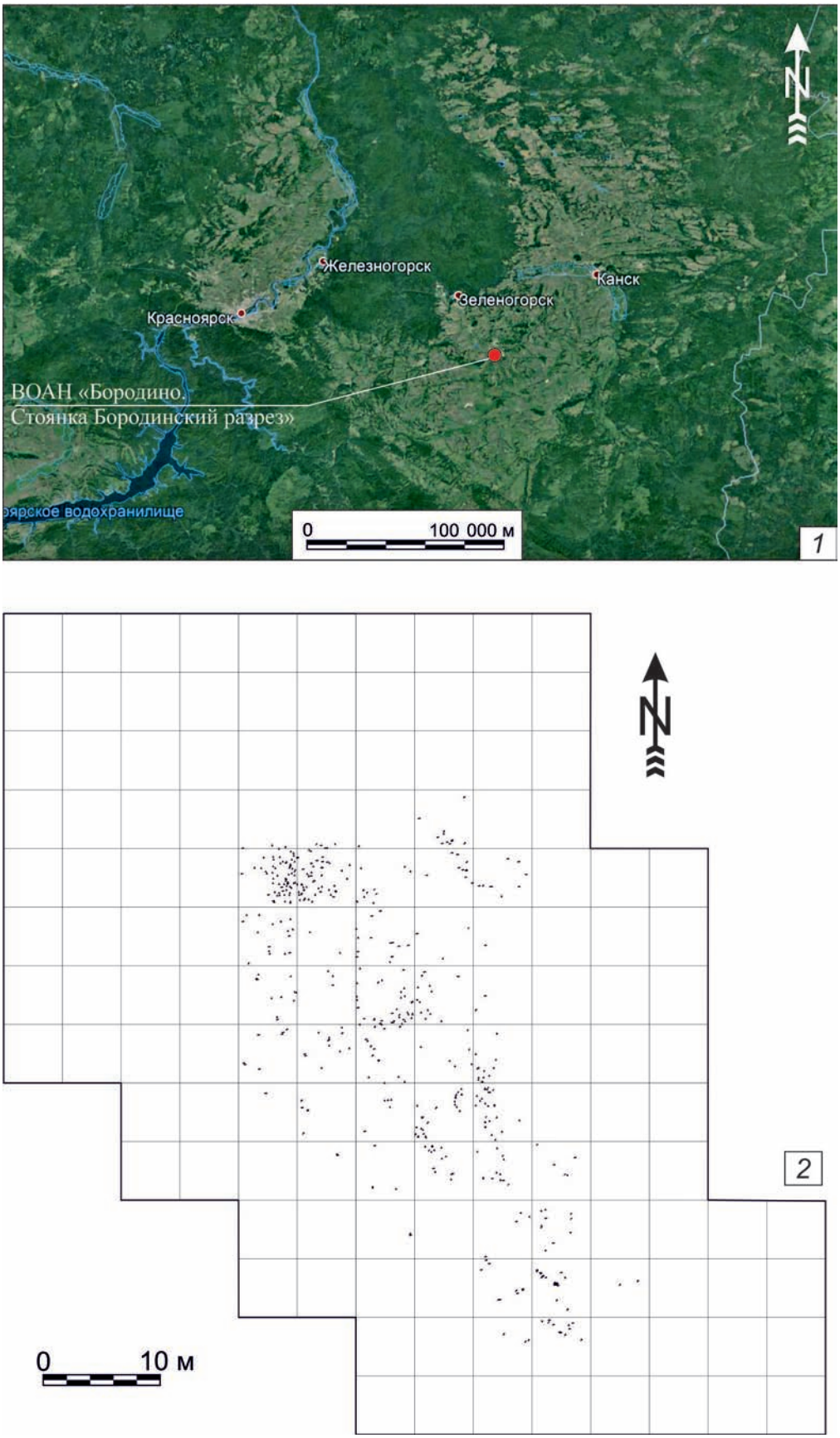

Рис. 1. ВОАН «Бородино. Стоянка Бородинский разрез».
1 – схема расположения; *2* – схема распространения культурного слоя.

Установлено, что археологический материал дислоцируется на выположенном террасовидном участке древней поверхности, вытянутом с северо-запада на юго-восток. Участок ограничен с севера и запада склоном к оз. Гнилому. До появления угольного разреза, судя по картографическим материалам, вместо озера на северо-западе и севере от местонахождения находился исток р. Барга, к левому борту которой и приурочен объект.

Стратиграфическая ситуация на ВОАН «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» достаточно единообразна. Переход от одного слоя к другому выражен нечетко, фиксируется по неявному изменению цвета и механическому составу рыхлых отложений.

Слой 1. Дерново-почвенный современный горизонт. Во включениях растительный детрит и корни растений. Мощность 0,37–0,83 м.

Слой 2. Суглинок средний, светло-серый. Структура плотная, комковатая. Слой разбит полигональной сеткой морозобойных трещин, внедренных в нижележащие слои. Мощность 0,01–0,46 м.

Слой 3. Суглинок средний, буро-коричневый, карбонатизированный. Фиксируются процессы почвообразования, присутствуют включения угольков. Структура плотная, комковатая. Мощность 0–0,75 м.

Слой 4. Суглинок средний, темно-коричневый, с многочисленными следами криогенных деформаций в виде морозобойных трещин и солифлюкционных процессов. Мощность 0–1,33 м.

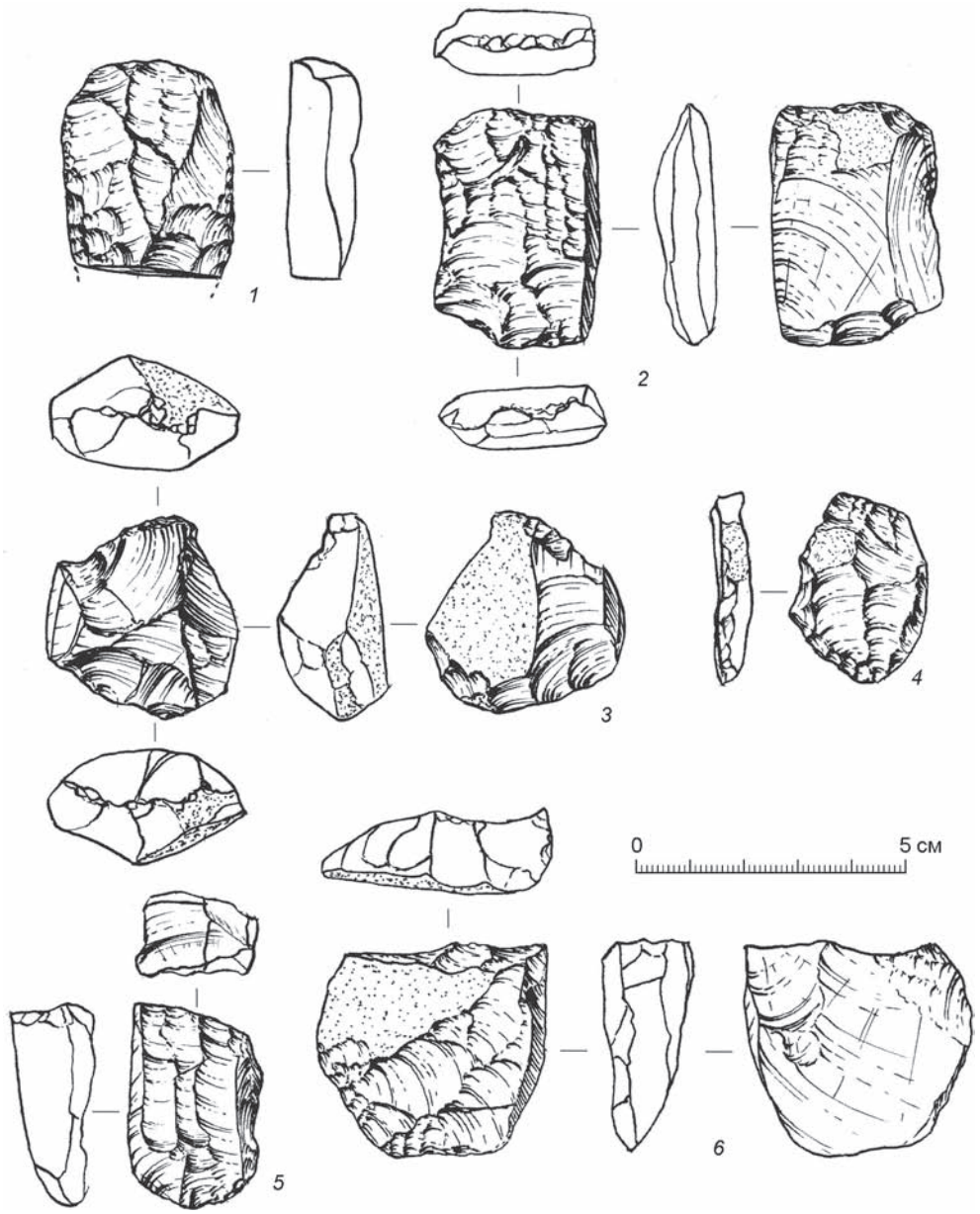

Рис. 2. Изделия из аргиллита.

1 – скребловидное орудие; *2, 3* – долотовидные орудия на нуклеусах; *4* – отщеп с ретушью; *5, 6* – нуклеусы.

Слой 5. Продукты разрушения горных пород, желтые, серые алевролитовые оглеенные пески. Видимая мощность до 1,23 м.

Археологический материал зафиксирован на контакте литологических слоев 3 и 4. Культуросодержащий горизонт приурочен к подошве слоя 3. Данный геологический слой в соответствии с хроностратиграфической шкалой, разработанной для юга Байкальской Сибири, может быть сопоставлен по хронологии с почвами кокоревско-таймырского интерстадиала Среднего Енисея [Генералов, 2001, с 75]. Подобные отложения фиксируются на опорных плейстоценовых объектах Канско-Рыбинской котловины – это VII–IV культуросодержащие горизонты местонахождения Стрижовая Гора и IV слой местонахождения Мезенск, которые относятся к финальному этапу верхнего палеолита и датируются интервалом 12–10,5 тыс. л.н. [Тимощенко, 2014, с. 33].

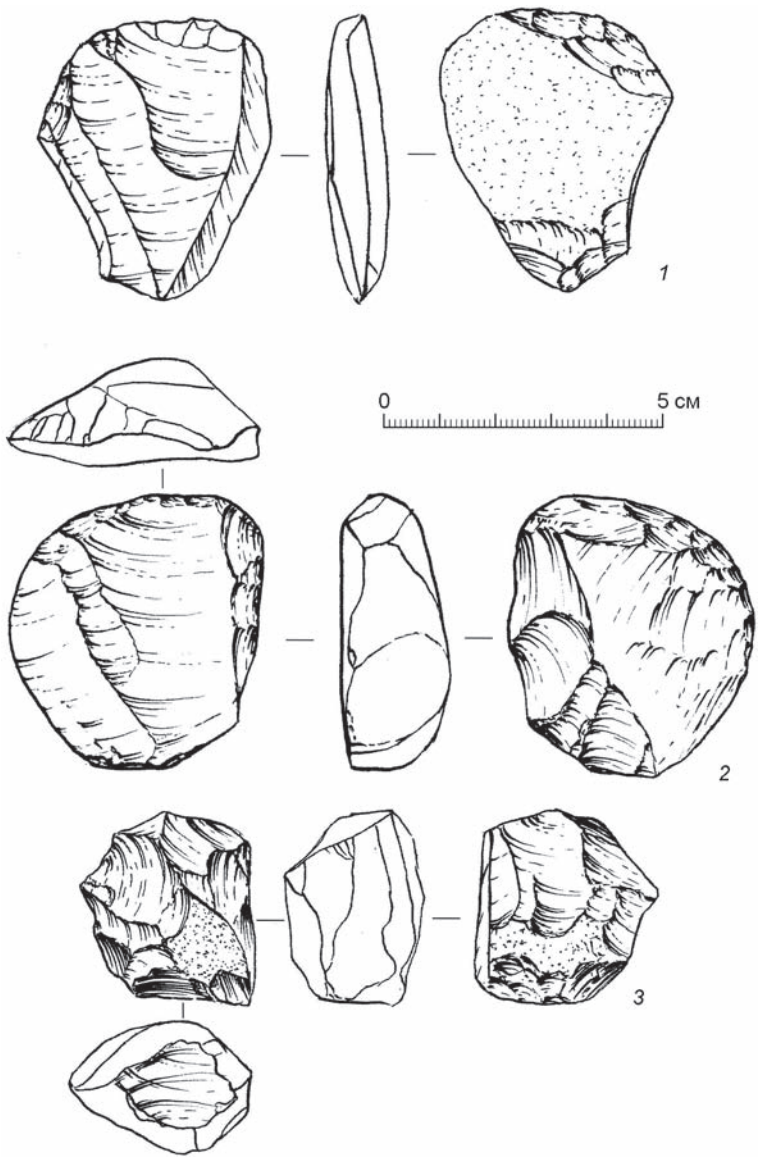

Рис. 3. Изделия из аргиллита (нуклеусы).

Основной сырьевой базой для производства каменных орудий на территории Канско-Рыбинской котловины являлись местные аргиллиты в виде галек или валунов сероватых и коричневатых оттенков. Определенная рыхлость породы, наиболее ярко проявляющаяся в результате выветривания и, возможно, химических процессов, характерных для грунта данной местности, сочетается с однородностью и изоморфностью структуры. Порода практически не содержит прожилок и внедрений, затрудняющих процесс расщепления.

Следует отметить, что в коллекции с памятника «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» отсутствуют битые гальки, заготовки нуклеусов на начальной стадии оформления, единичны крупные первичные сколы. В то же время из аргиллита изготовлена вся серия сработанных или поврежденных нуклеусов, абсолютное большинство сколов, пластин и отщепов. Таким образом, можно предполагать, что на поселение попадали только подготовленные к расщеплению нуклеусы и/или их заготовки, в то время как первоначальная оббивка производилась непосредственно где-то на месте выхода галечных пород.

К орудиям из аргиллита относятся обломок скребловидного орудия на массивной пластине (рис. 2, *1*) и долотовидные орудия на сработанных нуклеусах с противолежащими прямыми краями со следами сильной забитости от воздействия жесткой поверхности (рис. 2, *2, 3*). В одном случае на торце орудия сохранился участок фронта торцового (клиновидного?) нуклеуса (см. рис. 2, *3*). За исключением единственного отщепа с грубой ударной краевой ретушью (скребок?) (рис. 2, *4*), ни на одном из снятий, полученных с нуклеусов, следы вторичной обработки не отмечены. В ряде случаев присутствуют мелкие заломы на выступающих участках, которые теоретически могут быть интерпретированы как ретушь утилизации.

В связи с тем что в коллекции присутствует специфическая выборка нуклеусов, выделение типов для данной категории изделий малопродуктивно: вероятно, что «за бортом» останутся какие-то переходные варианты. С очевидностью можно выделить две основные группы нуклеусов: торцовые и плоскостные.

Торцовые нуклеусы. Два экземпляра изготовлены на отщепах, где вентрал скола-заготовки представляет собой одну из латералей нуклеуса (рис. 2, *5, 6*). Традиционной подправки гребня и киля как элементов клиновидных нуклеусов не производилось. В одном случае негативы пластинчатых снятий располагаются как по торцу, так и по выпуклой латерали (дорсали скола-заготовки) (см. рис. 2, *5*). На дистальном конце – мелкая ретушь со следами изношенности, что позволяет рассматривать изделие как сработанный нуклеус, переоформленный в концевой скребок.

К торцовым нуклеусам отнесен также массивный двухплощадочный экземпляр со встречными снятиями и крутым контрфронтом, который, в свою очередь, можно рассматривать как оформление скребкового края или как вариант дополнительного фронта (рис. 3, *3*). Вероятно, нуклеус подобного типа стал основой одного из долотовидных орудий.

Плоскостные нуклеусы. Можно выделить одноплощадочные монофронтальные (рис. 3, *1, 2;* 4, *4*) и двухплощадочные монофронтальные со встречными снятиями (рис. 4, *3*). Во всех случаях фронт уплощен, контрфронт частично сохраняет галечную корку. Снятия по контрфронту, возможно, могут быть интерпретированы и как оформление новой плоскости скалывания. В ряде случаев по краю фронта прослеживаются рудименты диагональных снятий, оформляющих плоскость скалывания.

Особый интерес вызывает экземпляр сработанного двухплощадочного бифронтального нуклеуса с перекрестным диагональным расположением осей снятия (рис. 4, *2*). Подобные изделия, как правило, преобразовывались в долотовидные орудия. В данном случае характерных следов воздействия жесткой поверхности нет.

Распространение двухплощадочных нуклеусов подтверждается и наличием встречной системы снятий на дорсали многих сколов (рис. 4, *1*).

Помимо аргиллита в качестве сырья использовался кремень коричневого и желтовато-белого цвета. Однако расщепление кремня производилось за пределами стоянки, о чем свидетельствует полное отсутствие отщепов и чешуек. Из кремня изготовлены обломок остроконечника-унифаса на крупной пластине с асимметричным дистальным концом (рис. 5, *1*), ножевидное орудие на заготовке торцового нуклеуса (?) (рис. 5, *3*), фрагмент

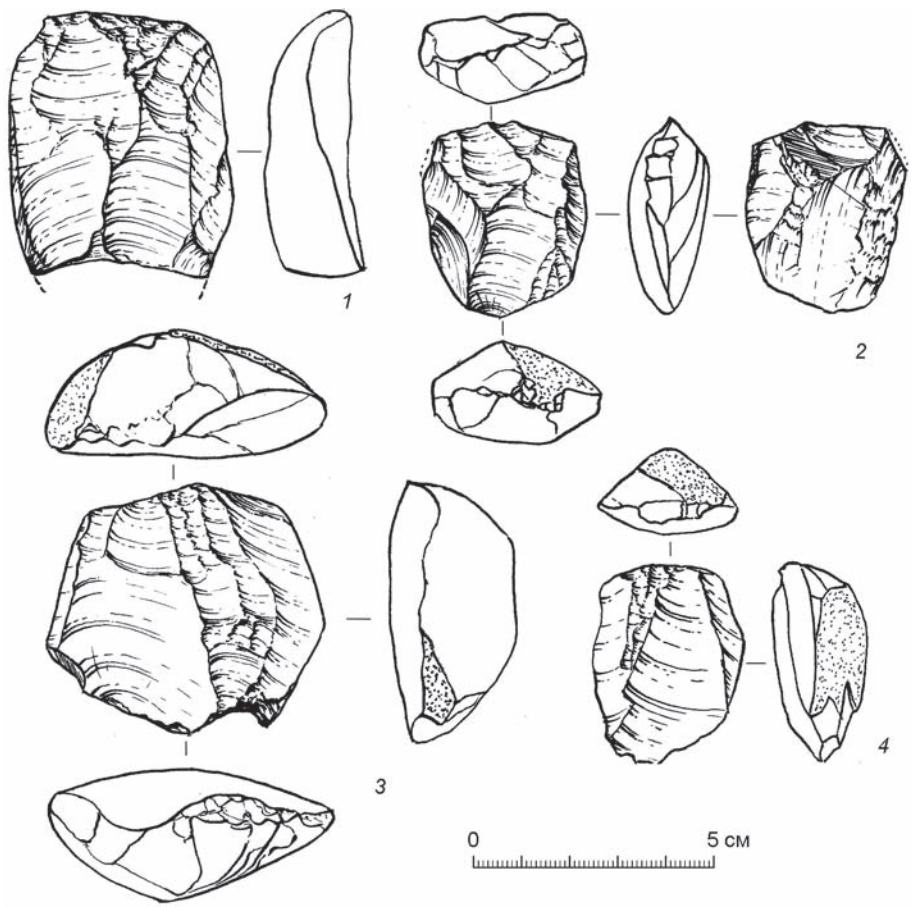

Рис. 4. Изделия из аргиллита.
1 – скол; *2–4* – нуклеусы.

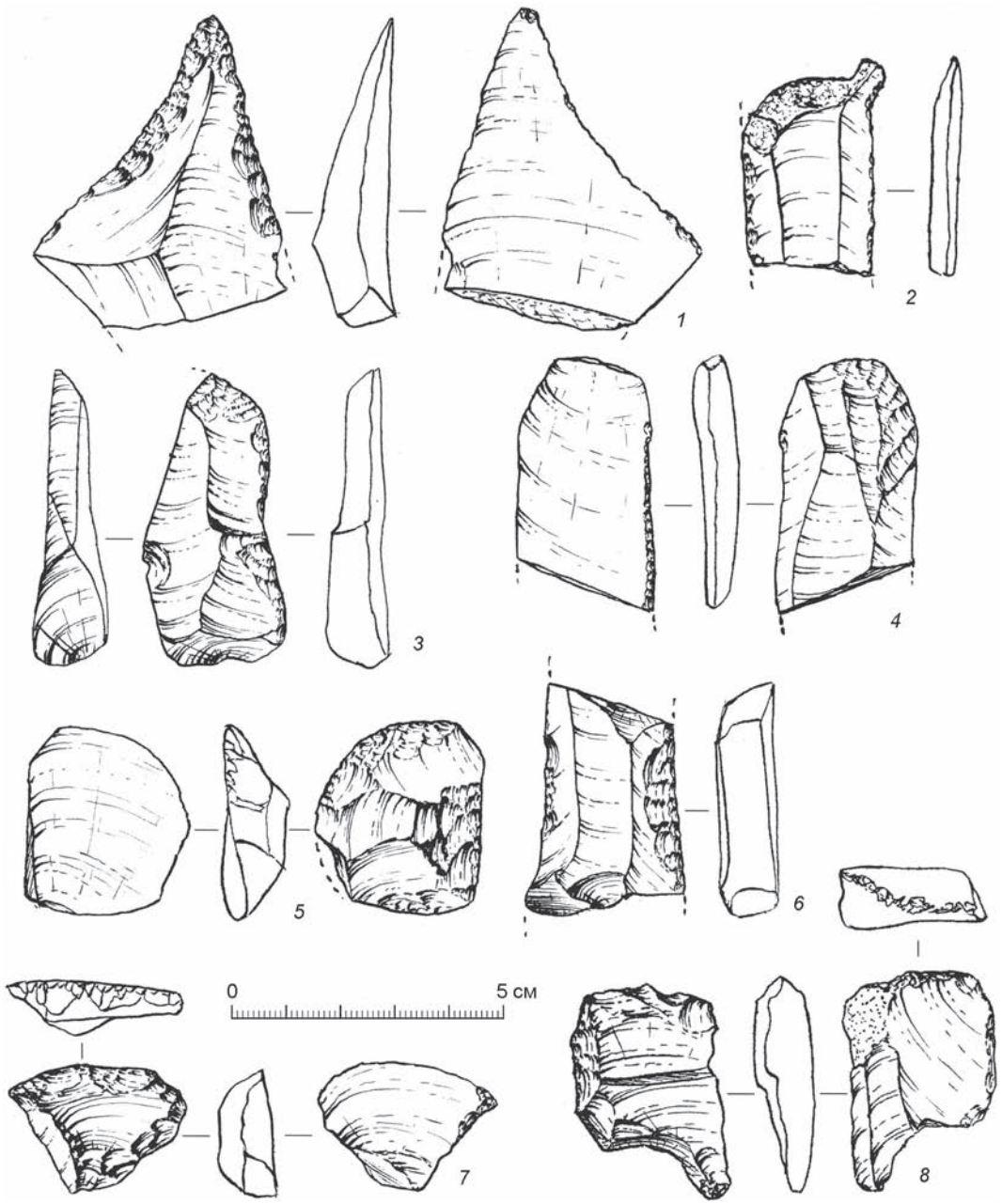

Рис. 5. Изделия из кремня.

1 – остроконечник; *2, 4, 6* – пластины с ретушью; *3* – ножевидное орудие; *5, 7* – скребки; *8* – долотовидное орудие на обломке скребла.

крупной пластины с мелкой вентральной ретушью по одному краю (рис. 5, *4*), фрагмент пластины с мелкой ретушью по краю и концу, диагонально обломанному по внутреннему дефекту породы (рис. 5, *2*), два скребка с широким выпуклым рабочим краем, в одном случае скомбинированным с выступом в виде острия (рис. 5, *5, 7*), долотовидное орудие на обломке скребла (рис. 5, *8*) и фрагмент массивной трехгранной пластины с ретушью по одному краю и заломами утилизации по противоположному краю (рис. 5, *6*).

Приемы обработки камня, отмеченные на аргиллите, частично прослеживаются и на изделиях из кремня. Так, практика нанесения диагональных снятий под углом к оси скалывания по фронту отмечена на одном из скребков из кремня, где отщеп-заготовка был снят с нуклеуса подобным сколом (см. рис. 5, *5*). Разнонаправленные снятия прослеживаются и на дорсали пластины, ставшей заготовкой остроконечника (см. рис. 5, *1*). Вызывает интерес ножевидное орудие с мелкой тонкой ретушью по краю и дистальному концу на массивной пластине, которую можно интерпретировать либо как испорченную заготовку торцового нуклеуса, либо как собственно ножевидное орудие с утолщенным обушком (см. рис. 5, *3*). Учитывая отсутствие

сколов коричневого кремня, можно утверждать, что изделие попало на территорию стоянки именно в виде орудия.

Крупные галечные орудия единичны. Явные следы работы в качестве отбойника прослеживаются на изделии типа чоппинга с двусторонними снятиями, подчеркивающими естественную форму гальки. Возможно, в качестве ретушера использовалась овальная галька с затертыми следами сколов на поверхности.

Каменная индустрия, обладая рядом характерных для финала верхнего палеолита черт, таких как использование остроконечников-унифасов, массивных пластин с ретушью, имеет и некоторые особенности. Ярким примером служит прием нанесения диагональных снятий под углом к оси скалывания по фронту, фиксируемый на нуклеусах и ряде орудий. Данный прием нельзя связать с локальной практикой адаптации к местному сырью (аргиллитам), так как он прослеживается и на кремневых изделиях, принесенных на стоянку в готовом виде.

В истории исследований палеолита Канско-Рыбинской котловины до сих пор немало «белых пятен». Все известные местонахождения, служащие опорными для обширного Красноярско-Канского региона, на которых основана афонтовская/кокоревская модель его развития, приурочены к отложениям высоких террас рек 1–2-го порядков (Енисей, Кан и др.), в то время как водораздельные пространства и реки 3–4-го порядка изучены слабо. С интенсивным освоением края и увеличением доли хоздоговорных работ в «копилке» исследователей появляются археологические объекты в иных геоморфологических нишах и со специфическим набором инвентаря. К сожалению, недостаточный ввод в научный оборот этих материалов не позволяет увидеть полную картину. Тем не менее не исключено, что коллекция памятника «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» отражает следы, оставленные иной культурно-исторической общностью, занимавшей свою нишу, с особой хозяйственно-экономической стратегией, что повлияло на закономерность дислокации поселений. Данный вопрос решится с увеличением источниковой базы по региону.

В результате работ на ВОАН «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» суммарно вскрытая площадь составила 5 750 м^2. Установлено, что данный объект представляет собой однослойную стоянку эпохи позднего палеолита. Исходя из состава каменных артефактов и обилия зафиксированных костей животных, ее можно охарактеризовать как кратковременный лагерь охотников. Дальнейшие камеральные работы с привлечением специалистов естественнонаучного профиля позволят сделать более объемные выводы.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Генералов А.Г. Поздний палеолит – ранний мезолит Канско-Енисейского региона: дис. ... д-ра ист. наук. – Иркутск, 2001. – 418 с.

Гревцов Ю.А. Краткий научно-технический отчет по результатам проведения археологической разведки на территории земельных участков, отводимых под проектирование и строительство объекта «Корректировка проектной документации “Горно-транспортная часть отработки буроугольного месторождения филиала АО «СУЭК-Красноярск» «Разрез Бородинский им. М.И. Щадова»” в Рыбинском муниципальном районе Красноярского края». Красноярская Геоархеология, 2016.

Сергеев Г.М. Островные лесостепи и подтайга Приенисейской Сибири. – Иркутск: Вост.-Сиб. изд-во, 1971. – 264 с.

Тимощенко А.А. Хронология и периодизация каменного века Канско-Рыбинской котловины // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер.: Геоархеология. Этнология. Антропология. – 2014. – Т. 10. – С. 27–49.

References

Generalov A.G. Pozdniy paleolit – ranniy mezolit Kansko-Eniseyskogo regiona: dr. sc. (history) dissertation. Irkutsk, 2001, 418 p. (in Russ.).

Grevtsov Yu.A. Kratkiy nauchno-tekhnicheskiy otchet po rezul’tatam provedeniya arkheologicheskoy razvedki na territorii zemel’nykh uchastkov, otvodimykh pod proektirovanie i stroitel’stvo ob’ekta ‘Korrektirovka proektnoy dokumentatsii Gorno-transportnaya chast’ otrabotki burougol’nogo mestorozhdeniya filiala AO ‘SUEK-Krasnoyarsk’ ‘Razrez Borodinskiy imeni M.I. Shchadova’ v Rybinskom munitsipal’nom rayone Krasnoyarskogo kraya’. Krasnoyarskaya Geoarkheologiya, 2016 (in Russ.).

Sergeev G.M. Ostrovnye lesostepi i podtayga Prieniseiskoy Sibiri. Irkutsk: East-Siberian Publ. House, 1971, 264 p. (in Russ.).

Timoshchenko A.A. Chronology and Periodization of the Stone Age in Kansk-Rybinsk Basin. *Bulletin of the Irkutsk State University. Geoarchaeology, Ethnology, and Anthropology Ser.*, 2014, vol. 10, pp. 27–49 (in Russ.).

Кравцова А.С. http://orcid.org/0000-0001-8709-5935

DOI: 10.17746/2658-6193.2019.25.808-814
УДК 904+502.8+72.034

А.А. Тимощенко, А.А. Морозов, А.С. Кравцова,
Д.В. Селин, Д.А. Бычков, С.В. Колонцов

Институт археологии и этнографии СО РАН
Новосибирск, Россия
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Предварительные результаты историко-археологического исследования Спасского собора (город Куйбышев) в 2019 году

Осенью 2019 г. отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН начаты работы по изучению ВОАН «Археологический культурный слой Спасского собора» в г. Куйбышеве (ранее – г. Каинск), связанные с решением о восстановлении Спасского собора на территории сквера им. В.В. Куйбышева. Работы разделены на два этапа: октябрь 2019 г. и май 2020 г. На первом этапе произведены вскрышные работы на площади 600 м^2, исследовано более 200 погребений. В настоящее время решается вопрос о музеефикации старого фундамента собора, что позволит сохранить историческую часть храма, которая может выступать в качестве не только церковного сооружения, но и своего рода музея истории города. В статье изложены предварительные результаты исследования археологического объекта в 2019 г. Кратко представлены важные вехи в истории г. Куйбышева, неразрывно связанные с историей Спасского собора. Выделяются два хронологических этапа формирования историко-археологического культурного слоя, связанного с церковным строительством и первым каинским погостом: 1722–1787 гг. – период Каинского форпоста и старого Каинска с функционированием первой деревянной церкви и кладбища; 1787–1937 гг. – период строительства, функционирования и разрушения Спасского собора. Рассмотрены специфика погребального обряда, могильных конструкций и инвентаря, особенности строительных этапов и элементов конструкций.

Ключевые слова: *Новосибирская обл., г. Куйбышев, погребальные комплексы, археологические исследования, XVIII–XX вв., Спасский православный храм.*

Alexei A. Timoshchenko, Anatoly A. Morozov, Anastasiya S. Kravtsova,
Dmitri V. Selin, Dmitri A. Bychkov, Sergey V. Kolontsov

Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS,
Novosibirsk, Russia
E-mail: timoshenkoaleksey@bk.ru

Preliminary Results of Historical and Archaeological Research of the Spassky Cathedral in the City of Kuibyshev in 2019

In the autumn of 2019, the Department of Rescue Archaeological Works of IAE SB RAS initiated research into the object of architectural heritage "Cultural Layer of the Spassky Cathedral" in the city of Kuibyshev (formerly Kainsk). The necessity of excavations was caused by the reconstruction project of Spassky Cathedral located in the Kuibyshev public garden. This archaeological project consists of two stages: October 2019 and May 2020. The first stage involved 600 m^2 of excavation works, where over 200 burials were studied. The issue of preserving old church foundation is currently being discussed. This will make it possible to preserve the historical part of the church which can be used both as religious building and museum of the city history. This article describes the preliminary results of studying the archaeological site in 2019. The milestones in the history of the city of Kuibyshev inseparably linked with the Spassky Cathedral are briefly presented. Two chronological stages in the emergence of the cultural layer, associated with the construction of the church and the first Kainsk churchyard have been identified. The first stage of 1722–1787 was the period of the Kainsk trading post with the first wooden church and cemetery. The second stage of 1787–1937 was the period of construction, functioning, and destruction of the Spassky Cathedral. The article describes specific features of the funeral rite, grave structures and inventory as well as construction stages and structural elements of the Cathedral.

Keywords: *Novosibirsk Region, city of Kuibyshev, burials, funeral rite, archaeological expedition, Spassky Cathedral, Eastern Orthodoxy.*

В конце сентября 2019 г. Каинским отрядом ИАЭТ СО РАН начаты спасательные археологические работы на ВОАН «Археологический культурный слой Спасского собора» в г. Куйбышеве Новосибирской обл.

Город Куйбышев (ранее – Каинск), расположенный в Куйбышевском р-не Новосибирской обл., основан в 1722 г. на месте слияния рек Каинки и Оми как форпост, основной целью которого была защита местного населения от набегов кочевников с юга.

В 1733 г. через Каинское поселение был проложен Московско-Сибирский тракт (частично – современная улица Краскома), в результате чего Каинск стал важнейшим пунктом на пути из Омска в Томск. На территории, непосредственно прилегающей к тракту, строится деревянная церковь, возле которой находился погост*. Деревянная церковь во имя Спасителя Нерукотворного Образа была освящена в феврале 1751 г. В 1755 г. Каинский форпост вместе с церковью был перенесен на другой берег р. Каинки.

В 1782 г. Каинское поселение получает статус уездного города, приписанного сначала к Тобольску, а с 1783 г. к Колыванскому наместничеству Томской губ. К этому времени город был застроен преимущественно одноэтажными строениями. Главным доминирующим строением города оставалась церковь, расположенная на Московском тракте.

В 1787 г. епископом Варлаамом выдана грамота на заложение в г. Каинске каменной двухпрестольной церкви, что можно считать датой основания собора, хотя само здание, включая два придела, было закончено только к 1828 г. [Павлова, Гайер, 2015; Ситникова, 2017]. В XVIII – начале XIX в. характерным стилем церковного зодчества сибирских городов было «сибирское барокко». Спасский собор, как отмечают исследователи, в «…значительно большей мере был выстроен в канонах классицизма. К стилистическим признакам “сибирского барокко” можно отнести барочную форму восьмигранного купола с его многоступенчатым венчанием, изогнутое завершение верхнего светового барабана. Здание демонстрировало определенное сходство со Знаменской церковью в Томске» [Гуменюк, Ляликов, 2014, с. 229; Ростовцева 2014] (рис. 1). Собор состоял из притвора, трехъярусной подквадратной в плане колокольни с высоким шпилем, прямоугольного наоса, увенчанного куполом с высоким барабаном, и алтарной части с престолом, окруженных кирпичной оградой [Ситникова, 2017]. Храм являлся высотной и архитектурной доминантой исторического центра г. Каинска. В непосредственной близости (по другую сторону тракта) располагалась Базарная площадь, которая вместе с соборной площадью визуально образовывала единое открытое пространство центральной части города.

К 1866 г. происходит стремительное развитие центральной части города. Застройка территории вдоль Московского тракта нарушила визуальное единство соборной и базарной площадей, отделив

Рис. 1. Спасский Собор. Фото 1903 г. (из фонда Муниципального казенного учреждения культуры г. Куйбышева «Музейный комплекс»).

*Возможно, погост на данной территории возник в более раннее время и имел непосредственное отношение к первым жителям Каинского форпоста.

их друг от друга в результате постройки новых зданий. При сокращении территории соборной площади ее ядро, центром которого являлся собор, обнесенный оградой, остается территориально в границах старой церковной зоны.

В 1937 г. собор попал в число жертв общей линии на конфискацию имущества церкви и уничтожение храмов на территории современной Новосибирской обл., был продан тюрьме и разобран [Истюков, 2017].

После разрушения Спасского собора территория его более не застраивалась, в последующем здесь был заложен сквер им. В.В. Куйбышева. Таким образом, на рассматриваемой территории современного сквера им. В.В. Куйбышева за период развития Каинского поселения, а затем г. Каинска сформировался историко-археологический культурный слой, связанный исключительно с церковным строительством и первым каинским погостом.

Археологический культурный слой Спасского собора впервые был описан и обозначен на картографических материалах разработанного в 1995 г. проекта зон охраны историко-культурного исторического центра г. Куйбышева Новосибирской обл. (бывшего г. Каинска).

В 2018 г. отрядом ГАУ НСО НПЦ под руководством В.А. Сумина проведены археологические полевые работы по определению характера культурного слоя Спасского собора. В ходе производства работ на территории сквера им. В.В. Куйбышева, в границах, установленных проектом зон охраны 1995 г., а также на прилегающей территории было заложено 5 археологических шурфов, позволивших определить характер культурного слоя Спасского собора и установить принадлежность данного объекта к объектам археологического наследия.

В 2019 г. в связи с работами по восстановлению Спасского собора отделом спасательных археологических работ ИАЭТ СО РАН начаты раскопки на ВОАН «Археологический культурный слой Спасского собора». Работы запланировано проводить в два этапа: в октябре–ноябре 2019 г. и в мае 2020 г. В 2019 г. работы велись в западной части объекта.

Формирование ВОАН было обусловлено особенностями застройки каинской слободы, а затем городской застройки Каинска в XVIII–XIX вв. Археологический культурный слой Спасского собора расположен в центральной части исторической застройки г. Куйбышева и включает территорию участка соборной площади, окончательно сформировавшейся к началу XIX в.

Стратиграфическая ситуация выглядит следующим образом (описание дано по западной стенке раскопа) (рис. 2):

1) дерн мощностью до 0,05 м, на отдельных участках отсутствовал;

2) слой мешаного серого суглинка мощностью до 0,25 м;

3) слой темно-серого суглинка мощностью до 0,6 м, прослеживается локально на небольших участках раскопа;

4) слой темно-серого суглинка с глиной, щебнем и кирпичом, мощностью до 0,25 м;

Рис. 2. Стратиграфия археологического культурного слоя Спасского собора.

5) слой серого суглинка мощностью до 0,22 м, с многочисленными включениями битого кирпича, фиксируется локально вокруг фундамента собора;

6) пачка слоистых плотных суглинков черного, серого и желтого цвета мощностью до 0,12 м;

7) слой серого суглинка мощностью до 0,15 м, с включениями битого кирпича, прослоев извести и линзами песка, фиксируется локально вокруг фундамента собора;

8) слой темно-коричневого суглинка мощностью до 0,15 м с истлевшей древесиной;

9) линза желтого опесчаненного суглинка мощностью до 0,08 м;

10) слой темного гуммированного суглинка мощностью до 0,1 м;

11) слой черного суглинка с многочисленными включениями нижележащего слоя, мощностью до 0,11 м;

12) слой желто-коричневого суглинка, глубина залегания – от 0,2 м.

Археологический культурный слой Спасского собора неоднороден. Кроме собственно культурного слоя, непосредственно связанного со Спасским собором (остатки фундамента, разрушенных элементов конструкций, погребения на прилегающей к собору территории и другие артефакты), территория включает в себя культурные напластования более раннего периода, связанного со строительством и функционированием на данной территории деревянной церкви во имя Спасителя Нерукотворного Образа (построена в 1751 г.), на месте которой впоследствии был построен Спасский собор, а также остатки старого кладбища, располагавшегося здесь ранее (ориентировочно с первой четверти XVIII в. до 1780-х гг.) (рис. 3).

Можно выделить два хронологических этапа формирования культурного слоя.

1. 1722–1787 гг. – период Каинского форпоста и старого Каинска, когда функционировали первая деревянная церковь и кладбище. К этому времени стоит отнести слои 8–10. Скорее всего, слой 10 является слоем погребенной почвы периода основания города. Слой 8 характеризует период функционирования деревянной церкви и погоста Каинского форпоста. Этот факт подтверждают обнаруженные в слое 8 две медные монеты 1749 г.

2. 1787–1937 гг. – период строительства, функционирования и разрушения Спасского собора. Эти этапы отражают слои 5–7. Слой 7 содержит строительный мусор в виде кирпичной крошки и прослоек извести и связан с началом строительства, ниже по разрезу кирпичная крошка не фиксируется. Слой 6 связан с периодом функционирования Спасского собора, а 5 – с его разрушением.

Рассмотрим этапы формирования культурного слоя более подробно.

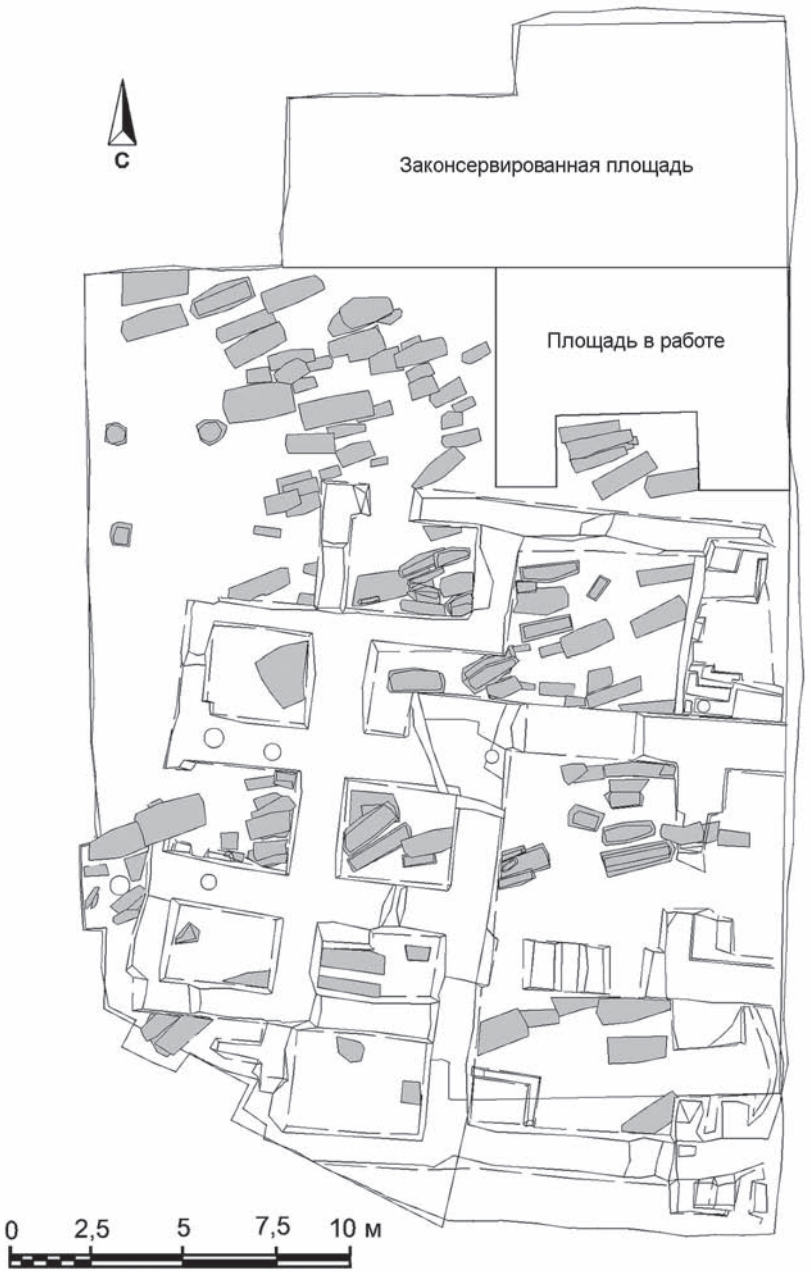

Рис. 3. Планиграфическая ситуация.

Каинский форпост (1722–1787). Специфика погребального обряда, предполагающая лаконичный набор сопроводительного инвентаря в виде крестов и иногда элементов одежды, а также не сильно подверженный изменениям во времени погребальный обряд затрудняют разделение погребальных комплексов по векам. В этом плане хорошим временны́м «маркером» является собственно сам Спасский собор, строительство которого происходило прямо на погосте XVIII в., в результате чего строительными работами было разрушено большое количество погребений. Погребальные комплексы, находящиеся внутри основных строений храма, а тем более разрушенные при его возведении, должны быть не моложе 1787 г. и относятся к погосту церкви во имя Спасителя Нерукотворного Образа.

Захоронения имеют ориентацию по оси запад – восток (головой на запад) с различным отклонением к северу или югу; руки погребенных согнуты в локтях и соединены на груди. Точно определить тип внутримогильной конструкции из-за плохой сохранности дерева удавалось не всегда, но во всех зафиксированных случаях это были колоды. Практически единственной категорией погребального инвентаря являются нательные кресты на груди, под руками погребенных. Плохая сохранность не позволяет говорить об их типологии до проведения реставрационных работ. В единичном случае, в погр. № 1 объекта № 7 2-й площади, на теменной части черепа женщины 25–35 лет зафиксированы бисерины белого и синего цветов, нашитые на головной убор, ткань которого практически не сохранилась.

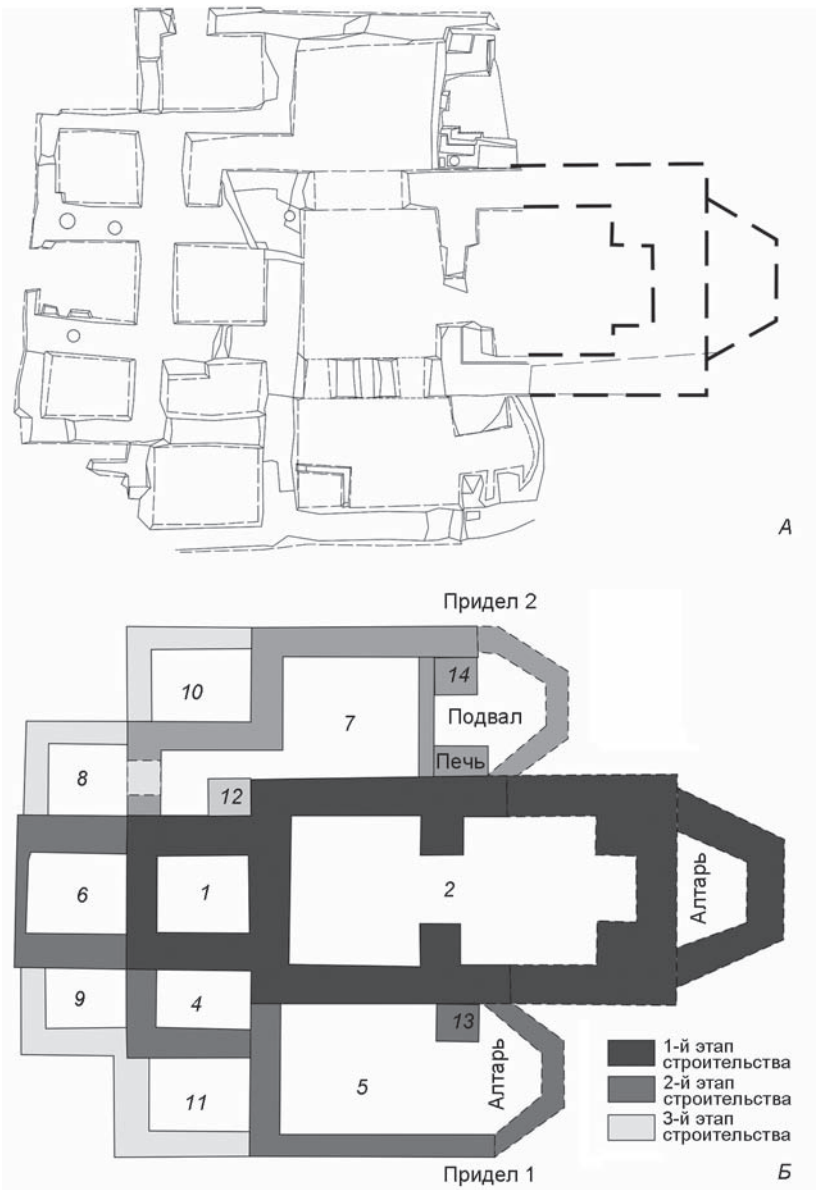

Рис. 4. Предварительная реконструкция фундамента.
А – схема; *Б* – модель.

Спасский собор (1787–1937). Следующим этапом формирования культурного слоя стало строительство Спасского собора. К настоящему времени раскопано 2/3 его фундамента. Установлено, что ширина храма, со всеми разновременными пристройками к нему, составляет 21,5 м, а длина по основной оси – предположительно ок. 30 м (рис. 4, *А*).

Собор возводился в несколько этапов (рис. 4, *Б*). На первом этапе были возведены основные части храма, колокольня, наос и центральный алтарь (рис. 4, *Б: 1–3*). Фундамент этих строений, выложенный готической кладкой и сцепленный известковым раствором, укладывался во всю ширину вырытой для него траншеи. В основание клались продольные лежни, предположительно из лиственницы, заливались известковым раствором, после чего производилась забутовка в несколько слоев битым кирпичом. Поверх забутовки начиналась выкладка кирпичной стены. Затем к фундаменту были пристроены крыльцо с запада, а также пристрои с севера и юга (рис. 4, *Б: 4–7*). Южный придел, скорее всего, был отведен под второй алтарь. Вероятно, это придел во имя Святителя Христова Николая Чудотворца, строительство которого закончилось в 1804 г. [Гусаченко, Матвеева, Тимяшевская, 1995, с. 10]. Северный придел предна-

значался под хозяйственно-бытовые нужды, на его территории зафиксирован подвал с системой печного отопления (рис. 5, *1*). Его можно сопоставить с приделом во имя Успения Пресвятой Богородицы, строительство которого началось в 1828 г., а освящение состоялось в 1836 г. [Там же]. Последними были возведены участки фундамента по обеим сторонам входа, с северо-западной и юго-западной сторон храма (см. рис. 4, *Б: 8–11*). Конструкции *8–10* выполнены на бутовом фундаменте из битого кирпича и известкого раствора. Конструкция *11* отличается устройством фундамента от остальных построек, основание ее выполнено в виде кирпичной кладки шире основной части фундамента без использования деревянных конструкций и забутовки дна траншеи.

Кроме того, зафиксированы конструкции из битого кирпича, скрепленного известковым раствором, размерами 2 × 2 м, примыкающие к основным стенам храма. Скорее всего, они являются фундаментами лестниц храма. Так, конструкция *12*, вероятно, представляет собой лестницу на колокольню, *13* – лестницу на второй этаж храма, *14* – лестницу в подвал к отопительным системам.

Рис. 5. ВОАН «Археологический культурный слой Спасского собора».
1 – северный придел. Подвал с печным отоплением; *2* – зачистка погребений.

Кладбище Спасского собора располагалось с северной, противоположной Московскому тракту, стороны. Здесь зафиксированы истлевшие деревянные столбы от крестов/оградок. Преимущественным типом внутри могильных конструкций являются дощатые гробы-ящики трапециевидной формы, в которых захоранивались подростки и взрослые, дети захоронены в колодах. Доски гробов-ящиков скреплены железными коваными гвоздями. Найдены кресты-тельники, в подавляющем большинстве завернутые в ткань; в единичных случаях сохранились фрагменты обуви.

В настоящее время стоит вопрос о музеефикации части (либо целиком) старого фундамента, что позволит сохранить историческую часть храма. В данном контексте Спасский собор будет выступать не только как церковное строение, но и своего рода музей истории Каинска, демонстрируя прямую преемственность старой и новой построек. Внимания заслуживает, например, хорошо сохранившийся фундамент колокольни с оригинальной кирпичной кладкой и порогом со следами изношенности от ног прихожан, ступавших по нему на протяжении нескольких прошлых веков.

Площадь вскрышных работ на объекте в 2019 г. составила 600 м^2, остальная будет законсервирована до возобновления раскопок. На данный момент зафиксировано суммарно 221 погребение. Продолжение работ на ВОАН «Археологический культурный слой Спасского собора» запланировано на май 2020 г.

Благодарности

Работа выполнена в рамках проекта НИР № 0329-2019-0007.

Список литературы

Гуменюк А.Н., Ляликов И.В. Зодчие малых городов Западной Сибири XVIII – начала XX в. К словарю архитекторов и инженеров Тобольской и Томской губерний // Ом. науч. вестн. – 2014. – № 3 (129). – С. 226–234.

Гусаченко В.Л., Матвеева Л.Л., Тимяшевская Л.В. Каинск исторический. – Новосибирск: НПЦ по сохранению ист.-культ. наследия при администрации Новосибирской обл., 1995. – 80 с.

Истюков С. Конфискация и уничтожение храмов и имущества церкви в 30-е годы XX века на территории современной Новосибирской области // Богословский сборник Новосибирской православной духовной семинарии. – 2017. – № 1 (11). – С. 119–137.

Павлова Н.И., Гайер И.Н. Особенности застройки города Куйбышева (Каинска) Новосибирской области в период 1722–1917 гг. // Баландинские чтения. – 2015. – Т. 10, № 1. – С. 256–260.

Ростовцева И.Л. Архитектура православных храмов досоветского периода на территории Новосибирской области (по результатам обмерных практик 2010–2013 гг.) // Баландинские чтения. – 2014. – Т. 9, № 3. – С. 54–63.

Ситникова Е.В. Формирование архитектурного облика г. Каинска под влиянием местного купечества // Сибирское купечество: истоки, деятельность, наследие. – Томск: Изд-во Том. гос. архит.-строит. ун-та, 2017. – С. 84–92.

Сумин В.А. Отчет об археологических разведках на территории Новосибирской области в 2018 году (Колыванский, Коченёвский, Куйбышевский (включая г. Куйбышев) и Сузунский районы) // Архив ИА РАН. Архив ГАУ НСО НПЦ.

References

Gumenyuk A.N., Lyalikov I.V. Zodchie malykh gorodov Zapadnoi Sibiri XVIII – nachala XX v. K slovaryu arkhitektorov i inzhenerov Tobol'skoi i Tomskoi guberniy. *Omskiy nauchny vestnik*, 2014, No. 3 (129), pp. 226–234 (in Russ.).

Gusachenko V.L., Matveeva L.L., Timyashevskaya L.V. Kainsk istorichesky. Novosibirsk: NPTs po sokhraneniyu istoriko-kul'turnogo naslediya pri administratsii Novosibirskoi oblasti, 1995, 80 p. (in Russ.).

Istyukov S. Konfiskatsiya i unichtozhenie khramov i imushchestva tserkvi v 30-e gody XX veka na territorii sovremennoi Novosibirskoi oblasti. *Bogoslovsky sbornik Novosibirskoi pravoslavnoi dukhovnoi seminarii*, 2017, No. 1 (11), pp. 119–137 (in Russ.).

Pavlova N.I., Gaier I.N. Osobennosti zastroiki goroda Kuibysheva (Kainska) Novosibirskoi oblasti v period 1722–1917 gg. *Balandinskie chteniya*, 2015, vol. 10, No. 1, pp. 256–260 (in Russ.).

Rostovtseva I.L. Arkhitektura pravoslavnykh khramov dosovetskogo perioda na territorii Novosibirskoi oblasti (po rezul'tatam obmernykh praktik 2010–2013 gg.). *Balandinskie chteniya*, 2014, vol. 9, No. 3, pp. 54–63 (in Russ.).

Sitnikova E.V. Formirovanie arkhitekturnogo oblika g. Kainska pod vliyaniem mestnogo kupechestva. In *Sibirskoe kupechestvo: istoki, deyatel'nost', nasledie*. Tomsk: State Univ. of Architecture and Building Press, 2017, pp. 84–92 (in Russ.).

Sumin V.A. Otchet ob arkheologicheskikh razvedkakh na territorii Novosibirskoi oblasti v 2018 godu (Kolyvansky, Kochenevsky, Kuibyshevsky (vklyuchaya g. Kuibyshev) i Suzunsky raiony). In *Archives of Inst. of Archaeology RAS and of Research and Prod. Center for Conservation of Historical and Cultural Hermitage at the Novosibirsk Region Administration* (in Russ.).

Кравцова А.С. https://orcid.org/0000-0001-8709-5935
Селин Д.В. https://orcid.org/0000-0002-6939-2917

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АСГЭ	– Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АМАЭС ТГУ	– Архив Музея археологии и этнографии Сибири Томского государственного университета
АУ ЦОКН	– автономное учреждение ХМАО – Югры «Центр охраны культурного наследия»
БНЦ СО РАН	– Бурятский научный центр Сибирского отделения РАН
ВИНИТИ РАН	– Всероссийский институт научной и технической информации РАН
ВОАН	– выявленный объект археологического наследия
ВОГиС	– Вавиловское общество генетиков и селекционеров
ВСОИРГО	– Восточно-Сибирское отделение Императорского Русского географического общества
ГААК	– Государственный архив Алтайского края
ГАУ НСО НПЦ	– Государственное автономное учреждение Новосибирской области «Научно-производственный центр по сохранению историко-культурного наследия Новосибирской области»
ГИМ	– Государственный исторический музей
ДВО РАН	– Дальневосточное отделение РАН
ИА АН СССР	– Институт археологии АН СССР
ИА МАН	– Институт археологии МАН
ИАЭТ СО РАН	– Институт археологии и этнографии Сибирского отделения РАН
ИВР РАН	– Институт восточных рукописей РАН
ИГ РАН	– Институт географии РАН
ИГ СО РАН	– Институт географии им. В.Б. Сочавы Сибирского отделения РАН
ИГиГ СО АН СССР	– Институт геологии и геофизики Сибирского отделения РАН СССР
ИГМ СО РАН	– Институт геологии и минералогии им. В.С. Соболева Сибирского отделения РАН
ИИАЭ ДВО РАН	– Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
ИИиА УрО РАН	– Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
ИИМК РАН	– Институт истории материальной культуры РАН
ИИ НАН Беларуси	– Институт истории Национальной академии наук Беларуси
ИИФиФ СО АН СССР	– Институт истории, филологии и философии Сибирского отделения АН СССР
ИНГГ	– Институт нефтегазовой геологии и геофизики им. А.А. Трофимука Сибирского отделения РАН

ИПОС СО РАН – Институт проблем освоения Севера Сибирского отделения РАН

ИЯФ СО РАН – Институт ядерной физики Сибирского отделения РАН

КИГИ РАН – Калмыцкий институт гуманитарных исследований Российской академии наук

КОПОИРГО – Троицкосавско-Кяхтинское отделение Приамурского отдела Императорского Русского географического общества

КСИА – Краткие сообщения Института археологии

КУ РА «Госархив СПД РА» – Казенное учреждение Республики Алтай «Государственный архив социально-правовой документации Республики Алтай»

МАИКЦА – Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии

МАН – Монгольская академия наук

МАЭ РАН – Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

МКАЭЭ – Международная казахская археолого-этнографическая экспедиция

Музей ИКНСДВ ИАЭТ СО РАН – Музей истории и культуры народов Сибири и Дальнего Востока ИАЭТ СО РАН

ОИГГМ СО РАН – Объединенный институт геологии, геофизики и минералогии Сибирского отделения РАН

ОИФЗ РАН – Объединенный институт физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН

ПАН – Польская академия наук

ПМА – Полевые материалы автора

РА – Российская археология

РААСН – Российская академия архитектуры и строительных наук

РАНХиГС – Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

РАЭСК – Российские археолого-этнографические конференции

СА – Советская археология

САИПИ – Сибирская ассоциация исследователей первобытного искусства

САПИ – Сибирская ассоциация петроглифических исследований

СВКНИИ ДВО РАН – Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт Дальневосточного отделения РАН

ТИЭ – Труды института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая

УрО АН СССР – Уральское отделение АН СССР

ФИЦ УУХ СО РАН – Федеральный исследовательский центр угля и углехимии Сибирского отделения РАН

ХакНИИЯЛИ – Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

ЦНИИГАиК – Центральный научно-исследовательский институт геодезии, аэросъемки и картографии

СОДЕРЖАНИЕ

АРХЕОЛОГИЯ КАМЕННОГО ВЕКА
ПАЛЕОЭКОЛОГИЯ

Агаджанян А.К., Шуньков М.В., Козликин М.Б. Остатки мелких позвоночных из восточной галереи Денисовой пещеры 7

Акимова Е.В. Палеолитическая стоянка Усть-Кова: дискуссионные вопросы изучения 14

Анойкин А.А., Ульянов В.А., Харевич В.М., Кандыба А.В., Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Таймагамбетов Ж.К., Искаков Г.Т., Дуванбеков Р.С., Шуньков М.В. Рекогносцировочные археологические работы на стоянке Ушбулак в 2019 году (по материалам шурфов 6–12) 19

Анойкин А.А., Харевич В.М., Павленок Г.Д., Бочарова Е.Н., Марковский Г.И., Гладышев С.А., Ульянов В.А., Кандыба А.В., Таймагамбетов Ж.К., Искаков Г.Т., Дуванбеков Р.С., Шуньков М.В. Исследование индустрий начального верхнего палеолита на стоянке Ушбулак (Восточный Казахстан) в 2019 году 26

Белоусова Н.Е., Рыбин Е.П., Федорченко А.Ю., Кулик Н.А. Листовидный бифас начала верхнего палеолита со стоянки Кара-Бом: технология, функция, контекст. 36

Бочарова Е.Н., Савельев Н.А. Утилизация каменного сырья в комплексе горизонта 12 местонахождения Казачка I (Канско-Рыбинская котловина) 44

Васильев С.К., Козликин М.Б., Колясникова А.С., Шуньков М.В. Костные остатки из голоценовых отложений в южной галерее Денисовой пещеры (материалы 2017 и 2018 годов) 53

Васильев С.К., Середнёв М.А., Милютин К.И. Крупные млекопитающие среднего и позднего плейстоцена из аллювиальных местонахождений Бибиха на реке Оби (Новосибирская область) и с реки Чумыш (Алтайский край) 59

Гирченко Е.А. Культуры неолита северо-востока Китая и их связи с сопредельными территориями (по материалам китайских исследователей) 68

Гирченко Е.А., Иванова Д.А. Пищевые традиции неолитического населения южного Тайваня (на материалах памятника Олуаньпи-2) 74

Гладышев С.А. Поздний палеолит Приморья (к вопросу о происхождении) 80

Деревянко А.П., Кандыба А.В., Гладышев С.А., Нгуен За Дой, Нгуен Кхак Шу. Типологическая характеристика нуклеусов и орудий раннепалеолитической индустрии Анкхе во Вьетнаме 86

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Булатович Л., Анойкин А.А., Ульянов В.А., Козликин М.Б., Меденица И. Новые результаты исследования скального навеса Малишина Стена в Черногории . . 95

Деревянко А.П., Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Палеолитическая скульптура из Денисовой пещеры. 103

Зольников И.Д., Постнов А.В., Анойкин А.А., Глушкова Н.В., Бычков Д.А., Выборнов А.В. О палеогеографических предпосылках и возможных путях миграции палеолитического человека с западных предгорий Урала в долину нижней Оби. 109

Зольников И.Д., Постнов А.В., Анойкин А.А., Резвый А.С., Макаров С.С., Выборнов А.В. О геолого-геоморфологических и палеонтологических поисковых признаках, определяющих перспективность обнаружения памятников палеолита в Нижнем Приобье 116

Кандыба А.В. Исследования среднепалеолитических комплексов Дарвагчайского геоархеологического района в 2019 году 123

Клементьев А.М., Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Базаргур Д., Марченко Д.В., Когай С.А., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У. Новые данные по палеофауне позднего плейстоцена Монголии (по материалам памятника Мойлтын ам) 129

Колобова К.А., Крайцаж М.Т., Крайцаж М., Шалагина А.В., Чабай В.П., Березина Н.Я., Рыбалко А.Г., Чистяков П.В., Колясникова А.С., Гашенко А.В., Селецкий М.В. Исследования среднепалеолитических комплексов Чагырской пещеры в полевом сезоне 2019 года 135

Кривошапкин А.И., Крайцаж М.Т., Шалагина А.В., Крайцаж М., Харевич В.М., Чистяков П.В. Результаты исследования пещеры Страшной (Северо-Западный Алтай) в 2019 году: новые данные о стратиграфии стоянки 143

Маркин С.В. Палеолитические комплексы сартанского времени Северо-Западного Алтая 150

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Пархомчук Е.В., Райнхольд С., Петрожицкий А.В., Пархомчук В.В., Растигеев С.А. Новые данные по хронологии объектов барабинской неолитической культуры 157

Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А. Неолитические захоронения с браслетами из раковин на территории Корейского полуострова и Японских островов: проблема социальной дифференциации 167

Новосельцева В.М., Клементьев А.М. Новые данные по палеолиту Иркутско-Черемховской равнины 174

Оленченко В.В., Цибизов Л.В., Осипова П.С., Козлова М.П., Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Чаргынов Т. Результаты геофизических исследований памятника Сурунгур (Южный Кыргызстан) 181

Павленок Г.Д., Анойкин А.А., Бочарова Е.Н., Ульянов В.А., Гладышев С.А., Марковский Г.И., Таймагамбетов Ж.К. Изучение материалов финала верхнего палеолита на стоянке Ушбулак в 2019 году 187

Павленок К.К., Павленок Г.Д., Когай С.А., Курбанов Р.Н., Хужаназаров М., Мухтаров Г. Первые результаты изучения каменной индустрии слоя 24 стоянки Кульбулак (по материалам раскопок 2019 года) 195

Рендю В., Шнайдер С.В., Мокри О., Алишер кызы С., Колясникова А.С., Колобова К.А. Результаты экспедиционных исследований памятника Ше-Пино (Chez Pinaud, Жонзак, Франция) в полевом сезоне 2019 года 203

Рудая Н.А., Жилич С.В. Изменения уровня среднегодовых осадков в позднем дриасе и голоцене на юге Западной Сибири 211

Рыбалко А.Г. Рубила Дарвагчайского геоархеологического района (Юго-Восточный Дагестан) . . . 218

Рыбалко А.Г., Кандыба А.В. Исследования Ашельских комплексов стоянки Дарвагчай-Залив-4 в 2019 году 225

Рыбин Е.П., Клементьев А.М., Рендю В., Хаценович А.М., Марченко Д.В., Гунчинсурен Б. Фаунистический набор и планиграфическая структура стоянки начального верхнего палеолита в Северной Монголии (Толбор-21) 231

Селецкий М.В., Колясникова А.С., Харевич В.М., Колобова К.А. Экспериментальное моделирование расщепления кости по материалам сибирячихинского варианта среднего палеолита Алтая . . . 238

Сердюк Н.В., Колобова К.А. Методические аспекты изучения мелких млекопитающих Чагырской пещеры (Северо-Западный Алтай) на примере материалов полевого сезона 2019 года 245

Табарев А.В., Иванова Д.А. Наиболее ранние погребения на юге Дальнего Востока России и Японском архипелаге: вопросы идентификации и интерпретации 253

Харевич В.М., Анойкин А.А. Анализ состава каменной индустрии начальных этапов верхнего палеолита стоянки Ушбулак на основе экспериментального моделирования 261

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Базаргур Д., Марченко Д.В., Ге Дж., Долгушин И.Д., Шевченко Т.А., Когай С.А., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У. Новая хронология и культурная атрибуция археологических комплексов памятника Мойлтын ам (Центральная Монголия) 269

Хаценович А.М., Рыбин Е.П., Базаргур Д., Марченко Д.В., Ге Дж., Клементьев А.М., Когай С.А., Долгушин И.Д., Шевченко Т.А., Гунчинсурэн Б., Олсен Дж.У. Геохронологическая и археологическая летописи памятника Орхон-7: к постановке вопроса 276

Чеха А.М. Палеолитические комплексы Северного Приаралья (Западный Казахстан) 282

Шнайдер С.В., Алишер кызы С., Селин Д.В., Рендю В., Абдыканова А., Бранкалеоне Г., Крайцарж М., Кривошапкин А.И. Результаты экспедиционных исследований памятника Обишир-5 в 2018–2019 годах 286

Шнайдер С.В., Сайфулоев Н.Н., Алишер кызы С., Рудая Н.А., Дедов И.Е., Зоткина Л.В., Жуков В.А., Караев А., Наврузбеков М., Алексейцева В.В., Кривошапкин А.И. Первые данные изучения многослойного памятника Истыкская пещера (Восточный Памир, Таджикистан) 293

Шуньков М.В., Козликин М.Б., Федорченко А.Ю., Михиенко В.А., Чеха А.М., Чеха А.Н. Каменные индустрии среднего и верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры: материалы 2019 года 299

Шуньков М.В., Федорченко А.Ю., Козликин М.Б. Костяные орудия и персональные украшения начала верхнего палеолита из южной галереи Денисовой пещеры (коллекция 2019 года) 306

АРХЕОЛОГИЯ ЭПОХИ ПАЛЕОМЕТАЛЛА И СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Ахметов В.В. Когурёские каменные курганные выкладки и их влияние на бохайскую погребальную обрядность 315

Батанина О.В. Два случая скальпирования в погребениях позднекротовской (черноозёрской) культуры могильника Тартас-1 321

Бобров В.В., Марочкин А.Г., Юракова А.Ю., Веретенников А.В. Южная группа жилищ поселения Старый Московский тракт-5 в Барабинской лесостепи (итоги работ 2019 года) 328

Бородовский А.П., Оборин Ю.В. Средневековый клад конской упряжи из Хакасии. 336

Варенов А.В., Кудинова М.А., Соловьев А.И. Полевое исследование писаницы Уцзячуань в уезде Цзинъюань провинции Ганьсу (КНР) летом 2019 года 345

Волков Д.П., Коваленко С.В., Адамов В.С., Крючко Е.И., Нестеров С.П. Результаты мониторинга поселения раннего железного века на острове Урильском на реке Амур в 2019 году 353

Гаркуша Ю.Н., Новиков А.В. Дверные проемы и дверные полотна из построек Усть-Войкарского городища (по материалам 2012–2016 годов) 360

Гнездилова И.С. Определение социальной и гендерной принадлежности погребенных в курганах периода кофун (III–VII века нашей эры) на территории Японского архипелага. 368

Гнездилова И.С., Нестеркина А.Л., Соловьева Е.А., Соловьев А.И. Культура каяских царств на юге Корейского полуострова: по материалам раскопок на памятнике Кёдон-Сонхёндон в 2019 году 375

Ефремова Н.С., Молодин В.И., Дураков И.А., Васильев С.К., Селин Д.В. Животные в обрядовой практике носителей восточного варианта пахомовской культуры 381

Жилич С.В., Шнайдер С.В., Рудая Н.А. К вопросу о выделении пыльцы культурных злаков на археологических памятниках на примере памятника Куртеке (Таджикистан) 388

Загваздин Е.П., Рудая Н.А. Результаты палинологических исследований в Тобольском Прииртышье. 396

Кобелева Л.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Молодин В.И., Райнхольд С. Бронзолитейный комплекс эпохи ранней – развитой бронзы на поселении Карьер Таи-1 (Барабинская лесостепь) 402

Комиссаров С.А., Азаренко Ю.А. Петроглифы Тайваня 409

Константинов Н.А., Мыльников В.П., Слюсаренко И.Ю., Степанова Е.В., Васильева Н.А. Завершение полевого доследования внутримогильной конструкции Пятого Пазырыкского кургана. 415

Кубарев Г.В. Гравировки скифского времени из Калбак-Таша I. 425

Лебединцев А.И., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю., Малярчук Б.А., Селин Д.В. Новые результаты исследований токаревской культуры в Северном Приохотье. 432

Лебединцев А.И., Макаров И.В., Прут А.А., Гребенюк П.С., Федорченко А.Ю. Результаты полевых исследований стоянки Ольская (Северное Приохотье) в 2019 году. 440

Марченко Ж.В., Гришин А.Е., Позднякова О.А., Дядьков П.Г., Евменов Н.Д., Кокорев Ф.В., Гнездилова И.С., Понедельченко Л.О. Новый курганный могильник Новая Курья-1 в Северной Кулунде 448

Медведев В.Е., Сергушева Е.А. Семена культурного проса с памятника Сопка Булочка (Приморье) . 457

Молодин В.И., Гришин А.Е. Типы наконечников стрел периода развитой бронзы по материалам могильника Сопка-2/4а (одиновская культура) 463

Молодин В.И., Мыльникова Л.Н., Нестерова М.С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Ненахов Д.А., Степанова В.С. Основные результаты исследования могильника эпохи бронзы Усть-Тартас-2 в 2019 году 471

Молодин В.И., Хансен С., Мыльникова Л.Н., Кобелева Л.С., Нестерова М.С., Ненахов Д.А., Дураков И.А., Идимешев А.А., Галямина Г.И., Назарова Л.В. Хозяйственно-производственные участки кротовской культуры на памятнике Усть-Тартас-2 478

Молодин В.И., Черемисин Д.В., Батболд Н., Ненахова Ю.Н. В поисках наскальных изображений на Северо-Западе Монголии 489

Мыльников В.П. К вопросу о методике изучения деревянных предметов в процессе раскопок археологических памятников и камеральной обработки артефактов 498

Мыльникова Л.Н., Молодин В.И., Дураков И.А., Ненахова Ю.Н., Ефремова Н.С., Хансен С., Кобелева Л.С., Селин Д.В., Ненахов Д.А. Погребение мастера-гончара бронзового века (памятник Тартас-1, Барабинская лесостепь) 507

Нестеркина А.Л. Погребальный обряд населения южной части Корейского полуострова в период бронзового века: по материалам могильников Хвансонни, Чундо и Хари 516

Нестеров С.П., Гирченко Е.А. Морфологический анализ сосудов с горловиной эпохи палеометалла Приамурья и Южной Маньчжурии 522

Никулина А.В., Зольников И.Д., Новикова О.И. Особенности пространственного расположения могильников ранней бронзы – Средних веков на территории центральной части Барабинской низменности 528

Омирбек Б., Молодин В.И., Батболд Н., Черемисин Д.В., Ненахова Ю.Н., Ненахов Д.А. Новые петроглифы Монголии в долине реки Хойд Холцуут 536

Папин Д.В., Редников А.А., Федорук А.С., Демин М.А., Савко И.А. Новые данные о традициях домостроительства населения раннего железного века Бийского Приобья 543

Пахунов А.С., Алкин С.В., Илюшечкин В.С. Изучение писаницы на реке Джалинда в Сретенском районе Забайкальского края в 2019 году 549

Половников И.С., Игнатов М.М., Ключников Т.А., Митько О.А., Танцура К.В. Результаты изучения поясного украшения из средневекового могильника Гришкин Лог-2 на среднем Енисее 556

Полосьмак Н.В., Ямаева Е.Е. Местонахождение петроглифов у деревни Йодро, Республика Алтай (предварительное сообщение) 562

Поселянин А.И., Зубков В.С., Слюсаренко И.Ю., Митько О.А. Исследование таштыкского поселения Сартыков в Республике Хакасия 568

Сальникова И.В. Нательные кресты Кривощековского некрополя 574

Селин Д.В. Особенности орнаментации керамики восточного варианта пахомовской культуры в Барабинской лесостепи 585

Селин Д.В., Харитонов Р.М., Давыдов П.М., Бобин Д.Н. Новые данные по археологической карте Новосибирской области: результаты работ в Венгеровском районе в 2019 году 591

Соловьев А.И. Керамические изделия из Прииртышья и юго-западной Маньчжурии. Неожиданные параллели или случайное сходство? 597

Соловьева Е.А. Погребения в сосудах с антропоморфными изображениями периода яёй в Японии 602

Степанова Н.Ф., Рыбаков Д.Ю. Особенности исходного сырья и формовочных масс древней керамики из Томского и Нарымского Приобья 607

Татауров С.Ф., Чёрная М.П., Тихонов С.С. Исследования в историческом центре города Тары в 2019 году 614

Татаурова Л.В. Русский комплекс XVII–XVIII веков Ананьино I в Тарском Прииртышье. Открытия и уникальные находки полевого сезона 2019 года 619

Тихомиров К.Н. Новые данные о погребальных традициях предков тарских татар (по материалам раскопок могильника Сеитово IV 2019 года) 626

Худяков Ю.С., Борисенко А.Ю., Солтобаев О.А. Железные наконечники стрел из окрестностей Иссык-Куля и Баткена в Кыргызстане 631

Чеха А.Н. Керамические комплексы слоя 2 стоянки Устье Реки Кутарей в Северном Приангарье . . 635

Чикишева Т.А., Аристова Е.С., Елясин П.А., Полосьмак Н.В. Опухоли на костях людей из курганов пазырыкской культуры в долине реки Ак-Алахи (плоскогорье Укок, Горный Алтай). 642

Шульга Д.П., Шульга П.И. Могильник Вандаху культуры янлан в Нинся-Хуэйском автономном районе КНР 649

Шульга А.А., Шульга Д.П., Сидорова М.О. Рисоводческие обряды «малых народов» юго-западного Китая (Юньнань) как возможный ключ к семантике наскальной композиции в уезде Цанъюань. . . . 657

ЭТНОГРАФИЯ

Ахметова Ш.К., Толпеко И.В. Особенности внутреннего и внешнего обустройства погребальных сооружений у казахов юга Западной Сибири 665

Бадмаев А.А. Образы паука и червя в мировоззрении бурят 672

Бурнаков В.А. Кошка в верованиях и обрядности хакасов (конец XIX – середина XX века). 676

Бурнаков В.А., Бурнаков А.А. *Көл тайығ* – жертвоприношение духу-хозяину озера у северных хакасов – кызыльцев (конец XIX – середина XX века) 682

Голубкова О.В. Мифологические персонажи в исследовании этнокультурной идентичности локальных групп восточных славян в Западной Сибири 687

Красавина М.В., Балган А.А. Тувинское народное прикладное искусство: тенденции развития и современное состояние 693

Лыгденова В.В. Эволюция символов и этапы свадебного обряда у баргузинских бурят в XX – начале XXI века 700

Любимова Г.В., Рублева А.А. Ритуальный сценарий русской сибирской свадьбы: традиции и новации второй половины XX века (по полевым материалам 2018–2019 годов). 708

Майничева А.Ю., Груздева Е.А., Орлова Е.Ю., Радзюкевич А.В. Выбор методики фиксации этнографического объекта с использованием информационных технологий 714

Николаев В.В. Результаты интеграции коренного населения предгорий Северного Алтая в социальную структуру Российской империи (на примере аила и села Пильно по материалам Всероссийской переписи 1917 года) 720

Октябрьская И.В., Чиркина Е.М. Анастасийцы Новосибирской области: культура поселений . . . 726

Самушкина Е.В. Национальная политика в Горном Алтае: формирование советской праздничной культуры в 1920–1930-е годы 731

Селезнев А.Г., Селезнева И.А. Идейные и ландшафтные основы организации экопоселений (по материалам полевых этнографических работ в Омской области в 2019 году) 736

Тихомирова М.Н. Новые сведения о хозяйственных занятиях татар деревни Большемурлы Большереченского района Омской области в конце XX – начале XXI века. 743

Фурсова Е.Ф. Проблемы этнокультурной идентичности украинского населения Западной Сибири (в начале XX и начале XXI века) 748

Чемчиева А.П. Институт алтайского рода: итоги трансформации 754

СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАБОТЫ

Басова Н.В., Ломов П.К., Селецкий М.В., Половников И.С., Митько О.А. Результаты разведочных работ 2019 года на территории Республики Хакасия. 761

Выборнов А.В., Чертыков В.А. Археологические разведки в долине реки Аскиз и окрестностях горы Терская в Республике Хакасия в 2019 году 766

Дудко А.А., Васильева Ю.А. Результаты спасательных археологических работ Юганского отряда Института археологии и этнографии СО РАН в Сургутском районе Ханты-Мансийского автономного округа – Югры в 2019 году 774

Дудко А.А., Марковский Г.И., Гришин А.Е., Васильева Ю.А. Спасательные археологические работы на стоянке Сарапулка: новый объект верхнеобской культуры на реке Иня 778

Кениг А.В., Зайцева Е.А., Родионова А.В. Результаты обследования археологических памятников в Нижнем Приобье 783

Ломов П.К., Новиков А.В., Морозов А.А. Глиняное антропоморфное изображение из урочища Пашкин Бор (Западная Сибирь) 790

Постнов А.В., Ширин Ю.В., Басова Н.В. Результаты археологического обследования поселения Черемза-1 в Новокузнецком районе Кемеровской области в 2019 году. 795

Тимощенко А.А., Кравцова А.С., Белан О.В. Местонахождение финала верхнего палеолита «Бородино. Стоянка Бородинский разрез» в Канско-Рыбинской котловине (результаты работ 2019 года) . 800

Тимощенко А.А., Морозов А.А., Кравцова А.С., Селин Д.В., Бычков Д.А., Колонцов С.В. Предварительные результаты историко-археологического исследования Спасского собора (город Куйбышев) в 2019 году 808

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ. 815

CONTENTS

ARCHAEOLOGY OF THE STONE AGE
PALEOECOLOGY

Agadjanian A.K., Shunkov M.V., Kozlikin M.B. Remains of Small Vertebrates from the Eastern Chamber of Denisova Cave 7

Akimova E.V. Paleolithic Site of Ust-Kova: Controversial Research Problems 14

Anoikin A.A., Ulianov V.A., Kharevich V.M., Kandyba A.V., Pavlenok G.D., Bocharova E.N., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Taimagambetov Z.K., Iskakov G.T., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Archaeological Survey Works at the Ushbulak Site in 2019 (Using the Evidence from Test Pits 6–12) 19

Anoikin A.A., Kharevich V.M., Pavlenok G.D., Bocharova E.N., Markovsky G.I., Gladyshev S.A., Ulianov V.A., Kandyba A.V., Taimagambetov Z.K., Iskakov G.T., Duvanbekov R.S., Shunkov M.V. Investigation of the Initial Upper Paleolithic Industries at the Ushbulak Site, Eastern Kazakhstan, in 2019 26

Belousova N.E., Rybin E.P., Fedorchenko A.Yu., Kulik N.A. Initial Upper Paleolithic Leaf-Shaped Biface from the Kara-Bom Site: Technology, Function, and Context 36

Bocharova E.N., Saveliev N.A. Strategies of Using Lithic Raw Materials in Layer 12 of the Kazachka Site (Kansk-Rybinsk Depression) 44

Vasiliev S.K., Kozlikin M.B., Kolyasnikova A.S., Shunkov M.V. Bone Remains from the Holocene Deposits in the South Chamber of Denisova Cave (Evidence of 2017 and 2018) 53

Vasiliev S.K., Serednyov M.A., Milutin K.I. Large Mammals of the Middle and Late Pleistocene from the Alluvial Sites of Bibikha at the Ob River (Novosibirsk Region) and from the Chumysh River (Altai Krai) 59

Girchenko E.A. Neolithic Cultures of Northeastern China and Their Relations with the Adjacent Territories (Chinese Research) 68

Girchenko E.A., Ivanova D.A. Traditions of Food Consumption among the Neolithic Population of the Southern Taiwan (Based on Materials of the Oluanpi-2 Site) 74

Gladyshev S.A. Late Paleolithic of Primorie (Towards the Problem of the Origins) 80

Derevianko A.P., Kandyba A.V., Gladyshev S.A., Nguyen Gia Doi, Nguyen Khac Su. Typological Description of Cores and Tools of the Early Paleolithic Ankhe Industry in Vietnam 86

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Bulatovic L., Anoikin A.A., Ulianov V.A., Kozlikin M.B., Medenica I. New Results of Research at the Mališina Stijena Rock Shelter in Montenegro 95

Derevianko A.P., Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Paleolithic Sculpture from Denisova Cave 103

Zolnikov I.D., Postnov A.V., Anoikin A.A., Glushkova N.V., Bychkov D.A., Vybornov A.V. Paleogeographical Conditions and Possible Migration Routes of Paleolithic Humans from the Western Foothills of the Urals to the Valley of the Lower Ob River 109

Zolnikov I.D., Postnov A.V., Anoikin A.A., Rezvyi A.S., Makarov S.S., Vybornov A.V. Geological, Geomorphological, and Paleontological Indicators for Detecting Paleolithic Sites in the Lower Ob Region 116

Kandyba A.V. Study of Middle Paleolithic Complexes in the Darvagchay Geoarchaeological Area in 2019 123

Klementiev A.M., Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Bazargur D., Marchenko D.V., Kogai S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W. New Evidence on Late Pleistocene Paleofauna of Mongolia (Materials from the Moiltyn-Am Site) 129

Kolobova K.A., Krajcarz M.T., Krajcarz M., Shalagina A.V., Chabai V.P., Berezina N.Ya., Rybalko A.G., Chistyakov P.V., Kolyasnikova A.S., Gashenko A.V., Seletskiy M.V. Investigation of the Middle Paleolithic Complexes in Chagyrskaya Cave in the Field Season of 2019 135

Krivoshapkin A.I., Krajcarz M.T., Shalagina A.V., Krajcarz M., Kharevich V.M., Chistyakov P.V. Field Research in Strashnaya Cave (Northwestern Altai) in 2019: New Data on the Stratigraphy 143

Markin S.V. Paleolithic Assemblages of the Sartan Glacial Period in the Northwestern Altai 150

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Parkhomchuk E.V., Reinhold S., Petrozhitsky A.V., Parkhomchuk V.V., Rastigeev S.A. New Evidence on the Chronology of Sites of the Baraba Neolithic Culture 157

Nesterkina A.L., Solovyeva E.A. Neolithic Burials with Shell Bracelets on the Korean Peninsula and Japanese Islands: Problem of Social Differentiation. 167

Novoseltzeva V.M., Klementyev A.M. New Data on the Paleolithic of the Irkutsk-Cheremkhovo Plain. 174

Olenchenko V.V., Tsibizov L.V., Osipova P.S., Kozlova M.P., Shnaider S.V., Alisher kyzy S., Chargynov T. Results of Geophysical Research at the Surungur Site (South Kyrgyzstan) 181

Pavlenok G.D., Anoikin A.A., Bocharova E.N., Ulianov V.A., Gladyshev S.A., Markovsky G.I., Taimagambetov Z.K. Study of the Final Upper Paleolithic Evidence at the Ushbulak Site in 2019. 187

Pavlenok K.K., Pavlenok G.D., Kogay S.A., Kurbanov R.N., Khuzhanazarov M., Mukhtarov G. First Results of Research into the Lithic Industry from Layer 24 at the Kulbulak Site (Excavations of 2019). 195

Rendu W., Shnaider S.V., Mokry A., Alisher kyzy S., Kolyasnikova A.S., Kolobova K.A. Results of Field Study at the Chez-Pinaud Site (Jonzac, France) in 2019 203

Rudaya N.A., Zhilich S.V. Changes in Annual Precipitation in the Younger Dryas and Holocene in Southwestern Siberia 211

Rybalko A.G. Handaxes of the Darvagchai Geoarchaeological Area (Southeastern Dagestan). 218

Rybalko A.G., Kandyba A.V. Research of Acheulian Complexes at the Site of Darwagchai-Zaliv-4 in 2019 225

Rybin E.P., Klementiev A.M., Rendu W., Khatsenovich A.M., Marchenko D.V., Gunchinsuren B. Faunal Assemblage and Spatial Structure of the Initial Upper Paleolithic Site in Northern Mongolia (Tolbor-21) . 231

Seletsky M.V., Koliasnikova A.S., Kharevich V.M., Kolobova K.A. Experimental Modelling of Bone Splitting Based on the Evidence of the Sibiryachikha Variant of the Altai Middle Paleolithic. 238

Serduk N.V., Kolobova K.A. Methodological Aspects of Studying Small Mammals from Chagyrskaya Cave (Northwestern Altai) Using the Evidence from the Field Season of 2019 Complex 245

Tabarev A.V., Ivanova D.A. The Earliest Burials in the Southern Part of the Russian Far East and in the Japanese Archipelago: Problems of Identification and Interpretation 253

Kharevich V.M., Anoikin A.A. Analysis of the Composition of the Early Upper Paleolithic Stone Industry from the Ushbulak Site Based on Experimental Data 261

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Bazargur D., Marchenko D.V., Ge J., Dolgushin I.D., Shevchenko T.A., Kogai S.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W. New Chronology and Cultural Attribution of Archaeological Complexes at the Moiltyn Am Site in Central Mongolia 269

Khatsenovich A.M., Rybin E.P., Bazargur D., Marchenko D.V., Ge J., Klementiev A.M., Kogai S.A., Dolgushin I.D., Shevchenko T.A., Gunchinsuren B., Olsen J.W. Geochronological and Archaeological Records of the Orkhon-7 site: Research Problems 276

Chekha A.M. Paleolithic Complexes of the Northern Aral Sea Region (West Kazakhstan) 282

Shnaider S.V., Alisher kyzy S., Selin D.V., Rendu W., Abdykanova A., Brancaleoni G., Krajcarz M.T., Krivoshapkin A.I. Results of Field Studies at the Obishir-5 Site in 2018–2019 286

Shnaider S.V., Sayfulloev N.N., Alisher kyzy S., Rudaya N.A., Dedov I.E., Zotkina L.V., Zhukov V.A., Karaev A., Navruzbekov M., Alexeytseva V.V., Krivoshapkin A.I. First Research Results at the Multilayered Site of Istikskaya Cave (Eastern Pamir, Tajikistan). 293

Shunkov M.V., Kozlikin M.B., Fedorchenko A.Yu., Mikhienko V.A., Chekha A.M., Chekha A.N. Lithic Industries of the Middle and Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave: Evidence of 2019 299

Shunkov M.V., Fedorchenko A.Yu., Kozlikin M.B. Bone Tools and Personal Adornments of the Early Upper Paleolithic from the South Chamber of Denisova Cave (Collection of 2019) 306

ARCHAEOLOGY OF THE PALEOMETAL AND MIDDLE AGES

Akhmetov V.V. Goguryeo Stone-Piled Tombs and Their Influence on the Bohai Funeral Rite 315

Batanina O.V. Two Cases of Scalping in the Burials of the Late Krotovo (Chernoozyorie) Culture at the Tartas-1 Burial Ground. 321

Bobrov V.V., Marochkin A.G., Yurakova A.Yu., Veretennikov A.V. Southern Group of Dwellings at the Settlement of Staryi Moskovskiy Trakt-5 in Baraba Forest-Steppe (Results of Research in 2019) 328

Borodovsky A.P., Oborin Yu.V. Medieval Hoard of Horse Harness from Khakassia 336

Varenov A.V., Kudinova M.A., Solovyev A.I. Field Research at the Wujiachuan Rock Art Site in Jingyuan County of Gansu Province, China, in the Summer of 2019 345

Volkov D.P., Kovalenko S.V., Adamov V.S., Kryuchko E.I., Nesterov S.P. Results of Monitoring the Early Iron Age Settlement on the Urilsky Island on the Amur River in 2019. 353

Garkusha Yu.N., Novikov A.V. Door Openings and Door Panels from the Houses at the Ust-Voikar Site (The Evidence of 2012–2016) 360

Gnezdilova I.S. Identification of Social Status and Gender of the Persons Buried in the Burial Mounds of the Kofun Period (3rd–7th Century AD) on the Territory of the Japanese Archipelago 368

Gnezdilova I.S., Nesterkina A.L., Solovyeva E.A., Solovyev A.I. Culture of the Gaya Kingdoms in the South of the Korean Peninsula: Excavations at the Gyodong-Songhyeondong Site in 2019. 375

Efremova N.S., Molodin V.I., Durakov I.A., Vasilyev S.K., Selin D.V. Animals in Ritual Practices Among the Carriers of the Eastern Version of the Pakhomovo Culture 381

Zhilich S.V., Shnaider S.V., Rudaya N.A. Palynological Evidence of Cultivated Grain Crops at the Archaeological Site of Kurteke (Tajikistan) 388

Zagvazdin E.P., Rudaya N.A. Palynological Research in the Tobolsk Irtysh Region 396

Kobeleva L.S., Nenakhov D.A., Durakov I.A., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Molodin V.I., Reinhold S. Foundry Complex of the Early-Advanced Bronze Age at the Karier Tai-1 Site (Baraba Forest-Steppe) . . . 402

Komissarov S.A., Azarenko Yu.A. Petroglyphs of Taiwan 409

Konstantinov N.A., Mylnikov V.P., Slyusarenko I.Yu., Stepanova E.V., Vasilyeva N.A. Completion of Field Research of the Internal Burial Structure in the Pazyryk Burial Mound 5. 415

Kubarev G.V. Engravings of the Scythian Period from Kalbak-Tash I 425

Lebedintsev A.I., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu., Malyarchuk B.A., Selin D.V. New Results of Research into the Tokarev Culture of Northern Sea of Okhotsk Region. 432

Lebedintsev A.I., Makarov I.V., Prut A.A., Grebenyuk P.S., Fedorchenko A.Yu. Field Research at the Olskaya Site (Northern Sea of Okhotsk Region) in 2019 440

Marchenko Zh.V., Grishin A.E., Pozdnyakova O.A., Dyadkov P.G., Evmenov N.D., Kokorev F.V., Gnezdilova I.S., Ponedelchenko L.O. New Burial Ground of the Barrow Type Novaya Kurya-1 in the Northern Kulunda Steppes 448

Medvedev V.E., Sergusheva E.A. Seeds of Millet from the Sopka Bulochka Archaeological Site in Primorie 457

Molodin V.I., Grishin A.E. Types of Arrowheads of the Advanced Bronze Age from the Sopka-2/4A Archaeological Site (the Odino Culture). 463

Molodin V.I., Mylnikova L.N., Nesterova M.S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Nenakhov D.A., Stepanova V.S. Archaeological Research of 2019 at the Ust-Tartas-2 Burial Ground of the Bronze Age. 471

Molodin V.I., Hansen S., Mylnikova L.N., Kobeleva L.S., Nesterova M.S., Nenakhov D.A., Durakov I.A., Idimeshev A.A., Galyamina G.I., Nazarova L.V. Economic and Production Areas of the Krotovo Culture at the Ust-Tartas-2 Site 478

Molodin V.I., Cheremisin D.V., Batbold N., Nenakhova Y.N. Search of Rock Representations in Northwestern Mongolia 489

Mylnikov V.P. On the Methodology of Studying Wooden Artifacts in the Field and in Laboratory Processing. 498

Mylnikova L.N., Molodin V.I., Durakov I.A., Nenakhova Yu.N., Efremova N.S., Hansen S., Kobeleva L.S., Selin D.V., Nenakhov D.A. Bronze Age Burial of a Potter (Tartas-1, Baraba Forest Steppe) 507

Nesterkina A.L. Burial Rite of the Population Inhabiting the Southern Part of the Korean Peninsula in the Bronze Age: Evidence from the Hwangseok-ri, Jungdo, and Hari Burial Grounds 516

Nesterov S.P., Girchenko E.A. Morphological Analysis of Vessels with the Neck of the Paleometal Age from the Amur Region and Southern Manchuria 522

Nikulina A.V., Zolnikov I.D., Novikova O.I. Spatial Distribution of Burial Grounds of the Early Bronze Age–Middle Ages in the Central Baraba Lowland 528

Omirbek B., Molodin V.I., Batbold N., Cheremisin D.V., Nenakhova Yu.N., Nenakhov D.A. New Petroglyphs in the Khoid Kholtsootin River Valley, Mongolia 536

Papin D.V., Rednikov A.A., Fedoruk A.S., Demin M.A., Savko I.A. New Evidence on House Building Traditions of the Early Iron Age from the Biysk Ob Region 543

Pakhunov A.S., Alkin S.V., Ilyushechkin V.S. Research of the Rock Art Site at the Dzhalinda River in Sretensky District of Zabaikalsky Krai in 2019 549

Polovnikov I.S., Ignatov M.M., Kluchnikov T.A., Mitko O.A., Tantsura K.V. Results of Studying Belt Decoration from the Medieval Burial Ground of Grishkin Log-2 in the Middle Yenisei Region 556

Polosmak N.V., Yamaeva E.E. Petroglyphs near the Village of Yodro, the Altai Republic (Preliminary Communication) 562

Poselyanin A.I., Zubkov V.S., Slyusarenko I.Yu., Mitko O.A. Research at the Tashtyk Settlement of Sartykov in the Republic of Khakassia 568

Salnikova I.V. Pectoral Crosses from the Krivoshchyokovo Necropolis 574

Selin D.V. Ornamental Decoration on the Pottery of the Eastern Variant of the Pakhomovo Culture in the Baraba Forest-Steppe 585

Selin D.V., Kharitonov R.M., Davydov P.M., Bobin D.N. New Data for the Archaeological Map of Novosibirsk Region: Results of Works in Vengerovsky District in 2019 591

Solovyev A.I. Clay Objects from the Irtysh Region and Southwestern Manchuria. Unexpected Parallels or Accidental Similarities? 597

Solovyeva E.A. Burials in Jars with Anthropomorphic Images During the Yayoi Period in Japan 602

Stepanova N.F., Rybakov D.Yu. Raw Materials and Clay in Ancient Pottery from the Tomsk and Narym Ob Regions 607

Tataurov S.F., Chernaya M.P., Tikhonov S.S. Research in the Historical Center of the Town of Tara in 2019 614

Tataurova L.V. Russian Complex of Ananyino I of the 17th–18th Centuries from the Tara Irtysh Region: Discoveries and Unique Finds in the Field Season of 2019 619

Tikhomirov K.N. New Evidence on the Burial Traditions Among the Ancestors of the Tara Tatars (Based on the Excavations at the Seitovo IV Burial Ground in 2019) 626

Khudyakov Yu.S., Borisenko A.Yu., Soltobaev O.A. Iron Arrowheads from the Outskirts of Issyk-Kul and Batken in Kyrgyzstan 631

Chekha A.N. Pottery Complexes from Layer 2 of the Ustie Reki Kutarei Site in Northern Angara Region 635

Chikisheva T.A., Aristova E.S., Elyasin P.A., Polosmak N.V. Tumors on the Human Bones from the Burial Mounds of the Pazyryk Culture in the Ak-Alakha River Valley (Ukok Plateau, Altai Mountains) . . 642

Shulga D.P., Shulga P.I. The Wangdahu Burial Ground of the Yanlan Culture in the Ningxia Hui Autonomous Region, China 649

Shulga A.A., Shulga D.P., Sidorova M.O. Rice Cultivating Rituals of the Indigenous Ethnic Minorities in the Southwestern China (Yunnan) as a Possible Key to the Meaning of the Petroglyphic Composition from Cangyuan County 657

ETHNOGRAPHY

Akhmetova Sh.K., Tolpeko I.V. Features of Internal and External Furnishing of Burial Structures among the Kazakhs in the South of Western Siberia 665

Badmaev A.A. Images of Spider and Worm in the Worldview of the Buryats 672

Burnakov V.A. Cats in the Khakas Beliefs and Rituals (Late 19th – Mid 20th Century) 676

Burnakov V.A., Burnakov A.A. *Kol Taiyg* – Sacrifice to the Master Spirit of the Lake Among the Northern *Kyzyl* Khakas People (Late 19th – Mid 20th Century) 682

Golubkova O.V. Mythological Characters in the Study of Ethnic and Cultural Identity of the Local Groups of Eastern Slavs in Western Siberia 687

Krasavina M.V., Balgan A.A. Tuvan Folk Arts and Crafts: Trends of Development and Current State 693

Lygdenova V.V. Evolution of Symbols and Stages of Wedding Ritual Among the Barguzin Buryats in the 20th – Early 21st Centuries. 700

Lyubimova G.V., Rubleva A.A. Ritual Scenario of Russian Siberian Wedding: Traditions and Innovations in the Second Half of the 20th Century (Based on Field Materials of 2018–2019) 708

Mainicheva A.Yu., Gruzdeva E.A., Orlova E.Y., Radzyukevich A.V. Choice of Methodology for Recording Ethnographic Structures Using Information Technologies 714

Nikolaev V.V. Results of Integration of the Indigenous People from the Foothills of the Northern Altai into the Social Structure of the Russian Empire (The Example of the Ail and Village of Pilno According to the Data of the All-Russian Census of 1917) 720

Oktyabrskaya I.V., Chirkina E.M. The Anastasians of Novosibirsk Region: Culture of the Settlements . 726

Samushkina E.V. Ethnic Policy in the Altai Mountains: Emergence of Soviet Festive Culture in the 1920s–1930s. 731

Seleznev A.G., Selezneva I.A. Ideological and Landscape-Oriented Roots of Organizing Ecovillages (Ethnographic Field Evidence of 2019 from Omsk Region). 736

Tikhomirova M.N. New Evidence on Economic Activities of the Tatars from the Village of Bolshemurly in Bolsherechensky District of Omsk Region in the Late 20th–Early 21st Century 743

Fursova E.F. Problems of Ethnic and Cultural Identity of the Ukrainian Population of Western Siberia (Early 20th and Early 21st Centuries) 748

Chemchieva A.P. The Altai System of Clans: The Outcomes of Its Transformation. 754

RESCUE ARCHAEOLOGY

Basova N.V., Lomov P.K., Seletsky M.V., Polovnikov I.S., Mitko O.A. Results of Field Survey in the Republic of Khakassia in 2019. 761

Vybornov A.V., Chertykov V.A. Archaeological Surveys in the Valley of the Askiz River and Around Mount Tersky in the Republic of Khakassia in 2019 766

Dudko A.A., Vasilyeva Yu.A. Results of Rescue Archaeological Works by the Yugan Team from the Institute of Archaeology and Ethnography of the SB RAS in Surgutsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra in 2019. 774

Dudko A.A., Markovsky G.I., Grishin A.E., Vasilyeva Yu.A. Rescue Archaeological Excavations at the Sarapulka Site: New Archaeological Object of the Verkhneobskaya Culture at the Inya River 778

Kenig A.V., Zaitseva E.A., Rodionova A.V. Survey of Archaeological Sites in the Lower Ob Region 783

Lomov P.K., Novikov A.V., Morozov A.A. Clay Anthropomorphic Representation from Pashkin Bor (Western Siberia) 790

Postnov A.V., Shirin Yu.V., Basova N.V. Results of the Field Survey at the Cheremza-1 Site (Novokuznetsky Municipal District, Kemerovo Region) in 2019 795

Timoshchenko A.A., Kravtsova A.S., Belan O.V. The Terminal Upper Palaeolithic Site of "Borodino. Stoyanka Borodinsky Razrez" in the Kansk-Rybinsk Depression: Results of the Field Season of 2019 . . . 800

Timoshchenko A.A., Morozov A.A., Kravtsova A.S., Selin D.V., Bychkov D.A., Kolontsov S.V. Preliminary Results of Historical and Archaeological Research of the Spassky Cathedral in the City of Kuibyshev in 2019 808

Научное издание

Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий

том XXV
(2019)

Редакторы *Д.В. Снытникова, О.А. Зикирина*
Корректоры *А.В. Коненко, В.В. Игнатьева, Е.Н. Четверяков*
Технический секретарь *А.С. Кравцова*
Технический редактор *И.П. Гемуева*
Дизайнер *А.А. Фурсенко*

Подписано в печать 24.12.2019 г. Формат 60×84/8.
Усл.-печ. л. 96,26. Уч.-изд. л. 88,72. Тираж 50 экз. Заказ № 492.

Издательство ИАЭТ СО РАН
пр. Академика Лаврентьева, 17, 630090, Новосибирск
http://www.archaeology.nsc.ru